

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Томъ XI—XV.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»

Новшья Подъяческая, № 39.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Глава I. Продолжение царствования Аленція Михайловича. 1—2

Гетманскіе и митрополитскіе выборы въ Малороссіи, 1.—Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ, 4.—Посольство Кикина въ Малороссію, 6.—Выговскій замышляетъ измѣну, 8.—Союзъ его съ ханомъ Крымскимъ, 9.—Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону, 10.—Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ казаковъ противъ царя, 11.—Посольство Матѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго, 11.—Меневскій и Коробка въ Москвѣ, 12.—Запорожцы жалуются царю на Выговскаго, 14.—Вопросъ о воеводствахъ, 15.—Хитрово въ Малороссіи и Черяславская рада, 17.—Полтавскій полковникъ Пушкаръ противъ Выговскаго, 18.—Пзвѣты его царю, 19.—Лесницкій въ Москвѣ, 20.—Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря, 22.—Гибель послѣдняго, 24.—Выговскій поддается Польскому королю, 27.—Восинныя дѣйствія подъ Кіевомъ, 29.—Раздѣленіе Малороссіи и усобица, 31.—Радость въ Польшѣ, 32.—Двадцать одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ цесарьники Іузу-Казиміру, 32.—Старанія Матѣева склонить Литву на царскую сторону, 33.—Сношенія съ Польшею, 34.—Виленскіе сѣзды, 36.—Враждебныя движенія польскихъ войскъ, 39.—Побѣда Долгорука надъ Гонсѣвскимъ и плачь послѣдняго, 41.—Затруднительное положеніе Москвы, 42.—Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательныя замыслы, 43.—Борьба въ Малороссіи, 44.—Походъ Трубецкаго, 45.—Наказъ ему насчетъ соглашенія съ Выговскимъ, 45.—Ковнонопская битва, 46.—Ужасъ въ Москвѣ, 47.—Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ, 48.—Дѣла въ Крыму, 48.—Дѣйствія Донскихъ казаковъ, 49.—Паденіе Выговскаго, 51.—Юрій Хмельницкій гетманъ, 53.—Переговоры съ Швеціею, 57.—Ссора Нащокина съ Хованскимъ, 61.—Валісарское перемиріе, 63.—Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю, 67.—Карпатскій миръ, 73.

Глава II. Продолжение царствования Аленція Михайловича. 75—76

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ, 75.—Непріятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками, 78.—Пораженіе князя Хованскаго подъ Полонкою, 81.—Военныя дѣйствія Долгорука у Могилены, 81.—Переписка Бѣльскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ, 82.—Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову, 84.—Военныя дѣйствія у Лю-

бара, 85.—Отступленіе Шереметева къ Чуднову, 85.—Хмельницкій передается Полякамъ, 86.—Сдача Шереметева и плѣнъ въ Крыму, 88.—Состояніе Москвы послѣ извѣстія о Чудновскомъ несчастіи, 88.—Дурныя вѣсти съ Дону, 88.—Ссора воеводъ въ Малороссіи, 89.—Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ Европы, 90.—Переговоры Бѣльскаго и Хмельницкаго въ Корсунѣ, 90.—Черная рада, 92.—Павель Тетеря, 92.—Движеніе на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы, 93.—Наказный гетманъ Самко, 93.—Запорожье, Сѣрка и Брюховецкій, 94.—Посольство Полтева въ Малороссію, 95.—Военныя дѣйствія здѣсь, 95.—Причина ихъ прекращенія, 96.—Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства, 98.—Посольство Протасьева въ Малороссію, 99.—Самко совѣтуетъ, чтобы западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобы при гетманѣ Малороссійскомъ находился постоянно великороссійскій чиновникъ, 100.—Доносы на Самка, 101.—Епископъ Меводій, 102.—Нашествіе Крымцевъ, 102.—Козелецкая рада, 103.—Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Меводія — на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка, и на Золотаренка, и требуетъ Ртищева въ князья малороссійскіе, 103.—Оправдательная грамота Самка, 105.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи, 106.—Хмельницкій слагаетъ гетманство и постригается въ монахи, 108.—Тетеря—гетманъ западной стороны, 108.—Продолженіе борьбы между искателями гетманства на восточной сторонѣ, 108.—Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою, 109.—Посольство Ладженскаго въ Малороссію, 109.—Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнъ его противниковъ, 115.—Неудовольствія въ Украинѣ, 115.—Пораженіе Хованскаго при Кушлинахъ, 115.—Потеря Гродна, Могилева, Вильны, 116.—Судьба Виленскаго воеводы князя Даниила Мышецкаго, 116.—Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлороссіи, 118.—Мирныя переговоры, 119.—Размѣнъ плѣнныхъ, 120.—Трагическая смерть Гонсѣвскаго, 123.—Король собирается перейти на восточный берегъ Днѣпра, 123.—Дѣйствія Московскаго воеводы Касогова и Сѣрка на югъ, 124.—Волненіе въ Запорожьи, 124.—Письмо Касогова въ Москву, 125.—Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода, 125.—Переговоры дѣяка Башмакова съ гетманомъ и старшиною, 126.—Нашествіе короля на восточную сторону и неуспѣхъ его, 130.—Военныя дѣй-

ствія на западной сторонѣ, 130.—Замысль Выговскаго и смерть его, 131.—Заочное митрополита Іосифа Тукальскаго, 131.—Состояніе царскаго войска въ Малороссіи, 133.—Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меодіемъ и съ городами, 134.—Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго, 137.—Оправдательное письмо его къ Хитрову, 138.—Брюховецкій бунтъ требуетъ великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополію и объявляетъ о своемъ прѣздѣ въ Москву, 141.

Глава III. Продолженіе царствованія Аленсія Михайловича 141 - 142

Прѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву, 141.—Представленія имъ статьи, 143.—Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина—въ дворяне, 143.—Новый бояринъ сватается на московской боярыньѣ, 146.—Уобщина между Малороссійцами въ Москвѣ, 146.—Дурныя вѣсти изъ Малороссіи, 147.—Дорошенко преемникъ Тегери, 148.—Онъ губитъ Опару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ, 148.—Отчаянное письмо епископа Меодія, 149.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Малороссію, 149.—Неудовольствие духовенства по вопросу о митрополитчьемъ избраніи, 150.—Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и казаковъ, 151.—Смута въ Переяславлѣ и Запорожьи, 152.—Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію, 152.—Неудовольствие казаковъ противъ гетмана-боярина, 153.—Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Брюховецкаго, 154.—Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана, 155.—Безкорыстіе Кіевскаго воеводы Шереметева, 156.—Возмущеніе переславскихъ казаковъ, 157.—Брюховецкій совѣтуетъ крутыя мѣры, 158.—Волненія въ Запорожьи, 159.—Сношенія Москвы съ Польшею, 160.—Записка Ордина-Нащокина о Польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя, 161.—Съѣзды въ Дуровичахъ, 164.—Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе съѣздовъ, 167.—Возмущеніе Любомырскаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры, 171.—Андрусовскіе съѣзды, 172.—Перемиріе, 173.—Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева, 176.—Условія Андрусовскаго перемирія, 178.—Польское посольство въ Москвѣ, 179.—Переговоры объ изгнанной изъ Украины шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ, 181.—Значеніе Андрусовскаго перемирія, 186.—Общій взглядъ на состояніе Малороссіи, 188.

Глава IV. Продолженіе царствованія Аленсія Михайловича 89 - 190

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны, 191.—Выпускъ мѣдныхъ денегъ, 191.—Ихъ уладокъ въ цѣнѣ, 191.—Воровскія деньги, 191.—Московскій бунтъ 1662 года, 192.—Отмѣна мѣдныхъ денегъ, 194.—Ссора царя съ патриархомъ; причины ея, 195.—Враги Никона, 197.—Расколъ; его причины, 199.—Исправленіе книгъ при патриархѣ Іосифѣ, 201.—Единоголасное пѣніе и проповѣди; возстаніе противъ этихъ нововведеній, 202.—Исправленіе книгъ при Никонѣ, 203.—Спротивленіе прежнихъ исправителей, 204.—Мысль объ антихриствѣ, 204.—Монахъ Капитовъ, 205.—Спротивленіе соловецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ, 206.—Челобитная царю на Никона, 207.—Окончательный разрывъ его съ царемъ, 210.—Удаленіе въ Воскресенскій монастырь, 213.—Успокоеніе Никона, 213.—Раздраженіе возобновляется, 214.—Невозможность выбрать новаго патриарха

въслѣдствіе требованій Никона, 218.—Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ, 219.—Соборъ 1660 года, 220.—Протестъ Славепицкаго, 220.—Дѣло объ отравѣ, 223.—Бабарыкинское дѣло, 223.—Письмо Никона къ царю по этому случаю, 223.—Пансій Лигарида, 226.—Его стараніе помирить Никона съ царемъ, 226.—Вопросъ Стрѣшова и отвѣты на нихъ Лигарида, 227.—Возраженіе Никона на эти вопросы и отвѣты, 228.—Донось Бабарыкина на Никона, 231.—Поѣздка князя Одоевскаго и Лигарида съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю, 231.—Отравленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патриархамъ относительно поведенія Никона, 236.—Волненія между константинопольскими Греками, 237.—Патриархи даютъ отвѣты, осуждающіе Никона, 239.—Прѣздъ Аванасія Иконійскаго въ Москву, 239.—Затруднительное положеніе царя, 239.—Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патриарховъ на соборъ въ Москву, 241.—Грамота патриарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона, 241.—Сытнское дѣло, 242.—Письмо Никона къ царю съ цѣлю отнрывать соборъ, 244.—Внезапный прѣздъ Никона въ Москву и Зюзиинское дѣло, 245.—Грамоты Никона къ восточнымъ патриархамъ перехвачены, 252.—Прѣздъ патриарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, 255.—Судъ, 256.—Осужденіе, 267.—Ссылка Никона въ Терапонтовъ монастырь, 268.—Жизнь его тамъ и сношенія его съ царемъ, 272.

Глава V. Продолженіе царствованія Аленсія Михайловича 283 - 284

Московскіе соборы 1666 и 1667 года, 283.—Соловецкое возмущеніе, 288.—Казацкія движенія на восточной украинѣ и причины ихъ, 291.—Воровство на Волгѣ, 291.—Городокъ Рыга, 292.—Возмущеніе Васьки Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ, 293.—Стенька Разинъ, 293.—Его воровство на Волгѣ, 295.—Разинъ въ Япцкомъ городѣ, 295.—Его морской походъ, 296.—Стенька въ Астрахани съ повинною, 298.—Впечатлѣніе, имъ здѣсь произведенное, 300.—Стенька бунуетъ въ Царицынѣ, 302.—Вызовъ его воеводамъ, 302.—Разинъ на Дону, 304.—Его вторичный походъ на Волгу, 305.—Взятіе Царицына, 305.—Разбитіе московскихъ стрѣльцовъ, 305.—Измѣна стрѣльцовъ астраханскихъ, 305.—Взятіе Астрахани и кровавыя слѣдствія, 308.—Приходъ Разина подъ Симбирскъ и отступленіе князя Бярятинскаго, 312.—Вторичный приходъ Бярятинскаго подъ Симбирскъ и пораженіе Разина, 313.—Бунтъ по всей восточной украинѣ, 313.—Движенія Мишки Харитовова, Васьки Федорова и Максима Осипова, 314.—Осада Желтоводскаго монастыря, 315.—Волненія въ Нижнемъ-Новгородѣ, 316.—Главный воевода князь Юрий Долгорукій, 316.—Удачныя дѣйствія воеводы Леонтьева и Щербатова, 317.—Дѣйствія воеводы Якова Хитрова, 318.—Движенія Долгорукаго, 319.—Побѣды Бярятинскаго на Урени, Копдараткѣ и у Турганова, 320.—Побѣды Щербатова, Хитрова, Леонтьева и Далина Бярятинскаго, 322.—Неудача Разина на Дову, 324.—Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ, 324.—Дѣйствія казаковъ въ Астрахани, 325.—Гибель митрополита Іосифа, 328.—Неудача казаковъ подъ Симбирскомъ, 329.—Сдача Астрахани воеводѣ Милославскому, 330.—Осада Соловецкаго монастыря, 333.—Его взятіе, 336.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Глава I. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича. 341—342

Вѣсти отъ Брюховецкаго о турецкихъ замсахъ; доносы на Запорожье и на епископа Мееодія, 341.—Убіеніе царскаго посланника Ладжинскаго въ Запорожь, 344.—Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю, 345.—Слѣдствія по казачимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу, 347.—Увѣщательная царская грамота къ казакамъ, 349.—Сношенія съ Дорошенкомъ, 349.—Неудовольствія епископа Мееодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ, 354.—Поговоры Мееодія на Москву, 355.—Тукальский спорится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ, 357.—Начало волнений въ Малороссіи, 358.—Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій, 360.—Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ, 361.—Грамота Брюховецкаго на Донъ, 362.—Внушенія польскія противъ казаковъ, 364.—Движенія князя Ромодановскаго, 365.—Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра, 365.—Гибель Брюховецкаго, 366.—Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянется къ Москвѣ, 367.—Наказной гетманъ Демяянъ Многогрѣшный, 367.—Архіепископъ Лазарь Барановичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ, 368.—Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ прогнать Малороссіянъ и вывести ихъ воеводъ, 368.—Послѣдняя дѣятельность епископа Мееодія, 370.—Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣнка, 371.—Затруднительное положеніе Дорошенка, 372.—Сношеніе его и Многогрѣшнаго съ кievскимъ воеводою Шереметьевымъ, 373.—Большое малороссійское посольство въ Москвѣ, 374.—Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю, 375.—Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцомъ Шереметьева, 378.—Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы, 380.—Сношенія съ Польшей и Швеціею, 384.—Король Ягъ-Казиміръ отрывается отъ престола, 386.—Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича, 386.—Послѣдняя служба Ордина-Нащокина, 387.—Переписка его съ царемъ, 388.—Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго, 394.—Сѣзды Нащокина съ польскими комиссарами, 396.—Удаленіе Нащокина въ монастырь, 397.—Польскіе послы—Гинский и Вростовскій—въ Москвѣ, 398.—Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ, 400.—Русское посольство въ Турціи, 403.—Событія въ Крыму, 404.

Глава II. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича. 405—406

Безпокойства относительно Малороссіи, 405.—Письма Барановича въ Москву, 406.—Новый соперникъ Дорошенку—Ханенко, 407.—Барановичъ хлопочетъ о ненарушеніи Глуховскихъ статей, 407.—Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи, 409.—Торжество Дорошенка, 411.—Происки Тукальскаго, 411.—Константинопольскій патриархъ выдаетъ проклятіе на Многогрѣшнаго, 412.—Притязанія Барановича, 412.—Царскій отвѣтъ малороссійскимъ посланцамъ, 413.—Посольство изъ Москвы къ Константинопольскому патриарху для

снятія проклятія съ Многогрѣшнаго, 414.—Представленіи Дорошенка, 416.—Война на западной сторонѣ Днѣпра, 416.—Неудовольствія Многогрѣшнаго, 416.—Посольства къ нему изъ Москвы, 417.—Доносы старшины на гетмана, 421.—Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву, 425.—Обвиненія, на него поданныя, 428.—Донрость и ссылка Многогрѣшнаго, 429.—Смылка Сѣрка, 435.—Рада въ Казачьей Дубровѣ, 435.—Избраніе Самойловича въ гетманы, 437.—Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожь, 438.

Глава III. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича. 441—442

Нашествіе Турокъ на Польшу, 441.—Витны при Батогѣ, 442.—Взятіе Каменца-Подольскаго, 443.—Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой, 443.—Освобожденіе Сѣрка, 445.—Прибытіе сыновей гетмана Самойловича въ Москву, 446.—Извѣстія съ западнаго берега, 447.—Ханенко изъявляетъ желаніе поддаться царю, 449.—Поведеніе митрополита Тукальскаго, 449.—Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру, 449.—Неудовольствія Малороссіянъ на царское войско и на воеводу кн. Трубецкаго, 450.—Похвалы князю Ромодановскому, 450.—Ропоть на Самойловича, 450.—Воспнія дѣйствія на Дону, 451.—Воръ Мюска, 451.—Самозванецъ Семень въ Запорожь, 452.—Поведеніе Сѣрка, 453.—Сношенія Дорошенка съ Москвою, 459.—Самойловичъ хлопочетъ, чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство, 460.—Ромодановскій и Самойловичъ на западномъ берегу Днѣпра, 462.—Письмо Ханенка къ князю Трубецкому, 464.—Переяславская рада; избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра, 464.—Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство, 465.—Сѣрко высмываетъ самозванца въ Москву; донрость въ казнь вору, 465.—Дорошенко уклоняется отъ подданства царю, 468.—Приходъ Татаръ къ нему на помощь, 469.—Братъ его Андрей разбить царскими войсками, 469.—Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Запорожцами и присланъ въ Москву, 469.—Показанія Мазепы, 470.—Царь не отпускаетъ изъ Москвы сыновей гетмана Самойловича, 473.—Ромодановскій и Самойловичъ подъ Чигиринномъ, 473.—Новое нашествіе Турокъ и Татаръ, 474.—Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ, 474.—Мгѣніе гетмана Самойловича о соединеніи русскихъ войскъ съ польскими, 475.—Грамота Ромодановскаго къ царю, 477.—Доносъ архіепископа Барановича на протопопа Адамовича, 477.—Пріѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа, 477.—Доносы Самойловича на Сѣрка, 478.—Жалоба гетмана на протопопа Адамовича, 479.—Сношенія Сѣрка съ Москвою, 479.—Смута въ Каневѣ, 480.—Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра, 482.—Затруднительное положеніе Дорошенка, 485.—Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка, 485.—Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества, 486.—Событія на Дону, 492.

Глава IV. Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича. 495—496

Сношенія съ Польшею послѣ турецкаго нашествія, 495.—Рознь литовскихъ сенаторовъ

съ польскими по поводу мира съ Турками, 495.—Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи, 496.—Литовскій гетманъ Папа съфвѣтуетъ не подавать этой помощи и обѣщаетъ поддаться со всею Литвою государю Русскому, 499.—Свидерскій, первый польскій резидентъ въ Москвѣ, 499.—Стольникъ Тяпкинъ—первый русскій резидентъ въ Варшавѣ, 499.—Кончина короля Михаила, 500.—Вопросъ объ избраніи царевича Феодора Алексѣевича на Польскій престолъ, 501.—Условія избранія, 501.—Переговоры о нихъ, 501.—Затруднительное положеніе Тяпкина и его жалобы, 503.—Королевскіе выборы, 506.—Избраніе Яна Собѣскаго въ короли, 506.—Разная вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ, 506.—Посольство Венславскаго въ Москву, 509.—Съѣздъ уполномоченныхъ въ Андрусовѣ, 511.—Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкину и стращаютъ его миромъ короля съ Турками, 512.—Жалобы Тяпкина на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его, 513.—Повѣдка резидента къ королю во Львовѣ, 514.—Смѣхъ Тяпкина польско-латин-

скою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку, 516.—Разговоры старика Тяпкина съ панами, 517.—Злой отвѣтъ его гетману Папу, смѣявшемуся надъ русскими войсками, 517.—Обращеніе короля съ русскими резидентами, 518.—Поведеніе Поляковъ по удаленіи испирителя, 518.—Сношенія царя Алексѣя съ Австрією, Швецією, Данією, 519.—Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ, 526.—Сношенія по этому поводу съ Курляндією, 526.—Сношенія съ Голландією, Англією, Францією, Испанією, Италією, 527.

Глава V. Окончаніе царствованія Алексѣя Михайловича. 543—544

Сношенія съ Православнымъ Востокомъ: Грецією и Грузією, 543.—Сношенія съ Персією, 557.—Договоръ съ компанією персидскихъ Армянъ, 561.—Построеніе корабля для Каспійскаго моря, 562.—Калмыки, 568.—Сибирь, 576.—Сношенія съ Китаемъ, 582.—Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича, 600.—Семейныя дѣла царя, 603.—Его кончина, 604.—Характеръ, 605.—Приближенные къ нему люди, 614.

Томъ тринадцатый.

Глава I. Россія предъ эпохою преобразованія. 625—626

Общій обзоръ хода Древней русской исторіи, 625.—Различіе Восточной и Западной Европы, 625.—Природа Сѣверо-восточной Россіи, 639.—Москва, — ея характеръ, 657.—Великій Государь, 670.—Случай, когда онъ являлся предъ подданными; выходы и походы, 670.—Его семейныя торжества, 674.—Обѣды во дворцѣ, 674.—Служба Великаго Государя, 675.—Служба, собиравшаяся на крыльяхъ, и служба, собиравшаяся въ передней, 675.—Ихъ интересы, 678.—Мѣстничество, 678.—Комната и доклады, 683.—Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ, 684.—Соборы, 684.—Помѣщичьи, 686.—Новое войско, 686.—Военныя поселенія, 691.—Казачи и стрѣльцы, 692.—Кормленіе ратныхъ людей, 693.—Кормленіе *отъ дѣла*, 693.—Приказы, 693.—Кормленіе по городамъ, 699.—Видъ древняго русскаго города, 699.—Воевода, 701.—Губной староста, 701.—Земскій староста, 702.—Главные интересы горожанъ, 702.—Подати, 702.—Службы горожанъ, 709.—Кормленіе воеводы и подьячихъ, 711.—Стольниковыя горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами, 713.—Борьба между лучшими и меньшими людьми, 714.—Огношеніе къ верховному правительству, 715.—Судьба преобразованій Ордина-Нащокина во Исковѣ, 716.—Торговль уставъ, 722.—Сельское народонаселеніе, 727.—Смыслъ крестьянскаго прикрѣпленія, 727.—Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ, 727.—Печальное положеніе крестьянъ, 731.—Необходимость переворота, 733.—Новые учителя, 734.—Расколъ, 735.—Обличенія, 737.—Церковныя соборы, 739.—Затруднительное положеніе духовенства, 741.—Значеніе Никонова дѣла, 742.—Иосифъ Коложенскій, 745.—Духовникъ Савиновъ, 746.—Церковныя имѣнія, 747.—Вопросъ о дѣлахъ благаго духовенства, 747.—Нравы и обычаи, 749.—Поворотъ на новый путь, 758.—Театръ, 759.—Литература, 760.

Глава II. Царствов. Феодора Алексѣевича. 801—802

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича,

803.—Дѣти царя Алексѣя отъ обоехъ браковъ, 806.—Польское и нѣмецкое вліаніе, 806.—Извѣстія о вступленіи на престолъ Феодора, 808.—Ссылка Матвѣева, 810.—Ссылка духовника Андрея Савина, 817.—Отягченіе участи Никола, 818.—Любимцы царя, 821.—Языковъ, Лихачевъ, 822.—Бракъ Феодора на Агаѣи Семеновнѣ Грушепкой, 822.—Быстрое возвышеніе Языкова и Лихачева, 822.—Князь Вас. Голицынъ, 823.—Окончаніе дѣла съ Дорошенкою, 823.—Дѣла Рославца и Адамовича, 828.—Дорошенко въ Москвѣ, 832.—Манифестъ Юрія Хмельницкаго, 834.—Переписка съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошкѣ, 834.—Ссылка Рославца и Адамовича, 835.—Черный Чигиринскій походъ, 835.—Мѣнья Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ, 837.—Дѣла Запорожскія и посылство въ Турцію, 837.—Второй Чигиринскій походъ, 839.—Сношенія съ Польшею, 842.—Мирныя переговоры съ Турцією, 849.—Переговоры въ Крымъ и миръ съ султаномъ и ханомъ, 852.—Дорошенко—воевода, 856.—Смерть Сѣрка, 857.—Дѣла шведскія, датскія, австрійскія, 859.—Калмыки и казаки, 859.—Волненія Башкирцевъ, 861.—Борьба съ Киргизами, Самофлаи, Якутами и Тулгусами въ Сибири; злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей, 861.—Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Феодорѣ, 865.—Вопросъ о торговлѣ шелкомъ съ Армянами, 865.—Поставленіе о торговлѣ съ Греками, 866.—Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія, 867.—Новая форма челобитныхъ, 867.—Расколъ, 868.—Церковный Соборъ 1681 года, 870.—Обращеніе инокѣровъ въ христіанство, 873.—Поставленіе о воеводахъ, 874.—Финансовыя мѣры, 874.—Уничтоженіе мѣстничества, 875.—Прокътъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, 880.—Прокътъ академіи, 881.—Смерть царицы Агаѣи и царевича Илья, 885.—Второй бракъ царя и кончина его, 886.—Смерть Никола, 886.—Облегченіе участи Матвѣева, 888.

Глава III. Московская смута 1682 года. 889—890

Побужденіе къ избранію въ цари Петра мимо Іоанна, 889.—Партія Іоанна и ея дви-

женія, 890.—Спешы на погребеніи царя Феодора, 891.—Волненія стрѣльцовъ и солдатъ, 893.—Слабость правительства и разнузданность стрѣльцовъ, 894.—Заговоръ Милославскаго, 897.—Пріѣздъ Матвѣева, 897.—Стрѣлецкій бунтъ, 898.—Довластіе и правленіе Софьи, 904.—Неловкое положеніе стрѣльцовъ, 905.—Столпы на Красной площади для оправданія бунта, 906.—Движеніе раскольниковъ, 907.—Хованскій ихъ поддержаніе, 908.—Раскольничья смута 5 іюля, 913.—Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно, 918.—Продолженіе стрѣл-

ныхъ волненій, 920.—Отгѣздъ Двора изъ Москвы, 921.—Казнь Хованскихъ, 924.—Призывъ дворянскаго ополченія, 926.—Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ, 926.—Они просятъ помилованья у царей, 926.—Условія помилованья, 927.—Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками, 928.—Уничтоженіе стола на Красной площади, 928.—Возвращеніе Двора въ Москву, 929.—Шакловитый начальникъ Стрѣлецкаго Приказа; его твердость, 929.—Мѣры противъ слѣдствій мятежа, 929.—Смуты въ Малороссіи и на Дону, 930.—Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы, 932.

Т О М Ъ Ч Е Т Ы Р Н А Д Ц А Т Ы Й.

Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.

Глава I. Правленіе царицы Софьи. 977—978

Польскія питрши для возмущенія Малороссіи, 977.—Князь В. В. Голицынъ и его политика, 979.—Священный союзъ противъ Турокъ, 982.—Россія приглашается вступить въ него, 984.—Вѣчный миръ съ Польшою и вступленіе въ Священный союзъ, 985.—Подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патриарху, 986.—Сношеніе съ гетманомъ Павломъ Самойловичемъ по этому случаю, 987.—Избраніе въ Кіевскіе митрополиты князя Гедеопа Четвертинскаго, 999.—Сношеніе съ восточными патриархами по поводу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патриарху, 1000.—Первый Крымскій походъ, 1004.—Посольство Шакловитаго въ поляки, 1006.—Сверженіе Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы, 1007.—Лазарь Барановичъ, 1015.—Побужденіе отъ турецкихъ христіанъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій, 1016.—Второй Крымскій походъ, 1018.—Сношенія съ Европейскими и Азіатскими государствами въ правленіе Софьи, 1024.—Першій договоръ съ Китаемъ, 1027.—Внутренняя дѣятельность правительства, 1034.

Глава II. Паденіе Софьи. Дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода. 1053—1054

Значеніе Петра и совершеннаго пмъ переворота, 1053.—Воспитаніе Петра, 1059.—Учителя-иностранцы, 1062.—Строеніе судовъ, 1064.—Женитба Петра, 1064.—Столкновеніе съ правительницею, 1065.—Намѣреніе Софьи вѣнчаться на царство, 1066.—Вражда Софьи къ царичѣ Натальѣ Кириловнѣ, 1066.—В. В. Голицынъ и Шакловитый, 1066.—Напрасное стараніе поддаты стрѣльцовъ, 1067.—Неудовольствіе со стороны Петра, 1069.—Оборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ 7-го августа, 1070.—Бѣгство Петра въ Троицкій монастырь, 1071.—Напрасныя попытки Софьи примириться съ братомъ, 1072.—Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго, 1076.—Розыскъ Шакловитаго; смслка Голицынскихъ, 1076.—Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицынскихъ, 1077.—Казнь Шакловитаго съ товарищами, 1078.—Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи, 1079.—Розыскъ и казнь Медвѣева, 1080.—Отстраненіе Софьи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь, 1081.—Продолженіе доносовъ, 1082.—Новое правительство, 1083.—Ссора князя Бориса Голицына съ Долгорукими, 1083.—Лефорть, 1084.—Царскія потѣхи, 1086.—Компанія, 1090.—Состояніе общества, 1091.—Дѣла Малороссійскія, 1102.—Положеніе Русскихъ людей въ польскихъ обла-

стяхъ, 1128.—Мазепа и Палѣй, 1102.—Дѣла объ откупѣ, 1140.

Глава III. Окончаніе двоевластія. Царствованіе Петра I-го Аленствича. 1141—1142

Окончаніе потѣхъ, 1141.—Замыслы Петра относительно морскихъ предиріятій, 1141.—Роль Лефорта, 1142.—Греческое духовенство проситъ о дѣятельномъ продолженіи войны съ Турціей, 1143.—Первый Азовскій походъ, 1145.—Воронежскій флотъ, 1149.—Кончина царя Иоанна Алексѣевича, 1149.—Второй походъ и вліаніе Азова, 1151.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Москвѣ и Польшѣ, 1153.—Торжественный входъ побѣдителей въ Москву, 1157.—Строеніе кораблей кумпанствами, 1157.—Посылка молодыхъ людей учиться за границу, 1158.—Намѣреніе Петра вѣхать самому за границу, 1159.—Неудовольствіе, 1161.—Розыскъ монаха Аврамія, 1161.—Розыскъ Циклера и Соковина, 1163.—Отгѣздъ Петра за границу, 1168.—Неудовольствіе въ Ригѣ, 1168.—Прѣбываніе въ Пруссіи, 1169.—Дѣла Польскія, 1169.—Свиданіе Петра съ двумя курфюрстинами; ихъ отзывъ о немъ, 1170.—Петръ въ Голландіи, въ Англіи, въ Вѣнѣ, 1172.—Стрѣлецкій бунтъ, 1177.—Возвращеніе Петра въ Москву, 1188.—Брадобритіе, 1189.—Стрѣлецкій розыскъ и казни, 1191.—Постриженіе царевнъ и царяны Евдокии, 1194.—Раздраженіе Петра, 1196.—Любимецъ Меншиковъ, 1197.—Поѣздка Петра въ Воронежъ, 1199.—Новые розыски и казни по возвращеніи въ Москву, 1200.—Разбои, 1206.—Злоупотребленія воеводъ, 1208.—Учрежденіе бурмистровъ, 1212.—Алексѣй Курбатовъ, 1213.—Гербовая бумага, 1214.—Указъ о торговлѣ компаніями, 1214.—Мѣра для улучшенія положенія Сибіри, 1215.—Дѣла на Украйнахъ, 1218.—Дѣла Петра Артемьева, 1223.

Глава IV. Продолженіе царствованія Петра I-го Аленствича. 1225—1226

Новое глѣтосчисленіе, 1225.—Причины Сѣверной войны, 1226.—Свиданіе Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ и дружба съ нимъ, 1227.—Возникшіе на Карловицкомъ конгрессѣ, 1228.—Украинцевъ въ Константинополь, 1230.—Переміріе съ Турками, 1232.—Союзъ трехъ державъ противъ Швеціи, 1235.—Карлъ XII, 1240.—Травендальскій миръ, 1242.—Осада Нарвы Русскими, 1241.—Пораженіе русскаго войска Карломъ XII, 1245.—Побѣдитель и побѣжденный, 1249.—Дѣятельность Винуса, 1250.—Движеніе Шереметева, 1252.—Свиданіе Петра съ королемъ Августомъ въ Биржахъ, 1252.—Русское войско и саксонскій генераль, 1254.—Пораженіе Са-

конецъ и Русскихъ на Дринѣ; его слѣдствія, 1254. — Эрестферская побѣда Шереметева, 1267. — Неудовольствія Малороссійскаго войска, 1268. — Хлопоты съ Запорожьемъ, 1268. — Совѣтъ короля Августа опустошить Ливонію,

1264. — Исполненіе совѣта, 1265. — Дѣйствія Апраксина въ Ингріи, 1267. — Петръ въ Архангельскѣ, 1267. — Появленіе его и дѣйствія въ Ингріи, 1267. — Море, 1269. — Основаніе Петербурга, 1270.

Томъ пятнадцатый.

Глава I. Царств. Петра I Алексѣвича. 1273 — 1274

Строеніе судовъ для Балтійскаго моря, 1273. — Борьба съ Шведами за Петербургъ, 1274. — Отобраніе у Шведовъ старыхъ русскихъ городовъ, 1274. — Опустошеніе Эстоніи, 1275. — Взятіе Дерпта и Нарвы, 1275 — Шведы отражены отъ Петербурга, 1277. — Сношенія съ Польшею, 1277. — Паткуль въ русской службѣ; его дѣятельность, 1286. — Русскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ Паткуля, 1299. — Отношенія Паткуля къ малороссійскимъ казакамъ, 1299. — Окончаніе дѣятельности Палѣя, 1300. — Сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, 1304. — Паткуль въ Вѣнѣ, 1306. — Дѣятельность Матвѣева въ Голландіи, 1310. — Постниковъ въ Парижѣ, 1322. — Французскій посланикъ Балюзъ въ Россіи, 1323. — Матвѣевъ въ Парижѣ, 1324. — Сношенія съ Турціею, 1328. — Дѣятельность Петра Толстого въ Константинополѣ, 1329.

Глава II. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣвича. 1335 — 1336

Внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка, 1335. — Характеръ правленія, 1335. — Правительственныя лица, 1336. — Старые и новые чины, 1336. — Старые и новые Приказы, 1337. — Новая форма прошеній, 1337. — Занятіе составленіемъ новаго Уложенія, 1338. — Ратуша и воеводы, 1338. — Воеводы управляютъ вмѣстѣ съ городоными дьяконами, 1338. — Финансовыя мѣры, 1338. — Монета, 1339. — Дѣятельность прибыльщика Курбатова, 1340. — Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, 1344. — Отращеніе отъ Жидовъ, 1345. — Средства образованія для Русскихъ людей, 1345. — Школы, 1345. — Книги, 1347. — Первые вѣдомости, 1349. — Театръ, 1350. — Столкновеніе иностранныхъ учителей съ Русскими; дѣло Нейгебауера, 1350. — Гюйсень, 1354. — Мѣры для сохраненія жизни и здоровья, 1355. — Мѣры противъ пожаровъ, 1357. — Мѣры противъ семейныхъ безпорядковъ, 1357. — Запрещеніе подписываться уменьшительными именами, 1357. — Преобразование относительно духовенства, 1358. — Огсрочка въ избраніи патріарха, 1359. — Стефанъ Яворскій, 1361. — Монастырскій Приказъ, 1362. — Мѣры относительно церковныхъ имуществъ, 1363. — Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ, 1363. — Московская академія, 1364. — Дѣятельность митрополитовъ — Димитрія Ростовскаго и Филовея Сибирскаго, 1365. — Митрофанъ Воронежскій, 1368. — Неудовольствія, 1368. — Молва о нерусскомъ царѣ, 1369. — Григорій Талицкій, 1371. — Перемяна платья, 1373. — Неудовольствія на-Верху, 1375. — Астраханскій бунтъ, 1377. — Дѣла на Дону и Запорожьи, 1382.

Глава III. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣвича. 1397 — 1398

Два фельдмаршала, 1397. — Петръ въ Польскѣ, 1397. — Пронсшествіе въ Уніатскомъ мо-

настырѣ, 1397. — Пораженіе Шереметева при Гемауртгофѣ, 1399. — Петръ въ Курляндіи, 1400. — Огильви и Меншиковъ, 1400. Паткуль въ Саксоніи, 1401. — Дѣло о передачѣ русскихъ войскъ въ австрійскую службу, 1401. — Паткуль схваченъ саксонскими министрами и заключенъ въ Зонненштейнъ, 1407. — Посольство Шенбека къ царю съ объясненіемъ по этому дѣлу, 1408. — Походъ Карла XII въ Литву, 1409. — Зимовка русскаго войска въ Гроднѣ, 1410 — Выступленіе его оттуда, 1417. — Увольненіе Огильви, 1418. — Петръ и Меншиковъ въ Кіевѣ, 1418. — Неудачная осада Выборга, 1419 — Битва при Калишѣ, 1419. — Король Августъ заключаетъ отдѣльный миръ съ Карломъ XII, 1420. — Петръ въ Жолквѣ, 1422. — Сношенія съ польскими вельможами и кандидатами на Польскій престолъ, 1423. — Матвѣевъ въ Англіи, 1430 — Предложеніе герцогу Марльборо русскаго княжества, 1434. — Сношенія съ Франціею и Австріею, 1434. — Петръ предлагаетъ Польскій престолъ принцу Евгенію Савойскому, 1435. — Дѣятельность Толстого въ Константинополѣ, 1436. — Посольство князя Куракина въ Римъ, 1442. — Приготовленіе Петра къ встрѣчѣ непріятели въ Россіи, 1443. — Башкирскій бунтъ, 1446. — Булавинскій бунтъ, 1450.

Глава IV. Продолженіе царствованія Петра I Алексѣвича 1473 — 1474

Походъ Карла XII въ Литву, 1473. — Распоряженія Петра въ Гроднѣ, 1474. — Карлъ вступаетъ въ этотъ городъ, 1475. — Дальнѣйшія его движенія, 1475 — Болѣзнъ Петра, 1475 — Укрѣпленіе Петербурга, 1476. — Укрѣпленіе Москвы, 1477. — Битва при Головинѣ, 1478. — Военный совѣтъ въ Шкловѣ, 1480. — Карлъ въ Могилевѣ, 1481. — Битва при Добромъ, 1482. — Движеніе Карла въ Малороссію, 1482. — Битва при Лѣсной, 1483. — Состояніе дѣлъ въ Малороссіи, 1484. — Приготовленія къ измѣнѣ Мазепы, — 1488. — Распоряженія Петра по этому случаю, 1501. — Универсалъ Мазепы къ полковникамъ, 1516. — Взятіе Батурина Меншиковымъ, 1524. — Избраніе новаго гетмана, 1526. — Мазепа проклятъ, 1527. — Грамота Петра Запорожцамъ, 1528. — Грамоты Карла къ Малороссіянамъ, 1528. — Отвѣтныя грамоты Петра и новаго гетмана Скоропадскаго, 1528 — Военныя дѣйствія въ концѣ 1708 года, 1530. — Вѣсти изъ Польши, 1530. — Отъѣздъ Матвѣева изъ Лондона, 1533. — Безчестіе, ему нанесенное, 1533. — Сношенія съ Дашею, 1534. — Съ Турціею, 1535. — Военныя дѣйствія въ началѣ 1709 года, 1538. Петръ въ Воронежѣ, 1539. — Его неудовольствіе на Шереметева, 1539. — Сношенія Мазепы съ царемъ, 1540. — Царская грамота къ Малороссіянамъ по поводу переизбраннаго письма Мазепы къ Лещинскому, 1541. — Измѣна Запорожцевъ, 1542. — Взятіе и разореніе Сѣчи, 1545. — Полтавская битва, 1548. — Приготовленія къ продолженію войны, 1557. — Торжества, 1565.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ одиннадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Гетманскіе и митрополичьи выборы въ Малороссіи.—Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ.—Посольство Кикина въ Малороссію.—Выговскій замышляетъ измѣну.—Союзъ его съ ханомъ Крымскимъ.—Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону.—Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ казаковъ противъ царя.—Посольство Матвѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго.—Меневскій и Коробка въ Москвѣ.—Запорожцы жалуются царю на Выговскаго.—Вопросъ о воеводахъ.—Хитрово въ Малороссіи и Переяславская рада.—Полтавскій полковникъ Пушкаръ противъ Выговскаго.—Извѣты его царю.—Лесницкій въ Москвѣ.—Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря.—Гибель послѣдняго.—Выговскій поддается Польскому королю.—Военныя дѣйствія подъ Киевомъ.—Раздѣленіе Малороссіи и усобица.—Радость въ Польшѣ.—Двадцать одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ преемники Яну-Казимиру.—Старанія Матвѣева склонить Литву на царскую сторону.—Сношенія съ Польшею.—Виленскіе сѣвяды.—Враждебныя движенія польскихъ войскъ.—Побѣда Долгорукаго надъ Гонсѣвскимъ и плѣнъ послѣдняго.—Затруднительное положеніе Москвы.—Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательные замыслы.—Борьба въ Малороссіи.—Походъ Трубецкаго.—Наказъ ему насчетъ соглашенія съ Выговскимъ.—Конотопская битва.—Ужасъ въ Москвѣ.—Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ.—Дѣла въ Крыму.—Дѣйствія Донскихъ казаковъ.—Паденіе Выговскаго.—Юрій Хмельницкій гетманъ.—Переговоры со Швеціею.—Ссора Нащокина съ Хсванскимъ.—Валіе-сарское перемиріе.—Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю.—Кардинскій миръ.

Въ Чигиринѣ, около гроба знаменитаго гетмана, волновалась старшина казацкая важнымъ вопросомъ—кому быть на мѣстѣ Хмельницкаго? Живому Богдану никто не рѣшился отказать въ просьбѣ насчетъ избранія въ гетманы сына его; теперь никто не думалъ объ исполненіи обѣщанія, когда грозный багъка казацкій лежалъ безъ дыханія. Выговскій, не боясь, что его раскуютъ по рукамъ лицомъ къ землѣ, дѣйствовалъ свободно и приобрѣталъ сильную сторону. Не стало гетмана въ Чигиринѣ, не было митрополита въ Кіевѣ: здѣсь волновались не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопоталъ воевода Андрей Бутурлинъ, призывалъ епископа Черниговскаго Лазаря Барановича, Печерскаго игумена Иннокентія Гизеля, другихъ игуменовъ и говорилъ имъ всякими мѣрами, съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршскаго благословенія митрополита не избирали. Епископъ Лазарь отвѣчалъ, что онъ радъ царской милости и патріаршему благословенію, но

надобно подумать съ архимандритами и игунами. 7-го августа Лазарь пріѣхалъ къ воеводѣ и объявилъ, что духовенство кіевскіе приговорило быть подъ послушаніемъ Никона патріарха, что теперь они ѣдутъ въ Чигиринъ на погребеніе гетманское, а когда возвратятся и укрѣпятся между собою, то отправятъ кого-нибудь изъ своихъ къ великому государю. Выговскій писалъ Лазарю: „Выбирайте митрополита между собою, кого хотите, а намъ теперь по смерти гетманской до того дѣла нѣтъ“¹⁾.

А между тѣмъ въ Москвѣ, ничего не зная, разсуждали съ Павломъ Тетерею, пріѣхавшимъ въ послахъ еще отъ гетмана Богдана Хмельницкаго. 4-го августа Тетеря представлялся государю и говорилъ рѣчь: „Егда благодарванную пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества державу нынѣшними временами надъ малороссійскимъ племенемъ нашимъ утвержденну и укрѣпленну внутренними созираю очима, привожу себѣ въ память реченное царствующимъ пророкомъ: отъ Господа бысть се и есть дивно во очію нашею воистинно

¹⁾ Москов. главы. архивъ мш. ин. дѣлъ; дѣла Малороссійскія 1657 года.

соединеніе Малые Россія и прицѣпленія оная къ великодержавному пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества скипетру, яко естественной вѣтви къ приличному кореню. И якожь древле Давиду Израильскія дѣвы ликоствоююще въ тимпанѣхъ съ радостію и гуслѣхъ прицѣваху: побѣди Сауль со тысящами, а Давидъ со тмами, тако и пресвѣтлому вашему царскому величеству истинно всѣ Россійскія сынове прицѣпати можемъ: иные цари побѣдиша со тысящами, ты-жъ великодержавный царь нашъ, побѣдилъ еси со тмами. Прелазная воистину есть пресвѣтлаго вашего царскаго величества на враги побѣда, понеже, ревнующе по благочестивой вѣрѣ, не пощадилъ еси своей царскія главы, не предпочелъ еси своего угодія, но, оставя множицею свой царскій престолъ и презрѣвше своя царскія палаты, изшелъ еси предъ нами на враги наша и самъ возжелалъ еси побороти на насъ прямыхъ подданныхъ своихъ. Воистину поставленъ еси отъ вышнія десницы Божія надъ Сіономъ горою святою Его, надъ Сіоновымъ, глаголю, сыны Россійскими, возвѣщая намъ всѣмъ повелѣнія Господня и свѣдѣнія Его: не возвѣщали ли намъ житіемъ непорочнымъ своимъ повелѣній Господнихъ; не учили ли насъ изрядныхъ добродѣтелей своихъ? И кто не познаваетъ кротость твою, кто ли не причастенъ милости твоей; кто не проповѣдуетъ благоутробія вашего царскаго величества и къ самимъ врагамъ непамятозлобнаго нрава? Дивно есть во очію нашу, дивно и чудесно: понеже егда оскудѣваше въ помощи Малая Россія, тогда Богъ подвиже благочестивое вашего царскаго величества сердце, что отъ высокаго своего престола призвѣлъ еси на насъ и подъ высокую свою руку воинство наше Запорожское щедротне воспріяты благоволилъ, которое, крестнымъ цѣлованіемъ государю и царю своему привязанное, чрезъ насъ, посланниковъ своихъ, предъ святыми вашего царскаго величества престоломъ до лица земли упадаетъ и, не превратно и не льстиво въ своемъ крестномъ цѣлованіи пребываете, пресвѣтлаго вашего царскаго величества, яко втораго великаго во дарѣхъ я равнаго во апостолѣхъ Владимира не точю почитаете, но и предпочитаете, понеже онъ аще ли Россійское племя Святымъ просвѣтилъ крещеніемъ, но и самъ кромѣ закона иногда живяше и многихъ сыновъ Россійскихъ своимъ порочнымъ языческимъ житіемъ погубляше; но ваше царское величество явшаго подобия благодати, егда оторженную вѣтъ, Малую Россію, приобрѣте“.

Оратору былъ сдѣланъ первый вопросъ: по утвержденнымъ статьямъ, въ городахъ должны быть урядники и всякіе доходы собирать на царское величество, и отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ пришлетъ; изъ этихъ поборовъ давать жалованье пачальнымъ людямъ и казакамъ, которые должны быть въ числѣ 60,000. Но поборовъ до сихъ поръ ничего не взято; гетманъ изъ собираетъ ли и жалованье казакамъ даетъ ли? Государь объ этомъ спрашиваетъ не для того, чтобъ доходы

были надобны въ царскую казну, но для того: государь узналъ, что на гетмана и полковниковъ казаки бунтуютъ, будто они доходы собираютъ на себя, а имъ жалованья не даютъ.— „То-то и бѣда“, отвѣчалъ Тетеря, „что доходы не собираются, жалованье казакамъ не дается, и они служатъ лѣнливо, а принудить ихъ нельзя служить безъ жалованья. Съ Кіевскаго воеводства я самъ собралъ 20,000 рублей, а можно собрать и 50,000 золотыхъ червонныхъ, если впрямь собирать; въ иныхъ повѣтахъ полковники собираютъ со двора золотыхъ по два и по три, говорятъ, что собираютъ на гетмана, но гетману если что и дадутъ, то не все, а корыстуются самъ, и оттого происходятъ смуты и бунтовство. Изволилъ бы великій государь послать къ гетману, чтобъ созвалъ раду, при всѣхъ царскую милость объявилъ и статьи вычелъ; хотя гетману это будетъ и не любо, только войску будетъ годно, а намъ теперь съ гетманомъ спорить нельзя, потому что будетъ ему не любо.“—Объявили посланнику и второе неудовольствіе царское: гетманъ не исполнилъ статьи, чтобъ не принимать иностранныхъ пословъ; царское величество все посылалъ милостиво, потому что гетманъ писалъ съ покорностію: „такъ гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обѣщаніе свое исполнять, ибо за великое крестопреступленіе надобно бояться гнѣва Божія.“— „Все это правда“, отвѣчалъ Тетеря, „только намъ всего этого гетману выговорить нельзя“.

Въ грамотѣ, поданной Тетерею отъ Богдана (отъ 10 іюля), гетманъ писалъ, что пошлетъ къ Шведскому королю провѣдать о его умыслѣ; что приказалъ уже полковнику Антону возвратиться и идти подъ Каменецъ; идущему къ нему Венѣвскому скажетъ, чтобъ Поляки непремѣнно выбрали царя въ король. Тетеря имѣлъ порученіе и отъ Выговскаго: „Видь челоуъ писарь о маетностяхъ жены своей Статкевичевны, да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: такъ какое будетъ царскаго величества изволенье?“ Ему отвѣчали: „Какъ присылалъ къ царскому величеству въ 1655 году Иванъ Выговскій брата своего Данилу бить челоуъ о маетностяхъ, то великій государь пожаловалъ ихъ большими городами и маетностями; имъ этимъ можно жить безъ нужды, а Статкевичевны маетности розданы шляхтѣ присяжной, у которой назадъ ихъ взять нельзя.“

10-го августа пришла вѣсть, что Богданъ Хмельницкій умеръ. Тетеря подалъ письмо отъ Выговскаго; писарь писалъ, что гетманъ умеръ 27-го іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня; письмо оканчивалось такъ: „Непремѣнно надобно бить челоуъ царскому величеству, чтобъ изволилъ насъ оборонять войскомъ; да прошу еще вашу милость, — бейте челоуъ царскому величеству, чтобъ миѣ въ Литвѣ покойнѣйше житіе дать, потому что я тутъ, будучи старъ, съ казаками ничего не учиню“. Тетеря объяснилъ, почему Выговскому хочется имѣній въ Литвѣ: „Хотя царское величество писаря,

отца его и братью и пожаловалъ, только они этимъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь войска Запорожскаго". Ему отвѣчали: „Если они до сихъ поръ не владѣли, опасаясь войска, то теперь будетъ посланъ въ Малую Россію ближній бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, онъ объ этихъ маестностяхъ объявитъ, и тогда Выговскимъ можно будетъ ими владѣть свободно съ вѣдома войска.“ — „Сохрани Боже!“ отвѣчалъ Тетеря, „чтобъ царское величество войску о своихъ пожалованіяхъ объявлять не вѣдѣлъ, потому что объ этомъ и гетманъ Богданъ Хмельницкій не зналъ; если въ войскѣ свѣдаютъ, что писарь съ товарищами выпросили себѣ у царскаго величества такія большія маестности, то ихъ всѣхъ тотчасъ побьютъ и станутъ говорить: мы всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него помирились, а маестности выпросили себѣ одинъ писарь съ товарищами; да станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ, кромѣ жалованья, ничего не надобно. Если царское величество велитъ пожаловать писаря, отца его и братью маестностями, то вѣдѣль бы отвѣсти въ литовскихъ краяхъ особое мѣсто, чтобъ имъ ни съ кѣмъ ссоры не было, а въ войскѣ Запорожскомъ владѣть имъ ничѣмъ нельзя. Изъ приланныхъ мѣстъ писемъ вижу я, что теперь старшины всѣ при гетмановомъ сынѣ Юріи, въ войскѣ смирно, и думаю, что выберутъ Юрія въ гетманы. Но какъ послушать, что царское величество шлетъ своихъ бояръ и рада будетъ, то при гетмановѣ сынѣ есть много такихъ людей, которые ему дружатъ, а съ полковниками не въ совѣтѣ, и станутъ они ему говорить, чтобъ рады не собирали, чтобъ ему своего владѣнья не убавить, такъ же, какъ и отецъ его, рады не собирали, а владѣль всѣмъ одинъ, что приказеть, то всѣмъ войскомъ и дѣлають, а только раду ему собрать, то на радѣ безъ бунта не пройдетъ: у всякаго будетъ своя мысль, — иной захочетъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, иной другого, а иной захочетъ того, чтобъ владѣль всѣмъ царское величество, а хотя и гетманъ будетъ, то владѣнье его передъ прежнемъ будетъ не такъ сильно. У насъ теперь отъ непріятелей опасенія нѣтъ, а въ войскѣ много неразумныхъ людей, которые станутъ мыслить, что царскіе бояре идутъ съ войскомъ затѣмъ, чтобъ войско Запорожское чѣмъ-нибудь стѣснить, а намъ теперь войска не надобно. Царское величество изволилъ бы своей грамотѣ вначалѣ написать имя гетманова сына Юрія, чтобъ ему не было досадно; отецъ его государю билъ челомъ, чтобъ послѣ него гетманомъ быть сыну его, и царскаго величества на то изволенье есть.“¹⁾

Самъ Выговскій давалъ знать о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго; такъ онъ писалъ къ Путнвльскому воеводѣ Зюзину: „Если хочешь знагъ, кто теперь

избранъ въ гетманы, то, я думаю, ты знаешь, какъ еще при жизни покойнаго гетмана вся старшина избрала сына его, пана Юрія, который и теперь гетманомъ пребываетъ, а впередъ, какъ будетъ, — не знаю; тотчасъ послѣ похоронъ соберется рада изъ всей старшины и пѣкаторой черни; что усовѣтуютъ на этой радѣ, — не знаю. А я, послѣ такихъ трудовъ великихъ, радъ бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю“. Къ Вутурлину, въ Кіевъ, писалъ Выговскій, что польскій посоль Бенѣвскій присланъ къ нимъ для хитрости, чтобъ отлучить войско Запорожское отъ высокой царской руки, но что такой неправдѣ въ войскѣ Запорожскомъ мѣста нѣтъ; отъ царскаго величества оно во вѣки вѣковъ не отступитъ.

Зюзинъ, узнавъ изъ письма Выговскаго о радѣ, отправлялъ подъячаго въ Чигиринъ посмотреть, чтобъ тамъ будетъ дѣлаться. Подъячій пріѣхалъ въ Чигиринъ 21-го августа и тотчасъ же явился къ писарю. Выговскій говорилъ ему: „Царскому величеству я вѣренъ во всемъ, служу великому государю и войско Запорожское держу въ крѣпости. Какъ гетмана Богдана похоронимъ, то у насъ будетъ рада о новомъ гетманѣ, а мнѣ Богданъ Хмельницкій, умряя, приказывалъ быть опекуномъ надъ сыномъ его, и я, помня приказъ, сына его не покину. Полковники, сотники и все войско Запорожское говорятъ, чтобъ мнѣ быть гетманомъ, пока Юріи Хмельницкій въ возрастѣ и въ совершенномъ умѣ будетъ.“ Августа 23-го похоронили Богдана въ Субботовѣ; 26-го была рада: выбрали гетманомъ Выговскаго, дали ему царскую булаву и говорили, чтобъ онъ великому государю служилъ вѣрно и надъ войскомъ Запорожскимъ добрую управу чинилъ. Выговскій отвѣчалъ: „Эта булава доброму на ласку, а злomu на каране; потворствовать я никому не буду; войско Запорожское безъ страха быть не можетъ“. Старшина казацкая, также войты и бурмистры говорили, чтобъ новый гетманъ прочелъ имъ всѣмъ вслухъ царскую жалованную грамоту: хотятъ они знать, на какихъ воляхъ пожалованы. Гетманъ прочелъ грамоту, и всѣ закричали: „Ради великому государю служить вѣчно!“ Подъячій привезъ Зюзину грамоту отъ новаго гетмана. Выговскій, — теперь уже Іоаннъ, а не Иванъ — писалъ, что покойный Богданъ сына своего и все войско Запорожское ему въ обереганье отдалъ, а теперь вся старшина и чернь старшинство надъ войскомъ ему же вручили, и онъ царскому величеству вѣрно служить будетъ. Вутурлину Выговскій писалъ: „Ни желанія, ни промысла, ни помышленія моего о томъ не было, чтобъ быть мнѣ старшимъ надъ войскомъ Запорожскимъ; но, видно исполняя волю Божию, войско совѣтными голосами возложило на меня не столько урядъ, сколько тягость. Надѣюсь, что царское величество будетъ доволенъ моими услугами“.

Между тѣмъ, еще не зная о выборѣ Выговскаго, государь отправилъ въ Малороссію стольника Кинкина объявить войску, что царское величество,

¹⁾ Архивъ мш. юст.; столбцы Малорос. приказа, № 6001.

извѣстившихъ еще отъ покойнаго Богдана о пріятельскихъ замыслахъ хана Крымскаго, посылаетъ на помощь казакамъ войско свое подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и Василія Борисовича Шереметева; сверхъ того, скоро явится къ нимъ Алексѣй Никитичъ Трубецкой и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово для рады. Мы видѣли, что говорилъ Тетера о жалованьи казакамъ и какъ проговорился онъ, что нѣкоторые будутъ желать непосредственнаго подчиненія Малороссіи царю. Въ Москвѣ не проронили этихъ словъ, и Кикину велѣно было говорить рядовымъ казакамъ: давали ли имъ при гетманѣ Богданѣ во время похода жалованье? и, если скажутъ, что не давали, внушить, что гетманъ дѣлалъ это безъ воли государя, который назначилъ имъ на жалованье сборъ съ городовъ и повѣтовъ малороссійскихъ, и теперь все это велѣлъ разсмотрѣть и указъ учинить князю Трубецкому. Кикинъ долженъ былъ также говорить съ войтами, бурмистрами и мѣщанами наединѣ, что гетмана не стало, а на города малороссійскіе наступили неприятели, Крымскій ханъ и Ляхи, да у нихъ же между собою учинилось смятеніе; царское величество для ихъ обороны послалъ войско, а для своихъ государевыхъ дѣлъ князя Трубецкаго съ товарищами: такъ они бы ничѣмъ не оскорблялись. А если станутъ говорить: хорошо было бы, еслибъ великій государь для всякихъ неприятельскихъ приходовъ и расправныхъ дѣлъ изволилъ быть у нихъ въ городахъ своимъ воеводамъ, то отвѣчать, что все эти дѣла положены на князя Трубецкаго. А если про воеводъ и не начнутъ говорить, то Кикину самому начать, чтобъ государевымъ воеводамъ быть въ черкасскихъ знатныхъ городахъ для того, чтобъ тамошнимъ жильцамъ отъ полковниковъ и другихъ людей обидъ и налоговъ не было. Кикинъ долженъ былъ вездѣ развѣдывать: кто у Черкасъ начальный человѣкъ, кого больше слушаютъ и кого хотять избрать въ гетманы, Юрія ли Хмельницкаго, или кого другого, и нѣтъ ли теперь между Черкасами на полковниковъ какого рокошу, и если есть—за что? и чего между ними чаятъ, и хотять ли, чтобъ въ городахъ были государевы воеводы ⁽¹⁾.

Въ Украйнѣ дѣйствительно начинался рокошъ, но шелъ онъ не снизу, а сверху. Присоединеніе къ Москвѣ было дѣломъ народнаго большинства, и большинство это до сихъ поръ не имѣло никакой причины раскаяться въ своемъ дѣлѣ. Другой взглядъ былъ у меньшинства, находившагося наверху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединеніе съ шляхетскимъ государствомъ, съ Польшею, имѣло болѣе прелести. Представителемъ этого меньшинства былъ именно шляхтичъ Выговскій, сдѣлавшійся теперь, по избранію меньшинства, гетманомъ. Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы съ

Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчиненіе Московскому государству, столь ревнивому къ правамъ своимъ; уже Богдану тяжело было извергиваться предъ послами великаго государя, требовавшими неуклоннаго исполненія обязательствъ. Но старога Богдана, за его славу и заслугу, щадили въ Москвѣ; будутъ ли шадить Выговскаго? Послѣдній имѣлъ основанія рѣшить этотъ вопросъ отрицательно, и давно уже устремлялъ свои взоры на западъ, къ шляхетскому государству, гдѣ сулили ему блестящее, независимое положеніе, сенаторство. Многіе изъ старшинъ, прельщенные тѣми же выгодами, были на сторонѣ Выговскаго. Но прямо, немедленно объявить себя противъ Москвы и соединиться съ Польшею было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей Москвою и Швеціею, не могла она собственными силами защитить Выговскаго и товарищей его отъ мщенія царскаго; притомъ же войско и народъ были противъ подданства Польшѣ: надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союзъ. Дѣйствительнѣе польскаго, и Выговскій обратился къ хану Крымскому, союзъ съ которымъ такъ много помогъ Хмельницкому въ началѣ борьбы его съ Польшею. Мы видѣли, какой сильный гнѣвъ возбудило въ Крыму извѣстіе о подданствѣ Малороссіи Московскому царю. Явно помогая Польскому королю противъ казаковъ, подданныхъ царскихъ, ханъ не прерывалъ сношеній съ Москвою, бралъ подарки попрежнему, мѣнялся послами, но послы его твердили: „Царское величество велѣлъ бы Донскихъ казаковъ унять, чтобъ они Крымскому юрту убытковъ не чинили и на море не ходили; а если царь Донскихъ казаковъ унять не велитъ и станутъ отказывать попрежнему, будто Донскіе казаки у него, государя, въ непослушаніи, то у хана есть въ степи погайскихъ Татаръ вольныхъ людей не мало, и они также Московскому государству убытки чинить станутъ. Царское величество въ титулѣ своемъ пишетъ Великою и Малую Русь: у Крымскаго хана Малая Русь была подъ рукою лѣтъ съ 7 или 8, но ханъ Малую Русью не писался, а нынѣ Богъ вѣдаетъ, за кѣмъ та Малая Русь будетъ. Прежде съ крымскими послами и гонцами хаживали многіе люди, а послѣ это отговорено, и ходитъ теперь съ послами немногіе люди: чтобъ царское величество указалъ и теперь людямъ ходить попрежнему“. Ханъ писалъ царю: „Въ вашей грамотѣ написано не попрежнему: „Восточной и западной и сѣверной страны отчичъ и дѣдичъ, на сѣдникъ и обладатель“. Такихъ неистойныхъ титуловъ предки ваши не писывали: гдѣ Москва, гдѣ востокъ, гдѣ западъ? Между востокомъ и западомъ мало ли великихъ государей и государствъ; можно было это знать и не писаться всей вселенной отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ; такъ лживо и неистойно писать непригоже!“ Когда послы Выговскаго явились въ Крымъ съ объявленіемъ, что новый гетманъ откладывается отъ царя Московскаго, то ханъ не зналъ—вѣрить или не вѣрить та-

(1) Симбирскій Сборникъ; Кикинскія бумаги.

кой радости. Ближній человекъ его Сефергазы-ага въ разговорѣ съ московскимъ посланникомъ Якушкинымъ сказалъ: „Писарь Иванъ Выговскій, узнавъ, что ханъ Магметъ-Гирей собирается идти на Запорожскіе Черкасы войною за ихъ воровство и грубость, прислалъ въ Крымъ гонцовъ своихъ сказать, что онъ, писарь, сдѣлалъ гетманомъ и у Московскаго государя въ подданствѣ быть не хочетъ, хочетъ быть въ подданствѣ у Магметъ-Гирея; но ханъ его словамъ не вѣритъ, потому что Черкасы люди непостоянные“. Якушкинъ возражалъ, что Сефергазы-ага напрасно называетъ Черкасы ворами: воровства ихъ надѣлать не бывало. Но, сдѣлавъ это возраженіе, Якушкинъ не оставилъ однако безъ вниманія словъ Сефергазы-аги и освѣдомился у преданнаго Москвѣ князя Маметиши-Сулешова, зачѣмъ пріѣзжали гонцы отъ Выговскаго. Сулешовъ разсказалъ все подробно: гонцы пріѣзжали съ предложениемъ союза, какой былъ у казаковъ съ Крымцами при Богданѣ Хмельницкомъ. Выговскій просилъ, чтобы, по заключеніи союза, ханъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ разорять Запорожье, потому что Московскій царь посылаетъ Запорожцамъ жалованье и паучаетъ ихъ на него, Выговскаго. Ханъ отправилъ къ Выговскому князя Караша для заключенія союза, и Выговскій объявилъ посланному настоящую причину, по которой онъ отложился отъ Москвы: Московскій государь посылаетъ къ нимъ въ черкасскіе города воеводу, а онъ, гетманъ, у воеводу подь началомъ быть не хочетъ, хочетъ черкасскими городами владѣть самъ, какъ владѣлъ ими Богданъ Хмельницкій. Вслѣдствіе этого, ханъ велѣлъ объявить Якушкину, что онъ готовъ дать шертную грамоту, но такую, какія давались царю Михаилу Феодоровичу, безъ упоминанія о Черкасахъ, потому что Запорожскіе Черкасы люди вольные, на мѣрѣ еще не стали и у царскаго величества еще не утвердились. Такой шерты Московскій царь не могъ принять, и если ханъ заключалъ союзъ съ измѣнчивыми царю казаками Малороссійскими, то въ Москвѣ, разумѣется, не имѣли болѣе побужденій удерживать Донскихъ казаковъ отъ войны съ бусурманами. Еще въ маѣ 1657 года Донцы писали царю: „Въ твоихъ государевыхъ грамотахъ къ намъ писано, чтобы намъ съ Турекимъ и съ Крымскимъ ханомъ никакого задора не чинить; и мы твоего царскаго повелѣнія не преслушались, съ Азовцами помирились. Но они души свои потѣсняли, въ миру и въ правдѣ своей не устояли, твою вотчину, Черкасскій городокъ, у насъ хотѣли за миромъ и за душами взять, приходили къ намъ на приступъ съ приметомъ, и мы долгое время отъ нихъ въ осадѣ сидѣли и отсидѣлись, а приходили къ намъ отъ хана Крымскаго многіе мурзы съ Таманцами, Черкесами горскими, Кабардинцами, Малыми Ногаями, Темрюкцами и Азовцами; да и теперь слухи приходятъ, что ханъ хочетъ быть къ намъ самъ со многими умыслами и на похвальбѣ, хочетъ твою вотчину запустошить, столповую рѣку Донъ и верхніе городки“. Донцы не остались въ

долгу, и лѣтомъ того же года посланники царскіе въ Крымъ были свидѣтелями, какъ они вошли въ устье Алмы, чтобы запастись водою, бились съ Татарами, которые не хотѣли давать имъ воды, жгли деревни. Татары были въ ужасѣ, тѣмъ болѣе что ханъ ушелъ въ походъ; они ежечасно ждали новаго нападенія казаковъ, покопали глубокія ямы и на ночь сажали туда невольниковъ; ямы закладывали досками и сами спали на этихъ доскахъ, боясь, чтобы невольники не убѣжали къ казакамъ. Осенью Донцы писали царю, что уже цѣлый годъ не пріѣзжаютъ къ нимъ торговые люди изъ украинныхъ городовъ, изъ Ельца, Воронежа. Бѣлгорода и Валускъ, хлѣбныхъ запасовъ, пороха и свинцу купить негдѣ, помираютъ голодною смертію. „А мы, холопи твои, служимъ тебѣ съ воды да съ травы, а не съ помѣстия и не съ вотчины“. Въ мартѣ 1658 года великій государь пожаловалъ, велѣлъ послать къ нимъ тысячу рублей денегъ, тысячу рублей за хлѣбные запасы, пушечныхъ запасовъ тридцать пудъ, зелья пушечнаго пятьдесятъ пудъ. У Донцовъ окончательно развязались руки.¹⁾

Между тѣмъ положеніе новаго гетмана Малороссійскаго далеко не было завиднымъ: онъ былъ избранникъ меньшинства и похититель въ глазахъ огромнаго большинства казаковъ, для которыхъ законнымъ гетманомъ могъ быть только выбранный вольными голосами на общей радѣ, а Выговскій не могъ надѣяться такого избранія: за молодости Хмельницкимъ было знаменитое имя, дорогое казачеству; минуя Хмельницкаго, были полковники, выдававшіеся впередъ заслугами войсковыми, а Выговскій былъ писарь—звание, не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ въ воинственной толпѣ; кромѣ того, Выговскій даже не былъ казакъ и, что всего хуже, шляхтичъ. Попытка Выговскаго и его приверженцевъ поднять въ казакахъ неудовольствіе противъ Москвы не удалась, Григорій Лесницкій, пріѣхавши по смерти Богдана изъ Чигирина въ Миргородъ, собралъ раду на своемъ полковничьемъ дворѣ, собралъ сотниковъ и атамановъ, иговорилъ имъ: „Присылаетъ царь Московскій къ намъ воеводу Трубецкаго, чтобы войска Запорожскаго было только 10,000, да и тѣ должны жить въ Запорожьи. Пишетъ царь Крымскій очень ласково къ намъ, чтобы ему подалось: лучше податъся Крымскому царю; Московскій царь всѣхъ васъ дружинами и невольниками вѣчными сдѣластъ; женъ и дѣтей вашихъ въ лаптяхъ лычныхъ водить станеть, а царь Крымскій—въ атласѣ, аксамитѣ и сапогахъ турецкихъ водить будетъ“. Сотники и атаманъ отказали, что бусурману не хотятъ поддаваться. Тотъ же Лесницкій прислалъ грамоту въ Константиновъ: „Были мы въ подданствѣ у его царскаго величества на своихъ воляхъ по смерти гетмана Богдана Хмельницкаго, а теперь идуть къ намъ воеводы Трубецкаго и Ромодановскій съ вой-

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; Крымскія дѣла 1 55, 1656 и 1657 годовъ; дѣла Турецкія и Донскія 1657 и 1658 годовъ.

скомъ, и вы должны будете давать имъ кормы и всякую живность; по нашимъ городамъ хотѣтъ посадить царскихъ воеводъ и живность имъ давать, а которыя подати брали на короля и на пановъ, — и тѣ подати будутъ брать на государя; войску быть въ Запорогахъ всего десяти тысячамъ; остальные будутъ или мѣщане, или хлопцы; а кто не хотѣтъ быть мѣщаниномъ, — тому быть въ драгунахъ". Вслѣдъ за этою грамотою, Лесницкій прислалъ другую л у к а в с т в о м ъ, отводя чернь отъ шатости, чтобъ прежнюю грамотою не тревожились. Самъ Выговскій, пріѣхавъ въ Корсунь, созвалъ 11-го октября полковниковъ, отдалъ имъ булаву и сказалъ: „Не хочу быть у васъ гетманомъ; царь прежній вольности у насъ отнимаетъ, и я въ невольѣ быть не хочу". Полковники отдали ему назадъ булаву и говорили, чтобъ быть у нихъ гетманомъ: „За вольности будемъ стоять все вмѣстѣ", говорили они; и приговорили послать къ государю быть челомъ, чтобъ все было постарому. Выговскій взялъ булаву и, поднявъ ее, говорилъ: „Вы, полковники, должны мнѣ присягать, а я государю не присягалъ, присягалъ Хмельницкій". Тутъ отозвался Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкаръ: „Все войско Запорожское присягало великому государю, а ты чему присягалъ: саблѣ или пшпалѣ?" Выговскій вынулъ изъ кармана московскія мѣдныя деньги, бросилъ по столу и сказалъ: „Хотѣтъ намъ царь Московскій давать жалованье мѣдными деньгами; но что это за деньги, какъ ихъ брать?" Отвѣчалъ тотъ же Пушкаръ: „Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государю жалованье принимать" ¹⁾.

Надобно было хитрить съ Москвою. Отсюда въ сентябрѣ явился любимецъ государевъ, Матвѣевъ, съ выговоромъ генеральному писарю и старшинамъ, зачѣмъ не увѣдомили великаго государя о кончинѣ гетмана Хмельницкаго, и съ приказаніемъ отправить казацкое посольство въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ миру. Выговскій оправдывался: въ самый день смерти гетмана приказалъ-было онъ тремъ гонцамъ ѣхать въ Москву съ этою вѣстью; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто онъ, желая получить гетманство, посылаетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ войска Запорожскаго; это и заставило его дать знать о гетманской смерти Киевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бугурлину и князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому. Въ Швецію общалъ писать, чтобъ король не падѣлся на Запорожское войско, которое будетъ дѣйствовать противъ него, если онъ не помирится съ Москвою. Выговскій говорилъ съ Матвѣевымъ только какъ писарь, но Матвѣевъ же привезъ царю извѣстіе, что Выговскій избранъ въ гетманы, и, 18-го октября, государь отправилъ къ Выговскому, уже какъ къ гетману,

стряпчаго Рагозина съ извѣстіемъ о рожденіи царицы Софіи Алексѣевны. Вездѣ по дорогѣ простые казаки рассказывали Рагозину, что Грицка Лесницкій отводилъ ихъ отъ государя, но что они и мѣщане не согласились; рассказывали, что Запорожье шатается. Выговскій говорилъ Рагозину: „Изъ Запорожья поѣхали воры бить челомъ царскому величеству; — такъ великій государь изволилъ бы держать ихъ у себя, или бы пожаловалъ, ко мнѣ изволилъ прислать, чтобы впредь ссоры не было; они выбрали себѣ другого гетмана. Если великій государь опуститъ ихъ въ Запороги, то у меня для нихъ поставлены заставы по всемъ дорогамъ, чтобъ ихъ переловить. Да я же не велю къ нимъ торговыхъ людей съ запасами пропускать, и имъ будетъ ѣсть нечего". При Рагозинѣ пріѣхали изъ Запорожья казаки съ листомъ къ гетману, били челомъ, чтобъ онъ въ Запороги не ходилъ и никого не посылалъ, потому что воры заводчики, бунтовщики все разбѣжались; посланцы били челомъ, чтобъ гетманъ велѣлъ пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами. Выговскій отвѣчалъ имъ: „Когда приплотъ ко мнѣ Барабенка, то я войска на нихъ не пошло и торговыхъ людей велю пропускать". И на возвратномъ пути казаки повторяли Рагозину: „Мы все рады быть подъ государевою рукою, да лихо наши старшіе, — не станутъ на мѣрѣ, мятутся, только чернь вся рада быть за великимъ государемъ". Въ Лубнахъ наказный войтъ Котляръ говорилъ посланнику: „Мы все были рады, когда намъ сказали, что будутъ царскіе бояре и воеводы и ратные люди; мы, мѣщане, съ казаками и чернью заодно. Будетъ у насъ въ Николинъ день ярмарка, и мы станемъ со вѣтоваться, чтобъ послать къ великому государю бить челомъ, чтобъ у насъ были воеводы".

Но въ то время, какъ Рагозинъ ѣхалъ въ Чигиринъ, въ Москву пріѣхали казацкіе посланники — есаулъ Мeneвскій и сотникъ Коробка съ извѣстіемъ, что Выговскій избранъ въ гетманы, и съ просьбою отъ всего войска Запорожскаго, чтобъ великій государь утвердилъ избраннаго и далъ ему такую же грамоту, какъ и Хмельницкому. Посланцы рассказывали: „Въ войскѣ и въ городахъ все тихо, посылки ссорныхъ отъ Польскихъ людей не слышали, и шалости у насъ ни отъ кого нѣтъ; хотѣтъ все единодушно быть въ подданствѣ вѣчномъ у великаго государя. Учинилъ-было бунтъ Лесницкій, внушалъ людямъ, будто государь велѣлъ посадить по малороссійскимъ городамъ воеводъ и вольности казацкія велѣлъ поломать. Но гетманъ Иванъ Выговскій, послыша то, казаковъ разговорилъ, чтобъ они этому не вѣрили, на полковника Грицка гнѣвается и ни въ какую раду пускать его не велѣлъ, и когда Ивана Выговскаго выбирали въ гетманы, въ то время Грицка въ раду не пускали. Какъ великій государь гетмана пожалуетъ, прежній привленъ велитъ подтвердить, то гетманъ полковника Грицка переименитъ. Вунтуется въ Запорогахъ казакъ Барабенко съ своевольниками гульгями

¹⁾ Архивъ мши. юст.; столбца Малорос. приказа, № 5852.

и хочеть учинить въ Запорожьи армату, такую же, какъ въ войскѣхъ при гетманѣ; а всему этому заводчикъ Грицка Лесницкій, потому что хотѣлъ на гетманство, и какъ по его мысли не стало, то онъ въ своемъ полку многія смутныя рѣчи вмѣшалъ. Прошлаго года, какъ ходило войско Запорожское противъ Татаръ, наказнымъ гетманомъ былъ Грицка; Хмельницкій далъ ему булаву и бунчукъ, и какъ гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; Иванъ Выговскій посылать для того къ нему гетманова сына Юрія, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдалъ, держалъ ихъ у себя цѣлую недѣлю, такъ что полковники, собравшись, должны были брать ихъ у него силою. Такъ теперь Грицка, злясь на гетмана Выговскаго и на полковниковъ, бунтъ и заводитъ“.

Посланцамъ замѣтили, что на челобитной, ими привезенной, нѣтъ рукъ челобитчиковъ, ни обознаго, ни судьи, ни полковниковъ. Спросили: при избраніи Выговскаго много ли полковниковъ, сотниковъ и черни было, и Запорожцы были ли, и не было ли отъ нихъ рокоша? Посланцы отвѣчали: „На первой радѣ въ Чигиринѣ были полковники и чернь немогше; Запорожскіе казаки были и рокошу отъ нихъ никакого не было. А какъ была другая рада въ Корсуни, то на ней были полковники и казаки всѣхъ полковъ, со всякимъ сотникомъ было черни человекъ по 20. На этой радѣ гетманъ Иванъ Выговскій клалъ булаву и бунчукъ, и говорилъ войску, чтобъ они гетмана выбрали, кого себѣ излюбятъ, и изъ рады похалъ-было вонъ, но войско, догнавъ его, упросило, чтобъ онъ былъ гетманомъ, и булаву и бунчукъ ему дали. Изъ Запорогъ на этой радѣ казаковъ не было потому: если бы за ними посылать, то въ этомъ прошло бы недѣли три или четыре; да и посылать за ними было не-для чего, потому что въ Запорогахъ живутъ наши же братья казаки, переходятъ изъ городовъ для промысловъ, и иной, который пропѣтся или проиграется, а жены ихъ и дѣти живутъ все по городамъ; а присылали на эту другую раду Запорожскіе казаки съ листомъ о войсковомъ дѣлѣ“.

Но бояръ не удовлетворяли эти рассказы; смущали ихъ названія: *войско Запорожское, гетманъ войска Запорожскаго*, а между тѣмъ гетманскіе посланцы съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о Запорожьи! Посланцамъ даны были еще вопросы: гетманы въ Запорожьи ли жилали, или въ городахъ, и откуда гетмановъ выбирали и гетманъ Богданъ Хмельницкій откуда выбралъ? Посланцы отвѣчали: „Прежде гетманы и войско больше жилали въ Запорогахъ, потому что въ то время были у нихъ добычи, ходили челнами на море, а теперь имъ на море ходить уже нельзя. Гетманъ Богданъ Хмельницкій выбралъ былъ въ Запорогахъ же и самъ онъ былъ Запорожанинъ“. Посланцовъ спросили: не чають ли они впередъ отъ Запорожья бунта, потому что Запорожцевъ на второй радѣ не было? „Бунта не ждемъ“, от-

вѣчали посланцы, „потому что Выговскаго выбрали всѣмъ войскомъ; но лучше было бы сдѣлать такъ: пусть великій государь пошлетъ въ войско, кого ему угодно; тотъ посланный соберетъ всѣхъ полковниковъ, сотниковъ, чернь городovou и изъ Запорожья, учинитъ раду большую вновь, и кого на этой радѣ въ гетманы выберутъ, тотъ бы уже былъ проченъ и царскому величеству присягу далъ; да и гетманъ Иванъ Выговскій желаетъ того же, потому что уже тогда онъ никого бояться не станетъ, въ войскѣ и въ черни никакой смуты, не будетъ; если же выберутъ кого-нибудь другого, то онъ, Иванъ, этимъ не оскорбится“. Гдѣ же лучше собрать раду? спросили ихъ. „Всего лучше въ Переяславлѣ“, отвѣчали они, „потому что мѣсто людное и всѣмъ людямъ съѣздъ близокъ“. Посланцы были отпущены съ грамотою, въ которой государь писалъ войску, что для утвержденія новозбраннаго гетмана посылаетъ околицкаго Богдана Матвѣевича Хитрово.

Мы видѣли, какія мѣры принималъ Выговскій, чтобъ не пропустить посланцовъ изъ Запорожья въ Москву; онъ забѣжалъ къ Морозову, къ которому писалъ: „Просимъ твоей милости, изволь предъ его царскимъ величествомъ за насъ ходатаемъ быть, чтобъ великій государь своевольникамъ, о вѣрѣ и прямой службѣ нерадящимъ, не изволилъ вѣрить, чтобъ посланцовъ ихъ покаралъ, потому что эти своевольники о вѣрѣ не радѣють, о службѣ царской не думаютъ, женъ, дѣтей, пожитковъ и доходовъ никакихъ не имѣють, только на чужое добро дерзають, чтобъ было имъ на что пить, зернью играть и другія, Богу и людямъ мерзкая и безчестная творить; а мы за вѣру православную и за достоинство царскаго величества при жемъ, дѣтяхъ и маестностяхъ нашихъ всегда умереть готовы“.

Страшные Запорожцы однако пробрались мимо! всѣхъ заставъ Выговскаго, — въ ноябрѣ явились къ Москвѣ, были челомъ отъ кошевого атамана Якова Федоровича Барабаша и объявили: „Хотя по сіе время все войско Запорожское и вся чернь, городова и запорожская, великія обиды и притѣсненія терпятъ отъ гетмана городскогога и отъ всѣхъ полковниковъ и другихъ начальныхъ людей въ городахъ, однако они молчали до вашего царскаго указа. Но теперь все войско Запорожское увидало отъ городовыхъ старшинъ противъ вашего царскаго величества великую измѣну, чернь войска Запорожскаго узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкаго вся старшина, гетманъ и все полковники присягу учинили невѣдомо для чего съ княземъ Седмиградскимъ Рагоци, съ королемъ Шведскимъ, съ воеводами Малдавскимъ и Волошскимъ, и къ царю Крымскому посылають грамоты: — все это измѣны вашему царскому величеству! Чернь войска Запорожскаго на это не прозяволитъ и никакой измѣны дѣлать не хочеть: изъ городовъ къ намъ на Запорожье бѣгутъ и сказываютъ, что старшіе городовые отъ вашего царскаго величества от-

ступили". Посланцовъ спросили: „Какія обиды гетманъ имъ дѣлаетъ?“ Они отвѣчали: „Рыбы въ рѣчкахъ ловить не велить и вина на продажу держать; отдають все это на аренду, а всѣ поборы собираетъ гетманъ себѣ, въ войско ничего не даетъ, говорить, будто казну держитъ на посылскіе расходы, но пословъ принимаетъ и отпускаетъ онъ безъ указа, чего не довелось дѣлать,—при Польскихъ короляхъ гетманы этого не дѣлывали“. Спросили: чего же Запорожцы хотятъ теперь? Посланцы отвѣчали: „Хотимъ, чтобъ посланъ былъ въ войско ближій человекъ и собралъ раду; на этой радѣ выбирать въ гетманы, кого всемъ войскомъ излюбятъ“. Спросили: „Гдѣ раду собрать, въ Кіевѣ?“ Казаки отвѣчали: „Въ Кіевѣ изъ Запорожья собираться далеко; лучше радѣ быть подъ городомъ Лубнами, на урочищѣ Соляницѣ: это мѣсто—середина“. Потомъ стали говорить, чтобъ быть радѣ въ Запорожьи, потому что и прежніе гетманы выбирались изъ Запорожь, тутъ у нихъ столица запорожская. Имъ отвѣчали: „Несхожее дѣло, что радѣ быть въ Запорожьи, мѣсто дальнее и отъ неприятелей опасно; лучше быть радѣ въ Кіевѣ, потому что тутъ столица Малой Россіи, въ Кіевѣ духовныя власти и всякіе урядники; также и въ Лубнахъ радѣ быть непристойно,—мѣсто малое, да и гетманъ Выговскій, опасаясь ихъ, туда на раду не поѣдетъ“. Но посланцы настаивали на Лубнахъ. Послѣ этого разговора у нихъ спросили: „Когда умеръ Хмельницкій, то у черни на Выговскаго и полковниковъ была молва и говорили: лучше, еслибъ были у нихъ въ городахъ царскіе воеводы; такъ теперь вамъ надобно ли, чтобъ въ знатныхъ городахъ были воеводы и городовыя всякія дѣла вѣдали, а полковники вѣдали бы только войсковыя дѣла?“ Посланцы отвѣчали: „Объ этомъ мы давно у царскаго величества милости просить хотѣли, вся чернь и мѣщане тому рады, да не допускають до того полковники для своей корысти“. Насчетъ Выговскаго посланцы сказали: „Выговскаго мы гетманомъ отнюдь не хотимъ и не вѣримъ ему ни въ чемъ, потому что онъ не природный Запорожскій казакъ, а взятъ изъ польскаго войска на бою при Желтыхъ Водахъ. Богданъ подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ писаремъ; но онъ, по своей природѣ, войску никакого добра не хочетъ; да у него и жена шляхтянка изъ знатнаго дома, и та потому же войску Запорожскому добра не хочетъ“. Государь отпустилъ и этихъ посланцовъ съ тѣмъ, что высылаетъ околичнаго Хитрово на раду, которая будетъ въ Переяславѣ.

Такъ ясно высказались въ Малороссіи двѣ враждебныя стороны: сторона старшины и сторона черни, представителемъ которой было Запорожье, наполненное людьми безъ семейства и собственности, какъ писалъ Выговскій. Ворьба этихъ сторонъ, неумѣя соединиться въ общихъ интересахъ страны уже готовили Малороссіи судьбу Новгородца Великаго. Москва съ своимъ началомъ уравненія была тутъ и съ своимъ обычнымъ постоян-

ствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ задавала вопросъ: „Ссоритесь, обижаете другъ друга: не хотите ли воеводъ его царскаго величества?“ И мы видѣли, что въ Малороссіи шли на встрѣчу этому вопросу: посланцы запорожскіе, войтъ Лубенскій прислали воеводѣ; о томъ же писалъ къ Ртищеву Нѣжинскій протопопъ Максимъ Флпимоновъ: „Изволь, милостивый панъ, совѣтовать царю, чтобъ, не откладывая, взялъ здѣшніе края и города, Черкасскіе на себя, и своихъ воеводъ поставилъ, потому что всѣ желаютъ, вся чернь рада имѣть одного подлиннаго государя, чтобъ было на кого надѣяться; двухъ вещей только боятся: чтобъ ихъ отсюда въ Москву не гнали, да чтобъ обычаевъ здѣшнихъ церковныхъ и мірскихъ не перемѣняли. Мы ихъ обнадеживаемъ, что царь этого не желаетъ, желаетъ только вѣры и правды нашей. Мы всѣ желаемъ и просимъ, чтобъ былъ у насъ одинъ Господь на небѣ и одинъ царь на землѣ. Противятся этому нѣкоторые старшіе для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотятъ ея отступить; пугаютъ народъ, что какъ скоро царь и Москва возьмутъ его въ свои руки, то нельзя будетъ крестьянамъ въ сапогахъ и въ суконныхъ кафтанахъ ходить, въ Сибирь или на Москву будутъ загнаны,—для того царь и поповъ своихъ пошлетъ, а налицъ туда же погонятъ. Слышимъ, что долженъ придти сюда князь Трубецкой: пусть приходитъ, чтобъ скорѣе конецъ былъ съ панами нашими начальными“.

Между тѣмъ уже семь недѣль стоялъ въ Переяславѣ съ войскомъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, дожидаясь гетмана, чтобъ условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. 25 октября пріѣхалъ въ Переяславль Выговскій; Московскій воевода встрѣтилъ его упреками: „И покойный Хмельницкій и ты писали государю, что на васъ наступилъ ханъ Крымскій вмѣстѣ съ Поляками, и просили помощи; я, по государеву указу, поспѣшилъ къ вамъ изъ Бѣлгорода: вотъ уже семь недѣль стою въ Переяславлѣ, нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, чтобъ ты сюда пріѣхалъ, и ты только теперь явился, а между тѣмъ царскаго величества ратнымъ людямъ запасовъ и конскихъ кормовъ не давали, и много ратныхъ людей отъ этого разбѣжалось, лошади отъ безкормицы попадали, и если вы запасовъ давать не будете, то мнѣ велѣно отступить въ Бѣлгородъ“. Выговскій отвѣчалъ: „Мы за царскую премногую милость челомъ бьемъ, приходу твоему рады; виноваты, что по сіе время ратнымъ людямъ запасовъ было скудно: послѣ Богдана Хмельницкаго я на гетманствѣ не утверждался долгое время, до корсунской рады, многіе мнѣ были непослушны, а теперь царскаго величества ратнымъ людямъ двory и запасы будутъ нескучны. Непріятели Ляхи всѣ въ сборѣ, и Татаръ 20,000 наготовѣ,—ждутъ, чтобъ между нами въ войскѣ Запорожскомъ смута и рознь какая-нибудь началась или чтобъ государевы ратные люди отступили: тогда они на черкасскіе города и придутъ“ Если

ты съ войскомъ своимъ отступивши и оттого кровь христіанская прольется, то буди царская воля; но на комъ великій государь изволитъ за это взыскать? Послѣ Богдана Хмельницкаго во многихъ черкасскихъ городахъ мятежи и шатости и бунты были, а какъ ты съ войскомъ пришелъ — и все утихло. А въ Запорожьи и теперь мятежь великій, старшинъ своихъ хотѣя побить и поддаться Крымскому хану. Я иду ихъ усмирить, а ты, князь Григорій Григорьевичъ, перейди съ своимъ войскомъ за Днѣпръ и стой за Днѣпромъ противъ неприятелей Ляховъ и Татаръ; Черкаскаго войска будетъ съ тобою нѣсколько полковъ, а я, управивъ съ бунтовщиками, буду къ тебѣ за Днѣпръ тотчасъ же. Бунтовщики многіе говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ невѣрно; по мы живемъ Богомъ обѣщаемся, клянемся небомъ и землею, не покажи Господь на насъ милости, если мы какою-нибудь неправду мыслили или впередъ будемъ мыслить“. Ромодановскій сказалъ на это: „Везъ повелѣнья царскаго за Днѣпръ не пойду, стану писать объ этомъ къ великому государю“

Выговскому очень хотѣлось удалить Ромодановскаго съ царскимъ войскомъ за Днѣпръ на Польскія границы; но въ Москвѣ, слыша безпрестанно и отъ Выговскаго и отъ враговъ сего о волненіяхъ и вредныхъ замыслахъ, хотѣли стать крѣпкою ногою въ черкасскихъ городахъ, ввести туда воеводъ. Хитрово, пріѣхавъ въ Переяславль для рады, прежде всего началъ говорить гетману о воеводахъ, чѣмъ, разумѣется, заставляя его и приверженцевъ его торопиться дѣломъ отпаденія. „Великій государь,“ началъ Хитрово, „велѣлъ тебѣ, гетману, и всему войску Запорожскому говорить вслухъ: когда вы были подъ властію королей Польскихъ, въ то время въ городахъ никакихъ крѣпостей дѣлать валь не позволялось, и когда вы учинились подъ государевою рукою, то неприятели ваши, Ляхи и крымскіе Татары, многіе города и мѣста въ Малой Россіи запустошили. Великій государь, видя на васъ неприятельскія находженія, оборонялъ васъ своими ратными людьми, а въ Кіевѣ велѣлъ устроить городъ крѣпкій. Вы и сами такую царскую милость выставляете. Такъ великій государь, желая, чтобъ войско Запорожское было отъ неприятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ въ безстрашій, позволилъ въ знатныхъ городахъ малороссійскихъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и другихъ, быть своимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ, и крѣпить эти города; полковники будутъ вѣдать казаковъ и расправу между ними по войскому праву чинить, а въ городахъ мѣшанинъ будутъ вѣдать войты и бурмистры по ихъ правамъ, а воеводы стануть вѣдать осадныхъ людей, судить и расправу чинить по вашимъ правамъ, поборы подымные и съ арендъ собирать въ войсковую казну и давать на войско Запорожское, какъ на службу пойдеть, и осадными ратными людьми, которые будутъ при царскихъ воеводахъ“. Выговскій, чтобъ оттянуть страшное дѣло, отвѣчалъ письменно: „Мы постановили быть воеводамъ

въ городахъ Малой Россіи, а въ какихъ городахъ имъ быть, — объ этомъ доложу вашему царскому величеству, когда, Богъ дастъ, увижу ваши пресвѣтлыя очи“. Потомъ Хитрово говорилъ, что старшій Выховъ сдѣлся на царское имя, а залога (гарнизонъ) въ немъ казацкая: такъ пусть гетманъ прикажетъ казакамъ выйти изъ Выхова, потому что этотъ городъ издавна принадлежитъ къ Оршанскому повѣту. На это Выговскій отвѣчалъ, что готовъ исполнить царскую волю. Хитрово повторилъ также старую жалобу на приемъ бѣглыхъ крестьянъ: отъ помѣшниковъ и вотчинниковъ брянскихъ, корачевскихъ и путивльскихъ бѣгутъ крестьяне толпами въ черкасскіе города, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Почень, и, приходя изъ этихъ городовъ къ старымъ своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, женъ и дѣтей ихъ бьютъ, грабятъ и въ избахъ залививаютъ, людей ихъ и крестьянъ съ собою вывозятъ со всѣмъ имѣніемъ. Гетманъ обѣщаль разыскать и карать полковниковъ, виновныхъ въ приемѣ крестьянъ. Наконецъ Хитрово сдѣлалъ Выговскому слѣдующій упрекъ: „Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ грамотахъ къ царскому величеству писался вѣрнымъ слугою и подданнымъ, а ты теперь, Иванъ, написался вольнымъ подданнымъ, — и такъ тебѣ къ царскому величеству писать не годилось“.

Кромѣ Выговскаго, Хитрово нашелъ въ Переяславлѣ обознаго, судью, полковниковъ, сотниковъ и много черни. Нѣсколько времени дожидались Полтавскаго полковника Мартына Пушкаря; потомъ начали говорить, что ждать больше нельзя, всѣ разѣдутся, и если Пушкарь такъ долго не ѣдетъ, то это не просто, — пріѣдетъ съ войскомъ и начнется междоусобіе. Тогда Хитрово созвалъ раду и объявилъ, чтобъ все войско выбрало себѣ гетмана, кого захочетъ, по своимъ волямъ. Старшины и чернь отвѣчали единогласно, что выбранъ въ гетманы всѣмъ войскомъ Иванъ Выговскій и любъ всѣмъ. Тутъ Выговскій положилъ булаву и сказалъ, что не хочетъ гетманства, потому что многіе люди въ черни говорятъ, будто онъ на гетманство захотѣлъ самъ собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтобъ держалъ булаву по ихъ единогласному избранію, и гетманъ, по прошенію всего войска, булаву принялъ и присягнулъ великому государю. Дѣло казалось конченнымъ; но вотъ скачетъ гонецъ изъ Полтавы и подаетъ Хитрово грамоту: Пушкарь пишетъ, что пріѣдетъ въ городъ Лубны, гдѣ должна быть новая рада о гетманскомъ избраніи, а переяславская рада — не въ раду. „Пріѣжай въ Переяславль видѣться со мною“, отвѣчаетъ околнничій; но Пушкарь не ѣдетъ; возвращается посланецъ Хитрово и доноситъ, что у Полтавскаго полковника живутъ посланцы Запорожскаго кошеваго Барабаша — Михаила Стрынжа съ товарищами, и при Пушкарѣ говорятъ про Хитрово многія безчестныя рѣчи къ большой скорѣ.

Прошелъ 1657 годъ. Въ началѣ 1658 Выговскій казнилъ смертію въ Гадячѣ нѣсколько началь-

ныхъ людей, ему непріязненныхъ; съ Пушкаремъ пытался было онъ покончить миромъ; но Пушкаръ забилъ въ кандалы и отослалъ въ заточеніе посланца гетманскаго, сказавши: „Выговскій хочеть и со мною помириться такъ же, какъ помирился въ Гадячѣ съ братьями нашими, которые лучше его будутъ,—головы имъ отсѣчь: но со мною ему такъ не сдѣлать.“ Выговскій, узнавши о судьбѣ своего посланца, отправилъ противъ Пушкаря полковника Богдана съ казаками и Ивана Сербина съ Сербами своей гвардіи, всего полторы тысячи. Но Пушкаръ уже успѣлъ призвать къ себѣ Запорожцевъ, которые, вмѣстѣ съ полтавскими казаками, 25 января, разгромили отрядъ Богдана и Сербина подъ Диканькою, побили у нихъ челоуѣкъ 300, послѣ чего Пушкаръ, усиливъ себя войскомъ, набраннымъ изъ всякаго рода людей, выгналъ Лесницкаго изъ Миргорода, гдѣ полковникомъ былъ провозглашенъ Степанъ Довгаль. Новый мигрополитъ Кіевскій, Діонисій Балабанъ, грозилъ Пушкарю проклятіемъ за междоусобіе. Пушкаръ отвѣчалъ: „Вся чернь войска Запорожскаго не хочеть имѣть Ивана Выговскаго гетманомъ. Только когда состоится общая рада и вся чернь Дѣвипровская единомысленна будетъ съ чернью городовою всего войска Запорожскаго,—тогда, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, вольно будетъ войску Запорожскому всей черни улюбить того же пана Ивана Выговскаго и принять на гетманство, и я готовъ то же сдѣлать вмѣстѣ со всюю чернью Запорожскаго войска и быть во всемъ послушнымъ. Все, что теперь дѣлается,—дѣлается не по моему хотѣнію, а по волѣ Божіей; дѣлаетъ это все войско и вся чернь, по жалованнымъ грамотамъ, и меня одного отъ себя отчуждаютъ къ пану Выговскому не хотятъ. Вмѣстѣ съ посланцами, бывшими у царскаго величества, все войско изъ Запорожья выгреблось и съ городовымъ войскомъ Запорожскимъ для рады генеральной соединилось, а не для какихъ-нибудь бунтовъ. Что мы бунтовщики—этого на насъ никто никогда не докажетъ, и мы готовы во всемъ передъ царскимъ величествомъ оправдаться, только пусть ѣдутъ въ Москву панъ Иванъ Выговскій и панъ Григорій Лесницкій. А что вана пастырская милость грозите своимъ неблагословеніемъ, то налагайте его на кого-нибудь другого, кто невѣрныхъ царей принимаетъ, а мы одного православнаго царя держимся. Послали мы на войну православныхъ христіанъ, охраняя собственную жизнь, видя наступленіе враговъ, а междоусобной брани между народомъ христіанскимъ и войскомъ Запорожскимъ не было и не будетъ. А можно было въ которое время и въ Переяславлѣ подождать войска Запорожскаго, которое уже выгреблось изъ Запорожья, также и городоваго войска подождать.“ 8 февраля Пушкаръ прислалъ въ Москву первый извѣстїи свой на Выговскаго,—писалъ, что гетманъ извѣстїи государю, помирился съ Ляхами и Ордою, и что онъ, Пушкаръ, слышалъ объ этомъ отъ Юрія Хмельницкаго.

Выговскій не ѣхалъ въ Москву, какъ приглашалъ его Пушкаръ, давалъ знать государю, что непрѣменно бы прїѣхалъ видѣть его пресвѣтлыя очи, еслибъ не задерживали его внутреннія смуты и вѣсти о враждебныхъ движеніяхъ Ляховъ, Татаръ и Турокъ. Вмѣстѣ гетмана, въ апрѣлѣ, явился въ Москву уже извѣстный здѣсь Григорій Лесницкій. Посланный жаловался, что, по отъѣздѣ Хитрово изъ Переяславля, гетманъ Выговскій спокойно отправился въ Чигиринъ, но въ это время, по наученію Пушкаря, Иванка Донецъ, бывший въ Москвѣ посланецъ отъ Варабана, собралъ нѣсколько сотъ гультяевъ, приходилъ войною на Чигиринскій полкъ и многихъ людей побилъ и пограбилъ, распуская слухи, что нынѣшнею веселою по травѣ будетъ новая рада на Солоницѣ. Выговскій созвалъ раду въ Чигиринъ и объявилъ, что оставляетъ гетманство, видя нестроеніе въ войскѣ; но полковники насилу уговорили его не покидать булавы, и теперь послали его, Лесницкаго, бить челоуѣкъ, чтобъ великій государь послалъ приказъ Пушкарю отстать отъ своевольства и быть съ гетманомъ въ соединеніи; да чтобъ великій государь послалъ сдѣлать перемие между казаками, написать 60,000, и впередъ бы гультяямъ въ казаки писаться было не вольно; а теперь отъ другихъ гультяевъ большой мятежъ учинился, потому что всякій называется казаккомъ; также переписать все доходы и реестровымъ казакамъ давать жалованье. Такимъ образомъ, теперь, вслѣдствіе образованія партій—старшины и черни,—самъ гетманъ проситъ о томъ, чего при Хмельницкомъ такъ добивалось Польское правительство и чего не хотѣлъ исполнить Богданъ, ибо гультяйство, исключенное изъ реестра, поднимало возмущенія. Съ другой стороны, еслибъ Московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло мѣры противъ гультяйства, то этимъ возбудило бы противъ себя сильное недовольствіе, чего именно желалъ Выговскій. Въ Москвѣ однако остереглись; бояринъ Шереметевъ, бывший въ отвѣтѣ съ Лесницкимъ, замѣтилъ ему: „Не будетъ ли бунта, когда многіе казаки останутся за реестромъ?“ Лесницкій отвѣчалъ: „Надобно послать изъ Москвы комиссаровъ, знатныхъ людей, съ войскомъ, чтобъ въ войскѣ Запорожскомъ было страшно.“ Лесницкій пошелъ дальше: когда ему сказали, что великій государь, по челоубію Выговскаго, въ знатныхъ городахъ велѣлъ быть своимъ воеводамъ, то онъ отвѣчалъ: „На премногой милости царскаго величества гетманъ и все войско челоуѣкъ бьютъ, потому что этимъ въ войскѣ бунты усмирятся; да хотя бы великій государь и въ иныхъ городахъ изволилъ воеводамъ быть, то у нихъ бы въ войскѣ было гораздо лучше и смирибѣ; изволилъ бы великій государь послать въ войско Запорожское своихъ посеводъ и ратныхъ людей для искорененія своеволия.“

Но въ то время, когда Лесницкій такъ ловко поддѣлывался подъ желанія московскія, такъ ловко старался показать, что интересы царя и гетмана

одинаковы, Пушкаръ постоянно держалъ Москву въ тревогѣ своими извѣтами. Онъ писалъ государю (11 марта и 26 апрѣля): „Выговскій измѣнилъ Богу и вашему царскому величеству, помирился съ Ордою, Ляхами и съ иными Землями, и замыселъ имѣеть завоевать Запорожье. Выговскій далъ города по Ворсклѣ Юрiю Немиричу Лютеранину, чего Хмельницкiй безъ указа царскаго не дѣлывалъ; Выговскiй держитъ у себя много Сербовъ, Пѣмцевъ и Ляховъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Выговскаго поставили гетманомъ безъ совѣта всей черни, не держитъ онъ при себѣ ни одного казака, все держитъ иноземныхъ людей, отъ которыхъ намъ обиды нестерпимы дѣлаться начали. Околыничiй Хитрово Выговскому безъ полевой рады и безъ всей черни въ Переяславлѣ на церковномъ мѣстѣ гетманство далъ, булаву и все украшенiе войсковое въ руки отдалъ; а въ прошлые годы всегда въ войскѣ Запорожскомъ въ полѣ общемою радюю гетмановъ и полковниковъ и пныхъ старшинъ по любви войсковою избирали“. Пушкаръ просилъ, чтобъ государь самъ прiѣхалъ въ Малороссiю, въ Кiевъ, съ патрiархомъ, съ сыномъ, съ ближними боярами и думными дьяками, всеѣхъ поданныхъ своихъ въ Малороссiи милостивыми очами рассмотреть. Посланецъ его, Искра, объявилъ, что полковники Полтавскiй, Нѣжинскiй, Миргородскiй и всего войска Запорожскаго городовая и запорожская чернь быють челомъ на гетмана Ивана Выговскаго и на бывшаго Миргородскаго полковника Лесницкаго, которые великому государю никакого добра не хотятъ и чають въ нихъ измѣны: такъ чтобъ великiй государь пожаловалъ, велѣлъ Выговскаго отъ гетманства отставить, а назначать гетмана и полковниковъ новыхъ, и велѣлъ бы имъ для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какiя измѣны онъ знаетъ за Выговскимъ? Искра отвѣчалъ: „Безъ указа ссылался съ неприятелими царскаго величества, пословъ ихъ къ себѣ принималъ и отпускалъ, Венгерскаго Рагоу хотѣлъ посадить на Польское королевство.“ Бояре говорили: „На переяславской радѣ выбрали единогласно Выговскаго, и никто тогда въ измѣнѣ его не обвинялъ; Выговскiй присягалъ при митрополитѣ и при всемъ духовенствѣ: теперь поной рады собирать не для чего, потому что это дѣло уже вершное“. Искра отвѣчалъ: „Переяславская рада была не настоящая, были на ней только тѣ полковники, которые съ Выговскимъ въ одной мысли, а съ ними сотни и черни у полковника человѣкъ не десяти и меньше.“ Бояре продолжали: „Что Выговскiй иностранныхъ пословъ принималъ, — въ томъ онъ повинился, и потому измѣны отъ него нѣтъ.“ Искра возражалъ: „Измѣна есть: послѣ рады послалъ Павла Тетерю въ Польшу.“ Бояре отвѣчали: „Несложное дѣло, что гетману, учиня такое крѣпкое обѣщанiе, тотчасъ же измѣну задумать! хотя и посталъ куда Тетерю, такъ не для измѣны же“.

Не видя въ извѣтахъ Пушкаря основанiй къ обвиненiю въ измѣнѣ, царь приказывалъ Полтавскому

полковнику не затѣвать смуты, появляться гетману. Но пришелъ извѣтъ изъ Кiева отъ Бутурлина. Воевода доносилъ, что 19 мая прислана въ Кiевъ грамота о неправдахъ Выговскаго, который призывалъ къ себѣ Орду и, сославшись съ Ляхами, хотеть все православное христіанство выдать въ неволю; митрополитъ и все духовенство, Кiевскiй полковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкiй, племянникъ покойнаго Богдана, мѣщане и всякихъ чиновъ люди, кiевскiе и прiѣзжие, безпрестанно говорятъ ему, Бутурлину, что Выговскiй привелъ Орду, съ Поляками ссылается, а государевыхъ ратныхъ людей у нихъ въ городахъ иѣтъ, и они боятся, чтобъ, сошедшихъ вмѣстѣ, Поляки и Татары надъ ними не сдѣлали чего-нибудь дурнаго; говорили они ему, воеводѣ, съ большимъ усердiемъ, со слезами, чтобъ великiй государь, для обороны христіанской, велѣлъ прислать поскорѣе своихъ бояръ и воеводъ съ людьми ратными. Извѣстiе это опоздало. Еще въ апрѣлѣ государь былъ встревоженъ слухами, что Выговскiй призываетъ Татаръ и хотеть съ ними двинуться противъ Пушкаря. Немедленно былъ отправленъ въ Малороссiю Иванъ Опухтинъ съ приказанiемъ, чтобъ гетманъ не смѣлъ самовольно расправляться съ своими противниками, не смѣлъ приводить Татаръ въ Малороссiю; а ждалъ бы царскаго войска. Опухтинъ, на жалобы Выговскаго, вызывался самъ ѣхать къ Пушкарю съ царскою грамотою и уговорить его быть послушнымъ гетману; но Выговскiй не пустилъ Опухтина въ Полтаву, и 4 мая, въ присутствiи посланника, повторяющаго царскiй запретъ, выступилъ изъ Чигирина къ Полтавѣ на Пушкаря. На другой день Опухтинъ пошелъ въ соборную церковь и говорилъ духовенству, чтобъ оно написало отъ себя гетману, запретило ему ходить съ Татарами войною на православныхъ христіанъ: — пусть ждетъ указа великаго государя. Но и это не помогло. Велѣдъ за Опухтиннымъ отправленъ былъ изъ Москвы съ такимъ же запрещенiемъ Петръ Скуратовъ, который нашелъ Выговскаго уже въ обозѣ подъ Голтвою. Когда въ царской грамотѣ прочли титулъ, то гетманъ сѣлъ на постель, пригласилъ сѣсть и посланника; но тотъ отвѣчалъ, что надобно стою выслушать грамоту. „Все у васъ высоко“, сказалъ Выговскiй, однако дослушалъ грамоту стоя, и потомъ началъ говорить: „Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсѣчь, либо прислать въ войско Запорожское. Я къ великому государю писалъ много разъ, чтобъ Пушкарю велѣлъ смирить до велика дня, а если не изводитъ его смирить, — и я самъ съ нимъ управлюсь; можно было его по сю пору смирить, такъ бы православные христіане были цѣлы, которыхъ онъ побилъ; я терпѣлъ, ждалъ царскаго указа, а то бы еще зямою Пушкаря смирилъ мечемъ да огнемъ. Я и булавы братъ не хотѣлъ, хотѣлъ жить въ покоѣ. Околыничiй Богданъ Матвѣевичъ Хитрово хотѣлъ взять Пушкаря и привезти ко мнѣ, но не только не привезъ, а еще больше ему повадку сдѣлалъ, — далъ ему соболей да отпустилъ: а къ Бара-

башу нечего писать,—Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали великому государю на томъ, что правъ нашихъ не нарушать, а по нашимъ правамъ нельзя полковнику и никому давать грамотъ, кромѣ гетмана; всѣмъ управляетъ одинъ гетманъ, а вы сдѣлали всѣхъ гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ этихъ грамотъ бунты начались. Когда мы присягали, въ то время Пушкаря не было, все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій да я; иныхъ статей никто и не зналъ; не надобно было тогда и начинать этого дѣла. Пушкарь пишетъ, что позволено имъ на четыре года взять на всякаго голника по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ больше: какъ будто завладѣли мы шестидесятью тысячами талеровъ! Иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ,—ездѣ его достану, хотя въ царскіе города уйдетъ; кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется; а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ, не я началъ—онъ; хочу съ нимъ биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду къ Волохамъ или къ Сербамъ, или къ Молдованамъ,—они мнѣ будутъ рады. Великій государь насъ жаловалъ, а теперь вѣрять ворамъ, которые ему, государю, не служили, на степи его людей побивали и казну грабили, — тѣхъ жалуетъ, посланцовъ ихъ принимаетъ, деньги имъ и соболей даетъ, а такихъ бунтовщиковъ надобно было присылать въ войско Запорожское. Обычай у васъ такой, что все дѣлать по своей волѣ. Первые бунты начались въ войскѣ отъ посланца царскаго, Ивана Желябужскаго, который посланъ былъ къ Рагози. И при короляхъ Польскихъ такъ-же было: какъ начали вольности наши ломать, такъ за то и стало“.

Выговскій говорилъ также Скуратову: „Многіе пристають къ Пушкареву совѣту; у полковниковъ, которые теперь при мнѣ, не много людей, другіе иди не хотятъ, и если бы я не пошелъ, то всѣ бы пристали къ Пушкарю“. Дѣйствительно, встала сильная рознь: одни были за Выговскаго, другіе за Пушкаря; Лубны заперлись отъ полковъ Выговскаго, которые должны были силою пробиваться черезъ городъ; но Миргороды свергнули своего полковника Довгала и посадили подъ стражу за преданность дѣлу Пушкаря. Казаки изъ Голтвы не пошли за Выговскимъ въ походъ, и гетманъ велѣлъ объявить имъ, что если не пойдутъ, то на возвратномъ пути онъ всѣхъ ихъ перебьетъ и городъ сожжетъ: казаки испугались и выступили въ походъ. Малороссія дѣлилась уже Диброви: по лѣвую сторону жители всѣхъ городовъ желали, чтобъ были у нихъ воеводы государевы, а на правой сторонѣ казаки говорили: „Пушкарь хочетъ, чтобъ быть государевымъ воеводамъ, но у насъ этого никогда не будетъ“.

Испуганные Орду, Барабашъ и Пушкарь написали Выговскому 14 мая: „Добраго здоровья и всякихъ радостныхъ потѣхъ милости твоей отъ Господа Бога желаемъ. Вѣдомо учинилось намъ, что ты, поднявъ Орду, хочешь огнемъ и мечемъ искоренять го-

рода украинскіе. Богъ свидѣтель, что мы стоимъ въ полѣ, послышавъ приходъ иноземныхъ людей, оберегая свое здоровье. Теперь отъ его царскаго величества пріѣхалъ къ намъ стольникъ Алфимовъ для успокоенія, чтобъ между народомъ христіанскимъ кровопролитія не было, чтобъ мы между собою мирно жили и у тебя въ послушаніи были. Мы противъ царскаго повелѣнія, что противъ Божія, не можемъ стоять; полагаемся на государеву волю и просимъ твою милость, прости намъ наше несправленіе предъ тобою, а впередъ, по царскому повелѣнію, мы у тебя всегда въ послушаніи будемъ, какъ и другіе полковники, только будь милостивъ и отошли Орду назадъ въ Крымъ, а царскихъ и дибровскихъ городовъ ей не отдавай и въ плѣнъ христіанъ не вели брать“.

Но Выговскій не обратилъ вниманія на это письмо; 17 мая выступилъ изъ-подъ Голтвы и остановился въ десяти верстахъ отъ Полтавы, гдѣ Пушкарь и Барабашъ заперлись, выжегши посады. Новый посолъ царскій, Василій Петровичъ Кикинъ, хлопоталъ о примиреніи; по его письмамъ и словеснымъ увѣщаніямъ Пушкарь договорился-было съ Выговскимъ помириться за присягою, что гетманъ не будетъ мстить ни ему и никому изъ его товарищей. Выговскій далъ требуемую присягу передъ Кикинымъ, и Пушкарь собирался ѣхать вмѣстѣ съ полкѣднимъ въ обозъ гетманскій, но Полтавскіе казаки и Запорожцы, пришедшіе съ Барабашемъ, не выпустили его изъ города и запретили мириться съ Выговскимъ. Узнавъ объ этомъ, гетманъ хотѣлъ немедленно двинуться подъ Полтаву; Кикинъ удерживалъ его, но не могъ удержать Пушкаря, который въ ночь на первое іюня, вмѣстѣ съ Барабашемъ и Довгалемъ, напалъ на гетманскій обозъ, выбилъ изъ него Выговскаго и все его войско; захватилъ артиллерію, скарбы гетманскіе и пожитки казацкіе. Кикинъ едва спасся отъ смерти; но когда разсвѣло, Выговскій оправился, ударилъ на враговъ и вытѣснялъ ихъ изъ обоза, причѣмъ Пушкарь былъ убитъ, а Барабашъ съ немногими людьми ушелъ въ Полтаву: говорили, что побѣжденные потеряли ни этомъ бою около 8,000 человекъ, побѣдители—съ 1,000. На другой день къ Выговскому явились изъ Полтавы игумень, священники, казаки и мѣщане съ повинною; гетманъ поклонялся, что не будетъ имъ мстить: но какъ скоро ворота городскія отворились, то казаки его и Татары ворвались въ Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыри, а Татары начали забирать въ плѣнъ жителей. „Гдѣ-жъ твоя клятва?“ говорилъ Кикинъ Выговскому,—и тотъ самъ ѣздивъ въ Полтаву выбивать казаковъ и Татаръ, посылалъ и къ начальнику татарскаго отряда съ просьбою освободить плѣнныхъ Полтавцевъ.

Съ торжествомъ возвращался гетманъ въ Чигиринъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его казакъ съ листомъ отъ Вѣлоцерковскаго полковника. Сидя на лошади, Выговскій распечаталъ письмо и нахмурился, прочитавъ недобрый вѣсти: полковникъ увѣдомлялъ, что Кіевскій воевода Андрей Васильевичъ Вутур-

а къ Кіеву пошло брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарамн, чтобъ боярина и воеводу выслать вонъ, городъ, который по указу царскаго величества въ Кіевѣ сдѣланъ, разорить и разметать, а если воевода не выйдетъ, то его въ Кіевѣ осадить.“ Портомопнъ былъ задержанъ подъ стражею, и 11 августа Выговскій выступилъ изъ Чигирина, но еще не для того, чтобъ воевать съ государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дѣло..

Еще въ концѣ марта Виленскій воевода князь Шаховскій писалъ къ государю о вѣстяхъ изъ Варшавы: „Надежду Польскій король имѣеть большую на казаковъ и на Татаръ, да на Пруссакаго; если казаки не будутъ при королѣ, то король поневолѣ будетъ мириться съ тобою, великимъ государемъ; а если казаки съ королемъ соединятся, то мира у короля съ тобою не будетъ: большая надежда у короля на казаковъ да на Татаръ.“ По это была еще только надежда: Венѣвскій, хлопотавшій еще при Хмельницкомъ о возвращеніи Малороссіи подъ власть королевскую, хлопоталъ о томъ же и при Выговскомъ, но въ договорахъ послѣдняго съ нимъ пока еще не было никакихъ статей, вредныхъ для Москвы: Выговскій, въ сношеніяхъ своихъ съ Венѣвскимъ, съ королемъ и вельможами польскими, хлопоталъ только объ одномъ: чтобъ сохраненъ былъ миръ, чтобъ польскія войска не вступали въ Украину и дали бы ему, гетману, время управиться со внутреннимъ врагомъ—Пушкаремъ, котораго поддерживило Запорожье и который нашелъ бы большую поддержку въ Москвѣ и во всей черни, еслибъ Выговскій объявлялъ себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было болѣе, когда враги были поражены безсиліемъ и ужасомъ, когда ханскій союзъ былъ обезпеченъ, а съ Москвою нельзя было болѣе хитрить, потому что походъ полтавскій былъ самымъ дерзкимъ неповиновеніемъ волѣ государя, когда, съ другой стороны, явились въ Малороссіи воеводы:—тогда время открытаго дѣйствія наступило, но мнѣнію Выговскаго, и 7-го Венѣвскій извѣстилъ короля, что повѣренный Выговскаго, львовскій мѣщанинъ, Грекъ Θεοδοσίη Томкевичъ, ѣдетъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ вѣрноподданства, и что тотъ же Θεοδοσίη отирается и къ королю Шведскому съ предложеніемъ заключить миръ съ Польшею и съ угрозою, что въ противномъ случаѣ войско Запорожское будетъ стоять за Польшу.

Въ послѣднихъ числахъ августа съѣхался Выговскій съ Венѣвскимъ въ Радячѣ, и 6 сентября постановлены были здѣсь слѣдующія условія, на которыхъ Запорожское войско опять поддалось Польшѣ: 1) Вѣра древняя Греческая уравнивается въ правахъ своихъ съ Римскою вездѣ, какъ въ коронѣ Польской, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 2) Митрополитъ Кіевскій и пять архіереевъ русскихъ будутъ засѣдать въ сенатѣ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣютъ прелаты католическіе; мѣсто Кіевскаго митрополита

будетъ послѣ Львовскаго римскаго архіепископа, остальные же владыки будутъ сидѣть послѣ католическихъ бискуповъ повѣтовъ своихъ. 3) Войска Запорожскаго будетъ 60,000. 4) Гетману великаго княженія Русскаго украинскаго вѣчно быть первымъ Кіевскимъ воеводою и генераломъ. 5) Сенаторовъ въ коронѣ Польской выбирать не только изъ Поляковъ, но и изъ Русскихъ. 6) Дозволяется въ Кіевѣ устроить академію, которая пользуется тѣми же правами, какъ и академія Краковская, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ ней никакихъ расколовъ, арианскихъ, кальвинскихъ, лютеранскихъ учителей и учениковъ не было, и дабы между студентами и прочими учащими никакихъ поводовъ къ ссорамъ не было; всѣ другія школы, какія прежде въ Кіевѣ были, король велитъ перевести въ другія мѣста. 7) Король и чины позволяють учредить и другую академію на правахъ Кіевской, гдѣ найдется для нея приличное мѣсто. 8) Коллегиі, училища и типографіи, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устроить, вольно науками заниматься и книги печатать всякія и религіозно-полезныя, только безъ укоризны и безъ нарушенія маестату королевскаго. 9) Случившееся при Хмельницкимъ предается вѣчному забвенію. 10) Податей никакихъ правительство Польское получать не будетъ; обозы коронныя не принимаются; объ украинѣ находятъ только подъ гетманскимъ управленіемъ. 11) Король будетъ мобилизовать казаковъ, которыхъ представить ему гетманъ. 12) Короннымъ войскамъ въ Украинѣ не быть, кромѣ необходимости, но въ такомъ случаѣ они находятся подъ командою гетмана, казакамъ же вольно стоять по вѣсѣмъ волостямъ королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ. 13) Гетманъ имѣеть право чеканить монету и платить ею жалованье войску. 14) Во всякихъ пужныхъ дѣлахъ короны Польской призываются на совѣтъ казаки; правительство должно стараться, какъ бы отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю. 15) Въ войсѣ короля съ Москвою казаки могутъ держать нейтралитетъ, но въ случаѣ нападенія московскихъ войскъ на Украину—король обязанъ защищать ее. 16) Тѣмъ, которые держали сторону казаковъ противъ Польшы, возвращаются отобранныя имѣнія и опять они вписываются въ урядъ. 17) Гетману не искать другихъ иностранныхъ протекцій, кромѣ польской; онъ можетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ Крымскимъ, но не долженъ признавать надъ собою власти государя Московскаго, и казаки всѣ должны возвратиться въ свои жилища. 18) Король и республика дозволяютъ Русскому гетману суды свои и трибуналы устроить и отправлять тамъ, гдѣ захочеть. 19) Чигиринскій повѣтъ остается при гетманской булавіи непрежнему. 20) Въ воеводствахъ Кіевскомъ всѣ уряды и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ Греческой вѣры, а въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ попеременно Католиками. 21) Въ русскихъ воеводствахъ учреждаются печатари,

маршалки и подскарбии, и уряды эти будутъ раздаваться только Русскимъ. 22) Титулъ гетмана будетъ: гетманъ Рускій и первый воеводетвъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сенаторъ.

Выговскій получилъ все, чего только могъ желать; приверженцы его, съ которыми онъ устроилъ польскій союзъ, были также награждены: урожденные, т. е. бывшіе прежде шляхтичами, получили земли, не шляхтичи—нобилитованы, Нѣжинскій полковникъ, Василій Золотаренко, рыдаръ войска Запорожскаго, принятый за рыдарскія дѣла въ клейнотъ шляхетства польскаго, изъ Золотаренка сдѣлался Злотаревскимъ.

Поддавшись королю, Выговскій хотѣлъ еще продолжать обманывать царя, чтобъ не имѣть на плечахъ московскихъ воеводъ, пока не пришли въ Украину войска польскія и ханъ Крымскій. Въ августѣ онъ клялся въ вѣрности своей къ великому государю передъ посланникомъ его, дякомъ Василиемъ Михайловымъ, и въ то же время войска его уже дѣйствовали противъ Кіева. 16 августа прибѣжали сюда изъ лѣсовъ работники, которые были посланы за лѣсомъ на острожное и валовое дѣло, солдаты, драгуны и люди боярскіе, битые, стрѣльные и пограбленные, и объявили: „Били насъ и грабили Черкасы, а стрѣляли изъ луковъ Татары, идутъ подъ Кіевъ многіе люди“. Воевода Шереметевъ вышелъ самъ съ воинскими людьми изъ города и разослалъ поддѣзды; поддѣзжане встрѣтили полковниковъ: Вѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, Бранцлавскаго Ивана Сербина, Подольскаго Астаѣя Гоголя, и какъ увидали Черкасы, что воеводы на-готовѣ, то подъ Кіевъ не пошли, стали въ двухъ верстахъ отъ города за рѣчкою Лыбедью. Шереметевъ послалъ спросить полковниковъ: зачѣмъ они пришли подъ Кіевъ безвѣстно со многими людьми; для чего съ ними Татары, и для чего ихъ люди государевыхъ ратныхъ людей били и грабили, а нѣкихъ до смерти побили? Полковники отвѣчали: „Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговскаго; Татаръ съ нами нѣтъ, будетъ къ намъ подъ Кіевъ Данила Выговскій, и Татары придутъ съ нимъ; подъ Кіевъ мы пришли и Данила придетъ для договора о всякихъ дѣлахъ.“ Послѣ этого пришли еще два полковника—Паволоцкій Богунъ да Саблинскій съ пѣхою; а 23 августа явился и Данила Выговскій съ Татарами и Черкасами, въ числѣ болѣе 20,000. Черкасы отогнали стада у Комарицкихъ драгунъ и начали гонягъ сторожевыя сотни; въ то же время Данила Выговскій завелъ сношенія съ Кіевскимъ полковникомъ Павломъ Яненкомъ, велѣлъ на посадѣ на торгу побивать государевыхъ людей, которые ходили изъ города для хлѣбной покупики, и посадъ зажечь. Шереметевъ выслалъ противъ Выговскаго своихъ товарищей, а самъ остался оберегать крѣпость; но, въ то время какъ младшіе воеводы были съ Выговскимъ, Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко со своимъ полкомъ приступилъ къ городу отъ посада съ Киселева городка. Шереметевъ вы-

слалъ на вылазку стрѣлцаго голову Ивана Зубова съ стрѣльцами и солдатами: Зубовъ поразилъ Черкасъ, выбилъ ихъ изъ Киселева городка, взялъ знамя, а младшіе воеводы въ то же время отбили отъ вала, отъ Золотыхъ воротъ Выговскаго, который, соединясь со всѣми другими полковниками, сталъ обозомъ подъ Печерскимъ монастыремъ, а Татаръ поставилъ подѣть обоза. На 24 число въ ночь у землянаго вала противъ Печерскихъ воротъ начали было Черкасы конать шанцы въ двухъ мѣстахъ, но на развѣгѣ вышли изъ города младшіе воеводы съ полковникомъ фонъ-Стаденомъ, который предводительствовалъ пѣхою, ударили на Черкасъ въ шанцахъ и нанесли имъ рѣшительное поражение: весь обозъ, пушки, знамена, бунчукъ и печать войсковая достались побѣдителямъ; много Черкасъ потонуло въ Днѣпрѣ; Данила Выговскій ушелъ въ лодкѣ самъ-другъ, какъ говорили, раненый. Во время этого боя Яненко изъ своего обоза съ Щеговицы приступилъ къ земляному новому валу со всѣмъ своимъ полкомъ, но былъ сдержанъ отрядомъ пѣхоты подъ начальствомъ Сафонова, къ которому съ большаго боя послѣдшилъ на помощь воевода князь Юрій Воротинскій съ рейтарами. Яненко былъ разбитъ и потерялъ обозъ свой на Щеговицѣ, которымъ овладѣли стрѣльцы; много Черкасъ Яненковыхъ перетонуло въ Почайнѣ. Со всѣхъ этихъ боевъ Москвѣ досталось 12 пушекъ, 48 знаменъ, три бочки пороху. Пѣнные казаки сказывали воеводамъ, что они приходили подъ Кіевъ по большій неволѣ: старшины выслали ихъ побоями; клялись, что будутъ служить вѣрно государю. Что-жъ касается мѣщанъ кіевскихъ, то задолго еще до прихода Выговскаго они являлись къ воеводамъ и говорили, что казаки заставляютъ ихъ дѣлать на Щеговицѣ земляной валъ, но что они казакамъ отказали и валу не дѣлали; при этомъ мѣщане просили, въ случаѣ прихода воинскихъ людей, позволить имъ перевезтись въ городъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ. Воеводы позволили, и потомъ сами нѣсколько разъ напоминали имъ, чтобъ перебрались въ городъ; но когда пришелъ Выговскій, то мѣщане стали возитъся на Днѣпръ въ суда; воеводы послали сказать имъ: для чего они возягъ въ суда, а не въ городъ? Мѣщане отвѣчали: „Возимся по приказу гетмана Ивана Выговскаго, боимся:—если Черкасы городъ возьмутъ, то мы пропадемъ“. У нихъ было семь пушекъ, данныхъ имъ княземъ Куракинскимъ; теперь, когда подошелъ непріятель, воеводы требовали эти пушки въ городъ; мѣщане отвѣчали, что они отослали ихъ для починки; но когда взять былъ обозъ Яненко, то эти московскія пушки очутились здѣсь.

Въ сентябрѣ царь разсылалъ уже грамоты объ измѣнѣ гетмана съ обстоятельнымъ изложеніемъ всего дѣла, а Выговскій все еще продолжалъ притворяться; 8 октября онъ писалъ гоударю, что и не помышляетъ на московскіе города наступать и присягу ломать: „Бога ради, усмотри ваше царское величество, чтобъ непріятели вѣры православной

не тѣшились и силъ не воспріяли, пошли указъ свой къ боярину Василию Борисовичу Шереметеву, чтобъ онъ больше разоренья не чинилъ и крови не проливалъ“. Велѣдъ за этою, другая грамота въ такомъ же родѣ: „Изволь ваше царское величество обратить на насъ прежнее милостивое лицо, видя, что мы и нынѣ неотлѣпными вашего царскаго величества подданными остаемся“. Дѣла шли не такъ, какъ бы хотѣлось Русскому гетману и сенатору: на восточной сторонѣ Днѣпра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговскаго, и потому царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, могли держаться, опираясь на вѣрныхъ казаковъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, при Варгѣ, вѣрные Московскіе казаки выбрали себѣ на время въ гетманы Ивана Безпалаго, „чтобъ дѣла войсковыя не гуляли“. Между тѣмъ военныя дѣйствія начались съ обѣихъ сторонъ; города и села заплытали, несчастные жители начали испытывать на себѣ всѣ военные ужасы, сами не зная за-что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новыхъ воеводъ Московскихъ, Выговскій отправилъ къ царю Вѣлдерковского полковника Кравченка съ повинною. На письмо князя Ромодановскаго, чтобъ распустилъ войско и не приходилъ на царскіе города, Выговскій отвѣчалъ (14 декабря изъ табора подъ Ржищевымъ): „На царскіе города приходитъ я не мысля, а только свосвольниковъ своихъ ускромляю и ускромлять буду, равно какъ и союзники ихъ. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтобъ у своихъ холопей въ неволѣ быть, чтобъ они насъ за нсю водили, но въ надеждѣ на волюнство больше прежней; а теперь ты, соединившись съ свосвольниками, многую и великую въ Малороссіи ссору учинилъ“. 13 декабря Безпалый писалъ государю, что враги наступаютъ со всѣхъ сторонъ, а царскіе воеводы помощи имъ, вѣрнымъ Малороссіянамъ, не даютъ. Царь отвѣчалъ, что, вслѣдствіе пріѣзда Кравченка съ повинною, онъ назначилъ раду въ Переславль къ 1 февраля, а между тѣмъ пусть онъ, Безпалый, соединившись съ княземъ Ромодановскимъ, промышляетъ надъ непріятелемъ. Непріятель не заставилъ себя ждать: 16 декабря наказный гетманъ Выговскаго, Скоробогатенко, подступилъ подъ Ромны, гдѣ находился Безпалый, но былъ отогнанъ послѣднимъ, который послѣ этого дѣла писалъ царю: „Если ваша пресвѣтлая царская милость съ престола своего не подвигнетесь въ свою отчизну, то между нами, войскомъ Запорожскимъ, и всѣмъ народомъ христіанскимъ покою не будетъ; Выговскій Кравченка на обманъ послалъ, и ему бы ни въ чемъ не вѣрить“. 20 декабря Татары и вѣрные Выговскому казакскіе полки—Киевскій, Черкасскій, Чигиринскій и Корсунскій, подъ начальствомъ Переяславскаго полковника Цепуры, наказнаго гетмана Скоробогатенка и Поляка Груши, дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между тѣмъ Шереметевъ изъ Кіева писалъ государю, что Выговскій хотѣлъ

пріѣхать къ нему въ Кіевъ для переговоровъ, но что онъ, воевода, безъ царскаго указа не смѣлъ пустить его въ городъ и съ малыми людьми. Шереметевъ прибавлялъ, что междуособіе въ Малороссіи можетъ прекратиться только вслѣдствіе этихъ личныхъ переговоровъ. Царь отвѣчалъ ему (21 декабря): „Промышляй всякими людьми, чтобъ тебѣ съ гетманомъ въ Кіевѣ видѣться и переговорить, какими бы мѣрами междуособіе успокоить“. Но и въ Кіевѣ и въ Москвѣ напрасно надѣялись на это усюкоеніе: Выговскій, получивъ татарскую помощь, не думалъ болѣе о мирныхъ переговорахъ; у него было всегда въ запасѣ одно оправданіе, что „бѣтеса не противъ царскихъ войскъ,—противъ своихъ ослуживниковъ, Безпалаго съ товарищами“ ¹⁾.

Какъ тяжело отозвалась въ Москвѣ вѣсть о смутѣ малороссійской, объ измѣнѣ Выговскаго, такъ радостно была принята она въ Польшѣ, ибо это была для нея вѣсть о воскресеніи. Мы видѣли, что польскіе комиссары въ Вильнѣ обязались предложить на сеймѣ объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники Яну-Казимиру. Предложеніе было дѣйствительно сдѣлано; но списконы тутъ же протестовали, что они согласятся на избраніе царя не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ католицизмъ, и Янъ-Казиміръ велѣлъ обнародовать этотъ протестъ по всему королевству ²⁾. Находили двадцать одну причину, почему ни царь Московскій, ни сынъ его не могли быть избраны въ короли Польскіе, и всѣ эти причины сводились преимущественно къ одному, что домъ Австрійскій никакъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ Польской короны: войны казакскія, въ соединеніи съ Московскою и Шведскою, втолкнули Поляковъ поневолѣ въ объятія Австрійскаго дома. Король, по совѣту сенаторовъ, еще въ сентябрѣ 1655 года предложилъ императору быть его наслѣдникомъ и обѣщалъ согласіе всей республики, если только императоръ поможетъ ей въ настоящей бѣдѣ. Императоръ предложилъ свое посредничество для примиренія съ Москвою и Швеціею, чтобъ тѣмъ легче, въ качествѣ посредника, достигнуть своей цѣли. Австрійскіе впустили Полякамъ, чтобъ прельстили Московскаго царя надеждою Польской короны; чтобъ въ этой надеждѣ онъ объявилъ войну Швеціи, и какъ только царь вступилъ съ войскомъ въ Ливонію, король и сенаторы, отъ имени республики, чрезъ торжественное посольство, поднесли императору корону Польскую; тотъ публично отказался, но частнымъ образомъ принялъ корону для сына своего Карла-Иосифа. Король Польскій въ 1657 году объявилъ королю Шведскому, что отказывается отъ титула Шведскаго и уступаетъ Швеціи всю Ливонію; Польшѣ легче помириться со Швеціею и поднять ее противъ Москвы, потому что король Шведскій не стре-

¹⁾ Арх. мин. юст.; столбцы Малорос. прик., № 5836, 5852, 5841, 6040; Симб. Сборникъ; Кикинскія бумаги, стр. 14; Арх. мин. ин. дѣлъ; дѣла Малорос. и Польскія 1658 года; Лѣтопись Великая подъ тѣмъ же годомъ.

²⁾ Theiner—Monuments historiques de Russie, p. 35.

мится быть королемъ Польскимъ; между Австрією и Польшею идутъ совѣщанія, какъ вести дѣло съ царемъ, чтобъ заставить его продолжать войну со Швецією, пока Польша съ нею не уладится; Литовцы, по сосѣдству съ Москвою, изъ страха, льстятъ царю, но Поляки никакъ его не хотятъ; они думаютъ, что самое лучшее средство успокоить Австрійцевъ состоитъ въ томъ, чтобъ папа поручился императору за вѣрность Польскаго наслѣдства для его дома подъ страхомъ отлученія, въ противномъ случаѣ объявилъ, что сеймовое постановленіе о царѣ Московскомъ нисколько не предосудительно праву Австрійскому. Если Австрія будетъ довольна этимъ тайнымъ соглашеніемъ и ручательствомъ папы, то Поляки думаютъ, что имъ можно будетъ вести переговоры съ царемъ насчетъ короны, и постановленіе, сдѣланное въ случаѣ необходимости, уничтожить властію первосвященника Римскаго; Австрійцы уже давно поджигаютъ Порту и Татаръ противъ Москвы, чтобъ такимъ образомъ сдержать царя, а себѣ проложить дорогу къ Польской коронѣ¹⁾.

Но въ Москвѣ не знали всѣхъ этихъ причинъ, и царь продолжалъ хлопотать о Польскомъ престолѣ, или, по крайней мѣрѣ, о соединеніи Литвы съ Москвою. Въ началѣ 1657 года онъ отправилъ въ Литву любимца своего, Матвѣева, слѣдить за тамошними дѣлами. Матвѣеву было наказано, въ случаѣ, если произойдетъ разрывъ между Польшею и Литвою, хлопотать, чтобъ литовскія войска перешли подъ высокую руку великаго государя и присягнули ему. Матвѣевъ писалъ, что литовскаго войска при гетманѣ Гонсѣвскомъ немного, оно твердо стоитъ на томъ, чтобъ по смерти Яна-Казимира быть королемъ царю, и ждетъ сейма; но коронное войско разнится: иные хотятъ къ царю, другіе къ Рагоци, третьи не хотятъ съ княжествомъ Литовскимъ разлучиться; писалъ, что сейма нечего скоро ждать по причинѣ войны у Поляковъ со Шведами. Государь приказывалъ ему разыскать, черезъ какихъ пановъ всего скорѣе можно добиться до благопріятнаго ему рѣшенія на сеймѣ. Матвѣевъ отвѣчалъ, что всего скорѣе можно получить желасное чрезъ надворнаго маршалка Любомирскаго и Познанскаго воеводу Лещинскаго: роды ихъ многолюдны и начальныхъ людей роду ихъ много; только они государству государя своего впередъ не прочатъ, ибѣ того, чтобъ поболѣе о государствѣ, а просятъ прежде всего чести и подарковъ большихъ. — Рагоци сузилъ имъ по сту тысячъ червонныхъ; гетманъ Гонсѣвскій потребовалъ точно такой же суммы у царя. „Сперва присягну съ начальными людьми и со всѣмъ войскомъ“, отвѣчалъ ему Матвѣевъ, „тогда государь васъ и пожалуетъ отъ своей казны; самъ помысли: если ты такія большія деньги возьмешь и присягу дашь одинъ, то всякій человѣкъ смертенъ, а теперь

время неспокойное отъ непріятелей; ты безпрестанно въ службахъ, убьютъ тебя или въ плѣнъ возьмутъ, — кто тогда эти деньги заслужитъ великому государю?“ — „Я готовъ присягнуть великому государю,“ говорилъ Гонсѣвскій, — „готовъ присягнуть, что буду стараться о провозглашеніи его наслѣдникомъ короля Яна-Казимира; а теперь начать государю служить никакъ нельзя, чтобъ не испортить дѣла, постановленнаго на слѣздѣ. Если же государь дастъ мнѣ деньги, то я стану призывать начальныхъ людей и войско тайно, и присягу дамъ за всѣхъ.“ Потомъ Гонсѣвскій говорилъ о необходимости соединенія перквей. Матвѣевъ отвѣчалъ, что когда государь будетъ королемъ, то созоветь духовенство греческое и римское и другихъ многихъ вѣръ, и если духовныя особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтобъ быть събъзду, и если тогда великій государь изволитъ сослаться съ цесаремъ и съ папою, то пошлетъ; но чтобъ не было никакого сомнѣнія насчетъ вѣры и церквей, то великій государь велѣлъ послать свои грамоты во всѣ покорившіяся ему литовскіе города, что права ихъ, религія и вольности ни въ чемъ нарушены не будутъ. „Хорошо такъ,“ сказалъ на это Гонсѣвскій, „но вотъ въ чемъ дѣло: какъ былъ на коронѣ Польской король Сигизмундъ III, вѣрою католикъ, то было у него 172 сенатора, всѣ различныхъ вѣръ, только двое были католиковъ, и въ сорокъ лѣтъ всѣ стали католиками, не нуждою, а вотъ чѣмъ: никому не давалъ онъ ни воеводства, ни каштелянства до тѣхъ поръ, пока не приступятъ къ католической вѣрѣ.“ Гонсѣвскій говорилъ также, чтобъ всѣ правительственныя мѣста въ Литвѣ постоянно оставались за Литовцами, а не были раздаваемы Москвичамъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Великій государь обычной воли въ неволю не приводитъ; литовская шляхта служить ему въ разныхъ строяхъ, и надъ нею начальные люди ихъ же братья шляхта, а не московскіе урядники“.

Въ февралѣ отправился изъ Москвы къ королю стряпчій Іевлевъ, и 22 апрѣля нашелъ короля въ городѣ Данковѣ. Въ отвѣтъ паны начали упрекать: „Было уговорено, что царскому величеству на общаго непріятеля, Шведскаго короля, войною ходить и людей своихъ посылать; а теперь противъ Шведовъ Русскихъ людей никого нѣтъ; Шведъ съ Рагоци и казаками Хмельницкаго Польскую Землю плѣнять; королевскому величеству становится тѣсно, ожидаетъ войска цесарскаго, а если цесарь не умилосердится, войска не пришлетъ, то мы будемъ въ великомъ ризореньи“. Іевлевъ отвѣчалъ: „По договору, царское величество ждалъ долга отъ короля гоцца, и по сіе время вѣдома никакого не было: такъ царское величество и поусумнился, на шведскихъ и ливляндскихъ рубежахъ у царскаго величества стояли многія рати всю зиму; а теперь царское величество пойдетъ самъ на Шведскаго короля. На слѣздѣ въ Вильнѣ договорились и записями укрѣпились, что великаго государя выбирать на королевство, для

¹⁾ Импер. публ. библ., рукоп. на разныхъ языкахъ in 4, отд. IV, № 62.

чего сложить сеймъ въ декабрь или январь мѣсяцѣ, а передъ сеймомъ дать знать великому государю черезъ гонца; царское величество ждалъ долгое время, полномочные послы на сеймъ уже были назначены, и замедленіе это царскому величеству учинилось въ великое подвѣненіе.“ Паны извинялись, что сейма нельзя было созвать такъ скоро за военными дѣлами, и объявили, что сеймъ будетъ созванъ въ Брестѣ 28 мая. Іевлевъ замѣтилъ, что и въ маѣ сеймъ не состоится, потому что остается одинъ мѣсяцъ, а король до сихъ поръ находится въ дальнихъ мѣстахъ, на границѣ цесарской. Паны отвѣчали: „Король видѣлъ и самъ, что сейму на тотъ срокъ не бывать; что же дѣлать? Со всѣхъ сторонъ непріятель: ты самъ видѣлъ, самъ насилу проѣхалъ. Царское величество сомнѣвается, а у короля иной мысли нѣтъ и не будетъ, п у насъ слова наши и договоръ не переѣнятся.“ Іевлевъ продолжалъ: „Писалъ государю гетманъ Хмельницкій, что Поляки задоръ учинили, малороссійскій городъ Налюзу истребили, въ Пинскомъ уѣздѣ монастыри пощалили“. Паны отвѣчали: „Такого города Налюза во всей Малороссіи нѣтъ; а нашихъ Польскихъ людей задоръ по-неволь, — никто не хочетъ быть убитымъ до смерти, а казаки Хмельницкаго сѣкутъ насъ и жгутъ вопреки договору; умыселъ ихъ явенъ: Хмельницкій присягнулъ Рагоци и войско свое къ нему прислалъ.“

Тѣмъ и кончились объясненія. Іевлевъ представлялся и королевѣ, и когда ѣхалъ отъ нея, приставъ говорилъ ему: „Королева старается о дружбѣ царскаго величества съ королемъ такъ, что и въ умъ не вмѣщается такое радѣнье; какъ былъ сеймикъ въ Ченстоховѣ объ окончаніи добраго дѣла между королевскимъ и царскимъ величествомъ, и на этомъ сеймикѣ кандлеръ коронный разрывалъ и мѣшалъ, то королева сама къ канцлеру и къ другимъ ѣздилъ и уговаривала ихъ не мѣшать дѣлу“. Король въ особой запискѣ давалъ знать царю, чтобъ онъ не вѣрилъ ни въ чей ни Французалъ, ни Англичаналъ; о томъ же давала знать королева царцѣ, и прибавляла, что когда царевичъ Алексѣй придетъ въ возрастъ, то она, королева, будетъ стараться женить его на дочери покойнаго императора Фердинанда III.

И 28 мая сейма не было; въ іюлѣ отправленъ былъ къ королю другой посланникъ, стольникъ Алфимовъ, который въ сентябрѣ пошелъ Инъ-Казимира въ Варшавѣ. Въ отвѣтъ паны начали тѣмъ, что виленскій договоръ нарушенъ со стороны царя, потому что подданный его, гетманъ Хмельницкій, вѣстѣ съ Рагоци воюетъ Польскую Землю. Алфимовъ отвѣчалъ, что къ Хмельницкому посланъ указъ отозвать свои войска отъ Рагоци, и казаки отозваны; но Хмельницкій бѣгъ челомъ великому государю, что съ королевской стороны чинятся явные неправды, султана и хана на войско Запорожское Поляки подговаривали и общали имъ всѣ украинскіе города, начиная отъ Каменца-Подольскаго. Когда казаки, по царскому приказу, отъ

Рагоци отступили, то отступили отъ него и Шведы, и Молдаване, и Волохи. Поляки этимъ воспользовались и, соединясь съ Татарами, Рагоци побили; а еслибъ казаки, по царскому приказу, отъ Рагоци не отступили, то не отступили бы отъ нихъ и Шведы съ Молдаванами и Волохами; этимъ отъ царскаго величества королю и коронѣ Польской сдѣлано вспоможеніе немалое. Паны указывали на другое нарушение договора: Русскіе не воюютъ больше со Шведами. Алфимовъ отвѣчалъ: „Шведскіе генералы, которые сперва были въ Польшѣ, теперь стоятъ противъ царскаго войска на своихъ границахъ, и если бы они не были задержаны царскими воеводами, то теперь разоряли бы польскіе города; слѣдовательно коронѣ Польской отъ царскаго величества чинится вспоможеніе немалое.“ На замѣчаніе Алфимова, что начатое дѣло по виленскому договору надобно кончить немедленно, былъ извѣстный отвѣтъ, что до сихъ поръ непріятель мѣшала; но теперь непріятель отступилъ и открылась возможность созвать сеймъ, о которомъ дано будетъ знать великому государю.

Прошелъ 1657 годъ, — сейма все не было. Въ мартѣ 1658 года явился гонецъ королевскій съ извѣстіемъ, что сеймъ назначенъ на 27 іюня. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Москвы отправились въ Вильну великіе и полномочные послы — бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Федоръ Федоровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ для новаго съѣзда съ польскими комиссарами. Но прежде всего они должны были выслушивать жалобы отъ жителей литовскихъ городовъ и уѣздовъ, занятыхъ русскими войсками. Минская шляхта просила ихъ оборонить отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, охранить отъ своевольныхъ людей. Гродненская шляхта била челомъ на воеводу Апрѣлева, который изъ соборной церкви взялъ образъ Богородицы, потиръ и ризы и не хочетъ отдать, несмотря на просьбу шляхты, что дѣлается вопреки вольностямъ, отъ царя пожалованнымъ. Великіе послы отправили къ Апрѣлеву грамоту, чтобъ немедленно возвратилъ въ церковь образъ, потиръ и ризы, и ничѣмъ не нарушалъ вольностей обывательскихъ. Потомъ началась переписка съ польскими комиссарами, которыми были назначены: бискупъ Виленскій Инъ Завина и гетманы — Павелъ Сапѣга и Гонѣвскій. Еще не зная о назначеніи комиссаровъ, великіе послы отправили къ гетману Навлу Сапѣгѣ Дениса Астаѣева, который пошелъ его въ имѣніи подлѣ Бреста. Поговоривъ о комиссарахъ и гдѣ имъ стоять, Астаѣевъ спросилъ Сапѣгу: „Слухомъ проносилось. Будто посланъ къ великому государю въ Москву Адамъ Саквичъ; отъ васъ ли, гетмановъ Литовскихъ, онъ посланъ, и знаешь ли ты, отъ кого онъ посланъ и съ чѣмъ?“ Сапѣга долго сидѣлъ молча, потомъ началъ говорить: „Посланъ онъ отъ насъ, съ моего по-

1) Арх. мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1657 и 1658 годовъ.

вельнѣя; послалъ его Гонсѣвскій съ тѣмъ: если наши не успѣютъ сдѣлать на сеймѣ по-своему, ослѣятъ насъ коронные, поставятъ на томъ, что прежде мириться съ Шведомъ, тогда дѣлать нечего, перемирие нельзя". Астаѣевъ сказалъ на это: „Слухъ у насъ такой есть, что съ вами коронные не тянутъ и рознь у васъ началась". Сапѣга отвѣчалъ: „За грѣхъ нашъ у всѣхъ насъ рознь. Прежде всего скажу тебѣ, король съ нами идетъ неправдою, а все водить его королева.—отъ нея у насъ и вся смута; а съ коронными у насъ рознь оттого: они себѣ покою хотятъ, а намъ не помогаютъ. Послы пришли изъ многихъ государствъ, королева поѣхала обо всемъ съ ними договариваться, а мы ничего объ этомъ не знаемъ: гдѣ быть тутъ добру? Намъ жаль коронныхъ, а короннымъ жаль насъ; самъ знаешь, какъ не жалѣть; смѣнались мы съ ними вѣрою и поженились—они у насъ, а мы у нихъ, и маеностями помѣшались".—„Если однако будетъ не мѣра", говоритъ Астаѣевъ, „то какъ смекаетъ: отступитесь отъ нихъ или нѣтъ?" Гетманъ опять долго сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: „Какъ кто захочетъ, а я не отступлю". *Астаѣевъ:* „У насъ такой слухъ поносится, что Саковичъ съ тѣмъ и къ великому государю пошелъ, что хотятъ отступить отъ короны". *Сапѣга:* „Какъ себѣ хотятъ; послали мы Саковича, и что я ему приказывалъ, отъ тѣхъ словъ не отпущусь и по смерти, и никого не осрамлю; я не такой человѣкъ; по моему, что говорить, то и дѣлать, а чего не дѣлать, того нечего и говорить; а сверхъ того свой разумъ въ головѣ имѣете, сами разсуждайте; больше тебѣ ничего не скажу; съ чѣмъ Саковичъ посланъ, о томъ знаютъ у насъ въ Литвѣ человѣкъ съ десять сенаторовъ; самъ знаешь, то дѣло великое и страшное, что при живомъ государѣ другого ищемъ. Пожалуеть-ли Саковича великій государь, велитъ ли его принять за его баламутство? да и канцлеръ Литовскій Пацъ такой же баламутъ; я думаю, не худо ли Саковичу въ Москвѣ будетъ?" *Астаѣевъ:* „Если съ такимъ великимъ дѣломъ идетъ и съ правдою, а не шалберствомъ, то государь велитъ его принять и отступить съ честію; если же идетъ съ такою правдою, какъ я отъ тебя слышу, то не знаю!. Мы слышали такъ, что вы впрямь отъ короны отступили и съ тѣмъ Саковича послали къ государю". *Гетманъ:* „Нѣтъ, отъ короны мы не отступимъ, развѣ поневолѣ, по нуждѣ большой,—тогда станемъ промышлять о себѣ. Я не такой человѣкъ, отъ своихъ словъ не отпираться, да и того не хочу, чтобъ отъ моего лукавства кровь христіанская пролилась и мнѣ бы пришлось на томъ свѣтѣ отвѣтъ отдавать Богу; лучше истрачу все послѣднее свое панство, да меньше отвѣта Богу отдамъ. Стальъ я на всей своей правдѣ и умереть хочу; все у себя утратилъ, съ кручины насадился, не слышу на себѣ головы, сердце все кзыло; а другіе какъ себѣ хотятъ—такъ и живутъ". Саковичъ, пріѣхавшій отъ гетмановъ въ Москву, объявилъ, что гетманы и все посольство великаго

княжества Литовскаго по королѣ Янѣ-Казиміру Венгерскаго и Французскаго королей выбирать не хотятъ, хотяъ договоръ учинить по Виленской коммисіи, чтобъ выбрать на королю Польскую и на великое княжество Литовское великаго государя царя. Пусть царское величество прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ съ гетманомъ объ этомъ договориться, и на чемъ договоръ учинить и письмомъ укрѣпиться, — съ этимъ гетманы поѣдутъ на сеймъ къ королю; и какъ они пріѣдутъ на сеймъ, и если король и корона Польская по этому ихъ договору сдѣлать не захотятъ, то они, гетманы, и все посольство Литовское королю въ подданствѣ откажутъ и съ короною Польскою въ соединеніи не будутъ, а учинятся въ подданствѣ у великаго государя, по своему договору. А безъ этого объявленія королю и коронѣ Польской перейти въ подданство къ царскому величеству имъ нельзя. При этомъ переходѣ Волынь, Подоля и Подлясье должны быть при Литвѣ. Царскимъ полномочнымъ посламъ съ гетманами на договорѣ говорить, чтобъ Орду Татарскую какимъ-нибудь способомъ на время успокоить. Чтoby курфюрстъ Бранденбургскій и князь Курляндскій были съ царскимъ величествомъ и съ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ соединеніи, а съ Шведами и Поляками не соединялись бы. Запорожскихъ Черкасъ утвердить, чтобъ они отъ царскаго величества никуда не отошли и были бы съ Литвою въ соединеніи. Чтoby царское величество изволилъ гетмановъ и все посольство Литовское держать въ подданствѣ по ихъ вольностямъ и правамъ, какъ другіе государи государства держатъ, вольностей ихъ и правъ не нарушаютъ. Пусть царское величество гетмана Гонсѣвскаго обнадежить, что по смерти Павла Сапѣги великимъ гетманомъ быть ему, Гонсѣвскому, а малую будаву (гетманство полное) пожаловалъ бы великій государь тому, о комъ онъ, гетманъ, пообѣтъ челомъ. Наконецъ Гонсѣвскій просилъ себѣ у царя 100,000 червонныхъ, города Могилева и нѣсколькихъ городовъ въ Ливоніи. Царь въ своей грамотѣ отвѣчалъ гетманамъ, чтобъ они съѣхались съ великими послами и договорились о доброначатомъ дѣлѣ немедленно, а онъ ихъ всѣхъ, сенаторовъ и всю Рѣчь Посполитую, хочеть содержать въ милостивомъ жалованьи, въ вѣрахъ и вольностяхъ по правамъ. По гетманы не съѣзжались.

По государеву наказу, Одоевскому съ товарищами велѣно было дожидаться польскихъ комиссаровъ не далѣе 30 іюля. Срокъ этотъ прошелъ, а комиссары не бывали; къ тому же стали приходить слухи, что въ Польшѣ моровое повѣтріе. Тогда Одоевскій, 6 августа, выѣхалъ изъ Вильны въ Москву. Но въ самый этотъ день пригнали голицы съ вѣстію, что комиссары ѣдутъ къ Вильнѣ. Одоевскій не возвратился, а велѣлъ сказать имъ, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль, время слѣзда миновало по ихъ комиссарской проволочкѣ, такъ чтобъ они уже къ Вильнѣ не ѣздили. Комиссары пріѣхали къ Вильнѣ, не были впущены

и возвратиться назадъ, крича о безчестьи. Одоевскій съ товарищами уже былъ въ Минскѣ, когда пришла къ нему царская грамота съ приказаніемъ возвратиться въ Вильну и пригласить туда опять комиссаровъ для добраго дѣла. Одоевскій возвратился и послалъ звать комиссаровъ; они обѣщались прїѣхать, но проволакивали время, а между тѣмъ Гродненскій воевода Апрельскій далъ знать Одоевскому въ сентябрѣ, что гетманъ Павелъ Сапѣга идетъ подъ города великаго государя, и что Литовскіе ратные люди уже начали государевыхъ людей бить, грабить и въ полонъ брать; Гродненскаго повѣста шляхта и мужики все възбунтовались, а комиссары отпущены подъ Вильну для того, чтобъ великій государь изволилъ отдать Польскому королю все литовскіе города: тогда и миръ будетъ; а если государь городовъ не отдастъ, то сейчасъ же начнется война, для чего гетманъ Сапѣга и идетъ. Велѣдъ за этимъ другое извѣстіе, что Запорожское войско поддалось королю: а тутъ шляхта Ошмянскаго повѣста прислала челобитную, что Черкасы наказанаго Чаусовскаго полковника Муранки въ маестностяхъ ихъ людей и крестьянъ въ-конецъ разоряютъ. Переговоры уполномоченныхъ должны были уяснить дѣло. Они съѣхались 16 сентября: московскіе послы начали дѣло требованіемъ всей Литвы за безчестье, нанесенное великому государю проволокою дѣла послѣ перваго вилепскаго съѣзда. Комиссары отвѣчали: „Еслибъ мы знали, что съ вашей стороны будетъ такое требованіе, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, говорить мы объ этомъ не будемъ и поѣдемъ назадъ безъ дѣла: а если царскому величеству Литовское великое княжество надобно, то у него ратные люди готовы, и у королевскаго величества ратные люди есть же, Литву надобно добывать кровью, а не посольствомъ“. Комиссары объявили, что имѣютъ полномочіе относительно двухъ статей—избранія государя въ королѣ и заключенія вѣчнаго мира. Переговоры объ этихъ статьяхъ отложили до 18 числа. Въ этотъ съѣздъ комиссары прежде всего подняли вопросъ о Шведахъ, съ которыми, по прежнему договору, одному государству безъ другого мириться было нельзя. „Слухъ до насъ дошелъ“, сказали комиссары, „что царскіе послы договариваются о мирѣ со Шведами подъ Парвою; такъ прежде всего вы должны укрѣпиться съ нами насчетъ этого дѣла, иначе мы вамъ не объявимъ своихъ статей объ избраніи вашего государя въ королѣ: мы для того и соединяемся съ вами и права свои даниа нарушаемъ, чтобъ надъ общимъ неприятелемъ промышлять выѣстъ учинить и къ такому миру его привести, чтобъ обѣимъ сторонамъ было прибыльно“. Послы отвѣчали, что у великаго государя съ Шведскимъ королевемъ мира нѣтъ; если же идутъ споненія, то у Польскаго короля такія споненія начались еще прежде, и что у нихъ, пословъ, нѣтъ наказа относительно Шведскаго дѣла. Послѣ многихъ споровъ, комиссары оставили Шведское дѣло и приступили къ условіямъ объ избраніи. Послы

никакъ не соглашались, чтобъ унія, грубная Богъ Всемогущему, продолжала существовать. Далѣе комиссары объявили, что необходимымъ условіемъ избранія царя въ королѣ должно быть возстановленіе Поляновскаго договора: „Со стороны королевскаго величества царскому величеству и такъ уступлено много, что мы, стародавнія свои права половавши, при жизни королевскаго государя нашего въ королѣ выбрали, не по нуждѣ какой-нибудь, но по доброй волѣ, желая такого преславнаго, великаго, храбраго и мужественнаго государя, отыскивая того, что потеряно, стараясь о цѣлости государства своего и о прекращеніи кровопролитія. Царскому величеству будетъ вѣчная слава, что мы сдѣлали это мимо стародавнихъ своихъ правъ, для соединенія обѣихъ народовъ, сами все головами и съ имѣніемъ своимъ великому государю въ подданство отдались; за такое великое дѣло должны намъ и своего уступить, не только что наше назадъ отдать. Если же царское величество завоеванныхъ городовъ и земель отдать не изволишь, то намъ и Богъ поможетъ, и если мы что отыщемъ войною, то вамъ будетъ стыдно“.

Весь сентябрь промель въ бесполезныхъ съѣздахъ и спорахъ. Московскіе уполномоченные изъ завоеваннаго въ Литвѣ уступали по рѣку Березу. Комиссары не соглашались, а между тѣмъ послы съ разныхъ сторонъ получали извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ литовскихъ войскъ: оба гетмана—Сапѣга и Гонсевскій—продвигались къ Вильнѣ, ратные люди ихъ хватили и били Русскихъ, заехали все пути; на Ошмянской дорогѣ, подъ Мѣдниками, осадили огрядъ драгуновъ, отправлявшихся въ полки князя Юрія Долгорукаго. 9 октября на съѣздѣ послы потребовали у комиссаровъ, чтобъ все эти зацѣпки были прекращены и драгуны выпущены изъ осады. Комиссары отвѣчали дерзко: „По нашему прошенью гетманъ Павелъ Сапѣга драгуновъ изъ осады освободитъ, велитъ ихъ отпустить къ Москвѣ, а не въ полки, а что при нихъ оружія, зелья и свинцу, то все у нихъ велитъ взять.“ Послы отвѣчали на это съ большимъ шумомъ: „Съ княземъ Юриемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ ратныхъ людей много, будутъ драгуны выручены и безъ гетманскаго отпуса, кровопролитіе начинается отъ вашего несогласія, а нашему великому государю по его правдѣ Богъ поможетъ.“ Этимъ съѣздъ кончился, и послы дали знать Долгорукому, чтобъ онъ Вожицкимъ и государевымъ дѣломъ промышлять по указу; 19 числа выѣхали они изъ Вильны, и въ дорогѣ узнали, что „польскіе и литовскіе люди Сапѣгина полку, присяжная шляхта и Черкасы по дорогѣ отъ Вильны къ Минску, около Минска и до Борисова заѣзжаютъ занятія царскими войсками мѣста. Изъ Минска получили они вѣсть, что этотъ городъ съ 1 октября осажденъ Черкасами, которые ишущее королевскими подданными: шляхта минская и другихъ повѣстовъ, въ числѣ 1,000 человекъ, стоятъ въ Минскомъ посадѣ; Черкасы прїѣзжаютъ къ ней каз-

дый день и говорятъ, чтобъ Минскъ взять; мѣщане минскіе въ городъ въ осаду не пошли и развѣхались все въ польскіе города.“ Но князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій поправилъ дѣло: чтобъ не допустить до соединенія непріятельскія силы, со всѣхъ сторонъ скопляющіяся, онъ рѣшился 8 октября напасть на Гонсеѣвскаго въ селѣ Верки (Werki). Гонсеѣвскій, узнавъ о приближеніи Москвы, посѣдѣшилъ предупредить нападеніе, и сначала конница его имѣла успѣхъ, замѣшила, обратила въ бѣгство ряды московскіе; но тутъ Долгорукій ввелъ въ дѣло два пѣхотныхъ стрѣлечкихъ полка: Литва не выдержала и побѣжала, оставивъ въ рукахъ побѣдителей своего гетмана ¹⁾. Другой гетманъ, Павелъ Сапѣга, остался цѣлъ, благодаря мѣстничеству: двинувшись противъ непріятелей, Долгорукій послалъ къ уполномоченнымъ, Одоевскому съ товарищами, чтобъ отправили къ нему на помощь бывшихъ съ нимъ ратныхъ людей; по сотенные головы, князь Оеодоръ Воротынской и двое Плещеевыхъ, объявили, что имъ идти на помощь къ князю Долгорукому невмѣстно. Послѣ разрядный дьякъ объявилъ имъ на постельномъ крыльцѣ: „Тутъ мѣсть нѣтъ, всегда большой воевода меньшему помогаетъ; вѣсно измѣною гетмана Павла Сапѣгу упустили.“ Виновиные посланы были головою на дворъ къ Долгорукому ²⁾. Но и самъ Долгорукій разсердилъ государя, отступивъ отъ Вильны безъ указа, не даль знать въ Москву и о побѣдѣ своей. 17 ноября государь отправилъ къ нему любонѣжную грамоту: „Похваляемъ тебя безъ вѣсти и жаловать обѣщаемся; а что ты безъ нашего указа пошелъ, и то ты учинилъ себѣ великое безчестье, потому что и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостию, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо противъ чего писать тебѣ! А безчестье ты себѣ учинилъ такое: теперь тебя одинъ стольникъ встрѣтитъ подлѣ Москвы, а еслибъ ты безъ указа не пошелъ, то къ тебѣ и третій стольникъ былъ бы. Другое то: Поляки опять займутъ дороги отъ Вильны и людей взбунтуютъ. Напрасно ты послушалъ худыхъ людей; видишь ты самъ, что развѣ слышь у тебя много друзей стало, а прежде мало было, кромѣ Бога и насъ грѣшныхъ. Людей ратныхъ для тебя самъ я сбиралъ, и еслибъ не жалѣлъ тебя, то и Спасова образа съ тобою не отпускаялъ бы; и ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ, писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ, ей-ей, про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь; а я къ тебѣ никогда немилостивъ не бывалъ, а впередъ отъ меня къ тебѣ, Богъ вѣсть, какому злу бывалъ ли; а чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ, и его было слушать напрасно, вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ? — послушаешь,

какъ про него поютъ на Москвѣ. А ты хотя бы и пошелъ, но пѣхоту солдатскую оставилъ бы въ Вильнѣ да полкъ рейтаръ, да послудилъ бы рейтарамъ хотя по сороку рублевъ человѣку; а теперь, чаю, и самъ размыслиаешь, что сдѣлалось безъ конна. Князю Никитѣ показалось, что мы васъ и позабыли, да и людей не стало, и выручить васъ печѣмъ и некому. Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя ишу, а не кручинясь, а сверхъ того слышь твоей скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему. И тебѣ бы отписать ко мнѣ паскоро, конемъ обычаемъ ты пошелъ и чего ради, и чего чая впередъ: будетъ чая миру нынѣшней зимою, то по дѣлу; а будетъ не чая миру и Сапѣгу покинулъ въ собраны на Виленьской сторонѣ, и то сдѣлалось добръ худо. Помысли самъ себѣ: по какому указу пошелъ; какая тебѣ честь будетъ, какъ возьмутъ Ковну или Гродно? Какъ и помыслить, что, пришедши въ Смоленскъ безъ нашего указа, писать объ указѣ! Князь Никита не побоситъ, какъ Вильню сбѣюгъ и по дорогамъ пуще стараго залоги поставляетъ, и Шведъ близко, а Нечая и безъ князя Никиты Сергія Чудотворецъ дважды побилъ, а на весу съ Поляками втрое нынѣшняго пуще будетъ сдѣлываться и боемъ биться. Жаль конечно тебя: впрямъ Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести и совершенную честь на-вѣки неподвижну учинить, да самъ ты отъ себя потерялъ; теперь тебѣ и скорбно, а какъ пообмыслишься гораздо, и ты и самъ о себѣ потужнись и узнаешь, что неладно сдѣлалось. А мы и нынѣ, за твою усердную вѣру къ Богу, а къ намъ вѣрною службу, всякимъ милостивымъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ; а какъ бы ты безъ нашего указа изъ Вильны не ходилъ, а ратныхъ бы людьми на прокормъ по своему разсмотрѣнію роздать шляхетскія маестности, и послѣ такого великаго побоя изволилъ бы Господь Богъ миръ совершить вскорѣ, и ты-бъ паче нашею, великаго государя, милостию за два такія великія дѣла — се за бой, се за миръ — былъ бы пожалованъ. А прочтя сію нашу грамоту и запечагавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ“ ³⁾.

Несчастіе Гонсеѣвскаго и побѣда князя Ивана Андреевича Хованскаго надъ Литвою при Мяздѣлахъ охолодили Поляковъ, разгоряченныхъ подданствомъ Выговскаго, возмечтавшихъ, что съ этимъ подданствомъ успѣхъ войны перейдетъ на ихъ сторону, возвратятся къ нимъ все потеряныя силы. Но, съ другой стороны, взяте въ плѣнъ гетмана Литовскаго не возгордило Москвы: здѣсь очень хорошо понимали всю опасность, начавшую грезить отъ измѣны гетмана войска Запорожекаго; а главное, — казна была истощена пятилѣтнею войною, ратные люди кормились насчетъ занятыхъ земель, и какъ они кормились, мы видѣли изъ жалобъ Ордина-Нащокина, который все болѣе и болѣе

¹⁾ Арх. мин. ин д.; дѣла Шведскія 1658 г. Weslawski Victor et victus Y. C. Gosiewski, p. 38.

²⁾ Допол. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 184.

³⁾ Столбцы Приказа Тайн. Дѣлъ въ Государств. архивѣ.

пріобрѣталъ привязанность и довѣріе царя сколько умными совѣтами, распорядительностію, столько же и религіозностію, такъ нравившеюся Алексѣю Михайловичу. Весною 1658 года, жалую его въ думные дворяне, государь прислалъ ему такую грамоту: „Пожаловали мы тебя за твою къ намъ многія службы и радѣньи, что ты, помня Бога и Его Св. заповѣди, аличныхъ кормишь, жадныхъ попишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше крестное цѣлованье исполняешь, намъ служишь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворахъ не спускаешь, и противъ Шведскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ“¹⁾. Напокинь не переставалъ повторять прѣжнее. „Теперь“, писалъ онъ въ началѣ 1659 года, „теперь изъ Царевичева-Дмитріева-города надобно въ три мѣста посылать помощь, оборонять отъ злаго мученія, надобно оборонять Чадоусы отъ осады Литовскихъ людей, которые пришли мстить за разоренье шляхты бряславской; рейтары мучатъ людей въ Икакѣ и Бряславѣ, а Донскіе казаки пустошатъ Друю съ волостями; отовсюду просятъ помощи, обливаются кровавыми слезами; лучше бы я на себѣ раны впадѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли! Лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не вилать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ!“ Тщетно посылалъ Напокинь приказы рейтарамъ и Донскимъ казакамъ, чтобъ выступали противъ неприятели; они не трогались, „отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые захватили у людей, присягнувшихъ дарю“²⁾. Глядя широкимъ взглядомъ на дѣла, предтеча Преобразователя требовалъ новаго, европейскаго образа веденія войны, для котораго въ Москвѣ не было еще ни средствъ, ни пониманія. „Не стыдно—писалъ Напокинь—навыкать доброму отъ стороны, и отъ враговъ своихъ свидѣтельство крѣпче принимаемъ: во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границахъ знаютъ даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоять на границахъ, рати къ нимъ идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указы просить; отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно. Надобно знающимъ полководцамъ быть по рубежу, рати держать въ строены и отъ крови сдерживать, чтобъ миру мѣсто было, а не разрушеніе, не все войну вести“. Напокинь требовалъ полнаго преобразованія войска, замѣненія старинной дворянской конницы даточными конными и пѣшими людьми²⁾.

Но для этихъ преобразованій надобенъ былъ Петръ; царь Алексѣй видѣлъ отсутствіе средствъ

къ войсѣ, не имѣлъ возможности создать ихъ, не умѣлъ, подобно сыну своему, собственнымъ неумолимымъ движеніемъ возбуждать всюду коснѣющую силу, и сибиршилъ прекратить войну въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобъ обратить все усилія на югъ, въ Малороссію. Польска, обманутая въ своихъ надеждахъ, также хотѣла пріостановить военныя дѣйствія, и воиъ, въ одно и то же время, въ январѣ 1659 года, московскій посланникъ ѣхалъ въ Польшу, а польскій гонецъ—въ Москву. Король въ грамотѣ своей жаловался на Долгорукаго, что тотъ разорналъ перемиріе, напавши и взявши въ плѣнъ Гонсевскаго, который пришелъ только въ качествѣ комиссара, для мирныхъ переговоровъ, и имѣлъ при себѣ нѣсколько сотъ конницы; жаловался на уполномоченныхъ парскихъ, что разорвали комиссію; предлагалъ третью комиссію и требовалъ освобожденія Гонсевскаго, какъ комиссара, безъ котораго нельзя вести переговоровъ. Царь, съ своей стороны, жаловался королю на польскихъ комиссаровъ и на Гонсевскаго, но также прибавлялъ, что согласенъ на миръ, для заключенія котораго пусть король присылаетъ уполномоченныхъ въ Москву. Король продолжалъ предлагать, чтобъ комиссія, разорванная подъ Вильною, была возобновлена опять въ Вильнѣ же или въ Минскѣ, или въ Оршѣ; чтобъ во время комиссіи военныя дѣйствія были задержаны и Гонсевскій освобожденъ. Царь отвѣчалъ: „Когда король пришлетъ своихъ великихъ пословъ въ Москву, тогда мы велимъ присоединить къ нимъ и Гонсевскаго; когда доброе дѣло сдѣлается, то онъ вмѣстѣ съ послами и будетъ отпущенъ; что же касается до прекращенія военныхъ дѣйствій, то мы уже велѣли прекратить ихъ на все то время, когда ваши великіе послы будутъ въ Москвѣ“. Понятно, что съ польской стороны это была одна проволочка времени: хотѣли выждать, чѣмъ рѣшится дѣло въ Малороссіи.

Здѣсь упорная борьба продолжалась подъ Лохвицею, гдѣ стояли царскіе воеводы, князя Ромодановскій и Куракинъ, и подъ Ромнами, гдѣ стоялъ Безпальный. Народъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на эту войну,—говорили: „Войну начали старшіе, и еслибъ царскіе ратные люди гдѣ-нибудь старшину нашу осадили, то мы бы ее всю, переизвавши, царскому величеству выдали; а теперь мы слушаемся своихъ старшихъ по-неволѣ, боясь всякаго разоренія и смертнаго убійства“. Старшіе неволею выбивали казаковъ въ полки, грозя, кто въ полки не поѣдетъ, у того женъ и дѣтей поберутъ и отдадутъ Татарамъ. Пошло въ ходъ слово и з м ѣ и и к ѣ: такъ величали старшіе казаковъ, которые не хотѣли сражаться противъ царскихъ войскъ.

Въ февралѣ 1659 года Безпальный далъ знать въ Москву, что изъ Новой Чернухи приходили подъ Лохвицу Скоробогатенко и Цемирчъ съ Ляхами и Татарамъ, въ числѣ 30,000, къ городу приступали трижды, но были отбиты. Самъ Выговскій подъ

¹⁾ Акты истор. IV, № 118.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1659 года.

Лохвицу не приходилъ, стоялъ въ Чернухахъ, а потомъ пошелъ къ Миргороду и 4 февраля явился подъ этимъ городомъ. Находящиеся здѣсь московскіе драгуны укрѣпили осаду въ маломъ городѣ, а Миргородцы всѣ присягнули служить государю и ратнымъ людей не выдавать. Но 7 февраля, по предсаннымъ письмамъ отъ Выговскаго и по паговору протопопа Филиппа, Степанъ Довгаль, бывшій здѣсь слова полковникомъ, выѣхалъ изъ города къ Выговскому; Миргородцы заматались и сдались; московскихъ драгунъ Выговскій ограбилъ и отослалъ въ Лохвицу, а самъ двинулся въ Полтавскій полкъ. На всѣ просьбы Безпалаго о помощи былъ одинъ отвѣтъ изъ Москвы, что идти въ Малороссію бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

Трубецкой, дѣйствительно, выступилъ изъ Москвы 15 января, съ войскомъ, простиравшимся, какъ говорятъ, до 150,000; 30 числа бояринъ стоялъ уже въ Сѣвскѣ. Но на многочисленное войско въ Москвѣ не надѣялись, хотѣли во что бы то ни стало оторвать Выговскаго отъ Польши, ибо только этимъ можно было добиться счастливаго окончанія дѣла съ послѣднею. 7 февраля, въ трапезѣ у дворцовой церкви Св. Евдокии, государь слушалъ важныя статьи, а комнатные бояре слушали ихъ въ комнатахъ; эти бояре были: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Илья Даниловичъ Милославскій, Иванъ Андреевичъ Милославскій. Статьи были отправлены къ Трубецкому; въ нихъ предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и предложить ему начать доброе дѣло такимъ способомъ: ратныхъ людей съ обѣихъ сторонъ развестъ безъ крови и Татаръ вывести. Когда гетманъ будетъ съ нимъ на сѣздѣ, то всякими мѣрами его уговаривать и государевою милостію обнадеживать. Если Выговскій покажетъ статьи Польскаго короля, гдѣ ему написано гетманство и воеводство Кіевское, полковничьямъ и другимъ начальнымъ людямъ шляхетства, вольности шляхетскія и маестности въ Малороссіи, то написать договоръ, примѣриваясь къ этимъ статьямъ и смотря по тамошнему дѣлу, если между этими статьями не будетъ самыхъ высокнхъ и затѣйныхъ, которыя не къ чести государеву имени. Если Выговскаго любить и гетманомъ его на будущее время имѣть хотяя, то ему гетманомъ по-прежнему быть. Если станеть просить воеводства Кіевского, — быть по его прошенію. Если на отца своего, на братью и на друзей станеть просить каштелянства и старосты — быть по его прошенію. Станеть просить на гетманскую булаву города въ прибавку — согласиться. Если станеть говорить, чтобъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ государевымъ воеводамъ и ратнымъ людямъ не быть, а боярина Шереметева съ людьми ратными пзъ Кіева вывести, то боярина вывести, согласиться и на выводъ ратныхъ людей, если будетъ требовать этого упорно. Если станеть говорить о свосвольничкахъ, чтобы ихъ усмирить, то отвѣчать: „И такъ много крови христіанской пролилось нынѣ-

шнимъ вашимъ междоусобіемъ, съ обѣихъ сторонъ православные христіане побиты и разорены, а бусурманы были рады; подобно съ свосвольничками помириться безъ кровопролитія, а я, по указу великаго государя, стану ихъ къ миру склонять; а если впередъ затѣять бунты, то ихъ смирать, но Татарь не привождать.“

Но дѣло не дошло до переговоровъ. 28 февраля Трубецкой выступилъ изъ Сѣвска и 10 марта пришелъ въ Путивль; 26 марта выступилъ изъ Путивля, направляясь на мѣстечко Константиновъ на Сулѣ, стаяивая къ себѣ и московскихъ воеводъ изъ Лохвицы и Безпалаго изъ Ромень. 10 апрѣля Трубецкой вышетъ изъ Константинова къ Конотону, гдѣ заперся приверженецъ Выговскаго, полковникъ Гуляницкій. 19 апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотону и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27 іюня, когда явился туда Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ Крымскимъ. Оставивши всѣхъ Татаръ и половину казаковъ своихъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою. съ другою половиною казаковъ Выговскій подкрался подъ Конотонъ, на разсвѣтѣ ударилъ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что неирительскаго войска только по есть, отрядили для его преслѣдованія князя Семена Романовича Пожарскаго и князя Семена Петровича Львова съ конницею. 28 іюня Пожарскій нагналъ Черкасъ, поразилъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотона; тѣтно языки показывали, что впереди много неирительскаго войска, и осталная половина казаковъ, и цѣлая Орда съ ханомъ и кагаю: передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. „Давайте мнѣ ханишку!“ кричалъ онъ: „давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ, такнхъ-то и такнхъ-то...., вырубимъ и вышлѣнимъ.“ Но только-что успѣлъ онъ перегнать Выговскаго за золотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныя толпы Татаръ и казаковъ, и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ; по Пожарскій былъ одинаковъ и на полѣ битвы и въ плѣну: выбравши хана по м о с к о в с к о м у о б ѣ ч а ю, онъ плянулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову. Такъ рассказываетъ малороссійскій лѣтописецъ¹⁾; по московскій толмачъ Фроловъ, бывшій очевидцемъ умерщвленія Пожарскаго, рассказывалъ, что ханъ велѣлъ убить Пожарскаго за то, что этотъ самый воевода въ прошлыхъ годахъ приходилъ войною подъ Азовъ на крымскихъ царевичей. Князь Львовъ былъ оставленъ въ-живыхъ, но недѣли черезъ двѣ умеръ отъ болѣзни²⁾.

Цвѣтъ московской конницы, совершившей сча-

1) Величка; то же находимъ у Венславскаго, стр. 90.

2) Архивъ мин. ин. д.; дѣла Крымскія 1659 года.

слывые походы 54 и 55 года, егибѣ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячь пять; несчастныхъ вывели на открытое мѣсто и рѣзали какъ барановъ: такъ уговорились между собою союзники—ханъ Крымскій и гетманъ войска Запорожскаго! Никогда послѣ того царь Московскій не былъ уже въ состоянїи вывести въ поле такого сильнаго ополченія. Въ печальномъ платы вышелъ Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ попалъ на Москву. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе: послѣдовалъ онъ за такими блестящими успѣхами! Еще недавно Долгорукій привелъ въ Москву плѣннаго гетмана Литовскаго, недавно слышались радостные разговоры о торжествѣ Хованскаго; а теперь Трубецкой, на котораго было больше всѣхъ надежды, „мужъ благоговѣнный и изящный, въ воинствѣ счастливый и недругамъ страшный“, сгубилъ такое громадное войско! Послѣ взятія столькихъ городовъ, послѣ взятія столицы Литовской, разстывующій градъ затрещалъ за собственную безопасность: въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ сбѣжали на земляныя работы для укрѣпленія Москвы. Самъ царь съ боярами часто присутствовалъ при работахъ; окрестные жители съ семействами, носитками наполняли Москву, и шель слухъ, что государь убѣждаетъ за-Волгу, за Ярославль ¹⁾.

Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій двинулись къ Кологону, чтобъ ударить на Трубецкаго; но бояринъ уже отступилъ отъ города и, благодаря многочисленной артиллерїи, успѣлъ безъ большаго вреда отъ напращающаго непріятели превести свое войско въ Путивль, куда прибылъ 10 іюля; Выговскій и ханъ не преслѣдовали его далѣе рѣки Семи и отправились подъ Роменъ, жители котораго сдались имъ; Выговскій поклялся выгнать бывший здѣсь московскій гарнизонъ, и, несмотря на клятву, отправилъ его къ Польскому королю. Изъ-подъ Ромна союзники пошли подъ Гадячь. Здѣсь Татары, расположившись станомъ въ полѣ, спокойно смотрѣли, какъ Черкасы Выговскаго рѣзались съ своими братьями, жителями Гадяча, на пристугѣ. Осаждающіе должны были отступить, потерявши больше тысячи человекъ. Тутъ пришла вѣсть къ хану, что молодой Юрій Хмельницкій съ Запорожцами ходилъ подъ Крымъ, погромилъ четыре погайскихъ улусъ и взялъ много плѣнныхъ. Ханъ и Выговскій немедленно послали сказать ему, чтобъ отнестя плѣнныхъ въ Крымъ, но Хмельницкій отвѣчалъ: „Если ханъ отнеститъ изъ Крыма прежній полонъ казацкій, то и мы отпустимъ Татаръ; если же ханъ пойдетъ на государевы города войною, то и мы опять пойдемъ на крымскіе улусы.“ Пошумѣвъ за это съ Выговскимъ, ханъ отделился отъ него, пошелъ на Сумы, Хотмыль, Карповъ, Ливны,—городовъ не тронулъ, но выжегъ улусы, и направилъ путь домой ²⁾.

Между тѣмъ Трубецкой изъ Путивля писалъ Выговскому, чтобъ тотъ прислалъ къ нему добрыхъ людей для переговоровъ о прекращенїи кровопролитія. Выговскій отвѣчалъ (1 августа), все еще называя себя гетманомъ его царскаго величества: „Знаете вы и сами хорошо, что мы нынѣшнему междуособію и кровопролитію между христианами ни малѣйшей не дали причины, и не только самому его царскому величеству, но и вамъ не однажды писали, чтобъ въ совѣтѣ пребывали; такъ и теперь, видитъ Богъ, нестроеніе не желаемъ и Бога просимъ, чтобъ Онъ сердца непримирительныя къ братолюбію возвратилъ, и пусть кровь христіанская падетъ на голову того, кто желаетъ ея пролитія. Согласно желанію вашему, изъ войска нашего людей добрыхъ двоихъ-троихъ или четверыхъ для разговора о всякихъ добрыхъ дѣлахъ пошлемъ, только бы имъ какойнибудь неправды не было, и самъ съ вами сойдусь, чтобъ имѣть частыя сношенія. А что вы пишете, что подъ Кологонъ приходили не для войны, а для разговора и усмиренія домашняго междуособія, то такая вамъ правда? Кто видать, чтобъ съ такими великими ратями и съ такимъ великимъ нарядомъ на разговоръ приходили? Въ Кологонѣ никакого своеволія и междуособія не было: зачѣмъ было къ нему приступать? Вы на искорененіе наше со многими людьми пришли. Борзну вырубили и людей въ полонъ забрали, въ чемъ оправдываться не можете, ибо тамошніе люди не только вамъ никакой причины къ нападенію не давали, но и ратямъ вашимъ не противились, а если бы оборонялись, то не скоро бы вы ихъ взяли“. Взаключеніе Выговскій писалъ, что не пришлетъ своихъ посланцовъ въ Путивль, но пусть Трубецкой присылаетъ своихъ въ Батуринъ.

Видя, что Выговскій особенно страшенъ въ союзѣ съ ханомъ, въ Москвѣ стали думать, какъ бы разорвать этотъ союзъ. Но прозорливый Ординъ-Нащокинъ писалъ царю: „Вашему царскому величеству угодно, чтобъ хана Крымскаго съ Выговскимъ какими-нибудь письмами пооссорить, чтобъ они, побранивъ между собою, разошлись; но такихъ людей, которые бы умѣли это сдѣлать, у вашего царскаго величества нѣтъ, не учились; которые дѣла и по наказу дѣлаются,—и тѣ не скоро въ совершеніе приходятъ. Хана Крымскаго отъ Выговскаго можно оторвать только однимъ: послать людей на Дону, только не такъ, какъ былъ на Дону думный дворянинъ Язданъ Васильевичъ Кондыревъ: кромѣ письменныхъ людей, было при немъ множество вольныхъ на Дону, а прибыли тебѣ, великому государю, ничего не сдѣлали, и вольные и письменные всѣ померли отъ голоду“ ³⁾. Въ Крыму начали опять грабить русскихъ пословъ, которые успѣвали только спасать царскіе указы, пряча ихъ—въ ветчиннѣ!—Во время похода ханскаго подъ Кологонъ, пословъ держали въ тюрьмѣ, въ око-

¹⁾ Дополн. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 194; Weslawski p. 93.

²⁾ Архивъ мин. ин. д.: дѣла Крымскія 1659 года.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Польскія 1659 г. № 2.

вахъ, и говорили имъ: „Государь вашъ Запорожскими Черкасами хотѣтъ завладѣть; Польскій король такъ же хотѣлъ ими завладѣть, но и свое королевство потомъ потерялъ; то же будетъ и Московскому государству, — будетъ запустошено изъ-за казаконъ“. Татары хвастались конотопскимъ дѣломъ: „Теперь“, говорили они: „Московскіе люди полемыи босми съ нами битися не стануть“, но въ то же время не скрывали и своего страха предъ усиливавшимся могуществомъ Москвы. „Вашъ государь“, говорили они посламя: „хочетъ завладѣть казаками и Поляками, а потомъ и Крымомъ“; требовали, чтобы царь помирился съ королемъ, удержавъ за собою все завоеванія, но отдавъ Малороссію Польнѣ. Тщетно послы московскіе предлагали большія деньги вельможамъ, если они убѣдятъ хана не помогать Полякамъ и Выговскому; вельможи отвѣчали: „Не думайте, что мы сдадимся на деньги; все поиремъ, а надъ Московскимъ государствомъ и надъ Черкасами вѣчески станемъ промышлять.“ Но и Донскіе казаки также промышляли: во время конотопскаго похода, суда ихъ явились у крымскихъ береговъ; Донцы высаживались подъ Каоюю, Балаклавю и Керчью, углубляясь внутрь полуострова вѣреть на 50, взяли плавныхъ тысячи съ двѣ, освободили своихъ полтораста; на турецкой сторонѣ были въ окрестностяхъ Синопа, у Константина острова, и города Коандры, за сутки пути отъ Царягорода; въ степяхъ залегали дороги и прерывали сношенія хана съ Калмыками, отрубывали татарскіе отряды, шедшіе къ Выговскому¹⁾.

Въ Москвѣ напрасно очень безпокоились. Конотопское дѣло было явленіемъ случайнымъ, не могшимъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Ханъ, который одинъ давалъ силу Выговскому, ушелъ въ Крымъ, оставивши въ Малороссіи только 15,000 орды; войско, которое могло давать Выговскому Поляна, было ничтожно: какихъ-нибудь 1,500 человекъ! И тщетно ждалъ онъ подкрѣпленій отъ короля. Выговскій возвратился въ Чигиринъ, не могли взять на дорогѣ Гаяляча; изъ Чигирина онъ выслать-было казаковъ западной стороны и Татаръ подъ начальствомъ брата своего. Данила, но это войско 22 августа было поражено на-голову московскими войсками, вышедшими изъ Кіева. Въ какомъ состояніи находилась въ это время Малороссія, лучше всего видно изъ донесенія королю Яну-Казиміру обознаго короннаго, Андрея Потопака, начальствовавшаго вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ при Выговскомъ: „Не изволь, ваша королевская милость, ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края! Все дѣвшіе жители (т.-е. жители западной стороны Днѣпра) скоро будутъ московскими, ибо перетянетъ ихъ къ себѣ Заднѣпровье (восточная сторона), а они того хотять, и только ищутъ случая, чтобы благовиднѣе достигнуть желасмаго. Они посылали къ Ше-

ретевету кошо привилегій вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить съ ними такія же условія. Одно мѣстечко воюетъ противъ другого, сынъ грабитъ отца, отецъ—сына. Страшное представляется здѣсь Вавилонское столпотвореніе! Благодарумнѣйшіе изъ старшинъ казачкихъ молятъ Бога, чтобы кто-нибудь, или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволия.“

Восточная сторона перетянула. Зѣсь, какъ скоро Выговскій удалился съ Татарами въ Чигиринъ, Переяславскій полковникъ Тимошей Ценура объявилъ себя за Москву, перебилъ тѣхъ немногихъ, которые были за Выговскаго, и далъ знать объ этомъ въ Путнвилъ, князю Трубецкому. 30 августа Кіевскій воевода Шереметевъ писалъ государю, что полковники—Переяславскій, Изъясинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій—добили челомъ и присягнули. На западной сторонѣ Днѣпра, слышавъ о движеніяхъ Ценуры, казаки начали собираться и разсуждать, оставаться ли имъ въ подданствѣ королевскомъ, или бити челомъ государю Московскому. Выговскій находился въ самомъ печальномъ положеніи; многіе изъ близкихъ людей совѣтовали ему цѣститься въ степи и ѣйти къ хану. Андрей Потоцкій понялъ, какая бѣда начнетъ грозить Польнѣ, если еще Турки выѣнаются въ борьбу за Украину, и уговорилъ Выговскаго переѣхать въ Чигиринъ къ нему въ обозъ, расположенный на Гребенкахъ, недалеко отъ Вѣлой Церкви. Скоро все казаки отстали отъ Выговскаго, собрались около молодого Юрія Хмельницкаго въ числѣ десяти тысячъ человекъ и стали на Германовкѣ. Братъ Выговскаго, Данила, женатый на родной сестрѣ Юрія, Еленѣ Богдановнѣ, соединился также съ шуриномъ своимъ. Шереметевъ писалъ Хмельницкому, чтобы онъ отступилъ отъ измѣнниковъ и соединился съ вѣрными казаками восточной стороны; 5 сентября Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ и все войско Запорожское хотѣтъ служить великому государю. 11 сентября была у казаковъ рада: Иванъ Выговскій пріѣхалъ къ нимъ, показывалъ и читалъ гадячскія условія, подтвержденныя уже на сеймѣ, уговаривалъ казаковъ оставаться подъ королевскою рукою, но, вслѣдствіе этихъ уговоровъ, едва успѣлъ ѣхать въ польскій станъ; казаки кричали, что у короля въ подданствѣ быть не хотять,—хотять быть подъ государевою рукою. 13 сентября Хмельницкій съ своимъ войскомъ двинулся на Расава для соединенія съ стоявшимъ тамъ полками — Чигиринскими, Уманьскими и Черкасскими. Иванъ Выговскій и Потоцкій слѣдовали за нимъ: казаки говорили, что на Расава будетъ большая рада, гдѣ и берутъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, а Выговскаго убьютъ. Въ двадцатыхъ числахъ Потоцкій съ Выговскими остановились подъ Хвастомомъ, а Хмельницкій на Взенья, близъ Вѣлой Церкви, и казаки прислали къ Потопкому съ просьбою, чтобы уговорить Вы-

¹⁾ Арх. мѣн. ин. д.; дѣла Крымскія и Донскія 1659 года.

говскаго сложить булаву на радѣ. Потоцкій отправилъ казацкихъ посланниковъ съ бранью: но влѣдѣ за ними прѣѣхали къ Выговскому: Каневскій полковникъ Лизогубъ и Миргородскій—Грицко Лесницкій съ требованіемъ, чтобъ онъ черезъ нихъ переслалъ войску булаву и бунчукъ, просили о томъ же и Потоцкаго, утверждая, что войско хочетъ остаться вѣрнымъ королю. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, Выговскій наконецъ объявилъ Потоцкому, что, для сохранения мира, готовъ отдать бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ войско Запорожское оставалось вѣрнымъ королю. Лизогубъ и Лесницкій дали слово, что это условіе будетъ выполнено, и онъ отправилъ булаву и бунчукъ съ братомъ своимъ Данииломъ. Лизогубъ, Лесницкій и Данила встрѣтили войско на дорогѣ, потому что оно двинулось уже къ польскому стану, чтобъ страхомъ принудить Потоцкаго оставить Выговскаго. Когда бунчукъ и булава, присланные послѣднимъ, внесены были въ раду, то войско тотчасъ отдало ихъ Хмельницкому, громко желая ему счастливаго гетманства.

Между тѣмъ, 5 сентября, Трубецкой выступилъ изъ Путивля въ черкасскіе города, и вездѣ въ этихъ городахъ принимали его съ торжествомъ; полковники и посольство, при пушечной стрѣльбѣ, присягали на вѣрную службу великому государю. 27 числа подошелъ Трубецкой къ Переяславу: полковникъ Тимошей Цецура со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его за пять верстъ отъ города: протопопъ Григорій, священники со крестами, мѣщане, войтъ, бурмистры, райцы, лавники и вся чернь—за городомъ. Пошли въ церковь, отпѣли молебень; послѣ молебна Трубецкой объявилъ Переяславцамъ милость великаго государя, что пожаловалъ, велѣлъ имъ быть подъ своею высокою рукою попрежнему, правъ и вольностей ихъ нарушать не велѣлъ, а что были они отъ него отступили, и онъ выпы имъ отдалъ: такъ они бы, видя премоногу милость, великому государю служили вѣрно. Переяславцы били челомъ и общали быть подъ рукою великаго государя на-вѣки неотступно. Тутъ раздалась стрѣльба изъ всего наряду, что только было въ Переяславѣ.

На другой день бояринъ отправилъ грамоту къ Юрію Хмельницкому, чтобы онъ, помня милость царскую къ отцу своему и къ себѣ, служилъ великому государю вѣрно, привелъ въ подданство заднѣпровскіе полки; послана увѣщательная грамота за Днѣпръ ко всей старшинѣ и черни, съ обнадеживаніемъ, что они останутся при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ. 1 октября прѣѣхалъ въ Переяславъ отъ Хмельницкаго и всѣхъ полковниковъ полковникъ Петръ Дорошенко и изъ всѣхъ полковъ сотники съ листами, и объявили боярину, что гетманъ и все войско рады быть въ подданствѣ у великаго государя при прежнихъ правахъ и вольностяхъ. Бояринъ обнадежилъ ихъ государевою милостью, далъ имъ жалованье и отпустилъ съ приказомъ, чтобъ гетманъ, обозный и

полковники для дѣлъ государевыхъ ѣхали къ нему въ Переяславъ безъ опасенія; а если опасаются, то пусть оставятъ въ залогъ отправляющагося вмѣстѣ съ Дорошенко посланца Владыкина. Но Владыкинъ возвратился съ тремя полковниками и привезъ отвѣтъ, чтобъ самъ бояринъ ѣхалъ за Днѣпръ къ Терехтемирскому монастырю. Трубецкой отказалъ; тогда полковники потребовали, чтобъ бояринъ, по крайней мѣрѣ, отправилъ къ нимъ въ войско товарищей своихъ, а если не отправить, то Хмельницкій съ полковниками въ Переяславъ не поѣдутъ. Тутъ же полковники подали боярину четырнадцать статей, на которыхъ быть имъ въ царскомъ подданствѣ. Въ статьяхъ говорилось: чтобъ, кромѣ Кіева, воеводъ не посылать ни въ какіе города и чтобъ московскія войска, которыя будутъ присылаться на помощь, находились подъ гетманскимъ начальствомъ. Царское величество не принимаетъ изъ войска Запорожскаго никакихъ листовъ безъ вѣдома гетманскаго и всей старшины, безъ подписи руки гетманской и приложенія печати войсковой. Гетманъ долженъ быть одинъ для всѣхъ полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Чтобы избраніе гетмана было вольное какъ для старшихъ, такъ и для меньшихъ; чтобъ, кромѣ войсковыхъ людей, никого при избраніи не было; но избраніи отправляются къ царскому величеству послы за подтвержденіемъ, въ которомъ не можетъ быть отказа. Всѣхъ иностранныхъ пословъ вольно принимать, отсылая только списки съ привезенныхъ ими грамотъ къ царскому величеству. Чтобы при заключеніи мира съ окольными землями, а особенно съ Ляхами, Татарамъ и Шведами, были комиссары отъ войска Запорожскаго съ вольными гласными. Духовенство малороссійское остается подъ властію Константинопольскаго патріарха; избраніе духовныхъ властей по-прежнему остается вольное. Вольно каждому основывать школы и монастыри.

5 октября Трубецкой послалъ опять Владыкина къ Хмельницкому и полковникамъ, чтобъ ѣхали въ Переяславъ безъ всякаго опасенія; если же не согласятся, то объявить, что къ нимъ въ войско для приводе къ присягѣ прѣѣдетъ товарищъ Трубецкаго, окольный Андрей Васильевичъ Бутурлинъ. Хмельницкій согласился прѣѣхать только подъ послѣднимъ условіемъ, и 9 числа въ одно время Бутурлинъ прѣѣхалъ на западную сторону Днѣпра, а Хмельницкій—на восточную; съ нимъ были: обозный Тимошей Носачъ, войсковою судьей Иванъ Кравченко, ссаулъ Иванъ Ковалевскій, да полковники—Черкасскій Андрей Одинецъ, Каневскій Иванъ Лизогубъ, Корсунскій Яковъ Петренко, Прилуцкій Петръ Дорошенко, Кальницкій Иванъ Сѣрко, потомъ изъ каждаго полка сотники и казаки. За городомъ гетмана встрѣтили двѣ сотни жилищцевъ да три роты рейтаръ; въ городѣ, по улицѣ, по которой ѣхалъ гетманъ, стояли стрѣльцы и солдаты съ ружьями, знаменами и барабанами. 10 числа Хмельницкій со всею старшиною былъ у Трубецкаго, который встрѣ-

тиль его словами: „Извѣстно великому государю, что ты ему служишь и ня къ какимъ прелестямъ не приставай; за твою службу великій государь тебя жалуетъ, милостиво похваляетъ, и тебѣ бы и впередъ служить вѣрно, какъ служилъ отецъ твой, гетманъ Богданъ Хмельницкій“. Хмельницкій билъ челомъ; за нимъ ударили челомъ старшины, чтобъ государь велѣлъ вины имъ отдать: отлучились они отъ него по неволѣ,—принудилъ ихъ измѣнникъ Иванка Выговскій. Бояринъ отвѣчалъ, что государь вины имъ отдалъ и велѣлъ въ Переяславль созвать раду, выбрать гетмана, кто имъ надобенъ, и постановить статьи.

Къ половинѣ октября пріѣхали въ Переяславль бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, окольный князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, наказной гетманъ Безиалый, съѣхались все полковники, вся старшина и вся чернь восточной стороны Днѣпра, и 15 числа Турбецкой, призвавши Хмельницкаго и старшинъ, показалъ имъ свою вѣрную грамоту и прочелъ статьи—старыя Богдановскія и новыя. Хмельницкій и старшина отвѣчали, что статьи надобно прочесть на радѣ при всемъ войскѣ. Но у Турбецкаго была одна важная статья, которую онъ сейчасъ же и объявилъ: государь указалъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ, потому что эти города изетари принадлежатъ къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи; а если въ этихъ городахъ устроены казаки землями и въ другомъ мѣстѣ устроить ихъ будетъ негдѣ, то пусть они на своихъ земляхъ остаются и при воеводахъ. Хмельницкій и старшина отвѣчали: „Въ этихъ городахъ устроено много казаковъ и за ними много земли и всякихъ угодій; Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Иѣжнскому полку, а въ Черниговѣ свой полкъ, и если изъ этихъ городовъ казаковъ вывезть, то имъ будетъ домовное и всякое разоренье, права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь велѣлъ намъ быть на прежнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, и если казаковъ перевозить, то надобно опасаться между ними всякой малости“. Старшина билъ челомъ, чтобъ объ этомъ на радѣ не говорить, иначе нечего ждаты прекращенія междоусобія.

17 октября открылась эта рада на полѣ, за городомъ: тутъ же на полѣ, для обереганія, стоялъ съ московскимъ войскомъ окольный князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукій. Теперь уже обѣими сторонами Днѣпра избранъ былъ въ гетманы Юрій Хмельницкій. Читали статьи, прежнія Богдановскія и новыя; новыя говорили: Гетманъ со всея вѣрною негда долженъ быть готовъ на царскую службу. Никакими дяцкими прелестями не прельщаться, про Московское государство никакимъ ссорамъ не вѣрять, ссорниковъ казнить смертию, о всякихъ ссорныхъ дѣлахъ писать къ великому государю. Безъ государева приказа на воину никуда не ходить и никому не помогать, чтобъ этимъ вспо-

можемъ войско Запорожское не ужалилось, а кто пойдетъ самовольствомъ, того казнить смертию. Быть царскимъ воеводамъ съ войсками въ городахъ Переяславль, Иѣжинъ, Черниговъ, Браcлавль, Умань для обороны отъ неприятелей; воеводамъ этимъ въ войсковыя права и вольности не вступаться; въ Переяславль и Иѣжинъ быть воеводамъ на своихъ запасахъ, въ Киевѣ, Черниговѣ и Браcлавль владѣть маестностями, которыя прежде принадлежали тѣмъ воеводамъ, а въ полковничьи поборы воеводамъ не вступаться; государевымъ ратнымъ людямъ у реестровыхъ казаковъ на дворахъ не ставиться, ставиться имъ у другихъ жителей, также подводу подъ посланниковъ и гонцовъ у реестровыхъ казаковъ не брать, брать у городскихъ и деревенскихъ жителей; реестровымъ казакамъ держать вино, пиво и медъ, продавать вино бочкою, куда кто захочетъ, а пиво и медъ вольно продавать гарицемъ: кто же будетъ вино продавать въ кварталъ, тѣхъ карать. Въ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ бѣлорусскихъ залогамъ казацимъ не быть, чтобъ ссоры между ратными людьми не было. Если гетманъ совершитъ какое-нибудь преступленіе, то войско не можетъ его переимѣнить безъ указа царскаго: государь велитъ сыскать о гетманской винѣ всея войскомъ, и по сыску велитъ указъ учинить, какъ повелось въ войскѣ; также и гетману безъ рады и безъ совѣта всей черни въ полковники и въ пные начальныя люди никого не выбирать, выбирать полковниковъ на радѣ, кого межъ себя излюбятъ изъ своихъ полковъ, а изъ иныхъ не выбирать; гетманъ также имѣть право отставлять полковниковъ безъ рады. Въ начальныя люди, кромѣ православныхъ христіанъ, изъ иновѣрцевъ не выбирать, не выбирать и повокрещеновъ, потому что отъ нихъ большая смута въ войскѣ и междоусобіе, и казакамъ дѣлаются налоги и тѣсноты. Измѣнника Иванки Выговскаго жену и дѣтей, также брата Данила и другихъ Выговскихъ, которые есть въ войскѣ, отдать царскому величеству и ввереть въ войскѣ Запорожскомъ Выговскимъ не быть. Совѣтникамъ Выговскаго — Гринскъ Гуляницкому, Гринскъ Лесницкому, Самошкѣ Богданову, Антошкѣ Яданову, Герману и Лободѣ—никогда въ радѣ войсковой и секретной и въ урядѣ никакомъ не быть. При гетманѣ быть съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судѣ, по есаулу, по писарю. Полковниковъ и начальныхъ людей гетманъ не можетъ казнить смертию безъ присланнаго на судъ отъ царскаго величества, ибо Выговскій напрасно казнилъ смертию многихъ полковниковъ, начальныхъ людей и казаковъ, которые служили вѣрно царскому величеству. Пѣльничковъ съ обѣихъ сторонъ освободить, а кто захочетъ остаться, тѣхъ не неволить. Немедленно отослать въ Киевъ знамена, пушки и большую верховую пушку, которые взяты подъ Конотопомъ. Изъ Старога Выхова вывести Черкасъ. Бѣглыхъ крестьянъ выдать и ввереть не принимать.—По выслушаніи каждой изъ этихъ статей рада постановляла: быть

статьѣ такъ, какъ написана; а прежнія 14 статей, которая были присланы Хмельницкимъ и старшиною съ Дороженкомъ, на радѣ отговорены.

По окончаніи рады, гетманъ, старшина и казаки задыбровскихъ полковъ отравились въ соборную церковь и принесли присягу: изъ церкви, при громѣ городскихъ пушекъ, пошли объѣхать къ боярину, который, послѣ государевой чаши, велѣлъ стрѣлять изъ всего наряда, что ни есть въ полкахъ. Статьи, утвержденныя на радѣ, записаны въ книгу, къ которой гетманъ и старшина приложили руки. Неграмотныя оказались: обозный Носачъ, судья—Безпалый (что былъ наказнымъ гетманомъ), Кравченко, есаулы—Ковалевскій и Чеботковъ, полковники—Черкасскій Однецъ, Каневскій—Лизогубъ, Корсунискій—Петренко, Переяславскій—Щецура, Балницкій—Сѣрко, Миргородскій—Павелъ Апостолъ, Лубенскій—Засада, Прилукскій—Терешенко, Нѣжинскій—Золотаренко. Въѣсто тѣхъ полковниковъ, которые не были на радѣ, потому что стояли на границѣ противъ Татаръ и Ляховъ, приложилъ руку гетманъ Хмельницкій. Это были: Чагириискій—Кирилла Андреевъ, Вѣлперковскій—Иванъ Кравченко, Кіевскій—Василій Бутримовъ, Уманскій—Михайла Хоненко, Брацлавскій—Михайла Зеленскій, Паволоцкій—Иванъ Богунъ, Подольскій—Астаѳій Гоголь. Одинъ экземиляръ статей отосланъ былъ въ Кіевъ; тамъ ихъ напечатали и разослали по всѣмъ полкамъ. 21 октября выхалъ изъ Переяслава гетманъ, 26—князь Трубецкій, везя съ собою Выговскихъ—Дшиду, Василю, Юрія и Илью; Данила умеръ на дорогѣ, остальные были сосланы въ Сибирь. Кончилъ свое поприще и Нечай: 4 декабря ночью воеводы—князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и Семень Змѣевъ—взяли приступомъ Старый Выховъ, Ивана Нечая съ братомъ, Самушку Выговскаго, женъ ихъ, шляхту, казаковъ и мѣшай многихъ взяли въ плѣнъ живыхъ, многихъ побили на приступѣ. За счастливое окончаніе малороссійскихъ дѣлъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой получилъ шубу въ 360 рублей, кубокъ въ 10 гривенокъ, 200 рублей придачи къ прежнему окладу, да прародительскую вотчину городъ Трубчевскъ (Трубецкъ) съ уѣздомъ; князь Осдоръ Осдоровичъ Курякинъ—шубу въ 330 рублей, кубокъ въ 8 гривенокъ, придачи къ окладу 160 рублей, да на вотчину 8,000 ефимковъ; князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій—шубу во 150 рублей, кубокъ въ 6 гривенокъ, придачи къ окладу 80 рублей, да на вотчину 6,000 ефимковъ.

Въ Москву дошло любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Описаніе пути отъ Львова до Москвы,“ въ которомъ, послѣ описанія страннаго опустошенія Украины, заставившаго казаковъ снова поддаться царю, говорится: „Хотя Черкасы исповѣдуютъ вѣру православную, но обычай и нравы звѣрскіе имѣютъ; причиною тому одна ересь, не духовная, а подлгическая: начальники этой ереси—Ляхи, а отъ нихъ научились держать ее крѣпко и Черкасы и мало не всѣ европейскіе народы: взяли

себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ Русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и греческіе митрополиты, какъ намъ не отъ одного изъ нихъ случалось слышать. Мы почли за полезное написать книгу противъ такихъ ложныхъ, дьявольскихъ внушеній, да соблюдутся люди отъ такого страннаго заблужденія и хулы, отъ которыхъ произошло нынѣшнее кровопролитіе. Но о книгахъ будетъ рѣчь впереди, а теперь изложимъ кратко наше разсужденіе, какъ надобно обходиться съ Черкасами.“—Тутъ авторъ учитъ, какую рѣчь долженъ держать къ Черкасамъ бояринъ, который будетъ приводить ихъ къ новой присягѣ царю; потомъ совѣтуетъ царю учредить въ Москвѣ особый Приказъ, въ которомъ бы приказные люди были изъ самихъ Черкасъ; эти Черкасы были бы поручиками за своихъ земляковъ, дома оставшихся. „Надобно, чтобъ съ этихъ поръ ни одинъ гетманъ не выбирался на всю жизнь, а только на три или на два года: чрезъ это и вамъ, служилые люди, которые только и знаете, что вопить: вольность, вольность! умножится вольность, потому что не одному только будетъ доставаться гетманская честь, но многимъ, такъ какъ между вами много есть достойныхъ этой чести; чрезъ это у волостныхъ и городскихъ людей отнимется страхъ и вскорѣ пустыя села и города населятся. Самому царскому величеству не стыдно назваться вѣчнымъ гетманомъ Поддыбровскимъ, Вольнскимъ и Подольскимъ, потому что такое гетманство то же что и великое княжество, если не царство. Смотрите, Черкасы! какъ прежде вы были ностоянне несогласны въ своихъ совѣтахъ, между собою бились, такъ и теперь несогласны: одни изъ васъ хотятъ въ гетманы Хмельницкаго, другіе—Безпалаго, и онятъ готовы изъ-за этого драться; чтобъ предупредить междоусобіе, царское величество Хмельницкому обнищаетъ гетманство по времени, когда совершенно возмужаетъ, а теперь, пока еще молодъ, лучше ему поѣхать въ Москву и послужить царскому величеству, чтобъ сдѣлаться достойнымъ гетманской чести, а Безпалаго царское величество поставляетъ гетманомъ на три года за его вѣрность. Не дурно было бы такъ же, еслибъ гетманство раздѣлялось: чтобъ одинъ гетманъ былъ на восточной, а другой на западной сторонѣ Днѣпра“¹⁾.

Принужденный возобновить войну съ Польшею при невыгодныхъ условіяхъ—не забирать города бѣлорусскіе и литовскіе, какъ прежде, но биться

¹⁾ Арх. мин. ин. д. дѣл. Малороссійскія 1659 г. Сочиненіе это (описаніе пути), какъ видно, принадлежит перу знаменитаго Сербъ Крижанича. Архивъ минист. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5843, 5845.—По Московскимъ извѣстіямъ, Данило Выговскій умеръ на дорогѣ; но изъ лиженинвѣднаго письма Бѣльскаго къ Юрію Хмельницкому видно, что Данило былъ жестоко пытанъ, что болѣе чѣмъ вѣроятно. Въ Малороссіи не знали о смерти Выговскаго въ декабрѣ 1659 года. Хмельницкій присылалъ просить о его освобожденіи.

въ Малороссіи съ Малороссійскимъ гетманомъ, царь тѣмъ болѣе снѣхшилъ покончить войну съ Швеціею, съ которою не за что было болѣе ссориться, ибо печѣмъ стало дѣлиться. Съ своей стороны, Карлъ X, котораго дѣла шли дурно въ Польшѣ и который долженъ былъ еще вести войну съ Даніею, искренно желалъ помириться съ царемъ и побуждалъ къ посредничеству курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго. Мы видѣли, что при началѣ войны съ нимъ шведскіе послы, Густавъ Белке съ товарищами, были задержаны въ Москвѣ. Въ концѣ 1657 года король прислалъ къ нимъ грамоту, выражая свое сильное желаніе помириться съ царемъ, съ которымъ, по его убѣжденію, разорили его Австріяцы, и, для облегченія дѣла, приказывалъ Белке объявить боярамъ, что онъ согласнается титуловать царя Вѣлорусскимъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, хотя и не водится вносить въ титулъ названія областей, пріобрѣтенныхъ оружіемъ, но еще не утвержденныхъ мирнымъ договоромъ. Что же касается титула: „и инымъ многимъ государствамъ, восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отичъ и дѣдичъ, и пастѣдникъ“, то хотя эти выраженія странны и неопредѣленны, невразумительны и темны, и можно ихъ толковать такъ, что царь обнаруживаетъ притязанія на тѣ земли, которыя уступлены Швеціи по Столбовскому договору, — „однако мы, — пишетъ король, согласны величать царя и этимъ титуломъ, если онъ дастъ письменное удостовѣреніе, что этими выраженіями не наносится ущерба намъ и землямъ нашимъ“. Послы исполнили королевское приказаніе, что не было неожиданностію для царя, ибо королевская грамота была отдана посламъ уже послѣ того, какъ она была переведена для государя. 11 апрѣля 1658 года, на праздникъ Свѣтлага Христова Воскресенія, великій государь пожаловалъ шведскихъ пословъ, велѣлъ послать къ нимъ съ своимъ милостивымъ словомъ, спросить о здоровьи и указалъ послать имъ свое жалованье — столяръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхалъ въ Москву шведскій дворянинъ Конрадъ фонъ-Вариеръ, и 19 апрѣля думный дьякъ Алмазь Ивановъ имѣлъ переговоры съ послами, которые объявили, что фонъ-Вариеръ пріѣхалъ со всякимъ добрымъ дѣломъ, которое годно на обѣ стороны обонимъ великимъ государямъ, и хотя королю ихъ несчастливилось, съ Датскимъ королемъ помирился по своей волѣ, однако онъ отъ добраго дѣла неоступленъ и мира съ царскимъ величествомъ желаетъ. „Королевское величество“, продолжали послы, „изволилъ присоединить къ намъ еще двохъ товарищей, ревельскаго коменданта Вентгорна и Ягана Монсона, и наказалъ намъ вести переговоры на границѣ въ Ливонской Землѣ, за пять верстъ отъ Нарвы. Королевское величество лучше желаетъ мира съ царскимъ величествомъ, чѣмъ съ королемъ Польскимъ, потому что между Швеціею и Москвою нынѣшняя война началась съ подущенія злыхъ людей, за малыми причинами: вотъ почему графъ Магнусъ Де-

лагарди, посланный въ Пруссію для заключенія мира съ Поляками, проволакивая время, дождался извѣстія о томъ, какъ идутъ дѣла въ Москвѣ.“ — „Объявите“, сказалъ на это дьякъ, „на какихъ статьяхъ королевское величество желаетъ мира?“ — „Обо всѣхъ статьяхъ договоръ будетъ на рубежѣ“, отвѣчали послы, „и великій бы государь изволилъ насъ отпустить въ Москву для этого дѣла.“ — „По всему видно“, возражалъ дьякъ, „что вы промышляете только о томъ, чтобъ вамъ отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дѣло или нѣтъ, — того невѣдомо.“ — „За нами дѣло не остановится“, отвѣчали послы, „изволилъ ли царское величество насъ отпустить, или нѣтъ, только видигъ Богъ, что мы ради между государями доброе дѣло вести, а начинать намъ теперь переговоры до освобожденія нельзя: ни гдѣ не водится, чтобъ невольные люди вели мирные переговоры“. 25 апрѣля посламъ объявлено, что государь отпускаетъ ихъ къ королевскому величеству и посылаетъ на съѣздъ своихъ великихъ пословъ. Белке просилъ, чтобъ государь велѣлъ объявить, кто именно царскіе послы будутъ на съѣздѣ, гдѣ и когда съѣдутся; просилъ, чтобъ непріятельскія дѣйствія были прекращены и объявлено было свободное сообщеніе между жителями обонихъ государствъ; просилъ взаимны денегъ на 12,000 ефимковъ, которые онъ отдастъ на съѣздѣ московскимъ посламъ, а теперь у нихъ денегъ нѣтъ, купили испустить не на что: просилъ перевести ихъ на другой дворъ въ городъ и возвратитъ оружіе: — это будетъ знакомъ, что они уже люди свободные. Определено, что съѣздъ будетъ подъ Нарвою за пять верстъ, за рѣкою, іюня 12: гдѣ будетъ посольскій съѣздъ, туда съ обонихъ сторонъ будетъ вольно пріѣзжать съ хлѣбомъ и живностію; деньги взаимны дадутся съ порукою торговыхъ иноземцевъ, и на другой дворъ ихъ переведутъ. Не видя въ отвѣтъ ничего о прекращеніи военныхъ дѣйствій, послы обратились съ предложеніемъ заключить перемиріе; бояре согласились заключить перемиріе съ 20 мая, и если миръ не состоится, то перемиріе не нарушать еще мѣсяцъ по разѣздѣ уполномоченныхъ. 29 апрѣля пословъ перевели въ Китай-городъ, отдали имъ оружіе и позволили имъ и людямъ ихъ ходигъ съ стрѣльцами по городу для закупокъ. 30 апрѣля бояре, въ отвѣтъ, объявили посламъ, что государь отпускаетъ на съѣздъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, думнаго дворянина Афанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, стольника Прончищева и дьякова Дохтурова и Юрьева: опредѣлили, что съѣздъ будетъ посреди рѣки Нарвы, на мосту, въ шатрѣ. Бояре дали записку, что царскій титулъ: „восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ владѣніямъ Шведскаго короля: а послы, въ свою очередь, дали записку, что записку боярская не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ уступкамъ, которыя могутъ быть сдѣланы на съѣздѣ съ шведской стороны — въ московскую.

Ординъ-Нащокинъ находился непрежнему въ Царевичевъ-Дмитріевъ-городѣ, когда узналъ о своемъ назначеніи вторымъ уполномоченнымъ на съѣздѣ съ Шведами; такъ какъ въ грамотѣ, къ нему присланной, не было означено именно, гдѣ будетъ съѣздъ, то онъ писалъ государю, что всего лучше съѣзжаться между Царевичевымъ-Дмитріевымъ-городомъ и Ругою, именно между Нелевардомъ и Керхоломъ, на рѣкѣ Угрѣ, за двадцать верстъ отъ Риги. Онъ боялся уѣхать подъ Нарву на съѣздъ и оставить въ Царевичевомъ-Дмитріевъ-городѣ войска безъ своего надзора, боялся за крестьянъ, которые бы въ такомъ случаѣ были разорены ратными людьми. „Крестьяне,“ писалъ онъ, „съ ноября 1656 года по декабрь 1657 собрались въ девятнадцать уѣздахъ, селятся въ самыхъ разоренныхъ мѣстахъ, около большой дороги, и если впередъ ихъ такъ же беречь, то на Шведовъ отъ нихъ помощь будетъ большая; если лифляндскіе мужики, видя милость, одержатся, то и къ солдатскому ученью будутъ охотны. Не боясь сильныхъ, которые меня ненавидятъ, издавеча, какъ мытарь сокрушеннымъ сердцемъ, какъ евангельская жена грѣшница, твою великаго государя праведныя ноги слезами обливаю: во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистями.“

У сильныхъ было все больше и больше причинъ преслѣдовать худороднаго Нащокина злыми ненавистями. Такъ и теперь царь послалъ тайно грамоту къ Царевиче-Дмитріевскому воеводѣ, поручая ему одному вести самые важные переговоры; подкупать шведскихъ уполномоченныхъ, чтобъ всякими средствами добыть завѣтные морскія пристанища: отецъ указывалъ на то самое мѣсто, гдѣ послѣ сынъ основалъ столицу Россійской имперіи. „Промышляй великими мѣрами,“ писалъ царь Нащокину, „чтобъ у Шведовъ выговорить въ нашу сторону въ К а н ц а х ѣ (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда въ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Куккеинось, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и нынѣ мѣста, которая пристойны; а шведскимъ комиссарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей. Обуступкѣ городовъ за эту дачу промышленной по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ, а что у тебя станетъ дѣлаться втайнѣ, ниши къ намъ въ Приказъ нашихъ Тайныхъ Дѣлъ.“ Ободренній царскою милостивою грамотою, Нащокинъ началъ настаивать, чтобъ съѣздъ былъ въ Лифляндіи, прямо писалъ къ Прозоровскому, чтобъ тотъ ѣхалъ туда, а что ему, Нащокину, нельзя отступать ни на минуту отъ Двины. Писать и къ царю, что Шведы въ Ригѣ только и ждутъ его отъѣзда подъ Нарву, чтобъ начать непріятельскія дѣйствія: „Царевичевымъ-Дмитріевымъ-городомъ больше всѣхъ городовъ сдер-

живаются Литва и Шведы, только надобно, чтобъ опъ былъ наполненъ ратными людьми, какъ Псковъ, а то миѣ къ литовскимъ полямъ на заставы посылать некого; такъ нельзя ни войнѣ, ни миру быть; лучше всякой силы промыслъ; Шведъ всѣхъ со-сѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми беретъ верхъ; у него, государя, никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ.“

Представленія Нащокина насчетъ съѣздовъ остались напрасны: приговора, утвержденнаго въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ, перемиріе было нельзя, и Нащокину былъ присланъ подтверждательный указъ—ѣхать къ боярину князю Прозоровскому. Но тутъ повалѣбда: Шведы провѣдали, что самымъ несговорчивымъ посломъ будетъ Нащокинъ, которому хочется стать твердою ногою въ Ливоніи, у моря, и вотъ пошла челобитная въ Москву: „Царю государю бегъ челомъ холопъ твой Леонка Нащокинъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 167 (1658 году) сентября 29, у твоихъ великихъ пословъ въ деревнѣ Ямѣ были изъ Нарвы отъ шведскихъ пословъ королевскій дворянинъ и переводчикъ, и съ твоимъ переводчикомъ Иваномъ Адамовымъ приказывали къ князю Ивану Семеновичу, будто отъ меня, холопа твоего, твоему посольскому дѣлу чинится нарушеніе. Наслышались объ этомъ Шведы отъ Русскихъ людей, которые, ненавидя службишку мою, научили иноземцевъ, чтобъ я у посольскаго дѣла не былъ. Милосердый государь! вели разпросить переводчика Ивана Адамова передъ послами, и эту мою челобитную и разпросъ послать къ себѣ въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, чтобъ миѣ впредъ быть у твоего дѣла отъ многихъ стороннихъ ссоръ безстрашна. Адамова спросили, и онъ пересказалъ рѣчи шведскаго дворянина; „Царскіе послы,“ жаловался Шведъ, „упрямятся, ближе къ Нарвѣ подвинуться не хотятъ, а королевскіе послы и рады бы сюда пріѣхать, да нельзя по причинѣ дальней и дурной дороги; они знаютъ навѣрное, что царскіе послы уже были подъ деревней Гостицы недалеко отъ Нарвы, но какъ скоро пріѣхалъ Кокенгаузенскій воевода Нащокинъ, то они назадъ поѣхали и здѣсь на Нарвѣ рѣкѣ стали, на томъ мѣстѣ, куда шведскимъ постамъ невозможно пріѣхать. Изъ этого легко увидать, что Нащокинъ теперь опять ищетъ доброму дѣлу помѣшки, какъ онъ прежде въ Ливонской Землѣ при графѣ Магнусѣ Деллагарди доброму дѣлу помѣшалъ, потому что съ польскимъ гетманомъ Гонсѣвскимъ всегда зъ великой дружбѣ жилъ, какъ братъ родной, и Полякамъ норовилъ, а съ ихъ стороны ему подарки большіе были; въ Варшавѣ на сеймѣ знатные люди говорили, что они не боятся мира между Шведами и Русскими, потому что есть человекъ, который этому миру помѣшаетъ.“

Съ одной стороны Шведы доносили на Нащокина, съ другой—воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, стоявшій съ войскомъ во Псковѣ, осердился на пословъ, зачѣмъ они послали память одному изъ его полковниковъ во Гдовъ, чтобъ тотъ

шелъ къ нимъ въ Сыренскѣ для обереганія посольскихъ съѣздовъ; но въ сердцахъ Хованскій пакнулелъ не на Прозоровскаго, а на того же Напокина. „По указу великаго государя,“ писалъ Хованскій, „ведѣно мнѣ идти ближе къ Нарвѣ, смотря по вѣстямъ; и полка моего вамъ великимъ пошлать, отнимать у меня не ведѣно. Знаю я, чѣмъ это затѣйки! За Нарову рѣку дорогу зналъ я давно, когда Нарова рѣка была пострашнѣе, и на государеву службу, по вѣстямъ, идти готовъ не только подъ Нарву, хотя бы и подъ Ревель. Служба моя великому государю известна: за то я отъ многихъ ненавидимъ, что великому государю работаю какъ Богу. Похвальныя слова Аонасія Лаврентьевича не исполняются: стану я у великаго государя на васъ милости просить, что высоко себя сгнате, будто вамъ ведѣно мною наряжать; но вамъ наряжать мною стыдно, добро всякому знагъ свою мѣру. Вы пишете, что я отдачу отвѣтъ въ свое время: знаю я, что у васъ такіе люди есть, когорые ушбуютъ слава г а т е л ь н о написать, но я въ правдѣ своей надѣюсь на Бога и на великаго государя. Какъ кто ни коварничай и ни умышляй, я не боюсь: суетно помысленіе челоувѣческое.“ Послы писали ему, зачѣмъ онъ не давѣтъ имъ знать о своемъ походѣ подъ Нарву, а пишеть всци, неидупція къ дѣлу; писали, что они дали знать государю о его поведеніи; жаловались, что посольскіе съѣзды замедляются по его милости, потому что, не имѣя большаго войска подъ руками въ Ливоніи, нельзя выпустить у Шведовъ выгоднымъ мирныхъ условій. Хованскій отвѣчалъ: „Нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Что указать мнѣ великій государь,—и его советніе со страхомъ храню. Отъ кого посольскій съѣздъ замѣикался, то извѣстно будетъ великому государю. Письма мои, когорыя я къ вамъ писалъ, идутъ ли они къ дѣлу, или неидутъ,—у васъ и въ свое время мнѣ пригодятся. Письмо, которое вы писали на меня къ государю, писали мнѣ на радость, потому что государь по этому письму велитъ сыскать мою вину, а ваму правду; я, убогая сиротина, въ правдѣ своей надѣюсь на государеву пресвѣтлую неизреченную милость; нѣтъ тайны, когорая бы не объявилась, и великому государю все будетъ извѣстно въ свое время“.

Государь нашеть, что и послы, и Хованскій неправы, но что ссора началась отъ пословъ. и потому послалъ сказать имъ: „Вы государеву дѣлу учинили замедленіе и поруху, соригтесь съ воеводоу княземъ Хованскимъ и переписываетесь съ нимъ многими, къ дѣлу ненадобными, статьями: къ полковнику послали намъ мимо князя Ивана съ нимъ для раздора, и довелось вамъ о присылкѣ къ себѣ ратныхъ людей писатъ къ нему, князю Ивану; а еслибъ онъ по вашему письму ратныхъ людей къ вамъ и не послалъ, то вамъ слѣдовало писатъ на него великому государю давно. И впередъ бы вамъ съ княземъ Хованскимъ быть въ любви и совѣтѣ“. Хованскому тотъ же посланецъ

долженъ былъ сказать: „Тебѣ для обереганія великихъ пословъ надобно было сгнѣтись изъ Искова во Гдовъ, изъ Гдова на съѣззе мѣсто посылать безъ задержанья, а прежнихъ своихъ службъ для своей чести объявлять и непристойныхъ словъ, неидущихъ къ дѣлу, писатъ не довелось; и впередъ бы тебѣ съ великими послами быть въ любви и совѣтѣ, посылать къ нимъ ратныхъ людей тотчасъ, какъ потребуютъ; а что тебѣ ведѣно великихъ пословъ оберегать, и то не въ случай и не въ мѣста“. Тотъ же посланный объявилъ Напокину наединѣ, что непремѣнно съ шведскими комиссарами заключить миръ, хотя-бъ и съ убыткомъ государственной казны. Но прежде всего царю хотѣлось помприть Напокина съ Хованскимъ. Посланному было наказано: „Спроситъ Аонасія, за что у нихъ съ княземъ Хованскимъ началась ссора. Если Аонасій станеть говорить, что когда онъ изъ Царевичева-Дингрия-города ѣздилъ въ Нечерскій монастырь молиться, то князь Иванъ посылалъ его хватать, чтобы его удержатъ за заставоу, а сына его, Воица, за заставоу держали долгое время,—отвѣчать: заставы были сдѣланы по указу великаго государя, и князь Иванъ думалъ, что онъ, Аонасій, и сынъ его, Воишъ, прѣѣзжали изъ моровыхъ мѣствъ. Если Аонасій еще станеть жаловаться на Хованскаго, то говорить, чтобы, помня Воишу заповѣдь: „Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ“,—съ княземъ Иваномъ сдѣлался и помирился. Потомъ посланный долженъ былъ ѣхать къ Хованскому, и если тотъ станеть говорить о Напокинѣ съ сердцемъ, то отвѣчать ему съ выговоромъ: Аонасій хотя отечествомъ и меньше тебя, однако великому государю служить вѣрно, отъ всего сердца, и за эту службу государь жалуетъ его своею милостию; такъ тебѣ, видя къ нему государеву милость, соригтись съ нимъ не-для-чего, а быть бы вамъ съ нимъ въ совѣтѣ и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, разыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то теби всякъ называть дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно. Ты хвалишься, что тебѣ и подъ Ревель идти не страшно: и тебѣ хвалиться не довелось, погочу-что кто на похвалѣбъ ходитъ, всегда пострамленъ бываетъ; и ты эту свою похвалѣю изломилъ саблю. За что ты тѣхъ ненавидишь, которые государю служатъ вѣрно? Тебѣ бы великаго государя указъ исполнить, съ Аонасиемъ помиригься, а если не помиригься и станешь Аонасія тѣснить и безчеститъ, то великій государь велѣтъ тебѣ сказать ямшино, что за непослушанье и за Аонасія тебѣ и всему роду твоему быть разорену“. Напокинъ отвѣчалъ государю, что если онъ писалъ о нерадѣнии Полоцкихъ и Исковскихъ воеводъ, то онъ это дѣлалъ по государевымъ же грамотамъ, въ когорыхъ приказано ему ипкого не боягься. во всемъ быть надежну, выдавъ онъ никому не будетъ: „Ненавидимъ я за твое государеву дѣло, не только между Русскими людьми оглашенъ,—

я шведскіе послы доносили на меня боярину князю Прозоровскому. Видя отовсюду нестерпимое гоненіе, не знаю, какъ твое дѣло дѣлать Великимъ помириться съ княземъ Хованскимъ, но у меня съ нимъ, по моимъ дѣламъ, никакой ссоры нѣтъ“. Когда посланный передалъ Напокину приказъ государевъ, чтобъ непременно заключить миръ, хотя бы казнь и убытокъ былъ, то онъ отвѣчалъ: „Промышлять я объ этомъ долженъ, да промышлять негѣмъ: въ Нарвѣ мѣшанъ вѣрныхъ теперь нѣтъ, старые померли, а нинѣ отъ войны выбѣжали за море. Государь приказываетъ не жалѣть казны; но дѣло можно дѣлать и безъ денегъ, денги пригодятся на жалованье ратнымъ людямъ, а у Шведовъ теперь денегъ и своихъ много. Если бы съѣздъ былъ на Двинѣ, то рижскіе мѣшане, которые въ два года сдѣлались вѣрны великому государю, промышляли бы и шведскихъ пословъ наговаривали и къ миру приводили. Вотъ почему я къ великому государю и не писалъ, чтобъ съѣзду быть подъ Нарвою, и на чемъ заключенъ перемирный договоръ въ Москвѣ, — я не зналъ до тѣхъ поръ, пока съѣхался съ княземъ Прозоровскимъ. Въ этомъ договорѣ для чего позабыта Литва, не укрѣплено, что княжество Литовское подъ высокою рукою великаго государя. Думный дьякъ Алмазь Ивановъ долженъ былъ объ этомъ напомнить и доложить государю; да и то забыли, что велѣно мнѣ видѣться съ Гонецъскимъ и соединить рати на общаго неприятеля, Шведскаго короля; по этому соединенію Гонецъскій взялъ въ Лифляндіи два города, да я взялъ Мариенбургъ, заступили многія волости и поставили заставу за 20 верстъ отъ Риги. Московскій договоръ весь написанъ Шведамъ на помощь, и графъ Магнусъ Делагарди показывалъ его на съѣздѣ Полякамъ и хвалился, что они въ этомъ договорѣ не укрѣплены, и княжество Литовское отбывали отъ подданства этимъ договоромъ; и какъ я поѣхалъ на польскій съѣздъ, то Шведы пустили славу, что вотъ Ливонская Земля отдана имъ, что съѣздъ будетъ на Ижерской Землѣ, и будто мнѣ изъ Царевпчова-Дмитріева-города потому велѣно ѣхать, что городъ этотъ имъ отданъ. Шведы нарочно назначали съѣздъ подъ Нарвою, чтобъ княжество Литовское разорить и отъ подданства отогнать“. — Выставляя свои заслуги, разумность своихъ совѣтовъ, которыхъ не послушали, выставляя чужія ошибки, жалуясь уже слишкомъ часто на свое печальное положеніе, на гоненіе отъ всѣхъ ради государева дѣла, Напокинъ опять обратился къ Хованскому: „Князя Ивана“, говоритъ онъ, „съ промыслъ не стало, и его можно переменить, и велѣть быть у такого дѣла, съ котораго его станеть. Псковъ данъ ему не въ вотчину, а промышленниковъ у великаго государя много, которые въ дѣлѣ промыслъ знаютъ и къ прибыли искартеельны; хотя бы князь Иванъ былъ многихъ городовъ владѣтель, только въ Псковскомъ государствѣ онъ съ промысломъ своимъ не надобенъ; во всякомъ дѣлѣ сила въ промыслѣ, а не въ томъ,

что собрано людей много; и людей много, да промышленника нѣтъ, — такъ ничего не выйдетъ. Шведы, видя такихъ промышленниковъ, говорятъ, что бы половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованскій, вышедъ изъ Пскова, стоитъ даромъ, рать помираетъ съ голоду, а къ промыслу не допуститъ, обжигаетъ себя русскіе города, а неприятель радуется, что люди изъ домовъ своихъ выбиты, а къ промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Псковѣ: и неприятелю было бы страшнѣе, и люди были бы въ покоѣ и къ службѣ на-готовѣ. Обо всемъ этомъ надобно разсмотрѣніе воеводское Нелзя во всемъ дожидаться указа государева. Вотъ мнѣ не было прислано указа, чтобъ идти подъ Мариенбургъ, но я, видя, что нашихъ ратныхъ людей изъ Полоцка и изъ Пскова нѣтъ, а Шведъ въ сборѣ, призвалъ къ себѣ Гонецъскаго и пустилъ въ Лифляндію, и затѣмъ взялъ городъ Мариенбургъ. Но кто что ни дѣлаеть, только я передъ великимъ государемъ безо всякаго оправданія во всемъ виноватъ. А теперь я указу великаго государя не противлюсь, ко князю Ивану во Рдовъ ѣхать готовъ и добывать челомъ, буду передъ нимъ безсловенъ; только ввередъ князь Иванъ на этомъ не устанетъ, станеть дѣлать попрежнему, потому что держать при себѣ держащихъ многихъ, которые его ссорятъ, а онъ имъ вѣрится, и правомъ онъ человѣкъ непростойный. Знаю и самъ, что великому государю годно, чтобъ мы между собою были въ совѣтѣ, и у меня за свое дѣло вражды никакой нѣтъ, но о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда вижу въ государевѣ дѣлѣ чье нерадѣніе. Еслибъ князь Иванъ съ первыхъ дней прислалъ къ намъ пѣшихъ ратныхъ людей, то государево дѣло давно было бы начато, и думаю, что и къ совершенію приходило бы, а то ни мостовъ намостить, ни насъ оберегать некому, а мѣста болотныя.“ Прозоровскій говорилъ съ клятвою, что у него съ Хованскимъ отечества и никакихъ прихотей нѣтъ; а Хованскій государеву дѣлу чинить поруху для чести своей и его, боярина, безчеститъ, приказывалъ къ нему при многихъ своихъ подчанахъ, что будто онъ, князь Иванъ, его, боярина, больше тремя мѣстами, и онъ, бояринъ, то поставилъ въ смѣхъ. Да онъ же, Хованскій, приказывалъ къ нему, боярину, чтобъ онъ товарища своего, Аванасія Даврентьевича Напокина, ни въ чемъ не слушалъ, будто товарищъ доведеть его до бѣды; но великій государь ему, боярину, указалъ съ товарищемъ своимъ во всемъ совѣтоваться и во всемъ ему вѣрится, потому что онъ пѣмецкое дѣло знаетъ, и пѣмецкіе нравы знаетъ же. И онъ, бояринъ, поставилъ это въ смѣхъ. Хованскій, съ своей стороны, отвѣчалъ посланному: „Указъ великаго государя исполню, ссору эту оставлю, въ безчестыи своемъ быть челомъ на великихъ пословъ не стану, и ввередъ въ совѣтѣ и любви быть съ ними радъ, только бы и они были со мною въ совѣтѣ. Съ княземъ Прозоровскимъ и со всѣми другими посланми недружбы и ссоры у меня нѣтъ, только

перебранивались на письмѣ: досадно мнѣ то, что пишутъ ко мнѣ съ указомъ; прежде наша братья за честь свою помирили. Недружба у меня съ Аонасѣемъ Нащокинѣмъ, и хотя въ отпискахъ пишется князь Прозоровскій, только всѣ затѣйки его, Аонасѣевы; ищетъ онъ мнѣ всякаго зла. Князь Прозоровскій Аонасѣю говорилъ, чтобъ онъ со мною былъ въ совѣтѣ, но онъ князя не слушалъ. По приказу великаго государя я все покину, Аонасѣя прошоу и впередъ съ нимъ въ совѣтѣ и любви быть радъ; знаю я, что Аонасѣй человекъ умный, великому государю служить вѣрно, и государская милость къ нему есть; въ прежнія времена и хуже Аонасѣя ни государской милости былъ, Малюта Скуратовъ; я Аонасѣя не знаю; слышалъ про него отъ людей, и большой вражды у меня съ нимъ нѣтъ, только что на письмѣ другъ у друга ума отвѣдывали: а какъ я съ нимъ увижусь, то иныхъ ссорщиковъ передъ нимъ поставлю.“

Въ этихъ пересылкахъ, любопытныхъ для потомства, но несколько не подвигавшихъ посольскаго дѣла, прошло все лѣто. Въ концѣ сентября великіе послы увѣдомили государя, что шведскіе комиссары показали упорство большое, не хотѣть присылать дворянъ своихъ на назначенное отъ нихъ же мѣсто, именно въ деревню Кароль, а домогаются, чтобъ съѣздъ былъ подлѣ Нарвы на устьи рѣки Плюсы, гдѣ бывали прежніе рубежи Московскаго государства съ Шведскимъ, — хотѣть этимъ снискать себѣ вѣчную славу, а мирные переговоры вести по своей волѣ, потому что урочище на устьи Плюсы мѣсто тѣсное и болотное, конскими корзанами бѣдное, необорное и во всемъ негодное. Потомъ шведскіе комиссары назначили новое мѣсто для съѣздовъ — деревню Валіессаръ, между Нарвою и Сыренскомъ. Царь писалъ Прозоровскому: „Развѣдавъ подлинно, что на съѣздѣ вамъ и нашему дѣлу поруки никакой не будетъ, съѣжайтесь въ деревнѣ Валіессарѣ, а пзъ-за мѣсть не развѣжайтесь.“ Прошелъ еще мѣсяцъ слишкомъ въ пересылкахъ и спорахъ, и съѣзды начались только 17 ноября. Московскіе послы требовали ливонскихъ городовъ, Корельской и Ижерской Земли; шведскіе комиссары объявили, что они могутъ заключить миръ только на Столбовскихъ условіяхъ. Царь послалъ сказать Нащокину: снѣшить заключеніемъ мира въ веснѣ, или, по крайней мѣрѣ, весною; помириться на Юрьевѣ Ливонскомъ, да на Царевичевѣ-Дмитріевѣ-городѣ, да на Борисоглбовѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Царевичевѣ и на Ворисовѣ. Если же будетъ нельзя, то промышлять о Ворисовѣ, съ которыми уѣздами пристойно, хотя много давать денегъ, за тѣмъ не стоять, только чтобъ дальне мая не откладывать. Если же ни одного города уступитъ не захотятъ, то мириться на томъ, чтобъ всѣми городами владѣть до трехъ лѣтъ. По послы 20 декабря заключили трехлѣтнее перемиріе съ удержаніемъ всего завоеваннаго въ Ливоніи. Царь былъ въ восторгѣ; онъ приписалъ успѣхъ дѣла заступленію Богородицы,

ибо съ послами была та же икона Ея (Тихвинская), которая была и съ княземъ Мезецкимъ при заключеніи Столбовскаго мира.

По обычаю, великіе послы, отправленные съ обихъ сторонъ для подтвержденія договора, должны были встрѣтиться въ назначенномъ мѣстѣ, сравнить свои грамоты и потомъ уже отправляться по назначенію — шведскіе въ Москву, а московскіе въ Столгольмъ. Великимъ посломъ отъ царя былъ назначенъ думный дворянинъ, намѣстникъ Шацкій и Лифляндской Земли, надъ городами начальный воевода, Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Напокинъ, которому было наказано промышлять о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Швеціею, а Шведскаго короля съ Польскимъ королемъ къ миру не допускать, уступить изъ Литовскаго княжества Шведамъ Жмудъ, сулить изъ это на словахъ, а въ крѣпость не писать для того, чтобъ не повредить миру съ Польскимъ королемъ. Въ сентябрѣ 1659 года Нащокинъ съѣхался съ шведскимъ посломъ Бентгорномъ на Двинѣ, между Ригею и Кокенгаузеномъ, и уговорился, не развѣжаясь, начать въ октябрѣ переговоры о вѣчномъ мирѣ между Дерптомъ и Ревелемъ, потому что оставаться на Двинѣ было опасно отъ польскихъ войскъ. Нащокинъ снѣшилъ заключить вѣчный миръ прежде окончанія переговоровъ, которые велись у Шведовъ съ Поляками въ Пруссіи. Царь писалъ Нащокину, чтобъ къ уступленіемъ въ Валіессарѣ ливонскимъ городамъ требовать еще у Шведовъ Иванъгородъ для корабельной пристани. Нащокинъ отвѣчалъ, что Шведы никакъ на это не согласятся, „а что Жмудъ имъ сулить, то и они также станутъ давать, что не въ ихъ рукахъ; отъ Иванъгорода прибыли никакой нѣтъ: Нарва получена его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Повгорода торги худы, а съ моря быть купцамъ ихъ же, шведскимъ, да къ Иванъгороду и корабли не ходятъ. Когда Иванъгородъ былъ въ русскомъ владѣніи, то черезъ Нарову рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ. Если бы даже на Шведъ и унадокъ былъ, и уступилъ бы онъ Иванъгородъ и Канцы, то города эти лежатъ къ Шведской и Финской Землѣ; кромѣ Шведовъ, другихъ купцовъ нѣтъ, на этомъ же морѣ у нихъ города Рига, Ревель, Мериуга, Галсаль, Нарва, велятъ купцамъ прѣѣзжать къ своимъ городамъ, и Русскіе люди по-неволѣ съ своими товарами къ ихъ же городамъ будутъ ѣздить; въ торговлѣ Русскіе люди слабы другъ передъ другомъ, — туда поѣдутъ, куда ихъ помянутъ, на своихъ мѣстахъ не держатся“.

Нащокинъ былъ правъ относительно неустранимости московскихъ требованій; но и самъ Нащокинъ сильно обманывался, думая, что Шведы согласятся на вѣчный миръ съ уступкою всего завоеваннаго Русскими въ Ливоніи; а между тѣмъ царь повторялъ приказаніе — непременно заключить вѣчный миръ, въ-даль не откладываемая.

Въ февралѣ 1660 года Нащокинъ приготавлился

угovarивать шведскимъ пословъ къ вѣчному миру на сѣздѣ, назначенномъ въ маргѣ, какъ вдругъ поразила его страшная, неожиданная вѣсть. Сынъ его, Воинъ, уже давно былъ извѣстенъ какъ умный, распорядительный молодой человекъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевъ-Дмитриевъ-городѣ, вель заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человека было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже приучилъ его съ благоговѣнiемъ смотрѣть на Западъ постоянными выходами своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованiе, отецъ окружилъ его пѣлыми Поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламенили его рассказами о польской волѣ. Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученiя къ отцу, вмѣсто Ливонiи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ Польскому королю, который отиравилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію. Сынъ царскаго любимца измѣнилъ государю-благодѣтелю! Что скажутъ теперь враги Нащокина, которыхъ у него было такъ много, которые, при видимой покорности волѣ царской, не могли удержаться, чтобъ предъ посланнымъ царскимъ не назвать Нащокина временщикомъ, обязаннымъ своимъ возвышенiемъ произволу государя; не могли удержаться, чтобъ не сравнить его съ Малютою Скуратовымъ, хотя съ презрительною снисходительностью и признавали, что онъ лучше Малюты? Чего добраго было ожидать отцу измѣнника въ то время, когда, влѣдствiе долговременнаго господства родовыхъ отношенiй, родственники преступника и не столь близкiе подвергались тяжелой опалѣ? Несчастный отецъ самъ увѣдомилъ царя о своемъ горѣ и просилъ уволить отъ посольскаго дѣла, ибо онъ обезнамятилъ отъ горя, отъ страха передъ казнiю безъ вины. Но онъ напрасно безпокоился. Царь немедленно отвѣчалъ ему: «Вѣрному и избранному и радѣтельному о Воинѣхъ и о нашихъ государскихъ дѣлахъ и судящему людей Воинѣхъ и нашихъ государевыхъ вправду (воистину доброе и спасительное дѣло людей Воинѣхъ судить вправду!), начинае же христіяноуби и миролюбю, нищелюбю и трудолюбю и совершенно богопримцу и страннопримцу и нашему государеву всякому дѣлу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводѣ Аонасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину отъ насъ, великаго государя, милостивое слово. Учинилось намъ вѣдомо, что сынъ твой поущенiемъ Воинѣмъ, а своимъ безумствомъ объявился во Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ, отцу своему, лютую печаль учинилъ, и ты ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого саганы, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣовскихъ, пешеду сему злomu вихру и

смягоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и сираднымъ своимъ дуновенiемъ отъ тебе, отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрному своему рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на ты сего горькаго болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твою; ей, велика скорбь и туга воистинно! Еще же скорбимъ и о сожигальницѣ твоей, яко же и о пустыножильцѣ и одиноребывательницѣ въ дому твоемъ, и приѣмшую горькую нелыню тую въ утробѣ своей, и зѣло оскорбляемъ двойнаго и неутѣшнаго ея плача: перваго ея плача не имущи тебя Богомъ даннаго и истинна супруга своего предъ очима своими всегда; втораго плача ея о восхищенiи и разлученiи отъ лютаго и яростнаго злѣя единоутробнаго птенца своего, напрасно отторгнутаго отъ утробы ея. О злое сіе насиліе отъ темнаго звѣря поущенiемъ Воинѣмъ, а нашихъ грѣхъ ради! Воистинно зѣло великъ и неутѣшимъ плачь, кромѣ Воинѣ надѣянiя, обомъ вамъ, сузургу съ супружницею, лишившася таковаго наслѣдника и единоутробнаго отъ пѣдръ своихъ, еще же утѣшители и водителя старости и угодителя честной вайей сѣдинѣ и по истинствіи вѣдомъ въ вѣчная благаго памятворителя добраго. Въешь челомъ намъ, чтобъ тебя перемѣнить: и ты отъ котораго обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что отъ безмѣрныхъ печали. Обезчещенъ ли бысть? Но къ славѣ, яке ради терпѣнія на небесѣхъ лежащей, зриай. Огщетенъ ли бысть? Но зриай богатство небесное и сокровище, еже скрылъ еси себѣ ради благихъ дѣлъ. Отналь ли еси отечества? Но имши отечество на небесѣхъ—Иерусалимъ. Чадю ли отложилъ еси? Но ангель имши, съ ними же ликоствуеши у престола Воинѣ и возвеселишися вѣчнымъ веселiемъ. Не люто бо есть паста, люто бо есть надши не возстати: такъ и тебѣ подобае отъ паденiя своего предъ Богомъ, что до конца внайъ въ печаль, возстати борзо и стати крѣпко, и уповати, и держати и на его приключившееся дѣйство крѣпко и на свою безмѣрную печаль дерзостно, безъ всякаго сомнительства; воистинно Богъ съ тобою естъ и будетъ во-вѣки и на-вѣки; сію печаль той да обратитъ намъ въ радость и утѣшитъ васъ векорѣ. А что будо и впрямъ сынъ твой измѣнилъ, и мы, великій государь, его змѣну поставили ни во что, и конечно вѣдаемъ, что кромѣ твоей воли сотворилъ, и тебѣ злую печаль, а себѣ вѣчное поползновеніе учинилъ. И будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и намему, сына твоего дурость ставитъ въ вѣдомство и въ соглашеніе твое ему; и онъ, простецъ, ну насъ, великаго государя, тайно бытъ и не по одно время и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова просто умышленнаго яда подъ языкомъ его не видали. А тому мы, великій государь, не подынаемъ, что сынъ твой сплугалъ: знатно то, что съ малодушiя то учинилъ. Онъ человекъ молодой, хощетъ созданiя владычнiя и творенiя руку Его видѣти на семь свѣтѣ,

якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспоминетъ гнѣздо свое тѣлесное, инакче же душевное привязаніе отъ Св. Духа во Святой купели, и къ вамъ вскорѣ возвратится. И тебѣ, вѣрному рабу Божию и нашему государеву, видя къ себѣ Божию милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложя тое печаль, Божіе и наше государево дѣло совершать, смотря по тамошнему дѣлу; а нашего государскаго не токмо гнѣзду на тебя къ вѣдомой плузости сына твоего, ни слова нѣтъ; а міра сего тѣннаго и вихровъ, исходящихъ отъ злыхъ человѣкъ, не перенять, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точно бо человѣку душою предъ Богомъ не погрѣшитъ, а вихры злые, отъ человѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей что могутъ учинити? Унованіе намъ Богъ, а приближише наше Христось, а покровитель намъ есть Духъ Святыи⁴.

Съ этою грамотою и съ порученіемъ разговаривать Нащокина отъ печали отправленъ былъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ подъячій Юрій Никифоровъ, которому было наказано: „Аванасью говорить, чтобы онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился, и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать: а что говорятъ въ мірѣ о сынѣ его, что онъ измѣнилъ, и эту измѣну причитаютъ и къ нему, то онъ бы эту мысль отложилъ и ушвалъ во всемъ на всемілостиваго Бога и на государскія праведныя щедроты и на свою къ нему, великому государю, нелицемѣнную правду и службу и радѣнье. О сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобы его, поймавъ, привести къ нему, за это слушать и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аванасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ вслѣдовавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аванасію: вспомни, что ни одинъ купецъ, не истощивъ богатства своего до конца, не можетъ въ первое свое достоинство придти, а тебѣ, думному дворянину, больше этой бѣды впередъ уже не будетъ, больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ.“

„Твоя великаго государя неизреченная милость свѣтому небеснымъ мрачную душу мою озарила“, отвѣчалъ Нащокинъ, „что воздамъ господи моему за сіе? Умилосердись, повели заблудшуюя овцу въ суемысленныхъ горахъ сыскывать! Виль я челомъ объ отставкѣ отъ посольскаго дѣла отъ жалости души моей, чтобы мнѣ въ такомъ паденіи сынишка моего, зазорну будучи отъ всѣхъ людей, въ дѣлѣ не ослабѣтъ, и отъ того бы твоему великаго государя дѣлу въ посольствѣ нѣзности не было; отъ одной же печали о заслуженіи сынишка моего я твоего государева дѣла не оставляю: если бы я жену или чадо наче твоего дѣла возлюбилъ

бы, не былъ бы милости достоинъ; нынѣ судимъ отъ Господа наказуюсь, да не съ міромъ осужусь.“ Подъячій Никифоровъ доносилъ, что Нащокинъ читалъ государеву грамоту со слезами и говорилъ: „Печали у меня о сынѣ нѣтъ и его не жаль, а жаль дѣла, и печаль о томъ, что сынъ мой, презрѣвъ великаго государя неизреченную милость, своровалъ; а я про то вовсе ничего не зналъ: смертной казни достоинъ я безъ всякаго милосердія, если что-нибудь зналъ. Безмѣрно горько мнѣ то, что сыну моему отданы ефимки, а я, какъ поѣхалъ изъ Москвы, билъ челомъ Федору Михайловичу Ртищеву, чтобы ихъ никому не давать, а держать ихъ въ Приказѣ Лифляндской Земли на государевы расходы. Въ мысляхъ мнѣ не вмѣстится, какъ это учинилось? Многіе пріѣзжіе люди мнѣ сказывали, какая неизреченная государева милость была къ сыну моему въ Москвѣ; сказывали, будто посланъ онъ тайно въ Нѣмецкія Земли и провозжалъ его Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, и я, слыша объ этомъ, дивился.“ „О сынѣ печали у меня нѣтъ“, повторялъ и послѣ Нащокина. „Дѣло это положилъ я на судъ Божій, а о поимкѣ его промышлять и за то деньги давать не для чего, потому что онъ за неправду и безъ того пропадетъ и згинетъ, и убитъ будетъ судомъ Божиимъ.“

Въ апрѣлѣ начались съѣзды у Нащокина съ шведскими послыами, но не повели ни къ чему: еще въ февралѣ умеръ король Карлъ X Густавъ, и шведскіе послы объявили, что не могутъ заключить вѣчнаго мира, потому что отъ новаго короля пужна имъ полноочная грамота новая. Эту новую грамоту они обѣщали привезти въ іюнкѣ мѣсяцѣ; но въ маѣ заключенъ былъ у Шведовъ миръ съ Поляками въ Оливѣ, совершенно переменявшій отношенія ко вреду Москвы: обѣ державы теперь, и Швеція и Польша, особенно послѣдняя, получили возможность усилить свои требованія относительно Москвы, которой приходилось, чтобы успѣшно воевать и заключить выгодный миръ съ одной изъ нихъ, уступить все другой. Протель іюнь, прошло лѣто, морской ходъ миновалъ, а шведскіе уполномоченные не явились на съѣздъ. Между тѣмъ дѣла шли худо въ Вѣлороссіи, еще хуже въ Малороссіи. Испуганный эмигъ, царь писалъ Нащокину, чтобы заключалъ вѣчный миръ съ Шведами, выговоривъ изъ завоеваннаго города два или хотя одинъ, и давши за нихъ деньги, чтобы миръ былъ сколько-нибудь честенъ. „На Черкасѣ надѣяться никакъ невозможно“, писалъ государь, „вѣрить имъ нечего: какъ трость вѣтромъ колеблема, такъ и они — поманять на время, а если увидятъ нужду, тотчасъ Русскими людьми номирятъ съ Ляхами и Татарами.“ „Выговорить два города или одинъ, и ими какъ владѣть?“ возражалъ Нащокинъ; „ото Искова будутъ далеко, около нихъ все будутъ шведскіе города, Шведскіе люди: Поляки станутъ приходитъ на исковскія мѣста и разорять, а Шведы имъ не воспрятствуютъ. Теперь, пока перемпрѣ съ Шведами не вышло, на-

добно поскорѣе промышлять о мирѣ съ Польскимъ королемъ черезъ посредство курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго; съ Польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе Шведскаго, потому что разлились крови многія и уже время дать покой. А не уступивши Черкасъ, съ Польскимъ королемъ миру не сыскать. Прежде, когда они были отъ великаго государя неотступны, уступить ихъ было нельзя, потому что приняты были для единой православной вѣры; а теперь въ другой разъ измѣнили безъ причины: такъ изъ чего за нихъ стоять? Какъ заключенъ будетъ миръ съ Польскимъ королемъ, такъ и Татары отстанутъ: хана деньгами закупить нельзя, потому что онъ султанскій подданный: Турокъ велитъ ему помогать Польскому королю, — и онъ станетъ помогать, и будетъ отговариваться, что по-неволѣ помогаетъ; мпромъ съ Поляками Турокъ и ханъ будутъ задавлены, а къ Шведу ханъ на помощь не пойдетъ; уже если надобно уступить Шведу города, то можно уступить и помириться съ Поляками; я стою за Ливонію ни изъ чего другого, какъ только памятуя крестное дѣлованіе, — у меня тутъ ни помѣстья, ни вотчины нѣтъ. Если съ Шведскимъ помириться теперь и города уступить, то съ Польскимъ королемъ миру не сыскать: это народъ гордый, подумаютъ, что у насъ большое безсиліе, и возвысятся безъ мѣры. А вмѣсто того, чтобъ за города платить Шведамъ деньги, лучше удержать перемирие посредствомъ Англійскаго короля: послать въ Англію умнаго челоуѣка, поздравить короля Карла II съ восшествіемъ на престолъ и попросить о посредничествѣ. Король согласится и будетъ радъ для прежней дружбы, потому что государь съ Кромвелемъ дружбы не имѣлъ и въ посредники его не принималъ. Съ Польскимъ королемъ надобно мириться въ-мѣру, чтобъ Поляки не искали потомъ перваго случая отомстить; взять Полоцкъ да Витебскъ, а если Поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно: прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе; надобно будетъ безпрестанно помогать всякое казно да держать въ нихъ войско. Другое дѣло Лифляндская Земля: отъ нея русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ; а изъ Полоцка и Витебска Двиною рѣкою которые товары станутъ ходить, и съ нихъ пошлина въ Лифляндскихъ городахъ будетъ большая, жалованьями грамотами и лготою отговариваться не стануть. А если съ Польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ ему обидный, то онъ крѣпокъ не будетъ, потому что Польша и Литва не за моремъ, причина къ войнѣ скоро найдется. Създамъ съ польскими комиссарами быть въ Полоцкѣ, а въ великихъ послахъ быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знаетъ, разумъ и дѣла его выславлезу вездѣ, да съ нимъ бытъ думному дяку Алмазу Иванову. Объявивши свои мысли, Аонасій Лаврентьевичъ послалъ такое письмо къ государю: „Бытъ челоуѣкъ бѣдный и беззаступный холопъ твой, Аоанка На-

щоккинъ. Моя службишка Богу и тебѣ, великому государю, извѣстна, за двое государево дѣло, не страшася никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москвѣ отъ твоихъ думныхъ людей доклады съ посяганьемъ и изъ городовъ отински со многими неправдами, и тѣмъ разрушаются твои государевы дѣла, которые указано мнѣ въ Лифляндахъ дѣлать; я за свою вину давно достоинъ смерти, не слышалъ бы, что тебѣ, великому государю, безпрестанно отовсюду приносятъ печали черезъ меня, беззаступнаго холопа твоего, и службишка моя до конца вѣщанъ ненавидима. Милосердый государь! вели меня отъ посольства шведскаго отставить, чтобъ тебѣ отъ многихъ людей доуки не было, чтобъ не было злыхъ переговоровъ и разрушенія моему дѣлу изъ ненависти ко мнѣ“.

Желаніе Нащоккина было исполнено: вмѣсто него, на съѣзды съ послами новаго Шведскаго короля, Карла XI, Вентгროномъ съ товарищами, въ началѣ 1661 года отправился прежній великій посоль, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій съ товарищами: стольникомъ княземъ Иваномъ Петровичемъ Вярятинскимъ, стольникомъ Иваномъ Аонасьевичемъ Прончищевымъ, дяками Доктуровымъ и Юрьевымъ. Въ мартѣ начались съѣзды въ Кардисѣ, между Дерптомъ и Ревелемъ. Шведскіе послы начали жалобою на Ордина-Нащоккина, который не показалъ никакого расположенія къ вѣчному миру и только проволакивалъ время, водилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, что и заставило ихъ, Шведовъ, по-неволѣ заключить миръ съ Поляками, тогда какъ имъ гораздо желательнѣе было заключить миръ съ Россіею, чѣмъ съ Польшею. Прозоровскій оправдывалъ своего предшественника и складывалъ всю вину на Шведовъ. Послѣ этого спора Шведы спросили, будетъ ли имъ уступлено все завоеванное въ Ливоніи, и прибавили, что безъ рѣшительнаго отвѣта на этого вопросъ они ни о чемъ говорить не стануть. Прозоровскій потребовалъ городовъ, отданныхъ по Столбовскому миру; Шведы отвѣчали, что объ этихъ городахъ и говорить нечего, потому что они въ прежнѣе мѣра въ закрѣплены государскими думами; что они не только не возвратятъ стояловскихъ уступокъ, но требуютъ и остальной Корельской Земли, которая осталася за царемъ послѣ Столбовскаго мира, да 500,000 золотыхъ червонныхъ. „Такую награду дать отъ какой неволи?“ отвѣчалъ Прозоровскій, „лучше этою казною вновь чего-нибудь достигать, нежели напрасно давать; это вы сами можете разсудить“. — „Мы вамъ про дѣла объявляемъ“, продолжали Шведы, „что теперь, за Божіею помощію, дѣла у насъ идутъ по-прежнему, какъ было дѣтъ за нятъ, а запросы наши не такъ велики, какъ великіе убытки, понесенные нами отъ войны“. — „Намъ эти запросы слышать нище войны“, возражалъ Прозоровскій, „вы это начинаете мимо прямого настоящаго дѣла и тѣмъ отводите отъ вѣчнаго покоя христіанскаго“. Послѣ долгихъ споровъ и вычетовъ, Шведы объявили, что уступаютъ въ

царскую сторону остальную часть Корельской Земли, по попржему требуютъ завоеваннаго въ Ливоніи и денежной награды за убытки. „Вы уступаете то, чего у васъ въ рукахъ нѣтъ,“ отвѣчалъ Прозоровскій, „уступите Иванъ-городъ, Ямъ и Копорье, тогда великій государь поможетъ вамъ денежною казною.“ Шведы не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ, и русскіе уполномоченные должны были заключить миръ на всей ихъ волѣ. 21 іюня окончательно подписанъ былъ вѣковѣчный мирный договоръ: обязались другъ другу во всякихъ мѣрахъ всякаго добра хотѣть, лучшаго искать и во всемъ правду чинить; титла обоихъ государей писать по ихъ достоинству и чести, какъ они сами себя описываютъ; царское величество уступаетъ въ королевскую сторону всѣ взятые въ Ливоніи города, а именно: Кокенгаузенъ, Деритъ, Мариенбургъ, Анзль, Нейгаузенъ, Сыренскъ, со всеми принадлежащими къ нимъ землями и крѣпостями и со всякими пушечными запасами, съ которыми они взяты; сверхъ того, выходи изъ этихъ городовъ, Русскіе обязаны оставить королевскимъ ратнымъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ—10,000 бочекъ ржи и 5,000 бочекъ жита; для земляныхъ граней въ апрѣлѣ будущаго 1662 года выслать съ обѣихъ сторонъ межевыхъ людей по три человѣка дворянъ и дьяковъ добрыхъ; начать имъ межевать выше Новаго Городка (Нейгаузенъ) между русскими и шведскими деревнями по рѣчкѣ Меуцицѣ. Съ обѣихъ сторонъ изъ пограничныхъ областей людей не перезывать и не выводить ни тайно, ни явно; между обоими государствами быть вольной и безпрепятственной торговлѣ; по всѣмъ ихъ областямъ, всякими путями, показавши разъ свою пробѣжку намять первому порубежному воеводѣ, торговый человѣкъ воленъ ѣхать всюду, куда ему угодно. Русскимъ торговымъ людямъ имѣть вольные торговые дворы въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ; на тѣхъ дворахъ отправлять церковную службу въ своихъ хоробахъ, но церковей своей вѣры не ставить, кромѣ той церкви, которую они въ Ревелѣ изстари имѣли. На тѣхъ же условіяхъ Шведамъ имѣть торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Неревелавлѣ. Если русскія суда будутъ разбиты бурей у шведскихъ береговъ, то люди безпрепятственно отходятъ оттуда со всѣмъ ихъ имѣніемъ, которое сами соберутъ или собереть велѣтъ, а Шведы должны помогать имъ въ береженьи имущества; такимъ же образомъ поступаютъ Русскіе со Шведамъ на своихъ берегахъ. Послать, посланникамъ,

гонцамъ и переводчикамъ вольно ѣздить черезъ области обоихъ государствъ во всѣ страны, которыя не состоятъ съ ними въ явной враждѣ; черезъ шведскія области путь чистъ въ Россію иностраннымъ купцамъ съ узорочными товарами, которые годны въ казну царскаго величества, также докторамъ и лѣкарямъ и всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ; со стороны же царскаго величества королевскому величеству такимъ же образомъ во всемъ воздано будетъ. Илѣнные съ обѣихъ сторонъ освобождаются безъ окуна, кромѣ тѣхъ, которые сами добровольно захотятъ служить на той или другой сторонѣ, и тѣхъ, которые въ Россіи приняли православную вѣру Греческаго закона; перебѣжниковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ; обиднымъ дѣламъ расправа на рубежѣ чрезъ высланныхъ съ обѣихъ сторонъ годныхъ, добрыхъ и разумныхъ людей; для большихъ дѣлъ оба великіе государя высылаютъ пословъ своихъ на рубежъ ¹⁾.

Миръ былъ тяжелый, потому что условіями своими вполне выражалъ безплодность войны. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ возможность окончательно развязать руку относительно Швеціи была благодарнѣе для Москвы: Малороссія опять волновалась, Польша брала верхъ, бояринъ московскій сдѣлалъ въ оковахъ у крымскаго поганца, война затягивалась въ безконечность, и казна царская цуѣтѣла все болѣе и болѣе.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; дѣла Шведскія 1657—1661 года; столб. Прик. Тайн. Дѣлъ въ Госуд. архивѣ. — Во время переговоровъ съ Швеціею встрѣчаемъ упоминаніе о знаменитомъ Катонихинѣ; «Отъ царя и в. князя Алексея Михайловича всея В. и М. и В. Россіи самодержца нашимъ великимъ и полномочнымъ послать дум. двор. и наместнику нацкому Афонасью Лаур. Ордину-Нащкинну съ товарищи. Апрѣля въ 19 числа есте къ намъ Свѣйскихъ пословъ съ вами о сѣздахъ и съ листа Свѣйскихъ же пословъ прислали переводъ. А въ отпискѣ вашей въ первомъ столбцѣ прописано гдѣ было надобно написать насъ великаго государя, и написано великаго, а государя не написано. И то вы учинили неостережительно. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выѣдъ вѣредъ въ отпискахъ своихъ и во всякихъ нашихъ дѣлахъ которые будутъ на шехѣ наше великаго государя именованіе и честь писали съ великимъ остережительно, а вы діакъ вычитали всякій писма сами по единожды и высмотривали гораздо чтобъ вѣредъ въ нашихъ писмахъ такихъ неосторожностей не было, а вольному Уришке Катонихину который той отписку писалъ велѣніемъ есте за то учинить наказаніе битъ батоги. Писанъ въ Москвѣ лѣта 7168 мая въ 4.»—Послѣ, 9 октября, Нащкинъ послалъ Катонихина въ Ревель провѣдывать о шведскихъ послыхъ.

Глава II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ.—Неприятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками.—Пораженія князя Хованскаго подъ Полошкою.—Военныя дѣйствія Долгорукаго у Могилева.—Перешка Бѣтвскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ.—Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову.—Военныя дѣйствія у Любара.—Отступленіе Шереметева къ Чудову.—Хмельницкій передаетъ Полякамъ. Сдача Шереметева и плѣнь въ Крым.—Состояніе Москвы послѣ извѣстій о Чудновскомъ несчастьи.—Дурная вѣсти съ Дону.—Ссора воеводъ въ Малороссіи.—Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ для Европы.—Переговоры Бѣтвскаго и Хмельницкаго въ Горсуцѣ.—Черная рада.—Павель Тетеря.—Движенія на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы.—Наказный гетманъ Самко.—Запорожье, Сѣрко и Брюховецкій.—Посольство Полтева въ Малороссію.—Военныя дѣйствія здѣсь.—Причина ихъ прекращенія.—Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства.—Посольство Протасьева въ Малороссію.—Самко совѣтуетъ, чтобы западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобы при гетманѣ малороссійскомъ находился постоянно великороссійскій чиновникъ.—Доносы на Самка.—Епископъ Меодій.—Нашествіе Крымцевъ.—Козелецкая рада.—Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Меодія на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка и на Золотаренка, и требуетъ Ртищева въ князи малороссійскіе.—Оправдательная грамота Самка.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи.—Хмельницкій слагаетъ гетманство и постргается въ монахи.—Тетери—гетманъ западной стороны.—Продолженіе борьбы между искастелями гетманства на восточной сторонѣ.—Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою.—Посольство Ладженскаго въ Малороссію.—Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнь его противниковъ.—Неудовольствія въ Украинѣ.—Пораженіе Хованскаго при Кушлякахъ.—Потери Гродня, Могилева, Вильны.—Судьба Виленскаго воеводы князя Данилы Мищенкаго.—Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлоруссіи.—Мирныя переговоры.—Размѣнъ плѣнныхъ.—Трагическая смерть Говѣвскаго.—Король собирается перейти на восточный берегъ Днѣпра.—Дѣйствія Московскаго воеводы Касогова и Сѣрка на югъ.—Воленіе въ Запорожьѣ.—Писмо Касогова въ Москву.—Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода.—Переговоры дьяка Вышкаева съ гетманомъ и старшиною.—Нашествіе короля на восточную сторону и неупѣхъ его.—Военныя дѣйствія на западной сторонѣ.—Замыселъ Выговскаго и смерть его.—Заочное митрополита Іосифа Тукальскаго.—Состояніе царскаго войска въ Малороссіи.—Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меодіемъ и съ городами.—Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго.—Оправдательное писмо его къ Хитрово.—Брюховецкій требуетъ великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополию и объявляетъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву.

Мы видѣли, что грозная туча, ужаснувшая Московку, въ 1659 году, пронеслась мимо; ханъ съ Выговскимъ не являлись изъ-подъ Конотопа подъ ея стѣнами; Малороссія снова подчинилась великому государю. 1659 годъ завершился удачею: въ декабрѣ бояринъ Василій Ворисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ¹⁾. Но въ Малороссіи что-то не ладилось.

Въ декабрѣ 1659 года пріѣхали въ Москву отъ Хмельницкаго послы—Андрей Одинецъ и Петръ Дорошенко съ наказомъ бить челомъ: 1) Чтобы царскихъ воеводъ, кромѣ Кіева и Переяславля, нигдѣ въ другихъ городахъ не было, кромѣ случаевъ неприятельскаго нашествія.—Государь указалъ: этой статьѣ быть по Переяславскому договору, а утѣшенія отъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей войску Запорожскому не будетъ. 2) Чтобы гетману съ судьями войсковыми и иному старшиною судъ на преступныхъ людей вольно было имѣть на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, какъ надъ старшиною, такъ и надъ чернью, и осужденныхъ по закону карать: иначе водворится непослушаніе и, черезъ непослушаніе, смятеніе въ войскахъ; чтобъ послы гетманскіе грамоту отдавали сами въ руки царскаго величества, и чтобы эта грамота при посланъ же была прочитываема государю.—Первая половина просьбы была отвергнута, какъ несообразная съ Переяславскимъ договоромъ; на вторую отвѣчали: листы гетманскіе при царскими величествѣ принимаютъ всегда.—такъ повелось

издавна; это измѣнникъ Ивашка Выговскій толковалъ, будто посланцамъ ихъ листовъ до царскаго величества доносить не даютъ; но этого никогда не бывало и впередъ не будетъ; листы передъ царскимъ величествомъ читаютъ и все по нимъ государю бываетъ вѣдомо. 3) Чтобы государь не принималъ никакихъ грамотъ, челобитенъ и посланцовъ изъ войска Запорожскаго, ни отъ старшинъ, ни отъ черни, ни отъ духовныхъ, ни отъ мірскихъ людей, безъ листа отъ гетмана и печати войсковой: это для разныхъ причинъ, потому что отъ обольганія ненавистныхъ людей многія ссоры происходят.—*Отвѣтъ:* Если кто изъ войска Запорожскаго къ царскому величеству безъ гетманскаго листа и пріѣдетъ, то царское величество велитъ дѣло разсмотрѣть, и если которые люди стануть пріѣзжать по своимъ дѣламъ, а не для смуты, то царское величество и указъ имъ велитъ чинить по ихъ дѣламъ; отъ которыхъ же объявятся ссоры, то государь никакимъ ссорамъ не повѣритъ и велитъ отписать объ этомъ къ гетману. Такъ гетманъ бы ничего не опасался; если же исполнить эту ихъ просьбу, то вольностямъ ихъ будетъ нарушеніе, этижъ они вольности свои сами замыкаютъ. 4) При мирныхъ переговорахъ съ королевемъ Польскимъ и другими окрестными монархами быть и посланъ войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ и засѣдать въ особомъ мѣстѣ; если будетъ коммисія съ королевскими послами, то послы войска Запорожскаго стануть просить о возвращеніи отъ уніатовъ забранныхъ ими у православныхъ владычествъ, архимандритствъ,

¹⁾ Дополненіе къ III ч. Дворц. разрядовъ, стр. 207.

игуменство и разныхъ маестностей. Царское величество указать: быть по ихъ прошенью, послать имъ на съѣздъ съ польскими комиссарамъ двухъ или трехъ человекъ добрыхъ, а не совѣтчиковъ Ивашки Выговскаго. 5) Чтобъ гетману и всему войску Запорожскому вольно было пословъ отъ разныхъ государству принимать и отпускать, доставляя въ Москву списки съ грамотъ, или приписанныхъ, или даже подлинныя грамоты съ печатями. *Отвѣтъ*:— Турецкихъ, польскихъ, и другихъ подобныхъ пословъ не принимать; молдавскихъ и валахскихъ, которые придутъ съ порубежными малыми дѣлами, принимать; если же придутъ съ большими дѣлами, то грамоты присылать въ Москву, а самихъ отпускать. 6) Чтобъ царское величество простилъ Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Гришку Десницкаго, Гришку Гуляницкаго, Самошку Богданова, Германку Гапонова, Федку Лободу, быть имъ въ прежнемъ достоинствѣ; чтобъ государь велѣлъ освободить плѣнныхъ, Ивана Сербина и другихъ. — *Отвѣтъ*: Царское величество пожаловалъ, впередъ этимъ людямъ баннитамъ не быть, а когда гетманъ самъ будетъ у государя, тогда объ этомъ и указать съѣздуесть. 7) Чтобъ гетману и войску даны были жалованья грамоты, какъ даны были Богдану Хмельницкому; чтобъ Юрію Хмельницкому дана была грамота на староство Чигиринское и Гадяцкій повѣтъ, съ которыхъ денежные и хлѣбные сборы должны идти на гетмана. Эта просьба была исполнена. 8) Чтобъ духовенству малороссійскому былъ предоставленъ свободный выборъ митрополита; „относительно же того, подь чьимъ благословеніемъ быть Киевскому митрополиту, то намъ, мірскимъ людямъ, говорить объ этомъ не слѣдуетъ: какъ рѣшить Константинопольскій патриархъ, такъ и будетъ“. — *Отвѣтъ*: Царское величество указалъ: быть тому по нынѣшнему Переяславскому договору, митрополиту Киевскому быть подь благословеніемъ патриарха Московскаго, потому что духовенство на Переяславской радѣ приговорило такъ.

Юрій не былъ доволенъ Москвою: просьбы, которыя всего больше лежали у него на сердцѣ, не были исполнены. Въ это время слышали въ Малороссіи, что собираются на нее съ двухъ сторонъ — король Польскій и ханъ Крымскій. Въ половинѣ іюля 1660 года гетманъ отправилъ посланцовъ къ царю съ такою и н формаціею: просить государя, чтобъ прислалъ въ Малороссію другого боярина для обороны отъ хана Крымскаго, потому что бодринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ Ляховъ; объявить, что король Польскій, хитрый въ думахъ и въ уставѣ, наступая къ крѣпкѣ на царское величество и на города украинскіе съ посполитымъ рушеніемъ; къ нему на помощь Крымскій ханъ послалъ калгу съ мурзами. Просить государя, чтобъ велѣлъ Донскимъ казакамъ промышлять надъ крымскими городами и такимъ образомъ помѣшать соединенію Татаръ съ Поляками. Просить, чтобъ государь отпустилъ шурина гет-

манскаго, Ивана Нечая, потому что одинокъ человекъ — богатая земля не убожится, а бѣдная не богатѣетъ: „Сколько разъ“, писалъ Юрій въ грамотѣ, „просилъ я ваше царское величество о Иванѣ Нечая, но до сихъ поръ не могъ получить желаемого: думаю, что писаніе мое до рукъ нашего царскаго величества не доходило; сестры мои двѣ вдовы: одна по Данилѣ Выговскомъ, другая по Иванѣ Нечая, съ дѣтками безпрестанно слезы проливаютьъ кровавыя, на меня нарекають и докучаютъ и просятъ, чтобъ ванему царскому величеству бить челомъ и писать“. Посланцы гетманскіе объявили въ Москвѣ, что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ коронаго войска, а съ нимъ пошло 11 полковъ черкасскихъ, всѣхъ ратныхъ людей у него 60,000; наказнымъ гетманомъ при Черкасахъ Переяславскій полковникъ Тимошеи Цецура. Коронный гетманъ Потоцкій стоитъ около Мѣжибожа, а войска у него съ 10,000; Чарнецкій и Сангага стоятъ подь Борисовымъ: два раза приступали они къ этому городу, но были отбиты. Въ Запорожьѣ гетманъ посылаетъ два полка — Черкасскій да Каневскій, а съ кошевымъ въ Запорогахъ съ 10,000 войска, да охотниковъ съ Сѣркомъ 5,000: велѣно имъ промышлять надъ Татарами.

Царь отвѣчалъ гетману, что къ нему на помощь отъ Татаръ идетъ изъ Москвы околнничій князь Осипъ Щербатый со многими ратными людьми, да изъ Вѣлгорода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій пошлетъ товарища своего, Петра Скуратова; къ Донскимъ казакамъ уже послалъ приказъ промышлять надъ Крымами. Въ просьбѣ объ освобожденіи Нечая и на этотъ разъ было отказано гетману; царь писалъ ему: „Ивашъ Нечай намъ измѣнилъ, Польскому королю Яну-Казпміру присягалъ, нашихъ ратныхъ людей на проѣздахъ многихъ побивалъ, въ Метиславль и Кричевъ мѣщанамъ прелестные листы писалъ, по которымъ мѣщане намъ измѣнили, воеводъ нашихъ и ратныхъ людей побилъ, а иныхъ воеводъ онъ, Нечай, отослалъ къ Польскому королю; онъ же изъ Чаусъ подь Могилевъ и подь Метиславль приходилъ, многое разоренье и кровопролитіе починилъ, въ Смоленскъ къ воеводѣ и въ другіе города воровскіе листы писалъ, называясь вѣрнымъ подданнымъ Польскаго короля; въ Выховѣ заперся, нашихъ милостивыхъ грамотъ не послушалъ, почему и взятъ въ Выховѣ нашими ратными людьми. Польскій король и теперь съ нами войну ведетъ, такъ намъ Нечая къ вамъ въ войско Запорожское отпустить нельзя, потому что онъ, по присягѣ своей, станеть Польскому королю желать всякаго добра, а намъ и вамъ всякаго зла“¹⁾.

Но страшное зло сдѣлалось и безъ Нечая. Неприятельскія дѣйствія между московскими и польскими войсками не прекратились. Въ январѣ 1660 года бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хо-

¹⁾ Архивъ мин. ин. д.: дѣла Ма-ороссійскія 1659 и 1660 г.

ванскій взялъ Брестъ, выжегъ его и выѣкъ, поразивши въ трехъ битвахъ тронхъ непріятельскихъ вождей—Полубенскаго, Обуховича и Огнискаго¹⁾). А между тѣмъ въ Борисовѣ пріѣхали князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами для мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными; для участія въ этихъ переговорахъ пріѣхали и послы войска Запорожскаго—Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и Федоръ Коробка съ 53-мя казаками. Относительно Малороссійца Одоевскій получилъ наказъ: отвести имъ въ Борисовѣ дворы добрые; для береженія быть у нихъ стрѣльцамъ, чтобъ имъ отъ ратныхъ государевыхъ людей никакой тѣсноты и безчестія не было; на сѣздахъ сидѣть имъ въ государевомъ шатрѣ особо на скамьѣ или на стульяхъ отъ польскаго стола недалеко, гдѣ пристойно, а къ шатру и отъ шатра велѣть имъ ѣздить за дьяками; а о рубежахъ съ польскими комиссарами говорить имъ по информации, какая имъ дана отъ гетмана Юрія Хмельницкаго и отъ всего войска Запорожскаго. Въ информации говорилось, что Волынь и Подолія не должны отдѣляться отъ владѣній царскаго величества, тѣмъ болѣе что государь уже называется Волынскимъ и Подольскимъ; чтобъ унія была уничтожена; чтобъ пѣльняники украинскіе, особенно взятые не на войнѣ, были возвращены; чтобъ была свободная торговля между Малороссією и Польшею. Но информация оказалась ненужною: русскіе уполномоченные не дождались польскихъ комиссаровъ въ Борисовѣ. Въ мартѣ вѣсяцѣ коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій, Выговскій съ Поляками и Татарами начали военныя дѣйствія на югѣ, безъ успѣха приступили къ Могилеву (на Днѣстрѣ), Браславлю, Уманн, жгли села и разсылали всюду предостыны грамоты. Зимній походъ былъ труденъ: войско терпѣло сильный голодъ, потому что крестьяне покрѣтали весь хлѣбъ въ ямы, а сами заперлись въ крѣпостяхъ вѣстѣ съ казаками; край опустѣлъ; ханъ прислалъ только нѣсколько тысячъ Татаръ, и то очень изурядныхъ. Гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ въ апрѣлѣ комиссарамъ: „Если мы заключимъ миръ съ Москвою, то обѣ фурці, и Турецкая и Татарская, непремѣнно бросятся на насъ, потому что господаи Молдавскій и Волошскій поселили въ Татарахъ большое недобѣріе къ намъ, вѣнувши, что мы согласились съ Москвою противъ нихъ. Я желаю въ мира съ Москвою; но если за нимъ должна послѣдовать Турецкая война, то надобно хорошенъко обдумать дѣло“. Вотъ еще новая причина неуступчивости и медленности со стороны комиссаровъ²⁾! Они стали отказываться писать царя Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцемъ, стали требовать, чтобъ московскіе уполномоченные не писали запорожскихъ посланныхъ подданными царскими, и чтобъ эти подданные не имѣли вольнаго голоса при пе-

реговорахъ. „Странное дѣло!“ отвѣчалъ имъ Одоевскій, „у васъ на сеймахъ посолъ каждаго повѣта имѣеть вольный голосъ; въ Малороссіи повѣтовъ много, а вы не хотите малороссійскимъ посламъ дать вольнаго голоса при нашихъ переговорахъ!“ Комиссары прислали сказать Одоевскому, что послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ, посланцы его за него и за все войско присягали королю въ Шубинѣ. Одоевскій показалъ грамоту комиссаровъ Золотаренку, и тотъ отвѣчалъ имъ: „Святаго божественнаго маестата дѣло отнимать земли у одного монарха и отдавать ихъ другому, и вы, не желая называть насъ подданными царскими, волѣ Божіей противитесь. Несмотря на то, что нѣкоторые Ляхи, находившіеся въ войскѣ Запорожскомъ, старались склонити его на польскую сторону, войско, какъ скоро узнало объ ихъ замыслахъ, свергнуло съ безчестіемъ Выговскаго и отдало булаву Хмельницкому, который, какъ достойный сынъ, пошелъ по стопамъ отцовскимъ и воскресилъ въ войскѣ присягу царскому величеству, умерщвленную насиліемъ Выговскаго, и теперь на Украинѣ нѣтъ ни одного полка, ни одного полковника, ни одного товарища, который былъ бы поданнымъ королевскимъ“. Въ то время, какъ шла эта бесполезная переписка, 29 апрѣля ночью, Поляки, съ 1,000 человекъ, явились подъ Вильною, овладѣли большимъ городомъ и начали приступать къ замку; но русскіе солдаты сдѣлали удачную вылазку изъ замка и выбили непріятеля изъ большого города. Съ польскими ратными людьми приходило подъ Вильну много шляхты, присягнувшей прежде царю. Накаунѣ непріятельскаго прихода нѣкоторые изъ этой шляхты пріѣзжали подъ Вильну для провъѣданія; мѣщане вышли къ нимъ на встрѣчу за пять верстъ и рассказали, на которыхъ мѣста въ городѣ лучше ударить; когда же Поляки подошли къ Вильнѣ, то мѣщане поместили имъ мосты черезъ рвы, ворота съ ними заодно высккали и къ замку приводили, указывая на слабыя мѣста. Извѣстный намъ Нѣжинскій протопопъ Максимъ писалъ нѣжинскому сотнику Роману Ракушкѣ, бывшему въ Борисовѣ вѣстѣ съ Золотаренкомъ: „Ради Бога, будьте осторожны на этой комиссіи съ Ляхами, зная лядскую хитрость, и боярамъ скажите, чтобъ были осторожны; знаю подлинно, что Ляхи призвали въ Литву 12,000 Татаръ и хотѣтъ подвести ихъ измѣною на царскихъ уполномоченныхъ. Объ этихъ Татарахъ выныгали въ Прилукахъ у няняго чернеца Тарасія Вузкаго, который былъ при интрополитѣ Валабанѣ, пріѣзжалъ съ нимъ изъ Слудца въ Кіевъ и опять съ нимъ уѣхалъ; лютый кобель, и хотя подъ клубукомъ, а настоящій іезуптъ, теперь послѣ Паехи пріѣзжалъ опъ изъ Слудца къ пану гетману, сказывается, съ интропотичными письмами; такъ онъ говорилъ, что Задѣйровиче король выдалъ Туркамъ и Татарама, чтобъ огнемъ и мечемъ выгубили“. Наконецъ, 18 іюня, Одоевскій получаетъ коротенькую записку отъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго,

¹⁾ Weslawski, p. 119.

²⁾ Памятники, изд. Кіевского компле., т. IV, отд. 3, № 1.

который осаждал Ляховичи: „Князь Никита Ивановичъ! Бога ради берегитесь: идти на васъ люди изъ Жмуди, а на насъ уже пришли—Чарнецкій съ товарищами; посольству у васъ никакъ не статся, обманываютъ; не покручинься, что коротко написаль: и много было писать, да некогда, пошелъ противъ неприятеля. Иванка Хованскій челомъ бьетъ, Бога ради берегитесь!“ Недолго послѣ того посла ждали новыхъ вѣстей; 20 июня прибѣжалъ изъ полковъ Хованскаго солдатъ и объявилъ о страшномъ несчастіи: 17 числа Хованскій выступилъ изъ обоза подъ Ляховичами, хочевалъ въ двадцати верстахъ въ мѣстечкѣ Мышахъ и на другой день, 18 июня, въ десяти верстахъ отъ Мышей, въ мѣстечкѣ Волопѣ (Полонкѣ) встрѣтился съ польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Гмитича: здѣсь русская пѣхота потерпѣла совершенное пораженіе, воевода князь Семень Щербатый попался въ плѣнъ, двое сыновей князя Хованскаго и воевода Змѣевъ были ранены; Хованскій-отецъ съ остальнымъ войскомъ побѣжалъ къ Полоцку: обозъ подъ Ляховичами достался побѣдителямъ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, уполномоченные немедленно же выѣхали изъ Борисова въ Смоленскъ ¹⁾).

Такъ исполнилось пророчество паря отшельно Хованскаго, который съ эгихъ поръ сдѣлался знаменитъ своими поражениями ²⁾. Но, кромя Хованскаго, въ Бѣлорусіи былъ еще другой воевода, прославившійся разбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ гетмана Гонсевскаго, князь Юрий Алексѣевичъ Долгорукій. 3 октября онъ далъ знать изъ села Губарева отъ Могилева за 30 верстъ, что въ трехдневномъ бою, 24, 25 и 26 сентября, онъ разбилъ гетмана Павла Сапѣгу, Чарнецкаго, Паца и Полубенскаго, взялъ у нихъ 19 человекъ плѣнныхъ; 10 октября новая вѣсти отъ Долгорукаго оттуда же, что гетманъ Сапѣга приходилъ на его обозъ, но былъ отбитъ. По польскимъ извѣстіямъ, Сапѣга и Чарнецкій напали съ двухъ сторонъ на войска Долгорукаго, разставленныя въ лѣсу въ числѣ 23,000; конницу разбили, но пѣхота, храбро защищаясь, въ порядкѣ возвратилась въ свой лагерь. Въ слѣдующіе дни Поляки окружили Долгорукаго, отнимали съѣстные припасы, шедшіе изъ Смоленска, переняли людей, хотѣвшихъ пробраться въ Смоленскъ. Въ это время Хованскій, собравшись снова съ силами у Полоцка, въ числѣ 12,000 человекъ, началъ наступать на Поляковъ сзади. Чарнецкій и Сапѣга обратились на него и принудили бѣжать; этимъ временемъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра послалъ къ Шклову; но князь Петръ потерпѣлъ пораженіе подъ этимъ городомъ ³⁾.

¹⁾ Архивъ ямп. нн. д.: дѣла Польскія 1660 года.

²⁾ «Sais cladibus orbî notus», говоритъ Мейербергъ о Хованскомъ.

³⁾ Акты арх. эксп. IV. № 119, 127; Дополненіе къ III ч. Дворцовыхъ разряд., стр. 244; Памятцики, изд. Кіев. комис. IV, 61.

На югѣ дѣла шли еще хуже. Здѣсь Поляки прежде всего хлопотали около новаго гетмана, склоняя его на сторону королевскую. Въ концѣ января 1660 года Бенѣвскій писалъ Юрію: „Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ Поляковъ; но неужели природный панъ вашъ король потому кажется вамъ жестокосердымъ, что, какъ добрый отецъ, покрылъ ризою милости и далъ перенять сынамъ заблудшимъ? Не потому ли онъ вамъ кажется жестокосердымъ, что всякому до него, какъ до отца, доступъ и разговоръ вольный, или потому, что всеъ присланные отъ васъ были обдарены и удовлетвованы, или, наконецъ, потому, что помазанникъ Божій присягнулъ Царю царей вѣстѣ съ сенатомъ и Рѣчью Посполитою, что васъ, какъ дѣтей, принимаетъ и вольностей вашихъ никогда не нарушитъ? А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украина мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на криокъ, дочь въ плѣну и въ безчестіи; когда бы увидѣлъ другого зятя неслыханно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его, истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши бумрагомъ просверленные и серебромъ затитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ милого мужа; когда бы увидѣлъ сиротъ, малыхъ у которыхъ отца такъ замучили:—еслибъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только припаялся бы за оружіе, но и въ огонь ринулся бы; наконецъ разоренное Запѣтровье и ежедневныя обиды—дивно мнѣ, какъ все это могло полюбитьсѣ? Знаю, что вы присягали царю, но знаю, что не по доброй волѣ; знаю, въ какомъ опасномъ положеніи находились вы подъ Терехтемировымъ; нескорое прибытіе нашей помощи причиною тому, что вы принуждены были присягнуть царю. Но смотрите, какъ сдержаны обѣщанія царскія! Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человекъ замученъ? Не только печаль, но и безчестіе всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго, на весь свѣтъ славнаго, въ войскѣ заслуженнаго, а вашей милости шурина. Удивляюсь, что панъ Ковалевскій, присяжный мой братъ, такъ скоро забылъ присягу свою, которую далъ Богу и пану своему природному, забылъ милость панскую, забыть и мнѣ къ себѣ милости. Не такимъ я зналъ пана Ковалевскаго прежде, во времена покойнаго родителя вашего; вспомнилъ бы то. какъ былъ переводчикомъ у покойника, какъ тотъ черезъ него все дѣлалъ. Если бы родитель вашъ хотя немножко побольше пожилъ, то возворилъ бы совершенный покой, радѣиємъ и трудами пана Ковалевскаго, который пусть припомнитъ, какія были къ нему милости отъ короля и королевы; а теперь онъ спиною къ помазаннику Божію обращается, несмотря на свою присягу, несмотря на то, что прежде самъ указывалъ способъ, какъ дѣйствовать противъ

Москвы. Знаю, что васъ, панъ гетманъ, отлучаютъ отъ насъ двоякаго рода представлѣнїями: вопервыхъ, страшатъ, что Ляхи будутъ мстить вамъ за обиды, нанесенныя имъ отцомъ вашимъ; но убей меня Богъ съ душою и тѣломъ, если панъ въ голову входитъ что-нибудь подобное; съ какой стати будемъ мстить вамъ!—Вѣдь вы еще не поднимали рукъ на короля и республику; скорѣе надобно было бы мстить на панъ Выговскомъ, который такъ жестоко на Польшу наступалъ, и, надобно признаться, при покойномъ родителѣ вашемъ никакъ не склонялся на пану сторону; но сами знаете, какъ онъ теперь взысканъ милостію королевскою, какою честью украшенъ. Вспомните и о панѣ Антошѣ Ждановичѣ: начавши отъ Кракова, прошелъ онъ съ огнемъ Польшу; а теперь взысканъ такъ же милостію королевскою; и другихъ прилѣровъ безчисленное множество. Войся, панъ гетманъ, не Польши, бойся Москвы, которая скоро захочетъ доходить малороссійскихъ и поступитъ съ вами, какъ съ другими. Вотъорыхъ, говорятъ, что у Ляховъ нѣтъ войска; говорятъ, «и собака на насъ не залаетъ, какъ пойдемъ въ Землю Польскую». Но жестоко обманется войско Запорожское такими вѣстями: до сихъ поръ, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ были мы окружены неприятелями, мы давали имъ отпоръ; теперь же, когда съ Шведскимъ королевемъ уже заключено перемиріе на 15 лѣтъ; когда войска короля Шведскаго вступили къ намъ въ службу; когда наши войска соединились или скоро соединятся съ Ордою; когда вся шляхта вооружится; когда войска изъ Пруссїи съ паномъ Чарнецкимъ, изъ Курляндїи, съ Полубетскимъ уже направляются въ Литву: то увидятъ, какъ мы безсилны! Не думайте, что король призываетъ васъ, чувствуя свою слабость; нѣтъ: онъ зоветъ васъ потому только, чтобы Украина не стала пустынею и чрезъ то не отворились бы ворота въ Польшу; притомъ же панъ природный не мечемъ, но добротою хочетъ привлечь къ себѣ поданныхъ. Свою шею заложу за вашу безопасность, при васъ и съ вами хочу быть. Ради Бога, размыслите хорошенько, не навлекайте на себя проклятія за клятвенное преступленіе и поступайте по правдѣ, а то теперь какъ смотрѣть на ваши поступки? Нишете ко мнѣ, чтобы я прїѣхалъ, а посланца моего въ заключенїи держали и хотѣли въ Москву отослать! Разсуди, милостивый панъ, что: хорошо ли отпирать пословъ къ помазаннику Божію съ изъясненїемъ покорности, а потомъ поступитъ совершенно иначе,—не значить ли это съ Богомъ и государемъ шутить? ибо что дѣлаетъ посолъ, то все равно что дѣлаетъ самъ панъ. Вы своихъ пословъ, людей невинныхъ, подъ такую бѣду подвели! Но я, знаи, что не одна мать родила всѣхъ, пословъ этихъ держу у себя въ чести, всякій день вѣстѣ со мною ѣдятъ и пьютъ, всего у нихъ довольно. Я бы ихъ давно уже отпустилъ, но панъ воевода Кіевскій (Выговскій) просилъ не отпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана къ нему жена его. По-

дарите меня за мои услуги, выпустите цѣлную женщину, погому что не рыцарское дѣло съ женщинами воевать, а я посылаю письменную присягу, что какъ скоро прїѣдетъ въ Межибожи панъ Выговскій, сейчасъ же отпущу къ вамъ пановъ по слову вашихъ». Хмельницкій сказалъ посланному Бегъевского: «Я другъ твоему пану; прїѣзжаетъ къ намъ или не прїѣзжаетъ—какъ хочеть, потому что не мое правленіе, а пана Ковалевскаго».

Этотъ отвѣтъ показывалъ лучше всего ничтожность Хмельницкаго; справедливо отозвался о немъ Кіевскій воевода Шереметевъ, который, поивавшись съ Юриемъ, сказалъ: «Этому гетманникѣ надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать». При этомъ свиданїи, которое дало Шереметеву такое невыгодное мнѣніе о Хмельницкомъ, они уговорились идти ко Львову, и въ концѣ августа дѣйствительно выступили въ походъ по двумъ разнымъ дорогамъ: Шереметевъ пошелъ на Котельню, Хмельницкій—на Гончариху; къ Шереметеву присоединился отрядъ казаковъ подъ начальствомъ Печуры. Непрїятель умѣлъ угадъ свои движенія и свои силы, и на Волыни у Любара Шереметевъ встрѣтилъ тридцатитысячное польское войско, подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и маршалка Любомирскаго; но съ Полжками шло еще 60,000 Татаръ. Видя превосходство силъ непрїятельскихъ, Шереметевъ засѣлъ въ обозѣ, изъ котораго отбивался въ продолженїи двухъ дней, 5 и 6 сентября; 1,500 москвичей и 200 казаковъ полегло при этой оборонѣ. Но бѣды только начинались; въ московскомъ обозѣ оказался голодъ. Чтобы промыслить что-нибудь, 9 сентября воевода выслалъ трехтысячный отрядъ; но Татары уже стерегли его на дорогѣ, ударили изъ задани, убили 500 человекъ, взяли въ плѣнъ 300. Прошло три дня; въ русскомъ обозѣ царствовала глубокая тишина; только по дыму да по лошадамъ, насущимся внутри и внѣ обоза, можно было догадаться, что въ немъ еще сидятъ люди. Русскіе притаились нарочно, и 13 числа, около 6 часовъ утра, вдругъ выступили на поле, разлитавшееся между двумя непрїятельскими станами. Поляки однако не были застигнуты врасплохъ и постигли къ нимъ на встрѣчу; увидавши ихъ, Русскіе немедленно скрылись въ свои укрѣпленїя; Поляки возвратились, но только-что успѣли сойти съ лошадей, какъ Русскіе опять показались въ полѣ и четыре раза повторили эту тревогу. Они не могли долѣе оставаться въ покоѣ: не было ни людскихъ, ни конскихъ кормовъ, ни пороха. 14 числа ночью они подкрались-было подъ станъ непрїятельскій, но, увидавъ, что Поляки готовы битъся, ушли назадъ. Всѣ эти безполезныя движенія только еще болѣе раздражили голодное войско. Казаки первые взволновались и рѣшили уходить: но въ то время, какъ они уже готовы были садиться на коней, является Шереметевъ съ саблею въ рукахъ, упрекаетъ ихъ въ трусости и общаетъ, если останутся, заплатить имъ въ Кіевѣ хорошія деньги. Казаки

успокоились; но на другой день, 16 числа, взволновалось и московское войско, требуя, чтобы бояринъ выводилъ его ночью изъ обоза, гдѣ оно не можетъ долге выносить голода. Шереметевъ отъказалъ: „Стыдно намъ ѡбжать, будучи въ такой силѣ“, говорилъ онъ, „полождемъ до завтрашняго утра, до семи часовъ“. Бояринъ никакъ не могъ рѣшиться ѡбжать ночью, воровски; онъ хотѣлъ выступить честно, днемъ, въ виду непріятеля. Исполняя данное слово, онъ передъ разсвѣтомъ отпразднвалъ обозъ съ слабѣйшею частью войска, а самъ выступилъ послѣ съ лучшими полками. отлично отбиваясь отъ наступавшихъ Поляковъ и Татаръ, по свидѣтельству самихъ враговъ. Но это отступленіе не могло совершиться безъ большихъ потерь; кромѣ множества убитыхъ, Русскіе оставили въ рукахъ непріятеля 400 телѣгъ и девять пушекъ. Отдыхать было нельзя: послѣ тяжелаго дня Русскіе должны были продолжать отступленіе всю ночь. Только въ 7 часовъ утра 18 числа достигли они города Чуднова, измученные. Не успѣли они еще вздохнуть, оглядѣться, какъ въ 10 часовъ явились Поляки, заняли замокъ п гору, господствующую надъ городомъ русскими; поэтому не было никакой возможности оставаться здѣсь: захвативши, сколько можно было, свѣтлыхъ припасовъ и занявъ городъ, они вышли изъ него и расположились станомъ подлѣ. Таборъ ихъ представлялъ видъ трехугольника: московскіе полки расположились на низменности, казаки занимали возвышеніе. Но едва успѣли они разлѣгаться на носелы, какъ непріятели окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, и гранаты полетѣли въ таборъ. Но въ это время стали приходить слухи о приближеніи Хмельницкаго; Поляки боялись, чтобы гетманъ не занялъ высокой горы, находившейся позади ихъ стана, и потому перенесли его за рѣку Тетерю. Русскіе обрадовались, что могли вздохнуть нѣсколько свободнѣе; притомъ же по указанію чудновскихъ жителей, они отыскали запасы хлѣба и могли спокойно дожидаться Чернасъ. Но польскіе вожди не хотѣли оставить ихъ въ этомъ спокойствіи; они рѣшились сдѣлать то же, что нѣкогда старый Хмельницкій сдѣлалъ подъ Зборовымъ: Потоцкій остался наблюдать за Шереметевымъ, а Любомирскій двинулся на-перерѣзъ Юрію Хмельницкому и началъ на него подѣ Слободичами. Жаркая схватка съ казаками стоила дорого Полякамъ, не давши имъ никакого перевѣса. Но уже одно неожиданное появленіе Любомирскаго произвело сильное впечатлѣніе: Поляки тутъ, а гдѣ Шереметевъ, — что съ ними? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приносятъ грамоту отъ Выговскаго съ убѣжденіемъ отложиться отъ Москвы, которой силы уже сокрушены, которая болѣе не свѣтитъ, а чахнетъ, какъ погасшая лампада; съ уничтоженіемъ войска Шереметевскаго, что немедленно должно послѣдовать, вся тяжесть войны падетъ на гетмана Малороссійскаго, а король милосердъ, и отъ великодушнаго народа

Польскаго казаки получать то, чего не дожидаться имъ отъ варварства московскаго.

Между тѣмъ Шереметевъ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Любомирскаго и выйти изъ стана; но Потоцкій загородилъ ему дорогу и принудилъ возвратиться, и въ тотъ же день пришелъ назадъ Любомирскій изъ-подъ Слободичъ. Что же Хмельницкій? Въмѣсто того чтобы, по слѣдамъ Любомирскаго, двинуться на помощь къ Шереметеву, онъ 1 октября прислалъ въ польскій станъ грамоту съ просьбою о мирѣ; а 3 числа казакъ-перевѣзчикъ изъ русскаго стана принесъ извѣстіе, что бояринъ на другой день готовится выступить къ Яткамъ для соединенія съ Хмельницкимъ. Цѣлую ночь не спалъ Потоцкій, готовясь къ кровному дню, и не напрасно: небывалый бой загорѣлся 4 октября, когда Русскіе, съ послѣдними отчаянными усиліями, порывались пробиться сквозъ ряды Поляковъ и Татаръ. Никакія усилія не помогли; Шереметевъ возвратился назадъ въ свой таборъ, полкъ Потоцкаго возвратился-было туда же за нимъ, но былъ выбитъ. Поляки говорятъ, что если бы Татары сражались какъ надобно, то войско Шереметева было бы окончательно сокрушено въ этотъ день; но Татары, бросившись грабить русскія телѣги, покинули битву прежде, чѣмъ слѣдовало. Русскіе, по счету Поляковъ, потеряли 3,000 убитыми.

На другой день, 5 числа, Хмельницкій прислалъ новыя предложенія въ польскій станъ; въ отвѣтъ было отпращено приглашеніе явиться лично и принести присягу королю. Черезъ два дня, 8 октября, гетманъ Малороссійскій пріѣхалъ. Поляки изумились, увидавъ наследника страннаго для нихъ имени: это былъ черноватый осьмнадцатилѣтній мальчикъ, скромный, неслонкій, молчаливый, сморщенный послѣднимъ монастырскимъ, а не гетманомъ казацкимъ и сыномъ знаменитаго Хмеля. 9 числа Юрій присягнулъ королю, и вечеромъ того же дня отправилъ письмомъ въ русскій станъ къ Цецуру, съ объявленіемъ, что миръ съ Польшею заключенъ, и чтобы полковникъ слѣдовалъ примѣру гетмана, переходилъ на королевскую сторону. 11 октября Цецура отвѣчалъ, что отдѣлится отъ Москалей, какъ скоро удѣловится въ присутствіи своего гетмана у Поляковъ, и вотъ Хмельницкій является на холмѣ подъ бунчукомъ. При этомъ видѣ Цецура съ 2,000 казаковъ (другіе остаются въ обозѣ) рванулся изъ табора; Татары бросаются на нихъ, думая, что это вылазка, Поляки снѣмать защититъ перевѣзчиковъ; около 200 казаковъ гибнетъ отъ Татаръ, другіе пѣляются за польскихъ всадниковъ и достигаютъ табора. Цецура произвелъ здѣсь совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Хмельницкій: онъ былъ приземистъ, крѣпокъ, приятной наружности, въ глазахъ горѣла отвага, движенія тѣла изобличали подвижность духа ¹⁾.

¹⁾ Relatio historica belli Szeremetici; Journal de ce qui s'est passé entre l'armée des Polonais et celle des Moscovites; Theiner—Monuments historiques de Russie, p.40.

Побѣгъ Цецуры былъ окончательнымъ ударомъ для Шереметева: о помощи нечего было и думать, а между тѣмъ „отъ пушечной и гранатной сгрѣльбы тѣснота была великая; съ-голоду ратные люди бѣли пальхы лошадей и мерля; пороху и свинцу у нихъ не стало“. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Шереметевъ продержался еще одиннадцать дней, и 23 октября рѣшился вступить въ переговоры съ польскими вождами; подписаны были слѣдующія условія: 1) Царскія войска должны очистить малороссійскіе города Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, оставя въ нихъ пушки и всякіе пушечные запасы, послѣ чего безпрепятственно отступятъ къ Путивлю, взявши съ собой имѣніе свое и казну царскую. 2) Войско Шереметева, сдавши оружіе, все военныя запасы и хоругви, остается въ обозѣ три дня, и на четвертый выступаетъ въ города—Кодню, Котельню, Павлоичъ и ближній мѣста. 3) Шереметевъ съ начальными людьми остается у гетмановъ коронныхъ и у султана Крымскаго, пока царскія войска не выйдутъ изъ Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова. Имъ позволяется оставить при себѣ только сабли и шпѣты сто топоровъ въ войскѣ для рубки дровъ; когда упомянутые города будутъ очищены, то войско, подъ защитою королевскихъ полковъ, отпустится къ Путивлю, гдѣ будетъ ему возвращено все ручное оружіе; дорогою русскихъ ратныхъ людей не будутъ ни грабить, ни побивать, ни въ плѣнъ брать; пищу себѣ и лошадямъ вольно имъ будетъ покупать. 4) Казаки, оставшіеся въ таборѣ Шереметева по уходѣ Цецуры, выйдутъ напередъ изъ обоза, оружіе и знамена повергнутъ подъ ноги гетмановъ коронныхъ, и Москвѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. 5) Шереметевъ съ товарищами ручаются, что воевода князь Юрій Никитичъ Вярятинскій на все эти статьи согласится, придетъ къ гетманамъ и останется у нихъ до очищенія Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; если же онъ этого при первой повѣсткѣ не сдѣлаетъ, то уговорныя статьи до него не касаются.

Вслѣдствіе этого, Шереметевъ немедленно отправилъ грамоты Вярятинскому, стоявшему подъ Кіевомъ, и другому воеводѣ, Чадаеву, находившемуся въ самомъ Кіевѣ, просилъ ихъ согласиться на Чудновскій договоръ. Шереметевъ писалъ: „Вашъ бы учинить по этому нашему договору, а въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ государевымъ ратнымъ людямъ быть не у чего, потому что Юрій Хмельницкій со всемъ войскомъ и съ городами измѣнилъ“. Но Вярятинскій, не находясь въ положеніи Шереметева, не думалъ, что Малороссія потеряна для Москвы потому только, что Хмельницкій передался Полякамъ. „Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ!“ отвѣчалъ Вярятинскій. Получивши этотъ отвѣтъ, Поляки сочли себя въ правѣ задержать воеводъ и войско, ибо главное условіе—очистка городовъ малороссійскихъ—не было исполнено. Но прежде всего надобно было удовле-

творить хитрыхъ союзниковъ, и самый важный плѣнникъ, за котораго надѣялись получить самый богатый выкупъ, Шереметевъ, отведенъ былъ въ Крымъ, гдѣ сначала сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ въ ханскомъ дворцѣ; потомъ, по ходатайству Сефергазы-аги, калдасы съ него сняли и послали въ Жидовскій городъ; здѣсь онъ имѣлъ при себѣ священника, толмача, могъ писать въ Москву грамоты, и воспользовался этимъ, чтобъ отомстить Вярятинскому, сложивши на него всю вину Чудновскаго несчастія: „Я и гетманъ писали къ нему, чтобъ шелъ намъ помогать; онъ было и выступилъ и отошелъ отъ Кіева верстъ съ 70, но, не дойдя до насъ, поворотилъ назадъ, пограбилъ много мѣстечекъ и деревень, а гетману, который его ждалъ, помощи не далъ“¹⁾. Видя, что московскіе воеводы не намѣрены сдавать Кіева, Поляки отправили туда тайно пана Чаплинскаго поднимать жителей противъ Москвы. Воевода узналъ о незаконномъ гостѣ и посадилъ его подъ стражу; но Чаплинскому удалось уйти изъ-подъ стражи; онъ скрылся въ монастырѣ, гдѣ игуменъ Сафоновичъ обрилъ у него бороду и усы, нарядилъ монахицею и велѣлъ выпустить изъ города въ то время, когда монахи коровъ выгоняютъ²⁾.

Сильно испугала Москву вѣсть о Конотонскомъ пораженіи; еще болѣшій ужасъ навела вѣсть о Чудновскомъ. Тогда истреблена была часть войска, сгибли вожди молодые; теперь пѣлое войско, опора власти царской въ Малороссіи, не существуетъ, и боярину и воевода, которымъ по справедливости гордились, котораго царь величалъ „вѣрнымъ и истиннымъ послушникомъ своимъ, храбрымъ и мужественнымъ архистратимомъ“, бояринъ Шереметевъ, въ позорномъ плѣну у крымскаго паша! Тогда ханъ съ Выговскимъ была ближе къ Москвѣ, но и теперь боялись, что наступающая зима постелетъ гладкій путь Полякамъ и Крымцамъ, и нѣтъ больше войска, которое бы можно было противуоставить имъ; съ другой стороны, можетъ явиться подъ Московю войско литовское, гордое побѣдою надъ Холанскимъ, и какое ручательство, что Шведъ не захочетъ воспользоваться бѣдою Москвы и не нападетъ на нее съ третьей стороны, какъ прежде напалъ на Польшу? Боялись и другаго рода несчастія—боялись бунта черни московской, раздраженной бѣдствіями продолжительной войны, и войны теперь несчастной. Опять во дворцѣ начали приготовляться къ отъѣзду царя въ Ярославль или Нижній³⁾. А тутъ еще дурная вѣсти съ Дону: въ июнѣ пришло изъ Царяграда моремъ подъ Азовъ 33 корабля съ людьми ратными, со

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ Малороссійскія, Польскія и Турецкія 1660 года. Относительно числа войска, бывшаго у Шереметева, мы не имѣемъ другихъ показаній, кромѣ приведеннаго выше повѣстія казацкихъ посланцовъ, что у него было 60,000.

²⁾ Столбныя Прик. Тайн. Дѣлъ, № 85.

³⁾ Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5371.

⁴⁾ Weslawski, p. 146.

всякими запасами и пушками, ратныхъ людей съ 10,000; да въ то же время изъ Крыма пришелъ Крымскій ханъ, съ нимъ Татары, Черкасы Темрюцкихъ, Кабардинскихъ и Горскихъ и мурзы Ногайскихъ съ 40,000, да рабочихъ людей, Венгровъ, Волохъ и Молдаванъ съ 10,000. Пришедши подъ Азовъ, по обѣимъ сторонамъ Дона поставили двѣ башни каменные, а между башнями черезъ Донъ подѣлали пѣши; на устьи прѣзднаго Донца, противъ Азова, поставили городъ каменный съ 4 башнями и съ нарядомъ большимъ и малымъ. Во время строенія крѣпостей, Донцы ходили трижды для языковъ, но работамъ помѣшать не могли по своему малолетству, да и боялись на себя пенрительскаго прихода, стада у нихъ Крымцы все отогнали. Пришли на Донъ царскіе воеводы, стольники, Семенъ Савичъ и Иванъ Савостьяновичъ Хитрово, но пришли они уже тогда, какъ ханъ, отстроивъ крѣпости, пошелъ назадъ въ Крымъ. Государевы люди сдѣлали себѣ городокъ выше Черкаска съ полверсты и, вмѣстѣ съ казаками, ходили подъ Азовъ, выгнали посады, были и подъ башнями, но ничего имъ не сдѣлали. Всѣхъ казаковъ въ Черкасѣ было только 3,000 да государевыхъ людей 7,000. Крымцы навѣстили послѣднихъ въ ихъ городкѣ, но были отбиты. Государевы люди были привычны сидѣть и отспживаться въ городкахъ, но казаки привыкли нападать и грабить, оборонительная война была для нихъ тяжела; они говорили: „Какъ стало на Дону войско быть, такого утѣшенія намъ никогда не бывало, — для промысловъ ходить никуда нельзя, и многіе безъ промысловъ съ Дону отъ насъ разбредутся“. Оставшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ. Воевода Чаадаевъ изъ Кіева билъ челомъ на воеводу князя Юрія Барятинскаго: „Пишетъ многія отписки у себя на дворѣ, со мною не говоря, и ни о чемъ со мною не совѣтуетъ, и во многіе походы ключей городовыхъ мнѣ не отдастъ, оставляетъ ихъ у человѣка своего Далматова, и передъ своими друзьями хвалится, что онъ меня отъ всего оттѣспнитъ, а ходить онъ въ походы не для государевыхъ дѣлъ, для своей корысти. Мая 23 (1661 г.) ходилъ онъ въ мѣстность Печерскаго монастыря, Иванково, и не дохода до нея, избравъ своихъ угодниковъ, послалъ съ ними людей своихъ, велѣлъ грабить на себя; ратные люди многіе лошадей поморили, а пришли ни съ чѣмъ; только искорытовался князь Юрій и друзей своихъ накормилъ; а къ тебѣ, великому государю, пишетъ все ложно и посылаетъ съ отписками своихъ угодниковъ. Писалъ онъ къ тебѣ, будто городъ Иванковъ взялъ и многія мѣста и села повоевалъ; но писать ложно: кромѣ одного мѣстечка Иванкова, нигдѣ войны не бывало, и въ томъ мѣстечкѣ никакихъ воинскихъ людей, кромѣ тутошнихъ жителей, не было и воевалъ было не съ кѣмъ, а выграбилъ его для своей корысти, и церкви Вожинъ вездѣ выграбилъ; добрыхъ людей своихъ озорничествомъ всѣхъ отогналъ; а меня называетъ измѣнникомъ, будто я съ тѣми людьми

знаюсъ для измѣны, и грозить убійствомъ; а все это онъ дѣлаетъ по мысли головы Федора Александрова. Многіе ратные люди говорятъ, что имъ подняться не-на-что, добра отъ насъ никакого не чають, и многіе изъ Кіева бѣгаютъ, на день чело-вѣкъ 20, 30 и болѣе“¹⁾.

Обращая все болѣе и болѣе вниманія на Европу, въ Москвѣ боялись невыгоднаго впечатлѣнія, какое произведутъ на нее разглашенія Поляковъ о своихъ торжествахъ надъ Русскими, и сочли за нужное противодѣйствовать этимъ разглашеніямъ путемъ печати. Написано было изложеніе военныхъ дѣйствій 1660 года, гдѣ выставлены успѣхи Долгорукаго и вычалъ Шереметева, коварство польскихъ комиссаровъ, длившихъ время нарочно, чтобъ дать своимъ возможность собрать войско и дожидаться Татаръ; наконецъ измѣна Хмельницкаго и дурной поступокъ Поляковъ съ Шереметевымъ подъ Чудновымъ. Это извѣстіе отправлено было въ Любекъ къ Ягану фонъ-Горпу, чтобъ онъ напечаталъ его на нѣмецкомъ языкѣ и разослалъ по окрестнымъ государствамъ.

Между тѣмъ Поляки хлопотали, какъ бы въ другой разъ не выпустить изъ своихъ рукъ войска Запорожскаго. Здѣсь опять является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ извѣстный намъ Бенѣвскій. Юрій далъ ему знать, что онъ собралъ раду въ Корсунѣ, и приглашалъ его на ней присутствовать. Бенѣвскій немедленно отправился и узналъ на мѣстѣ, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ сложить булаву; что нѣкоторые, подъ личную дружбу къ нему, уговариваютъ его отказаться отъ гетманства, проча булаву кому-то другому (Выговскому). Но Бенѣвскій, опасаясь отъ этого другого бѣды для республики, началъ хлопотать, чтобъ булава осталась за Хмельницкимъ, который, по слабости своей, какъ нельзя лучше приходился для Польши. Чобъ окончательно убѣдиться, кого хотятъ выбрать въ гетманы, Бенѣвскій призвалъ къ себѣ полковниковъ и началъ имъ говорить, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ оставить булаву: такъ кого бы они считали достойнымъ гетманства. Большая часть полковниковъ сейчасъ же отвѣчали: „Объ этомъ нечего беспокоиться, у насъ уже готовъ гетманъ, мы пошлемъ кой-къ-кому и тутъ же его избережъ,“ — и начали расхваливать своего избранника, воображая, что эти похвалы приятны Бенѣвскому. Ночью послѣдній свидѣлся съ Хмельницкимъ и сталъ разспрашивать его, что за причины, по которымъ онъ непремѣнно хочетъ сложить булаву? — „Я молодъ, несчастливъ, боленъ (надучено болѣзнію и грыжею),“ отвѣчалъ Юрій, насканзавъ и много другихъ менѣе важныхъ причинъ. Бенѣвскій сталъ уговаривать его: „Изъ-за пустыхъ причинъ,“ говорилъ онъ, „ты хочешь отказаться отъ гетманства, не думая, какимъ опасностямъ подвергнешь себя, имѣніе свое и домъ!“ Бенѣвскій открылъ ему

¹⁾ Архивъ мши. нп. д. дѣла Донскія 1660 года; Архивъ мши. юст., столбцы Малорос. приказа № 5871.

интриги его соперника и что его ждетъ, когда этотъ соперникъ съѣдается гетманомъ. Хмельницкій не вѣрилъ, чтобъ интриги соперника шли такъ далеко; тогда Бенѣвскій предложилъ ему прійти немедленно полковниковъ, которые сами скажутъ ему о своемъ избранникѣ. Полковники были призваны и объявили: „Завтра же надобно созвать раду, и если ты, панъ гетманъ, покинешь булаву, то безъ гетмана быть не можемъ, и сейчасъ же посылаемъ кой-къ-кому, которому отдаемъ въ опеку себя, женъ и дѣтей нашихъ.“ Это объявление убило несчастнаго Хмельницкаго: „Завтра будетъ рада,“ сказалъ онъ, и отпустилъ полковниковъ. Оставшись наединѣ съ Бенѣвскимъ, онъ началъ срывать сердце, обвинять каждаго полковника въ измѣнѣ противъ республики и коварствѣ: „И теперь они хотятъ выбрать того въ гетманы, чтобъ опять своевольничать,“ говорилъ онъ. Бенѣвскій торжествовалъ: онъ пустилъ черную кошку между гетманомъ и полковниками, п, чтобъ еще больше раздражить Хмельницкаго и вывѣдать все нужное, сталъ говорить: „А полковники, панъ гетманъ, все зло складываютъ на тебя, говорятъ, что и Сѣрко, и Апостоль, и Цецура, и Пушкарь изъ-за тебя возмущились; говорятъ, что ваша милость и Брюховецкаго съ частію казны отравили къ царю Московскому, и Самченко, твой родной дядя, по твоему внушенію поднялъ бунтъ въ Черяславѣ.“ Вѣдній Хмельницкій совсѣмъ растерялся: сталъ оправдываться, въ много признавался, наконецъ сталъ умолять искусителя: „Будь отцомъ, совѣтникомъ, ходатаемъ у короля и королевы; клянусь, что буду слѣдовать твоимъ совѣтамъ, не буду слушать злыхъ рѣчей.“ Бенѣвскій, разувѣясь, прежде всего присовѣтовалъ не покидать гетманства, потомъ, такъ какъ Юрій, по молодости и нездоровью, нуждался въ помощникѣ, то Бенѣвскій присовѣтовалъ ему взять на писарство Тетерю, чѣмъ пріобрѣтетъ довѣренность короля и республики, потому что настоящій писарь Семень Голузовскій преданъ царю и царемъ поставленъ. Хмельницкій на все согласился, требуя одного, чтобъ Бенѣвскій оставался ему другомъ и добрымъ совѣтникомъ.

10 ноября собралась рада изъ одной старшины на дворѣ гетманскомъ; Бенѣвскій началъ первый говорить: объявилъ, что ни одно изъ царскихъ распоряженій не можетъ имѣть больше силы, и отъ имени королевскаго вручилъ булаву Хмельницкому, при всеобщемъ восторгѣ, какъ будто бы никогда не думали ни о комъ другомъ. Но къ вечеру торжество Бенѣвскаго было нарушено: ему дали знать, что чернь бунтуетъ—зачѣмъ рада была въ избѣ, не по старинѣ,—подозрѣваетъ тутъ злой умыселъ противъ войска. Бенѣвскій послалъ сказать гетману, чтобъ на-другой день созвать черную раду и на ней снова принять отъ него булаву; Хмельницкому не хотѣлось созывать черни. „Если панъ воевода,“ сказала она, „хочетъ черной рады, да еще въ время ярмарки, то пусть знаетъ, что погубитъ

и себя, и меня, и полковниковъ, и учинитъ смуту большую.“ Новый посланецъ отъ воеводы къ гетману: „Напрасно безпокоишься; если не будетъ черной рады, то все равно—что ничего!“ Не одинъ Хмельницкій. всѣ старіе казаки, всѣ домашніе Бенѣвскаго были противъ черной рады; но воевода былъ непреклоненъ, и Хмельницкій, раскаяваясь, что обѣщалъ слушаться, велѣлъ повѣстить раду.

11 ноября явился у церкви Св. Спаса шумъ: слышимъ шумомъ: стояло тысячь двадцать черни, а гетманскій дворъ былъ назаперти: тамъ тихо сидѣли перетрусившіе полковники и гетманъ,—ждали, пока прійдетъ на раду Бенѣвскій: что-то будетъ, какъ-то приметъ его чернь? Но вотъ толпы расколыхались,—бѣдетъ воевода, сходить съ лошади, садится на скамью, озирается: „Гдѣ же панъ гетманъ?“ Въ отвѣтъ раздался крикъ: „Ваша милость на мѣстѣ королевскомъ; пошлешь за гетманомъ,—и долженъ прійти.“ Бенѣвскій послалъ и гетманъ явился съ полковниками; безъ шапки, кланяясь на всѣ стороны, вошелъ онъ въ кругъ, положилъ шапку на-земь, на шапку булаву—знакъ, что слагаетъ съ себя гетманство. Но вотъ онъ начинаетъ говорить: „По Вожіей п по вашей волѣ, возвращаясь мы къ пану прирожденному, п, чтобъ не оставалось больше между нами московскихъ порядковъ, король его милость прислалъ комиссара своего, онъ введетъ между нами порядокъ.“ Смолкъ Хмельницкій, не владѣвшій даромъ слова, и началъ широко рѣчь Бенѣвскій объ отеческомъ милосердіи короля; кончилъ тѣмъ, что король прощаетъ всѣ ихъ вины. Въ отвѣтъ раздался крикъ: „Благодаримъ Бога и короля; это все старіе насъ обманывали для своего лакомства; если теперь кто вздумаетъ бунтовать противъ короля, того сами побьемъ, не пощадимъ и отца родного!“ Когда поуехали кричать, Бенѣвскій подошелъ къ булавѣ, поднялъ ее и отъ королевскаго имени передалъ Хмельницкому; тутъ же Носачъ объявленъ былъ обознымъ. Раздался новые крики въ честь Хмельницкаго, и толпы двинулись въ церковь—присягать королю. Вечеромъ гетманскій домъ заблисталъ яркими огнями, гремѣли пушки, шелъ роскошный польскій пиръ; поднявшіе казаки особенно расхваливали королеву, только и слышалось: „Мать наша!“ На другой день новая рада: читали гадяція привилегіи войску Запорожскому; всѣ были очень довольны и ругали Выговскаго: „Если-бы онъ, такой и такой, прочелъ намъ эти привилегіи, то ничего бы дурного не случилось.“ На третьей радѣ отдана была печать войсковая Тетерѣ. Новый писарь—это нашъ старый знакомый: мы видѣли его въ Москвѣ; слышали, какую великолѣпную рѣчь онъ говорилъ царю Алексею Михайловичу, какъ ставилъ его выше Св. Владиміра; слышали, какъ потомъ онъ разсказывалъ о неурядкѣхъ малороссійскихъ и какъ проговорился, что нѣкоторые изъ его земляковъ желаютъ непосредственно зависѣть отъ царскаго величества. И теперь Тетеря началъ разсказывать, какъ онъ былъ въ Москвѣ, по не

повторилъ своей пріѣзженной рѣчи и своихъ разговоровъ съ думными людьми; онъ рассказывалъ казакамъ, какіе страшные замыслы противъ Малороссіи питаетъ царь! Онъ все это провѣдалъ, будучи на Москвѣ! Ораторъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей. „Не дай намъ, Боже, мыслить о царѣ, ни о бунтахъ!“ говорили казаки. Они глубоко были тронуты: мудръ, добродѣтельнъ, великъ явился передъ ними панъ писарь Тетера, такъ безукоризненно, такъ свято ведшіи себя въ Москвѣ. „Нанъ писарь!“ говорили они: „будь милостивъ, учи гетмана уму-разуму, вѣдь онъ молоденькій еще! поручаемъ его тебѣ, поручаемъ тебѣ женъ, дѣтей, имѣніе наше!“

Въ то время какъ въ Корсунѣ происходили эти чувствительныя сцены, въ то время какъ въ здѣшней соборной церкви казаки присягали королю, — на другой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславлѣ, также толпился народъ въ соборной церкви: дядя Хмельницкаго, полковникъ Якимъ Самко, вмѣстѣ съ казаками, горожанами и духовенствомъ клялся умереть за великаго государя, за церковь Божію и за вѣру православную, а городовъ малороссійскихъ врагамъ не сдавать, противъ непріятелей стоять и отпоръ давать. Получивъ отъ племянника грамоту съ увѣщаніемъ покориться королю, Самко отвѣчалъ: „Я съ вашею милостію, пріятелемъ своимъ, свойства не разрываю; только удивляюсь, что ваша милость, вѣры своей не поддерживая, разрываше свойства наше съ православнымъ. Ты пишешь, что король видитъ руку Промысла въ бѣдѣ, случившейся съ Шереметевымъ; правда, что Богъ всемъ управляетъ, сокрушаетъ и милуетъ, немощныя сильными дѣлаетъ; но надобно знать что счастье и что грѣхъ, — потому что счастье неизмѣнчиво. Я не измѣнилъ потому только, что не хочу дѣлать сдаться: я знаю и вижу пріязнь ляпкую и татарскую. Ваша милость человекъ еще молодой, не знаете что дѣлалось въ прошлыхъ годахъ надъ казацкими головами; а царское величество никакихъ поборовъ не требуетъ и, начавши войну съ королемъ, здоровья своего не жалѣетъ; мы теперь должны немощныхъ немощи носить, а не себѣ угрождать; лучше съ добрыми дѣлами умереть, нежели дурно жить. Пишете, что царское величество никакой помощи къ намъ не присылаетъ: вѣрь, ваша милость, что есть у насъ царскіе люди и будутъ; а еслибъ даже ихъ и не было, то его воля государева, а мы будемъ обороняться отъ наступающихъ на насъ враговъ, пока силъ станеть, помня примѣръ Шереметева, который хотя и сдался, однако мало хорошаго получилъ: вопреки присягѣ сенаторской, со всемъ войскомъ въ неволю татарскую пошелъ. Видя, что сдѣлалось съ Шереметевымъ и Цепурою, хотя умру, а на прелести ваши не сдамся“. Выбранный наказнымъ гетманомъ, Самко въ началѣ декабря прислалъ сказать въ Москву о своей вѣрности и что бояринъ Шереметевъ выдалъ войско Запорожское, при немъ бывшее, въ неволю Тата-

рамъ; ему разумѣтся, отвѣчали, что во всемъ виноватъ Хмельницкій, а не Шереметевъ.

Запорожье было также за царя, Запорожье, путившее отъ себя отпрыскъ: лихой казакъ Сѣрко, съ которымъ такъ часто будемъ встрѣчаться въ послѣдствіи, составилъ свою особую дружину и дѣйствовалъ самостоятельно. Вскорѣ послѣ Чудновскаго дѣла, прискакавъ въ Москву Запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій и объявилъ: „Миръ съ Поляками Хмельницкій заключилъ по наговору тѣхъ, которымъ отъ короля дана честь: Носача, Лесницкаго, Гуляницкаго; у гетмана напередъ была ли о томъ мысль или нѣтъ — не знаю, только гетманъ шелъ въ сходъ къ Шереметеву не на то мѣсто, гдѣ ближе, и ставился не тамъ, гдѣ надобно; пришедши въ Слободище, отъ боярина за три мили, стоялъ три дня, а къ боярину въ сходъ не шелъ. Какъ на Кодачкѣ, на радѣ, былъ договоръ у гетмана съ бояриномъ, тутъ впервые измѣнили по вымыслу Выговскаго: уговорились, что боярину идти напередъ, тогда какъ довелось идти напередъ черкасскимъ полкамъ, а гетману быть съ бояриномъ, отъ него не отставать. Якимъ Самко царскому величеству вѣренъ ли, — про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дядя родной; только ему, Самку, недругъ Иванъ Выговскій; и прежде онъ отъ Выговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ при немъ жить не смѣлъ. Василій Золотаренко царскому величеству вѣренъ, и Семенъ писарь вѣренъ, только развѣ помѣнасть ему то, что онъ теперь женился на Дорошенковой сестрѣ“¹⁾.

Чтобъ разузнать, въ какомъ дѣйствительно состояніи находятся дѣла въ Малороссіи, кто вѣренъ и кто нѣтъ, кто кому дядя и кто кому зять, и какъ это родство и свойство мѣнасть вѣрности, отиравился стрѣлцкій голова Иванъ Полтевъ. Пріѣхавши въ Нѣжинъ 29 декабря, Полтевъ прежде всего повидался съ тамошнимъ царскимъ воеводою, княземъ Семеномъ Шаховскимъ, и спросилъ его: „Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко великому государю вѣренъ ли, къ нему, воеводѣ, со вѣтенъ ли, сколько при немъ казаковъ, въ казакахъ и мѣщанахъ нѣтъ ли какой шатости и Василію Золотаренку они послушны ли?“ — „Золотаренко великому государю вѣренъ“, отвѣчалъ Шаховскій: „со мною совѣтенъ; казаковъ при немъ тысячъ съ десять; между немногими казаками и мѣщанами была шатость“. На другой день къ Золотаренку явился сотникъ города Дѣвницы, Демидъ Рагоза, съ извѣтомъ на казака Тараса Незная, который говорилъ при многихъ людяхъ: „Полковникъ Золотаренко хочетъ быть подъ Московскимъ царемъ, а мы хотимъ быть у Польскаго короля, при Юріи Хмельницкомъ“. Незная схватили, привели къ полковнику, и, когда казакъ повнился, Золотаренко велѣлъ собрать раду; на радѣ пригово-

¹⁾ Памяти, изд. Кіевск. почмис.; т. IV; Архивъ мин. истип., столбца Малорос. приказа, № 6043.

рли—казнить Незная за такія рѣчи, и приговоръ былъ исполненъ. Полтевъ объявляя Золотаренку, что великій государь все войско Запорожское этой стороны Днѣпра пожаловалъ, гетмана избрать позволилъ, кого войскомъ изберутъ: „Ты бы, полковникъ“, продолжалъ Полтевъ, „согласился съ гетманомъ наказнымъ, Якимомъ Самкомъ, и съ другими полковниками, которые великому государю вѣрны, и съ войскомъ Запорожскимъ и чернью, и выбрали бы гетмана“. — „Царскаго величества бояре и воеводы съ войскомъ къ намъ будутъ ли?“ спросилъ Золотаренку. „Когда царскіе ратные люди въ Нѣжинѣ будутъ, то Украина всего Нѣжинскаго полка будетъ крѣпка: мы великому государю вѣрно служить рады“. — „Въ Сѣвскѣ“, отвѣчала Полтевъ, „будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ конными и пѣшими людьми, а въ Путявлѣ—околицкій, князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій“. Золотаренку обрадовался и сказалъ: „Еслибъ царскіе воеводы пришли ко мнѣ въ Нѣжинъ скоро, то Украина по сю сторону Днѣпра была бы цѣла, непріятелей всѣхъ бы выбили за Днѣпръ; если же воеводы ко мнѣ скоро не придутъ, то къ Києву и Переяславлю изъ Нѣжина проѣзду не будетъ: стоять крѣпко и великому государю вѣрно служить только Нѣжинскій да Черниговскій полки; если же этихъ полковъ не будетъ, то и Переяславскій полкъ не устоитъ“.

Московскіе воеводы скоро придти не могли послѣ недавнихъ несчастій, а уже 2 января 1661 года задѣйфировскіе Черкасы съ Поляками приступали къ Козельцу. Они были отбиты съ урономъ, но Золотаренку ждалъ гостей къ себѣ и сказалъ Полтеву: „Теперь намъ гетмана выбрать некогда, — наступаютъ со всѣхъ сторонъ непріятели“. Дѣйствительно, 6 января, враги явились подъ Нѣжиномъ, ворвались въ посадъ и завязали бой съ Нѣжинцами. На бою взятъ былъ Татаринъ, который объявилъ, что послалъ ихъ Хмельницкій изъ Чигирина для провѣдыванія, есть ли на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе ратные люди, и Черкасы съ горожанами хотѣли къ здѣсь великому государю вѣрно служить, или хотѣли поддаться Польскому королю. Если царскихъ ратныхъ людей нѣтъ, то онъ съ Задѣйфировскими казаками, Татарами и Поляками пойдетъ подъ Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ, скоро къ нему придутъ изъ Крыма Татары, охочіе люди, пока еще Днѣпръ стоитъ. Услыхавъ это вѣсти, Золотаренку сказалъ Полтеву: „Оставайся здѣсь, въ Переяславль тебѣ бѣжать нельзя чрезъ непріятелей“, и прибавилъ прежде: „о гетманскомъ избраніи теперь нечего думать—наступаютъ Ляхи и Татары.“ 10 января Поляки опять приступили къ Козельцу и опять были отбиты. Вѣрные Черкасы начали наступательныя дѣйствія и бились съ Поляками подъ Остромъ; а января 30 и февраля 2, 4 и 6 приходили Поляки и Татары подъ Нѣжинъ и бились съ его жителями, но безъ успѣха. Съ другой стороны, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій въ февралѣ подъ Друею разбилъ и взялъ въ плѣнъ

измѣнчиваго государю полковника Лисовскаго. Скоро пришла вѣсть, что Поляки съ Чарнецкимъ и Татары ушли за Днѣпръ, оставя на восточной сторонѣ Татаръ съ тысячу человекъ да Поляковъ два полка; а въ апрѣлѣ пріѣхали въ Москву посланцы отъ Самки и объявили, что Ляховъ на восточной сторонѣ Днѣпра нигдѣ нѣтъ, дороги къ Києву, Нѣжину и другимъ мѣстамъ чисты; немногіе Ляхи, которые были въ Тринолѣ, Оржицкѣ и у Вѣлой Церкви, — всѣ отступили въ коронныя города; остались большіе, и тѣхъ около Вѣлой Церкви Черкасы тайно всѣхъ побили; Татаръ также нигдѣ нѣтъ; полки Лубенскій, Миргородскій, Прилуцкій и Полтавскій великому государю добились челоу; не сдаются только Острияне; Сѣрко въ Запорожьѣ великому государю служить вѣрно.

Что же это значало? Въ Москвѣ боялись, что Поляки воспользуются Чудновскою побѣдою, перейдутъ немедленно со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра, займутъ всю Малороссію и двинутся къ беззащитной столицѣ царской, а между тѣмъ это страшное войско исчезаетъ отсюда! Ужъ не Шведы ли опять напали на Польшу, не Турки ли собрались вернуться въ Подолю? Нѣтъ: побѣдоносное воинство потребовало жалованья и, не получивъ его, по обычаю своему, возманивалось, отказалось повиноваться вождямъ, составило союзъ подъ именемъ священнаго и стало жить насчетъ польскихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, Польша своею безурядницею дала возможность Москвѣ нѣсколько отдохнуть послѣ удара 1660 года. Но временное облегченіе для Москвы послѣдовало только съ одной стороны, съ юго-запада, со стороны короннаго войска, а въ Литвѣ и Бѣлороссіи не прекращались наступательныя дѣйствія враговъ, которымъ Москва, при тогдашнемъ истощеніи въ людяхъ и казніи, не могла давать успѣшнаго отпора. При этомъ Малороссія не хотѣла понимать затруднительнаго положенія Великой Россіи и безпрестанно докучала просьбами о присылкѣ войска, котораго негдѣ было взять дарю. Самко жаловался, что, кромѣ небольшого (въ 2,500 человекъ) отряда князя Борнеса Ефимовича Мышенскаго, онъ не имѣлъ никакой помощи отъ царскихъ воеводъ; несмотря однако на такую безпомощность, онъ, Самко, не только давалъ отпоръ непріятелю, но и самъ ходилъ на него: въ Терехтемировѣ громилъ Татаръ, подъ Стайками—Ляховъ, подъ Козловымъ—измѣнника Сулиму. Посланцы наказнаго гетмана подали слѣдующія просьбы: 1) Чтобъ государь прислалъ въ Переяславль ратныхъ людей на помощь; 2) прислалъ жалованье казакамъ, которые, будучи съ бояриномъ Шереметевымъ, коней и оружіе растеряли, а теперь служатъ великому государю; 3) чтобъ великій государь велѣлъ деньги Самковы обмѣнять и прислать къ нему; 4) чтобъ указалъ быть у нихъ въ городѣ и надъ ратными людьми одному воеводѣ, а не двоимъ, потому что отъ двоихъ порядка не будетъ; именно приказалъ бы у нихъ быть стольнику князю

Василью Волконскому; 5) чтобъ царскія грамоты посылались къ нимъ для увѣренія за большою печатью. Взаключеніе посланцы объявили отъ имени Самка, что Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко съ нимъ въ сопротивленіи и на раду не поѣхалъ. Государь отвѣчалъ, что воеводамъ уже данъ указъ помогать Черкасамъ, жалованье имъ князь Ромодановскій роздалъ, деньги Самковы мѣдныя обмѣнены на серебряныя и отправлены съ Меовдіемъ, епископомъ Мстиславскимъ.

Въ маѣ пріѣхали новые посланцы и объявили, что въ трѣгѣ воскресенье послѣ Пасхи была у нихъ рада въ полѣ, въ Выковѣ. съ милію отъ Нѣжина; были на радѣ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій съ своими ратными людьми, стольникъ Семень Зибевъ, наказный гетманъ Якимъ Самко, Нѣжинскій полковникъ Золотаренко, полковники Прилудцій, Лубенскій, Миргородскій, изъ Полтавскаго полка сотники тѣхъ городовъ, которые великому государю добились челомъ, и все войско тѣхъ полковъ, которые при Якимѣ Самкѣ. Всѣ выбирали въ гетманы Якіма Самка, одни Нѣжинцы хотѣли выбрать своего полковника Золотаренка и приговорили на радѣ вѣсть войскомъ отдагъ гетманское избраніе на волю царскаго величества, кого онъ, великій государь, пожелаетъ въ гетманы. Полтавскій полковникъ Жученко на радѣ не былъ, потому что вины свои великому государю не принесъ, и спдѣтъ въ Полтавѣ; а при немъ держатся городки Олушья, Котельва, два Санжарова, новый да старый, да Кобылякп. Юрій Хмельницкій въ Чигиринѣ, при немъ писарь генеральшій Тетеря, да Носачъ, да Грипка Лесницкій, судья войсковой, а войска при Хмельницкомъ никакого нѣтъ; послалъ онъ къ королю на сеймъ, и посланецъ пріѣхалъ назадъ ип-съ-чѣмъ, даже корму ему королевскаго не давали. Сѣрко поинеть для добычи на Вугъ, на Андриевскій островъ, и тамъ стоитъ съ войскомъ своимъ для татарскаго прихода; атаманъ стоитъ въ Запорогахъ съ большимъ войскомъ; съ Сѣркомъ они сходятся для порядка во великихъ войсковыхъ дѣлахъ, а ни къ кому не приключаются, — ни къ государю, ни къ Польскому королю. Посланцы говорили, что на радѣ положено отдагъ гетманское избраніе на волю царскую, кого государь пожелаетъ въ гетманы; но въ грамотѣ, привезенной ими отъ всѣхъ, бывшихъ на радѣ, говорилось: „Мы на той радѣ между собой усовѣтовали, что намъ самимъ безъ вѣдома вашего царскаго величества нельзя гетмана выбирать, и потому черезъ пословъ своихъ просимъ: извольте милость свою надъ нами, вѣрными своими, показать и намъ по давнему обычаю того гетмана избрать, кого все войско любитъ, и къ намъ на это избраніе прислать кого-нибудь изъ ближнихъ своихъ людей“. Государь отвѣчалъ, что о гетманскомъ избраніи будетъ имъ указъ вперёдъ.

Указъ замедлился въ Москвѣ, потому что здѣсь видѣли новую смугу въ Малороссіи вслѣдствіе соперничества Самка и Золотаренка; въ Москвѣ же

хотѣли спѣшить выборами и потому, что являлась надежда безъ кровопролитія подчинить себѣ и западную сторону Днѣпра. Юрій Хмельницкій, оставленный Поляками и Татарами, прислалъ въ Москву съ объявленіемъ, что онъ въ Слободцахъ долженъ былъ перейти на королевскую сторону по-неволѣ; онъ писалъ государю: „Если что со мною, по принужденію задѣйровскихъ полковниковъ, учинится, если я долженъ буду повиноваться ихъ принужденію, то вамъ бы, великому государю, не обвинять меня за это, а я впередъ какъ можно стану промысливать о своемъ обращеніи и желаю быть по-прежнему въ подданствѣ у вашего царскаго величества“. Дѣйствительно, въ Польнѣ шли слухи, что Хмельницкій посылалъ монаха Шафранскаго въ Константинополь къ патриарху, съ просьбою разрѣшить его отъ присяги королю, а самъ намѣревался условиться съ Брюховецкимъ и Самкомъ, чтобъ они напали на него съ московскимъ войскомъ: тогда онъ, какъ будто по-неволѣ, сдася бы на царское имя, извиняясь тѣмъ, что Поляки не прислали къ нему помощи. Говорили также, что Выговскій замышляетъ быть гетманомъ, но нодъ покровительствомъ Турціи ⁴⁾. Вслѣдствіе присылки Хмельницкаго, 26 іюня отправленъ былъ въ Малороссію дворянинъ Протасевъ; даръ писалъ съ нимъ къ Самку: „Юрій Хмельницкаго не допускать до обращенія къ намъ незнаюго измѣнника, задѣйровскіе полковники, которые, по ляцкому хотѣнію, давно шпуть погибли всему войску Запорожскому: такъ вы бы, гетманъ наказной, служба намъ, къ родственнику своему, Юрію Хмельницкому, написали, чтобъ онъ обратился и былъ подъ нашею высокою рукою попрежнему; обиадежь его, что если обратится, то вины его всѣ будутъ забыты и получить онъ отъ насъ городъ Гадячъ, который прежде былъ пожалованъ отцу его. Если захочетъ ѣхать къ намъ, то пусть ѣдетъ безо всякаго опасенія: — увидитъ милость нашу, получитъ многое жалованье и честь, а твоя служба забыта никогда не будетъ“. Пріѣхавши въ Нѣжинъ, Протасевъ обратился къ воеводѣ князю Семену Шаховскому съ обычнымъ вопросомъ, какъ идутъ дѣла. Шаховской отвѣчалъ, что все хорошо, въ полковникѣ Золотаренкѣ и казакахъ шатости нѣтъ, но есть шатость въ мѣщанахъ, — перенесываются съ измѣнникомъ Грицкою Гуляницкимъ и даютъ ему знать обо всемъ, что дѣлается въ Нѣжинѣ. Потомъ Протасевъ видѣлся съ полковникомъ, отдагъ ему царскую грамоту и дары — соболы: Золотаренко тутъ же сталъ дарить этими соболыми сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, говоря имъ: „Служите великому государю во всемъ правдою такъ же, какъ и я службу, и ни на какія бы вамъ ляцкія прелести не уклоняться и съ измѣнниками не ссылатся“. 11 іюня Протасевъ пріѣхалъ въ Переяславъ. Здѣсь воевода князь Волконскій объявилъ ему,

⁴⁾ Архивъ мин. ин. д.; дѣла Малороссійскія 1660 и 1611 годовъ. Памяти. изд. Киевск. коммис. IV, 154.

что Самко великому государю вѣрять, въ переславскихъ казакахъ и мѣшанахъ до сихъ поръ никакой шатости нѣтъ; о Ляхахъ и Татарахъ по сю сторону Днѣпра не слыхать. Получивши эти свѣдѣнія, посланникъ обратился къ Самку съ требованіемъ, чтобъ тотъ, по указу царскому, завелъ сношенія съ Хмельницкимъ. Самко отвѣчалъ: „Я великому государю служить радъ и къ Юрасу Хмельницкому писать стану скоро; но государь прислалъ бы для него, Юраса, милостивую грамоту, которую я переню къ нему тайно.“ Протасевъ перешелъ къ другому дѣлу: „Ты, Якимъ, пишешься къ великому государю съ вичемъ мимо прежнихъ обычаевъ, а прежніе гетманы, Богданъ Хмельницкій и сынъ его, Юрій, писались безъ вича просто.“ Самко отвѣчалъ на это: „Я человекъ неграмотный, а писать у меня новый, и такіе государевы дѣла мнѣ и царю не за обычай. впередъ я съ вичемъ писаться не стану.“ Самко выразилъ безпокойство, что въ послѣдней грамотѣ его къ царю была прописка въ титулахъ. Протасевъ отвѣчалъ: „Прописка есть, по посланцамъ твоимъ за это выговорено, только царскаго гнѣва за это на тебя нѣтъ,—не сомнѣвайся, а пиши впередъ остерегательно.“—„Въ письмѣ къ Зибеву“, продолжалъ Протасевъ, „ты жаловался на царскую немилость: объяви мнѣ, накал это немилость?“—„Писалъ я это прежде“, отвѣчалъ Самко,—„писалъ, что службу великому государю, не шаяя головы своей, и за мою службу къ то время ко мнѣ и къ казакамъ государева жалованья ничего не было, и я думалъ, что на меня государь гнѣвается, что кто-нибудь ему на меня нанесъ; думалъ, что царскому величеству городъ Переяславль не надобенъ, потому что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій и остальныхъ людей изъ Переяславля взыалъ, и казаки, видя, что городъ остался безлюденъ, начали-было шататься. Но теперь, когда великаго государя милость объявилась, въ городѣ людей прибавляется и въ казакахъ шатости никакой нѣтъ. Пожаловалъ бы великій государь не велѣлъ города безлюднымъ оставлять, потому что городъ украинный: наступитъ непріятель безвѣстно, а людей въ немъ будетъ мало,—такъ чтобъ какал поруха городу не учинилась. Извольте бы государю поскорѣ прислать своихъ ратныхъ людей въ Переяславль, такъ я бы сталъ промыслить надъ непріятелими, которые за Днѣпромъ, чтобъ не дать Ляхамъ и Татарамъ собраться вѣзѣтъ.“ Протасевъ уговаривалъ Самку, чтобъ онъ не оскорблялся отъ царскаго величества немилости къ нему никакой нѣтъ, писалъ на него отъ воеводъ ни отъ кого не бывало, и впередъ государь соорамъ никакимъ вѣрять не станетъ. „Великому государю радъ служить“, отвѣчалъ на это Самко, „на томъ я ему крестъ дѣловалъ; а великій государь пожаловалъ бы, соорамъ и наоснымъ словамъ вѣрять не велѣлъ, потому что я человекъ беззащитный и простой“.

Въ Малороссіи оправдывали медленность Мо-

сквы, уговаривали не давать гетманства ни тому, ни другому сопернику. Во время бытности Протасева въ Переяславлѣ, пріѣхалъ туда пѣжинскій протопопъ и говорилъ царскому посланнику: „Слухъ у насъ есть, что Самко и Золотаренко помогаютъ отъ великаго государя созванія рады для гетманскаго избранія. Великій государь не велѣлъ бы сказывать гетманства ни Самку, ни Золотаренку потому: если будетъ Самко гетманомъ, то Золотаренко не будетъ ему послушенъ: а будетъ гетманомъ Золотаренко,—то Самко станетъ подлиннѣе подкаиваться. Пусть великій государь не велитъ сказывать гетманства ни тому, ни другому, пока утихнетъ вся Украина. а между тѣмъ, быть можетъ, обратится къ царскому величеству и Юрій Хмельницкій съ задѣйствованіемъ полками.“ Самъ наказный гетманъ, по крайней мѣрѣ повидимому, огчаявался быть настоящимъ гетманомъ, спонсился, по царскому приказанію, съ Юріемъ Хмельницкимъ и давалъ совѣты Москвѣ какъ поступать относительно западной стороны Днѣпра. „Надобно“, говорилъ Самко, „крѣпить здѣшнюю сторону Днѣпра тѣмъ, что по Днѣпру поставитъ городки и въ ихъ посадитъ людей, да за Днѣпромъ занять городокъ Каневъ, чтобъ освободить водную путь до Переяславля и дальне, а больше того въ государеву сторону ничего не надобно. Если же Юрій Хмельницкій придетъ въ подданство къ великому государю по-прежнему, то за Днѣпръ надобно будетъ послать ратныхъ людей 20,000 и больше, и занять тамъ шесть городовъ—Чигиринъ, Кореунъ, Умань, Каневъ, Брацлавль, Бѣлую Церковь. Изъ этихъ городовъ жителей перезавъ бы на ю сторону Днѣпра, а Задѣйвіріе уступитъ Польскому королю безъ людей: такая уступка будетъ изъ воли, Польскій король къ миру придетъ скорѣе и здѣшняя сторона Днѣпра подъ высокою рукою великаго государя утвердится. Если же этихъ задѣйвіровскихъ городовъ не занять и уступить ихъ Польшѣ, то король этой стороны Днѣпра уступить не захочетъ. Если Юрій Хмельницкій поддается по-прежнему, то ему бы надъ полковниками быть владѣтельному; при гетманѣ непременно долженъ быть человекъ, присланный изъ Москвы для того: если полковникъ затѣетъ что-нибудь недоброе, то его наказатъ тайно; если же не уймется, то казнить смертью, а безъ присланнаго изъ Москвы человека быть нельзя“. Такимъ образомъ, наказный гетманъ Запорожскій самъ указывалъ на условія мира съ Польшею, по которымъ западная сторона Днѣпра должна быть уступлена королю; мы увидимъ, что это будетъ исполнено въ Андрусовѣ; самъ наказный гетманъ указывалъ на необходимость присутствія великороссійскаго чиновника при гетманѣ: это будетъ исполнено при Петрѣ Великомъ. Наконецъ Самко, многіе полковники и старшіе казаки говорили, чтобъ царь указалъ вѣдать ихъ околышникомъ Федору Михайловичу Ртищеву, потому что Ртищевъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ прошеніи всякую рѣчь доноситъ царю, и что имъ скажетъ,—то все правдиво.

Имѣя соперниковъ, Самко хорошо зналъ, какими средствами дѣйствовали обыкновенно соперники другъ противъ друга: „Я“, говорилъ онъ, „служу великому государю вѣрно и радѣтельно, власти себѣ никакой не ищу и не желаю. Мнѣ лучше съ государевыми людьми ссылатся и совѣтоваться, нежели съ своими, потому что отъ своихъ ненависть и обогатіе“. Не одного Золотареика имѣлъ въ виду Самко, когда говорилъ о ненависти и обогатіяхъ: на сцену выступилъ третій искатель гетманства, уже извѣстный намъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. „О промышлѣ надъ Татарами“, говорилъ Самко, „я стану писать въ Запорожье къ Сѣрку, а къ Брюховецкому объ этомъ писать не стану; лучше писать объ этомъ къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому“. Самко еще не высказывался, почему не хочетъ переноситься съ Брюховецкимъ; но Брюховецкій, въ письмѣ къ воеводѣ Касогову (отъ 14 сентября), уже прямо обвинялъ Самка въ лѣзвѣнїи.

Но въ Москвѣ тревожились тѣмъ, что не одни свои доносили на Самка, доносили и государевы люди. Въ октябрѣ явился къ Хмельницкому ханъ Крымскій съ ордуо, и гетманъ, волею-неволею, отправился съ Татарами за Дибирь и осадилъ Перяславль. Непрiателю не удалось ничего сдѣлать надъ Перяславлемъ; но воевода Чадаевъ доносилъ государю, что во все осажденное время Самко ниль и промышля отъ него никакого не было. на вылазки не выѣзжалъ. Если казаки съ государевыми людьми выйдутъ на вылазку, то наказный гетманъ приказывалъ вгонять ихъ въ городъ: если казаки возьмутъ въ плѣнъ Татаръ, то Самко тапли ихъ отъ царскихъ воеводъ, тапли всякую вѣдомость. Во время осады Самко три раза съѣзжался съ племянникомъ своимъ Хмельницкимъ на мельничной плотинѣ и разговаривалъ тайно. Возвращаясь съ свиданія, онъ рассказывалъ Чадаеву, что обнадеживалъ племянника государевою милостию, уговаривалъ быть подъ рукою великаго государя; но Юраска не слушается по неволѣ: всѣмъ владѣютъ Носачъ, да Грипка Миргородскій, да Грипка Гуляницкій. Въ другой разъ Самко прислалъ къ Чадаеву писаря объявить, что у него съ Юрасомъ ссылка о добромъ дѣлѣ,—какъ бы всѣмъ быть подъ государевою рукою; а писарь, спяну, проговорился, что ссылка между племянникомъ и дядею идетъ о томъ, чтобъ вѣстѣ соединиться съ ханомъ Крымскимъ. Доносили на Самка и жители городовъ,—говорили: „У насъ бы и мѣдными деньгами торговали, да старшіе, полковники и сотники, берутъ себѣ за правожомъ у насъ ефимки, серебряныя деньги и польскіе гроши; оттого у насъ мѣдныя деньги и въ расходъ нейдутъ; а Самко приказалъ, чтобъ нигдѣ мѣдныхъ денегъ не брали“¹⁾.

Тяжела становилась для царя смуга малороссій-

ская; со всѣхъ сторонъ доносы въ лѣзвѣнїи: кому и чему вѣрить? Московскіе воеводы, если бы даже были изъ нихъ люди вполне чистые по характеру и безпристрастные, какъ люди пришедые въ Малороссію, не могли досаждать государю вѣрными свѣдѣнїи объ отношенїяхъ лицъ и партїи: пужень былъ человекъ тамошній, малороссійскій, человекъ, хорошо знающій людей и отношенїя ихъ, вліятельный по своему званію, чуждой партїи и пристрастія—однимъ словомъ, высшее лицо духовное, архіерей. Но мы уже видѣли, въ какое положеніе ставило себя высшее духовенство малороссійское относительно правительства Московскаго. Мы видѣли столкновенїя съ Сильвестромъ Коссовымъ. Преминикъ Коссова, Діонїей Балабанъ лѣзвѣнилъ царю вѣстѣ съ Выговскимъ. Такимъ образомъ, къ смутѣ политической присоединилась смута церковная, и въ Кіевѣ не было митрополита, ибо Московское правительство не могло признавать въ этомъ званїи лѣзвѣнника Діонїея, а политическія смуты не позволяли приступить къ избранїю другого митрополита, поднимать вопросъ—отъ какаго патріарха завѣстѣ ему—отъ Константинопольскаго или Московскаго. Временнымъ правителемъ, блюстителемъ митрополїи Кіевской былъ епископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ; но этотъ архіерей не пользовался большимъ довѣремъ въ Москвѣ. Гораздо болѣе усердія великому государю показывалъ знакомый уже намъ протопопъ нѣжинскій Максимъ Филимоновъ. Онъ былъ вызванъ въ Москву, 5 мая 1661 года поставленъ въ епископы Мстиславскіе и Оршанскіе подъ именемъ Меодїя, и отправленъ въ Малороссію въ санъ блюстителя митрополїи Кіевской. Мы скоро увидимъ его дѣятельность.

Легко понять, что для восточной Малороссіи и для Москвы важно было то обстоятельство, что западная сторона не могла воспользоваться смутю, соперничествомъ между искателями гетманства: Хмельницкій слишкомъ ничтоженъ, а Польша ослаблена возмущенїемъ войска. Только Татары напомнили о себѣ, и не одной Малороссіи. Въ январѣ 1662 года многочисленныя толпы Крымцевъ, подъ начальствомъ князя Ширинскаго, ворвались въ сѣвскія и корачевскія мѣста, и захватили множество плѣнныхъ. Сѣвскій воевода, бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, отправилъ противъ нихъ товарища своего, Григорья Федоровича Вутурлиа. Вутурлиа напалъ на разбойниковъ, взялъ въ плѣнъ самаго князя Ширинскаго, много Татаръ и, что всего важнѣе, освободилъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ было до 20,000. Съ другой стороны, самъ ханъ подошелъ къ Путивлю, но былъ отброшенъ воеводою, бояриномъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и не пошелъ дальше²⁾.

Татарская туча прошла, и онять все вниманїе

¹⁾ Архивъ мин. нл. д., дѣла Малороссійскія 1661 г.; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик., № 5871.

²⁾ Дополн. къ III т. Дворцов. разр., стр. 263, 306; Архивъ мин. юст., столбцы Малор. прик., № 5888.

царя сосредоточилось на дѣлахъ малороссійскихъ. Весною 1682 года въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и медленно пришли объ этой радѣ различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Самко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меодій, полковники, сотники и саулы сей стороны Дибра, а черни и всего посольства не было; черни и посольству Самко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было. На радѣ выбрали въ гетманы Самка до указа великаго государя; а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему посольству и черни. Когда полкъ рады присутствовашіе разѣхались по домамъ и прѣѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Самко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ. „Васюта“, писали приверженцы Самка, „обѣщаль идти къ намъ въ войско; но когда епископъ Меодій въ Нѣжинъ прѣѣхалъ, то Васюта обѣщаніе свое и присягу отмѣнилъ, на службу вашего царскаго величества идти не хочетъ, — намъ вѣкъ сомнѣніе, а неиріятельнѣе потѣху сдѣлать; нашу вѣрную службу уничтожаетъ, самовольно не повинуется власти войсковой, упрямствомъ дома живетъ, только казну собираетъ и стережетъ, а границъ не обороняетъ; боится, чтобъ не исполнилось на немъ слово Брюховецкаго, что Васюта въ конституціи у короля написанъ и сдѣланъ шляхтичемъ“. Прося о присылкѣ оборонной грамоты на Золотаренка и всѣхъ непослушныхъ, приверженцы Самка просили царя, чтобъ оборонилъ ихъ и отъ Брюховецкаго, который ихъ безчеститъ; просили, чтобъ всему войску волю было всякаго старшаго и меньшаго, но разсмотрѣнію съ гетманомъ, по своему обычаю, карать, и чтобъ виновнаго въ ихъ глазахъ никто изъ воеводъ московскихъ не защищалъ, а только со всѣмъ войскомъ приговаривалъ; „а то теперь князь Шаховской, повѣривши несправедливою умыслу Васютину, государевыхъ ратныхъ людей въ городки Нѣжинскаго полка посылаетъ, какъ будто бы мы съ гетманомъ Нѣжинъ разорить хотѣли“. Приверженцы Самка извѣщали, что жители малороссійскихъ городковъ, прослышавъ о порчѣ мѣдныхъ денегъ на Москвѣ, не берутъ ихъ у войска и живности ни откуда не привозятъ, государевы ратные люди съ голоду помираютъ, и междусобіе безпрестанное въ тѣхъ городкахъ, гдѣ они живутъ; полки не берутъ годоваго жалованья мѣдными деньгами, хотя бы ихъ рубить велѣли, — но всѣхъ не перерубить.

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Самко и приверженцы его писали безсмыслицу, за которою скрывалось какое-то незнакомое дѣло: что это было за рада въ Козельцѣ безъ черни и посольства? Гетманъ избранъ: зачѣмъ же еще нужна новая ра-

да? Что-нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна! Изъ грамотъ самихъ приверженцевъ Самка уже можно было видѣть, что въ Малороссіи начинается то же самое, что было при Выговскомъ: гетманъ выбирается на какой-то странной радѣ; но вотъ новый Пушкаръ, Золотаренко Нѣжинскій, противится, говоритъ, что избраніе незаконное, гетманство взято самовольствомъ, и конечно царь не долженъ въ другой разъ повѣрять новому Выговскому; а тутъ еще, для довершенія сходаства, приверженцы Самка требуютъ, чтобъ царь позволилъ имъ раздѣлаться съ противниками, карать ихъ, какъ Выговскій спѣшилъ покарать непослушника своего Пушкаря.

Епископъ Меодій спѣшилъ оправдать подозрѣнія, естественно раждавшіяся по прочтеніи грамоты Самка и его приверженцевъ. „Пока не видалъ я подлиннаго лукавства наказнаго гетмана Якимъ Самка“, писалъ Меодій, „до тѣхъ поръ не смѣлъ о немъ ничего худаго тебѣ, великому государю, объявить; но теперь, когда лукавство его и неправда обнаружилась, трудно мнѣ этого тебѣ, великому государю, не извѣститъ, потому что душа моя отдана Богу и тебѣ. Самко обманулъ меня и полковниковъ — Нѣжинскаго, Черниговскаго, Прилуцкаго и другихъ: писалъ, чтобъ съѣхались въ городъ Козелецъ съ небольшими людьми для великихъ государевыхъ дѣлъ, для скорыхъ войсковыхъ потребъ и для разговору, посовѣтоваться, какъ бы съ неиріятелемъ управиться. Когда мы къ нему съѣхались, то онъ началъ говорить, чтобъ полковники выбрали себѣ совершеннаго гетмана, чтобъ имъ было у кого быть въ послуханіи и чтобъ было кому противъ неиріятеля стоять; и въ ту ночь, 14 апрѣля, ввелъ въ Козелецъ нѣсколько тысячъ казацкой пѣхоты, разставилъ вездѣ караулы и не велѣлъ никого выпускать изъ города. Я ему говорилъ, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и не приказывалъ выбирать гетмана до твоего государева указа; но онъ меня не послушалъ и велѣлъ полковникамъ выбирать совершеннаго гетмана: я сталъ говорить полковникамъ, чтобъ не выбирали, но онъ началъ грозить имъ смертію: и они поневолѣ выбрали его. 15 апрѣля я выгналъ его изъ церкви отъ прѣзбія, а онъ пуще сталъ грозить полковникамъ смертію, — тѣ бросились ко мнѣ съ просьбами; и я, видя ихъ слезное прошеніе, чтобъ не погубить ихъ, какъ-нибудь изъ Козельца вывести, и особенно жалѣя вѣрнаго твоего слуги, Василія Золотаренка, позволилъ Самку дѣлать, что хочетъ“. Взаключеніе письма, Меодій просилъ, чтобъ государь поскорѣе прислалъ боярина для гетманскихъ выборовъ, чтобъ эти выборы были въ полѣ, а не въ городѣ, и чтобъ на нихъ были Запорожцы съ своимъ кошевымъ Брюховецкимъ.

Меодій жалѣлъ больше всего вѣрнаго слугу царскаго, Золотаренка, и однако просилъ, чтобъ на радѣ былъ Брюховецкій, который, прокладывая себѣ путь къ гетманству, не щадилъ ни Самка, ни Золотаренка. Онъ писалъ къ Меодію; „Накъ

Васюта не имѣеть права перехватывать и драть лютокъ грамотъ, я не его служка,—я царскій войсковой холопъ; пусть онъ прежде расилатится за шеницу, которую съ братомъ покради въ Кореуиѣ, а теперь запрещаетъ не мнѣ, а всему войску. Завидуютъ нашей обѣдной саламатѣ; коли хотятъ, помянемся: пусть сюда идти, мы на ихъ мѣсто пойдемъ,—въ то время узнаютъ, кто кого обманеть. Васюта не надѣйся, чтобъ его здѣсь слушали, потому что войско въ откупакъ не ходитъ, какъ они, хотятъ выманить булану и указывать тѣмъ, кто ихъ не хочетъ слушать; научились до году откупа откупать и табакъ, а войско привыкло умирать только за свои вольности. Этими особными гетманствомъ они до конца землю стубятъ. Царское величество обѣщало не дѣлатъ насилія войску, признавать гетманомъ только того, кого чернь, по волѣ Божіей излюбивъ, выберетъ, а не сплюю. Никогда не бывало, чтобъ гетманы были пакунные, безъ заслугъ войсковыхъ, а теперь прежде невода рыбу начали ловить; теперь прежде всего надобно землю успокоить. Все войско скучаетъ, говоритъ: дозволь намъ еще такую неволю терпѣть, что въ городахъ гетманомъ ставятъ на нашу пагубу, а теперь и подавно кричатъ, что никоже не было при князѣ Ромодановскомъ. Васюта только о богатствѣ хлопочетъ, которое на землѣ погнѣтъ, а ничего добраго родитъ: этимъ не насовѣтуетъ, или къ Ляхамъ свезетъ, чтобъ заналитъ за шляхетство: вѣдь онъ тамъ должекъ въ конституцію, какъ Гулянской и другіе; боюсь, чтобъ онъ не задумалъ чего-нибудь недобраго. Вѣдная наша отчина гибнетъ, потому что не хотимъ оборонять ея отъ непріятелей, а только за гетманствомъ гоняемся; еще намъ новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому паны городные хлопочуть прибавить. Самко лучше цыгана вѣтъхъ людей морочить, а онъ-то и есть главный измѣнникъ, на обличіе котораго и посылаю грамоту къ вашей святинѣ: намъ не о гетманствѣ надобно заботиться, а о князѣ Малороссійскомъ отъ его царскаго величества; на это княжество желаетъ Осдора Михайловича (Ртишева).“

Самко хорошо зная, что на него со вѣтъхъ стороны посылаются обвиненія въ Москву; что его выславляютъ тамъ измѣнникомъ—слово, пошедшее въ ходъ въ Малороссіи съ легкой руки Выговскаго, считающагося вѣрными средствомъ вредитъ противнику предъ великимъ государемъ. 30 мая Самко написалъ въ Москву жалобную грамоту, въ стоны погъ царскихъ челоуъ билъ, пылялъ тридцать челоуѣкъ Татаръ, взятыхъ въ плѣнъ. „Изъ этой посылки“, писалъ Самко, „ваше царское величество раземотрѣть изволивши, что, не мадя головы своей съ своими переяславскими казаками, бьюсь съ непріятелемъ за ваше величество и за плѣность падашей Малороссіи. Смиренно молю: покажи премоугую милость надъ вѣрными слугою своимъ, не дай меня въ поношеніе соперникамъ моимъ, которые выставляютъ меня передъ тобою измѣнникомъ; они въ домахъ своихъ сидятъ, помощи намъ на непріа-

теля давать не хотятъ, и, не считая самихъ себя измѣнниками, грамотами оправдываются, а работою оправдываться не хотятъ: а мою работу и вѣрную службу самъ Господь Богъ видитъ; за вѣтъхъ одинъ умиралъ на пограничьи, и теперь совѣтъмъ готовый стою въ полѣ со вѣтми доброжелательными вашему величеству людьми, жду присылки боярина и милостиваго слова отъ вашего величества. Не знаю, для чего епископъ съ Васютою меня измѣнникомъ описываютъ? Я не перестану плакать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пришлешь ко мнѣ такихъ грамотъ, чтобъ всякій мой противникъ и неосудинникъ устыдился. Да бью челоуъ, повели, многолиственный государь, прислать мнѣ деньги, которыя я далъ займы на ратныхъ людей воеводѣ Чаадаеву: прошу я объ этихъ деньгахъ, вспомянувъ, что великій челоуѣкъ смертенъ, и если я умру, то некому будетъ бить о нихъ челоуъ вашему царскому величеству, потому что было у меня два сына, но они вдругъ померли, и я хочу, чтобъ при жизни моей все мое было у меня. Бью челоуъ вашему царскому величеству, чтобъ епископъ пересталъ побуждать на злое; а тѣ люди, которые были надуты совѣтами епископскими, пусть начнутъ вмѣстѣ со мною вѣрно служить вашему царскому величеству. Смиренно молимъ, изволь на все войско пустить вольный голосъ о выборѣ гетманскомъ, по старому предковъ нашихъ порядку, а епископъ чтобъ въ это не вступался: я хлопочу не о гетманствѣ,—проливаю кровь за плѣность Малой Россіи и за добрый порядокъ, и убиваюсь впрямъ вѣрою и правдою за ваше царское величество“. Самко утверждалъ, что не хлопочеть о гетманствѣ, требовалъ новой рады, выборъ вольными голосами, а между тѣмъ на той же грамотѣ подписался гетманомъ, не хотѣлъ отступить отъ титула, пріобрѣтеннаго на незаконной Козелецкой радѣ ¹⁾.

Но въ то время, какъ раздоры между Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ волновали восточную сторону Днѣпра, на западной Юрій Хмельницкій собрался съ силами и, подкрѣпленный Поляками и Татарами, началъ наступательное движеніе. 12 іюня казаки западной стороны съ Поляками и Татарами, въ числѣ 6,000, нанали внезапно на Самка, стоявшаго табаромъ въ трехъ верстахъ отъ Переяслава. Битва длилась съ полудня до ночи,—и Самко отбѣлся. Къ нему на выручку прислалъ князь Волконскій изъ Переяслава московскихъ ратныхъ людей, которые и дали ему возможность отступить въ Переяславъ. Хмельницкій осадилъ его здѣсь, но 8 іюля Самко съ Москвою и казаками вышелъ на вылазку и поразилъ непріятеля, который отступилъ къ Каневу. Кременчугскіе казаки измѣнили, 23 іюня вывели въ городъ двѣ тысячи казаковъ Хмельницкаго. но 500 челоуѣкъ московскаго гарнизона вмѣстѣ съ мѣща-

¹⁾ Архивъ мѣст. ин. д.: дѣла Малороссійскія 1662 г.; Архивъ мѣст. истин., столби Малорос. вѣст., № 5859.

нами засѣли въ маломъ городѣ и отбили осаждавшихъ. Узнавъ объ этомъ, князь Ромодановскій немедленно выслалъ къ нимъ на помощь десять тысячъ московскаго войска. 1 июля это войско подошло къ Кременчугу и ударило на осаждавшихъ; осажденные сдѣлали съ своей стороны вылазку, казаки потеряли совершенное поражение, и Кременчугъ былъ очищенъ отъ измѣнниковъ. Ромодановскій съ главными силами своими и съ Золотаренкомъ вступилъ въ Переяславль, соединился здѣсь съ Самкомъ и 16 июля наналъ на таборы Хмельницкаго, который потерялъ совершенное поражение. Каневъ и Черкасы были заняты дарскими войсками. Но скоро счастье переизмѣнилось: Хмельницкому съ Татарами удалось разбить подъ Бужиномъ московскій отрядъ, бывший подъ начальствомъ стольника Приклонскаго, и прогнать его за Днѣпръ (3 августа); по донесенію Хмельницкаго королю, 1 августа подъ Крыловымъ истреблено было больше 3,000 царскаго войска; подъ Бужиномъ погибло 10,000, казаки и Татары взяли семь царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого Ромодановскій тотчасъ велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магметъ-Гирей, переправившись своими Татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановскій ушелъ въ Дубны; по Хмельницкій, донося объ этихъ успѣхахъ королю, умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жаждется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, шатающійся отъ малѣйшаго вѣтра. Тетеря писалъ королю, что, прѣбывая въ ставкѣ Хмельницкаго на Рассавѣ, онъ намелъ здѣсь много безпорядковъ: самъ гетманъ человекъ усердный, но войско непослушное. И Тетеря настаивалъ на то же, что необходимо какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ. Въ октябрѣ явился къ королю Грицка Лесницкій съ просьбою отъ Хмельницкаго, чтобъ король позволилъ ему сложить гетманство, ибо онъ не въ состояніи болѣе нести эту трудную должность, будучи молодъ и разоренъ подарками, которые долженъ былъ давать Татарамъ и которые простираются до милліона. Лесницкій же привезъ странную новость, что соперничество между Москвою и Польшею, соперничество, разорившее Украину и не могущее окончиться по безсилію обѣихъ державъ, пролагаетъ дорогу третьему сопернику: Татары, говоритъ Лесницкій, уговариваютъ всю Украину, чтобъ она отверглась отъ республики и отдалась въ покровительство хана и Порты, которые способны защищать ее, тогда какъ Польша этого сдѣлать не хочетъ и не можетъ. Польки ссорятся между собою у себя дома, войско не слушается короля, и если бы не Татары, то Польша давно бы уже погибла. Лесницкій прибавлялъ, что эти внушения могли имѣть сильное влияние на чернь. Тетеря доносилъ, что войско не терпитъ Хмельницкаго, требуетъ его смѣны, и что едва онъ, Те-

теря, успѣлъ уговорить казаковъ успокоиться; для этого онъ употребилъ угрозу, что если они обидятъ Хмельницкаго, то этотъ богачъ найметъ Татаръ и опустошитъ Украину. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Тетеря уговаривалъ казаковъ не смѣнять Хмельницкаго; знаемъ только то, что послѣдній въ концѣ 1662 года самъ отказался отъ гетманства и постригся въ монахи, а Тетеря избранъ былъ на его мѣсто. Новый гетманъ началъ тѣмъ, что увѣдомилъ короля о нестерпимыхъ обидахъ отъ Орды, повторяя прежнюю просьбу о присылкѣ ратныхъ людей, ибо если ханъ придетъ прежде польскаго войска, то Украина распроцается съ королемъ. Тетеря писалъ, что Хмельницкій потому отказался отъ гетманства, что не могъ получить отъ короля помощи, и онъ, Тетеря, долженъ безпрестанно докучать объ этомъ же, а на войско Запорожское надежда слаба, потому что въ немъ больше такихъ, которые желаютъ не спокойствія, а постоянныхъ смутеній⁴⁾.

Въ то время, какъ западная сторона переизмѣнила гетмана, на восточной по-прежнему продолжалась борьба между искателями гетманства, борьба, ведшаяся доносами въ Москву. Самко былъ челошъ, чтобъ государь отставлялъ его отъ старшинства, потому что Нѣжинскій полковникъ его слушаться не хочетъ и наносы на него наноситъ; жаловался, что въ Малороссіи трое гетмановъ, кромѣ него еще—Золотаренко и Брюховецкій; послѣдній самовольно прислалъ своихъ казаковъ въ города и въ полкахъ беретъ стаціи. Самко просилъ уволить его отъ гетманства и дать оборонную грамоту, чтобъ на него и на имѣніе его наступать не смѣли и никакихъ обидъ не дѣлали. Самко жаловался и на князя Ромодановскаго, просилъ, чтобъ на его мѣсто былъ присланъ другой бояринъ, потому что Ромодановскій, не слушая его совѣтовъ, тратитъ войско, слушается только Месодія и Золотаренка, генеральной рады не собираетъ, отчего смута и своеволие, ибо онъ, Самко, какъ гетманъ несовершенный, распоряжаться не можетъ. „Месодій и Васюта“, продолжаетъ Самко, „отговариваются отъ рады отсутствіемъ Запорожцевъ; но у насъ всегда, по стародавнимъ правамъ, гетманомъ выбирали въ городахъ безъ Запорожцевъ, потому что войско Запорожское одно, выходящее изъ Запорожья должно по своимъ полкамъ расходиться. Теперь Орда насъ заперла и множество людей побила; а на Преображеневъ день, подъ самымъ Дубнами, Татары, напавши на таборъ Нѣжинскій, многихъ побили, самъ полковникъ, таборъ оставя, напередъ ушелъ въ Дубны. Все это приключилось оттого, что епископъ и Васюта отвели князя Ромодановскаго отъ совѣта съ нами, въ поле въ бездѣлье вывели; неопытные въ дѣлахъ войсковыхъ, епископъ и Васюта были виновниками потери славы и людей. „А я, вашего царскаго величества вѣрный слуга, хотя

⁴⁾ Памятн. изд. Киевск. Комис. IV, 189, 209, 212, 216, 226, 250, 255, 287.

и уничтоженъ ими, загоны всё изъ-за Днѣпра вывелъ и въ Переяславль пришелъ въ цѣлости. Умоляю, милосердый государь, вели князю Ромодановскому, или кому-нибудь другому, собрать полки казацкіе, чтобъ больше, какъ бѣдныя овцы безъ пастыря, не ходили и не гинули, но при своихъ вольностей стояли бы за вѣру православную, а теперь и сами не знаемъ, за что погибаемъ". Относительно Юрія Хмельницкаго, Самко извѣщалъ, что онъ посылалъ къ нему Каневского полковника Лизогуба уговаривать покориться государю; но Хмельницкій велѣлъ разстрѣлять посланнаго въ Чигиринъ и съ нимъ вмѣстѣ многихъ другихъ Каневцевъ, Черкасцевъ, Корсунцевъ, которые начали было радѣть государю. За это Самко велѣлъ поубить 10 человекъ плѣнныхъ Поляковъ, „потому что мы“, писалъ онъ въ Москву, „никакого добра отъ Ляховъ не щемъ“. Потомъ Хмельницкій далъ знать Самку, что слагаетъ съ себя гетманство и идетъ въ монахи.

Самко жаловался на Меоодія за то, что епископъ этотъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ совѣтовали Ромодановскому медлить созваніемъ рады; а Меоодій писалъ царю, что Самко не поѣхалъ на раду самъ и другимъ запретилъ; полковники Нѣжишскій и Черниговскій отговорились дальностію пути и тревожнымъ состояніемъ страны; иные полковники, боясь Самку и глядя на Золотаренка, не поѣхали. Брюховецкій писалъ, что Самко измѣнникъ, потому что: худить московскія серебряныя кофѣйки, велѣлъ спалить суда, которыми царь пожаловалъ войско низовое, Кодакъ уступилъ Татарамъ, Кременчугъ, сговорясь съ Хмельницкимъ, сжегъ; вѣрныхъ государю людей отослалъ къ Хмельницкому, который, по его письмамъ, переказилъ ихъ. А тутъ еще церковная усобица: митрополитъ Діонисій Балабанъ послалъ къ Константинопольскому патриарху съ жалобою, что Меоодій изгналъ его и силою похитилъ митрополитичій престолъ посредствомъ мірской власти. По просьбамъ Балабана и Хмельницкаго, патриархъ выдалъ на Меоодія проклятіе, которое Балабанъ переслалъ въ Кіевъ, отчего здѣсь произошло сильное волненіе между духовными и мірскими людьми. Меоодій просилъ царя ходатайствовать у патриарха о снятіи проклятія ⁴⁾.

Въ такихъ смутахъ проходилъ 1662 годъ. Зимой нечего было думать о созваніи рады, имѣвшей прекратить эти смуты, и потому 19 декабря отправленъ былъ изъ Москвы въ Малороссію стольникъ Ладыженскій, съ объявленіемъ, что весною должна быть непременно рада, на которую обязаны всё явиться, а для прекращенія неудовольствій на зиму Ладыженскій долженъ былъ объявить Брюховецкому, стоявшему въ Гадячѣ, чтобъ онъ шелъ на зиму къ себѣ въ Запорожье, а весною приходилъ опять для рады. Это требованіе сильно не понравилось Брюховецкому; онъ отвѣчалъ Ла-

дыженскому: „Не дождавшись государева указа и полной рады, въ Запороги мнѣ появиться нельзя, свои казаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ и, не дождавшись рады, пришелъ. Самко заказъ дѣлаетъ въ городахъ крѣпкой, чтобъ въ Запорожье никто не ходилъ и запасовъ не пропускалъ; а если надо мною Самко или казаки что сдѣлаютъ, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замаятня большая. По сношеніямъ съ Самкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпръ промъ полковниковъ и казаковъ казилъ, которые великому государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь хочетъ поддаться великому государю; когда выберется гетманъ всѣми вольными голосами, пункты закрѣпятся и чернымъ людямъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди поддадутся великому государю.“ Ладыженскій, по наказу, повторялъ царское требованіе; Брюховецкій расплакался: „Радъ я государю служить и голову за него положить; но выгребъ я съ казаками въ судахъ, у казаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время, пропились всё до-нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои казаки; да и Самко великому государю не вѣренъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Выговскій Барабана, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украина смутится и Запорожье отложится. Если государь весной полной рады учинитъ не велить, то я общаю, что Самко поддастся королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, нынче гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пустопорожній разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ, и черныхъ людей отяготили поборами такъ, что въ Царѣградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всё закрѣпятся, то всё эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а стануть эти доходы собирать въ государеву казну, государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье; поэтому-то наказный гетманъ и начальные люди полной черной рады и не хотятъ.“ 14 января 1663 года у Брюховецкаго съ его казаками былъ кругъ; въ кругу казаки кричали, что они наги и безконны, и пѣшкомъ имъ въ Запорожье никакъ идти нельзя; а еще накачунѣ, 13 числа, Брюховецкій написалъ царю такую грамоту: „Мы, все войско Запорожское, съ великою охотою ради бы указъ твой исполнить, но не можемъ, потому что время зимнее; теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадяча дальній, съ полтораста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орутъ, только отсюда изъ городовъ хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблею. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣн-

⁴⁾ Архивъ мпн. юст., столбцовъ № 5861.

никовы, изволь нѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ изволь быть намъ до полной рады.“

Въ Гадячѣ Ладженскій напелъ и епископа Меодія, который былъ совершенно на сторонѣ Брюховецкаго и говорилъ московскому посланнику тѣ же рѣчи, что и тотъ, такъ-же толковалъ объ изыбѣ Самка. Приѣхали полковники—Полтавскій, Миргородскій и Збѣжковскій, и подтвердили слова Брюховецкаго и Меодія. Иныхъ доказательствъ изыбны Самковой представить не могли, и потому внушали, что Юрій Хмельницкій Самку пленялиши, а Самкова сестра за Павломъ Тетерею, которому Хмельницкій сдалъ гетманство, и какъ только Самко сдѣлается совершеннымъ гетманомъ, то непремѣнно изыбнѣтъ. Рассказывали, что Бѣльвекскій съ ханомъ въ пункты положилъ, и ханъ къ королю приказывалъ, чтобъ Черкасамъ для прелести жаловать большія почести, хотя бы кого и въ Браковекскіе воеводы пожаловалъ, только бы всѣхъ Черкасъ обратилъ къ себѣ; а когда въ Черкасы будутъ подъ властью короля, то онъ будетъ ихъ мало-по-малу сжимать и привести ихъ въ свою волю; для этого онъ и прислалъ Павла Тетерею и велѣлъ ему принять гетманство у Юраски Хмельницкаго. Въ Гадячѣ Ладженскій узналъ, что Золотаренко сблизился съ Самкомъ и согласился на избраніе его въ гетманы. Московскаго посланника извѣстили, что Золотаренко все свое имѣніе перевезъ изъ Путивля въ Нѣжинъ: „По этому ихъ вѣрность знать можно“, толковали Ладженскому, „пока Золотаренко съ Самкомъ не еднелся,—до тѣхъ поръ государю и примилъ, а теперь имѣніе свое все изъ Путивля перевезъ, чтобъ у него ничего въ старыхъ государевыхъ городахъ не было“. Меодій говорилъ Ладженскому: „Мнѣ по государеву указу вѣать въ Кіевъ нельзя, не смѣю, потому что Самко государю не прочитъ, хочетъ изыбнѣтъ, а меня велитъ погубить; государь бы пожаловалъ, до полной рады велѣлъ мнѣ жить въ Гадячѣ“.

Когда Ладженскій приѣхалъ въ Переяславль, то здѣсь Самко разсмыслился передъ нимъ въ жалобахъ, что онъ служить върою и правдою, а государь его не жалуетъ, гетманомъ послѣ Козелецкаго избранія не утверждаетъ. Ладженскій отвѣчалъ, что государь не утверждаетъ его по розни полковниковъ, которые не въ въ Козелецкой радѣ были, и хочетъ, чтобъ его, Самка, выбрали полною радю, согласно съ правами. Самко продолжалъ: „Если государь епископа Меодія изъ Кіева и изо всѣхъ черкасскихъ городовъ вывести не велитъ, а быть ему на радѣ, то мы и на раду не пойдѣмъ; никогда митрополиты на раду и не вѣжали и въ гетманы не выбрали; служить великому государю отъ такихъ баламутъ нельзя, я гетманство съ себя даю; выберите себѣ Черкасы ласковаго господаря. Государевы люди живутъ въ Переяславлѣ многое время, государевы жалованья даютъ имъ деньгами мѣдными, а у насъ въ черкасскихъ городахъ деньгами мѣдными не торгуютъ; отъ этого

ратные люди оскудѣли въ-конецъ и начали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали, жить съ ними вмѣстѣ нельзя“. Ладженскій упоминалъ о царской милости къ нему, Самку; тотъ отвѣчалъ: „Посланники, приѣзжая изъ Москвы, всегда мнѣ государскія милости сказываютъ, а не только что государева жалованья, не могу дожидаться и своихъ денегъ, которые дать займы воеводѣ Чаадаеву на жалованье государевымъ ратнымъ людямъ—4,000 рублей“. Ладженскій отвѣчалъ, что деньги не привезены потому, что дороги не безопасны. Потомъ Самко обратился къ Брюховецкому: „Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ?—въ Запорожьи бывають только кошевые атаманъ; Брюховецкому вѣрять нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ Ляхомъ, да крестился, а въ войскѣ не служивалъ и казакомъ не бывалъ,—служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго, и приказано ему было во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не брать. Казаки порознь по своимъ лейстрамъ (реестрамъ) переписаны, а мужики себѣ переписаны будутъ; леестровые казаки стануть государю служить, а съ мужиковъ стануть собирать государеву казну и хлѣбные запасы; а теперь, въ этой розни, у великаго государя все пропадетъ, называются всѣ казаками, на службу нейдутъ и государевой казны не платятъ; а какъ неприятелю наступитъ, то казаки леестровые многие, не хотя государю служить, а мѣшане, не хотя податей давать, бѣгаютъ въ Запорожье, да только на себя рыбу ловятъ, а сказываютъ, будго противъ неприятеля ходили“.

Въ то время, какъ Ладженскій жилъ въ Переяславлѣ, приѣхалъ человекъ Самка, Жилка, посланный къ Тетереѣ. Ладженскій звалъ Жилку къ себѣ и разспрашивалъ, подчивалъ и дарилъ, и вотъ что узналъ: былъ онъ, Жилка, у гетмана Павла Тетери, а Юраска Хмельницкій при немъ постригся и жить ему въ Чигиринѣ въ Новоситскомъ монастырѣ. Писалъ Самко къ Тетереѣ, чтобъ имъ другъ съ другомъ жить мирно, а Тетеря писалъ, чтобъ имъ соединиться и податей королю; но казаки говорятъ, чтобъ сложиться съ Татарами; а Татары говорятъ, что у Турекаго они отягчены великою данью и имъ бы отъ Турекаго отложиться съ Черкасами жить заодно. Павелъ Тетеря на той сторонѣ непрочный гетманъ, пойдетъ опять въ Польшу къ королю, потому что онъ секретаремъ у короля. — Ладженскій, послѣ разговоровъ съ Жилкою, пошелъ къ Самку и потребовалъ, чтобъ онъ далъ ему всѣ письма, присланныя Тетерею. Самко отвѣчалъ: „Теперь я началъ пишъ, имѣю вольность, а какіе у меня есть листы, всѣ пошлю въ Москву“. Тетеря, давая знатъ королю о сношеніяхъ своихъ съ Самкомъ, писалъ: „Панъ Самченко склоняется отчасти къ добру и, какъ я понялъ изъ его письма, прельстится еще больше, если ваша королевская милость увѣритъ его и всѣхъ Задѣй-провцевъ явнымъ ручательствомъ и другою, особою привилегією въ томъ, что не будете метить ни ему

и никому изъ Запорожскаго войска и что наравнѣ съ нимъ даруете ему свободу и милость“.

Въ Гадячѣ Ладженскому говорили, что Золотаренко соединился съ Самкомъ, хочетъ его въ гетманы; въ Переяславѣ Самко утверждалъ, что въ Нѣжинѣ была рада, полковники и чернь выбрали его въ совершенные гетманы и лишь ему прислали, закрѣпя руками своими и печатями; а на весну по травѣ бытъ радѣ только затѣмъ, чтобы князю Ромодановскому отдать ему, при полковникахъ и при всей черни, пунжты и привилегіи. Но когда Ладженскій сказалъ объ этомъ въ Нѣжинѣ Золотаренку, тотъ отвѣчалъ: „Въ Нѣжинѣ у насъ рада была нынче о томъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ до весны полную раду отерочить, а до полной рады быть старому гетману Самку, чтобы между нами розни не было; а на полной радѣ кого всею чернью выберутъ, — тому и быть гетманомъ; въ совершенные гетманы Самка не выбрали; это онъ затѣялъ; онъ безреставно ссылался съ Юраскою Хмельницкимъ, а теперь ссылается съ Тетерею, и вѣрнѣе ему нельзя“.

И въ грамотѣ къ царю Самко повторилъ просьбу не допускать епископа Меодія на раду; повторилъ и жалобу на воровство московскихъ ратныхъ людей, которые били, грабили Переяславцевъ и называли ихъ измѣнниками. Самко требовалъ смертной казни виновнымъ и жатоваля на Переяславскаго воеводу, князя Волконскаго, который воровъ не казнилъ, какъ будто самъ съ нимъ вмѣстѣ воруешь. Царь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Переяславль стольника Петра Бунакова разыскать по жалобѣ наказнаго гетмана. Когда Бунаковъ явился къ Самку и подалъ ему царскую грамоту, тотъ отвѣчалъ, что на царской милости человекъ бьетъ, но что розыску обиднымъ дѣламъ сдѣлать нельзя: ратные люди обижали Переяславцевъ долгое время, такъ что иные обожженные побиты на боляхъ, другіе взяты въ плѣнъ; иной челобитчикъ и есть, да отвѣтчика нѣтъ, отвѣтчикъ палица, такъ челобитчика нѣтъ, и потому теперь отъ переяславскихъ жителей на ратныхъ людей челобитя не чають; пусть великій государь пожалуетъ, впередъ своимъ ратнымъ людямъ обижать Переяславцевъ не велитъ. Бунаковъ жилъ въ Переяславѣ съ 29 мая по 28 июня, на сѣзжемъ дворѣ сидѣлъ каждый день, и во все это время только разъ приведенъ былъ драгунъ, пойманный въ кражѣ, повинился, былъ битъ кнутомъ на козлѣ и въ проводку, и отданъ на поруки. Бунаковъ призвалъ переяславскихъ начальныхъ людей и спросилъ ихъ, будутъ ли наконецъ челобитныя отъ Переяславцевъ на московскихъ ратныхъ людей или нѣтъ. Тѣ отвѣчали, что по прежнимъ челобитнымъ нѣкоторые Переяславцы учинили сдѣлки съ обидчиками; иные ратные люди въ искахъ сидятъ въ тюрьмѣ и стоятъ на правяжѣ, а вновь челобитіи вскорѣ не чають, и ему, Бунакову, въ Переяславѣ жить, надобно думать, не зачѣмъ¹⁾.

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Брюховецкій писалъ къ князю Ромодановскому, что Самко съ Тетерею тайно войну ведутъ противъ великаго государя такимъ образомъ: Тетеря Татаръ призываетъ, а Самко государевыхъ бѣдныхъ людей грабитъ и платяще выманиваетъ; теперь, говоритъ, по его же призыву, три тысячи Татаръ пошли къ Путивлю, чтобы помѣшать радѣ. Но Татары не помѣшали радѣ. Еще въ мартѣ государь отправилъ въ Малоросію окольничаго, князя Данила Великаго-Гаггина, объявить старшимъ, войску, мѣщанамъ и черни, чтобы они учинили черную генеральную раду для выбора совершеннаго гетмана всеми вольными голосами, кто имъ будетъ любъ, по ихъ стародавнимъ войсковымъ правамъ и по переславскимъ статьямъ. Подъ Нѣжиномъ, въ июлѣ мѣсяцѣ, собралась эта рада: прѣехали епископъ Меодій, Самко, Брюховецкій, все полковники и вся старшина, было все войско и мѣщане. Брюховецкій и отсюда не замедлил отправить доносъ въ Москву: 8 июня онъ писалъ царю: „По указу вашего пресвѣтлаго царскаго величества, благодѣтеля нашего милостиваго, пришелъ я съ войскомъ на раду подъ Нѣжинъ, и стою въ Новыхъ Млинахъ, потому что полковники и чернь просятъ, чтобы я сжидался съ нимъ. А Васюта Золотаренко докладывался у окольничаго князя Великаго-Гаггина, чтобы позволить ему съ нами драться, потому что не любитъ правды, которую ему чернь въ глаза хочетъ говорить и объявить его измѣнцу, что онъ съ Самкомъ усовѣтовалъ оглохнуть отъ нашего царскаго величества, для чего и города все укрѣпили и колокола на пунжи перелили. Тогда ихъ совѣтъ разорилъ счастье нашего царскаго пресвѣтлаго величества, и если бы эти смутники на сей сторонѣ Днѣпра чернь не обманывали, то и та сторона давно бы подъ вашею высокою рукою была; полковникъ Поволоцкій недавно побилъ всехъ Ляховъ и Жидовъ, которые были въ его полку; теперь онъ одинъ такъ сдѣлать, а если бы не Самко съ Васютою смущали здѣсь народъ, то и все полковники за Днѣпромъ сдѣлалъ бы то же, что Поволоцкій“. Брюховецкій подписался: „Вѣрный холопъ и нижайшая подножка пресвѣтлаго престола“.

Наконецъ судьба искателей гетманства рѣшилась. 18 июня была знаменитая черная, или генеральная рада, о которой такъ много толковали и переписывались. Не дали еще Гаггину дочитать царскаго указа о гетманскомъ избраніи, какъ съ одной стороны раздались крики: „Брюховецкаго!“ а съ другой — „Самка!“ но за криками послѣдовала драка. Запорожцы Брюховецкаго кинулись на приверженцевъ Самка; бунчукъ наказнаго гетмана былъ сломанъ, онъ самъ едва могъ выдраться изъ толпы и скрыться въ шатеръ царскаго воеводы; нѣсколько человекъ было убито; побѣдители Запорожцы столк-

¹⁾ Архивъ мпш. ш. д.; дѣла Малорос. 1662 и 1663 го-

довъ; Архивъ мпш. юстиц., столбцы Малорос. Прик., № 5865; Памяти. изд. Киевск. комисс. IV, 256.

нули Гагина съ его мѣста и выкрикнули своего кошевого гетманомъ. Гагинъ однако не далъ Брюховецкому утверждения отъ имени царскаго; Самко объявилъ ему, что гетманство Брюховецкаго, приобрѣтенное насильемъ, не есть законное; что ни онъ, ни войско не признаютъ его гетманомъ, и что необходимо собрать новую раду. Рада была созвана, но Самко не получилъ отъ нея никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ и стали грабить возы своей старшины; единственною причиною такого отступничества малороссійской лѣтописецъ полагаетъ непостоянство своихъ соотечественниковъ. Послѣ этого новаго избранія, противъ котораго нельзя было ничего сказать, Гагинъ далъ булаву Брюховецкому; Запорожцы праздновали свое торжество трехдневнымъ убійствомъ: гибли непріязненные Брюховецкому полковники, и ихъ мѣсто заступили Запорожцы. Новый гетманъ отправилъ въ Москву благодарственное посольство и, вмѣстѣ съ Меодіемъ, по-прежнему твердилъ объ изгнѣннѣ Самка и Золотаренка. Обвиненные отданы были на войсковой судъ, по древнему обычаю казацкому; судьями были враги-побѣдители, которые и приговорили побѣжденныхъ къ смертной казни; приговоръ былъ исполненъ въ Борзѣ 18 сентября, въ присутствіи обознаго Ивана Цесарскаго, Кіевскаго полковника Василя Дворецкаго и Прилуцкаго Данилы Песоцкаго. Вмѣстѣ съ Самкомъ и Золотаренкомъ казнены были: Аонасій Щуровскій, Аникій Сильчъ (полковникъ Черниговскій), Степанъ Шамрицкій, Павелъ Книдѣй, Анаанка Семеновъ, Кирилъ Шпрій. Десять человѣкъ: Семень Третьякъ, Матяшъ Панкѣевъ, Дмитрій Черняевскій, Самойла Савицкій, Михайла Вуяхѣвъ, Оома Тризничъ, Иванъ Воробей, Семень и Прокофій Кулженскіе, Левка Буть, Лубенскаго Мгарскаго монастыря игуменъ Викторъ были отвезены въ окопахъ въ Москву; отвезли ихъ тѣ же Цесарскій и Дворецкій. Украина волновалась. Въ Черниговѣ всѣ начальныя люди радѣли Полякамъ, кунцы и чернъ тянули къ Москвѣ. Черниговскій епископъ Лазаръ Барановичъ хвалился, что онъ удержалъ Новгородъ-Сѣверскій за Московію. Въ Кіевѣ воевода Чадаевъ успѣлъ приобрѣсти всеобщую любовь; но волновалось войско по причинѣ мѣдныхъ денегъ: двадцать мѣдныхъ денегъ платили за одну серебряную ¹⁾.

Такимъ образомъ, и прекращеніе распри между искателями гетманства не обѣщало продолжительнаго спокойствія въ Малороссіи; а между тѣмъ Польша оправилась, войско получило жалованье. Мы уже упоминали, что въ Вѣлоруссіи и Литвѣ война продолжалась очень неудачно для Москвы. Осенью 1661 года Хованскій, вмѣстѣ съ Орднымъ-Нащокнымъ, потерѣлъ новое пораженіе при Кушникахъ отъ литовскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Жеромскаго; изъ 20,000 Русскихъ не

болѣе тысячи спаслось въ Полоцкъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и раненымъ Нащокнымъ. Литва хвалилась, что потеряла только человѣкъ около 40 убитыми и взяла множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ сына Хованскаго; девять пушекъ, знамена, образъ Богородицы, бывшій съ Нащокнымъ при Валіесарѣ и которымъ такъ дорожили и царь и воевода, достались побѣдителямъ ²⁾.

Потеряны были Гродно, Могилевъ, самалъ Вильна. Въ этой столицѣ Литвы сидѣлъ воеводою стольникъ, князь Данила Мышецкій, только съ 78 солдатами. Самъ король осадилъ Вильну и отправилъ къ Мышецкому Литовскаго канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ требованіемъ сдачи, обѣщая для воеводы и всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ. Мышецкій отвѣчалъ, что сдать городъ, если король позволитъ ему распродать весь хлѣбъ и соль, и дать ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король не согласился на распродажу хлѣба и соли, и обѣщаль дать воеводѣ только 30 подводъ. Тогда Мышецкій объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а города не сдадутъ. Король велѣлъ своему войску готовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ отъ перебѣжчика, Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ, въ подюли, приготовить 10 бочекъ пороху, и хотѣлъ, зазавани къ себѣ въ избу всѣхъ солдатъ, какъ будто бы для совѣщанія, запалить порохъ. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ, схватили воеводу, сковали и выдали королю. Когда его привели къ Яну-Казиміру, то онъ не поклонился; король, видя его гордость, не хотѣлъ съ нимъ говорить самъ, а выслалъ канцлера Паца спросить его, какого онъ хочетъ милосердія. „Никаго милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ казни“, отвѣчалъ Мышецкій. Его желаніе было исполнено: передъ казною читали сказку, что Мышецкому казнили не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и государю своему служилъ вѣрно, города не сдалъ и мужественно защищался, но за то, что онъ былъ большою тиранъ, много людей невинно покаралъ и, на части разсѣкивъ, изъ пушекъ имъ стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ. Предъ смертію осужденный написалъ духовную, которую потомъ одинъ монашъ доставилъ въ Москву: „Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей, княгинѣ Аниѣ Кирпловичѣ: вѣдайте о мнѣ, убогомъ; сидѣлъ въ замкѣ отъ польскихъ людей въ осадѣ безъ пяти недѣль полтора года, принималъ отъ непріятелей своихъ всякія утѣшенія и отстоялся отъ пяти приступовъ, а людей съ нами осталось отъ осадной болѣзни только 78 человѣкъ; грѣховъ ради моихъ измѣнили семь человѣкъ, Иванка Чешиха, Антонка Поваръ да Сенька подьячій, и польскимъ людямъ обо всемъ дали знать.

¹⁾ Архивъ мн. иш. дѣлъ; дѣла Малорос 1663 года; сто.бщи Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. Архивѣ, № 75.

²⁾ Theiner, p. 49; Weslawski, p. 227

Отъ этого стала въ замкѣ между полковниками и солдатами шаткость большая, стали мнѣ говорить шумомъ, чтобъ городъ сдать; я склонился на это ихъ прошенье, выходилъ къ польскимъ людямъ на переговоры и просилъ сроку на одинъ день, чтобъ въ то время, гдѣ изъ пушекъ разбито, позаждать. Но пришли ко мнѣ начальные люди и солдаты всё гилеть, взяли меня, связали, заковали въ желѣза, рухлядь мою пограбили всю безъ остатка, впустили польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали королю и просили казнить меня смертію, а сами всё, кромѣ пяти человекъ, приняли службу королевскую. Король, мстя мнѣ за побитіе многихъ польскихъ людей на приступахъ и за казнь измѣнниковъ, велѣлъ казнить меня смертію. Приговоръ былъ исполненъ поваромъ княжескимъ; тѣло казеннаго похоронено въ Духовомъ монастырѣ. После въ Вильнѣ рассказывали, что многие люди видѣли, какъ обезглавленный воевода расхаживалъ около своей могилы.

Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, извѣщая государя объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Данилоу Барятинскимъ надъ Поляками при Благовичахъ (въ Могилевскомъ уѣздѣ), прибавляетъ: „Въ Быховѣ хлѣбныхъ запасовъ ничего нѣтъ, ратные люди ѣдятъ траву и лошадей.“ Въ самомъ Смоленскѣ на рынкахъ не было хлѣбнаго привоза, потому что уѣздные люди, обмолотивши хлѣбъ, ссыпали его въ ямы, а солому жгли, и никто не везъ хлѣба на продажу въ городъ. Царь долженъ былъ грозить имъ за это жестокииъ наказаніемъ безо всякой пощадки. Грозилъ смоленскимъ уѣзднымъ людямъ наказаніемъ за укравательство хлѣба, царь приказывалъ пустошить въ-конецъ другіе уѣзды, не имѣя другого средства вредить усиливающемуся неприятелю. Такъ, въ сентябрѣ онъ послалъ указъ Долгорукому отправить ратныхъ людей въ уѣзды Дубровинскій, Оршанскій, Коньскій, Шкловскій, Могилевскій, Кричевскій съ тѣмъ, чтобъ они забрали жителей, хлѣбъ и скоть, а сѣно и солому жгли безъ остатка, чтобъ польскимъ людямъ въ зимнее время пристанища не было. Ратные люди исполнили охотно этотъ царскій указъ, въ надеждѣ обогатиться добычею. Они подошли подъ Коньскъ, разбили неприятеля, сдѣлавшаго на нихъ вылазку изъ этого города. Ходить на приступы было запрещено, чтобъ не тратить людей, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ. Желая пострадать жителей Коньска и принудить ихъ къ сдачѣ безъ бою, воевода Толочановъ велѣлъ пускать въ городъ гранаты, отъ которыхъ загорѣлось два двора. Тутъ солдаты, ударивъ въ барабаны, закричавъ ясакомъ, пошли на приступъ. Толочановъ бросился къ полковникамъ, крича, что на приступы ходить не велѣно; полковники отвѣчали, что солдаты пошли безъ ихъ приказанія, самовольно. Тогда воевода отправилъ полковниковъ Вильяма Брюса и Николая фонъ-Залена отвѣсти солдаты отъ города, послалъ съ полковниками есауловъ и дворянъ; но полковники, возвратясь изъ-подъ города, объявили,

что солдаты ихъ не послушали, поручиковъ и дворянъ перебили, полковника Брюса ранили по рукамъ, фонъ-Залена кирпичемъ въ голову. Приступъ не удался, солдаты были перебиты и переранены. Толочановъ спрашивалъ возвратившихся съ приступа, зачѣмъ они пошли безъ приказанія; тѣ отвѣчали: „Намъ обуховъ не перетерпѣть; мы всѣми полками скажемъ, что намъ велѣли идти полковники и начальные люди.“ Если слышались частыя жалобы изъ Малороссіи на побѣги ратныхъ людей, то въ Вѣлороссіи было то же самое: изъ отряда майора Дурова убѣжало 35 человекъ, у полковника Жданова 57, налицо осталось 564; у егрѣлецкаго головы Колупаева не пошло на службу изъ Москвы 46 человекъ, ушло 128, налицо 209; у полковника Дефрома убѣжало 226 солдатъ, налицо 330 и т. д. Борисовъ еще съ 1660 года находилъ лея въ осадѣ; въ 1662 году воевода его, Кирилла Хлоповъ, писалъ, что ратные люди безпрестанно бьютъ челомъ о соли, а ему дать имъ нечего, и онъ боится, чтобъ отъ нихъ не сдѣлалось чего нибудь дурнаго, потому что они сильно скучаютъ и измѣняютъ, начали перебѣгать къ Польскимъ людямъ. Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, доносилъ, что у него пороку и фитилю нѣтъ. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Кобрина вышедъ полковникъ Статкѣвичъ съ тѣмъ, чтобъ стянуть литовскіе отряды, находившіеся въ Полоцкомъ, Витебскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ повѣтахъ, идти съ ними въ Оршу и стеречь, чтобъ осажденные въ Быховѣ и Борисовѣ не получили изъ Москвы подкрѣпленій и запасовъ. Узнавъ, что изъ Смоленска къ Быхову идутъ московскіе ратные люди съ денежною казною и запасами, Статкѣвичъ послалъ свое войско перенять ихъ. Въ пяти верстахъ отъ Чаусъ, между рѣками Пронею и Васею, Поляки Статкѣвича встрѣтились съ Русскими, бывшими подъ начальствомъ иностранца, генералъ-майора Вильяма Друмонта; въ упорномъ бою 15 знаменъ старой королевской пѣхоты были истреблены всё до одного человекъ, конницу побѣдители топтали на 15 верстахъ и взяли въ плѣнъ 70 человекъ. По этотъ частный успѣхъ не могъ переимѣнить общаго хода дѣлъ въ пользу Москвы. Поляки знали, что пѣхота начинается перебѣгать изъ московскихъ полковъ вслѣдствіе скуднаго жалованья, получаемаго мѣдными деньгами; что, для предупрежденія побѣговъ, солдатъ и стрѣльцовъ въ Смоленскѣ не пускаютъ за городскія стѣны; что иностранные офицеры не довольны опять вслѣдствіе плохаго жалованья мѣдными деньгами и насильственною задержкою въ Россіи; что солдаты бѣгутъ изъ самой Москвы и изъ полковъ украинскихъ, бѣгутъ въ степи и въ Сибирь; что въ Москвѣ самъ даръ лично два раза упрощивалъ войско не покидать службы; что большая половина смоленской шляхты склоняется на сторону королевскую; что въ самой Москвѣ, по причинѣ мѣдныхъ денегъ, дороговизна, голодъ и возмущенія. Въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Виленыхъ, въ это время находилось 242 русскихъ чиновныхъ плѣнника,

въ томъ числѣ: одинъ стольникъ (князь Петръ Ивановичъ Хованскій), 3 полковника, 2 стрѣлцкихъ головы, 3 подполковника, 7 ротмистровъ, 2 майора, 8 капитановъ, 15 поручиковъ, 11 прапорщиковъ, 103 человека дворянъ и дѣтей боярскихъ. Такъ какъ ихъ содержали очень дурно, то царь считалъ своимъ долгомъ посылать къ нимъ деньги, что еще увеличивало военные расходы: такъ въ началѣ 1662 г. роздано было плѣннымъ въ Литвѣ 836 золотыхъ червонныхъ, да взаймы, для нужды и голоду, дано 82 золотыхъ. Кроме того, были плѣнные у короля, Чарнецкаго и другихъ сенаторовъ.

Чѣмъ хуже шли дѣла въ Вѣлорусіи и Литвѣ, тѣмъ сильнѣе становилось въ Москвѣ желаніе мира. Въ 1661 году попытка царя задержать военныя дѣйствія мирными переговорами не удалась. Съѣздъ посольскій, общанный въ октябрѣ, не состоялся. Въ мартѣ 1662 года новый посланникъ царскій, стольникъ Нестеровъ, пріѣзжалъ въ Варшаву съ тѣмъ же предложеніемъ перемирія на время посольскихъ съѣздовъ. Сенаторы отвѣчали, что если царь уступитъ королю Кіевъ, Перелаславъ, Пѣжинъ и всѣ черкасскіе города Заднѣпрской Путивльской стороны, также Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Борисовъ и Выховъ, то король велитъ заключить перемиріе и удержатъ войска мѣсяца на два или на три для посольскаго съѣзда, которому быть на Поляновкѣ. Нестеровъ отвѣчалъ, что въ два или три мѣсяца уполномоченные не успеютъ съѣхаться; для перемирія на два или на три года онъ уступитъ королю Борисовъ, о другихъ же городахъ ему говорить не показано; потомъ согласился уступить еще Динабургъ; но паны объявили ему рѣшительно, что перемирія не будетъ, и ратные люди отведутся на 15 миль отъ того мѣста, гдѣ будетъ назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ; сенаторы прибавили, что если постановятъ договоръ о перемирьи, то надобно послать къ Крымскому хану, что потребуетъ много времени; безъ перемирья же съ Крымскимъ ханомъ перемирья заключить нельзя. Нестеровъ отвѣчалъ на это: „Удивительно, что королевское величество и вся Рѣчь Посполитая въ государствѣ своемъ безъ вѣдома, искони вѣчнаго христіанскаго непріятеля, Крымскаго хана, сдѣлать ничего не можете и не смѣете, а Крымскій ханъ между христіанскими государствами никогда покою не пожелаетъ, и о томъ королевскому величеству Крымскаго хана спрашивать не доведется“. Паны отвѣчали: „Крымскій ханъ намъ товарищъ, да и король и вся Рѣчь Посполитая перемирья заключить не хотятъ“. На это Нестеровъ сказалъ: „Съ которой стороны перемирья не быть,—съ той стороны и правдѣ не быть“. Но царскіе уполномоченные—бояринъ, князь Никита Ивановичъ Озерскій, бояринъ, князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, думный дворянинъ Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ уже отправились въ Смоленскъ, куда къ нимъ высланы были и польскіе плѣнники—гетманъ Гонсевскій, полковники Не-

вровскій и Обуховичъ съ товарищами, всего 212 человекъ, потому что за этихъ плѣнниковъ король обѣщалъ отдать околицкаго, князя Осипа Щербатаго, стольниковъ, князей Семена Щербатаго и Григорія Козловскаго, Ивана Акинѣева; а гетманъ Гонсевскій обѣщалъ государю, что за него король дастъ, кромѣ означенныхъ плѣнниковъ, еще князя Петра Хованскаго. Гонсевскаго немедленно отпустили изъ Смоленска въ Шкловъ; но русскіе плѣнники не были возвращены, потому что Потоцкій, Любомирскій, Чарнецкій, на долю которыхъ они достались, не хотѣли отпустить ихъ безъ окупы. Между тѣмъ изъ Борисова пришла вѣсть, что съѣздные записи всѣ вышли и Немцы сильно скучаютъ; въ Москвѣ признали невозможнымъ поддерживать долѣе этотъ городъ и послали приказъ воеводѣ его, Хлопову, покинуть Борисовъ. 9 июля Хлоповъ исполнилъ приказъ, вышелъ изъ города со всѣми ратными людьми, пушками, запасами и казнаю.

Что проходило. Польскіе комиссары не являлись для переговоровъ; австрійскіе послы, пріѣхавшіе для посредничества, жили понапрасну въ Смоленскѣ. Въ августѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ вынужденный изъ плѣна околицкій, князь Осипъ Щербатый; по вѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ львовскій куонецъ, Грекъ Кырьякъ, который заплатилъ за плѣнника Потоцкому 20,000 золотыхъ польскихъ, и теперь пріѣхалъ исцѣлить своихъ денегъ. Такъ какъ Потоцкій взялъ деньги вопреки рѣшенію короля и сейма, опредѣлившихъ, чтобъ плѣнныхъ не давать на окупы, то въ записи, данной Щербатовымъ, было означено, что околицкій поселилъ гетману подарокъ за его добродѣйство. Полномочные послы велѣли выгнать Кырьяка изъ Смоленска и писали шкловскому коменданту: „Вы пишете въ своей грамотѣ, что околицкій, князь Щербатовъ откупилъ изъ Шкловской крѣпости по приказу королевскому за гетмана Гонсевскаго: такъ, вопреки указу королевскому, съ какой стати онъ будетъ еще платить деньги за какое-то добродѣйство гетмана Потоцкаго? То ли гетманское добродѣйство, что, вопреки присягѣ своей, вмѣсто увольненія, плѣнникомъ его сдѣлать и, по бусурманскому обычаю, захотѣлъ его продать? Когда гетманъ Гонсевскій по милости великаго государя нашего изъ плѣна былъ освобожденъ, то на немъ никакихъ подарковъ никто не спрашивалъ. Христіанское ли то дѣло, чтобъ христіанину христіанами какъ скотомъ торговать и прибыли побусурмански исцѣлять?“ Несчастный Грекъ считалъ также себя въ правѣ думать, что съ нимъ поступили по бусурмански; онъ писалъ къ Одоевскому съ товарищами: „Самъ князь Щербатовъ обѣщалъ мнѣ и поручился; вы обѣщались, что будете мнѣ свободный пропускъ въ Москву. Я у плѣнниковъ былъ отцомъ и добродѣлемъ, а теперь, какъ измѣнникъ, выгнанъ изъ Смоленска. Христіанское ли это дѣло, бѣднаго торговаго человека приводить къ такой наугубъ, что мнѣ уже не захѣмъ къ бѣднымъ моимъ дѣтямъ возвратиться.

Камень бы заплакалъ, смотря на мою обиду, какой и бусурманы не дѣлаютъ. Такія обиды государствъ до нагубы приводятъ. Со слезами къ ногамъ вашимъ припадаю, пропустите меня къ написавшему царю, а онъ, государь христіанскій, великій, еще ни одному нашему брату торговому человѣку обиды не сдѣлалъ и бѣдныхъ сиротъ не ослезилъ". Потоцкій прикрылъ выкупъ именемъ подарка, но Чарнецкій не считалъ нужнымъ церемониться: онъ прямо потребовалъ съ плѣнныхъ, находившихся у него въ Тыкотинѣ, съ 75 человѣкъ оцѣну 16,000 рублей, мѣхъ рысей или за него сто рублей денегъ, да барса; плѣнники попустили окупъ, не стерпя тяжелой христіанской неволи и немѣрной работы. Послы отписали Чарнецкому, чтобъ онъ, зная сеймовое постановленіе о разбѣнѣ плѣнныхъ, оставилъ бусурманскій обычай; отписали всему войску короному, чтобъ оно московскихъ плѣнниковъ высылало на разбѣну на своихъ Поляковъ, которыхъ множество въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ въ сентябрѣ освобождены были обѣщанные за Гонсевскаго знатные плѣнники — князья Семенъ Щербатый, Григорій Козловскій, Петръ Хованскій, Иванъ Акинновъ. Для остальныхъ назначена была въ мѣстечкѣ Горахъ генеральная разбѣна, для чего съѣхались съ обѣихъ сторонъ разбѣнные комиссары; мѣняли чинъ на чинъ и человѣка на человѣка; на время разбѣна условились прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ октябрѣ комиссары разбѣнились, не кончивши разбѣны; русскіе комиссары жаловались на несоблюденіе условія со стороны Поляковъ. Во время разбѣны, королевскіе ратные люди приходили подъ Витебскъ, въ Витебскомъ повѣтъ сѣла и деревни разорили, и городъ держали въ большой тѣнотѣ; другой отрядъ Поляковъ приходилъ подъ Великія Луки, выжегъ посады, въ уѣздѣ сѣла и деревни разорилъ; наконецъ во время же разбѣны Поляки напали на русскій отрядъ, возвращавшійся съ хлѣбными запасами изъ Полоцка въ Витебскъ. Польскій комиссары не отдавали русскихъ начальныхъ людей на обмѣнъ за польскихъ; своихъ начальныхъ людей называли волоштерами и шинами; за русскихъ подковниковъ и полуподковниковъ просили своихъ товарищей по шести и по семи человѣкъ; товарищей драгуновъ и челядниковъ брали выборомъ, шляхту, свою братью, родовитыхъ людей называли челядью и хлопцами, и давали за нихъ не протѣявъ ихъ версты людей боярскихъ и мужиковъ, побранныхъ въ обозъ и въ дорогѣ за возами, а не на бою. Тщетно русскіе комиссары настаивали, чтобъ Поляки брали за подковника шляхты и драгуновъ по четыре человѣка, за полуподковника по три и за иные чины, кромѣ прапорщиковъ, но да; Поляки дѣлали по своему, и, оставя своихъ плѣнныхъ, человѣкъ съ двѣсти, уѣхали изъ Горъ и задержали русскихъ плѣнныхъ, начальныхъ людей, въ Шкловѣ. Освобождено же было русскихъ плѣнниковъ всего 438 человѣкъ, Поляковъ отпущено 381 человѣкъ; за разбѣною осталось въ Смоленскѣ Поляковъ и Литвы

366 человѣкъ, да у князя Петра Долгорукаго 150; польскіе комиссары потому требовали такъ много шляхты за начальныхъ Русскихъ людей, что между польскими плѣнными начальныхъ людей не было. Не зная еще о прекращеніи разбѣны, изъ Москвы продолжали высылать польскихъ плѣнниковъ. такъ что въ ноябрѣ въ Смоленскѣ было ихъ 611 человѣкъ. Дворъ, на которомъ прежде помѣщались плѣнники, и тюрьма стали тѣсны, а на мѣщанскихъ дворахъ ставить ихъ было нельзя, потому что все дворы были заняты ратными людьми. Плѣннымъ давали — шляхтичу по десяти мѣдныхъ денегъ на день, челяднику и драгуну — по шести, да каждому по четвернику сухарей и по гривенкѣ соли на мѣсяць. Но воевода Смоленскій, князь Петръ Долгорукій, объявилъ, что въ казѣ сухарей мало и впередъ плѣннымъ давать будетъ вѣчего. Государь, получивъ объ этомъ извѣстіе, велѣлъ Одоевскому давать за русскихъ начальныхъ людей столько польскихъ плѣнниковъ, сколько спросятъ комиссары, лишь бы Русскіе люди, будучи въ плѣну, не померли напрасною смертію.

По число русскихъ плѣнниковъ, начальныхъ людей увеличилось у Поляковъ: 16 декабря королевскія войска, подъ начальствомъ полковника Черновскаго, взяли приступомъ Усвяты, плѣнники воеводу и многихъ государевыхъ людей побили и побрали въ плѣнъ; шляхетскій ротмистръ Глиновецкій, Шляхтичъ Сестринскій и мѣщанскій воитъ были повѣшены за то, что не сдали города Полякамъ. Посланецъ Одоевского Дичковъ напрасну жилъ въ Вильнѣ, дожидаясь какого нибудь отвѣта отъ комиссаровъ; тѣ отпустили его ни съ чѣмъ, отговариваясь, что сами не получаютъ никакого приказа отъ короля. Дичковъ привезъ въ Смоленскъ извѣстіе о странной смерти гетмана Гонсевскаго и маршала Жеромскаго: 16 ноябрю явился въ Вильну товарищъ войсковой, Хлевинскій да Повошнискій съ толпою ратныхъ людей и спрашивали, гдѣ Гоневскій и Жеромскій. Имъ сказали, что Жеромскій въ церкви у обѣдни, а Гоневскій, у себя, дома лежитъ боленъ. Повошнискій отправился въ церковь, гдѣ былъ маршалокъ, и потребовалъ, чтобъ тотъ ѣхалъ съ нимъ къ войску. „Дайте мнѣ отслушать обѣдню“, отвѣчалъ Жеромскій. Тутъ солдаты схватили его и силою повели изъ церкви. Напрасно служившій обѣдню священникъ говорилъ имъ, что они этия оскорбляютъ домъ Божій; солдаты обругали ксендза измѣнникомъ, вывели Жеромскаго и повезли его за городъ. Отѣхавши 12 миль по Гродненской дорогѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ солдаты бросились на свою жертву, изсѣкли саблями и забили обухами до смерти. По той же дорогѣ Хлевинскій везъ въ каретѣ большого Гонсевскаго, съ которымъ сидѣлъ его домовый ксендзъ. Въ десяти миляхъ отъ Вильны гетмана встрѣтилъ еще отрядъ ратныхъ людей; увидя ихъ, Гоневскій сказалъ ксендзу: „У Мигуціи написано, что нынѣшняго дня будетъ убитъ великій человѣкъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ“. Только-что онъ успѣлъ ска-

зять это, какъ ѣхавшіе на-встрѣчу солдаты поравнялись съ каретою и закричали, чтобъ онъ выходилъ. „Для чего выходить?“ спросилъ гетманъ. „Выходи!“ кричали солдаты съ ругательствами: „Пришелъ твой часъ!“ Гонсѣвскій вышелъ и сталъ говорить: „Везите меня въ войско, потому что по правамъ нашимъ и челядинка безъ суда не караютъ, не только что гетмана.“ — „Не указывай!“ закричали солдаты и хотѣли немедленно его разстрѣлять; несчастный могъ вымолить только сроку, чтобъ исповѣдаться у ксендза. Убийцы выставили три обвиненія противъ Гонсѣвскаго: 1) При освобожденіи своемъ изъ плѣна присягнулъ царю, что съ помощію Орды и Шведовъ подведетъ Польшу подъ власть государеву; разглашали, что у гетмана захвачены царскія грамоты; 2) пропустилъ въ Ригу товарные струги смоленскихъ и витебскихъ мѣщанъ; 3) пріѣхалъ въ Вильну Устинъ Мещеринъ съ грамотами, безъ войсковаго вѣдома былъ у гетмана ночью и грамоты ему отдалъ. Жермовскаго убилъ за то, что былъ съ Гонсѣвскимъ къ одной думѣ.

Въ февралѣ 1663 года царь приказалъ Одоевскому пересмотрѣть плѣнныхъ, находившихся въ Смоленскѣ, и раздѣлить ихъ на двѣ части: которые познатіе, — тѣхъ держать въ Смоленскѣ, а которые похуже, — тѣхъ отпустить въ Польшу безъ размыны и наказать имъ бить челоуѣ королю, чтобъ онъ сдѣлалъ то же и съ русскими плѣнниками. Велѣдъ затѣмъ отпущена была изъ Москвы другая толпа плѣнниковъ, также безъ размыны. Одоевскій съ товарищами получилъ приказъ возвратиться въ Москву, а въ Польшу еще въ 1662 году отправился Ординъ-Нашукинъ съ предложеніемъ тѣснаго союза подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверскихъ городовъ, какъ было до Смутаго времени, съ предложеніемъ денегъ для расплаты съ бунтующимъ войскомъ, за уступку южной Ливоніи. Но знаменитый московскій дипломатъ не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ: чтобъ заключить выгодный миръ, король считалъ необходимымъ перейти самому на восточный берегъ Днѣпра ¹⁾.

Въ третій разъ страшная опасность начала грозить Москвѣ. 8 сентября отправлена была къ находившемуся при Брюховецкомъ воеводѣ, стольнику Кириллу Хлопову такая грамота: „Говорить гетману тайнымъ обычаемъ: если король Польскій со всѣмъ войскомъ короннымъ и съ пѣнниками Черкасми той стороны Днѣпра и съ Крымскими Татарамн станетъ наступать всѣми силами, то, по самой конечной мѣрѣ, если устоять противъ нихъ будетъ нельзя, гетманъ долженъ укрѣпить осаду во всѣхъ городахъ и, соединившись съ воеводою княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, отступить къ пограничнымъ московскимъ и черкасскимъ городамъ, къ крѣпкимъ мѣстамъ, гдѣ пристойнѣе, по своему разсмотрѣнію“. Для удержанія

союзниковъ королевскихъ, Татаръ, еще прежде успѣли подкрѣпить Запорожье: туда отъ Вѣлгородскаго полка Ромодановскаго отдѣленъ былъ отрядъ изъ 500 человекъ драгунъ, солдатъ и Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ стряпчаго Григорія Касогова. Сначала этого отряда было достаточно, потому что война велась мѣлкая; Кременчугскіе казаки опять перешли въ королевскую сторону; изъ примѣру послѣдовали жители городовъ Потока и Переволочны. Въ Кременчугѣ засѣлъ наказный гетманъ западной стороны, Петръ Дороненко. Узнавши, что въ Запорожье пробирается московскій отрядъ, Дороненко въ іюлѣ мѣсяцѣ послалъ провѣдать о немъ двѣсти казаковъ и сотню Татаръ, которые столкнулись съ людьми Касогова подъ Клищенкою и были побиты. Переволочане опять поддался великому государю; Касоговъ въ другой разъ побилъ татарскихъ загошниковъ подъ Клищенкою и, соединившись съ Запорожцами и Калмыками, отправился въ сентябрѣ за Днѣстръ; затѣмъ выжили они ханскія села, много въ нихъ побили Армянъ и Волоховъ, и 20 сентября возвратились въ Сѣчь всѣ въ плѣсти; на другой день, 21 числа, явились въ Сѣчь 1,200 Запорожцевъ, которые ходили на море, пришли они пѣшкомъ и рассказывали кошевому своему Ивану Сѣрко и Касогову, что настигли ихъ на морѣ турецкія суда, билось съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь казаки утекли отъ Турокъ къ берегу, изрубилъ свои суда и полемъ пустились домой. 2 октября Сѣрко и Касоговъ выступили подъ Перекопъ; 11 числа, ночью, Сѣрко съ пѣнниками Черкасми и солдатами вошелъ въ Перекопскій посадъ съ Крымской стороны, а Касоговъ съ коннымъ Черкасми и Русскими людьми пришелъ къ воротамъ Перекопскимъ съ русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго Русскіе взять не могли и ушли, зажегли большой городъ: янычары и Татары преслѣдовали ихъ верстъ съ пять. 16 октября Касоговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Касогова было убито только десять человекъ, плѣнныхъ въ Сѣчь не привели, порубили, не пощадив ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Касоговъ, что въ Крыму и Перекопи было повѣтріе; но пріѣхавъ въ Москву запорожскіе посланцы съ тою же вѣстію о походѣ подъ Перекопъ и объявили: „Въ Перекопи при насъ мороваго повѣтрія не было, слышали они, что было повѣтріе, но задолго до ихъ прихода; плѣнныхъ мы всѣхъ порубили, будучи между собою въ ссорѣ, а кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко писалъ про моровое повѣтріе къ гетману Брюховецкому, думаемъ, отъ стыда, что языкомъ къ нему послать было некого, потому что войскомъ всѣхъ побили“.

Скоро послѣ этого начали приходять отъ Касогова печальныя вѣсти: онъ писалъ, что 23 ноября прислалъ измѣнникъ Четеря въ Запорожскую Сѣчь посланцовъ своихъ, двухъ кыловскихъ мѣщанъ, съ прелестными листами, и когда эти листы читали въ радѣ, то половина Запорожцевъ не хотѣла и

¹⁾ Архивъ хмн. деп. д., дѣла Польскія 1661—1663 годовъ. Памятн. изд. Киевск. комис. IV, 194.

слушать, но другіе обрадовались; начались шатости въ Запорогахъ большія; Сѣрко бонется за себя, за Московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей: запасы, привезенные Касоговымъ, вышли, а покушать въ Запорожьи—осмишка муки ржаной стоитъ пять рублей, а пшеница и не добыть ни за какія деньги, отчего многіе ратные люди разбѣжались. Касоговъ приготовился уже къ смерти и писалъ къ отцу своему: „Ватюшка! помилуй меня. дай благословіе и прости, потому что думаю, въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ. Если черкасскіе города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сѣркомъ тутъ мать: и теперь бунтуютъ и на насъ совпадаютъ; чуть только ослаятъ, сейчасъ выдадутъ насъ или Дяхамъ, или Татарамъ. Смплуйся, государь! дѣвочку мою не покинь! охъ, жалъ, какъ душѣ съ тѣломъ, съ нею разстаться и не видать до дня суднаго! Больше писать не умѣю отъ печали лютой; помилуй меня, прости грѣшника и не забудь за меня къ Богу черезъ нищихъ послать и душу мою бѣдную помянуть; челядь мою русскую вели отпустить на волю, а Татаръ вели удержатъ, на обмѣну пригодятся. Умились надъ бѣдною, вѣкъ свой въ горѣ скоротавшею моею женою сиротою, не вели ее оскорбить послѣ меня; не утѣшилась бѣдная при мнѣ, только состарѣлась и о бѣднаго житія сокрушилась.“

Отъ гетмана сначала приходили хорошія вѣсти: осенью 1663 года, 15 октября, Брюховецкій далъ знать дарю, что генеральный есаулъ взялъ приступомъ городъ Потокъ; 23-го воевода Хлоновъ далъ знать, что они съ гетманомъ ходили подъ Кременчугъ и взяли его со всѣмъ людемъ, нарядомъ и знаменами. Но въ то же самое время получена была въ Москвѣ грамота Меоодія изъ Кіева (отъ 12 октября); епископъ писалъ, что 8 октября король Янъ-Казиміръ, пришелъ въ Вѣлду Церковь, которая отъ Кіева только въ 60 верстахъ; въ Кіевѣ малоллюдно, а городъ большой: „Бога ради,“ писалъ Меоодій, „изволь, великій государь, въ прибавку прислать въ Кіевъ ратныхъ людей поскорѣ; да и къ гетману изволь прислать войска, а гетманъ Иванъ Брюховецкій тебѣ отъ всего сердца вѣрно служить хочеть; укажи князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому посылити въ украинскіе и черкасскіе города, также и другіимъ войскамъ отъ Сѣвска, Путявля и Брянска, потому что тамъ войска эти даромъ стоятъ, только даромъ людей ѣдятъ, а здѣсь очень надобны. Кіевъ, Черниговъ и вся Украина тебѣ, великому государю, очень надобны, потому что за этими черкасскими городами твое Руссійское государство, какъ за стѣною, твердо стоитъ и стоять будетъ; сохрани Боже уступитъ Кіева и другіихъ черкасскихъ городовъ, тогда король и Дяхи дальние пойдутъ; кто тебѣ объ уступкѣ Кіева станеть совѣтовать, тотъ Богу и тебѣ врагъ и измѣнникъ. Прошу также милости, вели перемѣнить Перяславскаго воеводу, князя Василія Богдановича Волконскаго: человекъ упрямый; лучше его перемѣнить, нежели изъ-за его вражды съ гетманомъ

какая поруха учинится.“ Царь отвѣчалъ, что велѣтъ смѣнить Волконскаго и на его мѣсто будетъ пока воевода Хлоновъ. 11-го ноября получено было письмо отъ Брюховецкаго (изъ Гадяча отъ 30 октября): „Вѣрный и во-вѣкъ неотступный холоднъ, низко предъ пресвѣтлыми царскаго пресвѣтлаго величества престола ногами до лица земли упадая и смиренно бючи челомъ,“ увѣдомлялъ, что король имѣтъ совѣщаніе въ Вѣлой Церкви со всѣми начальными людемъ, избѣнниками и султаномъ Крымскимъ, послѣ чего король придвинутъ къ городу Ржищеву на берегъ Днѣпра, и войска его начали переправляться зарѣку у Ржищевской пристани. „Я,“ писалъ Брюховецкій, „всѣ свои полки противъ непріятеля собираю и иду вмѣстѣ съ воеводою Кирилломъ Осиповичемъ Хлоновымъ. Но высокими своимъ разумомъ изволите разсмотрѣть, что намъ съ такими малыми войсками на польскія, татарскія и измѣнничьи войска идти опасно; а князь Ромодановскій вашихъ указовъ не исполняетъ и съ войскомъ на оборону малороссійскихъ городовъ нейдетъ, шлетъ ко мнѣ, что войска распустилъ: нишеть ко мнѣ, что поидеть въ малороссійскіе города, когда къ нему Калмыки придутъ, тѣмъ самымъ походъ свой въ даль откладываетъ, а непріятель, не слыня о силахъ, противъ него идущихъ, въ отчійъ вашего царскаго величества распространяется, и города прельщать будетъ. Не только князю Ромодановскому, но и боярину Петру Васильевичу Шереметеву и Калмыкамъ надобно со мною соединиться; противъ короля надобно приготовиться строемъ, ибо хотя при немъ и малыя силы, однако это не Выговскій и не Гуляницкій: надобно готовиться, чтобы города на этой сторонѣ удержались въ вѣрности; непріятель готовится на бой кровавый, и султанъ Крымскій загоновъ не пропускаетъ; я послать въ Запорожье къ Сѣрку, чтобы съ Калмыками шель къ Чигирину“. Кіевскому полковнику, Василію Дворецкому, бывшему тогда въ Москвѣ, Брюховецкій писалъ: „Удивляюсь радѣнію князя Ромодановскаго, который, собравши войско, все лѣто стоялъ въ Вѣлгородѣ, а какъ узналъ о приходѣ королевскомъ, то войско по домамъ распустилъ: не знаю, ужъ ли пришла ли къ нему грамотка отъ брата его Выговскаго. Приходъ королевскій на Украину дѣло великое: никто ничѣмъ не откупится, а я своею душою головою силы непріятельскія не сдержу, кому уже стало вѣрить. Изволь Федору Михайловичу (Ртищеву) обо всемъ словесно объяснить, пусть не кручинится, что пишу обо всемъ правду: когда Украину потеряютъ, то и всѣмъ достанется“

Въ это время прѣзжаетъ въ Малороссію для переговоровъ съ гетманомъ государевыхъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Деметрій Миничъ. Вашихомъ, приносить старшинѣ соборей на 1,700 рублей, и вотъ со всѣхъ сторонъ сыплются къ нему доносы. Меоодій далъ ему знать изъ Кіева, чтобы ѣхалъ осторожнѣе: малороссійскіе жители шатки и неостойливы. Вѣрить имъ нечего; подъ часъ непріятельскаго прихода чаятъ отъ нихъ всякаго дурна: въ

Глуховъ атаманъ и войтъ толковали, что Черкасскъ никому вѣрнѣе нельзя, — люди ненастоянные и некрѣпкіе, противъ непріятелей долго стоять не будутъ. Воевода Хлюновъ передавалъ вѣсти, полученные тайно отъ Брюховедскаго, что въ Кіевѣ дѣла очень плохи отъ умысла злыхъ людей: король идетъ къ Кіеву по присылкѣ кіевскихъ жителей, а вся злая бѣда учинилась отъ старцихъ Ангиллины, которая учить въ Кіевѣ епископову дочь грамотѣ, и что услышнть отъ ученицы, про все дастъ знать въ Польшу и къ Тетерѣ. „Надобно думать“, говорилъ Брюховедскій, „что у епискона есть прозяба большая и невѣрность въ раднѣннхъ великому государю: объ этомъ я заключаю изъ того, что кіевскіе монахи взяли себѣ на поруки Нѣжинскаго атамана Шлютовича, который ушелъ, отпустили его монахи нарочно и велѣли ему, собравъ казаковъ и Татаръ, приходитъ на государевы черкасскіе города. Я за этими монахами посылалъ Придубскаго полковника Песочскаго, но епископъ ихъ ко мнѣ не присылалъ, а взялъ съ нихъ золотые червонны. Боюсь, чтобъ епископъ злымъ своимъ умысломъ не сдалъ Кіева королю. Если король черезъ Днѣпръ переправится, то боюсь, чтобъ все малороссійскіе города вдругъ ему не сдались; при мнѣ войска въ сборѣ ничего нѣтъ, и радъ бы я собраться, но казаки меня не слушаютъ, не собираются нигдѣ, и потому буду сидѣть въ городахъ въ осадѣ до прихода государевыхъ большнхъ полковъ“.

17 ноября свидѣль Башмаковъ съ гетманомъ въ Батуринѣ и говорилъ ему: „Въ Нѣжинѣ, на генеральной черневой радѣ ты выбравъ гетманомъ всеми вольными голосами и присягнувъ на вѣрное и вѣчное подданство великому государю; а великій государь васъ, гетмана, старшину и всю чернь, держитъ подъ своею самодержавною высокою рукою въ милостивомъ жалованьи по прежнимъ вашимъ правамъ и вольностямъ и по переславскимъ статьямъ, какія поставлены въ 59 году, при прежнемъ гетманѣ Юріи Хмельницкомъ, и вамъ бы, выслушавъ тѣ статьи, подписать“. Статьи были прочтены; но гетманъ и старшина, выслушавъ ихъ, отвѣчали: „Намъ всѣхъ этихъ статей за разореніемъ отъ непріятельскихъ приходовъ и за скудною никакъ содержать теперь невозможно; въ то время, когда эти статьи становлены, Малая Россія вся, обѣихъ сторонъ Днѣпра, была въ соединеніи и у царскаго величества въ подданствѣ, и города хотя и были поразорены, да все не такъ, какъ теперь“. — „Постановленіе этимъ статьямъ давнее, а не новое“.

возразилъ Башмаковъ, „гетманъ Богданъ Хмельницкій ихъ содержалъ“. — „При Богданѣ Хмельницкомъ“, отвѣчалъ гетманъ, „непріятели такъ, какъ теперь, не наступали, да и наступать было нельзя, за обороною великаго государя сами непріятелей гоняли, и малороссійскіе жители въ то время были во всякихъ покояхъ и зажиткахъ“. Пуще всего гетманъ со старшиною изъ статей Богдана Хмельницкаго отговаривали вторую статью о сборѣ въ царскую казну денежныхъ доходовъ, да шестую —

о раздачѣ жалованья войска Запорожскаго начальнымъ людямъ и казакамъ: „Прстойное ли это дѣло“, говорили они, „что у ебору и раздачѣ быть войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, и съ кого теперь такіе многіе доходы собирать и казакамъ раздавать; только это дѣло начать, — и мнѣ, гетману, отъ казаковъ и мѣста не будетъ, всякій захочетъ жалованья, а собирать будетъ несть-кого“. Громче всѣхъ кричали — судья войсковой Юрій Незамай да Стародубскій полковникъ Иванъ Плотникъ; чтобъ подкрѣпить себя передъ царскимъ посланцомъ, они наконецъ сказали: „Новыя переславскія статьи приишмали Заднѣпріане, а теперь они въ измѣнѣ“. — „На нѣжинской радѣ“, возражалъ Башмаковъ, „вы этихъ статей не осаришали, подъ статьями приложены руки такихъ людей, которые теперь у государя въ подданствѣ вмѣстѣ съ вами, служатъ вѣрно и ни въ какой измѣнѣ не оказались; потому вы хотите оставить именно тѣ статьи, которыя были присланы гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и содержали имъ до конца жизни, и потому оставить ихъ никакъ нельзя. Ты, Незамай, и ты, Плотникъ, говорите, что заднѣпровскіе жители все въ измѣнѣ; но этими словами вы и себя къ измѣнникамъ причисляете, потому что жены ваши, дѣти и родичи теперь за Днѣпромъ, а можно было вамъ до непріятельскаго прихода на эту сторону Днѣпра ихъ перевести. Вы все отговариваете вторую и шестую статью за скудною и непріятельскимъ панештвемъ, но тому не всегда быть. Если вы въ статьяхъ усмотрѣли что-нибудь не надобное, то вы бы прислали бить челомъ объ этомъ великому государю, а самимъ бы вамъ его государской воли не отговаривать; помните ли, что Павелъ апостоль написалъ: „Рабы владыкамъ во всемъ да повинуются.“

Гетманъ и старшина уступили, приняли все статьи и подписали 19 ноября, обѣщая бить челомъ о тѣхъ статьяхъ, которыхъ по настоящему времени содержать нельзя. Башмаковъ объявилъ, что государь жалуетъ войску имѣние Самка и его совѣтниковъ; гетманъ и старшина били челомъ до лица земли, но приговорили съ войскомъ, чтобъ все это имѣніе, по стародавнему обычаю, отдать вдовамъ и сиротамъ казенныхъ, потому что за одну вину дважды не караютъ. Башмакову потребовалъ, чтобъ во все малороссійскіе города послать универсалы, подъ войсковымъ жестокомъ караньемъ, велѣть всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ перебѣжчиковъ сыскать и отправить на прежній мѣста жительства и учинить впредь казакъ крѣпкій подъ смертною казнію — Московскаго государства служилыхъ и великихъ чиновъ людей, боярскихъ холопей и крестьянъ въ малороссійскіе города не принимать, чтобъ отъ этого государевой службѣ и податямъ порухи, а помѣщикамъ и вотчинникамъ напраснаго разоренія и убытковъ не было. Гетманъ отвѣчалъ, что теперь этого сдѣлать нельзя, ибо жители здѣшней стороны Днѣпра, услыша о такомъ договорѣ, могутъ передать королю; а

какъ война минуетъ, тогда царское требованіе исполнить будетъ можно. Башмаковъ говорилъ: Козельскіе и Остенскіе жители, скупая хлѣбъ въ Глуховѣ и другихъ мѣстахъ, отпускаютъ за Днѣпръ безъ вѣдома гетмана и старшинъ; этимъ поднимаютъ цѣны на хлѣбъ здѣсь и помогаютъ задѣпровскимъ измѣнникамъ и Татарамъ, — такъ надобно запретить продавать хлѣбъ за Днѣпръ, кромѣ Кіева. Если же запретить этого нельзя для удабриванія Задѣпровскихъ жителей, чтобъ они склонялись подъ царскую руку, то позволять имъ покупать хлѣба указное число съ гетманскаго и старшинъ вѣдома, и они станутъ считать это себѣ за великое благодѣяніе, и другъ другу начнутъ выставлять вашу доброту и переселятся на здѣшнюю сторону отъ тамошняго разоренія. Гетманъ съ старшинами отвѣчали, что по этому предмету уже давно выданы крѣпкіе универсалы и еще будутъ выданы.

Потомъ Башмаковъ указалъ гетману на безпорядки, господствующіе въ Малороссіи: „Не только казаки не переписаны, но и мѣщане и поселяне, ихъ земли, мельницы и угодья, не переписаны раи ды и комары для поборовъ, оброковъ ни на что не положено; ты, гетманъ, и вы, старшина, не знаете, сколько теперь въ войскѣ казаковъ и что имъ доведется дать жалованья въ годъ, сколько съ мѣщанъ и угодій ихъ какихъ поборовъ въ годъ собрать можно; казаки безъ переписи на службѣ бывають не всѣ, ѣздить по своей волѣ и изъ полковъ отъѣзжаютъ безъ вашего отпуски.“ Гетманъ и старшина отвѣчали, что теперь, когда непріятель надъ головами, реестра писать и казны собирать нельзя, а какъ военная пора минется, тогда будетъ можно. Наконецъ Башмаковъ потребовалъ, чтобъ Малороссіянамъ запрещено было ѣздить въ Великороссію съ заповѣдными товарами, съ виномъ и табакомъ; обѣщавъ разослать универсалы съ угрозою, что если кто изъ Малороссіянъ будетъ пойманъ въ великороссійскихъ городахъ съ виномъ и табакомъ, у тѣхъ вино и табакъ будутъ отбираться на царское величество безденежно. Наконецъ гетманъ обѣщавъ давать на прокормленіе московскимъ ратнымъ людямъ, которые будутъ въ Малороссіи для ея защиты: военодамъ — по мельницѣ съ двумя колесами мучными, головамъ и полковникамъ — по 50 осмачекъ, подполковникамъ и майорамъ — по 25, ротмистрамъ и капитанамъ — по 20, поручикамъ, прапорщикамъ и сотникамъ — по 10, рейтарамъ, драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ — по 4 осмачки ржаной муки на годъ ¹⁾.

Толкуя съ царскимъ дьякомъ, гетманъ постоянно напоминалъ, что непріятель надъ головами: наконецъ гроза разразилась: король перешелъ на восточную сторону. Чтобъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ, онъ выкушалъ у Татаръ русскіхъ илѣнниковъ и отпуская ихъ по домамъ: ратнымъ лю-

дямъ запрещено было брать что-либо сплюку у жителей, и три шляхтича были повѣшены за нарушение этого предписанія. Надобно было употребить нравственные средства, ибо матеріальныхъ было у короля очень недостаточно: для завоеванія страны при самомъ Янѣ-Казимирѣ находилось только три полка конныхъ, въ нихъ 25 хоругвей, подъ хоругвию человекъ по 50 и по 60; пѣхоты при королѣ было только 300 человекъ; у гетмана Потоцкаго — три полка конныхъ казацкихъ, пѣхоты 4,000 человекъ да двѣ роты гусарь; у Чарнецкаго — три хоругви гусарь, три полка казацкихъ, въ которыхъ 36 хоругвей, подъ хоругвию человекъ по 60 и по 80; до 400 драгунъ; у Ибсочинскаго — 9 ротъ Пѣльцевъ, 150 солдатъ (жаздаковъ), три полка Поляковъ, въ которыхъ 800 человекъ. Союзныхъ Татаръ было 5,000; — 14,000 литовскаго войска, подъ начальствомъ Сантъи, Паца и Подубенскаго, стояло въ Досуговѣ. Король надѣялся, что одного появленія его достаточно, чтобъ вырвать восточную сторону изъ рукъ паря, и сначала дѣйствительно успѣхъ порадовалъ его, — тринадцать городовъ отворили врата Полякамъ; но потомъ дѣла принявъ другой оборотъ: надобно было останавливаться подъ городами, тратить время и людей. Лохвица не сдавалась и была взята только жестокимъ приступомъ, на которомъ осаждающіе потеряли много народу. Не удался и Гадячъ: къ нему подошелъ Тетери съ Яхачи и казаками, изготовилъ уже при сгуниме вымыслы, по отошелъ прочь, уезжая о движеніи Калмыковъ и князя Григорія Ромодановскаго. Самъ король потерѣлъ неудачу подъ Глуховымъ и долженъ былъ вывести за Десну свое голодное войско; только оплошность царскаго воеводы, князя Якова Куденеговича Черкаскаго, снасла Поляковъ отъ совершеннаго употребленія ²⁾.

Прошла и третья туча. Неуспѣхъ Яна-Казимира поддержалъ спокойствіе въ Запорожьи. Сѣрко и Касоговъ остались цѣлы и невредимы, и не сидѣли праздно въ Сѣчи. 6 декабря вѣстѣ съ Калмыками отправились они опять подъ Перекопъ, чтобъ мѣшать хану идти на помощь къ королю и взять Языковъ. Они спокойно жгли татарскій селъ въ кутахъ надъ Чернымъ моремъ, и отгромили русскаго и черкаскаго полна больше ста человекъ, какъ 11 декабря напали на нихъ татарскіе толпы изъ Перекопи. Русскіе и Калмыки, отбивавсь, отступали двѣ мили къ рѣкѣ Колончаку, здѣсь устроили кони, учинили бой, Перекопскую орду побили и рубили Татаръ да самой Перекопи, живыхъ брать въ илѣны Калмыки не дали, въ рукахъ кололи. Эти подвиги по-прежнему совершались съ самыми незначительными силами: съ Сѣркомъ было 90 человекъ Черкасъ, съ Касоговымъ — 30 человекъ Донскихъ казаковъ да 60 Калмыковъ, а Татаръ, если вѣрять Касогову, было человекъ съ

¹⁾ Книги разрядныя, т. II, годъ 1663.

Исторія Россіи. т. XI. кн. III.

²⁾ Архивъ мин. вн. д.; дѣла Малорос. и Польскія 1663 года.

тысячу. Въ январѣ 1664 года Сѣрко отправился за двѣ рѣки, за Бугъ и за Днѣпръ, гдѣ, напавши на турецкія села поныше Тягина, многихъ бусурманъ побилъ и добычу великую взялъ; изъ-подъ Тягина пошелъ на черкасскіе города, лежащіе по Бугу; жители этихъ городовъ, какъ только слышали о приходѣ Сѣрка, такъ тотчасъ же начали Ляховъ и Жидовъ съчи и рубить; Браславскій полкъ и Калиницкій, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Рашковъ, Уманскій повѣты поддались Московскому царю. Велѣдствіе этихъ успѣховъ Москвы на западной сторонѣ Днѣпра составился планъ—вытѣснить Поляковъ отовсюду и провозгласить господство царя; начальниками движенія были: митрополитъ Іосифъ Тукальскій, пресемникъ Дюнсія Балабана въ королевской сторонѣ, и Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, котораго въ Москвѣ не иначе называли какъ измѣнникомъ, Иванъ Астаѣевичъ Выговскій. Еще въ 1662 году освободившійся изъ польскаго плѣна, князь Козловскій объявлялъ: „Въ Вильнѣ намѣстникъ Духова монастыря Дорошевичъ говорилъ мнѣ: пріѣхалъ въ Духовъ монастырь архимандритъ Бутовичъ, духовный отецъ Выговскому; великому государю надобно бы его пожаловать соболями, а онъ говоритъ, что падѣтся Выговскаго и Заднѣпровскіхъ казаковъ уворить поддаться попрежнему государю.“ Непзвѣстно, воспользовались ли въ Москвѣ этимъ объявленіемъ и завязали ли сношенія съ Выговскимъ посредствомъ Бутовича, только, въ началѣ 1664 года, Выговскій вошелъ въ сношенія съ полковникомъ Сулимою, который долженъ былъ поднимать возстаніе во имя царя и Выговскаго, истреблять польскіихъ старостъ, отнимать имѣнія у шляхты. Но польскій полковникъ Маховскій предупредилъ замыселъ, захватилъ Выговскаго и, послѣ военнаго суда, разстрѣлялъ его, какъ уличеннаго измѣнника; а Брюховецкій въ универсалѣ своемъ отъ 23 марта провозгласилъ, что Выговскій погибъ за вѣру христіанскую. Іосифъ Тукальскій былъ заточенъ въ Маріенбургъ вмѣстѣ съ монахомъ Гедеономъ Хмельницкимъ. Несмотря на неудачу этого предпріятія, Поляки должны были теперь уже защищать западную сторону Днѣпра отъ царскихъ войскъ: 4 апрѣля въ Крыловѣ сошлись съ Сѣркомъ Касоговъ съ своею маленькою дружиною и остальные Запорожцы съ наказнымъ кошевымъ Сапкою Туровцомъ. Касоговъ доносилъ, что заднѣпровскіе полки, чернъ вся, съ радостію поддались подъ государеву руку, Ляховъ и Тетеринныхъ единомышленниковъ побилъ. Но не поддавался Чигиринъ и призвалъ къ себѣ Чарнецкаго, который съ 2,000 конницы 7 апрѣля напалъ на Сѣрка и Касогова подъ Бужинымъ; послѣ жестокаго боя Русскіе, по словамъ Касогова, пришли къ Бужиню въ цѣлости, а Поляковъ побилъ много. Чарнецкій осадилъ ихъ въ Бужинѣ; они отбивались отъ него день и ночь съ 7 по 13 апрѣля, и отбились Чарнецкій отступилъ; Сѣрко и Касоговъ воспользовались этимъ и перешли въ Сѣвлюю, но здѣсь были снова осаждены Чарнецкимъ и Тетерею, и снова

отсиѣдлись безъ урона для себя. Освободившись въ другой разъ отъ осады, Сѣрко и Касоговъ отправились на восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей и съ Калмыками. Тетеря писалъ къ канцлеру Пращмовскому, что только миръ съ Москвою можетъ успокоить Украину; онъ предлагалъ также, опираясь на мнѣніе Чарнецкаго и всей старшины казацкой, что самымъ лучшимъ средствомъ для предупрежденія бунтовъ казацкихъ будетъ отдѣленіе нѣсколькихъ старостъ, гдѣ бы казаки жили подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, не зная старостъ и подстаростъ: этимъ уничтожатся всѣ непріязненные столкновенія казаковъ съ республикою. Тетеря опять указывалъ на страшную опасность со стороны Татаръ, явно стремящихся оторвать Украину отъ Польши, и на этомъ основаніи, Тетеря считалъ миръ съ Москвою необходимымъ, въ противномъ случаѣ просилъ короля уволить его отъ гетманской должности ¹⁾.

Между тѣмъ Брюховецкій съ московскимъ воеводою Петромъ Скуратовымъ стояли обозомъ подъ Каневымъ. 21 мая напали на ихъ обозъ Поляки и Татары, и, побившись, отошли прочь. Въ тотъ же день Брюховецкій и Скуратовъ вошли въ Каневъ, а на другой день, 22 числа, явился подъ городомъ самъ Чарнецкій съ хорунжимъ короннымъ Собѣскимъ, съ полковникомъ Маховскимъ, Тетерею и Татарамъ; бой подъ Каневымъ продолжался съ утра до вечера; непріятель отступилъ и сталъ съ верету отъ города. Шесть дней было спокойно, на седьмой, 29 числа, Чарнецкій, отпустивъ свои обозы къ Ржищеву, самъ двинулся опять подъ городъ и всѣми своими силами ударилъ на гетманскую пѣхоту,—та дрогнула и опрокинулась на московскій солдатскій полкъ Юрія Палыта: солдаты выдержали натискъ; того же дня Чарнецкій пошелъ изъ-подъ Канева и, отомешивъ десять верстъ, сталъ на Днѣпрѣ выше Канева, а 2 іюня пошелъ отъ Днѣпра къ Корсуню, отправивъ подъ Каневъ небольшой отрядъ конницы, чтобы помѣшать Русскимъ преслѣдовать его по дорогѣ. Отъ Корсуни Чарнецкій отступилъ за Вѣлюю Церковъ подъ мѣстечко Ставищи, приступалъ къ нему жестокими приступами, но не могъ ничего сдѣлать, потерялъ, какъ доносили въ Москву, 3,000 человекъ и самъ былъ раненъ. Чарнецкій остался подъ Ставищами, а Тетеря съ половиною Татаръ пошелъ къ Уманю и къ Днѣстру, чтобъ жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, поддавшимся Московскому государю, не дать убраться хлѣба съ полей и понытаться, мельзя ли опять склонить въ королевскую сторону: на предѣстныхъ нисмахъ его нарисованъ былъ крестъ и образъ Богородицы; этимъ крестомъ и образомъ онъ клялся, что не будетъ никому мстить, и объявлялъ, что Ляхи не будутъ начальствовать надъ Малороссіянами.

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; дѣла Польскія 1662 года, № 116; Памяти. изд. Кіевск. копіе. IV, стр. 395 и слѣд.

Татары приносили Полякамъ большую пользу тѣмъ, что, перебѣгая загонами изъ одного мѣста въ другое, не давали даркомъ войскамъ возможности сосредоточиваться и дѣйствовать наступательно значительными силами. Царь писалъ Сѣрку, чтобъ соединился съ гетманомъ Брюховецкимъ. Сѣрко отвѣчалъ, что Яхяи и Татары ежедневно около ихъ украинскихъ городовъ докучаютъ, и онъ пойдетъ не прежде къ гетману, какъ непріятель отступитъ. Сѣрко стоялъ въ Торговицѣ; Брюховецкій не двигался изъ Канева и велѣлъ Касогову, вѣбствъ съ нѣсколькими казацкими полковниками, учинитъ походекъ надъ Корсунемъ. 1-го августа, за пять верстъ отъ Корсуни, Поляки напали на Касогова и поразили его; Русскіе потеряли убитыми одиннадцать человекъ рейтаръ и солдатъ, тридцать человекъ Черкасъ; кромѣ того, многие ратные люди, прибѣжавъ къ болоту, коней потопили и оружіе пометали. Касоговъ жаловался государю: „Иные рейтары, солдаты, Донскіе казаки и Черкасы передъ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали домой; бѣда случилась отъ малолетства—въ походѣ со мною было рейтаръ 85 человекъ, солдатъ 120, казаковъ разныхъ родовъ 470, Черкасы съ 500 человекъ конныхъ да 1,000 пѣшихъ; по этой пѣхотѣ Ляхи не дали со мною соединиться; въ моемъ полку самихъ казаковъ немного,—все наймыты, овчары да изъ винницъ работники, и малыхъ ребятъ много, а сами казаки живутъ по домамъ своимъ“. О состояніи тогдашняго войска и причинахъ медленности и неуспѣховъ его всего лучше можетъ дать понятіе письмо Касогова изъ Канева: „Твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей со мною до 18 сентября оставалось рейтаръ 68 человекъ, солдатъ 159, а съ 18 сентября въ ночь бѣжало солдатъ 18 человекъ, 19 числа сбѣжало рейтаръ 24 человекъ; у оставшихся со мною запасовъ нѣтъ; въ Каневѣ твоихъ ратныхъ людей очень мало, а непріятели приходятъ безпрестанно; изъ городовъ воеводы бѣглыхъ на службу не высылаютъ, и на то смотрятъ, и остальные разбѣгутся“. Московскіе ратные люди были челомъ государю, что у гетмана въ малоросійскихъ городахъ хлѣбныхъ запасовъ въ сборѣ много, а имъ даютъ мало,—голодные они и безодежны. Царь писалъ Брюховецкому, чтобъ онъ службу свою и радѣние показали, кормилъ и одѣвалъ ратныхъ людей, также чтобы и Калмыковъ довольствовались живностию и конскими кормами. „И, вѣрный вашего пресвѣтлаго царскаго величества холопъ“, отвѣчалъ Брюховецкій, „весь запасъ, который съ недожженныхъ непріятелемъ мельницъ доходитъ, не на своей пожитокъ обрабаю или продаю; начиная съ весны, мало не каждый мѣсяцъ запасы нашихъ ратнымъ людямъ раздавали, въ Каневѣ, Переяславлѣ, въ Запорожьи, въ Кодацѣ; вашего царскаго величества ратные люди, забравши жалованье и хлѣбные запасы, продаютъ ихъ, и потому бѣгутъ съ службы домой, по дорогамъ людей грабятъ и побиваютъ, а пришедши домой, ску-

достію и нуждою вины свои покрываютъ, и меня, вѣрнаго холопа, предъ престоломъ вашимъ напрасно оглашаютъ. А объ одеждѣ что мнѣ сказать?—никакого денежнаго прихода съ Украйны ни откуда къ моимъ рукамъ не доходитъ, и потому въ умъ свой не могу вмѣстить, откуда одежду ратнымъ людямъ промыслить. На это нужна денежная казна, а съ міру и съ уѣздныхъ людей податей собирать нельзя. Потому что на этой сторонѣ Дѣфпра, сквозь Украйну, оставившуюся при нашемъ царскомъ величествѣ, неоднократно мечъ непріятельскій прошелъ, а этотъ мечъ не обогащаетъ, а разоряетъ міръ, за достоинство нашего царскаго величества страждущій; не только непріятельскій, но и собранный противъ непріятеля войска въ продолженіи всѣхъ этихъ лѣтъ людей разорили. На Украйнѣ было обыкновеніе лѣтъ войны разоривши людямъ вольности на нѣсколько лѣтъ давать, и потому я этой вашего царскаго величества грамоты перелъ войскамъ, передъ всѣмъ міромъ до сихъ поръ не объявлялъ, боясь смятенія, боясь того, чтобъ на восточной сторонѣ Дѣфпра не усумнились, а на западной не обратились къ непріятелямъ, испугавшись тягостей. А для Калмыковъ стація собрана и готова, только-бы приходили скорѣе“.

Несмотря на побѣги ратныхъ людей и скудость оставшихся, Касоговъ 21 октября отправился къ Умань, чтобъ уберечь ее отъ Чарнецкаго. Чарнецкій и Тетера переняли его въ Мѣдинѣ и держали въ осадѣ четыре недѣли: бои и приступы были жестоки, по словамъ Касогова. Поляковъ и Нѣмцевъ побито и живыхъ взято много, а изъ московскихъ людей убитъ былъ только одинъ человекъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣлвина, Касоговъ отправился назадъ въ Каневъ, но на дорогѣ, декабря 12, подъ Староборземъ, выдержалъ новый бой съ Поляками и съ корсунскими Черкассами, и оная вышель побѣдителемъ.

Другого войска, кромѣ Касоговскаго отряда, Москва не могла выслать на западную сторону Дѣфпра. Но изъ Малороссіи по-прежнему приходили безпрестанныя просьбы о присылкѣ новыхъ войскъ. Въ Москву доносили, что по черкасскимъ городамъ во всѣхъ людяхъ возмущеніе великое и страхъ предъ непріятелемъ, при видѣ, какъ мало московскихъ ратныхъ людей. Приверженные къ царю Малоросіянне приходили въ отчаяніе. говорили: „Видно, наши города государю не надобны“. Особенно поднялся сильный ропотъ, когда пришла вѣсть, что боярину Петру Васильевичу Шереметеву велѣно остановиться въ Сѣвскѣ и не ходить въ Малороссію; на гетмана Брюховецкаго никто не надѣялся, ни во что его ставили, говорили явно: что же дѣлать, но нуждѣ придется измѣнить государю и поддаться Ляхамъ, если вѣтъ изъ Москвы помощи. Раздоръ между Брюховецкимъ и Мешодемъ разгорался. Мешодій, прежде съ такимъ жаромъ выставившій вѣрность Брюховецкаго, теперь толковалъ: „Чтобъ великій государь не во всемъ на гетмана полагался,—ни въ чей мѣня гетманъ не слушать:

прежде всего надобно укрѣплять города государевыми ратными людьми, — тогда гетманъ по-неволѣ будетъ государя бояться и служить ему вѣрно⁴. Меоодіи указывали на возможность переимѣнать Брюховецкаго и выбрать гетмана обѣими сторонами Дибра. По его словамъ, Тетери присылалъ къ нему монаха съ предложеніемъ: если государь его проститъ, то онъ обѣщается служить вѣрно и помпритъ съ Крымскими ханомъ, и когда этотъ миръ состоится, то войску Запорожскому дать раду, чтобъ казаки выбрали въ гетманы кого захотятъ¹⁾.

Въ январѣ 1665 года явились въ Москву посланцы Брюховецкаго, объявить великому государю „кровавое и неусынное радѣніе и трудъ правый отчины его малороссійской, которая есть предверіе Великой Россіи; если государь потеряетъ ее, не прилавши на Украйну ратныхъ людей, тогда неизбытная въ Россійской Землѣ война будетъ. Ведя кровавую войну лѣто, осень и зиму, города помощи дожидаться не могутъ. Я успокоюваю ихъ универсалами, то говорю, что комисіи лукавал ляцкал удерживала все лѣто; теперь послѣ комисіи моровымъ повѣтріемъ отговариваемся, а послѣ мору, который прекратился, уже не знаю, чтд буду говорить. А Тетери и Ляхи присылаютъ въ города, чтобъ не надѣлись на помощь царскую. Обѣщали намъ изъ Сѣвска прислать боярина съ войскомъ — и вмѣсто боярина только 400 человекъ съ дворяниномъ Протасевымъ пришло, да и тѣ всѣ разбѣжались. Обѣщали, что придетъ стольничій князь Семень Ивановичъ Львовъ изъ Вѣлгорода; но тотъ, пришедши въ Ахтырку, ратныхъ людей по домамъ распустилъ, и теперь стряпчему Тухачевскому и думному дворянину Якову Тимошевичу Хитрову въ Каневъ некого привести, а пока войско будетъ собираться, Чарнецкій, отдохнувъ, опять станеть докучать городамъ этой стороны, страхомъ и прельщеніемъ колебать, и города, не дождавшись помощи, пожалуй передадутся Ляхамъ; и въ Каневѣ нельзя вѣсновать, потому что непріятель по ту сторону Дибра переправится. Слезно просимъ, чтобъ войско изъ Ахтырки, Вѣлгорода и Сѣвска нынѣшнюю зиму въ Каневъ шло: чтобъ мѣ въ Каневѣ вѣсновать, потому что пока обо мѣ въ Каневѣ слышно, до тѣхъ поръ и держатся. а мѣ, при такомъ малодостѣвѣ, не слыша о приближающейся помощи, опасно вѣсновать.“

Мы уже видѣли въ Малороссіи раздвоеніе между казачествомъ и городами; города, чтобъ избавиться отъ казачаго правительства, просили прислать къ нимъ воеводу; казачій гетманъ, съ своей стороны, внушаетъ царю, какъ вредны привилегіи городскихыя. „Отъ этихъ привилегій“, велитъ онъ объявить въ Москвѣ своимъ посланцамъ, — „отъ этихъ привилегій двоедусіе въ мѣстанахъ происходитъ: мѣщане надѣются на ляцкое панство, которое надъ Русью не имѣеть никакого права; своего дѣ-

личнаго монарха Русь имѣла, и какъ чрезъ лживую помощь, князьямъ Русскимъ поданную, Ляхи Малую Россією овладѣли, такъ теперь мечемъ изъ ляцкой неволы Русь выйдеть и природному монарху своему поддалась и добила челомъ. Не надобно мѣщанамъ держать запасной души, которая въ привилегіяхъ заключается. Въ новыхъ привилегіяхъ королевскихъ, данныхъ мѣщанамъ, находится досада великая его царскому величеству, потому что король называетъ его, свѣта, не пастыремъ, а наемникомъ; да и въ старыхъ привилегіяхъ почти во всѣхъ укоризна: во Владиславовыхъ король обраннымъ царемъ Московскимъ написался. Какъ можно терпѣть такія досадныя привилегіи въ городахъ, находящихся подъ высокою рукою царскаго величества? Король Польскій, унижая царскій престолъ, грамоты царскія въ городахъ отбиралъ, и хоти всѣ мѣщане по городамъ привилегіи королевскія отдавали безъ сопротивленія, однако одни Кіевляне, затанвши въ сердцахъ своихъ какую-то отайную измѣну, подольстились къ воеводѣ Чаадаеву, который за нихъ въ этомъ дѣлѣ заступается и говоритъ, будто эти привилегіи на Москвѣ въ Приказѣ есть. Христіане бѣдливѣйшіе, въ городахъ и селахъ живущіе, одну лошадь и мало что пожитку послѣ непріятельскаго прихода имѣя, на всѣхъ бѣдахъ живутъ и отъ частыхъ подводъ къ послѣдней нищетѣ приходятъ, а купцы и мѣщане богатые, за посулами, ни о какихъ докукахъ и подводахъ не знаютъ, за слышимъ убогихъ христіанъ подводъ отбывалиемъ прохлаждаются. Видя это, я было постановилъ, чтобъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ богатыхъ въ росписи писать и на нихъ подати наложить для подводъ; но воевода Чаадаевъ, предваренный мѣщанами, воспротивился этой переписи. Казаки кладутъ свои головы за достоинство царскаго величества, а мѣщане потѣняются привилегіями, заключающими въ себѣ досаду престолу государеву. Зимую мѣщане, въ надеждѣ на привилегіи, немало городовъ сдали и казачковъ непріятелямъ выдали. Кіевляне принимаютъ въ Кіевъ и отнускаютъ изъ Кіева польскихъ купцовъ; изъ чего же подѣзды и послыки для захваченія языковъ, когда вольно купца въ непріятельскую Землю отнускаютъ“?

Въ грамотѣ своей Иванъ Мартыновичъ, убѣгалъ мзды и вины лживаго дѣлателя, передъ пресвѣтлымъ престоломъ объявлялъ, что: три полковника — Черниговскій, наказной Кіевскій и Овручскій — разбили въ Полѣсьи 11 знаменъ польскихъ; Запорожское войско низовое при урочищѣ Носаковскомъ разбило турецкія суда, высланныя противъ Сѣчи; 2 декабря подъ Чеховкою разбиты были измѣнники казаки съ Ляхами и Иблцами. „Если бы, при помощи Божіей да при вашего царскаго величества молитвахъ, еще намъ, вѣрнымъ холонамъ, присланы были ратные люди изъ Сѣвска и Вѣлгорода, то какой бы побѣды можно было надѣяться? Чарнецкій давно бы ушелъ въ Польшу, не посмѣвъ здѣсь зимовать. Вмѣсто того, и тѣхъ московскихъ ратныхъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ Малороссійскія 163 г., Государств. архивъ, столбцы Приказа Тайн. Дѣл. № 75.

людей, которые при полкахъ Черниговскомъ, Киевскомъ и Овручкомъ въ Полѣсье посланы были, князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, безъ моего совѣта, изъ Полѣсья отозвалъ; воевода Михайла Михайловичъ Димитриевъ указа вашего не исполнилъ, людей къ Чернигову, въ то время какъ черниговскіе ратные люди въ Полѣсьи были, для обороны на время дать не хотѣлъ. Я, вѣрный вашего царскаго величества холопъ, пребываю въ Каневѣ въ великомъ малолѣдствѣ, ибо войско казачье, на слезное разныхъ городовъ прошение, разошлось по городамъ. Передъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества престоломъ со всемъ міромъ христіанскимъ, припадаю, слезно прошу: умолюсеранитесь, великій государь, надъ народомъ христіанскимъ, извольте ратными людьми изъ Сѣвска и изъ Вѣдгорода оборонить церкви Вожій и вѣрныхъ православныхъ христіанъ отъ жестокой ливкой и бусурманской руки. Прошу и молю, извольте воеводѣ Чаадаеву приказать, чтобъ онъ мѣщанамъ кіевскимъ не погикалъ, ибо что я, вѣрный вашъ холопъ, настану совершеннымъ гетманомъ, дѣлаю, то все дѣлаю на пользу и на похвалу вашему царскому величеству“. Гетманъ забылъ, что у горожанъ были привилегіи, подтвержденныя царемъ, нарушенія которыхъ Московскій воевода никакъ не могъ позволить на томъ только основаніи, что гетманъ все дѣлалъ на пользу и на похвалу царскому величеству; трудно было доказать, чтобъ произвольное со стороны гетмана ломаніе правъ служило къ чьей-либо пользѣ и похвалѣ.

Въ то время, какъ происходили эти пересылки и жалобы, мелкія военныя дѣйствія не прекращались. Полковникъ Браславскій Иванъ Сербинъ вѣрною службою царю заглаживалъ прежнюю свою дружбу съ Выговскимъ: вышедши изъ Умани, онъ отнялъ у Поляковъ три города—Бабыны, Косеновки и Кислякъ, перерѣзавъ всѣхъ бывшихъ тамъ Ляховъ. Поляки, пылая мщеніемъ, явились вѣдѣ за ними подъ Умань, но Сербинъ, сдѣлавши вылазку, положилъ 120 человекъ на мѣстѣ, а другихъ живыхъ, какъ овецъ, въ городъ загналъ. Изъ тѣхъ городовъ, которые еще были за Поляками, изъ Корсуни, Черкасъ и Вѣлой Церкви, жители перербѣгали на восточную, Московскую сторону Днѣпра по нѣсколько десятковъ селеній, „нестерпимаго ради гоненія лядскаго“. Извѣстія свои объ этихъ событіяхъ Брюховецкій оканчивалъ обычнымъ призывомъ о высылкѣ московскихъ войскъ въ Украину. Но если гетманъ не переставалъ жаловаться на недостатокъ войска, то другіе не переставали жаловаться на него, что онъ моритъ присылаемое къ нему войско голодомъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сказалъ прибѣжавшему въ Москву Киевскому полковнику Василію Дворецкому: „Нельзя высылать къ вамъ войско—вы голодомъ морите ратныхъ людей на Украинѣ, къ вамъ надобно малеваныхъ людей присылать, какъ въ сказкахъ сказываютъ“. Брюховецкій написалъ Хитрово отвѣтъ:

„Еще ни одного ратнаго человѣка на службѣ государевой при мнѣ мертвого отъ голода не хоронили и не будутъ хоронить. Или то голодная смерть, что Василій Петровичъ Кикинъ 80 осмачекъ въ Переяславѣ продалъ, ѣдучи въ Москву? Или то голодная смерть, что я въ Каневѣ тринадцать струговъ ратнымъ людямъ однимъ проплымъ лѣтомъ роздалъ, не считая того, что роздано въ другихъ мѣстахъ? Вѣдь я хлѣба не раздаю на гроби для пожитку своего, какъ прежде при Самкѣ и при другихъ на продажу стругами въ неприятельскіе города отпущали; но что только можно получить хлѣба послѣ неприятельскихъ опустошеній,—все, по моей вѣрной къ его царскому величеству службѣ, отпущаю на ратныхъ людей. Послѣ пожогъ военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно; послѣ войны людямъ свобода, а не подати; особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротой и оборонять отъ неприятелей. Изволь наша милость, благодѣтель мой, вспомнить, что прежніе старшіе за деньги хлѣбъ ратнымъ людямъ давали, однако въ честь ихъ служба была; также по ихъ лукавому перадѣлю ратные люди часто претерѣвали вредъ отъ неприятелей, и все же имъ войско на помощь присылали; а я хлѣбъ безпрестанно, зимою и лѣтомъ, по городамъ войску раздаю, въ войскѣ царскомъ, моимъ радѣниемъ, никакой утраты не было, великому государю и вашимъ милостямъ, благодѣтелямъ моимъ, услугами моими угождать стараюсь и стараюсь, всѣ украинныя російскіе города, козарицкія и другія волости міромъ христіанскимъ, по моему старанію, наполнились и наполняются: стоя въ Каневѣ, волостей великороссійскихъ на опустошеніе Ляхамъ и Татарамъ не даю, какъ прежде по перадѣлю старшихъ бывало: однако въ огласкѣ пребываю, помощи не получаю и милостиваго слова за кровавые на войбѣ труда дослужиться не могу: посланцовъ моихъ, прибѣжающихъ съ языками, знаменами и литаврами неприятельскими, на бою отбитыми, въ столицѣ и въ Приказѣ не въ честь и не ласково принимаютъ; такъ меня пресираютъ, что и грамотъ моихъ нѣкоторыя особы въ руки брать не хотятъ и посланцовъ моихъ на очи къ себѣ не пускаютъ, а съ приказу по достоинству корму не даютъ; казаки, прибѣжавъ назадъ, сильно оскорбляются, что больше чести и корму Грекамъ, чѣмъ казакамъ за кровь, на бояхъ за достоинство царскаго величества разлитую, которой нѣтъ ничего дороже на свѣтѣ какъ богатому, такъ и убогому“. Прежде войско московское хаживало къ Каменцу-Подольскому и ко Львову, зимою въ Землю неприятельскую, а хлѣба войскового ему и казны не давали; а теперь, хотя близко Днѣпра, Кіева и другихъ домашнихъ городовъ, въ Каневѣ пребываю, хотя казна дается и всякая выгода ратнымъ людямъ дѣлается, однако помощи допроситься не могу. Разсудите, ваша милость, своимъ высокимъ умомъ, что неприятель, овладѣвшій Украиною, пойдетъ въ Великую Россію; взлещи силу, Ляхи и Татары не станутъ сло-

трѣтъ на коммисію. Всякій господинъ не внутри дома, но на преддверіи непріятели срѣтаетъ, и, всюю силою къ дому его не укусая, предѣвнемъ боронится и крѣпится, а Украина для Великой Россіи истиннымъ преддверіемъ и защитою служитъ, ибо въ эти годы король съ короннымъ, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, три султана съ ордою, Тетеря съ измѣнниками на плечахъ казацкихъ двигались, и до Великой Россіи этимъ преддверіемъ, т. е. Украйною, непріятели не достигъ; сабли татарскія и лядскія пали на головы казацкія вмѣсто великороссійскихъ, и опустошеніе, приготовленное для Великой Россіи, на бѣдной Украйнѣ совершилось; а малеванныхъ людей на Ляховъ и Татаръ, черезъ Украйну въ Великую Россію стремящихся, не надобно; ибо вѣдь это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ умонарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи просить. Ваша милость передъ тѣмъ же полковникумъ Киевскимъ назвалъ окольничаго князя Григорія Ромодановскаго; но о немъ истинную правду, а не затѣйное дѣло къ великому государю писали; нельзя было свѣту своему не объявить о его нерадѣнн; уже не говоря о многихъ его ссорачъ, общей пользѣ вредныхъ, одного нельзя было умолять, что прошлою весною окольничій не хотѣлъ изъ Лохвицы къ Дибѣпру идти, но домою къ Вѣлугороду поспѣшнлъ. Чарнецкій уже уходилъ въ Польшу, но, услышавъ объ его отходѣ, опять явился на Украйну, и чтѣ въ скоромъ времени безъ кровопролитія могло стать, т. е. соединеніе Украйны, то теперь и чрезъ долгое кровопролитіе совершиться не можетъ. Не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему, свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ утантъ мнѣ нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище, по Богѣ, Богородицѣ и всѣмъ Святымъ, онъ, свѣтъ, помазанникъ Божій; я не поставлю во гнѣвъ, когда предъ свѣтлымъ маестатомъ за проступку свою по правдѣ, а не по лукавству, оскорбленъ буду. Въ томъ же разговорѣ своемъ съ полковникомъ Киевскимъ ваша милость изволялъ вспомнить о прїздѣ моемъ въ Москву, что такимъ же образомъ Выговскій и Хмельницкій молодой обѣщались быть въ столицу и, не исполня своего обѣщанія, измѣнили. Прому покорно не равнять меня, слугу своего, съ Хмельницкимъ молодымъ и Выговскимъ, потому что извѣстно, какія ихъ добродѣства къ Ляхамъ были до гетманства и при гетманствѣ: лядскихъ, татарскихъ, шведскихъ и турецкихъ пословъ безъ вѣдома государева принимали и отпускали, Ляховъ при себѣ держали и съ лядскими домами роднились; обо мнѣ же ваша милость такъ позволю разумѣть и вѣдать, что я считалъ бы себя на небѣ, еслибъ пресвѣтлыя очи великаго государя прежде гетманства и присяги сподобили увидѣть, да и впредь той же радости причастникомъ себя быти желаю. Какой же бы это былъ вѣрный рабъ, когда бы видя, стѣны господина своего огнемъ пылающія, во время

бури, оставилъ и не обороняясь побѣжать, тогда какъ въ томъ домѣ сокровища многоцѣнныя лежать. Разсуди, благодѣтель мой: развѣ Украина не горитъ огнемъ, когда отъ Канева за двѣ мили или ближе непріятели? Еслибъ побольше было ратныхъ людей въ Каневѣ и въ Кіевѣ, то можно было бы мнѣ и въ Москву прїѣхать. Самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютой врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчину, огнемъ пылающую, при такомъ непостоянствѣ и неутвержденн, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ. Что же касается до Сѣрка, то Богъ видитъ, что онъ отъ меня и отъ войска сътъ былъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я даль-было ему мельницу и домъ съ застѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ; безчестья и обиды отъ меня никакой не имѣлъ“.

Гетманъ требовалъ уничтоженія городовыхъ привилегій; легко понять, какъ горожане любили такого гетмана: когда Брюховецкій отправилъ Прилуцкаго полковника Горленка въ Кіевъ, то воевода Чаадаевъ не пустилъ его въ городъ; Горленко писалъ гетману: „Просили мы, чтобы намъ хотя въ одномъ углу Кіева дали постоять на малый часъ на своихъ кормахъ,—и того не позволили; едва въ Печерскомъ монастырѣ Чаадаевъ допустилъ меня къ себѣ на разговоръ, и разговоръ тутъ былъ какъ у волка съ овцою; по все это, какъ разумѣемъ, стало отъ войта кіевскаго Мнхайлы Зосимовича, потому что пѣлый день отъ Чаадаева съ челобитьемъ не отходили.“ Приславши въ Москву жалобу на Чаадаева, Брюховецкій вмѣстѣ прислалъ доносъ на кіево-печерскихъ монаховъ, что хотятъ сдать монастырь Ляхамъ. Воарину Петру Михайловичу Салтыкову, начальнику Малороссійскаго Приказа, Брюховецкій писалъ, что кіеискіе мѣщане живутъ съ непріятелими въ совѣтѣ, Ляховъ изъ тюрьмы выручаютъ.

Весною 1655 года военныя дѣйствія начались счастливо для Русскихъ; Брюховецкій и Протасевъ отправили изъ Канева Лубенскаго полковника Григорія Гамалѣю, который 4 апрѣля вошелъ въ Корсунъ; Поляки, обороняясь, сожгли городъ, и Гамалѣя привелъ въ Каневъ всѣхъ его жителей съ женами и дѣтми. Давая знать объ этомъ государю, Брюховецкій писалъ: „Хотя мы съ воеводою Протасевымъ, по малости силъ своихъ, и малый промыселъ надъ непріятелемъ чинить можемъ, однако праведныя вашего царскаго величества молитвы подкрѣпляютъ нашу немощь, какъ молитва Моисеева пособляла Израилю.“ Знаменитый Чарнецкій умеръ, преемникъ его, Яблоновскій, 21 мая, подъ Вѣлою Церковою, былъ разбитъ выселанными изъ Канева Русскими и Калмыками. Съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Брюховецкій послалъ въ Москву Прилуцкаго полковника Горленка, которому въ информации, или наказѣ, между прочимъ, было написано: „Гетманъ выходитъ въ поле для воинскаго

промысла, а людей мало; извѣнники въ грамотахъ своихъ мѣръ прельщаютъ тѣмъ, что уже два года присылки ратныхъ людей изъ Москвы нѣтъ; которые есть—тѣ назадъ отступаютъ, изъ Канева людей все больше и больше уходитъ; помидуй Богъ, какъ мѣръ шататься начнетъ; поэтому Христа ради просить о присылкѣ людей въ Каневъ, чтобы таборъ былъ крѣпокъ въ полѣ. Просить о присылкѣ на митрополию Кіевскую русскаго архіерея изъ Москвы, чтобы чинъ духовный кіевскій къ лядскимъ митрополитамъ не шатался; чтобы Русь Малая, услышавъ о присылкѣ на митрополию русскаго стронителя, удержалась и подъ высокою царскаго величества рукою укрѣплялась, духовный бы чинъ оставилъ двоудуше, отъ послушанія святѣйшимъ патриархамъ московскимъ не удалялся. Просить объ освобожденіи переяславскаго казака Рожки съ товарищами, посаженнаго въ тюрьму воеводою Чаадаевымъ въ противность уложенію войсковому стародавнему, и за такое нарушеніе воинскаго устава просить указа на Чаадаева. Извѣстити о безчестіи Прилудскаго полка, которое нанесъ Чаадаевъ, не пустивши его въ Кіевъ; купцовъ львовскихъ и другихъ изъ Польши въ городъ пускали и выпускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровь свою проливаютъ, пустить не хотѣли. Вить челомъ, чтобы отказывали поламъ, которые

изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго въ Москву ѣздить и выпрашиваютъ себѣ маестности; войско на это сильно ронщеть: казаки головы свои въ битвахъ съ неприятелемъ полагаютъ, а они, поны, имѣніемъ своимъ управить не могутъ, казакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жить не позволяютъ и налоги имъ чинять.“

Врюховецкій дѣйствительно выступилъ изъ Канева подъ Вѣлюю Церковь; но, услышавъ, что Орда собирается въ Цибульникѣ и хочетъ ударить на русскій лагерь, и что Очара отводитъ города отъ ларской руки, отступилъ къ Кіеву подъ Мотовловку; здѣшніе жители добились челомъ великому государю и перебили стоявшихъ у нихъ польскихъ гайдуковъ. Слухи, встревожившіе гетмана подъ Вѣлюю Церковию, оказались ложными: Орда не приходила, Мблоновскій и Тетеря ушли въ Польшу, польскіе гарнизоны оставались только въ Вѣлой Церквѣ, въ Чигиринѣ, въ Корсуни (въ маломъ городѣ) и въ Ужани, да Очара съ небольшою отрядомъ стоялъ подъ Корсунемъ. Врюховецкій, расположивши войска по заднѣпровскимъ городамъ, перешелъ на восточную сторону, остановился въ Гадячѣ и отправилъ къ государю гонца съ извѣстіемъ, что ѣдетъ въ столицу видѣть его пресвѣтлыя очи ¹⁾.

Г л а в а III.

Продолженіе царствованія Алексея Михайловича.

Пріѣздъ гетмана Врюховецкаго въ Москву.—Представленныя имъ статьи.—Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина въ дворяне.—Новый бояринъ сватается на московской боярынь.—Усобица между Малороссійцами въ Москвѣ.—Дурная вѣсти изъ Малороссіи.—Дорошенко—премѣникъ Тетери.—Онь губить Очару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ.—Отчаянное письмо епископа Меодія.—Возращеніе Врюховецкаго въ Малороссію.—Неудовольствіе духовенства по вопросу о митрополитчьемъ избраніи.—Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и казаковъ.—Смута въ Переяславѣ и Запорожьи.—Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію.—Неудовольствіе казачковъ противъ гетмана-боярина.—Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Врюховецкаго.—Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана.—Безкорыстіе Кіевскаго воеводы Шереметева.—Возмущеніе переяславскихъ казаковъ.—Врюховецкій совѣтуетъ крутить мѣры.—Волненія въ Запорожьи.—Сношенія Москвы съ Польшею.—Занека Ордина-Нащокина о польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя.—Сѣзды въ Дуровичахъ.—Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе сѣздовъ.—Возмущеніе Любоцпрекаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры.—Андрусовскіе сѣзды.—Перемиріе.—Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева.—Условія Андрусовскаго перемирія.—Польское посольство въ Москвѣ.—Переговоры объ изгнанной изъ Украйны шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ.—Значеніе Андрусовскаго перемирія.—Общій взглядъ на состояніе Малороссіи.

1-го сентября 1665 года подъѣзжалъ къ Москвѣ небывалый гость, гетманъ Запорожскій съ старшиною. На перестрѣлѣ отъ Землянаго города встрѣтили его иезельничій Желябужскій и дьякъ Богдановъ. Врюховецкій сошелъ съ лошади, и, выслушавъ спросъ о здоровьи, дважды поклонился въ землю; ему подвели царскую лошадь, сѣрую, нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзой, вызлокъ турецкій, шитъ золотомъ золоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный. Иванъ Маргариновичъ сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Серпуховскій ворота, нятя Желябужскаго по правую и Богданова по лѣвую руку. Его поставили на посольскомъ дворѣ.

Съ гетманомъ пріѣхали: переяславскій протопопъ Григорій Вутовичъ, гетманскій духовникъ монахъ Гедзонъ, гетманскаго куреня атаманъ Кузьма Филипповъ, обозный генеральный Иванъ Цесаревскій, судья генеральный Петръ Забѣла, два писаря генеральныхъ—Степанъ Гречанинъ и Захаръ Шикѣевъ, нятя канцелярскихъ писарей, писарскаго куреня атаманъ, два генеральныхъ есаула—Василій Оедяенко и Павелъ Константиновъ, переяславскій посланецъ Андрей Романенко, посланцы разныхъ полковъ, Иѣжинскій полковникъ

¹⁾ Архивъ мни. ш. д.; дѣла Малорос. 1664 и 1665 годовъ.

Матвѣй Винтовка, Лубенскій—Григорій Гамалѣя, Кіевскій—Василій Дворецкій, всего съ прислугою 313 человекъ. На кушанье гетману опредѣлили выдавать по рублю на день, да нитя противъ посланиковъ съ прибавкою, другимъ ратнымъ людямъ по пяти алтынъ; 670 лошадей, приведенныхъ Малороссіянами, пустили пастись въ подмоковныхъ лугахъ.

13 сентября, гетманъ со всѣми своими спутниками представлялся государю. Приемъ былъ обычный посольскій; всѣ цѣловали государеву руку и спрошены были о здоровье. Брюховецкій представилъ подарки: пушку полковую мѣдную, взятую у измѣнниковъ казаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго, 40 воловъ чебанскихъ. 15 сентября гости были челомъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежныя и всякіе доходы собирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей. Государь велѣлъ сказать гетману, чтобъ онъ написалъ объ этомъ статьи, и Брюховецкій подалъ на письмѣ слѣдующее: 1) Для усмирения частой нياتости и для доказательства вѣрности къ государю, всякіе денежныя и неденежныя поборы отъ мѣщанъ и поселянъ погодно въ казну государеву собираются; по всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки будутъ только на одну горляку и приходы кабацкіе отдаются въ государеву казну; туда же идутъ сборы съ мельницъ, дань медовая и доходы съ купцовъ чужеземныхъ. 2) Стародавнии права и вольности казацкія подтверждаются. 3) Поездъ избрания, каждый гетманъ обязанъ ѣхать въ Москву и здѣсь отъ самого царя будетъ принимать булаву и знамя большое. 4) Кіевскимъ митрополитомъ долженъ быть святитель русскій изъ Москвы. 5-я статья опредѣляетъ, по сколько въ какихъ городахъ быть царскаго войска. 6) На войсковую артиллерію назначаются города Лохвицы и Ромень. 7) Москвевскіе ратные люди не должны сбывать по рынку воронскихъ денегъ; 8) не должны называть казаковъ измѣнниками.

Статьи были приняты, кромѣ одной, четвертой, о митрополитѣ: государь отвѣчалъ, что о ней онъ перешлетъ прежде съ Константинопольскимъ патриархомъ. Но вообще усердіемъ гетмана были очень довольны: царь велѣлъ его милостиво похвалить, а потомъ, поговоря съ боярами, пожаловалъ ему боярство, остальная старшина—обозный, судья, полковники и есаулы—были пожалованы въ дворяне. Когда новый бояринъ, по обычаю, былъ приглашенъ къ царскому столу, то получалъ третье мѣсто послѣ бояръ, князя Никиты Ивановича Одоевского и Петра Михайловича Салтыкова; писался Брюховецкій съ этихъ поръ бояринъ и гетманъ. Бояринъ и гетманъ были челомъ, чтобъ великій государь умилосердился, ему гетману, женѣ его и дѣтямъ, когда Богъ ихъ ему дастъ (Иванъ Мартыновичъ былъ холостъ), пожаловалъ на про-

кормленье въ вѣчныя времена сотню Шенкоковскую въ Стародубскомъ полку съ Шенкоками и со всѣми угодыми, чтобъ ему, будущей женѣ его и дѣтямъ особею приѣзжше и прожитаніе вѣчное было, кромѣ Гадяча, ибо Гадяцкая волость принадлежитъ гетману только на время его гетманства, а не женѣ и дѣтямъ его. Былъ челомъ, чтобъ государь изволилъ пожаловать грамоту на Магдебургское право жителямъ Гадяча; всѣмъ полковникамъ пожаловалъ по селу, чтобъ не отпуская прѣѣхавшихъ въ Москву войтовъ и мѣщанъ безъ грамотъ государскихъ, дабы чернь, увидѣвши милость царскую, утвердилась. Такъ какъ бояринъ и гетманъ имѣтъ дворъ свой въ Черяславлѣ, какъ въ стольномъ городѣ, то чтобъ къ двору этому приисана была мельница. Всѣ просьбы были исполнены.

Что же это значило? Отчего Иванъ Мартыновичъ такъ сѣбѣ началъ подчиняться требованіямъ государства и въ вопросѣ о митрополитѣ даже ушелъ впередъ, торюя государство? Поведеніе Брюховецкаго объясняется вѣдѣніемъ поведеніемъ его предшественника, Выговскаго, и поведеніемъ слѣдующихъ гетмановъ. Мы видѣли, что, немедленно за прекращеніемъ революціоннаго броженія въ Малороссіи, интересы гетмана разрознились съ интересами казачества. Богданъ Хмельницкій, какъ говорилъ Тертя въ Москвѣ, боялся собирать раду, которая могла сѣбѣнить его произволь. Разрозненность интересовъ высказалась еще сильнѣе при Выговскомъ: Выговскій такъ-же не хочетъ рады, какъ не хочетъ внимательства Московскаго государства; не хочетъ воеводъ царскаго величества, ибо не хочетъ сѣбѣнейшій ни сверху, ни снизу. Для этого онъ хочетъ поддаться другому государству, которое, по своимъ формамъ, не можетъ грозить ему такою строгою опекою, какою грозило сильное государство Московское; склоняется къ Польшѣ, хочетъ въ ней получить вельможное значеніе и тѣмъ обезпечить себя въ Малороссіи, обезпечить себя относительно казачества; Выговскій сенаторъ, Выговскій гетманъ Русскій, а не гетманъ войска Запорожскаго; Выговскій не довѣряетъ казакамъ, окружаетъ себя иноземцами; Выговскій требуетъ сѣбѣнейшій для гультайства, требуетъ точнаго реестра, какъ прежде требовали этого панъ польскіе. Брюховецкій, вынесенный повидимому войсковою массою и Запорожьемъ на гетманство, Брюховецкій—гетманъ, подобно Хмельницкому и Выговскому, не можетъ долго сохранять единства интересовъ съ казачествомъ; онъ понимаетъ очень хорошо, что, при тогдашнемъ бытѣ Малороссіи, при тогдашней разладицѣ въ ней, для гетмана нѣтъ никакого обезпеченія, и, не измявъ польскіихъ симпатій, какъ Выговскій, стремится обезпечить себя съ помощію Москвы, приобретаетъ здѣсь вельможное положеніе, какъ Выговскій хотѣлъ приобрести его въ Польшѣ. Мы видѣли, что и Выговскій, прямо указывая на шаткость своего положенія въ Малороссіи, прежде всего просилъ прочныхъ маестностей

въ Литвѣ, и очень быть можетъ, что отказъ ему въ этой просьбѣ и стремленіе Москвы распутать отношенія на ненавистной для гетмана радѣ всего сильнѣе побудили Выговскаго сѣшшить отпадениемъ. Теперь Вроховецкій сѣшшитъ удовлетворить желаніямъ государства, чтобъ обезпечить посредствомъ него свое положеніе. Онъ достигаетъ цѣли: онъ бояринъ Московскій; но онъ бьетъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ему прочныя, наследственныя маестности поближе къ Москвѣ: для собственныхъ выгодъ просить, чтобъ въ Кіевъ быть присланы митрополитъ Москвитчъ, ибо хорошо знаетъ, что при московскихъ стремленіяхъ его, боярина и гетмана, ему не ужиться съ митрополитомъ Малороссійскимъ, который прежде всего будетъ хлопотать о независимости Малороссійской церкви отъ Москвы. Вроховецкій и на этомъ не останавливается: онъ хочетъ еще тѣснѣе связать себя съ Москвою, обезпечить себя здѣсь. 17 сентября Иванъ Мартыновичъ завелъ разговоръ съ приставомъ своимъ Желябужскимъ: „Вилъ я челомъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, чтобъ великому государю челобитие мое донести, — пожаловалъ бы меня великій государь, велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ, пожаловалъ бы государь, не отпускалъ меня не жени.“ — „Есть ли у тебя на примѣтъ невѣста?“ спросилъ у него приставъ, „и какую невѣсту тебѣ надобно, дѣвку или вдову?“ — „На примѣтъ у меня невѣсты нѣтъ,“ отвѣчалъ гетманъ, „а на вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться; пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ. А женясь, стану я быть челомъ государю, чтобъ пожаловалъ меня вѣчными вотчинами подлѣ Новгорода-Сѣверскаго, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.“ *Желябужскій*: „Когда будетъ у тебя жена и станеть въ тѣхъ мѣстахъ жить, то и ты будешь жить тутъ же; а когда войску доведется быть въ собраніи, то гдѣ собираться? да и безъ собору постоянно при тебѣ надобно быть многимъ людемъ для гетманства твоего.“ *Вроховецкій*: „Войску собираться въ Гадячъ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по вѣстямъ, а я стану къ войску приходить; при мнѣ будетъ постоянно человекъ по триста, у меня такихъ людей, которые мнѣ вѣрны, есть человекъ со сто, да великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ изъ московскихъ людей ко мнѣ прибавить; а безъ такихъ людей мнѣ никакими мѣрами быть нельзя въ шаткое время: меня ужъ разъ хотѣли погубить, да свѣдалъ вовремя.“ Этими словами Вроховецкій окончательно объявилъ свое поведеніе. Желябужскій перебилъ разговоръ и спросилъ: Крымскіе люди къ Полякамъ теперь на помощь ходятъ ли, и за что Крымцы Полякамъ помогаютъ?“ *Вроховецкій*: „Крымъ Поляки казну даютъ, а потомъ и сами Крымцы берутъ у нихъ и полонъ, и что имъ надобно.“ *Желябужскій*: „Какъ бы сдѣлать, чтобъ Крымскаго отъ Поляковъ отвести?“ *Вроховецкій*: „Ненавидятъ Крымцы то,

что Запорожское войско подъ государевую руку, и боялся: какъ миръ будетъ у государя съ королемъ Польскимъ, а Запорожское войско останется подъ государевую руку, то Крыму будетъ жить тѣсно. Хочу бить челомъ государю, чтобъ илѣннымъ Ляхамъ у насъ не быть, сослать ихъ куда-нибудь въ дальнія мѣста для того, что всякія вѣсти отъ нихъ въ Польшу: также бы великій государь и на Москвѣ и въ городахъ Полякамъ быть не указалъ, потому что отъ нихъ идутъ всякія вѣсти въ Польшу.“ Великій государь пожаловалъ боярина и гетмана, велѣлъ ему жениться на дочери окопничаго, князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукаго. Исихъ обратился къ Желябужскому съ новыми вопросами: „Съ княземъ Долгорукимъ самому мнѣ договариваться о женитвѣ или послать кого-нибудь; по рукамъ бить самому ли и гдѣ мнѣ съ княземъ видѣться; отъ кого невѣсту изъ дому брать, кто станеть выдавать и на который дворъ ее привести? На свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть, а я быть надеженъ, что въ посаженныхъ отцахъ или въ тысяцкихъ будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, и о томъ уже я билъ ему челомъ. Да въ какомъ платѣ мнѣ жениться, въ служивомъ ли или въ чиновномъ московскомъ? А по рукамъ удари, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылать ли, потому что по нашему обыкновенію до свадьбы посылають къ невѣстѣ серги, платье, чулки и башмаки. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ мнѣ объ этомъ указъ свой учинить.“ — Этотъ указъ не дошелъ до насъ.

Не все такими пѣжкими дѣлами занимался въ Москвѣ бояринъ и гетманъ. 11 декабря въ домъ къ начальнику Малороссійскаго приказа, боярину Салтыкову, вдругъ приходятъ переяславскій протопопъ Григорій Бугновичъ, войсковой судья Петръ Забѣла, писарь, есаулъ, двое полковниковъ — Кіевскій и Нѣжинскій, — и начинаютъ жаловаться со слезами: „Вчера обѣдали мы съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ у боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и писарь Захаръ меня, протопопа Григорія, лаялъ, называлъ брехомъ и замахивался пожемя, хотѣлъ зарѣзвать; я у него пожикъ отнял, такъ онъ сталъ замазывать вилками, хотѣлъ меня колоть.“ — „А насъ“, кричали судья и полковники, „Захаръ также лаялъ позорными словами; мы терпѣть ему не будемъ; если онъ такъ дѣлаетъ надъ нами теперь здѣсь въ Москвѣ, то какого добра ждать намъ отъ него впередъ?“ Въ тотъ же день вечеромъ прѣѣхалъ къ Салтыкову самъ бояринъ и гетманъ съ старшиною, и билъ челомъ царю на писаря Захара Шикѣева, чтобъ великій государь велѣлъ имъ указъ свой учинить; войсковой есаулъ Богданъ Щербакъ билъ челомъ отъ всего войска Запорожскаго, которое въ Москвѣ, что имъ, войску Запорожскому, отъ писаря Захара Шикѣева чинятся многіе налоги и тягости; становится онъ, Захаръ, пыннѣ боярина и гетмана, бьетъ и увѣчитъ многихъ людей повинно; въ войскѣ онъ имъ Захаръ не надобенъ и ни въ ка-

комъ чину не годенъ“. На другой день въ приказѣ была очная ставка у Щербака съ Шикѣевымъ. Щербакъ говорилъ прежде, что „Шикѣевъ имъ въ войскѣ не годенъ, потому что чинить налоги мпогимъ людемъ и безчеститъ, а иныхъ бьетъ безвинно, началъ быть пышенъ и неприступенъ: не только кто съ своимъ дѣломъ къ нему придетъ, но если кто и отъ гетмана придетъ, то онъ говорить съ собою не велитъ, и никто съ нимъ говорить не смѣетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не спроситъ, и отказываетъ всякому человѣку пышно и сердито. Пожаловалъ великій государь гетману и войску Запорожскому подводы и подорожная изъ приказа прислана; вотъ гетманъ съ этою подорожною и послалъ меня въ канцелярію къ нему, Захару, а онъ какъ началъ на меня фукать и отослалъ меня съ безчестемъ; ни съ какимъ дѣломъ къ нему придти нельзя,—всѣхъ безчеститъ пыхамъ своими!“ Шикѣева отправили въ ссылку изъ Москвы.

Иванъ Мартыновичъ загостился въ Москвѣ до конца декабря; а между тѣмъ еще съ сентября начали приходять изъ Малороссіи дурныя вѣсти и требованія скорого возвращенія гетмана. Послѣ отбѣда Тетери въ Польшу, на западномъ берегу Днѣпра выдвигается на первый планъ уже извѣстный намъ Петръ Дорошенко. Опасенія Тетери сбылись: видя, что ни Москва, ни Поляки не могутъ взять рѣшительнаго верха на Украинѣ, которая опустошается вкопецъ и союзниками и врагами, Дорошенко рѣшился поддаться Туркамъ, чтобъ съ ихъ помощью вытѣснить изъ Украины и Москву, и Поляковъ, и быть единственнымъ гетманомъ на обоихъ берегахъ. Сначала онъ хотѣлъ посредствомъ Крыма получить облегченіе отъ польскихъ насилій. Еще въ январѣ 1665 года онъ послалъ къ хану бить челомъ о заступленіи передъ королемъ, чтобъ хоругви жолнерскія на Украинѣ становились не имѣли, хотъ на время дать бы льготу истощенной и убогой странѣ; чтобъ гарнизоны королевскіе изъ украинскихъ городовъ, напримѣръ изъ Чигирина, были выведены, и тамъ, гдѣ останутся, довольствовались съ своимъ прокормомъ, не отягощая жителей; чтобъ возвращали заточенныхъ: митрополита, Хмельницкаго и Гуляницкаго. Но челобитне это осталось безъ дѣйствія. Въ августѣ Дорошенку удалось избавиться отъ соперника своего Опары, который также хотѣлъ отложиться отъ короля съ помощью Татаръ. Дорошенко успѣлъ увѣрить татарскихъ мурзъ, стоявшихъ въ Украинѣ, что Опара ненадеженъ. 18 августа Опара со всею старшиною поѣхалъ изъ своего табора на совѣтъ къ мурзамъ; но, еще далеко не доѣзжая до ихъ наметовъ, онъ былъ встрѣченъ толпою Татаръ, которые его ограбили и въ одной рубашкѣ привели къ мурзамъ, а тѣ надѣли ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; всѣ Татары начали на него плевать и браниться, бросили ему въ глаза письмо, которое онъ посылалъ къ Браславскому полковнику, уговаривая его вмѣстѣ съ собою воевать противъ

короля: „Ты королю и намъ присягалъ,“ кричали Татары, „а теперь хочешь воевать!“ Овладевши Опарою и старшинами, Татары двинулись на казакій таборъ; казаки отстрѣливались цѣлый день и къ ночи заставили Татаръ отступать. На разсвѣтѣ другого дня Татары снова напали, — опять ничего не успѣли и вступили въ переговоры съ казаками: „Если возьмете въ гетманы Дорошенка, котораго поставили мурзы, то не станемъ васъ добывать; если же не возьмете, то сейчасъ пошлемъ за Ляхами и будемъ васъ добывать.“ Казаки, дѣлать нечего, согласились; пріѣхалъ Дорошенко и началъ приводить ихъ къ присягѣ королю и хану, Опару же и всѣхъ его совѣтниковъ повели въ Крымъ. Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами началъ наступательное движеніе на Браславскаго полковника Дрозда, вѣрнаго Москвѣ. Дорошенко уже отнялъ было воду у Браславцевъ, но 22 сентября Дроздъ сдѣлалъ вылазку на непріятельскіе шанцы, побилъ всѣхъ находившихся тамъ ратныхъ людей Дорошенка, взялъ 8 знаменъ и далъ возможность Браславцамъ добывать воду. Овручкій полковникъ Демьянъ Васильевичъ Децикъ разбилъ непріятелей между Мотовиловкою и Паволочью; западные Черкасы вздумали было явиться и на восточной сторонѣ, но были побиты. Наказный гетманъ, Переяславскій полковникъ Ермоленко, извѣщая объ этомъ царя, такъ оканчивалъ свою грамоту: „Пожалуй насъ, холопей своихъ, отпусти къ намъ поскорѣй Ивана Мартыновича Брюховецкаго, гетмана, ибо мы безъ него какъ дѣти безъ отца; а какъ скоро онъ къ намъ придетъ, то весь народъ христіанскій повеселѣетъ и города малороссійскіе не будутъ въ сомнѣніи“. Епископъ Меоодій писалъ Брюховецкому изъ Нѣжина: „Теперь на Украинѣ безъ вашей милости ничего добраго нѣтъ, великъ въ свой носъ дуешь. Еслибъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ поспѣшилъ въ Кіевъ, то все-бѣ помирнѣе было, и тому бы бѣдному Дрозду, который въ осадѣ шесть недѣль сидитъ, крѣпости прибыло, благодаря Дрозду, на восточной сторонѣ Днѣпра еще тихо отъ Татаръ, а сохрани Боже, что съ нимъ станется,—тогда всѣ сѣлы бусурманскія обратятся сюда. Доложи великому государю чрезъ боярина Петра Михайловича Салтыкова о великой обадѣ, которую дѣлаютъ начальные люди, полковники Нѣмцы, ихъ ротмистры и капитаны, Нѣмцы и Ляхи, бѣднымъ людемъ въ Котельвѣ. И я въ Котельвѣ ихъ тазалъ, и бояринъ Шереметевъ посылалъ къ воеводѣ Протасеву въ Галачъ, чтобъ наказалъ ихъ; по тогъ ничего не можетъ имъ сдѣлать: женъ отъ мужей поотнимали и вдовъ опозорили; Бога ради, надобно это утолить, чтобъ не было бѣды какой.“ Дроздъ продолжалъ держаться въ Браславѣ и отбилъ сильный приступъ, непріятелей какъ псовъ набилъ и знамена всѣ отнял. Таковы были вѣсти въ октябрѣ; въ ноябрѣ пришли другія: Дроздъ сдался отъ великой пужды; Децикъ покинулъ Мотовиловку и отступилъ къ Кіеву, и оттуда поѣхалъ въ Переяславъ къ наказному гетману; часть войска

его разбрелась, другая перешла на восточную сторону, а на западной изъ вѣрныхъ казаковъ не осталось никого, кромѣ тѣхъ, которые были въ Каневѣ. Децикъ покинулъ Мотовиловку, не выжегши ей: этимъ воспользовался королевскій Вѣлоцерковскій комендантъ и королевскіе Черкасы. Малюта съ товарищами стали накликать въ нее старыхъ жителей и изъ другихъ мѣстъ; чтобъ укрѣпить ее попрежнему, обѣщали прислать туда и нѣмецкую пѣхоту. Это начало грозить большою опасностію Кіеву, отъ котораго Мотовиловка была только въ 35 верстахъ и которому отъ нея и прежде не было покоя, когда она была за Поляками. Чтобъ предупредить бѣду, Кіевскій воевода князь Никита Львовъ послалъ подъ Мотовиловку рейтарскаго майора Сипягина. Въ полночь Сипягинъ подошелъ къ городу, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ перелѣзть черезъ стѣну и отбить ворота; жители услышали, начали стрѣлять, но рейтары всѣхъ ихъ побили и выжгли городъ. Малюта въ эту ночь ночевалъ въ мѣстечкѣ Васильковѣ, маестности Печерскаго монастыря: Сипягинъ направился на Васильковъ, чтобъ захватить Малюту, но печерскіе чернецы дали ему возможность уйти до прихода Сипягина. Въ декабрѣ епископъ Меоодій началъ говорить Львову, что въ мѣстечкѣ Вышевскѣ и другихъ ближнихъ мѣстечкахъ польскіе заложники (гарнизоны) небольшіе, и вѣздятъ изъ мѣстечка въ мѣстечко безъ опасенія, поэтому надобно послать на нихъ ратныхъ людей для поимки языковъ. Львовъ и отправилъ 18 декабря подполковника Яшкина съ отрядомъ изъ 120 человекъ. Яшкинъ почью захватилъ языковъ въ Вышевскѣ; но за 15 верстъ отъ Кіева нагналъ его изъ Вѣлой Церкви майоръ съ Нѣмцами, Татарами и Черкасами, разбилъ наголову и взялъ знамена. Меоодій, пріѣхавъ въ Кіевъ, писалъ оттуда отчаянное письмо къ Ракушкѣ, казначею, или подскарбію войсковому: „Ишшу эту грамоту, слезами полпяючи; въ Кіевѣ ничего добраго не дѣлается, потому что воевода нынѣшній человекъ ни къ чему непригодный, вопервыхъ, человекъ старый, къ ратному дѣлу неспособный; вторыхъ, боленъ ногами и черезъ пороги избы не переступитъ; кромѣ слезъ, худобы и воровства, въ Кіевѣ ничего не сыщешь; если не поспѣшитъ бояринъ Шереметевъ или замедлитъ гетманъ на Москвѣ, то будетъ бѣда съ Кіевомъ и съ нашимъ Задѣпріемъ. Ради Бога, иши къ гетману, чтобъ билъ челомъ о скоромъ отпускѣ и свѣнилъ сюда, потому что безъ головы составы всѣ мертвы; пшши и къ наказному, чтобъ, по крайней мѣрѣ, Канева не потеряли“¹⁾.

Наконѣцъ возвратился отецъ къ дѣтямъ, пріѣхалъ бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій въ Малороссію, и первому нерадостенъ былъ его пріѣздъ тому, кто такъ сильно желалъ его, — епископу Меоодію. 22 февраля 1666 года въ

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872, 5870.

Кіевѣ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, смѣнившему старика Львова, пріѣхалъ Меоодій вмѣстѣ съ Печерскимъ архимандритомъ, игунами другихъ монастырей, и начали странную рѣчь, просили, чтобъ позволено было послать челобитчика къ государю, пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ у нихъ отнимать нравъ и вольностей. — „Какихъ правъ и вольностей?“ спросилъ воевода; „великій государь не только у насъ, властей духовныхъ, но и умѣщалъ во всѣхъ городахъ малороссійскихъ правъ и вольностей отнимать не велѣлъ, всѣмъ даны жалованныя грамоты, которыя по сей день ни въ чемъ не нарушены; отъ кого вы узнали, будто великій государь велѣлъ у васъ вольности и права отнять?“ Меоодій отвѣчалъ: „Посылали мы къ боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому, по стародавнему обычаю, по которому Кіевскихъ митрополитовъ выбирали всегда съ вѣдома гетманскаго, посылали мы къ Ивану Мартыновичу просить, чтобъ отписалъ великому государю о позволеніи намъ выбрать въ Кіевѣ митрополита между собою, по прежнимъ обычаямъ и правамъ. А бояринъ и гетманъ прислалъ къ намъ грамоту, въ которой ишесть, что указалъ великій государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, тогда какъ мы подъ благословеніемъ Цареградскаго патріарха, а по Московскаго.“ Епископъ съ товарищами разгорячился все больше и больше, наконецъ закричалъ съ сильною яростию: „Если будетъ на то великаго государя изволеніе, что отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велѣтъ всѣхъ насъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шело и за ноги поволокутъ, — тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ Малороссійянъ станетъ называть иновѣрцами: тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ немалый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы. Мнитесь намъ, что и тобѣ, боярину, указъ объ этомъ тайный есть, и въ статьяхъ, который полковникъ Дворецкій изъ Москвы привезъ, то же написано.“ — „Такого указа ко мнѣ не бывало,“ отвѣчалъ Шереметевъ, „а что вы говорите о статьяхъ, которыя привезъ Дворецкій, то тамъ написано, что великій государь изволилъ писать объ этомъ къ Цареградскому патріарху; да и гетманъ ко мнѣ объ этомъ не писывалъ; это какой-нибудь воръ распустилъ слухъ, чтобъ пооссорить васъ съ гетманомъ. Вы говорите, что запретеся въ монастыряхъ отъ московскаго митрополита; эти слова неспростойныя: какъ вамъ быть противными волѣ

Божіей, указу государеву и благословію Цареградскаго патріарха? Ты, епископъ, поставленъ въ Московскомъ государствѣ митрополитомъ Питиримомъ, и тебѣ подь благословіемъ Московскаго патріарха быть можно, только какъ о томъ отишутъ къ великому государю вселенскіе патріархи. Если Цареградскій патріархъ къ великому государю отишетъ и благословіе подаетъ избранному вами, то великій государь изволитъ избранныя вашего поставить въ царствующемъ градѣ Москвѣ передь своими государскими очами всѣмъ властямъ.“ — „Если даже великій государь,“ говорилъ Меоодій, „изволитъ быть нашему митрополиту подь благословіемъ Московскаго патріарха, то пожаловалъ бы, отишеть объ этомъ къ Цареградскому патріарху, а митрополиту Кіевскому быть бы на нашемъ избранію, чтобъ наши стародавныя права и вольности нарушены не были; а теперь бы великій государь пожаловалъ, велѣлъ у насъ въ Кіевѣ принять объ этомъ челобитію и челобитчиковъ отпустить въ Москву.“ — „Челобитной вашей“, отвѣчалъ бояринъ, „принять мнѣ непристойно, потому что это дѣло ваше духовное, а челобитчиковъ въ Москву отпустить можно“.

На другой день, 23 февраля, бояринъ видѣлся съ архіепископомъ въ Софійскомъ монастырѣ, и Меоодій сталъ просить извиненія за вчерашній рѣчи: „Я эти слова говорилъ поневолѣ, потому что я поставленъ московскимъ митрополитомъ, и вотъ малороссійскихъ городовъ духовные люди всѣ говорятъ и носятъ мнѣ и думаютъ, что я сдѣлалъ это по совѣту съ гетманомъ, чтобъ имъ быть подь благословіемъ Московскаго патріарха“. Меоодій прислалъ къ Шереметеву и отвѣтную грамоту гетманскую, въ которой Брюховецкій писалъ: „Когда мы были въ Москвѣ, то намъ припомнили статьи Богдана Хмельницкаго, чтобъ митрополитъ Кіевскій поставлялся патріархомъ Московскимъ, и мы, всѣ бывшіе въ Москвѣ, руки свои на томъ приложили, и государь отправилъ пословъ къ святѣйшимъ патріархамъ,—мы будемъ дожидаться возвращенія этихъ пословъ“. Въ мартѣ 1666 года посломъ отъ Меоодія и всего духовенства пріѣхалъ въ Москву кіевскаго Кириллова монастыря игуменъ Мелетій Дзизъ—бить челомъ о позволеніи избрать митрополита по старинѣ, да чтобъ на выборѣ былъ гетманъ и Кіевскій воевода Шереметевъ. Царь отвѣчалъ, что послано объ этомъ къ Константинопольскому патріарху, и чтобъ Меоодій ѣхалъ въ Москву для исправленія всякихъ духовныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ Шереметевъ писалъ въ Москву и о поведеніи понаго боярина: „Теперь епископъ, архимандритъ Печерскій и всѣхъ малороссійскихъ монастырей архимандриты и игумены и приходскіе попы съ жѣщанами въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ гетманомъ, полковниками и казаками совѣту у нихъ мало за то, что гетманъ во всѣхъ городахъ многія монастырскія мастиности, также и жѣщанскія мельницы отнимаетъ; да онъ же, гетманъ,

со всѣхъ малороссійскихъ городовъ, которыми великому государю челомъ ударилъ, съ жѣщанъ беретъ хлѣбъ и стацію большую грабежемъ, а съ иныхъ за пражемъ“. Шереметевъ посылалъ спрашивать у гетмана, по его ли приказанію стацію со всѣхъ горбонъ берутъ? Брюховецкій отвѣчалъ, что „безъ его вѣдома, и тотчасъ же во всѣ малороссійскіе города послалъ грамоты съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ нигдѣ на него стаціи не собирали, а давали бы стацію въ казну государеву“.

Бояринъ и гетманъ, Иванъ Мартыповичъ, извѣщалъ съ своей стороны, что незадолго передь его пріѣздомъ въ Малороссію чуть-было не сдѣлалась бѣда въ Переяславлѣ: тамошній житель Пегрушка Скокъ Челюстинъ, состарѣвшійся въ Переяславлѣ русскій человекъ, составилъ заговоръ перебить всѣхъ московскихъ ратныхъ людей. Но наказанный гетманъ Ермоленко узналъ о заговорѣ и донесъ Брюховецкому, который велѣлъ сковать Челюстинна и отослать въ Москву. Появился своевольный сборщикъ, которая отказались повиноваться полковникамъ и сотникамъ, покинули свои дома и начали бродить по разнымъ городкамъ и деревнямъ, и бѣднымъ людямъ досады чинить; начальниками такихъ сборщикъ были извѣстные намъ Иванъ Донецъ и Децикъ. Гетманъ успѣлъ разогнать эти сборища. Касательно новыхъ распоряженій, договоренныхъ въ Москвѣ о сдачѣ малороссійскихъ городовъ царскимъ воеводамъ, Брюховецкій писалъ: „Я, вѣрный холопъ, радъ вседушно тому указу исполненіе чинить; но боюсь одного, чтобъ полковники, вся старшина и казаки не встревожились и не взяли дурнаго замысла. Самъ же я вседушно радъ воеводамъ, потому что при нихъ мнѣ будетъ меньше хлопотъ, а то теперь на всѣ стороны оглядываюсь“¹⁾. Брюховецкій писалъ также, что епископъ, духовенство и Кіевскій полковникъ Дворецкій прусуютъ о заведеніи новыхъ латинскихъ школъ въ Кіевѣ, но что онъ, гетманъ, полагаетъ это на волю великаго государя. Донесилъ, что сынъ епископа Меоодія женился на Дубичевѣ, у которой два родныхъ брата служатъ при королѣ. Писалъ о дурныхъ вѣстяхъ изъ Запорожья: даетъ знать оттуда Григорій Касоговъ, что Запорожцы хотятъ государю измѣнить, къ бусурманамъ и къ измѣнникамъ Черкасамъ приклониться; но онъ, гетманъ, посылалъ уговаривать ихъ; спрашивалъ, посылать ли въ Запорожье хлѣбные запасы или нѣтъ.

Съ отвѣтами на эти донесенія и для обстоятельнаго разузнанія дѣлъ, въ мартѣ 1666 года отправился въ Малороссію дьякъ Фроловъ. Посланный долженъ былъ похвалить боярина и гетмана за его ратные и отвѣчать на статью о школахъ въ Кіевѣ: если имъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе, то школы бы теперь не заводили; если же этотъ запретъ оскорбитъ ихъ, какъ

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

противный ихъ вольностямъ, то великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ набрать изъ кіевскихъ жителей, а изъ неприятельскихъ и другихъ городовъ въ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было. Фроловъ долженъ былъ также сказать: какіе люди сидятъ у гетмана за карауломъ въ своихъ винахъ, тѣхъ бы онъ судилъ и каралъ по войсковымъ правамъ; а если изъ нихъ кому-нибудь по войсковымъ правамъ будетъ свобода, а онъ боится отъ нихъ впередъ чего-нибудь дурнаго, такихъ присылать въ Москву. Хлѣбные запасы въ Запорожье, Кіевъ и другіе города посылать, какъ прежде уговорено, пока опасенки города опшутъ и по ониши воеводы примутъ.

Фроловъ привезъ изъ Малороссіи много разныхъ вѣстей. Иванъ Мартыновичъ на отпускѣ говорилъ ему тайно, что въ Переяславлѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту. Фроловъ немедленно послалъ къ Переяславскому воеводѣ Вердеревскому спросить, что у нихъ тамъ такое дѣлается. Воевода отвѣчалъ: „Гетманъ великому государю вѣреть и служить выравду; только дивлюсь я тому, для чего перенесчики замѣшались; если погода не будетъ, и то гетману большая корысть: о чемъ въ Переяславлѣ на ратушу ни отпшеть, все къ нему посылаютъ. Казаки гетмана всѣ не любятъ, говорятъ: „При нашихъ предкахъ у насъ бояръ не бывало, онъ заводитъ новый образецъ, вольности наши отъ насъ всѣ отходятъ, да и доступъ къ нему сталъ тяжелъ“. Полковникъ Переяславскій Данило Ермоленко говорилъ у меня на обѣдѣ при головахъ стрѣльцовъ и при многихъ начальныхъ людяхъ: „Мнѣ дворянство не надобно, я постарому казакъ!“ и ко всякому слову, за что осердится, говоритъ: „Казаки заведутъ гиль, и насъ поколютъ.“ Полковнику, атаману и судѣй идти изъ ратуши съ города всякій день вино, пиво, медъ и харчъ всякій. А что ему, полковнику, пожаловалъ государь городъ, то онъ говоритъ: „Этотъ городъ украинный, разоренъ весь, стоять въ немъ безпрестанно казаки пныхъ полковъ и кормятся по тѣмъ же жилищнымъ людямъ, и мнѣ взять съ него нечего, да и ненадобно, потому что и при предкахъ нашихъ такъ не повелось.“ Казаки въ городѣ говорятъ: „Пойдемъ въ Запороги, и не одинъ мы, соберемся вмѣстѣ съ Переяславцами и изъ другихъ мѣстечекъ, и пойдемъ изъ Запорогъ на гетмана.“ Государенныхъ людей, которые живутъ въ Переяславлѣ, зовутъ злодѣями и Ыждами.“ Фроловъ обо всемъ этомъ далъ знать Брюховецкому; тотъ отвѣчалъ, что казаки поднимаютъ такіе голоса, видя вездѣ въ городахъ при воеводахъ малолетство: надобно, чтобъ великій государь указалъ въ малороссійскихъ городахъ ратныхъ людей прибавить.

Мы видѣли, что Шереметевъ писалъ къ гетману насчетъ поборовъ съ городовъ. Брюховецкій обидѣлся и говорилъ Фролову: „Дѣло извѣстное, что

бояринъ Петръ Васильевичъ написалъ ко мнѣ объ этомъ по чьей-нибудь ссорѣ;— бояринъ ссорѣ не вѣрилъ бы и уха своего на ссору не склонялъ; я въ доходы всгунаться никогда ни въ какіе не буду, и съ боярпомъ хочу жить въ любви и въ пріязни, готовъ, пожалуй, и слушать его: только, служа великому государю, даю знать свою мысль, чтобъ Малороссійскаго народа своевольныхъ и непостоянныхъ людей большими поборами вскорѣ не ожесточить; пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу; а вдругъ ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные: о чемъ какой-нибудь плесовѣатель возмутитъ многими тысячами; хотя они и сами сгнутъ, а до лиха дойдетъ, успокоивать будетъ трудно, а непріятель подъ кокомъ,—стоятъ непріятели и Запорожцы, только и думаютъ, какъ бы добрыхъ людей разорять, и, пограбивъ чужое имѣніе, всякому старшинству доступитъ; а на Запорожьи теперь больше Задѣвпріянь. Да и духовенству не всякому бы вѣрять: горазды и они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, на кого нелюбье положить.“

Прѣхалъ Фроловъ въ Кіевъ. Тутъ началъ Шереметевъ говорить свои рѣчи: „Гетманъ Иванъ Мартыновичъ очень корыстолюбивъ. Я былъ-велѣтъ въ Переяславлѣ Греку Ивану Тамару собирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлицу на великаго государя противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ, Иванъ, собиралъ на гетмановъ. Но Грекъ Иванъ недавно прѣхалъ въ Кіевъ и говоритъ мнѣ тайно со слезами, что собрали онъ въ Переяславлѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, а гетманъ присылаетъ съ угрозами, велитъ привезти къ себѣ въ Гадячъ 1,000 рублей пошлинныхъ денегъ, и Грекъ, заявивши, везетъ, а не везтъ не смѣетъ, чтобъ безъ головы не быть.“ Шереметевъ, епископъ Меодій и полковникъ Дворецкій толковали Фролову одно: чтобъ перенесчики сгѣмили, а мѣщане этому всѣ рады и доходы въ казну государеву платить будутъ безъ отговорки, только-бы казацкой старшинѣ и казакамъ до нихъ дѣла не было; а если перенесчики къ первому сентябрю людей и угодій перенесать не поспѣшатъ, то, какъ только Семеновъ день придетъ, и гетманъ, и полковники, и старшина поборы всѣ отберутъ на себя, а великому государю оставить мѣщанъ на цѣлый годъ нагихъ и ограбленныхъ.

3 мая въ Нечерекѣ монастырѣ былъ обѣдъ: обѣдали Фроловъ, епископъ Меодій, Нечерекій архимандритъ, много другихъ духовныхъ, полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда, вставши изъ-за трапезы, взяли Фролова въ архимандричью келью и шли здоровье бояръ и окольныхъ. Фроловъ замѣтилъ, что надобно выпить и здоровье гетмана Ивана Мартыновича, который великому государю службою своею во всемъ вѣреть, съ духовными во всякомъ побортѣ и любви пребываетъ, и войску Запорожскому и всему Малороссійскому народу добронравіемъ своимъ и правымъ разсужденіемъ уго-

день. „Онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ“, крикнуло въ отвѣтъ духовенство: „бывши на Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ бы невѣрными.“ Епископъ и нѣкоторые другіе изъ духовныхъ рѣшительно отказались пить; другіе пили, но несогласно, какъ бы только поустыдятся. Фроловъ развѣдалъ, что статья, въ которыхъ написано, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, прежде всѣхъ объявилъ въ Кіевѣ полковникъ Дворецкій, отчего у духовенства встало нелюбие къ гетману; Дворецкій присталъ къ духовенству. Узнавъ объ этомъ, Брюховецкій два раза присылалъ за Дворецкимъ, хотѣлъ послать его въ Запорожье отговаривать отъ пакости тамошнихъ казаковъ, хотѣлъ послать его затѣмъ, чтобъ тамъ убили или разстрѣляли. Полковникъ испугался и сталъ бить челомъ, чтобъ ему съ Кіевскимъ полкомъ быть подъ начальствомъ боярина Шереметева. Послѣдній спрашивалъ: если гетманъ придетъ въ третій разъ за Дворецкимъ, то отдавать ли его.

Сплѣнѣ всѣхъ продолжалъ высказываться противъ Брюховецкаго старій другъ его, епископъ Меодій: „Брюховецкій намъ не надобенъ,“ говорилъ онъ при всѣхъ вслухъ: „онъ теперь принялъ всю власть на себя; не только насъ предъ царскимъ величествомъ невѣрными представляетъ, но и старшину караетъ, въ колодки сажаетъ и въ Москву отсылаетъ; новыхъ полковниковъ отъ себя по полкамъ разсылаетъ безъ высковаго приговора: Юрій Незачай, Гамалѣя, Височай и другіе старшины ни въ чемъ не виноваты, страдаютъ отъ него напрасно; а здѣшнимъ людямъ и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву; думаю, что иные и изъ задѣйворской старшины поддались бы государю, да боятся погибнуть отъ гетмана. Печерскій архимандритъ говорилъ, что гетманскаго войска казаки разорять ихъ монастырскія маенности между Кіевомъ и Вѣлою Церковию; писали они къ гетману, и онъ ихъ не защищаетъ.“

Дворецкій выставилъ себя умѣреннымъ, желалъ примиренія: „Епископъ Меодій, все духовенство и я гетману не злодѣи и не посягатели,—мы только отводимъ его, чтобъ до корысти былъ не лакомъ и гордость отложилъ; хочется намъ того, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, мы бы, облича его въ неправдѣ, съ нимъ помирлись и были въ вѣчной любви. Епископъ Меодій посылалъ въ Чигиринскіе уговаривать тамошнихъ людей, чтобъ великому государю вины свои принесли; чигиринскіе жители къ тому склонны, и Дорошенко говорилъ, что онъ тому радъ, да боится гетмана, сдѣластъ его безъ головы или въ Москву отослать: пусть епископъ, бояринъ и гетманъ обидѣжать его грамотами, что ему лиха не будетъ, тогда онъ и станеть промышлять надъ Ляхами.“ Меодій, кромѣ несчастнаго пункта о митрополитѣ, показывалъ непрежнему

усердію къ Москвѣ и, подобно Ивану Мартыновичу, не щадилъ своихъ; совѣтовалъ также, чтобъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ воеводы и ратные люди жили особо въ городкахъ, такъ какъ въ Нѣжинѣ, потому что Малороссійскаго народа люди ко всему шатки, сохрани Боже, чтобъ кто-нибудь чего не началъ; а прежде всего надобно это сдѣлать въ Полтавѣ,—тамъ люди больше всѣхъ шатки, къ Запорожью близки и съ Запорожцами въ мысляхъ бывають согласны, живутъ совѣтно, что мужъ съ женою. Шереметевъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ, что онъ отъ епископа никакого злаго умысла и плевель не выдалъ; но, вопреки словамъ Дворецкаго, доносилъ о невозможности помирить Меодія съ Брюховецкимъ, и приводилъ въ доказательство слѣдующій случай: „Я говорилъ епископу, чтобъ послать въ Запорожье какого-нибудь вѣрнаго человека съ уважительною грамотою и для провѣдыванія вѣстей; а Меодій отвѣчалъ мнѣ: „Это дѣло самое надобное, только въ грамотѣ надобно спросить, отъ чего у нихъ, Запорожскихъ казаковъ, дѣлается шагость, не отъ бояръ ли отъ кого“. Я ему сказалъ на это, что такъ написать негодится: изъ этого я заключаю, что между ними и впередъ совѣта не будетъ; только я о гетманскихъ грамотахъ епископу, а объ епископскихъ словахъ гетману не даю знать, чтобъ между ними ссоры не было, а ссора опасна, потому что къ епископу и духовенству пристали мѣшане всѣхъ городовъ: такъ чтобъ отъ ихъ ссоры дѣлу великаго государя порухи не было“. Отъ самого Шереметева, по разсказамъ Фролова, не могло быть порухи государеву дѣлу, какъ была поруха отъ боярина в гетмана. Въ Кіевѣ, на Подолѣ, поставлены были рейтары на мѣщанскихъ дворахъ, потому что въ верхнемъ городѣ поставитъ ихъ было негдѣ. Мѣшане много разъ били челомъ, что отъ рейтаръ тѣснота большая, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ рейтаръ отъ нихъ свести. О томъ же просилъ воеводу Меодій. Шереметевъ отвѣчалъ, что перевести рейтаръ въ верхній городъ скоро никакъ нельзя, потому что тамъ дворонъ и избъ мало, а взять избъ негдѣ, потому что около Кіева все разорено; если мѣшане хотять, чтобъ отъ нихъ рейтары вывели, то пусть дадутъ отъ себя 30 избъ и переведутъ въ нихъ рейтаръ. 4 мая епископъ является къ Шереметеву и приноситъ ему въ почесть 100 рублей, чтобъ рейтаръ отъ мѣшанъ велѣлъ вывести, избъ на нихъ не спрашивать, а велѣлъ бы изъбы кунити изъ государственой казны. Бояринъ отвѣчалъ: „Я денегъ не возьму, а пусть мѣшане отдадутъ ихъ на изъбы рейтарскія“. На другой день, къ соборной церкви епископъ сталъ говорить боярину, чтобъ онъ сто рублей себѣ въ почесть взялъ, а на изъбы взялъ еще 100 рублей: мѣшане этимъ не оскорбятся, только бы рейтаръ отъ нихъ велѣлъ вывести. Шереметевъ велѣлъ взять у мѣшанъ все 200 рублей и кунити на нихъ изъбы, и какъ изъбы поставятъ, перевести въ нихъ рейтаръ тотчасъ.

Фроловъ привезъ и грамоты. Брюховецкій жаловался по обычаю, что московскаго войска мало въ Малороссіи: „Примѣй, вашего царскаго величества вѣрномъ холопѣ, войска очень мало, едва не всѣ ваши государевы ратные люди отъ паготы разбрелись. Воеводы вашего царскаго величества—Миргородскій, Лубецскій и Прилуцкій—безъ семей на воеводства свои прѣехали, а хорошо бы имъ было прѣехать съ семьями и со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, чтобъ тамонніе жители, видя воеводъ своихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились и въ отчаяніе не приходили“. Гетманъ жаловался на воеводу Протасьева, который не узнавалъ иноземныхъ ратниковъ, притѣснявшихъ Малороссіянъ; жаловался, что стольникъ Пзмайловъ, присланный для сыску обидъ, ничего не дѣлаетъ. Жаловался на Переяславскаго воеводу Вердеревскаго, который зятя его, Михѣенка, велѣлъ бить и въ тюрьму сажать безвинно, человѣку гетманскому сына копить не дасть „Все это онъ дѣлаетъ“, писалъ Брюховецкій, „по наущенію Иванки Опрсова, который за тѣмъ въ Переяславѣ и живетъ, чтобъ ссорить меня съ воеводою. Вердеревскій же всякому казаку налогу чинить, не выслушавъ рѣчей; казаки многіе роняють, говорятъ, что все это дѣлается по моей милости“. Полтавскіе казаки жаловались на своего воеводу, Якова Тимоеевича Хитрово: „Велитъ Москалямъ коней остальныхъ брать въ подводы по домамъ; самъ стоитъ въ домѣ у вдовы; начальныхъ своихъ людей ставитъ по домамъ знатнаго товарищества; полковника, котораго мы почитаемъ какъ отца, бранитъ скверными словами; который товарищъ придетъ къ нему—глаза острою выбиваетъ, плюетъ или денщикамъ велитъ выпихнуть въ шею. Почтительнѣе обходится съ наложницами майоровъ своихъ или солдатъ, чѣмъ съ женою полковника нашего, облъ напихъ же женахъ и дѣтихъ говорить нечего, какіе позоры терпятъ. Не велитъ у мѣщанъ подводъ брать, а только у казаковъ“¹⁾.

Епископъ Меодій больше всего опасался Полтавцевъ, жившихъ съ Запорожцами какъ мужъ съ женою; но бунтъ вспыхнулъ не въ Полтавѣ, а въ Переяславѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда полковникъ Переяславскій Ермоленко стоялъ съ полкомъ своимъ въ Вагушковѣ слободѣ, казаки его возмущались, убили полковника, и отправились подъ Переяславль, здѣсь поблии московскихъ ратныхъ людей и выжгли большіи городъ; въ то же время въ Москву дали знать о шатости казаковъ въ Каневѣ. Шереметевъ и Брюховецкій немедленно приняли рѣшительныя мѣры; съ двухъ сторонъ, изъ Кіева и Гадяча, двинулись войска къ Переяславлю, и здѣсь бунтъ былъ задавленъ; но нѣкоторые городки на восточной сторонѣ Днѣпра поддались Полякамъ. Въ Москвѣ распорядились такъ, чтобъ перехватившіе заводчики переяславскаго бунта

были казнены въ одинъ день въ Гадячѣ у Брюховецкаго и въ Кіевѣ—у Шереметева. Съ извѣстіемъ объ этомъ распоряженіи въ августѣ отправились въ Малороссію Іона Леонтьевъ, который долженъ былъ также сказать гетману, что для предупреденія казацкихъ бунтовъ не лучше ли казакамъ въ Переяславлѣ не жить, жить имъ за городомъ въ слободахъ, въ большомъ городѣ жить—мѣщанамъ, а въ меньшомъ—государевымъ людямъ. „Конечно, это будетъ лучше и крѣпче“, отвѣчалъ Брюховецкій, „но теперь сейчасъ же этого сдѣлать нельзя, чтобъ другіе города, на то глядя, не взбурражились“. Потомъ Леонтьевъ спрашивалъ у гетмана: „Чѣмъ успокоитъ шатость въ тѣхъ городахъ, которые приняли къ себѣ Поляковъ?“¹⁾—„На это одно средство“, отвѣчалъ Брюховецкій: „когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми, то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь, и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобъ вперёдъ въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было.“ Иванъ Мартыновичъ былъ большой охотникъ съби и жечь; казаки про него говорили: „Что это за гетманъ? запершись сидитъ въ городѣ, какъ въ лукошкѣ; нетъ бы лучше съ войсками и промышленяя надъ государевыми неприятелями, а то только и знаетъ, что вѣдмъ жечь.“ Изъ Гадяча Леонтьевъ отправился въ Кіевъ, и здѣсь бояринъ Шереметевъ говорилъ ему: „Теперь во всѣхъ малороссійскихъ городахъ казаки на мѣщанъ злятся за то, что мѣщане по окладамъ всякія подати въ государеву казну хотятъ давать съ радостію, а казацкихъ старшинъ и казаковъ ни въ чемъ не слушаютъ и податей давать не хотятъ, говорятъ имъ: „Теперь насъ Богъ отъ васъ освободилъ, вперёдъ вы не будете грабить и домовъ нашихъ разорять.“ Объ отношеніяхъ епископа Меодія къ гетману Шереметевъ говорилъ прежне: „У епископа съ гетманомъ совѣтъ худой, не знаю, кто ихъ ссоритъ. Вѣрнѣе государю епископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ; какъ великому государю угодно, а мнѣ кажется, что лучше всего быть ему въ Кіевѣ на епископствѣ; московскому же митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя. Печерскій архимандритъ говоритъ: „Если услышимъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрущу въ монастырь; и вы насъ доставайте.“—Шереметевъ извѣщалъ, что мѣщане радуются новому порядку, радуются освобожденію своему отъ казаковъ; и изъ словъ Брюховецкаго можно было заключить, что положеніе мѣщанъ улучшилось, ибо казаки начали записываться въ мѣщане: „Многіе казаки“, говорилъ гетманъ царскому посланцу въ ноябрѣ, „многіе казаки шинуются въ мѣщане, а я тому и радъ, думаю, что въ искомую лѣтъ сдѣлаю всѣхъ казаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ“.

Но понятно, что казаки не могли хладнокровно смотрѣть на приближеніе такого порядка вещей; особенно не могли хладнокровно смотрѣть на это въ гнѣздѣ казачества, въ Запорожьи. Еще 5 фе-

¹⁾ Арх. мни. нп. д.: Архивъ мни. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

вряля 1666 года Касоговъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожьи осталось войска только человекъкъ съ 500, и у тѣхъ нѣтъ запасовъ. „Запорожцы,“ писалъ воевода, „царскихъ ратныхъ людей не любить и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотять мириться съ Татарами и Дорошенкомъ; а всему заводчикъ Кирилла Кодацкій и другіе его товарищи, казаки той стороны Днѣпра. Кошевой Леско Шкура, видя это, хотѣлъ сложить съ себя атаманство; казаки упростили его остаться, но замысловъ своихъ не покинули.“ Шкура не долго пробылъ кошевымъ: враждебные Москвѣ казаки взяли верхъ, свергли его за то, что знался съ московскими воеводами, Хитрово и Косоговымъ, да не далъ казакамъ громить Калмыковъ. Выбрали въ кошевые Рога, который написалъ такую грамоту Брюховецкому: „Послышали мы, что Москва будетъ на Кодакъ, но ея тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честию пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска Запорожскаго, войско же не знаетъ, чтѣ такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твою, поступать съ нами по настоящему, какъ прескде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ: помни древнюю философию притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мирѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ норъ и тѣнь, и какъ мрачный облакъ найдеть, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твою угнѣи счастье почитать.“—Послѣ переѣзны кошеваго, Косогову пришлось плохо въ Запорожьи: съ нимъ перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили добрымъ людямъ ходить къ нему, развѣ кто тайкомъ придетъ; Рогу запретили съ нимъ знаться; Павла Рябуху явно бранили за то, что не громилъ царской казны, посланной въ Крымъ; послали на Кодакъ казаковъ, чтобъ не пускать туда московскихъ ратныхъ людей, и оставить чистую дорогу Днѣпромъ для заднѣпровскихъ пзмѣнниковъ. Касоговъ, не предвидя для себя ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожя. Брюховецкій послать спроситъ Рога, чтѣ это значитъ; тотъ отвѣчалъ: „Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ; мы его не выгоняли; мы не измѣнникъ, какъ онъ насъ описываетъ: не знаемъ, не для того ли пошелъ, что у насъ куколь починихъ нѣтъ, съ которыми, думаю, на Русь уже натѣнились: войско Запорожское государевыхъ людей колотъ не думывало, какъ онъ писалъ; а если когда и случилось, что казаки, напавшись, промолвлять что-нибудь дурное, то быку не загородитъ рта, а человекъ пняный подобенъ роску: что захочеть, то и слѣшнть“. Брюховецкій писалъ царю: „Хотя всѣ Запорожскіе казаки въ своихъ грамотахъ дружелюбно пишутъ ко мнѣ, однако и боюсь, чтобъ между ними

не было какого-нибудь смятенія, потому что въ Запорогахъ живутъ казаки большею частію съ западной стороны, которые перемогаютъ желательныхъ вашему государскому престолу. И теперь Запорожцы дурно сдѣлали, что, не отославши ко мнѣ Дорошенковыхъ посланниковъ съ грамотами, отпустили ихъ назадъ въ Чигиринъ съ честию и съ ними отправили своихъ казаковъ къ нечестивому Дорошенку, не знаю съ чѣмъ. Да сказывали мнѣ мои посланники, пришедшіе изъ Запорогъ, что тамошніе казаки называютъ королемъ дѣичными своими государями и пенавидятъ тѣхъ, которые служатъ вѣрно вашему царскому величеству, особенно понавидятъ дворянъ вашего царскаго величества, полковниковъ войска Запорожскаго, да и меня самого, за то, что въ малороссійскіе города посланы воеводы и стали вѣдать всякія угоды. Теперь Запорожцы выслали человекъ больше двухсотъ въ Полтавщину, чтобъ схватить меня: стоять они въ Полтавскомъ полку, въ городѣ Валкахъ. Которые города или деревни богатые отговаривались пошности свои отдавать вашего царскаго величества воеводамъ, или который казакъ къ войску не выходилъ,—къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, послалъ я вашему царскому величеству ратныхъ людей на становища и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько“¹⁾.

Въ такомъ положеніи находились дѣла по сю сторону Днѣпра, когда пришла вѣсть о заключеніи перемирія съ Польшею. Мы видѣли, какъ истощенное государство Московское жаждало этого перемирія, и понятно, что вторженіе короля Яна-Казимира въ Малороссію въ 1663 году не могло уменьшить этой жажды. Въ январѣ 1664 года отправился къ королю изъ Москвы посланникъ, стряпчій Кирилла Пуцинъ, и повезъ царскую грамоту съ предложеніемъ новаго сѣзда уполномоченныхъ. Въ февралѣ Пуцинъ нашель Яна-Казимира подъ Сѣвскомъ, въ селѣ Унинѣ. Литовскій канцлеръ Христофоръ Пацъ объявилъ посланнику, что съ королевской стороны комиссары готовы и что сѣзду быть въ Бѣлевѣ или въ Калугѣ. Тутъ же пріѣхалъ къ канцлеру крымскій посолъ и объявилъ, что самъ ханъ пришелъ подъ Азовъ съ 50,000 Крымцевъ и 40,000 лычаръ. Татаринъ предлагалъ Пацу истребить и Донскихъ казаковъ и Запорожскихъ Черкасъ, и требовалъ, чтобъ ханскіе послы присутствовали на сѣздахъ королевскихъ комиссаровъ съ царскими уполномоченными. Канцлеръ отвѣчалъ, что когда король заключитъ миръ съ паремъ, то можетъ полирнть послѣднего и съ ханомъ. Проводя крымскаго посла, Пацъ сказалъ Пуцину: „Когда великіе государи наши христіанскіе склоняются къ покою, то всѣ мечи наши оборотимъ на этихъ бусурманъ“. Въ то же время пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Самуилъ Венславскій и договорился съ Ординымъ-Нащокиннымъ

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

и думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ парскіе уполномоченные, бояре — князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, околицкій, князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій, — думные дворяне — Григорій Борисовичъ Напокинъ, Аонасій Лаврентьевичъ Ординъ-Напокинъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ — съѣхались съ королевскими комиссарамъ, — короннымъ канцлеромъ Пражмовскимъ и гетманомъ Потоцкимъ съ товарищами тою же весною. Передъ отъѣздомъ Ординъ-Напокинъ подалъ государю записку, въ которой настаивалъ на необходимости тѣснаго союза съ Польшею и обращалъ вниманіе царя на враждебныя дѣйствія Швеціи, которой надобно было, по его мнѣнію, больше всего беречься. „Если заключить простой миръ съ Польшею“, писалъ Напокинъ, „то надобно возвратить всёхъ польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ такое множество въ службѣ во всёхъ краяхъ Великой Россіи и въ Сибири, женились здѣсь, женщины замужъ вышли; при союзѣ они могутъ остаться, и намъ очень надобны, потому что свои служивые люди отъ продолжительной войны стали къ службѣ нерадѣтельны, скучаютъ ео, а въ украинныхъ мѣстахъ безъ служиваго добраго строя отъ хана Крымскаго и отъ Калмыковъ быть нельзя. Союзъ съ Польшею необходимъ потому, что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православию въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные Молдаване и Волохи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, послышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турка. Такимъ образомъ, соединится такой многочисленный христіанскій народъ, одной матери, Восточной Церкви, дѣти: отъ самаго Дуная всѣ Волохи, и, черезъ Днѣстръ, Подоле, Червоная Русь, Волынь и Малая Россія, уже приобщенная къ Великой. А по близости вѣдомый намъ непріятель Шведъ; какъ прежде, такъ и теперь по съѣздамъ посольскимъ извѣстно, какія разрушительныя шведскія неправды! И всѣ ихъ начинанія отъ того, что съ Польскимъ государствомъ продлилась война и внутреннія ссоры повстали въ Великой Россіи; явный же виновникъ ссоръ — шведскій комиссаръ: онъ для того и живетъ въ Москвѣ и дѣлаетъ что хочетъ. Шведы всячески тайными ссылками совѣтуются съ ханомъ на разореніе Великой Россіи. Они составляютъ злыя вѣсти, въ Стокгольмѣ печатають и во весь свѣтъ рассылають, унижая Московское государство. При мнѣ Грекъ Кирьякъ привезъ эти вѣсти изъ Москвы (надобно думать, что получилъ ихъ отъ шведскаго комиссара) и вотъ польскіе сенаторы начали быть горды и несходительны въ мирныхъ статьяхъ, стали колотъ намъ глаза этиаъ шведскимъ сочиненіемъ, будто правда, что въ Великой Россіи страшное беззліе и разореніе: по шведскимъ же разсказамъ вѣстиямъ, король и въ Украину пошелъ, услышавъ, что всѣ московскія войска высланы противъ Башкирцевъ“. Въ заключеніи Напокинъ говоритъ: „А Черкасъ

малороссійскихъ какъ отступиться безъ заключенія тѣснаго союза съ Польшею: ошъ, не взирая на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и Шведомъ, начнутъ злую войну на Великую Россію“. — Эта мысль о возможности отступити отъ Черкасъ, неопредѣленно высказанная, сильно не понравилась государю; онъ отвѣчалъ Напокину: „Статьи прочтены и зѣло благополучны, и угоды Богу на небесахъ, и отъ созданія руку Его и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53-й (последней), — эту статью отложили и велѣли вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума: единоаго — твердаго разума, и втораго — половина колеблющагося вѣтроать. Союза превеликое богоугодное дѣло и всего свѣта любовь и радость, только о томъ, съ твердымъ разсужденіемъ и съ великимъ подкрѣпленіемъ наказавъ, великихъ и полномочныхъ послать отпустимъ по времени. А о черкасскомъ дѣлѣ, о здѣшней сторонѣ мысль свою царскую прилагать непристойно, потому что за помощію Всемогущаго Бога и твоимъ усердствомъ и вѣрною службою во Львовѣ о здѣшней черкасской сторонѣ ты отговорилъ, впродъ эта статья упомянута не будетъ; у насъ, великаго государя, твой извѣтъ про ту статью крѣпко памятенъ, и за то тебя милостиво похваляемъ. Собакъ недостойно вѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. Полякамъ недостойно владѣть и западною стороною Днѣпра), только то не отъ насъ будетъ, — за грѣхи учишься. Если же оба куска хлѣба достанутся собакъ вѣчно вѣсть — охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворитъ? И какое оправданіе приметъ отданный свѣтый и живый хлѣбъ, собакъ: будетъ ему воздаиіемъ пресисодній адъ, предютый огонь и немилосердыя муки; отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостиво своею и не выдастъ своего хлѣба собакамъ. Человѣче! Или съ миромъ царскимъ путемъ среднимъ, и какъ началъ, такъ и совершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шую; Господь съ тобою!“

Въ маѣ царскіе уполномоченные отиравились въ Смоленскъ съ такимъ наказомъ: „Чтобъ благонадежный и свѣтый миръ учинить и кровь христіанскую успокоитъ вѣчно на обѣ стороны, а рубежъ бы учинить по Днѣпру. Если польскіе комиссары рубежа постановитъ такъ не захотятъ, то вамъ бы по конечной мѣрѣ говорить о стародавнихъ городахъ, о Смоленскѣ съ 14 городами. О Черкасахъ обихъ сторонѣ говорить и стоять всякими мѣрами накрѣпко, что они люди вольные, и какая будетъ прибыль обонимъ государствамъ, если ихъ напрасно въ Крымъ отогнати, и разореніе и войну всегдашнюю отъ нихъ принимать. Если польскіе комиссары стацуть этому противиться уперно, то вамъ бы говорить о той сторонѣ Днѣпра, чтобъ тамъ церквей въ костелы не обращать и унигатамъ не отдавать, города и Черкасъ не возлитъ ничѣмъ, дать волю; о здѣшней же сторонѣ Днѣпра черкасскихъ городахъ и о Занорожьи говорить всякими мѣрами и отказать впрямь, и засидѣтельство-

ваться Богомъ, что мы, великій государь, крови не желаемъ и впредь желать не будемъ. О плѣнныхъ дѣлать съ превеликимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ крѣпко и впредь постоянно и прочно было, и чтобъ въ томъ между обоими государствами, особенно же въ своемъ государствѣ сорать, кровопролитія и убійствъ не учинить. О титулахъ говорить по окончаніи дѣла, стоять крѣпко о бѣлороссійскихъ и малороссійскихъ, чтобъ тѣми титулами писаться намъ, великому государю, потому что города Малой и Вѣлой Россіи къ Московскому государству изстари, а теперь подъ нашею высокою рукою многие, а королевскому величеству этимъ титулами впередъ писаться же. Стоять объ этомъ накрѣпко и въ примѣръ предлагать, какъ Польскій король пишется до сихъ поръ Шведскимъ. Если польскіе комиссары станутъ упорно противиться, то говорить съ ними о титулахъ подумавъ, примѣриваясь къ ихъ польскимъ и литовскимъ хроникамъ, какіе прежде у Московскаго государства были города изъ Малой, Бѣлой, Черной и Желтой Россіи, — къ тѣмъ бы городамъ тѣ и титулы прилагать, въ этомъ бы намъ, великому государю, вы послужили и порадили, какъ вась Богъ Святый вразумитъ и наставитъ. " По скоро государь узналъ, что службѣ и радѣнію упомянутыхъ мѣшаетъ несогласіе между ними: Ординъ-Нащокинъ, на ловкость котораго царь болыне всего надѣялся, писалъ ему: „За многое предъ Богомъ окаянство я въ службишкѣ своей несправедъ, въ твои дѣлѣ побѣжденъ многими душевными скорбями, ни въ чемъ не успеваю; я отъ твоихъ ближнихъ бояръ, князя Никиты Ивановича и Юрія Алексѣевича до сихъ поръ никакого обнадеживанія въ тайныхъ дѣлахъ не слыхалъ, они службишкѣ нашей мало довѣряютъ и въ дѣло ставятъ; у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ. А время, государь, скоро переменяется, дѣлать бы теперь, не откладывая на иное время, а твоихъ ратей промыслы и какъ устали отъ службы тебѣ, великому государю, извѣстно, миру быть теперь самое время безъ проводки." Государь прислалъ новый наказъ: „Милость Божія да уножится съ вами, великими послами, и молитва Пресвятыя Богородицы да поможетъ вамъ во всякомъ усердіи нашемъ. И вамъ бы, великимъ и полномочнымъ посламъ, а на имя стародавнихъ честныхъ родовъ, и пріятельмъ нашимъ вѣрнымъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу, боярину князю Юрію Алексѣевичу (было написано еще: думному дворянину Аванасію Лаврентьевичу, но зачеркнуто), о томъ же Воезѣ нашемъ здравствовать и радоваться! Да послужитъ бы вамъ Святой Восточной Церкви и намъ, государю, и приложитъ бы вамъ къ усердію наипаче усердіе и къ промыслу промыслы, и стоять бы за Полоцкъ крѣпко, образа ради Пресвятыя Богородицы Владимірска и чудеса, содѣявшаго отъ него въ видѣніи ораи во время пришествія того образа во градѣ

Полоцкъ; удержатъ бы этотъ городъ, хотя бы и денегъ дасть не мало: слезъ достойное будетъ дѣло. Если въ Святой величѣнной, великой церкви Полоцкой Поручицной имя уже болѣе не возгласится православно, прозовется по римски или шной кѣрною неправо, и жертва не принесется правильно, по учинится церковь костеломъ или уніатскою! Также и за Динабургъ давать деньги, а за Витебскъ и упорно говорить не надобно. Если невозможно удержатъ Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и Пресвятыя Богородицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ вась, только бы наше замѣреніе и повелѣніе къ вамъ, ваше предложеніе и усердіе крѣпкое было. А думному нашему дворянину, а вашему товарищу, Аванасію Лаврентьевичу, это письмо вѣдать же".

1 Іюня, въ Дуровичахъ, между Краснымъ и Звѣровичами, пачался съѣзды. Три первыхъ съѣзда прошлы, по обычаю, во взаимныхъ упрекахъ и спорахъ за титулы; московскіе упомянутыя жаловались, что король, отсутствіи Ордина-Нащокина изъ Львова съ общаіемъ приказатъ комиссарамъ своимъ двинуться къ границѣ для мирныхъ переговоровъ, вѣето того двинули самъ съ войскомъ въ украинскіе города. Комиссары отвѣчали: „Когда быль во Львовѣ Ординъ-Нащокинъ и домогался перемирія, то король на это не согласился, говоря, кто желаетъ перемирія, тотъ не желаетъ вѣчнаго мира, король желаетъ мира, но не обѣщаль прекратитъ войны, и пошелъ на поданныхъ своихъ запорожскихъ Черкасъ для того, чтобъ свои города мечемъ отыскать и старыхъ поданныхъ возвратитъ подъ свою оборону." Между тѣмъ Хованскій снова проигралъ сраженіе подъ Витебскомъ, потерялъ обозъ; Одоевскій писалъ государю: „Польскіе комиссары передъ прежнимъ горды, стоятъ упорно, провалакиваютъ время нарочно, а гетманъ Пацъ собирается съ войскомъ безопасно, полжидаетъ къ себѣ коронныхъ полковъ, изъ Украины вѣстетъ и отъ крымскихъ людей помощи; и какъ теперь надъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и надъ твоими государевыми ратными людьми учинили промыслы, обозъ взяли и Витебскъ осадили, то и щуче возгордился." Ординъ-Нащокинъ писалъ отъ себя то же, прибавляя, что комиссаровъ можно склонитъ къ миру только общаіемъ союзомъ; но когда онъ совѣтуетъ Одоевскому и Долгорукову предложить комиссарамъ союзъ, то ближніе бояре и слышать объ этомъ не хотять, потому что говорить: въ дѣло этого не поставлено; посредниковъ нѣтъ, а безъ этихъ двухъ статей, безъ предложенія союза и безъ чужаго посредства, успѣха въ переговорахъ не будетъ. „Если я." продолжаетъ Нащокинъ, „доносилъ тебѣ, великому государю, что-нибудь неправдою, если все то, что я тебѣ говорилъ и писалъ по шведскому и польскому посольству, не сбылось, то я достоинъ смерти, и не только былъ бы радъ, еслибъ меня откинули отъ этого посольства, какъ откинули отъ шведскаго, но даже тѣсная темница или казнь были бы мнѣ радостиѣ

ныишняго посольства“. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій писалъ государю мысль: „Поляки по-длинно знаютъ, что у боярина, князя Якова Куденетовича Черкасского, въ полякахъ ратные люди оскудѣваютъ запасами, стоя на однохъ мѣстѣ, утѣхи себѣ и прибыли никакой не имѣютъ: всегда рагъ тѣшится, вступая въ чужую Землю и видя себѣ прибыль и сытость, а на одномъ мѣстѣ стоя на своихъ хлѣбахъ,—всегда попоченіемъ одолѣвается. Лучше, не выпуская лѣта, князю Якову Куденетовичу Черкасскому перейти Дибѣрь между Могилевымъ и Выховымъ, подъ Варколановымъ монастыремъ, и тутъ дать битву, литовское войско пожать, а комиссаровъ понизитъ, а битъся ему съ литовскимъ и жмудскимъ войскомъ можно, пока Чарнецкій съ короннымъ войскомъ на помощь къ Литвѣ не подоспѣтъ“. Ординъ-Нащокинъ утверждалъ то же самое, что для склоненія комиссаровъ къ уступчивости необходимъ военный успѣхъ съ русской стороны: по онъ разлился съ Долгорукимъ относительно мѣста, куда должно было двинуться царское войско: „Если государевы ратные люди“, говорилъ Нащокинъ, „будутъ стоять безъ промыслу до осени, то они смоленскіе хлѣбные запасы объѣдятъ, смоленскихъ ратныхъ людей оголодаютъ, и осенью разбѣгутся; если же имъ хлѣбныхъ запасовъ давать понемногу, то они и до августа стануть бѣгать. Если отъ государевыхъ ратныхъ людей будетъ промыселъ по Двинѣ рѣкѣ, то Литва ищугается, а запасы нашему войску можно везти рѣками Касплею и Двиною; надъ Могилевомъ же промыселъ Литвѣ не такъ страшенъ, потому что жены, дѣти и домы ихъ около Двины, а Татары они въ Литву привести для своего разоренія не захотятъ; если же и приведутъ Татары, то Татары въ Литвѣ зимовать не стануть и за нашимъ войскомъ къ Двинѣ не пойдутъ, а učinявъ Литвѣ такое разореніе, какого она отъ нашего войска и въ десять лѣтъ не видала. Видя такое разореніе отъ Татаръ, Литва рада будетъ миру“. Ординъ-Нащокинъ совѣтовалъ также дѣйствовать другими средствами; онъ говорилъ: „Для одержанія союзомъ Смоленской и Сѣверской Земли надобно послать къ поляхъ, у которой въ тѣхъ уѣздахъ были маестности, обнадеживать съ возвращеніемъ этихъ маестностей, обѣщать, что судъ и расправа останутся у нея прежніе; войску польскому надобно посулить денежной казны, а сенаторамъ уже и объявлено; надобно дать государю жалованья литовскому референдару Брестовскому,—онъ можетъ все сдѣлать, потому что Литовцы его любятъ и во всемъ вѣрять“. На всѣ эти мнѣнія и донесенія царь отвѣчалъ отъ 18 июня, что князю Якову Куденетовичу Черкасскому велѣно двинуться къ Оршѣ. Къ этому воеводѣ, которымъ были недовольны за дѣйствія его противъ короля, царь послалъ спросить о здоровьяхъ и сказать ему такія милостивыя рѣчи: 1) Сынъ его, князь Михайла, и дочь его, княжна Авдотья, да въ Богъ, здоровы и къ нимъ наша государская милость непремѣнна; отъ насъ,

великаго государя, къ сыну его, отъ царицы къ дочери его подачи ежедневныя и проги мянниныя посылаютъ. 2) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, взявъ себѣ на помощь крѣпко великаго Бога и Его Святой образъ, безо всякаго сумнѣнія дерзалъ и промышлялъ о имени Его Святого, не опасаясь ничего. Вѣрилъ бы и уювалъ крѣпко на Бога, и какъ Богъ попуститъ, то будетъ людямъ на хвалу, а если за невѣрие милость отниметь, тогда всѣ нупце ворчать стануть; истинно за Болховскую стойку крѣпко негодуютъ; рѣчамъ глупыхъ людей не радоваться бы, что король отъ него побѣждалъ, и онъ хотя и не нашель, за то и не потерялъ. Можно было ему, за Вожею помощію, съ Польскимъ королемъ миръ учинить, если бы онъ на его королевскихъ людей наступалъ всеми людьми строемъ и обозомъ, и надъ ними промышлялъ: всегда за такимъ промысломъ войнѣ копецъ бываетъ. 3) Радовался бы уюванію крѣпкому на Бога, да утѣшался бы тѣмъ, что на недруга наступалъ великимъ способомъ, бился строемъ, огнемъ и дымомъ и промыселъ чинилъ съ обозами: большаго слава и честь, нежели людьми, пѣхою. 4) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, съ нашимъ ратными людьми, пушками и обозами подвинулся ближе къ великимъ и полномочнымъ посламъ и ставъ отъ нихъ въ 30 верстахъ для страху польскимъ комиссарамъ. Во время съѣздовъ къ великимъ посламъ вѣдому станціи часто и спрашивать вслухъ: польскіе комиссары притупаютъ ли къ миру и правдою ли входятъ въ дѣло, или разбѣдутся. Если и не разбѣдутся, а въ дѣло входятъ неправдою, то ему надъ Польскими и Литовскими людьми чинить промыселъ, не испустя чинишняго лѣтняго времени; а посылаеъ бы къ великимъ посламъ людей уминыхъ и суровыхъ и ростомъ дородныхъ. 5) Чтобъ онъ, бояринъ и воевода, надъ польнымъ гетманомъ Пацемъ и надъ литовскими войсками промышлялъ, ссылаясь съ великими послами, бралъ бы у нихъ совѣтъ и вѣсть почаще какъ Литовскихъ людей приводить къ миру, потому что они на то дѣло смотрять, какъ его дѣлать. 6) Чтобъ у Полоцка неприятелискимъ людямъ никакъ новаго хлѣба и травъ не косить не дать, чтобъ къ тому новому хлѣбу на тотъ годъ таборы свои ставить и запасы готовить. 7) Чтобъ онъ походомъ и промысломъ своимъ и послышками на войну себя и нашихъ ратныхъ людей охрабилъ и нашимъ, великаго государя, походомъ, если польскіе комиссары не помирятся, обнадеживалъ, для того, чтобъ дѣло къ концу привести. 8) Ратныхъ конныхъ людей обнадеживать нашимъ государевымъ жалованьемъ, деньгами и хлѣбомъ впередъ. 9) Спросить, для чего полячане его на Москвѣ оставлены. 10) О князѣ Хованскомъ сказать, что къ нему будетъ посланъ товарищъ для подкрѣпленія. 11) Не-решалъ съ княземъ Хованскимъ, чтобъ литовскому и жмудскому войску собраться не дать. 12) Не-премѣнно бы онъ, бояринъ и воевода, на то дѣло смотрѣлъ всячески и надъ неприятелискими людьми

чинилъ всякій промыслъ и попскъ, чтобъ непріятельскимъ людямъ собраться не дать, и не такъ бы сдѣлать, какъ было нынѣшнюю зимою, когда Господь Богъ всякій промыслъ подавалъ, можно было надѣяться всякаго добраго дѣла, а онъ, бояринъ и воевода, какъ Польскій король изъ Сѣвскихъ мѣстъ побѣждалъ къ Могилеву, за нимъ не пспѣшилъ и отъ Чочена отступилъ. 13) Чтобъ крѣпко уповалъ на Бога, на Святый образъ и на молитву Пресвятыя Богородицы, дерзалъ бы о имени Вожеиѣмъ разумно и ходилъ и посылалъ стройно военнымъ крѣпкимъ обычаемъ.—Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову государь послалъ сказать тайно: „Князю Якову Куденетовичу Черкасскому послапо выговорить за прежнее его стоянье безъ промысла; если онъ впередъ будетъ дѣлать такъ же, то великій государь изволитъ идти въ Вязьму, а на мѣсто князя Черкаскаго воеводою быть укажетъ ему, князю Юрію Алексѣвичу, а теперь бы его безъ причины не перемѣнять. Думному дворянину Аванасью Лаврентьевичу про эту статью сказать же.“

Черкасскій долженъ былъ двинуться съ войскомъ, чтобъ подвинуть посольское дѣло въ Дуровичахъ. Здѣсь уже шесть сѣздовъ прошло въ вычетахъ и перекорахъ, кто виноватъ въ нарушеніи вѣчнаго мира—Москва или Польша. На седьмомъ сѣздѣ, 3) іюня, московскіе уполномоченные сказали: „Всѣ эти вычеты обѣимъ сторонамъ извѣстны, пора уже ихъ оставить и говорить о томъ, какъ всѣ ссоры успокоить и вѣчный миръ заключить.“ Польскіе комиссары отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на поляновскихъ условіяхъ. Московскіе уполномоченные возражали, что поляновскія статьи вещь невозможная. „Ну такъ дайте намъ письмо за руками, что Поляновскій договоръ уничтоженъ,—и тогда мы будемъ становить новыя условия.“ сказали комиссары. Но царскіе послы отказались дать письмо, предполагая хитрость: въ Поляновскомъ договорѣ утвержденъ былъ за государемъ Московскимъ царскій титулъ; если уничтожить договоръ, то Поляки откажутся писать этотъ титулъ. Пошли споры объ уступкѣ земель: Поляки требовали возвращенія всего завоеваннаго и 10.000,000 золотыхъ польскихъ за убытки и разореніе: „Не уступимъ“, кричалъ онъ, „ни пяди земли, пока сабля у насъ при боку; вы побрали наши города во время нашего безніяя, когда у насъ много непріятелей было; но хотя Господь Богъ за грѣхи насъ и казнилъ, однако ото всѣхъ непріятелей освободилъ, остались у насъ непріятели—вы одинъ; мы и съ вами хотимъ мира, только отдайте намъ все; а не отдадите,—и мы будемъ отыскивать свою саблю. Вы намъ попрекаете за крымскій союзъ: намъ бы и самимъ хотѣлось соединяться съ хапомъ, но, видя вашу несклонность къ вѣчному миру, поневолѣ съ ними соединимся, соединимся и съ Шведскимъ королемъ и съ шими государями; шведскій посоль теперь у короля въ Варшавѣ, дожидается заключенія со-

юзаго договора; да при нашемъ посланникѣ астраханскіе Татары и Калмыки присылали къ Крымскому хану съ просбобою принять ихъ въ подданство. Сами разсудите: когда мы со всѣми этими государями соединимся, то вамъ придется плохо.“ Царскіе уполномоченные уступили имъ все, что только могли по наказу, уступили и Полоцкъ, и Динабургъ; но польскіе комиссары не хотѣли ни о чемъ слышать, кромѣ возвращенія всего завоеваннаго. Тогда царскіе уполномоченные показали твердость, объявили комиссарамъ, что если они не хотятъ соглашаться ни на какія уступки, то съѣзжаться больше незначѣтъ, ибо они стоятъ на царскихъ земляхъ, въ Смоленской волости. и своимъ станомъ мѣшаютъ движенію царскихъ войскъ (по договору, мѣсто сѣзда и окрестности на извѣстное время были свободны отъ военныхъ дѣйствій). Польскіе комиссары присмирѣли, отказались отъ требованія десяти милліоновъ за убытки: „Вольше уступать намъ нечего“, говорили они, „пусть опять начнется кронопролитіе, у насъ въ государствѣ разорять нечего, потому что оно уже все разорено, а вы смотрите, не доводите насъ до необходимости соединиться съ другими государями“. Видя невозможность продолжать переговоры, положили разѣхаться на три недѣли, съ 10 іюля по 1 августа, царскимъ уполномоченнымъ отправиться въ Смоленскъ, а польскимъ комиссарамъ—въ Толочино.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, великіе послы отправили въ Москву товарища своего, Аванасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, чтобъ тотъ подробно разсказалъ государю, какъ у нихъ дѣло дѣлалось. Стѣдствіемъ этой поѣздки была царская грамота Долгорукову: „Будучи ты на посольскихъ сѣздахъ, служба намъ, великому государю, радѣлъ отъ чистаго сердца, а намемъ дѣлѣ говорилъ и стоялъ упорно слыше всѣхъ товарищей своихъ. Эта твоя служба и радѣние вѣдомы намъ отъ присельщиковъ вашихъ, также и товарищъ твой, Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, про твою службу и радѣние намъ извѣщалъ. Мы за это тебя жалюемъ, милостиво похваляемъ; а теперь указали тебѣ быть полковымъ воеводою, и ты бы надъ Польскими и Литовскими людьми промыслъ и поискъ чинилъ бы, въ которыхъ мѣстахъ пристойно, потамошнему“. Черкасскій былъ отозванъ въ Москву, подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть дворовымъ воеводою во время преднамѣреваемаго царскаго похода въ Литву. Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Смоленскъ съ наказомъ—польскихъ комиссаровъ подкупать всячески, чтобъ они къ миру были склонны. 30 іюля онъ получилъ грамоту: „Ты бы намъ отписалъ съ нарочнымъ гономъ наскоро, чайтъ ли отъ комиссаровъ сходаства къ миру, и нашему походу изъ Москвы въ Вязьму быть пристойно ли? Да вѣдомо намъ, великому государю, что генераль-поручикъ Видлякъ Дромандъ нану государскую премоугую къ себѣ милость и жалованье поставилъ ни во что

и, наимы жалованьемъ обогатясь, намъ служить не хочеть, а хочеть ѣхать за море; и ты-бъ ему поговорилъ отъ себя тайно, чтобъ онъ свою мысль отложилъ и за-море не ѣздилъ". Въ отвѣтъ Ординъ-Напокинъ писалъ, что Долгорукій задерживаетъ войско подъ Шкловомъ, въ которомъ сильный гарнизонъ, и боится выйти изъ смоленскихъ мѣстъ въ литовскія; но что онъ, Напокинъ, держится прежняго своего мнѣнія: осаду городовъ надобно оставить; и прежде эти осады губили войско и давали время неприятелю собираться съ силами; онъ приходилъ и города свои отбиралъ назадъ. Теперь, не задерживая войска подъ Шкловомъ и Могилевомъ, стать къ хлѣбнымъ мѣстамъ Смоленскаго уѣзда и оттуда пустить войну къ Двинѣ, гдѣ у литовскихъ войскъ дома.

Съ 8 августа возобновились съѣзды; польскіе комиссары объявили, что вѣчный миръ возможенъ только при возвращеніи Польши всего завоеваннаго, и предложили перемиріе до мая мѣсяца слѣдующаго 1665 года съ уступкою царю Смоленска и Сѣверскихъ городовъ. Царскіе уполномоченные соглашались на это осьмимѣсячное перемиріе, но съ удержаніемъ всего завоеваннаго, уступали накопецъ Витебскъ съ уѣздомъ; за уступку на-вѣки Смоленска, Сѣверскихъ городовъ, Динабурга, Малороссіи на востокъ отъ Днѣпра и Запорожья предлагали три милліона, да самимъ комиссарамъ давали соборей на три тысячи рублей. Комиссары ни на что не согласились и разѣхались въ сентябрѣ, положивъ пачать новые съѣзды не ранѣе іюня 1665 года, послѣ сейма. Такъ окончилось посольское дѣло. Князь Долгорукій извѣщалъ, что гетманъ Пашъ стоитъ въ Могилевѣ въ крѣпости и въ пушечной отстрѣлкѣ, а въ полѣ бою не даетъ, не вышетъ и противъ околнничего князя Юрія Никитича Барятинскаго; тѣ же неприятельскіе люди, которые встрѣтились съ Барятинскимъ, побиты головою, и въ плѣнъ взято шляхты и нѣмцевъ 32 человекъ. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра Литовскихъ людей во многихъ мѣстахъ побивали; надъ Шкловомъ и Копосомъ промыслить нельзя, потому что сторожа въ нихъ оставлена сильная и начальныя люди вѣрныя. Государевымъ ратнымъ людямъ стоять теперь въ Дубровнѣ хорошо, гораздо сытнѣе, чѣмъ подъ Копосомъ и Шкловомъ, хлѣбъ находятъ по ямамъ и на поляхъ жнутъ и въ обозъ возятъ; но передъ прежними годами на поляхъ во многихъ мѣстахъ хлѣба не сѣяно, начало заростать лѣсомъ; около Могилева и Шклова все пожжено и разорено; отъ Днѣпра до Березы, а въ правую сторону близъ Двины, въ лѣвую по Толочню все разорено и сожжено, люди въ полонъ выдраны и повезены въ Русь. Ратнымъ людямъ дано сроку три дни для отпуска плѣнниковъ въ Русь, а которые безлюдныя люди, тѣмъ велѣно продавать, а у себя не держать, потому что въ полкахъ появлялось много женокъ и дѣвокъ, и надобно очистить души и тѣла ратныхъ людей отъ блуда.

Пришелъ 1664 годъ; приближался уже іюнь

1665, а о новыхъ посольскихъ съѣздахъ не было слуха. Въ май мѣсяцѣ московскій посланникъ, дьякъ Григорій Богдановъ, толковалъ въ Варшавѣ съ панами радными о посредничествѣ христіанскихъ государей. „У короны Польской“, говорили паны, „съ Московскимъ государемъ не первая теперь война, и въ прежнихъ войнахъ мирились безъ посредниковъ. Имперагорскіе послы, Алегретъ съ товарищамъ, были посредникамъ, однако при нихъ покою вѣчнаго не учинено; а еслибъ посредниковъ тогда не было, то конечно миръ былъ бы: эти посредники тогда только мѣшали, а не мирили. И теперь только бы вашъ великій государь захотѣлъ покою, то можно бы заключить вѣчный миръ и безъ посредниковъ.“ — „Сколько разъ съѣзжались великіе уполномоченные послы“, отвѣчалъ Богдановъ, „а ни вѣчнаго мира, ни перемирія за многими ссорамъ не заключили; для того теперь посредники и надобны, чтобъ спорныя дѣла разсудили. И опять полномоченные послы съѣдутся, и опять безъ посредниковъ ничего не съдѣлаютъ.“ — „Хорошо“, говорилъ референдаръ Брестовскій, „усокопнать обидныя дѣла посредниками, не начная войны, не дѣлая великаго разоренья, не взявши себѣ многихъ городовъ, а то побралъ многие города, да и говорятъ о посредникахъ. Знаемъ мы для чего вамъ нужны посредники: для проволоки, чтобъ года три-четыре проволочить и взятыя города укрѣпить за собою.“ — „Царское величество“, говорилъ бискупъ Плоцкій, „желаетъ въ посредники цесаря и короля Датскаго; но пусть царское величество знаетъ, что цесарь королю Польскому родня, а Датскому королю во время его упадка, когда на него Шведы наступали, польское войско большую помощь оказало, — потому Датскій король нашему королю другъ и неправды никакаго дѣлать не захочетъ. Если соглашаться на посредничество, то до пріѣзда посредниковъ надобно будетъ войну прекратить; и въ это время царь будетъ нашими городами владѣть и ихъ за собою крѣпить. Только принять въ посредники цесаря и короля Датскаго, — такъ захотятъ у того же дѣла быть и Французскій и Шведскій короли, курфюрстъ Бранденбургскій, и другіе всѣ христіанскіе государы, и всякій изъ нихъ станетъ вымышлять, какъ бы себѣ лучше.“ Богдановъ возражалъ, что ни одинъ государь безъ приглашенія не навяжется въ посредники. Паны продолжали свое, что посредники только препятствуютъ соглашенію. „Лучше всего“, говорили они: „съѣхаться уполномоченнымъ, и если они вѣчнаго мира заключить не смогутъ, то заключить перемиріе лѣтъ на 12 и вмѣстѣ договоръ о посредникахъ, которые должны быть при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ.“ Съ этимъ Богдановъ и былъ отпущенъ, а въ Москву въ сентябрѣ пріѣхалъ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ, и объявилъ полномочіе говорить о перемиріи, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о томъ, гдѣ и когда быть съѣздамъ уполномоченныхъ. Что же было причиною такой склонности къ миру и такой уступчивости со сто-

роны Польши? Мы видѣли, что оба государства были поставлены предшествовавшими событіями въ такія отношенія, что миръ между ними не былъ возможенъ. Москва, послѣ такихъ пожертвованій, не могла отказаться отъ Малороссіи и отъ всѣхъ завоеваній; Поляки же прямо говорили: для чего намъ уступать вамъ что-либо, когда обстоятельства перемѣнились, когда вы истощены, безъ союзниковъ, а мы свободны отъ всѣхъ другихъ враговъ и въ союзѣ съ ханомъ? Слѣдовательно миръ между Москвою и Польшею былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда новый какой нибудь ударъ постигалъ то или другое государство и заставлялъ его сдѣлать миромъ съ тяжелыми для себя жертвованіями. Такой ударъ именно постигъ Польшу; Поляки перестали хвастаться своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо внутри поднялась у нихъ смута, а извнѣ ханъ Крымскій, вмѣсто союзника, становился врагомъ, и готовилась страшная война Турецкая. Знаменитый Любомирскій, съ которымъ мы встрѣчались при печальныхъ для Москвы событіяхъ, преслѣдуемый противною стороною, въ члѣхъ которой стояли королева и канцлеръ Пражковскій, былъ позванъ въ 1664 году передъ сеймъ, и, за невлеченіемъ, приговоренъ къ потерѣ достоинства, имущества и жизни. Любомирскій удалился въ Силезію, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирскій, въ члѣхъ ея, вступилъ въ открытую борьбу съ правительствомъ.

Въ Москвѣ знали о возстаніи Любомирскаго, переимѣнили тогъ, объявили Комару, что для перемирія со стороны царскаго величества уступокъ никакихъ не будетъ, и прямо спрашивали какъ идти дѣла у короля съ Любомирскимъ. Комаръ отвѣчалъ: „Любомирскій загналъ королевское величество далеко; но было время, когда на короля наступали вдругъ разные непріятели, и тогда Богъ короля освободилъ; а съ подданнымъ своимъ королевскому величеству война не страшна; когда король пойдетъ на Любомирскаго самъ, то послѣнему стоять будетъ не съ кѣмъ, какъ мышами противъ kota.“ Комаръ уступилъ на перемиріе Смоленскъ съ городами Смоленскаго воеводства; думные люди отвѣчали, что эта рѣчь неслушная; переговоры о перемирії кончились и положили — быть комиссарскимъ сѣздамъ въ январѣ 1666 года.

Но только 12 февраля пріѣхалъ въ Смоленскъ великій и полномоченный посолъ, намѣстникъ Шапкинъ, Аонасій Лаврентьевичъ Ордннъ-Нащокинъ, пожалованный уже въ окольничіи; въ товарищахъ ему назначены были дворянинъ Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дякъ Григорій Богдановъ; съ ними отпущены были коверъ золотной — посылать на столъ во время переговоровъ съ польскими комиссарами, шатеръ суконный красный, карета, шандалъ серебряный, пять шандаловъ мѣдныхъ съ щипцами, даханъ съ рукомоинникомъ серебряные, десять стопъ бумаги, кувшинъ черниль, свѣчи восковыя витыя и свѣчи салныя. Еще до начала

сѣздовъ, 6 марта государь далъ знать Орднну-Нащокину, что въ Москву пріѣхалъ полковникъ отъ Любомирскаго съ двумя просьбами: 1) Чтобы сыну Любомирскаго служить царскому величеству и держать на Украинѣ два города, заступая Московскую Землю отъ Татаръ и Поляковъ; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтобы ему людно и сильно быть противъ короля. Государь требовалъ совѣта у Нащокина, что отвѣчать Любомирскому. Нащокинъ писалъ: „Сыну Любомирскаго пристойно быть въ Москву, — это поможетъ миру и явно будетъ всему свѣту, что сынъ великаго человѣка и славнаго сенатора короны Польской пріѣдетъ служить въ Московское государство; дружбѣ съ цесаремъ это не повредитъ, потому что Любомирскій въ милости у цесаря; на Москвѣ въ милости царской держать его незорно отъ людей и не ново, а Полякамъ будетъ странно. Если же послать казну самому Любомирскому, то отъ этого Великой Россіи большой прибыли не будетъ: злая ненависть не возрасла бы; свои ратные люди занумаятъ, что въ чужую землю казну посылають, а у себя и хлѣбомъ и деньгами скудно“. Любомирскій предлагалъ также царю заключить союзъ съ цесаремъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и Швеціею, и не допустить на польскій престолъ принца Конде. Но, кромѣ того, что это вѣроятность въ чужія дѣла вовсе было не ко времени Московскому государству, истощенному, жаждущему мира, мысль о союзѣ съ Шведами была лично ненавистна Нащокину, и онъ отвѣчалъ царю: „Такой промыселъ теперь не къ дѣлу, а когда было для него время, тогда не хотѣли этимъ заняться. Теперь надобно думать о томъ, какъ бы поскорѣе миръ заключить. Цесарь и курфюрстъ и теперь въ постоянной дружбѣ съ царскимъ величествомъ, а Шведъ отъ промыслу отбить не въ мѣру почтатимъ и страхами Посольскаго Приказа: чтобы Шведы не гнѣвались, и уступленны имъ пошлины во вредъ Божіимъ людямъ Новгородскаго и Псковскаго государствъ и во вредъ казнѣ, а теперь шведскій резидентъ въ Москвѣ требуетъ уплаты долговъ, что у Шведовъ на Русскихъ людяхъ; кто бы этому не подивился и не считъ за порабоженіе! И такъ, наведши владѣтельство шведское надъ Русскими людьми, какой ровной сосѣдственной дружбы ожидать, и кто дерзнетъ, будучи въ тѣхъ краяхъ воеводою, людей оберегать и сборъ казны множить?“

Сѣзды у Нащокина съ польскими комиссарами, Юріемъ Глѣбовичемъ, старостою Жмудскимъ, съ товарищами, начались только 30 апрѣля въ деревнѣ Андрусовѣ, надъ рѣкою Городною, между Смоленскимъ и Мстиславскимъ уѣздами. 26 мая Нащокинъ доносилъ государю, что комиссары намѣрены уступить Смоленскъ со всею Сѣверскою Землею, также Динабургъ, довольствуясь отдаленною Полоцкою и Витебскою, да денежнымъ вознагражденіемъ, обѣщаннымъ еще въ Дуровичахъ; но польскіе комиссары никакъ не хотѣли уступить Украинъ; два польскихъ комиссара, странно побравясь, едва

не уѣхали отъ литовскихъ, — все за Украину. „Коронные комиссары“, писалъ Нащокинъ, „затѣмъ и перемиріе заключать, чтобъ великими мѣрами впередъ стараться о возобновленіи войны, а тогда и Литва отъ нихъ не отстанетъ: такъ теперь надобно подлиннымъ союзнымъ миромъ ихъ захватить“. Нащокинъ оканчиваетъ свое письмо любезными указаніями о собственныхъ отношеніяхъ: „Узнать я, что сыншка мой Войка (возвратившійся въ отечество) изъ Пскова поѣхалъ въ Москву, и тебѣ, великому государю, бую челомъ, надѣясь на твою государскую по Богу безчисленную ко всѣмъ виноватымъ милость, особенно же ко мнѣ, беззащитному холопу твоему. Если бы вина его, Войкина, была отпущена и дошло бы до того, чтобъ его послать ко мнѣ, то твоему государеву дѣлу будетъ помѣшка. Тебѣ, великому государю, извѣстно: въ нынѣшнее воинское время многія неудержательныя рѣчи въ людяхъ происходятъ передъ прежнимъ безстрашно, а передъ всѣми людьми, за твое государево дѣло никто такъ не возненавидѣнъ, какъ я; которыхъ и службишка моя приказана, — и тѣ злыми разговорами возненавидѣны отъ думныхъ людей. Крѣпче иныхъ ближній околничій Оседоръ Михайловичъ Ртищевъ, — и тотъ въ моей службѣ отъ злыхъ разговоровъ много пострадалъ, и потому побоялся переносываться со мною по дѣламъ настоящаго посольства, что причинитъ большой вредъ въ твоёмъ и всего міра дѣлѣ, въ докладахъ. Воззри, государь, на Вожіе и на свое государское всенародное дѣло, чтобъ оно мною и сынникомъ моимъ отъ ненавистей людскихъ разрушено не было, а я вини сыннишки своего не укрываю, и въ обращеніи его какъ тебѣ, великому государю, Богу извѣститъ, — пожаловать или казнить“.

Самымъ яснымъ признакомъ возможности мира было то, что комиссары согласились на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій на всѣхъ пунктахъ; но въ то время, какъ явился уже такой благоприятный признакъ, вдругъ Нащокинъ получаетъ изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ грамоту — оставить всѣ замыслы и служить по обѣщанію. „Теперь ли мнѣ замыслы имѣть, когда гробъ у меня въ глазахъ!“ отвѣчалъ Нащокинъ государю, „я милосердія твоего, что слѣпого свѣта, ожидаю, жду, что ближніе твои бояре къ совершенію посольства будутъ и мои злыя дѣла покроются честнымъ дѣломъ“. 18-го іюня Нащокинъ увѣдомилъ, что вѣчный миръ невозможенъ, и потому приступлено къ переговорамъ о перемиріи. Въ отвѣтъ принца милостивая грамота, чтобъ Нащокинъ на милость государеву былъ надеженъ и заключилъ договоръ о перемиріи, отложивъ всякій страхъ, немедленно. Нащокинъ доноситъ (въ іюлѣ), что договору о перемиріи сильно помѣшали казаки, которые стоятъ подъ Гомлемъ, распустили войну и въ дальшія литовскія мѣста, вездѣ пѣвнать народъ. Польскіе комиссары на съѣздахъ говорили, что казаки нарочно нарушаютъ договоръ о прекращеніи военныхъ дѣйствій: имъ не хочется

мира, чтобъ быть всегда въ своевольствіи, а не подъ началомъ на своихъ панняхъ работать. Въ половинѣ іюля Нащокину стало легче спорить съ комиссарами на съѣздахъ; государь писалъ ему, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдать, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни; относительно условій перемирія царь позволилъ Нащокину уступить Витебскъ и Полоцкъ, но приказывать стоять уорно за Динабургъ и Малую Лифляндію, сулить за нихъ въ королевскую казну 10,000 рублей и больше, а тѣхъ комиссаровъ, которые будутъ особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20,000 рублей. Когда Нащокинъ предложилъ это комиссарамъ, то они отвѣчали, что уступкою Полоцка и Витебска ограничиться нельзя, не можетъ Польша уступить Москвѣ Украину, потому что тамошніе служивые люди останутся безъ домовъ. Государь велѣлъ предложить имъ изъ Задѣлуровской Украины городъ Каневъ съ уѣздомъ, потомъ уступить Кіевское воеводство, наконецъ даже и Кіевскій уѣздъ, оставивъ при Кіевѣ только по шести или по пяти верстѣ въ окружности, чтобъ въ этихъ верстахъ остались православные монастыри, но самый Кіевъ, Кременчугъ и Запорожье непременно удержать въ государевой сторонѣ. Если Нащокинъ узнаетъ подлинно, что комиссары готовы заключить и вѣчный миръ, если имъ уступленъ будетъ Кіевъ и раздѣлится все Дѣлуровъ, то для вѣчнаго мира Кіевъ уступить, но Запорожью и Кременчугу быть въ государевой сторонѣ. Потомъ государь велѣлъ требовать Кіева только на пять дѣтъ. Нащокинъ послалъ въ Москву свой душевный извѣтъ: „Вѣдая правду, улачать — противно Богу и невозможно по крестному дѣлованію великому государю: комиссарамъ силы въ посольствѣ прибавлю изъ Украйны, потому что въ прошломъ году въ Украину изъ Москвы переносчики посланы для сбора доходовъ со всякихъ жилищныхъ людей: но тамошніе люди и отъ Польскаго короля многою кровью отбивались, чтобъ жить въ своей волѣ, имъ лучше кровопролитіе и своевольство, чѣмъ покой; неудовольствіе въ Украйнѣ велѣдствіе сбора доходовъ возбудило въ Полякахъ надежду къ ея возвращенію и произвело потому затрудненіе въ мирныхъ переговорахъ. Въ Малой Литвѣ тоже неудовольствіе: послѣ отдачи Вольной Лифляндіи Шведамъ, на Двинѣ проѣзжихъ людей грабятъ и велически оскорбляютъ. Наконецъ, какъ нарочно, чтобъ раздражить литовское войско, изъ Смоленска выслали панскихъ людей; усилъ бы это сдѣлать и послѣ заключенія перемирія, а теперь отъ порубежной жесточи война можетъ возобновиться. Чобъ удовлетворить Литву, надобно уступить къ Полоцку и Витебску Динабургъ съ тамошними мѣстами, — тогда Литва и впередъ на сеймикахъ и на больномъ сеймѣ будетъ противиться войнѣ съ нами, потому что Литвѣ нечего будетъ больше желать. Отъ поль-

скихъ же границъ необходимо удержатъ Украину отъ Чернигова по Днѣпръ и во время перемирья укрѣпить Черниговъ и всѣ Сѣверскіе города. Кіевъ на пять лѣтъ и Динабургъ на все перемирье при томъ, что дѣлается теперь на порубежьи, отстоятъ невозможно; да если и перемирье будетъ, а не прекратятъ насилие порубежными крестьянамъ, то Смоленскіе уѣзды и впередъ пусты будутъ, крестьяне выбѣгутъ на льготы за рубежь. Для успѣха въ посольскомъ дѣлѣ надобно усилить порубежные мѣста, въ началѣ зпы въ Смоленскъ и въ другіе порубежные города занасы и рати вестнн, также ссылаться съ курфиретомъ Бранденбургскимъ, съ Богуславомъ Развнцломъ и съ Любомирскимъ. Государь, отъ 10 ноября, ствѣчалъ Нащокину, чтобъ заключить перемирье по прежнему наказу, вытребовавши Кіевъ на пять лѣтъ, а Динабургъ на все перемирное время. Но польскіе комиссары (10 декабря) съ клятвою объявили, что, по сеймовому указу, имъ велѣно уступить Смоленское воеводство со всею Сѣверскою Землею, а взять безъ откладыванія Кіевъ съ тѣми мѣстами, которыя чрезъ Днѣпръ на Переяславской сторонѣ теперь за ними, да Запорожье, чтобъ Запорожскіе казаки сорюю не наводили на нихъ войны съ Турками и Крымцами, а на Днѣпръ—Динабургъ съ другими волостями, которыя прежде были за ними. Нащокинъ предлагалъ развѣхаться до новаго срока, подтвердивъ только прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій; но комиссары никакъ на это не соглашались: „Или перемирье на 12 лѣтъ на нашихъ условіяхъ, или война“,—говорили они, и грозилъ, что ханъ съ ордами идегъ къ нимъ на помощь, что подтверждалъ и воевода Шереметевъ изъ Кіева. Нащокинъ уговорилъ комиссаровъ не развѣхаться до 25 декабря и, давши знать объ этомъ государю, совѣтовать пріяты условія, пбо другихъ не будетъ. „А въ Московскомъ государствѣ“, писалъ онъ, „и въ мысли того не было, что Смоленскомъ владѣть, не только Черниговомъ и всею Сѣверскою Землею, что теперь отлаютъ. У полоцкихъ и витебскихъ служивыхъ людей слышится сильный ропотъ, что живутъ безъ перемирья, и если война продлится, то едва ли удержатся. Какая нужда въ Кіевѣ,—тебѣ, великому государю, извѣстно изъ грамотъ боярина Петра Васильевича Шереметева, а въ Польшѣ и Литвѣ хорошо знаютъ, что порубежные города не крѣпки и большое войско на оборону ихъ скоро не придетъ; слава пущена во всѣ государства, что денежной казны у насъ въ сборѣ нѣтъ, сибирская рухлядь и всякія паствы въ жалованье служивымъ людямъ розданы, прежнихъ доходовъ убыло, и на денежныхъ дворахъ въ Москвѣ и по городамъ денегъ не дѣлаютъ. Если миръ отложится, то и чтобъ Турка и ханъ въ Украинѣ не успѣли, ее и околыя мѣста не разорили; когда выведутъ людей, то и мириться будетъ не зачѣмъ; и началась война за то, чтобъ Турка и хана не допустить владѣть Украиною: въ посольствахъ и по всему свѣту объ

этомъ разславлено: а кромѣ зира съ Польшею возмущенія въ тамошнихъ людяхъ укротить нечѣмъ“. Государь, 17 декабря, послалъ статьи, примѣриваясь къ которымъ договариваться: перемирье на 12 лѣтъ или больше, уступить за Кіевъ Динабургъ съ Южною Ливоноію; если же не согласятся, то по послѣдней мѣрѣ уступить и Кіевъ съ заднѣпровскими городами Кіевской стороны, а восточной сторонѣ Днѣпра быть за царемъ, Запорожье подѣлать—здѣшней сторонѣ быть за Московною, а другую уступить Польшѣ. Статьи объявлять не вдумъ, а продержатъ комиссаровъ и войну задержать до послѣдняго зимняго пуги. „А тебѣ, Анастасію Лаврентьевичу“, писалъ государь, „къ терпѣнію еще терпѣніе приложить, потому что гупна пшеницы и мѣры масла еще не исполнены, пбо миръ въ лукавствѣ лежитъ; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, и какъ гупна пшеницы и мѣры масла исполнятся, тогда мы, великій государь, укажемъ къ тебѣ отнестъ“. По скоро это рѣшеніе переѣнилось въ дѣствие извѣстія, что ханъ побить въ Украинѣ. 22 декабря написалъ быть новый наказъ Нащокину: „За Кіевъ и за здѣшнюю сторону Запорожья давать деньги, что пристоитъ, чтобъ Кіеву и здѣшней сторонѣ Запорожья никакъ въ уступкѣ не быть; если же комиссары не согласятся, то съѣзды отеронить и войну задержать“. Нащокинъ донесъ, что послѣ 30 съѣздовъ комиссары уступили наконецъ всю восточную сторону Днѣпра, но Кіева все еще не уступаютъ и, вопреки договору, польскія войска двинулись въ Смоленскій уѣздъ для сбора стаціи. 6 января 1667 года государь отвѣчалъ: „Мы отравили околыячаго, князя Великаго-Гагина, въ Вязьму съ двумя полками рейтаръ и съ четырьмя приказами стрѣльцовъ и съ 33 пушками: изъ Вязьмы изъ велѣно идти въ Смоленскъ не для крови, но для того, чтобъ литовскія войска отступили. Если польскія войска изъ Смоленскаго уѣзда выйдутъ и комиссары будутъ къ вамъ сходительныѣ прежняго, то тебѣ, отъ Бога избранному и вѣрному доброхоту нашему, уступать Динабургъ съ Запорожьемъ, кромѣ берега здѣшней стороны противъ Запорожья, потому что по вашему договору комиссары уступаютъ всѣ черкасскіе города здѣшней стороны, а за Кіевъ стоять; если же никакими способами Кіева удержать будетъ нельзя, комиссары снисходительны не будутъ, рати изъ Смоленскаго уѣзда не выведутъ, а захолятъ крови, то Кіевъ уступить, но прежде настояте о выводѣ и задержаніи войскъ, чтобъ отдавать было волею, а не по нуждѣ. Смотрѣть накрѣпко, не своему ли службою хотятъ комиссары удержать Кіевъ, не нарочно ли вамъ говорятъ, что указъ имъ присланъ съ сейма; а намъ подлинно извѣстно, что сеймъ разорвался безъ всякаго дѣла. Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ попрѣжнему Кіевскимъ писаться“.

„Свыше человѣческой мысли,“ по выраженію Нащокина, комиссары согласились уступить Кіевъ на два года. виновникомъ этой уступчивости былъ

Дорошенко. Еще 20 февраля 1666 года подъ городомъ Лысепкою Дорошенко предложилъ старшинѣ (безъ черни) — всѣхъ Ляховъ выслать изъ Украины въ Польшу, самимъ со всѣми задѣйствованными городами приклониться къ хану Крымскому, и по весѣ идти съ Ордою на восточную сторону. Если Ляхи не пойдутъ добровольно, то бить ихъ, потому что Поляки берутъ стацію многую и наложи чинять великіе, а отъ московскихъ ратныхъ людей и отъ восточныхъ казаковъ не защищаютъ: стацій и хлѣба на западной сторонѣ давать нечего: уже три года хлѣба не сѣяли. Поднялся крикъ отъ старшины Серденева полка на Дорошенка: „Ты татарскій гетманъ, Татарамъ поставленъ, а не войскомъ выбранъ; мы всѣ поѣдемъ къ королю“. — „Хоть сейчасъ поѣжайте къ королю“, отвѣчалъ Дорошенко, „вы мнѣ не угрожаете, я васъ не боюсь; вы меня называете не гетманомъ: для чего же стацію у меня просите? Королевскаго войска и васъ намъ не прокорнить, только себя погубить.“ При этихъ словахъ Дорошенко положилъ булаву въ знакъ, что отказывается отъ гетманства, и пошелъ въ городъ. Но полковники и старшина догнали его, привели въ раду и непрежнеу провозгласили гетманомъ¹⁾. Дорошенко далъ знать въ Крымъ и Константинополь, что Украина въ волѣ султана и хана, и вотъ пришелъ приказъ изъ Константинополя новому Крымскому хану Адиль-Гирею (сѣднвишему Магметъ-Гирею весною 1666 года), чтобъ шелъ воевать короля Польскаго. Въ сентябрѣ толпы Татаръ нагрянули на Украину подъ начальствомъ нурадина Девлетъ-Гирея. Царевичъ остановился подъ Крыловымъ и отсюда разослалъ загоны за Днѣпръ подъ Переяславль, Изжинъ и другіе черкасскіе города и вывелъ плѣнныхъ тысячъ съ пять. Схвативши эту добычу съ восточнаго царскаго берега, нурадинъ отошелъ подъ Умань, два мѣсяца кормилъ здѣсь лютадей, соединился съ казаками и двинулся на короля. Подъ Межибожемъ встрѣтилъ онъ полковниковъ польскихъ, Маховскаго и Красовскаго, съ 2,000 гусаръ, рейтаръ, шляхты и драгунъ: все это полегло на мѣстѣ или было взято въ плѣнъ; Маховскаго въ оковахъ привезли въ Крымъ. Послѣ побѣды Татары и казаки разсыпались за добычею подъ Львовымъ, Люблиномъ, Каменцомъ, набрали въ плѣнъ шляхты, жецъ и дѣтей, подданныхъ ихъ и Жидовъ до 100,000, а поразказамъ польскихъ плѣнниковъ — 40,000. Татары брали плѣнныхъ, но казаки этимъ не довольствовались: они вырѣзали груди у женщинъ, били до смерти младенцевъ. Послѣ этого Дорошенку уже не было возврата къ королю. Чтобъ не боятся мести отъ Поляковъ, онъ хотѣлъ сдвинуть ихъ съ двухъ сторонъ: въ Крымъ явились отъ него посланники — Браславскій полковникъ Мпхайла Зеленскій и Данила, сынъ Грицка Лесницкаго, хлопотать, чтобъ Адиль-Гирей помирился съ государемъ Мо-

сковскимъ, не допускалъ его до мира съ Польскимъ королемъ, чтобъ воевать Польшу вмѣстѣ съ Москвою. Плѣнный бояринъ Шереметевъ получилъ такое письмо отъ Зеленскаго: „Ради бы были противъ давняго желательсва и пріятства вашу милость навѣстити и поклонъ шжайшей отлати, но намъ запрещено, для чего именнею вашу милость поѣшасемъ; потомъ желедемъ, чтобъ, противъ стародавности, на Руси могли вашу милость видѣть, дастъ Богъ, вкорѣ: когда ужъ съ Ляхами вновь не пріязни пребываемъ, тогда Господь въ соединеніе христіанъ сведетъ“²⁾. Но если Дорошенко хлопоталъ о томъ, чтобъ не допустить царя до мира съ Польшею, то Поляки должны были хлопотать о противномъ, и, благодаря этому, Киевъ остался за Москвою.

Нацокнигъ объявилъ комиссарамъ государево жалованье, по десяти тысячъ золотыхъ польскихъ; референдарю Врестовскому объявлено, что сверхъ товарищей своихъ получить еще 10,000 золотыхъ, а если пріѣдетъ съ подтвержденіемъ договора въ Москву, то будетъ большая ему государева милость. „Королевскому величеству“, писалъ Нацокнигъ комиссарамъ, „мы не можемъ назначить, но когда будутъ у него дарскіе послы съ мирнымъ подтвержденіемъ, то привезутъ достойные дары, также и капплеру Пацу прислано будетъ необходимо.“ 6 января пріѣхалъ отъ комиссаровъ Геронимъ Комаръ и былъ челомъ, чтобъ сверхъ обѣщанныхъ денегъ въ тайную дачу пожаловалъ имъ государя лвно соболями, чтобъ имъ можно было хвалиться передъ людьми; самъ Комаръ былъ челомъ, чтобъ вмѣсто обѣщанныхъ ему ефимковъ дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрытъ, такъ что и домашніе не узнаютъ. Комаръ объявилъ, что какъ скоро комиссары получатъ государево жалованье, сейчасъ же станутъ писать договорныя статьи. Деньги были высланы изъ Москвы немедленно, и 13 января, на 31-мъ съѣздѣ, написаны договорныя статьи: заключалось перемиріе на 13 лѣтъ, до іюня мѣсяца 1680 года; въ это время уполномоченные съ обѣихъ сторонъ должны трижды съѣзжаться для постановленія вѣчнаго мира, причемъ третья коммисія должна быть уже съ посредниками. Въ королевскую сторону отходить города: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣзниця, Мариенбургъ и вся Ливонія, также Украина на западной сторонѣ Днѣпра, по изъ Кіева выводъ московскихъ ратныхъ людей отлагается до 5 апрѣля 1669 года; въ эти два года окрестности Кіева на мило разстояніи остаются во владѣніи царскомъ. Запорожскіе казаки остаются въ оборонѣ и подъ послушаніемъ обоихъ государей; должны быть одинаково готовы на службу противъ непріятелей королевскихъ и царскихъ; но оба государя должны запретить имъ, какъ и вообще всѣмъ Черкасамъ, выходить на Чер-

¹⁾ Арх. мин. ин. д.; Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малорос. Приказа, № 5872.

²⁾ Архивъ мин. ин. д.; дѣла Крымскія 1666 и 1667 годовъ.

ное море и нарушать миръ съ Турками. Въ сторону царскаго величества отходятъ: воеводство Смоленское со всѣми уѣздами и городами, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и вся Украина съ Иутивальской стороны по Дибирь, причеиъ католики, здѣсь остающіеся, будутъ безпренятственно отправлять свое богослуженіе въ домахъ; шляхта, мѣщане, Татары и Жиды имѣютъ право продать здѣсь свои имѣнія и уйти въ королевскую сторону. Казакамъ восточной стороны не мститъ за то, что отступали въ сторону королевскую, людей отсюда въ Московское государство не выводить и новыхъ крѣпостей не строить. Пѣвники, духовные, шляхта, военные люди, казаки, Жиды, Татары, мѣщане, ремесленники, купцы отпущаются съ обѣихъ сторонъ безусловно; объ отпущѣ же пашенныхъ людей будетъ постановлено на будущей коммисіи. Оба государя предложить Крымскому хану приступить къ перемирію; если онъ отвергнетъ предложеніе и пойдетъ войною на Московское государство, то король никакой помощи давать ему не будетъ; если же онъ станетъ опустошать Украину по обѣимъ сторонамъ Дибира или подговаривать казаковъ къ себѣ, то оба государя общими силами дадутъ отпоръ бусурманамъ, препятствуютъ, чтобъ Украина не отошла къ послѣднимъ, и казакамъ такого самовольства не позволять. Оба государя будутъ употреблять короткіе титулы: король будетъ писаться—Польскимъ, Шведскимъ, Литовскимъ, Русскимъ, Вѣлорусскимъ и инымъ; даръ—великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ и прочимъ: на царской печати не будетъ титуловъ Литовскаго, Киевскаго, Волынскаго и Подольскаго. Всѣ захваченныя бузуги, наряды, взятый въ городахъ и замкахъ, королевскихъ и шляхетскихъ, церковныя вещи, часть Животворящаго Древа, взятая въ Люблинѣ, мощи Св. Каллистрата въ Смоленскѣ возвращаются, сколько имъ найдется. Торговымъ людямъ путь чистый въ обѣихъ государствахъ сухимъ путемъ и рѣками, а именно—Касплею и Двиною изъ Смоленска къ Ригѣ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ: путь чистый всякимъ и другимъ чиновъ людямъ, черезъ Московское государство духовнымъ особамъ, отправляющимся въ Персію и Китай для распространенія тамъ христіанской вѣры.

Для подтвержденія перемирія въ Москву пріѣхали королевскіе послы—Станиславъ Венгійскій и Киприанъ Врестовскій; 21 октября, въ отвѣтъ съ Ординымъ-Нащокинскимъ, они сказали: „У королевскаго величества и Рѣчи Посполитой теперь болѣзнь большая: на королевство Польское всягя великій непріятель всѣми своими бусурманскими силами, такъ надобно обомъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Есть еще у короля и Рѣчи Посполитой другая болѣзнь, внутренняя, которую прежде всего надобно исцѣлить, чтобъ болѣзнь Турецкой войны мира не разорвала: надобно удовлетворять шляхту, выгнанную изъ уступленной Украины и Сѣверщины, потому что отъ нея безпрестанная доука и вопль.

Чтобъ царское величество изволилъ объ этихъ статьяхъ договоръ учинить теперь съ нами; тогда непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обомъ монархамъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властію бусурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго насилія“ — „Чѣмъ же успокоитъ выгнанную шляхту?“ спросилъ Нащокинъ. — „На это есть два способа“, отвѣчали послы: „Пусть царское величество или пожалуетъ ихъ деньгами, или позволитъ имъ жить въ прежнихъ имѣніяхъ“. — „Если позвонитъ имъ жить въ прежнихъ мѣстностяхъ“, спросилъ опять Нащокинъ, „то чѣмъ подданными они будутъ называться и какаѣ услуги будутъ отъ нихъ царскому величеству?“ Послы отвѣчали: „Они останутся подданными королевскими, а царскому величеству съ имѣній своихъ будутъ давать подати.“ — „Отъ этого будетъ ссора“, сказалъ Нащокинъ, „лучше объявите, сколько этихъ изгнанниковъ и сколько нужно дать денегъ чтобъ ихъ удовлетворить?“ — „Это совершенная правда“, отвѣчали послы, „если они останутся въ прежнихъ мѣстностяхъ, то безъ ссоры не обойдется, лучше дать имъ денегъ; но сколько именно нужно для этого казны, — сказать намъ нельзя, потому что у лучшихъ людей, у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскаго и другихъ сенаторовъ и шляхты имѣнія были большія, съ которыхъ каждому сходило по 100, по 200 и по 300 тысячь дохода; мы полагаемся на милостивое разсужденіе царскаго величества“. Нащокинъ обѣщалъ донести объ этомъ государю, и потомъ спросилъ: „Не наказано-ль что-нибудь вамъ о вѣчномъ мирѣ?“ — „О вѣчномъ мирѣ говорить теперь нельзя“, отвѣчали послы, „какъ узналъ султанъ Турецкій и про перемиріе, то сейчасъ же началъ на насъ войну готовить, и Крымскому хану велѣлъ войска отправлять; теперь Татары съ Дороненкомъ и съ отступниками Черкасами разоряютъ Польшу, побрали въ плѣнъ больше 100,000 человекъ, и часть-отъ-часу военный огонь распространяется, а какъ рѣки станутъ, то ждемъ отъ Турокъ и Татаръ конечнаго разоренія. Король и Рѣчи Посполитая прислали насъ для подтвержденія перемирнаго договора и для заключенія союза противъ бусурманъ, пока рѣки не станутъ, также поскорѣе рѣшить дѣло о выгнанной шляхтѣ, а если ея не удовлетворять, то надобно опасаться отъ нея всякаго дурна, потому что голодный отъ нужды и то дѣлаетъ, чего ему не довелось; бѣда, если шляхта затѣветъ смуту, а непріятель вторгнется.“ *Нащокинъ:* „Данные разговоры ведете вы объ удовлетвореніи выгнанной шляхты и о помощи на Турокъ, а о вѣчномъ мирѣ говорить не хотите по царскому величеству изъ чего удовлетворить шляхту казно? да и помогаетъ намъ противъ непріятели не надежно, потому что миръ у насъ съ вами временный, а не вѣчный.“ *Послы:* „Если царское величество намъ не поможетъ и Турки Польшу одолѣютъ, то и Московскому государству будетъ отъ нихъ тѣ-

спота; въ награжденіи же шляхты мы полагаемъ на царское милостивое разсужденіе, а не рѣшительныя этихъ двухъ дѣлъ, въ другія вступать нельзя“.

На слѣдующемъ съѣздѣ, 26 октября, Пашокинъ сказалъ, что большіе денегъ для удовлетворенія шляхты царь дать не можетъ, потому что и такъ казны расходъ большой: много идетъ денегъ Калмыкамъ, чтобы они тѣснили Крымскій юртъ и не пускали хана на Польшу; кромѣ того, у государя войска много, на содержаніе котораго идетъ казна большая. „Объявите подлинно“, спросилъ бояринъ, „чѣмъ шляхту удовлетворять, да безъ большіхъ записокъ“.

Послы отвѣчали прежде, что полагаются на милостивое разсужденіе царскаго величества: „Милосердіе великаго государя въ государствѣ нашемъ славится“, говорили они; „извѣстно, что всѣхъ бѣдныхъ оны милостію своею призраетъ и жалуетъ, а выгнанная шляхта, братья наши, бѣдны и безпомощны, и кромѣ государевой милости некакъ имъ негдѣ. Царскому величеству надобно ихъ пожаловать вмѣсто милостыни; мы знаемъ, что у государя и на богатырѣхъ расходится не меньше того, чѣмъ бѣдную шляхту пожаловать, а Вишневецкимъ и другой знатной шляхтѣ позволить бы государь жить въ черкасскихъ городахъ и Иутивльскій стороны: они люди честные и богатые, могутъ при себѣ держать войска немалыя, которые будутъ обоимъ государствамъ на оборону.“

„Итъ ужъ лучше удовлетворять шляхту казною“, отвѣчалъ на это Пашокинъ: „казани люди самовольные, не только не дадутъ имъ владѣть маестостями, но и самихъ полюбятъ. и оттого, Боже сохрани, чтобы еще большіе бунты не начались, и станутъ казаки прибѣгать къ Турецкому султану и Крымскому хану.“

„Правда“, говорили послы: „казаки изневоляничались, подь прежними своими панями жить не захотятъ; а надобно, чтобы теперь великіе государя, по братской дружбѣ и любви, общими силами ихъ смирить попрежнему. какъ было до войны.“

Послѣ долгихъ разговоровъ, Пашокинъ объявилъ наконецъ, что государь жалуетъ шляхтѣ 500,000 золотыхъ польскыхъ, разложивъ на сроки. Послы отвѣчали, что этимъ бѣднымъ изгнанникамъ удовлетворяться нечѣмъ; позволить бы великій государь пожаловать ихъ нескучно, чтобы они, бѣдные, за его царское величество были вѣчно богомольны. „Казна у его царскаго величества большая“, говорили они: „съ одной Украйны по нашимъ вѣдомостямъ и росписямъ можно со всѣхъ шляхетскихъ маестностей собрать въ годъ милліоновъ съ двадцать, а по меньшей мѣрѣ съ десять. Но государевой милости, одному полковнику Константину Греку данъ городъ Лохвица, что было прежде имѣніе Вишневецкаго, а оны ставить съ него по сто человекъ казаковъ; гетману Брюховецкому и многимъ полковникамъ даны большіе города, съ которыхъ можно бы собрать много казны: а наши Польскій и Литовскій народъ славный и вольный, и если будетъ ему отъ царскаго величества удовлетвореніе, то будетъ на свѣгѣ славно во всѣхъ

государствахъ“. Послѣ этого предисловія, послы наконецъ высказали свое требованіе, чтобы государь, на каждый перемирный годъ, давалъ шляхтѣ по 3.000.000. Имъ отвѣчали, что это дѣло нестаточное, запросъ такой неслухный, что царскому величеству и довести о немъ невозможно. Послы спустили до двухъ милліоновъ. Пашокинъ пошелъ доложить объ этомъ государю и, возвратясь, объявилъ посламъ, что государь изволилъ прибавить еще 500,000 золотыхъ польскыхъ. Послы были челомя и приняли это въ великую милость.

Статья о шляхтѣ была порѣшена; оставалась другая—о союзѣ противъ Турокъ и Крыма. 28 октября послы снова были въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Пашокинымъ и говорили: „Чтобы великій государь изволилъ для опасенія отъ неприятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ держать на Украйнѣ войска свои безпрестанно, и число войскъ надобно назначить, а королевскія войска на Украйнѣ будутъ готовы указное же число, и какъ придетъ вѣсть, что Крымцы выступаютъ, то громить бы ихъ общими силами; а теперь изволилъ бы царское величество послать свое войско на Украйну поскорѣе, и чтобы это войско, соединившись съ войскомъ королевскимъ, шло на отступниковъ, которые уже подались султану Турецкому и вѣстѣ съ Орлою воюютъ королевскія украинныя мѣста, и смирятъ ихъ общими силами, привести въ прежнее подданство, чтобы они были въ послушаніи обоимъ великимъ государемъ, а не подь бусурманскимъ игомъ; и напередъ бы послать къ Черкасамъ грамоты, призывая ихъ къ возвращенію въ подданство и обнадеживая великимъ милосердіемъ, да и то имъ объявить: если они такого милосердія не поимутъ и изъ-подъ ига бусурманскаго не возвратятся, то на нихъ посланы будутъ войска съ обѣихъ сторонъ“.

Пашокинъ отвѣчалъ: „Отъ бусурманскаго прихода царскаго величества войска готовы, Вѣлгорскій полкъ стоитъ всегда; а числа войскамъ назначать не годится, чтобы неприятель не узналъ и больше войска не приготовилъ: говорить надобно просто, что войска много; Калмыки также наготовѣ“.

Послы: „Государь бы изволилъ поскѣ учинить пышную зиму, потому что Орда и казаки наше государство воюютъ, и постановить бы о томъ договоръ подлинный съ нами“.

„Царскаго величества войскамъ гдѣ на Украйнѣ стоять и съ коронными войсками гдѣ сходиться?“ спросилъ Пашокинъ. „Это укажетъ погребности“, отвѣчали послы. „Если“, продолжалъ Пашокинъ, „на Украйнѣ война продолжится, а царскимъ войскамъ становища спокойнаго не будетъ, то они потерпятъ нужду большую. Теперь царскимъ войскамъ становище надежное—Кіевъ, пока оны въ царской сторонѣ, а какъ по договору Андрусовскому отойдетъ въ королевскую сторону, то царскимъ войскамъ надежнаго становища такого другого не будетъ, и про это какъ вы разсуждаете? Отъ королевскаго величества о Кіевѣ что вамъ наказано?“

Послы поняли къ чему клонится рѣчь боярина, и отвѣчали: „Безъ становища

царскія войска не будутъ, а о Кіевѣ говорить намъ и разсуждать печего: какъ объ немъ въ андрюсовскихъ договорахъ постановлено, такъ и быть, и отгнѣять андрюсовскихъ договоровъ ни въ чемъ нельзя, все равно что каменной стѣны; каменная стѣна до тѣхъ поръ и крѣпка, пока дѣла, а выньте изъ нея хотя одинъ кирпичъ, и станеть рушиться⁴. Наконецъ договорились, что царское величество отправитъ на помощь королю противъ Тагаръ и непокорныхъ казаковъ 5,000 конницы и 20,000 пѣхоты, которыя должны соединиться съ королевскими войсками между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а для отвѣщенія силъ непріятельскихъ Калмыки и Донскіе казаки будутъ воевать Крымъ. Въ вознагражденіе пагнанной изъ Украйны пшляты, государь дастъ милліонъ золотыхъ польскихихъ, а московскимъ счетомъ 200,000 рублей, изъ которыхъ пошамъ при отпускѣ отечитано будетъ 150,000 рублей, а остальные 50,000 отправлены будутъ изъ Смоленска въ февралѣ 1668 года. Такъ какъ, по случаю союза между обоими государствами противъ бусурманъ и отступниковъ казаковъ, будутъ частыя пересылки, а также и для усиленія торговли, — учреждена будетъ ежедневная почта, начавъ отъ королевскаго мѣстопробыванія чрезъ все его государство до мѣстечка Кадина, на рубежѣ воеводства Метиславскаго. Почта эта будетъ возить грамоты, какъ государскія, такъ и торговыя, и сдавать ихъ въ порубежномъ Смоленскаго воеводства мѣстечкѣ Мигновичахъ русскому началынику почты, который пересылаетъ ихъ какъ можно скорѣе черезъ Смоленскъ въ Москву, и наоборотъ — грамоты, присланныя изъ Москвы, отсылать въ Кадина; торговые люди за пересылку своихъ писемъ будутъ платитъ по обычаю, ведущемуся во всѣхъ государствахъ. Намѣстникъ предложилъ также пошамъ, чтобъ въ іюнѣ 1667 года быть съѣздъ въ Курляндіи уполномоченныхъ русскихъ, польскихъ и шведскимъ для постановленія торговаго договора между тремя государствами: „чтобъ торговые люди по всѣмъ государствамъ общимъ выбиратьемъ пошлины избожены не были, понеже всѣ народы пожитками торговыми казну полнить извыкли“. Послы обязались донести объ этомъ королю и сейму.

4 декабря, на отпускѣ подлѣ государя послы видѣли недавно объявленнаго наслѣдника, царевича Алексѣя Алексѣевича, послѣ чего бояринъ Ординъ-Напокинъ, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, говорилъ имъ: „Видѣли вы предъ лицомъ великаго монарха безцѣнное сокровище, дражайшую свѣтлость, которая незадолго до вашего принестія ясности луча московскіе народы просвѣтла, видѣли вы благороднаго государя нашего царевича. Эту пренысокую милость можете возвѣстити королевскому величеству и къ желательной любви его подвигнуть. Если, по смерти королевской, государство ваше будетъ просить себѣ въ королѣ котораго-нибудь изъ царевичей, то великій государь Божіей воли противенъ не будетъ“. По-

слы отвѣчали: „Когда будемъ у себя, то королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой милосердіе великаго монарха и сына его объявимъ, и такъ выхватить и прославлять общаемя, сколько въ насъ духу достанетъ. Приплати мы свынне пружнаго обычая Московскаго государства, жалованьемъ и кормами обдарены больне прежнихъ пословъ; посольство выслушано и въ отгнѣтахъ было съ великою честію, на славу передъ посторонними народами. Мы уже писали въ Польское государство на прославленіе этой милости; надѣемся, что изъ разныхъ государствъ объ этомъ скоро отзовутся и служба наша вѣрна будетъ; объявленіе же о царевичахъ хотя и съ радостію принимаемъ, но повелѣній королевскаго и Рѣчи Посполитой на этотъ счетъ не изгнемъ, и потому безотвѣтны остаемся“. Тутъ возвысь гласъ ближій бояринъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій: „Въ прошлые годы въ Вильнѣ“, сказалъ онъ, „писали мы статьи объ избраніи царскаго величества или сына его въ королѣ: и теперь этому быть можно же“. — „То посольство не совершалось по праведной волѣ Божіей“, отвѣчали послы, „а теперь и лучше и крѣпче тогдашняго: даль Господь Богъ между обоими государствами и государствами святой покой, и въ этомъ покоѣ всякое доброе дѣло въ свое время легко совершиться можетъ“. Этимъ договоръ кончился; государь пожаловалъ пословъ къ руцѣ и велѣлъ отпустить¹⁾.

Такъ окончилась въ Восточной Европѣ опустошительная тринадцатилѣтняя война, по важности причинъ и слѣдствій своихъ соответствующая тринадцатилѣтней войнѣ и вообще религиознымъ борьбамъ, потраченнымъ среднюю и западную Европу въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Война началась, какъ мы видѣли, далеко не вслѣдствіе одной известной вражды между двумя народами, ждавшей перваго удобнаго случая для своего обнаруженія, далеко не потому одному, что Москва не могла успокоиться на Поляновскомъ мирѣ, не могла сжиться съ мыслью о потеряхъ, ею понесенныхъ по этому миру. Не за Смоленскъ и Сѣверскую Землю загорѣлась борьба. Москвѣ такъ же не хотѣлось начинать ея, какъ и Польнѣ. Она началась вслѣдствіе малороссійскихъ событій, вслѣдствіе религиозной борьбы, разгорѣвшейся въ западныхъ русскихъ областяхъ и давшей такую силу казацкимъ интересамъ, казацкимъ движеніямъ. Государь, царствовавшій на Москвѣ въ это время, по господствовавшему направленію своего духа, могъ именно принять къ сердцу тотъ интересъ, во имя котораго происходило историческое движеніе: „Собакъ недостойно бѣтъ и одного куска хлѣба православнаго; если же оба куска хлѣба достанутся собакъ вѣчно бѣтъ — охъ, кто можетъ въ этомъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе приметъ отдавшій Святыи и живой хлѣбъ собакамъ? Будетъ ему воздаяніемъ пресподній адъ, прелютый огонь и немилосерды муки“. Вотъ какъ

¹⁾ Арх. мп. ип. д.; дѣла Польскія 1666 и 1647 годовъ.

выражался основной взглядъ царя Алексѣя! Мы не примемъ на себя страннаго труда взвѣшивать и опредѣлять, во сколько къ религіозному взгляду присоединились политическіе расчеты и другія побужденія; но легко видѣть, какъ всѣ эти расчеты и побужденія обхватываются и связываются основнымъ побужденіемъ, какъ въ главныхъ дѣятеляхъ, такъ и въ массѣ народной: исходъ борьбы на Украинѣ въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ, точно такъ, какъ исходъ Смугнаго времени въ Московскомъ государствѣ, объясняется тѣмъ громаднымъ различіемъ, которое въ народномъ сознаніи существовало между понятіями: православный — Русскій, Дяхъ — латынецъ, Татаринъ — бусурманъ, и тотъ же будетъ разсуждать о народныхъ интересахъ, кто обойдетъ интересъ религіозный.

Такимъ образомъ, описанная тринадцатилѣтняя война была необходимымъ слѣдствіемъ религіозной борьбы, начавшейся въ Польско-Литовскихъ областяхъ въ XVI вѣкѣ. Мы уже указывали на связь этой борьбы съ обще-европейскимъ религіознымъ движеніемъ, знаменующимъ такъ называемую Новую Исторію: распространеніе протестантизма въ Литвѣ и Польшѣ вызывало католическое противодѣйствіе, явились иезуиты, которые, усилив протестантизмъ, обратились противъ Русско й вѣры и тѣмъ вызвали къ жизни русскія народныя силы, подняли народный вопросъ, выяснили для Русскаго человека различіе его народности отъ сопоставленной народности Польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, ибо притѣсненіе вызывало отпоръ; возможность матеріальной борьбы, матеріальнаго отпора Западная Русь нашла въ казачествѣ, котораго борьба съ государствомъ Польскимъ, съ шляхтою за свои казачіе интересы какъ-разъ пришла ко времени народной русской борьбы. Во время этой матеріальной борьбы противоположности размыслились до такой степени, что примиренія быть не могло, а между тѣмъ матеріальныя силы казачества оказались недостаточными для борьбы и союзъ татарскій неприемлемымъ пользамъ: тутъ естественно являлась необходимость соединенія Малой Россіи съ Великою для окончанія совокупными силами той борьбы, которая уже давно велась порознь, и относительно Москвы, окончилась Польскою войною.

Сдѣлавъ былъ неожиданный ударъ, нанесенный Польшѣ Москвою въ 1654 году; понятно, что усилахъ Москвы способствовало нападеніе Шведовъ на Польшу съ другой стороны. Но это нападеніе, повидимому грозившее Польшѣ окончательною гибелью, удержало ее на краю пропасти: во-первыхъ, произведя столкновение между Швеціею и Москвою, оно остановило напоръ послѣдней на Польшу; во-вторыхъ, опять чрезъ поднятіе религіозной борьбы, возбудило народныя силы, произвело народную войну, которая окончилась изгнаніемъ Шведовъ. Обстоятельства перемѣнились: несмотря на страшное опустошеніе, истощеніе страны, Польша нашла въ выгоднѣйшихъ противъ

Москвы условіяхъ для продолженія войны: у нея были два союзника: первый — смута малороссійская, второй — ханъ Крымскій. И война длилась, и не видать было возможности окончить ее; Москва слишкомъ много приобрѣла вначалѣ и, потому, ей было тяжело отказаться отъ всего приобретеннаго на верхнемъ Дибурѣ и Днѣпѣ, невозможно отказаться отъ всей Малороссіи „отдать оба куска православнаго хлѣба собакамъ“; на это она могла рѣшиться только при послѣдней крайности, а этой крайности, несмотря на страшное истощеніе силъ, еще не было, ибо Польша, вслѣдствіе своего истощенія, не могла нанести рѣшительныхъ ударовъ и пользоваться побѣдами своими. Но, съ другой стороны, положеніе ея вовсе не было такъ отчаянно, чтобъ она могла согласиться на московскія требованія: возвратитъ не только все приобретенное Сигизмундомъ и Владиславомъ, но уступить половину Украйны, отнять земли у своей шляхты въ пользу бунглиныхъ казаковъ. Такимъ образомъ, несмотря на продолжительные сѣзды уполномоченныхъ, миръ былъ невозможенъ. Надоно было, чтобъ одному изъ воюющихъ государствъ нанесенъ былъ откуда бы то ни было новый сильный ударъ, который бы заставилъ его согласиться на требованіе другого; этотъ ударъ нанесенъ былъ Польшѣ усобицею, поднятою Любомирскимъ, и грозою турецкою, накликаною Дорошенкомъ. Перемиріе состоялось.

Это перемиріе, съ перваго взгляда, могло называться очень ненадежнымъ. Кіевъ былъ уступленъ Москвѣ только на два года, а между тѣмъ легко было видѣть, что Москвѣ онъ очень дорогъ, что Москва употребитъ всѣ усилія оставить его за собою. Но, къ удивленію, война не возобновилась до второй половины XVII вѣка, и Андрусовское перемиріе перешло въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій. Напрасно Поляки утѣшали себя мыслью, что на ихъ отчизну во второй половинѣ XVII вѣка послано такое же испытаніе, какое было послано на Москву въ началѣ вѣка, и что Польша выйдетъ изъ него такъ же счастливо, какъ Москва. Для Польши съ 1654 года начинается продолжительная, почти полуготовѣковая агонія, условленная внутреннимъ ослабленіемъ, распадениемъ; въ 1667 году великая борьба между Россіею и Польшею оканчивается. Съ этихъ поръ вліяніе Россіи на Польшу усиливается погненино, безъ всякой борьбы, вслѣдствіе только постепеннаго усиленія Россіи и равномѣраго внутренняго ослабленія Польши. Андрусовское перемиріе было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ до конца и и е м ѣ л ь, но старинною выраженіемъ. Россія окончила съ Польшею, успокоилась на ея счетъ, перестала ея бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ — о преобразованіяхъ, о приобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Такимъ образомъ, Андрусов-

ское перемиріе служить также одною изъ граней мѣжду древней и новою Россією.

Послѣ Андрусовскаго перемирія Москва успокоилась съ стороны Польши, но не могла успокоиться со стороны Малороссіи. Въ этой сторонѣ, на востокъ отъ Днѣпра, произошла переворотъ: земельная собственность перемѣнила своихъ владельцев: польскіе паны исчезли; по это не успокоило страны, ибо на ихъ мѣста явились другіе, — войсковая, казачья старшина, которая стремилась къ господству, стремилась немедленно же выдѣлиться изъ войсковой массы или въ видѣ шляхты польской, подъ руководствомъ сенатора Выговскаго, или въ видѣ дворянства московскаго — подъ руководствомъ боярина Брюховицкаго; по это стремленіе старшины встрѣчало сильное противоборство въ демократическомъ стремленіи казачества, представителемъ котораго было Запорожье. Толкуя о правахъ и вольностяхъ бѣдной отчины Украйны, старшина стремилась къ господству, имѣя въ виду только собственные выгоды; казачество требовало равенства, съ ненавистію смотря на людей, которые, вышедши изъ его рядовъ, навлинулись въ дворянскомъ или шляхетскомъ званіи. „Мы знаемъ только гетмана и не хотимъ знать боярина“, кричало Запорожье. Города, ненавидя казаковъ и старшину ихъ, одинаково для нихъ тяжелыхъ, съ радостію увидяли бы уничтоженіе гетманскаго, казачкаго регимента, лишь бы только оставались за ними ихъ права; высшее духовенство, такъ же толкуя о правахъ и вольностяхъ, ставило себя въ ложное положеніе, изъ-за этихъ правъ и вольностей отвергая православленную Москву и приклоняясь къ латинской Польшѣ, — положеніе, котораго большинство народное не могло долго ему позволить. Такъ раздиралась Малороссія внутренно, и этимъ, разумѣется, облегчала работу государства Московскаго, которое незамѣтно приговляло приравненіе. Но прежде чѣмъ это приравненіе послѣдовало, отношенія московскаго правительства къ Малороссіи были странныя, какъ и слѣдовало ожидать отъ господствовавшей въ Малороссіи безурядицы. Украйна дала Московскому правительству полное право не уважать того, что она называла своими правами и вольностями, ибо, во первыхъ, каждый въ Малороссіи понималъ эти права и вольности по-своему; во-вторыхъ, съ самаго начала стали нарушаться права, уступленныя государству, права, которыя оно необходимо должно было имѣть. Еще въ то время, когда сильная рука Богдана Хмельницкаго держала Малороссію, было нарушено самимъ Хмельницкимъ существенное право великаго государя, право, безъ котораго соединеніе Малой Россіи съ Великою было немислимо, право, чтобы Малороссія имѣла одинаковую политику съ Москвою. По этого мало: условіемъ присоединенія было, чтобы доходы малороссійскіе собирались на жалованье войску, казакамъ; но вотъ въ Москвѣ узнаютъ, что доходы собираются вовсе не на жалованье казакамъ, которые, не получая

этого жалованья, охладѣли къ службѣ; изъ Малороссіи, для которой начата была тяжелая война, доведная Московское государство до крайняго истощенія, изъ Малороссіи безпрестанно приходятъ требованія, чтобы войска царскаго величества шли на помощь противъ Ляховъ, измѣнниковъ Западной стороны и Татаръ. Московское государство, которое начало войну, въ надеждѣ дѣйствовать противъ Польши, дружно съ двухъ сторонъ, изъ двухъ Россій, должно теперь растягивать свои силы для защиты громадной пограничной линіи, тогда какъ этихъ силъ не доставало и для защиты приобрѣтеннаго въ Вѣлороссіи и Литвѣ. У преемника Богданова, у гетмана славнаго войска Запорожскаго, было ничтожное число казаковъ, съ которыми онъ не могъ ничего предпринять. Разумѣется, при такомъ печальномъ положеніи дѣлъ, прежде всего необходимо было опредѣлить доходы малороссійскіе, ввести сколько-нибудь правильный сборъ, опредѣлить число казаковъ, которыхъ надобно было содержать этими доходами. На все это государство имѣло полное право по статьямъ Богдана Хмельницкаго; но при первой попыткѣ поднимается страшный ропотъ и волненіе; привлекли жить безо всякаго надзора, иривыкли брать, что кому было угодно, и внимательство правительства, вытребованное необходимостію, страннымъ безнарядьемъ, явилось нестерпимымъ посягательствомъ на права и вольности! Чьи права и вольности? На этотъ вопросъ не могли отвѣчать въ Малороссіи. Вслѣдствіе невозможности отвѣчать на этотъ вопросъ, обнаружилось явленіе, что сами Малороссійяне начали диктовать Московскому правительству какъ дѣйствовать въ пользу приравненія быта малороссійскаго къ быту остальныхъ областей государства. Но этими внушеніями не ограничились въ Малороссіи; и старшина свѣтская, и старшина духовная твердили Московскому правительству, что измѣна господствуетъ въ Малороссіи; что казаки шатаются, положиться на нихъ ни въ чемъ нельзя, — при первомъ появленіи непріятеля, Ляховъ, передадутся къ нимъ. Съ чѣмъ обыкновенно пріѣзжало посольство малороссійское въ Москву, чѣмъ наполнены были грамоты и и н ф о р м а ц і и, имъ привозимыя? — Обвиненіями въ измѣнѣ; вспомнимъ печальную исторію междугетманства въпомнимъ, какъ гетманъ и епископъ, блюститель Мѣвскій митрополитъ, вели борьбу другъ съ другомъ доносами въ Москву, и кто послѣ этого могъ пожаловаться, что слово „Черкашеникъ“ стало въ Москвѣ синонимомъ измѣнника? Московскій воевода, московскій ратный человекъ входилъ въ Малороссію, какъ въ страну, княпящую измѣною, гдѣ онъ не могъ положитьсь ни на кого, гдѣ въ каждомъ жителѣ онъ видѣлъ человека, замышляющаго противъ него недоброе, выжидающаго только удобнаго случая, чтобы вынуть ножъ изъ-за пазухи. Какихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожидать между двумя братственными народонаселеніями? Какое уваженіе могъ чувствовать Москва къ шатающимъ

ся, мятущимся Черкасамъ? Чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то время солдатскаго своеволия и хищничества? Онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами Малороссійцы, что онъ среди враговъ, среди измѣнниковъ; это, разумѣется, вполне могло разнуздывать Москаля, онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же падить измѣнниковъ? Но мы видѣли, что иное было поведеніе относительно казаковъ, иное относительно горожанъ, болѣе вѣрныхъ.

Общество малороссійское вышло слишкомъ рано на сцену, когда исторія рѣшала самые важные для него вопросы. Отсутствие внутренней сплоченности, разбродъ составныхъ началъ, жизнь особѣ и вражда между живущими особѣ условливали слабость страны, не позволяли ей не только независимаго, но и своеобразнаго политическаго существованія. Отсюда эта шатость, колебанія, которые мы видѣли въ продолженіи нашего разсказа и которыя давали полный просторъ всякой силѣ пробиваться сквозь несплоченные ряды. Почти вся вторая половина XVII вѣка представляетъ Смутное время для Малороссіи, подобно Смутному времени Московскаго государства въ началѣ вѣка: та же шатость, та же темнота, отсутствие ясно определенныхъ цѣлей и отношеній, дающихъ твердость человѣку и обществу; то же перелетство. Но въ Московскомъ государствѣ печальная эпоха была непродолжительна; кромѣ того, Московскіе люди шатались между своими искателями власти, выставившими одинаково народное знамя, и какъ скоро явились чужіе искатели, то это появленіе собрало

шатающийся народъ, поставило его на твердыя ноги и повело къ прекращенію смуты. Но несчастная Малороссія шаталась очень долго, шаталась и между Поляками и между Турками. Уже не говоря о томъ, какой матеріальный ущербъ понесла она отъ этого, какъ Запорожье было вконецъ опустошено и сильно досталось и восточной сторонѣ, не говоря уже о матеріальномъ вредѣ, мы не можемъ не указать на вредное нравственное вліяніе, которое должно было испытать народонаселеніе страны отъ этой долгой шатости, долгой смуты; не можемъ не указать, какъ вредно должны были дѣйствовать эти явленія на характеръ народа, расшатывая общество все болѣе и болѣе, ослабляя общественный смыслъ у народа, отучая его отъ общественныхъ пріемовъ, отучая его ходить твердо, смотрѣть прямо въ лицо окружающимъ явленіямъ, укореняя вредную привычку не вѣрить никому и вмѣстѣ вѣрить всему и носиться въ разныя стороны по первому слуху. Общественное развитіе было задержано; общество продолжало обнаруживать черты дѣтства. Последующія событія XVII и даже XVIII вѣка должны подтвердить правду сказаннаго.

Андрусовское перемиріе не могло прекратить смуты въ Малороссіи. Но прежде нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ здѣсь, обратимся къ Московскому государствѣ, въ которомъ происходили любопытныя и печальныя событія въ продолженіи тринадцатилѣтней войны: московскій мятежъ вслѣдствіе тяжкаго состоянія народа, расколъ, паденіе Никона; взглянемъ и на борьбу Московскаго государства съ казачествомъ юго-восточной Украйны.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны. — Выпускъ мѣдныхъ денегъ. — Ихъ упадокъ въ цѣнѣ. — Воровскія деньги. — Московскій бунтъ 1662 года. — Отмена мѣдныхъ денегъ. — Ссора царя съ патриархомъ; причины ея. — Враги Никона. — Расколъ; его причины. — Исправленіе книгъ при патриархѣ Іосифѣ. — Единогласное дѣііе и проповѣдь; возстаніе противъ этихъ нововведеній. — Исправленіе книгъ при Никонѣ. — Сопротивленіе ирещинскихъ исправителей. — Мысль объ антихристѣ. — Монохъ Канитонгъ. — Сопротивленіе солевецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ. — Чедобитый царю на Никона. — Окончательный разрывъ его съ царемъ. — Удаленіе въ Воскресенскій монастырь. — Ускокшеніе Никона. — Раздраженіе возобновляется. — Невозможность выбрать новаго патриарха вълѣдствіе требованій Никона. — Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ. — Соборъ 1660 года. — Протестъ Славенickaго. — Дѣло объ отравѣ. — Бабарыкинское дѣло. — Письмо Никона къ царю по этому случаю. — Пансій Лигаридъ. — Его стараніе позирить Никона съ царемъ. — Вопросы Стрѣшчева и отвѣты на нихъ Лигариду. — Возраженіе Никона на эти вопросы и отвѣты. — Доносъ Бабарыкина на Никона. — Позѣдка князя Одоевского и Лигариды съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю. — Отравленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патриархамъ относительно поведенія Никона. — Волненія между константинопольскими Греками. — Патриархи даютъ отвѣты, осуждая дѣііе Никона. — Пріѣздъ Аонасія Иконійскаго въ Москву. — Затруднительное положеніе царя. — Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патриарховъ на соборъ въ Москву. — Грамота патриарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона. — Слѣдственное дѣло. — Письмо Никона къ царю съ цѣлію отвратить соборъ. — Внезапный пріѣздъ Никона въ Москву и Зосимское дѣло. — Грамоты Никона къ восточнымъ патриархамъ переизданы. — Пріѣздъ патриарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго. — Судъ. — Осужденіе. — Ссылка Никона въ Ферапонтовъ монастырь. — Жизнь его тамъ и сношенія его съ царемъ.

Два первые года тринадцатилѣтней войны были самымъ счастливымъ, самымъ блистательнымъ временемъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича, хотя и они омрачены были моровымъ повѣтріемъ.

Влестящіе успѣхи воинскіе, собственные доходы подняли духъ воспріимчиваго царя, что такъ ясно высказывается въ приведенномъ выше письмѣ его къ Матвѣеву о сношеніяхъ съ Швеціею.

Неудачный походъ подъ Ригу былъ началомъ несчастій; смуты малороссійскія затянули войну, принявшую дурной оборотъ: Конотопъ, Чудново, порабѣненія Хованскаго тяжело отлавались въ Москвѣ, и хотя не имѣли такихъ гибельныхъ слѣдствій, какихъ можно было ожидать съ перваго взгляда, однако война продолжалась и не видно было ея конца — страшное бѣдствие для государства бѣднаго, мало населеннаго, которое едва успѣло оправиться послѣ Смутнаго времени. въ которомъ недавно еще происходили волненія вслѣдствіе тяжкаго состоянія промышленнаго класса, которое недавно опустошено моровою язвою. Тяжкія подати пали на народъ; торговые люди истощились платежемъ пятой деньги. Уже въ 1656 году казны не достало рабнымъ людямъ на жалованье, и государь, по совѣту, какъ говорятъ, Федора Михайловича Ртищева, велѣлъ выпустить мѣдные деньги, которыя имѣли нарицательную цѣну серебряныхъ; въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти дѣйствительно ходили какъ серебряныя; но съ сентября 1658 года начали понижаться въ цѣнѣ, именно на рубль надобно было надавать шесть денегъ; съ марта 1659 доллары были уже надавать по 10 денегъ; надава возростаа въ такой степени, что въ 1663 году за одинъ рубль серебряный надобно было давать уже 12 мѣдныхъ. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещающіе поднимать цѣны на необходимые предметы потребленія, не дѣйствовали; мы видѣли, въ какомъ положеніи находились въ Малороссіи московскіе ратные люди, получавшіе жалованье мѣдными деньгами, которыхъ никто у нихъ не бралъ. Являлось множество воровскихъ (фальшивыхъ) мѣдныхъ денегъ; начали хватать и пытать людей, которые попадались съ воровскими деньгами — одинъ отвѣтъ: „Мы сами воровскихъ денегъ не дѣлаемъ, беремъ у другихъ незнаючи“. Стали присматривать за денежными мастерами, серебряниками, котельниками, оловянниками, и увидали, что люди эти, жившіе прежде небогато, при мѣдныхъ деньгахъ поставили себѣ дворы каменные и деревянные, платье себѣ и женамъ подѣлали по боярскому обычаю, въ рядахъ всякіе товары, сосуды серебряные и съѣстные запасы начали покупать дорогою цѣною, не жальца денегъ. Причина такого быстрого обогащенія объяснилась, когда у нихъ стали вынимать воровскія деньги и чеканы. Преступниковъ казнили смертію, отсѣкали у нихъ руки и прибавали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ; дома, имѣнія брали въ казну. Но жестокости не помогли при неодолимои прелести быстрого обогащенія; воровы продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе что богатые изъ нихъ откупались отъ бѣды, давая большія взятки тестю царскому, Ильѣ Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которыхъ была родная тетка царя по матерн; въ городахъ воровы откупались, давая взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ. Для разсмотрѣнія, пріема и расхода мѣди и денегъ на денежныхъ дворахъ приставлены были

вѣрные головы и цѣловальники, изъ гостей и торговыхъ людей, люди честные и достаточные. Но и они не одолѣли искушенія: покупали мѣдъ въ Москвѣ и Шведіи, привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вѣсегъ, приказывали изъ нея дѣлать деньги и отвозили ихъ къ себѣ домой. Доносы на нихъ не замедлили отъ стрѣльцовъ и денежныхъ мастеровъ; обвиненные съ пытки показали, что давали посулы Милославскому, Матюшкину, дякамъ и подьячимъ. У дяковъ и подьячихъ, у головъ и цѣловальниковъ отсѣкали руки и ноги, ссылали преступниковъ въ дальніе города; на Милославскаго царь долго сердился, Матюшкина отставилъ отъ Приказа. Но эгимъ не были довольны и затѣяли повторить расправу 1648 года ¹⁾.

Весною 1662 года, послѣ Свѣтлага Воскресенья, начали ходить по Москвѣ слухи, что чернь собирается и быть отъ нея погрому дворянъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, гостя Василія Шорниа и другихъ богатыхъ людей за перемѣну въ денежномъ дѣлѣ, за то, что Шоринъ да еще какой-то Кадашевецъ деньги дѣлають. Въ двадцатыхъ числахъ іюля начали говорить, что пришла изъ Польши листы про околынича Ртищева. Царь жилъ въ то время въ Коломенскомъ. 25 іюля, рано утромъ, на Срѣтенскѣ собралась мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ. Но совѣщанія ихъ скоро прекратились. „На Лубянкѣ у столба письмо приклеено!“ начали кричать имъ люди, проходившіе Срѣтенкою отъ Никольскихъ воротъ. Вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо. На столбѣ вѣскомъ приклеена была бумажка и на ней написано: „Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да околыничій Федоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ“. Между тѣмъ Срѣтенской сотни сотскій Навель Григорьевъ уже далъ знать о письмѣ въ Земскій Приказъ, откуда пріѣхали на Лубянку-дворянинъ Семень Ларионовъ и дякъ Леонасій Вашмаковъ, и сорвали письмо. Толпа замутила: „Вы везете письмо къ измѣнникамъ, государя на Москвѣ итѣ, а письмо надобно всему міру“. Громче всѣхъ кричалъ, бросаясь на всѣ стороны, стрѣлецъ Кузьма Ногаевъ: „Православные христіане! постоите всѣмъ міромъ; — дворянинъ и дякъ отвезутъ письмо Ильѣ Даниловичу Милославскому, и тамъ это дѣло такъ и изойдетъ“. Міръ двинулся вслѣдъ за Ларионовымъ и Вашмаковымъ, нагнали ихъ, схватили Ларионова за лошадь и за ноги, и кричали сотскому Григорьеву: „Возьми у него письмо, а не возьмешь, то прибьемъ тебя каменьями“. Григорьевъ вырвалъ письмо у Ларионова; толпа окружила сотскаго и двинулась назадъ на Лубянку къ церкви преподобнаго Оеодосія; Ногаевъ велѣлъ Григорьеву за воротъ. Когда пришли всѣ къ церкви, Ногаевъ всталъ на лавку и читалъ письмо всѣмъ вслухъ и прибавилъ, что

¹⁾ Mayerberg, Jер., р. 179; Акты арх. эксп. IV, 193; Батюшкннъ, стр. 79 и слѣд.

надобно за это всёми стоять. Съ Лубянки пошли къ земскому двору, поставили и тутъ скамью, взвели на нее Григорьева и велѣли ему читать письмо, но онъ отказался; тогда опять началъ читать Ногаевъ. а на другую сторону читалъ какой-то подъячій. Григорьевъ воспользовался этимъ временемъ и отошелъ въ сторону, велѣвъ взять письмо у подъячаго десятскому своей сотни Лучкѣ Жидкому; но міръ не хотѣлъ разстаться съ письмомъ, и, окруживъ Жидкаго, повелъ его въ Коломенское, къ государю.

Царь былъ у обѣдни, праздуя рожденіе дочери: взглянувъ въ окно, онъ увидалъ, что толпы народа идутъ въ село и на дворъ, безоружныя, но съ крикомъ и шумомъ, повторяя имена Милославскихъ и Ртищева. Государь догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться въ комнатахъ царицы и царевенъ, а самъ остался въ церкви дослушивать обѣдню. Царяца, царевичи и царевны сидѣли, запершись, въ хорахъ ни живы, ни мертвы отъ страха. Гилевщики не дали царю дослушать обѣдни: они подошли къ двору; впереди шелъ Лучка Жидкій и несъ въ шапкѣ письмо, найденное на Лубянкѣ. Государь вышелъ на крыльцо: Нижегородецъ Маргынъ Жердинскій взялъ у Жидкаго шапку съ письмомъ и поднесъ царю, говоря: „Изволь, великій государь, вычестъ письмо передъ міромъ, а измѣшниковъ привестъ передъ себя“. — „Ступайте домой“, отвѣчалъ царь, „а я, какъ только отойдетъ обѣдня, пойду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ“. Но гилевщики держали его за платье, за угловы и говорили: „Чему вѣрить?“ Царь обѣщавъ Богомъ, далъ на своемъ словѣ руку, и когда одинъ изъ гилевщиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, то всё спокойно отправился въ Москву; государь не велѣлъ ихъ трогать, хотя и было у него войско; онъ пошелъ назадъ въ церковь дослушивать обѣдню, а въ Москву передъ собою послалъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго. Здѣсь другая толпа гилевщиковъ занималась грабежемъ Шорнинова дома. Старикъ Шорнинъ успѣлъ скрыться въ Кремль, въ домъ князю Черкасскому; но мятежники захватили молодого пятнадцатилѣтняго сына его, который долженъ былъ служить свидѣтелемъ противъ отца, долженъ былъ рассказывать, что отецъ его бѣжалъ въ Польшу съ боярскими грамотами. Въ это время прѣбываетъ Хованскій и начинаетъ уговаривать, чтобъ прекратили смуту и не грабили ни чьихъ домовъ, что нынче же прѣдетъ самъ царь для сыску; но ему въ отвѣтъ закричали: „Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и служби твоей къ царю противъ Польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣшниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ.“ Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, и велѣлъ за нимъ туда же двинуться толпа, взявъ съ собою на телегѣхъ молодого Шорнина. За городомъ встрѣтились они съ кѣрыми гилевщиками, иными же уже изъ Коломенскаго, и уговорили ихъ возвра-

титься назадъ; солдаты также пристали къ нимъ; встрѣтили боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева и погнались за нимъ съ налками: тотъ едва ушелъ отъ нихъ за рѣку. Царь садился уже на лошадь, чтобъ ѣхать въ Москву, когда гилевщики подвели къ нему молодого Шорнина, и тотъ началъ выкрикивать заученную сказку, что отецъ его отправился въ Польшу съ боярскими грамотами. Когда мальчикъ кончилъ, въ толпѣ раздались крики: „Выдай измѣшниковъ!“ — „Я—государь“, отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ, „мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поручаю.“ Но крики не прекратились: „Не дай намъ погибнуть напрасно!“ кричали одинъ; „буде добромъ бѣтъ бояръ не отгадашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю!“ кричали другіе, махая налками. Тутъ Алексѣй Михайловичъ обратился къ стоявшимъ около него стрѣльцамъ и придворнымъ, и велѣлъ двинуться на гилевщиковъ, которые, пришедши вовсе не затѣмъ, чтобъ сражаться, побѣжали врознь; ихъ начали хватать, нѣкоторые защищались, но напрасно; человекъ сто утонуло въ рѣкѣ, больше 7,000 было перебито и переловлено, тогда какъ настоящихъ гилевщиковъ было не больше 200 человекъ, остальные пришли изъ лоботыства посмотреть, что будетъ дѣлаться. Перехватанныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшну и тамъ разспрашивали. Главнаго заводчика, кто написалъ письмо и приклеилъ, не нашли, и наказывали тѣхъ, кто болѣе другихъ участвовалъ въ глѣбѣ, волю или неволю: вѣшали, рѣзали ноги, руки и ссылали въ дальніе города ¹⁾.

Москва утихла; но жалобы на мѣдные деньги продолжались: воеводы доносили, что должники приносятъ къ нимъ въ съзскую избу мѣдныя деньги для платежа заимодавцамъ, а тѣ не берутъ безъ царскаго указа, просятъ серебряныхъ. Наконецъ въ 1663 году вышелъ указъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы оставить, а старый денежный серебрянаго дѣла дворъ въ Москвѣ завести, и серебряныя деньги на немъ дѣлать съ 15 іюня; а жалованье всякимъ чиновъ служивымъ людямъ давать серебряными деньгами, въ казну таможенную пошлину и всякіе денежныя доходы брать серебряными деньгами, также и въ рядахъ торговать всяки товарами на серебряныя деньги, а мѣдныя отсавать. Мѣдныя деньги во всѣхъ Приказахъ, что ни есть на лицо, по 15 іюня переносить и заносить, и держать до указа, а въ расходъ не давать; частнымъ людямъ велѣно мѣдныя деньги снывать. Но послѣднее не было исполнено: указъ 20 января 1664 года говоритъ: „Въ Москвѣ и разныхъ городахъ объявляются мѣдныя деньги поруганы (натурги ругутью). а нѣдныя посеребрены и полужены. Государь подтвер-

¹⁾ Архивъ мин. юстиц. — столбца Приказнаго стола, № 1477; Катонинамиг.

ждаеть приказаніе не держать мѣдныхъ денегъ подѣ страхомъ жестокаго наказанія, разоренія и ссылки въ дальніе города¹⁾. Новгородскій воевода, князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ, получилъ въ 1663 году отъ государя похвалу за то, что разсмотрѣніемъ своимъ къ бѣднымъ людей всякимъ хлѣбнымъ и съѣстнымъ запасамъ положилъ уставную цѣну и запретилъ перекупщикамъ покупать прежде мірскихъ людей, отчего запасы начали быть дешевы. Говорятъ, что за порчу денегъ переказано было больше 7,000 человекъ, да больше 15,000 наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкой, отобраніемъ имѣнія въ казну. Царица отъ испуга во время коломенскаго гнѣя лежала болѣе года²⁾. Такъ печально кончилась первая попытка помочь разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ, ибо что же такое были эти мѣдные деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ? Мы видѣли, что Полтавскій полковникъ Пушкаръ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Когда Выговскій, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: „Что это за деньги? какъ ихъ брать?“—то Пушкаръ отвѣчалъ: „Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государеву жалованье принимать“. При благоприятныхъ для государства обстоятельствахъ кредитъ былъ силенъ и мѣдные деньги держались два года; начали падать съ сентября 1658 года, т. е. съ измѣны Выговскаго, которая затянула войну. Тяжелый ударъ мѣдными деньгамъ былъ нанесенъ, когда въ Малороссіи стали смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ Выговскій, а не какъ смотрѣлъ Пушкаръ,—перестали брать ихъ у московскихъ ратныхъ людей; а другою окончательный ударъ нанесли воровскія деньги.

Извѣстѣ тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца было не видно, внутри бѣдствія физическія, истомленія народа, его вопль и волненія—и къ этому еще обаятельная, небывалая вражда царя съ патриархомъ:—вражда Алексѣя Михайловича съ Никономъ, собиравшаго его пріятелемъ! Мы видѣли, что въ началѣ войны эта собиравшая дружба была во всей силѣ: самые видные, заслуженные, близкіе къ царю бояре, съ благоговѣніемъ преклонялись предъ могущественнымъ патриархомъ, просили его заступленія въ случаѣ неудачи своихъ дѣйствій. Патриархъ принималъ живое участіе въ предпріятіи, по характеру своему сильно увлекся успѣхомъ и поощрялъ царя къ дальнѣйшимъ замысламъ. Во время моровой язвы Никонъ находился при семействѣ царскомъ и привезъ его въ Вязьму, гдѣ находился Алексѣй Михайловичъ. Никонъ пивался великимъ государемъ. Такимъ образомъ, опять явилось въ Московскомъ государствѣ два великихъ государя.

Титулъ этотъ носилъ патриархъ Филаретъ, но не какъ патриархъ, а какъ отецъ царскій и совратитель; всё очень хорошо пошло, что это не былъ пустой титулъ у Филарета; а теперь Никонъ получаетъ этотъ титулъ уже какъ патриархъ, слѣдовательно власть патриаршескаго приравнивается къ царской. Тонъ грамотъ Никона прямо указывалъ на двоєвластіе; напримѣръ: „Отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патриарха Московскаго и всея Руссіи, на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому. Указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быти, для его государевы службы подѣ Смоленской, подводѣ съ тѣльгами, съ проводниками, и прислать къ государю подѣ Смоленскъ. А одноплично тебѣ государева нашего указу въ олонецку не поставити, собравъ подводы съ тѣльгами и съ проводниками, прислать къ нимъ, къ Москвѣ тотчасъ“²⁾. Когда великій государь царь былъ въ походѣ, великій государь патриархъ управлялъ государствомъ изъ Москвы. Походы, дѣятельность воинская и полная самостоятельность въ члѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. Великій государь возвращается въ Москву и застаеть тамъ другою великаго государя, который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполне относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье раздувало его совершенно,—и неприятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу. Званіе патриарха, которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною нравственною сдержкою, заставляя быть постоянно образцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона, ни что жаловаяскую сдержку; ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго столжователя блжественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все дозволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, остановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю (а такихъ, разумеется, было очень много), легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя взыателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами. Наконецъ обратимъ вниманіе на время, на общество, общество крайне юное, представлявшее

¹⁾ Архивъ мн. ин. д.; приказныя дѣла 1663 года, № 7, 122, 123, 238; 1664 года, № 15; Катошихинъ.

²⁾ Акты арх. эксл. IV; № 71.

такъ мало нравственныхъ сдержекъ для всякаго сильнаго, гдѣ всякій сильный такъ легко увлекался своимъ положеніемъ и считалъ себя все позволеннымъ въ отношеніи къ менѣе сильнымъ, гдѣ природа самая мягкая, самая человѣчная, кака, напримѣръ, была у царя Алексѣя Михайловича, не могла удерживать отъ поступковъ, казущихся теперь намъ очень непривлекательными; что же позволяли себѣ люди съ природою болѣе жестокою, когда праву сильнаго смирять подчиненныхъ не поставлялось границъ, когда это смиреніе обыкновенно было непосредственно, и сила его заискала отъ силы возненія, происходившаго въ душѣ разгнѣваннаго смирителя? Эта же юность общества, недостатокъ образованія развитіемъ ума, сдерживающаго порывы чувствъ, охлаждающаго человѣка, дающаго ему ровность въ дѣйствіяхъ, — эта же юность общества и недостатокъ образованія производили шаткость, отсутствие послѣдовательности, крутые переходы, сильное паденіе: все это мы увидимъ въ Никоновѣ.

Мы видѣли, что Никоновъ, благодаря своему характеру, давно уже успѣлъ нажить себѣ враговъ между вельможами, и царь Алексѣй долженъ былъ умолять еще Новгородскаго митрополита сдерживать свое властелинство. Но возведеніе на патриаршество съ условіемъ повиненія отъ возводившихъ, размыры политическаго вліянія, усугубленнаго царемъ патриарху, и наконецъ правительство во время отсутствія царя развили это властелинство до высшей степени и необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, который нашелъ переѣмъ въ своемъ собиномъ пріятелѣ, и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ произошла переѣма, что онъ на многое сталъ теперь смотрѣть иначе. Всякій, кто считалъ себя въ правѣ на какую-нибудь власть, на какое-нибудь вліяніе, необходимо сталкивался съ Никономъ, который не любилъ обращать вниманія на чужія права и притязанія, который считалъ для себя униженнымъ и ненужнымъ пріобрѣтать союзниковъ, который не боялся и презиралъ враговъ. Сама царица, родственники ея, Милославскіе, родственники государя по матери, Стрѣшныи, и всѣ другіе приближенные вельможи сдѣлались врагами Никона. Къ нимъ притягали и духовныя значительныя лица, оскорбленныя властелинствомъ, крутостью права Никона, жестокостью наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ Никоновъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій.

Мы уже упоминали о неудовольствіяхъ, возбужденныхъ новизнами, вводимыми будте Морозовымъ, Ртищевымъ, Никономъ. Мы видѣли также, что подобныя новизны, или, по крайней мѣрѣ, попытки къ нимъ, начались уже давно; сначала, при Иоаннѣ III, сынѣ его Василіи, видимъ страдательное пользованіе чужими знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ

иностранныхъ мастеровъ. Иоаннъ IV хочетъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и помѣха его желанію, сдѣланная Ливонцами, ведетъ естественно къ мысли о необходимости непосредственнаго сообщенія съ Западною Европою, о необходимости пріобрѣтенія Балтійскихъ береговъ, для чего начинается Ливонская война. Несчастный исходъ этой войны еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости сближенія съ Западною Европою; при Годуновѣ являются иностранныя дружины и слышатся жалобы на пристрастіе Русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковичество царя этому пристрастію; Русскіе люди отправляются учиться за-границу; Ижедмитрій затѣваетъ преобразование въ широкіхъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда пріверженцы новаго явились по преимуществу въ Тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у Польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя своей, отповской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскія войска устраниваются на иностранный образецъ; происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранныя мастера заводятъ производство свои, получаютъ привилегіи съ условіемъ учить Русскихъ людей; пользование плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость новаго, необходимость преобразованій, и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особой жизни Русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди многочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи, они получали религиозный характеръ, религиозную неприкосновенность; измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ: такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Постоянная неподвижность вѣвшихъ, окружающихъ явленій давить духъ человѣка, отнимаетъ у него способность къ движенію, къ стремленію возобладать надъ окружающимъ миромъ и измѣнять его согласно съ своими потребностями; напротивъ, здѣсь вѣнній окружающій мѣръ господствуетъ надъ человекомъ, принимаетъ для него религиозное значеніе. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится старому, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣ-

неніе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ непрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ переменѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ неществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ, тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какое онъ имѣлъ въ Западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское, въ противоположность западнымъ, поморскимъ государствамъ, государствамъ городскимъ по преимуществу: въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей; ступенчатость мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба, — мы видѣли, какъ русскіе купцы объявляли, что имъ не стянуть съ иностранцами, которые и богаче и ловчѣе ихъ, умѣютъ дѣйствовать вмѣстѣ, заодно. Такимъ образомъ, сельскій бытъ со всѣми его неблагоприятными для развитія условіями преобладалъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда понятно, почему введеніе новизны должно было такъ сильно взволновать общество: самая продолжительность застоя необходимо условливала силу упора противъ переменъ, а сила упора, въ свою очередь, условливала силу противоположнаго стремленія, условливала тотъ переворотъ, къ которому мы приближаемся въ своемъ разсказѣ.

Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣку, вообще велъ вліянія обстановка жизни, вѣдѣніе долговременной неизмѣнимости своей, пользуется религиознымъ уваженіемъ; если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить: то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться поупищеніе произнести переменѣ во вѣщней обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, переменѣ во вѣщномъ, можемъ измѣняться, кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи: мысль, что переменѣ есть исправленіе, не допускаясь: предки, Святые отцы такъ молились и спасались, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говорить, что надобно молиться не такъ; говорить, что Святые молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній Русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ, или повнествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первую мыслью

многихъ было: надобно стоять за вѣру, предавшую отцами! Недавно Русская Земля собиралась противъ Литвы изъ страха, что королевичъ Литовскій истребитъ вѣру православную, а теперь свои задумали перемѣнить вѣру, вводить иное; но иное въ вѣрѣ, новое, чужое представлялось не иначе, какъ латинскимъ: — и вотъ мысль, что хотятъ у Русскихъ людей отнять православіе, ввести латинскія новшества, что надобно пострадать за вѣру, какъ страдали древніе Святые мученики. „Намъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, подобаетъ заирати за единъ а зъ, его же окаяный врагъ выброситъ изъ Символы тамъ, идѣже глаголется о Сынѣ Божіи Іисусѣ Христвѣ: „рожденна, а не сотворенна“; велика зѣло сила въ семъ а зѣ сокровенна“¹⁾. По древніе мученики страдали, и страданія ихъ повели къ торжеству вѣры Христовой; что же такое теперь: зачѣмъ опять необходимость страданій? Откровеніе Богослова говоритъ, что вѣнослѣдніи времена встанеть страшный гонитель врагъ Христа, антихриствъ, который будетъ отводить отъ истинной вѣры и мучить неповинующихся ему. Извѣстно, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія: при каждой важной переменѣ, борьбѣ, бѣдствіи имъ уже кажется, что наступаютъ послѣдніи времена. Извѣстно, какое одушевленіе сообщается человѣку убѣжденіемъ, что онъ живетъ во времена, изображенныя въ таинственной книгѣ Богослова; что борьба, которую ведетъ онъ, должна скоро окончиться торжествомъ Агнца и всѣхъ вѣрныхъ ему. Протестанты, въ борьбѣ своей съ католицизмомъ, одушевились мыслью, что ратуютъ противъ апокалипсическаго Вавилона—Рима, противъ антихриста — папы. У насъ, въ Западной Россіи, когда тотъ же Римъ сдѣлалъ попытку посредствомъ уни отторгнуть Русскую Церковь отъ Восточной, явилось немедленно представленіе объ антихристовскихъ временахъ. Наконецъ въ Московскомъ государствѣ, когда произошло исправленіе книгъ и, вѣдѣніи затѣмъ, начались важныя переменѣ гражданскія, испуганному воображенію приверженцевъ старины сейчасъ же представились времена, изображенныя въ Апокалипсисѣ, представились дѣйствія антихриста. Вѣдѣніемъ вліянія западно-русской литературы, возникшей во времена уни, явилось представленіе о трехъ эпохахъ антихристовыхъ: первая эпоха—отпаденіе Рима напскаго отъ православія, вторая—отпаденіе Западной Россіи въ унию, третья—отпаденіе Восточной Россіи отъ православія вѣдѣніемъ переменъ церковныхъ и гражданскихъ. Всѣ эти представленія, какъ ни легко рождались они при тогдашнемъ состояніи умовъ въ Московскомъ государствѣ, — всѣ эти представленія не могли бы однако имѣть такой силы, произвести расколъ, если бы всѣ пастыри Церкви, все священство, по образованію своему, сознавало законность переменъ и умѣло истолко-

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 года. статья: *Діаконъ Ѳеодоръ*.

вать паствѣ, что перемѣны суть исправленія, возвращенія къ древней правильности. Но между священниками, даже самыми видными, значительными, между монахами, привлекавшими общее вниманіе подвижничествомъ, даже между архіереями нашлись люди, которые взглянули на церковныя новизны, исправленія, какъ на нарушенія истиной вѣры, и такимъ образомъ дали вождей, опору движению, направленному противъ преобразованій, противъ науки. Страсти человѣческія, разузнѣтся, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, оказали могущественное вліяніе. Стремленіе къ просвѣщенію, къ новизнамъ, къ преобразованіямъ преимущественно обнаружилось въ молодомъ поколѣніи. Молодые люди, приобрѣтая свѣдѣнія, необходимо начинали указывать на неправильности, толковать объ неправленіяхъ, необходимо становились учителями. Кого же они учили?—людей старшихъ, сановитыхъ, привыкшихъ считать свой авторитетъ неоспоримымъ, привыкшихъ быть учителями; а теперь они видятъ, что лица курицы учатъ, поднимаютъ голосъ люди молодые потому только, что выучились грамматикѣ у малороссійскихъ монаховъ. Это оскорбляетъ стариковъ, они начинаютъ вооружаться противъ новыхъ мнѣній, противъ науки, которая вводитъ вредныя новизны и побуждаетъ молодыхъ людей вооружаться противъ старшихъ. Молодые, видя упорство стариковъ, терпятъ къ нимъ всякое уваженіе и, чтобы поколебать ихъ авторитетъ и укрѣпить свой, клеймятъ ихъ невѣждами, не понимающими дѣла: самолюбія въ схваткѣ, борьба разгорается.

Мы видѣли, какъ шло дѣло исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Михаилѣ, какимъ гоненіямъ подверглись исправители. и какъ они, въ свою очередь, отличали гонителей выходками противъ ихъ невѣжества. Исправленіе продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености, явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что и было сдѣлано при патриархѣ Іосифѣ исправителями: Степаномъ Вонифатьевымъ, Благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ; Иваномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, потомъ протопопомъ Казанскаго—въ Москвѣ; Оедоромъ, дьякономъ Благовѣщенскаго собора; Авакумомъ, протопопомъ Юрьевца-Повольскаго; Лазаремъ, священникомъ Романовскимъ; Шкетою, священникомъ Суздальскимъ; Логгиномъ, протопопомъ Муромскимъ; Данилою, протопопомъ Костромскимъ, и другими. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавы ученіе о сугубой аллилуіи, о дуплетности сложенія для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ. Патриархъ Іосифъ крестился двумя перстами: Никонъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ и въ началѣ патриаршества, крестился такъ-же.

Но эти самые исправители, которыхъ обыкновенно считаютъ начальниками раскола, были въ свое время людьми передовыми, требовали преобразованій, улучшеній и, въ свою очередь, терпѣли нареканія, какъ нововводители. Мудреный вопросъ о книжномъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи; въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Ртищевъ сильно хлопоталъ объ уничтоженіи этого соблазна, говорилъ патриарху Іосифу, архіереямъ, боярамъ; помощникомъ ему былъ протопопъ Иванъ Нероновъ, который уговаривалъ священниковъ московскихъ ввести единогласіе. Наконецъ оно было введено; вызваны пѣвчіе изъ Малороссіи; оттуда же, благодаря Ртищеву и его андреевскимъ старцамъ, явился въ Москвѣ обычай проповѣди, неслыханный прежде здѣсь. Но мы уже видѣли, какъ нѣкоторые смотрѣли на дѣятельность Ртищева, какъ смотрѣли на малороссійскихъ монаховъ и вводимую ими науку, какъ смотрѣли на тѣхъ, которые для усовершенствованія въ наукѣ отправлялись въ Кіевъ. Новшества—единогласное пѣніе и проповѣдь—возбудили такъ-же негодованіе: Никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ Гавриловскимъ попомъ Иваномъ, такъ начнетъ говорить ему: „Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церковь учить, а мы прежде людей въ церкви не учили, учили ихъ втайнѣ, бѣса вы пмате въ себѣ, всѣ ханжи, и протопопъ Благовѣщенскій такой же ханжа!“ 11 февраля 1651 года собрались священники въ сѣняхъ тѣмской избы, и начался у нихъ споръ о единогласіи: Лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: „Мнѣ къ выбору объ единогласіи руки не прикладывать, напередъ бы велѣли руки прикладывать о единогласіи боярамъ и окольничимъ: люболь имъ будетъ единогласіе?“ Гавриловскій попъ Иванъ возражалъ: „Вы презираете изволеніе Божіе, правила Св. Отецъ, уставы, государево повелѣніе и святительское благословеніе.“—„Ты ханжа, мальчишка“, кричали ему противники, „ты уже былъ у патриарха въ смиреніи, будешь и еще; а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать“⁴⁾.

Ртищеву помогать Нероновъ; Степанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ такъ-же съ ними заодно, потому что приверженцы старины и его называютъ ханжесю. Но былъ вопросъ, въ которомъ Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами сильно расходились съ ртищевскими Малороссіянами, съ Епифаніемъ Славеницкимъ и товарищами его: этотъ вопросъ былъ объ исправленіи книгъ. Ученый Епифаній видѣлъ искаженія, которыя вносились въ книги невѣжественными издателями, и не молчалъ; приверженцы старины жаловались, что ученики кіевскихъ старцевъ ни во что ставятъ благоче-

⁴⁾ Столбцы Прнн. Тайн. Дѣлъ въ Госуд. Архивѣ, № 49.

стивыхъ протополовъ Ивана, Степана и другихъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи находились дѣла, когда на патриаршескій престолъ вступилъ Никонъ. Воиофатевъ и Нероновъ съ товарищами не имѣли причины опасаться новаго патриарха, который былъ очень друженъ съ ними, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ Новгородскимъ, часто прїѣзжалъ на домъ къ духовнику и попріятельски обо всемъ съ нимъ совѣтовался; о книгахъ вопросъ не поднимался. Никонъ, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; что же касается до введенія порядка въ богослуженіи, то Никонъ не отставалъ отъ московскихъ ревнителей, если и не опережалъ ихъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ. Но черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь по вступленіи Никона на патриаршество, отношенія перемѣнились. По указаніямъ Славенщикаго, греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Но легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, явившихся теперь искизителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 г.) патриархъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и древними рукописями славянскими, и предложилъ вопросъ: „Слѣдуетъ ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ, или греческимъ и нашимъ старымъ?“¹⁾ Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса; но прямо воспротивился этому рѣшенію Коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами; Воиофатевъ впрочемъ уклонился и остался на прежнемъ мѣстѣ; но Нероновъ съ товарищами и епископъ Павелъ сильно упорствовали, и были сосланы. Дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и греческому монаху Арсенію, вызванному Никономъ изъ Соловокъ, куда онъ былъ сосланъ, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ латинскихъ, западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобы быть допущеннымъ въ эти училища. Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе Московскаго. Въ Москвѣ думали, что древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, находившихся въ Россіи, еще мало, и потому отправленъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ на Афонъ и въ другія мѣста для пріобрѣтенія греческихъ рукописей. Арсенію, ревностный старовѣръ²⁾, содѣйствовала однако дѣлу исправленія, привезши до 500 рукописей, греческіе архіереи прислали не менѣе 200. Пріѣхавшій въ Москву, Антиохійскій патриархъ Макарій вѣстѣ съ другими восточными архіереями торжественно объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Недѣлю Православія, что надобно креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестился двумя. Московскій соборъ 1656 г. подтвердилъ окончательно дѣло.

¹⁾ Москв. арх. мн. ин. д.; статегіиные списки Суханова въ Греческихъ дѣлахъ.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣльствѣ греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислалъ царю челобитную: „Арсеній Грекъ взять въ Москвѣ и живеть у патриарха Никона въ келіи. Никонъ его, врага, свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и Св. Чудотворцевъ свидѣтельство отбнимаетъ. Охъ, увы, благочестивый царю! Стани добръ, церковное чадо, и воини плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И наки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай; зримъ въ нихъ ни единого отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ“. Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе, и мы видѣли, какъ въ 1654 году, во время моровой язвы въ Москвѣ, толпа высказалась противъ Никона и Арсенія Грека. Опасенія потерять правую вѣру предковъ чрезъ повнества и страхъ предъ временами антихристовыми волновали не одни низшіе слои народныя. Духовный сынъ Неронова, знатный человѣкъ Плещеевъ, писалъ къ своему духовнику въ мѣсто его заоченія, въ Спасокаменный монастырь: „И мно иѣдкихъ раздоры винти хопутъ вскорѣ и непокоряющимся бѣды и мученія навестися хошуть... Сбудется хотящій быти раздоры, по прорѣченію книги о вѣрѣ, въ ней же нишегъ о отпаденіи запада и отступленіи юнитовъ къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же вини опасеніе имѣти егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ... Духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ“²⁾.

Но Плещеевъ съ товарищами напрасно обращался къ Неронову за подтвержденіемъ своихъ страховъ предъ антихристомъ. Московскіе протополы Нероновъ, Воиофатевъ не были способны стать въ члѣ раскольническаго движенія, сообщить ему особенную силу. Они сами были люди передовые, и если враждебно отнеслись къ исправленію книгъ и Никону, то вълѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а не изъ фанатической приверженности къ аз у; изъ побужденій оскорбленнаго самолюбія Нероновъ готовъ былъ всѣми средствами дѣйствовать противъ Никона и Никоновскаго дѣла, но не былъ способенъ изъ-за а за претерпѣть не только смерти, но и заоченія. Никонъ, съ своей стороны, не относился фанатически къ дѣлу исправленія: онъ былъ способенъ, по своей природѣ, очень жестоко поступить съ тѣми, кто возвышалъ голосъ противъ него, противъ его власти, противъ его дѣла; но какъ скоро эти люди прино-

²⁾ Правосл. Соборъединъ 1858 года. Матеріалы для Истор. Рус. раскола.

силы свои впины передъ святѣйшимъ, онъ готовъ былъ на уступки.

Благодари посредничеству духовника Воиифатьева, Нероновъ возвратился въ Москву, объявилъ, что подчиняется рѣшенію вселенскихъ патріарховъ; по просьбѣ самого Неронова, постригнутаго въ монахи подъ именемъ Григорія, освобождены были и другіе узники за расколъ; Никонъ, въ знакъ забвенія прошлаго, отдалъ Неронову всѣ письма, которыя они писали на него царю и Воиифатьеву; мало того: патріархъ объявилъ Неронову, что все равно, можно служить и по старымъ служебникамъ, и не обращалъ вниманія на то, что въ самомъ Успенскомъ соборѣ, по увѣщаніямъ Неронова, говорили а л л и у а до дважды. Но эти уступки не могли быть тогда поняты большинствомъ, ибо не могло быть понято самое главное, что дѣло идетъ о вѣншемъ, несущественномъ; перемѣна относительно двоенія или троенія аллилуіа считалась перемѣною въ вѣрѣ, и потому не могли успокоиться на томъ, что можно исповѣдовать одинаково и правую и неправую вѣру, какъ кому угодно. Воиифатьевъ, Нероновъ могли идти на сдѣлку; но не хотѣли идти на сдѣлку товарищи ихъ—Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, которые, по этой самой неспособности къ сдѣлкамъ, по ревности, не знающей границъ, по готовности умереть за азъ, производили сильнѣйшее впечатлѣніе и пріобрѣтали приверженцевъ дѣлу, имѣвшему такія отчаянныхъ бойцовъ. Скоро пріобрѣтенъ былъ новый сильный союзникъ: это былъ монахъ Капитонъ, обращавшій на себя вниманіе необыкновеннымъ постижениемъ, и потому прослышній праведникомъ. Наконецъ противъ Никоновыхъ новшествъ объявилъ себя одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей. Въ августѣ 1657 года пріѣхалъ въ Холмогоры Софійскаго дома сынъ боярскій съ новыми печатными церковными книгами и съ приказомъ отъ Новгородскаго митрополита Макарія раздавать книги по епархіи. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ соловецкаго старца Иосифа, накінулъ на него 18 книгъ и доправилъ денегъ 23 рубля 8 алтынъ двѣ деньги. Иосифъ отослалъ книги въ монастырь. Архимандритъ Илья созвалъ черныи соборъ и объявилъ присылку; священники и дьяконы посмотрѣли книги и сказали: „Будемъ служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли; мы старики, и по старымъ служебникамъ очередь своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ на старости лѣтъ учиться не можемъ же, да и некогда, что и учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ, чернцамъ коснымъ, непереключивымъ и грамотѣмъ ненавычнымъ, сколько ни учиться, а не напикнуть, лучше съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быти.“ Тутъ братія закричали: „Если священники стануть служить по новымъ служебникамъ, то мы отъ нихъ и причащаться не хотимъ; если же на отца нашего, архимандрита Илію, придетъ какая кручина или же-

стоке повелѣніе, то намъ всею братьею патріарху и митрополиту бить челомъ своими головами, стоятъ всемъ заодно и ни въ чемъ архимандрита не податъ.“

Но не всѣ были согласны на это рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлились впоследствии, и въ 1658 году явилась отъ нихъ грамота къ патріарху: „Бьетъ челомъ и извѣщаютъ богомольды твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кирилль, Садохъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ. Въ прошломъ 1657 году присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Илья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками, и, не объявля ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежать они тамъ другой годъ непереплетенныя; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 году, на шестой недѣлѣ Великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебникамъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотреть, а онъ намъ и посмотреть не далъ; меня, попа Германа, дважды плетями били за то только, что обѣдню пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали заспраивать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братіи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ, всей братіи, за архимандрита стоять, и, написавъ приговоръ 8 іюня, собралъ онъ всю братію въ трапезу на черныи соборъ. Случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ и произошелъ шумъ великій; началъ архимандритъ говорить всей братіи со слезами: „Видите, братья, послѣднее время; встали новые учителя, отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велѣтъ намъ служить на людскихъ кружахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши!“ Тутъ всѣ закричали великими голосами: „Намъ латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ.“ Да и все Поморье отъ, архимандритъ, утверждается, но волостягъ монастырскихъ и по усылыамъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли, — такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками, какъ дикіе звѣри: „Хотите латинскую еретическую службу служить! живыхъ не выпу-

стимъ изъ трапезы!“ Мы испугались и приложили руки.

Эта челобитная пришла въ Москву, когда Никону было уже не до Соловокъ. Мы видѣли, сколько вражды накликалъ на себя патріархъ своимъ великимъ государствованіемъ. Враги повсѣшествовавши подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него не какъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: „Прежнія пошлины съ духовенства за рукоположеніе брать онъ не велѣлъ, только новый порядокъ установилъ: ставленникамъ велѣлъ привозить огнишки отъ десятильниковъ и отъ поповскихъ старостъ, гдѣ кто въ какой десятинѣ живетъ; за такую отпискою пройдетъ недѣля по двѣ и по четыре, да харчу станеть рубль и два; прїѣдетъ съ отпискою къ Москвѣ и живетъ здѣсь недѣль по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кромѣ своего харчу, даютъ посулы архидіакону и дякамъ; иные волочатся въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да отошлетъ ставиться въ Казань. Иные ставленники пропадають и безвѣстно живють своей мучать въ Москвѣ, къ слушанью ходять, да наслу до недѣли въ двѣ дождутся слушанья, ждуть часу до пятаго и до шестаго ночи зымяю порою; обрететь иной ночью къ себѣ на подворье, да и пропадетъ безъ вѣсти, а игдѣ на патріарховѣ дворѣ пускать не велѣно. При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ почевали въ хлѣбѣ, а при Іосифѣ патріархѣ ставленники зымяю порою всѣ дожидались въ крестовой, а почевали въ хлѣбѣ безденежно; а нынѣ и въ сѣняхъ не велеть стоять, зымяю мучатся на крыльцѣ. При прежнихъ святителяхъ до самыхъ крестовыхъ сѣней и къ казначею, и къ ризничему, и въ Казенный Приказъ рано и поздно ходить было невозбранно; а нынѣ у святителя устроено подобно адову подписанію, странно приблизиться и ко вратамъ, потому что одиѣ ворота и тѣ постоянно заперты. Священники не смѣють ходить въ церковь къ благословенію, не то что о невѣдомыхъ вѣщахъ допросить; только всегда, во всякое время, невозбранно ходять къ благословенію жонки да дѣвки: тѣмъ нынѣ время и челобитныя принимають отъ нихъ невозбранно. Нынѣ на Москвѣ вдовы попы служатъ: или они святы стали? Или объ нихъ знаменіе съ небеси было? А бѣднымъ сельскимъ запрещено, иной останется съ спротами, съ пятью, шестью, и больше, сами и землю пахуть. Патріаршая область огромная: инны мѣста на 800 верстѣ отъ Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ игдѣи, и теперь такъ остается. Іосифъ же понамъ переходящихъ грамотъ давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ Казеннаго Приказа, хотя обогатить дяка своего Ивана Кокосилова да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей въ 6, 7, 10 и 15, кромѣ

своего харчу, волочились недѣль по 20 и по 30, а иной бѣдный человекъ поживеть на Москвѣ недѣль 10 и больше, да прохвѣтъ рублей 5—6 и больше, и уѣдетъ безъ переходжей: многие по два и по три раза для переходящихъ въ Москву прїѣзжали, а безъ нихъ попадая и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ. Святитель Никонъ всего этого очень держится, а въ правлахъ наисамо отъ церкви къ церкви не переходить. И священники отнюдь изволи отъ церкви къ церкви не переходять, изоста не найдется пяти человекъ поповъ, которые бы перешли изъ воли безъ гоненія, все переходятъ рыдая и плача, потому что поповъ и дяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и пѣни сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылають. Хотя которому попу и бить челомъ тебѣ, государю, но за тѣмъ ходитъ будетъ полгода или годъ, да попь или дякъ наслу правъ будетъ, потому что и въ Приказъ даромъ сторожа никакими мѣрами не пустять, а къ подъячому или дяку и поминать нечего. Когда было у патріарха приказано въ казнь Ивану Кокосилову, то людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы и рыба была живая, да жейтъ его переносить гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ,—никакими мѣрами на дворъ не пустять. Если и придется кому заплатить за безчестье попа или дякона, то бояться нечего, потому что, по благому свѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое Мордвинову, Черемисину, попу пять рублей да четвертая собака—пять же рублей! И нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: „бей пона что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь пять рублей“. Иноземцы удавляються, а иные плачуть, что такъ обезчещенъ чинъ церковный! Года два тому назадъ нового города Корсуня протопопъ прїѣзжалъ съ святительскою казною, дяку Ивану Кокосилову и жейтъ его и людямъ рублей на 10 перешло отъ него, и казну приняли; надобно было взять отъ него еще отписки, онъ тутъ денегъ не далъ и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертію, голову свою закабалилъ въ десяти рублѣхъ да жейтъ дяка отнесъ, и она у него взяла. Въ это время, по твоему указу, бить кнутомъ за посулы Крюткиныхъ; дякъ испугался, чтобъ протопопъ не сталь бить на него челомъ; да и скажи патріарху, какъ будто протопопъ подкинулъ жейтъ его 10 рублей, и патріархъ приказалъ его же, протопопа, посадить на цѣпь и, муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ. А того отнюдь не бываетъ, чтобъ старосту поповскаго, прїѣхавшаго съ доходами, взять къ себѣ въ крестовую да разспросить о всякихъ мѣрахъ. При ирежнихъ патріархахъ, изъ которой десятины прїѣдетъ староста поповскій, сперва будетъ у патріарха въ крестовой у благословенія святитель его пожалуетъ, да велитъ кормить и приказываетъ дяку казну принимать, не

задерживая, и отдача тогда становилась съ большой десятины рубля три - четыре дьяку, а подъяему рубли два и три, да проживеть въ Москвѣ за отдачею 10 дней, много недѣли двѣ, да всякій день приходять къ святителю и святитель разспрашиваетъ о всякихъ мѣрахъ и подачами жадуеть мало не всякій день. А нынѣ за свои согрѣшенія всего того лишился. Да онъ же, святитель, велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложили вновы, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по 8 денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, покомарева и просвирина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ коины сѣна по двѣ деньги. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Никонъ же велѣлъ собрать во всемъ государствѣ съ церквей лошадей, да человекъ ударить государю (1655 годъ), да и тутъ лошадей съ 400 или съ 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь ли, свѣтъ премилостивый, что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть ли обычай святителямъ бранныя потребности строить? Сей же святитель принялъ власть строить вмѣсто Евангелія бердыши, мѣсто креста топорки тебѣ на помощь, на бранныя потребности“.

Здѣсь Никона обвиняють, вопервыхъ, въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиніе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ. Патриархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко“.— „Я подъякою вселенскихъ патриарховъ быть не хочу“, говорилъ однажды Нероновъ Никону, „да какая тебѣ честь, владыка святыи, что всякому ты страшенъ и другъ другу грози говорить: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютой, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь: государевы-царевы власти уже не слышать, отъ тебя всемъ страхи, и твои посланники лучше царскихъ всемъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ: знаете ли патриарха. Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?“ Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слышать, что посланцовъ патриаршескихъ боятся больше чѣмъ царскихъ; что великій государь патриархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царствованныя дѣла и въ градскіе суды, памяти указы въ Приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ Приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ“. Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ, — неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печаль-

ной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная, капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбовь подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душою; человекъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока наконецъ какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вконецъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патриарху, царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ: онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого, и предпочелъ бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ патриарха. Никонъ замѣтилъ это, и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаление цари прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противоположному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снискать дотога, чтобы искать объясненія и краткими средствами уничтожить нелюбовь въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся, и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя.

Какъ скоро вельможи, враждебные патриарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество¹⁾. Дѣломъ 1658 года былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю прѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза. Околицій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очинчалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы. Случилось, что попался ему подъ палку дворянинъ патриаршій: „Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ!“ закричалъ дворянинъ, „вѣдь я не простой сюда пришелъ, а съ дѣломъ“. — „Ты кто такой?“ спросилъ околицій. — „Патриаршій человекъ, съ дѣломъ посланный“, отвѣчалъ дворянинъ. — „Не чванься!“ закричалъ Хитрово, и съ этими словами ударилъ

¹⁾ Слѣдующее изложеніе Никонова дѣла составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ между столбцами Приказа Тайныхъ Дѣлъ (нашихъ люди, которые объявили, что я не открылъ, изъ какого имѣно источника почерпнулъ я извѣстія о Николовомъ дѣлѣ); часть актовъ хранится въ Синодальной бібліотекѣ; нѣкоторые акты напечатаны въ Собраніи Государ. грамотъ и договоровъ. Въ Синодальной же бібліотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Угариномъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ. Что же касается до житія Николова, написаннаго Иваномъ Шумеромъ, то опять научилъ насъ пользоваться имъ съ большою осторожностію при изложеніи дѣятельности Никона во время Новгородскаго мятежа (Исторія Россіи, т. X.): мы увидѣли, какъ разукрашено въ пользу Никона повѣствованіе Шумера; разнятся отъ свидѣтельства подлинныхъ актовъ, какія включаетъ въ себѣ неправильности относительно порядка событій. Само собою разумѣется, съ какою подозрительностію мы должны были смотрѣть на извѣстія раскольниковъ о Никонѣ, которому, какъ врагу Божію, они старались приписать всевозможныя преступленія и неправды.

его въ другой разъ по лѣу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться къ патріарху, и тотъ съвоею рукою написалъ къ царю, прося разыскать дѣло и наказатъ Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручною запискою, что велѣтъ сыскать дѣло и самъ повидается съ патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8-е июля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ; царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10 числа, былъ тоже большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавняго времени, праздникъ Ризы Господней, принесенной изъ Персіи при царѣ Михаилѣ: передъ обѣденою явился къ патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобъ не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Но къ этому приказанію Ромодановскій прибавилъ еще другое: „Царское величество на тебя гнѣвенъ“, сказалъ онъ, „ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь“. — „Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою“, отвѣчалъ Никонъ, „такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество: свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою“. — „Царское величество“, продолжалъ Ромодановскій, „почтили тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не поналъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будетъ“. Разговоръ этимъ кончился. Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню и, послѣ причастія, велѣлъ ключарю поставитъ по сторожу, чтобъ не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ! Прочли: „Буди имя Господне“, народъ столпился около амвона слушать поученіе и услышалъ страшныя слова. „Лѣнивъ я былъ васъ учить“, говорилъ патріархъ: „не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ, если же помыслию быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Калаязгнн монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей Земли. Вотъ какимъ образомъ надобно вѣрнѣ и поклоняться (при этомъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ: новыя-де книги завелъ! И все это дѣлается ради монхъ грѣховъ. Я вамъ предлагаю многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы, въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ одинъ разъ кровію искупилъ, а меня вамъ каменіемъ побить—и мнѣ никого кровію своею не пзбавитъ, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ съ сего времени не буду патріархъ“. Кончилъ и

сталъ разоблачаться. Послышались всхлипыванія, голоса: „Кому ты насъ, сырыхъ, оставляешь!“ — „Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ“, отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо къ царю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и пакы: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во ннѣ градъ, и еже аще не примутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ“. Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантию съ источниками, а клобукъ черныи, посохъ Петра митрополита поставилъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую палку и пошелъ-было изъ собора, но народъ бросился къ дверимъ и не пустилъ его, выпустилъ только Крутицкаго митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу но снѣ“, сказалъ онъ, и отправилъ въ соборъ самаго сановитаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Много переминилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 г. этотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей своей силѣ и славы! И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что пошелъ подъ благословеніе къ патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: „Прошло мое благословеніе, недостойнъ я быть въ патріархахъ“. — „Какое твое не достоинство: что ты сдѣлалъ?“ спрашивалъ простоудушно Трубецкой. — „Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться“, отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще больше смутился: „Это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ бѣжншь, престоль свой оставляешь? Живи, не оставляя престола! великій государь нашъ тебя жадуеъ и радъ тебѣ“. — „Поднеси это государю“, сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо, „попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью“. Трубецкой отправился во дворецъ Никону, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ; но народъ съ плачемъ не пускалъ его; накопецъ и самъ Никонъ заикался. Всѣ ждали, что царь явится, но слѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя опять вошелъ Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назадъ, говорилъ именемъ царскимъ, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. „Уже я слова свечго не перемибу“, отвѣчалъ Никонъ, „да и давно у меня обѣщаніе, что патріархомъ не быть“. Поклонившись боярину, патріархъ вышелъ изъ церкви; но когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадей; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣгалъ впередъ и заперъ ворота: Никонъ сѣлъ на одною изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ явились посланные изъ дворца и за-

ставили отворить ворота; Никонъ всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Иерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и, чрезъ нѣсколько времени, самъ отправился въ Воскресенскій монастырь ¹⁾.

На третій день, 12-го іюля, туда поѣхали къ нему князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. „Для чего ты, святѣйшій патріархъ“, спрашивалъ Трубецкой, „поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не дожда великому государю и не подавъ ему благословенія? А если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе; благословилъ бы и того, кому изволить Богъ быть на твоёмъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь Крутицкому митрополиту“. — „Чтобъ государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили“, отвѣчалъ Никонъ: „а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бю челомъ, чтобъ Церковь не вдовествовала и безпастырна не была, а Церковь вѣдать благословляю Крутицкому митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великому государю, и въ томъ передъ нимъ виновать: испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобъ мнѣ въ патріархахъ не умереть; а впередъ я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклять буду, анаѣма“.

Повидимому Никонъ совершенно успокоился, принявъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршество и занявшись исключительно заботами о своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ. Необыкновеннымъ смиреніемъ дышетъ письмо его къ царю, отправленное съ Трубецкимъ или вслѣдъ за нимъ: „Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, бы вѣиі патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милости у васъ, государей, и прощенія прошу. Бога ради про-

стите мнѣ многое къ вамъ согрѣшеніе, которому вѣистину нѣтъ числа. По отшествіи вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію, милостиваго указа, не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвѣсти себя въ Воскресенскій монастырь“. Пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и объявилъ Никону отъ имени царскаго, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ опасно боленъ, и если патріарху была на него какая нибудь досада, то онъ бы простилъ умирающаго. Никонъ письменно отвѣчалъ государю: „Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали. кромѣ любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, какъ человекъ, въ чѣмъ-нибудь виновать предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловать что-нибудь для созиданія храма Христова Воскресенія и намъ, бѣднымъ, на пропитаніе. а мы ради поминать его, боярина; ничто такъ не пользуетъ нашей души, какъ сознаніе св. церкви; а всего полезнѣе для души его было бы, еслибы онъ изволилъ положитья въ домъ живоноснаго Воскресенія при Св. Голгоѣѣ: и память бы такого великаго боярина не престала во-вѣки, и Богъ бы, ради нашихъ смиренныхъ молитвъ, успокоилъ его“.

Но скоро тонъ писемъ Никона и разговоръ его съ посланными царскими измѣняется. Раздраженный окончателно рѣчами Ромодановскаго 10 іюля, Никонъ рѣшился поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, какъ мы видѣли, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія; сцена, происходившая при избраніи Никона на патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи, которыя позволялъ себѣ Ромодановскій, не повторялись болѣе; посланные царскіе относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напominавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли какъ царь волнуется глгелыми сомнѣніями — хорошо ли поступлено съ Никонимъ; дѣйствительно ли онъ виновенъ. И вотъ враги Никона стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывшій патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославши сказать ему, что только онъ, государь, да еще князь Юрій (Долгорукий?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ нимъ подыскиваются, хотая показать его неправды, его грѣхи, его недостойнство, показать, что напрасно Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія неправаго, не стерпя неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить патріаршество по своему соб-

¹⁾ Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидетельствами: съ письмомъ Никона къ патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ 10 іюля; но такъ какъ Шумера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходитъ съ послѣднимъ, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ показаніямъ Г. Субботина, который вѣриль болѣе письму, говорить: «Кажется, впрочемъ, онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно; что царь, одушевшись, помрится съ нимъ, но не доустаетъ его оставить патріаршество, тѣмъ болѣе что, по его словамъ, «царское величество прислалъ ему сказать, чтобы не видѣлся съ нимъ не отходилъ». Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьи. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ядуть ему больше нечего и рѣшился уѣхать изъ Москвы». Около трехъ дней! 10 іюля была сцена въ Усп. соборѣ, а 12 Трубецкой и Лопухинъ уже вели переговоры съ Никономъ въ Воскрес. монастырѣ. Вотъ куда ведутъ попытки вѣрты Никону!

ственному недостоинству. Никонъ увидаль передь собою ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 июля; возврата не было, и вотъ поднимаются искушенія: человекъ, привыкшій стоять на первомъ плалѣ, привыкшій, чтобъ все и все къ нему относилсь, все предъ нимъ преклопялись, оставлень, забытъ; мало того: отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его! Человекъ, привыкшій къ обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явилась и другія искушенія: привыкши къ роскоши, пзобилію во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изобилія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздражаться; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону не доставало для преодоленія искушеній, и влѣтъ оиъ ницѣтъ средствъ, какъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи и относительно чести и относительно средствъ жизни, выставляя такія права свои, которые могли казаться незаконными и опасными даже и врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливается.

Царіарху дали знать, что пересматривати его бумаги; что всякихъ чиновъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь, и Никонъ пишетъ къ государю: „Молю не прогнѣваться на богомольца вашего; рѣшаюсь писать къ тебѣ о нужнѣйшихъ дѣлахъ, уповая на прежде бывшій твой благій нравъ о Возѣ. Слышалъ я, что ты велѣлъ возвратитъ, что прежде далъ Святой великой церкви: умоляю тебя Господомъ не дѣлать этого. Ты, великій государь, чрезъ стольника своего Аоанасія Ивановича Матюшкина прислать мнѣ свое милостивое прощеніе, а теперь какъ слышу, ты поступаешь со мною не какъ съ человекѣмъ прощеннымъ, но какъ съ послѣднимъ злодѣемъ: пересмотрѣны худыя мои вещи, оставшіяся въ кельѣ; пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ какъ первосвященитель и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя; также много писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у меня разрѣшенія въ грѣхахъ: этого никому не должно знать, ни самому тебѣ. Дивлюсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія. Прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ настыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ снятыхъ? Слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобъ отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю откуда взялось это названіе; но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и къ тебѣ такъ писано въ отпискахъ изъ всѣхъ полковъ, во всякихъ

дѣлахъ, и невозможно этого исправить. Да побудитъ злое мое и горделивое проклятое названіе, хотя и не по своей волѣ получилъ я его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдетъ моего хотѣнія и вѣрнія на это, развѣ должно сочитать; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и страдаю Господа ради отъ лжбратіи; что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими живыми словами возвеличенъ гнѣвъ твой на меня: питаютъ отъ меня то, чего не хотѣлъ, не cessаль — называться великимъ государемъ; передъ всѣми людьми укorenъ и поруганъ понапрасну; думаю, и ты помнишь, что и во Св. лигургіи слышалъ по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ. Былъ я ибгогда во всякомъ богатствѣ и единогласенъ съ тобою, не стыжусь этимъ похвалиться; и питаю быть какъ теленъ на закованіе жирными многими пищами по обычаю вашему государеву: много этимъ настрадавшись, скоро не могу забыть: такъ теперь 25 июля все веселились, все праздновали рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны; одинъ я, какъ несъ, лишень богатой вашей транезы; но и несъ питаются отъ крупницъ, надающихъ отъ транезы господь своихъ: если бы я не считала врагомъ, то не былъ бы лишень малаго ломтя хлѣба отъ богатой вашей транезы. Пишу это не потому, что хлѣба лишашся, но требую милости и любви отъ тебя, великаго государя. Молю: перестань, Господа ради, понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тебѣ, попомнень и укorenъ несправедно; потому молю. перемѣнись ко мнѣ Господа ради и не дѣлай мнѣ грѣшному немилосердіе: чего себѣ не хочешь, другимъ не дѣлай. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ все знали твои тайны противъ твоей воли? Какъ будешь помилованъ, самъ не бывши милостивъ? И не одинъ я, но многие ради меня страдають. Недавно ты приказывалъ ко мнѣ съ княземъ Юріемъ, что только ты да князь Юрій до меня добры; а теперь одинъ ты ко мнѣ убогому богомольцу очень немилостивъ явился, хотящимъ меня миловать возбраниешь, всѣмъ накрѣпко запрещено приходитъ ко мнѣ. Господа Бога ради молю, перестань! Если ты и царь великій, отъ Бога поставленный, но поставленный для правды, а какая моя неправда предъ тобою? что ради церкви просилъ суда на обидящаго? и вмѣсто суда праведнаго получалъ отвѣты, полные немилосердія! Нынѣ же слышу, что, вопреки законамъ церковнымъ, самъ дерзаешь судить церковный чинъ, чего не позволяю тебѣ Богомъ. Ибкоторые говорятъ, что я много казны взялъ съ собою; не взялъ, но сколько будеть издержано на церковное строеніе, и во времени хотѣлъ отдать, и что дано Воскресенскому казначею во время моего отъѣзда, и то дано не ради корысти, но чтобъ не оставить братію въ долгу, потому что съ работниками нечѣмъ было расплатиться. А другія издержки сдѣланы на глазахъ всѣхъ людей: дворъ московскій выстроень — сталъ тысячь десятокъ и два и боль-

ше; насадный заводъ тысячъ въ десять сталь; тебѣ, великому государю, десять тысячъ поднесъ на подъемъ ратныхъ людей; тысячъ съ десять въ казѣ на лицо; 9,000 дано теперь на насадъ: прошлымъ лѣтомъ на 3,000 рублей лошадей куплено; шапка архіерейская тысячъ пять-шесть стала, а иного расхода, Святый Богъ вѣсть, сколько убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, нищимъ роздано; тому всему книги есть въ казѣ: но во всемъ каюсь, Господа ради прости, да самъ проценъ будешь“.

Никону доносили справедливо, что къ нему запрещено ѣздить: въ 1659 году ивѣче дьякъ, Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ, вопреки указу, были у патриарха въ Воскресенскомъ; ихъ взяли къ допросу, и они рассказали свой разговоръ съ Никономъ: „Услышите“, говорилъ патриархъ, „какія вамъ вѣсти недобрыя будутъ скорѣ!“ Говорилъ и про Выговскаго: „Когда я былъ на Москвѣ, то на меня роптали, будто я Выговскаго принялъ; но вѣдь при мнѣ никакой отъ него неправды не было, а теперь онъ отошелъ отъ великаго государя невѣдомо почему; когда я былъ, то великому государю о нихъ бивалъ челомъ и во всемъ заступался; и теперь стоитъ мнѣ только дѣй строчки написать Выговскому, и онъ будетъ непрежнему служить великому государю, и меня послушаетъ; и прежде во всемъ добромъ меня слушивалъ, только надобно ихъ держать умѣючи“.

Подобные разговоры Никона съ посѣтителями, стараніе его выставить, какъ онъ необходимъ для государства, какъ все было хорошо при немъ и все стало дурно послѣ него, разумеется, не могли возбудить въ Москвѣ желанія позволить всемъ ѣздить въ Воскресенскій монастырь. Царь отправилъ къ Никону дьяка Деметія Ванмакова объявить, что духомъ не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь. Ванмаковъ нашель патриарха въ пустыни близъ монастыря, спросилъ отъ имени государева о снасеніи и поднесъ жалованье: вино церковное, муку пшеничную, медъ сырецъ, рыбу. Никонъ биль челомъ за жалованье, спрашивалъ о государевомъ многолѣтнемъ здоровьи, и потомъ пошелъ къ обѣдин. Послѣ обѣдин патриархъ отправился изъ пустыни въ большой монастырь, передъ нимъ шли дѣти боярскія; у монастырскихъ воротъ по сторонамъ стояли стрельцы челоуѣкъ съ десять, на монастырѣ встрѣчаль архимандритъ съ братіемъ. Вонедни въ келью съ Ванмаковымъ, Никонъ началъ жаловаться, что его забываютъ, что его не считаютъ больше патриархомъ. „Между властями“, говорилъ онъ, „много монахъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, Московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патриаршества я не оставлялъ и благодать Св. Духа отъ меня не огнята; въ Воскресенскомъ монастырѣ были два челоуѣка, одержимые чернымъ недугомъ,—я объ нихъ молился, и они отъ своей

болѣзни освободились; и когда я былъ на патриаршествѣ,—и въ то время моими молитвами многіе отъ различныхъ болѣзней освободились“.

Эти притязанія Никона сильно смутили царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона; теперь нельзя было приступить къ избранію новаго патриарха, не рѣшивши вопроса: въ какомъ же отношеніи будетъ находиться новый патриархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ хочетъ сохранить первенствующее положеніе, хочетъ сохранить прежнюю власть надъ владыками, указывая на то, что они поставлены имъ и клянутся быть ему послушными. Будетъ слѣдовательно два патриарха? И какъ выбрать новаго?—какое значеніе дать при этомъ Никону; а Никонъ малымъ значеніемъ не удовольствуется! Онъ говоритъ, что благодать осталась съ нимъ, что онъ чудотворецъ! Скоро Никонъ высказался, какое онъ хочетъ имѣть значеніе при избраніи новаго патриарха. Крутицкій митрополитъ, который, вслѣдствіе его удаленія, принялъ управленіе дѣлами патриаршества, смель себя въ правѣ замѣнить патриарха и въ извѣстной церемоніи въ Верное Воскресенье, когда патриархъ ѣздитъ на ослати, представляя Христа, въѣзжавшаго такимъ образомъ въ Иерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, послалъ такое письмо государю: „Нѣкто дерзнулъ сѣдальце великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовать, въ недѣлю Вай дѣяние дѣйствовать. Я пишу это не самъ собою, и не желаю возвращенія къ любоначалию и ко власти, какъ несть къ своей блевотинѣ. Если хотите избрать патриарха благозаконно, праведно и божественно, да призвется наше смиреніе съ благоволеніемъ, честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого Божественная благодать избереть на великое архіерейство. того мы благословили и передадимъ Божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіяваетъ свѣтъ, такъ отъ содержащаго Божественную благодать придетъ она на новозбраннаго чрезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигая многія другія свѣчи, не умалится въ своемъ свѣтѣ“.

Послѣ этого было ясно, что Русской Церкви предстоить двупатриаршество. 1 апрѣля 1659 года отправился къ Никону отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ напомнить ему, что онъ отъ патриаршества отказался и потому уже не слѣдуетъ ему вмѣшиваться въ дѣла церковныя. „Ты съ княземъ Трубецкимъ приказывалъ“, говорилъ Елизаровъ „что Московскимъ патриархомъ никогда не будешь, и дѣла тебѣ до архіерейскаго чина нѣтъ; а теперь пишешь, что Крутицкій митрополитъ дерзнулъ сѣдальце великаго архіерея олюбодѣйствовать; оставя паству свою, ишесть тебѣ; этого не дозволено; дѣйство učinилъ митрополитъ по государеву указу, и прежде всегда такъ бывало“.— „Первый архіерей“, отвѣчалъ Никонъ, „во образъ Христовъ,

а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ апостоловъ, и рабу на сѣдалище господина держать не достоинъ: прежде дѣлали это по невѣдѣнію, а во время архіерейства своего во многихъ суетахъ исправить этого не успѣлъ. А престоль святительскій оставилъ я своею волею, никѣмъ не гонимъ, имени патріаршескаго я не отрицалъ, только не хочу называться Московскимъ, о возвращеніи же на прежній престоль и въ мысляхъ у меня нѣтъ". Елизаровъ продолжалъ свое: "Впередь о такихъ дѣлахъ къ великому государю не пишу, потому что ты патріаршество оставилъ". — *Никонъ*: "Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивымъ царямъ Греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали; я своею волею оставилъ паству, а попенчія объ истинѣ не оставилъ, и впередь объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану". *Елизаровъ*: "При прежнихъ Греческихъ царяхъ проповѣдали ереси, и тѣ ереси пустынники обличали, а теперь шикакихъ ересей нѣтъ, и тебѣ обличать некого". *Никонъ*: "Если митрополитъ дѣйствовалъ по указу великаго государя, то я великаго государя прощаю и благословеніе ему подаю".

Мы видѣли, какимъ ужасомъ поражена была Москва, когда пришла вѣсть о Конотопскомъ пораженіи: ждали хана и Выговскаго подѣ парствующій градъ. Царь вспомнилъ о Никонѣ и послалъ предложить ему болѣе безопасное убѣжище, именно крѣпкій монастырь Макарія Калязинскаго. Никонъ встрѣтилъ жестоко это предложеніе и сказалъ посланному: "Возвѣсти благочестивѣйшему государю, что я въ Калязинъ монастырь неиду, лучше мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ; а есть у меня и безъ Калязина монастырь, милостію Божію и его государевою, свои монастыри крѣпкіе—Иверскій и Крестный, и я, доложась великому государю, пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвѣсти великому государю, что иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться ему". Посланный не понимая, о какомъ Зачатейскомъ монастырѣ говоритъ патріархъ, и спросилъ объясненія; Никонъ отвѣчалъ: "Тотъ, что на Варварскомъ Крестцѣ подѣ горою у Зачатія". — "Вѣдь тамъ только тюрьма большая, а не монастырь", возразилъ посланный. — "Ну вотъ этотъ самый Зачатейскій монастырь", отвѣчалъ Никонъ. Патріархъ пріѣхалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, съ царицею, принять почтительно, одаренъ, но развязки никакой не послѣдовало. Сохранилось любопытное извѣстіе одного иностранца, бывшаго тогда въ Москвѣ: пріѣхавши въ столицу, Никонъ хотѣлъ приклонить къ себѣ народъ, устроилъ трапезу для странниковъ, самъ обмывалъ имъ ноги; желая сложить вину продолжительной, тяжелой войны на государя, спрашивалъ, какъ будто ничего не зная, заключены ли вѣрѣ съ Поляками. Когда ему отвѣчали, что нѣтъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ: "Святая кровь христіанская изъ-за пустяковъ проливается" и т. д.

Узнавши объ этихъ разговорахъ, царь немедленно велѣлъ Никону выѣхать изъ Москвы⁴⁾.

Никонъ отправился въ Крестный монастырь. Въ началѣ 1660 года царь велѣлъ созвать духовный соборъ и предложилъ ему рѣшить трудный вопросъ. Соборъ открылся 17 февраля; прежде всего бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ письменныя сказки о томъ, какъ Никонъ оставилъ патріаршество; пресвященные приняли сказки и начали допрашивать свидѣтелей, священнаго чина людей по священству, а прочихъ по Евангелиской заповѣди. Въ сказкахъ Крутицкаго митрополита Ингрияма и князя Трубецкаго было написано: "Патріархъ Никонъ патріаршества своего отрекся съ клятвою"; въ остальныхъ сказкахъ о клятвѣ не было упомянуто, но во всѣхъ говорилось согласно, что Никонъ отъ патріаршества отрекся и впередь на немъ обѣщался не быть. Соборъ послалъ боярина Салтыкова доложить великому государю, что святѣйшій патріархъ Никонъ, какъ дознано, оставилъ патріаршескій престоль своею волею, и какъ великій государь укажетъ? Салтыковъ возвратился съ отвѣтомъ, что государь указалъ собору выписать изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ все, относящееся къ подобнымъ случаямъ, и у выписки велѣлъ быть: архіепископу Маркеллу Вологодскому, архіепископу Иларіону Рязанскому, Макарію Псковскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Свирскаго Александра монастыря игумену Симону. 27 февраля соборъ слушалъ выписки и разсуждалъ: Никонъ не внялъ прошенію великаго государя, объявленному княземъ Трубецкимъ; не внялъ прошенію архіерея въ и прочаго духовенства, бывшаго при его отреченіи въ Успенскомъ соборѣ; не объявилъ причину отреченія ни великому государю, ни архіереямъ, ни собору, не оставилъ никакого объясненія, объявилъ только, что отречается ради своего невѣжества и грѣховъ. Послѣ этого разсужденія, соборъ опредѣлилъ по правиламъ: когда епископъ отречется отъ епископіи безъ благословенія вни, то по прошествіи шести мѣсяцевъ поставлять другого епископа; кромѣ того опредѣлилъ, что Никонъ долженъ быть чуждъ архіерейства, и чести, и священства. Трижды подносили государю правила, на которыхъ основывался соборъ; царь медлилъ, наконецъ царь приказалъ пригласить на соборъ Грековъ, бывшихъ въ Москвѣ: Царенія, митрополита Оискаго, Кирилла, бывшаго архіепископа Андреевскаго, Нектарія, архіепископа Паганіатскаго. Греки подтвердили приговоръ Русскихъ, и царь велѣлъ подкрѣпить этотъ приговоръ въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ. Дѣле оканчивалось: рѣшеніемъ собора уничтожались всѣ притязанія Никона на сохраненіе прежняго значенія, на право рукоположить новаго патріарха; онъ терялъ архіерейство, терялъ священство! Но вотъ Епифаній Славенцикій, первый ученый авто-

⁴⁾ Weslawski p. 105.

ритель тогда въ Москвѣ, подаетъ протестъ: „Греки на соборѣ“, пишетъ онъ, „прочли изъ своей греческой книги выраженіе: «Везумно убо есть епископства отрещися, держати же священства», и сказали, что это 16-е правило пернаго и втораго Собора. Я думалъ, что это правда, не дерзнулъ прекословить и далъ мое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха; но потомъ я сталъ искать и не нашелъ въ правилахъ этого реченія, вѣдѣдствіе чего беру назадъ свое согласіе на низверженіе Никона, и каюсь. Ваше царское величество приказали мнѣ составить соборное опредѣленіе; я готовъ это сдѣлать относительно избранія и постановленія новаго патріарха, потому что это праведно, благополезно и правильно; о низверженіи же Никона не дерзаю писать, потому что не нашелъ такого правила, которое бы низвергло архіерея, оставившаго свой престоль, но архіерейства не отрешаюся“.

Это письмо учившаго старца остановило дѣло; выбрать новаго патріарха? — но что дѣлать со старымъ, который не перестаетъ предъявлять своихъ притязаній на высшую власть въ Церкви; который будетъ протестовать, что новаго патріарха поставили незаконно, ибо безъ вѣдома и рукоположенія стараго, и протестъ этотъ дастъ поводъ сомнѣваться въ законности новаго, произведетъ соблазнъ и раздѣленіе въ Церкви, когда уже и безъ того было много соблазна и раздѣленія? Притомъ же и письмо Епифанія показало, что собору московскаго духовенства и пришлыхъ Грековъ вѣрить нельзя; что царь могъ согрѣшить, приведши въ исполненіе приговоръ собора, чего Алексѣй Михайловичъ боялся больше всего. Онъ былъ въ тяжкомъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе что Николъ упорно стоялъ на своемъ. Въ то самое время, какъ въ Москвѣ соборъ разсуждалъ о Никоновомъ дѣлѣ, въ февралѣ 1660 года, стольникъ Матвѣй Пункинъ ѣхалъ къ патріарху въ Крестный монастырь съ ласковыми словами отъ царя, имѣвшими цѣлю выпросить у Никона письменное благословеніе на избраніе новаго патріарха. „Ты патріаршій престоль изволилъ оставить“, говорилъ ему Пункинъ: „въ то время великій государь посылалъ къ тебѣ князя Трубецкаго не одинъ разъ, велѣлъ тебѣ говорить, чтобы ты на патріаршій престоль возвратился, — ты отказалъ, не возвратился и великому государю благословеніе подалъ выбрать патріарха, кого онъ изволилъ. Послѣ того посланы къ тебѣ думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и дякъ Алмазь Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣ же рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впередъ быть не хочешь: такъ ты бы о избраніи патріарха на свое мѣсто благословеніе подалъ и къ великому государю о томъ отписать“. — „Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой на патріаршество меня не зывалъ“, отвѣчалъ Николъ, „онъ мнѣ только въ Москвѣ въ соборной церкви сказалъ, чтобы я возвратился. Елизаровъ меня на патріаршество не зывалъ, а только мнѣ выговаривалъ;

великому государю благословеніе мое всегда готово: невозможно рабу государя своего не благословлять; но патріарха поставитъ безъ меня я не благословляю: кому его безъ меня ставить и митру возложить, митру дали мнѣ вселенскіи патріархи, митрополиту митры на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? Я живъ и благодаръ Св. Духа со мною; оставилъ я престоль, по архіерейства не оставлялъ; великому государю извѣстно, что и патріаршескій санъ и омефоръ взялъ я съ собою, а то у меня отложено давно, что въ Москвѣ на патріаршескѣ не быть. Я васъ всѣхъ власти моего рукоположенія: когда ставится, въ исповѣданіи своемъ проклинають они Григорія Синавскаго за то, что онъ при живомъ митрополитѣ похитилъ святительскій престоль; да архіереи же объманутся на поставленіи, что имъ другаго патріарха не хотѣтъ: такъ какъ же имъ новозбраннаго патріарха безъ меня ставить? Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москву, то я новозбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прошеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣхъ благословеніе, пойду въ монастырь. А которые монастыри я строилъ — тѣхъ бы великій государь отбирать у меня не велѣтъ, да указалъ бы отъ соборной церкви давать мнѣ часть чѣмъ мнѣ быть сыту“.

Требуя позволенія пріѣхать въ Москву и права рукоположить новаго патріарха для обезпеченія своей власти и своего матеріальнаго благосостоянія, Николъ въ то же время не сомнѣвался сравнивать себя съ Аванасіемъ, Василіемъ Великимъ, съ Св. Филиппомъ митрополитомъ. Изъ всѣхъ бояръ одинъ Зюзинъ находился въ сношеніяхъ, въ перепискѣ съ патріархомъ: „Мы прочли въ письмѣ вашемъ, что о насъ жалѣете“, писалъ ему Николъ изъ Крестнаго монастыря: „но мы радуемся о покое своемъ и вовсе не печалены. Добро архіерейство во везаконіи и въ чести своей, надобно не печаловаться о всенародномъ послѣднемъ бытіи. Когда вѣра Евангельская начала снать, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась. И здѣсь въ Москвѣ невнинаго патріарха отставили, Ермогена возвели при жизни стараго: и сколько зла сдѣлалось! Твоему благородію извѣстно, что всѣ архіереи нашего рукоположенія, но не многіе по благословенію нашему служатъ Господу; по неблагословеніи чѣмъ разнятся отъ отлученнаго; а намъ перлюобразныхъ много, вотъ ихъ реестри: Юаннъ Златоустъ, Аванасій Великій, Василій Великій, изъ здѣшнихъ Филиппъ митрополитъ“. По письму отъ 28 іюня Зюзинъ могъ дѣйствительно признать въ Николѣ страдальца, отъ котораго враги хотять освободиться какими бы то ни было средствами: „Мнѣ о себѣ другаго, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ, писать нечего“, — такъ начинаетъ Николъ: „едва живъ въ болѣзняхъ своихъ; Крутицкій митрополитъ да Чудовскій

архимандритъ прислалъ дьякона Θεοδοσία со многимъ чаровствомъ меня отравить, и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ: безузъмъ камнемъ и гидроговымъ пескомъ отпилилъ; да иныхъ со мною четырехъ старцевъ попортилъ, тѣмъ же, чѣмъ и я,—отпилилъ, и нынѣ велими животомъ скорбимъ⁴. Къ септибрю преступники были уже въ Москвѣ; 5 числа бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ разспрашивали чернаго дьякона Θεοδοσία да портнаго мастера Тимошку Гаврилова противъ обвинительной отписки патріарха Никона. Тимошка сказалъ, что онъ, по наученію Θεοδοσία, составъ дѣлалъ, жегъ муку пшеничную, волосы у себя изъ головы вырывалъ и въ поту валиялъ, велѣлъ ему тотъ составъ дѣлать дьяконъ для с..... б... и для привороту къ себѣ мужеска пола и женска. Θεοδοсій отрекся. На очной ставкѣ Тимошка говорилъ то же и прибавилъ, что Θεοδοсій подалъ патріарху повинную челобитную. Θεοδοсій не винился, говорилъ, что повинную писалъ по наученію и по неволѣ, за пристрастіемъ Поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетми девять разъ. У пытки Тимошка повинился и съ дьякона сговорилъ, объявилъ, что велѣлъ ему на дьякона говорить Савинскаго монастыря сотникъ Осипъ Михайловъ, который теперь у патріарха; зтогъ Михайловъ вмѣстѣ съ Ольшевскимъ пыткой заставляли его говорить на Θεοδοσία, а составъ дѣлать училъ его патріаршій кузнецъ, Останковецъ Кузьма Ивановъ; то же повторилъ Тимошка и на пыткѣ. Θεοδοсій у пытки и на пыткѣ говорилъ прежнія рѣчи, ни въ чемъ не винился.

Это соблазнительное дѣло еще болѣе усилило раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. При такихъ-то обстоятельствахъ возвратился Никонъ изъ Крестнаго въ Воскресенскій монастырь, и тутъ, въ 1661 году, завязалось у него новое соблазнительное дѣло съ сосѣдомъ по землѣ, окольничимъ Романомъ Бабарыкинмъ. Никонъ билъ челомъ государю, что Бабарыкинъ завладѣлъ землею Воскресенскаго монастыря: просилъ сыскать по крѣпостямъ. Указа на челобитную не послѣдовало; Никонъ писалъ вторично, что если государевой милости не будетъ, то онъ станетъ самъ оборонять. Угроза была исполнена: крестьяне Воскресенскаго монастыря, по приказанію патріарха, сжали рожъ на спорныхъ поляхъ и отвезли въ монастырь. Бабарыкинъ билъ челомъ государю, и дѣло велію изслѣдовать, взялъ крестьянъ Воскресенскаго монастыря къ допросу. Никонъ всыпхнулъ и написалъ длинное письмо государю: „Начинается наше письмо къ тебѣ словами, безъ которыхъ никто изъ насъ не смѣетъ писать къ вамъ: эти слова: „Бога молю и челомъ бью“. Бога молю за насъ по долгу и по заповѣди блаженнаго Павла апостола, который повелѣтъ прежде всего молиться за царя. И словомъ и дѣломъ исполняемъ свои обязанности къ твоему благородію, но щедротъ твоихъ ничѣмъ умолишь не можемъ.

Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища отовсюду мы избожены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы. Видя Святую Церковь въ гоненіи, послушавъ слова Божія: аще гонятъ вы во градъ, бѣгите во инъ градъ, удалился я и водворился въ пустыни, но и здѣсь не обрѣлъ покоя. Воистину сбылось нынѣ пророчество Іоанна Богослова о женѣ, которой родишееся чадо хотѣлъ пожрать змій, и восхищено было отроца на небо къ Богу, а жена бѣжала въ пустыню, и низложенъ былъ на землѣ змій великій, змій древній. Богословы разумѣютъ подъ женою Церковь Божию, за которую страдаютъ теперь заповѣди ради Божія: болши сея любви никто же имать, да аще кто душу свою положить за други своя; и мы, видѣвъ братію нашу бѣнными, жаловались твоему благородію, но ничего не получили, кромѣ тпегъ, укоризны и уничиженія; тогда удалились мы въ мѣсто пусто. Но злоначальный змій нигдѣ насъ не оставляетъ въ покоѣ: теперь навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Бабарыкинмъ, безъ правды завладѣвшимъ царковною землею. Молимъ вашу кротость перестать отъ гнѣва и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновеніе принялъ—сыскывать о насъ и судить насъ? Какіе законы Божія велѣтъ обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебѣ судить вправду людей царства міра сего? Въ наказѣ твоемъ написано новое повелѣніе—взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря: по какимъ это уставамъ? Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Египтомъ, надъ Содомомъ, надъ Навуходоносоромъ царемъ! Изгнанъ былъ Богословъ въ Патмосъ; тамъ благодати лучшей сподобился—благовѣстіе написать и Апокалипсисъ; изгнанъ былъ Іоаннъ Златоустъ—и опять на свой престолъ возвратился; изгнанъ Филиппъ митрополитъ,—по наки сталъ противъ лица оскорбившихъ его; и что еще прибавимъ? Если этими напоминаніями не умилишься, то хотя бы и все писаніе предложилъ тебѣ, не не повѣришь. Еще ли твоему благородію надобно, да бѣгу, огрысая прахъ ногъ своихъ ко свѣдѣтельству въ день судный? Великимъ государемъ больше не называюсь, и какое тебѣ прекословіе творю? Веѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: странно молвить, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыки посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ, поновъ ставить и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна Св. Духу такъ: по благодати Св. Духа и по указу великаго государя—недостаточно Св. Духа посвятить безъ твоего указа! Но если кто на Св. Духа худитъ, не имѣетъ оставленія; если это тебя не устрашило, то что устрашитъ можетъ, когда уже недостаточно сдѣлался прощенія со своему дерзновенію? Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безо всякаго совѣта и благословенія, насилѣмъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя и всѣ законы Св. Отецъ и благочестивыхъ царей и великихъ кня-

зей Греческихъ и Русскихъ ни во что обратилъ, также отца своего Михаила Теодоровича и собственныя свои грамоты и уставы; уложенная книга хотя и по страсти наисчапа многонароднаго ради смущенія, но и тамъ поставлено: въ Монастырскомъ Приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все это упразднилъ: судять и насилуютъ мірскіе судья, и всего ради собрали ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поспѣться, а теперь и невѣдомо кто не поспѣтъ ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти поспѣтъ, потому что ѣсть нечего. Итъ никого, кто бы былъ помянованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и чернцы — всѣ даями обложены тяжкими, вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стenanіе и воздыханіе, итъ никого веселящагося во дни сѣп. Хотимъ объявить нехитрою рѣчью: 12 января 1661 года были мы у заутрени въ церкви Св. Воскресенія; по проченіи первой каизмы сѣлъ я на мѣсто и немного вдремнулъ; вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви Ушенія; полна церковь огия, стоятъ прежде умершіе архіереи; Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба, подошелъ къ престолу и положилъ руку свою на Евангеліе, то же сдѣлали и всѣ архіереи, и я. И началъ Петръ говорить: „Братъ Никои! говори царю, зачѣмъ онъ Св. Церковь преобидѣлъ, недвижимыми вещами, нами собранными, безстрашно хотѣлъ завладѣть, и не на пользу ему это; скажи ему, да возвратитъ взятое, ибо много гнѣвъ Божій навелъ на себя того ради: дважды морь былъ, сколько народа перемерло, и теперь не съ кѣмъ ему стоять противъ враговъ“. Я отвѣчалъ: Не послушаетъ меня; хорошо, еслибъ кто-нибудь изъ насъ ему явился. Петръ продолжалъ: „Судьбы Божіи не повелѣли этому быть, скажи ты; если тебя не послушаетъ, то еслибъ кто и изъ насъ явился. — и того не послушаетъ, а вотъ знаменіе ему, смотри!“ По движелю руки его я обратился назадъ къ царскому двору, и вижу: стѣны церковей итъ, дворецъ весь виденъ, и огонь, который былъ въ церкви, собрался, устремился на царскій дворъ и тотъ запылалъ. „Если не уцѣломудрится, приложатся больше первыхъ казни Божіи,“ говорилъ Петръ; а другой сѣдой мужъ сказалъ: „Вотъ теперь дворецъ, который ты кунилъ для церковниковъ, царь хочетъ взять и сдѣлать въ немъ гостиный дворъ маюны ради своея; но не порадуется о своемъ прибыткѣ.“ Все это было такъ, отъ Бога, или мечтаніемъ — не знаю, но только такъ было; если же кто подумаетъ челоуѣчески, что я это самъ собою замыслилъ, то сожжетъ меня оный огонь, который я видѣлъ.“

Понятно, какъ тяжело должна была лечь грамота на сердце у царя, какъ обрадовалась ей враги Никоиа, которымъ она дала возможность представить Алексію Михайловичу, что съ Никономъ итъ возможности раздѣлаться добромъ. Въ это время въ Москвѣ находился Греческій архіерей,

Пансіей Лигаридъ, митрополитъ Газскій, самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшійся въ Москву, и потому пріобрѣтшій здѣсь важное значеніе. Извѣстный исправитель книгъ, монахъ Арсеній указалъ Никону на Пансію, какъ на челоуѣка обширной учености и потому могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ, и Никонъ, когда еще не оставялъ патриаршества, въ 1657 году, писалъ въ господарямъ Молдавскому и Волошскому, чтобъ пропустили въ Москву Лигарида чрезъ свои земли, а къ самому ему писалъ: „Слышали мы о любумудрїи твоемъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть насъ, великаго государя, и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовью прїять хотимъ.“ Прїѣхавши въ Москву въ началѣ 1662 года подъ именемъ митрополита Іерусалимскаго Предтечева мопастыря, Лигаридъ былъ обласканъ и царемъ, вслѣдствіе чего нашелся въ затруднительномъ положеніи между царемъ и патриархомъ, одинаково къ нему расположенными. Онъ сдѣлалъ попытку помирить ихъ, и 12 іюля 1662 года написалъ Никону мягкое письмо, уговаривая его возвратиться на патриаршество, подчинившись преданіямъ Восточной Церкви, уступивъ царской власти. „Не знаю, куда мнѣ обратиться, потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ“, — такъ откровенно начинается Лигаридъ свое письмо; „безъ ласкательства скажу: Алексій и Никои, самодержецъ и патриархъ, — одинъ всякій день оказываетъ милости, другой молится и благословляетъ. Не благо многого сподствіе, одинъ господишь да будетъ (пзъ Гомера)! одинъ царь, потому что и Вогъ одинъ, какъ и солнце одно между планетами. Знаю, что въ своихъ поступкахъ ты всегда изгнѣлъ добрую дѣль; но добрая дѣль должна достигаться и добрыми ередствами. Блаженнѣйшій! не всякій рабъ царскій изображаетъ царя, не всякій рабъ патриаршескій представляетъ патриарха. Изгнѣ важныя причины, ушелъ ты съ престола и отрясъ прахъ ногъ своихъ на Москву за ея неокорство; но сказано: да не будетъ бѣгство ваше въ субботу и зимою, во время крамоль и брашей. Какую пользу принесло твое гнѣвное отшествіе?“ Потомъ Лигаридъ распространяется о терпѣнїи царя: „Кто наче возблагоденствуетъ добродѣтелию? Никои „покайтеся!“ вопіетъ; самодержецъ Алексій общюю пѣсню поетъ: претерпѣвый до конца, той спасается. Будь настыремъ добрымъ, а не наемникомъ! вознеси вокругъ очеса твоя и видь чада твоя, отческаго руководительства требующія. Послушайся моихъ словъ, о златая глава златорунная сѣя пастыи! и соединишь съ своими членами. Верно для Церкви, бѣдственно для государства, недостойно тебя пребывать внѣ престола. Становишься проповѣдникомъ грамогласнымъ, потому что ревности моя не позволяетъ мнѣ молчать. Всѣ восклицаютъ на тебя, всѣ успокоятся отъ гнѣва наказуютъ; да замолкнутъ толки отогниковъ до порцанія, да исчезнутъ словоборенія грызущихъ нещественныхъ мужей! Смотри:

четыре патриарха жаждутъ видѣть конецъ ссорѣ. Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю?—смиренному христіану! И тебѣ смириться подобаетъ“.

Не знаемъ отвѣта Никонова; можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ челоѣку, убѣждавшему его смириться; знаемъ одно, что Паисій вскорѣ послѣ этого перешелъ на сторону враговъ Никона. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ подалъ ему статьи, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона, и требовалъ отзыва на нихъ. 15 августа того же 1662 года Паисій представилъ отвѣты—всеѣ, клонящіяся къ осужденію патриарха. Стрѣшневъ обвинялъ Никона въ томъ, что онъ при поставленіи своемъ на патриаршество пересекъ святыя, хиротонисался снова, явилъ передъ всеміи; не позволялъ исповѣдывать и приобщать преступниковъ; когда облачался, чесался и въ зеркало смотрѣлся; послѣ отреченія посвящаетъ священниковъ и дьяконовъ; никогда не называлъ архіереевъ братьями, но почиталъ ихъ гораздо ниже себя, потому что имъ были посвящены. Никонъ строитъ теперь по сіе время монастырь, который называлъ Новымъ Иерусалимомъ: хорошо ли, что имя Св. града такъ перенесено, иному мѣсту дано и опозорено? Никонъ разорилъ епископію Коломенскую для своего монастыря, говоря, что это было ближе епископство отъ Москвы и непригоже быть епископамъ подъ-боккомъ у патриарха: хорошо ли архіереямъ строить обозы и грады, потому что Никонъ любилъ жить на мѣстахъ пустыхъ и наполняетъ ихъ наемниками и боярскими подданными? Никонъ говоритъ, что не обрѣтается виѣ своего престола и епархіи, только съѣзжалъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя онъ объявилъ передъ престоломъ истиннаго Судіи праведнаго.—Паисій на все эти статьи отвѣчалъ осужденіемъ поступковъ Никона. Были предложены и другіе вопросы: 1) Можетъ ли царь созвать Соборъ на Никона, или надобно иноплеменіе патриаршеское?—Царь можетъ созвать Соборъ, но призыву Римскихъ кесарей, отвѣчалъ Паисій. 2) Соборъ, созванный царемъ, Никонъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ жидовскимъ! *Отвѣтъ:* Его надобно, какъ еретика, проклинать. 3) Можно ли составивъ судить главу своего начальника? *Отвѣтъ:* Все священники, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть визать и рѣшить. 4) Нарекъ Никонъ великимъ государемъ, потому что такъ называлъ его нашъ государь, желая почитать его болѣе обыкновеннаго: согрѣшилъ ли Никонъ, что принялъ на себя такой высочайшій титулъ? *Отвѣтъ:* Истинно согрѣшилъ. 6) Подобало ли Никону убѣгать страха ради? *Отвѣтъ:* Кто творитъ добрыя дѣла, никогда не боится. 6) Согрѣшаетъ ли государь, что оставляетъ во вдовствѣ Церковь Божию? *Отвѣтъ:* Если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха; однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что много соблазнится и думаютъ, что онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію. 7) Архіерей и бояре,

которые не бьютъ челою и не приводятъ царя къ тому, чтобъ далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, грѣшатъ ли? *Отвѣтъ:* И оченъ грѣшатъ. 8) Никонъ проклинаетъ; важно ли его проклятіе? *Отвѣтъ:* Клятва подобна молніи, сожжетъ виновнаго; если же произнесена не по достоинству, то падаетъ на того, кто произнесъ ее. 9) Прилично ли архіерею драться и въ ссылку сылать?—все это дѣлаетъ Никонъ. *Отвѣтъ:* Терпѣніе есть высшая добродѣтель, гнѣвъ—худшее зло. 10) Тышайшій государь и всесчастливый царь поручилъ Никону надзоръ надъ судами церковными, далъ ему много привилегій, подобно Константину Великому, давшему привилегіи панѣ Сильвестру. *Отвѣтъ:* Надобно принимать почести отъ царя осторожно; полезиѣ было бы Никону имѣть меньше привилегій, потому что нынѣ нашли его, смотрѣвъ онъ въ нихъ какъ въ зеркало, и случилось съ нимъ то же, что пишутъ вирнописцы о Нардисѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ похваловаться—и утонулъ. 11) Можно ли государю отобрать привилегіи? *Отвѣтъ:* Можно, если тотъ, кому дано, дурно пользуется ими. 12) Никонъ бранитъ Монастырскій Приказъ, гдѣ посадилъ царь судить мірскихъ людей; порицаетъ царя за то, что назначаетъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого захочетъ. *Отвѣтъ:* Пусть прежде не было Монастырскаго Приказа; дѣло въ томъ, что царь учредилъ его для лучшаго порядка и лучшаго суда. Устроилъ ли Никонъ лучший судъ; сдѣлалъ ли когда-нибудь на своемъ судейскомъ мѣстѣ? Никогда, но держалъ мірскихъ же людей, которые судили въ его Приказахъ, челобитныя раздавали своимъ дворовымъ людямъ, и они прямое дѣлали кривымъ. 13) Кто называетъ царя нашего мучителемъ, обидчикомъ, хищникомъ, чтѣ тому подобаетъ по Св. Правиламъ? *Отвѣтъ:* Если онъ духовнаго чина, да извержется. 14) Никонъ оправдывается тѣмъ, зачѣмъ его не позвали на Соборъ, гдѣ бы онъ объявилъ причины своего ухода? *Отвѣтъ:* Никонъ долженъ былъ самъ явиться на Соборъ или прислать нисемъ. 15) Никонъ винитъ архіереевъ своихъ, что не сдержали присяги своей, данной передъ нимъ, но отвергли его, вышли изъ послушанія къ нему. *Отвѣтъ:* Общаніе не присяга; архіерей не присягалъ; общали они послушаніе въ дѣлахъ, которыя справедливы. 16) Проклялъ Никонъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, будто тотъ выучилъ собаку свою благословлять подобно патриарху; достойно ли проклинать за это? *Отвѣтъ:* Еслибъ мышь взяла освещенный хлѣбъ,—нельзя сказать, что причастилась,—такъ и благословіе собаки не есть благословіе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятія, потому что считаютъ его за ничто.

Никону доставили и вопросы, и отвѣты; съ обычнымъ своимъ пыломъ онъ принялъ писать возраженія, написалъ большую тетрадь. Ему легко было опровергнуть обвиненія въ присвоеніи титула ве-

ликаго государя, въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Иерусалимомъ: „Какого еще другого толку ищешь ты, вопрошатель“, обращается онъ къ Стрѣшневу, „когда самъ свидѣтельствуешь, что царь называть меня великимъ государемъ? На немъ Господь Богъ и взыщеть и разсудитъ въ день судный по его рукописнымъ грамотамъ. Онъ же былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на освященіи церкви, ему захотѣлось называть монастырь Новымъ Иерусалимомъ, и въ своихъ грамотахъ написалъ собственною рукою на утвержденіе“ Легко опровергаетъ Никонъ и упрекъ относительно присоединенія Коломенской епархіи къ патриархіи: „Вы говорите, что я разорилъ Коломенскую епископію. Епископія эта лежитъ подлѣ патриаршей епархіи Вятская и Великопермская, а не для Воскресенскаго монастыря: еще въ то время и зачатковъ Воскресенскаго монастыря не было; сколько было доходоу у Коломенской епископіи, столько же дано и туда изъ патриаршей епархіи; какое число крестьянскихъ дворовъ было въ епископіи, столько же и тамъ дано, а коломенскія деревни взяты на государя; а послѣ государь пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь, будучи на освященіи церковномъ, говоря: Святая Святѣмъ достойна; а не я взялъ или разорилъ“. — Мы видѣли, что въ числѣ обвиненій Никону были крупныя поступки его, побои, ссылки; онъ отвѣчаетъ на это обвиненіе: „И теперь не отказываемся такъ поступать съ врагами и безстрашными людьми по образу Христову, по правилу Св. Апостола и Св. Отецъ“. Но всего болѣе разсердило Никона утвержденіе Стрѣшнева, что всесчастливый царь поручилъ ему надзоръ надъ судами церковными и далъ много привиллегій; тутъ Никонъ высказалъ свой взглядъ на отношенія царской власти къ патриаршеской, — взглядъ, который никакъ не сходилъ съ преданіями Восточной Церкви, утвержденными въ Россіи исторіею: „Про всесчастливство царское отвѣчать намъ не нужно, знаютъ все счастье и несчастье царское, какую каждый благодать принялъ отъ его царскаго счастья. Ты говоришь, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ всякими судами церковными; это скверная хула и превосходить гордость денницы: не отъ царей начальство священства приеменяется; но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привиллегіями подарилъ насъ царь? — привиллегію вязать и рѣшить? Мы другого законоположника себѣ не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а посылалъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и все дѣла его незаконны. Какія же его дѣла! Церковію обладаетъ, священ-

ными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и все причетныя покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; судомъ, пошлинами владѣть. Господь Богъ всеслышный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтила, солнцу и мѣсяцу, свѣтитъ повелѣть и чрезъ нихъ показавъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего, мечъ царскій долженъ быть готовъ на неприятелей вѣры православной; архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобы ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій, — это мірскіе люди дѣлать обязаны; мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны вишней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога“. Наконецъ, такъ какъ Писсій объявилъ, что духовное лицо за порицаніе царя достойно низверженія, то Никонъ отвѣчалъ: „Досаждаютъ царю всемъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено. Уже собрали много ликъ злопострадавшихъ у Господа обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ, злыми смертями и муками скончавшихся“.

Въ декабрѣ 1662 года, говоритъ официальное извѣстіе, царь Алексѣй Михайловичъ, слушалъ всенощную въ Успенскомъ соборѣ на праздникъ Петра митрополита, пришелъ въ умиленіе, что соборная церковь вдовствуетъ безъ пастыря уже пятый годъ, патриархъ Никонъ о вдовствѣ ея не радить, ушелъ и живетъ въ новостроенныхъ имъ монастыряхъ, церковная служба отирается несогласно, а патриархъ прогнанаецъ митрополита Пятирима Сарскаго и другихъ безъ собора и безо всякаго испытанія, и другое подобное тому творить. Поэтому великій государь изволилъ созвать Соборъ и писать ко Вселенскимъ патриархамъ, чтобы они, или кто-нибудь изъ нихъ изволили прибыть въ Москву, а ко всемъ преосвященнымъ государь велѣлъ написать, чтобы они пріѣхали на Соборъ изъ дальнихъ городовъ къ 25 марта, а изъ ближнихъ къ 9 мая; поменно же долженъ былъ явиться въ Москву Рязанскій архіепископъ Платонъ для собранія къ тому Собору „всякихъ вишь“, и съ нимъ вмѣстѣ у этого дѣла велѣно быть боярину Петру Михайловичу Салтыкову, думному авраршину Елизарову и дяку Голосову. Они должны были собрать свѣдѣнія: сколько Никонъ во время своего патриаршества взялъ изъ Успенскаго собора образовъ и всякой церковной утвари съ роспискою и безъ росписки; сколько взялъ изъ домовъ казны денегъ, хлѣба, лошадей, похваши изъ Москвы; сколько при немъ было выходоу книгъ печатныхъ и какихъ, и однихъ книгъ выходъ съ выходомъ во всемъ ли сходны были, и въ чемъ разица, старыя печатныя книги и рукописи и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ новыя книги печатаны, все ли дѣла на печатномъ дворѣ, или нѣкоторыхъ нѣтъ и гдѣ онѣ; изъ монастырей

взять свѣдѣнія, сколько чего изъ нихъ взялъ Никонъ; у старца Арсенія Суханова отобрать свѣдѣніе, сколько онъ купилъ книгъ въ Палестинѣ, какихъ, сколько заплатилъ за нихъ денегъ и кому книги отданы. — Въ томъ же декабрѣ іеродиаконъ Грекъ Мелетій, бывший въ Москвѣ для устройства пѣвческаго дѣла, другъ Лигарида, отправленъ былъ къ Восточнымъ патриархамъ съ приглашеніемъ прибыть въ Москву: „Любе ради всѣхъ Содѣтеля, подражая Того смиренію, печалующую матеръ нашу присѣтити подвижника, болѣзную родительницу нашу, яко врачъ духовный, искусный сего художества, испѣлители понудися, и въ царствующій нашъ градъ прити къ намъ самолично потщися, и матери нашей Св. Церкви дряхлованіе, яко свѣтило нѣкое, отъ высоты разума твоего исходящимъ разсужденіемъ, вспомогаемъ Вышняго сплю, просвѣтши“.

Между тѣмъ Бабарыкинское дѣло продолжалось: полюбовная сдѣлка, на которую соглашался Никонъ, не состоялась, потому что Бабарыкинъ, по свидѣтельству патриарха, потребовалъ слишкомъ много вознагражденія за свои убытки: Никонъ показывалъ, что сжато ржи только 67 четвертей, а Бабарыкинъ утверждалъ, что 600 четвертей. „На дожное твое челобитіе денегъ не напастись и не откупиться и всѣмъ монастыремъ!“ сказали Никонъ и порвалъ сдѣлку, послѣ чего прибѣгнувъ къ обычному своему средству противъ враговъ — къ проклятію. Но Бабарыкинъ донесъ, что Никонъ проклинаетъ царя и семейство его. Алексѣй Михайловичъ призвалъ архіереевъ и сказалъ: „Я грѣшенъ; но чѣмъ согрѣшили дѣти мои, царяца и весь Дворъ? Зачѣмъ надъ ними произносить клятву истребленія?“ Рѣшили, что надобно разыскать дѣло, и отправили въ Воскресенскій монастырь боярина князя Никиту Ивановича Одоевского, околичнича Родіона Стрѣшневца, дьяка Алмаза Иванова; изъ духовныхъ поѣхали: Лигаридъ, Астраханскій архіепископъ Іосифъ и Богоявленскій архимандритъ. 18 іюня 1663 года пріѣхали они въ Воскресенскій монастырь; патриархъ былъ у вечерни; Одоевскій послалъ сказать ему о пріѣздѣ посланныхъ царскихъ, и всѣ собирались идти къ нему вмѣстѣ; но Никонъ послалъ сказать, чтобъ приходили всѣ, кромѣ Писися, если только онъ не имѣетъ къ нему грамоты отъ Вселенскихъ патриарховъ. Несмотря на то, Писисій отправился и хотѣлъ-было первый говорить, но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя, и бранные рѣчи полились на Лигарида: „Воръ, шестистъ, собака, самооставленникъ, мужикъ! Давно ли на тебѣ архіерейское платье? Есть ли у тебя отъ Вселенскихъ патриарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! И здѣсь хочешь сдѣлать то же!“ Заговорилъ Іосифъ Астраханскій: Никонъ бросился на него: „Помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщався ты и царя не слушать, а теперь говоришь! Развѣ тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? Я тебя

слушать и говорить съ тобою не стану.“ Духовные были отдѣланы; дошла очередь до свѣтскихъ. Одоевскій началъ говорить: „Митрополита, архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ Соборомъ и о томъ докладывали великаго государя, а ты ихъ безчестишь; этимъ безчестьемъ и великому государю досажденія много приносишь, а Газскій митрополитъ пріѣхалъ къ великому государю и грамоту съ нимъ прислалъ къ царскому величеству Іерусалимскій патриархъ.“ Писисій оправдился и началъ: „Ты, патриархъ, меня воромъ, собакою и самооставленникомъ называешь нарасло; я посланъ къ тебѣ выговоривать твои неистовства, посланъ отъ освященнаго Собора, съ доклада великому государю; ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный Соборъ; я отищу объ этомъ къ Вселенскимъ патриархамъ; а что ты называешь меня самооставленникомъ, за это мѣсть примешь отъ Бога: я поставленъ Іерусалимскимъ патриархомъ Писисіемъ и ставленная грамота за его рукою у меня есть; если бы ты былъ на своемъ патриаршескомъ престолѣ, то я бы тебѣ свою ставленную грамоту показалъ; а теперь ты не патриархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ, а другого патриарха на Москвѣ нѣтъ, потому и грамоты отъ Вселенскихъ патриарховъ къ Московскому патриарху со мною нѣтъ.“ Масло было подлито въ огонь, тронута самое чувствительное мѣсто: „Я съ тобою, воромъ, ни о чемъ говорить не стану!“ закричалъ Никонъ. Тутъ Іосифъ и свѣтскіе посланные рѣшились прямо приступить къ дѣлу, и спросили его, на основаніи извѣта Бабарыкина: „Для чего ты на молебнахъ жалованную государю грамоту приносишь, клалъ подъ крестъ и подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и, выбирая изъ неалмовъ клятвенныя слова, говорилъ?“ — „26 іюня“, отвѣчалъ Никонъ, „на литургіи, послѣ заавоинной молитвы, со всѣмъ соборомъ я служилъ молебенъ, государю жалованную грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на Романа Бабарыкина, а не на великаго государя, а за великаго государя на ектиньяхъ Бога молилъ.“ Но посланные не удовлетворялись этимъ объясненіемъ. „Хотя бы тебѣ“, говорили они, „отъ Бабарыкина или отъ другого кого-нибудь какая обида и была, и тебѣ ихъ проклинать не довелось, а въ государевой жалованной грамотѣ Бабарыкинской земли не написано: скажи правду: для чего ты государю грамоту въ церковь приносишь, подъ образъ клалъ и на кого клятвы произносишь?“ — „Проклиналъ я Бабарыкина, а не великаго государя!“ повторилъ Никонъ; „если я проклиналъ великаго государя, то будь я амаемъ; приносилъ я въ церковь государю грамоту потому, что въ ней написаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря, и Бабарыкинская вотчина записана въ Помѣстномъ Приказѣ по государеву же указу; а за великаго государя я на молебнѣ Бога молилъ, а послѣ молебна чи-

таль надъ грамотою молитву.“ Тутъ Никонъ пошелъ въ заднюю комнату и вынесъ тетрадку. „Вотъ какую молитву“, сказалъ онъ, „читалъ я надъ грамотою,“ и началъ-было читать, но посланные прервали его: „Вольно тебѣ“, сказали они, „показывать намъ другую молитву, на молебнѣ ты говоришь изъ псалмовъ клятвенныя слова, и въ томъ и самъ не закрался, что такіе псалмы на молебнѣ говорили.“ Это могло вывести изъ терпѣнья и чело-вѣка болѣе хладнокровнаго, чѣмъ Никонъ; если говорилось съ тѣмъ, чгобы раздражить его, заставить выйти изъ себя и наказать вредныхъ для себя вещей, то цѣль была достигнута. „Хотя быя и къ лицу великаго государя говорить“, закричалъ Никонъ, „такъ что-жъ! Я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!“ — „Какъ ты забылъ премоногу государеву милость“, отвѣчали посланные, „великій государь почитать тебя больше прежнихъ патріарховъ, а ты не боишься суда праведнаго Божія, такія непристойныя рѣчи про государя говоришь! какія тебѣ отъ великаго государя обиды?“ — „Онъ законъ Божій не исполняетъ“, продолжалъ Никонъ: „въ духовныя дѣла и въ свѣтительскіе суды вступается, — дѣлають всякія дѣла въ Монастырскомъ Приказѣ и служатъ насъ заставляють“. — „Царское величество государя благочестивый“, отвѣчали посланные: „законъ Божій хранишь, въ духовныя дѣла и свѣтительскіе суды не вступается; а Монастырскій Приказъ учрежденъ при прежнихъ государяхъ и патріархахъ, а не вновь, — учрежденъ для расправы мірскихъ обидныхъ дѣлъ; а даточныхъ людей и поборы съ монастырскихъ крестьянъ берутъ для избавленія православныхъ христіанъ отъ нашествія иноплемennыхъ, а не для прибыли и корысти. А неправды всякія началъ дѣлать ты: будучи на патріаршество, началъ вступаться во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды; началъ писаться великимъ государемъ; памяти указы въ Приказы отъ себя посылалъ; дѣла всякія, безъ повѣстія государева, изъ Приказовъ бралъ, и сталъ многихъ людей обижать, вотчины отнимать, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать. Великому государю на тебя было много челобитья, что ты дѣлалъ не по архіерейски, противно преданію Св. Отецъ; за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ; возгордившись предъ великимъ государемъ, ты престолъ свой патріаршескій самовольно оставилъ и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покаянулъ и дѣлаешь такія злыя дѣла, чего тебѣ и помыслить не годилось, повелѣнію великаго государя и всему освященному Собору во всемъ противишься, и дѣлаешь все по своему праву“. — Никонъ не сталъ отвѣчать свѣтскимъ посланнымъ, но обратился къ духовнымъ. „Какой у васъ теперь Соборъ и кто приказывалъ вамъ его сзывать?“ — „Этотъ Соборъ“, отвѣчали духовные, „мы создали, по приказанію великаго государя, для твоего нешествова; а тебѣ до этого Собора дѣла нѣтъ, потому что ты достоинство свое патріаршеское оставилъ“. — „Я достоин-

ства своего патріаршескаго не оставлялъ“, сказалъ Никонъ. — „Какъ не оставлялъ?“ начали всѣ вмѣстѣ, и свѣтскіе и духовные: „а это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество, какъ неси на свою бловотину? Развѣ не ты самъ писалея бывшимъ патріархомъ? И послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?“ Опять затропули самое чувствительное мѣсто. „И и теперь государю не патріархъ!“ закричалъ Никонъ съ сердцемъ. Иосифъ съ товарищами продолжали вонзати оружіе все глубже и глубже: „По самовольному съ патріаршескаго престола удаленію и по нынѣшнимъ нешествованъ ты и всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои нешествова ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ хирѣ смуту“. Никонъ вышелъ изъ себя: „Вы пришли на меня, какъ Жиды на Христа!“ закричалъ онъ. Долго онъ шумѣлъ; посланные не говорили ни слова и отправились; Одоевскій, уходя, сказалъ Никону: „Пришли къ намъ къ допросу архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ, которые съ тобою служили, да пришли крестника своего и другихъ иноземцевъ“. — „Не пришло я изъ своихъ никого подъ мірской судъ“, отвѣчалъ Никонъ, „кто вамъ надобень, берите его сами!“ Упомянутыя лица вызваны были на гостинный дворъ, гдѣ Иосифъ съ товарищами разспрашивали архимандрита и намѣстника по священству и по иноческому общаію насчетъ извѣта Вабарыкина; единогласный отвѣтъ былъ, что на ектепнѣхъ патріархъ за государя Бога молилъ, а псалмы къ какому лицу читалъ, того они не знаютъ, Никонъ не называлъ это лицо по имени. Посланные, отправивъ допронныя рѣчи къ государю, написали ему: „Про уходъ свой изъ монастыря патріархъ не говорилъ ни слова, и мы потому на монастырѣ караула поставить не смѣли до твоего государева указа“. Потомъ они взяли подъ стражу крестника Никонова, Вѣнца Долмана, и Вѣлорусца Николоя. Но авторъ житія Никонова, Шупера, и Павсій Лигаридъ, смотрѣвшіе на дѣло совершенно разными глазами, сходятся въ томъ, что Никону закрытъ былъ выходъ изъ монастыря. — Шупера пишетъ, что около монастыря была разставлена стрѣлцкая стража и Никону прямо объявили, что его не выпустятъ до государева указа; по словамъ же Лигарида, Никонъ бѣжалъ, былъ схваченъ и лишенъ свободы. Посланные оставались въ монастырѣ довольно долго, и тутъ происходила разная сцены. Однажды, въ воскресенье, Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгоуу, и началъ говорить: „Вотъ уже пришла воишкая спира, Иродъ и Пилать явились въ судъ, приблизились архіереп — Анна и Каіафа!“ Одоевскій и архіерепъ пришли опять допрашивать Никона по Вабарыкинскому извѣту. „Дайте мнѣ только дожждаться Собора“, отвѣчалъ имъ Никонъ, „я великаго государя оточу отъ христіанства, уже у меня и грамота заготовлена“. — „Ты забылъ страхъ Божій, что говоришь такія неподобныя

рѣчи!“ кричали посланные царскіе: „за такія твои непристойныя рѣчи поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слышать страшно; только бы ты былъ не такого чина, то мы бы тебя живаго не отпустили“.

Когда Одоевскій и Паисій дали знать государю о происходившихъ у нихъ съ Никономъ разговорахъ, созвана была дума изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ; долго разсуждали и рѣшили написать соборное письмо, которое и отправлено было къ Паисію въ Воскресенскій монастырь; по этому соборному письму Газскій митрополитъ долженъ былъ говорить Никону о его неправдахъ и о его неправой клятвѣ; и если бывшій патріархъ Никонъ противъ соборнаго письма въ рѣчахъ своихъ подательствъ никакого не покажетъ и на добро ни въ чемъ не склонится, и станетъ говорить дерзко по-прежнему, то князь Одоевскій съ товарищами должны сказать ему съ большимъ выговоромъ, что если онъ, забывъ страхъ Божій и не памятуя воздаянія на страшномъ судѣ, отъ своей дерзости не уймется, то великій государь предать его суду Великаго Бога; да сказать ему, что великій государь приказалъ оставить у Воскресенскаго монастыря отрядъ московскихъ стрѣльцовъ, а савьянскихъ стрѣльцовъ отпустить въ Саввинъ монастырь, потому что посланы они были въ Воскресенскій монастырь для всякаго обереганія, а они вмѣсто того плутовали, передъ нимъ, бывшимъ патріархомъ, ходили съ батоужками, какъ бываетъ чинъ предъ великимъ государемъ. Но когда Паисій хотѣлъ говорить по соборному письму, то Никонъ сказалъ, что рѣчей его слѣшать не станетъ, потому что онъ невѣдомо какой митрополитъ, и называлъ его врагомъ Божиимъ и сорщикомъ, а по правиламъ такихъ слушать не велѣно. Начались опять упреки и перебранки. Когда Никону объявляли, что онъ не долженъ выходить изъ монастыря до Собора, то онъ сказалъ: „Гдѣ раздѣлится домъ надвое, — задушетъ.“ Ему отвѣчали, что раздѣленіе произошло отъ него, а не отъ кого другого. „Для чего ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ три служебника и во всехъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?“ спрашивалъ Никона Паисій съ Одоевскимъ. — „Теперь поютъ кто какъ хочетъ“, отвѣчалъ Никонъ, „и все это дѣлается отъ непослушанія; а если я въ книгахъ рѣчи перемѣнилъ, то переправилъ я по письму и свидѣтельству Вселенскихъ патріарховъ.“ У Паисія была важная улика противъ Никона: „Ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдъ это написано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ Вселенскимъ патріархамъ?“ Что же отвѣчалъ Никонъ? — „Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные Апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ“. — „Но вѣдъ папу на соборахъ проклинали!“

возразилъ Паисій. — „Это я знаю“, отвѣчалъ Никонъ, „знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ“.

Одоевскій и Паисій съ товарищами наконецъ уѣхали изъ Воскресенскаго монастыря. Три мѣсяца прошло покойно; въ началѣ ноября Никонъ далъ о себѣ вѣсть, прислалъ грамоту къ государю отъ своего имени, также и отъ имени архимандрита Воскресенскаго монастыря Герасима и наместника Іова: „Пришли вѣсти, что Польскіе и Литовскіе люди идутъ въ твои государевы города и стоятъ надалеко отъ Вязьмы, пойдутъ и дальше; а мы живемъ на пустомъ мѣстѣ, прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ! Милосердый великій государь! Выдай милостивый свой указъ, чѣмъ намъ пропитаться и защититься на пустомъ мѣстѣ. Помни святое слово, какъ присылалъ ясельничаго своего Аватасія Ивановича Матюшкина, и онъ говорилъ предъ Христовымъ Святымъ образомъ много разъ: великій государь тебѣ велѣлъ сказать, что не покинетъ тебя во-вѣки. А когда въ прошлыхъ годахъ объявили о татарскомъ приходѣ и я былъ на Москвѣ, то думный дьякъ Алмазъ Ивановъ сказывалъ мнѣ твоимъ государевымъ словомъ: „Ступай, живи въ своихъ монастыряхъ, а великій государь тебя не покинетъ, великъ уберечь“. Когда ты, великій государь, былъ на освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, и я тебѣ говорилъ, что мѣсто хорошо, да строи нечѣмъ, то ты далъ слово свое: „Строй, а мы не покинемъ“. Вспомниши все это, обрати на милость! А что тебѣ лихіе люди клеветуютъ на меня, — сй, дугъ; а я нынѣ за твоимъ государевымъ словомъ хотя и умереть радъ здѣсь; если не помниши слова и обѣщанія своего, то на тебѣ Богъ взыщетъ; а мнѣ смерть — покой по писанному.“ Письмо это прислалъ Никонъ къ Ртищеву съ просьбою, чтобъ отдалъ его государю; къ самому Ртищеву Никонъ писалъ: „Ишемъ, надѣясь на твое незлобіе и вспоминая, какъ ты здѣсь былъ, послѣ отъѣзда нашего изъ Москвы, и слово свое далъ быть нашимъ братьямъ и строгельствовать о вслкихъ монастырскихъ нуждахъ; да и въ прошломъ 1662 году, какъ ты присылалъ брата своего Феодора Соковнина, а въ другой разъ Порфирья, то приказывалъ, чтобъ намъ тебя живѣть въ любви своей, какъ прежде.“

Но мягкія грамоты онездали; мы видѣли, что іеродіаконъ Грекъ Мелегій отправился къ Восточнымъ патріархамъ; онъ повезъ слѣдующіе вопросы: „Долженъ ли мѣстный епископъ или патріархъ повиноваться царю во всехъ свѣтскихъ (политическихкихъ, kata pasas tas politikas upotheseis kai kriseis) дѣлахъ, чтобъ быть одному правителю, или нѣтъ? Можетъ ли епископъ или патріархъ отлучать кого нибудь по собственному произволу, и будутъ ли отлученные такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ виновны предъ Богомъ, или тогъ, кто отлучилъ безъ суда, повпнннхъ правилами? Если кто скажетъ, что епархіи патріаршескія плѣнены бурманами, находятся подъ игомъ, потеряли древ-

нюю честь и прежнее достоинство, и какъ патриархамъ судить и распорядиться церковными дѣлами? Если кто изъ архіереевъ, по гордости, начнетъ писаться государемъ? Можетъ ли архіерей тратить доходы свои по произволу, строить монастыри, населять пустынные мѣста? Можетъ ли епископъ или патриархъ управлять мірскими дѣлами? Епископъ, писшедшій въ число кающихся, можетъ ли опять воспринять санъ архіерейскій? Можетъ ли архіерей, отрекшійся отъ своего сана, свергнувшій съ себя одежды архіерейскія, опять принять прежній санъ? Если случится, что послѣ этого отреченія отреченшій будетъ призываемъ мѣстною властію, но, по гордости, пренебрежетъ этимъ зовомъ и не возвратится, то что дѣлать въ такомъ случаѣ? Если послѣ отреченія отречшійся снова станетъ хиротонисать? Могутъ ли судить митрополита или патриарха епископы, отъ него поставленные? Если кто ударитъ раба архіерейскаго, то обидя эта относится ли къ господину, и можетъ ли послѣдній одинъ судить такое дѣло, или долженъ отнестись къ суду мірскому?⁴

Патриархи дали отвѣты, желанные въ Москвѣ: они осудили всеъ положенные въ вопросахъ постушки; за нѣкоторые изъ нихъ прямо произнесли приговоръ низверженія виновному архіерею; провозгласили, что царь долженъ быть единственнымъ владыкою во всеъхъ свѣтскихъ дѣлахъ, патриархъ долженъ ему быть подчиненъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ не долженъ дѣлать ничего противнаго царскому рѣшенію, а въ дѣлахъ церковныхъ не долженъ церемѣнять древнихъ уставовъ; опредѣлили, что ни епископъ, ни патриархъ не долженъ ничего отлучать отъ причастія прежде объявленія вины. На патриарха можетъ быть подана жалоба къ престолу Константинопольскому, и если остальные патриархи согласятся съ Константинопольскимъ, то уже это рѣшеніе верховное; это право верховнаго суда дано Римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по гордости и злонамѣренности своей, отлученъ отъ Каколической Церкви, то означенное право перенесено къ патриарху Византійскому; если бы патриархи и были совлечены славы своихъ престоловъ, но благодать Духа Святаго никогда не старѣетъ, и кто не примлетъ ихъ верховнаго суда, тотъ подлежитъ наказанію, какъ провинтившійся Вождю пзволенію, повинующійся только чувствамъ и ничего высшаго не разумѣющей. Патриархи утвердили за помѣстнымъ Соборомъ право ставить другаго архіерея намѣсто отречнагося, право епископовъ судить митрополита или патриарха, ихъ поставившаго.

Патриархи прислали грамоты, но сами не поѣхали. Притомъ у Никона была сильная сторона между Греками, которая съ южною страстію начала волноваться, узнавъ о прїѣздѣ Мелетія, начала употреблять всеъ средства, чтобъ помѣшать ему. Отъ приверженныхъ къ Никону Грековъ изъ Москвы пошли письма въ Константинополь, что Никонъ—это второй Златоустъ, царь его любитъ,

почью приходилъ къ нему для бесѣды; но бояре ненавидятъ за то, что онъ уговариваетъ царя выйти на войну противъ Татаръ, плѣнявшихъ Москвичей и казаковъ, а боярамъ не хочется выступать въ походъ и разстаться съ покойнымъ житиемъ московскимъ; писали, что Никонъ любитъ Грековъ и ревностный защитникъ догматовъ Восточной Церкви; писали, что грамоты, привезенныя Мелетіемъ, сочинены Лигариомъ, котораго бодрѣ подкупили деньгами и почестями; что Мелетію дано 8,000 золотыхъ, съ помощію которыхъ онъ и успѣлъ въ томъ, что отвѣты даны были противъ Никона. Антіохійскій архимандритъ высказалъ все это передъ самимъ патриархомъ, и потомъ ходилъ и кричалъ по всему Константинополю, ища Мелетія; еще сильнѣе волновалъ константинопольскихъ Грековъ какой-то клирикъ Михаилъ, получившій отъ зятя своего Анастасія изъ Москвы письмо о 8,000 золотыхъ, привезенныхъ Мелетіемъ; а Мелетій, съ своей стороны, писалъ Лигариду, что какой-то Еммануилъ Манвалъ тайно обѣщалъ двоимъ патриархамъ 15,000 золотыхъ, чтобъ только не давали отвѣтовъ, осуждавшихъ Никона, и не успѣвъ въ этомъ, искалъ убить Мелетія. Письма, что Никонъ страдаетъ за увѣщанія къ войнѣ противъ Татаръ, оуестошающихъ Великую и Малую Россію, должны были производить особенное впечатлѣніе на константинопольскихъ Грековъ: къ ихъ городу ежедневно приставали по три по четыре корабля, наполненные русскими плѣнниками; на торговыхъ площадяхъ стояли священники, дѣвщцы, монахи, юноши,—толпамъ отвозили ихъ въ Египетъ на продажу; нѣкоторые добровольно отрекались отъ христіанства, другіе принуждаемы были къ тому насиліемъ.

Приверженцы Никона не довольствовались тѣмъ, что возбуждали константинопольскихъ Грековъ противъ Мелетія; они рѣшились употребить отчаянное средство въ самой Москвѣ. Государю дали знать, что прїѣхалъ Иконійскій митрополитъ Аонасіей въ званіи экзарха, племянникъ онъ Константинопольскому патриарху, присланъ отъ него и отъ всего Собора. На представленіи царю Аонасіей началъ говорить съ необыкновенною торжественностію: „Прислала меня Константинопольскій патриархъ и весь Соборъ, велѣли сказать: какъ Господь Богъ пршмелъ къ ученикамъ своимъ дверямъ затвореннымъ и сказалъ: миръ вамъ!—такъ я отъ имени Константинопольскаго патриарха и всего Собора говорю тебѣ, государь, помришь съ Никономъ патриархомъ и призови его на престолъ попрежнему“. Алексію Михайловичу показалось страннымъ, что этотъ проповѣдникъ мира прислалъ безъ грамоты и велтъ на словахъ призвать Никона. „Знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?“ спросилъ государь у Аонасія. — „Знаю“, отвѣчалъ тотъ, „патриархи Мелетія не приняли, твоихъ грамотъ и милостыни не взяли“. — „Какъ же это такъ?“ продолжалъ царь, „Мелетій писалъ мнѣ совершенно иное!“ Аонасіей, стоя передъ Спасовымъ образомъ,

объявлялъ, что Мелетій писалъ ложно. Но вотъ, 30 мая 1664 года, прѣѣхалъ Мелетій и привезъ отвѣты, подписанные патриархамъ; царь созвалъ Соборъ изъ русскаго и греческаго духовенства для свидѣтельствования подписей; Соборъ объявилъ, что подписи настоящи; одинъ Аванасій сначала отвергалъ подлинность ихъ, но потомъ и онъ согласился, что подписи подлинныя. Послѣ открылось, почему онъ рѣшился такъ смѣло обличать Мелетія во лжи: онъ спрашивалъ Иерусалимскаго патриарха Нектарія, какъ порѣшили съ Никоновымъ дѣломъ, и тотъ, изъ осторожности, сказалъ ему, что они Мелетію никакого отвѣта не дали и рукъ своихъ ни къ какой грамотѣ не прикладывали.

Какъ бы то ни было, царь не былъ успокоенъ: патриархи могли подписать отвѣты и въ то же время просить, чтобъ соблазнительное дѣло оставлено, чтобъ послѣдовало примиреніе съ Никономъ; дѣйствовать противъ Никона на основаніи отвѣтовъ, присланныхъ патриархами, царь не рѣшился; онъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло; зналъ, какъ Никонъ начнетъ громить Соборъ, опирающійся на мертвыхъ грамотахъ, недавно еще бывшихъ предметомъ спора и въ которыхъ не было даже упомянуто имени Никона. Чтобъ окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совѣсть, ему нужно было присутствіе самихъ патриарховъ, тѣмъ болѣе что при сильно разыгравшейся борьбѣ сторонъ трудно было полагаться на чистоту средствъ, употребившихся при этихъ отдаленныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ патриархами. Ложное посольство Аванасія Иконійскаго не было единственнымъ. Къ Византійскому патриарху Діонисію отправился монахъ Савва: „Агіе деспота!“ говорилъ онъ Діонисію, „царь Алексѣй Михайловичъ молитъ тебя, приди въ Москву, благослови домъ его и разныя нужныя вещи исправь, рѣши, что дѣлать царю: умолять ли Никона патриарха, чтобъ возвратился, или другого поставить. Да Иконійскій митрополитъ Аванасій отъ тебя ли присланъ и родственникъ ли тебѣ; приказывалъ ли ты ему словесно, чтобъ умолять Никона о возвращеніи? Съ Мелетіемъ дьякономъ сколько грамотъ ты прислалъ? Стефанъ Грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамоту, чтобъ митрополиту Газскому быть экзархомъ?“ — „Бѣжать въ Москву никакъ не могу“, отвѣчала Діонисій; „благословляю государя, чтобъ онъ или простилъ Никона, или другого поставилъ смиреннаго и кроткаго. Если онъ боится другого поставить, то мы принимаемъ грѣхъ на свои головы; царь самодержецъ: все ему возможно. Мелетій прѣѣзжалъ сюда не смиренно, всѣ Турки о немъ узнали, и сдѣлалъ мнѣ убытку на 200 мѣшковъ. Иконійскій митрополитъ Аванасій мнѣ не родня; на немъ былъ турецкій долгъ, онъ упроелъ срока на недѣлю да и ушелъ, а я съ нимъ ни одного слова не приказывалъ, пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ; если царь его отпуститъ, то большую бѣду Церкви сдѣлаетъ. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ, то мы съ Нектаріемъ патриархомъ на-

писали двѣ грамоты слово-въ-слово и руки свои приложили, и одну послали съ Мелетіемъ въ Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своимъ калугеромъ въ Антиохію. Стефанъ Грекъ у меня не былъ, только артофилаксіей докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ быть Газскому экзархомъ; но я ему этого не позволилъ, и если такая грамота объявилась у царя, то это клеветы, посянныя артофилаксіемъ; а Пансій Лигаридъ лоза не Константинопольскаго престола, а его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папешникъ, лукавый человѣкъ. Стефанъ Грека не отпускайте-жь, потому что и онъ великое разореніе Церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аванасій Иконійскій“.

Рѣшительнѣе въ пользу Никона отозвался Иерусалимскій патриархъ Нектарій: въ мартѣ 1664 года онъ отправилъ въ Москву посланца своего Саввелія съ двумя грамотами, къ царю и Никону, съ наказомъ, кромѣ нихъ, не отдавать этихъ грамотъ никому. Въ грамотѣ къ царю Нектарій увѣщевалъ призвать снова Никона на патриаршій престолъ, показавъ ему присланныя съ Мелетіемъ статьи Вселенскихъ патриарховъ, какъ руководство для его будущаго поведения, и если онъ общается руководствоваться ими, то достоинъ прощенія; просилъ царя не преклонять уха къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ смуту, особенно если такіе будутъ изъ духовенства. „Въ настоящемъ положеніи нашемъ“, пишетъ Нектарій, „когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, и въ одной вашей Русской Церкви видимъ ковчегъ Ноевъ“. Нектарій увѣщеваетъ царя послѣдовать кротости Давидовой, и не полагать во время своего царствования злаго и гибельнаго начала—сбѣгать патриарховъ, правомыслящихъ о догматахъ вѣры; говорить, что нельзя обращать большаго вниманія на отреченіе Никона; указываетъ примѣры, когда отреченія іерарховъ были уничтожаемы; что же касается до Никона, то онъ не подалъ даже письменнаго отреченія, царь и народъ не принимали этого отреченія, которое состоитъ только въ словахъ. Нектарій заключаетъ, что непременно должно или возвратитъ Никона, или возвести на его мѣсто другого; но гораздо лучше рѣшиться на первое. Нектарію дано было знать, что Лигаридъ ищетъ титула экзарха патриаршескаго и уже называется такъ въ Москвѣ; поэтому патриархъ приказалъ своему посланному объявить въ Москвѣ, что это самозванство, что никто не облеченъ званіемъ экзарха. Нектарій просилъ также, чтобъ никого не принимали въ качествѣ пословъ патриаршескихъ, если на грамотахъ не будетъ патриаршеской печати; переводить грамоты патриаршескія просить отдавать не Грекамъ, но царскимъ переводчикамъ, потому что Греки искажаютъ смыслъ грамотъ. Саввелій объявилъ также: „Я слышалъ отъ патриарха, что кромѣ Никона на престолѣ другому никому быть нельзя, потому что вины его никакой нѣтъ“.

Но еще до получения грамоты Нектарія, тотъ же Мелетій отправился опять на Востокъ съ такимъ наказомъ отъ царя: „Непретѣнно такъ сдѣлать, чтобъ Александрійскій, Антиохійскій, Иерусалимскій и бывший Палсій, а по нуждѣ два, Антиохійскій и Иерусалимскій, пріѣхали бы. А которые захотятъ прислать вмѣсто себя, то говорить накрѣпко, чтобъ присылали архіереевъ добрыхъ, ученыхъ, благоразумныхъ, однословныхъ, крѣпкихъ, правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія, не бояся никакого страха, кромѣ страха суда Божія. И ты, Мелетій, будучи у Вселенскихъ патриарховъ, памятуя страхъ Божій, про патриарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говори, кромѣ правды“.

Мелетій, въ январѣ 1665 года, нашель Нектарія Иерусалимскаго въ Молдавіи; самъ не поѣхаль къ нему, но послалъ съ государевою грамотою Стефана Грека и подъячяго Оловенинова. „Великій государь“, говорили они Нектарію, „проситъ и молить тебя, чтобъ изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла, пошлешь въ Московское государство“ „Отъ великаго государя“, отвѣчалъ Нектарій, „присланъ былъ ко всемъ намъ Мелетій Грекъ, и онъ знаетъ, что я именно затѣмъ и пріѣхалъ въ Молдавскую Землю, чтобъ отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила, и по нимъ для чего до сихъ поръ ничего не сдѣлано?“ Оловениновъ разсказалъ о пріѣздѣ Аванасія Иконійскаго, о свидѣтельствovanіи подписей, и когда Нектарій вторично спросилъ, почему же ничего не сдѣлано по правиламъ, подлинность которыхъ была засвидѣствована, — то Оловениновъ отвѣчалъ: „Безъ Вселенскаго патриарха призывать Никона и другого на его мѣсто ставить невозможно; да у великаго государя и другія дѣла есть, которыхъ безъ васъ никакъ устроить нельзя: весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служить всякій по своему, а настыря нѣтъ“. Узнавши, что во время отъѣзда Оловенинова государь еще не получилъ грамоты, отправленной съ Савеліемъ, патриархъ очень горевалъ: „Еслибъ моя грамота до государя дошла“, говорилъ онъ, „то и безъ насъ давно дѣло сдѣлалось бы“. Нектарій обѣщаль идти въ Москву. „Пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять“, говорилъ онъ, „потому что я считаю великаго государя вселенскимъ царемъ; это единственный христіанскій царь, единственная наша надежда и похвала“. Несмотря на то, Нектарій не поѣхаль въ Москву; Мелетію удалосъ уговорить ѣхать туда двухъ патриарховъ: Макарія Антиохійскаго и Палсіа Александрійскаго.

Что же дѣлалъ въ это время человекъ, котораго имя повторилось безпрестанно и въ Константинополѣ, и въ Яссахъ, въ Египтѣ и Сиріи, что дѣлалъ Никонъ? Въ 1663 же году началось новое соблазнительное дѣло. Опять сосѣдъ Никона по землямъ Воскресенскаго монастыря, Иванъ Сытинъ, подалъ государю челобитную, что патриархъ его

крестьянъ пытку пыталъ, а иныхъ перевѣшалъ. Никонъ написалъ оправдательное письмо. „Извѣщаю о себѣ Св. Евангеліемъ, что ни, — не знаю того дѣла, ни вѣдаю, сдѣлано то дѣло малый иноземецъ: поймавши на озерѣ Ивановыхъ крестьянъ, побилъ ботогами безъ нашего вѣдома, а у меня такого указа не было; былъ онъ ихъ за то, что у него рыбу покралъ; я послалъ малаго къ тебѣ, великому государю: изволь его разспросить хотя и съ пристрастіемъ. Сотвори судъ праведный, припомни свое обѣщаніе, на избраніи нашемъ предъ всемъ Соборомъ и синклитомъ данное, что тебѣ ни во что священное не вступаться; а теперь дѣлаешь надъ нами неправды великія, клеветниковъ, враговъ Божіихъ, слушаешь и всехъ чиновъ людей въ грѣхъ вводишь тѣмъ, что въ патриаршей крестовой дѣлается“. — Призванный къ допросу, патриаршій сынъ боярскій Лускинъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ Сытинскихъ крестьянъ безъ Пикопова вѣдома, но когда они стали похвалиться поджогомъ, то онъ отвелъ ихъ къ патриарху, и тотъ велѣлъ битъ ихъ ботогами въ другой разъ. Въ февралѣ 1664 года околичничій Сукинъ и дякъ Бреховъ отправились въ Воскресенскій монастырь съ страшными сокрушительными словами: „Ты писалъ, что про дѣло не вѣдаешь, а малый твой сказалъ, что ты крестьянъ биты ботогами въ монастырѣ въ другой разъ, значитъ — ты очень хорошо про дѣло знаешь. Ты писалъ, чтобъ учинить судъ праведный; но судъ учинить здѣсь не въ чемъ, потому что крестьянъ биты ботогами дважды безъ розыску и безъ свидѣтельства. Да объяви противъ своего письма, во что священное великій государь вступается, надъ тобою какія неправды чинить и клеветниковъ кого слушаешь? Когда присылаютъ ему битъ челомъ на тебя и на твои монастыри, то онъ о разсылкѣ посылаетъ говорить тебѣ, какъ и теперь по Сытинскому дѣлу. Объяви, чѣмъ великій государь въ грѣхъ вводитъ въ патриаршей крестовой? Въ патриаршей крестовой сдѣять теперь власти: Рязанскій архіепископъ Иларіонъ да бояринъ Петръ Михайловъ Салтыковъ, и разыскиваютъ, что при твоёмъ патриаршествѣ изъ соборной церкви и изъ монастырей взяты какія церковныя утвари и книги, потому что этимъ церквамъ и монастырямъ взяты тобою утвари и книги даны при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ и при немъ, государѣ, а не келейной какой-нибудь казны сыскиваютъ; за церковныя вещи великій государь будетъ стоять и сыскивать и впередъ“.

Никонъ сталъ изворачиваться и погрузился еще глубже: „Я сказалъ, что не знаю про побой крестьянъ на озерѣ, а въ монастырѣ велѣлъ я ихъ битъ за невѣжество, велѣлъ побить ихъ слегка, и въ томъ воля государева“. Чобъ поправиться, онъ изъ обвиненнаго спѣшилъ перейти въ обвинителя: „Какъ вы говорите“, сказалъ онъ, „что великій государь въ священное не вступается? — онъ всемъ духовнымъ чиномъ владѣетъ: кого въ попы и въ дяконы поставитъ, — объ этомъ и объ всякихъ

духовныхъ дѣлахъ челобитныя подписываютъ его указомъ; это не его дѣло, его обѣщаніе не исполнено, и за это онъ приметъ судъ отъ Бога. А неправды ко мнѣ великія: выскиваютъ, научаютъ и подкупаютъ многихъ людей, чтобы на меня говорили и писали неправды всякія. Меня же поносятъ и безчестятъ всячески, ко псу меня приравниваютъ, а государь не пожалуетъ, оборонитъ меня отъ тѣхъ людей не влѣтитъ. А клеветники на меня—Романъ Бабарыкинъ да Иванъ Сытинъ“. — „Патріаршіи престолъ“, отвѣчали ему посланные, „оставить ты своею волею, а не по изгнанію какому-нибудь, и такое долгое время Церкви было не безъ пѣнія стоятъ? Митрополитамъ и епископамъ въ попы и дьяконы какъ не ставить и духовныхъ дѣлъ какъ не вѣдать? А если въ чемъ учинилось какое-нибудь исправленіе, то это Богъ възметъ на тебѣ, потому что ты престолъ свой самовольно оставилъ“. *Никонъ*: „Въ соборной церкви нѣтъ теперь пѣнія; изъ нея сдѣлали теперь вертепъ или пещеру; она теперь вдовствуетъ; а и патріархъ новый будетъ, будетъ онъ прелюбодѣйца, потому: пошелъ я изъ Москвы отъ многихъ неправдъ и отъ изгнанія, а неправды и изгнанія отъ великаго государя. Не только въ мои дѣла вступались, но и бить моихъ людей начали: Хитрово сына моего боярскаго билъ напрасно, а великій государь смыску о томъ учинить не велѣлъ“. *Посланные*: „Не знаемъ, кто тебѣ безчеститъ и ко псу приравниваетъ, и кто тебѣ про это сказывалъ; а мы объ этомъ ни отъ кого никогда не слыхивали“. *Никонъ*: „Всякая тайна откровенна бываетъ отъ Бога“. *Посланные*: „Развѣ ты духъ прозорливъ имѣешь?“ *Никонъ*: „Такъ-таки и есть“. *Посланные*: „Какъ же! чай ирѣзжаютъ да лгутъ ссорщики“. *Никонъ*: „Въ патріаршіей крестовой людей въ грѣхъ вводятъ потому: многихъ людей на меня накупаютъ и всякія неправды сочиняютъ. Архіепископамъ владѣть и распорядиться кто власть далъ? Келейнику мою рухлядь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой перебиралъ и переписывалъ, и изъ нея лучшее все изволилъ великій государь взять на себя. Да и теперь не про одно церковное сыскиваютъ, про посулы и про взятки сыскиваютъ, и государевы грамоты по всѣмъ монастырямъ о томъ посланы. И то я знаю, что, по указу великаго государя, Газскій митрополитъ на меня сочиныетъ и выписываетъ, и другихъ такихъ же лжесвидѣтелей, которымъ быть на Соборѣ, накуплено съ 500 человекъ, а иныхъ въ наместныя накупать послало, и денежной казны для того отпращено 30,000 рублей. Собору я самъ радъ, только пусть будетъ Соборъ праведный, а не накупной, а Газскому я во всемъ отвѣтъ дамъ, не только правилами, но Св. Евангеліемъ“. *Посланные*: „Если ты лжесвидѣтелями называешь властей Московскаго государства, то за это при- мешь мечь отъ Бога“. *Никонъ*: „Какія власти? и кому книжнымъ ученіемъ и правилами говорить? они и грамотѣ не умѣютъ!“ *Посланные*: „Одинъ ли ты въ Московскомъ государствѣ грамотѣ умѣешь,

и есть ли кто другой?“ *Никонъ*: „Есть немного, а Питиримъ митрополитъ и того не знаетъ, почему онъ человекъ“. *Посланные*: „Напрасно ты это говоришь, что ты только одинъ грамотѣ умѣешь; изо всякихъ чиновъ люди книжнымъ ученіемъ и правилами съ тобою говорить готовы, и говорить есть что: только все удержано государскою милостію до Собора, а на Соборѣ будутъ Вселенскіе патріархи“.

Услыхавъ эту страшную для себя вѣсть о ирѣздѣ патріарховъ на Соборѣ, Никонъ написалъ царю письмо съ дѣломъ напугать его тѣмъ, что на Соборѣ откроется много такого, что ему будетъ очень неприятно; хотѣлъ выѣсть напугать и архіереевъ русскихъ. „Мы не отгадываемъ Собора“, писалъ Никонъ, „и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ Евангеліскимъ, Св. Апостолъ и Св. Отецъ канонамъ— ей, не отгадываемъ. Но прежде молимъ твое благородіе послушать малое это наше увѣщаніе съ кротостію и долготерпѣніемъ. Твое благородіе изволилъ собрать по намѣмъ отшествію митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ на судъ, вопреки Божиимъ заповѣдямъ, потому что нѣтъ такой заповѣди, по которой епископы могли бы судить своего патріарха, особенно же отъ него рукоположенные, и судить заочно“. Выписавши Евангеліскія повѣствованія о судѣ надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ: „Зри, христіанѣйшій царь! даже въ такой лютой зависти Іудейской ничего не сдѣлано не по закону и безъ свидѣтелей и заочно, хотя во всемъ поступлено несправедно; того ради рече: предавый Мя тебѣ болѣй грѣхъ понесетъ. Такъ и здѣсь: смутившій твое благородіе болѣй грѣхъ понесетъ. Если Соборъ хотеть меня осудить за одинъ уходъ нашъ, то подобаетъ и самого Христа извергнуть, потому что много разъ уходилъ зависти ради Іудейской. Когда твое благородіе съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви было, и однажды, ненависти ради людской, мы писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во Святой великой Церкви, то каковъ былъ тогда твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго никто, кромѣ насъ, не знаетъ. Ты же смотри, благочестивый царь,—чтобы не было тебѣ чего-нибудь отъ этихъ твоихъ грамотъ, не было бы тебѣ это въ судъ предъ Богомъ и созываемымъ тобою Вселенскимъ Соборомъ. Я это пишу не пѣзъ желанія патріаршаго стола, желаю, чтобы Св. Церковь безъ смущенія была и тебѣ предъ Господомъ Богомъ не вынѣлся грѣхъ, пишу, не боюсь великаго Собора, но не давая св. парствію зазора, запече между двумя или тремя станеть всякъ глаголъ колыми начево множествѣ. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ Перваго и Втораго Собора, которое не о насъ написано. Но какъ о нихъ предложитъ множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ изъбыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ

пресвитеръ не останется достойный! Константинопольскаго патриарха русскіе епископы при поставленіи клануть всѣ. Тогда какъ негопыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое преблагенство, Крутицкій митрополитъ съ Иоанномъ Перопынымъ и прочими совѣтниками. Ты посладе Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ; и здѣсь такое дѣло за нимъ было, думаю, и теперь есть въ Патриаршемъ Приказѣ: есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воринки“.

Отвѣта не было. Всѣ въ тревожномъ состояніи ждали развязки дѣла отъ прбытія патриарховъ. Наступила зима 1664 года, приближался праздникъ Рождества Христова. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время заутрени, подѣхало къ заставѣ нѣсколько саней. „Кто ѣдетъ?“ закричали сторожа.—„Власти Саввина монастыря“, былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню, присутствовалъ Ростовскій митрополитъ Иона. На второй каменѣ вдругъ сдѣлался шумъ, двери загремѣли, растворились и вошла толпа монаховъ, за ними внесли крестъ, а за крестомъ явился—патриархъ Никонъ и сталъ на патриаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно было не слыжать въ Успенскомъ соборѣ: „Перестань читать“. Подъякъ Ростовскаго митрополита, читавшій Псалтырь, повиновался, и Воскресенскіе старцы, прѣбывшіе съ Никонѣмъ, зашѣли: „Исполнати деснота!“ и потомъ: „Достоинъ есть“. Когда пѣніе кончилось, Никонъ велѣлъ соборному дякону говорить египенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и лощамъ; приложившись, велелъ опять на патриаршее мѣсто, проговорилъ молитву: „Владыко многомилостиве!“ и велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословіе Ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство. „Подѣ!“ сказалъ Никонъ Іонѣ: „возвести великому государю о моемъ приходѣ“. Іона отправился вмѣстѣ съ Успенскимъ ключаремъ Іовомъ. Они нашли государя у заутрени, въ церкви Св. Евдокіи. „Въ соборную церковь пришелъ патриархъ Никонъ, сталъ на патриаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, великому государю“, проговорилъ Іона. Немедленно забѣгали огни во дворцѣ, отправилась посланцы за архіереями и комнатными боярами; шумъ, смятеніе, точно пришла вѣсть, что Татары или Поляки подѣ Москву; архіерей, бояре перемѣнились, все спѣшило вверхъ по лѣстницѣ. Наконецъ собрался архіерей: Павелъ митрополитъ Сарскій (Крутицкій), Мансій Газскій, Феодоръ Сербскій; собрался и комнатные бояре. Царь, въ сильномъ волненіи, объявилъ имъ новость; бояре начали кричать, архіерей, качая головами, повторяли: „Ахъ, Господи! ахъ, Господи!“ Совѣщаніе впрочемъ не было продолжительно; въ соборъ отправлялись люди, которыхъ появленіе не предвѣщало Никону ничего добраго,— бояре князья Никита Ивановичъ Одоевскій и

Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ, дякъ Алмазь Ивановъ. Они обратились къ Никону съ вопросомъ: „Ты оставилъ патриаршій престолъ самовольно, общался впередъ въ патриархахъ не было, събѣжалъ жить въ монастырь, и объ этомъ написано уже къ Вселенскимъ патриархамъ; а теперь ты для чего въ Москву прѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго Собора? ступай въ монастырь попрежнему“. Никонъ: „Сшелъ я съ престола инокѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ инокѣмъ не званый для того, чтобы великій государь кровь усладишь и миръ учинишь, отъ суда Вселенскихъ патриарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію; вотъ письмо, отнесите его къ великому государю“.—„Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ“, отвѣчали посланцы: „пойдемъ извѣстимъ объ этомъ великому государю“. Отправившись во дворецъ; чрезъ нѣсколько времени снова вошелъ въ соборъ и сказалъ Никону: „Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ прежнее, чтобы ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять“.—„Если великому государю прѣздъ мой не надобенъ“, отвѣчалъ Никонъ, „то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое огоньвѣдн не будетъ“. Письмо понесли къ государю, начали читать: „Слыша смятеніе и молву великую о патриаршескомъ столѣ, одни такъ, другіе иначе говорятъ развращенная, каждый что хочеть, то и говоритъ.—слыша это, удалился я 14 ноября въ пустыню въ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстия Господь Богъ, чему подобаеть быть; молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія. Съ 13 декабря узвился я любовію Божию болные прежнее, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, дѣніе къ дѣнію, постъ къ посту, и постился даже до 17 дня, ни ѣлъ, ни пилъ, ни спалъ, лежалъ на ребрахъ, утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды, сѣвши, сведенъ я былъ въ малый сонъ и вижу: стою я въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого, стоятъ одни усопшіе святители и священники на сторонахъ, гдѣ гробы митрополиты и патриаршіе. И вотъ одинъ святойлвнй мужъ обходить всѣхъ другихъ съ хартією и киповарницею въ рукахъ, и всѣ подписываются. Я спросилъ у него, чтд они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: „О твоёмъ пршшествїи на святой престолѣ“. Я спросилъ опять: „А ты подписалъ ли?“ онъ отвѣчалъ: „Подписалъ“, и показалъ мнѣ свою подпись: „Смиренный Іона Божию милостию митрополитъ“. Я пошелъ на свое мѣсто и вижу: на немъ стоятъ святители! Я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: „Не ужасайся, брате, такова воля Божїа: взыди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы“.—Еще такъ, мнѣ Господь свидѣтель о семъ, Аминь.—Обрѣтаюсь днесь въ соборной церкви Св. Богоро-

лицы, исповѣдая вашему царскому величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ, что задумалъ, то и сотворилъ, и теперь пришелъ видѣть пресвѣтлое лице ваше и поклониться пресвятой славіи царствія вашего, взявши причину отъ Св. Евангелія, гдѣ написано: „Вы, рече, взыдете въ праздникъ сей, азъ не взыду въ праздникъ сей, яко время мое не у исполнися; егда же взыдоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ взыде не любѣ, но яко тай“. И пакы ино писаніе: рече Павелъ къ Варнаві: „возвращеся посѣти братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, како суть. Такожде и мы прииши: како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ? Прииши мы въ кротости и смиреніи. Хочешь ли самого Христа приять? мы твоему благородію покажемъ, како Господу свидѣтельствующему: приемя васъ, меня приемятъ, и слушаи васъ, мене слушають. Во имя Господне приими насъ и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отбѣитъ. Это написалъ я твоему царскому величеству не отъ себя что-либо, мы не корчемствуемъ слово Божіе, но отъ чистоты, яко отъ Бога предъ Богомъ о Христѣ глаголемъ, ни отъ прелести, ни отъ нечистоты, ниже лестию сице глаголемъ, не яко чловѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Аминь“.

Въ третій разъ отпразднелъ митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: „Письмо твое великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патриархъ изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему“. Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. „Оставъ посохъ“, говорили ему бояре. „Отнимите силою“, отвѣчалъ Никонъ, и вышелъ изъ церкви. Еще оставана часть до сѣнта; на тебѣ горѣла хвостатая комета ¹⁾. Садясь въ сани, Никонъ началъ отрясать ноги, произнося Евангельскія слова: „Идеже аще не приемятъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилишши къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня.“ Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожатъ Никона, сказалъ: „Мы зтогъ прахъ подметемъ.“— „Да размететь Господь Богъ васъ иною божественною метлою, иже является на дни многи!“ отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись; окольный князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ѣхали за патриархомъ; выѣхавши за Земляной городъ, остановились, Долгорукій подошелъ проститься и сказалъ Никону: „Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патриарха, благословенія и прошенія просить“.— „Богъ его простить,

если не отъ него смута“, отвѣчалъ Никонъ.— „Какая смута?“—спросилъ Долгорукій.— „Вѣдь я по вѣсти прѣѣжалъ“, отвѣчалъ Никонъ.

Возвратившись во дворецъ, Долгорукій немедленно передалъ Никоновыя слова царю, и вотъ по Воскресенской дорогѣ поскакали: митрополитъ Павелъ Крутицкій, Чудовскій архимандритъ Іоакимъ, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ съ наказомъ взять у Никона посохъ Петра митрополита и дознаться, по какой вѣсти онъ прѣѣжалъ. Посланные нагнали патриарха въ селѣ Черевѣ: „Прѣѣжалъ я въ Москву не самовольно, по вѣсти изъ Москвы“, началъ Никонъ: „посоха не отдамъ, отдать мнѣ посохъ некому; оставилъ я патриаршій престолъ на время за многое внѣшнее нападеніе и за досады“. Потомъ, обратившись къ Крутицкому митрополиту, продолжалъ: „Тебя я зналъ въ полахъ, а въ митрополитахъ не знаю; кто тебя въ митрополиты поставилъ—не вѣдаю; посохъ тебѣ не отдалъ и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого посоху отдать. Кто ко мнѣ вѣсть прислалъ, объявлю по времени; вотъ и письмо;—а письмо это прииялъ я потому: какъ великій государь быть въ Саввинѣ монастырѣ, то я посылалъ къ нему архимандрита своего, и великаго государя милость была: ко мнѣ такая, какой по уходѣ моемъ изъ Москвы никогда не бывало“. Но посланные отъ него не отставали: они просидѣли въ Черевѣ съ 5 часовъ дня до одиннадцатаго часа ночи; наконецъ, послѣ многихъ разговоровъ, Никонъ сказалъ: „Посохъ и письмо отошлю я самъ къ великому Государю; вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ къ Вселенскимъ патриархамъ, чтобъ они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патриарха; я великому государю быю челомъ, чтобъ онъ къ Вселенскимъ патриархамъ не посылалъ; я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патриаршій престолъ не возвращаться; и въ мысли моей того нѣтъ. Хочу, чтобъ избранъ былъ на мое мѣсто патриархъ, и когда будетъ новый патриархъ поставленъ, то я ни въ какія патриаршія дѣла вступать не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будутъ; велѣлъ бы мнѣ великій государь жить въ монастырѣ, который построено по его государеву указу, а новопоставленный патриархъ надъ мною никакой бы власти не имѣлъ, считалъ бы меня братомъ, да не оставилъ бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобъ было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти, а вѣкъ мой не долгій, теперь уже мнѣ близки 60 лѣтъ.“ Никонъ исполнилъ обѣщаніе, отправилъ посохъ и письмо съ своимъ посланцомъ, который долженъ былъ обратиться къ духовнику царскому съ просьбою доложить государю, чтобъ позволилъ ему, Никону, прѣѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи. Въ отвѣтъ полученъ былъ прежній отказъ, приправленный выговоромъ и угрозою: „Великій государь указалъ тебѣ сказать: для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву

¹⁾ Въ 1664 году дѣйствительно видима была комета, о которой упоминаетъ Гевелій (Hevelius) въ своемъ *Prodromus cometicus*, также Mantissa — *Prodromi cometici* и *Maquina coelistsis*; Pingré въ *Cometographie*. Сообщено проф. Савичевъ.

непрістойно, потому что въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ, и отъ твоего въ Москву прїѣзда и поготову ждаты въ народѣ всякаго соблазна, потому что патриаршіи престолъ оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію; такъ для всенародной молвы и смятенія изволь теперь ѣхать назадъ въ Воскресенскій монастырь, пока будетъ объ этомъ Соборъ въ Москвѣ и къ Собору прїѣдутъ Вселенскіе патриархи и власти; въ то время тебѣ дадутъ знать, чтобъ и ты прїѣзжалъ на Соборъ, а на Соборѣ великій государь станетъ говорить обо всемъ. Ты писалъ отъ себя Газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто невинно съ престола своего изгнанъ, и объ иныхъ, тому подобныхъ дѣлахъ; во всемъ этомъ великаго государя терпѣніе отъ тебя многое, а какъ прислѣть время Собору, и въ то время онъ, великій государь, обо всѣхъ этихъ вещахъ говорить будетъ.“

Исчезла послѣдняя надежда закончить дѣло мирнымъ образомъ: Никонъ отправился въ Воскресенскій монастырь, а въ Москвѣ занялись слѣдствіемъ по письму, которымъ Никонъ былъ вызванъ въ Москву. Оказалось, что письмо писано бояриномъ Никитою Ивановичемъ Зюзиннымъ, которого мы сначала видѣли въ посольскихъ дѣлахъ, ногоми воеводою въ Путивлѣ; видѣли, что по всѣхъ боярь онъ одинъ продолжалъ переписку съ Никономъ по удаленіи послѣдняго изъ Москвы. Письмо было такого содержания: „Являлись ко мнѣ Аонасій (Ординъ-Напокинъ) и Артемонъ (Матвѣевъ) и сказывали: 7-го декабря у Евдокіи въ заутреню наединѣ говорилъ съ нами царь: „Присылайте ко мнѣ патриархъ архимандрита въ Саввинъ монастырь; я его совѣту обрадовался, хороній архимандритъ! Сидѣлъ я съ нимъ наединѣ, и онъ со слезами говорилъ, чтобъ намъ сороръ не вѣрять, и я съ клятвою говорю, что никакой сороръ отнюдь не вѣрю; вотъ теперь на Николинъ день прїѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ наносными словами всякими на патриарха; я знаю, кто съ нимъ и въ заводѣ, только я этому ничему не вѣрю; а нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣсть, и душою своею отъ патриарха, ей, я не отступецъ, да духовенства и синклята ради, по нашему царскому обычаю, собою, мнѣ патриарха звать нельзя и писать къ нему о томъ, потому что онъ вѣдаеть, для чего ушелъ, а нынѣ въ церкви и во всемъ кто ему бранить? Какъ пошелъ, такъ и придетъ — его воля, я ей-ей въ томъ его не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на архіереевъ и боярь не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ прїѣхать, или по письму моему откажетъ, — и мнѣ то будетъ кончивъ сътыдъ, въ совѣтъ памель будетъ пренона, и всѣ поставятъ мнѣ то въ неостоянство; а хотя и принудю спросить въ церковь для прилика, отвоядо подозрѣніе и скрывая совѣтъ, и онъ скажетъ, что по своей воли ради церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и опять пришелъ; кто, скажетъ, мнѣ возбранить? кто мнѣ

въ церкви указчикъ? а что, скажетъ, духовные письмо давали на меня, и я имъ дамъ отвѣтъ, они сами не знаютъ ничего, почему я ушелъ, почему опять прихожу, а судъ зносятъ на меня не по своей мѣрѣ и не по правиламъ; и если станутъ просить прощенія, то за невѣдѣніе ихъ позволю бы сказать: Богъ проситъ! А я, продолжалъ государь, свидѣтеля Бога поставлю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣту такъ сдѣлать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе! Врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобъ намъ въ совѣтъ быть: это я узналъ досконально. Только бы пожаловалъ, позволилъ патриархъ притти къ 19 декабря, къ заутреннѣ въ соборную церковь, прежде памяти чудотворца Петра, и онъ намъ чудотворецъ и посредникъ любви нашей и всѣхъ враговъ нашихъ отженеть: для того пришелъ бы, чтобъ кровь христіанскую остановилъ вмѣстѣ съ нами, и его слово надобно будетъ во всенародное множество, и любо имъ конечно будетъ и всѣ ему за то конечно ради будуть и послушны; а мнѣ то въ помощь отъ него и заступленіе; да и мнѣ надобно душевно: началъ я это ратное дѣло и всякіи свои царственные и духовныя дѣла вмѣстѣ съ нимъ: такъ чтобъ Господь Богъ молитвами его святительскими и совершитъ сподобилъ во благая, вмѣстѣ, по совѣту; и ты, Аонасій, моимъ словомъ прикажи Никитѣ отписать ему все это тайно: а вотъ мнѣ къ тому челу надобно съ нимъ вмѣстѣ порѣшится, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло, пособоровать о томъ со всѣми чинами и постъ заповѣдаты; у Поляковъ и Венгровъ постъ былъ о соединеніи, а намъ и больше надобно то и всякую вражду и ненависть оставить, а время тому послѣднее наступило, все поставимъ на мѣрѣ и переговоримъ обо всемъ, какъ чему быть. Но опять молю, чтобъ въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобъ не ожесточилъ всѣхъ, всѣ опасаются, ждуть отъ него жестокости. Покинулъ онъ меня въ такихъ напастяхъ одного, Борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а не на томъ мы между собою общались, что до смерти другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ между нами“.

Призвали Зюзина къ допросу; онъ сказалъ, что письмо его руки, посылалъ онъ такое письмо патриарху дважды съ поддіакономъ Никитою; патриархъ отвѣчалъ ему письменно; онъ его письма и свои жегъ, патриархъ присылалъ ему его письма назадъ, кромѣ послѣдняго. Никита поддіакономъ сказалъ, что когда онъ привезъ къ Никону грамотку, то патриархъ, прочтя, сказалъ: „Вуди въ томъ воля Божія, сердце карено въ руцѣ Божіей, и миру радъ“. Ординъ-Напокинъ показалъ: „Прїѣхалъ Никита Зюзинъ въ Москву изъ Новгорода и сказывалъ мнѣ: писалъ ему въ Новгородъ патриархъ Никонъ изъ Воскресенскаго монастыря о видѣніи ему Петра митрополита, и какъ онъ, Зюзинъ, изъ Новгорода ѣхалъ въ Москву, и былъ въ Воскресен-

скомъ монастырѣ у патриарха, то Никонъ ему сказывалъ, что о видѣннѣ писалъ къ государю, и въ Москвѣ рѣшили, что онъ пророчествуетъ о Вельзевулѣ, а скоро потомъ у великаго государя во дворцѣ погорѣли сундучики. — „Зюзинъ“, продолжалъ Нащокинъ, „хотѣлъ деньги занимать для отвоза поташу въ Вологду, и говорилъ: патриархъ Никонъ меня въ бѣдности не покинулъ бы, да не смѣю я ему бить челомъ для людскихъ переговоровъ; слышу, что патриархъ горько плачетъ и говоритъ на людей, что великому государю приносятъ на него ссоры невѣстныя; за грѣхи наши всепародные чего и не ждали случилось: между великимъ государемъ и патриархомъ учинилась ссора! А здѣсь я не слыхалъ, чтобъ великій государь говорилъ что про патриарха, и, будучи въ Саввинѣ монастырѣ, онъ посылалъ къ патриарху столыника Григорья Собакина съ своею милостью. Говоря это, Зюзинъ плакалъ. — Я къ тѣмъ его рѣчамъ ему молвилъ: Слышалъ я отъ великаго государя, какъ возвратился онъ изъ Саввина монастыря, что приходилъ къ нему отъ патриарха Воскресенскій архимандритъ, а въ село Хорошово приходилъ старецъ Григорій Нероновъ и говорилъ про патриарха вздорныя рѣчи, что и слушать нечего“. — При вторичномъ допросѣ Зюзинъ объявилъ, что Нащокина и Матвѣева онъ покланялся, Нащокинъ говорилъ ему: хорошо бы, если бы къ моему посольству былъ и патриархъ, и что у государя на патриарха гнѣва нѣтъ: тутъ онъ, Зюзинъ, сказалъ ему, что будетъ писать къ патриарху, звать его въ Москву, и Нащокинъ отвѣчалъ: „Хорошо, если тебѣ патриархъ совѣтетъ, кабы то Господь Богъ Церковь умирилъ!“ — Нащокинъ на это показывалъ, что ничего подобнаго не бывало; прибавилъ только, что Зюзинъ занялъ у него денегъ 50 рублей, а потомъ, когда Нащокинъ былъ боленъ, прѣзжалъ сказать, что этихъ денегъ мало на провозъ поташу. Нащокинъ просилъ у государя прощенья: „Въ 1662 году, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ, государь мнѣ говорилъ, чтобъ мнѣ съ Зюзинымъ не знаться, потому что онъ многорыченъ и приплететъ меня къ неадабынымъ дѣламъ, и какъ я прѣзжалъ въ Москву изъ Львова, то при первой встрѣчѣ съ Зюзинымъ объявлялъ ему, чтобъ онъ со мною нигдѣ не выдася, потому что онъ челоувѣкъ опальный; но теперь для его, Никитиныхъ, слезъ двора своего отъ него запереть не велѣтъ; въ томъ я передъ великимъ государемъ виноватъ, достоинъ казни, и безъ повелѣннѣ великаго государя по иновѣднѣ къ причастію сего декабря 24 числа приступить не смѣю“. При пыткѣ Зюзинъ сказалъ, что всѣ Никоновы письма показывалъ Нащокину; сказывалъ ему и про тѣ письма, которыя писалъ къ Никону, только не тѣмъ лицомъ, какъ онъ въ письмахъ писалъ, и Нащокинъ ему сказалъ: „хорошо!“ — Что же это значить? По всѣмъ вѣроятностямъ, Нащокинъ говорилъ Зюзину, что со стороны царя не будетъ препятствій къ примиренію; что у государя гнѣва нѣтъ на

патриарха; вѣроятно и одобрилъ намѣреніе Зюзина склонять Никона сдѣлать первый шагъ: а Зюзинъ, чтобъ сильнѣе поддѣйствовать, написалъ письмо извѣстнаго намъ содержания, причемъ дѣйствительно покланялся Напокину и Матвѣева, написавши не тѣмъ же лицомъ. Воляе приговорили Зюзина къ смертной казни; но царь, по просьбѣ сыновей своихъ, какъ объявлено, измѣнилъ приговоръ боярскій, приказалъ сослать Зюзина въ Казань, гдѣ записать на службу, а помѣстья и вотчины отписать въ казну, дворъ же и движимое имѣніе отдать ему на прокормленіе.

Увидавши, что въ Москвѣ нельзя ничего сдѣлать, Никонъ обратился къ патриархамъ, хотѣлъ заранѣе подробно объяснить имъ дѣло съ своей точки зрѣнія, оправдать свое поведеніе. Но трудно было переслать грамоты къ патриархамъ. Случай представился, когда въ 1665 году прѣхалъ въ Москву гетманъ Запорожскій, Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. У Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ жилъ въ дѣтихъ боярскихъ двоюродный племянникъ его отъ сестры, Курмышскій посадскій, Федотъ Тимошеевъ Марисовъ; этого Марисова патриархъ прислалъ къ Брюховецкому съ просьбою взять его съ собою въ Малоросцію и оттуда отпустить въ Константинополь. Но гетманъ отказался. Тогда служба патриаршій, Иванъ Шушера, авторъ извѣстнаго житія Никонова, подкупилъ казака Васильковца Кирилла Давыдовича, который взялъ съ собою Марисова, объявивъ, что это его племянникъ, взятый въ плѣнъ во время похода Бугурдина на Львовъ; дѣло было обдѣлано за 50 рублей и 50 золотыхъ. Изъ Москвы Марисовъ выѣхалъ благополучно; но скоро здѣсь провѣдали о его отъѣздѣ, и въ январѣ 1666 года посланъ гонецъ къ Брюховецкому съ требованіемъ захватить патриаршата посланца; Марисова поймали и прислали въ Москву вмѣстѣ съ грамотами; грамоты эти были прочтены; изъ нихъ Никонъ подробно описывалъ патриархамъ, что случилось съ нимъ съ того времени, какъ вступилъ онъ на патриаршій престолъ; описывалъ, какъ по возвращеннѣ изъ Соловокъ сплюю взяли его изъ дому, привели въ соборъ, и здѣсь царь со всѣмъ народомъ, приклоняясь къ землѣ, со слезами умолялъ принять патриаршество; какъ онъ согласился съ условіемъ, чтобъ всѣ слушались его во всемъ какъ начальника и настыря. Сперва царь былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ Божіихъ заповѣдей искалъ; но потомъ началъ гордиться и высытися. Дѣло дошло и до явныхъ оскорбленій. Хитрово прибылъ во дворцѣ слугу патриаршаго и остался безъ наказанія; царь пересталъ являться въ соборную церковь, когда служилъ тамъ онъ, патриархъ; князь Юрій Ромодановскій прямо объявилъ ему гнѣвъ царскій; тогда онъ, отъ этого гнѣва и отъ безчестія народнаго, удаляется изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. „Уѣзжая изъ Москвы“, пишетъ Никонъ, „я взялъ архіерейское, всего по одной вещи для архіерейской службы; я

ушелъ, но не отказался отъ архіерейства, какъ теперь клеветуютъ на меня, говоря, будто я своею волею отрекся отъ архіерейства. Я ждалъ, что царское величество помирится со мною; Царь, узнавъ что я хочу уѣхать въ Воскресенскій монастырь, прислалъ бояръ сказать мнѣ, чтобъ я не ѣздилъ до тѣхъ поръ, пока не увижусь съ ними; я ждалъ на подворьи три дня, и только по прошествіи трехъ дней уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. За нами прислалъ царское величество въ монастырь тѣхъ же бояръ, которые спрашивали насъ: зачѣмъ ты безъ царскаго повелѣнія ушелъ изъ Москвы? Я отвѣчалъ, что ушелъ не въ дальнія мѣста; если царское величество на милость положить и гнѣвъ свой угодить, опять придемъ; и послѣ этого о возвращеніи нашемъ отъ царскаго величества ничего не было. Приказали мы править на время Крутицкому митрополиту Пятириму; и по уходѣ нашемъ царское величество всякихъ чиновъ людѣмъ ходить къ намъ и слушаться насъ не велѣлъ, потребное отъ патриаршества давать намъ запретилъ; указалъ—кто къ намъ будетъ безъ его указа, тѣхъ людей да истязуютъ крѣпко и сошлютъ въ заключеніе въ дальнія мѣста; и потому весь народъ устрашался. Крутицкому митрополиту велѣлъ спрашивать себя, а не насъ. Учрежденъ Монастырскій Приказъ; повелѣно въ немъ давать судъ на патриарха, митрополитовъ и на весь священный чплъ; сидятъ въ томъ Приказѣ мірскіе люди и судятъ. Написана книга (Уложеніе), Св. Евангелію, правиламъ Св. Апостолъ, Св. Отецъ и законамъ Греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія; въ ней-то въ 13 главъ уложено о Монастырскомъ Приказѣ; другіе беззаконіи, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но кромѣ уничтоженія не получилъ ничего. Я исправилъ книги—и они называютъ это новыми уставами и никоновыми догматами. Главный врагъ мой у царя—это Пайсій Лигаридъ; царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ; говорятъ, что онъ отъ Рима и вѣруетъ по римски, хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ паны, и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ латинскую обѣдню. Въ Москвѣ живущіе у него духовные греческіе и русскіе рассказываютъ, что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана, мясо ѣсть и пить безчинно, ѣсть и пить, а потомъ обѣдню служить, муже.....; я съ этимъ свидѣтельствомъ послалъ письмо къ царю, но онъ не обратилъ на него вниманія. Наклеветалъ на меня царю, что я его проклиналъ, по я въ этомъ невиненъ, кромѣ моей тайной молитвы. Теперь все дѣлается царскимъ хотѣніемъ: когда кто-нибудь захочетъ ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишетъ челобитную царскому величеству, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпшутъ: „По указу государя царя поставить его“, и въ ставленной гра-

мотѣ пишутъ: „Хиротонисанъ повелѣніемъ государя царя“. Когда повелѣтъ царь быть Собору, то бываетъ, и кого велитъ избирать и поставить архіереймъ, избираютъ и поставляютъ; велитъ судить и осуждать,—судятъ, осуждаютъ и отлучаютъ. Царь забралъ себѣ патриаршескія имѣнія, также берутъ по его приказанію, имѣнія и другіхъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостиво, весь родъ христіанскій отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все бесполезно. Много разъ писали мы къ царскому величеству, представляя ему примѣры царей благочестивыхъ, благостовенныхъ Богомъ за добрыя дѣла, и нечестивыхъ, принявшихъ отъ Бога мученія; но онъ ни во что вѣшилъ наши увѣщанія, только гнѣвался на насъ и прислалъ сказать намъ: „Если не перестанешь шастъ, уишка и позоря насъ примѣрами прежнихъ царей, то болѣе не будемъ терпѣть тебя“. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собаку сидѣть и перелиными лапами благословлять. Ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патриархомъ. Мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, проклинали его, а царское величество не обратилъ на это никакого вниманія и держитъ Стрѣшнева у себя по-прежнему въ чести. Мы предали анаемѣи и Крутицкаго митрополита Пятирима, потому что пересталъ поминать на литургіи наше имя, и которые священники продолжали поминать, тѣхъ наказывалъ: онъ же хиротонисалъ епископа Меодія въ Оршу и Мстиславъ, и послалъ его въ Кіевъ мѣстоблюстителемъ, тогда какъ Кіевская митрополія подъ благословіемъ Вселенскаго патриарха: когда мы были въ Москвѣ, то царское величество много разъ говорилъ намъ, чтобъ хиротонисать въ Кіевъ митрополита, но мы безъ вашего благословенія и безъ вашего совѣта не захотѣли этого дѣлать и никогда бы не сдѣлали“.

Письмо это всего болѣе раздражило царя противъ Никона: если и прежде Никонъ не щадилъ жесткихъ выражений относительно Алексѣя Михайловича, то это было дѣло свое, домашнее, о которомъ знали свои, немногіе; а теперь Никонъ рѣшился выставить въ черномъ свѣтѣ поведеніе государя относительно себя, относительно Церкви и всего народа передъ чужими, и именно передъ людьми, добрымъ имѣніемъ которыхъ, по религиозности своей, Алексѣй Михайловичъ очень дорожилъ. Въ сильномъ волненіи и съ досадою читалъ онъ это письмо, что видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ его на поляхъ; такъ, напримѣръ, противъ того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ, что тяжкія дани, налагаемыя царемъ на народъ, не приносятъ никакой пользы, Алексѣй Михайловичъ написалъ: „А у него лготно и что въ пользу?“

Пришла вѣсть, что патриархи ѣдутъ въ Москву: по военнымъ обстоятельствамъ, они не могли ѣхать европейскимъ путемъ, чрезъ европейскіе украины, ѣхали дорогою азіатскою, черезъ Астрахань, поднимаясь оттуда Волгою. 11 марта 1666 года царь писалъ Астраханскому архіепископу Іосифу: „Какъ

патріархи въ Астрахань прїѣдутъ, то ты бы ѣхалъ изъ Астрахани въ Москву съ ими вмѣстѣ, и держалъ къ нимъ честь и бережене. Если они станутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ вызваны они въ Москву, то отвѣдай, что Астрахань отъ Москвы далеко, и потому ты не знаешь, для чего имъ указано быть въ Москву, думаешь, что велѣно имъ прїѣхать по поводу ухода бы вшаго патріарха Никона и для другихъ великихъ церковныхъ дѣлъ, а того не сказывай, какъ ты былъ у него вмѣстѣ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ; во всемъ будь остороженъ и береженъ, да и людямъ, которые съ тобою будутъ, прикажи паковать, чтобъ они съ патріаршими людьми о томъ ничего не говорили и были-бъ осторожны“.

Издержекъ для дорогихъ гостей не щадили: подъ патріархамъ было 500 лошадей! Но скоро царю дали знать, что патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву наборщика печатнаго двора Ивана Лаврентьева, который по царскому указу сосланъ былъ на Терекъ за то, что завелъ латинское воровское согласіе и многие римскіе соблазны; везутъ съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, писавшаго къ воровскимъ казакамъ воровскія грамотки, по которымъ казаки грабили царскій насадь, торговыя суда и многихъ людей нобили до смерти. 5 сентября царь писалъ къ м н о г о с т р а д а л ь н о м у іеродиакону Мелетію Греку, провожавшему патріарховъ, чтобъ онъ обходился съ гостями учтиво, во всемъ ихъ государскою милостію обнадѣживалъ, но сказалъ имъ, чтобъ они съ великимъ государемъ не сорились, воровъ въ Москву не возили, а отдали бы ихъ воеводамъ. Приставы, находившіеся при патріархахъ, доносили, что по дорогѣ, по городамъ и селамъ, патріархи принимаютъ челобитныя и розыски чинятъ: въ Симбирскѣ остригли и велѣли посадить въ тюрьму протопопа Никифора за крестное знаменіе и за то, что не служилъ по новымъ служебникамъ; гамъ же остригли дьякона дѣвичьего монастыря за связь съ монахинею; въ городѣ Уренѣ остригли пона по челобитной дочери его духовной и по сыску стороннихъ священниковъ и многихъ людей. Въ этихъ распоряженіяхъ въ Москвѣ не могли найти ничего противузаконнаго.

Въ Москвѣ патріарховъ ждала великолѣпная встрѣча, богатые подарки, привѣтственные рчи: „Вась благочестнѣ, яко самихъ святыхъ верховныхъ апостоловъ, прїемлемъ,“ говорилъ имъ самъ царь, „любезно, яко ангеловъ Божіихъ, объемлемъ, вѣрующе, яко всеильнаго монарха всемоущнѣй промышль вашимъ здѣ архіераршескимъ пречестнымъ пришествіемъ всяко въ вѣрнихъ сомнѣніе искоренити. всяко желаемое благочестивымъ благое исправленіе насадити и благочестно, еже наче солнца въ нашей державѣ сіять, извѣстными свидѣтелями быти и св. Россійскую Церковь и всѣхъ вѣрныхъ возвеселити, утѣшити. О святая и пречестная твоице! Что вась начесть толикъ душепащательный трудъ подѣлшихъ? Херувимы ли, яко на вась

почилъ естъ Христосъ? Серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его?“ и т. д.

Присутшіи къ дѣлу. 5 ноября патріархи три часа сидѣли съ царемъ наединѣ; сѣдмаго числа къ совѣщанію были допущены архіерей, бояре, колыничіе и думные люди. Государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы Никона патріарха; архіерей подали сказки и выписку изъ правилъ. 28 ноября третье засѣданіе: царь выставлялъ обвиненіе Никону и просилъ патріарховъ рѣшить дѣло по правиламъ и по своему разсмотрѣнію. Патріархи отвѣчали, что надобно позвать Никона на Соборъ и потребовать отъ него отвѣта. На другой день отправился за Иконою въ Воскресенскій монастырь: Арсеній, архіепископъ Псковскій, Сергій, архимандритъ Спасо-Ярославскаго, и Павелъ—Суздальскаго Евфиміева монастырей. „Я поставленъ святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ Александрійскаго и не отъ Антиохійскаго патріарховъ, по отъ Константинопольскаго,“ отвѣчали имъ Иконою. „Александрійскій и Антиохійскій патріархи и сами живутъ не въ Александріи и не въ Антиохіи: одинъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; если же патріархи пришли по согласію съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то я въ царствующій градъ Москву приду для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради.“ 30 ноября патріархи, архіерей и сиклигъ собрались въ столовую избѣ; государь сидѣлъ на парскомъ мѣстѣ, патріархи—подлѣ него на дѣвой сторонѣ въ креслахъ, архіерей на правой сторонѣ на скамьяхъ, бояре, колыничіе и думные люди—по дѣвую сторону на скамьяхъ. Объявленъ былъ отвѣтъ Никона и показаны досадтели; опредѣлили послать вторично Филарета, архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря, и Новоспаскаго келаря Варлаама Палицына, которые повезли Икону такую грамоту: „Ты великаго государя указа и св. патріарховъ повелѣнія не послушалъ, въ Москву не поѣхалъ, отказалъ нечестно и великій государь за премоное свое беззлобіе и долготерпѣніе, и св. патріархи и пресвященный Соборъ, презрѣвши твои досады и непослушаніе, прислали къ тебѣ въ другой разъ, чтобъ ты прїѣзжалъ въ Москву 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, не раньше втораго и не поздѣе третьяго часа, и остановился бы на Архангельскомъ подворьи въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ; ѣхать тебѣ смиреннымъ образомъ въ 10 человекъ или меньше.“

Отправивъ посланцовъ, Соборъ занялся чтеніемъ правилъ, присланныхъ патріархами. Нансіей и Макаріей подтвердили, что правила дѣйствительно посланы ими, и спросили: „По этому свѣдѣнію Иконѣ повиненъ ли?“ — „Повиненъ,“ отвѣчали архіерей и бояре. Между тѣмъ Филаретъ и Варлаамъ встрѣтили Никона уже на дорогѣ въ Москву, куда онъ прїѣхалъ въ 12 часовъ ночи. На другой день, 1 декабря, въ третьемъ часу дня, Соборъ, въ прежнемъ порядкѣ, уже засѣдалъ въ столовой избѣ. За Иконою были посланы нашъ старій знакомый

Меодій, епископъ Мстиславскій, и два архимандрита: они должны были сказать Никону, чтобъ шель на Соборъ смиреннымъ обычаемъ; но онъ пошелъ, какъ всегда ходилъ: передъ нимъ несли крестъ. По патриаршески вошелъ онъ и въ столовую избу: говорилъ входъ и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, патриархъ и всѣхъ православныхъ христіанъ; присутствующіе всѣ стояли во время молитвы. Изговоря входъ, поклонился государю до земли трижды, патриархамъ дважды; тѣ обратились къ нему съ приглашеніемъ сѣсть на правую сторону близъ государственнаго мѣста. Но Никонъ, увидавъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста для него нѣтъ, отвѣчалъ: „Я мѣста не имѣю, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ, развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою; пришелъ я узнать, для чего Вселенскіе патриархи меня звали?“ Тутъ царь сошелъ съ своего мѣста, сталъ передъ патриархами и началъ говорить: „Отъ начала Московскаго государства Соборной и Апостольской Церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ бывшій патриархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта Церкви оставилъ, патриаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, Церковь вдовствуетъ безъ паствы девятый годъ; допросите бывшаго патриарха Никона, для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь“. Патриархи обратились съ этимъ вопросомъ къ Никону, и тотъ отвѣчалъ: „Есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ Константинопольскимъ и Иерусалимскимъ патриархами, что меня судить? А безъ ихъ совѣта и намъ отвѣчать не буду, потому что хиротонисанъ я отъ Константинопольскаго патриарха“. Писсій и Макарій указали ему на свитки, содержавшіе полномочіе отъ двухъ остальныхъ патриарховъ. Тогда Никонъ билъ челомъ государю и патриархамъ, чтобъ выслали изъ Собора недруговъ его, Нитирима, митрополита Новгородскаго, и Павла Сарскаго, которые хотѣли его отравить и удавить. Нитиримъ и Павелъ отвѣчали, что это ложь и что у государя есть дѣло чернеца Теодосія. Царь поднесъ это дѣло патриархамъ. Патриархи снова повговорили вопросъ Никону: для чего отрекся отъ патриаршества? Никонъ сталъ говорить о Теймуразовскомъ обѣдѣ, повторилъ исчисленіе всѣхъ полученныхъ имъ оскорбленій, какъ это онъ сдѣлалъ въ писемѣ къ патриархамъ. Царь отвѣчалъ: „Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово въ то время, какъ у меня обѣдаль Грузинскій царь, и въ ту пору размысливать и оборону давать было некогда“. Отвѣтъ этотъ былъ очень неудовлетворителенъ: если некогда было во время стола, то было время постѣ; впрочемъ царь снѣшилъ дать болѣе благоприятный для себя оборотъ дѣлу: „Никонъ патриархъ говоритъ“, продолжалъ онъ, „будто человѣка своего присылалъ для стропня церковныхъ вещей, но въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строптъ было нечего, и

Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во время и учинилъ сматеніе, и это безчестье къ Никону патриарху не относится; а въ праздникіе выходы мнѣ не было за многими государственными дѣлами. Я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшчева, чтобы онъ на свой патриаршій столъ возвратился, и онъ отъ патриаршества отрекся, сказывалъ: какъ де его на патриаршество обирали, то онъ на себя клятву положилъ—быть на патриаршествѣ только три года. Посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патриархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ“. Ромодановскій объяснялъ, что онъ о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Патриархи спросили Никона: „Какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?“ — „Никакихъ обидъ не бывало“, отвѣчалъ онъ; „но когда онъ началъ гнѣваться и въ церковь ходитъ пересталъ, то я патриаршество и оставилъ“. Царь: „Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ: будешь ты великій государь одинъ, а я, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ“. Никонъ: „Я такъ не писывалъ“.

Патриархи обратились къ архіереямъ съ вопросомъ: „Какія обиды были Никону отъ государя?“ — „Никакихъ“, былъ отвѣтъ. Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ; и прежніе патриархи отъ гнѣва царскаго бѣгали,—Аванасій Александрійскій и Григорій Богословъ“. Патриархи: „Другіе патриархи оставляли престолъ, да не такъ, какъ ты: ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патриархомъ; если будешь патриархомъ, то анагема будешь“. Никонъ: „Я такъ не говаривалъ, а говорилъ, что за недостойнство свое иду; а еслибъ я отрекся отъ патриаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою святительской одежды“. Патриархи: „Когда ставятъ въ священникъ, то говорятъ: „достойнъ“, а ты какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: недостойнъ“. Никонъ: „Это на меня выдумали“. Царь: „Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ св. патриархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ. Допросите его: все ли онъ истину безо всякаго прилога писалъ; за церковные ли догматы онъ стоялъ; Юсифа патриарха святѣннимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?“ Никонъ: „Что въ грамотахъ писано, то и писано, а стоялъ я за церковные догматы; Юсифа патриарха почитаю за патриарха, а святъ ли онъ, того не вѣдаю; церковныя вещи продавалъ я по государеву указу“.

Царь велѣлъ читать грамоту Никона къ патриарху Діонисію. Когда читали: „Посылалъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно“.—Алексеѣй Михайловичъ прервалъ чтеніе и сказалъ: „Для чего онъ такое безчестье и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ,

какъ онъ извергъ безъ Собора Павла, епископа Коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынской монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно; допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?" Никонъ промолчалъ о царѣ Иванѣ и отвѣчалъ только относительно Павла: „По какимъ правиламъ я его извергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю, есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло“. — „На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, отлученъ епископъ Павелъ безъ Собора“, возразилъ митрополитъ Сарскій.

Никонъ молчалъ; стали опять читать письмо. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что царь началъ вступаться въ патріаршескія дѣла, то Алексѣй Михайловичъ сказалъ патріархамъ: „Допросите, въ какія архіерейскія дѣла я вступаюся?“ — „Что я писалъ, того не помню“, отвѣчалъ Никонъ. Продолжали читать: „Оставилъ патріаршество вслѣдствіе государева гнѣва“. — „Допросите“, прервалъ царь, „какой гнѣвъ и обида?“ Никонъ: „На Хитрово не даль обороны, въ церковь ходитъ пересталъ; ушелъ я самъ собою, патріаршества не отрекся, государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ, кромѣ саикоса и митры съ собою не взялъ ничего“. Патріархи: „Хотя-бъ Богданъ Матѣевичъ человѣка твоего и зашибъ, то тебѣ можно бы терпѣть и послѣдовать Іоанну Млостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, то тебѣ слѣдовало объ этомъ посовѣтоваться съ архіереями и къ великому государю посылать, бить челомъ о прощеніи, а не сердиться“. Тутъ послышался голосъ Хитрово, ободренного словами патріарховъ: „Во время стола я царскій чинъ исполнялъ“, началъ Богданъ Матѣевичъ, „въ это время пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежь, и я его зашибъ не знающъ, и въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ“. Раздался голоса съ обѣихъ сторонъ, съ архіерейской и боярской: „Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не было, пошелъ онъ не отъ обиды, съ сердца“. — „Когда онъ снималъ панagio и ризы“, говорили архіереи, „то говорилъ: аще помысли въ патріархи, апаена да буду, панagio и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ; какъ поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, то за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ 2,000 рублей“. — Патріархи: „Ты отрেকся отъ архіерейства; снимая митру и омофоръ, говорилъ: недостоишь“. Никонъ: „Въ отреченіи я епископъ, а не патріархъ; еслибъ я вовсе отрেকся, то архіерейскія одежды съ собою не взялъ бы“.

Дочли въ письмѣ до выходы Никона противъ Уложенія: „Къ этой книгѣ“, сказалъ царь, „приложили руки патріархъ Іосифъ и весь священный Соборъ, и твоя рука приложена; для чего ты, какъ былъ на патріаршествѣ, эту книгу не исправилъ,

и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить?“ — „Я руку приложилъ по-неволѣ“, отвѣчалъ Никонъ. Дочли до разказа о пріѣздѣ князя Одоевского и Палсія Лигарида въ Воскресенскій монастырь. „Митрополитъ и князь“, сказалъ царь, „посланы были выговорить ему его неправды, что писалъ ко мнѣ съ многими безчестьемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ Евангеліе; позорилъ онъ Газскаго митрополита, а тотъ свидѣлствовалъ отцомъ духовнымъ и ставленнаго грамота у него есть“. Никонъ: „Я за обидящаго молился, а не клялъ; Газскому митрополиту по правиламъ служить не слѣдуетъ, потому что епархію свою оставилъ и живеть въ Москвѣ долгое время; слышалъ я отъ дьяка Агаангела, что онъ Іерусалимскимъ патріарху отлученъ и проклятъ; у меня много такихъ мужиковъ; мнѣ говорилъ болгаринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сытинъ хочетъ меня зарѣзать“. Одоевскій: „Такихъ рѣчей я не говоривалъ, а Никонъ мнѣ говорилъ: если хочите меня зарѣзать, то велиге“, и грудь обнажалъ“. Патріархъ Макарій: „Митрополитъ Газскій въ дьяконы и попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про это подлинно знаю“. Алмазъ Ивановъ: „Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрেকся“. — Никонъ: „Никогда не говорилъ“.

Когда прочли въ грамотѣ, что царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары, то Алексѣй Михайловичъ, обратясь къ Никону, сказалъ: „Я никакихъ даровъ не посылывалъ; писалъ, чтобъ пришли въ Москву для умирения Церкви; а ты посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего, и далъ Черкашенину много золотыхъ“. Никонъ: „Я Черкашенину не давалъ, а давалъ племяннику на дорогу“.

Читали о Зюзигѣ, о его ссылкѣ, о смерти жены его съ горя. Царь: „Зюзигъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что призывалъ Никона въ Москву безъ моего повелѣнія и учинилъ многую смуту, а жена умерла отъ Никона, потому что онъ выдалъ мужа ея, показавъ его письмомъ“. Никонъ: „Я письма Зюзига прислалъ къ великому государю, оправдывая себя, что пріѣзжалъ по письмамъ, а не самъ собою“. Царь поднесъ патріархамъ Зюзинское дѣло и говорилъ: „Никонъ приходилъ въ Москву нисѣмъ незваный, и изъ соборной церкви увезъ-было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ погъ своихъ; и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учителя, что такъ училили?“ — „Ребята прахъ отъ погъ своихъ какъ отрясали, то я не видалъ“, отвѣчалъ Никонъ, „а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Черное, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти“. — „До смерти побивать никого не было вѣдно, и не бисты“, возразилъ царь.

Читали: „Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ, тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьякопъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строи-

тель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь“.— „Никита“, шрervalъ царь, „ѣздилъ отъ Никона къ Зиозину съ сорорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни; Сысой вѣдомый воръ и сорорникъ, и сосланъ за многія плутовства; Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ. Допросите, кто былъ мученъ? *Никонъ*: „Мнѣ объ этомъ сказывали“. *Царь*: „Сорорнымъ рѣчамъ вѣрнѣе было не надобно и ко Вселенскимъ патріархамъ ложно не писать“.

Читали: „Архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ Св. Отецъ, запрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію. „Когда Никонъ“, сказать на это царь, „былъ на патріаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Парентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ“. *Никонъ*: „Я это дѣлалъ не по правиламъ, но невѣдѣнію“. *Питиримъ*: „Ты и самъ на Новгородскую митрополию возведенъ на мѣсто живаго митрополита Львонія“. — *Никонъ*: „Львоній былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ такъ-же обезумѣть“.

„Отъ сего беззаконнаго собора“, продолжали читать въ грамотѣ, „престало на Руси соединеніе съ Восточными церквами и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими“. *Царь*: „Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчелъ и къ католической вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками! только бы его Никонно письмо до св. Вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъяклятую, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умрять, и отъ того очиститься“. — „Чѣмъ Русь отъ Соборной Церкви отлучилась?“ спросилъ патріархи Никона. „Тѣмъ“, отвѣчалъ онъ, „что Нансіи Газскій Питиримъ перевелъ изъ одной митрополи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого митрополита; и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводили же; а ему то дѣлать не довелось, потому что отъ Иерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ; да хотя-бъ Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, то ему на Москвѣ долго быть не-для-чего; я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ; вслѣдъ мужикъ надѣнетъ на себя мантію — такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ“. Оправданіе было слашкомъ ничтожно; враги Никона торжествовали; отовсюду поднялся крикъ: „Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, а не одного Газскаго митрополита: надобно учинить объ этомъ указъ по правиламъ!“ Никонъ увидалъ, куда завела его привычка употреблять сильныя, необузданныя рѣчи; но опять, по привычкѣ всегда во всемъ обвинять другихъ, а не себя, онъ обратился къ государю и сказалъ: „Только-бъ ты Бога боялся, то такъ бы надо мною не дѣлать“.

Царь не отвѣчалъ ничего. Когда всѣ успокоились, стали опять читать грамоту Никона къ патріархамъ, читали жалобу его на поставленіе ду-

ховныхъ по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей. Царь объяснилъ дѣло: „Какъ прежде бывало во время междупатріаршества“, сказалъ онъ, „такъ дѣлается и теперь насчетъ поставленія духовныхъ лицъ: возводятъ въ степені архіереи Соборомъ. Если что изъ патріаршей казны взято, то взято взаимно; съ архіереевъ и монастырей братья дачочные люди, деньги и хлѣбъ по прежнему обычаю; а онъ, Никонъ патріархъ, на строеніе новаго Воскресенскаго монастыря бралъ изъ домовой казны большія деньги, которыя взяты были съ архіереевъ и монастырей вмѣсто дачочныхъ людей; да онъ же бралъ съ архіереевъ и монастырей многія подвои самовольствомъ“. Никонъ отвѣчалъ, что ничего никогда не бралъ. Когда прочли мѣсто о Меодіи Мстиславскомъ, то царь сказалъ: „Епископъ Меодій посланъ въ Кіевъ на митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ писалъ я къ Константинопольскому патріарху“. Относительно поведенія Питирима отвѣчалъ самъ обвиненный: „Въ божественныхъ службахъ въ соборной церкви я стоялъ и сидѣлъ гдѣ мнѣ слѣдуетъ, а не на патріаршескомъ мѣстѣ; въ Недѣлю Вайи дѣйствовалъ по государеву указу, а не самъ собою“.

Никонъ: „Тебѣ дѣйствовать не довелось: — то дѣйство наше патріаршеское“. *Царь*: „Какъ ты былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, то самъ дѣйствовалъ: а въ твое патріаршество въ Новгородѣ, Казани и Ростовѣ митрополиты дѣйствовали же“. *Никонъ*: „Это я дѣлалъ по невѣдѣнію“. Дошли и до Стрѣшневской соборки. „Никонъ“, сказалъ при этомъ царь, „ко мнѣ ничего не писалъ, а бояринъ Семенъ Лукьяновичъ передо мною сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало“. Духовенство свидѣтельствоваало, что Никонъ проклялъ Стрѣшнева понапрасну безъ Собора, а бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ прибавилъ, что патріархъ разрѣшилъ Стрѣшнева отъ клятвы и простилъ, и грамоту къ нему прощальную прислалъ. Никонъ не говорилъ ничего; но когда чтеніе грамоты кончилось, то онъ сказалъ царю: „Богъ тебя судитъ; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ“. Царь обратился къ патріархамъ: „Допросите его, какъ онъ это узналъ на избраніи своемъ?“ Никонъ на этотъ вопросъ не отвѣчалъ ничего. Тутъ Иларіонъ Рязанскій воспользовался случаемъ, чтобъ упомянуть о другихъ пророчествахъ Никона: „Онъ говорилъ“, началъ Иларіонъ, „что видѣлъ звѣзду метлою и оттого будетъ Московскому государству погубель; пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увидалъ?“ Никонъ: „И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали, на Москвѣ это и сбудется; Господь пророчествовалъ на горѣ Элеонской о разореніи Иерусалима за чотыреста лѣтъ“. Всѣ утомились, особенно царь и Никонъ, стоявшіе все время на ногахъ. Патріархи кончили засѣданіе, велѣвъ Никону идти на подворье.

Между разными голосами, поднимавшимися противъ Никона на Соборѣ, мы не слышали голоса

Пансія Лигарида. Онъ даже почелъ за полезное для себя уклониться отъ развязки дѣла, въ которомъ такъ сильно участвовалъ прежде, и подалъ царю просьбу: „Я пришелъ сюда не для того, чтобъ спорить съ Никономъ или судить его, но для облегченія моея епархіи отъ долга, на ней тяготящаго. Я принялъ щедрую милостыню твою, которой половину украдъ воръ Агаангелъ; предаю его вѣчному проклятію, какъ новаго Іуду! Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь Соборъ; если столько натерѣлся я прежде Собора, то чего не натерплюсь послѣ Собора? Довольно, всемилостивѣйшій царь! довольно: не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба своего, отпусти! Какъ вольный, незванный пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и отъѣхать отсюда въ свою митрополию“. Пансія не отпустили изъ Москвы, но онъ счелъ нужнымъ для себя молчать во время споровъ съ Никономъ.

3-го декабря было второе засѣданіе безъ Никона. Царь объявилъ патриархамъ, что вчера, 2 числа, онъ посылалъ Никону ѣду и питье, но тотъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много и будто онъ о томъ къ нему, великому государю, не приказывалъ. „Никонъ дѣлаетъ все, изустою ума своего“, отвѣчали патриархи. Когда подсудимый вошелъ, даръ, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ патриархамъ рѣчь, и всѣ присутствующіе били челомъ на Никона: „Бранясь съ митрополитомъ Газскимъ, писалъ онъ въ грамотѣ къ Константинопольскому патриарху, будто все православное христіанство отъ Восточной Церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ Святая Соборная Восточная Церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ Святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не было; держимъ и вѣруемъ по преданію Св. Апостоловъ и Св. Отецъ истинно; бьемъ челомъ, чтобъ патриархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили“. Тутъ царь и весь Соборъ патриархамъ поклонились до земли. „Это дѣло великое“, отвѣчали патриархи, „за него надобно стоять крѣпко; когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками называлъ, то онъ и насъ такъ же называлъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ рассуждать, а мы въ Московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ; мы станемъ за это Никона патриарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ“. Выставивши съ такою торжественною обстановкою главный пунктъ обвиненія противъ Никона; показавши, что не можетъ быть примиренія съ настывающимъ, такъ жестоко оскорбленнымъ наставу, обвинявшимся ее въ неправославіи, для усиленія впечатлѣній представили патриархамъ самую важную улику на Никона, потрясавшую довѣріе къ его словамъ, къ его оправданіямъ: до сихъ поръ Никонъ постоянно утверждалъ, что онъ не отказывался отъ патриаршества; теперь царь подалъ патриархамъ три письма, въ которыхъ Никонъ называлъ себя

бывшимъ патриархомъ. Патриархи объявили: „Въ законахъ написано: кто уличенъ во лжи трижды, тому впередъ вѣрять ни въ чемъ не должно. Никонъ патриархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрять не подобаетъ; кто кого клеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ; кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ — священникъ низверженія, а мірской человекъ — проклятій“. Царь поднесъ письмо Никона о поставленіи новаго патриарха на его мѣсто. Патриархи продолжали: „Когда Теймуразъ былъ у царскаго стола, то Никонъ прислалъ человека своего, чтобъ смуту учинить, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти, и кто Никонова человека ударилъ, того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть“. При этихъ словахъ Антиохійскій патриархъ всталъ и осѣнилъ Хитрово, потомъ продолжалъ: „Архіепископа Сербскаго Гавриила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ; да онъ же, Никонъ, въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи, съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ; онъ же, Никонъ, на ерданъ ходилъ въ на вечерніи Богоявленія, а не въ самый праздникъ“.

5-го декабря третье засѣданіе Собора въ присутствіи Никона. Еще до прихода послѣдняго, государь обратился къ патриархамъ; „Никонъ“, сказалъ онъ, „пріѣхалъ въ Москву и на меня палагаетъ судьбы Вокія за то, что Соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то моему указу у него взять малый (Шушера) за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого залаго меня носить и бесчестить, говорить: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъподъ креста; если Никонъ на Соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, св. патриархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ беззаконною своею въ Москву неповѣдовался, пріобщался и масломъ освящался“. Патриархи подивились гораздо. Когда Никонъ вошелъ, то патриархъ Павсій началъ говорить ему, что онъ отрекся отъ патриаршескаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. „Я не отрекался съ клятвою“, отвѣчалъ Никонъ, „я засвидѣтельствовалъ небожъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва, и теперь иду, куда великій государь изволитъ, благое по нуждѣ не бываетъ“. *Патриархи:* „Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патриаршества съ клятвою“. *Никонъ:* „Это на меня затѣяли; а если я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду“. *Патриархи:* „Кто тебѣ велѣлъ писаться патриархомъ Новаго Іерусалима?“ *Никонъ:* „Не писывалъ и не говоривалъ“. Тутъ Иларіонъ Рязанскій показалъ письмо его, гдѣ именно такъ было написано. *Никонъ:* „Рука моя,

развѣ описался. Слышалъ я отъ Грековъ, что на Антиохійскомъ и Александрійскомъ престолахъ иные патриархи сидятъ; чтобъ государь приказалъ свидѣтельствувать, пусть патриархи положить Евангеліе“. *Патриархи*: „Мы патриархи истинные, не низверженные и не отрекались отъ престоловъ своихъ; развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали; но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патриархъ, прелюбодѣй; а Св. Евангелію быть не для чего, архіерею не подобаетъ Евангеліемъ клясться“. *Никонъ*: „Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патриархами говорить, пока Константинопольскій и Іерусалимскій сюда будутъ“. *Иларіонъ Рязанскій*: „Какъ ты не боишься суда Божія, — и Вселенскихъ — то патриарховъ безчестишь!“ *Патриархи*, обратясь къ Собору: „Скажите правду про отрицаніе Никонovo съ клятвою!“ Пятимъ Новгородскій и Иоасафъ Тверской показали, что Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патриархъ, то анаема буду. *Никонъ*: „Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патриаршескомъ; а кто по мнѣ будетъ патриархъ, тотъ будетъ анаема: такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другого патриарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю, какъ изволитъ великій государь и Вселенскіе патриархи“. Патриархи велѣли читать правила Амасійскому митрополиту по-гречески, а по-русски читалъ Иларіонъ Рязанскій. Читали: „Кто покинетъ престолъ волею, безъ навітовъ, тому впредъ не быть на престолѣ“. *Никонъ*: „Эти правила не апостольскія, и не Вселенскихъ Соборовъ и не помѣстныхъ; я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю“. *Павель Крутицкій*: „Эти правила приняла Церковь“. *Никонъ*: „Ихъ въ русской Кормчѣ нѣтъ, а греческія правила не прямыя, ихъ патриархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики; а я не отрекался отъ престола, это на меня затѣяли“. *Патриархи*: „Наши греческія правила прямыя!“ Тверской архіепископъ *Иоасафъ*: „Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патриаршескаго престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола, но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не будетъ патриархомъ, а если возвратится, то будетъ анаема“. Никонъ по-прежнему отвергалъ это показаніе. Тутъ всталъ Родіонъ Стрѣльнинъ и объявлялъ: „Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патриаршествѣ только три года“. *Никонъ*: „Я не возвращаюсь на престолъ: воленъ великій государь“. *Алмазъ Исаиога*: „Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ, яко псу на своя блевотины“. Никонъ отперся и прибавлялъ: „Не только меня, и Златоуста изгнали неправедно“; потомъ, обратясь къ царю, сказалъ: „Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва“. *Царь*: „Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь: на меня никто бунтомъ не

прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, — приходили бить челомъ мнѣ объ обидѣхъ“. Со всѣхъ сторонъ поднялись крики: „Какъ ты не боишься Бога непристойныя рѣчи говорить и великаго государя безчестить!“ *Патриархи*: „Для чего ты клобукъ, черныи съ херувимами носишь и двѣ панagia?“ *Никонъ*: „Ношу черныи клобукъ по примѣру Греческихъ патриарховъ; херувимовъ ношу по примѣру Московскихъ патриарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ; съ одною панагією съ патриаршества сошелъ, а другая — крестъ, въ помощь себѣ ношу“. *Архіереи*: „Когда отрекся отъ патриаршества, то благо клобука съ собою не взялъ, взялъ простой монашескій, а теперь носишь съ херувимомъ“. *Антиохійскій патриархъ*: „Знаешь ли, что Антиохійскій патриархъ судья вселенскій?“ *Никонъ*: „Тамъ себѣ и суди; въ Александріи и Антиохіи нынѣ патриарховъ нѣтъ: Александрійскій живетъ въ Египтѣ, Антиохійскій въ Дамаскѣ“. *Патриархи*: „Когда благословили Вселенскіе патриархи Іова митрополита Московскаго на патриаршество, въ то время гдѣ они жили?“ *Никонъ*: „Я въ то время не великъ былъ“. *Патриархи*: „Слушай правила святыхъ“. *Никонъ*: „Греческія правила непярмыя, печатали ихъ еретики“. *Патриархи*: „Приложи руку, что нашъ Помоканонъ еретическій, и скажи именно, какія въ немъ ереси?“ Никонъ отказался это сдѣлать. *Патриархи*: „Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько — патриарха?“ *Никонъ*: „Епископа судятъ 12 епископовъ, а патриарха вся вселенная“. *Патриархи*: „Ты одинъ Павла епископа низвергъ не по правиламъ“. *Царь*: „Вѣришь ли въсемъ Вселенскимъ патриархамъ? они подписались своими руками, что Антиохійскій и Александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву?“ Никонъ посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: „Рукъ ихъ не знаю“. *Антиохійскій патриархъ*: „Пеплыныя то руки патриаршескія!“ *Никонъ* Антиохійскому: „Широкъ ты здѣсь; какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патриархомъ!“ *Голоси съ разныхъ сторонъ*: „Какъ ты Бога не боишься, великаго государя, безчестить и Вселенскихъ патриарховъ и всю истину во лжу ставишь!“ Патриархи велѣли взять у Никона крестъ, который передъ нимъ носилъ, на томъ основали, что онъ у одного патриарха нѣтъ такого обычая, а Никонъ взялъ отъ латынниковъ. Начался опять споръ объ отреченіи; наконецъ патриархи сказали: „Написано: по пуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истину не исповѣдуетъ“. Прозвнесли приговоръ: „Отсея не будешь патриархъ и священная да не дѣйствуешь, по будешь, яко простой монахъ“.

8-го декабря патриархи сидѣли у государя наединѣ три часа. 12-го декабря они собрались съ духовенствомъ въ крестовой патриаршей и послали просить государя, чтобъ отрядилъ къ нимъ кого-нибудь изъ синклита: царь прислалъ князя Никиту Ивановича Одоевскаго, боярина Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Елизарова, дум-

наго дьяка Алмаза Иванова. Никонъ дождался въ сѣняхъ перель крестовую. Патріархи отправились въ церковь, которая была на воротахъ Чудова монастыря, и стали на своихъ мѣстахъ въ саккосахъ, другіе архіереи въ саккосахъ же стояли по чину. Позвали Никона; онъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ на лѣвую сторону Западныхъ дверей. Начали читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски. Когда чтеніе кончилось, патріархи сошли съ своихъ мѣстъ, стали у Царскихъ дверей, позвали Никона къ себѣ и перечекали его вины, которыя состояли въ слѣдующемъ: „Проклиналъ российскіихъ архіереевъ въ Недѣлю Прасолавія мимо всякаго стязанія и суда; покинутъ престолъ заставилъ Церковь дводествовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругался двоимъ архіереямъ, одного называлъ Анною, другого Каифою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другого—Пилатомъ; когда былъ призванъ на Соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древнимъ престоломъ, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ права средихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по Седьмому Вселенскому, всячески отвергъ; Номоканонъ называлъ книгою еретическою, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ несправедливымъ, угодоблялъ его Геровоаму и Осію; говорилъ, что сниклись и вся Россійская Церковь приклонилась къ латинскимъ догматамъ: по порицающей стадо ему врученное не паствы, а наемщикъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по низложеніи, съ Павла, епископа Коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе; архіерей этотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ погибъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и патріархи сами лзвы его видѣли; живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, шюковъ и бѣльцовъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірекими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на языкѣ жегъ.“ Когда вины были объявлены, патріархъ Александрійскій снялъ съ Никона клобукъ и панagio, и сказалъ ему, чтобъ впередъ патріархомъ не назывался и не писался, назывался бы просто монахомъ Николопомъ, въ монастырѣ жилъ бы тихо и безмалетжно, и о своихъ согрѣшеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. „Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить“, отвѣчала Никонъ, „а что въ клобукъ и панagio съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти и по шести, да золотыхъ по десяти. Вы султанскіе невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану. Откуда взяли вы эти законы? Зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь

тайно, какъ воры въ монастырской церкви, въ отсутствіи царя, думы и народа? При всемъ народѣ упросили меня принять патріаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя; поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ; а если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдѣте въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня, чему хотите“. Ему отвѣчали, что все равно, въ какой-бы церкви ни было произнесено опредѣленіе Собора, лишь было бы оно по совѣту государя и всѣхъ архіереевъ. На Никона надѣли простой клобукъ, снятый съ греческаго монаха; по архіерейскаго посоха и мантію у него не взяли, страха ради народнаго, по однимъ извѣстіямъ, но просѣбъ царя—по другимъ.

Мѣстомъ заточенія для низверженнаго патріарха назначенъ былъ Оранпоптовъ Бѣлозерскій монастырь, куда отправились съ нимъ два священника черныхъ, два дьякона, одинъ простой монахъ и два бѣльца. Садясь въ сани, Никонъ сталъ говорить, обращаясь къ самому себѣ: „Никонъ! отчего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не террай дружбы! Если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого“. Никона взяли изъ Чудова монастыря подъ прикрытіемъ ратныхъ людей; по толпа народа слѣдовала за нимъ. Позади саней шелъ Спасо-Арославскій архимандритъ Сергій, и когда Никонъ начиналъ что-нибудь говорить, Сергій кричалъ: „Молчи, Никонъ!“ Тотъ обратился къ своему прежнему экономъ: „Скажи Сергію, что если онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ“. Экономъ исполнилъ порученіе, причѣмъ называлъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. „Какъ ты смѣешь“, закричалъ Сергій, „называть патріархомъ простаго чернеца!“ Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ толпы: „Что ты кричишь! имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя, гордаго“. Сергій обратился къ стрѣльцамъ съ требованіемъ, чтобъ схватили дерзкаго; ему отвѣчали, что онъ уже схваченъ и отведенъ куда слѣдуетъ. Никонъ почевалъ на земскомъ дворѣ. На другой день, 13 декабря, назначенъ былъ выѣздъ; царь присягалъ Никону денегъ и шубу на дорогу; тотъ не взялъ; царь просилъ благословенія себѣ и всему семейству своему; Никонъ не далъ благословенія. Народъ сталъ собираться въ Кремль; ему сказали, что Никона повезутъ по Срѣтенскъ; но когда толпы отхлынули въ Китай, Никона повезли по другой дорогѣ. Наблюдать за Никомомъ былъ посланъ нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Іосифъ.

21 декабря Никонъ былъ уже въ Оранпоптовъ; первымъ дѣломъ Іосифа было потребовать отъ него архіерейскую мантію и посохъ; Никонъ отдалъ безо всякаго возраженія; просилъ только, чтобъ монаховъ и бѣльцовъ, которые съ нимъ ирѣзали, пускать по волѣ всюду, куда они ни захотятъ. На

сѣбѣ Иосифу Нижегородскому отправился другой Иосифъ, архимандритъ Новоспаскій, которому данъ былъ наказъ: „Беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никому не посылалъ; беречь накрѣпко, чтобъ никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ ему владѣть ничѣмъ не велѣтъ, а липу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ“.

Но этотъ наказъ не могъ быть легко исполненъ относительно оерапонтовскаго заточника. Никонъ, по своей природѣ, не могъ оставаться въ покоѣ и оставлять другихъ въ покоѣ; значеніе патріарха было слишкомъ велико на Русь. Никонъ, и будучи въ Москвѣ и будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ, надѣлалъ слишкомъ много шума, произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, которое не теряло этой силы по мѣрѣ отдаленія отъ главной сцены дѣйствія: Русскіе люди того времени такъ легко подчинялись вліянію лица, умѣйнаго вышшими средствами выставить права, хотя бы даже мнимыя, хотя бы даже исчезнувшія; наконецъ, самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по природѣ своей, не давалъ Никону успокоиться, самъ поддерживалъ въ немъ мечты о возможности перемены, самъ поддерживалъ въ немъ притязанія на значеніе высшее того, какое оставилъ при немъ Соборъ. Сильно раздраженный письмомъ Никона къ патріархамъ, Алексѣй Михайловичъ схватился враждебно на Соборѣ съ прежними своимъ соби- нымъ пріятелемъ, когда увидѣлъ его лицомъ къ липу, также гнѣвнаго, попрежнему гордаго, неуступчиваго, скорого на обиду. Но когда дѣло кончилось, приговоръ былъ произнесенъ — и, вмѣстѣ святѣйшаго патріарха, великаго государя Никона, въ воображеніи царя явился бѣдный монахъ Никонъ, ссыльный въ холодной пустыни Вѣззерской, гнѣвъ прошелъ, прежнее начало пробуждается: Алексѣю Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... Въ религіозной душѣ царя поднимался вопросъ: по христіански-ли поступилъ онъ, не долженъ-ли онъ искать примиренія съ Никonomъ, хотя и не была въ-правѣ измѣнять приговора соборнаго? Мы видѣли, какъ онъ передъ отъѣздомъ Никона въ Оерапонтовъ послалъ просить у него благословенія; потомъ, когда, въ 1667 году, на перемену приставу Шепелеву посланъ былъ изъ Москвы въ Оерапонтовъ новый приставъ Наумовъ, то царь поручилъ ему такъ-же просить у Никона себѣ благословенія и прощенія. Но Никонъ не понималъ ни хотѣлъ понять побужденій, руководившихъ царемъ въ этомъ случаѣ; не въ его характерѣ было сообразиться съ христіанскою заповѣдію о прощеніи враговъ, о примиреніи съ братомъ прежде приступа къ алтарю; онъ хотѣлъ воспользоваться советливостію царя въ этомъ отношеніи для улучшения своей участи: „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я дорожъ тебя не благословлю, не попрощу; возврати изъ заточенія, такъ прошу“.— „Когда передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы“, писалъ Никонъ царю, „ты

прислалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему—ждать суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова, и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія; ты меня осудилъ и заточилъ, и я тебя трикраты проклиная по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содомы и Гомора: въ первый разъ—какъ уходилъ съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ—какъ приходилъ передъ Рождествомъ и былъ изгнанъ — во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ—какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ!“

Съ этою же цѣлію нанугать царя, Никонъ въ Оерапонтовѣ вздумалъ повторить то же, что онъ сдѣлалъ въ Москвѣ во время суда надъ нимъ. 6 марта 1667 года является къ Наумову монахъ и говоритъ ему отъ имени Никона: „Пошли за великими запасами въ Воскресенскій монастырь, а государевыхъ запасовъ принимать и вѣтъ мы не хотимъ, потому что Никонъ патріархъ на государя гнѣвается, государь его сослалъ въ ссылку, а не Вселенскіе патріархи, и за то намъ государева подающія принимать и вѣтъ нельзя“.— „Какъ ты смѣешь называть Никона патріархомъ?“ сказалъ Наумовъ монаху.— „Тебя я не слушаю“, отвѣчалъ тотъ, „а Никона и впередъ буду называть патріархомъ и подѣ благословеніе ходить; слышали мы и то, что теперь поставленъ новый патріархъ Іоасафъ, и то не прямой патріархъ, и Вселенскіе патріархи непрямые, отставныя и нанятыя, просили они у нашего Никона патріарха посуду 3,000 и говорили: ты у насъ попрежнему будешь патріархъ; Никонъ 3,000 имъ не далъ, и они, за то на него осердятся, и отставили“. Еще болѣе придалъ духа Никону пріѣздъ стряпчаго Ивана Образцова въ іюль 1667 года. Видя, что Наумовъ слишкомъ строго держитъ заточника, Образцовъ посадилъ Наумова въ сторожку, гдѣ тотъ и сидѣлъ часа съ три. Никонъ сердился и говорилъ: „Стенанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа“. Наумовъ пришелъ къ нему просить прощенія, кланялся и говорилъ: „Я человекъ невольный, какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ“. Никонъ за эти слова его простилъ, и съ тѣхъ поръ началась у нихъ дружба. Приставъ началъ приходить къ Никону и рассказывать великія вѣсти изъ Москвы. Оба — и приставъ, и заточникъ — съ одинакою легкостію вѣрили всякимъ слухамъ: такъ, однажды люди Наумова, возвратясь изъ Москвы, рассказывали, что Никону быть наоно. Наумовъ испугался, началъ Никона патріархомъ звать и подѣ руки водить; тожковалъ: „Дай государю благословеніе и прощеніе, а государя тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ томъ!“ — рассказывалъ, будто государь, отпуская его въ Оерапонтовъ, на-

казывалъ умаливать Никона о благословеніи и прощеніи; а когда онъ запросилъ наказа на письмѣ, то Алексѣй Михайловичъ разсердился и сказалъ: „Чтожь мнѣ тебѣ записъ дать, чтобы ты ее съ женою дома читалъ, а словами моимъ не вѣришь!“ Съ 23 іюля начали къ Никону прѣѣзжать всякльхъ чиновъ люди, изъ городовъ посадскіе, съ Вѣлоозера земской избы староста да кружечнаго двора голова, Каргопольцы, изъ разныхъ монастырей монахи, изъ дѣвичья Воскресенскаго монастыря игуменша Марѣа: всѣ эти гости подходили къ Никону подъ благословеніе, цѣловали его руку, величали патріархомъ, сидѣли у него въ кельѣ съ утра до вечера; въ дѣвичій монастырь за монахинями Никонъ посылалъ на монастырскихъ подводахъ, сталъ владѣть всѣмъ монастыремъ и монастырскою вотчиною; на представленіи Наумова отвѣчалъ съ сердцемъ: „Не указалъ тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать“. Изъ старыхъ вотчинъ его, изъ села Короткова и изъ села Богословскаго, начали прѣѣзжать монахи и крестьяне съ челобитьемъ объ указѣ и привозили деньги. Наумовъ, по наказу, запрещалъ давать Никону бумагу и чернила; тотъ дразнилъ его: „Ты мнѣ запрещаешь давать бумаги и чернила, а я съ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу, вотъ смотри!“ и показывалъ бумаги дестей съ восемь. Архимандритъ Іосифъ и Ѳерапонтонскій игуменъ Анастасій увлеклись общимъ примѣромъ, начали Никона называть патріархомъ, цѣловать въ руку, поминать на эктеньяхъ попрежнему: Іосифъ дурно отзывался о новомъ патріархѣ Іосафѣ; Никону это очень нравилось, и онъ дарилъ Іосифа сукнами и шубами.

Но почетъ, оказываемый въ Ѳерапонтонѣ, не могъ утѣшить Никона, который жаждалъ возвращенія изъ ссылки, а объ этомъ возвращеніи не было слуху. Въ августѣ пришелъ указъ изъ Москвы:—взять и сослать служку Яковлева за то, что онъ не спрося съ Наумовымъ, вѣздитъ всюду по порученію Никона. Никонъ, по своему обычаю, вспылить, называлъ Наумова воромъ, царскую грамоту ложною, кричалъ: „Это все дѣлается Дементій Ванмаковъ безъ государева указа!“ Покричавши, наконецъ выдалъ служку. Этотъ случай показалъ ему, что въ Москвѣ не только не думаютъ о его возвращеніи, но даже и о смягченіи наказа пріегаву. Никонъ попробовалъ, нельзя-ли уступчивостію получить то, что прежде хотѣлъ взять жесточью, угрозою. Прежде онъ отказывалъ дать царю благословеніе и прощеніе, требуя, чтобы царь сперва возвратилъ его изъ ссылки; теперь онъ посылаетъ благословеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что слѣдствіемъ этого будетъ возвращеніе изъ Ѳерапонтонва. Онъ призвалъ Наумова и спросилъ: „Какой съ тобою ко мнѣ приказъ отъ великаго государя?“ Наумовъ повторилъ, что государь приказывалъ просить его о благословеніи и прощеніи. Тогда Никонъ отдалъ ему письмо для отсылки къ государю: „Великому царю государю и великому князю; богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, мило-

стю Божіею патріархъ, Бога моля, челомъ бью. Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году сентября 7 приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что велѣно ему съ великимъ прощеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ, великому государю, подалъ благословеніе и прощеніе, а ты меня, по своему государскому разсмотрѣнію, милостію своею пожалуешь. И я тебя, царю, царевичей и царевенъ благословляю и прощаю; а когда ваши государскія очи увижу, тогда вамъ, государямъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прошу и разрѣшу, яко же Св. Евангеліе наказуетъ и Дѣянія Св. Апостолъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣлѣбу творитъ.“

Но прошелъ годъ,—изъ Москвы отвѣта не было: Никонъ вышелъ изъ терѣбнѣи и рѣшился напомнить о себѣ другимъ способомъ. Въ октябрѣ 1668 года явился въ Москву отъ него монахъ Флавіанъ и подалъ царю письмо: „Иже живъ сый привѣщенный съ нисходящими въ ровъ, съядя во тмѣ и слѣни смертней, оковавъ иппетову паче желѣзъ, богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя, боюсь измѣнниковъ твоихъ: послына такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а твое дѣло погаснетъ безъ вѣсти. Приставъ Степанъ Наумовъ, приходя, сказывалъ мнѣ милость твою съ-часу-пача-съ, со-дня-на-день, съ-мѣсяца-на-мѣсяцъ; но твоя милость удалась отъ меня, злые прогнѣвалъ ярость твою, и я, видя, что дѣло твое замедлилось, 7 сентября призывать къ кельѣ Новоспасскаго архимандрита Іосифа, стрѣльскаго сотника Саврасова, Ѳерапонтонскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ, и сказывалъ твое великое слово, чтобы архимандритъ и сотникъ дали мнѣ подводу и провозахать добрыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ къ тебѣ съ этимъ великимъ дѣломъ отпустить своего человѣка, и дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ измѣнники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Архимандритъ, сотникъ и стрѣльцы согласились; но измѣнникъ келарь Макарій началъ кричать: „Намъ черезъ государевъ указъ подводу давать нельзя“. Я сотнику и стрѣльцамъ велѣлъ взять моихъ лошадей, и велѣлъ къ тебѣ писать, что отъ меня слышали; но келарь для письма подъячато не далъ; я говорилъ сотнику, чтобы ѣхалъ онъ самъ и безъ письма; сотникъ хотѣлъ ѣхать, но Степанъ Наумовъ прислалъ человѣка своего; холощъ, прибѣжавъ на монастырь, кричалъ, что Степанъ не велѣлъ никого отпускать и лошадей давать; прѣхалъ и самъ Степанъ на конюшій дворъ съ ослонохъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, лошадей всѣхъ взялъ къ себѣ въ руки и никому не далъ, кричалъ: „Увижу, кто поѣдетъ! Что онъ меня страшаетъ: я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самага патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить“. Я говорилъ, чтобы сотникъ и стрѣльцы шли пѣшкомъ въ Кирилловъ; но Степанъ и въ Ки-

рилловъ пускать ихъ не велѣлъ, кричалъ: „Моя въ томъ голова!“ Но вѣдь его голова передъ твоею очень не дорога! На другой день отпустилъ оня въ Москву человека своего Андрионку да вора стрѣльца Якимка, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ“.

20 октября бояре, въ присутствіи царя, допрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло, съ которымъ прислалъ его Никонъ. Флавіанъ объявилъ: „Въ Петровъ постъ пришелъ въ Ферапонтовъ монастырь изъ Москвы Воскресенскаго монастыря черный попъ Палладій и сказалъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ, на Кирилловскомъ подворьи, и сказывалъ ему черный попъ Юилъ про окольного Оедора Ртищева; говорилъ Ртищевъ Юило: „Сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ“. Юилъ окольному сказалъ: „Мнѣ дѣлать этого нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня“. Ртищевъ отвѣчалъ: „Жонкѣ говорить объ этомъ нельзя, потому что она хочетъ за меня замужъ“. — Но вѣдѣвъ за Флавіаномъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ также излагалъ рѣчи Палладія, но вѣдето Ртищева являлся тутъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ съ жонкою Литовкою; въ письмѣ Никона Юилъ говорилъ Палладію: „Никонъ меня не любитъ, называетъ кодуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего того нѣтъ, только я умѣю звѣздочегіе, то у меня горлозъ твердо учено: меня и вверхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я сказалъ, что ей не встать, что и сбылось, и мнѣ государь указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ поближе; мнѣ и Богданъ Хитровъ другъ, и говорили мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его, Богдана, любилъ и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему отказалъ, и онъ мнѣ сказалъ: „Нишкни же!“ и я ему молвилъ: „Да у тебя Литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея сильнѣе“. И Богданъ говорилъ: „Это такъ, да лихо запросы велики, хочеть, чтобы я на ней женился, и я бы взялъ ее, да государь не велитъ““.

Призвали къ допросу Юиля; тотъ объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчать его, но ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ. Призвали Палладія; тотъ объявилъ, что лѣчился у Юиля, но ни о чемъ съ нимъ не говаривалъ и въ Ферапонтовѣ Никону ни о чемъ не сказывалъ: „Волю старцу Никону меня поклонять, онъ затѣвать умѣетъ. Въ то время, какъ я жилъ въ Ферапонтовѣ монастырѣ, пріѣзжалъ стряпчій Иванъ Образцовъ и привезъ Никону государева жалованья 500 рублей, да старцами, которые съ нимъ, 200 рублей; Никонъ имъ этихъ денегъ не далъ; я объ этомъ съ старцами поговорилъ, и Никонъ, узнавши, велѣлъ меня изъ Ферапонтова выбить дубьемъ“. — Юиля обыскали и нашли книги: одна книга латинская, одна по-латыни и по-польски; книга пе-

чатная счету звѣздарскаго печатана въ Вильнѣ въ 1586 году; книга письменная съ марта мѣсяца во весь годъ лунамъ и днямъ, и планштамъ и рожденіямъ человеческимъ въ мѣсяцахъ и въ звѣздахъ; тетрадь письменная о пусканіи крови жильной и рожечной; записка, кого Юилъ палѣчилъ, и тѣ люди приносили руками своими.

Въ ноябрѣ отправился въ Ферапонтовъ стрѣлечкій голова Лутохинъ; онъ долженъ былъ разсказать Никону все дѣло, какъ найдена разнипа между его письмомъ и извѣтомъ Флавіана; въ одномъ Хитровъ, въ другомъ Ртищевъ, и объявить, что Юилъ не винится. Лутохинъ долженъ былъ также спросить Никона: въ кѣлю воду самъ онъ носитъ и дрова рубить своею ли волею или по неволѣ. Никонъ отвѣчалъ: „Я приказывалъ Флавіану извѣстить о Хитровѣ, а не о Ртищевѣ, да и не пристало про Оедора Мпхайловича тому быть, потому что онъ человекъ женатый; Флавіанъ слышался. Я не задержалъ Палладія и не отправилъ къ государю потому, что надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть; сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велитъ взять въ Москву скоро, выманитъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощенье тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Ферапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою“.—*Лутохинъ*: „Дай мнѣ росписи тому, чего тебѣ не даютъ изъ кушанья“—*Никонъ*: „Что мнѣ росписи давать!—у меня никогда—кромя шей да квасу худого, ничего не бываеъ. морять меня съ голоду“. Лутохинъ справился; Наумовъ и монастырскія власти показали, что у Никона никогда безъ живой рыбы и безъ пива не бывало; показали и садки, гдѣ для него рыба, стерляди и щучки, язв, окуни и плотва. Но Никонъ сказалъ, что этой рыбы ѣсть нельзя, изсидѣлась; что дрова и воду самъ носить за безплотствомъ, а теперь не носить. Лутохинъ показали кресты, которые водрузилъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ съ надписями: „Никонъ, Божьею милостію патріархъ, поставилъ сій крестъ Христовъ, будучи въ заточеніи въ Ферапонтовѣ монастырѣ“.

Но въ то время, какъ Никонъ объявленіемъ великаго государева дѣла про Хитрова хотѣлъ показать свое усердіе и проложить себѣ дорогу къ возвращенію изъ ссылки, про него самого объявилось великое государственное дѣло, давнее новое блистательное торжество Хитрову съ товарищи и отяготившее участь заточника. Изъ Ферапонтова пріѣхалъ архимандритъ Юсефъ и донесъ: „Весною 1668 года были у Никона воры Донскіе казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человекъ, и Никонъ

миѣ говорилъ, что это Донскіе казаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: „Нѣтъ ли тебѣ какого утѣшенія; мы тебя отсюда опростаемъ“. Никонъ говорилъ миѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня Донскіе казаки и говорили: „И если захочешь, то мы тебя попрежнему на патриаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей“. Никонъ сказывалъ миѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый Соборъ по требованію Цареградскаго патриарха: писалъ ему объ этомъ Аванасій Иконійскій“. Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ферапонтова и обратиться къ пароду съ жалобою на напрасное заточеніе.

Аванасія Иконійскаго сослали въ Макарьевъ монастырь на Унжу; Никона затворили въ кельѣ.

Кончина царицы Маріи Ильиничны опять напомнила царю о старомъ собиинномъ пріятелѣ. Онъ отправилъ въ Ферапонтовъ близкаго человѣка, Родіона Матвѣевича Стрѣшневъ, съ деньгами Никону на поимни души царицѣной. Никонъ не взялъ денегъ. Но это было послѣднее проявленіе твердости съ его стороны. Лѣтомъ 1671 года онъ попытался напомнить о себѣ, выставивъ свое достоинство, прозорливость и заслугу для государства; онъ призвалъ пристава, князя Шайсупова, который замѣнилъ Наумова, и началъ ему говорить: „Когда пріѣзжалъ ко миѣ отъ государя съ милостынею по царицѣ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, то я ему о преставленіи царицѣной Алексѣя Алексѣевича и о разореніи казаккомъ, чему быть, назначилъ, а миѣ это было объявлено отъ Господа Бога; да и впредь, если Вселенскихъ и Московскихъ патриарховъ на все православный Россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего; обо всемъ этомъ писалъ я къ великому государю. При Степанѣ Наумовѣ въ Ферапонтовъ монастырь приходили три человѣка казаковъ, Федька да Евтюшка, а третьяго позабылъ какъ звали, которые прежде были на службѣ съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ; сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою,—пришло ихъ двести человѣкъ; Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною чѣго, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу; но я на ту ихъ воровскую прелесть не поддался, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унять и съ клятвою ихъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали невѣдомо куда“.

Шайсуповъ, разумѣется, немедленно дать знать объ этомъ разговорѣ въ Москву. Отвѣта не было. Тогда Никонъ рѣшился сдѣлать третій, послѣдній шагъ для полученія свободы: сначала онъ угрозою хотѣлъ вынудить у царя возвращеніе изъ ссылки, обѣщая дать благословеніе и прошеніе царю только

подъ условіемъ освобожденія изъ Ферапонтова; потомъ самъ послалъ прошеніе и благословеніе въ надеждѣ, что за этимъ немедленно послѣдуетъ освобожденіе; наконецъ теперь рѣшился самъ просить прощенія у царя въ прежнемъ своемъ поведеніи. 25 декабря 1671 года онъ огправилъ къ государю такое письмо: „Въ прошломъ 160 году, Божіею волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ и всего освященнаго Собора избраніемъ, быть я поставленъ на патриаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня съ такое великое дѣло не станеть, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года; по прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я видя, что миѣ челобитъемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досажать, раздражать тебя, и съ патриаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь. Ты, подражая Небесному Отцу въ щедротахъ, и въ Воскресенскомъ монастырѣ милостію своею меня не забывъ, пириги имянинныи и милостыню присылалъ, а я твою милость съ презорствомъ принималъ, и все это дѣлалъ нарочно, чтобъ ты меня забывалъ. Случилось миѣ однажды въ Воскресенскомъ монастырѣ заболѣть; ты, узнавши объ этомъ, прислалъ ко миѣ Аванасія Матюшкина съ обѣщаніями и утѣшительными словами, что не оставишь меня до смерти; я этой милостіи не очень порадовался, а потомъ, навѣтами враговъ моихъ, Романа Вабарыкина, Швана Сыгина и другихъ, возрасла между нами великая смута; они же меня обидѣли, они же тебѣ на меня и наклеветали. Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два Жиды крещенныхъ, и оставя православную вѣру, начали они старую жидовскую держать и молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ Жидѣ Демьяна помирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому Жиду, Мишикѣ, сказалъ: „Не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово“; тотъ такъ и сдѣлалъ; ты по этому дѣлу присылалъ ко миѣ думнаго дьяка Дементія Ванмакова; а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье, и тѣмъ Жидамъ помогли, да ямъ же помогать архимандритъ Чудовскій потому: былъ онъ у меня въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его считать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людьми тебѣ одобрить, и ты началъ жаловать его, звать. Когда ты послалъ Мелетія къ Восточнымъ патриархамъ, то я, вѣдая лукавство, убоясь тамашняго осужденія, писалъ къ патриархамъ; но отъ тебя мое письмо не утаилось, какъ отъ ангела Божія, и въ томъ прощенія прошу себѣ и прочимъ, которые тому дѣлу повинны, родшагося ради Христа Бога остави! Да ты же созвалъ Соборъ, и на Соборѣ, подойдя ко миѣ, говорилъ: „Мы

тебя позвали на честь, а ты шумишь!“ И я тебѣ говорилъ, чтобъ ты мою грамоту не велѣлъ читать на Соборѣ, а поговорилъ бы наединѣ, и я бы все сдѣлалъ по твоей волѣ; ты такъ не соизволилъ, и я по-неволѣ, соображаясь съ своими писанными словами, говорилъ тебѣ прекословно и досадно: въ томъ прощенія прошу. Да ты же присылалъ ко мнѣ на Лыковъ дворъ столъ такой же, какой былъ и патриархамъ, и я твое жалованье отринулъ и тѣмъ тебя обезчестилъ; Господа ради, прости. Да ты же прислалъ съ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ денегъ и мѣховъ, — я, грѣшнымъ, и того не принялъ; Христа ради Рождества, прости. Ради всѣхъ этихъ моихъ вишь, отверженъ я въ Оеранонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, пагъ и босъ, креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келію выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя не покрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцѣнкалъ, руки болыны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; поги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править, а поинь одинъ — и тотъ слѣпъ, говоритъ по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что много старцевъ, слугъ и крестьянъ былъ, мучилъ и посулы бралъ; я его мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ называлъ, а онъ за то затворилъ меня въ кельѣ съ 9 мая до Ильина дин на смерть и запасовъ давать никакихъ не велѣлъ, я воду носилъ и дрова сѣкъ самъ. До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ, какъ было велѣно, только въ хлѣбной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ, немного спустя, началъ мучить меня пуще прежняго: служба мой ходить къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ; а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: „Я въ монастыри писалъ, чтобъ прислали запасно, но они не слушаютъ, а у меня указа нѣтъ, что на нихъ править; нора прихоти оставить, ѣшь, что дадутъ“. Когда ты прислалъ Родіона Матвѣевича Стрѣшнева съ вѣстію о кончинѣ царицы и милостынею по ней, и просилъ, чтобъ я ее простилъ и поминалъ вѣчно, то я Родіону сказалъ, что Господь Богъ проститъ, а поминать государыню радъ за многую ея милость прежнюю, денегъ же не взялъ для того, что я у васъ, государей, не наемникъ, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю. Родіонъ мнѣ говорилъ: „Возьми теперь государево жалованье, будетъ къ тебѣ большая присылка, а потомъ все доброе будетъ“. Я ему ска- залъ: если государева милость будетъ, тогда и

деньги не уйдутъ, а ты этому доброму дѣлу будь ходатай, а иное, ей, отъ великой скорби по государынѣ парилъ и по дѣткахъ нашихъ обезнамятовался, и въ томъ прощенія прошу, а по государынѣ царилъ во всю Четырехдесятицу исальтырь и капоицъ пѣлъ и поминанье доднесь не забываетъ. Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексея, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „Нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ“. А теперь князь Самоила Шайсуновъ дѣлаетъ все по Степанову-жъ. Прошу тебя: ослаби мнѣ мало, да почито прежде даже не отыду, прошу еже жыи мнѣ въ дому Господни во вся дин живота моего“.

Письмо достигло цѣли. Алексѣй Михайловичъ всегда готовъ былъ отозваться на кроткій призывъ стараго собишнаго пріятеля. Немедленно по полученіи письма, въ январѣ 1672 года, поспкалъ въ Оеранонтовъ Ларіонъ Лопухинъ: „Тебѣ, святому и великому отцу, указалъ государь говорить“, началъ свою рѣчь царскій посланный. „Сначала дѣла соборнаго и до соборнаго дѣянія всегда онъ, государь, желалъ умпренія, но этого не учинилось, потому что хотѣлъ ты въ Московскомъ государствѣ учинить новое дѣло противъ обычая Вселенскихъ патриарховъ, какъ они сходили съ престоловъ. А теперь государь всякия враждоворенія наче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ. Государь велѣлъ тебѣ говорить, что ничего того не бывало, что ты въ письмѣ написалъ про разговоръ свой съ нами на Соборѣ: ты передъ государемъ не шумливалъ, государь тебя не ушмалъ, и чтобъ грамоту прочесть наединѣ, о томъ ты не говаривалъ; шумно было про статьи, которыя писаны въ грамотѣ твоей неправдою, да за книги, которыя ты по совѣту съ государемъ неправилъ, а послѣ самъ укорялъ напрасно, досадныхъ же никакихъ словъ не бывало, изволь понамятовать. Посланъ ты въ Оеранонтовъ монастырь Вселенскимъ патриархами и Соборомъ, а не государемъ; дворянши и сгрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженія, а не для утѣсенія; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ утѣсеніе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать. Родіонъ Матвѣевичъ допрашивалъ и съ клятвенно извѣщалъ, что онъ тебѣ говоритъ упорно, чтобъ ты деньги принялъ и государыню поминалъ, а другихъ никакихъ словъ, что въ письмѣ твоемъ написано, онъ не говаривалъ. Объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе: воръ Ильюшка шелъ изъ Галича отъ тѣхъ мѣстъ не далеко; да и воръ Степьякъ Разинъ въ разспросѣ говорилъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и говорилъ, чтобъ онъ шелъ вверхъ Волгою, а ты съ своей стороны пойдешь, потому что тебѣ тонно отъ бояря, которыя переводятъ государскія сѣмена, а у тебя есть

на-готовѣ съ 5,000 человекъ на Вѣлѣозерѣ; старецъ этотъ и на бою былъ, и закололъ своими руками сына боярскаго въ глазахъ Разина, и потомъ изъ-подъ Сызбирска ушелъ. Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсуну, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ прѣѣзжали; надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое превеликое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ казаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человекъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то ипрощишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь. — „Престолья свой оставилъ и напѣ-было возвратился — дѣло не новое,“ отвѣчалъ Никонъ: „и прежніе Вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана незыскую, только желаю великаго государя милости, а ничѣмъ, кромѣ своихъ монастырей, не владѣлъ. Соброръ патріарховъ Нансія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повиновуюсь я Константинопольскому патріарху и прочимъ Вселенскимъ, которые на престолохъ своихъ. О томъ, что говорено было на Соброрѣ, я писалъ правду, государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присылщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не ястлялъ, за то великую мзду отъ Бога восприметь. Позосправленныхъ книгъ я ничѣмъ не укорялъ и не укоряю. Денегъ я у Стрѣшова не принялъ потому, что государь меня на Соброрѣ укорялъ, говорилъ: „Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ былъ у тебя въ запрещеніи, и ты у него взялъ 100 рублей и не простилъ;“ а я его простилъ для того, что онъ добилъ челоу и обѣдался Воскресенскому монастырю работать, и о многихъ дѣлахъ того монастыря государю докладывалъ, деньги же присталъ вкладомъ въ монастырь, послѣ прощенія спустя года съ полтора. О Вологдѣ и Разинѣ ничего не знаю; казаки, три человекъ, мнѣ говорили, что по указу государеву посланы они были на Невль, велѣно ихъ устроить землями, но они такъ жить и панни пахать не привыкли, а государева жалованья и корму имъ не было, и они идутъ воли искать; а не сказали я Наумову про казаковъ потому, что они сказывали про свое многолюдство. такъ я боялся, чтобъ смугъ не учинить, а оборониться отъ нихъ было нечѣмъ; къ государю же о казакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Юсифу сказывать. Родіону Стрѣшневу я не говорилъ про смерть царевича и про смугу именно, а говорилъ, что, по смерти царицы, будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ, потому что мнѣ это объявлено отъ Господа Бога; а говорилъ я эти слова сердито, досаждая вели-

кому государю; князю же Самойлѣ я говорилъ о смерти царевича и о разореніи отъ воровъ именно, потому что уже сдѣлалось. Великій государь пожаловалъ меня, велѣлъ быть въ Воскресенскомъ монастырѣ пли въ другомъ какомъ моего строенія, лучше въ Иверскомъ, и указалъ бы у меня быть, кому онъ вѣрить; лѣта мои неслалы, постигло увѣче, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня.“

Никона не перевели ни въ Воскресенскій, ни въ Иверскій монастырь; но положеніе его въ Оеранпонтѣ стало шое, какъ скоро государь возобновилъ съ нимъ сношенія, сталъ присылать богатые подарки, велѣчать великими и святымъ старцемъ. И вотъ Никонъ, какъ нарочно, спѣшнѣе доказатъ, что ни то, ни другое названіе не идутъ къ нему, спѣшнѣе подтвердить то наблюденіе, что скорбь располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни внутренней, созерцательной, натуры же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе. Съ 1672 года у Никона начинается мелкая, непріятная борьба съ монахами Кирилловскаго Вѣлѣозерскаго монастыря, на который была возложена обязанность снабжать его свѣтными припасами. Начинается рядъ жалобъ, доносовъ царю, причеъ новый приставъ, князь Шайсунъ, не былъ забытъ. Такъ однажды Никонъ проситъ царя: „Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту съ братією въ мою кельишку чертей паускати! Дворецкій Кириллова монастыря говорилъ про меня: „Что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строитъ? — чертямъ что ли въ нихъ жить?“ И вотъ того же вечера птица, невѣдомо откуда взвилнись, яко вращъ черна, пролетѣла сквозь келіи во всѣ двери и исчезла невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долои и бѣды всякія подобныя многія творили, да и по многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозясь всякими злобамп, и въ окна теперь наостятъ, овогда звѣрими страшными являюся грозясь, овогда итицами нечистыми“. Тяжеекъ приходился Никонъ кирилловскимъ монахамъ; они говорили оеранпонтскимъ: „Кунаеть вашъ батька насъ“. И эти слова подаютъ Никону поводъ къ новой жалобѣ: „Я, благодатию Вожеію, не челоукойадецъ“, пишетъ онъ царю. Шайсунъ доноситъ царю: „Въ Великій четвертокъ (1674 года) монахъ Никонъ пошелъ-было къ обѣдину въ соборную церковь, чередъ нимъ пошла два челоука стрѣльцовъ, а позади пошелъ сотникъ да еще шесть стрѣльцовъ. Не дошедъ до церкви, онъ вдругъ осердился и пошелъ назадъ въ келію, а идучи говорилъ, что онъ подѣ стражею въ церковь итти не хочетъ. Я въ праздникъ Свѣтлаго Воскресеня, послѣ заутрени, приходилъ къ нему въ келію о Христѣ дѣлованіе получить, но онъ въ келію меня къ себѣ не пустилъ и выслалъ монаха сказать, мнѣ, будто я его въ Великій четвертокъ отъ причастья отлу-

чилъ, и съ того времени онъ, Никонъ, яко отъ огня съ кручины разгорѣлся, видѣться со мною и христосоваться не захотѣлъ“. До какой степени доходила запальчивость Никона, всего лучше можно видѣть изъ письма его къ Вологодскому архіепископу Симону. Узнавъ, что Никонъ не ходитъ въ церковь, Симонъ писалъ къ Шайеупову, чтобъ тотъ попросилъ его объявить причину этого: не заражены ли игумень съ братією расколою, такъ ли идетъ у нихъ служба церковная, какъ предписываетъ Православная Церковь. Что же отвѣчалъ Никонъ? „Никонъ, Божією милостію патріархъ, Симону, епископу: ты, чернецъ, забывъ священное евангельское приточное наказаніе фарисейское, паки и другое о маломъ сучьѣ во очеси брата, въ своемъ глазѣ бревна не чуюши. Забылъ еси то, какъ ты въ Александровѣ монастырѣ на кобылѣ нахивалъ, нынѣ“... Но мы отказываемся передавать читателямъ дальнѣйшія обличенія.

Чего только ни видѣлось и ни слышалось Никону! У попара Ларіона была привычка, когда кто ему что-нибудь скажетъ, отвѣчать добро-ста; но Никону въ этомъ добро-ста послышалось совсѣмъ другое, и вотъ царь получаетъ письмо: „Оглашаютъ меня кирилловскіе, будто я ихъ монастырскихъ людей бью, а я никою не бивалъ. А какъ строитель Исая въ Оералонговымъ монастырѣ у келейнаго дѣла былъ, въ то время былъ поварокъ ихъ Ларка и ко всякому дѣлу говорилъ, о чемъ я ему молило: добръ Астартъ, а въ древнемъ писаніи идолъ былъ нѣкій сидонскій Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: добръ Астартъ. Я ему, Ларкѣ, говаривалъ много разъ: не зови меня Астартомъ, я, благодатію Божією, христіанинъ, а не Астартъ, и онъ, Ларка, не пересталъ, зовучи Астартомъ; я жаловался на него строителю Исая, и строитель смирялъ его передъ нашею келію плетми, а не я его билъ“.

Царь терпѣливо принималъ всѣ эти жалобы и объясненія, посылалъ разсыкивать въ чужъ дѣло, успокаивать Никона, устривать его хозяйство, помѣщеніе, посылалъ подарки, деньги, лакомства. Однажды государь послалъ ему, кромѣ денегъ, пять бѣлудъ, десять островъ, двѣ североги, двѣ дососи свѣжихъ, коврижекъ. Никонъ писалъ, благодаря за эту присылку: „А я было-ожидалъ къ себѣ вашей государской милости и овошей, винограду въ патокѣ, яблочекъ, сливъ, вишеночекъ, только вамъ Господь Богъ о томъ не извѣстилъ, а здѣсь этой благодати никогда не видаемъ, и аще обрѣлъ буду благодать предъ вами, государи, пришлите Господари убогому старцу“. Въ другой разъ царь послалъ мянинный пирожекъ, денегъ 200 рублей, отъ царицы 25 полотенецъ и 20 полотенечекъ, отъ царевича Петра мѣхъ соболій. Никонъ отвѣчалъ, что изъ мѣха шубы не вѣдетъ, надобно два верника въ прибавку, прикупить здѣсь негдѣ: и прежде присланные мѣха, соболій и лисій, лежатъ затѣмъ, что шубъ изъ нихъ сдѣлать нельзя; „сотворите,

Господа ради, милость, велите свое жалованье исполнить“. Добавка къ мѣхамъ была послана.

Но неужели Никонъ позволить всего себя проглотить мелкимъ заботамъ о келіяхъ, поварняхъ, погребахъ, шубахъ, яблокахъ, виноградѣ? Нѣтъ, выказывались и стремленія къ высшей дѣятельности; въ келію къ Никону стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы, давалъ лѣкарства; находившіяся при немъ монахи Мардарій бѣдлѣ въ Москву покупать эти лѣкарства: масло дерижанное, ладоу роспыи, скипидаръ, траву чечуи, цѣлибуху, звѣробойную, нашатырь, квасцы, купоросъ, камфору, камень безуи. Враги Никона старались опозорить и эту дѣятельность его; но шѣмъ ли право вѣрять врагамъ-обвинителямъ? Къ сожалѣнію, Никонъ самъ старался показать, какъ чистое смѣшивалось у него съ нечистымъ: такъ, онъ не преминулъ послать царю списокъ излѣченныхъ имъ людей, и посланному царскому разсказывать, что былъ ему глаголь: „Отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: лѣчи болящихъ“¹⁾.

¹⁾ Приведемъ еще нѣкоторые, не лишние интереса акты о Никоновомъ дѣлѣ изъ бумагъ Приказа Тайныхъ дѣлъ. 1) Грамота патріарха Діонісія Цареградскаго къ царю, 174 года ноября 12-го «О Никоновомъ дѣлѣ прежде сего трудномъ во мнозѣ съ великимъ прилежаніемъ и сложихомъ главы въ двухъ свиткахъ, ни о чемъ же въ себѣ разсуждающіи; также извѣстную главу реченная въ тѣхъ свиткахъ въ сей силѣ состоятся на твоей пресвѣтлости и по твоему изволенію и повелѣнію обладати патріаршомъ тамо поставленнымъ якоже, и прочими сигилитиками, не бо суть благая два начала въ единомъ самодержествѣ, но единъ буди старшійша. Проклятій той Аванасій, движимый отцомъ жи, дяволюмо, яко орудіе его, безъ всякія нужды пришелъ туда, яже свѣдѣтельству на святки и правильныя главы; живо бо глаголаеъ есть, яко пославъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ; видѣ, яко есть осудъ злосудный и злаго изволенія, отъ церкви изверженъ много уже дѣтъ, сего ради да пославъ будетъ на чѣмъ хѣсто да платится за душу свою, и да не возвратится въ наши страны до скончанія живота своего. И тотъ нашъ навѣтъ буди таиншійшій, паче же въ малѣйшя части да издержетъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради виль, чтобъ нынѣ не слышно было. Поставили есмь Киръ Папія святого и благоразумнаго митрополита гаяскаго, послахомъ ему волюность, яко разсудному и свѣдущему о спещныхъ церковныхъ дѣлахъ, поставляющіи его ямѣстинка въ обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшите всякое неудобство и сомнѣніе предлагаемое отъ сопротивныи страны и правити судъ кунно со освященнымъ соборомъ помѣстнымъ архіерейскимъ предѣдающему на немъ, яко образотворяющему нашу морсуу въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его.

2) Никонъ доносилъ въ 180 году, что кирилловскія власти называютъ государя разорителемъ и грабителемъ за взятіе лишняго хлѣба изъ монастыри; да у нихъ же въ монастырѣ вкладчикъ Александръ Борковъ держитъ капitonскія ереси, про государя говоритъ слова непристойныя, Никона называетъ антихристомъ и вездѣ свою ересь проповѣдуетъ, къ архимандриту ко кресту для сложения перстовъ и въ церковь для поновисравленныхъ книгъ не приходитъ. — Посланный царскій Донухинъ взялъ Боркова въ Москву. — Кирилловскіе монахи жаловались, что Никонъ занасовъ хорошихъ не принимаетъ, хулитъ. вѣф-

Глава V.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Московскіе соборы 1666 и 1667 года.—Соловецкое возмущеніе.—Казачіи движенія на восточной украинѣ и прирѣчьи ихъ.—Воровство на Волгѣ.—Городокъ Рига.—Возмущеніе Василіа Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ.—Стенка Разинъ.—Его воровство на Волгѣ.—Разинъ въ Янскомъ городкѣ.—Его морской походъ.—Стенка въ Астрахани съ повинною.—Впечатлѣніе, пѣль здѣсь произведенное.—Стенка бушуетъ въ Царицѣнѣ.—Вызовъ его воеводамъ.—Разинъ на Дону.—Его вторичный походъ на Волгу.—Взятіе Царицына.—Разбитіе московскихъ стрѣльцовъ.—Пѣльба стрѣльцовъ Астраханскихъ.—Взятіе Астрахани и кровавая свѣдѣствія.—Приходъ Разина ночью Симбирскъ и отступленіе князя Борятинскаго.—Вторичный приходъ Борятинскаго подъ Симбирскъ и поразеніе Разина.—Бунтъ по всей восточной украинѣ.—Движенія Мишки Харитонова, Васки Федорова и Максима Основа.—Осада Желтоводскаго монастыря.—Вошненія въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Главный воевода князь Юрій Долгорукой.—Удачныя дѣйствія воеводъ Леонтьева и Щербатова.—Дѣйствія воеводы Якова Хитрово.—Движенія Долгорукаго.—Побѣды Борятинскаго на Уренѣ, Кандараткѣ и у Тургенева.—Побѣды Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Дашлы Борятинскаго.—Неудача Разина на Дону.—Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ.—Дѣйствія казаковъ въ Астрахани.—Гибель митрополита Юсифа.—Неудача казаковъ подъ Симбирскомъ.—Сдача Астрахани воеводѣ Мстиславскому.—Осада Соловецкаго монастыря.—Его взятіе.

Еще въ то время, какъ участь Никона не была рѣшена, еще до пріѣзда патріарховъ Восточныхъ, Соборъ духовенства русскаго рѣшилъ участь противниковъ Никона, которые ратовали противъ его номинствъ, противъ исправленія книгъ. Въ февралѣ 1666 года десять архіереевъ рѣшили предварительно: признавать православными патріарховъ греческихъ, несмотря на то, что они живутъ подъ

сто запасовъ беретъ деньги, беретъ лишнее. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: буде онъ, Никонъ, такъ чинилъ, и ему отъ переговоровъ и отъ огласки не отбыть, и впрѣдъ отъ него станутъ плакать и переговаривать, особенно онъ самъ на себя славу наводитъ, что беретъ вмѣсто запасовъ деньги, а спрашиваетъ осетровъ живыхъ мѣрою по два аршина съ четью, какъ въ Шекни въ уловѣ не бываетъ.—Кирилловскимъ монахамъ Лопухинъ долженъ былъ наказать накрѣпно, чтобы давали Никону рыбу добрую безперводно; строенье Лопухинъ долженъ былъ досмотрѣть тайно и на чертежъ начертить; чего не достроено—велѣть достроить, ибо Никонъ жаловался, что кирилловскіе плотники не достроивъ ушли. Никонъ отъ началъ, что деньги вмѣсто запасовъ кирилловскіе монахи давали сами по совѣту. Лопухинъ напомнелъ, что не достроено было то, чего строить не было приказано.

3) На содержаніе Никона пѣло: изъ Кириллова монастыря сѣна 20 возовъ, дровъ 15 сажень; изъ Спасокаменнаго сѣна 12 копень, дровъ 8 сажень, да служба съ лошадыю для посылки; изъ Спасопрядунаго сѣна 15 копень, дровъ 8 сажень да поварь. Изъ Корнильева сѣна 8 копенъ, дровъ 7 сажень, одинъ приспѣшникъ. Изъ Павлова сѣна 8 копенъ, дровъ 7 сажень, одинъ портной. Троицкаго Устьшевскаго сѣна 12 копенъ, дровъ 10 сажень, служба съ лошадыю. Кириллова Новосерскаго—сѣна 10 копень, дровъ 10 сажень, одинъ псаломщикъ. Никитскаго и Влаговѣвскаго—сѣна 5 копенъ, дровъ 5 сажень, 1 келейникъ. У Никона было 11 лошадей, 36 коровъ. Приставъ Шайбушовъ писалъ, что Никонъ держитъ у себя на выбѣнхъ лошадей и по другимъ службамъ 22 человека. Лопухинъ говорилъ Никону: какая ему прибыль, что лишницъ людей держать, отъ того рождается молва и многіе переговоры; чтобъ держалъ по 5 или по 6, а по нуждѣ по 7 человекъ. Никонъ на это былъ человекъ, чтобъ зиню было у него по 12, а лѣтомъ по 6 лошадей, меньше нельзя. Никонъ былъ человекъ на Лопухина, что онъ не позволялъ служить съ Кириллова монастыря для своей бездѣльной конити; жаловался, что ему не даютъ положеннаго съ монастырей, которые бѣдны, Кирилловъ богатъ, а столовыхъ запасовъ ему не присплетаетъ, грибовъ и прислалъ, только такихъ скаренныхъ и съ мухоморами, что

властію султана; признавать православными и греческія книги, ими употребляемыя; наконецъ признавать правильныхъ Московскій Соборъ 1654 года. Вятскій епископъ Александръ, архимандритъ Спаскаго муромскаго монастыря Антоній, игумены—Злагоустовскаго монастыря Оеоктистъ и Визюкова Сергій Солтыковъ, монахи—Ефремъ Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Григорій (Іоаннъ Нероновъ),

и свиныи ихъ не станутъ ѣсть, рыбу прислали сухую, только голова да хвостъ, хмелю прислали съ листомъ, что и въ князь класть не годится; прислали чего не прошено—стятя говяжьи и полти свиные на смѣхъ; образцы всѣхъ этихъ запасовъ Никонъ прислалъ къ царю. Онъ писалъ: «Нагнемъ и обувь я съ братнею обносилъ, а шитья некому, прислалъ изъ Павлова монастыря портной швечинно неужьюной, кромѣ шубнаго и сержнаго спить и скротыя о себѣ ничего не умѣетъ. Отъ недостатковъ въ погребѣ всея запасы, овощи перемерзали, помираемъ съ голоду, ноги и босы ходимъ».

3) Никонъ выпросилъ у государя, чтобъ на Оеранпотономъ монастырѣ доимочныхъ денегъ не правили. Онъ прислалъ было за нихъ свои деньги 200 рублей, но эти деньги отосланы были къ нему назадъ.

4) 180 года, мая 24 Никонъ жалуется, что къ Великому дню прислали ему изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яицъ сырыхъ, 100 красивыхъ, да сметаны братскую братину, да хлѣбныхъ запасовъ небольшое, а изъ иныхъ монастырей ничего не прислали.

5) 182 года, ноября 18, послала стряпчато Кузьмъ Лопухина. Послано было для рожденія царевича Петра древо сахарное, коврижка на орель, хлѣбецъ черныи; отъ царевны Натальи Алексѣевны—денегъ 200 рублей, коврижка сахарная, коврижка пряничная, хлѣбецъ черныи. Для попповенія царевича Алексѣя—денегъ 200 рублей, послано было также арбузовъ Блгородскихъ, яблоковъ итѣжскихъ, яблоковъ московскихъ. Лопухинъ объявлялъ, что велѣно давать ему, Никону, изъ Блгородскихъ монастырей запасовъ въ годъ 15 ведръ вина церковнаго, 10 ведръ романае, 10 ренскаго, 10 пудъ патоки на медъ, 30 пудъ меду сырду, 20 ведръ мякны на медъ, 10 ведръ вишенъ на медъ, 30 ведръ уксусу, 50 осетровъ, 20 бѣлугъ, 400 тепъ межукосныхъ, 70 стерадѣй свѣжихъ, 150 пудъ, 200 язей, 50 летей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пудъ вкры, 300 пучковъ язяги, 2000 копчей капустаи, 20 ведръ огурцовъ, 50 ведръ рыжиковъ, 50 ведръ масла конопалнаго, 50 ведръ масла орховаго, 50 пудъ масла коровья, 50 ведръ сметаны, 10,000 яицъ, 30 пудъ сыровъ, 300 лимонивъ, полпуда сахару головнаго, пудъ шена сорочинскаго, 10 фунтовъ перцу, 10 фунтовъ хибрю,

попъ Никита принесли собору покаяніе въ сопро-
тивленіи своемъ повонсправленнымъ книгамъ, и по-
лучили разрѣшеніе. Нераскаившіеся были преданы

анаемѣмъ и наказаны: протопопъ Аввакумъ заточенъ въ Пустоозерскій острогъ; дьяконъ Феодоръ и послѣ попъ Лазаръ лишены языка и сосланы

5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибовъ, 10 ч. рѣпы, 5 ч. свеклы, 500 рѣдекъ, 2 ч. хрѣну, 100 пудъ сѣн, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. осяса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменею, 50 ч. солоду ржаного, 30 ячича, 10 овсянаго, 15 ч. крупъ гречневыхъ, 50 ч. овсяныхъ, 3 ч. проса, 12 ч. гороху, 5 ч. сѣмьи коноплянаго, 20 ч. толокна, да работникамъ 40 стяговъ говядины, или 150 полотъ ветчины. — Никонъ писалъ, чтобъ дороги отъ келін его не отводить; Лоухинъ долженъ былъ отвѣчать ему: «Ему-то прибралъ, что дорога будетъ: подаліе всякіе люди мимо келей станутъ ѣздить и, приѣхавъ къ Москвѣ и ѣдучи изъ Москвы, станутъ скашивать небывалыя рѣчи». Относительно запасовъ Никонъ писалъ: «Мы съ Кузьмоу Лоухинимъ, погонюга, какихъ запасовъ пріезжительно папсасо въ рощени, и мы тѣхъ убояли, а какихъ не папсасо и мы приписали, а чаять мыла будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ; что и въ прошлыхъ годахъ всегда давалъ, и они давали жалые запасы и то съ великими бротогами, и въ выписи писали вятiero в двадцатеро и во сто и тысячными числами, обогнали тебѣ, великому государю, меня; а по твоей рощени многихъ запасовъ въ вѣдѣнныхъ странахъ не водятся. Показалъ меня, великаго Крестнаго монастыря челястѣя прислалъ про мой обиходъ рыбы, семги и сычковыхъ». — Вѣсто назначеннаго въ рощени количества, Никонъ написалъ: 10 ведръ малыши на медъ, 5 ведръ вишенъ на медъ, 30 ведръ укусуу, 20 пудъ якры, 175 рѣз и шукъ, 100 пучковъ вязни, 10 осетровъ, 2000 коичей капусты, 20 ведръ огурцовъ, 3 ведра ржаниковъ. 40 ведръ масла коноплянаго, 3 ведра масла орѣховаго, 30 пудъ масла коровья, 30 ведръ сметаны, 5000 яицъ, 20 пудъ сыровъ, 200 лимонновъ, 2 ч. луку, 8 чет. чесноку, 5 ч. свеклы, 1 ч. хрѣну, 8 ч. грибовъ, 10 ч. крупъ гречневыхъ, 1 ч. проса, 10 ч. толокна, 500 карасей уншихъ, 6 ч. гороху, 500 рѣдекъ, прибавлялъ: 4 пуда воску; $\frac{1}{2}$ пуда ладону, 1 пудъ семги, 6 чет. сметкомъ, 20 пудъ хмелю, 150 судаковъ и лѣзъ, 500 свѣчъ салныхъ.

6) 182 года, мая 5, Лоухинъ ѣздилъ въ Отрадонтовъ, чтобъ, по просьбѣ Никона, положить всякой рыбѣ мѣру, велѣтъ строить пошари и лѣтницы. Никонъ билъ челомъ, чтобъ прислали ему соболей на каштуръ и рукавицы.

7) Письмо Никона царю: «Еще отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не престану, яко червь отъ древооточенія, пожего утробю твоею съблещемъ отъ Кириллова монастыря, что, противъ твоего указа, архимандритъ съ братією нѣпакнхъ столовыхъ запасовъ не присылаетъ со 182 по 184 годъ сентября по 20, и питаюся я твоимъ государственнымъ жалованьемъ, покушачи столовые запасы дорогое цѣною, да и купить стало негдѣ, пустое мѣсто п отъ города удалено, а пашѣ осень настаетъ, а у меня княжичи свои естъ и коровенка, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и шухъ нѣтъ, а ближе Кириллова монастыря нѣтъ монастырей нѣтъ. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нѣхъ въ монастырѣ всѣ короны пріѣлъ. А въ тѣ священникъ и дьяконъ и простой старецъ просится отъ меня прочь скудости ради папсаны, потому что мнѣ ихъ кормить стало нечѣвъ, и келійнаго ради безпокойства, потому что нечей нѣтъ, а держать мнѣ ихъ насильно нельзя, пожего они терпятъ у меня, помня мою милость къ себѣ грешному. Милостивый, милостивый, милостивый великій государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить. Да вѣдомо мнѣ учинилось, что будто пѣкій чернецъ, именечъ Сергій дьяконъ, говорить про меня, будто я не чаю покусенія жертвухъ. А я мню, что и тебѣ самому паично, идеже прилучится при твоемъ приходѣ въ Св. неркови, идеже прилучится симнону вѣрѣ глаголатися, никому никому оставлю гла-

голати, но всюду самъ и до днесь. И ты Господа ради не повѣрь тому п, восприимъ ревность Давида, погуби глаголюшій поправду. Господа ради вели нечъ сдѣлать, а не велишь, и братья разбредутся розно, и я останусь одинъ. Охъ увы мнѣ, что буду?»

8) Письмо Никона царю: «Бьетъ челомъ тебѣ Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на Украину покупать для меня вишни, и то тебѣ буди вѣдомо, что ни одна мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня, только на прошлой 182 годъ за вишни деньги дали и на 183 строилецъ говорилъ, чтобъ имъ платять черемховымъ морозомъ за вишни, потому что черема родилась съ собрани великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой кашли; да на прошлой же 183 годъ собрали съ Кириллова монастыря крестьяне малыши тоже немалое число ведеръ, а мнѣ не дали ни одной же кашли. Они бьютъ челомъ тебѣ, будто отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется, и мнѣ разорять Кирилловъ монастырь нечѣвъ, и мало могу и ходитъ отъ старости и слышится намъ, что опп сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые собираютъ и посылаютъ къ Москвѣ, и говорятъ: сталоде намъ челобиты на Никона тысячъ въ двѣ, а хотя стащеть и въ пять тысячъ, и намъ будетъ отбиваться, и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадный приказъ говорятъ безстрашно; а на мнѣ милость твоя не по челобитью, ни по дачамъ, но по твоей милости и раземотрѣнью. Во-пегину скудишь и нище насъ нищѣ нѣтъ; сотвори милость, покажи рыбки и икорки, да умилосердиши надо мною грѣшнымъ и надъ приставаемъ надъ князь Самойломъ (Шайнуоуиномъ), вели перемѣнѣтъ, опп со всякія нужды помирятъ, да п меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ. А кирилловскіе старцы и шившилаго 184 году 6 рудъ съ свопкъ крестьянъ по 2 рубля, а говорятъ, будто на мой расходъ».

9) Въ 184 году, января 26 государь отпращилъ къ Никону стряпчаго Кузьму Лоухина, послалъ съ нимъ отъ себя 100 рублей; отъ царичи мѣхъ соболей и мѣхъ бѣлнчій хрестовый, 10 полотенцъ, 15 полотенецъ; отъ царевнцы 100 рублей денегъ, 5 бѣлугъ, 10 осетровъ, 10 лососей, по пуду икры зернистой п папсаны и разныхъ сластей, яблокъ въ натовѣ, винограда, арбузовъ, папснлъ. Лоухинъ долженъ былъ сказать ему: великій государь указалъ ему, монаху Никому, за всякіе столовые запасы и за питія и за работничья миса, за сѣно и за дрова имать со всѣхъ монастырей деньгами: съ Кириллова 319 рублей, Прилукаго 106, Камениаго 88, Усть-мексинскаго 94, Новозерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 31, Корнилова 55, Павлова 54. И если ему денегъ покажется мало, то сказати, что въ прибуку государь будетъ прислать къ нему рублей по 100 нѣхъ своей казны, только бѣ у него съ монастырей запросевъ больше того не было.

На стр. 227. Т. XI. Кн. III, мы сказали: «Не знаемъ отвѣта Никона (Папсію); можемъ догадыватися, какъ отвѣчалъ Никонъ челоуку, убѣждавшему его смиритися». Впрочемъ, за отвѣтъ можно принять ту грамоту Никона къ Папсію, въ которой патріархъ пишетъ, что удалился отъ ярости царя, который и послѣ его ухода велѣтъ написать на него лживыя свидѣтельства людямъ, въ царскихъ валахахъ живущимъ; епископамъ, архимандритамъ и глумлѣмъ дара даятъ, чтобъ подинались подъ опредѣленіемъ — не быть впрядъ Никому патріархомъ: «А мы, пишетъ Никонъ, передъ царемъ никакой вины не знаемъ, оиричъ того, что шннемъ и говоримъ, постерегачи шпранды его, что снятые Божіи монастыри до большаго убожества привелъ и церкви Божіи спляно рукою своею разорилъ; на Москвѣ епископы, архимандриты по его вѣлѣнью поставляются, проклятыхъ намъ царъ разрѣшаетъ» и проч.

туда же. Въ одиннадцать засѣданій дѣло объ исправленіи книгъ было окончено: написали наставленіе духовенству съ увѣщаніемъ употреблять новоправленные книги, а во всѣхъ спорныхъ пунктахъ относительно крестнаго знаменія, аллилуія и проч. сообразоваться съ Восточною Православною Церковію. Кромѣ того, Соборъ рассмотрѣлъ и послалъ Жезель Правленія, книгу ученаго бѣлорусскаго монаха Симеона Полоцкаго, направленную противъ раскольниковъ. Восточные патріархи, судившіе Никона, вмѣстѣ съ новымъ Московскимъ патріархомъ Іоасафомъ II-мъ, подтвердили опредѣленіе Собора 1666 года; тутъ же рѣшено было не перекрещивать латынь при переходѣ ихъ въ православіе¹⁾. Антиохійскій патріархъ Макарій съ дороги пизъ Макарьевского Желтоводскаго монастыря писалъ въ Москву къ патріарху Іоасафу: „Въ здѣшній странѣ много раскольниковъ и противниковъ, не только между невѣждами, но и между священниками: вели ихъ смирать и крѣпкимъ наказаніемъ наказывать“²⁾.

Эти вѣтры пришлось принять противъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ государствѣ. Мы уже упоминали о смутѣ, происшедшей въ Соловкахъ по поводу новоправленныхъ книгъ. Въ то самое время, какъ вопросъ объ этихъ книгахъ окончательно рѣшался въ Москвѣ, Соловецкіе монахи опять напомнили о себѣ челобитиемъ на поваго архимандрита своего Варооломея и „на угодника его, а монастырю владѣльца, келаря Савватія Обрютина, которые шланственными и великимъ нестройнымъ житіемъ уставъ и чинъ Св. Зосимы и Савватія нарушили и во всю Русскую Землю Св. обитель сотворили безцетну и поносу; священниковъ и дяконовъ и рядовую братью напрасно плетгми бьютъ на смерть, въ тюрьмы глухія сажаютъ, голодомъ морятъ и, ограбивъ, вонъ высылаютъ изъ монастыря, чтобы про нихъ впродъ никто ничего не говорилъ“. Въ 1666 году Варооломей былъ вызванъ въ Москву и подалъ сказку: „Въ 1663 году, въ январѣ мѣсяцѣ, призвалъ я въ алтарь священниковъ и дяконовъ, и говорилъ имъ, чтобы быть въ пѣнии и службѣ по указу великаго государя и соборному изложению. Въ это время началъ на меня кричать дяконъ Нилъ: «Держишься ты уставщика еретика попа Геронтія, да и самъ ты еретикъ: онъ тебя ереси научилъ; Арсеній Грекъ научилъ ереси патріарха Никона, а Никонъ научилъ ереси государя». За это дяконъ Нилъ бить великой пощадилъ“. Несмотря на то, что Варооломей указалъ причину нерасположенія къ себѣ соловецкой братіи, его не хотѣли снова послать къ ней архимандритомъ, дали ему другой монастырь, а въ Соловецкій, на его мѣсто, поставили Іоанна, соловецкаго же монаха.

Осенью 1666 года отпразднелъ въ Соловецкій монастырь ярославскаго Спасскаго монастыря

архимандритъ Сергій. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ указъ государевъ, грамогы и наказъ архіерейскаго Собора. Въ отвѣтъ раздались крики: „Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинемся, а повелѣній о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи и новозданныхъ печатныхъ книгъ не приемлемъ!“ Тутъ встаетъ Никаноръ, бывшій архимандритъ Саввина монастыря, жившій въ Соловкахъ на покоѣ; Никаноръ поднимаетъ руку, складываетъ три первые пальца и кричитъ: „Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово, я готовъ пострадать! да у васъ теперь и главы—патріарха—нѣтъ, и безъ него вы не крѣпки!“— „Выберите кого-нибудь съ кѣмъ бы можно было говорить безъ шума“, сказалъ Сергій монахамъ. — „Геронтія! Геронтія!“ раздалось со всѣхъ сторонъ. Выступаютъ Геронтія и начинаютъ: „Зачѣмъ вы въ молитвѣ: «Господи Іисусе!» отъемлете Сына Божія?“ Ораторъ былъ прерванъ страшнымъ воплемъ: „Охъ, охъ! горе намъ отнимаютъ у насъ Сына Божія! гдѣ въ дѣвали имя Сына Божія!“ Когда крики утихли, Геронтія взялъ книгу съ житіемъ Евфросина, сталъ на стулъ, началъ читать и увѣщевать: „Не прельщайтесь и не слушайте такого ученія!“ Отъ этихъ рѣчей всталъ мятежъ и крикъ больше прежняго. Съ толпою нельзя было сладить; Сергій попробовалъ поговорить съ Геронтіемъ въ кельѣ, при немногихъ свидѣтеляхъ; но и этотъ споръ кончился ничѣмъ; Геронтія говорилъ: „Прежде отъ Соловецкаго монастыря вся Русская Земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалася, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столицъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ. Вы теперь новой вѣрѣ отъ Грековъ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ, они креститься не умѣютъ, мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься“. Сергій; чтобы сломить противника, прибѣгъ къ страшному средству; онъ сталъ спрашивать: „Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли и православенъ ли и христіанскій ли царь?“— „Благовѣренъ, благочестивъ и православенъ“, отвѣчалъ Геронтія съ товарищами. Сергій продолжалъ спрашивать: „А повелѣній его, къ вамъ присланныхъ, православны ли?“ Застыгнувъ врасплохъ, принуждаемые или къ противурѣчию, или къ произнесению страшныхъ словъ противъ царскихъ повелѣній, противники замолчали. Сергій продолжалъ: „Освященный Соборъ православенъ ли?“— „Прежде патріархи были православны“, отвѣчалъ Геронтія: „а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ. а російскіе архіереи православны“.— „Соборное повелѣніе, съ нами присланное, православно ли?“ спрашивалъ Сергій.— „Повелѣнія соборнаго не хулимъ“, отвѣчалъ Геронтія: „а новой вѣры и ученія не приемлемъ, держимся преданія Св. Чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ все умереть“.

Сергію велѣно было взять изъ монастыря книги,

¹⁾ Дюболъ. въ акт. истор. V, № 102.

²⁾ Эта грамота находится въ Синодальной бібліотекѣ.

которые будутъ годны къ „соборному дѣянію“; но монахи не пустили его въ книгохранительную палату, росписи измена своимъ не дали. Сергій и товарищи его все время пребыванія ихъ на островѣ жили за монастырскимъ карауломъ, а московскіе стрѣльцы подслушали, какъ мірскіе соловецкіе люди переговаривали между собою: „Которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, тѣхъ мы указъ учинимъ, и которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ захватимъ, будто моремъ разбило: слѣдуетъ ихъ побить камнемъ, потому что посланы отъ антихриста прельщать насъ“.

Но монахи понятались, нельзя ли отстоять свои убѣжденія, не прибѣгая къ силѣ, не разрывая съ верховною властію; они послали къ царю челобитную: „Вьютъ челомъ богомольцы твои, государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Варсонофій, священники, дяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія ридовая и больничная, и служки и трудники всѣ. Прислани съ Москвы къ намъ архимандритъ Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ и во всемъ велеть послѣдовать и творить по повому преданію, а преданія великихъ Святыхъ Апостолъ и Св. Отецъ седми Вселенскихъ Соборовъ, въ коемъ прародители твои, государевы, и начальники преподобные, отцы Зосима и Савватій и Германъ, и пресвященный Филиппъ митрополаты, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраютъ. И мы чрезъ преданія Св. Апостолъ и Св. Отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патриарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вѣсто „Иуса“ написано съ приложеніемъ излишней буквы „Иисусъ“, чего страшно намъ, грѣшнымъ, не точию приложить, но и помыслити“ и т. д. „Милосердый государь! помилуй насъ, нищихъ, своихъ богомольцевъ: не вели архимандриту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа преданія нарушить, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врознь не разбрестись и твоему богомолію украинному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не зачусть“. Велѣдъ за этою челобитною монахи дали знать въ Москву, что они за преданія великихъ чудотворцевъ готовы съ радостію смерть принять, и многие старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, похмиллись.

Никаноръ былъ вызванъ въ Москву; но здѣсь, какъ видно, повелъ себя иначе, давъ обѣщаніе передъ Соборомъ ни въ чемъ не прекословить, и кого прежде прельщалъ, тѣхъ приводить на путь истинный. Въ надеждѣ на это, его снова отравили въ Соловки въ 1667 году вѣстѣ съ новымъ архимандритомъ Иосифомъ и старымъ Варооломеемъ, который бѣжалъ для сдачи монастыря. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ управляющій монастыремъ келарь Азарій и казначей Геронтіи получаютъ грамотку, — рука Оа-

дейки Петрова, служки архимандрита Никанора: „Будте къ вамъ, пишеть Варооломъ, новый архимандритъ Иосифъ, старій Варооломъ и Никаноръ; смотрите, Иосифа къ себѣ не принимайте, подь благословеніе къ нему не ходите и другимъ ходить запретите; онъ ѣдетъ безъ государева указа, станувшись съ бывшимъ архимандритомъ Варооломеемъ“. Грамотка произвела желанное дѣйствіе: Иосифъ не былъ принятъ; но душе всего досталось старому Варооломою: у него въ соборной церкви изодрали клубокъ на головѣ, выдрали волосы; онъ слышалъ крики: „Когда собака вскочитъ въ перковь, церковь святить надобно; а это тоже собака, хотя и ушибитъ его, то грѣха не будетъ, все равно, что собаку ушибить“¹⁾.

Странная судьба царя Алексѣя Михайловича! Кто меньше его имѣлъ желанія бороться съ духовными лицами; и, несмотря на то, ему суждено было вынести на своей душѣ тяжелое бремя Никоновскаго дѣла и потомъ вести настоящую войну съ Соловецкимъ монастыремъ! Получивъ челобитную, царь посылаетъ новыя увѣщанія; на нихъ прежній отвѣтъ и прямо вызовъ на бой: „Вели, государь, на насъ своей царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго жптія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе“. Монахи вызвали мірскую власть на тяжелую борьбу, выставили себя беззащитными жертвами, безъ сопротивленія подклоняющими головы подь мечъ царскій. Но когда, въ 1668 году, подь стѣнами монастыря явился стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, то, вѣсто кокорнаго подклоняю голову подь мечъ, встрѣчить былъ выстрѣлами. Такому ичтожному отряду, какой былъ у Волохова, нельзя было одолѣть осажденныхъ, у которыхъ были крѣпкія стѣны, множество запасовъ, 90 пушекъ. Осада затянулась на многіе годы; государство не могло послать большіхъ силъ на Вѣлое море; страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ²⁾.

¹⁾ Столбцы съ извѣстіями о Соловецкомъ возмущеніи въ Синодал. библіотекѣ; также въ архивѣ мш. юстиціи, между столбцами Приказнаго стола, № 1525.

²⁾ Слѣдующій рассказъ о возмущеніи Стеньки Разина основанъ преимущественно на актахъ, хранившихся въ архивахъ мш. юстиціи и мш. иностр. дѣлъ. Большая часть этихъ актовъ издана особюю книгою, подь заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина», и составляетъ приложение къ монографіи о Разинѣ, написанной г. Поповымъ и помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1857 года. Но г. Поповъ остался неизвѣстенъ важные акты, хранящіеся въ архивѣ мш. юстиціи между столбцами Приказнаго стола, подь №№ 1567 и 1573; такъ, между прочимъ, изъ этихъ актовъ оказывается, что Ворятшескій бунтъ два раза подь Симбирскомъ. Мы воспользовались также любезными извѣстіями о казацкихъ движеніяхъ до Разина, находившимися въ Донскихъ дѣлахъ означенныхъ годовъ, также извѣстіями о лицахъ, соудившихъ Разина пороховъ и свинцовъ: эти извѣстія случайно включены въ Малороссійскія дѣла 1668 года, № 1. Важныя извѣстія о Разинѣ помѣщены въ Актахъ историч. № 202 и 226. Изъ иностранныхъ сочиненій: 1) Страсса—*Sehr schwere, widerwertige und merkwürdige Reisen*; 2) *Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin*;

Выходъ извѣстной части народонаселенія въ казакъ продолжался и въ описываемое время, и долженъ было еще усилиться, ибо мы видѣли, какъ тяжело было состояніе народа въ тринадцатилѣтнюю войну. Послѣ присоединенія Малороссіи, бѣглецы крестьяне и холопы направились было сюда; но правительство Московское не хотѣло признавать Малороссіи казацкою страной, постоянно требовало выдachi бѣглецовъ, и попрежнему вольною сиротскою дорогою оставалась дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Но бѣдствія тринадцатилѣтней войны коснулись и Дона: Крымы загородились доны въ море и навѣщали казаковъ въ ихъ жилищахъ. Азовское, Черное море заперты: чѣмъ же жить казакамъ, гдѣ добывать себѣ зипуны? Оставался одинъ способъ: переброситься на Волгу и ею выплыть въ Каспійское море, погромить тамъ бусурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣлать. Прежде изъ Дона можно было выходить въ море; Донъ былъ въ казацкихъ рукахъ; но устье Волги въ рукахъ у государства: оно не пуститъ казаковъ! И вотъ сначала образуются небольшія разбойничьи шайки на Волгѣ; государство преслѣдуетъ ихъ; отталкиваемыя отъ выхода въ море, онѣ естественно опрокидываются внутрь государства, ищутъ здѣсь себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ народонаселенія. Сперва это движеніе произошло въ малыхъ размѣрахъ; но потомъ, найдя способнаго вождя, образуется огромная шайка, прорывающаяся въ Каспійское море, громить бусурманскіе берега, возвращается съ богатыми зипунами. Но какъ возвратиться на Донъ?—государство не пропускаетъ: надобно многою покорностію вымолить пропускъ, обязавшись не ходить вторично на море; и дѣйствительно, какъ идти вторично?—опять государство не пропуститъ, опять надобно будетъ пробиваться силою; удастся пробиться, удастся погромить бусурманскіе суда и берега, но какъ опять возвратиться?—государства уже нельзя будетъ обмануть во второй разъ, оно возьметъ свои мѣры. Лишенная такимъ образомъ надежды гулять по Каспійскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства, въ надеждѣ воспользоваться его непритовленностію и поднять низшіе слои народонаселенія на высіе. Таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина. Не забудемъ, что то же самое произошло на западной Украинѣ, когда Польша заперла казакамъ выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

29 сентября 1659 года, въ саратовской приказной избѣ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ воевода Данила Хитровъ; передъ нимъ стоялъ приказчикъ

3) Stephanus Razin cosacus perduellis—Штурцфельша.—Иностранцами извѣстными, какъ вездѣ, такъ и тутъ надобно пользоваться съ большою осторожностію: такъ, по иностранцамъ извѣстнѣе, Разинъ ничего не говорилъ съ штурцъ, но мы изъ Никонова дѣла знаемъ, что говорилъ о монахахъ, будто бы присланныхъ отъ Никола.—Объ отломленіяхъ Разина къ князю Сехуну Львову см. Исторію о киевщицѣ Каточинѣ Матвѣева, стр. 211.

московскаго купца Селиванова и разсказывалъ: „Бѣжалъ я изъ Астрахани на хозяйскомъ солянкомъ стругу вверхъ до Саратова, и какъ былъ въ царьцынскихъ водахъ, отъ Саратова 170 верстѣ, ночью прѣбѣжали ко мнѣ воровскіе казаки, человекѣ съ 80, били меня и пыталъ, на огнѣ жгли, рабочіе люди моихъ ограбили. Въ ту пору подишли сверху въ двухъ стругахъ Черкесы, которые бѣжали съ Москвы въ Астрахань, уздени Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкаскаго, Муртоза Алексѣевъ съ товарищами. Воровскіе казаки къ тѣмъ Черкесамъ приступали, съ ними и съ служивыми людьми, которые были у Черкесъ въ грѣбѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время, Черкесовъ казаки всѣхъ порубили, животовъ взяли и пошли съ Волги рѣкы степью на Иловню рѣку, а чтобъ грабежныя животовы нести, взяли они рабочіихъ многихъ людей, которыхъ потомъ отпустили, а иные пошли сами къ нимъ охотно къ казакѣ“.

Выслушавъ разсказъ, воевода отпривилъ за разбойниками 200 человекѣ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по нагорной сторонѣ; стрѣльцы догнали казаконъ на рѣкѣ Иловлѣ, за день пути до Дона, побили ихъ, двоихъ взяли въ плѣнъ, другіе ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займищами. Плѣнники, съ пытки и огня, разсказывали свою исторію: „Зовутъ насъ, Кондрашка Ходерихинъ и Нефедка Золотаревъ; родились мы въ Соколинскомъ городкѣ, и пошла на Донъ своею охотою, жили въ Сиротскомъ (!) городкѣ. Нынѣшнею весною вѣдомость намъ учинилась отъ пробѣзжихъ торговыхъ людей, что объявились на Волгѣ съ Дону воровскіе казаки; вотъ мы лѣтвомъ и пошли изъ городка на рѣку Иловлю за зѣтремъ съ канканами; отпустилъ насъ Донской казакъ Немытговскій для зипуна. На дорогѣ встрѣтили мы 80 человекѣ Донскихъ казаконъ и пристали къ нимъ для воровства; были съ нами въ двухъ походахъ, по насадамъ и по стругамъ людей грабили, приказчиковъ били, мучили и огнемъ жгли. И, воровавъ по Волгѣ рѣкѣ, отбѣзжали мы съ грабежными животами въ свой воровской городокъ на Иловлѣ, между казачьими городками Паншинскимъ и Иловлинскимъ, имя ему Рига; взять его лѣтвомъ до зимняго пути нельзя никакъ потому: пришли около городка со всѣхъ сторонъ воды“.

Когда въ Москвѣ узнали о существованіи этой новой Риги, на Донъ пошла царская грамота: „Бы бы послали на тѣхъ воровскихъ казаконъ и велѣли атамана и есаула съ товарищами перехватать и привезть къ себѣ, и учинить по войсковому праву казни смертнуй“.

Царскій приказъ былъ исполненъ: отрядъ вѣрныхъ казаконъ отпривился къ Ригѣ; но воровскіе сѣли въ ней на смерть, начали отстрѣливаться изъ пушекъ и переранили многихъ осаждающихъ; наконецъ послѣдніе взяли ихъ за большіе бои, и подкопами, многихъ побили и живыхъ захватили, городокъ сожгли и разорили совемамъ, а старшинъ ихъ забродочниковъ, атаманшка Иванку да есаулишка Петрунку съ товарищи, 10

человѣкъ привезли для вершенія къ войску. Здѣсь собрался кругъ; воровъ разсиприли и повѣсили, чтобъ „виредь инымъ не повадно было такъ воровать, съ такимъ вороствомъ на Дону переходить, на войско и всю рѣку напрасно оглашенство наводитъ“. — „Эти воры“, писали Донцы въ Москву, „эти воры и на Дону во все лѣто торговыхъ людей съ Руси Дономъ ни одной будары съ запасами къ намъ не пропустили, брали занасы у нихъ грабежемъ; только бы, государь, да не твоя милость и жалованье, то намъ пришлось бы съ-голоду помирать“.

Рига была взята; но вѣсти о казацкихъ разбояхъ на Инкѣ и на Каспійскомъ морѣ не прекращались, потому что Донцы не переставали жаловаться: „Теперь у насъ на Дону добычи никакой нѣтъ, на море ходить стало нельзя, рѣку Донъ и Донецъ съ нижняго устья Крымскій ханъ закрѣпилъ, государева жалованья на годъ не станеть“. Лѣтомъ 1666 года пекатели зипуновъ затѣяли дѣло поопаснѣе волжскихъ разбоевъ. Шайка въ 500 человекъ, подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, разбойничала въ воронежскихъ и тульскихъ мѣстахъ, подговаривала крестьянъ и холопей, разоряла помѣщиковъ и похвалялась великимъ дурномъ. Донцы писали государю, что они учинили Усу съ товарищами наказанье жестокое безъ пощады. Наказанье не похѣствовало, если только было учинено: Усъ приготавлился къ новымъ подвигамъ въ томъ же родѣ; но тутъ онъ явился уже на вторымъ планѣ.

Быль въ Донскомъ войскѣ казакъ извѣстный, ловкій, Степанъ Тимоосевичъ Разинъ; былъ онъ росту средняго, крѣпкаго сложенія, лѣтъ около сорока. Весною 1661 года войско посылало его къ Калмыкамъ уговаривать ихъ быть заодно съ Донцами, служить государю на Крымскаго хана. Возвратясь отъ Калмыковъ, осенью того же года Степанъ Тимоосевичъ явился въ Москву; онъ отправился на богомолье въ Соловецкій монастырь. Такое благочестіе не было диковиною между казаками: „за многія войсковыя службы, за кровь и раны“ пожалованъ имъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ Чернѣевъ монастырь; казаки его строили, многіе вклады давали, а старики и раненые постригались въ немъ.

Прошло пять лѣтъ — о Разинѣ нѣтъ слуховъ. Но вотъ въ 1667 году астраханскіе воеводы получаютъ ларскую грамоту: „Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженемъ“, писалъ государь; „на Дону собираются многіе казаки и хотять идти воровать на Волгу, взять Царпцый и засесть тамъ“. Грамота объясняетъ, отчего происходитъ это казацкое движеніе: во многіе донскіе городки пришли съ украины бѣглецы бозркеніе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой“. Кто же былъ атаманомъ этой толпы, итавиной такіе опасныя замыслы? — намъ знакомый паломникъ Степанъ Разинъ! Какъ же произошло это чудное пре-

ращеніе изъ странника въ разбойничьяго атамана?

Иностранныя извѣстія говорятъ, что братъ Разина, находясь со своимъ казацкимъ отрядомъ при войскѣ князя Юрія Долгорукаго, просилъ у воеводы отпуска на Дону; воевода отказалъ — и казаки ушли самовольно; но ихъ догнали, законъ опредѣлили смертную казнь бѣглецамъ съ службы, и Долгорукій исполнилъ законъ. Разинъ былъ повѣшенъ, и двое братьевъ его, Степанъ и Фролъ, задумали отомстить боярмъ и воеводамъ.

Не знаемъ, вѣрны ли этому извѣстію иностранцевъ? Ни актъ правительственный, ни дума народная его не подтверждаютъ. Притомъ же дѣло объяняется и безъ того такъ просто.

Разинъ былъ истый казакъ, одинъ изъ тѣхъ стародавнихъ русскихъ людей, тѣхъ богатырей, которыхъ народное преданіе соединяетъ съ казаками, которымъ обиліе силъ не давало сидѣть дома и влекло въ волные казаки, на широкое раздолье въ степь, или на другое широкое раздолье — море, или, по крайней мѣрѣ, на Волгу-матушку. Мы уже видѣли, что это былъ за человекъ Разинъ, — весною сходитъ онъ въ посольствѣ къ Калмыкамъ, а осенью готовъ уже идти на богомолье на противоположный край свѣта, къ Соловецкимъ чудотворцамъ: „много было бито, граблено, надо душу спасти!“ Воротился Разинъ съ богомолья на Дону; на Дону тѣсно, точно въ клѣткѣ, а пекателей зипуновъ, голутьбы накопилось множество. Всѣ они, и русскіе казаки, и хохляки, говорили, что имъ идти на Волгу воровать, а на Дону жить имъ неучего: государева жалованья въ дуванѣ досталось по кусу на человекъ, а инымъ и двоякъ кусъ, дещегъ по 30 атыпъ, сукна по два аршина человекъ, а инымъ по аршину, и этимъ прокормиться нечѣмъ, а тутъ еще на море путь запертъ и зипуна достать стало негдѣ. Разинъ принялъ начальство надъ голутвенными и рванулъ — было въ море Дономъ, но сами Донцы загородили эту дорогу, потому что были въ мирѣ съ Азовцами. Отброшенный снизу. Разинъ поплылъ вверхъ по Дону, туда, гдѣ эта рѣка близка къ Волгѣ: Воронежцы, посадскіе люди, Иванъ Горденевъ и Грифонъ Хрипуновъ, осушили его порохомъ и свинцомъ; и отъ многыхъ Воронежцовъ было воровство: порохъ и свинецъ привозили и ворахъ продавали, а у нихъ покупали рузьядь. Да и не воровать Воронежцамъ было нельзя, говорили современники, потому что у многыхъ на Дону сродичи.

Снова поднялись казаки, поднялась и новая Рига между рѣкъ Тшшини и Иловли, близъ Паншинскаго городка; стоялъ Разинъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ него поля вода: ни пройти, ни проѣхать, ни проѣхать, сколько ихъ тамъ; ни языка поймать. Подъѣхали было посланцы Царыцнскаго воеводы, протопопъ да монахъ, и воротились назадъ: за водою проѣхать нельзя, а переезти ихъ никто не смѣлъ.

Разинъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, пока добыча

стала показываться на Волгѣ. Поплылъ внизъ большой караванъ: тутъ былъ казенный стругъ съ севильскими, ѳхавшими на житье въ Астрахань; былъ стругъ знаменитаго московскаго богача Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, былъ стругъ патриаршій и струга другихъ лицъ. Стрѣльцы провожали караванъ; но стрѣльцы не тронулись, когда нагрянулъ на нихъ Стенька съ 1,000 своей готубы. Лодья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, съ почернѣлыми отъ огненной пытки тѣлами, или качались на висѣльницахъ; старинный соловецкій богомолецъ самъ переломилъ руку у монаха патриаршескаго; не тронули работниковъ, ярыжекъ, — дали волю, куда хотятъ; 160 ярыжекъ пристало къ Разину, и съ ними патриаршій сынъ боярскій Лазунка Ж и до ви н ѣ; севильные были раскованы, и стали они великимъ людямъ чинить всякое разоренье, мучить и грабить плущепрямыхъ Донскихъ казаковъ.

Народное воображеніе разыгралось: счастливый атаманъ выросъ! — превратился въ чародѣя, котораго пуля не брала, которому ничего не могло противоустать. Стенька плылъ мимо Царицына; воевода велѣлъ стрѣлять по поровскимъ судамъ: ни одна пушка не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ. Воевода обомлѣлъ отъ ужаса, и когда явился къ нему сеаулъ отъ Разина, то онъ исполнилъ всё его требованія: отдалъ наковальню, мѣхи, кузнечную снасть.

Настраивавъ Царицынскаго воеводу, Стенька поплылъ далѣе; плылъ онъ теперь на тридцати пяти стругахъ: вмѣсто тысячи, было уже у него 1,500 человекъ; поплылъ мимо Чернаго Яра, ограбилъ, прибилъ, выскѣкъ плетью встрѣтившагося ему воеводу Беклемишева, выплылъ моремъ къ устью Яика, гдѣ уже ждали его своп. Старый богомолецъ, взявши съ собою сорокъ человекъ, подошелъ къ воротамъ Яицкаго городка и послалъ къ стрѣльцкому головѣ Яицку, чтобъ пустилъ ихъ въ церковь помолиться; Разинъ съ товарищами былъ впущенъ, ворота за нимъ заперли, но онъ уже былъ хозяиномъ въ городѣ; товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яицкъ съ своими стрѣльцами не сопротивлялся, но и не приставалъ явно къ ворами. Это не понравилось атаману: вырылъ глубокую яму, у ямы стоялъ стрѣлецъ Чикмазъ и вершилъ своихъ товарищей, начиная съ Яицына, — сто семьдесятъ труповъ попадало въ яму. Звѣръ насытился и объявилъ остальнымъ стрѣльцамъ, что дать имъ волю: хотятъ остаются съ нимъ, хотятъ — идутъ въ Астрахань. Одинъ остался, другіе пошли; но при видѣ людей, которые уходили, не сочувствуя искателямъ зинуцовъ, уходили, чтобъ увеличить средства страшнаго и ненавистнаго государства. Стенька снова разсирѣбл и поплылъ въ погоню за ушедшими; казаки нагнали стрѣльцовъ и начали имъ кричать, чтобъ были съ ними вмѣстѣ; видя, что они не слушаются, воры начали ихъ рубить и бросать въ воду:

тогда нѣкоторые послушались и пристали къ казакамъ, другіе успѣли спрятаться въ камышахъ.

Стенька расположился надолго въ Яицкомъ городѣ. Осенью его готуба успѣла еще позаняться казацкимъ дѣломъ: погромили Татаръ въ устьяхъ Волги, пограбили на морѣ бусурманскія суда. Въ ноябрѣ прѣехали въ Яицкія гости, посланцы съ Дону, привезли грамоту великаго государя и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и возвратиться на Донъ. Собрался кругъ, прочли и царскую грамоту, и войсковую отписку. „Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ“, сказалъ Разинъ посланнымъ, „то я великому государю вину свою принесу“. Съ этимъ посланіемъ и отправилъ назадъ на Донъ. Они возвратились, по крайней мѣрѣ, всё пѣлы. Не такъ были счастливы посланцы нашего Астраханскаго воеводы, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, посланнаго на смѣну князя Хилкова. Съ дороги, изъ Саратова, Прозоровскій отправилъ къ Разину двохъ посланцовъ съ увѣщаніями принести свои вины: одинъ посланный возвратился въ Саратовъ, а другого ночью Разинъ убилъ и бросилъ въ воду.

Проходила зима. Готубѣ было привольно въ Яицкомъ: они завели дружбу съ соседними Калмыками, торги между ними были безпрестанные. Между тѣмъ вѣсть о счастьи Разина, которому удалось перекинуться на Яикъ, засѣвъ въ государевомъ городѣ, добытъ свободный выходъ въ море, — эта вѣсть волновала Донъ; въ войскѣ и во всѣхъ Низовыхъ городкахъ воровскіе казаки собирались многими собраніемъ, чтобъ идти на Волгу къ Царицыну, грозя побить атамана Корнила Яковлева и старинишъ, которые не одобряли ихъ намѣренія. Товарищи Разина ждали своихъ, но вмѣсто своихъ приняли государевы ратные люди. Старый Астраханскій воевода, князь Хилковъ, прежде сдачи должности своему преемнику, хотѣлъ промыслить надъ ворами, и отправилъ къ Яицкому стеньку товарища своего, Якова Безобразова; но, прежде чѣмъ начать промыслъ, Безобразовъ послалъ къ Стенькѣ двохъ стрѣльцкихъ головъ для сговору, чтобъ казаки добили челома и шли на Саратовъ въ новому воеводѣ, князю Прозоровскому. Несчастныхъ посланцовъ ждала висѣлица въ Яицкомъ. Безобразовъ началъ промыслять надъ нераскаившими ворами; но промыслъ былъ неудаченъ: больше пятидесяти человекъ стрѣльцовъ и солдатъ было у него побито, нѣкоторые перешли къ ворами, и всеню 1668 года Стенька уже гулялъ по морю, направляясь къ шаховой области.

Стенька ушелъ въ море; по Волга не осталась покойна: воровской путь былъ указанъ. Толпа человекъ къ 700 собралась на Дону подъ начальствомъ Сережки Кривого и перекинулась на Волгу: царицынскіе служилые люди ей не помѣшали. На преемъ Кривому отправился изъ Астрахани именитый голова Аксентьевъ; онъ нагналъ казаковъ и схватился съ ними ниже Краснаго Яру, на Карабузанѣ. Кривой одолѣлъ государевыхъ людей — и

100 человекъ стрѣльцовъ переданы къ ворамя. Аксентьевъ ушелъ въ лодкѣ съ небольшими людьми, но солдатскаго строя поручикъ Ибмедъ и стрѣлецкій пятидесятникъ попались въ плѣнь—и были повѣшены за ноги, другихъ плѣнныхъ были ослоныями и посажали въ воду. Побѣдители ушли въ море къ Разину. Въ июлѣ пришла вѣсть въ Астрахань, что въ 50 верстахъ отъ казачьихъ Гребенскихъ городковъ стоитъ 100 человекъ Донскихъ конныхъ казаковъ, съ атаманомъ Аленкою Протокинымъ, на Кумѣ 400, и ждутъ съ Дону Аленку Каторжнаго съ 2,000 казаковъ; во многихъ городахъ, на Дону и на Хопрѣ, казаки похвалялись идти на Волгу, похвалялись идти прямо на Царицынъ и сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ Разинъ и Сержка Кривой.

Но это была только похвалба, у хвастуновъ недоставало атамана, недоставало другого Разина, и они должны были ждать, пока Стенка Тимошевичъ возвратится изъ своего морскаго похода.

Разину хорошо гулялось по морю: онъ страшно разорилъ берегъ отъ Дербента до Баку, и, достигнувъ Ренга, предложилъ свою службу шаху, прося земель для поселенія. Переговоры затянулись; жители Ренга нанали враслохъ на казаковъ и убили у нихъ 400 человекъ. Разинъ отплылъ отъ Ренга и жестоко отомстил свое поражение на Фарабѣ: онъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ нимъ для торговли, торговалъ пять дней, на шестой поправилъ шапку на головѣ,—это былъ условенный знакъ: казаки бросились на беззащитную добычу и раздѣлялись съ нею по-казачьи. Навхатавши много плѣнныхъ, Стенка укрѣпился на зимовку на островѣ и завелъ съ Персиянами разбивъ невольниковъ: за трехъ и четырехъ христіанъ казаки давали по одному Персіянину.

Весною 1669 года Разинъ перекинулся на восточный берегъ моря, погрозилъ Трухменские уезды, но потерявъ удалаго товарища—Сержку Кривого. Казаки расположились на Синюемъ островѣ, съ котораго дѣлали набѣги на твердую землю; тутъ въ июлѣ мѣсяцѣ началъ на нихъ персидскій флотъ съ 4,000 войска, и потерпѣлъ совершенное поражение, только три судна успѣли снастись съ предводителемъ Менеде-ханомъ; но сынъ и дочь его попали въ плѣнь къ побѣдителямъ, и дочь ханская сдѣлалась наложницею счастливаго атамана.

„Но не все же будетъ счастье!“—могъ думать атаманъ въ минуту трезвости. Вѣчно странствовать по Каспійскому морю нельзя, берега опустошены, хлѣба нѣтъ, часто воды нѣтъ, и отъ соленой воды казаки заболѣваютъ, ихъ уже недосчитывалось 500 человекъ, а Персы могли выслать вмѣсто 4,000 и 8—10,000. Долго оставаться на морѣ казакамъ было дѣло необычное: погромивши берега и суда, они привыкли возвращаться домой, на пресловутую рѣку Донъ. Но какъ возвратиться:—черезъ области государства, въ которыхъ было поступлено такъ враждебно? Дѣлать было нечего, надобно было помириться съ государствомъ, принести повинную.

Въ началѣ августа въ Астраханскомъ государствѣ снова услышали о Разинѣ: приближалъ митрополитичъ сынъ боярскій съ митрополитчаго учуга съ вѣстію, что учугъ пограбленъ казаками; велѣлъ за нимъ явиться персидскій купецъ съ вѣстію, что казаки ограбили его судно, взяли въ плѣнь его сына, захватили подарки, которые онъ везъ великому государю. Въ тотъ же день отправилась противъ воровъ государева рать: второй воевода князь Семень Ивановичъ Львовъ поплылъ съ 4,000 стрѣльцовъ на тридцати шести стругахъ. Но мы знаемъ постоянное поведеніе Московскаго правительства относительно казаковъ: прощать, какъ только будетъ принесена повинная; слабость государства условливала существованіе казаковъ подлѣ него, условливала безнаказанность ихъ воровства. Увидавши государевы суда, казаки убѣжали въ море; Львовъ гнался за ними двадцать верстъ, утопился и послалъ милостивую царскую грамоту. Стенка воротился и начался переговоры; къ воеводѣ явились двое выборныхъ казаковъ. „Все войско бьетъ челомъ“, говорили они, „чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, гдѣ великій государь укажетъ; пушки, которыя мы взяли на Волгѣ въ судахъ, въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдадимъ, служилыхъ людей отпустимъ, а струга и струговыя снасти отдадимъ въ Царицынъ“. Князь Семень велѣлъ этихъ двухъ казаковъ привести къ вѣрѣ за все войско, и поплылъ назадъ въ Астрахань, за нимъ плылъ Стенка съ своими голутвенными, теперь разбогатѣвшими отъ частыхъ дувановъ.

25 августа въ Астраханскомъ государствѣ было большое торжество: въ приказной избѣ сидѣлъ воевода; туда же шелъ Разинъ съ товарищами; подойдя къ избѣ, казаки положили бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ Персіянь, объявили, что и пушки отдадутъ и русскихъ служилыхъ людей отпустятъ безъ задержки. Разинъ билъ челомъ предъ воеводою, чтобъ великій государь велѣлъ отпустить ихъ на Донъ, а теперь бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими. Выборные были отправлены. Въ Москвѣ ихъ спросили: „Пошли вы съ Дону на такое воровство и то учинили, забывъ страхъ Божій и великаго государя крестное дѣлованіе; такъ теперь скажите правду—на такое воровство гдѣ у васъ зачалась мысль, и кто у васъ въ той мысли въ заводѣ былъ?“—„На Дону намъ начала быть скудость большая“, отвѣчали казаки, „на Черное море проходить стало нельзя: сдѣланы турецкими людьми крѣпости, и мы, отобравшись охочіе люди, пошли на Волгу, а съ Волги на море, безъ вѣдома войскаго атамана Корнила Яковлева, а начальній человекъ къ тому дѣлу былъ Стенка Разинъ“. По указу царскому, казакамъ вины ихъ выговорены и сказано, что великій государь, по своему милосердому разсмотрѣнію, по-

жаловаль, въѣсто смерти, велѣлъ дать имъ животоу и послать ихъ въ Астрахань, чтобъ они вины свои заслужили.

Но казаки отвѣдали широкаго раздолья и богатыхъ дувановъ: тяжело имъ было вины своя заслуживать, — не слуги они были больше государству. На возвратномъ пути въ Астрахань, за Пензою, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, казаки напали на своихъ провожатыхъ, прибили ихъ, отняли лошадей и помчались въ степь бездорожно: „Въ Астрахань не поѣдемъ, боимся государева гнѣва“, говорили они. Они провѣдали, что Разинъ отпущенъ на Донъ.

Передъ отпускомъ на Донъ, воеводы хотѣли разсчитаться съ Разинимъ; но мы знаемъ, какъ труденъ былъ расчетъ съ казаками: отдать даромъ добычу, приобретенную саблею, было хуже всего для казаковъ; мы видали уже и прежде, какъ дерзко отказывали они правительству, требовавшему безвыкупнаго освобожденія плѣнныхъ. Воеводы начали приступать къ Разину и товарищамъ его, чтобъ дали себя переписать, да чтобъ отдали всѣ пушки, дары, которые персидскій купчина везъ государю, всѣ его товары и всѣхъ плѣнныхъ Персіанъ. „Товары“, отвѣчалъ Разинъ, „у насъ раздуваны, послѣ дувану у иныхъ проданы и въ платье передѣланы, — отдать намъ нечего и собрать никакъ нельзя; за все это идемъ мы къ великому государю и будемъ платить головами своими; полонъ въ шаховой области взятъ у насъ за саблею, много нашей братья за тотъ полонъ на бояхъ побиты и въ полонъ взяты, и въ раздѣлѣ одинъ полоняникъ доставался пяти, десяти и двадцати человѣкамъ. А что насъ переписывать, то перениска казакамъ на Дону и Янкѣ и нигдѣшно нашимъ казначимъ правамъ не повелась, и въ милостивой государевой грамотѣ не написано“. Стенька отдалъ 21 пушку и морские струга, но 20 пушекъ удержалъ у себя: „Эти пушки“, говорилъ онъ, „надобны намъ на степи для прохода отъ Крымскихъ, Азовскихъ и всякихъ воинскихъ людей, а какъ дойдемъ, то пушечки приплемъ тотчасъ же“.

Воеводы не настаивали больше, велѣли Персіанамъ выкупать своихъ плѣнныхъ у казаковъ безнондинно. „Взять этотъ полонъ безъ окупы, взять силою у казаковъ дары, которые везъ шаховъ купчина, и товары его мы не смѣли“, писали воеводы въ Москву; „мы боялись, чтобъ казаки вновь шатости къ воровству не училили и не пристали бы къ ихъ воровству иные многие люди, не учинилось бы кровопролитіе“.

Воеводы были правы, ибо государство было слишкомъ слабо въ застенной украинѣ, широкомъ раздольи казачества. Мы уже знаемъ, какое очарованіе въ молодомъ русскомъ обществѣ производилъ казакъ и его вольная, удалая жизнь. Поэтическія представленія тогдашняго русскаго человѣка, отрывавшія его отъ повседневной однообразной жизни, переносившія его въ иной, фантастическій міръ, — эти поэтическія представленія сосредоточивались

главнымъ образомъ около казака и его подвиговъ. Старинные богатыри народныхъ пѣсенъ и сказокъ превратились въ казаковъ, и все чудесное, соединившееся съ представленіемъ объ Ильѣ Муромцѣ и его товарищахъ, естественно переходило теперь къ казакамъ, которые выдавались впередъ своею удалю. Русь, особенно низшіе слои народонаселенія, и въ XVII вѣкѣ жила еще понятіями IX и X вѣковъ: вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвѣлъ на Кіевлянъ старый Олегъ, когда возвратился съ моря съ богатою добычею, погромивъ греческіе берега: вѣщимъ, чародѣемъ прозвать его народъ. Вѣщимъ, чародѣемъ явился и богатый Разинъ Астраханцамъ: „Могстнѣ Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятн что бы мнѣте; на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковые учинены“. То же самое рассказывалось и о судахъ Олegovыхъ и внесено въ лѣтописи. Легко понять, какое впечатлѣніе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества должно было производить появленіе казака-вольнаго молодца, о которомъ такъ много рассказывалось и пѣлось и который могъ самъ о себѣ такъ много рассказать. Среди этой однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни являлся казакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ дельгами, деньги ему нищо, онъ гуляетъ и вся жизнь его представляется какъ непрерывная гульба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которымъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которымъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною, тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, такъ искусственно дѣйствовавшая на человѣка тогдашняго общества! Мы видѣли, что торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ Донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли въѣсть съ казаками за зипунами. Кромѣ прелести добычи, прелесть подвиговъ, давашаго выходъ силамъ, безнокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка. И не забудемъ, что описываемыя событія происходили въ Астраханскомъ государствѣ, въ степной украинѣ, гдѣ постоянно пахло казацкимъ духомъ, на этой подвижной почвѣ, гдѣ было такъ мало установленнаго, гдѣ еще продолжалось время, пережитое Европою въ началѣ среднихъ вѣковъ, — время хаотическаго броженія народныхъ силъ, время образованія дружинъ.

Самое сильное обаяніе, разумѣется, казацкій духъ производилъ на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и казакъ: онъ челоувѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полуказакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ казакомъ, при первой возможности повоюетъ на себя, т. е. пограбитъ, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ казакамъ. А вся сила астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не упо-

требяля крутыхъ мѣръ съ Стенькою, желая какъ можно скорѣе выпроводить его на Донъ, удалить страшное искушеніе отъ своихъ подвластныхъ.

Искушеніе было дѣйствительно страшное: казаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафталахъ, на лапкахъ жемчугъ, дорогіе камни; они завели торговлю съ жителями, отдавали добичу ничемъ: фунтъ шелку продавали за 18 денегъ. А онъ-то, богатырь, чародѣй, державшій въ могучихъ рукахъ всѣхъ этихъ удалцовъ, казацкій батюшка, Степанъ Тимошеевичъ!—прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди: со всѣми такой ласковый, а ужъ добрый-то какой, кто ни попроси—нѣтъ отказа! Степана Тимошеевича величали какъ дара: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ничто не было пощажено, чтобъ усилить обаяніе. Но чѣмъ производилось тогда самое сильное обаяніе? Широкою размаѣровъ во всемъ, чудовищною силою, чудовищною властію; могучее обаяніе производилъ человекъ, которому все было ничемъ, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, опѣнялъ простаго человѣка, низлагалъ, порабощалъ его. Таковы обыкновенно понятія неразвитыхъ обществъ о силѣ и власти; во сколько общество образованное требуетъ мѣры и ненавидитъ безмѣріе, во столько необразованное увлекается послѣднимъ, ибо здѣсь молчать умъ и тѣмъ сильнѣе разыгрывается воображеніе; выходки слѣпой силы, безчувственного наслія всего болѣе его поражаютъ, для него сильный человекъ прежде всего не долженъ быть человѣкомъ, а чѣмъ-то въ родѣ грома и молніи. И казацкій батюшка, Степанъ Тимошеевичъ, какъ нельзя больше приходился по этимъ понятіямъ, былъ какъ нельзя больше способенъ обаять толпу своею силою, своимъ произволомъ, ничѣмъ не сдерживающимся. Однажды Разинъ катался по Волгѣ; подлѣ него сидѣла его наложница, плѣнная Персіянка, ханская дочь, красавица, великолѣпно одѣтая. Вдругъ пьяный атаманъ вскакиваетъ, хватаетъ несчастную женщину и бросаетъ ее въ Волгу, приговаривая: „Возьми, Волга-матушка! много ты мнѣ дала серебра и золота и всякаго добра, надѣлила честью и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ!“.

Четвертаго сентября Разинъ отправился изъ Астрахани; до Царицына отпущенъ былъ съ нимъ въ провожатыхъ жилецъ Леонтій Плохово, а отъ Царицына до Панишина городка долженъ былъ провожать сотникъ съ 50 стрѣльцами. При отпускѣ воеводы наказывали казакамъ, чтобъ они дорогою никакихъ людей съ собою на Донъ не подговаривали, а которые сами станутъ къ нимъ приставать, тѣхъ бы не принимали, и опалы государевой на себя не наводили. На Черный Яръ и въ Царицынъ послана была грамота: чтобъ тамъ казаковъ въ города не пускали, вина имъ не продавали; чтобъ у казаковъ съ городскими и сельскими жителями

никакой ссоры и никакого дурна не было. Но скоро воеводы получили извѣстія, что казаки не думаютъ исполнять ихъ наказа, буйствуютъ по дорогѣ, останавливаютъ струга, подговариваютъ къ себѣ стрѣльцовъ. Воеводы послали приказъ Плохово—выговорить Стенькѣ и его товарищамъ его дурости. Но въ отвѣтъ пришло извѣстіе о новыхъ, большихъ дуростяхъ.

1 октября приплылъ Стенька къ Царицыну. Хорошо было астраханскимъ воеводамъ давать приказанія Царицынскому воеводѣ Андрею Унковскому, чтобъ не пускалъ казаковъ въ городъ; но какія у послѣдняго были средства не пускать казаковъ въ городъ? Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ. Астраханскіе воеводы писали также, чтобъ не продавать вина казакамъ; но опять какія средства для этого у воеводы Царицынскаго? Чтобъ удержать казаковъ отъ пьянства и его слѣдствій—ссоръ съ жителями,—Унковскій могъ придумать одно: велѣлъ продавать вино по двойной цѣнѣ. Но дорого поплатился воевода за это распоряженіе; казаки завопили на притѣсненіе; обязанность атамана—заступиться за своихъ, а тутъ еще подлили масло въ огонь: „Воевода этотъ“, говорили казаки, „уже даво намъ притѣсняетъ; которые, наша братья, притѣжуютъ съ Дону на Царицынъ за солью,—у тѣхъ онъ беретъ съ дуги по алтыну; да у нашихъ же казаковъ онъ отнял у одного двѣ лошади съ саями и хомутами, у другого пшаль.“ И вотъ Разинъ двинулся съ своею толпою на воеводскій дворъ, грозясь зарѣзать Унковскаго; дверь у горницы уже была выбита бревномъ; воевода выпнулся изъ горницы въ окно, вышибъ себѣ ногу, но успѣлъ спрятаться. Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, искалъ въ соборной церкви, въ алтарѣ. Не нашедши воеводу, Разинъ велѣлъ сбить замокъ у турмы и выпустить колодниковъ. Когда казаки слынули, Унковскій вышелъ изъ мѣста своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ, но не долго насидѣлъ покойно: въ избу явился казачій старшина, Запорожецъ, на-веселѣ, и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поругать воеводу всякою неподобною бранью и подрать его за бороду. Но этимъ дѣло не кончилось: самъ Степанъ Тимошеевичъ, узнавъ, что воевода въ приказной избѣ, шель съ нимъ раздѣлялся: Унковскій спрятался въ задней избѣ. Дѣло впрочемъ, обошлось безъ крови,—воевода заплатилъ казакамъ деньги за лошадей и за пшаль, и Стенька удовольствовался остраскою: „Если ты“, сказалъ онъ воеводѣ, „станешь впередъ нашимъ казакамъ налоги чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть.“ Объявились и другія обычныя казацкія дурости: ѣхалъ на частномъ стругѣ сотникъ, посланный изъ Москвы въ Астрахань съ государевыми грамотами; ночью казаки напали на него, стругъ пограбили, государевы грамоты пометали въ воду. Леонтій Плохово, разставаясь съ Стенькою въ Царицынѣ, говорилъ ему, чтобъ выдалъ бѣглыхъ и подговорныхъ людей. „У казаковъ того не пове-

лось, что бѣглыхъ людей отдавать," отвѣчалъ Разинъ, и не отдалъ. Съ тѣмъ же требованіемъ выдачи бѣглыхъ явился посланецъ отъ самаго наибольшаго воеводы Астраханскаго, князя Прозоровскаго. Посланный приправилъ требованіе угрозою: Стенька вспыхнулъ: „Какъ ты смѣлъ придти ко мнѣ съ такими рѣчами?" закричалъ онъ: „чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увяжусь и рассчитаюсь съ воеводою. Онъ дуракъ, трусь! Хочеть обращаться со мною какъ съ холопомъ, но я природенный вольный человѣкъ. Я сильнѣе его; я раслапачусь съ этими негодяями.“

Это не была простая угроза: это былъ прямой вызовъ. Стенька было дѣйствительно сильнѣе Прозоровскаго; но что ему было дѣлать съ своею силою?—она исчезнетъ безъ употребленія, исчезнетъ и значеніе Разина, его атаманство. Но куда употребить силу?—къ Азову Турки не пустятъ; опять пробиться на Каспійское—можно; но какъ возвратиться?—въ другой разъ уже не обмануть государство! И вотъ Стенька опрокидывается на государство. Гдѣ же средства для борьбы?—поднять всѣхъ голутвенныхъ противъ бояръ и воеводъ, поднять крестьянъ и холопей противъ господъ? Васька Усь уже указалъ дорогу,

По извѣстному обычаю, Стенька сдѣлалъ земляной городокъ между Кагальникомъ и Ведерниковымъ, перезвалъ съ себѣ сюда изъ Черкаска жену и брата Фрѣла. Донъ раздѣлился: въ Черкасскъ сдѣлало старое войсковое правительство, атаманъ Корнило Яковлевъ съ старшиною; но сильнѣе его былъ атаманъ новаго войска, Степанъ Тимоеевичъ, который сдѣлалъ въ своемъ новомъ городкѣ и котораго силы увеличивались со дня на день. Вѣсти о подвигахъ батюшки Степана Тимоеевича, о богатой добычѣ разнеслись быстро: Разинъ распустилъ допскихъ жильцовъ на сроки за крѣпкими поручками въ казачьи городки для свиданія съ родственниками и для исполненія обязательствъ. Мы видѣли уже, что въ казачествѣ былъ такой обычай: домовитые казаки ссужали оружіемъ и платьемъ голутвенныхъ, которые отирались за добычею, съ условіемъ, чтобъ по возвращеніи добыча была раздѣлена пополамъ. Теперь Стенькины сподвижники дѣлили добычу съ своими посылкамъ и каміи. Добыча была богатая, и вотъ охотники до зипуновъ потянулись со всѣхъ сторонъ къ счастливому вождю: шли къ Разину голутвенные изъ Донскихъ и Хоперскихъ городковъ, гулящие люди, съ Волги, Черкасы Запорожскіе; и не нужно имъ было ни у кого ссужаться: батюшка Степанъ Тимоеевичъ принималъ каждаго съ распротертыми объятіями, ссужалъ и уговаривалъ всячески. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ было у него уже 2,700 человѣкъ. Безпрестанно говорилъ онъ имъ, чтобъ были готовы, но куда будетъ походить—про то знали немногіе казаки и у нихъ никакими мѣрами дождаться о томъ было нельзя. Старое правительство войсково, бывшее въ Черкасскѣ, старые казаки сильно тужили: „Пріѣхали въ Черкасскъ

изъ Азова присылщакки для заключенія перемирія; казаки имъ отказали и объявили прямо причину: пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами, и если онъ мимо насъ сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дурно, то вы намъ, казакамъ, вперёдъ ли въ чемъ вѣрится не станете“. Не знали, что дѣлать Корнило Яковлевъ съ товарищами: принимать ли Стеньку въ войско или промыслъ надъ нимъ чинить. Рѣшили послать за этимъ нарочно къ великому государю бить челомъ объ указѣ. Но Разинъ слышавъ вывести ихъ изъ нерѣшительнаго положенія:

Весною 1670 года, въ Ѣомино воскресеньемъ, пріѣхалъ на Донъ жилецъ Герасимъ Евдокимовъ съ царскимъ милостивымъ словомъ; атаманъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ. Евдокимовъ былъ принять честно, грамоту вычли, на государственной милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобъ онъ былъ готовъ къ отъѣзду: его скоро отпустить назадъ къ великому государю вмѣстѣ съ казацкою станицею, какъ водилось. Но въ понедѣльникъ явился въ Черкасскъ другой гость, Степанъ Тимоеевичъ Разинъ, и когда, во вторникъ, Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ для выбора станицы въ Москву, то пришелъ и Разинъ съ своими голутвенными. „Куда станицу выбираете?“ спросилъ онъ.— „Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю“, былъ отвѣтъ.— „Позвать Герасима сюда!“ закричалъ Разинъ, и приказъ немедленно былъ исполненъ, побѣжали за Евдокимовымъ и привели въ кругъ. „Отъ кого ты поѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояръ?“ спросилъ его Разинъ. — „Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою“, отвѣчалъ тотъ.— „Врешь!“ закричалъ Стенька: „пріѣхалъ ты не съ грамотою, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ, такой-сякой!“ бросился бить Евдокимова и, избивши до полусмерти, велѣлъ бросить въ Донъ.— „Непригоже ты такъ учинилъ“, отозвался было атаманъ Корнило Яковлевъ.— „И ты того же захотѣлъ“, закричалъ на него Разинъ. „Владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ!“ Атаманъ замолчалъ, видя, что не его время; Разинъ съ голутвенными началъ господствовать въ Черкасскѣ. Нѣсколько добрыхъ казачковъ возвысили—было голосъ и отвѣдали Донской воды. Разинъ началъ сбивать съ Дону священниковъ, этихъ подозрительныхъ для него „царскихъ богомольцевъ“. Церковь составляла связь казачества съ государствомъ, и вотъ Разинъ износилъ хулу на Церковь; послѣ, пожалуй, онъ опять пойдетъ къ Соловецкимъ: „Смолоду было много бито, граблено, подкопецъ надо душу спасти!“ Но теперь Разину—было не до богомолья: дикія силы кишѣли въ немъ и требовали выхода, казакъ гулялъ и не вѣрилъ ни во что, „вѣрять только въ свой червленый вязъ“, какъ богатырь старой пѣсни. Говорятъ, Стенька вѣнчалъ голутьбу, заставляя ихъ плясать вокругъ дерева. Это не была новость: кто не зналъ пѣсни, какъ богатыри „кругъ ракитова куста вѣнчался?“

Изъ Черкаска Разинъ отправился вверхъ, въ

Паншинъ городокъ, куда пришелъ къ нему знаменитый Виска Усь съ толпою голутвенныхъ. Всего набралось тысячъ съ семь казаковъ. Собрался кругъ, и атаманъ объявилъ, что идетъ судами и конями подъ Царицынъ. На другой день войско выступило; черезъ два дня, ночью, подошло къ Царицыну, и, какъ только начала заигрывать заря, казаки съ сухаго пути и съ рѣки выступили городъ. Здѣсь начали бить въ набатъ, выстрѣлили разъ изъ пушки, но уже пять человѣкъ Царицынцевъ перекинулись къ казакамъ и объявили Стенькѣ, сколько въ городѣ казны, занасовъ, какія крѣпости. Оставивъ Уса осаждать городъ, Стенька отправился за тридцать верстъ, погромилъ Едисианскихъ Татаръ и привелъ подъ Царицынъ ильбинныхъ, пригналъ лошадей, животину. Между тѣмъ, 13 апрѣля, въ таборъ къ Василь Усу явились еще пять человѣкъ Царицынцевъ съ просьбою позволить имъ выходить изъ города, брать воду, выгонять скотъ на пастбище. „Уговаривайте воеводу“, отвѣчалъ Усь, „чтобы онъ городъ отперъ, а если онъ заупрямится, то вы сами отбейте городовой замкъ“. Въ тотъ же день приказаніе было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургеневъ съ илеманникомъ своимъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками Царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались шны, попойки съ казакми; самъ Разинъ прѣѣхалъ въ городъ и угощался до-пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на прыгунъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тургеневъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили.

Стенька укрѣпилъ Царицынъ, созвалъ кругъ и объявилъ свой широкій замыселъ: идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города, выводить воеводъ, или идти къ Москвѣ противъ бояръ. Казаки закричали въ отвѣтъ, что полагаются на слово своего батюшки атамана. Но скоро оказалось прельствие: пришла вѣсть, что Астраханскій воевода, князь Прозоровскій, высылаетъ людей къ Черному Яру. Стенька тотчасъ выслалъ конную станицу для провѣдыванія; посыльщики возвратились и сказали, что въ Черномъ Яру стоятъ Астраханская рать; но вслѣдъ за этимъ другая вѣсть, — что сверху идутъ московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Стенька не унывалъ, зная, что ни изъ Астрахани, ни изъ Москвы не можетъ быть послано много войска; онъ бросился на московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было 1,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли спокойно на Денежномъ островѣ, въ семи верстахъ отъ Царицына, какъ вдругъ пули посыпались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ луговой стороны напалъ въ духъ самъ Разинъ, а съ нагорной — конные казаки; несмотря на превосходящую силу казаковъ, которыхъ было тысячъ съ пять, стрѣльцы начали пробиваться къ Царицыну, думая, что оттуда будетъ имъ выручка; но только-что они подплыли подъ городъ, какъ от-

туда встрѣтили ихъ пушечными ядрами. 500 стрѣльцовъ было убито, остальныхъ разобрали подъ городомъ. Лопатинъ съ другими начальными людьми имѣлъ участь Тургенева; болѣе 300 стрѣльцовъ Стенька посажалъ на свои суда въ гребцы неволею; они слышали отъ казаковъ удивительныя слова: „Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя“.

Московскихъ стрѣльцовъ надобно было доставать боемъ; астраханскіе передались безъ сопротивленія; въ Астрахани уже работали Разинскіе посланцы, и легко имъ было тамъ работать: почва была удобная и подготовленная прежнимъ пребываніемъ Стеньки. На-встрѣчу ворахъ плыли 2,600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей подъ начальствомъ товарища воеводскаго, князя Семѣна Ивановича Львова; но только-что у Чернаго Яру показались воровскія суда, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и начали вязать начальныхъ людей, громко привѣтствуя своего батюшку, Степана Тимошеевича, своего освободителя. Разинъ отвѣчалъ имъ обѣщаніями вольной, богатой, разгульной жизни; восторженные крики не прерывались и, подъ эти крики, надали обезображенные трупы начальныхъ людей. Но уцѣлѣлъ какъ-то воевода князь Львовъ.

Вѣсти, полученные отъ стрѣльцовъ, переѣхавшихъ наѣбреніе Разина: сперва онъ хотѣлъ идти подъ верхніе государевы города, тамъ переводить воеводъ; теперь онъ узналъ, что въ Астрахани свои ждутъ его съ нетерпѣніемъ и сдадутъ городъ, только-что покажутся удалые. Стенька поплылъ къ Астрахани.

Здѣсь давно уже ждали чего-то недобраго: давно были напуганы знаменіями, шумомъ въ церквахъ, точно колокольный звонъ, землетрясеніями. Съ 25 мая, съ того дня, какъ отправился князь Львовъ съ стрѣльцами, между Астраханцами начался ропотъ и непослушаніе воеводъ, и вотъ 4 июля происходитъ страшная вѣсть, что стрѣльцы передались Разину. Князь Прозоровскій не потерялъ духа и началъ, сколько могъ, хлопотать объ укрѣпленіи города. Помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Нѣмецъ Бутлеръ, капитанъ перваго русскаго корабля Орель, стоявшаго въ Астрахани. Въ тотъ же день воевода велѣлъ Бутлеру пересмотрѣть всѣ пушки по валамъ и раскатамъ, и корабельнымъ людямъ приказалъ быть у наряда. На другой день, 5 числа, волненіе между Астраханцами усилилось: какъ видно, и въ народѣ узнали уже объ измѣнѣ стрѣльцевъ. 9 іюня Прозоровскій велѣлъ Бутлеру осматрѣть каменный городъ, а на другой сторону вала хлопоталъ Англичанинъ, полковникъ Ома Воль; валъ и расказы починивали, вездѣ разставили крѣпкія караулы, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ Нижней башнѣ стояла Персіяне, Калмыки, Черкесы. 13 іюня ночью караульные стрѣльцы увидали, какъ надо всею Астраханью отворилось небо и просыпались изъ него на городъ точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и разказали объ этомъ митрополиту Іосифу,

Тотъ долго плакалъ и, возвратившись въ келью отъ заутрени, говорилъ: „Изліяся съ небеси фіалъ гнѣва Божія!“ Іосифъ вѣлъ право не ждать ничего добраго отъ казаковъ, зная ихъ очень хорошо. Онъ былъ родомъ Астраханецъ; восемь лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволяли себѣ казаки Заруцкаго въ Астрахани, какъ безчестили архіепископа Θεодосія за то, что называлъ ихъ ворами; какъ перебили всѣхъ его дворовыхъ, разграбили домъ, самого посадили въ Троицкомъ монастырѣ въ каменную тюрьму. Іосифъ на самомъ себѣ носилъ тяжелый знакъ памяти отъ этого страшнаго времени: голова его постоянно тряслась отъ удара, нанесеннаго ему казаками.

Прозоровскій, услышавъ о видѣніи, также заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго отъ стрѣльцовъ въ Астраханцѣхъ, и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, приласкать иноземцевъ. 15 числа онъ позвалъ къ себѣ объѣдать Бутлера, подарилъ ему кафтанъ изъ желтаго атласа, нижнее платье, бѣлье, велѣлъ придать каждый день объѣдать.

Но въ то время какъ воевода задабривалъ Бутлера, стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Они являлись къ воеводѣ и требуютъ жалованья за прошлый годъ. „Казны великаго государя изъ Москвы еще не бывало“, отвѣчалъ Прозоровскій; „развѣ что дать отъ себя взаимы митрополиту или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ раздамъ, по сколько придется, чтобъ вамъ богоотступника и измѣнника Стеньки Разина не слушать и радѣть великому государю“. Объяснившись такъ откровенно съ стрѣльцами, Прозоровскій идетъ къ митрополиту: „Какъ быть? надобно дать, иначе бѣда!“ — „Надобно дать“, отвѣчалъ митрополитъ, „злоба велика, прельстились къ богоотступнику!“ и вынесъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять 2,000. Воевода роздалъ эти деньги стрѣльцамъ; предлогъ къ возмущенію исчезъ, но не исчезло желаніе, и съ нетерпѣніемъ ждали батушки Стенана Тимоосевича.

И вотъ пошли толки о новомъ знаменіи: раннимъ утромъ караульные стрѣльцы увидали три столпа разноцвѣтныхъ, точно радуга, а наверху три вѣнца. Видѣлъ и самъ митрополитъ Іосифъ. Не къ добру! не къ добру и то, что въ Петровкѣ, когда бывало, негдѣ дѣться отъ жара, теперъ ходятъ всѣ въ тепломъ платьи: холодъ, дожди съ градомъ!

22-го числа воровскіе казаки уже были въ виду города. Стенька сталъ у Жаренныхъ Вугровъ и прислалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами Воздвиженскаго священника и человѣка князя Львова, понавнихся къ нему въ плѣтъ; была у нихъ и грамота къ Бутлеру на иѣмецкомъ языкѣ! Стенька уговаривалъ Пѣмцевъ поберечь свою жизнь и не стоять противъ казаковъ. Бутлеръ отдалъ грамоту воеводѣ; тотъ разорвалъ ее, велѣлъ пытать холопа и отсѣчь голову; пона посадили въ тюрьму, заклепавши ротъ. Воевода укрѣплялъ городъ, закладывалъ ворота кирпичемъ, митрополитъ

съ духовенствомъ обходилъ городъ крестнымъ ходомъ. 23-го числа казаки пристали къ городу у рѣчки Кривуши подъ виноградными садами; запылала Татарская слобода: ее зажгли свои нагѣренно, чтобъ не давая пріюта неприятелю. Но вотъ приволятъ къ воеводѣ другаго рода зажигальщиковъ: двое нищихъ перебѣжали къ Разину и возвратились отъ него съ порученіемъ зажечь Бѣлый городъ во время приступа. Нищие были казнены для острастки; но воевода мало надѣялся на одну острастку и сѣмнилъ употребить другое средство: на митрополитчій дворъ созваны были пятидесятиники и старые лучііе люди. Митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постараться за домъ Пречистыя Богородицы, послужить великому государю вѣрою и правдою, биться съ измѣнниками мужественно, обшамъ царскую милость живымъ, вѣчное блаженство падшимъ. Всѣ на словахъ увѣряли, что не будутъ шадить живота своего; но иначе вышло на дѣлѣ.

Вечеромъ боирничъ, припявши благословеніе у митрополита, ополчился въ ратную сбрую и выступилъ, какъ обыкновенно воеводы выступали въ походъ, понелъ со всѣми своими держальниками и дворовыми людьми, передъ ними вели коней подъ попонами, бли въ тулупасахъ, трубили въ трубы. Прозоровскій сталъ у Вознесенскихъ воротъ, куда ждалъ самага сильнаго напора отъ воровъ.

Ночь проходила. Въ три часа утра 24-го числа тревога, приступъ, пушки загремѣли съ города. Но казаки, не обращая на нихъ вниманія, приставили лѣстницы къ стѣнамъ, — и не коньими, не варами были встрѣчены: измѣнники принимали ихъ какъ друзей, давно жданныхъ; по всему городу раздались казачьи крики, и кричали не одни воровскіе казаки, кричали стрѣльцы, кричали Астраханцы — и первые бросились бить дворянъ, сотниковъ, боирскихъ людей, вѣрныхъ господамъ своимъ, и пушкарей. Въ одномъ углу, еще ничего не зная, стоялъ Бутлеръ и продолжалъ работать изъ пушекъ, какъ вдругъ является къ нему Англичанинъ Бойль, съ окровавленнымъ лицомъ, шатающійся: „Что вы тутъ дѣлаете?“ кричалъ онъ, „весь городъ измѣнилъ; стрѣльцы моего полка прокололи мнѣ лицо и ноги коньемъ, до смерти бы убили, елибѣ не латы; я говорилъ имъ, чтобъ вѣрно служили, а они мнѣ велѣли молчать“. Бутлеръ бросился бѣжать.

Между тѣмъ народъ сѣмнилъ къ соборной церкви; туда вѣрные холопи принесли на коврѣ Прозоровскаго, раненаго коньемъ въ животъ. Скоро прибѣжалъ и митрополитъ Іосифъ и со слезами бросился къ воеводѣ, съ которымъ жилъ очень дружно; по плакату было невода: Іосифъ сѣмнилъ пріюбичить страдальца Св. Тати. Церковь все больше и больше наполнялась народомъ: вбѣгали дьяки, голы стрѣлцкіе, подъячіе, всѣ тѣ, которымъ нечего было ждать добра отъ воровъ. Думали еще защищаться; заперли церковныя двери, и у нихъ съ большимъ ножемъ сталъ стрѣлцкій пятидесят-

някъ Флоръ Дура, рѣшившійся дорого отдать вора-дамъ Святое мѣсто. Онъ не долго дожидался: казаки прибѣжали и начали ломиться; рѣзныя желѣзные двери не подавались, они высгрѣбли сквозь нихъ изъ самопала. Раздался вопль: на рукахъ у матери трепеталъ въ кровли полуторагодовой ребенокъ. Наконецъ дверь подалась; Флоръ Дура началъ работать пожесть: разъяренные казаки выхватили его изъ церкви и у паперти изсѣкли на части. Прозоровскаго, дьяковъ, головъ стрѣльцкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и подъячихъ всѣхъ перевязали и посадили ночь раскатъ дожидаться казацкаго суда и расправы Судъ и расправа были коротки: явился атаманъ и велѣлъ взвести воеводу на раскатъ и оттуда ринуть на землю. Другихъ несчастныхъ не удостоили такого почета: ихъ сѣкли мечами и бердышами передъ соборною церковію; кровь текла ручьемъ мимо церкви до приказной палаты; трупы бросали безъ разбору въ Троицкомъ монастырѣ въ братскую могилу: подлѣ могилы стоялъ монахъ и считалъ, — началъ 441.

Послѣ убійствъ начался грабежъ: пограбили приказную палату, дворы убитыхъ, дворы богатыхъ людей, гостинные дворы: русскій, гиланскій, пидѣйскій, бухарскій, и все свезено было въ кучу для ровнаго дуана. Но въ то время, когда цѣлый уже городъ со всѣми своими богатствами былъ въ рукахъ Стеньки и его товарищей, въ одномъ мѣстѣ слышалась стрѣльба: въ пыточной башнѣ сѣли на смерть люди Касулата Муцаловича Черкаскаго, двое Русскихъ, да пушкари, всего девять человекъ, и билась съ ворами до полудня: не стало свинцу, стрѣляли деньгами; не стало пороху — покинулись за городъ; ихъ которые пришлились до смерти, другихъ схватили и посѣкли.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начальныхъ людей не было: они лежали всѣ въ Троицкомъ монастырѣ, въ общей могилѣ. Стенька владѣлъ Астраханью. Онъ сдѣлалъ изъ нея казанскій городокъ, раздѣляя жителей на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками; зашумѣлъ кругъ, старинное вѣче. Въ одно утро все казачество двинулось за городъ: тамъ, на просторномъ, открытомъ мѣстѣ приводили къ присягѣ, клялись: за великаго государя стоять, атаману Стенану Тпмоосевичу и всему войску служить, извѣстничкомъ выводить. Два священника стали обличать вора: одного посадили въ воду, другому отсѣкли руку и ногу. Разникъ велѣлъ сжечь всѣ бумаги и хвалится, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, въ верху, т. е. во дворцѣ государевомъ.

Казаки, старые и новые, гуляли, съ утра все уже пьяно; Стенька раздѣзжалъ по улицамъ или пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора на улицѣ, поджавши ноги по-турецки. Каждый день кровавыя потѣхи: по мановенію пьянаго атамана одному отсѣкутъ голову, другому кинуть въ воду, иному отрубятъ руки и ноги; то вдругъ смигается Стенька, велитъ отпустить несчастнаго, ожидающаго казни.

Дѣтямъ поправалась потѣха отповѣ: и они завели круги, и кто провинится, бьютъ палками, вѣшаютъ за ноги, одного повѣсили за шею — и сняли мертваго. Женамъ и дочерямъ побитыхъ дворянъ, сотниковъ и подъячихъ не было проходу отъ ругательства казацкихъ женъ; по ругательствамъ дѣло не кончилось: атаманъ началъ выдавать ихъ замужъ за своихъ казаковъ, священникамъ приказано было вѣнчать по печатямъ атамана, а не по архіерейскому благословенію. Митрополитъ молчалъ; въ день мяншии царевича Осодора Алексѣевича онъ имѣлъ слабость познать или допустить къ себѣ на обѣдъ Стеньку и всѣхъ старшихъ казаковъ: гостей нагрнуло больше ста человекъ.

У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова воеводы, княгиня Прозоровская, съ двумя сыновьями; одному было 16, другому 8 лѣтъ. Стенька вспомнилъ о княжатахъ и велѣлъ привести къ себѣ старшаго: „Гдѣ казна, что собралась въ Астрахани съ торговыхъ людей?“ — „Вся пошла на жалованье служилымъ людямъ“, отвѣчалъ мальчикъ и сослался на подъячаго Алексѣева, который подтвердилъ его слова. — „А гдѣ ваши животы?“ — „Разграблены“, отвѣчалъ князь; „нашъ казначей отдавалъ ихъ по воеводу приказу, возилъ ихъ твоей есаулу“. Послѣ этого допроса Прозоровскій висѣлъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ, подъячій на крюкѣ за ребро. Appetitъ былъ возбужденъ: Стенька велѣлъ вырвать у княгини Прозоровской и другого сына и повѣсить за ноги подлѣ брата. На другой день старшаго Прозоровскаго сбросили со стѣны; младшаго сняли живымъ, высѣкли и отослали къ матери; подъячій уже не дышалъ. Другой воевода, князь Семенъ Львовъ, былъ помянутъ, и сохранилось извѣстіе о причинѣ этой пощады: когда Разникъ прибѣжалъ изъ персидскаго похода въ Астрахань, то очень сошелся съ княземъ Семеномъ Львовымъ, они побрались, и Стенька не выходилъ изъ дома воеводы, пилъ ѣлъ и спалъ тутъ; поэтому, когда Разникъ пришелъ въ другой разъ подѣ Астрахань, то пощадилъ князя Семена и даже имѣние его не пограбилъ.

Стенька протрезвился и увидалъ, что загостился въ Астрахани. Онъ хотѣлъ прямо изъ Царицына нагннуть на государевы города, и тогда, трудно сказать, гдѣ бы онъ былъ остановленъ силою государства: но всѣмъ вѣроятностямъ, ему удалось бы зимовать въ Нижнемъ, какъ нагрѣвался. Но вѣсти о выходѣ князя Львова изъ Астрахани заставили его спуститься внизъ: а разказы передавшихся стрѣльцовъ, представившихъ Астрахань легкою добычею, заставили его идти къ этому городу. Такимъ образомъ Стенька потерялъ много дорогаго времени. Въ концѣ іюля онъ сталъ собираться вверхъ: сборы эти протрезвили Астраханцевъ, обратившихся съ казаками: хотя они и присягали великому государю, однако хорошо знали, что по укладѣ Стеньки могутъ скоро явиться подѣ ихъ городомъ государевы воеводы, и какъ Стенька успѣлъ овла-

дѣтъ Астраханью, благодаря своимъ людямъ, такъ и у воеводы найдутся свои же люди, теперь смолкнувшие изъ страха или успѣвше укрыться отъ истребленія. Астраханцы лились къ Стенькѣ: „Многіе дворяне и приказные люди перехоронились; позволю намъ, сыскавъ, ихъ побить для того, когда оны великаго государя будутъ въ Астрахань казакъ присылка, то они намъ будутъ первые неприятели“. — „Когда я изъ Астрахани пойду“, отвѣчала Стенька, „то вы дѣлайте какъ хотите, и для расправы оставляю вамъ казака Васюку Уса“.

На двухъ-стахъ судахъ поплылъ Разинъ вверхъ по Волгѣ, по берегу шло 2,000 конницы. Отпустивъ изъ Царицына астраханскую добычу на Донъ, Стенька пошелъ дальше, занявъ Саратовъ, Самару съ обычными переменями: воевода утопленъ, дворяне и приказные люди перепбиты, имѣніе ихъ пограблено, жители показаны. Изъ Самары Разинъ двинулся къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ окольный Иванъ Богдановичъ Милославскій, а на помощь ему сбѣжали изъ Казани окольный, князь Юрій Никитичъ Боротинскій, и успѣлъ придти къ Симбирску 31 августа, прежде Разина. „Нельзя мнѣ было не сбѣжать“, писалъ Боротинскій, „чтобъ Симбирска не потерять и въ черту вора не пропустить“. Но воевода имѣлъ мало надежды на успѣхъ: „Со мною пришло ратныхъ людей немного“, дописалъ онъ царю: „начальные люди Зыковского и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ поляхъ до сихъ поръ не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому. Алексѣй Еропкичъ разбираетъ служилыхъ людей не по указу, для своей бездѣльной корысти, вмѣстѣ того, что онъ оставилъ у себя самыхъ меньшихъ статей, оставилъ лучшихъ людей, кому нужно было служить; рейтарскимъ полкамъ прислалъ списки, а въ спискахъ написаны многіе мертвые, одно имя дважды и трижды, на лицо 1,300 человекъ въ обоихъ полкахъ, и въ томъ числѣ треть пѣшихъ. А безъ пѣхоты мнѣ быть нельзя. Пока надъ ворами промыслу не учинитъ, станутъ ходить и прельщать безопасно; а если надъ ними промыслъ учинили, то онъ бы убавилъ вымыслу своего воровскаго. Промыслъ чинитъ буду, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, а по спискамъ у меня въ полку гораздо малолюдно, и съ малолетствомъ надъ такимъ воровомъ, безъ пѣхоты, въ дальнихъ мѣстахъ, промыслу учинитъ нельзя“.

Такимъ образомъ, воевода загодя уже сбѣжалъ объяснить причину своей будущей неудачи. Боротинскій не долго ждалъ оправданія своихъ опасеній. 4 сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ, ночью обошелъ городъ, остановилъ свои струга за полверсты выше города, и, въ отдалу ночныхъ часовъ, выйдя изъ струговъ, направился къ городу на приступъ; но Боротинскій загородилъ ему дорогу: Стенька бросился на него — и завязался ожесточенный бой, длившійся съ утра до вечера; ни та, ни другая сторона не получали вреда; разошлись отъ усталости и цѣлыя сутки

стояли на одномъ мѣстѣ, смотря другъ на друга. Но Разинъ не былъ безъ дѣла: онъ пересылали съ жителями Симбирска, и, увѣрившись, что они на его сторону, ночью понахалъ на Боротинскаго и учинилъ бой великій, а за полчаса до свѣта вору начали приступать къ Симбирску, именно къ тѣмъ прясламъ стѣны, гдѣ стояли Симбирцы. Пострѣлявши для виду пыжамъ, они впустили казаковъ въ острогъ и сами бросились рубить людей боярскихъ, не бывшихъ съ ними въ одной думѣ. Овладевши острогомъ, вору бросились къ городу; но тутъ явился Боротинскій; вору обратили на него острожные пушки и не допустили безъ пѣхоты пробиться къ городу, но за то и сами должны были отступитъ. Боротинскій, видя, что безъ пѣхоты ничего не сдѣлается, отступилъ отъ Симбирска къ Тетюнамъ, написалъ государю: „Татары, которые въ рейтарахъ и сотняхъ, худы и ненадежны, съ перваго боя многіе утекли въ дома свои, нельзя на нихъ надѣяться и денегъ на нихъ нечего терять. Начальные люди въ полкъ ко мнѣ не бывали, живутъ по деревнямъ. Окольный Иванъ Богдановичъ Милославскій сбѣлъ въ маломъ городкѣ, съ нимъ головы стрѣлцкіе, солдаты и иныхъ чиновъ люди: малый городокъ крѣпкій, скоро взять не чаю, только безводенъ, колодець нѣтъ, а они воды навозили много. Я пошелъ въ Тетюны и ожидаю князя Петра Семеновича Урусова, чтобъ намъ пойти опять къ Симбирску; и будетъ Иванъ (Милославскій) сидѣть, — чтобъ его отъ осады освободить: а будетъ Ивана взяли, и намъ идти на Разина; а у него не многолюдно, больше пяти тысячъ нѣтъ худого и добраго, а нынѣ у него на бояхъ и на приступѣ безмѣрно побито лучшихъ людей. Хотя бы у меня было 2,000 пѣхоты, и онъ бы со всемъ пропалъ не только бы къ Симбирску, и къ берегу бы не допустилъ: но видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего, я отошелъ и полкъ твой отвелъ въ дѣлостя“.

Иванъ сидѣлъ, несмотря на то, что силы Разина день ото дня увеличивались приходомъ Чувашъ, Мордвы и русскихъ крестьянъ. Четыре раза казаки приступали къ городку, все по ночамъ: чтобъ зажечь городокъ, возили изъ уѣздовъ солому, дѣлали туры, въ туры клали зелье, смолу, сухія дранцы; но всѣ приступы были отбиты и городокъ оставался невредимъ. Цѣлый мѣсяць сидѣлъ Иванъ, и 1 октября увидѣлъ движеніе въ казачкомъ станѣ: Стенька уходилъ; въ семи верстахъ стоялъ обозомъ князь Юрій Боротинскій, выдержавшій на дорогѣ съ устья Казани рѣки четыре боя съ воровскими казаками, Татарами, Чуванами, Черемисою и Мордвою. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, у рѣки Свіяги, Стенька схватился съ своимъ старымъ знакомымъ. Въ первой схваткѣ Стеньку сорвали и прогнали; но онъ собрался со всѣми силами, взялъ пушки и схватился въ другой разъ: „Люди въ людяхъ мѣшались и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная была въ притинъ“; съ казачьей стороны пало безчисленное множество народа, самъ

Стенька получилъ двѣ раны, одинъ Алатырь съхватилъ было его и повалилъ, но былъ застрѣченъ ворами. Стенька былъ разбитъ въ-пухъ, побѣжалъ къ острожному симбирскому валу и заперся въ башнѣ. 2-го числа онъ могъ вздохнуть, оглядѣлся: Ворятинскій наводилъ мосты на Свйгѣ и 3 числа подошелъ къ городку; Милославскій былъ освобожденъ. Но дѣло еще не кончилось: Стенька стоялъ по ту сторону города у Казанскихъ воротъ, весь острогъ занялъ воровскими людьми. Стенька не оставлялъ намѣренія зажечь городъ и взять его. Ворятинскій употребилъ хитрость: ночью велѣлъ полковнику Чубареву зайти за Свйгу съ полкомъ своимъ и тамъ дѣлать окрики, какъ будто бы пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполнѣ; на Стеньку напалъ страхъ и онъ рѣшился убѣжать тайкомъ съ однимъ Донскимъ казаками, потому что бѣгство цѣлаго войска было бы замѣчено и нужно было бы выдержать преслѣдованіе отъ воеводъ. Онъ объявилъ собравшейся около него толпѣ Астраханцевъ, Царицынцевъ, Саратовцевъ и Самарцевъ, чтобъ они стояли у города, а самъ онъ съ Донцами пойдетъ на царскихъ воеводъ; но вмѣсто того кинулся на суда и поплылъ. Ворятинскій, узнавъ о бѣгствѣ Разина, рѣшился покопчить съ оставшимися ворами; онъ вышелъ съ конницею на поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на покинутый Разиннымъ обозъ и въ острогъ; Милославскій съ другой стороны входилъ въ острогъ, который занялся въ разныхъ мѣстахъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ и особенно выгнѣяемые пламенемъ, вору бросились къ рѣкѣ, къ судамъ, но были всея перетоплены; въ плѣнъ поналось 500—600 человекъ, и все были истреблены: заводчиковъ четверговали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги. По чертѣ и по уѣздамъ разосланы были повѣстки, чтобъ все измѣнившее добило въ винахъ своихъ человекомъ государю и жили въ домахъ своихъ попрежнему; пригородные служилые люди добило человекъ изъ нихъ выбирали съ слободы по человекъ и били плутами. Послѣдній успѣхъ свой въ Симбирскѣ Ворятинскій приписывалъ зажженію острога: „Если бы не зажгли острогу“, писалъ онъ государю: „то долго было бы около нихъ ходить за многолюдствомъ“.

Гостба казаковъ въ Астрахани, упорная защита Симбирскаго городка Милославскимъ и побѣда Ворятинскаго погубили Стеньку и его дѣло, которое начало было разыгрываться въ обширныхъ развѣтрахъ.

Какъ только еще Стенька подошелъ къ Симбирску и заставилъ Ворятинскаго удалиться на сѣверъ, воровскіе казаки съ предостынистыми листами разсѣялись вверхъ по Волгѣ. Въ прелестныхъ листахъ говорилось, что казаки идутъ противъ измѣнниковъ бояръ и съ ними идутъ Печай, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (недавно умершій) и патриархъ Никонъ, изгнанный боярами. Бунтъ занялся на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою;

повторилось то, что мы уже видѣли въ Смутное время здѣсь же, на восточной Украинѣ, и во время возстанія Хмельницкаго на западной: въ селахъ крестьяне начали истреблять помѣщиковъ и приказчиковъ ихъ, и толпами подыались въ казаки, Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаксъ, въ городахъ чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, выпускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казачье устройство; восводы и приказные люди, обличованные миромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, одобренныхъ не трогали. Какъ въ Смутное время, подыались варварскіе инородцы—Мордва, Чуваши и Черемисы.

Поднямая бунтъ, воровскіе казаки держались двухъ главныхъ направлений: отъ Симбирска на западъ по нынѣшнимъ губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и потомъ къ сѣверо-западу,—по Симбирской и Нижегородской. Первое ополченіе, отдѣлившееся отъ Разина подъ Симбирскомъ въ сентябрѣ, направилось къ Корсуню, подъ начальствомъ Мишки Харитонова; цѣль была объявлена: идти въ русскіе города, побить бояръ, жечь ихъ и дѣтей, и дома разорить. Корсунскіе городскіе люди пристали къ ворами и пошли съ ними вмѣстѣ бить помѣщиковъ по селамъ и деревнямъ. 18 сентябрю Атемарцы сдали свой городъ: 19 сдался Исарскій острогъ; первое сопротивленіе оказали Саранскъ: съ утра до вечера приступали вору къ Саранску, наконецъ ворвались въ него, побили воеводу и ратныхъ людей. Атаманы собрали кругъ и объявили, что пойдутъ по чертѣ до Тамбова. Царскіе воеводы, слѣдивше въ городкахъ по этой чертѣ, предвидѣли свою горькую участь; Керенскій воевода Безобразовъ писалъ въ Тамбовъ: „Здѣшніе люди все въ отчаяніи пришли; хотя и немного воровъ придетъ, но я отъ здѣшнихъ людей добра ничего не чаю, и въ печаль своихъ чуть-жить; да ихъ же воровская прелесть во всѣхъ людяхъ всѣяла, будто съ ними идетъ Печай, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ да Никонъ патриархъ; и малотумные люди все то ставятъ въ правду, и оттого пущая бѣда и колебаніе въ людяхъ“. Нижнеломовскій воевода, Андрей Пекничъ, писалъ воеводѣ Якову Хитрову (23 сентябрю): „Въ Нижнемъ-Домовѣ казаки знаютъ что измѣнили: поминай меня, убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми“.

Не долго ждали воеводы своей участи. Изъ Саранска Мишка Харитоновъ отправился къ Пензѣ; здѣсь какъ только заидѣли воровскія знамена, конскіе хвосты, развѣвавшіеся на шестахъ, такъ тотчасъ же изволивались, убивли воеводу и обратались съ казаками. Въ Пензу изъ Саратова явилась новая толпа воровъ, атаманомъ которой сталъ Донской казакъ изъ бѣглыхъ солдатъ, Васья Федоровъ. Взвизни дѣвчунки, вору вышли изъ Пензы и заняли Наровчатъ. Предчудовицы Андрея Пекнича оправдались: Нижнеломовцы схватили его, посадили въ тюрьму и послали въ Наровчатъ къ во-

ровскимъ казакамъ; тѣ явились и подняли на конья облхованнаго воеводу, что считалось ругательною смертію. Изъ Нижняго-Домова отпраздился казачій отрядъ къ Верхнему, гдѣ жители также выдали своего воеводу Корсакова: его привезли въ Нижній-Домовъ и умертвили; но Керенскаго воеводу Безобразова отпустили въ Шацкъ. Двигаясь туда же, воры вошли въ Кадомскій уѣздъ; здѣсь къ Мишкѣ Харитонову и Васкѣ Оседрову претсталъ въ Жукковщинѣ третій атаманъ — Мишка, а въ селѣ Конобеевѣ — четвертый, Шиловъ. Въ каждой деревнѣ, черезъ которую проходили казаки, они брали къ себѣ по мужику съ дыма; кромѣ того, толпы ихъ увеличивались Татарами и Мордвою. Въ разореніи помѣщичьихъ домовъ особенно отличался крестьянинъ Жуковскихъ, Кадомскаго уѣзда, Острогожскаго села, прозвѣщаемъ Широко.

Другая толпа воровъ, посланная Разинымъ изъ-подъ Симбирска съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ, который выдавалъ себя за парвенча Алексея, двигалась на сѣверо-западъ къ Алатырю; городъ былъ взятъ и сожженъ; воевода Акпновъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми и дворяне, запершіеся въ соборной церкви, все сгорѣли. Тезииковъ также былъ взятъ; воевода Челищевъ убѣждалъ, но брата его, племянника и подьячихъ воры побили. Въ Курмышѣ казаки встрѣтили почетный приемъ: городскіе и уѣздные люди вышли къ нимъ съ образами и вмѣстѣ съ ними встрѣчали воевода; Курмышцы все міромъ его одобрили, и онъ остался на воеводство, грабежу и никакаго разоренія воеводѣ и городскимъ людямъ не было. И въ Ядринѣ воевода остался живъ, потому что его міромъ одобрили. Изъ Василья воевода убѣждалъ. Козьмодемьянцы убили своего воеводу, подьячаго, выбрали въ старшины посадскаго челоуѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, Долгополовъ, пошелъ поднимать Ветлугу. Изволновались жители Лыскова и прислали въ Курмышъ звать къ себѣ атамана Осипова; воевода ушелъ. Мурашкинцы отсѣкли голову своему воеводѣ, Племянникову. Въ Лысковѣ казаки были приняты съ торжествомъ; но на другой сторонѣ Волги не хотѣлъ сдаться имъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, привлекаяшій воровъ богатою добычею. 8 октября воры приступили къ монастырю съ страшнымъ крикомъ: „Печай! Печай!“ (мы знаемъ что это значило) и старались зажечь монастырь; но монахи, служки, крестьяне и богомольцы затушили пожаръ и отбили воровъ. Казаки отступили въ Лысково, оттуда въ Мурашкино, и все болѣе и болѣе набирали къ себѣ людей; у Осипова было уже тысячъ пятнадцать народа, Мордвы, Черемшъ и русскихъ крестьянъ, и между ними сто челоуѣкъ Донскихъ казаковъ, товарищей Разина. Отрядъ этого войска, подъ начальствомъ атамана Янка Микитинскаго, пошелъ въ другой разъ подъ Макарьевъ монастырь и успѣлъ захватить его: пожарки частныхъ людей, отданные въ монастырь на ебереженіе, были разграблены, но монастырскаго ничего не тронули. Между тѣмъ къ Осипову въ

Мурашкино нахлынули новыя толпы Татаръ, Мордвы и Чувашъ, и онъ собирался идти подъ Нижній, потому что нижегородскія чернь уже дважды присылала къ нему съ приглашеніемъ придти: городъ будетъ сданъ и государевы люди побиты. Но во время сборовъ къ Нижнему прискакала гонецъ отъ Разина съ приказомъ идти къ нему на помощь со всѣми силами, потому что его, Стеньку, князь Воротынский подѣ Симбирскомъ побилъ.

Такимъ образомъ нечего было ждать главнаго атамана для поддержанія и распространенія мятежа, а между тѣмъ царскіе воеводы стали двигаться съ разныхъ сторонъ, и нестройныя толпы черни, кой-какъ вооруженной, не могли стоять противъ государевыхъ ратныхъ людей. Останова Разина въ Астрахани и потомъ подѣ Симбирскомъ дала воеводамъ возможность собраться съ силами, которыхъ вначалѣ, какъ мы уже могли видѣть изъ донесенія Воротынскаго, было очень недостаточно. Знаменитый бояринъ и воевода, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой стоялъ въ Арзамасѣ и оттуда доносилъ царю: „Пущіе заводчики въ воровствѣ тѣ, которые присланы отъ Стеньки Разина, изъ сибирской черты стрѣльцы и казаки, да будинки, которые были на будахъ. Пущіе заводы воровскіе отъ Нижегородскаго уѣзда, отъ Лыскова, Мурашкина и отъ Терюшевской волости: этихъ воровъ умножилось; ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ; а съ другой стороны отъ Шацка, Кадома и Тезиикова воровство большое-жъ; на такихъ воровъ малая посылка посылать опасно, а многолюдную посылку послать — и у насъ малолюдно: стольниковъ объявлено въ естяхъ 96 челоуѣкъ, а въ иѣтяхъ 92, стряпчихъ въ естяхъ 95, а въ иѣтяхъ 212, дворянъ московскихъ въ естяхъ 108, а въ иѣтяхъ 279, жильцовъ въ естяхъ 291, а въ иѣтяхъ 1508, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ зѣло мало въ приѣздахъ, а рейтарскіе полковники и рейтары изъ Переяславля-Залѣскаго и Рязанскаго не бывали.“ Долгорукой уже объяснилъ, почему было такое количество иѣтей: „ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ.“ Нижегородскіе воеводы подтверждали это объясненіе: „Пришли къ Нижнему-Новгороду ратные люди, велѣно было имъ въ полку боярина князя Юрія Долгорукаго. И нынѣ тѣ ратные люди стоятъ подѣ Нижнимъ для того, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ воры дороги все перепали и училили по дорогамъ крѣпости и засыки и заставы крѣпкія и многолюдныя, конныхъ и иѣсныхъ людей не пропускаютъ, побиваютъ до смерти. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ многія села и деревни разорили и выжгли, дворянъ ихъ, женъ и дѣтей и людей ихъ побили; къ Нижнему-Новгороду подѣзжаютъ и великимъ жилищнымъ людямъ говорятъ съ угрозами, и воровскія письма привозятъ, чтобъ жилищные люди имъ городъ сдали и ихъ встрѣтили. Изъ тѣхъ воровъ два челоуѣка, приѣхавшіе съ воровскими письмами, пытаны на крѣпко и казнены смертію“.

Буть обхватывать Долгорукаго съ трехъ сторонъ: съ юга, востока и сѣвера; воевода не могъ думать о наступательныхъ движеніяхъ и долженъ былъ ограничиваться оборонительными дѣйствіями отъ наступающихъ воровъ. Оборона была удачна. 28-го сентября воевода, душный дворянинъ Федоръ Леонтьевъ, побилъ воровъ — въ селѣ Путятинѣ. Узнавъ, что новыя толпы движутся изъ Алатыря прямо къ Арзамасу, Леонтьевъ соединился съ окольничимъ, княземъ Константиномъ Щербатовымъ, и 30 сентября побилъ воровъ въ селѣ Пановѣ; но черезъ пять дней узнали, что воры въ деревнѣ Исуповѣ, только въ 12 верстахъ отъ Арзамаса; на нихъ пошелъ Щербатовъ и разбилъ; 9 октября Леонтьевъ разбилъ другую шайку въ селѣ Кремелкахъ; 13 октября Щербатовъ встрѣтилъ и разбилъ воровъ по Саранской дорогѣ, въ селѣ Поѣ; другой большой бой загорѣлся у села Мамлѣва — и кончился также пораженьемъ казаковъ.

Воровскій папоръ, на Арзамасѣ былъ сдержанъ, и Долгорукій могъ перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Важнѣе всего ему было очистить сѣверъ, нижегородскія мѣста, и не дать ворами Нижнего. Съ этою цѣлю онъ отправилъ Щербатова и Леонтьева къ Муранкину, на самое сильное скопище, гнѣздо самозванства и воровскихъ прелестей. 22-го октября, не доходя пяти верстъ до Муранкина, воеводы встрѣтили воровъ и начали бой: воры стали отступать, вели государевыхъ людей полторы версты и навели на главные свои полки къ пушкамъ; тутъ, въ трехъ верстахъ отъ Муранкина, загорѣлся большой бой. Нестройныя толпы, несмотря на свою многочисленность и пушки, не выдержали натиска государевыхъ людей и побѣжали, оставивъ побѣдителямъ 21 пушку, 18 знаменъ и 61 плѣнника; участь послѣднихъ была рѣшена немедленно, у Муранкина же: одни повѣшены, другимъ отсѣчены головы. Побѣда стоила воеводамъ 2 человекъ убитыми и 48 ранеными. Отъ Муранкина же воеводы двинулись къ Лыскову: Лысковцы сдались 24-го октября. 28-го октября воеводы-побѣдители пришли въ Нижний и остановились здѣсь на три дня для расправы. „Въ нижегородскихъ жителяхъ была къ воровству шатость; воеводы этихъ воровъ перехватывали и велѣли казнить смертію: повѣсигъ около города по воротамъ, инымъ отсѣчь головы, другимъ четверговать въ городѣ“.

Послѣ этихъ мѣръ Нижній стихъ; но уѣздъ его еще далеко не былъ очищенъ. 10-го ноября Леонтьевъ поразилъ воровъ подъ селомъ Ключищами и, на другой же день, выступилъ снова въ походъ. За Ключищами, по большой дорогѣ, у воровъ сдѣлана была по обѣ стороны засѣка крѣпкая, въ длину на версту, а поперекъ на обѣ стороны по полверстѣ. Леонтьевъ велѣлъ стрѣльцамъ приступить къ засѣкѣ, а самъ бѣжалъ съ конными людьми; воры были выгнаны изъ засѣки; но у нихъ оставались еще другія крѣпости: они переконали всю большую Курмышскую дорогу, сдѣлали большой ровъ, ко рву насыпъ земляную высокую; по обѣ стороны

осыпи подѣлали шанцы и большіе дубовые надолбы. Вытѣсенные изъ засѣки, воры въ числѣ 4,500 засѣли въ этой крѣпости и учинили бой большой съ государевыми людьми; здѣсь большая часть ихъ была истреблена, остальные бросились бѣжать къ селу Маклакову и засѣли здѣсь въ дворахъ и гумнахъ: государевы люди запапали село и сожгли въ немъ воровъ.

Послѣ этихъ успѣховъ на сѣверѣ, Долгорукій нашелъ возможность двинуть часть войска и на югъ. Сюда двинулся воевода Лихаревъ; когда онъ стоялъ обозомъ въ селѣ Веденянинѣ, воры напали на него въ числѣ 5,000 человекъ и были разбиты. потеряли 4 пушки, 16 знаменъ, 30 человекъ плѣнными. 19 ноября Лихаревъ вошелъ въ Кадомскій лѣсъ; языки сказали, что воры, числомъ 500 человекъ, съ атаманомъ, крестьяниномъ Сенькою Влоусомъ, стоятъ близъ рѣки Варнавы въ засѣкѣ, которая засѣчена въ длину на три версты, а поперекъ на версту. Лихаревъ 20 ноября взялъ засѣку и убилъ атамана; къ ворушъ шло на помощь триста человекъ, и тѣхъ въ шести верстахъ отъ засѣки побилъ. Навстрѣчу этому движенію государевыхъ людей двинулись воры изъ Саранска большими толпами къ Красной слободѣ; но теперь, влѣдствіе успѣховъ царскихъ войскъ, страхъ передъ ворами началъ исчезать: Краснослободны отсидѣлись; пришелъ чередъ ворами бѣгать изъ городовъ; какъ только Лихаревъ послалъ отрядъ къ Темникову, 30 ноября, — воры побѣжали въ лѣсъ, а Темниковцы, лучшіе люди, сдались государевымъ людямъ.

Здѣсь, въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи, уже давно съ успѣхомъ дѣйствовали другіе царскіе воеводы, двигавшіеся съ юга. Изъ Тамбова 11 октября выступилъ на сѣверъ воевода Яковъ Хитровъ съ 2,670 человекъ войска, оставя въ Тамбовѣ, съ воеводою Пашковымъ, 2,118 человекъ. Пашкову казалось этого мало; онъ сильно боялся и писалъ: „На Тамбовцевъ въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина“. Мы выдѣли, что воровскія толпы, возмущившія нынѣшнюю Пензенскую губернію, подъ начальствомъ Мишки Харитоновъ и Васьки Оедорова, рѣшили овладѣть Шацкомъ. Вышнѣ здѣсь рейтарскіе полковники, Zubovъ и Зыковъ, предупредили воровъ, и 14 октября напали на часть ихъ, стоявшую въ селѣ Копобеевѣ. Воры были всѣ побиты, два атамана попались въ плѣнъ съ десятью казаками. Но этого успѣхъ не отвратилъ опасности отъ Шацка, и 17 октября полковники увидели у себя гостей: подъ городъ подступили главныя толпы, — съ одной стороны Мишка Харитоновъ, съ другой — Васька Оедоровъ. Воры были отбиты и принуждены отступили въ заловѣдннй лѣсъ; рейтары преслѣдовали ихъ сюда и побилъ. Но, кромѣ этихъ пензенскихъ шаекъ, въ 20 верстахъ отъ Шацка, въ деревнѣ Печенищахъ, образовалось новое воровское гнѣздо особаго рода:

вмѣстѣ съ забунтовавшими крестьянами стояли здѣсь Тамбовскіе казаки и солдаты разныхъ слободъ и селъ, которымъ было велѣно идти на службу въ Шацкій полкъ и къ Хитрово. Изъ Меченищъ они перебросились въ Тамбовскій уѣздъ, на Рыбную пустошь, въ село Алгасово, гдѣ и стали обозомъ подъ начальствомъ Тимоея Мещерякова, разбойничая въ окрестностяхъ и призывая къ себѣ крестьянъ Рыбной пустоши. 22 октября, въ тотъ самый день, какъ Щербатовъ и Леонтьевъ бились съ ворами подъ Мурашкинымъ, Хитрово осадилъ воровской обозъ подъ Алгасовымъ, приступая жестокими приступами, а село велѣлъ зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидѣли въ воровскомъ обозѣ. На другой день, 23 октября, Мещеряковъ съ товарищами началъ бить челомя, и Хитрово привелъ ихъ къ присягѣ на томъ, чтобъ казаки и солдаты впередъ служили государю, и отпустилъ ихъ въ Тамбовъ. Но Мещеряковъ не пошелъ на службу, а сталъ опять наговаривать на воровство и на избіи тамбовскихъ служилыхъ людей; многіе послушались его и выбрали себѣ притомъ село Червленое, въ 20 верстахъ отъ Тамбова. И около Шацка не вдругъ стало тихо: разбиты шайки Харитонова и Федорова стягивались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ; три раза еще схватывались съ ними государевы люди, и только послѣ 19 ноября Шацкій уѣздъ успокоился.

Въ это время Долгорукій, по приращенному Лихаревымъ пути, двигался къ Темникову. 4 декабря, за двѣ версты отъ города, встрѣтили его Темниковцы, духовенство и всякихъ чиновъ люди и уѣздныхъ церквей священники и крестьяне, съ образами и крестами, били челомя и говорили съ великимъ плачемъ, что они у воровскихъ людей были поневолѣ, воры ихъ разорили, а которые городскіе и уѣздные люди бились съ ворами заодно, тѣхъ они передоiventъ и приведутъ. Долгорукій велѣлъ привести всѣхъ къ присягѣ, и Темниковцы исполнили обѣщаніе, привели пона Савву и 18 челомякъ крестьянъ, которые были вмѣстѣ съ ворами, противъ государевыхъ людей бились, бунты многіе заводили, дома грабили, женскому полу поруганіе чинили и иныхъ запытали до смерти. На пыткѣ поплъ съ товарищами признались въ своихъ преступленіяхъ. Потомъ Темниковцы привели къ Долгорукому вора особеннаго рода, в о р а е р е т и к а с т а р и н у: „Меня,“ говорила воръ-старница, въ разирсовѣ, „меня зовутъ Аленю, родомъ изъ вѣздной Арзамаской слободы, крестьянская дочка; была замужемъ за крестьяниномъ же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нынѣшнемъ году пришла я изъ Арзамаса въ Темниковъ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атаманомъ Оедькою Сидоровымъ и учила его вѣдовству.“ Пона съ товарищами повѣсила около Темникова. а богатыря вѣдму XVII вѣка сожгли въ срубѣ, какъ еретицу, вмѣстѣ

съ чародѣйными бумагами (заговорными) и кореньями.

7 декабря Долгорукій выступилъ изъ Темникова въ Красную слободу (Краснослободскъ) и здѣсь имѣлъ такую же встрѣчу съ челомяемъ: приведено было 56 челомякъ воровъ и, послѣ розыску, повѣшены около города и слободъ по большимъ дорогамъ. Долгорукій такимъ образомъ вошелъ въ сѣверо-западную часть нынѣшней Пензенской губерніи, главный притонъ мятежа. Въ Москвѣ распорядились, чтобъ онъ остановился въ Красной слободѣ или въ Троицкомъ острогѣ, въ Шацкѣ послала воеводу, съехала съ Хитрово и Вутурлинымъ, и промыслъ чинили всѣ заодно. Чтобъ сообщить еще болѣе единства воеводскимъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ, отозванъ былъ изъ Казани князь Петр Семеновичъ Урусовъ, обвѣняемый въ медленности, и главное начальство надъ всеми дѣйствующими войсками поручено Долгорукому; онъ получилъ указъ — отприванте воеводу Паппа для промысла надъ Алатыремъ и Алатырскимъ уѣздомъ, и велѣтъ ему сходиться съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Борятинскимъ, который долженъ былъ двигаться туда же изъ Сибирска; а другому Борятинскому, князю Даниилу, идти къ Долгорукому на Ядринъ и Курмышъ, очищая эти города отъ воровства. Указъ былъ въ точности исполненъ Долгорукимъ.

Мы оставили князя Юрія Борятинскаго подъ Сибирскимъ послѣ пораженія Разина. Здѣсь онъ оставался довольно долго, вѣроятно поджидая вѣстей о дальнѣйшихъ замыслахъ Степки. Не ранѣе конца октября Борятинскій двинулся по сибирской чертѣ и, на рѣкѣ Урени, столкнулся съ ворами, которыхъ было тысячъ восемь: они были побиты наголову, 170 челомякъ плѣнныхъ, 16 знаменъ и 4 пушки достались побѣдителямъ; побѣжденные бросились за Суру, но и тамъ преслѣдовала ихъ государевы люди, били, побрали обозы: нѣкоторыхъ плѣнныхъ Борятинскій отпустилъ въ Курсунь и на Урень — уговаривать тамошнихъ жителей къ повиновенію; средство удалось: многіе Уренцы въ винахъ своихъ добились челомя. Послѣ Уренскаго бою, Борятинскій отошелъ въ Тагаевъ, и тутъ 5 ноября узналъ, что Донскіе казаки, Ромашка и мурза Калка, собравши 15,000 народа, стоятъ у рѣки Барыша въ Кандаратѣ. На другой же день Борятинскій выступилъ изъ Тагасва; узнавъ, что Усть-Уренская слобода занята воровскимъ ортоудемъ, онъ приступилъ къ ней и, выбивши воровъ, казнилъ плѣнныхъ, заводчика, пона села Никитина, и другихъ казаконъ. 12 ноября князь, построивъ три моста, перебрался черезъ Барышъ и увидалъ воровъ; они стояли за рѣчкой Кандараткою подъ слободою, въ обозѣ, конные и пѣшіе съ 12 пушками. Рѣчка мѣшала схватиться, и стояли полки съ полками съ утра и до обѣда на разстояніи меньше полуверсты; — Борятинскій все ждалъ, что воры переберутся за рѣчку на его сторону, но они не двигались. Князь началъ искать удобныхъ мѣстъ, напелъ и велѣлъ

пѣхотѣ съ обозомъ и пушками наступать на воровъ, а самъ съ конницею переправился черезъ рѣчку, наметавши на нее сѣна. Пѣхота схватилась съ пѣхотой, конница съ конницею, — и государевы люди одолѣли: взяли 11 пушекъ, 24 знамени; воры побѣжали врознь разными дорогами; ихъ преслѣдовали; побито было воровъ такое множество, что на полѣ, въ обозѣ и на улицахъ въ слободѣ между трунами пельзя было конному проѣхать, пролилось крови столько, какъ отъ дождя большіе ручьи текутъ. Побѣдители потеряли 13 человекъ убитыми, раненыхъ оказалось 108. — 323 плѣнныхъ были приведены къ воеводѣ; онъ велѣлъ посѣчь заводчиковъ, остальныхъ, привелъ къ присягѣ, отпустилъ, и пошелъ къ рѣкѣ Сурѣ. И вотъ съ того берега начали показываться толпы, но то были не вооруженные воры, а челобитчики изъ деревень Алатырскаго и Саранскаго уѣздовъ, съ образами: плачь неутѣшимая, обѣщанія, что ни къ какимъ воровскимъ прелестямъ впередъ приставать не будутъ. 17 ноября выступила толпа огромная; строитель Алатырскаго монастыря, священники съ образами, посадскіе люди, стрѣльцы, пушкарн, казаки — всѣ со слезами приносили свои вины, били челомъ, чтобъ князь или самъ ѣхалъ въ Алатырь, или воеводу прислалъ. Борятинскій отпустилъ къ нимъ воеводу Шильникова съ стрѣльцами и солдатами, а самъ пошелъ по чертѣ къ Корсуню и остановился въ мордовской деревнѣ Котьяковѣ; тутъ явились челобитчики изъ Корсуни, Корсунова и Талскаго. Борятинскій удовольствовался этимъ и поспѣшилъ въ Алатырь, боясь, чтобъ воры, собравшись, не заняли этого важнаго мѣста. Онъ пришелъ туда 23 ноября и сдѣлалъ острогъ.

Опасенія Борятинскаго не были напрасны: въ началѣ декабря, воровскіе атаманы мурза Калка, Алешка Савельевъ, Явка Никитинскій, Ивашка Леонтьевъ, собравъ послѣднія силы, двинулись къ Алатырю. Но объ этомъ движеніи провѣдалъ воевода Василій Панинъ, отправленный, какъ мы вѣдѣли, для соединенія съ Борятинскимъ. Панинъ поспѣшилъ на перерѣзъ ворами, встрѣтилъ ихъ недалеко отъ мордовской деревни Баевой, вступилъ въ бой, побилъ ихъ, взялъ десять знаменъ, пушку, много плѣнныхъ и вогналъ бѣгущихъ въ обозъ, находившійся въ селѣ Тургеневѣ; но обоза взять не могъ и ночью отступилъ съ версту, къ деревнѣ Баевой. Въ эту же самую ночь явился въ Баеву и князь Юрій Борятинскій съ конными и пѣшими людьми. На другой день, 8 декабря, рапо, оба воеводы отправились къ Тургеневу на воровскіе обозы, взяли ихъ приступомъ и сѣкли бѣгущихъ на пятнадцать верстахъ, добыли три пушки мѣдныхъ, три бочки пороху, 8 знаменъ, возъ фитилоу, тридцать семь мушкетовъ.

Думая, что опасность, грозившая Алатырю, исчезла, 11 декабря Борятинскій и Панинъ двумя дорогами выступили подѣ Саранскъ; Борятинскій шелъ прямою дорогою, Панинъ — подлѣ Сурскаго лѣса. До самаго Атамара, куда воеводы пришли

16 декабря, они не встрѣчали никакого сопротивленія, встрѣтили только русскихъ крестьянъ, Татаръ и Мордву, бывшихъ челомъ о пощадѣ; Русскіе шли къ присягѣ, Татары и Мордва давали шерть по своей вѣрѣ и указывали мѣста, гдѣ укрывались раненые, получившіе эти раны на воровскихъ бояхъ съ государевыми людьми; ихъ казнили смертью; въ Атамарѣ были повѣшены старшины и есаулы, бывшіе съ воровскими казаками. Въ то же время Долгорукій изъ Красной Слободы отправилъ уже извѣстнаго намъ воеводу, князя Константина Щербатого, для очистки Пензенскихъ мѣстъ, гдѣ прежде всего утвердились мятежники. Щербатовъ поразилъ воровъ 12 декабря, за восемь верстъ отъ Троицкаго острога, и потомъ выгналъ ихъ изъ Троицкаго острога; оба Ломоны и Пенза сдались безъ сопротивленія. Съ другой стороны, изъ Шацка туда же, по направленію къ юго-востоку, шелъ воевода Яковъ Хитрово, шелъ на воровскіе засѣки черезъ большой лѣсъ; въ деревнѣ Ачадовѣ онъ долженъ былъ выдержать съ ворами самый упорный бой: „полковникъ Денисъ Швейковскій съ своею Смоленскою, Вѣльскою и Рославскою шляхтою приступали, не пада головы своихъ, пріѣзжали къ воровскому обозу, на воровскихъ людей на пику, пику сѣкли и обозъ ломали; много шляхты было переранено тяжельными ранами, пробиты насквозь пиками и рогатинами, иные изъ пицелей и луковъ прострѣлены“. Наконецъ воры увидали невозможность держаться долѣе и сдались. Хитрово распустилъ ихъ, и они, пришедши въ Керенскъ, напали на жителей разказами про шляхетскіе жестокіе напуски. Слѣдствіемъ было то, что Керенчане вышли на-встрѣчу къ Швейковскому и впустили его въ городъ. Хитрово, въ донесеніи государю, не можетъ хвалиться храбростію Швейковскаго и шляхты его полка.

Но когда вниманіе Долгорукаго было сосредоточено на военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ къ югу отъ его главной стоянки, Красной Слободы, бунтъ открыли на сѣверо-востокѣ: защитникъ Симбирска, окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, пріѣхавъ изъ Симбирска въ Москву, дая знать, что на дорогѣ между Арзамасомъ и Алатыремъ приходили на него многіе воровскіе люди съ нарядомъ. Противъ нихъ двинулся воевода Леонтьевъ, разбилъ ихъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, у села Апраксина, и, какъ обыкновенно бывало, разбитые бросились въ лѣсъ, въ свои засѣки, расположенныя подѣ деревнею Селищами. Здѣсь сидѣли они съ женами, дѣтьми и со всѣмъ воровскимъ обозомъ; засѣки были вязы; плѣнные рассказывали, что было ихъ въ сборѣ больше 3,000 Русскихъ людей и Мордвы, сбравшись идти къ Арзамасу и къ Нижнему. Отрядъ изъ 500 воровъ стоялъ въ мордовской деревнѣ Андреевѣ; узнавъ о Селищевскомъ пораженіи своихъ, они добили челомъ. Бѣжавшая съ бою Мордва спряталась въ своихъ деревняхъ; Леонтьевъ велѣлъ сжечь эти деревни. Арзамаскій и Алатырскій уѣзды были успокоены.

Далѣе, на востокѣ, для усмиренія Черемисы и Чувашъ, волновавшихся вмѣстѣ съ русскими ворами по нагорному берегу Волги, для очистки Свияжска, Цивильска, Чебоксаръ, Козьмодемьянска и другихъ городовъ, еще съ половины октября дѣйствоваль князь Данила Борятинскій: въ продолженіи октября онъ разбилъ воровъ на осьми бояхъ, выручилъ Цивильскъ, Чебоксары и, приблизившись къ Козьмодемьянку, 2 ноября, написалъ къ его жителямъ, чтобъ добились челомъ государю. Отвѣта не было. 3-го числа воевода подошелъ еще ближе къ городу и увидалъ, что плутъ священники съ крестами; но подлѣ духовенства не было никого изъ другихъ чиновъ. Священники объявили, что городскіе и уѣздные люди, выпустивъ ихъ, священниковъ, изъ города съ крестами, заперли за нимъ городъ съ угрозою, что порубятъ ихъ женъ и дѣтей, пушки и всякое оружіе противъ государевыхъ людей у воровъ приготовлено. Борятинскій немедленно велѣлъ солдатамъ и стрѣльцамъ идти на приступъ; приступъ удался: воры были перебиты и нобраны въ плѣны, между прочимъ и воровскіе старшины—посадскій Шустъ да соборный поиъ Ѳеодоровъ. Васильгородъ, узнавъ о судьбѣ Козьмодемьянска, прислалъ повинную. Въ Козьмодемьянскѣ Борятинскій остановился для розыску: 60 человекъ пушкхъ воровъ казнено смертію; у сотни отсѣчены руки или по пальцу съ правой руки, 400 биты кнутомъ нещадно. Но строгости и увѣщанія мало помогли: Черемиса нагорной стороны Козьмодемьянскаго уѣзда вся воровала съ воровскими казаками: дадутъ шерть—и тотчасъ же опять заворуютъ, бьются съ государевыми людьми. Русскіе воры собрались въ Ядринѣ. Борятинскій послалъ угонять ихъ монаха Герасима и посадскаго Тихонова: монахъ былъ сброшенъ съ башии, посадскій положенъ на огонь. Воры были такъ смѣлы, что не хотѣли ждать прихода на себя государевыхъ людей: въ половинѣ ноября напали, въ числѣ 13,000, на Козьмодемьянскъ и зажгли слободы, но потерпѣли сильное поражение, потеряли всѣ пушки и семь знаменъ. Послѣ этой побѣды, Борятинскій послалъ въ Василь за подводами, чтобъ везти пушки подъ Ядринъ; воры, засвѣшіе здѣсь, испугались и бѣжали. Ядринцы присягнули государю; Курмышане послѣдовали ихъ примѣру. На Велугѣ бунтъ не распространился: тамъ приказчики разныхъ помѣстій и вотчинъ и безъ государевыхъ воеводъ управлялись съ воровскою шайкою. Другая шайка перебросилась было на Унжу, но изгнана неизвестно какъ. Къ январю 1671 года восточная крайняя утихла. Мятежъ вспыхивалъ и во многихъ мѣстахъ южной украины, но не разгорался: главнаго заводчика не было.

Подъ Симбирскомъ Стенька потерялъ и силы и власть. Онъ такъ растерялся, что, прибѣжавъ на Самару, сталъ рассказывать жителямъ, какъ пушки у него не стали стрѣлять и оттого онъ бѣжалъ на Низъ. Самъ богатырь-чародѣй признался, что сверхъестественная сила оставила его,

и Самарцы не пустили его къ себѣ въ городъ, Саратовцы сдѣлали то же самое. Пока еще Стенька былъ силенъ и держалъ Симбирскъ въ осадѣ,—сторона его на Дону держала верхъ и не давала Корнилу Яковлеву съ товарищами высказаться въ пользу государства. Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Черкасскъ изъ Москвы Донской казакъ Артемій Михайловъ съ товарищами, привезъ царскую грамоту. Собрался кругъ, и когда грамоту вычли, Корнило Яковлевъ началъ говорить: „Мы отъ вѣры христіанской и отъ Соборной Церкви отступили; пора намъ успокоиться, дружество отложить и великому государю служить попрежнему“. Трижды со слезами повторялъ онъ эти рѣчи казакамъ въ кругу, —и рѣшили не порывать сношеній съ Москвою, отпустить туда станицу; но Волжскіе казаки закричали: „Зачѣмъ посылать станицу въ Москву, развѣ захотѣлъ въ воду, кто поѣдетъ?“ Потомъ, обратясь къ пріѣзжавшимъ изъ Москвы казакамъ, закричали: „А вы зачѣмъ изъ Валудекъ вожа и провожатыхъ брали,—будто вы сами дороги не знаете? знатное дѣло: отпущены вожъ и провожатые для провѣдыванія вѣстей!“

Но когда пришли вѣсти, что Разинъ разбитъ государевыми людьми, когда онъ самъ явился на Дону съ подтвержденіемъ этого извѣстія, то дѣла перемѣнились: старые казаки взяли верхъ. Стенька свирѣпствовалъ, жегъ попадавшихся ему враговъ въ печи, выѣсто дровъ; но ничто не помогало: Донъ не поднимался на его защиту. Въ февраль 1671 г. онъ подошелъ было съ своею шайкою къ Черкасску, но его не пустили; онъ отонелъ съ угрозою, что возвратится и изведетъ всѣхъ, и засѣлъ въ Кагальницкомъ городкѣ. А между тѣмъ Корнило Яковлевъ сноился съ Москвою, какъ бы промыслить надъ Стенькою. Въ Москвѣ, въ Недѣлю Православія, прокричали апавому Стенькѣ Разину и велѣли старому нашему знакомому, столынику Касогову, провыкшему жить между казаками, двинуться на Донъ съ тысячею человекъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ. Дѣло покончилось скорѣе, чѣмъ ждали: 14 апрѣля старые казаки подступили къ Кагальницкому, сожгли городокъ, схватили Стеньку съ братомъ Фроломъ, сообщниковъ его перевѣшали. 6 июня Стеньку, послѣ обычнаго допроса, четвертовали въ Москвѣ.

Оставалось покончить съ Астраханью. Мы видѣли, что Разинъ, уѣзжая, оставилъ здѣсь вмѣсто себя атамана Васку Уса и объявилъ Астраханцамъ, что они могутъ управиться сами съ остальными своими лиходѣями. Астраханцы не долго медлили; 3-го августа бунтъ, порубили бердышами подъячихъ Якова Трофимова и Ивана Безчастнаго съ товарищами—однихъ въ сугонъ, другихъ въ домахъ, иныхъ въ тюрьмахъ; прибѣжали на митрополичій дворъ, начали искать здѣсь государева дворцоваго промышленника Ивана Турчанина, не нашли и напустились на митрополита и на его домовыхъ людей, зачѣмъ спрятали Турчанина, грозилъ всѣхъ побить до смерти, ругали Іосифа

скверными словами: „Ты угождаешь боярямъ“, кричали они ему, „только тебѣ у насъ не удѣлѣть.“ На этотъ разъ митрополитъ спасся, что предсказано ему было и въ сонномъ видѣніи: видѣлъ онъ палату вельми чудну и украшенну; сидятъ въ ней трое убійенныхъ киизей Прозоровскихъ и пьютъ питье сладкое, паче меда; надъ ними вѣнцы златы съ драгими и многоцѣнными каменіемъ; и онъ, митрополитъ, обрѣтается въ той же палатѣ, токъ отъ нихъ подалъ сидѣль и питья своего ему не дали пить, глаголюще: онъ къ намъ еще не поспѣлъ. Разсказывая этотъ сонъ, митрополитъ плакалъ и говорилъ: „Еще не пришелъ часъ мой смертный!“

Начали ходить слухи, что Стенькѣ плохо. —разбить подъ Симбирскомъ и бжжалъ; но бунтъ кипѣлъ еще на восточной украинѣ, парские воеводы еще были заняты тамъ, и воровскіе казаки не отчаивались. 2 ноября явился къ митрополиту Татаринъ и подалъ парскую грамоту, въ которой государь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную. Митрополитъ велѣлъ списать нѣсколько списковъ съ грамоты и распорядился такъ: ключари своего Негодяева и Вознесенскаго игумена Сильвестра отпривали къ есаулу Лебедеву (на котораго, какъ видно, больше надѣялся, чѣмъ на атамана Уса) убѣдить его, чтобы уговаривалъ своихъ воровскихъ казаковъ отстать отъ воровства, а самъ хотѣлъ увѣщевать народъ въ церкви. Но Лебедевъ, выслушавъ игумена и ключаря, „учинился неустовъ, и, на другой день поутру, началъ являть казакамъ, что митрополитъ со властями, съ понами и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты, хочетъ насъ всёхъ отдать боярямъ руками.“ Казаки стали собираться на дворъ къ атаману своему Усу, туда же собирались и пристанили къ нимъ Астраханцы, а между тѣмъ гудѣлъ большой колоколъ и народъ толпился у соборной церкви. Пришелъ митрополитъ, велѣлъ ключарю облачиться и прочесть подлинную государеву грамоту вслухъ передъ всёмъ народомъ; въ это время подошли съ атаманова двора и казаки съ оказавшимися Астраханцами, и также слушали грамоту. Ключарь кончилъ чтеніе и отдалъ грамоту митрополиту; но тутъ казаки бросились къ послѣднему и вырвали у него изъ рукъ грамоту. Раздраженный такимъ безчиновствомъ, Іосифъ началъ бранить казаковъ, называлъ ихъ еретиками, измѣнниками; тѣ не остались безответными, начали ругать митрополита поворными словами, кричали: „Чернецъ! зналъ бы ты своего келью; что тебѣ до насъ за дѣло?—знаешь ли ты раскатъ?“ — „Посадить его въ воду!“ раздалось въ одномъ мѣстѣ. — „Послать въ заточеніе!“ — въ другомъ. Однако ни одна изъ угрозъ не была исполнена: казаки съ государеву грамотою отошли къ своему воровскому атаману. За митрополита поплатился ключарь: на другой день казаки схватили его, связали и били палками, допрашивали: „Скажи, кто ту грамоту писалъ? вы съ митрополитомъ, понами и дѣтьми боярскими ее здѣсь сложили?“ — „Государева грамота прямая“, отвѣчалъ ключарь: „при-

слали изъ Москвы“. — „А есть ли съ нея списокъ?“ спрашивали вору. Ключарь, не стерпя палокъ, сказалъ, что списокъ есть. Явился къ митрополиту есаулъ и съ нечестью отобралъ у него списки.

Слухи все приходили хуже и хуже для казаковъ: бунтъ улегался на восточной украинѣ, и вотъ въ апрѣлѣ пришла страшная вѣсть.—Разинъ взятъ старыми казаками въ Кагальницкомъ. Вору переложились, но еще не потеряли всей надежды: рѣшили, чтобы одна шайка съ атаманомъ Федоромъ Шелудякомъ отправилась вверхъ по Волгѣ къ Симбирску; Васька Усъ попрежнему оставался въ Астрахани.

Здѣсь, 21 апрѣля, въ Великую Пятницу, митрополиту дали знать, что ютовскіе Татары привезли изъ Москвы новую государеву грамоту и стоятъ за Волгою: Іосифъ тотчасъ послалъ къ новоучрежденнымъ воровскимъ астраханскимъ старшинамъ, чтобы пришли къ нему на совѣтъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что старшины нейдутъ, а стоятъ на базарѣ. Тогда митрополитъ пошелъ самъ на базаръ и сталъ говорить народу: „Православные христіане! вѣдомо мнѣ учинилось, что есть къ вамъ великаго государя милость, призывая грамота,—привезли Татары, стоятъ они за Волгою; я государеву грамоту принять не смѣю, потому что вы меня и первую грамотою поклепали, будто я ее со властями и съ понами складывалъ и писалъ дома; такъ вы теперь ступайте, возьмите грамоту сами и привезите ее ко мнѣ; а великій государь-свѣтъ милостивъ, вины вамъ отдастъ“. — Митрополиту отвѣчали старшины: „Мы не смѣемъ безъ атамана Васьки Уса“, — и пошли къ атаману, а митрополитъ въ соборъ; тутъ подошелъ къ нему Васька Усъ съ есауломъ Топоркомъ; Топорокъ началъ бранить митрополита; тотъ рассердился и кинулся на него съ посохомъ: „Врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ! Что вы не повинуетесь великому государю?“ Понумѣвъ у собора, казаки пошли прочь, ругаясь скверными словами.

На другой день, въ Великую Субботу, вору нѣсколько разъ присылали къ митрополиту есауловъ, чтобы отдалъ государевы грамоты: „А если не отдашь“, говорили есаулы: „всѣхъ твоихъ людей побьемъ, и самому тебѣ достанется!“ — „Государевы грамоты за Волгою у Татаръ“, отвѣчала Іосифъ: „пошлите за ними, кого хотите“. Наконецъ за грамотами послали; ихъ привезли прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ распечаталъ ихъ при Васькѣ Усѣ съ товарищами; но когда Іосифъ хотѣлъ ихъ читать, казаки повернулись и вышли изъ церкви въ свой кругъ; митрополитъ пошелъ за ними въ кругъ съ священниками, домовыми дѣтьми боярскими и дворовыми людьми, и велѣлъ въ кругъ читать грамоты. Но когда чтеніе кончилось, казаки закричали: „Вольно писать имъ — боярямъ и самимъ; еслибъ была государева грамота, то была бы за красною печатью; ее митрополитъ самъ сложилъ со властями и съ понами; тужить по немъ раскатъ; еще того раскату осталось; не тѣ дни теперь за-

хватили, а то бы онъ, митрополитъ, узналъ у насъ, какъ атаманы-молодцы смуту чинятъ; вся смута и бѣда отъ него, митрополита: онъ переносывается съ Московскими боярами, съ Терекомъ и Дономъ; по его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились". Несмотря на эти крики, митрополитъ обратился къ Астраханцамъ: „Астраханские жители! велико по грамотѣ великаго государя воровъ донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму до указа, а вамъ велико во всемъ вины свои принести; онъ, государь-свѣтъ, милостивъ, вины ваши отдастъ; вы то все положите на мнѣ, что великій государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ не велитъ тронуть". — „Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму", закричали въ отвѣтъ: „мы всѣ воры; возьмите его, митрополита, и посадите въ тюрьму или въ каменную будку; счастье твое, что пристыгла Святая Недѣля, а то мы бы тебѣ дали память!"

Великъ День помѣшалъ преступленію; но оно было неминуемо: враги стояли лицомъ къ лицу; Іосифъ высказался окончательно; на его призывъ броситься на воровъ и посадить ихъ въ тюрьмы Астраханцы не двинулись, по не нынче, завтра могли двинуться: въ городѣ была власть, начальнѣйшій человекъ, и этотъ человекъ прямо, открыто дѣйствовалъ противъ воровъ, вооруженный крестомъ и грамотою великаго государя.

Только-что прошла Святая Недѣля, въ Оомнио воскресенье казаки принялись за враговъ своихъ; опять пришли въ кругъ несчастнаго ключаря и спрашивали, кто сочинялъ и писалъ грамоты. — „Вы сами знаете, что онъ не здѣсь сочинены", отвѣчалъ ключарь: „сами вы взяли ихъ у Татаръ". Ключаря повели за городъ и срубили. Схватили митрополитичихъ дѣтей боярскихъ и повели ихъ пытать; но въ кругу послышались голоса: — „Что ихъ пытать, или рубить, или казнить? ихъ казнимъ, а послѣ нихъ у митрополита другіе будутъ писцы; пора намъ приниматься за самого митрополита: его убьемъ, — такъ въ городѣ у насъ смуты не будетъ". Дѣтей боярскихъ сперва посадили за крѣпкій караулъ, по нитомъ выпустили. Поджигали себя, чтобъ убить митрополита, но дѣло было страшное, не рѣшались; нужна была сильная поджога, и она явилась.

Шелудякъ ныль къ Симбирску съ тяжелою душою: это была послѣдняя попытка, и что если она не удастся? Астрахань оставалась послѣднимъ убѣжищемъ; но ее нужно было очистить отъ враговъ, а то, пожалуй, прибѣгутъ къ Астрахани, а тамъ и вора за нихъ запереть. Шелудякъ на дорогѣ созвалъ кругъ и приговорили: убить митрополита Іосифа и воеводу князя Семена Львова. Чобъ заставить товарищей поднять руки на архіерея, послали сказать Усу, что Іосифъ и князь Семенъ съсылаются съ Донскими казаками: по ихъ письму Разинъ пойманъ и всякое зло промышляется надъ его товарищами.

11 мая Іосифъ былъ за проскомидію въ соборѣ, когда воры пришли звать его къ себѣ въ кругъ.

„Добро", отвѣчалъ митрополитъ: „вотъ я облачусь во всю святительскую одежду", и пошелъ въ алтарь облачаться, а воры дожидались на паперти; показалось имъ долго, начали горорить: „Что это митрополитъ съ понами не заперся ли въ алтарь? мы пойдемъ въ кругъ, и возвратимъ, и нечестно вытаскивать изъ церкви". Митрополитъ облачился и велѣлъ благословить въ большой колоколь, чобъ собирались священники идти съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ. Войдя въ кругъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ спросилъ Уса: „За чѣмъ вы меня призвали, воры и клятвенно преступники?" Усъ обратился къ казаку, прѣхавшему отъ Шелудяка: „Что ты сталъ, выстунай! съ чѣмъ прѣхалъ отъ войска — говори теперь!" Казакъ началъ говорить митрополиту: „Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переносываешься съ Терекомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ". — „И съ ними не переносывался", отвѣчалъ Іосифъ, „а хотя бы и переносывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чобъ и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли". Отвѣтъ сильно не понравился: „Что онъ таятъ свое воровство, что не переносывался будто?" закричали въ кругу, „какой онъ правый человекъ! что онъ пришелъ къ кругу съ крестомъ: мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ". Крикуны начали уже выходить изъ круга, чобъ снять съ митры полга облаченіе; но тутъ изъ толпы рванулся Донской казакъ Миронъ: „Что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? — намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя". Въ отвѣтъ казакъ Алешка Грузникъ кинулся на Мирона, схватилъ его за волосы, другіе воры пристали къ Грузнику, начали Мирона колотъ, рубить, вытаскивали за кругъ и убили. Мирона убили; но слова его произвели впечатлѣніе: точно показалось странно дотронуться до архіерейскаго облаченія, и казаки начали приступать къ священникамъ, толкать и бранить ихъ скаредною бранью: „Снимайте съ митрополига санъ! онъ снималъ же и съ Никона патриарха санъ". Іосифъ самъ снялъ съ себя митру, панагію и, обратившись къ протоіакоу, сказалъ: „Что же ты сталъ, не разоблачаешь? уже пришелъ часъ мой!" Протоіакоу, въ ужасѣ, снялъ омофоръ, снялъ саккошь. Тутъ казаки выбили все духовенство изъ круга, крича: „До васъ дѣла нѣтъ!" и повели Іосифа пытать на пороховой дворъ. Митрополита положили на огонь и спрашивали: „Скажи свое воровство, какъ ты переносывался?" Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только творилъ молитву и проклиналъ палача. Спросили о казнѣ: Іосифъ объявилъ, что у него только 150 рублей, а поклажи ничей нѣтъ. Послѣ пытки митрополита повели на казнь, на раскатъ; проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ еще трунъ убитаго за него Мирона, Іосифъ осѣнилъ его и поклонился. Возвели на раскатъ, посадили на край и хотѣли сринуть; Іосифъ испу-

гался послѣдней минуты, схватился за казака и поволокъ—было его съ собою; тогда воры положили его на бокъ на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскатѣ,—Аленка Грузинкинъ съ немногими товарищами. Самая дѣятельность поддерживала ихъ ожесточеніе, ихъ оныяніе. Но съ другимъ чувствомъ стояло большинство воровъ внизу подлѣ раската; ихъ страхъ увеличивался все болѣе и болѣе съ приближеніемъ дѣла къ развязкѣ, и когда наконецъ тѣло Іосифа ударилось объ землю, казакъ послышался странный стукъ: они обомлѣли и минутъ съ двадцать стояли въ глубокомъ молчаніи, повѣся головы. Потомъ опохмелились пыткой и казнию воеводы, князя Семена Львова.

Наказъ Шелудяка былъ исполненъ. Астрахань очищена отъ опасныхъ людей. На другой день послѣ убійства Іосифа и князя Львова, воры написали запись и силою заставили духовенство приложить къ ней руки за себя и за дѣтей духовныхъ: обязывались стоять противъ бояръ и измѣнниковъ и умирать другъ за друга. Но запись не помогла.

Оедька Шелудакъ въ ноябѣ доплылъ до Симбирска; но это важное мѣсто успѣли уже защитить: здѣсь сидѣлъ старый нашъ знакомый, переселенецъ, подобно другимъ воеводамъ, съ запада на востокъ, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Воры были отбиты и завели переписку съ Шереметевымъ, обѣщая принести повинную. Шереметевъ отвѣчалъ имъ, что пошлетъ къ великому государю за указомъ; воры отступили въ Самару дожидаться этого указа. Этотъ поступокъ Шереметева съ шайкою воровъ, болѣе не опасною, не понравился въ Москвѣ, особенно когда тамъ прочли подлинныя воровскія грамоты къ воеводѣ. Въ Симбирскѣ явился стольникъ князь Волконскій съ похвалою Шереметеву за его подвиги противъ воровъ и вмѣстѣ съ выговоромъ: „Ты прислалъ къ великому государю воровскія письма, но писаны они не такъ, какъ виновные добываютъ челомъ и милости просить; да они же, воры, написали, будто у великаго государя есть бояре измѣнники, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; написали и другія многія затѣйныя дѣла. Ты на ихъ воровскія письма писалъ къ нимъ памяти, гдѣ вначалѣ писано: „по указу великаго государя“, и иное многое писано въ тѣхъ памятяхъ, чего къ нимъ, ворами, писать не довелось, и печатаны памяти печатью Симбирскаго города. Тебѣ, боярину, съ такими ворами переписываться не довелось; а у великаго государя бояръ измѣнниковъ никого нѣтъ,—служать великому государю вѣрно. Ты пишешь, что воры пошли на Самару и ждуть тамъ государева указа, и то знатно, что своими письмами воровъ остановили, и учинили это негораздо.“

Воры, видя, что милостивой царской грамоты къ нимъ не приходитъ, разбѣжались съ Самары—каждый въ свой городъ, а Оедька Шелудякъ съ Астраханцами пошлылъ въ Астрахань, гдѣ принялъ

главное начальство послѣ Уса, умершаго чернивою болѣзнію. По слѣдомъ плыли къ Астрахани государевы люди съ воеводою бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ. Въ концѣ августа суда Милославскаго показались въ виду Астрахани; воры отправились было противъ него на стругахъ, чтобъ не пропустить къ городу; но бояринъ отбилъ ихъ, присталъ къ берегу и построилъ себѣ земляной городъ на устьи рѣки Волды. Отсюда нѣсколько разъ посылалъ онъ уговаривать Астраханцевъ и Донскихъ казаковъ къ сдачѣ, обѣщая государеву милость; „они же, яко дикіе звѣрїе, ни мало вымашу.“ Казаки не ограничились только обороною: атаманъ Аленка Каторжный сталъ со своимъ отрядомъ на нагорной сторонѣ, чтобъ мѣшать сообщенію Милославскаго съ Верхомъ, казакъ рѣшился напасть даже на самый станъ Милославскаго, но были отбиты. 12 сентября бояринъ велѣлъ сдѣлать земляной городокъ и на нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, противъ своего стана; Шелудякъ и Каторжный немедленно напали на новый городокъ, но были поражены на-голову.

Три мѣсяца послѣ того стоялъ Милославскій подлѣ Астрахани; воры не предпринимали болѣе наступательныхъ движеній, но и не сдавались. На помощь къ Милославскому явился Черкесскій князь Каспугать Муцаловичъ, и осадилъ Астрахань съ другой стороны. Милославскій, чтобъ имѣть болѣе возможности къ увѣщаніямъ, позволилъ Астраханцамъ свободный входъ въ свой станъ для переговоровъ; каждый день являлись они къ нему пьяные и говорили великія рѣчи; бояринъ отвѣчалъ всегда мягко, уговаривая взыскать милость великаго государя. Наконецъ—въ Астрахани обнаружилось раздѣленіе между законными ворами, которые не хотѣли сдаваться, и между умѣренными, желавшими принести вины свои. Послѣдніе, убѣгая насилій отъ противной стороны, начали перебѣгать въ полки государевы; бояринъ принималъ ихъ ласково, приказывалъ кормить и поить. Воры, въ злобѣ на этихъ перебѣжчиковъ, кричали, что побѣютъ вдовъ, оставшихся отъ прежде побитыхъ ими, побѣютъ остальныхъ дѣтей боярскихъ, подьячихъ и митрополичьихъ людей; но время ихъ явно проходило, у нихъ уже не доставало ни силы, ни смѣлости для новыхъ преступленій. Самъ Оедька Шелудякъ истребилъ единачю запашь, составленную на другой день по смерти митрополита Іосифа. Князю Каспугату Муцаловичу удалось какъ-то выманить къ себѣ Шелудяка и задержать. Сильное волненіе началось въ Астрахани, когда узнали, что Шелудякъ въ рукахъ у государевыхъ людей. Кончилось тѣмъ, что 26 ноября Астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности.

27-го ноября, по вновь наведенному мосту на рѣкѣ Кутумѣ, двинулись государевы полки въ покорившійся городъ; впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, несли икону Богородицы „Животворной Источникъ въ чудесѣхъ“, данную Мило-

славскому при отпускѣ государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли на-встрѣчу и, увидавъ икону, пали на землю и завопили, чтобъ государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. „Вины всѣмъ отданы“, отвѣчалъ Милославскій, „и вы государскою милостию уволены“. Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы Живописнаго Источника велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ, на память будущимъ родамъ. По стѣнамъ и воротамъ стали сотники и стрѣльцы московскіе.

Какъ нѣкогда во Псковѣ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, такъ теперь и въ Астрахани никого не тронули. Самъ Оедька Шелудокъ жилъ на свободѣ на воеводскомъ дворѣ; другіе заводчики бунта также оставались безъ наказанія, поплатившись только награбленными добромъ въ пользу воеводы и приказныхъ людей; даже Алешка Грузинкинъ, подаривъ послѣднихъ, получилъ отпускъ изъ Астрахани; другіе воры закабалались въ холопы воеводѣ и приказнымъ людямъ. Но когда все совершенно успокоилось, лѣтомъ 1672 года, явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы; главные заводчики—Оедька Шелудакъ, Алешка Грузинкинъ, Оеоселка Колоколыниковъ, Красулинъ—были повѣшены; Кориллю Семеновъ, у котораго нашли заговоры, сожженъ какъ еретикъ; другіе отправлены на службу въ верховые города.

Государство, сосредоточивъ свои силы на восточной окраинѣ, отправивъ туда лучшихъ воеводъ, задавило бунтъ въ продолженіи 1670 и 1671 года. Соловецкое возмущеніе не казалось опаснымъ,—силы, туда отправляемыя, были ничтожны, воеводы плохи, и потому Соловецкій монастырь держался противъ царскаго войска семь лѣтъ слишкомъ. Мы видѣли, что въ 1668 году отправленъ былъ туда стряпчий Игнатій Волоховъ съ отрядомъ стрѣльцовъ; архимандритъ Іосифъ, непріятели въ монастырѣ, жилъ въ Сумскомъ острогѣ и завѣдывалъ всѣми соловецкими вотчинами—Сумскимъ острогомъ, Кемскимъ городкомъ и 22-мя усадьями. Въ январѣ 1669 года, Волоховъ, по государеву указу, отправилъ въ монастырь стрѣльца съ увѣщаніемъ обратиться; стрѣлецъ принесъ отвѣтъ: „У насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить отнюдь не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, что помереть, и если Волоховъ впередъ къ намъ придетъ, то мы его посланца въ тюрьму посадимъ“. Волоховъ не предпринималъ ничего противъ монастыря, а завелъ ссору съ архимандритомъ Іосифомъ, доносилъ на него въ Москву, что онъ, вмѣстѣ съ монахомъ Кирилломъ, только и любятъ тѣхъ, у которыхъ въ монастырѣ братья и племянники воруютъ; что братъ бунтовщика, пона Магюшки, дьячекъ Иванка Евстратьевъ, живеть у архимандрита въ кельѣ и съ монахомъ Кирилломъ всякія письма тайно пишутъ и посылаютъ. „Надобно думать“, писалъ Волоховъ, „что въ архимандритѣ къ тебѣ, государю, мало правды: за ваше здоровье въ навечеріи Рождества Христова

Бога не молилъ и дьякона возглашать не заставлялъ и говоркомъ псаломщикъ не говорилъ; за это я на архимандрита шумѣлъ; на 12-е число февраля, на Алексѣя митрополита и на ангелъ царевича Алексѣя Алексѣвича свадьбы вѣнчали. Сказывалъ мнѣ поповскій староста, Унежемскаго уоляя попп Василій: какъ ѣздилъ онъ по соловецкимъ вотчинамъ, то замѣтилъ, что за ваше здоровье на великомъ выходѣ Бога не молятъ, въ церквахъ говорятъ не единогласно и пѣніе поютъ на нарѣчное. Хотѣлъ я ѣхать въ Кемскій городокъ, потому что кемскіе люди соловецкимъ ворами радѣютъ, и архимандритъ мнѣ подводъ не далъ... Архимандритъ Іосифъ и по уосялямъ старцы всѣ бражники: чернецы и служки ходятъ на волость пьяные и государевы запасы на воровство приносятъ бабамъ“. Архимандритъ Іосифъ, съ своей стороны, писалъ, что Волоховъ надъ соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинитъ, самъ на море не ѣздитъ и стрѣльцовъ не посылаетъ, живеть въ Сумскомъ острогѣ и, приметываясь къ монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ, чинитъ налоги для своей корысти, бьетъ батогами безвинно, въ цѣпяхъ и желѣзахъ держитъ многіе дни, хвалитъ архимандрита великому государю огласитъ напрасно; монастырскихъ крестьянъ, ѣздящихъ къ Архангельску, велитъ задерживать и беретъ съ нихъ деньги за пропускъ. На Волохова же писали сотники московскихъ стрѣльцовъ Чадуевъ и Молчановъ, обвиняя его въ перадѣи и трусости.

Наконецъ вражда между Волоховымъ и архимандритомъ дошла дотога, что 16 марта 1672 г. Волоховъ пришелъ въ церковь и, во время Херувимской, передъ самымъ выходомъ, схватилъ архимандрита, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили Іосифа, выволокли изъ церкви съ ругательствами и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ сидѣлъ на большой цѣпи со ступомъ. Давая знать въ Москву о посаженіи Іосифа на съѣзжій дворъ за карауломъ, Волоховъ объяснилъ дѣло такимъ образомъ, что 15 марта явились къ нему всѣ монахи, кромѣ троицъ, живущихъ въ кельѣ у архимандрита, и объявили, что Іосифъ въ Сумскомъ заводѣ бунтъ и воровство такое же, что въ Соловецкомъ, хочеть его, Волохова, сотниковъ и стрѣльцовъ бить.

Разумѣется, немедленно была отправлена грамота въ Сумской—освободить архимандрита; Волохову очень это не понравилось, онъ началъ-было говорить, что грамота прислана воровски, однако дѣлать нечего, 2 мая выпустилъ Іосифа пзъ тюрьмы. Оба, и Волоховъ и архимандритъ, были вызваны въ Москву для суда; вызваны были и старцы, донесшіе на архимандрита. Противъ обвиненій въ перадѣи Волоховъ оправдывался, что онъ къ монастырю на море не ходилъ и стрѣльцовъ не посылалъ за малолюдствомъ, а въ Кемскомъ городкѣ заставу поставилъ, чтобъ монастырскіе крестьяне въ монастырь запасы не провозили. Но чьему

служила эта застава, когда выходцы сказывали, что въ монастырѣ хлѣбныхъ запасовъ и соли будетъ на 15 лѣтъ? Къ чему служила Кемская застава, когда во все лѣто 1671 года Анзерской пушганы чернецъ Вароломей и Двинскаго уѣзда старецъ Никандръ и съ береговъ всякіе люди провозили въ монастырь рыбу, масло, всякіе товары и, между прочимъ, 15 бочекъ красного вина? Архимандритъ Іосифъ показалъ, что Волоховъ принялъ въ Сумскій острогъ бѣгуна, чернеца Германа, и, воспринявъ на себя архіерейскую честь, память ему дать, велѣлъ ему обѣдно служить и духовнымъ отцомъ себя сдѣлалъ, приказалъ вѣдать прочихъ священниковъ во всемъ, а Германъ пьянскимъ обычаемъ благословлялъ народъ обѣими руками, какъ митрополитъ. — Волоховъ не записалъ, что далъ память по Германову челобитью и по свидѣтельству Соловецкихъ монаховъ, знавшихъ этого монаха. Но самъ Германъ показалъ, что Волоховъ велѣлъ ему служить насильно и сажалъ его въ цѣпи, принуждая взять память. Германъ вѣдѣлъ съ тѣмъ показалъ и на Іосифа, что къ нему присылаютъ изъ Соловецкаго монастыря деньги, а онъ посылаетъ въ монастырь запасы и говоритъ ему, Герману: „По новоправленнымъ служебникамъ я не служилъ и впередъ служить не хочу, по этимъ книгамъ не устоитъ, будетъ все попржнему“. Іосифъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ Герману. Что же касается до показанія монаховъ о бунтѣ Іосифа, то монахи эти объявили въ Москвѣ: „Когда у архимандрита съ Волоховымъ учинилась вражда, то архимандритъ посылалъ насъ къ Волохову говорить, чтобъ онъ покилъ смиреніемъ; но Волоховъ взялъ насъ съ собою въ съезжую избу, велѣлъ подъячому написать сказки на архимандрита въ бунтѣ, какъ ему годно, и по-неволѣ велѣлъ намъ приложить руки“.

Іосифъ былъ переведенъ въ казанскій Спасскій монастырь; не знаемъ, чтѣ сдѣлалъ съ Волоховымъ, только на его мѣсто, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1672 года, отправленъ былъ стрѣльцкій голова Клементій Іевлевъ. 2-го августа Іевлевъ съ 725 стрѣльцами отправился на Соловецкіе острова и, пришедъ въ Глубокую губу, послалъ къ мятежникамъ письмо, чтобъ добились челомъ и выпустили его въ монастырь; но мятежники отказали ему съ великимъ невѣжествомъ. Получивъ такой отказъ, Іевлевъ отправился подъ монастырь, пожегъ около него хорошее строеніе, амбары, лодки, карбасы, сѣно и дрова, разорилъ рыбацкія и звѣринныя ловли, побилъ лошадей, и ушелъ въ Сумской острогъ, хвалясь тѣмъ, что государевыхъ ратныхъ людей отвелъ въ цѣлости, только было ранено два человѣка. Предприимъ противъ монастыря что нибудь важное Іевлевъ не могъ, потому что у служилыхъ людей пороку и свинцу не стало, не было этихъ запасовъ и въ Сумскомъ. Іевлевъ былъ также отозванъ въ Москву въ 1673 году, и осада поручена была воеводѣ Ивану Мещериннову. У него было 700 стрѣльниковъ и, что всего важнѣе, стѣнныя орудія. Мещеринновъ

началъ-было дѣйствовать рѣшительно въ 1674 году, окончилъ свое войско шанцами, устроилъ городки и открылъ съ нихъ пальбу противъ монастыря; но когда, въ октябрѣ, начались холода, онъ снялъ осаду, разорилъ всѣ свои укрѣпленія и, по примѣру предшественниковъ, ушелъ зимовать въ Сумской. Въ монастырѣ при оборонѣ сильнѣе всѣхъ дѣйствовали: старый заводчикъ, архимандритъ Никаноръ, служка Вородина, келарь Наонаилъ Тучинъ, городничій старецъ Протасій, изъ мірянъ сотники Исачко Воронинъ да Кемлянинъ Самко. Никаноръ ходилъ безпрестанно по башнямъ, кадильцушки, кропилъ ихъ водою и приговаривалъ: „Матушки мои галаночки! надежда у насъ на васъ, вы насъ обороните!“ — „Стрѣляйте, стрѣляйте!“ кричалъ безпрестанно Никаноръ, „смотришь хорошо въ трубки, гдѣ воевода, — въ него и стрѣляйте: какъ поразимъ пастыря, ратные люди разойдутся, аки овцы“. Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видѣли, что монахи, стоя горючо за преданія Чудотворцевъ, какъ они выражались, не хотѣли однако порвать съ правительствомъ, и на вопросъ архимандрита Іосифа: „Царь православенъ ли?“ — отвѣчали утвердительно: даже главный ораторъ старообрядства, Геронтія, не одобрялъ стрѣльбы въ государевыхъ людей. Такимъ образомъ, двое главныхъ заводчиковъ возстанія разошлись. Но на сторонѣ Никанора были начальники ратныхъ людей, сотники Воронинъ и Самко; эти не только считали позволительнымъ стрѣлять въ государевыхъ людей, но требовали отъ священниковъ, чтобъ перестали молиться за государя: „Молитесь за пресвященныхъ митрополитовъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ!“ говорили они священникамъ, а про государя говорили такія слова, что „не только написать, но и помыслить страшно“. Видя, что по ихъ не дѣлается, воры схватили четырехъ монаховъ, главныхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Геронтія; 16 сентября созвали соборъ и объявили келарю, что служить больше не будутъ и ружье на стѣну положили, потому что священники ихъ не слушаются, молятся за государя, а они этихъ молитвъ слышать не хотятъ. Келарь сталъ имъ бить челомъ, и они умилоствовали, взяли снова оружіе, но объявили священниковъ еретиками, перестали ходить въ церковь, неповѣдывались другъ у друга, а не у отцовъ духовныхъ, завели содѣмію, начали расхищать монастырскую казну. Геронтія съ товарищами были выпущены изъ тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились къ Мещериннову. Геронтія остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и объявилъ въ допросѣ: „Передъ великимъ государемъ я во всемъ виноватъ; я за него всегда Бога молилъ, теперь молю и впередъ молить долженъ; Апостольскому и Св. Огець преданію послѣдую; а новоправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремъ перстами крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ, боюсь страшнаго суда Божія“.

Большая часть священниковъ оставила монастырь; тогда воры приговорили между собою: крестъ цѣловать, что имъ стоять и биться противъ государевыхъ людей за сотниковъ и помереть всѣмъ заодно. Но когда начали цѣловать крестъ, то оказалось много нежелающихъ, а двое оставшихся священниковъ прямо отказали въ церковной службѣ. Но Никаноръ не унывалъ: „Мы“, кричалъ онъ, „и безъ священниковъ проживемъ, въ церкви часы станемъ говорить, а священники намъ не нужны“.

Въ концѣ мая 1675 года, Мещериновъ опять явился подъ монастыремъ со 185 стрѣльцами. Въ августѣ пришло къ нему еще около 800 стрѣльцовъ двинскихъ и холмогорскихъ. На этотъ разъ воевода не пошелъ, по обычаю, зимовать въ Сумской, но остался подъ монастыремъ. Попытка взять его приступомъ 23 декабря не удалась; но пере-

бѣжчикъ, монахъ Теокистъ, указалъ Мещеринову отверстие въ стѣнѣ, легко закладенное камнями. Ночью на 22-е января, въ сильную мятежь и бурю, Теокистъ повелъ стрѣльцовъ къ отверстию; камни были выломаны, и передъ разсвѣтомъ стрѣльцы были уже въ монастырѣ. Осажденные, ничего не подозревая, разошлись уже спать, часовые стояли на башняхъ, и стрѣльцы могли на свободѣ бить замки и отворить ворота, въ которыхъ и вошелъ Мещериновъ съ остальными стрѣльцами. Защитники монастыря проснулись уже слишкомъ поздно: нѣкоторые изъ нихъ бросились было на стрѣльцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но сгубили въ неравномъ боѣ; заводчики—Никаноръ, Самко—были схвачены и казнены, другіе разосланы въ Кольскій и Цустозерскій остроги; тѣ же, которые объявили, что повинуются государю и Церкви, прощены и остались жить въ монастырѣ¹⁾.

Дополненіе къ XI-му тому.

1) Дѣла Малоросс. въ Москов. глав. архивѣ мин. иност. дѣлъ 1665 года, № 68. Списокъ городовъ.

Переяславскій полкъ: Переяславль, Барышполе, Барышовка, Воронковъ, Золотоноша, Домонтовъ, Вубовъ, Оржица; разоренныя: Генмязовъ, Ирклеево, Васань, Кропивная, Вурорль.

Кіевскій полкъ: Кіевъ, Остръ, Козелець; разоренныя: Бобровица, Заворычъ, Гоголевъ.

Нѣжинскій полкъ: Нѣжинъ; разоренныя: Кобыжжа, Носовка, Олшевка, Мрынъ, Дѣвица, Салтыкова, Иванъ-Городище, Бахмачъ; жилия: Ворозна, Конотонъ, Батуриць, Новые Млыны, Корпъ, Глуховъ, Королевецъ, Воронже.

Черниговскій полкъ: Черниговъ, Седневъ, Березина, Мена, Сосница; разоренныя—Любечъ, Лоевъ.

Стародубскій полкъ: Стародубъ, Повгородокъ, Погарь, Почень, Млынъ.

Полтавскій полкъ: Полтава, Санджаровъ Старый, Санджаровъ Новый, Вѣлики, Кобылякъ, Кшченка, Череволочная, Рѣшетяловка.

Миргородскій полкъ: Миргородъ, Хороль, Сорочинцы, Учтивца, Ярски, Останъ, Голтва, Мал-желетовка; разоренныя: Барановка, Шинакъ, Вѣлоперковка, Вогачка, Балаклеяка.

Лубенскій полкъ: Лубны, Ператынь, Глинскъ, Роменъ; разоренныя: Чернухи, Сяблая, Костянтиновъ, Лукомль, Венча, Куренка, Яблоновъ.

Прилуцкій полкъ: Прилуки, Гуля, Красной, Серебряное, Варва, Иванца, Череволочная, Куровка (разоренъ).

— Роспись, въ которыя времена въ малоросійскихъ городахъ ярмонки бывають:

Въ *Кіевѣ*: въ день Св. Георгія послѣ Свѣтлаго Воскресенья; на Рождество Богородицы, въ первую недѣлю Великаго поста.

Въ *Переяславль*: въ день Св. Симеона (1 сентября); на Богоявленіе; въ десятую пятницу.

Въ *Барышовцѣ*: на Воздвиженіе, о Васильевѣ днѣ (1 января); въ день Николая вешняго.

Въ *Барышполѣ*: въ день Св. Петра и Павла, о Масляной недѣлѣ.

Въ *Золотоношѣ*: на Успеніе Богородицы; въ Сырную недѣлю

Въ *Черниговѣ*: на Богоявленіе; въ день Св. Проконія; въ день Св. Евстаіа.

Въ *Мглинѣ*: въ день Преображенія.

Въ *Погарѣ*: въ оба Николина дна и на Успеніе.

Въ *Почеповѣ*: въ Ильинъ день.

Въ *Конотопѣ*: въ день Св. Георгія.

Въ *Коропѣ*: въ Троицынъ день и въ день Св. Евстаіа (сентября 20).

Въ *Прилуцкѣ*: въ Сырную недѣлю; въ день Рождества Предтечи; въ день Св. Димитрія.

Въ *Ичнѣ*: о Петровомъ заговѣннѣ; въ Ильинъ день.

Въ *Варѣ*: въ день апостола Петра.

Въ *Чернухахъ*: въ Петрово заговѣннѣ.

Въ *Красномѣ*: въ Николинъ день осенній; въ Петрово заговѣннѣ.

Въ *Серебряной*: въ день Николая осенняго.

Въ *Пярятинѣ*: въ четвертую недѣлю Великаго поста.

Въ *Лубнахъ*: въ Троицынъ день, Преображеніе, Покровъ.

¹⁾ При наложеніи осады Соловецкаго монастыря, мы пользовались извѣстіями, находящимися въ Архивѣ мин. инстціи между столбцами Приказнаго стола №№ 1525, 1533 и 2159; извѣстія о томъ же событіи находятся въ Актахъ арх. эконод. (т. IV), въ Актахъ историч. (т. IV) и въ Дополненіяхъ къ актамъ историч. (т. V).

Въ *Миргородъ*: въ Рождество Богородацы; въ Николинъ день осенній.

Въ *Нѣжинъ*: на Троицынъ день; на Покровъ; во Всеѣдную недѣлю передъ масленицею.

2) Изъ отписки князя Алекс. Никит. Трубецкаго царю въ августѣ 1659 года. Когда Трубецкой объявилъ ратнымъ людямъ походъ въ Нѣжинъ, то „городовые дворяне и дѣти боярскія на насъ, холопей твоихъ, кричали великимъ шумомъ и говорили съ большимъ невѣжествомъ, что имъ съ нами въ походъ не идти, и шумѣли на насъ гилемъ; и мы тѣхъ гилевщиковъ велѣли имать стрѣльцамъ, и изъ тѣхъ гилевщиковъ изымали Бѣжиченина Кирилла Неупокоева сына Корякина, да Костромитина Тихомира Иванова сына Матцкаго, и ихъ, Кирилла и Тихомира, городовые дворяне и дѣти боярскія у стрѣльцовъ учили отбивать, и я, холопъ твой Алешка, за тѣхъ гилевщиковъ самъ принялся, чтобъ ихъ отбить не дать. Городовые дворяне и дѣти боярскія много кричали большимъ крикомъ: „Не давай, не давай! отымь, отымь!“ и меня затѣснили, и товарищи мои и ясаулы, которые были за нами въ то время на съѣзжемъ дворѣ, гилевщиковъ отъ меня отбили, и изыманныхъ гилевщиковъ, Бѣжиченина Кирилла Корякина да Костромитина Тихомира Матцкаго, мы велѣли отослать въ тюрьму до твоего,

великаго государя, указу. А какъ мы пошли съ съѣзжаго двора, и на насъ городовые дворяне и дѣти боярскія шумѣли-жь многимъ невѣжествомъ, и говорили, что-де имъ въ походъ съ нами въ Нѣжинъ не хаживать, и по улицамъ учили бунтовать и на площадяхъ круги заводить, и рейтаръ, и драгуновъ, и стрѣльцовъ наговаривать, чтобъ они съ ними заодно были. Да августа-жь въ 29 день поѣхали мы къ обѣдин, и на улицѣ у двора, на которомъ я стою, стояли городовые дворяне и дѣти боярскія многолюдствомъ же и гилемъ, а иные были съ чеканы и съ топорками, и, выступя изъ нихъ Арзамасецъ Яковъ Дмитріевъ да Костромитинъ Василей Салмановъ, учили намъ въ походѣ отказывать большимъ шумомъ и невѣжествомъ, и учили многіе бунтовать, и на насъ кричали-жь большимъ крикомъ, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ дву человекъ велѣли изымать стрѣльцамъ и отвести на съѣзжій дворъ, и тѣхъ гилевщиковъ учили у стрѣльцовъ отбивать, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ изымали, а иные разбѣжались, и тѣхъ дву человекъ велѣли повѣсить, и доведчи до висѣлицы, велѣли отъ висѣлицы поворотить и до съѣзжаго двора бить кнутомъ пещадно“ . (Архивъ мп. юстиціи, столбцы Малороссійскаго Приказа, № 5855).

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двѣнадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Вѣсти отъ Брюховецкаго о турецкихъ замыслахъ; доносы на Запорожѣ и на епископа Меоодія. — Убіеніе царскаго посланника Ладыжскаго въ Запорожѣ. — Письма кошеваго Вачютенка къ Брюховецкому по этому случаю. — Слѣдствіе по казацкимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу. — Увѣщательная царская грамота къ казакамъ. — Сношенія съ Дорошенкомъ. — Неудовольствія епископа Меоодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ. — Наговоры Меоодія на Москву. — Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ. — Начало волненій въ Малороссіи. — Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій. — Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городкахъ. — Грамота Брюховецкаго на Донъ. — Виушенія польскія противъ казаковъ. — Движенія Князя Ромодановскаго. — Татары и Дорошенко на восточномъ берзгу Днѣпра. — Гибель Брюховецкаго. — Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянется къ Москвѣ. — Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. — Архіепископъ Лазарь Бараловичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ. — Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссійца и вывести отъ нихъ воеводъ. — Послѣдняя дѣятельность епископа Меоодія. — Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣнка. — Затруднительное положеніе Дорошенка. — Сношеніе его и Многогрѣшнаго съ кievскимъ воеводою Шереметевымъ. — Вольшое малороссійское посольство въ Москвѣ. — Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю. — Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцомъ Шереметева. — Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы. — Сношенія съ Польшею и Швеціею. — Король Янъ-Казиміръ отрывается отъ престола. — Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича. — Послѣдняя служба Ордана-Нащокина. — Переносъ его съ царемъ. — Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго. — Слѣды Нащокина съ польскими комиссарами. — Удаленіе Нащокина въ монастырь. — Польскіе послы, Гнипскій и Вростовскій въ Москвѣ. — Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турскъ. — Русское посольство въ Турпін. — Событія въ Крыму.

Въ то время какъ Москву занимали важныя событія: съ одной стороны—окончаніе тяжелой тринадцатилѣтней войны, съ другой—небывалый Сибирь въ присутствіи двухъ патріарховъ Восточныхъ, осужденіе и заточеніе Николая, рѣшеніе раскольничьяго вопроса,—въ это время, т. е. въ концѣ января 1667 года, посланцы войска Запорожскаго, Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и канцеляристъ Карнъ Мокривичъ подали *информацию* отъ боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго. Попржежму бояринъ и гетманъ просилъ помощи противъ неурядителей и *ногобочныхъ* измѣнниковъ, и объявлялъ свое плохое и недостойное разумѣніе, чтобъ не принимать просьбы Крымскаго хана о мирѣ: „Бусурманниъ хочеть только оплошнѣть миромъ и потомъ напасть на города малороссійскіе; купцы греческіе разсказывали за вѣрное, что султанъ велѣлъ воеводамъ Молдавскому и Волошскому итти войною на Украйну; миръ весь опасается приходу бусурманскаго и измѣнничьяго, и бьетъ челомя о прибавкѣ ратныхъ людей въ города малороссійскіе; при бояринѣ и гетманѣ съ воеводою Протасевымъ государевыхъ ратныхъ лю-

дей ибтъ, всѣ разбрелись по домамъ; въ измѣнничьемъ городкѣ Тарговицѣ, по указу ханскому, а по просьбѣ Дорошенка, бусурманскимъ именовъ начали деньги дѣлать, чтобъ этими деньгами, будто серебряными, а не мѣдными, всякихъ людей къ бусурманской мысли приклонять. Чигиринъ и другіе измѣнничьи города надобно вконецъ разорить, потому что пока они будутъ стоять пѣлы, Украйнѣ не будетъ покоя. Бояринъ и гетманъ, по христіанскому обычаю, ради цари и вѣры православной, велѣлъ построить церковь Сорока Мучениковъ подъ Колопономъ, на мѣстѣ побоища: бьетъ челомя, чтобъ государь помогъ на церковное строеніе изъ казны, и на колокола далъ двѣ пушки; да будетъ царскому величеству вѣдомо о безчиніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ: людемъ обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяють; пожаловалъ бы великій государь митрополита на митрополію Кіевскую, который бы велкое безчиніе уничтожалъ. Духовенство двоедуществуеть, а какъ отъ патріарха Московскаго на митрополію Кіевскую присланъ будетъ митрополитъ, то всѣ шагоги на Украйнѣ прекратятся; жена покойнаго Богдана Хмельницкаго

пріѣхала въ Кіевъ съ измѣнничьей стороны, съ нею дочь Гринки Гуляницкаго, и живутъ въ Печерскомъ монастырѣ. Во всѣхъ государевыхъ городахъ воеводы позволяли *мужикамъ* вино курить и продавать, сколько кто сможетъ: это дѣло нестаточное, отъ него вырастаютъ бунты, лѣсамъ узаконеніе и хлѣбамъ убавка: велѣлъ бы великій государь воеводамъ заказъ учинить, чтобъ, кромѣ казаковъ, мужикамъ не курить вина“. Наконецъ посланные объявили о винахъ Нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовки: будучи въ Москвѣ, онъ не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ; по возвращеніи изъ Москвы, съѣхались къ гетману полковники и объявили о несправой службѣ Гвинтовки; въ прошломъ году подъ Чигириномъ показалъ явную измѣну, и когда гетманъ сталъ ему за это уговаривать, то Гвинтовка отвѣчалъ: „Шигдѣ не ведется, чтобъ свой на своего воевалъ“. Да онъ же научалъ гетмана собрать раду и положить булану“. Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидитъ въ Гадячѣ за карауломъ, а на его мѣсто выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

Съ отвѣтами на всѣ эти статьи и съ объявленіемъ о заключеніи Андрусовскаго перемирія отправился въ Малороссію стольникъ Теленевъ. За службу и остерегательство насчетъ хана, великій государь жаловалъ гетмана, милостиво похвалялъ; ратные люди въ малороссійскіе города присланы будутъ вскорѣ; о митрополитѣ въ Кіевѣ царскій указъ будетъ впрелѣ; съ Гвинтовкою указалъ государь учинить по войсковымъ правамъ, чего доведется.—Возриши и гетманъ, послѣ торжественнаго молебствія о всемірной радости, о замиреніи съ Поляками, объявлялъ Теленеву, что Турскій султанъ самъ хочетъ идти войною на Поляковъ подъ Каменецъ, который хотятъ сдать ему Армяне. Потомъ гетманъ сталъ просить, чтобъ государь указалъ ему быть въ другомъ городѣ, а въ Гадячѣ быть ему не-у-чего:—мѣсто пустое. Непрежнему Иванъ Мартыновичъ предостерегалъ насчетъ Запорожья: „Казаки идутъ толнами въ Запороги; надобно въ Койдакъ и Кременчугъ какъ-нибудь ввести ратныхъ людей, чтобъ въ Запорожье хлѣба не пропускать; а когда въ Запорожьи будетъ казаковъ многолюдство, то ждаты отъ нихъ шатости“.

Отъ боярина и гетмана Теленевъ отправился въ Кіевъ къ боярину и воеводѣ Шереметеву, отъ котораго услышалъ жалобы на казаковъ: „Мѣшанамъ отъ казаковъ чинятся налоги большіе,—и мѣшане бредутъ врознь; а въ Кіевѣ ратные люди отъ голоду бредутъ врознь; конныхъ и пѣшихъ людей всего въ Кіевѣ 3,177 человекъ.“

Скоро пришли новыя вѣсти отъ Брюховецкаго о Запорожьи вѣстѣ съ доносомъ на епископа Мелодія: „Скорѣе, какъ можно скорѣе, прислать ко мнѣ ратныхъ людей, чтобы народъ на этой сторонѣ Днѣпра въ отчаяніи не приходилъ, писалъ бояринъ и гетманъ. Запорожскихъ казаковъ всякими гостинцами обсылаю, на доброе дѣло всячески уговариваю, только бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ

двоедушныя духовныя особы не были преною и Запорожцамъ на всякое зло поджою, какъ, напримеръ, пресвященный епископъ Мстиславскій: съ его поджоги невпниная кровь христіанскаго разливается; теперь, когда этого епископа здѣсь, на Украинѣ, нѣтъ, то многимъ кажется, что другой свѣтъ сталъ; пусть епископъ живетъ въ Москвѣ или гдѣ будетъ угодно государю, только бы не въ городахъ, близкихъ къ Запорожью; и перелаславскіе бунты не легко бы укротились, если бы провлаго года епископъ не уѣхалъ въ Москву. Епископъ уговорилъ енаральною судью Петра Забѣлу послать сына своего въ Запорожье:—зачѣмъ? Самъ Забѣла состарѣлся, а въ Запорожьи не бывалъ; сыновья его и подавно, были только у Польскаго короля и привилегіи себѣ повыправили; а теперь умыслилъ сына въ Запорожье слать, людьми мутить и Запорожцевъ на зло уговаривать. Вью челою великому государю, чтобы не велѣлъ видаться на Москвѣ съ епископомъ казакамъ, которые отъ меня пріѣзжаютъ, особенно Запорожцамъ: онъ ихъ научаетъ на всякое зло. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ сказывали, что епископъ тайно призываетъ къ себѣ голодныхъ Запорожцевъ и жаловался, будто по моей милости ему казны съ дворца не доходить“.

Опасенія Брюховецкаго насчетъ Запорожья сбылись: не помогли его гостинцы! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ переправился за Днѣпръ стольникъ Ладыженскій, ѣхавшій въ Крымъ вѣстѣ съ ханскими гонцами. На дорогѣ пристало къ нимъ человекъ полтораста Запорожцевъ, которые зимовали въ малороссійскихъ городахъ, ночевали вмѣстѣ двѣ ночи спокойно, но на третій день напали на Татаръ и перерѣзали ихъ, имѣніе пограбили и скрылись. Пріѣхавши въ Запорожье, Ладыженскій обратился къ кошевому Рогу съ требованіемъ, чтобы велѣлъ сыскать злодѣевъ, а его, стольника, проводить до перваго крымскаго городка.—„Воры учинили это злое дѣло безъ нашего вѣдома“, отвѣчалъ кошевой, „въ Сѣчу къ намъ не объявились и сыскать ихъ негдѣ“. Черезъ нѣсколько дней собрался рада, послѣ которой казаки захватили у Ладыженскаго всѣ бумаги и казну, пересмотрѣли и спрятали въ Сѣчи, а Ладыженскому объявили, что его не отпустить, потому что къ нимъ нѣтъ грамотъ ни отъ государя, ни отъ гетмана.

Какъ скоро узнали объ этомъ въ Москвѣ, то къ Гадячъ къ Брюховецкому носкавалъ хорошо знакомый съ Малороссіею стольникъ Клинъ. „Вамъ бы“, говорилъ онъ боярину и гетману, „службу свою и радѣние показать, послать въ Запороги вѣрныхъ и ласужихъ людей, чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскою, воровъ казнили смертію по стародавнимъ войсковымъ правамъ, пограбленное отдали сполна, и стольника Ладыженскаго отпустили.“ Но Ладыженскій былъ уже отпущенъ..

12 мая замутила новая рада въ Запорожьи: скинули съ атаманства Ждана Рога, выбрали на

его мѣсто Астана Васютенка, и начали толковать объ отпускѣ Ладыженскаго; рѣшили отпустить. Тутъ старый атаманъ Рогъ повелъ рѣчь, что надобно сыскать тѣхъ казаковъ, которые побили Татаръ. „Чего сыскивать?“ закричали ему изъ круга: „самъ ты про то вѣдаси, татарская рухлядь теперь у тебя въ курени.“ Побѣжали къ Рогу въ курень и принесли вещи на улыку. „Это мнѣ принесли въ подарокъ казаки“, отвѣчалъ Рогъ: „а того не сказали, гдѣ взяли.“ Тѣмъ дѣло и кончилось въ Сѣчи. Самъ кошевой Астанъ Васютенко съ 40 казаками отпривилея провожать Ладыженскаго внизъ по Днѣпру; но едва отбѣжали они отъ Сѣчи версты съ двѣ, какъ напали ихъ казаки въ судахъ и велѣли пристать къ берегу. Московичи повиновались; казаки раздѣли несчастныхъ донага, поставили ихъ на берегу, окружили съ пищалями и велѣли бѣжать въ Днѣпръ, но только что тѣ побѣжали, какъ вслѣдъ за ними раздался заллъ изъ пищалей; смертельно раненый, Ладыженскій пошелъ ко дну; другихъ нули не догнали и они были уже близко отъ другого берега, но убійцы пустились за ними въ лодкахъ, захватили и перебили. Объявнши такимъ запорожскимъ способомъ войну Москвѣ, казаки начали толковать, чтобы быть въ соединеньи съ Дорошенкомъ и выгнать московскихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, не давая Московскому царю никакихъ поборовъ съ отцовъ своихъ и родичей. Запорожцы хвалились, что Полтавскій полковникъ на ихъ сторонѣ, и дѣйствительно, стоявшій въ Полтавѣ воевода князь Михайло Волконскій далъ знать государю, что между Полтавцами казакамъ и мѣшанамъ, которые тебѣ, великому государю, хотятъ вѣрно служить, заказъ крѣпкій, съ большимъ пристрастиемъ, чтобы ко мнѣ никто не ходилъ и съ твоими Русскими людьми никто не водился, а кто станеть водиться, тѣхъ хотятъ побивать до смерти; мѣшанамъ, которые выбраны къ таможенному сбору въ цѣловальники, полковникъ грозить большимъ боемъ, чтобы съ пробѣжкихъ людей на тебя, государя, взовыхъ поплинъ не брали.“

Гетману Брюховецкому далъ знать объ убійствѣ Ладыженскаго самъ кошевой Васютенко: „Грустно намъ нынѣшняя весна“, писалъ Астанъ; „никто о цѣлости народа нашего не заботится; за грѣхи наши и тотъ, кто прежде намъ хлѣбъ давалъ, теперь камень дать замыслилъ. Не знаю, кто бы былъ благодаренъ за камень, потому что онъ на пишу не потребенъ. Царское величество тѣшитъ насъ листами бумажными, какъ дѣтей яблокамъ. Пишетъ намъ, чтобы мы вѣрно служили, а самъ, заключивши миръ съ королемъ Польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отъывается, обѣщая за его дружбу намъ всего умалить, что, какъ видимъ, уже и началъ. За что бѣднѣютъ люди, войною разоренныхъ, такъ стѣсняють? Не одинъ лицо свое кровавыми слезами омываетъ. Не хочеть государь насъ, птенцовъ своихъ, подъ крылами держать.—

такъ милосердіе Божіе избавить отъ такого ига горькаго, которое прежде было сахарно. Человѣкъ, желая устроить ниву для потомства, прежде терние изъ нея вымечеть; такъ и предки наши: не жалѣя здоровья, теріе изъ огничи своей вымечтывали, чтобы намъ вольность уродила, которую считаемъ самую дорогою вещью, ибо и рыбаць и птицаць, и звѣряць, и всякому созданію она мила. Рѣка великая много иныхъ рѣчекъ преодолеть: такъ и Всемогущаго Бога помощь всѣхъ замыслы земныхъ монарховъ превозможетъ. Не довелось не только дѣлать, но и мыслить о томъ, чтобы нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое смотря и самый злой звѣрь, если бы имѣлъ человѣчскій разумъ, могъ сжалиться. Знаю, что и стольникъ (Ладыженскій) безъ вѣдома нашего смерть принялъ за то, что въ городахъ великія обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако, остави все это, желаемъ съ вашимъ вельможествомъ попрежнему жить въ любви. Изволь царскому величеству донести, чтобы запретить своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе вымыслы, пусть живутъ попрежнему; а если не перестанутъ, то чтобы большій огонь не всталъ, потому что, доколѣ живы, будемъ остерегати, чтобы наши права и вольности не умалились. Въ этомъ они наирасно головы свои ломають: имъ этого не удастся, какъ слѣпому въ пѣль попасть; пусть монархи о томъ подумаютъ, что человѣкъ начинается, а Богъ совершаетъ.“

Для развѣданія объ убійствѣ Ладыженскаго, Брюховецкій отпривилея есаула Федю а Донца. 26 мая, въ Троицынъ день, Донецъ прѣбѣжалъ въ Сѣчь; собралась рада, прочли листъ гетманскій и начали толковать. Запорожцы, которые вышли съ восточной стороны Днѣпра, также и тѣ, которые хотя и съ западной стороны, но жили долго въ Запорожьи, нажились на тѣхъ казаковъ, которые недавно пришли съ Дорошенковой стороны: „Это отъ васъ такое зло учинилось; а какъ васъ не было, такъ у насъ въ Запорогахъ такого зла не бывало“. Началась брань; кошевой подошелъ къ Донцу и сказалъ ему: „Уходи ка лучше къ себѣ въ курень, а то, неровень часъ, убють.“ Казаки съ западной стороны показывали бумаги, взятія у Ладыженскаго, и кричали: „Вотъ смотрите, что написано: Московскій государь съ королемъ Польскимъ, съ царемъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ помирился: а для чего помирился?—разумѣется, для того, чтобы Запорожье снести. Вотъ почему мы Ладыженскаго и потопили!“

Покричали и разошлись, не рѣшивши ничего. Старые казаки ворчали между собою въ куреняхъ: „Не знаемъ, что съ этими свосвольниками и дѣлать; видишь, сколько ихъ напло! насъ и старшихъ не слушаютъ!“ Кошевой, старшины и старые казаки рассказали Донцу, что нуцій бунтовщикъ Страхъ, который Ладыженскаго потопилъ, былъ у нихъ пойманъ и привоанъ къ нушкѣ, по, подновивъ караульщика и прибливъ его мало не до смерти, сломилъ съ цѣпи замокъ и ушелъ. Онъ

скрылся въ крымскомъ городѣ Исламѣ; но Татары, признавъ въ немъ убійцу своихъ, повѣсили его.

Донецъ возвратился къ Брюховецкому съ грамотою отъ кошевого, въ которой тотъ писалъ, что Запорожцы сами рады бы были казнить преступниковъ, совершившихъ такое злое дѣло, но ихъ до сихъ поръ въ кошѣ нѣтъ. Но при этомъ Васютенко давалъ знать гетману, что убійцы татарскихъ гонцовъ могутъ быть извинены. „Собственные слова гонца, писалъ онъ, возбудили жалость и жестокой гнѣвъ въ казакахъ: меня, говорилъ Татаринъ, царское величество отпустилъ къ хану съ тѣмъ, чтобы васъ, Запорожскихъ казаковъ, искоренить, ваше жилище разорить; уже вась больше щадить не будутъ.“ Кошевой не считалъ за нужное объяснить, кто же слышалъ эти слова крымскаго гонца, если убійцы его не явились въ Сѣчь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно вѣрныя, распространялся попрежнему въ жалобахъ на Московскаго государя, въ жалобахъ, что на нихъ съ трехъ сторонъ сѣтъ закидываютъ. Взаключеніе, кошевой просилъ, чтобы царь простилъ Запорожцевъ за убійство Татаръ и Ладыженскаго, общая за это стоять мужественно противъ всякаго непріятеля.

И вотъ Брюховецкій дѣйствительно говоритъ Кикину, что государь долженъ простить Запорожцевъ за это двойное убійство и грабежъ казны: иначе кошевое войско, отобравшись отъ государственной руки, соединится съ Крымскимъ ханомъ и съ Заднѣпровскимъ гетманомъ Дорошенкомъ; „а я“, продолжалъ Брюховецкій, „буду стараться, чтобы по времени, не вкорѣлъ, злодѣевъ и заводчиковъ истребить.“ Донецъ рассказывалъ, что кошевой прямо ему говорилъ: „Если государь насъ проститъ, то мы ради ему впередъ служить; если же будетъ гнѣваться, то у насъ положено, сложась съ Дорошенкомъ и Татарами, пойдемъ воевать въ государевы украинскіе города.“

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступаютъ ли московскіе воеводы въ самомъ дѣлѣ дурно съ казаками. Рядъ жалобъ поданъ былъ на Полтавскаго воеводу, князя Волконскаго, за то, что онъ нѣкоторыхъ казаковъ помѣстилъ въ число мѣщанъ и беретъ съ нихъ денежныя и медовыя оброки. Тотъ же Кикинъ отправился изъ Гадяча въ Полтаву по этому дѣлу, сравнилъ имена челябичиковъ со сказкой Волконскаго и съ переписными мѣщанскими книгами, и нашелъ, что многіе люди прозвищами не сошлись. Тогда онъ обратился къ Полтавскому полковнику, Григорью Витязенку, чтобы тотъ высылалъ къ нему всѣхъ челябичиковъ на лицо къ допросу для подлиннаго розыска. „Выслать ихъ къ допросу нельзя“, отвѣчалъ Витязенко, „теперь пора рабочая, нашия и сѣнокосы, казаки работы не кинутъ и не пойдутъ; а иныхъ многихъ казаковъ и домовъ нѣтъ, живутъ на Запорожьи. А что казаки прозвищами не сходятся, такъ это потому: у насъ на Украинѣ обычай такой, называются люди разными прозвищами, у одного человѣка прозвища три и четыре—по отцу и по

тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ, почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ списке писаны прозвищами, а у насъ въ полковомъ, казацкомъ списке—другими. Какъ были присланы въ Полтаву изъ Москвы переписчики, и они писали многихъ казаковъ въ мужики заочно, а казаки въ то время были все со мною въ походѣ подъ Кременчугомъ, а иные на Запорожьѣ. Самъ переписчикъ жилъ въ Полтавѣ, а по уѣзду посылалъ писать подъячичъ; подъячичи эти писали казаковъ въ мужики заочно и не разспрося подлинно, кто казакъ и кто мужикъ; а мужики имѣли нарочно называли казаковъ мужиками для своей легкости, чтобы и казаки съ ними заодно всякіе поборы давали и подводы выставляли“.

Кикинъ сталъ освѣдомляться, справедливо ли было донесеніе воеводы на полковника; онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ протопопу Лукѣ, и тотъ сказалъ: „Полковникъ съ воеводою живетъ недружно, казакамъ и мѣщанамъ многимъ къ князю Волконскому ходитъ заказывать; только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтобы мнѣ отъ полковника гнѣва и гоненья не было“. Вечеромъ пришелъ къ Кикину полковой судья Клима Чернушенко; разговорились, и отъ судьи поили тѣ же рѣчи, что и отъ протопопа; но Чернушенко былъ разговорчивѣе, началъ рассказывать про свое житье-бытье, что они терпятъ отъ полковника: „Насъ, казаковъ, полковникъ Витязенко многими зневажаетъ и бьетъ напрасно, а жена его женъ нашихъ напрасно же бьетъ и безчеститъ; и кто казакъ или мужикъ упадетъ хоть въ малую вину, и полковникъ его имѣние все, лошадей и скотъ беретъ на себя. Со всею Полтавскаго полка согналъ мельниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему на дворовое строеніе лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самаго гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а городъ нашъ Полтава весь опалъ и опгнѣлъ, и о томъ у полковника радѣнья нѣтъ; станемъ мы ему объ этомъ говорить—не слушаетъ! Мы уже хотимъ бить челомъ великому государю и гетману, чтобы Витязенку у насъ полковникомъ не быть. А приволятъ его на всякія злыя дѣла жена его да писарь, Ильясъ Туранской; мы ему, писарю, не вѣримъ, потому что онъ съ того боку Днѣпра; чтобы отъ него не было имѣнья;—онъ сдѣлалъ другую печать полкову и держалъ у себя тайно безъ полковничья вѣдома“.

Послѣ этого Кикинъ началъ разыскивать по селамъ насчетъ правильности въ сборѣ податей. Оказалось, что въ спискахъ между мужиками были написаны и казаки, но казаки давніе, которые казаговали во времена Хмельницкаго и послѣ тянули съ мѣщанами заодно; когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своемъ старомъ казачествѣ. Но, кромѣ этого, оказались дѣйствительныя злоупотребленія со стороны Москалей: переписчики вѣдили по селамъ ияные и брали деньги—по шагу и по два шага съ чело-

вѣка; назначенный для сбора податей рейтарскій прапорщикъ Должниковъ самъ не собиралъ, присылала своихъ денщиковъ, которые, сверхъ государева оброка, брали еще себѣ по чеху съ человѣка. Князь учинилъ управу, за что Брюховецкій со всѣми полтавскими казаками благодарилъ государя.

Чиня управу по казачьимъ челобитнымъ, чтобы отнять предлогъ къ возстанію, въ Москвѣ сочли за нужное отправить увѣщательную царскую грамоту ко всѣмъ полкамъ войска Запорожскаго. „Московскіе ратише люди“, говорилось въ грамотѣ, „живутъ съ вами въ городахъ малороссійскихъ не для того, чтобы наблюдать за вашею вѣрностію, но для вашей защиты, на страхъ врагамъ вашимъ. Мы надѣялись, что перемиріе съ Польскимъ королемъ будетъ принято у васъ съ особенною радостію, потому что вами началась война и прилагались христіанскія крови къ вашей оборонѣ; но, вмѣсто всенародной христіанской радости, объявилось въ вашихъ городахъ нечаемое противленіе и страшная кровь. Гдѣ слыхано посланниковъ побивать? У васъ безстрашные люди, на свою кровь наступивъ и забывъ судъ Божій, такое преступное и нехристіанское дѣло учинили и злую славу на весь свѣтъ пустили. Мы отъ насъ, какъ отъ вѣрныхъ подданныхъ, ожидали разысканія и отлученія преступныхъ людей отъ правдивыхъ христіанъ; но нынѣ съ удивленіемъ слышимъ, что у васъ, вопреки присягѣ и уставленнымъ статьямъ, смятеніе во всемъ посольствѣ начинается, хитите раду чинить безъ нашего указа, а съ какою мыслию — не знаемъ! Удержитесь отъ такого злаго начинанія! Огонь огнемъ не обичай людямъ тушить; пламенемъ заливать надобно мирною водою, которую милосердый Богъ пріумножилъ, сердечные сосуды и черпала подаль въ христіанскія руки наши; почерпая отъ этихъ спасительныхъ струй, крововидный пламень военного огня заливать, и зноемъ оскорбленія издохшія людскія сердца прохлаждать, и мирно напоить должно. У васъ нѣкоторые легкомысленные люди въ злой путь гетману Дорошенку хотятъ послѣдовать; а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христіанства; ей, полекитесь о семъ богоугодному дѣлу!“

О богоугодному дѣлу хотѣлъ поцѣпъся Киевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель: по обязанности іерейскія, Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ; уговаривалъ покориться православному государю Московскому. Московское правительство, съ своей стороны, неклое такъ же о богоугодному дѣлу: выпустили изъ плѣна брата Дорошенкова, Григорія, за что гетманъ Петръ въ июбрѣ прислалъ царю благодарственную грамоту: „Прочовѣдывалъ милость, хвалить незлобо, исповѣдовалъ неизреченное благодареніе, кланялся до лица земли со всякимъ смиреніемъ, обѣщаль всякое радѣніе, обѣщаль не допускать никакого озлобленія государевымъ людямъ“

Кіевскій воевода Шереметевъ послалъ сказать ему, чтобы онъ доказалъ благодарность свою на дѣлѣ, отетая отъ Татаръ, обратился къ христіанству и служилъ обоимъ великимъ государямъ, Московскому и Польскому. „За милость великаго государя я желаю голову свою сложить“, отвѣчалъ Дорошенко; „только отъ Татаръ отетая и подъ государевую руку быть вскорѣ нельзя: будетъ у меня съ королемъ на сеймѣ договоръ въ силу постановленія съ гетманомъ Яномъ Собескимъ, который обѣщаль отдать мнѣ Вѣдую Церковь, но она до сихъ поръ мнѣ не отдана; и если Вѣдлоу Церкви послѣ сейма мнѣ не отдадутъ, то я буду доступать ее самъ“. Болгарскій посланецъ требовалъ у Дорошенка, чтобы онъ не пускаетъ Татаръ за Диѣвиръ на государевы малороссійскіе города. „О татарскихъ замыслахъ я ничего не знаю“, отвѣчалъ Дорошенко; „а если Татары и придутъ, то у нихъ и у меня и у всего войска Запорожскаго есть непріятель поближе государевыхъ городовъ: служилъ я съ казаками королю Польскому много лѣтъ и головы свои за него складывали, а выслужили то, что Поляки церкви Божіи обратили въ унию. Король дастъ намъ на всякія вольности привилегіи и универсалы, а потомъ пришлетъ Поляковъ и Нѣмцевъ, и тѣ всякія вольности у насъ отнимаютъ, и православныхъ христіанъ, не только простыхъ казаковъ, но и полковниковъ, старшинъ бьютъ, мучатъ, берутъ съ насъ всякіе оборы, и во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а шныи обратили въ костелы, чего всякому православному христіанину терпѣть невозможно, и мы за православную вѣру и за правды свои стоять будемъ. Я христіанскаго коропротитія не желаю, а если я пошлю Татаръ на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь; если бы я служилъ государю столько же, сколько королю, то получилъ бы отъ царскеро величества милость; я подъ рукою великаго государя былъ давно желалъ, только меня прежде не призывали; а отъ Татаръ мнѣ вскорѣ отлучиться нельзя, потому что, прежде чѣмъ придутъ государевы полки на защиту, Татары насъ разорятъ. Татары мнѣ безпрестанно говорили, чтобы идти разорять государевы малороссійскіе города, но я ихъ удержалъ, боярину Шереметеву объ осторожности противъ Татаръ писалъ и впрядъ писать буду; быть подъ рукою великаго государя желаю, боярства и ничего отъ него не хочу, — хочу только государевой милости, чтобы казаки оставались при своихъ правахъ и вольностяхъ. По Андрусовскому договору Кіевъ надобно Полякамъ отдать; но я со всѣмъ войскомъ головы свои положимъ, а Кіева Полякамъ не отдадимъ“.

Посланецъ видѣлся и съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ и съ монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ; говорилъ имъ, чтобы они отводили Дорошенка отъ Татаръ. Оба обѣщали. Всѣ, Петръ Дорошенко съ братомъ Григоріемъ, Тукальскій и Хмельницкій, говорили посланному по-секрету, что

будутъ давать знать боярину Шереметеву о всякихъ тайныхъ вѣстяхъ непремѣнно, за то, что бояринъ оказываетъ къ нимъ большую любовь, посылаемъ ихъ честь великую воздаемъ, поить, кормить и подарками великими гетмана и посланцовъ его дарить.

Шереметевъ не жалѣлъ подарковъ, чтобы только задобрить опаснаго Дорошенка, отъ котораго теперь зависѣло спокойствіе Восточной Украйны, именемъ котораго волновались Запорожцы. Въ Москвѣ Ординъ-Нащокинъ зорко слѣдилъ за Чигиринюмъ; онъ отправилъ въ Переяславль стряпчаго Тяпкина, для свиданія съ Григоріемъ Дорошенкомъ, для склоненія гетмана Петра отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго государя, ибо соединеніе съ Польшею для него болѣе уже невозможно. Тяпкинъ сообщалъ Нащокину, что Тукальскій уговариваетъ Дорошенка поддаться Московскому государю, думая чрезъ это добиться митрополитъ Кіевской, а епископъ Меводій радъ бы и неслыхать о Тукальскомъ, не только видѣть его, точно такъ, какъ Брюховецкій не хочетъ слышать о Дорошенкѣ, боясь лишиться чести своей. Мѣщане и казаки, особенно черныя народъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра очень любятъ и почитаютъ Тукальскаго и Дорошенка. „Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину, что Печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостиво государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ, также бы описать и къ прочимъ игуманамъ и братіи кіевскихъ монастырей, потому что чрезъ нихъ можеть всякое дѣло состояться, согласное и развратное. Въ Переяславлѣ нѣтъ вѣрнаго и добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ: всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ одномъ словѣ вѣрять никому нельзя. Одно средство повернуть ихъ на истинный путь—послать тысячи три ратныхъ людей—тогда испугаются и будутъ вѣрны; а которые теперь ратные люди въ Переяславлѣ пемногіе,—тѣ всѣ наги, босы, голодны и бѣгутъ отъ бѣдности розно. Хуже всего для меня то, что не могу вѣрнаго человѣка приобрести изъ здѣшнихъ:— послѣднее бы отдалъ, да лихи лгать, божатся, присягаютъ и лгутъ“.

Но лгалось не въ одномъ Переяславлѣ, лгалось сильно въ Чигиринѣ, хотя здѣсь не было никакой нужды лгать, по независимости положенія. 1-го января 1668 года, Петръ Дорошенко написалъ Тяпкину рѣзкое письмо, что не можеть поддаться царю; причины къ отказу можно было бы найти, но Дорошенко наполнилъ письмо лжами и клеветами. Богданъ Хмельницкій, по словамъ Дорошенка, отдалъ Москвѣ не только Вѣлую Русь, но и всю Литву съ Волянью; во Львовѣ (!) и въ Люблинѣ царскихъ ратныхъ людей ввелъ и многое казно учредилъ. Какая же благодарность! Пословъ гетманскихъ московскіе комиссары въ Вильнѣ до переговоровъ не допустили! Выговоска гетманомъ

учредили и, между тѣмъ, подвигли на него Пушкиря, Везпалаго, Барабаша, Силку! Въ Андрусовскомъ договорѣ оба монарха усовѣщивали смирять, т. е. искоренять казаковъ. Дорошенко рѣшился даже упрекнуть Московское правительство за возвращеніе Польшѣ Вѣлоруссии, вслѣдствіе чего здѣсь опять началось гоненіе католиковъ на церкви православныя. Держать Дорошенка перешла наконецъ предѣлы, перешла въ смѣшное, въ шутовство; онъ спрашиваетъ у Тяпкина: „На какомъ основаніи вы безъ насъ рѣшили одни города оставить, другіе отдать, тогда какъ вы ихъ приобрѣли на свою силу, но Божіею помощію и нашимъ мужествомъ?“ И, въ то же самое время, Дорошенко и братья его Григорій въ сношеніяхъ съ Тяпкинскимъ безпрестанно повторяли, что они подданные короля; но, провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они Московскому правительству за уступки земель въ королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всѣмъ извѣстно отступничество ихъ отъ короля къ султану, они рѣшались утверждать, что настоящей союзъ ихъ съ ханомъ основывается на Гадячскомъ договорѣ Выговскаго съ Польшею, по которому казаки должны были находиться подъ властію королевскою и въ союзѣ съ Татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значеніе, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовскимъ перемиріемъ Москва обязана имъ, казакамъ, ибо они съ Татарами напали на Поляковъ и заставили послѣднихъ спѣшить миромъ съ Москвою. Такую страшную порчу произвели политическія смуты, шатость въ этихъ несчастныхъ людяхъ, заставили потерять уваженіе къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ!

Казаки никакъ не могли переварить Андрусовскаго перемирія не потому, что, благодаря имъ же, Москва должна была заключить его на условіи—кто чѣмъ владѣеть и отказаться отъ западнаго берега Днѣпра, но потому, что миръ между двумя государствами, изъ которыхъ каждое имѣло много причинъ негодовать на казаковъ, былъ опасенъ для послѣднихъ; казаки подозрѣвали соглашеніе обоихъ государствъ противъ себя, но не довольствовались высказываньемъ однихъ подозрѣній, а прямо уже утверждали, что соглашеніе дѣйствительно существуетъ. Они отводили душу тѣмъ, что страшали Москву непродолжительностію мира: „Договоръ съ польской стороны не будетъ исполненъ“, говорилъ Григорій Дорошенко Тяпкину; „князья Вишневецкіе, иные сенаторы и шляхта, которые имѣли въ Малороссіи города, мѣстечки и села, теперь этихъ мѣстностей всѣхъ отбыли, а королю наградить ихъ нечѣмъ, и оттого Польша должна будетъ нарушить мирный договоръ“. Григорій Дорошенко не отставалъ отъ брата въ вымысленіи винъ Московскаго правительства относительно казаковъ: „Великій государь“, говорилъ онъ, „далъ казакамъ право: на гетманство и на всякіе уряды выбирать своихъ природныхъ каза-

ковъ; а теперь у великаго государя выбранъ въ гетманы на природный украинскій казакъ, также и полковники многие изоземпы, Волохи и не природные казаки, и войско Запорожское оттого въ великомъ неостоянствѣ пребываетъ, а Заднѣпровскій гетманъ и старіе всѣ природные казачьи дѣти. Да и оттого многие бунты: по указу великаго государя, пинѣ гетмана учинить грамоту, булаву и хоругвь вручать, а послѣ другого гетмана вѣнчикъ выберуть, грамоту, булаву и хоругвь ему вручать, и вотъ эти гетманы — Выговскій, Пушкаренко, Барабанъ, Силка, Везнапый, Искра, — желая каждый удержать данную себѣ честь, междуособіе въ войскѣ Запорожскомъ учинили. Отъ неприродныхъ гетмановъ и полковниковъ прямыя вѣры свободны, а вѣрные слуги царскіе — Самко гетманъ, Васюта Золотаренко, Анка Черниговскій — горькою смертію казнены“.

Дерзость, упреки сдѣлались робостію, просьбами. Пронесся слухъ, что царь прїѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и вотъ Григорій Дорошенко обратился съ просьбою къ Тяпкину: „Когда царское величество, дастъ Богъ, будетъ въ Кіевѣ съ великими силами, тогда опасаемся накрѣпко и весь народъ спльно ужасается, чтобы, надѣясь на силы царскаго величества, Поляки на насъ не пошли войною; милости просимъ у великаго государя, чтобы не позволилъ своему войску помогать Полякамъ. Народы наши сильно боятся прихода царскаго величества въ Кіевъ, не вѣрятъ, что молиться идетъ. А когда Поляки одинъ на насъ будутъ наступать, и мы поднимемъ противъ нихъ Татаръ, то царское величество на насъ не гнѣвался бы и ратей своихъ на насъ не посылалъ.“ Наконецъ Григорій Дорошенко объявилъ Тяпкину тайную статью: „Подъ высокодержавною рукою царскаго величества быть хотить, только бы у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ, ратныхъ людей и всякихъ начальниковъ московскихъ не было, вольности наши казакція и права были бы не нарушены и гетманомъ бы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра быть Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не брать; а гетману Брюховецкому, по милости великаго государя, можно прожить и безъ гетманства, потому что пожалованъ самою высокою честью и многими милостями.“

Но, выговаривая себѣ у Москвы гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, Дорошенко, вѣстѣ съ Чукальскимъ, хлопоталъ объ этомъ другимъ путемъ, поднимая возстаніе противъ Москвы и на восточномъ берегу, обманомъ побуждая къ возстанію и самого Брюховецкаго.

Мы видѣли, что тѣ же самыя опасенія, какія высказывались въ Чигиринѣ относительно союза обѣихъ государствъ противъ казаковъ, высказывались и въ Запорожьи, и мы видѣли, что Запорожцы и всѣ вообще казаки поведеніемъ своимъ сдѣлали заставить Московское правительство дѣйствительно смотрѣть враждебно на казачество.

Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести въ Москвѣ извѣстіе объ убійствѣ крымскихъ гонцовъ и потомъ объ убійствѣ Ладженскаго и о волненіяхъ въ цѣлой Украинѣ, а Брюховецкій писалъ, чтобы великій государь простилъ Запорожцевъ: иначе будетъ плохо! Понятно, что послѣ этого въ Москвѣ не могли встрѣчать казачьихъ посланцовъ съ улыбающимся лицомъ и распростертыми объятіями. Такъ, присланный гетманомъ бунчужный пробывъ въ Москвѣ только три дня, государевыхъ очей не видалъ, отпущенъ нисѣчьмъ, и, возвратясь, рассказывалъ, будто Ординъ-Нащокинъ, отпуская его, сказалъ: „Пора уже васъ къ Богу отпустить!“ Аонасій Іарентьевичъ, какъ человѣкъ порядкя, любитель крѣпкой власти, дѣйствительно былъ не охотникъ до казаковъ, и казакамъ онъ былъ особенно неприятенъ и страшенъ, какъ виновникъ Андрусовскаго перемирія, оближенный Москвою съ Польшею, виновникъ того, что ненавистной шляхтѣ, лишенной казаками земель въ Украинѣ, государь пожаловалъ миллионъ въ вознагражденіе; казакамъ представлялось, что Нащокинъ dokonчилъ свое дѣло, и вотъ между ними понесся слухъ, что Нащокинъ идетъ въ Малороссію съ большимъ войскомъ: — и какого добра ждать казакамъ отъ Нащокина?

Но всѣ эти опасенія, слухи и волненія между казаками не могли бы имѣть важныхъ послѣдствій на восточномъ берегу Днѣпра, если бы въ члѣ движенія противъ Москвы не сталъ самъ бояринъ и гетманъ, царскаго престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдругъ въ казака, прямо выразить свое сочувствіе Стенькѣ Разину?

Врагъ Брюховецкаго, епископъ Меодій, находился въ Москвѣ въ 1666 и началъ 1667 года, по Никоновому дѣлу. Поведеніе Меодія въ Кіевѣ по вопросу о митрополитѣ и ожесточенная вражда его къ гетману, столь противная спокойствію Малороссіи и государственнымъ въ ней интересамъ, не могли не ослабить того расположенія, какимъ прежде пользовался епископъ въ Москвѣ. Хотя опытъ и долженъ былъ научить здѣсь не вѣрять всѣмъ доносамъ, приходившимъ изъ Малороссіи, однако постоянныя и сильныя обвиненія боярина и гетмана также не могли остаться безъ дѣйствія. Меодій увидалъ перемѣну: чести ему прежней не было, попросилъ онъ однажды соболей — соболей не дали, и, при отпускѣ въ Малороссію, строго наказали не продолжать смуты, помириться съ гетманомъ. Въ сильномъ раздраженіи выѣхалъ преосвященный изъ Москвы, направляя путь въ Гадячъ, столицу гетманскую. Здѣсь уже знали о выѣздѣ Меодія изъ Москвы; странно стало боярину и гетману; и вотъ станица знатныхъ казаковъ поначалась изъ Гадяча въ Сѣвлюду, магістость Кіевопечерскаго монастыря, гдѣ жилъ въ это время самъ отецъ архимандритъ, Иннокентій Гизель; казаки взяли приглашеніе архимандриту прїѣхать въ Гадячъ, — боярину и гетману очень нужно съ нимъ ви-

дѣться. Гизель испугался, жилъ онъ съ гетманомъ въ большихъ неладахъ; но дѣлать нечего: не поѣдетъ, такъ казаки неволею повезутъ,—поѣхалъ.— „За что это вы на меня сердитесь и Печерской святой великой лаврѣ за меня Бога не молитесь?“ встрѣтилъ Брюховецкій Гизеля.— „Зна тебѣ мы никакого не хотимъ“, отвѣчалъ тотъ, „а неласку твою видимъ: многократно мы писали къ тебѣ съ великимъ прошеніемъ слезнымъ, что казаки лавру нашу Печерскую разоряютъ, въ маенностяхъ подданныхъ бьютъ; коней и воловъ, и всякій товаръ и хлѣбъ грабятъ, меня и братью мою, иноковъ, людей честныхъ безчестятъ, бьютъ; ты учинилъ немилосердіе, писаніе и слезное наше прошеніе презрѣлъ, и за такую къ Святой обители неласку твою мы за тебя Бога не молили“. — „Правда“, сказалъ Брюховецкій, „казаки надѣлали много зла Святой обители; я имъ вѣрилъ, а теперь вѣрить не стану. Слышу, что ѣдетъ изъ столицы епископъ Меодій; до сихъ поръ было у насъ тихо, а какъ пріѣдетъ, то не будетъ ли намъ лиха? Поговори-ка ему, отецъ архимандритъ, чтобы онъ со мною помирился, зло укротилъ и жилъ въ совѣтѣ, чтобы во всемъ Малороссійскомъ краю люди жили въ покоѣ и великому государю нашему чистыми сердцами работали“.

Бояринъ и гетманъ напрасно безпокоился: Меодій самъ явился къ нему съ словомъ примиренія, — все старое было забыто, кромя старой дружбы, бывшей до 1665 года; и, въ знакъ новой дружбы, дочь епископа сосватана была за племянника гетманскаго. Но гетманъ и епископъ подружились и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Меодій передалъ свату все свое неудовольствіе, все свое раздраженіе противъ неблагодарной Москвы; передалъ ему свои наблюденія, свои страхи, что Москва готовитъ недоброе для Малороссіи. Но однимъ тайными разговорами съ гетманомъ Меодій не удовольствоваться. Изъ Гадяча поѣхалъ онъ въ свой родной городъ Нѣжинъ, и здѣсь, въ своемъ домѣ, при гостяхъ бранилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ; въ черномъ свѣтѣ выставлялъ нравы тамошнихъ людей; клялся, что никогда ноги его не будетъ въ Москвѣ. Тѣ же рѣчи началъ онъ говорить у протопопа, въ присутствіи воеводы царскаго, Ивана Ржевскаго, такъ что воевода счелъ приличнымъ для себя уйти, не дождавшись обѣда. Меодій не скрывалъ причину своего неудовольствія на Москву; не честили его тамъ; соборей и корму, сколько хотѣлъ, не давали. Но Меодій, говоря о своей обидѣ, не забывалъ внушать, что обида готовится и всей Малороссіи: „Ординъ-Нащокинъ“, говорилъ онъ, „Ординъ-Нащокинъ идетъ изъ Москвы со многими ратными людьми въ Кіевъ и во все малороссійскіе города, чтобы все ихъ высѣчь и выжечь и разорить безъ остатку“. Рѣчи эти дошли до Тяпкина въ Черяславль; тотъ нарочно прискакалъ въ Нѣжинъ, чтобы спросить у Меодія, отъ кого это онъ слышалъ. Епископъ сказалъ отъ кого: „Москов-

скіе торговые люди, которые ѣздятъ съ товарами въ Литву и Польшу и потомъ пріѣзжаютъ въ Малороссію, сказываютъ мѣщанамъ, что бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ со многими ратными людьми идетъ въ Малую Россію для отдачи Кіева; а къ гетману и ко мнѣ въ грамотахъ великаго государя о Кіевѣ и о малороссійскихъ городахъ не объявлено, и мы съ гетманомъ объ этомъ очень скорбимъ и слушаемся“. Меодій дѣлъ знать и въ Москву о слухахъ, что Кіевъ и все украинныя города уступлены Ляхамъ; писалъ, что онъ объявляетъ объ этомъ, видя во всемъ народѣ смятеніе и помня къ себѣ великаго государя милость. Шереметевъ, узнавши въ Кіевѣ о рѣчахъ Меодія, отправилъ къ нему немедленно голову московскихъ стрѣльцовъ Лопатина сказать, что все слухи, безпокоющіе Малороссіянъ, вздорныя. „Великій государь“, говорилъ Лопатинъ, „учинилъ миръ съ королемъ для того, чтобы въ его государской стародавней дѣдичной отчинѣ, въ градѣ Кіевѣ и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всякій человѣкъ въ православіи добротой жилъ въ добромъ покоѣ и веселіи. Нынѣ великій государь хочетъ идти въ Кіевъ, поклониться его святынѣ, свою отчину, городъ Кіевъ осмотрѣть, малороссійскіе города и вѣрнаго войска Запорожскаго ратныхъ людей и всѣхъ жителей своимъ пришествіемъ увеселить и воевѣки непоколебимыхъ въ вѣрѣ и подданствѣ учинить; а боярина своего, Аванасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, изволивъ въ малороссійскіе города послать напередъ себя, какъ издавна государскій чинъ належитъ: передъ государскимъ походомъ посылаютъ бояре и думные люди для заготовленія запасовъ и для объявленія всѣмъ о походѣ царскомъ. А что бунчужный написалъ о словахъ боярина Ордина-Нащокина, и то дѣло нестаточное: бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ человѣкъ умный, государскихъ великихъ дѣлъ положено на немъ множество, и такихъ словъ не только что бунчужному вслухъ говорить, и тайно мыслить не будетъ; такія слова выѣстилъ какой-нибудь врагъ Креста Господня, сатанинъ угодинокъ, ненавистникъ рода христіанскаго. Тебѣ бы, епископу, слыша, что плутинка бунчужный такія слова выѣстилъ, разговаривать, что ничего такого быть не могло.“

Но эти увѣщанія не дѣйствовали. Меодій писалъ Брюховецкому: „Ради Бога, не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремеслѣ, а о пѣлой кожѣ нашей. Часть того, что честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы вась съ нами, взявъ за шею, выдать Ляхамъ. Почему знать, не на тожь ли и присягнули другъ другу: много знаковь, что объ насъ торгуютъ. Лучше бы насъ не мапили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать! Въ великомъ остерегательствѣ живи, а Запорожцевъ вельчески ласкай; сколько ихъ вышло, или укрѣпляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву

хватается; не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству, — чтобы онъ сошелся съ Пашокинымъ, вывѣдалъ что-нибудь отъ него, и далъ тебѣ знать; у него и своя бѣда: обогналъ Шереметью и сильно жалуется на свое безчестіе. Недобрый знакъ, что Шереметь самыхъ бездѣльныхъ Ляховъ любовно принимаетъ и ихъ потчиваетъ, а казаковъ, хотя бы какіе честные люди, за лядскихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть, то все не намъ ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожному быть и къ Пашокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Миѣ своя отчина мила: сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ Ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть, нежелю золь животъ. Будь остороженъ, чтобы и тебя, какъ покойнаго Варабана, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка Ляхамъ не отослали!"

Брюховецкій не ограничился одною осторожностію: онъ прямо извѣстивъ, прямо поднялъ возстаніе противъ царя. Но неужели Меводій такъ умѣлъ передать свое раздраженіе, свои спасенія Брюховецкому, что тотъ, по однимъ внушеніямъ епископа, рѣшился сдѣлать это? Нѣтъ сомнѣнія, что Меводій своими внушеніями приготовилъ гетмана къ измѣнѣ; но окончательно Брюховецкій рѣшился на нее но другимъ, болѣе сильнымъ побужденіямъ. Мы видѣли, какіе замыслы питались на западномъ берегу Днѣпра, въ Чигиринѣ: Дорошенко хотѣлъ быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Тукальскій — митрополитомъ Кіевскимъ и всей Малороссіи. Тукальскій былъ не прочь достигнуть своей цѣли и съ помощію Москвы; и Дорошенко готовъ былъ называться гетманомъ царскаго величества; но старшій соумышленникъ Выговскаго не хотѣлъ быть гетманомъ на условіяхъ Брюховецкаго, а другіе условій теперь трудно было получить отъ Москвы. И вотъ Дорошенко и Тукальскій находятъ средство оторвать восточный берегъ Днѣпра отъ Москвы — съ помощію самого Брюховецкаго. Тукальскій завелъ перенеску съ послѣднимъ, ставъ его обнадеживать, что Дорошенко уступитъ ему свою булаву, и такимъ образомъ будетъ онъ, Брюховецкій, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но прежде него онъ долженъ выжить изъ Украйны воеводъ московскихъ, отложиться отъ царя и отдаться подъ покровительство султана. Самъ Дорошенко писалъ, что царь прислалъ къ нему Тяпкина съ призывомъ на гетманство восточной стороны Днѣпра. Брюховецкій не преодолѣлъ искушенія, тѣмъ болѣе что внушенія Меводія уже сдѣлали свое дѣло: Брюховецкій, потакавъ Москвѣ, возбудилъ противъ себя ненависть въ казачествѣ; но какого добра ждать отъ Москвы? — объ этомъ знаетъ епископъ Меводій, объ этомъ знаетъ бунчужный; надобно выйти изъ тяжелаго положенія между двумя огнями, между ненавистію казакою и замыслами московскими, — и средство готово: поднявшись противъ Москвы, противъ воеводъ царскихъ, Брюховецкій приобрѣ-

талъ расположеніе казаковъ. Дорошенко откажется отъ гетманства, и Иванъ Мартыновичъ засядетъ въ столицѣ Богдана Хмельницкаго.

И вотъ гетманъ шлетъ за полковниками, зоветъ ихъ на тайную раду; въ Гадячъ съѣхались: Нѣжинскій полковникъ Артема Мартыновъ, возведенный на мѣсто сверженнаго Брюховецкаго Гвинтовки, Черниговскій — Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), Полтавскій — Иосифъ Кублицкій, Переяславскій — Димитрій Райча, Миргородскій — Грицько Апостоленко, Прилукскій — Лазарь Горленко, Кіевскій — Василій Дворецкій. Была рада о томъ: какими мѣрами дѣло начать, какъ выжить Москву изъ малороссійскихъ городовъ. Сначала полковники слушали Брюховецкаго подозрительно, думали, что онъ этими словами вскушаетъ ихъ; Брюховецкій замѣтилъ это и поцѣловалъ крестъ, — и полковники ему поцѣловали.

Уже въ концѣ 1667 года между казаками пущена была вѣсть, что Брюховецкій больше не нужная подножка царскаго престола, — и волненія начались. Въ Ватуринскомъ и Ватманскомъ уѣздахъ казаки Переяславскаго полка начали разорять крестьянъ, бить ихъ, мучить, править деньги и всякіе поборы, вслѣдствіе чего уѣздные люди перестали давать деньги и хлѣбъ въ казну царскую. Въ январѣ 1668 года, въ Миргородѣ многіе мѣщане записались въ казаки и отказались платить подати въ казну; пріѣхавъ челядникъ Брюховецкаго и запретилъ мельникамъ давать въ казну хлѣбъ. Въ Сосницѣ нечего было взять съ мѣщанъ и крестьянъ, которые отъ казацкаго разоренія или разбрелись, или сами записались въ казаки. То же самое произошло въ Козелецкомъ уѣздѣ. Въ Прилукахъ, въ большемъ городѣ, стояла на площади вѣговая пушка; полковою есаулъ велѣлъ пушку взять и поставить въ проѣзжихъ воротахъ, и когда воевода прислалъ солдатъ взять пушку въ верхній городокъ, то есаулъ билъ солдатъ и пушки не далъ. „Мы и изъ верхняго городка всѣ пушки вывеземъ!“ — кричалъ онъ; по его же наущенію, всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя стало появляться въ уѣздахъ, — имъ грозили смертію; казаки грабили мѣщанъ-откупщиковъ, рѣзали имъ бороды, и прямо говорили мѣщанамъ: „Будте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ, жить всего до маслинца“. Въ Нѣжинѣ откупщики были не изъ мѣщанъ, и тѣмъ сильнѣе сердились на нихъ послѣдніе; но здѣшніе мѣщане, довольные воеводою Ржевскимъ, дѣйствовали законнымъ путемъ, послали челобитчиковъ въ Москву, чтобы государь хотя на одинъ годъ льготою ихъ пожаловалъ для уплаты долговъ. „На арендовый откупъ даны были грамоты самому городу, а теперь стрѣлецъ отпускаетъ изъ наддачъ, чиня великую обиду оплаканному мѣсту; утвержденные грамотами доходы на ратуню: вѣстче, помѣрнее, съ продажи лошадей, дегтярная торговля, табакъ и мельницы Авдѣевскія — всѣ эти доходы стрѣлецъ

Спицынъ съ вѣткою налогою выдираеть. По жалованной грамотѣ, въ случаѣ большой неправды въ судѣ, указано не звать магистрата къ боярину и воеводѣ, но звать въ Москву; а теперь кievскій приказъ все это разорилъ“.

Но кто былъ виноватъ при тогдашней новости, неопредѣленности отношеній? Челобитчики указали любопытный случай: въ гостяхъ у Троицкаго пона Ильи, пѣжинскій мѣщанинъ Петрушка Сасимовъ учинилъ досадительство невѣдомо какое райцѣ Гавриилѣ Тимооесеву; райца началъ ему говорить: „Изневажилъ ты жену мою, а теперь и меня изневажасяши,—буду на тебя права просить“. А Петрушка, показавъ ему кукиши, сказалъ: „Вотъ вамъ на ваше право!“ Тутъ былъ бурмистръ Яковъ Ждановъ; обидѣвъ онь такимъ поруганіемъ праву и пошелъ донести объ этомъ въ сѣзжѣ избѣ воеводѣ. Воевода отдалъ Петрушку на судъ въ ратушу; но Петрушка отправилъ жену въ Кіевъ къ боярину Шереметеву съ челобитьемъ, и тотъ велѣлъ взять въ Кіевъ бурмистра и райцу; сидѣли они въ Приказѣ въ окоахъ больше двухъ недѣль, да за порукою выжили въ Кіевѣ 12 недѣль, суда и очной ставки ни съ кѣмъ не было, а взяли за правжемъ въ сѣзжѣ избѣ 220 рублей невѣдомо за что.—Изъ Москвы была послана немедленно грамота въ Кіевъ, чтобы Шереметевъ разъяснилъ дѣло, да чтобы не велѣлъ брать въ Кіевъ изъ Пѣжина ратушныхъ людей по челобитьямъ. Пѣжинцы были также челомъ, чтобы государь велѣлъ еще оставить у нихъ воеводу Ржевскаго, потому что онь человѣкъ добрый, живетъ съ ними, Бога боясь, никакихъ бѣдъ, разоренья и воровства не допускаетъ. И въ то же время были челомъ на Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, что великую имъ горестъ учинилъ,—отнялъ два села.

Въ концѣ января, Шереметеву, въ Кіевъ, дали знать, что въ Чигиринѣ была рада, сошлись—Дорошенко, митрополитъ Тукальскій, Гедеонъ Хмельницкій, полковники, вся старшина, послы крымскіе, монахъ, присланный отъ Меводія, и посолье отъ Брюховецкаго. Дорошенко не вытерпѣлъ и началъ говорить послѣднему: „Брюховецкій человѣченко худой и не породный казакъ; для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь себѣ, которой недостойнъ, пріинялъ? И казаконъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣка не бывало?“—„Брюховецкій это сдѣлалъ поневоли“, отвѣчалъ посланный, „взятъ онь былъ совсюстаршиною въ Москву“. Дорошенко притворился удивленнѣйшимъ этимъ отвѣтомъ и со всюю старшиною утвердилъ: по обѣ стороны Днѣпра жителиа бытъ въ соединеніи, жить особо и давать дань Турекому султану и Крымскому хану, какъ даетъ Волошскій князь; Турки и Татары будутъ защищать казаковъ и вмѣстѣ съ ними ходить въ Московскія украины. Послышался и голосъ монаха Хмельницкаго: „Я всѣ отцовскіе скарбы откою и Татарамъ плату дамъ, лишь бы только не бытъ подъ рукою Московскаго царя и короля Польскаго; хочу я монашеское

платье сложить и бытъ мірскимъ человѣкомъ“. На той же радѣ положили: въ малороссійскихъ городахъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей побить. Были на радѣ и послы отъ Запорожья; они присгнули за свою братью бытъ подъ властью Дорошенка. Татары уже стояли подъ Чернымъ лѣсомъ; Дорошенко хотѣлъ часть ихъ отправить съ братомъ на Подолу, а съ другою частью идти самъ на московскія украины.

Когда въ Москвѣ, изъ отписокъ Шереметева, узнали о волненіяхъ въ Малороссіи, то къ Брюховецкому, въ началѣ февраля, пошла царская грамота: „Казаки не даютъ денегъ и хлѣба на раздѣчу нашимъ служилымъ людямъ; воеводы писали къ тебѣ объ этомъ, а ты не вѣришь и отъ своевольства казаковъ не удержиасяшь, въ своихъ воляхъ безстранно чернъ пинуть въ казаки, а панихъ ратныхъ людей голодомъ и великою тѣснотою морятъ, чтобы и остальные отъ нужды разошлись. Гонцы панихъ малороссійскими городами съ великою нуждою проѣзжаютъ, въ подводахъ ичъ отказываютъ, во всемъ чиніиася непослушны и безстранны. Смотрѣть за казаками ваша гетманская обязанность, также полковниковъ и всей старшины, которые многою намъ милостію пожалованы, а преступленія ихъ всѣ забыть. Ты въ писемъ своемъ называешия вѣрнаго войска гетманъ, и неотлучно житье твое съ казаками, а въ противныхъ дѣлахъ не сдерживаеши; и та вѣрность не противъ общаія, надобно держать ее на дѣлѣ, а не на языкѣ; которые устами чтуть, а сердца ихъ отстоятъ далече,—такимъ судить Богъ. Значно по такимъ казадкимъ своевольнымъ дѣламъ явное отступленіе не только отъ подданства нашего, но и отъ вѣры христіанской: отступивъ отъ Бога жива и отъ обороны христіанской, предаются бусурманамъ въ вѣчное проклятельство. Думають, что Кіевъ будетъ уступленъ въ польскую сторону, и за то, прежде времени, подъ злое бусурманское иго поддаются, а не разсудятъ, что до того времени души христіанскія спаслись бы отъ крови и отъ плѣну бусурманскаго: вѣрными христіанамъ годится ли такое злое убійство брать на свои души? Для обнадеженія христіанскихъ людей и для приведенія къ истинѣ злыхъ, посланъ къ вамъ съ надежымъ объявленіемъ дворянинъ Желябужскій, который прочтетъ вамъ и полковникамъ договорныя посольскія статьи съ королемъ Польскимъ; вы бы, согласившись съ епископомъ Меводіемъ, съ полковниками и старшиною, сѣхались въ одно мѣсто, горючили и малодушныхъ утверждали духомъ кротости, а объ отдачѣ Кіева никакого бы смутнаго помысленія христіанскіе народы не имѣли; дасть Богъ, дойдетъ впрядѣ мромѣ христіанскимъ къ успокоенію безо всякаго оскорбленія. Въ войну, многіе убытки прінявъ, украины мы не отступились! А если малодушные волнуются за то, чтобъ нашимъ воеводамъ хлѣбныхъ и денежныхъ оборовъ не вѣдать, хотяъ взять эти сборы на себя, то цуетъ будетъ явное челобитье отъ всѣхъ малороссійскихъ жителей къ

намъ: мы его приемъ милостиво и разсудимъ, какъ народу легче и Богу угоднѣе. Мы указали собирать поборы съ черни полковникамъ съ бурмистрами и войгами по ихъ обычаямъ, безъ всякаго оскорбленія, и давать служилымъ людямъ на кормъ и платье, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать. А которыхъ посыльныхъ своихъ съ письмами станешь къ намъ впредъ посылать, то выбирай разумныхъ и вѣрныхъ людей, а не такихъ, что твой бунчужный, который, вмѣсто нашей государственной милости, ненавистныя дурныя рѣчи въ народъ ввешъ“.

6-го февраля написана была эта грамота, а 8-го бояринъ и гетманъ уже началъ свое дѣло въ Гадячѣ. Въ этотъ день, воевода Огаревъ и полковникъ московскаго войска, но обычаю, пришли къ гетману на дворъ челомъ ударить. Брюховецкій былъ дома, но не сказался: вышелъ изъ хоромъ карликъ Лучка и сказалъ: „Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ гору“. Огаревъ послалъ деньщика къ церкви провѣдать про гетмана; посланный никого тамъ не нашелъ, и Огаревъ отправился къ обѣдин, а полковники по домамъ. Въ половину обѣдин Брюховецкій присылаетъ за полковникомъ Яганомъ Гуляцкомъ и говоритъ ему: „Пришли ко мнѣ изъ Запорогъ кошевой атаманъ да полковникъ Соха съ казаками, говорятъ: не любо намъ, что царскіе воеводы въ малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды; я къ царскому величеству объ этомъ писалъ, но отвѣта не бывало; такъ вы, полковники, изъ городовъ выходите“. — „Пошли за воеводоу я за мои товарищами“, сказала на это Нѣмецъ. Брюховецкій сталъ бранить воеводу: „Если вы изъ города не пойдете, то казаки васъ побьютъ всѣхъ!“ кричалъ онъ. Нѣмецъ испугался и сказалъ: „А если мы пойдемъ изъ города, то ты не вели насъ бить“. — Брюховецкій перекрестилъ лицо и сказалъ: „Отъ казаковъ задоровъ не будетъ, только вы выходите смирно“. Гуляцъ отправился къ воеводѣ и объявилъ ему о своемъ разговорѣ съ гетманомъ. Воевода пошелъ къ Брюховецкому; тотъ сначала долго не выходилъ, наконецъ вышелъ и сталъ говорить, чтобъ выбирались вои изъ города. Огаревъ объявилъ своимъ ратнымъ людямъ, что надобно выходить, потому что противъ казаковъ стоять не съ кѣмъ,—всего московскихъ людей съ 200 человекъ, и крѣности никакой въ городѣ нѣтъ. Русскіе люди собрались и пошли, подходить къ воротамъ—заперты, стоять у нихъ казаки; Гуляца съ начальными людьми вынуждали, но стрѣльцовъ, солдатъ и воеводу остановили; Иванъ Бугай бросился на Огарева, казаки—на ратныхъ людей. Воевода съ немногими людьми пробился—было за городъ, но казаки догнали его, догнали и Гуляца съ товарищами; тѣ отбивались, сколько было силъ, но казаки одолѣли: 70 человекъ стрѣльцовъ и 50 солдатъ пало подъ пожарами убійцы, человекъ 30 стрѣльцовъ ушелъ ѣти изъ города, но перенерали на дорогѣ, 130 начальныхъ и лучшихъ служилыхъ

людей было захвачено казаками въ плѣнъ, воевода Огаревъ раненъ въ голову и положенъ лечиться къ протопопу, лѣкаремъ былъ царюльничъ; не поддавши и жену воеводу, — въ поруганіи водили ее простоволосу по городу, и, огрѣзавъ одну грудь, отдали въ богадѣльню. Покончивъ съ Москвою у себя въ Гадячѣ, Брюховецкій разослалъ листы ко всѣмъ другимъ городамъ, съ увѣщаніемъ послѣдовать его примѣру: „Не съ нашего единога, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились, но важнымъ причинамъ. Послы московскіе съ польскими комиссарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять Украину, отчину нашу милую, истребить въ ней всѣхъ жителей, большихъ и малыхъ; для этого Москва дала Ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать миліоновъ денегъ. О такомъ зломъ намѣреніи неприятельскомъ и лицомъ узнали мы чрезъ Духа Свят. Спасаясь отъ гибели, мы возобновили союзъ съ своею братьею. Мы не хотѣли выгонять саблю Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа; но Москали сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали было войну; тогда народъ всталъ и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ: мало ихъ ушло живыхъ! Прощу васъ, именемъ цѣлаго войска Запорожскаго, пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украинѣ, промыслите надъ своими домашними неприятелями, т.-е. Москалями, очищайте отъ нихъ свои города; не бойтесь ничего, потому что съ братьею нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе, если нужно будетъ, не замедлятъ вамъ помочь, также и Орда въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ“.

Пошла изъ Гадяча грамота и на Донъ: „Обманъ лядскій и злоба развращенная правотворныхъ бояръ едва меня и все войско Запорожское въ густо связанныя сѣти не удружили; жалуюсь на нихъ передъ вами, братьями моими, и передъ всѣмъ главнымъ рыцарскимъ войскомъ, подавая вамъ къ разсужденію сію вещь: праведно ли Москва сотворила; что съ древними главными врагами православнаго христіанства, Ляхами, побратавша, постанавили православныхъ христіанъ, на Украинѣ живущихъ, всякаго возраста, и малыхъ отрочать мечемъ выгубить, слобожанъ, захвативъ, какъ скотъ, въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и вконецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православные христіане отъ кровавыхъ трудовъ питаются, стали дикія поля, звѣрямъ обитающа, да чтобы здѣсь можно было селить иноземцевъ изъ оскудѣлой Польши. Бояре московскіе, поможая разореннымъ Ляхамъ, дали имъ четырнадцать миліоновъ денегъ и вѣчную дружбу присягою утвердили не для чего иного, думаю, какъ для того только, чтобъ выбиться изъ-подъ царской руки, чтобы могли, какъ въ Польшѣ, лядскимъ обычаемъ, и городами владѣть, потому что въ Польшѣ

сенаторы всё королями, и одного господиномъ имѣть не хотятъ; поэтому всѣхъ невинныхъ людей и начальника, Богомъ даннаго, къ нищетѣ и хлопотамъ приводить, а наконецъ и сами къ нагубѣ приходятъ. Мы великому государю добровольно безъ всякаго насилія поддался потому только, что онъ царь православный; а московскіе парики, бояре безбожные, усовѣтовали присвоить себѣ насъ въ вѣчную кабалу и неволю; но всемогущая Вождя десница, уповаю, освободитъ насъ. Подаю вамъ къ разсужденію: Москва, взявши перемысь съ Ляхами, Жидовъ и другихъ иноувѣрцевъ плѣнныхъ, которые покрестились и поженились на Москвѣ, отпущала въ Польшу; а тѣ, какъ только вышли изъ Москвы, Крестъ Святой бросили и стали держать въру своимъ древнимъ поганымъ обычаемъ: праведно ли это? А нашу братью, православныхъ христіанъ, никакъ освободить не хотятъ, но еще въ бѣдшую кабалу и бѣду ведутъ. Жестокію своею превосходить они всѣ поганые народы, о чемъ свидѣлствуется самое поганское ихъ дѣло: верховнѣйшаго настыря своего, святѣйшаго отца патриарха, свергли, не желая быть послушными его заповѣди; онъ ихъ училъ имѣть милость и любовь къ ближнимъ, а они его за это заточили: святѣйшій отецъ наставлялъ ихъ, чтобы не присовокуплялись къ латинской ереси, но теперь они приняли иную и ересь латинскую, ксендзамъ въ церквахъ служить позволили. Москва уже не русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала; города, которые казаки, саблею взявши, Москвѣ отдали, Ляхамъ возвращены и въ нихъ началось уже гоненіе на православныхъ. Вы, братья моя милая, привыкли при славѣ, побѣдѣ и вольности пребывать: порадыйте, господа, о золотой вольности, при которой всё богатства Богъ подаетъ, и не прельщайтесь обманчивымъ московскимъ жалованьемъ. Остерегаю васъ: какъ только насъ усмирять, станутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья. Ихъ злое намѣреніе уже объявилось: въ недавнее время подъ Кіевомъ въ городахъ Врорвахъ, Гоголевѣ и другихъ всѣхъ жителей вырубили, не пощадивъ и малыхъ дѣтокъ. Прощу вторично и остерегаю: не прельщайтесь ихъ несчастною казною, но будьте въ братскомъ единомысліи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ неразрывномъ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею“.

Допъ не тронулся на призывъ Брюховецкаго, ибо, къ счастью для Москвы, силы голутбы съ „господиномъ Стенькою“ были отвлечены на востокъ; но казачество Малороссійской украины поднялось противъ государевыхъ ратныхъ людей. Еще 25-го января Черниговскій полковникъ Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ) съ казаками и мѣщанами осадилъ въ маломъ городѣ царскаго воеводу Андрея Толстого, покопавъ кругомъ шанцы. 1-го февраля къ Толстому явился священникъ съ предложеніемъ отъ Самойловича выйти изъ города, потому что гетманъ Брюховецкій со всею Украиною отложился

отъ государя, присягнувъ хану Крымскому и Дорошенку. Въ отвѣтъ, Толстой сдѣлалъ вылазку, зажегъ большой городъ, побилъ много осаждающихъ и взялъ знамя. 16-го февраля воеводѣ подали грамоту отъ самого гетмана. Воляринъ и гетманъ царскаго величества писалъ пріятелю своему Толстому, что все вѣрно войско Запорожское и весь мѣръ украинскій умыслили изъ всѣхъ городовъ выпроводить государевыхъ ратныхъ людей, потому что они жителнмъ великія кривды и неспосныя обиды починили; Брюховецкій предлагалъ также пріятелю своему выйти изъ Чернигова, оставивши нарядъ, по примѣру воеводъ—Гадяцкаго (?), Полтавскаго и Миргородскаго. Толстой не принялъ пріятельскаго предложенія. Воеводы Сосницкій—Лихачевъ, Прилуцкій—Загряжскій, Вагуринскій—Клокачевъ, Глуховскій—Кологривовъ были взяты казаками. Въ Стародубѣ погибъ воевода князь Игнатій Волконскій, когда городъ былъ взятъ казачими полковниками—Сохою и Бороною. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ сидѣлъ воевода Исая Квашининъ; нѣсколько разъ присылали къ нему казаки съ предложеніемъ выйти изъ города. „Уму, а города не отдамъ“, отвѣчалъ воевода. 29-го февраля, на развѣстѣ явились къ нему три сотника съ тѣмъ же предложеніемъ; Квашининъ велѣлъ убить посланныхъ; разсвирѣпѣвшіе казаки полѣзли на приступъ и взяли городъ, но воевода, прежде чѣмъ самъ былъ сраженъ пулею изъ мушкета, отпирывилъ на тотъ свѣтъ болѣе десяти казаковъ. Разсказывали, что Квашининъ хотѣлъ убить свою жену, ударилъ ее саблею по уху и по плечу, но ударъ не былъ смертельнымъ: супруга жены воеводой въ Гадячѣ объясняетъ поступокъ Квашинина. Къ Переяславлю и Нѣжинъ казаки дѣлали по два приступа; но понапрасну. Къ Острю приступилъ полковникъ Василій Дворецкій, но не могъ взять города, благодаря помощи, присланной изъ Кіева Шереметевымъ. Но положеніе самого Шереметева было незавидное. Донося, что въ Острѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ ратные люди храбро отбиваются отъ казаковъ, Шереметевъ писалъ государю: „Только въ городахъ скудость большая хлѣбными запасами,—бѣда, если засядется долго! Измѣнники вездѣ поставили заставы крѣпкія, въ Кіевъ и изъ Кіева мѣщанъ для покупки хлѣбной никуда не пропускаютъ, и если возмуть Остеръ, то Кіеву еще больше тѣсноты будетъ. Въ Кіевѣ въ казнѣ денегъ нѣтъ ничего, и хлѣбныхъ запасовъ скудость великая, на мартъ мѣсяць мы роздали хлѣба ратнымъ людямъ виоловину меньше прежняго, апрѣль кой-какъ прокормили съ большою нуждою, а потомъ, если лошадей станутъ ѣсть, то больше какъ на два мѣсяца не хватитъ. Дорошенко дожидается Татаръ и сейчасъ съ ними нагрянетъ подъ Кіевъ, а у насъ ратныхъ людей мало, да и тѣ наги, голодные п скудости вконецъ, многіе дня по три и по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не дастъ“.

Въ это время въ Варшавѣ находился Московскій

посланникъ Акиноовъ. Узнавъ о малороссійскихъ событіяхъ, онъ потребовалъ у сенаторовъ, чтобы, согласно съ условіямъ, король высылалъ свое войско на бунтовщиковъ на помощь войскамъ царскимъ. „Обманы ихъ казаки намъ уже знакомы“, отвѣчали сенаторы: „и теперь писать Дорошенку къ гетману Собѣскому, чтобы войскъ коронныхъ король посылать не велѣлъ, а онъ, Дорошенко, сдѣлаетъ такъ, что обѣ стороны Днѣпра будутъ за королемъ. Но это явный обманъ: будго королевскому величеству радѣеть, а самъ Турку уже давно поддался; также и той стороны казаковъ бунтуетъ, чтобы и ихъ поддать Турку. Поэтому надобно хана теперь какъ-нибудь приласкать, чтобы онъ къ нимъ не присталъ. Король посылать универсалы къ гетманамъ короннымъ и литовскимъ, чтобы собирали войска и сошлись съ царскими воеводами“. Литовскій гетманъ Паць говорилъ присланному къ нему подьячему Полкову: „Надобно обомъ великимъ государямъ, совокупя войска, выѣхать и выжить всѣхъ издѣльниковъ Черкасъ, чтобы мѣста ихъ были пусты, потому что они обомъ государямъ присяги никогда не додерживаютъ, да и впередъ отъ нихъ никогда добраго не чаать: а что они султану Турецкому поддалися, то султану ежегодно защищать ихъ за дальностію трудно, а царскому и королевскому величеству ихъ, собака, сгубить можно“. Самъ Яць-Казиміръ писалъ царю, что онъ велѣлъ гетману коронному вести свои войска для соединенія съ войсками царскими, и просилъ, чтобы часть русскихъ полковъ переправилась на западную сторону Днѣпра, ибо надобно опасаться Волоховъ. Все ограничилось одними обѣщаніями со стороны Польши; надобно было управиться своими силами. Въ апрѣлѣ царскіе воеводы, князь Константинъ Щербатый и Иванъ Вихаревъ, поразили казаковъ подъ Печеномъ, въ іюнѣ — подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, и на возвратномъ пути къ Трубчевскому разорили много селъ и деревень верстъ по двадцати около дороги. Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій облегал своими войсками города Котельву и Пошню.

Что же Брюховецкій? Ему было не до Ромодановскаго. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще болѣе возненавидѣли, потому что онъ окружилъ себя запорожскою чернью и далъ ей волю: Запорожцы что хотѣли по городамъ, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тотъ, вмѣстѣ съ Тукальскимъ, послалъ сказать Брюховецкому, чтобъ привезъ свою булаву къ нему и поклонился, а себѣ взять бы Гадячь съ пригородами по смерти. Разсвирѣпѣлъ обманутый Брюховецкій, сейчасъ же порвалъ всѣ сношенія съ Чигириномъ, началъ хватать Дорошенковыхъ казаковъ и отправлялъ посланцовъ въ Константинополь, подаваясь султану. 2-го апрѣля пріѣхали въ Адрианополь, гдѣ жилъ тогда султанъ Магометъ, полковникъ Григорій Гамалея, инсаръ Лавринко, обозный Везалый, и билъ челомъ, чтобы гетману Брюховецкому и всѣмъ Черкасамъ быть

подъ султановою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, только бы съ Черкасъ никакихъ поборовъ не брать, да указалъ бы султанъ оберегать ихъ отъ царя Московскаго и отъ короля Польскаго. Въ Гадячь явилась толпа Татаръ, подъ начальствомъ Челибея, для принятія присяги. Брюховецкій долженъ былъ дать гостямъ 7,000 золотыхъ червонныхъ, а Челибею подарилъ рыцанъ съ конями и коврами, да двухъ дѣвокъ русскихъ. Выѣтъ съ Татарами выступилъ Брюховецкій изъ Гадяча противъ государевыхъ ратныхъ людей и остановился подъ Дикавкою, сходясь съ полками своими, какъ вдругъ пришла вѣсть о приближеніи Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: онъ сталъ просить Татаръ, чтобы велѣли Дорошенку удалиться на свою сторону. Но Татары не вступились въ дѣло и спокойно дожидались, чѣмъ оно кончится. Сперва явились къ Брюховецкому десять сотниковъ съ прежнимъ предложеніемъ отъ Дорошенка отдать добровольно булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Брюховецкій прибилъ сотниковъ, сквалы и отослать въ Гадячь; но на другой день показались полки Дорошенковы, и, какъ скоро казаки обѣихъ сторонъ соединились, раздался крикъ между старшиною и чернью: „Мы за гетманомъ битвы не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ!“ И тотчасъ побѣжали грабить возы восточнаго гетмана. Дорошенко послалъ сотника Дрозденка схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ. Иванъ Мартыновичъ сидѣлъ въ палаткѣ своей, въ креслахъ, когда вошелъ Дрозденко и взялъ гетмана подъ руку; по тутъ запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, вѣрній пріятель Брюховецкаго, безотлучно находившійся при немъ съ начала его гетманства, ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ такъ, что тотъ упалъ на землю. Это однако не спало Брюховецкаго: толпа казаковъ восточной стороны, съ криками и ругательствами, ворвалась въ шатеръ, схватила гетмана и погасила его къ Дорошенку. — „Ты зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать?“ спросилъ его Дорошенко. Брюховецкій не промолвилъ ни слова. Не добившись никакого отвѣта, Дорошенко далъ знакъ рукою — и толпа бросилась на несчастнаго, начали рѣзать на немъ платье, бить ослономъ, дулами, чеканами, рогатицами, убили, какъ бѣшеную собаку, и бросили нагого. Чугуй храбро защищалъ его и тутъ, по ни- чего не могъ сдѣлать одинъ съ немногими товарищами. Дорошенко увѣрилъ Чугуя, что вовсе не желалъ смерти Брюховецкаго. Его самого чуть-было не постигла та же участь: вечеромъ казаки обѣихъ сторонъ, подпивши, замутили, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка: тотъ едва утишилъ ихъ, выкативши нѣсколько бочекъ горѣлки, а ночью со всею старшиною выѣхалъ для осторожности на край обоза. Тѣло Брюховецкаго велѣлъ онъ похоронить въ Гадячь, въ построенной имъ церкви (іюнѣ 1668).

Покончивъ съ соперникомъ и провозгласивши себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко двинулся въ Котельвѣ, которую осаждалъ бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Воевода отступилъ, Дорошенко его не преслѣдовалъ и возвратился въ Чигиринъ, взявши имѣніе Брюховецкаго и армату войсковую (сто десять пушекъ), пограбивши всѣхъ, на которыхъ ему указали, какъ на богатыхъ людей. Москва, въѣдѣствие измѣны Брюховецкаго, потеряла 48 городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ Дорошенкою, 144,000 рублей денегъ, 141,000 четвертей хлѣбныхъ запасовъ, 183 пушки, 254 пистали, 32,000 ядеръ, пожитковъ воеводскихъ и ратныхъ людей на 74,000. На восточной сторонѣ Дорошенко оставилъ наказнымъ гетманомъ Черниговскаго полковника Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Но какъ скоро гетманъ покинулъ восточный берегъ, то здѣсь повторилось то же самое явленіе, какое мы видѣли послѣ Копотона и Чуднова: восточная сторона потянула къ Москвѣ; князь Ромодановскій собрался съ значительными силами и началъ наступательное движеніе; наказной Сѣверскій гетманъ, какъ назывался Многогрѣшный, не имѣлъ силъ ему противиться, да и подь чѣмъ знаменемъ онъ сталъ бы оказывать это сопротивление? Сначала онъ послалъ къ Дорошенку съ просьбою о помощи, но получалъ отвѣтъ: „Пусть сами обороняются!“ Ромодановскій взявъ приступомъ новое мѣсто въ Черниговѣ; не найдя съищи снасти стараго мѣста, Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ царскимъ воеводою. 25-го октября прѣехали въ Москву Иѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамоновичъ, братъ наказнаго гетмана, Василій Многогрѣшный, да бывшій Иѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановскій отправилъ ихъ вмѣстѣ съ сундучиками, сыномъ своимъ, княземъ Андреемъ Скуратовымъ. Толстымъ изъ оboза, изъ-за Вѣтой Вѣжи; но на дорогѣ нанали на нихъ Татары и захватили въ плѣнъ сына Ромодановскаго съ товарищами. Малороссіяны стали разспрашивать порознь: Гвинтовка сказалъ, что до измѣны Брюховецкаго сидѣлъ онъ у него въ Гадячѣ сковаць, а на его мѣсто былъ поставленъ въ полковники Артема Мартыновъ; когда начали государевыхъ людей побивать, то его, Гвинтовку, перевели въ Иѣжинъ за карауломъ; а когда Брюховецкаго убили, то его освободили: въ то же время въ Венрикѣ освободили изъ заключенія Василія Многогрѣшнаго, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что жену свою побилъ, и та съ побоевъ умерла. Оба—Гвинтовка и Василій Многогрѣшный—поѣхали въ мѣстечко Седнево къ гетману Демьяну Многогрѣшному и стали ему говорить, чтобы учинился въ подданствѣ у царскаго величества попрежнему. Демьянъ обратился атому совѣту и оцуетилъ ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому; въ той же дугѣ съ ними былъ и Стародубскій полковникъ Истръ Рословченко. Когда они прѣехали къ Ромодановскому, то между ними и Демьяномъ пошли пересылки, и кончилось дѣло

тѣмъ, что Демьянъ и Рословченко, въ присутствіи двоихъ московскихъ полковниковъ, присланныхъ Ромодановскимъ, поѣбловали крестъ, а потомъ въ городѣ Дѣвицѣ Демьянъ имѣлъ свиданіе съ Ромодановскимъ. Гвинтовка прибавилъ къ своимъ показаніямъ: „Слышалъ я отъ полковниковъ, Демьяна и Рословченка и отъ иныхъ, чтобы у нихъ впередъ въ войскѣ гетманъ былъ данный отъ царскаго величества, а не избранный казаками; если государевы ратные люди стануть подь черкасскіе города подступать и промыслъ чинить, то города всѣ стануть сдаваться“

Разсказавши свои похождения, Гвинтовка и Василій Многогрѣшный объявили, что Демьянъ Многогрѣшный и Рословченко приказывали имъ накрѣпко помогатьса царской милостивою обладекивательной грамоты, да особю отъ патриарха Московскаго прошальной грамоты въ нарушеніи крестнаго пѣлованія. Какъ скоро они возвратятся къ Демьяну и Рословченку, то немедленно къ царскому величеству придутъ казацкіе послы, чтобы государь изволилъ быть у нихъ гетману русскому съ войскомъ, и стоять ему въ Коробовѣ, а казаки будутъ кормить царское войско великимъ довольствомъ. Доходы бы государь указалъ собирать съ полкова оптомъ, а не такъ, какъ до сего времени было: у кого и не было,—и на тѣхъ правила; а они сами между собою обложатся, чтѣ съ котораго полка дать; обо всѣхъ этихъ статьяхъ Демьянъ и Рословченко уже говорили съ княземъ Ромодановскимъ.

Въ то время какъ Многогрѣшный и Гвинтовка разсказывали въ Москвѣ такія пріятныя новости, приходитъ грамота отъ Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, изъ которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказнаго гетмана и о желаніи видѣть надъ собою русскаго гетмана, даннаго царскимъ величествомъ. Мы видѣли, что Лазарь былъ одно время бластителемъ Кіевской митрополи и былъ смѣненъ въ этомъ званіи Меодіемъ. Чтобы понять характеръ политическаго дѣятельности Лазаря, надобно припомнить, за какіе главные интересы шла борьба въ странѣ. Мы видѣли, что интересъ войска или казачества рознился съ интересомъ городского населенія. Старшина казачья стремилась къ тому, чтобъ вся власть находилась въ ея рукахъ и чтобы надъ нею было какъ можно менше надзора со стороны государства; отсюда сильное нежеланіе видѣть царскихъ воеводъ въ городахъ малороссійскихъ. Иначе смотрѣло на дѣло городское населеніе: ему тяжело приходилось отъ казакъ и полковниковъ ихъ, и потому оно искало защиты у царскихъ воеводъ и отъ враговъ въишнихъ и отъ насильнъ чолковничьихъ. Духовенство относительно этихъ двухъ стремленій не могло сохранить единства взгляда: взглядъ архіереевъ, властей, былъ отличенъ отъ взгляда городского блага духовенства. Архіереи сочувствовали стремленію старшины казачьей: для нихъ важно было, чтобы страна удержала какъ можно болѣе самостоятельности въ

отношеніи къ Московскому государству, ибо эта самостоятельность условливала ихъ собственное независимое положеніе. Оставаться въ номинальной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, а не подчиняться патріарху Московскому, который не захочетъ ограничиться одною тѣсною властью: — вотъ что было главнымъ желаніемъ малороссійскихъ архіереевъ; интересы ихъ, слѣдовательно, были тождественны съ интересами старшины казацкой. Напротивъ, городское бѣлое духовенство, по самому положенію своему тѣсно связанное съ горожанами, раздѣляло стремленія послѣднихъ, и это не случайность, что протопопъ городского собора, лицо тогда очень важное, является въ Москвѣ представителемъ горожанъ, доноситъ великому государю о ихъ желаніи видѣть у себя воеводъ. Съ такимъ характеромъ мы видѣли Нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова; теперь съ такимъ же характеромъ является другой протопопъ, Симеонъ Адамовичъ. Но архіерей Черниговскій, Лазарь Барановичъ, и прежде являлся въ глазахъ Московскаго правительства человѣкомъ, холоднымъ къ его интересамъ, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, онъ хлопочетъ однако о томъ, чтобы требованія старшины казацкой относительно вывода воеводъ были исполнены. Лазарь умолялъ царя простить преступныхъ казаковъ: „Аще есть родъ строити въ и преогречвал, но ему же со усердіемъ похощетъ работати, не щадя живота работаетъ. Ляхи подъ Хотиномъ и на различныхъ браняхъ сплю ихъ преславная содѣлаша: родъ сицевъ, иже свободи хошеть, вопиствуетъ не нуждою, но по волѣ; Ляхи къ каковой тѣтѣй придоша, егда ихъ войско Запорожское остави? Иылъ видятъ и различными образы ихъ утверждають, но большее усердіе ихъ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, но отъ однихъ воеводъ, съ ратными людьми въ городѣхъ будучихъ, скорбятъ, и весь міръ, сущимъ воеводамъ въ городахъ украинскихъ, оди въ Литву, а иные въ Польшу итигы готовы, подущеніе всегдашнее отъ варваръ илѣють; свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазаниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ ихъ укрьби, да истинно тебѣ порабатють и отъ варваръ отлучатся всяко! На знаменіе обращенія своего Демко Игнатовичъ гетманъ Сѣверскій плѣннихъ отпущаетъ. Ико жена кровотоичная егда коснуся края ризъ Христовыхъ, ста токъ крови ея: сице егда войско Запорожское со смрпненіемъ припадетъ и касаетъ края ризъ валего пресвѣтлаго царскаго величества, чаю, яко станеть токъ крови“. Барановичъ переслалъ въ Москву письмо къ себѣ Многогрѣшнаго, гдѣ высказаны были условія, на которыхъ казаки могли снова подчиниться царю: „Посоветовавъ съ полками сей стороны Диѣвира, при какихъ вольностяхъ хотимъ бытъ, вѣдомо чиню, пишетъ Многогрѣшный, когда великій государь насъ, своихъ подданныхъ, захочетъ при прежнихъ вольностяхъ

покойнаго, славныя памяти, Богдана Хмельницкаго, въ Переяславлѣ утвержденныхъ, сохранить и нынѣшнихъ ратныхъ людей своихъ изъ городовъ нашихъ въсѣхъ Переяславля, Нѣжина, Чернигова - вывести, тогда изволь ваше пресвященство написать царскому величеству: буде насъ по милости своея пришегъ, вольности наши сохранитъ и, что учинилось за нодущеніемъ Брюховецкаго, проститъ (а то учинилось отъ насилія воеводъ и отнятія вольности войска Запорожскаго), то я готовъ съ полками сей стороны Диѣвира царскому величеству поклониться и силы наши туда обратитъ, куда будетъ указъ царскій. Если же царское величество нашею службою возгнушается, то мы при вольностяхъ нашихъ умирать готовы; если воеводы останутся, то хотя одинъ на другомъ помереть, а ихъ не хотимъ.“ — Въ отвѣтъ на всѣ эти грамоты, къ Барановичу и Многогрѣшному отпращены были въ ноябрѣ грамоты изъ Москвы: государь объявлялъ прощенье казакамъ и удостоверялъ ихъ въ своей милости; никакихъ условій или болѣе опредѣленныхъ обѣщаній не было.

Но въ то время, какъ Лазарь Барановичъ принималъ на себя посредничество между казаками и великимъ государемъ, чѣдѣлялъ другой архіерей, бывшій до сихъ поръ на первомъ планѣ, Меоодій, блюститель митрополіи Кіевской? Онъ также обманулся въ своихъ расчетахъ, какъ и съзвать его Брюховецкій, гибель котораго неминуемо влекла за собою и бѣду Меоодію; ибо если Дорошенко не могъ терпѣть подлѣ себя Брюховецкаго, то Іосифъ Тукальскій не могъ терпѣть Меоодія. Сперва держали его за карауломъ въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу, потомъ перевезли за Диѣвиръ и посадили въ Чигиринскомъ монастырѣ. Сюда прислалъ къ нему Тукальскій отобрать архіерейскую мантию: „Недостойны ты бытъ въ епископахъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ Московскаго митрополита“, велѣлъ сказать ему Іосифъ. Изъ Чигирина перевезли его въ Уманскій монастырь; но здѣсь онъ напоилъ караульныхъ монаховъ и ушелъ въ Кіевъ. Но прѣйдя въ этотъ городъ, шервымъ его дѣломъ былъ обвинить передъ боярскими Шереметевымъ кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Тукальскимъ и Брюховецкимъ; архимандритъ Печерскій, Иннокентій Гизель отвѣчалъ на допросъ, что Брюховецкій присылалъ за нимъ для того, чтобы онъ помирилъ его съ Меоодіемъ, прѣздяго котораго гетманъ опасался. Оправдывая себя, Гизель рассказывалъ, какъ Меоодій въ Нѣжинѣ безчестилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ. На обвиненіе въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Гизель отвѣчалъ, что дѣйствительно писалъ къ Чигиринскому гетману, просилъ запретить казакамъ грабить местности Печерскаго монастыря, о томъ же писалъ и къ Тукальскому. Николоуцгынскій игумень Алексѣй Туръ оперся на то въ своемъ отвѣтѣ, что Меоодіевы обвиненія голословныя, шчѣмъ подтвердитъ ихъ нельзя; игумены — Михайловскій, Феодосій Са-

фоновичъ, Кирилловскій—Мелегій Дзикъ, Братскаго монастыря—Варлаамъ Яснинскій, Выдубицкаго—Оеодосій Углицкій, Межигорскаго—Иванъ Станиславскій—подали сказки, что они носились съ Чигириномъ съ вѣдома боярина Шереметева, все въ одинъ голосъ объявили, что пока Меодій былъ въ Москвѣ, все было тихо, а какъ онъ прѣѣхалъ въ Малороссію и породнился съ Брюховецкимъ, то и начались бунты. Съ тѣми же рѣчами приходили къ Шереметеву и мѣщане кievскіе; Дорошенко также прислалъ обвинительную грамоту на Меодія, прислалъ письмо, которое тотъ писалъ къ Брюховецкому, возстаивая его противъ Москвы.

Положеніе Меодія было незавидное: онъ совсѣмъ растерялся, не зная что дѣлать, къ кому обратиться. У Шереметева подслуживался доносомъ на своихъ, а къ Оеодосію Сафоновичу писалъ, что онъ поспорилъ съ Шереметевымъ изъ-за общей пользы, для цѣлости отчины, церкви Божіей и вольности народной. Шереметевъ призналъ за лучшее отправить Меодія въ Москву, а то, пожалуй, онъ и въ Кіевѣ какіе-нибудь бунты заведетъ. Голова московскихъ стрѣльцовъ, Иванъ Мещериновъ, новезъ Меодія Днѣпромъ до Лоева, отсюда сухимъ путемъ въ Старый Выховъ. Въ этомъ городѣ пришелъ къ нему комендантъ Юднскій и спрашивалъ, на какія мѣста онъ поѣдетъ и кого это онъ съ собою везетъ. Когда Мещериновъ объявилъ ему, что везетъ Меодія, то Юднскій началъ: „Служа обоемъ великимъ государямъ, не могу тебя не остеречь: на Могилевъ не ѣзди,—тамъ мужики своевольные, взбунтуются и епископа у тебя отобьютъ, они такіе же своевольцы, какъ и Запорожскіе казаки; за день до твоего прѣѣзда пригнали сюда два монаха, сказали, что изъ Кіева, изъ Печерскаго монастыря, и въ тотъ же часъ погнали въ Могилевъ, а тамъ, я знаю подлинно, они мужиковъ взбунтовали; ступай лучше на Чаусы да на Смоленскъ.“ Мещериновъ послушался и поѣхалъ на Чаусы. Въ этомъ городѣ Меодій началъ бранить сотника: „Вогъ до васъ добръ“, говорилъ онъ. „что вы на Могилевъ не поѣхали—увидали бы, что бы тамъ надъ вами сдѣлалось!“ Въ Москвѣ на все обвиненія епископа отвѣчалъ одно, что онъ объ измѣнѣ Ивашки Брюховецкаго не вѣдалъ до тѣхъ поръ, какъ государевы люди были побиты въ Гадячѣ. Его оставили въ московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ подъ стражею; здѣсь онъ и умеръ.

Дорого заплатились сваты—Брюховецкій и Меодій—за смуту; не долго торжествовали и главный ея виновникъ—Дорошенко. Татары не мѣшали ему раздѣлаться съ Брюховецкимъ; но скоро пришла къ нему страшная вѣсть: — Татары поставили въ Запорожьи другого гетмана. Былъ въ Запорогахъ царь, Петръ Суховѣй, или Суховѣнко, молодой человѣкъ, 23 лѣтъ, досужий и ученый, посланъ былъ въ Крымъ для договорень, и такъ тамъ успѣлъ всемъ поправиться, что писали отсюда въ Запорожье: „Вы бы и впрямь присылали къ намъ та-

кихъ же досужихъ людей, а прежде вы такихъ умныхъ людей къ намъ не присылавали“. Этого-то досужаго и умнаго человѣка Татары провозгласили гетманомъ казацкимъ. Дорошенко скрежеталъ зубами. „Еще я“, говорилъ онъ: „не зарекаюсь своею саблею обернуть Крымъ вверхъ ногами, какъ дѣлъ мой Дорошенко четырьмя тысячами Крымъ ни во что обернулъ!“ Суховѣнко писалъ въ Чигиринъ, что онъ гетманъ ханова вѣдательства, и чтобы Дорошенко не смѣлъ писаться Запорожскимъ гетманомъ. На грамотѣ была ханская печать — лукъ и двѣ стрѣлы, а не старая гетманская Запорожская—человѣкъ съ мушкетомъ. „Я иду на сокращеніе этого лука и стрѣлъ“, велѣлъ сказать Дорошенко Шереметеву. Онъ надѣялся на раздѣленіе Запорожья: изъ 6,000 тамошнихъ казаковъ половина была за Суховѣнка, а другая половина за Дорошенка. Шеестеро знатныхъ Запорожцевъ прѣѣхали въ Чигиринъ, привезли письмо къ Дорошенку отъ его приверженцевъ: „Выходи“, писали они, „въ поле, на черную раду, а мы Суховѣнка и неполю выведемъ въ поле и убьемъ, ханскія стрѣлы мушкетами своими поломаемъ“. Дорошенко отпустилъ Запорожцевъ съ честію, далъ имъ по шубѣ, сафьянные сапоги, шапки, послалъ съ ними въ Запорожье казакамъ подарки, хлѣбные запасы, овощи. Но были и другія вѣсти изъ Запорожья, что если соберется черная рада, то Дорошенку не сдобровать. Плохо пришлось Чигиринскому гетману между Польшею, Москвою и Татарами, и вотъ онъ со всею пересылается, на все стороны манить, лжетъ, обманываетъ. Сносится съ Татарами, покупаетъ у хана Суховѣнко; но ханъ дорого проситъ: дай ему Сѣрка за Суховѣнка! Сносится Дорошенко и съ Шереметевымъ, съ Ромодановскимъ, увѣряетъ въ преданности своей великому государю. Рассказывали, что много разъ слывалъ онъ полковниковъ и толковалъ—не поддаться ли Москвѣ, не отправить ли за этимъ пословъ къ царю; но полковники говорили оставаться въ подданствѣ у султана, потому что Московскій царь велитъ старшинѣмъ всехъ казнить, точно также и король, если ему поддаться, будетъ имъ мститъ.

Малороссія разрывалась. Суховѣнко стоялъ съ Ордою на Липовой Долинѣ, недалеко отъ Путивля; уже неслись слухи, что онъ обесурманился и называется татарскимъ именемъ Шамай; казаки полковъ Молдавскаго, Миргородскаго и Лубенскаго присоединились къ нему; по Прилуцкій полковникъ держался Дорошенка, и, впустивъ къ себѣ сотню Татаръ, всехъ ихъ перебилъ. Григорій Дорошенко, назначенный братомъ въ наказные гетманы, стоялъ съ войскомъ въ Козельцѣ. Онъ писалъ въ Кіевъ Шереметеву, что хочетъ служить великому государю; но когда Шереметевъ прислалъ взять съ него присягу, то онъ отвѣчалъ посланному: „Я писалъ не о томъ, что великому государю служить и присягу давать, а писалъ, что пришелъ съ полками въ Козельцъ не для войны, чтобы не тревожились и задоровъ военныхъ со мною не дѣлали. А при-

слугу мнѣ давать изъ какой неволи?—я теперь по своей волѣ плаваю, что орель сизый. Война у насъ стала за казакія вольности; поневолѣ насъ въ подданство привести трудно; мы за свои вольности до послѣдняго человѣка померемъ; если же великій государь укажетъ изъ малороссійскихъ городовъ воеводу и ратныхъ людей вывести, то мы великому государю въ послушаніи быть рады: войско Запорожское государству Московскому и Польскому каменная стѣна“.

То же самое продолжалъ повторять и Сѣверскій наказной гетманъ, Демьянъ Многогрѣшный: „Иыбищія война съ великимъ государемъ“, писать онъ Лазарю Барановичу, „возникла по благословенію его милости, отца Меодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго, и его послушника, протопопа Иѣжинскаго. Слышу, что князь Рогодановскій отпустилъ этого протопопа съ братомъ моимъ Васильемъ и съ Гвинтовкою къ великому государю: отпустить онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру; да туда же въ Москву поѣхалъ и отецъ Меодій! Этотъ путье всѣхъ будетъ бунтовать и своими ненотребными замыслами царское величество, бояря и весь синклитъ побуждать и наговаривать. Если великій государь не захочетъ подтвердить намъ вольности, поставленные при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда, ради-не-ради, поддадимся поганцу; а на комъ будетъ грѣхъ?—на епископѣ Меодіи да на протопопѣ Иѣжинскомъ. Пошли, ваша святительская милость, къ царскому величеству, бей челомъ, чтобы тѣмъ злобителямъ клеветникамъ не вѣрнл“. Барановичъ прислалъ эту грамоту въ Москву, вмѣстѣ съ своею, въ которой словами писанія умолялъ государя исполнить просьбу Многогрѣшнаго: „Отврати лице твое отъ грѣхъ ихъ, и нечестивыи къ тебѣ обратятся; умоленъ буди на рабы своя, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному яру бусурманскому“.

Но въ Москвѣ знали, что требованія Многогрѣшнаго и Дорошенка—это требованія казакія, или, лучше, старшины казакдой и, для отвращенія этихъ требованій, рѣшили дать голосъ всей Малороссіи, всѣмъ составнымъ частямъ ея народонаселенія. Царь отвѣчалъ Барановичу: „Пусть Демьянъ и войско Запорожское пришлютъ къ намъ знатныхъ людей отъ себя, отъ духовнаго и мірскаго, служилаго и мѣщанскаго чина, и отъ поселянъ, съ просьбою о принятіи подъ нашу государскую руку; тогда о вольностяхъ и правахъ нашихъ милостивый указъ ншъ будетъ“. Съ тѣмъ же требованіемъ отправлена была грамота къ Многогрѣшному и ко всему Запорожскому войску.

Между тѣмъ Дорошенко не переставалъ сноситься съ Шереметевымъ, не переставалъ твердить, что согласенъ быть подъ рукою великаго государя, если въ Малороссіи не будетъ московскихъ воеводъ. „Имѣю томъ подивленіе великое“, отвѣчалъ Шереметевъ, „что гетманъ Петръ Доросевичъ о такихъ дѣлахъ приказываетъ! и какое вамъ будетъ отъ того добро, что воеводамъ и ратнымъ людямъ

на восточной сторонѣ не быть? Въ нынѣшнее шаткое время, при воровствѣ Переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, если-бы въ Переяславѣ государевыхъ ратныхъ людей не было, то Переяславль былъ бы за Татарами; они слѣтали бы изъ него себѣ столицу и желаніе свое исполнили бы, что хотѣли васъ всѣхъ выпнать въ Крымъ“. — „Потому“, продолжалъ Дорошенко, „надобно Московскихъ ратныхъ людей изъ Малороссіи вывести, что въ прошлыхъ годахъ король Польскій велѣлъ своимъ ратныхъ людей вывести изъ Корсуни, Умани и Чигирина и тѣмъ Малороссійскихъ людей увеселить; гетманъ Дорошенко и все войско Запорожское, видя такую королевскую милость, утѣшились и по волѣ его королевскаго величества учинили“. — „Да“, отвѣчалъ Шереметевъ, „видѣли мы, какъ учинено было по королевской волѣ: какъ только польскій комендантъ изъ Чигирина выступилъ, то гетманъ призвалъ Татаръ, пошелъ въ Польшу и многіе города, села и деревни разорилъ. Того же надобно опасаться и въ Малороссіи, если государевы ратные люди будутъ выведены. Нашедеть непріятель, казаки выйдутъ противъ него въ поле; а въ городахъ кто останется?—робкіе мѣштане будутъ сдаваться“.

Шереметевъ пересылался и съ Многогрѣшнымъ, также уговаривалъ его отстать отъ требованій насчетъ воеводъ: „Бояринъ Петръ Васильевичъ“, говорилъ посланникъ Шереметева Многогрѣшному, „никогда не мыслить, чтобы ты, пріятель его, былъ великому государю невѣрный слуга; безпрестанно воспоминаеть онъ твой правдивый умъ, дорожество, желательное радѣніе и кровопролитіе. Какъ ты великому государю служилъ вѣрно и радѣтельно и надъ непріятелями промышль чинилъ. Вольности ваши и права никогда нарушены не были, а чинилъ ссоры воръ Вреховецкій съ подобными себѣ, съ Ваською Дворецкимъ и съ архіереемъ. Въ городахъ воеводы все исполняли по вашимъ договорнымъ статьямъ, права наши и вольности ни въ чемъ не нарушены, а если какія непріятности вамъ и были, такъ не по волѣ великаго государя, но по челобитьямъ вора Вреховецкаго“.

Но Многогрѣшный съ товарищами не отставалъ отъ своего требованія. Въ январѣ 1669 года явлено въ Москву большое малороссійское посольство: отъ Лазаря Барановича игуменъ Максакскаго монастыря Іеремія Ширковичъ, отъ гетмана Демьяна обозный Петръ Забѣла, есаулъ Матвѣй Гвинтовка, судья Иванъ Домонтовъ, сотниковъ 6 человѣкъ, 2 атамана, судья полковои, подниксокъ войсковой, рядовыхъ казаковъ 46 человѣкъ; представителями городовъ явились два войта, бурмистръ, поселянъ никого. Послы объявили наказъ отъ гетмана и всего войска: бить челомъ о подтвержденіи вольностей, данныхъ Богдану Хмельницкому: „Войско Запорожское частые расколы чинило оттого, что по смерти Богдана Хмельницкаго гетманы, для чести и заветностей, войску умаляли вольностей. Хотя по статьямъ Богдановымъ и дол-

жны быть воеводы въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ для обороны отъ неприятелей; однако они вмѣсто обороны пушную намъ пагубу нанесли; ратные люди въ нашихъ городахъ кражами частыми, пожарами, смертоубійствами и разными мучительствами людямъ докучали; сверхъ того, нашимъ правамъ и обычаямъ не навязали; когда кого-нибудь изъ нихъ на злому дѣлѣ поймаютъ и воеводамъ челобитную подадутъ объ управѣ, то воеводы дѣло протягивали. Нынѣшняя война ни отъ чего другого началась какъ отъ этого. Чтобъ изволилъ великій государь своихъ людей изъ нашихъ городовъ вывести, а въ казну оброкъ мы сами будемъ давать чрезъ своихъ людей, которыхъ войско выберетъ, и то не съ этого времени, а когда Украина оправится. Тѣ же воеводы, несмотря на постановленные статьи, въ казакія права и волюности вступались и казаковъ судили, чего никогда въ войскѣ Запорожскомъ не бывало. А когда войско Запорожское будетъ свои волюности имѣть, то никогда измѣны не будетъ. Въ немалой смутѣ гетманъ и все войско Запорожское пребываетъ отъ того, что ваше царское величество городъ царствующій Кіевъ королевскому величеству отдать изволили; а войско Запорожское за то только и войну съ Польшею начало, что Поляки церкви Божіи на костелы обращали, и теперь они на нынѣшнемъ сеймѣ постановили церкви православныя на костелы обращати; Святыя мощи въ Польшу розно развезть. Все духовенство и войско Запорожское просить и молить, смилуйся, великій государь нашъ, помазанникъ Божій, не подавай своей отчины во имя Латинское! Государь объявлялъ намъ лично, что онъ „вины ихъ велѣлъ имъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ; а если впрядь, забывъ страхъ Божій и великаго государя милость, стали-бъ къ какой измѣнѣ и къ суетнымъ и сороннымъ словамъ и писемъ приставать и вѣрять, и учинять какую шатость и междоусобіе, то великій государь больше терпѣть не будетъ; прося у Всемогущаго Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи и званія Святой и Живоотворящей Крестъ и во всѣхъ своихъ милосердыхъ къ нимъ дѣлахъ свидѣтельствовавшихъ Всемогущимъ Богомъ, станеть своею государскою особою въ подданство приводить и своевольныхъ унимать“.

А между тѣмъ въ Москву пришла вѣсть, что только старшина казацкая желаетъ вывода воеводъ московскихъ; въ томъ же январѣ прислалъ государю письменно извѣстный намъ протопопъ Нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ, о которомъ такъ дурно отзывался Многогрѣшный. Протопопъ знаеть, что на него донесли царю, обвинили въ дружбѣ и сообщничествѣ съ Меоодіемъ; и потому начинаеть письмо свое оправданіемъ: „Милости у васъ, великаго государя, не прошу, только свидѣтель мнѣ Богъ и вся Малая Россія, что отъ измѣны и невиннаго христіанскаго кровопролитія чиста моя душа предъ Богомъ и предъ вами, великимъ государемъ, и предъ всѣми людьми. Послеъ моихъ тру-

довъ я никакъ не хотѣлъ ѣхать изъ Москвы, зная неостоянство своей братіи, малороссійскихъ жителей; но ваше царское величество приказали мнѣ ѣхать въ Малую Россію съ милостію вашему государскою и грамотами къ архіепископу Лазарю Барановичу, гетману Демьяну Игнатовичу и полковнику Рословченку. Гетманъ Сѣверскій сначала принялъ меня любовно, а потомъ, по совѣту преосвященнаго Лазаря, возъярился, и съ 26 ноября до 10 января мучилъ меня за карауломъ, за порукою и за присягою, не отускалъ ни въ Москву, ни въ Кіевъ, ни въ Нѣжинъ, безпрестанно волоочилъ меня за собою. Стать я писать къ полковникамъ и городамъ, приводя ихъ подъ вашу высокодержавную руку, писалъ и къ воеводѣ Нѣжинскому Ив. Ив. Ржевскому, чтобы онъ о всякихъ вѣстяхъ писалъ къ вамъ, великому государю, и огписку свою прислалъ ко мнѣ; и съ тѣми проходцами, которыхъ я посылалъ въ Нѣжинъ, воевода прислалъ отписки къ вамъ, великому государю; но какъ только проходы пришли ко мнѣ изъ Нѣжина, гетманъ велѣлъ ихъ перехватать и въ тюрьму посадить, а меня изъ Березны до Сосницы переслать ночью за карауломъ, отписки всѣ мнѣ же велѣлъ читать, предъ собою подѣ смертною казнью, и пожегъ ихъ; еслибъ воевода Ржевскій хотя мало не на ихъ руку въ этихъ отпискахъ что написалъ, то гетманъ хотѣлъ меня тотчасъ разстрѣлять, и запретилъ мнѣ, подѣ смертною казнью, ни въ Москву, ни къ воеводамъ отнюдь не писать. Потомъ погасилъ меня съ собою въ Новгородѣ-Сѣверскій; туда съѣхался изъ полковъ старшина, и, по совѣту архіепископа Лазаря, учинился Демьянъ Игнатовичъ совершеннымъ гетманомъ надъ тремя полками, точъ-въ-точъ какъ покойникъ Сажко въ Козельцѣ; Нѣжинскимъ полковникомъ сдѣлалъ Филиппа Уманца Глуховскаго, а Остапа Золоторенка отставилъ за то, что онъ въ Нѣжинѣ вашему царскому величеству присягнулъ. Тамъ же въ Новгородѣ преосвященный архіепископъ приговорилъ гетману держать меня за карауломъ до тѣхъ поръ, пока возвратятся Забѣла съ товарищами изъ Москвы, и если ваше царское величество, по желанію архіепископа и гетмана, позволите своимъ ратнымъ людямъ изъ городовъ выйти, то оставите меня въ живыхъ, если же нѣтъ, — то меня либо смерти предать, либо Татарамъ отдать. Я сталъ со слезами просить архіепископа, чтобы не для меня, но для милости вашего царскаго величества пустилъ меня либо въ Москву, либо въ Нѣжинъ. Архіепископъ отвѣчалъ мнѣ: „Не сдѣлаю этого для земнаго царя, а только для Небеснаго; и еслибъ не мое заступленіе, давно бы тебя гетманъ смерти предать.“ А Василій Многогрѣшный говоритъ: „Братъ мой гетманъ, предъ тобою не виновать, архіепископъ велитъ держать тебя за крѣпкимъ карауломъ, сердясь, что ты желаети добра царскому величеству и что къ тебѣ милость государская есть.“ А Василій Многогрѣшный вѣреть тебѣ, великому государю, много разъ брата своего лаялъ,

что онъ гордится, людей дереть и тебѣ, великому государю, не хочеть истинно служить; и Гвинтовка добръ же. Самъ я слышалъ своими ушами какъ архіепископъ говорилъ: „Надобно намъ того, чтобы у насъ въ Малой Россіи и нога московская не была; великій государь не выведеть своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, то гетманъ хотя и самъ пропадетъ, а царство Московское погубить: какъ огонь — вещь подлежащую спалить и самъ погаснетъ.“ Воля ваша: если прикажете изъ Пѣжина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своихъ ратныхъ людей, то не думайте, чтобы было добро. Весь народъ кричитъ, плачетъ: какъ Израильтяне подь египетскою, такъ они подь казацкою работою жить не хотять; воздѣть руки, молятъ Бога, чтобы попржежнему подь вашею государскою державою и властію жить; говорятъ всѣ: за свѣтомъ, государемъ, живучи, въ десять лѣтъ того бы не выдали, что теперь въ одинъ годъ за казаками. Нынѣшній гетманъ безвѣрно побралъ на себя во всей Сѣверной странѣ дани великія медовыи, изъ виннаго котла у мужиковъ по рублю, а съ казака по полтинѣ, и съ священниковъ (чего и при польской власти не бывало) съ котла по полтинѣ; съ казаковъ и съ мужиковъ поровну, отъ сохи по двѣ гривны, съ мельницы — по пяти, по шести рублей бралъ, кромѣ того отъ колеса по червонному золотому; а на ярмаркахъ, чего никогда не бывало, съ Малороссіянь и Великороссіянь бралъ съ воза по 10 алтынъ и по двѣ гривны; если не вѣрите, велите допросить Путивельцевъ, Сѣвчанъ и Рылянь. Уже объ немъ не умолкають казаки и мужики, а какъ вооружаютъ на него, хочеть утекать въ Цесарскую Землю. Ей-ей-ей, государь, отъ его усть я слышалъ трижды на тайныхъ со мною разговорахъ; я его, гетмана, уговаривалъ и милостію вашею царскою обладеживалъ всячески: отнюдь не хочеть служить вашему царскому величеству, на васъ, помазанника Божія, и на царство ваше православное хулы возлагаетъ; стыдно и писать миѣ. Повѣрь, государь, священству моему; великій врагъ, а не доброхотъ вашему царскому пресвѣтлому величеству. Нынѣ разорвалъ на три доли: одинъ къ сему гетману, другіе къ Дорошенку, третій къ Суховію; отнюдь ничего добраго вѣтъ, для чего выводить изъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей; еще бы нынѣ промышлять, доколѣ посланцы у вашего царскаго величества на Москвѣ, послать бы ихъ изъ Сѣвска, будто въ Кіевъ на перемѣну, въ Глуховъ приказа три или четыре съ воеводою какимъ умнымъ; а тамъ сами князя Ромодановскаго просятъ въ Гадячъ; а если бы эти два города вашего царскаго величества ратные люди осѣли, то казакамъ бы ужъ печего дѣлать! а то ихъ горстка, а затѣвають нобылицу; будто они побѣду и одолѣніе одержали, такихъ статей домогаются, какихъ не бывало прежде, когда все войско было вмѣстѣ, не рознясь. Казаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованіе, мѣшане и вся чернь говорятъ вслухъ: если вы, великій государь, изво-

лите вывести своихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, то они селиться не хотять, хотять бѣжать врознь, — одни въ украинные города вашего царскаго величества, другіе за Днѣпръ — въ королевскіе города. А которые посланы къ вамъ отъ гетмана казаки, Забѣла съ товарищами, изволя, государь, ихъ задержатъ, и чрезъ нихъ посланцами договоръ чинить для того: если вы по желанію архіепископа и гетмана не сдѣлаете, то они тотчасъ къ Татарамъ, а Татары съ калгою до сихъ поръ стоять за Днѣпромъ. Забѣла и Гвинтовка со мною говорили, что они не желаютъ выхода государскихъ людей изъ городовъ: вели, государь, ихъ по одному, тайнымъ обычаемъ, допросить: какъ Бога боятся, шустъ такъ скажутъ; учинилось это не ихъ совѣтомъ, а только архіепископскимъ и гетманскимъ. Да и о томъ милости у васъ, великаго государя, прошу: пощади меня, убогаго богомолца, своего, не вели этого моего письма объявлять; какъ скоро доведуются, тотчасъ меня смерти предадутъ. А людей, государь, Бога ради, изъ малороссійскихъ городовъ не вели выводить; а лучше и прибавить.“

Встѣдъ за грамотою Симеона Адамовича, въ январѣ же мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Москву жидецъ Ушаковъ, посланный Шереметевымъ изъ Кіева къ Многогрѣшному и Барановичу. Ушаковъ рассказывалъ о своихъ разговорахъ съ ними: на приглашеніе Шереметева чинить промыселъ надъ городами, бывшими въ рукахъ у измѣнниковъ, — надъ Острогомъ, Козельцомъ, Варышполемъ и другими, гетманъ отвѣчалъ: „Иду отъ великаго государя посланныхъ своихъ и всякой государской милости; а какъ отъ великаго государя милость всякую увидать, то города эти, думаю, скоро подь его высокую руку поклонятся“. Барановичъ говорилъ: „Надобно великому государю надъ гетманомъ и надо всѣмъ войскомъ милость показать во всемъ вскорѣ и посланцовъ ихъ отпустить, не задержавъ; а если посланцы на Москвѣ замѣшкуются, то чтобы чего-нибудь дурнаго не сдѣлалось. Царское величество Кіевъ Польскому королю уступить ли или нѣтъ? Когда я съ Меовидомъ былъ на Москвѣ, въ то время договорныя статьи читали на весь міръ; въ статьяхъ постановлено, что Кіевъ отдать въ королевскую сторону; но когда мы были у великаго государя на отпуску и о Кіевѣ докладывали, то государь милость свою намъ сказалъ, что Кіева отнюдь не уступить. И если царское величество Кіевъ Полякамъ уступить, то и сей стороны Днѣпра малороссійскіе города подь его рукою въ твердости не будутъ никогда. Во всѣхъ малороссійскихъ городахъ духовный и мірской чинъ сильно этымъ оскорбляются, особенно въ кіевскихъ монастыряхъ архимандриты, игумены и старцы сѣтуютъ и болѣзнь имѣють великую о церквахъ Божіихъ, говорятъ: какъ скоро Кіевъ въ королевскую сторону будетъ уступленъ, тотчасъ Поляки церкви Божіи превратятъ въ костелы и учинятъ унию; да и то Полякамъ будетъ досадно, что Меовідъ въ Кіевѣ прежній польскій каменный костелъ разломалъ и

хотѣлъ Софійскій монастырь строить, но мопастырскому строенью и почину не учинилъ, а костель разломалъ; такъ Поляки за это тотчасъ Софійскій монастырь въ кляшторъ обратятъ. Царское величество надобно за Кіевъ стоять крѣпко, потому что Кіевъ благочестію корень, а гдѣ корень, тутъ и отрасли“. Многогрѣшный толковалъ о своихъ ближайшихъ дѣлахъ: „Слышалъ я, что Дорошенко къ великому государю присылаетъ, будто подъ его высокою рукою хотеть быть, и тому вѣрить нечего: эти присылки чинить онъ дестью, хочется ему на обѣихъ сторонахъ быть гетманомъ одному. А я по присягѣ своей царскому величеству служить радъ до скончанія живота; если же Дорошенка принять, то меня тотчасъ убьютъ, а въ дѣлахъ великаго государя проку никакого не будетъ“. — Ушаковъ рассказывалъ и о Кіевѣ: въ Кіевѣ во всѣхъ монастыряхъ и въ городѣ митрополита Іосифа Тукальскаго любятъ и хотятъ, чтобы онъ на митрополіи Кіевской былъ попрежнему. Да архимандритъ Печерскій очень оскорбляется, что службы его и радѣнія къ великому государю было много, государевымъ ратнымъ людямъ деньгами и хлѣбомъ помогать, противъ измѣнниковъ всѣми монастырскими людьми стоялъ, а за это государевой милости до сихъ поръ не получилъ, только было прислано спросить его о здоровьи; также и другихъ монастырей пугуны, которые ратнымъ людямъ хлѣбомъ помогали, оскорбляются.

24 января государь велѣлъ боярину Богдану Матв. Хитрово поговорить съ малороссійскими посланцами, Забѣлоу и Гвинтовкою. Хитрово объявилъ имъ, что всѣ дѣла должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляются бояринъ князь Григ. Григ. Ромодановскій, стольникъ Артемонъ Матвѣевъ и дякъ Богдановъ. Хитрово объявилъ также, что государь велѣлъ отпустить малороссійскихъ плѣнниковъ 101 человекъ, и спрашивалъ, гдѣ пристойнѣе быть радѣ. Посланцы отвѣчали, что вдругъ сказать не могутъ, подумаютъ; лучше быть радѣ около Десны, но черневой радѣ не быть, быть только полковникамъ и старшинѣ, потому что мѣста разоренныя: какъ съѣдутся многіе люди, то и лошадей накормить будетъ нечѣмъ. Сего боку казаки выбрали совершеннымъ гетманомъ Многогрѣшнаго: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать ему булаву и знамя.

На другой день, 25-го, посланцы были на казенномъ дворѣ у думнаго дворянина Ларіона Лопухина и думнаго дьяка Деметрія Ванмакова. Имъ объявлено, что государь отпустилъ 161 плѣнника, отпустить и всѣхъ, если они дадутъ имъ росписъ. „Дадимъ росписъ на радѣ“, отвѣчали посланцы. „Дайте письменныя улики на епископа Меодія и Нѣжинскаго протопопа“, сказалъ Лопухинъ. „Улики съ нами не прислали“, отвѣчали посланцы, „дадимъ ихъ на радѣ; но мы подлинно знаемъ, что вся дума у епископа Брюховецкаго была съ епископомъ да съ Нѣжинскимъ и Романовскимъ протопопомъ“. „Кто говорилъ вамъ смѣтныя рѣчи, что

листовъ вашихъ царскому величеству не доносятъ и на кого въ томъ нарекали?“ — спрашивалъ Лопухинъ. „Говорилъ намъ про то Брюховецкій“, отвѣчали послы; „сказывали ему посланцы его, пріѣхавшіе изъ Москвы, бунчужный Поповичъ и арматный писарь Микфоръ, будто листовъ нашихъ царскому величеству не доноситъ бояринъ Ординъ-Шапокинъ и говоритъ, что Малая Россія царскому величеству не надобна“. — Можно вамъ и самимъ разумѣть“, сказалъ Лопухинъ. „что все это дѣло небыточное, Иванка Брюховецкій нарочно говорилъ на смуту“.

Посланцы настаивали, чтобы радѣ быть въ Батуринѣ, но государь рѣшилъ быть ей въ Глуховѣ — для ближайшаго привоза изъ городовъ людскихъ запасовъ и конскихъ кормовъ, и рѣшилъ, чтобы рада была черневая.

Перваго марта пріѣхалъ Ромодановскій съ товарищами въ Глуховъ, третьяго — пріѣхалъ Лазарь Барановичъ, и въ тотъ же день бояринъ созвалъ раду у себя на дворѣ; народу не было много, потому что изъ казаковъ и мѣщанъ были только выборные люди. Ромодановскій объявилъ, что царское величество указать имъ, по ихъ правамъ и вольностямъ, выбрать гетмана, кого они излюбятъ; всѣ отвѣчали, что избираютъ Демьяна Игнатовича. Наступило дѣло потрудитѣ; начали читать статью, что въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ хлѣбомъ воеводамъ и ратнымъ людямъ. Поднялся шумъ: „Мы били челомъ, чтобы воеводамъ не быть на этой сторонѣ!“ — Такъ, вы били объѣздомъ челомъ“, отвѣчалъ Ромодановскій, „но великій государь велѣлъ быть воеводамъ для крѣпкаго утвержденія и обороны тебѣ, гетману, и всѣмъ Малороссіанамъ, для проѣзду до Кіева и къ тебѣ, чтобы сухимъ и воднымъ путемъ всякимъ проѣзжимъ людямъ и хлѣбнымъ отпускамъ путь былъ чистъ, а не для того, чтобы воеводамъ и ратнымъ людямъ, живя въ городахъ, дѣлать налоги; ты, гетманъ, видишь самъ, что малороссійскихъ городовъ жители шатки, всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ вѣрятъ и на всякія прелести сдаются. Петрушка Дорошенко, который называется гетманомъ той стороны, поддается султану Турскому и, присылая на эту сторону казаковъ, воровски здѣшнихъ жителей прельщаетъ; многіе изъ нихъ и теперь еще держатъ его сторону. Переяславль, Нѣжинъ и другіе города разорены, жители ихъ разбрелись, все пусто; и если въ нихъ царскихъ ратныхъ людей не будетъ, то возвращающимъ жителямъ безъ обороны нельзя будетъ строить своихъ домовъ и жить, да и Дорошенко тотчасъ же займетъ эти города своими людьми, дороги до Кіева займетъ и учинитъ васъ въ подданствѣ у Турка вмѣстѣ съ собою“. — „Не поставь себѣ въ досаду“, сказалъ Демьянъ, „что мы эту статью оспорили; вели читать другія статьи, а объ этой мы подумаемъ“. Начались толки о Кіевѣ, просьбы, чтобы не отдавать его Яхалю. „Вѣдомо вамъ самимъ“, говорилъ Ромодановскій, „что той стороны Дѣбира казаки и всякіе жители отъ цар-

скаго величества отлучились и Польскому королю поддались сами, своею охотою прежде Андрусовскихъ договоровъ, а не царское величество ихъ отдалъ, по тому ихъ отлученію и въ Андрусовѣ договорѣ учиненъ“. — „Намъ вѣдомо подлинно“, отвѣчалъ гетманъ, „что тамошніе казаки поддались Польскому королю сами, отъ царскаго величества отдачи имъ не бывало и если положено будетъ на съѣздахъ съ польскими комиссарами, что Кіевъ отдать—въ томъ воля великаго государя, только бы Поляки благочестивой вѣры не гнали, а царскому величеству можно митрополию и въ Переяславль сдѣлать“. — „Итъ“, возразилъ Лазарь Барановичъ, „митрополию надобно сдѣлать въ Черниговѣ. Черниговъ старше Переяславля и княженіе древнее“.

На другой день пришли къ боярину обозный Петръ Забѣла, войсковые есаулы, полковники и, отъ имени гетмана, начали говорить, чтобъ воеводамъ не быть въ ихъ городахъ, и подали письменное челобитіе по статьямъ: жаловались, что царскіе воеводы, наѣзжая на города, завѣдывали войсковою арматою; просили, чтобы реестровыхъ казаковъ было 30,000; просили на пять лѣтъ льготы отъ податей, а если недостатень денегъ на жалованье реестровому войску, то чтобы платила казна царская; чтобы гетману жить въ Ватуринѣ, и когда Переяславль окончательно подчинится государю, то въ Переяславль; чтобы воеводъ вывести хотя черезъ полгода или черезъ годъ, когда все успокоится.

5-го марта былъ новый съѣздъ. Ромодановскій началъ тѣмъ, что выводъ воеводъ—дѣло несхожее. „Но воеводы“, отвѣчалъ гетманъ, „казакамъ и жидцкимъ людямъ обиды многія нестерпимыя чинили, въ дѣла вступались, насъ убивали; служилые люди казаковъ безчестили, лаяли, мужиками называли, воровства отъ нихъ частыя и поджоги; а въ томъ бы великій государь былъ на насъ надеженъ, станемъ служить вѣрно, безо всякой шатости, измѣнять никогда не будемъ“. — „До сихъ поръ“, говорилъ Ромодановскій, „отъ казаковъ и мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей челобитья не было, а впередъ въ права ваши и суды, казакскіе и мѣщанскіе, восводамъ вступаться государь не указалъ; судитесь вамъ между собою самими. До сихъ поръ никакихъ жалобъ не было; еслибъ были жалобы, то былъ бы сыскъ и по сыску наказанье; явно, что дѣло затянуто теперь, и вы о выводѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте; какую вы дадите поруку, что впередъ измѣны никакой не будетъ?“ Гетманъ и старшина молчали.

Бояринъ продолжалъ: „И прежде были договоры, передъ Святѣмъ Евангеліемъ душами своими ихъ крѣпили, и что-жь?—соблюли ихъ Иванка Выговскій, Юраска Хмельницкій, Иванка Брюховецкій? Видя съ вашей стороны такія измѣны, чему вѣрять? Вы беретесь всѣ города оборонять своими людьми; но это дѣло несбыточное! Сперва отберите отъ Дорошенки Полтаву, Миргородъ и другіе; и если бы

въ остальныхъ городахъ царскихъ людей не было, то и они были бы за Дорошенкомъ. Чтoby больше объ томъ дѣлѣ и помину не было!“

Заговорилъ архіепископъ: „Отчего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперь ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о выводѣ ратныхъ людей; такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впередъ было вольно бить челомъ государю объ этомъ“.

— „Не только что объ этомъ въ статьяхъ писать, и говорить съ вами не хотимъ“, отвѣчалъ бояринъ. „Вечеромъ мы еще подумаемъ“, сказалъ гетманъ; „а изъ нынѣшнихъ разговоровъ я и самъ узналъ, что въ тѣхъ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей бить невозможно“.

6-го марта, рано утромъ, съѣхались всѣ и подписали статьи, согласно волѣ великаго государя. Въ статьяхъ говорилось: Быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ городахъ Кіевѣ, Переяславлѣ, Пѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ; жителей воеводамъ не вѣдать, имѣть начальство только надъ своими ратными людьми. Если получитса жалоба на обиду отъ ратныхъ людей, то воеводы судятъ ратныхъ людей, но вмѣстѣ съ воеводами быть при этихъ судахъ изъ малороссійскихъ жителей знатнымъ, добрымъ и разумнымъ людемъ. Побои собирать, какъ написано въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Реестровымъ казакамъ быть въ 30,000, и давать человѣку по 30 золотыхъ польскихъ; гетману 1,000 золотыхъ червонныхъ на годъ; обозному и писарю по 1,000 золотыхъ польскихъ, на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, на писаря судейскаго 100, на бунчужнаго 100; на полковниковъ 100 ефимковъ, на есауловъ по 200, на сотниковъ по 100. Въ реестръ писать старыхъ казаковъ, которые много служили; а если такихъ недостатень, то принимать мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Пожалованные дворянствомъ сохраняютъ его; и впредь государь жалуетъ этою честию за заслуги по челобитью гетмана и старшины; жалуетъ также грамоты на мельницы и деревни, данныя гетманомъ и старшиною за войсковыя заслуги. Великій государь указалъ быть выборному, кого гетманъ, старшина и все войско выберутъ; жить ему въ Москвѣ погодно, чтобъ гетману обо всѣхъ дѣлахъ писать къ нему, а онъ будетъ приносить письма къ приказнымъ людямъ, которые будутъ доносить ихъ до великаго государя, чтобъ изъ Москвы къ гетманамъ частымъ посланцамъ не быть; также и гетману посылать къ великому государю не часто, только для самыхъ нужныхъ дѣлъ, по три или по четыре раза въ годъ. Посланному для такихъ важныхъ дѣлъ давать по 20 подюдовъ, а гоцамъ по 3, потому что подюды теряются, отчего казакамъ и мѣщанамъ много убытковъ. Ратнымъ людямъ на казакскихъ дворахъ не ставиться, ставиться у мѣщанъ и мужиковъ; казаковъ мѣщаниками и мужиками не называть; бѣглецовъ выдавать. Какъ будетъ съѣздъ съ польскими комиссарами, то будутъ на него приглашены и малор-

россійскіе выборные, только эти посланцы съ по-слами и комиссарами сдѣть не будутъ, для избѣ-жанія ссоры; а когда начнутся разговоры о дѣлахъ малороссійскихъ, то бояре призовутъ посланцовъ и обявятъ имъ, о чемъ идетъ дѣло. Если же при-зовутъ ихъ царскіе послы и польскіе комиссары въ засѣданіе, то имъ говорить о благочестивой вѣрѣ и о другихъ своихъ дѣлахъ, только безъ всякихъ ссоръ, тихими и приличными разговорами. (Кзаки никакъ не согласились на то, чтобъ посланцамъ ихъ не сдѣть съ послами и комиссарами.) Если гетманъ въ чемъ провинится, кромѣ измѣны, то его не перемѣнять безъ указа великаго государя. Учи-нить полковника изъ малороссійскихъ городовъ и при немъ быть 1,000 казаковъ реестровыхъ: гдѣ начнутся шатости и измѣны, то этому полковнику своевольныхъ унимать по своимъ правамъ. Гетманъ будетъ жить въ Ватуринѣ

Подписавши статьи, отправились на площадь предъ соборною церковію; здѣсь опять бояринъ спро-силъ, кого хотѣть въ гетманы. Раздался крикъ: „Демьяна Игнатова!“ Обозный и полковники под-несли Демьяну булаву. „Хотя я и не желаю быть гетманомъ“, сказалъ Демьянъ, „однако противиться не могу, и буду служить великому государю вѣрно“. — „И мы хотимъ служить вѣрно!“ заво-пили всѣ. Бояринъ вручилъ новому гетману под-твердительныя царскія грамоты, послѣ чего всѣ пошли въ церковь и принесли присягу.

8-го марта раздавалось государево жалованье: гетманъ получилъ два сорока соболей, по 100 рублей сорокъ; старшины получили по двѣ пары; лучшіе люди въ полкахъ по три, а другіе по соболю; Ла-зарю Барановичу прислано два сорока: одинъ въ 100, другой въ 50 рублей.

Раздвоеніе между казаками и остальнымъ на-родонаселеніемъ малороссійскимъ, раздвоеніе, давнее возможности Московскому правительству не согла-ситься на требованія Многогрѣшнаго и Барано-вича, — это раздвоеніе ясно высказалось въ мѣщан-скихъ челобитныхъ, поданныхъ царю: „Чтобъ отъ казаковъ великихъ насильствъ и налоговъ хри-стіанамъ въ малороссійскихъ городахъ, пригоро-дахъ и деревняхъ не было; жители принимаютъ къ себѣ переселенцевъ съ той стороны Днѣпра на хлѣбъ и соль мірскую, отчего бѣднымъ мірянамъ великое разоренье и даже кровопролитіе въ до-махъ дѣлается, междоусобная брань, бунты начи-наются, потому что голяки не хотѣть быть сыты тѣмъ, что имъ даютъ, а берутъ насильно съ мѣ-щанъ и крестьянъ. — Дѣла градскія бѣдныхъ кре-стьянъ, чтобъ въ казакскую державу и власть не были отданы; чтобъ казаки на своихъ вольностяхъ жили, а до крестьянъ ихъ въ чемъ бы не касалось, въ управленіи и въ судѣ градскіе не вступались. — Доходы всякіе въ казну великаго государя каза-камъ не собирать: собирать ихъ мѣщанамъ и кре-стьянамъ, и отдавать, кому царское величество изво-литъ, чтобъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ отъ казаковъ вкопечъ не разориться“

Послѣ рады, въ апрѣлѣ, пріѣхалъ въ Москву посланный отъ новаго гетмана и всего войска, судья енаральный войсковою Иванъ Самойловъ съ чело-битиемъ: чтобъ князь Родомановскій своимъ вой-скомъ всегда готовъ былъ на защиту Украйны по первому требованію, не отговариваясь неизмѣннѣмъ царскаго указа; чтобъ возвращены были въ оте-чество Малороссійяне, сосланные по нахѣтамъ Брю-ховедкаго и взятые въ плѣнъ въ послѣднюю вой-ну. Но важнѣе была другая статья: „Если поборо-въ съ малороссійскихъ городовъ не станеть, до-плачивать жалованье войску Запорожекому изъ казны государевой; нынѣ вся Украйна пуста и не скоро оправается, всѣмъ городамъ, по указу госу-дареву, дана льгота на пять лѣтъ, и потому не съ кого поборовъ брать, мельницы всѣ разорены“. На всѣ пункты послѣдовало согласіе, кромѣ пункта о доплачиваніи жалованья казакамъ изъ казны цар-ской. Іосифъ Тукальскій прислалъ грамоту, про-силъ, чтобъ государь позволилъ ему быть митро-политомъ въ Кіевѣ; о томъ же просилъ и архи-мандритъ Гизель; имъ отвѣчали, что за нѣкото-рыми мѣрами Іосифу быть на митрополіи невоз-можно, потому что дѣло о Кіевѣ между Россією и Польшею еще не рѣшено, а какое рѣшеніе на общемъ съѣздѣ послѣдуетъ, въ то время митропо-литу царскій указъ будетъ.

И третья смута малороссійская, и третья измѣна гетманская не отняла восточной Малороссіи у Москвы. Турки и Татары не поддержали возста-нѣя Варабашей (какъ называли тогда казаковъ восточнаго берега въ Крыму); Поляки, если бы и хотѣли, не могли дѣйствовать противъ Москвы; если бы и хотѣли, не могли помочь ей въ борьбѣ съ каза-ками. Еще весною 1668 года посланникъ царскій Акинѣевъ изъ Варшавы и воевода Смоленскій да-вали знать въ Москву, что въ Польшѣ и Литвѣ большая рознь и нестроеніе; что король королев-ство покинетъ и пойдетъ во Французскую Землю. Акинѣевъ обратился къ извѣстному Литовскому референдарю Вростовскому съ вопросомъ: кто изъ коронныхъ и литовскихъ сенаторовъ сильны, и отъ кого въ дѣлахъ великаго государя службы и радѣнья чають! — „Царскому величеству“, отвѣчалъ Вростовскій, „радѣтеленъ Литовскій канцлеръ Хри-стиофъ Пацъ, а изъ коронныхъ — Андрей Ольшев-скій, бискупъ Хелмскій, подканцлеръ, да Янъ Рей, воевода Любельскій. Надобно тебѣ съ ними видѣть-ся и царскою милостію ихъ обнадѣжить; а кан-цлеръ коронный хотя и не очень радѣтеленъ, однако тѣмъ людямъ не поперечить; такъ надобно и его почтить и видѣться съ нимъ“. Акинѣевъ въ тотъ же день поѣхалъ къ Ольшевскому и подарилъ ему сорокъ соболей; былъ у канцлера короннаго и у воеводы Любельскаго, государевую милостію обнадѣживалъ, но дачи никакой не чинилъ; къ Пацу отвезъ соболей и грамоту Ордина-Нащокина. Пацъ объявилъ свою службу, какъ онъ, пріѣхав-ши изъ Москвы, расхваливалъ всѣмъ царевича Алексѣя Алексѣевича, образъ котораго показы-

васть мудрость, тихость и милосердіе; какъ уговаривалъ не искать другого государя, кромѣ царевича; Литовскіе на эту мысль всё склонились, склоняются и коронные, только не всѣ: которыхъ Французъ задарилъ большими подарками, тѣ для короля молчать и поманиваютъ на Француза. На будущій сеймъ надобно государю царю прислать пословъ своихъ съ полною мочью; король на этомъ сеймѣ непременно отъ короны откажется, и въ то время стануть ея домогаться многіе, а цуще всѣхъ Французъ. Пацъ впервые указалъ Русскому правительству могущественное средство рѣшить выборы Польскихъ королей: „Царское величество послалъ теперь войска на казаковъ; такъ пусть эти войска далеко отъ границы не отходятъ; тогда Турокъ и Французъ и другіе замѣривалы щики станутъ опасаться, думать, — какъ Москва съ казаками управится, то и Польшу станеть оборонять; также и во время избирательнаго сейма люди радѣтельные царскому величеству будутъ надежны и смѣлые, зная, что государевы войска на границѣ“.

Между тѣмъ, надобно было выполнить условіе, по которому уполномоченные обѣихъ державъ должны были съѣзжаться въ Курляндію; положено было пригласить туда же и шведскихъ уполномоченныхъ. Со стороны Швеціи, послѣ Кардискаго мира, слышались постоянныя жалобы на то, что не всѣ плѣнные отпущены изъ Россіи, и что шведскіе купцы терпятъ притѣсненія въ ея областяхъ. Новый договоръ, заключенный околичнымъ Волынскимъ съ шведскими уполномоченными на рѣкѣ Плюсѣ, въ 1666 году, не положилъ конца жалобамъ. Русское правительство въ свою очередь жаловалось на притѣсненія своихъ купцовъ въ шведскихъ владѣніяхъ, жаловалось на дурное поведеніе въ Москвѣ шведскихъ резидентовъ. „Не годится имъ быть на Москвѣ для того, что въ торговляхъ своихъ живучи користуются, а государственныхъ дѣлъ не помнятъ“, писалъ царь королю. Въ апрѣлѣ 1668 года пошла царская грамота въ Стокгольмъ съ приглашеніемъ королевскихъ уполномоченныхъ въ Курляндію, для порѣшенія всѣхъ торговыхъ затрудненій. Съ русской стороны отпразднана на съѣздѣ самъ начальникъ Посольскаго Приказа, бояринъ Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Напокинъ, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. 26 мая выѣхалъ онъ изъ Москвы съ большимъ торжествомъ: благодетельный государь, во исполненіе евангельскаго гласа, „яко безъ Мене не можете творити ничесоже“, воздвигнулъ изъ своихъ хорошихъ образъ Вседержителя, и провозгласилъ его отъ Успенскаго собора за Тверскія ворота до церкви Благовѣщенія. Здѣсь, по совершеніи молебствія, государь обратился къ патріархамъ, просилъ ихъ молиться, чтобы дѣло совершилось на славу Св. Троицы, на радость православнымъ христіанамъ, на пославленіе племенамъ варварскимъ, и при этомъ государь объявилъ патріархамъ, что такого великаго дѣла издавна въ Россіи не бывало. Но Ординъ-

Напокинъ понапрасно прожилъ лѣто въ Курляндіи: ни шведскіе, ни польскіе уполномоченные не пріѣзжали. Королева Гедвига-Элеонора, отъ имени малолѣтняго сына своего Карла XI, отвѣчала царю: „Ваше величество уговорились о съѣздѣ съ Польскимъ королемъ, не объявивши намъ, не оказавши намъ этой чести. Нашему королевскому величеству этотъ съѣздъ не надобенъ, потому что съ вашимъ царскимъ величествомъ о вольной торговлѣ мы условились въ Кардискомъ и потомъ въ Плюскомъ договорѣ, а съ королемъ Польскимъ — въ Оливскомъ. Что въ этихъ договорахъ постановлено, то все будемъ содержать крѣпко безо всякаго уменьшенія, и потому пословъ нашихъ на тотъ съѣздъ отпирать мы не соглашались. Если же вашему царскому величеству угодно будетъ пригласить насъ въ посредники при заключеніи вѣчнаго мира съ Польшою, то мы ради будемъ всякимъ пріятельствомъ и дружбою оказываться“. Въ августѣ король Янъ-Казиміръ отрекся отъ престола, и начались выборы. Архіепископъ-примасъ, гетманъ Пацъ и референдаръ Вростовскій присылали къ Напокину съ объявленіемъ, что царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ назначенъ кандидатомъ, и что успѣхъ дѣла несомнѣненъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ хотѣлось вывѣдать у Напокина, согласится ли царь послать къ нимъ сына на ихъ условіяхъ. — „Прежде всего“, отвѣчалъ Напокинъ, „надобно исполнить то, что договорено, съѣзжаться въ Курляндію, и, дастъ Богъ, при этомъ съѣздѣ, всѣ тайныя дѣла къ вѣчному миру совершены будутъ. Шведы въ съѣздѣ отказали: ясно, что не рады они видѣть союзъ Москвы съ Польшою. О государѣ же царевичѣ — быть ли ему королемъ Польскимъ — воля праведной Божіей кто противится? — какъ восхотеть, такъ по прошенью вѣрныхъ своихъ и сотворить; а прежде всего между обоими многочисленными народами надобно вѣчно утверженіе учинить, и тогда, будутъ ли государи родные или чужіе, во всякомъ случаѣ будутъ жить въ единствѣ богоугоднымъ совѣтомъ“. Причиной, заставившей его отклонять предложенія объ избраніи царевича, Напокинъ высказалъ государю такимъ образомъ: „Нѣтъ никакой нужды ѣхать на сеймъ; вѣчнаго мира тамъ не заключить, царевича въ король не выберутъ, а только прежнему договору порука будетъ. Вдаваться въ избраніе страшно и мыслить: сколько изъ Великой Россіи королевству Польскому надобно будетъ дать? Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утверженіе, а на разрушеніе мира. Корону Польскую перекупить, какъ товаръ, другіе“.

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву гонецъ Янъ Гойшевскій, привезъ грамоту отъ „рады духовныхъ и мірскихъ обою народа; съ извѣстіемъ объ отреченіи Яна-Казиміра“, также подлинную грамоту Шведскаго короля, въ которой тотъ объявлялъ, что не считаетъ нужнымъ съѣздъ уполномоченныхъ трехъ державъ въ Курляндію, ибо „въ договорахъ, какъ Оливскомъ, такъ и Кардискомъ достаточно постановлено о торговлѣ“. Такимъ образомъ, пи-

сади паны радные, съѣздъ не состоялся не по нашей винѣ, а мы готовы выслать своихъ комиссаровъ“. Согласились, что съѣзду русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ опять быть въ Андрусовѣ, и съ русской стороны назначенъ былъ тотъ же Ординъ-Нащокинъ, съ польской—Ливъ Гинискій, воевода Хелминскій. Нащокинъ выговаривалъ комиссарамъ, что мирное постановление не сдержано со стороны Поляковъ, которые не дали условленной помощи въ войнѣ противъ хана и Дорошенка, и послѣдній овладѣть царскими городами. „Видя такое замѣнательство въ Украйнахъ“, говорилъ бояринъ, „надобно, для устраненія бусурманъ, заключить союзъ вѣчный и крѣпкій“. — „Нельзя“, отвѣчалъ воевода Хелминскій, „заключать намъ теперь, въ перемирныхъ годахъ, вѣчнаго союза, потому что завоспанные города остались бы тогда вѣчно въ сторонѣ царскаго величества; надобно непременно назначать срокъ отдачи Кіева“. — „Если назначить срокъ отдачи Кіева“, говорилъ Нащокинъ, „то надобно назначить срокъ отдачи тѣхъ городовъ украинскихъ, которыми владѣтъ теперь Дорошенко. Лучше положить все это на волю Божію; послѣ великіе государи, по обыскаемъ, общими совѣтомъ постановить о Кіевѣ и объ украинскихъ городахъ“. Комиссары настаивали на срокъ. — „Прежде всего“, повторялъ Нащокинъ, „надобно подтвердить о соединеніи силъ противъ бусурманъ: а если вы этого не сдѣлаете, то царство Московское, по нуждѣ, будетъ искать дружбы у тѣхъ сосѣдей, противъ которыхъ теперь требуетъ у васъ союза“. Наконецъ, по многими разговорами, комиссары съ великою нуждою отложили упорныя свои рѣчи и подались учинить крѣпость о соединеніи силъ противъ бусурманъ. Это было уже въ концѣ декабря. Нащокинъ возвратился въ Москву.

Но весной 1669 года онъ уже опять ѣхалъ на съѣздъ, ѣхалъ на послѣднюю службу. Мы имѣли много случаевъ изучить характеръ знаменитаго оберегателя посольскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что это былъ одинъ изъ предтечъ Петра Великаго, человекъ, который убѣдился въ превосходствѣ Запада и началъ громко говорить объ этомъ превосходствѣ, требовать преобразованій по западному образцу. Онъ дорого поплатился за это, когда хваленый Западъ отнялъ у него сына. Но несприятности этимъ не могли ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокинъ сталъ порицать свое, худшее; но, порицая дѣла, онъ непременно долженъ былъ порицать лица, принятыя на себя роль учителя, выставяя свое превосходство, тогда какъ было много людей сильныхъ, которые не хотѣли признавать этого превосходства, не хотѣли быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокинъ поступалъ при этомъ не очень мягко, слишкомъ давалъ чувствовать свое превосходство, свои учительскія права. Сдѣлаютъ что-нибудь въ Москвѣ безъ совѣта съ Аонасіемъ Лаврентьевичемъ или вопреки его совѣту, — Аонасій Лаврентьевичъ никогда этого не забудетъ: постоянно онъ будетъ по-

вторять, что вся бѣда произошла оттого, что его мнѣнія не приняли, а не приняли не почему другому, какъ только изъ ненависти къ нему. И какъ онъ пользовался этою ненавистію, какъ употреблять во зло свои отношенія къ царю! Выведенный въ люди царемъ и поддерживаемый имъ, онъ постоянно возбуждаетъ самолюбіе Алексѣя Михайловича: „Ты меня вывелъ, такъ стыдно тебѣ меня не поддерживать, дѣлать не по-моему, давать радость врагамъ моимъ, которые, дѣйствуя противъ меня, дѣйствуютъ противъ тебя“. Такимъ образомъ, проповѣдуя самодержавіе, Нащокинъ прямо стремился овладѣть волею самодержца. Не могъ не чувствовать этого царь Алексѣй Михайловичъ, не могъ не скучать постоянными однообразными жалобами Нащокина. Андрусовское перемиріе, столько желанное для всѣхъ, чрезвычайно подняло Нащокина: его сдѣлали бояриномъ, подарили богатую Норвѣдскую волость, сдѣлали начальникомъ Посольскаго Приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ. Легко понять, что Аонасій Лаврентьевичъ не считалъ за нужное при этомъ перемиріи своего образа дѣйствій и тона своихъ рѣчей; легко понять, какъ доставалось отъ него дьякамъ Посольскаго Приказа—Дохтурову, Голосову и Юрлеву, которые вели дѣло по старинѣ, а Нащокинъ хотѣлъ вести его по новому. Какъ смотрѣлъ онъ на Посольскій Приказъ, видно изъ слѣдующаго представленія его царю: „На Москвѣ, государь, ей, слабо и въ государственныхъ дѣлахъ нерадѣтельно поступаютъ. Посольскій Приказъ есть око всей Великой Россіи, какъ для государственной преемственной чести, вкупѣ и здоровья, такъ промыслить имъ со всѣхъ сторонъ и неотступное съ божию Божію попеченіе, разсуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народѣхъ, въ крѣпости содержать нечестно, а не выходя только прибилей себѣ. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дѣла устремляти безпорочными, и избранными людямъ къ расширенію государства отъ всѣхъ краевъ, и то, государь, дѣло одного Посольскаго Приказа. Тѣмъ и честь, и низость во всѣхъ земляхъ. И нынѣшніе Приказовъ къ Посольскому не примѣняютъ, и душные дьяки великихъ государственныхъ дѣлъ съ кружечными дѣлами не мѣшали бы и непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы“.

Дьяки, которымъ тяжело приходилось отъ всыскательнаго нововводителя, естественно не могли отзывать о немъ хорошо, желали отъ него избавиться и были готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Нащокина, особенно въ его отсутствіе. Въ числѣ враговъ Нащокина указываютъ на одного изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, Богдана Матвѣевича Хитрово; указываютъ и на причину вражды: Нащокинъ покровительствовалъ Англичанамъ, Хитрово—Голландцамъ. Уже съ дороги Нащокинъ началъ посылать жалобныя письма государю: „Товариши мнѣ на съѣздѣ назначены прежніе и для своихъ нужныхъ дѣлъ остались они

на Москвѣ. Пышѣ я свободенъ отъ постороннихъ печалей, только бы товарищи мои насильно изъ Москвы высланы не были и печалей бы ихъ я не выдалъ. Посольское дѣло основаніемъ своимъ имѣетъ совѣтъ Божій и прежде всего миръ между своими, тогда и противные въ миръ придуть; а тебѣ, великому государю, сиротство мое, какъ ненавидимъ отъ стороны, извѣстно: такъ, по крайней мѣрѣ, не видать бы мнѣ отъ товарищей своихъ воздыханія и печалей, и свободною мыслию, безъ переговоровъ многихъ, служить. Умилосердился, великій государь, не изволь съ оскорбленіемъ, не по хотѣ изъ Москвы товарищей ко мнѣ высылать, чтобъ холопъ твой отъ чужихъ печалей не отбылъ твоего дѣла, которое всему свѣту годно. И не на урочное время и не изъ корысти тебѣ, великому государю, службу, при Северджигелевѣ чудотворномъ образѣ ваше государское пресвѣтлое лицо мысленно на всякъ часть во убогой душѣ моей и непремѣнно имѣю: такъ бы скончаты ваше, великаго государя, дѣло неотложно. Какъ въ докладахъ, такъ и въ челобити моимъ обиды своей въ корыстяхъ никогда на товарищей своихъ не извѣщаль. Великій государственный дѣла оберегать — эта должность въ Божьей и въ вашей государской волѣ: за мое недостойнство отнустить и того на мнѣ не спрашивать. А если за злыми чужими правами не буду имѣть свободной службы, товарищи мои отъ страха желанія своего въ совѣтъ не приложатъ, въ такомъ несогласіи не было бы всему государству урона⁴. Польскіе комиссары замѣшались за королевскими выборами, и царь, въ началѣ мая, прислалъ Нащокину указъ — ѣхать въ Москву. „Мнѣ велѣно оберегать государственный дѣла“, отвѣчалъ Нащокинъ, „такъ послѣ этого на мнѣ не спросили бы? Не знаю, зачѣмъ я изъ посольскаго стана къ Москвѣ поволокусь? Въ твоей государевой грамотѣ ничего не написано. Пойду я за Спасовымъ образомъ въ Смоленскъ — стануть говорить, что посольство оставлено, а на посольскомъ станѣ въ Мигновичахъ оставилъ чудотворный образъ безъ твоего указа я не смѣю. Пословъ ли мнѣ дожидаться, или на время въ Москву ѣхать, или впрямъ быть отставлену отъ посольскихъ дѣлъ? Надобно, чтобъ все людскіе переговоры и разности въ твоихъ дѣлахъ исчезли⁴. Нащокинъ подозрѣвалъ, что тутъ все дѣйствуютъ козни враговъ его, и знатныхъ вельможъ, и товарищей по Приказу Посольскому; видѣлъ, что ему не присылаютъ изъ Приказа нужныхъ бумагъ, шипутъ, чтобъ ѣхалъ въ Москву, а зачѣмъ, — не объявляютъ. Всплакался, по своему обычаю, Аванасій Лаврентьевичъ: „Отвель бы ты меня, холопа твоего, отъ посольства, такъ чтобъ уже во-вѣки не былъ. Вотъ и прошло зимою обругали меня и за что во весь свѣтъ! Воззри, великій государь, для своего здоровья и для всенародныхъ несчастныхъ слезъ и оскорбленія всякаго въ нестроении приказномъ, омерзѣлаго меня, холопа твоего, веди отъ дѣла откинуть, если я тебя про-

гиваль и недостойнъ въ оборонѣ быть. Думнымъ людямъ никому ненадобенъ я, ненадобны такіе великіе государственный дѣла! Откинуть меня, чтобъ не разорилось мною государственное дѣло! Какъ въ Московскомъ царствѣ искони, такъ и во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди тайной ближней Думы, во всемъ освидѣтельствовавшиеся разумомъ и правдою и мзды непріемные. А я, холопъ твой, всего пустъ и все дни службы своей плачусь о своемъ недостойнствѣ. У такого дѣла пріетойно быть изъ ближнихъ бояръ; и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыселъ имѣть и жить умѣютъ; и Посольскій Приказъ ни отъ кого обруганъ не будетъ; отдаю тебѣ, великому государю, крестное цѣлованіе, за собою держатъ не смѣю по недостатку умилка моего⁴. Въ Москву Нащокина послѣ этого не требовали: но вотъ пришла бѣда съ другой стороны: грамота изъ Варшавы отъ пановъ радныхъ, отъ 20 апрѣля: „Отдача Кіева, писали паны, по Андрусовскому договору, назначена нынѣшняго мѣсяца апрѣля 15-го числа; но изъ грамоты царскаго величества видно, что отдача эта отложена до комисіи о вѣчномъ мирѣ. Это Андрусовскому договору очевидное нарушение. Вы, какъ великіе посольскіе дѣла оберегатель и владѣтель, должны стараться, чтобы Андрусовскій договоръ остался не нарушенъ. Ожидаемъ удовлетворительнаго отвѣта“⁴. — „На съѣздахъ объявлено“, отвѣчалъ Нащокинъ, „кто нарушилъ Андрусовскій договоръ“, а въ Москву послалъ сказать, что въ Польшѣ и Литвѣ надобно промышлять казноу, да надобно отнустить пльнскихъ мѣщанъ: иначе на съѣздахъ будутъ изъ-за этого большіе вычеты и неуступчивость со стороны польскихъ комиссаровъ. Въ то же время Нащокинъ писалъ, чтобы отослали въ Польшу шведскую грамоту, написанную во враждебномъ для Россіи духѣ и привезенную польскимъ гонцомъ въ Москву: „Надобно отдать грамоту Полякамъ, чтобы не было изъ-за нея ссоры; если въ Посольскомъ Приказѣ скажутъ, что грамота нужна для улики Шведамъ, то вѣдь надобно прежде помръщпть съ Поляками, а потомъ уже ссориться со Шведами и уличать ихъ; если Посольскій Приказъ причтетъ мнѣ въ дерзость, что я обнадежилъ Поляковъ въ возвращеніи этой грамоты, то такой моей дерзости для прославленія государева имени и для сдержанія правды во всякихъ дѣлахъ много“⁴. Нащокинъ угадалъ: ему прислали изъ Москвы запросныя статьи, и въ 1-ой статьѣ говорилось: по какому указу обнадежилъ Поляковъ, что шведская грамота будетъ имъ возвращена? „Будучи на Москвѣ, ты говорилъ при государѣ и боярахъ, что грамоту надобно держать крѣпко на улику Шведамъ, потому что и за большія тысячи такой улики на Шведовъ не купить“⁴. — „Можно было держать до тѣхъ поръ, пока не спрашивали“, отвѣчалъ Нащокинъ; „а когда просятъ, то надобно по дружбѣ отдать, потому что по дружбѣ прислали, а улика не уйдетъ, если грамота будетъ въ рукахъ у союзнаго друга“⁴.

2) Писалъ, что Дорошенка можно принять, и прислалъ статьи, но по этимъ статьямъ принять отнюдь нельзя; нельзя принимать до тѣхъ поръ, пока не окончатся переговоры на сѣздѣ съ комиссарами.— *Отвѣтъ*: „Въ томъ царскаго величества воля, а я долъгъ свой отдалъ; а нынѣшнее устройство въ крѣпость вѣчную о духовномъ чину учинить, что на свѣтѣ истинная вѣра безсмертна; а приемъ Дорошенковъ безъ вѣры всегда непостояненъ и много Дорошенковъ. И Богъ къ готовому приступаетъ, а мое письмо по волѣ-жь Его Святой въ доношеніе послано“. 3) Но его мнѣнію, объ удержаніи Кіева надобно дѣлать черезъ намѣстника Гукальскаго, но какимъ образомъ? *Отвѣтъ*: „Въ докладныхъ въ 21 статьѣ въ Приказъ Малой Россіи подлинно писано; когда бы милостивый указъ изъ Москвы былъ посланъ на челобитіе кіевскихъ духовныхъ, какъ въ тѣхъ статьяхъ изображено, тогда надобно было бы и намѣстнику наказывать; а теперь уже время прошло“. 4) Пусть объявитъ, что говорилъ въ разговорахъ въ Посольскомъ Приказѣ о пріѣздѣ нынѣшняго крымскаго посла. *Отвѣтъ*: „Съ крымскимъ посломъ надобно договориться накрѣпко, чтобъ впредъ въ общемъ сѣздѣ на Украинѣ или на Валуикѣхъ быть государевымъ, польскимъ и крымскимъ посламъ вмѣстѣ, и общими совѣтомъ миръ заключить“. 5) Какія докладныя письма оставлены имъ въ Тайномъ и Посольскомъ Приказахъ о Кіевѣ, по тѣмъ письмамъ Кіева задержатъ невозможно; а что онъ толкуетъ 16-ю статью, та къ Кіеву нейдетъ. *Отвѣтъ*: „Доклады оставлены на волю государеву, буди воля Божія и государева, а устройство Восточной Церкви по склоненію духовныхъ по докладной отложено“. 6) По какому указу отдалъ Гизелевы письма Бенѣвскому, и для чего? *Отвѣтъ*: „Кто объ этомъ донесъ, радъ съ тѣмъ стать на очную ставку въ такомъ причетѣ къ извѣстѣ. А что къ Гизелю отъ Бенѣвскаго слова дошли, то Бенѣвскій радъ сорить; если товарищи мои тогда видѣли и слышали мою измѣну, а не извѣщали, и то ихъ правда ли? Устройство за такими ложными измѣнами отлагается. Въ такомъ извѣстѣ по очной ставкѣ, въ чемъ Московскому государству убыль учинилъ, радъ, пристойно правдѣ, смертью рознять ся, чтобы мною ненавидимымъ воронство и нерадѣніе въ Посольскомъ Приказѣ искоренилось, а дѣлали бы по прежнимъ обычаямъ, безъ помѣшки, какъ иль надобно.“ 7) Для чего онъ, ѣдучи изъ Курляндіи къ Смоленску, писалъ между инымъ дѣломъ безъ указа къ панамъ раднымъ объ отлачѣ Кіева по договору въ польскую сторону прежде времени, и тѣмъ подаль поводъ панамъ прислать съ требованіемъ отдачи Кіева, и для чего польскаго нынѣшняго гонца у себя задержалъ, а въ Москву не пропустилъ, зная 20 статью Андрусовскаго договора? *Отвѣтъ*: „Писалъ къ Рѣчи Посполитой, чтобъ комиссаровъ на сѣздѣ прислать до срока отдачи Кіева, а не забыть это у Поляковъ и безъ письма моего. Гонца не послать затѣмъ, чтобы

не было посольскимъ сѣздамъ отволоки; все равно съ переводомъ листа въ Посольскій Приказъ подлинно писано.“ 8) О переводѣ малороссійскаго духовенства изъ-подъ вѣдомства Константинопольскаго патріарха въ вѣдомство Московскаго говорено патріарху Александрійскому, и онъ хотѣлъ писать объ этомъ къ Константинопольскому патріарху съ прошеніемъ, только сказать, что безъ совѣта всѣхъ своихъ духовныхъ Константинопольскій патріархъ сдѣлать этого не смѣетъ, а онъ, Александрійскій, въ чужую снрхію о томъ писать и указывать не смѣетъ. *Отвѣтъ*: „Когда по истиннымъ докладнымъ статьямъ промыслу быть не изволено, то какъ Богъ извѣститъ великому государю. А мое доношеніе со мною докою для того: зачѣмъ входитъ въ убытки, держа Кіевъ черезъ срокъ? а чѣмъ держать, — тому быть путь. А въ сѣздахъ для вѣчнаго мира безъ предварительнаго устройства не мое сиротское дѣло отвѣчивать; совершать это великимъ посламъ изъ ближнихъ бояръ; но своему высокому господскому согласію учинять, какъ хотить; переговоривать будетъ некому, потому что не смѣютъ.“ 9) Почта для чего не за крестнымъ цѣлованьемъ? Грамотки распечатываются; а Марселісъ сказалъ, что и впередъ будетъ распечатывать; явно, что вѣсти переписываетъ; въ числахъ не сходятся. И въ золотыхъ улика есть, что многіе присылаются черезъ почту, а онъ не всѣ объявляетъ. Томасъ Келдерманъ не бивалъ челомъ, чтобъ ему почту держать и никто у него челобитья не слыхалъ. *Отвѣтъ*: „Леонтій Марселісъ самъ за себя отвѣтъ дастъ, какъ принимается, а присягалъ ли служить правдою — это приказное дѣло. Если Посольскій Приказъ считаетъ Марселіса мнѣ другомъ, то по дѣлу ему ненавижду быть. Такъ лучше меня изринуть; а тѣ узнаютъ перекунуть и безъ меня, имъ же мило будутъ. А мнѣ до смерти одного пути, за помощію Божію, безстрашно держаться, и какъ Богу, такъ единому поазаннику Его служить, сильныхъ не боюсь; а сынишку обороната-жь.“ 10) Государева грамота къ нему послана была, чтобъ ѣхалъ въ Москву; пріѣхалъ Крымскій посланникъ для великихъ дѣлъ. *Отвѣтъ*: „Писалъ я во многихъ отпискахъ объ указѣ: Снасовъ образъ гдѣ поставить? А для чего мнѣ было въ Москву ѣхать — объ этомъ мнѣ не писали. На посольскомъ стану житіе не праздно: великіе въ Литвѣ вселюхи и наславлено про войска московскія на сору; все это сдержано. Чтوبъ милостивый царскаго величества указъ соблюдалъ — откинуть меня отъ посольства за мои многія несповныя дѣла, которыя тяжко мнѣ Посольскому Приказу слышать. Радъ бы я былъ, чтобы для меня дѣлу Божію и государскому не ругались и въ иныхъ земли безчестіе Московскому государству проноситься перестало.“ 11) Мацкѣвичъ за собою никакихъ дѣлъ не сказалъ, кроатъ того, что Дорошенка къ подданству приводить, а Дорошенкокъ самъ объ этомъ нишегъ и готовъ въ подданство. *Отвѣтъ*: „Зная Мацкѣвича, я писалъ

о его вѣрности; а нынѣ онъ про меня въ Приказѣ и на площади Богъ знаетъ что слышитъ; невинная смерть всякому претитъ; держатся того, гдѣ помощь; а я по Господѣ моему ни лисьяхъ язвѣнъ, ни птичьихъ гнѣзда, гдѣ подклонить грѣшную голову, не имѣю, и не надобно, а ему еще свѣтъ, хотя и въ бѣдности, не наскучилъ.“

12) Пишетъ отъ себя въ Малороссійскій Приказъ о Черкасахъ, что ихъ приницали мимо всякой правды: къ чьему лицу онъ это написалъ? Кто ихъ принялъ мимо всякой правды? И что въ томъ приемѣ правда, и что неправда? *Отвѣтъ:* „Милостивому государскому сердцу передать это суду праведному: ни къ чьему лицу это не причитано, не мыслено, а самое дѣло покажетъ. Хмельницкаго приемъ-отъ Турскаго поворочень съ польскихъ кровей; другой подъ Коногородъ, такъ и до нынѣшняго времени. Или еще то неизвѣстно: за благословеніемъ духовнымъ, отъ гоненія, какъ они именуютъ, Лядскаго, въ Константинополь и мірскіе къ Туркужь, какъ прежде и Хмельницкій, въ подданство пошли, а къ святительскому престолу въ царство Московское духовнаго утвержденія не допашвали. А нынѣ отъ нихъ и есть.“

13) Для чего Англійскій и Голландскій послы теперь къ Москвѣ идутъ? *Отвѣтъ:* „Идутъ къ Москвѣ по шведскому заводу, помогаютъ въ порубежныхъ городахъ и достала долги разорить: чтѣ ихъ государствамъ надобно, то посылашки и стануть вымогать, а слабость Посольскаго Приказа узнали, что имъ надобно, то и дѣлаютъ по ихъ волѣ.“

14) Для чего шведскому резиденту велѣно быть въ свою Землю? *Отвѣтъ:* „Такого сорщика на Москвѣ, по его прошенью, оберегали. Посольскій Приказъ. Вывѣдавъ все нестроенье посольское, какая между приказными ненависть и злая вражда, и кто въ этой враждѣ силенъ и въ Приказѣ владѣтеленъ, — вывѣдавъ все это, онъ ѣдетъ домой, чтобъ друзья шведские безъ него отъѣздомъ его наводили всякій страхъ, чего привыкли на Москвѣ блюстись. Англійскій посоль грозилъ Шведамъ царству Московскому; а въ Посольскомъ Приказѣ ему въ томъ слышено: явная Шведа дружба! По этой дружбѣ и грамота шведская задержана для разрыва съ Польшею, а не для улыки Шведамъ; и кто Шведа станетъ улычать по закупленнымъ ихъ стороннимъ страхамъ, которые на Москвѣ вкоренились? Призритъ Господь Богъ и помазанникъ Его изволить освободить всенародное христіанское дѣло отъ разрушенія, вскорѣ меня, Аоонку, отъ посольства откинуть, и будетъ во всемъ безъ помѣшки, и что вновь дѣлано дерзостию, не по прежнимъ московскимъ дѣламъ, и то въ вѣчномъ мирѣ все исправятъ, все согласно по своимъ правамъ учинятъ, а мертвымъ сердцемъ того дѣла мнѣ впередъ дѣлать нельзя, и чему не выучился — взять неоткуда.“

Въ Москвѣ напала на Леонтія Марселіса, котораго Нащокинъ употреблялъ по почтовому дѣлу. Нащокинъ представлялъ заслуги своего любимца, и при этомъ случаѣ не забылъ уколоть Приказъ: „Апрѣля 9 (пи-

сать онъ царю) прѣхалъ ко мнѣ на посольскій станъ Леонтія Марселіса; ѣздилъ онъ въ Вильну, чтобъ съ тамошнимъ почтаремъ устроить постоянную государственную почту. Это великое государственное соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ. Онъ же, Леонтія, будучи въ Вильнѣ, сыскалъ уставы печатные торговыхъ постоянного сбора со всякихъ товаровъ пошлинъ, какіе, при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ, годны въ Москвѣ и во всей Великой Россіи. Эти уставы Леонтія повезъ въ Москву. Тамъ бояре спрашивали гостей о торговыхъ уставовъ по гости, зная за собою вино и желая себѣ помочь, хотя Марселіса отъ твоей государской милости отогнать, потому что онъ, служба въ сборѣ таможенныхъ, хотѣлъ объявить нерадѣние годовъ и съ гостями размолялъ. Только бы въ Приказѣ правдою разсуждено было; неисчетные убытки твоей казны въ Приказѣ!“

Въ то время какъ Ординъ-Нащокинъ перекаривался съ подчиненнымъ ему Посольскимъ Приказомъ, въ Варшавѣ былъ избранъ новый король — Михаилъ, князь Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, ведшаго такую ожесточенную борьбу съ казаками. Ординъ-Нащокинъ изъ Мигловичей послалъ вѣсть въ Москву объ избраніи Вишневецкаго; но изъ Москвы къ нему — ни вѣсточки. Въ началѣ іюля онъ обратился къ государю: „Иноземцы, насышась про палату твою государскую, что изъ Посольскаго Приказа о мнѣ огласная вражда въ мірѣ пушчала, сомнѣваются въ совершеніи вѣчнаго мира; дивятся, что у такого превысокаго государственнаго дѣла я, ненавидимый въ палатѣ; а неправда моя не облечена и отъ дѣла посольскаго не откинутъ. Ваше государское самодержавіе во всемъ, съ сеймъ на Москвѣ государей не выбираютъ, и обо мнѣ знаютъ, что я вашею государскою милостію высканъ. Шведскій резидентъ, насышась на Москвѣ, великія тайныя ссоры учинить, какъ и до сихъ поръ дѣлалъ, и въ такихъ приказныхъ ссорахъ вѣчный миръ съ Польшею заключенъ быть не можетъ; указныхъ статей, по докладу моему, до сихъ поръ ко мнѣ не присылывано; шведская грамота, которой въ Польшу просить, отчего не отдать — неизвѣстно! Дойдетъ до съѣздовъ, и мнѣ, обликванному и невидимому человѣченку, съ прежнею смѣлостію твоихъ государевыхъ дѣлъ начать нельзя; прежде, когда товарищъ былъ на посольствѣ, самъ не дѣлалъ, но въ Москвѣ стыдился меня улычать. Опальными и невидимыми людьми во всемъ свѣтѣ такихъ безцѣнныхъ дѣлъ о унятіи христіанской крови не дѣлаютъ. Припомни, великій государь, многія горькія слезы предъ лицомъ твоимъ государскимъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служить, безъ мірскаго привода, — тѣ гонимы. Явно тебѣ, великому государю, что я, холопъ твой, по твоей государской неисчетной милости, а не по палатному выбору тебѣ служу, и никакихъ пожитковъ тлѣнныхъ не желая, за милость твою государскую неотвратно и безстрашно, никого сильныхъ не боюсь, умираю въ правдѣ. Если я избываю

своей вины, или за нерадѣніе твоей государской службы, или надъ кѣмъ хотя видѣть твою государскую праведную оную, то укажи меня, беззаступлаго, прежде казнить, чтобъ пыле наказались безъ заступы такъ дерзко, какъ я, въ дѣлахъ поступать, и держались бы, кто изъ палаты къ твоимъ дѣламъ по совѣту выбранъ будетъ. Разрушая Божію помощь, мучать меня злыми ненавистями, не доисканнись вины, что Богу и тебѣ, великому государю, въ моей дерзости противно и всему государству въ чемъ вредно было; уличили же меня, на какия свои корысти продать я твои государскія дѣла,—потому что корень всему злу сребролюбіе; а къ иноземцамъ меня въ поступкахъ дѣла причитають, то Апостолъ сказалъ: всѣмъ себя поработихъ да множае приобрящу“.

Аоанасій Лаврентьевичъ не пропускалъ случая уколотъ дяковъ. Одинъ Грекъ билъ челомъ въ Посольскій Приказъ, чтобы отписали въ Минскъ о безошлнномъ пропускѣ оттуда его товаровъ. Нащокинъ отвѣчалъ, что на это нѣтъ никакого права: „Чтобы изъ Посольскаго Приказа дать грамоту челобитчику,—и мимо себя съ такою несправдою не пропущу; тутъ твоему государскому имени отъ иноземцевъ была бы укоризна; есть съ чего посольскимъ дякамъ нескуднымъ быть и безъ иноземскихъ дѣлъ. Не научились посольскіе дяки при договорахъ на съѣздахъ государственныхъ дѣла въ высокой чести имѣть, а на Москвѣ живучи, безстрашно мѣшаютъ посольскія дѣла въ приближахъ съ четвертными и съ кабацкими откупами“.

Въ Москвѣ платили ему тою же монетою и назначали ему въ товарищи Ивана Желябужскаго, человека нелюбимаго имъ. Нащокинъ встрѣтилъ Желябужскаго вопросомъ: „Впередъ ты, будучи у посольскаго дѣла, помогать ли станешь ли? объяви заранее, потому что послѣ отсылаю тебя отъ дѣла будетъ нехорошо“ — „Тебѣ допрашивать меня не указано“, отвѣчалъ Желябужскій; „польскіе послы моего имени въ грамотахъ своихъ не пишутъ, такъ я на съѣздѣ стану имъ то выговаривать, а дѣло посольское стану дѣлать, о чемъ указъ будетъ присланъ“. Нащокинъ послалъ грамоту въ Москву: „По такому, великій государь, несогласію, дѣлу Божію и твоему разрушенію! И на Москвѣ изъ Посольскаго Приказа злыхъ дѣлъ наслухано, и то великое разрушеніе, а теперь на пословъ нападутъ со враждою и съ небыличными выговорами“.

Желябужскій въ свое оправданіе писалъ: „Я прѣзжалъ въ Мигновичи 10-го іюля, и до 20-го числа боярина Аоанасія Лаврентьевича со мною о государскихъ дѣлахъ ничего не говаривалъ: получить черезъ почту изъ Польши письма:—меня не призываетъ и знать мнѣ объ нихъ не дасть, а если и призоветь, то ни о какихъ дѣлахъ не говорить, только разсиранивать, по какому моему доводу государь присылалъ къ нему стрѣлецкаго голову Лугоина? для чего я къ нему чрезъ его письмо ѣхалъ? Говорить, будто онъ къ великому государю писалъ, чтобы меня не высылать; говорить, что я

ему у государева дѣла ненадобенъ, дѣлаю будто я дѣла проклятыя; что мнѣ у посольскаго дѣла быть нельзя, потому что съ польскими комиссарами стану говорить спорно, а ему, боярину, говорить надобно все съ поклонами и съ челобитьемъ, чтобы польскихъ комиссаровъ ни чѣмъ не разсидовать; ходитъ ему надобно за комиссарами съ покорствомъ, потому что за нами есть ихъ добро (Кіевъ), и впередъ грозить многимъ разсирасами. А я противъ его разспросовъ никакого своего довода не таилъ, и никого ни въ чемъ не вѣдаю и не доаживалъ, и проклятыя дѣла никакихъ не держусь, и посольскихъ дѣлъ на съѣздахъ безъ противныхъ словъ съ поклонами и съ хожденьемъ за польскими комиссарами съ покорствомъ, какъ дѣлать — настолько меня не стонеть. И теперь мнѣ, за боярекимъ писемомъ на меня къ великому государю, у дѣла быть нельзя, чтобы отъ недружбы боярина Аоанасія Лаврентьевича напрасно не пострадать и отъ великаго государя въ опалѣ не быть, чтобы мнѣ, бѣдному, въ Мигновичахъ вкопецъ не погнубить“.

Желябужскій былъ отозванъ въ Москву; прислали и шведскую грамоту. Но Аоанасій Лаврентьевичъ не успокоился: послалъ къ государю новую жалобу на посольскихъ дяковъ, обвинялъ ихъ въ явномъ желаніи не допустить до вѣчнаго мира; жаловался, что когда онъ былъ отправленъ въ Курляндію, то дяки, удержавъ у себя посольскій наказъ, передѣлывали и прислали къ нему съ подьячимъ въ дорогу; послѣ его отъѣзда докладывали государю, нисать ли его, Нащокина, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ. — „Указу и статей для мирнаго постановленія мнѣ до сихъ поръ не прислано; въ Посольскомъ Приказѣ развѣ то мнѣ въ вину поставлено, что неотступно великому государю служу. Если мнѣ Посольскій Приказъ не вѣрять, то этимъ государственнымъ дѣла обруганы. Въ чужія государства меня оберегателемъ пишутъ, а у себя въ Приказѣ не вѣрятъ“.

Съ 25 сентября начался у Нащокина съѣзды съ польскими комиссарами — Іюномъ Гнипскимъ, воеводою Хелминскимъ, Николаемъ Чихановецкимъ, воеводою Мстиславскимъ, Павломъ Бростовскимъ, писаремъ Литовскимъ. Нащокинъ объявлялъ, что для утвержденія вѣчнаго мира надобно быть посредникамъ: комиссары говорили, чтобы мириться безъ посредниковъ, а если дѣло не сладится, тогда некатъ способу чрезъ посредниковъ. Потомъ начали говорить, какъ бы украинскіе народы успокоить, и отъ турецкаго подданства отвратить. Нащокинъ говорилъ, что это дѣло надобно рѣшить прежде всего, и для успокоенія Украины надобно быть посольскимъ съѣздамъ подъ Кіевомъ или призвать выборныхъ изъ Украины въ Андрусово. — „Пѣть“, возражали комиссары. „надобно прежде заключить вѣчный миръ“. — „Вѣчный миръ“, отвѣчалъ Нащокинъ, „можетъ быть заключенъ только на условіяхъ Андрусовскаго перемирія“. — „А зачѣмъ Кіевъ не отдавъ

въ положенный срокъ“? спрашивали комиссары. — „Затѣмъ“, отвѣчали имъ, „что вы прислали для его занятія полковника Пяво съ немощными людьми; но развѣ можно было сдать имъ такую крѣпость?—это было все равно, что сдать ее бусурманамъ“. — „Отчего“, спрашивали опять комиссары, „отчего по союзному договору царскія войска не соединились съ нашими между Днѣпромъ и Днѣстромъ“? — „Потому“, былъ отвѣтъ, „что не допустили до этого соединенія Татары и Дорошенко, перенецши на путивльскую сторону, гдѣ Дорошенко захватили многіе города и теперь держитъ; королевскимъ войскамъ слѣдовало помогать нашимъ на путивльской сторонѣ“. — „Не могли тогда наши войска помогать“, отвѣчали комиссары, „потому что въ прошедшую войну мы изурнались. Надобно это пустить на волю Божию“. — „Надобно писать въ Украйну для ея успокоенія“, началъ опять Нащокинъ. „Какъ писать“? спросили послы. — „Писать съ обѣихъ сторонъ къ духовнымъ и мірскимъ людямъ, пусть они или прилютъ выборныхъ на пышнѣе съѣзды, или какого другого утвержденія потребуютъ“. 19 октября письма были отпращены. Послѣ этого комиссары опять начали толковать о Кіевѣ. „Нельзя было намъ отгдѣ Кіевъ“, отвѣчалъ Нащокинъ, „смута была тогда въ Украйнѣ“. Комиссары стали говорить о вѣчномъ мирѣ съ возвращеніемъ всего прибрѣтеннаго по Андрусовскому перемирію. „Объ этомъ нечего говорить“, отвѣчалъ Нащокинъ: „Смоленскъ и строенъ съ нашей стороны, и останется за нами вѣчно“. Въ этихъ переговорахъ протянулось два мѣсяца слишкомъ. На девятомъ съѣздѣ, 29 ноября, комиссары объявили, что имъ велѣно подтвердить договоръ о соединеніи войскъ; договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ отложенъ, но комиссары упорно стояли, чтобы назначенъ былъ срокъ сдачи Кіева. Это упорство затянуло переговоры до 7 марта 1670 года, когда Поляки перестали наконецъ толковать о Кіевѣ. Постановили, чтобы первый Андрусовскій договоръ сохранился во всѣхъ статьяхъ, запятыяхъ и точкахъ, равно и постановленіе о союзѣ противъ бусурманъ.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ Нащокина намъ не извѣстны. Въ январѣ 1671 года, по случаю свадьбы царской, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ за великимъ государемъ, а въ февралѣ начальникомъ Посольскаго Приказа уже является любимецъ царскій, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; Нащокинъ сходитъ съ служебнаго поприща и постригается, подъ именемъ Антона, въ Крыпецкомъ монастырѣ, въ 12 верстахъ отъ Пскова. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: „Тогожъ году (1671) въ Польшу великіе послы: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ да думный дворянинъ Пв. Пв. Чаадаевъ. И Аѳанасій Нащокинъ отставленъ, а на его мѣсто указалъ государь быть окольничему Вас. Сем. Вольтыскому“. Очень можетъ быть, что, влѣдствіе этого назначенія, Нащокинъ подалъ такіа доклад-

ныя статьи, на которыя не хотѣли согласиться, а онъ иначе не согласился ѣхать, и это несогласіе повело къ окончательному удаленію Нащокина отъ дѣлъ.

Въ то время какъ Посольскій Приказъ перемѣнялъ своего начальника, сношенія съ Польшею получали все больше и больше важности по поводу дѣлъ турецкихъ.

Въ августѣ 1670 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ, Іеронимъ Комаръ. Онъ требовалъ, чтобы царь велѣлъ двинуться войскамъ своимъ въ Украйну противъ Турокъ и Татаръ, постоянно грозившихъ Польшѣ; требовалъ, чтобы немедленно дана была помощь Вѣлой Церкви, угрожаемой Дорошенкомъ, который разорвалъ переговоры съ польскими комиссарами въ Острогѣ. Ему отвѣчали: „Если царскія войска явятся въ Украйну, то это только раздражитъ казаковъ, особенно Дорошенка, котораго это не успокоитъ: напротивъ—въ движеніи царскихъ и королевскихъ войскъ онъ увидитъ явное намереніе изгубить украинскіе народы, и станетъ призывать къ себѣ на оборону турецкія войска. Царскія войска стоять въ Вѣлгородскомъ и въ Сѣвскомъ полкахъ, и оберегаютъ Украйну. Обоишь великимъ государемъ шатостныхъ казаковъ лучше привести въ послушаніе милостію, а не жесточію“.

Въ декабрѣ 1671 года, во дворцѣ великаго государя было большое торжество: пріемъ великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества, Яна Гнипскаго и Павла Вростовскаго. Воевода Хелминскій впріятствовалъ въ длинной рѣчи предъ царемъ: „кто здравымъ окомъ и негемнымъ разумомъ взвѣситъ дѣла Божія, у Котораго народы игршемъ, вселенная и небеса яблокомъ: кто изочтетъ на востокѣ солнца Мидійское, Ассирійское и Персидское единоначальство, на полдень и на западъ Греческое и Римское величіе, премудрость, силу и обиліе Египта, рай Облѣванной земли, ея богатства и угѣшенія, и потомъ увидитъ эти страны въ пенлѣ, въ крови, безъ имени, подъ игомъ неволи и, что всего хуже, безъ познанія Божія:— тотъ долженъ признать, что Богъ, взаимно всѣхъ этихъ народовъ, возбудилъ, поставилъ и укрѣпилъ народы, находящіеся подъ владѣніемъ королевскаго и вашего царскаго величества, далъ королевскому величеству отъ востока и отъ полудня заступленіе, утверждающееся на крѣпкомъ союзѣ съ цесарскимъ величествомъ и съ цѣлымъ домоу Австрійскимъ; велики владѣнія ихъ!—до Африки и Сициліи расширяются, обнимаютъ Америку, полную златомъ, и необходимымъ скинетромъ защищаютъ Европу. А ваше царское величество заступасте Европу съ другой стороны, въ предѣлахъ владѣній вашихъ родится, растутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ наездниковъ Батыя и Тамиръ Аксака и защищаешь Европу, зѣвину вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, незападной части вселенныя, положить ния славянское; паче всего улаждаешь неудовольствія полунощныя милосердіемъ правленія. Оба народа—

Польскій и Русскій—Вогъ Превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ предъ Небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослабить или дѣлать несогласіемъ или дружбою неискреннею“.

Для переговоровъ съ послами назначены были: ближній бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, бояринъ, князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій, дудный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матявѣвъ. Послы начали жалобой на Сѣверскихъ казаковъ, которые въ воеводствѣ Мстиславскомъ и повѣтъ Кричевскомъ захѣли земли по рѣку Сожь и мирному постановленію чинять всякія противности. „Объ этомъ уже послано къ гетману Демьяну Многогрѣшному“, отвѣчали бояре. Потомъ послы объявили дѣло поважнѣе: „Съ великою жалостію объявляемъ, что въ государствѣ королевскаго величества имѣются нѣкоторыя противности: гетманъ Петръ Дорошенко измѣнилъ, и на корону Польскую наступаютъ непріятели посторонніе; чтобы великій государь изволилъ учинить помощь своими ратными людьми для усюкоенія такихъ противностей, по любви къ королю и по утвержденному договору“. *Бояре:* „Въ прошломъ году, какъ были на съѣздахъ съ обѣихъ сторонъ великіе и полномочные послы, писали они въ Украину къ духовенству и къ мірскимъ людямъ, призывая къ себѣ на съѣзды ихъ выборныхъ, чтобы эти выборные прислушались и увидали, что послы договариваются только объ усюкоеніи христіанскомъ, а противнаго ничего украинскимъ городамъ не чинится. И теперь гетманъ Демьянъ Игнатовичъ прислалъ къ великому государю Кіевскаго полковника Константина Солонину съ товарищами, людей честныхъ и разумныхъ: такъ вы бы, послы, позволили въ отвѣтной палатѣ этимъ посланцамъ быть для прислушанія къ дѣламъ, и какія заѣмки Сѣверскіе казаки въ королевскихъ владѣніяхъ сдѣлали, посланцы свое оправданіе намъ объявлять сами. Пусть посланцы знаютъ, что мы договариваемся о братской дружбѣ между великими государями, объ усюкоеніи обѣихъ государствъ: а то, какъ прежде, при подтвержденіи въ Москвѣ Андрусовскаго договора, изъ Украины выборныхъ людей не было, то вскорѣ послѣ гетманъ Иванко Брюховецкій, сославшись съ королевскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенко, царскому величеству измѣнилъ, и невинной крови пролилось много“. *Послы:* „При нашихъ разговорахъ гетманскимъ посланцамъ быть непристойно, потому что если какое-нибудь наше объявленіе покажется имъ противно, то они станутъ намъ о томъ выговаривать неучтиво, по своему казачьему украинскому праву, и это королевскому величеству будетъ къ безчестию, и королевскаго указа у насъ о томъ нѣтъ. Если у гетманскихъ посланцовъ есть какія дѣла, то пусть бьютъ челомъ въ Приказъ, а вы намъ объ этомъ объявите. На андрусовскіе съѣзды украинскіе выборные не были присланы, значитъ—милость обѣихъ государей украинскіе люди преслушали, и къ нынѣ-

шнему договору призывать ихъ не надобно, а приводить непослушныхъ къ послушанію и отъ турецкаго подданства отвратить такимъ способомъ, какъ написано въ Московскомъ договорѣ,—войсками съ обѣихъ сторонъ“. *Бояре:* „Безчестію королевскому величеству не будетъ никакого, позвольте только имъ быть для прислушанія дѣла, а въ разговоры они вступаться не станутъ, и сидѣть не будутъ,—будутъ стоять, какъ и другіе наши и ваши дворяне; прежде украинскіе духовные, митрополитъ и два епископа при самомъ королѣ въ сенатѣ засѣдали и вольный голосъ имѣли. Недавно еще великій гетманъ коронный Собскій съ казаками украинскими договаривался, и въ Острогѣ у Станислава Бенѣвскаго была коммисія съ казаками, и договаривались прямымъ посольскимъ обычаемъ: ста то быть, дѣло не новое“. *Послы:* „Украинскихъ народовъ по совѣту обѣихъ великихъ государей призывать не надобно, потому что украинскіе люди непостоянны и никогда въ правдѣ не стоятъ. На прошлую коммисію въ Андрусово гетманъ Дорошенко къ намъ писалъ, что послать о всемъ быти челомъ королевскому величеству на алекцію, а послѣ стать быти челомъ въ подданство царскому величеству. И гетмана Демьяна посланцамъ при нашихъ разговорахъ быть опасно: вывѣдавъ обо всемъ, станутъ они писать къ гетману Демьяну, а тотъ станетъ съсылаться съ Дорошенко. При посольскихъ разговорахъ для наученія государственнымъ дѣламъ бываютъ люди вѣдомые, вѣрные. Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго называемъ мы подданнымъ царскаго величества только въ перемірные годы; а какъ перемірные годы отойдутъ, тогда можно будетъ его называть и королевскаго величества подданнымъ. Прежде Кіевскій митрополитъ и двое владыкъ въ сенатѣ мѣсто имѣли по волѣ королевской, и то дѣло особое. Только въ этихъ длинныхъ разговорахъ время провлакивается, а дѣло не дѣлается; изволилъ бы великій государь учинить тому разрѣшеніе“.

По скорому разрѣшеніи трудно было надѣяться, потому что впередъ стояли важныя дѣла. Въ январѣ 1672 года послы объявили, что король могъ бы покрыть братскою любовію, что Кіевъ на срокъ не отдалъ, если только будетъ назначенъ другой срокъ уступки; потомъ послы спрашивали: по обязательствамъ союза какую помощь противъ бусурманъ окажетъ царское величество королю вскому? Просили наказать Сѣверскихъ казаковъ, перешедшихъ рубежи воеводства Мстиславскаго, поданныхъ помощь Дорошенку, непріятелю обѣихъ государствъ; чтобы жителямъ Римской вѣры въ уступленныхъ по Андрусовскому договору областяхъ дозволено было свободно отправлять свое богослуженіе, вольно было или принимать въ дома свои канлановъ, или для богомолія выѣзжать за рубежь; чтобы шляхтѣ изъ этихъ областей вольно было переходить въ королевскую сторону; жаловались, что шляхетная шляхта и воинскіе люди до сихъ поръ еще не освобождены, мощи, образа, утварь костель-

ная, дѣла воеводства Кіевскаго не стданы; просили, чтобы царь велѣлъ отдать Великія кѣ воеводству Витебскому, а Себежъ и Невль — кѣ Полоцкому.

Бояре отвѣчали, что кѣ гетману Многогрѣшному посланъ указъ о казацкихъ зацѣнкахъ, и списокъ съ этого указа данъ будетъ послать; надобно было съѣхаться на рубежахъ съ обѣихъ сторонъ межевымъ судьямъ, но со стороны королевской они не высланы. Изъ плѣнныхъ въ сторонѣ царскаго величества никто не задержанъ: остались тѣ, которые сами захотѣли остаться; но много плѣнныхъ задержано въ сторонѣ королевской, и посламы объ этомъ такъ досадительно объявлять не довелось, потому что съ обѣихъ сторонъ уже объ этомъ говорено пространно. Съ польской стороны не только что въ титулѣ царскаго величества сдѣланы многія прописки, но и книги напечатаны государю и предкамъ его на великое безчестье. Союзъ царевича со стороны королевской: когда королевскій гетманъ Дорошенко съ Татарами воевалъ на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе города, то отъ короля помощи не по дано. Въ Варшавѣ, въ королевскомъ дворцѣ, въ той палатѣ, гдѣ принимаютъ пословъ, на сводѣ написано живописнымъ письмомъ: на одной сторонѣ король съ сыномъ и намами-радою, на другой — гетманъ Польскій гонитъ московскіе полки, царь и бояре взяты въ плѣнъ, связаны; ту историю всѣмъ иностраннымъ посламы показываютъ, и подлинно какъ была побѣда рассказываютъ съ насмѣханіемъ и съ укоризною Московскому государству и Россійскому народу. Тѣло царя Василья Ивановича Шуйскаго уже въ Москвѣ, преждее вспоминать и тѣмъ досаждаютъ за такими теперь мирнымъ постановленіемъ не годятся, и королевское величество для братской любви велѣлъ бы то выобразить и въ палатѣ своей снять. Чтобы отклонить бусурманское нашествіе, надобно обоимъ великимъ государямъ писать къ государямъ христіанскимъ и къ султану Турскому, а помочь войскомъ и Кіевъ отдать царскому величеству невозможно, потому что съ королевской стороны противъ Дорошенка и Татаръ помощи не дано; но царское величество не перестанетъ помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками. Пишутъ уже теперь и въ печатныхъ курантахъ, что Турскій султанъ очень печалится: всѣ христіанскіе государи заключили союзъ и хотятъ на него войною наступать. Въ курантахъ же пишутъ, что Турскій султанъ послалъ-было войска свои на Черное море, но какъ услышалъ, что русскія войска на Черное море противъ него идти хотятъ, то велѣлъ всѣ свои войска возвратитъ. Послѣ этого объявленія бояре дали посламу записку о Дорошннкѣ: „Кѣ великому государю пишеть гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, что присылаетъ къ нему съ той стороны гетманъ Петръ Дорошенко и вел старшина, просятъ, чтобы царское величество велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку, потому что въ сторонѣ королевской въ вѣрѣ чинится имъ гоненіе. И королевское величество позволилъ бы царскому

гелпчеству принять Дорошенко, чтобы его тѣмъ отъ турскаго подданства отвратить. А если король и Рѣчь Посполитая принять Дорошенка не позволяютъ, то царскому величеству принять его можно и потому, что король въ своей грамотѣ называетъ его подданнымъ Турскаго султана, и писалъ, что онъ уговариваетъ къ турецкому же подданству и восточную сторону Днѣпра; а Дорошенко пишетъ, что онъ поддался Турскому султану отъ гоненія въ вѣрѣ, и по тому по всему царскому величеству принять Дорошенка подъ свою высокую руку можно. Да и Запорожцы просятъ въ подданство къ царскому величеству, а у короля быть не хотятъ, потому что имъ никакой заплаты не было“.

Послы продолжали требовать, чтобы Сѣверскіе казаки выступили изъ занятыхъ ими воеводствъ и разоренная ими шляхта получила вознагражденіе, — иначе эта шляхта разорветъ сеймъ; требовали, чтобы царь помогъ войсками королю противъ Турокъ: царь обязанъ это сдѣлать, вонервыхъ, потому, что Турки собираются восвать Польшу за союзъ ея съ Москвою, а вонервыхъ, царь долженъ помочь и потому: когда сосѣдъ погоритъ, то и до другого огонь доберется. Въ Польнѣ есть приповѣтка такая: однажды Русинъ звалъ Поляка на помощь противъ Турка; Полякъ отказалъ, и Русинъ ему молвилъ: „Поддавшись Турку, приду на корону войною“. Наконецъ послы не переставали требовать, чтобы назначенъ былъ срокъ возвращенію Кіева. „Уступимъ вамъ Кіевъ“, возражали бояре, „а Турокъ войдетъ въ Украину, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ“.

Насчетъ Дорошенка послы объявили: „Царскому величеству нельзя и негодится принять Дорошенка; хотя бы и принялъ, то права на Украину отъ этого не прибудетъ, потому что и самъ Дорошенко права на нее не имѣетъ; какъ вольно было королевскому величеству поставить его гетманомъ, такъ и переимѣнитъ вольно, когда того заслуживаетъ. Если королевское величество объявляетъ самъ о его измѣнѣ, то царскому величеству слѣдуетъ помогать на него, а не принимать его. Вѣра Греческая не терпитъ никакого утѣсенія и поруганія; притѣснена она самимъ Дорошенкомъ, который платитъ бусурманамъ за оборону свою душами христіанскими, всѣ церкви въ вѣчное порабощеніе предаетъ и ко введенію мечетей ворота отворяетъ. Если царское величество возьметъ Дорошенка въ защиту, то война турецкая этимъ не утихнетъ, но еще больше разгорится, ибо Турки увидятъ, что владѣнія царскія приближаются къ Греческимъ государствамъ, находящимся подъ турецкимъ владычествомъ“ — „Если“, говорили бояре, „король позволить царскому величеству принять Дорошенка, то отъ этого королю и Рѣчи Посполитой противъ Турокъ будетъ великая помощь и прибыль“ — „Какая прибыль?“ спросили послы. — „Султанъ“, отвѣчали бояре, „испугается, узнавъ, что Дорошенко подданный царскій, а не королевскій, — подумаетъ, что всѣ соединятся противъ него, и пристанутъ къ нимъ Волохи, Мол-

даване и другіе Греческой вѣры люди. Испугавшись этого, султанъ не начнетъ войны, какъ прежде султанъ Баязетъ, узнавъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, тотчасъ прелаятъ просить о перемирьи къ Польскому королю Яну-Альбрехту, какъ рассказываетъ хроника Стрыйковского“.

Наконѣдъ, послѣ долгихъ споровъ, согласились на слѣдующихъ статьяхъ: 1) Оба великіе государи обязуются содержать ненарушимо Андрусовскія и Московскія постановленія, безо всякаго умаленія и противнаго толкованія. 2) Эти треугубые прошлые договоры и настоящае четвертое постановленіе государи подтверждаютъ присягою передъ Св. Евангеліемъ. 3) Трудности, которыя явились при исполненіи нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, насчетъ Кіева и вспоможенія войсками другъ другу, уладить на комисіи, имѣющей быть въ іюні 1674 года. 4) Въ случаѣ наступленія Турецкаго султана на Польшу, царь помогаетъ королю войсками калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, и Донскими казаками моремъ, также пошлетъ указы на Запорожье, чтобы тамошніе казаки выходили какъ можно скорѣе въ море, въ возможно большей силѣ, чайками. 5) Царь пошлетъ къ султану и хану грамоты, отговаривая ихъ отъ войны съ Польшею. 6) Царь запретитъ Сѣверскимъ казакамъ давать помощь бусурманамъ или Дорошенку. 7) Царь позволяетъ шляхтѣ, оставшейся въ Смоленщинѣ, Стародубщинѣ и другихъ мѣстахъ, отъ Литвы присоединенныхъ, возвратиться въ сторону королевскую съ женами, дѣтьми и имуществомъ. 8) Римской вѣры людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, позволяется для богослуженія ѣздить за-границу въ ближніе костелы; а русскимъ людямъ, въ сторонѣ королевской пребывающимъ, вольно употребленіе вѣры Греческой. 9) Мѣщане и купцы, оставшіеся до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ, по займатъ своихъ долговъ, отпускаются въ сторону королевскую, кромѣ тѣхъ, которые сами захотятъ остаться; о тѣхъ же мѣщанахъ, которые живутъ въ боярскихъ и другихъ людскъ дворахъ, будетъ рѣшено на будущей комисіи. 10) Возвращаются части Св. Древа, взятаго въ Люблинѣ, сколько можно было собрать; возвращаются мощи Св. Каллистрата, золото, серебро, уваръ и колокола каседры Смоленской, сколько можно найти. Царское величество разошлетъ указы отыскивать всякія книги, дѣла, образа, церковныя утвари и украшенія, и что найдетъ, возвратитъ королевскому величеству. 11) Сѣверскимъ казакамъ приказано будетъ очистить занятыя ими мѣста въ воеводствѣ Мстиславскомъ, повѣтахъ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ, но безъ вознагражденія убытковъ. 12) Назначаются по два порубежныхъ судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и уѣздѣ.

Въ исполненіе пятой статьи договора, въ апрѣлѣ 1692 года, толмачъ Даудовъ и подъячій Венюковъ отправились къ султану Магомету IV съ царскою грамотою. Государь писалъ, чтобы Магометъ удержался отъ войны съ Польшею и хану запретилъ

ходить на короля; въ противномъ случаѣ онъ, какъ государь христіанскій, обоблавшись со всѣми окрестными государями христіанскими, станетъ противъ Турокъ промыслъ чинить, пошлетъ къ Донскимъ казакамъ указы, чтобы шли на Черное море, сухимъ путемъ пошлетъ Калмыковъ, Ногаевъ и Едисанскихъ Татаръ, кромѣ того подвигнетъ союзныхъ государей христіанскихъ и шаха Персидскаго. Вмѣсто султана, отвѣчалъ великій визирь, упрекалъ за неприличныя слова, недостойныя государей, и оканчивалъ грамоту такъ: „Будете друзья или недруги намъ, въ какой путь ни пойдете, съ нашей стороны то же самое увидите“. Возвратясь, Даудовъ рассказывалъ: „Въ Молдавіи и Валахіи жители говорятъ: „Если христіане хотя малую побѣду одержатъ, то и мы сейчасъ же станемъ промыслять надъ Турками“. Но за то рассказали и другое: Астраханскіе и Казанскіе Татары и Ванкирцы приходили къ султану съ просьбою, чтобы онъ ихъ всѣхъ съ Астраханскимъ и Казанскимъ царствомъ принялъ въ подданство; жаловались, будто московскіе народы, ненавидя ихъ бусурманскую вѣру, многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ отвѣчалъ, чтобы потеряли немного, и пожаловалъ ихъ кафтанамъ.

Гроза собиралась на югъ; начавшіеся-было мирныя соглашенія съ Крымомъ были порваны. 29-го апрѣля 1671 года пѣнигаго боярина Василья Борисовича Шереметева позвали къ хану на отпускъ и велѣли ему поклониться Адиль-Гирею въ землю. Ханъ велѣлъ надѣтъ на боярина шубу соболемъ да кафтанъ золотный, а когда Шереметевъ вышелъ изъ палаты, то ему подвели армага со всѣмъ конскимъ уборомъ; потомъ ханъ прислалъ ему два кафтана—атласный и суконный, шапку и штаны суконные, прислалъ рыдванъ со всѣмъ нарядомъ и шесть возниковъ. Шереметевъ выѣхалъ изъ Бахчисарая къ Перекопи. Но судьба хотѣла жестоко насмѣяться надъ несчастнымъ старикомъ: пріѣхалъ изъ Константинополя чаушъ съ султанскою грамотою—велѣно хана Адиль-Гирея перемѣнить. Новый ханъ, Салимъ-Гирей, прислалъ приказъ — не отпускать Шереметева; боярина поворотили назадъ изъ Перекопи въ Бахчисарай и заковали въ кандалы, вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Андреемъ Ромодановскимъ и другими знатными пѣнниками. Когда пріѣхалъ новый ханъ, то съ Шереметева кандалы сняли, и началась торговля: боярину объявили, что Селимъ-Гирей хочетъ быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви, только бы прислалъ казну за всѣ годы царствованія Адиль-Гиреева, потому что въ эти годы ханъ войною не ходилъ на Москву. Бояринъ отказалъ, что такого великаго дѣла перемыслить на себя онъ не можетъ. Обратился къ Ромодановскому, запросилъ съ него 80,000 ефимковъ, да пѣниныхъ Татаръ 60 человекъ. „Вольно 10,000 рублей за меня не дадутъ“, отвѣчалъ Ромодановскій. „Какъ не дадутъ?“ говорили Татары, „отечъ твоей бояринъ и владѣетъ всюю Украйною, хотя съ шапкою пойдеть, то обе-

реть съ Украйны больше 100,000".— „Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10,000 не будетъ“, покосчилъ Ромодановскій. Государь, узнавши, что плѣнники опять задержаны, послалъ Шереметеву 200 золотыхъ червонныхъ, а другимъ знатымъ плѣнникамъ, Ромодановскому, Скуратову и Толстому,— по 60.

„Ближніе люди новые“, увѣдомлялъ Шереметевъ царя: „во правахъ своихъ злые и комѣ недобрые, не такіе добродѣтельные, какъ прежніе, что были при Адиль-Гирей ханѣ; князя Андрея и всѣхъ твоихъ знатныхъ людей безъ окуна на размѣну ханъ не отпускаетъ; прежній договоръ съ Адиль-Гиреемъ ставятъ ни во что; кричатъ, что по ихъ старому обыкновению и вольностямъ ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь,—то имъ дано за службу, за кровь и за смерть, кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ они и живутъ. Твоему, великаго государя, дѣлу замедленіе многое учинилось, а моему отпуску помѣшка большая отъ твоихъ людей, которые въ полону у дичшихъ и черныхъ Татаръ: надчилисъ они татарскому языку и наговариваютъ Татаръ, что если я буду отпущенъ, то послѣ ихъ размѣнъ, ни окуновъ за нихъ не будетъ; сказанъ мнѣ твой государевъ указъ, что окуновъ за нихъ никакихъ не будетъ, и потому они думаютъ, что пропадутъ въ Крыму. У тебя, великаго государя,

милости прошу я, холонь твой убогій и безпомощный, давній плѣнникъ и нужетерпецъ: умилосердись, государь праведный. укажи разыскать такую неправду, а дума бусурманская похоже была на раду казацкую; на что ханъ и ближніе люди приговаряютъ, а черные юртовые люди не захотятъ, и то дѣло никакими мѣрами сдѣлано не будетъ. Посланники твои твердятъ хану и ближнимъ людямъ, чтобы, по договору съ Адиль-Гиреемъ, плѣнники были отпущены на размѣну съезъ окуна; но тѣ же посланники, уѣзжая изъ Крыма, берутъ съ собою много плѣнниковъ на окуны. Отъ этого черные люди и не хотятъ размѣнъ: намъ, говорить, въ размѣнъ прибыли нѣтъ, только прибылъ одному хану; прибыльнѣе намъ плѣнниковъ отпущать съ посланниками и брать на нихъ окуны на Москвѣ. Умилосердись, государь праведный, не дай напрасною смертію умереть, и въ нечестивой сторонѣ тѣло грѣшное собакамъ и звѣрямъ поѣсть, и костей убогихъ врознь разносить: укажи, государь, быть размѣну на Донцѣ“. Но размѣнъ на Донцѣ не было, и плѣнники попрежнему оставались въ Крыму.

Скоро число ихъ увеличилось, вследствие войны турецко-татарской. Но, прежде чѣмъ приступить къ ея описанію, обратимся къ Малороссіи, которая уже успѣла переимѣнить гетмана.

Глава II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Безпокойства относительно Малороссіи.—Письма Барановича въ Москву.—Новый соевникъ Дорошенко.—Ханенко.—Барановичъ хлопочетъ о нарушении Глуховскихъ статей.—Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи.—Торжество Дорошенка.—Приски Тукальского.—Константинопольскій патріархъ выдаетъ прокламціи на Многогрѣшнаго;—Приглашеніе Барановича.—Царскій отвѣтъ малороссійскимъ посланцамъ.—Посольство въ Москву къ Константинопольскому патріарху для снятія проклятій съ Многогрѣшнаго.—Представленія Дорошенка.—Война на западной сторонѣ Днѣпра.—Неудовольствія Многогрѣшнаго. Посольства къ нему изъ Москвы.—Допоси старинныя на гетмана.—Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву.—Обвиненія, на него поданныя.—Допросъ и ссылка Многогрѣшнаго.—Ссылка Сѣрка.—Рада въ Кавачей Дубровѣ. Избраніе Самойловича въ гетмана.—Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожьи.

Успѣшнымъ окончаніемъ Глуховской рады безпокойства Московскаго правительства насчетъ Малороссіи далеко не прекращались: новый гетманъ далъ знать въ Москву: что 1-го іюля 1669 г. Суховій съ Запорожцами и съ Крымскимъ султаномъ Нурадінномъ пришелъ подъ Каневъ и сталъ на Расахѣ; съ нимъ Запорожцевъ 3,000 да Татаръ 100,000; полки Уманскіе, Корсунскій и Кальницкій поддалисъ Суховію, отставъ отъ Дорошенко; что Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ учинилъ Юрія Хмельницкаго оставить монашество, — они хотятъ сдѣлать его гетманомъ; только въ такомъ случаѣ Дорошенко надѣется сохранить жизнь, потому что, если выберутъ въ гетмана Суховія, то ему не быть живу: Суховій отомститъ ему за погубленіе своихъ людей подъ Иевею. 6 іюля пришелъ въ Каневъ и Дорошенко, и разослалъ

универсалы, приглашая полковниковъ на раду на Расаху.

Въ сентябрѣ явился въ Москву посланецъ отъ Лазаря Барановича и увѣдомилъ, что гетманъ въ Сѣвѣлѣй между Путивлемъ и Ромнами, при немъ царскія войска, Изъясинскій пѣхоты 300 человекъ, да казацкіе полки—Изъясинскій, Черниговскій, Червяславскій, Прилуцкій, Стародубскій, при немъ и Мурашка; въ Сѣвѣлѣй пошелъ гетманъ противъ Гамалеи и Орды, потому что въ Малороссіи села и деревни жгутъ, людей побиваютъ и въ плѣнъ Татарамъ отдаютъ; съ Гамалею три полка—Миргородскій, Полтавскій, Лубенскій, да при немъ же 3,000 Татаръ; гетманъ Черкасъ и Татаръ многихъ побилъ; но, съ другой стороны, Дорошенко собирается многихъ собратьемъ и Орда пришла къ нему многая, пришли Турки, Волохи и Молдаване. Ва-

рановичъ писалъ государю: „Многократно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству о помощи ратными людьми, да не буду бестуденъ, потому что гетманъ Демьянъ Игнатовичъ утруждаетъ меня грамотами, и самъ въ Черниговѣ, когда провожали святѣйшаго папу и патриарха Пачсія Александрійскаго, говорилъ: „Мы, святыни твоей послушавшии, цѣловали крестъ царскому величеству въ надеждѣ, что къ намъ ратные люди будутъ на помощь. Теперь на насъ Орда наступаетъ, а помощи нѣтъ; наше поправіе ордамъ врата отверзетъ и въ великороссійскіе города“. Смился, государь, и прикази боярину своему, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, спѣшить на помощь Украинѣ, а гетманъ уже пошелъ изъ Батурина“. Спѣшнѣ писалъ Барановичъ къ Матвѣеву: „Государь указалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому стоять въ Сѣвскѣ; но отъ этого гетману и Украинѣ какая помощь, когда подъ бокомъ у этихъ войскъ бусурманъ съ казаками обѣихъ сторонъ бѣдую Украину, какъ хотягъ, пустошатъ, надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ и надъ мною насмѣхаются. Если-бы сначала, вскорѣ послѣ статей Глуховскихъ, какъ я твоему благодію совѣтовалъ и къ царскому величеству писалъ, силы государевы наступили, то давно бы уже Украина успокоилась; и теперь еще не такъ трудно это сдѣлать, если скорая помощь къ гетману придетъ, потому что гетманъ человекъ рыцарскій, знаетъ какъ дѣло сдѣлать, только было бы съ чѣмъ“. Барановичъ просилъ также царя и Матвѣева и о своемъ дѣлѣ, чтобы книга его, „Трубы“, была напечатана въ Москвѣ: „чтобы могъ вскорѣ типомъ въ царствующее градъ Москвѣ вострубить“. — „Но нашему великаго государя указу“, отвѣчалъ царь, „велѣно боярину князю Ромодановскому идти немедленно въ малороссійскіе города, и велѣно передъ собою послать помощь къ гетману 500 человекъ конныхъ и пѣшихъ людей; книги „Трубы“ отданы въ свидѣтельство, и какъ изъ свидѣтельства выйдутъ, то нашъ указъ о нихъ будетъ“.

Архіепископъ напрасно такъ безпокоился: Дорошенко, занятый у себя усобицею, не могъ быть очень страшенъ для восточной стороны. Въ Запорожьи явился ему новый соперникъ, Ханенко, котораго Польское правительство провозгласило гетманомъ западной стороны, гдѣ онъ и утвердился въ Уманѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Суховѣй началъ помогать Ханенку; Юрій Хмельницкій, скинувши монашескую рясу, соединился съ нимъ. Ханенко писалъ Многогрѣшному, чтобы помогалъ ему на обитаго непріятеля Дорошенка. Но изъ Москвы Демьяну Игнатовичу дали знать, чтобы не вѣшивался въ эту усобицу: „Указъ вашего царскаго величества исполнять готовъ“, отвѣчалъ Многогрѣшный, „иначе между собою раздоръ учинили, пусть сами и расправятся“. Гетманъ понялъ мысль царя и успокоился. Но Лазарь Барановичъ, теперь, по удаленіи Меодія, единственный архіерей на восточной сторонѣ, считалъ своею обязанностію за-

ботиться объ интересахъ Малороссіи, не допускать нарушенія Глуховскихъ статей. Въ концѣ года пріѣхалъ отъ него въ Москву игуменъ Іеремія съ жалобами: 1) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, что по первому или второму прошеію гетмана государевы войска явятся на защиту Украины; теперь все дѣло гетманъ просилъ войска—и не обрѣлъ милости, отчего великая поднялась молва въ людяхъ. 2) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено отпустить всѣхъ узниковъ, засланныхъ въ Москву Брюховедскимъ, также всѣхъ казаковъ, взятыхъ на бою, и деревенскихъ крестьянъ; теперь многіе Малороссіане ходили въ Великую Россію отыскивать своихъ родственниковъ и возвратились ни съ чѣмъ. 3) Вопреки Глуховскимъ статьямъ, взятыя воеводами войсковыя и городскія пушки до сихъ поръ не отданы, что нелюбо казакамъ. 4) Не отданы церковныя угвари и сосуды. 5) Въ Глуховѣ постановлено, что безъ казацкихъ пословъ комиссія съ Поляками не будетъ отправляться; а теперь комиссія не только отправлялась безъ казацкихъ пословъ, но, какъ видно изъ комиссарскихъ писемъ къ Дорошенку, и совершенно, отчего встала большая смута. Архіепископъ бьетъ челомъ: если еще комиссія не окончилась, то чтобы государь велѣлъ отправить на нее пословъ гетманскихъ, да уголятся жители украинскихъ малодушіе. 6) Полномочные комиссары восточнымъ берегомъ Днѣпра отправили посланниковъ къ западному гетману Дорошенку, не давши знать объ этомъ гетману восточному, чѣмъ возбудили въ немъ гнѣвъ. 7) Посланники эти комиссарскіе произвели большую смуту тѣмъ, что листами своими приглашали Малороссіянъ обѣихъ сторонъ Днѣпра высылать на сеймъ знатныхъ людей духовнаго и мірскаго чина съ челобитными къ королю о своихъ надобностяхъ; Малороссіане стали опасаться, чтобы ихъ на комиссію королю не отдали.—Царь отвѣчалъ Барановичу: „Тебѣ бы радѣнье свое показъ, гетмана и все войско утверждать, чтобы они на нашу милость были надежны; никто ихъ, за милосердіемъ Божиимъ, изъ-подъ нашей высокой руки восхитить не можетъ. Ты пишешь про Глуховскія статьи, что безъ посланниковъ казацкихъ комиссіямъ не отправляться; хотя и такъ въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, однако тому время не дошло; а въ 17-й статьѣ написано: если у насъ, великаго государя, съ королевскимъ величествомъ или ханомъ Крымскимъ на комиссію будетъ вспоминъ о войскѣ Запорожскомъ, то въ то время быть казацкимъ посламъ; когда такіе разговоры начнутся, тогда гетманскіе посланцы и будутъ позваны. Ты пишешь, что комиссарскіе посланцы призывали Малороссіянъ на сеймъ къ королю; но въ листѣ боярина Ордина-Нащокина написано: призываетъ изъ Украины духовнаго и мірскаго чина людей для истинной вѣдомости и разсужденія духовнаго, о устроеніи вѣчномъ, призываетъ къ себѣ на комиссію и Дорошенка, отводя отъ бусурманскаго совѣта, о посылкѣ же къ коро-

лю на сеймъ въ листѣ не написано. Заточники и плѣнные, которые сысканы, отосланы къ гетману, и кто именно, — о томъ къ тебѣ послана роспись; о пушкахъ воеводы намъ писали, что они отдали ихъ гетману по Глуховскимъ статьямъ, и что отдаю, послана къ тебѣ роспись“.

Весною 1670 года поѣхалъ въ Малороссію подъячій Михайла Савинъ искать мастера винограднаго строенія, также мастера, который бы умѣлъ сажать дули, груши, сливы, орѣхи кievскіе, насичника — для пчель. 17 апрѣля въ Батуринѣ Савинъ былъ на обѣдѣ у гетмана, къ которому съѣхались полковники всѣхъ городовъ восточной стороны поздравлять съ праздникомъ, Свѣтлымъ Христовымъ Воскресениемъ; не было только полковниковъ Полтавскаго и Миргородскаго. За обѣдомъ Многогрѣшный началъ говорить полковникамъ: „Слышу я, что казаки всѣхъ городовъ меня мало любятъ; если и вправду такъ, то вы бы были челомъ великому государю объ избраніи другого гетмана; я клейноты войсковые уступлю тому, кого вы выберете. А пока я буду гетманомъ, своевольниковъ усмирять не престану, сколько во мнѣ мочи будетъ; на томъ я великому государю присягалъ, не такъ бы, какъ Ивашка Брюховскій: какъ Іуда Христа предать, такъ онъ великому государю измѣнилъ, а я обѣщался за великаго государя умереть, чтобы послѣ меня роду моему слава была; а сколько своевольникамъ ни крутиться, кромѣ великаго государя дѣться имъ негдѣ“. Тутъ Переяславскій полковникъ Дмитрияшка Райча ударился объ столъ и началъ говорить со слезами: „Шоло намъ уже тѣхъ гетмановъ обирать и за тѣми гетманами крови христіанской литься; будемъ себѣ только одного великаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ укрощать“.

На другой день, 18 числа, у гетмана съ полковниками и старшиною была рада, потому что годъ безъ войны не пройдетъ; полковники всѣ присягали, цѣловали государево знамя на томъ, чтобы имъ ни на какиѣ непріятельскія прелести не склоняться и противъ непріятелей стоять упорно, и гетмана во всемъ слушаться. Савину сказывали, что Полтавскій и Миргородскій полковники гетману не послушны; Дорошенко къ нимъ пишетъ съ угрозами, чтобы гетмана Демьяна не слушались, а гетманъ Демьянъ къ нимъ пишетъ, чтобы на Дорошенковы прелести не склонялись; а Полтавцы и Миргородцы, занершись въ городахъ, ни того, ни другого не слушаются. Не очень хорошо говорили Савину и о другіихъ полковникахъ: съ гетманомъ Демьяномъ великому государю вѣрно служить и прямымъ сердцемъ поступаютъ полковники — Переяславскій Дмитрияшка, да Стародубскій Рословченко, а другіихъ украинскіихъ городовъ полковники — такъ и сякъ.

Не прочно, по этимъ вѣстямъ, было положеніе гетмана въ Малороссіи, а тутъ еще самъ гетманъ прислалъ дурныя вѣсти о Запорожьи; въ іюль 1670 года, Многогрѣшный прислалъ грамоту Ма

твѣву, „благодѣтелю и пріятелю своему милостивому“. Гетманъ жаловался, что Ханенко и Запорожцы отравили пословъ своихъ къ великому государю, въ грамотѣ, писанной къ нему, Демьяну, не назвали его гетманомъ: „Они хотятъ бить государю челомъ“, писалъ Многогрѣшный, „чтобы позволено было выбирать гетмана въ Запорогахъ, а не въ городахъ; но если бы царское величество это позволило, то на Украинѣ вновъ встало бы смятеніе, ибо Запорожцы привыкли людей разгонять“. По Москвѣ въ это время было не до постановленія въ Запорогахъ гетмана: Разинъ поднималъ восточное казачество. Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ въ Батуринъ къ Многогрѣшному подъячій Савинъ съ царскою грамотою: царь приказывалъ гетману выбрать пять или шесть сотъ казаковъ и отправить ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому противъ Разина. Гетманъ отвѣчалъ: „По государеву указу велѣлъ я въ разные города универсалы разослать, чтобы войско казачье собиралось въ Глуховъ; велѣлъ я собрать войска тысячу человекъ; начальникомъ у него будетъ генеральный есаулъ Матвѣй Гвинтовка: я приказалъ ему идти въ полкъ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому. Ко мнѣ пришли вѣсти изъ Лубенъ и Миргорода, что ханъ Крымскій съ большимъ войскомъ вышелъ и хочетъ воевать на той сторонѣ Днѣпра Дорошенка и польскіе города; а Юраска Хмельницкій съ калгою салтаномъ идетъ на эту сторону и войска при немъ съ 60,000; хочетъ ханъ Крымскій Юраску сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Изъ Запорожъ писали казаки къ Стенькѣ Разину, будто я, гетманъ, у великаго государя не въ подданствѣ, чтобы Стенька шель на государевы понозные города безопасно, меня не боясь. А если у меня такихъ вѣстей про татарскій приходъ не было, то я бы, по указу великаго государя, послалъ войска своего съ 10,000 человекъ. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ въ Сѣвскѣ быть пѣхотѣ, солдатскимъ полкамъ или стрѣлцкимъ приказалъ, двумъ или четыремъ тысячамъ, потому что чаю я отъ своихъ людей шатости: Юраска Хмельницкій идетъ съ Ордою на сю сторону; а меня мало любятъ, потому что на ихъ руку и къ злой мысли мало поступаю, унимаю ихъ отъ всякой шатости; а что при мнѣ голова московскихъ стрѣльцовъ съ приказомъ, то его въ походъ съ собою брать не буду, потому что онъ будетъ домъ мой оберегать“.

Въ то же время были въ Москвѣ посланцы Варшавича и Многогрѣшнаго, намъ старый знакомый, протопонъ Семень Адаловичъ, и согникъ Василій Семеновъ. Гетманъ извѣщалъ чрезъ нихъ великому государю, что въ малороссійскихъ жителяхъ начала быть шатость: какъ были у царскихъ пословъ съ королевскими комиссарами сѣзды, то будто постановили Киевъ и всѣ города этой стороны отдать Полякамъ; на сѣздахъ былъ Стародубовскаго полковника Рословченка братъ Иванъ, и онъ-то сказывалъ гетману про всѣ посольскія постановленія; гетманъ и старшина отъ этого въ

великомъ сомнѣніи, особенно оттого, что поспланы ихъ на сѣздѣ не были. Если бы въ нынѣшнемъ или въ будущіе годы съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожцы начали быть челомъ великому государю, чтобы собрать черную раду, то великій государь гетмана пожаловалъ бы, черной рады созывать не велѣлъ, чтобъ между ними не учинилось междоусобіе и кровопролитіе, какъ при Брюховецкомъ. Если Дорошенку отъ неприятелей его, Ханенка и Суховѣя, учинится угнѣненіе, и побѣжить онъ въ Кіевъ или иные города этой стороны Днѣпра, или въ слободы на Украину, то великій государь не велѣлъ бы его принимать, чтобы не встало между ними междоусобіе. Если Дорошенко, Ханенко, Суховѣй или Сумской полковникъ и другой кто-нибудь станутъ писать къ царскому величеству на него, гетмана, о какой вѣрности, то чтобы великій государь не позволялъ тому вѣрить. Если на этой сторонѣ ему, гетману, объявится противникъ, то великій государь велѣлъ бы его, гетмана, своими ратями оборонить и въ изнеможеніи позволилъ бы ему въ великороссійскіе города съ домошъ своимъ прѣхать; а когда прѣдетъ, чтобы воеводы или приказные люди неприятелямъ его не отдали. Великій государь велѣлъ бы его, гетмана, обнадежить, что Кіевъ и города восточной стороны не будутъ никогда уступлены королю.

Многогрѣшнѣй думалъ, что Суховѣй и Ханенко заставятъ бѣжать Дорошенко; но вышло противное: Дорошенко поразилъ Суховѣя, Ханенка и Хмельницкаго, взялъ послѣдняго въ плѣнъ и отослалъ къ султану. Сперва Хмельницкій сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ; но потомъ султанъ велѣлъ освободить его, пожаловалъ кормомъ и дворомъ. Торжествующій Дорошенко тѣмъ опаснѣе былъ для Многогрѣшнаго; но къ усобицѣ между гетманами присоединилась еще усобица между архіереями: Іосифъ Тукальскій не переставалъ хлопотать о подчиненіи себѣ Кіева и всей Малороссіи; а такъ какъ политическое раздѣленіе Малороссіи на двѣ части подъ двумя гетманами производило и раздѣленіе церковное, то Іосифъ враждовалъ къ восточному гетману не менѣе Дорошенка. Но если на западной сторонѣ подлѣ Дорошенка находился претендентъ на митрополию, то на восточной, подлѣ Многогрѣшнаго, находился также архіерей, который, какъ мы видѣли, домогался первенства даже и въ томъ случаѣ, если бы Кіевъ отошелъ къ Польшѣ. Лазарь Барановичъ заступился за себя и за своего пріятеля Демьяна Игнатовича, и написалъ государю: „Пресвященный Іосифъ Тукальскій, митрополитъ Кіевскій, домогается у Демьяна Игнатовича, чтобы духовенство восточной стороны находилось въ его послушаніи и повинности. Я отписалъ ему, что Демьянъ Игнатовичъ безъ вѣдома, воли и указу вашего царскаго величества ему этого позволить не можетъ. Что-жъ случилось? Нопъ Романовскій (Романъ Ракушка), который перелѣ тѣмъ въ Нѣжинѣ былъ казакомъ, зашедши на ту сторону Днѣпра, побѣжалъ отъ митрополита Тукальскаго въ

послахъ къ св. Мееодію, патриарху Константинопольскому, и хитростію выправилъ на гетмана Демьяна Игнатовича неблагословенный листъ, чтобы его, этимъ неблагословеніемъ застрашавши и мѣръ въ обиду подавши, ему на сей сторонѣ Украины учинить. Хотя гетманъ вашего царскаго величества и не находится подъ зависимостію Константинопольскаго престола, однако нельзя же не обратить вниманія на имя и власть Вселенскаго патриарха. Демьянъ Игнатовичъ удвѣляется вмѣстѣ со мною такъ неосторожно выданному патриархомъ неблагословенію, что не можетъ не оскорбить и вашъ пресвѣтлѣйшій престолъ, потому что Демьянъ Игнатовичъ вашего войска гетманъ. Онъ быстъ челомъ, чтобы ваше царское величество ходатайствовало предъ патриархомъ Константинопольскимъ о благословеніи ему, и чтобы впередъ патриархъ такъ неосторожно клятвенныхъ листовъ не выдавалъ; достойнѣе клятвы тотъ, кто ее обманомъ у св. патриарха выправилъ и вашего царскаго величества престолъ укоритъ дерзнулъ. Въ этой патриаршей неблагословенной грамотѣ Демьянъ Игнатовичъ и гетманомъ не названъ, названъ простымъ именемъ Демкомъ Игнатенкомъ; мало ли есть Демковъ Игнатенковъ, но гетманъ одинъ—Демьянъ Игнатовичъ. Митрополитъ Тукальскій хочетъ завладѣть духовенствомъ восточной стороны Днѣпра; но здѣсь духовенство и мірскіе люди все хотятъ быть подъ моею паствою. Я отдалъ это дѣло на вашего царскаго величества высокое разсмотрѣніе—вѣдать ли мнѣ все духовенство на сей сторонѣ Днѣпра, какъ гетманъ вѣдаетъ мірскаго чина людей?—потому что трудно духовенству, пребывающему на вашей царскаго величества сторонѣ, переѣзжать къ митрополиту на другую, королевскую сторону. Въ этомъ раздѣленіи могло бы что-нибудь и недоброе возрасти. Митрополитъ Кіевскій хотя и всей Россіи пастырь и экзархъ Константинопольскій, однако не всегда священниковъ этой стороны имѣлъ въ своей паствѣ, но всякій находился въ послушаніи у своего особаго пастыря: черниговскіе—Черниговскаго архіепископа, перяславскіе—Перяславскаго епископа знали; митрополитъ же Кіевскій отъ древнихъ вѣковъ въ Кіевѣ, на своемъ сидѣ вмѣстѣ у Св. Софій, только одною тою стороною Днѣпра довольствовался, и теперь, на той сторонѣ Днѣпра пребывая, довольствоваться тамошнимъ духовнымъ чиномъ можетъ. О Кіевѣ и прежде многократно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству, и теперь повторяю, ибо слыхъ здѣсь пронеслъ, что онъ на комисіи уступилъ Яхамъ и послѣдняго числа ноября нынѣшняго года будетъ отданъ, о чемъ все православныя кіевскія обители плачутъ и весь православный Малороссійскій народъ въ смѣтеніи. Эй, премоисердый, православный царю! пожалѣй крови своей и искони вѣчнаго отечества, потому что сущаго-то вашего царскаго величества кровь—онѣе правовѣрные великіе князья и цари кіевскіе: не отпуская же своего присвоенія и вѣнца царскаго, того святаго

великаго града Кіева отъ своей государской руки правосвѣрной въ иновѣрную, въ вѣчное поношеніе и жалость всему православному христіанскому народу. Сябю припомниги и о государскомъ словѣ (пошеже слово дѣломъ закосишло) насчетъ нанечатанія трудовъ моихъ, „Трубами“ названныхъ: смиренно быю челомъ, чтобы ваше царское пресвѣтлое величество слово свое дѣломъ совершить изволилъ, потому что книги уже исправлены, св. Иоасафомъ патріархомъ благословены“. Протопопъ Семень подать и листъ патріаршескій съ проклятіемъ на Многогрѣшнаго: „Меодій, Вожію милостію архіепископъ Новаго Рима, великій патріархъ. Честный отецъ Романъ, протопопъ Брянскій, извѣстятъ насъ, что, во время войны и смятенія, межъ людьми Демко Игнатенко овладѣлъ домомъ онаго іерея и пограбилъ имѣніе его—четыреста осмачекъ хлѣба, шесть котловъ великихъ, четыре коня, полтараста свиней, двѣ сабли оправныхъ позолоченныхъ, пятьсотъ золотыхъ денегъ, а самого его изгналъ. Если Демко Игнатенко отдастъ протопопу все, что взялъ, въ цѣлости, безъ отговорокъ, по доброй волѣ, то будетъ благословенъ; а если не захочетъ отдать, то да будетъ отлученъ отъ Бога, проклятъ и не прощенъ, мертвый да не разсылется никогда, до уроченнаго суда; камни, дрова, желѣзо да истабюгъ и разсылятся и земля разядется, онъ же никогда. И пожреть его земля, яко Даоана и Авирона; гроза Вожія верху главы его, имѣніе его и труды да будутъ проукаты и да не узритъ счастья никогда. Имѣніе его вѣтромъ да поидеть, напоследокъ же и самъ да обратится ни во что; да познаетъ самъ, яко не съ нимъ Богъ, и св. Ангелъ Вожій на странномъ судѣ не при немъ, отлученъ отъ Церкви Христовой, чтобы его къ церкви никто не прицускалъ, и дабы его не благословили и не кадили, дара Вожія не давали, и у трапезы никто съ нимъ не ѣлъ и не пилъ, и не сидѣлъ съ нимъ, и не прощался съ нимъ, и здоровья не сказывалъ, и когда умереть, чтобы его тѣло никто не хоронилъ подъ тлѣскою нашею клятвою архіепископъской и отлученъ отъ церкви того іерея, который его похоронитъ, будетъ на немъ проклятіе св. 318 богоносныхъ отцовъ Никейскаго собора, доколѣ не отдастъ всѣхъ вещей, взятыхъ у отца господина Романа“.

13-го іюля протопопъ и сотникъ видѣли очи великаго государя, были у него у руки на крыльцѣ передъ передними стѣнами, и по первой статьѣ о Кіевѣ самъ государь объявилъ посланнымъ: Хотя въ Андрусовскихъ статьяхъ и упомянуто было объ отдачѣ Кіева, но такъ какъ Поляки нарушили нѣкоторыя условія, потому теперь онъ и въ помышленіи не имѣетъ Кіева королю отдавать; на нынѣшней комисіи полномочіенныя послы королевскимъ комиссарамъ и слова не дали говорить объ отдачѣ Кіева, восточной же стороны Днѣпра и сами Поляки не домогались. Подлиннаго постановленія о вѣчномъ мирѣ не učinено; а если бы договоръ состоялся, то немедленно дано было бы знать

гетману, чтобы присылалъ своихъ людей на комиссію по статьямъ Глуховскимъ. На вторую статью о радѣ былъ отвѣтъ: Великій государь черневою радѣ, хотя бы отъ кого и челобитье пришло, быть не изволитъ, да и быть радѣ не-для-чего: бываетъ черневая рада для гетманскаго выбора, когда гетманъ умереть или гетманомъ быть не велитъ. Дороженка государь никуда пускать и принимать не велѣлъ. Государь знаетъ вѣрную службу гетмана Демьяна Игнатовича, и если кто-нибудь сгнетъ на него писатъ,—вѣрнѣе не изволитъ; въ нуждѣ восводи его въ царскіе города примуть и неприятели не выдадутъ. Барановичу былъ отвѣтъ, что государь тотчасъ же велѣлъ начать печатаніе „Трубъ“; къ несчастію, бумаги нѣтъ, придетъ изъ-за моря не ранѣе 1-го сентября. Царь обѣщали послать надежнаго Грека къ патріарху Константинопольскому по дѣлу о проклятіи гетманскомъ. Наконецъ Кіевская область и Малороссія по сю сторону Днѣпра отдана въ гетману Барановичу. Протопопъ Семень пшсалъ гетману изъ Москвы: „Царское величество неизреченную милость къ вельможности твоей являетъ; непотребно нимало о милости его сомнѣваться; ктому же и ходатай скорый и пріятный, господинъ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ); онъ къ вельможности твоей совершенную любовь имѣетъ, а это лучше всего; о войскѣ Запорожскомъ и о всей сторонѣ Малороссійской безпрестанно у царскаго престола, какъ мать о чадахъ убиваетъ; сказалъ намъ: „Пока живъ, не перемѣнюсь“. Замедлились мы здѣсь за благимъ совѣтомъ Артемона Сергѣевича, который хотѣлъ, чтобы мы были при отпускѣ нозовыхъ казаковъ Запорожскихъ; не стыдился его милость Артемонъ Сергѣевичъ, именемъ царскимъ выговорилъ Запорожцамъ: „Для чего Ханенко гетманомъ ишнется, и для чего вельможность твою Сѣверскимъ, а не настоящимъ гетманомъ почитаютъ? Запорожцы дали слово быть подъ твоимъ послушаніемъ“.

Для ходатайства предъ Византійскимъ патріархомъ о снятіи проклятія съ Многогрѣшнаго отправился въ Константинополь переводчикъ Христофоровъ, и привезъ оттуда любопытныя извѣстія, показывающія, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился патріархъ вслѣдствіе подданства Дорошенкова султаны. Въ Яссахъ царскій посланецъ встрѣтился съ знаменитымъ Тетерею, который ѣхалъ къ султану. На вопросъ Христофорова, что это значитъ?—Тетеря отвѣчалъ, что въ Польшѣ чести ему никакой не оказали. Приѣхавши въ Царьградъ, Христофоровъ представился патріарху и подарилъ ему царскую грамоту, въ которой Алексѣй Михайловичъ просилъ снять проклятіе съ гетмана Многогрѣшнаго. „О чемъ ко мнѣ великій государь ишметъ“, отвѣчалъ патріархъ, „того я не упомяну, справляю въ своихъ записныхъ книгахъ и завтра тебѣ отвѣтъ дамъ“. На другой день Христофоровъ отправился заотвѣтомъ. „Прискалъ я дѣло“, сказалъ ему патріархъ, „сдѣлалось оно по неволѣ, такимъ образомъ: не стало въ Польскомъ ко-

ролевствѣ, въ городѣ Львовѣ, православнаго епископа; одинъ Латинецъ, именемъ Симеонъ, пожелалъ Львовскаго архіерейскаго престола, и билъ челомъ Волошскому господарю, чтобы писалъ объ немъ ко мнѣ. Господарь ко мнѣ написалъ: но я ему отказалъ, что безъ вѣдома всѣхъ православныхъ львовскихъ жителей въ епископы поставить мнѣ никого нельзя. Тогда этотъ Латинецъ нашелъ въ Волошской Землѣ двоиъ запрещенныхъ митрополитовъ, которые и посвятили его въ епископы въ городѣ Сочавѣ, и отпустили во Львовъ; но львовскіе православные на престолъ его не пустили, и выбрали набожнаго и добраго человека, инока Юсифа, ко мнѣ его прислали, и я поставилъ его къ нимъ въ епископы. Но Латинецъ Симеонъ билъ челомъ Дорошенку и Тукальскому, чтобы они о немъ писали ко мнѣ, и они написали, что Симеонъ этотъ человекъ добрый, ученый и христіанинъ православный. Съ грамотами ихъ прѣхалъ ко мнѣ Браславскій протопопъ Романовскій. Я отвѣчалъ, что уже епископъ поставленъ во Львовъ, а Симеона посвящать невѣдомо кто. Тогда Романовскій поѣхалъ къ султану, и я получилъ грамоту отъ каймакама Мустафы-паши, что султанъ приказываетъ мнѣ исполнить то, о чемъ писалъ Дорошенко. Я не послушался; но Романовскій поѣхалъ въ другой разъ къ султану, и привезъ мнѣ грамоту уже отъ самого султана, чтобы я сейчасъ же исполнилъ Дорошкову просьбу. Тутъ дѣлать мнѣ было нечего: отставилъ я епископа Юсифа и благословилъ Симеона. Въ это же время протопопъ Романовскій билъ мнѣ челомъ, что во время войны Демьянъ Игнатовичъ погребилъ у него имѣніе и до сихъ поръ имъ владѣеть, и чтобы я, патріархъ, предель за это Демьяна проклятію, а того мнѣ не сказалъ, что Демьянъ гетманъ и царскаго величества подданный. Я, посоветовавшись со всѣмъ Соборомъ, далъ Романовскому на Демьяна проклятую грамоту, въ которой написано: если дѣйствительно такъ, какъ доносилъ Романовскій, то анаема”.

„Учии, святѣйшій патріархъ, по прошенью царскаго величества”, началъ Христофоровъ, „изволъ дать прощальную грамоту гетману Демьяну Игнатовичу и съ тѣмъ отпусти меня къ царскому величеству“. — „Никакъ мнѣ этого сдѣлать нельзя”, отвѣчалъ патріархъ, „если бы отъ этого мнѣ одному приключилась бѣда, то я принялъ бы съ радостію; но опасуюсь, чтобъ не навести бѣды всему христіанству; пошлю я къ Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а онъ станетъ этихъ хвалиться: узнаетъ Дорошенко, — тотчасъ отпишетъ къ султану, и будетъ отъ этого великое кровопролитіе“.

„Опасаться тебѣ нечего”, возражалъ Христофоровъ, „прощальную грамоту отвезу я къ царскому величеству, и царское величество изволитъ отослать ее къ гетману, и прикажетъ, чтобы держалъ ее при себѣ, для души своей, а хвалиться ему предъ народомъ не-для-чего“. — „Вотъ посмотри“, отвѣчалъ патріархъ, „какую сочинили ложную грамоту,

будто я писалъ ее къ великому государю. Грамота объявилась у визиря; визирь призывалъ меня и хотѣлъ-было погубить, да, спасибо, оправдали меня добрые люди; однако дѣло стоило мнѣ съ пятьсотъ мѣшковъ“. Наконецъ патріархъ далъ грамоту.

Въ Константинополѣ патріархъ боялся Дорошенки, какъ присяжника султана; а въ Чигиринѣ Дорошенко увѣрялъ греческаго архіерея въ своей преданности православному монарху. Весною 1671 года заѣхалъ къ нему греческій архіерей Манассія, отправлявшійся въ Москву, и Дорошенко началъ ему говорить: „Писать я къ царскому величеству не смѣю; донеси великому государю, что мы ради ему служимъ; отъ польскаго насилія принуждены мы на время поддаться Агаряину. Чтобы великій государь, для Святой Восточной Церкви, принялъ насъ подъ свою руку, держалъ бы насъ, какъ держитъ нашихъ братьевъ той стороны; а если не захочетъ принять, то помирить бы насъ съ Польскимъ королемъ. Въ 68 году приходилъ я въ царскіе задыбровскіе города съ Татарами по прошенью Ивашки Брюховецкаго и иныхъ старшинъ; однако и тогда я казаковъ и Татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ, взятыхъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву мн о г и хъ (!) отпустилъ, хотя и претерпѣлъ за то отъ Татаръ большую бѣду: полковниковъ, которые съ Демьяномъ Игнатовичемъ царскому величеству поддались, не договаривалъ и впередъ подговаривать не буду. Чтобы гетманъ той стороны со мною въ дружбѣ былъ и запорожскихъ посланцовъ къ Польскому королю не пропускалъ; а споры всѣ отъ Запорожцевъ: чтобы великій государь ни въ чемъ имъ вѣрить не изволилъ. Если государь пришлетъ ко мнѣ свой указъ, то я и Стеньку Разина къ его царскому величеству попрежнему въ подданство наговорю“. — Въ Каневѣ Тукальскій объявилъ Манассію, что какъ скоро государь обнадѣжитъ ихъ, что приметъ въ подданство, то онъ, митрополитъ, сейчасъ же самъ поѣдетъ въ Москву, а теперь ѣхать и писать не смѣетъ, потому что и прежнія его письма объявились у Поляковъ. Въ грамотѣ своей къ царю Дорошенко особенно нарекалъ на Запорожцевъ, которые, по его словамъ, и при Богданѣ Хмельницкомъ, и при другихъ гетманахъ, творили великое смятеніе между русскими христіанами, надъ безчисленными благочестивыми людьми убиства, мучительства и кровопролитіе непоняли „Самъ я“, писалъ Дорошенко, „Восточной Церкви уды, и потому, ища добра перквамъ російскимъ, тебя, православнаго государя, за главу себѣ имѣю“.

Лѣтомъ 1671 года на западной сторонѣ Днѣпра началась война; съ одной стороны Дорошенко съ Турками и Татарами, съ другой — Поляки пустошили несчастную страну; Ханенко и Сѣрко были на сторонѣ польской. Но и восточная сторона не была покойна. Въ концѣ 1671 года въ Москвѣ узнали, что гетманъ Многогѣршій обнаруживаетъ сильное неудовольствіе, вслѣдствіе неопредѣленія гра-

ницѣ между Малороссією и Литвою по рѣкѣ Сожѣ. „Если царское величество“, говорилъ гетманъ царскому посланцу, подъячому Савину, „если царское величество изволилъ земли наши отдавать королю понемногу, то ужъ изволилъ бы насъ и всѣхъ отдать,—король будетъ намъ радъ! Но у насъ на этой сторонѣ войска тысячь со сто, будемъ обороняться, а земли своей не уступимъ. Отъ насъ задору никакого нѣтъ и не будетъ, а за правду будемъ головы свои складывать. Ожидалъ я къ себѣ царскаго величества милости больше прежняго, а царское величество изволилъ насъ въ неволю отдать: нашихъ купцовъ Польскіе люди грабятъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Кіева разоряютъ, а великій государь ничего намъ не сдѣлаетъ и насъ не обороняетъ; еслибъ мы сами себя не обороняли, то давно бы насъ Поляки въ неволю побрали; а на оборону отъ Московскихъ людей надѣяться намъ нечего.“ Все это говорилъ гетманъ съ сердцемъ, и тотчасъ же поѣхалъ съ челядью своею въ поле. Тамошніе люди Савину сказывали: когда гетманъ сердитъ или въ какомъ сумнительствѣ, то все ѣздитъ по полямъ и думаетъ про всякія дѣла.

Гетманомъ дѣйствительно овладѣло сильное сумнительство: „Я“, говорилъ онъ, „пынѣшяго своего чина не желаю, потому что очень боленъ, желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мнѣ смерть приключится, то у казаковъ такой обичай—гетманскіе пожитки всѣ разнесутъ, жену, дѣтей и родственниковъ моихъ нищими сдѣлаютъ; да и то у казаковъ бываетъ, что гетманы своею смертію не умираютъ; когда я лежалъ боленъ, то казаки собирались всѣ пожитки мои разнести по себѣ“.

Для объясненій по дѣламъ польскимъ, въ январѣ 1672 года, къ Демьяну въ Ватуринь явился стрѣльцкій полуголова Тапѣевъ. „Точно“, сказалъ гетманъ Тапѣеву, „я говорилъ, что великій государь изволилъ отдавать землю нашу понемногу; говорилъ для того, чтобы великій государь пожаловалъ, Поляковъ пускать за Днѣпръ и за Сожу не велѣлъ; только ихъ пустить за рѣку Сожу—и они стануть вступаться въ малороссійскіе города, земли и уголья, стануть называть города многіе на этой сторонѣ Днѣпра своими; правда ихъ и постоянно мнѣ извѣстны, на чемъ пунггы ни становятъ, никогда того не держатся“. Въ Ватуринь при гетманѣ жилъ въ это время голова московскихъ стрѣльцовъ, Григорій Неѣловъ; онъ поразсказалъ Тапѣеву много новостей: „Здѣль Нѣжинскій протопопъ въ Повгородокъ-Сѣверскій къ архіепископу Лазарю Барановичу, забралъ по дорогѣ въ Ватуринь, былъ у гетмана, и тотъ началъ ему говорить: „Я узналъ, что государь указалъ быть на мое мѣсто гетманомъ Кіевскому полковнику Константину Солонинѣ, а меня отставить“. Протопопъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ не вѣрилъ такимъ словамъ, государь его жалуетъ и никогда не переѣмнитъ. Гетманъ осерчалъ и хотѣлъ своими руками отсѣчь протопопу голову саблею у себя, въ свѣтлицѣ, и бранилъ его всячески, кричалъ: „Ты за

одно съ Москаями мною торгуешь!“ Протопопъ перепугался, не ставъ при гетманѣ сходитьсь съ Неѣловымъ и ему подходитъ къ себѣ не велѣлъ, видѣлся съ нимъ тайно у церкви и велѣлъ беречься, чтобы какого лиха отъ тѣхъ словъ не сдѣлалось въ Украинѣ“.

Симеонъ Адамовичъ самъ описалъ Матѣеву разговоръ свой съ гетманомъ: „Яко изначала началъ я за помощію Божією служить вѣрно великому государю, тако и нынѣ, сколько могу, служу и радѣю; только пынѣшней наглою, нашедшей на гетмана скорби никоими притчами и вѣрами исцѣлти не могу. Нѣкто крамольникъ вмѣстилъ гетману, будто великій государь Константина Солонину гетманомъ Запорожскимъ уинилъ. Зѣло о томъ сѣтуешь; скорбитъ о томъ, что Шво съ Ляхами около Кіева монастыри и монастырскія отчины попустилъ; спрашиваетъ, по коихъ мѣсть граница съ Ляхами? а мнѣ почему знать! И о Кіевѣ сѣтуешь, и говоришь, буде Кіевъ великій государь отдастъ? И я ему клянуса душею и священствомъ, что ничего того великій государь не мыслитъ, и на меня оскорбился, смертною казною грозя: если что съ Москвы послышу неприятное, велю тебя лютою смертію уморити. И я ему сказалъ, что за истину и за великаго государя готовъ умереть, а то все сказываютъ ложь, и его милостію государскою безпрестанно обнадѣживаю, а какъ увидай конечную его непреклонную скорбь, пріѣхавъ изъ Ватурина февраля въ 1-е, посовѣтовавъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ив. Ив. Ржевскимъ, нарочно скорымъ гономъ в. государю и твоей милостію о томъ вѣстно чинилъ. Бога ради, попейтесе, какъ скоряе, посылайте какова ума челоуѣка отъ в. государя къ гетману съ грамотою, обнадѣживая его, опишите о Кіевѣ и о границѣ, что Кіевъ не въ отдачѣ Ляхамъ, и о томъ, что о Солонинѣ на гетманство и не помышляется, потѣшите Господа ради!“ Велѣдъ за грамотою, протопопъ, вмѣстѣ съ есауломъ Павломъ Грибовичемъ, отправился въ Москву въ послахъ отъ гетмана.

Дѣйствительно, молва о смѣнѣ Многогрѣшнаго Солонинноу невѣдомо откуда шла по Украинѣ; но мы знаемъ, съ какою легкостію вѣрили въ Украинѣ всякой молвъ; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого. Къ Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому пришелъ того же города казацкій полковникъ Гвинтовка и началъ говорить, что царь велѣлъ переѣмнитъ гетмана и всю старшину. Ржевскій позвалъ его къ себѣ обѣдать; тотъ не пошелъ и сказалъ: „Какъ къ вамъ идти? какіе вы добрые люди, что такъ дѣлаете неостойно?“ Старая сказка объ уступкѣ Кіева и всей Малороссіи королю Польскому опять пошла въ ходъ. Многогрѣшный говорилъ Неѣлову: „Государь съ королевемъ помирился, городъ Кіевъ и насъ всѣхъ уступилъ Полякамъ; но если такъ сдѣлано, то мы всѣ, покиня жепъ своихъ и дѣтей у царскаго величества, пойдемъ головами своими противъ Поляковъ бороться; Кіева, Печерскаго монастыря и малороссійскихъ

городовъ въ королевскую сторону не отдадимъ, у короля въ подданствѣ никогда не будемъ; даль миѣ знать объ этомъ Дорошенко, а Дорошенку сказывалъ польскій посолъ.“ Когда пропелся слухъ о смѣнѣ Демьяна Солониню, то гетманъ шлъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время, съ Неѣловымъ не говорилъ ничего и къ себѣ не призывалъ, пьяный изрубилъ саблею Переяславскаго полковника Дмитранка Райчу, такъ что тотъ слегъ отъ ранъ. Въ другой разъ, напившись, билъ по щекамъ и пинками и хотѣлъ рубить саблею судью Ивана Домонтова, насили Неѣловъ отнял у него саблю, за что Демьянъ бранилъ его Москалемъ.— „Но когда гетманъ не пьетъ“, говорилъ Неѣловъ Таиѣеву, „то у него все разсмотрительно; теперь всл старшина боится его взгляду, и говоритъ ни о какихъ дѣлахъ не смѣются, потому что гетманъ сталъ къ нимъ непомѣрно жестокъ. Судьи очень тужать; говорили миѣ, что гетманъ теперь сталъ очень сердитъ на нихъ всѣхъ старшинъ: только кто молвить слово—онъ и за саблю, слуху никому нѣтъ; Стародубскаго полковника Петра Рословченка онъ перемѣнилъ, велѣлъ быть полковникомъ брату своему родному, Саввѣ Шумѣйку; Рословченку сидитъ въ Ватуринѣ за карауломъ, за что сидитъ—ничто не вѣдаетъ и бить челомъ никто за него не смѣетъ. Старшины—обозной Петръ Забѣла, и судьи, и Дмитранка Райча—в. государю служить вѣрно и обо великихъ новостяхъ миѣ даютъ знать, только боятся со мною видѣться днемъ, потому что безпрестанно гетманъ велитъ челядинкамъ своимъ за ними смотрѣть, чтобы они съ Московскими людьми не сходились; съ новостями приходять они ко миѣ по ночамъ; я привелъ ихъ къ присягѣ: дѣловали образъ Спасовъ, что быть имъ неотступно подъ государевую руку. Однажды говорилъ со мною гетманъ: „Какъ бы царское величество изволилъ той стороны Дѣйбра гетмана Петра Дорошенка принять подъ свою высокую руку, то онъ бы, Дорошенко, былъ на той сторонѣ Дѣйбра гетманомъ, а я—на этой сторонѣ. Дорошенко бы ту сторону отъ неприятельскихъ людей оберегалъ, а эта сторона была бы въ мирѣ и тишинѣ; на сю сторону Дорошенко неприятелей не пускалъ бы.“ Неѣловъ объяснилъ и причину такой внезапной перемѣны въ отношеніяхъ Многогробинаго къ Дорошенку: „Гетманъ“, говорилъ онъ, „ссылается тайно и безпрестанно съ Дорошенкою, на банкетахъ цѣлетъ здоровье Дорошенка и меня пять заставляеть. Вѣль гетманъ на банкетѣ у полковника Дмитранки Райчи и говорилъ всей старшинѣ: „Видите вы, какая ко миѣ великаго государя неизреченная милость: приславъ ко миѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, и у него стрѣльцовъ въ полку съ 1,000 человекъ.“ Старшина говорилъ: „Если бы не царская милость и не радѣнье бабки нашего и добродѣя, неотступнаго просителя государскаго милости ко всей Украинѣ, Артемона Сергѣевича Матѣева если бы хотя мало присылка Таиѣева запоздала, то бытъ бы въ Украинѣ большимъ бѣ-

дамъ, должно быть ангель благовѣстия великому государю, что на эти лихіе часы, въ такихъ нашихъ смутныхъ бѣдахъ пришла къ своему послу,—его прїѣздомъ все у насъ пошло хорошо попрежнему, и многія души освободились отъ невнинаго турбованія.“ Неѣловъ говорилъ Таиѣеву: „Если гетманъ станеть штъ попрежнему, то я боюсь бѣды; ключи городскіе у меня: кто откуда ни прїѣдетъ, гетманъ приказалъ миѣ, разспрося, посылать къ себѣ.“

Когда въ Москвѣ получена была грамота Симеона Адамовича, то поскакалъ въ Ватуринъ Малороссійскаго Приказа переводчикъ Григорій Колчицкій съ царскою грамотою къ гетману. Государь писалъ: „Нашего указа не бывало, чтобы Солонинъ быть гетманомъ; мы никогда не назначимъ гетмана безъ челобитья всего войска Запорожскаго и безъ рады войсковою даже и по смерти твоей. Солонинна удержанъ въ Москвѣ для переговоровъ съ польскими послами“. Выслушавъ грамоту, гетманъ сказалъ: „Въ грамотѣ написано: государю вѣдомо учинилось, что я пребываю въ великомъ сомнѣніи насчетъ Солонинцы; а отъ кого вѣдомо учинилось—въ грамотѣ не сказано“.— „Великому государю и миѣ это неизвѣстно“, отвѣчалъ посланный. „Если слухъ пошелъ отъ Малоросіинъ, уйма ихъ по своимъ правамъ; если отъ московскихъ ратныхъ людей, отпиши объ нихъ къ в. государю“.— „О назначеніи Солонинцы“, сказалъ гетманъ, „слышала мой слуга въ Кіевѣ. Тотъ же слуга сказывалъ миѣ, что жена Солонинны разослала по Кіевскому полку листы, приказывая, чтобы готовили стацію къ прїѣзду мужа ея. Я велѣлъ ей быть въ Ватуринѣ для допору“. При Колчицкомъ прїѣхала она въ Ватуринъ и объявила, что ничего не слышала и ни о чемъ не приказывала. Гетманъ велѣлъ отпустить ее въ Кіевъ. Посланный обнадеживалъ гетмана и насчетъ Кіева, что никогда не будетъ отданъ Полякамъ; гетманъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не сомнѣвается, но попомъ высказалъ новую причину неудовольствія на Москву: „Какая миѣ и войску честь отъ великаго государя? На Глуховской радѣ постановлено, что при переговорахъ съ Поляками присутствуюгъ посланцы войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ, а теперь на Москвѣ посланцевъ наишъ и въ палату не пускаютъ. Войску Запорожскому оттого безчестье и печаль велика!“— „Послѣ переговоровъ“, отвѣчалъ Колчицкій, „полковнику Солонинѣ и товарищамъ даютъ знать обо всемъ и отиѣтныя письма объявляюгъ“.— „Какъ тому вѣрить?“ возразилъ гетманъ, „показываюгъ что написано русскимъ письмомъ: вольно, что хотягъ, написать; а намъ тутъ большое сомнѣніе“.— „Не одинъ русскія письма показываюгъ, но и польскія“, отвѣчалъ посланный, увѣряя гетмана, что его служба и радѣнье не будутъ забвенны у великаго государя. „Еслибъ я мыслилъ зло“, слазалъ гетманъ, „то этихъ словъ не объявлялъ бы“. Но еще Колчицкій былъ въ Ватуринѣ, какъ 20 февраля Неѣловъ далъ знать Нѣ-

жинскому воеводѣ Ржевскому, что въ Батуриинѣ становится тяжело и часть оныхъ бѣды: пришелъ въ Батуриинѣ Ворошиловскій полкъ, и казаки этого полка разставлены по тѣмъ же дворамъ, гдѣ стоятъ стрѣльцы, и казаки говорятъ стрѣльцамъ непристойныя слова, отъ которыхъ и прежде была бѣда. Самъ Ржевскій писалъ къ Кіевскому воеводѣ, князю Козловскому, смѣшившему Шереметева, что сынъ Пѣжинскаго полковника Гвинтовки объявилъ ему, что гетманъ Демьянъ посылаетъ въ Кіевъ Стародубскій полкъ брата своего Шумѣйка, да изъ Ватурина Ворошиловскій полкъ. Ржевскій въ той же грамотѣ жаловался Козловскому, что Гвинтовка начинать быть къ нему недобрь, и жители пѣжинскіе не попрежнему ласковы. Пришелъ въ Кіевъ Гоголевскій попъ Исакій и объявилъ воеводѣ: „Быль я въ Терехтемировскомъ монастырѣ и слышалъ отъ тамошняго игумена, что гетманъ Демьянъ и полковники разныхъ городовъ Переяславской (восточной) стороны часто списываются съ гетманомъ Дорошенкомъ о томъ, чтобы имъ не допустить государя до миру съ Польскимъ королемъ; а если государь отдастъ Кіевъ Польскому королю, то имъ соединиться всемъ съ обѣихъ сторонъ, за Кіевъ стоять и съ Поляками битися.“

Въ Батуриинѣ опять поскакали только-что возвратившіеся оттуда Танѣевъ. Выслушавъ успокоительную царскую грамоту, гетманъ долго молчалъ, потомъ началъ: „Какъ мнѣ, начальнымъ людямъ и всему войску Запорожскому не имѣть опасенія, видя, что великій государь Кіевъ и эту сторону Днѣпра отдаетъ Ляхамъ въ вѣчную нестерпимую неволю, посыланіе и безчестіе, церкви Вожіи на унию, разореніе и запустѣніе отдаетъ тайно, потому что во время переговоровъ въ Москвѣ нашимъ посланцамъ не позволяли сидѣть въ посольской избѣ и вольныхъ голосовъ имѣть, держатъ ихъ на Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто королевскіе послы этого не хотятъ, называя ихъ своими холопями. Но это сдѣлали не королевскіе послы, а царскіе бояре, чтобы отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ была невѣдома войску Запорожскому. Этимъ войско Запорожское на-вѣки обезчещено. Поляки станутъ смѣяться надъ нами и въ хроникѣ впередъ для спору напишутъ, что Москва казакъ въ посольство не допустила. Когда ранята кого въ лобъ, то хотя рану и залѣчатъ, но знакъ ея до смерти останется: такъ и намъ этого безчестія вѣчно не забыть. А великій государь городъ Кіевъ и все малороссійскіе города не саблю взялъ, поддался мы добровольно для единой православной вѣры. Если Кіевъ, малороссійскіе города, я и все войско Запорожское великому государю не надобны, отдастъ королю, то оны бы воеводъ своихъ изъ этихъ городовъ велѣлъ вывести, мы съедемъ себѣ другого государя. И Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ, да не утерпѣлъ, и хотя смерть принималъ, а на своемъ поставилъ: такъ и я, видя неправды великія, велѣлъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго городка

отгородить, а что отъ этого сдѣлается,—Богъ вѣдаетъ. Да и время намъ искать другого государя, кромѣ короля, а подъ королевскою рукою не будемъ, хоть до ссупаго младенца помремъ. Поляки хотятъ на московскія деньги идти на Дорошенка, усмирить его, и потомъ взять Кіевъ и малороссійскіе города; но мы, войско обѣихъ сторонъ Днѣпра, соединясь съ Туркскимъ войскомъ и съ Татарами, пойдемъ противъ польскихъ силъ, и хотя все помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ не дадимъ. Да и дожидаться не станемъ: послѣ Свѣтлаго Воскресенія пойдемъ въ Польское государство войною, великимъ собраньемъ; Варшава и все польскіе города не устоятъ, будутъ сдаваться, потому что во всехъ городахъ православія много; развѣ устоитъ Каменецъ-Подольскій—и то не надолго; ни одинъ Полякъ не останется, развѣ православной вѣры, и непосланные люди подъ державою Турскаго султана будутъ; а какъ надъ Польскимъ государствомъ чужойной, такъ и другому кому тоже достанется. Государь пишетъ, что списокъ съ договорныхъ статей пришлетъ съ полковникомъ Солохиною; но я и все войско этимъ спискамъ не вѣримъ, чего глаза наши не видали и уши не слышали. И такъ много кои мнѣ писемъ съ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявляютъ; много съ Поляками договоры чинять, а границъ не чинятъ; а Поляки мало-по-малу Малороссійскій край заѣзжаютъ; полковникъ Пиво около Кіева все запустошилъ, людей побивалъ въ посадахъ. Гомельцы просятся къ войску Запорожскому, и мнѣ не принять ихъ нельзя, войско никоимъ образомъ не отгоняетъ, да и время мнѣ свой разумъ держать. Писалъ я къ царскому величеству о Дорошенкѣ и Запорожцахъ; мнѣ даютъ знать, что съ отвѣтомъ скоро пріѣдетъ голова московскихъ стрѣльцовъ Колунаевъ; но оны присланъ будетъ не для тѣхъ дѣлъ,—знаю я для чего оны пріѣдутъ; да пусть нездоровъ пріѣдетъ. И ты если еще ко мнѣ съ неправдою пріѣдешь, то будешь въ Крымъ, потому что и ты у Поляковъ набрался ихъ лукавыхъ нравовъ. Какъ польскіе послы, набравшись на Москвѣ денегъ, пойдутъ въ свою Землю на Смоленскъ или на другіе тамошніе города, то наши казаки эту казну съ ними раздѣлять, а хорошо, если бы они пошли на малороссійскіе города: тогда и намъ бы что-нибудь досталось.“ Получивши такой пріемъ, Танѣевъ бросился къ Неѣлову; тотъ подтвердилъ, что Демьянъ конечно соединился съ Дорошенкомъ, съ нимъ и съ его стрѣльцами обходится не попрежнему, на караулахъ велѣлъ стоять стрѣльцамъ съ убавкою. а которые ставились по форткамъ,—тѣхъ велѣлъ свести. „Старшины“, продолжалъ Неѣловъ, „обозный Петръ Забѣла, судья и полковникъ Дмитрашка Райча государю служатъ вѣрно, про всякія вѣдомости мнѣ знать даютъ; они говорятъ, что Демьянъ государю измѣнилъ, соединясь съ Дорошенкомъ, поддался Турскому султану, далъ Дорошенку въ помощь на войско 24,000 ефимковъ, во всехъ

полкахъ помѣстить полковникамъ родню свою, братьевъ, зятей и друзей, и хотеть сдѣлать такъ же, какъ и Брюховецкій; имѣніе свое изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Круницкій монастырь и въ Сосницу; брату своему, Василию, велѣлъ большой Черниговъ отгородить отъ малаго городка, въ которомъ царскіе ратные люди, и шанцы сдѣлать, а имѣніе ему велѣлъ вывезть изъ Чернигова въ Седневь; самъ Демьянъ хотеть идти съ женою и дѣтьми изъ Батурина въ Лубны 15 марта. Наконецъ Многогрѣшный, призвавъ старшину, объявилъ, что государь къ нему пишетъ всю старшину прислать въ Москву, а изъ Москвы разослать ихъ въ сибирскіе города на вѣчное житье“.

Ночью на 8 марта, Танѣевъ и Неѣловъ отправились къ Петру Забѣлѣ въ стрѣльцкихъ шинухахъ, съ бойдерами и бердышами. Тамъ, кромѣ хозяина, были судьи, Иванъ Домонтовичъ и Иванъ Самойловичъ и Дмитрашка Райча. Какъ увидали старшину Московскихъ людей, залился слезами и повелъ жалобную рѣчь: „Бѣда ваша великая, печаль неутолимая, слезы неутолимая! По наученью дьявольскому, по прелести Дорошенковой, гетманъ, забывъ страхъ Божій и судъ Его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю измѣнилъ, соединился съ Дорошенкою подъ державу Турскаго султана. Посылалъ гетманъ къ Дорошенку совѣтниковъ своихъ чернецовъ, и Дорошенко при нихъ присягнулъ ему, а чернецы присягнули Дорошенку за гетмана; потомъ Дорошенко прислалъ къ гетману Спасовъ образъ съ своими посланцами, и гетманъ клялся при нихъ, и посланцы дали ему клятву за Дорошенка. Послѣ этой присяги, гетманъ послалъ Дорошенку въ помощь, на жалованье войску, 24,000 ефимковъ. Къ намъ, старшинѣ, гетманъ сталъ безбѣрно жестокъ, не дасть ни одного слова промолвить, бьетъ и саблю рубитъ; во всѣхъ полкахъ подбѣгалъ полковникамъ и старшиную все своихъ братьевъ, зятей, друзей и собесѣдниковъ. Говоритъ, будто послалъ Ворошиловъ полкъ во вѣстия къ Днѣпру; но послалъ онъ его не къ Днѣпру, а въ Лубны, къ зятю своему, и велѣлъ поставить на Чигиринской дорогѣ; во всѣ полки разослалъ универсалы, будто Татары вышли къ Дорошенку, и изю всѣхъ мѣстъ велѣлъ идти въ осаду, точно такъ же, какъ и Брюховецкій дѣлалъ. Имѣніе свое все изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Круницкій монастырь, а изъ монастыря въ Сосницу; самъ съ женою и дѣтьми хотеть идти въ Лубны 15 марта, а славу пускаеть, будто идетъ въ Кіевъ молиться. Насъ, старшину, возьметъ съ собою; мы боимся, какъ только насъ изъ Батурина вывезетъ, велитъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ; да и то опасно: какъ поѣдетъ изъ Батурина, велитъ послѣ себя на воротахъ стать мужикамъ силою, стрѣльцы пустить ихъ не захотятъ, и оттого начнется задоръ, кровопролитіе великое, что и будетъ началомъ войны. Стрѣльцовъ въ Батуришѣ мало, да и тѣ худы: надѣяться на нихъ нельзя. Неѣлова, выманя за го-

родъ, не связалъ бы и въ Крымъ не отдалъ; давно бы онъ надъ нимъ и надъ стрѣльцами сдѣлалъ дурно, да мы по сіе время берегли. Да и васъ отпуститъ ли; а если и отпуститъ, то въ Королевцѣ и Глуховѣ будутъ обыскивать писемъ. Степана Гречанаго, который былъ въ Москвѣ съ полковникомъ Соловиную, заведши въ комнату, привелъ къ присягѣ, что быть съ нимъ заодно, и велѣлъ ему писать то, чего отнюдь на Москвѣ не бывало, чтобъ этимъ отворотить Украйну отъ государя. Однажды гетманъ созвалъ къ себѣ всѣхъ насъ и говоритъ: „Царское величество издавна пишетъ ко мнѣ, чтобъ я всю стринну прислать въ Москву, а изъ Москвы хотеть сослать въ Сибирь на-вѣки“. Мы ему въ этомъ не вѣримъ: затѣваетъ онъ своимъ злымъ умысломъ. Какъ будетъ въ Лубнахъ и Сосницѣ, соберетъ къ себѣ всю старшину и духовныхъ, прочтетъ имъ письма Степана Гречанаго, такъ-же объ отсылкѣ всей старшины въ Сибирь, и станетъ говорить: „Видите, какъ Москва обманчива; что намъ отъ нихъ добраго ждать?“ Въ Лубны Дорошенко пришлетъ къ нему Татаръ, а послѣ и самъ гдѣ-нибудь съ нимъ увидится“. Райча объявилъ: „Призывалъ меня гетманъ почью и велѣлъ дѣловать Спасовъ образъ, что быть съ нимъ заодно и государевыхъ ратныхъ людей побивать, послѣ чего подарилъ мнѣ свой лукъ. Я эту присягу въ присягу не ставлю, потому что присягалъ неволею, убоясь смерти, да и не по правдѣ“. Старшины просили, чтобы Танѣевъ передалъ все это Матвѣеву, а тотъ бы доложилъ государю, чтобы великій государь не отдалъ отчины своей злощипною волку въ разоренье, изволилъ въ Путивль прислать пастьхъ самыхъ выборныхъ конныхъ людей, чело-вѣкъ 400 или 500, а къ нимъ прислать свою милостивую обнадеживательную грамоту. Они и Неѣловъ дадутъ ратнымъ людямъ знать, чтобы приближали въ Батуришъ на-сѣбѣхъ: можно на Копотопъ поспѣть объ одну ночь; но еще до ихъ прїѣзда они свяжутъ волка и отдадутъ Неѣлову, а когда прїѣдутъ ратные люди, отомлютъ съ ними въ Путивль и, написавъ всѣ его измѣны, повезутъ къ великому государю сами. Вся бѣда чинится отъ совѣтниковъ его, протопопа Симеона Адамова, есаула Навла Грибонича, Батуринаскаго атамана Еремея, а промышленникъ во всемъ Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Больше всѣхъ ссорщикъ протопопъ Семенъ: посылаетъ его гетманъ на Москву для провѣдыванія всякихъ вѣстей, а тотъ, желая его удобрить, сказываеть ему то, чего не бывало. „Глуховскія статьи становилъ я“, сказалъ Забѣла, „въ нихъ написано: духовнаго чина въ посольствѣ не посылать и не принимать, и именно Нѣжинскаго протопопа Семена Адамова. Если сего злощипника Многогрѣшнаго Вогу продасть въ руки наши, то чтобы великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ быть гетманомъ боирину великороссійскому: тогда и постоянно будетъ; а если гетману быть изъ Малороссійскихъ людей, то никогда добра не будетъ“.

Между тѣмъ виновники всего зла, по словамъ старшины, протопопъ Симеонъ Адамовичъ и есаулъ Грибовичъ отправили свое посольство къ Москвѣ, подали информацию отъ Демьяна Игнатовича: гетманъ просилъ о размежеваніи Малороссіи съ Литвою; жаловался, какъ смѣли польскіе послы не пустить казацкихъ посланцовъ къ засѣданію при переговорахъ: „Время господамъ Ляхамъ перестать съ нами такъ обращаться, потому что съ такимъ же ружьемъ, съ такими же саблями и на такихъ же коняхъ сидимъ, какъ и они; пусть знаютъ, что еще не засохли тѣ сабли, которыя насъ освободили отъ холопства и отъ тяжелой повинности. Молвимъ царское величество, чтобы господа Ляхи не смѣли больше называть насъ своими холопами. Довольно нашего терпѣнія! Польскій полковникъ Ииво пустошитъ хутора кievскіе, захватилъ шесть человѣкъ и куда дѣвалъ—неизвѣстно; мы послали бывшаго Черниговскаго полковника Лысенка въ Кіевъ; тотъ обратился къ воеводѣ, князю Козловскому, съ просьбою о помощи. „Не могу тебѣ помочь“, отвѣчалъ воевода, „потому что отъ царскаго величества заирать Поляковъ указа не имѣю“. Посланные должны подать царскому величеству росписи убытковъ, причиненныхъ Иивою, и спросить, неужели гетману и войску оставаться долѣе въ такомъ смущеніи?“

Смущеніе кончилось, ибо Забѣла съ товарищами исполнили свое обѣщаніе: въ ночь на 13 марта они схватили Многогрѣшнаго и отправили въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ. Братья Многогрѣшнаго — Василій и Шумѣйка, — услышавъ о судьбѣ гетмана, скрылись. 6 апрѣля тайно пришелъ къ Кіевскому воеводѣ, князю Козловскому, Кіево-братскаго монастыря ректоръ, игуменъ Варлаамъ Яенискій, и сталъ умолять, чтобы о его извѣстѣ не свѣдали малороссійскіе духовные и мірскіе люди. Воевода обѣщаль глубокую тайну, и Варлаамъ началъ: „Пришли ко мнѣ два монаха и показали прохожій листъ отъ игумена Макаковскаго монастыря Ширковича, и сказали, что пришли за своими дѣлами, и ихъ отпустилъ уже изъ кельи, но одинъ изъ нихъ вернулся и началъ меня упрекать: „Умилосердись, отецъ ректоръ, вели меня проводить до Печерскаго монастыря, чтобы меня Московскіе люди, Кіевскіе казаки и жители не опознали: я гетмана Демьяна братъ, Василій Многогрѣшный! Теперь онъ у меня“. Воевода сейчасъ же послалъ захватить бѣглеца въ Братскомъ монастырѣ и привести въ приказную избу, гдѣ его допросили и отправили въ Москву.“

Здѣсь, ничего не зная, отпустили въ началѣ марта гетманскихъ посланцовъ, протопопа Симеона Адамовича и Грибовича, и вмѣстѣ съ ними отправили обѣщаннаго стрѣлцака голову, Михайла Колунаева. 15 марта Колунаевъ подвѣзжалъ къ Овѣску, какъ на-встрѣчу ему прыскакалъ стрѣлецъ отъ Сѣвскаго воеводы и подаль письмо. Воевода увѣдомляя, что пригналъ къ нему гонца изъ Путивля съ вѣстію: гетмана Демьяна скованнаго привезли въ Путивль генеральный писарь Карпъ Мо-

кріевъ, да полковники Рословецъ и Райча, и везутъ къ великому государю, обвиняя въ измѣнѣ. Колунаевъ отвѣчалъ воеводѣ, чтобы онъ постарался задержать въ Сѣвскѣ протопопа Адамовича съ товарищами, подѣе предложеномъ недостатка подводъ, пока не объяснится гетманское дѣло, да послалъ бы воевода поскорѣе въ Малороссію провѣдать про это дѣло. Хитрость не удалась: когда воевода объявилъ Адамовичу, что подводъ нѣтъ, то на другой день протопопъ съ товарищами пришелъ и сказалъ, что подводны они сами себѣ собрали и поѣдутъ нанерель одни „Нельзя вамъ однимъ ѣхать“, говорилъ Колунаевъ, „грамота къ гетману у насъ съ вами одна“. Тутъ Грибовичъ съ товарищами начали кричать и порываться изъ избы вонъ: „Поѣдемъ одни, ждате насъ не будемъ!“ Колунаевъ принужденъ былъ объявить имъ, что про гетмана пришли недобрые слухи и потому надобно подождать вѣстей подлинныхъ. „Отъ гетмана мы никакого дурна не чаемъ“, отвѣчали казакъ, „если бы онъ хотѣлъ сдѣлать что дурное, то бы насъ съ протопопомъ къ великому государю не посылалъ“. Съ этими словами Грибовичъ съ товарищами вышли, но Адамовичъ остался и началъ разсказывать, что дѣйствительно гетманъ съ иѣкотораго времени началъ быть не попрженему: „Мнѣ гетманъ велѣлъ довѣдываться подлинно въ Москвѣ, будутъ ли отданы Малороссія и Кіевъ королю; и если это правда, то онъ хотѣлъ послать тотчасъ же войско для занятія Гомеля. Когда я его спрашивалъ, на кого онъ надеженъ, — то онъ мнѣ отвѣчалъ: „На того же, на кого и Дорошенко; Брюховецкій сгинулъ за правду, пусть и я сгину такъ-же; Нѣжинъ покину, въ Переяславлѣ Московскихъ людей мало, Черниговъ осажду, а самъ пойду до Калуги“. На Запорожье послать 6,000 талеровъ, чтобы Запорожцы были ему послушны. Теперь слухъ есть, что гетмана скованнаго везутъ въ Москву, и мнѣ въ Нѣжинѣ ѣхать незачѣмъ, буду государю бить челомъ, чтобы жить мнѣ въ Москвѣ“. — „Живи попрженему въ Нѣжинѣ и служи великому государю правдою попрженему“, сказалъ Колунаевъ. „И въ Брюховецаго измѣну много мнѣ было мученья, имѣніе потерялъ; мы съ Райчею Спасовъ образъ поцѣловали на томъ: если гетманъ Демьянъ измѣнитъ, то намъ совсѣмъ уѣзжать въ Путивль“. 17 марта пріѣхали въ Сѣвскъ Карпъ Мокріевичъ и полковникъ съ своимъ колодникомъ, и 19-го Колунаевъ и Адамовичъ поѣхали съ ними въ Москву. Въ Москвѣ распорядились: 17 марта разосланы были въ разныя мѣста ратные люди для провѣдыванія всякихъ вѣстей, слушать и разсматривать въ казакахъ и мѣщанахъ, какія отъ нихъ мысли и слова станутъ исходить за то, что гетманъ взятъ, и впредь чего отъ нихъ чаять и каковы вѣрностію великому государю. Возвратившись, посемльщики сказали одиѣ рѣчи: казаки, мѣщане и вся чернь великаго государя державъ рады, за гетмана никто не вступается, говорить и про всю старшину, что имъ, черни, стало отъ нихъ тяжело, притѣсняють ихъ всякою работою и

поборами; ни одинъ гетманъ такъ ихъ не тяжело и въ поработенъе старшинамъ и союзникамъ своимъ не выдавалъ, какъ пынѣшній Демка; да и впередъ отъ старшинъ своихъ тогда жечаютъ, и хвалятъ прежнее воеводское владѣнье: въ то время имъ легко было; а не залюбили воеводскаго владѣнья старшина, что не панами стали; привели ихъ старшина неволюю къ смутѣ, панугали Татарамъ; а теперь сколько Татарамъ и Поляками ни пугали, — не повѣрили. Про старшину говорятъ: только бы не опасались ратныхъ людей великаго государя, то всю бы старшину побили и пограбили; а больше всѣхъ недовольны Нѣжинскимъ полковникомъ Гвинтовкою, Василемъ и Саввою Многогрѣшными, Переяславскимъ полковникомъ Стрыевскимъ, Черниговскими сотниками — Леонтиемъ Полуботкомъ и Василиемъ Бурковскимъ, бывшимъ полковникомъ Дмитрашкою Райчюю. Про генеральнаго судью Ивана Самойлова и про генеральнаго писаря Карпа Мокрѣва ничего добраго не носится. Про писаря говорятъ, что давно за гетманомъ пзмѣну вѣдалъ; а какъ пришла причина на гетмана явная, то и началъ выносить на гетмана, а до явной причины писарь ничего не объявлялъ.

25 марта подъячій Алексѣевъ поѣхалъ въ Ватурино къ старшинѣ съ милостивымъ словомъ; на дорогѣ многие Черкасы ему говорили: „Что бы царскому величеству прислать къ намъ своихъ воеводъ, а гетману у насъ не быть, да и старшихъ бы всѣхъ перевестъ, — намъ было бы лучше, разоренья и пзмѣны ни отъ кого не было бы; а то всякій старшина, обогатясь, захочетъ себѣ панства и пзмѣнить, а наши головы гинуть напрасно“. Черезъ два дня по отъѣздѣ Алексѣева изъ Москвы, 28 марта, привезли туда Демьяна Игнатова, и генеральнаго писаря Карпа Ивановича Мокрѣва рассказывалъ: „14 марта Демка собрался идти изъ Ватурина со всюю старшиною и съ Григориемъ Неѣловымъ; говорилъ, будто идетъ по обѣщанію въ Кіевъ молиться, но Ворошиловъ полкъ стоялъ въ Ичнѣ наготовѣ, да и Волошской хоругви, которая, стояла въ Ольшовкѣ, велѣлъ идти къ себѣ же; собравшись со всѣмъ войскомъ, хотѣлъ онъ остановиться въ Лубнахъ недѣли на двѣ, чтобы въ это время съсылаться въ Дорошенкомъ. Мы, старшина, видя, что онъ, Демка, великому государю конечно пзмѣнитъ, насъ хотѣлъ побить до смерти, обознаго Петра Забѣлу и судью Ивана Домонтова отдать въ неволю къ Дорошенку, думая, что и Неѣлову съ стрѣльцами добра никакого не будетъ, потому что Демка въ глаза сказалъ Неѣлову, что отсѣчетъ ему голову съ бороюю, — видя все это, мы ночью на 13-е марта пришли въ малый городокъ и около гетманскаго двора тайно разставили стрѣльцовъ на-сторожу, потомъ, собравшись съ ружьемъ, вошли къ нему въ хоромы тайно же, а онъ въ ту пору спалъ. Полковникъ Дмитрашка первый вошелъ къ нему въ спальню. И въ темнотѣ стали спрашивать, гдѣ тутъ Демка?

Тотъ проснулся, вскочилъ съ постели и сталь-было обороняться; но тутъ мы всѣ вошли, взяли его силою и отвели на дворъ къ Григорію Неѣлову. Здѣсь, у Григорья въ избѣ, Демка рвался къ ружью, хотѣлъ съ нами биться; но я, до ружья его не допустя, поранилъ его въ плечо изъ пистолета; отъ этой раны Демка сѣлъ; тутъ мы его сковали и въ малый городъ привели. Онъ, Демка, передо всюю старшиною говорилъ: „Соберу тысячу съ шесть войска, конныхъ добрыхъ людей, и пойду на великороссійскіе города войною; а больше того войска мнѣ не надобно, будетъ мнѣ въ помощь ханъ Крымскій по вестѣ, какъ трава пойдетъ; тогда поймаю Артема за волосы и знаю, что надъ нимъ сдѣлаю“. — Братство и сватовство у него съ Дорошенкомъ ближее, потому что Дорошенко створилъ дочь свою за роднаго его племянника, Мишку Зиновьева: сватовство шло черезъ Куницкаго. Турскаго султана хвалять онъ, Демка, безпрестанно; говорилъ: „Лучше мнѣ быть подъ Турскимъ, чѣмъ подъ Московскимъ царемъ“; говорилъ всей старшинѣ, будто Москва неправдива и хочеть съ Ляхами насъ всѣхъ, Малороссіянъ, посѣчь, а города запустопитъ; будто государь для этого носѣ ченія далъ Полякамъ много денегъ; говорилъ: „Я самъ Московскимъ людямъ дамъ отпоръ своею храбростію, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я, Демьянъ, не меньше его, опустошу Московское государство, какъ и Александръ воевалъ грады“. Я ему говорилъ: „Пономи Вога и присягу, для чего отступать? Лиха никакого мы не видали, живемъ во всякой вольности; подожди, какъ воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ“. — „Я все знаю“, отвѣчалъ мнѣ Демка, „нечего ждать! не хочу быть подъ царемъ; хотъ прїѣзжай кто изъ Москвы да весь Ватурино наполни богатствомъ. мнѣ ничего не надобно!“

Генеральнй писарь подалъ на бумагѣ: „Слова недостойныя, которыя изъ устъ бывшаго гетмана Демьяна исходили противъ высокаго престола его царскаго величества: 1) Великимъ постомъ въ своемъ домѣ говорилъ старшинѣ о межванъ: „Видите, каково царское желательство къ намъ; ну стилъ Ляхамъ всю Украйну, учиня границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля.“ 2) Говорилъ намъ: „Подлинно и слышалъ отъ капитана, живущаго въ Черниговѣ, а тотъ слышалъ отъ самаго царскаго синклита, велѣли этому капитану сказать мнѣ: тебѣ приготоовлено въ царскихъ слободахъ пять сотъ дворовъ кресьянскихъ, только ты намъ выдай всю старшину и подначальныхъ людей украинскихъ“. Когда мы отвѣчали ему: подожди отца протопопа, какаѣ милость государская будетъ, — то снѣ сказалъ намъ: „Бороды у васъ выросли, а уза не вынести“. 3) Петру Забѣлѣ надшинъ говорилъ: „Заблаговременно надобно намъ постараться о другомъ государѣ, а отъ Москвы намъ добра нечего надѣяться“. 4) Судья Самойловъ говорилъ: „Видишь, что чинится — Лихи намъ неприятели, а Москва имъ леньги на 30,000 войска дала, а

какъ придется платить Турку, то заплатить нами; надобно заранѣе позаботиться о сильнѣйшемъ государѣ, какъ Задѣпровые сдѣлало". 5) Прошлою осенью, взявши клятву съ Андрея Мурашки хранить тайну, говорилъ: „Увидишь, что я Москвѣ сдѣлаю; увидишь мою саблю въ крови московской; я ихъ и за столицу захою, только вы будьте при мнѣ неотступны". 6) Передъ масляницею говорилъ Дмитранкѣ Райчѣ: „У меня есть указъ самого царя рубить Москву". 7) Говорилъ: „Вы не знаете, въ какой чести царь Московскій и король Польскій у султана Туркаго: королю Польскому запретилъ называться дѣльмъ королемъ, а только королкомъ, а Московскому велѣлъ сказать, что онъ такъ же его уважаетъ, какъ чернаго Татарина". 8) Всѣ слова его досадительныя странно вспомнить: „тогда слыша и теперь пишучи, члены наши трясутся".

Вслѣдъ за этими извѣтомъ, старинна прислали другой: рассказъ Батуриискаго сотника, Григорія Карповича, посыланнаго Многогрѣшнымъ къ Тукальскому вмѣстѣ съ посланцемъ послѣдняго, Семеновъ Тихимъ. „Какъ мы прѣѣхали въ Каневъ“, рассказывалъ Григорій, „то пошли къ митрополиту, и Семень положилъ передъ нимъ на столѣ икону, которую возилъ въ Ватуриш. Митрополитъ, поцѣловавши икону, спросилъ Семена: „Что тамъ добраго училили?" — „За чѣмъ былъ посланъ, все исполнить вашими молитвами“, отвѣчалъ Семень. Тутъ Юсифъ подошелъ ко мнѣ и, взявши за плечу, сказалъ: „Давно бы такъ, господинъ сотникъ, надо было поступить вашему гетману; сами хорошо знаете: при комъ ханъ, тотъ и господинъ; у султана столько силы, что и Полякамъ и Москвѣ дастъ себя знать, не только имъ на насъ не придется наступить, и своихъ городовъ не оборонять; а теперь еще болѣе ищугаются, когда наши гетманы въ неразрывномъ прѣятствѣ пребываютъ". — „Если бы“, писали старшина государю, „если бы мы выписывали всѣ доказательства Демковой измѣны, то не умѣстили бы всего не только на листѣ бумаги, но и на воловьей кожѣ". Лазарь Барановичъ также рассказывалъ присланному къ нему стольнику Самарину: „Какъ скоро я узналъ, что Демка ссылается съ Дорошенкомъ, то писалъ къ нему, чтобы онъ эти ссылки прекратилъ и въ Кіево-Печерскій монастырь молиться не ѣздилъ. Онъ, прочтя мою грамоту, бросилъ ее по столу и сказалъ моему посланцу: „Зналъ бы архіепископъ свой клубукъ!"

11-го апрѣля бояре и думные люди съѣхались въ Посольскій Приказъ разсиранивать Демку Игнатову объ его измѣнѣ и кто съ нимъ въ той измѣнѣ совѣтовать. — „Я великому государю измѣнить не хотѣлъ“, отвѣчалъ Демьянъ: „служилъ я ему вѣрно; за Сожу не захѣзжалъ, полковниковъ перемѣнял по совѣту всей старшины: въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму Печерскаго архимандрита, что отъ Ляховъ насилие и разореніе; я посылалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Козловскому, чтобы онъ оборонилъ Печерскихъ людей отъ Поляковъ, но писарь

Карпъ присовѣтовалъ мнѣ самому идти въ Кіевъ съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ ссылался я о томъ, чтобы онъ на этой сторонѣ никому обидѣ не дѣлалъ; къ Сожѣ посылалъ я по совѣту полковниковъ и всѣхъ начальныхъ людей, а больше писаря Карпа Мокрѣва; я хотѣлъ одного: сдѣлать рубежъ по Сожу". — „Ты хотѣлъ сдѣлать рубежъ по Сожу — хорошо“, говорили бояре; „но зачѣмъ же ты хотѣлъ овладѣть Гомелемъ: вѣдь Гомель за Сожею?" — „Въ томъ воля великаго государя“, отвѣчалъ Демьянъ, „хотя Гомель и за Сожею, но во время польской войны отъ него было малороссійскимъ жителямъ великое утѣшеніе, поэтому я и велѣлъ было его захватить; если бы вперёдъ была съ Поляками война, то малороссійскимъ жителямъ было бы отъ Гомеля обереженіе великое, потому что онъ стоитъ надъ самою рѣкою Сожею".

Демьяна спросили: „Зачѣмъ онъ говорилъ царскому посланцу, что пусть бы уже государь ихъ всѣхъ отдалъ королю и прочее?" — „Никогда не говорилъ“, отвѣчалъ Многогрѣшный. Позвали посланца, и Демьянъ на очной ставкѣ повинился: „Говорилъ я это пьянымъ обычаемъ, безпамятствомъ своимъ“, сказалъ онъ. Бояре спросили о рѣчахъ его къ Танѣву; Демьянъ заперся: „Я ничего этого не говоривалъ; а говорилъ писарю Карпу: вотъ великій государь обрадовалъ насъ своею грамотою насчетъ Кіева; а писарь мнѣ сказалъ: „Не всему вѣрь, держи свой разумъ; не такъ бы сдѣлала, какъ прежде: прислана была царская грамота къ Брюховецкому, войско Запорожское обнадежили, а послѣ того князь Данила Великаго-Гагинъ съ войскомъ посланъ, Золотаренка, Самка, Силча побилъ". Слыша такія рѣчи отъ писаря, началъ я быть въ сомнѣніи и въ опасеніи отъ войскъ царскихъ; въ томъ передъ великимъ государемъ виноватъ, а измѣнить не хотѣлъ".

„Для чего-жь ты такихъ рѣчей на писаря старшинѣ и всему войску не объявилъ и къ царскому величеству не писалъ?" спросили бояре; „да и какое тебѣ было опасеніе! Развѣ ты не знаешь, что князь Великаго-Гагинъ Золотаренка и Самка не билъ, а былъ съ войскомъ на радѣ потому, что безъ царскаго войска вы бы на радѣ передрались?" — „Я человекъ простой и неграмотный“, отвѣчалъ Демьянъ, „а къ царскому величеству не писалъ просто, думая, что писарь говорилъ правду, остерегая меня; виноватъ". Тутъ поднялся свидѣтель, протопопъ Симеонъ, очутившійся опять въ Москвѣ: „Когда я ѣхалъ въ Москву“, сказалъ онъ, „то говорилъ ему не однажды, укрѣплялъ, чтобы держался милости царской; напоминалъ, какъ Брюховецкій измѣнилъ, и что съ нимъ послѣ того случилось, а онъ мнѣ на это сказалъ: „Побѣжай только въ Москву: вотъ тамъ тебя въ Москвѣ посадятъ!" Демьянъ повинился.

Спрашивали: зачѣмъ перемѣнилъ обращеніе съ Небловымъ, зачѣмъ велѣлъ убавить стрѣльцекіа караулы? — „Самъ собою убавлять стрѣльцекіа карауловъ я не приказывалъ“, отвѣчалъ Демьянъ.

„Дѣло вотъ какъ было: однажды я шель въ церковь, и спросилъ, есть ли караульщики. Мнѣ отозвались, что стоятъ два пятидесятника и съ ними стрѣльцовъ человѣкъ сто. Я спросилъ, нѣтъ ли имъ скудости въ кормахъ. „Въ кормахъ нѣтъ скудости никакой“, отвѣчали они, „только безпокойство великое отъ карауловъ“. И поговорилъ объ этомъ съ головою Нефловымъ, и велѣлъ съ караулу стрѣльцовъ понемногу убавить. Разговаривать съ Нефловымъ я никому не заказывалъ и присматривать за нимъ не велывалъ“.

На вопросъ о сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и о перемѣнѣ полковниковъ отвѣчалъ: „Чернеповъ къ Дорошенку я объ измѣнѣ не посылывалъ, а присылалъ ко мнѣ Дорошенко казачка Сеньку Тихонова, потому что крымскіе Татары на сей сторонѣ въ Лубнахъ взяли малороссійскихъ жителей. Дорошенко Татаръ этихъ разбилъ, полонъ огня и возвратилъ на свои мѣста. 24,000 ефимковъ я къ Дорошенку не посылывалъ и посылать было мнѣ нечего, потому что съ начала гетманства и двухъ тысячъ левковъ въ собраніи у меня никогда не бывало. А полковниковъ и другихъ урядниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины“.

— Зачѣмъ говорилъ старшинѣ, что царь требуетъ ихъ въ Москву для отсылки въ Сибирь; зачѣмъ велѣлъ Гречанову писать то, чего на Москвѣ не бывало; заставлялъ ли ночью Дмитрашка Райчу присягать, что будетъ съ нимъ заодно; посылалъ ли игумена Шпрковича въ Варшаву?—На все отвѣтъ отрицательный.

Явился на очную ставку Александръ Тапѣевъ и началъ уличать Демьяна по своему статейному списку. Обвиненный попрежнему отрекался отъ всего. Но когда началъ уличать его протопопъ Симеонъ, что онъ ссылался съ Дорошенкомъ, то Многогрѣшный отвѣчалъ: „Передъ великимъ государемъ я виноватъ, протопоповымъ я рѣчамъ не внималъ“.

Бояре начали спрашивать съ великимъ пристрастіемъ, чтобы Демьянъ вину свою принесъ, сказалъ правду, какъ съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ ссылался, кто про ихъ совѣтъ вѣдалъ и на чемъ у нихъ положено? Если же не скажетъ, то будутъ пытать. Демьянъ повторилъ, что никогда не думалъ объ измѣнѣ, съ Дорошенкомъ ссылался о любви и дружбѣ, чтобы тотъ не приходилъ войною на этотъ берегъ, и Дорошенко его къ Турскому не подговаривалъ. „Вина моя одна, что я говорилъ неистовыя рѣчи въ безмятежствѣ, пьянствомъ“, прибавилъ онъ.— „Если бы у тебя мысли объ измѣнѣ не было“, сказали бояре, „то ты бы всѣ Дорошенковы грамоты присылалъ къ великому государю“. — „Я человѣкъ простой и безграмотный“, отвѣчалъ Демьянъ, „положено все это на войсковаго писаря; я всѣ грамоты приказывалъ посылать къ царскому величеству; но писарь не посылалъ, умысли съ старшиною на меня, чтобы отлучить меня отъ милости царскаго величества и измѣну на меня положить. У нихъ, у старшинъ, всегда такъ ведется,

какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое зло, тотчасъ къ тому его приведутъ; а я человѣкъ простой, соблался съ Дорошенкомъ по его лести, а измѣны я никакой не мыслилъ“.

Сдѣланъ былъ новый разпросъ у пытки, и тотъ же отвѣтъ, что измѣны никакой не мыслилъ. Тутъ началъ говорить Ватуринскій атаманъ Ерема Андреевъ: „Когда Демка посылалъ меня къ Дорошенку, то приказывалъ сказать ему, что двое за одинъ кожухъ торгуются; я его спросилъ, что это значить?—и онъ мнѣ отвѣчалъ, что Дорошенко это слово знаетъ, только скажи такъ“. — „Я объ этомъ не приказывалъ и не поиню“, отвѣчалъ Демьянъ. Повели къ пыткѣ, дали 19 ударовъ.— „Я про измѣну свою только на словахъ говорилъ“, выпился Демьянъ, „но съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ не ссылался; кожухъ, о которомъ я съ Еремою приказывалъ, значить то, что Поляки хотятъ Кіевъ взять, а царское величество отдать не хочеть. Если бы Поляки ссоръ дѣлать не перестали, то я Гомель принять хотѣлъ, но про ту мою измѣну никто не вѣдалъ и въ совѣтъ со мною не былъ, думалъ я одинъ“. Тутъ же распорядились съ Матвѣемъ Гвинтовкою: клали его руки въ хомутъ и спрашивали про Демкову измѣну; Гвинтовка отвѣчалъ, что ничего не зналъ и самъ служилъ вѣрно. На второй пыткѣ Демьянъ говорилъ тѣ жерѣчи. Спросили о сношеніяхъ съ Тукальскимъ: „Какъ шель Наисій, патриархъ Александрійскій, изъ Москвы на малороссійскіе города, то брать мой, Васька, билъ челомъ ему и архіепископу Лазарю Барановичу о разрѣшеніи въ убійствѣ жены и о позволеніи жениться на другой; патриархъ и епископъ простили его и жениться позволили, только велѣли дать въ перковь милостыню; и онъ архіепископу Лазарю да митрополиту Тукальскому послалъ по лошади. Ко мнѣ митрополитъ писалъ, чтобы позволено было ему брать дань съ церкви Кіевской области, и я ему въ томъ отказалъ“.

6 мая Артемонъ Матвѣевъ и думный дьякъ Богдановъ спрашивали гетманова брата, Василія Многогрѣшнаго, есаула Павла Грибовича и Дорошенковыхъ посланцовъ. Василій Многогрѣшный отвѣчалъ, что ничего не вѣдаетъ. Но ему показали собственное его письмо къ наказному полковнику Леонтію Шолубогку, въ которомъ онъ приказывалъ распорядиться съ какимъ-то московскимъ подъячимъ: „Этого подъячаго, писалъ Василій, вынувъ изъ тюрьмы и давъ вину, надгнети животомъ, а кіями не бей, чтобы не было синяковъ, но такъ удержи въ рукахъ, чтобы не забыть до вѣка; будь въ томъ надеженъ, ничего тебѣ за это не будетъ, только не води его къ себѣ, а ночью пусть сторожа обвинять его, что хотѣлъ уйти“. — „Виповать“, отвѣчалъ Василій, „такой листъ писалъ, потому что подъячій досадилъ намъ своими словами, до начала войны Брюховецкаго говорилъ самому гетману: „Самковы кафтаны мы носили, не закаиваемся и ваши носить“.

— „Если ты“, спросилъ Матвѣевъ, „за братомъ

своими измѣны никакой не зналъ и самъ не хотѣлъ измѣнять, то зачѣмъ свое полковничество покинулъ, изъ Чернигова побѣжалъ и монашеское платье на себя надѣлъ? — „Виновать“, отвѣчалъ Василій, „да побѣгъ мой учинился отъ того: въ недавнемъ времени писалъ къ брату, что Черниговскій воевода безпрестанно проситъ дѣсу на городовое строенье, городъ починилъ и бои подѣлалъ; что государевы ратные люди стали насъ опасаться и осадою крѣпиться, да и про то стало слышно, что начальные люди пули лютятъ; сказывалъ мнѣ шляхтичъ Коловецкій, выходяще съ той стороны, что государевы ратные люди пули лютятъ, хотить съ казаками войну начинать. Я писалъ объ этомъ къ брату и самого Коловецкаго къ нему послалъ. Братъ прислалъ ко мнѣ выростка Иванку сказать, чтобы я съ Черниговскимъ воеводою и государевыми ратными людьми задору никакого не дѣлалъ, а онъ, Демьянъ, ждетъ къ себѣ изъ Москвы протопопа Симеона да Михайлу Колупасва съ подлиннымъ указомъ, и чаеъ онъ, что Поляки ихъ съ царскимъ величествомъ сорить и мутить болше не будутъ. Да тотъ же выростокъ Иванка сказывалъ мнѣ тайно: прѣхалъ изъ Москвы въ Ватуриинъ чернецъ и сказывалъ ему, Иванкѣ, будто гетмана Демьяна велѣно поймать и къ Москвѣ послать. На другой день приходитъ ко мнѣ полковникъ и зоветъ меня къ воеводѣ сурово, чтобы я ѣхалъ тотчасъ. Я, видя, что меня зовутъ не попрежнему богачу, испугался и началъ гадаваться, что брату моему, по чернецовою сказкѣ, нездорово. Осѣдлавъ лошадей, побѣжалъ-было я изъ города, а изъ города идеть ко мнѣ на-встрѣчу многая пѣхота съ ружьями и бердышами; я тутъ и пуле испугался и побѣжалъ. Прибѣжалъ въ монастырь Елецкой Богородицы и говорю архимандриту Голытовскому: что мнѣ дѣлать, — къ воеводѣ ѣхать или бѣжать дальше? „Какъ себѣ хочешь“, говоритъ архимандритъ: „побѣги дальше, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего“. Я за Десну въ Никольской монастырь, покинулъ здѣсь лошадь свою и платье свое съ себя скинулъ, и надѣлъ монашескую рясу. Изъ Никольскаго пришелъ къ Макаковской монастырь къ игумену Ширкѣвичу; тотъ далъ мнѣ старца да челядниковъ, и велѣлъ проводить до Кіева Десною въ лодкѣ“.

Грибовичъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, знаетъ только, что Демьянъ далъ Дорошенку взаимы 6,000 золотыхъ польскихъ. Про отставку полковника Дмитрашки Райчи знаетъ онъ вотъ что: слухъ пронесся, что Дмитрашка хочетъ передаться къ Ляхамъ или къ Дорошенку; Демка послалъ за нимъ своихъ челядниковъ, но Дмитрашка не поѣхалъ, заперся въ Барышевкѣ и говорилъ гетманскимъ посланцамъ: „Какъ погублены Самко и Золотаренко, такъ же и со мною хотять сдѣлать!“ Тогда Демьянъ, взвѣсивъ царскихъ ратныхъ людей и свои войска, пошелъ въ Нѣжинъ; выѣхавъ изъ Нѣжина, встрѣтилъ митрополита Сербскаго и посылалъ его къ Дмитрашкѣ въ Барышевку уговаривать; изъ Ва-

рышевки прѣѣзжалъ къ гетману поплъ съ Дмитрашковой женою бить челомъ за полковника. Демьянъ обнадежилъ ихъ и велѣлъ Дмитрашкѣ ѣхать къ себѣ безъ боязни. Но какъ Дмитрашка прѣѣхалъ къ нему въ Басанъ, гетманъ велѣлъ его сковать и, привезши въ Ватуриинъ, отдалъ подъ караулъ; но потомъ, по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ и велѣлъ жить при себѣ въ Ватуриинѣ, а на его мѣсто послалъ Стрыевского. Стародубскаго же полковника Рославца переимѣнилъ по челобитню казаковъ и черни за его налоги, переимѣнилъ, поговоря съ старшиною, и послалъ на его мѣсто брата своего, Шумѣйку.

Василій Многогрѣшный увѣрялъ, что онъ хотѣлъ остаться въ кіевскомъ Вратокомъ монастырѣ, но старецъ Макаковскаго монастыря объявилъ, что Василій пробрался къ Тукальскому. Многогрѣшнаго опять взяли къ допросу: зачѣмъ утаилъ, что хотѣлъ ѣхать къ Тукальскому? — „Виновать“, отвѣчалъ онъ, „испугался, хотѣлъ я бѣжать къ митрополиту, чтобы онъ меня и отъ Дорошенка ухоронилъ, и царскому величеству не выдалъ, а чтобы, собравшись съ кѣмъ, войну вести противъ великаго государя, — и въ мысляхъ у меня не было; да если бы и хотѣлъ это сдѣлать, да не могъ, потому что какъ быть я на Запорожьи, съ Запорожцами ссорился, а при Дорошенкѣ писарь егеральный Войхеевичъ великій мнѣ недругъ, — недо войны было: лишь бы отъ бѣды великихъ голову свою ухоронить, хотѣлъ я, все покинул, пострѣчься“.

28-го мая на болотѣ, за кузницами, поставили плаху — будутъ казнить гетмана Демку Многогрѣшнаго и брата его Ваську. Привезли преступниковъ и начали читать имъ вины, т. е. все поданныя на нихъ обвиненія: „Ты, Демка, про все разспрашивать и пытати; и во всѣхъ своихъ измѣненныхъ словахъ винился; а 20-го мая старшины со всѣмъ народомъ Малороссійскимъ прислали челобитье, чтобы тебя казнить смертию въ Москвѣ, а для подлиннаго обличенья прислали Батуринскаго сотника Григорья Карпова, который отъ тебя къ Дорошенку образъ возилъ и присягалъ, что намъ служить Турскому султану. Бояре и думные люди, слушавъ вашихъ разспросныхъ рѣчей, приговорили васъ, Демку и Ваську, казнить смертию, отсѣчь головы“. Демку и Ваську положили на плаху; но бѣжать гонецъ и объявляетъ, что великій государь, по упрощенію дѣтей своихъ, пожаловалъ, казнить Демку и Ваську не велѣлъ, а указалъ сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье; бояре приговорили — сослать къ нимъ женъ ихъ и дѣтей. Та же участь постигла полковника Гвинтовку и есаула Грибовича. На другой день великій государь пожаловалъ велѣлъ дать на милостыню Демкѣ 15 рублей, Васкѣ 10 рублей, Гвинтовкѣ и Грибовичу по 5; Многогрѣшнымъ отдана была и вся ихъ рухлядь, съ которою привезены въ Москву, нѣсколько очень недорогихъ вещей. Семейство Многогрѣшнаго состояло изъ жены Настасьи, двоихъ сыновей — Петра и Ивана, дочери Елены и пле-

ляника Михайлы Зиновьева; съ ними поѣхали двѣ работницы. Съ Гвинтовкою отправились жена его Ирина и двое сыновей, Еоимъ и Федоръ. Въ Тобольскѣ велѣно держать ссыльныхъ за крѣпкими карауломъ скованныхъ, а изъ Тобольска разослать по разнымъ острогамъ въ пѣшую казачью службу. Участь ссыльныхъ была отягчена вѣдѣствіемъ бѣгства Грибовича. Тогда Многогрѣшнаго съ товарищами, вмѣсто того, чтобы послать по острогамъ въ казачью службу, велѣно держать скованныхъ въ тюрьмахъ „для того, говорилось въ указѣ, что они забыли страхъ Божій и нашу государеву милость, товарищъ ихъ Пашка Грибовичъ изъ Сибири бѣжалъ“.

Между тѣмъ еще 3-го мая пріѣхалъ въ Москву старый Черниговскій полковникъ Лысенко и привезъ грамоту: старшина писали, что во время праздниковъ воскресныхъ полковники, сотники и атаманы, будучи въ Ватурино, приговорили быть радѣ въ Конотопѣ, чтобы князю Ромодановскому съ товарищами не далеко было идти, и на радѣ быть полковникамъ, сотникамъ, старшинѣ войсковой и начальнымъ людямъ, не собирая всего войска, чтобы не встало смятенія въ многочисленныхъ толпахъ. Старшина давали также знать, что Иванъ (Сѣрка, отдѣляясь отъ Ханска, гетмана королевской милости, пріѣхалъ въ полкъ Полтавскій для всѣянія между народомъ бунтовъ; но полковникъ Жученко схватилъ его и прислалъ въ Ватурино. Наконецъ старшина била челомъ объ указѣ Ромодановскому оборонять ихъ отъ своевольниковъ.

Князю Ромодановскому и душою дворянину Ивану Ржевскому велѣно было отправиться въ Конотопъ на раду для гетманскаго обиранья; но въ началѣ июня Ромодановскій далъ знать государю, что въ Ватурино между старшинами начинается безсовѣтство; да у Ватурина стоятъ казаки таборомъ, и 26-го мая приходило ихъ человекъ 400 въ городъ къ старшинѣ и говорили: „Прежняго гетмана вы невѣдомо гдѣ дѣли, другого гетмана нѣтъ; мы подъ Ватуриными стоимъ для гетманскаго обиранья долгое время, испроѣлись; выходите съ войсковыми клейнотами изъ города въ поле на раду!“ Старшины отказали, боясь, что въ полѣ казаки ихъ побьютъ. Казаки приходили къ Пеѣлову съ тѣмъ же требованіемъ; Пеѣловъ, видя шатость, велѣлъ запереть малый городъ и не пускать впередъ казаковъ. Кроме того, пришла въ Москву вѣсть, что хотяъ выбирать въ гетманы Сѣрка. Знаменитаго Запорожца подъ карауломъ отправили въ Москву, а оттуда подальше, въ Сибирь.

Ромодановскій и Ржевскій двинулись къ Конотопу, и 15-го июля, верстахъ въ трехъ отъ Козачей Дубровы, встрѣтили ихъ старшина и говорили, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ сдѣлать раду, не ходя въ Конотопъ, въ Казачей Дубровѣ, на рѣчкѣ Красенѣ, потому что подъ Конотопомъ стояли казачія войска и конскіе кормы потравлены около города верстъ по десяти и больше. — „Что-жь?“ сказалъ бояринъ, „учинимъ

раду и въ Казачей Дубровѣ, по вашему прошенью“. Ромодановскій сталъ по одну сторону Красены старшина — по другую. На слѣдующій день старшина пріѣхали къ боярину съ просьбою не медлить радюю. — „По указу великаго государя надобно подождать архіепископа Лазаря Барановича“, отвѣчалъ Ромодановскій. — „Нельзя ли безъ архіепископа?“ просили старшина. Бояринъ согласился и велѣлъ сходить для разсужденія о статьяхъ. Старшина вошли въ государевъ шатеръ, потому отобрани половину казаковъ, бывшихъ при старшинѣ, и велѣлъ имъ идти на раду. Когда казаки собрались въ шатеръ, и къ шатру, бояринъ объявилъ вѣрящую грамоту и спросилъ старшину о здоровьи, объявилъ, что государь милостиво похваляетъ ихъ за неучастіе въ измѣнѣ Демки и живетъ прежними правами и вольностями. Начали читать Глуховскія прежнія и новыя статьи вслухъ, а писарь Карпъ Мокрѣевъ смотрѣлъ статьи по тетрадямъ, по своему бѣлорусскому письму. Но вдругъ чтецъ замолкъ; въ шатеръ вошелъ царскій посланный, жилецъ Григорій Снявинъ. „Бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ!“ сказалъ онъ Ромодановскому, „объявляю тебѣ великаго государя радости: мая 30, за молитвами Св. отецъ, даровалъ Богъ царскому величеству сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи!“ Старшины встали и начали поздравлять боярина; чтеніе слова началось. Выслушавъ статьи, старшина и казаки говорили: „Всѣ эти статьи намъ надобны, кромѣ двадцати второй, въ которой написано, чтобы для своевольныхъ людей учинить полковника и при немъ быть 1,000 человекъ казаковъ реестровыхъ: если гдѣ учинятся шатобѣ и измѣна, то полковнику этому своевольниковъ уинять. А теперь мы бьемъ челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ — у гетмана полковнику и казакамъ и у полковниковъ компаніи быть не велѣлъ, потому что отъ такихъ компаній малороссійскимъ жителямъ чинится всякое разореніе и обиды“. Бояринъ отвѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ этой статьѣ быть по ихъ челобитью. Поставили также слѣдующія статьи: 1) Старшина и все войско били челомъ, чтобы отъ новаго гетмана не терпѣть имъ такой же неволи и жесточи, какъ отъ измѣнника Демки; чтобы гетманъ никого не смѣлъ казнить и отставлять отъ должностей безъ войскаго суда и доводу. 2) Старшина и все войско били челомъ, чтобы гетманъ, безъ указа великаго государя и безъ совѣта старшинъ къ постороннимъ государямъ и ни къ кому, особенно же къ Дорошенку, ни о чѣмъ не писалъ и изустно сылать не дерзалъ. 3) Если Малороссіе дѣйствительно захвати по рѣкѣ Сожѣ, то должны отступиться отъ занятыхъ земель, и впередъ королевскихъ земель не захватывать, а жить съ королевскими людьми спокойно. 4) Турецкій султанъ, изъ-за Дорошенкова подданства, начинаетъ съ королемъ войну: такъ если султанъ и Дорошенъ

ко наступать на Польшу, то гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому Дорошенку не помогать. 5) Гетману, старшинѣ и всему войску никакихъ бѣдъ и людей и крестьянъ изъ Великой Россіи не принимать, а которые приняты, тѣхъ отпустить. Потомъ бояринъ говорилъ: „Высланъ былъ вами въ Москву полковникъ Константинъ Солонина для прислушиванія къ переговорамъ между боярами и уполномоченными королевскими посланцами, гдѣ будетъ рѣчь идти объ украинскихъ дѣлахъ; польскіе послы не согласились допустить вашихъ посланцовъ къ переговорамъ; но все, что въ отвѣтъ о вашихъ дѣлахъ было говорено, все полковнику Солонинѣ читали; такъ впередъ вамъ своихъ посланцовъ на посольскіе сѣзды посылать не для чего, одни только убытки и посольскимъ дѣламъ затрудненія; а какъ скоро на посольскихъ сѣздахъ о вашихъ дѣлахъ какой вѣстимъ будетъ или договоры, то великій государь велитъ васъ увѣдомлять письмами“. — Старшина поклонился на волю государеву. — „Теперь“, сказалъ бояринъ, „объявите, какія вы хотите становить новыя статьи?“ — „У насъ никакихъ статей нѣтъ“, сказали старшина. — „Такъ 17 іюня будьте въ обозѣ къ государеву шатру для избранія гетмана“.

17 іюня, часу въ третьемъ днѣ, пріѣхалъ въ обозъ Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черниговскій; за нимъ пришелъ голова московскихъ стрѣльцовъ Григорій Небловъ, пріѣхали генеральная и войсковая старшина и казаки, а передъ старшиною несли государево жалованье — войсковые клеймоты — булаву, знамя, бунчукъ, литавры. Архіепископъ говорилъ, чтобъ прочесть ему новыя статьи; бояринъ велѣлъ читать, и когда чтеніе кончилось, объявилъ, чтобъ приступили къ гетманскому избранію. Передъ шатромъ въ обозѣ устроили мѣсто, поставили на палубѣ Снасовъ образъ, булаву положили на столъ, знамя и бунчукъ поставили у стола. Бояринъ и старшина вышли изъ шатра; архіепископъ говорилъ передъ образомъ молитву; послѣ молитвы бояринъ говорилъ на всѣ четыре стороны: „Великій государь указалъ мнѣ быть на радѣ для избранія гетмана; и вы бы, по своимъ правамъ и вольностямъ, гетмана обирали: царское величество положилъ гетманское обиранье на ваше войсковое право и волю, кого вы войскомъ излюбите“. Изговоря рѣчь, бояринъ отступилъ отъ стола прочь. Вольные и тихіе голоса провозгласили гетманомъ генеральнаго судью, Ивана Самойлова. Полковники Райча и Солонина взяли избраннаго подъ руки и поставили на столъ; обозный забѣла и другіе полковники поднесли ему булаву, укрыли знаменами и бунчукомъ. „На гетманскій урядъ я не желаю“, началъ новый гетманъ, „но нельзя же мнѣ не принять царскаго величества изълюбленнаго, булавы и знамени. Только я объявляю, что великому государю буду служить вѣрно и никогда не измѣню, какъ прежніе гетманы дѣлали“. Старшина, казаки и мѣщане закричали, что великому государю съ гетманомъ служить готовы, пусть Иванъ беретъ

булаву и будетъ гетманомъ. Иванъ принял булаву, послѣ чего всѣ двинулись въ шатеръ, отслужили молебень, и Лазарь Барановичъ привелъ понаго гетмана къ присягѣ.

Новый гетманъ, Иванъ Самойловичъ, былъ сынъ священника съ западной стороны Днѣпра: когда жители этой стороны толпами переходили на восточную сторону, какъ болѣе спокойную, перешелъ и Самойловичъ съ отцомъ своимъ, и начали жить въ городѣ Старомъ Колядинѣ. Молодой Иванъ Самойловичъ былъ человекъ грамотный, уменъ, хороши собою, ко всѣмъ ласковъ и услужливъ, и потому скоро былъ поставленъ въ томъ же Колядинѣ писаремъ сотеннымъ; приобрѣлъ расположеніе генеральнаго писаря при Брюховецкомъ, Гречаного, и былъ сдѣланъ сотникомъ въ Веприкѣ; изъ сотниковъ, по просьбѣ того же Гречаного, поставленъ наказнымъ полковникомъ Черниговскимъ, и наконецъ, на Глуховской радѣ, при избраніи Многогрѣшнаго въ гетманы, Самойловичъ сдѣлался генеральнымъ судьей войсковому.

Паденіе Многогрѣшнаго не нарушило спокойствія въ Малороссіи; ссылка Сѣрка не взволновала Запорожья. Здѣсь въ это время явился вождь особаго рода.

Осенью 1672 года, подъячій Семень Щеголевъ привезъ на Запорожье пять пушекъ, ядра, порохъ и свинець. Подъѣзжая къ кошу, Щеголевъ выстрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ и изъ ружей: изъ коша отвѣчали тѣмъ же, священники вышли на встрѣчу съ крестами. Запорожцы поставили царскіе подарки на майданѣ, гдѣ бываетъ рада, и объявили Щеголеву, что у нихъ начальнымъ кошевымъ и гетманомъ полковымъ Никита Вдовиченко, который пошелъ подъ Перекопъ, не дожидаясь царскихъ пушекъ; объявили, что они примутъ государеву грамоту всею радю, какъ придутъ изъ-подъ Перекопа кошевой и войско. 17 октября войско изъ-подъ Перекопа пришло, но безъ Вдовиченка. 19 числа собралась рада; выбрали кошевымъ Луку Андреевича, читали грамоту царскую, королевскую и сенаторскія. Когда царская грамота была прочтена, новый кошевой началъ рѣчь: „Братья, войско Запорожское, кошевое, Днѣпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премоногу милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинець приказалъ прислать. Калмыкамъ, Донскимъ казакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусурманъ къ намъ на кошъ позволить переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обнадеживаетъ, только-бъ наша правда была“. — „За премоногу царскаго величества милость бьемъ челомъ!“ закричала рада: „а правда наша конечно будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ Татарами послѣ измѣны Брюховецкаго и во время Суховѣва гетманства: Крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы собиралъ и къ намъ на кошъ присылалъ; да и те-

перь, елибѣ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачь, насъ же за шею водили и, какъ овцами, торговали, въ неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Дѣтиръ идти не перестанетъ, съ бусурманами мириться не будемъ.“ — Кошевой началъ опять: „Съ нынѣшняго времени его царскому величеству и его королевскому величеству общаемя Богомъ служить вѣрно и неотступно. Вратья, войско Запорожское, кошевое, рада полная! такъ ли моя рѣчь къ престоломъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?“ — „Такъ, такъ, господинъ кошевой!“ отвѣчало войско.

— „Воздадимъ же Господу Бегу и великому государю, нашему свѣту, хвалу!“ сказалъ кошевой, и, въ отвѣтъ, грянули пушки и ружья. Потомъ пошли въ церковь къ молебну.

Щеголевъ провѣдалъ, что до его прїѣзду на ектеніяхъ помпнали прежде короля; онъ сталъ говорить войску и священникамъ, что надобно помнить прежде царя, — и его слушали. Потомъ Щеголевъ позвалъ къ себѣ въ курень кошеваго съ старинными и спросилъ: „Гдѣ вашъ гетманъ Вдовиченко и откуда онъ на Запорожьѣ пришелъ?“ — „Пришелъ онъ на Запорожьѣ въ нищемъ образѣ“, былъ отвѣтъ; „сказался харьковскимъ жителемъ, святъ мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому седьмой годъ, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ Запорожскимъ разорить Крымъ, и въ Царѣгородѣ взять золотыя ворота и поставить въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только его муки эти не берутъ: писано, что сынъ вдовпцы всѣ земли усмирить. Теперь послалъ его Богъ къ войску Запорожскому, и въ городахъ всякому челоувѣку до сущаго младенца велѣлъ сказывать, что онъ такой знающій челоувѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ; какъ придетъ въ Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подѣ города приходить, стѣны будутъ распадаться сами, ворота сами же отворятся, и

оттого прославится онъ, Вдовиченко, по всей землѣ. А напередъ ему надобно Перекопъ взять и войско Запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ такія слова, многіе люди покинули дома свои, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожьѣ, собралась большая толпа и войску Запорожскому говорили, чтобъ идти съ Вдовиченкомъ подѣ Перекопъ. Кошевой Евсеѣй Шашола отказывалъ, чтобъ дожидался пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли Шашола убить, кричали, что они шли не на ихъ войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось; собрали раду, Шашола отставили, а выбрали Вдовиченко атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ.“ — Когда начали собираться подѣ Перекопъ, спрашивали у Вдовиченка, сколько брать пушекъ. „Мнѣ пушки не надобны“, отвѣчалъ Вдовиченко, „и безъ пушекъ будетъ добро. Слышалъ я, что вы послали къ царю бить челомъ о пушкахъ, и та ваша посылка напрасная, отъ этихъ пушекъ мало вамъ будетъ проку; а если вамъ пушки понадобятся, тогда который городъ бусурманскій будетъ поближе и богатъ, въ томъ и пушки возьмете“. Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ ему. Вдовиченку, повѣрили и взяли двѣ пушки. Всего пошло подѣ Перекопъ тысячъ шесть конныхъ да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шель до самаго Перекопа безъ отдыха, отчего у многихъ лошади попадали, а пришедши къ переконскому валу, подѣ городъ не пошелъ и промыслу никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, ровъ засыпало и половина обоза перебралась; но переконскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и тошнить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой челоувѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, дорогою булаву и бунчукъ у него отняли и хотѣли убить, но онъ скрылся“. Вдовиченко не наказался переконскою исторією: онъ явился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдывать прежнія рѣчи; но тутъ его схватили и отослали къ гетману, а гетманъ отослалъ къ Ромодановскому.

Г л а в а III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Нашествіе Турокъ на Польшу. — Битва при Батогѣ. — Взятіе Каменца-Подольскаго. — Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой. — Освобожденіе Сѣрка. — Прибытіе сицовой гетмана Самойловича въ Москву. Извѣстія съ западнаго берега. — Ханенко изъявляетъ желаніе поддаться царю. — Поведеніе митрополита Тукальскаго. — Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру. — Неудовольствія Малороссійянъ на царское войско и на повелю кня. Трубецкаго. — Похвалы князю Ромодановскому. — Ропотъ на Самойловича. — Военныя дѣйствія на Дону. — Врѣмя Мюска. — Самозванецъ Семень въ Запорожьи. — Поведеніе Сѣрка. — Сношенія Дорошенка съ Москвою. — Самойловичъ хлопочетъ, чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство. — Ромодановскій и Самойловичъ на западномъ берегу Днѣпра. — Письмо Ханенка къ князю Трубецкому. — Переяславская рада; избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра. — Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство. — Сѣрко высылаетъ самозванца въ Москву; допросъ и казнь вору. — Дорошенко уклоняется отъ подданства царю. — Приходъ Татаръ къ нему на помощь. — Братья его, Андрей, разбитъ царскими войсками. — Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Зинорождани и присланъ въ Москву. — Показанія Мазепы. — Царь не отпускаетъ изъ Москвы сицовой гетмана Самойловича. — Ромодановскій и Самойловичъ подъ Чигиринюмъ. — Новое нашествіе Турокъ в Татарь. — Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ. — Мнѣніе гетмана Самойловича о соединеніи русскихъ войскъ съ польскими. — Грамота Ромодановскаго къ царю. — Доносъ архіепископа Варламова на протопопа Адамовича. — Прибѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа. — Доносъ Самойловича на Сѣрка. — Жалоба гетмана на протопопа Адамовича. — Сношенія Сѣрка съ Москвою. — Смута въ Каменѣ. — Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра. — Затруднительное положеніе Дорошенка. — Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка. — Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества. — Событія на Дону.

Въ то самое время какъ на восточной сторонѣ Днѣпра ставили новаго гетмана, на западной разразилась наконецъ буря, о которой такъ давно и долго толковали и который, отъ продолжительности ожиданій и толковъ, переставали уже бояться. Мы видѣли, какое важное вліяніе на ходъ событій имѣло отложеніе Дорошенка отъ Польши и обращеніе его къ Турціи. Испуганная Польша посѣлила помириться съ Москвою, выговаривая себѣ ея помощь противъ Турокъ, однаково страшныхъ для обѣихъ государствъ. Янъ-Казиміръ не сталъ дожидаться новой бѣды и отказался отъ престола. Надобно было ожидать, что Поляки, въ виду опасной войны, выберутъ теперь въ короли какого-нибудь знаменитаго полководца изъ своихъ или чужихъ; но, какъ нарочно, мелкая шляхта выбрала въ короли человѣка хотя изъ знатной, но обдѣишней фамиліи, и человѣка, своими личными достоинствами менѣе всего способнаго заставить забыть, что онъ не царственнаго происхожденія. Масса шляхты могла выкрикнуть Вишневецкаго, но дала ему слабую опору противъ недовольной его выборомъ знати, которая составила сильную партію и мѣшала королю во всемъ; къ недовольнымъ принадлежалъ и самый видный по талантамъ и мѣсту человѣкъ — великій гетманъ и великій маршалокъ коронный Янъ Собѣскій. Турками страшили другъ друга, но о мѣрахъ противъ грозы шкето не думалъ. И, повидимому, имѣли основаніе отложить страхъ: пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Дорошенко отложился отъ Польши къ Турціи, и Турки не думали о войнѣ. Магометъ IV сперва былъ занятъ войною Венеціанскою; но и послѣ этой войны, кончившейся блистательнымъ успѣхомъ, завоеваніемъ Кандіи, султанъ не трогался: шли слухи, что ему не до войны, что онъ проводитъ время или въ гаремѣ, или на охотѣ. Мы упо-

минали, что лѣтомъ 1671 года шла война въ западной Украйнѣ между Поляками и Дорошенкомъ, которому помогли Татары. Паденіе Дорошенка на Умань не удалось: городъ отбѣлся. Собѣскій поразилъ Дорошенковыхъ казаковъ и Татаръ подъ Брацлавлемъ, и занялъ нѣсколько городовъ, признававшихъ власть Чигиринскаго гетмана. Но этотъ мнѣгнущій успѣхъ польскаго оружія только раздражилъ султана, заставилъ его сиѣнить походомъ на Польшу, которая осмѣлилась воевать вассала его, Дорошенка. Весною 1672 года, турецкое войско, въ числѣ болѣе чѣмъ 300,000, перешло Дунай. Передовой отрядъ, состоявшій изъ 40,000 Татаръ, ворвался въ Подолію и, на берегахъ Буга, при Батогѣ, встрѣтилъ Поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Лужецкаго, каштеляна Подляскаго, при которомъ находился и Ханенко со своими казаками; всѣхъ же Поляковъ и казаковъ было не болѣе 6,000; несмотря на то, они опрокинули и вогнали въ рѣку Татаръ. Надменный успѣхомъ, Лужецкій рѣшился гнаться за Татарами за рѣку. Тщетно удерживалъ его Ханенко: Лужецкій не хотѣлъ ничего слушать. „По крайней мѣрѣ“, говорилъ Ханенко, „позволь мнѣ остаться на этомъ берегу; если увидишь что-нибудь сдѣлать на той сторонѣ, то будешь имѣть свидѣтеля твоего знаменитаго подвига; если же дѣло не пойдетъ на ладъ, то посиѣшимъ раздѣлить твой жребій“. Ханенко остался и немедленно огородился обозомъ, а Лужецкій бросился въ Бугъ, истомилъ коней, подмочилъ огнестрѣльное оружіе. Въ такомъ положеніи онъ не могъ удержаться съ своею горстью людей на противоположномъ берегу: толпы Татаръ обхватили его со всѣхъ сторонъ и заставили обратиться назадъ въ рѣку; Лужецкой едва спасся самъ, потерявши много своихъ убѣтymi и плѣнными. Вѣглецы нашли спасеніе въ таборѣ Ханен-

ка. Какъ скоро всѣ Поляки вѣбжали въ таборъ, онъ началъ двигаться назадъ; Татары напирали съ тыла и съ боковъ, но казаки успѣшно отстрѣливались изъ пушекъ и ружей, и движущійся валъ достигъ Ладжиша. Татары осадили этотъ городъ, но не могли взять.

Иная судьба ожидала Каменецъ, который въ августѣ мѣсяцѣ облегло все турецкое войско, подъ начальствомъ самого султана. Число защитниковъ знаменитой крѣпости не превышало 1,500 человекъ; былъ порохъ, но мало пушкарей и тѣ плохія; говорятъ, что на 400 пушекъ приходилось только четыре пушкеры. Измученные работами надъ укрѣпленіями, осажденные не имѣли свободной минуты поѣсть и уснуть. Турки взяли Новый замокъ и подвели мину въ скалы подъ воротами Старого, послѣ чего пошли на приступъ, но были отбиты, потерявши 200 человекъ. Осажденные видѣли однако, что долго нельзя имъ держаться, и вывѣсили бѣлое знамя. Условія сдачи были: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальные обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, волею и остаётся; 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. По заключеніи этихъ условій, Янычаръ-ага пріѣхалъ въ городъ и занялъ его именемъ султана; янычары смѣнили гарнизонъ; жителямъ оставлены три церкви: одна Русскимъ, одна католикамъ и одна Армянамъ; соборная церковь обращена въ мечеть; со всѣхъ церквей сломали кресты, свѣсили колокола; часть знатныхъ шляхтинокъ забрали на султана, часть на визиря, часть на паней. Магометъ IV съ торжествомъ вѣѣхалъ въ покоренный городъ и прямо направился въ главную мечеть—бывшую соборную церковь: тамъ передъ нимъ обрѣзали осьми-лѣтняго христіанскаго мальчика.

Страшное впечатлѣніе произвела въ Москвѣ вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже рассказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали букурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы Турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ церквей и костеловъ выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ по шимъ идти, и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти. Давали знать, что визирь, ханъ и Дорошенко хвалятся идти подъ Кіевъ. Кіевскій воевода, князь Козловскій, писалъ, что въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Острѣ мало людей. Въ Кіевѣ чинили городъ безпрестанно: гдѣ осыпалось на валу, зарубали лѣсомъ и крѣпили, только вала валить было нельзя, потому что мѣсто песчаное, а дерну близко нѣтъ. Тукальскій безпрестанно посылалъ къ Дорошенку, чтобы шелъ подъ Кіевъ, обнадѣживая, что тамъ мало людей. Дорошенко называлъ себя подданнымъ султана и воеводою Кіевскимъ. Симеонъ Адамовичъ

писалъ Матвѣеву: „Бога ради, заступай насъ у царскаго пресвѣтлаго величества, не плошась, прибавляйте сплъ въ Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ. Вѣдаешь непостоянство нашихъ людей: лучше держаться будутъ, какъ государскія сила прибавится. Присылайте воеводою въ Нѣжинъ добраго человѣка; Степанъ Ивановичъ Хрущовъ не по Нѣжину воевода; давайце намъ такого, какъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій: и послѣдній бы съ нимъ теперь за великаго государя радъ былъ умереть“.

Царь призвалъ на совѣтъ высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, объявилъ имъ объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти весною подъ Кіевъ, на малороссійскіе города и Сѣверскую Украину, и спрашивалъ, чтѣ дѣлать. Назначили чрезвычайные сборы со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, но полтиннѣ съ двора, съ горожанъ десятиую денгю. Государь объявилъ о намѣреніи своемъ выступити лично къ Путнвлю со всѣми силами, и написалъ къ гетману Самойловичу, что: въ Кіевъ назначенъ боиринъ и воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой со многими ратными людьми; въ Черниговъ—стольникъ князь Семень Андреевичъ Хованскій, въ Нѣжинъ—князь Семень Звенигородскій, въ Переяславль—князь Владиміръ Волконскій и съ Москвы отпущены будутъ скоро; а если султанъ двинется подъ Кіевъ, то онъ самъ, великій государь, пойдетъ на него, для чего въ Путнвлѣ уже велѣно строить царскій дворецъ. Боялись, какъ мы видѣли, весны, ибо относительно зимы скоро пришли успокоительные слухи: султанъ пошелъ за Дунай на зимовку, ханъ въ Крымъ, Дорошенко—въ Чигиринъ, и Татаръ осталось у него немного; Поляки подъ Вучачемъ (въ Галиціи) заключили миръ съ Турками, уступивъ имъ Подолію, Украину и обязавшись платить султану ежегодно по 22,000 червонныхъ. Такимъ образомъ, тяжесгъ новой Турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все вниманіе ея правительства обращено было на югъ.

Въ декабрѣ 1672 года, Иванъ Самойловичъ писалъ Матвѣеву, зѣло милостивою своему пріятелю и благодѣтелю: „Посланный мой сказалъ мнѣ, будто твоя милость велѣла мнѣ теперь къ его пресвѣтлому царскому величеству быть; если бы указъ царскаго величества мнѣ, низжайшему рабу, былъ, дай то Христе Воже, усердно сего желаю, только бы время было удобное и непріятельскіе замыслы отъ насъ отдалились. Смирно молю о скорой вѣдомости отъ твоей милости, благодѣтеля моего“. Гетманъ не ладилъ почему-то съ Карпомъ Мокріевичемъ; тотъ также обратился къ Матвѣеву съ низжайшимъ поклономъ до лица земли: „Стыдно мнѣ частымъ писаніемъ вашей милости, добродѣю моему, докучать; но думаю, до рукъ вашихъ не доходитъ, потому что и по сіе время не удостоиваюсь милости вельможнаго господина гетмана за свои вѣрныя и правдиво-желательныя къ великому государю службы, о которыхъ не только всему свѣту явно, но и самъ Господь вѣдаетъ душу мою, что

вѣрно царскому величеству работаль и до конца жизни моей общаю. Съ покореніемъ полагаю себя подножіемъ вашей милости, благодарителю моему многомилостивому, смиренно челомъ бью: смилуйся надо мною, работникомъ своимъ, изволь своимъ высокимъ ходатайствомъ его царскому величеству обо мнѣ доложить, чтобы съ какимъ-нибудь дѣломъ въ своей государской грамотѣ обо мнѣ указаль отписать, чтобы я, вѣрный подданный работникъ, при своей чести быть, а иные, которые ни малой службы великому государю не учинили, нынѣ сугубую милость и честь и корысть имѣють“.

Въ то же время Матвѣевъ получил грамоту изъ Запорожья отъ кошеваго, Лукьяна Андреева: „Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ Запорожскомъ, многочисленному ходателю и всякихъ щедротъ давцу, низжайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умилосердись, яко отецъ надъ чады, чтобы милостивымъ твоимъ ходатайствомъ Калмыки и чайки (лодки) и хлѣбные запасы присланы были къ намъ, и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко, къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ втораго такого полеваго воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ Запорожскомъ Ивана Сѣрко, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражать и побивать и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышленяють“. Царь отвѣчалъ, что всѣ просьбы ихъ будутъ исполнены и полевой воинъ Сѣрко къ намъ будетъ отпущенъ. Дѣйствительно, въ мартѣ 1673 года, Сѣрко привезенъ былъ въ Москву и представленъ государю: сперва самъ царь, потомъ патриархъ и весь синклитъ, особенно князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ накрѣпко увѣщевали его быть вѣрнымъ престолу царскаго величества, патриархъ грозилъ клятвою и вѣчною погубелью, если помыслитъ что худое. „Отпускаю тебя“, сказалъ царь, „по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго, гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово непремѣнно, писалъ я и къ королю Польскому, и къ Запорожцамъ, что отпущу,—и отпускаю“.

Мы видѣли, что шель вопросъ о пріѣздѣ гетмана въ Москву, и Самойловичъ уже давалъ знать, что это трудно сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Придумано было средство—и оставить гетмана въ Малороссіи, и дать залогъ вѣрности его царю. Еще въ концѣ 1672 года Симеонъ Адамовичъ писалъ къ Матвѣеву: „Богъ да видѣтъ убогую службу и радніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству; многие гетманы, архіереи и полковники, много поглотавъ государской казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я, убогий червь, а не человекъ, какъ началъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичъ совершенно на мой совѣтъ положился: уже я его къ тому привелъ—если страна наша осво-

бодится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочеть дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною“. Въ мартѣ 1673 года протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ, Семень и Григорій, съ начальникомъ своимъ, Багуриискаго монастыря намѣстникомъ Исаакомъ и учителемъ Павломъ Ясилковскимъ, для вѣрности подданства и службы его гетманской, чтобы царскому величеству служба его гетманская была во всемъ вѣрна. Самойловичъ писалъ, что сыновья его должны оставаться при царѣ до тѣхъ поръ, пока самъ гетманъ пріѣдетъ въ Москву. Адамовичъ билъ челомъ отъ имени Самойловича, чтобы государь приказаль князю Ромодановскому и ему, гетману, идти войною на Крымъ или на Дорошенка, и для этого похода прислалъ пушекъ полковыхъ, легкихъ, пороху и свинцу, прислалъ еще ратныхъ людей въ малороссійскіе города.

19-го марта гетманскихъ посланцовъ позвали смотрѣть какъ повезутъ пушки строемъ изъ Никольскихъ воротъ подъ дворцовые переходы въ Спасскія ворота. Кромѣ Малороссійцъ, были тутъ разныхъ земель торговые Нѣмцы и Греки, и Персіяне; въ ихъ толпу пробрался тайкомъ подьячій Носольскаго Приказа и подслушивали, что говорятъ иноземцы. Протопопъ Семень съ Черкасами говорилъ: „Должно быть идетъ самъ государь въ походъ на Турекаго султана;“ дивилась, что пушки везены зѣло урядствомъ и строемъ премудрымъ: хвалили, что лошади выпряжены были парами и устроены воински, пушки велики и къ войнѣ зѣло удобны. Когда шель между пушками дворъ окольничаго князя Ивана Петровича Воротинскаго, то протопопъ, сжавъ плечи, сказалъ: „Вѣй, по-истинѣ надъ симъ намѣреніемъ и надъ людьми происходить Божіе милосердіе; конечно чаю, что дѣла ихъ воинскія во всякомъ добрѣ совершатся, потому что по многимъ момъ примѣтамъ люди смѣло и радостно выступатъ и благополучіе себѣ ожидаютъ: это съ Божіей воли!“ Гетманскіе сыновья разсирасивали протопопа обо всемъ, считали, много-ль пушекъ, которая больше, и все хвалили. Греки говорили: когда Турки брали Кандію, а теперь Каменецъ, то у нихъ было пушекъ много, только невелики, такія или немного побольше бывали при султанѣ по двѣ или по три, но сдѣланы грубо и не такъ къ войнѣ удобны. Нѣмцы также хвалили и говорили, что прежде такихъ строевъ на Москвѣ не бывало и потому надобно ждаль побѣды царя надъ Туркомъ; Богъ не оставитъ царя, потому что онъ начинаетъ войну для защиты христіанской вѣры. Персіяне и Армяне говорили, что у шаха такихъ пушекъ нѣтъ, и Турки ихъ не стерпятъ.

Отецъ-протопопъ былъ въ восторгѣ отъ пріема въ Москвѣ, и писалъ гетману: „Царскаго величества отеческая къ великодушности твоей неизреченная милость,—о чемъ билъ челомъ, всебудетъ исполнено. Дѣтямъ твоимъ дворъ съ палатами каменными купитъ прискиваютъ; въ господинѣ Арте-

монѣ Богъ послалъ твоей вельможности и дѣтямъ твоимъ отца милостиваго, на котораго милость и заступленіе будѣ всегда надеженъ; далъ онъ миѣ въ томъ слово, и дѣткамъ твоимъ всякое добро при царскомъ величествѣ будѣтъ. Не могу перечислить царскаго величества милости и Артемона Сергѣевича пріятства и любви". Протопопъ былъ оглушенъ съ отвѣтомъ: что касается до похода на Крымъ, то государь указалъ этотъ способъ теперь до времени оставить; а идти князю Ромодановскому и гетману Самойловичу къ Днѣпру и, ставши у этой рѣки, послать къ Дорошенку грамоту съ двумя досужими людьми, сказать ему: ты присылалъ къ великому государю съ челобитьемъ, чтобы велѣлъ тебя принять въ подданство; великій государь на это изволяетъ и прислалъ къ тебѣ милостивую грамоту; при этомъ обѣщать, что права и вольности будутъ не нарушены и государь будетъ оборонять Дорошенка отъ Турокъ; если же Дорошенко откажется принять присягу, то объявить ему, что царскія войска обратятся противъ него. Если, мимо Дорошенка, Заднѣпровскіе казаки стануть присылать, что поддаются великому государю, то ихъ принять, привести къ присягѣ и, поговори со всѣмъ войскомъ, учинить на той сторонѣ гетмана, добраго и досужаго, особенно же вѣрнаго человѣка, а надъ Дорошенкомъ чинить промыслъ. Если Заднѣпровскіе казаки будутъ просить, чтобы сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра Ивана Самойловича или стануть просить себѣ въ особые гетманы кого-нибудь съ восточной стороны, то исполнить ихъ желаніе. Мы видѣли, что государь обѣщалъ отправить въ Кіевъ большое войско съ бояршиномъ княземъ Юріемъ Петровичемъ Трубецкимъ: дѣйствительно, въ началѣ 1673 года, Трубецкой двинулся въ Малороссію. Въ десяти верстахъ отъ Сосницъ встрѣтилъ его гетманъ съ старшиною, и до Сосницъ сидѣлъ съ бояршиномъ на саняхъ у шита на облучкѣ. 13 февраля Трубецкой вступилъ въ Кіевъ.

Войска должны были выступить въ походъ по послѣднему зимнему пути, разсчитывая по московской погодѣ; но Ромодановскій далъ знать государю, что этого сдѣлать нельзя: „У насъ на Украинѣ съ полей снѣгъ весь сбилъ и водное располнено ие большое, ни которыми мѣрами миѣ походомъ послѣдить нельзя; ратныхъ людей при миѣ нѣтъ никого“. А между тѣмъ, на западномъ берегу, какъ только узнали о намѣреваемыхъ движеніяхъ Царскаго войска, такъ уже начали толковать о подданствѣ великому государю. Есаулъ Яковъ Лизогубъ, сносился изъ Канева съ Переславскимъ полковникомъ Райчесю, обѣщая сдать Каневъ, какъ только русскія войска явятся за Днѣпромъ: „Радъ бы я“, говорилъ Лизогубъ, „перейти за Днѣпръ въ сторону царскаго величества со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками, да славу свою потеряю: тутъ я начальнымъ знатнымъ человѣкомъ, и всѣ меня здѣсь слушаютъ; лучше миѣ будетъ, живучи здѣсь, царскому величеству службу свою показать, по-

тому что здѣсь всѣ люди, видя утѣшеніе отъ Турокъ, Дорошенки и насъ всѣхъ проклинаятъ и всякое зло мыслятъ, и самъ Дорошенко скучаетъ, что поддался Турекому. Послѣ Рождества Христова у него была рада со всею старшиною; говорилъ Дорошенко: весна приходитъ, и слухъ носится, что царь со всѣми силами будетъ на Украйну, такъ рѣшите, при комъ намъ держаться? Старшина приговорили: „Отъ Турскаго султана не отставать и его не гнѣвить, потому что нынѣ, кромѣ него, дѣться намъ негдѣ; даръ по договору съ королемъ подъ свою руку насъ не приметъ, а подъ королемъ быть не хотимъ, потому что много досады ему учинили, будетъ намъ мститъ, да и для того, что искони вѣковъ въ раздѣленіи мы не бывали, а теперь одна сторона безъ другой быть не хотятъ. Турскій султанъ въ Каменецъ будетъ, видя, что король мирнаго постановленія не исполняетъ, изъ Вѣлой Церкви ратнымъ людямъ выступить не велѣлъ; и если теперь отъ Турскаго намъ отстать, а помощи ни отъ кого не будетъ, и онъ, пришедши, вконецъ насъ всѣхъ разоритъ.“—Когда Дорошенко былъ въ походѣ вѣстѣ съ Турками“, продолжалъ Лизогубъ, „то ему честь была добрая, называли его княземъ; но казакамъ нужда была великая, Турки называли ихъ и теперь называютъ свиньями: гдѣ увидятъ свинью, называютъ казаккомъ. Турскіе люди теперь въ Каменцѣ, Межибожьи, Варѣ, Язловцѣ, Снятинѣ, Жванцѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ они перкви Вожиі разорили. подѣляли изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинятъ великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безплатно не даютъ, безпрестанно кандалы куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, дѣвѣ башни до верху наметали, также конскія желѣза дорого цѣною покупаютъ—для чего, не вѣдомо. Пусть гетманъ Иванъ Самойловичъ напишетъ къ великому государю, чтобъ присылалъ многихъ ратныхъ людей сюда, на западную сторону; ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, стоять не будетъ, только бы великій государь Польскому королю насъ не отдавалъ, да занялъ бы государь своими войсками Сѣчь и Кодакъ: а если займутъ ихъ Турки, то Полтавской сторонѣ и намъ здѣсь трудно будетъ.“— „Не вѣрю я Лизогубу“, говорилъ гетманъ Иванъ Самойловичъ: „все это онъ говорить по Дорошенкову наученью; да у Лизогуба намшия, и скотина на этой сторонѣ въ Переславскомъ полку,—боится онъ, чтобы я ихъ у него не отнял. Если мы съ княземъ Гр. Гр. Ромодановскимъ пойдемъ на ту сторону Днѣпра, тогда и не въ честь будутъ сдаваться, потому: какъ Турскій султанъ наступитъ, разволочитъ всѣхъ; Хмельницкій (Юрій) съ бусурманами воидея и залетѣлъ въ Царь-городъ; и Дорошенко изъ-подъ Каменца чуть-чуть туда же не угодилъ, и впередъ ему не отбыть. Носылатъ къ Лизогубу о склонности впередъ не надобно, потому что онъ обо всемъ будетъ передавать Дорошенкѣ и Дорошенко поду-

масть, что, боясь Турскаго султана, къ нимъ подсылки дѣлаются о склонности, и лучше будетъ султана и хана къ войнѣ побуждать“. Но Дмитрашка Райча говорилъ иное: хвалилъ вѣрность Лизогуба, утверждалъ, что вперёдъ на него можно положиться.

Въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грамоту Ханенко: „Падши раболѣбно къ ногамъ царскаго престола, биль челомъ о принятіи въ подданство: яко пленъ на источники водные, сице желала душа его подъ пресвѣтлую державу единого святодѣпнаго монарха. Биль онъ, Ханенко, при королевскомъ величествѣ многіе годы, кровь свою проливалъ на оборону короны Польской, но за то ни оги, ни войско ни малаго себѣ награжденія не получили, только сенаторскими пыхамъ (гордостію) озлоблены бывали“.

Лизогубъ въ своемъ разсказѣ о чигринской радѣ пропустилъ любопытное извѣстіе о Тукальскомъ. Киевскій мѣщанинъ, прѣбывавшій изъ Черкасъ, разсказывалъ, что во время рады митрополитъ читалъ поученіе, въ которомъ сильно поносилъ Дорошенку и другихъ начальныхъ людей за то, что Турку служатъ и церкви разоряютъ, и мечети строятъ. Послѣ этого митрополитъ на радѣ совѣтовалъ казакамъ, чтобы оставались въ союзѣ только съ ханомъ, а отъ Турокъ какими бы то ни было способомъ отлучились. Тогда обозный Гурлакъ отвѣчалъ митрополиту: „Ужъ бы тебѣ, отче митрополитъ, молно въ наши рады вступаться, своего бы ты духовнаго дѣла остерегалъ, а не насъ; ужъ ты насъ усовѣтовалъ, такъ не скоро отсовѣтуешь“.

17-го апрѣля князь Ромодановскій съѣхался съ гетманомъ Самойловичемъ въ Сумахъ, и постановилъ: Ромодановскому съ своими ратными людьми собираться въ Суджѣ, а гетману въ Батуринѣ, и сойтись вмѣстѣ между Глинскомъ и Лохвицею у рѣки Сулы. 22-го мая вожди соединились за Лохвицею у Лебединскихъ озеръ, и 1-го іюня отравили отрядъ за Дибѣръ подъ Каневъ, съ предложеніемъ Дорошенку и Лизогубу поддаться великому государю; но Дорошенко, Лизогубъ и Каневцы отказали, что они въ поддествѣ у великаго государя быть никогда не хотятъ. Отрядъ переправился назадъ за Дибѣръ, а между тѣмъ на восточной сторонѣ появились татарскія толпы. Ромодановскій послалъ за ними Харьковскаго полковника; подъ Коломыкомъ встрѣтился онъ съ Татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ. Это заставило Ромодановскаго и гетмана изъ-подъ Лубенъ отступить назадъ къ Бѣлгороду. Ромодановскій и гетманъ писали царю, что имъ нельзя было переправиться за Дибѣръ, потому что рѣка очень распаллась, а Дорошенко отогналъ всѣ суда. — „Но селъ бы и не это“, отвѣчалъ царь, „то развѣ вамъ велѣно было переправляться за Дибѣръ? Вамъ именно было велѣно стать у Дибѣра гдѣ пристойно, и, устроясь обозомъ, послать къ Дорошенку съ милостивыми грамотами двоихъ досужихъ людей, а не полкъ;

также велѣно было, услышавъ о Татарахъ, не отступать, а выслать противъ нихъ часть войска“. Царь окончилъ грамоту объявленіемъ, что если султанъ, ханъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то онъ самъ выступитъ въ походъ. Но Самойловичъ не переставалъ оправдываться въ томъ, что не перешли за Дибѣръ: войска было мало, запасовъ мало, и Дорошенко распустилъ слухъ, что казаки и восточной и западной стороны, соединясь, будутъ промышлять надъ царскими людьми.

Въ Малороссіи требовали царскихъ войскъ; но въ то время проходили войска въ странѣ извѣстно чѣмъ сопровождался. Архимандритъ Нинкоентій Гизель говорилъ: „Превеликая царскаго величества милость, что изволилъ свою отчину, преславный градъ Кіевъ охранить; этому мы рады; но что ратные люди дорогою дѣлали, тому Богъ свидѣтель: не только эти новопришлые, но и прежніе подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ и около монастырскія и подданныхъ монастырскихъ сѣна побрали безъ остатку, пришлось лошадей и скотину съ двора спускать; также и лѣса наши пустошили и теперь пустошатъ; не исключая борныхъ и надобныхъ“. — Полковникъ Солонина жаловался: „Воеводы и головы стрѣлцкіе, идучи дорогою, подъ Кіевомъ брали подводы многія, и изъ этихъ подводъ большая половина распала; людей, которые за подводами шли, стрѣльцы били, за хохлы драли и всякими скверными словами безчестили, у бѣдныхъ людей дворы и огороды пожгли, разорили, сѣна всѣ потравили, крали и силою отнимали; такой налоти бѣднымъ людямъ еще не бывало; не знаю я какъ и назвать: неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? Но и Татары то же бы сдѣлали! — только тѣмъ и удивляться нечего: неприятельскія люди и бусурманы“. Не поправился и самъ Трубецкой съ товарищами своими: знатные Малороссіяне жаловались, что бояринъ и воеводы неприступны, ласки къ нимъ не держатъ, Трубецкой полковникомъ на дворъ и съ двора ѣздитъ не велитъ, не то что бояринъ князь Григ. Григор. Ромодановскій: кто бы изъ Малороссіянъ къ нему ни пришелъ, — и онъ со всякимъ обходитъ какъ равный; за это всѣ его любятъ. И по всей Малороссіи, гдѣ проходилъ Трубецкой съ войскомъ, слышались одиѣ рѣчи: „Намъ очень надобно, что великій государь прислалъ многіихъ людей въ Кіевъ и хочетъ удержать его за собою; если бусурманы на Кіевъ станутъ наступать, то мы всѣ за него умирать готовы; только то не хорошо, что ратные люди съ нами неласково поступаютъ и неспирно ходятъ; ни отъ чего мы такъ не скучаемъ, какъ отъ подводъ, и многіе съ Кіевской и Переяславской дороги хотятъ разбрестись“.

Слышались ропотъ и на новаго гетмана; знатные и простые люди говорили: „Очень тяжело было намъ при Демкѣ, но и теперь отъ того не ушли; на радѣ было отговорено гетману: охочихъ людей не держать, къ виннымъ, пивнымъ котловъ и съ мелочничныхъ колѣсъ пошлины не брать; но все по-

прежнему, какъ при Демкѣ, дѣлается: компанейщину собираютъ и поборы частые берутъ". Объ этихъ жалобахъ дали знать гетману. Онъ отвѣчалъ: „Я компанейщиковъ собираю и пошлины брать велидѣнъ для того, что нынѣшнее время люди мнѣ надобны противъ непріятеля. Если бы съ той стороны все воинскіе люди на эту сторону Днѣпра перешли, то я ихъ приму и кормить буду; а пошлины не себя я собираю, а на кормъ воинскимъ людямъ, которые, покинувъ дома и пожитки свои, великому государю служатъ, не жалѣя головъ. Часто случается, что противъ непріятельскихъ ратныхъ людей и нанимаютъ, жалованье большое даютъ; а этимъ людямъ только и пожитку, что сама да лошади ихъ сыты“.

Въ то время, какъ походъ царскихъ войскъ къ Днѣпру кончился такъ неудачно, въ августѣ 1673 года начались промыслы на другой сторонѣ, подъ Азовымъ: отправленные на Донъ воеводы Иванъ Хитрово и Григорій Косоговъ съ государевыми ратными людьми и съ Донскими казаками, въ числѣ 8,000, подошли подъ Каланчинскія башни, и, стрѣляя изъ пушекъ день и ночь, сбили у одной изъ башенъ верхній и средній бой и отняли водяное сообщеніе у Азова съ башнями, но сухопутнаго, по недостатку конницы, отнять не могли. Азовцы вышли на бой всеяъ городомъ, но потерпѣли поражение; побѣдители гнали ихъ большыя версты. Ядеръ не стало, а идти на приступъ къ башнѣ воеводы и агаданы сочли невозможнымъ по причинѣ широкихъ валовъ, глубокихъ рововъ и лычаръ, которыхъ было 1,000 человекъ. Не успѣвши взять башенъ, воеводы пропустили казаковъ казачьимъ еркомъ въ море на 22 стругахъ, для промыслу надъ турецкими и крымскими берегами. Донское войско писало Матвѣеву, что если великій государь велитъ идти подъ Азовъ и чинить приступъ, то ратныхъ людей надобно: иѣхоты 40,000 да конницы 20,000;—съ такимъ войскомъ къ Азову пыгаться можно, а съ малымъ войскомъ идти на приступъ нельзя,—мѣсто большое; Каланчинскія башни въ десять разъ крѣпче Азова, взять ихъ никакъ нельзя, и впередъ подъ ними людей и казны терять не-для-чего.

Московскіе ратные люди и казаки промыслили подъ Азовымъ; а въ тылу у нихъ чинился промыселъ своего рода. Хитрово доносилъ, что объявлялось на Дону воровство великое: воруетъ старыи товарищъ Разина, Иванъ Мюска, около котораго собралось больше 200 человекъ; пробѣздъ степью сталъ тяжелъ, и впередъ надобно ожидать воровства большаго, потому что товарищи Разина, умѣвшіе изъ Астрахани и съ черты, живутъ по Дону въ верховыхъ городахъ. По настоянію Хитрово, Донцы послали отрядъ противъ Мюски на Сѣверскій Донецъ; но Мюска, узнавъ объ этой сылкѣ, перешелъ на устье Черной Калитвы, гдѣ объявился великое воровство, внизъ и вверхъ торговымъ и служилымъ людямъ не стало пробѣзду, и шель слухъ, что на весну Мюска пойдетъ на

Волгу, пристанеть къ нему съ Дона и верховыхъ городковъ много воровъ, какъ и къ Разину. Посланные Воронежскимъ воеводою казаки нигдѣ не отыскали слѣдовъ Мюски: онъ объявился въ другомъ мѣстѣ.

Въ началѣ зимы, гетманъ Самойловичъ далъ знать, что въ Запороги прѣхалъ человекъ—хорошъ и тонокъ, долголицъ, не черменъ и не русъ, немного смугловатъ, по лицу трудно сказать лѣта, казаки угадывали, что лѣтъ пятнадцать, молчаливъ, два знамени у него: на знаменахъ написаны орлы и сабли кривыя; съ нимъ восемь человекъ Донской породы; надѣтъ на немъ кофтакъ зеленый, лисицами подшитъ, а подъ исподомъ кафтанецъ червчатый китайковый; называется царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ Вожъ его, казакъ Мюскаго, говорилъ судѣ Запорожскому, будто у этого царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя видѣніемъ царскаго вѣнца. Когда узнали въ Запорожьи, что Сѣрко приближается, то царевичъ, распустивъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею. Сѣрко посадилъ его подлѣ себя и спрашивалъ: „Слышалъ я отъ наказнаго своего, что ты называешься какого-то царя сыномъ; скажи, Вога боюсь, потому что ты очень молодъ, истинную правду скажи, нашего ли великаго государя Алексѣя Михайловича ты сынъ, или другого какого царя, который подъ его рукою пребывалъ;—чтобы мы и тобою обмануты не были, какъ иными въ войскѣ плутами“?. Молодой человекъ всталъ, снялъ шапку и говорилъ, какъ бы плача: „Не надѣялся я, что ты меня бояться будешь; Вога мнѣ свидѣтель правдивый, что сынъ я вашего государя“. Услыхавъ это, Сѣрко и все казаки сняли шапки и поклонились до земли, и начали потчивать его питьемъ. У самозванца спрашивали, будетъ ли онъ своею рукою писать къ гетману Самойловичу и къ батюшкѣ своему, великому государю.—„Господину гетману“, отвѣчалъ онъ, „изустнымъ приказомъ кланяюсь; а къ батюшкѣ писать трудно, чтобы моя грамотка къ боярамъ въ руки не попала, чего очень опасася, а такой человекъ не същется, чтобы грамотку мою батюшкѣ въ самыя руки могъ отдать, и ты, кошевой атаманъ, умиლოსердись, шкому Русскимъ людямъ обо мнѣ не объявляй; со слава я былъ на Соловецкій островъ, и какъ Стенька былъ, то я къ нему тайно пришелъ и жилъ при немъ, пока его взяли, потомъ съ казаками на Хвалынское море ходилъ, откуда на Дону былъ, войскомъ здѣсь про меня не вѣдали, только одинъ атаманъ вѣдалъ“. А вождь Мюскаго говорилъ Сѣрку, что подлинно на тѣлѣ у царевича знаки видѣніемъ царскаго вѣнца есть; намѣреніе такое имѣть: тайно пробраться въ Кіевъ и оттуда ѣхать къ Польскому королю.

14 декабря къ гетману Самойловичу и на кошъ къ Сѣрку за самозванцемъ отравились сотникъ стрѣлецкій Чадуевъ и подьячій Щеголевы.—„Я уже писалъ въ Запороги“, сказалъ имъ Самойловичъ, „чтобы вора съ товарищами ко мнѣ прислали;

думаю, что Сѣрко не будетъ мнѣ противенъ; боюсь одного, что на Запорожьи никого не выдадутъ, говорятъ, что они войско вольное, кто хочетъ, приходитъ по волѣ и уходитъ также“. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Керебердѣ, пришелъ къ московскимъ посланцамъ запорожскій казакъ Максимка Щербакъ и началъ говорить: „Знаете ли вы Щербака Донскаго?—а онъ знаетъ, зачѣмъ вы на Запорожье посланы; вамъ ѣхать незачѣмъ, даромъ пропадете: самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ нынѣ на Запорожьи объявился, я про это про все знаю и вѣдаю; царевичъ дѣда своего, боярина Илью Даниловича Мясославскаго, ударилъ блюдомъ и оттого ушелъ; по всей Москвѣ слава поилась, что то правда была, а я въ то время на Москвѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго освобожденъ, былъ на Дону и на Запорожьи, а вышелъ изъ Запорожьи тому другая недѣля“. — „Это воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ“, говорили посланцы. Щербакъ на это плюнулъ имъ въ глаза и сказалъ: „Завяжите себѣ ротъ, даромъ злую смерть примете“. Встрѣтились Чадуеву и Щеголеву посланцы Самойловича, ѣздившіе въ Запорожье, и объявили: „Когда Запорожцы выслушали гетманское письмо о самозванцѣ, то смѣялись, про гетмана и про бояръ говорили всякія непристойныя и грубыя слова; самозванца, по приказу Сѣркову, называютъ царевичемъ; къ гетману ничего не отписали, писаль къ нему самозванецъ и запечаталъ своею печатью наподобіе печати царскаго величества; сдѣлали ему такую Запорожцы изъ ефимковъ, да сдѣлали ему тафтинное знамя съ двоеглавымъ орломъ и платье доброе дали. На отпускѣ нашемъ пришелъ въ раду самозванецъ, безчестилъ величскіе гетмана, говорилъ: „Глупъ вашъ гетманъ, что меня такъ описываетъ; если бы вы не прѣбывали думи, велѣли бы повѣсить; если гетману надобно меня знать, пусть пришлетъ осмотрѣть обознаго Цегра Забѣлу да судью Ивана Домонтовича; о выдачѣ моей много бояре станутъ присылать знатныхъ людей именемъ царскаго величества съ грамотами, только я не поѣду три года, буду ходить на море и въ Крымъ, а кто присланъ будетъ, даромъ не пробудутъ“. Въ Кишенкѣ московскіе посланцы нашли челядника Василія Многогрѣшнаго, Лучка, да самозванцева товарища Мерешку; оба говорили Чадуеву и Щеголеву, чтобы на Запорожье ни подъ какимъ видомъ не ѣздили: еще у Кодака Запорожцы встрѣтятъ и повѣсятъ, а самозванца выдать и не подумаютъ. „Я“, говорилъ Лучка, „при немъ жилъ долгое время и видѣлъ на плечахъ природные знаки красные: — царскій вѣнецъ, двоеглавыи орелъ, мѣсяцъ съ звѣздой“. Пріѣхавъ въ Кишенку Игнатъ Оглобля, отправлявшійся въ посланникахъ отъ Сѣрка къ гетману Самойловичу; онъ говорилъ, что Сѣрко хотѣлъ бить Чадуева за самозванца и назвалъ его собачьимъ сыномъ. Услыхавъ всѣ эти вѣсти, Чадуевъ и Щеголевъ приняли мѣры для собственной безопасности: велѣли Щербака, Лучку, Мерешку и

Оглоблю отослать къ гетману въ Каневъ, чтобы онъ держалъ ихъ тамъ до ихъ возвращенія.

1-го марта 1674 года выѣхали царскіе посланники изъ Кишенки на Запорожье; 9-го числа выѣхали въ Сѣчь; кошевой атаманъ Сѣрко и все посольство вышли за городъ навстрѣчу, и поставили Чадуева и Щеголева за городомъ, на берегу рѣки Чертомлика, въ греческой избѣ. На другой день посланниковъ позвали въ курень къ атаману; тамъ нашли они Сѣрка, судью, писаря, куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ-радецовъ (совѣтниковъ). „Для какихъ великаго государя дѣль вы къ намъ присланы?“ спросилъ Сѣрко: „сдѣлали мы, что за царевичемъ?“ — „Это не царевичъ“, отвѣчалъ Чадуевъ: „это воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступникъ, Стеньки Разина ученикъ“. — „Неправда“, говорили Запорожцы: „это истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, и желаетъ съ вами видѣться“ — „Мы присланы“, отвѣчалъ Чадуевъ, „для взятія этого вора и самозванца, а не видѣться съ нимъ“ *Сѣрко*: „Мы его въ радѣ вамъ покажемъ, станете съ нимъ говорить, и мы знаемъ, что вы, узнавъ, поклонитесь ему, какъ слѣдуетъ“. Послѣ этого разговора Сѣрко, судья, писарь и куренные атаманы шли у самозванца мало не весь день, и Сѣрко, упившись, будто спалъ. Часа за два до вечера самозванецъ, опасавшись саблею, вышелъ изъ своего куреня, съ нимъ судья Степанъ Вѣлый, писарь Андрей Яковлевъ, есаулы и казаковъ человекъ съ триста, всѣ пьяные, подошли къ избѣ, гдѣ стояли послы, и стали выкрикать Щеголева: „Поди! царевичъ тебѣ зоветь“. Щеголевъ не пошелъ, а Чадуевъ вышелъ въ сѣни и, отворя дверь, говорилъ: „Кто и зачѣмъ Щеголева спрашиваетъ?“ Отвѣчалъ самозванецъ: „Поди ко мнѣ!“ *Чадуевъ*: „Ты что за человекъ?“ *Самозванецъ*: „Я царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ“. *Чадуевъ*: „Странное и великое имя воспоминаешь; такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, что и въ разумъ человѣчскій не вѣстится; царевича государя по стенамъ и по дугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступникъ Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ“. *Самозванецъ*: „Врѣхачи, измѣнники! — смогрите: наши же холоди да намъ же досаждаютъ! Я тебѣ устрою!“ И, вынувъ саблю, побѣжалъ къ дверямъ на Чадуева; тотъ взялъ шпатель и хотѣлъ его убить: но писарь схватилъ самозванца поперекъ, унесъ за хлѣбную бочку и потомъ пошелъ съ нимъ въ городъ. Остались казаки и начали съ полѣвными приступать къ избѣ, а другіе разбирать крышу, ругались, крича: „Ты, старый, государича хотѣлъ застрѣлить“. Тутъ Чадуевъ съ ищальною Щеголева съ саблею, стрѣльцы съ мушкетами, простаясь между собою, сѣли на смерть. Но до смерти дѣло не дошло: посланники вынули государеву грамоту и закричали: „Подождите до рады, а въ радѣ выслушайте великаго государя грамоту!“ Казаки закричали судѣ и есауламъ: „Поставьте у нихъ на-

рауль, чтобы не ушли, — умѣютъ Москали изъ рукъ уходить“. И одинъ за другимъ разошлись. Но, вмѣсто ихъ, явился полковникъ Алексѣй Вѣлицкій, при немъ казаки съ мушкетами, и стали въ сѣняхъ, у самыхъ избныхъ дверей, готовые къ бою.

Вечеромъ пришли къ посламъ отъ Сѣрка судья, писарь, есаулъ, атаманъ куренный и говорили: „Худо вы сдѣлали, что государича хотѣли застрѣлить, будучи между войскомъ; 12 марта будетъ рада и государичъ въ радѣ будетъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ вѣдомо, и если надъ нами войску велить что сдѣлать, то войско, что огонь, по маковому зерну разорветъ. Вы когда придете въ раду, поскорѣе добивайте ему челомъ и кланяйтесь до земли“. *Чадуевъ*: „Недобрый, небогоугодный, невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ его, повѣря невѣдомо какому вору, смерти предаете! Мы не на смерть къ вамъ посланы, а на увеселеніе и объявленіе царскаго величества премногой милости вамъ же“.

12-го марта собралась рада. Пословъ царскихъ позвали туда, но ножи у нихъ обобрали и велѣли за нихъ идти караульщикамъ съ мушкетами. Самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ въ окно на раду. Сѣрко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманскій листъ, началъ говорить Запорожцамъ: „Братья мои, атаманы молодцы, войско Запорожское, низовое Днѣпровое, какъ старъ, такъ и молодой. Прежде въ войскѣ Запорожскомъ у васъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобы кому кого выдавали: не выдадимъ этого молодчика!“ — „Не выдадимъ, господинъ кошевой!“ грянула толпа. — Сѣрко продолжалъ: „Братья моя милая! Какъ одного его выдадимъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочетъ; а онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ какъ птица въ клѣткѣ, и никому ничего невиненъ“. — „Пусть они того плута сами въ очи посмотрятъ“, закричали казаки: „узнаютъ, что за плутъ! Идетъ имъ о печатъ и о письмѣ; царевичъ и самъ сказываетъ, что бою все это пишутъ и присылаютъ безъ указа великаго государя и еще будутъ присылать; пора ихъ утопить, либо руки и ноги отрубить“. — „Поберегите, братцы, меня“, сталъ опять говорить Сѣрко: „еще потерпимъ, напишутъ много у гетмана, а иныхъ они, Чадуевъ и Щеголевъ, для своей свободы къ гетману отослали, и пока наши будутъ, подержимъ ихъ живыхъ, или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить, а карауль у нихъ крѣпкій стоитъ, не уйдутъ. Пошлимъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ клейноты войсковые отдалъ намъ на кошъ, да и самъ къ намъ прѣѣхалъ; онъ меня послунаетъ, потому что мнѣ кумъ; спасибо ему, что до сихъ поръ клейноты войсковыхъ Ромодановскому не отдалъ. Какая правда Ромодановскаго? Когда побилъ Юраску Хмельницкаго и клейноты войсковые взялъ, намъ ихъ не отдалъ, и теперь то же сдѣлаетъ, если Дорошенко клейноты

ему отдастъ“. — „Пошлимъ, господинъ кошевой!“ загремѣла опять толпа. „вели листы къ Дорошенку писать“. Тутъ Сѣрко велѣлъ Чадуеву и Щеголеву выйти изъ рады; но казаки замушкли: „Показать имъ царевича, чтобы они по его волѣ учинили, а если не учинятъ, побить“. Сѣрко сталъ ихъ опять успокоивать: „Онъ государичъ, зачѣмъ ему по радѣмъ волочиться; когда будетъ время, увидятъ и безъ рады, и по волѣ его учинятъ, а теперь пускайте ихъ“.

Вечеромъ пришли къ посламъ судья, писарь и есаулъ, и начали говорить: „Царевичъ очень печаленъ, что къ вамъ въ раду его не позвали; хочеть онъ съ вами видѣться, и кошевой хочеть его съ вами свести въ своею куренъ“. Послы отвѣчали: „Прсланы мы отъ царскаго величества къ войску Запорожскому за самозванцемъ, а не бесѣдовать съ нимъ; если кошевой введетъ его къ себѣ въ куренъ съ саблею, а онъ захочеть озорничать, то какая ваша правда? — мы и теперь, какъ тогда, шен не протнемъ“.

13-го марта, созвавъ къ себѣ въ куренъ куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ, Сѣрко призвалъ пословъ и говорилъ имъ: „Много вы на Запорожьи наворовали, на великаго человѣка хотѣли руку поднять, государича убить, — достойны вы смерти. А намъ Богъ далъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего никогда, искони вѣковъ у насъ на Запорожьи не бывало. Сказываетъ онъ, что изъ Москвы изгнанъ такимъ образомъ: однажды былъ онъ у дѣда своего, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и въ то же время былъ у боярина пѣмечій посолъ, и говорилъ о дѣлахъ. Царевичъ разговоръ ихъ помѣшалъ, а бояринъ невѣжливо отвелъ его рукою. Царевичъ, возвратившись въ свои палаты, говорилъ матери, царячѣ Марьѣ Ильиничнѣ: „Если бы мнѣ на царствѣ хотя бы три дня побить, и я бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ“. Царица спросила: кого бы онъ перевелъ. — „Прежде всѣхъ боярина Илью Даниловича“, отвѣчала царевичъ. Царица кинула въ него ножемъ, ножъ попалъ въ ногу, и онъ оттого занемогъ. Царица велѣла стряпчему Михайлѣ Севастьянову его окормить, но стряпчій окормилъ вѣсто него пѣвчаго, и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а другое на мертваго; царевича берегъ втайнѣ три дня, нанялъ двухъ нищихъ старцевъ, одного безъ руки, другого криваго, далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и эти старцы вывели его изъ города на малой телѣжкѣ подъ рогожею, и отдали посадскому мужику, а мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани. Скитался тамъ долгое время, царевичъ наконецъ пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разнымъ на морѣ; не сказывая про себя, былъ у Разина кашеваромъ и назывался Матюшкою; а передъ Стенькинымъ взятъемъ онъ ему про себя сказывалъ подъ присягою, а послѣ Стеньки былъ на Дону царскаго величества посланный съ казною, который его, царевича, дарилъ, и онъ съ нимъ по

слалъ письмо; но этого письма бояре до царскаго величества не допустили. Какъ время придетъ, пошлетъ онъ къ царскому величеству письмо съ такимъ человѣкомъ, который самъ до государя донесетъ! — „Я“, продолжалъ Сѣрко, „мало этому вѣрилъ; но въ нынѣшней Великій постъ онъ постился; я велѣлъ священнику его на исповѣди подѣ клятвою свидѣлствовать, подлинно ли такъ, какъ сказываетъ, и онъ подѣ клятвою сказалъ, что правда истинная, и причащался. И теперь, кто что ни говори и ни пиши, всё мы въ томъ сму вѣримъ“. Тутъ Сѣрко перекрестился и сказалъ: „Истинный царевичъ! не зарекаемся мы за его промысломъ, какъ онъ у насъ росписи проситъ, что войску надобно? — на 3,000 и больше кармазинныхъ суконъ по 10 аршинъ на человѣка на годъ братъ, также денежницу, свинопую и пороховую и многую казну, ломовыя пунжи и нарядныя ядра; и мастеръ, который тѣми ядрами умѣетъ стрѣлять, и синопш и чайки у насъ будутъ. Царевичъ говорить, да и мы сами хорошо знаемъ, для чего Донскимъ казакамъ и намъ государева жалованья, пушекъ, всякихъ войсковыхъ запасовъ и чаекъ не даютъ: царское величество къ намъ милосерды, много общаетъ, а бояре и малаго не даютъ; царское величество изволилъ намъ прислать шинтуховыхъ суконъ, и намъ досталось только по полтора локтя на человѣка“. — „Оставьте всё эти слова“, отвѣчалъ Чадуевъ, „выдайте самозванца и пошлите къ великому государю съ нимъ сто человѣкъ и больше своихъ, и всё они будутъ пожалованы, и къ вамъ на кошъ царское жалованье, сукна, пунжи, ядра, мастеръ, зелье, свинецъ, синопш и чайки присланы будутъ“. — „Если тысячу человѣкъ за нимъ пошлемъ“, отвѣчали атаманы, „то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ; если дворяне или воеводы съ людьми ратными за нимъ присланы будутъ, не отдадутъ; Москва и насъ всёхъ называетъ ворами и плутами: будто мы не знаемъ, что и откуда кто есть? Если государь, по приговору бояръ, что мы царевича не отдали, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрѣшный не пропустилъ, то мы какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, съ щемъ мы себѣ и другого государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣшане хлѣба, и ради намъ будутъ, чтобы только брали; такъ во время Суховѣва гетманства давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекони. А про царевича вѣдомо и хану Крымскому: присылалъ провѣдывать о немъ, и мы сказали, что есть у насъ на кошѣ такой человѣкъ. Турекій султанъ нынѣшнее весною непременно хочетъ быть подѣ Кіевъ и далѣе; пусть царь между собою перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто слыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Жаль намъ Пашки Грбловича: если бы въ нынѣшнее время онъ, Пашка, былъ съ нами, узналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле посмотрѣть, узнали бы какой жолнырь

Сѣрко. Какому они мужику дали гетманство? — онъ своихъ разоряетъ и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру попласталъ и поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у насъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховѣй, Ханенко, Дорошенко, а ни отъ кого ничего добраго нѣтъ, въ домахъ сидятъ и только между собою христіанскую кровь проливаютъ за гетманство, за маестности, за мельницы; то бы было хорошо, если бы Крымъ разорить и войну унять. Когда рада была и Ромодановскій гетманство Самойловичу далъ, а войско сранивало меня и гетманство хотѣло дать мнѣ. Ромодановскій не по войсковому поступилъ и давно меня въ пропасть отослалъ. Слышно, что той стороны Днѣпра многіе города и Лизогубъ теперь при нашемъ гетманѣ. Хвала Богу, что Лизогубъ подлился, а какъ лизнетъ, то и въ пятахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ дали гетманство, я бы не такъ сдѣлалъ: если бы и теперь дали мнѣ на одинъ годъ гетманство, или гетманъ, московскій обраецъ, поновичъ далъ мнѣ четыре полка Полтавскій, Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій, то я бы зналъ что съ ними сдѣлать, Крымъ бы весь разорилъ“. — „Теперь у князя Ромодановскаго и у гетмана войска много“, сказали послы: „ступай къ нимъ и промышляй съ ними сообща“. — „Теперь не прежде“, отвѣчалъ Сѣрко, „не обмануть меня; прежде Ромодановскій отписалъ ко мнѣ государскую милость; я, повѣря, похлѣлъ къ нему, а онъ меня продалъ за 2,000 золотыхъ червонныхъ“. — „Кто эти червонные за тебя далъ?“ спросили послы. — „Царское величество, милосердыя обо мнѣ, велѣлъ дать ихъ Ромодановскому“, отвѣчалъ Сѣрко.

17-го марта, передъ обѣденою, Сѣрко посылалъ священника да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ осматривать царевича: никакого вѣнца, ни орла, ни мѣсяца, ни звѣзды не нашли, только на груди отъ одного плеча до другого восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуты, да на правомъ плечѣ точно лпшия — широко и бѣло. Самозванецъ говорилъ имъ, будто про эти знаки знаетъ царца да мама Марья; теперь, кромѣ стрлчачаго Михайлы Севастьянова, никто его не узнаетъ, да и онъ, кромѣ него, никому не повѣритъ, а къ царю писать будетъ. Сѣрко и всё казаки еще больше послѣ этого увѣрились. Въ тотъ же день московскимъ посламъ было объявлено, что ихъ къ государю отпустить, но вмѣстѣ съ ними „отправить своихъ казаковъ, чтобы они сами увидѣть царскаго величества о томъ человѣкѣ слово услышали и, прѣхавъ на кошъ, имъ объявили, и тогда у нихъ свой разумъ будетъ“.

Старая исторія! Запорожскій кошевой срываетъ сердце: зачѣмъ его не выбрали въ гетманы, — его, давняго сторонника Дорошенка! Притворяется, что вѣритъ самозванцу; казакъ высказывается: пусть государи перевѣдаются, а мы будемъ за тѣмъ, кто осилитъ; приговоръ Запорожье быть подписанъ этими словами, ибо кто ослепитъ окончательно, тотъ

не захотѣлъ болѣе терпѣть людей, шатающихся между государями, выждающими, кто изъ государей будетъ сильнѣе. Сѣрку было досадно, что гетманъ-поповичъ, Самойловичъ, получилъ унѣхъ на западную сторону Днѣпра. Дѣйствительно, въ началѣ 1674 года привелось въ исполненіе давно задуманное предпріятіе — перенести царское оружіе на западную сторону. Самойловичъ получилъ приказаніе изъ Москвы соединиться съ Ромодановскимъ и двинуться противъ Дорошенка, съ которымъ не прекращались бесполезные переговоры о подданствѣ. Дорошенко съ Тукальскимъ присылали и въ Москву монаха Серапіона съ предложеніемъ подданства и съ условіями, на которыхъ Дорошенко хотѣлъ поддаться великому государю. Дорошенко требовалъ: чтобы Кіевъ отданъ былъ казакамъ, чтобы царь вывелъ изъ него своихъ людей, а казаки за то позволять царю, въ какомъ городѣ угодно, занять крѣпость своими войсками. Если царь не согласится на это, то Серапіонъ долженъ былъ просить обнадѣжванья, чтобы Кіева не отдавать Полякамъ. Дорошенко требовалъ, чтобы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра былъ одинъ гетманъ, который владѣлъ бы войскою и посполствомъ какъ господа, какъ теперь за Днѣпромъ, чтобъ все его слушались. Гетманъ съ Україною не на время признаютъ царское величество дѣдичнымъ государемъ: такъ чтобы и гетманъ на всю жизнь былъ утвержденъ, особенно чтобы вольности казацкія въ цѣлости пребывали. Чтобы царь не допускалъ непопечности нѣкоторыхъ людей украинскихъ, какъ недавно по нѣскольکو гетмановъ бывало. Гдѣ домовитовъ много, тамъ порядки нѣтъ, особенно когда согласія и послушанія не будутъ: такъ чтобы приказалъ государь Запорожцамъ слушаться гетмана. Касательно рубежа польскаго въ составъ Украины должны входить три прежнія воеводства: Кіевское, Брацлавское и Черниговское. Чтобы царь оборонялъ Украину и велъ наступательную войну противъ бусурманъ.—У Дорошенка болше всего было на сердцѣ двойное гетманство: „Никогда я этого не уступлю“, говорилъ Дорошенко: „дѣло невозможное и въ Украинѣ неслышанное, чтобы гетманъ на той сторонѣ Днѣпра когда-нибудь былъ; не только я, но и вся сторона, которая подъ моимъ начальствомъ, на это никакъ не согласится. При двухъ гетманахъ мы никогда ничего добраго не сдѣлаемъ; примѣръ—Польша и Литва: отъ безирестанной зависти что тамъ добраго дѣлается? Не хвалюсь, но пусть панъ Самойловичъ такой будетъ, какъ я. Казакъ ли онъ отъ прадѣдовъ и дѣдовъ? Знаетъ ли онъ Запорожье, рѣчки, проливы морскіе, рѣки, самое море; на многихъ ли войнахъ бывалъ? Гдѣ чего наглядѣлся? Когда съ монархомъ дѣло имѣлъ, воевалъ или договаривался, чтобы теперь умѣть начать что нибудь для услуги царскаго величества? Если онъ на себѣ покажетъ, что знаетъ все и можетъ что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что съ меня эту тягость сниметъ. А то онъ и казакъ-то недавно; случилось ли ему

хотя однажды быть въ войскѣ? Долго ли былъ полковникомъ? все ли наши старшинства—отъ малаго до великаго—перешелъ? А еще мнѣ пакость дѣлаетъ: казакъ съ нашей стороны забираетъ, на лошадахъ казацкихъ, украденныхъ съ нашей стороны, самъ ѣздитъ; вора, который, служба у меня, покралъ и на ту сторону ушелъ, не велѣлъ выдать; Дмитранку ключникомъ, на зло мнѣ, сдѣлалъ. Послеъ этого пусть царское величество рассудитъ, какъ мы можемъ согласиться: какъ онъ можетъ мнѣ въ нуждахъ помогать! Хорошо ли, что въ Польшѣ два гетмана безирестанно ссорятся, одинъ другому пакоститъ, и Польша отъ ихъ несогласія погибаетъ. Кромеъ того, одною стороною Украины не только отъ Турокъ, но и отъ Орды не оборонись. Не обо мнѣ дѣло: у меня нѣтъ дѣтей; наберу тысячу, другую-третью нѣхоты, пойду въ поле—и тамъ проживу. Дѣло идетъ обо всѣхъ людяхъ, которые отъ моего поступка могутъ погибнуть. Если царское величество возложитъ на меня гетманство обѣихъ сторонъ, то буду стараться услужить. Если царское величество будетъ слушаться Самойловича, то добра не выдать. Такихъ найдется не мало, которые, сидя въ покоѣ, господствуютъ, о добрѣ общему христіанскому не стоятъ. Дѣло понятное, что Нѣжинскій протопопъ на соединеніе Украины подъ моимъ гетманствомъ не согласится: тогда бы пришлось имъ боятся настыря бдяцаго, а теперь что хотять, то творять“.

Самойловичъ платилъ Дорошенку тою же монетою: писалъ въ Москву, что Дорошенко съ Тукальскимъ о томъ только и думаютъ, какъ бы властвовать на обѣихъ сторонахъ съ помощію Турокъ; что онъ, Самойловичъ, не хочетъ имѣть съ ними никакихъ сношеній; что Дорошенко вредитъ ему самымъ нехристіанскимъ образомъ, — присылаетъ зажигателей на восточную сторону, и цѣлые города горятъ. Царь успокоивалъ гетмана, приказывалъ къ нему, что Дорошенко принять будетъ въ подданство только подъ условіемъ оставаться гетманомъ на одной западной сторонѣ. Дѣйствительно, Дорошенко велѣно было сказать: „Царское величество дивится, что онъ, гетманъ Петръ Дорошенко, укоряетъ гетмана Ивана Самойловича за низкое происхожденіе, и будто онъ никакии поведеній войска Запорожскаго не знаетъ. Надобно ему, Дорошенку, приниматьовъ прежнихъ гетмановъ, кроме Богдана Хмельницкаго, знатной ли фамиліи и знаніе ли были люди, Самко, Цыгура, Безпальй, Барабанъ, Пушкаренко, Золотаренко, Брюховецкія: только выбраны были вольными голосами по правамъ войска Запорожскаго, потому что государь не запрещаетъ войску Запорожскому выбирать гетмановъ. Нечего укоряя Ирана Самойловича, что онъ съ монархами не договаривался; ему этого дѣлать нельзя, потому что онъ подъ рукою царскаго величества; какъ онъ, Дорошенко, своими договорами войско Запорожское успокоилъ,—это всему свѣту извѣстно; а гетманъ Иванъ Самойловичъ и все войско Запорожское на восточной сторонѣ въ

покоѣ живутъ. Въ Польшѣ и Литвѣ изъ древнихъ дѣтъ гетманы великіе и польные, а что между ними несогласіе, то сдѣлалось по волѣ Божіей, и въ примѣрь того писать не годится“. Также Дорошенку велѣно было сказать, что сейчасъ нельзя сдѣлать его гетманомъ обѣихъ сторонъ; но если весною войска обѣихъ сторонъ, вышедши въ поле, захотятъ имѣть его единственнымъ гетманомъ по правамъ своимъ казацкимъ, то царское величество его утвердить. Но Дорошенко, толкуя постоянно о правахъ и вольностяхъ казацкихъ, не хотѣлъ признать главнаго права казаковъ, — права на выборъ гетмана, опасаясь, что они могутъ воспользоваться этимъ правомъ не въ его пользу. „Не подлинная эта вещь“, отвѣчалъ Дорошенко, „потому что извѣстные люди не хотятъ на это позволить, и я неподлинными вещами далъ бы себя провести, а потомъ некому было бы меня защищать отъ Турокъ и Татаръ. Видя недружбу пана Самойловича, нечего мнѣ ждать отъ него помощи. Мнѣ говорятъ, что царскому величеству трудно смѣнить Самойловича! Но вѣдь по милости царскаго величества дано ему гетманство, минуя заслуженнѣйшихъ людей и не спрашивая нашу братью — казаковъ; казаки были принуждены взять его въ гетманы, потому что князь Ромодановскій утвердилъ. Такъ и теперь: если царское величество захочетъ, — возможно. Хорошо будетъ порядокъ, когда войска будетъ въ послушаніи двоихъ гетмановъ, въ недружбѣ живущихъ! — я захочу того, онъ другою: можетъ ли выйти отсюда что доброе?“

Понятно, что Самойловичъ не могъ успокоиться, зная характеръ и притязанія Чигиринскаго гетмана; но, кромѣ Дорошенка, онъ боялся еще друзей Многогрѣшнаго. „Многогрѣшный съ совѣтниками своими по волѣ ходятъ и, разумѣется, что-нибудь умышляютъ“, писалъ гетманъ къ Черниговскому полковнику Бурковскому. „Грибовичъ уже въ Запорогахъ: наши своими глазами его видѣли, да и тѣ (т.-е. Многогрѣшные) невѣдомо гдѣ! Богъ вѣсть что изъ того будетъ! Не хитръ былъ и Стенька, а много бѣды надѣлалъ! И этимъ не надобно было доврѣять; слышали мы не разъ своими ушами, что хотѣли станъ раскинуть около самой Москвы; такъ бывало явно брешутъ“. Раздѣленіе гетманства точно также не нравилось и Самойловичу, какъ Дорошенку: „Если оба гетмана“, говорилъ Самойловичъ царскому послу Вухвостову, „если оба гетмана пошлютъ противъ непріятеля своихъ наказныхъ гетмановъ, то бояринъ, который придетъ съ государевыми людьми, не будетъ знать, которому гетману угодить. При польскомъ владычествѣ никогда двухъ гетмановъ не бывало. А что гетманъ Богданъ Хмельницкій билъ челомя, чтобы быть другому гетману, то онъ хотѣлъ дать гетманство какому-нибудь родственнику своему, да и войска въ то время было на обѣихъ сторонахъ много, а теперь на той сторонѣ малолѣтство; постарому, захочетъ Дорошенко эту сторону славенъ быть и подыскивать подо мною. Если же царское величество хочетъ принять Дорошенка для отвращенія

турецкой войны, то война этимъ не отвяжется; принявъ Дорошенка, надобно будетъ его отъ непріятеля оборонять и поставить войска по городамъ: въ Чигиринѣ, въ Каневѣ, въ Уманѣ, въ Черкасахъ, потому что Турецкій султанъ будетъ воевать Дорошенка за измѣну. Какъ поддастся Дорошенко великому государю, то будетъ безпрестанно посылать въ Москву, прося помощи, и для другихъ дѣлъ черезъ наши города Эти посланцы всегда будутъ намъ докучать, всего просить, насильно отнимать и плевелы всякіе въ народъ пускать, и будемъ мы у нихъ точно въ подданствѣ. Дорошенко укоряетъ меня за низкое происхожденіе; но еслибъ посмотрѣть въ зеркало правды, то могъ бы увидать, что я не только равенъ, но и честнѣе его родомъ; какое же я получилъ воспитаніе у родителей моихъ, — въ томъ свидѣтель Богъ и люди честные. Пришедши въ возрастъ, не былъ я празденъ, но тотчасъ занялся войсковыми дѣлами, проходя разные чины: послѣ полковничества получилъ судейство генеральное, которое требуетъ совершеннаго челоуѣчества, т.-е. страха Божія и разсужденія. Нарекаетъ Дорошенко и на отца Симеона: подай Богъ, чтобы много такихъ было, какъ отецъ протопопъ. Митрополитъ Тукальскій погубилъ Выговскаго: когда король Казиміръ былъ подъ Сѣвскомъ и Глуховымъ, то онъ приводилъ Выговскаго къ тому, чтобы всталъ на королевское величество. Выговскій послушался его, писалъ къ Сѣрку и къ Сулимкѣ, чтобы они, собравшись съ войскомъ Запорожскимъ, шли къ нему, а онъ хотѣлъ короля у Диѣбра перенять. Но грамоты попались Тетерѣ, который вмѣстѣ съ Маховскимъ и убилъ Выговскаго, а Тукальскаго въ Маріенбургъ послали въ заточеніе. Тукальскій же погубилъ и Брюховецкаго, прельстивъ его булавкою на обѣихъ сторонахъ Диѣбра. Демка Многогрѣшный сначала словесъ неистовыхъ на государя и на сняклять не говаривалъ, а какъ началъ пересылаться съ митрополитомъ и Дорошенкомъ, то вознесся въ гордость и сталъ говорить въ хульные рѣчи на государя и государство. Дорошенко погубилъ Степана Опару, который выбранъ былъ войскомъ послѣ Тетери, и самъ сдѣлался гетманомъ насильно, съ помощію Орды, а не вольными голосами“.

Чтобы покончить это дѣло и заставить Дорошенко поддаться на всей волѣ великаго государя или свергнуть его съ гетманства, Самойловичу и Ромодановскому надобно было двинуться за Диѣбръ. Матвѣевъ получилъ письмо отъ протопопа Симеона Адамовича: „Гетманъ Иванъ Самойловичъ во всякихъ дѣлахъ совершенно на волю Божію и царскую и на твою, благодѣтеля моего, заступленіе положился, и ничего мимо указа царскаго и твоего соувѣта не дѣлаетъ. Теперь, по указу государеву, собрался съ полками въ походъ и дорогою узналъ, что князь Трубецкой общается Дорошенку гетманство на обѣихъ сторонахъ, общается собирать раду чернецкую для казаковъ обѣихъ сторонъ. Самъ гетманъ своею рукою писалъ объ этомъ ко

миѣ; какъ онъ выходилъ въ походъ, то у насъ съ нами такой приговоръ учинился: если ему отъ чего нибудь будетъ скорбь, то пишетъ ко миѣ, а я отписываю объ этомъ къ тебѣ, благодѣтелю моему милостивому; мы теперь по Богѣ и по царскомъ величествѣ и погу, кромѣ милости твоей, заступника не имѣемъ. Не отрини насъ отъ своей милости, какъ началъ благодѣтелемъ намъ быть, такъ и сохрани". Въ Кіевъ поскакалъ гонецъ съ указомъ Трубецкому не пересылаться съ Дорошенкомъ насчетъ подданства, а если Дорошенко пришлетъ, то отвѣчать, что это дѣло положено на Ромодановскаго и Самойловича: пусть съ ними и сносится.

31-го декабря Самойловичъ рухнулъ изъ Ватурина и 8 января 1674 года достигъ Гадяча; сюда 12 числа пришелъ и князь Ромодановскій; переговоривши обо всемъ, 14-го оба полководца выступили къ Днѣпру, имѣя вмѣстѣ тысячу 80 войска. Несмотря на то, что Дорошенко „предавался въ отеческую милость его превысочества, великаго визиря“, Турки не защитили его на этотъ разъ. 27 января сдался Крыловъ; 31 января товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ, съ русскими и казацкими полками подошелъ подъ Чигиринъ, выжегъ всѣ посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и преслѣдовалъ ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичъ заняли Черкасы. 9 февраля, только-что Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Каневу, находившей тутъ Дорошенко въ генеральной есауль, Яковъ Лизогубъ, и Каневскій полковникъ, Гурскій, со всею старшиною явились въ таборъ къ соединеннымъ полководцамъ и били челомъ о подданствѣ царскому величеству; всѣ Каневцы были приведены къ присягѣ. Когда въ Москвѣ узнали о началѣ непріятельскихъ дѣйствій за Днѣпромъ, о взятіи Черкасъ и о посылкѣ Скуратова подъ Чигиринъ, то къ воеводѣ и гетману поскакалъ полковникъ и стрѣлцкій голова Колобовъ — спросить о здоровьи, позвалить за службу, по потогъ спросить: „Зачѣмъ бояринъ и гетманъ со всеми ратными людьми не пошли собою подъ Чигиринъ, а послали Скуратова да полковниковъ казацкихъ. Тѣ въ предмѣстьи сожгли дома, въ домахъ всякіе запасы и живность, и, не учиня никакого промысла надъ самимъ Чигириномъ, отступили назадъ, тогда какъ надобно было въ предмѣстьи и въ другихъ мѣстахъ устроить крѣпость и осадить Дорошенка въ Чигиринѣ накрѣпко. Тогда, видя Дорошенка въ осадѣ, всѣ полки начали бы сдаваться. Въ Черкасахъ великій государь указалъ учинить самую твердую крѣпость и въ другихъ мѣстахъ около Чигирина, чтобъ не пропускать въ этотъ городъ хлѣбныхъ запасовъ и не вышустить изъ него осадныхъ людей. Если поддадутся многіе полки той стороны, то собрать раду, и, какъ съѣдутся полковники, начальные люди и казаки, говорить пмъ, чтобы они выбрали себя вѣдето Дорошенка другого гетмана, добраго, досужаго, особенно вѣрнаго четовька. Ханенка призывать въ подданство“. — „Потому мы

подъ Чигиринъ не пошли со всеми силами“, отвѣчали Ромодановскій и гетманъ, „что тамъ при Дорошенкѣ было воинскихъ людей больше десяти тысячъ, кромѣ поселянъ, которыхъ онъ согналъ изъ окрестныхъ мѣстъ для обороны, мушекъ больше двухъ сотъ и всякихъ запасовъ довольство, а замокъ Чигиринскій на какомъ пригожемъ мѣстѣ поставленъ—всякъ бывший тамъ знаетъ; приступать къ нему ни откуда нельзя, шанцы въ зимнее время подѣлать также нельзя, долго стоять безъ конскихъ кормовъ войску трудно, на сторонѣ взять негдѣ, и пришлось бы намъ, постоявъ я войско истомя, со стыдомъ отступить. А теперь все дѣлается хорошо“. — Ромодановскій и гетманъ не сочли нужнымъ оставаться на западномъ берегу и перешли въ Переяславль съ главными силами, оправдываясь тѣмъ, что съ 5 до 15 февраля зимній путь былъ въ разрушенъ отъ большихъ дождей, снѣгу по обѣ стороны Днѣпра не было, идти саими нельзя; притомъ же лошади падаютъ отъ безкормицы и ратные люди бѣгутъ безпрестанно. Гетманъ говорилъ Колобову съ великою докукою, чтобы великій государь велѣлъ распустить казацкіе полки, потому что такой тяжелой службѣ не только не видано, но и не слыхано.

Несмотря однако на отступление главныхъ вождей, дѣла на западной сторонѣ шли удачно. 2 марта московскій полковникъ Цеевъ съ копейщиками, рейгарами, драгунами и солдатами, да генеральный есауль Лысенко схватились съ Дорошенковымъ братомъ Григорьемъ и съ Татарами за 15 верстъ отъ Лысенки, и разбили на-голову. Разбитые заперлись-было въ Лысенкѣ, но были захвачены здѣсь съ помощью жителей, попался въ плѣнъ и Григорій Дорошенко. Узнавши объ этомъ поражениі, Гамалія и Андрей Дорошенко бросились изъ Корсуна въ Чигиринъ; а оставшіеся въ Корсунѣ полковники—Корсунскій, Враславскій, Уманскій, Калницікій, Подольскій—добили челомъ великому государю въ подданство. 4 марта Ханенко написалъ Кіевскому воеводѣ Трубецкому слѣдующее письмо: „Покорно молю, исходатайствуй, чтобы его царское величество, какъ отецъ щедрый, пожаловалъ меня своею милостію. Вѣрою и правдою служилъ я королю и Рѣчи Посполитой, безъ опасенія оставилъ жену и дѣтей въ Польшѣ, безо всякаго жалованья кровь свою проливалъ, а теперь принужденъ бѣжать сюда, по враждѣ и нестерпимой злобѣ гетмана Яна Собѣскаго, который безъ вины старшаго сына моего мучигельски велѣлъ убить и на мою жизнь умышляетъ. Обѣщалось быть въ подданствѣ его царскаго величества“. Ханенко не ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ, но явился съ 2,000 казаковъ въ полкъ къ Ромодановскому и Самойловичу.

17-го марта, въ день именинъ царскихъ, собралась въ Переяславль рада; собрались полковники восточной стороны: Кіевскій—Соломина, Переяславскій—Райча, Нѣжинскій—Уманецъ, Стародубскій—Рославецъ, Черниговскій—Борковскій, При-

лудкій—Горленко, Лубенскій—Сербинъ; съ западной стороны: генеральный есаулъ Лизогубъ, обозный Гуликъ, судья Петровъ, полковники—Каневскій—Гурскій, Корсуинскій—Соловеръ, Вѣлоцерковскій—Вутенко, Уманскій—Вѣлогрудъ, Торговицкій—Щербина, Браславскій—Лисица, Поволоцкій—Мигалевскій. Передъ начатіемъ рады Ханенко со всѣмъ товариществомъ своимъ положили войсковые клейноты, булаву и бунчукъ, подученные отъ короля. Ромодановскій объявлялъ, что такъ какъ войско западной стороны учинилось у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ, то по царскому указу, выбрали бы себя на свою сторону гетмана. Старшина и войско отвѣчали, что имъ многіе гетманы не надобны, отъ многихъ гетмановъ они разорились, пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ быть на обѣихъ сторонахъ одному гетману, Ивану Самойловичу. Самойловичъ сталъ было отговариваться, но поднялся крикъ, что имъ любовь; старшины схватили его, поставили на скамью и покрыли бунчукомъ, причѣмъ изодрали платье на гетманѣ. Старшина была утверждена старая, и били челомъ, чтобы гетману Самойловичу жить въ Чигиринѣ или Каневѣ; а если нельзя на западной сторонѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Переяславѣ. Потомъ били челомъ, чтобы государь велѣлъ въ Чигиринѣ и Каневѣ быть своимъ ратнымъ людямъ. Ханенка сдѣлали Уманскимъ полковникомъ. Послѣ рады пошли всѣ объѣзжать къ князю Ромодановскому; всѣ увѣряли, что вѣдунно рады служигъ великому государю и промыслятъ надъ бусурманами. Въ самый объѣздъ доложили князю, что пріѣхалъ посланецъ отъ Дорошенка; не предчувствовалъ новый гетманъ обѣихъ сторонъ Дѣлѣра, Иванъ Самойловичъ, что въ этомъ посланцѣ Дорошенковымъ готовился ему преемникъ: то былъ генеральный писарь, Иванъ Стенановичъ Мазепа. Мазепа началъ передъ княземъ смиренную рѣчь: „Обѣщался Дорошенко, дѣловалъ образъ Спасовъ и Пресв. Богородицы, что быть ему въ подданствѣ нодь высокою царскою рукою со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ той стороны; великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ его принять, и бояринъ князь Григорій Григорьевичъ взялъ бы его на свою душу, чтобы ему никакой бѣды не было“. — „Скажи Петру Дорошенкѣ“, отвѣчалъ бояринъ, „чтобы онъ, надѣясь на милость великаго государя, чхалъ ко мнѣ въ полкъ безо всякаго опасенія“. Тутъ же разнеслась вѣсть, что Иосифъ Тукальскій ослѣпъ въ Чигиринѣ.

Порадовали Москву вѣсти изъ Переяславля; но безпокойло Запорожье съ своимъ царевичемъ. Уже посланъ былъ указъ Ромодановскому, что если самозванецъ изъ коша пойдетъ куда-нибудь для новорства, посылать противъ него войско московское и малороссійское по совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ. 1-го мая явился въ Москву запорожскій посланецъ Црокопій Семеновъ съ товарищами, и подалъ грамоту: „Помазаннику Вожію, многомилостивому свѣту и дыханю нашему вашего царскаго пресвѣтлаго величества вѣрные слу-

ги, войско Запорожское, Дѣлѣпровское, кошевое, верховое, низовое, живущее на лугахъ, на поляхъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ Дѣлѣпровскихъ, и полевыхъ, и морскихъ“. Сѣрко объявлялъ въ грамотѣ о пріѣздѣ къ нимъ молодаго человека, называющаго себя царевичемъ Симеономъ, излагалъ разсказъ самозванца о своихъ похожденияхъ, скрывши только о знакомствѣ съ Разиннымъ, и заключеніе писалъ: „Сохранимъ его у себя потому, что называется сыномъ вашего царскаго величества; стережемъ его, отъ насъ нигуда не уйдетъ; покажи милость посланнымъ нашимъ, чтобы отъ вашего царскаго величества услышали, правда ли то.“ По сланцы подали и писью къ царю отъ мнимаго сына его: „Вью челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичъ Семенъ Алексѣевичъ, который похвалился было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ, батюшкѣ моему, на думныхъ боярѣ, и за то меня хотѣли уморить, и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами батюшки моего живъ нынѣ на славномъ Запорожѣ, при войскѣ Запорожскомъ, при вѣрныхъ слугахъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Когда, батюшко мой, самъ своимъ очима меня увидиши и вѣры помешь, когда я предъ твоимъ царскимъ лицемъ стану и къ ногамъ паду, тогда правду мою познаешь, Богъ всемогій вся вѣсть. И нынѣ я хотѣлъ къ батюшкѣ моему пойти, да чтобы на дорогѣ зла какова не было, а войско вѣрно тебѣ, батюшкѣ моему, служить; но ихъ войсковому челобитью пожалуй, о чемъ бывать челомъ для лучшаго промыслу надъ бусурманами, чтобы не токмо полдемъ доказывали надъ бусурманами надъ неприятели и побѣждали, но и водою въ ихъ прямую землю проходили и надъ ними знатную побѣду одерживали. Также припадая низко, челомъ бью и жаждуся батюшкѣ моему на Семена Щеголева да на Василья Чадуева, которые, безъ указа вашего царскаго величества, взявъ себя злый замысль, хотѣли меня изъ нищали застрѣлить“. — „Этотъ листъ“, отвѣчалъ царь Сѣрку, „нашему царскому величеству нынѣ и никогда не потребенъ. Ты презрѣлъ нашу премогую милость и свое обѣщаніе, вору и самозванцу далъ печать и знамя, прежде пріѣзда Чадуева не далъ намъ о немъ знать, священника и знатныхъ казаковъ посылалъ вора распиранивать безъ нашего указа, съ Дорошенкомъ безъ нашего указа ссылался. Сынъ нашъ, царевичъ Симеонъ, скончался 18 іюня 1669 г., мощи его погребены въ церкви архистратига Мпхаила при насъ, при Александрійскомъ патриархѣ Памсіи и Московскомъ Іоасафѣ. И вамъ бы, кошевому атаману, свое обѣщаніе помнить, самозванца и Мюоска прислать къ намъ скованнымъ за самымъ крѣпкимъ карауломъ, а пока не пришлете, посланцы ваши будутъ оставаться въ Москвѣ. Чайки (лодки) и пушки пришлемъ, сукна и золотые посланы, но удержаны въ Сѣвскѣ, пока вора не пришлете“.

12-го августа Сѣрку дать знать Ромодановскому, что онъ отпавилъ вора къ великому государю.

Сѣрко писалъ въ грамотѣ: „Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству, свѣту, нашему дарованію, отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется. Теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, свое обѣщаніе исполнить хочу и вѣрно служить до послѣднихъ дней живота; съ Дорошенкомъ съслался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству. Смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ и на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, не даль, а мы просили не для собирающаго пожитковъ, какъ нынѣ выпрашиваютъ, просили на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на Украинѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевозу не даютъ“.

17-го сентября у земляного города, противъ Смоленскихъ воротъ, стоялъ цѣлый приказъ московскихъ стрѣльцевъ съ головою Яновымъ, принимали вора и самозванца, ставили на ту самую телѣгу, на которой везли Стеньку Разина, приковывали руки къ дыбѣ и за шею. Кончивши эту церемонію, повезли Тверскую улицу въ Земскій Приказъ. Въ тотъ же день всѣ бояре, окольные и думные люди собрались на земскій дворъ для розыска.

„Я породы польской, роду Вишневецкихъ; звали отца моего Еремѣемъ, меня зовутъ Семеномъ. Отецъ мой жилъ въ Варшавѣ, подъ Варшавою поймали меня Нѣмцы и продали на рѣкѣ Вислѣ купцу Глуховскому, а тотъ продалъ Литвину. Жилъ я въ Глуховѣ недѣль съ пять и сбѣжалъ съ товарищами; шли на Харьковъ и Чугуевъ къ Донцу, съ Донца на Донъ, съ Дону пошелъ я съ Мюскомъ въ Запороги, и хотѣлъ идти въ Кіевъ или въ Польшу; но Мюска началъ мнѣ говорить, чтобъ назвался я царевичемъ; я такимъ страшнымъ и великимъ именемъ назваться не смѣлъ, но Мюска хотѣлъ меня убить, и я изъ страха назвался. А больше еще Мюска принудилъ меня къ такому страшному имени Сѣрко, хотѣли-было, собравшись, идти войною на Московское государство, и думали бояръ побить. Стенька Разина я не зналъ, узналъ его уже въ то время, какъ привели его казаки на Донъ скваннаго“.

Повели въ застѣнокъ, подняли:

„Я мужичій сынъ; жилъ отецъ мой въ Варшавѣ, былъ вѣщанинъ, подданный князя Дмитрія Вишневецкаго, пришелъ жить въ Варшаву изъ Лохвицы, звали его Иваномъ Андреевымъ, прозвище Воробьевъ, а мнѣ прямо имя Семенъ; воровству училъ меня Мюска, который породою хохлачь. Хотѣли мы собрать войско и, призвавъ Крымскую орду, идти на Московское государство и побить бояръ“.

Съ огня говорилъ тѣ же рѣчи.

Того же числа великій государь указалъ и св.

патріархъ Іоакимъ, бояре, окольные и думные люди приговорили: вора и самозванца казнить такою же смертію, какою казненъ Стенька Разинъ. Приговоръ былъ исполненъ въ тотъ же день; на Красной площади самозванецъ казненъ и на колья разбитъ, а на другой день перенесенъ на болото и поставленъ съ Стенькою Разинымъ. И пожаловалъ государь кошеваго атамана Ивана Сѣрка, велѣлъ послать два сорока соборей, по 50 рублей сорокъ, да двѣ пары, по семи рублей пара. Сѣрко билъ челомъ: „Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женою и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь—велѣлъ дать въ Полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Кереберду“ Городокъ атаману и Переволочный перевозъ войско были даны.

Успокоились насчетъ Сѣрка; но надобно было управляться съ Дорошенкомъ, который не думалъ прѣѣзжать въ Переяславль и отдаваться въ руки Ромодановскаго и ненавиднаго Самойловича, теперь гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра. Уже 5 мая написана была въ Москвѣ царская грамота къ Дорошенку: „Вѣдомо намъ учинилось, что ты нынѣ, по неприятелискимъ прелестнымъ писемамъ, подъ нашу высокую руку несклоненъ, въ мысли своей сумнѣваясь неостояненъ и началъ быть въ шатости, безпрестанно ссылаешься съ Турецкимъ султаномъ и къ Крымскимъ ханомъ. А мы, великій государь, имѣемъ надежду на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу, въ которой надеждѣ были и предки наши, и отецъ нашъ и мы, великій государь, живемъ и движемся, и царство наше въ ея жребіи. А если что по твоему навету случится отъ бусурманскаго нашествія святымъ Вожинымъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ какой отвѣтъ дашь въ день страшнаго суда Божія? Вспомни прежнихъ гетмановъ, не сохранившихъ своего обѣщанія, Выговскаго и другихъ! Гдѣ ихъ жены и дѣти: не въ скротствѣ-ль и не въ ищствѣ-ль пребываютъ? И тебѣ бы, помня это, учиниться подъ нашею высокою рукою въ подданствѣ безъ отлагательства, не опасаясь нашего гнѣва; а мы тебя и все твое родство будемъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьи“.

25-го мая прѣѣзжалъ въ Чигиринъ посланецъ отъ Ромодановскаго, стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ: „Будь въ подданствѣ у великаго государя“, говорилъ сотникъ Дорошенку, „и ступай въ Переяславль къ боярину и воеводамъ для присяги; самъ не хочешь ѣхать, пошли тестя своего, Павла Яненка, или брата Андрея, или другихъ какихъ-нибудь знатныхъ людей въ заложники, и бояринъ пришлетъ къ тебѣ голову московскихъ стрѣльцовъ для переговоровъ“. — „Ничего этого сдѣлать мнѣ теперь нельзя“, отвѣчала Дорошенко, „потому что я подданный Турецкаго султана; сабя султанова, ханская и королевская на моей шеѣ висятъ. Прежде я хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но старшина и полковники рѣшили

быть въ подданствѣ у султана; а что теперь старшина и полковники перешли въ подданство великаго государя, такъ это только для соборей, не вѣчно, — послѣ измѣнитъ. Если боярину и гетману придутъ подъ Чигиринъ, то я радъ имъ отпоръ давать, только бы Татары дождались, да и безъ того Татары у меня есть". Тернигоревъ былъ задержанъ. Дѣло объяснялось тѣмъ, что къ Дорошенку пришли на помощь Татары въ числѣ 4,000, и, вмѣстѣ съ чигиринскими казаками, въ маѣ же мѣсяцѣ осадили Черкасы, гдѣ сидѣлъ московскій воевода Иванъ Вердеревскій; осажденные отбили непріятеля и гоняли его на пространство 15 верстъ до рѣки Тясмина. Братъ Дорошенка, Андрей, съ казаками серденятами и Черемисами ¹⁾ взялъ обманомъ мѣстечки Орловку и Балыклею, сказавшись парскимъ подданнымъ. Жители были отданы въ плѣнъ Татарамъ, а старшинѣ бураюмъ глаза вывертѣли, другихъ повѣсили. Но жители Смѣлаго не дались въ обманъ, разбили Андрея и гнали его до Чигирина. По этимъ вѣстямъ, Ромодановскій и Самойловичъ отпустили за Днѣпръ рейтарскаго полковника Беклемишева да Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу съ 5-ю казацкими полками; 9 июня, у рѣчки Ташлыка, между городковъ Смѣлаго и Балыклеи, Беклемишевъ и Райча сошлись съ непріятелемъ и поразили его; много мурвъ полегло на мѣстѣ, Андрей Дорошенко ушелъ раненый. Чтобы получить поскорѣ повую помощь отъ Татаръ и Турокъ, Дорошенко отправилъ къ хану и султану уже знакомаго намъ Ивана Мазепу съ 15 невольниками, казаками восточной стороны, въ подарокъ. Но Сѣрко перехватилъ Мазепу, задержалъ его у себя, а грамоты переслалъ къ Самойловичу, который препроводилъ ихъ въ Москву. „Знатно, писалъ Самойловичъ, что Сѣрко сдѣлалъ это для объявленія своей вѣрной прежней службы, чтобы исправить свой неразумительный поступокъ". Сѣрко сдѣлалъ еще больше: по первому требованію Ромодановскаго, прислалъ къ нему самого Мазепу, но и при этомъ Сѣрко писалъ Самойловичу, прося прислать ко всѣмъ войскомъ, чтобы его никуда не засылали. Самойловичъ далъ слово и просилъ царя отпустить Мазепу назадъ, а то войско и такъ уже попрекаетъ ему, гетману, будто онъ посылаетъ людей на заточеніе.

Мы познакомились съ Мазепою мелькомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Переяславль отъ Дорошенка, при которомъ былъ генеральнымъ писаремъ. Но до насъ дошло нѣсколько извѣстій и о его предъидущей судьбѣ. Мазепа былъ родомъ казакъ, получилъ шляхетство отъ короля Яна-Казимира и былъ при немъ комнатнымъ дворяниномъ. Разсказы ваютъ, что онъ долженъ былъ оставить Польшу по слѣдующему случаю: у него было имѣніе на Волыни, по сосѣдству съ паномъ Фалбовскимъ. Слуги донесли послѣдному, что сосѣдъ Мазепа часто бы-

ваетъ у нихъ въ его отсутствіе, и очень благосклонно принимается госпожею, съ которою у него идетъ постоянная переписка. Однажды Фалбовскій выѣхалъ куда-то въ дальній путь; на дорогѣ нагоняетъ его холопъ, везущій письмо отъ госпожи къ Мазепѣ съ приглашеніемъ пріѣхать, потому что мужа нѣтъ дома. Фалбовскій велѣлъ слугѣ ѣхать къ Мазепѣ, отдать письмо, просить скорого отвѣта и привезти этотъ отвѣтъ къ нему. Посланный скоро возвращается съ запиской, что Мазепа летитъ на свиданіе. Фалбовскій беретъ письмо и ждетъ на дорогѣ. Мазепа ѣдетъ: „Добраго здоровья!" — „Добраго здоровья!" — „Куда изволите ѣхать?" Мазепа выдумываетъ какое-то мѣсто, куда будто бы нужно ему ѣхать. Тутъ Фалбовскій хватаетъ его за шею: „А это что? Чья это записка?" Мазепа обмѣръ; проситъ извиненія, говоритъ, что въ первый разъ ѣдетъ. „Холопъ!" кричитъ Фалбовскій слугѣ: „сколько разъ нанъ былъ у насъ безъ меня?" — „Столько же, сколько у меня волосъ на головѣ," отвѣчаетъ слуга. Мазепа долженъ признаться во всемъ; но признаніе не помогло. Фалбовскій велѣтъ раздѣтъ грѣшника донага и привязать на его же собственную лошадь, лицомъ ко хвосту. Раздраженная ударами кнута, испуганная выстрѣлами, раздавшимися надъ ея головою, лошадь понеслась изъ всѣхъ силъ домой черезъ чапу лѣса и остановилась прямо у воротъ панскаго дома. Выходитъ слуга и видитъ — чудовище! бѣжитъ назадъ, созываетъ всю дворню и та наслухъ признаеть своего пана. Это было въ 1663 году; но въ томъ же году Мазепа получилъ важное порученіе — ѣхать къ гетману Тетерѣ, и отъ него, по благоусмотрѣнію гетмана, ѣхать или къ Самку въ Переяславль, угонявръ его поддаться королю, или въ Запорожье, подговаривать тамошнихъ казаковъ также отстать отъ Москвы. Какъ исполнено было порученіе, мы не знаемъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, Мазепа, не желая возвращаться въ Польшу, гдѣ и до происшествія съ Фалбовскимъ, не любилъ его, какъ казака, остался у западныхъ казаковъ, гдѣ при своихъ способностяхъ и образованіи дослужился до званія генеральнаго писаря.

Теперь, вмѣсто Константинополя, Иванъ Степановичъ является въ Москвѣ, въ видѣ плѣнника, котораго участь еще нисколько не обезпечивалась просьбою Самойловича. Мазепу повели къ допросу въ Малороссійскій Приказъ, передъ начальника его Артемона Сергѣевича Матвѣева. Мазепа спѣшилъ выиграть расположеніе царскаго любимца длиннымъ, обстоятельнымъ отвѣтомъ. Знали, что онъ пріѣзжалъ въ Переяславль съ обѣщаніемъ подданства отъ Дорошенка, а потомъ поѣхалъ въ Крымъ поднимать хана на государевы украины: — и вотъ Мазепа началъ разсказъ съ поѣздки своей въ Переяславль. „Прислали къ Дорошенку старшина города Лысенки, объявляя, что они подались царскому величеству, чтобы онъ также подался. ѣхалъ бы къ нимъ на раду въ Корсунъ и привезъ съ собою булаву и бунчукъ. Дорошенко послалъ

¹⁾ Такъ назывались польскіе Татары, измѣнившіе королю.

меня съ отписками къ той старшинѣ, да со мною же послалъ листъ къ князю Ромодановскому, а при отпускѣ велѣлъ мнѣ присягу учинить на томъ, что я не останусь въ Корсуни у жены, и, будучи на радѣ, стану говорить боярину и старшинѣ восточной стороны, по его Дорошенкову приказу; а приказывалъ онъ говорить старшинѣ: если они добьются того, что ему быть гетманомъ на той сторонѣ Диѣбра, то онъ готовъ быть въ подданствѣ у государя; если же ему гетманомъ быть не велѣтъ, то чтобъ знатные государевы люди при мнѣ присягнули, что ему ничего дурнаго не сдѣлается. Но когда я прѣхалъ въ Переяславль, то въ тотъ самый день рада уже вершилась до меня, и я одинъ Дорошенковъ листъ одалъ боярину, а другой старшинѣ. Князь и гетманъ писали со мною къ Дорошенку, чтобъ прѣвѣзжалъ къ нимъ безо всякаго опасенія. Онъ отвѣчалъ, чтобъ прислали въ Черкасы честнаго челоуѣка, а онъ пришлетъ, отъ себя въ аманаты, своихъ людей. Бояринъ прислалъ въ Черкасы голову московскихъ стрѣльцовъ. Тогда Дорошенко созвалъ раду въ Чигиринѣ и спрашивалъ: посылать ли аманатовъ въ Черкасы или нѣтъ. Положили—посылать; но вотъ пришла вѣсть изъ Крылова, что идутъ Сѣрку посланцы: аманатовъ задержали, хотѣли прежде узнать, что скажутъ Запорожцы. Тѣ объявили, чтобъ Дорошенко булавы и бунчука въ Переяславль не отдавалъ и самъ бы не ѣхалъ, потому что гетманъ долженъ быть по-прежнему на западной сторонѣ; что Запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ ханомъ Крымскитъ заодно, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; писали они къ хану, чтобы помирить Сѣрка съ Дорошенкомъ; чтобы Дорошенко для подтвержденія гетманства и для союза ѣхалъ въ Запорожье. Дорошенко на Запорожье не поѣхалъ, опасаясь государевыхъ людей, а присягнуть вмѣсто себя послалъ казака. Я сталъ проситься у Дорошенка, чтобы отпустилъ меня къ женѣ въ Корсунь. „Ты хочешь измѣнить!“ сказалъ мнѣ на это Дорошенко, „видно тебя Ромодановскій собоями прельстилъ!“ Велѣлъ мнѣ при митрополитѣ Тугальскимъ присягнуть, что буду служить ему впередъ; и, будучи въ Переяславль, не говорилъ ли про него чего дурнаго. Я присягнулъ,—и днесь черезъ пять послалъ меня къ визирю Турскому съ листами.“

Служа великому государю, Мазена объявлялъ: „Дорошенковъ резидентъ въ Константинополь, Порывай, писалъ: ханъ Крымскій конечно на томъ положилъ — помирить Поляковъ съ Турками и обратить войско на Московское государство.“ Мазена разсказалъ кой-что о самозванцѣ Семенѣ, который былъ при немъ въ Запорожьи; — „Сѣрко называлъ его прямымъ царевичемъ и сказывалъ мнѣ: просить царевича у него войска ста съ два, и съ ними хочеть на островъ Чергомлинскъ, а отгуда писать на Донъ къ черни, чтобы на Дону всѣхъ старшинъ вырубали и къ нему приклонились; а когда черни приклонится, то онъ, собравъ по городамъ людей, пойдетъ къ Москвѣ. Сѣрко ему говорилъ:

„Зачѣмъ тебѣ собирать войско? если хочешь ѣхать въ Москву, то я тебя и такъ отпущу съ провожатыми.“ — „Нельзя мнѣ ѣхать въ Москву“, отвѣчалъ самозванецъ: „меня бояре убьютъ“. Съ тѣхъ поръ Сѣрко велѣлъ его беречь, чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ Сѣчи. А какъ были у Сѣрка царскіе посланцы, то воръ, взявши лошадей, гонялъ за ними, хотѣлъ ихъ порубить; Сѣрку дали знать — и онъ тотчасъ послалъ за нимъ казаковъ, которые не дали ему убить посланцовъ“.

Мазена былъ неистощимъ въ важныхъ показаніяхъ: „Крѣпка и подлинная пріязнь у Собѣскаго съ Дорошенкомъ. Прѣвѣзжалъ Орѣховскій въ Чигиринъ уговаривать Дорошенка, чтобы, покинувъ протекцію турецкую, обратился въ подданство къ Рѣчи Посполитой. Орѣховскій подалъ и статьи, на которыхъ должно было совершиться это подданство: 1) Выть комисіи о томъ, какіе убытки униаты сдѣлали церквамъ православнымъ въ Польшѣ и Литвѣ. 2) Границѣ войска Запорожскаго быть до воеводства Кіевского и Браславскаго; однако обывателямъ этихъ воеводствъ долженъ быть сысканъ особый способъ вознагражденія отъ войска Запорожскаго. 3) Войскамъ польскимъ квартинамъ никогда въ Украинѣ не быть, развѣ только само войско Запорожское ихъ потребуетъ. 4) Дорошенко долженъ послать въ Варшаву бунчуки турецкіе; если же по какимъ-нибудь причинамъ нельзя бунчуковъ прислать, то пусть пришлетъ брата съ другими казаками въ аманаты, за что Собѣскій обѣщалъ выпроводить коменданта изъ Бѣлой Церкви. И то положено между статьями: нечего упоминать и просить у Рѣчи Посполитой такихъ вольностей, какими казаки пользуются на восточной сторонѣ подъ Москвою. Какія это вольности?—посмотри, что тернитъ народъ подъ воеводами Московскими! Гетманъ нынѣшній выбралъ не по вольностямъ и правамъ войсковымъ,—подъ бердынами и мушкетами; дѣти его забраны въ неволю въ аманаты; власть вырвана у гетмана изъ рукъ, потому что виновныхъ казаковъ наказывать не можеть, а долженъ отсылать ихъ въ Москву въ неволю; наконецъ безчестье Многогрѣшнаго! Собѣскій указывалъ Дорошенку средство защиты отъ царской рати: послать въ Варшаву съ предложеніемъ подданства, а онъ, Собѣскій, тотчасъ напишетъ царю грамоту, чтобы не велѣлъ своимъ войскамъ наступать на подданнаго Рѣчи Посполитой. Поляки, продолжалъ Мазена,—просятъ хана и Дорошенка, чтобы уговаривалъ султана помириться съ Польшою и поднять войну на Московское государство. Турки говорили: „Какіе разумные люди Ляхи! вмѣсто того, чтобы намъ у нихъ въ Краковѣ обѣдять, будемъ теперь подъ Кіевомъ ужинать“. Резидентъ Дорошенка въ Константинополь писалъ гетману: „Не кручинься, что потерялъ Украинну: не трудно ее назадъ взять—нѣтъ у насъ на Украинѣ Крита и Каменца-Подольскаго“. Султанъ нынѣшню войною хочеть взять Хмельницкаго изъ неволи съ собою про запасъ; если бы Дорошенко измѣнилъ, то

Хмельницкаго на его мѣсто посылать“. Мазепа объявилъ подробно и о средствахъ Дорошенка въ Чигиринѣ: всего и съ чигиринскими жителями около 5,000 человекъ. Пушекъ большихъ и малыхъ въ обоихъ городахъ съ 200 будетъ; пушечныхъ запасовъ много; хлѣбныхъ запасовъ у жителей будетъ на годъ, а у ратныхъ людей запасовъ никакихъ нѣтъ, и солью очень скудно. Дорошенко говаривалъ тайно: „Какъ послышу приходъ Москвы, то побѣгу изъ Чигирина къ Турецкому султану“; а теперь онъ сидитъ въ осадѣ развѣ для того, что есть къ нему грамоты отъ Турскаго султана или Собѣнскаго о помощи. Большая половина чигиринскихъ жителей Дорошенка не любятъ; желаютъ, чтобы онъ поддался царскому величеству, а родичи и пріятели въ одной съ нимъ думѣ. Сотникъ Влоха уговариваетъ конныхъ казаковъ тайно, чтобы соединились съ войскомъ царскимъ. Дорошенко и старшина говаривали между собою, что если придется подъ Чигиринъ царское войско, то изълучше вести переговоры съ княземъ Ромодановскимъ, чѣмъ съ своими казаками.

Мазепою остались очень довольны въ Москвѣ: онъ видѣлъ царскія пресвѣтлыя очи, пожалованъ государскимъ жалованьемъ и отпущенъ безъ задержанія; отправлена съ нимъ призывная грамота къ Дорошенку и чигиринскимъ жителямъ; но Иванъ Степановичъ отправлялся въ Чигиринъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться: онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ къ Ромодановскому и гетману, которымъ наказано было беречь его, чтобы никуда не ушелъ.

Отправляя въ Москву Мазепу, Самойловичъ билъ челомъ, чтобы государь отпустилъ къ нему сыновей его: „Твои дѣти“, былъ отвѣтъ, „пребываютъ при его царскомъ величествѣ въ премногой милости, которая никогда отъбѣсна не будетъ; отпустить же ихъ къ тебѣ за нынѣшними украинскими смутами невозможно, чтобы украинскіе народы непокорные не подумали, что гетманскіе сыновья посланы изъ Москвы по немилости“. Предлогъ отказа былъ не очень искусно придуманъ; но примѣръ четырехъ гетмановъ заставилъ Москву быть подозрительною.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на западной сторонѣ. 23 іюля Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Чигирину, подбляли шанцы и начали безпрестанную стрѣльбу въ городъ. Много домовъ было разбито, много казаковъ и горожанъ перебито и переранено. Домъ Тукалевскаго также былъ разбитъ гранатами: митрополитъ ушелъ въ верхній городъ и тамъ заболѣлъ отъ страха; Крымскій ханъ прислалъ своего доктора лѣчить его. Въ концѣ іюля московскія войска, подъ начальствомъ конейнаго и рейтарскаго строя полковника Сасона и другихъ чиновъ начальныхъ людей, а малороссійскія—подъ начальствомъ бунчужнаго Леонтя Полюботка и Черниговскаго полковника Ворковскаго, отправились подъ Чигиринъ съ Крымской стороны. Въ двухъ верстахъ отъ города встрѣтили изъ братъ гетманскій, Андрей Дорошенко, по былъ

разбитъ; побѣдители преслѣдовали его до городской стѣны и истребили весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Чигирина, потерявши только шесть человекъ убитыми и одного пранорщика, взятаго въ плѣнъ. Но въ то же время пришла вѣсть, что Крымскій ханъ переправился черезъ Днѣбрь подъ Сорокою, гдѣ строить мостъ для переправы самому султану со всѣмъ турецкимъ войскомъ, которое двинется въ Умань, а изъ Умани прямо подъ Кіевъ. 6 августа турецкій отрядъ явился подъ Ладжикинымъ. Здѣсь сидѣлъ извѣстный своими партизанскими подвигами противъ Татаръ и Турокъ, Грекъ Анастасъ Дмитріевъ, изъ купца ставшій начальникомъ вольной сбродной дружины казацко-польско-волошской. Съ Анастасомъ же заперлись въ Ладжикинѣ полковникъ Мурашка и Савва; ратныхъ людей было 2,500 человекъ, да мѣшанъ съ женами и дѣтьми съ 20,000; изъ нихъ боевыхъ людей тысячи съ четыре, пушка одна, и та испорчена, валь худой, запасовъ никакихъ. 80 турецкихъ пушекъ загреблю противъ города. Мурашка съ протопопомъ и сотникомъ перебѣжали въ непріятельскій станъ; но защитники Ладжикина выбрали въ полковники Анастаса—чтобъ битися до смерти. Отбивши пять приступовъ, Ладжикинцы отчаялись, сдались и были все объявлены плѣнными. Анастасъ, переодѣтый, пошелъ за простаго мужика, и успѣлъ помочь освободиться изъ плѣна. Мурашку взяло раскаяніе: сталъ онъ браниться, называлъ визиря и султана воринками, проклиналъ Магомета—и потерялъ голову.

Изъ-подъ Ладжикина Турки двинулись подъ Умань. Уманцы сдались; Турки, оставя залогу въ ихъ городъ, двинулись далѣе по Кіевской дорогѣ; но Уманцы, раздраженные насиліями турецкаго гарнизона, перерѣзали его и заперлись въ городѣ. Визирь и ханъ, услыша объ этомъ, возвратились и взорвали Умань подкопомъ. Съ другой стороны, Татары пошли освобождать Чигиринъ; но какъ скоро, 9 августа, появились они подъ городомъ, Ромодановскій и Самойловичъ отступили къ Черкасамъ, куда пришли 12 августа; на другой день явились къ Черкасамъ и ханъ съ Дорошенкомъ. Отъ втораго часа дня до вечера былъ бой; государевы люди, какъ доносили воеводы, многихъ Татаръ и казаковъ побили и пришли въ обозъ въ Кіевости; но выходцы изъ непріятельскихъ полковъ объявили, что ханъ и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днѣпра, а Турецкій визирь отъ Ладжикина прямо идетъ на Черкасы. По этому вѣстию, Ромодановскій и Самойловичъ сожгли Черкасы, оставленные еще прежде жителями, переправились на восточную сторону и стали противъ Канева. Въ то же время Татары явились съ Азовской стороны; подошли подъ стѣнные города Змѣевъ и Мерехву, и побили многихъ жителей въ плѣнъ; но Харьковскій полковникъ Григорій Донецъ выступилъ противъ нихъ, настѣпая за Гордомъ на рѣкѣ Вычку, побилъ на-голову, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, захватилъ мурзу татарскаго и одного знатнаго Турка.

Страхъ, нагнанный на Украину турецкимъ и татарскимъ нашествіемъ, не былъ однако продолжителенъ: въ первыхъ числахъ сентября Турки были уже на дорогѣ въ свою Землю; ханъ и Дорошенко, проводя султана до Дибстра, повернули назадъ и сначала, казалось, имѣли намѣреніе перейти на восточную сторону Дибпра; законы ихъ уже явились здѣсь, но были побиты, и 8 октября ханъ отправился въ Крымъ. Изъ Польшы присланы были къ Ромодановскому и Самойловичу грамоты съ убѣжденіями идти вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ промышлять надъ неприятелемъ; но и воевода и гетманъ были далеки отъ этого. Гетманъ говорилъ присланному къ нему подъячму Щеголеву: „Поляки пишутъ ко мнѣ и къ князю Григорію Григорьевичу, чтобы теперь выйти съ ними промышлять надъ неприятелемъ. Лукавы народъ! Когда неприятель отступилъ и слуху о немъ нѣтъ, тогда они о соединеніи войскъ пишутъ. Тутъ явная ихъ неправда, потому что безпрестанно съ султаномъ и ханомъ тайные договоры чинятъ. Спрашивается, кого теперь воевать, противъ кого стоять, подъ которые города ходить? Въ Валахію и Молдавію не-зачѣмъ:—и безъ нихъ разорены Турками; если же имъ надобно Молдавію и Валахію, такъ пусть идуть,—имъ ближе. Подъ Чигиринъ идти: чѣмъ самимъ сытымъ быть и лошадей кормить? Около Чигирина и другихъ мѣстъ степи, какъ паханая земля, черны. Для чего Поляки пропустили на насъ съ боярникомъ султана, визиря и хана; для чего съ тылу надъ ними не промышляли? Лживые ихъ поступки я подлинно знаю. Турецкая и крымская на Украинѣ война не отъ одного Дорошенка. Поляки сами рады были, чтобы обѣ стороны Дибпра и Кіевъ изъ рукъ царскаго величества вырвать, и явно Украину отдали такимъ образомъ: князь, султанъ Крымскій, во всю прошлую зиму стоялъ въ Волошской Землѣ и безпрестанно съ Собѣскимъ ссылался, и, пока не договорились, никто въ Украину не смѣлъ вступать; а какъ договорились, что султану, визирю и хану ихъ Поляковъ не воевать и разоренья никакого не чинить, когда неприятелю въ Украину и подъ Кіевъ вольную дорогу отворили, тогда Турки и Татары въ Украину вступали, и что хотѣли, то и дѣлали. Слыша о такихъ ихъ злыхъ поступкахъ, я усматривалъ великихъ способовъ, какъ бы тотъ ихъ злой совѣтъ и союзъ прекратить, и Господь Богъ такой способъ мнѣ далъ; какъ взять листъ Гришка Дорошенко на бою, то у него взято 8 листовъ бѣлыхъ за Дорошенковою рукою и печатью войсковою; далъ ему Дорошенко эти листы съ приказомъ писать отъ его имени въ города къ старшиимъ и посольству. На одномъ такомъ листѣ велѣлъ я написать ио-польски отъ Дорошенкова имени къ калгѣ Крымскому, что Собѣскій хитрыми своими поступками учинился королемъ Польскимъ, и чтобы калга боялся хитростей королевскихъ. Въ это время былъ въ Межибожьи польскій комендантъ; я велѣлъ полковнику Райчѣ передать листъ къ коменданту, будто пе-

рехватили его на дорогѣ, а комендантъ переслалъ къ королю. Когда мы съ боярникомъ отступили отъ Чигирина, а ханъ съ Дорошенкою на насъ налиралъ, то вдругъ прибѣжалъ отъ султана гоонецъ, чтобы ханъ съ Дорошенкою, оставя все, шли подъ Умань, потому что Поляки начали договоръ нарушать, и, дождавшись хана и взявши Умань, султанъ дальше не пошелъ, а хану на нашу сторону Дибпра ходить не велѣлъ. Прибѣжалъ послѣ того къ намъ полковникъ польскій Лазичкій и сказывалъ: „Врагъ-то Дорошенко писалъ къ Крымскому калгѣ, будто король на престолѣ сѣлъ хитрыми поступками; до этого времени король былъ къ Дорошенку совершенно милосивъ и во всемъ его остерегалъ; а теперь, когда такъ дѣлаетъ, то рукъ нашихъ не уйдетъ“. Такимъ образомъ пропала Турецкая и Крымская война отравилась моею службою, этимъ листомъ, который я послалъ межибожскому коменданту. Теперь Дорошенко, слыша, что король на него сердитъ, проситъ прощенья и общается ему служить для того, чтобы короля задержать и между тѣмъ Крымскаго хана вызвать, какъ прежде клялся быть подъ рукою царскаго величества, и вызвалъ султана съ визиремъ и ханомъ. А на все зло подучаетъ его коневой Сѣрко. Была у Дорошенка съ митрополитомъ Тукальскимъ рада; митрополитъ говорилъ: „Насъ никто не любить и жить тутъ намъ нельзя, пойдемъ къ султану и будемъ бить челомъ, чтобы далъ мѣсто, тебя пусть сдѣлаетъ господаремъ Волошскимъ, и я буду тамъ же“. На томъ и постановили, и пожитки свои въ сундуки прибравъ, живутъ въ готовности, смотря на время“.

Движеніе польскихъ войскъ, занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ на западномъ берегу взволновало восточную сторону. Пронесся опять слухъ, что царь хочетъ уступить королю Кіевъ и восточную сторону; надобно было писать увѣренія, что государь не только Кіева и восточнаго берега, но и западнаго не уступитъ Польгѣ. Самойловичъ радовался этимъ увѣреніямъ, но не переставалъ возбуждать въ Москвѣ подозрѣнія относительно польскихъ замысловъ на Малоросію. Въ народѣ ходили слухи, что Поляки непременно перейдутъ на восточную сторону; съ другой стороны шелъ слухъ, что царь самъ явится съ войскомъ въ Малоросію. Одни радовались царскому прибѣзду, а другіе говорили, что царь прибѣдетъ въ Путивль для того, чтобы Украину снести заодно съ королемъ; царь пойдетъ отъ Путивля, а король отъ Кіева. Государь шсалъ Ромодановскому, что если дѣйствительно неприятеля уже нѣтъ въ Украинѣ, то онъ, воевода, можетъ отступить къ московскимъ границамъ и распустилъ ратныхъ людей, также и гетманъ Самойловичъ можетъ идти въ Ватурицъ; но должно оставить въ Черяславлѣ молодаго князя Михайлу Ромодановскаго съ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей, у которыхъ есть еще запасы и которые, слѣдовательно, могутъ еще продолжать службу; также и Самойловичъ долженъ оставить въ Чер-

яславѣ отрядъ казаковъ, выбравъ имъ наказнаго гетмана. На это Ромодановскій отвѣчалъ любопытною грамотою: „Ратные люди Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ, будучи на службѣ въ безпрестанныхъ походахъ полтора года, зануждались, наги и голодны, запасовъ у нихъ вовсе никакихъ нѣтъ, лошадыя опали, и многіе отъ великой нужды разбѣжались и теперь бѣгутъ безпрестанно, а которыхъ немного теперь осталось,—у тѣхъ никакихъ запасовъ нѣтъ,—оставить ихъ долѣе на службѣ никакъ нельзя; и мнѣ въ разлученіи съ сынишкомъ своимъ Мишкою, за скудостью и безплутовствомъ, быть нельзя. Теперь я, государь, съ нимъ и не въ розни, и то живемъ съ великою нуждою; убогія мои малыя, худыя деревнишки безъ меня разорились вконецъ, потому что службу тебѣ на Украинѣ 22 года безпрестанно, да и сынишка мой, Мишка, служитъ шесть лѣтъ безъ перемены, а другой мой сынишка, Андрюшка, за тебя разливъ свою нездѣльную кровь, въ томительной нуждѣ въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ животь свой мучитъ седьмой годъ“. Царь велѣлъ отцу идти въ Курекъ, а сына отпустить въ Москву для свадьбы.

Гетманъ возвратился въ Батуричь—отдохнуть отъ трудовъ военныихъ; но внутренние враги не хотѣли дать ему отдыха, и опять пошли старые слухи, что государь хочетъ возвратитъ Многогрѣшнаго изъ ссылки и поручитъ ему часть войска. Въ началѣ 1675 года царь долженъ былъ въ своей грамотѣ увѣрить Самойловича, что этого никогда не будетъ, и требовалъ казни плевосѣятельнымъ людямъ. Съ другой стороны, Лазарь Барановичъ доносилъ на протонопа Симеона Адамовича. Еще въ сентябрѣ 1674 года былъ въ Малороссіи стряпчій Бухвостовъ для объявленія тамошнимъ начальнымъ людямъ о рожденіи царевны Оеодоры Алексѣевны. Прежде всего явился онъ къ Лазарю Барановичу, и тотъ началъ говорить ему: „Когда прѣдѣшь въ Москву, извѣсти, что отъ Нѣжинскаго протонопа Симеона Адамова проходятъ многія лукавства, ссылается онъ тайно съ Турецкимъ султаномъ и съ Дорошенкомъ, въ грамотахъ своихъ хвалитъ султана, что войсками своими изъ дальнихъ странъ обороняетъ Дорошенка, а царское величество, будучи въ ниги стахъ верстахъ, жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра не обороняетъ. Этимъ протопопъ приводитъ малороссійскихъ жителей ко всякому злу; письма его у меня въ рукахъ. Я ихъ ни съ кѣмъ не попилю; самъ я хотѣлъ ѣхать въ Москву вскорѣ, да спрашиваетъ меня гетманъ не ѣздить: а какъ я буду въ Москвѣ, то не только про эти письма, и о другихъ дѣлахъ великому государю извѣщу“. Разумѣется, въ Москвѣ не могли не удивиться, когда тотъ же самый протопопъ прѣѣхалъ по дѣламъ архіепископа, привезъ его книги—„Трубы“. Барановичъ просилъ, чтобы государь велѣлъ взять всѣ книги въ казну и заплатить деньги; ему отвѣчали, что государю „Трубы“ похваляеть, но въ казну взять и по монастырямъ неволю раздавать не указали, указали продавать ихъ поволь-

ною дѣною, какъ въ Россійскомъ царствѣ съ печатнаго двора всякія книги продають, а въ неволю книгъ никому не даютъ и въ монастыри не намегаютъ. Какъ же распорядилось правительство относительно продажи книгъ Барановича? Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1675 года, по указу великаго государя, бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ приказалъ раздать мѣщанамъ въ лавки сто двѣ книги кievской печати въ переплетѣ, „Трубы духовныя“, цѣною по 2 рубля съ полтиною книга, итого 255 рублей; велѣть имъ тѣ книги продавать съ великимъ радѣніемъ по настоящей цѣнѣ неоплошно, а раздать мѣщанамъ книги съ роспискою, кому можно вѣрить, самымъ лучшимъ людямъ, не бражникамъ, чтобы было кому вѣрить и на комъ можно взять; а деньги велѣть собрать въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ безъ недобору. Это пазывалось тогда: въ неволю книгъ никому не давать! Барановичъ просилъ, чтобы позволено ему было завести типографію въ Черниговѣ; просьба была исполнена; просилъ прислать ему сукна и лисьихъ мѣховъ; сукна и мѣха были отосланы.

Царь увѣрялъ Барановича и гетмана, что не отдастъ никогда Кіева Полякамъ; гетманъ клялся, что никогда не поддастся королю, но доносилъ, что Запорожскій кошевой Сѣрко не такого образа мыслей. Когда король вступилъ въ западную Украину, то на кошу началась шатость; Сѣрко говорилъ: „При которомъ государѣ родились, при томъ и будемъ пребывать и головы за него складывать, и если бы войско не захотѣло идти къ королю, какъ государю своему дѣдичному, то я, Сѣрко, хоть о десяти коныхъ, поѣду поклониться государю своему“. Схватень былъ въ Нѣжинѣ, отосланы къ гетману и казенны имъ плевосѣятель, толковавшій объ измѣнѣ и въ восточной Украинѣ. Эти событія поддерживали недѣрчивость московскихъ воеводъ и печальную привычку называть Малороссіянъ измѣнниками. Архимандритъ Повгородо-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій, писалъ къ Матвѣеву: „Не вѣдаю, за что порубежные воеводы нашихъ Украинцевъ измѣнниками зовутъ: изволь предвзрѣти, чтобы воеводы въ такихъ мѣрахъ были опасны, и такихъ вѣсегъ ненадобныхъ не начинали и малороссійскихъ войскъ не озлобляли: опасно,—чтобы отъ малой искры большой огонь не запылалъ“. Велѣдствие этого, къ порубежнымъ воеводамъ былъ посланъ указъ съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы Малороссіянъ измѣнниками не называли, жили съ нимъ въ совѣтѣ и во всякомъ пріятствіи; а если впередъ отъ нихъ такія ненадобныя и поносныя рѣчи пронесутся, то будетъ имъ жестоко наказаніе безо всякой пощады. Самойловичъ не переставалъ доносить на Сѣрка, будто онъ хочетъ идти къ Астрахани и Сибирскимъ странамъ, въ надеждѣ на Калмыковъ. 23 апрѣля гетманъ писалъ Матвѣеву: „Вогъ видитъ совѣтъ мою, что не изъ невѣсти какой-либо объявляю объ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ. Ностою Великимъ былъ у насъ писарь Запорожскій и тайно объявилъ намъ

Сѣрковы замыслы, со слезами прося, чтобы до времени оставалось тайною. Знатнымъ казакамъ, находящимся въ Запорожьѣ, Сѣрко постоянно говоритъ: „Какъ предки наши не служили государству Московскому, такъ и намъ не надобно служить, а держаться дѣдичнаго государя; если вы не позволите помогать, то хотя съ десяткомъ самъ пойду къ королевскому величеству. А что меня на Москвѣ къ присягѣ привели, то присяга невольная, мнѣ она ни во что; а что меня изъ Сибири освободили, то я объ этомъ не просилъ никого; могъ я выйти и другимъ способомъ“. Тотъ же исарь говорилъ: какъ посылалъ его Сѣрко къ царскому величеству съ самозванцемъ, то призывалъ бить челою о мѣстечкѣ Керебердѣ, причеиъ говорилъ: „Коли бы не догадались и отдали мнѣ его!—тогда бы могъ жену изъ Слободскихъ полковъ вывести, зная бы я тогда зачать!“ Это мѣстечко ему на злое его дѣло надобно, потому что лежитъ на днѣпровскомъ берегу выше всѣхъ городовъ Полтавскаго полка, а въ тѣхъ краяхъ живутъ все люди западной стороны. Сѣрко, въ измѣну Брюховецкаго, взбунтовавши нѣсколько городовъ около себя, жителей ихъ посадилъ въ Керебердѣ, гдѣ прежде людей не было. Теперь Запорожцы отправили посланцевъ своихъ къ великому государю, а къ намъ о томъ ни одного слова не написали: „Царскій указъ, чтобы писали къ намъ, о чемъ хотятъ бить челою, пошлеть ни за что. Теперь ихъ съ такимъ бездѣльемъ съ-полтораста было-пошло, насыла разогнали, а дорогою идучи, въ городахъ безчинства дѣлаютъ; у насъ это уже вывелось-было; при Брюховецкомъ имъ это позволялось, что грѣхъ и стыдъ предъ знатыми людьми припомнить; мы имъ больше терпѣть не будемъ, чтобы не смѣли нами пренебрегать“.

Самойловичъ поссорился и съ отцомъ протопопомъ, Симеономъ Адамовичемъ,—писалъ къ Ромодановскому: „Объявляю вашей милости печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой Симеонъ, протопопъ Пѣжинскій; какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости великаго государя, всякіе вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ нестаточными дѣлами передъ высокими людьми, самъ не имѣя въ себѣ постоянства, а ужъ пора бы ему перестать отъ того. Я здѣсь нѣсколько свидѣтелей надежныхъ имѣю, что онъ нѣсколько особъ здѣсь обнадежилъ: какіе захотятъ они чины, то въ Москвѣ имъ промыслитъ, не откажутъ ему тамъ ни въ чемъ, и добрыхъ людей своими вымыслами потерялъ“. Въ маѣ явились въ Москву запорожскіе посланцы съ грамотою отъ Сѣрка Кошевой писалъ, что король Польскій зоветъ ихъ къ себѣ на службу, но что они не могутъ двинуться безъ указа царскаго; просилъ, чтобы гетманъ Самойловичъ шелъ вмѣстѣ съ ними на Крымъ и тѣмъ отвлекъ хана отъ подаіи помощи султану; жаловался, что перевозъ на Переволочѣ не отдали имъ; просилъ, чтобы отданы были на

Запорожье клейноты, бывшіе у Ханенка. Но извѣстія Самойловича произвели свое дѣйствіе въ Москвѣ. Сѣрку отвѣчали, чтобы къ Польскому королю не ходилъ, а шелъ одинъ съ своими Запорожцами на море. Клейнотовъ отдать нельзя, потому что они вручены Ханенку королемъ Михаиломъ, а Ханенко отдалъ ихъ гетману Самойловичу; о перевозѣ посланъ указъ къ гетману. Этотъ указъ состоялъ въ томъ, чтобы гетманъ учинилъ по своему разсмотрѣнію. Пріѣзды Запорожцевъ были накладны казні, какъ прежде пріѣзды Крымцевъ: такъ теперь ѣхало ихъ челоуѣкъ полтораста, да гетманъ Самойловичъ всѣхъ не пропустилъ, пріѣхало только 41 челоуѣкъ. Царь послалъ указъ на Запорожье, чтобы впередъ ѣздило не болѣе десяти челоуѣкъ; если же пріѣдутъ лишніе, то будутъ кормиться на свой счетъ. Въ іюнѣ Самойловичъ далъ знать, что на Запорожье пріѣхалъ королевскій посланецъ Завиша; Сѣрко, какъ будто бы за тѣмъ, чтобы проводить посла, выступилъ въ поле съ большимъ отрядомъ войска; по Запорожцы, заподозривъ, что Сѣрко прямо хочетъ идти къ королю, остановились въ степи, выбрали себѣ другого старшину и возвратились на кошъ. а Сѣрко только съ 300 преданныхъ ему людей отправился вмѣстѣ съ Завишею. По оказалось, что онъ ходилъ на крымскія юрты за добычею и языками, и возвратился на Запорожье.

Въ то же время царя безпокоила смута въ Каневѣ, этомъ важномъ по близости къ Чигирину городѣ. Въ мартѣ 1675 года Каневскій воевода князь Михайла Волконскій писалъ къ князю Ромодановскому, что въ Каневѣ только два приказа московскихъ стрѣльцовъ, и тѣ неполюны: многіе разбѣжались отъ головъ стрѣлецкихъ, Карандѣва и Лунадина, отъ нестерпимыхъ побоевъ; въ остаткѣ только 1,600 челоуѣкъ. Волконскій жаловался, что головы его не слушаются, во всемъ ему отказали. Но головы объяснили дѣло иначе: присланы въ Каневъ деньги на хлѣбную покунку стрѣльцамъ, а Волконскій хлѣба не покупаетъ и деньгами стрѣльцамъ не даетъ, отчего стрѣльцы мрутъ и бѣгутъ; воевода призываетъ къ себѣ городскихъ войтовъ и бурмистровъ и передъ ними бранитъ головъ, называетъ ихъ измѣнниками, расказываетъ, будто они хотятъ отъѣхать къ Доросенку. Пятнадцати, десятички и рядовые стрѣльцы подтвердили грамоту головъ, приславши къ Ромодановскому жалобу, что воевода задерживаетъ ихъ жалованье. Царь велѣлъ послать Волконскому грамоту съ угрозою, что если впередъ будетъ такъ поступать, то подвергнется жестокому наказанію. Но Волконскій прислать новую жалобу на головъ: „Держать они у себя другіе ключи отъ воротъ городовыхъ и отпираютъ тайкомъ отъ меня. 7 марта былъ я въ церкви, и когда, послѣ обѣдни, шелъ домой, то Карандѣвъ и Лунадинъ дождался меня на паперти и началъ бранить непристойными словами, похвалялись бить; велѣли деньщикамъ своимъ взять у меня солдатскаго полковаго подъячаго,

били его ослонами и задержали у себя; отъ страха и сжу на своемъ дворникѣ заперлись“.

Ссору между воеводою и стрѣleckими головами утишили: Караидѣевъ и Лунандинъ обѣщали слушаться воеводу. Но скоро Волконскій столкнулся съ другими людьми послыше головъ стрѣleckихъ. 14 июня въ сѣзжану избу къ воеводѣ привели лазутчика, схваченнаго на площади. Съ пытки, послѣ троекратнаго поджариванія, лазутчикъ объявилъ: „Прислалъ меня Дорошенко съ листомъ къ здѣшнему полковнику Ивану Гурскому; полковникъ взялъ у меня листъ и положилъ за пазуху, потомъ кликнувъ челядника своего, велѣлъ мнѣ дать хлѣба и проводить къ матери своей въ домъ, гдѣ бы я могъ прожить до извѣстнаго времени“. Привели челядника полковничья, поставили на очную ставку съ лазутчикомъ; челядникъ сначала заперся, но съ пытки объявилъ, что все показанія лазутчика справедливы. Полковникъ Гурскій заперся; тогда воевода отдалъ его на береженіе стрѣleckимъ головамъ Караидѣеву и Лунандину, и немедленно далъ знать объ этомъ происшествіи государю, прося указа. Воеводская грамота пришла въ Москву только 25 июня; 27 июня царь отвѣчалъ Волконскому, что посланъ указъ гетману взять Гурскаго, челядника его и лазутчика изъ Канева къ себѣ въ Ватуринъ и, разыскавъ подлинно, указъ имъ учинить по ихъ войсковымъ правамъ. Отвѣтъ этотъ не могъ придти въ Каневъ ранѣе десяти дней, а между тѣмъ извѣстіе о каневскомъ происшествіи возбудило сильное негодованіе въ Ватуринѣ: воевода отдалъ полковника подъ караулъ! Гетманъ писалъ Матѣеву, что Гурскій человекъ добрый и слуга царю вѣрный, вины его никакой нѣтъ; писалъ, что Дорошенково войско хотѣло перейти въ Каневъ и поддаться государю, но узнавъ, какая въ Каневѣ смута, отложило свое намѣреніе: „Для того прошу вашу боярскую милость, изволь вступиться, какъ особенный нашъ малороссійскій ходатай, чтобы въ чести были у великаго государя наши войсковыя вольности и указы его же царскаго величества. Если милости великаго государя ко мнѣ и къ войску Запорожскому не будетъ, воеводу скоро переимѣнить не укажетъ, то Каневъ пусть будетъ; да и давно бы былъ пустъ, если бы не головы стрѣleckіе Караидѣевъ и Лунандинъ держали. Очень мнѣ и всему войску досадительно, будто я сталъ царскому величеству измѣнникъ“. Въ бытность царскаго посланца въ Ватуринѣ привѣщали туда изъ Канева жена Гурскаго да обозный съ атаманомъ и говорили: „Какъ малыя дѣти безъ матери, такъ мы теперь безъ полковника, а непріятель подлѣ Канева, и какъ придетъ, что намъ дѣлать безъ полковника? Отъ Дорошенковыхъ казаковъ попреки намъ и стыдъ: „Поддавайтесь царю, поддавайтесь! хороша къ вамъ царская милость!“ Все бы мы давно разбрелись, если бы не головы стрѣleckіе держали; они воеводѣ говорили, чтобы въ такія дѣла не вступался, вѣдалъ бы одинъ городъ да государевыхъ ратныхъ людей, а полков-

ника отослалъ бы къ гетману; но онъ и головъ называетъ измѣнниками“. Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана: Волконскій былъ смѣненъ, и въ царскомъ указѣ къ нему по этому случаю говорилось: „То ты дуростию своею дѣлаешь него-раздо; вступаешься въ ихъ права и вольности, забывъ нашъ указъ; и мы указали тебя за то посадить въ тюрьму на день, а какъ будешь на Москвѣ, и тогда нашъ указъ сверхъ того учиненъ тебѣ будетъ“.

Съ весны 1675 года начали думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій: 26 апрѣля государь послалъ Ромодановскому и Самойловичу приказъ собраться съ Бѣлгородскими и Сѣвскими полками и съ казаками и двинуться къ Днѣпру, къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ Днѣпръ удобенъ для переправы; а пришедши къ Днѣпру, писать къ короннымъ и литовскимъ гетманамъ, чтобы они, согласясь между собою, шли къ Днѣпру же въ ближнія мѣста. Когда Поляки дадутъ знать о своемъ приходѣ, то становить съ ними слѣдующій договоръ о соединеніи обѣихъ ратей: соединяться на той сторонѣ Днѣпра подъ Коростышевемъ, или подъ Мотовпловкою, или подъ Павлоцелемъ, потому что окрестности этихъ мѣстечекъ лѣспысты и кормовъ всякихъ достать можно; назначить точно время и мѣсто, гдѣ соединяться, и чтобы въ сборѣ были все коронныя и литовскія войска, съ пѣхотою и пушками; чтобы съ обѣихъ сторонъ даны были аманаты. Если Турки и Татары нынѣшняго лѣта на войну не придутъ, и будетъ при Дорошкѣ Турокъ и Татаръ немного, то царскимъ войскамъ съ королевскими не соединяться; да же Павлочи войскамъ царскимъ не ходить; въ подлѣзды войскъ царскихъ не посылать, кромѣ охочихъ людей, и когда съ непріятелемъ сойдется, то первый бой давать войскамъ королевскимъ, а царскихъ войскъ напередъ не посылать, и въ напускахъ и въ отводѣ не выдавать. Стоять заодно и въ нужное время, другъ отъ друга не отступать; въ кормахъ конскихъ и во всякихъ добычахъ войскъ царскихъ не тѣснить, и быть въ соединеніи до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступитъ. Договариваться и о томъ, чтобы прибавить къ прежнимъ перемирнымъ годамъ еще 10 лѣтъ; чтобы непріятель, видя склонность обохъ государей къ братской дружбѣ, отъ злаго намѣренія своего отсталъ; просить, чтобы въ благодарность за соединеніе войскъ король уступилъ панѣмъ все завоеванныя мѣста; чтобы Поляки гетмана Ивана Самойловича почитали и войску Запорожскому укоризны и безчестія никакого не дѣлали. Если королевскіе гетманы стануть заключать мирный договоръ съ султаномъ и ханомъ, то внести въ него слѣдующія статьи: на пограничныя съ Турціею и Крымомъ царскія украинныя войною не ходить; если же Турки и Татары договоръ нарушатъ, то царское и королевское величества будутъ давать имъ отпоръ сообща.

29 мая, въ Сумахъ, гетманъ Самойловичъ съ старшиною, въ присутствіи князя Ромодановскаго

и царскаго посланца, стряпчаго Алмазова, далъ такой отвѣтъ: „Соединиться намъ съ Поляками всѣми нашими войсками опасно по многимъ причинамъ: прошло зимою, когда король былъ на Украинѣ, и Аджи-Гирей салтанъ тамъ недалеко стоялъ въ шести тысячахъ войска, то Поляки съ этою Ордою никакого бою знатнаго не имѣли, а все ссылались съ салтаномъ и Дорошенкомъ о мирѣ, и носились слухи, что король пришелъ на Украину не для отпора Туркамъ, но чтобы какимъ бы то ни было образомъ отобрать ее и Кіевъ себѣ. Поэтому мы не только не желаемъ соединиться съ польскими войсками, но и въ другихъ малѣйшихъ вещахъ не хотимъ съ ними ссылатся; у насъ одинъ защитникъ—православный монархъ, его царское величество; если же государю угодно дать помощь Полякамъ, то послать нѣкоторую часть московскихъ и казацкихъ войскъ, а не всѣ. Аманатовъ давать Полякамъ страшно: въ прошлыхъ годахъ они дали Туркамъ аманатовъ изъ Львова, духовенство, шляхту и мѣщанъ, знатныхъ людей, и въ правдѣ своей не устояли, усмотря время, Турокъ побили. Да и потому намъ нельзя соединиться съ Поляками: Поляки народъ гордый, стануть насъ безчестить и называть своими подданными, казаки стануть стоять за свои права—и поидеть ссора. Если непріятель подступитъ всѣми силами подъ Кіевъ, то мы съ бояринами будемъ отпоръ чинить, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. Въ этомъ и будетъ королю великое вспоможеніе, а соединиться съ Поляками мы не хотимъ, чтобы чрезъ соединеніе большой ссоры не было“.

Генеральный писарь Савва Прокоповъ говорилъ: „Хотя Поляки и толкуютъ о соединеніи войскъ, но лукавымъ сердцемъ,—вѣрять имъ нельзя: нынѣшнюю зимою сенаторы Яблоновскій и Сѣнявскій пріѣзжали въ Кіевъ проводить про войска и крѣпости городовыя и про шныя московскія вѣсти, а сказывались простою шляхтою, будто пріѣзжали для покупокъ, и этихъ умыселъ свой объявили“.

Ромодановскій и Самойловичъ говорили въ одинъ голосъ: „Если великій государь укажетъ идти намъ въ Крымъ, то надѣемся учинить тамъ великое разореніе“.

Вывшій Дорошенковъ есаулъ, Яковъ Лизогубъ рассказывалъ Алмазову: „Былъ тайный съѣздъ у визиря съ Дорошенкомъ, съѣзжались только трое—Дорошенко, визирь да я. Визирь говорилъ: „Мы хотимъ Запорожье и Кіевъ взять“. Когда разговоръ кончился, то Дорошенко, вышедши изъ шатра, сказалъ мнѣ: „Слышалъ что говорилъ визирь? нашу кожую торгуютъ!“ и сталъ плакать: „Не дай Воже, чтобы замыселъ ихъ исполнился!“

Въ концѣ поля, но вѣстямъ изъ Украины, царь велѣлъ Ромодановскому двинуться изъ Курска въ Суджу, отправить въ Заднѣпровье знающихъ людей для подлинныхъ извѣстій, а къ гетману коронному, князю Дмитрію Вишневецкому, описать, что если всѣ войска, коронныя и литовскія въ согласіи и соединеніи не будутъ, то царскія войска съ однимъ

короннымъ гетманомъ не соединятся. Въ началѣ августа другой указъ: двинуться Ромодановскому изъ Суджи, а Самойловичу изъ Батурина къ Днѣпру, и отправить за рѣку по отряду, выбравъ добрыхъ людей. Самойловичъ объявилъ царскому посланцу, что готовъ исполнить указъ великаго государя, но что надобно только ограничиться прогнаніемъ Татаръ, а не соединиться съ Поляками. „Мнѣ, гетману, и всему нашему войску лучше смерть принять, нежели отъ Поляковъ въ безчестіи и порабощеніи быть. Если мнѣ и боярину перейти за Днѣпръ, то это все равно, что руками насъ отдать Полякамъ; у нихъ только рѣчей, что московская нѣхота способна городовъ доставать, позовутъ насъ неволею хана въ поляхъ искать и Каменца-Подольскаго доставать, начнутъ называть мужиками и своими подданными. Бить обухами, спрашивать кормовъ, выговарить: „Вы насъ въ такое осеннее время вызвали, вы и кормите“; а казаки теперь и не Полякамъ не спускаютъ, Турокъ и Татаръ побиваютъ; такъ чего добраго ждать! начнутъ биться; ни на одинъ часъ нельзя соединиться съ Поляками! Полякамъ всего досаднѣе то, что на этой сторонѣ Малороссійскіе люди живутъ подъ царскою рукою во всякихъ вольностяхъ, покоѣ и многолюдствѣ. Полякамъ непремѣнно хочется, чтобы какою-нибудь хитростію эту сторону въ свои руки прибрать и такъ же, какъ ту сторону, разорить и людей погубить; особенно этого добивается коронный гетманъ, князь Дмитрій Вишневецкій, потому что на этой сторонѣ ихъ маестности были. Мнѣ и всему войску нужно не то, чтобы всѣ коронныя и литовскія войска пришли къ Днѣпру: намъ нужно, чтобы ни одинъ Полякъ въ этихъ мѣстахъ не былъ. А присяга ихъ извѣстна: боярина Шереметева за присягою въ Крымъ отдали! Теперь короля своего на Украинѣ покинули и разошлись по домамъ!“

Соединеніе русскихъ войскъ съ польскими было рѣшительно отвергнуто, и въ началѣ осени началось отдѣльное движеніе русскихъ войскъ: Ромодановскій и Самойловичъ сошлись у Обеческой грабли, между рѣкою Галицею и Прилуками, въ 5 верстахъ отъ Монастырша и въ 50 отъ Днѣпра. Отсюда 11 сентября двинулись къ Яготину, гдѣ стояли до 16 числа; недостатку въ конскихъ кормахъ и бездорожью заставили ихъ приблизиться къ Днѣпру, къ которому подошли 18 сентября, стали въ 10 верстахъ отъ Канева и послали на ту сторону отрядъ московскаго войска подъ начальствомъ генералъ-майора Франца Вульфа, и казацкій—подъ начальствомъ генеральнаго есаула Лисенка. Заслышавъ о приближеніи этого войска, два полка Дорошенковыхъ сердюковъ бросили города Корсунъ, Богуславъ, Черкассы, Мошны и другіе, и ушли въ Чигиринъ; жители также покинули свои города, села и деревни и перенли на восточную сторону. Это движеніе нагнало сильный страхъ на Дорошенка, который тѣпотно просилъ помощи у Турокъ и Татаръ, занятыхъ войною съ Поляками, и хотя Ромодановскій съ гетманомъ, не предпри-

нявши ничего важнаго, разошлись — одинъ въ Курскъ, а другой въ Батуринъ, однако положеніе Дорошенка не улучшилось. Ненависть къ нему была возбуждена сильная, потому что подданство султану оказалось въ послѣднее время всею своею черною стороною для Украйны. Чигиринъ, по свидѣтельству самовидцевъ, превратился въ певольничій рынокъ: всюду по улицамъ Татары выставляли и продавали ясырь (идѣльныхъ), даже подъ самыми окнами Дорошенкова дома. Если кто изъ чигиринскихъ жителей, по христіанству, хотѣлъ выкупить земляка, то навлекалъ на себя подозрѣніе въ неприязни къ покровителямъ Украйны — Туркамъ и Татарамъ. По городамъ не было мѣры притѣсненія отъ голодныхъ Татаръ. Проклятія на Дорошенка были во всѣхъ устахъ. Онъ бы могъ еще не обращать вниманія на эти проклятія; но въ самомъ Чигиринѣ было мало хлѣба, потому что два года уже ничего не сѣяли, кормились тѣмъ, что могли купить украдкою у жителей восточной стороны. Въ такой крайности Дорошенко рѣшился обратиться къ Сѣрку: нельзя ли посредствомъ Запорожья какъ-нибудь продержаться, получить выгодныя условія отъ царя, остаться гетманомъ.

Въ концѣ сентября, Сѣрко далъ знать въ Москвѣ о своей вѣрной службѣ: по царскому указу пришли въ Запорожье князь Каспупатъ Муцаловичъ Черкасскій, стольникъ Леонтьевъ, стрѣлецкій голова Лукошницъ, Мазинъ-мурза съ Калмыками, атаманъ Флоръ Милевъ съ Донскими казаками. Сѣрко соединился съ ними, и 17 сентября всѣ пошли чинить вопскій промыселъ надъ крымскими улусными людьми, за Перекопью разбили татарскую заставу, села попадали, много полону побрала и христіанскихъ душъ много освободили, и всѣ здоровы назадъ пришли. При этомъ Сѣрко билъ челомъ: „Многое время, не щадя головы своей, промышлялъ я надъ неприятелемъ; а теперь я устарѣлъ, отъ великихъ волокитъ, отъ частыхъ походовъ и отъ ранъ изувѣченъ, жена моя и дѣти въ украинскомъ городкѣ Мерехвѣ скитаются безъ пріюта, отъ Татаръ лошады и животиною разорились, а мнѣ, Ивану, теперь полевалъ служба стала не въ мочь, присмотрѣть за старикомъ и упокоить его некому. Милосердый государь! вели мнѣ, холопу своему, съ женишкою и дѣтишками, въ домишкѣ пожитъ, чтобы, живучи порознь, вконецъ не разориться и при старости безпріютно не умереть; вели мнѣ дать свою грамоту, чтобы мнѣ, живучи въ домишкѣ своемъ, утѣсненія ни отъ кого не было.“ — „Не время теперь“, отвѣчалъ царь, „жить тебѣ въ домѣ съ женою и дѣтми, а когда будетъ время и воинскія дѣла стануть приходить къ успокоенію, тогда мы тебя пожалуемъ, въ домѣ жить позволимъ и нашу царскую грамотою обнадежимъ.“

Но вслѣдъ затѣмъ, отъ 15 октября, кошевой атаманъ объявилъ другую свою службу: „Гетманъ войска Запорожскаго Петръ Дорошенко, отъ давнихъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пре-

свѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ его, за многими и въ которыхъ завистныхъ людей пренонами, привести въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску низовому, чтобы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти, и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ Запорожскимъ и частію Донскаго. то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посолитыми людьми, предъ Св. Евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принять нашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и не нарушенъ въ здоровьи, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣмъ товарищами и войскомъ, при милости и при кляйнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести; отъ всѣхъ неприятелей, Татаръ, Турокъ и Ляховъ, будетъ войскамъ вашего царскаго величества защищенъ; мѣста всѣ запустѣлыя на сей (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться, какъ и Заднѣпровская (восточная) сторона.“

Этотъ Запорожскій поступокъ, нарушавшій порядокъ, установленный на послѣдней переяславской радѣ, сильно не понравился въ Москвѣ, и царь отвѣчалъ кошевому: „Ты это сдѣлалъ не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; къ тебѣ о томъ нашего указа не послано, посланъ былъ указъ о Дорошковомъ подданствѣ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; и впередъ бы тебѣ и всему войску Запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не сылагся и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Ивановомъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка кляйноты войсковые гетманскіе, данные нами прежнимъ гетманамъ: булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти кляйноты у тебя; и ты бы сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьіи никогда гетманскихъ кляйнотовъ не бывало.“ Сѣрко продолжалъ распорядиться; минуя гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, Самойловича, онъ разослалъ грамоты къ полковникамъ: „Объявляю, что гетманъ Петръ Дорошенко отъ Турскаго султана и Крымскаго хана отступилъ, и подъ высочодержавную руку царскаго величества подклонился; такъ извольте междоусобную брань между народомъ христіанскимъ оставить и нимыя заказать, къ горогы много, что общему христіанскому дѣлу не рады; ибо всѣ мы единого Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хваляно, дабы Богъ обратилъ ярысть злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажи, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать“. Опять царь

долженъ былъ напомнить кошевому атаману, что всѣ эти дѣла положены на князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича.

Легко понять, какъ эти событія должны были обезпечить послѣдняго; онъ обратился къ Матвѣеву, „своему благодѣтелю милостивому“. „Не разъ, писалъ Самойловичъ, былъ я предостереженъ добрыми людьми насчетъ шатости и замысловъ Ивана Сѣрка. Писалъ я уже къ твоей боярской милости, какъ онъ добивалъ челомъ царскому величеству, чтобы ему нѣсколькихъ казацкихъ полковъ дать, будто Крымъ воевать; потомъ, чтобы ему изъ слободскихъ городовъ жену выдать; потомъ, чтобы Керберду городъ дать въ Полтавскомъ полку; но въ то же самое время открылъ онъ тайну писарю своему, говорилъ: „Только бы мнѣ въ тотъ уголокъ залѣзть,—зналъ бы я что дѣлать!“ Только объ одномъ и заботился: какъ бы собрать войско да войти въ города и завести тамъ смуту. Дорошенко, видя, что не надъ кѣмъ гетманить (потому что отъ Днѣстра до Днѣпра нигдѣ духа человѣческаго нѣтъ, развѣ гдѣ стоить крѣпость польская), призвалъ къ себѣ въ Чигиринъ Сѣрка и 10 октября встрѣчалъ его съ духовенствомъ, разгласивши между народомъ, что хочетъ жить подъ рукою царскою. Но здѣсь явный обманъ, какъ даль намъ знать одинъ близкій къ нему человѣкъ. Отъ Турокъ и Татаръ помощи ему нѣтъ, а тутъ Ляхи въ гостяхъ, да и мы недалеко: вотъ онъ, чтобы какъ-нибудь перезимовать, получить съѣстные припасы съ нашей стороны и перезвать къ себѣ опять людей, такую молву и распустилъ о подданствѣ. Завидуя особенно нашей Украинѣ, въ мирѣ живущей, хлопочуть они завести здѣсь смуту. И въ прошломъ 1674 году Сѣрко намъ помѣшалъ въ добрыхъ дѣлахъ; теперь при мнѣ Мазепа и Кочубей, которые тогда были при Дорошенкѣ; такъ они сказываютъ, что Сѣрко присылалъ къ Дорошенку съ такою рѣчью: „Если на тебя Москва наступитъ, то войско Запорожское тебѣ поможетъ, клейпотовъ войсковыхъ ни за что Москвѣ не отдавай“. Къ Ромодановскому Самойловичъ писалъ: „Разсуди, благодѣтель мой, дѣло этихъ кругоголовыхъ! Передъ нами не хотѣли сдѣлать ничего добраго, а передъ камякъ-то Флоромъ да Мюсюкомъ, что самозванца съ Дону къ Сѣрку привелъ, какую-то присягу дали! Какова совѣсть у Дорошенка?—намъ разъ десять присягалъ, и попрежнему солгалъ! Мы узнали, благодѣтель мой, что тамъ между собою усовѣтовали попытаться черезъ своихъ пословъ у царскаго величества: если имъ позволить черневую раду собрать, то и эту Украину туда же потянуть, смуту здѣсь завести и намъ не поддаться“.

Ромодановскій, наравнѣ съ гетманомъ, былъ оскорбленъ поступкомъ Дорошенка, который отъ 12 октября уведомилъ его о своей присягѣ передъ Сѣркомъ и Флоромъ Мпнаевымъ, и просилъ прислать въ Чигиринъ добрыхъ людей „для досто-вѣрнѣйшаго разговора“. Ромодановскій отвѣчалъ: „Когда мы стояли у Днѣпра, то ты, по писемъ моему

и по присылкамъ своимъ, обѣщанія своего не исполнилъ, для присяги въ обозъ къ намъ не пріѣхалъ; а теперь для разговора просишь о присылкѣ знатныхъ людей. Это мнѣ очень удвительно! Когда мы съ вѣрными и неотмѣннымъ царскаго величества подданнымъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иваномъ Самойловичемъ, усердно желали тебя принять и государскою милостію обнадежить, то ты, за перенятіемъ права своего, этого сдѣлать не изволилъ; а теперь какъ могу къ тебѣ для разговора знатныхъ людей послать? Если ты вправду поддался царскому величеству, то пріѣзжай ко мнѣ и къ гетману Ивану Самойловичу, и присягни предъ нами“.

Донесенія Самойловича произвели большое безпокойство въ Москвѣ. Царь писалъ Ромодановскому и гетману: „Мы какъ прежде, такъ и теперь положили Дорошенково дѣло на васъ, и вы бы поступили по своему разсмотрѣнію, чтобы то дѣло до весны успокоить и къ расширенію не допустить“. Наконецъ отправлена была царская грамота и въ Чигиринъ: „Петру Доросеенчу наше царскаго величества милостивое слово. Мы твоего обѣщанія, даннаго предъ Иваномъ Сѣркомъ и Флоромъ Мпнаевымъ, въ правду не виѣняемъ, потому что они ѣздили къ тебѣ въ Чигиринъ безъ нашего указа; эти наши дѣла на нихъ не положены, и впредь тѣмъ дѣламъ крѣпкимъ быть нельзя; и тебѣ бы, Петру, пріѣхать къ болрину князю Ромодановскому и гетману Ив. Самойловичу, и при нихъ присягу принести. Если же не пріѣдешь, то мы велимъ боярину и гетману чинить надъ тобою промышль“.

„Я и прежде не отговаривался къ тебѣ ѣхать“, отвѣчалъ Дорошенко Ромодановскому, „но не всегда дѣло шло о моей безопасности. Такъ и теперь, присягнувши великому государю, мы сейчасъ же снарядили посольство къ царскому величеству и дали объ этомъ знать твоей милости и гетману Самойловичу; но гетманъ отвѣта никакого не далъ, и, по его приказанію, Заднѣпровскіе казаки пограбили Чигиринское село надъ Тясминномъ, полковникъ Переславскій подъ Черкасскимъ много людей разорилъ, по берегу Днѣпровскому крѣпкую стражу поставили съ гетманскимъ приказомъ не пропускать моихъ посланниковъ. Нижайше прошу, прекрати войну съ нами, какъ уже съ подданными одного государя, и пришли сюда добраго человѣка для безопасности пословъ нашихъ; какъ только этотъ человѣкъ къ намъ пріѣдетъ, сейчасъ же пословъ и съ ними сажаки турецкіе къ царскому величеству отпустимъ“. Посланецъ Дорошенковъ, падши къ ногамъ Ромодановскаго, долженъ былъ просить: „Пусть Дорошенку не чрезъ кого иного, только чрезъ его боярскую вельможность, чрезъ его предстательство будетъ пріобрѣтена педрая царская милость, чтобы бытъ ему безопасну въ своемъ здоровьи“. Получивъ это письмо, Ромодановскій немедленно отправилъ къ Самойловичу дьяка, чтобы прекращены были всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Дорошенка, а въ Чигиринъ, для

пріема пословъ и санжаковъ, отпустить полковника Вестова съ двумястами человекъ пѣхоты. Къ самому Дорошенку Ромодановскій написалъ: „Совѣтую твоей милости и сердечно желаю, какъ другу и пріятелю, для твоего добра, чтобы ты благоволилъ—безъ всякаго замедленія самъ съ полковникомъ Вестовымъ пріѣхать ко мнѣ въ Курскъ, а изъ Курска ѣхать къ великому государю. Если бы ты это сдѣлалъ, то я, для большей чести тебѣ, послалъ бы изъ Курска съ тобою сына моего, князя Михайлу“.

Но Дорошенко не думалъ такъ скоро покончить этого дѣла. Въ концѣ декабря пріѣхалъ отъ него въ Москву чигиринскій атаманъ Сенкеевичъ и объявилъ: „Петръ Дорошенко приказалъ мнѣ быть человекомъ, чтобы царское величество его, Петра, и все посольство пожаловалъ, велѣлъ милостивый указъ учинить и своею милостивою грамотою снабдить и увеселить, чтобы быть ему, сродникамъ его и всему посольству подъ высокою рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ, при своемъ здоровьи, пожиткахъ и вольностяхъ неотмѣнно. Онъ, Дорошенко, великому государю служить и всякаго добра хотѣть, и не желая чина гетманскаго, умирать готовъ, только имѣть безпрестанное попеченіе, чтобы быть при милости его государской. Когда бояринъ князь Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичъ стояли у Днѣпра, то онъ, Дорошенко, къ нимъ для присяги не поѣхалъ, опасаясь за свое здоровье, чтобы нежелательные ему люди западной стороны Днѣпра, перешедшіе на восточную, не сдѣлали надъ нимъ того же, что надъ Самкомъ и Брюховецкимъ. Опасаясь этого, онъ писалъ на Запорожьѣ къ кошевому атаману Ивану Сѣрку, чтобы пріѣхалъ въ Чигиринъ для совѣта и събѣдъ, чтобы присяга Дорошенковой царскому величеству. Когда Сѣрко пріѣхалъ, то присяга была принесена и клеймоты войсковые ему отданы, причемъ Сѣрко и все войско велѣли ему, Дорошенку, писаться гетманомъ до указа великаго государя. Въ подданствѣ у Турецкаго султана были онъ и санжаки турецкіе принялъ съ общей рады всей старшины. Когда онъ въ одно время получилъ и милостивую государеву грамоту изъ Москвы и снабдевательныя грамоты отъ короля, то созвалъ всю старшину и спрашивать: у котораго государя быть въ подданствѣ. И старшина пожелала обороны турецкой и крымской. Но когда султанъ и ханъ для этой обороны пришли на Украину, города разорили, множество пленныхъ душъ погубили и въ неволю захватили, въ то время тѣ же совѣтники, складывая вину на Дорошенка и желая себѣ гетманства, перешли всѣ на восточную сторону, также и жители; а онъ, Дорошенко, вспоминая царскія милостивыя грамоты и не видя въ томъ дѣлѣ ни отъ кого помѣнны, отъ султана отсталъ и санжаки шлетъ къ великому государю съ тестемъ своимъ и братомъ Андреемъ, и какъ скоро чрезъ этихъ посланниковъ получить полное увѣреніе, то немедленно безъ отговорокъ поѣхалъ въ Москву. Теперь при немъ города Чигиринскаго

полка: Крыловъ, Вороновка, Бужинъ, Боровица, Субботово, Медвѣдовка, Жаботинъ, Черкасы, Бѣлозерье“.

Сенкеевичъ подалъ грамоту отъ гетмана; въ ней Дорошенко сравнивалъ себя съ евангельскимъ разслабленнымъ, не имѣвшимъ человекъ, который бы ввергнулъ его въ цѣлительную купель. „Не имѣлъ я человекъ, писалъ Дорошенко, не имѣлъ человекъ, который бы избавилъ меня отъ злаго недуга, отъ ига бусурманскаго, ввергнувъ въ цѣлительную купель великомощію вашего царскаго величества обороны. Умилосердись, великій государь царь, не отринь меня отъ пресвѣтлаго лица своего, но милостиво, яко Царь Небесный, Христосъ, разслабленному рцы: возстани. возьми одръ свой и ходи,—поведи мнѣ срочно ложе ига бусурманскаго оставити!“ „Все прежнее будетъ забыто“, отвѣчалъ царь, „безо всякаго сомнѣнія пріѣзжай на сю сторону Днѣпра къ князю Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу, и предъ ними принеси присягу; захочешь съ родственниками своими ѣхать къ намъ въ Москву, то получишь нашу многую милость и жалованье, и уваженіе отпустить тебя въ малороссійскіе города попрежнему, позволимъ жить въ какомъ городѣ захочешь, безо всякой обиды и укоризны“.

Нежеланный былъ это гость для гетмана Ивана Самойловича: гетманъ не вѣрилъ, чтобы Дорошенко рѣшился пріѣхать на восточную сторону въ видѣ частнаго человекъ: онъ все боялся смуть отъ Дорошенка и Сѣрка, созванія рады и сверженія его, Самойловича. Онъ писалъ въ Запорожье грамоту съ выговоромъ, какъ смѣлъ Иванъ Сѣрко съ товарищами ѣздить въ Чигиринъ и подтвердить тамъ гетманство Дорошенку безъ вѣдома гетмана и всего войска Запорожскаго городоваго; потомъ—какъ смѣли разослать грамоты къ полковникамъ, чтобы тѣ не враждовали болѣе съ Дорошенкомъ. „Итакъ уже, писалъ гетманъ, почти 30 лѣтъ за грѣхи наши, кровавымъ обливаемся потомъ. Каждый изъ молодцовъ добрыхъ, Бога боящихся и правду любящихъ, знаетъ, что западная сторона разорена, благодаря Дорошенку, который возбудилъ противъ себя бѣды со всѣхъ сторонъ, подавшись Турецкому султану, подъ которымъ и послѣднихъ людей потерялъ; а когда увидалъ, что мало тамъ осталось, то, чтобы побѣть иѣкоторое время гетманомъ, призвалъ васъ къ своему расколу. Извѣщаю вамъ, что не надобно въ этихъ городахъ нашихъ никакихъ радъ собирать и ничего у царскаго величества добиваться; были уже въ четыре года двѣ рады“. Царскому послу Алмазову гетманъ говорилъ: „У Сѣрка съ Дорошенкомъ давняя дружба и клятва другъ другу во всемъ добра искать. Теперь Дорошенко держитъ Сѣрка, а только-бъ не Сѣрко, то Дорошенко давно бы самъ пріѣхалъ къ князю Ромодановскому или ко мнѣ“.

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву и обѣщанные Дорошенкомъ знатные послы,—тестъ его, уже извѣстный намъ Павелъ (Яценко) Хмельницкій съ товарищами и послами изъ Запорожья, при-

велики турецкіе санжаки—бунчукъ и два знамени тафтяныя. На спросъ, зачѣмъ пріѣхали?—послы объявили: „Приказалъ намъ Петръ Дорошенко у великаго государя милости просить, чтобы царское величество пожаловалъ. вшыи его изволятъ простить и принять подъ свою высокую руку, и позволилъ бы остаться ему въ прежнемъ своемъ чинѣ гетманомъ, и войсковые прежніе клеймоты были бы при немъ; а онъ, Дорошенко, служить будетъ во-вѣкъ, не шадя здоровья своего; впрочемъ гетманскій чинъ въ волѣ великаго государя. Бьетъ челомъ Петръ Дорошенко: чтобы великій государь пожаловалъ его, сродникова его и все посольство, указалъ имъ жить попрежнему на той сторонѣ Днѣпра въ старыхъ своихъ поселеніяхъ, при пожиткахъ своихъ и вольностяхъ, какъ живутъ во всякихъ покояхъ и вольностяхъ на сей сторонѣ Днѣпра малороссійскіе жители; чтобы на той сторонѣ церкви Вожіи не разорились, а имъ на сей сторонѣ между дворами не волочиться. Служи у насъ посятся, что заставятъ насъ покинуть дома, сжечь города и перейти на сю сторону. Да чтобы мы были защищены отъ Турецкаго султана, Крымскаго хана и Польскаго короля; чтобы на той сторонѣ Днѣпра церкви Вожіи не запустѣли и обѣ стороны въ разлученіи не были. Какъ будетъ на это челобитіе милостивый указъ, и мы къ Дорошенку возвратимся, то онъ пріѣдетъ ударить челомъ великому государю, а до тѣхъ поръ ни въ Москву, ни въ полкъ къ боярину и гетману не поѣдетъ“.

Въ отвѣтъ посламы сказали, что они будутъ отпущены къ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу, и тамъ задержаны до тѣхъ поръ, пока самъ Дорошенко пріѣдетъ на сю сторону и присягнетъ великому государю; но въ то же время Ромодановскому и гетману дано было знать: „Если, смотря по тамошнему дѣлу, пристойнѣе будетъ Павла Яненка съ товарищами отпустить къ Дорошенку въ Чигиринъ, то сдѣлайте это по своему разсмотрѣнію, какъ васъ Господь Богъ вразумитъ, чтобы Дорошенка совершенно обладежить и на сю сторону перевзвать“. На челобитіе Дорошенка, объявленное послами, былъ данъ указъ: „За подданство и присылку санжаковъ великій государь милостиво похваляетъ. Присяга передъ Сѣркомъ въ правду не вѣяется: присяга должна быть принесена передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ. Въ прежніи преступленія прощаются. На обихъ сторонахъ быть одному гетману Ивану Самойловичу. Городомъ Чигириномъ со всѣми поселеніями жалуетъ государь Петра Дорошенка и все посольство. Для обороны въ Чигиринѣ и Каневѣ ратные люди будутъ присланы въ то время, когда Дорошенко присягнетъ на вѣчное подданство передъ бояриномъ и гетманомъ. Жить Дорошенко можетъ гдѣ захочетъ, и никакого притѣсенія ему не будетъ. Братъ Дорошенка, Григорій, будетъ освобожденъ и отосланъ къ боярину и гетману“.

Въ Днѣпровской Украинѣ дѣла начали принимать благоприятныя для Москвы обороты; но иначе было на другой Украинѣ, на другой казацкой рѣкѣ,—на Дону.

1674 годъ прошелъ здѣсь безо всякаго дѣла. Новый воевода, смѣнившій Хитрово, князь Петръ Хованскій, пришелъ на Донъ поздно, ходилъ осматривать мѣста на Миусѣ, гдѣ бы построить городокъ, и нашелъ, что нигдѣ ничего построить нельзя; донесенія воеводы царю наполнялись извѣстіями о побѣдахъ ратныхъ людей. Лѣтомъ 1675 года государь послалъ на Донъ указъ идти на казачій ерекъ, проконать его и построить городки. Хованскій поговорилъ объ указѣ тайно съ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ, и тотъ началъ въ Черкасскѣ собирать круги и объявлять указъ. Казаки отвѣчали, что имъ прокапывать ерекъ, городки строить и въ нужное время въ осаду сидѣть за малолѣтствомъ не въ мочь, и говоря эти слова, расходились изъ круга съ крикомъ. Атаманъ созвалъ ихъ въ кругъ въ послѣдній разъ и допрашивалъ: „Скажите въ одно слово, прокапывать ли ерекъ и городки строить ли?—чтобы мнѣ писать о томъ къ великому государю подлинно“. Казаки и тутъ, не сказавши ничего навѣрное, хотѣли расходиться изъ круга. Корниль началъ кричать съ угрозами, чтобы не смѣли раскопаться, не порѣшивши дѣла, и зашибъ двоухъ или троухъ казаковъ палкою. Казаки замумѣли, бросились на атамана и прибили его; одного изъ старшинъ, Родіона Балужанина, хотѣли убить до смерти, но тотъ убѣждалъ, отмахавшись ножомъ, и скрылся у Хованскаго въ новомъ городкѣ, гдѣ стояли государевы ратные люди. Черезъ три дня Хованскій поѣхалъ въ Черкасскъ и взялъ Родіона съ собою; послѣ обѣди воевода началъ уговаривать казаковъ, чтобы они отъ непослушанья своего отстали и были съ старшиною въ совѣтѣ. Казаки простили Родіона, позволили ему жить въ Черкасскѣ попрежнему; но Корниль Яковлевъ атаманство сдать, и на его мѣсто выбрали Михайлу Самаренина.

Выбравши новаго атамана, казаки собрались въ кругъ и говорили, чтобы имъ идти на ерекъ для осмотра, можно ли имъ ерекъ проконать и городки строить. Хованскій отправился на ерекъ, взялъ съ собою ратныхъ людей тысячи съ четыре. да атаманъ Михайла Самаренинъ взялъ съ собою казаковъ тысячи съ три, осмотрѣли мѣста, и нашли, что на ерекѣ можно построить два городка, а третьяго противъ Азова на взморьи строить нельзя, потому что земля не сдержитъ, развѣ построить каменный. Хованскій сталъ говорить казакамъ: „Мы начнемъ строить городки, а вы будете въ нихъ сидѣть, будете получать государево жалованье“.—„Хотя бы намъ государь положилъ жалованья и по сту рублей, то мы въ городкахъ сидѣть не хотимъ, ради мы за великаго государя помереть и безъ городковъ; въ городки надобно людей 13,000, а насъ всѣхъ на рѣкѣ только тысячъ съ шесть“.

Осмотрѣвши ерекъ, возвратились въ Черкасскъ, и казаки стали между собою говорить, чтобы имъ идти на море для промыслу надъ неприятелями, а себѣ для добычи; собралось ихъ три тысячи и послѣдла сказать Хованскому, чтобы далъ имъ въ помощь государевыхъ ратныхъ людей. Воевода самъ пошелъ ихъ провождать къ ереку съ 4,000 войска. Но какъ пришли они на ерекъ, въ тѣ мѣста, которые прежде осматривали, то нашли, что по другую сторону каланчи, отъ Азова, построены шанцы, въ нихъ сидятъ Азовцы съ пушками. Завистали ядра и пули. Русскіе на своей сторонѣ построили шанцы, и стрѣляли въ неприятеля черезъ рѣку пятеро сутокъ, многихъ побили, живыхъ взяли троихъ и тѣмъ удовольствовались; казаки, узнавъ, что близъ Азова стоятъ военные суда, испугались, на море не пошли—и возвратились всѣ въ Черкасскъ.

Когда въ Москвѣ узнали объ этихъ происшествіяхъ, то на Донъ къ Хованскому пошла гнѣвная государева грамота: „Казаки такъ дѣлаютъ, забывая страхъ Божій и презрѣвъ наше жалованье, писалъ царь; въ Москвѣ атаманъ Родіонъ Калужанинъ отъ имени всего войска билъ челомъ, чтобы мы велѣли казакамъ и нашимъ ратнымъ людямъ прокопать ерекъ и построить на немъ три городка; говорилъ, что казаки охотно сдѣдутъ въ этихъ городкахъ, если имъ дано будетъ по 10 рублей жалованья; что городки эти будутъ держать въ осадѣ не одинъ Азовъ, но и самый Царьгородъ; а теперь казаки во всемъ вамъ отказали и старшинъ своихъ обезчестили! Мы простимъ ихъ, по просьбѣ нашихъ сыновей царевичей, по съ тѣмъ, чтобы они немедленно же шли на ерекъ и строили городки; если же этого не сдѣлаютъ, то жалованья нашего имъ не выдать, и запретимъ нашимъ городамъ подъ смертною казнію пропускать къ нимъ запасы“.

Грамоту прочли казакамъ въ кругу; въ отвѣтъ поднялся шумъ, посыпался ругательства на Хованскаго за то, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на ерекъ. Чтобы какъ-нибудь смягчить отказъ, атаманъ и старшины объявили Хованскому, что они не смѣютъ постановить никакого рѣшенія безъ совѣтъ съ верховыми городками. Была и другая причина шуму въ кругахъ: царь требовалъ выдачи извѣстнаго вора, Степки Буянка; Корниль Яковлевъ и другіе добрые казаки приговаривали выдать Буянка; но другіе казаки кричали Корнилу: „Новадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто азовскихъ ясырей, будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвези; если Буянка отдать, то и по достальнаго казака присылки изъ Москвы ждатель будетъ!“

Выступилъ въ кругу Родіонъ Калужанинъ и сталъ держать рѣчь: „Изъ-за одного человѣка вы повелѣніе великаго государя презираете. Вспомните, что вы говорили, лежа въ камышѣхъ подъ каланчами:—что надобно на ерекѣ городъ построить, будетъ онъ Азову вмѣсто осады, а казакамъ на море будетъ путь свободный. По эгимъ вашимъ

словамъ, будучи на Москвѣ, я великому государю извѣститъ; а теперь у насъ во всемъ стало непостоянно“. Флоръ Миняевъ подкакивалъ Родіону, и на обонхъ поднялись крики: „Вы этимъ выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Донъ разоряете; тебя, Флора, растакую м... на руку посадимъ, а другою раздавимъ!“ Не слышать было одного—атамана Михайлы Самаринна: хотя бы слово сказалъ и унялъ казаковъ!

Съ тѣхъ поръ казаки начали дурно обходиться съ государевыми ратными людьми, ругать ихъ мясниками, прибили и ограбили стрѣльца, а управы не дали.

Надобно было выбирать въ зимовую станцу для посылки въ Москву, какъ быть обычай; выбрали Корнила Яковлева и другихъ казаковъ, которые отличались рвѣніемъ къ государю. Корниль сказалъ, что онъ въ зимовой станицѣ не поѣдетъ: „Прежде я ѣзжалъ въ Москву и доносилъ великому государю вашу службу; а теперь, что я ему объявлю?—что во всемъ вы ему послушны!“ Казаки зашумѣли: „Если ты не поѣдешь“, кричали они, „то мы тебя и съ пасынкомъ Родіономъ скуемъ, и какъ ты Разина возилъ, такъ и съ тобой сдѣлаемъ“. Послѣ этихъ угрозъ Корниль не побѣлъ больше отказываться.—„Смотри ты, въ Москвѣ не много говори“, кричали ему казаки, „говори одно, чтобы ратныхъ людей отъ насъ вывести, у насъ и безъ нихъ войска много!“—Хованскому доносили, что во всѣхъ городахъ по станичнымъ избамъ всѣ казаки собираются идти на государевыхъ ратныхъ людей и московскихъ стрѣльцовъ хотятъ нобить, а городовыхъ стрѣльцамъ дать волю; говорить: „Московскихъ стрѣльцовъ не много, а украинные стрѣльцы съ нами биться не будутъ. А если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замрнемъ съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ; старшинъ, которые съ Разинымъ не были и государю доброхотуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали“. Доносили, что ратныхъ людей, которые бѣгутъ изъ полковъ, казаки уговариваютъ, чтобы остались съ ними, а у нихъ на весну всего будетъ много, и бѣглецы остаются на Дону. Во всѣхъ городкахъ казаки пустили молву, что стрѣльцамъ въ Москву идти незачѣмъ: бояринъ Матвѣевъ за одного своего человѣка два приказа стрѣльцовъ велѣлъ порубить.

Когда на Дону узнали, что Хованскій посылъ съ этимъ вѣстями въ Москву, то къ нему явились старшинныя объясненія:—„Мы узнали“, говорили они, „что нѣкоторые пьяницы казаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться и непростойныя слова распускать, и ты, князь, писалъ объ этомъ государю; такъ мы тебя обнадеживаемъ, что у казаковъ въ нижнихъ городкахъ никакпхъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало, государю по присягѣ служить и въсрѣдъ его наслѣдникамъ служить будутъ. А если казаки пьяницы въ верхнихъ городкахъ и побутовались, то мы воровъ същемъ и казнимъ безъ пощады“.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ Польшею поглы турецкаго нашествія. — Рознь литовскихъ сенаторовъ съ польскими по поводу мира съ Турками. — Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи. — Литовскій гетманъ Пацъ совѣтуетъ не подавать этой помощи и общается поддаться со всею Литвою государю Русскому. — Свидерскій, — первый польскій резидентъ въ Москвѣ. — Стольникъ Тяпкичъ — первый русскій резидентъ въ Варшавѣ. — Кончина короля Михаила. — Вопросъ объ избраніи царевича Осодора Алексѣевича на польскій престолъ. — Условія избранія. — Переговоры о нихъ. — Затруднительное положеніе Тяпкича и его жалобы. — Королевскіе выборы — Избраніе Яна Собѣскаго въ короли. — Разная вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ. — Посольство Венславскаго въ Москву. — Съѣзды уполномоченныхъ въ Андрусовѣ. — Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкичу и стращаютъ его миромъ короля съ Турками. — Жалобы Тяпкича на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его. — Поездка резидента къ королю во Львовъ — Сынъ Тяпкича польско-латвискою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку. — Разговоры старика Тяпкича съ панями — Злой отвѣтъ его гетману Пацу, смѣявшемуся надъ русскимъ войскомъ. — Обращеніе короля съ русскимъ резидентомъ. — Поведеніе Поляковъ по удаленіи непріятели. — Сношенія царя Алексѣя съ Австрією, Швецією, Данією. — Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ. — Сношенія по этому поводу съ Курляндією. — Сношенія съ Голландією, Англією, Францією, Испанією, Италією.

Царское войско дѣйствовало на Днѣпрѣ и на Дону для исполненія договора, заключеннаго съ Польшею. Польское правительство во все это время требовало болѣе дѣятельной помощи, требовало соединенія русскихъ войскъ съ своими, для дружнаго дѣйствія противъ Турокъ; но мы увидѣли, какъ рѣшительно противился этому соединенію гетманъ Самойловичъ, да и вѣсти изъ Польши, какъ увидимъ, не могли заставить Московское правительство дѣйствовать наперекоръ желанію гетмана и казачества малороссійскаго. Въ январѣ 1673 года, по донесенію гонца Протопонова, у короля былъ генеральный съѣздъ сенаторовъ и пословъ. Сенаторы коронные на радѣ говорили, чтобы нынѣшнею весною съ Турецкимъ султаномъ войны не вести, а дать гарачъ (дань), потому что весна уже наступаетъ, а войска въ готовности нѣтъ; лучше, собравшись съ силами, выступить на другой годъ. Но литовскіе сенаторы говорили: „Если нынѣшнею весною противъ непріятели не выступимъ и дать гарачъ, то онъ, взявъ гарачъ, по давнему своему бусурманскому замыслу, пойдетъ на парскую Украину, и тогда будетъ нарушенъ договоръ со стороны королевской; лучше гарачъ употребить на заплагу войску и выступить противъ непріятели. „Если вы, корошны, подлинно хотите поддаться бусурману, то объявите, а княжество Литовское никогда подъ игомъ бусурманскимъ не бывало, и теперь не будетъ. Если мы у васъ не увидимъ вѣрной службы и старанія къ оборонѣ отчины, то княжество Литовское отдѣлится отъ короны и отъ бусурманской неволи освободится милостію царскаго величества; лучше быть подъ его самодержавною рукою, чѣмъ подъ игомъ бусурманскимъ“. Хащенко былъ челомъ въ подданство великому государю и говорилъ: „Объявилъ мнѣ гетманъ Литовскій Михайла Пацъ, чтобы я отъ его стороны не отлучался, ибо въ коронѣ Польской многіе сенаторы явились губителями отчины и продавцами; отъ этой продажи короля Польская приходитъ къ концу; если мы не увидимъ отъ Поляковъ пекрен-

наго старанія о защитѣ отчины, то будемъ просить великаго государя о принятіи насъ въ подданство“. Литовцы уже назначили двоихъ пословъ къ царю: Витебскаго воеводу Храповицкаго и Троцкаго воеводу Огинскаго.

Въ Москвѣ королевскій посланникъ, Иеронимъ Камаръ, въ тайномъ разговорѣ съ околичнымъ Матвѣевымъ и дьяками объявилъ, что султанъ, напавши на Польшу, внезапно, принудилъ короля къ тяжкому договору. Но, несмотря на всю тяжесть договора, король и Рѣчь Посполитая не могутъ его нарушить, не будучи обеспечены союзомъ со сѣднихъ державъ, причемъ король надѣется всего больше на царское величество, и требуетъ его совѣта, сохранятъ ли миръ; если же нѣтъ, — то требуетъ сильной помощи, по крайней мѣрѣ тысячъ сорокъ войска съ добрыми воеводами и многочисленными нарядомъ, потому что нельзя ждать непріятели къ себѣ, а надобно искать его въ его собственныхъ владѣніяхъ; надобно, чтобы король, предводительствуя войсками коронными, литовскими, доброжелательными казаками и посолитымъ рущеньемъ, соединился въ Валахию съ войсками царскими и царскими: первыя вступать туда черезъ Украину, а вторыя черезъ Венгрію. Такъ изволилъ бы великій государь объявить число своего войска, число пушекъ, имена воеводъ, и чтобы войско это къ первымъ числамъ мая стояло уже на Волонской границѣ.

Матвѣевъ отвѣчалъ, что всѣ условія послѣдняго договора о помощи исполнены свято: Калмыки и Черкесы, по царскому указу, бьютъ хана, на Запорожье отправлены запасы и чайки, на Донъ посланы думный дворянинъ Воляшаго-Хитрово со многими знатными людьми, чтобы промышлять надъ Турками вѣстѣ съ Донскими и Запорожскими казаками, морскимъ и сухимъ путемъ. Узнавши о взятіи Каменца, великій государь разослалъ гонцовъ своихъ ко всемъ окрестнымъ государямъ христіанскимъ, призывая ихъ къ союзу на Турокъ для помощи королевскому величеству. Не дождав-

шись онъ нихъ отвѣта, не заключивъ съ ними договора и не укрѣпившись присягою, царскому величеству нельзя подать помощи королю, кромѣ той, которая уже безпрестанно подается съ великими убытками для царской казны. „Удивляемся мы, что ты спрашиваешь совѣта—сохранять ли договоръ съ султаномъ, тогда какъ существуетъ договоръ между царскимъ и королевскимъ величествомъ: одному государю безъ другого не заключать мира ни съ султаномъ, ни съ ханомъ! Если же государь нашъ былъ къ этому договору принужденъ, то все же ему слѣдовало бы, до заключенія договора, какъ можно скорѣе обогатиться съ царскимъ величествомъ, а то намъ, до твоего прїѣзда, не было никакой отъ васъ вѣсти о договорѣ, да и ты не привезъ намъ статей его. А намъ хорошо извѣстно, что въ договорѣ съ султаномъ между прочимъ постановлено, что Украина по старымъ рубежамъ остается за казаками; такой статьи внести въ договоръ не годилось, потому что Украиною по этой сторонѣ Днѣпра владѣетъ великій государь нашъ. А теперь спрашиваете—сохранять ли этотъ договоръ, или нѣтъ! Неужели это значить поступать побратски и неприятельски? Царскому величеству нельзя выслать своей рати, не дождавшись отвѣта отъ другихъ государей, нельзя и потому, что у короля и Рѣчи Посполитой съ первымъ сенаторомъ короны Польской, Николаемъ Пражмовскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, да съ гетманомъ Собѣскимъ и съ другими сенаторами и шляхтою учинилось междоусобное несогласіе и до сихъ поръ не усмирено“.

Весною поѣхалъ въ Польшу подьячій Возницъ съ объясненіемъ, что царское величество разослалъ грамоты ко всѣмъ окрестнымъ государямъ съ приглашеніемъ вступить за Польшу. Подканцлеръ Литовскій Михайль Радзивилъ говорилъ Возницѣ: „Донеси царскому величеству отъ имени королевскаго: его королевское величество, вся корона Польская и мы, сенаторы, обрѣтаемся въ доброй прїязни къ его царскому величеству; чтобы царское величество не вѣрнулъ измѣннику гетману Пацу, который ссоритъ вашего государя съ нашимъ. Пацъ, изъ зависти, видя воинственнаго и такимъ фальшамъ неподатнаго государя, царскому величеству какъ будто вѣрность свою показываетъ, подданство обѣщаетъ и на вражду съ королею и короною Польскою приводитъ. Пацъ не только желаетъ вражды между нашимъ и нашимъ государями, но и придалъ мужества неприятелю короны Польской и всего христіанства: потому что Дорошенко, узнавши, что онъ отступилъ отъ короля изъ-подъ Бара съ нѣкоторыми хоруговьями, далъ знать хану, что Литва вся отступила, и ханъ, по этой вѣсти, уже приближается къ нашимъ границамъ. Ханъ требуетъ, чтобы государь нашъ помпирился съ султаномъ, уступивъ ему Украину и Подолю, и отворилъ путь въ государство Московское. Король отвѣчалъ на это, что ханъ, если хочетъ, пусть договаривается съ нимъ о мирѣ въ полѣ, а

онъ, король, надѣется на добрую прїязнь царскаго величества, и пути въ государство Московское никогда не отворить. По разглашенію измѣнниковъ, великій государь вашъ опасается соединить свои войска съ нашими противъ неприятелей Креста Св. Въ полки наши и въ государство царскіе воеводы присылаютъ для провѣдыванія вѣстей. Эти лазутчики, наслышась невѣдомо отъ кого неразумныхъ вѣстей, приносятъ ихъ въ Московское государство: великій государь не вѣрилъ бы ни Литвѣ, ни этимъ вѣстовщикамъ, но, ради Бога и своей безсмертной славы, умнослердился надъ всѣмъ христіанствомъ, а особенно надъ невинными душами нашего народа, изволилъ бы подать помощь королевскому величеству и соединить свои войска съ войсками Рѣчи Посполитой. Весь свѣтъ назоветъ его за это не только братомъ, но и отцомъ королевскому величеству, а мы бы за такую милость не стали на комиссіяхъ много упоминать о городахъ нашихъ, находящихся теперь въ сторонѣ царскаго величества“. И гетманъ Пацъ говорилъ Возницѣ: „Извѣсти ближнему боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобы царское величество изволилъ поскорѣе подать намъ помощь съ тылу на общаго неприятеля, потому что государству нашему приходится послѣднее разоренье: а я со всѣмъ войскомъ къ королю пойду, когда уже иначе быть не могло, а потомъ выдамъ универсалы и на посполитое рушенье; только безъ помощи вашихъ войскъ однимъ намъ такого сильнаго неприятеля не сдержать; а если великій государь войскамъ своимъ наступитъ съ тылу на погань не укажетъ, то намъ придется заключить миръ на всей волѣ турецкой, что и вашему государству будетъ не безопасно“.

Гонецъ, подьячій Вурповъ, бывший лѣтомъ въ Польшѣ, привезъ вѣсти: король въ Варшавѣ не безопасенъ; сенаторы попрежнему поднимаютъ, короля почитать не хотятъ, бранятъ его, называютъ неповинственнымъ. Гетманъ Собѣскій, презирая королевскіе листы и посольщиковъ, зовущихъ его въ Варшаву, не ѣдетъ. Кто противитъ королю, тѣ прїѣзда гетманскаго съ радостію ожидаютъ; кто за короля,—тѣ не хотѣли бы и на свѣтѣ видѣть Собѣскаго. Епископъ Волошскій и посолъ молдавскій были у Вурпова и говорили: „Присланы мы къ королю съ просьбою, чтобы посиылалъ походомъ, а наши государи въ союзѣ, и наготовѣ у нихъ войска 8,000; если бы только показались польскія войска, то мы бы со всѣмъ христіанамъ обратились на Турка. Но намъ здѣсь чинить проволочку, отвѣта никакого не даютъ, отговариваются отсутствіемъ гетмана Собѣскаго,— всю силу полагаютъ въ немъ. Отъ такой задержки намъ можетъ быть бѣда, потому что посланы мы тайно: узнаютъ о томъ Турки, то не только насъ съ домашними смерти предадутъ, и самихъ господарей не пощадятъ. Видится намъ, что господа сенаторы не только насъ изъ-подъ ша бусурманскаго не освободятъ, но и сами не хотятъ ли добровольно Турку поддаться. Если бы мы жили такъ погранично съ

государствами царскаго величества, и присланы были къ нему, то конечно отпускъ намъ былъ бы скорый и намѣреніе наше отъ царскаго престола отринуто не было“. Говоря это, епископъ и посоль плакали. Въ Вильнѣ гетманъ Михаила Паца объявилъ Бурцову иное, чѣмъ Возницину: „Чтобы царское величество походъ свой на Турка удержатъ изволилъ, изволилъ бы оставаться въ Москвѣ, чтобы лишніе мыслей иными не прибывало. Чтобы войну съ Туркомъ около границъ кievскихъ изволилъ вести и отпоръ сдѣлать черезъ бояръ. Чтобы не велѣлъ войскамъ своимъ переходить за Днѣстръ, чтобы такою стремительностію не облегчить Польши и не навлечь на себя большей тяжести. Чтобы царскія войска подъ Вѣлоу Церковью или въ другихъ мѣстахъ съ вѣсками коронными не соединялись; а то лукавнымъ не пришло бы въ голову сдѣлать такъ же, какъ подъ Чудновымъ. Чтобы царскія войска не наступили на Турокъ безъ задору съ ихъ стороны, а смотрѣли бы, что будетъ дѣлаться у коронныхъ: прямо ли станутъ оборонять отчину свою отъ Турокъ. Чтобы царское величество изволилъ приказатъ въ пріемѣ Дорошенка наблюдать осторожность, потому что Дорошенко бьетъ челомъ и королю, а мы считаемъ его другомъ Собѣскому. Я къ войнѣ на Турка готовлюсь, только литовскія войска съ коронными соединяться не будутъ. Если еще немного продлится непостоянство коронныхъ и нерадѣніе, то я со всею Литвою поддамся царскому величеству“.

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву отъ короля покоевый дворянинъ, Павелъ Свицерскій, съ необыкновеннымъ характеромъ — резидентъ. „Я присланъ резидентомъ“, объявилъ Свицерскій, „для удобнѣйшей обсылки съ королевскимъ величествомъ, особенно теперь, когда король этотъ годъ будетъ находиться въ обозѣ, чтобы царское величество знало обо всѣхъ движеніяхъ короля и его войскъ, и наоборотъ, чтобы королевское величество знало обо всѣхъ намѣреніяхъ царскихъ. Еще давно, при договорахъ Андрусовскихъ, Ординъ-Нащокинъ предлагалъ установить резиденцію, для чего и почта была учреждена, и Тяпкинъ уже былъ назначенъ резидентомъ къ королю Яну-Казимиру“. Свицерскій потребовалъ, чтобы ему была вольный доступъ къ царскому величеству, ко всѣмъ боярамъ, околицникамъ, воеводамъ и думнымъ людямъ, вольный разговоръ съ резидентами и посланцами окрестныхъ государствъ; чтобы ему дали овесъ, сѣно и дрова, столъ же будетъ пить насчетъ короля и Рѣчи Посполитой. Ему отвѣчали, что какъ скоро присланы къ нему будутъ отъ короля государственныя грамоты, то съ ними онъ будетъ имѣть доступъ къ царскому величеству; съ боярами, околицниками и думными людьми, также съ иностранными посланцами и резидентами можетъ видаться, только прежде долженъ дать знать объ этомъ въ Государственный Посольскій Приказъ.

Въ Варшаву резидентомъ отправился стольникъ и полковникъ, Василій Михайловичъ Тяпкинъ, при

немъ въ дворянахъ сынъ его, жилецъ Иванъ, переводчикъ, подъячій, черный священникъ съ антиминсомъ и полною церковною службою, и шесть человекъ стрѣльцовъ. На дорогѣ, въ Смоленскѣ, 24 ноября, Тяпкинъ узналъ о кончинѣ короля Михаила, дать знать объ этомъ въ Москву и получить указъ—отправиться на мѣсто назначенія. Въ Оршѣ его остановили на основаніи предписанія нановъ радныхъ — не пропускать иностранныхъ пословъ въ Варшаву по случаю смерти королевской. Но Тяпкинъ, зная только указъ своего государя, отправился далѣе на своихъ подводахъ и безъ пристава. 30 января 1674 года въѣхалъ Тяпкинъ въ Варшаву, и чрезъ нѣсколько дней принесли ему сочиненіе на польскомъ языкѣ, разсуждавшее объ избраніи царевича Осодора Алексѣевича на Польскій престолъ. „Славные оба народа языкомъ, и обычаями въ вѣрѣ мало рознятся, живутъ на одной землѣ, не раздѣлены моремъ и никакими неудобопроходимыми рубежами; по большей части сосѣди у нихъ общіе, и могли бы они стать необоримою стѣною христіанства противъ силы бусурманской, когда бы между собою заключили союзъ вѣчный. Союзъ этотъ можетъ быть заключенъ, если старшій сынъ царскій сдѣлается королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Потому указывается старшій сынъ, что царское величество, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, можетъ долго управлять своими государствами и воспитать меньшаго сына; а съ другой стороны нравы и обычаи отчины нашей, особенно въ нынѣшнее время, требуютъ государя уже возрастнаго. Побужденіе къ союзу: союзъ съ домою Австрійскимъ, съ которымъ у царскаго величества давно уже дружба, можетъ быть еще болѣе скрѣпленъ супружествомъ царевича со вдовствующею королевою Польскою, эрцгерцогинею Австрійскою. Союзъ между тремя государствами поведеть къ счастью и обогащенію подданныхъ посредствомъ свободной и безопасной торговли;—сосѣдямъ всѣмъ страхъ, особенно Турку;—открытый путь къ распространенію всѣхъ этихъ государствъ безъ взаимной обиды и ненависти: помощь общая и скорая; надежда наслѣдства польскаго и литовскаго для потомства царевича, ибо хотя въ Польшѣ правленіе избирательное, однако не было еще примѣра, чтобы обходили сыновей королевскихъ, напротивъ—отыскивали ихъ въ монастыряхъ и вымаливали у папы позволеніе возвести ихъ на престолъ; освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ изъ неволи бусурманской. Съ другой стороны, если царь не согласится на этотъ союзъ, то Поляки могутъ выбрать себѣ государя изъ дому Французскаго; этотъ государь не будетъ дружественъ къ цесаремъ, ни съ царемъ, потому что корона Французская въ союзѣ съ султанами Турецкими, также въ союзѣ съ королевствомъ Шведскимъ“.

6 февраля Тяпкинъ отправился къ архіепископу-примасу въ присланной за нимъ каретѣ шестеркою: съ нимъ имѣлъ въ каретѣ съ лѣвой руки сидѣли приставъ и переводчикъ; передъ каретою вер-

хоть, съ государевою грамотою, ѣхали жители Иванъ Тянкинъ съ двумя подьячими; передъ грамотою ѣхали дворяне королевскіе 20 человекъ, а за каретою шли московскіе стрельцы съ бердынями и посланниковы люди. Первая встрѣча была у крыльца, у самой кареты, другая—въ сѣняхъ, третья—въ дверяхъ палатныхъ; при каждой встрѣчѣ говорили гостю: „Его милость ясноосвѣщенный архіепискупъ васъ, его царскаго величества посланника, ожидаетъ съ любовію“. Самъ архіепискупъ съ пятью сенаторами встрѣтилъ Тянкина среди палаты. „Великій государь“, началъ посланникъ, „вамъ, прimate и первому князю, и великъ вамъ, господамъ сенаторамъ, и пѣлой Рѣчи Посполитой свою царскую милость обѣщаетъ на всякое время, и велѣтъ мнѣ васъ навѣстить и спросить о вашемъ здоровьи“. Архіепискупъ и сенаторы стояли все безъ шапокъ и слушали посольство со всякою учтивостію. Посланникъ поднесъ архіепископу грамоту великаго государя въ тафтѣ; тотъ, принявъ грамоту, спрашивалъ о здоровьи великаго государя, говорилъ рѣчь, именовавъ и титулъ по письму снола. Когда Тянкинъ отвѣтилъ, что царское величество въ добромъ здравіи, то примазь спросилъ: „Великаго государя бояре и вся Дума ихъ по здоровью-ль?“ — „Бояре и все думные люди въ благодествіи и добромъ здравіи пребываютъ“, отвѣтилъ посланникъ. Слѣдовалъ спросъ о здоровьи и путешествіи самого посланника; когда Тянкинъ отвѣтилъ, что „милостию Божіею и великаго государя жалованьемъ въ путномъ шествіи поводилось во всемъ здраво и благополучно“, архіепискупъ и сенаторы сѣли помѣстамъ, велѣли сесть и посланнику среди палаты противъ архіепископа. Посидѣвши немного, посланникъ всталъ и объявилъ, что онъ присланъ резидентомъ, точно такъ, какъ Свидерскій присланъ въ Москву. Канцлеру Литовскому, Кристофу Папу, Тянкинъ подаетъ статьи, чтобы ему быть въ Варшавѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ Свидерскій находится въ Москвѣ: „Великій государь вашему резиденту позволятъ вольный доступъ къ себѣ, къ своимъ ближнимъ людямъ и къ иностраннымъ резидентамъ, конскій кормъ указалъ давать по недѣлю и дрова помѣсячно, по пяти четвертей московскихъ оса, да по пяти возовъ битыхъ сѣна на недѣлю, дровъ на мѣсяць по 20 возовъ; кромѣ того, дано денежнаго жалованья на три недѣли съ пріѣзда его, по 70 рублей на недѣлю“.

Въ то же самое время въ Москвѣ посланникъ Литовскаго германа Папа, Августинъ Константиновичъ, подаетъ Матвѣеву условія, на которыхъ царевичъ Осодоръ можетъ быть избранъ въ король Польскіе: 1) принятіе католицизма; 2) вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго короля Михаила; 3) возвращеніе всѣхъ завоеваннхъ; 4) соединеніе силъ противъ Турокъ и денежное вспоможеніе Польшѣ. Отвѣчалъ посланнику ближній бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій: „Великій государь сыну своему на коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ быть не изволяетъ, а

созволяетъ быть государемъ самъ своею государскою особою въ православной христіанской вѣрѣ Восточной Церкви. Быть королю католикомъ—эта статья трудна съ обѣихъ сторонъ: на коронаціи у васъ король присягаетъ не притѣснять никого въ вѣрѣ, если же присягу нарушитъ, то этимъ подданныхъ отъ подданства увольняетъ, а если будетъ королю и Греческой вѣры католикомъ, отъ этого между Восточною Церковію и Западнымъ костеломъ преломленіе, чему никакимъ образомъ сдѣлаться нельзя“. — „Между Греческою и Римскою вѣрою“, отвѣчалъ посланникъ, „мало разницы; только въ королевствѣ Польскомъ всегда бывали король католикъ, точно такъ, какъ и другіе окрестные государи держатъ также католическую вѣру, и объ этомъ можно договориться“. — „Станутъ духовные събъзжаться для постановленія о вѣрѣ, пройдетъ много времени“, сказалъ Долгорукій. „Великій государь хочетъ быть государемъ Польскимъ и Литовскимъ въ Греческой вѣрѣ, а Рѣчи Посполитой все права и вольности подтверждаетъ. Что прежніе Польскіе король были католиками и что другіе окрестные государи католики,—то не примѣръ; которые у великаго государя подданные римской, лютерской, кальвинской, калмыцкой и другихъ вѣрѣ служатъ вѣрно,—тѣмъ никакой тѣсноты въ вѣрѣ не дѣлается, за вѣрную службу жалуетъ ихъ великій государь“. — „Въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало государей Греческой вѣры“, повторилъ посланникъ. — „Бывали разныхъ вѣръ“, отвѣчали ему; „самъ ты говорилъ, что между Греческою и Римскою вѣрою мало разницы, слѣдовательно государю Греческой вѣры у васъ быть можно, можно быть и потому: въ послѣднемъ договорѣ съ судтаномъ вы обязались давать ему гарачъ, слѣдовательно сдѣлали его себѣ государемъ. Объ условія, чтобы царевичъ вступилъ въ бракъ съ королевою, говорить нечего, потому что королемъ хочетъ быть самъ государь. О возвращеніи завоеваннхъ будетъ договоръ въ то время, какъ пріѣдутъ къ царскому величеству польскіе и литовскіе послы. Что же касается до вспоможенія казноу, то до сихъ поръ войскамъ государевымъ, которыя помогаютъ коронѣ Польской, розданы многія тысячи милліоновъ. Царское величество дѣлаетъ это теперь только для имени христіанскаго, а когда будетъ государемъ Польскимъ и Литовскимъ, тогда совѣсть понудитъ его оборонять своихъ подданныхъ какъ своими, такъ и чужеземными войсками. Все доходы королевскіе государь велитъ собирать Рѣчи Посполитой на наемъ войскъ, а самъ будетъ довольствоваться своею царскою казноу“. Константиновичъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: „Великому государю не только для короны Польской и великаго княжества Литовскаго, но и для цѣлаго свѣта нельзя оставить благочестивой вѣры Греческаго закона; быть у васъ государемъ царское величество изволяетъ самъ, а сына своего отпустить не созволяетъ; слѣдовательно королевѣ замужъ выходить не за кого, а какъ ей жить,—о томъ договаряется

коммисары съ обѣихъ сторонъ. Когда царское величество будетъ государемъ во всѣхъ трехъ государствахъ, то рубежей раздѣлять не-для-чего. Права ваши и вольности не будутъ нарушены, а при коронаціи сенаторы и вся Рѣчь Посполитая присягаютъ въ вѣрной службѣ и послушаніи; въ уряды ваши и маестности великій государь никогда вступаться не будетъ и никому не велитъ. Когда царское величество будетъ вашимъ государемъ, тогда Польшу и Литву станеть оборонять отъ всякихъ непріятелей своими ратными людьми, не требуя изъ скорбовъ коронныхъ и литовскихъ никакихъ податей. Коронныя и литовскія войска должны помогать государевымъ ратнымъ людямъ на всякаго непріятеля равнымъ числомъ на коронныхъ и литовскихъ протояхъ, потому что великій государь никакихъ поборовъ и податей, которые сбивались въ казну королевскаго величества съ его экономій, въ свою казну собирать не изволитъ, а укажетъ всякіе поборы и подати раздавать ратнымъ людямъ. Ты упоминалъ о дачѣ милліоновъ Рѣчи Посполитой; но великій государь владѣеть своимъ Россійскимъ государствомъ и впредь его содержать можетъ по своему бодропасному разуму безъ приискиванія иныхъ государствъ куплею: такъ эту торговлю Рѣчь Посполитая оставила бы. Если Рѣчь Посполитая захочетъ имѣть у себя государя премудраго, благочестиваго, въ ратныхъ дѣлахъ искуснаго, многонароднаго и великими годностями въ Европѣ цвѣтущаго, то пусть обратится къ царскому величеству, пусть пришлетъ пословъ своихъ съ прошеніемъ, а государь отправитъ на элекцію своихъ пословъ съ полною ночью, которые и стануть договариваться!*

Къ Тяпкину въ Варшаву посланъ былъ списокъ этихъ статей съ наказомъ: повидаются съ гетманомъ Пацомъ и говорятъ ему, чтобы онъ великому государю радѣние свое показать, и свою братью пановъ и Рѣчь Посполитую приводить, чтобы они избрали себя государемъ царское величество именно на этихъ статьяхъ.

4-го марта написанъ былъ этотъ наказъ Тяпкину, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи, не получая никакихъ грамотъ изъ Москвы: 25 февраля онъ обратился съ жалобою къ Матвѣеву: „Милостивый государь, отецъ и благодѣтель мой, Артемонъ Сергѣевичъ! Преславши обыкновенное пренжайшее рабское мое поклоненіе, тебѣ, милостивому моему государю, отъ Превышняго Господа Бога, яко многолѣтняго здравія, такъ и счастливаго и добромысленнаго господствованія усердно тебѣ, государю, присно желаю. По своей, государь, велией ко мнѣ отеческой милости изволишь вѣдать: и я на службѣ великаго государя въ Варшавѣ за помощію Божіею и его государскимъ жалованьемъ и твоимъ, свѣта и государя отца моего, милостивымъ заступленіемъ живъ до воли Вседержителя нашего; только никогда не могу безпечаленъ быти, понеже чрезъ многія почты не токъ вижу писанія, ниже слышу о твоемъ, го-

сударя моего, здравіи, котораго сердечно, любовною моею охотою радъ бы на всякъ часъ слышать и о немъ веселиться, яко неотмѣнный рабъ и желатель твоей, государя моего, милости. Понеже убо вся вещи ветхоу съидаетъ, а благодѣланія же точію память вовѣки старѣтиса не имать: спце же и у мене искушенная твоя, государя моего, отеческая благодать, ея же долженъ есмь въ сердцѣ моемъ имѣти, даже и до послѣдняго издыханія моего. Наипаче же о сиротствѣ моемъ съ плачемъ прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради такъ забвенъ есмь? яко николи же чрезъ многія почты не имамъ и на отписки и вѣстовыя письма моя изъ Минска и изъ Вильны, и изъ Варшавы никакого государскаго указа по се число ко мнѣ не бывало, и ни единыя ни о чемъ вѣдомости не имѣтъ; а сенаторы, государь, безпрестанно спрашиваютъ, а наипаче о войскахъ его царскаго величества. Отъ нихъ только что услышу, а самъ во время безвѣстенъ пребываю, отчего и зазоръ себѣ немалый предъ другими резиденты имѣю, понеже ко всѣмъ чрезъ всякую почту письма доходятъ, а я уже въ Варшавѣ по се число живу четвертую недѣлю,—ни о чемъ не слышу. Пожалуй, премилостивый государь отецъ мой и благодѣтель, не прогнѣвись на грубое письмо и прошеніе мое, вели, государь, хотя малое что надлежитъ до вѣдомости мнѣ посылать чрезъ всякую почту. Пословъ безвѣрно на элекцію желаютъ и говорятъ о томъ мнѣ, чтобы я къ тебѣ, государю, писалъ; а референдаръ Литовскій, Павелъ Бростовскій, съ великимъ прошеніемъ говорилъ мнѣ и велѣлъ къ тебѣ, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволилъ съ нимъ дружество имѣти и любительнымъ письмомъ съсылаться: крѣпко, государь, жаелаетъ твоей пріятной милости и частаго писанья!*

Жалуясь, что не получаетъ извѣстій изъ Москвы, Тяпкину должегъ былъ жаловаться на Поляковъ, что не даютъ ему вовремя посылать писемъ въ Москву, и что трудно получить отъ нихъ правдивыя извѣстія: „Варшавскій почтѣ майстеръ двѣ почты, не сказавъ мнѣ, отпустилъ (жаловался резидентъ Матвѣеву); сказалъ намъ, что отпустится почта въ среду; я изготавилъ письма и послалъ въ среду рано къ почтوماйстеру, а онъ уже почту отпустилъ еще въ понедѣльникъ! Все это они дѣлаютъ для своихъ лакомыхъ подарковъ, которыхъ много надобно въ годъ, если придется всѣхъ дарить. Думаю, что ихъ резидентъ не очень много передарилъ нашихъ; а здѣсь услужитъ какими-нибудь пустякомъ, пустую вѣстичку принесетъ—и уже смотритъ, чтобы ему дали: такихъ лакомыхъ и живыхъ людей и между погаными трудно найти. Я не только варшавскому, но и минскому, и вилненскому почтوماйстеру добрые подарки далъ, чтобы только писемъ нашихъ не задерживали; также и отъ другихъ людей, что куплю, то и провѣдаю, и Богъ вѣсть, какъ впередъ жить будетъ съ такими лакомцами!“. Тяпкину жаловался, что ему даютъ мало денегъ на дрова и конскій кормъ, который

въ Варшавѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Москвѣ; именно давали по четыре рубля въ недѣлю. Свицерскій, въ Москвѣ, имѣлъ у Матвѣева два дня въ недѣлю — воскресенье и среду, а Тяпкину Литовскій канцлеръ Пацъ назначилъ только одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣда. Тяпкинь потребовалъ у Паца, чтобъ позволено ему было посылать въ ихъ канцелярію переводчика и подъячихъ для проводиванія вѣстей, также чтобы присылали къ нему авизы для прочтенія; но Пацъ отвѣчалъ, что у нихъ канцелярнн нѣтъ и авизовъ никакихъ не бываетъ, а если нужно будетъ резидента о чемъ увѣдомить, то это будетъ сдѣлано во время прїѣзда его къ канцлеру въ воскресенье; въ случаѣ же крайней необходимости канцлеръ за нимъ придетъ нарочно. „Поэтому, государь, и людей Свицерскаго не надобно пускать въ Посольскій Приказъ, писалъ Тяпкинь Матвѣеву. Отнюдь ни малаго прїятства отъ канцлера себѣ, кромѣ гордости, не имѣю. Только архіепископъ зѣло человекъ благовѣтливъ, учтивъ и низокъ; также и гетманъ Литовскій Пацъ и маршалокъ Литовскій Полубенскій ласковы миѣ явились, обсылали меня кормомъ, овощами и питьемъ“. Жалобы не прерывались: „Житые наше въ Варшавѣ яко единымъ отъ убогихъ; никакого призрачїя и почтенія не имѣемъ; противъ господина Свицерскаго и вполонину не дано; развѣ впередъ намъ лучше станеть, когда король будетъ, а теперь очень мы имъ непотребны, только потому потому сказать не смѣютъ, что ихъ резидентъ въ Москвѣ живетъ: боятся того, что Заднѣпровская сторона становится подъ скипетръ великаго государя. Канцлеръ говорилъ миѣ, чтобы Григ. Ромодановскій соблюдалъ большую осторожность насчетъ гетмана Самойловича, — Дорошенко пишетъ къ нему такія письма: „Мы другъ съ другомъ будемъ биться такъ, чтобы у насъ обонхъ войска были въ цѣлости; у меня протекторъ Турскій султанъ, а у тебя заступникъ — царь, и если наши войска будутъ въ цѣлости, то мы отъ государей своихъ въ большой чести и милости будемъ. Лучше было бы, если бы царское величество велѣлъ всѣмъ войскамъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими“.

Получивъ изъ Москвы статьи насчетъ королевскаго избранїя, Тяпкинь отравился съ нимъ къ гетману Пацу. Тотъ отвѣчалъ: „Я, желая прислужиться царскому величеству, вмѣстѣ съ литовскими сенаторами, воеводоу Троцкимъ Огинскимъ, маршалкомъ Полубенскимъ, референдаремъ Вростовскимъ, Виленскимъ каштеляномъ Котомичемъ, радѣлъ всѣми силами, чтобы быть королемъ царевичу Огедору Алексѣевичу, и канцлера Литовскаго Кристофа Паца привелъ — было на то же доброе желаніе. Если бы царское величество позволило сыну своему быть католикомъ по нашему древнему праву, то мы бы, оставя всѣхъ другихъ государей, выбрали царевича. Но въ статьяхъ, привезенныхъ Константиновичемъ отъ бояръ, объявлено, что быть королемъ самому царскому величеству; этого намъ сдѣлать нельзя, нельзя оставить королеву безъ супруже-

ства; но, что важнѣе, объявлено, что великій государь и для прїобрѣтенїя цѣлаго свѣта католикомъ не сдѣлается; объ этомъ намъ нельзя объявить панамъ польскимъ, да и некогда было говорить, потому что сеймики въ Литвѣ въ коронѣ всѣ кончились, и предложить это дѣло кому, а безъ предложенїя шляхтѣ на сеймикахъ нельзя начинать дѣло“.

Въ апрѣлѣ начались выборы. Послы Пянской и Цесарскій хлопотали за герцога Лотарингскаго. 28 апрѣля въ колѣ рыцарскомъ держали рѣчь послы волынскіе: объявили, что они впередъ никакихъ податей въ казну королевскую платить не будутъ, потому что воеводы московскіе разослали универсалы по всей Волынской Землѣ и Подолїи, запрещаютъ давать подати въ казну королевскую; а войска царскія приближаются уже къ Польсью, Заславлю, Острогу, и — догадываются они, — нѣтъ ли соглашенїя у царя съ султаномъ, чтобы заодно промышленяты надъ Польскимъ государствомъ. Многіе паны коронные говорили: „Во столько лѣтъ черезъ польскіе договоры не могли мы вытребовать у царя Кїева, а теперь еще труднѣе стало, когда всю Украину царь отобралъ“. Польскіе паны начали винить въ этомъ Литву; тутъ вмѣшался въ ихъ рѣчи посолъ Цесарскій и спросилъ у коронныхъ: „Вѣдь Украина оставалась въ вашихъ рукахъ?“ и, услыхавъ отвѣтъ, что Украина съ Дорошенкомъ поддалась султану, сказалъ: „За что же вы сердитесь? лучше пусть владѣетъ ею государь христіанскій и вашъ союзникъ!“ Троцкій воевода Огинскій говорилъ также въ защиту царя: „Трудно на васъ угодить, господа коронные! Въ прежніе годы, когда царь не давалъ вовсе помощи противъ Татаръ, то вы съ сердцемъ говорили, что онъ поступаетъ не по договору; а теперь, когда царь сталъ помогать и всю Украину изъ-подъ султанскаго подданства освободилъ, — сердитесь и говорите, что онъ всю Украину отъ васъ отобралъ!“

8 мая провозглашенъ былъ королемъ великій гетманъ коронный Янъ Собѣскій. 11 мая, по требованїю Троцкаго воеводы Огинскаго, Тяпкинь послалъ къ нему переводчика Лаврецака, и воевода говорилъ: „Писали мы къ царскому величеству, просили себѣ въ королѣ царевича Огедора Алексѣевича; удивительно намъ, почему царское величество не изволилъ исполнить наше желаніе. А теперь своею силою, посулами и тайнымъ сговоромъ подканцлера Литовскаго Радзивилла и всѣхъ Сапѣговъ, которымъ многіе сотни тысячъ золотыхъ роздалъ, сталъ королемъ гетманъ Янъ Собѣскій. Хотя гетманъ Михайла Пацъ и канцлеръ, и я, и другіе паны литовскіе противились этому и стояли крѣпко отъ самаго избранїя его, съ 8 мая до 11-го, только теперь пришлось и намъ позволить поневолѣ, а тайно конечно будемъ радѣть, чтобы его какою ни есть смертію извести, и есть на то хорошіе способы. Собѣскій намъ потому не любъ, что онъ великій непрїятель Московскому государству, и надобно думать, что помирится съ султаномъ

сейчасъ же; хочеть онъ пустить Турокъ на псаля войною, чтобы отвлечь его отъ Франціи, а самому съ отрядомъ турецкаго войска и съ Крымомъ нати непрѣнно на Московское государство. Но если онъ обнаружитъ намѣреніе разорвать миръ съ царскимъ величествомъ, то мы, литовскіе, никакъ этого не позволимъ; если же возьмутъ силу коронныя, то пусть будетъ извѣстно царскому величеству, что мы, прѣхавши въ Литву, всѣми силами станемъ радѣть, будемъ приводить всю шляхту литовскую на сеймикахъ, но повѣтамъ и по воеводствуамъ, чтобы на войну съ Московскимъ государствомъ не давали никакихъ податей, ни войска ни одного человека. Думаю, что мы со всею Литвою совѣмъ отложимся отъ коронныхъ и приклонимся къ царскому величеству, усмотря время. Хотя мы теперь поневоли и позволили быть королемъ Яну Собѣскому, потому что онъ многихъ коронныхъ и литовскихъ пановъ задалилъ, а нинхъ застрачалъ, привелши подъ Варшаву войско коронное, однако мы его впредь королемъ имѣть не будемъ“. Огненный плакаль, дѣловать крестъ: „Отнюдь“, говорилъ онъ, „Литва не хочеть воевать съ царскимъ величествомъ; пусть великій государь велитъ своимъ войскамъ поступать осторожно на Украинѣ, если случится быть вмѣстѣ съ войсками коронными; а теперь бы изволилъ явить къ королю свою милость, не показывая бы ни въ чемъ жесточи, наблюдая, чтѣ впередъ отъ короля и отъ коронныхъ объявится, и если что объявится, то царскаго величества рати должны быть на рубежѣ литовскомъ; и этимъ страхъ большой разгласится по всей Литвѣ, и станеть Литва отговариваться и помощи не дастъ. Во всѣхъ этихъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ указалъ бы государь тайно ссылатся и промыслять съ гетманомъ Михаиломъ Пацомъ и со мною, не доверяя другимъ“.

Иное говорилъ Тяпкину подканцлеръ Литовскій, князь Михаилъ Радзивилъ: „Нынѣшній король во многихъ случаяхъ былъ желателенъ къ царскому величеству: такъ, когда коронныя гетланы отдали въ Крымъ боярина Василья Борисовича Шереметева, то онъ сильно прогнѣвался этому несправедливому поступку, говорилъ, что они это дѣлають не по христіанскому обычаю. А теперь, получивши корону, онъ еще больше желаетъ дружбы и любви съ царскимъ величествомъ. Нанишите къ великому государю, чтобы онъ имѣлъ съ королемъ нашимъ истинную дружбу и никакимъ ссорамъ не вѣрилъ; чтобы, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, велѣть своимъ ратнымъ людямъ промыслять надъ Крымомъ и надъ Азовомъ и тѣмъ отвести Татаръ отъ помощи войскамъ турецкимъ, да и противъ Турокъ велѣть бы своимъ полкамъ и польскимъ и литовскими войсками сближаться и заодно стоять“.

Узнавши, что король отложилъ коронацію и готовится выступить въ походъ, Тяпкинь обратился къ Литовскому канцлеру съ требованіемъ, чтобы ему позволено было быть на резиденціи при королѣ въ обозѣ. — „Старый у насъ обычай“, отвѣчалъ канцлеръ, „что послы и резиденты не только-что

въ обозъ съ королемъ, и нигуда изъ Варшавы не ѣзжали“. Донося объ этомъ отвѣтъ Матвѣеву, Тяпкинь писалъ: „Трехдневнаго корма по сіе время миѣ не выдавали,—ей, до конца непробѣлись, и что было государскаго жалованья, рухляди, все издержали, а впередъ Богъ вѣсть, какъ буду жить. А если королевское величество насть съ собою не возьметъ, то не знаю, какой толкъ въ моей резиденціи будетъ“.

Московскому резиденту долго пришлось дожидаться кормовыхъ денегъ: денегъ не было въ казнѣ королевской, послали занимать ихъ въ Данцигъ, повезли королевскіе брилліанты въ закладъ. Безъ денегъ нельзя было выступить въ походъ. Въ предстоящей страшной войнѣ съ Турками была помощь только съ одной стороны—Московской. Сначала въ Варшавѣ сильно беспокоились: какъ взглянуть въ Москвѣ на избраніе Собѣскаго; беззаконно, что долго не приходила поздравительная грамота отъ царя новому королю. Подканцлеръ коронный Ольшевскій, епископъ Хелиминскій, въ тайномъ разговорѣ клялся резиденту, что король желаетъ съ царемъ истинной братской дружбы и соединенія силъ противъ Турокъ и Татаръ. „Если это соединеніе послѣдуетъ“, говорилъ епископъ, „то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промыслить, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдаване, Славяне, какъ скоро зашлышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества; они всякими способами провѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ дальъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи,—и тогда немедленно поддадутся обимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ Московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ Задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою“.

Новичка въ дѣлѣ, Тяпкина, сильно смутало разногласіе сужденій о королѣ Янѣ и его намѣреніяхъ: „Дивные здѣсь въ народѣ голоса! одни королевское величество очень благодарятъ, ставятъ такимъ мудрымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ, какого отъ двухъ сотъ лѣтъ у нихъ не бывало. Другіе считаютъ его хитрымъ и лукавымъ, склоннымъ къ поганымъ. Одни утверждаютъ, что идетъ онъ въ обозъ на оборону Рѣчи Посполитой, будто непрѣнно хочеть, соединясь съ войсками царскаго величества, сообна стать противъ бурсулявъ. Другіе говорятъ, что идетъ въ обозъ нарочно, чтобы ему ближе было съ Туркомъ и Крымскимъ ссылатся, чтобы Украину имъ всю отдать,

а себѣ Каменецъ и другіе края завоеванные возвратить, а потомъ вѣстѣ съ Турками и Татарамъ идти на государство Московское. Одинъ Богъ вѣсть, кому изъ нихъ вѣрнѣ! Солдаты, которые долго служатъ, а жалованья не получаютъ, приходятъ и явно говорятъ: если бы вѣрное царское слово въ нашъ войсковой пародъ было пущено, что царское величество жалуетъ насъ и заслуженныя деньги общааетъ заплатить вскорѣ, то не только литовскіе, — и коронныя всѣ пристанутъ и будутъ ему, государю, служить противъ всякаго недруга. Староста Сахновскій, бывший въ Москвѣ, брагса уговорить войско перейти на царскую сторону.“

12 августа выѣхалъ король изъ Варшавы къ войску; кромѣ придворныхъ урядниковъ изъ сенаторовъ, никто съ нимъ не поѣхалъ, — разѣхались всѣ по маестностямъ. Въ Варшавѣ остался подскарбій коронный Морштейнъ — врагъ государству Россійскому. „Караула у меня на дворѣ нѣтъ, писалъ Тяпкинъ, а воровство и убійство безпрестанныя: боюсь, чтобы не обокрали или не разбили; живу безъ дѣла, испробѣлся и одолжалъ.“

По московскаго резидента ждали еще большія неприятности, когда въ Варшавѣ узнали объ успѣхахъ Турокъ въ Украинѣ, о переходѣ Ромодановскаго и Самойловича назадъ на восточную сторону Днѣпра: „Сильно на насъ зlobится вертоглыны бѣсовскіе, которые французскою завистію заражены и лакемствомъ задавлены“, писалъ Тяпкинъ. Когда онъ послалъ подьячаго къ Морштейну съ вопросомъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ Украины, — то подскарбій вѣдѣлъ отвѣчать ему: „Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, только Москва ваша утекла за Днѣпръ позорно, никтою не гошмяя, турецкихъ войскъ не видавши, пушки всѣ погубила и больше 10,000 войска потопила, хорошо бы, если бы и вся пропала!“ — „Живя въ Варшавѣ“, продолжалъ жаловаться Тяпкинъ, „я всякія вѣдомости покупаю дорогою цѣною; которые были со мною въ дружбѣ, — и тѣ уже начинаютъ отказывать, хотягъ награжденія, говорятъ, не стыдятся, что они вѣдомости сами покупаютъ дорогою цѣною, рискуютъ и здоровьемъ, навлекая подозрѣніе. Авраамъ Сокольскій, староста Сахновскій, очень доброхотенъ, вѣры благочестивой, во всемъ съ радостію царскому величеству служить хочетъ; радъ бы, говорить, поѣхать и къ границамъ для провѣдыванія, да нечѣмъ подняться! просить жалованья; а Сахновскій этотъ очень способенъ и достовѣренъ. А что къ митрополиту Винницкому Антонию послано чрезъ того же Авраама большое жалованье, то отъ него не слышать никакого доброхотства, не пишетъ ко мнѣ ничего“.

Единственною цѣлію сношеній Польскаго правительства съ Русскимъ въ это тяжелое для Польши время было убѣдить царя подать болѣе дѣятельную помощь въ войнѣ Турецкой, соединить свои войска съ войсками королевскими. Не довольствовались завлеченіемъ этого желанія резиденту русскому, и въ сентябрѣ прислали въ Москву известнаго уже

здѣсь Самупла Венславскаго. Посланникъ, по обычаю, привѣтствовалъ великаго государя нышнюю рѣчью, поздравляя съ новымъ (сентябрьскимъ) годомъ отъ имени Польскихъ и Литовскихъ народовъ, желая, чтобы Алексѣй Михайловичъ побѣдами, долгодѣіемъ, изяществомъ равенъ былъ Казимиру III-му и Сигизмунду I-му, слязъ бы у государей христіанскихъ миротворцемъ, уподобился бы счастьемъ Гераклію, долгоденствіемъ Юстиніану, воскресилъ бы память Карла Великаго; какъ тотъ на Западѣ, такъ бы теперь царь на Востокѣ, вѣстѣ съ кородемъ Польскимъ, поддержалъ надающую корону Цесарскую.

На объявленіе стараго требованія о соединеніи войскъ, Матвѣевъ отвѣчалъ Венславскому, что Турки побили царскія войска въ Ладыжинѣ, и войска коронныя и литовскія съ тылу на неприятеля не пошли, чѣмъ возбуждено сомнѣніе въ царскомъ величествѣ. Если бы въ то время, какъ неприятель вошелъ въ Украину, король со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся на него, то царскія войска, бывшія въ то же время на Украинѣ, непременно бы соединились съ польскими; но король сдѣлать этого не захотѣлъ, и Турки опустошили Украину. За этою пустою царскимъ войскамъ нельзя идти впередъ на ту сторону Днѣпра, хотя они всегда стоятъ въ готовности. Король желаетъ соединенія силъ, когда войска турецкія обратились въ его сторону, а какъ неприятель былъ на Украинѣ, то Поляки на него не шли. Царскія войска хотя и истомились, однако стоятъ въ готовности на Украинѣ, а королевскихъ войскъ и теперь на Украинѣ нѣтъ: такъ какъ же соединиться войскамъ? „Король послалъ тебя сюда, зная навѣрное, что Турки идутъ въ Украину, а самъ за ними не пошелъ“. — „Король былъ обнадеженъ: — Ханъ прислалъ ему сказать, чтобы войска польскія не двигались“, сказалъ Венславскій. — „Мы только еще подозрѣвали, а теперь выходитъ прямо, что король хана послушалъ; ясно, что войска неприятельскія приходили на Украину съ королевскаго совѣта!“

Въ грамотѣ, отправленной съ Венславскимъ къ королю, царь писалъ, что соединеніе войскъ за осеннимъ и наступающимъ зимнимъ временемъ невозможно: „Ваме королевское величество желаете теперь соединенія войскъ, видя, что такая великая сила бусурманская въ государствѣ ваши валится; а если бы бусурманскія войска въ государствѣ ваши не обратились, то, надобно думать, вы бы этого соединенія силъ и не пожелали. Однако мы

своимъ войскамъ, какъ они на потомились, но домамъ расходиться не велѣли, приказали имъ стоять на отпоръ неприятелю, и пошлемъ къ нимъ на помощь многихъ людей. Мы вамъ помогать готовы, только бы ваше королевское величество съ чинами Рѣчи Посполитой и великаго княжества Литовскаго изволили сложить сеймъ вольный и постановить, какъ неприятелю сообща отпоръ дѣлать; чтобы это постановленіе было крѣпко и постоянно, а не такъ бы, какъ теперь со стороны вашего королевскаго величества дѣлается: кто захочетъ, тотъ противъ неприятеля и идетъ“.

Уполномоченнымъ, отправленнымъ на повые Андрусовскіе сѣзды, двоимъ князьямъ Одоевскимъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу и стольнику князю Юрію Михайловичу съ товарищамъ, была дана наказъ: о соединеніи силъ комиссарамъ отказать и въ договоры не вступать. Но польскіе комиссары Марціанъ Огинскій, воевода Троцкій, и Антоній Храповицкій, воевода Витебскій, съ товарищами грозили, что если соединенія силъ не произойдетъ, то Поляки поневолю должны будутъ заключить миръ съ Турками. Насчетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, потому что комиссары не хотѣли уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе тѣхъ городовъ, которые уступлены были ей по перемирію; объ увеличеніи лѣтъ перемирія они не хотѣли говорить безъ договора о соединеніи силъ. „Если“, говорили комиссары, „соединенія силъ не послѣдуетъ и Кіевъ не будетъ отданъ, то мы его саблямъ станемъ отыскивать; у насъ теперь государь виновственный, который не только Кіевъ, но и другіе города отыскивать будетъ; можетъ онъ оборониться отъ неприятеля и безъ царской помощи!“. По этому случаю, Алексѣй Михайловичъ написалъ Собѣскому: „Великіе послы сѣзжаются для умноженія братской дружбы между нѣхъ государями, а не для угрозъ; неприлично страдать менѣе того, который и самъ, за помощію Божіею, мечъ въ рукахъ держитъ: въ томъ свидѣтельствуется прошлая война. О Кіевѣ вашимъ комиссарамъ говоритъ негодило! Кіевъ задержанъ за многія и несчетныя съ вашей стороны намъ безчестія и досады въ пропискахъ нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ: въ грамотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Михаиломъ Алексѣевичемъ! Кіевъ задержанъ также за несчетные убытки при вспоможеніи вашему королевскому величеству противъ султана и хана Крымскаго. Вы отдали султану Украйну, въ которой и Кіевъ; такъ можно ли послѣ того вамъ отдать Кіевъ?“ Андрусовскіе переговоры тянулись съ половины сентября до конца декабря, и кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Собѣскій въ своихъ грамотахъ не переставалъ умолять царя о немедленномъ вспоможеніи, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, выставляя, что теперь самое удобное время ударить сообща на врага и очистить страны Придунайскія.

8-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву съ царскою грамотою подъячій Тимоеевъ: велѣно ему отдать

грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тяпкинѣ. Тяпкинь отправился къ канцлеру Пацу, объявилъ царскій указъ и потребовалъ, чтобы отпустили ихъ немедленно съ Тимоеевымъ въ обозъ королевскій. „Въ опасной грамотѣ“, отвѣчалъ Паць, „написанъ одинъ подъячій, а резидентова имени нѣтъ; подъячюму и будетъ отпустить безъ задержки, а тебѣ ѣхать съ нимъ невозможно: по обычаю польскому, всѣ резиденты обязаны жить въ столицѣ“.

„Присланъ особый царскій указъ, чтобы миѣ ѣхать съ подъячимъ“, возражала Тяпкинь. „Волно царскому величеству указъ свой присылать о чемъ ему угодно“, отвѣчалъ Паць: „только удивительно, для чего въ опасной грамотѣ о моемъ отпускѣ ничего не упомянуто! Отпустить тебя нельзя, потому что недавно король прислалъ указъ: если царское величество выступитъ изъ Москвы съ войсками въ Путтивль, какъ объявлено королю, и если резидентъ королевскій будетъ въ этомъ походѣ, то пусть и Тяпкинь ѣдетъ въ обозъ королевскій; если же царское величество и резидентъ польскій останутся въ Москвѣ, то и Тяпкинь долженъ оставаться въ Варшавѣ“.

Положили, что канцлеръ спшется съ королемъ, а Тимоеевъ будетъ ждать въ Варшавѣ отвѣта. Въ этомъ ожиданіи онъ успѣлъ поссориться съ резидентомъ: пріѣхавшіе съ нимъ приставъ Посольскаго Приказа Реньевъ и двое смоленскихъ рейтаръ стали ходить по корчмамъ и, напившись, стали бросаться ночью на Поляковъ съ саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги; караулъ схватилъ буяновъ и съ уликою, съ обнаженными саблями и пограбленными вещами, прямо препроводилъ къ Тяпкину, потому что они назвались людьми русскаго резидента. На другой день Литовскій канцлеръ и Варшавскій губернаторъ прислали къ Тяпкину съ выговорами и требованіемъ расправы съ виноватыми. Тяпкинь препроводилъ ихъ къ Тимоееву, чтобы расправился съ ними тотъ. Но подъячій принялъ сторону пристава и рейтаръ, сталъ бранить Тяпкина при всѣхъ Русскихъ людяхъ, называлъ коварникомъ, и Тяпкинь послалъ на него жалобу государю.

15-го февраля 1675 года Тимоеевъ отправился къ королю одинъ: Тяпкина не пустили, а стали страшать его миромъ короля съ Турками, которые послѣ того пойдутъ на Московское государство. Пріѣзжалъ къ Тяпкину Веняскій, довѣренный челоувѣкъ у короля, и подъ великою клятвеною рассказывалъ, что король хочетъ двинуться ко Львову не для сейма и не для коронаціи, а для заключенія мира съ Турками, Татарами и Дорошенкомъ, потому что бусурманы общаются возвратитъ всѣ завоеванія, но съ тѣмъ, чтобы король пропустилъ чрезъ свои владѣнія турецкое и татарское войско въ Московское государство. Магометане Казанскіе, Астраханскіе, Сибирскіе и даже живущіе въ самой Москвѣ слезно просятъ султана, чтобы онъ, какъ Богъ ихъ и царь, избавилъ ихъ изъ работы христіанской, общаются, что какъ скоро почувютъ при-

шествіе рати турецкой и татарской въ Московское государство, то немедленно и единодушно встануть на него. „Но если“ закончилъ Венявскій обычнымъ припѣвомъ, „если царское величество дастъ на весну помощь королю войсками, то никакихъ трактатовъ съ Туркомъ не будетъ“. Тимоеева отпустили не прежде, какъ онъ обѣщалъ подскарбію соболей на 30 рублей; по этому случаю Тяпкинъ писалъ Матвѣеву: „Такое наше житье, что и въ самыхъ постановленныхъ между государствами дѣлахъ безъ купли обойтись трудно!“ Попржежнему Тяпкинъ жалуется, что трудно достать ему правдивыхъ вѣдомостей, потому что „много составныхъ преектовъ разсѣиваютъ каждый по своему желанію, черезъ обычные свои вертолловые кондегты. Кручиняется и нарекаютъ безбрежнато, что помощи не получаютъ отъ царскаго величества, а того будто не видятъ, что сами между собою перегрызались и разбрелись врознь; войско литовское лежитъ на хлѣбѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ Браслави; дучаю, что оно на помощь къ королю на завтрашній день не поспѣетъ“. Дѣйствительно, старый врагъ Собѣскаго, гетманъ Литовскій, Михаилъ Паць, отступилъ со своимъ войскомъ отъ коронныхъ полковъ; старшій братъ гетмана, стражникъ Литовскій, Боисфайцъ Паць, объяснялъ Тяпкину это отсутствіе тѣмъ, что король хочетъ помириться съ Турками и выѣзть съ ними обратиться или на Москву, или на императора, но что Паць и вса Литва отнюдь этого не позволятъ. Паць жаловался, что король самовластвуетъ, Паны радные только и слышать отъ него: „Ваше дѣло передо мною стоять, слушать и исполнять то, что я приказываю“. „Польскіе сенаторы“, говорилъ Паць, „привыкли, чтобы государь обо всемъ ихъ спрашивался, ихъ слушалъ, что ему нужно, — домогался съ прошеніемъ, а этого не такъ поступаетъ. Избраніе царицы теперь могло бы легко совершиться, пока Собѣскій не конованъ“.

Тяпкинъ не переставалъ тревожить государя слухами, что Московскому государству предетонитъ большая опасность: Французскій король употребляетъ всѣ средства, чтобы примирить Польшу съ Турціею и весною двинуть ихъ на Москву, а Швеція союзница Франціи: „Поэтому нужно, писалъ резидентъ, какъ въ Украинѣ, такъ и по шведской и на другихъ границахъ чуткое ухо наставить и осторожность войсковую имѣть, чтобы тѣмъ французскимъ концентамъ не допустить и лантей силести, не только сапоговъ шить, въ которыхъ бы могли погу свою протянуть въ государство Московское, и яко дымъ да пчезнуть“. Но тутъ же резидентъ доносилъ, что канцлеръ Литовскій съ клятвою увѣрялъ его въ ложности всѣхъ этихъ слуховъ; канцлеръ повторялъ старое, что не могутъ они надивиться, почему московскія войска не соединяются съ польскими, а ведутъ войну особо, въ отдаленныхъ сторонахъ и этимъ даютъ непріятелю возможность легко взять верхъ, панадши на каждаго порознь; съобщать Турки съ поля Поляковы, — русскія войска

и не узнаютъ объ этомъ; наступить на московскія силы, — Поляки ничего не будутъ объ этомъ знать; невозможно войску отъ войска дальше десяти миль быть. Если помощи не будетъ, то поневолѣ Рѣчь Посполитая позволитъ королю мириться съ Турками на какихъ придется условіяхъ, кромѣ условія союза противъ государства Московскаго“.

Донося о польскихъ жалобахъ, Тяпкинъ не переставалъ въ письмахъ къ Матвѣеву жаловаться на свое положеніе въ Варшавѣ, и просить объ оговзаніи: „Умилосердися государь, милосердый мой отецъ! Бжели уже всячески невозможно меня отсюда взять или перемѣнить, то вели обослатъ государскимъ жалованьемъ денежнымъ, а не соболями, и на раздачу прислатъ деньгами же. Я бы здѣсь не дороже московскаго для раздачи купилъ соболей какихъ надобцо, а то Василій Тимоеевъ привезъ самые плохіе и подонрѣлые, а лучшіе себѣ взялъ. Хотя и послѣднюю деревиннику вели отписать на великаго государя, а меня удоволить государскимъ жалованьемъ, чтобы я здѣсь не скитался, занимая по людямъ, и въ зазорѣ отъ иноземцевъ не былъ. А напаче смилуйся, государь, Госнода ради, вели переѣхать въ иную страну; куда ни изволишь послать, всюду готовъ. Паки и паки, милосердый государь отецъ, смилуйся! Ей, государь, резиденты здѣсь всѣхъ государей богатые и ближние люди, консиліарами королей своихъ титулуются и полнымъ жалованьемъ обсылаются; а у меня семья: я съ сынникомъ сам о в торъ, подьячихъ два человѣка, священникъ, шесть человѣкъ сгрѣльцовъ, людяшекъ четыре человѣка, безъ которыхъ трудно обойтись, шесть лошадей, и на всѣхъ тѣхъ помянутыхъ выходитъ за всякую нишу и за дрова, кромѣ починки и новаго платья и служивой рухляди, по 3 рубля на день. Полковники кормные на Москвѣ великіе кормы на мѣсяцъ берутъ не только себѣ, но и конямы: а мнѣ, будучи въ чужомъ государствѣ, особенно между такими льстивыми и злыми народами, кромѣ государской милости и твоего отеческаго призрѣнія, надѣяться не на что. Скоро всѣхъ мнѣ придется отпустить отъ себя, лошадей избыть и остаться въ самомъ маломъ числѣ, если твоего отеческаго призрѣнія не получу“.

Въ апрѣлѣ резидентъ ~~далъ~~ ^{хотѣлъ} знать, что противъ Собѣскаго болшая партія въ разныхъ сословіяхъ, которая никакъ не хочетъ допустить его до коронаціи; противъ него главныя воеводства, Краковине, Великополяне, Мазуры, Львовское воеводство со всеми Русскими странами, Литва и Жмудъ; во всѣхъ этихъ областяхъ очень любятъ королеву, Элеонору, хотѣли бы, чтобы царицынъ Сеодоръ женился на ней и были ихъ государемъ; если же этого нельзя, то соглашаются имѣть государемъ короля Шведекаго, опять съ условіемъ женитьбы на Элеонорѣ; императоръ очень хлоченетъ объ этомъ по тремъ причинамъ: во первыхъ, желательно ему породиться съ Шведскимъ королемъ; во вторыхъ, видѣть на сосѣднемъ престолѣ близкаго свойствен-

ника; въ-третьихъ, и больше всего, отвлечь Швецію отъ союза съ Франціею. Отъ этого, говорятъ, король Янъ приходитъ въ отчаяніе, и отъ великой печали слабѣетъ въ здоровьи. „Впрочемъ“, добавляетъ Тяпкинъ, „нѣтъ въ нихъ ничего постоянного, потому что, какъ вольные народы, нѣбуютъ уста самовольныя и незатворенныя: что хотятъ, то поють,—одинъ такъ, другой иначе, и ни одному вѣрить нельзя; вѣришь всего то, что когда Собѣскій въ Польшу явится, то на банкетахъ голоса противниковъ виномъ разсѣрбятся и, вмѣсто словъ нежелательныхъ, завопятъ: вивать! вивать! Другіе деньгами и почестями успокоены будутъ. Итъ ни малаго постоянства въ здѣшнемъ народѣ, нельзя узнать, кто изъ нихъ правъ или кривъ: всѣ красомовцы, всѣ мудры, всѣ крутятся ехиднымъ попользовеніемъ, не только головами, но и самыми душами, больше желаютъ несытое свое лакомство удовольствовать, нежели добру общему прибыли и правды“.

Несмотря однако на такіе отзывы о Полякахъ, Тяпкинъ сталъ явно склоняться къ тому, что необходимо исполнить желанія Польскаго правительства, дать сильную помощь и соединить царскія войска съ королевскими; это было, по мнѣнію резидента, самое лучшее средство разорвать факціи французскую и шведскую, которыя зіяютъ на государство Московское. Польскій резидентъ Свицерскій доносилъ королю изъ Москвы, что царскія войска стоятъ наготовѣ по всей западной границѣ, начиная отъ Новгорода Великаго, но неизвѣстно, куда двинутся. „А я, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву, я безвѣстенъ и безсловесенъ пребываю, потому что очень рѣдко писанія изъ государственной палаты ко мнѣ бывають, а когда и приходятъ, то не пишется ни о какихъ войсковыхъ и другихъ вѣдомостяхъ, которыя здѣсь надобны; отъ этого великую укоризну терплю отъ канцлера и другихъ; о чемъ ни спросить—не вѣдаю. И если впередъ такъ глухъ буду и безвѣстенъ, то предаюсь подъ твое высокое разсужденіе, что изъ такого безпотребнаго житья моего здѣсь вырасти можетъ!“ Продолжались жалобы на крайнюю нужду: въ началѣ юня Тяпкинъ писалъ Матвѣеву, что принужденъ былъ заложить свою ферязь. Чтобы вѣрваться какъ-нибудь изъ Варшавы, резидентъ прибѣгъ къ хитрости: писалъ, будто вѣрный человекъ извѣстилъ его о большомъ въ Псковско мѣлионѣвѣ кладѣ князей Шуйскихъ въ Смоленскѣ, и что онъ, Тяпкинъ, если будетъ вызванъ въ Москву, можетъ обстоятельно разсказать объ этомъ кладѣ, написать же не можетъ. Не надѣясь на полный отзывъ изъ Польши, Тяпкинъ просилъ дать ему полкъ и отправить на помощь къ королю: тамъ при войскахъ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ все видѣлъ, а не покупалъ а вязы, какъ въ Варшавѣ.

Наконецъ изъ Москвы пришло резиденту позволеніе обѣщать Полякамъ скорую помощь, вѣдѣнствіе чего Тяпкинъ былъ вызванъ къ королю во

Львовѣ. Въ іюлѣ онъ поскакалъ туда, но не на радость: король и паны были встревожены тѣмъ, что слухи о движеніи царскихъ войскъ пачали стихать; несчастному резиденту не было покоя отъ выговоровъ; а тутъ еще новая непріятность: священники, бывшій съ Тяпкинымъ въ Варшавѣ, отправленъ былъ въ Москву, и здѣсь началъ наговаривать на резидента Матвѣеву. „Я умолилъ его честию ѣхать въ Москву, писалъ Тяпкинъ, потому что не могъ долго носить позора отъ римскихъ духовныхъ и другихъ лицъ; извѣстнее онъ сталъ въ Варшавѣ во всѣхъ корчмахъ: бунтовщикъ, ссорщикъ, ненавистникъ всякаго добраго человека. пьяница, колдунъ, совершенный кумиротслужитель! на всякій часть мало ему было по квартирѣ горѣлки, а пива выходило на него по бочкѣ въ сутки; унилосердись, не вѣрь его вражескимъ рѣчамъ, помилуй, вели меня хотя на время взять, а его поддерживать до той поры.“

7-го августа резидентъ былъ позванъ въ обозъ королевскій для принятія грамоты Собѣскаго къ царю; прежде отдачи грамоты король велѣлъ подканцлеру Литовскому сказать Тяпкину: „Въ этой грамотѣ королевское величество прилагаетъ новыя просьбы о помощи, которая съ давняго времени только обѣщается, а не дается; королевское величество съ оскорбленіемъ этому удивляется, и ты, резидентъ, эти мои слова нанниси ближнему боярину Матвѣеву.“ Въ Москву съ королевскою грамотою отправлялъ Тяпкинъ сына своего, котораго тутъ же представилъ Собѣскому; молодой Тяпкинъ благодарилъ короля за „его государское жалованье, за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ.“ Рѣчь эта говорила съ по-латыни, „довольно перенлетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай науку школьныхъ належитъ.“ Отецъ хвастался, что сынокъ „такъ явственно и изобразительно орацію свою предожилъ, что ни въ одномъ словѣ не заинулся.“ Король поблагодарилъ оратора сотнею золотыхъ червонныхъ и 15-ю аршиннами краснаго бархата. 12 августа пришла царская грамота съ извѣщеніемъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ получили указъ двинуться къ Дибирю, куда для соединенія съ ними должны придти всѣ коронныя и литовскія войска. — „Этому статья теперь нельзя“, говорили паны: „это значитъ открыть непріятелю Польскіе края, Львовъ и другіе города, непріятель только въ 12 мильхъ отъ Львова, около Злочева, Збаража воюетъ. Пусть царскія войска переправляются за Дибирь и соединяются тамъ съ нѣкоторыми частями польскихъ войскъ, которыя ихъ ждутъ, и пусть промышляютъ надъ Дорошенкомъ, потому что при немъ очень мало казаковъ и Татаръ, а затѣмъ и самыя большія рати царскаго величества вооружались. Въ прошломъ году вы говорили, что зимою трудно воевать за Дибиромъ, и потому царскія войска явятся туда весною; теперь не только весна, но и лѣто все проходить

Когда жъ мы дождемся вашихъ войскъ? Осенью и зимою трудно за стужами и непогодами, весною — холодно, лѣтомъ — жарко!“

Въ августѣ пришло письмо отъ Ромодановскаго и Самойлоница къ гетманамъ короннымъ, что царскія войска уже надъ Днѣпромъ и нѣкоторые отряды ихъ перешли рѣку и соединились съ отрядами польскими. Король очень обрадовался и прислалъ дворянина своего съ этою вѣстію къ Тяпкину. Между тѣмъ непріятель истреблялъ города недалеко отъ Львова, порывался и на самый обозъ королевскій. Король выступилъ изъ оboза, взявши съ собою и русскаго резидента. Послѣдній писалъ Матвѣеву, что войска польскія очень стройны и охочи къ битвѣ, только между старшинами большое несогласіе. Знатные и честные люди прямо говорили Тяпкину: „Хотя король съ гетманами и вышелъ въ поле, однако каждый изъ нихъ радъ бы былъ, чтобы на кого-нибудь непріятель напалъ, а другой бы о томъ будто и не слыхалъ: развѣ самъ Богъ смилуется надъ христіанскимъ народомъ и дастъ намъ помощь и соединеніе.“ Тяпкинь отвѣчалъ имъ: „Чего же вана Польша и Литва негодуютъ, что наши войска съ вами до сихъ поръ не соединяются, когда вы сами между собою не можете согласиться? Посторонняго государя войска, видя ваши такіа другъ съ другомъ злохитрыя факціи, слыша, какъ вы злорѣчите своего монарха, могутъ ли вамъ вѣрять и соединяться съ вами!“ На это былъ одинъ отвѣтъ: „Слушна твоя рачія, господине резиденте!“ Литовскій гетманъ Паць вздумалъ-было подсмѣяться надъ Тяпкинымъ и въ большомъ собраніи сталъ ему говорить: „Видите, господинъ стольникъ, что король и мы всѣ съ малою горстью людей безпрестанно въ полѣ обращаемся и отпоръ даемъ недругу; а ваши московскіе полки, которыхъ, говорятъ, тысячь полтораста и больше, развѣ только съ горъ кievскихъ на насъ смотрѣть будутъ, что надъ нами станется. И если хотя одинъ Татаринъ подбѣжитъ подъ Кіевъ, то они всѣ отъ него въ валъ схоронятся и показаться не посмѣютъ, а послѣ на комиссіи будутъ оправдываться, что ходили на помощь Полякамъ.“ Резидентъ ловко отшутился: „Господинъ гетманъ!“ сказалъ онъ Паць: „не дивнѣ войскамъ царскаго величества, что не посѣпнѣли къ тебѣ на помощь; можетъ быть, медленность ихъ не безъ причины: бояре и воеводы слышатъ о чрезвычайно скоромъ сборѣ войскъ польскихъ и литовскихъ. Ваша гетманская честность не очень давно изволила прибыть на помощь къ королевскому величеству не съ кievскихъ горъ, а изъ виленскихъ долинъ. Твоя честность очень скоро отчизну свою оборонилъ и прибылъ на помощь, когда Турки взяли уже 24 города!“ Паць разсердился: „Ни одинъ Москаль мнѣ такъ остро не говаривалъ“, повторялъ гетманъ, и прислалъ къ Тяпкину съ требованіемъ, чтобы сейчасъ же отдалъ ему долгъ — 1,000 золотыхъ польскихъ. Но резидентъ упрямилъ его чрезъ іезуитовъ, чтобы подождать еще мѣсяць. Тяпкинь не могъ нахва-

литься обращеніемъ съ собою короля: „Самъ велѣлъ мнѣ у себя всегда быть въ покояхъ, какъ будетъ надобность, разговариваетъ со мною очень милостиво; когда помяну имя великаго государя, всегда снимаетъ шапку и говоритъ о немъ, государѣ, любезно со всякою учтивостію“.

Впрочемъ, резидентъ скоро оставилъ короля и возвратился во Львовъ. Здѣсь онъ подружился съ епископомъ Львовскимъ Іосифомъ Шумлянскимъ и вошелъ въ переписку съ Антоніемъ Винницкимъ, епископомъ Перемышльскимъ. Антоній прислалъ къ нему своего секретаря, который въ тайномъ разговорѣ началъ просить совѣта, какъ бы у великаго государя получить митрополию Кіевскую, потому что Тукальскій умеръ, а онъ, Антоній, имѣетъ привилегію на митрополию отъ двухъ королевъ Польскихъ. „Какъ господишь епископъ“, отвѣчалъ Тяпкинь, „вѣрно великому государю служить и его государскую милость помнить, такую можетъ за свои заслуги и награду получить“. Въ письмѣ своемъ къ Антонію резидентъ объяснилъ подробности, выразилъ удивленіе свое, что епископъ только теперь припомнилъ милость великаго государя, за которую, неизвестно, заплатитъ ли хотя одною молитвою или одною безкровною жертвою, и только теперь отозвался съ своимъ служебнымъ желаніемъ“.

Походъ королевскій кончился ничѣмъ: непріятель спокойно вышелъ изъ границъ королевства, обремененный добычею: „Поляки, нимеги Тяпкинь, проводили Турокъ, какъ милыхъ гостей, одаривши ихъ безчисленными ларами изъ душъ православныхъ, проводили за самый Днѣстръ, мало не до Дуная. Когда же увидали, что Турки и Татары изъ Валахіи вышли, то обнаружили здѣсь великую храбрость надъ церквами и монастырями благочестивыми, стали до основанія ихъ разорять и жечь, перковныи утвари разбойнически расхитили, нѣсколько епископовъ и многихъ игуменовъ и священниковъ до смерти побили; въ церквахъ съ копиями стояли и, что еще хуже, съ невольницами ночевали; и теперь по маетностямъ своимъ стадами, какъ безсловесныхъ, гонять невольниковъ волошскихъ. Православные христіане во Львовѣ сильно объ этомъ вздыхаютъ и плачутъ, опасаясь, чтобы и надъ нами латинская прелестъ окончателно не взяла верха. Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, что ихъ владыки здѣсь только мантией благочестивой вѣры Восточной украшаются, внутри же тяжки Св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ“.

Тяпкинь въ своихъ донесеніяхъ не хвалялся дружелюбнымъ обращеніемъ съ собою цесарскаго резидента Зеровскаго: „Во всемъ братолюбно со мною дружбу и согласіе имѣть желаетъ въ равенствѣ; только я не могу съ нимъ равняться, потому что онъ очень богатъ и славенъ, ѣздитъ въ позолоченной каретѣ шестернею, а у меня двѣ клічи насилиу живы, и тѣхъ кормитъ печѣмъ“.

Мы видѣли, какъ австрійскіе послы играли роль посредниковъ при заключеніи мира между Россією и Польшою, когда дѣло шло объ избраніи царя Алексѣя въ преемники Яну-Казимиру. Послѣдъ неблагоприятный оборотъ дѣла, сильное желаніе окончить войну, истощавшую вконецъ государство, заставляли царя снова обращаться къ посредничеству императора Леопольда. Но это обращеніе было похоже на стараніе утопающаго схватиться за соломинку, и происходило отъ очень недостаточнаго знанія тогдашнихъ европейскихъ дворовъ и ихъ отношеній. Польское правительство, болѣе опытнее, отклонило австрійское посредничество. Вѣнскій дворъ объяснялъ это интригами Польской королевы-француженки, которая хочетъ видѣть родственника своего, французскаго принца, на Польскомъ престолѣ, объяснялъ союзомъ Яна-Казимира съ ханомъ Крымскимъ, а чрезъ хана и султаномъ Турецкимъ, что все ставило Польшу во враждебныя отношенія къ Австріи. Но Москвѣ было отъ этого нелегче; она не переставала требовать содѣйствія къ прекращенію тяжкой войны. Какъ будто въ намѣтку, въ концѣ 1661 года австрійскій посолъ Августинъ фонъ-Майербергъ объявлялъ, что турецкое войско вторгнулось въ императорскія владѣнія, и просилъ, чтобъ царское величество изволило мысль свою объявить, какъ бы противъ общаго христіанскаго непріятеля бусурмана вспоможеніе учинить ратными людьми. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ на это: „Сами знаете, что Польскій король непріятель нашего государя, съ бусурманомъ въ союзѣ, слѣдовательно царскому величеству надобно стараться о томъ, какъ бы Польскаго короля отъ бусурманскаго союза оторвать и съ царскимъ величествомъ привести къ прежней братской дружбѣ и любви. Когда оба эти государя будутъ въ мирѣ, то надежнѣе будетъ мысль противъ общаго христіанскаго непріятеля. Царскому величеству можно помирить великаго государя нашего съ королемъ Польскимъ способомъ вѣнскимъ и духовнымъ: вѣнскимъ — войною, духовнымъ — клятвою, потому что вѣра у нихъ одна паневская, а папа издавна имѣетъ стараніе о томъ, чтобъ всѣ христіанскіе государя были въ совѣтѣ, и съ бусурманами не дружились, и союза не имѣли. Вамъ извѣстно, что теперь у царскаго величества непріятель Польскій король, и всѣ войска наши стоятъ противъ Поляковъ: такъ, не помирясь съ Польскимъ королемъ, начать войну съ другимъ великимъ непріятелемъ надобно разсудя“.

Андрусовское перемиріе и потомъ нашествіе Турокъ на Польшу переѣмили отношенія: въ 1672 году русскій посланникъ, майоръ Мавель Менезіусъ, поѣхалъ въ Вѣну съ завѣщеніемъ о взятіи Каменца Турками, о вооруженіяхъ Россіи. и съ вопросомъ: будетъ ли императоръ помогать Польшѣ и какъ? Императоръ отвѣчалъ, что онъ двигаетъ къ польскимъ границамъ большое и искусное войско. Избраніе Собскаго и тревожныя вѣсти, приходившія изъ Польши о намѣреніяхъ новаго короля, заста-

вили Алексѣя Михайловича отправить новое посольство въ Вѣну въ 1674 году. Посланники—стольникъ Потемкинъ и дьякъ Черицовъ, объявили царскимъ думнымъ людямъ о сторожнѣости: „На королевство Польское избрали Яна Собскаго, бывшаго гетмана, а княжества Литовскаго сенаторы и все посольство этому избранію противились, и склонились послѣ за великіе подарки изъ страха, потому что Собскій привелъ съ собою ратныхъ людей, Краковъ и Варшаву своими вѣнскими людьми осадилъ, и не столько избраніемъ, сколько силою стѣлался королемъ. Нѣкоторые особы говорили тайно, что Собскій обоимъ государствамъ, какъ царскаго, такъ и царскаго величества, великій непріятель и съ Турецкимъ султаномъ можетъ помириться вѣкорѣ. Французскій посолъ изъ Варшавы уже поѣхалъ къ султану, чтобы устроить этотъ миръ. Когда миръ состоится, то султанъ пойдетъ войною на царскія земли, чтобы не дать царю воевать Французскаго короля, а король Польскій съ частью войска турецкаго и съ Крымомъ—ратится на Московское государство. Нынѣшнимъ королемъ Польское государство въ послѣднее поколеніе прилетѣ, потому что онъ малолѣтенъ и съ Турками заключитъ миръ для того, что имѣнія его всѣ на турецкой границѣ.“

Думные люди отвѣчали: „Когда былъ здѣсь вашъ посланникъ Менезіусъ, въ то время у императора было намѣреніе послать войско на силезскую границу, въ помощь Польшѣ; но Французскій король напалъ на Голландцевъ, и царское величество, по просьбѣ Голландцевъ, отправилъ многія войска свои на помощь имъ противъ Французовъ. Если наши войска одолѣютъ короля Французскаго, то императоръ станетъ помогать королю Польскому. Враждебнымъ замысламъ новаго Польскаго короля царское величество вѣрнѣе обнаруживаются они дѣломъ, а не словами. Но многіе сенаторы не хотятъ и слышать о томъ, чтобы султанъ могъ наступить войною на императора; если сенаторы и все посольство въ Польшѣ услышатъ, что у нашего государя съ вашимъ крѣпкая братская дружба и любовь, то не посмѣютъ напасть ни на насъ, ни на васъ,—будутъ опасаться, что они между такими великими государями.“

Борьба съ Турцією оживила наши дипломатическія сношенія и съ другими европейскими государствами. Въ сношеніяхъ съ ближайшею Швеціею до 1673 года продолжались взаимные перекоры за несоблюденіе договорныхъ статей, особенно насчетъ торговли. Въ 1670 году былъ въ Ригѣ, находившійся въ русской службѣ, полковникъ фонъ-Стаденъ; шведскіе генералы Врангель и Тотте поручили ему предложить ближнимъ людямъ оборонительный союзъ между обоими государствами. Государь велѣлъ отвѣчать, что онъ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія на Швецію, готовъ помогать ей деньгами и запасами, но ратныхъ людей не пошлетъ и отъ короля не потребуетъ, потому что когда бываетъ походъ ратныхъ людей, то праше-

хотягь многія ссоры. Генералы дали знать Стадену, что Стенька Разинъ разослалъ по корельскимъ и ижерскимъ крестьянамъ грамоты за рукою и печатью бывшаго Никона патріарха. Отправляя снова Стадена въ Швецію, государь поручилъ ему хлопотать, чтобы грамоты эти и люди, ихъ привезшіе, присланы были въ Москву. Стадену поручено было также объявить Врангелю съ товарищами: „Король желаетъ съ царскимъ величествомъ союза, а подданные его печатаютъ въ курантахъ ложныя извѣстія и тѣмъ между обоими государствами производятъ ссоры. Такъ, 19 ноября, изъ Риги напечатано: бывший Московскій патріархъ, собравши великое число войска, хочетъ войною идти на царя за то, что царь, обезчестивъ его, отъ патріархескаго чина безо всякай вины отставилъ, не рассудя, что онъ патріархъ премудрый и ученый человекъ, и во всемъ лучше самого царя; а вина его заключается въ томъ, что онъ лютеранамъ, кальвинистамъ и католикамъ позволилъ ходить въ русскія церкви. Царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разиннымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ; 2) дать ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдать ему восемь человекъ ближнихъ бояръ, которыхъ, за грѣхи ихъ, Стенька умыслилъ казнить; 4) чтобы Никонъ былъ попрежнему патріархомъ“. — Государь велѣлъ Стадену домогаться, чтобы напечатанныя такія вѣсти были жестоко наказаны.

Въ концѣ 1673 года пріѣхалъ въ Москву шведскій посолъ графъ Оксенштернъ съ товарищами; но когда начались толки о пріемѣ, то встрѣтилось важное затрудненіе: отъ пословъ потребовали, чтобы они были во дворцѣ съ непокрытыми головами, что точно такъ-же и русскіе послы въ Стокгольмѣ будутъ предъ королевемъ безъ шапокъ. Оксенштернъ не рѣшился согласиться на эту новизну безъ королевскаго указа; надобно было послать за этимъ нарочно гонца въ Стокгольмъ; разрѣшеніе пришло; но за этими переговорами и пересылками прошло много времени, и переговоры могли начаться не ранѣе апрѣля 1674 года. Эти переговоры велись боярами, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ и княземъ Михаиломъ Юрѣвичемъ Долгорукими, и околыничимъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матѣевымъ. Оксенштернъ началъ: „Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ; да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ Турецкій, наступилъ войною на королевство Польское, много городовъ взялъ, лучшую и надежнѣйшую крѣпостію, Каменцомъ-Подольскимъ, овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашими и нашими государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятеля будетъ

всегда помогать“. Оксенштернъ кончилъ постоянною жалобою, что условіе Кардискаго договора не исполнено, не всѣ плѣнные отпущены. Начался споръ о томъ, о чемъ прежде разсуждать: о союзѣ или о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора. Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что, не окончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ. — „А зачѣмъ король не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Курляндію?“ спрашивали бояре; тамъ бы всѣ спорныя дѣла и были разрѣшены“. — „Въ Курляндіи, при польскихъ послыхъ, говорить о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора было непристойно“, отвѣчали Шведы. — „Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора; такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры!“ твердили бояре.

Шведы уступили и начали говорить о союзѣ противъ Турокъ, объявили, что король ихъ обѣщаетъ послать Полякамъ на помощь 5,000 человекъ пѣхоты, а если у Швеціи будетъ война съ другимъ государствомъ, то 3,000. Войска эти пойдутъ всюду, гдѣ надобно будетъ Полякамъ, и будутъ помогать имъ до прекращенія войны; король Шведскій подаетъ эту помощь королевству Польскому съ имени христіанскаго, не желая себѣ за то никакого вознагражденія. Бояре отвѣчали, что 5,000 очень мало, великій государь желаетъ, чтобы король Шведскій стоялъ противъ Турка всѣми своими силами съ царскимъ величествомъ заодно, а изъ-за 5,000 и союза заключать не для чего; хотя бы эти 5,000 были все ученые инженеры, а не простые солдаты, то все же противъ такихъ большихъ силъ стоять не могутъ. — „Но Поляки сами больше у насъ не просили“, — возражали послы. — „Чего у васъ Поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ“, говорили бояре, „а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами заодно, чтобы Турокъ Польсью не овладѣлъ; а когда Турокъ, чего Боже сохрани, Польскимъ государствомъ овладѣетъ, тогда и Шведскому государству тяжело будетъ“. Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться не наказано: для заключенія такого союза пусть царское величество отправляетъ своихъ пословъ къ королю. — „Такъ зачѣмъ же вы-то пріѣхали?“ спросилъ бояре, и продолжали: „намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200,000 войска, — наши будутъ за Дибиромъ и на Дону, а ваши — подъ Каменцомъ-Подольскимъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.“ — „Но какъ же въ бумагахъ, присланной съ фонъ-Стаденомъ, прямо было сказано, что помощи людямъ царское величество не желаетъ?“ — говорилъ Шведы. — „Это было уже давно“, отвѣчали бояре, „тогда еще Турокъ на Польскаго короля не наступалъ и Каменца-Подольскаго не бралъ“. Послы объявили прямо, что такой союзъ именно противъ Турокъ вовсе невыгоденъ для Швеціи, а выгоденъ только для Россіи: турецкія гра-

ницы сходятся съ русскими и вовсе не сходятся съ шведскими: за что же Швеція обяжется помогать постоянно Россіи безъ надежды получить когда-либо взаимную помощь. Поэтому послы предлагали заключить союзъ глухо на всѣхъ непріятелей обоихъ государствъ, не называя именно Турокъ. Тщетно бояре толковали, что отдаленность границъ не значитъ ничего, что опасность большая и для Швеціи отъ Турокъ: тщетно брали доказательство изъ исторіи: какъ Греки, угрожаемые Турками, просили помощи у сосѣднихъ державъ, тѣ не дали на томъ основаніи, что до нихъ было еще далеко; но когда безпомощная Греческая имперія пала, то и сосѣднія державы вслѣдъ за нею подверглись игу бусурманскому. Послы остались непреклонными; бояре уступили, и было постановлено: если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно; также если королевское величество стапетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно. Это разумѣется о помощи какъ людьми, такъ денежною казною и военными запасами. Государь велѣлъ собрать въ Москву всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, и разсирить ихъ при бояринѣ Ив. Богдан. Милославскомъ и при королевскомъ дворянинѣ: если которые изъ нихъ и вѣру Греческую приняли, а скажутъ, что принуждены къ тому неволею, тѣхъ отпустить въ Швецію; а которые приняли Греческую вѣру добровольно, или хотя и вѣры не приняли, но захотятъ остаться въ Россіи, — тѣ пусть остаются; то же самое будетъ сдѣлано въ Новгородѣ и Псковѣ съ шведскими плѣнниками, и въ Швеціи съ Русскими. Статья о торговыхъ пошлинахъ отложена, потому что послы, безъ королевскаго указа, не согласились на предложеніе бояръ брать пошлины по существующимъ устамъ въ обоихъ государствахъ. Послы взяли въ представитѣ на королевское усмотрѣніе и слѣдующую статью: перебѣжчиковъ казнить смертію въ той сторонѣ, куда перебѣгутъ, перебѣжавшихъ до сего времени выдать безъ задержанія.

Мы видѣли, какія дѣятельныя сношенія были у царя съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ 1656 и 1657 годахъ, по поводу войны Шведской. Хотя прекращеніе этой войны отягло у сношеній съ Данією главный интересъ, однако въ Москвѣ не хотѣли прекрѣпять ихъ, и въ 1660 году отправился въ Копенгагенъ стряпчий Яковъ Коконшинъ съ грамотою, въ которой царь изъявлялъ желаніе быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ сосѣдскихъ пріятельскихъ смыслахъ, свине преняго навѣки непрѣмѣнно. Коконшинъ былъ принятъ очень любезно, и услышалъ о важной новости: 14-го октября пришесть къ нему королевскій переводчикъ и стать разсказывать: „Вскорѣ послѣ мира съ Швецію прини-

къ королю архіепископъ Копенгагенскій, епископъ и духовный чинъ, да съ ними Копенгагенцы, посадскіе выборные люди и говорили: прежніе Датскіе короли и отецъ его, Христіанъ король, и онъ самъ дѣлалъ государственныхъ и другихъ никакихъ по своему изволенію безъ воли думныхъ людей не совершали, и государствомъ владѣли ближніе люди, отъ которыхъ были многія измѣны и Датскому государству разоренье большое. И теперь они, духовный чинъ и посадскіе люди, хотятъ того, чтобы онъ, король, государствомъ своимъ владѣлъ одинъ и всякія дѣла дѣлалъ и волею своею исполнялъ, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенію, какъ ему будетъ годно, чтобы думныхъ людей изгнано государство впередъ не разорялось, и чтобы король велѣлъ объ этомъ учинить раду вскорѣ. Но ихъ словамъ, король посылалъ по всѣмъ городамъ государства своего листы, чтобы изъ городовъ прислали въ Копенгагенъ человѣка по два и по три, выбравъ людей добрыхъ. Когда выборные люди въ Копенгагенъ пріѣхали, то король велѣлъ учинить раду и говорить на ней, чтобы Датскимъ государствомъ владѣть ему одному, и всякія дѣла дѣлать и волею своею исполнять безъ рады и воли думныхъ людей. Думные и ближніе люди этого было-не-захотѣли сдѣлать и стояли упорно; только духовный чинъ и выборные изъ городовъ посадскіе люди за большую неволею ихъ наговорили, чтобы они на то дѣло позволили. Сего дня рада кончилась: приговорили, чтобъ въ Датскомъ государствѣ шнѣшнему королю и потомкамъ его дѣла государственныхъ и всякія совершать, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенію, какъ имъ, королямъ, будетъ угодно. Думные люди, духовный чинъ, дворяне и ратные люди и изъ городовъ выборные люди стануть при королѣ присягать, чтобы тому дѣлу бытъ во вѣкъ неподвижну“.

17-го числа король прислалъ за Коконшиннымъ карету, и русскій посланникъ отправился на площадь подлѣ дворца, смотрѣвъ, какъ будетъ происходить эта торжественная присяга самодержцу. „На площади, доноситъ посланникъ, сдѣлано было мѣсто деревянное, какъ на Москвѣ Лобное мѣсто; на мѣстѣ сдѣланъ рундукъ, обито мѣсто и рундукъ сукнами красными; на рундукѣ поставлено 8 кресель, — обиты кресла бархатомъ червчатымъ. Около мѣста стояли ратные люди. Въ шестомъ часу дня король вышелъ изъ дворца; передъ нимъ шли дворяне, думные и ближніе люди, несли знамя красное тафтяное, шпагу королевскую, яблоко серебряное и корону. Король шелъ съ королевою, двумя королевичами и четырьмя королевнами, подъ покровомъ (балдахникомъ) бархатнымъ червчатымъ; за королемъ шли духовные и выборные люди. Король съ своимъ семействомъ сѣлъ въ кресла. Архіепископъ, епископъ и думные люди поднесли ему корону. Король всталъ, снялъ шпагу, принявъ корону и отдалъ ее ближнимъ людямъ, которые поставили

ее на стуль. Тогда канцлеръ началъ читать статьи, на которыхъ всѣ и присягали, а по присягѣ подходили къ королю и къ королеѣ къ рукамъ“.

Кокоскинъ привезъ въ Москву грамоту, въ которой Фридрихъ III извѣщалъ царя, что онъ сдѣлался отъ чина и чинамъ королямъ: „Надѣмся, писалъ Фридрихъ, что такая нашему королевскому дому прибылая честь вашей любви, какъ нашему брату, особному другу и сосѣду, пріятна будетъ“. Поздравить короля съ этою прибылою честью въ началѣ 1662 года отправились въ Данію двое дворянъ Напокинскихъ — Григорій и Богданъ. Московскіе дипломаты не хотѣли отставать отъ Малороссіянъ и Поляковъ въ витійствѣ, и Григорій Напокинскій держалъ къ королю Фридриху такую рѣчь: „Слышавъ великій государь нашъ его царское величество о сиевомъ великодаровитомъ на ваше королевское величество изліянномъ Божіи благосердіи и изыщномъ вашего королевскаго величества добросчастіи, возлеа всѣми владѣющему Царю Богу хваление, сие о таковомъ вашемъ королевскомъ величества радуясь благополученіи, яко о особичномъ его царскаго величества пріобрѣтеніи, на знакъ же постоянныя и давностию времени любви сотвержденная, насъ, великихъ пословъ, къ вашему королевскому величеству послати изволилъ, извѣствуя, яко онъ, великій государь нашъ, соблюденемъ всѣхъ Содѣтеля, въ Троицѣ славимаго Бога, на своихъ великихъ государствахъ здравствуетъ; и яко истинная любве рачитель, чрезъ насъ ваше королевское величество поздравляетъ; здравствуй, ване королевское величество, на отчичномъ вашего государства королевствѣ благосчастіи. Вышній Вседержитель веледичною си десницею да соблюдаетъ ваше королевское величество въ долгодѣиномъ и благоденственномъ здравіи, державу твою въ неотмѣнной пѣлости, и достоинствѣ въ приличномъ благосогласіи, королевство твое въ честности и подобающемъ служеніи людей твоихъ, да яко другій адамантъ, дѣлотою и крѣпостию благородства, ни единымъ отъ сопротивныхъ смельч будши, но, надъ многихъ свѣтятся яснымъ ти королевскихъ испривленій блистаніемъ, блеска противящихъ ти ся одолѣваши и зраки добрототствующихъ ти увеселяши и къ снмъ желательнаго потомства свѣтельство испущаши; да искры сего адаманта, си есть вашего королевскаго величества потомки, вашимъ государствомъ державствующее, не потеряють, но твердость выше намененная давностию времени и многими предки и сродствы сокрѣпленныя, и сѣдинами высокія чести пѣвтуция: дружбы и любве братскія между великаго государя нашего и вашего королевскаго величества да пребываетъ вѣчно наподобіе адаманта крѣпчайшаго, ничимъ же отъ слабоумныхъ нарушаема, сие да и страны окрестіи образецъ сего постоянного дружества снемше, вмѣсто зловпныхъ раздоровъ, добровпновую тищину любве между себе обумутъ. И Богъ вседержавный, не безеловесныхъ смущеній, но мира и добрыя любве виновный, всѣхъ благъ Дарователь отъ крѣпкоум-

ныхъ устъ прославится присно, иже постоянно чинномъ правды любящихъ и въ любви постоянствующихъ обыче вичати“. Богданъ Напокинскій говорилъ подобную же рѣчь отъ царевичей — Алексѣя и Осодора „двухъ благородныхъ и бездѣльныхъ царскихъ искръ, отъ дражайшаго и бездѣльнаго адаманта возсіявшихъ“. Послы объявили въ подарокъ отъ царя королю пять тысячъ нудъ пеньки; король велѣлъ сказать имъ, что пенька ему теперь очень нужна и онъ посылаетъ за нею нарочно корабль въ Архангельскъ.

Въ 1665 году ѣздилъ въ Данію извѣстный намъ Петръ Марселісъ съ просьбою, чтобы король Фридрихъ постарался склонить Польскаго короля къ миру съ Россіею. Фридрихъ отвѣчалъ, что пошлетъ къ Яну-Казимиру узнать о его намѣреніяхъ. Поиатно, что вмѣшательство Датскаго короля не могло нисколько помочь дѣлу. Мы видѣли, что попомгло ему. По заключеніи Андрусовскаго перемирія, въ Москвѣ сочли нужнымъ извѣтити объ этомъ и Датскаго короля.

Данія не славилась въ Москвѣ богатствомъ, промышленностію и торговлею, и потому къ ней не обращались ни съ просьбою о ссудѣ деньгами, ни съ просьбою о присылкѣ мастеровъ. Мы видѣли бѣдственное положеніе Московскаго государства во время Польской войны, когда финасовыя средства истощились и правительство бросало всюду тревожные взоры съ вопросомъ: гдѣ бы заняты денегъ, какъ бы увеличить доходы. Знали, какъ богаты западныя поморскія государства; знали, что богаты они отъ мореплаванія, торговли; что купцы ихъ ѣздятъ на своихъ корабляхъ въ дальнія богатыя страны и привозятъ оттуда дорогіе товары. Еще въ 1662 году явилась мысль — нельзя ли завести свои корабли и отправлять ихъ въ эти богатыя страны за дорогими товарами. На Балтійскомъ морѣ не было своихъ гаваней; родился вопросъ: нельзя ли завести мореплаваніе изъ чужихъ гаваней. Московское правительство находилось въ дружескихъ сношеніяхъ съ герцогами Курляндскими; ему оказаны были услуги: во время войны съ Польшею не трогали его областей, ходатайствовали передъ нимъ у Шведскаго короля. Царскій посланникъ, Желябужскій, проѣздомъ въ Англію и другія страны, вызвалъ къ себѣ въ Ригу канцлера Курляндскаго Фелькерзама и говорилъ ему: „Вашъ князь, помня къ себѣ великаго государя милость, службу свою и радѣние оказалъ бы, объявилъ бы великому государю: куда его корабли ходятъ для принныхъ зелей и овощей, въ которыя урочища и чьи владѣнія, и въ какое время ходятъ, и въ какое время корабли назадъ возвращаются, и въ какую пѣну ему корабль обходится, съ снастями и со всѣхъ корабельныхъ заводомъ, и сколько будетъ стоить корабельный ходъ людскимъ наймомъ и запасами? За милость великаго государя князь сдѣлалъ бы, чтобы государевымъ кораблямъ ходить въ тѣ мѣста для тѣхъ промысловъ и корабли бы великому государю для тѣхъ промысловъ

велѣлъ приготовить совѣмъ какъ можно пдти, а во сколько ему корабли стануть, и то ему будетъ заплачено изъ царской казны. Да объявилъ бы князь: гдѣ добывать мастеровъ къ серебрянымъ рудамъ, и гдѣ онъ самъ князь руду серебряную добываетъ.“

— „За премногую милость великаго государя“, отвѣчалъ Фельдбергамъ, „князь мой во всемъ служить и работать радъ: ходять его корабли для приныхъ зелей и овощей въ его владѣнія, въ Индію; тамъ у князя свой островъ, устроенъ на немъ городокъ, живетъ тамъ княжихъ людей 200 человекъ. Строенье князю стало дорого: возили дѣла на корабляхъ отсюда. Корабли намъ стоять дорого, потому что на ихъ строенье все привозять изъ чужихъ земель. Думаю, что пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска“. Герцогъ прислалъ грамоту съ подробнымъ изъясненіемъ дѣла; грамота не сохранилась; но мы легко можемъ догадаться о ея содержаніи.

Сношенія съ Голландією, откуда вызывались ратные люди и мастера, были такъ важны, что, въ 1660 году, Англичанинъ Иванъ Гебдонъ отправленъ былъ туда резидентомъ, или комиссаріусомъ.

Мы видѣли, что сношенія съ Англією прекратились въ 1649 году влѣдствіе казни короля Карла I, но продолжались съ претендентомъ Карломъ II, которому дано было вспоможеніе. Въ 1654 году къ Архангельску приплылъ посланникъ англійскаго влѣдствія Оливера (Кромвеля), Вильямъ Придакъ. Посланникъ подалъ государю письмо, въ которомъ говорилось, что великій земскій сеймъ, отчаявшись въ исправленіи многихъ дуростей, бывшихъ въ Англійской Землѣ при державѣ прежнихъ королей, переѣхалъ правленіе и поставилъ сааго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовію поклонъ къ кесарскому величеству, великому государю, кесарю Алексѣю Михайловичу, прося о возвращеніи вольностей, отнятыхъ у купцовъ англійскихъ. Царь не всталъ, спрашивая о здоровьи протектора; посланникъ протестовалъ: „Хотя нынѣ въ Англійской Землѣ и учинены Статы (республика), однако государство ничѣмъ не убыло; Испанскій, Французскій и Португальскій короли и Венеціанскіе статы воздаютъ влѣдствію нашему честь такъ, какъ и при прежнихъ короляхъ“. — „Англійскому королевству учинилось премѣньше“, былъ отвѣтъ; „отъ влѣдствія вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты приславъ, про то царскому величеству было невѣдомо; а венеціанскіе и голландскіе влѣдствіа царскому величеству не пришѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось“. — „Въ какихъ государствахъ я ни былъ“, продолжалъ посланникъ, „такой чести себѣ не выдывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону, и спина съ меня спяла!“ — „Какъ въ Московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ“, отвѣчали ему. „А тебѣ въ чужомъ государствѣ про чны выговаривать не годится“. Въ отвѣтной грамотѣ Кромвелю царь писалъ: „Оливеру, влѣдствію

надъ статы Англійской, Шотландской и Ирландской Земель, и государствъ, которыя къ нимъ пристали. Что вы съ нами дружбы и любви шдете, то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами, протекторомъ, быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ влѣдствіяхъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что вапа честность шдете о торговыхъ людяхъ, то намъ теперь объ этомъ дѣлѣ искорѣ разсмотрѣние учинитъ за воинскимъ временемъ шельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоешь обонмъ государствамъ къ покою, прибылю, дружбѣ и любви“.

Далѣе этихъ неопредѣленныхъ учтивостей съ Кромвелемъ дѣло нешло. Царскій резидентъ въ Голландіи, Англичанинъ Гебдонъ, оказался приверженцемъ Карла II, и, когда послѣдній призванъ былъ на престолъ Англійскій, Гебдонъ явился къ нему съ просьбою отпустить въ Россію трехтысячный отрядъ войска. Король далъ ему полную свободу набирать войско, и, давая знать объ этомъ царю (весною 1661 года), писалъ, что никогда не можетъ забыть знаковь братской дружбы, оказанныхъ ему Алексѣемъ Михайловичемъ во время нечестиваго смѣненія, особенно не можетъ забыть распоряженія, по которому недостойные подданные его были лишены прежнихъ вольностей въ Московскомъ государствѣ; но теперь, когда добрые подданные возвратились къ прежнему послушанію, то онъ, король, надѣется, что царское величество возвратитъ имъ привилегію. Грамота королевская была признана съ сыномъ Гебдона.

Поздравить новаго короля съ востествіемъ на престолъ въ 1662 году отправились въ Англію стольникъ, князь Петръ Прозоровскій, и дворянинъ Ив. Желябужскій. Послы были встрѣчены утѣреніемъ, что король ни къ кому изъ государей не питаетъ такой признъи, какъ къ Русскому кесарю: всемъ приѣзжимъ людямъ объявляетъ великаго государя милость къ себѣ, съ ближними своими боярами и со всеми подданными своими говоритъ безпрестанно, что, кромѣ Русскаго государя, никто не оказалъ ему такой милости, когда онъ былъ въ изгнаніи; ждетъ король, чѣмъ бы воздать великому государю за эту милость. Когда послы ѣхали по Темзѣ, на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ; гдѣ не было пушекъ, тамъ все люди привѣтствовали пословъ громкими криками; по лондонскимъ улицамъ мелкимъ людямъ велѣно было кричать, а лучшимъ людямъ всемъ быть на встрѣчѣ.

Въ отвѣтъ королевскіе бояре объявили посламъ: „Когда королевское величество былъ въ изгнаніи, въ то время великій государь помогъ ему казною. Это вспоможеніе королевскому величеству памятно. И теперь онъ занятаю казну посылаетъ къ великому государю“. Послы говорили, чтобы королевское величество, сверхъ этой казны, велѣлъ бы великому государю дать взаимы ефимковъ 10,000 пудъ, а великій государь велитъ заплатить товарамъ, ненькою и поташемъ погодно, какъ будетъ

положено въ договорѣ. Королевскіе бояре отвѣчали, что это дѣло великое, скоро его рѣшить нельзя, а король на отпускъ самъ сказалъ Прозоровскому: „Я вседушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною оберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлать съ великимъ государемъ вашимъ“.

Въ бытность свою въ Лондонѣ, второй посоль, Желябужскій, поссорился съ Гебдономъ; по донесенію Желябужскаго, Гебдонъ получалъ деньги изъ королевской казны на содержаніе пословъ, и утаивалъ, давалъ дурную пищу. На посольскомъ дворѣ занялъ себѣ и дѣтямъ своимъ лучшія комнаты; доктору Самуилу и другимъ нѣмцамъ, пріятелямъ своимъ, отвелъ комнаты хорошія, а дяльку и дворянамъ далъ палатники тѣсныя, подъячему же отвелъ такую палатку, что и войти въ нее скверно. Гебдонъ говорить, что бояре на Москвѣ государю не радѣютъ, надобныхъ людей иноземцевъ беречь и выискивать не умѣютъ; а которые иноземцы худые люди и умѣютъ жить ложью, до тѣхъ бояре добры и казною государевою такихъ обогащаютъ. И прежде при царѣ Михаилѣ, бояре Иванъ Бор. Черкасскій и Федоръ Ив. Шереметевъ худыхъ лживыхъ людей иноземцевъ жаловали: иной за собою сказывалъ рудознательство серебряное, иной другое мастерство, и тѣмъ выманивали много денегъ, а бояре имъ давали. „Теперь отогнали отъ Архангельской пристани всѣхъ торговыхъ людей, и намъ, Англичанамъ, и подавно впередъ ѣздить не зачѣмъ: какіе товары привозили изъ Московскаго государства, тѣ всѣ въ Англійской Землѣ завели“. Царскіе подарки, присланные королю, Гебдонъ дешевилъ; а Русскихъ людей распускалъ слухи, что они пьянствуютъ, выпиваютъ въ день по 11 бочекъ; втораго посла Желябужскаго называлъ брюзгою и будто его дурство вѣдома всему Лондону.

Гебдонъ, въ свою очередь, писалъ въ Москву зятю своему, что Желябужскій вредитъ посольскому дѣлу; что король и вельможи и видѣть его не могли за его гордость; а какъ они уѣхалъ черезъ Францію въ Италію, то король и думные люди хвалятъ князя Прозоровскаго за его учтивость. Сынъ Гебдона писалъ, что послы приняты съ небывалыми почестями по радѣнію отца его, ежедневно отпускается имъ отъ короля по 200 серебряныхъ рублей; только Желябужскій унижилъ государево имя гордостью своею; а князь Прозоровскій у короля и вельможъ въ славу и чести высокой. Докторъ Самуилъ Коллинсъ писалъ, что весь дворъ про князя Прозоровскаго говоритъ все доброе, а Желябужскій гордъ, никого не почитаетъ и никому не любъ; когда уѣхалъ, то оказалось, что мебель въ его квартирѣ перепорчена и хоромы всѣ испоганены.

Въ Москвѣ однако, какъ видно, не такъ смотрѣли на Прозоровскаго и Желябужскаго, какъ въ

Англии: не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было снести съ герцогомъ Курляндскимъ насчетъ мореплаванія; не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было занять у англійскихъ купцовъ 31,000 ефимковъ. Желябужскій обратился къ купцамъ, предложилъ условіе, что уплата будетъ произведена въ Архангельскѣ пенкою и поташемъ; купцы отвѣчали, что дадутъ, но пусть поговоритъ прежде съ воеводою Лондонскимъ (лордомъ-мэргомъ). Воевода отвѣчалъ: „Радъ я работать великому государю, стану говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дамъ, что смогу“. Желябужскій обратился и къ резиденту Гебдону, чтобы порадѣлъ великому государю, промыслилъ ефимковъ; но тотъ отвѣчалъ: „Теперь нельзя давать займа; у Архангельска въ торгахъ стала неправда и невольность; если дать займа, то почитай за пропало. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ, добывать мнѣ ефимковъ негдѣ и дѣла мнѣ до этого нѣтъ“. Нѣскольکو разъ потомъ посылаъ Желябужскій къ воеводѣ и купцамъ, все обѣмались придти, наконецъ пришли и объявили: „Ефимковъ намъ дать нельзя, потому что товары въ Архангельскѣ стали дороги; отдамъ здѣсь наши товары дешевле, чѣмъ покупаемъ, да и то никто не покупаетъ; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадетъ на Московскихъ людяхъ, а сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ“.

Желябужскій: „По чѣму-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотіте дать ефимковъ, да и говорите затѣйное дѣло! Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропадало“.

Купцы: „И теперь у насъ много по записямъ долговъ и задатковъ на московскихъ торговыхъ людяхъ пропадетъ, а расправы нѣтъ. Да и пріѣздъ къ Архангельску передъ прежнимъ сталъ намъ тяжелъ отъ головъ и цѣловальниковъ. Еслибъ еще побывалъ въ головахъ Василій Шоринъ, а въ цѣловальникахъ Климинъ, то бы и вовсе всѣхъ пріѣзжихъ иноземцевъ отогнали; такихъ мы другихъ неправедныхъ людей на свѣтѣ не видали“.

Желябужскій. „Все это къ моему дѣлу не относится, я прошу теперь займа для великаго государя и запишъ дамъ, что заплачено будетъ изъ царской казны. У васъ долги межъ своею братьею, и бейте челомъ на своихъ должниковъ великому государю; жалуйтесь и на тѣхъ, отъ кого вамъ тягость и налога въ торгахъ: во всемъ будетъ розмыскъ и расправа“.

Купцы: „Въ Архангельскѣ мы всегда о долгахъ своихъ и задаткахъ бьемъ челомъ и у воеводъ указа просимъ; воеводы намъ въ долгахъ и задаткахъ расправу чинятъ, а въ обидѣхъ отъ головъ и цѣловальниковъ отказываютъ, будто имъ, воеводамъ, до нихъ дѣла нѣтъ; а какъ прежде головъ и цѣловальниковъ вѣдали воеводы, то намъ было лучше ѣздить съ товарамъ“.

Несмотря ни на какія увѣщанія со стороны

Желябужскаго, купцы рѣшительно отказали въ ефимкахъ. Пришелъ Голландецъ Артемій живописецъ и сталъ объяснять дѣло: „Купцы ефимковъ не дали по наговору Геддона; онъ имъ говорилъ: не давайте ефимковъ; еслибъ царю нужно было здѣсь что-нибудь, то бы онъ къ вамъ прислалъ грамоту, или бы отицаелъ ко мнѣ“. Толмачъ подтверждалъ то же самое.

Въ 1664 году прѣхалъ въ Москву знатный посоль, Говартъ графъ Карлейль, и, небывалое дѣло, прѣхалъ съ женою и сыномъ. Въ грамотѣ своей Карль II извѣстился передъ царемъ, что замедляя отправленіемъ торжественнаго посольства, по выборъ такого знатнаго человѣка, какъ родственникъ его, графъ Карлейль, долженъ показать особенное высокое почитаніе, которое онъ, король, питаетъ къ персонѣ царскаго величества. Бояре, князя Ник. Ив. Одоевскій и Юрій Алекс. Долгорукой, да окольничій Васил. Сем. Волынской, назначены были въ отвѣтъ; велѣно быти имъ въ золотыхъ, съ образцами низанными, въ золотыхъ цѣпяхъ и черныхъ шапкахъ. Посоль объявилъ наказъ королевскій: 1) извѣстить великому государю, чтобы онъ изволилъ утвердить съ королемъ прежнюю братскую дружбу и любовь; 2) просить возвращенія привилегій англійскимъ купцамъ. На первую статью отвѣчали, что государь братской дружбы и любви съ королемъ очень желаетъ; а на вторую статью послѣдовалъ отказъ: „Торговали Англичане въ Московскомъ государствѣ безошлнно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали; заповѣдные товары привозили и вывозили тайкомъ; чужіе товары провозили за свои, чтобы не платить пошлины; одинъ изъ купцовъ Англійской Компаніи прѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ Швецію для торговли. „Мы думаемъ“, говорили бояре, „что королю все это неизвѣстно: иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ“. — „Королю все извѣстно“, отвѣчалъ посоль; „но теперь онъ проситъ привилегій, потому что хочетъ пожаловать русскому торговлею людей себѣ вѣрныхъ, отъ которыхъ никакой несправды въ Московскомъ государствѣ не будетъ: узорочные товары стануть отдавать въ царскую казну по заморской цѣнѣ, товары стануть привозить добрые, сукна негиаутыя“. *Бояре:* „Стануть Англичане торговать въ Архангельскѣ съ пошлинами, и королевскому величеству убытка никакого не будетъ, царскіе подданные начнутъ торговать въ Англии, будутъ платить пошлины прямыя, и оттого обогнѣтъ государство будетъ прибыль; если же Англичане будутъ торговать въ Московскомъ государствѣ безошлнно, то царской казнѣ будетъ большой убытокъ, а прибыли никакой“.

Послѣ долгихъ переговоровъ и письменныхъ пересылокъ, бояре объявили Карлейлю: „Великій государь, для прошенія любезнѣйшаго и вожделѣн-

нѣйшаго своего брата, указать англійскимъ гостямъ ѣздить въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Москву десяти человѣкамъ, людямъ добрымъ и въ правдѣ свидѣтельствованнымъ и королевскому величеству годнымъ, которыхъ королевское величество изволилъ выбрать вновь. Эти десяти человѣкъ могутъ въ Москвѣ дворъ купити; пошлину съ своихъ товаровъ будутъ они платить наравнѣ съ другими иноземцами, пока у царскаго величества съ Польскимъ королемъ и Крымскимъ ханомъ война; а какъ война кончится, въ то время царское величество велитъ англійскимъ гостямъ указъ учинить по своему государскому милосердому разсмотрѣнію, какъ возможно“.

Посоль былъ недоволенъ: „Если“, говорилъ онъ, „царское величество привилегіи не возвратитъ, то какъ между обоими великими государями основанію дружбы быть крѣпкую?“

— „А когда король отказалъ дать взаимныя деньги, то вѣдь отъ этого дружба не нарушилась“, были отвѣтъ.

Карлейль былъ сильно раздраженъ неуспѣхомъ своего дѣла, и въ этомъ раздраженіи позволилъ себѣ рѣзкія выраженія въ разговорахъ и на письмѣ. Такъ, между прочимъ, онъ позволилъ себѣ сказать, что Московское правительство нарочно запросило такъ много денегъ у короля взаимныя, чтобы придрагаться къ отказу и не дать привилегій купцамъ. Ему платили тою же монетою; прямо говорили, что онъ взялъ большія деньги съ своихъ купцовъ и потому такъ сильно хлопочетъ о возстановленіи привилегій. Чтобы выторговать привилегію, Карлейль предложилъ посредничество Англии въ примиреніи Россіи съ Польшею. Думные люди объявили ему, что государь согласенъ и чтобы онъ, посоль, отправилъ отъ себя поскорѣе гонца къ Польскому королю. — „Гонца послать мнѣ трудно“, отвѣчалъ Карлейль, „потому что прежнимъ моимъ дѣламъ рѣшенія нѣтъ; прежде всего надобно возстановитъ теперь же привилегіи англійскимъ купцамъ“. — „Тебѣ о привилегіяхъ объявлено“, говорили думные люди, „и пережѣны въ рѣшеніи не будетъ“. — „А если пережѣны не будетъ“, отвѣчалъ Карлейль, „то я къ Польскому королю гонца не пошлю и самъ не пойду, дѣлать мнѣ тамъ нечего; быю челомъ великому государю объ отпускѣ. Если царское величество королевское прошеніе исполнилъ теперь же, при мнѣ, то я бы царскому величеству былъ вѣчно работникомъ. Послалъ меня король для этого дѣла нарочно. Когда я къ королевскому величеству прѣйду и отвѣтъ ему царскій передамъ, то онъ скажетъ, что такой же отвѣтъ данъ и Кромвелеву послу, хотя бы онъ и гонца послалъ, то и тотъ такой же бы отвѣтъ привезъ, и думаю, что впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ. Жаль, что это дѣло сдѣлалось не при мнѣ; а если бы порѣшено было при мнѣ, то я бы смѣло объявилъ, что царскому величеству заплачено въ десять и двадцать разъ“.

Никакія представленія не помогли. Карлейль съ досадою убѣжалъ въ Швецію, давши знать въ Англію о безуспѣшности своего посольства. Въ Москвѣ были увѣрены, что Карлейль захочетъ сорвать свое сердце предъ королемъ, и послѣдили послать въ Лондонъ стольника Дашкова для объясненій. Если Прозоровскій и Желябужскій были встрѣчены съ небывалыми почестями, то Дашковъ испыталъ небывалое безчестье: ему не дали ни подводу, ни кормовъ, ни квартиры. На жалобы его отвѣчали: „Послу нашему, Карлейлю, была у васъ честь обычная, и о чемъ было съ нимъ наказано, того ничего не сдѣлано“. Дашковъ объяснилъ, что Карлейль вѣдь дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ, толковалъ все о возвращеніи привилегій купцамъ, называя эти привилегіи основаніемъ братской дружбы и любви между обоими государями; но „основаніе братской дружбы между ихъ величествами заключается въ ихъ взаимномъ благожеланіи, а не въ привилегіяхъ; привилегіи не могутъ быть основаніемъ безцѣпной, дражайшей и свѣтлѣйшей солнца дружбы и любви между государями, какъ земля не можетъ быть подошвою солнцу“. Къ Дашкову явился Гебдонъ съ предложеніемъ услуги царскому величеству: „Мы съ вами говорить не вѣлио, но, помня великаго государя милость, скажу по секрету: Карлейль въ Швецію заключилъ договоръ, чтобы Шведскому королю съ нашимъ королемъ быть въ союзѣ противъ царскаго величества: англійскимъ купцамъ къ Архангельску не ходитъ и голландскихъ и другихъ народовъ кораблей не пропускаетъ, ѣздитъ Англичанамъ за русскими товарами въ Ригу, Ревель и Нарву, и торговать безпошлинно. Король нашъ говорилъ съ боярами: „У Русскаго государя съ Польскимъ королемъ война не скоро кончится, а съ Крымскимъ ханомъ у него и никогда миру не бываетъ; такъ нашимъ компанейщикамъ долго ждать“. Карлейлева посылка стала королю во многія тысячи, а компанія ему за это не заплатитъ, потому что дѣло не сдѣлано; для московской посылки изъ королевской казны дано Карлейлю 20,000 рублей“. Гебдонъ хвалился, что онъ уговариваетъ вельможъ не заключать союза съ Швеціею противъ царя, представляя, что Россіи этимъ они вреда большаго не сдѣлаютъ, а безъ русскихъ товаровъ имъ обойтись нельзя. Король отпустилъ Дашкова весной 1665 года, вѣльмиши заплатитъ ему 1,200 рублей за то, что жилъ все время на своемъ.

Во время войны Англичанъ съ Голландцами, царь чрезъ находившагося у него въ службѣ Шотландца, полковника Гордона, далъ знать Карлу II, что онъ запретилъ продавать Голландцамъ у Архангельска лѣсъ и другіе корабельные припасы. Съ отвѣтомъ явился въ Москву, въ 1667 году, старшій знакомый Гебдонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла королевскаго. Гебдонъ объявилъ о неправдахъ Голландскихъ Штатовъ, которые, забывая помощь, оказанную имъ нѣкогда королевою Елизаветою противъ Испанскаго короля, начали те-

перь противъ Англіи войну и поступаютъ въ этой войнѣ гордо. Король велѣлъ просить царское величество о возвращеніи привилегій англійскимъ купцамъ, что уже было обѣщано Карлейлю. Король узналъ, что у Голландцевъ, торгующихъ въ Россіи, объявилась фальшивость, и потому велѣлъ просить царское величество, чтобы этихъ Голландцевъ, за ихъ обманъ и зато, что они королевскому величеству непріятели, приказалъ выслать изъ Московскаго государства. Но потомъ Гебдонъ прибавилъ: „По указу королевскому, я объявилъ о Голландцахъ, чтобы ихъ изъ Московскаго государства выслать; но теперь слухъ поется, что у государя моего съ Голландскими Штатами заключенъ миръ; такъ насчетъ высылки Голландцевъ полагаюсь я на волю и на разсужденіе великаго государя“.

Самъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ Аонасій Лаврентьевичъ Ордннъ-Нашочкинъ написалъ отвѣтъ Гебдону, что видно по хорошо знакомому намъ слогу, тяжелому, темному и вычурному: „Всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ пожитковъ пребывали, а непріятелю христіанскіе отъ того въ страхъ были. Нынѣ въ Московскомъ государствѣ торговля стала учинена великимъ разсмотрѣніемъ, чтобы торговля происходила безъ ссоръ и безъ обиды; прежнимъ компаніямъ быть негодится, потому что отъ тѣхъ больше ссоры, чѣмъ дружбы; открылось, что иноземцы торгуютъ и одкрадываютъ и обманываютъ товарами, тайные подряды дѣлаютъ и многими долгами Русскихъ людей обременяютъ“. Ипопяти, что Гебдонъ не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ: онъ возражалъ, что обѣщаніе, данное Карлейлю, нарушено; обѣщано было возвратитъ привилегію, какъ скоро прекратится война съ Польшею; теперь война прекратилась, а привилегіи возвратитъ не хотятъ. Никакія представленія не были приняты.

Существенный вопросъ въ сношеніяхъ съ Англіею былъ рѣшенъ; другихъ общихъ интересовъ не было. Но когда Турки напали на Польшу, то царь Алексѣй Михайловичъ, по неопытности въ еврейскихъ дѣлахъ, взялъ пригласитъ всѣхъ еврейскихъ государей къ подацію помощи Польшѣ противъ враговъ Креста Христова. Съ этою дѣлю отправился въ Англію переводчикъ Посольскаго Приказа, Андрей Вишугъ. Ему сказали, что король не можетъ помочь Польшѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мѣшаетъ война съ Голландцами, которая занимаетъ весь англійскій флотъ, — больше семидесяти военныхъ кораблей; во-вторыхъ, въ Турціи живетъ множество англійскихъ купцовъ, и если король начнетъ войну противъ Турокъ, то султанъ велитъ всѣхъ Англичанъ ограбить или побить. Сверхъ того, при дворѣ султана всегда живетъ англійскій посолъ. — Вишугъ впервые внесъ въ свой статейный списокъ извѣстія объ образѣ правленія въ Англіи: „Правленіе Англійскаго королевства или, какъ общимъ именемъ именуютъ, Великой Бри-

таніи, есть отчасти монархіяльно (единовластно), отчасти аристократно (правление первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіяльно есть потому, что имѣють Англичане короля, который имѣеть отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія войны или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ, или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изъ всей Земли; въ другомъ—собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ и приговорятъ, однако безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло невозможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ называться аристокрація, а нижній демокрація. А безъ повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не можетъ въ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить“.

Мы видѣли, что, при объявленіи войны Польнѣ, царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ Французскаго короля. Социл также нужнымъ объявить Людовикъ XIV и о прекращеніи войны: въ 1668 году отправился во Францію столичный Петръ Потемкинъ съ дьякомъ Румянцевымъ и представилъ королю въ С.-Жерменѣ. Людовикъ отвѣчалъ, что очень радъ прекращенію войны и проситъ всемогущаго Бога о совершеніи вѣчнаго докончанія. Будучи въ отвѣтъ, посланники говорили королевскимъ думнымъ людямъ: 1) Великій государь желаетъ быть съ королевскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви; 2) для подкрѣпленія этой дружбы и любви изволилъ бы король послать къ царскому величеству своихъ пословъ или посланниковъ; 3) съ обѣихъ сторонъ торговымъ людямъ ходить и торговать во всѣхъ городахъ. Думные люди на эти статьи отвѣчали слѣдующими статьями: 1) Быть доброму и долговѣчному покою, соединенію и пріятству между царскимъ и королевскимъ величествами и ихъ наследниками. 2) Быть во всякомъ покоѣ и братской любви, честь и славу о себѣ воздавать во всѣ окрестныя государства. 3) Укрѣпить навѣки, чтобы одинъ на другого не наступалъ и другъ другу убытка не чинилъ. 4) Царскаго величества людямъ приходитъ и торговать во всѣ французскія государства съ великою вольностію, не платя за пріѣздъ ничего; съ товаровъ ихъ пошлину брать какъ съ другихъ иноземныхъ торговыхъ людей; дома, погреба и амбары нанимать имъ безо всякой трудности; торговать горою и водою всякими товарами безъ помѣшки и дворы строить; брать пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые будутъ въ продажѣ; всякіе французскіе товары отвозить имъ куда кто захочетъ. 5) Московскимъ людямъ, которые будутъ жить во Французскомъ государствѣ, налоговъ и обидъ не будетъ; подати платить имъ,

какъ платятъ французскіе торговые люди; для своихъ расправъ держать имъ своего судью; и службу Божію отправлять имъ по своей вѣрѣ со всякою вольностію. 6) Французскимъ торговымъ и другихъ чиновъ людямъ ѣздить чрезъ Московское государство во всѣ другія окрестныя государства и въ Персію: прѣзди имъ и въ вѣрѣ вольность такъ же, какъ и Русскимъ людямъ во Франціи; съ прѣзда и отвѣзда пошлины не брать; съ товаровъ пошлины брать, какъ брали съ англійской компаніи—половину, и съ Русскихъ людей за то будутъ брать во Франціи половинную же пошлину.

Посланники не вступили въ договоръ и не дали никакого письменнаго отвѣта, послали только сказать думнымъ людямъ съ пристаюмъ, что о торговыхъ дѣлахъ договариваться имъ не наказано, пусть король отправляетъ за этимъ дѣломъ свое посольство въ Москву. Пришли къ посланникамъ купцы и начали говорить о тѣхъ же условіяхъ, какія предложены были и въ статьяхъ. „Ступайте для купечества въ Архангельскъ“, сказали имъ Потемкинъ: „налоговъ и обидъ никакихъ вамъ не будетъ, пошлину возьмутъ какъ съ другихъ иноземцевъ“. — „Безъ договора и постановленія въ такой дальній путь ѣхать намъ не надежно“, отвѣчали купцы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Несмотря на явно выраженное Людовикомъ XIV нежеланіе вступаться въ дѣла Восточной Европы, царь въ 1670 году отправилъ къ нему грамоту, въ которой извѣщалъ, что русскіе уполномоченные и польскіе комиссары, для заключенія вѣчнаго мира, назначили его, короля, въ посредники, вмѣстѣ съ императоромъ Нѣмецкимъ, королемъ Шведскимъ и Датскимъ, и курфюрстомъ Браунсбургскимъ. Наконецъ, въ 1673 году, тотъ же Виниусъ, котораго мы видѣли въ Англій съ требованіемъ помощи Польшѣ противъ Турокъ, отправилъ съ этимъ предложеніемъ и къ Людовіку XIV, котораго засталъ на походѣ во Фландрію; король отвѣчалъ, что война съ Голландцами мѣшаетъ ему исполнить желаніе царя.

Не была забыта и далекая Испанія. Уже знакомый намъ столичный Петръ Потемкинъ ѣздилъ въ 1667 году въ Мадридъ; царская грамота, объявлявшая о прекращеніи войны съ Польшею, была написана на имя короля Филиппа IV; но посланникъ вручилъ ее преемнику Филиппа, молодому Карлу II: „Имя предковъ нашихъ, писалъ царь, во всѣхъ государствахъ славится, и Великая Россія отъ года въ годъ во благихъ пріумножается; многіе окрестные государи любительную и спомочную ссылку съ нами имѣють, а съ вами, великимъ государемъ, любительныя ссылки даже до сего времени удержаны были или за отдаленіемъ страны, или по волѣ Всесильнаго Бога, строящаго все непостижимо въ ожиданіи лучшаго времени“. Карлъ въ своей грамотѣ отвѣчалъ, что немедленно отправить пословъ въ Россію, а до тѣхъ поръ приказалъ онъ по всѣмъ своимъ морскимъ пристанямъ допускать царскихъ подданныхъ къ вольной тор-

говѣлъ, надѣясь, что и царь сдѣлаетъ то же самое для Испанцевъ. Дорога была проложена, и въ 1673 году, Виниусъ изъ Франціи заѣхалъ въ Испанію съ извѣстнымъ приглашеніемъ подать помощь Полькѣ противъ Турокъ. Онъ привезъ отвѣтъ, что Карлъ II, по свойству съ королемъ Польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянія.

Италія напомнила сама о себѣ. Венеціанская республика въ борьбѣ своей съ Турками, которая приходилась ей не подъ силу, искала всюду помощи. Зная хорошо отношенія христіанскаго народонаселенія Балканскаго полуострова къ Россіи, и слыша объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она, въ 1656 году, отправила посольство въ Москву съ просьбою, чтобы царь велѣлъ Донскимъ казакамъ напасть на Турокъ и развлечь ихъ силы, также, чтобы позволить Венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ. Москвѣ въ это время не до Турокъ: Польская война, повидимому, оканчивалась, но она привела за собою другую войну, Шведскую. Денежные средства истощились въ Москвѣ и здѣсь хотѣли воспользоваться Венеціанскимъ посольствомъ, чтобы попытаться, нельзя ли занять денегъ у республики, слышней, по старымъ преданіямъ, богатою. Осенью того же 1656 года отправилась въ Венецію, моремъ изъ Архангельска, на голландскихъ корабляхъ дарскіе посланники—стольникъ Чемодановъ и дякъ Посниковъ, повезли съ собою, по обычаю, государевы и патриаршіе товары на продажу. Въ Атлантическомъ океанѣ, 27 октября, ночью, застигла ихъ буря: многія волны въ корабли вливались и въ верхнія жпля въ окоши валами било, много рухляди помочило; въ среднемъ жилѣ было воды на аршинъ и больше, а наверху по полюсъ человѣку, изъ государевой казны бочку ревеню потопило. Въ то время на кораблѣ былъ плачъ и вопль великій; посланники и всѣ государевы люди начали пѣть молебень,—и буря утихла. Прошла одна бѣда, впереди ждала другая: противъ Лиссабона увидали 14 кораблей, приняли ихъ за разбойничьи, варварскіе, и приготовились къ бою; но оказалось, что идутъ разныхъ государствъ торговые Нѣмцы изъ Испаніи; Нѣмцы однако сказали, что на Средиземномъ морѣ къ Ливорно гуляютъ въ корабляхъ турскіе люди. Дѣйствительно, проѣхавши Узкое мѣсто (Гибралтарскій проливъ), встрѣтили три разбойничьихъ корабля. Посланники и всѣ Русскіе люди, видя турецкихъ воровскихъ людей найденіе и напускъ, Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пѣніе со слезами воздавали. Разбойники, неправясь по вѣтру и устремясь къ бою, за кораблями гнались быстрымъ ходомъ, и догнали; но, увидавъ на корабляхъ государевыхъ людей, боевыя знамена и осторожность, не посмѣли напасть, и ночью исчезли. 25 ноября посланники пріѣхали въ Ливорно, гдѣ были встрѣчены съ большимъ почетомъ. Такой же пріемъ ждалъ ихъ и во Флоренціи; самъ герцогъ Фердинандъ носѣтилъ ихъ и го-

ворилъ: „Великій государь вашъ пожалуетъ къ монахъ подданныхъ, торговыхъ людей, велеть ли у Архангельска покупать икру и другіе товары? А великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою, до скончанія живота радъ служить и помогать“. Черезъ Феррару провожали посланниковъ генералъ, папскій вникъ; поравнявшись съ церковію, онъ сказалъ имъ: „Вотъ костелъ Св. Георгія, гдѣ довершенъ осьмой соборъ, начатой во Флоренціи“. — „Тотъ ли это осьмой соборъ“, спросилъ Чемодановъ, „котораго во Флоренціи не далъ довершить и разогналъ Св. Маркъ Ефесскій?“ — „Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершилъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ костелѣ“, отвѣчалъ генералъ.

Въ Венеціи къ посланникамъ явились Греки съ поклономъ: „Ради мы“, говорили они, „что Богъ велѣлъ намъ видѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православныхъ христіанъ нашего закона: пожалуйте, велите намъ къ вашей милости приходигъ почаще; пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую церковь Греческой вѣры?—мы къ тому времени великъ изготовиться и станемъ молебень пѣть о государевомъ и царевичевомъ здоровьи“. — „Дадимъ намъ объ этомъ знать, какъ время будетъ“, отвѣчали послы.

Пришли приставы отъ правительства и объявили, что дожъ боленъ ногами, и потому посланниковъ примутъ честные владѣтели; а въ княжомъ мѣстѣ сидеть старшій между ними, которому посланники и подадутъ грамоту „Этому быть невозможно“, отвѣчалъ Чемодановъ, „посланы мы къ вашему князю, велѣно намъ его видѣть и грамоту подать ему“. — „Это все равно“, говорили приставы, „дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ же ихъ дѣлать; князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего“. — „Если князь вашъ не дѣлаетъ ничего“, возразилъ Чемодановъ, „если государствомъ правите вы, то вы бы въ грамотѣ къ царскому величеству писали имена свои вмѣстѣ съ княжескимъ“. Положили дожидаться выздоровленія дожа. Пріемъ послѣдовалъ 22 января 1657 года; посланники объявили, что государь позволялъ Венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ; касательно же главнаго дѣла, высылки Донскихъ казачковъ, сказали: „Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣеть, чтобы православное христіанство изъ бусурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Вожією помощію, съ непріятелемъ управится, то велеть заключить договоръ съ вами, какъ съятыя на общаго христіанскаго непріятеля“. Наконецъ посланники объявили главное дѣло, за которымъ были присланы, объявили великія неправды Шведскаго короля, и что царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ: „Такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому

величеству любовь свою и добротство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ, взаимны золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе“.

Князь и честные владѣтели нехорошо выражались: какъ это Московскій государь помогать противъ Турокъ откладываетъ до другого времени, а денегъ взаимы просить поскорѣе? Для разъясненія дѣла, прїѣхалъ къ посланникамъ приставъ и спросилъ: „Скажите мнѣ, за то ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на Турка?“ — „Ты говоришь непристойныя слова, простыя“, былъ отвѣтъ; „великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на Турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. Но чѣмъ указу говоришь ты эти бездѣльные слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?“ Приставъ призадумался и отвѣчалъ: „Я это сказалъ отъ себя“. Когда дѣло уяснилось, Венеціанское правительство дало отвѣтъ: „Уже тринадцатый годъ, какъ мы воюемъ съ Турками; разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казны убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ должны отказать царскому величеству; надѣемся, что, узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ“.

Посланники были въ Греческой церкви, гдѣ были встрѣчены съ большимъ торжествомъ, съ радостными слезами. Послѣ амвонной молитвы, духовенство вышло изъ алтаря, и одинъ изъ дьяконовъ говорилъ посланникамъ рѣчь: „Родъ Греческій, живущій въ семъ преславномъ градѣ Венеціи, молить Вседержителя: дай, Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ Церкви Божіей Восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, утѣшитель рода христіанскаго, здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце, возсталъ онъ на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе враговъ Божіихъ: какъ второй Константинъ, явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ Грековъ изъ рукъ поганныхъ Турокъ; молимъ Всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ порабощеніи и побѣжденіи были“. Послѣ обѣда Греки говорили посланникамъ: „Вздемъ мы изъ Венеціи въ Турцію со всякими товарами часто и съ Турками торгуемъ; многіе Турки говорили намъ: Богъ далъ Московскому государю побѣду надъ Поляками и другими государствами, и у насъ въ Турціи слава о томъ великая. Султаны и наши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Цареграду быть за Русскимъ государемъ, живутъ съ великимъ опасеніемъ, въ Цареградѣ на долгое время врага бываютъ засыпаны; боясь Русскихъ, Турки начали сильно притѣснять насъ, Грековъ; но мы надѣемся на милость Божію и на заступленіе великаго государя, что онъ выведетъ насъ изъ бусурманскихъ рукъ“. Но прежде

Грековъ великому государю нужно было освободить своихъ Русскихъ изъ бусурманскихъ рукъ: къ посланникамъ въ Венеціи явилось болше 50 человекъ Русскихъ, освобожденныхъ изъ турецкаго плѣна; они пришли за милостынею и объявили, что другіе ихъ братья — плѣнники — пошли разными государствами въ Москву.

Почетный прїемъ, сдѣланный Чемаданову во Флоренціи, обратилъ вниманіе царя, и въ 1659 году отправился туда дворянинъ Лихачевъ. На этотъ разъ прїемъ былъ еще лучше: великій герцогъ Фердинандъ Медичи, принявъ государеву грамоту, поцѣловалъ ее, и сталъ говорить со слезами: „За что меня, холона своего, вышъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Оиъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли; преславенъ онъ отъ конецъ до конецъ вселенныя; имя его странно во всѣхъ государствахъ; и что мнѣ, бѣдному, воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ — великаго государя раба“. Посланника поставили въ великогерцогскомъ дворцѣ. Лихачевъ, подобно Чемаданову, поналъ въ Италию прямо изъ Архангельска, обогнувши моремъ западную Европу; поистинно, сльдодательно, какъ поразили его чудеса природы и искусства въ отечествѣ Медичи: „На княжомъ дворцѣ палаты обь осми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ законы дороги, столы аспидные, писаны золотомъ, травы, налаты подписаны золотомъ, чернильница золотая, фунтовъ тридцать, а вмѣсто несака руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжьемъ дворцѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, устроены Іорданъ и выше Іордана сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу что камень хрусталь. А около княжаго двора деревья кедровыя и кипарисныя и благоуханіе великое; о Крещенны жары великія, какъ у насъ обь Ивановѣ дни; яблоки великія и лимоны рождаются по дважды въ годъ, а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца“. Герцогъ велѣлъ приготовить для посланника театральное представленіе, стоившее 8,000 ефимковъ. „Князь приказалъ играть: объявлялись палаты, и бивъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемищъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздить, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и начали облака съ людьми на низъ спущаться, подхватъ съ земли человекъ подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ. Да спущался съ неба же на облакъ человекъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аграмачки подъ каретами какъ быть живы, погами подпрыгиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивныя молодцы и дѣвцы выходятъ изъ занавѣса въ зо-

лотъ и танцуютъ“. Русскаго челоуѣка изумлялъ богатый югъ, а южнаго владѣтеля занималъ дальній сѣверъ, дикая природа съ ея естественными первобытными богатствами: „Флоренскій князь разсиривалъ и смотрѣлъ по чертежу про Сибирское государство, и по скольку который звѣрь плодится, тому роспись изилъ. А Сибирскому государству и плоду соболонному, что ихъ много, и кунницамъ, и лисенцамъ, и бѣлкамъ и нымъ звѣрямъ зѣло дивился, какъ ихъ нельзя выловить. А у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста очень гористы, а не лѣсны, зѣсь все саженый. Флоренскаго князя книгиня была челоуѣмъ посланику, чтобы ей сдѣлали по русскому обычаю двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невѣстку свою, и онъ шубки сдѣлать велѣлъ подъ камкою и подъ тафтою: у одной исподъ горностаиный, а у другой бѣлій; и книгиня надѣла на себя и дивилась, что урядно выдѣлали“.

Венецянское правительство, озадаченное требованіемъ Чесоданова, уже не отправляло болѣе посольства въ Москву; но Московское правительство вспоминало о республикѣ знаменитой своею борьбою съ Турками, когда нужно было готовиться къ войнѣ съ Портою. Въ 1668 году торговыи иноземецъ Келдерманъ повезъ дожу и сенату грамоту отъ царя, въ которой высказывалось удивленіе, почему они не подаютъ о себѣ никакой вѣсти, и объявлялось, что великій государь заключилъ миръ съ королемъ Польскимъ и союзъ противъ бусурманъ; объявлялось, что въ Москвѣ заключенъ торговый договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, по которому персидскіе товары пойдутъ исключительно черезъ Россію; и есть надежда, что Персидскій шахъ обратитъ свое оружіе противъ Турокъ. Дожъ и сенатъ въ отвѣтній грамотѣ благодарили государя и изъявляли желаніе, чтобы и всѣ христіанскіе государя соединились противъ Турокъ.

Нападеніе Магомета IV на Польшу заставило снова царя вспомнить о Венеціи. Извѣстный намъ Менезіусъ изъ Вѣны долженъ былъ захватъ въ Венецію съ приглашеніемъ къ союзу противъ Турокъ. Сенатъ отвѣчалъ: „Воже помощи царскому величеству наступающую непріязнь сокрушить и христіанскихъ государей успокоить“. Наконецъ изъ Венеціи Менезіусъ похвѣлъ въ Римъ съ царскою грамотою къ папѣ Клименту X-му: „Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать; по должности христіанской на общаго непріятеля брату нашему. его королевскому величеству, войсками своими помогать станете ли? И если помочь захотите, то вамъ бы къ намъ обособиться грамотою вскорѣ, какими мѣрами, въ которое время и въ какихъ мѣстахъ быть этой помощи, чтобы заключить чрезъ общихъ посланниковъ договоръ. Да и къ окрестнымъ государямъ вамъ писать же, чтобы и они королевскому величеству были помощниками, а именпо: писать къ Людовику королю Французскому и Карлу королю Англійскому, чтобы они войну съ Голланд-

скими Штатами прекратили, и войска свои противъ общаго христіанскаго непріятеля обратили“.

Пріѣхавши въ Римъ, Менезіусъ прежде всего объявилъ условія пріемной и отпусковой церемоніи: папа долженъ слушать именованіе и титулъ великаго государя стоя, грамоту принять и свою дату также стоя; прежде чѣмъ грамота будетъ записана, показать ее посланному для удостовѣренія, что титулъ царскій написанъ снозна. Папскій церемоніймейстеръ объявилъ на это свои условія: папа во все время пріема и отпуски будетъ сидѣть; посланный долженъ цѣловать ногу у его святѣйшества; указывать папѣ, чтобы онъ дѣлалъ иначе, нельзя. „Ногу папезскую цѣловать отнюдь мнѣ не велико“, говорилъ Менезіусъ, „потому что великій государь нашъ католицизму римскому закону не повируется; да и въ прошлыхъ годахъ, когда Греки съ Латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда Греки папу въ ногу не цѣловали. Когда въ 1438 году пріѣзжалъ въ Феррару къ папѣ Евгению IV-му Цареградскій патріархъ Юсифъ съ митрополитами и епископами, то папа цѣловался съ ними по монашески, и потому митрополиты и епископы и нынѣ чины цѣловали его въ руки“. — „Если“, продолжалъ церемоніймейстеръ, „къ папѣ пріѣдетъ цесарь или какой другой христіанскій потентатъ, и ногу папезскую цѣловать не будетъ, то папу видѣть не можетъ“. — „Когда такъ“, отвѣчалъ Менезіусъ, „то пусть папа велитъ меня отпустить“.

Отпустить не согласились, и посланный не цѣловать ноги у папы, только „наклонили по римскому обычаю, впрямъ до колѣннаго приклоненія и вскорѣ подыали, а голову не наклоняли“. Когда Менезіусъ началъ подавать папѣ царскую грамоту, то его понизили. Папа принялъ грамоту сидя, и, отдавъ ее первому церемоніймейстеру, сказалъ: „Радуюсь, видя посланника отъ вашего государя: а что вашъ государь въ своей грамотѣ у насъ спрашиваетъ, то мы съ радостію будемъ исполнять и вскорѣ отвѣтъ учинимъ“. Когда папа кончилъ, церемоніймейстеры наклонили Менезіуса до паничныхъ колѣнъ, и когда папа, вставъ, далъ всѣмъ благословеніе, Менезіуса понизили на колѣни. Посланный выговаривалъ потомъ кардиналу Алтерію, зачѣмъ его наклонили силою; Кардиналъ отвѣчалъ, что всѣ посланники исполняютъ заведенный при папскомъ дворѣ обычай и слушаются церемоніймейстеровъ.

Менезіусъ ѣздилъ и къ бывшей Шведской королевѣ Христинѣ, принявшей католицизмъ и жившей тогда въ Римѣ. „Очень рада“, сказала Христина посланному, „что царское величество позволилъ прислать къ папѣ; если я чѣмъ-нибудь могу радѣть въ дѣлахъ государевыхъ, то должна это дѣлать, потому что когда я на королевствѣ Шведскомъ королевствовала, то между нами была союзъ, который я буду вѣчно помнить“.

Начали писать отвѣтнюю грамоту, и тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Менезіусу объ-

явили: „Папа напишетъ великаго государя именоваііе и титулъ, какъ они написаны въ царской грамотѣ, напишетъ свыше всѣхъ потентаговъ: в е л ѣ м ѡ ж и ѣ й ш е м у; только невозможно назвать государя вашего царемъ, потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если написать царемъ, то цесарь и другіе потентаты станутъ на папу сердиться“. На это Менезіусъ показалъ грамоты: Императорскую, Венеціанскую, курфюрстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго, гдѣ государь былъ названъ царемъ. Но этимъ не удовольствовались; папа прислалъ спросить: Что такое царь? Менезіусъ отвѣчалъ: „Какъ называется папа, цесарь Римскій, султанъ Турецкій, шахъ Персидскій, ханъ Крымскій, моголъ Индѣйскій, претіанъ Абиссинскій, зеферъ Арабскій, колманъ Булгарскій, деспотъ Целононейскій, калифъ Вавилонскій и другіе, такъ точно на Славянскомъ языкѣ называется: царь Россійскій“. — „Какъ перевести царь по латыни?“ спрашивали Менезіуса. — „Перевести нельзя“, отвѣчалъ онъ; „но вѣдь вы безъ перевода пишете же латинскими буквами всѣ вычисленные мною названія государей!“

Кардиналь Барберини говорилъ Менезіусу: „Если теперь папа не исполнитъ достоинства царскаго величества, то послѣ него кто будетъ папой изъ насъ, старыхъ кардиналовъ, тогда царское достоинство будетъ исполнено; мы, кардиналы старые, къ великому государю пошлемъ грамоту съ повинною, напишемъ именованіе и титулъ вполне, только бы теперь великій государь на насъ не сердился, по-

тому что папскою властію и словомъ папскимъ владѣтъ племянникъ папскій, кардиналь Алтерій, и дѣлаетъ все по своему для своей временной гордости, — что положить папѣ на языкъ, то папа и говорить“.

Наконецъ Менезіуса позвали на тайную аудіенцію къ папѣ. „Зачѣмъ ты у меня не хочешь принять грамоты?“ спросилъ Климентъ. — „Великій государь папѣ“, отвѣчалъ Менезіусъ, „писалъ къ вамъ для имени Божія и должности христіанской о помощи брату его, королю Польскому, противъ общаго христіанскаго непріятеля, Турецкаго султана. Вы, папа и учитель Римскаго костела, великому государю любви своей не оказали, не хотѣли назвать его царемъ; а вамъ, папѣ и учителю Римскаго костела, должно чинить соединеніе, а не разрушеніе“. — „Невозможно это дѣлать“, сказалъ папа, „потому что моя братья, прежніе папы, этого не дѣлали: у насъ было уже засѣданіе съ кардиналами, и они мнѣ не позволяютъ“. — „Если вы дѣлаете какую-нибудь грубость царскому величеству“, отвѣчалъ Менезіусъ, „то государь будетъ писать объ этомъ къ другимъ христіанскимъ государствамъ“. Тутъ папа позвонилъ въ серебряный колокольчикъ и велѣлъ вошедшему маэстро ди камера принести золотую цѣпь съ папскимъ гербомъ и четки изъ лазореваго камня. Подавая эти вещи Менезіусу, онъ сказалъ: „Дарю тебѣ на память“.

Менезіуса отпустили съ обещаніемъ, что папа отправитъ въ Россію посланника для договора о титулѣ.

Глава V.

Окончаніе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ Православнымъ Востокомъ: Греціею и Грузіею. — Сношенія съ Персіею — Договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ. — Построеніе корабля для Каспійскаго моря. — Калмыки. — Сибирь. — Сношенія съ Китаемъ. — Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича. — Семейныя дѣла цари. — Его кончина. — Характеръ. — Приближенные къ нему люди.

Мы видѣли, какую жизнь сообщили нашимъ сношеніямъ съ Греціею нужды Русской Церкви — исправленіе книгъ и Никоново дѣло. Мы видѣли, какую важную роль въ послѣднемъ дѣлѣ игралъ Папскій Лигаридъ; видѣли, что онъ хотѣлъ оставить Москву при окончаніи дѣла. Не знаемъ — волею или неволею — но онъ остался въ Москвѣ. Лѣтомъ, 1667 года онъ былъ челомъ государю: „Служу я тебѣ, великому государю, въ Москвѣ, седьмой годъ, а жалованья идеть мнѣ на день по 18 алтынь по 4 деньги, и этимъ мнѣ съ людьми прокормиться нельзя“. Просьба не была исполнена, велѣно давать прежнее жалованье. Чтобы показать свою службу, Лигаридъ подалъ царю письмо, въ которомъ извѣщать объ извѣстномъ пророчествѣ, находящемся въ житіи Андрея Юродиваго, что блочурый народъ овладѣтъ Константинополемъ. Папскій,

разумѣется, прилагаетъ это пророчество къ Русскимъ; толкуеть и о князѣ Росскомъ Москвѣ, въ которомъ видѣтъ Москвитя. Но Лигаридъ не могъ заниматься въ Москвѣ покойно толкованіемъ пророчества; въ 1668 году Иерусалимскій патріархъ Нектарій писалъ къ царю: „Даемъ подлинную вѣдомость, что Папскій Лигаридъ отнюдь не митрополитъ, не архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что столько лѣтъ какъ покинулъ свою епархію, и, по правиламъ Св. Отца, архіерейскаго чина лишенъ. Онъ съ православными православенъ, а латины называють его своимъ, и папа Римскій беретъ отъ него ежегодно по двѣсти ефимковъ; а что онъ, Папскій, братъ милостиво для престола апостольской соборной церкви, то, лютой волкъ, посылаетъ съ племянникомъ своимъ на островъ Хіосъ“ Грамога, какъ видно, не произве-

ла никакого дѣйствія; потому что вскорѣ послѣ ея полученія сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: „Пожаловалъ великій государь Газскаго митрополита Паисія, велѣлъ ему дать жалованье, вмѣсто прибавки корму, сто рублей; дворъ, гдѣ онъ стоитъ, осмотрѣть и, что ветхо, починить, да съ вина, которая купитъ въ Архангельскѣ, попилиги не брать“.

Чтобъ не было однако впередъ подобныхъ доносовъ, Лигаридъ обратился съ просьбою о помощи къ логовету Константинопольской церкви Константину, писалъ, что враги оклеветали его, что осужденіе произнесено неправильно. „Я не проводилъ жизни моея, пишетъ Лигаридъ, въ сластолюбіи, пьянствѣ и блудѣ; смолоту возлюбилъ я мудрость, съ большими трудами и издержками прошелъ морской путь изъ любви ко ученію. Называютъ меня латиномысленнымъ и еретикомъ. Но я латинскимъ повелѣніямъ не повинуюсь, общаго у меня съ латинами—одна наука: выѣсть съ нима я былъ и емъ ревнитель древнимъ философамъ Аонискимъ, Ливанію и Ямвлиху, Богу добрымъ служителемъ. Заступись за меня, преученый мужъ! чтобы невѣжды не тщеславились и не превозносились; будь ходатай и помощникъ дѣломъ и словомъ“. Логоветъ показалъ эту грамоту преемнику Нектаріа, Досеюе. Тотъ сильно разсердился на Лигарида, увидавъ рѣзкія выраженія его о своихъ врагахъ и гонителяхъ, къ которымъ принадлежалъ и Нектарій. Но явился царскій посланный съ просьбою—простить Лигарида и прислать ему разрѣшительную грамоту. Не исполнить просьбы было нельзя,—разрѣшительную грамоту послали въ Москву, и Досеюе сорвалъ сердце, написавши только на Лигаридовой грамотѣ къ Логовету: „Если бы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты, кто мертводушень и бѣдень,—тотъ ли, кто 15 лѣтъ какъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ, кто полагаетъ душу свою за овцы. Исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранилъ волка съ высококаго мѣста; ты самъ по себѣ великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь,—дворъ царскій. Учѣломъ мудрись хоть теперь“.

Въ концѣ 1672 года Лигаридъ собрался въ Палестину, но, доѣхавъ до Кіева, остановился здѣсь и долго жилъ, служа великому государю, донося о тамошнихъ дѣлахъ. Такъ въ 1675 году онъ писалъ къ Матвѣеву: „По Богу и царѣ въ тебѣ имѣю заступника милостивѣйшаго, помоги мнѣ гнѣкимъ даромъ вмѣсто милостыни, умоли, чтобы мнѣ позволяли служить по архіерейскіи. Собирають здѣсь много денегъ отовсюду, а кому и на что собирають—не знаю. Изволь объ этомъ разыскать, о бодрѣйшій Кіева стражъ! разузнай, на что митрополичьи доходы обрабаются. Здѣсь носятся слухи, будто епископъ Месодій освобожденъ и Кіевскимъ митрополитомъ поставленъ. Стереди крѣпко и радѣй, чтобы этого не было, ибо великая будетъ смута между духовными и мірскими; до сихъ поръ

еще живъ раздоръ и измѣна, учиненная недавно и бывшая причиною столь великаго побойма Воинѣи и Св. Софія, на починку которой взялъ 14,000 рублей у царскаго величества: о другихъ его своевольствахъ молчу“.

Скоро послѣ этого пришелъ въ Кіевъ царскій указъ, чтобъ Лигаридъ немедленно возвратился въ Москву. Онъ съелъ это опало и, пріѣхавъ въ Москву, написалъ государю: „Воспѣваль пророкъ и царь Давыдъ въ десятиструнномъ своемъ псалмѣ: „Не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко печалюся, скоро улынши мя“; то же смѣю и я возгласить къ тебѣ, единодержавцу царю; не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего отъ меня, яко погибну душою и тѣломъ; особенно печалюся, потому что не знаю причины моего возвращенія“. Въ январѣ 1676 года Лигаридъ обратился къ Матвѣеву съ жалобами: что умираетъ отъ голода и жажды; что просьбы его на смѣхъ пересылають изъ Приказа въ Приказъ; что одоужалъ вѣлѣдствіе большаго и труднаго путешествія; что для службы церковной нѣтъ у него ни священника, ни діакона, ни пѣвца, ни иподіакона: „Ты заботишься обо всемъ въ богатѣйшемъ царствѣ; забавлять только око мнѣ, архіерею“. О немъ вспомнили и велѣли давать кормъ попрежнему. Чѣмъ занимался Лигаридъ,—видно отчасти изъ того, что онъ привезъ въ Москву изъ Кіева іеромонаха Виссаріона, бывшаго начальника школъ кіевскихъ, „для пособія себѣ въ чтаніяхъ и службъ царскаго величества“.

Кромѣ Греціи, была еще другая страна христіанская, православная, болѣе несчастная, болѣе страдающая отъ бусурманъ, чѣмъ даже Греція, страна, издавна искавшая помощи у единовѣрной Россіи: то была Грузія. Послѣ несчастной попытки при царѣ Борисѣ, Московское государство отказалось отъ мысли посылать войска свои за Кавказъ, помогало деньгами, посылало духовенство свое въ Грузію осматривать состояніе церквей, богослуженія, помогать тамошнему духовенству свѣтомъ. Тяжелое впечатлѣніе произвело грузинское христіанство на русскихъ духовныхъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе сами не всегда могли отличить существонное отъ несущественнаго и сильно были привязаны къ формѣ, къ буквѣ. „Первое у васъ несогласіе съ Соборною и Апостольскою Церковію“, говорили русскіе духовные грузинскимъ епископамъ, „первое несогласіе то, что церкви отъ алтарей не отгорожены. Царскихъ дверей нигдѣ нѣтъ, да и не бывало; престолы вездѣ наги и къ стѣнѣ придрѣланы; служите въ неосвященныхъ церквахъ, крестовъ ни на одной церкви нѣтъ да и не бывало; если и есть въ церкви иконы, то вы свѣчи прилѣпляете къ простой стѣнѣ, а иконы стоятъ обою, и мните намъ, что у васъ къ божественнымъ иконамъ и къ честному Кресту вѣра оскудѣла, да и на себѣ креста не носите; у кого и есть иконы, и тѣ спрятаны, а иныя носятъ малыя иконы на поясахъ за кушаками; мотаете рукою не по истинѣ, и кланяетесь, смотря на небо, а не на иконы; ар-

хіереи ваши и попы сами себя крестнымъ знаменіемъ оградить и прочихъ людей благословить не умѣютъ. Если попу у васъ случится служить литургію, то онъ принесетъ съ собою сосуды и ризы въ мѣшки, а Евангелія и Креста ни у кого нѣтъ; иной попь, пришедъ въ церковь, постелеть на престолѣ платье и, поставя сосуды, дѣйствуетъ въ одномъ чекменѣ, и, отдѣйствовавъ, покрывъ Святая, облачится въ ризы и начинаетъ литургію; отслуживъ, велитъ малому собрать съ престола сосуды и ризы въ кошель и понесетъ къ себѣ. Вы, епископы, и попы ваши дѣйствуютъ, ризы надѣвъ на шею, свѣсивъ напередъ, и какъ начинать литургію, тогда ризы назадъ спускаете. Крестьянъ у васъ младенцевъ однимъ погруженіемъ. Покаянія отдамъ духовнымъ мало у васъ знаютъ, также и причастія, только при смерти даютъ причастіе и то безъ покаянія. Всякіе люди у васъ входятъ въ церковь въ шапкахъ съ саблями и ослопами, ивы, епископы, также входятъ съ ослопами въ церковь и въ алтарь. Женыя безъ вѣнца, и если дѣти будутъ, то вѣщаютъся, а дѣтей не будетъ, то, покинувъ старую жену, берутъ другую; свадьбы у васъ играютъ въ Великой постѣ, въ Благовѣщеніе. Въ одномъ мѣстѣ русскіе духовные были свидѣтелями слѣдующаго явленія: между заутренею и обѣдней вышло на площадь духовенство, вынесли образъ Св. Георгія и поставили на столбѣ, а противъ образа на церковной крышѣ сѣлъ мужикъ, надѣвъ на себя другой образъ Св. Георгія и сталъ говорить во весь міръ: „Послушайте меня! я нынче почевалъ въ храмѣ и сказывалъ мнѣ Св. Георгій: Людей моихъ не обижайте, которые въ мое имя вѣруютъ“. Послѣ этого мужикъ началъ пророчествовать объ урожаѣ и кому умереть въ этотъ годъ. — „Что это у васъ, святой человѣкъ?“ спросили Русскіе, „и умѣть онъ грамотѣ?“ — „Нѣтъ, не умѣтъ“, отвѣчали Грузины, „но это такой родъ; если кто умретъ, то изъ нихъ же роду другой станеть разсказывать Егорьевы слова въ міръ“.

Мы видѣли, что при царѣ Михаилѣ Кахетинскій царь Теймуразъ подался Россіи. При царѣ Алексѣѣ, весною 1647 года, пріѣхалъ въ Москву посоль отъ Теймураза и подалъ такую грамоту: „Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всею Грузинскою Землею въ холопствѣ, такъ теперь и тебѣ, великому государю, бую челомъ въ холопство. Отца твоего заступленіемъ и жалованіемъ наше Грузинское государство живо и цѣло; а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и стануть говорить: вы поддались Московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился. Теперь самъ я, Теймуразъ царь, съ сыномъ своимъ Давидомъ, отдался тебѣ въ холопство со всею Грузинскою Землею; внука своего, Григорья, приплю къ тебѣ въ холопи въ Москву, а за большаго моего внука Иосаава изволюя бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели къ намъ послать митрополитовъ, сколько изволишь; госу-

дарство Грузинское—Божье да твое; и вѣра такъ же была бы справлена, какъ и въ твоёмъ великомъ государствѣ“. Мы знаемъ, что въ это время, особенно въ 1648 году, въ Москвѣ было не до Грузинъ. Въ 1649 оттуда новое посольство: „Хотѣлъ я писалъ Теймуразъ, отправить къ тебѣ, великому государю, внука своего Николая (?); но какъ узнали объ этомъ Персіяне, то начали государство мое воевать съ трехъ сторонъ. Мнѣ чрезъ горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху Персіяне не пропустятъ. Пожаловалъ великій государь, прислалъ за внукомъ моимъ своихъ людей и велѣлъ взять его къ себѣ въ холопи“.

Съ отвѣтомъ на эти предложенія отиравился въ Грузію, въ 1650 году, Никифоръ Толочановъ. Посланникъ поднесъ Теймуразу въ подарокъ соболі; царь билъ челомъ низко, но спросилъ: „Прежде присылали ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а теперь мнѣ съ вами не прислали?“ — „Потому тебѣ денегъ не прислали“, отвѣчалъ посланникъ, „что про тебя великому государю было не вѣдомо, гдѣ ты обрѣтаешься послѣ своего разоренья, какъ разорялъ тебя Тифлисскій ханъ; а какъ только твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше прежняго царское величество пожалуетъ“.

— „Видите“, продолжалъ Теймуразъ, „какъ я разорень Тифлисскимъ ханомъ по шахову приказу. Прежде государевы послы у меня въ Кахетин были. и всякое строенье, монастыри и церкви видѣли, а теперь гдѣ были церкви, тамъ стали мечети; царское величество вступился бы за домъ Божій и за меня, холопа своего“.

Толочановъ объявилъ Теймуразу главную цѣль своего посольства — взять съ собою въ Москву внука его, царевича Николая. — „А выдастъ ли за него великій государь сестру свою?“ спросилъ Теймуразъ. — „Съ нами объ этомъ дѣлѣ не наказано“, отвѣчалъ посланникъ, „такое великое тайное дѣло, кромѣ Бога да великаго государя, кто можетъ вѣдать? Если Богъ изволитъ, а его государская мысль будетъ, то дѣло и состоятся; а если не будетъ воли Божіей и государской мысли, то дѣлу какъ состоятся? Ты только отпущай съ нами внука своего, исполний передъ великимъ государемъ правду свою“.

— „Еслия внука своего пошлю“, продолжалъ Теймуразъ, „а государь не изволитъ государства моего, Кахетин, очистить, ратныхъ людей и казны не пришлетъ, то зачѣмъ моя посылка?“

— „Ратныхъ людей“, отвѣчалъ Толочановъ, „послать къ тебѣ нельзя, потому что горы сибѣжныя, высокія, въ нихъ разебланы большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду и запасы провезти нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахомъ; хотя ратные люди и пройдутъ, то имъ у тебя съ-голоду помереть; а казны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вѣщалося, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь. Кромѣ того, государь пошлетъ

великихъ пословъ къ шаху Аббасу, чтобы отдалъ Кахетю по совѣту и братству, а если не отдасть, то думаемъ, что великій государь пошлетъ войско свое Каспійскимъ моремъ на шаховы города и велитъ городовъ разорить всесеро,—только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь съ нами и другого внука своего, Влавурсака, то великій государь дастъ ему свое жалованье по своему милосердому разсмотрѣнью“.

— „Влавурсака никому не отдамъ“, сказалъ Теймуразъ, „миѣ самому не съ кѣмъ будетъ жить, некому будетъ и души моей помянуть“.

— „Ты намъ объявилъ, что тебя разорилъ Тифлисскій ханъ“, продолжалъ посланникъ, „такъ если тебѣ въ Грузинской Землѣ жить не у чего, то ступай и ты самъ къ царскому величеству,—намъ вѣльно принять тебя и съ подданными твоими“.

— „Когда будетъ мое время, тогда и поѣду къ государственной милости, а теперь еще побуду здѣсь“, отвѣчалъ Теймуразъ.

Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву. Тѣмъ сильнѣе высказывалъ свое усердіе къ великому государю Имеретинскій царь Александръ. Присягнувшій при Толочановѣ царю Алексѣю Михайловичу. „Теймуразъ царь“, говорилъ Александръ, „внука своего съ вами не отпускаетъ; а если бы у меня былъ сынъ мой Багратъ да братъ Мамука, то я бы обоихъ къ царскому величеству отпустилъ. Если государю угодно, то онъ бы прислалъ военную своего въ Кутаисъ; если бы миѣ было кому свою отчину, Имеретинскую Землю приказать, то я бы и самъ поѣхалъ видѣть пресвѣтлыя государскія очи“. Въ грамотѣ своей къ царю Александръ писалъ: „Учинился я, и сынъ мой, и братъ, и весь духовный чинъ, и ближніе люди, и всего государства воинскіе ратные и земскіе люди подъ вашего царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ навѣки неподвижно, отъ дѣтей на вычать; и тебѣ бы, великому государю, меня не презрѣть и отъ недруговъ невѣрныхъ держать въ оборонѣ, чтобы люди моего государства въ невѣрїе не впади. Прежде были у меня въ подданствѣ Дадьяне, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ отложились, поддалися Турецкому султану и живуть съ бусурманами заодно, берутъ себѣ на помощь бусурманскую рать, меня разоряють и воюють. Донскіе казаки ходятъ на Черное море и бусурманъ воюють, а православнымъ христіанамъ никакого вреда не дѣлають; а Дадьяне казаковъ къ себѣ приманивають, будто хотять вмѣстѣ съ ними воевать бусурманъ, и, принявъ въ свои мѣста, ихъ побиваютъ и къ Туркамъ продають, и въ подарокъ отсылають къ Турецкому султану, который за это присылаетъ имъ жалованье. Тѣ же Дадьяне крадутъ христіанъ изъ моей Земли и у себя, и отсылають къ Персидскому шаху, просятъ у него себѣ помощи. Дадьянскій владѣлецъ сестру свою отдалъ къ шаху и отъ христіанской вѣры отрекася, за то ему отъ шаха жалованье и помощь. Опъ же, Дадьянскій владѣлецъ, отослалъ

другую свою сестру Рустемъ-хану Тифлисскому, чтобы тотъ шелъ на меня войною, и Рустемъ-ханъ много разъ присылалъ своихъ ратныхъ людей на мое государство. Теперь я у царскаго величества милости прошу и желаю, чтобы какъ-нибудь съ Чернаго моря стругами учинить надъ Дадьянами промыслъ, за то разоренье имъ отомстить, отъ бусурманъ отлучить, въ православїи утвердить и подмогою руку привести поспрежнему. Дадьянскій прислалъ ко миѣ, что хочеть опять быть у меня въ подданствѣ и самъ ко миѣ прїѣхать, только чтобы я прислалъ къ нему сына моего въ заложники; я сына своего къ нему послалъ, а отъ ко миѣ не прїѣхалъ и сына моего не отпустилъ; „тогда“ говорить, „отпущу къ тебѣ сына, когда ты поддашься Турецкому султану“. Братъ мой пошелъ на охоту, а Дадьянскіе люди схватили его и держатъ у себя. Великій государь пожаловалъ бы меня, помогъ миѣ сына и брата изъ неволи освободить: а какъ освободится, то къ себѣ ли ихъ велитъ взять, или миѣ отдать—въ томъ его государева воля. Да пожаловалъ бы, велѣлъ прислать миѣ печать свою, чтобы во всей Землѣ царское повелѣнье было вѣрнѣе; да велѣлъ бы государь прислать моимъ ближнимъ и ратнымъ людямъ жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имѣли бы мочь стоять противъ своихъ недруговъ; да велѣлъ бы прислать миѣ пушечный нарядъ, чѣмъ отъ недруговъ обороняться“.

Съ 1653 года начинаются прїѣзды въ Москву грузинскихъ владѣтелей: въ этомъ году прїѣхали осмилѣтній внукъ Теймураза, Николай Давыдовичъ съ матерью Еленою Леонтьевною. За внукомъ поднимался и самъ дѣдъ; когда въ 1656 году прїѣхалъ къ Теймуразу государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями, то встрѣтилъ его въ Имеретинѣ, и бѣдный старикъ говорилъ посланнику: „Персидскій шахъ выгналъ меня изъ моего государства, и живу я теперь въ Имеретинской Землѣ, у зятя своего царя Александра; но отъ него помощи миѣ никакой нѣтъ; скуденъ я вѣсьмъ, а въ свое государство отъ непрїятелей ѣхать не смѣю; теперь я съ царценою своею, со внукомъ и со внукою и со вѣими людьми ѣду служить къ великому государю въ Москву; поѣдетъ со мною человекъ съ триста“.

Въ январѣ 1657 года, въ Посольскомъ Приказѣ дьяки разспрашивали тронъ Грузинъ, прїѣхавшихъ изъ Тушей, зачѣмъ они въ Москву прїѣхали. „Прїѣхали мы бить челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ насъ для Православной христіанской вѣры, велѣлъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное подданство“. — „А прежде у кого были вы въ подданствѣ, и кто у васъ начальные люди, и вѣра у васъ христіанская ли, и какъ далеко вы живете отъ Терека и въ какихъ мѣстахъ, и города у васъ есть ли, и сколько у васъ служилыхъ людей, и какой у васъ бой; кто у васъ сосѣди, и нѣтъ ли вамъ отъ Персидскаго шаха, отъ Кумыкъ и отъ Черкесъ какого утѣшенія; хлѣбъ у васъ ро-

дятся ли, и если великій государь изволитъ принять васъ подъ свою высокую руку, то на какихъ статьяхъ вы хотите быть въ подданствѣ!“ — „Мы хотимъ быть у царскаго величества въ вѣчномъ холодствѣ, гдѣ велитъ быть на службѣ—и мы готовы; вѣра у насъ христіанская; живемъ мы въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ горахъ, въ трехъ станахъ, а городовъ и начальныхъ людей у насъ нѣтъ; всякій владѣть своею деревнею; ратныхъ людей у насъ 8,000; бой лучной и конейный; всѣ бываютъ въ панцыряхъ; отъ Терека до Тушинской Земли скорого хода 4 дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а какъ его Персидскій царь разорилъ, съ того времени живемъ особо“.

Наконцѣ въ 1658 году явился въ Москву и самъ царь Теймуразъ Давыдовичъ. На представленіи великій государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволитъ встать. Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать; но великій государь руки не далъ и сказалъ: „Въ Евангеліи написано: цѣлѣе будутъ собрани во имя Мое, тѣ есмь и Азъ посредѣ ихъ; и мы воздадимъ хвалу Всезиловостному Богу, сотворимъ о Христвѣ цѣлованіе во уста, ибо ты благочестивой христіанской вѣры“.— „Я твоего царскаго величества холопъ“, говорилъ Теймуразъ, „такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать“.— „На то Воля моя, что ты у насъ въ подданствѣ“, отвѣчалъ Алексѣй, „но ты, царь, нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста“. Тогда Теймуразъ, съ великимъ страхомъ, цѣловалъ государя въ уста.

Государь поручилъ боярину Хилкову переговоры съ Теймуразомъ.

„Съ которымъ Турскимъ царемъ было у тебя розрваніе и бой, какъ давно и какое было тебѣ отъ него изгнаніе и Земля твоей разоренье?“ спросилъ бояринъ.

Теймуразъ: „Тому лѣтъ съ тридцать измѣнили мнѣ бояринъ Георгій Сюзь, и, обусурманясь, подался Турецкому султану Амурату и поднялъ на меня рать; я противъ него ходилъ съ своими ратными людьми, и былъ у меня бой съ измѣнникомъ и Турками между моей и Карталинской Земли; Турскихъ людей съ измѣнникомъ было тысячь сорокъ, а у меня было тысячь съ три; но мнѣ Богъ пособилъ, побилъ я измѣнника своего и Турскихъ людей, а побилъ я Турскихъ людей не многолюдствомъ, —силою крестною“. Тутъ царь показалъ на крестѣ язву отъ сабельнаго удара. „Послѣ того“, продолжалъ Теймуразъ, „мнѣ отъ Турка никакаго гоненія и присылки ни о чемъ не бывало“.

Хилковъ: „Какъ ты, царь Теймуразъ Давыдовичъ, билъ челомъ великому государю о подданствѣ, въ то время Персидскій шахъ Землѣ твоей какое разоренье учинилъ и въ которомъ году?“

Теймуразъ: „Этому лѣтъ одиннадцать, какъ присылалъ я къ великому государю бить челомъ о

подданствѣ, и нынѣшній шахъ Аббасъ прислалъ на мое государство ратныхъ людей; я противъ нихъ бился, и на томъ бою убили сына моего, дочь взяла насильствомъ, да два города разорили; а при старомъ Аббасѣ шахѣ разоренье было мнѣ многое. Не хотя государству своему разоренья, послалъ я къ шаху мать свою да сына своего меньшаго. Александра царевича, въ аманатахъ. Когда моя мать со внукомъ прѣѣхала къ старому шаху и била челомъ, чтобы онъ взялъ внука ея въ аманаты и бралъ съ государства дань, а разоренья не чинилъ, то шахъ сказалъ моей матери, чтобы она послала и по другому внука своего Леона, а онъ, шахъ, котораго внука въ аманаты взять захочетъ, того и возьметъ, а другого отпустить. Мать моя взяла и другого внука Леона; но шахъ матери моей и дѣтей не отпустилъ и присылалъ къ ней, чтобы она бусурманилась, а онъ ее будетъ имѣть вмѣсто матери. Она отказала, что отиной вѣры христіанской не отбудеть. Тогда шахъ отдалъ ее подъ стражу и велѣлъ мучить: сперва велѣлъ сосцы отрѣзать, а послѣ закаленными желѣзными острогами исколотъ и по суставамъ рѣзать; отъ этихъ разныхъ мукъ мать моя пострадала за Христа до смерти, а тѣло укралъ и привезъ ко мнѣ Французъ; дѣтей же моихъ шахъ обоихъ изваляшилъ, и теперь они у шаха. Послѣ этого шахъ послалъ на меня своихъ ратныхъ людей; я пошелъ противъ нихъ и побилъ, послѣ чего ушелъ въ Имеретію и жилъ тамъ два года; потомъ собрался съ Имеретійскими и Дадіанскими ратными людьми, и шаховыхъ людей изъ Земли своей выбилъ и Землю очистилъ; но въ томъ же году шахъ прислалъ опять ратныхъ своихъ людей и я въ другой разъ ушелъ въ Имеретію, а шахъ велѣлъ всю Грузинскую Землю плѣнить и разорить, чтобы христіанство все вывестъ. И въ ту Персію выбилъ, и сталъ владѣть своимъ государствомъ поирожному. Но при нынѣшнемъ шахѣ, тому лѣтъ одиннадцать, измѣнили мнѣ два боярина, отвезли дочерей своихъ къ шаху, сами обусурманились и навели на меня шаховыхъ людей; я съ ними бился, и на томъ бою сына моего Давида убили, а меня выгнали; отъ этого гоненія я и до сихъ поръ живу въ Имеретіи“.

Хилковъ: „Какъ Земля твоя велика, сколько въ ней теперь за тобою жилихъ и разореныхъ?“

Теймуразъ: „Земля моя въ длину 10 динищъ ходу и поперекъ столько же; городовъ всѣхъ большихъ семь, а малыхъ и много, только разорены и пусты; въ двухъ городахъ живутъ измѣнники мои бояре, и въ тѣхъ городахъ люди есть, а шныя города всѣ разорены; въ стольномъ городѣ Кремѣ живетъ людей немного, шныя живутъ по деревнямъ. Надо всѣмъ государствомъ моимъ владѣтель теперь Рустемъ-ханъ, былъ онъ грузинской породы, да обусурманился“.

Хилковъ: „Дадіанскую и Гуріальскую Землю какъ давно ты подъ высокую руку великаго государя привелъ, присягу онѣ принесли ли; теперь

онѣ у великаго государя попрежнему ли въ подданствѣ и кто ими владѣть?”

Теймуразъ: „Какъ былъ живъ Дадьянскій царь Леонтій, то у насъ съ нимъ была безпрестанная вражда и бой. Но какъ царь Леонтій умеръ, и теперь на его мѣсто выбрали сродника моего, Вазыка, который сговорилъ дочь свою за моего внука Леонтія Давыдовича, и крестъ пѣловалъ великому государю со всею Землею; государства ихъ четыре города большихъ стоятъ въ мѣстахъ крѣпкихъ, у Чернаго моря; кораблей у нихъ ходитъ по морю по пяти и по шести, а людей всякихъ будетъ съ 40,000; бой у нихъ сабельный и конейный, пишали есть, а пушки небольшие. Гуріальская Земля небольшая; крестъ великому государю пѣловала; лежить она между Имеретинскою и Дадьянскою Землями. Дадьянами и Гуріальскою Землею владѣть по совѣту Имеретинскій царь Александръ, но дани ему не даютъ. только такъ съ нимъ въ дружбѣ. Земли эти за моею Землею подлѣ шаха. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Землю мою очистить отъ измѣнниковъ, а до шаховой Земли мнѣ дѣла нѣтъ, и будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять или нѣтъ, того я не знаю. Я для того и поддался государю, чтобы онъ велѣлъ Землю мою очистить и дать своихъ ратныхъ людей. Тогда я съ государевыми и съ своими людьми, съ Имеретинцами, Дадьянцами и Гуріянами соберусь и стану свою Землю очищать; а если шаховы люди на меня придутъ, то я буду отъ нихъ обороняться. Какъ великій государь изволилъ меня отпустить, то отписалъ бы къ Имеретинскому, къ Дадьянамъ и Гуріянамъ, чтобы мнѣ давали ратныхъ людей въ помощь; а къ шаху бы изволилъ отписать, что я Православной христіанской вѣры и въ подданствѣ у него, великаго государя; такъ бы шахъ въ Землю мою не вступался, а станеть ее разорять, то великій государь будетъ меня защищать“.

Хикмовъ: „Великій государь указалъ тебя спросить: сколько тебѣ служилыхъ людей набито, какими мѣстами ихъ до твоей Земли вести и какъ далеко; гдѣ имъ брать лошадей и хлѣбные запасы, чтобы въ дальнемъ пути и будучи у тебя имъ голодомъ не помереть; да не будетъ ли стоять войною Персидскій шахъ за измѣнниковъ твоихъ?“

Теймуразъ: „Надобно воеводу добраго, а ратныхъ людей съ 30,000 конныхъ; запасы брать изъ Астрахани до моей Земли, а въ моей Землѣ запасовъ будетъ много; а будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять войною, — того я не знаю. Когда я поддался отцу великаго государя, царю Михаилу Осодоровичу, то государь прислалъ мнѣ свою жалованную грамоту за золотого печатью; въ грамотѣ написано, что великій государь будетъ меня отъ недруговъ оборонять; послѣ того писаны ко мнѣ многія государевы грамоты, чтобы прислалъ я въ Москву внука моего; я внука прислалъ, а теперь и самъ пріѣхалъ бить челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ мнѣ своихъ ратныхъ людей. Если царское величество оборонитъ меня не велитъ, то,

смотря на меня, Имеретинскій царь и Дадьяны, и Гурьяны отъ бусурманскаго гоненья стануть искать другого государя; у всѣхъ у насъ одно челобитье: чтобы великій государь пожаловалъ намъ ратныхъ людей и велѣлъ насъ оборонить. Види великому государю челомъ и неправые казаки, чтобы ихъ изволилъ взять подъ свою высокую руку: великій государь и казаковъ пожаловалъ для Православной христіанской вѣры, изволилъ взять подъ свою высокую руку, а съ Польскимъ королемъ разорвать; а я былъ въ своемъ государствѣ царь Православной христіанской вѣры, а для того поддался великому государю, чтобы ему пожаловать насъ — оборонить“.

Съ отвѣтомъ на эти требованія пріѣхалъ къ Теймуразу бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. „У великаго государя“, говорил бояринъ: „война съ Польскимъ и Шведскимъ королями; ратные люди его многіе теперь на границахъ; такъ ты бы, царь Теймуразъ Давыдовичъ, хотя бы какую нужду и утѣсненіе отъ непріятелей своихъ принялъ, а ѣхалъ бы въ свою Грузинскую Землю и царствомъ своимъ владѣлъ попрежнему. А какъ царское величество съ непріятелями своими управится, то въ утѣсненіи и разореніи видѣть тебя не захочетъ и своихъ ратныхъ людей къ тебѣ прислать; и теперь велѣлъ тебѣ дать денегъ 6,000 рублей да соболей на 3,000“.— „Великаго государя воля“, отвѣчалъ Теймуразъ, „чаялъ я къ себѣ государской милости и обороны, для того сюда и пріѣхалъ, а теперь царское величество отпускаетъ меня ни съ чѣмъ. Пріѣхалъ я сюда по указу царскаго величества, и въ то время ко мнѣ не писано, что всѣ государевы ратные люди на его службѣ; если бы я чаялъ, что царское величество ратныхъ людей мнѣ на оборону не пожалуетъ, то я бы изъ своей Земли не ѣздилъ“.

Трубецкой: „Ты говоришь, будто тебя государь отпускаетъ въ свою Землю ни съ чѣмъ: но тебѣ даютъ 6,000 рублей и соболей на 3,000; можно тебѣ съ этимъ жалованьемъ до своей Земли пріѣхать; и ты бы этимъ великаго государя не гнѣвилъ“.

Теймуразъ: „Дорогъ мнѣ великаго государя и одинъ соболей, а при отцѣ его государевѣ и заочно присылывано ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а соболей безъ счету; теперь мнѣ лучше раздать государеву жалованье по своей душѣ, нежели въ свою Землю ѣхать, да въ бусурманскія руки впасть. Услыхавъ, что я ѣду къ великому государю, Турки, Персіяне и горекіе Черкесы испугались; Черкессы дороги залегли, въ горахъ на меня наступали и ратныхъ людей моихъ побили: я една ушелъ. Потерявъ своихъ ратныхъ людей, ѣхалъ я къ царскому величеству укрядкою, днемъ и ночью, пріѣхалъ и голову свою принесъ въ подножіе его царскаго величества. и челомъ ударилъ внукомъ своимъ. Какъ увидѣлъ государевы очи, чаялъ, что изъ мертвыхъ воскресъ, чего желалъ, то себѣ и получилъ. А теперь пріѣзтъ мой и челобитье стали ни

во-что; насмѣются надъ мною измѣнники мои горные Черкесы и до основанія разорять. Чѣмъ мнѣ отдану быть и душу свою христіанскую погубить въ невѣрныхъ бусурманскихъ рукахъ, лучше мнѣ здѣсь въ Православной христіанской вѣрѣ умереть, а въ свою Землю мнѣ не-по-что вѣхать. На комъ-то Богъ възмездитъ, что бусурманы меня, царя Православной христіанской вѣры, погубятъ и царство мое разорятъ? Великому государю какая будетъ честь, что меня, царя, погубятъ и родъ мой и Православную христіанскую вѣру искоренятъ? Я за Православную христіанскую вѣру съ малою своею Грузинскою Землею противъ Турокъ и Персіянъ стоялъ и бился, не боясь многой бусурманской рати. Пожаловалъ бы хотя меня государь, велѣлъ проводить своимъ ратнымъ людямъ“

Трубейкой: „Государь тебя велитъ проводить ратнымъ людямъ и къ шаху отпихнуть, чтобы онъ на тебя не наступалъ и Грузинской Земли не разорилъ. Какъ-нибудь проживи теперь въ своей Землѣ, а потомъ царское величество ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ; будь надеженъ, безъ всякаго сомнѣнія“.

Теймуразъ: „Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакою помощью не получилъ, то впередъ заочно нечего ждать. И прежде обо мнѣ царское величество къ шаху писалъ, однако шахъ Аббасъ Землю мою разорилъ и меня выгонялъ“.

Теймуразъ отправился. Въ 1660 году отправился назадъ въ Грузію и ввукъ его, царевичъ Николай Давыдовичъ, съ матерью и съ царскимъ посланникомъ Мякиннинымъ. Въ Астрахани они узнали страшныя новости: Имперетинскаго царя Александра окормили; почувствовавъ смерть, посадилъ онъ на свое мѣсто сына Ваграта и велѣлъ ему жениться на ввукѣ Теймуразовой, что и было исполнено. Но молодой царь сдѣлалъ на престолѣ только три мѣсяца: царша, жена Александрова, дочь Теймураза, не желая видѣть на царствѣ пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замужъ за Грузинца Вахтанга, съ которымъ и начала владѣть Имперетією; говорили, что она это сдѣлала по наговору католикаса. Встала смута; царь Теймуразъ бѣжалъ въ персидскій городъ Тифлисъ. Бояринъ Еристовъ привелъ Турокъ, а царшу съ мужемъ съсоставилъ къ Черному морю въ городъ Апхазитъ. Затѣмъ пришла другая вѣсть, что Теймураза взяли и повезли къ шаху. Несмотря на эту смуту въ Грузіи, царевичъ Николай уѣхалъ изъ Астрахани и остался въ Тушинской Землѣ; въ 1666 году онъ возвратился въ Москву; а въ 1674 отпущенъ опять на родину.

Грузія не могла дожидаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя управлялась когда-либо съ своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьи. Грузинскіе цари указывали на Персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ Русскій царь долженъ оборонить ихъ; но между Персією и Россією издавна происходили дружественныя сношенія, которыя не-

выгодно было порывать. Въ 1650 году пріѣхалъ въ Москву посолье шаха Аббаса, Магметъ Кульбекъ, и привезъ въ подарокъ отъ шаха 4,000 батмановъ селитры. Въ отвѣтъ съ боярами посолье начало старыми жалобами на воровскихъ казаковъ: взяли они у шахова купчины подъ Бакою на морѣ съ бусы товару на 3,000 рублей да 2,000 рублей денегъ; разбойниковъ выбило изъ моря на берегъ. Терскіе воеводы это пограбленное имѣніе взяли, а въ Персію не отдали,—такъ царское величество велѣлъ бы отдать, а воровъ казаковъ казнить. „Когда я“, говорилъ посолье, „былъ теперь на Терекѣ, то самъ этихъ воровъ казаковъ видѣлъ; а какъ пришелъ я въ Астрахань, то писалъ ко мнѣ Шемахинскій ханъ, что вору казаки опять приходили на шемахинскія мѣста и пограбили многіе шаховыхъ людей“.— „Прежде“, отвѣчали бояре, „между великими государями ссоры и нелюбья изъ-за казачьяго воровства не бывало, потому что казаки эти не изъ Астрахани и не съ Терска, приходятъ воровать на море съ Дону, не однихъ шаховыхъ,—и царскаго величества людей грабятъ и побиваютъ. Теперь вору казаки на морѣ перехватаны и сидятъ на Терекѣ въ тюрьмѣ; что съяснено у нихъ персидскаго имѣнія,—все велѣно отдать вашимъ людямъ, которыхъ Шемахинскій ханъ пришлетъ на Терекъ, и воровъ казаковъ велѣно казнить смертию при вашемъ послѣ; но ханъ до сихъ поръ никого не присылалъ, и если имѣніе не отдано, то его вина. Казаковъ терскіе воеводы хотѣли казнить при тебѣ, но ты самъ не согласился“.— „Все это хорошо“, говорилъ посолье, „но въ прежней царской грамотѣ къ шаху написано, что впередъ воровъ не будеть“.— „Въ грамотѣ этого нѣтъ“, отвѣчали бояре: „государство великое не безъ вора, а гдѣ вору объявятся, то ихъ пригложе съсыкивать сообщамъ“. Потомъ посолье жаловался, что въ Астрахани и другихъ городахъ таможенные головы цѣнятъ товары для поштинъ дорогою цѣною, тогда какъ при царѣ Михаилѣ пошлны брали меньше, и торговыхъ людей изъ Персіи пріѣзжало больше. Ему отвѣчали, что въ пошлинахъ Персіянъ никакого убытка не бываетъ, потому что чѣмъ больше пошлина, тѣмъ дороже они продаютъ свои товары, и пошлинныя деньги ложатся на людяхъ царскаго величества. У шаха селитры много: такъ шахово величество велѣлъ бы изъ своей области въ Московское государство отпускать по 20,000 пудовъ на годъ, а царское величество изволитъ за селитру посылать мѣдью или собоями. „Государь нашъ“, отвѣчалъ посолье, „царскому величеству не только-что за селитру, ни за что не постоятъ; велѣлъ бы государю ту работу положить на меня, а я буду говорить шахову величеству“.

Наконецъ дѣло дошло до Грузіи, до Теймураза. Посолье такъ объяснялъ дѣло: „Теймураза сестра была за старымъ шахомъ Аббасомъ, а Теймураза дочь была за отцомъ нынѣшняго шаха, Сефи, и поэтому Теймуразъ государю нашему свой. Ссоры у грузинскаго Теймураза съ Рустемомъ, ханомъ Тифлис-

скамъ, потому что они между собою свои близкие, одного поколѣнья, пошли отъ великаго князя Грузинскаго. Рустемъ ханъ теперь шаховъ подданный и бусурманитъ, и половина Грузинской Земли за нимъ, а другая половина за Теймуразомъ. Такъ ссора между ними, и шахъ на Рустема-хана сердится, что онъ Грузинскую Землю разорилъ и царевича убилъ. Теперь Теймуразъ живетъ у зятя своего, Имперетинскаго царя, покинувъ свою Землю, а къ шаху ни о чемъ не пишетъ и не бьетъ челомъ; если бы онъ билъ челомъ, то шахъ велѣлъ бы ему жить попрежнему въ своей Землѣ. Я донесу объ этомъ шахову величеству, и шахъ для царскаго величества велитъ Теймуразу Землю его отдать и впередъ Землю его велитъ оберегать⁴.

Общаніе было исполнено относительно воровскихъ казаковъ. 39 человекъ ихъ сидѣло въ тюрьмѣ на Терекѣ; троихъ вершили при послѣ Магметъ-Кулыбекѣ—атамана Кондратя Иванова Кобызенка съ двумя другими пупими заводчиками; четверо умерло въ тюрьмѣ; остальныхъ прислали въ Москву; большая часть ихъ была родомъ изъ городовъ восточной Украйны, трое Москвичей, по одному изъ Великаго Новгорода, Костромы, Луки, Романова и Перми, одинъ Грузинъ, а трое названы Царегородцами!

Въ 1653 году поѣхали въ Персію великіе послы: околничій, князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій, и стольникъ Иванъ Комыничъ. Послы поѣхали жаловаться на Шемахинскаго хана Хосрева, который давно уже грозился войною на Астрахань и на Терекъ, все за казаковъ, а теперь, въ 1652 году, писалъ къ Астраханскому воеводѣ, что Гребенскіе казаки не только грабятъ персидскихъ торговыхъ людей, но въ Дагестанской области поставили городокъ, служилыхъ людей въ немъ устроили и тамъ будто Черкасскую дорогу закрѣпили. Хосревъ писалъ, что по шахову приказу онъ собираетъ войско, чтобы взять этотъ городъ, а потомъ идти подъ Астрахань и подъ Терекъ. Кромѣ того, русскіе торговые люди бьютъ челомъ, что въ Шемахѣ Хосревъ-ханъ, а въ Гиляни—приказные люди задержали ихъ третій годъ, утѣшеніе всякое, обиды, насильства, налоги и убытки дѣлаютъ большіе, бьютъ, грабятъ,—тогда какъ въ Московскомъ государствѣ персидскимъ торговымъ людямъ во всемъ свобода и бережене. Шахъ принимаетъ русскихъ измѣнниковъ и помогаетъ имъ; откочевалъ отъ Астрахани государевъ подданный, ногайскій Чевань-мурза, и кочевалъ подъ Терекомъ, а потомъ началъ кочевать по Кумьской сторонѣ въ дальнихъ мѣстахъ, и учинился царскому величеству непослушенъ. Въ 1651 году ходилъ на него царскіе ратные люди—князь Муцалъ Черкасскій и стрѣлцкіе головы съ ногайскими, едсанскими и черкасскими мурзами; но когда государевы ратные люди пришли на Чевана, измѣнилъ подданный великаго государя, вѣчный холопъ Суркай, шевкалъ Тарковскій, и, сложась съ Чевань-мурзою, началъ съ государевыми людьми биться, а ратные люди

безъ царскаго указа съ Суркай-шевкаломъ биться не смѣли. Потомъ Суркай и Андреевскій Каганалъ-мурза съ Кумыками приходили войною на русскій Сунинскій городокъ, подъ Барагуны и на улусы князя Муцала Черкаскаго, а къ шевкалу прислано было ратныхъ людей изъ Шемахи 500 человекъ, да изъ Дербента 300 человекъ, съ ними двѣ пушки; эти шемахинскіе и дербентскіе люди съ Кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Сунинскій сожгли, взяли лошадей съ 3,000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота съ 10,000 да овецъ съ 15,000. Великій государь надѣется, что все это сдѣлано безъ повелѣнія шаха Аббаса; надѣется, что шахъ велитъ Хосревъ-хана перебитьъ за это съ Шемахинскаго владѣнья и накажетъ его, чтобы впередъ между обоими великими государями больше ссоры не было, велитъ отдать плѣнныхъ и все пограбленное имѣніе. Великіе послы потребовали также, чтобы шахъ отдалъ Теймуразу его Землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію.

На все это шахъ велѣлъ отвѣчать послать чрезъ своихъ ближнихъ людей: „Покойный шахъ Аббасъ велѣлъ на Терекѣ сдѣлать одну сторожню, а другихъ городовъ ставить нигдѣ не велѣлъ; по вашему государя люди поставили города безъ указа и торговыхъ нашихъ людей побили и пограбили; ссора началась слѣдовательно съ вашей стороны, и Шемахинскій ханъ Хосревъ послалъ своихъ людей, которые тѣ города сожгли Ханъ Хосревъ умеръ; преемнику его, Мигирь-Алей-хану и шевкалу Суркаю шахъ послалъ приказъ—впередъ съ людьми вашего государя не ссориться; также и вашъ государь запретилъ бы своимъ людямъ нападать на Персіянъ, которые на море ходятъ. Шевкалъ Суркай, Чевань-мурза и барагунскіе мурзы приклонились къ сторонѣ шахова величества сами собою: а по нашему закону, кто къ намъ приклонится, тѣхъ насильно назадъ отдавать нельзя; а если они сами захотятъ служить вашему государю, то шахъ за нихъ стоять не будетъ. Приказнымъ людямъ велѣно отдать назадъ взятки, которыя они побрали у Русскихъ людей. Какъ скоро царское величество велитъ отпустить съ Терека Суркаева племянника и торговыхъ Персіянъ, тамъ засаженныхъ, то и русскихъ торговыхъ людей изъ Шемахи отпустить. Что же касается Грузіи, то прежніе шахи за непристойный дѣла царя Теймураза много разъ посылали ратныхъ людей въ его Землю, разорили ее и самого его выгнали. Теймуразъ рабски вину свою прежнимъ шахамъ принесъ, дѣтей своихъ прислалъ, и ему область его отдали. За это у прежнихъ шаховъ съ великими государями Россійскими целюбыя не бывало. Въ прошлыхъ годахъ Теймуразъ опять затѣялъ непристойныя, ссорныя, худыя дѣла, и, по шахову указу, посланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали. Если Теймуразъ за вину свою внука своего къ шахову ве-

личеству прилеть, то опять область свою поучить“

Послы возражали: „Не только та Земля, гдѣ Терекъ и Суншинскій городокъ, но и та Земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежатъ царямъ Россійскимъ, города здѣсь было вольно ставить, и самъ покойный шахъ Аббасъ просилъ съ этомъ царя Михаила Оеодоровича. О грабежѣ торговыхъ людей по сыску въ Астрахани ничего не объявилось; а если бы и дѣйствительно казаки ихъ ограбили, то эта бѣда изъ самимъ отъ себя: зачѣмъ они шли въ караванъ вмѣстѣ съ Тарковскими Кумыками и другими воровскими людьми. Извѣстно, что у Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ съ Кумыками бываютъ ссоры большія; прежде купцы не хаживали въ горы безъ обсылки съ Терскимъ воеводою, и никто ихъ не грабилъ. Кумыцкіе шевкалы и мурзы издавна холопи великихъ государей нашихъ, а прежніе Персидскіе шахи въ Кумыцкую Землю не вступались: такъ же и теперешній шахъ не вступался бы и съ парскимъ величествомъ за то не любя не начиналъ; а барагунскіе мурзы поддались шаху поневолѣ. Грузинская Земля Православной христіанской вѣры Греческаго закона, и Грузинскіе царі издавна подданные нашихъ великихъ государей“.

— „Пить!“ начали говорить шаховые ближніе люди: „Теймуразъ и вся Грузинская Земля въ подданствѣ у нашихъ Персидскихъ шаховъ: правда, покойный шахъ Аббасъ обѣщалъ царю Михаилу Оеодоровичу охранять Грузію по братской дружбѣ и любви; если и теперь Теймуразъ самъ прѣѣдетъ къ шаху или внука своего прилеть, то шахъ Землю его ему отдастъ. О Теймуразѣ и Грузинской Землѣ мы въ другой разъ докладывать шахову величеству не станемъ, потому что онъ велѣлъ отвѣчать намъ впрямь, и быть тому дѣлу безповороту, также и всѣмъ другимъ дѣламъ. Нашимъ торговымъ людямъ въ Московскомъ государствѣ свободы нѣтъ, держать ихъ на дворахъ за сторожами, а куда имъ случится выйти, то за ними также ходятъ сторожа“.

— „Это дѣлается не для тѣсноты, а для оберегання“, отвѣчали послы.

Шаховы рѣшены остались безповоротны; перебывшлось только одно: Аббасъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи русскихъ купцовъ. На отпускѣ онъ позвалъ постовъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Угощали сазарами и овощами; потомъ принесли передъ шаха сосудъ золотой съ камнями, въ немъ виноградное питье чихирь; шахъ шилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: „У брата моего, великаго государя вашего, такое виноградное питье есть ли?“ — „У царскаго величества“, отвѣчали послы, питья всякихъ много, ..и изъ винограду есть питья—романеи, реиское и другія, только не тѣмъ именемъ“. Передъ шахомъ стояли въ золотомъ сосудѣ цвѣты пазиле; Аббасъ, поднявъ цвѣты, спрашивалъ: „Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть ли?“ —

„У великаго государя“, отвѣчали послы, „цвѣты эгимъ подобные есть, планя кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разноличныхъ цвѣтовъ много“. Передъ шахомъ играли музыканты на домрахъ, гусяхъ и скрипкахъ; шахъ спрашивалъ пословъ: „Братъ мой, великій государь вашъ, чѣмъ тѣшитесь, и въ государствѣ его такія игры есть ли?“ — „У великаго государя нашего“, отвѣчали послы, „всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много: но царское величество тѣмъ играми не тѣшится,—тѣшится духовными органами, поютъ при немъ, воздавъ Богу хвалу, многосланнымъ пѣніемъ, и самъ онъ указываетъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму учению навывченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣне держитъ большое, по своему государскому чину и достоинію; выбѣжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить своимъ ближнимъ людямъ служилымъ строемъ: играютъ передъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей“.

Отвѣтъ шаха насчетъ Грузіи былъ слишкомъ ясенъ; продолжать дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича не было никакой возможности. Когда началась Турецкая война, то Россія, вмѣстѣ съ Польшею, пошаталась было привести и шаха къ союзу съ собою противъ Турокъ; но шахъ отвѣчалъ, что ему нельзя безъ причины разорвать мира съ султаномъ. Такимъ образомъ, относительно Персіи у Москвы оставался одинъ торговый интересъ. Въ столицу постоянно прѣѣзжали кизилъбашскіе купчины и привозили восточные узорочные товары, считавшіеся необходимыми для великолѣпнаго Царскаго Двора. Въ 1660 году прѣѣхалъ въ Москву купчина Армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ: богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзой и турецкою фицифью, оцѣненный въ 22,589 руб.; перстень золотой съ алмазами; жаровню серебряную съ сулейкою серебряною для сожиганія ароматовъ; 15 сулей нпразскаго шарану, что шахъ пьетъ; 4 сулейки водки гуляфной, 3 сулейки водки ароматной: склянницу водки нарызжовой; 12 золотиковъ аромату восточнаго; 12 вайи, которые государь носить въ правой рукѣ во время церемоніи шестуя патріарха на ослати. Въ Носольскомъ Приказѣ Армянина разспрашивали: можно ли ему въ своей Землѣ промыслить для великаго государя камни дорогаго занюи и другихъ узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотошницевъ и золотого и серебрянаго дѣла мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ, которые рѣжутъ на всякихъ камняхъ? Армянинъ отвѣчалъ, что отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что приказчики ихъ ѣздятъ во всѣ государства; можно заказать богатый чепракъ — можно слѣлать въ 50,000; можно изъ Индіи привезти птицъ, которыя говорятъ по-индѣйски, а звѣрей привезти нельзя, потому что ѣхать надобно черезъ

два моря. Мастеровыхъ людей въ шаховой области много, и онѣ, кучинна, станеть ихъ призывать въ Московское государство. Они съ отцомъ великому христіанскому государю во всемъ работать и служить ради, а не для своей прибыли; шахъ ихъ жалуетъ, торгуютъ они безпошлинно: только шахъ вѣры бусурманской, а они христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради.

Мы видѣли, какъ при царѣ Михаилѣ Англичане и другіе западные народы домогались у Московскаго правительства свободной торговли по Волгѣ съ Персією; теперь подобное предложеніе явилось наоборотъ, изъ Персіи, отъ компаніи тамошнихъ Армянь. Въ 1666 году Армянинъ Григорій Луеиковъ подалъ царю челобитную: „Пожалована наша компанія отъ шаха правомъ вывозить изъ Персіи за море шелкъ сырецъ, черезъ которое государство мы захотимъ. Возимъ мы шелкъ многіе годы черезъ Турецкое государство, которое обогащается отъ насъ таможенными сборами Поговора съ товарищами, и выѣхалъ къ тебѣ, великому государю, бить челомъ, чтобы ты пожаловалъ. велѣлъ намъ возить шелкъ сырецъ и другіе персидскіе товары, которые на нѣмецкую руку, черезъ свое Московское государство за море въ Нѣмецкія Земли и оиъ указалъ насъ пропускать назадъ изъ-за моря черезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами, съ золотыми и ефимками въ Персію. Если мы продадимъ шелкъ въ Астрахани, то заплатимъ пошлины по 5 копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, вели оцѣнить шелкъ по 20 рублей пудъ, взять по пяти копѣекъ съ рубля и пропустить къ Москвѣ; если продадимъ въ Москвѣ, то вели взять пошлины по пяти копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, то вели оцѣнить пудъ по 30 рублей, взять пошлины по 5 копѣекъ съ рубля и пропустить къ Архангельску. Если продадимъ въ Архангельскѣ, вели взять пошлины по 5 копѣекъ; если же не продадимъ, вели пудъ оцѣнить по 40 рублей, пошлины взять по 5 копѣекъ съ рубля и пропустить за море въ Нѣмецкія Земли. А которые персидскіе товары годны на нѣмецкую руку, вели съ насъ брать пошлину, какъ ведется; также вели брать обыкновенную пошлину и съ нѣмецкихъ товаровъ, которые мы привеземъ въ Архангельскъ. Отъ провозу этого шелка и другихъ товаровъ твоимъ подданнымъ велика прибыль. Иноземцы, которые теперь ѣздятъ на корабляхъ въ Турецкую Землю для покупки этого шелку и другихъ товаровъ, все будутъ ѣздить къ Архангельску и съ нихъ будутъ сходить въ твою казну большія пошлины“.

Въ маѣ 1667 года Ординъ-Нащokinъ написалъ договоръ съ компанією на условіяхъ, означенныхъ въ просьбѣ; агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ Армянь, утвержденъ былъ Англичанинъ Брейнгъ. Агентъ обязывался послать своихъ вѣрныхъ людей въ Астрахань, Новгородъ, Архангельскъ и другіе порубежные города, и всякимъ дѣлами компаніи въ челобитныя и торговыхъ промы-

слахъ честно и вѣрно радѣть, великому государю, его боярамъ, думнымъ и приказнымъ людямъ обо всякихъ дѣлахъ и обидахъ извѣщать и бить челомъ радѣтельно, безъ всякой поноворки недругамъ компаніи; отписывать о дѣлахъ компаніи къ ея членамъ въ Персію, какъ случатся ѣздоки. За это радѣные компанія платитъ Брейну съ проданныхъ товаровъ по деньгѣ съ рубля; если же компанія пришлетъ шелкъ или другіе товары къ самому агенту для продажи, то платитъ ему съ продажныхъ товаровъ по грошу съ рубля; если же онѣ товары продасть или вымѣняеть на другіе, то платитъ ему по другому грошу съ рубля.

Въ маѣ написанъ былъ договоръ, а 19-го іюня сдѣлано было распоряженіе о строеніи кораблей для Каспійскаго моря: великій государь указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ, а вѣдать это корабельное дѣло въ Приказѣ Новгородской чети боярину Афанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащokinу да думнымъ дякамъ—Дохтурову, Голосову и Юрьеву. Въ тотъ же день иноземецъ Иванъ фанъ-Сведенъ объявилъ въ Приказѣ корабельщиковъ Ламберта Гелта (Holt) съ товарищами, четырехъ человекъ, нанятыхъ на четыре года Полковникъ Корниліусъ фонъ-Вуконень (Vockhoiven) отправился въ Вяземскій и Коломенскій уѣзды осматривать лѣса; къ Марселсамъ на ихъ тульскіе и каширскіе заводы послана была память—давать желѣзо самое доброе на корабельное дѣло. Плотниковъ и кузнецовъ велѣно было набирать изъ рыболововъ села Дѣдинова, охотниковъ, а въ неволю никого не нудить. Главнымъ распорядителемъ при строеніи кораблей былъ приставленъ Яковъ Полуехтовъ.

Новое дѣло пошло не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Хотѣлось, чтобы корабль поспѣлъ къ веснѣ 1668 года: но 1-го октября 1667 Полуехтовъ прислалъ сказку дѣдиновскаго старосты, что у нихъ къ корабельному дѣлу охотихъ плотниковъ нѣтъ; того же числа другая отписка Полуехтова: кабацкіи голова отказалъ, денегъ у него нѣтъ, на корабельное дѣло дать нечего. Плотниковъ велѣли нанимать въ Коломнѣ и Дѣдиновѣ; но отъ 27-го октября отъ Полуехтова новая отписка: въ Дѣдиновѣ плотники охотю не нанимаются, а подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло за плотниками стало. Послали память въ Приказъ Большаго Дворца, велѣно всемъ дѣдиновскимъ плотникамъ уговариваться безъ всякаго опасенія, наемъ имъ будетъ безъ убавки, и въ неволю на нихъ корабельное дѣло накинута не будетъ; ссорщикамъ не вѣрили бы. Полуехтову послали государеву грамоту: изъ Дѣдинова и другихъ селъ взять у приказныхъ людей плотниковъ тридцать человекъ, а корму давать имъ по четыре алтына на день. Работа пошла съ 14-го поября. Въ январѣ отписка отъ Полуехтова: „Плотникамъ и кузнецамъ дано корму по четыре алтына на день человекъ, а дни малые и холодные, корабельное дѣло неспорю, а корму, безъ указа, убавить не

сѣбѣ". Въ отвѣтъ велѣно давать по два алтына человѣку, да смотрѣть, чтобы не гуляли. Тридцати плотниковъ оказалось мало; монадобились канаты и бичевки; мастеровъ канатныхъ можно было сыскать между крестьянами епископскаго села Городищъ, но никто изъ нихъ волею не подряжался; спросили паруснаго мастера — нѣтъ! Иноземцы объявили, что надобно на корабль вырѣзать корону — рѣзчика негдѣ было сыскать. Дѣдиновцы наскучили незванными гостями: староста приходилъ со многими людьми и ссылалъ полковника фанъ-Буковена со двора, отводили дворы далеко отъ корабельнаго дѣла. Велѣны прибавить еще 20 человѣкъ дѣдиновскихъ плотниковъ и полковника велѣны поставить на ближнемъ дворѣ; епископу Коломенскому велѣны дать канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; изъ Оружейной Палаты велѣны выслать въ Дѣдиново рѣзнаго мастера; туда же велѣны послать изъ Пушкарскаго Приказа кузнеца кузнеца Никитина. Но и тутъ неудачи: Пушкарскій Приказъ отвѣчалъ, что кузнецъ Никитинъ дѣлаетъ къ большому усенскому колоколу языкъ, а кромѣ того кузнеца языка дѣлать некому; Оружейная Палата отвѣчала, что у нея рѣзнаго мастера нѣтъ. Парусныхъ шведовъ и токарей велѣны взять на Коломнѣ, кузнецовъ — въ Переяславль-Рязанскомъ, живописца и рѣзца — на гранатномъ дворѣ; но на гранатномъ дворѣ ихъ не оказалось, послали въ Стрѣлецкій Приказъ. Между тѣмъ наступила весна, май мѣсяць. Полухетовъ далъ знать, что корабль на воду спустить, будутъ отдѣлывать его на водѣ, а яхта и шлюпы поспѣютъ скоро. Но въ июнѣ новыя жалобы отъ Полухетова: Коломенскій епископъ Мисаилъ канатныхъ мастеровъ не даетъ; а епископъ жалуется: „Далъ я 8 человѣкъ мастеровъ, но Полухетовъ бьетъ ихъ и мучитъ, въ подклѣтъ сажаетъ, пенки и кормовыхъ денегъ не даетъ, мучитъ голодною смертію“. На коломенскомъ кружечномъ дворѣ, на которомъ до сихъ поръ брали деньги для корабельнаго строенія, денегъ не достало, послали взять въ Зарайскѣ и Переяславль-Рязанскомъ изъ таможенныхъ доходовъ. Отыскали и отправили въ Дѣдиново иконописца и рѣзца; рѣзцу велѣно короны рѣзать, а иконописцу, гдѣ доведется, цвѣтить. Лѣто уже приближалось къ исходу, а корабль все не былъ готовъ. 7-го августа послана къ Полухетову царская грамота: велѣно у корабля на кормѣ сдѣлать и вырѣзать травы и вызолотить, орла и короны дѣлать не велѣно, а на носу сдѣлать льва; велѣно дѣлать съ большимъ поспѣшеніемъ, чтобы въ августѣ всѣяцѣ отпустить корабль изъ Дѣдинова. Полухетовъ отвѣчалъ на это, что главная остановка за епископомъ Мисаиломъ: осьми канатныхъ мастеровъ мало, а епископъ не даетъ въ прибавку. Послали новую грамоту къ епископу съ большимъ подтвержденіемъ, а къ Полухетову опять приказъ, чтобы непременно корабли были готовы къ отпуску въ августѣ мѣсяцѣ. Прошелъ августъ; пришла и половина сентября; Полухетовъ доноситъ, что

корабль, яхта, два шлюпа и боты сдѣланы, совсѣмъ наготовѣ; но большихъ канатовъ, на чемъ кораблю и яхтѣ стоять, не сдѣлано, потому что мастеровъ только 8 человѣкъ, а больше епископъ Мисаилъ не присылывалъ. Пошла третья грамота къ епископу, а къ Полухетову приказъ: отпустить корабли въ Нижній-Повгородъ съ полковникомъ фанъ-Буковеномъ и корабельщиками, а кормщиковъ и гребцовъ взять изъ Коломенскаго посада и Коломенскаго яма, знающихъ людей, которые бы въ Окѣ рѣкѣ водной ходъ знали. Въ Нижнемъ велѣно корабль оставить, для осеняго и весеняго льда, въ заводяхъ, и беречь накрѣпо; чего на корабляхъ не подѣлано, то фанъ-Буковенъ долженъ былъ додѣлать въ Нижнемъ. Но 19 октября отписка изъ Дѣдинова: коломенскіе ямщики государеву указу учинились ослупши, на корабль кормщиковъ и гребцовъ не дали, кораблю по Окѣ идти нельзя — вода мелка; а тутъ еще Полухетовъ поссорился съ Буковеномъ, начали доносить другъ на друга: фанъ-Буковенъ пишетъ, что въ Окѣ вода мелка, идти кораблю нельзя, а Полухетовъ пишетъ, что въ рѣкѣ вода велика и кораблямъ идти можно, только полковникъ съ подъячимъ пьетъ и бражничаютъ, о государевѣ дѣлѣ не радѣтъ, — хочется ему, чтобы корабли зазимовали въ Дѣдиновѣ. Чтобы помочь дѣлу, послали грамоты: къ Полухетову — если отпущекъ замедлится, то быть ему въ опалѣ и наказаньи, и во что корабли стануть, тѣ деньги доправлять на немъ; къ Буковену — если не пойдетъ въ Нижній тотчасъ, то доправлять на немъ кормы за всѣ прошлые мѣсяцы. Но и это не помогло: Буковенъ далъ знать, что съ 4 ноября морозы сильные, но Окѣ ледъ началъ плыть большою; а Полухетовъ присылаетъ сказку за руками старостъ Ловецкихъ селъ, что 2 ноября по Окѣ корабельный ходъ былъ. Какъ бы то ни было, корабль зазимовалъ въ Дѣдиновѣ.

20 ноября явился въ Посольскомъ Приказѣ корабельный капитанъ Давыдъ Вутлеръ съ 14 товарищами: пріѣхали они изъ-за моря, изъ Амстердама, къ великому государю въ службу, по призыву фанъ Сведена. 2 марта 1669 года Вутлера съ товарищами, да Астраханца, который на Каспійскомъ морѣ бывалъ, отправили въ Дѣдиново осмотрѣть корабль, можно ли на немъ по Каспійскому морю ходить. Посланные возвратились и объявили, что корабль и яхта годны. 25 апрѣля, по государеву указу, велѣно кораблю дать прозвание Орель, капитану Вутлеру велѣно поставить на носу и на кормѣ по орлу, и на знаменахъ и на еловычкахъ нашивать орлы. Вутлеръ подалъ въ Посольскомъ Приказѣ списокъ съ артикульныхъ статей, какъ долженъ капитанъ между корабельными людьми расправу чинить и вѣдать ихъ; артикулы были одобрены. Наконецъ, въ началѣ мая, Орель двинулся изъ Дѣдинова, а 13 іюня отпущенъ изъ Нижняго въ Астрахань. Постройка корабля, яхты, двухъ шлюпокъ и бота обоилась въ 9,021 рубль.

Неудачному началу соответствовать несчастный конецъ: Стенька Разинъ сжегъ корабль въ Астрахани. Разбой Разина, разногласіе, происшедшее въ компаніи и смерть шаха Аббаса II-го помѣшали также исполненію договора, заключеннаго съ Армянами. Между тѣмъ Ординъ-Нащокинъ удалился отъ дѣлъ; мѣсто его занялъ Матвѣевъ, и, въ іюлѣ 1672 года, въ Посольскій Приказъ созваны были выборные торговые люди, по два человѣка добрыхъ изъ сотни. Имъ прочли договоръ съ армянскою компаніею 1669 года и спросили: если Армяне, по договору, шелкъ сырой и всякіе товары стануть привозить въ Московское государство, въ Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и за море съ товарами ѣздить, то не будетъ ли московскимъ и всѣмъ городомъ купецкимъ людямъ въ ихъ промыслахъ помѣхи? Выборные отвѣчали: „При царяхъ Михаилѣ Федоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ Персидской области купецкіе люди, Персіяне и Армяне, Кумычани и Индѣйцы, пріѣзжали съ шелкомъ и со всякими персидскими товарами, и торговали въ Москвѣ и въ Астрахани и по другимъ городамъ всегда съ русскими купецкими людьми, а съ Нѣмцами, Греками и ни съ какими иноплеменными нигдѣ не торговали, а въ нѣмецкія Земли чрезъ Московское государство не ѣзжали. А русскіе купецкіе люди со всякими русскими и нѣмецкими товарами ѣздили въ Астрахань и въ Персію за море и мѣняли русскіе и нѣмецкіе товары на шелкъ и на другіе персидскіе товары и продавали ихъ въ казну великаго государя, а изъ казны продавали Нѣмцамъ на ефимки, также и отъ себя продавали шелкъ Нѣмцамъ на ефимки, а ефимки отдавали въ казну на мелкія деньги и оттого казнѣ бывало немалое пополненіе, а русскимъ купецкимъ людямъ былъ промыселъ, и многія пошланы сходили съ нихъ и съ Персіянъ. Если же теперь Армяне стануть торговать съ Нѣмцами, то постановить съ ними договоръ, шелкъ продадутъ Нѣмцамъ на ефимки и на золотые и на заморскіе такіе товары, которые прежде Русскіе люди покупали у Нѣмцевъ и продавали Персіянамъ. Такъ по этому договору ефимки и золотые, и заморскіе товары пойдутъ въ Персидскую Землю чрезъ Московское государство, и Персидской Землѣ будетъ прибыль, а казнѣ великаго государя убытокъ; русскіе купецкіе люди лишатся своихъ промысловъ и придутъ въ убѣжество“.

Въ концѣ 1672 опять пріѣхалъ въ Москву Григорій Лусиковъ, и услышалъ отъ Артемона Сергѣевича Матвѣева такіа рѣчи: „Въ 1667 году великій государь вась, Армянъ, пожаловалъ, съ шелкомъ и другими товарами вась пріѣзжать позволялъ, какъ о томъ въ крѣпости написано. Для покупки шелка приготовлена царская казна многая, и потеряла она въ простотѣ отъ долгаго времени убытки великіе. Этимъ вы свой договоръ нарушили, а теперь объяви, по договору шелкъ съ собою ты привезъ ли, и чѣмъ вознаградишь убытки, понесенные царскою казною“?

Лусиковъ: Христось не пришелъ разорить Моисеева закона, но исполнить; а слухъ носится, что договоръ о шелкѣ хотятъ переменить.

Матвѣевъ: Правда, что Христось сошелъ на землю ради нашего спасенія, и не пришелъ разорить законъ, но исполнить; это твое слово къ исполненію царской казны пристойно. Объяви, какимъ способомъ можешь вознаградить царскую казну за убытки?

Лусиковъ: Въ договорѣ не постановлено, чтобы намъ шелкъ ставить въ царскую казну. Шелку я не привезъ теперь съ собою за казацкимъ воровствомъ, а какъ вознаградить убытки царской казнѣ,—не вѣдаю.

Матвѣевъ: За казацкимъ воровствомъ останавливать товаровъ вамъ было не для чего, потому что всякому свое здоровье должно беречь больше пожиткомъ; самъ ты проѣхалъ, и шелкъ могъ провезти, а не привезъ—царскую казну изубытчиль и договоръ нарушилъ.

Лусиковъ: Если куповать шелкъ въ казну, то этия самымъ договоръ будетъ нарушенъ, потому что въ договорѣ такой статьи нѣтъ.

Матвѣевъ: Если у царскаго величества съ нѣмецкими государями будутъ какія ссоры, то за море вась отпустить нельзя, торговать вась въ Архангельскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, продавать свои товары или въ царскую казну, или русскимъ торговымъ людямъ.—На эту повую статью, не находящуюся въ первомъ договорѣ, Лусиковъ отвѣчалъ письменно, что они, Армяне, согласны на нес, только бы установлена была шелку цѣна, и если во время проѣзду изъ Астрахани до Москвы учинится въ товарахъ убытокъ, то онъ вознаграждается изъ казны царской. На установленіе цѣны согласились; по относительно случаевъ утраты товаровъ отъ воровства постановили: если на Волгѣ объявится воровство, то Астраханскіе воеводы дадутъ знать объ этомъ въ первый персидскій порубежный городокъ, чтобъ торговые люди въ Астрахань съ шелкомъ и другими товарами не ѣздили. Если, несмотря на все береженіе и провожаніе Армянъ, товары потонутъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ пропадутъ, то съ этихъ товаровъ понятии не брать. Армянинъ вытребовалъ, чтобы во время провозу товаровъ при нихъ былъ постоянный караулъ изъ Русскихъ людей, и если за этимъ карауломъ товары пропадутъ, то хозяевамъ искать судомъ на караульщикахъ, и если разыскать будетъ нельзя, то давать вѣру: „Зимою“, говорилъ Лусиковъ, „пріѣдемъ на станъ и поидемъ въ избу, а безъ насъ Русскіе люди что хотятъ, то и сдѣлаюгъ надъ нашими товарами, потому что мы къ нимъ непривычны, на морозѣ оставаться не можемъ“. Что касается до цѣны, по какой брать шелкъ въ казну, то уговорились, чтобъ нудъ шелку ле же и стоилъ 35, а ардашъ 30 рублѣй. Лусиковъ далъ обязательство: „Въ нѣмецкія государства чрезъ Турцію и какими другимъ путемъ съ шелкомъ сырцомъ и другими товарами ни компанейщикамъ,

ни другимъ подданнымъ персидскимъ не ѣздить; если иноземцы прїѣдутъ въ Персидское государство для покупки шелку, то Армяне не должны имъ его продавать: весь шелкъ итеть въ Россію.“

21 мая 1673 года Матвѣевъ призывалъ гостей, Василья Шорина съ товарищами, и объявилъ имъ царскій указъ: впередъ изъ Астрахани русскихъ торговыхъ людей и ихъ приказчиковъ въ Персію не отпускать; также персидскимъ торговымъ людямъ торговать съ Русскими въ одной Астрахани, и въ верховые города ихъ не пускать до тѣхъ поръ, пока будетъ постановлено объ этомъ черезъ пословъ отъ обоихъ государствъ, потому что Шемахинскій ханъ гостя Астаѣя Филатова приказчика, также и другихъ приказчиковъ товары и имѣніе взялъ грабежемъ, и впередъ Русскихъ людей будутъ грабить изъ мести, что въ Астрахани, при Стенькѣ Разинѣ, ограблены шаховъ посланникъ и купчины. Будучи на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ, домогались они многими разговорами и челобитьемъ, чтобы великій государь указалъ послать въ Астрахань и другіе понизовые города сыскныя грамоты. Посланнику отказали въ этомъ для того, что въ Астрахани послѣ Стеньки на воровствѣ многіе торговые люди купили персидскіе товары и везуть въ Москву и другіе города; такъ если бы послать сыскныя грамоты, то посланникъ и купчина, гдѣ такіе товары сыщутъ, будутъ называть своими и начнутъ великія ссоры. Если гостямъ такое распоряженіе, чтобы въ Персію не ѣздить и торговать въ Астрахани, годно, то пусть приплотъ сказку за руками въ Посольскій Приказъ.

Гости прислали сказку: „Русскимъ купецкимъ людямъ въ шаховой области во всѣхъ городахъ отъ начальныхъ хановъ чинится великая обида и тѣснота, и неволя: ханы берутъ лучшіе товары, соболы, пунки, сукна, кость рыбу и слюду безъ цѣны силою, держатъ у себя по полугодъ и по году, и послѣ долгаго челобитья платятъ цѣну въ половину и въ треть, а иные товары, державъ долгое время и черенгою, отдають назадъ съ великимъ безчестьемъ и обидою; а во многіхъ городахъ Русскихъ купецкихъ людей бьютъ и увѣчаютъ палками безвинно. Въ Шемахѣ въ 1650 году захватили Русскихъ купецкихъ людей и держали ихъ въ заперти до 1656 года, причежъ убытка Рускіе люди потеряли больше 50,000. Въ 1660 году Тарковский шевкалъ пограбилъ товары гостей Шорина, Филатова, Денисова и Задорина слишкомъ на 70,000 рублей. Въ 1672 году тотъ же шевкалъ ограбилъ астраханскаго жителя, Армянина Нестора, слишкомъ на 5,000 рублей; а шевкаловы торговые люди ежегодно прїѣзжаютъ въ Астрахань и торгуютъ вольно; если бы ихъ задержали въ Астрахани, то и шевкалъ пересталъ бы грабить Русскихъ людей. Видя такіе обиды въ шаховыхъ областяхъ, Рускіе купецкіе люди ѣздить гуда опасаются: по чтобы и персидскихъ купцовъ далѣе Астрахани не пускать, иначе они отнимутъ промыслы у Русскихъ людей и царской казнѣ будетъ убыль боль-

шая: Персіяне и Армяне, Кумычане, Черкесы, Индѣйцы и астраханскіе Татары, прїѣзжая въ Москву и другіе города, стануть продавать свои товары всякимъ людямъ врознь дорогою цѣною, а рускіе товары лучшіе стануть покупать дешевою цѣною; вмѣсто двухъ и трехъ поплинъ, что съ Русскихъ сходитъ, стануть платить одну пошлину; Русскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ покупкѣ персидскихъ товаровъ передача великая, — вся прибыль будетъ у Персіянъ“.

По прочтеніи этой сказки, послали спросить Лусикова, не разсердится ли шахъ, если Персіянъ не будутъ пропускать изъ Астрахани въ Москву; и не будетъ ли отъ Персіянъ челобитья шаху на нихъ, Армянъ, когда они одни, по договору, будутъ прїѣзжать въ Москву и другіе рускіе города? Лусиковъ отвѣчалъ, что персидскіе купчины теперь и сами не поѣдутъ въ Россію, потому что прежде брали они товары взаймы изъ шаховой казны, казначей бралъ съ нихъ взятки и давалъ имъ роспись за шаховой печатью, вълѣдствіе чего они торговали безпошлинно; а теперь, какъ состоялся договоръ съ армянскою компанією, купчинамъ казенныхъ товаровъ уже не даютъ; бить челомъ Персіяне на Армянъ не будутъ, потому что послѣднимъ шахъ далъ жалованную грамоту на вывозъ шелка въ Россію, и грамоты этой перемѣнить нельзя. По этому случаю Лусиковъ прибавилъ: „Прїѣзжаютъ изъ шаховой области въ Русское государство тезики съ купчинами, а иные и особо; торги у нихъ малые, обыкновенно торгуютъ табакомъ, живутъ въ Москвѣ и другихъ городахъ многіе годы, а прибыли отъ нихъ цѣтъ. Тому лѣтъ съ шесть подговорили они и увезли изъ Москвы молодую монахиню, которая обусурманилась и вышла замужъ за тезика, и тезики насъ, Армянъ, укоряють, что вотъ христіане въ ихъ вѣру обращаются: указалъ бы великій государь всѣхъ тезиковъ отовсюду выслать въ Персію: шаху будетъ это прїятно; а мы, Армяне, табакомъ торговать и Русскихъ людей увозить не будемъ, потому что мы христіане“.

До сихъ поръ мы слѣдили за сношеніями Московскаго государства, готовою перейти въ Россійскую Имперію, съ государствами Европы и Азій, съ народами, принадлежащими христіанской или магометанской цивилизации. Но Россія, съ самаго начала своей исторіи, имѣла постояннаго сосѣдями кочевые народы, выходившіе изъ степей Средней Азій, и мы знаемъ, какое вліяніе оказывало на ся исторію это сосѣдство. Исчезли Печенѣги и Половцы, страшные поработители Татары подчинились своимъ прежнимъ данникамъ, Русскимъ, хотя и не переставали обращать взоры на Константинополь, въ ожиданіи, что преeminякъ каліфова избавитъ ихъ отъ дари христіанскаго; но степная Украина не пережѣвила своего характера, кочевниги движутся, тѣснятъ другъ друга, какъ пѣкогда Половцы потѣснили Печенѣговъ, Татары — Половцевъ. Но теперь они сталкиваются уже не съ Кіевскою Русью, сталкиваются — съ могущественною для нихъ

Москвою, и любовитно прослѣдять ихъ первоначальныя отношенія къ Москвѣ, какъ сначала они хотять удержать свою независимость, право движенія и хищничества, но скоро, волею-неволею, должны подчиниться Москвѣ, войти къ ней въ служебныя отношенія, изъ дикихъ Половцевъ сдѣлаться Черными Клобуками.

Въ 1645 году, еще при жизни царя Михаила, двое калмыцкихъ тайшей прислали въ Москву письмо своихъ бить челомъ о принятіи ихъ въ послушанье, съ общаніемъ служить и добра хотѣть, а государь бы за это велѣлъ пріѣзжать имъ къ Астрахани, къ Уфѣ и къ другимъ городамъ со всякими торговыми. Алексѣй Михайловичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, въ концѣ того же 1645 года, отправилъ къ тайшамъ голову московскихъ стрѣльцовъ Кудрявцева, чтобы ихъ уговорить и къ государственной милости обратитъ безъ войны и безъ крови. Кудрявцевъ выѣхалъ изъ Уфы 22 марта 1646 г. по послѣднему зимнему пути, по пластамъ, стенью, и ѣхалъ до калмыцкихъ улусовъ четыре недѣли въ полную воду. 21 апрѣля пріѣхалъ онъ въ улусъ къ Лоузану тайши, на рѣчку Кіямъ, и велѣлъ ему сказать, чтобы послалъ къ братьямъ своей, племянникамъ и другимъ тайшамъ, пусть съѣдутся въ одно мѣсто для выслушанія царскаго посланника. „Для этого наши тайши ко мнѣ не поѣдутъ“, отвѣчалъ Лоузанъ, „подай государеву грамоту мнѣ здѣсь и государеву милостивое слово скажи“. Кудрявцевъ поѣхалъ къ нему и подалъ грамоту. „Подожди“, сказалъ тайша, „когда обо всемъ между собою переговоримъ, тогда тебѣ обо всемъ скажемъ“. Кудрявцевъ ждалъ недѣлю и дождался. Лоузанъ прислалъ къ нему людей своихъ; тѣ прибили, ограбили посла и отвезли его въ другой улусъ, къ племяннику Лоузану, Наамсарѣ; тотъ послалъ его къ другому дядѣ своему; послѣдній, поддерживая Кудрявцева три недѣли, отослалъ назадъ къ Наамсарѣ. 17 іюня тайши съѣхались на рѣкѣ Орѣ, и позвали къ себѣ посланника, который говорилъ имъ такую рѣчь: „Вѣдомо вамъ самимъ, что издана были въ великихъ государей царей въ послушаньи; но въ 1643 году, забывъ милость царя Михаила Осодоровича, приходили подѣ Астрахань, Русскихъ и Ногайскихъ людей побили, а едиганскихъ мурзъ и улусныхъ людей съ женами и дѣтьми взяли и отвезли къ себѣ и до сихъ поръ не отдали. Потому вы ходили на Терекъ на ногайскихъ мурзъ, но были побиты въ горахъ Кумыками, горными Черкесами. Этимъ вы не унялись, но приходили подѣ Саратовъ и другіе поппозовые города. Не терпя такихъ досадъ, царь Михаилъ Осодоровичъ посылалъ на васъ воеводу своего Плецсева; воевода встрѣтилъ васъ за Саратовымъ и многихъ побилъ, другихъ въ плѣнъ взялъ и много разоренія за ваши неправды вамъ сдѣлалъ; наконецъ вы прислали къ великому государю бить челомъ, чтобы принялъ васъ подѣ свою высокоую руку. Великій государь Михаилъ Осодоровичъ пренебрилъ гнѣвъ на милость, воевать и разорять васъ

больше не велѣлъ, а сынъ его, великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, послалъ къ вамъ меня съ своимъ милостивымъ словомъ; и вамъ бы отъ неправдъ своихъ отстать, великому государю служить, изъ-подѣ Астрахани и изъ-подѣ Уфы и отъ другихъ городовъ отойти кочевать на прежнія свои дальнія коченья, и предо мною присягу дать по своей вѣрѣ, едиганскихъ Татаръ отпустить, аманатовъ въ Астрахань и Уфу дать изъ тайшей или изъ улусныхъ лучшихъ родственныхъ людей. А какъ вы все это исполните, то государь станеть васъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьи, торги и промыслы ваши будутъ безопашинные“.

„Въ прошлыхъ годахъ“, отвѣчали тайши, „калмыцкіе улусы у Московскихъ государей въ послушаньи бывали-ль, или нѣтъ, и чѣмъ ихъ прежние государя жаловали или нѣтъ,—того мы не упоминимъ; а то мы знаемъ, что дѣды и отцы наши и мы сами, и братья наши, и племянники у царей Московскихъ и у царя Михаила Осодоровича никогда въ послушаньи не бывали и никакого государева жалованья къ намъ не присылывано, и по словъ своихъ не посылавали съ челобитиемъ, чтобы быть намъ въ неволѣ; посылали мы бить челомъ о томъ, чтобы быть съ государемъ въ мирѣ, намъ на его города войною не ходитъ, а ему на насъ своихъ ратныхъ людей не посылать, и дать намъ подѣ своимъ городами торгъ. Къ Астрахани ходили не всѣ тайши,—ходило только двое тайшей, ходили не подѣ государеву отчину, а на встрѣчу къ едиганскимъ мурзамъ и улуснымъ людямъ, которые просили нашихъ тайшей, чтобы приняли ихъ къ себѣ; тайши къ себѣ ихъ и приняли, взяли ихъ не за саблю,—люди они Божьи, и теперь кочуютъ на степи своими улусами по своей волѣ, захотять подѣ Астрахань, и мы ихъ не держимъ, а по неволѣ не отдадимъ. Подѣ Саратовъ и другіе города мы не прихаживали; а если кто и приходилъ изъ насъ украдкою, того мы не знаемъ, потому что кочуемъ не въ одномъ мѣстѣ; а что воевода Плецсевъ нашихъ людей побилъ и въ полонъ взялъ, то такъ повелось изъ вѣка, на войнѣ побиваютъ и въ полонъ берутъ. Государь велитъ намъ идти изъ-подѣ своихъ городовъ на прежнія дальнія коченья; но мы кочуемъ не подѣ его городами, земля—Божья, кочуемъ на порожней землѣ, мы люди Божьи, вольные, кочуемъ по своей волѣ не въ указъ. Служить мы государю не хотимъ, а и безъ шерти лиха ему не жалаемъ; въ прежніе годы не бывало, чтобы мы какому-нибудь государю служили и шерть давали. Если ты поцѣлуешь крестъ, что государь не будетъ насъ воевать, то и мы велимъ лучшимъ людямъ шертовать, что войны начинать не будемъ. Аманатовъ не дадимъ, потому что этого у насъ не повелось, а русскаго полону у насъ нѣтъ, потому что мы на Русь не ходимъ; а торгъ дѣло вольное: велитъ государь съ торгомъ приходитъ, и мы торгуемъ, а намъ и кромѣ государевыхъ людей есть съ кѣмъ торговать, пошлинъ же никому не даемъ“.

— „Если такъ,“ сказали Кудрявцевъ, „то государь велитъ васъ воевать съ двухъ сторонъ съ огненнымъ боемъ, и къ врагамъ вашимъ, дальнимъ Калмыкамъ, пошлетъ, чтобы также шли на васъ.“

— „Что ты намъ грозить прѣхъать!“ отвѣчали тайши, „если бы ты не изъ Москвы былъ присланъ, то за такое слово быть бы тебѣ въ Бухарѣ; если бы государю насъ воевать, то онъ бы, и не грозясь, велѣлъ воевать и разорять; это въ Божьей рукѣ, кому Богъ поможетъ.“

Калмыки дѣйствительно сговаривались посланника убить или продать; но нѣкоторые отговорили; Кудрявцева повели въ дальній кочевья, гдѣ онъ терпѣлъ голодъ, принужденъ былъ ѣсть всякую скверну. Здѣсь посланникъ видѣлся съ ногайскими и едисанскими мурзами, и угваривалъ ихъ возвратиться подъ Астрахань. „Мы государю изъбѣнили“, былъ отвѣтъ, „и намъ назадъ идти нельзя, улусные люди не хотятъ; да если и пойдемъ подъ Астрахань на старыя кочевья, то Калмыки придутъ и возьмутъ насъ; если же отъ Калмыковъ будетъ тѣсно, то мы пойдемъ подъ Астрахань.“

— „Все это мурзы обманываютъ, писалъ Кудрявцевъ, забыли государю милость и калмыцкихъ тайшей на всякое зло наговариваютъ; только бы не они, то тайши много и не знали бы, всякіе русскіе обычаи рассказываютъ и наговариваютъ.“ Кудрявцевъ вывѣдывалъ у Калмыковъ, не согласятся ли они идти вмѣстѣ съ Русскими людьми войною на Крымъ; но тайши отказались: „Ждемъ мы на себя войны отъ дальнихъ Калмыковъ“, говорили они; „а Крымъ отъ насъ далеко, мѣсто незнакомое, и съ Русскими людьми идти намъ вмѣстѣ нельзя: вашъ русскій походъ тяжелъ, ходите пѣши; гдѣ намъ идти день, а Русскимъ людямъ идти недѣлю, да и Русскихъ людей опасаемся, чтобы чего-нибудь надъ нами не сдѣлали.“ Продержавъ Кудрявцева у себя почти пять мѣсяцевъ, Калмыки наконецъ отпустили его изъ степи.

Калмыки остались на новыхъ своихъ кочевьяхъ по Яику, Ору, Сакмарѣ, по рѣкамъ, которыми владѣли ясачные люди Уфимскаго уѣзда, грабили, били и хватали въ плѣнъ этихъ ясачныхъ людей на промыслахъ; врывались въ Казанскій и Самарскій уѣзды, разоряли русскія и башкирскія села. Башкирцы платили имъ тѣхъ же; съ обихъ сторонъ накоплялись плѣнники и шли переговоры о ихъ разтѣнѣ, причемъ Московское правительство не переставало твердить тайшамъ, чтобы уходили назадъ въ свои дальній кочевья, на Черные Пески и на Иргизъ рѣку, и не занимали бы земель между Яикомъ и Волгою. Тайши отвѣчали одно, что въ хололствѣ никогда ни у кого не бывали и никого не боялся, кромѣ Бога. „Земля и воды Божьи“, говорили они, „а прежде та земля, на которой мы теперь съ Ногайцами кочуемъ, была Ногайская, а не государева; и башкирскихъ вочини въ тѣхъ мѣстахъ не бывало: мы, пришедши сюда, Ногайцевъ сбили, и Ногайцы пошли кочевать подъ Астрахань; а какъ мы подъ Астраханью ногайскихъ и

едисанскихъ мурзъ за саблю взяли, то и кочуемъ съ ними пополамъ по этимъ рѣкамъ и урочищамъ, потому что они теперь стали наши хололи; намъ въ этихъ мѣстахъ зачѣмъ не кочевать? да кромѣ нихъ и кочевать намъ негдѣ, а государевыхъ городовъ здѣсь нѣтъ.“

Но недолго Калмыки говорили этимъ языкомъ. Въ 1657 году четверо тайшей прислали царю грамоту, въ которой писали: „Вольной Астраханскій воевода началъ къ намъ безпрестанно послать присылать, не дали намъ покою, все аманатовъ у насъ просили; и мы, Калмыки, аманатовъ своихъ дали, родственника своего, при восходахъ и при дьякъ шертовали съ своими улусными людьми, и на договорной записи мы, тайши, руки приложили, чая отъ васъ, великаго государя, впередъ жалованья; а какъ шертовали, то сказали намъ, что жалованья не будетъ.“ Калмыцкіе послы подали статьи: 1) Чтобы великій государь велѣлъ тайшамъ давать жалованье, а ихъ родства есть еще три улуса, и они, увидя къ себѣ государю милость и жалованье, и тѣ улусы стануть призывая подъ царскую высокую руку. 2) Велѣлъ бы государь лѣтомъ кочевать изъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ по обѣ стороны, и на перевозахъ бы ихъ негдѣ не задерживали. 3) Въ городахъ, которые близко ихъ кочевья, указалъ бы государь давать имъ торгъ повольный, налоговъ бы и обидъ отъ воеводъ не было и во всемъ бы ихъ оберегали. 4) Указалъ бы государь идти имъ въ Крымъ войною, а съ ними бы послать астраханскихъ служилыхъ людей.

Последняя статья была очень важна при тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, и въ 1661 году, дьякъ Гороховъ отиравился къ калмыцкому тайшѣ Дайчину съ требованіемъ, чтобы послалъ къ Крымскому хану, велѣлъ ему отстать отъ Польскаго короля и не давать ему помощи, и если не отстанетъ, то Калмыки будутъ воевать крымскіе юрты. „По всего бы лучше“, говорилъ Гороховъ, „еслибы Дайчинъ-тайшанинъ лѣтомъ со вѣми Калмыками пошелъ воевать крымскіе юрты: тамъ богатства много отъ Польскихъ людей, наполнятся Калмыкамъ есть чѣмъ; царскаго величества премногая милость къ тайшамъ и ко вѣмъ Калмыкамъ будетъ за ихъ службы, и въ государевыхъ городахъ Русскіе люди, видя калмыцкую правду и примую службу, будутъ съ Калмыками единодушны.“

„Великій государь спрашиваетъ теперь на насъ службы“, отвѣчалъ тайша, „а жалованья посылаетъ намъ мало, тогда какъ мнѣ говорили, что будетъ мнѣ жалованье такое же, какъ прежде было Крымскому хану“.

— „Такъ говорить негодится“, возражалъ Гороховъ, — „потому что вы въ подданствѣ и послушаньи у великаго государя. Жалованья вы перебрали уже много, а службы еще никакой не показали“.

— „Калмыки служатъ великому государю“, говорили тайша, — „воюютъ улусы непослушныхъ

Крымъ Ногаевъ; мы были и подъ Азовомъ и по рѣкѣ Кабану, и теперь ради исполнить повелѣнїе великаго государя, поимлемъ своихъ людей на Крымъ, а послѣ большой воды пойду самъ съ дѣтьми и племянниками, стану станомъ на Дону, подлѣ казачьихъ городковъ, и буду промышлять надъ Крымомъ. Всѣмъ своимъ улуснымъ людямъ и Татарамъ велимъ заказъ учинить крѣпкой, чтобы никакихъ ссоръ и задоровъ съ людьми великаго государя не чинилъ; — только чтобъ и отъ Русскихъ людей Калмыкамъ лиха не было, а злѣе всѣхъ Башкирцы: всегда всякое зло Калмыкамъ отъ Башкирцевъ“.

— „Въ прошломъ году“, отвѣчалъ дякъ, — „вы жаловались, и по этой жалобѣ посланъ на Уфу стольникъ Сомовъ, велѣно ему про Башкирцевъ сыскать, накрѣпо, взятое ими отослать къ вамъ въ улусы, а Башкирцевъ, пушчихъ воровъ, велѣно казнить смертію, а другихъ наказать торговою казню. Башкирцы, пушчіе воры и нашихъ улусовъ разорители, Гаурою Ахбулатовъ съ товарищами, 30 человекъ, избывая смертной казни, бѣжали и живутъ теперь у сына твоего, Мончакъ-тайши, и сынъ твой, позабывъ ихъ обиды, сдѣлалъ имъ большой привѣтъ и ласку, далъ имъ на прїѣздѣ по двѣ лошади да по верблюду человекъ, коровъ и овецъ далъ не мало; но это сдѣлалъ онъ неправдою, шертъ свою нарушилъ. Пусть онъ этихъ воровъ Башкирцевъ отошлетъ въ Астрахань; а если ихъ отдастъ не захочетъ, то впередъ Башкирцевъ отъ калмыцкаго разоренья унизать нельзя“.

Дайчинъ, помолчавъ немного, сказалъ: „Я про это ничего не знаю; когда увидишься съ Мончакъ-тайшею, то поговори съ нимъ; Мончакъ самъ владѣлецъ, а я старъ, и улусные люди прочать Мончака; а я къ нему съ ближними своими людьми прикажу. Повидавшись съ Мончакомъ, побъжай въ Москву поскорѣе, службу нашу и послушанье великому государю объяви, и если впередъ государю надобно будетъ наше калмыцкое дѣло, то государь укажетъ бы вѣдать это дѣло въ Астрахани Казбулату мурзѣ Черкасскому, потому что ему калмыцкое наше дѣло за обычай“.

Дякъ побѣжалъ въ улусъ къ Мончаку, и первымъ дѣломъ его было, по прїѣздѣ туда, отправить уфимскихъ жителей переговорить тайкомъ съ бѣглыми Башкирцами: для чего они великому государю извѣстили, съ Уфы бѣжали, и какого себѣ добра ждутъ въ калмыцкихъ улусахъ. Калмыки давнѣе имъ злодѣи и будутъ мститъ имъ за свою кровь. Когда Гороховъ пришелъ къ Мончаку, то тайша объявилъ, что онъ отъ отца своего не раздѣленъ и повелѣнїе великаго государя также исполнить хочетъ съ радостію. Но иное говорили мурзы едисанскихъ Татаръ; они прїѣзжали къ дякву и объявляли отъ имени тайши: „Великій государь спрашиваетъ на насъ службы, а жалованья привезено мало; если намъ государева жалованья дано будетъ столько же, сколько давалось Крымскому хану, по 40,000, то мы на службу пойдёмъ; а если жалованья не будетъ, то на службу не пой-

демъ, а станемъ воевать по Волгѣ города великаго государя и его людей“. — „Вы это говорите, забывъ страхъ Божій“, отвѣчалъ Гороховъ мурзамъ, „вамъ слѣдовало о дѣлахъ великаго государя радѣть, потому что въ его холони природные“. — „Мы служили и радѣли“, сказали одинъ изъ мурзъ, „Калмыковъ къ послушанью великому государю привели, но ничего за это не получили; ты намъ теперь ничего не привезъ, такъ мы тебя и всѣхъ государевыхъ людей, которые съ тобою, ограбимъ и тѣмъ себя наполнимъ. Крымскій посолъ у насъ, и мы съ этихъ поръ станемъ радѣть Крымскому хану“. Сказавши это, мурзы вышли съ шумомъ.

Дякъ немедленно послалъ толмача провѣдать, правда ли, что Крымскій посолъ въ улусахъ. Толмачъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ улусахъ Азовскій ага и говоритъ, что крещеные съ холатаymi соединились, и будетъ отъ нихъ бусурманамъ зло. Гороховъ, вмѣстѣ съ Казбулатомъ, мурзю Черкасскимъ, отправился къ Мончаку; тайша велѣлъ запереть избу и никого не пускать; начались тайные переговоры. Дякъ разсказалъ тайшѣ о прїѣздѣ едисанскихъ мурзъ и о ихъ рѣчахъ; тайша отвѣчалъ, что онъ мурзъ не посылать, но что они дѣйствительно озлоблены, не получая ничего отъ государя; противъ ихъ челобитны объявлено имъ княжество и жалованье, и ничего не дано, а можно было ихъ обрадовать.

„Въ Калмыцкой ордѣ надъ Калмыками и Татарами владѣльцы вы, тайши“, говорилъ дякъ; „великій государь посылаетъ вамъ жалованье, съ вами о своихъ дѣлахъ переговоры ведется, а мурзамъ въ равенствѣ съ вами быть непристойно; да и то вамъ знать можно, что мурзы и всѣ Татары Калмыкамъ не доброты, послушны вамъ только изъ страха, по своей бусурманской вѣрѣ желаютъ всякаго добра Крымцамъ, а Калмыкамъ ищутъ всякаго разоренья, и хотятъ вась отъ милости великаго государя отлучить. Абызы ихъ татарскіе по закону своему говорятъ, что Татарамъ и Крымъ быть отъ Калмыковъ въ разоренья; теперь отецъ твой Дайчинъ посылаетъ на Крымъ своихъ ратныхъ людей, и надобно думать, что приспѣло время вамъ, Калмыкамъ, крымскими юртами завладѣть: такъ тебѣ пристойно быть съ отцомъ своимъ въ одной мысли, а раскольниковъ Татаръ не слушать“.

— „И въ нашемъ калмыцкомъ писемѣ написано, что Калмыки будутъ владѣть крымскими юртами“, отвѣчалъ тайша. „Есть на Крымскомъ островѣ гора, слыветъ Чайка-бурунъ; про ту гору написано у насъ, что въ ней много золота, и владѣть тѣмъ золотомъ Калмыкамъ. Что Татары намъ доброты, это и мы сами знаемъ, бусурманъ доброты бусурману; только и на Русскихъ людей надѣяться намъ нельзя: Индикіе казаки и по Волгѣ изъ городовъ Русскіе люди, и Башкирцы много зла ежегодно намъ дѣлаютъ; Русскіе люди обучавъ калмыцкихъ не знаютъ — и чинится отъ того во всемъ рознь; а Крымскій ханъ каждый годъ присылаетъ по-

словъ къ намъ, сулить большую казну, хочеть брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать ихъ совсѣмъ Калмыкамъ. Но мы не слушаемся и Крымскому хану не помогаемъ; но и войною намъ идти на Крымъ съ чего? Намъ казны не прислано, а Крымскому хану ежегодно изъ Москвы посылають по сороку тысячъ золотыхъ; однакоже Крышцы на Русь войною ходять, а Калмыки тѣмъ хуже Крымцевъ, что имъ столько казны не давать?"

Дьякъ отвѣчалъ: „Крымскій ханъ хочеть давать вамъ государевы города; но это дѣло недостаточное, потому что Крышцы не только городовъ, и малой деревни никогда у насъ не брали. Вы хотите большой казны; но прежде покажите свою службу. Вотъ будетъ служба, если вы теперь крымскаго посла отправите въ Москву: за это получите большее жалованье, а послу ничего дурного не будетъ“.

— „Этого сдѣлать никакъ нельзя“, сказалъ тайша, — „намъ будетъ укорно и впередъ никто къ намъ пословъ посылать не станеть“. Этимъ разговоръ и кончился.

Горохову удалось зазвать къ себѣ нѣсколько бѣглыхъ Башкирцевъ. На вопросъ, зачѣмъ бѣжали? — они отвѣчали, что не стерпѣли налоговъ отъ ясачнаго сбора. — „Ижете!“ сказалъ дьякъ, „никакихъ налоговъ вамъ не было, а здѣсь у чего вамъ жить! развѣ не знаете, что Калмыки вамъ злодѣи и отомстятъ вамъ?“ — „Знаемъ“, отвѣчали Башкирцы, „да дѣлать-то ужъ нечего, назадъ вѣхать не смѣемъ, боимся смертной казни, а Калмыковъ какъ-нибудь удобримъ службою и промысломъ, потому что мы знаемъ не только большія дороги, но и малыя всѣ стежки и череправы на большихъ и малыхъ рѣкахъ“. — „Вамъ бы страшно было объ этомъ и помыслить“, говорилъ дьякъ, „мало того, что измѣнили, хотите еще приводить Калмыковъ на разоренные нашихъ селъ и деревенъ!“ — „Изъ-за-чего же намъ добро-то мыслить: вѣдь мы отъ юрта своего отстали“, сказали Башкирцы. — „Лучше обратитесь къ великому государю, онъ васъ пожалуетъ“, говорилъ дьякъ. — „Обратиться страшно“, отвѣчали Башкирцы, „бѣжали мы, пограбивъ государевыхъ людей, а нынѣ и побывъ до смерти“. Дьякъ обнадеживалъ ихъ государевою милостію и поточивалъ; сдѣлать было то, что Башкирцы обѣщались подумать и придти въ другое время.

Проживши двѣ недѣли у Мончака, Гороховъ сталъ торопить тайшу, чтобы покончить дѣло о походѣ на Крымъ; тайша отвѣчалъ, что надобно прежде покончить дѣло о башкирскихъ набѣгахъ: недавно еще Башкирцы отогнали у Калмыковъ 2,000 лошадей; какъ тутъ идти на государеву службу? — „А зачѣмъ было принимать бѣглыхъ Башкирцевъ?“ спросилъ дьякъ; „выдайте ихъ великому государю“. Мончакъ отвѣчалъ съ сердцемъ: „Кто себѣ лиходѣй, что станеть отпустить отъ себя людей? Будешь просить Башкирцевъ, и мы ратныхъ людей не пошлемъ на Крымъ“. Кончился тѣмъ, что Мончакъ сказалъ Горохову: „Вели принести

отъ себя изъ стану вина и питья; хочю я съ ближними своими людьми напиться, чтобы сердитыя слова запить и впредъ ихъ не помнить“. Дьякъ поспѣшилъ исполнить это доброе желаніе. Сердитыхъ словъ дѣйствительно послѣ того не было, и Калмыки обязались подъ клятвенно идти на Крымъ. Подписывая шертную записку, Мончакъ говорилъ: „Какъ бумага склсена, такъ бы Калмыцкими людьми съ Русскими людьми вмѣстѣ быть вѣчно“.

Шертъ была исполнена; война между турецко-татарскими и монгольскими племенемъ началась въ стенахъ Черноморскихъ. Мончакъ слѣдилъ за своими врагами, Татарами и Башкирцами, и доносилъ въ Москву о сношеніяхъ ихъ съ Крымомъ. Въ 1664 году онъ извѣстилъ великому государю, что уже шестой или седьмой годъ, какъ уфимскіе Башкирцы и казанскіе Татары отправили пословъ къ Крымскому хану объявить ему, что они съ нимъ одной вѣры и прежде были людьми Крымскихъ хановъ, а теперь, живя съ Русскими людьми, отстали отъ своей бусурманской вѣры; такъ бы ханъ принялъ ихъ къ себѣ и ходилъ съ ними вмѣстѣ подъ государевы города. Тайша доносилъ, что и Астраханскіе Татары и всѣ вообще мусульмане пересылаются съ Крымскимъ ханомъ и Азовскимъ ханомъ; промышленють этимъ союзомъ Тарковский Суркай шевкалъ да Кабардинскіе владѣльцы, мыслятъ построить городъ на Крымской сторонѣ на урочищѣ Мажарѣ, что бывало Венгерское городище между Астраханью и Тереккомъ, чтобы не было дороги между этими городами. Для пріема Татаръ ханъ хочеть прислать царевичей своихъ со многими ратными людьми, и стоять имъ между Чернымъ Яромъ и Царпынымъ, чтобы въ Астрахань и въ другіе поппзовые города судовъ съ запасами и товарами не пропускать; а суда, въ чемъ имъ развѣзжать по Волгѣ, взяли имъ промыслить астраханскіе юртвскіе Татары и Ногайцы.

До сихъ поръ мы касались только тѣхъ Калмыковъ, которые безпокоили юго-восточную Украину, Уфимскую и Астраханскую сторону; но гораздо больше безпокоитва отъ нихъ было для Сибири. Мы видѣли, какое обширное пространство земель въ Сѣверной Азіи занято было Русскими людьми въ царствование Михаила Феодоровича; малочисленные отряды съ огненнымъ боемъ легко одолѣвали разбѣянные роды туземцовъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Но въ двадцатыхъ годахъ столѣтія въ южныхъ, степныхъ краяхъ Западной Сибири явились незваные гости, съ которыми нельзя было такъ легко раздѣлываться: то были именно Калмыки. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, Монголами и Киргизь-Кайсаками, они заняли земли у верховьевъ Иртыша, Ишима и Тобола, и спокойно располагались въ странахъ, которыя Русскіе считали уже своими. Появленіе Калмыковъ было тѣмъ опаснѣе, что владычество Русскихъ въ Сибири далеко еще не было упрочено: туземцы, принужденные только огненнымъ боемъ платить ясакъ, искали перваго случая, какъ бы избавиться отъ этой обл-

занности, и въ стенахъ бродили еще потомки Кучума съ притязаніями на отчину и дѣлину. Калмыковъ приняли какъ освободителей, и начали громко выражать надежду, что въ короткое время о Русскихъ не будетъ слышно въ Сибири. Правда, у Калмыковъ не было огненного бою, но они какъ-нибудь ухитрятся, мечтали туземцы, нападутъ на Русскихъ въ сильную бурю, мятель, когда нельзя будетъ стрѣлять изъ ружей.

Надежды туземцевъ не исполнились; люди съ лучшими боемъ не могли выжить изъ Сибири людей съ огненнымъ боемъ; но попытки были дѣлаемы не разъ. Въ 1634 году заняли деревни Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ; самъ городъ Тара два раза былъ осажденъ: Калмыки не могли устоять передъ огненнымъ боемъ, не взяли города, но за то и поиски Русскихъ въ стени за грабителями не были удачны. Нѣсколько лѣтъ сряду не прошло почти ни одной осени, чтобы Русскіе поселенцы не были встревожены вѣстями о калмыцкихъ замыслахъ, и крестьяне по Иртышу покидали свои деревни, скрываясь въ города и остроги. Въ сентябрѣ 1651 года заняли новый монастырь, который строилъ на рѣкѣ Исети старецъ Далматъ; Русскіе люди, жившіе въ монастырѣ, были перебиты или захвачены въ плѣнъ: это было дѣло Татаръ, пришедшихъ подъ предводительствомъ князьковъ крови Кучумовой. Другіе Кучумовичи, въ 1659 году, повели Калмыковъ на Варабинскую степь: пять волостей было разорено, 700 человекъ уведено въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году новое опустошеніе Барабы. Что же дѣлали люди съ огненнымъ боемъ, русскіе казаки? Они, гдѣ могли, истребляли по частямъ хищниковъ; но надобно замѣтить, что для защиты всей Варабинской стени городъ Тара не могъ выставить болѣе 60 казаковъ! Въ 1662 году возмущеніе вспыхнуло на рѣкѣ Исети, — измѣнили Башкирцы, Черемшы и Татары, и стали разорять русскія слободы. Встали и верхотурскіе Вогуличи, крича: „Поднялся на Русь нашъ царь!“ Калмыки, раззубетая, были тутъ: Татары, Башкирцы, Мордва, Черемшы, Чуваши взяли Кунгуръ, выжгли всѣ русскіе крестьянскіе дворы на рѣкѣ Сылвѣ. Рассказывали, что Татары, поновявъ Кунгуръ, поставили себѣ острогъ и стрѣляютъ поймайки, чинными ядрами; рассказывали, что всѣ Татары — уфимскіе, нышнинскіе, япончискіе и верхотурскіе Вогуличи руки подавали царевичамъ Кучума рода и хотѣли идти по рѣкамъ Исети и Нышнѣ, въ уѣзды Тобольскій, Тюменскій и Верхотурскій: что возстаніе произошло по уговору съ Крымскимъ ханомъ.

Въ томъ же году узнали, что между Остяками не хорошо: князьки и простые люди часто съезжаются на думу къ князьку Ермаку, покупаютъ молодыхъ людей для принесенія въ жертву Сосвинскому шайтану: а это бывало у нихъ прежде только тогда, когда замыслили измѣнить. Въ началѣ 1663 года схваченъ былъ сосвинскій Остякъ Умба и повинился: приходилъ къ нему изъ Пермь

шуринъ и призывать ихъ всѣхъ, березовскихъ Остяковъ, въ измѣну. Березовскіе Остяки ему сказали, что готовы идти съ ними вмѣстѣ на Березовъ и побить служилыхъ людей; уговорились подняться еще весною 1662 года, но полой водѣ, по за тѣмъ не пришли подъ Березовъ, что не могли призвать съ собою въ измѣну Самоѣдовъ; но теперь они сговорились съ Самоѣдами и со всѣми Остяками, чердынскими и пельымскими, и порѣшено идти на Березовъ весною 1663 года. По указанію Умбы, допросили другихъ Остяковъ, и открыли обширный заговоръ: еще въ 1661 году Остяки снесли съ царевичемъ Кучумова рода, Девлетъ-Киреемъ; положено было лѣтомъ 1663 года идти подъ всѣ сибирскіе города, царевичу придти подъ Тобольскъ съ Калмыками, Татарами и Башкирцами. Когда возьмутъ города и перебьютъ Русскихъ людей, царевичу съѣсть въ Тобольскѣ и владѣть всюю Сибирью, со всѣхъ городовъ брать ясакъ, а въ Березовѣ владѣть Обдорскому князьку Ермаку Мамрукову да Иванкѣ Лечманову. Эти претенденты на Березовское княжество были схвачены, привезены въ Березовъ, пытаны, повинился и повѣнненъ съ 14 другими заводчиками, но распоряженію Березовскаго воеводы Давыдова. Тобольскій воевода князь Хилковъ разсердился и написалъ Давыдову: „Ты учинилъ не по государеву указу, что березовскихъ лучшихъ Остяковъ перебивалъ безъ вины, для своей бездѣльной корысти, поровня ворами, березовскимъ ясачнымъ сборщикамъ. По государеву указу вѣрно было тебѣ развѣдывать въ Остякахъ измѣны, и которые изъ нихъ объявятся въ измѣнномъ дѣлѣ, прислать ко мнѣ въ Тобольскъ, а самому не казнить.“ Мы не можемъ рѣшить, насколько была правъ Хилковъ въ своемъ обвиненіи на Давыдова; знаемъ только, что зимою же 1663 года Самоѣды сожгли Пустозерскій острогъ, воеводу и всѣхъ служилыхъ людей побили, а въ Малгазѣ побили ясачныхъ сборщиковъ и промышленныхъ людей.

Остяки не поднимались, и на югѣ русскіе ратные люди, солдаты и рейтары били Башкирцевъ и товарищей ихъ вездѣ, гдѣ только могли встрѣтить; но преслѣдовать разбитыхъ и не давая имъ снова собираться было невозможно по малочисленности русскихъ отрядовъ и по обширности пространства. Въ концѣ 1663 года Башкирцы Уфимскаго уѣзда, погайской и казанской дорогъ и Ицкиныхъ (по рѣкѣ Ику) волостей прислали сказать Уфимскому воеводѣ, князю Волконскому, что они хотѣли быть попрежнему подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холоствѣ, только чтобы аманатовъ ихъ перевели изъ Казани на Уфу и чтобы воевода прислать къ нимъ какого нибудь Уфимца снабдить ихъ милостію великаго государя. Волконскій снабдилъ ихъ, что великій государь, милостивый нежелатель кровей чуждъ, вины виноватымъ милостію награждаетъ, если они будутъ челою чистыми душами безъ всякаго лукавства. По этому обнадѣжанію Башкирцы прислали въ Москву выбор-

ныхъ, которые въ Приказѣ Казанскаго Дворца, передъ бояриномъ, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, и передъ дьяками дали шерть на коранѣ—отъ Калмыковъ и Ногайцевъ отстать, возвратиться тою же зимою въ Уфимскій уѣздъ на прежнія свои жилища, служить великому государю вѣрою и правдою, и отдать всёхъ плѣнниковъ и все пограбленное. По принесеніи шерти башкирскіе выборные видѣли великаго государя очи, „какъ пресвѣтлое солнце“, и получили жалованную грамоту на двухъ листахъ,—русскимъ и татарскимъ письмомъ. Уфимскій воевода отъ себя писалъ Башкирцамъ, что впередъ имъ отъ Уфимцевъ, служилыхъ и торговыхъ людей, никакихъ обидъ не будетъ, и подводъ лишникъ, кромѣ государевыхъ дѣлъ, никто съ нихъ не возьметъ, и въ вотчинахъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ.

Волконскій писалъ уфимскимъ Башкирцамъ, что бы они уговаривали къ покорности и Башкирцевъ сибирской и осинской дорогѣ. По эти уговоры, если они были, не подѣйствовали. Въ июль 1664 года Башкиры явились подъ Певьянскимъ острогомъ (на рѣкѣ Нейвѣ, впадающей въ Туру), сожгли монастырь и сохіянія деревни. За разбойниками погнались рейтары и солдаты, но за полднице пути отъ Уфы рѣки успѣли настичь только ничтожный отрядъ въ 20 человекъ, а большое башкирское войско, посланна за собою ратныхъ людей, разбѣжалось за Каменъ (Уральскія горы), но лѣсамъ и по болотамъ врознь, на перемѣнныхъ коняхъ налегкѣ, а солдатамъ и рейтарамъ гоняться за ними было нельзя, потому что лошади ихъ устали и отъ пружель гоньбы. Въ слѣдующемъ году, въ тѣхъ же мѣстахъ, на притокахъ рѣки Туры, явились воровскіе Татары. Но и эти разбойники, какъ скоро увидѣли за собою погоню солдатъ и рейтаръ, „отпоясавъ все свое платье, сѣда, котлы и топоры“. Далѣе на востокъ большой опасности подвергался украинный городъ Кузнецкъ, отрѣзываемый съ сѣверо-запада отъ русскихъ поселеній непокорными Телеутами, или Вѣлыми Калмыками. Въ 1636 г. онъ выдержалъ осаду отъ Телеутовъ, соединившихся съ Калмыками. Не брала сила — дѣйствовали хитростію: такъ однажды Телеуты пришли подъ Кузнецкъ и предложили его жителямъ обычный торгъ за городомъ; тѣ, ничего не подозревая, вышли на торговлю, и были перебиты. Телеутскіе князьки присягали великому государю, присылали ясака, и потомъ опять возстали, опустошая Кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ Калмыками и такъ называемыми Саянскими Татарамъ. Красноярскъ еще больше терпѣлъ отъ Киргизовъ, чѣмъ Кузнецкъ отъ Телеутовъ, такъ что жители не смѣли показаться за городъ, и просили въ Москвѣ, если имъ не пришло отъ большаго числа ратныхъ людей, то пусть позволяютъ покинуть несчастный городъ. Всѣ инородцы, жившіе около Красноярска и платившіе дань, или разбѣгались, не вынося положенія между двумя огнями, или возмущались и били Русскихъ

людей. Наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Оеодоровича, правительство приняло сильныя мѣры: собраны были служилые люди изъ разныхъ сибирскихъ городовъ, и Киргизы были сдержаны. Тѣснимые, въ свою очередь, Русскими, требовавшими покорности, дани, Киргизы обратились за помощію къ Калмыкамъ и Монголамъ. Монгольскій ханъ, или, какъ его обыкновенно тогда называли, Алтынъ-ханъ, далъ шерть на подданство царю Михаилу, но для того только, чтобы выманывать богатые подарки; теперь онъ не прочь былъ отъ поданія помощи Киргизамъ, но не безкорыстно: онъ хотѣлъ также покорить Киргизовъ себѣ. Киргизы и другіе ясачные инородцы — Тубинцы, Алтырцы, Керельцы, наславшіе Красноярскій уѣздъ, стали между двухъ огней. Въ 1652 году Алтынъ-ханъ нагрянулъ на нихъ, требуя послушанія и ясака. Красноярскій воевода послалъ къ нему съ угрозою, что идутъ на него государевы ратные люди изъ четырехъ городовъ съ огненнымъ боемъ. Ханъ испугался и ушелъ, не отказываясь однако отъ своихъ требованій относительно инородцевъ. Но какъ скоро Монголы стали убираться въ свои кочевья, къ инородцамъ явились посланцы Красноярскаго воеводы съ требованіемъ, чтобы стояли крѣпко и неподвижно на своей правдѣ, къ Алтыну царю не отъѣзжали. Киргизы, Тубинцы и всѣ иноземцы вспомнили свою шерть, къ Алтыну царю не поѣхали; но Русскіе при этомъ случаѣ съ ужасомъ примѣтили у нихъ тридцать русскихъ винтовокъ, пятнадцать пикалей калмыцкихъ, также много пороку и свинцу. На вопросъ, откуда они это взяли, — инородцы отвѣчали: „Привозятъ къ намъ изъ Томска всякіе люди и мѣняютъ на товары“. Что всего хуже, посланцы замѣтили, что инородцы стрѣляютъ въ цѣль и убиваютъ не хуже Русскихъ людей. „Впередъ, писалъ Красноярскій воевода — Томскому, впередъ отъ Киргизовъ, Тубинцевъ, Алтырцевъ и Керельцовъ добра ждать нечего, потому что они Алтына-царя боятся и слушаютъ; они говорили моимъ посланцамъ: „Съ тѣхъ поръ какъ мы на своихъ земляхъ начались, ни одинъ Монгольскій царь, ни царевичъ, ни монгольскіе, ни калмыцкіе тайши войною не бывали и воинскихъ людей не посылали; а теперь Алтынъ царь на нашу Землю приходилъ съ 5,000 человекъ! И если впередъ Алтынъ-царь или сынъ его на насъ будутъ приходить, то намъ никакъ въ правдѣ своей не устоять, потому что Алтынъ-царь живеть отъ насъ за Саянскимъ камнемъ (горами) только въ динцахъ въ десяти пути“. — „И если“, продолжаетъ, во вода, „Алтынъ-царь или сынъ его съ большимъ войскомъ придетъ на государевы Украинны, то мы не только нельзя посылать изъ Красноярска на выручку государевыхъ иноземцевъ, но и Красноярскаго острога уберечь не смѣемъ, потому что у меня служилыхъ людей только 350 человекъ, и изъ тѣхъ посылаютъ по разнымъ острожкамъ на годовыя службы за хлѣбными запасами, въ Москву за государевую казною, въ ясачныя земли для сбора ясака, но въ-

стямъ въ проѣзжія станицы и на отѣзжіе караваны, — всего посылается съ триста человѣкъ и больше, въ Красноярскъ остается во все лѣто только человѣкъ 50 и меньше, и у тѣхъ оружія нѣтъ и у половины, а въ государственной казнѣ нѣтъ ни одной пикалы. Отъ подгородныхъ Татаръ, Качинцевъ, Арынцевъ и Истынцевъ, которые кочуютъ подъ Красноярскимъ, добра ждаты нечего, потому что они Киргизамъ и Тубинцамъ въ роду и въ племени, сами у нихъ женятся и дочерей своихъ за нихъ выдаютъ, и мысль у нихъ съ ними одна“.

Онасенія Красноярскаго воеводы не сблысь; но за то въ 1657 году пришла очередь Томскому тренетать предъ кочевниками. Сынь Алтынъ-хана съ 4,000 войска напалъ печально на Киргизовъ, разбилъ ихъ и заставилъ покориться себѣ, послѣ чего царевичъ направился прямо на Татаръ Томскаго уѣзда. Монгольскій царевичъ поступалъ по примѣру предковъ своихъ, завоевателей XIII вѣка: всѣхъ молодыхъ людей изъ Киргизовъ и Татаръ набиралъ въ свое войско, которое оттого скоро удвоилось. Онъ уже заключилъ договоръ и съ Телеутскимъ князькомъ, чтобы въ одно время напасть на Томскъ; но вѣсть о смерти старика-отца заставила царевича возвратиться въ свои степи. Послѣ того десять лѣтъ было мирно; воровалъ только измѣнникъ, Киргизскій князецъ Еренякъ; но въ 1667 году Красноярскъ долженъ былъ выдержать осаду отъ калмыцкаго тайши Сенги, соединившагося съ Еренякомъ. Въ калмыцкіе улусы отправился изъ Томска сынь боярскій спросить тайшу: „Ты ли, Сенга-тайша, своихъ людей посылалъ, или они сами собою ходили подъ Красноярскъ?“ Отвѣта не было; тайша про здоровье великаго государя не спрашивалъ и царское жалованье, сукна и камки принялъ не по достоинству, нечесно. Еренякъ не переставалъ разсылать по ясачнымъ волостямъ стрѣлы съ угрозами, что придетъ опять войною, вмѣстѣ съ Калмыками, если ясачные не будутъ платить своего ясака тайшѣ Сенгѣ. Калмыкамъ удалось утвердить свою власть надъ Телеутами; но нѣкоторые пѣзъ послѣднихъ отѣхали въ Томскъ. Сенга требовалъ ихъ выдачи и очень сердился, когда этого требованія не исполняли; онъ говорилъ посланцу Томскаго воеводы: „Я у великихъ государей прошу своихъ людей, Вѣлыхъ Калмыковъ, по многіе годы, и великіе государи меня не жалуютъ, моихъ людей мнѣ не отдаютъ; и если вперед не отдадутъ, то изъ Томска ко мнѣ пословъ не посылали бы. — Томскъ я буду воевать“ Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что, кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, — Томскъ я буду воевать“ Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что, кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, — Томскъ я буду воевать“ Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что, кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, — Томскъ я буду воевать“

И Тобольскіе воеводы также должны были имѣть дѣло съ Калмыками, которые приковывали къ рѣкѣ Ишиму. Воеводы вошли въ сношенія съ тайшою ихъ Дундукомъ и уговорили его подклониться подъ высокую руку великаго государя. Лѣтомъ 1674 г. къ Дундуку поѣхалъ стрѣльцкій голова Аршинскій для осмотра земель, занятыхъ Калмыками, и для истребованія аманатовъ; Аршинскій былъ встреченъ очень почетно, и дѣло шло какъ нельзя лучше: Дундукъ увѣрялъ въ своей преданности великому государю. Уже девять дней прожилъ Аршинскій въ улусѣ, на десятый Дундукъ прислалъ звать его къ себѣ: „Посоветуемся, какъ бы написать къ великому государю грамоту поскладнѣе“. Въ то время какъ подъячій писалъ грамоту, тайша разговаривалъ съ Аршинскимъ: „Посылаю я двоихъ своихъ людей съ грамотою къ великому государю въ Москву; въ прошломъ году я также посылаю человѣка своего въ челобитчикахъ въ Тобольскъ и въ Москву съ служилымъ Татарникомъ Авезбакеемъ; этого человѣка моего изъ Тобольска въ Москву не скоро отпустили, манили со дня на день, а дорогою Авезбакей говорилъ ему, что сына моего выучать грамотѣ и крестьянѣ“. Сказавши эти слова, Дундукъ закричалъ и велѣлъ своимъ Калмыкамъ связать Аршинскаго и всѣхъ бывшихъ при немъ Русскихъ, и ограбить ихъ донага. „Правда моя идетъ вамъ отъ Авезбакея“, объявилъ тайша Аршинскому: „врочемъ не боюсь, до смерти не побьютъ“. Между тѣмъ Калмыки стали выючиться и выступили въ походъ; Русскихъ вели связанныхъ. Перевезши ихъ за Ишимъ, Дундукъ велѣлъ привести къ себѣ Аршинскаго и сказалъ ему: „Взялъ я у тебя свое имѣніе, а не твое и не твоихъ товарищей; вы ищите своего добра на Авезбакеѣ, потому что я далъ ему двадцать лошадей, и приказывалъ привезти изъ Москвы товару, а онъ ничего не привезъ и самъ ко мнѣ не пріѣхалъ“. Аршинскій съ 30-ю товарищами былъ отпущенъ въ Тобольскъ пѣнникомъ; но Калмыки смилосердятся и дали имъ съ полпути крупъ на дорогу.

Но въ то время какъ старыя русскія поселенія за Уральскими горами подвергались опасности отъ возстанія туземцевъ, подрывляемыхъ Калмыками, въ то время когда поднимались противъ Русскихъ людей старыя подданные великаго государя, Башкирцы, Черемисы, Чуваши и Мордва, — въ то время Русскіе люди въ далекихъ предѣлахъ сѣверной Азии неутомимо искали новыхъ земель для поселенія, новыхъ народцевъ, на которыхъ бы можно было наложить ясакъ, новыхъ торговыхъ путей, и посольства великаго государя являются передъ Сыномъ Неба, въ Срединной имперіи.

Утвержденіе Русскихъ людей въ Восточной Сибири происходило съ такими же ничтожными средствами, какъ и въ Западной, и происходило при недостаткѣ единства въ дѣйствіяхъ, ибо правительственный надзоръ, по отдаленности, былъ слабъ. Въ концѣ царствованія Михаила Осодоровича, русскіе казацкіе пятидесятники, сидѣвшіе съ

своими казаками въ Верхоленскомъ Братскомъ острогѣ, дрались съ Бурятами, заставляя ихъ платить ясакъ великому государю, подкрѣпляя свои пять десятковъ небольшими толпами изъ промышленныхъ и гулящихъ охочихъ людей. Но въ то же время атаманъ Колесниковъ, отправленный изъ Енисейска для провѣдыванія „про Байкаль озеро и про серебряную руду,“ поставилъ острогъ на Ангартѣ и сталъ также требовать ясака съ Бурятовъ; тѣ не давали на томъ основаніи, что они относятся ясакъ въ Верхоленскій острогъ, а Колесниковъ, видя въ отказѣ непокорность, сталъ ихъ воевать и разорять. Буряты взволновались и начали дѣйствовать враждебно противъ Русскихъ: „Что это“, говорили они, „отъ одного государя приходятъ къ намъ двойные люди? Одни изъ Верхоленска берутъ съ насъ ясакъ на государя, а другіе отъ того же государя приходятъ на насъ войною, бьютъ, жегъ и дѣтей въ плѣнъ берутъ, скотъ и лошадей отгоняютъ: какъ же намъ подлѣ государевою рукою быть?“

Какъ бы то ни было, теперь надобно было укрощать возмущившихся Бурятъ силою, огненнымъ боемъ. Раздраженные Буряты не бѣгали отъ государевыхъ ратныхъ людей, выходили на бой человекъ по тысячѣ и больше, собираясь изъ многихъ родовъ, и отчаянная борьба продолжалась до 1655 года, когда наконецъ истощенные Буряты принуждены были признать владычество пришельцевъ. Между тѣмъ Колесниковъ, виновникъ Бурятскаго возстанія, дѣйствовалъ удачно на Байкалѣ противъ Тунгусовъ, которые обѣщали довести его до серебряной руды. Въ 1647 году Колесниковъ возвратился въ Енисейскъ и представилъ воеводамъ ясакъ, собранный съ новыхъ Байкальскихъ Земель, мѣха цѣною на тысячу рублей; кромѣ того, Колесниковъ объявилъ, что посылалъ четверыхъ изъ своихъ казаковъ съ вожами Тунгусами для вѣстей о серебряной рудѣ. Посланные были въ Монгольской Землѣ, гдѣ князекъ Турукой великому государю поклонился, обѣщавъ быть послушнымъ съ 20,000 своихъ подданныхъ. Князекъ сказалъ, что золотая и серебряная руда подлинно есть и отъ него близко у Богды-царя (въ Китаѣ), и къ нему, князьку, ее привозить: въ доказательство онъ посылалъ великому государю кусочекъ золота вѣсомъ въ четыре золотника, да чашку и тарелку серебряныя. На смѣну Колесникову пошли изъ Енисейска къ Байкалу другіе начальники отряда, другіе сборщики ясака. Въ 1661 г. основанъ былъ Иркутскъ.

Изъ Енисейска шли отряды Русскихъ ратныхъ людей для занятія земель и подчиненія инородцевъ по Ангартѣ, Байкалу, Витиму, Шилкѣ, Селенгѣ; изъ Якутска шли отряды на сѣверъ къ самому Ледовитому морю, на востокъ къ Охотску, на югъ къ Амуру. Дикари сѣверо-восточной Сибири также неохотно сносили владычество пришельцевъ, какъ и дикари западной, и возставали при первомъ удобномъ случаѣ. Въ сороковыхъ годахъ взволновались Якуты около Якутска, но были укрощены сильными мѣрами воеводы Петра Головина. Въ 1645 г.

на крайнемъ сѣверѣ, на рѣкѣ Индигирѣ встали Юкагиры, князекъ Пелева съ товарищами, убили русскаго служилаго человекъ, и выхватили своихъ аманатовъ, содержавшихся въ русскомъ ясачномъ зимовьи. Противъ нихъ отправившись изъ Якутска служилые люди Горбѣлый и Катаевъ, погромили Пелеву, взяли новыхъ аманатовъ. Но въ 1650 г. изгнѣнили Алазейскіе Юкагиры, убили двоихъ служилыхъ людей, государеву казну пограбили, по промысламъ торговыхъ и промышленныхъ людей многихъ побили. Катаевъ пошелъ противъ цзѣтниковъ изъ Алазейскаго ясачнаго зимовья вверхъ по рѣкѣ Алазѣѣ и наконецъ отыскалъ Юкагирю: живутъ въ большомъ острожкѣ, человекъ съ 200 большихъ мужиковъ, которые лукомъ владѣютъ, кромѣ подростковъ; оленіи все собраны въ томъ же острожкѣ. Русскіе поставили своихъ два острожка, одинъ въ 40, а другой въ 20 сажеляхъ отъ юкагирскаго. Началась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ: гдѣ Юкагиры раянѣт, тамъ Русскіе бьютъ до смерти; потому Русскіе сдѣлали шесть шитовъ, выкатили ихъ и начали приготовляться идти за ними на юкагирскій острожекъ. Дикари испугались, увидели, что имъ не отсидѣться, и начали кричать: „Не убивайте насъ, мы дадимъ аманатовъ и государевъ ясакъ станемъ платить, а теперь у насъ соболей плѣтъ, этою осенью мы не промыслили, боялись васъ, казаковъ, жили все въ острожкѣ.“ Русскіе остановились и взяли въ аманаты лучшихъ князьковъ.

Русскіе достигли уже и рѣки Колымы; стоявшій на ней сынъ боярскій Власевъ, въ 1649 году, отправилъ служилыхъ и промышленныхъ людей, подъ начальствомъ Никиты Семенова, далѣе къ сѣверо-востоку, къ верховьямъ рѣки Ануя, налагать ясакъ на непокорныхъ еще инородцевъ. Они отыскали дикарей, погромили ихъ, по обычному выраженію, и плѣнники сказали, что за Камнемъ (за горами) есть повалъ рѣка Анадырь, и подошла она къ вершинѣ Ануя близко. Немедленно прибравшись охочіе промышленные люди и подали Власеву челобитную отпустить ихъ въ тѣ новыя мѣста, за ту захребтную рѣку Анадырь, для приску вновь ясачныхъ людей и приводу ихъ подлѣ царскую высокую руку. Власевъ отпустилъ ихъ подлѣ предводительствомъ Семена Мотуря. У нихъ явились соперники: служилый человекъ Стадухинъ, слышавъ рѣчи дикарей, началъ также собираться на Анадырь. Но еще прежде, тѣмъ 1648 года, служилый человекъ Семенъ Дежневъ отправился изъ устья Колымы моремъ для открытій новыхъ земель. „Носило меня, пишетъ Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ, въ передній конецъ за Анадырь рѣку¹⁾, а было насъ на корѣ всѣхъ двадцать пять человекъ, и пошли мы все въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодно и голодно, наги и босы, и шелья, бѣдный Семейка, съ товарищи до Анадыря рѣки

¹⁾ Такимъ образомъ, Дежневъ обогнулъ сѣверо-восточную оконечность Азии и открылъ проливъ, названный послѣ Беринговъ.

ровно десять недѣль, и попали на Анадырь рѣку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ, и съ голоду мы, бѣдные, врознь разбѣжались. Осталось насъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ, и пошли мы въ судахъ вверху по Анадырю рѣкѣ и шли до Анадырскихъ людей; взяли два человѣка за боемъ и ясака съ нихъ взяли". Тутъ Дежневъ встрѣтился съ Семеновъ Моторою, когорый сухимъ путемъ достигъ Анадыря, и пошли вмѣстѣ. Но Стадухинъ идетъ слѣдомъ за Дежневымъ и Моторою, и грозитъ тѣхъ дикарей, которые уже дали ясакъ Дежневу. Однажды, въ виду дикарей, слышавшихъ въ своемъ острожкѣ, произошла любопытная сцена: между Дежневымъ и Стадухинымъ началась перебранка: „Ты дѣлаешь негораздо“, говорилъ Дежневъ Стадухину, „побивавши иноземцевъ безъ разбора“. — „Эти люди не ясачные“, отвѣчалъ тотъ; „а если они ясачные, то ты ступай къ нимъ, зови ихъ вопъ изъ острожка и возьми съ нихъ государевъ ясакъ“. Дежневъ началъ говорить дикарямъ, чтобъ они выходили безъ боязни и дали ясакъ, и одинъ изъ дикарей сталъ подавать изъ юрты соболи. У Стадухина разгорѣлись глаза на соболи, которые брать Дежневъ: онъ бросился на него, вырвалъ изъ рукъ мѣха, и сталъ бить по щечамъ. Дежневъ послѣ того почелъ за лучшее уйти какъ можно подальше отъ Стадухина. Въ 1652 году Дежневъ съ товарищами вышелъ изъ устья Анадыря въ море на судахъ; главный промыселъ ихъ тутъ состоялъ изъ битвѣ моржей и въ сборѣ моржеваго зуба: „Звѣря вылегаютъ очень много, пишетъ Дежневъ, на самомъ мысу вокругъ съ морской стороны на полверсты и больше, а въ гору сажень на тридцать и на сорокъ“. Дежневъ дошелъ до большого Каменнаго носу. „А тотъ носъ вышелъ въ море гораздо далеко, живутъ на немъ люди Чукчи, много ихъ очень, а противъ носу на островахъ живутъ люди; называютъ ихъ зубатыми, потому что принимаютъ они сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ“. По однимъ моржевымъ промысломъ Русскіе люди не могли заниматься въ устьи Анадыря: должны были также драться съ Коряками. „Мы на нихъ ходили, пишетъ Дежневъ, и палили ихъ четырнадцать юртъ въ крѣпкомъ острожкѣ; Богъ намъ помогъ: тѣхъ людей разгромили всѣхъ, женъ и дѣтей у нихъ взяли, но сами они ушли, а лучшие мужики увели и женъ съ дѣтми, потому что они люди многіе, юрты у нихъ большія, — въ одной юртѣ живетъ семей по десяти; а мы были люди не велики, — всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ“. По вѣстямъ отъ Дежнева, немедленно отправленъ былъ изъ Якутска стрѣлцкій сотникъ утвердить власть великаго государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса. Но въ то время какъ прибирали къ рукамъ новыя землицы, съ трудомъ удерживали старыя влѣдствіе возстанія дикарей — на рѣкахъ Янѣ и Индигиркѣ. Въ 1666 году Ламуты осадили русскій острожекъ на Индигиркѣ; осажденные отбились; но дикари не

платили цѣлый годъ ясака. Въ началѣ слѣдующаго года Ламуты „собравъ себѣ воровское великое собрание, приступили ночью къ острожку и начали острожныя стѣны, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные представили лѣстницы къ стѣнамъ черезъ амбары. Служилые и промышленные люди бой съ ними поставили и убили у нихъ лучшихъ трехъ человѣкъ и многихъ переранили“. Ламуты испугались, побросали свое оружіе и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что „служилыхъ людей въ острожкѣ было только пять человѣкъ, да промышленныхъ десять; оружія, свинцу и пороху нѣтъ, да и взять негдѣ“.

Весною 1647 года отрядъ Русскихъ людей, подъ начальствомъ Семена Шелковника, явился на рѣкѣ Ульѣ, впадающей въ Охотское море — съ устья Ульи моремъ перешелъ къ устью Оби; но Охоту взять надобно имъ было съ большаго бою, разбить Тунгусовъ, которыхъ собралось больше 1,000 человѣкъ. Русскіе поставили острожекъ: Тунгусы осадили его, но на выручку къ осажденнымъ приспѣлъ другой русскій отрядъ. На Охотѣ Русскимъ было много дѣла, потому что дикари уступали только съ боя, уяѣ собирались большими толпами. Въ 1654 г. они сожгли Охотскій острожекъ, освободили аманатовъ и разогнали Русскихъ людей, которые объявили, что „жить на Охотѣ отъ иноземцевъ не-вѣсилу“. Появился новый отрядъ служилыхъ людей изъ Якутска — и поднялся новый острожекъ; поставивъ его, Русскіе начали наступательное движеніе на дикарей, взяли ихъ острожекъ и захватили въ аманаты главнаго заводчика возстанія, Кожку Вояшища: съ этихъ поръ Тунгусы на Охотѣ, и около Охоты, шибѣ и оленные, подъ государеву руку приклонились. Но въ 1665 году опять новое волненіе между Охотскими Тунгусами, — пришли въ острогъ ясачные люди, лучшей человѣкъ Зелемей съ товарищами, и звѣщали начальнику острога, Федору Пушину: пришли на Охоту неясачные Тунгусы и ясачныхъ людей въ шатость призываютъ, живутъ отъ острога въ двухъ динцахъ пути и дожидаются посылки въ Якутскъ съ государевою казною, — хотятъ служилыхъ людей побить. Пушинъ, чтобы отвратить опасность, отправилъ 50 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей звать этихъ неясачныхъ Тунгусовъ въ Охотскій острогъ, велѣлъ призывать ласками и привѣтомъ, а не жесточью. Но изъ этихъ посланныхъ ни одинъ не остался въ живыхъ, и погибли они отъ того самого Зелемей, который первый звѣстия Пушина объ опасности. Возмутился умомъ Зелемей со всѣми ясачными иноземцами разныхъ родовъ и побилъ Русскихъ тайкомъ, залегши на дорогѣ. Зелемей, говорятъ, держалъ такую рѣчь къ ясачнымъ Тунгусамъ: „Что вы, глупые люди, не разумѣете и Русскихъ переводовъ не знаете, вы бы такъ-же жили, какъ я, Зелемей, живу: самъ вамъ извѣстно, сколько я Русскихъ людей побилъ, а какъ налъ собою увижу какую немѣру, то я къ Русскимъ людямъ приклонюся, и до меня, въ вашихъ глазахъ, Русскіе люди

лучше прежняго. Да Русскіе люди насъ обманываютъ, говорятъ намъ и ждуть къ себѣ въ Охотскій острогъ на переѣзду по вся годы большихъ людей, и большихъ людей въ острогъ не бывало; а пока большіе люди не пришли, мы и остальныхъ людей выкоренимъ и аманатовъ своихъ выручимъ, а потомъ, въ то время, какъ Русскіе люди на Охоту приходятъ, на дорогахъ заляжемъ и большихъ людей не пропустимъ. А какъ на Охотѣ Русскихъ людей изведемъ, то потребимъ всѣхъ Русскихъ на Маѣ и по инымъ рѣкамъ; а впредь, для береженья и безопасности призовемъ къ себѣ Богдойскихъ людей (Китайцевъ), потому что они отъ насъ недалеко; ясакъ имъ станемъ платить небольшой, по своимъ долямъ, а не такъ, какъ теперь на насъ спрашиваютъ ясаковъ за прошлые годы, о которыхъ мы многія челобитныя великимъ государямъ писали, но льготы себѣ никакой не получили и указу о томъ никакого не бывало. Опасность для Русскихъ была тѣмъ больше, что въ острогѣ осталось только 30 человекъ, старыхъ, малыхъ и дѣти жалыхъ (больныхъ цынгой), аманатовъ же было 60 человекъ, острогъ ветхъ. Но дѣло обошлось безъ большой бѣды: Тунгусы никакъ не рѣшились напасть на острогъ, пока тамъ были ихъ аманаты; они старались всякимъ способомъ обмануть Русскихъ и выманить аманатовъ, но напрасну: Пущинъ велѣлъ схватить показавшихся подъ городомъ нѣсколько подозрительныхъ Тунгусовъ для допросу; диакри не дался даромъ въ руки: двое Русскихъ было убито, но Тунгусовъ побито пятеро, и трое взято въ плѣнъ; плѣнники повѣсили, что приходили служилыхъ людей побить, острогъ взяли и аманатовъ выручить, ибо видѣли, что въ Охотскѣ казаковъ мало и острогъ плохъ. Плѣнники были повѣшены, и Пущинъ тотчасъ же велѣлъ построить новыя укрѣпленія, поставить по стѣнѣ, для страху дикарямъ, деревянные пушки, и аманатскую избу выстроить новую. Эти мѣры произвели желанное дѣйствіе: Тунгусы явились съ повинною, извиняясь, что своровали, не стерпя обидъ отъ служилыхъ людей.

Прежде Анадыря и Охоты изъ того же Якутска открыта была великая рѣка Амуръ.

Еще при царѣ Михаилѣ начали носиться слухи, что на рѣкѣ Шилкѣ сидятъ многіе пахотные хлѣбные люди, и живетъ князекъ Лавкай, у котораго на устьи рѣки Уры въ двухъ мѣстахъ серебряная руда: одна въ утѣсѣ, а другая—въ водѣ; да на той же рѣкѣ Шилкѣ впаду мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба всякаго много. По этимъ вѣстямъ, Якутскій воевода Головинъ въ 1643 году отправилъ письменнаго голову Василья Пояркова на рѣки Зію и Шилку для государева ясачнаго сбора, для принеку вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба. Съ Поярковымъ отправилось 133 человекъ. Плыли они изъ Якутска Леною внизъ, потомъ Алданомъ вверхъ, и изъ притоковъ Алдана волокомъ въ притокъ Зію, выдающей въ Амуръ. Отъ устья Зію Поярковъ попытъ

внизъ по Амуру, представляя себѣ, что плыветъ по Шилкѣ; Амуръ же, по его словамъ, начался съ устья Шингала. Поярковъ достигъ устья Амура и тутъ зимовалъ, а лѣтомъ пошелъ на судахъ моремъ къ устью Ульи рѣки, изъ Ульи волокомъ перенаривался въ Маю, притокъ Алдана, которымъ и Леною возвратился въ Якутскъ, привезши богатый ясакъ собольями, но потерявши человекъ 80 изъ своего отряда: изъ нихъ 25 человекъ было убито Дучерами на Амурѣ, другіе умерли въ дорогѣ отъ недостатка въ пищѣ. Поярковъ указалъ якутскимъ воеводамъ мѣста по Зію и Шилкѣ (т.-е. Амуру) и по ихъ притокамъ, гдѣ, по его мнѣнію, надобно было поставить острожки: „Тамъ“, говорилъ Поярковъ, „въ походы ходить и нашихъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привести можно и въ вѣчномъ холоствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ собирать,—въ томъ государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны и хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбы, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ.“

Вмѣстѣ съ пышнымъ разсказомъ Пояркова о Пѣгой Ордѣ (какъ называли Приамурскія страны) слышались страшные разсказы спутниковъ его о поведеніи самого Пояркова во время похода. „Служилыхъ людей онъ билъ и мучилъ напрасно, и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти въ стѣ убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертію помереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли; прѣбл человекъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: „Не дороги они, служилые люди! десятнику дѣна десять денегъ, а рядовому—два гроша.“ Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зію, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя Русскихъ людей погаными людобдами. Когда весною въ устьи Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человекъ выжечь дуга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною.“

Какъ бы то ни было, разсказы Пояркова о богатствѣ Приамурскихъ странъ не могли быть забыты; въ 1649 году старый оиыт о вщ и къ Ярко (Ероеей) Павловичъ Хабаровъ подалъ Якутскому воеводѣ челобитную, объявилъ, что пойдетъ на Амуръ, поведетъ семьдесятъ человекъ служилыхъ и промышленныхъ людей, и будетъ содержать ихъ на свой счетъ, снабдитъ деньгами, хлѣбными запасами, судами, ружьемъ, зельемъ и свинцомъ. Воевода согласился и Хабаровъ пошелъ, только новымъ путемъ, рѣкою Олекмою, притокомъ Лены, и потомъ Тугиремъ, притокомъ Олекмы, изъ Тугиря волокомъ въ рѣку Урку, притокъ Амура. Здѣсь были улусы уже извѣстнаго Лавкай князя;

но улусы пусты и городъ пустъ, а городъ большой, съ пятью башнями, глубокими рвами, подлазами подо всѣ башни и тайниками къ водамъ; въ городѣ свѣтлицы каменные, окна большія, окончины бумажныя. Хабаровъ пошелъ отъ рѣки Урки внизъ по Амуру, дошелъ до другого города, — и тотъ пустъ! Пошелъ дальше внизъ по Амуру, стоитъ третій городъ, — опять пустой! Хабаровъ остановился отдохнуть въ пустомъ городѣ, разставилъ караулы, и въ тотъ же день караульщики дали знать, что прѣѣхало пять человѣкъ иноземцевъ. Хабаровъ послалъ толмача спросить: что за люди. Одинъ — старикъ — объявилъ, что онъ князь Лавкай, съ двумя братьями, зятемъ холопомъ, и спросилъ въ свою очередь: „Какіе вы люди и откуда пришли?“ — „Мы пришли къ вамъ торговать и привезли подарковъ много“, отвѣчалъ толмачъ. — „Что ты обманываешь!“ сказалъ на это Лавкай, „мы васъ, казакъ, знаемъ; прежде васъ были у насъ казакъ, Квашинъ, и сказалъ про васъ, что цѣтъ васъ пятьсотъ человѣкъ, а за вами идеть еще много людей, хотите всѣхъ насъ побить и имѣніе наше пограбить, женъ и дѣтей въ полоумъ взять; поэтому мы и разбѣжались“. Хабаровъ велѣлъ толмачу уговаривать Лавкаю, чтобы давалъ ясакъ великому государю; Лавкаевы братья и зять говорили, что за ясакъ стоять не-за-что; но Лавкай сказалъ, что „еще посмотримъ, каковы люди“. Съ этими князьки отпривались и больше не возвращались. Хабаровъ пошелъ за ними, нашель четвертый и пятый городъ — все пустыя. Дальше Хабаровъ не пошелъ, возвратился въ первый городъ, оставилъ тутъ часть ратныхъ людей, а самъ возвратился въ Якутскъ (въ маѣ 1650 года) съ донесеніемъ, что по славной великой рѣкѣ Амуру живутъ Даурскіе люди нахотные и скотные, и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги, но берегамъ луга великіе и пашни, лѣса темныя, большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю казна будетъ великая. Хлѣбъ въ полѣ родится, ячмень и овесъ, просо, горохъ, гречиха и сѣмя конопляное; если Даурскіе князьки государю покорятся, то прибыль будетъ большая, въ Якутскій острогъ хлѣба присылать будетъ не надобно, потому что изъ Лавкаева города съ Амура рѣки черезъ волоку на Тугирь рѣку въ Новый острожекъ, что поставилъ онъ, Хабаровъ, переходу только со сто верстъ, а пѣзъ Тугирскаго острожка внизъ Тугпремъ, Олекмою и Леною до Якутска по п л а в у только двѣ недѣли. Даурская Земля будетъ прибыльнѣе Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно.

Разсказы Хабарова произвели то дѣйствіе, что около него тотчасъ же собралось 170 человѣкъ охотниковъ; Якутскій воевода далъ ему двадцать казакъ, — и Хабаровъ въ томъ же 1650 году отпривился на Амуръ, взявъ съ собою три пушки. На этотъ разъ онъ нашель здѣсь не пустыя городки; Дауры рѣшились не пускать пришельцевъ селиться между ними и брать ясакъ. Не доходя до

одного изъ Лавкаевыхъ городковъ (Албазина), Хабаровъ встрѣтилъ Дауровъ въ полѣ, бился съ ними съ полудня до вечера, прогналъ; но у Русскихъ оказалось 20 человѣкъ ранеными. Дауры бросили Албазинъ, который и былъ занятъ Русскими. Князь Гугударъ изъ тройнаго городка своего далъ отчаянный отпоръ Русскимъ; на требованіе ясака для великаго государя, Гугударъ отвѣчалъ: „Даемъ мы ясакъ Богдойскому (Китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясана, что мы бросаемъ послѣднимъ своимъ ребятамъ?“ — „И настрѣляли Дауры, пишетъ Хабаровъ, изъ города какъ намъ на поле сгрѣлъ, какъ нива стоитъ насятина. И тѣ свирѣпыя Дауры не могли стоять противъ государственной грозы и нашего бою“. Хабаровъ взялъ городокъ, положивши на мѣстѣ больше 600 неприятелей. Русскимъ было убито четверо, да соборъ пять ранено. Въ другихъ мѣстахъ по всей Сибири Русскіе привыкли къ тому, что какъ скоро нападутъ имъ въ руки аманаты родоначальники, князьки, то уже весь родъ и покоряется, платитъ ясакъ. Но у Дауровъ было иначе; Хабарову удалось захватить нечаянно одинъ даурскій улусъ, привести улусниковъ къ шерти и взять князей ихъ въ аманаты; но скоро ему дали знать, что улусники бѣгутъ; Хабаровъ къ аманатамъ: „Зачѣмъ государю измѣнили и людей своихъ прочь отослали?“ — „Мы не отсылали“, былъ отвѣтъ, „мы сидимъ у васъ, а у нихъ своя дума; чѣмъ намъ всѣмъ помереть, такъ лучше мы померемъ за свою землю одинъ, когда ужъ къ вамъ въ руки попали“. Для зимовки Хабаровъ построилъ Ачанскій городокъ, въ которомъ былъ осаждеиъ Дучерами и Ачанцами; Русскимъ небольшого труда стоило отразить этихъ дикарей; но весною 1652 года явился неприятель другаго рода: то было манжурское войско, присланное по приказанію намѣстника Китайскаго богдыхана. Манжуръ пришла подъ Ачанскій городокъ съ пушками и винтовками; но русскіе ратные люди и русскія пушки оказались лучше въ этой первой встрѣчѣ. Пусть самъ Хабаровъ разскажетъ намъ про битву: „Марта въ 24 день, на утренней зорѣ, сверхъ Амура рѣки славная ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ казакъ, сила богдойская, всѣ люди конные и кучяные (панцирные), и нашъ казачій есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ служилый человѣкъ: братцы казаки, ставайте на скорѣ и оболакайтесь въ кучаки крѣпкіе! И металсь казакъ на городъ въ единыхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы, казаки, чаили изъ пушекъ изъ оружія бьютъ казаки изъ города; ажно бьютъ изъ оружія и изъ пушекъ по нашему городу казачью войско богдойское. И мы, казаки, съ нимъ, богдойскимъ людьми, войскомъ ихъ, дрались изъ-за стѣны съ зори и до схода солнца; и то войско богдойское на юрту казачій пометалось, и не дадутъ намъ, казакамъ, въ тѣ поры протти черезъ городъ, а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали, у того нашего города вырубали

они, богдойскіе люди, три звена стѣны сверху до земли: и изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ князь Исиной царя богдойскаго и все войско богдойское: не жигте и не рубите казакѡвъ, смлите ихъ казакѡвъ живьемъ; и толмачи наши и тѣ рѣчи князя Исиной слышали и мнѣ Ярофейку сказали, и слыша тѣ рѣчи у князя Исеиной, облокали мы казаки все на ся куяки, и язъ Ярофейку и служилые люди и вольные казаки, помялая Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою пропалась и говорили то слово язъ Ярофейку, и есалу Андрей Ивановъ и все наше войско казачье: умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную, и стоимъ за домъ Спаса и Пречистыя и Николы Чудотворца, и порадемъ мы казаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Россіи, и померемъ мы казаки все за одинъ человекъ противъ государева недруга, а жины мы казаки въ руки имъ, богдойскимъ людямъ, не дадимся. И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городное проломное мѣсто пушку большую мѣдную, и почали изъ пушки по богдойскому войску бити и изъ мелкаго оружія учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жь стали по нихъ, богдойскихъ людяхъ: тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Вожіею милостию и государскимъ счастьемъ и нашимъ радѣніемъ, ихъ, собакъ, побили многихъ. И какъ они Богдонъ отъ того нашего пушечнаго бою и отъ пролomu отпятились прочь, и въ тапору выходили служилые и вольные охочіе казаки сто пятьдесятъ шесть человекъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человекъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдонъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ, Богдоевъ, тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Вожіею милостию и государскимъ счастьемъ, тѣ двѣ пушки мы, казаки, у нихъ, богдойскихъ людей, и у войска отшибли, и у которыхъ у нихъ, богдойскихъ людей, и у лучшихъ воиновъ огненное оружіе было, и тѣхъ людей мы побили и оружіе у нихъ взяли. И нападе на нихъ, Богдоевъ, страхъ великій, покажесъ имъ сила наша несчетная, и все достальные Богдоевы люди отъ гора и отъ нашего бою побѣжали врознь. И кругъ того Ачанскаго города смѣкали мы, что побито? Богдоевыхъ людей и силы ихъ шестисотъ семьдесятъ шесть человекъ напавалъ, а наши силы казачьи отъ нихъ легло, отъ Богдоевъ, десять человекъ, да переранили насъ, казакѡвъ, на той дракѣ семьдесятъ восемь человекъ“.

Хабаровъ писалъ поэтическия складомъ, но думалъ, какъ видно, прозаически, разсчиталъ, что нельзя надѣяться, чтобы могущественный Богдойскій царь позволилъ казакамъ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и нельзя надѣяться на вторую побѣду, если подъ Ачанскій городъ придетъ богдойское войско болѣе многочисленное. Еще не прошелъ

мѣсяцъ послѣ нападѣнія Богдойскихъ людей, какъ уже Хабаровъ съ товарищами плыли вверхъ по Амуру. Прибрежные жители оказывали прежнее нерасположеніе, ясакъ можно было собирать только силою; захваченные въ плѣнъ туземцы извѣщали о враждебныхъ замыслахъ, о новыхъ опасностяхъ: „Наши люди“, объявляли они, „не хотятъ вамъ ясаку давать, хотятъ съ вами драться, говорятъ: гдѣ они станутъ зимовать и городъ поставятъ, тамъ мы соберемъ войска тысячь десять или больше, и ихъ давомъ задавимъ“. На дорогѣ Хабаровъ встрѣтилъ отрядъ казакѡвъ, посланный къ нему на помощь изъ Якутска; по этому ничтожный отрядъ, привезшій одну пушку, не давалъ Хабарову возможности возвратиться внизъ, гдѣ, по его выраженію, вся земля была въ скопѣ. 1 августа, на устьи рѣки Зи, Хабаровъ вышелъ на берегъ и сталъ говорить своимъ казакамъ: „Гдѣбы намъ городъ поставить?“ — „Гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ ставемъ дѣлатъ“ — былъ отвѣтъ. Но не все такъ стамъ: человекъ со сто казакѡвъ замыслили другое, „порадѣли своимъ зимунамъ и нажиткамъ“. Они отвалили на трехъ судахъ отъ берега, а на судахъ была государева казна, пушки, свинець, порохъ и куяки; одну пушку воры бросили прямо съ судна на берегъ, а другую въ воду; часть остальной казны побросали также въ воду, часть взяли съ собою, захватили неволю съ тридцать вольныхъ казакѡвъ, но двое изъ нихъ, не желая плыть съ ворами, побросались съ судна въ воду въ одиѣхъ рубашкахъ. Воры поплыли внизъ по Амуру, въ числѣ ста тридцати шести человекъ, и начали громить прибрежныхъ иноземцевъ. Съ Хабаровымъ осталось 212 человекъ; онъ шесть недѣль простоялъ на устьи Зи, призывалъ иноземцевъ, которыхъ аманаты уже давно были у него въ рукахъ; но иноземцы близко не ѣхали. „Вы все обманываете“, говорили они, „и теперь наши люди поплыли внизъ и нашу Землю громить“. Хабаровъ послалъ четверыхъ казакѡвъ въ Якутскъ донести тамошнимъ воеводамъ, что воры государственой службѣ поруху учинили, иновѣрцевъ отогнали и Землю смяли; что съ оставшимися у него людьми Землю овладѣть нельзя, потому что Земля многолюдная и бой огненный, и сойти съ Амура безъ государева указа не сдѣтъ.

Отвѣтъ пришелъ не ранѣе 1653 года. На Амуръ прѣхалъ дворянинъ Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ, золотыми, Хабарову и его товарищамъ. Хабаровъ, славши ясакъ Зиновьеву, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, а „приказнымъ человекомъ великой рѣки Амура повой Даурской Земли“ оставленъ Онуфрій Степановъ. Степановъ принялъ начальство неохотно, потому что послѣднія похождения Хабарова не могли представить ему будущее на Амурѣ въ привлекательномъ видѣ. Въ сентябрѣ, посоветовавшись съ войскомъ, поплылъ онъ внизъ по Амуру, потому что паверху ни хлѣба, ни лѣсу не было. Хлѣбъ былъ найденъ на берегахъ рѣки Шингала (притокъ Амура съ юга),

откуда Степановъ поплылъ далѣе внизъ по Амурѣ и зимовалъ въ странѣ Дучеровъ, собирая съ нихъ ясакъ. Лѣтомъ 1654 года онъ опять отправился въ Шингалъ за хлѣбомъ и бѣжалъ три дня вверхъ по рѣкѣ благополучно, но 6 июня встрѣтилъ богдойскую большую силу ратную, со великимъ огненнымъ стройнымъ боемъ, конную и струговую. Несмотря на пушечную нальбу Богдойцевъ по русскимъ судамъ, казаки выбили неприятеля изъ струговъ на берегъ; но на берегу Богдойцы стали въ крѣпкомъ мѣстѣ и начали драгаться изъ-за валовъ. Русские приступили—было къ этимъ укрѣпленіямъ, но были отбиты и принуждены были, безъ хлѣба, выплывать на Амуръ и бѣжать вверхъ по великой рѣкѣ. Пѣшники рассказали печальныя вѣсти: Богдойскій царь послалъ 3,000 войска, велѣлъ ему три года стоять на устьи Шингала, въ Амуръ не пускать Русскихъ людей. По Амурѣ хлѣба достать было негдѣ, потому что тотъ же Богдойскій царь запретилъ прибрежнымъ пловцамъ съѣсть хлѣбъ и велѣлъ всякъ имъ переселиться поближе къ себѣ, на рѣку Наушъ, берущую истокъ къ югу отъ Амюра.

Уйдя изъ Шингала, Степановъ укрѣнился на устьи рѣки Камары (впадающей въ Амуръ съ юга); но 13 марта 1655 года 10,000 богдойскаго войска явилось подъ острожкомъ, и начали пускать огненные заряды на стрѣлахъ, чтобъ зажечь острожекъ, а 24 марта пошли на приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, взяли телѣгу, на телѣгахъ щиты деревянные, обитые кожей; везли лѣстницы, на одномъ концѣ которыхъ были колеса, а на другомъ гвозди желѣзные и палки; везли дрова, смолу, солому, багры желѣзные и всякія приступныя мудрости; но приступъ былъ отбитъ и приступныя мудрости попались въ руки казакамъ. Послѣ этой неудачи Богдойцы остались подъ острожкомъ до 4 апрѣля, били по немъ изъ пушекъ день и ночь; но, видя, что ничего сдѣлать нельзя, ушли.

Это поражение китайскаго войска подъ Камарскимъ острожкомъ очистило Степанову Амуръ и Шингалъ, куда онъ опять сталъ пробираться за хлѣбомъ; но въ 1656 году пришелъ указъ Богдойскаго царя—свести всѣхъ Дучеровъ съ Амюра и Шингала; Степановъ пришелъ—было за ясакомъ и за хлѣбомъ—и не нашелъ никого и ничего! „Теперь, писалъ Степановъ въ Якутскъ, теперь всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травой и кореньями, и ждемъ государева указа“.

Сильныя пренія, встрѣченныя Русскими людьми со стороны Богдойскихъ людей, заставляли попытаться, нельзя ли войти въ мирныя сношенія съ могущественнымъ царемъ Богдойскимъ. Въ 1654 году въ первый разъ отправленъ былъ изъ Тобольска въ Китай сынъ боярскій, Осдоръ Байковъ, для присматриванія въ торгахъ и тсварахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ. Отъ рѣки Иртыша, отъ впаденія въ нее Бѣлыхъ водъ до Китайскаго царства шель Байковъ Калмыками и Монголами, все межъ камня (горъ), землею, которая кормомъ и водою скудна. Китайскую Землю то пер-

ваго китайскаго города Кокочотана шель два мѣсяца. Между монгольскими тайшами простои бывали дни по десяти, недѣли по двѣ, по три и по мѣсяцу для кормовъ и безводныхъ мѣств. Отъ перваго города Кокочотана до заставнаго города Капки ходу 12 дней; между этими городами живутъ мугальскіе тайши кочевые, служатъ Китайскому царю. Изъ Капки посоль пошелъ къ царю въ городъ Канбалыкъ (Пекнигъ) на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ; корму и поводу не дали; шель семь дней, и на этой дорогѣ видѣлъ 18 городовъ,—города кирпичные, а иные глиняные, черезъ рѣки подѣланы мосты изъ дикаго камня очень затѣйливо. Канбалыка Байковъ достигъ только въ мартѣ 1656 года. Въ полверстѣ отъ города пошла встрѣтили двое парскихъ ближнихъ людей и потчивали чаемъ, варенымъ съ масломъ и молокомъ: посоль отказался пить, потому что былъ Великій постъ: „Но крайней мѣрѣ возьми чашку“, сказали ближніе люди; посоль взялъ чашку и, поддерживая, отдалъ назадъ. Посла поставили въ домѣ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, потомъ перенесли въ другой, болѣе обширный. На другой день прѣѣхали царевы ближніе люди и сказали, что царь Богда велѣлъ взять у него подарки, присланные ему государемъ. „Вездѣ такой обычай“, сказали Байковъ, „что посоль самъ подаетъ государю любительную грамоту, и потомъ уже подарки“. — „У вашего государя такой чинъ, а у нашего—свой“, отвѣчали ближніе люди; „царь царю ни въ чемъ не указываетъ“, и взяли силою подарки. Черезъ день послѣ этого ближніе люди прислали сказать послу, чтобы съ царскою грамотою ѣхалъ къ нимъ въ приказъ. Байковъ отказалъ: „Прислалъ я къ царю Богдѣ, а не къ приказнымъ ближнимъ людямъ“. „Царь тебя велитъ казнить за то, что ты его указа не слушаешь“, велѣли сказать ближніе люди. „Хотя бы царь велѣлъ по составамъ меня разнять, а все же въ Приказъ не пойду и государевой грамоты вамъ не отдамъ“, отвѣчалъ Байковъ. Въ знакъ парскаго гнѣва, за это упрямство послу возвратили подарки, и этимъ все дѣло кончилось; Байковъ возвратился только съ разказами объ удивительной странѣ, впервые видѣнной русскимъ человекомъ.

Видя, что посольство принято нелюбовно, царь не дѣлалъ второй попытки. Враждебныя дѣйствія со стороны Китайцевъ не прекращались: въ 1658 г., 30 июня китайское войско, на сорока семи бусахъ, напало на Онуфрія Степанова, плываго по Амурѣ ниже Шингала; Русскіе потеряли совершенное поражение: Степановъ погибъ вытѣсь съ двумястами семидесятью казаками; двѣсти двадцать семь человекъ спаслось берегомъ и на одномъ суднѣ, по государева ясачна соболонна казна досталась въ руки Китайцамъ. Казацкіе походы на Амуръ изъ Якутска кончились несчастно; по еще задолго до гибели Степанова сдѣлано было распоряженіе укрѣпиться на Шилкѣ и въ верхнихъ частяхъ Амюра, и оттуда уже дѣйствовать, по возможности, далѣе внизъ по великой рѣкѣ. Съ этою цѣлю Енисейскій

воевода, Аванасій Пашковъ, возобновлялъ покинутые городки: Нерчинскъ при устьи рѣки Нерчи въ Шилку и Албазинъ — на Амурѣ. И здѣсь не обошлось безъ столкновений съ Китайцами: Албазинскіе казаки стали брать ясакъ съ народовъ, которыхъ богдыханъ считалъ своими подданными, и нѣкоторые изъ иноземцевъ, недовольные Китайцами, переходили въ русское подданство. Въ 1687 году пришелъ изъ китайскихъ владѣній въ Нерчинскъ подъ государеву высокую руку Тунгусскій князекъ Гантемиръ съ дѣтьми и братьями и удусными людьми, всего сорокъ человекъ, обѣщая платить ясакъ по три соболя съ человекъ; Гантемиръ ушелъ съ досады, что проигралъ тяжбу по несправедливости китайскаго суда. Правитель китайскій, жившій на Шингалѣ, провѣдалъ куда ушелъ Гантемиръ, и въ 1670 году прислалъ грамоту Нерчинскому воеводѣ Аршинскому: „Вы бы послали къ намъ пословъ своихъ, чтобы намъ переговорить съ оцей на оци, и съ котораго мужика брать ясакъ по соболю или по два, за это намъ съ великимъ государемъ ссориться не для чего. Но вы подумайте: кто платить великому государю ясакъ и сбѣжить, то развѣ вы не ищите его по десяти, по двадцати и по сту лѣтъ?“ Аршинскій отправилъ четырехъ казаковъ прямо въ Пекинъ къ богдыхану съ предложеніемъ беспрепятственной торговли между обоими государствами и союза. Казаки возвратились въ Нерчинскъ, очень довольные пріемомъ, и привезли грамоту богдыханову къ царю: „Были мои промышленные люди на Шилкѣ рѣкѣ и, возвращаясь, сказали миѣ: по Шилкѣ въ Албазинѣ живутъ Русскіе люди и воюютъ нашихъ украинныхъ людей. Я, богдыханъ, хотѣлъ послать на Русскихъ людей войско; и миѣ сказали, что тамъ живутъ твои, великаго государя, люди, и я воевать не велѣлъ, а пославъ провѣдать, выпрями ли въ Нерчинскомъ острогѣ живутъ твои, великаго государя, люди. Воевода Нерчинскій, по твоему указу, присылалъ ко миѣ пословъ и писемъ, и я теперь узналъ, что впрямъ въ Нерчинскомъ острогѣ воевода и служилые люди живутъ по твоему, великаго государя, указу. И впрямъ бы нашихъ украинныхъ земель не воевали и худа никакого не дѣлали, а что на этомъ словѣ положено, станемъ жить въ миру и въ радости“. Эта грамота дала поводъ къ новому посольству изъ Москвы въ Пекинъ.

Въ началѣ 1675 года отправился въ Китай посломъ переводчикъ Посольскаго Приказа, Грекъ Николай Гавриловичъ Спафари, который выбралъ другую дорогу, чѣмъ Байковъ, ѣхалъ на Енисейскъ и Нерчинскъ, и только 15 мая 1676 года добрался до царствующаго града Пекина (Пекина). И Спафари было объявлено, что богдыханъ Канхи (второй изъ Мажурской династіи) царской грамоты у него не приметъ. „Какіе гордые обычай, противъ права всѣхъ народовъ!“ говорилъ Спафари Китайцамъ: „это чудо; всѣ удивляются, отчего у васъ такъ началось, что пословъ передъ хана берутъ, а грамоты государской не берутъ!“ Ему

объяснили начало обычая: „Въ старыхъ годахъ изъ нѣкотораго государства былъ у насъ посоль, даровъ съ собою привезъ очень много и словесно объявлялъ всякую дружбу и любовь. Нашъ богдыханъ, обрадовавшись, тотчасъ велѣлъ посла и съ грамотою взять передъ себя; но какъ начали читать грамоту, оказалось въ ней большое безчестіе богдыхану, да и самъ посоль началъ говорить непристойныя рѣчи. Съ тѣхъ поръ постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамотѣ, богдыханъ принимаетъ посла или не принимаетъ. Этого обычая и самъ ханъ переставитъ не можетъ; только изъ дружбы къ царскому величеству велѣлъ онъ, не по обычаю, взять у тебя грамоту двумъ ближнимъ людямъ, а чтобы тебя самого принять съ грамотою, — объ этомъ и не думай!“ Спафари отвѣчалъ, что не отдастъ грамоты въ Приказъ.

Послѣ этого разговора пріѣхали къ Спафари два мандарина и привезли съ собою старца католика, іезуитскаго чину, именемъ Фердинанда Вербиестъ, родомъ изъ испанскихъ Нидерландовъ. Іезуитъ былъ переволчкомъ, потому что Спафари умѣлъ говорить полатыни. Послѣ новыхъ долгихъ споровъ о пріемѣ грамоты, Спафари продактировалъ іезуиту полатыни списокъ царской грамоты, чтобы Китайцы знали, что въ ней нѣтъ ничего безчестнаго для ихъ богдыхана. Іезуитъ между прочимъ говорилъ посланнику: „Радъ я царскому величеству для христіанской вѣры служить и всякихъ дѣлахъ радѣть; только жаль миѣ, что отъ такого славнаго государя пришло посольство, а Китайцы варвары и никакому послу чести не даютъ; подарки, которые присылаются къ нимъ отъ другихъ государей, называютъ и пишутъ данью, и въ грамотахъ своихъ отвѣчаютъ, будто господинъ къ слугѣ; говорятъ, что всѣ люди на свѣтѣ видятъ однимъ глазомъ, и только они, Китайцы, двумя“. Іезуитъ заклиналъ Спафари предъ образомъ, чтобы этихъ рѣчей никому не говорилъ и не писалъ, пока не выѣдетъ изъ Китая, потому что иностранцы многія нужды здѣсь терпятъ для Христа, и теперь въ подозрѣніи; обѣщалъ прислать посланнику латинскую книгу, гдѣ описаны обычай китайскіе и пріемъ пословъ.

Списокъ съ грамоты не помогъ: мандарины объявили, что повѣрить только подлинной грамотѣ и печати, когда ихъ увидятъ въ своихъ рукахъ: „Какъ на головѣ волосы выросли и стала сѣдина, то ихъ перемѣнить нельзя, такъ и обычая нашего переимѣнить нельзя; примутъ грамоту два ближнихъ человека, которые у богдыхана какъ два плеча въ тѣлѣ, а богдыханъ голова“. Пограничный воевода, сносившійся съ Нерчинскомъ, говорилъ Спафари: „Въ прошлыхъ годахъ, какъ былъ здѣсь Байковъ, въ то время ходили казаки по Амуру и нашихъ людей разорили; мы говорили Байкову: ты ходишь съ посольствомъ, а казаки воюютъ! Байковъ намъ отвѣчалъ, что казаки воры и воюютъ безъ царскаго указа, и этихъ воровъ войско богдыханово

всѣхъ побило. Послѣ того подданный богдыхана, Туингусъ Гантемиръ, съ своими людьми убѣждалъ въ Нерчинскѣ. Тогда богдыханъ приказалъ мнѣ, чтобы я взялъ 6,000 войска и 10 пушекъ, и шелъ бы въ походъ на воровъ и на Гантемира. Я пошелъ съ войскомъ, но напередъ отпустилъ къ Гантемиру даурскаго мужика провѣдать, къ какимъ людямъ тотъ ушелъ. Но Гантемиръ схватилъ мужика и отвелъ къ Нерчинскому воеводѣ. Тотъ, выслушавъ съ Гантемиромъ, сказали мужику, что они не воры, а люди великаго государя, Бѣлаго царя, и по указу его сдѣлали двѣ крѣпости въ Нерчинскѣ и Албазинѣ; что великій государь желаетъ жить въ дружбѣ и любви съ богдыхановымъ величествомъ, и чтобы торгъ между обоими государствами производился. Этотъ даурскій мужикъ встрѣтилъ меня, когда я былъ съ войскомъ за два дни пути отъ Нерчинска. Услыхавъ, что въ Нерчинскѣ не воры, а Бѣлаго царя люди и отпустили моего человѣка назадъ съ дружбою, я доложилъ богдыхану, что лучше съ такими людьми поступать дружески, нежели войною; богдыханъ велѣлъ мнѣ послать въ Нерчинскъ и взять оттуда служилыхъ людей, потому что хотѣлъ писать грамоту къ царскому величеству для подлиннаго провѣданія. Кромѣ того, всѣ, кто былъ здѣсь изъ Россіи съ торговымъ послѣ Байкова, Севтъ-куль, Тарутинъ и другіе, говорили, что съ ними есть государевы грамоты, а послѣ, какъ пустили ихъ въ Китай, и съ ними никакихъ грамотъ не оказалось. Они насъ обманули, а потому и тебѣ теперь не вѣрять, не видя подлинной государевой грамоты. Воевода утверждалъ, что богдыхану и не докладывали о нарушении стараго обычая, чтобы онъ принялъ изъ рукъ посланника грамоту: такъ обычай этотъ святъ, а іезуитъ увѣрялъ, что воевода лжетъ, богдыхану уже трижды докладывали, и онъ велѣлъ прискивать въ старыхъ книгахъ, не было ли подобнаго примѣра. Богдыханъ не прочь отъ того, чтобы принять грамоту; но ближніе люди уиорно отстаиваютъ старыи обычай, боясь, что окрестные государя станутъ говорить, что сдѣлали это изъ страха предъ Русскимъ государемъ. Сверхъ того, и списку грамоты не вѣрятъ, потому что они въ грамотѣ своей къ царю писали съ повелѣніемъ, какъ господни къ меньшому, и болятъ, чтобы не было за то угрозы въ царской грамотѣ. Чтобы не подать подозрѣнія, іезуитъ говорилъ это, смотря на чертежъ, какъ будто бы читалъ въ слухъ.

Во все это время стояли страшныи жары; половина служилыхъ людей, пріѣхавшихъ съ посланникомъ, были больны отъ жаровъ и отъ дурной воды; ворота посольскаго дома были заперты и никого за нихъ не пускали; съѣстное караульщики продавали тройною цѣною.

Наконецъ приступили къ сдѣлкамъ и согласились, что посланникъ привезетъ грамоты не въ Приказъ, а во дворецъ, гдѣ засѣдаютъ въ думѣ ближніе люди, положить грамоты на богдыханское мѣсто, и двое ближнихъ людей понесутъ ихъ неме-

ленно къ богдыхану. Послѣ этой церемоніи посланникъ былъ на поклонѣ у богдыхана. Спафари кланялся скоро и не до земли; мандарины говорили ему, чтобы кланялся до земли и не скоро, какъ они кланялись: „Вы холони богдыхановы“, отвѣчала посланникъ, „и умѣете кланяться; а мы богдыхану не холони, кланяемся какъ знаемъ.“ Послѣ тройныхъ поклоновъ, мандарины сказали Спафари, чтобы шелъ скоро къ богдыхану, ибо у нихъ такой обычай: когда ханъ зоветъ, то они идутъ бѣгомъ. „Мнѣ бѣжать не за обычай“, отвѣчала посланникъ, и шелъ потихоньку. Пришедши передъ богдыхана, Спафари поклонился одиѣ разѣ въ землю и сѣлъ на подушку; отъ богдыханскаго мѣста до мѣста, гдѣ сидѣлъ посланникъ, было сажень съ 8. Ханское мѣсто вышнюю отъ земли съ сажень, осьмизугольное, деревянное, позолоченное, входъ на него тремя позолоченными же лѣстницами. Богдыханъ человѣкъ молодой, лицомъ шедроватъ; говорилъ, что ему 23 года. Въ палатѣ, по обѣимъ сторонамъ, на землѣ, на бѣлыхъ войлокахъ, сидѣли братья и племянники богдыхана. Когда посланникъ пришелъ, начали разносить чай роднымъ богдыхана и всѣмъ ближнимъ людямъ, разносили въ большихъ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ; чай былъ татарскій, а не китайскій, вареный съ масломъ и молокомъ; музыка играла умильно и человѣкъ что-то громко кричалъ. Послѣ чаю музыка и крики прекратились, всѣ встали; богдыханъ сошелъ съ своего мѣста и отправился въ задніи палаты.

Спафари былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Сынъ Неба не обратилъ на него никакого вниманія; вельможы утѣшали посланника тѣмъ, что современемъ онъ въ другой разъ увидитъ богдыхана, который тогда всѣгнѣтъ съ нимъ въ разговоръ. Дѣйствительно, спустя долгое время, русское посольство снова было позвано во дворецъ. Поклонившись десять разъ, посланникъ и свита его усѣлись на подушкахъ противъ богдыхана. Явились два іезуита и стали на колѣни; богдыханъ говорилъ имъ потихоньку; когда кончили, іезуиты подошли къ посланнику, велѣли ему стать на колѣни и сказали: „Великій самодержецъ, всего Китайскаго государства ханъ, спрашиваетъ: великій государь, всея Россіи самодержецъ, Бѣлый царь, въ добромъ ли здоровьи?“ Спафари отвѣчалъ: „Какъ мы поѣхали отъ великаго государя, то оставили его въ добромъ здравіи и счастливомъ государствованіи; и желаетъ великій государь богдыханову величеству такъ же долголѣтнаго здравія и благополучнаго государствованія, какъ наилучшійшему сосѣду и другу.“ Опять іезуиты-толмачи отправились къ престолу и возвратились съ новыми вопросами: „Богдыханово величество предлагаетъ три вопроса: царское величество сколько лѣтъ, какого возраста и сколь давно началъ царствовать?“ — „Великій государь“, отвѣчалъ Спафари, „лѣтъ пятидесяти, возраста совершеннаго, и преуграшенъ всякими добродѣтями; какъ царствовать началъ — тому больше

тридцати лѣтъ“. Слѣдовали вопросы о самомъ посланникѣ: „Сколько тебѣ лѣтъ? Слышалъ богдыханъ, что ты человекъ ученый, и велѣлъ спросить, учился ли ты философін, математикѣ и тригономѣтрію?“ Богдыханъ спрашивалъ объ этомъ потому, что самъ учился у іезуитовъ тригономѣтрію и звѣздословію. Послѣ этихъ разспросовъ принесли столы съ сластями: яблоки персидскіе и комфет и разныя, арбузы, дыни; потомъ принесли вино виноградное, самое доброе, въ родѣ добраго ренскаго, дѣлаютъ его іезуиты для богдыхана каждый годъ; вѣномъ угощали только посланника и его свиту, а вельможи китайскіе пили чай.

Все лѣто прожилъ Спафаріи въ Пекинѣ. Посланникъ и его свита привезли много товаровъ, казенныхъ и своихъ для продажн и мѣны на товары китайскіе; но торговля шла плохо: камки, атласы и бархаты продавались въ одной лавкѣ, въ другихъ лавкахъ русскимъ ничего не продавали, потому что вельможи, толмачи и купцы сговорились, по какой цѣнѣ покупать русскіе товары и по какой продавать свои. Въ концѣ лѣта начали толковать объ отпускѣ; Спафаріи требовалъ, чтобы ему дали на латинскомъ языкѣ списокъ съ богдыхановой грамоты къ государю, дабы знать, нѣтъ ли въ ней какого жестокаго слова, и объявилъ, что безъ грамоты не побѣдетъ. На это ему объявили слѣдующіе китайскіе обычай: 1) всякій посолъ, приходящій къ намъ въ Китай, долженъ говорить такія рѣчи, что пришлетъ онъ отъ низняго и смиреннаго мѣста и восходить къ высокому престолу; 2) подарки, привезенные къ богдыхану отъ какого бы то ни было государя, называемъ мы въ докладѣ данью; 3) подарки, посылаемые Богдыханомъ другимъ государямъ, называются жалованьемъ за службу; тѣ же самыя выраженія употребляетъ Богдыханъ и въ грамотахъ своихъ къ другимъ государямъ. „Ты не дивись, что у насъ обычай такой“, говорили вельможи посланнику: „какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ одинъ богъ нашъ земной, богдыханъ, стоитъ онъ среди земли, въ срединѣ между всѣми государствами; эта честь никогда у насъ не была и никогда не будетъ измѣнена. Долженъ царскому величеству словесно три дѣла: 1) чтобы выдалъ Гантемира; 2) если впередъ пришлетъ сюда посланника, то чтобы наказалъ ему ни въ чемъ не сопротивляться, что ему ни прикажемъ; 3) чтобы запретилъ своимъ людямъ, живущимъ на рубежахъ нашихъ, обижать нашихъ людей. Если царское величество эти три статьи исполнитъ, то и богдыханъ исполнитъ его желанія, въ противномъ случаѣ, чтобы никто отъ насъ изъ Россіи и изъ порубежныхъ мѣстъ къ намъ въ Китай съ торгомъ и ни съ какими дѣлами не приходилъ.“

Съ этимъ Спафаріи и былъ отправленъ, безъ грамоты богдыхановой, ибо не согласился видѣть въ ней оскорбительныя для чести царской выраженія, предложенныя Китайцами. Посланникъ вывезъ о послѣднихъ самыя невыгодныя понятія: „Въ торгу такихъ лукавыхъ людей на всемъ свѣтѣ нѣтъ, и

нигдѣ не найдешь такихъ воровъ: если не поберечься, то и пурговцы у платья обрѣжутъ; мошенниковъ пропасть!“ Іезуиты, недовольные богдыханомъ Канхи, жаловались на его неспособность, неспособность къ правленію, въ печальномъ видѣ представляли положеніе Китая, обуреваемаго мятежами. Вообще іезуиты были очень открытвенны и ласковы съ русскимъ посланникомъ; между прочимъ, они просили у него въ свою церковь иконы для вѣчнаго воспоминанія: „А мы“, говорили іезуиты, „станемъ молить Бога за царское величество, потому что проходящіе въ Китай Русскіе люди всегда ходятъ къ намъ въ костель; но, не видя русской иконы, не вѣрятъ намъ, думаютъ, что мы идолопоклонники, а не католики.“ Спафаріи далъ имъ икону Михаила Архангела въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ и два подвѣтника предъ икону.

Посольство Спафаріи въ Китай было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ знаменитаго тридцатилѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича. Изданіе Уложенія, присоединеніе Малороссіи, подвиги Русскихъ людей въ Сѣверной Азій, расширеніе дипломатическихъ сношеній отъ Западнаго океана до Восточнаго, отъ Мадрида до Пекина, Никоново дѣло, расколъ, Разинское и Соловецкое возмущенія: вотъ крупныя явленія, которыя должны оправдать употребленное нами выраженіе знаменитое царствование. Но знаменитость была дорого куплена; Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ отца тяжелое наследство. Царствованіе Михаила Теодоровича съ перваго взгляда является временемъ успокоенія Московскаго государства отъ смутъ внутреннихъ и войнъ вѣнскихъ; казаки не вооружались болѣе противъ государства, съ Польшею и Швеціею заключенъ былъ вѣчный миръ. Но тишина была передъ бурей. Привычки, пріобрѣтенныя низшими частями городского народонаселенія въ Смутное время, далеко не искоренились въ царствованіе Михаила. Казаки принуждены были оставить предѣлы государства; дарники, ими выставляемые, самозванцы отыграли свою роль; но казачество несколько не было ослаблено у себя въ степяхъ, продолжало пользоваться сочувствіемъ украинскаго народонаселенія, сохранять связь съ нимъ; стоило только запретить выходу въ море изъ Дона и явиться предпримчивому вождю, какъ оно опрокидывалось на государство, увлекая за собою массы низшаго народонаселенія. Варварскіе народцы въ областяхъ прежнихъ царствъ—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго—также ждали перваго случая, чтобы возстать противъ Русскаго царства и не переставали поддерживать связи съ Крымомъ и Турціею, все ожидая, что господство мусульманства возобновится въ берегахъ Волги. Даже бѣдные жители тундръ сѣверной Сибири не теряли надежды возобновить свою независимость подъ знаменами туземныхъ вождей. Вѣчные миры съ Польшею и Швеціею были тяжки; нельзя было забыть о Смоленскѣ; честь новой династіи требо-

вала возвращенія Русскихъ областей, уступлен-ныхъ начальникомъ династїи. Но, разумѣется, преемникъ Михаила могъ отдалить войну на неопредѣленное время, собраться съ силами. Обстоятельства не дали возможности откладывать; еще царю Михаилу предложено было взять Малороссію подъ свою высокую руку для избавленія ея отъ Лагинскаго гоненія; казацкія движенія не прекращались и происходили подъ знаменемъ вѣры и русской народности. Сыну Михаила повторено было предложеніе принять Малороссію, но съ угрозою, въ случаѣ несогласія, поддаться Туркамъ. Война съ Польшею оказалась неизбежною.

Какія же средства имѣлъ царь Алексѣй для этой Западной войны, которая уже три раза оканчивалась несчастно? Мы видѣли, что во второй половинѣ XVI вѣка силы Московскаго государства, побѣдоноснаго на Востокъ, покорившаго тамъ себя цѣлыя царства, оказались несостоятельными при столкновеніи съ Западомъ. Воплемъ отчаянія, что у государства нѣтъ средствъ содержать войско, необходимое для отпора страшнымъ врагамъ, воплемъ отчаянія оканчивается царствованіе Іоанна IV и такимъ же воплемъ начинается царствованіе преемника его. Этотъ вопль имѣлъ слѣдствіемъ закрѣпленіе крестьянъ за служилыми людьми, — распоряженіе, которое всего лучше показывало, что Московское государство XVI и XVII вѣка, въ экономическомъ отношеніи, находилось въ такомъ же состояніи, въ какомъ западно-европейскія государства находились въ началѣ Среднихъ вѣковъ, или въ какомъ находились Американскія колоніи, принужденныя, по недостатку рабочихъ рукъ, покупать черныхъ невольниковъ. Но чѣмъ яснѣе сознавалось печальное экономическое состояніе Московскаго государства, чѣмъ печальнѣе были мѣры, которыя правительство должно было принимать, чтобы какъ-нибудь извернуться для удовлетворенія первой потребности государства, потребности вѣншей зашиты, — тѣмъ сильнѣе должно было становиться стремленіе правительства къ сближенію съ богатыми и сильными государствами западно-европейскими, къ перенятію отъ нихъ того, что дѣлало ихъ богатыми и сильными; поэтому неудивительно, что тотъ же Годуновъ, который закрѣпилъ крестьянъ, повѣстенъ своею любовію къ иностранцамъ и обычаямъ ихъ. Послѣ Смутнаго времени новая династія, находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, необходимо усваиваетъ себѣ преданія, оставленныя прежнимъ государями. При царѣ Михаилѣ Москва наполняется иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промышленныхъ предпріятій; иноземные люди толпами набираются въ русскую службу; подлѣ старинной дворянской конницы и стрельцовой пѣхоты учреждается новое войско по иностранному образцу съ иностранными названіями — рейтары, драгуны, солдаты. Но для найма иностранцевъ, для содержанія новаго войска нужны деньги, а денегъ нѣтъ; торговые люди бѣдны, имъ не стянуть

съ иноземцами, которые забираютъ русскую торговлю въ свои руки; платящія сословія обременены податями, влѣдствіе чего избываніе отъ податей совершается въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлыя мѣстности пустѣютъ, подати всею своею тяжестью надаютъ на оставшихся, а тутъ еще надобно кормить воеводъ и приказныхъ людей. Въ такомъ состояніи принялъ царство Алексѣй Михайловичъ!

Неудовольствіе платящихъ сословій, высказывавшееся при царѣ Михаилѣ сильно, но законо, при молодомъ Алексѣѣ высказалось Московскимъ бунтомъ 1648 года, когда получилась возможность обвинить въ народныхъ бѣдствіяхъ не царя, но боярина-правителя. Соборное уложеніе, прекращеніе закладничества, какъ средства избытокъ податей, уничтоженіе привилегій купцовъ иностранныхъ служилыхъ для утишенія неудовольствія; бунтъ, замышляемый закладчиками, личавшимися своего выгоднаго положенія, неудался; Сольвычегодскъ и Устюгъ опоздали съ своими бунтами; еще болѣе опоздала Новгородъ и Псковъ; но все же это было тяжелое время для правительства и народа; а между тѣмъ въ то самое время, когда Москва пылала бунтомъ и пожаромъ, на югѣ Хмельницкій торжествовалъ надъ польскими гетманами и поднималъ Украйну. Хмельницкій присылалъ въ Москву съ просьбою принять его въ подданство, когда царь не зналъ, какъ утишить мятежи Новгорода и Пскова. Мятежи утихли отъ утишенія, какъ утихають пожары, когда около горящаго зданія нѣтъ другихъ, которыя бы могли заняться; но чрезъ два года надобно было начать войну съ Польшею. Бѣдное государство истощило свои средства, чтобы приготовиться къ войнѣ, и сначала успѣхъ оправдалъ пожертвованія; но скоро за тѣмъ язва, Шведская война, малороссійскія волненія, на востокѣ поднимаются варварскіе народцы. Казна истощена вконецъ, ратные люди бѣгутъ отъ голоду и холоду; не пробовали прибѣгнуть къ кредиту, но мѣдныя деньги упали въ цѣнѣ, и московская чернь опять подняла бунтъ. Андрусовское перемиріе прекратило бѣдствія тринадцатилѣтней войны; но надолго ли уснокоилось государство? Въ 1667 году заключено Андрусовское перемиріе и въ 1667 же году поднимается Разинъ, а въ 1668 поднимается Бироухецкій; въ малороссійскихъ городахъ казаки рѣжутъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, а на сѣверѣ вспыхиваетъ Соловецкое возмущеніе. Въ 1671 году давленъ былъ Разинскій бунтъ, а въ 1672 Турки взяли Каменецъ и держали Москву въ постоянномъ тревогѣ до конца царствованія. Послѣ этого мы не будемъ удивляться медленности, нерѣшительности правительственныхъ распоряженій относительно движенія войскъ, малочисленности послѣднихъ, ихъ дурнаго состоянія, влѣдствіе котораго большая цифра была только на бумагѣ, а не на дѣлѣ; надобно удивляться, какъ бѣдное государство могло выдержать такой рядъ ударовъ, рядъ войнъ!

Дѣйствительно, иностранцы удивлялись, какъ

могло Московское государство такъ скоро оправляться послѣ поражений, подобныхъ Конотопскому, Чудновскому. Дѣло объяснялось сосредоточенностію власти, единствомъ, правильностію, непрерывностію въ распоряженіяхъ. Медлили, уклонились отъ исполнения, не умѣли что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклоненіе и неумѣнье шла въ Москву, и отсюда повторялся указъ великаго государя одилично сдѣлать неизмотчавъ; отвѣчали, что не-гдѣ взять чего-нибудь: шель указъ—искать тамъ и тамъ; опять медлили—шелъ указъ съ угрозою опалы и жестокаго наказанья, и дѣло наконецъ дѣлалось. Начали строить корабль, ничего не приготовивши; мы видѣли, какъ строили; по выстроили же!

При этомъ однако не должно забыть и счастливой случайности. Мы видѣли, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московское государство было поражаемо рядомъ ударовъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Но это-то и важно, что удары слѣдовали одинъ за другимъ: бунты Новгородскій и Исковскій произошли черезъ годъ послѣ Московскаго, когда въ столицѣ все уже было тихо и совершены были важныя перемены, успокоившія народонаселеніе центральныхъ областей; слѣдовательно правительство имѣло возможность сосредоточить свое вниманіе на сѣверо-западѣ. Разигъ поднялся, когда была окончена война съ Польшею; онъ поднялся въ 1669 году; въ слѣдующемъ году поднялся Брюховецкій; но Разигъ въ это время ушелъ на Каспійское море, далъ Москвѣ досугъ устроить малороссійскій дѣла, и поднялъ второй бунтъ, когда уже въ Малороссіи было все спокойно, когда, слѣдовательно, большая часть военныхъ силъ могла быть направлена на востокъ. Турки начали грозить, когда уже все было кончено съ восточнымъ казачествомъ.

Но какія бы ни были благоприятныя обстоятельства, дашня Московскому государству возможность устоять при тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему во второй половинѣ XVII вѣка, — эти испытанія, слѣдовавшія такъ быстро одно за другимъ, могли разрушительно дѣйствовать и на природу болѣе твердую, чѣмъ какая была у царя Алексѣя Михайловича. Къ бѣдствіямъ государственнымъ для Алексѣя Михайловича присоединились еще огорченія семейныя. Отъ перваго брака на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, царь имѣлъ шесть дочерей и пять сыновей; но всѣ сыновья отличались болѣзненностію; двое царевичей—Димитрій и Алексѣй—умерли при жизни отца и матери; въ мартѣ 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею въ томъ же году послѣдовала третій царевичъ Симеонъ. 22-го января 1671 года Алексѣй Михайловичъ женился въ другой разъ на Наталіѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ думнаго дворянина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Въ продолженіе нашего разсказа мы часто встрѣчались съ Матвѣевымъ, однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ царю. Недостаточность источниковъ неофициальныхъ, именно записокъ (Лемзуаровъ), не

дастъ намъ возможности объяснить, какимъ образомъ дьячій сынъ—Матвѣевъ—могъ приблизиться къ царю и сдѣлаться его другомъ. Если можно догадываться, то, по всему вѣроятностію, это сближеніе произошло посредствомъ Морозова. Матвѣевъ, подобно Ордину-Нащокину, Ртищеву и другимъ виднымъ лицамъ царствованія Алексѣя Михайловича, отличался любовію къ новизнамъ иностраннымъ: домъ его былъ убранъ по еврпейски, картинами, часами; жена его не жила затворницею, сынъ получилъ еврпейское образованіе; изъ дворовыхъ людей своихъ Матвѣевъ составилъ труппу актеровъ, которые тѣшили великаго государя театральными представленіями. Но, смотря, подобно Нащокину, на Западъ, Матвѣевъ однако рѣзко отличался поведеніемъ, своимъ отъ Аванасья Лаврентьевича. Послѣдній, какъ мы видѣли, шелъ быстро, не остерегаясь задѣвать по дорогѣ своей кого бы то ни было, перессорился съ знатію и преждевременно принужденъ былъ оставить служебное поприще. Матвѣевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ царю, но не выставлялся, долго, очень долго носилъ незавидное званіе полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ, вообще не ссорился съ знатію, и если вносилъ дѣйствія, какъ увидимъ, низверженъ былъ въ царствованіе преемника Алексѣева, то низверженъ былъ не вельможными людьми, которые, по крайней мѣрѣ самая значительная часть, являются приверженцами царицы Наталіи Кирилловны, слѣдовательно и Матвѣева. Уже къ концу царствованія Алексѣя Матвѣевъ сдѣлался начальникомъ двухъ важнѣйшихъ Приказовъ—Малороссійскаго и Цосольскаго—въ скромномъ званіи думнаго дворянина. Только въ 1672 г., по случаю рожденія царевича Петра, Матвѣевъ былъ пожалованъ въ окольничіе, вмѣстѣ съ отцомъ царицы, Кирилломъ Полуковтовичемъ Нарышкинымъ; въ октябрѣ 1674 г., по случаю крестинъ царевны Теодоры, Матвѣевъ пожалованъ въ бояре.

1-го сентября 1674 года (въ тогдашній Новый годъ) государь объявилъ старшаго сына своего, тринадцатилѣтняго царевича Теодора: на Красной площади, на дѣйствѣ, оказывали государя царевича всему Московскому государству и иноземцамъ. Послѣ дѣйства, царевичъ поздравлялъ отца и патриарха съ Новымъ годомъ и говорилъ рѣчь; послѣ Теодора говорилъ рѣчь царю, царевичу и патриарху бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Въ тотъ же день смотрѣли на царевича въ Архангельскомъ соборѣ иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланникъ Литовскій. Государь послалъ къ нимъ боярина Хигрово объявить царевича и сказать: „Вы видѣли сами государя царевича пресвѣтлыя очи и какого онъ возраста, такъ пишете объ этомъ въ свои государства нарочно“. Въ 1676 году, съ 29 на 30 число января, съ субботы на воскресенье, въ 4 часу ночи, скончался царь Алексѣй Михайловичъ, на 47 году отъ рожденія, благословивъ на царство старшаго сына Теодора. Кромѣ Теодора, отъ перваго брака оста-

вался царевичъ Іоаннъ, отъ втораго — Петръ, и дочери — отъ перваго брака Евдокія, Мароа, Софья, Екатерина и Марья, отъ втораго — Наталья и Феодора. Да еще были живы сестры царя Алексѣя: Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Въ самомъ началѣ разсказа о дѣятельности царя Алексѣя мы замѣтили сходство его природы съ природою отцовскою, замѣтили и различіе. Въ продолженіе тридцатилѣтней царственной дѣятельности это сходство и это различіе выяснилось. Безспорно Алексѣй Михайловичъ представлялъ самое привлекательное явленіе, когда-либо видѣнное на престолѣ царей Московскихъ. Иностранцы, знававшіе Алексѣя, не могли высвободиться изъ-под очарованія его мягкой, человѣчной, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще рѣзче, привлекали тѣмъ болѣе вниманіе и сочувствіе при тогдашней темной обстановкѣ: „Изумительно“, говорили иностранцы, „что при неограниченной власти надъ народами, привыкшимъ къ совершенному рабству, онъ не посягалъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь“. Простое, патриархальное обожженіе Русскаго самодержавца съ подданными тѣмъ болѣе должно было поражать иностранцевъ, что въ Западной Европѣ оно уже исчезло: тамъ былъ вѣкъ Людовика XIV! Особенную мягкость, особенную привлекательность природѣ Алексѣя, поступкамъ его, собладала глубокая религіозность, которая проникала все его существо. Но, напоминая отца мягкостію природы, Алексѣй, съ другой стороны, напоминалъ знаменитаго сына своего живостію, воспринимчивостію, страстностію, былъ очень вспыльчивъ, и когда человѣкъ, возбудившій гнѣвъ его, былъ къ нему близокъ, то, по тогдашнему обычаю, Алексѣй расправлялся съ нимъ собственноручно, смирялъ, и это, какъ мы видѣли, не считалось посягновеніемъ на честь; псарскій посолъ Мейсбергъ, который такъ восхищается характеромъ царя Алексѣя Михайловича, описываетъ слѣдующіе случаи. Когда узнали въ Москвѣ о пораженіи Хованскаго и Нащокина въ 1661 году, царь созвалъ Думу и спрашивалъ, что дѣлать; какими средствами отбиться отъ страшнаго врага? Начинаетъ говорить тестъ царскій, бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій: „Если государь пожадетъ, дасть мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу Польскаго короля плѣнникомъ“. Ничто такъ не раздражало царя Алексѣя, какъ хвастовство и самонадѣянность; онъ вышелъ изъ себя: „Какъ ты смѣешь, стражникъ, худой человѣчкишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками; какія побѣды показалъ надъ неприятелемъ? Или ты смѣешься надо мною?“ Словами дѣло не кончилось: гнѣвный царь далъ пощечину старому тестю, надралъ ему бороду, выгналъ его пинками изъ комнаты и захлопнулъ двери. Другой случай: великій государь отворилъ себѣ кровъ и, почувствовавъ облегченіе, предложилъ сдѣлать то же и придворнымъ.

Всѣ, волею-неволею, согласились, кромѣ родственника царскаго по матери, Родіона Стрѣшнева, который отказался подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайловичъ вспыльнулъ: „Развѣ твоя кровь дороже моей? что ты считаешь себя лучше всѣхъ?“ И тутъ дѣло не кончилось словами; но когда гнѣвъ прошелъ, къ Стрѣшневу пошли изъ дворца богатые подарки, чтобы позабыли побой. Когда провинился кто-нибудь изъ знатныхъ воеводъ, Алексѣй Михайловичъ такъ же выходилъ изъ себя и писалъ къ провинившемуся длинное гнѣвное посланіе; но тонъ этихъ посланій постоянно умѣряется тѣмъ, что царь старается выставить на видъ виновному его грѣхъ предъ Богомъ, его отвѣтственность предъ Царемъ царей; гнѣвный, грозный царь исчезаетъ, виденъ человѣкъ, взволнованный проступкомъ, его слѣдствіями, и старающійся представить всю важность ихъ преступнику; въ гнѣвныхъ выраженіяхъ слышится сочувствіе человѣка къ человѣку. Такъ, въ 1668 году, онъ посылаетъ стряпчаго Головкина спросить боярина князя Григорія Семеновича Куркина: „За чѣмъ онъ по указу великаго государя не пошелъ подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ? какъ онъ не умилосердился надъ людьми Вожими и государевыми, которые при концѣ живота сдѣлаютъ? какъ ему за нихъ на Страшномъ судѣ отвѣтъ дать? Какъ онъ, бояринъ, забываетъ Спасителя нашего Іисуса Христа, чудодѣйственную Его силу, даровавшую побѣду ради слезъ его и усердія? почто вознесся? чтожъ возношеніе его? — послушала плутовъ и разговорщиковъ малоумныхъ, которые о себѣ впредь добра не мыслятъ; почто подъ Глуховымъ стать? не токмо стоять, и заходить непристойно, развѣ письмо, что писать въ городъ о сдачѣ. А идти было прямо къ Нѣжину и Черниговъ очищать да воевать; а что писалъ онъ, что, не промисляя надъ Глуховымъ, идти нельзя, и то промышленіе высокое и Вогу гнѣвное и мерзкое: се уже свое надѣянне, а не Вожіе учало быть, и надѣяться на силу свою и на счастье; а тѣ Нѣжинцы и Черниговцы воздыхаютъ на него: государь пожаловалъ ихъ выручить, а пропадутъ они отъ него, боярина. Вогъ на немъ взываетъ ихъ. Лучше слезами и усердствомъ и низостью предъ Богомъ промысль чинить; попрежнему какъ началъ, такъ бы и совершилъ, а не силою и славою. Въ великое подивленіе великому государю, что, получа такую славу отъ Господа Бога своими слезами, онъ, бояринъ и воевода, да теряетъ самъ у себя. Лучше то, что возьметъ городъ Глуховъ и многая кровь прольется, а страдальцы въ Нѣжинѣ и Черниговѣ безгодною и томною смертью напрасно погибнутъ, а притчею не промышлять, что будетъ? то будетъ: первое Бога прогнѣваетъ, — надѣялся на славу и силу, хотѣлъ взять городъ — и кровь напрасно многию прольется; второе — людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье — отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое — отъ людей стыдъ и соромъ, что даромъ людей потерялъ; пятое — славу и честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ

дѣломъ и стояніемъ подѣ Глуховымъ неблагополучно отгонять отъ себя, и, вмѣсто славы, укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметь. И то все писано къ нему, боярину, хотя добра Святой и Восточной Церкви, и чтобы дѣло Божіе и его, государево, совершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалѹя и хотя ему чести и жалѹя его старости“.

Еще сильнѣе обратился Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому: „Врагу креста Христова и повому Ахипофелу князь Григорью Ромодановскому: воздасть тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, в. государю, прямую сатанинскую службу, якоже Дафану и Авирону, и Анапн, и Санфирѣ: они клялись Духу Св. во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ конечно исправлять, якоже и Иода продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же ляжу. Велѣно было тебѣ отпустить къ стольнику Семену Змѣеву въ полкъ нашихъ ратныхъ людей для Божія и нашего скорого дѣла, и ты приказалъ послать ихъ таково стройно и крѣпко и всякою нашею милостію утверждаючи, что, пять вереть отседни, пришли къ тебѣ въ полкъ, и ты не токмо не отослалъ ихъ по прежнему нашему указу, куда плч идти велѣно, и съ собою ихъ взялъ, прельщаючи ихъ нашимъ большимъ жалованьемъ и обѣщаючи тайно отпускать ихъ по домамъ для своей треклятыя корысти. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потерять тебя самого Господь Богъ, и жена, и дѣтки твои узрять такія же слезы, какъ и тѣ плачуть сироты напрасно побитые; и самъ ты тревокающий и безславный ненавистникъ рода христианскаго, для того что людей не послалъ, и нашъ вѣрный изгнѣникъ и самого истиннаго сатана съмы и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преподнону, изъ нея же никто не возвращался. Воспомни, окаянный, кѣмъ высканг, отъ кого пожалованъ, на кого надѣшься? гдѣ дѣтсья? куда бѣжать? кого не слушаешь? предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дѣла Его теряешь! Вѣдаешь ли безконечную муку у Него, кто дѣстью Его почитаетъ и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дш свои провожаетъ и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится. Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрній нашъ непослушникъ, какъ то дѣло ухщреннымъ и злопронрыливымъ умысломъ училилъ; а товарища твоего, дурака и худого князика, пытать велимъ, а страдника Цпнжку велимъ повѣсить. Богъ благослови и предадь намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ въправду; и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ, смотря по челоуѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству челоуѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣтъ на всѣ страны мѣстеза. Писаны къ тебѣ и посланы наши государевы грамоты съ милостивымъ словомъ такія, какихъ и къ господамъ твоимъ не

бывало; и тѣмъ вознеся и показалъ упрямство бурсурманское. И буде ты желаешь впредь отъ Бога милости и благословенія и не похочешь идти въ бездну безъ покаенія и въ нашемъ государевомъ жалованн бытъ попрежнему: и тебѣ-бъ, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать къ стольнику Змѣеву тотчасъ полкъ рейтаръ да полкъ драгуновъ, давъ имъ денежное жалованье“.

Въ томъ же родѣ письмо къ Саввинскому казначею Никитѣ (1652 года). Въ Саввинѣ монастырѣ оставлены были стрѣльцы 18 челоуѣкъ, которымъ архимандритъ велѣлъ стоять на конопенномъ дворѣ. Сюда къ иямъ пришелъ казначей Никита, подививш, и спросилъ: „По какому указу вы здѣсь стоите?“ Услыхавъ, что по архимандричьему, онъ зашибъ десятника сохосомъ въ голову, оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлцкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь послать Алексѣя Мусина-Пушкина сыскать про дѣло, а самъ написалъ казначею: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцова дому и единомысленику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шныю и злomu пронрыливому злодѣю, казначею Миките. Уподобился ты сребролюбу Иуде: якоже онъ продалъ Христа на тридцать сребрениць, и ты променялъ, проклятой врагъ, чудотворцовъ домъ да и мои грѣшныя слова на свое умное и збонливое пьянство и на умные на глубокие пронрыливыя вражьи мысли; самъ сатана въ тебя врага Божія веселился; хто тебя сиротину спрашивалъ надъ домомъ чудотворцовымъ да и на до мною грѣшнымъ властвовать? Хто тебѣ спю власть мимо архиморита далъ, что тебѣ безъ сво вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить? воспоминаи евангельское слово: всякъ высокосердечный нечистъ предъ Богомъ. О враже проклятый! за что денница себесе свергнута? не за гордость ли? Богъ не пощадилъ. Да ты жа сатанинъ угодникъ пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоять: и дорого добрѣ, что у тебя скота стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоять стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъяя путемъ ходить что и ты окаянной. И дорогилъ мнѣ твои грозы? Вѣдаешь ли ты, что опричь Бога и Матери Его владыч. нашей Пресв. Богородицы и свѣта очю моею чудотворца Савы и не имѣю опричь той радости никакой и надежды: то моя радость, то мое и веселье и сила и на брани противъ враговъ моихъ, и не твои мнѣ грозы, и своего брата государя и тѣ грозы яко поущину (т. е. паутину) влѣваю, потому: Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого убююсъ? Да за помощію Пресв. Богородицы и за молитвою чудотворца Савы ниче грозы не страшны. Вѣдай себѣ то окаянной: тотъ боптна грозъ, которой надежю держитъ на отца своего сатану и держитъ ее тайно, чтобъ никто ее не по-

зналъ, а передъ людьми добръ и вѣренъ показываетъ себя. Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангель, что одному тебѣ и отцу твоему дьяволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а Содѣтелю нашему, Творцу небу и земли и свѣту моему чудотворцу конечно грубые твои высокопроклятые и гордостные и вымышленные твои тайные дѣла; ей не должно евангельское реченіе не можетъ рабъ двумя господиномъ работати, а мнѣ грѣшному здѣшняя честь аки прахъ: и дорогилъ мы предъ Богомъ стобою и дорогилъ наши высокосердечные мысли, доколе отврапаемся доколе не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди ево творимъ, вѣдаси ты окаянной самъ твориши заповѣди Божия снережежемъ проклять и горе намъ стобою и нашему збонливому и лукавому сердцу и злон нашен и лукавомъ мысли и люто намъ будетъ въ день ярости Господа Саваоа, не пособятъ намъ тогда наши збонливые и лукавые дѣла и мысли, вѣданъ себѣ и то, лукавый врагъ, какъ ты возмутилъ нынѣ чудотворцевымъ домомъ да и мою грѣшную душою: ей до слезъ стало, чудотворецъ видать, что во мглѣ хожу отъ твоего збонливаго сатанина ума возмутить тебя и самого Бога и чудотворецъ. Вѣдай себѣ то, что буду самъ у чудотворца милости просить и обороны на тебя со слезами, не отъ радости буду на тебя жаловатца чѣмъ было тебѣ милости просить у Бога и у Пречистой Богородицы и у чудотворца и со мною прощатца въ грамоткахъ своихъ и ты вычитаешь безчестие свое и я тебѣ за твое роптаніе спесивое учиню то чено ты вѣкъ надъ собою такова позору не видаль. Ты промѣнилъ сие мѣсто чудотворчево на свое премудрое и лукавое и на пьяное сердце и на проклятые мысли а меня грѣшнаго тебѣ не диво не послышать здѣсь потому что и святое мѣсто продаешь на свой злой правъ, а на ономъ вѣде разсудить Богъ насъ съ тобою а oprичъ мнѣ тово нечемъ стобою боронитца; да и то тебѣ возвѣщаю аще не чистымъ сердцемъ покаешься къ чудотворцу и со мною смрпсися въ слезы своихъ роптанннхъ вѣдай что безъ проказы не будешь яко Наманъ утаился отъ Елиса пророка такъ и тебѣ тажа будетъ аще едину мысль утаиши у чудотворца да по семъ буди Богомъ нашимъ I X. и Преч. Его Мат. и чудотв. Савою и мною грѣшнымъ буди прогнанъ и пзрнновенъ, и отлученъ со всякимъ безчестиемъ и безстудіемъ отъ сего мѣста святаго и чудотворца дому. И прочети сию грамоту и велите взяти ево предъ всѣмъ соборомъ яко врага Божия и чудотворцева дому со великимъ безчестиемъ стрѣльцомъ и велите положить на него чѣши на шею а на ноги желѣза и велите Алексѣю ево свести пережь себя стрѣльцомъ на конюшенной дворъ“.

И это письмо, подобно приведенному нами прежде письму къ Никону въ Соловецкій монастырь, вводитъ лучше всего въ міръ тогдашнихъ патріархальныхъ отношений. Цѣлый казначей Никита прибилъ десятника стрѣлцаго; царь велитъ наложить ему чѣши на шею и желѣза на ноги; но между тѣмъ,

оскорбленный письмами Никиты, въ которыхъ тотъ позволилъ себѣ какія-то угрозы, выходить изъ себя и писать къ Никитѣ, за скрывая тревожнаго состоянія своего духа, зоветъ его на судъ Божій, грозить наказаніемъ свыше; пишетъ, что онъ, царь, никого не боится, потому что Господь просвѣщеніе его и Спаситель, за помощью Богородицы и за молитвою чудотворца Саввы ничьи грозы ему не страшны. Въ шилу гнѣва, царь сдерживается релігіозностію, которая заставляетъ его признаться надъ собою и надъ Никитою высшей судъ, уравниять себя съ нимъ; царь пишетъ, что будетъ просить у чудотворца обороны на Никиту, который такъ возмутилъ его душою, что до слезъ стало, во мглѣ ходить. Релігіозность красила патріархальные отношенія, сообщая имъ иногда необыкновенную умиленность и вмѣстѣ величіе: таково извѣстное намъ письмо Нижне-Ломовскаго воеводы Пекина воеводѣ Хитрову: „Въ Нижнемъ Ломовѣ казаки знатно что замѣнили; поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодѣлкѣ написать съ женою и дѣтми“. Великій государь былъ именно способенъ понимать и исполнять такія просьбы.

Всего лучше прекрасная природа царя Алексѣя высказывалась въ письмахъ утѣшительныхъ къ близкимъ людямъ. Мы уже привели въ своемъ мѣстѣ письмо его къ Ордину-Напокину по случаю бѣгства сына его; въ этомъ письмѣ царь силою именно природы своей высоко поднялся надъ вѣкомъ. Въ такомъ же родѣ и письмо къ князю Ник. Ив. Одоевскому по поводу смерти сына его: „Да будетъ тебѣ вѣдомо, су.бамъ всеильнаго и всеблагаго Бога нашего и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ свѣтъ взять сына твоего нервенца, князя Михаила съ великою милостію въ небесныя обители. а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Велинковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таково; я его такова радостна николи не видаль; да лошадию онъ да князь Федоръ челомя ударили, и я молвилъ имъ: „потоль я прѣзжалъ къ вамъ, что грабятъ васъ?“ И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: „Мнѣ-де, государь, тебя не вилать здѣсь: возми-де, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до-вѣка такова гостя не видать“. И я, видя ихъ неслестное прошеніе и радость не сумѣнную, взялъ жеребца темнобра. Не лошада дорога мнѣ всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія похвалъ я къ Покровскому тѣшити въ ропцѣ въ Карачаровскія; онъ со мною здоровъ былъ, и прѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обонхъ виномъ романѣю, и подачами и корками, и ѣли у меня, и какъ отишло вечернее кушанье,

а онъ сталъ изъ-за стола и почалъ стонать головою, голова-де безмѣрно болить, и почалъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпуститъ для головной болѣзни, да и пошелъ домой, да той ночи хотѣлъ съѣсть въ сани да ѣхать къ Москвѣ поутру, а болѣзнь та ево почала разжигать да и объявилася огненная. И тебѣ боярину нашему и слугѣ и дѣтемъ твоимъ черезъ мѣру не скорбѣть а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога нанпаче не прогнѣвать, и уподобитца бѣ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколко на него напастей приводилъ? не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему далъ Богъ сыны и дщери? А за что?— за то, что ни во устнахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ, Богъ все на лутче намъ строить, а взялъ его въ добромъ покаяніи... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помощникъ; радуйся, что лутче взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Его рождшую п на Его всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ, и мы тебя не покинемъ и съ дѣтми и, помня твое челобитіе, ихъ жаловали и впредъ радъ жаловать сына его князь Юрья, а отца радъ поминать. А князь Федора я пожаловалъ отъ печали утѣшилъ, а на выносъ и на всепогребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямъ узналъ и проводалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня ни ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, только ты, князь Никита, помни Божию млость, а наше жалованіе. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ... А прежде того мы жаловали къ тебѣ писали; какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ великаго Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтми и со вочутыи по Возѣ родители, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ и всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Возѣ помощники. На то насъ Богъ и поставилъ, чтобы безпомощнымъ помогать. И тебѣ въ учинитъ противъ сей нашей милостивыя грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ.“ Подъ исходомъ грамоты еще написано: „Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.“

Но въ письмахъ же царя Алексѣя патриархальныя отношенія являются безъ прикрасть, во всемъ своемъ непригожествѣ; такъ въ письмѣ къ стольнику Матюшкину царь пишетъ: „Извѣщаю тебѣ, не то тѣмъ утѣшаюся, не то стольниковъ безрестанно кунаю ежеутрь въ прудѣ, Иорданъ хорошо сдѣлана, человекъка по четыре и по пяти и по 12 человекъ, за то: кто не посибѣтъ къ моему смотру, такъ того и кунаю, да послѣ кунанья жалую, зову ихъ еженецъ, у меня кунальщики тѣ ѣдятъ

вдоль, а иные говорятъ: мы-де парокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупають да и за столъ посаждать; многіе парокомъ не поспѣвають.“

Наружность царя Алексѣя, какъ описываютъ ее иностранцы очевидцы, много объясняетъ намъ его характеръ: съ кроткими чертами лица, бѣлый, краснощекий, темнорусый, съ красивою бородою, крѣпкаго тѣлосложенія; но между тѣмъ преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его, несмотря на дѣятельную жизнь: рано вставалъ онъ къ утренней службѣ, иногда ночи проводилъ въ горячихъ молитвахъ, ревностно занимался дѣлами. Ѣздилъ часто на охоту, которую любилъ страстно, не пропускалъ храмовыхъ праздниковъ въ монастырскихъ и приходскихъ церквахъ. У него достало настолькоъ энергіи, чтобы рѣшиться отказаться отъ отцовской жизни, покинуть московскій дворецъ и выступить въ походъ. Сохранилось преданіе, что походы въ Бѣлоруссію и Литву развили Алексѣя, внушили ему болѣе самоувѣренности и перемѣнили отношенія его къ окружающимъ: онъ сдѣлался самостоятельнѣе. Но энергія, какъ видно, поддерживалась успѣхомъ; когда успѣхи кончились, то мы уже не видимъ болѣе Алексѣя въ челѣ войскъ. Замѣченное отолѣтніе было ли слѣдствіемъ или причиною прекращенія этой дѣятельности— рѣшить трудно. Иностранцы современники говорятъ о прекрасныхъ дарованіяхъ Алексѣя и жалѣютъ, что эти дарованія не развиты были наукою. Морозовъ могъ только сочувствовать образованію, жалѣть, что въ молодости его не учили. Алексѣй прочелъ, какъ видно, все, что только можно было тогда прочесть на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Но сильно возбужденная духовная дѣятельность обнаруживалась въ страсти писать. Сколько собственноручныхъ писемъ, обыкновенно довольно длинныхъ, записокъ, замѣтокъ сохранилось послѣ него! Алексѣй предпринялъ описаніе походовъ своихъ: сохранилось нѣсколько собственноручно написанныхъ имъ экземпляровъ (череней, какъ тогда называли) описанія выступленія войскъ изъ Москвы, отсуска воеводъ, рѣчей, говоренныхъ по этому случаю. Вѣроятно моровая язва и послѣдующія военныя неудачи остановили дѣло. Наконецъ царь Алексѣй пробовалъ писать и стихами. Таково письмо къ князю Григ. Григ. Ромодановскому: „Повелѣніе Всесильнаго и великаго и безсмертнаго и милостиваго царя царемъ и государя государемъ и всѣхъ всякихъ силъ повелителя Госнода нашего Іисуса Христа. Писахъ сіе письмо все многогрѣшныи царь Алексѣй рукою своею:

Рабе Божіи дерзай о имени Божіи
И уповай всемъ сердцемъ подаетъ Богъ побѣду
И любовь и советъ великой имѣи съ Брюховецкимъ
А съя и людей Божіихъ и пашихъ берега крѣпко
Отъ всякихъ обмановъ и льстивыхъ дѣлъ и свой разумъ
Крѣпко въ твердости держи и разсмагивай
Ратныя дѣла великою осторожностію
Чтобъ висяра Захарки съ товарищи чевю не учили
Также какъ Юраско надъ бояриномъ нашимъ
И воеводою надъ Васильемъ Шеремѣговымъ также и надъ
бояриномъ

Нашимъ и воеводою князь Иваномъ Хованскимъ Огинскій князь Учинилъ и имай крѣпко опасеніе и аргуковы очи по великъ часъ. Безирестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ Четыре страны и въ сердцы своемъ великое предъ Богомъ смиреніе и шизоеть игый А не возиоменіе какъ пѣхто вашь братъ говариваль не Промышленникъ кому бы ево одохтъ съ войскомъ и Богъ за превозношеніе его совѣсмъ предель въ плѣтъ».

Но природѣ своей, слпнкомъ мягкой, Алексѣй Михайловичъ не могъ не уступитъ большаго вліянія окружающимъ его людямъ; онъ былъ вспыльчивъ, но невѣдержливъ. Излишняя довѣрчивость къ людямъ недостаточнымъ, власть, имъ уступленная, протесткала отъ слабости характера, а не отъ недостатка пониманія людей. Такъ, напримѣръ, онъ хорошо видѣлъ, кто такой былъ тестъ его, Мпюславскій, и въ минуту вспышки не шадилъ его; но наложить на него опалу — значило огорчить самое близкое къ себѣ существо, жену, которую онъ такъ любилъ, — а это было уже выше силъ царя Алексѣя. Такъ было и въ отношеніи къ другимъ лицамъ, гѣсно связаннымъ между собою, крѣпко державшимся другъ за друга; наложить опалу на одного — и столько явится вдругъ недовольныхъ, печальныхъ лицъ, а эти лица, по обычаю, съ утра до вечера толнятся во дворцѣ, избанитесь отъ нихъ нельзя, и вотъ доброй душѣ цѣлый день тягость невыносимая, и Алексѣй Михайловичъ устываетъ. Этимъ объясняются и страшныя отношенія его къ Никону. Никонъ не могъ быть, подобно врагамъ своимъ, близкимъ боярамъ и окольнымъ, безгрестанно во дворцѣ, и по этому самому проигрывалъ. Хитрость дитя слабости, и Алексѣй Михайловичъ хитритъ въ дѣлѣ Никона: онъ соглашается съ боярами, что патриархъ зашелъ далеко, что съ нимъ жить нельзя, и въ то же время старается внушить Никону о своемъ доброжелательствѣ къ нему, оправить себя въ глазахъ гнѣвнаго патриарха; такимъ образомъ добрый Алексѣй Михайловичъ упижалеся до стремленія уголить обѣимъ сторонамъ, тогда какъ болѣе рѣшительными и самостоятельными дѣйствіями могъ уладить дѣло; безъ сомнѣнія, главная причина паденія Никона заключалась въ характерѣ царя: болѣе твердый характеръ послѣдняго сдержалъ бы собиннаго пріятеля въ должныхъ предѣлахъ, и первая брань предотвратила бы печальныя слѣдствія послѣдней; Алексѣй Михайловичъ погубилъ своего собиннаго пріятеля именно неспособностію своею къ первой брани: слабость государей имѣть иногда тѣ же слѣдствія, какъ и тиранство.

Но чинство природы царя Алексѣя Михайловича несколько не уменьшала значенія власти великаго государя. Алексѣй Михайловичъ имѣлъ такое же возвышенное понятіе о своихъ правахъ, какъ и Іоаннъ IV: „Богъ благословилъ и предель намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокъ и на западъ, и на югъ, и на сѣверъ и правду“. Тѣ же самыя отношенія, какія мы ви-

дѣли при царѣ Михаилѣ, были въ силѣ и теперь. Въ народныхъ движеніяхъ, которыми такъ богато царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ которыхъ нельзя не видать отъряжки Смутнаго времени послѣ необходимаго отдыха при Михаилѣ: — въ народныхъ движеніяхъ высказались рѣзко тѣ же отношенія большинства къ стоявшему наверху меньшинству; массы возставали противъ бояръ, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами царя. Меньшинству оставалось робко искать защиты у подножія престола. Такъ привязанности царской обязанъ былъ сношъ спасеніемъ самый видный изъ бояръ, Морозовъ. Преслѣдуя свою ненавистію Морозова, большинство оказывало особенное расположеніе боярамъ: Никитѣ Ивановичу Романову, ядѣ царскому, и князю Якову Куденетовичу Черкасскому, зная или предполагая въ нихъ враговъ Морозову. Но оба эти лица не обладали честолюбіемъ, которое бы заставило ихъ воспользоваться народнымъ расположеніемъ. Никита Ивановичъ является на сцену во время народнаго возстанія противъ Морозова и Мпюславскаго, и тутъ старается онъ утишить народъ; потомъ, во время Псковскаго бунта, отводитъ самъ къ царю исковскихъ посланцовъ; наконецъ объ этомъ лицѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ охотникъ до иноземныхъ обычаевъ, одѣлъ своихъ людей въ ливрею по иностранному образцу. Никонъ, которому не нравились эта новизна, придумалъ средство избавить дядю царскаго отъ грѣха: попросилъ у него ливрею, какъ будто для образца, желая самъ одѣтъ такимъ же образомъ своихъ служекъ; но, когда довѣрчивый бояринъ прислалъ ему платье, патриархъ велѣлъ изрѣзать его въ куски. Мы несколько не ругаемся за вѣрность этого извѣстія въ подробностяхъ, но любовь боярина Никиты къ иностраннымъ новизнамъ подтверждается тѣмъ, что у него былъ ботъ, который въслѣдствіи такъ занялъ молодого вика его, царя Петра Алексѣевича, и послужилъ началомъ флота. Разумѣется, желалось бы знать больше объ этомъ недотрекающемъ любопытствѣ лицъ; но отсутствіе извѣстій доказываетъ или недостатокъ у него личныхъ средствъ играть роль болѣе видную, или то, что ему нарочно заграживали дорогу, а самъ бояринъ былъ такъ остороженъ, что не пробивался чрезъ полагаемыя ему преграды. Что же касается до князя Якова Куденетовича Черкаскаго, то недостатокъ личныхъ средствъ оказался явно въслѣдствіи — во время Польской войны.

При царѣ Алексѣѣ было 16 знатнѣйшихъ фамилій, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ околичнаго: Черкасскіе, Воротианскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шенны, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Вуйновсовы, Хилковы и Урусовы. Изъ Черкасскихъ, кромѣ Якова Куденетовича, былъ извѣстенъ князь Григорій Сенчулевичъ; но о немъ говорятъ, что это былъ дикарь, искавшій случая показать тѣлесную силу, опытный на-

ѣздникъ, умѣвшій укрощать коней, которыми были наполнены его обширныя конюшни, болѣе сострадательный къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Представителемъ знаменитаго рода Воротыньскихъ былъ князь Иванъ Алексѣевичъ, человекъ ничтожный. Фамилія Трубецкихъ, послѣ князя Алексѣя Никитича, не имѣла достойнаго представителя; и Алексѣй Никитичъ послѣ Кононова потерялъ славу „въ воинствѣ счастливаго и недругамъ страшнаго.“ Изъ Голицыныхъ знаменитый вполѣдствіи князь Василій Василевичъ только еще начиналъ свое поприще; о князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ говорили, что онъ чѣмъ счастливѣе, тѣмъ скромнѣе.

Но если представитель Голицыныхъ не отличался Патрикѣвскимъ духомъ, то духъ этотъ перешелъ къ представителю другой Патрикѣвской линіи, князю Хованскому, знаменитому Ивану Андреевичу: мы видѣли любопытную борьбу его съ Ординымъ-Нащокинымъ, въ которомъ гордый потомокъ Гедимина видѣлъ худороднаго временщика, сильнаго только расположеніемъ царскимъ, въ родѣ Малюты Скурагова. Но самъ Хованскій, о предкахъ котораго не слыхать было въ старину, не имѣлъ связей и не пользовался хорошою славою относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: „Я тебя выискалъ и выбралъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ.“ Отзывы и своихъ и чужихъ согласно описываютъ намъ Хованскаго человѣкомъ съ Патрикѣвскимъ высокоуміемъ, заносчивымъ, неумѣющимъ сдержать себя, непостояннымъ. Ординъ-Нащокинъ называется Хованскаго человѣкомъ непостояннымъ и слушающимся чужихъ внушеній: это отзывъ врага; но вотъ Майербергъ говоритъ, что Хованскій славился въ цѣломъ свѣтѣ своими пораженіями, проигрывалъ битвы по своей опрометчивости, по неумѣнью соразмѣрять свои силы съ силами непріятельскими; царь Алексѣй Михайловичъ, свидѣтельствуя, что всякъ называлъ его дуракомъ, а народъ даетъ ему прозваніе Тараруя. Сохранилось извѣстіе о безправственномъ поведеніи его во Псковѣ; сохранилось также извѣстіе о произвольныхъ и жестокихъ поступкахъ его съ людьми ратными. Изъ Морозовской фамиліи знаменитый воспитатель царя былъ послѣднимъ историческимъ лицомъ. Шереметевы личными достоинствами поддерживали значеніе своей фамиліи; мы часто встрѣчались съ дѣятельностію двоихъ кievскихъ воеводъ, Василія Борисовича, такъ несчастно окончившагося, и Петра Васильевича: о послѣднемъ сохранился отзывъ какъ о человѣкѣ съ большими способностями, но самохвалѣ, чрезвычайно жадномъ къ военной славѣ, невнимосно городомъ и высококомѣрномъ. Хвалять блестящія военныя доблести Василія Васильевича Шереметева, но прибавляютъ, что само правительство не давало достойнаго поприща этому велиможѣ, заславши его воевою въ несчастную область, которой избѣгаютъ всѣ бояре. Часто встрѣчались мы съ представителемъ фамиліи Одоевскихъ,

княземъ Никитою Ивановичемъ: хвалить его мягкость, которую онъ рѣзко отличался отъ своихъ собратьевъ. Мы видѣли его не разъ великимъ уполномоченнымъ посломъ, но трудно подмѣтить въ немъ что-либо иное, кромѣ точнаго исполнителя наказа; самъ царь отозвался о немъ въ письмѣ Долгорукову: „Чаю, что князь Никита тебя подбилъ, и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промысленникъ! послушаешь какъ про него поютъ на Москвѣ.“ Фамилія была небогатая; царь, посланни денегъ на погребеніе князя Михаила Никитича, писалъ отцу его: „Вирямъ я узналъ и провѣдалъ про васъ, что oprичъ Бога на небеси, а на земли oprичъ меня, никово у васъ нѣтъ.“ Изъ Пронскихъ извѣстенъ князь Иванъ Петровичъ; ему поручено было важное дѣло воспитанія паревича Алексѣя Алексѣевича: по говорить, что выборъ былъ неудачный. Изъ Шенныхъ никто не былъ на виду. Изъ Салтыковыхъ мы видѣли боярина Петра Михайловича начальникомъ Малороссійскаго Приказа; говорить, что онъ былъ ровесникъ царя и очень любимъ имъ; Петра Михайловича хвалятъ за рѣдкое благоразуміе и непоколебимую вѣрность. Изъ Репниныхъ мы видимъ вначалѣ любимаго царя Михаила, князя Бориса Александровича, котораго обвиняютъ въ жестокости; о сынѣ его, князѣ Иванѣ Борисовичѣ, встрѣчаемъ такой отзывъ: онъ считается осторожнымъ, благоразумнымъ, но подозрѣваютъ, что скрываетъ отцовскіе пороки подъ личиною добродѣтели. Намъ теперь трудно рѣшить—эти неблагоприятные отзывы порождены ли завистію враговъ, нажитыхъ княземъ Борисомъ при Михаилѣ, или вражда порождена дѣйствительно непригляднымъ характеромъ Репнина. Умственныя способности князя Ив. Семеновича Прозоровскаго являющія не въ очень выгодномъ свѣтѣ во время переговоровъ съ Шведами, когда знатный бояринъ занималъ только первое мѣсто, а на дѣлѣ первымъ былъ Ординъ-Нащокинъ. О князѣ Ив. Андреевичѣ Хилковѣ сохранилось извѣстіе, что онъ не бралъ взятокъ, но былъ странно слышачливъ.

Нѣкоторые изъ членовъ этихъ шестнадцати первостепенныхъ фамилій были люди даровитые; но, кромѣ стариковъ Морозова и Трубецкаго, а изъ молодыхъ—одного Салтыкова.—мы невидимъ никого въ приближеніи, имѣющимъ важное вліяніе на дѣла. Изъ фамилій древнихъ, но второстепенныхъ, пробивали себѣ дорогу къ первымъ мѣстамъ Долгоруки въ особѣ знаменитаго воеводы князя Юрія Алексѣевича. О немъ встрѣчаемъ неблагоприятный отзывъ иностранца, что онъ хотѣлъ казаться Фабіемъ, но похожъ былъ на Катилину; отзывъ голословный, а потому мы не имѣемъ права на немъ успокоиваться; мы знаемъ военныя заслуги Долгорукаго; другія же его дѣйствія такъ мало извѣстны, что мы рѣшительно не имѣемъ средствъ опредѣлить степенъ его сходаства съ Катилиною. На военномъ же поприщѣ чаще всего встрѣчались мы съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромоданов-

скимъ. Одна отрасль князей Стародубскихъ—знаменитые Пожарскіе—сходятъ со сцены; другая, Ромодановскіе, остается и сильно поднимается. Князь Григорій, какъ говорятъ, отличался свирѣпностію характера и тѣлесною силою, былъ больше солдатъ, чѣмъ вождь; превосходилъ всѣхъ военною пылкію, неутомимою дѣятельностію, быстротою и львинымъ мужествомъ; въ Малороссіи, какъ мы видѣли, онъ пріобрѣлъ расположение жителей. О другихъ Ромодановскихъ, князьяхъ Василии Григорьевичѣ и Юріи Ивановичѣ, встрѣчаемъ только дурные отзывы. Въ военной исторіи царствования Алексѣя Михайловича, особенно въ исторіи Разинскаго бунта, обозначались имена князей Борятинскихъ; князю Юрію принадлежитъ честь первого и послѣдняго пораженія страшнаго вора: но мы встрѣчались также съ свѣдѣльствами и о дурныхъ поступкахъ самого Борятинскаго. Нерѣдко встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ имя боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина; о немъ отзываются какъ о характерѣ незначительномъ, и мы не имѣемъ возможности опровергнуть этого отзыва. О другомъ Куракинѣ, князѣ Фед. Федоровичѣ, говорятъ, что выборъ его въ воспитатели царевичу Теодору Алексѣевичу былъ выборъ неудачный.

Наконецъ переходимъ къ самымъ близкимъ людямъ: Милославскимъ, Стрѣшневу, Хитрово. Всѣ свѣдѣтельства единогласно говорятъ о способностяхъ Милославскихъ, какъ знаменитаго боярина Илья, тестя царскаго, такъ и родственниковъ его, Ивана Михайловича и Ивана Богдановича; но ни въ одномъ изъ нихъ умственныхъ способностямъ не соответствовали нравственныя достоинства. Въ Иванѣ Богдановичѣ, извѣстномъ намъ защитою Симбирска отъ Разина, указываютъ даже обширныя познанія, но соединенныя съ хитростію. Любопытно, что сохранилось извѣстіе (впрочемъ иностранное) о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово, какъ человѣкѣ кроткомъ, привѣтливомъ, неутомимомъ ходогаѣ за несчастныхъ, не затыкающемъ ушей отъ просителей, особенно иностранныхъ. Послѣднія слова могутъ дать намъ разгадку такого лестнаго отзыва о человѣкѣ, котораго мы знаемъ преимущественно по распоряженію съ патриаршимъ сыномъ боярскимъ; но какъ бы пристрастенъ ни былъ этотъ отзывъ, все же мы должны заключить, что Хитрово, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ извѣстными людьми могъ являться кроткимъ и привѣтливымъ, и должны заключить, какого опаснаго врага пріобрѣлъ себѣ Никонъ въ Хитрово. Мы видѣли, что Хитрово былъ врагомъ Нащокина; но извѣстіе объ особенномъ расположеніи Хитрово къ иностранцамъ заставляетъ насъ и его, по наравленію, причислить къ людямъ, смотрѣвшимъ на Западъ, какъ Морозовъ, Ртищевъ, Нащокинъ и Матвѣевъ. О другомъ врагѣ Никона, Родіонѣ Матвѣевичѣ Стрѣшневѣ, говорится, что царь Алексѣй Михайловичъ считалъ его неподлежащимъ человѣческимъ страстямъ—новое объясненіе, почему царь

могъ такъ колебаться между Никономъ и врагами его, если авгоритеть патриарха могъ перетягиваться авторитетомъ Стрѣшнева. Наконецъ встрѣчаемъ отзывъ о третьемъ врагѣ Никона, Шкингѣ Михайловичѣ Бобарыкинѣ, родственникѣ Романовыхъ и Шереметевыхъ, который представляется человѣкомъ любящимъ добро, праводушнымъ и совершенно безкорыстнымъ. Если у царя составилось именно такое мнѣніе о Бобарыкинѣ, то понятно, почему онъ не смѣлъ удовлетворить Никона, по жалобамъ котораго Бобарыкинъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ.

Мы уже останавливались на дѣятельности одного изъ любимцевъ царя Алексѣя, Теодора Михайловича Ртищева; видѣли покровительство, которое онъ оказывалъ просвѣщенію; потомъ видѣли, что ему пришлось выдержать попытку обращенія къ кредиту во время безденежья. До насъ дошло житіе Ртищева, краткое и написанное въ видѣ похвального слова, но все же сообщающее намъ и некоторые любопытныя извѣстія о дѣятельности лица и его характерѣ. Житіе выставляетъ Ртищева человѣкомъ необыкновенно благороднымъ, умѣреннымъ; говоритъ, что онъ сдерживалъ Морозова и Никона. Майербергъ подтверждаетъ свѣдѣльство житія: также выставляетъ благородіе Ртищева, которымъ онъ, не имѣя еще 40 лѣтъ, превосходилъ стариковъ. Въ житіи встрѣчаемъ еще нѣсколько любопытныхъ извѣстій о характерѣ Ртищева: такъ, наприрѣзъ, продавая одно изъ своихъ сель онъ уменьшилъ цѣну съ условіемъ, чтобы покупатель хорошо обходился съ крестьянами; подарилъ землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителямъ, а купить ее они не въ состояніи; при смерти умоляла наследниковъ объ одномъ,—чтобы хорошо обходились съ крестьянами. Вообще, взглядываясь въ характеръ и дѣятельность любимцевъ царя Алексѣя, людей имъ выведенныхъ и поддерживаемыхъ. Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвѣева, нельзя не признать, что онъ обладалъ драгоценнѣйшимъ для государей талантомъ—выбирать людей

По личному характеру и отношеніямъ всей этой знати мы также можемъ видѣть, что и власть сына Михаила не могла встрѣчать пренятствій съ этой стороны. Мы уже видѣли, что интересы, которые поддерживало московское боярство при Іоаннѣ III, сынъ и внукъ его, смѣнились другимъ интересомъ: преклонившись предъ властію великихъ государей, знатные роды начали хлопотать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы высшія должности не выходили изъ ихъ среды, чтобы не сидѣть вмѣстѣ съ какими-нибудь Андроновымъ, не подчиняться и своему брату, не только человѣку низшаго происхожденія. Послѣ тяжелаго для нѣкоторыхъ правленій Филарета Шкипича, они успѣли отдѣлаться отъ Репнина, благодаря мягкости царя Михаила. Царь Алексѣй, во время молодости, былъ еще болѣе похожъ на отца, чѣмъ послѣ, что всего лучше видно изъ писемъ его къ Никону въ Соловки и князю

Трубецкому во время первого похода подъ Смоленскъ. Впрочемъ, и въ это время у него уже была любимецъ изъ худородныхъ, Матвѣевъ, по послѣдній имѣлъ осторожность не выдаваться впередъ. Во время походовъ, какъ говорятъ, государь становится самостоятельнѣе; онъ обличается съ Ордынныи-Нашокинымъ, который не имѣетъ осторожности Матвѣева, и столкновения начинаются. Алексѣй Михайловичъ находится, по характеру своему, въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны онъ считаетъ необходимымъ поддержать задорнаго Аванася, съ другой—какъ же оскорбить Одоевского и Долгорукаго съ товарищи? Не имѣя силъ дѣйствовать прямо и открыто, Алексѣй Михайловичъ, какъ всѣ люди его характера, уходитъ, прячется, распорядается тайкомъ, чтобы избѣжать сопротивленій, неудовольствій; онъ заводитъ свой собственный Приказъ, — Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, изъ котораго посылаетъ бумаги, собственноручныя письма, указы, о содержаніи которыхъ никто не долженъ знать, кромѣ получающаго; отсюда получаетъ и Аванасій указы мимо старшихъ; сюда пересылаетъ свои мнѣнія, свои жалобы. Между тѣмъ Одоевскій и Долгорукій получали также удовлетвореніе; ихъ царь называлъ: великими и полномочными посланца, а на имя стародавнихъ честныхъ родовъ; приписалъ—было къ нимъ въ третьихъ и товарища ихъ Аванася Лаврентьевича, но зачеркнулъ, потому что впереди написано было: „стародавнихъ частныхъ родовъ“. И вотъ со всѣми этими уступками Алексѣй Михайловичъ доводитъ своего Аванася до боярства, доводитъ подконецъ до болрства и дьякаго сына Матвѣева. Тихо, незамѣтно очищается путь, по которому такъ смѣло пойдетъ младшій сынъ Алексѣя.

Здѣсь мы оканчиваемъ исторію Древней Россіи. Дѣятельность обоихъ сыновей царя Алексѣя Михайловича, Теодора и Петра, принадлежитъ къ Новой исторіи; но прежде нежели приступимъ къ изображенію этой дѣятельности, мы должны изложить состояніе Россіи, въ какомъ оставилъ ее царь Алексѣй. Этимъ изложеніемъ начнемъ слѣдующій томъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дѣла Малороссійскія вложены по бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Инстр. Дѣлъ, также по столбцамъ и книгамъ Малороссійскаго Приказа, находящимся въ Архивѣ Мин. Юстиціи; считаю взычными въ выставлѣть № бумаги, ибо ихъ также легко прислать по годамъ. Изъ печатныхъ источниковъ взяты: некоторыя обстоятельства смерти Брюховецкаго изъ Летописи Величка II, 163; о Мазепѣ изъ Rozzły rękopismu I. Chr. Paska, изд. Лахонича, стр. 290, также изъ: Zródła do dziejow polskich — Grabowskiego i Przedzieckiego, t. I, p. 34.

Дипломатическія сношенія изложены по бумагамъ, находящимся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностран. Дѣлъ. Изъ печатныхъ источниковъ взяты: о враждѣ Наполеона съ Хитрово у Коляепа—(Чтенія Москов. Историч. Общ. 1846 г. № 1); о нападѣніи Турокъ на Подолію у Kochowskiego-Roczniców polski klimakter IV, p. 193.

О строеніи корабля «Орель»—въ Дополн. къ актамъ историч. т. V, № 46 и 47.

О Сибири и Китаѣ—Миллеровскія бумаги, напечатанныя въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, т. III, стр. 50, 50, 68, 99, 102, 106, 108, 173, 175, 184, 208, 214, 219, 221, 258, 276, 277, 279, 280, 283, 319, 320, 321, 328, 332, 343, 345, 346, 348, 350, 352, 354, 356, 359, 371, 379, 387, 390, 523 Т. IV, стр. 2, 8, 9, 12, 16, 27, 32, 37, 56, 70, 80, 85, 88, 91, 94, 95, 120, 147, 176, 187, 199, 200, 214, 237, 241, 247, 260, 266, 282, 297, 384, 404, 409. Т. V, стр. 38, 39, 43, 68, 93, 100, 164, 288, 335, 337, 375, 379, 418. Т. VI, стр. 41, 51, 153, 292, 313, 367, 395. См. также Фишера - Сибирская Исторія.

Письма и другія бумаги, вписанныя или поправленныя рукою царя Алексѣя Михайловича, находятся въ Государств. Архивѣ, между бумагами Приказа Тайныхъ Дѣлъ.

Извѣстія о характерѣ вельможъ заимствованы изъ статьи: «Характеры вельможъ въ царствованіе Ал. Мих. (Сѣверный Архивъ 1825 г.).

Дополненіе къ XII-му тому.

Дѣло по жалобѣ ратныхъ людей на князя Ив. Андр. Хованскаго и сыновей его (Архивъ Минист. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 1619).

Грамота князя Хованскаго государю: „Въ пыишнемъ, во 174 году въ ноябрѣ, послалъ я челобитныя заводчики, одна полковая, только полкъ про нее не вѣдаетъ, а завели тѣ челобитные вѣдомые составщики и гилецкии Новгородцы: Петръ Арцыбашевъ, Михайло Тепловъ, Павелъ Мартыновъ, князь Ив. Мышенской, Василей Ушаковъ, Аванасій Уваровъ, Новоторжецъ Сава Цыплетевъ и иные такіе жъ плуты, и противъ тѣхъ заводныхъ челобитныхъ дворяне принесли заручныя челобитныя и сказки, что они про тѣ составныя челобитныя не вѣдаютъ, а Петра Арцыбаш ва вѣлѣлъ я посадить въ тюрьму для того, чтобъ отъ него поровескіе заводы не множились, во Исковѣ же безъ лазутчика, услышати такой мятежъ и составныя челобитныя и вѣдомость учинить; неприятелю, слыша несогласіе въ полку, то и радость. И онъ, Петръ, отъ таковаго злаго умысла ни отсталъ, наначе зло ко злу прилагаетъ, выходитъ изъ тюрьмы ночью и въ день тайнымъ обычаемъ, нанонъ сторожей пьяныхъ, и ходитъ къ совѣтникамъ своимъ, и завелъ такую-жъ составную челобитную и призвалъ къ себѣ и къ совѣтникамъ своимъ невпниныхъ, которые подобострастны или, велятъ руки прикладывать, нанонъ пьяныхъ, а иннымъ неведою, и въ тюрьмѣ ночью тайнымъ обычаемъ. За Божіе и за твою, великаго государя, дѣло ненавидимъ холонъ твой отъ тѣхъ воровъ, будто отъ меня разборъ учинился и что не отпустили къ тебѣ, великому государю, челобитниковъ ихъ битъ челомъ объ отпускѣ; а говорилъ имъ, что неприятель стоитъ за Двиною въ собраныи; какъ вамъ битъ челомъ объ отпускѣ? А что разборъ учиненъ, и то тебѣ, великому государю, въ казнь прибылъ будетъ большаи, напрасно никто не станетъ жалованья имѣть, за кѣмъ 15 дворовъ, то безъ жалованья, а хотя за кѣмъ одинъ дворъ, вычету

рубль у него, и дать 15 рублей, а онъ возьметъ 14, а безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ указы статьи, за то тѣмъ ворахъ ненавидимъ сталъ“.

Въ челобитной дворяне жалуются, что многіе изъ нихъ побиты и разорены на многихъ бояхъ отъ его боярскія дерзости, подъ Ляховичами и подъ Полонкою; что съ немногими людьми ходилъ на многихъ. Пишутъ, что, перешедши къ князю Борису Александровичу Репнину, свѣтъ увидали. Однажды случился въ полку сполохъ, и Хованскій велѣлъ дворянъ бить кнутомъ, а двоихъ казнить смертью, взводя вину, что они хотѣли въ сполохѣ грабить обозъ и его боярскіе кони: „У насъ“, пишутъ дворяне, „такого сквернаго помысла не бывало и впредь не будетъ, потому что мы, холопья твои великаго государя природные, а не иноземцы и не Донскіе казаки“ Хованскій оправдывался, что „наказалъ подѣломъ: зачѣмъ сполохъ сдѣлали и въ свой обозъ стрѣляли; если бы даже и непріятель подошелъ, то дѣло сторожей съ нимъ битися“. — Челобитники подали росписи свидницамъ, которые приводили къ князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его князю Андрею женокъ и дѣвокъ на блудъ. Оказывается, что четыре свидницы приводили болѣе двадцати женщинъ.

Челобитная Арцыбашева: „Вьетъ челоуъ Новгородецъ Петрушка Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ; въ нынѣшнемъ въ 174 году, декабря 18, посадилъ онъ, бояринъ, меня въ тюрьму безъ твоего государева указа, безвинно за то, что я писалъ челобитную къ тебѣ по приказанію полковыхъ людей о полковыхъ нуждахъ и разореньяхъ и на него, боярина, о перемѣнѣ, и мучилъ меня въ тюрьмѣ 10 недѣль, и свѣдалъ онъ, что есть у меня полковая, заручная челобитная, и присылалъ въ тюрьму меня обыскивать, и видя то, что я ему той заручной челобитной не отдаю, писалъ къ тебѣ, великому го-

сударю, на меня и, не дожидая твоего указа, по наговору головы стрѣлцаго Андрея Контева, велѣлъ меня привесть въ съѣзжую избу и учалъ на меня кручинитца безвинно и бранилъ м.... и говорилъ мнѣ: „Ты-де меня измѣнникомъ называешь и челобитную на меня писалъ“, и, ставъ изъ мѣста, меня билъ по щекамъ и за волосы дралъ, и послѣ того меня велѣлъ вывезти на площадь и бить на козлѣ кнутомъ нещадно, и изувѣчилъ меня и обезчестилъ, а какъ меня на площадь вывели, и голова московскихъ стрѣльцовъ Андрей Контевъ на мнѣ платье оборвалъ самъ своими руками. Да онъ же, бояринъ, нынѣ писалъ къ тебѣ изъ Пскова на меня, будто онъ велѣлъ меня бить кнутомъ за то, что у меня судъ былъ съ посадскимъ мужикомъ въ поклонномъ его иску, и будто онъ, бояринъ, указалъ на мнѣ править его мужичій пекъ, и будто я, не хотя того иску платить, изъ Пскова сбѣжалъ, а мнѣ противу суднаго дѣла приговору не сказано, и то судное дѣло не вершено. А иныхъ и многихъ онъ обезчестилъ и изувѣчилъ нашу братью, знатныхъ людей, напрасно кнутомъ и батоги, и говорилъ намъ многаяжды всему полку: „А чаю-жъ вы дороги, хотя-де васъ и вѣхъ побьютъ непріятельскіе люди, нынѣ-де изъ нашихъ дворовъ наведутъ и гдѣ-де васъ будутъ лучше“. А я побѣжалъ изъ Пскова не побѣгомъ и не отъ правежу отъ его боярской немилости къ тебѣ, государю, съ полковою заручною челобитною. Въ нынѣшнемъ, во 174 году, присланъ великаго государя указъ къ нему, боярину, о сыску про разоренье Курляндскаго князя, кто разграбилъ Тыновъ дворъ и иные мѣста, и бояринъ про то не сыскивалъ для того, что Тыновъ дворъ разграбили Донскіе казаки и дуваны были большіе, и изъ тѣхъ дувановъ казаки подвели боярину въ подаркахъ два возника каретные и иные многіе подарки къ нему носилъ“

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ тринадцатый.

Глава I.

Россия предъ эпохою преобразования.

Общій обзоръ хода Древней русской исторіи.—Различіе Восточной и Западной Европы.—Природа Сѣверо-восточной Россіи.—Москва,—ея характеръ.—Велпый Государь.—Случаи, когда оиъ являлся предъ подданными; выходы и походы.—Его семейныя торжества.—Обѣды во дворцѣ.—Служба Великаго Государя.—Служба, собиравшаяся на крыльцѣ, и служба, собиравшаяся въ передней—Ихъ интересы.—Мѣстничество.—Компата и доклады.—Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ.—Соборы.—Помѣшники.—Новое войско.—Военныя поселенія.—Казачи и стрѣльцы.—Кормленіе ратныхъ людей.—Кормленіе *отъ дѣль*.—Приказы.—Кормленію по городамъ.—Видъ древняго русскаго города.—Воевода.—Губной староста.—Земскій староста.—Главные интересы горожанъ.—Подати.—Службы горожанъ.—Кормленіе воеводы и подьячихъ.—Столкновенія горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами.—Борьба между лучшими и меньшими людьми.—Отношеніе къ верховному правительству.—Судьба преобразованій Ордына-Нащокина во Исковѣ.—Торговый уставъ.—Сельское народонаселеніе.—Смысль крестьянскаго прикрѣпленія.—Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ.—Печальное положеніе крестьянъ.—Необходимость переворота.—Новые учителя.—Расколь.—Обличенія.—Церковныя соборы.—Затруднительное положеніе духовенства.—Значеніе Никонова дѣла.—Иосифъ Коломенскій.—Духовникъ Савиновъ.—Церковныя вѣдѣнія.—Вопросъ о дѣтяхъ бѣлаго духовенства.—Права и обычаи.—Поворотъ на новый путь.—Театръ.—Литература.

При первомъ взглядѣ на карту Европы насъ поражаетъ различіе между двумя ея неравными половинами,—западною и восточною: на западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова; на западѣ горы; на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ; на востокѣ—сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этомъ,—что двѣ, столько различающіяся между собою, половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни соосѣдство моря, длинная береговая линия, умѣренная величина рѣзко ограниченной государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ, подавляющихъ разгнѣвъ во всемъ, благообразіе воздуха, безъ африканскаго зноя и азіятскаго мороза; эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта, на эти выгоды указываютъ какъ на причину блестящаго развитія европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частей свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только Западную Европу, ибо Восточная ихъ не имѣетъ; природа для Западной Европы, для ея народовъ была мать; для Восточной для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачиха. Если исчисленныя природныя выгоды содѣй-

ствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древній цивилизованный міръ (Римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значить—южную и западную окраины. Средняя и Сѣверо-западная Европа, Германія и Скандинавія—присоединились къ Римскому міру, т.-е. къ греко-римской цивилизаціи, послѣ; за ними примкнули къ ней западныя славянскія племена, и наконецъ, уже очень поздно, предъ-являетъ свои права на европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ Восточную Европу. Такимъ образомъ, въ исторіи распространенія европейской цивилизаціи мы видимъ постепенное движеніе отъ запада къ востоку по указанію природы, ибо на западѣ сосредоточиваются самыя благоприятныя условія для раннихъ успѣховъ цивилизаціи и постепенно ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе на востокъ. Любопытно въ этомъ отношеніи замѣтить предѣлы, гдѣ въ Европѣ останавливается наплывъ дикихъ азіятскихъ ордъ, народовъ первичнаго образованія: и здѣсь видимъ ту же постепенность. Наплывъ Гунновъ останавливается на Каталонскихъ поляхъ въ Галліи; Аварамъ прегражденъ дальнѣйшій путь въ Германіи; Мадыяры зашли далѣе на востокъ, въ Паннонію:

Татары не могли и здѣсь остановиться, по наводнили восточную равнину, гдѣ и прежде ихъ толпились подобные имъ народы:—вся эта *поэма*, по выраженію нашихъ предковъ, сплываетъ постепенно отсюда на востокъ, уступая Европѣ восточную ея половину. Но между поражениемъ Атіялы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищеніе европейской почвы отъ господства азіатцевъ, прошло сколько вѣковъ! На столько вѣковъ, слѣдовательно, исторія дала ходу впередъ Западной Европѣ предъ Восточною. Юго-западная оконечность Европы впрочемъ подверглась въ средніе вѣка нашествію жителей азіатскихъ и африканскихъ пустынь — Арабовъ, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи, при первомъ взглядѣ, судьба юго-западной оконечности Европы сходна съ судьбою восточной ея окраины, судьба Испаніи сходна съ судьбою Россіи; и Фердинандъ-Католикъ, положившій конецъ владычеству Арабовъ въ Испаніи, современникъ нашему Іоанну III, при которомъ спало тагарское иго; но какая однако разница: что замѣствовали испанскіе Вестъ-Готы и другіе европейцы у цивилизованнаго Араба, и чтó могли замѣствовать Русскіе у Татарина съ товарищи, Башкирца, Чуваша и т. п.

Исторія-матрица заставила одно изъ древнихъ европейскихъ племенъ принять движеніе съ запада на востокъ и населить тѣ сганы, гдѣ природа является матривою для человѣка. Въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, германское и славянское, племена-братья одного индо-европейскаго происхожденія: они подѣлили между собою Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлѣжѣ, въ этомъ начальномъ движеніи — Нѣмецъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, въ области Римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, и Славянъ, наоборотъ, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ двѣстветвенная и облѣбленная природою пространства, — въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ. О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного предъ другимъ и о влияніи этого различія на исторію — мы не имѣемъ никакого права заключать, по недостатку извѣстій; мы видимъ только, что одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, другое — при самыхъ неблагоприятныхъ. Конечно, для Славянна, т. е. преимущественно для Русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое, при всѣхъ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой европейско-христіанскій образъ, образовати могущественное государство, подчинить Азію Европѣ, — что такое племя обнаружало необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и есте-

ственно рождается вопросъ: племя Германское, поставленное въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, сумѣло ли бы сдѣлать то же самое? По неприятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ ильменскіе писатели, не можетъ увлечь Русскихъ послѣдовать ихъ примѣру.

Славяне на великой восточной равнинѣ Европы. Ихъ селенія видѣются по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, Западной Двинѣ, Окѣ, по Ильменской озерной системѣ. Они живутъ отдѣльными родами, каждый родъ подъ своимъ родоначальникомъ; живутъ нине въ городахъ; но это громкое слово „городъ“ не должно смущать насъ, возбуждать мысль о противорѣчій между существованіемъ городовъ и особаго родового быта. Городомъ называлось всякое укрѣпленіе, всякая городища, и сравнительное изученіе явленій вполне объясняетъ дѣло: въ XVII вѣкѣ русскіе военные отряды, распространяя власть великаго государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами, каждый подъ властію своего родоначальника, или *кыязца*; по обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые Русскимъ людямъ надобно было брать иногда приступомъ съ кровопролитіемъ; въ острожкѣ бывало по четырнадцать юртъ, — а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти ¹⁾. — На сѣверѣ и сѣверо-востоцѣ отъ Славянъ жили финскія племена подъ подобными же формами быта; на югѣ и юго-востоцѣ — толпились хищные кочевники, смѣшанные, толкавшие другъ друга. Славянамъ повременимъ тяжело приходилось отъ нихъ: не спасали города, давшіе въ одиночку въ безполезнамъ сопротивленіи, и стеной хищникъ запрягалъ славянскихъ женщинъ въ свою телегу.

Прочтется буря — и все опять тихо и однообразно попрежнему: степные хищники исчезнутъ, оставивъ только послѣдствію „изгибша яко Обри“; силы не возбуждаются постояннымъ присутствіемъ врага, какъ возбуждены были силы Германцевъ враждебными движеніями Римлянъ; да и какъ были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на такомъ огромномъ пространствѣ? Было бы слѣзникомъ смѣшно думать, что племена были многочисленны и наполняли силою пространство; повѣрка готова: многочисленно ли были здѣсь народонаселеніе, суета много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы: что же было за тысячу лѣтъ назадъ?

Но пробить часъ: историческое движеніе, историческая жизнь началась и для Восточной Европы. По водной дорогѣ, тянувшейся съ небольшимъ перерывомъ или волокомъ отъ Балтійскаго моря къ Черному, показываютея лодки, наполненныя вооруженными людьми: плыветъ Русскій князь изъ Нов-

¹⁾ См. Исторію Россіи съ древн. врем. Кн. III, т. XII, стр. 584.

города съ дружиною. „Платите намъ дань“, повторять онъ въ каждомъ селеніи у каждаго острожка славянскаго. Требованіе не новое: несутъ мѣхъ, лишь бы только избавиться поскорѣе отъ гостей. Но на этотъ разъ гости не исчезаютъ, какъ Авары, не уходятъ въ Донскія и Волжскія степи, какъ Козары. На высококъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стальной городъ кияжескій, мать городовъ,—Кіевъ. Кіязь усаживается здѣсь съ дружиною; окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ болѣе покоя: по вѣсьмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ киязь съ дружиною, собираетъ дань; куда не придетъ самъ киязь,—придетъ мужъ княжой съ своею дружиною за данью; смотреть—гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся въ старыя города, которые новыгоднѣе стоятъ и которые побольше. Кличутъ кличь: кто хочетъ селиться около городовъ,—будетъ защита и льгота; кто знаетъ нужное ремесло,—будетъ пожива, дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ же все на себя дѣлать. И города населяются, начинаютъ въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду; пустѣютъ села; князекъ—родоначальникъ не досчитывается многихъ своихъ: ушли въ городъ, а все были люди хороніе, досуаже на вялокъ дѣло. Но села опустѣютъ еще болѣе; кличутъ кличь: „Киязь идетъ въ походъ, собирайтесь, кто сможетъ!“ Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ и долго нѣтъ вѣсти: наконецъ возвращаются—другіе люди! были они въ самомъ Царѣградѣ, какія чудеса тамъ видѣли! какія диковинныя вещи съ собою привезли! Грековъ побѣдили, несмотря на всѣ ихъ хитрости, заставили дань платить; а кто отличлся,—тотъ въ дружинѣ у киязя или боярина; чудное жатье въ дружинѣ: изъ да ловы съ утра до вечера — всего много у киязя; ничего не жатѣтъ для дружины,—а какой почетъ!

Такимъ образомъ, исторія Россіи, подобно исторіи другихъ государствъ, начинается богатырскимъ, или героическимъ періодомъ, т. е. встѣтвие извѣстнаго движенія, у насъ встѣтвие появленія Варяго-Русскія киязей и дружинъ ихъ. темная безразличная масса народонаселенія потрясается, и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большою матеріальною силою и чувствующихъ потребность управлять ея. Старая русская нѣсеня очень хорошо опредѣляетъ намъ лучшаго человѣка, богатыря или героя: „Сила-то по жилочкамъ такъ живичкомъ и перелинается, грузно отъ сплушки, какъ отъ тяжелаго беремени“. Это мужи, люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются полулюдьми, маленькими людьми, *мушками*. Мужи, или богатыри своими подвигами начинаютъ исторію; эпими подвигами ихъ народъ становится пѣвственъ у чужихъ народовъ: эти же подвиги у своего народа становятся предметомъ нѣсенъ, перваго матеріала историческаго. Воображеніе народа поражено подвигами богатырей. ихъ побѣдами надъ вѣвными врагами,

перемѣнами, которыя произведены ихъ движеніями внутри; все это, разумеется, преувеличивается, представляется въ гигантскихъ размѣрахъ. Все, выходящее изъ ряда обычныхъ, ежедневныхъ явленій, младенчествующій народъ приписываетъ вліянію высшихъ силъ, и богатыри необходимо являются существами выше простыхъ людей: нѣтъ приписывается божественное происхождение; у насъ же, по неразвѣности идеологій и скоромъ вліяніи христіанства, богатырь хотя и не божественнаго происхождения, однако, по крайней мѣрѣ, чародѣй: киязь Олегъ, поразившій народное воображеніе уличнымъ походомъ на Константинополь и богатствомъ, оттуда привезеннымъ, является необходимо чародѣемъ, „вѣвчимъ“. Самый разсказъ о подвигахъ богатыря-чародѣя приобрѣтаетъ чудодѣйственную силу,—море утисаетъ, когда раздается нѣсеня о богатырѣ: „Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ, силему морю на тинину, намъ вѣвмъ, добрымъ людямъ, на послушаше“. Это старинное форменное присловье показываетъ намъ, что богатырскія нѣсени впервыя разлазались на тѣхъ лодкахъ, отъ которыхъ Черное море прозвалось Русскимъ.

Богатыри упражняли свою силу, отъ которой имъ было грузно: по что же дѣлалось встѣтвие этого на великой восточной равнинѣ? Мы видѣли, что среди племенъ появился городъ съ новымъ характеромъ, какъ мѣстопробываніе новой власти, мужа княжаго; скоро потомъ въ лучшихъ городахъ являются и киязья, сыновья, братья главнаго киязя Кіевскаго: съ ними дружина, которая не позволяетъ племенн удерживать свою независимость, не платитъ ясака или данн; кромѣ того, лучшія силы, лучшіе люди уходятъ изъ племенн,—одни въ дружину, другіе въ промышленное городское народонаселеніе; въ посадокіе люди. Народонаселеніе восточной равнины дѣлится уже не по племенамъ; здѣсь новое дѣленіе, три сословія на лицо: ратные люди, дружина, мужи, предъ которыми все остальное, неравное народонаселеніе — черные люди, смерды, мужики; но послѣдніе дѣлятся также на два разряда,—городское, промышленное сословіе, и сельчанъ; послѣдніе естественно ослабѣли, потерявъ лучшія силы, ушли на самый задній планъ; о нихъ не слышно; лѣтонисъ, какъ естественно, разсказываетъ только о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производить перемѣны. Лѣтонисъ поэтому разсказываетъ преимущественно о князьяхъ и ихъ дружинахъ, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминаетъ и о горожанкахъ, когда тѣ, разбогатѣвши, усилвились и воспользовавшись усобицами, раздѣленіемъ и ослабленіемъ киязей, подняли голосъ, начали также двигаться и производятъ перемѣны своимъ движеніемъ; но лѣтонисецъ молчитъ о сельчанкахъ: здѣсь тихо, нѣтъ движенія.

Племена исчезаютъ въ первый, богатырскій періодъ: вѣвго нихъ являются волости, княженія, съ племенами, замѣченными не отъ племенъ, а

отъ главныхъ городовъ, отъ правительственныхъ, стянувшихъ къ себѣ окружное народонаселеніе, центровъ. Ярославъ раздастъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ племенъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси. Въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ Саксонцами, Турингами, Франконцами, Швабами, Баварцами, и, въ соответствии этому, мы знаемъ, что особенность, самостоятельность и сила племенъ были причинами того, что государственное единство Германіи стало невозможно, о чемъ плачутъ теперь нѣмецкіе патриоты. Сила племени, его стремленіе къ особености и самостоятельности обнаруживаются не въ томъ, что одно говоритъ— и тамъ, гдѣ другое употребляетъ ч; вліяніе племеннаго начала въ исторіи не условливается одними различіями въ нравахъ и обычаяхъ, происходящими отъ того, что одни живутъ въ странѣ болотистой, а другіе въ сухой, одни въ лѣсахъ, другіе въ степи:—племенное начало является вліятельнымъ въ исторіи только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто подъ одною властію и путемъ исторической дѣятельности получило ясное сознаніе о своей самостоятельности, сознаніе о противоположности своей другимъ племенамъ, влѣдствіе пріобрѣтенія особыхъ интересовъ. Но замѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное у нашихъ племенъ до Рюрика и послѣ него? Неужели отказъ платить ясакъ, когда прежде его не платили, и возмущеніе части Древлянъ, выведенныхъ изъ терпѣнія хищничествомъ Кіевского князя, похожи на борьбу Саксонцевъ противъ вождя Франковъ, Карла Великаго?

Славянское народонаселеніе различныхъ мѣстностей восточной равнины потеряло свои племенные особенности, о племенныхъ союзахъ, значитъ—особенности эти не выдавались рѣзко; значитъ—союзъ этихъ не было или были они случайнымъ явленіемъ. Быть этихъ племенъ, жившихъ отдѣльными родами, подвергся коренному преобразованію влѣдствіе начала движенія, исторической жизни, влѣдствіе появленія князя, дружинъ и городского народонаселенія, порознивагося отъ селскаго. Но перемѣны этимъ не ограничились: влѣдствіе героическаго, богатырскаго движенія, далекихъ походовъ на Византію, явилась и распространилась новая вѣра, христіанство, явилась Церковь, еще новая, особая часть народонаселенія, духовенство; прежнему родоначальнику, старику, написанъ былъ новый, сильный ударъ: онъ потерялъ свое жреческое значеніе,—подлѣ него явился новый отецъ, духовный, священникъ христіанскій, и эта новая власть тянула къ городу, потому что тамъ жилъ архіерей.

Но понятію, что этотъ переворотъ въ бытѣ славянскаго народонаселенія восточной равнины не могъ закончиться въ продолженіе начальнаго богатырскаго времени, отъ Рюрика до смерти Ярослава I-го. Извѣстно, напримѣръ, какъ слабо еще

укоренено было христіанство въ концѣ этого времени и долго спустя, какъ въ Новгородѣ волхвъ чуть не обратилъ всего народа снова къ древнему язычеству. Воинственное движеніе первыхъ князей обхватило всѣ племена, и въ каждомъ болѣе или менѣе повело къ означеннымъ перемѣнамъ; но извѣстно, что юныя тѣла представляютъ сходство съ тѣлами одряхлѣвшими; ибо и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одинаково слабость: такъ и новорожденныя государства сходны, повидимому, въ томъ съ одряхлѣвшими, что не могутъ сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлѣвшее Русское государство покончило свое существованіе раздѣленіемъ, раздѣленіемъ новыя европейскія государства начинаютъ свою исторію. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ виѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признавать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно нѣтъ. Мы должны, наоборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при виѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное; мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, выѣстъ съ развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ угасеніемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ.

Мы видѣли, что племена не были въ состояніи противоdѣйствовать усиленію государственнаго единства. Главнымъ препятствіемъ этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружіемъ первыхъ Рюриковичей. Съ успокоеніемъ движенія, богатрства, знаменующаго начало исторической жизни народа, или съ отвлеченіемъ этого движенія куда-нибудь въ другую сторону, связь собственной, вначалѣ, Руси, Кіевской области съ отдаленными волостями, могла ослабѣть; правители волостей, благодаря отдаленности, могли устремиться къ самостоятельности. особенно если бы главный князь Кіевскій сталъ требовать отъ нихъ исполненія тяжелыхъ обязанностей, большой дани себѣ съ ихъ волостей; тогда бы и выгоды народонаселенія этихъ областей совпали съ выгодами правителя, и все выѣстъ начало бы стремиться къ независимости. Чтобы удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобы движеніе, знаменующее первый, богатырскій періодъ, не прекращалось; чтобы представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перемѣняли бы безпрестанно обширныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ непрерывно къ общей жизни. Это именно явленіе мы и видимъ во время, протекшее отъ смерти Ярослава I-го до выступленія Сѣверной Руси на главную сцену дѣйствія. Движеніе сильное, безпрерывное: князья съ дружинами переходятъ изъ одной волости въ другую, идетъ борьба, усобицы и вся

сила движенья сосредоточена внутри русских областей, не выходит наружу: много видимъ князей—богатырей не хуже древняго Святослава Игоревича, но ни одинъ изъ нихъ не переселяется на Дунай. Это движенье условливалось родовыми княжескими отношеніями: князья разошлись по волостямъ, даже самымъ отдаленнымъ, но единство рода сохранялось, главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ, а лучшія волости доставались по степени старшинства. Отсюда князья только временные владѣльцы въ волостяхъ своихъ; все ихъ вниманіе обращено на то, чтобъ не потерять своего старшинства, какъ права на лучшую волость; взоры ихъ устремлены постоянно на Кіевъ, и, вмѣсто стремленія обособиться, они считаютъ величайшимъ несчастіемъ для себя, если принуждены выйти изъ общаго родового движенья.

Но понятно, что если все вниманіе князей обращено на одно общее средоточіе, если у нихъ у всѣхъ одинъ общій интересъ, если всѣ тянутъ къ Кіеву, то и волости, и народонаселеніе этихъ волостей не могутъ обособиться: Ростовцы и Черниговцы, Владимірцы на Волыни и Смольяне должны обращать постоянно вниманіе на Кіевъ, на Переяславль, — ибо перемѣны, которыя произойдутъ здѣсь, непременно повлекутъ за собою важныя перемѣны и для ихъ области: или прежній князь уйдетъ, придетъ другой на его мѣсто: или начнется усобица, въ которой ихъ князь и они сами должны будутъ принять участіе. Такимъ образомъ, посредствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній, посредствомъ безпрестанныхъ передвижекъ князей и дружинъ ихъ изъ одной области въ другую, народонаселеніе и самыхъ отдаленныхъ областей не могло высвободиться изъ общей жизни, постоянно имѣло общіе интересы и укореняло въ себѣ сознаніе о нераздѣльности Русской Земли. Разумѣется, частыя смѣны князей, вслѣдствіе родовыхъ ихъ счетовъ и усобицы, отъ запутанности въ этихъ счетахъ происходившія, должны были имѣть тяжелыя послѣдствія для народонаселенія областей; но нельзя было заставить князя отказать себя отъ родового единства; Новгородцы пробовали-было завести у себя постоянного князя, но безуспѣшно. По крайней мѣрѣ связь съ Кіевомъ ничего не стоила областямъ, въ другомъ отношеніи онѣ ничего не платили въ Кіевъ, и были отъ него совершенно независимы.

Къ единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношеніями, присоединялось единство церковное: единый митрополитъ жилъ въ Кіевѣ, и къ нему тянули епископы всей Русской Земли, къ Кіеву тянуло все русское христіанство, которое все болѣе и болѣе распространялось по восточной равнинѣ, тѣсно славянское и финское язычество. Къ Кіеву тянуло русское христіанство не потому только, что тамъ было средоточіе церковнаго управленія: изъ Кіева распространилось христіанство повсюду, сперва вслѣдствіе ревности князей и движенья ихъ съ дружинами по областямъ, но потомъ изъ Кіева же пошли съ пропо-

вѣдью христіанства монахи; Кіево-печерскій монастырь разсылалъ епископовъ повсюду; религиозное движенье къ Кіеву по всѣмъ частямъ Русской Земли; обычай ходить на поклоненіе святынямъ Кіева не со вчерашняго дня.

Такимъ образомъ, то время, которое съ перваго раза кажется временемъ раздѣленія, розни, усобицъ княжескихъ, является временемъ, когда вмѣно было положено прочное основаніе народному и государственному единству. Во время, протекшее отъ призванія князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты въ общую жизнь, быть ихъ подвергся измѣненіямъ; но это были во всемъ только начатки. Чтобъ эти начатки развились, укрѣпились, — нужно было продолженіе такого же сильнаго движенья князей и дружинъ ихъ, движенья, сосредоточеннаго въ области, измѣненной оружіемъ первыхъ князей. И, дѣйствительно, мы видимъ это движенье, совершающееся вслѣдствіе единства княжескаго рода, родовыхъ счетовъ между князьями. Время и отъ смерти Ярослава до Боголюбскаго представляеть намъ продолженіе того же героическаго богатырскаго періода, періода движенья, имѣющаго цѣлю пробужденіе исторической жизни. Князья попрежнему отличаются богатырскимъ характеромъ, они движутся безпрестанно изъ одной области въ другую; усѣются на одномъ мѣстѣ, завести что-нибудь прочное, постоянное — не въ ихъ характерѣ; хороній князь не долженъ ничего копить, собирать впрокъ, — долженъ все раздавать дружинѣ, съ которою можетъ добыть все; князь имѣетъ въ виду постоянное движенье съ одного стола на другой до тѣхъ поръ, пока не сложитъ костей въ завѣтномъ Кіевѣ, подлѣ гробовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ. Князь-богатырь, который оставилъ по себѣ больше другихъ славы, Монамахъ, самъ подалъ о себѣ вѣсть потомству, описалъ свою дѣятельность: эта дѣятельность состояла въ вѣчномъ движеньи, въ безпрерывныхъ походахъ изъ одной стороны въ другую. Если мы взглянемъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это обширное пространство въ XI и XII вѣкахъ, то понятно намъ станетъ значеніе Монаха, значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось веоду сознаніе о единствѣ Русской Земли.

До призванія князей существовали отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенья, племена приводятся въ связь преимущественно вѣнчанію, начинается переработка ихъ быта; но только благодаря явленіемъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является Русскій народъ.

Такъ важно было продолженіе движенья на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе геренческаго, богатырскаго періода Русской исторіи

по условіямъ, среди которыхъ эта исторія началась, по обширности и дѣятельности страны. Но теперь всмотримся въ слѣдствія этого продолжительнаго движенія. Когда мы представляемъ себѣ постоянное, продолжительное движеніе, то это представленіе не даетъ мѣста представленію о чемъ-либо прочномъ, установившемся. Въ Западной Европѣ, при началѣ ея новыхъ государствъ, мы видимъ движеніе германскихъ дружинъ съ ихъ вождями въ области Римской имперіи и вооруженное занятіе или эгизъ областей. Но здѣсь мы видимъ, что пришельцы овладеваютъ землею, усаживаются на ней главные вожди; изъ своихъ обширныхъ земельныхъ участковъ выдѣляютъ другимъ въ пользованіе съ извѣстными обязанностями; волости, розданныя во временное владѣніе, по разнымъ причинамъ, становятся наследственными; слабый землевладѣлецъ, желая приобрести покровительство сильнаго сосѣда, отдаетъ ему свою землю и получаетъ ее назадъ уже съ извѣстными обязанностями къ сильному. Здѣсь, на западѣ, на основаніи поземельныхъ отношеній, образуется та связь между землевладѣльцами, которую мы называемъ феодализмомъ, — связь, которая въ первые времена, времена слабости государственнаго организма, точно такъ же содѣйствовала сохраненію единства страны, какъ наши родовыя княжескія отношенія. Земля, отношенія по землѣ составляютъ сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выраженію одного историка, есть какъ бы религія земли. Недвижимое имущество, земля — господствуетъ, и только послѣ, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, процвѣтанія городовъ, получаетъ важное значеніе движимое имущество, деньги, является и денежная аристократія подлѣ земельной. Но у насъ на восточной равнинѣ мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. Какъ ни вчитываемся въ лѣтописи, чтобы подмѣтить въ ней указанія на земельныя отношенія дружины, — не находимъ ничего. И опять, если обратимъ вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась Русская исторія, именно — на обширность страны и малочисленность народонаселенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много, она не имѣла цѣлности безъ обрабатывающаго ее народонаселенія; главный доходъ князя, который, разумѣется, шель преимущественно на содержаніе дружины, состоялъ въ дани, которую князь собиралъ съ племенъ и которая потомъ продавалась въ Греціи. Вначалѣ, если князь не ходилъ за данью, то дружина его бѣдствовала: „У Свѣнелдовыхъ отроковъ много оружія и платья, а мы босы и наги; пойдѣмъ, князь, съ нами за данью!“ говоритъ дружина Игоря. Извѣстіе драгоценное, показывающее наги, какъ мы должны смотрѣть на дѣло. Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцовъ, обезпеченныхъ доходомъ съ эгизъ земель: они остаются съ прежнимъ характеромъ спутниковъ, товарищей

князя, остаются при немъ, въ полной зависимости отъ него относительно содержанія: они привязаны къ особѣ князя, вождя своего, который ихъ кормитъ и одѣваетъ; кормитъ и одѣваетъ дурно, — они ропщутъ, и если ропотъ не производитъ дѣйствія, если князь не уступаетъ имъ, какъ уступилъ Владиміръ, выложившіи серебряныя ложки вмѣсто деревянныхъ, то дружинники ухопѣтъ къ другому князю, который щедрѣе. Но, можетъ-быть, такъ было только вначалѣ, послѣ отношенія перемѣнились? Нѣсколько: отъ позднѣйшаго времени доходить до насъ извѣстія, что дружинники кормились не отъ земли, но получали отъ князя денежное жалованье. Лѣтописецъ, жалуясь на усиліе роскоши, говоритъ, что прежніе дружинники не позволяли женамъ своимъ излишней роскоши, и потому довольны были согною гривнею, получаемихъ отъ князя, а теперь говорятъ: „Мало имѣ, князь, ста гривень!“ потому что жены ихъ стали носить золотыя украшенія, вмѣсто серебряныхъ.

Иначе и быть не могло при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, когда князь не былъ крѣпокъ въ своей волости, но, стремясь по родовой лѣстницѣ къ старшему столу, переходилъ изъ одной волости въ другую; дружина слѣдовала за нимъ; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекожевкѣ могла ли недвижимая, земельная собственность имѣть важное значеніе?

Такимъ образомъ дружина, послѣ появленія ея на восточной равнинѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не усаживается, но сохраняетъ первоначальный характеръ, характеръ военнаго общества, братства, которое съ своимъ вождемъ движется, ища подвиговъ и добычи. Дружина хорошо, весело живетъ при князѣ: князь старшій товарищъ, старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не шадитъ для дружины, ни бды, ни нитя, ничего не копить себѣ, — все раздаетъ дружинѣ; а не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь, или завелъ любимца, — дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать, они не связаны съ областію, гдѣ правитъ покинутый князь; они Русскіе, а Русская Земля велика и князей много, — каждый съ радостію приметъ добраго воина. Такъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскіе дружинники привыкли жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на неизмѣримомъ пространствѣ, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочетъ князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнемъ днѣ, не чувствуя никакого давленія сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своихъ правъ, привыкли избѣгать всякой несправедливости, всего дурнаго не сопротивляемъ, но уходомъ, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ

и важныхъ слѣдствіяхъ этихъ отношеній для дружины, мы не должны упускать изъ виду одного чрезвычайно важнаго обстоятельства, именно быстрого размноженія членовъ Рюрикаго княжескаго рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладѣльцами, не есть единственный случай образованія сильнаго вельможества въ странѣ. Вельможество происходитъ также, когда князь раздаетъ своимъ приближеннымъ города и цѣлыя области въ управленіе; эти правители естественно приобрѣтаютъ важное значеніе и передаютъ его потомству. Такъ произошло польское вельможество, которое очень скоро уже начинаетъ бороться съ королевскою властію, ограничивать ее. Но въ Россіи очень быстро размножаются члены княжескаго рода, вслѣдствіе чего всѣ области и всѣ сколько-нибудь значительные города управляются князьями, и для бояръ прегражденъ такимъ образомъ путь къ образованію могущественнаго, въ родѣ польскаго, вельможства: на первомъ планѣ князья, ихъ родонные счеты и движенія, борьбы вслѣдствіе этихъ счетовъ. Дружина, увлеченная вихремъ этого движенія, не успѣваетъ приобрѣсти никакого самостоятельнаго значенія; отсюда понятно, почему въ описываемое время князья наполняютъ почти исключительно всю историческую сцену; лѣтописъ является лѣтописью княжескою, говорить о князьяхъ, ихъ однихъ имена попадаютъ безпрестанно въ глаза и производятъ такое утомительное однообразіе.

Но всмотримся пристальнѣе: подлѣ князей и дружинъ ихъ, не успѣвшихъ, перекочевывающихъ изъ одной области въ другую, что обличаетъ общество новорожденное, мы замѣчаемъ любопытное явленіе, которое еще болѣе обличаетъ новорожденное общество, явленіе уже невозможное въ обществѣ сколько-нибудь зрѣломъ, сформировавшемся: лѣтописъ упоминаетъ о богатыряхъ, людяхъ, отличающихся особенною физическою силою и храбростію, и которые не входятъ въ дружину княжескую, составляють особую силу, помогая то тому, то другому князю. Исторія можетъ еще подмѣтить на дѣйствиной восточной равнинѣ процессъ первоначальнаго выдѣленія силъ изъ народонаселенія, приведеннаго въ движеніе. А если сравнимъ общество, о которомъ идетъ рѣчь и которое мы называемъ новорожденнымъ въ смыслѣ общества европейскаго, отличающагося сложностію своего построенія, чѣмъ оно и выше, совершеннѣе другихъ обществъ, — если мы сравнимъ Русскій народъ XI и XII вѣка съ сосѣдями восточными, то какъ высоко станетъ онъ! Подлѣ стень съ ея кочевыми обитателями; и здѣсь мы опять можемъ наблюдать переходъ народовъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому; между дикими степными кочевниками и осѣдлою Русью образуются народцы полукочевые и полuosѣдлые, полунезависимые, илѣющіе собственныхъ князьковъ, но признающіе верховную власть Русскихъ князей, причемъ однако перѣдко измѣняютъ въ пользу своихъ дикихъ собратьевъ.

Но въ то время какъ на восточной равнинѣ

князья и дружины, сохраняя первоначальный богатырскій характеръ, не покидаютъ движенія, не привязываются землевладѣніемъ, какъ на Западѣ, города, которыми, вслѣдствіе счастливаго положенія своего, удалось подняться чрезъ промышленность и торговлю, необходимо должны были приобрѣсти важное значеніе, именно потому, что тамъ живетъ князь: но теперь князья мѣняются, спорятъ, трудно разобрать, кто изъ нихъ правъ, — и младшіе города, вся волость, естественно, по старой привычкѣ, смотрятъ на старшій: что тамъ скажутъ, какъ рѣшатъ, — такъ и всѣ другіе рѣшатъ. Старшіе города, жители его, собранные на вѣчѣ, являются такимъ образомъ *властію*, и на члѣнѣхъ старшіе, полагаю, — на томъ и пригороды становятся. При множествѣ князей, ихъ спорахъ и усобицахъ, города естественно стремились къ тому же положенію, какое приобрѣла дружина, переходить отъ дурнаго князя къ лучшему. Вскорѣ по смерти Ярослава, когда явилось уже нѣсколько князей, Кіевляне выгоняютъ князя, который не умѣлъ защитить ихъ отъ Половцевъ, и берутъ себѣ другого, его плѣнника. Впослѣдствіи эти явленія повторяются, гдѣ чаще, гдѣ рѣже, — въ Новгородѣ Великомъ чаще всего. Естественно, что при этомъ происходили условія, ряды. Только новгородскія ряды дошли до насъ; что же касается до другихъ городовъ, то нельзя думать, чтобъ въ нихъ было много опредѣленной относительно самостоятельности городскаго управленія: какъ дружинникъ, илѣя возможность обезпечивать себя лично свободнымъ переходомъ, забывая думать о какихъ-либо другихъ опредѣленіяхъ своего сословнаго положенія, точно такъ и города встрѣчали препятствіе къ точнѣйшимъ опредѣленіямъ своего быта именно въ возможности перемѣнить дурнаго правителя и судью; призовутъ на его мѣсто хорошаго, уговорятся съ нимъ, чтобъ поставилъ всюду хорошихъ второстепенныхъ правителей и судей, — и все пойдетъ хорошо. На Западѣ владѣлецъ жилъ постоянно тутъ, былъ вѣчнымъ землевладѣльцемъ; отъ его притѣсеній городу не было другого средства, какъ поцѣловать крестъ *стоять за однимъ* (*jurat la commune*), съ помощію высшаго авторитета гласности пригласителя опредѣлить навсегда свои отношенія къ городу. На Руси же иное дѣло: противъ князя добраго и неслышнаго не сужно обезпеченій, а придетъ на его мѣсто князь сильный, — тотъ не станетъ смотрѣть на рядъ своего предшественника, не будучи съ нимъ ничѣмъ связанъ, часто будучи врагомъ его; высшаго же авторитета, который бы могъ утвердить права города относительно его князя, нѣтъ; всѣ князья равны на своихъ столахъ и высшаго надъ собою не признають. Наконецъ, лучшее доказательство неразвитости самоуправленія въ древнихъ городахъ русскихъ, — это когда нѣкоторые изъ нихъ подиали подъ власть Литвы, то приняли чужія формы самоуправленія, именно Нѣмецкое Магдебургское право: чужія формы добровольно берутся тогда, когда нѣтъ своихъ.

Духовенство, начальные его люди, архіереи, хотя

часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не имѣть большого вліянія на дѣла волости, на ея отношенія къ князьямъ; владыкѣ принадлежало первое мѣсто во всякомъ видномъ случаѣ. Среди постояннаго движущихся, другъ съ другомъ воюющихъ князей, среди движущихся вмѣстѣ съ князьями дружинъ, среди волостей, колеблящихся, мѣющихся вслѣдствіе этого движенія и борьбы, единый митрополитъ Кіевскій и всея Руси могъ бы приобрести огромное значеніе; это была одна постоянная сила среди другихъ движущихся, слѣдовательно слабѣйшихъ. Но этотъ митрополитъ былъ обыкновенно Грекъ, чужой человекъ, безъ языка передъ народомъ, безъ вліянія.

Такимъ образомъ во сто лѣтъ, протекшія отъ смерти Ярослава I, мы видимъ, что, преимущественно вслѣдствіе продолженія движенія, всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, на лицо всѣ первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ, свободно переходящіе отъ одного князя къ другому, въ члѣхъ дружинъ неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянно, не имѣя своего, но все общее, родовое; вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безо всякихъ опредѣленій; а тутъ на границѣ кочевники переходятъ къ полусѣдлости; немного далѣе, въ степи, виднѣются вежи и чистыхъ кочевниковъ. Все здѣсь, на восточной равнинѣ, отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядется и начнутся опредѣленія.

Когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? Отъ уясненія этихъ вопросовъ зависитъ уясненіе всего послѣдующаго хода исторіи. Мы видимъ, что исторія сначала выбираетъ всегда лучшія земли, и отсюда постепенность историческаго движенія въ Европѣ съ юга на сѣверъ или съ юго-запада на сѣверо-востокъ. То же самое видимъ и у насъ на восточной равнинѣ. Исторія начинается здѣсь на западѣ, на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное; начинается на сѣверо-западѣ, но уже второй князь переселяется съ сѣвера на югъ, въ среднее Приднѣпровье, въ лучшія страны, гдѣ и образуется собственная, въ древности, Русь. Здѣсь, въ западной части равнины, во великому водному пути, остается главная историческая сцена при первыхъ князьяхъ и сто лѣтъ спустя по смерти Ярослава Великаго. Но мы видѣли, что сначала Славянамъ суждено было динаться на сѣверо-востокъ, въ страны, болѣе и болѣе обхлѣбленныя природою: какой-то сильный врагъ когда-то потѣснилъ Славянъ съ Дуная и заставилъ часть ихъ поселиться по рѣкамъ восточныхъ равнинъ; но и тутъ, въ лучшихъ юго-западныхъ частяхъ этой равнины, они не могли долго

оставаться въ покоѣ, даже и тогда, когда Русскіе князья соединили ихъ и въ члѣхъ дружинъ своихъ стали насторожѣ Русской Земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни Русскіе князья съ ихъ дружинами, ни русскіе городки не могли сдерживать наплыва кочевниковъ; города и села лежали пустыне, обгорѣлые, пахарь не смѣлъ выѣхать на работу, полевецкія вежи наполнялись русскими рабами, и походы князей въ далекія степи на разгромъ хищниковъ приносили только минутное облегченіе. Черниговскій князь объявилъ, что его волость опустошена, что въ его городахъ живутъ только псарни да Половды; другія пограничныя степью княжества не могли быть въ лучшемъ положеніи. Убоицы княжескія проходили преимущественно въ этихъ же странахъ и князья приводили тѣхъ же Половцевъ.

Такое несчастное положеніе юго-западной украины необходимо заставляло часть ея жителей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя сѣверо-восточныя волости Русскія, суровыя климатомъ, бѣдная населеніемъ область Верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельниковъ давали имъ льготы, строили имъ города. Въ какихъ же условіяхъ нашлось народонаселеніе въ этой новой странѣ?

Если въ старой, Западной или Юго-западной Руси племенное дѣленіе имѣетъ такъ мало историческаго значенія, то въ новой, Сѣверо-восточной Руси о племенахъ нѣтъ и помину. Лѣтопись, до прихода Варяго-Русскихъ князей, указываетъ здѣсь финскія племена; но въ половинѣ XII вѣка мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ славяно-русскими народонаселеніемъ. Прибытіе однихъ Русскихъ князей съ ихъ дружинами не могло ослабить туземцевъ; мы знаемъ, какъ обыкновенно господствующій классъ сохраняетъ одну народность, а низшее народонаселеніе — другую; для ослабленія Сѣверо-восточной Руси необходимо было сильный приливъ славянскаго народонаселенія въ города и села. Но этотъ приливъ совершился не цѣлыми особыми племенами, а вразбродъ; стекались по одиночкѣ или небольшими толпами изъ разныхъ мѣстностей, становивались съ чужими, съ иноплемениками, безъ возможности слѣдовательно сейчасъ же составить крѣпкій союзъ, приходили съ сознаниемъ своей слабости, зависимости. Въ западныхъ областяхъ Славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ: славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаютъ князья; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники вѣдѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городкахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разужбѣтся, многое зависѣло здѣсь отъ того, воспользуются ли князья своими выгодными отношеніями къ новому

народонаселенію, къ новымъ своимъ городамъ, не встрѣтятъ ли въ другихъ частяхъ народонаселенія сильныхъ препятствій. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, — именно Андрей Боголюбскій. Онъ переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый — Владиміръ-на-Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: *моє, собственностъ*, и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чувствуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ победы. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости ставитъ священнымъ предѣломъ для вѣсь сѣверныхъ князей, и отсюда начинается новый порядокъ вещей.

Мы сказали: при началѣ утвержденія новаго порядка вещей многое зависѣло оттого, — воспользуются ли князья своимъ выгоднымъ положеніемъ, не встрѣтятъ ли препятствій въ другихъ частяхъ народонаселенія: Дѣло не обошлось безъ борьбы. Южные князья — богатыри, привыкшіе смолоду никого не бояться, кромѣ Бога одного, встали, увидавъ, что Андрей, сѣверный самовластецъ, сталъ обходиться съ ними не попрежнемъ, не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное противъ нихъ на югъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ князей дѣло и кончилось на югѣ; сѣверъ съ зачавшимся въ немъ новымъ порядкомъ остался не тронутъ. Новгородъ Великій съ храбрымъ княземъ, пріѣхавшимъ къ нему съ юга, отбилъ отъ полкова Андреевыхъ, видѣлъ бѣгство ихъ отъ стѣнъ своихъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ со стороны сильнѣйшаго самовластительнаго города на Русь дѣло и кончилось; Новгородъ Великій не помогъ Ростову Великому, въ который Андрей ударилъ пятою, по тогдашнему выраженію, переѣхалъ жить въ пригородъ, и украсилъ этотъ пригородъ, какъ столичный городъ, на зло старому Ростову. Мы видѣли, какъ привыкли жить дружинники съ княземъ, не какъ съ новелителемъ, но какъ съ старшимъ, товарищемъ, какъ съ вождемъ, которому служатъ по любви, изъ охоты, и покидаютъ при первой неудовольствіи. Андрей не ужился съ этими обычными требованіями дружины и погналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ; чѣмъ же бояре остальныхъ волостей Русскихъ, — встали за обиду товарищей? — Нисколько!

Повсюду ограничили только обороною отъ наступательныхъ дѣйствій Сѣвернаго самовластца; онъ остался нетронутымъ въ своей волости. Здѣсь борьба не кончилась: Андрей палъ жертвою новаго

порядка, имъ введеннаго, — бояре убили его. Но это воровское дѣло, это почное нападеніе, ночное убійство суроваго господина показываютъ лучше всего — слабость въ людяхъ, совершившихъ преступленіе. Однако челоуѣка, сжимавшаго все въ сильной рукѣ, не было болѣе; слѣдовательно теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вѣчевой городъ Ростовъ, хочетъ низложить дерзкій пригородъ Владиміръ, взявшій первенство по волѣ князя; съ старымъ городомъ, по единству выгоды, соединится бояре; но пригороды побѣждаютъ, Ростовъ окончательно теряетъ свое значеніе, и князья утверждаютъ въ пригородахъ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть ихъ ничѣмъ не стѣснена.

Исходъ борьбы между старымъ городомъ и новыми имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій на сѣверѣ, а слѣдовательно и въ цѣлой Россіи, ибо Сѣверъ получаетъ преобладающее значеніе. Мы видѣли, что, вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, перемѣненій и усобицъ, власть княжеская являлась чѣмъ-то непостояннымъ, измѣняющимся, и во сколько она ослабла чрезъ это, во столько выиграло значеніе стараго города въ волости, который представлялъ власть постоянную. Такимъ образомъ, въ землѣ подлѣ власти княжеской являлась другая власть, и чѣмъ чаще въ которой землѣ мѣнялись князья, чѣмъ съ меньшими силами приходили они какъ некатели волости, стола, — тѣмъ болѣе поднималось значеніе другой, постоянной власти, города: такъ Новгородъ Великій поднялся до значенія *государя*, хотя не исключилъ и власти княжеской, она осталась при выработанномъ исторією двоевластіи, не постаравшись о болѣе точномъ юридическомъ опредѣленіи. Такое двоевластіе было болѣе или мене и въ другихъ областяхъ, въ другихъ земляхъ во время господства родовыхъ княжескихъ отношеній. Но какъ скоро на Сѣверѣ князь сдѣлалъ первую попытку установить, сдѣлать властію постоянною, то естественно онъ прежде всего долженъ былъ столкнуться со властію стараго города. Исходъ столкновенія легко было предвидѣть на Сѣверѣ, гдѣ князь явился новелителемъ страны, строителемъ городовъ, гдѣ князь слѣдовательно создалъ себѣ силу, опираясь на которую могъ начать поведеніе, какимъ отличался Андрей Боголюбскій. Андрей, впрочемъ какъ видно, не вступалъ въ открытую борьбу съ старымъ городомъ Ростовомъ, онъ только оставилъ его и устроилъ себѣ свой столичный городъ въ пригородѣ Владиміръ, онъ точно такъ же поступилъ и съ Кіевомъ, старшимъ городомъ во всей Русской Землѣ; племянникъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ точно такъ же поступить съ Новгородомъ, покинувши его и утвердивши свое пребываніе въ пригородѣ Торжкѣ. Только когда, по смерти Боголюбскаго, Ростовцы высказали свои требованія, началась открытая борьба между ними и братьями Андреемъ, кончившаяся пораженіемъ Ростовцевъ. Неудивительно, что борьба была непродолжительна: обративъ вниманіе на по-

ложение Ростова, трудно предположить, чтобы этотъ городъ былъ силенъ, имѣлъ многочисленное народонаселеніе вълѣдствіе большой торговой дѣятельности, трудно предположить, чтобы этотъ городъ, запрятанный своими строениями, Финскою Мерею—отъ живаго пути, отъ Волги, къ печальному мертвенному озеру, чтобы этотъ городъ процвѣтѣлъ, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложенъ былъ старый вѣчевой городъ, и на Сѣверѣ водворилось однообразіе: все города новыя, незначительныя; Ростовъ заброшенъ, Владимиръ не успѣлъ еще подняться въ значеніи столицы велико-княжеской, какъ былъ разоренъ Татарами и также заброшенъ; великіе князья живутъ въ своихъ *отричанинахъ*, въ своихъ наслѣдственныхъ городахъ, то въ Переяславѣ, то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ. Нельзя не замѣтить въ Русской исторіи относительно городовъ важной по своимъ послѣдствіямъ односторонности: въ западной половинѣ, гдѣ была главная историческая сцена въ древности, мы видимъ рядъ значительныхъ городовъ, процвѣтавшихъ именно потому, что они были на дорогѣ изъ Варягъ въ Греки, т. е. изъ Сѣверной Европы въ Южную; въ сѣверо-восточной части, которая теперь выступаетъ на первый планъ, но другимъ, менѣе благоприятнымъ природнымъ условіямъ, значительныхъ городовъ нѣтъ, и потому не обнаруживаютъ они вліянія на послѣдующій ходъ событій, которыя совершаются мимо ихъ. Города являются здѣсь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здѣсь сложившееся, окрѣпившее, получаетъ преимущественно характеръ государства земледѣльческаго.

Вообще движеніе Русской исторіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ было движеніемъ изъ странъ лучшихъ въ худшія, въ условія болѣе неблагоприятныя. Исторія выступила изъ страны выгодной по своему природному положенію, изъ страны, которая представляла путь изъ Сѣверной Европы въ Южную, изъ страны, которая поэтому находилась въ постоянномъ общеніи съ европейско-христіанскими народами, посредничала между ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на востокъ въ области Верхней Волги, то связь съ Европою, съ Западомъ необходимо ослабѣваетъ и порывается, не вълѣдствіе мнимаго вліянія Татарскаго ига, а вълѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній: куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области,—туда, слѣдовательно на востокъ, обращено все. Но Западная Россія, что же съ нею сдѣлалось: она осталась на своемъ мѣстѣ, не могла предвинуться на востокъ? Западная Россія, потерявъ свое значеніе, потеряла способности къ дальнѣйшему матеріальному, государственному и нравственному развитію, способности имѣть вліяніе на Восточную Россію результатами своего общенія съ европейскими народами. Мы видѣли, чему подвергалась она вълѣдствіе со-сѣдства своего съ степью, съ хищными кочевниками, Половцами. Татары и Литва разорили ее

въ концѣ. Кіевъ, встарину вторая Византія, является путешественнику въ видѣ ничтожнаго городка, съ окрестностями, похожими на кладбище. Запустѣлая, лишенная силъ, раздробленная, Юго-западная Русь подпала подъ власть князей Литовскихъ. Талчъ, счастливый уголокъ, гдѣ было сосредоточились послѣднія силы Юго-западной Руси, быстро поднялся и процвѣлъ, но скоро и наль вълѣдствіе своего уединенія отъ остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь въ описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между Восточною и Западною Русью рушилась; мало того, возникла вражда вълѣдствіе соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особыхъ митрополита, въ Кіевѣ и Москвѣ.

Кровный союзъ былъ нарушенъ, родные братья раздѣлились, разошлись: сколько отъ этого раздѣленія потеряно было матеріальныхъ силъ, объ этомъ говорить нечего. Деньги—дѣло нажитое, говорить послѣднее: такъ и вообще матеріальныя силы; но сколько отъ этого раздѣла, отъ этой долгой жизни особнякомъ, потеряно было нравственнаго, духовнаго богатства! Русскій человѣкъ явился въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ *безсмеренъ* во всемъ печальномъ значеніи, какое это слово имѣло у насъ встарину. Одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ, постѣдній, крайній изъ европейско-христіанской семьи, забытый своими и забытый о своихъ по отдаленности, разрознившійся и отъ родныхъ братьевъ:—вотъ положеніе Русскаго человѣка на сѣверо-востокѣ; и цѣлые вѣка предназначено было ему двигаться все далѣе и далѣе въ пустыни Востока, жить въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Но если, для развитія силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа необходимо общство другихъ людей, другихъ народовъ; если только при этомъ условіи возможно движеніе мысли, расширеніе сферы дѣятельности, то понятно, какія слѣдствія для Русскаго народа должно было имѣть отсутствіе этого условія.

Другія благоприятныя условія могли бы, хотя отчасти, восполнить недостатокъ главнаго условія, необходимаго для успѣшнаго развитія народной жизни; напримѣръ: благоприятный климатъ, плодосіе почвы, многочисленное народонаселеніе въ обширной и разнообразной странѣ, что дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе занятій, обширную внутреннюю торговлю, непрерывныя сообщенія различныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, процвѣтаніе большихъ городовъ! Ничего подобнаго не могло быть въ Сѣверо-восточной Россіи. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живоительно дѣйствовать на духъ человѣка, развивать въ немъ чувство красоты, стремленіе къ украшенію жизни, поднимать его выше ежедневнаго, будничнаго однообразія, приводить въ праздничное состояніе, столь необходимое для возстановленія силъ. Малочисленное народонаселеніе было разбросано на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ.

которыя беспрестанно увеличивались безъ соотвѣтственнаго умноженія народонаселенія. Все это было бѣдно и слабо безъ возможности къ самостоятельной жизни, безъ возможности защиты при встрѣчѣ съ какою бы то ни было силою. Посмотримъ, что иногда происходило въ городѣ, относительно довольно значительномъ. Жители прячутся, затворяютъ ставни домовъ, запираются лавки: въ городъ въѣхалъ приказчикъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца, окруженный толпою подвластныхъ ему крестьянъ, и похвливается всякою похвальбою на горожанъ. Эта слабость отдѣльныхъ частей вела къ тому, что въѣвъ онъ и во всемъ обращался къ Москвѣ,—туда посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широкаго взгляда, сознаніе своего положенія и отсюда могущественныя побужденія упорно охранять одно и отвергать другое зависятъ отъ сосредоточенія большихъ массъ въ одной мѣстности съ сильною и разнообразною дѣятельностію. Когда народъ сплоченъ и вполнѣ въ дѣствіе достаточнаго числа жителей, соотвѣтственно обширности страны; когда народъ сплоченъ раздѣленіемъ занятій, поставившимъ различныя мѣстности, различныя части народонаселенія въ неразрывную связь и зависимость другъ отъ друга; когда эти мѣстности и части народонаселенія находятся въ непрерывномъ общеніи другъ съ другомъ, связанны общими интересами, принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ друга друга, однимъ словомъ,—живутъ сознательно общею жизнью: то такая внутренняя сплоченность, связь, условливаетъ возможность децентрализаціи, возможность самоуправленія частей безъ вреда политическому единству; когда разбитый членъ организма внутренне сросся,—тогда вѣтвины повязки и тѣлеса больше не нужны. Наоборотъ: когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особною жизнью, не связаны раздѣленіемъ занятій; когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію; когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ: то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь. Централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и, разумеется, благотворна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбилось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерю внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видѣли, въ какомъ выгодномъ положеніи съ самаго начала нашелся князь на сѣверо-востокѣ и какъ онъ воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбскаго, братья его, Всеволодъ III, и потомки послѣдняго неуклонно вѣрны преданію, полученному отъ перваго самовластца. Каждый князь, ставши, по родовымъ счетамъ, великимъ или старшимъ, не оставляетъ своей прежней волости для столицы великокняжеской. Владиміра, который та-

кимъ образомъ послѣ Татарскаго погрома не имѣлъ возможности поправиться, получить значеніе, принять участіе въ княжескихъ спорахъ, усобицахъ: его роль страдательная,—все дѣлаемое мимо него. Каждый великій князь стремится воспользоваться теперь своимъ значеніемъ, своею силою, чтобы увеличить свою волость, свое владѣніе насчетъ другихъ князей. Въѣство прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли въ древней, Юго-западной Россіи, въ Россіи новой, Сѣверо-восточной, видимъ осѣдлость князей въ одной волости, князь сростается съ волостію, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно усиленіе одного княжества насчетъ всѣхъ другихъ; при такой цѣли родовыя отношенія необходимо рунатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія—и образуется государство Московское.

При этомъ образованіи Московскій князь, теперь государь всен Руси, утверждаетъ за собою то выгодное положеніе, въ которомъ являются первые сѣверные князья. Соотвѣтственно тому отношенію, въ какомъ мы шли началъ сѣверное народонаселеніе къ князю, какъ хозяину, населителю страны, создателю городовъ, въ соотвѣтствіе этому отношенію въ Московскомъ государствѣ свободный членовѣкъ называетъ себя челоукомъ великаго князя. Но что же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на Сѣверѣ, сохраняетъ свой прежній характеръ; единственное право, которое она ревниво бережетъ, право, вынесенное ею изъ старой Руси,—это право свободного перехода отъ одного князя къ другому: „боляръ и слугамъ вольнымъ воля“. Такимъ образомъ, князь определилъ дружину: въ то время какъ онъ началъ новый порядокъ вещей, усѣлся, принавъ къ землѣ, и, какъ богатырь, получилъ отсюда новыя силы,—дружина продолжаетъ еще бродить, кружиться и въ этой способности двигаться полагаетъ свое единственное право или ручательство всѣхъ правъ; дружина, слѣдовательно, страшно отстала отъ князя, отстала на цѣлый періодъ. Если нѣкоторые дружинники усаживаются и получаютъ отъ этого силу, то движеніе остальныхъ мѣшаетъ дальнѣйшему ихъ усиленію, мѣшаетъ опредѣленію отношеній. У сильнѣйшаго князя выгодно служить, и, по праву свободного перехода, дружинники отовсюду стремятся въ Москву, идутъ туда болре съ опустошеннаго юга съ многочисленными дворами, новыя пришельцы *завѣшаютъ* старыхъ по мѣстническому выраженію; начинается борьба, усобица въ боярствѣ, и если одинъ бояринъ чрезъ мѣру усилится и станетъ опасенъ,—князь пойдетъ противъ него всегда опоры въ его соперникахъ. Такъ погибъ опасный Алексѣй Петровичъ Хвостъ отъ вражды съ своими собратіями. Опасенъ становится важный сачъ тысящцаго, прозившій сачъ наслѣд-

ственнымъ въ одной знатной фамилии, — и Дмитрій Донской уничтожаетъ этотъ санъ. Тщето сынъ послѣдняго тысяцкаго, Вельяминовъ, хлопочетъ и въ Твери, и въ Ордѣ, поднимая грозу противъ Московскаго князя; его решительный союзникъ — богатый купецъ московскій, и никто изъ бояръ; голова Вельяминова падаетъ подъ топоромъ палача на Кучковѣ полѣ; народъ плачетъ; о боярахъ ни слова не говорится въ лѣтописи, не говорится, чтобъ они показали сочувствіе къ судьбѣ собрата; точно такъ же при внукѣ Донскаго безуспѣшно кончилось возстаніе боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Такимъ образомъ, въ это важное время, когда Московскій князь собиралъ Русскую Землю, становился государемъ, самостоятельнымъ хозяиномъ всей Сѣверо-восточной Россіи, въ дружинѣ мы видимъ одиночныя попытки того или другого сильнаго лица, того или другого сильнаго рода подняться; но, при столкновеніи съ властію великокняжескою, при борьбѣ, силы оказываются далеко неравными: возставшій бояринъ дѣйствуетъ во имя своего личнаго интереса, не поддерживается внутри всеми собратіями, дѣйствуетъ посредствомъ другихъ князей или хана. Дружина остается при прежнему: „боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“.

Къ концу первой половины XV вѣка Дворъ великаго князя Московскаго наполняется пришельцами новаго рода, князьями, потомками Рюрика и Гедимиша, которые, по своему происхожденію, становятся на первомъ планѣ, оттѣсняютъ старыхъ бояръ на второй, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ къ себѣ ихъ непріязнь. Такимъ образомъ, вмѣсто увеличенія силъ дружины отъ прилива князей, силы уменьшаются, ибо происходитъ раздѣленіе интересовъ. Притомъ князья являются въ Москву съ однимъ притязаніемъ на важное значеніе, безъ средствъ поддержать ихъ. Иѣкоторые удерживаютъ за собою провансы, отъ прежнихъ князевъ своихъ заимствованныя, но правителями этихъ княжествъ не остаются, не имѣютъ слѣдовательно никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняютъ никакаго значенія въ областяхъ, гдѣ правительствовали ихъ дѣды; ихъ здѣсь скоро забываютъ, они не живутъ здѣсь: ихъ мѣсто, какъ дружинниковъ, постоянно въ Москвѣ, подлѣ великаго князя. Они сохраняютъ нѣсколько вотчинъ, но эти вотчины дробятся вслѣдствіе равнаго раздѣленія между всеми сыновьями; кромѣ того, часть ихъ еще отходитъ въ монастыри, на поминъ души. Въ томъ же самомъ положеніи относительно средствъ своихъ находятся все бояре, вся знать, т. е. все они бѣдны средствами. Князья и бояре бѣдны, а великій князь очень богатъ; онъ примыслилъ себѣ множество земель, а земля, при младенческомъ состояніи Московскаго государства, государства земледѣльческаго, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержанія. Это земельное богатство даетъ средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и поло-

жить зарать преграду притязаніямъ князей и знати: средство къ тому — *помѣстье*. Раздачею земельныхъ участковъ по временное владѣніе за службу, великій князь создаетъ себѣ свое многочисленное войско, исполнѣ отъ него зависящее, отъ него получающее содержаніе. У князей и бояръ нѣтъ во владѣніи большихъ областей, городовъ, даже укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ бы они могли жить болѣе или менѣе независимо; издавна дружинники, не получившіе на Руси значенія землевладѣльцевъ, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничіе и думные люди, и князья, вошедшіе въ ряды ихъ, живутъ постоянно въ Москвѣ и безпрестанно толпятся во дворцѣ. Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ отношенія остаются тѣ же, какія были въ X и XI. О короляхъ Испаніи и Франціи говорится, что они усладили свою власть, свое значеніе, переставъ жить изъ замковъ къ своему Двору; въ Россіи этого перетягиванія и не могло быть, ибо не было періода въ Русской исторіи, когда бы знать жила независимо въ замкахъ; дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характеръ и непосредственное отношеніе къ князю, съ которымъ не разставалась. При образованіи Московскаго государства, князья служилые и знать вообще не могли, по бѣдности, надѣлать землями другихъ немущихъ и, такимъ образомъ, составлять свое войско, и вообще не имѣли средствъ содержать свое войско, свой дворецъ; одинъ великій князь имѣлъ возможность раздавать земли и ѣтмъ средствомъ создавать себѣ войско. Легко понять слѣдствія. Для современниковъ отношенія были ясны: польскіе магнаты, разсуждая о выборѣ Московскаго царя въ короли, говорили, что этотъ выборъ имъ невыгоденъ, потому что Московскій царь богатъ и, потому, переведетъ всю служащую у нихъ шляхту въ службу къ себѣ. Такъ уже и было сдѣлано при Іоаннѣ III, когда великій князь, отобравши земли у новгородскаго духовенства, роздалъ ихъ въ помѣстья людямъ, взятымъ изъ дворовъ знатныхъ людей.

Великій князь крѣпко утвердился въ странѣ: онъ въ ней полновластный хозяинъ; жители называютъ себя людьми великаго князя; онъ распоряжается землею, онъ создаетъ себѣ многочисленное войско; а старая дружина, знать, въ члѣ которой стоятъ теперь князья, постоянно обращаетъ взоры назадъ, къ старому, отжившему порядку вещей и, вмѣсто опредѣленія отношеній и указанія новыхъ условій, вмѣсто ослѣдствій, прочной установки, хочетъ сохранить прежній характеръ дружины, хочетъ постоянно двигаться, хочетъ удержать за собою движеніе, переходъ, какъ право: „А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“. Легко понять, какъ отстала эта московская знать; какаго поряка являлась она представительницею, порядка, который для Западной Европы кончился со вступленіемъ германскихъ дружинъ на римскую почву; московская знать жила еще преданіями богатырскаго періода. Но этотъ періодъ давно уже кончился па

Сѣверѣ, въ Москвѣ: здѣсь князья установились, и, вмѣсто многихъ, равноправныхъ князей, сталъ одинъ государь всяя Руси; переходить отъ него стало не къ кому болѣе, развѣ къ государямъ чужихъ странъ,—но это уже тяжело, это уже измѣна. Право бояръ и слугъ вольныхъ прекратилось само собою; воля исчезла вслѣдствіе естественнаго хода событий, никто ея не отнималъ: гарантіи прежняго выгоднаго положенія нѣтъ болѣе; великій князь рѣзко выдѣляется, высоко поднимается надъ старыми дружинниками по своимъ независимымъ средствамъ, по своему значенію для остальнаго населенія страны; среди всеобщей скудости онъ одинъ могъ окружить себя великолѣбіемъ, такъ сильно дѣйствующимъ на воображеніе. Какъ нарочно, великій князь Московскій Іоаннъ III женится на Греческой царевнѣ, воспитанной въ Италіи. Она способствуетъ мужу выдѣлиться изъ среды новыхъ служилыхъ князей и старыхъ дружинниковъ, перемѣнить старыя отношенія, старыя обычаи къ выгодѣ значенія государева, къ невыгодѣ прежнихъ вольныхъ дружинниковъ, которымъ уже больше нѣтъ вольнаго перехода. Знать, стоявшая на первыхъ мѣстахъ, вступила въ борьбу съ хитрою Гречанкою; но та успѣла выйти побѣдительницею изъ борьбы; сынъ ея, воспитанный въ этой борьбѣ, крѣпко въ нее запутанный, вступаетъ на великокняжескій престолъ по смерти отцовской. Последнее время московскихъ Юриковичей прошло въ ожесточенной борьбѣ съ притязаніями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольныхъ дружинъ и которая, въ сочиненіяхъ одного изъ даровитыхъ своихъ членовъ, оставила потопству горькія жалобы на новый порядокъ, столь для нея тяжелый, и на роковую Гречанку, будто бы его притесняющую въ царство Русское.

Борьба, принявшая нанослѣдокъ кровавый характеръ, кончилась, какъ слѣдовало ожидать, не къ выгодѣ московской знати, которая должна была забыть старыя преданія вольной дружины; князья Юриковичи и Редминовичи стали называться холопами великаго государя, писаться уничтожительными полудименами. Но, несмотря на тяжелыя обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживаютъ свое первенствующее значеніе, высшія мѣста въ управленіи. Іоаннъ Грозный, въ своей ожесточенной враждѣ къ нимъ, не отнимаетъ у нихъ этого значенія, этихъ мѣсть, не даетъ ихъ значенія, ихъ мѣсть — людямъ новымъ, низкаго происхожденія. Грозный, подозрѣвая и ненавидя бояръ своихъ, оставляетъ ихъ въ прежнемъ значеніи, даже рискуетъ усилить его, поставляя ихъ въ члѣ земскаго управленія; онъ не прогоняетъ бояръ, но самъ скорѣе убѣгаетъ отъ нихъ, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но въ началѣ XVII вѣка для московскаго боярства настало время хуже времени Грознаго,—смутное время. Явились два царя, два Двора; кто не могъ получить высшей чести при одномъ дворѣ,—переходилъ другому; Тушино наполнилось людьми разнаго происхожде-

нія, которые тамъ искали случая подняться. Когда Тушино разсыпалось, эти люди забѣжали подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потомъ московскіе бояре достигли королевичу Владиславу, чтобы только избавиться отъ казацкаго царя, самозванца, отъ владычества своихъ холопей, то съ ужасомъ увидѣли, что къ нимъ въ Думу, по милости королевской, съѣлъ торговый мужикъ Андроновъ и всемъ распоряжается. Несмотря на то, бояре крѣпко держатся за королевича; но Земля не хочетъ его, увидѣвъ за нимъ или еще предъ нимъ стараго короля съ іезуитами; Земля встала, выставила ополченіе для борьбы съ Поляками и казаками; вожди этого ополченія—люди второстепенные изъ родовъ захудалыхъ, если и бояре, то тушинскіе, а бояре настоящіе, московскіе, сходятъ съ Поляками въ Кремль. Когда буря мновала, все начало успокиваться, оказался недочетъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ привыкли видѣть въ члѣ полковъ, на первыхъ мѣстахъ въ Думѣ. Пошли новые люди, не имѣвшие уже тѣхъ преданій и того значенія, какъ прежніе *стошты*. Это даетъ возможность людямъ неродовитымъ пробиваться къ высшей чести; къ боярству, разумѣется, сначала медленно, но безъ ропота и выходовъ со стороны знатныхъ родовъ; но примѣръ уже подавъ въ боярствѣ Ордина-Нащокина и Матвѣева. А тутъ у дверей новыя неизбѣжныя преобразованія; войны трудныя, войны въ обширныхъ размѣрахъ требуютъ искусства ратнаго, какъ у другихъ народовъ, требуютъ новаго строя, новаго воеводскаго распорядка; Московское государство не можетъ долѣ сохранять своей структуры, родового быта съ его счетами, которые пренятствозали всякому разумному распредѣленію воеводъ; не можетъ при своихъ государственныхъ отпращленіяхъ довольствоваться простымъ древне-княжескимъ устройствомъ, не можетъ довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразованія принадлежать уже къ Новой исторіи.

Посмотримъ теперь на духовенство: какое положеніе получило оно при образованіи Московскаго государства и въ какомъ положеніи встрѣтило эпоху преобразованія? Мы упоминали, какое особенно важное значеніе въ древней Руси могъ бы имѣть единый митрополитъ при многихъ князьяхъ, еслибъ этотъ митрополитъ былъ Русскій. Послѣ окончательнаго опустошенія Юго-западной Руси, когда жизненныя силы отлипли на сѣверо-востокъ, и митрополиты начали естественно стремиться туда же, и наконецъ совершенно переселились. Съ удаленіемъ митрополіи на Сѣверъ, т.-е. съ удаленіемъ отъ Греціи, сейчасъ же начинаютъ являться митрополиты изъ Русскихъ, хотя сначала мѣняясь съ Греками, и, въ доказательство, какъ важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которыхъ имена соединяются въ нашей церковной и политической исторіи, какъ важнѣйшихъ дѣателей, именно Русскіе: Петръ, Алексій, Іона. Изъ нихъ самое видное мѣсто принадлежитъ Алексію, при ко-

торомъ значеніе митрополита достигло высшей степени: онъ поддерживаетъ Московскаго князя и княжество; онъ старается усиливать ихъ всѣми, зависящими отъ него средствами. Понятно, какое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событий могло имѣть то обстоятельство, если бы значеніе митрополита, относительно великаго князя, поддержалось на той высотѣ, на какой оно находилось при Алексѣ, благодаря достоинству его преемниковъ. Алексѣй именно хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ человѣка, имѣвшаго великое значеніе въ Землѣ, великую славу святости, — Сергія Радонежскаго; но Святой цустыинникъ съ ужасомъ смиренія отвергъ предлагаемую честь. Великій князь Дмитрій хотѣлъ видѣть преемникомъ Алексѣя своего человѣка, своего печатника Митяя, хотя Св. Алексѣй неохотно соглашался на это. Митяю не удалось сдѣлаться митрополитомъ; но митрополию постигла бѣда: явилось нѣсколько митрополитовъ-соперниковъ, изъ которыхъ великій князь могъ выбирать, смотря по обстоятельствамъ; митрополита Алексѣя больше не было, въ митрополиі слабость, ибо раздѣленіе и борьба, а великимъ княземъ Дмитрій Донской. Важно было положеніе единаго митрополита всея Руси при двухъ великихъ князьяхъ, Московскомъ и Литовскомъ; но митрополія скоро раздѣлилась на восточную и западную: Москва осталась съ своимъ митрополитомъ, Кіевъ получилъ своего. Наконецъ для Московскаго митрополита прекратилась и зависимость отъ Византійскаго патріарха, влѣдствіе смуты въ Константинополѣ и взятія его Турками. Всѣ эти событія одновременны съ окончательнымъ усиленіемъ великокняжеской власти въ Москвѣ; положеніе Московскаго митрополита этимъ окончательно опредѣляется.

Для положенія старинной русскои знати, равно какъ и для положенія духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословіями было мало связи, не было обычая, какъ на Западѣ, чтобы члены знатныхъ родовъ поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства. Митрополитъ Алексѣй былъ сынъ знатнаго московскаго боярина; невольный постриженникъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) показалъ очень ясно, какія могутъ быть слѣдствія соединенія въ одномъ лицѣ духовнаго характера съ знатностію происхождения, связями и преданіями. Противникъ Вассіана, Іосифъ Волоцкій, человѣкъ изъ такъ-называемаго благороднаго происхождения, настаивалъ на удержаніи за монастырями деревень именно съ тою цѣлю, чтобы можно было постригаться *честнымъ* людемъ, которые потомъ должны были занимать высшія мѣста въ іерархіи. Деревни остались за монастырями; но то, чего хотѣлъ Іосифъ, не произошло или было рѣдкимъ явленіемъ. Что касается до блага духовенства, то обязательность брака должна была значаща оказывать большое вліяніе на его положеніе; оно получило возможность восполняться изъ среды самого себя; но было еще другое условіе, которое могущественно содѣйство-

вало обособленію духовенства. Извѣстно, какъ тяготила правительство малочисленность народонаселенія въ Россіи, какъ дорогъ было, влѣдствіе этого, человѣкъ, и великій князь Василій Дмитріевичъ заключилъ договоръ съ митрополитомъ Кипріяномъ, чтобы тотъ не принималъ въ свое духовное вѣдомство, т. е. не ставилъ въ священники, слугъ великокняжескихъ.

Несмотря на нѣкоторыя невыгоды своего положенія, духовенство въ древней Россіи сохраняло важное значеніе, именно — сохраняло характеръ учительнаго сословія неключительно. Просвѣщеніе заключалось въ церковныхъ книгахъ, и духовенству принадлежало истолкованіе ихъ. Духовенство было единственнымъ обязательно просвѣщеннымъ сословіемъ въ Россіи: бояринъ не былъ даже обязанъ умѣть читать и писать; священникъ не могъ не быть грамотнымъ; дьякъ и подьячій были грамотны, но ихъ грамотность служила имъ только вибнимъ средствомъ для достижения извѣстной цѣли, тогда какъ отъ священника требовалась не одна грамотность, — отъ него требовалась учительность, и никто не отрицалъ у него права на исключительную учительность. Были нареканія, что русское духовенство не довольно учительно, и что вѣдуть себя не такъ, какъ слѣдуетъ учителямъ; но никто не отрицалъ права учить, никто не заподозривалъ вообще чистоты ученія. Но во второй половинѣ XVII вѣка, по поводу исправленія книгъ, часть пастырей отказывается новиноваться пастырями; авторитетъ патріарха, патріарховъ, Собора не имѣеть силы надъ людьми, которымъ кажется, что ихъ заставляютъ молиться не такъ, какъ молились прежде; они провозглашаютъ, что архіерей и священники учатъ неправильно и что новиноваться имъ не слѣдуетъ; нѣкоторые увлечены и отказываютъ явно въ новиненіи духовенству; другіе, не рѣшаясь на послѣднее, остаются въ недоумѣніи, и, не умѣя рѣшить вопроса, на чьей сторонѣ правда, охлаждаются къ Церкви. Такимъ образомъ, духовенство пріобрѣтаетъ внутреннихъ враговъ, *церковныхъ мятѣжниковъ*, которые вооружаются противъ его прежняго значенія, стараются выставить его недостоинство. Эти враги ругаютъ за старину, вооружаются противъ духовенства за нововведенія; но уже обозначаются враги другого рода. Между Русскими людьми начинается сильно чувствоваться необходимость ученія, которымъ стали сильны другіе народы; но для пріобрѣтенія познаний нужны учителя, — этими учителями могутъ быть только иностранцы, повѣрцы. Странные гости: они явятся со всѣмъ авторитетомъ учителей, съ полнымъ сознаниемъ своего превосходства предъ учениками, и тѣ признають это превосходство. Такимъ образомъ, подлѣ прежнихъ учителей, прежнихъ авторитетовъ являются новые учителя, новые авторитеты, не признающіе значенія прежнихъ учителей и не уступающіе случая выразить это непрізнаніе обиднымъ образомъ. Какъ разграничить право тѣхъ и другихъ? Какъ признавъ пре-

восходство новыхъ учителей во всемъ, не признать этого превосходства въ одномъ? Гдѣ взять такой самостоятельности, силы мысли, изслѣдованія и знанія въ ученикахъ? Въ такомъ затруднительномъ положеніи находилось духовенство въ началѣ Новой Русской исторіи: съ двухъ сторонъ враги, вооружавшіеся противъ его прежняго значенія, прежняго достоинства—съ одной стороны приверженцы стараго, отказавшіе въ послушаніи Церкви, пошедшіе въ слѣдъ своимъ особымъ учителямъ, не знающимъ мѣры въ своихъ нападкахъ на духовенство. Съ другой стороны—просвѣщеніе перестаетъ носить исключительно церковный характеръ: подлѣ учителей церковныхъ являются свѣтскіе, иностранцы, иновѣрцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться съ церковными учителями при обнаруженіи своего вліянія на учениковъ; послѣдніе, находясь подъ двойнымъ вліяніемъ, будутъ подчиняться тому или другому, смотря по разнымъ условіямъ своей природы, своего положенія и другихъ случайныхъ обстоятельство.

Мы видѣли, при какомъ отношеніи городовъ къ князю началась Сѣверная Русская исторія; видѣли, какъ при первомъ же князѣ, захотѣвшемъ прочно утвердиться на Сѣверѣ, необходимо послѣдовало столкновіе его съ дружиною и городомъ, который считалъ себя также властію въ окружающей странѣ. Андрей Боголюбскій погибъ вслѣдствіе новыхъ отношеній къ дружнѣ; но преемники его воспользовались своими отношеніями къ большинству сѣверныхъ городовъ, городовъ новыхъ, и успѣли осилить старый вѣчевой городъ Ростовъ, отнять у его жителей значеніе властей. Вслѣдствіе этого, въ области Верхней Волги, въ области новорожденнаго Московскаго государства, явилась только одна власть: власть княжеская. Нопа Западѣ представителемъ стариннаго двоевластія, власти княжеской и власти города, явился Новгородъ Великій, съ явнымъ преимуществомъ власти города, потому что эта власть была постоянная, а князья мѣнялись безпрестанно. Начинается борьба между сѣвернымъ единовластиемъ и Новгородомъ, какъ представителемъ древняго двоевластія. Новгородъ стоитъ за то, что онъ власть, онъ государь; великій князь требуетъ, чтобы онъ былъ признанъ государемъ, чтобы въ Новгородѣ была одна власть—государева. Великій князь побѣдилъ, ибо Новгородъ представлялъ собою библейскую статуу съ золотою головою и глиняными ногами. Нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій захватили въ свои руки всю власть и наполнили послѣднее время новгородской исторіи своими усобицами. Разрывъ между ихъ интересами и интересами низшаго народонаселенія произошелъ давно: давно посылалась жалоба, что богатые ходятъ себѣ легко, а бѣднымъ тяжело; движенія послѣднихъ прекращаются; ясно видно, что ихъ сила сложена знатно; на вѣчѣ господствуютъ люди, находящіеся на жалованьи послѣдней, и сплюю рѣшаютъ дѣла въ пользу своихъ милостивцевъ. Но легко понять, что слѣдствіемъ такого положенія

дѣль была страшная внутренняя слабость. Люди, въ рукахъ которыхъ власть, не могутъ разсчитывать на нишіе слои народонаселенія, которые становятся все равнодушнѣе къ старой волѣ, приносящей пользу не имъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей съ великимъ княземъ Московскимъ правители Новгорода начинаютъ постоянно деньгами выкупать свою волю,—страшное средство, всего лучше показывавшее великимъ князьямъ слабость Новгорода, легкость, съ какою можно его покорить окончательно. Бьетъ послѣдній часъ; банкротство нравственныхъ и политическихъ силъ Новгорода обнаруживается вполне; разрывъ интересовъ совершенный: Новгородцы толпами бѣгутъ въ Москву— *за правдой!*—въ Новгородѣ нѣтъ правды, нѣтъ безпристрастнаго суда, насилие сильныхъ попираетъ законъ, старинныя, освѣщенные формы быта дороги для немногихъ, для остальныхъ же не даютъ ручательства самымъ главнымъ интересамъ, не удовлетворятъ первымъ потребностямъ общественной жизни; для низшаго, притѣвленнаго народонаселенія великій князь Московскій является сокрушителемъ силы людей, которые такъ тяжело давали чувствовать свою силу. Наконецъ разрывъ произошелъ относительно самаго важнаго интереса: чтобы спастись отъ Москвы, зная хотѣла присоединиться къ Литвѣ; но съ Москвою соединила Новгородъ церковная старина; явился вопросъ: гдѣ ставить владыку Новгородскаго— въ Москвѣ или Кіевѣ,—Кіевѣ, который находился подъ властію великаго князя Литовскаго, латинца, отъ митрополита, на котораго смотрѣли на Сѣверѣ, какъ на отщепенца, склонившагося къ Риму,—тогда какъ въ Москвѣ сохранилось нарушимо древнее православіе. Мы знаемъ, какія явленія производили попытки ввести церковныя новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивленіе въ большинствѣ Новгородцевъ встрѣтила попытка отложиться отъ Московскаго митрополита, а зависимость церковная была такъ тѣсно связана съ политическою.

Существованіе богатаго торговаго Новгорода на Сѣверѣ подлѣ бѣдной городомъ развитіемъ Низовой или Суздальской Земли представляетъ печальное явленіе, потому что указываетъ на односторонность, всегда вредную въ жизни народовъ. Въ одномъ углу городъ, вслѣдствіе прилива богатствъ, неестественно вздувшійся въ государство, но сохранившій всю неразвитость и слабость первоначальнаго вѣчеваго быта, съ обширными, хотя растянутыми, несплоченными и, болѣею частью, пустынными владѣніями, съ явнымъ разрывомъ интересовъ между частями народонаселенія внутри, съ недостаточностью средствъ вѣнней защиты, несмотря на видимое богатство и обширность владѣній. Въ другой половинѣ—обширная, населенная страна, населенная при условіяхъ неблагоприятныхъ; города ея—большія села, которымъ некогда и нѣтъ средствъ подняться, пріобрѣсти значеніе. Страна бѣдная, мало-населенная, а между тѣмъ внутри происходитъ великій процессъ собиранія земель, со-

средоточенія, объединенія власти: для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьямъ для покупки земель, владѣній; нужны деньги для Орды. Наконецъ, когда новое государство укрѣнилось чрезъ собраніе Земли, оно гасуарло въ самомъ невыгодномъ положеніи относительно границъ своихъ. Отношенія Россіи къ Азіи не измѣнились: такъ-же подлѣ степь съ хищными кочевниками, отъ которыхъ должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной европейской границѣ такъ-же постоянная борьба съ непримиримыми врагами. Нужды деньги, и фискальная система всею тяжестью падаетъ на промышленный людъ городской, немногочисленный и небогатый, что, разумеется, также служить сильнымъ препятствіемъ къ обогащенію: народъ разоряется, не будучи богатымъ; сюда же, для большаго разоренія, присоединяется первоначальная дружинная система кормленія, содержаніе служилыхъ людей по воеводствамъ насчетъ управляемаго народонаселенія, обращеніе правительственныхъ должностей въ жалованье и пенсіи служилымъ людямъ. Въ фискальномъ отношеніи состояніе городовъ Московскаго государства очень напоминаетъ состояніе городовъ Рымской имперіи во время ея паденія; и здѣсь, и тамъ видимъ разорительныя тяжести и службы, падающія на горожанъ, которыхъ сіюю надобно удерживать на своихъ мѣстахъ. Прежде всего, въ фискальныхъ видахъ, Московскіе князья стараются прикрѣпить горожанъ къ ихъ городамъ, чтобы получать постоянный доходъ съ известнаго числа тягловъ. Гоньба за челоѡкомъ, за рабочею, промышленною сіюю въ обширномъ, но бѣдномъ и пустынномъ государствѣ дѣлается существеннымъ занятіемъ правительства; ушель — поймать его и прикрѣпить къ мѣсту, чтобы работалъ, промышленялъ и платилъ. Легко понять, какія должныствовали быть слѣдствія. Если правительство гонялось за челоѡкомъ и старалось прикрѣпить его къ одному мѣсту, чтобы заставить платить подати и служить безвозмездныя службы, по сопряженнымъ съ тяжелою отвѣтственностію, то у челоѡка, разоряемаго податями и службами, господствующимъ желаніемъ было отбыть, во что бы то ни стало, отъ податей и службъ. Первымъ средствомъ былъ уходъ, укрывательство; уйти было легко: всюду просторъ, и безъ того малонаселенная страна постоянно истощалась отъ этого ухода; народонаселеніе все болѣе и болѣе расплывалось по сѣверо-восточной Европѣ и потомъ по сѣверной Азіи. Но, несмотря на скудость хозяйства древняго русскаго челоѡка, на возможность легко забрать все съ собою, уходъ, покинутіе родныхъ мѣстъ, странническая жизнь, сопряженная съ опасностями, неизвѣстностію будущаго, — все это для многихъ могло быть тяжело, не для всѣхъ возможно. Были еще другія средства: для грамотныхъ — поступленіе въ подьячье; выходъ этотъ былъ очень выгоденъ; посадскій изъ челоѡка, обязанный кормить другихъ на свой счетъ, становился челоѡкомъ, имѣю-

щимъ право кормиться на чужой счетъ. Понятно, какъ это стремленіе къ выходу въ подьячье должно было быть сильно; но правительство неблагоклонно смотрѣло на него и ставило преграды. Третій способъ отбиванія отъ податей былъ закладничество. Самый крѣпкій частный союзъ русскаго общества, во все продолженіе нашей Древней исторіи, представляется въ союзѣ кровномъ или родовомъ. По смерти отца, старшій братъ занималъ его мѣсто относительно младшихъ братьевъ и племянниковъ, являлся представителемъ рода передъ правительствомъ; известное лицо не представлялось одиночнымъ, но всегда съ братьями и племянниками. Несмотря даже на выдѣлы и развѣтвленія рода, единство его сохранялось, старшій или старшіе (смотря по развѣтвленію рода) имѣли обязанность наблюдать за поведеніемъ младшихъ, наказывать ихъ за дурное поведеніе, отвѣчали за него предъ правительствомъ. Родъ, какъ бы развѣтвленъ ни былъ, составлялъ одно относительно службы государственной: прибавленіе чести одному члену рода прибавляло ее и всѣмъ членамъ, порука чести одного нарушала честь и права всѣхъ остальныхъ, на чьемъ и основывалось знаменитое мѣстничество. Но, кромѣ родового союза, особые условія общества должны были повести и къ другимъ союзамъ. Везомощность людей одинокихъ, не примыкающихъ къ большому роду, безсемейныхъ, заставляла ихъ примыкать къ чужимъ людямъ, семейнымъ, къ чужимъ родамъ, составлять съ ними одно цѣлое по взаимному соглашенію: такъ, подлѣ самостоятельнаго хозяина живущаго съ родомъ своимъ, дѣтлами, братьями и племянниками, являлись чужіе люди, но составлявшіе съ ними одно въ глазахъ правительства, они носили разныя названія — сосѣдей, подсосѣдниковъ, захребетниковъ. Наконецъ тяжелыя подати, лежащія на промыслахъ, заставляли промышленныя люди уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства, требоваемаго слишкомъ большаго пожертвованія съ ихъ стороны, и входить въ зависимость къ частнымъ людямъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось *закладываться за кого-нибудь*; закладчики промышленяли, не будучи обязаны *тянуть* съ горожанами, съ посадыми въ тяжелыя службы и подати, ибо считались зависящими отъ того лица, за которое зашлились. Но понятно, что интересы закладчиковъ немедленно должны были столкнуться съ интересами горожанъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ государства, и съ интересами, разумно, самого государства; закладчики, пользуясь свободою отъ тягла, отбивали промыслы у людей тягловыхъ, которые не могли съ ними соперничать, разорялись, не были въ состояніи удовлетворять требованіямъ государства. Ихъ жалобы произвели то, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселеніе обязано было войти въ непосредственныя отношенія къ государству. Закладникамъ была крайне тяжела эта эманципация городского народонаселенія:

они даже замыслили возстаніе, чтобъ возвратитъ себѣ право вступать въ частную зависимость, — явленіе, всего лучше показывающее низкую степень экономического развитія въ Московскомъ государствѣ.

Города были бѣдны вообще, разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, при очень неудовлетворительномъ состояніи путей сообщенія. Самые богатые изъ нихъ, наиболѣе торговые, по особенно благоприятнымъ условіямъ положенія, поражаютъ малочисленностію народонаселенія своего. Но былъ одинъ городъ, который и въ дѣйствіе выгоды своего положенія, особенно же въ дѣйствіе политическаго значенія своего, какъ столичный городъ царя-самодержца, долженъ былъ необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизація притягивала въ Москву постоянно толпы людей изъ всѣхъ концовъ Россіи, людей, которые должны были тратить много денегъ въ царствующемъ градѣ, знаменитая московская волокита обходилась дорого; будучи средоточіемъ гражданскаго управленія, Москва была средоточіемъ и церковнаго, знать жила въ ней безвыѣздно около великаго государя. Легко понять, что торговая и промышленная дѣятельность здѣсь не могли не быть значительны: должно было образоваться богатое купечество. О богатствѣ и значеніи московскихъ купцовъ можно встрѣтить извѣстія даже во время до Іоанна III. Некоматъ Сурожанинъ дѣйствуетъ заодно съ знатымъ Вельяминовымъ, сыномъ тысяцкаго, и самое уничтоженіе сана тысяцкаго показываетъ, что великій князь не считалъ удобнымъ назначать для московскихъ горожанъ постоянного воеводу, который могъ сдѣлаться популярнымъ и приобрести опасное значеніе. Встрѣчается извѣстіе о гостяхъ московскихъ, которые подняли крамолу противъ великаго князя и ушли изъ Москвы. Но все это частныя явленія, которыя видимъ во время образованія Московскаго княжества, въ переходную эпоху, когда еще новый порядокъ не установился прочно, когда еще, кромѣ великаго князя Московскаго, были другіе великіе князья, къ которымъ могли ѣхать недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластіе въ Москвѣ, то уже подобныхъ явленій болѣе не встрѣчается. Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Іоанна III московскіе полки отиравались на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городскихъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ *мужиками, полумудьями* относительно полныхъ людей, мужей, т. е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ былъ полный, полноправный человѣкъ.

При первомъ царѣ, Іоаннѣ IV, значеніе горожанъ, и особенно московскихъ, поднимается. Видя въ знати людей со старинными дружинными притязаніями, заподозривъ ихъ въ сильномъ нерасположеніи къ себѣ, къ своему семейству, Грозный, по извѣстному закону, началъ искать другой силы, на которую могъ бы опереться. Онъ торжественно, съ Лобнаго мѣста, объявилъ народу о безпорядкахъ боярскаго правленія во время своего малолѣтства; уѣзжая изъ Москвы, выставляя измѣну боярѣ, потаковничество имъ духовенства, онъ объявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ горожанъ московскихъ; наконецъ призвалъ послѣднихъ на Соборъ, разсуждавшій о важныхъ дѣлахъ государственныхыхъ. По всей Россіи Грозный хотѣлъ дать самоуправленіе мірамъ городскимъ и сельскимъ, ввести на мѣстниковъ и воеводъ и замѣнить ихъ выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ неразвитости этихъ міровъ послужило то, что мѣра Грознаго не принялась, многие міры не приняли отъ правительства дара самоуправления. Только тамъ, гдѣ развитіе было сильнѣе, гдѣ почва была болѣе приготовлена, царствованіе Іоанна не прошло безслѣдно; оно не прошло безслѣдно изъ горожанъ московскихъ: какъ поднялось ихъ значеніе, — ясно видно изъ того участія, какое они принимаютъ въ движеніяхъ партій въ царствованіе преемника Іоаннова, чего прежде не видимъ ни въ малолѣтство Іоанна, ни при отцѣ его, ни при дѣдѣ. Въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ, кунцы московскіе принимаютъ сторону Шуйскихъ; ясно понимаютъ, въ чемъ дѣло, понимаютъ, что примиреніе между соперниками невозможно, и когда Шуйскій объявляетъ имъ объ этомъ примиреніи, отвѣчаютъ ему: „Ты пошлялся нашими головами“. Дѣйствительно головы ихъ попали на плахъ; Годуновъ, истребивъ лучшихъ людей между ними, задавъ страхъ остальнымъ, уничтожилъ въ самомъ зачаткѣ то значеніе московскихъ горожанъ, которое было слѣдствіемъ введенія Іоаннова относительно ихъ. Смугное время возбудило, повидимому, самостоятельную дѣятельность въ городскомъ народонаселеніи, и царствованіе Михаила было богато Соборами, въ которыхъ представители городского народонаселенія принимаютъ участіе. Но если и до Смугнаго времени города были незначительны, бѣдны, то тутъ были страшно разорены, — надобно было кое-какъ оправиться въ матеріальномъ отношеніи и поддержать государство, поддержать новаго государя противъ Ляховъ и казаковъ. Вопросъ о тягѣ на первомъ планѣ: тяглые разорились, разбѣжались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратитъ бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые промышленяютъ, а не тянутъ; промышленяютъ служилые люди, духовенство, закладчики, — надобно заставить и ихъ тянуть; иностранцы купцы разоряютъ: они богаты, они дѣйствуютъ заодно, Русскимъ съ ними не стануть, Русскіе бѣдны и дѣйствуютъ врознь. Наконецъ воево-

ды и приказные люди разоряютъ:— вотъ три существенные вопроса, которые поглощаютъ все вниманіе русскаго горожанина XVII вѣка послѣ Смутнаго времени. Забѣна воеводѣ выборными губными старостами не помогаетъ: выборный губный староста такъ же разоряетъ, какъ и воеводы. Жалобы, накопившіяся въ царствованіе Михаила, произвели взрывъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ началѣ царствованія Алексѣя, слѣдствіемъ чего было Соборное Уложеніе, уничтоженіе закладничества, мѣра противъ англійскихъ купцовъ; но всего любопытнѣе то, что Уложеніе Соборное, составленное съ вѣдома, за подписью выборныхъ изъ всякихъ чиновъ людей, составленное подъ вліяніемъ страха предъ возстаніемъ горожанъ, для ихъ успокоенія, съ явными уступками ихъ требованіямъ,—это Уложеніе является враждебнымъ мірскому самоуправленію: такъ, оно вполнѣ предоставляетъ судъ воеводамъ и приказнымъ людямъ; по Уложенію, въ судѣ уже не сидятъ старосты, цѣловальники и земскіе дьяки. Возмущеніе псковское и новгородское являются одиночками и потухаютъ вслѣдствіе этого одиночества. Въ этихъ движеніяхъ и во второмъ бунтѣ московскомъ замѣчаемъ уже разрывъ интересовъ массы городского населенія и значительныхъ торговыхъ людей, противъ которыхъ направлена ненависть массы; легко понять, какъ вообще должна была ослаблять силы городского населенія эта борьба лучшихъ и меньшихъ, силы и безъ того не великія. Эту язву XVII вѣка передалъ и XVIII, какъ увидимъ.

Отъ города обратимся къ селу. Мы видимъ, что Россія, съ самаго начала образованія Московскаго государства, является странною земледѣльческою по преимуществу, и города здѣсь носятъ характеръ сель; горожане занимаются земледѣліемъ, и, такимъ образомъ, города московскіе XVII вѣка напоминаютъ города древлянскіе, о которыхъ говорится въ сказаніи о мести Ольгиной. Но отъ господства земледѣльческихъ занятій никакъ нельзя заключать къ сознанію общества о важномъ значеніи этихъ занятій, объ особенною покровительствѣ, какимъ пользовались земледѣльческая промышленность и люди, ею занявшіеся. Наоборотъ: государство земледѣльческое предполагаетъ неразвитость, первоначальность отношеній. Эти первоначальныя отношенія суть отношенія вооруженной части населенія, войска, и неворуженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если въ то же время не развивается городъ, промышленность и торговля, которая даетъ движимое богатство страѣ, ведутъ къ шпротѣ дѣятельности, просвѣщенію, даютъ средства къ новому, болѣе правильному опредѣленію отношеній между частями населенія. Мы видѣли, что въ Московскомъ государствѣ, кромѣ членовъ старой дружины и родовъ княжескихъ, войсковая масса была создана великими князьями, съ первоначальною формою содержанія, т. е. посредствомъ земельныхъ участковъ, съ кото-

рыхъ служилые люди кормились, пока служили; въ дополненіе къ этимъ земельнымъ средствамъ, служилые люди кормились также съ городовъ и волостей въ качествѣ ихъ управителей. Слѣдовательно въ древней Россіи мы видимъ эту первоначальную форму отношеній между вооруженною и неворуженною частью населенія, между мужиками и мужиками; мужикъ непосредственно кормится на счетъ мужиковъ. Вопросъ о содержаніи войсковой массы, на которой основывалась сила внутренняя, которую необходимо было охранять и увеличивать при безпрестанныхъ войнахъ на востокъ и западъ,—этотъ вопросъ, разумеется, становится на первомъ планѣ, а вмѣстѣ на первомъ планѣ становится вопросъ о земельномъ владѣніи и пользованіи. Чтобъ имѣть возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше земель, которыя должны находиться не въ дальнемъ разстояніи ни отъ столицы, ни отъ тѣхъ границъ, которыми особенно грозятъ враги, т. е. отъ южныхъ и западныхъ; поэтому обширныя земельныя пространства, которыми могло располагать государство на сѣверѣ и востокѣ, не могли служить ему въ помѣстномъ отношеніи отдаленности и малочисленности населенія. Итакъ, несмотря на видимую громадность государственной области, государство могло встрѣтить затрудненія относительно помѣстій; отсюда необходимо столкновение съ матеріальнымъ интересомъ Церкви, которая владѣла обширными пространствами земель въ центральной области и постоянно увеличивала ихъ покункою и дачами на поминъ души, ибо, по недостатку денегъ, при неразвитости страны, земля была почти исключительнымъ видомъ всякаго рода дачъ: государство платило жалованье своимъ служилымъ людямъ землею, частный человекъ платилъ въ монастырь за поминъ родительской души—землею. Отсюда понятно, почему вопросъ о томъ— слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными землями, получаетъ такое важное значеніе въ XV и XVI вѣкѣ, почему онъ такъ привязывается ко всякому движенію—церковному и политическому. Но тогдашнему *умонашертанію* большинства, нельзя было ожидать, чтобъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно; нуждѣя потребности государства могли повести—и дѣйствительно повели—только къ сдѣлкамъ, къ среднимъ мѣрамъ, къ ограниченію распрошенія церковной земельной собственности на будущее время. Но дѣло на этомъ не могло кончиться. Тяжкія войны, которыя Московское государство вело въ царствованіе Іоанна Грознаго, разорили служилыхъ людей, и поднялись жалобы на недостаточность кормленія отъ помѣстій при тяжелой и продолжительной службѣ, требующей долгаго отсутствія помѣщика изъ дому. Указанъ былъ источникъ этой недостаточности, малое количество рабочихъ рукъ, причемъ выгоды войсковой массы, мелкихъ помѣщиковъ, сталивались съ выгодами богатыхъ землевладѣльцевъ, ко-

торые большими льготами переманивали къ себѣ крестьянъ съ земель мелкихъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ; послѣдніе, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанности службы, которая стала теперь такъ продолжительна. Если поддержаніе благосостоянія войсковой массы было всегда предметомъ первой важности, то особенно слѣдовало обратить вниманіе на жалобы помѣщиковъ теперь, по кончинѣ Грознаго, когда грозилъ тяжкая борьба съ самымъ опаснымъ врагомъ, какового не имѣло до сихъ поръ Московское государство и сила котораго была недавно испугана. Попробовали сначала уменьшить переходъ крестьянъ уравненіемъ всѣхъ земель относительно льготъ, отнять имъ льготъ (тархановъ), которыми пользовались церковныя земли; но эта мѣра прерядчалась недолго, и послѣдовало запрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Законъ, разумѣется, не могъ быть строго исполняемъ: въ продолженіе всего XVII вѣка слышатся постоянныя жалобы мелкихъ землевладѣльцевъ на богатыхъ сосѣдей, что тѣ переманиваютъ къ себѣ и укрываютъ бѣглыхъ крестьянъ ихъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею силою производится въ обширныхъ размѣрахъ по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бѣгутъ отъ тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробираются въ подлѣчье; гоньба за крестьянами, которые отъ тяжкихъ податей бредутъ розно, толпами плутъ за Каменъ (Уральскія горы), помѣщики гоняются за своими крестьянами, которые бѣгутъ, прячутся у другихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ въ Малороссію, бѣгутъ къ казакамъ.

И въ XVII вѣкѣ, какъ въ X-мъ, изъ общества продолжали выдѣляться люди, у которыхъ „сила по жилищамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени“, и которые шли гулять въ степь. Эти богатыри древности въ новѣйшее время носятъ названіе казаковъ; быть, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, подвигами казаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, различія только явственны; но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, напримѣръ, Илью Муромца старымъ казакомъ. Мы знаемъ, что въ эпохи образованія государствъ выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ братствъ, дружинъ съ избраннымъ вождемъ, ведетъ обыкновенно къ образованію государства, къ началу исторической жизни, историческаго движенія для народа; изъ подобныхъ людей образуется высшее, вооруженное народонаселеніе, которое, такъ или иначе, опредѣляетъ свои отношенія къ остальной невооруженной массѣ народа. Но если государство уже образовалось, и, несмотря на то, по особымъ условіямъ, преимущественно мѣстнымъ, продолжается еще выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ обществъ подлѣ государства,

то это сопоставленіе ведетъ, разумѣется, къ важнымъ отношеніямъ. Прежде всего страна, народъ ослабляется выдѣленіемъ этихъ людей; особенно ослаблялась Россія, и безъ того бѣдная населеніемъ, разсыпавшимся на громадныя пространствахъ; съ другой стороны, — выдѣленіемъ безпокойныхъ силъ устанавливалась безпріятельная дѣятельность правительства, безпріятельная централизація. Но если правительственная дѣятельность облегчалась внутри уходомъ богатырей на гулянье въ степь, то образованіе изъ этихъ богатырей военныхъ братствъ подлѣ государства, разумѣется, не могло не безпокойть послѣднее. Ушедши въ степь *для воли*, казаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказанія правительства только тогда, когда это имъ было выгодно; но при первомъ разладѣ ихъ интересовъ съ интересами государства казаки давали рѣзко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли: они должны были упражнять свою силу, отъ которой имъ было грузно; они должны были добывать себѣ средства къ жизни, *добывать зипуны*, но ихъ выраженію. Казаки старые, начальные люди, казаки старинные обыкновенно болѣе стояли за связь съ государствомъ, за исполненіе требованій правительства: но казачество представляло постоянный приливъ новыхъ, молодыхъ людей, которымъ хотѣлось широко разгуляться и добыть себѣ зипуновъ: острожность стариковъ, старшинъ имъ не нравилась, и вотъ иногда, независимо отъ общей старшины, для самыхъ рьяныхъ искателей зипуновъ являлся новый, свой вождь, извѣстный своей удалью (*dux ex virtute*) и вѣдѣть дружину на чужихъ или на своихъ. Понятно, что образованіе подобныхъ обществъ на границахъ государства должно было вести къ постоянной борьбѣ. Если государство слабо, то напоръ дружинъ на него увеличивается успѣхомъ; мы знаемъ, чѣмъ кончилась судьба Римской имперіи вслѣдствіе напора германскихъ дружинъ: онѣ вошли въ области имперіи и образовали здѣсь высшее, т.-е. военное сословіе. Въ XVII вѣкѣ на востокѣ Европы произошло подобное же явленіе: воспользовавшись слабостію Польскаго государства, гонимыми на Русскую вѣру, казачество, послѣ долгой борьбы, успѣло взять вверхъ, постребѣть, вытѣснить прежнихъ землевладѣльцевъ на Украинѣ, и изъ своей старшины образовалъ новое, высшее сословіе въ странѣ. Борьба кончилась иначе для казачества съ другимъ государствомъ восточной ривины, — Русскимъ или Московскимъ; но борьба шла сильная, отчаянная. Въ XVI вѣкѣ Русскій царь взялъ Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь въ русскихъ рукахъ, и пустынные пространства по западнымъ ея приоткамъ и перелетающимъ съ ними притокамъ Дона стали безопасны. Но, вмѣсто Татаръ, немедленно же поднимаетъ я здѣсь казачество. Его гулянье по Волгѣ не давало безопасности ни своимъ, ни чужимъ. Грозный принялъ сильныя мѣры противъ богатырей:

какъ обыкновенно бывало, когда казачеству преграждались привычные пути для гулянья, оно бросалось въ какую-нибудь другую сторону, въ какое-нибудь отдаленное предприятие: такъ и тутъ на первый разъ, прогнанныя съ Волги, казацкія шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральскія горы, погромили улусъ Кучумовъ или, такъ-называемое, Сибирское царство. При сыгѣ Грознаго казачество снова усиливается на Дону и отношенія его къ государству нисколько не обѣщаютъ послѣднему спокойствія со стороны степи. При Годуновѣ государство снова готовится къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ казачества; но является самозванецъ, наступаетъ Смутное время, т.-е. казацкое царство; борьба скоро принимаетъ настоящій свой характеръ, характеръ борьбы земскихъ людей Московскаго государства съ казаками, которые являются *грубнѣе Литвы и Пльмсагъ*, и стремятся утвердить свое господство, возведши на Московскій престолъ своего вождя, своего царя. Вопросъ ставится ясно: боейе и всѣ лучшіе люди московскіе присягаютъ Польскому королевичу, чтобъ не быть въ рабствѣ у своихъ прежнихъ холопей—казаконъ при торжествѣ Калужскаго царика. Возбужденіе религиознаго интереса вълѣдствіе замысловъ Сигизмундовыхъ, давшее знамя, средоточіе для жителей Московскаго государства, давшее имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указавшее имъ единство не народное, не государственное, но религиозное—общую купель, въ которой они крестились въ Православную вѣру,—это религиозное одушевленіе, разумѣется, главнымъ образомъ послужило противъ казаконъ. Очищеніе Земли отъ Поляковъ было вѣдетъ очищеніемъ отъ казаконъ. Такимъ образомъ, казаконъ не удалось воспользоваться благоприятными для нихъ условіями, государство восторжествовало; но казачество не отказалось отъ борьбы. Запертое Турками съ устьевъ Дона, оно ждало отважнаго и счастливаго вождя для проложенія себѣ другой дороги. Богатырь-чародѣй явился—Разинъ; толпы его переселились на Волгу, на Яикъ, въ Каспійское море, погромили персидскіе берега; но Персія была покрѣпче сибирскаго юрта Кучумова, и Разинъ не могъ поклониться царю Алексею Михайловичу Персидою, какъ Ермакъ Тимофеевичъ поклонился Грозному Сибирью. Принужденные возвратиться съ Каспійскаго моря, не имѣя надежды, чтобъ Московское государство безпрепятственно стало пропускать ихъ въ устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшіе слои народонаселенія противъ властей, какъ было въ Смутное время; но государство, несмотря на все свое истощеніе, было сильнѣе казаконъ. Разинъ погибъ на плахѣ въ Москвѣ. Впрочемъ Разинское возмущеніе не было послѣднимъ дѣйствіемъ борьбы государства съ казаками: въ Новой Русской исторіи увидимъ Булавина и Пугачева.

Таковы были въ общихъ чертахъ строй древней

Россіи въ его историческомъ развитіи. Теперь взглянемъ подробнѣе на ея бытъ въ то именно время, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже народился преобразователь.

Мы такъ часто употребляемъ выраженіе: „Западная и Восточная Европа“, такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, переѣзжающій изъ Западной Европы въ Восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа состоитъ изъ двухъ частей: Западной—*каменной* и Восточной—*деревянной*. *Камень*, такъ называли у насъ въ старину горы, камень равбилъ Западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные *мужики*, и оттуда владѣли *мужиками*; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и приобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню, поднимаются рукотворныя горы, громады, вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня: все ровнѣе, нѣтъ разнообразія народностей, — и потому одно небывало по своей величинѣ государство. Здѣсь *мужамъ* негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было расставаться, изъ которыхъ бы обжились плѣлыми поколѣніями; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вѣсто нихъ куча пепла. Вѣда впрочемъ не велика: движимаго такъ мало, что легко вынести съ собою, построить новый домъ ничего не стоить по дешевизнѣ матеріала,—отсюда съ такою легкостью старинный Русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ Татарины, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжелой подати, отъ дурнаго воеводы или подьячаго: брести розно было ни почемъ, ибо вездѣ можно было найти одно и то же, вездѣ Русью нахло. Отсюда привычка къ расхождѣ въ народонаселеніи и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять.

При этомъ общемъ, бросающемся въ глаза различіи Западной, каменной Европы отъ Восточной, деревянной, на великой восточной равнинѣ замѣчаемъ различіе формъ, которое имѣетъ историческое значеніе. Здѣсь двѣ формы господствуютъ—лѣсъ и поле, или степи. Изъ противоположности этихъ двухъ формъ, находящихя другъ полдъ друга, вытекаетъ историческая противоположность, борьба

народонаселенія двухъ половинъ Россіи, — лѣсной и степной. Степь была изначала жилищемъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ; съ ними изначальная борьба Руси, основанной въ польской (степной) Украинѣ. Борьба эта, несмотря на всю удачу князей и дружинъ ихъ, кончилась торжествомъ степнаго народонаселенія, которое постоянно пустошило Русь при Половцахъ и окончательно запустошило при Татарахъ. Прочный порядокъ вещей, государство, способное поборотъ степное народонаселеніе, могли утвердиться, окрѣпнуть только вдали отъ степи, на Сѣверѣ, въ лѣсной сторонѣ, малодоступной, неудобной для кочегово хищника. Но Московское государство, образовавшееся въ лѣсной сторонѣ, при своемъ распространеніи, скоро достигло степи; у него образовалась *польская*, какъ называли встарину, т.-е. степная Украина, или Украина, долженствовавшая постоянно терять отъ сосѣдства степи; но это была только Украина, тогда какъ въ древней Руси главная сцена дѣйствія, стольный городъ великокняжескій былъ на самой Украинѣ. И Московское государство ведетъ постоянную борьбу съ народонаселеніемъ степей; съ ослабленіемъ кочевыхъ ордъ борьба не прекращается, ибо въ степи образуется особаго рода народонаселеніе, казаки. Борьба земскихъ людей, государства, съ казачествомъ есть, относительно природныхъ формъ, борьба лѣсной стороны съ полемъ, степью, что особенно выразилось въ смутное время и въ послѣдующія казацкія движенія, когда Россія дѣлилась по духу, характеру народонаселенія, на Сѣверную, Земскую и на Южную, Украину со степями, Казацкую. Степь условливалась постоянно эту бродячую, разгульную, казацкую жизнь съ первобытными формами, лѣсъ болѣе ограничивать, опредѣляя, болѣе усаживать человѣка, дѣлалъ его земскимъ, осѣдлымъ, установившимся, въ противоположность казаку, вольному, гулящему. Отсюда болѣе спокойная, ровная и слѣдовательно и болѣе прочная въ своихъ результатахъ дѣятельность сѣвернаго Русскаго человѣка; отсюда шаткость южнаго, кромѣ другихъ причинъ, о которыхъ было говорено въ предыдущихъ томахъ нашей исторіи.

Итакъ Московское государство было государство лѣсное по преимуществу; путешественникамъ вся страна казалась обширнымъ лѣсомъ, кой-гдѣ расчищеннымъ подъ жилища и пашню; нѣкоторые изъ путешественниковъ не могли удерживать своего восторга отъ того вида, какой представляла имъ Москва всеню, вида — громаднаго, ярко-зеленаго сада, наполненнаго безчисленнымъ множествомъ пѣвчихъ птицъ, въ противоположность лѣсу поваго міра, американскому, гдѣ птицы производятъ своими движеніями много шороха, шума, но мало даютъ пѣсенъ. Какъ ни прекрасенъ былъ однако весенній видъ лѣистой Московинъ, — это обладаніе лѣса имѣло свои невыгодныя стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обиліе водъ, болотъ, такъ затруднявшихъ проѣздъ лѣ-

томъ, заставлявшихъ прибѣгать къ тяжелому труду мощенія дорогъ деревомъ; около столицы путешественники въ лѣтнія ночи должны были раскладывать костры, чтобъ спастись отъ ширяды комаровъ и мошекъ. Подлѣ этой испріятности была и опасность, — опасность отъ дикаго звѣря, живущаго въ лѣсу, и еще большая отъ человѣка, который такъ удобно скрывалъ въ лѣсу своей дурной промыслъ.

Среди этой обширной и пустынной страны, гдѣ, казалось, такъ недавно человѣкъ началъ подчинять природу своей волѣ, гдѣ такъ рѣдко встречались небольшія села и деревни и большія огороженные села, города — западный путешественникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же покажется тотъ знаменитый городъ, который давалъ имя цѣлой странѣ, въ которомъ пребывалъ неограниченный владыка ея. И вотъ передъ нимъ развертывалась Москва, и вдали производила сильное и выгодное впечатлѣніе: на неизмѣримомъ пространствѣ черная громада домовъ, но надъ этою черною громадою поднималось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ, и выше всѣхъ поднимался Кремль, жилище великаго государя, съ бѣлою каменною стѣною, наполненнымъ бѣлыми каменными церквами съ позолоченными главами, и посрединѣ высокой бѣлой стѣны съ золотою головою, Иванъ Великій, гигантъ, благодаря скромной высотѣ другихъ зданій. Эта бѣлизна кремлевской стѣны и церквей, рѣзко выдающаяся въ противоположность массѣ черныхъ деревянныхъ домовъ, и большее количество каменныхъ зданій сравнительно съ другими городами, дали происхожденіе извѣстному зпитугу, который до сихъ поръ остается за Москвою — *бѣлокаменная*.

Издали Москва поражала великолѣпіемъ, красотою, особенно лѣтомъ, когда къ красивому разнообразію церквей присоединялась зелень многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Но впечатлѣніе перемѣнялось, когда путешественникъ въѣзжалъ внутрь безредѣльнаго города: его поражала бѣдность жилищъ съ слюдными окнами, бѣдность, малые размѣры тѣхъ самыхъ церквей, которыя издали производили такое пріятное впечатлѣніе, обширные пустыри, нечистота, грязь улицъ, хотя и мощеныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревомъ. Издали казавшаяся великолѣпнымъ Иерусалимомъ, внутри Москва являлась бѣднымъ Виолсемомъ, по выраженію одного путешественника ¹⁾.

Но Москва, своимъ характеромъ, была полною представительницею страны, въ которой была царствующимъ градомъ. Въ необъятную ширь просторно раскинулась она по горной и луговой сторонѣ своихъ рѣкъ, съ простотою и бѣдностію деревяннаго жилища, окруженнаго обширнымъ дворомъ, садомъ, огородомъ. Москва удерживала этотъ сельскій характеръ столицы первобытнаго, земледѣльческаго государства. Прежде она была

¹⁾ Оларія.

еще обширнѣе, и народа въ ней прежде было больше; но по Москвѣ проида печальная исторія страны и оставила глубокіе слѣды. Сильно поднялась Москва надъ всѣми другими городами въ эпоху окончательнаго соборнаго страны, окончательнаго сосредоточенія власти въ рукахъ великаго государя; отовсюду стремились въ нее жители волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею—выселенные изъ Новгорода и Пскова, по распоряженію великаго князя. Москва особенно поднялась, т. е., лучше сказать, расширилась и наполнилась людьми во времена Иоанна III и сына его Василія. Но Москва стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда Русскій народъ въ своемъ историческомъ движеніи началъ поворачивать съ востока на западъ, отъ степи къ морю. Этого поворота, только-что начавшійся и медленный, обозначился однако въ Москвѣ отблескомъ того свѣта, который началъ ярко свѣтити въ Западной Европѣ въ эпоху возрожденія; въ Москвѣ явились красивыя и, относительно, обширныя и прочныя зданія, построенныя западными художниками, дворецъ, церкви, башни. Эта обстройка Москвы въ XV и XVI вѣкахъ имѣетъ въ Русской Исторіи то важное значеніе, что, поднимая столицу, дѣлая ее предметомъ благоговѣйнаго удивленія для Русскихъ людей, она имѣетъ съ тѣмъ поднимала значеніе Московскаго великаго князя, содѣйствовала тому, что онъ становился великимъ государемъ, великимъ хозяиномъ, самодержцемъ, выдавался нагляднымъ образомъ великолѣпиемъ своей обстановки изъ толпы князей и бояръ, съ которыми прежде равняла его простота быта: такимъ образомъ, италянскіе художники, украсивъ Москву, дѣлали одно дѣло съ полугречанкою, полуниталианкою Софіею Палеологъ, воспитанною въ Италіи, въ той сферѣ, гдѣ воспиталась Макіавелли, Екатерина Медичи, королева Вона. Но если Москва стала главнымъ городомъ Россіи, когда эта страна начала поворачивать съ востока на западъ, то это значитъ, что она стала главнымъ городомъ Россіи въ то время, когда эта страна должна была вести тяжелую борьбу съ двухъ сторонъ, отбиваться и отъ востока и отъ запада, отъ бесерменства и латинства, по старинному выраженію. Степной варварскій міръ ослабѣлъ, позволялъ Россіи начать наступательное движеніе, но иногда извергала огромныя разбойничьи шайки, которыя несли опустошеніе до самой столицы Россіи; съ другой стороны, на западъ Россія столкнулась съ Польшею и завязала съ нею отчаянную борьбу, и Москвѣ дорого стоило отстаиваніе Россіи отъ бесерменства и латинства при влукѣ Иоанна III, въ то самое царствованіе, когда двѣ татарскія орды нали передъ Москвою, когда весь мусульманскій міръ взволновался отъ этого сильнаго наступательнаго движенія христіанъ, ханъ полсѣдней орды на европейской почвѣ, Девлетъ-Гирей Крымскій, явился подъ Москвою и ожестъ се. Москва не успѣла еще оправиться отъ этой бѣды, какъ наступила казачина, Смутное время; пришли

Поляки, почувявъ бѣду Россіи; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь казаковъ, казацкаго царя, самозванца, сами ввели Поляковъ въ Москву: но, прежде чѣмъ Русскіе выжили этихъ гостей изъ кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись разо. Послеъ этой бѣды Москва въ XVII вѣкѣ оправлялась съ трудомъ, какъ съ трудомъ оправлялась вся Земля, при новыхъ борьбахъ, при новыхъ напряженияхъ; царствующій градъ въ XVII вѣкѣ не достигалъ ни той обширности, ни того количества народонаселенія, какое имѣлъ въ XVI вѣкѣ, а тутъ уже приближалось время, когда Россія должна была наконецъ добратъ до моря, и на болотныхъ берегахъ Невскаго устья должна была подняться столица имперіи.

Подобно всѣмъ стариннымъ городамъ русскимъ, самый большой изъ нихъ, царствующій градъ, впечатлѣлся характеромъ древней Русской Исторіи, когда религиозный интересъ былъ не только господствующимъ, но, можно сказать, исключительнымъ. Западная Европа, пережившая время исключительнаго господства религиознаго интереса въ такъ-называемые Средніе вѣка, оставила память объ этомъ времени въ громадныхъ, затѣйливо изукрашенныхъ каменными кружевами храмахъ; тамъ былъ подъ руками матеріаль, камень; тамъ были передъ глазами образцы, горы,—эти нерукотворные возносящіяся къ небу алтари; но главное—тамъ была сила, способная воздвигать подобныя громады, хотя и не всегда ихъ оканчивать,—общественная сила. Богатый, многолюдный городъ, котораго жители сознавали въ себѣ одно цѣлое, привыкли къ общему дѣлу, такой городъ строилъ великолѣпный религиозный памятникъ на пользу и украшеніе цѣлому городу; понятно, что такихъ памятниковъ не могло быть много, и всѣ они носили значеніе соединенія силъ. Но на восточной равнинѣ, въ какихъ памятникахъ высказывается исключительное господство религиознаго интереса? Здѣсь нѣтъ твердаго матеріала, камня, здѣсь нѣтъ горъ, возбуждающихъ человѣческое творчество къ соперничеству съ природою; здѣсь нѣтъ и соединенія силъ. Мы видѣли, какъ здѣсь, по необходимости, все разплывалось и разбродилось на необъятномъ пространствѣ; какъ здѣсь не было богатыхъ, многолюдныхъ городовъ: все здѣсь жило вразбродъ и особо; отсюда бѣдный приносилъ въ церковь свой образъ, передъ нимъ зажигалъ свою свѣчу и передъ нимъ молился, а богатый строилъ подлѣ своего дома *свою* церковь. Понятно, что церкви, построенныя отдѣльными лицами, не могли отличаться обширностію и великолѣпиемъ; но ихъ было много, ихъ считали до двухъ тысячъ, на каждыя пять домовъ по церкви.

Церкви были небожныя; но въ разныхъ мѣстахъ видѣлись церкви значительной величины, окруженныя другими поменьше и огороженныя стѣнами; то были монастыри, которыхъ было очень много въ Москвѣ; монастыри видѣлись преимущественно въ концахъ города, или обозначали границы городскихъ частей, указывали исторію рас-

пространенія города: монастыри, явившіеся въ среднѣхъ города, прежде были загородными. Иѣкоторые загородные монастыри были окружены крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями и опоясывали Москву рядомъ укрѣпленій. Свѣтскіе землевладѣльцы въ Россіи, и самые богатые, никогда не имѣли укрѣпленныхъ замковъ; мы видѣли, что русская знать никогда не теряла дружиннаго характера, и жилища ея дѣлились около жилища государева. Но подлѣ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, свѣтской знати, вообще небогатой и несильной предъ богатствомъ и силою великаго государя, были землевладѣльцы другого рода, богатые, сильные и самостоятельные:—то были монастыри. Мы видѣли, какъ дорогъ былъ на Русѣ богатырскій вѣкъ; какъ, съ усиленіемъ государства, богатство продолжалось подлѣ именитъ казачества; но народъ, имѣющій богатые задатки жизни, стремится необходимо къ уравновѣшенію силъ, и, подлѣ богатырей, грузныхъ избыткомъ матеріальныхъ силъ, мы видимъ богатырей другого рода, богатырей духовныхъ, представителей правственныхъ силъ народа:—то были вожди духовныхъ дружинъ, основатели монашескихъ братствъ, основатели монастырей. Владѣль, въ глуши, но обыкновенно на господствующемъ красивомъ мѣстѣ строился монастырь. Духовная сила необходимо въ скоромъ времени привлекала къ себѣ силы, средства матеріальныя: святой основатель служить въ ветхихъ крашеиныхъ ризахъ, преемники его—облачаются въ золото; никакія соображенія и расчеты не могутъ остановить стремленія жертвовать всѣмъ матеріальнымъ, самымъ дорогимъ на украшеніе того, что нравственно такъ дорого, такъ свято. Монастыри становятся богатыми землевладѣльцами, имущество которыхъ не отчуждается, не раздѣляется. Одинъ только богатый землевладѣлецъ, монастырь, живетъ отдѣльною, самостоятельною жизнью: одинъ, по своимъ средствамъ, можетъ строить замки, укрѣпленія, и дѣйствительно огораживается твердыми каменными стѣнами, воздвигаетъ башни, заводитъ нарядъ (артилерію), получаетъ возможность защищаться отъ непріятеля. Такъ въ эти вѣка господства нераздѣльности занятій силы правственныя необходимо соединялись съ матеріальными; въ смутное время Троицкіи монастыри дали самый сильный отпоръ врагамъ, и при этомъ силы правственныя были соединены съ матеріальными.

Нераздѣльность силъ въ древней Россіи выражалась и въ старинномъ Кремлѣ Московскомъ: если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то Кремль, царственный замокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположены были царскія дворцы—пестрая масса задній самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ обще-

ственнымъ; если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ: то понятно, что человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церкви, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей. Неудивительно, что мы очень часто встрѣтимъ его въ церквахъ, очень часто встрѣтимъ пышные, длинныя царскія поѣзды, направляющіеся къ ближніе и дальніе монастыри; при церковныхъ торжествахъ царь тугъ со всѣмъ дворомъ. 1-го сентября, въ Семигденъ (Симеона Лѣтопроводца) церковь и міръ всѣмъ праздновали Новый годъ. Народъ толпился въ Кремлѣ съ утра; тамъ, на открытомъ мѣстѣ, на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, въ присутствіи цари служили молебны; послѣ молебна архіерей и вельможы, приказные люди и гости поздравляли великаго государя, одинъ изъ бояръ говорилъ рѣчь, послѣ чего царь шелъ къ обѣдин¹⁾.

Зимомъ, передъ Рождествомъ, 21 декабря, въ Москвѣ былъ большой праздникъ,—память чудотворца Петра, перваго митрополита, который сталъ жить въ Москвѣ и освятилъ ея величіе; праздникъ былъ собственно праздникомъ преемника Петра, патріарха, и потому еще 19 числа патріархъ являлся во дворецъ звать великаго государя и старшаго царевича къ празднику и кушати; приглашалась также вся знать; послѣ обѣдинъ въ Успенскомъ соборѣ, царь отправлялся къ патріарху на обѣдъ; обычай требовалъ, чтобы хозяинъ благословилъ гостя образомъ и богато одарилъ: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, асациты, агасы, камки и соболы сороками²⁾. Иаганунѣ Рождества Христова, за четыре часа до свѣта, государь ходилъ на тюремный и англійскій дворы, и жаловалъ милостынею изъ своихъ рукъ на тюремномъ дворѣ тюремныхъ сидѣльцевъ, а на англійскомъ плѣнныхъ Поляковъ, Итальянцевъ и Черкасъ (Малороссіянъ). Дорогою государь раздавалъ милостыню раненымъ солдатамъ и нищимъ; въ то же время раздавалъ царскую милостыню у Лобнаго мѣста и на Красной площади. Всего раздавалось денегъ болѣе тысячи рублей. Иногда государь ходилъ также къ какому-нибудь разслабленному и подавалъ ему милостыню. Въ третьемъ часу ночи, въ передней дворца, раздавалось громкое пѣніе: славилъ Христа протопопы, поны и дяконы всѣхъ соборовъ; за соборнымъ духовенствомъ являлись пѣвчіе: 5 *станцій* государевыхъ пѣвчихъ, да семь *станцій* патріаршихъ славилы, перебѣляясь, и государь жаловалъ ихъ пиньемъ, кѣшнами. Въ самый праздникъ, послѣ обѣдинъ, изъ дворца посылали патріарху весь столъ; боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и дум-

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 593.

²⁾ Дворцовые разряды т. III, стр. 1148.

пымъ дьякамъ, также архіереямъ, архимандритамъ и духовнику царскому по двѣ *подачи* (блюда) съ кубками ¹⁾. 6 января, въ Богоявление, *іердань* на Москвѣ-рѣкѣ: по берегу рѣпки и въ Кремлѣ разставлено 12 приказовъ стрѣльцовъ съ ружьемъ и въ цвѣтномъ платьи; идетъ великій государь въ полномъ царскомъ облаченіи, ведутъ его подъ руки столыники и ближніе люди; за государемъ идетъ постельничій, охраняетъ *стряпню*; эту *стряпню* несутъ *стряпчіе*, несутъ они полотенце, стулъ и подножіе, потомъ толпа царедворцевъ, начальныхъ ратныхъ людей и гости, кто познатнѣе въ шубахъ, другіе въ *золотахъ*, ратные люди въ фезяхъ и служиломъ платьи, гости въ *золотахъ* ²⁾).

Въ концѣ масляницы, царица ходила по соборамъ и монастырямъ кремлевскимъ въ сопровожденіи родственниковъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь и казначей, водила съ собою и маленькихъ царевичей; во все это время Кремль былъ запертъ, — никого не впускали ³⁾.

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, въ *Прощеное* воскресенье, прямо изъ Успенскаго собора царь, съ боярами и думными людьми, отправлялся къ патриарху, у котораго уже были собраны все *власти* (архіереи и архимандриты); вмѣстѣ съ государемъ являлись изъ дворца ключники и чарочники со всякими красивыми питьями. Начиналось взаимное угощеніе: патриархъ подносилъ государю вина фряжскія и меда всякіе, подавалъ чаши боярамъ и думнымъ людямъ, а государь, съ своей стороны, жаловалъ чашами властей. По возвращеніи во дворецъ, государь принималъ начальниковъ Приказовъ съ докладами о колодникахъ, которые сидятъ много лѣтъ, иные не за большія преступленія, — такихъ государь приказывалъ освобождать ⁴⁾. Въ то же время во дворцѣ царица жаловала къ рукѣ отца, братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерницъ. Наступалъ Великій постъ, — и въ Москву наѣзжали гости особаго рода: изъ всехъ монастырей являлись монахи и подносили царю и патриарху хлѣбъ, кашу и квасъ ⁵⁾.

Въ Вербное воскресенье царь участвовалъ въ религиозномъ торжествѣ, которому подобаго новая Россія уже не видала: изъ Успенскаго собора въ Спасскія ворота двигался крестный ходъ; за образамъ и духовничествомъ шли столыники, *стряпчіе*, дворяне и дьяки. въ золотомъ парчевомъ платьи (*въ золотахъ*), за ними самъ государь. за государемъ — бояре, окольные, думные люди и гости; по обѣ стороны пути, близъ царя шли полковники и головы стрѣльцкіе. Запедши къ празднику (въ

одинъ изъ придѣловъ Покровскаго собора). государь отправлялся на Лобное мѣсто, гдѣ патриархъ подавалъ ему и боярамъ ваи и вербу. По прочтеніи Евангелія, патриархъ, взявши крестъ въ правую руку, а Евангеліе — въ лѣвую, посылаетъ отръшить осла и привести къ ступенямъ Лобнаго мѣста; осла приводятъ, и патриархъ садится на него; царь ведетъ осла по конецъ повода, подлѣ несутъ царскій жезль, вербу, свѣчу, полотенце; царевичъ и одинъ изъ бояръ ведутъ осла по серединѣ повода, подлѣ губу ведутъ патриаршіе боярпнъ и казначей; по обѣ стороны стрѣльцы несутъ сукна разноцвѣтныхъ и постилаютъ по пути; впереди движется огромная изукрашенная верба на красныхъ саняхъ; въ сани запряжены шесть лошадей темно-сѣрыхъ въ цвѣтныхъ бархатныхъ калкурахъ, въ началкахъ съ перьями; ходъ направляется прямо въ Успенскій соборъ ⁶⁾).

Наступалъ свѣтлый праздникъ, *Великъ день*. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа государь шелъ въ Успенскій соборъ, за нимъ бояре, окольные, думные люди, столыники, *стряпчіе*, дворяне и дьяки; соборъ наполнялся людьми въ *золотахъ*. На заутрени, послѣ хвалительныхъ стихиръ, царь прикладывался къ иконамъ, потомъ крестосылался съ патриархомъ и архіереями въ губы и давали другъ другу ящца, остальныхъ духовныхъ государь жаловалъ къ рукѣ и давалъ ящца; послѣ духовенства жаловалъ къ рукѣ всехъ свѣтскихъ людей, вошедшихъ за нимъ въ церковь. По окончаніи заутрени, царь идетъ въ Вознесенскій монастырь — поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ — поклониться гробу отца, въ Благовѣщенскій соборъ — покрестоваться съ духовникомъ, съ которымъ цѣловался въ губы. Обѣдно слушалъ также въ Успенскомъ соборѣ. Въ первый же день праздника являються къ царю и царицѣ вмѣстѣ патриархъ со всеми властями и вся свѣтская знать; царица жаловала ихъ всехъ къ рукѣ; приходили къ государю съ дарами именитый человекъ Строгановъ, гости московскіе и изъ городовъ. На другой день опять приходилъ патриархъ съ властями, на этотъ разъ приносилъ образа и золотые въ подарокъ. На третій день царь жаловалъ къ рукѣ и одѣлялъ яйцами дворовыхъ людей, дьяковъ, мастерской царицаной палаты, истопниковъ и истопничихъ царицныхъ, уставниковъ, пѣвчихъ, учителей царевичевыхъ и комнатныхъ сторожей; на четвертый день жаловалъ къ рукѣ полуголовъ, сотниковъ, также *дохтуровъ*, лѣкарей и мастерскихъ палатъ золотой, серебряной и оружейной ⁷⁾. Въ Троицкнъ день государь слушалъ обѣдно въ Успенскомъ соборѣ; передъ нимъ столыники несли туда мечь и *опникъ* (букетъ цвѣтовъ); въ церкви столыники же держали *стряпню* жезль, стоянецъ и мису, иногда сундукъ съ платнемъ. Въ Успеневъ день, храмовой праздникъ главной соборной церкви, го-

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 704, 1154; Забѣлиша — Домашній бытъ русскихъ царей, т. I, 305.

²⁾ Дворц. разр. III, стр. 1168.

³⁾ Дворц. разр. III, стр. 1235.

⁴⁾ Дворц. разр. III, стр. 1231.

⁵⁾ Дворц. разр. III, стр. 1242.

⁶⁾ Дворц. разр. III, стр. 727, 946, 1304.

⁷⁾ Дворц. разр. III, стр. 948, 1311 — 1323, 1354.

сударь обѣдалъ у патріарха, который дарилъ гостей такъ же, какъ и въ день Петра митрополита. Царь Алексѣй Михайловичъ не пропуская праздника въ Чудовѣ монастырѣ 20-го мая, день Алексѣя митрополита; если жилъ въ Преображенскомъ, то нарочно прѣѣзжалъ для этого въ Москву. Если не ходилъ въ Троицкій монастырь на праздникъ Св. Сергія, то слушалъ въ этотъ день обѣдно на Троицкомъ подворьи. Въ свои именины, 17-го марта, царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ ко всеобщей и къ обѣдинъ въ Алексѣевскій монастырь: идутъ впереди стрѣльцы съ батошьемъ, потомъ постельничій и страпчие со страпнею, за ними ѣдетъ самъ царь въ шубѣ золотой съ кружевомъ, нашивка съ кустями, шапка горлатная; ѣдетъ онъ въ саняхъ большихъ нарядныхъ, на наклесткахъ стоятъ бояре, на оглобляхъ у щита—стольники и ближніе люди, около саней идутъ пѣшкомъ головы и полуголовой стрѣлечіе. 17-го ноября, въ день Григорія Пекоесарійскаго, царь Алексѣй ѣздилъ къ обѣдинъ въ Садовую слободу, къ празднику, потому что тамъ жилъ духовникъ.

Кромѣ этого присутствія при богослуженіи и при церковныхъ церемоніяхъ въ праздничные дни, великій государь ходилъ часто на богомолье въ города: Можайскъ, Боровскъ, Звенигородъ, Кашинь, Угличъ, къ Николѣ на Угрѣшу; по дорогѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся къ празднику чудотворцеву, къ 25-му сентября, по станамъ въ селахъ—Тайнинскомъ, Вратовщинѣ и Воздвиженскомъ—встрѣчали его посадскіе люди—Ярославцы, Ростовцы, Черяславцы, Угличане съ хлѣбами и рыбою. Цѣлыми царскихъ походовъ на богомолье были и ближніе московскіе монастыри; приходъ великаго государя былъ большимъ праздникомъ для братіи: гость жаловалъ ее милостынею. Наконецъ, кромѣ монастырей, государь ходилъ по всѣмъ больницамъ.

Были и другія цѣли государевыхъ походовъ: Алексѣй Михайловичъ любилъ часто ѣздить въ загородныя села, гдѣ иногда оставался довольно долго. Села эти были: Коломенское, Голенишево, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Островъ, Соколово, Алексѣевское, Дьяково. Государь ѣхалъ почевать, слѣдовательно шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и страпчій съ ключемъ, съ ними 300 жильцовъ по три въ рядъ, въ цвѣтномъ плащѣ, на лошадахъ во всякой ратной сбруѣ. За жильцами 300 конныхъ стрѣльцовъ, по 5 въ рядъ; за стрѣльцами 500 рейтаръ, за ними 12 стрѣлковъ съ долгами пшालями. За стрѣлками Коношеннаго Приказа дьякъ, потомъ государевы сѣдла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей подъ сѣдлами, нарядъ на нихъ большой, цѣпи гремячія и поводья, кутазы и шаузы, сѣдла покрыты покровками цвѣтными и ковриками золотыми. Передъ государемъ у кареты бояринъ, подлѣ кареты по правую сторону окольничій. Самъ царь въ англійской каретѣ шестернею, возники (ло-

шадн) съ нѣмецкими перьями, на возницахъ кафтаны бархатные и шапки бархатныя съ соболемъ и перьями. Съ царемъ въ каретѣ четверо бояръ. Царевичъ ѣхалъ въ *избушкѣ* шестернею, съ нимъ сидѣли дядька его и окольничій; за ними бояре, окольничіе, стольники и ближніе люди; около избушки—стрѣльцы. За царевичемъ ѣхала цариха въ каптанѣ въ 12 лошадей, съ нею мамы и боярины; за царихою—царевны большія и меньшія, также въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами; за царевнами—боярыни верховыя, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптанѣ 50. Главную цѣлюю загородныхъ поѣздокъ была любимая потѣха царя Алексѣя Михайловича—охота, ходилъ на поля тѣшиться съ птицами, любилъ ходить и на медвѣдь.

Мы видѣли, какъ великій государь праздновалъ церковныя торжества; теперь взглянемъ на его торжества семейныя, радостныя и печальныя. *Всемирная* радость—родился царевичъ: патріархъ, знатное духовенство, бояре, окольничіе, думные люди и стольники идутъ съ дарами къ новорожденному; у царя большой отоль. Крестилъ царевича самъ патріархъ съ знатымъ духовенствомъ въ Чудовѣ монастырѣ или въ Успенскомъ соборѣ; восприемникомъ, по старинному обычаю, бывалъ Троицкій архимандритъ; если же старшій братъ царевичъ былъ на возрастѣ, то онъ; младшаго сына Алексѣя Михайловича, Петра, крестилъ старшій братъ, царевичъ Феодоръ; восприемницею—тетка. За крестины патріархъ получалъ 1,500 золотыхъ, митрополиты по 300, архіепископы по 200, епископы по 100, Чудовской архимандритъ 80 рублей, Благовѣщенскій протопопъ (духовникъ) 100 рублей, Успенскій—50, протодьяконъ—40, ключари по 30; всего выходило 3,800 золотыхъ и 330 рублей. Для своей всемирной радости государь кормилъ у себя въ передней нищую братью и жаловалъ милостынею. Умиралъ царевичъ—хоронили въ тотъ же день. Въ годовщины были въ панихидной палатѣ сборы и столъ большой; за *сборами* были патріархъ съ знатымъ духовенствомъ; государь приходилъ въ панихидную палату и подносилъ патріарху и архіереямъ кушанье и кубки; патріархъ бралъ поднесенное ему блюдо и кубокъ и подносилъ ихъ обратно государю, а тотъ жаловалъ ими окольничаго, который стоялъ за нимъ. Послѣ стола государь снова приходилъ въ панихидную палату къ панихидѣ и потомъ провожалъ патріарха до Благовѣщенья.

Въ церковныя праздники и царскіе дни во дворцѣ бывали большіе столы, къ которымъ приглашались патріархъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, стольники, страпчие, дворяне московскіе, жильцы и посадскіе люди всѣхъ сосенъ. Кромѣ того, большіе столы бывали по случаю прѣѣзда иностранныхъ царевичей и знатныхъ пословъ. Тутъ въ Грановитую Палату, гдѣ былъ обѣдъ, носились дорогия и рѣдкія вещи напоказъ гостямъ: на окнѣ, на бархатѣ золотомъ, стояло четверо серебряныхъ часовъ; у того же окна стоялъ *шанданъ*

сѣнной серебряный; на другомъ окнѣ стоялъ серебряникъ большой съ лаханью, по сторонамъ разсолонки высокіе; на третьемъ окнѣ, на бархатѣ золотномъ, стоялъ разсолоникъ серебряный большой, да бочка серебряная позолоченная, мѣрою въ ведро. На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ были посланы ковры; около стола стоялъ поставецъ; на немъ разставлены были сосуды золотые, серебряные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранцы послы говорятъ, что сосуды эти не отличались чистотою ¹⁾.

Посоль прѣѣхалъ за важнымъ дѣломъ. Надобно, подумавши, отвѣчать на его предложенія. Съ кѣмъ же обыкновенно великій государь думаетъ думу о всякихъ важныхъ дѣлахъ ратныхъ и земскихъ? Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ старшій князь въ родѣ княжескомъ сталъ великимъ государемъ, царемъ Московскимъ и всея Руси; но простота первоначальныхъ отношеній его къ окружающимъ, къ ближнимъ людямъ не исчезла. Около дворца великаго государя, въ самомъ Кремлѣ, потомъ въ другихъ лучшихъ частяхъ Москвы, въ Китай и Вѣломъ-городѣ, въ домахъ пообшириѣ другихъ, окруженные бѣдными родственниками, знакомцами и многочисленною крѣпостною дворнею, живутъ знатные люди разныхъ чиновъ, болѣе или менѣе близкіе къ царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основной характеръ остался, — характеръ военный: все это ратные люди, члены дружины старіе и младіе; ямъ поручаются, какъ и встарину, разныя гражданскія должности, но при этомъ они не теряютъ своего постоянного, военного характера. Древняя Россія не достигла еще до раздѣленія военной и гражданской службы. Первоначальный военный, дружинный характеръ окружающихъ царя остался; измѣнились отношенія дружины къ вождю ея: члены прежде вольной дружины, могшіе отвѣжать отъ одного князя къ другому, потомъ прикрѣпились къ одному великому государю — царю-самодержцу, стали его холодами. Вся эта служба обязана быть постоянно на липо при великомъ государѣ. Съ ранняго утра собирается она ко Двору; старики ѣдутъ въ каретахъ, зимою въ саняхъ, молодые верхомъ; не дожидая до двора царскаго, вдалекѣ отъ крыльца, выходятъ изъ каретъ, сѣзаятъ съ лошадей, идутъ пѣшкомъ къ крыльцу. Нойдемъ за ними во дворецъ: тамъ обнаружится различіе между ними по степенямъ знатности и приближенія къ царю. Толпа не идетъ далеко, останавливается на постельномъ крыльцѣ, и здѣсь, на обширной площади его, дожидается, не будетъ ли какого приказанія: это молодые, т.-е. менѣе знатные люди. Здѣсь видны стольники; это дѣти отцовъ, которые въ знатныхъ чинахъ, но не изъ первоепенной знати по происхожденію; ихъ будетъ человѣкъ 500; глав-

ная служба ихъ во дворцѣ, отъ которой и получили названіе, — носить кушанье къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ же отправляютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, воеводами по городамъ, въ Приказы. Стольники, стоявшіе здѣсь, на крыльечной площади, назывались *площадными*, въ отличіе отъ *комнатныхъ*, дѣтей болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцовъ. Выбѣтъ съ стольниками дожидаются на крыльцѣ стряпчие: мы уже видѣли ихъ въ придворной должности при торжественныхъ царскихъ выходахъ; и стряпчихъ, которыхъ будетъ человѣкъ съ 800, посылаютъ также въ разныя посылки, менѣе значительныя: не пошлютъ стряпчаго ни въ воеводу на городъ, ни въ послаха въ иностранное государство. Далѣе крыльца не идутъ и дворяне московскіе, получившіе первое мѣсто передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ Московскому княжеству; у нихъ нѣтъ придворной должности; въ военное время это начальные люди въ полкахъ. въ мирное ихъ посылаютъ и воеводами по городамъ, и послами. и для производства слѣдствій, и въ Приказы. Но давно уже опытъ показалъ, что человѣкъ, владѣющій саблею, не ловко владѣть перомъ, давно уже образовался особый классъ людей, дѣльцовъ по письменной части, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, на дяковъ и подъячихъ; безъ нихъ не могъ обойтись бояринъ, назначенный государемъ вѣдать какой-нибудь Приказъ въ Москвѣ; не могъ обойтись дворянинъ, когда его посылали воеводою въ городъ, когда его отправляли посланникомъ въ чужое государство. И все болѣе и болѣе значенія пріобрѣтаетъ дѣлецъ, письменный человѣкъ, подѣль ратнаго человѣка, по старинѣ занимающаго гражданскую должность: дякъ уже не подчиненный ему, не излагатель только его мнѣній, его приказаній и рѣшеній, — дякъ, его товарищъ и въ Приказѣ, и въ посылествѣ. Между стольниками, стряпчими и дворянами на дворцовомъ крыльцѣ дожидаются и дяки. Взагъ и впередъ бѣгаютъ жильцы: это двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дячыхъ и подъяческихъ дѣтей, изъ котораго по сороку человѣкъ ночуетъ на царскомъ дворѣ.

На крыльцѣ на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры: иногда вдругъ раздастся шумъ, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжбному дѣлу встрѣтились — и не выдержали, сѣвшились браниться; сдѣять только вымолвить первое бранное слово, — и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ; отъ лица сейчасъ же переходъ къ его отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, — никому нѣтъ пощады; всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи, — все тутъ будетъ новгорено съ прибавками, какія производитъ расходившееся сердце. Побранится стольникъ съ другимъ стольникомъ за холопа, котораго отягиваютъ другъ у друга, — и принестетъ къ холопу сестеръ-дѣвицъ и мать своего соперника. Дѣло не

¹⁾ Дворц. разр. III, стр. 1440, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1013, 1228, 1350, 660, 819, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138.

ограничивалось одними крупными словами, *шумомъ*: иной расходится отъ крупныхъ словъ и шума и начистъ *понять* по крыльцу за врагомъ; гошба иногда оканчивалась тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была проищена кирпичемъ голова ¹⁾.

Толпа молодыхъ, ожидающая на крыльцѣ, безрестанно разступается, даетъ дорогу старымъ боярамъ, окольниковымъ и думнымъ людямъ, которые не останавливаются на крыльцѣ и проходятъ далѣе въ *переднюю*. Передняя имѣетъ важное значеніе передъ крыльцомъ; одинъ жалець, пещисля службы свои, бьетъ челомъ государю: „Пожалуй меня, холопа своего, для великаго чудотворца Алексѣя митрополита и для многолѣтнаго здоровья сына своего царевича, за мое службишко итеричье, — вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней, а родители мои (родственники) пожалованы въ переднюю“ ²⁾. Здѣсь, въ передней, останавливаются бояре, окольные и думные люди, люди трехъ верховъ высшихъ степеней старинной русской службы. Бояринъ — имя, которое встрѣчается уже на первыхъ страницахъ старой лѣтописи въ значеніи старшаго члена дружины и необходимаго совѣтника, душца княжескаго, и эта тѣсная связь между понятіемъ боярина и совѣтника княжескаго выражалась въ эпитетѣ: *бояринъ думанойий*. Окольные, во время усиленія значенія власти княжеской, являются преимущественно въ значеніи царедворцевъ; они распоряжаются при дворцовыхъ церемоніяхъ, при приѣмѣ пословъ; во время путешествія государя ѣдутъ впереди него, приготавливая все на станахъ; въ послѣднее время околичество потеряло значеніе должности и приняло только значеніе чина, означая вторую степень послѣ боярства. Наконецъ, издавна между дружинниками были люди, не достигшіе еще ни боярства, ни околичества, но *живице въ Думѣ*, участвовавшіе въ совѣтѣ великокняжескомъ; отсюда третій чинъ — думные дворяне. Къ этимъ тремъ чинамъ, участвовавшимъ въ Думѣ, совѣтѣ царскомъ, примыкаютъ думные дяки, высшее званіе, котораго могъ достигнуть не военный человекъ, а человекъ пера. Думныхъ дяковъ не больше четырехъ, какъ первые дѣльцы, находившіеся на глазахъ государя, который непосредственно пользовался ихъ ловкими перомъ, ихъ знаніемъ дѣла и опытностію, думные дяки приобретаютъ важное значеніе; особенно сильны становятся они со временъ Грознаго, который, подозрѣвая знатныхъ людей въ враждебныхъ замыслахъ, преимущественно доверять дякамъ, людямъ новымъ, незнатнымъ. До какой степени вліянія могли достигать думные дяки, показываютъ намъ примѣры Щелкаловыхъ, Грамотина. Какъ люди формы и рутины, изъ мелочнаго знанія существующаго извлекавшіе свои выгоды, думные дяки, разумѣется, не могли быть расцело-

жпы къ преобразованіямъ; онѣ считались знатоками дѣла, пользовались въ этомъ отношеніи большимъ уваженіемъ, большимъ вліяніемъ; къ нимъ обращались, какъ къ оракуламъ; поняно, какъ оскорбились, ожесточились они, когда имъ стали говорить, что они не умѣютъ дѣло дѣлать, не умѣютъ прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую питали думные дяки къ дерзкому пововодителю Ордину-Нащокину, осмѣлившемуся учить, указывать, — кому же? — думнымъ дякамъ, какъ будто первые дѣльцы дѣла не знаютъ! взумалъ переучивать ихъ на чужой языкъ, только и словъ отъ него, что въ чужестранныхъ государствахъ не такъ дѣлается.

Бояре, окольные, думные дворяне, думные дяки толпятся въ передней. О чемъ же они говорить между собою, въ ожиданіи выхода царскаго; что ихъ особенно занимаетъ? Въ послѣднее время было о чемъ поговорить: войны тяжкія, походы непрерывные, побѣды смѣнялись пораженіями; не разъ были рѣчи о томъ, что царь покинетъ столицу, къ которой приближается врагъ; казаки измѣняютъ въ Малороссіи; безбожный Степкъ Разинъ поднимаетъ казачество и крестьянство противъ бояръ; патриархъ хочетъ владѣть всемъ; разсердился, что ему не дали владѣть, уѣхалъ, а отъ пагріаршества не отказывается; такого дѣла еще никогда не бывало, подняли святѣйшихъ патриарховъ восточныхъ, чтобы покончили съ Никономъ. Думные дяки ищутъ, что съ Аонасіемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ-Нащокимъ житья нѣтъ, все бранится, все въ укоряетъ, все, но его, дѣлается не хорошо. толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что въ чужихъ земляхъ; а какіе это порядки? — что онъ завелъ во Псковѣ? Приѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего: всемъ владѣють мужики! Но что же будешь дѣлать! Великій государь его жалуетъ, грамоты посылаетъ прямо изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, и Аонасій шлетъ туда же; если уже заведенъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, то всякому можно писать великому государю, что хочетъ, обносится, кого кочетъ: никто не свѣдаетъ. И чему дивиться: былъ бы изъ честнаго, стараго рода, а то откуда взять? Умный человекъ! — никто у него ума не отнимаетъ, да какъ будто все другіе глупы! Вотъ и Матвѣевъ мѣтитъ туда же въ бояре — и попадетъ: у государя въ приближеніи; но этотъ, по крайней мѣрѣ, тихъ, честныхъ людей почитаетъ, тоже любить новые порядки, да не кричитъ, какъ Аонасій.

Но болѣе всего, разумѣется, занимали людей, собиравшихся въ передней, дѣла мѣстническія. Много остатковъ старины сберегла Московская Русь, и между ними крѣпкій родовый союзъ, который тѣмъ былъ крѣпче, чѣмъ слабѣе были все другіе союзы. Понятіе о единствѣ рода, какъ бы онъ ни былъ великъ и развѣтвленъ, сохранилось. Долженъ одинъ изъ членовъ рода заплатить большую сумму денегъ, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшіе члены рода, которыхъ величали господами, обязаны наблюдать за

¹⁾ Случай такихъ *шумовъ* на крыльцѣ см. у Забѣлны: Домашній бытъ русскихъ царей, I, глава III.

²⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1660.

поведеніемъ младшаго, хотя и совершеннолѣтняго, уже находящагося въ службѣ; наказывать его за нравственные безпорядки; и правительство, раздѣлявшее общій взглядъ относительно крѣпости родового союза, взымало на старшихъ членахъ рода за поведеніе младшаго. Понятно, что при такой крѣпости родового союза, при такой отвѣтственности всѣхъ членовъ рода одинъ за другого, значеніе отдѣльнаго лица необходимо исчезало предъ значеніемъ рода; одно лицо было немислимо безъ рода: извѣстный Иванъ Петровъ не былъ мыслимъ какъ одинъ Иванъ Петровъ, а былъ мыслимъ какъ только Иванъ Петровъ съ братьями и племянниками. При такомъ сліянїи лица съ родомъ, возвышалось на службѣ одно лицо—возвышался цѣлый родъ, съ пониженіемъ одного члена рода—понижался цѣлый родъ. Для насъ теперь очень понятно, почему человекъ, имѣющій извѣстный высшій чинъ, занимавшій высшую должность, не захочетъ служить подъ начальствомъ или въ товарищствѣ человека, который моложе его по чину или прежней должности; но представимъ себѣ, что цѣлый родъ составляетъ одно, что каждый членъ слитъ со всѣми остальными членами, — мы поймемъ, почему извѣстный Иванъ Петровъ не хочетъ служить въ товарищствѣ съ Василіемъ Оедоровымъ, если членъ одного рода съ Иваномъ Петровымъ былъ выше члена рода Василія Оедорова; не забудемъ, что лицо независимое, самостоятельное, какъ теперь у насъ, можетъ, по высшимъ нравственнымъ или по какимъ бы то ни было побужденіямъ, преодолѣть побужденія честолюбія. Но старинному русскому человеку преодолѣвать эти побужденія было невозможно, потому что онъ не имѣлъ никакого права располагать честью цѣлаго рода, имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало; поэтому неудивительно, что старинный русский человекъ, столько послушный великому государю, котораго назывался холопомъ съ уничижительнымъ именованіемъ, въ мѣстическихъ случаяхъ ослушивался, за обѣдомъ, въ присутствіи царскомъ, спускался подъ столъ, если его принуждали сидѣть ниже человека, которому онъ не могъ по родовымъ счетамъ уступить; шелъ въ тюрьму, подвергался батогамъ, кнуту, отобранію помѣстій и вотчинъ, но не исполнялъ воли царской: ибо, въ въ противномъ случаѣ, что была бы его за жизнь, какъ бы онъ показался на глаза родичамъ, да и всѣмъ порядочнымъ людямъ, ибо въ глазахъ всѣхъ изъ поруха родовой чести была непростительнымъ преступленіемъ; теперь всякій будетъ каждаго родственника такого преступника *утягивать*, говорить: „Ты можешь быть ниже меня, потому что родственникъ твой Иванъ Петровъ былъ ниже Василія Оедорова, а я равенъ Василію Оедорову или еще и выше его; мой младшій братъ въ такомъ-то походѣ былъ равенъ или даже выше старшаго брата Василія Оедорова“, и т. д.

Члены шестнадцати знатныхъ родовъ имѣли право обойти низшіе чины, поступать прямо въ

бояре: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шенны, Солтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Вуйносоны, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родовъ поступали сначала въ окольничіе и потомъ въ бояре: Куракины, Долгоруки, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрѣшневые, Борятинскіе, Милославскіе, Суклины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Изъ тридцати одной фамиліи 20 княжескихъ. Изъ-которыя изъ князей присоединили къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ прозванія отъ старшихъ своихъ удѣловъ, напримѣръ Ромодановскіе-Стародубскіе. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича показалось это неприличнымъ, и Ромодановскимъ запрещено было писаться Стародубскими. Но знаменитый воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, подавъ челобѣтнюю: „Прислана, твоя, великаго государя, грамота, — написано, чтобъ мнѣ впредь Стародубскимъ не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебѣ, великому государю, извѣстно, князины мы Стародубскіе, а предки мои и отецъ мой, и дяди писались Стародубскіе-Ромодановскіе, да дядя мой князь Иванъ Петровичъ, какъ въ Астраханѣ за насъ, великихъ государей, пострадалъ отъ вора лже-именитаго Августа, по вашей государской милости написать въ книгу и, страданія его объявляя, на Сборное воскресенье поминуютъ Стародубскимъ-Ромодановскимъ. Умилосердись, не веди у меня старрой нашей честишки отнять“. Государь умилосердился, не велѣлъ честишки отнимать¹⁾. Молодого человека знатной фамиліи царь обыкновенно бралъ во дворецъ въ спальники. Должности спальниковъ состояла въ томъ, что они спали у государя въ комнатѣ, человекъ по четыре, церемѣняясь посуточно, раздѣвали и разували государя. Изъ спальниковъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, второстепенныхъ—въ окольничіе, и назывались комнатными или ближними боярами и окольничими. Понятно, что войти въ первый рядъ знати, доставить себѣ и всѣмъ членамъ своего рода право, минуя окольничаго, получать прямо боярство,—было завѣтною цѣлію, и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ея безъ признанныхъ правъ: такъ, напримѣръ, Головинъ, пожалованный изъ дворницъ въ окольничіе, билъ челомъ, что окольничихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ; за это челобѣтье онъ посланъ въ тюрьму и окольничество ему не сказано, сказано другое: „Тебѣ, страднику, ни въ какой чести не бывать; бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь сослать, да государь на милость положилъ“²⁾. Родовая честь была такое большое мѣсто у старинной русской знати, что, несмотря на очевидное первенство одного рода передъ другими, члены

¹⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мпн. Иностр. Дѣлъ, годъ 1675.

²⁾ Дворцовые разряды, III, стр. 226, 228.

рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянные средства, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ этой тяжелой уступки. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣстническое дѣло между двумя перво-степенными родами: въ 1663 году, за торжественнымъ обѣдомъ у государя, князь Юрій Трубецкой получилъ назначеніе выше, чѣмъ Никита Шереметевъ; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкіе выше ихъ, но уступить было тяжело, вспомнили, что они, Шереметевы, старинный московскій знатный родъ, а Трубецкіе хотя и знатны, но князья пришлые, Гедиминовичи Литовскіе; вслѣдствіе этого, старшій между Шереметевыми, бояринъ Петръ Васильевичъ подилъ челобитную: „Я и братъ мой съ княземъ Юріемъ былъ и впередъ по отечеству родителей его былъ съ Трубецкими готовы; только князь Юрій нпоземець и въ нашу пору и хуже насъ съ нимъ никто не бывалъ; такъ если кто нибудь, не зная мѣры своей, станеть меня безчестить, то намъ и отечеству нашему не было бы порухи“¹⁾. Государь сильно осердился на эту новость, когда и съ старыми основаніями мѣстническіе споры были невыносимы: онъ велѣлъ сказать Шереметеву: „Ты князя Юрія обезчестилъ, что назвалъ его нпоземцемъ: Трубецкіе не нпоземцы, старый родъ честный“. На Шереметевыхъ князю Юрію Трубецкому доправлено безчестье: половинный окладъ дяди его, боярина князя Алексѣя Шикитича Трубецкого²⁾.

Шереметевы имѣли право опасаться, что кто нибудь, не зная мѣры своей, будетъ ихъ безчестить вслѣдствіе уступки ихъ Трубецкимъ; нѣсколько разъ Шереметевы обороняли то отъ Долгорукихъ, то отъ Плещеевыхъ, то отъ Бутурлиныхъ, то отъ Годуновыхъ. Но если правительство безпрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, какъ ему трудно было оборонять новыхъ людей, родственниковъ царскихъ, поднявшихся до боярства изъ незначительныхъ людей и выскочекъ въ родѣ Ордина-Нащокіна. Тутъ надобно было взворачиваться разными средствами. Князь Львовъ билъ челомъ на тестя царскаго, боярина Илью Милославскаго; челобитнику отвѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ вопервыхъ потому, что онъ третій братъ; во вторыхъ потому, что прежде не бывали челомъ на царскихъ свойственниковъ³⁾. Еще труднѣе было оборонять Ордина-Нащокіна: стольникъ Матвѣй Пушкинъ билъ челомъ, что велѣть ему ѣхать за польскими послами и съ ними ѣхать къ отвѣту (переговорамъ), а вести переговоры, въ отвѣтъ быть — боярину Ордину-Нащокіну, и ему, Пушкину, меньше Аонасыя быть невмѣстно. Нащокінь, въ свою очередь, билъ челомъ, что Пушкинъ быть челомъ не дѣломъ. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣсть тутъ не бывало и теперь нѣтъ; но Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами въ отвѣтъ бывали честные

люди, а не въ Аонасыеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало, да и теперь нѣтъ. и Пушкинъ уступилъ на первый разъ, поѣхалъ за послами; но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ посламъ; государь послать его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокінымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отпнуть; Пушкинъ отвѣчалъ: „Отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокінь передо мною человекъ молодой и не родословный“⁴⁾. И поставилъ на своемъ, не былъ у послвъ приставомъ, — сказался большимъ⁵⁾.

Подлѣ мѣстничества отдѣльныхъ родовъ другъ съ другомъ шло мѣстничество между членами одного и того же рода, споры о родовомъ старшинствѣ, которые имѣли такое значеніе въ Древней Русской исторіи, происходя въ родѣ княжескомъ. Мы знаемъ, что въ древней Кіевской Руси физическое старшинство брало верхъ, и племяники, несмотря на разныя благопріятныя обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться прелъ правами дядей, — покушенія племяниковъ возстать противъ правъ дядей считались грубѣнными. Въ Руси Сѣверной, Владимірской и потомъ Московской, дѣло пошло быстро обратнымъ путемъ: родовыя отношенія между князьями рушились; племяникъ отъ старшаго брата сталъ наследовать старшинство, за исключеніемъ вѣтъхъ дядей. Этотъ переворотъ въ отношеніяхъ членовъ владѣльческаго рода не могъ остаться безъ вліянія и на отношенія въ другихъ родахъ, и если здѣсь не могло произойти такого же переворота вполне, то, по крайней мѣрѣ, мы въ правѣ ожидать, что произойдутъ уступки, сдѣлки, ограниченія правъ младшихъ дядей предъ старшими племяниками, особенно при вліяніи великаго государя на рѣшенія мѣстническихъ дѣлъ, при опредѣленіи случаевъ: великій государь, господствуя самъ вслѣдствіе новаго представленія о правѣ сына отъ старшаго брата надъ дядями, не могъ не благопріятствовать ограниченію дядей въ пользу племяниковъ, и потому намъ неудивительно встрѣчать въ мѣстническихъ дѣлахъ, что эти ограниченія произошли по повому, государеву уложенію. Изъ описываемаго времени приведемъ одинъ любопытный случай такой родовой уособици: въ 1652 году князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій билъ челомъ на племяника своего, князя Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно: „Онъ мѣ въ роду въ равенствѣ“. Князь Юрій билъ челомъ на лядю: „Хотя онъ мѣ по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца моего онъ осмой сынъ, а я у своего отца первый сынъ, и дѣхъ мой отцу его большой братъ“. Государь сказалъ: „Послѣ велю васъ съестъ старымъ родителямъ (родственникамъ) вашимъ“. Но князь Григорій государя не послушалъ, и за то посаженъ въ оковы⁶⁾. Дѣяки точно такъ-же мѣстничались по

¹⁾ Дополненіе къ дворцов. разрядамъ, стр. 383.

²⁾ Дополненіе къ дворцов. разрядамъ, стр. 100.

³⁾ Дворцовые разряды, стр. 685

⁴⁾ Дворцовые разряды, стр. 302.

своимъ приказнымъ назначеніямъ: дьякъ Елизаровъ, пожалованный въ думные дьяки и оставленный въ Помѣстномъ Приказѣ, билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше думнаго дьяка Гавренева, сидѣвшаго въ Разрядномъ Приказѣ, потому что этотъ Приказъ считался выше Помѣстнаго ¹⁾.

Съ такими-то интересами и стремленіями толплась знать въ передней. Но не всѣ остаются въ передней; ближніе бояре, люди вхожіе, проходятъ поближе къ дверямъ комнаты, соображаютъ, и, *умла время*, входятъ въ комнату, мѣсто завѣтное для другихъ, которые должны дожидаться въ передней. Какъ важно было входить въ комнату, показываетъ слѣдующій случай: царь Михаилъ приказалъ на границѣ встрѣтить королевича Вальдемара боярину князю Юрію Сицкому, а за Московою встрѣтить боярину Михаилу Солтыкову, и сказано быть безъ мѣстъ; но князь Сицкій, утася отъ Солтыкова, билъ челомъ въ комнату, безъ людей, царю, и государь велѣлъ дать ему невмѣстную грамоту, что ему можно быть больше Солтыкова и родичей его. Солтыковы успѣли поправить дѣло уже при царѣ Алексѣѣ ²⁾.

Наконецъ двери отворяются; входитъ великій государь, и всѣ, упавъ его, кланяются въ землю. Государь садится въ большое кресло въ переднемъ углу и подзываетъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ есть дѣло. Если царь кликнетъ боярина, а его нѣтъ,— тотчасъ посылается за опоздавшимъ, котораго ждетъ грозный выговоръ, зачѣмъ опоздалъ. Расправа съ гѣми, которые оплошали, не исполнили или не такъ исполнили царское приказаніе, коротка: государь сейчасъ же велитъ выслать ихъ вонъ изъ палаты или посылаетъ въ тюрьму. Иногда государь разговариваетъ долго съ разными боярами; всѣ другіе стоятъ; устанутъ,—выходятъ на дворъ посидѣть и опять возвращаются наверхъ. Но вотъ иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ самъ подходитъ къ царю и кланяется въ землю; у него челобитье—отпустить въ деревню; приступаютъ другіе, отправиваются въ гости, на свадьбу, па крестины или на именины;—отприсется необходимо, потому что въ вечерни всѣ опять должны быть во дворцѣ. Между челобитчиками нѣкоторые подносятъ калачи государю: это именинники; государь спрашиваетъ ихъ о здоровьи и поздравляетъ; потомъ они пойдутъ съ калачами къ царю, царевичамъ и цареннамъ.

Послѣ приема бояръ, государь шель обыкновенно къ обѣдин со всѣмъ Дворомъ; а послѣ обѣдин, въ передней или комнатѣ государь принимался за дѣла. Для доклада дѣлъ каждому вѣдомству назначены были особые дни: въ понедѣльникъ докладывались дѣла изъ Разряда и Посольскаго Приказа; во вторникъ изъ Приказовъ Большой Казны и Большаго Прихода; въ среду — изъ Казаискаго Дворца и Помѣстнаго Приказа; въ четвергъ—изъ Приказа

Большаго Дворца и изъ Сибирскаго; въ пятницу изъ Судныхъ Приказовъ Владимірскаго и Московскаго. Съ докладами подходили начальники Приказовъ и сами ихъ читали передъ государемъ. Есть у государя важное дѣло,—онъ призываетъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и это называется *сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ* ³⁾. Бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя подала, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породю ниже, окольничіе подъ боярами, думные дворяне подъ окольничими, также по породѣ, а не по службѣ; думные дьяки стоятъ, но иногда государь прикажетъ и имъ сѣсть. И тутъ иногда дѣло не обходилось безъ смуты: Пушкины пошли въ тюрьму, побранившись съ Долгоруковыми въ то время, какъ государь *сидѣлъ съ боярами* ⁴⁾. Когда всѣ усядутся, государь объявляетъ свою мысль и приказываетъ, чтобы бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ. Тутъ вслѣдъ, кто имѣетъ способъ въ головѣ, объявляетъ свою мысль, а иные „брады свои устава, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе грамотѣ не учены“ ⁵⁾. Состоится приговоръ, и государь и бояре приказываютъ думнымъ дьякамъ номѣтитъ и приговоръ записать. Въ извѣстномъ выраженіи: „государь указалъ и бояре приговорили“—указывается на означенный ходъ совѣщанія; царь приказываетъ своимъ совѣтникамъ, „помысля, дать къ дѣлу способъ“; совѣтники даютъ способъ—и составляется приговоръ. Если придавать этому выраженію важное какое-нибудь значеніе, то надобно будетъ придать важное значеніе и другому, употребляемому въ старину выраженію: „По указу в. государя и по приказу дьяковъ сдѣлано то-то“ ⁶⁾. Если, вслѣдствіе совѣщанія, нужно написать грамоту въ иностранное государство, то это поручается посольскому думному дьяку; дьякъ велитъ писать подъячему, а самъ вычеркиваетъ или прибавляетъ; когда грамота изготовлена, то ее слушаютъ сперва одни бояре, а потомъ всѣхъ съ царемъ; то же соблюдается и относительно всѣхъ другихъ приговоровъ. Если дѣла не такъ важны, или, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, государь не можетъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказываетъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказываетъ имъ *сидѣть* о какомъ-нибудь дѣлѣ. Бояре сидятъ во дворцѣ, и отсюда выраженіе: возносить дѣла къ боярамъ *всерегъ*.

Кромѣ обычныхъ *сидѣний* великаго государя съ боярами, бывали еще чрезвычайныя совѣщанія, на которыя приглашались высшее духовенство и выборные изъ другихъ сословій. Эти чрезвычайныя

³⁾ Дворцов. разряды, III, стр. 1109.

⁴⁾ Дворцов. разряды, III, стр. 290.

⁵⁾ Кошкинъ, стр. 19.

⁶⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.

¹⁾ Дворцовые разряды, стр. 34.

²⁾ Акты, касающ. до юридич. быта, стр. 152.

совѣщанія, или *Соборы*, бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, причемъ потребуются долгая и тяжелая служба ратныхъ людей, съ другой стороны—потребуются денежные пожертвованія съ тяжлыхъ людей; нужно призвать выборныхъ, или совѣтныхъ людей изъ тѣхъ и другихъ, изъ всѣхъ чиновъ, чтобы сказали свою мысль, и если скажутъ, что надобно начинать войну, то чтобы послѣ не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексѣй, отпуская ратныхъ людей въ Литовскій походъ, говорилъ имъ: „Въ прошломъ году были Соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные; на Соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ Польскихъ королей; вы слышали это отъ своихъ выборныхъ,—такъ вамъ бы за злое гоненіе на Православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять“. Выборные или *совѣтные люди* являлись на Соборъ изъ Москвы и областей, изъ разныхъ чиновъ людей, напримѣръ: изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по два человѣка; изъ меньшихъ—по человѣку, изъ гостей—по три человѣка, изъ гостиной и суконой сотенъ—по два, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ, изъ посадовъ—по человѣку. Изъ крестьянъ выборныхъ не было; иногда не вызывались и горожане изъ областей, призывались только московскіе гости, изъ гостиной и суконой сотни старосты, изъ черныхъ сотенъ сотские. Голосъ совѣтные люди имѣли совѣщательный; у нихъ отбирались мнѣнія или сказки для соображеній; сказки подавались или соединенно дѣлами чинами, или по мѣстностямъ; но каждый совѣтный человѣкъ могъ подать отдѣльно свое мнѣніе.

Совѣтные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресвѣтлое царское величество, торговые люди обязались платить пятую или десятую деньгу съ своихъ животовъ и промысловиковъ; великій государь рѣшилъ, что откладывать войну нельзя, походъ сказанъ придворнымъ ратнымъ людьямъ, гоццы скажутъ въ области къ воеводамъ, чтобы высылали служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ ихъ вотчинъ и помѣстій. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ многочисленнымъ классомъ служилыхъ людей, разсѣянныхъ по центральнымъ, западнымъ и южнымъ областямъ государства. Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ названіе, которое всегда скажетъ много, особенно когда будемъ слѣдить за его измѣненіями. Въ древнѣйшія времена мы видали въ Россіи первоначальное дѣленіе народа на военныхъ и певоенныхъ, мужей и мужиковъ; военные люди по отношенію къ вождю своему, князю, носятъ названіе дружины. Это названіе, отъ какого бы корня оно ни производили, заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи. Въ Московскомъ государствѣ названіе дружины исчезаетъ, ибо исче-

заетъ понятіе. Чѣмъ же оно постепенно замѣняется? Изъ-за дружины сначала выступаетъ Дворъ, и производное отъ него—дворянство, и приобретаетъ все болѣе и болѣе силы. Сначала болѣе и дѣти боярскія сохраняютъ относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ, съ возвышеніемъ значенія государя и его Двора, названіе *дворянство* беретъ верхъ надъ названіемъ *сынъ боярский*, и послѣднимъ означаетъ низшій классъ военныхъ людей; съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ вождю выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе *служилые люди* въ противоположность всему остальному народонаселенію, которое не поднимается, сохраняетъ по-прежнему относительно военныхъ людей значеніе мужиковъ. Но и военные люди уже болѣе не мужи, а служилые люди, холоны государя; названіе „служилый“, „служащій“—живетъ до сихъ поръ; до сихъ поръ въ народѣ говорятъ: *это служащій*, въ противоположность купцу, мѣщанину. Но было еще другое названіе, которое обозначало вознагражденіе за службу, названіе *помѣщикъ*. Если названіе: „служилый человѣкъ“—опредѣляло отношеніе къ государю, то названіе „помѣщикъ“—опредѣляло отношеніе къ землѣ, къ народонаселенію, которое должно было содержать военнаго человѣка. Если въ древности переходной дружинѣ соответствовало содержаніе, получаемое прямо отъ князя въ видѣ денегъ, то образованію изъ дружины служилого сословія на сѣверѣ, въ Московскомъ государствѣ, соответствовала система испомѣщенія на земельныхъ участкахъ, зависѣвшая оттого, что великій князь сталъ государемъ, усѣлся и опредѣлилъ точно свои отношенія къ землѣ, сдѣлалъ ея хозяиномъ, распорядителемъ. Легко понять, какое впечатлѣніе въ странѣ произвело испомѣщеніе военныхъ людей на земляхъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое произвело испомѣщеніе Германцевъ въ областяхъ Римской имперіи: въ странѣ подлѣ немногочисленныхъ вотчинниковъ явился многочисленный классъ людей, пользующихся землею, полновластныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія. Вотчинники стали также брать помѣстья, земля явилась предназначенною для испомѣщенія военныхъ людей; помѣщичья явилась главнымъ землевладѣльцами, служилый человѣкъ для остального народонаселенія сталъ немислѣмъ безъ помѣстья, и названіе *помѣщикъ* для землевладѣльца укоренилось въ народѣ крѣпко, осталось и тогда, когда помѣстья исчезли.

Преображеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на перемену въ характерѣ военнаго русскаго сословія, независимо уже отъ различія въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія, въ характерѣ князей и дѣятельности ихъ. Въ членахъ подвижной дружины, перебѣгавшей съ княземъ своимъ изъ одной области въ другую, безпрестанно готовой перевѣдаться съ дружинами враждебныхъ князей, необходимо

сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, не покидавшіе оружія въ постоянной борьбѣ съ степными варварами, въ постоянныхъ усобицахъ княжескихъ; въ многочисленныхъ, находившихся постоянно на виду дружинахъ, преимущественно въ мелкихъ схваткахъ, храбрость каждаго члена была явна, и возбуждалось соревнованіе; война была главнымъ и постояннымъ занятіемъ, однимъ словомъ — военный характеръ сохранялся вполнѣ. Кромѣ побужденія повсюду, у себя на Руси, и въ чужихъ странахъ честь свою взять, присоединялись и другія побужденія къ оказанію храбрости: матеріальное благосостояніе дружины зависѣло отъ богатства князя, а это богатство могъ доставить или поддержать только мечъ дружинника: „Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото“, говорилъ Св. Владиміръ и приказывалъ подавать серебряныя ложки дружинѣ, которая ронзала, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Но характеръ долженъ былъ необходимо измѣниться, когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все мирное время до перваго призыва. Онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ, и привыкалъ къ своему мирному положенію, которое становилось для него естественнымъ, постояннымъ, а военное время — случайнымъ, чрезвычайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться. Если бы еще можно было сейчасъ же встрѣтить непріятеля, побиться — и назадъ, домой; а то надобно собираться въ долгій путь, покидать семью, хозяйство на неопредѣленное время; въ отсутствіе хозяина семья можетъ быть очень плохо, все пойдетъ не такъ; живется обыкновенно въ помѣстьи со дня на день, на черныя дни не припасено, а для похода надобно дѣлать чрезвычайныя издержки, занимать деньги — разоренье! Хорошо, если кто отъ природы храбръ, любитъ подраться; но съ теченіемъ времени служилое сословіе превратилось въ касту; сыновья служилаго человѣка, храбры они или нѣтъ, чтобъ не потерять своего значенія и средствъ пропитанія, получивши помѣстья, должны являться по первому призыву на службу. Такимъ образомъ, испомѣщеніе служилыхъ людей уничтожило характеръ древней дружины: вмѣсто постоянного войска, каковыя была дружина, съ военнымъ духомъ, съ сознаніемъ военныхъ обязанностей, съ побужденіями воинской чести, оно создало классъ мирныхъ гражданъ, хозяевъ, которые только случайно на время войны, несли уже тяжкую для нихъ службу. Съ каждымъ позывомъ въ походъ въ семействахъ помѣщиковъ должны были повторяться сцены, подобныя тѣмъ, какія теперь происходятъ въ семействахъ передъ отпускомъ рекрутъ; сколько нуждъ и лишеній долженъ претерпѣть! — быть *самъ*, жить хозяиномъ полновластнымъ, окруженный покорною семьею, холодами и крестьянами, а теперь надобно идти подъ начальство: какой-то попадетъ воевода? — понадались притѣ-

снители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьютъ челоуъ — и воевода возьметъ къ себѣ въ *заоеводчики* (въ свиту), — а то бѣда! И возвратится ли; — возвратится ли невредимъ? а понадеется въ плѣтъ къ Татарамъ, въ Литву или къ Нѣмцамъ — люторамъ безбожнымъ! Вспомнимъ также, что войны XVII вѣка, неуспѣхъ которыхъ зависѣлъ отъ дурнаго устройства русскаго войска. въ свою очередь, не могли содѣйствовать вызванію духа въ служилыхъ людяхъ, внушенію увѣренности. Вспомнимъ о совершенной неприготовленности русскаго служилаго человѣка къ ратному дѣлу, о немудрыи владѣть оружіемъ, которое кому же было очень плохо, — и не удивимся свидѣтельству современника, Русскаго же человѣка ¹⁾, который сравниваетъ полкъ служилыхъ людей съ стадомъ: „У лѣхоты ружье было плохо, и владѣть имъ не умѣли, только бороились ручнымъ боемъ. конями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На коницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ: иной дворянинъ и зарядитъ пищали не умѣетъ, не только-что выстрѣлить въ дѣль; убьютъ двоихъ или троихъ Татаръ и дивятся, стаятъ большимъ усмѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили — ничего! Нѣтъ пошеенія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай, Воже, рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время бою того и смотрять, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долину, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимай!“ Отсюда понятно, почему мы видимъ въ служилыхъ Русскихъ людяхъ XVII вѣка стремленіе отбывать отъ службы, отговариваться отъ выступленія въ походъ болѣзнію, приписываться какъ-нибудь къ гражданскимъ дѣламъ, задаривать воеводъ и сыщиковъ, чтобъ только оставили въ покоѣ, прятаться отъ нихъ; во время службы опять задаривать воеводъ и сотенныхъ головъ, чтобъ отпустили домой, наконецъ побѣгъ изъ полковъ. Уложеніе грозить за первый побѣгъ кнутомъ, за второй — кнутомъ, убавкою помѣстнаго и денежнаго окладовъ, за третій — кнутомъ и отнятіемъ помѣстья; за побѣгъ домой съ бою — кнутомъ нещаднымъ и отнятіемъ половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; сотенному головѣ, отсутствию служилаго человѣка безъ государева указа и воеводскаго вѣдома, — батогами и тюрьмою; воеводѣ — жестокомъ наказаніемъ „что государь укажетъ“. По угрозы Уложенія не помогли: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей.

¹⁾ Погожкова, стр. 186 и слѣд.

Помѣстная система ослабила въ служилыхъ людяхъ воинскій характеръ: но при этомъ они не выигрывали въ другихъ отношеніяхъ; имъ за службу давали землю, на которой они жили и съ которой кормились; жизнь покойная и праздная въ помѣстьяхъ отучала ихъ отъ военной службы, главнаго ихъ назначенія, влѣдствіе чего служба, когда приходило ей время, являлась тяжкимъ, для нѣкоторыхъ невыносимыхъ бременемъ. Ничего не могло быть вреднѣе этихъ длинныхъ отдыховъ въ помѣстьяхъ послѣ походовъ, ибо вообще ничего не можетъ быть вреднѣе для чловѣка дѣятельности временной, за которую нагнущая продолжительное бездѣйствіе; ничто такъ не отучаетъ отъ дѣятельности, отъ труда, особенно когда чловѣкъ считаетъ себя въ правѣ предаваться бездѣйствію, когда онъ знаетъ, что имѣетъ важное значеніе, всѣми признаваемое, имѣетъ обязанность, которую и исполнить, когда призвуютъ; а нѣтъ призыва, имѣетъ право ничего не дѣлать. Но хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ? Хозяйственная дѣятельность была слишкомъ проста при тогдашнемъ застоя, остановивъ на первоначальныхъ формахъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ имѣть какъ можно болѣе чловѣческихъ рабочихъ силъ въ своемъ распоряженіи; а если этихъ силъ не много, то малое число работниковъ заставлять производить какъ можно больше, издерживая на нихъ какъ можно меньше. Мы знаемъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ, переманки богатѣйшими землевладѣльцами крестьянъ у бѣднѣйшихъ и необходимость, какую чувствовало правительство дать кормъ послѣднимъ, т. е. снабдить ихъ земли работниками, привели къ прикрѣпленію крестьянъ. Но и послѣ прикрѣпленія крестьяне продолжали переманиваться и уходили: отсюда тяжбы за переманку крестьянъ, гоньба за бѣглыми составляетъ самый важный предметъ занятія для помѣщика. Мы видѣли, какъ правительство запрещало отпускъ служилыхъ людей изъ полковъ; но дѣлалось исключеніе: воеводы могли отпускать ихъ домой, въ случаѣ домовнаго разоренія и *людскаго побыта*. Архивы наполнены дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ, въ Уложеніи дѣлая глава изъ 34 статей посвящена этому предмету. Съ другой стороны, у помѣщика не было побужденій къ усиленію хозяйственной дѣятельности и потому, что это былъ слуга, обезпечиваемый своимъ господаремъ. Господарь давалъ ему землю, слуга былъ сытъ; господарь далъ ему постоянныхъ работниковъ и покровительствовалъ ему при ихъ отысканіи, когда они бѣгли отъ работы; относительно будущности семейства слуга также обезпеченъ: женѣ, дочерямъ дадутъ земли на прожитокъ, сыновьямъ, какъ вырастутъ, поступятъ на службу государеву, будетъ придача къ отцовскому помѣстью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желаніе усилить свои матеріальныя средства, то къ этому считался приличнымъ одинъ способъ—*быть у*

дѣла и кормиться, обогащаться насчетъ тѣхъ, которымъ эти дѣла были надобны.

Несостоятельность Русскихъ служилыхъ людей-помѣщиковъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ уже давно стала замѣтна и необходимо повела къ мысли о преобразованіяхъ. Вездѣ въ Европѣ эти преобразованія шли одинакимъ путемъ. И на Западѣ, когда члены первоначальнаго войска, дружины, попомѣстили на земельныхъ участкахъ, зажили своими домами, своими землями, то, несмотря на болшую самостоятельность ихъ положенія, чѣмъ у насъ въ Россіи, несмотря на то, что отсутствіе государственнаго порядка, отсутствіе безопасности заставляло cadaго землевладѣльца, cadaго *благороднаго* бытъ постоянно вооруженнымъ, постоянно стоять на-сторожѣ, что, разумѣется, сильно подерживало воинскій духъ, вело къ явленію рыцарства, какъ учрежденія, вызваннаго первоначально необходимостію защиты слабаго отъ сильнаго,—несмотря на все это, однако войны феодальнаго періода отличаются своею мелкостію и непродолжительностію: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при болшей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговоренъ срокъ—и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ. Западно-европейскимъ правительствамъ съ феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять къ дружинѣ! Дружины въ разныхъ странахъ не переставали выдѣляться, какъ у насъ казаки; но тамъ, на Западѣ, не было степей, поля, гдѣ бы богатыри могли свободно *казаковать, поляковать*; тамъ, на Западѣ, дружины составляютъ наемныя войска. Таковы армяки во Франціи, ландскнехты въ Германіи, брабанты въ Нидерландахъ, таковы швейцарскія компаніи, итальянскіе кондотьеры. Въ нѣкоторыхъ странахъ, наиболѣе слабыхъ государственнымъ единствомъ, дружины вели къ тѣмъ же явленіямъ, какія мы видѣли въ началѣ Среднихъ вѣковъ, во время самаго сильнаго движенія дружинъ: вожди итальянскихъ кондотьеры основываютъ государства. Правительства другихъ странъ—болѣе сильныя—употребляютъ дружины какъ наемныя войска, какъ наемную стражу, именно какъ употребляли ихъ нѣкогда западные и восточные Римскіе императоры. Отъ наемныхъ дружинъ сдѣланъ былъ уже переходъ къ національному постоянному войску. Но отъ сбродныхъ дружинъ, искавшихъ службы у разныхъ государей и мѣнявшихъ эту службу при первомъ случаѣ, не скоро очистилась Европа. Въ Россіи онѣ появились съ начала XVII вѣка, съ царствованія Годунова; особенно стало ихъ много при царѣ Михаилѣ, когда, влѣдствіе тяжелыхъ онытовъ, ясно была сознаана несостоятельность русскаго военнаго строя. Но тутъ же начинается, съ помощію иностранныхъ офицеровъ, и обученіе русскихъ ратныхъ людей иноземному строю, явленіе разныхъ видовъ войска съ иностранными названіями, что

было переходомъ къ постоянному войску. Устроили рейтарскіе полки, выбирали въ нихъ изъ жильцовъ, дворянъ городовыхъ, изъ дворянскихъ дѣтей, недорослей, изъ дѣтей боярскихъ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ и изъ вольныхъ людей; давали имъ жалованья по 30 рублей въ годъ, оружіе (карабины и пистолеты), порохъ, свинецъ; но лошадей и платье должны были покупать сами. Также брали въ рейтары со 100 крестьянскихъ дворовъ по человѣку, изъ имѣній церковныхъ и изъ имѣній тѣхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, которые не могли сами служить, за старостию, по болѣзни, равно какъ съ измѣній, принадлежавшихъ вдовамъ и дѣвщцамъ. Составленные такимъ образомъ рейтарскіе полки учились новому воинскому строю у своихъ полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ, которые были или изъ иноземцевъ, или изъ Русскихъ (стольниковъ и дворянъ), которые уже прежде выучились новому строю. На сѣверо-западѣ, вблизи ивѣдской границы, были устроены военныя солдатскія (пѣхотныя) поселенія; жили крестьяне на прежнихъ своихъ участкахъ, наши пахали, угодили владѣльцѣмъ, данныхъ и оброчныхъ денегъ не платили, но учились солдатскому строю у иноземцевъ. Сначала велѣно было ихъ учить военной службѣ ежедневно; но въ 1650 году государь велѣлъ ихъ полагать, учить въ недѣлю день или два, чтобы имъ отъ пашии и отъ промысловъ не отбыть ¹⁾. На степной Украинѣ были поселены, „устроены вѣчными житьемъ“ ²⁾ драгуны, служба которыхъ была конная и пѣшая.

Но поселенныхъ солдатъ стало мало во время тяжелыхъ и продолжительныхъ войнъ царствования Алексѣя Михайловича: въ 1653 году поскакали по городамъ посланцы государевы; прїѣдутъ въ городъ, соберутъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на сѣвѣзній дворъ, говорятъ имъ государево милостивое слово и ихъ тѣмъ обнадеживаютъ, чтобы дѣти ихъ, братья и племянники, которые не въ службѣ и помѣстьями не надѣлены, писались въ солдатскій строй, — будеть имъ непремѣнно государское жалованье и милость, велитъ государь ихъ написать по московскому и по жупецкому списку, будеть имъ кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не станутъ, то впередъ имъ служилымъ людямъ не называться и съ государевой службѣ отпую не бывать, а быть въ землешапахъ. Тогда же было велѣно на посадахъ и въ слободахъ переписать у стрѣльцовъ племянниковъ, зятявъ, прїемышей, половничниковъ и всякихъ захребетниковъ, также дворянскихъ, которые не крѣпостные холопы и не пашенные крестьяне, велѣно у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ въ солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у нихъ дома ³⁾.

Такимъ образомъ составлялись полки солдатъ,

или *жесдаковъ* ⁴⁾; каждый полкъ назывался по имени своего начальника, наприм. полкъ Агея Шенцелова. Мы видѣли, что каждому, кто записывался въ солдаты, обѣщаны были кормъ и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денегъ на день, кантеноармусамъ и подпрапорщикамъ по 8, капитанамъ по 7 рублей на мѣсяць, поручику по 5; поддѣльныхъ денегъ давали по полтиннѣ, да за пубу по полтиннѣ. Была еще льгота: солдатскимъ женамъ и матерямъ выдавалась соль безденежно ⁵⁾. Но если стариннымъ служилымъ людямъ приходилось плохо отъ иныхъ воеводъ, то солдатскіе полковники еще менѣе могли переимониться съ своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхожденію; солдаты полку Агея Шенцелова жаловались на своего полковника, что онъ бьетъ ихъ и увѣचितъ и въ тюрьму сажаетъ безъ государева указа и сыска, для своей бездѣльной корысти, и берегъ съ нихъ поминки большіе ⁶⁾. Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирныхъ гражданахъ.

Подлѣ этихъ служилыхъ людей съ новыми, иноземными названіями — солдатъ, рейтаръ, драгунъ, — сохранились старые: *городовые казаки*, которымъ въ мирное время правительство давало дворы и землю пахотную, не брало съ нихъ оброка и никакихъ податей, а во время службы давало имъ жалованье. Не тронуты были и *стрѣльцы*, войско, отправлявшееся въ походы въ военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду въ городахъ. Стрѣльцы жили отдѣльными слободами въ городахъ, каждый своимъ домою, промышляли и торговали и вмѣстѣ служили государеву службѣ. Въ одной Москвѣ ихъ было больше 20 приказовъ, въ приказѣ — отъ 800 до 1,000 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ приказъ выборный, *стрѣльчатый*, потому что бывалъ всегда у царскаго тремени, оберегалъ государя и государыню во всехъ походахъ. Начальные люди у стрѣльцовъ головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; въ головы, полуголовы и сотники — берутъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ пятидесятники и десятники — изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцамъ давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военныя силы Московскаго государства, предъ эпохою преобразования. Эта эпоха приготовлялась тѣмъ, что, не трогая стараго, приставляли къ нему новое. Необходимость новаго, несостоятельности стараго были признаны; но, какъ обыкновенно бываетъ, первые шаги были нерѣшительны; на первыхъ порахъ новое являлось еще робко, безъ официального признанія его преимуществъ. Старая дворянская конница сохраняла

¹⁾ Акты Историч., IV, № 39; Дополн. къ Акт. Историч., III, № 65.

²⁾ Кошчичинъ, стр. 106.

³⁾ Акты Историч., IV, № 70.

⁴⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мпн. Ип. Дѣлъ, годъ 1660.

⁵⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мпн. Ип. Дѣлъ, годъ 1668.

⁶⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мпн. Ип. Дѣлъ, годъ 1637.

свое первенствующее положеніе; никто изъ значительныхъ дворянъ не хотѣлъ служить въ рейтарахъ или солдатахъ; потомки старыхъ дружинниковъ съ презрѣніемъ смотрѣли на войска новаго строя, точно такъ, какъ и на стрѣльцовъ. Попрежнему единственнымъ постояннымъ войскомъ остаются стрѣльцы. Какъ только оканчивалась война, всѣ ратные люди разбѣжались по домамъ; распускались по домамъ и служилые люди новаго строя, рейтары, солдаты.

Въ разныхъ видахъ земля должна была доставлять содержаніе, кормъ ратнымъ людямъ. Въ мирное время ратный человѣкъ кормился отъ помѣстья, иной также отъ вотчины; это кормленіе лежало на крестьянствѣ, прикрѣпленномъ къ помѣстьямъ и вотчинамъ. Наступитъ война, ратному человѣку нужно дать вспоможеніе, денежное жалованье; это берутъ на себя, кромѣ крестьянъ, городскіе промышленные люди; смотря по тяжести войны, всѣ они платили то двадцатую, то десятую, то пятую леньгу отъ своихъ промысловъ и животновъ. Отсюда ясно видно, что бѣдность государства и отсутствіе постоянного войска условливали главнымъ образомъ Соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовѣриться въ готовности ратныхъ людей выступить въ походъ и въ готовности торговыхъ и промышленныхъ людей давать имъ для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходовъ, то Соборы прекращаются. Наконецъ третій видъ кормленія для ратныхъ людей было кормленіе *отъ дѣль*.

Отъ дѣль кормились ратные люди разныхъ чиновъ, начиная отъ боярина до самаго мелаго служилаго человѣка. Бояре, окольничіе и думные люди засѣдали въ Приказахъ. Приказъ есть одно изъ самыхъ вышнихъ, самыхъ характеристическихъ явленій древней Россіи, Московскаго государства. Времени пропхожденія этого учрежденія нельзя опредѣлить влѣдствіе самой простоты его. Государь одному изъ своихъ приближенныхъ *приказываетъ* вѣдать постоянно одно какое-нибудь дѣло или нѣсколько дѣлъ однородныхъ, или совершенно разнородныхъ, придаетъ ему въ помощь другого или двухъ; для письменнаго руководства необходимо являлись дьяки, подьячіе, — и образовывался Приказъ. Такъ какъ Приказъ имѣлъ свои расходы, то для покрытія ихъ приписывались къ нему *изъ отдѣльнѣ* города или извѣстные разряды податныхъ людей, съ которыхъ онъ собиралъ подати. Съ развитіемъ государственной дѣятельности, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго Приказа, и число Приказовъ увеличивалось все болѣе и болѣе.

Мы не пойдемъ по вѣзмъ этимъ Приказамъ: ихъ слишкомъ много; остановимся только на тѣхъ, которые лучше другихъ покажутъ намъ особенности древне-русскаго строя.

Вотъ Приказы, въ которыхъ сосредоточивается хозяйство великаго государя, дворы парскіе — казенный, сытенный, кормовой, хлѣбный, житный,

конюшенный. Характеръ великаго государя, хозяина, господаря, и отношеніе его къ службѣ своей здѣсь рѣзко высказываются. Въ Приказѣ Казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложена казна парская, сосуды золотые и серебряные и множество всякаго рода дорогихъ и недорогихъ матерій, всякая *домовая* казна, изъ которой берутъ на разныя надобности особамъ парскаго дома и потому на жалованье всякаго чина людямъ; государь жалуетъ платьемъ приближенныхъ къ себѣ людей и вообще непосредственно ему служащихъ, даритъ знатныхъ людей шубами бархатными, золотыми и атласными на соборяхъ. Если жаловалъ великій государь боярина какимъ-нибудь платьемъ, то приказывалъ выдать не только матерію, но и весь прикладъ, напримѣръ: «Всѣмъ государю на однорядку шарядную, купя въ ряду, дать сукно самое доброе вишневое и прикладъ: пять аршинъ сукна куплено по 2 рубля 16 алтынъ 4 деньги за аршинъ; 15 аршинъ галуну золотнаго по 10 алтынъ за аршинъ; 14 аршинъ тафтянаго торочку на нашивку, по три деньги за аршинъ; 14 пуговицъ съ фишифтомъ и яхонтовыми искрами, по гривнѣ за пуговицу; на подцирку 1½ аршина атласу, итого рубль 16 алтынъ 4 деньги, да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублевъ 5 алтынъ 4 деньги»¹⁾. Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому; потому что у боярина во дворѣ были свои портные, точно также и у великаго государя на казенномъ дворѣ были свои портные и скорняки. Человѣкъ 100; шили платье дома, по чулки и рукавицы на государя и царевичей работали въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, котораго монахини отличались этимъ мастерствомъ; прикажетъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ купить въ ряду золота, серебра, кружева золотого съ серебромъ и огдать старинцѣ Антонидѣ на чулочное дѣло и рукавичное. Зачѣмъ же бояринъ Матвѣевъ этимъ распорядится? Развѣ онъ казначей или вообще завѣдываетъ Дворомъ государевымъ? Нѣтъ, онъ вѣдаетъ дѣла посольскія и Приказъ Малороссійскій; но онъ очень близкій человѣкъ къ государю и его семейству, и потому заказываетъ чулки и рукавицы²⁾. Кромѣ знатныхъ людей, съ казеннаго же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портнцу дворянамъ, стриччимъ, жильцамъ, конюхамъ, сокольникамъ, пѣвчимъ, истонникамъ, парцанамъ мастерамъ, ивелямъ, выдаются бархатныя верники и соболы на шапки, книжки на подкладку, сафьяны на сапоги; съ казеннаго же двора отпускаются ежегодно сукна стрѣльцамъ, отпускаются сукна, соболы и шелковыя матеріи Донскимъ казакамъ. Но великій государь благочестивъ, не можетъ онъ забыть духовенство: и дѣйствительно, на казенный дворъ безпрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари

¹⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ист. Дѣл, годъ 1673.

²⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ист. Дѣл, годъ 1673.

московскихъ и городовыхъ соборныхъ и просныхъ парскихъ церквей за государевымъ жалованьемъ, за сукнами; иныя давали ежегодно, другимъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, какъ повелось. Больше 18,000 духовенства перебиваетъ на казенномъ дворѣ за сукнами. Дачи съ казеннаго двора не ограничивались однимъ русскимъ духовенствомъ: въ Москвѣ всегда можно было встрѣтить греческихъ монаховъ, архiereвѣ, архимандритовъ и простыхъ чернецовъ, которые прѣѣхали за милостынею; у нихъ царскія жалованья грамоты, въ которыхъ означено, въ какой срокъ имѣютъ они право прѣѣзжать въ Москву за сборомъ на церковное строенье; казенный дворъ снабжаетъ ихъ сосудами, парчами, бархатами.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знаетъ Приказъ Большаго Дворца. Въ немъ сидятъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный дворянинъ, да два или три дьяка; вѣдомы въ немъ больше 40 городовъ, собираются подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, откуновъ и со всякихъ угодій; кромѣ 40 городовъ, вѣдомы еще 8 слободъ московскихъ: котельники, оловяничники, кузнецы, плотники, рыbnики, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собираетъ Приказъ вѣдъ денегъ до 120,000 рублей въ годъ, и идутъ эти деньги на всякіе дворцовые расходы. Въ Приказѣ Большаго Дворца вѣдомы дворы: сытешный, кормовой, хлѣбный, житный, которые представляютъ такія же любопытныя особенности, какъ и казенный дворъ. Изъ 30 погребовъ сытешнаго двора выходило ежедневно по 100 ведеръ вина, пива и меду по 400 и 500 ведеръ. Прѣѣзжаютъ изъ разныхъ странъ послы съ многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили въ Москвѣ, поятъ и кормятъ ихъ на царскій счетъ: это гости, — нельзя хозяйку заставить ихъ кормиться на свой счетъ. Кромѣ иностранцевъ, и Русскимъ людямъ, въ числѣ пожалованій, исходящихъ отъ великаго государя, было пожалованье погребомъ. На кормовомъ дворѣ ежедневно готовятся многочисленныя кушанья для государя и въ раздачу. Отъ каждаго обѣда и ужина царскаго посылаются съ источниками блюда, *подачи* къ боярамъ, думнымъ людямъ и сыльникамъ. Не получить кто-нибудь изъ нихъ подачи, является на другой день во дворецъ, съ запросомъ къ дворецкому, съ бранью ключникамъ: что это значить, что мнѣ не прислано? Царскаго гнѣва на мнѣ итъ; за что такое безечье? Челобитне самому царю: „Вины на себѣ не вѣдаю никакой, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещенъ“. Начинается сыскъ; все записано, все можно найти въ книгахъ, кому послано и кому итъ, и съ кѣмъ послано. Итъ въ книгахъ — забыли послать: разсыльщики добиваютъ челомъ у обиженаго, царь гнѣвается на дворецкаго, окольничаго, а ключникамъ тюрьма на цѣлый день. Сыщутъ въ книгахъ, что послано съ такимъ-то источникомъ, — источникка къ вопросу: куда дѣвался? Или самъ съѣлъ, или въ грязь уронилъ, или пролилъ: источникка передъ

дворцомъ бытъ богатоми. Каждый день на государевъ столъ и подачи расходится больше 3,000 блюдъ. Однихъ рыбныхъ запасовъ изойдетъ въ годъ больше, чѣмъ на 100,000 рублей. Большое количество запасовъ доставляютъ дворцовыя волости; онѣ шлютъ рожь, овесъ, пшеницу, просо, конопля, живыхъ барановъ, свиныхъ мяса, куръ, яйца, сыры, коровье масло, хмель: обязаны доставлять также извѣстное число возжекъ посконныхъ, лыкъ, кулей рогожныхъ, хомутовъ, съ гужами, супоньями и плетями, оглобли санныя и телѣжныя, дуги, дрова, сѣно. На житномъ дворѣ 300 житницъ; свозятъ въ нихъ хлѣбъ всякаго рода изъ дворцовыхъ селъ, изъ понизовыхъ городовъ съ полей, что съѣтся на царя; и хлѣбъ этотъ не для одного царскаго обихода: его раздаютъ въ жалованье духовенству, дворнымъ и другимъ чиновъ людямъ, стрѣльцамъ. Берутъ хлѣбъ съ житнаго двора, отдаютъ молотъ по царскимъ мельницамъ въ Москвѣ и по селамъ, везутъ на хлѣбный дворъ, и здѣсь, кромѣ того, что идетъ на дворецъ, пекутъ хлѣбы и калачи опять въ раздачу всякимъ людямъ. Для сметаны, молока и сыровъ устроены подъ Москвою коровій дворъ, на которомъ 200 коровъ, въ ближнихъ селахъ также коровы дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорахъ и въ уѣздахъ, платили отъ двухъ рублей съ алтыномъ до 6 рублей ¹⁾. Свѣжіе плоды для дворцоваго обихода шли изъ государевыхъ садовъ, которыхъ было слишкомъ 50 въ Москвѣ, окрестностяхъ и по городамъ. Въ однихъ только московскихъ садахъ было: 14,545 деревъ яблонныхъ, 494 груши, 2,994 дерева вишень, 72 гряды малины, 14 кустовъ винограда, 192 сливы, 260 грядъ да 252 куста смородины красной, 74 гряды — черной ²⁾. Если запасовъ, привозимыхъ изъ дворцовыхъ волостей, не стаетъ, уговариваются ставить ихъ уговорщики (подрядчики). Но иногда покупаютъ ихъ по разнымъ мѣстамъ прямо изъ дворца. Понадобятся орѣхи, четвертей 200, отправляются закупать ихъ трое страпчихъ хлѣбнаго двора, будутъ въ Тулу, Калугу, Кашинь, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, въ уѣзды этихъ городовъ по торгамъ и малымъ торжкамъ; къ воеводамъ посылаются грамоты, чтобъ готовы были цѣловальники для выбора орѣховъ и отвозки ихъ въ Москву, дьячки для писема, стрѣльцы, пушкари и разсыльщики для разсылки; чтобъ готовы были албары, куда сънять орѣхи до отвоза въ Москву, сторожка для береженья. Съ такими же церемоніями покупалось конопляное масло въ Калугѣ и въ уѣздѣ ³⁾. Въ Можайскѣ и Вязьмѣ у посадскихъ и всякихъ чиновъ людей, также въ уѣздахъ, въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ садахъ покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устраи-

¹⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ии. Дѣль, годъ 1671, 1674.

²⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ии. Дѣль, годъ 1674.

³⁾ Доложи. къ Акт. Историч. Ч, 50; Забѣлша—Домашній бытъ русскихъ царей; I, 81.

вались въ бочки, наливались пѣтокою; сливы соплились и отпускались въ Москву. Виноградъ привозили изъ Астрахани, просто и въ пакотѣ; у государя въ Астрахани были свои виноградные сады: старый садъ, который строили Русскіе люди въ 1647 году; два сада, которые завелъ Голицинецъ Яковъ Давыдовъ; садъ, заведенный Французомъ Посказажомъ (!) Подовинымъ (Poitevin?); садъ, купленный у Ушакова; 9 садовъ, взятыхъ на государя. Астраханцы не смѣли продавать винограду изъ садовъ своихъ до государева указа, и торговые люди не смѣли у нихъ покупать подѣ страхомъ жестокаго наказанія. Были большія хлопоты, чтобъ въ Астрахани и по Тереку выдѣлывать вино на парскій обиходъ. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказажъ Подовинъ, и учили винодѣлю Русскихъ людей. Въ 1658 году было прислано изъ Астрахани въ Москву на обиходъ великаго государя 1,206 ведеръ; въ 1659 году изъ винограда парскихъ садовъ прислано было вина 25 бочекъ. Для казеннаго двора надобился другой дорогой товаръ, который можно было добывать на югѣ,—шелкъ; въ 1658 году прислано было 39 гривенокъ шелку сыру, который сдѣлали въ Астрахани шелковые мастера, иноземцы и Армяне. Обратили вниманіе и на марену: приказано было, чтобъ Русскіе люди продавали ее въ казну, а казна будетъ продавать ее въ Персію. Въ 1673 году гетманъ Самойловичъ, по царскому требованію, прислалъ въ Москву Малоросіянъ, чтобъ указали, на какой землѣ и въ какое время сѣять анисъ; Малоросіяне были отправлены въ ниже-ломовскія и шацкія мѣста ¹⁾).

Конюшенный Приказъ прежде вѣдалъ бояринъ конюшій, первый бояринъ по чину и чести; въ XVII вѣкѣ это званіе уничтожили, и сталъ вѣдать Конюшенный Приказъ ясельничій, да дворянинъ, да дьякъ; въ конюшенномъ вѣдомствѣ считалось больше 40,000 лошадей.

Понятно, что не могло сидѣть никакого боярина въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ; этотъ Приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичъ для переписки, о которой онъ не хотѣлъ, чтобы все знали; былъ тутъ дьякъ да нѣсколько подьячихъ, но въ этомъ Приказѣ вѣдались также дѣла, которыя особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла; вѣдалась любимая царская потѣха—птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ хищникамъ шли голуби; для голубей былъ устроенъ особый дворъ, на которомъ было голубиныхъ гнѣздъ больше 100,000. И эти невинныя птицы также вѣдались въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то очень страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи.

Посольскій Приказъ, который „вѣдалъ дѣла всехъ окрестныхъ государствъ“, долго не имѣлъ

большой важности, потому что дѣла по сношеніямъ съ иностранными державами рѣшались у государя наверху съ боярами и думными людьми; для переговоровъ съ иностранными посланцами назначались также изъ бояръ и думныхъ людей, слѣдовательно Посольскій Приказъ былъ только канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ, и въ немъ сидѣлъ думный дьякъ. Только со временъ Андреевскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордину-Нащокину, который получилъ пышный титулъ „Великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и государственной печати обергатея“, т. е. канцлера. Аванасій Лаврентьевичъ, по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о Посольскомъ Приказѣ, называлъ его окомъ Россіи, въ томъ значеніи, что иностранцы по нему судятъ о цѣломъ государствѣ и народѣ, и требовалъ отъ служащихъ въ немъ, отъ дьяковъ, соответственнаго этому значенію поведенія; требовалъ, чтобъ дьяки не мѣшали кабацкихъ дѣлъ съ посольскими и были воздерживѣ въ своихъ рѣчахъ съ иностранцами. Но какъ же имъ было исполнить первое требованіе, когда съ Посольскимъ Приказомъ, подѣ вѣдѣніемъ посольскаго думнаго дьяка, былъ соединенъ Приказъ—Новгородская четверть, въ которомъ вѣдалась города: Великій Новгородъ, Исковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и другіе поморскіе и пограничные города, сборъ съ нихъ всякихъ доходовъ, а съ 1667 года съ Посольскимъ Приказомъ былъ соединенъ не только Приказъ Малороссійскій—это было прилично ²⁾, но также Приказы или чети (четверти) Владимірская и Галицкая?

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Помѣстнаго Приказа, ясны изъ самаго его названія. Служебными назначеніями, военными и гражданскими завѣдывалъ *Разрядный* Приказъ, потому что различія между обѣими службами не было: тѣ же самыя лица назначались одинаково въ ту и другую. Но такъ какъ впоследствии появились особыя разряды войска, то для ихъ вѣдѣнія явились и Приказы *Стрѣльчій*, *Рейтарскій*, *Пушкарскій*, *Иноземный*, вѣдавшій иноземныхъ служилыхъ людей. Приказъ *Большой Казны* вѣдалъ гостей, гостинной и суконой сотенъ торговыхъ людей, серебрянаго дѣла мастеровъ и *многихъ* городовъ торговыхъ людей, также денежній дворъ. *Большой Приходъ* собиралъ доходы въ Москвѣ и *другихъ* городахъ съ лавокъ, гостинныхъ дворовъ, съ погребовъ, съ мѣры, таможенныхъ пошлинъ. *Счетный* Приказъ вѣдалъ приходъ и расходъ всего Московскаго государства. *Разбойный* Приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего Московскаго государства. Для гражданского суда въ дѣлахъ служилого сословія два Судныхъ Приказа—Московскій и Владимірскій. Приказы, вѣдавшіе извѣстныя области, были: Приказъ Казанскаго Дворца, Сибирскій Приказъ, Приказъ княжества Смоленскаго, Новгородская четверть, Владимірская четверть, Устюжская четверть, Костром-

¹⁾ Акты Историч. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 136, 138; Дополн. къ Акт. Историч., IV, 60; Архивъ Минист. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 24.

²⁾ Дополн. къ Акт. Истор., V, 44.

ская четверть, Галицкая четверть. Всѣхъ Приказовъ было больше сорока. Доходу въ нихъ приходило со всего государства 1.300,000, кромѣ Сибирской казны¹⁾. Подлѣ обширныхъ Приказовъ, въ которые стекались разнородныя дѣла, видимъ Приказъ *Панаонидный*, въ которомъ вѣдомо было поминованіе по усопшимъ царямъ; Антекарскій, въ которомъ вѣдомы были антека и медики иностранныя, 30 человекъ и русскіе ученики ихъ—человѣкъ съ 20. Приходъ сбора стрѣлцкаго хлѣба—особый Приказъ; кромѣ Приказа Каменныхъ дѣлъ, были еще особый Приказъ Каменныхъ Житницъ.

Приказы были наполнены подьячими, которые дѣлялись на старыхъ, средней статьи и молодыхъ; разница въ жалованьи была въ inomъ Приказѣ отъ 40 рублей до 2, въ другомъ отъ 65 до 4, въ третьемъ отъ 50 до 5, въ inomъ отъ 20 до 1. Нѣкоторые подьячіе получали помѣстный окладъ по 350 и 250 четвертей. Кромѣ подьячихъ, получавшихъ же жалованье, верстаныхъ, были еще служившіе безъ жалованья, изъ однихъ доходовъ, неверстаные, которые раздѣлялись на старыхъ и молодыхъ. Неверстаныхъ въ inomъ Приказѣ было не мало,—доказательство, что можно было быть сытими и безъ государева жалованья на одной *тисчей деньгъ*: такъ, напримѣръ, въ Разрядномъ Приказѣ было 74 подьячихъ верстаныхъ и 33 неверстаныхъ.

Вояре, окольничіе, думные дворяне и дяки зашли по Приказамъ; но много еще остается служившихъ людей не такъ знатныхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ Приказахъ, а *покорниться* надобно, быть челомъ въ воеводы покорниться, — челобитная исполнена. Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,—и честь большая, и корыть сытний. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники,—послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетюшки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ столонемъ; радуется вся дворня—ключники, подклѣтные—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята—и ихъ не забудутъ; нуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи городовой (блаженный), живущій во дворѣ, — ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города.

Всѣ русскіе города, съ перваго взгляда, были похожи другъ на друга. Въ серединѣ самый городъ, т. е. крѣпость, очень рѣдко каменная, обыкновенно деревянная; въ inomъ городѣ городской мастеръ, Голландецъ, сдѣлалъ земляной валъ²⁾. Въ городѣ соборная церковь, събѣжая или приказная изба, гдѣ сидитъ воевода, судитъ и рядитъ, передъ которой быть на правѣхъ несправившихъ плательщиковъ; губная изба—для уголовныхъ дѣлъ; казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казны; тюрьма, одна или нѣсколько; свѣтительскій дворъ; воеводскій дворъ; осад-

ные дворы сосѣднихъ помѣщичковъ и вотчинниковъ, въ которые они переѣзжаютъ во время неприятельскаго нашествія. За стѣною посадь, здѣсь большая площадь, гдѣ въ торгоны дни ставится съ хлѣбомъ и со всякими товаромъ. На площади земская изба, средоточіе мірскаго управления, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ посадскими людьми; гостиный дворъ, таможня, кружечный дворъ, конская изба; далѣе идутъ дворы тяглыхъ людей: „на дворѣ изба (теплое жилье), да баня съ поредбанникомъ, да клѣтъ съ подклѣтомъ, да подпогребница“; все это нехитрое строеніе³⁾ стоитъ иногда три рубля. Зимой въ избѣ тепло, но лѣтомъ въ иныхъ городахъ бывало очень холодно. На лунитѣ весна, проглянетъ нѣсколько теплыхъ дней, но городу и по саду уже ходятъ бирюхи и кричатъ: „Заказано накрѣпко, чтобы избѣ и мылень никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ есть варить,—подѣлайте печи въ огородахъ и на полахъ мѣстахъ въ земляхъ, подальше отъ хоромъ, отъ вѣтру печи огородите и лубьями уштите гораздо“. По воеводскому приказу, занчатаютъ избу и баню, надобно жить въ клѣтѣ; завернуть холода, а во многихъ мѣстахъ они завертывали часто, люди трясутся отъ холода, inomу и горячимъ согрѣться нельзя, печь въ огородѣ развалилась, а новой склать нельзя, нѣтъ ни одного камешника и кирпичника, всѣ выгнаны въ Москву на работы городовой и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь негдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной нужи расходятся люди отъ своихъ домовъ, живутъ по волостямъ и деревнямъ.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями, видѣются церкви, вообще тоже нехитраго строенія,—иныя каменные, но больше деревянные; подлѣ церквей дома священниковъ и причта; прихожане выбираютъ священника, выберутъ и возьмутъ съ него запись: „Призвали они меня, пона (такого-то), полюбовню и челобитную за руками (архіерею) о мнѣ подали, и мнѣ, пону, служить изъ церковнаго дохода, мірскаго подаянія, да мнѣ-жъ, пону, быть послужну къ болямъ и къ рожаницамъ и ко всякой духовной потребѣ и въ церковь Божию; я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не далъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служба мнѣ въ той церкви, строенія церковнаго и всякой утвари своимъ не называть и до церковныхъ свѣчъ и до огарковъ и до денежнаго церковнагобору дѣла нѣтъ, и того церковнаго мѣста мнѣ, пону, не продать и не заложить и на свое имя не справить и ни въ какія крѣпости не укрѣпить, и по умертвіи моемъ женѣ моей и дѣтямъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣтъ; церковниковъ мнѣ безъ мірскаго вѣдома одному не принимать и не отказывать; а буде я противъ сей записи въ чемъ-нибудь не устою, и имъ, прихожанамъ, съ докладу (архіерея) мнѣ отъ цер-

¹⁾ Кошкина, главы VI и VII.

²⁾ Акты Историч., IV, № 14.

³⁾ Акты города Шун, стр. 309.

кви и отъ церковнаго мѣста отказать“. Подобныя записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковниковъ подъ свою руку и церковную казну называли своею. При церквяхъ же находились богадѣльни, или дома нищей братіи. Около каждой церкви кладбище; въ концѣ города *убойнй домъ*, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей умершихъ въ государственной опалѣ, также опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ⁴⁾.

Воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересчитываетъ все по описанью, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ, посадскихъ и жильскихъ людей, ихъ дѣтей и братья, и ипемьянниковъ, которые въ возрастѣ, соеѣдей и захребетниковъ. Воевода привезъ съ собою длинный царской наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промыслить государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобъ все государево было пѣло, чтобъ вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобъ въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа, корчемства, расчутства; кто обивается въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судить и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Воевода смотритъ, чтобъ всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города, изъ уѣзда. Вторымъ лицомъ послѣ воеводы былъ губной староста, въдавшій дѣла уголовныя; его выбирали всѣхъ чиновъ люди изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Иногда впрочемъ губной староста безъ выборовъ назначался правительствомъ. Но были лица, выбиравшіяся одними земскими людьми на мірекую службу. Главное между ними лицо—это земскій городовоі и всеуѣздный головной староста. Староста одинъ для города и уѣзда, потому что уѣздные крестьяне связаны съ посадскими людьми общими хозяйственными распоряженіями, сообща раскладываютъ подати, сообща кормятъ воеводу, который управляетъ городомъ и уѣздомъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этой связи между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, послѣдніе посылали въ земскую избу выборныхъ людей *къ совѣту* (волостныхъ третчиковъ). Какъ только выберутъ земскаго старосту, подъячій ишетъ записи и всѣ избиратели прикладываютъ руки; въ записи говорится: „Всѣ посадскіе люди выбрали и излюбили въ мірекую службу въ головные старосты такого-то; въдать ему въ мірѣ всякія дѣла и въ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно и невольнo къ мірекому дѣлу нудить, а ему міру никакой грубости не учинить, а что міру отъ его грубости учинится и ему собою поднимать“. Кромѣ *головнаго* старосты, въ нѣкоторыхъ городахъ ему въ товарищи выбиралось

еще нѣсколько земскихъ старостъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ посадскими и совѣтными отъ крестьянъ людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ *окладчиковъ* изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, „добрыхъ и знающихъ людей, досужихъ, въдан чью отъ житія къ Богу душевную добродѣтель и правду, и которымъ бы такое окладное дѣло было въ обычай“. Въ земской же избѣ посадскіе люди выбираютъ пѣловальниковъ къ государеву дѣлу. Воеводѣ запрещено вступаться въ денежные сборы и въ мірския дѣла, огнивать волю въ мірскомъ окладѣ и въ пныхъ дѣлахъ; запрещено складывать данный окладъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей безъ сыску и приговору мірскихъ людей; запрещено въѣзживаться въ выборы; воевода только беретъ выборы по выборнымъ пѣловальникамъ за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, и послѣ не можетъ выборнаго пѣловальника перемѣнить или посадить въ тюрьму безъ вины, для своей корысти. Но по винѣ можетъ и перемѣнить и посадить въ тюрьму, потому что воевода обязанъ наблюдать, чтобъ земскіе старосты, пѣловальники и денежные сборщики, мужики богатые и *горляны* мелкихъ людей не обижали, длиннѣе денегъ съ мірскихъ людей не собирали.—Второй предметъ совѣщаній на сходкахъ въ земской избѣ—городовое хозяйство: такъ, здѣсь приговаривали раздѣлить нахотную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ на извѣстное число дѣтъ впродъ до мірскаго же раздѣла; при этомъ посадскіе люди приговаривали, что никто не смѣетъ отдать своего участка постороннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто; если же отдастъ, то терять свой участокъ, который отбирается въ мірѣ⁵⁾. Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія или вѣстнаго начальства, или дать знать въ Москву; земскій староста здѣсь впереди; онъ представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ бегетъ челомъ „во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто“.

Тяжела была мірекая служба головному старостѣ, потому что міръ составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло въ Россіи XVII вѣка. Тяглый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ своему городу, потому что уйдесть—платить перестанетъ, и міръ долженъ будетъ за него *поднимать*. Въ смутное время тяглые разбѣжались, и при царѣ Михаилѣ правительствомъ хлопотало о томъ, чтобъ возвратитъ ихъ на прежнее мѣсто жительства, ибо опустѣлыя посады не могли ничего платить, а въ казнѣ не было денегъ. Уложеніе позволило ожившимся переселенцамъ не возвращаться на старыя мѣста; но, разумѣется, никакъ не могло позволить снова переходить изъ города въ городъ и избывать податей. Но если въ посадѣ, въ тяглыѣ было тя-

⁴⁾ Акты Арх. Эксп. IV, № 38; Акты города Шуи, стр. 88, 356; Приказная дѣла. Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676.

⁵⁾ Акты юридич., стр. 289, Приказная дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676; Акты Историческ., IV № 23. Акты города Шуи, стр. 61.

жело, то понятно, что много было охотниковъ уйти: въ 1658 году объявлена была смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, также за жевишьбу и выдачу замужу за посадь безъ отпускной. „Вѣгуть! вопячь мірскія челобитныя царю; дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правещѣ!“ Правительство велѣть ловить; но гдѣ же было поймать бѣглеца въ странѣ, въ которой господствовали лѣсъ и степь? Постановленіе смертной казни за побѣгъ всего лучше показываетъ безсиліе мѣръ правительственныхъ.

Вѣгуть, бросаютъ дворы — одна бѣда для міра. Но была еще другая. Приходятъ, селятся, строятъ дома, возникаютъ пѣблыя слободы около посадовъ. Но это не тягальцы, не плательщики, это разорители, закладчики, — заложились за архіереевъ и бояръ, торгуютъ, промышленяютъ, а тягла не тянутъ и подаей не платячь. Опять пошли мірскія челобитныя, сначала оставались безъ отвѣта, потому что сильнымъ людямъ не хотѣлось терять закладчиковъ; и только послѣ Московскаго бунта, когда были поданы снова на Соборѣ, Уложеніе постановило: „Архіерейскія, боярскія и всякихъ чиновъ людей слободы, устроенныя въ городахъ на посадскихъ земляхъ, взять въ посадь безповоротно; не строй на государственой землѣ слободъ и не покупай посадской земли. Вотчины и помѣстья, которыя на посадахъ и около посадовъ, взять за государя и устроить къ посадамъ податями и службами, а вотчинникамъ и помѣщикамъ дать взаиміи изъ государевыхъ сель. Кто посмѣетъ закладываться за частныхъ людей, тѣмъ кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; кто приметъ закладчика, тому быть въ великой опалѣ; земли, гдѣ будутъ жить закладчики, брать на государя“. Предвидѣли лазейку и постарались ее закрыть: „У кого въ городахъ загородные дворы и огороды, тому держать на нихъ только одного дворника; а станеть держать много крестьянъ и бобылей, — брать за государя въ тягло“. Бунтъ закладчиковъ не состоялся. Но правительство было безсилно вполнѣ покончить борьбу за свои и мірскіе интересы съ интересами частныхъ людей; оно закладчику грозило кнутомъ и Сибирью, а принимавшему закладчика неопредѣленною великою опалою. Въ 1667 году правительство принуждено было высказаться болѣе опредѣленно, грозить отобраніемъ помѣстій и вотчинъ тѣмъ, которые снова принимаютъ къ себѣ отписанныхъ въ тягло закладчиковъ и крестьянъ ⁴⁾. Иногда городскіе тягальцы платились за свое торжество, что по ихъ челобитнѣ возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратьевъ съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ. Изъ города Луха бѣглецы тягальцы принимались въ сель Мыту, принадлежавшемъ князю Репнину. По Уложенію, ихъ вывели опять въ Лухъ. Приказчикъ Репнинскій въ Мыту, Шибаевъ, да изъ крестьянъ тамошнихъ двое братьевъ Стрѣловыхъ не упустили

случая мстить на Лушанахъ за это правительственное распоряженіе. Въ Тихоновой пустынѣ, на ярмаркѣ, сидѣло трое Лушанъ за приниками, мыломъ и ягодами; откуда ни возьмись Шибаевъ съ своими крестьянами; приники, мыло и ягоды полетѣли на землю, а продавцы едва успѣли убѣжать поздраву, потому что мытовскіе крестьяне гнались за ними съ ножами. Въ другой разъ Шибаевъ явился на ту же Тихоновскую ярмарку съ большою вооруженною толпою, велѣлъ хватать луховскихъ посадскихъ людей и приводить къ себѣ; тѣ, слышавъ приказъ, побросали товары — и бѣжать; но двоишь покoloji ножами, товары пропали. Въ третій разъ, во время Тихоновской же ярмарки, когда всѣ Лушане были здѣсь, и въ городѣ оставались только старый да малый, Шибаевъ съ семидесятью вооруженными крестьянами прѣзжаетъ въ Лухъ и прямо къ сѣвѣжей избѣ, кричитъ, что убьетъ воеводу; отъ сѣвѣжей избы поѣхалъ на кабакъ, разбилъ здѣсь чуланы, требуя даромъ вина; потомъ сталъ ѣздить по посаду, крича: „Бейте, рѣжьте посадскихъ людей до смерти!“ Женщины отъ страха бросились бѣжать въ лѣса, беременныя выкинули. Мимо села Мыта лушанягъ не смѣлъ пробѣжать, а тутъ шла большая Нижегородская и Балахонская дорога; слѣдовательно Лухъ былъ запертъ: жителямъ его некуда было ѣздить торговать ⁵⁾.

Вѣда приходила иногда на городскихъ тягальцовъ и отъ своей братьи, богатыхъ торговыхъ людей московскихъ: при царѣ Михаилѣ гостинная сотня обратилась къ правительству съ просьбою о пополненіи, и государь велѣлъ пополнить ее лучшими людьми изъ слободъ. Въ началѣ царствованія Алексея Михайловича, въ 1647 году, гостинная сотня опять была челомъ, что въ ней многіе люди померли, а другіе обидѣли отъ государевыхъ службъ, служить стало некому, и государь велѣлъ пополнить гостинную сотню лучшими людьми изъ московскихъ черныхъ сотенъ и изъ городовъ. Но въ 1648 году, воспользовавшись бунтомъ и уступчивостію правительства, земскіе люди изъ городовъ били челомъ, чтобъ ихъ отдать назадъ ихъ братью, взятую въ гостинную сотню; государь согласился, а гостинная сотня, какъ сама призналась, бить челомъ не посмѣла въ то смутное время за бзблню. Но въ слѣдующемъ году, когда все утихло, страхъ прошелъ, гостинная сотня подала снова челобитную о прибавочныхъ людяхъ. По окладнымъ спискамъ оказалось, что гостей было въ это время только 13 человекъ, гостинной сотни лучшихъ, ереднихъ и худыхъ 158, тогда какъ до Московскаго разоренья было 350 семей; въ суконой сотнѣ оказалось 116 человекъ. Изъ этого извѣстія всего лучше можно видѣть, какія слѣдствія изъ торговаго русскаго сословія имѣло смутное время, Московское разоренье, послѣ котораго торговые люди въ продолженіи XVII вѣка уже не могли поправиться ⁶⁾. Велѣдствіе

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., IV, № 101, 158.

⁵⁾ Дополн. къ Актамъ города Шуи. Гарелина, стр. 139.

⁶⁾ Дополн. къ Актамъ Историн., Ш, № 47.

войны съ Польшею, въ Москвѣ оказалось много плѣнныхъ Бѣлоруссовъ, *мѣщанъ* — имя, до сихъ поръ неизвѣстное въ Великой Россіи: но Андрусовскому перемирію они получили свободу, но пожелали остаться въ Москвѣ. Сперва ихъ роздали въ тягло по чернымъ сотнямъ и слободамъ, но въ 1671 году велѣно за Срѣтенскими воротами построить для нихъ новую слободу, которая получила названіе *Мѣщанской*, и мѣщане взяты въ вѣдомство Малороссійскаго Приказа ¹⁾.

Трудно было выйти изъ посаду, изъ тягла на волю, въ нетяглые люди. Быть можетъ, оставалась возможность выхода въ служилые люди, въ которыхъ также нуждалось правительство? Но еще въ самомъ началѣ Московскаго государства надобность въ тяглыхъ людяхъ, въ пашельщикахъ, была, какъ видно, такъ-же велика, какъ и въ служилыхъ; еще тогда князья въ своихъ договорахъ повторяютъ постоянно условіе вѣдать тяглыхъ людей сообша и въ службу къ себѣ не принимать. Въ XVII вѣкѣ, послѣ разоренья, нужда въ тяглыхъ людяхъ не могла уменьшиться, и правительство не позволяло выхода изъ тяглыхъ въ служилые, велитъ набирать въ послѣдніе вольныхъ, охочихъ людей, а не тяглыхъ. Если тяглый человѣкъ пойдетъ охотою въ стрѣльцы, то велѣно возвращать его назадъ, въ тягло, съ двумя сыновьями, и только третій сынъ оставался въ стрѣльцахъ. Исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ людей, которые пошли въ казаки до Смоленскаго похода, т.-е. до начала Польской войны, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Если правительство не позволяло тяглецамъ вступать въ военную службу, но тѣмъ менѣе могло позволить имъ выходить въ подьячіе; оно готово было позволить имъ *кормиться перомъ*, но съ условіемъ не выходить изъ тягла. Въ 1668 году двое посадскихъ изъ Вологды били челомъ: „Мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышленя и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ писемомъ посадскіе оскудалые люди: вели, государь, намъ кормиться площаднымъ писемомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выпененыя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобы намъ впредь твоихъ податей и службъ не отбыть и вконецъ не погибнуть“. Позволено, „если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми“. Эти площадные подьячіе писали въ своей писчей избушкѣ всякія крѣпости и постороннія письма. Надъ площадными подьячими былъ староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобъ всякія крѣпости и постороннія письма писали съ его вѣдома, и работныхъ людей помѣчали имена и вершили на площади, и по помѣткамъ безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди не давали, давали-бы въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной палатѣ

(съѣзжей избѣ). Староста долженъ былъ смотрѣть за площадными подьячими, чтобъ кто воровски не наисалъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей; также чтобъ вмѣсто записей торговымъ людямъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пошлина не пропала: на ослушниковъ староста долженъ подавать докладныя письма за руками въ приказной палатѣ, и тѣмъ людямъ отъ площади будетъ отказано. Назначались эти старосты такимъ образомъ: площадные подьячіе подадутъ челобитную, что староста ихъ устарѣлъ и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣтъ быть у нихъ старостою такому-то, и великій государь указывалъ быть такому-то старостою. Въ малыхъ мѣстахъ, въ слободахъ, площадное письмо отдавалось на откупъ одному какому-нибудь человѣку ²⁾.

Тѣ самыя крѣпостныя отношенія, которыя существовали у насъ до послѣдняго времени относительно крестьянъ и дворовыхъ людей, встарину существовали относительно посадскихъ или тяглыхъ людей, крѣпкихъ своему городу: такъ, женится вольный человѣкъ на тяглой вдовѣ и пойдетъ къ ней въ домъ; женится вольный человѣкъ на посадской дѣвицѣ и пойдетъ къ тестю въ домъ, — тотъ и другой прикрѣпляются къ городу въ тяглые люди.

Служилый человѣкъ долженъ былъ служить, посадскій тяглый платить за содержаніе, за жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношеніе между двумя частями народонаселенія длилось вѣка и условило основной взглядъ ихъ другъ на друга: военный смотрѣлъ на посадскаго или на крестьянина какъ на человѣка, котораго трудъ и сбереженіе этого труда имѣли непосредственное назначеніе кормить его, ратнаго человѣка. Седьмая глава Уложенія о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства начинается такъ: „Съ Польскимъ, и съ Литовскимъ, и съ Нѣмецкимъ, пиними окрестными государствамъ, у государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Россіи вѣчный миръ и докончаніе. А будетъ которыми мѣрами съ которымъ государствомъ у Московскаго государства война зачнется, или въ которое время изволитъ государь кому, своему государеву недругу, мстити недругу и указать послать на нихъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ, и съ ними всякихъ чиновъ ратныхъ людей, и для той службы велитъ государь своимъ государевымъ ратнымъ людямъ всего Московскаго государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратнымъ людямъ деньги сбирати со всего Московскаго государства“.

Черезъ пять лѣтъ по изданіи этого постановленія, въ которомъ высказывался только извѣстный обычай, началась война и продолжалась до конца царствованія Алексѣя Михайловича, и перешла въ царствованіе его преемника; пошли войны и съ

¹⁾ Дюссон. къ Актамъ Историч. VI, № 39.

Исторія Россіи, т. XIII, кн. III.

²⁾ Прикази дѣла Москов. Архива Мпн. Ин. Дѣлъ, годъ 1600, 1668: Акты Историч., V, №№ 149, 92.

Польскимъ, и съ Нѣмецкимъ (Шведскимъ) государствами, и съ Черкасами, и съ Татарами, и съ Турками, и съ Разинимъ, и съ Соловевскими бунтовщиками. Легко понять положеніе тяглыхъ людей.

Пріѣхали въ города выборные, бывшіе въ Москвѣ на Соборѣ, и привезли извѣстіе: рѣшено—быть войнѣ. Въ Уложеніи уже опредѣлено, какое непосредственное слѣдствіе этого рѣшенія: сборъ денегъ. Указъ не замедлилъ прити—сбирать пятую или десятую, или двадцатую деньги; плдуть тяглые люди и „по святой непорочной евангельской заповѣди Христовѣ“ говорить правду, что каждому доведется заплатить отъ животовъ и промысловъ. Утаить нельзя: товарищи, торговые люди, знающъ торговлю и промыслы каждаго, скажутъ и положить, что доведется взять. Съ начала Польской войны, при царѣ Алексѣѣ собирали сперва двадцатую деньги, потомъ десятую въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а въ 1652 и 1663 годахъ собирали пятую деньги ¹⁾. Кромѣ денегъ, брали натурою на кормъ рагнымъ людямъ: муку ржаную, сухаръ, крупы, толокно; брали подводы подъ военные снаряды,—брали съ 60 дворовъ по лошади съ проводникомъ, телѣгою и со всею упряжью, со всѣми путевыми принасами,—это были платежи чрезвычайные, на случай войны. Постоянно тяглые люди платили: дани и оброки, деньги на выкупъ плѣнныхъ (съ двора по 8 денегъ, съ дворовъ служилыхъ людей по 2 деньги), стрѣлцкія деньги, ямскія деньги, деньги на кормъ воеводамъ, въ подмогу подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ дѣловальникамъ: на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги—за позволеніе зимою въ прорубахъ воду черпать, платятъ мыть и скотъ поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крѣпости въ городахъ; обязаны были строить мосты ²⁾. Въ 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средствъ, какъ бы увеличить доходы, какъ бы заставить платить тѣхъ, которые еще не платили. Пошли грамоты по городамъ: переписать бобылей, пѣшкы и захребетниковъ, которые службъ никакихъ не служатъ, подачей не платятъ, живутъ въ бѣлыхъ. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: „Развѣ мы, сироты твои, безданны! Съ 1624 года каждый годъ платимъ въ казну окладного оброка съ дворовъ и съ пустыхъ мѣстъ по 2 рубля по 10 алтынъ; въ смоленскую службу платили мы по 2 рубля съ двора, да платимъ по 8 алтынъ по 2 деньги съ двора за хлѣбные запасы; да съ тѣхъ же дворовъ платимъ по 6 алтынъ по 4 деньги съ воротъ; да по 8 денегъ съ двора, плѣнникамъ на вы-

купъ, да за подводы даточнымъ на годъ по рублю съ двора; да въ прошлыхъ же годахъ платили мы съ посадскими людьми върядъ съ прожитковъ своихъ и животовъ десятую деньги“ ³⁾.

Для пригѣбра, сколько сходило въ казну денегъ съ города, возьмемъ средней по богатству городъ, именно Устюгъ Великій: съ него въ 1670 году „оброку и пошлинъ, за намѣщенчъ кормъ, за присудъ, за поплинныхъ людей доходъ, съ сохъ дани, за поминочные черные соболы, ямскихъ и приметныхъ денегъ, за городовое, заѣзное и ямчужное (селитренное) дѣло, за полужную пошлину, соколякъ оброку, казначеевыхъ, дьячыхъ и подъячыхъ пошлнъ, за вратчиковую новоротную пошлину, съ посаду, съ 11 сохъ и съ пошлотрети сохи по окладу 321 рубль 13 алтынъ 5 денегъ. Да съ лавокъ и амбаровъ, съ лавочныхъ и амбарныхъ мѣстъ, съ хлѣбныхъ полковъ, съ харчевыхъ избъ, кузницъ, островковъ, шарей, присадъ, полянокъ, дворовыхъ пустыхъ мѣстъ, съ Пятницкаго сельца, съ новороспашныхъ деревень за посопный хлѣбъ оброку 81 рубль 12 алтынъ 5 денегъ. Таможениной пошлнны 4,910 рублей; съ бани 44 рубля; съ кружечныхъ дворовъ 4,330 рублей“ ⁴⁾.

Часть этихъ доходовъ истрачивалась тутъ же на постоянныя городскія надобности или на какія-нибудь чрезвычайныя издержки, по приказу изъ Москвы. Въ иныхъ городахъ доходовъ не ставало на городскія нужды. Изъ Великаго Новгорода прислали вѣдомость: „Съ Новгорода и новгородскихъ пригородовъ, съ посадовъ и уѣзду, данныхъ и оброчныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ денегъ соберется по окладу 11,318 рублей, а въ расходъ въ В. Новгородѣ жалованья денежнаго стрѣльцамъ, казакамъ и инымъ оброчникамъ и на неокладные всякіе расходы придется дать 7,656 рублей, да хлѣбнаго жалованья стрѣльцамъ, казакамъ и всякимъ оброчникамъ по окладу 9,526 четвертей ржи, 7,224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлѣбъ, противъ торговой меншой дѣны, придется дать 4,705 рублей; всего на окладные и неокладные расходы и за хлѣбъ придется дать 12,362 рубля, кромѣ прибылыхъ расходовъ“. Надобно было урѣзать расходы: отняли жалованье у головы и сотниковъ стрѣлцкихъ и у городового приказчика (потому что все это помѣщика); у пятидесятниковъ и десятниковъ стрѣлцкихъ убавлено жалованье; у подъячихъ убавлено жалованье и убавленное велѣно давать только тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помѣстій; пушкарямъ за денежное и хлѣбное жалованье велѣно ходить въ сѣвѣжхъ избахъ въ приставахъ, ихъ же и въ уѣзды посылать, а приставовъ уничтожить; казеннымъ кузнецамъ и плотникамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не давать. а какъ будетъ государево дѣло, и имъ тогда давать поденный кормъ; у сторожей сѣвѣжей избы и ворот-

¹⁾ Кошкинъ, стр. 108.

²⁾ Акты Гавелина, стр. 149; Акты Историч., III, №№ 62, 127; IV, № 143; V, 39, 49, 77; Акты арх. экон., III, №№ 121, 271; Дополн. къ акт. Историч., II, № 50; Акты Историч. IV, № 216; Дополн. къ акт. Истор. IV, 75; Акты арх. экон. III № 145.

³⁾ Приказанія дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1658.

⁴⁾ Приказанія дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1670.

никовъ отнято хлѣбное жалованье; но и за эту убавкою все доходовъ въ расходъ недостало на 1,044 рубля. Со Пскова и псковскихъ пригородовъ собралось 13,329 рублей, а жалованья должно было дать 15,387 рублей,—недоставало 2,058 рублей. Вслѣдствіе этого донесенія, указъ: Новгородскихъ и Ладожскихъ казаковъ за жалованье можно устроить землями, въ Новгородскомъ уѣздѣ порожнихъ земель много; уменьшить жалованье подъячюму въ Ладогѣ наполовину и т. д. ¹⁾).

Составлена смѣта, что доходовъ соберется „измѣтся собрать“ столько-то; а если не соберется; если ибѣкоторые посадскіе люди объявятъ, что не въ состояніе заплатить?—Тогда правезь; но иные крѣпкіи, перенесутъ удары и не заплатятъ: на этотъ случай у правецниковъ наказъ: „Если посадскіе люди на правезку начнутъ *отставаться* и денежнихъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворянъ ихъ, лавки и имѣнія отписывать на великаго государя“ ²⁾).

Но не одиѣ подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадскихъ людяхъ,—у нихъ были еще службы, которые, кромѣ того, что отнимали время отъ промысловъ, часто также обшлали правезь въ награду. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ *вѣрныхъ* (присяжныхъ) головахъ и вѣрныхъ цѣловальникахъ при продажѣ вина отъ казны. Въ 1652 году, государь, по совѣту съ духовенствомъ и думными людьми, указалъ: „Во всѣхъ городахъ, гдѣ были прежде кабаки. быть по одному кружечному двору, продавать вино въ ведра и кружки; чарку сдѣлать въ три чарки и продавать по одной чаркѣ челоуѣку, а больше чарки одному челоуѣку не продавать; питухамъ на самомъ кружечномъ дворѣ и близъ двора сидѣть и пить не позволять; ярыжкамъ, бражникамъ и зерщикамъ (игрокамъ въ зери) на кружечныхъ дворахъ не быть. Въ Великой постѣ, Успенскій, даже и по воскресеньямъ вина не продавать; въ Рождественскій и Петровъ посты не продавать по средамъ и пятницамъ. Духовенство бѣлое и черное не цускать и вина пмъ не продавать. Въ селахъ быть кружечнымъ дворямъ только въ большихъ. Быть кружечнымъ дворямъ на вѣрѣ, выбирать изъ нихъ лучшихъ людей за крестинимъ цѣловальнемъ“.—Какую выгоду получала казна отъ продажи вина, видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году казнѣ стоило 20 алтынь, а продавалось по рублю; по кружкамъ ведро вина на кружечномъ дворѣ стоило рубль 16 алтынь 4 деньги, по чаркамъ—2 рубля. Пиво въ варены стоило по семи денегъ ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пудъ меду покупали по рублю, выходило изъ пуда 7 ведеръ, каждое продавали по 6 алтынь по 6 деньги. Винокуры иногда выписывались изъ Малороссіи ³⁾. Лучшихъ посад-

скимъ людямъ позволялось курить у себя на дому вино въ небольшомъ количествѣ, ведра по два, по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ людямъ вина курить не позволялось, могли они къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, давши знать объ этомъ въ кружечномъ дворѣ, что называлось *якоюю*, и заплативъ явочныя пошлины ⁴⁾).

По *явкамъ* немного, а гкурятъ или сварятъ гораздо больше въ ущербъ казнѣ, даже станутъ продавать тайкомъ; узнаютъ объ этомъ на кружечномъ дворѣ—надобно накрыть врасплохъ и *вынуть* запрещенный товаръ: хлопоты большія, а дѣлать нечего, надобно смотрѣть зоркимъ глазами, потому что если къ концу года мало собору,—сейчасъ грозный запросъ, почему противъ прежнихъ лѣтъ мало собрано? Вѣрный голова и цѣловальники должны отвѣчать своими деньгами, иначе—правезь. Потому нельзя всѣмъ отписывать на различные деньги: у многихъ часто денегъ нѣтъ, надобно вѣрить въ долгъ, къ концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станетъ. Для сбора долговъ, для выемки пива нужно жить въ большихъ ладяхъ съ воеводою, не падить ему подарковъ въ царскіе дни, что называется „въ почесть для царскаго величества“, не падить подарковъ за обѣды, которые давалъ воевода, и за которые нужно было приглашеннымъ дарить хозяина; потому отвозить деньги въ Москву нельзя съ пустыми руками,—дьяки и подъячюе привяжутся. Одни цѣловальники рассказывали: „Будучи у собору на кружечномъ дворѣ, воеводамъ въ почесть для царскаго величества и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки и за обѣды харчень и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почесть для царскаго величества харчень и деньгами носили не по одно время, да подъячюму такъ же носили, да молодымъ подъячюимъ отъ письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подъячюму харчень и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почесть изъ своихъ пожитковъ, да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ. И носили по волѣ, а не отъ какихъ нападокъ“ ⁵⁾).

Кромѣ воеводъ и московскихъ посылокъ, тяжелы были кружечнымъ головамъ солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ, невооруженнымъ. Мы видѣли, что могъ позволять себѣ въ городѣ какой-нибудь приказчикъ сосѣдняго

¹⁾ Дополн. къ Актамъ Историч. Ш, 36.

²⁾ Приказанія дѣла Москов. Архива Мш. Ип. Дѣлъ, годъ 1670.

³⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мш. Ип. Дѣлъ,

годъ 1674. Архивъ Мш. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 39.

⁴⁾ Акты Историч., IV, № 12.

⁵⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мш. Ип. Дѣлъ, годъ 1670.

села, тѣмъ болѣе солдаты. Въ постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечномъ дворѣ, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино изъ флягъ въ чарки людямъ, не желающимъ поститься; на дворахъ своихъ, гдѣ стояли постоемъ, продавали всякія пьяныя браги; на вымку къ нимъ ходить голова не смѣла: хвалились убить его до смерти; несмотря на запрещеніе, собирались на кружечный дворъ играть въ зернь и карты; питуховъ на кружечный дворъ не пускали, продавали имъ вино сами, цѣловальниковъ били до полусмерти ¹⁾). Подрывъ питейному сбору страшный, а за все отвѣчаютъ голова и цѣловальники.

Другія службы посадскимъ людямъ были: въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ; при сборѣ стрѣльцкаго хлѣба ²⁾; въ подосудныхъ цѣловальникахъ къ пошлиннымъ и ко всѣмъ денежнымъ сборамъ въ съѣзжей избѣ ³⁾; на конную площадь при сборѣ денегъ съ пятнація лошадей; въ головахъ баннаго, перевознаго, мостового сбора; въ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ для полиціи и для извѣта всякихъ воронскихъ дѣлъ ⁴⁾. Земскій староста сзываетъ посадскихъ людей въ земскую избу: прішлеетъ царскій указъ, велѣно выбрать голову и цѣловальниковъ къ таможенному сбору; но кого выбрать?—надобно выбрать людей съ состояніемъ, которые могли бы отвѣчать за недоборъ; но такихъ нѣтъ,—кто былъ богаче, тѣ выбраны на кружечный дворъ. Миръ рѣшилъ—слать челобитную къ царю, что выбрать некого, велѣлъ бы великій государь прислать голову изъ Москвы. Но изъ Москвы прислать некого, здѣсь свои службы, и въ городъ шлется другой указъ: выбрать къ таможенному сбору того же голову и цѣловальниковъ, которые выбраны къ кабацкому сбору, такимъ образомъ одинъ и тѣ же посадскіе люди должны нести двѣ тяжелыя службы ⁵⁾.

Мы видѣли, что посадскіе и уѣздные люди даютъ деньги на кормленіе воеводѣ и подъячимъ. Земскій староста расходуетъ этими мірекими деньгами; каждый день вноситъ въ книгу, что издержано. 1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ пять алтынь, наливмовъ на 26 алтынь; подъячому пирогъ въ 4 алтына 2 деньга, другому подъячому пирогъ въ 3 алтына 4 деньга, третьему пирогъ въ 3 алтына 2 деньга. Воевода для Новаго года позволялъ обѣдать; за эту честь надобно заплатить, и староста несетъ ему въ бумажкѣ 4 алтына, боярынь его 3 алтына 2 деньга, сыну его 8 денегъ, боярскимъ боярынямъ 8 денегъ, жильцамъ верховымъ 6 денегъ. На другой день, 2-го сентября, опять староста идетъ къ воеводѣ—несетъ четверть

говяжью въ 12 алтынь 4 деньга, да щуку въ 6 алтынь. Подъячому—четверть говяжью въ 9 алтынь 4 деньга. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ щуку на 19 алтынь, да на воеводѣй дворъ купилъ лопату въ 2 деньга, 100 свѣчъ салыныхъ—далъ 8 алтынь 2 деньга; купилъ въ съѣзжую избу бумага 5 десятъ, заплатилъ 11 алтынь 4 деньга. 5-го сентября воеводѣ—четверть говяжью на 12 алтынь 4 деньга; подъячому—четверть говяжью въ 9 алтынь 4 деньга; другому подъячому то же 6-го сентября воеводѣ четверть говяжью. 7-го сентября староста и мірекіе посылыщики ходили обѣдать къ подъячому, отнесли въ бумажкѣ 16 алтынь 4 деньга, женѣ его 8 алтынь 2 деньга, матери его 3 алтына 2 деньга. 8-го сентября воеводѣ отнесено щукъ по 12 алтынь. 9-го—воеводѣ четверть говяжья и подъячому столько же. 10-го—воеводѣ щуки. 11-го—опять обѣдъ у подъячаго: отнесено ему въ бумажкѣ 13 алтынь 2 деньга, женѣ 6 алтынь, матери 3 алтына, дочери 10 денегъ; на другой день, 12-го числа, ходили къ нему на похмелье, отнесли въ бумажкѣ 20 алтынь. 12-го числа воеводѣ четверть говяжья. 14-го—воеводѣ рѣбы четверки на 3 алтына 4 деньга. 16-го—воеводѣ рыбы, щукъ и наливмовъ на 11 алтынь; подъячому рыбы на 3 алтына, да поставили почестъ подъячимъ съѣзжей избы—вина и пива на 6 алтынь 4 деньга. 17-го—на именины царевны Софіи воеводѣ пирогъ въ 5 алтынь и подъячимъ пироги; да воеводѣ и подъячому рыба. 19-го—воеводѣ четверть говяжья и т. д. ⁶⁾.

Мы видѣли расходныя книги земскаго старосты. Теперь заглянемъ въ росписи, что издерживали мірекіе посылыщики, присылаемые въ городъ изъ волостей для платежа денегъ: „Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣба и калачей на 2 алтына, въ бумажкѣ денегъ три алтына, людямъ его далъ двѣ деньга. Ходилъ къ воеводѣ,—несъ хлѣбъ да калачъ въ 2 алтына, да мяса зады говяжью 26 алтынь 4 деньга, да свиную тушу въ рубль, да баранию тушу 13 алтынь; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтынь, боярынь рубль, дворецкому 21 алтынь, людямъ на весь дворъ 21 алтынь, ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, деньщику 2 алтына, подкалѣннымъ 3 алтына. Подъячому хлѣбъ да калачъ, деньгами 2 рубля съ полтиною, женѣ его 16 алтынь, двоимъ племянникамъ рубль, людямъ на весь дворъ 10 алтынь, ключнику 3 алтына, деньщику 2 алтына, приворотнику алтынь, малымъ ребятамъ 8 денегъ, блаженному 4 деньга. Приставамъ далъ всѣмъ въ братью 6 денегъ, да, стоявъ на правельѣ, далъ пристава 2 деньга, да когда платилъ деньги, далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньга, да что писалъ книгу цѣловальникъ—взялъ 2 деньга, да староста взял за сѣно, что міромъ сулено воеводѣ, 4 гривны ⁷⁾).

¹⁾ Акты Историч., IV, № 74.

²⁾ Акты Историч., IV, № 174.

³⁾ Акты до юридич. быта, стр. 2.

⁴⁾ Акты города Шуи, стр. 330; Приказъ дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1688.

⁵⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1649.

⁶⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1669.

⁷⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ип. Дѣлъ, годъ 1668.

Эти мірскіе расходы на воеводу и подъячихъ были дѣломъ обыкновеннымъ, не возбуждали ропота и жалобъ. Но иной воевода хотѣлъ кормиться уже слишкомъ сытно; въ земской избѣ слышались громкія жалобы, и наконецъ подъячій земской избы садился писать челобитную, билъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій старостинка во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто: „Пріѣхалъ воевода и взялъ съ насъ по пріѣздѣ 120 рублей денегъ; бралъ съ насъ всякій мѣсяцъ на хлѣбъ по 12 рублей, да хлѣба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя съ сошки, итого по 99 четвертей на годъ да по пяти и по шести *тиагъ*, а всякое пиво становится по три четверти хлѣба; къ Рождеству Христову и къ Великому дню по полти мяса, итого по 126 полтей на годъ, да къ Петрову дню по барану съ сошки, да по 2,000 яицъ, да на всякій день мелкими принасами, мясомъ, рыбою и калачами, съ ямщииковъ по 30 рублей на годъ, да на всякія сутки салныхъ свѣтъ по полуалтнѣ, да лоидамъ сѣна по 50 рублей на годъ; а земскихъ старостъ къ мірскимъ сборамъ и цѣловальниковъ и приставовъ, и иныхъ ружниковъ намъ мірскимъ людьямъ выбирать не давалъ, выбиралъ самъ собою тѣхъ, кто ему больше дастъ.“

Такую челобитную писалъ подъячій въ земской избѣ; а въ съѣзжей избѣ подъячій писалъ другую отъ воеводы на міръ: „Возостные посольщики денежные доходы платять оплошно, а съ правезку миѣ говорятъ большимъ невѣжествомъ, чтобъ на нихъ не правилъ; однажды на правезжъ закрпчали на меня съ большимъ невѣжествомъ, забунтовались и съ правезку отъ съѣзжей избы сошли, отъ приставовъ отбилась, приставовъ побили, на дворъ ко миѣ приходили съ большимъ невѣжествомъ и похвалялись на меня всякими педобрыми дѣлами, а посадскій и всеуѣздный староста лаялъ меня.... и называлъ воровъ при многихъ людяхъ и государевыхъ доходовъ править не велить“¹⁾.

Во городахъ, ближайшихъ къ Москвѣ, воеводы и подъячіе кормились умѣреннѣе; челобитныя мірскихъ людей были доходнѣе до царя. Но въ городахъ дальнихъ, гдѣ именно было „до Бога высоко, до царя далеко“, кормленщики разнуздывались, и этою разнузданностію вызывали самоуправство мірскихъ людей, которымъ также представлялось, что до Бога высоко, до царя далеко. Не повториеть разсказа о возстаніяхъ мірскихъ людей отдаленныхъ городовъ въ царствованіе Михаила Оедоровича и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича²⁾; въ концѣ царствованія Алексѣя, въ 1673 году, жители Кайгородка, подъ предводительствомъ Аничка Ташкинова и Миткии Веркутова, воеводѣ Волкову въ денежныхъ доходахъ царскихъ отказали, приходили на воеводу бунтомъ и хотѣли убить, отъ воеводства отказали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели. Правительство

послало сотню стрѣльцовъ для утушенія бунта. и дѣло кончилось пытками и висѣльцами. Не отъ однихъ, впрочемъ, посадскихъ людей доставалось иногда воеводѣ; иногда посадскіе должны были выручать воеводу. Однажды въ Шуѣ на посадѣ раздался сполошный колоколь; посадскіе сбѣжались и видятъ, что ихъ воевода Борковъ лежитъ чутъ-живой; ѣхалъ онъ изъ гостей вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ, стряпчимъ Кашинцевымъ, человекомъ страшно задорнымъ, поссорились, подрались, и Кашинцевъ выдралъ у воеводы всю бороду безъ остатка³⁾.

Представителемъ міра предъ правительствомъ былъ земскій посадскій и всеуѣздный староста, выбранный міромъ. Тяжело отъ воеводы или отъ кого и отъ чего бы то ни было, староста бьетъ челомъ во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто. Онъ кормитъ воеводу и подъячихъ; во когда кормитъ становится тяжело, когда міръ начинаетъ волноваться, староста съ своими, за своихъ, староста *ластѣт* воеводу. Но не всегда бывали такіе бойкіе старосты; иногда староста соединялся съ воеводою и дѣйствовалъ противъ міра, противъ выгодъ своихъ избирателей, и мірскіе люди обращались къ правительству, били челомъ на своего старосту: „Въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и фетъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ; на насъ воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и насъ продаютъ и убытчатъ, — вели, государь, отъ насъ его вывестъ“⁴⁾. Противъ дурного старосты, избраннаго, у избирателей нѣтъ другого средства, какъ просить правительство *вывести* его изъ города, потому что если свѣденный староста останется у нихъ, — имъ будетъ плохо, потому что это обыкновенно человекъ богатый, сильный. Слабость общества, міра, предъ отдѣльнымъ лицомъ высказывалась и въ другомъ случаѣ: кто-нибудь изъ мірскихъ людей начинаеть дурно вести себя; міръ предвидитъ, какія бѣды могутъ произойти отъ этого; напьется пьянъ, сдѣлаеть какое-нибудь дурно, подерется, убьетъ кого-нибудь до смерти, — міръ будетъ отвѣчать; подлѣ воевода, подъячіе, которые ждуть только того случая, какъ бы понажить насчетъ міра, постараются припутать къ дѣлу какъ можно большее число людей, — и міръ бьетъ челомъ: „Жалоба намъ на посадскаго человека Короба: пьетъ и бражничаеть безобразно, въ зернѣ и карты играеть, жену свою бьетъ и мучитъ не по закону! Вели его съ женою и дѣтьми съ посаду выслать вонъ, чтобъ намъ въ немъ и опалѣ не быть“⁵⁾. Члены рода поступали точно такимъ же образомъ: били челомъ государю, что одинъ изъ родственниковъ ведетъ себя очень дурно и не уни-

¹⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мн. Ин. Дѣлъ, годъ 1667.

²⁾ См. Исторію Россіи, т. IX и X.

³⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мн. Ин. Дѣлъ, годъ 1674; Акты города Шуи, стр. 353.

⁴⁾ Акты города Шуи, стр. 223.

⁵⁾ Акты города Шуи, стр. 455.

мается, несмотря на наказанія отъ старшихъ членовъ рода; родъ лаетъ знать государю, чтобъ послѣ въ опалѣ не быть¹⁾. Слабость міра особенно выражалась въ розни, усобицѣ между богатыми и бѣдными посадскими людьми, — явление, которое встрѣчалось не въ одномъ Псковѣ, не изъ одного Пскова получались такія челобитныя: „Бьютъ челомъ посадскіе средніе и молодчіе бѣдные людишки всѣхъ *сорококог*. Жалоба намъ на посадскихъ людей, на прежнихъ земскихъ старостъ и нынѣшняго, и на всѣхъ лучшихъ богатыхъ людей: лучшие и богатые люди насъ окладомъ и тяглою не по спламу загнули, а себя въ окладѣ облегчили, и съ тѣмъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе годы тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собою залогн большіе и для того земскихъ старостъ по книгамъ, другъ другу норовя, не считаютъ, а намъ, среднимъ и молодчимъ людишкамъ, на счетъ не даютъ“²⁾.

Все со всѣмъ относилось къ правительству, било челомъ великому государю. Правительство не оставалось глухо къ челобитнымъ; просилъ какой-нибудь міръ выборнаго чиновника выѣсто короннаго, — правительство охотно соглашалось. Бьютъ челомъ, чтобъ городничаго или городового приказчика (по нашему коменданта) отставить и выбрать новаго міромъ: государю велить выбирать³⁾. Бьетъ челомъ посадскій и всеуздный земскій староста во всѣхъ мѣсто посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, чтобъ прежде въ земской избѣ и всѣхъ дѣлъ былъ одинъ подъячій, а теперь явился къ нимъ изъ Москвы какой-то господинъ съ грамотою, въ которой велѣно ему быть въ подъячихъ у земскаго старосты, а прежнему подъячюму быть у одного ямскаго дѣла; но прежній подъячій, пишетъ староста, человекъ хорошій, налоговъ и убытковъ отъ него не бывало, а этотъ, новый, который напросился на его мѣсто, у земскихъ дѣлъ не бывалъ и къ нимъ не пригоденъ: — великій государь приказывалъ проводить приѣзжавшаго изъ Москвы подъячаго, несмотря на его грамоту⁴⁾. Бьютъ челомъ волостные старосты и крестьяне, что у нихъ въ сѣвѣжской избѣ исконно подъячій по ихъ выбору, а теперь одинъ хочеть сѣсть въ подъячихъ безъ ихъ выбора: — государь не позволяеть подъячюму садиться безъ выбора⁵⁾. Противъ воеводскихъ злоупотребленій на судѣ были приняты мѣры: не велѣно судить воеводамъ и приказнымъ людямъ дѣла тѣхъ лицъ, отъ которыхъ подано будетъ на нихъ подозрѣніе, судить ихъ велѣно воеводамъ ближайшихъ городовъ, не дальше 150 верстъ. Потому не велѣно опредѣлять воеводами дворянъ въ тѣ города, около

которыхъ у нихъ находятся помѣстья и вотчины⁶⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича велѣно было отставить въѣзжіе и мѣсячные и праздничные и иные денежные всякіе и хлѣбные поборы воеводамъ, и что на воеводскіе расходы земскіе старосты на мірскія деньги покупали на воеводѣ. Понятно, что воеводы не могли вдругъ отказать отъ этихъ поборовъ и приносовъ, и земскіе старосты носили притоги и рыбу по старой привычкѣ; доказательствомъ служило то, что царь Федоръ Алексѣевичъ долженъ былъ подтвердить указъ отповскій⁷⁾. Судѣлана была и болѣе важная попытка, — къ преобразованію отношеній горожанъ къ воеводѣ, но не удалась.

Въ 1665 году воеводою во Псковѣ былъ знаменитый любимецъ царя Алексѣя, Аванасій Лаврентьевичъ Ордннъ-Нащокннъ. Воевода намель дѣла въѣрннаго ему края въ очень неудовлетворительномъ состояніи; заграничная торговля, которою богатѣлъ Псковъ, находившійся на двухъ рубежахъ, упала вслѣдствіе войнъ польской и шведской; зло, общее всѣмъ городамъ древней Россіи, господство такъ-называемыхъ *музжиковъ-горлановъ*, богатыхъ торговыхъ людей, которые, забравши всю власть въ свои руки, хлопотали только о своихъ выгодахъ, забывая выгоды большинства согражданъ, — это зло было въ самой сильной степени во Псковѣ, гдѣ была свѣжа еще память о кровавой борьбѣ между лучшими и меньшими людьми въ Смутное время, а недавняя псковская смута подновила раздраженіе. Аванасій Лаврентьевичъ не хотѣлъ только *кормиться* на Псковскомъ восодствіи: онъ сталъ думать, какъ бы поднять благосостояніе города, который былъ ему родной. Какъ вездѣ, такъ и тутъ онъ смотрѣлъ на Западъ, дѣлалъ „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель“, и предложилъ земскимъ старостамъ и всенародному совѣту слѣдующую мѣру: быть во Псковѣ безопасному торгу съ иностранцами — одному 6-го января на двѣ недѣли, а другому — съ 9-го мая на 2 недѣли, причемъ мимо посадскихъ людей Псковичей ипныхъ чиновъ людямъ съ иностранцами не торговать. „Во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлннъ учинены“, твердилъ воевода.

Уже давно по всей Россіи, особенно же въ значительнѣйшихъ городахъ, слышались горькія жалобы русскнхъ торговыхъ людей на купцовъ иностранныхъ, которые, дѣйствуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю въ свои руки. Чтобы относительно дѣлѣ на товары не быть въ зависимости отъ русскихъ значительнѣйшихъ торговцевъ, иностранцы обыкновенно входили въ сношенія съ небогатыми людьми, давали имъ впередъ деньги, на которыхъ тѣ скупали для нихъ товары низко цѣною, довольствуясь небольшимъ вознагражденіемъ: „отъ такого неудержанія Русскіе люди на иноземцевъ торговали изъ малаго про-

¹⁾ Исторія Россіи, т. IX.

²⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1660. Приведенная челобитная изъ Вологды; здѣсь было 14 сорококовъ.

³⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1671.

⁴⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1660.

⁵⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1652.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак., № 331, 508.

⁷⁾ Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1678.

кормленія и въ послѣднюю скудость пришли, а которые Псковичи и свои животы имѣли, отъ сговорщиковъ съ Пѣмцами, для низкой цѣны товаровъ, также оскудѣли“. Чтобы не было такого тайнаго подряда съ иноземцами; чтобъ маломочные Русскіе люди не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и, такимъ образомъ, не понижали бы цѣны русскимъ товарамъ. Напокинъ предложилъ псковскимъ лучшимъ людямъ торговыхъ расписать, по свойству и по знакомству, во Псковѣ и въ пригородахъ маломочныхъ людей по себѣ, вѣдать ихъ торговлю и промыслы, и, вмѣсто того, что прежде брали они деньги у иностранцевъ и на нихъ работали, давать имъ сеуду изъ земской избы (т. е. изъ городскихъ суммъ). Накупивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его въ Псковъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; товаръ долженъ быть записанъ въ земской избѣ, лучшие люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ, давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія и чтобъ къ маю мѣсяцу накупали новыхъ товаровъ; послѣ же ярмарки лучшие люди, продавши товары сваломъ иностранцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

Потому воевода обратилъ вниманіе на винную продажу, предметъ важный, ибо эта продажа составляла одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для казны. Псковъ былъ городъ порубежный, иностранцы привозили тайкомъ множество горѣлаго вина и *нѣмецкихъ питей*, отчего Псковичи не брали напитокомъ съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ; у головъ и цѣловальниковъ, приставленныхъ къ продажѣ вина, большіе недоборы,—съ нихъ зыски; они стараются зыскать, *вынутъ* запрещенный товаръ у жителей:—отъ этихъ *вымоговъ* людямъ разоренье, а казнѣ прибыли нѣтъ. Вслѣдствіе этого, Напокинъ предложилъ установить вольную продажу вина, съ платою въ казну съ рубля по двѣ деньги; если же кто станетъ торговать наштками больше, чѣмъ другими товарами, на тѣхъ брать съ рубля по гривнѣ. Наконецъ воевода предложилъ новое устройство городского управленія: предложилъ выбрать пятнадцать человекъ на три года, чтобъ изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человекъ; эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, и отводить къ воеводамъ только въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Случится тяжба между дворяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину (кто будетъ у судныхъ дѣлъ) съ выборными посадскими людьми. Пошлины съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ. Такое же устройство должно быть и въ пригородахъ.

Предложенія Напокина произвели сильное волненіе между Псковичами; раздѣлились: однимъ нравились предложенія, другимъ нѣтъ;—меньшіе люди были за новое, лучше отстаивали старину. За этими ссорами дѣло протянулось отъ апрѣля до

августа; только 13-го августа посадскіе люди написали наконецъ свои челобитныя по мысли воеводы, принесли въ Троицкій соборъ и приняли благословеніе архіепископа Арсенія; челобитныя отправлены въ Москву—и новое устройство введено.

Но Аонасіій Лаврентьевичъ не могъ долго оставаться во Псковѣ; отъ былъ отозванъ для важнаго дѣла, для веденія мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными. Воеводою въ Псковъ явился князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; князь Иванъ Андреевичъ былъ неохотникъ до новизнъ, особенно былъ неохотникъ до новыхъ людей. Онъ уже и прежде, какъ мы видѣли въ своемъ мѣствѣ, имѣлъ столкновеніе съ Напокинымъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на временщика, выдвинутаго царемъ, въ ущербъ чести старыхъ родовъ. Пріѣхавши во Псковъ, Хованскій увидалъ, что Напокинъ и здѣсь что-то такое намудрилъ бесполезное, посадилъ *мужиковъ* судить и распорядиться, отнявши судъ у воеводы, завелъ вольные шинки, вмѣсто казенныхъ питейныхъ домовъ. Но мы видѣли, что и между *мужиками* нѣкоторые, и лучше, самые богатые не были довольны новымъ устройствомъ. Они стали говорить Хованскому, что все эти новые порядки Напокинъ завелъ самовольно, насильно навязалъ посадскимъ людямъ, искали челобитную въ земской избѣ ночью, *вычерненную* (поправленную), и руки велѣли въ ту же ночь приложить Хованскій шлеть грамоту въ Москву къ царю: „Во Псковѣ заведены вновь шинки, въ нихъ пьютъ безвременно, и оттого великому дурно. Учинены выборные люди и посадскихъ людей судить, и въ сѣзжую избу (т. е. къ воеводѣ) не ходятъ; да въ земскую же избу въ дѣлахъ берутъ дворницъ съ приставами, и оттого дворяне плачутъ; да они же, выборные люди, подорожничя отъ себя даютъ за рубежъ, и тѣ новыя проѣзжія, что мужики даютъ отъ себя не знаютъ и не остерегаются въ писмѣхъ, отъ иностранцевъ будутъ въ подивленіе. Сказали мнѣ старосты земскіе и посадскіе лучшие люди, что писали ночью челобитную вычернену и руки велѣли въ ту же ночь приложить, а кто чернилъ челобитную и складывалъ, тому то дѣло надобно; приложили только рукъ съ пятьдесятъ, и то немного лучшихъ людей: въ челобитную писано слагательно, писалъ кто-то умный человекъ, а мужикамъ такъ было не сложить.“ На грамоту пришелъ отвѣтъ: „Вы бы всякихъ чиновъ людей вѣдали во всемъ судомъ и расправою, а новый судъ отгавили. Шинки отставить, а быть попрежнему кабакамъ по старымъ мѣстамъ и отдагъ на откупъ: а если откупниковъ не будетъ, то собирать на вѣру (по присягѣ) лучшимъ людямъ.“

Но и Хованскій недолго оставался во Псковѣ; преемникомъ его былъ князь Данила Степановичъ Великаго-Гаринъ, человекъ, не имѣвшій ни во Псковѣ, ни въ Москвѣ того вліянія, какое имѣли его предшественники: при немъ, слѣдовательно, дѣло опять могло свободно подняться и рѣшиться безъ воеводскаго вмѣшательства. Ординъ-Напокинъ

былъ въ это время въ Москвѣ. управляя Посольскимъ Приказомъ, а Исковъ былъ подвѣдомственъ этому Приказу. Разумѣется, Нащокинъ не могъ спокойно видѣть, какъ его устройство было разрушено враждебнымъ Хованскимъ. У Нащокина были во Исковѣ преданныи ему дьякъ, Мина Гробовъ, который, по отбѣздѣ Хованскаго, и началъ поднимать опять приверженцевъ Нащокинскаго устройства. Мы видѣли, что, по представленію Хованскаго, вольная продажа вина была уничтожена и велѣно было отдать ее на откупъ, если найдется откупщикъ. Откупщикъ нашелся, Кузьма Андреевъ, и заплатилъ на мѣсяць болѣе чѣмъ вдвое противъ той прибыли, какую получала казна отъ вольной продажи. Но при Великаго-Гаягинѣ вольные питьейные промышленники, Давыдъ Вахаревъ съ товарищами, прислали въ Москву челобитную: „Выборные люди, Семень Меншиковъ съ товарищами, видя нашу промысль и радніе, что будетъ великаго государя казнь сборъ болюной и дружба другъ другу, питьейную прибыль отдали на откупъ товарищу своему, выборному человеку Кузьмѣ Андрееву заводомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье, назвали наши оборочные питьейные дома шинками“. Пришла и другая челобитная не от однихъ питьейныхъ промышленниковъ: „Жалоба намъ бѣднымъ сиротамъ твоимъ, середнимъ и мелкимъ людшкамъ, на Исковичей же посадскихъ прожиточныхъ людей, Сергѣя Поганкина, Никиту Евлева, Мокѣя Сигова съ товарищами; тѣ прожиточные люди всякія дѣла городовыя и мірскія дѣлаютъ и челобитчиковъ выбираютъ и посылаютъ къ тебѣ, великому государю, въ Москву, безъ городского и мірскаго вѣдома середнихъ и мелкихъ людшекъ и безъ заручныхъ приговоровъ; отъ того намъ чинится великое разоренье и великія подати болюшія и частыя“.

На откупщика Кузьму Андреева и на его пріятелей, которые устроили ему откупъ, было донесено въ Москву, что откупная сума очень мала и что, несмотря на то, откупщикъ и товарищи его, лучшіе люди, притѣвляю маломочныхъ людей, не даютъ имъ готовить у себя хмельныхъ напитковъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, користуются съ кабаковъ, провозятъ товары, *програбывая*. Вслѣдствіе этого, изъ Москвы пришелъ указъ: такъ какъ Исковичи, Семень Меншиковъ и Кузьма Андреевъ съ товарищами, маломочнымъ людямъ не помогали, то платитъ имъ въ годъ за кабаки по 9,366 рублей; быть съ ними вмѣстѣ въ платежѣ Никитѣ Евлеву и Сергѣю Поганкину, потому что они отъ городского совѣта бѣгали и къ присягѣ не ходили.

Наконецъ осенью 1668 года пришла въ Москву челобитная отъ земскаго старосты Степана Котятникова и всѣхъ Исковичей, чтобъ государь приказалъ возстановить все, учрежденное при Нащокинѣ и разрушенное при Хованскомъ, чтобъ отъ кабацкихъ продажъ была учинена свобода, какъ въ Смоленскѣ. Но къ челобитной не приложили рукъ

Семень Меншиковъ, Сергѣй Поганкинъ, Кузьма Солодовниковъ, Иванъ Чирьевъ, Никита Михалевъ, Петръ Зарубинъ, Юрій Вѣлбородовъ, Мокѣй Сиговъ, Аванасій Самойловъ, всего девять человекъ.

У этихъ девяти человекъ были въ Москвѣ также сильные покровители—дьяки Посольскаго Приказа Герасимъ Доктуровъ и Лукьянъ Золосовъ; съ ними-то постоянно боролся Нащокинъ, удерживая ихъ, что они грязнятъ Посольскій Приказъ, по которому иностранцы судятъ обо всей Россіи и который долженъ быть чище всѣхъ другихъ Приказовъ, а дьяки его мѣшаютъ кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, дѣйствуя постоянно наперекоръ ему; и тутъ, о исковскомъ челобитнѣ они составили такую докладную записку, что челобитчикамъ было отказано. Понятно, что Аванасій Лаврентьевичъ не могъ спокойно перенести этого. Государь находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны представляють ему, что Исковъ волнуется, что меньшинство притѣвляеть болшинство, которое можетъ ожесточиться; съ другой—представляютъ, какой ущербъ потеритъ казна, если ввести въ Исковъ вольную продажу вина:—а деньги нужны, государству разорено тяжкою войною. Алексѣй Михайловичъ обратился сначала къ Ордину-Нащокину, чтобъ тотъ изложилъ свое мнѣніе. „какъ тому кабацкому сбору пристойно быть и домычныя деньги на комъ взять? чтобъ кабацкая прибыль напрасно не пропала, а люди бы не ожесточить“. Аванасій Лаврентьевичъ отвѣчалъ: „Въ 1666 году устроилъ я Исковское государство съ примѣра стороннихъ чужихъ Земель къ великой прибыли твоей государственой казнѣ и Исковскому государству къ польнотѣ и расширенію; я сдѣлалъ это ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долгъ и надѣясь получить отпущеніе грѣховъ въ будущемъ вѣкъ. Но мое дѣло, государь, возненавижено немилосердыми людьми, приказною злодоу. Отказали Стенькѣ Котятникову въ питьейныхъ сборахъ: по думные дьяки зачѣмъ забыли мою вину; я и въ Смоленскѣ то же самое сдѣлалъ, а Исковъ важнѣе Смоленска, лежитъ на рубежѣ двухъ чужихъ Земель, жители въ городѣ и въ уѣздахъ приняли въ послѣднюю нищету, и безъ такого устава помочь имъ небыло. Всячески приводя въ согласіе людей Божіихъ и вашихъ, государевыхъ, я наговаривалъ и писалъ во Исковъ, и ко мнѣ изъ Искова писалъ дьякъ Мина Гробовъ, что усердно радѣеть, какъ бы прекратить раздѣленіе между Исковичами, и, на комъ довелось, кабацкую недоимку доплатить, то у нихъ уже рѣшено; рѣшено и то, чему въ Исковѣ быть прочіе. Надѣясь на твою государскую милость, я въ Смоленскѣ твоимъ указомъ примѣръ учинилъ; товарищи мои, думные дьяки, это знали; и если, государь, въ Смоленскѣ въ питьейномъ сборѣ зла не сдѣлалось, и какъ теперь тамъ дѣло идетъ,—въ Посольскомъ Приказѣ извѣстно,—то въ Исковѣ было бы гораздо больше прибыли, чѣмъ въ Смоленскѣ“.

Нашокинъ прямо объявлялъ, что онъ чрезъ дьяка Грובה хлопоталъ въ Псковѣ о соединеніи людей; изъ его собственныхъ словъ было видно, что послѣдствіе этого соединенія, т.-е. этихъ хлопотъ. Противникамъ Нашокина легко было намекнуть, что подобное соединеніе произведено насильственнымъ образомъ; что лучшие люди не подписались поды челобитной, въ которой просили о возстановленіи Нашокинскаго устройства. Оставалось одно средство разъяснить дѣло: — спросить всѣхъ жителей Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ.

11 марта 1669 года, воевода князь Великаго-Гагинъ получилъ царскую грамоту: „Вы бы всякихъ чиновъ людямъ нантъ, великаго государя, указъ сказали: если въ Псковѣ питьевой прибыли будетъ попрежнему у всѣхъ псковскихъ жителей, то нашей казны прибыль будетъ ли, и Псковичамъ, и уѣзднымъ и всякаго чина людямъ какой тягости въ томъ не будетъ ли?“ Воевода прислалъ въ Москву отвѣты.

Архіепископъ Арсеній, какъ Св. санагію посылтъ, во всякой правдѣ сказалъ, что отъ питьевыхъ доходовъ городскіе жители и уѣздные не будутъ обогатены, а если кабацкій наборъ въ 9,000 рублей слишкомъ имъ доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игумены и строгельники, Троицкаго дома (собора) протопопъ, псковскихъ ружныхъ и приходскихъ церковей поповскіе старосты и весь освященный чинъ, церковные приказчики за крестьянъ монастырскихъ церковныхъ вотчинъ, всего сто одинъ человекъ, сказали: Питьевымъ дворямъ быть отнюдь нельзя, потому что домамъ Псковичей, и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ слабыхъ людей, быть въ лишняхъ скудностяхъ, бездѣльяхъ, за пьянственнымъ невоздержаніемъ и за ними въ пьянствѣ слабостями.

Дворяне и дѣти боярскія, 60 человекъ, объявили, что не могутъ дать отвѣта по незнанію дѣла; 89 человекъ не пріѣхало.

Посадскіе люди, 238 человекъ, пожиточные и середніе и маломочные, сказали: Питьевымъ дворямъ быть невозможно, въ сборѣ казны уменьшеніе будетъ большое, потому что посадскимъ людямъ конечно разоренье за слабостію и пьянственнымъ невоздержаніемъ; впередъ кабакамъ попрежнему пристойно быть на вѣрѣ (на присягѣ).

Казакъ, стрѣльцы, пушчари и воротники, всего 2,115 человекъ, подобно дворянамъ, сказали что не знаютъ.

Крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человекъ, сказали: Въ Псковѣ питьевой прибыли можно быть, попрежнему у всѣхъ псковскихъ жителей съ береженіемъ и со всякою крѣпостію, за вѣрою и за поруками, казны прибыль будетъ; въ городѣ и уѣздахъ кабакамъ быть непристойно, а случится наборъ, то они, волостные крестьяне, готовы при-

нять его на себя. 670 человекъ крестьянъ сказали, что не знаютъ.

Въ Москвѣ послѣдовало окончательное рѣшеніе: отдать кабаки на откупъ, и если никто не возьметъ, то продавать на вѣрѣ выборнымъ людямъ. Откупщиковъ не нашлось ⁴⁾.

Эти нововведенія Аонасія Лаврентьевича не принялись; но въ 1667 году ему удалось высказать свои любимыя мысли въ торговомъ уставѣ ⁵⁾. И здѣсь встречаемъ обычное указаніе на Западъ, на примѣръ иностранныхъ государствъ: „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженіемъ и въ возможности держать для сбора пошлины и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“. Уставъ опредѣляетъ, что люди недостаточные получаютъ помощь изъ московской таможни и изъ городовыхъ земскихъ избъ; требуетъ, чтобъ, мимо торговыхъ людей, бѣлыхъ чиновъ люди съ иноземцами торга и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ русскимъ торговымъ людямъ; требуетъ, чтобъ лучшие торговые люди берегли маломочныхъ торговыхъ людей, давали бы имъ завести торгами между Русскими людьми склады къ большимъ товарамъ; чтобъ въ продажѣ иноземцамъ дѣны не портили и въ подрядъ деньги у нихъ не брали. Въ Архангельскѣ, на время пріѣзда туда купцовъ иностранныхъ, изстари назначался изъ Москвы гость съ товарищами для наблюденія за ходомъ ярмарки и для сбора таможенныхъ пошлинъ; уставъ требуетъ, чтобъ этотъ гость и товарищи его выбирались по разуму, а не по дружбѣ или недружбѣ, выбирались изъ досужихъ и богоугодныхъ людей, не по богатству, а по добродѣтели. Этого гостя и товарищей его воевода ни въ какихъ таможенныхъ торговыхъ дѣлахъ не вѣдаетъ; всякую расправу въ торговыхъ дѣлахъ Русскимъ и иноземцамъ чинитъ въ таможнѣ гость съ товарищами. Уставъ увеличилъ подать съ иностранныхъ винъ, потому что отъ большаго привоза ихъ на государевыхъ кружечныхъ дворахъ чинятся убытки и недоборы большіе. Иноземцы должны торговать только съ купеческими людьми того города, куда пріѣдутъ для торговли, съ пріѣзжими же не должны ни торговать, ни подрядовъ, ни записей совершать: по московскимъ купеческимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и на ярмаркахъ торговать съ иноземцами всякими товарамъ вольно. Иноземецъ съ иноземцемъ не долженъ торговать подъ страхомъ отобранія товаровъ на государя. Пошлина съ продажи и мѣны иностранныхъ товаровъ—2 алтына съ рубля; съ русскихъ товаровъ, отпускаемыхъ иноземцамъ въ свои государства, по гривнѣ съ рубля; но если иноземецъ привезетъ изъ-за моря золотые и ефимки, то ему пошлины съ нихъ не платить, и что купить на золотые и на

⁴⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мп. Пн. Дѣл., годъ 1665

⁵⁾ Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 55.

ефимки, то везеть въ свою Землю безпошлинно. Всѣ эти золотые и ефимки въ порубежныхъ городахъ иноземцы должны отдавать въ казну, изъ которой получаютъ за нихъ русскія мелкія деньги: за золотой по рублю, за ефимокъ любскій—по полтинѣ. Если восточные купцы—Персіяне, Индѣйцы, Бухарцы, Армяне, Кумыки, Черкесы и Астраханскіе жильцыиноземцы—поѣдутъ для торговли въ Москву и другіе города, то брать съ ихъ продажныхъ товаровъ въ Астрахани проѣзжей пошлины по гривнѣ съ рубля; если же стануть торговать въ Астрахани, то брать по 10 денегъ съ рубля; съ русскихъ товаровъ, которые они повезутъ къ себѣ, брать по гривнѣ съ рубля. То же наблюдать и относительно Грековъ, Молдаванъ и Валаховъ—брать по гривнѣ съ рубля; если же стануть торговать въ Путивлѣ, то по 10 денегъ. Ни одинъ иноземецъ не можетъ продавать своихъ товаровъ въ розницу и ѣздить съ ними по ярмаркамъ. Въ Москву и другіе внутренніе города пропускаются только тѣ иноземцы, у которыхъ будутъ государевы жалованныя грамоты за красною печатью. Жиды, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, умѣли добыть себѣ такія грамоты за красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами, и получали комиссію отъ Двора: такъ въ 1672 году шкловскіе евреи, Самуилъ Яковлевъ съ товарищами, отпущены были изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина. Грековъ, въ царствованіе Михаила и въ началѣ царствованія Алексѣя, пропускали свободно по единовѣрью; но съ 1647 года имъ назначенъ былъ для торговли только одинъ пограничный городъ Путивль.

И новый уставъ, исполняя желаніе русскихъ торговыхъ людей, не пустилъ иностранцевъ во внутренніе города. Въ 1669 году поселившійся въ Россію иностранецъ Петръ Марселісъ подалъ въ Посольскій Приказъ статьи, клонившіяся къ измѣненію торговаго устава: онъ представлялъ во 1) какой вредъ происходитъ оттого, что торговля у Архангельска бываетъ послѣ 1-го сентября; многіе корабли за позднимъ временемъ подвергаются опасностямъ и гибнуть, да и русскія суда, возвращаясь отъ Архангельска вверхъ по Движѣ, не успеваютъ доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платятъ пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцамъ привозить золотые въ Московское государство, продавать ихъ или въ уплату отдавать, кому угодно; это заставитъ ихъ привозить много золотыхъ и ефимковъ. 3) Теперь, для полученія золотыхъ и ефимковъ, иноземцамъ сбавляется пошлина; но если позволить имъ покупать товары въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, то „я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимковъ и золотыхъ больше пошлиннаго сбора, потому что всѣ тѣ ефимки будутъ на денежномъ дворѣ передѣланы и на всякій ефимокъ будетъ прибыль по 14 копейкѣ“. Позволеніе покупать товары въ Москвѣ и другихъ городахъ надобно давать только тѣмъ иностранцамъ, которые

стануть привозить ефимки, а не золотые. 4) Прежде давали въ Москвѣ и на Архангельской ярмаркѣ разнымъ людямъ много мелкихъ денегъ, чтобъ въ Новый годъ на эти мелкія деньги ставили въ казну ефимки, и этимъ средствомъ много было привозимо въ Москву ефимковъ; если приказать иноземцамъ раздавать мелкія деньги для постановки ефимковъ, чтобъ ставили по 16 алтынь, то попрежнему будетъ привозиться много ефимковъ.

По обычаю, были призваны въ Посольскій Приказъ гости и другіе торговые люди, и прочтены имъ статьи Марселіса. Гости смекнули, что хитрый иноземецъ, котораго они очень не жаловали, хочетъ опять ввести свою братію во внутренніе города, прельщая правительство обильнымъ привозомъ ефимковъ, и потому подали сказку: „Первую статью иноземцы нарушили въ прошломъ году, много ихъ кораблей пришло въ Архангельскъ послѣ Семена дня (1-го сентября); которые пришли и до этого времени, и тѣ торговали до Семена дня малыми торгаша, а большими торгаша всегда они торгуютъ на послѣднихъ дняхъ, нарочно, чтобъ у Русскихъ взять товары дешево, а свои поставитъ дорого, и чтобъ въ позднемъ и скоромъ времени Русскіямъ людямъ заморскихъ плохихъ товаровъ высмотрѣть было некогда“. На вторую статью: „Теперь золотыхъ въ Московскомъ государствѣ еще не умножилось; а что Марселісъ написалъ, чтобъ иноземцамъ привозить всюду золотые и ефимки, то этимъ онъ хочетъ съ иностранцами и всѣхъ Русскихъ людей торгаша завладѣть. Ефимки и золотые у нихъ будутъ проданы Персіянамъ, Армянамъ, Кумыкамъ и Татарамъ дорогою цѣною и вывезены изъ Московскаго государства. А если Русскіе люди въ Москвѣ и въ городахъ и возьмутъ у иноземцевъ за свои товары небольшое число золотыхъ и ефимковъ, то этихъ денегъ въ розни въ государеву казну не собрать. Иноземцы стануть продавать иноземцамъ же золотые по 40 алтынь, а ефимки по 20 алтынь, и на тѣ деньги стануть покупать русскіе товары дешевою цѣною, въ половину противъ архангельской цѣны: продать иноземецъ 4 золотыхъ по 40 алтынь, итого возьметъ 4 рубля 26 алтынь 4 деньги; на эти деньги купитъ поташу; берковецъ дастъ 5 рублей, а въ Архангельскѣ Русскіе люди продаютъ поташу по 9 и по 10 рублей, а на Москвѣ станеть приходиться поташу иноземцамъ по 4 золотыхъ берковецъ. Такъ и прочіе всякіе товары переведутъ у Русскихъ людей полуцѣною передъ Архангельскомъ“ 1).

Торговый уставъ отмѣнилъ множество мелкихъ пошлинъ: подушное, мыты, согое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейныя, мостовое, гостинное и другія, и положилъ ихъ въ рублевую пошлину.

Въ началѣ устава сочинитель его указалъ на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ торговля

1) Приказныя дѣла Москов. Архива Мпн. Ип. Дѣль, годъ 1669 и 1672.

считается въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; въ концѣ, по образцу иностранныхъ же государствъ, онъ принимаетъ мѣры противъ роскоши: „Въ порубежныхъ городахъ главамъ и цѣловальникамъ у иноземцевъ разспрашивать и перематривать въ сундукахъ, ларцахъ и ящикахъ жемчугу и камешья неоплошно, чтобъ узорочныя вещи въ утайкѣ не были; отъ покупки такихъ вещей надобно беречься, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такія вещи покупать запрещаютъ, не позволяютъ носить ихъ простымъ пещиновымъ людямъ, чтобы оттого не бѣдили; также низкихъ чиновъ люди чтобъ не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простыхъ людей отъ покупки такихъ вещей накладною пошлиною большою и заповѣдью безъ поады: берегутъ того во всѣхъ государствахъ и въ напрасно убожества своихъ людей охраняютъ“.

Постановивъ, что воевода Архангельскій не вѣдаетъ гостя, который чинитъ расправу торговымъ людямъ, Ординъ-Нащокинъ въ концѣ устава предлагаетъ важную мѣру, которая приготовляла мѣры Петра Великаго для „собранія разсыпанной храмины“, именно предлагаетъ учрежденіе особаго Приказа для купцовъ; „для многихъ волокутъ во всѣхъ Приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ Приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; зтогъ бы Приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороню, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налоговъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ Приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ биты челомъ на другихъ чиновъ людей“. Явился Приказъ *купецкихъ дѣлъ*.

Такимъ образомъ, городская жизнь или, лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадскихъ людей передъ эпохою преобразованія представляетъ намъ борьбу и съ чужими, и съ своими. Борьба съ иностранными купцами кончилась торжествомъ Русскихъ; но важнѣе была борьба съ своими. Борьба эта, какъ мы видѣли, пронесткла изъ господствующаго въ первобытныхъ, неразвитыхъ обществахъ непосредственнаго отношенія вооруженной части народонаселенія къ невооруженной, служащей — къ рабочей, причеиъ первая корнится непосредственно насчетъ послѣдней. Здѣсь признакомъ роста, возмужалости, служить то, что промышленная часть народонаселенія хочетъ высвободиться отъ этой обязанности непосредственнаго кормленія, обособиться, хочетъ добыть самоуправленіе. Въ Западной Европѣ это движеніе обозначалось образованіемъ городскихъ общинъ, ихъ борьбою съ владѣльцами, потомъ освобожденіемъ сельскаго народонаселенія. Но для того и другого явленія необходимо было сильное движеніе промышленное и торговое, обогащеніе и соперничество движимаго, денегъ, съ недвижимымъ, землею. Въ Россіи, въ описываемое время, видимъ застой въ промышленности и торговлѣ, бѣдность; въ XVII вѣкѣ видимъ усло-

вія, еще болѣе неблагоприятныя для увеличенія народнаго богатства, чѣмъ прежде: города и торговья сотни не могутъ справиться послѣ разгрома Смутнаго времени, а новыя тяжелыя войны не перестаютъ истощать ихъ. Изъ городовъ, и самыхъ богатыхъ, приходили вѣсти, что денежныхъ доходовъ недостаетъ на покрытіе издержекъ, на жалованье служащимъ людямъ военнымъ и подъячимъ „Не давать денежнаго жалованья, уменьшать его“ пишутъ изъ Москвы; „земли много, землю раздавать“ Въ государствахъ, гдѣ вѣсто денежнаго жалованья раздаютъ землю, гдѣ земли больше, чѣмъ денегъ, — въ такомъ государствахъ не думаютъ объ освобожденіи крестьянъ, напротивъ: думаютъ объ ихъ закрѣпленіи, ибо, давши землю, надобно и дать постояннаго работника, иначе жалованье не въ жалованье. Одно явленіе объясняетъ другое: въ то время, когда закрѣпляются крестьяне въ селѣ, въ то время нечего ждать много отъ города, потому что въ селѣ прикрѣпляютъ крестьянина по бѣдности города. Въ городѣ посадскіе также прикрѣплены, не смѣютъ уйти подъ смертною казнью, должны сидѣть, работать и платить ратнымъ людямъ на жалованье, кормить воеводу. Ихъ интересы постоянно въ столкновеніи съ интересами вооруженной части народонаселенія. Они быють челомъ на закладчиковъ, на крестьянъ, которые промышляютъ на рынокѣ съ ними, но не могутъ имъ въ несеніи тягостей; но, возстава противъ закладчиковъ и крестьянъ, требуя возвращенія своей братьи, ушедшихъ въ села, они возстаютъ противъ интересовъ тѣхъ людей, за которыхъ заложилась закладчики, которыми принадлежатъ крестьяне, къ которымъ ушли ихъ братья, посадскіе люди, отбывая отъ тягостей; извѣстно, чьи интересы были затронуты, когда велѣно было слободы и села въ городахъ, принадлежавшія частнымъ людямъ, завести за государя, написавъ жптелей ихъ въ тягло; извѣстно, какъ жстли посадскимъ людямъ за это. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ, при такомъ столкновеніи интересовъ, первымъ шагомъ впередъ было выдѣленіе посадскихъ людей, чтобы они судились и управлялись сами собою; нужно было изгнать ихъ изъ-подъ власти и суда воеводъ, нужно было развести ихъ съ служилыми людьми, ибо при такомъ столкновеніи интересовъ, при такомъ, утвержденномъ вѣками, господствующемъ взглядѣ, когда служилые люди смотрѣли на промышленныхъ людей, какъ на прирощенныхъ своихъ работниковъ, обязанныхъ кормить ихъ своимъ трудомъ, — при такихъ отношеніяхъ и взглядахъ нечего было думать о союзѣ, объ общей дѣятельности. Когда два человѣка враждебно сѣнились другъ съ другомъ, то прежде всего нужно ихъ развести, а потомъ уже, когда съ постепенною переменою отношеній вражда утихнетъ, настаетъ время думать о примиреніи, союзѣ, общей дѣятельности. Выборы не могли тутъ помочь, если посадскіе люди должны были выбирать правителя городу изъ служилыхъ людей. Такимъ образомъ, выдѣленіе промышленныхъ людей, выно-

боженіе ихъ пзъ-подъ вліянія служилыхъ людей, совершенное въ эпоху преобразованія, было дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. Но мы видимъ, что первая попытка принадлежитъ времени до преобразованія, принадлежитъ предтечѣ преобразователя, ибо какъ скоро Русскіе люди съ головою Ордина-Нашокина стали взглядывать на Западъ, такъ сейчасъ же увидали, откуда тамъ то, чего недоставало въ Россіи,—именно богатство; увидали, что оно происходитъ отъ сильно развитой торговой и промышленной дѣятельности, отъ развитія города, и Ординъ-Нашокинъ провозглашаетъ, что торговля есть одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ эпоху преобразованія мысль эта была вполне усвоена правительствомъ и лучшими людьми, и потому является рядъ мѣръ для поднятія торговли и промышленности, и, прежде всего, торговые и промышленные люди выдѣляются, разсыпанная хранина собирается.

Состояніе города служить намъ повѣркою состоянія сель, и наоборотъ: если городъ бѣденъ—знакъ, что село находится въ очень неудовлетворительномъ положеніи; если земледѣльческое народонаселеніе прикрѣпляется къ землѣ—знакъ, что городъ бѣденъ. Прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ Древней Русской исторіи; въ немъ самымъ осязательнымъ, самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, исканіе выхода изъ отчаяннаго положенія, стремленіе избавиться отъ гибельной односторонности, въ страну сель внести городъ и этимъ улучшить экономическое состояніе страны. Этотъ поворотъ и знаменуется преобразовательною дѣятельностію, съ этого поворота и начинается Новая Русская исторія. При несостоятельности собственныхъ средствъ нужно было сдѣлать заемъ, и заемъ былъ сдѣланъ. Какъ ни великъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ для народа, но необходимость и благотѣльность его очевидны. Если прикрѣпленіе крестьянъ было естественнымъ результатомъ Древней Русской исторіи, то освобожденіе ихъ было результатомъ полуроторвѣкаго хода нашей исторіи по новому пути. Споръ между древнею и новою Россіею кончить, повѣрка налицо.

Прикрѣпленіе крестьянъ съ его слѣдствіями было самымъ крупнымъ, основнымъ явленіемъ въ жизни села въ описываемое время. Относительно частностей быта село представляетъ намъ всюду три разряда своихъ обитателей: крестьянина, бояры и захребетника, отличающихся другъ отъ друга величиною своихъ хозяйственныхъ средствъ. Условія быта, разумѣется, могли измѣняться вслѣдствіе разныхъ отношеній, смотря по тому, какое было село—черное, дворянское, монастырское, принадлежащее богатому вотчиннику или мелкому помещику. Мы видимъ отношенія черныхъ крестьянъ

къ городу, въ уѣздѣ котораго они жили, связь ихъ съ посадскими людьми, съ которыми вмѣстѣ они поднимали тяжести рабочаго, тяглаго народонаселенія. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бѣдными, была рознь, бѣдные жаловались въ Москву на притѣсненія отъ богатыхъ, то почему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, и принуждала послѣднихъ порывать связь съ посадскими людьми, выдѣляться въ особый міръ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Мхѣайловича, устюжскіе уѣздные крестьяне начали жаловаться на посадскихъ людей: „Собираются въ посадскую земскую избу посадскіе люди для своихъ посадскихъ совѣтовъ часто, да они же собираютъ съ Устюга съ посаду всякіе четвертные доходы и на ямскіе отпуски деньги, да они выбираютъ въ земскіе старосты межъ себя посадскихъ людей, и они, посадскіе земскіе старосты, о уѣздныхъ крестьянахъ ни въ чемъ не печутся и ни о какихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ не радѣютъ, а уѣзднымъ крестьянамъ въ ту посадскую избу для волостныхъ совѣтовъ собираться нельзя, да устюжскіе старосты и не пускаютъ, и въ томъ волостнымъ крестьянамъ чинятся великія волокиты и убытки и безсовѣтница; а въ томъ безсовѣтіи всякая несправда, и крестьяне у посадскихъ людей во всемъ поработаны, и гордостію своею посадскіе земскіе старосты насъ, крестьянъ, тѣснятъ и вынуждаютъ себя въсто рабовъ своихъ и мочью своею и великими пожитками у нашей братьи, у скудныхъ крестьянъ, покупали себя лучшія деревни въ уѣздѣ и начали бытъ во многихъ волостяхъ владѣльцами. А какъ стали владѣть деревнями, и они великими притѣсненіями подати съ себя сметали на насъ, хулакъ крестьяншекъ, и мы отъ ихъ изгони оскудѣли и обнищали, и послѣднія деревнишки имъ иззакладывали на малые сроки, а въ закладныя искали отъ скудости двойныя и тройныя пѣны, и они такими большими закладными и принципными деньгами, деревнями нашими завладѣли и многихъ крестьяншекъ у себя въ *половъ* (половникахъ) удержали, а иныхъ и въ половѣ у себя не держатъ, и они отъ такихъ ихъ налогъ врознь разбрелись безвѣстію. Да устюжскіе посадскіе старосты выбрали для солдатскаго выбора своихъ посадскихъ людей, а уѣздныхъ людей не выбрали, чтобъ съ ихъ деревень въ солдаты никакого не выбрать, а брать съ крестьянъ только, и крестьяне врознь разбрелся“.

Въ 1675 году собрались въ Устюгѣ изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную, чтобъ бытъ всеуѣздной земской избѣ и всеуѣздному земскому старостѣ отъ посадскихъ людей. Государь согласился,—и крестьяне вывели своихъ выборныхъ или волостныхъ третичковъ съ приходными и расходными книгами и съ деньгами изъ старинной земской избы въ станovou волостную избу. Но столкновенія этимъ не прекратились: мы видимъ, что посадскіе люди владѣли крестьянскими деревнями въ уѣздѣ, и крестьяне

послали новое челобитье, что посадские по своимъ деревнямъ волостныхъ и солдатскихъ службъ не служатъ и хотѣя деревнями своими отписаться отъ крестьянъ, о чемъ уже и послали челобитную. Въ Москвѣ не умѣли распутать этого дѣла и, по обычаю, велѣли подать о немъ сказки на мѣстѣ по сословіямъ. Духовенство объявило: „Воевода Матвѣй Нарышкинъ Устюжскій уѣздъ расписалъ по челобитью прежняго головы таможеннаго и кружечнаго дворовъ Григорья Мыльниковъ и совѣтниковъ его волостныхъ крестьянъ, Петрушки Хомякова съ товарищами, которые въ то время собраны были на Устюгъ на посадь по его, Григорьеву, челобитью, будто для ямскаго совѣта и отпусковъ. Извѣстовъ волостныхъ крестьянъ на посадскихъ людей мы не слышали, и впродъ намъ съ посадскими людьми земская изба старинная попрежнему одна надобна, потому что въ новоучиненной волостной избѣ начали они, волостные крестьяне, разрубать и собирать многія лишнія деньги будто на всеземскіе расходы, а на какіе—намъ про то невѣдомо; брано сверхъ 2 рублевъ еще въ прибавку по семи рублевъ на малую сошку, а теперь у нихъ же въ волостной избѣ ихъ староста разрубилъ и беретъ по 5 рублевъ на сошку прежде государевыхъ доходовъ, и тѣмъ насъ и посадскихъ людей убытчатъ, а книгъ расходныхъ не кажутъ и отчету въ такихъ великихъ деньгахъ не даютъ“. Новый всеуѣздный земскій староста Копыловъ съ товарищами, волостными выборными людьми, объявилъ, что отдѣленіе крестьянъ отъ посадскихъ произошло влѣдствіе притѣсненія отъ посадскихъ. Крестьяне подали сказку, что, пожалуй, пусть будетъ одна земская изба попрежнему, только бы быть всеуѣздному волостному выборному старостѣ съ устюжскими земскими старостами у *всеземской коробки* вѣстѣ для того, чтобы устюжскіе земскіе старосты всеуѣздныхъ сборныхъ денегъ на свою посадскую издержку не держали ¹⁾.

Кромѣ общихъ дѣлъ съ посадскими людьми, у крестьянъ уѣздныхъ были еще свои мірскія дѣла, свои интересы; они выбирали старостъ, выберутъ и напишутъ: „Выбрали межъ себя человѣка добраго: быти ему за нашимъ выборомъ отъ крестьянъ въ старостахъ, всякія сдѣлки и подѣлки дѣлать, напимаа на наши мірскія сборныя деньги. А воровать ему никакимъ не воровать, а стапеть воровать, и на насъ на всѣхъ цена великаго государя“. Выбирали мірскихъ посыльчиковъ,— должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицомъ къ лицу съ высказательною властію, съ воеводою и подьячимъ, которыхъ нужно было покормить прежде всякаго дѣла; выбирали земскаго пристава, причемъ писали: „Всѣ крестьяне выбрали земскаго пристава такого-то; вѣстѣ ему держать въ нашей волости для государева дѣла и денежныхъ сборовъ; впервые вѣстѣ

ему сказать по всей волости безъ хоженаго (безъ платы за ходьбу), въ другой разъ ему вѣстѣ подержать для ради *осушниковъ* (ослушниковъ) и ему брать хоженаго на нихъ по 2 деньги; на извѣстѣ ему ходить—кто позоветъ на землю, и на то хоженаго по 2 деньги; быть ему у земскаго судьи для государевыхъ дѣлъ, на суду передъ судьей поручать—кто на кого побьетъ челомъ государю передъ судьей, а съ суда переноручивать; съ тяглыхъ крестьянъ брать ему по деньгѣ, а съ бобылей и безземельныхъ хоженаго по копейкѣ; руга ему съ крестьянъ по изнеможенію, ржи и овса,—кто сколько дастъ“ ²⁾. Выбирали священника;—выберутъ и напишутъ: „Мы, крестьяне, выбрали и излюбили отпа своего духовнаго такого-то къ себѣ въ приходъ. И какъ его Богъ благоволитъ и св. владыка его въ попы посвятить, и, будучи ему у насъ въ приходѣ, служить и къ церкви Божіей быть подвижну, къ болямъ (больнымъ) и рожаницамъ съ причастіемъ и съ молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А онъ человѣкъ добрый, не бражникъ, ни пропойца, ни за какимъ хмельнымъ шитьемъ не ходитъ, человѣкъ онъ добрый; въ томъ мы старосты и мірскіе люди ему и выборъ дали“ ³⁾. Все это надобно было писать; но кто-же писалъ? И для этого выберутъ и напишутъ: „Быти такому-то церковнымъ дячкомъ, къ церкви быть подвижну, у начальниковъ послушну и покорну, и у нашихъ всякихъ мірскихъ дѣлъ у письма быть всегда готову; а руга ему—съ насъ собирать дукова рожъ, по полуосмирицѣ съ лука петровское и осеннее“ Были волости, еще со временъ Грознаго получившія грамоты на выборы своихъ земскихъ судей и земскихъ цѣловальниковъ. При этихъ выборахъ крестьяне давали такія записки: „Выбрали мы и полюбили къ государеву дѣлу въ выборные земскіе судьи такого-то; выбрали и полюбили въ выборные земскіе цѣловальники къ нему судѣя такого-то, да въ земскіе сотскіе къ нему, судѣя, такого-то, съ такого-то срока до такого-то. Судитъ ему, судѣя, насъ крестьянъ по челобитьямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, про татинныя, разбойныя и душегубныя дѣла съкиивать. А цѣловальнику по сотскому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцевъ съ выборнымъ судьей у разспроса и поимки быть за одинъ человѣкъ; а намъ крестьянамъ съ нимъ, судьей, за всякими воровскими людьми ходить въ погоню и ловить вмѣстѣ. Ему, судѣя, судити и указъ чинитъ безволокитно, посуловъ и поминковъ не брать, другу не дружить, недругу не мститъ“ ⁴⁾.

Всѣ эти выборы, на которые у насъ теперь готовы смотрѣть какъ на признакъ крѣпости общественнаго союза, какъ на признакъ сильнаго раз-

²⁾ Акты юридич., стр. 290; Акты, касающ. до юридич. быта, № 3.

³⁾ Акты, касающ. до юридич. быта, № 7.

⁴⁾ Акты юридич., стр. 291; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1666.

¹⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1676.

внѣтя общественной дѣятельности, общественнаго духа, какъ на важныя права, на дѣлъ не давали крестьянамъ возможности усилить свои промыслы, увеличить результаты своего труда и чрезъ то безъ тягости удовлетворить требованіямъ казны; права эти не спасли крестьянина отъ воеводы, подъячаго, отъ посадскихъ людей и своего брата крестьянина, пропившагося и занимагося легкимъ промысломъ разбойника. Тяжкая подать, воевода, подъячий, земскій староста, разбойникъ выжидали крестьянина, заставляли его уходить дальше за Камень въ Сибирь. Въ Москву пришла вѣсть, что Устюжскій уѣздъ пустуетъ, и когда прѣехали оттуда мірскіе челобитчики, — ихъ стали разспрашивать, отчего у нихъ крестьяне бѣгутъ. „Крестьяне бѣгутъ“, были отвѣты: „отъ большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ *выборовъ* (наборовъ), потому что сверхъ всякихъ податей воеводы, князь Гавриилъ Мышецкій и Яковъ Зѣбевъ, брали съ насъ съ 240 сошекъ деньгами на годъ слишкомъ по 2 рублю, да хлѣба по осмишѣ ржи, да по осмишѣ овса: у Якова Зѣбева было два племянника, которымъ съ сошки давали по 2 гривны, да дворецкиихъ ихъ по гривнѣ съ сошки; да платили мы въ земскую избу съ сошки по три рубля, а въ иные годы по три рубля съ полтиною на воеводскіе кормы, пива и попоны; а брали воеводы свои сошныя деньги и хлѣбъ, и кормы прежде государевыхъ доходовъ. Тѣ же воеводы съ денежныхъ доходовъ, которые собирая съ насъ, посылаютъ въ Москву, съ 30,000 рублей, съ отписей (росписокъ), которыя намъ въ тѣхъ деньгахъ давали, брали отъ печати по двѣ деньги съ рубля, да съ сибирскаго запаса съ 2,270 четвертей, отъ всякой проѣзжей памяти, по гривнѣ съ четверти; да сверхъ того, съ тѣхъ же сошекъ носили мы воеводамъ на праздники, на Великъ день и на Рождество Христово и на Петровъ день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкій присланъ былъ къ намъ для выбору и высылки солдатъ, и онъ наемныхъ солдатъ, которые нанмались служить вѣчно и брали у крестьянъ наймы большіе, а по себѣ давали поручныя записи, въ солдаты не принималъ, а писалъ въ солдаты тѣхъ, которые нанмали въ службу, самихъ хозяевъ, и поручныя записи у многихъ поотнималъ и, для своей корысти, отдавалъ тѣмъ ихъ наемщикамъ, и тѣ наемщики у хозяевъ завладѣли многими деньгами, а тѣ хозяева оттого вконецъ разорились и двory у многихъ запустѣли. Яковъ Зѣбевъ устюжскихъ стрѣльцовъ и приставовъ, которые у него подкупятся, присылать для правезу къ намъ въ волости, и тѣ стрѣльцы и приставы, изъ-за смертнаго правезу, вымучили себѣ съ дѣловальниковъ и съ денежныхъ сборщиковъ 1,732 рубля; да и князь Мышецкій такихъ же подкупщиковъ, которые съ нимъ дѣлались, присылалъ. Зѣбевъ ѣздилъ въ Черневоускую волость, большіе 100 верстъ, съ собаками; съ нимъ было вслжкихъ людей больше 50 человекъ, брать по двѣ себя, по двѣ людей и подъ

собакъ водянымъ путемъ суда, горящимъ (сухимъ) подводы; ѣдучи, въ волостяхъ бралъ поминки большіе, обѣдалъ и вслжкими харчами проторилъ. На все это исходить у насъ, устюжанъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей на годъ тысячъ по пяти и больше“. Но не отъ однихъ воеводъ, подъячихъ и казенныхъ взысковъ брели розно мірскіе люди и пустѣлъ уѣздъ; не однихъ воеводъ и подъячихъ должны были кормить мірскіе люди, не отъ однихъ праветчиковъ откупаться: они должны были кормить, откупаться отъ своей братьи мірскихъ людей, которымъ нравилось легкое разбойничье ремесло. Малая населенность, темные лѣса, непривычка у самихъ мірскихъ людей къ общему дѣлу, къ общей защитѣ и отсутствіе хорошо устроенной полиціи дѣлали разбойничье ремесло легкимъ, безопаснымъ. Тѣ же устюжскіе мірскіе челобитчики показывали: „По волостямъ построено много кружечныхъ дворовъ; здѣсь многіе крестьяне пропиваются и, собравшись человекъ по 20 и больше, приходить въ лѣтнее время разбоємъ, многихъ крестьянъ мучатъ, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ рублей по сту; крестьяне, заложивъ свои животинки и деревнишки, отъ разбойниковъ откупались и бредутъ врознь“. Призываютъ на защиту вооруженную силу правительственную — новое разоренье: „За разбойниками посылаютъ посылки подъячихъ и стрѣльцовъ, а подъячіе берутъ съ насъ за подводы по рублю, а стрѣльцы по полтинѣ, да въ провозятые берутъ крестьянъ человекъ по тридцати въ дѣловую пору“¹⁾. Въ 1670 году ѣхало мимо Верхотурья съ Тотмыи, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгородка тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2,051 человекъ. Правительство велѣло поставить заставы крѣпкія²⁾. Правительство охотно смотрѣло на заселеніе пустынныхъ странъ около Камня и въ Сибири, на образованіе крестьянскихъ слободъ, но требовало, чтобъ въ крестьяне, на панню, призывали и прибирали изъ вольныхъ гулящихъ, а не изъ тяглыхъ людей, изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, бобылей и захребетниковъ. Ссылные преступники въ Сибири сажались также на панню, и, что было очень тяжело старымъ пашеннымъ крестьянамъ, правительство приказывало имъ выдавать дочерей своихъ и племянницъ за холостыхъсылныхъ, чтобъ тѣмъ ихъ отъ бѣгу унять и укрѣпить³⁾.

На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ черныя крестьяне бѣжали за Камень; на югѣ помѣщичьи крестьяне бѣжали за рубежъ Великой Россіи, и шла здѣсь своего рода усобица. Вотъ какую челобитную получилъ царь въ 1672 году: „Бьютъ челомъ холопи твои, заокціе помѣщичьи и вотчинники: — люди пашни и крестьяне, заворовавъ, многіе побивъ по-

¹⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мап. Ип. Дѣлъ, годъ 1674.

²⁾ Дополн. къ Актамъ Историч., VI, № 19.

³⁾ Актъ Историч., IV, № 27; Дополн. къ Акт. Историч., VI, № 19.

мѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе города и живутъ за епископами и за казаками въ городахъ и на посадахъ, въ селахъ и деревняхъ. Мы съ твоимъ указомъ, съ грамотами и отпусками отъ восводъ къ намъ въ малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣздимъ, и они, епископы, старшина и казаки, бѣглыхъ людей и крестьянъ намъ не выдаютъ, насъ бьютъ и грабятъ, многихъ побиваютъ до смерти, иныхъ въ воду сажаютъ. И тѣ воры, бѣглецы наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они ихъ намъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и деревни вьвалъ, насъ до конца разоряютъ, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, лошадей и всякую животию крадутъ, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ, насъ многихъ побиваютъ до смерти, и иныхъ, заперши въ хоромахъ, пожигаютъ съ женами и дѣтьми. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, за епископомъ Лазаремъ поселилось бѣглыхъ драгунъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, и иныхъ приходившихъ людей больше 5,000, а выдачи никому нѣтъ, хотя съ висѣлицъ прѣдетъ“. Разумѣется, вообще крестьянамъ легче было у богатыхъ вотчинниковъ, чѣмъ у мелкихъ помѣщиковъ; но богатые вотчинники жили постоянно въ Москвѣ, въ деревняхъ были управляющіе, отъ жестокости которыхъ крестьяне также бѣжали къ казакамъ. Вотъ наивное письмо Богдана Хитрова къ князю Вас. Вас. Голицыну: „Жаловалъ ты, ко мнѣ писалъ, что изъ курской моей деревни побѣжало шесть семей крестьянъ; пожалуй, изволь приказати провѣдать, не отъ жесточил ли человекъ моего Савки Танчѣева; а онъ у меня въ епифанской моей деревнишкѣ жесточью своею многихъ разогналъ, а то вѣдаю, что не пьянствомъ и не для корысти, — развѣ безмѣрною жесточью.“ Управляющій жесточью разогналъ крестьянъ въ епифанской деревнишкѣ, такъ надобно было его послать въ курскую! За то не пьяница и не воръ! Лучше всего могло быть крестьянамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ; но и тутъ бывали сильныя причины къ неудовольствіямъ: въ 1678 году крестьяне Толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Вишницкимъ монастыремъ; заводчики мятежа были жестоко наказаны¹⁾.

Сознаніе экономической несостоятельности, ведущее необходимо къ повороту въ исторію, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ, уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ, европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ

скоро усилѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство, — такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновеніе это было очень поучительно. Въ то самое время, въ то самое царствованіе, когда востокъ, восточные сосѣди Русскаго народа оказались совершенно безсильными предъ Москвою; когда покорены были три татарскихія царства и пошли Русскіе люди безпрепятственно по сѣверной Азіи вплоть до Восточнаго океана: въ то самое царствованіе на западѣ страшныя неудачи; на западѣ борьба оканчивается тѣмъ, что Россія должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣ Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо пораждало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позанимствовавъ отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе: сильнѣе западные люди оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда съ царствованія Иоанна IV, именно съ того царствованія, когда надъ востокомъ было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи. — съ этого самаго царствованія мысль о необходимости сблизженія съ Западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ становится господствующею мыслию правительства и лучшихъ Русскихъ людей. Какъ нарочно, новыя бѣды, новыя пораженія со стороны Западна, несчастный исходъ борьбы съ Польшою и Швеціею послѣ Смутнаго времени, еще болѣе укрѣпили эту мысль. Поворотъ или переворотъ сталъ необходимою. Но дѣло не могло обойтись безъ борьбы. У кого учиться: — у чужихъ, у иноземцевъ, а главное у иновѣрцевъ? пустить чужихъ, иноземцевъ иновѣрныхъ къ себѣ и дать имъ высокое значеніе учителей, такъ явственно признать ихъ превосходство, такъ явственно подчиниться имъ? Что скажутъ люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ исключительное учительство? Когда Годуновъ предложилъ вопросъ о необходимости вызвать изъ-за границы новыхъ учителей, то старые учителя, духовенство, отнѣчало, что нельзя, опасно для вѣры; лучше послать за границу русскихъ молодыхъ людей, чтобъ тамъ выучились и возвратились учить своихъ. Но извѣстна судьба этихъ Русскихъ людей, отправленныхъ при Годуновѣ за границу: ни одинъ изъ нихъ не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать Русскому человѣку силы, способности спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціею и овладѣть ею. Застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ унорствомъ отворачивалъ взоры отъ чужаго, новаго, именно потому, что не имѣлъ силы, мужества взглянуть на него прямо, помѣриться съ нимъ, трепеталъ въ суетѣрномъ страхѣ, какъ ре-

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 16; Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1678; Временникъ Москов. Истор. Общества, № 7.

бенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставлятъ пойти къ новой нянькѣ; или, когда преодолевалъ страхъ, то вполнѣ подчинялся чужому, новому, не могъ устоять предъ чарами волшебницы-дьяволищницы: второе явленіе повѣряло первое. Послѣ несчастной попытки Годунова, новой уже не дѣлали; а между тѣмъ потребность учиться чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Представилось средство удовлетворить этой потребности безъ страха предъ иновѣрствомъ. Подлѣ Великой Россіи была Малая—и обѣ, силою извѣстныхъ обстоятельствъ, влеклись къ соединенію въ одно политическое тѣло; Малая Россія, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, раньше почувствовала потребность просвѣщенія, и владѣла уже средствами школьнаго образованія. Стало-быть, Великороссіянину можно было учиться безопасно у Малороссіянина, который приходилъ въ рядъ православнаго монаха; можно было также учиться безопасно у Грека православнаго. Отсюда въ XVII вѣкѣ, предъ эпоху преобразованія, мы встрѣчаемъ непродолжительное время, когда за наукою обращаются къ Малороссіянамъ или вообще западно-русскимъ ученымъ и къ Грекамъ.

Но и это примыряющее средство не исполнимо могло помочь дѣлу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, — и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой Великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха полатыни и погречески, сталъ ученикъ своего стараго учителя, своего отца духовнаго; говорить, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный много неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопредставленіе! Лица курицу учать! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясно дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ разнымъ ересямъ. Но мало того, что Русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ,—хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, народился, народился изъ пеннусамаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протоиерею; книги исправили, напечатала, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патріархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ?—пришлими кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи что знаютъ, чему учать! сами-то православны ли? Народившійся уже

прежде расколъ выросъ. Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіемъ старыхъ учителей, не потерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, греческіе и кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія; западные Русскіе люди давно уже связались съ Латинянами, да и Греки отступили отъ Православной вѣры, и книги свои печатаютъ въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержавшись при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но извѣстная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отвергнуть авторитетъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства; „раскольщики, церковные мятежники“ явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру, — власти антихристовой. То, что, по извѣстному закону, бывасть всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколъ, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ распыслиться на множество толковъ по множеству толковщиковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властію, никакимъ авторитетомъ. Послѣ того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть, отвергнута, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти, отъ всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета Римской церкви быстро повело къ таборитству, къ коммунизму; Лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмѣ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ.

Здѣсь, разумеется, можетъ родиться вопросъ: зачѣмъ было доводить раскольниковъ до этихъ крайностей; зачѣмъ было преслѣдовать ихъ за различіе въ обрядахъ, за буквы, за вещи несущественныя? Отчего было не позволить имъ уютреблять старыя книги, остаться при старыхъ обрядахъ? Подобные вопросы, обличающіе неумѣнье отрѣшиться отъ настоящаго времени и привычку переносить его требованія въ вѣка миновашіе, сильно вредятъ изученію исторіи, правильному пониманію прошедшаго, а слѣдовательно и настоящаго, связи между ними. Впервыхъ, если православный говорилъ раскольнику, что можетъ креститься, какъ хочетъ, то раскольникъ отъ этого не переставалъ называть православнаго слугою антихристовымъ за трехперстное сложеніе. Въ вторыхъ, одно явленіе повѣряется другимъ. Если въ XVII вѣкѣ явились люди, которые, смѣливая существовавшее съ несущественнымъ, готовы были узрѣть за двучерстнымъ крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что

другіе, употреблявшіе трехперстное сложение, всё вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и спиходительно смотрѣть на заблужденіе меньшей братіи? Люди, которыхъ авторитету они подчинились, сказали имъ, что трехперстное сложение правильное,—они приняливо болѣе правильное употребленіе и этимъ порознились отъ людей, оставшихся при двуперстномъ сложении; но въ взглядѣ на важность дѣла они ни сколько не рознились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложения были убѣждены, что это необходимое условие для спасенія, и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божиими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія. точно такъ же должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условий, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Церковный мятежникъ! мятежникъ противъ самого Бога! Что могло быть хуже этого: какое снисхожденіе можно было сказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложение,—эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться исамъ или котамъ:—ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, вслѣдствіе чего могла быть только ожесточенная борьба безъ уступокъ и сдѣлокъ. Перемѣна взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго могло явиться при вліяніи новыхъ условий не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе: тутъ только являлась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ Московскаго митрополита Платона могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напримеръ, слѣдующее: въ 1655 году прислали Вѣло-руссовъ въ Вологду, и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требаніи? Архіерей—къ патріарху, и тотъ отвѣчалъ: „Если кто не истинно крещенъ, обливанъ,—тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать“¹⁾.

Стоякновеніе между старыми и новыми учителями повело къ расколу, къ церковному мятежу. Съ этимъ мятежемъ противъ своей власти и ученія духовенство не могло такъ скоро сладить, какъ, напримеръ, свѣтское правительство сладило съ мятежемъ Стеньки Разина. Церковный мятежь сдѣлался постояннымъ, духовенство приобрѣло постоянныхъ внутреннихъ злыхъ враговъ, которые несколько его не щадили въ своихъ жалобахъ и обличеніяхъ. Но обличенія слышались не отъ однихъ раскольниковъ. Общество видимо тронулось; началось колебаніе, тряска, которая не позволяла пребывать въ покоѣ. Тяжелое чувство собственнаго недостатка: сознаніе, что отстали, что у другихъ лучше и надобно перенимать это лучшее, утѣшить, —не покидали лучшихъ Русскихъ людей:

отсюда стремленіе прилежнѣе къ чужимъ рѣчамъ, обращать вниманіе на указанія съ разныхъ сторонъ, что и то и другое не такъ. Такое время обыкновенно бываетъ богато обличеніями, богато распоряженіями, хлопотами о прекращеніи сознаннаго, обличеннаго зла, о прекращеніи вѣдшимми средствами, и потому бьющими обыкновенно мимо. Вопиющее, кидавшееся въ глаза и чужимъ, и своимъ, зло—было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: „Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы знанія, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда“²⁾. Архіерей пишетъ окружное посланіе духовенству своей епархіи: „Учили бы вы людей Божіихъ каждый день съ прилежаніемъ. А какъ случится вамъ читать поученіе отъ Божественнаго Писанія, тогда бы одинъ читалъ, а другой за нимъ толковалъ; а хорошо, еслибъ кто и читалъ и толковалъ самъ, чтобъ простымъ людямъ было что принять отъ васъ. Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и духовныхъ чинахъ, укоренилась злоба сатанинская безбѣрнаго хмельнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога“³⁾. Легко было написать „читайте и толкуйте“, когда было тяжело, не было умѣнья къ тому дѣлу, да и нигдѣ не водилось. Давно уже, въ продолженіи вѣковъ, повторялось о хмельномъ упиваніи, какъ о сатанинскомъ, ухищреніи,—и все напрасно. Въ обществахъ, подобныхъ русскому XVII вѣка, въ обществахъ, слабыхъ внутренне, всего крѣпче вѣра во вѣшнюю силу. Правительство распоряжается всѣмъ, можетъ все сдѣлать. Игуменъ бьетъ челомъ великому государю, что безъ царскаго указа ему нельзя справиться съ братією: „Отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и протая братія въ томъ обычай закоспѣли, и отъ такого нестроенія игуменамъ бывають перемѣны частыи; безъ игуменовъ въ монастырѣхъ проходило многое время и привыкли жить по своей волѣ“⁴⁾. Царь шлетъ грамоты, чтобъ въ монастырѣхъ не держали хмельнаго питья, потому что усиленіе пьянства грозило плоческому чину совершеннымъ разрушеніемъ⁵⁾. Но черезъ нѣсколько лѣтъ опять шлются царскія грамоты по монастырѣмъ съ новыми обличеніями, слѣдовательно съ признаніемъ, что прежніе указы остались безъ дѣйствія: „Въ московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, стенинскихъ и нестенинскихъ монастырѣхъ, архимандриты, игумены, келаріи и строители, казначеи и священники, и братія въ монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держать хмельное питья, вино, пиво и медъ, и отъ того хмельнаго питья церкви Божіи бывають безъ

²⁾ Оlearій

³⁾ Акты Историч., IV, № 62.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., IV № 322.

⁵⁾ Акты Арх. Эксп., №№ 37, 325.

¹⁾ Акты, касающ., до юридич. быта, стр. 274.

пѣнія. Архимандриты, игумены, келары, казначей и соборные старцы во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братью и племянниковъ и вучатъ, и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ и изъ монастырской казны деньги; да они-жь, власти, отпускаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ эти слуги съ жалованья въ монастырь прѣвѣзжаютъ, и съ нихъ берутъ власти, и дѣти ихъ, и племянники, и внукачата посулы и поминки, деньгами, виномъ и медомъ, куницами и всякими гостинцами: а кто ихъ не почититъ, тѣмъ, приметываясь для мзды, чинятъ побой и изгоня болѣзны; также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣль и не отъ дѣль, посулы и поминки берутъ. Да власти же ѣздятъ къ мѣрскимъ людямъ въ дома на пиръ и бражничаютъ, и за то сеужаютъ ихъ монастырскимъ хлѣбомъ и денежною казною¹⁾. Прошло двадцать лѣтъ, и Новгородскій митрополитъ въ своей грамотѣ повторитъ: „Игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмельнымъ питьемъ до пьянства униваются, о церкви Божіей и о дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безчиніе во великихъ людяхъ чинится: сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобъ игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы, и старцы, и черницы на кабаки пить не ходили, и въ мѣрѣ до великаго пьянства не унивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы“²⁾.

Церковные Соборы также не щадили обличительныхъ рѣзкихъ словъ. Соборъ 1667 года постановляетъ, чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготавливали ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, а не оставляли дѣтей своихъ наслѣдниками мамонъ, не отговали Христоваю Церковню, не допускали сгавить въ священство сельскихъ невѣждъ, изъ которыхъ цыне и скота пасти не умѣютъ, не только людей: отсюда въ Церкви Божіей мятежи и расколы³⁾.

Въ обличеніяхъ не было недостатка въ XVII вѣкѣ. Явленіе естественное и необходимое въ переходное время. Негодованіе и сильныя выраженія насчетъ пьянства, невѣжества пошли въ ходъ. Но кто обличалъ? Очень незначительное меньшинство, или, что еще важнѣе, обличали иностранцы, пришельцы, и Русскіе обличали подъ ихъ вліяніемъ, по ихъ указаніямъ. Обличеніе не помогаетъ, не исправляютъ, когда нѣтъ внутренней, давней подготовки къ исправленію, когда нѣтъ условій, благопріятствующихъ этому исправленію; обличеніе можетъ только заставить искать этихъ условій, и если общество юно и крѣпко, умѣетъ жать, то эти условія и начнутъ производить свое дѣйствіе, приготавливать общество къ исправленію; но сколько для этого нужно времени? А между тѣмъ обличенія, явившіяся вдругъ, извнѣ, безъ внутренняго приготвленія, могутъ вести къ печальнымъ явленіямъ. Извѣстно, что до указаній, сдѣланныхъ во второй половинѣ XVII вѣка греческими и западно-русскими духов-

ными лицами, правила, установленныя Стоглавомъ, имѣли для всѣхъ авторитетъ непререкаемый. Но вдругъ Соборъ 1666 года постановляетъ: „Писано неразумно, простою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ, и клятву безъ разсужденія и неправомерно положена; мы, православные патріархи и весь освященный Соборъ, ту неправдую и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ Соборъ не въ Соборъ и клятву не въ клятву и ни во что вынимаемъ, какъ бы ея вовсе и не было; потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, восхотѣли сами собою, не согласясь съ греческими и съ древними харатейными словенскими книгами, со вселенскими (св. патріархамъ не посоветывался и не спросили ихъ“⁴⁾). Дѣйствіе было сильное, ошеломляющее. Невѣжды постановили, и цѣлое общество, опять по невѣжеству, послѣдовало безразсуднымъ постановленіямъ. Тутъ, съ одной стороны, сильный уноръ велѣдствіе оскорбленія разныхъ чувствъ: „Всѣ мы были невѣжды, отцы наши были невѣжды!“ сильное оскорбленіе вызываетъ вопросъ: такъ ли? и заставляетъ рѣшать его отрицательно. Съ другой стороны и тѣ, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невѣжество и невѣжеству отцовъ своихъ, чрезъ это признаніе не получили вдругъ средствъ освободиться отъ своего невѣжества, и, кромѣ указаннаго Греческими патріархами, на другія постановленія того же Стоглава продолжали смотрѣть попрежнему, продолжали смотрѣть на несущественное, какъ на существенное, продолжали освящать то, что вовсе не требовало освященія; преслѣдуя однихъ за двушерстное сложеніе, преслѣдовали другихъ за брадобритіе, за подстриганіе волосъ, за такіе „еллянскіе, блудническіе, игуменскіе обычай“⁵⁾ отлучали отъ Церкви, отлучали и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобритами.

Мы видѣли, что въ 1655 г. патріархъ Никонъ отвѣчалъ вологодскому духовенству на вопросъ о православныхъ Вѣлоруссахъ, что если они обливаны, то надобно ихъ крестить снова. Въ одиннадцать лѣтъ взгляды не могъ переимѣниться; но вопросъ поднялся извнѣ: на Соборѣ 1667 года два патріарха—Александрійскій и Антиохійскій—рѣшили, что и Латинъ перекрещиванъ не слѣдуетъ. Имъ представили на видъ противоположное рѣшеніе Собора при патріархѣ Филаретѣ, 1621 года; патріархи не могли отозваться о царскомъ дѣдѣ, какъ отозвались о митрополитѣ Макаріи, и оговорились: „Если кто станетъ негодовать, зачѣмъ уничтожено постановленіе Собора, бывшаго при св. патріархѣ Филаретѣ, то пусть не соблазняется и вѣдаетъ, что и въ древнія времена одинъ Соборъ исправлялъ рѣшенія другого“⁶⁾.

⁴⁾ Постановленіе Собора 1666 года

⁵⁾ Изглашеніе патріарха Юакима и всего Собора на неудобныхъ юныхъ брадобритіе. Собрн. Синод. Библиотеки, № 11.

⁶⁾ Собрн. Синод. библиотеки, № 11.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., № 328.

²⁾ Акты Арх. эксп., № 188.

³⁾ Полн. Соб. Зак., т. I, № 412.

Но для некоторыхъ соблазнъ былъ страшный: въ короткое время разрушены были постановленія прежнихъ Соборовъ, и одинъ изъ нихъ, древнѣйшій, обвиненъ въ невѣжествѣ и неразуміи. Авторитету нанесенъ былъ сильный ударъ, почва заколебалась подъ ногами; думая удержаться отъ паденія, одни обѣими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другіе, допустивши движеніе, остановились на опасной полудорогѣ, между двухъ огней, соединивши православіе съ бороною и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестіе, подало пль руку. Патріархъ Іоакимъ говорилъ послѣдствіи, что гнусный обычай брадобритія во дни царя Алексѣя Михайловича былъ всесовершенно искорененъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, напримѣръ, что князь Кольцовъ-Мосальскій наислалъ быть изъ стряпчихъ по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрѣзавъ ¹⁾. Но эти вишіи средства могли ли помочь въ то время, когда новые учителя, новые авторитеты, требующіе признанія и подчиненія, являлись не въ видѣ только православныхъ греческихъ и западно-русскихъ монаховъ? Нудящія потребности государства были въ такихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которымъ не могли научить монахи. Волею-неволею нужно было обратиться къ иноземнымъ и инобѣрымъ учителямъ, которые и нахлынули и, разумѣется, съ требованіями признанія своего превосходства. Превосходство было признано; важныя лица наверху постоянно толковали, что въ чужихъ Земляхъ не такъ дѣлается, какъ у насъ, и лучше нашего. Но какъ скоро иривосходство иностранца было признано, какъ скоро явилось ученическое отношеніе Русскаго человѣка къ иностранцу, то необходимо началось подражаніе; а подражаніе это, по естественному ходу дѣлъ, началось съ вишіяго. Русскій человѣкъ брилъ бороду, подстригалъ волосы; за это его писали изъ стряпчихъ по жилецкому списку. Онъ преклонялся предъ силою, но дѣйствіе силы не могло уже получить оправданія въ его глазахъ, и потому сильно раздражало. Онъ хорошо зналъ, вслѣдствіе подчиненія чьему авторитету правительство гражданское писало его изъ стряпчихъ въ жильцы; но развѣ этотъ авторитетъ не былъ поколебленъ; развѣ обличенія не произвели своего дѣйствія, не освѣтили того, что прежде въ темнотѣ было не видно? А тутъ цѣлая толпа новыхъ обличителей, разумѣется, съ сильно ощущаемымъ въ ходъ словомъ „*невежество*“, съ могущественными побужденіями къ обличенію, потому что столкновеніе между старыми и новыми учителями послѣдовало, взаимная ненависть разгорѣлась: не молчалъ иностранецъ предъ человѣкомъ, который не признавалъ въ немъ образа и подобія Божія, который внушалъ, что надобно выжить вреднаго прищельца. И прищельца позволялъ себѣ не одинъ обличенія и насмѣшки. До

насъ дошла любопытная челобитная Коломинчей на майора Цей съ товарищами, которые „чинили имъ обиды и налоги великіе, въ торгахъ всякій товаръ грабили, людей по улицамъ били и грабили. Ночью, послѣ барабаннаго боя, съ солдатами по улицамъ ходили, поповъ хватали, били и увѣчили. отводили къ майору на дворъ, запирали въ подкѣлъ и мучили для своей бездѣльной корысти; посадскимъ людямъ въ воскресенье въ церковь ходить нельзя было“ ²⁾.

При такомъ трудномъ положеніи русскаго духовенства во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху народнаго поворота на новый историческій путь, вмѣсто поддержки съ разныхъ сторонъ—удары. Такъ, сильный ударъ нанесло ему Никоново дѣло. Повидному, передъ началомъ труднаго времени исторія хотѣла дать духовенству могущественнаго вождя, который бы помогъ ему сдержавъ напоръ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и выйти съ побѣдою изъ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ митрополита Алексія, Русская Церковь никогда еще не была въ такомъ выгодномъ положеніи касательно значенія своего верховнаго пастыря, какъ во времена Никона. Молодой, мягкій по природѣ, благочестивѣйшій, не по одному титулу, царь вполнѣ подчиняется энергическому патріарху. По это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключать въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человекъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царствъ,—и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ „великаго государя“, т.-е. главнаго хозяина, главнаго правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха; титулъ, прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влестшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе что Никонъ, по природѣ своей, не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, высокое духовное значеніе, стало для Никона на второмъ планѣ: онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, столкнулся необходимо съ другимъ великимъ государемъ, настоящимъ, законнымъ,—и проигралъ свое дѣло, потому что стать въ видимо для каждаго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ минуты отреченія представило рядъ скадаловъ, ронившихъ все болѣе и болѣе бывшаго патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду Церковь, патріаршество, и хлопоталъ только о томъ, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратитъ вполнѣ все прежнее, то, по крайней мѣрѣ, удержать какъ можно больше изъ своего прежняго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ выгодъ. Но въ какомъ бы печальномъ состояніи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло совершенно превратилъ въ личное.

¹⁾ Дворцовые разряды, стр. 1591.

²⁾ Акты Историч. IV. № 74.

Никонъ проигрывалъ свое дѣло тѣмъ, что велъ борьбу съ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго благочестіе и благоговѣнное уваженіе къ церковнымъ властямъ было хорошо всѣмъ извѣстно, и тѣмъ сильно бросалась въ глаза печальная противоположность между мягкостію представителя свѣтской власти и жесткостію представителя власти духовной, архіерея, монаха, который скорѣе всякаго воеводы готовъ былъ давать чувствовать свою власть и силу. Такимъ образомъ, вторая половина XVII вѣка представила явленіе совершенно обратное тому явленію, какое мы видѣли во второй половинѣ XVI вѣка. Тогда произошла такъ же столкновение между представителями свѣтской и духовной власти и, повидимому, побѣда осталась на сторонѣ перваго; но это было только повидимому. Поведеніе Св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря Церкви, право сдерживать силу, не допускать ея до насилій, — были великимъ торжествомъ для Русской Церкви и ея верховнаго пастыря, ибо высшая степень могущества, до котораго можетъ достигать духовная власть по своей природѣ, — это святость, это мученичество исполненія своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой можетъ испасть представитель свѣтской власти, — это мучительство, мучительство надъ праведникомъ. Никонъ, по своей природѣ, не умѣлъ понять этого великаго явленія, смотрѣлъ на него не духовными глазами: его поражало и раздражало видимое изложеніе представителя духовной власти представителемъ свѣтской; онъ не понималъ, что побѣдилъ здѣсь тотъ, кто спасъ свою душу, погубивши ее. При такомъ непониманіи сущности дѣла, Никону хотѣлось, какъ онъ думалъ, поправить его и заставить царя Алексѣя Михайловича послать къ гробу Св. Филиппа умопостигательную грамоту, просить прощенья за Иоанна Грознаго. Перенеся мощи Св. Филиппа изъ Соловокъ въ Москву, Никонъ хотѣлъ ихъ сдѣлать шитомъ для себя, но въ какой борьбѣ и съ кѣмъ? Онъ не понималъ, что по характеру своему былъ болѣе похожъ на Иоанна Грознаго, чѣмъ на Филиппа, былъ болѣе похожъ на мучителя, чѣмъ на жертву, и что тѣнѣйшій Алексѣй Михайловичъ не былъ вовсе похожъ на Грознаго.

Недуховныя стремленія Никона были особенно вредны въ то время, когда, въ виду страшнаго переворота, нужно было собрать правительныя силы духовенства и дать ему достойное вооруженіе для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ. Чтобы поддержать значеніе духовенства, нужно было стать въ члѣдъ движенія, совершавшагося безъ спрочу съ кѣмъ бы то ни было, нужно было начать преобразованія въ Церкви; но эти преобразованія нельзя было ограничить требованіями большаго порядка во внѣшнемъ богослуженіи, разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ, причѣмъ присматривались указы и о томъ, чтобъ прекращать преслѣдованій Вѣлоруссовъ: Церковь требовала преобразованій дру-

го рода. Нужно было соединять духовенство, раздѣлявшееся на черное, властвующее и бѣлое, подчиненное, — соединять любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному; нужно было всѣми силами противодѣйствовать утвержденію въ духовномъ управленіи системы кормленія; чтобы на подчиненное духовенство не смотрѣли какъ только на тяглое, обязанное кормить начальствующимъ; чтобы эти начальствующіе не заражались властелинскимъ, воеводскимъ духомъ, и чтобы подъячіе ихъ не были похожи на воеводскихъ подъячихъ. Къ несчастію, не только мелочной Иосифъ, но и преемникъ его Никонъ, по характеру своему, не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высоту пастырскаго сана и поднимать ихъ этимъ самымъ уваженіемъ. Послышаши съильныя жалобы на Иосифа и Никона, что они перемѣнили прежнее благодушное обращеніе патріарховъ съ священниками, перестали обращать вниманіе на ихъ положеніе, отдали ихъ на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кокошлову, пріобрѣтшему такую печальную извѣстность въ Москвѣ: священникъ долженъ былъ дарить не только Кокошлова и жену его, но и слугъ, — иначе просителя и на дворъ не пускали. Въ областяхъ то же самое: въ большіе праздники подчиненнымъ нужно было одарить болѣе сорока лицъ, приближенныхъ къ архіерею: казначея, приказнаго, двухъ дьяковъ, шестерыхъ подъячихъ, стряпчяго, дворецкаго, житника, ключника, ризничяго, чашника, гвоздаря, придѣльнаго попа и дьякона, архіерейскихъ келейниковъ, казначейскаго келейника, пономарей и звонарей, приказнаго сторожа, воротнаго сторожа, протоиона съ братією, подъяконовъ, іеродьяконовъ. Мы теперь не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ этотъ списокъ даримыхъ попали двѣ женщины, и одна съ двумя сыновьями, изъ которыхъ каждому должно было дарить: про то знали современники¹⁾. Для священника двери патріаршаго дома были закрыты: не смѣлъ онъ придти къ патріарху, поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія. Испросить разрѣшенія недоумѣній: а для мірянъ, для женщинъ двери были открыты. Мы не можемъ отвергать этихъ жалобъ на томъ основаніи, что онѣ шли отъ зачинниковъ Иосифовскаго неправленія книгъ, ибо жалобщики соединяютъ Никона съ Иосифомъ, упрекаютъ Никона за то, что онъ подражалъ Иосифу. Но удаленіи Никона наступило въ Церкви продолжительное междупатріаріе, которае такъ же должно имѣть вредныя послѣдствія для духовенства въ такое важное для него время. Знаменитый Кокошловъ остался съ прежнимъ значеніемъ, и жалобы на него не прекратились. Въ 1661 году близъ челомъ на него патріаршія дѣти боярскія: „Обогатятся многю домовою казною, начать пшѣи принимать въ патріаршій домъ и племянниковъ своихъ и

¹⁾ Исторія Россіи, т. XI, стр. 208; Акты юридическіе, стр. 399.

богатить ихъ, а насъ изгоняесть и губить; принявъ онъ въ патриаршій домъ племянника своего и отпустилъ его на двѣ десятины лучшей, а прежде на тѣ десятины посылаваны мы на жалованье, челоука по два и по три, а нынѣ десятины, на которыхъ десятильничья доходу собирается побольше, Колошнловъ беретъ за себя. Покупишь себѣ многія вотчины и на Москвѣ большіе дворы. Дѣлаесть это, надѣясь на свою мочь, что сидитъ въ патриаршихъ Приказахъ, *обрава* зятями своими и друзьями“. Наконецъ соблазнилъ Никонова дѣла быть вреденъ Православной Церкви въ борьбѣ ея съ расколомъ: раскольники получили возможность говорить: „Аще Никоновъ, наставникъ вашъ, правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуютъ? Аще ли Никоновъ врагъ Богу и Богородицѣ и Святыиъ Его и вамъ, то почто его пестрые законы держите?“¹⁾

Кончилось Никоново дѣло; но печальное впечатлѣніе, какое оно должно было произвести, подновилось дѣломъ Коломенскаго архіепископа Іосифа. Этотъ архіерей позволялъ себѣ сердиться на то, что при общей земской тяжести отъ продолжительныхъ войнъ подати падали и на церковныи имущества. Станетъ Іосифъ *прохладенъ* (павеселѣ), — и не щадитъ никого, ни царя, ни патриарха, ни бояръ; говорить про великаго государя, что „не утѣесть въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владычуютъ: прежніи государи Снягбья мѣста снабжали, а теперь разоридють, беруть всякія подати лишніи, большія; а бояре—Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлають; а патриархъ Іоакимъ мало и грамотѣ утѣесть; на Соборѣ только и говоритъ Нижегородскій митрополитъ да я, а патриархъ только, бороду уставя, сидитъ, ничего не знаетъ, неостоянень, трусь, прикажетъ благовѣстити то такъ, то иначе, а поучение станеть читать, только гноить, и слушать нечего“. Іосифъ тронутъ новымъ временемъ: позорить патриарха за невѣжество, за неудѣиные говорить на Соборѣ, читать поучение. Но требовательный мудрецъ не понималъ одного, что высшая мудрость для архіерея состояла въ умѣнныи самому привыкнуть и другихъ приучить къ христіанскому обращенію съ ближними, заставляя дурного воеводу перемѣнять свое обращение съ подчиненными, а не самому превосходить жестокостями сазаго дурного воеводу:—кого начнетъ смирять Іосифъ, кричить: „Кто васъ у меня отниметь?—не боюсь я никого, ни царя, ни патриарха васъ у меня не отниметь“. Виноватымъ наказанья были жестокии: были шеленами и плетями, сажали на цѣпи, дни по три ѣсть не давали; холодною водою со снѣгомъ за заутреннею соборныхъ поповъ и иѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали: какого-то Петрушу Кирячлова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви занибѣ до крови: поповъ билъ плетями нагихъ и приговаривалъ: „Вей

¹⁾ Приказыи дѣла Архива Мин. Ин. Д., годъ 1661; раскольнич. сбор. Н. Публ. Библ., № 401.

гораздо, мертвые наши!“ Іосифъ на Соборѣ во всемъ заперся, на очныхъ ставкахъ противъ свидѣтельствъ никакого отвѣта не далъ. (Соборъ произнесъ низверженіе; патриаршья грамота, перечисляя впыи Іосифа, между прочимъ говоритъ: „Звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловилъ овцы во снѣгъ своего звѣробразнаго глотенія, сирѣчь безумнаго мздопманія и неправды. Ему же никоего же оправданія во своихъ винахъ намъ изнесшу и отъ обличникъ своихъ во всемъ обличену и укорену бывшу и весьма яко иѣму и безгласну стоящу“. Іосифъ былъ сосланъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей, но съ правомъ управлять имъ.

Въ ноябрѣ 1674 года государь жилъ въ Преображенскомъ, вдругъ пріѣзжаесть къ нему стольникъ Посниковъ, снѣгъго духовника, съ челобѣтнемъ отъ отца: духовникъ писалъ, что патриархъ Іоакимъ велѣлъ посадить его въ смиренъе на цѣпи безвинно,—такъ чтобъ великій государь изволилъ придти въ Москву и его изъ смиренъе освободить. Можно догадываться, что въсть о Конотопскомъ или Чудновскомъ пораженіи производила не болѣе сильное впечатлѣніе на благочестиваго царя. Онъ велѣлъ сказать духовнику, что будетъ въ Москвѣ завтра рано поутру нарочно; пріѣхалъ, назвалъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей—Долгорукаго, Хитрова, Матвѣева, послалъ за патриархомъ; тотъ явился и „протопопово неостовство, невѣжество и мздопство многое извѣщаль: держитъ у себя жонку многое время, духовника патриаршаго къ себѣ не пустилъ и его, патриарха, безчестилъ“. Патриархъ сердитъ, улыки явныя—жонка, отъ которой Іоакимъ уже успѣлъ отобратъ показаніе. Царь съ просьбами къ патриарху, и тотъ умиловителенъ, оставилъ протопопа подъ запрещеніемъ до Собора. Но скоро подошелъ патриаршій праздникъ Петра митрополита (21 декабря); Іоакимъ, по обычаю, пришелъ во дворецъ звать государя къ себѣ обѣдать; Алексѣй Михайловичъ военользовался этимъ случаемъ и уприсялъ патриарха простить духовника и не поднимать дѣла на (Соборѣ²⁾).

Такія явленія происходили въ Москвѣ, въ Коломнѣ; но что могло происходить подалнше, тамъ, гдѣ было до Бога высоко, до царя далеко? Изъ Тотемскаго уѣзда, наиримѣрь, дали знать, что тамъ появилисъ разбойники; въ разбойхъ участвовалъ и грабежнуи рухлядь укрывалъ стронтель Тафенской пустыни, старецъ Ферапонтъ³⁾.

²⁾ «Называлъ Іосифъ и. государя, будто в. государя. г. . . и бол. . . д. . . Патриарха называлъ глушцомъ и безлюднею; архіереви скотами и трусами, шумероу ѣздилъ въ домовыи свои и монастырскія вотчины съ монахами и доховыми людьми, а послѣ етого въ селахъ на погостахъ и на дугахъ предъ шимъ нашшея отецъ его духовный архимандритъ Голутинна монастыря, дѣлялъ и нынѣ домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кончныи всякимъ боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подола некрестнои оборочались. . . .» Дѣло Іосифа въ Синодал. библіот. Дворцовые разряды, III, 1104, 1155.

³⁾ Приказныи дѣла Москон. Архива Мин. Ин. Дѣл., годъ 1671. О поведеніи духовенства см. Акты города Шуи, стр. 348, 355, 370.

Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались на разоренье; но общество не могло сочувствовать ихъ жалобѣ, вопервыхъ, потому, что терпѣли всѣ за общее народное дѣло, терпѣли всѣ отъ войны, начатой за православіе; вторыхъ, всѣ знали, что архіереи не разорены. Въ 1653 году посланы были государевы дворяне въ патриаршую область описывать въ городахъ и уѣздахъ приходскія церкви и во дворахъ церковниковъ, церковную землю и всякія усадьбы, и прихожанъ по пменамъ, и, описавши, окладывали данью: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова—по 2, дьякова, пономарева, просвирничина и бобыльскихъ—по деньгѣ: съ боярскихъ, княженецкихъ, дворянскихъ, дѣтей боярскихъ и государевыхъ дворцовыхъ или съ приказчиковыхъ по 6 денегъ съ двора, съ посадскихъ и крестьянскихъ—по 4, съ казачьихъ, стрѣлецкихъ и пушкарскихъ—по 2, съ бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по деньгѣ; съ боргныхъ ухажаевъ, съ рыбныхъ ловель и бобровыхъ говновъ съ знамени по 3 алтына съ деньгою; съ церковной земли съ пашни съ четверти по 3 деньги, съ сѣнныхъ покосовъ по двѣ деньги съ конны; да сверхъ этого окладу десятинычыхъ и за вѣду по 3 алтына по 2 деньги съ церкви, да казенныхъ платажныхъ пошлынъ по 3 алтына по 3 деньги съ церкви¹⁾. И другіе архіереи также окладывали для себя свои епархіи. Въ пользу архіереевъ собирались также вѣнечныя и похоронныя пошлынъ. Наконецъ были и другія вспоможенія. Ростовскій митрополитъ Іона писалъ одному ярославскому священнику: „Помози тебѣ Богъ, что ты насъ кормишь волгоскою сибѣжею рыбою; богатѣе ты всѣхъ своихъ братьевъ ярославскихъ поповъ“²⁾. Во второй половинѣ XVI вѣка, при Іоаннѣ Грозномъ, на Соборѣ было постановлено прекратить дальнѣйшее увеличеніе монастырской земельной собственности. По постановленію не соблюдалось. При составленіи Уложенія, всѣ свѣтскіе чины были челомъ, чтобъ государь указалъ вотчинныя земли, которыя даны духовенству послѣ 1580 года, вопреки уложенію царя Іоанна, взять на себя и велѣть раздать ихъ служилымъ людямъ³⁾. Велѣно эти земли переписать, но на этомъ дѣло и остановилось; царь Алексѣй Михайловичъ, особенно въ патриаршество Никона, не былъ способенъ провести такую мѣру, а былъ способенъ продолжать нарушеніе постановленія царя Іоанна: такъ, въ 1654 году, онъ далъ Шверскому монастырю, который строилъ Никонъ, чѣлый пригородъ Холмъ⁴⁾.

Алексѣй Михайловичъ отступился также отъ мѣры относительно дѣтей бѣлаго духовенства. Не всѣ сыновья духовныхъ лицъ и церковныхъ причетниковъ могли получить мѣста при церквяхъ; кромѣ того, что ихъ было больше, чѣмъ мѣсть; для занятія этихъ мѣсть требовалось необходимое

условіе—грамотность, которому не всѣ могли удовлетворять; безграмотный не могъ поступить и въ подъячіе; что же ему оставалось бѣгать? Правительству давали знать, что эти безграмотныя дѣти бѣлаго духовенства „живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ“⁵⁾. Чтобы найти имъ лучшее занятіе, въ концѣ 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличенія числа ратныхъ людей, изданъ былъ указъ о взятіи на службу лишннихъ людей священно-и церковно-служительскихъ: брать отъ двоихъ третьяго, отъ четырехъ—двоихъ, смотря по людямъ; а у церкви съ огнями оставявъ тѣхъ, которые умѣютъ грамотѣ, чтобъ у церкви безъ пѣнія не было. Но указъ, какъ видно, произвелъ сильныя жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексѣя Михайловича сильное впечатлѣніе, —и въ началѣ слѣдующаго года новый указъ: „Мы, великій государь, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и великихъ церковныхъ причетниковъ пожаловали. дѣтей ихъ въ службу писать не велѣли, а велѣли имъ быть у церкви Вожихъ въ церковныхъ причетникахъ, а инымъ въ добрыхъ и законныхъ промыслахъ. Чтобы они дѣтей своихъ, братьевъ и племянниковъ отъ великихъ неподобныхъ и воровскихъ промысловъ унимали, всякому добродѣлю учили, чтобъ они за воровствомъ впередъ не ходили, а которые захотятъ добровольно записываться въ нашу службу, тѣмъ бы не запрещали“⁶⁾.

Только Никонъ, Іосифъ Коломенскій и подобные имъ могли жаловаться на разореніе церковнаго имущества; его не разоряли; но понятно, что въ тяжелое время—а такимъ было почти все время царствования Алексѣя Михайловича—монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, какъ всѣмъ и мірскимъ владѣльцамъ движимаго и недвижимаго имущества, было тяжело. У монастырей не тронули недвижимаго имущества, но ограничили его распространенія, но уничтожены были тарханы, жалованныя грамоты архіерейскія и монастырскія на *бзпошлынныя* промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Такъ, въ 1655 году, царь писалъ въ Тихвинскій монастырь: „Вѣдомо намъ училилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10,000 рублей; а въ оскорбленіе себѣ влѣбъ того не ставили: какъ служба мнѣется, мы тѣ деньги велимъ вамъ отдать“⁷⁾. Кромѣ того, правительство размыслило по монастырямъ тяжело раненыхъ ратныхъ людей: монастыри ихъ кормили и одѣвали⁸⁾. Наконецъ престарѣлые служилые люди, по царскому указу, постригались безъ вклада. тогда какъ всѣ другіе должны были вносить вкладъ. Мірскіе люди заключали иногда съ монастырями слѣдующія любопытныя записи: „Вложися въ Тихвинскій монастырь Н. Н., а вкладу дать меринъ рыжъ за 10

1) Акты историч., IV, 195.

2) Акты Арх. Эксп., IV, 105; Времен. Москов. Петор. Общ., № 3.

3) Акты Арх. Эксп., IV, 33.

4) Акты Арх. Эксп., IV, 78.

5) Полн. Собр. Закоп., I, №№ 288, 289, 291.

6) Дополн. къ акт. историч. IV, 3.

7) Копивинск., 110.

рублевъ, да денегъ два рубль. И какъ онъ придетъ въ монастырь къ своему вкладу жить, и намъ, игумену съ братъею, его принять и покоити, какъ и прочую братію, а не лучити ему у своего вклада жить, пошлетъ Богъ по душу его, — и намъ его написать въ литію и въ синодикъ, въ вѣчное поминовеніе¹⁾.

Мы уже сказали, что обличенія нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственнаго добраго вліянія, ибо не могли вдругъ отстраниться тѣ условія, которыя ее производили. Главныя условія были: застои, коснѣніе, узость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ, уравновѣшиваютъ его силы, возстановляютъ ихъ, однимъ словомъ — недостатокъ просвѣщенія. Отсутствие ниши для духа условливало необходимо господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ. Церковь обличала эти стремленія и взгляды, требовала ихъ измѣненія. Но обличенія и требованія оказывались неэффективными; Церковь старалась внушить, что бракъ есть таинство, къ которому должно приступать съ благоговѣніемъ, но общество смотрѣло на него другимъ взглядомъ и выражало этотъ взглядъ въ „нелѣпныхъ козлогласованіяхъ и безстыдныхъ словесахъ“, съ которыми провожали жениха и невесту въ церковь²⁾. Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ обычай мужчинамъ и женщинамъ мыться вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; Церковь вооружалась и противъ него, но обычай оставался надолго; онъ всего лучше объясняется намъ реакціою, которая высказалась въ заключеніи женщины въ теремъ у людей знатныхъ и богатыхъ; одно явленіе необходимо вызывало другое. По свѣдѣтельству, достойнымъ полной вѣры, нигдѣ, ни на Востокѣ, ни на Западѣ, не смотрѣли такъ легко, какъ въ Россіи, на гнусный, противуестественный грѣхъ. Иногда слѣдствія были ужасны³⁾. Благодѣтельный Алексѣй Михайловичъ считалъ свою обязанностію заботиться и о душевномъ спасеніи подданныхъ; онъ требовалъ отъ воеводъ, чтобъ они въ походахъ силою заставляли ратныхъ людей неповѣдываться⁴⁾; понятно, что онъ долженъ былъ требовать этого отъ мирныхъ гражданъ. Въ 1659 году было разослано по Приказамъ повелѣніе: дякамъ, подъячимъ и дѣтиямъ боярскимъ и всякого чина подьямъ говѣть на Спасскии недѣльѣ⁵⁾. Въ слѣдующемъ году указъ: списки людей неговѣвшихъ присылать въ Монастырскій Приказъ, и такимъ ослушникамъ указъ

будеть съ опалою, безо всякой пощады⁶⁾. Въ томъ же году приказано было въ Филипповъ постъ всѣмъ поститься и въ перекво ходитъ каждый день⁷⁾. Еще въ началѣ царствованія издавъ былъ указъ: въ воскресный день, и господскіе праздники не работать никому, въ субботу прекращать работу, какъ заблагочестію къ вечерни⁸⁾. Не работать; — но что же дѣлать? Правительство, которое брато на себя родительскія обязанности въ отношеніи къ подданнымъ дѣтямъ, запретило цѣлый рядъ увеселеній и повсемѣстныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: „Въ воскресенье, господскіе праздники и великихъ Святыхъ приходитъ въ церковь и стоять смирно: скомороховъ и ворожей въ домы къ себѣ не призывать, въ первый день лупы не смотреть, въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не кунаться, съ серебра не умываться, олову и воску не лить; зерню, картами, шахматами и лодыгами не играть; медвѣдей не водить и съ сучками не плясать; на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣть и никакихъ срамныхъ словъ не говорить: кулачныхъ боевъ не дѣлать, на качеляхъ не качаться, на доскахъ не скакать, личингъ на себя не надѣвать, кобылокъ бѣсовскихъ не наряжать. Если не послушаются, бить бабогами; домы, сурны, гудки, гусли и хари не играть и жечь“⁹⁾. Такимъ образомъ, въ обществѣ, въ которомъ, по извѣстнымъ причинамъ, господствовало открыто стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, правительство предписывало монастырское препровожденіе праздниковъ, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пѣлъ на свадьбѣ нечистойныя пѣсни, и тому, кто водилъ медвѣдей, которыхъ поводчики позволяли себѣ передъ дѣтми самыя безнравственныя представленія, и тому, кто качался на качеляхъ и игралъ въ шахматы! Угрозы были не на бумагѣ только: въ 1669 году великій государь указалъ стольнику князю Григорью Оболенскому посылать въ тюрьму за то, что у него въ воскресенье на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же князь, Григорій, говорилъ скверныя слова¹⁰⁾. Но мы, къ несчастію, знаемъ, какъ батоги и тюрьмы мало содѣйствовали истребленію привычки, позорищей народъ нашъ, и надѣемся, что она истребится другими средствами.

Вмѣстѣ съ нечистойными запрещены были самыя невинныя удовольствія. Но батоги и тюрьма не грозили за пороки, противъ котораго слышались сильныя вопли, которому всѣ предавались, — наказанія не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показывается намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравновѣшенія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной

¹⁾ Дополн. къ акт. историч. IV, 65; Акты юридич., стр. 153.

²⁾ Постановленія Собора 1666 года.

³⁾ См. ниже при разборѣ книгъ Крижанича. Прикази дѣла въ Москов. Арх. Мин. И. Д., годъ 1681: крестьянинъ посадскому отрубилъ голову за насиліе.

⁴⁾ Исторія Россіи, т. X, стр. 1661.

⁵⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. И. Дѣл., годъ 1659.

⁶⁾ Акты Арх. Эксп. IV, 115.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп. IV, 121.

⁸⁾ Акты Историч., IV, № 6.

⁹⁾ Акты Историч., IV, № 35.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Зак., I, № 573.

мѣръ, перебивать занятія и состояніе духа: для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опиумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ переходить въ иное возбужденное состояніе, производящѣ искусственно веселое, праздничное состояніе духа, переносясь въ другой фантастическій міръ, *забываться*. Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забывать такимъ образомъ. Въ 1674 году 21 октября было „у государя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ, ѣли бояре все безъ мѣсты, думные дѣяки и духовникъ. Постѣ кушанья возводилъ себя тѣшныи всякими играми, игралъ въ органы Пѣвчичинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ, и по литаврамъ били; жаловалъ духовника, бояръ и дѣяковъ думныхъ—наполнѣ ихъ всехъ пьяныхъ; поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи“¹⁾.

Главное зло для подобнаго общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго Русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и отрочествомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что преносходно выражаетъ слово — „*образование*“. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соответствовало духовному, и чѣмъ же удивительнаго, что онъ является предъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и встарину, до эпохи преобразования, Русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными Русскими людьми были люди грамотные, пачитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились; что были люди грамотные и между крестьянами;—за то были неграмотные между знатью, и это всегда яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, гдѣ бы учили не читать и писать только, но не раніе конца XVII вѣка собрались учредить такое училище: главнымъ препятствіемъ дѣлу были недостатокъ учителей, опасеніе, чтобы не взять учителей неправославныхъ. До учрежденія академіи Русскій человѣкъ, хотѣвшій учить дѣтей своихъ, бралъ въ домъ учителя, какого-нибудь западно-русскаго шляхтича; но многіе ли богачи великожи это дѣлали?—да и при дѣлѣ эти относятся ко времени передъ самымъ преобразованиемъ; люди, воспитанные такимъ образомъ, дѣйствуютъ уже въ Петровскую эпоху: людямъ небогатымъ и незнатымъ, но хотѣвшимъ выучить дѣтей своихъ грамотѣ, оставалось посылать

ихъ въ школу, содержимую какимъ нибудь учителемъ. Здѣсь учили читать и писать; кромѣ того, добросовѣстный учитель прочитывалъ передъ учениками такъ-называемыя *азбуковники*, сборники, содержащіе наставленія, какъ ученики должны держать себя въ школѣ, также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ, или мудрости, иногда и самое содержаніе наукъ: грамматики, реторики. Школу азбуковники называютъ *граммою учителевымъ*, и этимъ всего лучше опредѣляютъ старинную школу; хорошо также уснестъ дѣло наставленіе азбуковниковъ, чтобы ученики, уходя домой, не оставляли указки въ книгѣ и не бросали книгъ на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ старостѣ или старшему, который долженъ приобратить ихъ на мѣсто. Ученики обязаны были, по азбуковникамъ, носить воду въ школу, къ учителю въ день пѣдѣльный на поклонъ приходилъ, и отъ свидныхъ бранень и штиа ему приносить. Азбуковникъ, дававшій нѣскольکو свидѣній, былъ роскошно, дополняемъ къ обычному курсу, т.-е. Часослову и Исааырю, добрый учитель прочитывалъ ежедневно статьи его предъ учениками; но и эти поверхностные учебники, заключившіе въ себѣ всю школьную мудрость, являлись поздно. Главное и постоянное было—выучиться читать и писать, чтобы имѣть возможность *заниматься дѣлами*. Авторы азбуковниковъ знали очень хорошо эту цѣль учащихся, т.-е. родителей ихъ, и привлекаютъ къ изученію Азбуки, Часослова и Исааыря обѣщаніемъ, что послѣ этого изученія ученику откроются все книги печатныя и шьемѣнныя „и всякія дѣла и крѣпости, откуда вразумляются и вчиневаются, и чѣмъ устрояются“. Какъ рано относительно образованія молодые люди встарину вступали въ жизнь и на службу, видно изъ того, что сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя Василія Васильевича Голицына, Алексѣй, уже ѣздилъ въ походы за государемъ, подавалъ челобитныя о земляхъ и, въ то же самое время, только начиналъ склады писать²⁾. Съ одной стороны древній Русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны—онъ дѣлалъ самостоятельную очень поздно, потому что, выѣсто широкой нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, *старыхъ родителей* (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ, два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго Русскаго человѣка: отсутствіе образованія, высукавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека, необходимая, впрочемъ, пото-

¹⁾ Дворц. разряды. III, стр. 1081.

²⁾ Временникъ Москов. Истор. Общ., № 5.

му что, во-первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несо-
вершеннолѣтенъ, а во-вторыхъ—общество не могло
дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что
продолжительная опека дѣлала его прежде всего
робкимъ предъ всякою силою, что, впрочемъ, не-
сколько не исключало дѣтскаго своеволия и само-
дурства.

Замѣчено, что особенно даютъ чувствовать свою
силу низиннымъ, слабымъ тѣ, которые сами находят-
ся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы.
Дѣти бывають безжалостны въ отношеніи къ пой-
манной стрекозѣ, къ собацѣ, коникѣ: рабъ безжа-
лостенъ къ подчиненному ему рабу или животно-
му. Естественное влеченіе упражнять свою силу
надъ слабымъ господствуетъ, если не сдерживается
нравственными сдержками и если виденъ ежеднев-
ный примѣръ нестержаемости. Отсюда понятно,
почему отношенія мужа къ женѣ и родителей къ
дѣтямъ въ древнемъ русскомъ обществѣ не отли-
чались особенною мягкостію. Человѣкъ, не вынед-
шій изъ родовой опеки, становился мужемъ, т.-е.
съ нимъ соединяли существо, незнакомое ему пре-
жде, съ которымъ онъ прежде не привыкъ встрѣ-
чаться, какъ съ существомъ свободнымъ. Молодой
человѣкъ послѣ вѣнца впервые встрѣчался съ су-
ществомъ слабымъ, робкимъ, безмолвнымъ, которое
отдавали ему въ полную власть, которое онъ былъ
обязанъ *учить*; т.-е. бить, хотя бы и *въжизвенъ-
ко*, по правилу Домостроя. Легко предвидѣть слѣд-
ствіи, особенно когда еще обманули: показали кра-
сивую, а выдали безобразную, потому что «во всемъ
свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обязанности нѣтъ, яко
въ Московскомъ государствѣ», говоритъ Котоши-
хинъ. Хлопотали нельзя-ли какъ обмануть и на
царскихъ смотрницахъ; въ 1670 году бояринъ Бог-
данъ Матвѣевичъ Хитрово объявлялъ: «Приходитъ
къ мнѣ докторъ Стефанъ и сказывалъ: тому нынѣ-
шние дни съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ
Иванъ Шихиревъ и говорилъ, что взята вверхъ
племянница его, Вѣляева, для выбору, возили ее
къ боярину Хитрово; бояринъ смотрѣлъ у нея руки
и сказала, что руки худы; смотришь ты ихъ, до-
кторъ Стефанъ, а племянница моя человѣкъ без-
застышный, какъ станешь смотрѣть руку, и ты
веломигъ». Докторъ отвѣчалъ, что его къ такому
дѣлу не призываютъ, да и племянница его онъ не
знаетъ; на это Шихиревъ сказалъ: «Какъ руки у
нея станешь смотрѣть, и она перегомъ за руку
привагитъ, по тому се и узнаешь». Шихиревъ по-
винился ¹⁾.

Неправильныя отношенія нравственно несовер-
шеннолѣтняго мужа къ еще менѣе совершеннолѣт-
ней женѣ иногда вели къ тому, что мужъ старался
избыть жены, а жена—мужа. Говорятъ, что часто
употреблялось для этого крайнее средство, отравы ²⁾.
Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что дѣй-
ствительно это средство употреблялось часто, и

¹⁾ Дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ въ Государ. Архи-
вѣ, № 162.

²⁾ Кошкинъ, стр. 125.

остановимся на другомъ средствѣ, постриженіи
мужа отъ живѣй жены, и наоборотъ. Жена, постри-
шаяся отъ живаго мужа, называлась по отношеніи
къ нему *посестрию*, мужъ—*побръчимомъ*. Одна
такая посестрѣя подала жалобу, что побратимъ,
избываячи ее, бывалъ и мучивалъ, въ подполы и
въ коникъ, крапными наставшии, сажалъ и въ соху
вырагать. Оказалось, что она пострижена была
неволю, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ; род-
ственниковъ ея при постриженіи и у записи никого
не было ³⁾.

Въ случаѣ убійства мужа женою, Уложеніе по-
становило: казнить преступницу, живую оконать
въ землю, и казнить ее такую казнію безо всякой
пощады, хотя бы дѣти убитаго и ближніе его
родственники и не захотѣли, чтобы ея казнили; не
давать ей отнюдъ милости, держать въ землѣ до
тѣхъ поръ, пока умретъ. О наказаніи мужа за
убійство жены Уложеніе промолчало; но случаи
представились: въ 1664 году Иванъ Долговъ убилъ
жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпу-
стили на поруки ⁴⁾. Но въ Уложеніи ничего
нѣтъ; воеводы погому не смѣли приговари-
вать къ наказанію, отсылали въ Москву; здѣсь ру-
ководствовались прежними примѣрами, сравнивая,
сообразная обстоятельству, при которыхъ совер-
шено было преступленіе. Въ 1671 году Тоте-
мскаго уѣзда крестьянинъ Важеновъ повинился:
убилъ свою жену за то, что утаила она у него
два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея
не было, жилъ онъ съ нею въ совѣтѣ; съ пытки
говорилъ то же. Воевода послать за указомъ въ
Москву. Здѣсь велѣли выписать случаи стрѣльца
Еремѣва за убійство жены казнили смертію,—убилъ
ее въ пьяномъ видѣ; другой стрѣлецъ, тоже пья-
ный, зарѣзалъ жену за невѣрныя слова; здѣсь
уже была причина гнѣва, и потому убійцѣ отсѣкли
лѣвую руку да правую ногу; то же самое велѣно
сдѣлать и съ Важеновымъ и погомъ освободить
безъ поруки, «потому что убилъ жену не за вели-
кое дѣло» ⁵⁾.

Кромѣ неаправильности и грубости семейныхъ
отношеній, вредное вліяніе на народную правствен-
ность оказывала дѣла насилія, совершавшіяся въ
обширныхъ размѣрахъ: человѣкъ привыкалъ къ
случаямъ насилія, грабежа. смертоубійства; при-
вычка пагубная, ибо ужасное становилось для него
болѣе неужаснымъ, и при этомъ относительно своей
безопасности онъ привыкалъ полагаться или на

³⁾ Архивъ Мин. Юстиціи столбцы Прикази стола,
№ 1502; вотъ также любопытное извѣстіе изъ Приказныхъ
дѣлъ Москов. Арх. Мин. Ии. Д., годъ 1679. Вдова Марья
Самойлова Думевская въ допросѣ сказала: «Пришла къ
ней стряпчаго конюха Евсеена жена Верещатина Окска
Семенова, а пришедъ говорила ей, что мужъ ея Евсеевъ,
пришедъ домой невѣдомо откуда и былъ съ ея, слявъ
рубаху, смертнымъ боемъ до крови и по раначъ натуралъ
солью, и она, Окска, не стерпя побой, пришла къ пей по
свойству».

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. I, № 355.

⁵⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ии. Дѣлъ,
годъ 1674.

собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную;—и легко понять, какъ вѣдѣтвие этого ослаблялось въ немъ сознание въ общественной связи, онъ привыкъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На Западѣ, въ Средніе вѣка, завидитъ путникъ замокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ, чѣмъ выше и обширнѣе была домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому, чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или околничей, нанять на прохожаго и ограбилъ его; но у этого знатнаго боярина и околничаго нѣсколько сотъ дворицъ, праздно и дурно содержимой, привыкнутой кормить насчетъ каждого встречнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожий. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановскаго позвали съ товарищи старосту Серебрянаго ряда къ себѣ на загородный дворъ, и убили до смерти; они повиновались, сверхъ того, въ убійствѣ 20 человекъ, и говорили на свою братію дворовыхъ людей. На Дмитровѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татова. По Коломенской дорогѣ должны были высылать за разбойниками по 300 стрѣльцовъ. Въ 1675 году велѣно чистить дороги по причинѣ разбойныхъ пристанищъ, чтобы около Москвы разбѣеи и душегубства большаго не было, чистить отъ Москвы длиннику 50 верста, а по берегу по 100 сажень ¹⁾. Такъ было въ Москвѣ и около Москвы: что же подалѣе, гдѣ пропыются крестьяне—первое дѣло разбой, гдѣ и строитель пугаются участвовать въ разбогахъ, скрывать пограбленную рухлядь? Любопытно колебаніе въ уголовныхъ законахъ относительно воровъ и разбойниковъ: въ 1663 году велѣно было наказывать воровъ и разбойниковъ, выѣсто смертной казни, отсѣченіемъ ноги и лѣвой руки: но въ 1666 году членоотсѣченіе отмѣнено, и опять введена смертная казнь ²⁾; потомъ опять введено членоотсѣченіе.

Но Русскій человекъ XVII вѣка былъ робокъ, чувствовалъ себя небезопаснымъ вѣдѣтвие не одного разбѣеи: онъ окруженъ былъ опасностями другого рода, отъ которыхъ не было возможности защититься никакимъ оружіемъ. Вотъ какая, напримеръ, бѣда постигла жителей города Шуи. „Прѣзжающіе въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ городовъ и уѣздовъ мужескій, женскій и дѣвчій полъ, привозятъ одержимыхъ нечестными духами, и страждущіе въ волшебное время мечтаютъ всякими различными воздѣйствіями и кличуть на убажиднхъ людей, что ихъ пограбятъ: кликала Ирина Маурина на Овдыку Якимова, и, по царскому указу, Якимовъ взять въ Суздаль и кончить злою смертію“. При-

нимались мѣры прогнать порчи; для отпущка свадьбы приглашался знающій человекъ, который умѣлъ отвратить всякое лихо, но и это не помогало. Въ шуйскую земскую избу пришелъ посадскій человекъ и извѣщалъ: „Была у насъ свадьба, женился братъ мой, и на свадьбѣ приключилась надъ матерью напѣеи и снохою скорбь,—стали кликать въ порчѣ, а отпущкалъ свадьбу отъ всякаго лиха Шуянинъ посадскій человекъ, Гринка Пашинъ: а на другой день послѣ свадьбы пришелъ къ намъ въ домъ тюремный сторожъ Палаговъ, взять съ насъ поеуду денегъ 10 алтынъ 4 денги, да шанку, да два перетія, да ширинку, да платокъ зингаленый, и взялся мать и сноху отъ скорби отходить, но онъ ихъ въ дѣломъ умѣ не поставилъ“. Однажды тотъ же городъ Шуя былъ встревоженъ,—собрали всѣхъ жителей и спросили, по указу Суздальскаго архіепископа: „Не видѣли ли кто и не слыхали ли, какъ соборный попъ Иванъ ѣздитъ на мелвѣдѣ?“ Всѣ отвѣчали, что отъ слуху не слыхали и видѣлиемъ не видали ³⁾. Въ 1674 году въ Тотльѣ сожжена была въ срубѣ, при многихъ людяхъ, женщина Федосья, по оговору въ порчѣ: при казни она объявила, что ничего не портила, но что переть воеводо покленала себя, не перетрия штыокъ. Для характеристикки времени приведемъ еще два любопытныхъ случая дьявольскаго наваѣта. Въ 1671 году, на дорогѣ въ Польну, пойманъ былъ подозрительный человекъ, Ивашка Клеонинъ, который при допросѣ въ Торощѣ показалъ: „Называется онъ Новгородца Алексея Кирпилова сына Клеонина отцомъ себѣ, а жену его Марью—матерью, и жилъ у нихъ; а кто у него родной отецъ былъ, и про то вѣдаетъ Алексей Клеонинъ, а принесъ его Ивашка съ Москвы въ младенствѣ Новгородскаго уѣзда. Вѣженкой пятини, Телбовекаго погоста церкви Николая Чудотворца побить Гринка Абакумовъ и отдать ему, Алексею, и крепить у него, Алексея, въ дому и называть онъ, Алексей, его, Ивашку, Царевичемъ. 6 августа на Телбовецкѣ погостѣ, на церковномъ крыльцѣ, говорилъ онъ шестьюмъ дворянамъ, что онъ, Ивашка, пойдетъ въ Польну, и чтобы-де за него въ Польнѣ стали, а называться было ему въ Польнѣ царевичемъ Алексеємъ Алексевичемъ и наговаривать Поляковъ, чтобы или на Луки войною, и дворяне сказали ему: „Куды себѣ хоня, тулы и поди“. Слышать онъ отъ жены Оедора Клеонина, Анисьи, сказывала ей Телбовекаго погоста попъ Кузьма про него, Ивашку: таковой-де онъ великій человекъ, а не сумѣетъ за себя стать, а тотъ попъ еретикъ и еретическія книги знаетъ и у себя держитъ, а грамотѣ и писанью учился онъ, Ивашка, у него, пона Кузьмы Григорьева, а про еретичество слыхалъ отъ 18 дворянъ. На Мошенскѣ погостѣ Петръ Дунаидинъ называлъ его царемъ, а слыхалъ то Данила Чолоковъ, и онъ, Ивашка, его, Петра, за такое слово и за бороду дралъ“. Всѣ оговоренныя лица отреклись,

¹⁾ Дворцовые разряды, III, стр. 1120, 1333, 1522.

²⁾ Полн. Собр. Зак., № 334

³⁾ Акты города Шуи, стр. 314, 339, 456.

что ничего не слышали и не говорили. Ночь Кузьма и 16 человекъ дворянъ сказали, что Иванка Клеопинъ уморженъ, а уморедство ему учинилось тому шестой годъ, и началъ забывать въ то время, какъ онъ былъ у государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего пощѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонился, и въ дѣбъ бѣгивать, и говаривать, что онъ, Иванка, пропалъ и пецѣ нялъ многихъ людей, и надъ матерью своей родной хотѣлъ неслетвенное дѣло учинить, и самъ пожомъ рѣзался, и въ огонь бросался, и платье на себѣ дралъ. Отецъ Иванки, Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Иванка 20 лѣтъ слишкомъ, отъ него изъ деревни бѣжалъ въ дѣбъ, потому что уморженъ и говоритъ всякия многія непристойныя слова, и называетъ себя великимъ человекомъ, парвичемъ, и былъ онъ, Алексѣй, на нею челоми Новгородскому воеводѣ, и хотѣлъ его вести въ Новгородъ къ разспросу. Съ пытки Иванка говорилъ: отца его родной Алексѣй Клеопинъ, а парвичемъ сталъ называться собою потому, что уморженъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было-понелъ собою наговорить Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великия, а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всехъ поносилъ, потому что уморженъ навѣтомъ дьявольскимъ. Иванку повѣсили.

Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 году Федоръ Шилоцовъ въ допросѣ объявилъ: „Отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началь черному пону Ильѣ, да съ нимъ же сидѣть подъ началомъ иноземецъ Бровковскій, и онъ пенилъ у того инозца клясу — и у него въ брѣхѣ начало шумѣть, и частъ, что въ тѣ поры онъ ненорменъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ и, пришелъ въ монастырь, учалъ говорить Псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ шумѣло: какъ бы пролетѣлъ ангель или бѣсъ, и ангель велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, для того что ненорможе образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ да крестъ, положить на землю, и крестъ началъ испрыдывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, но ангеловъ велѣно. А началъ онъ помашлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небесахъ, а то образъ Божій“. Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы Св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходить, то онъ отвѣчалъ: „Великому человеку можно Бога умными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре говорилъ ему Казаннаго Приказа дякъ Захаръ Онуфриевъ: Худо у насъ то учинено: гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему, Федору, съ тѣхъ поръ вѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ поклоняться. Не стало Кодашева Рагозина, а ему, Федькѣ, былъ другъ большой, и онъ но немъ тужилъ и плакалъ долгое

время, и отъ той кручины ходилъ виѣ ума, и начать мыслить о Св. иконахъ, достойно ли поклоняться. потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небрежнелю и продаютъ въ торгу просто. и какъ государю праздновать въ соборной церкви Ризѣ Господней, и онъ, Федька, началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, красть, объявивъ и отдалъ, и государю его пожалуетъ, шшу его отдалъ, и начнетъ его, Федьку, жаловать, и онъ, надѣясь на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небесахъ, а иконамъ достойно ли поклоняться? Чтoby государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый, писать тѣ иконы всемъ иконописцамъ сиравичю, и приставить бы къ икононому дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ нерукотворенный: и онъ, Федька, началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными виѣми“.

Подобныя явленія имѣли одинаковую силу и въ верхнихъ слояхъ общества. При царѣ Михаилѣ, на стольника Илью Даниловича Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя) подкинули шельму, будто у него хранится волшебный перстень знаменитаго дяка Грамотина: Милославскаго долго держали за приставомъ, пересматривали всею пожитки. При царѣ Алексѣѣ обвинены были въ волшебствѣ родственникъ царскій, бояринъ Семель Стрѣшневъ, и это обвинение не прошло ему даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Подкинуты были шельма и на Матвѣева съ обвинениями въ волшебствѣ, изъ желанія повѣнчать браку царя Алексѣя на воспитанницѣ Матвѣева — Нарышкиной ¹⁾.

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой, кривой рвался изъ шелюпокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе, чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались странныя слова „у другихъ лучше“, и не перестануть повторяться слова странныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время замствования, ученія, время духовнаго ига — хотя и облегченнаго политической независимостью и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойнымъ, безъ сопротивленія, которое вызывало борьбу, вело къ перевороту, т.-е. къ дѣйствію насильственному. Церковныя преобразования пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ; но мы видѣли, какъ они были встрѣчены, и свои православные, показались неправославными. Относительно собственно науки, ученія,

¹⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ. годъ 1674. 1651. Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы приказнаго стола. № 1631. Исторія о цѣвничомъ заточеніи Матвѣева, стр. 161.

здѣсь остановились; не хотѣли принимать учителей неправославныхъ, учителями могли быть только Греки и западно-русскіе ученые. Но повѣрцы заходили толпами съ другой стороны, въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровыхъ всякаго рода, заводчиковъ, дѣкарей. По естественному ходу дѣла, новое должно были явиться въ видѣ вещей непосредственно полезныхъ, должно было начаться съ мастерства. Кромѣ того, цивилизація закинула уже свои сѣти на Русскіихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картіа, покойная карета, музыкальный инструментъ, оленическое представленіе—вотъ чѣмъ сначала мало-по-малу подговлялись Русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались пирожками къ ученію. Все это уже мы видимъ въ Москвѣ въ описываемое время, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Полятно, что заморскія штучки должны были появляться сперва наверху, у дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше знакомства съ заморскими и больше средствъ приобретать заморскія диковинки. Простымъ людямъ запрещалось забавляться музыкою, велѣно было нескать и жечь музыкальные инструменты, потому что какъ явится музыка, такъ непремѣнно примѣшается тутъ какое-нибудь суевѣріе и безчинство; но на пиру у царя „игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били“¹. Не надобно забывать, что воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича былъ западникъ Морозовъ, который еще при царѣ Михаилѣ шилъ нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ паревичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся съ ними вмѣстѣ²). Въ царствованіе Алексѣя подражатели Морозова размножились; самые близкіе къ царю люди были самые большіе охотники до заморскаго и дарили государя иностранными вещами: Богданъ Матвѣевичъ Хитрово подарилъ ему ползучарету; Матвѣевъ подарилъ царю карету черную нѣмецкую, на дугѣ, стекла хрустальныя, а верхъ раскрывается надвое; царевичу Оедору подарилъ карету бархатную, около кареты письмо живописное³). Во всей христіанской Европѣ начатки драматическихъ представлений, или такъ-называемыхъ мистерій, находились въ тѣсной связи съ богослуженіемъ: содержаніемъ имъ служили событія Священной Исторіи. И у насъ было подобное въ *Щецномъ дѣйствіи* (вверженіе трехъ отроковъ въ печь въ Вавилонѣ), въ шествіи патриарха на ослѣ въ Вербное воскресенье. Еще при царѣ Михаилѣ русскіе послы, возвращавшіеся изъ Варшавы, рассказывали о театральныя представленія, которыми тѣшился король во дворцѣ своемъ; при сынѣ Михаила подобныя представленія происходили и въ Москвѣ для великаго государя. Содержаніе пьесъ брадось изъ Св. Писанія; сочинялъ ихъ обыкновенно монахи, Симеонъ Полоцкій.

изъ комедій свѣтскаго содержанія упоминается Темиръ-Аксаково дѣйствію; кнѣза эта была наверху у великаго государя, но игралась ли пьеса—неизвѣстно. Разыгрывали комедіи Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Въ 1674 году была въ селѣ Преображенскомъ комедія, тѣшили иноземцы, какъ Алаферну царю царца голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые А. С. Матвѣева. Другая комедія была дана въ присутствіи царьцы, царевичей и царевнъ; тѣшили Нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣстѣ Амана. Дѣло дошло и до баяета: на заговѣнье была потѣха—Нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіолахъ и на страментлахъ, и танцовали. При описаніи этихъ новостей насъ останавливаетъ одно обстоятельство, что на представленіи были царца и царевны; важно также извѣстіе, что царца сопровождала царя и на охоту³). Начальникомъ Нѣмцевъ, потѣшавшихъ великаго государя, былъ Іоаннъ Годфридъ, при немъ „перспективаго письма мастеръ“ Петръ Ингльсъ. Но однихъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева оказалось недостаточно для „комедійныхъ дѣйствій“. Въ 1673 году Матвѣевъ приказалъ въ Новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человекъ въ *камидіанты* и отвести въ Нѣмецкую слободу къ магистру Годфриду. Такъ основывалось въ Москвѣ театральное училище прежде Славяно-Греко-Латинской академіи! Но и этихъ учениковъ не доставало: брали подъячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла⁴).

Прежде другихъ школъ устроена была театральная школа для потѣхи великаго государя: но по всему было видно, что и другія школы не замедлятъ: сильно чувствовалось, что отстаютъ; сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. Въ литературѣ, какъ и во всемъ бытѣ, явственные признаки приближенія новаго времени. Бытъ Русскаго народа до эпохи преобразованія вполне выражается въ его поэзіи: однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной общей оцѣнки этого быта. Поэтому намъ необходимо остановиться на памятникахъ древней народной поэзіи, тѣмъ болѣе что если памятники народнаго творчества условливаются бытомъ народа, то, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь оказываютъ могущественное вліяніе на бытъ.

Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню Русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода и ведетъ черезъ Вольты, Галчѣ, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ,—прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи нѣмцовъ—это богатырь-казакъ,

¹) Акті двор. Голохвастовыхъ въ Читеніяхъ Москов. Петер. Общ., 1847 года, № 5.

²) Дворц. Разр., стр. 1509, 1419.

³) Дворц. Разр., стр. 1131, 1224 1501; Приказная дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.

⁴) Приказная дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

названія однозначнаго. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ Русскій мѣръ былъ на Украинѣ; какъ въ X вѣкѣ, и въ XVII вѣкѣ человекъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго „сила по жилочкамъ живичкомъ переливалась, которому было трудно отъ силушки, какъ отъ тяжелого бременя“, отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найдти на комъ попробовать свою силу молодецкую. Много перемѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевского князя Владимира до временъ великаго государя царя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержка, но удалыцы попрежнему шли въ степь *поляковтѣ* (отъ *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалыцъ *полянцѣ* (опять отъ *поле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружини и идти на подвигъ. Такимъ образомъ, для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ иѣть свою плѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами; богатырь не умиралъ въ казакѣ, и нани древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казачкія, а казачаки.

Знакомый съ этими пѣснями знаетъ, что самое видное мѣсто между богатырями занимаетъ Илья Муромецъ; онъ обыкновенно называется старымъ казакомъ и прямо донскимъ казакомъ ¹⁾, атаманомъ донскихъ казаковъ: „Помутился весь тихій Донъ, помѣшался весь казачій кругъ: что не стало у нихъ атамана, что стараго казака Ильи Муромца“ ²⁾. Разбойники, испуганные его силою, просятъ его, чтобъ взять ихъ къ себѣ въ товарищи, въ донскіе казаченки ³⁾.

Молодой человекъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери: „Ай же ты, государыня моя матушка! давай же прощаньице-благодареньице: поѣду я во далече-далече чисто поле, хочу разогнать бурушку косматаго, хочу поразмять своего плеча богатырскаго. спробовать силы-удали молодецкія ⁴⁾. Долго ли мнѣ жить во глуномъ, во маломъ во ребячествѣ, ходитъ мнѣ дома по улицѣ широкая, съ ребятами тѣшиться? Пока молодой человекъ не вырвется въ чисто поле, все онъ будетъ жить въ глуномъ, маломъ ребячествѣ; отъ глунаго ребячества до возмужалости иѣтъ переходнаго времени, образованія! Страшенъ бывалъ сильный человекъ, вырвавшійся прямо изъ глунаго, малаго ребячества на полную волю, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходящуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объясняютъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрывнись отъ старыхъ условий.

Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позволили на пиръ, стрѣляетъ по Божіимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдастъ золоченыя маковки кабацкой голи на проишвъ, хочетъ застрѣлить князя Владимира съ княгиней ⁵⁾. Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ Новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца: мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и надетъ на плечи могучія: богатырь говоритъ ей: „Ты—старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели-бы ты зашла впередъ меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ, убитъ бы замѣто мужика новгородскаго“ ⁶⁾.

Богатырь въ полѣ, въ степи; первое его дѣло набрать себѣ дружини—такихъ же богатырей, такихъ же поленицъ удалыхъ. Чѣмъ же занимается атаманъ съ дружиною? Ловятъ звѣрей и птицъ, рубятъ суденышко дубовое и выѣзжаютъ въ море ловить рыбу: таковы были казачкія занятія въ степи. Богатырь-казакъ не охотникъ до женитбы и не очень высокаго мнѣнія о женщинѣ: „Хороша жена—чужая корысть, а худа-то мнѣ-ка ненадобна“ ⁷⁾. Пѣсня знаетъ два рода женщинъ: богатырокъ, которыхъ обыкновенно и чародѣйки, и женщинъ—теремныхъ затворницъ. Первые, конечно, не могутъ отличатся женственностію, но нѣкоторые изъ нихъ съ силою физическою соединяютъ и нравственную, какъ напр. *трезная* Настасья Никулишна, которая не хочетъ пережить смерти мужа, не хочетъ выходить за его убійцу; вторыя изображаются съ характеромъ, соответствующимъ ихъ теремному воспитанію, т. е. совершенно безъ характера. Дѣвушка—дорогая вещь, и потому ее запрятали въ теремъ, чтобъ не подвергнуть никакому враждебному вліянію, и тѣмъ больше въ ней достоинства, чѣмъ она больше отстранена отъ великихъ вліяній, въ этомъ полагаются все похвала: она красавица и отлично убережена: „Сидитъ она въ теремѣ въ златомъ верху, за тридцатью замками бузатырнымъ, на ню красное солнышко не опсечетъ, буйныя вѣтрушки не овѣютъ: многие люди не обгалятся (не глазѣють)“ ⁸⁾. Братья хвастаются сестрою: „Что есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ, бѣлится съ лица не ронитъ, бѣла лица не кажетъ“ ⁹⁾. Ее просватываютъ; но пріѣзжаетъ богатырь, врывается къ ней въ теремъ.—она отдается безъ сопротивленія, потому встрѣчается прежній женихъ, прельщается ее общаіемъ лучшей доли, и она передается ему; новый мужъ скоро гибнетъ, и несчастная женщина въ самомъ печальномъ положеніи: „Отъ бережку и откатулася, къ другому бережку не прикачулася“. Богатырь жестоко мститъ за невѣрности ¹⁰⁾.

⁵⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., 1, 95, 97.

⁶⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., 350, 351.

⁷⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., 2, 3, 62.

⁸⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., 187; Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 3, стр. 31, 74.

⁹⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 2, стр. 66.

¹⁰⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., II, 56 и др.

¹⁾ Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, II, 140.

²⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, 90.

³⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, стр. 20.

⁴⁾ Пѣсни, собр. Рыбник., I, 272; II, 159.

Богатырь-казакъ выдѣлялся изъ толпы, ушелъ изъ общества въ степь, въ сознанин своей силы, своего преимущества, или изгнанный изъ общества, которое не могло позволить ему среди себя разправлять плечо богатырское; дѣло естественное, чтобъ онъ сталъ уважать толпу, падать *мужиковъ*: „Какъ начали они (богатыри) мужиковъ чествовать, чествовать мужиковъ — жаловать, одѣлыми они нахлыстывать; тутъ кланяюся мужики, проклинаются: а будетъ трое проклять на вѣку тотъ бы, кто съ вами, съ молодцами, свяжется да заведетъ драку великую. Нахлестали мужиковъ они до-любви“. Василій Бусласевъ, образецъ новгородскихъ казаковъ-ушкунниковъ, похваля новгородскихъ мужиковъ на пиру, но кормить-поить только свою дружинишку храброю, а мужиковъ носылалъ въ за-шей да въ сугмы¹⁾.

Богатырь-казакъ представлялъ противоположность осѣдлому земскому человѣку, занимающемуся мирнымъ промысломъ. Богатырь-казакъ, которому было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, не могъ по этому самому успокоиться, долженъ былъ находиться въ безпрестанномъ движеніи, *подвизахъ*, онъ гулялъ изъ земли въ землю²⁾. Богатырь-казакъ можетъ жить только въширокой степи, въ городѣ онъ жить не можетъ: „отправлялись тутъ могучіе богатыри, что на поле, на Куликово. Въдъ въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить: разгуляются, распотѣшатся, стануть веѣхъ толкать; а такіа потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть, котораго толкнуть — тому смерть, да смерть“³⁾. Богатырь-казакъ не могъ быть въ городѣ и воеводою: „Не дай Господи дѣлати съ барина холопа, съ холопа дворянина, изъ вонанапача, изъ богатыря воеводу“⁴⁾.

Земскій человѣкъ работаетъ, богатырь-казакъ *гуляетъ* по широкому полю, *полюкуетъ*; но съ понятіемъ о гуляньи было необходимо связано понятіе о зеленомъ винѣ, о царевѣ кабацкѣ, и степной богатырь-казакъ былъ очень хорошо извѣстенъ дреннему Русскому человѣку, извѣстенъ какъ зашпенной гуляка, охотникъ до зелена вина. Илья Муромецъ, самый почтенный изъ богатырей, пьетъ въ кабацкѣ веѣсть съ голыми кабацкими⁵⁾.

Наконецъ сила перестаетъ по жидкокамъ живчикомъ перелдваться, отъ нея уже не грузно болѣе, какъ отъ тяжелаго бремени: богатырь-казакъ старѣетъ. Приближается смерть, судья надобно будетъ расплатиться за то, что смолоду было много бито, граблено, надобно душе спасти: средство къ тому — монастырь. Молодые смѣются надъ старымъ богатыремъ-казаккомъ: „Пора ти, старому, въ монастырь вѣдти!“⁶⁾ И бѣда старому, если пропуститъ эту пору, встрѣтится въ чистомъ

полѣ съ чудовищемъ, котораго не осилитъ, это чудовище—Смерть; онъ замахнется острой саблею, но рука застоится въ плечѣ, не согнется, сабля выпадетъ изъ руки; тѣтно взмолятся богатырь, чтобъ (Смерть дала сроку хогъ на три года, хоть на три часа, чтобъ имѣние по церквамъ разнести, золоту казну по нишей братіи: Смерть отвѣтитъ: „Не дамъ я тебѣ сроку; твое имѣние несправедное, золота казна не заработана, и твоей душѣ не будетъ помощи“. Зашатается богатырь на добромъ конѣ и упадетъ на сыру-землю⁷⁾.

Богатырь-казакъ есть герой народной исторической пѣсни въ продолженіи осьми вѣковъ, потому что во все это время богатырство-казачество налицо и потому что во все это время идетъ одна и та же борьба въ чистомъ полѣ съ степными кочевниками, съ этимъ *идолшцемъ поганымъ*, какъ олицетворяется кочевникъ въ пѣснѣ. Богатыри-казаки, какъ обитатели того же чистаго поля, главные участники въ этой борьбѣ: это самая чистая, самая поэтическая сторона ихъ дѣятельности. Борьба въ степи и на Украйнѣ идетъ постоянная съ однимъ и тѣмъ же характеромъ: отсюда и пѣсня тянется черезъ восемь вѣковъ съ однимъ и тѣмъ же лицами, съ однимъ и тѣмъ же дѣйствіями этихъ лицъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ обыкновенно смѣшваются лица, дѣйствія и мѣстности, то тѣмъ болѣе смѣшеніе должно было господствовать въ нашемъ народномъ эпосѣ именно по продолжительности и однообразію воспѣваемого явленія. Одно и то же происходило и при Владимірѣ I-мъ, и при Владимірѣ Мономахѣ, и при Дмитріи Донскомъ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, — и потому: какъ разъ проиѣлась пѣсня о Кіевѣ, о ласковомъ князѣ Владимірѣ и объ извѣстномъ числѣ богатырей, — такъ къ этимъ мѣстностямъ и лицамъ и начало представляться все послѣдующее изъ той же безконечной борьбы, изъ того же безконечнаго ряда подвиговъ. Мамай осаждаетъ Кіевъ, тутъ же и Куликово поле, тутъ же и Ермакъ, ставшій племянникомъ князя Владиміра⁸⁾.

Но, кромѣ борьбы съ степниками, были и другія историческія явленія, которыя не могли не поразить воображеніе народа, не могли не озоваться въ его пѣсняхъ, какъ напризмѣръ борьба съ Литвою⁹⁾. Нораизлъ воображеніе народа первый царь, Иоаннъ Грозный, покорившій три царства Татарскихъ, сгнанными казнями выводившій измѣнцу изъ Москвы и Новгорода. Грозный въ пѣснѣ такъ говоритъ на пиру: „Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града, и повывелъ я измѣнцу съ каменной Москвы, уже я выведу измѣнцу изъ Нова-города“¹⁰⁾. Осталось въ народной пѣснѣ сгнанные событіе въ семействѣ Грознаго, — убиеніе сына отцомъ. (Спѣлась пѣсня и про таинственное лицо самозванца

1) Пѣсни, собр. Рыбннков., I, 24, 353.

2) Пѣсни, собр. Кирѣевск., выд. 3, стр. 63.

3) Пѣсни, собр. Кирѣевск., выд. 1, стр. 63.

4) Пѣсни, собр. Рыбннков., II, 328.

5) Пѣсни, собр. Рыбннков., стр. 335.

6) Пѣсни, собр. Рыбннков., I, 78.

7) Пѣсни, собр. Рыбннков., II, 258.

8) Пѣсни, собр. Рыбннков., I, 114, 116; Пѣсни, собр. Кирѣев., выд. 1, стр. 61.

9) Пѣсни, собр. Рыбннков., I, 429 и слѣд.

10) Пѣсни, собр. Рыбннков., I, 389.

на, и про жену его, царедѣйку Марину, и про любимца народнаго, князя Скопина-Шуйскаго ¹⁾). Наконецъ отъ царствования Алексѣя Михайловича въ Польшѣ осталась память о знаменитой борьбѣ съ Польшею за Русскія Земли. Пѣсни начинаеть Соборомъ: царь Алексѣй Михайловичъ выходитъ изъ церкви, отъ долгой обѣднн, становится на Лобное мѣсто и объявляетъ боярамъ, купцамъ и солдатамъ: „Пособни государю дума думать; надо думать крѣпка дума, не продумать“. Король (Шведскій?) просить Смоленска, а вмѣсто него даетъ Хмыскую (Китайскую) Землю. Соглашаться ли на промѣну? спрашивается царь. За бояръ отвѣчаетъ князь Астраханскій, говорить, что Смоленскъ строеніе не московское, а литовское; что въ городѣ нѣтъ ни стрѣльцовъ, ни казны, и потому надобно согласиться на мѣну. Государю не понравились эти рѣчи; онъ обращается къ купцамъ, вмѣсто которыхъ отвѣчаетъ князь Бухарскій, говорить то же самое, что и Астраханскій. Государь обращается къ солдатамъ; вмѣсто нихъ отвѣчаетъ Данила Милославскій, что Смоленскъ строеніе московское, а не литовское; что въ немъ много стрѣльцовъ, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалуетъ Милославскаго Смоленскимъ воеводою, Астраханскаго князя вѣшаетъ, Бухарскаго рубить голову ²⁾). Любопытно, что правительство допускало на Соборахъ свободу мнѣній: не народъ, вѣрный старымъ вѣчевымъ обычаямъ, не допускаеться ея въ произведеніяхъ своей фантазіи и заставляетъ царя казнить смертію людей, мнѣнія которыхъ не понравились.

Понятно, что появленіе въ XVII вѣкѣ богатыря-казака, какого еще не бывало, Стеньки Газина, сильно отозвалось въ пѣснѣ: самъ старъ-матеръ казакъ Илья Муромецъ является при Разинѣ есауломъ только. Такъ самый видный изъ богатырей отодвигается уже на второй планъ. Но въ Великой Россіи новое богатырство или казачество, благодаря существованію крѣпкаго государства, никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые встарину, въ богатырскія эпохи, дѣлались основателями государствъ, тутъ гибли отъ государства, да и немного было Разинныхъ; вотъ почему въ Великой Россіи имена старыхъ богатырей и сохранились. Другое дѣло въ Малой Россіи: здѣсь казачество разгулялось широко, его дѣятельность, его борьба съ Крымцами, Турками и Поляками явилась на первомъ планѣ, исключительно овладѣла безраздѣльно народнымъ вниманіемъ и воображеніемъ; здѣсь казакъ Хмельницкій чуть-чуть не сдѣлался основателемъ новаго государства, родоначальникомъ новой династіи; здѣсь поэтому старый казакъ Илья Муромецъ не удержался при немъ даже и есауломъ: здѣсь старые богатыри совершенно исчезли. Притомъ же въ широкой степи было очень бурно-вѣтрено: здѣсь

старина, какъ и все, плохо держалась, разносясь буйнымъ вѣтромъ на все четыре стороны. На Сѣверѣ, въ лѣсу, все удобнѣе удерживалось, — удерживалась и старина.

Кромѣ своихъ пѣсней и сказокъ, Русскій целовѣкъ охотно слушалъ и читалъ сказки иноземныя въ переводѣ, какимъ бы путемъ онѣ къ нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться изъ узкой среды будничной жизни, перенестись въ другую, новую, болѣе широкую сферу, къ дѣламъ выше обыкновенныхъ. Сначала эти иноземныя сказанія, византийскія, переходили на Русь въ южно-славянскіхъ сербскіхъ и болгарскіхъ переводахъ; потомъ, въ XVII вѣкѣ, западно-европейскія сказанія переходятъ преимущественно при посредствѣ польской литературы. Такъ уже давно любимымъ чтеніемъ русскаго грамотнаго человека были сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго. Въ XVII вѣкѣ была извѣстна у насъ въ русскомъ переводѣ знаменитая въ средневѣковой европейской литературѣ Тройская исторія Гвидона Мессинскаго. Въ западно-европейскіхъ литературахъ XVII вѣкѣ былъ временемъ упадка рыцарскаго романа, который уже становится здѣсь чтеніемъ простонародья; у насъ же, во второй половинѣ XVII вѣка, западный рыцарскій романъ въ переводѣ съ польскаго усердно читается въ высшемъ грамотномъ обществѣ, что свидѣтельствуеть значительное количество списковъ, является во дворцѣ, между выгами царевичей, подъ названіемъ „потѣшныхъ книгъ“. Это явленіе служитъ также указаніемъ того возраста, въ какомъ находимъ народъ нашъ въ описываемое время, возраста дѣтскаго, когда фантазія преобладаетъ и требуетъ чудеснаго; рыцарскій романъ — родной братъ нашей богатырско-казанской пѣсни и сказки, а потому долженъ былъ найти радужный пріемъ въ русскомъ обществѣ XVII вѣка, и западный богатырь Буоводъ Антона сталъ такимъ русскимъ Бовой-королевичемъ. Посредствомъ переводовъ съ польскаго Русскіе люди XVII вѣка познакомились съ нравоучительными повѣстями. Въ началѣ XVII вѣка толмачъ греческаго и польскаго языка, Федоръ Гозвинскій, перевелъ басни Езона, который, по словамъ переводчика: „Нравоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ и въ причахъ полезная къ житію даруетъ“. Этотъ переводъ не былъ единственнымъ въ XVII вѣкѣ. Въ то же время переводились съ польскаго огромные средневѣковые сборники нравоучительныхъ повѣстей — *Gesta Romanorum* (дѣла римскія), *Зеркала*, *Собранія анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ*, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, такъ называемыя „Апофегматы“; наконецъ переводились съ польскаго сборники *фавейвъ*, т. е. смѣшныхъ и скандальныхъ разсказовъ и анекдотовъ, острыхъ словъ и шутокъ (смѣхотворныя повѣсти)³⁾. Знакомство

¹⁾ См. Исторію Россіи, т. II.

²⁾ Пѣсни, собр. Губинск., II, 237.

³⁾ Подробности о переводной литературѣ XVII вѣка см. въ книгѣ Пильни: «Очерки литературной исторіи стариныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ...»

съ иностранными повѣстями не осталось безъ вліянія, и мы видимъ въ XVII вѣкѣ попытки къ русской повѣсти, гдѣ описываются любовныя и другія похождения Русскихъ людей. Одна изъ дошедшихъ до насъ такихъ повѣстей, болѣе древняя, еще связана тѣми условіями, въ которыхъ встарину обыкновенно являлась въ русской литературѣ повѣсть, сказаніе, т.-е. условіями религиозными. Любовныя и служебныя похождения одного купеческаго сына въ царствованіе Михаила Осодоровича озаглавливаются такъ: „Повѣсть зѣло предивная града Великаго Устюга купца Фомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописание и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятой Богородицы Казанскіа“¹⁾. Другой дошедшей до насъ образчикъ русской повѣсти, „Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ“, уже свободенъ отъ этихъ древнихъ условій²⁾.

По повороту общества на новую дорогу, столь слышанный въ XVII вѣкѣ, обозначался не тѣмъ только, что переводились и переносились западныя повѣсти, потѣшныя книги, смѣхотворныя повѣсти. Дѣйствительно Западъ сманивалъ Русскаго человѣка и комедійнымъ дѣломъ, и потѣшною книгою; но поворотъ главнымъ образомъ сказывался въ томъ, что сознава была необходимость учиться у Запада, въ томъ, что переводились и переносились грамматики, ариѳметики, лѣчебники, космографіи. По русской географіи еще съ конца XVI вѣка былъ извѣстенъ „Большой чертежъ Земли Русской“, возобновляемый и дополняемый въ XVII вѣкѣ, влѣтъ съ книгою „Большой чертежъ“, описаніемъ Московскаго государства по дорогамъ и рѣкамъ. Понятно, что болѣе всего нуждались въ книгахъ люди, часто сталкивавшіеся съ западнымъ міромъ, люди, которые должны были знать, что тамъ дѣлается, въ этомъ мірѣ, котораго превосходство такъ выдалось въ глаза. Понятно, что прежде всего нуждались въ книгахъ во дворцѣ и въ Посольскомъ Приказѣ, и книги *строились* въ двухъ экземплярахъ: одинъ брали наверхъ къ великому государю, другой—отдавался въ Посольскій Приказъ. Посоль, отправлявшійся за границу преимущественно въ Польшу, привозилъ съ собою большое количество польскихъ и латинскихъ книгъ. Князь Реншигъ-Оболенскій, будучи посланъ въ Польшу въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) Лексиконъ славяно-русскій—данъ 4½ золотыхъ польскихъ; 2) Гранографъ Писецкаго—данъ десять золотыхъ; 3) Дикціонеръ, или лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на нѣмецкомъ, латинскомъ и польскомъ,—данъ 15 золотыхъ; 4) Гвагвинъ, данъ 40 золотыхъ; 5) Библія на польскомъ языкѣ, данъ 50 золотыхъ; 6) Книга—Описание Польши, данъ 24 золотыхъ, да отъ переписки 6 золотыхъ; 7) Конституція польшииго 161 года, данъ левая: всего куплено книгъ на

25 золотыхъ. Легко представить, что два знаменитыхъ начальника Посольскаго Приказа, два знаменитыхъ западника, Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, будутъ самыми усердными собирателями иностранныхъ книгъ: въ 1669 году Ордину-Нащокину прислано было изъ-за границы 82 латинскія книги. Справки непосредственно по русскимъ лѣтописямъ и хроникамъ иностраннымъ были тяжелы, явилась необходимость дѣлать изъ нихъ выборки, а прежде всего составлять наглядныя генеалогическія таблицы съ *парсунами* (портретами) государей и ихъ гербами, причеъ какъ для царя, такъ и для Посольскаго Приказа необходимо было означить, какой Россійскій государь съ какими иностранными государями имѣлъ сношенія Матвѣевъ въ Посольскомъ Приказѣ съ товарищами своими, съ приказными людьми и переводчиками, сдѣлать „Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именования и титулы писаны къ нимъ: да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и Московскихъ патріарховъ, и Римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы“. Персоны эти писали иконописцы Иванъ Максимовъ и Дмитрій Львовъ, пять мѣсяцевъ. Великій государь указалъ этой книгѣ быть въ Посольскомъ Приказѣ, а себѣ и сыну своему царевичу Федору Алексѣевичу указать сдѣлать двѣ такія же книги, и въ прибавку написать персоны дѣтей своихъ всѣхъ и Польскихъ королей съ Стефана Абатура (Ваторія). Въ этомъ же родѣ дьякъ Грибовъдовъ пострелялъ: „Исторію, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святоожившихъ боговѣщанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійскій земли богоугодно державствующихъ“. Трудъ Грибовъдова представляетъ генеалогическое перечисленіе лицъ съ прибавленіемъ вѣнцѣватыхъ похвалъ; цѣль—вывести родъ Московскихъ государей и прикинуть къ нимъ новую династію. Перечисленіе государей начинается съ Владиміра Св. О переходѣ первенствующаго значенія отъ южныхъ князей къ сѣвернымъ говорится такъ: „По преставленіи же в. к. Владиміра Всеславовича Мономаха, Россійское царство начатъ раздѣлятися на многія начала и первоначальство же Кіевское и съ честію начинашеса переходити пламю. Истинный же наслѣдникъ честива Россійскаго царствія в. князь Героргій Долгорукій, иже бысть седмой сынъ в. к. Владиміра Мономаха, аще и не въ Кіевѣ тогда начальствуя, но въ Суздальѣ государствую и въ Ростовѣ, честію же пресвѣтѣи наче всѣхъ братій своихъ“. Имявъ названіи изъ Кіева Игоря Ольговича Изяславомъ Мстиславичемъ, авторъ говоритъ: „Великій же князь Георгій Владиміровичъ тогда государствую въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, обновля въ немъ первоначальственное скиптродержав-

¹⁾ Лѣтописи Русской литературы. 1859 г. в. IV.

²⁾ Москвитинъ 1853 года, № 1.

віе благочестиваго царствія, идѣже нынѣ благо-родное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ“. Перечисливъ сыновей Долгорукаго, Грибоѣдова продолжилъ: „Изъ нихъ же учинися Россійскаго царствія наслѣдникъ истинный коренеплодитель, первоначальствующимъ Россійскимъ самодержцемъ богохранимый в. князь Всеволодъ. И уже тогда Кіевскіи величїи князи подручны бѣху Владимірскимъ самодержцамъ, въ градѣ бо Владимірѣ тогда начальство удерживавшися пришествіемъ чудотворнаго образа Богоматери, съ нимъ же прииде изъ Вышеграда в. к. Андрей Георгіевичъ и державствовалъ. А братъ его сей великій богохранимый князь Всеволодъ Георгіевичъ государствова въ Переславли, а оттуда по братѣ его призваше его во Владимірѣ Владиміретинъ люди и тако надъ всѣмъ владомыми въ Россійстѣй земли бысть единъ всѣмъ любимъ самодержецъ, также и самъ всѣхъ любя и самодержествуя“. Ярославъ Всеволодовичъ является старшимъ сыномъ Всеволода; о нашествїи Татаръ ни слова. Послѣ Невскаго авторъ сейчасъ-же переходитъ къ Даниилу Московскому: „Понеже убо тогда честь и слава в. княженїи возхождаше на боголюбивый градъ Москву“. За Данииломъ непосредственно слѣдуетъ Калита, за Калитомъ прямо Іоаннъ II: Сынсонъ Гордый пропущенъ. Объ Іоаннѣ Грозномъ такой отзывъ: „Еще же и житіе благочестно имѣя и ревностю по Возѣ ирсно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства прїять, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разлившаяся, а народи ея веселїемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху“. О первомъ бракѣ Грознаго говорится: „Закононому браку сочетася, избра себѣ оны в. государь по своему царскому достоинству богомудрую супругу аки свѣтлый бисерт или анфраксъ камень драгїй всечестную отроковицу и блаженную дщерь нѣкоего вельможи Романа Юрьевича Романова“. Слѣдуетъ похвала Анастасїи. Послѣ царя Оеодора слѣдуетъ извѣстіе о происхожденїи Романовыхъ: „Отъ матери его Анастасїи Романовны родословіе сїце: въ древнихъ лѣтѣхъ въ Россійское царствїе изъ Пруссїи земли государя Прусскаго сына Андрей Іоанновичъ Романовъ, а прусскіе государь сродники Августу Кесарю Римскому“. Книга, оконченная въ 1669 году, первоначально состояла изъ 36 главъ и заключалась длиннымъ описанїемъ объявленїя царевича Алексѣя Алексѣевича наслѣдникомъ. Впослѣдствїи прѣбавлены извѣстія о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексѣя Михайловича и о востшествїи на престолъ Оеодора Алексѣевича ¹⁾.

Любопытно сравнить это произведеніе московскаго дьяка съ современнымъ произведенїемъ малороссійскаго ученаго, съ знаменитымъ Синописомъ Чиселя. Малороссійскїй ученый начитался поль-

скихъ книгъ, коротко познакомился съ Стрыйковскимъ, и высказываетъ свою ученость тѣмъ, что производитъ Русскїй народъ отъ Мосоха, сына Яфе-това, названне Руссовъ производитъ отъ разсѣянія, имя Славянцъ—отъ славы, которую предки наши синскали воинскою храбростію; говоритъ о помощи, поданной Славянами Филиппу и Александру Македонскимъ. Основатели Кіева. Кїй съ братьями, происходятъ отъ Мосоха; Аскольдъ и Диръ названы потомками Кїя; Варяговъ авторъ называетъ Славянами, а черезъ нѣсколько строкъ говоритъ, что князья варяжскіе пришли отъ Нѣмелъ; Аскольдъ и Диръ, названные прежде потомками Кїя, являются мужами Юрюка, и дѣло согласено такъ: „Вѣста у Юрюка, князя Великоновгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о ниже не бѣ тамо извѣстно, аще подоша отъ колѣна основателя и перваго князя Кіевскаго Кїя“. По смерти Ярослава I-го, авторъ переѣмиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначащее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событїи, какъ наприм. говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ дѣну, поясъ и шапку князю отъ старосты Каопнесскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византїи. О Сѣверной Россїи мы не находимъ ничего въ Синописѣ, и, послѣ взятїя Кіева Ватыемъ, авторъ прямо переходитъ къ длинному описанїю Мамаева побойща; потомъ обращается опять къ Ватыю, къ его походамъ на западъ: перечисляетъ князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесенїи митрополничьего престола изъ Кіева прямо въ Москву, о взятїи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленїи митрополїи, объ учрежденїи патріаршества въ Москвѣ, о превращенїи княжества Кіевскаго въ воеводство, о присоединенїи Кіева къ Москвѣ— кратко, въ общихъ чертахъ.

Таковы были первыя попытки, первый младенческій несвязный лепетъ русской исторїографїи у насъ на сѣверѣ и югѣ. Разумѣется, мы не рѣшимся отдавать преимущества одному сочиненїю передъ другимъ; замѣтимъ только, что царскїй характеръ исторїи Сѣверной Россїи рѣзко сказался въ сочиненїи московскаго дьяка. Записываніе современниками важнѣйшихъ общихъ или наиболѣе занимавшихъ ихъ, наиболѣе къ нимъ близкихъ событїи, не прекращается ни на сѣверѣ, ни на югѣ, но составленіе лѣтописныхъ сборниковъ въ старой формѣ останавливается, и, влѣдствїе новыхъ потребностей, являются сочиненїя въ родѣ „Исторїи о царяхъ“, или Синописа. Наверху, у великаго государя были уже книги *Василіологонъ*—персоны асїрийскїихъ, перекїихъ, греческихъ, римскихъ царей и великороссійскихъ великихъ князей и царей; въ 1675 году Матїѣевъ приказалъ построить еще два экземпляра Василіологона. Въ Посольскомъ же Приказѣ при Матїѣевѣ построены были книги: „Мусы, или семь свободныхъ ученїи въ лицахъ; о Сивиллахъ; Хрисмологїонъ на откоро-

¹⁾ Приватная дѣла Москов. Архива Мин. Им. Дѣлъ, годъ 1669, ноябрь. Рукопись сочиненїя Грибоѣдова въ Румянцев. музеѣ.

веніе сна Данииломъ пророкомъ Навуходоносору о четырехъ монархіяхъ; Исторія о мужественѣйшихъ въ воинскихъ ополченіяхъ ассирійскихъ, перскихъ, еврейскихъ, греческихъ, римскихъ, царяхъ и великороссійскихъ великихъ князьяхъ и царяхъ.“ Слагалъ эти книги и собиралъ изъ различныхъ книгъ Посольскаго Приказа эллиногреческаго языка переводчикъ Николай Спафарій да подъячій Пётръ Долговъ. Стараніемъ Матвѣева же построена была книга о важнѣйшемъ событіи для новой династіи,—о избраніи на царство Михаила Оеодоровича ¹⁾).

Въ 1650 году вызваны были въ Москву два кіевскихъ ученыхъ монаха, извѣстные намъ Епифаній Славинскій и Арсеній Сатаповскій для перевода съ Вибліи греческой на славянскую рѣчь и для риторскаго ученія; дано имъ жалованья: по деннаго корму по 4 алтына, питья съ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. Въ предисловіи къ Евангелію, переведенному Славинскимъ говорится: „По кончиѣ патріарха Питирима царь указалъ, а Соборъ благословилъ, переводить Виблію всю іеромонаху Епифанію Славинскому, назирати же дѣло и трудящихся снабдѣвати указалъ государь Павлу митрополиту Сарскому. Епифаній выбралъ себѣ въ помощники Сергія, бывшаго игумена Пугивляскаго Молчнскаго монастыря, Евфимія монаха Чудова монастыря, Никифора іерея сиравщика книгъ, Моисея іеродакона Чудова монастыря, Михаила Родостамова и Флора Герасимова, книгописцевъ книгъ печатнаго дѣла. Симеону же Полоцкому не изволи отесть Епифаній у дѣла сего быти того ради: зане аще и ученъ бѣ, но латински толюю, гречески же шже малѣйше что-либо знаме. Павелъ митрополитъ устрои въ дому своемъ, сущемъ внѣ града Москвы, именуемомъ Крутицы, на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Московю, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвномъ, приличномъ дѣлу сему, храмини приличныя содѣла и вертоградъ разныхъ видовъ дровъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади и источникъ ископа теши сладководный за утѣшеніе и оградю огради яко иныя ірѣкъ рай“. Епифаній могъ перевести только Новый Завѣтъ, потому что умеръ въ 1676 году. Но старцы немогли ограничиться переводомъ Вибліи и риторскаго ученіемъ; Епифаній перевелъ: „Уставы гражданско-правительственныя изъ первой книги Фукидидовой исторіи и изъ конца Панегиряка Траяну Плинія Младшаго; съ латинскаго: Географіи 2 части—Европу и Азію; книгу врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска; О убіеніи Краля Ангельскаго (Англійскаго короля Карла I-го); Гражданство и обученіе правовъ дѣтскихъ“ ²⁾. Сатаповскій перевелъ большой сборникъ: „Оградъ црковомъ, или поученіе илѣею учителя ижеменъ Мсфрета, собрано отъ 120 творцевъ греческихъ и латинскихъ,

какъ внѣшнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачейвъ, также и духовныхъ богословцевъ и сказателей писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ имена и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, змѣевъ и всякихъ пресмыкающихся, камней драгихъ, бирсеръ, деревьевъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій: воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаются еще повѣсти на всякую вещь, философовъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, высиръ горъ, различныя сѣмена, злаки травныя, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ чловѣку и его добродѣтелямъ и злобамъ, также и къ коварству деэноновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ прировніемъ и свидѣтельствомъ Истаго и Новаго Завѣта писанныя и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводится. И таковыми пррводы и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на все недѣли и на праздники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятиницу по двѣ и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлато“ ³⁾. Сатаповскому за переводъ этой книги велѣно было давать по гривнѣ на день, вмѣсто прежнихъ четырехъ алтынъ.

Изъ обзора этихъ книгъ, переведившихся и *строившихся* преимущественно для дворца и Посольскаго Приказа, мы видимъ, что, вѣлѣдствіе пробудившейся потребности знанія, особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ бы можно было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобы изъ многихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но если старикъ Морозовъ, въ разговорѣ съ учеными иностранцами, горько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобные Морозову, которыхъ становилось все больше и больше, необходимо должны были придти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ, чтобы они послѣ не жаловались, будучи принуждены сами, безъ руководства и опытности, узнавать кое-что изъ косякакихъ переводныхъ книжекъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ наставниковъ, людей, способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія, и живыми, легкими способомъ передать ихъ молодымъ людямъ и при этомъ, главное, сообщить имъ средство самимъ по-

¹⁾ Додолн. къ Актамъ Историч., IV, № 43.

²⁾ Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846 г., № 4.

³⁾ Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1652.

томъ продолжать ученіе, т.-е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевича были подьячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать. Разумѣется, изъ подьячихъ выбирались для этого безупречные чтецы и красноречивцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т.-е. чтобъ умѣлъ „крестъ сполна класть по писанному, и поклонъ вести по ученому“. Учителемъ царевича Осодора Алексѣевича былъ подьячій Посольскаго Приказа Шамфиль Бѣляшиновъ ¹⁾. Но однимъ подьячимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться—и вызванъ былъ наставникъ другого рода. Здѣсь, разумѣется, употреблена была та же сдѣлка, которая вообще употреблялась у насъ въ XVII вѣкѣ для введенія образованія: иностранца-иноуѣрца призвать не хотѣли, призвали ученаго западно-русскаго монаха, Симеона Петровскаго Ситіановича, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Полоцкаго, по мѣсту происхожденія.

Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII, XVIII и даже въ XIX вѣкахъ: выучить дѣтей всему, но безъ принужденія; умѣть подсластить науку, пріохотить къ ней. Но, кромѣ ученія дѣтей, домашній учитель долженъ былъ годенъ и на другія послуживъ дому: именины господина или госпожи,—домашній учитель пишетъ поздравительныя стихи и рѣчи, пишетъ театральныя пьесы; умереть кто-нибудь въ семействѣ,—у домашняго наставника готовы и жалобныя стихи. Таковъ былъ и Симеонъ Полоцкій, ходячая энциклопедія, неутомимый борзописецъ, умѣвшій писать обо всемъ; ловкій собиратель отовсюду чужихъ мѣлкихъ и старающійся представить ихъ занятно, заставить выучить ихъ шутя. Разумѣется, отъ такого человѣка нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видѣли переводы энциклопедій въ родѣ „Града царскаго“, сборниковъ съ анекдотами о знаменитыхъ людяхъ, замѣчательныхъ изреченій. Полоцкій, зная языки латинскій и польскій, собираетъ отовсюду анекдоты, изреченія, опредѣленія, и все это переводитъ стихами, виршами; въ виршахъ излагаетъ главные событія Ветхаго и Новаго Завета, исторію Римскихъ императоровъ, „того ради да присвоитвенною себѣ сладостію сердца въ читателей пріятнѣйши суще, аки нуждею влекутъ я ко читанью частѣйшему и удобнѣе памятью сдержаться могутъ“. Войдемъ же въ учебную комнату царевича и посмотримъ, что Полоцкій предлагаетъ въ виршахъ своему ученику. Онъ говоритъ ему о *граждан-*

ствѣ, и предлагаетъ опредѣленія семи греческихъ мудрецовъ, внушая, что все они хороши:

Како гражданство преблаго бываесть —
Гражданствуюпимъ явити подобаесть.
Разнаи седми мудрыхъ суть мѣлкия,
Но вся виновныа гражданъ спасенія:
Премудрый Висъ даде слово свое —
Гражданство быти презривдо тое,
Въ поемъ же закона яко царя бояея
И царя яко закона странаста.
Хилогъ то блажитъ, гдѣ законъ слушаютъ
Велесловныхъ же риторъ не глашаютъ.
Клевулъъ паче тои градъ похваляетъ,
Гдѣ бесчестія всякъ ея устрасаетъ
Гражданинъ, паче законъ своего
На преступника въ книгахъ писаннаго и т. д.

Въ виршахъ Полоцкій представляетъ своему ученику образецъ добраго начальника:

Пастыръ съ овнами образъ предлагаесть,
Како намъ жити въ мѣрѣ подобаесть;
Пастыръ начальниа знаменуесть люди,
Стадо подданныхъ въ образъ намъ буди,
Едаже пастыръ стадо присѣнаесть,
Овца на пути не ляжетъ, но встаесть,
Аки честь ему хотяще творити.
Взаимъ же пастыръ овныа соблюдаесть,
И на рамкахъ си блудныа поимаесть,
Тако начальникъ долженъ естъ творити —
Время подданныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, ни за пса мѣстити,
Паче любити, яко свои дѣти.
И то въ памяти выцу содержати,
Яко земля тѣхъ и его естъ мати.
Пастыръ железомъ укрошаесть стада,
Женеть на паству, женеть и выцу града:
Тако начальникъ железомъ да управитъ,
Винна накажетъ, невѣжду наставитъ,
Обаче косенъ да будетъ язвити,
Идеже довлѣ естъ токмо страшити.

Въ виршахъ описываетъ добродѣтели, приличныя державнымъ; прежде всего благочестіе, потому:

Вторая сану начальныхъ прилична
Есть добродѣтель въ мѣрѣ необычна:
Та смиреніе естъ божественное,
Христомъ Господомъ въ концѣ храненное.
Имать начальникъ въ памяти держати,
Яко не въ вѣки будетъ обладати:
Смерть бо, пришедши, хочеть власть отъяти,
Съ прочинаи людми въ персти сравнати.
Третіе властей добротвореніе —
Еже хранити имъ разсужденіе
Во всякихъ дѣлахъ, а не увовати
На единъ свой умъ, выцу вопрошати
Умыныхъ совѣтъ, тако бо вершити
Благо вся мощно, а не погрѣшити.
Очеса лучше видятъ неже око,
Никто о себѣ да держитъ високо;
Въ многахъ совѣтѣхъ естъ спасеніе —
Въ единомъ умѣ пошозновеніе.
Четвертая естъ добродѣтель властей
Правду хранити. Блюсти отъ напастей
Подчиненныа, и чести данши
Достойнымъ, а не на злато смотрѣти,
Равно судити мала и велика —
На лице зрѣти пріецаесть Владыка.
Не яко стѣ имъ законъ да бываесть,
Юе не крѣпкую пауку соплетаетъ:
Та бо животно малю увличаетъ
Волшеесъ стѣи самия терзаетъ. Не буди тако, не
единый судъ буди
Всѣмъ, иже въ единой области сущъ людн.

¹⁾ Жалованья онъ получалъ, противъ своего служебнаго оклада по 60 рублей, хлѣба противъ Посольскаго Приказа подьячихъ первой статьи по 55 четвертей ржи (четверть ржи въ 1674 году стоила 21 алтынь), по тому-же овса, по 10 пудовъ соли на годъ. Кромѣ того, учитель получалъ праздничныя денги на господскіе праздники и на государскія именины, всего 45 рублей.—Приказъ. дѣла Москов. Арх. Мин. Им. Д., годъ 1674.

Въ виршахъ высказалъ Полоцкій господствовавшее правило тогдашняго воспитанія дѣтей:

Плевели отъ шпенци жезлъ твердъ отбиваетъ,
Рога буйство изъ сердце дѣтскихъ прогоняетъ.
Родителямъ древяный жезлъ буди на чада,
Да не страждутъ жельзана отъ судиі града:
Уже въ дому древянныиъ въ дѣтствѣ оны бити,
Неже возросшихъ градскимъ жельзомъ казнити.
Моисей допележе жезлъ въ рудѣ си держаше,
Нечто ино, тоцію жезлъ древяный баше;
Егда же поверже, въ змяя превратися
Даже и Моисей его вѣло устращися:
Тако аще на чада жезлъ въ рукахъ бываетъ
Отчихъ, наказанія жезлъ оиъ пребываетъ,
Не могуць умертвити. Аще же уститися
Изъ руку, тогда въ змяя лета превортится.
Абие бо ко грѣхомъ чада ся склопяють
И тѣмъ узвлени бывше умирають.

Приплецъ, достигшій важнаго значенія при Дворѣ, явившійся въ Москвѣ съ опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбіе старыхъ учителей. Симеонъ Полоцкій не могъ не столкнуться съ послѣдними, имѣвшими за собою толпу; онъ столкнулся съ архіереями, которые опирались на свое важное архипастырское значеніе, а (Симеонъ Полоцкій опирался на свое образованіе, давнинее ему сильный голосъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, опирался на свое положеніе, на свой входъ наверхъ; Симеонъ Полоцкій столкнулся съ самимъ патріархомъ Іоакимомъ, тѣмъ болѣе что не отличался смиреніемъ Епифанія Славинскаго, скромнаго келейнаго труженика; а патріархъ Іоакимъ, какъ мы видѣли изъ дѣла духовника царскаго, не любилъ, чтобы кто-нибудь изъ духовенства, опираясь на свое положеніе наверху, забывалъ о своемъ непосредственномъ подчиненіи святѣйшему. О Полоцкомъ пошли толки, что его ученіе не совсѣмъ правильно: обвиненіе страшное при тогдашней подозрительности относительно новыхъ учителей. Полоцкій, благодаря своей ловкости, недоступности такимъ обвиненіямъ, какимъ былъ доступенъ, напримеръ, духовникъ Савинювъ, удержался, но не могъ не выразить своего негодованія на пустые толки толпы, на которые не слѣдуетъ власти обращать вниманіе, не могъ удержаться, чтобы не задрѣть и архіереевъ.

Не вѣруй убо гласу общему народа,
Ници въ дѣлѣ правды челоуѣча рода,
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣршитъ
Везразудно, срамоты мяду себѣ возмѣршитъ.

Объ архіереяхъ Полоцкій сложилъ вирши:

Архіереемъ къ тому сущиимъ въ благодати
Жезлажь быжь реченіе образъ приписати —
Ежебы не тоцію псгину учити,
Но и житіемъ святымъ образи всѣмъ быти.

Понятно, что Полоцкій долженъ былъ усердно проповѣдывать въ пользу новаго порядка вещей, наступленіе котораго и дало ему важное значеніе въ Москвѣ, наверху у великаго государя. Между виршами его находится любопытное указаніе на то,

какъ примѣръ сверху долженъ способствовать распространенію просвѣщенія:

Франгискъ именовъ первый краля францїйскїи баше,
Сей яко писаніе и мудрость любяшо
(Еяже родители его не любяшо,
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живиху),
Абие честныхъ дѣти писанїи възскаша
Кролевску любленію тако угождаша.
И бысть въ малѣ времени мудрость распирена,
Образомъ краля во вѣь земли умножена:
Обычай бо есть въ людихъ царю подражати, —
Еже ему любезно—всѣмъ то возлюбятї.
Благо убо есть царству, егда блага правы
Царствующая воспрїемлетъ, ради всѣхъ исправы.

Полоцкій провозглашаетъ о необходимости научнаго образованія и въ проповѣдяхъ своихъ. Такъ, въ словѣхъ на день Рождества Христова проповѣдникъ, отъ лица патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, именемъ Божїей Премудрости, рожденной въ Вилетемѣ, умоляетъ Русскихъ людей взискать науку, потому что она свѣтъ умственныхъ очей и правило всему житію челоуѣческому. Обращаясь отъ лица патріарховъ къ царю, онъ убѣждаетъ его основывать школы, умножать *студеовъ* (студентовъ) своєю милостію и вниманіемъ, сыскать хорошихъ учителей и всѣхъ почестями поощрять къ трудолюбію.

Ревнитель просвѣщенія, призванный въ Москву для его распространенія, Симеонъ Полоцкій въ проповѣдяхъ своихъ началъ на старыхъ учителей, священниковъ, за ихъ невѣжество: „Великимъ нерадѣніемъ ихъ и всконечнымъ небреженіемъ о духовныхъ дѣтяхъ, премногие несмысленные люди, какъ безлозвесныя овцы, отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погубительной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе шкогда и шгдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... но правдѣ это не учителя, но мучители. Оттого умножилась въ людяхъ злоба, преуспѣло лукавство, волхованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убїйства, пьянство и пельныя шгрница, грабежи, хищенія и тому подобное, наконецъ и возстаніе противъ власти. Виною всего этого преимущественно неизбѣны и нерадѣны духовныхъ отцовъ: не учать и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ.“⁴⁾

Одними обличеніями въ невѣжество нельзя было вдругъ сдѣлать всѣхъ священниковъ свѣдущими и искусными проповѣдниками, и потому въ числѣ проповѣдей Полоцкаго находимъ слово, написанное имъ для того, чтобы священники гнали его проповѣди своимъ прихожанамъ. Но любопытно взглянуть на дѣятельность одного досюганаго священника, который явился подражателемъ Полоцкаго въ отдаленномъ углу Россїи. Именигый челоуѣкъ, Григорій Димитріевичъ Строгановъ, „истинное всѣмъ россійскимъ вельможамъ и богачамъ ясное свѣтло

⁴⁾ Сочиненіями Полоцкаго я пользовался въ Синодал. бібліотекѣ. Кромѣ статьи о Полоцкомъ въ Словарѣ члтр. Евгенія, см. статью Ільвицкаго въ Православ. Обзор. 1860 г., № 10 и 11.

по благочестію⁴, отличался въ Пермской епархіи своею щедростію, гостепримствомъ и любовью къ церковному благолѣбію. Въ своемъ отличномъ городѣ Орлѣ онъ построилъ церковь Похвалы Богородицы, завелъ при ней отличный хоръ пѣвчихъ и сталъ искать отличнаго священника: ему сказали, что есть такой въ Соликамскѣ, и Строгановъ поспѣшилъ перезвать его къ себѣ въ Орель, принять съ большою ласкою и почегомъ, и сталъ уговаривать ко введенію новизны, говоренію проповѣдей. Священникъ, слыша, что въ *Россіи* (такъ въ Пермскомъ краю называли центральныя Московскія области) по многимъ городамъ горячагъ усгню поученія, согласился подражать проповѣдникамъ; но какъ его сдѣлать? Взять проповѣди Сimeoна Полоцкаго — слогу неудобенъ: простѣйшимъ людямъ „за высоту словесъ“ тяжело слышать; взять переводы проповѣдей Златоуста — ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе, не только міряне, но и священники, прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даромъ нововодителю; начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадили укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: „Прежде здѣсь были священники добрыя и честныя, да такъ не дѣлали, жили попросту, и мы жили въ изобиліи; а зтогъ съ чего взяли водитъ новизны?“ Неудовольствіе происходило оттого, что прежніе священники жили слишкомъ попросту, не имѣя уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію, не умѣли внушать прихожанамъ уваженія къ себѣ и повторствовали мірянамъ, которые привыкли смотрѣть на священника, какъ „на послѣднѣйшаго раба“, привыкли распорядиться церковнымъ уставомъ, порядкомъ службы, какъ имъ хотѣлось; священники не прекословили. Священникъ, въ возстаніи на орловскаго нововодителя, принялъ сторону недовольныхъ мірянъ. Нововодитель не остался у нихъ за это въ долгу и громилъ ихъ въ проповѣдяхъ своихъ. „Пастыри наши не о стадѣ Христовѣ прилежать, но о златѣ и серебрѣ, о рабахъ предходящихъ, о колесницахъ и коняхъ, о зданіяхъ и селлахъ, о вина множества. о ризъ украшеніи. Обрѣтаются въ родѣ моемъ такіе слѣпые вожди, думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ глупѣйшіе невѣжды, говорятъ: что намъ въ книгахъ учительныхъ? достаточно Часослова и Псалтыря. Правду говоримъ — достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго; но это знаніе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полнымъ чанамъ въ корчменницѣ, ты разсуждаешь; въ корчменницѣ ты велепѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласіемъ, плѣнненъ неразуміемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ предъ народомъ въ церкви, а устное ученіе укоряютъ и еретическимъ называютъ. Безумецъ! кого къ ерети-

камъ причисляешь? — патріарховъ, пророковъ, апостоловъ! — Тенерь святители и священники, шлягства ради и челоѵкоугодія, желая власти, виноградъ Христоу презирая, высокую честь и достоинство свели въ безчестіе, укоризну и посяганіе; сего ради не отъ парей и князей, но отъ худыхъ людей, какъ отъ шелудивой овцы и отъ сраднаго козла нагъры бѣдный срамоту, худеніе, злорѣчіе, досажденіе и бленіе, узы и смерть принимасть. О прочемъ помолчу и слезамъ утолю, по какой причинѣ явилось это дѣло лукаваго демона“. Прововѣдникъ собралъ все свои бесѣды въ одну книгу, которую назвалъ *Статирь*¹⁾.

Послѣ двухъ пришельцевъ въ Москву, Грека Паисія Ангарида и Бѣлорусца Сimeoна Полоцкаго, громко провозглашавшихъ необходимость науки, мы должны погавить третьяго, Серба Юрія Крижанича. Въ то время, когда русское общество тронулось, сознавши необходимость новаго пути, но сильно колебалось при этомъ, далеко не сознавая, какъ идти безошастіе и скорѣе по этому новому пути, является ученый Сербъ, горячій славянскій патріотъ, который смолоду удрученъ скорбію о печальной участи славянскихъ народовъ и въ Русскомъ царѣ видитъ единственнаго Славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всеъмъ остальнымъ племеннымъ народамъ. „Тебѣ, пречестной царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ Славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промышлять о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо. Задунайскіе славяне (Волгары, Сербы и Хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и языкъ, и весь разумъ; не разумѣютъ чтѣ такое честь народная, не думаютъ о ней и сами себѣ никакъ не могутъ помочь: вибншая слава имъ надобна, чтобы поставитъ ихъ опять на ноги и включить въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь, въ настоящее трудное время, пособитъ имъ, государство ихъ привести въ прежнее состояніе и устроить, то, но крайней мѣрѣ, можешь языкъ славянскій въ книгахъ исправить и пригодными разумными книгами этимъ людямъ умныя очи открыть, да начнутъ познавать честь народную и думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а недавно и Ляхи, внали въ одинаковое съ Задунайцами окаянство. Ибо хотя Ляхи и хвастаютъ обманчивою тѣнію государства и своимъ своевольствомъ, однако дѣло извѣстное, что сами они не могутъ избавитъсь отъ своихъ бѣдъ и позора. Помочь имъ и дать имъ народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко“ Крижаничъ, по его словамъ, пришелъ въ Россію, чтобы совершитъ три работы: вопервыхъ, поднять

¹⁾ Я пользовался Статиромъ по рукописи Румянцева музея.

славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ могли мы правильно говорить и писать; чтобъ было у насъ обиліе речей, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ. Вторыхъ, — написать исторію Славянъ, въ которой опровергнуть пѣмекія лжи и клеветы. Третьихъ, — обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, Славянъ. Крижанничъ исполнилъ первое (относительно грамматики) и послѣднее намѣреніе. Намъ, разумеется, должны занять его „*Политичныя думы*“, обширное сочиненіе, въ которомъ онъ начертываетъ печальную картину состоянія Россіи, требуетъ важныхъ преобразованій, требуетъ науки, и всѣмъ съ тѣмъ старается возбудить самую сильную недовѣрчивость, ненависть къ людямъ, отъ которыхъ можно было заимствовать науку, средства къ выводу Россіи изъ ея печальнаго состоянія, къ иностранцамъ, къ Нѣмцамъ, какъ прирочденнымъ врагамъ Славянъ. Понятно, что по этому самому преобразовательный планъ Крижаннича въ основной мысли своей былъ неудобоисполнимъ — общая участь плановъ, проектовъ, конституцій, составленныхъ теоретиками въ кабинетахъ, безъ соображенія съ историческими законами жизни народовъ. Несмотря на то, сочиненіе Крижаннича для насъ очень важно: оно дополняетъ и подтверждаетъ наши свѣдѣнія о Россіи передъ эпохою преобразованія, и во многихъ случаяхъ объясняетъ намъ тѣ пути, по которымъ дѣйствительно пошла преобразовательная дѣятельность. Книга Крижаннича была наверху у великаго государя, свѣдѣательно есть основаніе предполагать, что она не оставалась безъ вліянія ¹⁾.

Если книга Крижаннича имѣла вліяніе, то прежде всего должна была въ читавшихъ ее: окончательно уничтожить китанскъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ; прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ, и этимъ самымъ подвинуть къ перемѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подраженіи. „Главный вредъ для общаго блага происходитъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ; когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми“. Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность; Крижанничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличные, цвѣтеть всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славите и счастливые бываютъ государство, когда въ немъ при этомъ и за-

коны хороши, какъ напримѣръ во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, она со всѣхъ сторонъ занята для торговли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; Русскіе, Поляки и всѣ Славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы русскіе не учатся даже ариметикѣ: оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; кингъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышлененъ, самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если сплю не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскіхъ языковъ, потому неудивительно, что и разумъ наши тупы и косны: чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и думою замыслить; исторіи Русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ. Въ покроѣ платья высказывается разумъ народа: русское платье не красиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами; особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то львовками. Ъдимъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ; мужикъ держитъ полную братину и пальцы въ ней окуцуетъ, такъ и гостю подаетъ; квасъ продается поганю, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ посланцѣ: „Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то должны буду построить имъ свинной хлѣвъ, потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада“. Неумѣнье изясняться, лѣнь, пьянство и расточительность — главные наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и Татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но даютъ себя съѣчь, какъ мертвые. Великое наше народное несчастіе — это неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ. То у насъ правительство вконцѣ раснущено, господствуетъ своеволие, безнарядье; то уже черезчуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и раснутнаго государства, какъ Польское, и нѣтъ такого кругаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодился въ Русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами Русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучеными въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отчего все это про-

¹⁾ Между книгами въ дворца, которая переплеталъ повоемецъ Яганъ Энгузъ, значится Списокъ съ кляпачи Юрья Сербеншва. Приказшия дѣла Архива Мпн. Ив. Д., годъ 1674.

исходить?—Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей и палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ какъ должно исполнять своихъ обязанностей, пужда заставляютъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкну все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нечелювкости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? второй: сколько получашь царскаго жалованья? сколько у тебя имѣнія? Не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ. Если они въ комъ-нибудь пужаются, то не знаютъ мѣры униженію. Итальянцы, Испанцы, Турки бережливы и трезвы; Нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ Славяне расточительны и любятъ пошнрывать; однако ни у Иѣмцевъ, ни у остальныхъ Славянъ нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной Русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ. У Турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣ насъ грѣшатъ противуестественнымъ грѣхомъ, но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не стаетъ имъ хвастаться, ни упрекать другого. Если кто проговорится, то не останется безъ наказанія, а у западныхъ народовъ сожигаютъ такихъ преступниковъ. Въ Россіи же этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткою. Публично, въ шутливыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другого, третій приглашаетъ къ грѣху; недостаетъ только, чтобъ при всемъ народѣ совершали преступленіе. Необходимо въ этомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобъ поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: „Начальники твои сообщники воровъ“.

Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи начертываетъ намъ славянской патриотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно язвъ древней Россіи, какъ можно заподозрить какого-нибудь иѣмецкаго путешественника. Читая описаніе этихъ язвъ у нашего Серба, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровію при исполненіи печальнаго долга

обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобъ обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средства къ исправленію зла.

Первое, главное средство—это наука, окруженіе себя мертвыми софтиками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ: „Книги не увлекаются ни ласкостію, ни враждою, ни любовью; книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истины. Всякимъ другимъ людямъ хорошо учиться мудрости изъ практическаго опыта, не полезно это однимъ верховнымъ владѣтелямъ: частный человѣкъ учится ошибками, но ошибки государей влекутъ за собою неисчислимыя бѣдствія народныя. Итакъ, государямъ необходимо учиться мудрости отъ добрыхъ учителей, книгъ и совѣтниковъ, а не изъ опыта. Да не скажетъ кто-либо, что намъ, Славянамъ, путь къ знанію закрытъ рѣшеніемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки; и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство Славянское, какого прежде никогда не бывало въ нашемъ племени: а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ дѣйствіе въ періодъ наибольшей силы политической. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некижнжныхъ мужиковъ? Мудростію ереси искореняются, вслѣдствіе невѣжества—пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно такъ же и мудрость потребна людямъ“.

Но Крижанщчъ не довольствуется распространеніемъ просвѣщенія, какъ единственнымъ средствомъ излѣченія язвъ Россіи. Онъ предлагаетъ и другія средства, и въ нихъ указываетъ тотъ путь, какимъ дѣйствительно пошло преобразование. „Въ Россіи полное самодержавіе, говоритъ онъ; повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Такимъ образомъ, преобразование должно идти сверху, отъ самодержавной власти: Русскіе сами себѣ не захотятъ добра сдѣлать, если не будутъ принуждены къ тому силою“. Какъ же самодержавный государь начнетъ преобразование? Для поднятія торговли онъ долженъ запретить имѣть лавку съ товарами тому купцу, который не знаетъ грамотѣ и цифиря. Торговые люди должны имѣть своихъ выборныхъ старостъ и лавниковъ, и судится между собою въ нѣкоторыхъ наименьшихъ дѣлахъ; должно быть имъ облегчено средство бѣтъ челомъ великому государю и защищаться отъ воеводскихъ притѣсненій. Для введенія и процвѣтанія ремеслъ нуженъ особый Приказъ, кото-

рый бы ихъ вѣдалъ исключительно; нужно перевести на русскій языкъ сочиненія о ремеслахъ, перевести книги о земледѣлѣн; нужно вызвать отдельныхъ ремесленниковъ изъ-за границы съ правомъ свободнаго возвращенія домой, но не прежде, какъ выучать русскихъ молодыхъ людей своему ремеслу; нужно вести цеховое устройство. Надобно промыслить, чтобъ изъ чужихъ странъ привозился въ Россію сырой матеріалъ, и чтобъ здѣшніе ремесленники обрабатывали его, и заповѣдать накрѣпко, подъ страхомъ казни, вывозить за границу сырье. Царь долженъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю; только такимъ способомъ можно будетъ знать смѣту товарамъ, чтобы не вывозить слишкомъ много нашихъ товаровъ, въ которыхъ нѣтъ избытка, и не привозить чужихъ нужныхъ. Русь рѣдко населена и не такъ людна, какъ бы могла быть, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Крымы пустошатъ Землю безпрестанными наѣздами; на всѣхъ военныхъ корабляхъ турецкихъ не видно почти никакихъ другихъ гробцовъ, кромѣ Русскихъ людей; но всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Турецкой имперіи такое множество русскихъ плѣнныхъ, что Турки обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе-нибудь люди? 2) Нѣмцы своими промыслами Земли убожаютъ, хлѣбъ вывозятъ, торговлею всею завладѣли, въ военной службѣ вышнія мѣста взяли. Третья причина малолюдства—жестокое правленіе. Четвертая причина—недостатокъ камня, изъ котораго бы можно было строить прочныя зданія. Пятая—выселеніе людей въ Сибирь и на Украину. Для увеличенія народонаселенія, правительство должно способствовать увеличенію числа браковъ, должно опредѣлить, сколько священникъ долженъ брать за вѣчаніе, чтобъ бѣднымъ людямъ было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтобъ по городамъ и селамъ для новобрачныхъ были готовые дворы; чтобъ бѣдность, немѣнѣе гдѣ жить, не оставляли браковъ; должно запретить бѣднымъ людямъ истративаться на свадебные пиры; дѣвцамъ изъ черни запретить носить богатое платье и украшенія. Авторъ щедръ на сильныя выходки противъ русскаго платья и бороды, упрекаетъ Русскихъ, что они въ одеждѣ своей лучше хотятъ подражать азіатскимъ варварамъ, чѣмъ образованнымъ европейцамъ.

Такова преобразовательная программа ученаго Серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ вліяніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное вліяніе; но сравненіе программы Крижанича съ дѣятельностію Петра очень важно; оно ясно показываетъ, что пути преобразованія, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ.

Но понятно, что въ одномъ программѣ Крижа-

ничѣ никакъ не могла быть выполнена: на дѣлѣ Русскіе люди въ эпоху преобразованія никакъ не могли разрывити того противорѣчія, которое въ теоріи, повидимому, разрѣшалось; мы видѣли, что Крижаничъ старался внушить Русскимъ людямъ сознаніе своихъ недостатковъ; указывалъ, какъ западные европейцы далеко опередили ихъ; требовалъ, чтобъ Русскіе люди учились у нихъ, учились не только наукамъ, но и нравственности, переводили ихъ книги, вызывали ихъ ремесленниковъ, и въ то же самое время отвращались отъ нихъ, какъ отъ самыхъ злыхъ враговъ. Авторъ видѣлъ противорѣчіе, и, чтобъ выпутаться изъ него, требовалъ отъ Русскихъ людей умѣнья положить границы между подражаніемъ и подчиненіемъ вліянію того, кому подражаемъ; потребовалъ умѣнья, при заимствованіи цивилизаціи у иностранцевъ, отличать добро отъ зла, т.-е. потребовалъ, чтобъ Русскіе люди перескочили вдругъ нѣсколько вѣковъ, отъ низшей степени образованности къ самой высшей, изъ дѣтства—къ полной возмужалости; но народы скачутъ такимъ образомъ только подъ перьями теоретиковъ, не хотящихъ знать исторіи, дѣйствительности. По мысли Крижанича, иностраннымъ купцамъ никакъ не должно позволять имѣть въ Россіи дома, лавки, склады, погреба, никакъ не должно пускать къ себѣ иностранныхъ кушеческихъ агентовъ, консуловъ, резидентовъ: „Нашъ Славянскій народъ весь подверженъ такому океанству—вездѣ на плечахъ у насъ сидятъ Нѣмцы, Жиды, Шотландцы, Цыгане, Армяне и Греки, которые кровь изъ насъ высасываютъ. Презрѣнію, съ какими обращаются съ нами иностранцы; укорамъ, которыми они насъ осмѣяютъ,—первая причина естѣнное незнаніе и наше нерадѣніе о наукахъ, а вторая причина есть наше *чужебствіе*, или глупость, вслѣдствіе которой иностранцы надъ нами господствуютъ, обманываютъ насъ вѣчески и дѣлаютъ изъ насъ все, что хотятъ, потому и зовутъ насъ варварами“. Не постигая историческаго закона, по которому народъ менѣе образованный необходимо подвергается вліянію и даже господству народа болѣе образованнаго, Крижаничъ смѣшалъ слѣдствіе съ причиною и опозорилъ Славянъ, приписавъ имъ, какъ врожденный недостатокъ, это чужебствіе, которое было только необходимымъ слѣдствіемъ первой и единственной причины—незнанія. Требуя недопущенія купцовъ иностранныхъ во внутреннія области, Крижаничъ требуетъ, чтобъ не принимать въ службу ни одного иностранца, ни одному не давая права гражданства, потому что Нѣмцы, принятые въ службу, могутъ причинять только одно зло: Нѣмецъ былъ и Басмановъ, любимецъ Разстриги, Нѣмецъ былъ и Шенинъ, погубившій Русское войско подъ Смоленскомъ!

Но Крижаничъ вооружается не противъ однихъ Нѣмцевъ: одинаково сильно, если еще не сильнее, вооружается онъ и противъ Грековъ. Ложность положенія, въ какомъ нашелся нашъ ученый Сербъ въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что, будучи еди-

ноплеменникомъ, своимъ, Слагяниномъ. — онъ въ то же время былъ чужой, былъ Латинецъ, католическій священникъ. До Крижанича въ Россіи сознали необходимость учиться у иностранцевъ, но главное затрудненіе, главное возраженіе здѣсь состояло въ томъ, что эти иностранные учителя — иностранцы, неправославные. Чтобы избѣгать опасности для вѣры, обратились за наукою къ *своимъ*, не въ смыслѣ единоплеменности, но въ смыслѣ единовѣрія, обратились къ Малороссіянамъ и Грекамъ. И вотъ въ то время, когда авторитетъ Грековъ былъ наивысшимъ, когда хотѣли учиться, но вмѣстѣ съ этимъ и прежде всего хотѣли сохранить чистоту *Греческой* вѣры, является въ Москву ученый Славянинъ, предлагаетъ свои учительскія услуги, но не можетъ удовлетворить главному условію, при которомъ могъ быть доущенъ учитель, — быть Православной, Греческой вѣры; Крижаничъ не могъ скрыть, что онъ Латинецъ, и даже латинскій попъ. Ученый Сербъ пришелъ не во-время: незваннаго учителя сослали въ Сибирь. Разумѣется, можно предположить, что злыя выходы Крижанича противъ Грековъ могли быть слѣдствіемъ егосе несчастія, которое, какъ видно, онъ приписывалъ Грекамъ; но еще съ большимъ основаніемъ можно предположить и то, что латинскій попъ, когда еще находился въ Москвѣ, не могъ удержаться отъ выходовъ противъ Грековъ, какъ схизматиковъ, не могъ удержаться и отъ другихъ выходовъ, которыя сильно должны были оскорбить тогдашнихъ Русскихъ людей.

Крижаничъ противоположаетъ Грековъ Нѣмцамъ въ томъ отношеніи, что эти прирожденные враги Славянъ влекутъ ихъ къ противоположнымъ крайностямъ. „Нѣмцы приносятъ намъ ядовитыя поvizны: Греки, безразсудно, оуждая всякую новизну, предлагаютъ свои глупости подъ важнымъ именемъ древности. Нѣмцы съютъ ереси; Греки хотя научили насъ истинной вѣрѣ, однако пришли къ ней схизму. Нѣмцы преподаютъ намъ и добрыя и вмѣстѣ дьявольскія науки; Греки восхваляютъ невѣжество, и всякую науку считаютъ еретическою. Нѣмцы думаютъ получить спасеніе одною проповѣдію; Греки пренебрегаютъ проповѣдію и считаютъ полезнѣйшимъ молчаніе. Нѣмцы кричатъ, что не позволяется нѣкого судить; Греки, наоборотъ, утверждаютъ, что надобно осуждать людей, не выслушавъ ихъ“ (здѣсь можно видѣть намекъ на судьбу самого автора). Подробно исчисляеть Крижаничъ случаи злоупотребленій, какія позволяли себѣ греческіе духовные, приходившіе за милостынею въ Россію и не разбивавшіе иногда средствъ для увеличенія этой милостыни; между прочимъ, Крижаничъ разсказываетъ любопытный случай, бывшій съ нимъ самимъ: „Нѣкто Софроній, называвшій себя митрополитомъ Филиппополя и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Македонскаго, принуждалъ меня сочинить ему подложныя грамоты отъ имени патріарха Іоаннискія, какъ будто бы онъ былъ отправленъ имъ по общимъ нуждамъ церковнымъ. Когда я не согла-

шался на это, то онъ, вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то митрополитомъ, хотѣли меня высѣчь; но я вырвался и убѣжалъ къ городскому писарю. Но признаюсь, что послѣ я сочинилъ ему грамоты, опасаясь за свою жизнь“.

Въ Россіи знали о подобныхъ злоупотребленіяхъ и принимали противъ нихъ средства, съ большимъ предосторожностію допуская собирателей милостыни; но въ Россіи знали такъ же очень хорошо, что самые видные изъ Грековъ, явившихся въ Москвѣ, вовсе не были проповѣдниками невѣжества, считавшими полезнѣе молчать, чѣмъ проповѣдывать. Какъ уже было замѣчено, Крижаничъ, въ своей католической ревности, задѣлъ не однихъ Грековъ, задѣлъ и Русскихъ, вооружаясь противъ тѣхъ священныхъ для народа сочиненій, въ которыхъ были неблагоклонные отзывы о католицизмѣ, наиримѣръ противъ житія Св. Сергія ¹⁾; или выставляя, что Русскіе грѣшнѣе Поляковъ, и потому терпятъ отъ нихъ пораженія. Наконецъ Крижаничъ позволяеть себѣ прямо вооружаться противъ православія, „разрушающаго въ Церкви монархію, установленную Христомъ, какъ лучшее правленіе, и вводящаго въ Церковь многихъ вселенскихъ первосвященниковъ“ ²⁾.

Ученый Сербъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ Славянамъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православною. Ученый Сербъ, хотѣвшій посредствомъ просвѣщенія открыть умныя очи своимъ соплеменникамъ, не могъ этого сдѣлать относительно самого себя, не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи славянскимъ патриотомъ и католикомъ.

Сосланный въ Сибирь за неправославіе, Крижаничъ написалъ тамъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенному въ немъ состоянію Московскаго государства, объяснившему такъ хорошо необходимость приближающагося переворота. Въ то же самое время московскій подъячій обжигъ за-гранцу и тамъ начертываетъ столь же важное для насъ изображеніе Московскаго государства: то былъ извѣстный Котошихинъ (Кощихинъ). Оба эти явленія одинаково служатъ знаменіями времени.

Но, въ то время, когда въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ раздавались все громче и громче крики о необходимости переменъ, о необходимости заимствования науки, искусства и ремесла у другихъ образованнѣйшихъ народовъ, не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ *новшестъ*,

¹⁾ Ная слѣдующее о Шуйскомъ: «Fuit etiam inter Christianos alieni quicquam rex, qui cum motuaret, ne populus ad ipso deficeret ad ejus oemulum, hominem quemquam mortuum mandavit ex alio loco ad se transferri: et appellavit eum martyrem et thauraturgum».

²⁾ Полнѣйшій Душъ Крижанича издачу подъ заглавіемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» г. Безсоновымъ; имъ же издачу отрывки изъ сочиненія Крижанича: *О промислѣ*.

уперлись противъ движенія народа на новый путь, и въ этомъ движеніи видѣли движеніе къ царству антихристову, — не молчали раскольниковъ. Они проѣхали и свою историческую пѣсню про осаду Соловецкаго монастыря, какъ царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ воеводѣ своему Солтыкову: „Ты ступай-ко ко морю, ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому къ монастырю ко честному къ Соловецкому; ты порушь вѣру старую, правую, постановь вѣру новую, несправую“. Но изъ памятниковъ раскольниковъ литературы, о которыхъ еще не было упомянуто прежде, для насъ особенно важенъ одинъ—это похождения знаменитаго протопопа Аввакума, описанныя имъ самимъ¹⁾. Важность памятника заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать: что такое былъ сплывшій человекъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онъ не были устроены и направлены воспитаніемъ, образованіемъ, ибо плеть и палка одиѣ не могутъ содѣйствовать этому устроению и направленію; какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дола, изъ-подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдерживать его,—сама мать должна была заходить сюда, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никола много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, не выработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемъ въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никола, какъ на богатыря въ патріаршеской митрѣ и саккосѣ,—до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, и Николай не перестанетъ изумлять насъ своею силою и бесцѣлїемъ. Въ соотвѣстствіе богатырю-патріарху, XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря протопопа, вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никола и расколоточителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллїудіа, и не могли найти себѣ удержу; тутъ же близко знакомимся съ особаго рода богатырями—юродивыми, которымъ такъ же грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ, въ одной рубашкѣ; толпа, видя проявленіе такой силы, вполнѣ вѣрится и подлинцамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разсказываются она въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ. Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувство-

вать свою силу; встрѣчаемъ и сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на присѣки новыхъ земель и которые совершенно разнуждались въ далекой странѣ среди дикихъ зѣтрей и дикихъ людей²⁾. Наконецъ встрѣчаемся съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насиліи.

„Рожденіе мое“, говоритъ Аввакумъ, въ „нижегородскихъ предѣлахъ (тамъ же, гдѣ и Никоново), за Кудую рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой (святеникъ) прилежале пяти хмельнаго, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию“. Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано; въ дѣтствѣ увидалъ онъ у соседа мерзвоту скотину; это такъ его поразило, что ночью онъ не могъ спать, всталъ и началъ молиться „помяная смерть, яко и мѣѣ умереть“. Бѣда въ дѣтствѣ, изгнаніе отъ родственниковъ послѣ смерти отца развили силы молодого богатыря. 21 года Аввакумъ поставленъ былъ въ дьяконы, чрезъ два года въ священники. Сила не замедлила обнаружиться: Аввакумъ началъ отличаться дѣятельностью, усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей; это привлекло къ нему много духовныхъ дѣтей; но эта же сила повлекла его къ столкновенію съ другими силами: Аввакумъ началъ ссориться съ начальными людьми, а павѣстно, что такое были начальные люди въ XVII вѣкѣ; одинъ, разсердившись на Аввакума за ходатайство о дѣвницѣ, отнятой имъ у матери, пришелъ въ церковь съ толпою и задавить священника до полусмерти. Въ другой разъ тотъ же начальный человекъ билъ Аввакума въ церкви, волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ. Другой начальный человекъ, разсердившись, приближалъ въ домъ къ Аввакуму, билъ его и зубами отгрызалъ пальцы у руки; потомъ настигъ Аввакума на дорогѣ въ церковь, стрѣлялъ въ него изъ двухъ пищалей, но, къ счастью, обѣ осыблись. Кончили этотъ начальные тѣмъ, что отняли у Аввакума дворъ, всего ограбили и даже не дали хлѣба на дорогу. Въ это самое время у Аввакума родился ребенокъ; отецъ взялъ клюку, мать—пекрещенаго младенца, и побрели въ Москву. Здѣсь Аввакумъ сблизился съ самыми видными лицами изъ блага духовенства, — духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и протопопомъ Иваномъ Нероновымъ³⁾; они замѣтили въ Аввакумѣ сильнаго человека и объявили о немъ государю, который такъ любилъ, такъ искалъ сильныхъ людей между духовенствомъ. Вонифатьевъ и Неровъ отправили Аввакума опять на старое мѣсто; здѣсь онъ нашелъ и стѣны старыхъ хоромъ своихъ разоренными, обзавелся снова, но не могъ долго нажить въ покоѣ. Пришли въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ дошрами, и я, грѣшникъ, по Христвѣ ревуца, изгналъ ихъ, и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей

¹⁾ Житіе протопопа Аввакума, изд. Н. С. Тихонова.

²⁾ См. Исторію Россіи т. IX и XII.

³⁾ См. Исторію Россіи т. X.

двухъ великихъ отнявъ, — одного ушибъ, и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле“. На бѣду, въ это время плылъ Волгою въ Казань на воеводство Василій Петровичъ Шереметевъ; ему пожаловались на ревнителя; бояринъ призвалъ Аввакума къ себѣ на судно и много бранилъ; но этимъ бѣда не кончилась: съ Шереметевымъ Фхаль сынъ его, Матвѣй; у Шереметевыхъ была сильная склонность къ иеземциѣ, и Матвѣй брилъ бороду; когда старый Шереметевъ, разбранивши Аввакума за медвѣдей, велѣлъ однако ему благословить сына своего, то ревнитель, увидявъ *блудноносный* образъ, объявилъ, что ни за что не благословитъ, и началъ порицать отъ Исанія; бояринъ сильно разсердился и велѣлъ бросить обличителя въ Волгу; грозный приказъ впрочемъ не былъ исполненъ: Аввакумъ отбѣдлался тѣмъ, что его, много, томя, протолкали.

Аввакумъ не могъ ужиться въ селѣ; его выгнали въ другой разъ; въ другой разъ *сволокъся* онъ къ Москвѣ, и государь велѣлъ его поставить въ протопоны въ Юрьевецъ-Новолжскій. Но здѣсь Аввакумъ столкнулся не съ воеводою, а съ другою силою, — съ міромъ. Въ 8 недѣль новый протопопъ усилъ вооружить противъ себя духовенство и мірскихъ людей, мужчинъ и женщинъ. Огромная толпа собралась къ Патриаршему Приказу, гдѣ сидѣлъ Аввакумъ за духовными дѣлами; протопопа вытащили изъ Приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили подъ избной уголь. Воевода прибѣжалъ съ пуншарями на выручку; схватилъ Аввакума, посадилъ на лошади, привезъ домой и около дома разставилъ пуншарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила къ протопопову дому, особенно кричать попы и бабы: „Убить вора, б..... сына, да и тѣло сбобкавъ въ ровъ кинемъ“. Аввакумъ ночью, покинувъ жену и дѣтей, ушелъ по Волгѣ самъ-третей; прибѣжалъ въ Кострому, а здѣсь та же исторія: Костромичи выгнали своего протопопа Данила. Для объясненія этихъ явленій, вспомнимъ, что въ описываемое время Воишфатьевъ, Нероновъ, Аввакумъ, Данилъ были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведеніями возбуждали противъ себя сильное негодованіе.

Въ Москвѣ духовникъ и самъ царь встрѣтили Аввакума упрекомъ, зачѣмъ покинулъ соборную церковь. Однако его не возвратили въ Юрьевъ, оставили въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, поручили исправленіе книгъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло, какъ Аввакумъ съ товарищами изъ передовыхъ людей стали главами старообрядства, и Аввакумъ всею своею силою зашумѣлъ противъ новшества. Тутъ онъ столкнулся съ Никономъ. Пусть онъ самъ расскажетъ слѣдствія этого столкновенія: „Меня взяли отъ всенощнаго со стрѣльцами, на патриарховѣ дворѣ на цѣнь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телегѣ и растянули руки и везли отъ патриархова двора до Андроньева

монастыря и тутъ на цѣнь кинули въ темную палатку, — ушла въ землю, — и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ во тьмѣ сидя, кланялся на цѣнь, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ токмо мыши и тараканы, сверчки кричать и блохъ довольно. На утро архимандритъ съ братьею пришли и вывели меня; журить мнѣ, что патриарху не покорился, а я отъ Исанія его браню да лаю. Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ (его Никонъ) въ обѣдню. Остригши, содрали съ него одиорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжееся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопорся рубашка и покрыла на престолѣхъ дискось, будто воздухъ. И меня привезли къ соборной церкви стричь. Государь съ мѣста сошелъ и, приступи къ патриарху, упроеилъ не стричь. Послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми“. Аввакумъ вообще очень падалъ въ сравненіи съ другими расколу учителями, и послѣ, какъ увидимъ, сильно ухаживали за нимъ, уговаривая отстать отъ раскола, или, по крайней мѣрѣ, не кричать за него. Причиною было то, что Аввакумъ имѣлъ славу отличию благочестивой жизни, и понятно, какъ благочестивѣйшему Алексѣю Михайловичу было тяжело преслѣдовать такого человѣка.

Въ Тобольскѣ Аввакума приняли хорошо: архіепископъ далъ ему мѣсто при одной церкви, воевода князь Хилковъ принималъ ревнителя съ уваженіемъ. Но, въ отсутствіе архіепископа, произошелъ случай, въ которомъ богатѣе показалъ свою силу, и опять возбудилъ противъ себя другую силу. Архіепископскій дьякъ Струна, которому безъ владыки была своя воля, захотѣлъ мучить напрасно дьякона той церкви, гдѣ Аввакумъ былъ свиденникомъ. Дьяконъ ушелъ отъ него въ церковь подъ покровительство священника, но Струна не хотѣлъ отстать отъ дьякона: во время вечерни, съ толпою, человѣкъ въ 20, вскочилъ онъ въ церковь и схватилъ дьякона на кляроѣхъ за бороду. Аввакумъ покинулъ вечерню, прибѣжалъ на помощь къ дьякону, вмѣстѣ съ нимъ схватилъ Струну, посадилъ его на полу среди церкви и „за церковный янтежъ постегаля его ремнемъ парочко-таки“; товарищи Струны разбѣжались, и дьякъ, подъ ремнемъ протопопа, принесъ покаяніе. Но этимъ дѣло не кончилось: родственники Струны, поны и черепцы, подняли весь городъ на Аввакума; въ полночь подвезли сани къ его двору, ломились въ избу, хотѣли схватить протопопа и свести въ воду. „Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай“, говоритъ Аввакумъ, „иное въ церкви ночью, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился — ино не пусгать“.

Ревность по старыхъ книгахъ начала-было угнать въ Аввакумъ въ Тобольскѣ. „Былъ я у затруни въ соборной церкви, шаловалъ съ ними въ

церкви той при восходахъ да съ прїѣзду смотрѣль у нихъ просфиромисанїя дважды и трижды, въ алтарь у жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристовымъ и ужасливо было. На бѣду кто-то во снѣ сказалъ Аввакуму: „Влюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будешь“. Аввакумъ подумалъ, что это самъ Христосъ грозитъ наказати его за уступку антихристову духу; онъ не пошелъ къ обѣдни, но пошелъ обѣдать къ воеводѣ, князю Хилкову, и рассказалъ ему сонъ; бояринъ расплакался. Аввакумъ, разумѣется, спѣшилъ заглядити грѣхъ своей слабости. Вслѣдствіе этого пришелъ указъ вести его изъ Тобольска на Лену; на дорогѣ, въ Енисейскѣ, другой указъ—вести въ Даурию и отдать въ полкъ Аонасью Пашкову, искавшему новыхъ земель и приводиншему инородцевъ подъ высокую руку великаго государя. Пашковъ не былъ похожъ на Хилкова. „На долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать; дяде-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дѣбри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, — и поглядѣти залама голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зми великіе; въ шнѣхъ же витають гуси и утицы — перье красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречеты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и шныя дикія, многое множество, итцы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очю нашу, а взяти нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрми и птицами витати, и азъ ему малое писанье написалъ, сиче начало: „Человѣче! убойся Бога, Его же трепещуть небесныя силы, единъ ты презираешь и неудобство показашь“. Тамъ многоюкно писано, и послать къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ 50; взяли мой дощеникъ и помчали къ нему. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоить и дрожитъ, рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову, и билъ меня съ ногъ и, чень ухватя, лежалаго по спинѣ ударилъ трижды п. разболочки, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ“. Нашелся заступникъ, сынъ Пашкова, Еремѣй, сталъ уговаривать отца не грѣшнѣть, не бить протонопа. Еремѣй поступилъ неосторожно, зашелъ къ отцу съ увѣщаніями спереди, а не сзади; старикъ расходился и погнался за сыномъ со шпагою,—тогъ едва успѣлъ убѣжать. Послѣ этого и съ Пашковымъ случилась бѣда: дощеникъ его попалъ на мель; Еремѣй воспользовался случаемъ и началъ говорить отцу: „Ватюшка! за грѣхъ наказываетъ Богъ, напрасно протонопа кнутомъ избилъ; пора покаяться, государь!“ Старикъ рыкнулъ на Еремѣя какъ звѣрь; тогъ увидаль бѣду, отошелъ къ сосѣдѣ, сложилъ руки и говорить: „Господи помилуй!“ Старикъ схватилъ шпаль, приложился въ сына, спустилъ ку-

рокъ—осѣклось; въ другой разъ—осѣклось; въ третій—осѣклось. Старикъ въ ярости бросилъ шпаль на землю. Малый взялъ ее, спустилъ на сторону—выстрѣлилъ. Старикъ съѣлъ на стулѣ, полперся шпагою, задувался, началъ плакать и говорить: „Согрѣшилъ, окаланный, пролилъ кровь неповинную, напрасно протонопа билъ, за то меня наказываетъ Богъ“. Въ это время дощеникъ сдвинулся съ камня; Пашковъ подозвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему: „Прости, Еремѣй, правду ты говоришь.“ Тотъ отвѣчалъ съ поклономъ: „Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ“. — „Гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ“, заключаетъ Аввакумъ, „ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его“. Привезли послѣ этого протонопа въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули, соломи дали: „что собачка на соломяхъ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ, — и батожка не дадутъ дурачки. Хотѣлъ на Пашкова кричать: *прости*; но воля Божія возбраняла, вѣлѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую ямбу. На весну паки поѣхали впередъ. Охъ времени тому! у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ; и съ прочими скитаюшеся по горамъ и остроуму каменію, паги и босы, травою и кореньемъ перибиваюшеся, кос-какъ мучились. Миѣ подѣ робятъ и подѣ рухлядишко дали двѣ клячки, а самъ и протопопца брели ишнѣе, убиваюшеся о лѣль Сгрна варварская, иноземцы не мирные; отетать отъ людей не смѣемъ и за лошадыи пѣти не поспѣемъ. Протопопца бѣдная бредеть-бредеть да и повалится: сколько гораздо; въ янчу пору бредучи повалилась, а шной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же повалился: оба кричатъ, а ветать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „Матушка государыня, прости!“ а протопопца: „Что ты, батюко, меня задавилъ!“ Я пришелъ. На меня бѣдная невятея, говори: „Долго ли муча сія, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна! до самой смерти“. Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ“.

Пришелъ чередъ и протопопу унасть духомъ и получить помощь отъ протопопца. „Десять лѣтъ“, говоритъ Аввакумъ, „Пашковъ меня мучилъ *или я его, не знаю*, Богъ разберетъ“. Наконецъ пришла грамота—велѣно Аввакуму ѣхать на Русь. Протопопъ отправился, приплылъ въ русскіе города и „уразумѣлъ о церкви, яко ничто же успѣваетъ, по наче молва бываетъ. Опечалился, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово Божіе, или скрюсь? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопца моя присутіи ко миѣ со спрятевомъ и речеми: „Что, господине, опечалился еси?“ Азъ же подробно извѣстихъ: „Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ, говорить миѣ или молчать? связали вы меня!“ Она же миѣ говорить: „Господи помилуй! что ты, Петроничъ, говоришь, поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудно еретическую!“ Аввакумъ рассказываетъ

еще одну любопытную семейную сцену. „У меня былъ въ Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался, и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный съ крестомъ и съ водою прииду, новински бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Осдора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилось неустойство: протопопца моя со вловою домочадцею Фотиниею между собою побранились. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ. Та же бѣсъ вздвигая въ Филиппѣ: и началъ чепъ ломать, бѣсясь, и кричать неудобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужалъ. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити, но не бысть попрежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть. Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: „Не боюсь я тебя“. Миѣ въ тѣ поры горько стало: „Вѣсь, реку, надо мною волю взялъ“. Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь, говоритъ: „Согрѣшилъ, Настасья Марковна; прости меня грѣшнаго!“ она миѣ также кланяется. Посемъ и съ Фотиниею тѣмъ же образомъ простился; тоже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20, и жена, и дѣти, и всѣ, плачучи, стегали. Егда же всѣ отбили, и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Вѣсь же, видѣвъ немилую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я его крестомъ благословилъ, и онъ по старому хорошею сталъ“.

Въ Москвѣ приняли Аввакума отлично, ласкою хотѣли отворотити такого сильнаго человѣка отъ раскола: „Яко ангела Божія пріяна мя“, говоритъ Аввакумъ, „государь и бояре всѣ миѣ рады. Къ Осодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко миѣ, благословляетъ отъ меня и учалъ говорить много; три дня и три ночи домой меня не отпустилъ и потомъ царю обо миѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставилъ велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: „Здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видѣтьсъ Богъ велѣлъ“. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: „Жизнь Господь, жива и душа моя, царь государь! а впродъ что повелитъ Богъ“. Онъ же миленкой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое-что было, да что много говорить?—прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьи въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, шизенько-таки, а самъ говоритъ: „Благослови-де меня и помолися обо миѣ“; и шанку въ шую пору мурманку спимаючи, съ головы уронилъ, бѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало выскунется ко миѣ, тоже и всѣ бояре носилъ его челомъ да челомъ: „Протопопъ! благо-

слови и молися о насъ“. Какъ миѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль видѣть какъ-вы были добры, давали миѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобы я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же, вся сія яко уметы вмѣннихъ, да Христа приобрящу. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними, приказалъ государь уговаривать меня Родиономъ Стрѣшневъ, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо помаленьку исправиться, а се посулили миѣ Симеонова дни съѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: миѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко миѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царца 10 рублевъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родионъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Осодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шанку миѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащить, да несутъ всякою. У свѣта моея Феодосія Прокофьевны Морозовой, не выходя, жилъ во дворѣ, понеже дочь миѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна (Урусова), дочь же моя. И у Анны Петровны Милославскія всегда же въ дому были; и къ Осодору Ртищеву бранились съ отступниками ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же усѣиваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю много-много-таки, чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу,—да миѣ такъ не сошлось. И власти, яко козлы, нырекать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко миѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходити. И миѣ отъ царя выговоръ былъ: „Власти-де на тебя жалуются, церквы-де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять“. Да и повезли на Мезень. По городамъ паки людей Божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки къ Москвѣ взяли. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Нафутьевъ монастырь; и туда присылка была, то же, да то же говорить: „Долго ли тебѣ мучитъ насъ? соедини съ нами, Аввакумушка!“ И отрицалъ что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написала. Изъ Нафутьева взяли меня паки въ Москву и въ Крестовой стяжашася власти со мною; ввели меня въ соборный храмъ и стригли (разстригали) по переносѣ меня и діакона Осодора, потомъ оироклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было миѣ тяжело въ обѣдно ту. И повезли ночью на Угрюму къ Николѣ въ монастырь, держали въ студеной палаткѣ 17 недѣль.

И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постовавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Какъ стригли, въ то время великое нестроение вверху у нихъ была съ царицею съ покойницею; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. Но семь свезли меня наки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала. Привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ, и поставили на подворьи, и волоча многожды въ Чудовъ, поставили предъ вселенскихъ патриарховъ, и нами все тутъ же, что лнеи, сидѣли; отъ Исанія съ патриархъ говорилъ много. Последнее слово ко мнѣ рекъ: „Что-де ты упрямя: вся-де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, все-де тремя персты крестятся; одинъ-де ты столицу на своемъ учорствѣ и крестись двума персты: такъ не подобаетъ“. И я пмъ о Христѣ отвѣчалъ еще: „Вселенскіе учителя! Римъ давно упалъ и лежить невоскляно и Ляхи съ нимъ же погнбли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе нестро; отъ насилія турецкаго Магмета немощи есте стали; и впрядъ прѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божію благодатию самодержавство; до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и Церковь не мятежна“... И отошелъ къ дверямъ да на бокъ повалился: „Посидите вы, а я полежу“, говорю пмъ, такъ они смѣются: „Дуракъ-де протопопъ и патриарховъ не почитаетъ“; а я говорю: „Мы уроды Христа ради; вы славны, мы же безчестны; вы сильны, мы же немощны“. Повели меня на чепъ, потомъ на Воробьевы горы, тоже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Логухина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Также опять свезли насъ въ Москву, на Никольское по дворье и взяли у насъ о правотѣ еше сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присылали были Артемонъ (Матвѣевъ) и Дементій (Вашлаковъ), и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: „Протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прощу-де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, помолбсь о насъ. Пожалуй-де, послушай меня, соединишь со вселенскими тѣми, хотя не большинъ чѣмъ“. И я говорю: „Аше и умерти мнѣ Богъ изволитъ, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а пмъ до тебя какое дѣло своего царя потеряли, и теби проглотить слоды приволоклися“. Также, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье“. — Аввакумъ до конпа остался непреклоненъ; вотъ его исповѣданіе: „Аше я и не смысленъ, гораздо неученый человекъ, да то знаю, что вся церква отъ св. отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко же пріяхъ; не предлагаю предѣля вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“.

Мы видѣли, что жена поддерживала ревность

Аввакума; но это далеко не единственный примѣръ въ исторіи раскола. Боярыня Оедосья Прокофьевна Морозова, вдова Глѣба Ивановича, брата знаменитаго Бориса, пользовалась большимъ почетомъ при Дворѣ. „Дома прислуживало ей человекъ съ триста. Крестьянъ было 8,000; друговъ и сродниковъ множество-много; ѣздила она въ дорогой каретѣ, устроенной мозаикою и серебромъ; въ шесть или двѣнадцать лошадей съ гремячими цѣбями; за нею шло слугъ, рабовъ и рабынь человекъ сто, оберегая ея честь и здоровье“. И эта богатая и знатная боярыня вмѣстѣ съ сестрою, княгинею Евдокиєю Урусовою, стали ревностными послѣдовательницами Аввакума, и цѣлый рядъ лишений и страданій не могли поколебать ихъ твердости. Легко понять, какую помощь оказывали обѣ сестры расколу по своему положенію, сосредоточивая около себя самыхъ ревностныхъ его послѣдователей; понятно, какъ это не правилось царю, который употреблялъ все средства для ихъ обращенія—увѣщанія, угрозы, наказанія, — и все понапрасну. „Сумасбродная люта“, отзывался царь Алексѣй Михайловичъ о Морозовой, считая сестру ея Евдокию смиренною; но эта смиренная, какъ часто бываетъ, поддерживала „лютую“ своєю твердостью. На вопросъ Крутицкаго митрополита Павла, причастится ли она по тѣмъ служебникамъ, по которымъ причащается государь, царица и царицы, — Морозова отвѣчала: „Не причащусь; знаю, что царь причащается по развращеннымъ служебникамъ Никопова изданія. Врагъ Божій Никонъ своими ересями какъ блевотиною наблевалъ, а вы ныль-то скверненіе его полизаете; явно, что и вы подобны ему“.

Сестеръ заточили по разнымъ мѣстамъ. Патриархъ Питиримъ сталъ просить за нихъ царя: „Я совѣтую тебѣ боярину тую Морозову вдовицу, — кабы ты изволилъ ей дать домъ ей отдать и на потребу ей дворовъ бы сотинцу крестьянъ даль; а княжину тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличіе было. Женское ихъ дѣло; что опъ много смыслятъ“. — „Давно бы я такъ сдѣлалъ“, отвѣчалъ царь, „но не знаешь ты лютости этой женщины. Какъ новѣдалъ тебѣ, сколь поругалась и нынѣ ругается Морозова та! Много надѣлала она мнѣ трудовъ и неудобствъ показала. Если не вѣршишь моимъ словамъ, изволь самъ попытать; призови ее къ себѣ, спроси, и самъ узнаешь ея твердость, начнешь ее истязать и вкуспишь пріятности ея“.

Патриархъ вкуспилъ пріятности ея, и отступился. Сестеръ выгнали наверху, у государя въ Думѣ была рѣчь о томъ, чтобъ ежечь Морозову въ срубъ, „да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами да много у нихъ пересѣлъ“. Раскольницъ сослали въ Воронецъ и заперли въ земляную тюрьму. Урусова не вынесла тяжкаго заключенія и скоро умерла; за нею послѣдовала и Морозова¹⁾.

¹⁾ Боярыня Морозова, ст. Тихонова въ Русск. Вѣст. 1865, сентябрь. Забѣллина: Домаш. бытъ русск. царицъ, 105 и слѣд.

Приходили отовсюду новые учителя: во дворцѣ и съ церковной кафедры, изъ монашеской кельи и изъ сибирскаго заточенья толковали они о необходимости перемѣнъ, о необходимости науки; задѣтые ими, оскорбленные старые учителя, бывшіе прежде сами передовыми людьми, возбуждавшіе негодование своими повнествами, возстали противъ новшествъ, принесенныхъ соперниками, провозгласили, что не должно быть никакихъ перемѣнъ: „До насъ положено, лежи оно такъ во вѣки во вѣковъ“. Но, въ то время какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и треперстномъ сложеніи; когда Русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ; когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей безъ вреда православію, далеко не удалась, какъ бы желалось; когда старые учителя провозгласили и православныхъ Грековъ, и православныхъ Малоросіянъ, и Вѣлоруссовъ еретиками, Латинцами:—въ это время являються новые учителя особаго рода, нежелаемые ни старымъ учителямъ, ни новымъ въ рясахъ,—являються иновѣрцы-Нѣмцы, являються вслѣдствіе того, что прежде грамматики и реторики нужно было выучиться сражась, вслѣдствіе того, что явно было экономическое банкротство по неумѣнью производить и продавать и по неумѣнью моря, являються вслѣдствіе того закона, по которому вышнее предшествуетъ внутреннему. Мы должны обратить вниманіе и на этихъ новыхъ учителей, посмотрѣть, что это за люди и какъ они живутъ въ своей Нѣмецкой слободѣ, которая играетъ такую роль въ исторіи преобразования.

Мы уже нѣмѣли случая говорить о наемныхъ войскахъ, о ихъ историческомъ значеніи. Мы видѣли, что они образовались изъ добровольныхъ и невольныхъ изгнанниковъ изъ родныхъ странъ, однимъ словомъ—изъ казаковъ Западной Европы. Для нашихъ казаковъ служила привольнымъ убѣжищемъ широкая степь, поле, гдѣ они могли поляковать, казаковать на свободѣ, признавать только по имени власть Русскаго государства, враждебно дѣйствовать противъ него при первомъ столкновеніи, но все оставаясь православными Русскими людьми. Въ Западной Европѣ не было степей, гдѣ бы могло образоваться казачество. Западно-европейскимъ казакамъ было два выхода: или плыть за океанъ для присканія и завоеванія новыхъ земель, и эта дѣятельность западныхъ казаковъ въ Новомъ Свѣтѣ совпадаетъ съ дѣятельностію нашихъ восточныхъ казаковъ за Камнемъ. Другой выходъ—извѣчное занятіе богатырскихъ, казакскихъ дружинъ—*служить въ семи ордяхъ семи королямъ*, пекать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей; съ XVII вѣка въ числѣ этихъ государей былъ и великій государь всея Руси. Изъ происхожденія и занятія этихъ западныхъ казаковъ, явившихся въ Москвѣ подъ именемъ *служилыхъ иноземцевъ*, объясняется уже чья характеръ. Волею или неволею оторвавшіеся

отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря по тому, гдѣ выгоды, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилие иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностію; побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главное дѣлю. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; по это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытывшіе, имѣвшіе много кой-о-чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попить, покурить за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче побѣда, богатая добыча, завтра—проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну.

Таковы были люди, которыхъ постоянно вызывали въ Москву въ продолженіи XVII вѣка; сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ; иноземцевъ выдѣляли, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ Нѣмцевъ, по это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, Нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за Нѣмецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится передъ этою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ; скоро Нѣмецкая слобода переняетъ паря и Дворъ его изъ Кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣмецкая слобода—ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступеню къ Москвѣ. * Служилые иноземцы не прожили молча въ Нѣмецкой слободѣ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей между ними изо дня въ день записалъ свои похождения, свое житье-бытье, и оставилъ намъ любопытныя извѣстія о себѣ самомъ, о своихъ собратіяхъ, о Россіи предъ эпохою преобразования. Я разумаю „Дневникъ“ Гордона.

Патрикъ Гордонъ былъ родомъ Шотландецъ, католикъ. Послѣднее обстоятельство затворило ему двери отечественныхъ университетовъ. Надосугъ молодой человѣкъ влюбился, но не могъ жениться на предметѣ своей страсти. Частію это обстоятельство, частію жажда къ свободѣ тянули Гордона изъ родной страны, тѣмъ болѣе что на родинѣ ему нечего было терять: онъ происходилъ изъ младшей линіи Гордоновой фамиліи и самъ былъ младшій сынъ. Молодой Гордонъ за границую. Сначала онъ поступилъ въ іезуитскій Браунсбергскій коллегіумъ, но скоро замѣтилъ, что затворническая жизнь ему не по характеру. Въ 1655 году онъ вступилъ въ войска Шведскаго короля Карла X, который воевалъ тогда съ Поляками. Въ слѣдующемъ же году Гордонъ попался въ плѣнъ къ

Полякамъ и освобожденъ подъ условіемъ вступленія въ польскую службу; въ томъ же самомъ году попалъ въ плѣнъ къ Шведамъ и вступилъ опять въ шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили, за то онъ не упускалъ удобнаго случая поживиться добычею, подкарауливалъ ее въ дѣсу, какъ разбойникъ, и записывалъ въ своемъ „Дневникѣ“, что, напримѣръ, ему удалось, хотя и не безъ труда, отнять лошадей у двоихъ крестьянъ; Гордонъ служилъ въ шотландской дружинѣ, которая прославилась своими грабительствами. Въ 1658 г. онъ опять попалъ въ плѣнъ къ Полякамъ и вторично вступилъ въ польскую службу: „Вѣдь главная цѣль Гордона“, говорить онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, „была—составить себѣ счастье, но въ шведской службѣ теперь это трудно было сдѣлать, потому что у Шведовъ на шеѣ были—императоръ, короли Датскій и Польскій и царь Русскій. Правда, что честному человѣку хорошо у Шведовъ служить: это народъ справедливый, цѣнить каждого по заслугамъ; но и между Поляками можно составить себѣ счастье; польскіе генералы гордо обрадуются съ иностранцами, но остальные шляхта и кто пообразованнѣе обращаются съ ними хорошо“. Но и между Поляками Гордонъ не нашелъ возможности составить себѣ счастье, и въ 1661 году вступилъ въ русскую службу, въ званіи майора; въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Москву, въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь сначала Гордону не понравилось. Его позвали къ начальнику Иноземнаго Приказа, тестю царскому, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому; тотъ велѣлъ ему взять копье и мушкетъ и показать, какъ онъ умѣетъ ими дѣйствовать. Гордонъ отвѣчалъ, что еслибъ ему прежде сказали объ этомъ, то онъ бы привелъ съ собою своего денщика, который, вѣроятно, знаетъ лучше его ружейные приемы, и прибавилъ, что для офицера эти приемы послѣднее дѣло, а главное—начальствовать надъ солдатами. Бояринъ возразилъ, что всякій служилый иноземецъ, пріѣзжающій въ Россію, хотя бы былъ полковникъ, долженъ показать, умѣетъ ли дѣйствовать копьемъ и мушкетомъ. Дѣлать было нечего: Гордонъ принялся за копье и мушкетъ,—и бояринъ остался доволенъ.

Тутъ же на первыхъ порахъ опытный искатель добычи столкнулся съ значительными также искателями добычи, московскими дьяками. Назначенъ былъ Гордону, за его выѣздъ въ Россію, подарокъ 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболемъ. Иностранецъ не зналъ обычая, что для полученія этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордонъ къ дьяку за подаркомъ—тотъ отговаривается пустяками, Гордонъ бранится—нѣтъ усѣха; Гордонъ—къ боярину съ жалобою, бояринъ велитъ дьяку выдать подарокъ, но тотъ не выдаетъ. Гордонъ въ другой, въ третій разъ съ жалобою къ боярину, говоритъ ему прямо, что не понимаетъ, кто умѣетъ больше силы:—онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказаній. Бояринъ разсердился, велѣлъ

позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и общалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою. Дьякъ приходитъ къ Гордону съ ругательствами; тотъ платитъ ему такую же монетою, и оканчиваетъ угрозою, что потребуетъ увольненія отъ службы. Дѣйствительно, Гордонъ началъ серьезно думать, какъ бы выбраться изъ Россіи; жалованье небольшое, и то лѣдными деньгами (½ копѣйки идутъ за одну серебряную), и жить нельзя, не только-что скопить что-нибудь. Въ Иноземномъ Приказѣ провѣдали, что Гордонъ хочетъ просить увольненія у боярина, испугались и выдали ему свидѣтельство для полученія денегъ и соболей. Гордонъ заупрямился, не хотѣлъ брать подарка; толковалъ объ отпускѣ; но ему внушили, что просеюль объ отпускѣ онъ только можетъ погубить себя; онъ католикъ, пріѣхалъ изъ Польши, съ которою идетъ война, и сейчасъ же хочетъ опять уѣхать: ясно, что пріѣзжалъ для лазутчества; вмѣсто отпуска, познакомится пожалуй съ Сибирью. Гордонъ испугался, взявъ подарокъ и остался въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которой иногда происходили любопытныя событія.

Въ Нѣмецкой слободѣ, какъ во всякой другой, полцейскій надзоръ былъ порученъ десятскимъ, которымъ давался наказъ: „Вѣдать тебѣ и беречь накрѣпко въ своемъ десяткѣ и приказать полковникамъ и полуполковникамъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ и торговымъ, и великимъ жилищнымъ людямъ, и иноземцамъ, чтобъ они Русскихъ бѣглыхъ и новокрещеныхъ, и Вѣлорусцевъ, и гулящихъ людей въ дворахъ у себя для работы безъ крѣпостей не держали, и поединковъ и никакого смертнаго убійства и дракъ не чинили, и корчемнымъ продажнымъ питьемъ, виномъ и нивомъ и табаккомъ не торговали и воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду и б...., и не являсь въ Приказъ новыя четверти никакого питья не держали, а для работы во дворѣ у себя держали великихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ некрещеныхъ“¹⁾. Но мы уже знаемъ, какъ солдаты мало обращали вниманія на указы относительно вина, и какъ иностранные офицеры ихъ сквозь пальцы смотрѣли на это. Однажды въ Москвѣ узнали, что солдаты держатъ вино въ Нѣмецкой слободѣ въ собственномъ домѣ. Подъячій съ отрядомъ стрѣльцовъ явился на выпмку и нашелъ вино, хотя солдаты успѣли спрятать его въ саду. Стрѣльцы взяли вино, захватили и нѣсколько солдатъ: но пріѣзжали другіе солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрѣльцовъ до городскихъ воротъ. Тутъ къ стрѣльцамъ пришла подмога, и солдаты принуждены были бѣжать въ свою очередь; но скоро и они получили подкрѣпленіе: солдатъ набралось 800 человекъ, стрѣльцовъ было 700; завязался бой въ узкихъ улицахъ, и солдаты втиснули стрѣльцовъ въ во-

¹⁾ Дѣла приказанія Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1673.

рота Бѣлаго города; но на помощь къ стрѣльцамъ явилось 600 товарищей съ главнаго кремлевскаго караула и огрѣзали пути солдатамъ, ворвавшимся въ Бѣлый городъ; 22 человекъ были схвачены, биты кнутомъ и посланы въ Сибирь.

Игра въ карты была также запрещена, — и солдаты играли тайкомъ, ночью. Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ ихъ и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забрать себѣ не только тѣ деньги, которые были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдата 60 рублей, не давши объ этомъ знать по начальству, т. е. Гордону. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ и сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что вперёдъ смуилохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ вышешіямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ вышешіе другого рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ и такъ отколотилъ дубинкою, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику; но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину, — Гордонъ и тутъ заперся.

Хозяинъ дома, гдѣ квартировалъ Гордонъ, захотѣлъ освободиться отъ своего постояльца, и челобитіе его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменныя приказанія очистить квартиру, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Однажды, когда Гордонъ сидѣлъ за обѣдомъ, входитъ къ нему въ комнату подъячій съ указомъ, чтобъ онъ немедленно перебринился на другую квартиру. Съ подъячіймъ пришелъ 20 человекъ трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. „Покажи указъ!“ говоритъ Гордонъ подъячему. — „Не покажу“, отвѣчаетъ тотъ, „потому что ты два прежніе указа оставилъ у себя или, быть можетъ, разодралъ.“ — „До тѣхъ поръ не очини квартиры, пока не покажешь указа“, говоритъ Гордонъ. Тогда подъячій велитъ трубникамъ взять чемоданъ и нести вонъ, а самъ беретъ полковыя знамена. Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола, и, съ помощію денщика и двоухъ офицеровъ, которые вѣдетъ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ наверхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодой своего положенія наверху, прогоняетъ ихъ тѣмъ легче, что трубники были вооружены одиѣмъ палками. На шумъ прибѣгаютъ солдаты, нападаютъ на подъячаго и трубника, — и тѣ бѣгутъ; солдаты гонятъ ихъ до Яузскаго моста и отнимаютъ у нихъ шанки. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что на счастье Гордона Милославскій поссорился съ Ртищевымъ, къ Приказу котораго принадлежалъ подъячій, а между тѣмъ Гордонъ перемѣнилъ квартиру.

Остался въ Москвѣ, — дѣлать нечего: надобно было сообразоваться съ обычаями. Гордонъ позвалъ всѣхъ подъячійхъ Иноземнаго Приказа къ себѣ на пирушку и каждому подарилъ — кому два соболя,

кому одинъ. Съ этихъ поръ онъ пользовался ихъ полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ; какое бы ни было у него дѣльце въ Приказѣ, все сейчасъ обдѣлаютъ.

Несмотря на то, Гордону все еще очень не нравилось въ Москвѣ: человекъ привыкъ пріобрѣтать добычу съ оружіемъ въ рукахъ, а тутъ надобно задаривать людей, которые перомъ ловятъ соболей! Нельзя вырваться на Западъ, то нельзя ли хотя еще дальше на Востокъ. Назначался Феодоръ Андреевичъ Милославскій посломъ въ Персію; Гордонъ сталъ проситься въ свиту; но, зная, что одиѣ просьбы не принимаются, снесъ самому Милославскому 100 золотыхъ, да его дворецкому подарокъ въ 20 золотыхъ. Но золотые пропали, дѣло было невозможное, — иноземцы вынншали для ратной службы, а онъ хотѣлъ ѣхать съ посломъ въ Персію, куда могутъ отправиться и Русскіе: пожалуй еще оттуда уйдеть или передастъ шаху!

Хотя десятокъ Нѣмецкой слободы получали наказъ — беречь накрѣпко, чтобъ не было поединковъ, однако служилые иноземцы мало обращали вниманія на это запрещеніе. Гордонъ въ 1666 году имѣлъ поединокъ съ майоромъ Монгомери: поссорился онъ съ нимъ у себя на пирункѣ, которую давалъ придворнымъ въ царскія иешинны.

Служилые иноземцы не всегда ссорились другъ съ другомъ только на пирункахъ, но въліяніемъ винныхъ паровъ. По возвращеніи изъ похода 1676 года, Гордонъ, бывшій тогда уже полковникомъ, узналъ, что нѣкоторые драгуны его полка хотятъ на него жаловаться и что подбивается ихъ къ тому генераль-майоръ Трауернихтъ. Встрѣтившись съ Трауернихтомъ въ домѣ князя Трубецкаго, Гордонъ, въ присутствіи многихъ полковниковъ, рѣзко выговорилъ ему, что онъ связался съ недобрями его полка и подучаетъ ихъ подать на него жалобу. Трауернихтъ смолчалъ; но на другой же день пронодиль въ Разрядъ солдатъ, которые отнесли туда свое челоубіе въ Гордона. Черезъ нѣсколько дней является къ Гордону полковникъ Шиль, родственникъ Трауернихта, и предлагаетъ, что если Гордонъ заплатитъ Трауернихту 300 фунтовъ, то онъ уладитъ дѣло между нимъ и драгунами. Гордонъ отвѣчалъ бранью на это предложеніе. Когда онъ узналъ, что дѣло на слѣдующій день будетъ докладываться царю, то послалъ думному дяку подарокъ въ 20 рублей; дякъ обѣщаль быть за Гордона; за него же былъ и самъ воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, который при докладѣ объявилъ, что все написанное въ челобитной ложь, дѣло въ томъ, что Гордонъ содержитъ строгую дисциплину и не позволяетъ своимъ подчиненнымъ воровать и бѣгать: „Я говорю это“, прибавилъ князь, „непотому, что Гордонъ мнѣ далъ что-нибудь или обѣщаль, но зная его усердіе къ службѣ царскаго величества“. Крестьяне 20 деревень, въ которыхъ стоялъ Гордоновъ полкъ, прислали сказку за руками тронъ священниковъ, что они не могутъ ни въ чемъ по-

жаловаться на Гордона. Малобички, увидавши, что дѣло не можетъ кончиться въ ихъ пользу, предложили Гордону мировую, если дастъ онъ пять рублей. Гордонъ отвѣчалъ, что дастъ пять

рублей, если они откроютъ ему всѣхъ сообщниковъ, чтобъ ему знать, кто у него въ полку друзья и кто враги,—безъ этого не дастъ ни копѣйки. Драгуны не согласились ¹⁾.

Глава II.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича.—Дѣти царя Алексѣя отъ обонихъ браковъ.—Польское и нѣмецкое вліяніе.—Завѣстія о вступленіи на престолъ Ѳеодора.—Семья Матвѣева.—Семья духовника Андрея Савилова.—Отягченіе участи Никона.—Любимцы царя.—Изыковъ, Лихачевы.—Бракъ Ѳеодора на Агаоніи Семеновнѣ Грушецкой.—Быстрое возвышеніе Изыкова и Лихачева.—Князь Вас. Вас. Голицынъ.—Окончаніе дѣла съ Дорошенкою.—Дѣла Рославца и Адамовича.—Дорошенко въ Москвѣ.—Машфестъ Юрія Хмельницкаго.—Черемька съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошкѣ.—Семья Рославца и Адамовича.—Первый Чигиринскій походъ.—Млвінія Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ.—Дѣла Запорожскія и посольство въ Турцію.—Второй Чигиринскій походъ.—Сношенія съ Польшею.—Мирныя переговоры съ Турціею.—Переговоры въ Крыму и миръ съ султаномъ и ханомъ.—Дорошенко-восвода.—Смерть Сѣрка.—Дѣла шведскія, датскія, австрійскія.—Калмыки и казаки.—Волненія Башкирцевъ.—Борьба съ Киргизами, Самоѣдами, Якутами и Тунгусами въ Сибири; злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей.—Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Ѳеодорѣ.—Вопросъ о торговлѣ шелкомъ съ Аріями.—Поставленіе о торговлѣ съ Греками.—Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія.—Новая форма челобитныхъ.—Расколъ.—Церковный Соборъ 1681 года.—Обращеніе иновѣрцевъ въ христіанство.—Постановленіе о восводѣхъ.—Финансовыя мѣры.—Уничтоженіе мѣстничества.—Проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ.—Проектъ академіи.—Смерть царицы Агаоніи и царевича Ильи.—Второй бракъ царя и кончина его.—Смерть Никона.—Облегченіе участи Матвѣева.

Русская Земля всколебалась и замутилась; Русскій народъ, послѣ осминовѣкова движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народоид жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости приобрести средства, которыми бы сдѣлалъ народъ сильнымъ, снискали ему уваженіе другихъ народовъ, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя съ разныхъ сторонъ: греческіе и западно-русскіе монахи, западно-русскіе шляхтичи съ польскими школьнымъ образованіемъ; явились и учителя иноплемненные и иновѣрные съ дальнѣйшаго Запада, *Польцы*, учителя ратнаго искусства и разныхъ другихъ искусствъ и ремесель. Учителя эти столкнулись съ старыми учителями: пронзошла борьба и расколъ; люди, испуганные движеніемъ, *новшествами*, завопили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ. И они были правы въ извѣстномъ смыслѣ: Старая Россія оканчивалась,—начиналась Новая.

Но при этой несостоятельности стараго, при этихъ требованіяхъ новаго, какими же путемъ долженъ былъ совершиться переворотъ? Мы видимъ, что все и со всѣмъ обращается въ Москву, къ великому государю, и видимъ также ясно, что это обращеніе происходитъ необходимо отъ слабости, мелкости отдѣльныхъ мировъ, отъ особенности ихъ другъ отъ друга, и въ то же время отъ внутренней розни, происходящей при всякомъ соединеніи силъ, при всякомъ общемъ дѣйствіи, однимъ словомъ,—отъ дѣтскаго состоянія ихъ, отъ дѣтской безпомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитіе о какомъ-нибудь новомъ

распорядкѣ принимается,—пусть распоряжаются какъ хотятъ; поспорятся, одни захотятъ одного, другіе другого,—правительство приказываетъ спросить всѣхъ, чтобъ узнать, чего хочетъ большинство. Мы упомянули о дѣтской безпомощности; слово всего лучше объяснить тутъ дѣло: всѣ тяглые, несудимые люди, называютъ себя *спротами* государевымъ; это низшая рабочая часть народонаселенія—мужики; но высшая, военные, мужи, какъ себя называютъ?—они называютъ себя *холопами* государевымъ. Понятно, что ни въ безпомощныхъ спротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности, собственного мнѣнія. И тѣ и другіе чувствуютъ несостоятельность стараго; понимаютъ, что оставаться такъ нельзя, но, при отсутствіи просвѣщенія, не могутъ ясно сознать, какъ выйти на новую дорогу, не могутъ имѣть инициативы, которая потому должна явиться сверху: повести дѣло долженъ великій государь.

Вести дѣло переворота или преобразованія должны были преемники царя Алексѣя Михайловича. Какимъ образомъ пойдутъ они по пути, на который уже поворотилъ народъ?—это будетъ зависеть отъ ихъ природы и отъ ихъ воспитанія. Мы видѣли, что при сознаніи необходимости учиться явились разнаго рода учителя; чтобъ новая наука не повредила древнему благочестію, призывались учителя изъ православнаго духовенства, греческаго и западно-русскаго. Эти люди принесли въ Москву школьную науку, требованіе учрежденія школы; но западно-русскіе ученые могли устроить школы по образцу западно-русскихъ школъ, а эти

¹⁾ Tagebuch des Gen. Patrick Gordon, veröffentlicht durch F. Obolenski und Dr. Poselt. I. B.

были устроены по образцу школъ польскихъ. Вообще западно-русскіе ученые были воспитаны подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ, вслѣдствіе той тѣсной связи, въ какой родина ихъ находилась съ Польшею; у западно-русскихъ людей не было своего книжнаго языка: они писали или на такъ-называемомъ церковно-славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски; литература польская доставляла имъ много матеріала. Эту привычку къ польскому языку и литературѣ они принесли и въ Москву; усиленію вліянія польскаго языка и литературы содѣйствовала здѣсь тѣсная связь съ Польшею и во время войны при безпрестанныхъ переговорахъ о мирѣ, и во время мира при союзѣ и безпрестанныхъ сношеніяхъ насчетъ болѣе тѣснаго союза, и насчетъ выбора въ короли царя или сына его. Русскій языкъ заперстрѣлъ полонизмами; стоить только прочесть письма и донесенія русскаго резидента въ Варшавѣ, Тяпкина, чтобъ убѣдиться въ силѣ польскаго вліянія на русскій языкъ, и какъ это вліяніе обнаружилось безсознательно, невольно со стороны Русскаго человѣка: Тяпкинь, какъ мы видѣли и увидимъ, былъ честный Русскій человѣкъ, умиралъ въ Польшѣ съ тоски по родинѣ, не могъ ужиться съ Поляками, смотрѣлъ на нихъ съ самой черной стороны, а между тѣмъ сталъ писать по-польски, отдавъ сына въ польскую школу, и тотъ говорилъ королю рѣчи на модномъ тогдашнемъ языкѣ, т.-е. наполовину по-польски, а на половину по-латыни¹⁾. Западно-русскіе учителя принесли къ намъ польское вліяніе. Эти учителя принесли къ намъ грамматику, реторику, философію, богословіе, при царѣ Алексѣѣ толковали о необходимости устроить школы для преподаванія этихъ наукъ—и при наследникахъ царя Алексѣя успѣли достигнуть своей цѣли.

По эти учителя не могли выучить тому, нуждающаяся необходимость чего была такъ очевидна. Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усиливаться,—разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ; нужно было море,—пробраться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; нужно было свести старые счеты, освободиться отъ татарской дани, которую платили въ Крымъ подъ именемъ поминковъ,—нужно было, слѣдовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости. Чтoby поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы,—нужно было выучиться великимъ искусствамъ и ремесламъ. Ни греческіе, ни западно-русскіе монахи, ни ополченные западно-русскіе мелкіе шляхтичи, которывъ русскіе вельможи брали въ домашніе учителя къ своимъ дѣтямъ, всему этому выучить не могли; для этого нужны были Пѣмцы, для этого нужно было ѣхать не въ Кіевъ или Варшаву, а далѣе на Западъ, въ нѣмецкія по-

морскія государства. Такимъ образомъ, при нуждѣ потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексѣя, были предъ ними найдены двоякаго рода учителя: западно-русскіе вмѣстѣ съ греческими и Пѣмцы; учителя должны имѣть вліяніе на учениковъ—отсюда два вліянія: польское и нѣмецкое. Преемники царя Алексѣя раздѣлились между этими учителями и этими вліяніями, вслѣдствіе различія природныхъ свойствъ и воспитанія.

Многочисленное семейство царя Алексѣя Михайловича представляетъ любопытное явленіе. Отъ перваго брака на Милославской онъ имѣлъ восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся въ живыхъ дочерей отличались крѣпкимъ, здоровымъ сложеніемъ, и одна изъ нихъ, Софья, отличалась и силами духовными, была, по отзыву врага, «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проищательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Напротивъ, сыновья были слабы, болѣзненны, трое умерло при жизни отца, изъ двоихъ оставшихся старшій страдалъ сильною цынгою, младшій—Юаннъ—къ слабости физической присоединялъ и неразвитость умственную. За то отъ втораго брака на Нарышкиной родился богатырь, физически и духовно соответствующій по природѣ сестрѣ Софьѣ. Отъ слабаго и болѣзненнаго Оеодора нельзя было ожидать сильнаго личнаго участія въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя стояли первая на очереди, въ которыхъ болѣе всего нуждалась Россія; онъ не могъ со здавать новое войско и водить его къ побѣдамъ, строить флотъ, крѣпости, рыть каналы, и все горюптъ личнымъ содѣйствіемъ; Оеодоръ былъ преобразователемъ, во сколько онъ могъ быть имъ, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и спальни; этимъ условіямъ соотвѣтствовало и воспитаніе: Оеодоръ былъ воспитанникъ западно-русскаго монаха Симеона Полоцкаго, и въ этомъ воспитаніи необходимо преобладалъ элементъ церковный; польское вліяніе было тутъ; Оеодоръ владѣлъ польскимъ языкомъ. Лазарь Барановичъ, посвящая въ 1672 году книги свои: «Житія Св. отецъ» царевичу Оеодору, а «Духовныя струны» царевичу Юанну, пишетъ царю: «Издахъ же (эти книги) языкомъ польскимъ, яко писалъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ екшперу коруны Польскіе молити помышляху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ лянцкимъ: извѣстенъ бо семь, яко царевичъ Оеодоръ Алексѣевичъ не тобою нашимъ природнымъ, но и лянцкимъ языкомъ чтегъ книги Благотворному же государю царевичу Юанну Алексѣевичу книгу «Духовныя струны» приписать. издахъ же языкомъ лянцкимъ, вѣмъ бо, яко и ванаго пресвѣтлаго величества сиклтихъ сего языка не гнушается, почтутъ книги и исторіи лянцкія въ сладость». Говорили, что Оеодоръ зналъ и по-латыни. хотя не такъ хорошо, какъ покойный братъ его царевичъ Алексѣя Алексѣевичъ: благодаря Полоцкому, Оеодоръ выучился складывать вѣрши:

¹⁾ Исторія Россіи съ древн. времечъ, т. XII.

говорили, что въ Псалтыри, переложенной Полоцкимъ на вирши, переводъ псалмовъ 132-го и 145-го принадлежалъ Осодору ¹⁾. За царствованіемъ Осодора послѣдовало правленіе Софьи: Софья такъ же воспиталась подъ влияніемъ Полоцкаго съ братіею; такъ же читала Житія Святыхъ, изданныя Барановичемъ по-польски; Симеонъ Полоцкій поднесъ ей книгу свою: „Вѣщцы Вѣры“, писалъ вирши: „О благороднѣйшая царица Софія, ищени премудрости выну небесная. По имени твоему жизнь твою ведещи: мудрая глаголенни, мудрая дѣсни. Ты церковныя книги обьякла читати и въ отцескихъ свитцѣхъ мудрости пскати. Увѣдѣвши же, яко и книга новая писася, яже Вѣщцы вѣры реченная, возжелала ту еси сама созерцати и еще въ черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну въ духовности быти, велѣла еси чисто ому устроити“ ²⁾. Притомъ же Софья, по своему полу, не могла дѣйствовать иначе, какъ изъ дворца. Такимъ образомъ, въ царствованіе Осодора и въ правленіе Софьи господствуетъ направленіе, принесенное западно-русскими учителями; это господство выразилось въ основаніи Славяно-Греко-Латинской академіи; но тутъ же патріархъ заподозриваетъ направленіе, принесенное Полоцкимъ въ Москву, въ неправославіи и сбѣштитъ опереться на греческихъ учителей; начинается сильная борьба, въ которой патріархъ беретъ верхъ, благодаря паденію Софьи и приверженца ея Медвѣдева, главнаго противника патріарху, ученика Симеона Полоцкаго. Здѣсь конецъ польскому влиянію; католическая пропаганда остановлена, іезуиты выгнаны. У младшаго сына царя Алексѣя была другая природа и другое воспитаніе, чѣмъ у старшаго; невданнѣй богатырь, которому было грузно отъ силъ, какъ отъ тяжелаго бремени, Петръ хотѣлъ все узнать, какъ, что и почему? и хотѣлъ самъ все сдѣлать; ему тѣсно было въ старинномъ дворцѣ кремлевскомъ, негдѣ расправить плеча богатырскаго, не отъ кого узнать что-нибудь;—онъ бросился на улицу, съ улицы поналъ въ Пѣзекскую слободу—и преобразование приняло другое направленіе: великій государь любилъ чи-

тать книги неменьше братьевъ своихъ, учениковъ Полоцкаго, но великій государь не былъ похожъ на ученика реторики, —это былъ корабельный плотникъ, это былъ шкиперъ. Велѣдствіе этого, Славяно-Греко-Латинская академія отходитъ уже на второй планъ; являются другія школы, другого рода учителя, преимущественно Пѣзцы-протестанты; и благодѣтель патріархаго престола, Стефанъ Яворскій, считаеъ нужнымъ бороться съ протестантскими стремленіями, протестантскою пропагандою, какъ прежде патріархи Іоакимъ и Андріанъ считали нужнымъ противодѣйствовать католицизму.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, не достигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ новоротѣ на новый путь, когда, при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ, предстояла еще опасная война съ могущественными Турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наследникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній болѣзненный мальчикъ: самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близкостію и довѣренностію, —человѣкъ съ обширною начитанностію но тогдашнему, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій виѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подспорію молодого царя; но, къ несчастію, между Осодоромъ и любимцемъ отца его уже разтупилась бездна; воспитанница этого Матвѣева была мачиха Осодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово: „мачиха“. Никогда еще въ семействѣ царей Русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтими отъ разныхъ матерей, и, какъ нарочно, это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразование и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подробныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое влияніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на таинныя отношенія второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя шельма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался —и государь женился на его воспитанницѣ. Царевна, особенно тѣмъ, особенно той, которая такъ выдавалась впередъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, надобно было преклониться предъ молодою царичею, войти въ дочернія отношенія къ молодой жещинѣ, матери только по имени, у которой веѣ

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. Приказа, № 19. Записка Татищева о царствованіи Осодора Алексѣевича въ портфеляхъ Мюллеръ въ Москвѣ. Арх. Мин. Ист. Д. Здѣсь говорится: «Сей государь при отцѣ своимъ учителъ былъ въ латинскомъ языкѣ старцемъ Симеономъ Полоцкимъ, и хотя въ ономъ языкѣ не столько, какъ братъ его большой царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ обученъ, однакожъ чрезъ показаніе оного учителя великое искусство въ поэзи имѣлъ. и весьма праядыне вирши складывалъ, по которой Его Величества охотѣ, псалтыри стихотворно оначъ Полоцкамъ преложена и въ оный, какъ скажывають, многие стихи, и особливо псаломъ 132 и 145 самъ Его Величество переложилъ, и послѣдней въ церкви при немъ всегда пѣвали, якоже Его Величество и къ пѣнію былъ великій охотникъ, первое наречіе по похвалѣ четверославное и кіевское пѣніе при немъ введено, а по кругу греческое оставлено».

²⁾ Diariusz Zabyostwa tyranskiego senatorow Moskiewskich w stolicu roku 1682. Рукопись Им. Публ. Библ. Стл. IV, Ф, № 8. Лѣтопись Русск. Литерат. 1:50—1860, лн. 6.

права матери безъ смягчающаго эти права материнскаго чувства. И это, какъ парочно, въ то время, когда проникли во дворецъ новые обычаи и взгляды; когда двери въ тереза царевнѣ растворились, и заключенницы увидали свѣтъ Божій; когда болѣе сильнымъ изъ нихъ представилась возможность пройти дальше за порогъ, расправить силы, поглядѣть, почитать и послушать прежде невиданное, печатанное и неслыханное, набраться новыхъ мыслей, познакомиться съ новыми чувствами. Стремленіе силы бываеъ соразмѣрно прежней сдержанности; отсюда легко понять стремленіе терезинныхъ затворницъ пріобрѣсти какъ можно больше простора для своей дѣятельности, для распривлеченія силъ. И тутъ-то вдругъ помѣха! Дѣло не въ томъ, что новая царица непремѣнно враждовала къ падчерницамъ, преслѣдовала ихъ, гнала назадъ въ терезы; для раздраженія и вражды довольно было одной правдивенной помѣхи, появленія лица, которое невольно становилось на дорогѣ, на дорогѣ къ влиянію на отца, къ вліянію на всѣхъ окружающахъ, необходимо обращающихся къ новому солнцу. Но оставимъ царевнѣ, и между ними богатѣйша-царевну, Софію Алексѣевну. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вѣдѣстье чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сближившимися, Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, — люди съ легкою правдивенностью, съ неразборчивостію средствъ. И вдругъ, вѣдѣстье новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своею родней, своими близкими людьми; Матвѣевъ хозяйничаетъ во дворцѣ. Столкновение интересовъ страшное и ненависть страшная.

Смертію царя Алексѣя и возмещеніемъ на престолѣ Оеодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой закончившейся ненависти царевнѣ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ насчетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя еслибы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло разсчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ вѣтвущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживуть отца, и Петръ будетъ наследникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоростипжно. О движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ; вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное Полякомъ, авторомъ любовнаго разказа о Стрѣльскомъ бунтѣ. „Когда первая

жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Артемона, а потомъ подверглись еще большому преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана изъ Смоленска¹⁾. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской Оеодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Артемонъ утаилъ смерть царя, подкунилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярямъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолѣ и уговаривалъ бояръ, чтобъ они признали его безпрекословно государемъ, потому что Оеодоръ опухъ, лежитъ больной, и плюха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патриарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Оеодора на царство и Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣднего. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ воль реветъ съ жалости по царѣ, и прямо къ патриарху: „Кого отецъ благословилъ на царство?“ — „Оеодора“, отвѣчаетъ патриархъ. Тогда Долгорукій съ боярями, не слушая увѣщаній Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся къ покоямъ Оеодора. подходить — двери заперты! Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Оеодора, потому что самъ идти не можетъ, — ноги распухли, — несутъ, сажаютъ на престолѣ, и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Артемонъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ“.

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненія безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться, — въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больнаго Оеодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Оеодоръ вступилъ на престолѣ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ; Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ носольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Оеодоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ единоутробныхъ²⁾; мачиха была удалена; противъ нея особенно кричала верховая боярыня Анна Петров-

¹⁾ Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6. Кириллъ Полухтовичъ Нарышкинъ, то русскій дворянинъ, былъ стрѣльцкимъ головою и въ известное время находился на службѣ въ Смоленскѣ, когда еще дочь жила при немъ. Поэтому наше извѣстіе называетъ его смоленскляжъ каштаномъ, а Шаколовитій послѣ говоритъ царицѣ Софіи о царицѣ Натальѣ: «Вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ запяяхъ ходила».

²⁾ Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6.

на Хитрово, пользовавшаяся большим значеніемъ, *постница*; крича противъ царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и противъ Матвѣева: раздѣлять ихъ было нельзя. Съ *постницею* заодно дѣйствовали и мужичны, не постники, но сильные люди, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на Матвѣева особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на Астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ заодно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ—дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово: Хитрово былъ самъ незнатнаго происхожденія, изъ городскихъ алексѣевскихъ дворянъ, и былъ выведенъ въ люди Морозовымъ¹⁾; но онъ былъ неохотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ; онъ былъ неохотникъ до Ордина-Нашокина, былъ неохотникъ и до Матвѣева, особенно когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его, Богдана, и племянника его, Александра Севастьяновича Хитрово по управленію Приказомъ Большаго Дворца, „которые (Хитрово) изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей повсеверенно вотчины свои всякими изобилии и заводы строили и наполняли, также и изъ всѣхъ, сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премоноженіемъ позощеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовались, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатели себя“²⁾. Главнымъ орудіемъ Милославскаго и Хитрово былъ окольничій Василій Семеновичъ Волынскій, — давній завистникъ Матвѣева: человекъ посредственныхъ способностей и малограмотный потогоншему, но крикуну умѣвшій подбиваться къ сильнымъ людямъ; говорить, будто онъ особенно сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что у жены его были отличныя мастерщи-швеня, и вся знать обращалась къ ней съ заказами.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человека оставить правительемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейское вино, поставленное пмъ ко Двору, и что на его требованіе прислали ему изъ Посольскаго Приказа фальшивый контрактъ на эту поставку³⁾. 500 рублей несли заплатить Гею и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ

переднюю и объявилъ ему: „Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурья воеводою“. Посольскій Приказъ былъ порученъ думному дьяку Лариону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почтовую ссылку; при нихъ былъ монахъ священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Лашевѣ Матвѣева осановили: пріѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Дужкинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей—Ивана Еврея и карду Захара;—Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Лашевѣ, какъ однажды разбудили его ночью,—пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковининъ и думный дьякъ Семеновъ: „Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей!“ Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковининъ и Семеновъ поѣхали на сѣзжей дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобъ пришелъ сейчасъ же; бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь разспрашивали его племянниковъ и людей о знаменатомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Костериусомъ и Стефаномъ Симономъ по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него дядки государевы, бояре, князь Федоръ Федоровичъ Куракинъ и Иванъ Богдановичъ Хитрово; послѣ же приема, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ, въ глазахъ государя. За Соковининымъ и Семеновымъ явился въ Лашевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ—отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: „Гдѣ имѣніе, давай сейчасъ!“ Матвѣевъ отвѣчалъ: „Въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ.—животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои, нажитые милостию Божіею и великихъ государей жалованіемъ, за посольскія службы и за мои работы ратныхъ, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажитые, а когда часть пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его, государска!“ Пріѣхалъ стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху, свинцу, напцырей, шапокъ, наручей. „Къ уніятію всякаго воровства былъ я починщикъ, а не къ начинанію“, отвѣчалъ Матвѣевъ. Затѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлцекій голо-

¹⁾ По благополучной тѣхъ времени матери его пришелъ, въ домъ боярина Морозова производителя его Богданова». Исторія о невинномъ заточеніи близкаго боярина А. С. Матвѣева, стр. 385

²⁾ Исторія о невинномъ заточеніи близкаго боярина А. С. Матвѣева, стр. 386.

³⁾ Датскія дѣла 1676 года въ Москов. Арх. Мш. Пя. Д.

ва, взявъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми и повелъ въ сѣзжую избу пѣшкомъ на pozorъ людямъ. Тутъ, въ сѣзжей избѣ, объявили ему ницы; онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Липшевѣ, что постлѣ пріема лѣкарства государемъ остатовъ вышпавалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы, князь Куркинъ и Хитрово, объявили, что никогда онъ не вышпавалъ остатковъ. Лѣкаръ Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человѣка его, карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побой; однажды онъ за сиуль за пещю въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу; во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ; Матвѣевъ вскопчилъ, и, найдя его за пещю, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, толталъ и выкинулъ изъ палаты за мертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводникомъ Грекомъ Снафари, запершись, читали черную книгу; Снафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дядьки Гороховъ крикнули: „Слушай! молчи, а не говори“. У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ страшномъ горѣ, среди лишейшей всякаго рода, Матвѣевъ отправилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патриарху и ближнимъ боярамъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ, опытный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе; не разсудилъ, что самая безмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду на оправданіе и облегченію участи, пока несовершеннѣйшій царь окруженъ Милославскими и Хитрово съ товарищами. „Я, холопъ твой“, писалъ Матвѣевъ государю, „хочу быть правъ размяюлька лѣкаря Давыдка и человѣка моего, карла Захарки. Передъ твоими боярами Захарка разспрашиванъ и пытанъ, и сказалъ, что въ то время какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Снафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за пещю уснулъ и захранилъ, и будто я, услыхавъ его храпѣніе, схватилъ его за волосы и толкнулъ черезъ порогъ; но онъ ничего не сказалъ съ пытки о приходѣ злыхъ духовъ. — Ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему, надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть, каковы ихъ образы и почему не знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что мы читали въ черной книгѣ, какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи, и чему меня и сынишку моего Снафарій училъ. У карла Захарки два ребра переломлены; но переломилъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которыми онъ игралъ, а не отъ моихъ побоевъ онъ

былъ боленъ. Злые духи сказали, что „есть у васъ въ комнатѣ третій человѣкъ“, т. е. Захарка: но самъ Захарка показалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Снафарій, и я не знаю, кто очелся! духи-ль проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырехъ человѣкъ считаютъ за три? Захарка сказалъ, что спалъ за пещю; а у меня въ той палаткѣ за пещю спать нельзя: двѣ стѣны у пещи свободны, третья пещю придѣлана къ самой палаткѣ и промежка нѣтъ, а четвертая стѣна — у той пещное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ: какъ слышему человѣку возможно слышать, кто что говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Снафарій меня не училъ не только-что богопротивному чему-нибудь, но и ничему; не до ученія было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ, а сынишка моего училъ по-гречески и по-латыни, литерамъ малой части. А книги я читалъ и строилъ въ домишкѣ своемъ ради душевныя пользы и которыми Богу не противны. А служу вамъ, великимъ государямъ, сдѣлалъ книги съ товарищами своими, и съ приказными людьми, и съ переводчиками, въ Цесарьскомъ Приказѣ, какія не бывали, и книгъ на свидѣтельство моей и ихъ работы въ Цесарьскомъ Приказѣ. Доносите на меня, будто я многія взятки бралъ и тѣсноту твоимъ людямъ чинилъ, покупалъ отчпны тѣснотой; но изъ городовъ и уѣздовъ, которые я вѣдалъ въ Приказахъ, никто тебѣ на меня челомъ не бивалъ и впередъ бить не будетъ; когда я вѣхалъ въ ссылку нѣкоторыми изъ этихъ городовъ, то кромѣ пріятства и подалія пища, какъ подаютъ убогимъ и разореннымъ, не слышалъ на себя никакого нареканія. Служилъ я дѣду твоему и отцу въ полковыхъ службахъ. Когда ратные люди пошли изъ-подъ Львова и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечутъ, и пришелъ холодъ и голодъ, солдаты, стрѣльцы и дворяне пушки и всякіе ратные принасы ложили на стени и разбѣжались, бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ, а меня оставилъ съ пометанными пушками и запасами на стени; и я, съ остальными людьми, впрягавъ самъ подъ пушки, все 59 цушекъ и съ запасами допроводилъ до Вѣлой Церквн и до Москвы. Какъ подъ Кононопомъ унадогъ училися важнымъ государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, окопъ, обозъ, образецъ и цуть строилъ я, холопъ твой, и отогнали въ Путивль въ цѣлости; а когда князь Алексѣй Никитичъ Трубенкой хотѣлъ идти въ черкасскіе города, и ратные люди, не хотя идти, учили бунтъ и привели его, боярина, за спанчу, то я съ стрѣльцами его отнял. Прежде взятія Астрахани писалъ я къ отцу твоему въ Троицкій походъ, чтобъ вора Стеньку Разина изъ Астрахани не отпускать для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море. Я съ цесарскими посланниками договоръ учпнилъ, чтобы васъ, великихъ государей, впередъ писать величествомъ, а не пресвѣтлѣйшествомъ; я съ польскими и швед-

скини послани договорился, чтобы они передъ вами не сидѣли въ шапкахъ и шляпахъ. Я, будучи въ Приказѣ, учинилъ прибыли великия, вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ; и изъ тѣхъ сборовавъ сдѣлалъ дворы каменные: посольскій, греческій, лавки. До моего сидѣнія въ Малороссійскомъ Приказѣ посылавали ратнымъ людямъ въ Кіевъ и иные города хлѣбныя запасы изъ Брянска въ судахъ, а тѣ суда дѣлывали тутъ же въ Брянскѣ, и четверть цѣною ставливалась въ Кіевѣ по 7 рублей и больше. А какъ я началъ посылать на деньги хлѣбъ, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала. За тѣми расходами, послѣ преставленія отца твоего, объявилъ я тебѣ 182,000 золотыхъ и ефимковъ и денегъ медныхъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, туда серебра въ заводѣ на денежносдѣло не бывало; я же завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрестанная прибыль была въ казну. И за всѣ мои службншкія пожалованья я былъ вашею государскою милостію, боярствомъ, отчинами, помѣстьями; я наживалъ вашею государскою милостію на службахъ полковныхъ, и въ посылкахъ, и въ посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ государскихъ дѣлъ будучи, и то все безъ вины отнято. Есть, великій государь, которые въ чужихъ домахъ живали и чужія платья нашивали, и чужой хлѣбъ ѣдали, и тѣ при дѣдѣ твоемъ и отцѣ столько же или и больше моего, у такихъ дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я возненавидѣвъ и оглашенъ многими деньгами, и золотыми, и животы; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей рухлядишкѣ тебѣ извѣстно: не таковы объявились, какъ объ нихъ донесено. Дано мнѣ изъ нажитковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, и то твое жалованье не вѣшь, на что издать, на пишу-ль себѣ, или червю своему бѣдному спротнѣвъ въ наслѣдіе? Кому повѣрено?—пьяному вору, датскому Нѣмчину, который, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго, черезъ лошада и черезъ сѣдло переклани или въ каретѣ, положе вверхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: „Пьяница! пьяница! шини на Кокуй!“¹⁾ Петру Марселлеу пьяный разрѣзалъ рюмкою горло, чаялъ оттого и скончался. Чего ради я съ нимъ не ставленъ и не допрошенъ? за что онъ, воръ, не возвращенъ съ пути? Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ разспрашивали и очныя ставки давали: а меня, боярина, безъ суда судили! Не ложно холопи твои у тебя, великаго государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: сеголоду страждемъ и не можемъ части мяса кушитъ; да не токмо мяса или кашачъ, сѣ-ей и хлѣба на двѣ деньги кушитъ не побудемъ; прожиточные люди здѣсь единъ борщъ ѣдятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной, а убогіе одинъ борщъ, да и тотъ не родится въ Пустозерскѣ, привозятъ съ Нжмы; бредутъ врознь гланда ради и остальные въ тотъ же путь смотрятъ“.

¹⁾ Кокуемъ называлась хѣстистъ, гдѣ была построена Нѣмецкая слобода.

Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патріарху, писалъ къ духовнику царскому, протопопу Никитѣ Васильевичу, къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову, князю Михайлѣ Юрьевичу Долгорукову, къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и къ князю Якову Никитичу Одоевскому; къ боярину Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшилъ даже обратиться съ этими просьбами и къ врагамъ своимъ, вшивникамъ своего несчастія,—къ Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвѣевичу Хитрову, клялся передъ Милославскимъ, что не онъ былъ причиною отравленія его на восседство Астраханское; въ письмѣ къ Хитрову рѣшился написать слѣдующее: „Еще сугубой милостію тебя прошу: попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобы она, видя мою невѣщность и слезы кровавыя и непрестанныя съ червежъ моимъ, и разореніе мое всеконечное, для возданія на небесахъ будущиѣхъ благи въ некончаемомъ царствіи, предстательствовала о мнѣ убогомъ у великаго государя съ тобою“. Не зная, что дѣлается при Дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ боярину Кириллу Полухотвичу Нарышкину, отпу царпны Натальи: просилъ, чтобы царца и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя; Матвѣевъ не зная, что царца не могла защитить и родного брата своего, Ивана Кирилловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкаръ Давыдъ Берловъ подалъ доносъ. Вслѣдствіе этого доноса, Нарышкина привели въ Кремль передъ Грановитую палату, стрѣльцы съ своимъ сотникомъ окружили его; вышелъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій съ думнымъ дьякомъ, который читалъ сказку: „Говорилъ ты, Иванъ, держальнику своему Иванку Орлу на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстахъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты-де орелъ старый, а молодой-де орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни царыни Натальи Кирилловны великую милость, и будешь выисканъ и отъ Бога тѣло, чего у тебя и на умѣ нѣтъ; и держальникъ твой, Иванка Орелъ, тебѣ говорилъ: убилъ бы, да нельзя, здѣсь тошокъ, а заборъ высокъ. Давыдка въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ, и клещами жегенъ многожды; и передъ государемъ и передъ патріархомъ, и передъ бояры, и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія-жъ рѣчи: какъ ты Иванку Орлу говорилъ, чтобы благочестиваго царя убилъ. И великій государь указалъ и бояре приговорили: за такія твои странная шны и воровство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертію казнить; и великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти, велѣлъ тебѣ дать животъ; и указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань, въ Ряскій городъ, и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего“²⁾. Братъ Ивановъ, Анастасій Нарышкинъ, также былъ сосланъ.

²⁾ Письмо къ князю Вас. Вас. Голицину отъ приказчика Боева, Временникъ Москов. Истор. Общ. № 7.

Въ то время, какъ Милославскій и Хитрово управлялись съ Матвѣевымъ и Нарышкиными, патриархъ Іоакимъ управлялся съ двумя духовными лицами, которыя въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ лишились своего защитника. Мы видѣли уже покушеніе Іоакима на духовника царскаго, Андрея Авинова, которого онъ обвинялъ въ безприветвенномъ поведеніи и въ неуваженіи къ нему, патриарху. Царь Алексѣй упросилъ патриарха простить духовника. Но въ самый день похоронъ царскихъ вражда между ними разгорѣлась въ высшей степени; патриархъ на отиѣваніи вложилъ въ руки покойника прощальную грамоту; духовникъ считалъ это своимъ правомъ и вышелъ изъ себя, — послѣ похороны пришелъ наверхъ, въ комнату, гдѣ собрало было все царское семейство, и началъ кричать: „Покойный государь прощенья не получалъ, патриархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2,000 человѣкъ войска, я пойду на патриарха и убью его, или оружіемъ, или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патриарха; если же не предадите смерти патриарха, то я васъ прокляну, а съ патриархомъ управлюсь самъ, я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобъ убить его“. Царь, царица и царевны „не соизволиша“ на это, говорить наивно официальной актъ. Они выдали патриарху расходившагося протопопа; Іоакимъ созвалъ Соборъ; 14 марта 1676 года произнесено было осужденіе. Кромѣ выхodka во дворѣ, показаны были еще слѣдующія вины: 1) Когда, по изволенію царскому, сей царскій іерей взятъ былъ на управленіе духовное царскаго дома, то онъ, самочиніемъ своимъ и неправильно, не востребовавъ архіерейскаго благословенія, восхитилъ самочинно духовную власть и называлъ себя протопопомъ безъ ставленной грамоты. 2) Выѣсто заступленія за несчастныхъ, многихъ мученія и казни исходатайствовалъ, обличаемый въ своихъ винахъ письмами отъ нѣкоторыхъ людей виравду, что съ замужною женщиною прелюбодѣйствовалъ. Лучше было ему въ томъ грѣхѣ каяться, а не обличителямъ пакости творить и мстить; многіе изъ-за него были замучены и посланы въ *оземствованіе*. 3) Пьянствовалъ съ заторными лицами, блудническими пѣснями услаждаясь, съ приложеніемъ различныхъ игръ и бряцаній. 4) Безъ благословенія нашего церковъ самъ собою воздвигъ; будучи подъ нашимъ патриаршескимъ запрещеніемъ и ни во что его вѣнчанія, обѣдно служилъ. 5) Вражду положилъ между царемъ и нами, патриархомъ, не хотя себя видѣть отъ насъ правильно обличаема; привелъ царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію. 6) Восхитилъ отъ живого мужа жену и нуждою ее въ супружество другому мужу отдать, и въ отиѣхъ своей священнику неволею приказалъ изъ вѣнчать, потомъ у второго мужа отнялъ ее, прелюбодѣйствовалъ съ нею, а перваго мужа безвинно въ дальнее *оземствованіе* послалъ, въ темницѣ въ оковахъ держать велѣлъ. —

Савиновъ былъ лишень священства и сосланъ въ Кожезерскій монастырь¹⁾.

Черезъ два мѣсяца по осужденіи духовника Андрея, Соборъ осудилъ на *исправленіе* стараго заточника, Никона, который, какъ видно, былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ осужденному духовнику. Съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя пріѣхалъ въ Оерантовы монастырь Федоръ Лопухинъ. Никонъ выслушалъ неожиданное извѣстіе въ сильномъ волненіи, слезы выступили у него на глазахъ; по жестокія слова показали, какое чувство сейчасъ же взяло верхъ: „Онъ будетъ судиться со мною въ страшное пришествіе Христова“, сказалъ Никонъ, и когда Лопухинъ началъ упрямствовать его дать покойному письменное прошеніе, то Никонъ отвѣчалъ: „Подражая учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я говорю: Богъ да проститъ покойнаго; но письменнаго прошенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія“. Никонъ не воображалъ, что если царь Алексѣй при жизни своей не вывелъ его изъ Оеранктона, то смерть царя приготовила ему еще большую бѣду, на которую впрочемъ онъ самъ направивался. 13 апрѣля приставъ Никона, кн. Шайсуновъ, далъ знать, что Никонъ требуетъ отпращенія въ Москву Игнатія Башковскаго и дворовой его жены Киликейки, зная за Башковскимъ великаго государя великое и страшное дѣло; въ челобитной, присланной Никонѣмъ по этому случаю, онъ подписался *патрiархомъ*. Этого уже было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ настоящаго патриарха; кромѣ того, Никонъ самъ послалъ на себя въ Москву доносочка, въ то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковскій расказалъ, что Никонъ лѣчилъ крестьянина Кириллова монастыря, и больной умеръ отъ его лѣкарства; что Никонъ изъ своей кельи стрѣляетъ изъ пищали и застрѣлил штицу баклана; что къ Никону пріѣзжаетъ много родственниковъ его изъ Курмыша. Въ это же время переѣзженъ былъ приставъ, князь Шайсуновъ; онъ также, пріѣхавъ въ Москву, перасказалъ много разныхъ вещей про Никона: разсказывалъ, что Никонъ ни въ чемъ его не слушалъ и никому слушать не велѣлъ; приказалъ себя называть и въ письмахъ писать св. патриархомъ; на озерѣ и по дорогѣ на крестахъ сдѣлалъ надписи: „Смирешный Никонъ, Божію милостію патриархъ, поставилъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за Св. Церковь“. Баклана подстрѣлил и велѣлъ у него крылья, голову и ноги отѣчь за то, что онъ поѣдалъ у него рыбу. На кого Никонъ осердился, тѣхъ людей стрѣляли и монастырскіе служки били палками и плетями; хвасталъ Шайсуновъ, что напередъ предсказалъ Родіону Стрѣшнему разореніе отъ Стеньки Разина; присланному

¹⁾ Соборное осужденіе духовника Андрея въ Синодал. Вибліотекѣ.

изъ Москвы Лопухину говорить, что у него въ Турціи живутъ свойственники четыре человѣка стрячихъ и деньги къ нимъ посланы; что Царегородскій патріархъ проклялъ патріарховъ, которые его, Никона, осудили, и называлъ патріарховъ ворами. По преставленіи царя Алексѣя во весь Великій постъ шлѣ до-пняна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно; по его же приказу старца Панфутія били на правезѣ цѣлую недѣлю въ Великій постъ: своими руками билъ служку Обросимова, который отъ этихъ побоевъ умеръ; старца Лаврентія били накали, а послѣ Никонъ его запоялъ виномъ, отчего тотъ и умеръ. Игуменъ съ братією и служки приходятъ къ Никону въ праздники, и онъ, сидя въ креслахъ, дасть пль цѣловатьъ руку; сдѣлалъ у себя приказъ и губу. Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для дѣченія, и Никонъ ее запоялъ до-пняна, отчего она умерла.

Новый пріетавъ, Адауровъ, какъ пріѣхалъ въ монастырь, такъ написалъ въ Москву, что Никонъ живетъ вовсе не заточникомъ: построено у него 25 келій, изъ нихъ подѣланы сходы и входы и окна большія въ монастырь и за монастырь, и живутъ въ этихъ кельяхъ всякихъ чиновъ люди человѣкъ съ десять.

Явился новый доносчикъ, самый близкій человѣкъ, Никоновъ келейникъ, старецъ Іона. Онъ объявилъ, что Никонъ въ церковь ходитъ мало, за государя и патріарха Бога не молить, и священникамъ, которые живутъ у него, молить запрещаетъ; когда бываетъ въ церкви, никого не пускаетъ, причащается въ алтарь у престола съ служащими попомъ вмѣстѣ; отъа духовнаго не имѣетъ четвертый годъ, на ектеніяхъ поминаетъ себя патріархомъ Московскимъ; государеву жалованье, присланное къ нему, ни во что ставитъ, ногами топчетъ и всякими неистовыми словами великаго государя злословитъ⁴⁾, и т. д.

⁴⁾ Іона доносилъ еще слѣдующее: «Онъ же (Никонъ) говорилъ, что надобно освященнымъ масломъ все уди помазывать, и въ тайный удъ, гдѣ живогорящимъ крестомъ не загражено и масломъ и не помазано, бѣсъ вселяется. Онъ же дѣлалъ мужскъ поалъ и женскъ въ крестовой сѣбѣ, и молитвы надъ ними говорить и масломъ помазуетъ. Къ нему приходятъ жени и дѣвки будто для дѣкарства, а онъ съ ними сидитъ одинъ - на - одинъ и обмываетъ ихъ донага, будто для осмотра большихъ язвъ. Дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерьми и стовариваетъ ихъ замужъ у себя въ кельѣ, а послѣ вѣнчанія приходятъ къ нему въ келью, а онъ ихъ записываетъ до-пняна и сидитъ у него до полуночи. Женку брюхатую служкою жену выдалъ замужъ въ неволю, а женихъ на ней не хотѣлъ жениться, а онъ того жениха билъ плетью и жепилъ въ неволю. Келейникъ Никита Микитинъ приводилъ къ нему жену свою ночью. Дьячекъ Неаковъ подводилъ женку ночью. Служка Исаевъ выдѣлъ Никона съ женой въ тайномъ мѣстѣ. Въ праздники дѣлаетъ ири частые на слободскихъ женокъ и поитъ ихъ до-пняна и въ слободу отвозитъ ихъ на монастырскихъ подводахъ замертво. Постригъ Козлову дѣвку Мароутку Вилянну и вкладъ за нея далъ. Дѣлалъ и молодыхъ женкамъ даетъ милостыню большую алтынъ во 20 человѣку, а старымъ

На основаніи этихъ доносовъ, Іоакимъ съ Собо-ромъ приговорили *исправить* Никона, и великій государь отправилъ въ Оранонтовъ монастырь думнаго дворянина Желябужскаго да архимандрита Павла, съ приказомъ — перевести Никона въ Кирилловъ монастырь; жить у него въ кельѣ двоимъ искуснымъ добрымъ старцамъ, подобающую ему честь воздавать, а другихъ иноковъ и мірянъ не пускать, чернилъ и бумаги не давать, никакого приношенія къ нему не принимать. 16-го мая 1676 года посланные получили наказъ, въ іюніи пріѣхали въ Оранонтовъ монастырь, и послѣ обѣдни, прочли Никону указъ и вины. Никонъ слушалъ указъ со смиреніемъ, безъ всякаго прекословія; обвиненія—одни отвергъ, другія объяснилъ напиримѣръ: „Ивашка Кривоzubъ, который на меня извѣщалъ, за его ворновство, по сыску, билъ я съ игуменомъ и священникомъ вмѣстѣ; неволю я никому не приказывалъ цѣловатьъ себя въ руку, а которые люди ко мнѣ приходили, и я имъ руку цѣловатьъ давалъ. Губы я у себя не заводилъ, а сыскивали мы съ игуменомъ вмѣстѣ про Ивашку Кривоzubъ. Кельи строены по указу царя Алексѣя Михайловича; за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ вечною Бога молю, а за Іоакима патріарха не молю, потому что писалъ Вологодскій архіепископъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, да потому, что отъ него, Іоакима, всякое зло учинилось и нынѣ меня губить, а попомъ я за патріарха Іоакима Бога молить не заказываю. Съ служащими священникомъ Варлаамомъ причащался я у престола въ алтарь, а у отца духовнаго не бывалъ года съ три, потому что отецъ мой духовный, Кирилловскій архимандритъ, ко мнѣ не ѣздитъ; на ектеніяхъ священники и дьяконы какъ хотятъ, такъ меня и поминуютъ, а я имъ не заказывалъ; Московскимъ патріархомъ я себя называть не веливалъ и никого къ этому не принуждалъ; которые присыльщики пріѣзжали отъ царя Алексѣя, и они называли меня великимъ святымъ отцомъ. При князѣ Шайсуповѣ за дѣкарствомъ ко мнѣ хаживали, и князь ко мнѣ ходитъ всякимъ людямъ не запрещалъ, а только бы отъ него заказъ былъ, и я бы къ себѣ никого не пускалъ; а какъ Адауровъ пріѣхалъ и не велѣлъ ко мнѣ никого пускать,—и я никому къ себѣ ходить не велѣлъ“.

Желябужскій и Павелъ говорили Никону въ соборной церкви великими мѣбрами, чтобы за св. патріарха Бога молить и никакихъ непристойныхъ словъ не испускалъ; но Никонъ, идя изъ церкви, говорилъ: „Стану Бога молить за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ, а за Московскаго Бога молить и патріархомъ его называть не стану“. Въ этотъ же день его перевезли въ Кирилловъ монастырь. Это перемѣщеніе во враждеб-

по деньгъ: жени и дѣвки приходятъ къ нему безвременно и по ночамъ у него сидятъ».

ный монастырь, гдѣ онъ уже не могъ такъ хозяйничать, какъ хозяйничалъ послѣднее время въ Оеранонтовѣ, заставило Никона переимѣнить тонъ; его пелугало также извѣстие, что двоихъ самыхъ близкихъ и вѣрныхъ ему людей, священника Варлаама и дьякона Мардарія, возьмутъ отъ него и сошлютъ въ Крестный монастырь. Когда архимандритъ Павелъ пришелъ къ нему предъ отъѣздомъ и сталъ опять уговаривать молиться за патриарха, то Никонъ отвѣчалъ: „Чтобъ св. патриархъ былъ ко мнѣ милостивъ, и не велѣлъ меня здѣсь напрасно смертию отъ тѣсноты поморить, а я за него Бога молить и патриархомъ называть стану; когда я при царѣ Алексѣѣ у допросу объ отходѣ своемъ въ Воскресенскій монастырь былъ, въ то время государю говорилъ, что за смиреніе въ патриархахъ быть можно ему, Іоакиму“. Со слезами просилъ Никонъ Навла быть челомъ государю и патриарху, чтобъ не велѣлъ отсылать въ Крестный монастырь Варлаама и Мардарія, а приказали имъ непрежнемъ жить у него, потому что они къ нему привыклились, а онъ къ нимъ“. Эти Варлаамъ и Мардарій въ допросѣ объявили, что у Никона ничего дурного не было, но Мардарій проговорился: „Я возилъ“, сказалъ онъ, „отписки и челобитныя къ великому государю отъ Никона въ Москву и подавалъ духовнику и дьяку тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю; къ духовнику возилъ я отъ Никона всякія посудуды деревянные, братины, стаканы, ложки и рыбу отвозилъ, а Полянскому возилъ одну рыбу“. Понятно, что извѣстіе о посредничествѣ ненавистнаго Савинова между Никонемъ и царемъ не могло очень склонить Іоакима на милость къ Никону¹⁾.

Савиновъ былъ посланъ въ Кожеезерскій монастырь, Никонъ переведенъ въ Кирилловъ; по царскій учитель, Симеонъ Полоцкій, былъ сильнѣе прежняго, и печаталъ свои проновѣдїи безъ благословенія св. патриарха; кромѣ близкихъ отношеній къ царю, Іоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкаго и потому, что онъ не подавалъ повода къ такимъ обвиненіямъ, на основаніи которыхъ можно было осудить Савинова.

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто была самые вліятельные, самые близкіе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскій, бояринъ Иванъ Богдановичъ, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичъ былъ самый энергичскій изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставало только на питрйгу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращеніи изъ Казани, Иванъ Богдановичъ, какъ говорятъ, схватился за все дѣла, но сейчасъ же пошелъ на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодого царя, у котораго уже было двое любимъ-

цевъ — первый постельничій Иванъ Максимовичъ Изыковъ, другой — комнатный стольникъ Алексѣй Тимошевичъ Лихачевъ, бывшій учителемъ паревича Алексѣя Алексѣевича. Приближеніе Изыкова объясняется легко изъ самой должности его; та же должность дала значеніе Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртщеву — при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстие, что двое старыхъ бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Изыкова и Лихачева перевѣшивать вліяніе Милославскаго. О Изыковѣ сохранились отзывы, какъ о чрезвычайномъ ловкомъ придворномъ: его называютъ „человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскимъ прежде *площаднымъ*“²⁾, потомъ же дворскихъ обхожденій проицкателемъ“. Лихачева называютъ „человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія“; такой же отзывъ вѣтѣраемъ и о братѣ его, Михайлѣ Тимошевичѣ. Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя. Молодая царца можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевицы — тетокъ и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскія, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ. Разсказываютъ, что, идя однажды въ крестномъ ходу, Феодоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Изыкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живящая у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впередъ до указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Изыкова и Лихачева, и сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Изыковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюль 1680 года, а Милославскому запретилъ являться ко Двору, и хотя молодая царца, по великодушію своему, выпросила ему прощеніе, однако онъ потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе. Изыковъ съ 1678 года назывался постельничимъ *душимымъ*; въ 1680 государь пожаловалъ его изъ постельничихъ душныхъ въ окольничіе и указалъ быть ему въ оружейничихъ; въ тотъ же день, на мѣсто Изыкова, въ постельничіе пожалованъ былъ Лихачевъ³⁾. Въ концѣ царствованія

²⁾ Здѣсь разумѣется площадь или площадка на крыльцѣ, гдѣ собирались молодые придворные, см. выше 1-ю главу.

³⁾ Дворцовые разряды, IV, 55, 174. О Изыковѣ и Лихачевыхъ см. Петрію о шевинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 407, и приведенную выше записку Татищева, гдѣ говорится: «Главными бояре, Долгорукій и Хитрово, разсудили, что имъ у царя Феодора въ такой милости уже для ихъ старости удержаться было не весьма удобно; иначе же вѣдалъ, что Иванъ Милославскій въ томъ можетъ имъ великія обиды нанести, положили, чтобъ онаго Милославскаго къ Казани взять и все правленіи на него положить, а самимъ остаться у малыхъ дѣлъ; но дабы они притомъ вовсе иботорая способости изъ руки не выпускали, того ради, вѣдалъ, они думнаго дворянина Ивана Изыкова,

¹⁾ Источники о Никонскомъ дѣлѣ указаны мною въ XI томѣ.

Языковъ былъ пожалованъ въ бояре. Такимъ образомъ, самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые, — Языковъ и Лихачевъ. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліаніемъ на дѣла, видимъ человѣка одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодого по лѣтамъ, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слышавшаго *столпомъ* въ Смутное время. Безспорно, что Голицынь былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени; къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ. Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Теодора Алексѣевича, царя очень молодого и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумеется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждого изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

Теодоръ наследовалъ отъ отца три трудныя задачи вышней политики: окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, отклоненіе притязаній Польши на буквально исполненіе Адрюсовскихъ статей и войну Турецкую.

Еще при жизни царя Алексѣя, въ январѣ 1676 года, Дорошенко далъ знать князю Ромодановскому, что онъ уже прислалъ великому государю предъ Запорожскимъ кошевымъ и Донскими казаками, и въ другой разъ не только передъ боярскими и гетманомъ, и передъ самимъ царскимъ величествомъ присягать не станетъ. Въ Москву ѣхать ему теперь никакъ нельзя, потому что ежечасно ожидается прихода подлѣ Чигиринъ неприятелей, Турокъ и Татаръ, озлобленныхъ на него за присягу великому государю. Булавы онъ не пошлетъ, потому что булаву дали ему войскомъ, — войскомъ пусть и возьмутъ; гдѣ булава — тутъ и голова; изъ давнихъ лѣтъ Чигиринъ при булавѣ, и безъ гетмана въ Чигиринѣ по сіе время не бывало. Въ государевой грамотѣ написано, что жить ему съ родственниками гдѣ захочетъ; но онъ хочетъ жить тамъ, гдѣ родился и выросъ, т. е. въ Чигиринѣ. Потомъ Дорошенко понизилъ тонъ и сталъ тре-

бовать, чтобъ государь прислалъ къ нему какую-нибудь знатную особу, при которой онъ и присягнетъ вторично; въ Чигиринѣ разсказывали, что когда митрополитъ Иосифъ Тукальскій лежалъ при смерти, то Дорошенко навѣщалъ его безпрестанно; и умирающій заклиналъ его именемъ Божиимъ, чтобъ отсталъ отъ Турецкаго султана и билъ челомъ въ подданство великому государю; если же этого не сдѣлаетъ, то пропадетъ. Дорошенко за это осердился на Иосифа и не ходилъ къ нему до самой смерти.

Новый государь въ мартѣмѣсяцѣ отправилъ въ Чигиринъ стольника Деремонтова съ грамотою къ Дорошенку. Но стольникъ скоро возвратился и объявилъ, что гетманъ Самойловичъ не пустилъ его изъ Ватурина въ Чигиринъ. Для объясненія своего поступка, Самойловичъ писалъ государю, что Дорошенко вовсе не думаетъ исполнять требованій, заявленныхъ покойнымъ царемъ, лукавитъ попрежнему; притомъ послышка Деремонтова показываетъ, что государь переѣхалъ прежніе рѣшенія, потому что указомъ царя Алексѣя всѣ переговоры съ Дорошенкомъ поручены боярину князю Гр. Гр. Ромодановскому и ему, гетману. Наконецъ Самойловичъ писалъ, что великій государь пожаловалъ, послалъ къ Дорошенку обнадеживальную грамоту безъ *вѣща* (не „Петру Дорошесвичу“, какъ обыкновенно писалось) и безъ упоминенія при немъ старинныя, а къ чигиринскому послельству послалъ бы особую жалованную и обнадеживальную грамоту, съ приказомъ не называть Дорошенка гетманомъ, ни въ чейхъ ему не вѣрять, а быть въ послушаніи у него, гетмана Ивана Самойловича. Государь отвѣчалъ, что онъ не переѣмляетъ прежнихъ указовъ отца своего, и отпускъ Деремонтова положенъ на разсмотрѣніе князя Ромодановскаго и его, гетмана, какъ ихъ Господь Богъ вразумитъ. Ромодановскій рѣшилъ, что не для чего удерживать тестя Дорошенкова, Янепка Хмельницкаго, и отпустилъ его въ Чигиринъ съ адъютантомъ рейтарскаго строя, Горяиновымъ. Во время обѣда при Горяиновѣ, Дорошенко, наливъ вина, говорилъ: „Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!“ — „Не отдадимъ булавы никогда“, говорили начальные люди; „а если поповичъ (Самойловичъ) станетъ ее у насъ насильно отнимать, то мы будемъ за нее биться“. — „Богъ судья гетману Ивану Самойловичу“, продолжалъ Дорошенко: „городъ Чигиринъ всему Малороссійскому краю отъ бусурыманъ не малая защита; надобно бы ему въ Чигиринѣ клейнотъ прибавить, а отъ и послѣдній отнимается, и хлѣба къ намъ привозить на продажу заказалъ, а пишетъ ко мнѣ такъ, какъ я и къ хлопцу своему не пишу“. За столомъ сидѣли Запорожцы, шесть человѣкъ, присланные за тѣмъ, чтобъ Дорошенко съ клейнотами и булавою ѣхалъ къ нимъ на конгъ. Подивши, Дорошенко обратился къ нимъ: „Не выдайте вы меня, какъ Донцы Стеньку Разина выдали; пусть Донцы выде-

человѣка великой остроты, такожъ Алексѣя Лихачева, бывшаго у царевича Алексѣя Алексѣевича учителя, человѣка доброй совѣсти, твердо государю выхавая, въ милость ввелъ. Иванъ Милославскій еще при царѣ Алексѣѣ отъ дяди своего Илья Данилыча въ непристойныхъ поступкахъ прихваченъ и едва отъ тѣхъ-каго наказанія милостію царицы Марьи Ильиничны избавленъ, но по смерти ея вмѣсто ссылки въ Казань посланъ въ войводство, за что на Матѣева и Нарышкинскихъ великую злобу имѣлъ». (Не знаемъ, не переѣхалъ ли здѣсь Татищевъ Милославскихъ — Ивана Богдановича съ Иваномъ Михайловичемъ?)

ють, а вы не выдавайте.“ — „Не выдадим!“ отвѣчали Запорожцы.

Между тѣмъ Самойловичъ дѣйствовалъ, чтобы ускорить развязку тяжелаго для него дѣла: онъ двинулъ къ Днѣпру войско съ семью полковниками; изъ нихъ Черниговскій — Василій Бурковскій — переправился за Днѣпръ съ выборными отъ всѣхъ полковъ людьми и, 18 марта, приблизился къ Чигирину. Дорошенко вышелъ изъ города, окруженный своею пѣхотою, и послалъ спросить: За чѣмъ пришли и почему указу? — „Государь требуетъ и все войско тебѣ увѣщаетъ: принеси присягу и сложи начальство“, отвѣчалъ Бурковскій. Выслушавъ отвѣтъ, Дорошенко поворотилъ въ городъ, а полковнику послалъ сказать, что никакого дѣла не можетъ начаться безъ согласія всего войска Запороженскаго низоваго. Потомъ Дорошенко прислалъ Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: „Гетману войска Запороженскаго, но не обѣихъ сторонъ Днѣпра“. „Не только теперь, писалъ Дорошенко, послѣ присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленнымъ и единоутробнымъ (отъ одной матери Украйны) братомъ и приятелемъ вашей милости, но и прежде, когда за грѣхи мы были разрознены, я всегда оказывалъ любовь и дружбу вашей сторонѣ, тайно заслыша и остерегалъ насчетъ приближенія неприятелей. И въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, получивъ предостереженіе изъ коша насчетъ турецкаго и татарскихъ замысловъ, я увѣдомилъ о нихъ боярина и вашу милость, вельдствие чего вы и двинули полковника Черниговскаго и другихъ на защиту нашему углу и той сторонѣ. Благодарю за помощь бѣдному нашему углуку и желаю присланному войску победы надъ общими неприятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско навстрѣчу неприятелю, а между тѣмъ, мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пѣхотные полки, обѣщая имъ хлѣбъ и довольство, а городовымъ жителямъ мирное и безобидное пребываніе подъ чужими забралами. Неужели это защита — войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребываніе — чужіе углы портить? Вы подвинули войска свои къ Днѣпру, какъ видите, для того, чтобы намъ надежнѣе было, покинувъ городъ, дома, жепъ и дѣтей, переѣхать съ клейнотами войсковыми и старшиною къ намъ для принесенія присяги новому государю и сложенія регимента. И прежде писалъ я о причинахъ, почему не могу ѣхать, и теперь (такъ какъ вижу, что ваша милость больше всего хлопочетъ о клейнотахъ) напоминаю: ѣхать мнѣ не только къ вамъ, но и въ столицу, какъ человѣку ни въ чемъ невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, поѣхрешные мнѣ не одинъ разъ въ продолженіи десяти лѣтъ всѣмъ войскомъ, безъ собранія этого войска — городского и низоваго — это было бы съ моей стороны слишкомъ сдѣло: какой бы я благодарности за это дослужился, какой на будущее время славы и чести дому своему добылъ? Разсудилъ

самъ высокимъ своимъ разумомъ, и оставъ это дѣло. Имѣетъ ваша милость, благодатию Божіею отъ его царскаго величества полный свой региментъ; никто вашей милости не завидуетъ, не мѣшаетъ. Ищите, что если не послушаю вашего совѣта и не поѣду къ вамъ, то полковнику Черниговскому велѣно промышлять противъ насъ съ войскомъ: очень хорошо для временной чести и прихоти начинатъ междоусобіе! Благодарю ли насъ за это Богъ; не будетъ ли неприятель надъ нами смѣяться; не будемъ ли за это осуждены? Довольно намъ отвѣчать и за прехнюю кровь невинную, за неволю, въ которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преусиѣваемъ! Я, при моей невинности, никому зла не желаю, и всякому прошенію отвѣтъ давать готовъ“. Одинъ изъ Дорошенковыхъ полковниковъ, Петриковскій, слѣхавшись съ Бурковскимъ, говорилъ ему: „Ради Бога, не вѣрьте Дорошенку, — онъ все обманываетъ, за ордою въ Крымъ давно послалъ и надеженъ во всемъ на прехнее постановленіе съ Сѣркомъ и Запорожцами“.

Самойловичъ долженъ былъ ограничиться однѣми угрозами, потому что къ нему пришелъ царскій указъ: обнадѣживать Дорошенка царскою милостию, перезывать его великими мѣрами на эту сторону, но задоромъ съ нимъ не дѣлать, если съ его стороны не окажется ничего противнаго. Велѣдствие этого, Бурковскій съ товарищами, по указу гетманскому, отомель отъ Чигирина и распустилъ войска по домамъ. Съ другой стороны, безпокоилъ Самойловича Сѣрко: „Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, писалъ кошевой гетману, однако если ты и впередъ не будешь насъ допускать къ милости царской, то вредно это будетъ одному тебѣ. Много уже тершимъ!“ Сѣрко досадовалъ на Самойловича, что тотъ не присылаетъ въ Сѣчь клейнотовъ, которые взялъ у Хаченка, не пропускаетъ хлѣбныхъ запасовъ на Запорожье, Запорожцевъ изъ городовъ велѣлъ выбивать, царскаго жалованья, Переволоченскаго переноса и мѣстечка Керберды не далъ, не позволилъ стаду запороженскому зимовать въ Полтавскомъ полку. Посланецъ гетманскій слышалъ, какъ на радѣ черни запороженскаго кричала про гетмана всякія позорныя слова; а на другой день пнянній Сѣрко призвалъ посланца къ себѣ, ухватилъ его за грудь, просилъ сабли и кричалъ: „Знаешь ли, какъ я тебѣ голову отсѣку! Узнаетъ гетманъ, какъ я найду отъ Стародуба, а тамъ ихъ ужъ стапугъ и бить. Присягалъ я великому государю царю въ службѣ, только дѣдичнаго государя Польскаго короля не оставлю. Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожье и войску поклонится, то пусть будетъ гетманомъ; а если къ намъ не придетъ, а придетъ къ намъ Дорошенко, то гетманомъ будетъ Дорошенко“. Въ Москвѣ уже сдѣланъ былъ выборъ между постояннымъ до сихъ поръ гетманомъ и издавна шаткимъ коневымъ: всѣ дѣла по жалобамъ Сѣрка отданы были на раз-

смотрѣніе гетмана, только вѣдно ему было условно не задерживать хлѣбныхъ запасовъ, идущихъ въ Сѣчь, чтобъ не отлучить Запорожцевъ отъ царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко собирается уйти на Запорожье; но онъ хотѣлъ сдержать свое слово—оставаться тамъ, гдѣ родился и воспитанъ былъ, сидѣлъ въ Чигиринѣ, и Самойловичъ по-прежнему посылалъ въ Москву извѣстія о его поведеніи: „Не только къ пашамъ, но къ самому султану и хану знатныхъ людей посылаетъ, также и къ Полякамъ. А что сажакки турецкіе къ вашему царскому величеству посылать,—на это надѣяться нечего: у него давно такой обычай, ко вѣбъ монархамъ, особенно къ христіанскимъ, на словахъ склоняется, но на дѣлѣ никому не хочетъ быть вѣренъ, кромѣ Турскаго; самъ султанъ ему позволяетъ отослать сажакки въ случаѣ нужды, если какой-нибудь христіанскій государь будетъ сильно на него наступать. На эту сторону онъ никогда не перѣбѣдетъ и старшинства съ себя не сложитъ,—того у него и въ помысленіи не было, нѣтъ и не будетъ. Все посылать къ нему объ этомъ грамоты для насть съ боярщиною безчестно, потому что онъ изъ этого смѣхъ строятъ и между малороссійскимъ народомъ разныя вѣбаетъ небывалыя слова“. Самойловичъ просилъ указа идти на Дорошенка, пока не пришли къ нему Турки и Татары на помощь.

Гетманъ не могъ уладиться съ Дорошенкою и Сѣркою, архіепископъ Лазарь Барановичъ соорился съ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ. Дѣло пошло изъ-за того, что протопопъ владѣлъ многими маестностями, архіепископія же Черниговская маестностями была скудна. „Архіепископія“, говорилъ Барановичъ, „больше нужно доходовъ на украшеніе церквей, на монастыри и на другія потребности, нежели протопопу только на домовое его строеніе. Я недавно двѣ архимандріи, Черниговскую и Новгородскую, воскресилъ“. Гетманъ и старшина согласились съ мнѣніемъ архіепископа, и протопопу дали знать, что села его и деревня съ мельницами отписаны на архіепископа. Адамовичъ—въ Москву, съ жалобою, что архіепископъ насильно завладѣлъ его маестностями. Барановичъ, узнавши о жалобѣ, велѣлъ нарядить судъ надъ Адамовичемъ изъ архимандрита и протопоповъ; но Адамовичъ не заблагоразсудилъ явиться на этотъ судъ и уѣхалъ въ Москву. Барановичъ съ просьбою къ государю: „Аще бы смѣлъ законы ложныя разсвѣтати клеветы, смиренно молю валеого царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ ложнымъ его клеветамъ вѣра не была дана, но паче да заградятся уста глаголющаго неправду, дабы та дерзость его совершенное воспріяла непохваленіе“. Гетманъ также прислалъ грамоту, заступаясь за архіепископа, объясняя, что онъ, гетманъ, имѣлъ право, по совѣту съ старшиною, отнять маестности у протопопа и отдать архіерею, потому что послѣднему больше нужно доходовъ. Въ Москвѣ, въ Малорос-

сійскомъ Приказѣ, дѣло кончилось тѣмъ, что Адамовичъ отказался отъ спорныхъ маестностей, а государь послалъ грамоту Барановичу, излагая дѣло такъ, что протопопъ билъ ему, государю, челомъ съ слезнымъ прошеніемъ, что онъ своего пастыря прогнѣвалъ и повелѣнія его, страха ради, не исполнилъ безъ хитрости; государь просилъ архіепископа, чтобъ онъ для милосердія Божія и для государственной милости отдалъ протопопу его безхитростную вину и велѣлъ ему жить попрежнему въ своей паствѣ.

Улаживалось одно дѣло,—начиналось другое. 4-го августа явился въ Малороссійскій Приказъ Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и подалъ жалобу: „Послѣ Велика Дня прислалъ ко мнѣ въ Стародубскій полкъ гетманъ Иванъ Самойловичъ Задѣйровскихъ казаковъ, которые перенесли на его сторону Диѣвира, пятьсотъ человекъ. Я ихъ разбѣстилъ по селамъ и деревнямъ, велѣлъ поить и кормить и съ лошадыми, и давать денегъ—сотникамъ по пяти рублей въ недѣлю, атаманамъ по девяти алтынь, рядовымъ по двѣ гривны, да по двѣ кварты вина, да по квартѣ масла. Но казаки, не довольствуясь этимъ, стали собирать самовольствомъ съ жителей деньги и кормы. Потому 9-го іюля прислалъ изъ Чернигова владыка грамоту съ запрещеніемъ, чтобъ священники въ церквахъ не служили и никакихъ требъ не исправляли: за твое государское здоровье молитвъ нѣтъ, много людей безъ покаянія померли, младенцы не крещены, роженицы лежатъ безъ молитвъ! Гетманскіе посланцы собираютъ поборы не въ мѣру, уѣздныхъ людей и казаковъ разоряютъ, и меня скидываютъ съ полковничества“. Рославецъ просилъ, чтобъ Стародубскій полкъ отошелъ подъ непосредственную власть государя, подъ начальство князя Гр. Гр. Ромодановскаго, подобно полкамъ Сузскому, Рыбенскому, Ахтырскому и Харьковскому, потому что города: Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Погаръ и Мглинь вотчина государева, бывали московскимъ городами. Наконецъ Рославецъ просилъ, чтобъ церкви въ Стародубскомъ полку вѣдалъ Московскій патриархъ.

Въ тотъ же день, 4-го августа, пришло письмо по почтѣ отъ гетмана: Самойловичъ доносилъ, что Рославецъ склонялъ Стародубскихъ полчанъ отложиться отъ гетманскаго регимента; тѣ дали знать объ этомъ гетману и просили, чтобъ позволилъ имъ выбрать другого полковника; гетманъ дать позволеніе, а Рославецъ уѣбжалъ въ Москву. Полковнику сдѣлали выговоръ отъ имени царскаго, что онъ учинилъ противно войсковому праву, не оказавши должнаго послушанія гетману, и поѣхалъ въ Москву безъ его вѣдома: надобно было ему другихъ отъ свособольства унимать, а онъ самъ свособольничаетъ! Для разъясненія дѣла, въ Малороссію отправился стольникъ Алтазовъ, которому наказано: говорить съ гетманомъ многими пространными разговорами, примѣняясь, что можно, чтобъ ему было не въ оскорбленіе; приводить, чтобъ

между ними злоба не выростала, и привести гетмана къ склонности, общая, что полковникъ окажется ему должное послушанье. Смотрѣть, чтобъ и старшинѣ было не въ досаду; говорить, усматривая ихъ намѣренія, какъ они о томъ стануть мыслить. Провѣдывать обо всемъ тайно, чтобъ то дѣло между ними и всѣмъ войскомъ успокоить. и злобѣ въ даль распространяться не дать.

Только-что Алмазовъ промолвилъ о мировой, гетманъ отвѣчалъ: „Хотя бы Рославецъ въ чемъ-нибудь мнѣ и больше досадила, то я бы ему простилъ; но этого дѣла никакъ такъ оставить нельзя, потому что Рославецъ говорить, будго къ нынѣшнему его дѣлу много совѣтниковъ; будго меня, гетмана, на этой сторонѣ не любятъ; такъ пусть его судить старшина по войсковымъ правамъ, пусть онъ совѣтникомъ своихъ укажетъ, кто меня не любить. Не только у насъ въ малороссійскихъ городахъ плуты и сивоольные люди есть, но и въ великороссійскихъ городахъ, и въ иныхъ странахъ: гдѣ и подъ страхомъ живуть, — и тамъ безъ платы не бываетъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ вольность; если бы государской милости ко мнѣ не было, то у нихъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ“. Возвратясь въ Москву, Алмазовъ донесъ, что всѣ начальные люди бранятъ Рославца, а про гетмана никакихъ словъ дурныхъ не говорятъ. Архіепископъ запретилъ стародубскому духовенству служить за то, что Рославецъ прибилъ одного священника. Наконецъ Самойловичъ далъ знать въ Москву, что Рославецъ затѣялъ дѣло по совѣту протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отравили въ Ватурино; онъ повезъ Рославца на войсковой судъ; но въ грамотѣ своей къ гетману царь писалъ, чтобъ онъ простилъ преступника, который раскапывается.

Между тѣмъ всю весну и лѣто ходили слухи, что султаны собираются подъ Кіевъ; для подкрѣпленія Ромодановскаго и Самойловича двинулся въ Путивль бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Ромодановскій и Самойловичъ получили указъ давать отпоръ неприятели; если же Турки и Татары подъ Кіевъ и на восточную сторону не придуть, то идти къ Дибирю и за Дибирь, промышлять надъ Чигиринимъ и Дорошенкомъ, примѣняясь къ прежнимъ указамъ царя Алексѣя Михайловича и смотря по тамошнему дѣлу. О Туркахъ не было слышно, и Ромодановскій съ Самойловичемъ двинулись къ Дибирю. Неходя ста верстъ до рѣки, они отправили впередъ стольника Григорія Косогова съ 15,000 московскаго войска и бунчужнаго Леонтья Полуботка — съ четырьмя полками. Увидавъ царское войско, прибрежныя мѣста, завѣшныя отъ Чигирина, начали поддаваться. Косоговъ съ Полуботкомъ, подошедши подъ Чигиринъ, схватились съ тамошними казаками; но послѣ бою начались переговоры; Косоговъ послалъ къ Дорошенку уважительную государеву грамоту. На этотъ разъ Дорошенку ничего больше не оставалось, какъ исполнить царскія требованія. Священники съ крестами,

старшина и чигиринскіе жители явились въ обозъ къ осаждающимъ на рѣчку Янычару, въ трехъ верстахъ отъ города, и принесли присягу. Дорошенко отправилъ своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича къ Ромодановскому и Самойловичу съ просьбою, чтобъ прежнія общанія, ему данная насчетъ сохранения здоровья и имущества, были исполнены, и, когда воевода и гетманъ увѣрили его въ этомъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ въ сопровожденіи 2,000 человекъ и положилъ предъ ними клеймоты — булаву, знамя и бунчукъ. Чигиринъ „великому государю и всей Украинѣ надобный городъ“, чтобы занять царскими войсками. пополамъ московскими и малороссійскими.

Съ торжествомъ возвращался Самойловичъ отъ Дибира. Въ Переяславѣ онъ нашелъ Алмазова съ Рославцемъ. Выслушавъ о желаніи великаго государя, чтобъ преступникъ былъ прощенъ, Самойловичъ отвѣчалъ: „Я безъ государева указа никакого наказанія Рославцу не učinю; но теперь объявилось новое дѣло: бывший Дорошенко генеральный писарь Воехевичъ подалъ мнѣ сказку на письмѣ за своею рукою, что Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовъ присылалъ къ Дорошенку казака Дубровскаго, приказывая съ нимъ, что всѣ хотятъ илгть гетманомъ Дорошенка, а имено полковники: Стародубскій Петръ Рославецъ, Прилуцкій — Лазарь Горленко, Дичитранка Райча, бывший генеральный писарь Каринъ Мокрѣвъ; да не только старшина и чернь, — самъ государь не хочетъ меня, Самойловича, илгть гетманомъ. Чего Дорошенко хочетъ, то надо мною и сдѣлаютъ: захочетъ убить — убьютъ, или въ Москву отошлютъ, какъ Многогрѣшнаго. Протопопъ поцѣловалъ крестъ на томъ, что такъ сдѣлается, и прислалъ зготъ самый крестъ къ Дорошенку, а Дорошенко отдалъ его мнѣ“.

3-го октября привели Рославца предъ гетмана и старшину: „Я было-надѣялся“, сказалъ ему Самойловичъ, „что такого другаго пріятели у меня и нѣтъ, какъ ты, Петръ; а ты, забывъ Бога и присягу, хотѣлъ за добродѣтель мою къ тебѣ убить меня, да Господь Богъ не помогъ“.

— „Я ни въ какомъ совѣтѣ съ протопопомъ не бывалъ“, отвѣчалъ Рославецъ, „дѣла его никакихъ не знаю; моя вина одна, что похвѣлъ безъ гетманскаго вѣдома и отпуска къ царскому величеству, побоясь черной рады, чтобъ меня не убила“. Тутъ Рославецъ повалился на землю предъ гетманомъ и лежалъ долго.

27-го октября великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней при святѣйшемъ патриархѣ: Рославца съ совѣтниками судить войсковымъ правомъ. Судъ назначенъ былъ въ январѣ.

Но прежде Рославца надобно было рѣшить важный вопросъ: что дѣлать съ Дорошенкомъ, гдѣ ему жить. Сначала Ромодановскій и Самойловичъ помѣстили его въ Соснигѣ (въ Черниговскомъ полку); въ ноябрѣ отправился въ Ватурино стольникъ князь Иванъ Волконскій съ приказомъ гетману прислать Дорошенка въ Москву для подтвержденія

присяги; для успокоенія Самойловича, Волконскій долженъ былъ ему говорить, что Дорошенко беретя въ Москву изъ уваженія къ его же, Самойловичевой, вѣрной службѣ; Дорошенко ему, гетману, давній непріятель, такъ чтобы, будучи на этой сторонѣ, но прежнему своему злоковарству, не вымышлялъ какихъ-нибудь противныхъ на него дѣлъ и не побуждалъ бы ко злу людей, не желающихъ покоя.

Въ Ватуринѣ пріѣхалъ Волконскій въ началѣ декабря и, для переговоровъ о Дорошенкѣ, отправилъ къ Самойловичу часа за четыре до свѣту. „Теперь вскорѣ послать Дорошенка въ Москву нельзя“, говорилъ гетманъ: „онъ переѣхалъ на эту сторону недавно и двора себѣ не построилъ, многихъ пожитковъ своихъ не перевезъ. Когда будутъ судить Нѣжинскаго протопопа и Рославца, то это дѣло начнется Дорошенкомъ: онъ главный обвинитель. Потомъ мы обѣщали Дорошенку подъ Чигириномъ, что жить ему по волѣ, гдѣ захочеть, и прежнихъ дѣлъ его не вспоминать. Чигиринскіе старшины били мнѣ челомъ, чтобы я позволилъ имъ поселиться на этой сторонѣ, — я позволялъ; но если теперь послать Дорошенка въ Москву, то старшины усумнятся и сюда не поѣдутъ. да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своихъ друзей на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: подумаютъ, что его хотятъ заслатъ въ Сибирь. А мнѣ опасатъ: его не-для-чего: когда онъ не былъ въ подданствѣ у великаго государя и не жилъ подъ моимъ регламентомъ, то и тогда я зналъ все его замыслы, а теперь и подавно все буду знать“. Наконецъ гетманъ объявилъ, что безъ совѣтъ съ старшиною онъ не можетъ рѣшить этого дѣла; но и послѣ совѣта Волконскому объявлено было то же, что отпустить Дорошенка нельзя по изложеннымъ причинамъ. Рѣшили, что гетманъ пошлетъ объ этомъ грамоту государю, а Волконскій будетъ ожидать ее въ Ватуринѣ указа. Указъ пришелъ — оставить Дорошенка въ Малороссіи.

Въ январѣ 1677 года, на третій день послѣ Богоявленія, въ Ватуринѣ началась судъ надъ протопопомъ Адамовичемъ и полковникомъ Рославцемъ; отъ Барановича присланы были черниговскаго Елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятковскій, игуменъ кіевскаго Кириллова монастыря Мелетій Дзикъ и трое протопоповъ. Выслушавъ свидѣтелей, судъ приговорилъ Адамовича и Рославца къ смертной казни; совѣтника ихъ, бывшаго генералнаго-писаря Карна Мокрїевича — выслать вонъ изъ Украйны; бывшіе полковники — Переяславскій Дмитрашка Райча и Прилуцкій — Лазарь Горленко должны присягнуть, что къ протопопову и Рославцеву злему умыслу не пристали. Но на другой день гетманъ прислалъ государевы грамоты, въ которыхъ говорилось о помилованіи преступниковъ. Выслушавъ грамоты, духовныя особы и генеральная старшина сказали: „Если протопопа смертию не карать, то велѣть его постричь“. Самъ Адамовичъ билъ челомъ, чтобы его постригли. „Я и прежде

этого желалъ“, говорилъ онъ, „да не исполнишь, вѣрно за это меня Богъ и смиряетъ“. Приговорили протопопа постричь, а Рославца нѣсколько лѣтъ держать за карауломъ. Адамовича для постриженія отправили съ бунчужнымъ Леонтиемъ Полуботкомъ въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю Барановичу; но тутъ протопопъ объявилъ, что не хочетъ постригаться: „Не хочу нищества“, говорилъ онъ, „да не будутъ послѣднія горше первыхъ“. Тогда Барановичъ лишилъ его священства и отдалъ Полуботку, уже какъ мірскаго человека, подъ мірской судъ. Полуботокъ велѣлъ посадить его въ „тѣсное узлище“. Не вытерѣвъ тѣсноты, Адамовичъ объявилъ, что дастъ подробное показаніе о своихъ замыслахъ и соучастникахъ. Полуботокъ созвалъ къ себѣ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и, въ ихъ присутствіи, Адамовичъ показалъ: „Дмитрашка Райча говорилъ, что застрѣлить гетмана изъ пистолета въ войскѣ; въ другой разъ говорилъ, что пойдетъ въ Запорожье и тамъ станетъ бунтовать. Карна Мокрїевичъ дважды говорилъ, что пойдетъ съ Дмитрашкою въ Запорожье бунтовать противъ гетмана. Я Дорошенку совѣтывалъ и наказывалъ, чтобы слѣшилъ на эту сторону съ войскомъ Запорожскимъ и своимъ, обѣщая ему гетманство. Рославцевъ говорилъ мнѣ: „Порадѣмъ о здоровьи господина гетмана, за то что онъ ко мнѣ не милостивъ“. Когда я встрѣтился съ нимъ въ селѣ Семеновскомъ (я ѣхалъ изъ Москвы, а онъ въ Москву), то онъ велѣлъ мнѣ идти на Украйну бунтовать Запорожцевъ и Дорошенка для исполненія нашего намѣренія. Дмитрашка говорилъ, что вмѣстѣ съ гетманомъ надобно убить судью и бунчужнаго. Мы рѣшили, что, убивши гетмана, жить не подъ царскою рукою, но податься хану“. Адамовичъ подписалъ это показаніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ продолжали думать, что старый Чигиринскій гетманъ будетъ гораздо безвреднѣе здѣсь, чѣмъ въ Малороссіи, и въ февралѣ извѣстный уже намъ стольникъ Семенъ Алмазовъ поѣхалъ опять въ Ватуринѣ съ требованіемъ высылки Дорошенка. „Надобно объ этомъ съ старшиною посоветываться“, сказалъ ему Самойловичъ, „потому что это народъ мнительный; послыша, что Дорошенко ушелъ въ Москву, станутъ разсѣывать плесовѣятельныя слова, пронесутся эти слова къ Сѣрку, а Сѣрку и подавно станеть къ этимъ словамъ примѣщать такія же, и оттого, сохрани Боже, чтобы какого зла не случилось. Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой сторонѣ; боятся, чтобы я и Дорошенко не заключили съ султаномъ перемирія и не стали ихъ воевать. Того не знаютъ, какое здѣсь своеволие: кто какое слово молвить, и все къ нему пристагуютъ. И меня заподозриваютъ; но если я помыслю какое-нибудь зло, то пусть Господь Богъ казнитъ душу мою и тѣло, жену мою и дѣтей и весь домъ разорить; дѣтей своихъ держу на Москвѣ для вѣрности; и если случится въ Украйнѣ какое зло, то сейчасъ же, покинувъ все, поѣду въ Москву. Воля его царскаго величества; но лучше бы было, еслибъ Дорошенко

остался жить въ Москвѣ; пусть мои посланцы и Сѣрковы, какъ будутъ въ Москвѣ, выдаютъ его и знаютъ, что онъ живетъ при милости царскаго величества. Я его съ тобою отпущу, но чтобы про то никто не зналъ. Да хорошо было бы, еслибъ брата его, Грицка, изъ Москвы отпустили въ малороссійскіе города: родственники ихъ, видя царскаго величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадежились; много разъ писала ко мнѣ изъ Чигрина мать ихъ объ отпускѣ Грицка“.

Въ Сосницѣ отравили гетманъ вмѣстѣ съ Алмазовымъ генеральнаго судью Ивана Домонтова и съ нимъ писалъ къ Дорошенку, чтобы ѣхалъ въ Москву безо всякаго опасенія, что и прежде былъ царскій указъ объ отпускѣ его въ Москву, но его не отравили, потому что онъ еще не осмотрѣлся, а теперь онъ поѣдетъ въ Москву не для чего иного, какъ только для переговоровъ по дѣламъ турецкимъ и крымскимъ. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазовъ пріѣхалъ за нимъ вдругъ неожиданно: „Кого и къ смерти приговариваютъ,—и тому зараніе о томъ даютъ знать“, говорилъ онъ: „Богъ судитъ гетмана. что меня не убѣдомилъ“. Но, дѣлать нечего, поѣхалъ.

20 марта Дорошенко видѣлъ государевы очи; думный дьякъ говорилъ ему рѣчь; объявилъ, что всѣ вины его прощаются и никогда не будутъ воспоминаемы, государь указалъ бытъ ему при своей милости въ Москвѣ для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія Турокъ и Татаръ на Украину; въ надежду своей государской милости, по челобитью гетмана Самойловича, царское величество велѣлъ брата его, Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за карауломъ къ гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитію, велѣно Григорья отпустить въ малороссійскіе города. Дорошенко былъ челомъ, чтобы государь приказалъ привезти въ Москву жену его и дочь. За ними отравился подъячій Юдинъ; но братъ Дорошенка, Андрей, объявилъ ему: „Братъ мнѣ писалъ, что если жена его ведетъ себя хорошо, какъ обѣщала ему въ то время, когда онъ взялъ ее къ себѣ изъ чернаго платья (изъ монастыря), то присылать ее въ Москву, а иначе отпущать къ нему безъ утайки. Я объ ея поступкахъ объявилъ гетману, объявляю тебѣ и къ брату посылаю письмо. Братъ Петръ за злодѣйскія ея дѣла положить на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою въ сиротствѣ, умилосердился надъ злодѣйкою и взялъ къ себѣ въ жены попрежнему, а она ему обѣщала, что до смерти ничего хмельнаго пить не станеть. Но по отъѣздѣ брата въ Москву стала она пить безобразно, безъ моего вѣдома ходить и чинить злодѣйство. Теперь велѣлъ я ей собираться ѣхать въ Москву, а она при отцѣ своемъ Именкѣ кричитъ: „Если ты въ Москву попустишь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свѣтѣ жить!“ Юдину этотъ разговоръ показался подозрителенъ, тѣмъ болѣе что гетманъ показалъ ему письмо Дорошенка къ себѣ, въ ко-

торомъ тотъ умолялъ Самойловича неходаяствовать ему у царя позволеніе возвратиться въ Малороссію, напоминалъ о данномъ ему обѣщаніи оставить его жить тамъ, гдѣ захочетъ: „Я знаю, писалъ Дорошенко, что я здѣсь въ Москвѣ не нуженъ, и пріѣздъ жены моей сюда также не нуженъ, а что приказываютъ, то исполню по нуждѣ“ Гетманъ не отпущивалъ Дорошенковой жены въ Москву.

Между тѣмъ, по обыкновенію, всю весну готовились въ Украинѣ къ встрѣчѣ непріятелей, Турокъ и Татаръ. Султанъ, намѣсто Дорошенка, провозгласилъ гетманомъ и княземъ Малороссійскимъ плѣнника своего, Юрія Хмельницкаго, который пріѣхалъ на Запорожье грамотою отъ 5 апрѣля: „Снасителю нашему все возможно, писалъ Хмельницкій, нишаго посадить съ князьими, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, поналъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце наисвѣтѣйшаго цесаря Турскаго, тремя частями свѣта государствующаго, который грѣшныхъ больше милуетъ, чѣмъ наказываетъ (съ меня берите образецъ!): даровалъ мнѣ цесарь свободу, удовольилъ меня своею милостію и княземъ Малороссійскимъ утвердилъ. Когда былъ я въ Запорожьи, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть,—такъ теперь обѣщаніе исполните, и отправляйте пословъ своихъ въ Казыкермень для переговоровъ со мною“. Подписано: „Георгій Гедеонъ Венжикъ Хмельницкій, князь Малороссійскій, вождь войска Запорожскаго“. Грамота подѣйствовала на Запорожье. 15-го мая отправился туда изъ Москвы стряпчій Перхуровъ съ государевымъ жалованьемъ: когда, по обычаю, прочли на радѣ государеву грамоту, то въ войскѣ раздались крики: „Суконъ прислано мало, подѣлиться нечѣмъ,—достанется по одной рукавкѣ! Мы служили отцу государеву и ему, государю, служимъ вѣрно, надъ бусарманами всякій промыселъ воинскій чинимъ неотменно, а жалованья намъ прислано мало: а мы и впередъ обѣщаемся вѣрно служить“. Сѣрко говорилъ: „Войско меня не слушается, потому что государскаго жалованья, знамени и булавъ у меня нѣтъ; а если бы знамя и булава ко мнѣ были присланы, то казаки были бы мнѣ послушны“. Казаки продолжали кричать: „Гетманъ Самойловичъ отнял у насъ перевозъ подъ Переволочною, даромъ возить не велитъ и запасовъ къ намъ не присылаетъ. Если турецкое войско на кошъ къ намъ придетъ, то мы Сѣчу сожжемъ, а сами пойдѣмъ по островамъ на воду; а тутъ намъ сидѣть не-у-чего, запасу у насъ никакого нѣтъ“. Самойловичъ оиartz началъ доносить въ Москву на Сѣрка, что съ ханомъ Крымскимъ заключилъ перемиріе, что къ Хмельницкому часто посылаеть и совершенно уже къ нему склоняется.

Въ іюлѣ пріѣхалъ въ Батуринъ стольникъ Барандѣевъ отъ государя съ соболями и атласами для гетмана и старшины за вѣрную ихъ службу. Ему поручено было переговорить съ Самойловичемъ

о Сѣркѣ, о Дорошенкѣ и о нерѣшенномъ еще дѣлѣ Рославца и Адамовича. Карандѣевъ требовалъ отъ гетмана, чтобъ онъ „послать въ Запорожье знатнаго человѣка и всячески старался не допускать Сѣрка до перемирія съ ханомъ; чтобъ не допустить Турокъ овладѣть Кодакомъ, осадилъ бы его своими людьми: иначе низовому войску Запорожскому будетъ тѣснота и разоренье, а неприятелю свободный путь въ малороссійскіе города; если же пошлется войско малороссійское въ Кодакъ, то Запорожцы обиаджатся“.

— „Послать мнѣ войска въ Кодакъ нельзя“, отвѣчалъ гетманъ, „потому что этимъ городомъ завѣдуваетъ Сѣрко, а послать не спросясь съ Запорожцами—только озлитъ ихъ“.

Потомъ Карандѣевъ началъ говорить о Дорошенковой женѣ, чтобъ прислать ее въ Москву: мужъ не перестаетъ объ этомъ просить.— „Я не мѣшаю“, отвѣчалъ гетманъ, „пусть ѣдетъ“.— „По зачѣмъ ты, гетманъ“, продолжалъ Карандѣевъ, „хлопочешь объ отпускѣ Дорошенка назадъ на Украину, чего ты боишься? Дорошенко взять въ Москву для тебя и для цѣлости Малороссіи, чтобъ онъ, будучи въ Украинѣ, не надѣлалъ какого-нибудь зла“.— „Объ отпускѣ Дорошенка на Украину я и не думаю бить челомъ“, отвѣчалъ гетманъ; „въ настоящее военное время Дорошенку быть на Украинѣ нельзя“. Наконецъ рѣчь дошла до Рославца и Адамовича: „Протопопа и Рославца“, сказалъ гетманъ, „я отправлю съ нарочными посланцами въ Москву, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, приказалъ сослать ихъ на вѣчное жительство въ дальніе сибирскіе города для страха другимъ“.

11 августа привезли въ Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь. Сѣйщики покончили съ этимъ дѣломъ и успокоили гетмана, который уже двинулся съ двадцатитысячнымъ войскомъ къ Днѣпру. Съ 4 августа Ибрагимъ-паша съ Хмельницкимъ стояли подъ Чигириномъ, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя княземъ Сарматскимъ, прислалъ требованіе, чтобъ сдали ему стальной городъ, которымъ Дорошенко не имѣлъ права распоряжаться. Военною въ Чигиринѣ былъ генераль-майоръ Трауеринхтъ. 7 августа, ночью, онъ сдѣлалъ удачную вылазку и схватилъ 11 человекъ злынокъ; Турки повели—было подкопъ къ верхнему замку, но остановились рыть, встрѣтивъ дикій камень. Между тѣмъ, 10 августа Самойловичъ соединился съ Ромодановскимъ, и 17 числа изъ-подъ Снятина отправили въ Чигиринъ полкъ пѣхоты сердюковъ и 1,000 человекъ драгунъ, съ приказаніемъ сѣйбить днѣмъ и ночью. Посланные исполнили приказаніе, переправились на правый берегъ Днѣпра, ночью прокрались чрезъ неприятельскіе поля и явились въ Чигиринѣ къ неописанной радости осажденныхъ, которые уже истомились и упали духомъ, не имѣя извѣстій о своихъ, а къ Туркамъ пришелъ ханъ съ орудію. 25 августа явились къ Днѣпру противъ Чигирина, у Бужинской

пристапи, князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; на противоположной сторонѣ Днѣпра уже стоялъ ханъ съ своими Татарами и частію турецкаго войска. Неприятель занялъ островъ на Днѣпрѣ, чтобъ не допускать Русскихъ до переправы, но былъ выбитъ. Русскіе съ острова переправились на западный берегъ, 28 августа схватились съ неприятелемъ, поразили его и гнали пять верстъ отъ берега. Испуганные Турки и Татари на другой же день ушли отъ Чигирина, покинувъ запасы и пушки и оставивъ подъ городомъ 4,000 янычарскихъ труновъ. Ибрагимъ-паша складывалъ всю вину на хана, который во время не пошелъ на лѣвую сторону Днѣпра и не далъ знать о московскихъ и казачьихъ войскахъ. Честь этого дѣла, надолго оставшагося памятнымъ, принадлежала полулюковнику выборнаго полка генераль-майора Агяя Шенелева, Семену Восейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорію Косогову, а изъ Малороссіянъ—полковникамъ Полтавскому Левенцу и Пѣжинскому—Варуку. Ромодановскій и Самойловичъ, подождавши у Чигирина до 9-го сентября и слыша, что Турки бѣгутъ къ границамъ, отправились назадъ за Днѣпръ, тѣмъ болѣе что конские кормы всё были истреблены неприятелемъ, а у ратныхъ людей запасовъ стало мало. Самойловичъ возвратился съ торжествомъ, потому что, по его настоянію, Московское правительство рѣшило держаться въ Чигиринѣ. И теперь гетманъ настаивалъ, чтобъ государь указалъ укрѣпить Чигиринъ, ратными людьми осадить и хлѣбными запасами озпасить, точно такъ же какъ и Кіевъ, да послать туда боярина съ государевыми ратными людьми, а онъ, гетманъ, съ своими людьми Чигирина не удержитъ, и безъ московскихъ людей на своихъ онъ не надеженъ. Чигиринъ покинуть нельзя, потому что всей Украинѣ защита и оборона добрая; стоитъ онъ на рѣкѣ Тясмѣ (Тисминѣ), черезъ которую орды нигдѣ бродовъ и переправы нѣтъ. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить передъ царемъ въ черномъ свѣтѣ поведеніе Сѣрка: „Косевою къ пресвѣтлому престолу вашему государскому и ко мнѣ не желателенъ, потому что передъ Чигиринскимъ походомъ помирлся съ ханомъ и Турками, во время войны никакою намъ помощью не далъ, и когда ханъ бѣжалъ черезъ Днѣпръ вливалъ съ ордами, не билъ его, а велѣлъ казакамъ перевозить Татаръ въ челнахъ“.

Эти нелады у гетмана съ знаменитымъ полковымъ воиномъ очень не нравились въ Москвѣ; бояре приговорили—привести Сѣрка съ гетманомъ въ союзъ. „За такіе злые поступки Сѣрка воздастся ему въ день праведнаго суда Вожія, писалъ государь Самойловичу; но мы, государь христіанскій милосердый, не допуская его для имени христіанскаго къ вѣчной погибели, ожидая его обращенія, тѣ его вины и преступленія отпускаемъ, если онъ эти свои вины вѣрною службою заслужитъ и къ тебѣ будетъ такъ же желателенъ, какъ и прежніе гетманы“. Съ

милостивымъ словомъ Ромодановскому и гетману за Чигиринскую войну отправился въ Малороссію стольникъ и полковникъ Тяпкинъ. Посланному наказано было спросить Ромодановскаго: „Какое его намѣреніе о Чигиринѣ на будущее время; можно ли этотъ городъ держать, или надобно его разорить; если держать, — то какая отъ этого будетъ прибыль? сколько въ него надобно будетъ послать московскихъ ратныхъ людей и казацкихъ полковъ, и откуда въ Чигиринъ возить хлѣбные и оружейные запасы, и чрезъ такую великую дѣйдовскую переправу какими способами помочь давать ратнымъ людьми?“ — „Мое намѣреніе такое“, отвѣчалъ Ромодановскій: „разорить Чигиринъ отнюдь нельзя, очень безславно и отъ непріятеля страшно, и не только Украинѣ убыточно, но и самому Киеву будетъ тяжело. На остальные же вопросы напишу по статьямъ, снесишься съ гетманомъ“.

Тѣ же вопросы Тяпкинъ предложилъ въ Батуринѣ Самойловичу. — „Если Чигиринъ разорить или допустить непріятеля имъ овладѣть“, отвѣчалъ гетманъ, „то развѣ прежде разоренія или отдачи сказать всѣмъ въ Украинѣ народамъ, что уже они великому государю не нужны. У насъ во всемъ казацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Киевъ, — при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть. Если Юраска Хмельницкій засядетъ въ Чигиринѣ съ своими бунтовщиками, тогда всѣ народы, которые изъ-за Днѣпра на эту сторону вышли, пойдутъ опять за Днѣпръ къ Юраску. А если засядутъ въ Чигиринѣ Турки, то султанъ не будетъ посылать имъ запасовъ изъ своихъ городовъ, будутъ брать запасы съ городовъ и селъ этой стороны, и дорога будетъ открытая Туркамъ подъ Путьивъ и Сѣвекъ, потому что Днѣпръ и Заднѣпровье будутъ у нихъ въ рукахъ.“ Тутъ гетманъ, взглянувъ на Снасовъ образъ, заплакалъ и сказалъ: „Молимся, да избавитъ Господь Богъ и великій государь насъ и потомковъ нашихъ отъ такого тяжкаго бусурманскаго ярма!“ Касательно Сѣрка, Самойловичъ прямо объявилъ Тяпкину, что кошевой поддался султану: султанъ прислалъ Казыкерменскому бейу 30.000 червонныхъ золотыхъ, чтобъ подкупить Сѣрка съ казаками. Бей изъ польскихъ Татаръ, учился въ школахъ, знаетъ языки; онъ съѣзжался съ Сѣркомъ въ степи, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тутъ кошевой присягнулъ султану.

Для уясненія этого важнаго дѣла, въ декабрѣ отправился въ Запорожье подьячій Шестаковъ, съ которымъ гетманъ отпустилъ своего посланца, войсковаго товарища Артему Золотаря. Шестаковъ на ратѣ выговаривалъ Запорожцамъ, зачѣмъ они не подали помощи царскому войску подъ Чигириню: зачѣмъ не били Татаръ, бѣжавшихъ черезъ Днѣпръ отъ этого города.

— „Мы подъ Чигиринъ не ходили потому, что войска было на коитѣ мало“, отвѣчалъ Сѣрко; „да и потому не ходили, что Турки и Татары прежде Чигирина хотѣли идти на Сѣчь. Чобъ истребить

этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, да хотѣли мы при этомъ, чтобъ Татары выкупили у насъ плѣнныхъ, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасы также. Да и для того помирились съ ханомъ, что много разъ писали къ гетману Ивану Самойловичу, чтобъ царское величество прислалъ къ намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, да и самъ бы гетманъ пустилъ къ намъ городовыхъ казаковъ; но гетманъ казаковъ къ намъ не пустилъ и зацасовъ не прислалъ, — войско только и кормилось, что рыбою; а когда съ ханомъ заключили перемирие, то за Татаръ брали большой окупъ, да ходили за солью къ морю: а если бы съ ханомъ мы не помирились, то войско померло бы съ голоду. Турокъ и Крымцевъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, мы не громили потому, что войска въ Сѣчи было мало: всѣ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперь войска въ Сѣчи мало — всѣ по промысламъ. Пожаловалъ бы государь, велѣлъ прислать къ намъ своихъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ прислать Полтавскій полкъ, и мы во всѣхъ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемирие съ ханомъ нарушимъ и пойдѣмъ въ Крымъ войною.“ Гетманскому посланцу Сѣрко говорилъ насидѣть, что онъ царскому величеству не извѣдывалъ, что онъ приманитъ къ себѣ Хмельницкаго и, схвативъ его, отослать въ Москву. Для увѣренія Сѣрко вынулъ изъ-за пазухи крестъ и цѣловалъ.

Это не заставило Самойловича смотрѣть добродетельнѣе на Запорожскаго кошеваго, и скоро послѣдній усилилъ еще это недобродетельство, начавъ совѣтовать государю разрушить и покиннуть Чигиринъ. „Для чего это онъ совѣтуетъ? писалъ Самойловичъ, — чтобъ вѣстѣ съ Хмельниченкомъ привести въ исполненіе свой злобный замыселъ. Пусть только Чигиринъ достанется имъ въ руки, хотя бы и разоренный: они снова его укрѣпятъ, Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу своего княжества, Сѣрко — главный городъ своего гетманскаго регимента, потому что уже и теперь Сѣрко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи. а Хмельниченко Сѣрка — кошевымъ гетманомъ войска низоваго Запорожскаго.“ Изъ турецкихъ владѣній въ Киевъ дошелъ и списокъ условій, заключенныхъ Сѣркомъ съ Хмельничкимъ: 1) чтобъ вѣрѣ Православной гоненія не было; 2) податей никакихъ и яслю не давать; 3) вольности войска Запорожскаго не нарушать; чтобъ старшинъ и войска турецкаго и Татаръ ни въ какихъ малороссійскихъ городахъ не было. Изъ самого Царя-града давали знать, что Сѣрко присылаетъ султану всѣ государевы грамоты и гетманскіе листы.

Надобно было приготовляться къ тяжелой войнѣ съ разныхъ сторонъ: зиму и весну 1678 года приходили постоянно вѣсти, что Турки съ огромными силами нагнугуть подъ Чигиринъ, съ тѣмъ,

чтобъ непремѣнно взять этотъ городъ. Въ Царѣградѣ въ это время находилса стольникъ Поросуконъ, присланный къ султану съ царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и, по крайней мѣрѣ, развѣдать обстоятельствае о турецкихъ замыслахъ. Для послѣдняго Поросуконъ обратился къ патриарху; тотъ отвѣчалъ, что желаетъ всякаго добра великому государю, какъ себѣ царства небеснаго, и о замыслахъ непріятели креста Христова объявляетъ: султанъ Турецкій, имѣя чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этимъ лѣтомъ съ войсками своими поганскими и желаетъ изъ-подъ державы его царскаго величества владѣнн Петра Дорошенка отобрать, а потомъ и всю Украину овладѣть. И сами они явно пророчествуютъ, что царскимъ величествомъ побѣждены будутъ, только не могутъ узнать въ какое время. Боясь этого пророчества, султанъ пойдетъ только до Бабы, а визиря пошлетъ подѣ Чигиринъ. Поросуконъ спросилъ объ Юраскѣ Хмельницкомъ, по его ли патриаршему благословенію монашеству съ него снято Патриархъ отвѣчалъ: „Хмельницкій снялъ съ себя монашество своевольно, желая себѣ столько же освобожденія изъ неволн, сколько княженія и гетманства. По его наущенію, визирь ибѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ съ просьбами и угрозами, чтобъ я съ Юраски монашество снялъ, на княженіе Малороссійское и гетманство Запорожское его благословилъ; но я отъ этого принужденія освободился подарками и Юраску къ себѣ не пустилъ“. „Вчера“, продолжалъ патриархъ, „султанъ слушалъ привезенную тобою грамоту, приказалъ тебя отпустить, а къ царскому величеству писать объ уступкѣ въ турецкую сторону Чигиринъ и владѣнн Дорошенковыхъ по Днѣпру. Молю царское величество, чтобы, ради церкви Божіихъ и вѣры христіанской, Чигиринъ и Украинъ султану не уступалъ, а если уступить, то не только Малой Россіи, но и государству Московскому тяжекъ будетъ непріятель“. Государь согласился съ мнѣніемъ Самойловича, Ромодановскаго и Цареградскаго патриарха, что необходимо удержать Чигиринъ, укрѣпить его и снабдить войскою. Въ чигиринскіе воеводы назначенъ былъ околицій Ив. Пн. Ржевскій, извѣстный своею распорядительностію, умѣнній ладить съ Малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Ижмѣнѣ. Въ Кіевѣ Ржевскій долженъ былъ взять хлѣбные запасы, подѣ которые гетманъ выставалъ подводы; ко Ржевскому должны были присоединиться назначенные для чигиринскаго осаднаго сидѣнн полки малороссійскіе, также отрядъ войска Ромодановскаго. Но ничего этого Ржевскій не нашелъ, и 17 марта вступилъ въ Чигиринъ одинъ, безъ хлѣба, потому что подводы отъ гетмана не были присланы, о войскахъ въ Чигиринъ не было вѣсти: въ Чигиринѣ Ржевскій нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и слышалъ рассказы о безпрестанныхъ набѣгахъ татарскихъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то въ Курскъ, къ Ромодановскому, и въ Ба-

туринъ къ гетману поскакалъ въ апрѣлѣ стольникъ Алмазовъ спросить, что они думаютъ. Ромодановскій отвѣчалъ, что идетъ къ Днѣпру медленно и о Чигиринѣ будетъ радѣть; гетманъ отвѣчалъ, что у него войска не въ сборѣ, и онъ пойдетъ къ Ромодановскому одинъ для переговоровъ; что пугаться нечего,—войска и запасы поспѣютъ въ Чигиринъ, хотя подводны сгонди страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвѣстн, придетъ ли и половина ихъ назадъ.

Дѣйствительно, подкрѣпленія и запасы успѣли придти въ Чигиринъ, потому что визирь Мустафа явился осаждать этотъ городъ только 9 іюля. Ромодановскій съ Самойловичемъ стояли у Днѣпра у Вужинской пристани, въ первыхъ числахъ іюля, и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилса еще на лѣвомъ берегу, когда, 10 числа, Татары переправились на этотъ берегъ тайкомъ у Крылова, подкрались и ударили на русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Такъ же неудачно кончилось нападеніе непріятели 11 числа на тѣ передовые русскіе полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 іюля всѣ русскія войска стояли на правой сторонѣ на Вужинскихъ поляхъ, и на другой день выдержали бой съ пятью нашими турецкими и ханомъ Крымскимъ. Съ тѣхъ поръ бои не прерывались, потому что Турки, придши изъ-подъ Чигиринъ черезъ Крыловъ, расположились обозомъ въ 7 верстахъ отъ Русскихъ и дѣлали на ихъ таборы безпрестанные набѣды. 29 іюля къ Русскимъ на подмогу явился князь Каспугатъ Муцаловичъ Черкасскій съ Калмыками и Татарами, и принималъ дѣятельное участіе въ болахъ; 3 и 4 августа послѣ упорныхъ битвъ, Русскіе овладѣли важнымъ пунктомъ — Стрѣльничковою горю, приближались къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сообщеніе. Здѣсь уже не было воеводы Ржевскаго: 3 августа взомель опъ на стѣны и сильно обрадовался, увидавъ приближеніе русскихъ полковъ; но въ эту самую минуту изъ непріятельскаго обоза поднялса граната и поразила воеводу.

Чигиринъ не долго простоялъ послѣ Ржевскаго. Турки вели три подкопа подѣ нижній большой городъ; 11 августа подкопы взорвало у рѣки Тясмыны близъ домовъ, которые загорѣлись; осажденные, видя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ своимъ черезъ Московскій мостъ, но Турки зажгли мостъ,—онъ обрушился и много Русскихъ погибло, въ томъ числѣ Гадяцкій полковникъ Криницкій; много казаковъ погибло также отъ подкоповъ. Одновременно съ нижнимъ городомъ, Турки успѣли зажечь новый верхній, сдѣланный недавно Ржевскимъ; Русскіе засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ и билисъ съ непріятели до самаго вечера, дважды выбивая Турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что и было исполнено; а на развѣтѣ поднялса и Ро-

модановскій съ гетманомъ къ Днѣпру, покинувъ навсегда курящіяся развалины несчастной столицы Хмельницкаго. Непритель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха, и 20 числа подъ Чигириномъ не было болѣе и Турокъ.

Но уходомъ визиря изъ-подъ Чигирина бѣда не кончилась: Хмельницкій съ Татарами остался на западной сторонѣ, занявъ Немировъ, Корсунъ и другіе города, и оттуда нападалъ и на восточную сторону; вся осень и зима прошли въ тревогахъ, а на лѣто опять ждали самого султана въ Украину. Въ мартѣ 1679 года прѣхалъ въ Москву отъ гетмана знатный войсковой товарищъ, Иванъ Степановичъ Мазепа, и имѣлъ съ думнымъ дьякомъ Лариономъ Лопухинымъ любопытный разговоръ. „Надобно“, говорилъ Мазепа, „чтобъ на оборону Кіева и всего Малороссійскаго края прислано было много войска, а бояръ и воеводъ было бы съ нимъ немного, и ратные люди слушались бы ихъ, а большой воевода былъ бы одинъ; а если будутъ бояре и воеводы многие и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы стануть между собою мѣстами считаться, и ни одинъ своего полку полчанъ никому не дастъ,—будетъ всякій своихъ полчанъ беречь, и будетъ оттого нестроенье“. — „Кому боярамъ и воеводамъ быть“, отвѣчалъ Лопухинъ, „о томъ уже писано въ царскихъ грамотахъ; промыслъ чинить надобно, смотря по тамошнему дѣлу и по совѣту съ гетманомъ, а прежде времени знать объ этомъ нельзя; надобно дѣлать такъ, какъ случай воинскій покажетъ; а боярамъ и воеводамъ быть всѣмъ вмѣстѣ и розни между ними быть не-для-чего“. — „Будь воля великаго государя“, продолжалъ Мазепа; „но въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они были на той сторонѣ Днѣпра и шли на выручку къ Чигирину и у непріятелей гору брали, и какъ шли назадъ изъ-подъ Чигирина отводомъ, то государевыхъ ратныхъ людей на бояхъ очень было мало, только были солдатскіе полки да стрѣлецкіе приказы, и въ стрѣлецкихъ приказахъ людей къ бою было мало же, человекъ по триста, остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телегъ, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ. Къ гетману полковники и головы присылали безпрестано, просили людей въ помощь, и гетманъ людей своихъ къ нимъ посылалъ, а самъ остался только съ дворомъ своимъ и драгунскимъ полкомъ, который, по указу государеву, въ воинскихъ случаяхъ при немъ всегда бываетъ“. — *Лопухинъ*: „У сотенъ были головы, у рейтаръ—полковники и начальныя люди; и они чего смогрѣли, для чего ратныхъ людей къ промыслу не высылали,—то ихъ дѣло!“ — *Мазепа*: „Въ то время смотрѣть было некогда, всякому было до себя!“

Вторымъ неудачнымъ Чигиринскимъ походомъ князь Ромодановскій окончилъ свое продолжительное военное поприще. Онъ былъ отозванъ въ Москву. Гетманъ Самойловичъ одинъ продолжалъ военные поиски на западной сторонѣ. Онъ далъ

знать государю, что посылалъ сына своего Семена съ войскомъ на западный берегъ, и жители Ржищева, Канева, Корсуни, Черкасъ и другихъ городовъ, при видѣ государева войска, изъ-подъ султанской власти выступили и добились челомъ царскому величеству; гетманскій сынъ выжегъ всѣ города, мѣстечки, села и деревни на западной сторонѣ, чтобъ впредь непріятельскимъ людямъ пристанища не было¹⁾.

Какъ же смотрѣли Поляки на всѣ эти событія на западной сторонѣ Днѣпра, на которую они постоянно предъвляли притязанія на основаніи Андрусовскаго перемирія?

Въ началѣ царствованія Θεодора, русскимъ резидентомъ въ Польшѣ оставался Тяпкинъ, продолжавшій посылать въ Москву жалобы на свое несчастное положеніе; изъ Москвы не присылали денегъ, а въ Польшѣ не давали корму. „Въ Краковѣ на коронацію мнѣ нечѣмъ подняться, писалъ онъ изъ Львова, занять—не добуду безъ заклада, а заложить нечего, одна была ферезишка соболья подъ золотомъ, и та теперь въ Варшавѣ у мѣщанина пропадаетъ въ закладѣ, потому что выкупить нечѣмъ. Поневоля не поѣду на коронацію, ежели денегъ на подъемъ не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на дворъ королевскій и къ панству,—и та теперь пала, выбрестъ не на чьей въ люди, придется и самому также издохнуть отъ скудости; отъ старыхъ ранъ безпрестанно боленъ. Не такіе тутъ порядки, что въ государствѣ Московскомъ, гдѣ какъ пресвѣтлое солнце въ небеси единый монархъ и государь по вселенной просвѣщается, и своими государскимъ повелѣніемъ, яко солнечными лучами, всюду единъ сияетъ, единого слушаемъ, единого боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отнимаетъ по данной ему, государю, свыше благодати. А здѣсь, что жбанъ, то пацъ; не боится и самого Создателя, не только избраннаго государя своего; никакъ не узнаешь, гдѣ, у кого добитесь рѣшенія дѣла,—всѣ господа польскіе на лакомствахъ души свои завѣсили.“ — Нашель наконецъ Тяпкинъ двохъ добрыхъ людей, у которыхъ занялъ денегъ подъ закладъ послѣдней рухлядишки, и отправился въ Краковъ.

Когда Тяпкинъ объявилъ королю о подданствѣ Дорошенка, то Собскій очень удивился; резидентъ зашѣтилъ по лицу, что въѣсть эта не очень пріятна его королевскому величеству. Папы говорили между собою: „Вотъ вамъ дружба и помощь царская: отобралъ у насъ всю Украину!“ Но другіе утѣшали себя тѣмъ, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву, и царь поневоля будетъ болѣе усерднымъ союзникомъ Польшѣ. Все приходило вѣсти о сильныхъ ссорахъ султана, и, 4 марта 1676 г., Литовскій канцлеръ Пацъ потребовалъ у Тяпкина, чтобы тотъ испросилъ себя немедленно

¹⁾ Столбы и книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Дѣла Малороссійскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ив. Дѣл.

у своего Двора полномочіе на подписаніе слѣдующихъ условій: чтобы царь приказалъ своимъ войскамъ соединиться съ польскими и идти на Турокъ подъ однимъ начальствомъ, а король отправить часть своихъ войскъ для соединенія съ Русскими и для похода на Крымъ; чтобы это постановленіе было исполнено скорѣе, на самомъ дѣлѣ, не на общашихъ только, безъ отговорокъ. „А согласитесь ли на продолженіе перемирія еще на 13 лѣтъ?“ спросилъ Тяпкинъ. — „Можемъ согласиться на половину“, отвѣчалъ Пацъ, Но въ то же самое время молдавскій посланникъ Кантакузинъ, уѣзжавшій въ Молдавію, по секрету разсказалъ Тяпкину, что король тайно отправилъ резидентомъ въ Молдавію шляхтича Карбовскаго съ приказаніемъ завести съ Турками мирные переговоры чрезъ посредство господаря Молдавскаго. О ходѣ переговоровъ Карбовскаго, Кантакузинъ обѣщала дать знать Тяпкину чрезъ епископа Антонія Винницкаго. Кантакузинъ прибавилъ, что начало мирныхъ переговоровъ у Поляковъ съ Турками уже положено посредствомъ хана Крымскаго.

Тяпкинъ при первомъ случаѣ объявилъ литовскимъ панамъ, что до него дошли слухи о тайныхъ мирныхъ переговорахъ съ Турками, и что это противно андрусовскимъ и московскимъ договорамъ. Паны стали сначала домогаться, отъ кого резидентъ могъ объ этомъ провѣдать, и когда Тяпкинъ отвѣчалъ рѣшительно, что не скажетъ, началъ говорить, что у нихъ мира съ Турками еще никакого нѣтъ, отправлены только посланники въ Седмиградскую Землю и въ Молдавію, чтобы какъ-нибудь задержать Турокъ отъ нападенія на Польшу, а между тѣмъ заключить окончательный договоръ о соединеніи съ царскими войсками. „Удивляться этому нечего, что посланники и гонимы у насъ бѣгаютъ“, говорили паны; „утоноющій и за бритву радъ ухватиться; такъ и мы хотя много общаіи отъ царскаго величества слышимъ, по на дѣлѣ до сихъ поръ не можемъ ничего видѣть, и отъ этого республика великій вредъ теритъ“. — „Если царское величество“, говорилъ гетманъ Пацъ, „изъ подозрительности не хочетъ соединить своихъ войскъ съ нашими, то король готовъ хотя закладъ дать какой угодно, — и не только закладъ, готовъ сына своего отправить въ Москву въ заложники, — лишь бы только царское величество велѣлъ соединить войска безо всякаго подозрѣнія и опасенія. Если же Турецкій султанъ покажетъ склонность къ миру, то королевское величество и республика тебѣ сейчасъ объ этомъ объявятъ“. — „А на какихъ бы условіяхъ согласились вы заключить миръ съ султаномъ?“ спросилъ Тяпкинъ. — „На условіи возвращенія Каменца и всѣхъ завоеваній“, отвѣчалъ канцлеръ Пацъ. — „Но если султанъ не согласится на это условіе?“ спросилъ опять Тяпкинъ. — „Тогда дѣлать нечего“, отвѣчалъ канцлеръ, „поневолю уступимъ все, чтобы республикѣ не погибнуть“.

16 марта прибѣжалъ гонецъ отъ польскаго ре-

зидента въ Седмиградской Землѣ, привезъ условія випрія, присланныя къ Седмиградскому князю: условія были: Польша должна уступить Турціи на вѣчныя времена Каменецъ, Подолію, Волынь, Украину всю по обѣ стороны Днѣпра. Поляки не должны вступаться, когда Турки будутъ отбирать украинскіе города, занятые Русскими; султанъ отказывается отъ даней, общаіиной королю Митхалюмъ. Пусть поляки какъ можно скорѣе высылаютъ комиссаровъ для заключенія мира, пока султанъ и випрія не вошли съ войсками въ польскіе предѣлы: — а если войдутъ, то и на этихъ условіяхъ не заключать мира. Оба Паца, канцлеръ и гетманъ, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. „Богъ возьметъ на тѣхъ пограничныхъ государяхъ, которые не помогаютъ Польшѣ. Пиши“, говорили они резиденту, „пиши къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобы по ходагайству всѣхъ бояръ, окольничихъ и духовныхъ людей государь велѣлъ соединиться войскамъ“.

Но въ Москвѣ трудно было согласиться на это соединеніе, когда резидентъ въ то же время доносилъ: „Волохи и Молдаване, знатныя особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ и отъ себя, чтобы великій государь испрѣменно приказалъ силамъ своимъ смѣло наступать на Крымъ, а когда Богъ благословитъ, Крымъ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украина, Волынь, Подолія, но и Волохи, и Молдаване, и Сербы поддадутся подъ высокую руку его царскаго величества. Теперь Турки въ большомъ числѣ стоятъ наготовѣ, куда пойдутъ — въ Польшу или къ Кіеву — узнать не по-чему; только, по нѣкоторому тайному согласію у Турокъ съ Поляками, надобно ожидать Турокъ къ Кіеву, и потому господари Молдавскій и Валахскій наказываютъ, чтобы государство Московское было въ великой осторожности. Изъ Польшы въ Турцію, Крымъ, Молдавію и Валахію безпрестанно бѣгаютъ тайныя посланцы, все ищутъ способовъ, какъ бы помириться съ Турками; но отъ этихъ способовъ соебдямъ надобно быть въ большой осторожности. Полякамъ сильно не хочется, чтобы Крымъ и помянутыя всѣ земли были подъ властію великаго государя, по причинѣ Православной вѣры, которая бы тогда обняла кругомъ области Римскій церкви. Поляки *приснобытныя* ненавистники Церкви Вожіи: божипци жидовскія они почитаютъ, Жидовъ братьями они считаютъ и обходятся съ ними въ соторо лучше, чѣмъ съ Православнымъ Русиномъ; духовные ихъ сильно гонятъ и нещадивятъ Церковь Вожію. Лютеранскіи и кальвинскіи костеловъ не смѣютъ такъ разорять, какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви, потому что за костелы стоитъ Шведскій король и курфирстъ Бранденбургскій, которые объ этомъ въ договорахъ писали. Поэтому здѣшніе Православные христіане просятъ великаго государя внести въ договоры съ Польскимъ государствомъ, чтобы не было гоненія имъ отъ католиковъ“.

Поляки провѣдали чрезъ распечатываніе пи-

семь, какъ утверждали резидентъ), что Тяпкинъ не очень къ нимъ благоволяетъ и пишетъ въ Москву: „Перестерегательства цѣлому здравію государства Московскаго отъ разныхъ противныхъ союзозъ и факцій.“ Король, увидавши его, обрадился съ гнѣвными словами и угрозами, трясъ палкою: „По твоимъ затѣйнымъ письмамъ“, кричалъ Собѣскій, „до сихъ поръ не можемъ съ царскимъ величествомъ заключить союза и получить помощи.“ Тяпкину объявили, что не будутъ признавать его резидентомъ, пока не придетъ отъ новаго царя грамота, подтверждающая его въ этомъ званіи; удалли его изъ Кракова въ Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлютъ Тяпкина въ Мариенбургъ въ заточеніе. Тяпкинъ отвѣчалъ сенаторамъ: „Государь вашъ гнѣвается на меня и подозрѣваетъ напрасно, будто я своими письмами сорюю его съ царскимъ величествомъ. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки перемирнымъ договорамъ, о томъ не я одинъ,—весь свѣтъ знаетъ. Всѣ знаютъ, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно, съ Турками и Татарами, не объявивъ ничего великому государю ни черезъ своихъ пословъ, ни черезъ меня. Я не хочу быть здѣсь ни слѣпымъ, ни глухимъ, ни нѣмымъ: что вижу и слышу,—обо всемъ писалъ, пишу и буду писать къ своему государю, всякую правду, и говорить обо всемъ буду.“ Дѣйствительно, Тяпкинъ не переставалъ извѣщать государя о „дивныхъ замыслахъ французской факціи“: Французскій король хлопочетъ о мирѣ Поляковъ съ Турками, чтобъ можно было французскія и польскія войска обратить противъ цесаря и Пруссіи; побѣдивши Цесарцевъ и Пруссаковъ, обратиться вмѣстѣ съ Шведами на Московское государство. Побѣдивши Москву, всѣ католическіе государи пойдутъ на Турцію, не соединяясь съ Православнымъ государствомъ, чтобъ народы греческаго православія обратиться къ Римской церкви. А если бы московскія силы допуститъ на Турецкія земли, то всѣ—Греки, Волохи, Сербы, Молдаване и казаки Украинскіе—съ ними соединятся и возьмутъ верхъ надъ католическими державами“. Тяпкинъ умолялъ Матвѣева: „Умилосердись, допеси великому государю и всѣмъ ближнимъ людямъ, чтобъ непременно послали войска на Крымъ; всѣ факціи непріятельскія этимъ помрачены будутъ и погаснутъ; а если не пойдутъ царскіе ратные люди этимъ лѣтомъ на Крымъ,—ей, великое безславіе, поношеніе и оскорбленіе государству Московскому учинится“. Тяпкинъ боялся союза Шведовъ съ Поляками, и потому совѣтовалъ теперь же объявить войну Швеціи, пока шведскія войска заняты неудачною для нихъ войною съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ: „Подобаетъ конечно Шведу отъ Лифлянтовъ заиграть трубными и рыцарскими гласы, гдѣ не трудно. Господь Богъ можетъ первымъ счастьемъ помазанника своего благословить; и не только Лифлянтами или Ригюю, но и самымъ Варяжскимъ моремъ обдарить. Теперь время разорить Шведу до основанія и отвести его отъ лу-

кавыхъ намѣреній съ Польскимъ дворомъ, потому что Нѣмецкіе государи зѣло его изрядно подчиняютъ, и онъ отъ нихъ какъ зайцъ по островамъ бѣгаетъ. А здѣсь посолье его разглашаетъ: „Ихъ на насъ были ближніе бояре, особливо Матвѣевъ, они отвращали отъ мира покойнаго государя; но теперь, дай Богъ здоровья патриарху Московскому, онъ нынѣшняго молодого государя духовными бесѣдами склонилъ къ вѣчному миру съ нами“.

Весною Татары начали пустошить Волинь, Подолію, Галицію; король жилъ въ своемъ имѣніи Яворовѣ, недалеко отъ Львова, и не могъ двинуться по немнѣжному войска. Посланныкъ его Чихровскій, пріѣхавшій въ Москву въ іюнь 1676 г. поздравить царя Феодора съ восшествіемъ на престолъ, объявлялъ требованіе, чтобъ въ августѣ мѣсяцѣ сорокъ или по крайней тридцать тысячъ русскаго войска съ артиллерією и запасами соединились съ войскомъ королевскимъ; чтобъ другая часть русскаго войска шла на Крымъ. При этомъ Чихровскій объявлялъ, что только при условіи дѣйствительнаго исполненія этихъ требованій онъ имѣетъ полномочіе продолжать срокъ перемирія. Царь отвѣчалъ королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу данъ приказъ быть наготовѣ, пересылаться съ гетманами польскими и договариваться съ ними о соединеніи войскъ. На Крымъ уже послалъ войско съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ и Калмыками, также на Донъ отправленъ стольникъ Волинскій со многими ратными людьми. Когда Ромодановскій и Самойловичъ съ одной стороны, а польскіе гетманы—съ другой придутъ къ Днѣпру, то прежде всего будутъ договариваться о продолженіи срока перемирія, а потомъ уже договорятся о соединеніи войскъ. Такъ какъ въ существующихъ договорахъ постановлено другъ безъ друга не мириться съ султаномъ и ханомъ, то, если съ польской стороны начнутся переговоры съ Турками,—царскій резидентъ долженъ на нихъ присутствовать. Тяпкинъ писалъ въ Москву: „Шлѣнныхъ, говорятъ, тысячь съ сорокъ Татары набрали и погнали въ свою Землю, а у Поляковъ одиѣ рѣчи: пусть поганая Русь, схизматикъ, погибаетъ!“ Но когда, осенью, новое Турецкое нашествіе начало грозить не одной Руси, но и Польшѣ, то миръ съ Турками, необходимость котораго уже давно была провозглашена, заключенъ былъ въ октябрѣ подъ городкомъ Журавногъ: Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану. Украина оставлена за казаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой Церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Тяпкинъ, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключеніи мира, не былъ даже увѣдомленъ о началѣ переговоровъ. Для своего оправданія, Поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятіе русскими войсками городовъ западной Украины. Когда Тяпкинъ пріѣхалъ къ подскарбію коронному Морштинну нарочно, чтобъ что-нибудь узнать повѣрше о заключеніи мира, то подскарбій

встрѣтилъ его словами: „Царское величество отбираетъ украинскіе города — Чигиринъ, Каневъ, Черкаска; Дорошенко, подданинъ Чигиринъ, поѣхалъ въ Москву. Мы очень удивляемся, что государь вашъ ничего не объявилъ нашему государю о взятіи этихъ городовъ“. — „Еще больше удивится царское величество“, отвѣчалъ Тяпкинъ, „что вашъ великій государь, презрѣвъ договоры, заключилъ миръ съ султаномъ и ханомъ, не обоблачившись съ царскимъ величествомъ, даже и мнѣ, резиденту, который долженъ былъ присутствовать при переговорахъ, объявить не велѣлъ“. — „Мы это сдѣлали поневолѣ“, возразилъ подскарбій. Тяпкинъ продолжалъ: „Что государь нашъ принялъ Дорошенко съ городами, — тому вамъ удивляться нечего, потому что царское величество отбираетъ города и народы христіанскіе не у короля и республики, а изъ-подъ ига бусурманскаго, подъ которое вы ихъ сами поддали не только по договорамъ короля Михаила, но и послѣднему вашему миру съ Турками“. — „Условія послѣдняго мира“, сказалъ подскарбій: „отложены до сейна; Богъ ешезнаетъ, приметъ ли ихъ Рѣчь Посполитая, — у насъ народъ вольный“.

Сильное раздраженіе Поляковъ на Дорошенка за то, что поддался Москвѣ, заставило Тяпкина быть осторожнымъ относительно слуховъ, распускаемыхъ насчетъ сношеній бывшаго Чигиринскаго гетмана съ Турками и Татарами. „Слухамъ этимъ, писалъ резидентъ въ Москву, нельзя совершенно еще вѣрить, только надобно соблюдать большую осторожность и провѣдывать о немъ сущую правду, или, для большей его вѣрности, жену его, дѣтей, братьевъ, тещу и тещу держать въ Москвѣ, а ему обѣщать большую государскую милость и награжденіе, чтобъ вѣрно служилъ, — потому что много Поляки изъ зависти и съ-сердца на него клеветаютъ, желая, чтобъ онъ пропалъ; боится его, потому что онъ воинъ премудрый и промышленникъ великій въ войсковыхъ поступкахъ, всѣ ихъ польскія *франтовскія* штуки не только знаетъ, но и видѣлъ. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорятъ, что нѣтъ такого премудраго воина не только во всей Украинѣ, но и въ цѣлой Польшѣ“.

Сеймъ утвердилъ Журавинскій договоръ. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали къ королю, который, взявъ его за руку, повелъ въ садъ и здѣсь во время прогулки началъ говорить: „Намъ резидентъ! не могу я надивиться, отчего это у насъ идутъ такія долгія пересылки съ царскимъ величествомъ, а союза заключить никакъ не можемъ. Не знаю, отчего это самъ царское величество и вся его Дума держатъ на меня подозрѣніе, тогда какъ я всегда оказывалъ доброжелательство къ государству Московскому. Многимъ боярамъ и воеводамъ извѣстно: когда подъ Чудновымъ наши Поляки сдѣлали нехорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева въ Крымъ отдали, я противъ этого крѣпко стоялъ, не только бранился съ свои-

ми гетманами, но даже хотѣлъ идти на помощь къ князю Юрію Никитичу Воротыинскому. Теперь, будучи государемъ своего народа, стараюсь сердечно быть въ братской дружбѣ со всѣми христіанскими государями, и особенно съ царскимъ величествомъ, которому желаю всякаго добра, какъ самъ себѣ. Зная, что ваши государи желаютъ, чтобъ папа писалъ ихъ полный царскій титулъ, я, утаясь отъ всей Рѣчи Посполитой, писалъ къ отцу папѣ, съ просьбою, чтобъ описывалъ царскій титулъ по достоинству, надѣясь, что государь вашъ это мое ходатайство приметъ съ благодарностію и къ братской дружбѣ склонится. Папа соглашается съ тѣмъ однако, чтобъ и царское величество, съ своей стороны, писалъ его титулъ какъ слѣдуетъ. Напиши объ этомъ къ царскому величеству слово-въ-слово, какъ отъ меня слышалъ. Давно стараюсь войти съ вашимъ государемъ въ братскую любовь, но мѣшаютъ тому ссоры отъ разныхъ недоброжелательныхъ народовъ“. Тутъ Собѣскій ударилъ себя въ грудь и сказалъ: „Намъ резидентъ! пиши всѣ мои слова, чтобъ царское величество не подозрѣвалъ меня ни въ какомъ лукавствѣ, но считалъ бы меня вѣрнымъ братомъ и ближнимъ другомъ. Нечего его царскому величеству на то смотрѣть, что теперь у меня заключенъ съ Турками миръ. Миръ этотъ не дологъ и не сладокъ онъ мнѣ; принужденъ я къ нему странными силами поганскими, которыхъ мнѣ нельзя было одолѣть безъ помощи. Теперь поганцы на Чигиринъ, на Кіевъ и на самое государство Московское ополчались, и ничѣмъ царское величество такъ не устранить Турчина, какъ если поилетъ казавокъ въ Крымъ и на Черное море. Отпиши и о томъ къ царскому величеству, чтобъ позволилъ посламъ нашимъ и резиденту бывать у себя запросто безъ посольскихъ чиновъ, какъ ты теперь у меня, надѣшгъ, говоришь что хочешь и все отъ меня узнаешь, а эти пышные посольскіе приемы къ обличенію и союзу не ведутъ. Нечему удивиться, что прежде у васъ такого обычая не было: прежде не было такихъ большихъ между государствами ссоръ, такихъ продолжительныхъ и частыхъ комисій и безпрестанныхъ посольствъ. А теперь пришло время, чтобъ всѣмъ намъ, государямъ христіанскимъ, чрезъ пословъ своихъ взаимно другъ другу показывать ближайшую и вѣрнѣйшую дружбу и съ послами и резидентами не все чрезъ ближнихъ сенаторовъ спосылаться, но для осторожности и крѣпчайшаго въ дѣлахъ государственныхъ утвержденія самимъ намъ пословъ и резидентовъ спрашивать и взаимно свое намѣреніе къ братолюбію объявлять. Напиши все это царскому величеству, а грамоты я къ нему не посылаю для того, чтобъ сенаторы и республика ничего не знали“.

Это искреннее объясненіе было послѣднимъ. Въ апрѣлѣ кончился сейтъ, постановившій оставаться въ мирѣ со всѣми сосѣдними государствами, и въ маѣ Тяпкинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Въ юлѣ 1678 г. великіе и полномочные послы

королевскіе, князь Михайла Чарторыйскій и Казимръ Сапѣга, заключили въ Москвѣ договоръ — быть перемирію еще на тринадцать лѣтъ, считая съ іюня мѣсяца 1680 года, и въ это время имѣть радѣніе о постановленіи вѣчнаго мира; при этомъ договорѣ съ русской стороны уступлены города Невель, Себежъ и Велижъ съ уѣздами, и кромя того заплачено 200,000 рублей московскихъ — все за Кіевъ.¹⁾

Ничего не жалѣли, чтобъ не отдавать Кіева Полякамъ; но теперь, послѣ разрушенія Чигирина, надобно было готовиться къ защитѣ Кіева отъ Турокъ. Чтобъ предупредить новое нашествіе султана и хана на Украину, въ декабрѣ 1678 года отправили въ Константинополь дворянина Даудова съ грамотою, въ которой царь предлагалъ султану возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній между Россією и Портою, указывалъ на исконныя права Русскихъ государей на всю Малороссію. Даудовъ повезъ грамоту и отъ патриарха Іоакима къ муфтію: „Надѣся, писалъ патриархъ, что вы, первый и начальнѣйшій блюститель мусульманскаго закона, на показаніе своей духовности, о покоѣ и тишинѣ всепародной большой подвиги свой и ученіе предложите и всякимъ образомъ хитростно военное расширеніе удержите, и плодъ въ томъ правды предъ Господомъ Бога въ даръ принести похотете, и народамъ своимъ милость и покой ходатайствуете, у султана величества упрямите, и рати, начинающіяся неправдою, за причиною богомерзкаго законпреступника Юраски Хмельницкаго, пресѣчете“.

Ноесли въ Москвѣ, послѣ второго Чигиринскаго похода, сильно желали мира, боясь, чтобы на дѣто не явилась турецкая рать теперь уже подъ Кіевомъ, то и въ Константинополѣ такъ же сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе неприбыльной: подъ Чигириномъ Турки потеряли очень много людей, и идти подъ Кіевъ у нихъ не было большой охоты. Не зная еще о посольствѣ Даудова, султанъ далъ порученіе Валахскому господарю, Іоанну Дукѣ, быть посредникомъ при заключеніи мира между Россією и Портою. Въ маѣ 1679 года валахскій посланникъ, капитанъ Вилевичъ, имѣлъ разговоръ съ думными дьяками, объявилъ, что султанъ желаетъ мира и требуетъ только части Украины, гдѣ бы жить Юраскѣ Хмельницкому, иначе будетъ стыдно: ведя такую долгую войну, помирится безо всякой выгоды. Дьяки спросили, какой упадокъ былъ турецкихъ войскъ подъ Чигириномъ? Вилевичъ отвѣчалъ, что въ первомъ походѣ янычары потеряли 8,000, во второй было войска турецкаго со 100,000 и пропало съ третью. Спросили: какъ теперь Турки смотрятъ на Юраску Хмельницкаго и чѣго впередъ отъ него ожидаютъ? — „Турки рады были бы, чтобъ его не было“, отвѣчалъ посланникъ; „вся бѣда отъ него: по его сло-

вамъ Турки ждали, что казаки только-что заслышать объ немъ, такъ всѣ къ нему и пойдутъ; но теперь ничего этого нѣтъ. Когда я ѣхалъ сюда и заѣзжалъ къ нему, то видѣлъ, что онъ безпрестанно плянъ и безуменъ“. Царь въ грамотѣ къ Дукѣ писалъ, что согласенъ быть съ султаномъ въ дружбѣ съ условіемъ, чтобъ Турки не вступались въ земли Дибировскихъ казаковъ.

Въ это время пріѣзжаютъ въ Москву польскіе послы, Бростовскій и Гинискій, съ объявленіемъ, что король ихъ разорветъ миръ съ султаномъ, если царь обяжется соединить свои войска съ польскими и давать королю ежегодно на военныя издержки, но крайней мѣрѣ, 200,000 рублей. Въ Москвѣ никакъ не согласились на послѣднее, и дѣло отложено было до комисіи, назначенной въ іюнѣ 1680 года.

Осенью возвратился Даудовъ и привезъ грамоту отъ визиря, который требовалъ присылки вѣрнаго и словеснаго посла съ подлиннымъ и правдивымъ словомъ, безо всякаго спора объ Украинскихъ казакахъ. Визирь предлагалъ отпривать посланника въ Крымъ для веденія мирныхъ переговоровъ. Пріѣхавъ вторично Вилевичъ и объявилъ условія мира: границею между обоими государствами долженъ быть Дибиръ; султанъ, разъ взявши Дорошенка въ свое подданство, не можетъ отказать отъ земель, находившихся подъ управленіемъ Дорошенка.

Турки не мирились безъ уступки имъ Западной Украины. Но въ Москвѣ не хотѣли рѣшиться на это безъ совѣта съ человѣкомъ, который назывался гетманомъ обѣихъ сторонъ Дибира.

Въ концѣ октября 1679 года, въ Батуринѣ шли тайные разговоры у гетмана Самойловича съ царскимъ посланникомъ, дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. „Тебѣ“, говорилъ дьякъ, „извѣстно все, что у великаго государя дѣлается къ королемъ Польскимъ, султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ на покой и тишину войску Запорожскому и посполитому народу Малороссійскому: ничего отъ тебя, по государскій милости, не утаено. И теперь царское величество велѣлъ тебѣ объявить, что Турки склонны къ миру, а польскіе послы въ Москвѣ гонорятъ, чтобъ великій государь соединилъ свои войска съ королевскими и идти обоимъ на Турскаго султана, въ государство его. Такъ ты бы, гетманъ, подумалъ объ этихъ дѣлахъ особо и съ старшиною совѣтовался, да и написалъ бы со мною обо всемъ къ царскому величеству“.

„О турецкомъ мирѣ мысль свою напишу и съ старшиною посоветуюсь“, отвѣчалъ гетманъ; „а что Польскій король желаетъ союза съ царскимъ величествомъ, то я Польскому королю не доверяю: думаю, что онъ хочетъ союза съ нѣкотораго своего великаго вымысла, чтобъ отъ этого союза у великаго государя съ Турецкимъ султаномъ еще больше стало недружбы, чтобъ войска государевы частыми подъемами и дальними походами истомились. На что лучше союза съ Польскимъ королемъ! — только опасно его непостоянство, потому что онъ съ Тур-

¹⁾ Дѣла Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Млп. Цв. Дѣл.

нами и Татарами въ большой дружбѣ. Во всемъ воля великаго государя: но я со всеѣмъ войскомъ Запорожскимъ прошу милости царскаго величества, чтобъ изволилъ великій государь съ Турецкимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ миръ заключить, и миръ съ бусурманомъ прибыльнѣе будетъ союза. Съ Польскимъ королемъ союзъ заключить невозможно, потому что царскимъ войскамъ идти на помощь Польскому королю за дальнимъ разстояніемъ и за пустою на той сторонѣ Днѣпра далеко; по тому же самому и польскія войска на помощь государевымъ войскамъ не будутъ. Развѣ такой союзъ съ Польскимъ королемъ заключить, чтобъ царскимъ войскамъ идти въ Крымъ войною, а польскимъ — въ Волошскую Землю и за Дунай; да и такой бы союзъ заключить не даромъ, а погребовать, чтобъ король Польскій заключилъ за то съ великимъ государемъ вѣчный миръ: безъ вѣчнаго мира вѣрять ему нельзя, потому что онъ великому государю недоброхотъ. Слышалъ я отъ волошскаго посланца, Яна Вилевича: когда онъ былъ у короля еще до Чигирискаго разоренья, то король приказывалъ ему, чтобъ господарь его наговаривалъ султана и взира началъ войну съ царскимъ величествомъ“.

На отпускѣ гетманъ говорилъ Украинцеву: „Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины, и всего войска Запорожскаго челобитье, чтобъ великій государь изволилъ съ Турецкимъ султаномъ и ханомъ Крымскимъ становить мирный договоръ, потому что казакамъ и посполству малороссійскому нынѣшня съ бусурманами войнѣ наскучила, и надобно опасаться, чтобъ они отъ этой войны чего-нибудь дурного не вздумали. Теперь съ султаномъ и ханомъ миръ заключить можно, потому что непріятель до сихъ поръ надъ царскими войсками поиска никакого еще не сдѣлалъ; а если впередъ сдѣлаетъ какой поискъ, тогда къ миру будетъ горько, да и отъ своихъ казаконъ тогда будетъ опасно. Съ королемъ соединяться нельзя, потому что Поляки, какъ слышу, просятъ у великаго государя городовъ и денежной казны, и чтобъ идти обомъ войскамъ къ Дунаю и за Дунай; по все это неспосное и нестаточное дѣло. Хотя бы мы вмѣстѣ съ Поляками надъ непріятелемъ побѣду одержали, то Поляки стануть эту побѣду и славу приписывать себѣ, и войска Запорожскаго своевольные люди, по польскимъ наговорамъ, стануть Полякамъ же ту славу приписывать, и опасно, чтобъ эти своевольники, пришедши съ войны въ малороссійскіе города, не завели тамъ смуты. Если вмѣстѣ съ Поляками выйти противъ непріятелей въ степь, то сейчасъ же Татары конскіе корны отнимуть, — и тогда отъ своевольныхъ казаконъ безъ бѣды не будетъ, а Поляки стануть ихъ нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасамся и того, чтобъ Поляки въ нужное время царскихъ ратей и войска Запорожскаго не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терять не будутъ. Да хотя бы и побѣду царское войско одержало, — и тогда все же на-

добно мириться съ султаномъ и ханомъ: непріятеля въ его Землѣ воевать никакъ нельзя за дальнимъ разстояніемъ и за великою пустою, и тогда Поляки при заключеніи мира только жѣмать будутъ. А теперь король Польскій послалъ въ Запороги къ Сѣрку бѣлоцерковскаго попа для того, чтобъ въ Запорогахъ смуту завести; пошъ этотъ поручилъ моему канцеляристу Чуйкевичу, который былъ въ Запорогахъ, сказать мнѣ, чтобъ я обратился съ войскомъ Запорожскимъ къ дѣдичному своему государю, къ королю Польскому. И Сѣрку тому же Чуйкевичу гворилъ, что пора имъ, соединясь съ Поляками и Татарами, Москву воевать: ясно, что такія слова началъ Сѣрку говорить по наговору бѣлоцерковскаго попа“.

Мнѣние гетмана окончательно развязало руки къ началію переговоровъ съ Крымомъ и Портою. Въ концѣ 1679 года отправились въ Крымъ къ хану Мурадъ-Гирею посланники Сухотинъ и дьякъ Михайловъ, но они не рѣшили дѣла насчетъ опредѣленія границъ, притомъ же дьякъ Михайловъ своевольно покинулъ Сухотина и уѣхалъ въ Москву. Для окончанія переговоровъ, въ августѣ 1680 года, поѣхалъ въ Крымъ нашъ старый знакомый, стольникъ Василій Тяпкинъ, и дьякъ Никита Зотовъ вмѣстѣ съ малороссійскимъ писаремъ Семеновъ Раковичемъ. 25-го октября пріѣхали они на рѣку Альму, на посольскій станъ, и первое, что ихъ поразило, — бѣдность строенія на посольскомъ дворѣ: четыре *пунжики* складены изъ дикаго нетесанаго камня, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ, безъ половъ, безъ лавокъ безъ дверей, для свѣта сдѣлано по одному окну. „Вонючню объявляемъ, пишетъ Тяпкинъ, что немать и свинякъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ, посланникамъ царскаго величества, а лошадемъ не только никакихъ конюшенъ нѣтъ, — и приривать не за что; коронъ намъ и лошадемъ ничего не давали, а купить съ великою нуждою хлѣба и ячменя и соломы добывали, и то самою высокою цѣною“. Пріѣхалъ приставъ и объявилъ, чтобъ ѣхали къ хану, который жилъ въ селѣ отъ посольскаго двора версть съ пять; но когда посланники пріѣхали, то имъ объявили, что прежде хана они должны быть у ближняго его человека Ахметъ-аги. Посланники отвѣчали, что, не бывши съ государевою грамотою у ханова величества, по инымъ дворамъ волочиться имъ непригоже. — „Грамоту у васъ отнимуть силою“, кричали Татары. — „Идѣ головы наши будутъ, тамъ и грамота“, отвѣчали посланники, „а когда увидите насъ мертвыми, тогда и грамоту возьмете; грозъ вашихъ и безчестія и всякой тѣсноты не боимся“. Татары пріутихли, стали говорить, чтобъ одинъ изъ посланниковъ остался съ царскою грамотою на подворьи, а другой пошелъ бы повидался прежде съ ближнимъ человекомъ. Тяпкинъ отправился къ Ахметъ-агѣ и, воедши, поздоровался съ нимъ, „а бусурманъ, надувшись поганою своею гордостью, сидѣлъ на коврахъ, облокотившись на бархатныя

золотыя подушки“, поздоровался сидя и велѣлъ посланнику сѣсть подлѣ себя. Ахметъ-ага началъ выговоромъ, зачѣмъ посланники ханской воли ослушались и не хотѣли прежде идти къ нему, ближнему человѣку: „У насъ обычай такой изстари повелся, что посланники, прежде чѣмъ идти къ хану, бываютъ у ближнихъ людей; или уже чести въ васъ посланниковъ здѣсь не бывало?“ — „Мы съ прежними посланниками честию не считаемся“, оговѣчалъ Тяпкинь; „если у васъ прежде такъ и водилось, какъ ты говоришь, то мы вашего указа не принимаемъ, мы прежде всего должны исполнить государевы дѣла. Нигдѣ не повелось, чтобъ ближнимъ людямъ, мимо государя, у пословъ грамоты принимать, это у васъ въ Крыму обычай грубый; ниѣ случалось быть въ послахъ у многихъ великихъ государей и посольскіе чины я знаю. Если прежніе царскіе посланники бывали у ближнихъ людей прежде хана, то я этому не дивлюсь, потому что у васъ всегда посланникамъ царскаго величества бываетъ великая неволя, тѣснота и безчестье, чтобъ вынудить у нихъ богатые дары, какъ теперь и надъ собою видимъ. А мы присланы къ ханову величеству не дары раздавать, а добрыя дѣла дѣлать“.

Послѣ торжественнаго приѣма у хана, начались переговоры, при которыхъ присутствовалъ и пѣвчій бояринъ Василій Ворисовичъ Шереметевъ. Тяпкинь и Зотовъ предложили границу по рѣкѣ: Рось, Тасинъ и Ингуль. Ближніе хановы люди засмѣялись и отвѣчали: „Если за вами только дѣла и есть, то позачѣмъ было вамъ сюда и ѣздить; но тѣ рѣки уступки не бывало и впродъ не будетъ“. Тщетно посланники склоняли ближнихъ людей „великими приятными разговорами“, государевымъ жалованьемъ обнадеживали, циньмъ и давали: Татары стояли на своемъ, что, кромѣ Дибѣра, другой границы не будетъ; до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ султановыхъ заступила, по мусульманскому закону, уступки тутъ быть не можетъ“. Чтoby склонить хана, Тяпкинь вѣгивая объяснялъ передъ нимъ важное значеніе *посредника*, которое Муратъ-Гирей принялъ на себя; объяснилъ, какую честь и довѣріе оказалъ ему царь, отправивъ посланниковъ своихъ къ нему въ Крымъ, а не прямо въ Константинополь къ султану. Ханъ былъ тронутъ, но отвѣчалъ, что онъ человѣкъ невольный, долженъ исполнять указы султана; еслибъ та земля была его, ханская, то онъ бы охотно постановилъ между, какая угодна царскому величеству. Посланники общали хану 10,000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ людямъ 3,000, султану Турецкому и визирю соболей на 5,000 рублей: ханъ отвѣчалъ, что не можетъ согласиться и за 100,000 червонныхъ. Видя уперство посланниковъ, ханъ велѣлъ ихъ пострашать земляною ямою, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолка, ни оконъ. И, дѣйствительно, посланниковъ посадили на запоръ, не велѣли пускаться къ нимъ вунцовъ съ съѣстными и дрочами.

Посланники уступили, и подали хану слѣдую-

щія статьи: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ (начиная съ 3 января 1681 года): рубежемъ быть рѣкѣ Дибѣру; ханову величеству будетъ дана казна за проплытѣи года, и потомъ будетъ приниматься: каждый годъ по старымъ росписямъ. 2) Въ мѣсяцъ 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Дибѣра султанову и ханову величеству вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починовать: со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ казацкихъ земляхъ не заводитъ, оставить ихъ вѣруетъ. 3) Крымскимъ, очаковскимъ и бѣгородскимъ Татарахъ вольно по обѣ стороны Дибѣра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить: а со стороны царскаго величества пизовымъ и городовымъ казакамъ войска Запорожскаго, промышленнымъ людямъ — плавать Дибѣромъ для рыбной ловли, и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Дибѣра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно къ Чернаго моря. 4) Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками и селами всего своего стараго уѣзда, т.-е. ниже Кіева, Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, да выше Кіева два мѣстечка — Дѣдовщина и Радомысль — остаются въ сторонѣ царскаго величества. 5) Запорожскіе казаки также остаются въ сторонѣ царскаго величества; султану и хану до нихъ дѣла нѣтъ, польскую державу ихъ не переизываютъ. 6) Тутугъ царскаго величества писать сполна, какъ онъ, самъ его описываетъ. Пѣвчій, бояринъ Шереметевъ, стольникъ князь Ромодановскій и всѣ другіе отлучаются на окупъ и на разчѣну. 7) Султанъ и ханъ не должны помогать непріятелямъ царскимъ. — Ханъ, выслушавъ статьи, сказалъ, что онѣ написаны разумно и ему годны. Побѣзавъ гонцевъ въ Константинополь и привезъ согласіе султана на условія. Но когда дѣло дошло до шерги, то Тяпкинь и Зотовъ увидали, что шерпная грамота написана шпаче: очень сокращенно, съ пропускомъ цѣлыхъ статей — о Запорожьи, о свободномъ плаваніи по Дибѣру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примутъ. Татары въ отвѣтъ закричали: „Или вы государей нашихъ учить приѣхали и свои урязные обычаи и лишній слова писать? Возьмете и не въ честь, что вамъ позволить написать и дать ханову величество, потому что всякій государь вольнъ на своемъ государскомъ престолѣ и дѣлаетъ, что хочетъ, а вы насъ не учите и намъ не указывайте! А если заурямитесь и грамотъ не примете, то грамоты посланы будутъ къ вашему государю съ ханскими послани, а васъ, за ваше урямство, велеть держать въ кандалахъ и заплотъ въ вѣчную неволю“. Посланники отвѣчали, что они такой шерпной грамоты принять не смѣютъ, пошлютъ гонца въ Москву и будутъ дожидаться, что великій государь имъ укажетъ. Хану доложили объ этомъ и принесли отвѣтъ, что, по приказу султана, посланниковъ велѣно отпустить

немедленно въ Москву съ шертными грамотами. Тутъ посланники объявили, что они готовы къ отпуску и шертныя грамоты примуть поневолѣ: будутъ ли эти грамоты царскому величеству годны и къ содержанию перемпрныхъ договоровъ крѣпки. — о томъ великому государю какъ Богъ извѣститъ.

4 марта, близъ Бакчисарая, на полѣ въ шатрахъ, Тяпкишъ и Зотовъ были на отпуску у хана. Муррадъ-Гирей, цѣлуя коранъ, говорилъ, что онъ и султанъ клянутся содержать мирное постановление непорочно двадцать лѣтъ; на посланниковъ и переводчиковъ надѣли золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказалъ имъ, чтобъ великій государь поскорѣе отправлялъ пословъ своихъ къ султану для подкрѣпленія договоровъ, а которыхъ статей нѣтъ въ его ханской шертной грамотѣ. — тѣ будутъ внесены въ грамоту султанову; онъ, ханъ, объ этомъ писалъ уже къ султану и впредь писать будетъ. Наконецъ ханъ говорилъ съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ: „Когда царствующаго града Москвы достигнете и сподобитесь видѣть великаго государя своего пресвѣтлое лицо, то отъ нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между нимъ и султаномъ Турецкимъ, радѣе въ мирныхъ договорахъ, откровенную предъ вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А намъ счастливый путь!“ Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли изъ шатра, провожали ихъ до лошадей бей, карачей и мурзы, и прощались любовно; множество христіанъ и бусурманъ, слышавъ о заключеніи мира, толпились у шатра и провожали посланниковъ радостными восклицаніями. Если въ Крыму такъ радовались заключенію мира, то еще больше радовались въ Россіи, и особенно въ Малороссіи. Во всѣхъ городахъ малороссійскихъ, чрезъ которые проѣзжали посланники, были имъ торжественныя встрѣчи, встрѣчали духовенство съ крестами и Святою водою, полковники, сотники и есаулы съ коннымъ войскомъ, съ знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пѣхота съ барабанами, мѣщане съ хлѣбомъ-солью и نانутками: вездѣ принимали съ радостію, любовно и слезами, благодаря Бога за „мирное постановленіе, корыпль, поилы, давали подводы. Въ Ватурѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ обнялъ посланниковъ отчески, съ великою любовію и радостными слезами, благодарилъ за любовь и совѣтъ къ писарю его Семену Раковичу, особенно благодарилъ и кланялся за то, что къ нему заѣхали и тѣмъ честь его гетманскую въ Малороссійскомъ народѣ прославили. На радостяхъ гетманъ задалъ большой пиръ: передъ замкомъ во время гостевъ гремѣли пушки, музыка играла во весь обѣдъ. На отпускѣ гетманъ просилъ напомнить великому государю о Малороссіянахъ, перенесшихъ съ западной стороны Днѣпра на восточную: не имѣють они никакихъ *хлебобитстельныхъ* промысловъ, кормитъ ихъ онъ, гетманъ, изъ своей шкатулы; — чтобъ великій государь велѣлъ послать

ихъ въ Сулезкихъ, Краснопольскихъ и другихъ слободскихъ угодьяхъ, на степныхъ рѣкахъ и дубровахъ; да чтобъ всѣмъ Малороссіянамъ, которые находятся подъ Вѣлгородскимъ разрядомъ, велѣлъ быть подъ его гетманскою властію и булавою, въ вознагражденіе за западную сторону Днѣпра, которая теперь отошла къ Туркамъ.

Когда въ Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и отъ султана. Для этого, въ 1681 году, отправился въ Константинополь дьякъ Возницынъ. Но Турки не захотѣли внести въ свою утвержденную грамоту статьи о Запорожьи, что оно принадлежитъ государю Русскому. Тщетно Возницынъ настаивалъ на внесеніи статьи и не хотѣлъ брать грамоты: визирь объявилъ рѣшительно, что посолъ или долженъ взять грамоту, или уѣхать безъ грамоты. Возницынъ обратился за совѣтомъ къ патриархамъ Константинопольскому, Іерусалимскому и Александрійскому, которые были въ тогда въ Царѣградѣ: патриархи присовѣтовали ему взять грамоту. Посолъ исполнилъ совѣтъ, но, принимая грамоту у визиря, протестовалъ: „Я принимаю эту грамоту поневолѣ и повезу ее къ царскому величеству на произволеніе, не зная будетъ ли она годна или нѣтъ“¹⁾.

Царское величество произволилъ принять грамоту. Въ Москвѣ были очень довольны, избавившись отъ тяжелой и опасной войны съ пожертвованіемъ голой степи, ибо такой видъ имѣло тогда уступленное Туркамъ Задѣйровье. виновникъ этого запустошенія западной Украйны, виновникъ отдачи ся Туркамъ — Дорощенко — жилъ покойно въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1679 года пріѣзжалъ къ нему дьякъ Бобининъ съ милостивымъ государевымъ указомъ: „Извѣстно великому государю, что ему, Петру, въ кормахъ и питѣи и въ конскомъ корму скудость, и потому великій государь пожаловалъ его, указалъ ему быть на Устюгѣ Великомъ воеводою“ Дорощенко поклонился въ землю и спросилъ: „Далеко-ль этотъ Устюгъ отъ Москвы и каковъ городъ?“ — „Отъ Москвы съ 600 верстъ и городъ славный, многолюдный“, отвѣчалъ дьякъ. — „Великій государь“, сказалъ Дорощенко, „обнадежилъ меня своею милостію, велѣлъ мнѣ быть со всѣми родственниками въ Сосенцѣ, а послѣ приказалъ быть въ Москву на время. А какъ я видѣлъ царскія очи, и тогда премоногоу государскою милостію быть обнадеженъ, указали мнѣ жить въ Москвѣ, дворъ мнѣ дали, кормъ и питіе. Буду быть челомъ великому государю, чтобъ меня на воеводство посылать не изволилъ: у меня въ малороссійскихъ городахъ три брата родные и родственники: — какъ услышать, то не подумаютъ, что я отпущенъ на воеводство, а представите мнѣ, что я сосланъ въ ссылку, и будетъ оттого большое дурно на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Объявляю и объ этомъ, зная

¹⁾ Дѣла Крымскія и Турецкія означенныхъ годовъ въ Москвѣ. Архивъ Мин. Ии. Дѣла.

тамошнихъ народовъ нравы. Ясню великому государю измѣнили, передался Хмельниченку, и я не таю, что Ясню и Хмельниченку мнѣ родственники. Въ Сосницѣ у меня было оставлено много цѣлѣна; изъ этого цѣлѣна много взялъ гетманъ, много распродало, а если царское величество отпуститъ меня на воеводство, то и остальное все пропадетъ. И теперь я въ большомъ сомнѣнн, что изъ Сосницы и другихъ городовъ отъ еродниковъ мопкъ недѣль съ шесть никакой вѣдомости ко мнѣ не было; а какъ я буду на такомъ дальномъ воеводствѣ, то и подавно всё отъ меня отступится и писать ко мнѣ не будутъ за такимъ дальнимъ разстояніемъ". Но послѣ Дорошенко одумался и взялъ Вятское воеводство.

Другая казачья знаменитость скоро также сошла со сцены.

Въ сентябрѣ 1680 года прѣѣхали въ Москву запорожскіе посланцы, полевой полковникъ Щербиповскій и войсковой писарь Выхоцкій; они привели извѣстіе, что Иванъ Сѣрко умеръ 1-го августа, и на его мѣсто выбранъ Иванъ Стягайлѣ. Выхоцкій въ тайномъ разспросѣ сказалъ: „Когда Сѣрко былъ коневымъ, то отъ него никакого добра къ великому государю не было, а говорить явно никто ему о томъ не смѣлъ для того, что чрезъ мѣру, или съ допущенія Вожія, или какою его хитростію всё его болясь, и что замѣрилъ, то и сдѣлаетъ, а еслибы кто не захотѣлъ его слушаться, того бы тотчасъ убили, потому что въ кругу у насъ великому вольности; а если бы на кого Сѣрко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыску смерть тутъ же въ кругу. Сѣрко не хотѣлъ добра великому государю, воервыя за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; вовторыхъ, злобилъ на гетмана за то, что жейб его и дѣтякъ была великая тѣснота и обиды, за то, что отнялъ у Запорожья старинныя маетности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сѣрку послышки отъ Польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украйнѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣренн, король прислалъ къ нему изъ Вѣлой Церкви пона. Сѣрко чрезъ этого пона обнадѣжилъ, послать къ королю сына своего и съ нимъ сотню казаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послать по Задесенью, Сѣрко же въ это время подъ королевичъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сѣрка услышатъ, что онъ сдѣлалъ королю, то начнутъ бунтъ, гетмана убьютъ, а Сѣрка провозгласятъ гетманомъ, обнадѣжатъ на то, что онъ чрезъ Польскаго короля отъ Турокъ и Татаръ дастъ имъ покой. Сила Божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьбою Яковомъ Консгантинновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злого намѣренія Сѣрка не допустили,

не дали ему и съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною Турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сѣрко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить свое намѣреніе, и началъ шварать,—заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ насѣбѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ, въ Дибировыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говоритъ казакамъ: „Слушайте меня, я человекъ старый и воинскій, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ въ добрыхъ мѣловохъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь". Король прислалъ къ нему Волоха, именемъ Апостоля, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ: мы съ судьбою узнали объ этомъ отъ Апостоля, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сѣрка, что намъ прикажетъ.—исполнили бы. Мы спрашивали у Сѣрка, зачѣмъ прѣѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Не задолго передъ смертію, Сѣрко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежнего себѣ здоровья не часть, и 1-го августа умеръ въ своей насѣбѣ скоропостижно".

Въ Сѣчѣ отправился царскій посланецъ Бердяевъ, повезъ подарки кошевому и старшимъ, всему войску повезъ 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ, по 50 пудъ пороху и свинцу. Бердяевъ прѣѣхалъ на конѣ въ ноябрѣ и говоритъ на радѣ, чтобъ Запорожцы не держались впередъ противныхъ поступковъ, какіе дѣлали при Сѣркѣ, и чтобъ присягнули на вѣрность царскому величеству.—„Для чего намъ присягать?" раздался въ отвѣтъ голоса. „мы великому государю не измѣняли и измѣнять не хотимъ: а суконъ прислано намъ мало, подѣлаться нечѣмъ, не будетъ на человекъ и по пол-аршину; на Донѣ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много: мы противъ Донскихъ казаковъ оскорблены". Тутъ же на радѣ былъ гетманскій посланецъ Сотомахъ; онъ началъ говорить: „Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, поимать только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно; и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что собираются въ арендѣ".

Ставъ говорить кошевой: „Хотите или не хотите великому государю присягу дать? а я самъ отъ себя дамъ, потому: прежде у бывшаго коневого атамана Ивана Сѣрка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непониманіе, и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много лѣтъ".

—„Есть намъ за что присягать!" закричала толпа, „дѣль вамъ, старшимъ, прислано государево жалованье болшое: вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованн, а чтобъ войску было жалованье.—о точъ человекъ не бли". Кошевой хо-

тѣль идти въ церковь присягать, по его не пустили; сильнѣе вѣсьхъ мучилъ войсковою писарь Петръ Гукъ, потому что ему не прислано подарковъ; по въ Москвѣ думали, что въ Сѣчи только одинъ писарь Быхоцкій, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкій былъ старый писарь, а на его мѣстѣ давно уже былъ Гукъ. На другой день послѣ заутрени собралась другая рада; Гукъ переѣхался, началъ уговаривать казаковъ, чтобъ принесли присягу, и толпа пошла въ церковь цѣловать крестъ. Когда Бердяевъ возвратился, то въ Занорожье, послали немедленно еще 50 половинокъ суконъ и жалованье Гукъ¹⁾.

Опасная Турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствованіе Θεодора, раздѣлится, должна была имѣть влияние на отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Съ Швеціею шли прежніе споры вѣдѣствіе пограничныхъ столкновений; но тщетно Данин убѣждала Русское правительство разорвать миръ съ Швеціею: гроза на югѣ не давала возможности думать о войнѣ. Отказавшись отъ предложеній датскихъ относительно Швеціи, Московскій Дворъ попытался-было отвлечь отъ Россіи силы Турціи, вооруживъ противъ нея Австрію: бояринъ Бутурлинъ ѣздилъ въ Вѣну склонять императора къ разрыву съ Турціею, но получилъ отказъ, подъ предлогомъ враждебныхъ отношеній Австріи къ Франціи и бездѣйствія Польши²⁾. Но если съ Западными державами можно было вести дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то на Востокѣ съ степными хищными ордами это средство было не дѣйствительно, тѣмъ болѣе что тамъ же, въ степи, жили казаки, которые не смирившись съ государствомъ, когда имъ надобно было добыть зинчукъ или отмстить за обиду. Мы видѣли³⁾, что новые кочевые сосѣди Россіи, Калмыки, волею-неволею должны были признать надъ собою власть великаго государя и ходить на помощь русскимъ войскамъ. Правительству нужно было поэтому надѣть ихъ, и въ 1677 году въ Москвѣ съ неудовольствіемъ узнали, что между Калмыками и Донцами началась ссора. Съ разныхъ мѣстъ по Волгѣ начали приходить вѣсти, что казаки ходили громить калмыцкіе улусы. Стрѣленціе сотники погнали для провѣдыванія; пабѣду, казаковъ спрашиваютъ: зачѣмъ ходили на Калмыковъ, по какому указу? Казаки, которые подобрались-были, отвѣчаютъ: „Государева указа у насъ нѣтъ, чтобы за Калмыками войною ходить, но Калмыки чинятъ намъ обиды бо янія, и мы, не хоя отъ нихъ обиды терпѣть, собрались да и пошли на нихъ войною, а не для ради иного воровства“. Другіе, же нѣе добросовѣстные, отвѣчаютъ: „Мы ходили на калмыцкіе улусы войною по указу великаго государя, а тотъ указъ у насъ на Дону въ войскахъ“. Разумѣется, на Дону ника-

кого указа не было. а былъ указъ въ Астрахани, по которому тамонинѣ воеводы отравили голову конныхъ стрѣльцовъ Змѣева вверхъ по Волгѣ—остановить казаковъ и поворотить ихъ назадъ на Дону. Выше Чернаго Яру Змѣевъ встрѣтилъ 22 люди, въ нихъ 245 казаковъ съ атаманомъ Игнагенымъ. Змѣевъ объявилъ имъ указъ великаго государя—на калмыцкіе улусы войною не ходитъ, поворотитесь въ свои казацкіе городки и жить съ Калмыками въ миру, потому что они служатъ великому государю. Казаки отвѣчали: „Вышли мы на Волгу рѣку на калмыцкіе улусы для того:—въ нынѣшнемъ году приходили подѣ многе наши казачьи городки калмыцкіе люди войною, женъ и дѣтей многихъ въ полонъ взяли, стада отогнали; и мы ходили на нихъ войною по многимъ задорамъ, хотѣли у нихъ отбить изъ полону женъ, дѣтей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а женъ и дѣтей своихъ въ улусахъ нигдѣ не застали, и хотѣли-было еще на калмыцкіе улусы идти, чтобъ отбить женъ и дѣтей и остальные стада, но теперь, слыша великаго государя указъ, на калмыцкіе улусы не поидемъ, поворотимъ въ свои казачьи городки“. И дѣйствительно поворотились. Въ январѣ слѣдующаго 1678 года вѣрный слуга царскій, князь Каспулатъ Муцалывичъ Черкасскій, писалъ къ государю, что ѣздилъ онъ въ калмыцкіе улусы, къ Аюкѣ и другимъ тайнамъ звать ихъ на государеву службу на Крымъ; но Аюка сказалъ, что на службу не идетъ за разореньемъ отъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые людей у нихъ побяли. женъ и дѣтей побрали. Царь немедленно отравилъ князю Каспулату приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы и помирить Калмыковъ съ Донскими казаками.

На Волгѣ Дону поворачивались назадъ, услышавъ указъ великаго государя; но на Яикѣ сильно нахло Разинскимъ духомъ. Въ іюлѣ 1677 году, въ Москвѣ получена была вѣсть, что воронскіе казаки, вышедшіе изъ яицкихъ городковъ, подъ начальствомъ Васьки Касимова, взяли на Яикѣ городокъ Гурьева (названный такъ по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинець и порохъ заорали, и расположились на Каменномъ островѣ въ устьи Яика. Астраханскій воевода, князь Константинъ Щербатовъ, выслалъ противъ нихъ 800 стрѣльцовъ въ ягнадцати стругахъ: но въ Москвѣ вспомнили о Разинѣ и сильно испугались, выслали въ Астрахань боярина Петра Михайловича Солтыкова съ приказомъ идти съ великимъ радѣньемъ и посильнѣемъ, неслонно, для того, что въ Астрахани малоллюдно и надъ воронскими людьми промышлять негѣмъ. Голова казанскихъ стрѣльцовъ Мамонинъ нагло воровъ на морѣ и поразилъ. Воровъ въ числѣ 230 человекъ (въ томъ числѣ 40 раненыхъ) пристали къ Трухменскому берегу, но Трухменцы прогнали ихъ, и они объявились у персидскаго берега на островѣ Сары, на которомъ стоялъ и Сеняка Разинъ. Живя на островѣ, они выѣзжали на море воровать;

¹⁾ Столбы и вѣши Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

²⁾ Москв. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Швеціи, Дтскія и Австріи.

³⁾ Исторія Россіи, см. т. XII.

но шахъ послалъ на нихъ ратныхъ людей, съ которыми у нихъ опять былъ неудачный бой. Въ концѣ года воры явились подъ Бакою въ четырехъ стругахъ, но тутъ ихъ выкинуло на берегъ 29 человекъ, которые забраны жителями и отвезены къ Шамаханскому хану.

Мы видѣли волненіе Башкиръ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; при Θεодорѣ волненія возобновились, тѣмъ болѣе что война Россіи съ Турціею не могла не отозваться между мусульманскими народонаселеніемъ степей. Въ началѣ 1679 года изъ Верхотурья дали знать въ Москву, что крестынской *сидчикъ* (призываній и селившій, садившій крестьянъ) и приказавшій одной изъ слободъ, Араповъ, былъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ въ татарской деревнѣ для разныхъ покупокъ; въ эту деревню при немъ пришло къ Татарамъ десять человекъ Башкирцевъ, и говорили между собою, что на весну они будутъ воевать Кунгуръ, симбирскія слободы и подгороды; Башкирцы говорили: „Тигришь Турки и Крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа“. Араповъ извѣщалъ, что всѣ Татары и Башкирцы кормятъ лошадей, дуки и стрѣлы дѣлаютъ, и ружья у нихъ много, у всякаго человека по двѣ и по три пистали винтовки. Велѣдъ за тѣмъ действительно Татары явились на лыжахъ подъ Кунгуръ, взяли острогъ и деревни вырубилъ. Лѣтомъ 1680 года получены были извѣстія, что калмыцкій тайша Аюка заключилъ миръ съ Крымскимъ ханомъ, отпустилъ 1,000 человекъ своихъ улусниковъ въ Крымъ, и двѣ тысячи отправилъ подъ русскіе украинные города; извѣщали, что Аюка хочетъ помириться и съ уфимскими Башкирами, чтобъ вѣстѣ съ ними ходить войною подъ казанскія городки, подъ Сачару и другіе украинные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ больше трехъ тысячъ Татаръ, Калмыковъ и Черкесъ явились подъ Пензю, сожгли посады и ушли въ степь. Башкиры начали перевозиться за Волгу съ тугоной стороны на погайскую. Въ 1681 году по Тоболу неслись слухи, что Башкиры выѣхали всѣ изъ улусовъ вооруженные, остались только тѣ, которые сидѣть на коняхъ не могутъ.

Въ Южной Сибири продолжалась борьба съ Киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томскій уѣздъ, будучи подведены измѣнниками, государевымъ ясачнымъ людямъ. Конные и пѣшіе казаки выступили противъ разбойниковъ, поразили ихъ и отняли добычу, съ потерей пяти человекъ своихъ. Въ то же время другая большая толпа Киргизовъ приступила къ Красноярску и къ острожку его уѣзда; крѣпостей взять ихъ не удалось, но 16 деревень было сожжено Тубинцы соединились съ Киргизами: это озлобilo красноярскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ: они взяли тубинскихъ аманатовъ, вывели за городъ и разстрѣляли въ виду ихъ родичей. Узнавши объ этомъ, государь велѣлъ Красноярскаго воеводу Загряжскаго посадить въ тюрьму на день, зачѣмъ выдалъ аманатовъ служилымъ людемъ, а служилымъ людямъ велѣлъ сказать: „Довелись изъ нихъ лучшие люди за ту вину, что аманатовъ разстрѣляли, смаргной казни; но для нынѣшней ихъ службы и разоренія мы ту вину велѣли имъ отдать, и они бы, видя нашу такую премоноую милость, назъ служили и у тубинскихъ князевъ аманатовъ взяли добрыхъ родовъ“.

На сѣверѣ Самоѣды не хотѣли платить ясакъ; когда, лѣтомъ 1679 года, ясачные сборщики приѣхали въ старый Мангазейскій городъ, то къ нимъ явился Самоѣдскій князецъ Шыла и бросилъ на землю ясакъ — 76 песовъ, тогда какъ прежде платили саболями и бобрами. „Давайте ясакъ по-прежнему“, сказали ему сборщики. Въ отвѣтъ Шыла крикнулъ своимъ родичамъ: „Промышляйте надъ нами!“ Самоѣды бросились съ ножами на сборщиковъ, но тѣ оттолкнули ихъ, схватили Шылу и убили: родичи его бѣжали изъ города, но, собравшись съ силами, начали пристунать къ нему; Русскіе отбегались отъ нихъ три дня и три ночи; осажденныхъ выручили двое самоѣдскихъ же князевъ, которые ударили на своихъ и отбили ихъ отъ города. Другіе Самоѣды осаждали Обдорскій городокъ и свирѣпствовали противъ своихъ, не хотѣвшихъ дѣйствовать заодно съ ними противъ Русскихъ.

На востокѣ поднимались то Якуты, то Тунгусы. Изъ Верхнеингойскаго зимовья ясачный сборщикъ далъ знать Якутскому воеводѣ, что разныхъ родовъ ясачные Тунгусы стояли съ мѣсяць окозо зимовья, хотѣли побить казаковъ и зимовье взять. Еще осенью 1675 года Якуты убили нѣсколько русскихъ промышленниковъ, и заводчикъ оказался ролоначальникъ Балтуга, Якутъ Арканской волости. Къ нему отправлены были для *разговору* двое казаковъ да нѣсколько мирныхъ Якутовъ; но одинъ изъ казаковъ былъ убитъ самымъ варварскимъ образомъ. Якутскій воевода послалъ на Балтугу отрядъ изъ Русскихъ и мирныхъ Якутовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Балтуга прислалъ аманатовъ, двоихъ дѣтей — сына и племянника своего, и объявилъ, что самъ придетъ, когда захочетъ; если же Русскіе люди и Якуты пойдутъ на него войною, то онъ всѣхъ побѣтъ и станетъ драться до послѣдняго ребенка, а живой Русскимъ людямъ не дастъ; мирныхъ Якутовъ уговаривалъ, чтобъ они къ Русскимъ не приставали и на него войною не ходили; если же пойдутъ, то онъ и ихъ побѣтъ вѣстѣ съ Русскими. Но смѣлость не была въ-уровень съ силами. Якутскій патриотъ принужденъ былъ бѣжать переть врагами его свободы, и раненный былъ схваченъ и привезенъ въ Якутскъ. Туда же привезли изуродованный трунъ казака, убитаго Якутами. Это зрѣлище взволновало якутскихъ служилыхъ людей и они подали челобитную: „Посылаютъ насъ на твою, великаго государя, службу и для ясачнаго сбора, и въ посылки за измѣнниками въ походы ходимъ; и твои измѣнники, ясачные и не-

ясачные иноземцы, насъ побиваютъ до смерти и наругательство чинятъ многое, груди вепарываютъ, сердца выпинаютъ, руки обѣкаютъ, глаза выкалываютъ. Божіею милостію измѣнника Балтугу съ сродниками поймали въ бою, и на поискѣ оны многихъ служилыхъ людей переранили. Милосердый государь! вели своему воеводѣ тѣмъ измѣнникамъ, по Соборному Уложению, указъ учинить“. Братья убитаго казака не вытерпѣвъ, подошелъ къ раненому и связанному брату Балтуги и прокололъ его копьемъ до смерти. Воевода приговорилъ бить его кнутомъ на козлѣ: не бей самовольствомъ пойманныхъ и связанныхъ! Градскіе всѣхъ чиновъ люди упростили вѣсто кнута бить богатоми; но служилые люди оскорбились, что ихъ братью наказываютъ за измѣнниковъ, и подали другую челобитную: „Ходимъ мы промыслять по великой рѣкѣ Лейтѣ и по Витуму и по инымъ стороннимъ рѣкамъ; съ нашихъ промысловъ въ твою, великаго государя, казну собирается со всякаго звѣря десятая, и съ отпуску денежная казна; а теперь иноземцы—Якуты и Тунгусы—насъ, сиротъ твоихъ, грабятъ, огнемъ жгутъ и убиваютъ вѣсто свиней, разорили насъ вконецъ и промыслы всѣ остановили, а мы отъ нихъ обороняться не смѣемъ, боясь отъ тебя казни, и намъ впередъ на промысла ходить никакъ нельзя, а твоей казнѣ въ томъ учинится недоборъ и поруха велика“. Воевода, выслушавъ челобитные служилыхъ людей, приискалъ въ Соборномъ Уложеніи главу объ измѣнникахъ: нашель, что ихъ должно казнить смертью, и послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь было принято некое—приводить иноземцевъ подъ государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притомъ здѣсь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводятъ изъ терѣннй иноземцевъ, и потому пришелъ указъ: великій государь Балтугу въ вниѣ проставилъ для своего многолѣтняго здоровья и для поминовенія отца своего, смертью казнить не велѣно, велѣно бить кнутомъ на козлѣ нещадно и дать на поруки. Но въ слѣдующемъ же году поруки 20 человѣкъ ясачныхъ Якутовъ подали челобитную, что Балтуга съ родичами свою братью Якутовъ бьетъ, грабятъ, насильства всякія чинитъ и ясака не платитъ.

Несмотря на появленіе здѣсь и тамъ сильныхъ духомъ родоначальниковъ между дикарями, имъ не сладить было съ Русскими людьми: роды были слишкомъ ничтожны, разбросаны на огромныхъ пространствахъ и враждебны другъ другу; всихнеть возстаніе,—для его подавленія пойдутъ Русскіе люди, ихъ ничтожное число—человѣкъ пятнадцать, но съ ними толпа покорныхъ туземцевъ, которые идутъ усмирять своихъ; осадить дикари въ острожкѣ Русскихъ людей: на выручку къ послѣднимъ слѣшатъ другіе дикари. Подчиненіе обширныхъ пространствъ Сѣверной Азии не могло быть стѣловательно трудно для Русскихъ; туземцы жили при такихъ формахъ быта, при которыхъ племена бывають не слишкомъ шекотливы при наложеніи на нихъ дани сильнѣйшимъ; предки покорителей

Сибири были сильнѣе природою Якутовъ, Тунгусовъ и Бурятъ, однако и они, въ IX вѣкѣ, живя въ такомъ же раздѣленіи по родамъ, платили дань первому, кто съ нихъ ее требовалъ съ оружіемъ въ рукахъ; поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотѣлъ брать двойную дань, какъ волки, повадывшійся къ овцамъ. Къ несчастію, такихъ Игорей было много въ Сибири въ описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчиненіе туземцевъ, поднимали возстанія, заводили кровь, по старинному выраженію.

Осенью 1677 года на Уралѣ ясачные Тунгусы перебили казаковъ, шедшихъ изъ Якутска въ Охотскъ, взяли пушку, ручное оружіе, товарную казну, и отпустили въ Охотскъ ильѣнную казачью жену, наказавши ей: „Поди, скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили казаковъ за налоги и обиды ясачнаго сборника Юрія Крыжановскаго,—брать съ насъ соболи добрые и рысы, и олени, съ человѣка соболя по четыре и по пяти, и малыхъ ребятъ у насъ всѣхъ выискалъ и велѣлъ за нихъ приносить по соболю; брать у насъ соболей и оленей силою, и плавалъ намъ въ глаза: что-де мнѣ мало носите, то выручу!“

Но Тунгусы не ограничились этою местию. Заводчикомъ мятежа былъ уже знакомый намъ Зелемей¹⁾: онъ распустилъ слухъ между своими, что въ Якутскѣ всѣ казаки умерли, осталось только двое живыхъ, послать въ Охотскъ некого, и потому время надъ нимъ промыслять. По этой Зелемеевской сказкѣ собралось Тунгусовъ человѣкъ съ 1,000 и осадили Охотскъ. Ярыжкинъ послалъ толмача перекликаться съ Зелемеемъ: „Что васъ много очень пришло и кругомъ вы острога обошли? Ступай въ Охотскъ и съ приказнымъ человѣкомъ переговоры, не опасаясь ничего!“—„Въ острогъ нейдю“, отвѣчалъ Зелемей, „ясаку у насъ нѣтъ, а зачѣмъ мы пришли, увидите сами“. Тунгусы пошли валомъ на приступъ. Крыжановскій не успѣлъ уйти въ острогъ. Тунгусы осадили его въ его домѣ, у избы окно выломали, подъ стѣну огня наклали, засѣли въ казачьихъ домахъ, находившихся за острогомъ, и начали стрѣлять въ острогъ изъ-за дворовъ; стрѣлы полетѣли на острогъ со всѣхъ сторонъ, точно комары. Между тѣмъ Крыжановскій вопилъ о помощи, Ярыжкинъ сдѣлалъ вылазку и выручилъ его, отогналъ Тунгусовъ отъ Охотска. Приступъ не повторился. Началось дѣло о Крыжановскомъ (ильѣнномъ Полякѣ, брата его звали Казиміромъ—происхождение ясно!). На него показали, что онъ приправочныя и ясачныя книги держалъ у себя на дому, ночью пріѣзжали къ нему Тунгусы прежде ясачнаго платежа, онъ отбиралъ у нихъ лучшіе соболи себѣ, а въ казну плохіе, брать у иноземцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло. Попалясь и Ярыжкинъ въ казнокрадствѣ и насильствѣ своимъ и чужимъ. Обоимъ велѣно бить кнутомъ нещадно, сослать въ Даурскіе острожки, и ни

¹⁾ Исторія Россіи, св. т. XII, стр. 536.

къ какія дѣламъ не опредѣлять. Но преемникъ ихъ въ Охотскѣ, Данило Вибиковъ, не задумался пойдти по ихъ слѣдамъ: вѣшалъ Тунгусовъ, билъ кнутаомъ, рѣзалъ уни и носы, приказывалъ Тунгусамъ при платежѣ ясака лучшіе соболи прятать въ пазуху и подъ-полу, и потомъ отдавать ему. Вибиковъ не дождался наказанія изъ Москвы: его на дорогѣ изъ Охотска въ Якутскъ подстергли Тунгусы въ 1680 году и убили вмѣстѣ со всѣмъ отрядомъ Русскихъ людей.

Въ Нерчинскѣ на приказнаго человѣка Шульгина поднялись не туземцы, но Русскіе служилые люди: Шульгинъ за взятки выпускалъ бурятскихъ аманатовъ, которые потомъ извѣняли, уходили въ Монголію; но жень аманатскихъ не выпускалъ: они были ему надобны; подучалъ однихъ Бурятъ огораживать табуны у другихъ и дѣлался добычею съ хищниками; скуная хлѣбъ, курить изъ него вино, варилъ пиво, продавалъ, а другимъ ѣсть было нечего по дорогамъ изъ хлѣба, — питались травой и кореньями; билъ служилыхъ людей кнутаомъ и батогами, велѣлъ брать въ руку батогами по пяти и по шести. Служилые люди выпли изъ терифна, послали челобитниковъ въ Москву; но до Москвы далеко; когда-то придетъ указъ? — и, въ ожиданіи указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину отъ сѣбзжей избы и выбрали къ государеву дѣлу одного сына боярскаго да десятника казачья ¹⁾.

При тяжелой и опасной войнѣ съ Турками, при волненіяхъ степныхъ варваровъ, при несовершеннѣйшемъ и болѣномъ царѣ, при смутѣ во дворцѣ, Московское правительство, волею-неволею, какъ могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терѣло. Въ самомъ началѣ царствованія Феодора опять поднялся старый вопросъ, отцовскій и дѣдовскій, — вопросъ о торговлѣ иностранцевъ въ Россіи и черезъ Россію. Мы видѣли, что при царѣ Алексѣѣ заключенъ былъ договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, которые обязались доставлять въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи. Но Армяне не исполнили обязательства; а между тѣмъ Голландскій посланникъ фанъ-Кленкъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ позволено было Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россіи, и пропускать Персіянъ черезъ Россію съ шелкомъ-сырцомъ въ Голландію. Но объячу, позвали гостей передъ боярѣ, читали имъ договорныя грамоты съ Армянами, переводы съ писемъ фанъ-Кленка, и спрашивали, какъ тому шелковому промыслу противъ посольскихъ писемъ въпредъ состоятся. Гости отвѣчали: „Персіяне и Армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка въ Россійское государство не привезли, но прежніяи путями весь лучший шелкъ и теперь отпущаютъ, поэтому прибыли отъ шелковаго промысла нечего надѣяться. Если голланд-

скій посолъ просить, чтобъ Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россійскомъ государствѣ и пропускать Персіянъ черезъ Россію въ Голландскую Землю, общая оттого Россійскому государству въ торгахъ многое прощѣваніе, то должно ему выѣсто цѣвта явить самый плодъ и договоръ теперь же заключить, чтобъ шелкъ-сырецъ, сколько его ни будетъ привезено изъ Персіи, принимать Голландцамъ у Архангельска изъ казны великаго государя и у купецкихъ людей по уговорной цѣвѣ, противъ того, какъ у нихъ, Голландцевъ, и другихъ иноземцевъ заключенъ договоръ насчетъ того шелка, что идетъ изъ Персіи черезъ Турнію. А если договора заключить не захочетъ, то ясно, что никакой онъ прибыли Россійскому государству не желаетъ, только умышляетъ оставить въ Россійскомъ государствѣ тѣхъ прибылей цѣвтъ, а плоды этихъ цѣвтовъ хочетъ привлечь въ свою Землю и Россійскимъ купецкимъ людямъ убытокъ сдѣлать, потому что будутъ Голландцы торговать съ Персіянами между собою — прибыль между ними и останется. Можно такъ сдѣлать: пусть Русскіе люди и Голландцы торгуютъ въ Россіи съ Персіянами и Армянами вмѣстѣ два года, и если въ эти два года государевой казнѣ поруки, а купецкимъ русскимъ людямъ утѣшенія не объявятся, то и впредъ этому торгу быть прочну; но и это опасно: Голландцы нарочно въ два года никакого притѣшенія намъ не сдѣлаютъ, чтобъ договоръ подтвердили; а какъ подтвердятъ, — тутъ они насъ всѣхъ отъ торгу отлучатъ и завладѣютъ одинъ такъ, какъ въ Восточной Индіи завладѣли золотою и серебряною рудами и всѣми другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ приобретаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежній второй договоръ съ Армянами ²⁾, чтобъ они торговали шелкомъ съ русскими купецкими людьми повольною цѣвною, а чего у нихъ Русскіе люди не докупятъ, то принять въ казну, съ уплатою изъ нея деньгами и товарами. Если же онъ и этого договора исполнять не захотятъ, то позволить имъ торговать въ Архангельскѣ съ иностранцами. Хотя отъ этого русскимъ купецкимъ людямъ въ торгахъ и будетъ какая помѣха, однако все не такъ, какъ если позволить иностранцамъ торговать между собою во всемъ Россійскомъ государствѣ, или отпускать ихъ чрезъ Россійское государство за море“ ³⁾. Тогда же царь, поговоря съ патриархомъ, указалъ боярамъ и бояре приговорили — подтвердить постановленіе царя Алексѣя, состоявшееся въ 1647 году, чтобъ Греки торговали только въ Путьвлѣ, причемъ выставлены и причины, побудившія къ этому: сначала пріѣзжали изъ *Цалестинъ* греческія власти, привозили съ собою многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а ихъ братья, торговые Греки, пріѣзжали самыя знатныя люди и привозили съ собою дорогие товары самыя добрыя;

¹⁾ Дополн. къ актамъ истор. т. VII, № 3, 47, 48, 61; 72, 73, 75, т. VIII, № 15, 44, 77.

²⁾ Исторія Россіи, т. XII, стр. 566.

³⁾ Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 105.

а теперь духовнаго чина никто не прѣзжаетъ, начали прѣзжать Греки самые незначительные и не для прямаго торгова: у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые, — вмѣсто алмазовъ и другихъ дорогихъ камней поддѣланныя стекла; да изъ нихъ же многіе начали воровать, товары провозить тайно, а иные поддѣлываютъ заочно воровскія кабалы, торгуютъ виномъ и табакомъ ¹⁾).

Замѣчательнѣйшія постановленія царствованія Теодора относятся преимущественно къ послѣднимъ годамъ, когда царь возмужалъ и когда, по устраниціи Милославскихъ, Языковъ, Лихачевъ и Голлицынъ получили главное вліяніе. Въ 1679 и 1680 годахъ отмѣнено членоотсѣченіе: „Которые воры объявятся въ первой или въ двухъ татьбахъ, тѣхъ воровъ, пытавъ и учивъ имъ наказаніе,сылать въ Сибирь на вѣчное житіе на шапшу, а казни имъ не чинить, рукъ и ногъ и двухъ перстовъ не сѣчь,сылать съ женами и дѣтми, которыя дѣти будутъ трехъ лѣтъ и ниже, а которыя больше трехъ лѣтъ, — тѣхъ несылать“ ²⁾. Въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьячка Жукова за то, что отсѣкла косою голову мужу своему: сѣтки пробыла она въ землѣ, какъ владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырь: государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 году была такой же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить; государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь ³⁾. Въ 1680 году разсланы были во все города грамоты, чтобъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ колодниковъ никого, ни въ какихъ дѣлахъ многихъ дней не держали, рѣшали бы ихъ дѣла немедленно. Въ томъ же году издано было постановленіе: „Впередъ тюремныхъ сидѣльцамъ *глазнаго* съ новоприводныхъ людей, которые посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку, брать не велѣно“ ⁴⁾. Въ 1681 году патриархъ разослалъ намять: „Если мужа отъ жены, а жены отъ мужа захотятъ постричься: то ихъ не постричать; а если жена отъ мужа пострижется, то мужу ея другой жены не брать, также и женами, постъ постриженія мужей, замужъ не выводитъ“ ⁵⁾. Въ 1679 году были целомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы замужъ съ вотчинами, и мужа ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобъ онѣ свои приданыя вотчины продавали и закладывали своими именами: состоялся указъ, чтобъ мужа не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами ⁶⁾.

Въ 1680 году отмѣнена неприличная форма въ челобитныхъ: „Чтобъ государь пожаловалъ, уми-

лосердился, какъ Богъ“; вмѣсто этого велѣно писать: „Для приключивагося котораго праздника и для его государскаго многолѣтняго здравія“. Въ томъ же году издавъ патриаршіи указъ: въ Приказахъ допрашивать духовныхъ отцовъ только объ изуствныхъ памятяхъ и завѣщаніяхъ, при нихъ съдѣланныхъ, а не о грѣхахъ кающихся ⁷⁾.

Строгія мѣры, принятыя при царѣ Алексѣѣ противъ раскола, мало помогали. Въ 1677 году узнали въ Москвѣ, что по Дону и рѣчкѣ Медвѣдицѣ, въ казачьихъ юртахъ завелись жить старцы и попы и всякіе прихожіе люды въ пустыняхъ, печатныя книги, церковную службу и икононое письмо хулятъ, образамъ Божиимъ не поклоняются, много людей изъ донскихъ городковъ къ себѣ подговариваютъ и крестятъ въ другой разъ. Воевода Волынской, стоявшій съ войскомъ на Дону, отправилъ стрѣлцакаго сотника Григорова развѣдать о расколникахъ. Григоровъ возвратился и донесъ, что на рѣкѣ Медвѣдицѣ никакой пустыни не нашеля, а была въ пустыни Левской, на рѣчкѣ Чирѣ, пониже казачьяго городка Нижняго Чира: въ этой пустыни строителемъ черный попь Іовъ, да чернецовъ 20 человекъ, а бѣльцовъ человекъ съ 30; служить Іовъ по старымъ книгамъ, а новокрещенныя хулитъ, говоритъ, будто въ нихъ все изречено. Получивши это донесеніе, въ Москвѣ сдѣлали допросъ бывшему тогда здѣсь станичному атаману Панкратьеву, что за Левская пустыня и гдѣ рѣка Чиръ. Панкратьевъ отвѣчалъ, что Левская пустыня въ сторонѣ, на день ѣзды отъ города Чира; начали въ этой пустыни люди жить поселъ Разлиискаго воровства, тому лѣтъ съ пятью; въ войскѣ пропустыни знаютъ, что въ ней живутъ мужичины и женщины, дѣвки и ребята, но безъ указа государева войско надъ нею ничего дѣлать не смѣетъ, а если государь прикажетъ разорять, то сейчасъ разорять. Тому другой годъ, какъ пришелъ на Донъ и поселился въ пустыни въ лѣсу, на Крымской сторонѣ, черный попь да два человекъ простыхъ чернецовъ; эти простые чернецы съ попомъ поссорились и, пришедши въ Черкасскъ, донесли войску, что попь за великаго государя Бога не молятъ и имъ молить не велитъ. По этому извѣстию, атаманъ Михайло Самаринъ и все войско послали за попомъ и, приведя его въ Черкасскъ, сложили по войсковому праву, и въ пустыни его теперь никто не живетъ. Волынскому посланъ былъ указъ, разорить воровъ и церковныхъ противниковъ, и впередъ нигдѣ имъ въ войскѣ присташица не дати, пущихъ заводчиковъ прислать въ Москву, а остальныхъ наказать по войсковому праву, чтобъ впередъ такіе воры не множились и войску оттого прилевова не было ⁸⁾. Въ то же время изъ Сибири приходила вѣсть, что въ Тюмени сынъ калмыцкаго толмача Никита Елизарьевъ говорилъ: „Которыя церкви сгорѣли въ Тобольскѣ, и то были не церкви, костелы“; священ-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. IV, № 214.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 772, 846.

³⁾ Акты историч. V, № 14, 80.

⁴⁾ Акты историч. V, № 55, Полн. Собр. Зак. № 845.

⁵⁾ Акты Арх. Эксп. IV, № 247.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак., № 751, 762.

⁷⁾ Полн. Собр. Зак., № 826, 827.

⁸⁾ Архивъ Мин. Ич. Д.; дѣла Датскія 1677 года.

никовъ называлъ псами. Призванный къ допросу, раскольникъ объявилъ, что троеперстнымъ проклятымъ сложеніемъ не крестится; отецъ молодого раскольника, толмачъ, пришелъ въ приказную избу и объявилъ, что четвероконечный крестъ — антихристова печать. Обоиъ были кнутомъ нещадно и отдали на поруки. Въ Тюмени же, въ 1677 году, въ соборной церкви трое мужчинъ и одна монахиня во время Херувимской закричали: „Православные христіане! не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на провирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристово печатно!“ Крикнувъ взяли въ приказную избу, гдѣ они объявили, что пришли на Тюмень истинной вѣры изыскивать; ихъ были кнутомъ нещадно и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даниилъ въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, пѣли вечерни, заутрени и часы; государя, царской домъ, патриарха и Сибирскаго митрополита не поминали, православныхъ христіанъ называли еретиками. Въ этой же пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются. Слыша такую прелесть, многие вслажи чинувъ люди, оставя дома, имѣніе и скотъ, бѣгутъ въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Тобольскій воевода, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, послалъ отрядъ войска захватить Даниила, но войско, вмѣсто пустыни, нашло только кучи непла: Даниилъ съ единомышленниками своими въ избахъ сожглись ночью, а другіе разбѣжались; примѣръ Даниила подѣйствовалъ. Въ Мехонской слободѣ крестьяне, драгуны и бѣломѣстные казаки, собравшись съ женами и дѣтьми во дворъ къ драгуну Абрамову, нанесли пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской приказникъ началъ уговаривать ихъ, чтобъ отстали отъ своей прелести, и они было-послушались; но дьячекъ Иванъ Осодоровъ, располь, своими рѣчьками уничтожилъ дѣйствіе приказчиковыхъ словъ. Въ 1679 году, въ Исетскомъ острогѣ крестьянинъ Бархатовъ, ходя по разнымъ мѣстамъ, проповѣдывалъ, что не должно ходить въ церкви; Бархатова поймали; но братья его, Гаврила, съ двадцатью товарищами отбили пойманнаго, уѣхали въ деревню Мостовку, заперлись во дворъ и объявили, что сожгутся. Къ нимъ поѣхалъ уговаривать капитанъ Поляковъ; раскольникъ потребовалъ сроку, — срокъ былъ имъ данъ, и они въ это время написали челобитную государю; написали, что заперлись, испугавшись приказныхъ людей, потому что приказный человекъ перехватывалъ тѣхъ, которые зашли въ Мехонскій слободѣ, и морилъ на морозѣ цѣлый день, просилъ по полтнѣ съ человека, — люди бѣдные, дать было нечего; они ихъ распустилъ по домамъ, а женъ и дѣтей разогналъ, и они руки и ноги познобили. „Ей, ей, великій государь, не знаемъ за собою никакого вымысла злаго, но только держимся стараго благочестія и икононовыхъ новопечатныхъ книгъ не принимаемъ, потому что

тѣ книги съ прежними ни въ чемъ не согласуются. Да еще нудятъ насъ креститься тремя перстами, шепотью, да велютъ оставить истинный тричастный крестъ Христовъ. Если, государь, своего царскаго указа не пожалуешь намъ и впередъ приказнымъ людямъ, заказчикамъ и понашь попустишь насъ бѣдныхъ разорять и къ новозлащенной вѣрѣ нудить, и мы къ тебѣ пишемъ и плачемъ, что и не подумаемъ принять новой вѣры и новопечатныхъ икононовыхъ книгъ, на смертныи часъ готовы, пострадать и въ огнѣ горѣти, какъ у Даниила священношюка пострадали; если не дадутъ намъ собираться, то мы каждый въ своемъ домѣ пострадаемъ, а отъ Христа не останемъ.“¹⁾

Такія вѣсти приходили съ Украйны, изъ Сибири, съ Дону; но вотъ и въ самой Москвѣ, въ 1681 году, въ Крещенье, Герасимъ Шапочникъ бросилъ съ Ивановской колокольни раскольникы листы въ народъ; схваченный, оговорилъ Антона Хвораго, а этого оговорилъ Осипа Сабельника, у котораго въ домѣ пѣли часы, пекли просвиры и послѣ часовъ раздавали людямъ, которые бѣли и выѣняли въ святость²⁾.

Въ томъ же 1681 году собрался церковный Соборъ. Царь возвѣстилъ ему о дѣлахъ, которыя требуютъ исправленія: вначалѣ, къ огражденію Св. Церкви, а потомъ на распространіе христіанамъ, впервыхъ, о прибавкѣ вновь архіереевъ по городамъ, вслѣдствіе умноженія церковныхъ противниковъ и о другихъ нуждахъ, требующихъ исправленія. Въ первомъ царскомъ предложеніи говорилось: Каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископа, подвластнаго ему, а св. патриарху, отцамъ отцу, имѣть многихъ епископовъ. Соборъ отвѣчалъ: великому государю бить челомъ митрополиты и архіепископы, назначить вновь въ пристойныхъ мѣстахъ, въ дальнихъ и многонародныхъ городахъ, архіереевъ особыми епархіями, а не подвластныхъ митрополитамъ, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было церковнаго разгласія, распри и высогости; чтобъ въ такомъ настроеніи не было Св. Церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны.

Во второмъ предложеніи говорилось: Изъ многихъ городовъ пишутъ, что многіе неразумные люди, оставя Св. Церковь, подѣлали въ домахъ своихъ мольбища и, собравшись, совершаютъ противное христіанству, а на Св. Церковь износятъ страшныя хулы. — Соборъ въ своемъ отвѣтѣ молилъ государя отсылать этихъ раскольниковъ къ градскому суду.

Третье предложеніе: Въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ отъ предковъ государскихъ устроены монастыри на тихое и безмяловное прістанище, на пропитаніе монахамъ даны многія села и деревни и всякое довольство, чтобъ всѣ имѣли пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чемъ, кромѣ ду-

¹⁾ Дополненія къ актамъ историч. VIII, № 50.

²⁾ Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 года № 5.

шевнаго спасенія, а для престарѣлыхъ и больныхъ монаховъ устроены больницы. Но въ монастыряхъ теперь общаго пребыванія и больничнаго строенія нѣтъ, а гдѣ и есть, оттуда монахи, не хотя быть въ послушаніи, уходятъ въ другіе монастыри; этимъ монашеское крѣпкое житіе упразднилось. Также бы и хмельнаго питья въ монастыряхъ отнюдь не держать. Соборъ отвѣчалъ: „Во всѣхъ монастыряхъ запрещаемъ держать пьянственное патье, архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ жить благочинно и братію къ благочинію наставлять, особливо нищи и питья не держать, въ кельяхъ своихъ съ гостями особыхъ трапезъ не поставлять, ходить всякій день за общую трапезу, а въ кельяхъ пищи и питья не держать. Кто изъ мірскихъ людей приѣдетъ по обшанію помолиться, дать ему упокоеніе по монастырскому чину, пищу и питье, чѣмъ братія питаются, въ гостинной кельѣ, и представить некуснаго старца, кому за тѣмъ смотрѣть; особаго питья про гостей отнюдь не держать и отъ нихъ не принимать. Желаящихъ спасенія мірскихъ людей бѣдныхъ принимать безвкладно, съ разсмотрѣніемъ, и постригать правильно, свободныхъ и не бѣдныхъ отъ законныхъ жевъ и отъ господъ. Одежду имѣть настоятелямъ и братіи общую, давать ее изъ монастырской казны, а денегъ настоятелямъ изъ казны отнюдь не брать и братіи не давать. Престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ успокоивать въ больницѣ, заботиться, чтобы не было имъ скудости въ нищѣ и питьѣ. Изъ монастырей въ монастыри монахамъ безъ повелѣнія архіерейскаго не переходить, изъ монастырей ихъ не отпускать, а непокорныхъ и строптивыхъ ослушниковъ смирать по монастырскому чину; приходившихъ монаховъ безъ повелѣнія архіерейскаго и безъ отпускихъ не принимать. Архимандритамъ и игуменамъ смотрѣть накрѣпко, чтобы священники изъ монастырей въ домахъ мірскихъ людей мужскаго и женскаго пола не постригали и при смерти. А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ въ Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ и мірскимъ домамъ, униваются дощяна и валяются по улицамъ,—на такихъ безчинниковъ Троицкаго Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятиницкій монастырь, огородить его стоячимъ высокими тыномъ и построить четыре кельи съ сѣнями: въ этотъ монастырь безчинниковъ изъ Москвы ссылать. Женскаго пола, которые безчинно постриглись въ монастыряхъ, въ домахъ своихъ, и теперь ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и переулкамъ, просить милостыни,—для такихъ старцевъ каждый архіерей долженъ построить по монастырю насчетъ какого-нибудь мужскаго монастыря съ вотчинами (потому что дѣвичьихъ монастырей мало съ вотчинами и прокормиться безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ), и брать къ нимъ изъ женскихъ монастырей старцевъ добрыхъ, кому надъ ними начальствовать. По мужескимъ монастырямъ для всякаго строенія и вотчин-

наго управленія мірскихъ людей не посылать, посылать архіереямъ отъ духовнаго чина добрыхъ и искусныхъ людей. Въ дѣвичьи монастыри, которые съ вотчинами, указалъ бы великій государь послать дворьянъ старыхъ, добрыхъ, для управленія вотчинами, чтобы старикамъ изъ монастырей по деревнямъ не ѣздить и по мірскимъ домамъ не жить; быть этимъ дворьянамъ въ послушаніи у архіереевъ; въ духовное управленіе между стариками и перковными причетниками яворинну не ветушаться и ни въ чемъ не вѣдать. Мірскимъ людямъ вдовыхъ священниковъ въ домахъ своихъ не держать; а кому изъ великихъ людей нуженъ домовый священникъ, тотъ бьетъ челомъ архіерею, и архіерей благословляетъ священника не-вдоваго. Вдовымъ попамъ и іеромонахамъ отнюдь не давать благословенія въ мірскихъ домахъ жить и службы церковныя совершать, потому что въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и униваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные“.

По четвертому предложенію царя, Соборъ постановилъ посвящать священниковъ въ зарубежныя мѣста, по требованію православныхъ жителей. По пятому предложенію: Такъ какъ въ присягѣ за всякое нарушеніе долга службы Церкви грозить страшную клятвою, вѣчною смертію, а между тѣмъ многіе люди грѣшатъ, особенно во всякихъ казенныхъ сборахъ, и тѣмъ убиваютъ себя вѣчною смертію,—то великій государь позволить бы тѣмъ людямъ наложить свой указъ, прещеніе и страхъ по градскимъ законамъ. На осьмое предложеніе: Которые монастыри окружены близко мірскими домами, тѣ перенести на другое приличное мѣсто.

Девятое предложеніе: Повелѣнаго государя указа, въ Москвѣ о нищихъ разсмотрѣніе учинено и велѣно ихъ разобрать, странныхъ и больныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ отъ государевой казны,—такъ чтобы патриархъ и всѣ архіереи приказали также въ городахъ устроить пристанище нищимъ, а лѣнливые, здоровые пристали бы къ работѣ. Соборъ отвѣчалъ: „Да будетъ такъ“.— Относительно этого разсмотрѣнія о нищихъ, о которомъ здѣсь говорится, сохранилось извѣстіе, что при царѣ Феодорѣ велѣно было построить двѣ богадѣльни: одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую—на Гранатномъ дворѣ, за Никитскими воротами, чтобы впередъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было.

Предложеніе десятое: Чтобы нише въ церквахъ, во время церковнаго пѣнія, милостыни не просили и тѣмъ въ церкви стоящимъ христіанамъ мятежа не чинили. Соборъ согласился. По предложенію одиннадцатому, Соборъ постановилъ, чтобы на перковныхъ земляхъ, которыя отданы подъ кладбища, духовенство изъ, лавокъ и амбаровъ не строило. По двѣнадцатому: Запрещено во время храмовыхъ праздниковъ къ монастырскимъ и приходскимъ церквамъ приисцѣпать со всякими харчами и питьемъ. Предложеніе тринадцатое: Многіе монахи и мона-

ни, не хотя быть у наставниковъ своихъ подслушаніемъ, отходить изъ монастырей и селются въ лѣсахъ, мало-по-малу прибираютъ къ себѣ такіе же непослушниковъ и устрояютъ часовни, служатъ молебны, а потомъ бѣгутъ челомъ архіереямъ о грамотахъ на построение церквей на тѣхъ мѣстахъ, которыя называютъ пустынями, и въ пустыняхъ этихъ церковное пѣніе отправляютъ не по исправнымъ книгамъ, вслѣдствіе чего приходять къ нимъ многіе люди, селятся вблизи и считаютъ ихъ страдальцами; отъ этого возрастаетъ на Св. Церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ челобитъемъ, чтобъ великій государь своихъ грамотъ о строеніи вновь пустынь отпустить не указалъ; они, архіерей, переведутъ эти пустыни на монастыри, а на ихъ мѣстахъ устроятъ приходскія церкви. Предложеніе четырнадцатое. На Москвѣ всякіе чиновъ люди пишутъ въ тетрадахъ и на листахъ, и въ столбцахъ выписки, будто бы изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ писмахъ является многая ложь, а простолудны. не вѣдая истиннаго писанія, принимаютъ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, особенно же вырастаютъ отсюда на Св. Церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ, что для искорененія этого пути государь укажетъ приставить особаго человѣка, а патріархъ также изберетъ особаго человѣка изъ духовныхъ; виновныхъ въ распространеніи такихъ сочиненій приводить въ Патріаршій Приказъ и чинить смреніе, а на помощь выборнымъ людямъ давать стрѣльцовъ. По пятнадцатому предложенію постановлено: Кто станетъ приносить книги прежнихъ печатей, — тѣмъ выдавать новосправленные книги даромъ ¹⁾.

Въ то время, когда правительство хлопотало, чтобъ Св. Церкви не было противленія отъ раскола, пришли извѣстія, что татарскіе мурзы, имѣя помѣстья и вотчины, населенныя христианами, принуждаютъ послѣднихъ къ магометанству. Поэтому, въ 1681 году, издавъ былъ указъ: объ огнискѣ у мурзъ и Татаръ помѣстій и вотчинъ, населенныхъ христианами, а исполъжить ихъ иновѣрцами же, Мордвою; если мурзы и Татары крестятся, то оставить за ними прежнихъ крестьянъ, и давать имъ еще жалованье, да и Мордвъ сказать, чтобъ они крестились всеъ, за что во всякіи податки получать льготы на шесть лѣтъ ²⁾. Въ февраля 1682 года подъячіе и приставы вѣдали по татарскимъ деревнямъ и объявляли мурзамъ и Татарамъ, ихъ женамъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ указъ государевъ, чтобъ они упрямяство свое отложили, во Св. вѣру Греческаго закона крестились и были челомъ государю о помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ

до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитенъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ не подадутъ, — у тѣхъ помѣстья и вотчины и всякія угодья будутъ отняты и розданы тѣмъ мурзамъ и Татарамъ, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля ³⁾.

Касательно областного управленія въ 1679 году отзѣнены были горододѣльцы, вышки, губные старосты, ямскіе приказчики, осадные, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы и присланыиися изъ Москвы сборщики: все ихъ дѣла вѣчно вѣдать воеводамъ, чтобъ впередъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ лишней тяжести не было ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году нашли неудобнымъ постановленіе царя Алексея о переносѣ дѣлъ изъ одного города въ другой по подозрѣнію на введуду, и отзѣнилъ его ⁵⁾. На первомъ планѣ попрежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уѣзды не выплатили денегъ за стрѣлцѣй хлѣбъ, по 2 рубля съ четверти пашни, отговариваясь *пустотой*. Въ 1679 году бояре приговорили, вмѣсто стрѣлцескихъ денегъ, данныхъ, полонянничныхъ, четвертныхъ, ямскихъ, пинальныхъ, малыхъ ямскихъ и другихъ мелкихъ денежныхъ доходовъ, положить новый окладъ, который долженъ идти на жалованье стрѣлцамъ. Но и тутъ на первый же годъ явились недоимки: воеводы пишутъ, что посадскіе люди и уѣздные крестьяне стоятъ на праведѣ, но и съ праведя денегъ не платятъ за скудостію, за хлѣбнымъ неурожаемъ, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, сбравившиися вслѣдствіе Турецкой войны, и бредутъ врознь въ сибирскіе города. Вѣлно прислать выборныхъ въ Москву и разспросить, отчего не платятъ. Выборные прѣехали и объявили, что платить никакъ нельзя сиюдна. Вслѣдствіе этого, въ 1681 году рѣшено брать стрѣлцѣй деньги

³⁾ Дополненіе къ акт. историч. VIII, № 89. Изъ распоряженій патріарха Іоакима замѣчательно слѣдующее. Въ 1677 году патріархъ посылалъ въ Кашинъ двоихъ архіереевъ — Іосифа, митрополита Рязанскаго, и Синона, архіепископа Тверскаго, дознатривать мощей влнгины Анны, супруги Св. Михаила Тверскаго. (Мощи эти были открыты при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ, Тверскимъ архіепископомъ Іоною.) Когда архіереи возвратились, — «Слушахомъ соборшхъ досмотру ихъ (извѣстия Іоакимъ), и житіе благоговѣрныя влнгины Анны, и чудеса ея, и лѣтоисчисныхъ книгъ, и обрѣтохомъ житіе съ лѣтоисчисными мѣстами не согласно: 1) Въ житіи Анна названа дочерью боярина Кашинскаго, въ лѣтоисчислахъ дочерью князя Дмитрия Борисовича Ростовскаго. 2) Въ житіи сказано, что былъ съ Михаиломъ въ ордѣ сынъ его Дмитрій, въ лѣтоисчислахъ Константинъ. 3) Въ житіи что усѣчь мечемъ, въ лѣтоисчислахъ — что пожегъ въ ребра и т. д. Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано, что мощи никако же тѣлвию причастны, а по смотру въ разныхъ мѣстахъ, истлѣна и разрушишася. Въ житіи написано, что тѣлвию не только мощи, но и рвыи не причастны быша, а по досмотру все неслѣло. И потому дѣло оставлено впередъ до великаго Собора, аще чѣмъ Богъ впередъ объявитъ и утвердитъ; гробу стоять занеатачу, ирзидность не дѣлатъ и молебновъ не пѣтъ, пѣтъ панихиды, образа взять въ Москву. — Сборникъ Синодал. библиот. № 684.

⁴⁾ Полн. Собр. Закоп., № 779.

⁵⁾ Полн. Собр. Закоп., № 837.

¹⁾ Акты историч. V, № 75. — Извѣстія о богадѣльняхъ см. у Вержа Царств. Феодора Алекс. II, 86. Прнведеніи здѣсь актъ позднѣйшій (по всѣмъ вѣроятностямъ Петровскаго времени) — проектъ, который начинается только указаніемъ на расширеніе, сдѣланное при царѣ Феодорѣ, едва ли ирведенное къ коуду.

²⁾ Полн. Собр. Закоп., № 867.

по новому окладу, передъ прежнимъ съ убавкою¹⁾. Эти стрѣleckія деньги должны были собирать земскіе старосты съ товарищами и высылать въ Москву съ пѣловальниками. По вопросу не считали рѣшительнымъ, хотѣли принять какую-нибудь общую, рѣшительную мѣру, и, чтобы взяться за дѣло лучше, разузнать его пообстоятельнѣе:—въ декабрѣ 1681 года вызвали въ Москву выборныхъ со всего государства, по два человѣка отъ каждаго города, которые должны были привезти съ собою окладныя книги, чтобы узнать, сколько въ городахъ и волостяхъ лучшихъ, средней статьи и младшихъ людей, и по сколько человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ и податяхъ. Въ томъ же 1681 году запрещено было по всей Россіи отдавать на откупъ таможи и кружечные дворы, нѣтъ имъ быть *на вѣру*²⁾.

Молодой царь какъ будто торопился важными мѣрами, предчувствуя близкую кончину. Въ то время, какъ готовились къ финансовому преобразованію, князь Вас. Вас. Голицынъ, съ выборными изъ разныхъ чиновъ служилыми людьми, по царскому порученію, разсуждали о необходимыхъ ратныхъ преобразованіяхъ. Но понято, что съ первою мыслию о серьезномъ войсковомъ преобразованіи необходимо соединялась мысль объ уничтоженіи мѣстничества. Давно уже неудачныя войны заставили признать несоостоятельность русскаго войска и думать о преобразованіяхъ: выписали иностранныхъ офицеровъ и начали составлять русскіе полки съ новымъ строемъ, съ новыми названіями: но сейчас же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхомъ рубищѣ мало помогаетъ. Какого, въ самомъ дѣлѣ, успѣха можно было ожидать на войнѣ при такихъ условіяхъ: назначать главнаго воеводу, наиболѣе способнаго, къ нему товарищѣй такъ же способныхъ, и сейчас же пойдутъ челоубята, что товарищамъ нельзя быть вмѣстѣ съ воеводою;—надобно или отставить главнаго воеводу и на его мѣсто назначить неспособнаго, но стараго боярина, отецкаго сына, съ которымъ вмѣстѣ быть можно, или отставить товарищѣй, опять людей способныхъ замѣнить неспособными, но такими, которымъ можно быть съ главнымъ воеводою. Единственный выходъ, къ которому правительство начало прибѣгать со времени Грознаго,—это объявленіе переду походомъ: „Быть безъ мѣсть“, объявленіе, что сдѣланныя для этого похода назначенія не будутъ принимаемы въ расчетъ при мѣстническихъ столкновеніяхъ. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почти всѣ походы были уже безъ мѣсть, что необходимо пріучало къ мысли, что рано или поздно указъ: „Быть *иногда* безъ мѣсть“—замѣнить повтореніе указа „быть безъ мѣсть“—перелъ каждымъ походомъ. Незбѣжное распространеніе новаго строя и на старыя дворянскіе полки было естественнымъ побужденіемъ къ изданію такого указа.

¹⁾ Акты Арх. Эксп. IV, № 250. Акты историч. V, № 77.

²⁾ Полн. Собр. Законовъ, № 899; Акты историч. V, № 83; Собр. гос. грам. I, № 126.

И Турецкая война была ведена и кончилась не такъ, какъ бы хотѣлось; государство содержало болѣе 150,000 одного великороссійскаго войска; но тягость этого содержанія не выкупалась успѣхомъ. Мысль о войсковыхъ преобразованіяхъ поэтому необходимо должна была усилиться. Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ столыпникамъ и генераламъ, столыпникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эгаа, по нашему, *комиссія* назначалась для того: „Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошеднихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новыя въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить пошеки надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣти ихъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобы прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны,—и тѣмъ быть безъ перемѣны“.

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: расписать служилыхъ людей по ротамъ; въ ротмистры и поручики назначать изъ столыпниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изъ всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобы были между собою безъ мѣсть и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ.—Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, по пріѣзду выборные объявили: „По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники написаны въ ротмистры и поручики; а Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куркиныхъ, Ренинскихъ, Шенныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ, и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не написано, потому что за малыми дѣтами въ чины они не приказаны:—такъ опасаетеся они, выборные люди, чтобы нослѣ отъ тѣхъ вышечисланныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укорозы и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ въ великій государь вефмъ боярамъ, околничимъ, думнымъ и близкимъ людямъ и вефмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и подкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣсть, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаются, разрядные

случаи и мѣста отставитъ и искоренитъ, чтобы вшедреть отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было“.

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьи выборныхъ людей. 12 января 1682 года, Феодоръ назначилъ чрезвычайное *сиденье* съ боярами, къ которому были приглашены патриархъ, архiereи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитья выборныхъ людей. Когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь; онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдующаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: „Злокозненный плесовѣатель и суеустатъ общій, дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тлину и мирное устройство, а неприятелемъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣхъ въ злобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ проходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ неприятелей великое ужаленіе. Наша царская держава, разсмотрѣвъ, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ неприятелемъ общій и престошный промыселъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его промыселъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ всеисильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ такового злокозньства разрозненнаго сердца въ мирную и благословенную любовь соединитъ благолюбитъ“. Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянувъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: „По нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или попрежнему быть съ мѣстами?“

На этотъ вопросъ отвѣчала патриархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго, „аки отъ источника горчайшаго, вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ вашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременная злоба имѣла, но и въ единомъ родѣ такое-жъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тяжести наша царская ушеа понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освещеннымъ соборомъ не имѣемъ никакоя достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе“.

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ; тѣ отвѣчали: „Чтобъ

великій государь указать учинитъ по прошенію св. патриарха и архiereевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ множились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, неприятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло— великія продолжительная вражды“. Послеъ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: „Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ позволяемъ предать огню, чтобы злоба эта совершенно погибла и впередъ не помчалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелѣемъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничимъ, и думнымъ и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ Приказахъ и у расправныхъ, и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ, и всегда у всякихъ дѣлъ— быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и вредъ никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не коровать и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься“. На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да погибнетъ во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и вредъ да не воспоминается во вѣки!“.

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь—и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патриархъ, обратясь къ свѣтлымъ членамъ Думы, сказалъ: „Начатое и совершенное дѣло впередъ соблюдайте крѣпко и нерушимо; а если кто теперь или впередъ оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго заиреценія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія“. Всѣ присутствующіе отвѣчали: „Да будетъ такъ!“.

Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это, и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать попрежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими въ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его, государевыхъ, и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Иоанна Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посольствахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды

въ вышеописанныхъ честяхъ и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царствования Михаила Феодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ посланникахъ, и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ и въ иныхъ чинахъ и въ десятияхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ выписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятияхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую книгу. А кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои написаны въ московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣсть¹⁾.

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось, — легко, безъ всякаго сопротивленія отыгнень въковой обычай, отыгнень безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь, — отыгнень не желѣзною волею Петра, но волею слабого, упрямшаго Феодора? На этотъ вопросъ отвѣтить вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патриарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій, *при случаѣ*, считалъ своею обязанностію отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей расписали по повому въ разныя войсковыя должности, и они быють челомя, какъ члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возставать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому, что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались святые угодики и потому, что авторитетъ нововводителей былъ заподозренъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ за него вовлекались въ богонавинство, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само въ себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Въковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою, высшею, государственною и народною потребностію, — войсковымъ преобразованиемъ, пока это столкновение не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло

быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причѣмъ корни всѣхъ въковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, — и шатанья ихъ стало уже легко. Дѣду и огну Голицыну конечно не приходило въ голову, что впускъ и сымъ ихъ доложить царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рухнуло вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чуждому, западному — это очевидно; во сколько уничтоженіе мѣстничества содѣйствовало ослабленію родоваго союза — этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ нижнихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подданнымъ окладомъ.

Въ подобныя эпохи, какую мы теперь описываемъ, такое важно дѣло, какъ уничтоженіе мѣстничества, не могло стоять одноко. Отстранивши мѣстничество, какъ препятствіе лучшему устройству рати, усиливаемъ ея противъ непріятелей, собственно для той же цѣли должны были придти къ мысли, какъ бы покончить съ отжившимъ дружиннымъ началомъ. До сихъ поръ служилое сословіе, несмотря на разныя перемены въ его судьбѣ, въ отношеніяхъ его къ государю и землѣ, сохраняло еще основной характеръ дружины, войска. Волярипъ, окольниковъ, думный дворянине, шальникъ, столыникъ, стряпчій и т. д. были ратные люди, которые могли, во временахъ, занимать гражданскія должности, имѣя въ виду преимущественно кормленіе, но при первомъ требованіи садились на коня и спѣшили въ войско. Легко понять, какъ сильно выставилась невыгода такого порядка вещей при возбужденіи вопроса о войсковомъ преобразованіи, о необходимости постоянного войска, постоянныхъ воеводъ. Но если одни изъ знатныхъ лицъ, наиболѣе къ тому способныя, должны были постоянно воеводами, то очевидно, что другія, по этому самому, должны будутъ постоянно занимать гражданскія должности. И вотъ, при томъ же государѣ, при которомъ уничтожено мѣстничество, составленъ былъ проектъ объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должности отъ военныхъ — знакъ, что Россія начала уже выдвигаться изъ числа государствъ съ первоначальною, простою формациею. По этому проекту о чинахъ, первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій — боляринъ, представитель и разсмотритель надъ всѣми судьями царствующаго града Москвы, который вмѣстѣ съ двѣнадцатю засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устрѣпной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнять царскаго величества повелѣніе и гражданскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный — боляринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но кромѣ

1) Собр. гов. грам. и дог. IV. № 130.

того промышлять о всякихъ воинскихъ околичностяхъ, т.-е. о смѣтѣ ратямъ, устроении и приготовленіи оружія и всякихъ хлѣбныхъ и военныхъ запасовъ. Третью степенъ занимаетъ оныя сановникъ гражданскій — бояринъ и намѣстникъ Владимірскій, имѣющей первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ Совѣтѣ Государственныхъ Дѣлъ. Четвертую степенъ занимаетъ военный сановникъ — бояринъ и воевода Сѣверскаго разряда, имѣющей постоянное пребываніе въ Сѣверскѣ; оны оберегаетъ Польскую (стенную) Украйну, имѣеть у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору неприятеля. Пятая степенъ — бояринъ и намѣстникъ Новгородскій: занимаетъ второе мѣсто между титулярными намѣстниками въ Государственномъ Совѣтѣ. Шестая степенъ — бояринъ и воевода Владимірскаго разряда; всегда пребываетъ во Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ приуготовленіи и, получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ неприятеля съ своими разрядами, куда потребуется. Седьмая степенъ — бояринъ и намѣстникъ Казанскій и т. д. Сохранилось любопытное извѣстіе, почему этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе: „Совѣтовали государю налатные бояре, чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ боярямъ вѣчно и титула имъ тѣхъ царствъ имѣть. Также и митрополитамъ писаться: митрополитъ Новгородскій и всего Поморія, Казанскій и всего Казанскаго царства. И на сіе дѣло государъ изволилъ и тому всему, гдѣ козу быть, тетрадь за поимѣною думнаго дьяка къ св. патриарху прислала, чтобъ оны на то дѣло давъ благословеніе и въ исполненіи его помогали. „Іоакимъ патриархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого палатскихъ подустителей, но никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобъ ученные вѣчные намѣстники великородные люди, но прошевши нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши Московскихъ царей самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили“¹⁾.

Наконецъ, въ послѣднее время царствованія Оеодора составленъ былъ проектъ высшаго училища или академіи. При той потребности учиться, которую такъ живо чувствовали въ XVII вѣкѣ лучшие Русскіе люди, наверху стоящіе, слѣдовательно самыя вліятельныя, можно только удивляться сначала, почему этотъ проектъ явился такъ поздно, и почему давно не былъ приведенъ въ исполненіе. Но удивленію не будетъ мѣста, когда зададимъ себѣ вопросъ: откуда было взять учителей, когда вспомнимъ, какія были слѣдствія призванія чужихъ учителей въ Москву въ царствованіе Алексѣя. Надобно было ожидать, что постараются устранить затруд-

ненія въ царствованіе образованнаго Оеодора, ученика Симеона Полоцкаго; но въ первые годы этого царствованія было не до школы по малолѣтству царя, по придворнымъ отношеніямъ и вслѣдствіе тяжелой Турецкой войны, поглощавшей все вниманіе. Но когда вздохнули свободнѣе при открывшихся мирныхъ переговорахъ съ Крымомъ и Турціею, — тогда пошла сильная внутренняя дѣятельность: стали думать и объ академіи. Говорятъ, что, возвращеніе съ Востока монаха Тимофея, сильно тронувшаго царя разсказомъ о бѣдствіяхъ Греческой Церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, столь необходимой для поддержки Православія, было поводомъ къ устройству небольшого училища для 30 учениковъ при типографіи; Тимофеемъ была сдѣлана его начальникомъ, отыскали въ Москвѣ двухъ Грековъ, которые могли учить своему языку. Но этимъ училищемъ не хотѣли довольствоваться, думали объ академіи, послали къ вселенскимъ патриархамъ просить учителей, испытанныхъ въ Православіи, а между тѣмъ заготовили грамоту царскую, или привилегію, очень важную для насъ потому, что здѣсь объясняется характеръ желаемого учрежденія и съ тѣмъ вмѣстѣ объясняется положеніе тогдашняго русскаго общества. преимущественно Русской Церкви въ отношеніи къ призываемой наукѣ

Въ началѣ грамоты царь говоритъ, что оны, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хочеть такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родителейницъ и всякихъ благъ избрѣтательницъ и совершительницъ, съ которою всеъ блага отъ Бога людямъ даруются. Какъ Соломонъ устроилъ семь училищъ, такъ и оны, царь Оеодоръ, подражая Соломону и древнимъ Греческимъ царямъ благочестивымъ, намѣренъ устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ храмы чиномъ академіи „и въ оныхъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, пѣстики, риторики, диалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже, до богословія, учаетъ вешей божественныхъ и совѣсти очищенія постановить. При томъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всеъмъ свободнымъ наукамъ, или же дѣлостъ академіи, сирѣчь училищъ, составляется быти“²⁾.

На содержаніе блюстителя этой академіи и учителей даны монастыри: „Снаса въ Китаѣ-городѣ близъ Неглинныхъ воротъ (Законошасскій); Іоанна Богослова въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, ибо Іоаннъ Богословъ почерпнулъ мудрость небесную отъ Источника премудрости; Андреевскій на Москвѣ-рѣкѣ, ибо этотъ монастырь основанъ Ргнцевымъ для ученаго братства; монастырь Даниловъ, также на Москвѣ-рѣкѣ, для пребыванія приходившимъ изъ-за границы ученымъ людямъ, и еще четыре монастыря со всеми крестьянскими и большескими дворами и со всеми угодьями; кромѣ того, царь отъ себя далъ Вышегородскую дворцовую

¹⁾ Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачевымъ, кн. 1-я. Книга: Икона, рукоп. Румянц. музей.

волесть и десять пустошей въ разныхъ мѣстахъ“. Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикамъ. „Блюститель и учителя должны быть благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ Православной Восточной вѣрѣ Россійскаго и Греческаго народа; но изъ Грековъ могутъ быть допущены только тѣ, которые принесутъ отъ влеченскихъ патриарховъ достоверное свидѣтельство о крѣпкомъ утвержденіи своемъ въ Восточной вѣрѣ, кромѣ того и въ Россіи они будутъ крѣпко въ вѣрѣ свидѣтельствованы, дабы кто-нибудь изъ нихъ не сдѣлать того же, что нѣкогда сдѣлалъ еретикъ Исидоръ, Россійскій митрополитъ. Новообращенные изъ Римской вѣры, также изъ Лютерской, Кальвинской и другихъ ересей не допускаются въ блюстителя и учителя, потому что они привыкли злочестивымъ образомъ тайно ереси свои мало-по-малу въ учениковъ вкоренять. Приѣдутъ изъ Литвы, Малороссіи и другихъ странъ ученые люди и станутъ покарать мѣста блюстительскаго или учительскаго, выставя свои благочестіе, то словозамъ ихъ не вѣрны безъ свидѣтельства достоверныхъ благочестивыхъ людей; и не ставить ихъ въ блюстители и учителя, если бы даже кто изъ нихъ и напослѣдъ правду вѣры нашей Восточной утверждалъ, а неправды Римлянъ, Лютеровъ и Кальвинъ обличалъ и укорялъ,—потому что престестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестію ревнителями крѣпкими, а потомъ мало-помалу развратныя слова всѣваютъ и непорочную цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ. Блюститель и учителя должны цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать. Православную вѣру, охранять и защищать ее отъ всякихъ другихъ вѣръ и ересей. Въ случаѣ нарушенія клятвы, будутъ наказаны по винѣ и лишены чина своего учительскаго, а за хулу на Православную вѣру будутъ сожжены безъ всякаго милосердія: если и покается, будетъ наказанъ и лишень чина учительскаго“. Въ академію допускаются люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Преподаваніе обнимаетъ всѣ незапрещенныя Церковію науки; особенно запрещена магія естественная, и учителей подобной науки вмѣстѣ съ учениками сожигать. „Никто не смѣетъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, но пусть, если захочетъ, посылаетъ дѣтей своихъ въ академію, въ единое общее училище, ибо отъ домашнихъ учителей, особенно иностранныхъ и иноземныхъ, могутъ быть принесены противность нашей вѣрѣ и разпогласіе. Если на ученикахъ академіи объявятся долги или иныя какія вины, кромѣ убійственныхыхъ и другихъ великихъ дѣлъ, то ихъ нельзя подвергать суду до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ училища, чтобъ не пренятствовать наукѣ. Судятъ ихъ блюститель съ учителями: въ случаяхъ уголовныхъ, ихъ берутъ на судъ общій, но не безъ вѣдома блюстителя. Если блюститель самъ будетъ заподозрѣнъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то судится

учителями; учитель судитъ и блюстителемъ и учителями. Учителя не могутъ быть принимаемы ни въ какую другую службу безъ вѣдома блюстителя и учителей; за современную и ревностную службу учителя получаютъ пенсіи. Если нѣкоторые любогрудные отроки, сего драгоценнѣйшаго сокровища, т. е. мудрости по грамматической хитрости и прочихъ наукъ свободныхъ, какъ изъ нѣдръ земныхъ золота, изъ различныхъ далекговъ писаній, особенно же Словенскаго, Еллино-Греческаго, Польскаго и Латинскаго, будутъ стараться изыскивать прилежно, то имъ, за ихъ въ наукахъ успѣхи, засвидѣтельствованные блюстителемъ и учителями, отъ великаго государя будетъ достойное мздовозданіе; а по окончаніи свободныхъ учений будутъ показованы въ приличныя разуму ихъ чины и получать за мудрость свою особенное даровое щедрое милосердіе. Неучившихся свободнымъ наукамъ въ государскіе чины, въ столицы, стражи и другіе не допускаетъ никого, кромѣ благородныхъ; изъ неблагородныхъ допускаются въ эти чины только за ученіе и за явныя на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги“. Всѣ ученые иностранцы, приѣзжающіе въ Россію, подлежатъ пеняванію въ академіи, и только вслѣдствіе одобренія ея принимаются въ службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Академія должна блюсти за тѣмъ, чтобъ въ вѣрѣ противностей, распрій и раздоровъ не являлось отъ противномыслящихъ Православной вѣрѣ. Блюститель долженъ доносить царю о такихъ противникахъ, и послѣднимъ правительствомъ не дать соизнаться съ блюстителемъ и учителями въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ. Списокъ именамъ всѣхъ новообращенныхъ въ Православіе долженъ быть отданъ блюстителю, который наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, и если кто изъ нихъ пошатнется въ поновомъ поповѣданіи, такихъсылать въ дальніе города, на Терекъ и въ Сибирь. Блюститель и учителя должны такъ же усердно заботиться о томъ, чтобъ всякаго чина духовные и мірскіе люди волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ, Церковію запрещенныхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя не держали, по нимъ не дѣйствовали и другихъ тому не учили. Людямъ неученымъ польскихъ, латинскихъ, немецкихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себя въ домахъ не держать; не читать ихъ за неизмѣнимъ доволнаго разсужденія и чтобъ не было сомнѣній во нашей вѣрѣ; нигдѣ никому не имѣть спорить по этимъ книгамъ и не представлять предлоговъ. Есть такой обычай у престестниковъ: завѣдуть споръ, да и скажутъ, что они это дѣлаютъ не потому, что сомнѣваются въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ, но просто для наукотворнаго состязанія. Такія еретическія книги жечь или приносить къ блюстителю и учителямъ. Если какой-нибудь иностранецъ или Русскій обвиненъ будетъ въ хулѣ на Православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если

обвиненіе оказывается справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Если какой-нибудь пришлецъ былъ прежде Восточной вѣры, а потомъ приметъ вѣру Римскую или Лютерскую, Кальвинскую или другую какую-нибудь ересь, такой долженъ быть преданъ сожженію; если же кто-нибудь прежде былъ Римской вѣры, а потомъ принялъ Лютерскую, — такой долженъ быть наказанъ гражданскимъ судомъ и сосланъ въ ссылку. Государственная виллоонка на-вѣки предается въ сохраненіе блюстителю училищъ и учителямъ. Издержки построения училища принимаются на себя казна" ¹⁾.

Изъ этой любознательной привилегіи въ всего явнѣе можемъ видѣть господствующій взглядъ времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища сознана, сознана въ интересахъ Церкви; училище свободныхъ наукъ устраивается для поддержки Православія, которое не находить для себя этой поддержки на Востокахъ. Но здѣсь надобно поступать съ величайшею осторожностію, ибо наука, училище, учителя, вѣсело поддержки Православію, могутъ нанести ему ударъ: надобно съдовательно набрать учителей испытаннаго Православія, и за учителями обращаются къ вселенскимъ патриархамъ, главнымъ блюстителямъ Православія. Но этого мало: Православіе окружено опасностями, — люди, враждебные ему, люди Римской, Лютерской и Кальвинской вѣры безпрестанно являются въ Москву, ихъ много въ службѣ великаго государя, прелестники будутъ дѣйствовать противъ Православія, не разбирая средствъ, Православію нужно бороться съ ними неустанно, и главнымъ орудіемъ для этой борьбы будетъ академія. Она уполномочена слѣдить за всѣми движеніями враговъ, и бить вволюхъ при первой опасности. Московская академія, по проекту царя Оеодора, — это цитадель, которую хотѣла устроить для себя Православная Церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрными Западомъ; это не училище только, — это страшный инквизиціонный трибуналъ; произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“, — и костеръ занимаетъ для преступника. И при царѣ Оеодорѣ, какъ послѣ, при братѣ его Петрѣ, наука призывалась съ практической цѣлью: различна въ томъ, что при Оеодорѣ она призывалась преимущественно на служеніе Церкви, а при Петрѣ на служеніе государству.

И проектъ финансоваго преобразованія, проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, и проектъ академіи остались только проектами. 11 іюля 1681 года у Оеодора родился сынъ, царевичъ Илья; по всемірной радости, но тогдашнему выраженію, была продолжительна: царица Агафія умерла родами (14 іюля). Польскій авторъ не разъ уже привѣдимаго описанія Московской смуты 1682 года очень лестно отзывается о покойной царицѣ: говоритъ, что она, будучи польскаго происхожденія, много добра принесла царству Москов-

скому, уговоривъ мужа снять позорные женскіе охаби, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія: но ея вліянію начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы польскія и латинскія закладывать: вѣстко вывести изъ перваго образа, которые каждый прихожанинъ приносить и считать своими, передъ ними исключительно молится и зажигать свѣчи, а другимъ не позволятъ. Эти поступки, продолжаясь авторъ, хвалили люди, принадлежавшіе къ партіи царя Оеодора, напротивъ — порицали приверженцы Матвѣева, говоря, что царь скоро введетъ Ляцкую вѣру, и, женивъ на Польшѣ, будетъ такъ же вести себя, какъ Дмитрій Самозванецъ, женившійся на Маріѣ Мишинскѣ.

Царевичъ Илья черезъ шесть дней послѣдовать за матерью въ могилу. Начали думать о второмъ бракѣ. Конечно не безъ вліянія Лыкова, царь женился на свойственницѣ его ²⁾, Маріѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, дѣвучкѣ незначнаго происхожденія (14 февраля 1682 г.), но черезъ два мѣсяца съ половиною послѣ этого брака, 27 апрѣля, Оеодоръ скончался на двадцать первомъ году отъ рожденія.

Возмужаніе царя, устраненіе Милославскихъ, приближеніе Лыкова, Лихачевыхъ, а потомъ Апракениныхъ должны были имѣть вліяніе на судьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей прежняго царствованія, Никона и Матвѣева. Мы оставили Никона въ монастырѣ Кирилла Вѣлозерскаго, гдѣ онъ былъ гораздо болѣе стѣсненъ, чѣмъ въ Оераноптовѣ. Но въ Москвѣ и въ самомъ дворцѣ нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая дѣтими цзя особь царскаго семейства, благочестивая и тѣмъ болѣе вліятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана къ Никону, и теперь, воспользовавшись обстоятельствомъ, ослабленіемъ вліянія Милославскихъ и Хитрово, начала вѣдывать племяннику, какъ нехорошо съ его стороны мучить въ тѣсномъ заключеніи человѣка, оказавшаго такія важныя услуги всѣмъ имъ во время мороваго повѣтрія. Помянуто, что въ природѣ и въ памяти Оеодора царевна не могла найти сопротивленія своимъ намѣреніямъ. По ея указанію, государь началъ ѣздить въ недостроенный Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), наѣхался мѣстопокоженіемъ, величественнымъ, затѣйливымъ планомъ, и не чадалъ издержекъ для довершенія построекъ. Естественно, что въ мѣстахъ, гдѣ все напоминало Никона, и напоминало только съ хорошей стороны, царь не могъ забыть о немъ. Онъ предложилъ патриарху перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но встрѣтилъ въ Іоакимѣ сильное сопротивленіе. Іоакимъ, очень ревнивый къ своей власти и, вѣдствоіе этой ревности, имѣвшій враговъ, не могъ допустить въ собѣдство къ Москвѣ, къ царю, человѣка, продолжавшаго называть себя патриархомъ,

¹⁾ Древн. Росс. Виллоонка, т. VI, XVI.

²⁾ Исторія о нещипномъ заточеніи Матвѣева, стр. 107.

способнаго иногда смириться при ударѣ, но сейчас же готоваго поднять голову, какъ только гроза миновала. Цельзя не вспомнить о слухахъ, ходившихъ между современниками, перешедшихъ и къ потомкамъ, которые не считали ихъ вздорными. Есть извѣстiе, что Симеонъ Полоцкiй, не уживавшiйся съ Иоакимомъ, хотѣлъ употребить Никона орудiемъ для его удаленiя, и уговаривалъ своего царственнаго ученика установить въ Россiи четырехъ патриарховъ на мѣстахъ четырехъ митрополитовъ,—въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ, послать Иоакима патриархомъ въ Новгородъ, а Никона возвратить въ Москву и назвать папою⁴⁾. Какихъ слуховъ ни распространяли тогда и какими слухамъ ни вѣрили? Но и безъ подобныхъ слуховъ, Иоакимъ имѣлъ сильныя причины не желать возвращенiя Никона въ Воскресенскiй монастырь, а отказъ дать свое согласiе на это могъ быть выраженъ очень благовиднымъ образомъ: „Сверженъ онъ не нами, а великимъ Соборомъ и веленскимъ патриархамъ; мы не можемъ возвратитъ его безъ ихъ вѣдома; впрочемъ, государь, буди твоя воля“, говорилъ Иоакимъ царю. Созванъ былъ Соборъ для рѣшенiя этого дѣла, но Соборъ ничего не рѣшилъ; предсѣдатель Собора былъ противъ, да и между другими отцами не легко было найти приверженцевъ Никона. Царю осталось утѣшить заточника собственноручнымъ письмомъ.

Между тѣмъ Никонъ сталъ изнемогать. Кирилловскiй архимандритъ извѣстилъ патриарха, что заточникъ при смерти, принялъ схиму, освященъ елеемъ; архимандритъ спрашивалъ особыхъ распоряженiй насчетъ похоронъ, гдѣ положить, какъ помянуть. Иоакимъ велѣлъ похоронитъ какъ простаго монаха. Но Никонъ и на смертномъ одрѣ не считалъ себя простымъ монахомъ, не думалъ отказываться отъ патриаршества. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ братiю Воскресенскаго монастыря онъ называетъ себя патриархомъ; въ этомъ письмѣ Никонъ извѣдомляетъ о своей тяжелой болѣзни, приковавшей его къ постели: „А милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять, по вашему челобитiю, и писалъ,—жаловалъ свою рукою, а нынѣ то время совершилось, а его милостиваго указу нѣтъ, умереть мнѣ будетъ внезапно. Пожадуйте, чада моя, не попомните моей грубости; побейте челомъ еще о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертiю погибнуть, моего житiя конецъ приходитъ“. Воскресенскiе монахи подали это письмо государю; онъ показалъ его патриарху, другимъ архiereямъ, умоляя ихъ согласиться на переведенiе умирающаго. Наконецъ, со-

гласились. Никона взяли изъ Кириллова монастыря, съ большимъ трудомъ довезли до рѣки Шексны, гдѣ посадили на стругъ и повезли Шексною, а потомъ Волгою къ Ярославлю. Когда доплыли до Толгскаго монастыря, Никонъ, чувствуя крайнее изнеможенiе, велѣлъ пристать къ берегу, и приобщился. Послѣ этого стругъ былъ введенъ изъ Волги въ рѣку Которость; здѣсь Никонъ умеръ 17 августа 1681 г., 75 лѣтъ отъ рожденiя. Тѣло привезли въ Воскресенскiй монастырь, гдѣ похоронили съ большимъ торжествомъ, въ присутствiи царя.

Конечно, не плачевныя челобитныя и ловкiя оправданiя Матвѣева, а перемены придворныхъ отношенiй были причиною тому, что участь и Пустозерскихъ заточниковъ въ одно время съ участiю Никона, именно въ 1680 году, была облегчена: ихъ перевели въ Мезень. Облегченiе было не очень велико, если судить по новымъ жалобамъ Матвѣева: „А и на Мезень велѣно намъ переволочъ отъ Пустозерскаго и горькоодезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою-жъ тѣсною и стражею темпичною, писалъ Матвѣевъ государю, а и на Мезени намъ тучедателей нѣтъ; жалованья дано 150 рублей, и того будетъ на день намъ и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ. А и противникамъ церковнымъ, которые состаны на Мезени, Аввакума жена и дѣти, и тѣмъ жалованья на день по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки, а мы не противники ни Церкви, ни вашему царскому повелѣнiю; плачу, что ветхiй сѣднiю, древенъ работами сверстанъ кормомъ съ единоплѣтнимъ“. Въ концѣ 1681 года царь Оеодоръ помолвленъ на Апраксиню, которая, какъ говорятъ²⁾, была крестница Матвѣева. Первымъ дѣломъ невѣсты царской было—бить челомъ жениху о крестномъ, и, въ первыхъ числахъ января 1682 года, въ Мезень прiѣхалъ капитанъ Личуковъ съ указомъ объявить Матвѣеву и сыну его, что царское величество, рассмотря ихъ невинность и бывшее на нихъ ложное оклеветанiе и милосердiе о нихъ, указалъ ихъ изъ-за пристава освободитъ, московскiй ихъ дворъ, подмосковныя и другiя вотчины и пожитки, оставшiяся за раздачею и продажею, возвратитъ, сверхъ того пожаловалъ имъ государю новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Верхнiй Ландехъ съ деревнями 800 дворовъ крестьянскихъ, и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждаты имъ новаго указа. Но этого указа они уже не дождались отъ Оеодора³⁾.

⁴⁾ Татищева Исторiя Россiйская, I, стр. 573.

²⁾ Diariusz Zaboystwa.

³⁾ Исторiя о невннмомъ заточенiи Матвѣева, стр. 374.

Глава III.

Московская смута 1682 года.

Побужденіе къ забранію въ царя Петра мнѣю Іоанна. — Партія Іоанна и ея движенія. — Спешы на погребеніи царя Оеодора. — Волненія стрѣльцовъ и солдатъ. — Слабость правительства и разнуданность стрѣльцовъ. — Заговоръ Милославскаго. — Пріѣздъ Матвѣева. — Стрѣлецкій бунтъ. — Двоевластіе и правленіе Софьи. — Неловкое положеніе стрѣльцовъ. — Столбъ на Красной площади для оправданія бунта. — Движеніе раскольниковъ. — Хованскій ихъ поддерживаетъ. — Раскольничья смута 5 июля. — Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно. — Продолженіе стрѣлецкихъ волненій. — Отъѣздъ Двора изъ Москвы. — Казнь Хованскихъ. — Пріазывъ дворницкаго ополченія. — Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ. — Они просятъ помилowanія у царей. — Условія помилowanія. — Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками. — Уничтоженіе столба на Красной площади. — Возвращеніе Двора въ Москву. — Шкловитый начальникъ Стрѣлецкаго Приказа; его твердость. — Мѣры противъ слѣдствій мѣтежа. — Смуты въ Малороссіи и на Дону. — Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы.

Рассказываютъ ¹⁾, что молодая жена Оеодора, Марѣя Матвѣевна, употребила всѣ старанія, чтобъ сблизить своего мужа съ мачихою и дѣтьми ея, съ которыми у него до сихъ поръ продолжались *неукротимыя* несогласія. Царица услыла въ своемъ дѣлѣ; мы видѣли, что она успѣла также выхлопотать переводъ Матвѣева изъ Мезени въ Луку, по не въ Москву! Выбѣтъ съ царицею Марѣею за парщу Наталю, за Нарышкинскихъ и Матвѣева хлопотали сильно Апраксинны, Языковы, Лихачевы. По почему же Языковъ и Лихачевы такъ поздно начали хлопотать: — они могли сдѣлать это гораздо раньше? Дѣло въ томъ, что раньше не было нужды: большая сила была въ рукахъ Языкова и Лихачевыхъ, зачѣмъ же ея съ кѣмъ нибудь дѣлиться? Царь Оеодоръ еще не былъ очень слабъ и была надежда на потомство отъ него. Но вотъ царица и новорожденный царевичъ умираютъ, царь жемится въ другой разъ, но это отчаянное средство не помогаетъ: Оеодоръ день ото дня становится слабѣе. Языкову, „глубокому московскихъ прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникателю“, нужно стало позаботиться о будущемъ. Послѣ Оеодора наследниками останутся два брата: Іоаннъ — большой, слѣпой, слабоумный, и Петръ — здоровый, жловый, даровитый десятилѣтній мальчикъ. Стать за Іоанна — какое будущее? много нацарствовала Оеодоръ? Но Оеодоръ еще не всегда нуждался въ опекаѣ, а за Іоанна постоянно должны управлять другіе; кто же будетъ управлять: царевна Софья съ Милославскими? — значитъ Языкову и Лихачевымъ надобно готовиться въ путь еще подальше Вустозерска, за Камень, ибо Милославскіе не забудутъ, что у нихъ была отнята власть Языковымъ и Лихачевымъ. А съ Нарышкинскими и Матвѣевымъ сблизиться легко, содѣйствуя ихъ возвращенію, тѣмъ болѣе — что старой вражды не было.

Волннство знати должно было раздѣлять взглядъ Языкова и Лихачевыхъ относительно престолонаследія. Стать за неспособнаго и недолговѣчнаго Іоанна значило наклонять смуту на себя и на

Землю, и кому изъ знати охота повиноваться Милославскимъ или тѣмъ, кого возьметъ къ себѣ въ свѣтники царица Софья? Матвѣевъ же перебивалъ во дворцѣ дорогу Милославскимъ и Хитрово, но всегда почиталъ знатныхъ людей. И надобно замѣтить, что большинство этой знати состояло изъ людей или уже совершенно одряхлѣвшихъ, или неспособныхъ къ видной дѣятельности, и потому довольныхъ, если имъ будетъ почетъ по ихъ роду. Двое изъ старинной знати: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій выдѣлялись изъ ряда, — не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицынъ былъ соединенъ съ царицею Софьею сердечнымъ союзомъ и, при ея торжествѣ, съ восшествіемъ на престолъ Іоанна, могъ подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованскій, знаменитый (преимущественно своими пораженіями и жалобами на него подчиненныхъ ²⁾) воевода царя Алексѣя, человекъ энергическій, смѣлый, но безъ разсудительности; природа порывистая, безлюбойная, заносишася, вѣрною очерченная въ народномъ прозвищѣ *Цараруй*. Членъ рода знатнаго, но долго не отличавшагося почему-то служебнымъ, Хованскій тѣмъ сильнѣе превозносился своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, рѣче другихъ высказывался противъ новыхъ людей, которыхъ такъ много явилось въ послѣднее время; приверженецъ старины во всемъ, Хованскій былъ сильно недоволенъ этимъ временемъ Пашокиныхъ, Матвѣевыхъ, Языковыхъ, Лихачевыхъ, Нарышкинскихъ, Апраксинскихъ, и съ нестерпимею ждалъ времени, когда всѣ эти ненавистные для него люди исчезнутъ и ему можно будетъ наконецъ получить достойную его дѣятельность. Кто дастъ ему эту дѣятельность, — къ тому онъ и прикинеть. Отъ Нарышкинскихъ и Матвѣева Хованскій на ждать ничего хорошаго для себя, а слѣдовательно и для Россіи, и потому онъ не былъ приверженцемъ Петра.

Такимъ образомъ, царицы, дочери Милославской, и представительница ихъ — Софья — не могли ждать

¹⁾ Исторія о виновномъ зачѣтѣ Матвѣева, стр. 405.

²⁾ См. Исторія Россіи т. XII, и дополненіе.

себѣ опоры въ членахъ Думы. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: въ началѣ царствованія Θεодора онѣ воспользовались своимъ торжествомъ и не поддали мачихи, ея родныхъ и воспитателя; чего же ждать имъ теперь хорошаго отъ торжества царицы Паталы, Парышкихъ, Матвѣева? Софья и челобѣкъ, котораго интересы были сильно связаны съ ея интересами, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, дѣйствовать по инстинкту самосохраненія. Орудіями ихъ являются родственники и люди молодые, т.-е. незначительные: стольники—Александръ Милославскій, братья Толстые—Иванъ и Петръ Андреевичи (племянники Ив. Милославскому), два стрѣлцкіе подполковника—Иванъ Цыклеръ, изъ иностранцевъ, и Иванъ Озеровъ, да выборные стрѣльцы: Борись Одинцовъ, Абросимъ Петровъ, Кузьма Черный¹⁾. Деньгами, богатыми обѣщаніями имъ удалось набрать толпу людей, готовыхъ отстаивать права старшаго царевича на престолѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ царя Θεодора. Вельможи, твердо рѣшившіеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движеніяхъ Милославскаго, и потому думали, что при этомъ провозглашеніи можетъ быть дѣло дойдетъ и до ножей. Дядька царевича Петра, князь Борись Алексѣевичъ Голлицы съ братомъ Иваномъ и четверо Долгорукихъ—Яковъ, Лука, Борись и Григорій, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, подѣли подъ платье панцири. На этотъ разъ однако дѣло обошлось безъ смуты. Когда всѣ, по обряду, простились съ покойнымъ царемъ и потомъ одинаково цѣловали руки у обоихъ оставшихся братьевъ его, Иоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю и спросилъ: „Кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ?“ Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Подъ Московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ. Патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковію Спаса и спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей былъ на царствѣ. Раздалась крики: „Петру Алексѣевичу!“ раздалась и другіе крики: „Иоанну Алексѣевичу!“ но были заглушены. Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло; патріархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра.

По кто же и по какимъ побужденіямъ кричалъ за Иоанна? Современники²⁾ сохранили имя одного изъ этихъ крикуновъ, дворянина Максима Сумбулова, и рассказывали слѣдующее о позднѣйшей встрѣчѣ его съ Петромъ. Однажды Петръ, будучи

у обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, замѣтилъ, что одинъ монахъ не подошелъ къ антидору; царю показалось это страннымъ; онъ спросилъ, кто этотъ монахъ, и получилъ въ отвѣтъ, что Сумбуловъ. Петръ подозвалъ монаха и спросилъ, отчего онъ не подошелъ къ антидору. „Не посмѣлъ пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза“, былъ отвѣтъ. Петръ велѣлъ ему ядти къ антидору, и потомъ, подзавани опитъ къ себѣ, спросилъ: „Отчего я тебѣ при выборѣ на царство не показался?“ Монахъ отвѣчалъ: „Иуда за тридцать сребренниковъ продалъ Христа, будучи Его ученикомъ; а я твоимъ, государь, ученикомъ никогда не бывалъ, то диво ли, что я тебя продалъ, будучи мелкимъ дворяниномъ, за болгарство“³⁾?

Сумбуловъ съ товарищами не успѣли выкрикнуть Иоанна. Петръ былъ провозглашенъ царемъ, т.-е. правленіе государствомъ, по извѣстному обычаю, противъ котораго никто не спорилъ, перешло къ матери его, царицѣ Паталѣ. Ненавистная мачиха будетъ правительницею: эта мысль душила Софью: она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. Въ день погребенія царя Θεодора она удивила всѣхъ, пошедши за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю. не доускавшему царевнѣ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, представляли, что негодится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа страннымъ воплемъ. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и съ другой стороны; царица Наталья и царь Петръ, простившись съ покойникомъ, возвратились во дворецъ задолго до окончанія службы; за ними послѣдовали и нѣкоторые вельможи. Легко повѣримъ извѣстію, что этотъ поступокъ произвелъ сильное негодованіе на половину царевнѣ, изъ которыхъ Анна и Татьяна Михайловны, какъ теткі царскія, пользовались особеннымъ уваженіемъ. Онѣ отправили монахинь къ царицѣ Натальѣ съ выговоромъ: хоронитъ братъ, не могъ дожидаться конца погребенія! Царица отвѣчала, что Петръ еще ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы, не ѣвши; а братъ царицынъ, Иванъ Кирилловичъ Парышкитъ, недавно возвращенный изъ ссылки, сказалъ: „Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ. а царское величество не умираетъ, живъ“. Погребеніе кончилось; Софья возвратилась во дворецъ, и рассказывали, будто она, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: „Видите, какъ братъ нашъ царь Θεодоръ поожиданно отомель съ сего свѣта,—отравленого враги зложелательными; умло-сердигесь надъ нами, сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбралъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ

¹⁾ Занеки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

²⁾ Матвѣевъ.

³⁾ Голыкова—Дѣянія П. В. I, стр. 155.

христианскимъ". Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на народъ ¹⁾.

Но какъ бы ни сильно было это впечатлѣніе, рассчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились къ стрѣльцамъ, уже подготовленнымъ къ движенію. Мы знаемъ, что въ то время, когда сильный, обремененный властію человекъ стремился прежде всего кормиться насчетъ слабаго, подчиненнаго, употреблять его на свою личную службу, — жалобы приходили не отъ однихъ посадскихъ, притѣсняемыхъ воеводами, но и отъ служивыхъ людей, притѣняемыхъ своими воеводами, и потому намъ нисколько не будетъ удивительно, что п стрѣльцы, и солдаты, въ концѣ царствования Феодора, жаловались на притѣсенія того или другого изъ своихъ полковниковъ. Для стрѣльцовъ притѣсенія были очень чувствительны, потому что они въ свободное отъ службы время жили съ семействами, своими домами, въ особыхъ слободахъ и занимались выгодными промыслами; главная жалоба ихъ на нѣкоторыхъ полковниковъ состояла въ томъ, что они занимали ихъ своими работами и такимъ образомъ отрывали отъ промысловъ. Время было такое въ концѣ царствования Феодора, что и полковники могли разиудаться больше прежняго, и стрѣльцы могли своевольничать. Смотри на общее направленіе правительственной дѣятельности, мы не можемъ отказать въ смыслѣ и благонамѣренности людямъ, близкимъ къ царю, Языкову, Лихачевымъ. Но мы ни изъ чего не можемъ заключать, чтобъ эти люди обладали особенными талантами, особенною твердостью характера, столь необходимымъ для поддержанія порядка во всѣхъ частяхъ управленія; и восхвалятели Языкова выставляють прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость — орудіе слабаго; притомъ же въ послѣднее время царя Феодора, когда царь видимо угасалъ, Языкову съ товарищи надобно было заботиться прежде всего о самихъ себѣ. До какой степени были слабы духомъ остальные придворные, отъ близняго боярина до стольника, стряпчачаго и жильца. — всѣ эти прирожденные воины, прирожденные воеводы, — всего лучше покажетъ намъ постыдное поведеніе ихъ при стрѣлечкомъ бунтѣ; здѣсь всего лучше высказалась несостоятельность стариннаго дружинно-придворнаго устройства и необходимость преобразованій. Безопасность и порядокъ въ столицѣ основывались на стрѣльцахъ, а Стрѣлцкій Приказъ былъ въ вѣдѣніи стараго боярина, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Мы встрѣчались нерѣдко съ Долгорукимъ, какъ съ однимъ изъ самыхъ видныхъ воеводъ царя Алексѣя и однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но теперь князь Юрій уже былъ развалина отъ старости и паралича; сынъ его и товарищъ по Приказу, князь Михайла, не былъ способенъ заставить уважать себя, и — вотъ полковники притѣсняють, а стрѣльцы волнуются, не

чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волненія.

Стрѣльцы полку Пыжова всѣмъ приказомъ были челомъ государю на полковника своего Богдана Пыжова, что онъ вычиталъ у нихъ по полонинѣ денежнаго жалованья; царь велѣлъ разыскать дѣла Языкову. Говорять, что Языковъ сдѣлалъ розыскъ несправедливый, повѣрилъ полковникамъ ²⁾. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить показанію человека, который, по привязанности къ Софьѣ и Милославскимъ, могъ быть враждебенъ Языкову, но вспомнимъ, что для Языкова — „глубокаго дворскихъ обожденій проинкателя“ — указать на безпорядки въ Стрѣлечкомъ Приказѣ значило оскорбить начальника Приказа, князя Долгорукаго, такого *стола!* Какъ бы то ни было, челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, велѣно наказывать, чтобъ они вѣрды не смѣли бить челомъ на полковниковъ: ихъ били кнутомъ и разослали въ ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться съ рядовыми. 23-го апрѣля стрѣльцы подали новое челобитіе на другого полковника Грибоѣдова; но на этотъ разъ, боясь, какъ видно, что опять не захотятъ обидѣть Долгорукаго, пошли на начальству, подали челобитіе въ Стрѣлечкомъ Приказѣ чрезъ одного выборнаго. Долгорукому доложили, что принесъ челобитію пьяный стрѣлецъ и наговорилъ много непристойныхъ словъ про него, боярина, и про другихъ ³⁾. Вояривъ велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутомъ передъ сѣзжею избою, чтобъ другимъ вѣрды было не повадно такъ воровать. Но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ закричалъ товарищамъ: „Братцы, вѣдь я по вашему желанію и приговору подалъ челобитію; такъ зачѣмъ же вы теперь позволете чинить надо мною такое поруганіе!“ Стрѣльцы взводивались, бросились на приказныхъ сторожей, смiali ихъ и выручили товарища. Это было знакомъ къ волненію почти во всѣхъ стрѣлцкихъ полкахъ. Солдаты подали въ то же время челобитію на генерала своего, Матвѣя Кравкова. Стрѣльцы били челомъ царю на Грибоѣдова и „хотѣли было бунтовать“. Правительство предупредило бунтъ, приказавши Грибоѣдова отставить изъ полковниковъ, отнять вотчины и сослать въ Тотму.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда умеръ Феодоръ. Въ самый день его смерти, во время присяги Петру, стрѣльцы приказа Карандѣева отказались вѣловать крестъ; къ нимъ отпращены были окольный князь Константинъ Щербатый, думный дворянинъ Змѣевъ и думный дякъ Украинцевъ, которымъ удалось уговорить стрѣльцовъ, и они поцѣловали крестъ Петру.

По на третій же день явилась во дворецъ толпа

²⁾ Медвѣдова — Сосерпаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92. Рукопись князя М. А. Оболенскаго.

³⁾ Датскаго резидента Розенбуна: *Kelation der trauren Tragedy. См. въ этомъ сочиненіи въ статьѣ: «Библиографическіе отрывки», въ Отеч. Зап. 1858 г. іюн.*

¹⁾ Diariusz Zabojszta.

и отъ имени шестнадцати стрѣльцкихъ полковъ и одного солдатскаго, Вугырекаго, потребовали, чтобъ девять полковниковъ были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученныя у стрѣльцовъ, также деньги за работы, къ которымъ они принуждали стрѣльцовъ, въ противномъ случаѣ грозились промислить сами о себѣ, перебить полковниковъ, разграбить ихъ дома и животы. „Достанется и другимъ измѣнникамъ!“¹⁾ кричали стрѣльцы: „будетъ намъ терпѣть мученіе отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество!“ Подлѣ царицы Натальи не было въ это время ни одного человѣка, который бы могъ найтись въ подобныхъ обстоятельствахъ. Испугались, не знали что дѣлать; рѣшили перехватить обвиненныхъ полковниковъ и посадить подѣ караулѣмъ Рейтарскомъ „Приказѣ. Но стрѣльцы этимъ не довольствовались: требовали, чтобъ полковники были выданы имъ головами. Правительство не соглашалось, обѣщая само оказать справедливость; стрѣльцы долго упростиовали и едва были уговорены нѣкоторыми вельможами, имѣвшими на нихъ вліяніе, и архіереями; имъ обѣщано, что съ старыхъ полковниковъ взыщутъ всѣ деньги и поставятъ новыхъ²⁾. Но, по нѣкоторымъ, чуть ли не обстоятельнѣйшимъ извѣстіямъ³⁾, правительство такъ испугалось, что согласилось выдать полковниковъ; одинъ патріархъ понялъ весь ужасъ подобной уступки и поспѣшилъ разослать по всѣмъ полкамъ съ увѣщаніями не требовать выдачи.

Какъ бы то ни было, полковники должны были заплатить всѣ насчитанныя на нихъ стрѣльцами деньги; съ иныхъ взыскали до 2,000 рублей; тѣхъ же, которые не могли заплатить, держали на нравѣхъ часа по два. Кромѣ того, нѣкоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, а Карандѣевъ и Грибоѣдовъ кнутомъ, предъ чѣмъ, по обычаю, читались имъ сказки или объявленіе вины. Семени Грибоѣдову читали: „Вили на тебя челомъ великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего приказа; ты чинилъ имъ налоги, обиды и всякія тѣсноты: для взятки и работъ билъ ихъ жестокими боями, билъ батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре; на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ устроилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ велѣлъ ихъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ, стрѣльцовъ, и дѣтей ихъ, и заставлялъ отвозить туда на ихъ же стрѣлецкихъ подводахъ; неволею заставлялъ ихъ шить себѣ цѣлѣное платье, бархатныя шапки, желтые сапоги: пѣзъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ, отпускалъ ихъ съ карауловъ; и за то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя

имъ даются на стѣнной караулѣ, и запасы изъ дворцовъ ты бралъ себѣ; приказывалъ имъ покупать хлѣбъ и всякіе запасы на свое дворовое строеніе на сборныя деньги; къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ деньщиковъ помногу и заставлялъ ихъ работать всякую работу и отходы чистить. Будучи въ походѣхъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Осодорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ съ великимъ подтвержденіемъ никакихъ взятковъ не брать и стрѣльцовъ работать на себя не заставлятъ, для того тебѣ и дана была деревня въ помѣстье, а ты, забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно“³⁾. Несмотря на то, что стрѣльцы отказались отъ выдачи имъ полковниковъ головою, они толпились тутъ же на площади при правѣхъ и наказаніяхъ, распоряжались; закричать: „Довольно!“ — и правѣхъ прекращается. Но, какъ видно, высказывалось сильное неудовольствіе не на однихъ стрѣлецкихъ полковниковъ, а на всѣхъ временщиковъ прошлаго царствованія, и, чтобъ потушить это неудовольствіе, царь положилъ оналу, запретилъ видѣть свои очи боярину Ивану Лыкову и сыну его чашинику, Семени, постельничему Алексѣю и казначею Михайлѣ Лихачевымъ, ближнимъ стольникамъ Ивану Лыкову и Ивану Дашкову. Но эта мѣра не помогла.

Получивши надѣ полковниками свою волю, стрѣльцы разнуздались, не чувствуя надѣ собою никакой силы; стали ежедневно собираться многочисленными толпами у своихъ сѣзжихъ избъ; бояръ своихъ, князей Долгорукихъ, ставили ни во что, смѣялись надъ ними, грозили; тѣмъ меньше уже стали они уважать начальниковъ второстепенныхъ: этихъ просто отгоняли отъ своихъ сѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ камнями, палками, брали непристойными словами; тѣ же пѣзъ начальныя лица, которая попробовали строгостію возстановить порядокъ, псыгали и похуже: ихъ схватили, ввели на калачи и сбросили оттуда при крикахъ: „Любо! любо!“ Но, разнуздавшись такимъ образомъ, благодаря совершенной слабости, отсутствію правительства, стрѣльцы должны были чувствовать, что ихъ воля пройдетъ вмѣстѣ съ слабостію правительства и они могутъ дорого поплатиться за эту волю. Съ какою жадностію, слѣдовательно, они должны были прислушиваться къ внушеніямъ, что правительство нечего уважать и нечего ему повиноваться: оно незаконное; пренебрегать такимъ правительствомъ, идти противъ него — это не бунтъ, а заслуга! Одинъ изъ современниковъ говоритъ⁴⁾, что вѣсть о стрѣлецкихъ движеніяхъ была для царевны Софьи такъ же радостна, какъ для Нои масличная вѣтъ, принесенная голубицею въ коячегъ; но можно сказать, что и внушенія отъ царевны и ея сообщниковъ были для стрѣльцовъ такъ же маслично вѣтвию. Прежде всего, говорить⁵⁾, обра-

¹⁾ «Библиографическіе отрывки», въ Отеч. Зап. 1858 г. июль.

²⁾ Медвѣдевъ. У Медвѣдева не было никакого побужденія хвалить патріарха, и притомъ онъ могъ знать дѣло обстоятельнѣе, чѣмъ иностранецъ Розенбушъ.

³⁾ Акты арх. экци., IV, № 254.

⁴⁾ Матвѣевъ.

⁵⁾ Diariusz Zabojszta.

тился къ стрѣльцамъ Хованскій; слова его, какъ извѣстнаго боеваго вождя, производили сильное вліяніе. „Вы сами видите“, говорилъ Тараруй то одному, то другому изъ стрѣльцовъ, „вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ; теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя¹⁾; увидите, что не только денегъ — и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ; а что всего хуже, — поддадутъ и насъ и насъ въ неволю какому-нибудь чужеземному шепрителью, Москву сгубятъ и вѣру Православную искоренятъ“. Но не одинъ Хованскій дѣлалъ подобныя внушенія: Иванъ Михайловичъ Милославскій, лежа на постели, притворяясь больнымъ, кипятилъ разговоръ; къ нему по ночамъ приходили выборные стрѣльцы — Одинцовъ, Петровъ, Чермный и толковали о стрѣлецкихъ движеніяхъ вѣсть съ Толстымъ, Цыклеромъ, Озеровымъ. Вдова постельница Феодора Семенова Родимца, изъ малороссійскихъ казачекъ, съ деньгами и съ щедрыми обѣщаніями отъ царевны Софьи ходила по стрѣльцамъ. Волненіе обхватило все полки, только одинъ Сухаревъ былъ сдержанъ, благодаря пугисотному Вурмистрову и пятидесятнику Борисову. Стрѣльцы собирались ежедневно въ круги, становились подъ ружье безъ полковничьяго приказа, били въ набатъ, кричали по торговымъ банямъ противъ правительства съ похвалой: „Не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ, — мы имъ все въ шею свернемъ“²⁾.

Но отъ словъ еще не доходило до дѣла: для этого мало было неопредѣленныхъ обѣщаній всякаго зла со стороны Натальи, всякаго добра со стороны царевны Софьи, — нужно было побужденіе послѣднее, чтобъ заставить броситься во дворецъ и першинельныхъ, и такихъ, которые были охотники покричать, но робѣли передъ дѣломъ. Заговорщики наверху берегли еще это побужденіе, они дожидались пріѣзда Матвѣева, который первый долженъ былъ пасть но въ стрѣлецкимъ ударами, потому что одинъ могъ дать силу правительству независимой манчхи.

Мы видѣли, что еще при Феодорѣ Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Мезени въ Лузь, и здѣсь ему вѣдно дожидаться дальнѣйшаго указа царскаго; этотъ указъ пришелъ къ нему уже отъ имени царя Петра — ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе. Старикъ отправился немедленно; на дорогѣ встрѣтился ему семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли къ нему, чтобъ рассказать о волненіяхъ товарищей и обь опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Извѣстія стрѣльцовъ заставили Матвѣева еще больше снѣшнить: „Уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не увидали“, сказалъ

онъ. Въ Троицкомъ монастырѣ и на дорогѣ оттуда Матвѣева ждали почетныя встрѣчи. 12-го мая вечеромъ онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день представилъ царю и царичѣ, причѣмъ была „радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоинству исписати не возможетъ“³⁾. 13-го числа Матвѣевъ ѣздилъ къ патриарху и долго разговаривалъ съ нимъ во внутренней келии; ѣздилъ навѣститъ и стараго пріятеля своего, больного князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. и съ нимъ долго разговаривалъ; а между тѣмъ все знать снѣшнила nobyabatъ въ домѣ у Матвѣева, въ рукахъ котораго теперь должно было сосредоточиться правленіе; были и выборные стрѣльцы изъ всѣхъ полковъ съ хлѣбомъ и солью, съ просьбою о заступничествѣ, потому что заслуги ихъ ему больше другихъ бояръ извѣстны. Не былъ одинъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, сказывался больнымъ.

У Милославскаго съ товарищами уже все было готово: имъ теперь нужно было снѣшнить: Матвѣевъ тутъ, въ Москвѣ, — надобно нанесть на него сейчасъ же врасплохъ, не дать осмотрѣться и взять въ искусныя руки правленіе. Ненавидный старикъ не растерялъ въ Пуस्तосеркѣ и Мезени ничего изъ прежней своей ловкости, умѣнья привлекать къ себѣ людей. Какъ онъ умѣлъ принять каждаго, къ нему пріѣзжавшаго, обласкать! Все были въ восторгѣ, даже и тѣ, которые были къ нему не очень расположены. Все надѣялись, что Матвѣевъ укротитъ стрѣльцовъ, укрѣтитъ и Нарышкиныхъ. Были оскорблены непомѣрнымъ возвышеніемъ братьевъ царичи, Нарышкиныхъ, молодыхъ людей, за которыми никто не зналъ никакихъ достоинствъ. Иванъ Кирилловичъ на 23 году былъ пожалованъ въ бояре! — и вотъ пошли слухи, что и бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ такъ же шедологичъ быстрамъ возвышеніемъ Нарышкиныхъ⁴⁾. Все были рады Матвѣеву, и потому Милославскому надобно было снѣшнить.

15-е мая, роковой день убійенія царевича Дмитрія, назначенъ былъ заговорщикамъ для бунта. По рукамъ у стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ *измѣнниковъ*, которыхъ надобно истребить. Утромъ по стрѣлецкимъ полкамъ проскакалъ Александръ Милославскій и Петръ Толстой съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и чтобъ стрѣльцы шли въ Кремль на службу. Стрѣльцы ударили въ набатъ, въ барабаны — и двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Это было въ понедѣльникъ, въ полдень, когда Матвѣевъ сходилъ съ дворцовой лѣстницы, чтобъ ѣхать домой; по на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ князь Феодоръ Семеновичъ Урусовъ и объявилъ, что стрѣльцы и солдаты бунтомъ вошли въ Земляной городъ, скоро будутъ и въ Вѣломъ. Матвѣевъ возвратился наверхъ и донесъ объ этомъ царичѣ. Немедленно отданъ приказъ полковнику срединнаго полка

¹⁾ A jeszcze carem wami obrano strzeleckiego syna z matki. Хованскій указываетъ на происхожденіе Натальи Кирилловны, дочери стрѣлецкаго головы.

²⁾ Матвѣевъ и Розенбушъ.

Исторія Россіи т. XIII, кн. III.

³⁾ Исторія о невинномъ заточеніи, стр. 413.

⁴⁾ Розенбушъ.

запереть всѣ кремлевскія ворота; но уже было поздно; вбѣжало нѣсколько бояръ съ извѣстiемъ, что стрѣльцы приближаются, кричатъ, что царевича Ивана убили Нарышкины, и что они, стрѣльцы, идутъ выводить извѣнниковъ и губителей царскаго рода. Набать и барабанный бой раздались по всему Кремлю; стрѣльцы побили многихъ боярскихъ людей и лошадей, а другихъ перерангли. Матвѣевъ и другіе ближніе люди, собравшіся у царицы, послали за патриархомъ, который и явился вмѣстѣ съ посланнымъ, а между тѣмъ положено было вывести къ стрѣльцамъ царя и царевича, и такимъ образомъ отнять предлогъ къ смутѣ. Царица, вмѣстѣ съ патриархомъ и боярами, вывела Петра съ братомъ на Красное крыльцо. Толпа стихла при этомъ зрѣлищѣ. Какъ же это такъ: нѣтъ ли и тутъ обмана? Нѣсколько стрѣльцовъ подставили лѣстницу, взлѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали его: прямой ли онъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, и кто его изъ бояръ извѣнниковъ изводитъ?—„Меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого“, отвѣчалъ Иванъ.

Это была страшная, рѣшительная минута для заговора. Стрѣльцы обезоруживались. Уйдуть съ позоромъ изъ Кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на ту же удочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами: кричать, что хотя царевичъ и живъ, но все же пусть выдадутъ его недоброхотовъ, Матвѣева и Нарышкинскихъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ прихитривалъ на себѣ корону и разныя царскія украшенія. Визъ слыли уговаривать стрѣльцовъ бояре: князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій, князь Ив. Андр. Хованскій, Петръ, Вас. Шереметевъ Большой, князь Вас. Вас. Голицынъ. Стрѣльцы обратились къ нимъ съ требованіемъ, чтобы великій государь указалъ имъ выдать бояре: князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, князя Григ. Григ. Ромодановскаго, князя Мих. Юрьев. Долгорукаго, Кирилла Полуехтовича Нарышкина, Артемона Серг. Матвѣева, Ив. Максим. Языкова, Ив. Кирилла Нарышкина, постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, чашника Семена Языкова; думныхъ дьяковъ—Паріона Иванова, Данила Полянскаго, Григ. Богданова, Алексѣя Кириллова; стольниковъ—Аоанасія, Льва, Мартемьяна, Федора, Василия, Петра Нарышкинскихъ. Когда имъ сказали, что этихъ людей нѣтъ у государя, то они начали волноваться, на князѣ Черкасскомъ изодрали кафтанъ. Тутъ Матвѣевъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ, припомнить ихъ прежнія заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственнымъ мятежемъ уничтожаютъ всѣ старыя подвиги. Точно Хованскій, какъ говорятъ, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобы они бросались на Матвѣева,—стрѣльцы оставались тихи и неподвижны, и просили Матвѣева, чтобы заступился за нихъ предъ царемъ. Матвѣевъ, довольный оборотомъ дѣла, возвратился на

верхъ къ царицѣ. Но заговорщики не дремали: видя, что дѣло не ладится передъ дворцомъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тѣмъ и передъ дворцомъ имъ помочь человекъ, на котораго, разумеется, ни менше всего могли рассчитывать. Князь Михайла Долгорукой, о которомъ не было слышно во все продолженіе страшной смуты, тогда какъ его было дѣло не допускать до этой смуты, теперь, когда стрѣльцы находились въ затруднительномъ положеніи, пришедши по нелѣпному слуху въ Кремль ко дворцу,—и, когда были убиты Матвѣевымъ, теперь князь Михайла вздумалъ разыграть съ ними начальника: съ бранью и угрозами началъ онъ на нихъ кричать, приказывая сейчасъ же убираться изъ Кремля въ свои поля. Ничто не могло такъ раздражить разнудавшихся стрѣльцовъ, какъ этотъ старый начальническій тонъ и, что было всего хуже, этотъ начальническій тонъ принималъ человекъ, котораго они не любили и не уважали, надъ которымъ привыкли смѣяться. Стрѣльцы вышли изъ себя, вломались на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленную копыя, полумертваго изрубилъ бердышми. У толпы помутилось въ глазахъ отъ первой крови, а тутъ изъ сѣней Грановитой палаты вбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются на Матвѣева. Царица и князь Михайла Алегуковичъ Черкасскій хотѣли было задержать его; но стрѣльцы вырвали у нихъ Матвѣева и сбросили его на площадь противъ Благовѣщенскаго собора; тутъ изрубилъ его на мелкія части¹⁾. По другимъ извѣстiямъ²⁾, Матвѣевъ, чтобы защитить себя, схватилъ подъ руку царя Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ подъ руки царской. Патриархъ хотѣлъ было сойти къ стрѣльцамъ внизъ, но ему закричали: „Не нужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ, время разбирать, кто намъ надобенъ“,—и, уставя передъ собою копыя, бросились во дворецъ искать *другихъ измѣнниковъ*. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла въ Грановитую палату, и за нею разбѣжались всѣ; неизвѣстно куда попрятались многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины, ежедневно толпившіся на крыльцѣ и въ передней, а теперь оставившіе дворецъ, Кремль и Москву во власти развирѣбѣвшихъ стрѣльцовъ, на которыхъ обыкновенно смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ.

Оставивши господами во дворцѣ, стрѣльцы бѣгали всюду по комнатамъ царевнъ: заглядывали подъ кровати, перестрахидали нерныя, рылись въ чуланахъ, забѣгали въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копыями, думая, что тамъ скрывается кто-нибудь изъ Нарышкинскихъ. Встрѣтили стольника Федора Петровича Салтыкова, приняли его за Аоанасія Кирилловича Нарышкина и убили; потому, увидя

1) Матвѣевъ.

2) Diariusz Zabojstwa.

ошибку, отвезли тѣло къ отцу, извѣстному намъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, съ извиненіями. Старикъ отвѣчалъ: „Божья воля!“ и велѣлъ угостить убійцъ виномъ и шиломъ. Въ комнатахъ царицы Натальи нашли они карла прозвищемъ Хомяка, и спросили, гдѣ спрятались Нарышкины. Хомякъ указалъ имъ въ синои церкви Воскресенія подъ престоломъ мѣсто убѣжища Аванасья Нарышкина; стрѣльцы вытащили его на паперть, разсѣкли и выбросили на площадь. Ивана Оомича Нарышкина отыскали въ домѣ его за Москвою-рѣкою и убили; убили и знаменитаго воеводу двухъ послѣднихъ царствованій, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, на котораго были злы со времени Чигиринскихъ походовъ. Любимецъ покойнаго царя Феодора, бояринъ Изыковъ, скрився-было у духовника своего при церкви Николая на Хлыновѣ, но былъ преданъ холопомъ; стрѣльцы привели его къ Архангельскому собору и изрубили на части. Убили думнаго дьяка, управлявшаго Посольскимъ Приказомъ, Ларіона Иванова, и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ людей. Всѣ эти убійства сопровождалась криками: „Любо ли?“ обращенными къ окружавшему безоружному народу, отъ котораго стрѣльцы требовали одобренія своимъ поступкамъ; надобно было кричать: „Любо!“ и махать шапками; кто же не хотѣлъ кричать „Любо!“ или показывалъ видъ сожалѣнія, — тѣхъ били. Убивши кого-нибудь, волокли въ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы, какъ будто для почета, и кричали: „Вотъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ Долгорукій, вотъ думный дѣдъ, дайте дорогу!“ Мы видѣли, что стрѣльцы ходили къ старому боярину Салтыкову съ извиненіями, что ошибкою убили сына его. Съ такими же извиненіями явились они и къ большому осмидесятилѣтнему Долгорукому, что не удержались въ запальчивости, грѣхъ понуталъ, убили сына его, князя Михайлу. Старикъ спокойно выслушалъ ихъ извиненія, у него даже достало духа угостить ихъ виномъ и шиломъ. Но когда убійцы ушли, и къ большому князю вошла невѣстка, вдова убитаго, съ громкими воплями о мужѣ, Долгорукій сказалъ ей въ утѣшеніе: „Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ поблуживать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Землянаго города“. Холопъ побѣжалъ за стрѣльцами и объявилъ имъ, что старикъ грозитъ. Въ ярости воротились стрѣльцы, стащили большого Долгорукаго на дворъ, разсѣкли на части, выбросили за ворота въ навозную кучу, и на трупъ положили соленую рыбу.

Цѣлый день 15 мая прохозяйничали стрѣльцы во дворцѣ и Кремлѣ. Когда смерклось, они разошлись по своимъ слободамъ, но въ Кремлѣ, Китаѣ и Вѣломъ-городѣ оставили крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, наказавъ не пускать никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля.

16 мая утромъ стрѣльцы съ тѣми же криками,

при набатѣ и барабанномъ боѣ, опять явились у дворца съ требованіемъ выдачи Ив. Кир. Нарышкина: въ противномъ случаѣ грозилъ перебить всѣхъ бояръ. Несмотря на эти угрозы, Нарышкина имъ не выдали, и, подождавъ до часа пополудни, они попрежнему разставили вездѣ свои караулы и ушли изъ Кремля. Ив. Кир. Нарышкинъ съ отцомъ, братьями, родственниками и сыномъ убитаго Матвѣева, Андреемъ Артемоновичемъ, прятались сначала при комнатахъ маленькой царицы Натальи Алексѣевны, а потомъ въ комнатахъ царицы-вдовы Марыи Матвѣевны; одна только постельница Марыи, Клужина, знала объ убѣжищѣ несчастныхъ. 17 числа, на разсвѣтѣ, Клужина отела ихъ въ темный чуланъ, гдѣ они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совѣту Матвѣева, нарочно оставили отворенною, для избѣжанія подозрѣній. Стрѣльцы въ третій разъ столпились у дворца съ крикомъ, чтобъ выдали Нарышкина и что на этотъ разъ они безъ него не будутъ изъ Кремля. Нѣтъ никакой нужды предпологать непременно, чтобъ Софья и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Иванъ Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходами молодого человѣка, выдаваемагося впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина дѣла была сдѣлана — Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую, — отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полномочныхъ господъ въ Москвѣ; еще 16 числа Хованскій спрашивать стрѣльцовъ: „Выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?“ и получилъ въ отвѣтъ: „Любо, любо!“¹⁾ Другое дѣло стрѣльцы: они пришли ко дворцу но вѣсти о царевубійствѣ; вѣсть оказалась ложною, но для оправданія себя зачинщики кричали, что если преступленіе не сдѣлано, такъ сдѣлается; что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ, и главный — Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону прифривалъ; убили Матвѣева, противъ котораго не слышалось никакихъ обвиненій въ измѣнѣ; убили ошибкою Салтыкова, убили Долгорукихъ, а главный измѣнникъ живъ! Зачѣмъ же приходили, гдѣ же ихъ служба царскому дому; что выставявъ заслугу и оправданіемъ пролитой крови? Понятно, что не для заводчиковъ дѣла, но для пѣлой массы необходимо было получить Нарышкина; только его выдачею мятежъ дѣйствительно могъ упасть, если не умѣли и не хотѣли прекращать его другими средствами. Царевна Софья рѣзко сказала царицѣ Натальѣ: „Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!“ Перетрусившіеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тѣмъ избавить ихъ отъ смерти. Дѣлать было нечего: Нарышкина вывели изъ его убѣжища и привели въ церковь Спаса за Золотою

¹⁾ Розенбушъ.

рѣшеткою; здѣсь его псовѣдали, пріобшпли, оборовали: по совѣту Софьи, ему дали держать передъ собою образъ Богородицы: быть можетъ убійцы посядятся святыни. Началось странное пропаніе сестры съ братомъ, котораго вели на мучительскую смерть. Это пропаніе нѣкоторымъ показалось очень долго. Перегруснѣвшій старикъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, не могъ выдержать, сталъ торопить царницу: „Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всемъ придется погибнуть изъ-за тебя“.

Нарышкинъ вышелъ изъ церкви. Стрѣльцы, какъ только завидѣли его, съ страшнымъ воплемъ гинулись на жертву, но не убили немедленно же, какъ другихъ, а потащили въ Константиновскій застѣнокъ. Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды; но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича: стрѣльцы взяли въ вѣдѣніи измѣну изъ дворца; измѣнникъ въ ихъ рукахъ,—надобно его пытать; не вѣтернить мукъ, признается—полное оправданіе возстанію. Но стрѣльцы обманулись въ своей надеждѣ: Нарышкинъ не сказалъ ни слова подъ пыткой. Изъ застѣнка его вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части. Наконецъ казнили иностраннаго доктора, Данила фонъ-Гадена, обвиненнаго въ ограбленіи царя Феодора. Гаденъ, заслышавъ бѣду, успѣлъ было въ пищенскомъ платкѣ уйти изъ Нѣмецкой слободы; двое сутокъ прятался въ Марьиной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ; голодъ заставилъ его возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ надѣялся пріютиться у одного знакомаго и поѣсть чего нибудь; но на улицѣ былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ во дворецъ. Здѣсь царевны и царица Марья Матвѣевна умоляли стрѣльцовъ пощадить доктора: увѣряли, что онъ совершенно невиненъ въ смерти царя Феодора, что онъ въ ихъ глазахъ самъ прежде отвѣдывалъ все лѣкарства, которыя составляли для больного государя,—все напрасну; стрѣльцы кричали: „Это не одно только, что онъ уморилъ царя Феодора Алексѣевича,—онъ чернокнижникъ, мы въ его домѣ нашли суменныхъ змѣй, и за это надобно его казнить смертію“. Гаденъ находился въ одномъ положеніи съ Нарышкинымъ: на немъ лежали тяжкія обвиненія относительно посяганій на здоровье государево, и его потащили въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ на пытку. Стрѣльцы пытали, стрѣлецъ записывалъ пыточные рѣчи. Гаденъ не вытерпѣлъ мукъ, наговорилъ на себя разная разности, сталъ просить, чтобы дали ему три дня сроку и онъ уважить тѣхъ, которые болѣе его достойны смерти. „Долго ждать!“ закричали стрѣльцы, разорвали ланцету съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части.

На другой день, 18 числа, во дворецъ явились стрѣльцкіе выборные изъ всехъ приказовъ, но уже безъ оружія, —били челомъ великому государю и го-

сударынямъ царевнамъ, чтобы боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина, родною дѣда своею, указалъ великій государь постричи. Просьба была немедленно же исполнена: старика постригли подъ шпемъ Кириана и отослали въ Кирилловъ Влозерскій монастырь. 19 числа—новое челобитіе отъ солдатъ, стрѣльцовъ и пушкарей о заслуженныхъ деньгахъ съ 1646 года; выходило, что надобно было имъ заплатить 240,000 рублей, кромѣ того, что имъ пожаловано было по 10 рублей на человѣка. Столько денегъ въ казѣ, разумѣется, не было; велѣно собирать со всего государства, брать и посуду серебряную и изъ нея дѣлать деньги. Но стрѣльцы и солдаты этимъ не удовольствовались: били челомъ, чтобы измѣне убитыхъ было отдано имъ же. 20 числа еще челобитіе: чтобы великій государь указалъ сослать въ ссылку постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михайлу Лихачева, околичнаго Павла Языкова, чапшика Семена Языкова, думнаго дворянина Никиту Акинѣева, думныхъ дьяковъ—Вогданова и Полянскаго, спальниковъ—Ловчикова и всехъ Нарышкиныхъ, Андрея Матвѣева, стольниковъ—Лонухина, Вухвостова, Лутохина. Дворъ былъ очищенъ отъ враждебныхъ Милославскимъ людей, и стрѣльцкія челобитія о казняхъ и ссылкахъ прекратились¹⁾.

Стрѣльцы перестали бунтовать; но правительства не было; въ церквяхъ поминали великаго государя Петра Алексѣевича, но не „безсемейной“ матери его было думать о правительствѣ, и съ кѣмъ?—все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительствомъ должны были овладѣть люди, которые не прятались и не трепетали, а дѣйствовали! Софья съ своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россією! Софья выдвинулась сама собою на первый планъ, и никто ей не мѣшалъ: это было единственное лицо изъ царскаго дома, которое хотѣло управлять, и все волею-неволею обращалось къ ней: къ ней обращались и стрѣльцы съ своими просьбами или требованіями, и, разумѣется, Софья снѣшила удовлетворить имъ, раздала имъ деньги, сколько только можно было собрать, послала впередъ по 10 рублей на человѣка, согласилась дать имъ почетное названіе „надворной нѣхоты“. У надворной нѣхоты не было начальника; начальникомъ ея сталъ, неизвѣстно по чьему указу, князь Хованскій²⁾; главнымъ орудіемъ его или руководителемъ былъ стрѣлецъ Алексѣй Юдинъ, раскольникъ, выборный Воробина полка.

Софья управляла на дѣлѣ; по это управление надобно было свѣгать правомъ: Софья управляла во дворцѣ, а въ церквяхъ поминали великаго государя царя Петра Алексѣевича. 23 мая Хованскій донесъ царевнамъ, что стрѣльцы прислали выборныхъ: все стрѣльцы и многие чины Московскаго государства хотѣтъ, чтобы царствовали оба брата

1) См. приложение—№ IV.

2) Мельцевъ.

вѣстѣ, въ противномъ случаѣ грозить опять приходъ съ оружіемъ. Царевны послали за боярами, окольными и думными людьми; тѣ не захотѣли рѣшить такого великаго дѣла одинъ; созванъ былъ Соборъ: сошлись патриархъ, архіереи и выборные изъ разныхъ чиновъ людей Московскаго государства, т.-е. города Москвы. Мысль, что придуть опять стрѣльцы, заставила совѣтныхъ людей найти предложеніе двосластія очень полезнымъ: когда одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, то другой останется въ Москвѣ для внутренняго управления; не стало и за примѣрами исторіи, сходными и несходными, толковали о фараонѣ и Иосифѣ, объ императорахъ Аркадіи и Гоноріи, Василіи и Константинѣ. Рѣшено: быть обоимъ братьямъ на престолѣ. Ударяли въ большой колоколъ, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебны и возлагали многолѣтніе благочестивѣйшимъ царямъ Иоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Уже этимъ самымъ возгласишемъ давалось первенство Иоанну передъ Петромъ; но сочли за нужное выразить это еще опредѣленнѣе, понизивъ Петра передъ Иоанномъ, чтобы тѣмъ самымъ понизить царицу Наталію Кирилловну, отнять у нея возможность требовать себѣ правительствъ. Опять стрѣлцкіе выборные явились съ требованіемъ, чтобы Иоаннъ былъ первымъ царемъ, а Петръ — вторымъ. Царевны объявили, что выборные говорятъ по внушенію Вожію, и 26 мая Дѣла вѣстѣ съ патриархомъ и архіереями рѣшила: Иоанну быть первымъ царемъ, а Петру — вторымъ, что и объявлено стрѣльцамъ и всему народу ¹⁾. Стрѣльцовъ кормили во дворцѣ, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярямъ, чтобы правительство, по молодости обоихъ государей, было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Началась обычная церемонія: все стали упрашивать Софью принять правительство, та отказывалась, наконецъ согласилась.

Стрѣльцы пировали во дворцѣ, имъ не было ни въ чемъ отказа: они устроили, палѣнили правительство, которое все признали безпрекословно. А между тѣмъ стрѣльцамъ было что-то неловко. Имъ слышалось дѣйствительно, а можетъ быть и въ воображеніи, что ихъ называютъ бунтовщиками; имъ казалось, что на нихъ косятся. Съ боярами они уже порѣшили, бояре имъ друзьями не будутъ, а между тѣмъ бояре останутся боярами, т.-е. вездѣ начальниками, и будутъ имѣть возможность мстить стрѣльцамъ. Чувствуя это, стрѣльцы, еще во время бунта, обратились къ ближайшему къ себѣ низшему слою народонаселенія, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы въ Холоньемъ Приказѣ; но, къ ужасу ихъ, холопи не двинулись массою и воли не взяли; да и на что бы они взяли. Когда многіе изъ нихъ недавно закабалались добровольно, находя это для себя выгоднымъ? Стрѣльцы надѣлали нецетовствъ, напавши

врасплохъ на дворецъ, воспользовавшись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ: но Москва не Россія, не вся Земля, ничто, если вся Земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ; что, если многочисленныя полки служилыхъ людей-полицейскихъ соберутся подъ Москвою очистить ее отъ стрѣльцовъ, какъ ибкогда очистили отъ Поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами странно трусили, трусили Россіи, и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи. оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.

Стрѣльцы, по заводу Алексея Юдина, подали челобитную, въ которой сочинили свое дѣло съ дѣломъ всехъ тяглыхъ людей московскихъ, противопоставивъ ихъ и себя знатымъ людямъ, епиклиту: „Вьютъ челомъ стрѣльцы московскихъ приказовъ, солдаты всехъ полковъ, пушкари, затинчики, гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всехъ слободъ посадскіе люди и ямщики. 15 мая, изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистая Богоматери, въ Московскомъ государствѣ случилось побитіе. за домъ Пречистая Богородицы и за вась, великихъ государей, за мирное порабощеніе и нецетовство къ намъ, и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и несправды, боярмъ князь Юрю и князь Михайлѣ Долгорукихъ, за многія ихъ неправды и за похвалныя слова; безъ указа многихъ нашу братью били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, да князь же Юрій Долгорукій учинилъ намъ денежную и хлѣбную недодачу. Думнаго дьяка Даріона Иванова убили за то, что онъ къ нимъ же, Долгорукихъ, причисленъ: да онъ же похвалялся, хотѣлъ нами безвинно обвѣститъ весь Земляной городъ, да у него же взяты гадины змѣинныхъ подобіемъ. Князя Григоріи Ромодановскаго убили за его измѣну и предѣвнѣе, что Чигиринъ Турецкимъ и Крымскимъ людямъ отдалъ, и съ ними писемани ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что онъ, ставившій съ нашими полковниками, налоги намъ великіе чинилъ и всяки брать. Боярина Магвѣева и доктора Данилу убили за то, что они на наше царское величество отравное зелье составляли. и съ пытки Данила въ томъ выпился. Ивана и Аванасья Нарыкинскихъ побилъ за то, что они примѣняли къ себѣ нашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Иоанна Алексѣевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Феодора Алексѣевича и были за то сосланы. И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости — учинить на Красной площади сголубъ, и написать на немъ имена всехъ этихъ злодѣевъ и винъ ихъ, за что побиты; и дать намъ во все стрѣлцкіе приказы, въ солдатскіе полки и посадскимъ людямъ въ все слободы жалованья грамоты за красными печатями, чтобы насъ нигдѣ бояре, окольные, думные люди и весь всякъ силъ, штъ, и никто никакими по-

¹⁾ Мелѣвѣвъ. Полн. Собр. Зак., № 920; Акты историч., V, № 86; Собр. гос. грам. и дог., IV, № 147.

носными словами, бунтовщиками и взмѣнниками не называли, никого бы въ ссылку напрасно не сослали, не били и не казнили, потому что мы служимъ вамъ со всякою вѣрностію. А что нынѣ боярскіе люди къ намъ приближаются въ советъ, чтобъ имъ быть свободными, то у насъ съ ними общенія никакого и думы нѣтъ“¹⁾. Софья согласилась; Цыклеръ и Озеровъ взяли на себя исполнить требованія стрѣльцовъ,—и столбъ воздвигнутъ былъ очень скоро.

Софья посредствомъ стрѣльцовъ позабыла себя и своихъ отъ страшной бѣды, отогнала ненавистную мачиху отъ правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти врата Теодора, въ будущемъ представлялось еще худшее, и она, въ отчаяніи, по истинкѣ самоохраненія, ухватила за стрѣлецкія копыя. Но были еще люди, которымъ было такъ же тяжело, и которые, по указанію Софьи, хотѣли ухватиться за стрѣлецкія копыя, чтобъ выдти изъ тяжелаго положенія, дать торжество своему дѣлу. Стрѣльцы избили бояръ, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую вѣру, которую гонятъ никонианцы. На третій день послѣ бунта, въ Титовѣ стрѣлецкомъ полку уже разсуждали о томъ, чтобы изыскать старую Православную вѣру, подать челобитную, чтобъ патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за чтѣ они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую Латинно-Римскую вѣру. Въ полку не нашлось человѣка, кто бы сумѣлъ сложить челобитную и дать отвѣтъ властямъ; призвали чернослободца пѣз Гончарной свободы Семена Калачникова, и стали его спрашивать: „Нѣтъ ли у васъ между посадскими людьми или въ иномъ чинѣ ревнителей старой вѣры, чтобъ были искусны и учены божественному писанію, умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дать патріарху и властямъ?“ — „Слыхалъ я отъ своей брати“²⁾, отвѣчалъ Калачниковъ, „что есть такіе божественныхъ писаній сказатели“. Стрѣльцы начали его упрямивать, чтобъ привелъ къ нимъ такихъ. Калачниковъ обѣщался, пошелъ въ свою свободу и разсказалъ въ чемъ дѣло тронѣ изъ своихъ.—Никитѣ Борисову, Ивану Курбатову и Саввѣ Романову, бывшему прежде келейникомъ у архимандрита Макаревскаго Желтоводскаго монастыря: „Порадѣмъ“, говорилъ Калачниковъ, „а стрѣльцы сильно хотятъ постоять за старую вѣру“. Чернослободцы порадили и отыскали „ревнители отескихъ преданій и твердаго адамита“, монаха Сергія. „Подвигнемся!“ отвѣчалъ имъ Сергій. Подвигнулись, всѣ внятерою отъправились въ домъ къ Никитѣ Борисову и начали писать челобитную о старой вѣрѣ отъ лица всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и всѣхъ чернослободцевъ. На другой день челобитная была уже готова, и Калачниковъ отравился въ Титовъ полкъ

съ радостною вѣстію, что порученіе исполнено. Пятисотенный съ двумя другими стрѣльцами пошелъ съ нимъ къ нему въ домъ, чтобъ посмотреть на твердаго адамита и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. „Поискитесь, братія“, началъ говорить имъ Сергій: „о столькихъ душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ; не дайте насъ въ поруганіе попржекому, какъ братію нашу, жечь да мучить, а мы готовы обличить ихъ новую вѣру“. — „Готовы, честной отецъ!“ отвѣчалъ пятисотенный: „готовы съ вами заодно умереть за старое благочестіе, коротко скажемъ,—что будетъ вамъ, то и намъ“. Сергій поклонился ему въ землю и велѣлъ Саввѣ Романову прочесть челобитную. Стрѣльцы приняли въ изумленіе: „Отъ роду не слышали мы такого слога и такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ“, говорили они. Такое же впечатлѣніе произвела челобитная, когда Савва прочелъ ее въ другой разъ передъ стрѣльцами, собранными у съзвѣзій избы; многіе плакали, а когда чтеніе кончилось, всѣ закричали: „Подобааетъ, братія, постоять за старую вѣру и кровю свою пролить за Христа свѣта; за тѣнное было головы свои положили, за Христа свѣта для чего не умереть!“.

Стрѣльцы объявили Хованскому, что у нихъ готова челобитная. Хованскій, приверженецъ старины во всемъ, былъ извѣстенъ какъ приверженецъ и старой вѣры; ходило преданіе, что онъ даже и страдалъ за нее³⁾. Хованскій обрадовался, но спросилъ: „Есть ли, братія, кому отвѣтъ давать властямъ; велико дѣло Божіе сіе, надобно, чтобъ люди ученые были“. — „Есть у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію, и посадскіе многіе люди на сіе дѣло гнѣтасы“, отвѣчалъ стрѣльцы. — „Приведите ихъ всѣхъ ко мнѣ на домъ и сами приходите“, сказалъ бояринъ, и назначилъ время.

Раскольникъ былъ съ честію принятъ прислугою Хованскаго, но часа три дождался выхода хозяина,—у него были гости. Наконецъ бояринъ вышелъ, и, увидавъ монаха, о которомъ ему такъ много наговорили, поклонился ему до земли, и спросилъ: „Коя ради вины пришелъ ко мнѣ, честный отецъ?“ Сергій отвѣчалъ, что принеслъ челобитную съ описаніемъ ересей въ новыхъ книгахъ. „Я и самъ грѣшныи“, сказалъ на это Хованскій: „велики желаю, чтобы по старому было въ Святыхъ церквахъ единогласно и неимтежно; хотя и грѣшенъ, но несумѣнно держу старое благочестіе, чту по старымъ книгамъ и воображаю на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами“. Тутъ Хованскій прочелъ символъ вѣры съ необходимыми для раскольниковъ прибавленіемъ *истиннаго* къ Духу животворящему, и продолжалъ: „Такое вѣрую и тако проповѣдаю и молю Бога, дабы умилилось и народъ христіанскомъ, не далъ до конца погнѣнуть душамъ христіанскимъ отъ пышнѣйшей новой никонианской вѣры“. Хованскій, по обычаю, коп-

¹⁾ Акты Арх. Эксп. IV, № 255.

²⁾ Аванкумъ говоритъ о немъ (Житіе, стр. 76): Биязя Ивана жидельскаго Хованскаго и Батожемы били, какъ Исаю сожгли.

чилъ свою рѣчь нѣсколькими текстами: „много изрекъ отъ божественныхъ писаній“. Когда все было изречено, Сергій обратился къ Хованскому съ главнымъ дѣломъ: „Изволь, царскій бояринъ, челобитныя послушать“. Начали читать челобитную, и царскій бояринъ такъ же былъ пораженъ множествомъ ересей въ новыхъ книгахъ, и спросилъ: „Кто писалъ челобитную?“ — „Я съ братіею потрудился“, отвѣчалъ Сергій. Но царскій бояринъ получилъ не очень выгодное мнѣніе о твердомъ адамантѣ. „Вижу тебя, отче, инока смренина и тиха и неродословна, не будетъ тебя съ такое великое дѣло, надобно противъ нихъ чловѣкъ многоглаголивому отвѣтъ держать“. Сергій отвѣчалъ: „Хотя я и не многословесенъ, и не паныченъ клюкамъ ихъ и высококорѣичю, однако надѣюсь на Сына Божія, рече бо: Не вы будете глаголющи, но Духъ Отца нашего“. Тутъ другіе раскольники, чтобы дать Хованскому надежду на успѣхъ, объявили ему, что за дѣло возьмется знаменитый Никита, священникъ Суздальскій, хотя отрешившійся сначала отъ раскола, но теперь опять за него ратующій. Хованскій, услышавъ про Никиту, обрадовался; онъ былъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ, думалъ, что православнымъ не устоятъ противъ него въ спорѣ. „Радъ вамъ, братія, помогать“, говорилъ Хованскій раскольникамъ: „а того и въ умѣ не держите, что по старому васъ казнить, вѣшать и въ срублахъ жечь“. Раскольники начали требовать у него Собора на Лобномъ мѣстѣ передъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи государей; а если нельзя на Лобномъ, такъ въ Кремлѣ, межъ соборами, у Краснаго крыльца, и настаивали, чтобы Соборъ былъ непремѣнно въ слѣдующую пятницу (23 іюня), ибо пятница была освящена старымъ обычаемъ для Соборовъ. Хованскій отвѣчалъ, что нельзя быть Собору въ пятницу, потому что въ воскресенье назначено царское вѣнчаніе государей. „Намъ того и хочется“, говорили раскольники, „чтобы государи вѣнчались въ истинной Православной вѣрѣ, а не въ ихъ Латинской“. Хованскій свидѣтельствовался Богомъ, что царя будутъ вѣнчаться по старому, какъ было заведено со временъ царя Іоанна Васильевича; но раскольникамъ были нужны не одни старые обряды собственно царскаго вѣнчанія, они говорили: „Государя стануть на литургіи приобщаться, а литургію-то патріархъ будетъ служить по-повому, да и на вѣнчаніи будетъ государей уговаривать, чтобы они стояли на новую вѣру“. Хованскому нечего было отвѣчать на это: „Да вѣдъ патріарху на царей не кабалу же взять“, сказалъ онъ; — „будь по вашему, Соборъ въ пятницу“. Раскольники ушли отъ него очень довольные.

Въ назначенный день, въ пятницу 23 числа, стрѣлцкіе выборные отправились къ Хованскому съ вопросомъ: „Когда, государь, позволши отцамъ приходить на Соборъ?“ Хованскій отвѣчалъ, что черезъ два часа. Черезъ два часа отцы явились въ Кремль: Никита псалъ Крестъ, Сергій — Евангеліе, мо-

нахъ Савватій, явившійся на подмогу къ своимъ изъ Волоколамскихъ лѣсовъ, несъ икону Страшнаго Суда. Собралось множество народа, мужчинъ и женщинъ, и всѣ съ удивленіемъ сиранивали другъ друга: „Что это такое?“ Хованскій велѣлъ ввести раскольниковъ въ Отвѣтную палату, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи дяконовъ, подъячихъ и разнаго рода людей, приложился къ Кресту и Евангелію, и спросилъ, какъ будто ничего не зная, зачѣмъ пришли честные отцы. Никита отвѣчалъ, что „пришли они побить челою о старой Православной вѣрѣ, чтобы велѣно было патріарху и архіереямъ служить по старому; а если патріархъ не захочетъ служить по старому, то пусть дастъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги дурны; и зачѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаетъ и въ ссылку ссылаетъ; зачѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ перемучить; а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ концѣ обличимъ“. Хованскій отвѣчалъ и Никитѣ то же, что прежде Сергію: „Самъ я пою и вѣрую по старымъ книгамъ“. Онъ взялъ у раскольниковъ челобиты, понесъ вверхъ къ государямъ и, возвратившись, сказалъ: „Будетъ противъ вашей челобитной дѣла недѣля на три; патріархъ упросилъ государей отложить до среды, въ среду приходите послѣ обѣда“. Но въ воскресенье царское вѣнчаніе? Никита объ этомъ не забылъ и спросилъ Хованскаго: „Какъ же, государь, позволите царей государственъ вѣнчать?“ — „Я вамъ сказалъ, что будутъ вѣнчать по старому“, отвѣчалъ Хованскій. Но Никита не отставалъ: „Хорошо бы, чтобы патріархъ и литургію служилъ по старому, на семъ просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ“. Чтобы отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: „Вы велите нанечь просвиры съ старымъ крестомъ; я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить по старому, а ты, отецъ Никита, ступай домой“.

Къ воскресеньюшло еще въ Москву жителей Волоколамскихъ пустынь: отецъ Дороевъ, отецъ Гаврилъ. Радость была большая у раскольниковъ; Никита заказалъ нѣкоей искусной вдовицѣ нанечь просвиры, въ полной надеждѣ, что патріархъ будетъ на нихъ служить литургію. Въ воскресенье онъ взялъ просвиры и съ торжествомъ отправился въ Кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали Кремль, ожидая выхода государей въ соборъ, и Никита никакъ не могъ протѣсниться къ собору. Въ отчаяніи возвратился онъ съ своимъ узелкомъ къ отцамъ: „Простите, отцы святіи, пикомни мѣрами народъ не допуститъ до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесъ!“ Дѣлать было нечего: роздали просвиры вѣрнымъ благословенія радъ.

Между тѣмъ раскольничье дѣло шло не очень удачно въ стрѣлцкихъ полкахъ. Далеко не всѣ приказы были согласны въ томъ, что надобно постоять за старую вѣру. Раскольники приписывали это несогласіе патріарху, который будто бы посы-

далъ за выборными стрѣльцами, осыпалъ ихъ ласками, посылалъ подачи и дары. Чтобъ подвинуть дѣло, въ Титовѣ полку рѣшили выбрать старыхъ стрѣльцовъ, посылать ихъ по приказамъ съ челобитною и уговаривать подписаться подъ нею. Подписались девять приказовъ, да десятыя пушкарни; но въ остальныхъ десяти приказахъ всталъ сильный споръ и брань; одни хотѣтъ подписываться, другіе не хотѣтъ, говоря: „Зачѣмъ намъ руки прикладывать?—мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ, а если руки приложимъ, то и отвѣтъ должны будемъ давать противъ патріарха и архіереевъ; старицы сумѣютъ ли противъ такого Собора отвѣчать? Они наумутятъ тутъ, да и уйдутъ. Все это дѣло не наше, а патріаршее; мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за Православную вѣру и смотрѣть правду, а постарому не дадимъ жечь и мучить.“

Такимъ образомъ и стрѣльцы далеко были не всё за расколъ. Несмотря на то, длинную челобитную на 20 столбцахъ написали отъ имени всѣхъ православныхъ христіанъ, и 3 іюля выборные стрѣльцкіе отправились къ Хованскому съ вопросомъ, когда отцамъ приходитъ на Соборъ. Но до Хованскаго уже дошли слухи, что между стрѣльцами волненіе по раскольничьему вопросу, несогласія; онъ вышелъ къ выборнымъ и спросилъ именемъ царскимъ: „Всѣ ли вы полки заодно хотите стоять за Православную вѣру?“ Выборные отвѣчали: „Всѣ полки и чернослободцы ради стоять за старую Православную христіанскую вѣру!“ Еще два раза Хованскій повторилъ свой вопросъ и получилъ отвѣтъ: „Не только стоять, но и умереть готовы за вѣру Христову!“ Тогда Хованскій отправился вверхъ, къ государямъ, т.-е. къ царевичъ, и передать отвѣтъ выборныхъ. Рѣшено было, чтобъ онъ шелъ съ ними къ патріарху. Въсѣтъ съ Хованскимъ и выборными пошли туда же и ревностные раскольники изъ посадскихъ. Хованскій пошелъ къ патріарху въ Крестовую, а выборные и посадскіе дождались въ сѣняхъ. Выборныхъ позвали на патріаршій погребъ, угостили: они возмарились отъ туда пьяные въ сѣни, и посадскіе съ ужасомъ увидели, что на нихъ плохая надежда. Когда Хованскій велѣлъ наконецъ ввести всѣхъ въ Крестовую, то выборные начали кричать ревнителямъ: „Увидимъ, какъ-то вы станете отвѣчать патріарху и властямъ!“ Вышелъ патріархъ; выборные пошли къ нему подъ благословеніе, но посадскіе ревнители не двинулись. Патріархъ спросилъ: „Зачѣмъ, братія, пришли къ намему смиренію, и чего отъ насъ требуете?“ Отвѣчалъ Хованскій: „Пришли, государь, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди побить челомъ о исправленіи Православной вѣры, чтобъ служба была въ соборной церкви по старымъ книгамъ.“

Наступило продолжительное молчаніе. Хованскій обратился къ стрѣльцамъ и велѣлъ имъ говорить. Началъ Алексѣй Юдинъ: „Мы пришли, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію, за что

старыя книги отринуты и какія въ нихъ ереси обрѣтаются, чтобы намъ про то вѣдомо было“. Патріархъ отвѣчалъ: „Чада моя и братія! Вамъ не подобаетъ судить и простого человека, колымъ наче архіерея. Вы просто чина воинскаго, вамъ это дѣло не за пекусь. Я пастырь, а не насмичкъ, дверьми вошелъ, а не чрезъ ограду, не самъ я на себя такую тяготу восхитилъ или накунилъ на Ангостольскій престолъ, избралъ повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора благословеніемъ. Хотя я и недостойнъ, но пастырь, и потому вы должны мнѣ повиноваться. Въместо того вы намъ прекословны и непослушники являетесь; вы порицаете нашу вѣру, Никона патріарха называете еретикомъ, а онъ еретикомъ не былъ; если изверженъ, то за свое безчиніе: никакого поврежденія въ вѣрѣ онъ у насъ не сдѣлалъ; исправленія, какія сдѣланы въ книгахъ, и троенерстный крестъ введенъ по утверженію святѣйшихъ патріарховъ, не сами мы все это завели отъ себя, но отъ божественныхъ писаній исправилъ.“

Отвѣчать патріарху, разумѣется, могли не стрѣльцкіе выборные. Съ отвѣтомъ выступилъ ревнитель изъ посадскихъ, Павель Даниловецъ. У этихъ ревнителей набѣгло одно мѣсто: въ стрѣльцкихъ слободахъ, у Хованскаго, вездѣ толковали они о своихъ гоненіяхъ, требовали, чтобъ ихъ не выдали, впередъ не жгли и не мучили. Теперь они лицомъ къ лицу съ патріархомъ и архіереями, которыхъ считали главными своими гонителями. „Правду говоримъ, святѣйшій владыка“, началъ Павель, „что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: „Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“, а не срубамъ, не огнемъ и мечемъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщается. Что за ересь и хула двумя перстами креститься:—за что тутъ жечь и пытать?“

Патріархъ отвѣчалъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ; жжемъ за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются Св. Церкви, а креститесь, какъ хотите“. Противъ этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гоненіе и имъ позволяли свободно молиться, какъ хотятъ, то они все же не перестали бы враждовать къ Церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали отъ духовенства, чтобъ оно не преслѣдовало ихъ какъ еретиковъ, но сами не признавали на себя обязательства не смотрѣть на духовенство какъ на еретическое. Павель долженъ былъ перемѣнить разговоръ о гоненіяхъ и начать споръ объ искаженіяхъ книгъ, о Никонѣ и Арсеніи,—извѣстный безконечный споръ, продолжающійся и теперь по праздникамъ въ Московскомъ Кремлѣ. Когда споръ прекратился и Хованскій съ выборными пошелъ къ патріарху подъ благословеніе, подошелъ и Павель, но требовалъ, чтобъ патріархъ благословилъ его постарому; патріархъ не согласился, и Павель ушелъ безъ благословенія. Хованскій поцѣловалъ

его во голову и сказал: „Не зналъ я, малый, тебя до сей поры“¹⁾. Соборъ былъ назначенъ 5-го июля въ среду.

Между тѣмъ раскольникѣ не трагили времени: проповѣдывали громко по улицамъ и площадямъ. На Красной площади простой народъ, мужчины и женщины, собирались толпами и толковали о старой вѣрѣ, причемъ люди, жаловавшіеся на гоненіе и изывавшіе къ кротости и смиренію Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смиреніе: вышлепъ на площадь православныхъ священникъ Савва, извѣстный своею школьною ученостію, началъ доказывать, что должно креститься тремя перстами, и сильно возставалъ противъ раскола, — обличаемые нобили обличителя; сильно досталось также монаху Чепишѣ, говорившему противъ раскола у Москворѣцкихъ воротъ²⁾.

5-го июля, въ среду, чѣмъ свѣтъ, пришли стрѣльцѣе выборыныя къ Никитѣ и монахамъ и объявили: „Мы объ этомъ дѣлѣ боярину уже не станемъ докладывать, потому что они опять станутъ просить сроку; но какъ только мы вамъ дадимъ знать, такъ и ступайте“. Черезъ нѣсколько времени дали знать, и раскольникѣ начали собираться; отпѣли молебень, благословились у отца Никиты, взяли Крестъ, Евангеліе, образъ Богородицы, Страшнаго Суда, старыя книги, зажгли свѣчи и отправились въ Кремль. Огромная толпа народа прорвалась съ ними туда же; давка была страшная; въ толпѣ слышались похвалы раскольникимъ монахамъ, ихъ стариннымъ клобукамъ, падвинутымъ на глаза, ихъ постническому виду: „Не толсты брюха-то у нихъ, не какъ у лыпѣвшихъ новаго завѣту учителей!“ Раскольникѣ расположились у Архангельскаго собора, разставили налон, разостлали на нихъ пелены, разложили Крестъ, Евангеліе, образа, зажгли свѣчи. Патриархъ съ духовенствомъ въ это время былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ со слезами служилъ молебень: происшествіе съ Саввою и Чепишою мало обѣщало ему хорошаго. По окончаніи молебна, патриархъ ушелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ Верхоспаскаго протопопа Василія съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскапался передъ Соборомъ въ раскольникескихъ заблужденіяхъ. Дрожа отъ страху, протопопъ началъ читать обличеніе, стоя противъ угла Грановитой палаты; по стрѣльцѣ схватили его, заушили и потащили къ раскольникимъ, тетрадь хотѣли изорвать; но монахъ Сергій вступился: „Зачѣмъ

его бить?“ сказала онъ, „вѣдь онъ не самъ бою пришелъ, — посланъ патриархомъ, пусть дочтываесть“. Толпа взволновалась, хотѣла протопопа камнями побить; за шумомъ нельзя было ничего разслышать, что онъ читалъ. Тогда Сергій сказалъ ему: „Что всеу труднише? видниш, никто не слушаесть“. Толпа требовала, чтобъ Сергій поучилъ ее отъ божественныхъ писаній, какъ избѣжать прелести Никоніанскія. Принесли скамью. Сергій воступилъ на нее, и сталъ читать соловецкія тетрадки, о крестномъ знаменіи, о кржжѣ, о жезлахъ, о просвирахъ и обо всемъ церковномъ премяненіи. Окружающіе слушали съ сложеными руками, вздыхали глубоко, нѣкоторые и плакали; но отцамъ приходилось плохо, потому что ихъ страшно гнали со всѣхъ сторонъ. Сергій пересталъ читать соловецкія тетрадки, но толпа кричала: „Скажи намъ еще, Госнода ради, отъ божественныхъ писаній, чтобъ намъ душами нашимъ не погибнуть“. Сергій изнемогъ, третій день ничего не ѣлъ: „Возьми, читай ты!“ говорилъ онъ Саввѣ Романову; но тотъ назидъ: „Не мое это дѣло, а ваше, вы на это и званы“.

Между тѣмъ во дворѣ происходили также любопытныя сцены. Когда отцы расположились у Архангельскаго собора, стрѣльцѣе выборыныя отправились вверхъ къ Хованскому спросить, когда изволитъ быть Собору. Хованскій пошелъ къ патриарху съ этимъ вопросомъ; Иоаннъ отвѣчалъ, что пусть раскольникѣ идутъ въ Грановитую палату, потому что тамъ хотятъ быть царца и царевны, а на площади передъ народомъ быть имъ зазорно. Съ этимъ отвѣтомъ выборыныя отправились къ отцамъ; но когда отцы передали его народу, въ толпѣ закричали: „Отчего патриархъ не хочетъ передъ народомъ свидѣтельствовать о божественномъ писаніи; подобаетъ Собору здѣсь быть, а въ палатѣ нельзя по множеству народа; въ народѣ смятеніе: одни хвалятъ старую вѣру, а другіе новую; надобно это сомнѣніе и мятежъ въ душахъ христіанскихъ разрѣшитъ; вы, отцы святые, въ палату не ходите; царевнамъ нечего тутъ дѣлать; надобно тутъ быть царямъ государямъ, а не царевнамъ“. Отцы сказали выборынымъ: „Пусть патриархъ свидѣтельствуесть книги передъ всѣмъ народомъ, а мы въ палату неидемъ“. Выборыныя пересказали этотъ отвѣтъ Хованскому, который сталъ уговаривать Софью исполнить требованіе народа, но Софья никакъ не соглашалась выслать патриарха съ духовенствомъ на площадь послѣ недавнихъ сценъ насилія; тогда Хованскій началъ настаивать, чтобъ и въ Грановитой палатѣ никто не присутствовалъ изъ особъ царскаго дома; онъ страдалъ новымъ стрѣльцкимъ бунтомъ, прямо говорить, что если государи будутъ въ Грановитой виѣстѣ съ патриархомъ, то имъ не быть живымъ. Но Софья имѣла сношеніе съ стрѣльцами, была уверена, что у нихъ и въ мысли нѣтъ о бунтѣ, и потому спокойно отвѣчала Хованскому: „Буди воля Божія, но я не оставлю Св. Церкви и ея пастыря“. Не

¹⁾ Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библіотеки.

²⁾ Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библіотеки, и Медвѣдевъ. Савва Романовъ говоритъ, что эти поступки народа, какъ онъ выражается, нагнали страхъ на архіерея и нѣкоторые изъ нихъ начали благословлять постарому. «Пъ благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно къ вѣрующимъ, чтобы Соборъ былъ на Лобномъ мѣстѣ, и были тутъ цари государи, да и меня просили на Соборъ. А въ соборную церковь, чтобы не ходили, хотя съ великимъ молебнемъ будутъ просити. И о томъ прислала трижды, чтобы въ церковь и въ Грановитую палату не ходили».

успѣвши напугать Софью, Хованскій началъ говорить боярамъ: „Прсите ради Бога царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патриархомъ, а если пойдетъ, то при нихъ и намъ быть всѣмъ любимымъ“. Налуганные болре бросились умолять Софью не ходить въ Грановитую. но она и ихъ не послушала, и послала сказать патриарху, чтобъ шель съзнатѣйшимъ духовенствомъ въ Грановитую, только не чрезъ Красное крыльцо, гдѣ могла быть опасность отъ изувѣровъ, а по ризоложенской лѣстницѣ. Патриархъ, видя бѣду, изъ которой не думалъ выйти живымъ, пошелъ со слезами въ Грановитую, а древнїи книги греческой и славянскїи велѣлъ нести черезъ Красное крыльцо, чтобъ народъ видѣлъ, какїя средства имѣетъ Церковь противъ своихъ мятежниковъ. Въ то время, какъ мужчины тренетали при вхождѣ въ Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вмѣстѣ съ Софьею: царица Наталья Кирилловна и двѣ царевны, Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Послѣ совѣщанїя у царевнъ и царицы съ патриархомъ, рѣшено было призвать раскольниковъ въ Грановитую только для прочтенїя челобитной.

Съ этимъ рѣшенїемъ отправился къ *отцамъ* самъ Хованскій. Помолившись предъ Крестомъ, Евангелїемъ и образами, и поклонившись *отцамъ*, онъ объявилъ имъ, чтобъ шли въ Грановитую палату. „Никакого вамъ зла не будетъ“, говорилъ онъ, „потому что царевны хотятъ тутъ же слушать челобитную, а здѣсь имъ быть зазорно. Собору и свидѣтельству божественныхъ писанїй сегодня быть некогда, это дѣло великое, а теперь на дворѣ уже поздно; только выслушаютъ царевны и царица вашу челобитную, и отпущъ вамъ будетъ“. Отвѣчалъ Сергїй: „Государь царскїй бояринъ! мы въ палату идти боимся, чтобъ какого-нибудь вымысла и коварства надъ нами не было попрежнему: изволилъ бы патриархъ это дѣло предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ палатѣ столько народу не помѣстится; знаю, что одинъ насъ пустятъ, а изъ народа нїкого не пустятъ, а намъ безъ народа что тамъ дѣлать?“ — „Всѣмъ можно будетъ идти въ палату, кто хочетъ ступай“, говорилъ Хованскій; „если уже вы, отцы святые, на мою душу грѣшную во всемъ положились, такъ вѣрьте мнѣ и теперь: идѣте въ Крестъ, клнуйте кровїю Христовою, что вамъ никакого зла не будетъ; а если что будетъ, такъ и мнѣ то же, что вамъ“. Тутъ сказалъ Никита: „Отецъ Сергїй! я ему вѣрю“. — „Ну, хорошо!“ отвѣчалъ Сергїй. Хованскій пошелъ во дворецъ, наказавши раскольникамъ, чтобъ безъ него не ходили. Возвратившись во дворецъ, Хованскій еще разъ попробовалъ напугать Софью, чтобы не была вмѣстѣ съ патриархомъ въ Грановитой, но Іоакимъ объявилъ, что безъ государей къ народу въ Грановитую палату не пойдетъ, а Софья сказала рѣшительно, что не покинетъ патриарха. Тогда Хованскій послалъ выборныхъ къ *отцамъ*, чтобъ шли наверхъ.

Раскольники двинулись съ Крестомъ и Еванге-

лїемъ, образами, наоями. свѣчами. Хованскій, сдерживая данное слово, велѣлъ всѣхъ ихъ пустить въ палату, а православныхъ священниковъ и мїрянъ пускать не велѣлъ, нїкъ даже велѣлъ отогнать боярами ¹⁾. По раскольничьему разсказу ²⁾, дѣло объясняется такъ: что, идя на Красное крыльцо, раскольники столкнулись съ священниками, рванувшимися навстрѣчу къ нимъ изъ Грановитой; произошелъ драка, одинъ священникъ схватилъ Никиту за волосы, стрѣльцы бросились на священниковъ съ кулаками и заставили ихъ разбѣжаться въ разныя стороны. Хованскій прибѣжалъ на шумъ и крикъ, отцы къ нему съ жалобами, что ихъ бьютъ попы, и указали священника, схватившаго Никиту за волосы: Хованскій сейчасъ же велѣлъ этого священника сковать и отослать въ Стрѣльцкїй Приказъ, другихъ велѣлъ сбить съ верху, оставивъ немногихъ, по просьбѣ архїереевъ, кричать, браниться непристойными словами: „Ахъ плуты! я нїчего не знаю, а ихъ набралось, что кабакныхъ яржежкъ!“ Отцы однако все не хотѣли двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованскій пофлывалъ имъ Крестъ, что нїкакого зла имъ не будетъ, и они пошли; съ ними вмѣстѣ пошло много и посадскихъ людей ³⁾.

Съ шумомъ вошли раскольники въ Грановитую и разставили свои наои и свѣчи, какъ на площади; они пришли утверждать старую вѣру, уничтожать все *новшество*, а не замѣчали, какое небывалое новшество встрѣтило ихъ въ Грановитой палатѣ: на царскомъ мѣстѣ однѣ женщины, — царевны, двѣ вѣны открыто предъ всѣмъ народомъ, и одна царевна направляетъ всѣмъ! Они не видѣли въ этомъ явленїи знаменїя времени. На царскихъ тронахъ сидѣли двѣ царевны — Софья и тетка ея Татьяна Михайловна, пониже въ креслахъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патриархъ, направо — архїерей, налѣво — свѣтскїе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы.

Патриархъ обратился къ *отцамъ* съ вопросомъ: „Зачѣмъ пришли въ царскїя палаты и чего требуете отъ насъ?“ ⁴⁾. Отвѣчалъ Никита: „Мы пришли къ царямъ-государямъ побить челомъ о исправленїи Православной вѣры, чтобъ дали намъ свое правдное разсмотрѣнїе съ вами, новыми законодателями, и чтобъ церкви Божїи были въ мїрѣ

¹⁾ Медвѣдевъ.

²⁾ Савва Романовъ.

³⁾ Но зачѣмъ рванулись священники на встрѣчу къ раскольникамъ? Не могли они идти драгаться съ раскольниками, когда уже послѣдовало царское приказанїе пустить послѣднихъ; здѣсь объясняетъ дѣло извѣстїе Медвѣдева, что Хованскій не велѣлъ пускать священниковъ, которые должны были идти назадъ и столкнуться съ раскольниками.

⁴⁾ Мы здѣсь слѣдуемъ Саввѣ Романову, у котораго не было никакого побужденїя скрыть, что начала Софья говорить раскольникамъ; послѣ, съ невѣжествомъ къ ней, онъ излагаетъ ея внимательство въ споры и какъ она заставила молчать Никиту; дѣло же Медвѣдева ясна — выставлять постоянно на первый планъ Софью.

и соединеніи". Патріархъ сказалъ на это то же, что говорилъ прежде раскольникамъ у себя: „Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла,—вы должны повиноваться матери Святой Церкви и всѣмъ архіереямъ, несущимся о вашемъ спасеніи; книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу.“ — „Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ!“ закричалъ Никита, и сейчасъ же показалъ, что онъ разумеетъ подъ догматами, обратившись къ патріарху съ вопросомъ, зачѣмъ архіерей при освященіи берутъ Крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую? За патріарха сталъ отвѣчать Холмогорскій епископъ Аонасій. Никита бросился на него съ поднятою рукою: „Что ты нога выше головы ставишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!“ Стрѣльціе въборные поспѣшили оттащить Никиту отъ епископа. Тутъ Софья не выдержала, взошла съ мѣста и начала говорить: „Видите ли, что Никита дѣлаетъ? въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно бы убилъ“. Между раскольниками послышался голосъ: „Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ“. Но Софья продолжала: „Тебѣ ли, Никита, съ св. патріархомъ говорить? Не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть; помини ли, какъ ты отцу нашему и патріарху и всему Собору принесъ повинную, клялся великою клятвою впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся?“ — „Не запираюсь“, отвѣчалъ Никита, „поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ, а на челобитную мою, которую я подалъ на Соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ; сложилъ на меня Семенъ Полодкій книгу, „Дезель“, но въ ней и пятой части противъ моего челобитія нѣтъ; извольши, я и теперь готовъ противъ „Дезеля“ отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мной что хотите.“ — „Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть“, сказала ему Софья и велѣла читать челобитную. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душою царя Алексѣя, Софья опять не вытерпѣла: слезы выступили у нея на глазахъ, она вскочила съ своего мѣста, и начала говорить: „Если Арсеній и Никонъ патріархъ еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіерей не архіерей; мы такой хулы не хотимъ слышать, что отецъ нашъ и братъ еретики: мы пойдемъ все изъ царства вонъ.“ Съ этими словами царица отошла отъ своего мѣста и стала поодаль. Хованскій, бояре все и выборные распеваались: „Зачѣмъ царямъ государямъ изъ царства вонъ идти, мы ради за нихъ головы свои положить.“ Раздались и другія рѣчи между стрѣльцами: „Нора, государыня, давно вамъ въ монастырь. Ино царствомъ-то мутитъ, намъ бы здоровья были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ.“

Но эти выходки не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго на выборныхъ словами Софьи: „Все это отъ того, что васъ все боятся“, говорила имъ царица: „въ надеждѣ на васъ, эти раскольники мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли такимъ мужикамъ невѣждамъ къ намъ бунтомъ приходитъ, творить намъ все досады и кричать? Неужели вы, вѣрные слуги нашего дѣда, отца и брата, въ единомысліи съ раскольниками? Вы и нашими вѣрными слугами зоветесь: зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете? Если мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу отъ комъ непослушаніи и разореніи“.

Ничѣмъ нельзя было такъ напугать стрѣльцовъ, какъ угрозою, что цари оставятъ Москву. Въ нихъ было живо сознаніе, что поведеніе ихъ съ 15 мая возбудило сильное неудовольствіе въ могущественныхъ классахъ; что бояре ихъ ненавидятъ, какъ бунтовщиковъ и убійцъ; что многочисленное дворянское войско, и прежде ихъ не любившее, теперь не дастъ имъ пощады по первому мановенію правительства; что они цѣлы до сихъ поръ и наводятъ страхъ на мирное народонаселеніе Москвы только потому, что правительство ихъ прикрываетъ; но если правительство отречется отъ нихъ, оставитъ Москву? Выборные отвѣчали: „Мы великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, вѣрно служить ради, за Православную вѣру, за Церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все дѣлать. Но сами вы, государыни, видите, что народъ возмущенный и у налатъ вашихъ стоитъ множество людей; только бы какъ-нибудь этотъ день проводить, чтобъ намъ отъ нихъ не пострадать, а что великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, идти изъ царствующаго града—сохрани Боже! зачѣмъ это?“

Софья возвратилась на свое мѣсто. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтобъ не поспорить еще съ раскольничьими монахами о разныхъ вѣщахъ. Когда челобитная была прочтена, патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, писанное митрополитомъ Алексѣемъ, въ другую—Соборное Дѣяніе патріарха Іереміи съ святымъ лоземъ вѣры, какъ онъ читается въ новоисправленныхъ книгахъ: „Вотъ старыя книги“, сказалъ Іоакимъ, „и мы имъ вполнѣ послѣдуемъ“. Но самое сильное впечатлѣніе произвѣлъ одинъ священникъ, который выступилъ впередъ съ книгою, начатаю при патріархѣ Филаретѣ: „Вотъ ваши любимыя книги Филаретовскія“, сказалъ священникъ, „смотрите, что въ нихъ напечатано: разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ и суботу!“ Никита, молчаливый до сихъ поръ послѣ окрика Софьи, не вытерпѣлъ, но могъ только выбраться съ досады: „Такіе же плуты печатали, какъ и вы“, сказалъ онъ священнику.

Чтеніе челобитной кончилось, и раскольниковъ

отпустили изъ Грановитой. Вышедши изъ Кремля, они остановились на Дюбномъ мѣстѣ и опять разсказывали народу, сколько Никонианцы насѣдали въ божественныя книги; хвалились, что переспорили и пострашили всѣхъ архіереевъ. Съ Лобнаго отправились за Яузз; здѣсь въ церкви Спаса въ Чигасахъ отслужили молебствіе со звономъ, и разошлись по домамъ.

Народъ не слышалъ, какъ отцы спорили съ архіереями, и тѣ, которые колебались, хотѣли *смотреть правду*, оставались въ прежнемъ недоумѣніи. Стрѣльцы выборыне, объявившіеся смотрѣть правду, не видали правды Никиты съ братіею въ Грановитой, слышали только грозныя слова царевны и правительницы. что она не будетъ долге сносить буйства раскольниковъ, покинетъ съ государями Москву, и вся вина ляжетъ на стрѣльцахъ, которыхъ считаютъ защитниками раскола. „Не проявляйте насъ и все Россійское государство на шестерыхъ чернецовъ, не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и всего освященнаго Собора!“ говорила Софья выборнымъ. и тѣ отвѣчали ей: „Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ, это дѣло св. патріарха и всего освященнаго Собора“. Выборные были щедро награждены и угощены за такія умныя рѣчи; рядовые стрѣльцы побузили, но не могли устоять передъ царскимъ погребомъ, когда выставили на десятъ человѣкъ по ушагу, принесли заручины, что впередъ не будутъ вступаться за старую вѣру, а раскольниковъ начали бить, крича: „Вы бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!“ Тѣ бросились бѣжать. куда кто могъ: *отцовъ* перехватили; Никитѣ, какъ самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обѣщанія, отсѣкли голову, Хованскій никакъ не могъ спасти его: но онъ успѣлъ спасти отъ казни Сергія, котораго сослали въ Ярославль, въ Спасскій монастырь; успѣлъ замѣнить смертную казнь смертною на Терекъ для садовника Никиты Борисова съ товарищами, которые бѣжали въ Брянскъ и тамъ были схвачены.

Но если должны были уступить Хованскому, то тѣмъ болѣе сердились на него. Потворство Тараруя раскольникамъ, его сношенія съ ними не были тайною: его прямо обвиняли въ намѣреніи дать торжество расколу, истребить патріарха и знатнѣйшее духовенство. Но тронуть Хованскаго, отнять у него начальство надъ стрѣльцами было нельзя: онъ успѣлъ приобрести любовь наворной плѣхоты. Смерна изъ желанія выдвинуться на первый планъ, сталъ сильнымъ посредствомъ войска, державшаго въ страхѣ Москву и правительство, Хованскій потакалъ стрѣльцамъ, исполняя всѣхъ требованія, а теперь, порвавши съ Дюромъ вѣздствіе поведенія своего 5 іюля, Хованскій долженъ былъ обладать стрѣльцами уже по чувству самосохраненія, потому что, только благодаря имъ, могъ быть безопасенъ. Передъ царями и боярами онъ выставялъ свое поведеніе какъ самое благо разумное: „Когда меня не станеть, то въ Москвѣ

будуть ходить по колѣни въ крови“, говорилъ онъ. Стрѣльцы, видя, что все имъ позволено, что всѣ ихъ боялся, вели себя какъ завоеватели, хотѣли кормиться насчетъ завоеванныхъ; съ другой стороны, они хорошо знали всеобщую къ себѣ ненависть, боялись мести и потому находились въ постоянномъ раздраженіи, волновались при каждомъ слухѣ, что имъ готовится наказаніе. Нашлись люди, которые хотѣли пользоваться ихъ раздраженіемъ: 12 іюля толпа стрѣльцовъ приступила къ царямъ съ требованіемъ, чтобы они выдали имъ всѣхъ бояръ за то, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, поморить разными смертями. Кто изъ это сказалъ? Крещеный татарскій царевичъ Матвѣй, который слышалъ это наверху. Сейчас царевича въ застѣнокъ, пытать,—повинился, что такихъ словъ у бояръ не слышалъ, затѣять напрасно для того, что ему корму мало и честь не велика; думалъ, что если случится отъ его словъ какая смута, то честь получить большую Татарина четверговали, но волненія не прекращались. Посадскій изъ Ярославля, Вязевъ, закричалъ за собою государево слово: слышалъ на дворѣ у боярина князя Одоевского, что хотятъ бояре стрѣльцовъ переводить всякими вымыслами. Съ пытки Вязевъ повинился, что затѣялъ напрасно, чтобы завести смуту и выжечь Москву. Вязеву отсѣкли голову; но холоду дворянина Венякова донесъ на своего господина и на сына его, бывшаго стрѣльческаго полковника, что они собираютъ войско на стрѣльцовъ, занимаютъ боярскихъ людей, по 20 человѣкъ на одного стрѣльца. Старикъ Веняковъ умеръ съ пытокъ, сынъ его едва остался живъ. Въ то же время стрѣльцы пытали и четверговали одного изъ своихъ полковниковъ, Янова, обвиняя его въ обидяхъ. Все тѣмъ прошло въ волненіяхъ. 16 августа Хованскій принесъ наверхъ стрѣльцкую челобитную, чтобы на тѣхъ стрѣльцовъ, которые взяты изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможная денги по 25 рублей на человѣка. Бояре воспротивились этому незаконному требованію. Правительницѣ донесли, что Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: „дѣти! знайте, что уже бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра; мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и прощайтесь!“¹⁾

Мы должны выражаться осторожно: „Правительницѣ донесли, что Хованскій сказалъ“, ибо извѣстіе объ этомъ находится въ сочиненіи, имѣющемъ видимость дѣла выставитъ виновность Хованскаго: мы должны однако замѣтить, что слова эти соответствуютъ характеру и положенію Тараруя. Но сказалъ ли Хованскій эти слова и такъ ли сказалъ—дѣло не въ этомъ: дѣло въ томъ, что наверхъ донесено было о словахъ Хованскаго, которыя заключали въ себѣ прямой призывъ къ бунту; дѣло въ томъ, что стрѣльцы волновались, своевольничали и не знали мѣры своимъ требованіямъ,

¹⁾ Медвѣдевъ.

держали въ постоянной тревогѣ правительство и народъ Московскій, дѣлали положеніе того и другого невыносимымъ. Дѣло въ томъ, что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣвъ стрѣльцами, привязавъ ихъ къ себѣ, и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю подлоту искушенія, представляемаго положеніемъ Хованскаго: пойдетъ ли онъ назадъ; посторонится ли, чтобы дать мѣсто имъ? Наверху должны были вѣрить въсьмъ слухамъ о замыслахъ Хованскаго, вѣрить, что онъ, выставляя свое царственное происхожденіе отъ Гедимина, хочетъ овладѣть престоломъ; а чтобы связать себя и съ Русскою династією. — хочеть женить сына на царевнѣ Екатериѣ Алексѣевнѣ; что наверху вѣрили всему, — доказательствомъ служить поведение Милославскаго, который, боясь быть первую жертвою новаго стрѣлецкаго бунта въ пользу Хованскаго, какъ Матвѣевъ былъ первою жертвою бунта въ пользу его, Милославскаго, уѣхалъ изъ Москвы, кляня, переѣзжая изъ одной подкошовой въ другую, «какъ подземный кротъ», «во выраженіи современника ¹⁾, не переставая, по чувству самосохраненія, подкапываться подъ Хованскаго, убѣждать Софью принять наконецъ рѣшительныя мѣры.

Софья не нуждалась въ сильныхъ убѣжденіяхъ къ этому: она со стороны стрѣльцовъ и Хованскаго находилась въ неносномъ *порабощеніи*, и потому должна была привести въ исполненіе угрозу, которую настрашала стрѣлецкихъ выборныхъ 5-го іюля, т.-е. выйти изъ Москвы и «возвѣстить народу о такомъ непослушаніи и разореніи». Слухи о замыслахъ Хованскаго и стрѣльцовъ и дѣйствительное поведение Тараруя торопили правительницу.

19 августа бываетъ въ Москвѣ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, въ память избавленія столицы отъ нашествія Крымцевъ при царѣ Оеодорѣ Ивановичѣ. Государи, по обыкновенію, должны были идти за крестами въ монастырь; но разнесся слухъ, что стрѣльцы хотять воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предать ихъ смерти. Цари не пошли въ ходъ, а на другой день, 20 августа, всецарское семейство уѣхало въ Коломенское ²⁾. Стрѣльцы испугались: уѣдутъ царь изъ Москвы и приведутъ на нихъ дворянское войско! 23 августа явились въ Коломенское выборные изъ всѣхъ полковъ съ челобитною: «Великимъ государямъ сказали, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинились смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ

полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки. хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ непрекнему. — и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать: по у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла итъ и выерелъ не будетъ; чтобы великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ должнымъ словамъ повѣрять и изволили бы прийти къ Москвѣ». — «Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо», быть отвѣтъ: «изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же». Съ этимъ выборные и отпустили. Стрѣльцы уснокоились, потому что цари послѣ этого не двигались изъ Коломенскаго, выжидая обычнаго времени для дальнѣйшихъ походовъ, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованскій между тѣмъ, по привычкѣ своей, вздумалъ напугать Софью, чтобы показать, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, слѣдовательно въ немъ; онъ явился въ Коломенское и разсказывалъ при бояркахъ: «Приходила ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотять приходить нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьи, и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка». — «Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на Постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту», сказала Софья. Хованскій трусилъ и началъ упрашивать, чтобы этого не дѣлать, и не наводить на него бѣды. Къ именинамъ старшаго царя, къ 29 августа, правительница отравила указъ Хованскому прислать въ Коломенское стремениой полкъ; но Хованскій боялся этого стремениаго полка: онъ былъ очень близокъ къ государямъ, больше другихъ подчинился вліянію правительницы, — отпустить его въ Коломенское — значитъ отдать его въ руки Софѣ, и дать ей возможность посредствомъ него дѣйствовать и на другіе полки. Хованскій послушался указа, не отпустилъ стремениаго полка въ Коломенское, тогда жаль прежде, безъ царскаго указа, хотѣлъ уехать въ Кіевъ! Нужно было нѣсколько разъ повторить указъ, и тогда только Хованскій рѣшился отпустить стремениныхъ.

Наступило 1-е сентября, торжество Нового Года, требовавшее, по обычаю, присутствія царей въ Кремлѣ; цари не пріѣхали, послали указъ Хованскому быть у дѣйства Нового Лѣта; но Хованскій не былъ; патриархъ сильно разсердился, потому что торжество вышло очень блѣдно; изъ знати былъ только одинъ окольничій. И престога народа было очень мало, потому что всѣ были въ ужасѣ: не переставали ходить слухи, что въ тотъ или другой праздникъ непременно будетъ стрѣлецкій бунтъ: по въ то самое время, когда безоружный народъ трепеталъ передъ стрѣльцами, стрѣльцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что въ тотъ или другой праздникъ будетъ ихъ мечь отъ боярскихъ людей: нападуть на нихъ, когда пойдутъ на ка-

¹⁾ Матвѣева.

²⁾ Дальнѣйшія подробности, не входящія въ паданіе пегоничкаго, взяты мною изъ оставившейся до сихъ поръ неизвѣстной официальной записки объ этихъ царскихъ походахъ августа и сентября 1682 года; записка эта находится въ Архивѣ Мин. Юстиціи между столбцами Приказнаго стола означенаго года.

рауль, перебьютъ ихъ женъ и дѣтей. Карету Хованскаго постоянно окружали стрѣльцы, челоѣкъ по 50; на дворѣ у него стоялъ карауль челоѣкъ по сту.

На другой день, 2-го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4-го числа изъ Воробьева—въ Павловское, 6-го—прѣехали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь памяти чудотворца Саввы 10-го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское¹⁾; 12-го числа—изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13-го числа—изъ Хлябова въ Воздвиженское къ здѣшнему празнику. 14-го числа, отслушавъ обѣдню, государи указали, для своихъ дѣлъ и для прѣзда гетманскаго сына Семени, быть къ себѣ въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всеѣмъ боярямъ, окольнымъ, думнымъ людямъ, столыникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18 му сентября. 16-го числа гетманъ былъ принятъ великими государями. 17-го числа, въ день именинъ Софьи, уже множество знати и придворныхъ наполнили Воздвиженское; знали, что и Хованскій съ сыномъ Андреемъ выѣхалъ изъ Москвы. Послѣ обѣдни именинница изволила бояръ, окольныхъ и думныхъ людей жаловать водкою. Но послѣ водки у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами *сиденье* о важномъ дѣлѣ; думный дьякъ докладывалъ: „Великимъ государямъ вѣдомо учинилось, что бояринъ князь Иванъ Хованскій, будучи въ Приказѣ Надворной Иѣхоты, а сынъ его, бояринъ князь Андрей, въ Судномъ Приказѣ, всякія дѣла дѣлали безъ великихъ государей указа, самовольствомъ своимъ и противясь во всемъ великихъ государей указу; тою своею противностію и самовольствомъ учинили великихъ государямъ многое безчестіе, а государству всему великіе убытки, разорене и тягости большію. Да сентября по 2-е число, во время бытности великихъ государей въ Коломенскомъ, объявилось на ихъ дворѣ у переднихъ воротъ на нихъ, князя Ивана и князя Андрея, подметное письмо: избѣгаютъ московскій стрѣлецъ, да два челоѣка посадскихъ на воровъ и на измѣнниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго, да на сына его князя Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призываютъ они насъ къ себѣ въ домъ челоѣкъ 9 иѣхотнаго чина, да пять челоѣкъ посадскихъ и говорили, чтобъ помогали имъ достигать царства Московскаго, и чтобъ мы научали свою братью ванъ царскій ко-

рень известъ, и чтобъ придти большимъ собраніемъ неожиданно въ городъ и называть насъ, государей, еретическими дѣтymi и убить насъ, государей обоихъ, царцу Наталью Кирилловну, царевну Софію Алексѣевну, патриарха и властей; а на одной бы царевинѣ князю Андрею жениться, а остальныхъ царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; и какъ то злое дѣло учинять, послать смутить во все Московское государство по городамъ и деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царемъ его, князя Ивана, а патриарха и властей поставитъ, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили“.

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ это письмо, указали и бояре приговорили: „По подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣтному письму согласо, казнить смертью“. Немедленно отправленъ былъ бояринъ князь Лыковъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ схватить Хованскихъ, гдѣ ихъ встрѣтитъ. Старика Хованскаго Лыковъ встрѣтилъ у села Пункина въ палагѣхъ, напалъ внезапно и забралъ подъ стражу вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣлецкими выборными; князя Андрея захватилъ недалеко оттуда въ подмосковной его, на рѣкѣ Клязьмѣ. Когда въ Воздвиженскомъ узнали, что Хованскихъ везутъ, послали сказать Лыкову, чтобъ останавливалъ ихъ у переднихъ воротъ государева двора, гдѣ и сказать имъ указъ о смертной казни. Для этого бояре, окольные и думные люди вышли изъ государева двора и сѣли на скамьяхъ передъ воротами; разрядный думный дьякъ Шаковитый читалъ сказку о винахъ: какъ Хованскій роздалъ многую государеву денежную казну безъ указа; всякихъ чиновъ людямъ позволялъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха, съ наглостію и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домахъ не повелось; держать у себя въ Приказѣ за рѣшетками и сторожами многихъ людей понапрасну; править на многихъ людяхъ деньги безъ очныхъ оставокъ и безъ розыска; поднималъ даточныхъ людей челоѣбную о сборѣ подможныхъ денегъ съ дворцовыхъ волостей, и, когда было рѣшено, что денегъ этихъ не собирать, говорилъ затѣйками своимъ и выѣшалъ слова злыя, что будетъ за это великое кровопролитіе; при государяхъ и боярахъ вычиталъ свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ, говорилъ: „Вели меня не станеть, то буду въ Москвѣ ходить по колѣна въ кровъ“; оба, и отецъ и сынъ, при государяхъ въ палатѣ дѣла всякія отговаривали вопреки государеву указу и уложенію съ ве-

¹⁾ Официальная записка ничего не говоритъ объ отиравленіи изъ Саввина монастыря грамоты къ помѣщикамъ ближайшихъ городовъ, чтобъ они сѣдѣли изъ царяхъ для защиты ихъ отъ Хованскаго и стрѣльцовъ. Объ этомъ говоритъ Матвѣевъ и самая грамота помѣщена у Медвѣдова и напечатана въ IV томѣ Актовъ Арх. Экспедиціи, но безъ числа и безъ имени столыника, который отправлялся съ нею. Ясно, что она была только заготовлена, но посылать раздумали, иначе какъ бы Хованскій не узналъ объ этомъ? Рѣшено было, какъ видно, продолжать дѣйствовать тайно, походу давать видъ обычнаго богомоля и выманить Хованскаго подъ какими-нибудь предлогами.

лшкимъ шумомъ и невѣжествомъ, бояръ безчестили и никого въ свою пору не ставили, многихъ грозили смертію; вмѣстѣ съ раскольниками князь Иванъ ратовалъ на Святую Церковь, и потому этихъ церковныхъ мятежниковъ оберегалъ отъ казни; вопреки царскому указу, не послалъ пѣхотные полки противъ Калмыковъ и Башкиръ; нѣсколько разъ ослушивался указа великихъ государей; клеветалъ на новгородскихъ дворянъ, будто хотятъ придти на Москву; клеветалъ на надворную пѣхоту, что бытъ отъ нея великимъ бѣдакъ, а надворной пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи. Взаключеніе дѣякъ читалъ подметное письмо.

Хованскіе не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, чтобы „господа бояре выслушали причины тѣхъ совершенныхъ заводчиковъ съ начала бунта стрѣльческаго, отъ кого былъ вымысленъ, и царскимъ величествамъ донесли, чтобы имъ съ ними дать очная ставка и безвинно ихъ такъ скоро не казнить.“ „Если сынъ мой“, говорилъ старикъ Хованскій, „все такъ дѣлалъ, какъ говорится въ сказкѣ, то я предаю его проклятію“. Но Милославскій, какъ говорятъ ¹⁾, далъ знать царевичѣ, и та прислала сказать, чтобы приговоръ былъ немедленно исполненъ. Стременной стрѣлецъ, за недостаткомъ налача, *вернулся Хованскихъ на площади у большой Московской дороги*. Такъ отпразднованы были именины царевны-правительницы!

Въ тотъ же день была написана и отправлена въ Москву грамота къ надворной пѣхотѣ съ извѣщеніемъ о казни ея отца-начальника и его сына: „Вы бы ихъ явную извѣнгу вѣдали, и никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ не вѣрили, на себя нашей опалы и никакого гнѣва не опасались и никакого сомнѣнія въ томъ не имѣли, потому что нашего гнѣва на васъ нѣтъ“. Но 17-го числа успѣлъ уйти изъ Воздвиженскаго другой сынъ Хованскаго, князь Иванъ; ночью онъ уже былъ въ Москвѣ и рассказывалъ стрѣльцамъ, что отца его взяли въ сѣль Пушкинѣ люди боярскіе и казнили безъ указа великихъ государей; въ полку Лопухина рассказывалъ Григорій Языковъ, сынъ окопничаго Павла Языкова, что бояре Одоевскіе и Голицыны со многимъ собраньемъ хотятъ надворную пѣхоту рубить; что по дорогамъ стоятъ на заставахъ всякихъ чиновъ люди и боярскіе холоны съ ружьемъ, хотятъ идти въ Москву на стрѣльцовъ и дворы ихъ пожечь; поэтому надобно надворной пѣхотѣ засѣсть въ Москвѣ.

Совѣтъ былъ немедленно исполненъ: въ первую минуту послѣ старшой вѣсти, самымъ естественнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе и стать въ оборонительное положеніе; стрѣльцы заняли Кремль, разобрали съ пущаго двора пушки, порохъ, свинець, разстали всюду караулы и сѣли въ осадѣ, не выпуская и не выпуская никого изъ

Москвы. Кричали, что надобно идти противъ бояръ; толпились въ Крестовой у патриарха, который угваривалъ ихъ не своевольничать; грозили убить его, если онъ заодно съ боярами: но все ограничивалось одними угрозами и криками: страхъ былъ господствующимъ чувствомъ; страхъ напалъ и на бутырскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ прежнихъ стрѣльцкихъ волненіяхъ. 20 сентября въ Марьиной рощѣ пропали два солдата съ лошадьми: этого было достаточно, чтобы Бутырки переполошились; въ страхъ и сомнѣніи солдаты взяли себѣ съ пущаго двора четыре пушки. Вечеромъ, 24 сентября, является на Бутырки крестьянинъ Воронинъ и рассказываетъ, что по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣше съ ружьемъ и пушками, видимо-невидимо, идутъ на дворцовое село Тайнинское и хотятъ быть въ Бутырской слободѣ 25 сентября въ ночь: солдаты, въ ужасѣ, отпустили женъ и дѣтей своихъ въ Москву къ родственникамъ. Между тѣмъ еще 18 числа узнали въ Воздвиженскомъ о стрѣльцкихъ волненіяхъ и приняли мѣры: въ ближайшіе города послакали придворные съ грамотами, чтобы служилые люди сѣдѣли къ Троицкому монастырю въ полномъ вооруженіи: вслѣдъ затѣмъ Дворъ выѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осадное положеніе, главное начальство было поручено человѣку вѣрному правительницѣ, князю Вас. Вас. Голицыну. 19 числа пріѣхалъ къ Троицѣ Чудовскій архимандритъ Адрианъ съ завѣщеніемъ отъ патриарха: надворная пѣхота приходила къ нему съ челобитьемъ, чтобы великіе государи позволили идти въ царствующій градъ Москву, а у нихъ, надворной пѣхоты, никакого дуриаго умысла нѣтъ. Государи отвѣчали съ нарочнымъ, чтобы стрѣльцы служили, по своему общанію, вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали; что Хованскіе казнены за извѣнгу—стрѣльцамъ до этого дѣла нѣтъ; суль о милости и о казни врученъ отъ Бога великимъ государямъ, стрѣльцамъ объ этомъ не только говорить—и мыслить не довелось. Царской опалы и никакого гнѣва на нихъ, стрѣльцовъ, не было: такъ пусть будутъ на милость великихъ государей надежны, и которыми изъ нихъ велѣно идти на службу въ Киевъ, пусть и идутъ немедленно и тѣмъ службу свою покажутъ; а какія у нихъ есть дѣла, то они бы прислали объ нихъ челобитчиковъ, выборныхъ людей.

Скорое прибытіе съ разныхъ сторонъ служилыхъ людей къ Троицѣ большими толпами дало возможность правительницѣ дѣйствовать рѣшительнѣе: для управленія Москвою отправленъ былъ бояринъ Михайла Петровичъ Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что изъ теперь не боится; это, вмѣстѣ съ извѣстіями о сборѣ служилыхъ людей къ Троицѣ, нагнало еще больше страха на надворную пѣхоту; стрѣльцы плакали какъ дѣти, и 22-го числа явились къ Головинну съ челобитьемъ, чтобы великіе государи велѣли имъ быть у себя для челобитья, по скольку человѣкъ,

¹⁾ Матвѣевъ.

изъ полку укажутъ, а безъ указа идти не смѣютъ. Указъ принесть немедленно: быть по 20 человекъ изъ полку. 24-го числа стрѣльцы пришли бить челомъ къ патриарху, чтобъ отпустилъ съ ихъ выборными къ Троицѣ архіерея: одинъ идти бояться, переказывать ихъ тамъ. Патриархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита Пявріона, но и это не совершенно ихъ успокоило: нѣкоторые такъ перетрусились, что бѣжали съ дороги назадъ въ Москву. Остальные 24-го сентября были представлены Софьѣ, которая встрѣтила ихъ строгимъ выговоромъ за ихъ поведеніе, указывая на многочисленное войско, собравшееся для ихъ наказанія. Стрѣльцы подали ей письменную сказку: „Дѣды, отцы, дядья и братья наши и мы государямъ служили и нынѣ служимъ и работаемъ всякія ихъ государскія службы безъизмѣнно, и впродъ работать безо всякой щастости рады; услышнмъ отъ кого-нибудь изъ насъ, или отъ иныхъ чиновъ людей злоумышленныя слова на государское величество, на бояръ, душныхъ и ближнихъ людей, — такихъ будемъ хватать и держать до указу, какъ будутъ государи въ Москву изъ похода; а у насъ никакого злоумышленія нѣтъ и впродъ не будетъ; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порохъ и свинець, — теперь въ поляхъ въ цѣлости; полки, которымъ велѣно идти въ Кіевъ на службу, готовы“.

Но этого было мало. Правительница обѣщала простить стрѣльцовъ и солдатъ, только съ условіями: 1) Нынѣшніи свои вины заслуживать словами своими, никакого дурна не мыслить, смятенія не затѣвать и ничего къ тому не подговаривать; ни къ какимъ мятежникамъ-раскольникамъ и другимъ воровскимъ людямъ не приставать, попрежнему не собираться съ оружіемъ въ городъ и нигдѣ не приходиться, кругомъ, до казачьихъ, не заводить. 2) Кто станетъ говорить непристойныя рѣчи на государей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, или объявлять прелестныя и смутныя пѣсма, — такихъ людей хватать и приводить, и пѣсма приносить въ Приказъ Надворной Пѣхоты. 3) Къ началству многолюдствомъ, съ шумомъ и невѣжестивою не приходиться. 4) Самимъ ни съ кѣмъ не управляться, не свосвольничать и не грабить, быть у началства въ послушаніи. 5) Пушки и всякіе запасы, взятые 18-го числа, возвратити немедленно въ прежнія мѣста. 6) Куда кому указано идти на службу, — выступити немедленно. 7) Ни у кого дворовъ себѣ не отнимать, людей и крестьянъ въ пѣхотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками ихъ не называть. 8) Въ солдатскій Вутырскій полкъ и въ полки надворной пѣхоты никто вновь, безъ указа, не привертывать; солдатскихъ и надворной пѣхоты дѣтей, которые моложе семнадцати лѣтъ и у которыхъ есть отцы, изъ солдатъ и надворной пѣхоты отставить, быть имъ до 17 лѣтъ въ педоросляхъ и жить съ отцами; боярскихъ людей, крестьянъ и гулящихъ людей, которые въ нынѣшнее смутное время писаны въ солдатъ и надворную пѣхоту, выкинуть изъ того

строю всѣхъ и отдать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крѣпостямъ, а гулящихъ людей переписать и отправить на прежнія мѣста жительства, а на Москвѣ не держать, чтобъ отъ нихъ воровства не было. 9) Въ дѣло Хованскихъ не вступаться.

8-го октября, въ воскресенье, патриархъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, который весь былъ наполненъ стрѣльцами. Послѣ обѣдинъ, на амвонѣ поставили два палоя: на одномъ положили Евангеліе, на другомъ — руку апостола Андрея Первозваннаго; вышель патриархъ, прочелъ поученіе о мѣрѣ и любви, потомъ прочтены статьи, исполненія которыхъ правительство требовало отъ надворной пѣхоты. Стрѣльцы цѣловали Евангеліе, руку апостола и приняли статьи отъ патриарха, обѣщая желать государямъ добра и не щадить за нихъ головъ своихъ. Иванъ Хованскій былъ выданъ имъ Головану и отправленъ въ Троицкія монастырь; тамъ прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но не казнили, а отправили въ ссылку.

Октябрь приходилъ къ концу, а Дворъ все еще жилъ у Троицы, окруженный дворническими полками. Стрѣльцы рѣшились или ихъ заставили рѣшиться сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ, — откатиться отъ дѣла 15-го мая, какъ отъ подвига, и признать въ немъ мятежъ, преступленіе. Стрѣльцы подали челобитную: „Грѣхъ ради нашихъ, боярамъ, душнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось побиеніе на Красной площади, и тѣмъ мы, холопи наши, Вога и вась, великихъ государей, прогнѣвали; по заводу вора и раскольника Алены Юдина съ товарищами, по потачкѣ вельможи дурну названнаго отца ихъ, князя Андрея Хованскаго, и сына его, князя Ивана, били челомъ всѣ полки надворной пѣхоты, покрывая большіи свои вины, чтобъ вы, великіе государи, пожаловали насъ грамотами, чтобъ насъ ворами и бунтовщиками никто не называлъ, — и жалованныя грамоты дали. По злоумышленію тѣхъ же Юдина и Хованскихъ, били челомъ, чтобъ на Красной площади сдѣлать столбъ и написать на немъ вины побитыхъ, — и столбъ сдѣланъ. И нынѣ мы, видя свое неправо челобиты, что тотъ столбъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холоднеи нашихъ, велите тотъ столбъ съ Красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было“.

Столбъ былъ сломанъ, и стрѣльцамъ съ солдатами дана новая жалованная грамота, гдѣ говорилось, что, по злохитростному умышленію князей Хованскихъ и Алены Юдина съ товарищами, солдаты и стрѣльцы возмущались и въ этой смутѣ побиты были бояре и другіе чиновъ люди; за это Хованскій и Юдинъ казнены 17-го сентября, а солдаты и стрѣльцы подали заручины повинныя челобитныя. Великіе государи, видя ихъ слезы, простили имъ преступленіе, запретили называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками, приказали вы-

давать имъ годовые ихъ оклады сполна, безъ вычета и безволонитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавить подъемныя деньги и не дѣлать никакихъ вычетовъ на разныя полковыя потребности, на начальство имъ не работать.

Только послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, Дворъ возвратился въ Москву 6-го ноября. Надо было прежде всего озаботиться выборомъ начальника Стрѣлецкаго Приказа (название надворной пѣхоты исчезло). Сначала назначили на это важное мѣсто околицкаго Зыбѣва, но потомъ въ декабрѣ нашли человѣка болѣе надежнаго: душнаго дяка Федора Леонтьевича Шаколовитаго. Твердость новаго начальника подверглась скоро испытанію. 26-го декабря явилась въ Стрѣлецкій Приказъ толпа стрѣльцовъ изъ полку Бохина, подъ предводительствомъ двоихъ — Ивана Пеленельника и Федора Ворона. Съ лѣтѣжствомъ и шумомъ подали они челобитную, чтобъ перевели ихъ изъ полка нѣсколько стрѣльцовъ въ другой полкъ. Имъ отвѣчали, что этотъ переводъ уже состоялся и безъ ихъ челобитной. Стрѣльцы ушли, но потомъ возвратились и начали кричать, чтобъ выдали имъ пятисотеннаго Борисова и приказнаго пристава Кондрагьева. Имъ отвѣчали, что этого сдѣлать не довелось, а будетъ имъ царскій указъ по сысному дѣлу. Стрѣльцы не переставали кричать, что ихъ прислали въсѣмъ полкомъ. Шаколовитый велѣлъ перехватать крикуновъ и посадить ихъ въ приказъ. Но вслѣдъ затѣмъ въ томъ же полку обнаружилась новая смута: по сысному дѣлу надобно было взять въ приказъ стрѣльца Ивана Жаренаго; но когда сотенный пришелъ, чтобъ схватить его, товарищи вступились за Жаренаго, начали кричать: „Пусть насъ всѣхъ переказнятъ, а Ивашку мы не отдадимъ!“ Но пришли два стрѣлецкихъ полка, и Ивашку взяли вмѣстѣ съ четырьмя заводчиками смуты, и всѣхъ казнили смертію. Бохипскіе стрѣльцы пришли просить прощенія, но имъ объявили, что за вину свою они на государевомъ дворѣ карауловъ держать не будутъ, и жалованная грамота у нихъ взята. Черезъ нѣсколько времени впрочемъ ихъ совершенно простили ¹⁾.

Слѣшили уничтожить и слѣдствія мятежа. 13-го февраля 1683 года изданъ былъ указъ: „Которые холопи взяли у боярѣ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣмъ опускными били челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрять, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ, да этия же холопьямъ при отдачѣ ихъ чинить жестоко наказаніе, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылатъ ихъ въ сибирскіе и другіе дальніе го-

рода на вѣчное житье“ ²⁾. Въ Москву дали знать, что московская смута отзывается въ областяхъ, и потому 21-го мая изданъ былъ указъ: „Вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время говорятъ похвальныя и другія многія непристойныя дѣла на смуту, страхованіе и соблазнъ людямъ, и великіе государи указали: во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнью, и биршчамъ велѣть кликать, чтобъ всякихъ чинновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вѣщали“ ³⁾.

Смута должна была сильнѣе отозваться на югѣ въ казацкихъ сторонахъ.

Въ южномъ Переяславлѣ стрѣльцы перестали слушаться воеводы, овладѣли кабакомъ, въ приказной избѣ посадили простаго стрѣльца, чтобъ вѣдать всякія дѣла, отставили своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, одного пятисотеннаго чуть не убили, на ихъ мѣсто выбрали другихъ и отправили 20 человѣкъ съ челобитною въ Москву. Гетманъ писалъ царямъ: „Слѣбу донести нашему царскому величеству, что непрестанная печаль такъ меня преодолѣла, что уже и силы во мнѣ мало осталось. Переяславскіе стрѣльцы поступками своими сильно вредятъ тамошнимъ нашимъ людямъ, между которыми немало старыхъ своевольниковъ“. Въ Конотопѣ пугивльскій купецъ Аванасій Бѣляевъ разглашалъ, что подъ Путивлемъ соберутся царскія войска тайно, учинятъ раду, призовутъ на нее гетмана Самойловича или силою возьмутъ, и станутъ рубить всю старшину войсковую и арендаторовъ ⁴⁾.

Лѣтомъ 1683 года въ Москвѣ узнали, что на Дону какой-то чернецъ Іосифъ распространяетъ воровскія письма. Немедленно отправился туда Посольскаго Приказа толмачъ Тарасъ Ивановъ съ требованіемъ выдачи этого монаха. Собрался кругъ; есаулы, по приказу атамана Флора Минасва, говорили казакамъ: „Надобно за чернецомъ и за его совѣтниками послать и доведется отпустить ихъ къ великимъ государямъ, — воровъ жалѣть нечего“. Но въ отвѣтъ раздались крики, что чернеца послать не для-чего, потому что онъ маломумень и письмо воровское сочинялъ не онъ; надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо дали и обманули; воры эти — Куземка Косой да Костка стрѣлецъ, живутъ они на устьѣ Медвѣдницы, а чернецъ живетъ на Сѣверскомъ Донцѣ. Объявились и другія мишья; — казакъ Оомка Савостьяновъ говорилъ: „Для чего за тѣми ворами посылать и гдѣ ихъ сыскать?“ Пашка Чекуновъ прибавилъ: „Для чего ихъ въ Москву посылать? и безъ нихъ на Москвѣ много мяса“. Тутъ выступили атаманы и старшины, и начали говорить: „Для

¹⁾ Кромѣ приведенной официальной записки, Матвѣевъ. Медвѣдевъ, Акты Арх. Эксп., IV, № 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 273, 274. Собр. гос. гр. и дог., IV, № 155; Полян. Собр. Зак. № 963.

²⁾ Полн. Собр. Зак., № 992.

³⁾ Собр. гос. гр. и дог., IV, № 160.

⁴⁾ Дѣла Малорос. 1682 года въ Москв. Архивѣ Мин. Ин. Дѣл.

чего вы за воровъ стоите; почему, сыскавши, ихъ не отослать? Или вамъ мало государской милости и жалованья?" Потомъ старшины подошли къ Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: „Видишь, какіе у насъ люди и за кого стоятъ? Для чего въ государевой грамотѣ не написано, чтобъ тѣхъ воровъ сыскать и казнить у насъ,—мы бы ихъ казнили тотчасъ. Которые люди являются на Москвѣ въ расколѣ, и стрѣльцы, за разныя воровства битые кнутомъ, руки и ноги сѣчены, носы и уши рѣзаны, а ссылаютъ ихъ въ новый городъ Полатовъ,—тѣ люди объявились у насъ всеъ на Дону, и воровскіе замыслы и смуты идутъ отъ нихъ. При тебѣ изъ Полатова пришло сюда такихъ воровъ семь человѣкъ. Вотъ Самойла Лаврентьевъ и старый казакъ, а держитъ у себя такихъ воровъ и даетъ имъ на сеуду лодки и ружья. Извѣсти боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтобъ впередъ такихъ воровъ не ссылали въ города, которые близъ Дону, потому что они изъ этихъ городовъ уходятъ къ намъ на Донъ, и всякое воровство и смуты начинаются отъ нихъ, въ кругахъ оспариваютъ царскіе указы и дѣла, ворами потакаютъ и кричатъ. Мы и другимъ старшинамъ и добрымъ казакамъ говорить нельзя, потому что всеѣхъ насъ побьютъ“.

Поговоривъ съ царскимъ посланнымъ, атаманъ велѣлъ есауламъ кричать: „За ворами послать надобно, и есть ли въ ту посылку охотники? Кто выйдется, тѣмъ дано будетъ войсковое жалованье“. Выступили трое казаковъ и говорили: „Мы рады Богу и великимъ государямъ служить, и за ворами ѣхать и безъ жалованья“. Атаманъ отвѣчалъ: „Безъ жалованья ѣхать нельзя, будьте готовы, а жалованья вамъ по 4 рубля человѣку“.

О воровскомъ письмѣ посланному рассказывали, что въ немъ написано отъ имени царя Іоанна Алексѣевича: приказываетъ казакамъ идти въ Москву, будто бояре его, государя, не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова; печать у письма красная, но не государская, должно быть монастырская. Когда это письмо въ кругу прочли, то многіе *легкомысленные* казаки и вору, ссыльные люди закричали и хотѣли собираться въ Москву. Но

Флоръ Минаевъ и старшина говорили, что письмо воровское, вѣрнѣе ему нечего, печати великихъ государей у письма нѣтъ; а еслибъ письмо было правое, то великіе государи прислали бы съ нимъ не такого вора чернеца, прислали-бъ знатнаго человека. За такія рѣчи Флора Минаева, Ивана Семенова и многихъ старыхъ казаковъ вору хотѣли убить до смерти. Иванъ Семеновъ принужденъ былъ сдать атаманство, а Флоръ Минаевъ недѣли съ двѣ не выходилъ изъ своего куреня, боясь, чтобъ вору не убили.

При отпускѣ, Флоръ Минаевъ и другіе знатные казаки говорили Тарасу тайно: „Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ, а именно—отъ старцевъ Антонія и Пафнутія, и отъ ссыльных, которые сбѣжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ“. Послѣ на Дону нашли виноватымъ только одного Костку Леонтьева и прислали его съ воровскими письмами въ Москву.

Кромѣ раскольниковъ, на Дону стало сильно пахнуть Разинскимъ духомъ. Въ томъ же 1683 г. атаманъ Максимъ Скалозубъ вызвался идти съ охотниками на Волгу *для зипуна*, хотѣлъ промышлять надъ непокорными царямъ Калмыками. Но, вмѣсто Калмыковъ, приступалъ къ Царицыну и былъ отбитъ послѣ жестокаго боя, въ которомъ погибло много государевыхъ людей. Флоръ Минаевъ давалъ знать тайно Голицыну, чтобъ изъ Москвы отнюдь не посылали къ Скалозубу съ увѣщаніями, ибо въ такомъ случаѣ къ нему пристанетъ много и другихъ казаковъ: „Теперь у насъ“, говорили Флоръ, „вольницы много, унизать намъ ихъ нельзя, потому что всеѣмъ намъ, старшинамъ, отъ голутьбы теперь стало тѣсно. *Призывали* (посылали съ увѣщаніями) вора Стеньку Разина, и этимъ призывомъ его испортили; а Скалозубъ, хотя называю на Волгѣ безъ пристанища, пропадетъ скоро, потому что его на Яикъ и въ другія мѣста нигуда не пустятъ“¹⁾.

Скалозубъ пропалъ. Въ Москвѣ Шакловитый зорко слѣдилъ за стрѣльцами. 30 декабря 1683 г. онъ подалъ царямъ и царевнѣ докладную записку о необходимости удалить изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, особенно Астраханцевъ, для предупрежденія новой смуты. Мѣра была принята²⁾.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

I. Опись городамъ, вѣдомымъ въ разрядѣ, въ 1668 г.

(Архивъ Мин. Юстиц., книги Московск. стола № 62.)

1. *Во Владимирѣ*: отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 8; стрѣльцовъ 14; пушкарей 6; разсылщиковъ 7; воротниковъ 12; старость 2; посадскихъ людей 334 (по описи 1679 г. 398);

дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и всякихъ свойственниковъ 189; Рождественскаго монастыря слугъ 19; служебниковъ 46; Спассова Золотоворотскаго монастыря слугъ 2; сторожей 5; Успенскаго дѣвчьяго монастыря слугъ 2; сторожей 11; Со-

¹⁾ Дѣла Донскія 1683 года въ Москв. Архивѣ Мин. Ист. Дѣлъ.

²⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 280.

борной церкви сторожей 17; бобылей 9, у нихъ братья 1; ямщиковъ 76, дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и зятьевъ 82; бобылей ихъ 9; дворниковъ 71; дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и зятьевъ 15.

2. *Въ Суздамъ*: губной староста 1; губной дьячекъ 1; въ приказной избѣ подъячихъ 9; архіепископскихъ приказныхъ 3; дѣтей боярскихъ 57; у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, да по коробину; подъячихъ 9 съ пищалями; недѣльщиковъ 4 съ пищалями; дворовыхъ людей 16 съ бердышами; бобылей 33 съ рогатиною; Спасо-Евфимьева монастыря слугъ 42 человекъ, бою у нихъ по саблѣ, по парѣ пистолей, по коробину; оброчныхъ крестьянъ 4 съ пищалями, 31 съ бердышами, 44 съ рогатинами, 26 съ топорками; пушкарей 4 съ бердышами. Гостиной сотни торговыхъ людей 4 съ пищалями: посадскихъ людей 3, у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, 340 съ пищалями, 62 съ топорками, 240 съ бердышами, 250 съ рогатинами, всего посадскихъ 895 (по описи 1679 г. 835). Всего 1,191 (по описи 1679 г. 1,409).

3. *Въ Юрьевъ Полюскомъ*: посадскихъ 140, у нихъ дѣтей 155; всего 338.

4. *Въ Шуръ*: посадскихъ 186 (по описи 1679 г. 183), дѣтей ихъ 127 (по описи 1679 г. 52); всего 311.

5. *Въ Лузу*: посадскихъ 185, всего 288.

6. *Въ Муромъ*: посадскихъ 394 (по описи 1679 г. 431); всего 1,106.

7. *Въ Переславль Замтскомъ*: посадскихъ 294 (по описи 1679 г. 304, дѣтей, братьевъ и племянниковъ 150); всего 746.

8. *Въ Ростовъ*: посадскихъ 660 (по описи 1679 г. 722), съ дѣтьми, братьями и племянниками: отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 11; губной староста; городской приказчикъ; подъячихъ 3; разсылщиковъ 10.

9. *Въ Ярославль*: посадскихъ и всякихъ жителей людей 3,468 (по описи 1679 г. 2,862); воевода, губной староста. городской приказчикъ; объѣзжий голова; сотникъ стрѣлецкій; съѣзжей избы подъячихъ 14; приставовъ, пушкарей и разсылщиковъ 23; площадныхъ подъячихъ 22; въ таможи 6; на Кружечномъ дворѣ 2; губныхъ дьячковъ 2; въ земской избѣ 2.

10. *Въ Костромъ*: посадскихъ 1,322 (по описи 1679 г. 1,044); губныхъ старостъ 2; дворянъ и дѣтей боярскихъ 21; подъячихъ 17; стрѣльцовъ 20; пушкарей 3, приставовъ 8.

11. *Въ Галичъ*: губныхъ старостъ 2; городовыхъ приказчиковъ 2; подъячихъ 7; пушкарей 8; разсылщиковъ 38; воротниковъ 7; ямскихъ охотниковъ 4; посадскихъ 728.

12. *Въ Володнъ*: воевода; губной староста; осадный голова; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 13; подъячихъ 26; стрѣльцовъ 68; разсылщиковъ 9; отставныхъ пушкарей 2; въ приказной избѣ сторожей 2; дворниковъ на осадныхъ дворахъ 20; на посадѣ гостиной сотни 4, суконной 3

(по описи 1679 г. гостиной и суконной сотни 3); на монастырскихъ дворахъ служебниковъ и работниковъ и на нѣмецкихъ дворахъ дворниковъ 42; посадскихъ съ братьями 1.195 (по описи 1679 г. 1,024); дѣтей 312, племянниковъ 10; насмыковъ 7, зятьевъ 2; подворниковъ 21; дворовыхъ людей 9; посадскихъ бобылей съ братьями 256, дѣтей ихъ 21, 2 племянника, 1 насмыковъ; каменщиковъ 22; кирпичниковъ 8; всего въ городѣ жителей 2,073.

13. *Въ Кашинь*: 232 двора, въ нихъ людей всего 505.

14. *Въ Бѣжецкомъ Верхъ*: посадскихъ 386 (по описи 1679 г. 420).

15. *Въ Можайскъ*: всего жителей 148, изъ нихъ посадскихъ 57 (по описи 1679 г. 40).

16. *Въ Вереть*: всего 154, изъ нихъ посадскихъ 109 (по описи 1679 г. 122).

17. *Въ Рузъ*: всего посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 46).

18. *Въ Волоколамскъ*: всего 123, изъ нихъ посадскихъ 44 (по описи 1679 г. 49).

19. *Въ Боровскъ*: всего 407, изъ нихъ посадскихъ 350 (по описи 1679 г. 203).

20. *Въ Малоярославль*: посадскихъ 83 (по описи 1679 г. 90).

21. *Въ Клину*: посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 23, дѣтей и братьевъ 30).

22. *Въ Вязьмъ*: всего 728, изъ нихъ посадскихъ 390 (328).

23. *Въ Туль*: всего 1,036, изъ нихъ посадскихъ 333 (364, дѣтей и братьевъ 170), казенныхъ кузнецовъ 8 (84), дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 25 (53), замочниковъ 14; станочныхъ мастеровъ 9, кирпичниковъ 36, дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 24; ямщиковъ 56, дѣтей ихъ и братьевъ 90.

24. *Въ Каширь*: всего 161, изъ нихъ посадскихъ 55 (48).

25. *Въ Алексинъ*: всего 125 (136).

26. *Въ Тарусъ*: всего 39, изъ нихъ посадскихъ 18.

27. *Въ Серпуховъ*: 732, изъ нихъ посадскихъ 233 (229).

28. *Въ Одоевъ*: всего 754, изъ нихъ посадскихъ 65.

29. *Въ Крапивнъ*: 237; посадскихъ нѣтъ, одни служилые.

30. *Въ Дндоловъ*: 432 (429); посадскихъ нѣтъ.

31. *Въ Коломнъ*: 528, посадскихъ 67 (304, дѣтей и свойственниковъ 150).

32. *Въ Переяславль Рязанскомъ*: 460, посадскихъ 86.

33. *Въ Зарайскъ*: 542, посадскихъ 207 (257 дѣтей братьевъ и племянниковъ, не въ раздѣлѣ живущихъ 148, въ малыхъ лѣтахъ 316).

34. *Въ Пронскъ*: 832; посадскихъ нѣтъ.

35. *Въ Михайловъ*: 625, посадскихъ 28 (37).

36. *Въ Гремячелъ*: 475; посадскихъ нѣтъ.

37. *Въ Венець*: 338; посадекихъ 223 (110, дѣтей ихъ и свойственниковъ 306).
38. *Въ Печерникахъ*: 186 служилыхъ; посадекихъ нѣтъ.
39. *Въ Саянскѣ*: 549 (364); посадекихъ нѣтъ.
40. *Въ Рязскомъ*: 1,348 (1,709); рязанъ отставныхъ 45; недорослей 447; казаковъ 395, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ 345; посадекихъ нѣтъ.
41. *Въ Шацкѣ*: 422 (502); посадекихъ нѣтъ.
42. *Въ Калугѣ*: 1,421 (1,348); посадекихъ 968 (910).
43. *Въ Лихвинѣ*: 65 (71); посадекихъ 34 (38), у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27.
44. *Въ Мещевскѣ*: 194; посадекихъ 27, у нихъ дѣтей 30.
45. *Въ Серпейскѣ*: 85 (157); посадекихъ 26 (43), роду ихъ 52 (106).
46. *Въ Мосальскѣ*: 68, посадекихъ 9.
47. *Въ Козельскѣ*: 143; посадекихъ нѣтъ.
48. *Въ Бѣлеѣ*: 838, посадекихъ 242 (350), роду ихъ 262.
49. *Въ Болховѣ*: 1,048 (1,204), посадекихъ 380 (477), роду ихъ 325 (415).
50. *Въ Карачевѣ*: 599, посадекихъ 20, роду ихъ 36.
51. *Въ Орлѣ*: 655; посадекихъ нѣтъ (42, роду ихъ 62).
52. *Въ Кромахѣ*: 261; посадекихъ нѣтъ.
53. *Въ Брянскѣ*: 1,092, посадекихъ 76.
54. *Въ Рыльскѣ*: 379, посадекихъ 42, захребенниковъ 5.
55. *Въ Сьвскѣ*: 951; посадекихъ нѣтъ.
56. *Въ Путивлѣ*: 1,653, посадекихъ 117, у нихъ дѣтей, братьевъ, зятьевъ, приемышей, сосѣдей 66.
57. *Въ Каменномъ*: 481; посадекихъ нѣтъ.
58. *Въ Мценскѣ*: 516; посадекихъ нѣтъ.
59. *Въ Ельнѣ*: 2,920, посадекихъ 186 (152), роду ихъ 143 (91).
60. *Въ Ливнахъ*: 1,424; посадекихъ нѣтъ.
61. *Въ Курскѣ*: посадекихъ 376, дворянъ и дѣтей боярскихъ 416.
62. *Въ Новосилѣ*: 428; посадекихъ нѣтъ.
63. *Въ Епифанѣ*: посадекихъ нѣтъ.
64. *Въ Чернѣ*: 297; посадекихъ нѣтъ.
65. *Въ Данковѣ*: 835; посадекихъ нѣтъ.
66. *Въ Лебедянѣ*: 698; посадекихъ нѣтъ.
67. *Въ Талешкомъ*: 520; посадекихъ нѣтъ.
68. *Въ Черкасскомъ*: 427; посадекихъ нѣтъ.
69. *Въ Ефремовѣ*: 1,895; посадекихъ 3.
70. *Въ Осколѣ*: 1,468; посадекихъ нѣтъ.
71. *Въ Землянскѣ*: дѣтей боярскихъ 129; недорослей 9, казаковъ 29, пушкарей 39, Черкасъ 585, посадекихъ 10.
72. *Въ Осолнѣ*: дѣтей боярскихъ 759, стрѣльцовъ 9, казаковъ 77, пушкарей 29; посадекихъ нѣтъ.
73. *Въ Суджѣ*: посадекихъ нѣтъ.
74. *Въ Сумахъ*: казаковъ 1,221, мѣщанъ 1,754.
75. *Въ Лебединѣ*: казаковъ 628, мѣщанъ 1,641.
76. *Въ Ыльггородѣ*: посадекихъ 48.
77. *Въ Болховомъ*: (по чертѣ отъ Ыльгорода направо) посадекихъ нѣтъ.
78. *Въ Карповѣ*: посадекихъ нѣтъ.
79. *Въ Хотмышскомъ*: посадекихъ нѣтъ.
80. *Въ Волъскомъ*: посадекихъ нѣтъ.
81. *Въ Олешнѣ*: посадекихъ нѣтъ.
82. *Въ Ахтыркѣ*: Черкасъ 922, мѣщанъ нѣтъ.
83. *Въ Корочѣ*: посадекихъ нѣтъ.
84. *Въ Яблоницѣ*: посадекихъ нѣтъ.
85. *Въ Новомъ Осколѣ*: посадекихъ нѣтъ.
86. *Въ Вердососенскомъ*: посадекихъ нѣтъ.
87. *Въ Усердѣ*: посадекихъ нѣтъ.
88. *Въ Ольшанскомъ*: посадекихъ нѣтъ.
89. *Въ Острогожскомъ*: посадекихъ Русскихъ 11, Черкасъ мѣщанъ 18; дѣтей боярскихъ 65; станничниковъ 41; Черкасъ городской службы 390.
90. *Въ Коротоякѣ*: дѣтей боярскихъ 424, казаковъ 377, посадекихъ 40.
91. *Въ Урынѣ*: 160; посадекихъ нѣтъ.
92. *Въ Воронежѣ*: Черкасъ 178, дѣтей боярскихъ 154, стрѣльцовъ 211, казаковъ 681, посадекихъ 271.
93. *Въ Костенскомъ*: дѣтей боярскихъ 197; посадекихъ нѣтъ.
94. *Въ Бѣлоколдезскомъ*: драгуновъ 194; посадекихъ нѣтъ.
95. *Въ Орловѣ* городкѣ дѣтей боярскихъ драгунской службы 239, пушкарей 14, дьячекъ приказной избы 1.
96. *Въ Сокольскомъ*: драгуновъ 518, пушкарей 18; посадекихъ нѣтъ.
97. *Въ Усмани*: посадекихъ нѣтъ.
98. *Въ Добромъ Городищѣ*: посадекихъ нѣтъ.
99. *Въ Козловѣ*: посадекихъ 47, роду ихъ 42.
100. *Въ Тамбовѣ*: служилыхъ людей 2,342; посадекихъ нѣтъ.
101. *Въ Волуйкѣ*: посадекихъ нѣтъ.
102. *Въ Чулуевѣ*: посадекихъ нѣтъ.
103. *Въ Салтовѣ*: посадекихъ нѣтъ.
104. *Въ Харьковѣ*: дѣтей боярскихъ 55, казаковъ Черкасъ полковой службы 1,070, пашенныхъ Черкасъ 1,023.
105. *Въ Красномъ Кутѣ*: Черкасъ полковой службы 120, мѣщанъ пахотныхъ Черкасъ 686.
106. *Въ Богодуховѣ*: рядовыхъ казаковъ 137, городской службы Черкасъ 935.
107. *Въ Бобровкѣ*: казаковъ 200, мѣщанъ 948.
108. *Въ Волыклѣ*: Черкасъ 331.
109. *Въ Новгородѣ Великомъ*: судья; головъ стрѣльцкихъ 2; казаній голова; сотниковъ стрѣльцкихъ 5; городничій; житнаго двора ключникъ; объѣзжій голова; ямской приказчикъ; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 10; съѣзжей избы подъячихъ верстаныхъ 32, молодыхъ неверстаныхъ 20; носокрепеновъ кормовыхъ 29; новгородскихъ пѣшихъ казаковъ 150, дѣтей ихъ и братья 18; въ Московскомъ Приказѣ стрѣльцовъ 500, дѣтей ихъ, братья, племянниковъ и подо-

сѣдниковъ 233; въ Новгородскомъ Приказѣ стрѣльцовъ 500, роду ихъ 123; пушкарей 53, запасныхъ кузнецовъ 14, дѣтей ихъ 10; воротниковъ 15; ямскихъ охотниковъ съ родомъ 128; посадскихъ 1,080; митрополическихъ дѣтей боярскихъ и бобылей 127; церковныхъ причетниковъ 168.

110. *Въ Ладогу*: 262, посадскихъ 46.

111. *Въ Порховъ*: посадскихъ 112.

112. *Въ Псковъ*: посадскихъ 1,169 съ родомъ, пріезжими, захребетниками, церковными дьячками, пономарями.

113. *Въ Гдовъ*: посадскихъ 71, роду ихъ 64; всего 525

114. *Во Изборскъ*: 208, посадскихъ 4.

115. *Въ Островъ*: посадскихъ 17, всего 109.

116. *Въ Опочкѣ*: 526, посадскихъ 80.

117. *Въ Печерскъ мѣ монастырь*: посадскихъ 126, всего 344.

118. *Въ Великиѣ Лукахъ*: посадскихъ 95, всего 1,084.

149. *Въ Торопцѣ*: посадскихъ 463, всего 1,353.

120. *Въ Твери*: посадскихъ 429, роду ихъ 77, всего 671

Въ опись 1679 года внесены города: 1) *Рома-новъ*: посадскихъ 258. 2) *Звенигородъ*: посадскихъ 22. 3) *Борисогъ*: посадскихъ 11, дѣтей ихъ 22. 4) *Бьлоозеро*: посадскихъ 775; поповъ, ихъ дѣтей и братья 38; бѣдныхъ, которые кормятся по міру, 189. 5) *Угличъ*: посадскихъ 143. 6) *Воротыньскъ*: посадскихъ 55, дѣтей ихъ, братья и племянниковъ 171, всего 255. 7) *Черемышль*: посадскихъ 25, дѣтей ихъ и братья 46.

II. Опись городовъ 1677 года, хранящаяся между приказами дѣлами Московскаго Архива Минист. Иностран. Дѣлъ.

1. *Устюгъ съ уяздомъ*: Стрѣльцовъ 132; посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ 689; людей въ нихъ 830; въ уѣздѣ крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ 7,804, людей въ нихъ 9,458 человекъ. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 6,038 рублей; полонянничныхъ 232 рубля; съ таможенъ и кружечныхъ дворовъ 6,782 р.

2. *Сольвычегодскъ*: Посадскихъ 228 дворовъ, а людей въ нихъ 258, да 74 кельи нищихъ, да 18 дворовъ пустыхъ, да 18 мѣстъ дворовыхъ. Въ уѣздѣ, въ селахъ и деревняхъ 3,198 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ, да 136 дворовъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ отдано на льготу, да 71 дворъ бобыльскій, 2 двора гостинной сотни, дворъ торговаго человека, а людей въ нихъ 5,382. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 2,843 р.; полонянничныхъ 96; таможенныхъ и кружечныхъ 3,062.

3. *Тотьма*: На посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2,098 дворовъ, людей въ нихъ 3,725; 36 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 51. Данныхъ и оброчныхъ 1,495 рублей; полонянничныхъ 68 рублей; таможенныхъ и кружечныхъ 2,350 р.

4. *Вязьма*: На посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1,542 двора, людей въ нихъ 1,563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полонянничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1,196 рублей.

5. *Можайскъ*: На посадѣ 32 двора; людей въ нихъ 30 человекъ. Въ уѣздѣ 355 дворовъ, людей въ нихъ 368. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ съ посаду 28 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 1,196 рублей.

6. *Руза*: На посадѣ 75 дворовъ, людей въ нихъ 80 человекъ. Въ уѣздѣ 504 двора, людей въ нихъ 510. Данныхъ и оброчныхъ 9 рублей, полонянничныхъ 13, кружечныхъ 175 рублей.

7. *Звенигородъ*: На посадѣ 61 дворъ, людей въ нихъ 67. Въ уѣздѣ 28 дворовъ, людей въ нихъ 35. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 11 рублей.

8. *Веневъ*: На посадѣ 107 дворовъ, людей въ нихъ 127. Въ уѣздѣ 496 дворовъ, людей въ нихъ 499. Данныхъ и оброчныхъ 80 рублей, полонянничныхъ 14, кружечныхъ 485 рублей.

9. *Клинъ*: На посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столькожъ людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ 2 рубля; съ уѣзду полонянничныхъ 12 рублей; съ кружечнаго двора 228 рублей.

10. *Ржевъ Володимирова*: Посадскихъ 83 двора, въ уѣздѣ 1,354 двора; данныхъ оброчныхъ и полонянничныхъ 70 рублей; съ кружечнаго двора 328 рублей.

11. *Старица*: На посадѣ 117 дворовъ; въ уѣздѣ 396. Данныхъ и оброчныхъ 22 рубля; съ кружечнаго двора 292 рубля.

12. *Бьжецкий Верхъ*: Посадскихъ 134 двора, людей въ нихъ 195. Въ уѣздѣ дворовъ 2,757, людей въ нихъ 2,843. Данныхъ, оброчныхъ и полонянничныхъ съ посаду 44 рубля; съ уѣзду полонянничныхъ 60 рублей; съ кружечнаго двора 477 рублей.

III. Списокъ подъячихъ по приказамъ 1675 года.

(Архивъ Минист. Юстиціи, книга Моск. стола, № 73.)

1. *Разрядъ*. Подъячимъ велѣно окладъ 700 рублей; порознь жалованья отъ 40 до 2 рублей человекъ. Верстаныхъ подъячихъ 74 человекъ; изъ нихъ 10 человекъ получили помѣстный окладъ отъ 400 до 250 четвертей. Неверстаныхъ 33. Разряднаго Приказа дѣти боярскія: 10 верстаныхъ, получавшихъ жалованья отъ 12 до 8 руб., неверстаный одинъ; 6 сторожей получили жалованья по 7 рублей.

2. *Посольскій Приказъ*. Окладъ 600 рублей, отъ 65 до 4 рублей человекъ; верстаныхъ 31; изъ нихъ помѣстный окладъ имѣли 4, отъ 350 до 250 четвертей; неверстаныхъ 7; 5 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 7 рублей.

3. *Приказъ Малой Россіи*. Окладъ 362 рубля, отъ 50 до 5 рублей человекъ, всего 19 подъячихъ.

4. *Большая Казна*. Окладъ 200 рублей, отъ

25 до 2 рублей челоуьку; всѣхъ подъячныхъ 13 челоуькъ; 6 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 6 рублей.

5. *Иноземскій*. Окладъ 135 рублей, отъ 20 до 1 рубля; верстаныхъ 25, неверстаныхъ 9; 3 пристава, 4 сторожа съ жал. до 7 рублей.

6. *Рейтарскій*. Окладъ 89 рублей, отъ 22 до рубля; 13 верст., 4 неверстаныхъ; 5 приставовъ съ жал. по 5 руб.; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

7. *Аптекарскій*. Окладъ 20 руб.; одинъ подъячій.

8. *Казанскій Дворецъ*. Окладъ 350 руб., отъ 31 до рубля; верст. 60; неверст. 17; 10 приставовъ съ жал. по 10 руб.; 6 сторожей съ жалован. по 6 руб.

9. *Сибирскій*. Окладъ 308 руб., отъ 30 до 6 руб.; 16 верст., 7 неверстаныхъ.

10. *Купецкихъ дѣлъ*. Четверо подъячныхъ; одинъ съ жал. 40 р., другой 25, двое 20; 6 приставовъ съ жал. по 12 р., четверо сторожей по 6 руб.

11. *Стрѣльцкій*. Окладъ 223, отъ 20 руб. до 50 коп.; верст. 32, неверст. 20.

12. *Приказъ сбора стрѣльцкаго хлѣба*. Окладъ 55 руб. 50 коп., отъ 15 до 5 руб., двое подъячныхъ съ приписми, 2 старыхъ верст., 7 неверст., одинъ молодой верст., 39 неверст.; четверо сторожей съ жал. по 7 руб.

13. *Судный Владимірскій*. Окладъ 226, отъ 28 до 2; верст. 28, неверст. 2; пристава: 5 съ жал. по 10 руб., одинъ по 8; двое неверст.; четверо сторожей по 7 руб.

14. *Судный Московскій*. 250, отъ 19 до 2; верст. 16, неверст. 15; 12 приставовъ по 4, 3, 2 рубля; 4 сторожа по 7 руб.

15. *Приказъ Большаго Дворца*. 825, отъ 25 руб. до 50 коп.; 84 неверстаныхъ.

16. *Житный дворъ*. Отъ 25 до 8; всего 6 подъячныхъ.

17. *Сытнаго Дворца*. Отъ 30 до 4 руб.; 10 подъячныхъ.

18. *Кормоваго Дворца*. Отъ 20 до 5 руб.; 6 подъячныхъ.

19. *Хлѣбнаго Дворца*. Отъ 19 до 4 руб.; 7 подъячныхъ.

20. *Судный дворцовый*. Окладъ 130, отъ 23 до 4 руб.; верст. 8, неверст. 10; пристава въ неверст. 6; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

21. *Оружейный*. 95 руб., отъ 50 до 15 руб.; 3 подъячныхъ; двое приставовъ по 29 руб. обонихъ; 9 сторожей — всѣмъ 52 рубля.

22. *Полтвннй*. 700 руб., отъ 50 до рубля; 95 верст., 228 неверст.; 5 дѣтей боярскихъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жал. по 9 руб.

23. *Разбойный*. 300 руб., отъ 20 до 2 руб.; верст. 38, неверст. 6; 5 приставовъ верст. съ жал. по 4 руб., 5 неверст.; 6 сторожей всѣмъ 40 руб.

24. *Пушкарскій*. 200 руб., отъ 35 до 3; 10 верст., 1 неверст.

25. *Ямской*. 150 руб., отъ 33 до 1 руб.; 14 подъячныхъ.

26. *Челобитный*. 200 руб., отъ 30 до 4 руб.; верст. 13, неверст. 6; подвойскихъ 5 съ жал. по 12 руб.; 1 приставъ и 3 сторожа.

27. *Большой приходъ*. 385, отъ 30 до 2 руб.; 25 верст., 42 неверст.

28. *Московской большой таможи*. Отъ 15 до 5 руб.; 5 верст., 11 неверст.

29. *Полтврной избы*. 1 верст. по 5 руб.; 10 неверст.

30. *Казенный*. 124 руб., отъ 35 до 5; 8 верст., 1 неверст.

31. *Монастырскій*. 246, отъ 30 до 3 руб.; 25 верст., 7 неверст.

32. *Печатный*. 63, отъ 35 до 5 руб.; 5 верст., 3 неверст.

33. *Конюшенный*. 164, отъ 28 до 3 руб.: 12 верст., 2 неверст.

34. *Земскій*. 255, отъ 35 до 3 руб.; 29 верст., 17 неверст.; двое нарядчиковъ съ жал. по 14 руб.; 9 рѣшеточныхъ приказчиковъ верстаныхъ отъ 12 до 8 руб., 42 неверст.

35. *Владимірская четъ*. 64, отъ 30 до 4 руб.; 3 верст., 18 неверст.

36. *Галицкая четъ*. 71, отъ 30 до 8 руб.; 4 верст., 8 неверст.

37. *Новгородскій*. 195, отъ 34 до 5 руб.; 17 верст., 14 неверст.

38. *Костромская четъ*. 79, отъ 34 до 3 руб.; 6 подъячныхъ.

39. *Княжество Смоленское*. 66, отъ 18 до 7 руб.; 6 верст., 1 неверст.

40. *Устюжская четъ*. 137, отъ 31 до до 50 коп.; 14 верст., 7 неверст.

41. *Новая четъ*. 158, отъ 30 до 3 руб.; 12 верст., 25 неверст.

42. *Отдѣлочный дворъ*. 27; верст. 2, неверстаныхъ 13.

43. *Холопя суда*. 200, отъ 30 до 2 руб.; верст. 14, неверст. 6.

44. *Хлѣбный*. 137, отъ 23 до рубля; 24 верстаныхъ.

45. *Каменныхъ житницъ*. 25; 2 верст.

46. *Каменныхъ дѣлъ*. 113, отъ 35 до 8 руб.; 5 верст., 1 неверст.

47. *Мытная изба*. 11 подъячныхъ, всѣ неверстаны.

IV. Разрядъ безъ мѣстъ Царя и Великаго Князя Феодора Аленсѣвича въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержца 190 году *).

Лѣта 7190 Генваря въ 12 день указалъ Велики Государь Царь и Велики князь Оеодоръ Алексѣевичъ въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержецъ быть въсемъ чинамъ у всякихъ дѣлъ быть бѣзь мѣстъ и отеческихъ дѣлъ въпретъ отноуь

*) Этоуь важный памятникъ, восполняющій пробѣлъ въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ разрядныхъ книгахъ, находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Миш. На. Дѣлъ.

не вчинать, а будетъ де кто станеть вчинать и темъ сказано быть потъ смертною казнию и потъ клятвю, и книги разрядныя и случныя сожгли въласти въ переднихъ сенехъ въ печи, и выброны изо всехъ родовъ въ ротмистры и въ поручикахъ въ (с)таршихъ и не въ старшихъ и съ того числа все почело быть бѣзъ мести.

Тогожь году Генваря въ 17 день сказана сидеть въ Палатѣ у расправныхъ дѣлъ зъ бояриномъ, съ Князь Никитою Ивановичемъ Одуевскимъ, боярину князь Ивану Борисовичу Тьроекурову.

Тогожь году Генваря въ 18 день были у Великого Государя у руки на приезде въ столовой палате Крымския послы и посланники.

А объвляяъ ихъ Великому Государю думной посольской дьякъ Ларивонъ Ивановичъ Ивановъ.

Тогожь году Генваря въ 19 день были у Великого Государя въ передней Светейши Иоакимъ Патрiархъ московски и всеса Руси со властью.

А въ то время указалъ Велики Государь принести изъ комноты ближнимъ людямъ ларець съ родословною книгою князь Борису князь Алексѣеву сыну Голицыну да Михайлу Васильеву сыну Собакину. И какъ по указу Великого Государя тотъ ларець съ родословною книгою шринесли, и Велики Государь указалъ честь свой Великого Государя указъ думному розрядному дьяку Василью Семенову.

И какъ думной дьякъ Василей Семеновъ ево Великого Государя указъ прочель, и Великий Государь изволилъ тое книгу поверхъ потписати по листамъ своею рукою

А Светейши Патрiархъ подисподомъ также потписовалъ по листомъ своею рукою;

А власти, и бояре, и околничия и думныя и ближние люди и всякия чины потписовали своимъ руками по своимъ именъ.

А каковъ Великого Государевъ указъ сказанъ и думный дьякъ розрядной Василей Григорьевичъ Семеновъ ичель, и тотъ указъ Великого Государя писонъ въ особой тетраде весь именно, и чье руки въластей, и бояръ, и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людей руки объвлялись у той книги, и то писано въ той же тетраде все именно на лпцо дѣля выпретку, и тое книгу указалъ Велики Государь и свой указъ переплечи и постърсетъ боярину князь Василью Васильевичу Голицыну, тое книгу отдать въ розрядъ именно боярину князь Михайлу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи, а хто имень сидель у сей книги, и техъ имень писаномъ въ последи.

Тогожь году Генваря въ 20 день сказана быти по указу Великого Государя въ воеводахъ: въ велики Новгородъ изо Пскова боярину князь Михайлу Андреевичу Голицыну полковымъ и осаднымъ;

Во Псковъ осаднымъ околничему князь Григорью Аонасевичу Козловскому;

А изъ Великого Новграда осадному воеводе боярину Василью Семеновичу Волыному указалъ Велики Государь быть къ Москве.

И Генваря въ 24 день откозана имъ.

Тогожь году Генваря въ 25 день сказанъ воеводы осаднымъ:

Велики Новгородъ боярину Ивану Васильевичу Бутурлину;

А бояр(н)у Василью Семеновичу Волинскому велено быть по прежнему къ Москве.

А Новогородцкой полкъ велено ведошь и Псковской во Пскове боярину князь Михайлу Андреевичу Голицыну.

Тогожь году Генваря въ 27 день сказано въ воеводы съ Козанскимъ полкомъ въ Сибирскъ боярину Петру Васильевичу болшему Шереметеву.

Тогожь году Генваря въ 29 день сказано по указу Великого Государя стърроить города въ Дауры и въ Селегянской и въ Болбожинской, и Сибирскимъ полкомъ на Китайцы думному дворянину Кирилу Осповичу Хлопову, а съ нимъ велено быть всемъ Сибирской земли городомъ всякимъ служивымъ людемъ коннымъ и пехоте.

Тогожь году Оевраля въ 5 день было постановленя въ Орхипискуны въ Тверь и въ Кашинъ;

А ставили изъ Торшняка Борисоглебскаго и преподобного Еврема Новоторжскаго чудатворца манастира Архимандрита Сергiя.

А ставили въ Соборной и опостольской церкви;

А ставилъ его въ Орхипискуны Светейшее Иоакимъ Патрiархъ Московски и всеса Руси.

А на постановьленци были власти.

М и т р о п о л и т ы :

Карнили Новгородцки и Великолуски,
Никифоръ Астрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркель Псковски и Зборски,
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,
Ворсунофей Сарски и Подонски,
Флареть Нижегородцки и Олаторски,
Павель Резански и Муромски;

А р х и е п и с к у н ы :

Илорпоиъ Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологодцки и Вязозерски,
Никифоръ Коломенски и Кошпрски;

Е п и с к у н ы :

Иона Вятцки и Великопермски;

А р х и м а н д р и т ы :

Чудовской, Спаса-новой,
Юрьевской изъ Нова-Симоновской,
города, Петровской,
Адроньевской, Воскресенской,
Савинской, Богоявленской,
Футинской, Иверской;
Калязинской;

И г у м н ы :

Знаменской, Угрешской,

Съ Ужики Макарьевской, Дапской,
Здъвиженской, Даниловской,
Зълатуустовской, Стъретинской,
Навинской, Протопопъ Соборной.

А дествъпеню учиненъ ниже вологодцькова а
више коломенскаго тверской владыко,

Да на постановлени были по указу Вели-
каго Государя бояринъ князь Юрья Семеновичъ
Урусовъ, да съ нимъ думной дьяворенинъ Кирпиль
Осиповичъ Хълшовъ, да думной дьякъ Василей
Семеновъ.

А провожали верхъ къ Великому Государю вля-
дыку и на Подворье умной дьяворенинъ и думной
дьякъ тежъ;

Тогожъ году Феврала въ 9 день сказана въ осад-
ные воеводы: на Терки стольнику Федору Савину
сыну Нарбѣкову;

А околничему Александру Савосьяновичу Хи-
трово указалъ Велики Государь быть къ Москвѣ.

Тогожъ году сказана родословныя книги, и вы-
писия, и боярскимъ и воевоцъскимъ родомъ, и гости-
нымъ и дьяворянскимъ і дьячьимъ, а делати за
шесть книгъ съ отверскп, а книгомъ быть: (1. 2.
3. 4. 5. 6.) 1) родословнымъ людямъ; 2) вшежимъ;
3) Московскимъ знатнымъ родомъ; 4) дьяворян-
скимъ; 5) гостинымъ и дьячьимъ; 6) всякимъ ипскимъ
чинамъ.

Боярину князь Володимеру Дьмитриевичу Дол-
горуково, да думному дьяку Василью Семенову
гербапноу, стольнику князь Ивану князь Ан-
дрееву сыну Волшому Голицыну, да Павлу*) сыну
Непрѣбѣцкому улаженъ, стольнику князь Андрею
князь Иванову сыну Хованскому, а съ нимъ дьяво-
ники и въ семь велено прѣпринасити каленны рос-
писи по родамъ.

Тогожъ году Оеврала въ 12 день изволилъ Ве-
лики Государь вибротъ себѣ въ супруги девицу
Мароу Мотвееву дочь Матвоя Васильевича Апра-
ксина.

Тогожъ числа нарекли девицу Мароу Матвееву
въ Царевы и Великия Княжны, а благословлялъ и
нарекалъ Светейшии Патрiархъ.

Тогожъ числа вишетъ пзъ комнаты въ переднюю
Светейшии Патрiархъ сказавалъ бояромъ и околь-
ничимъ и думнымъ людямъ, что нарекли Цареву и
Великою Княжну Мароу Матвееву.

Тогожъ году Феврала въ 15 день была радость,
изволилъ Велики Государь сочетатица вторымъ
законнымъ бракомъ.

А изволилъ Велики Государь понять за себя
Матвееву дочь Васильевича Опраксина цареву и
Великою Княжну Мароу Матвееву.

А венчатца изволилъ Велики Государь въ саборе
у Живоноснаго Воскресенна Господни.

А венчался въ 6 часу дьни въ первой че-
тверти.

А венчалъ ево Великого Государя духовникъ

евожъ Великого Государя Бълаговешенской прѣо-
топопъ Никита Васильевичъ

А кремль былъ въ то время запертъ, а отперли
въ 10 часу.

А кругъ Къремля указана была и ворота вѣдати
окольничему Павлу Петровичу Изыкову, а сва-
дебного чину никакова небыла.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ
спалники сетолничковъ: Степана Богданова сына
Ловчикова;

Петра да Федара, да Андрея Матвеевыхъ дѣтей
Опраксинныхъ.

Тогожъ году Феврала въ 16 день указалъ Ве-
лики Государь ехати срадосинни грамоты столь-
ничкомъ и ближнимъ людямъ ка властямъ Иванъ
Андреевъ сынъ Изыковъ, да Иванъ Васильевъ сынъ
Дашковъ и по бояромъ.

Къ Търонле въ Сергеевъ монастырь Иванъ Ми-
хайловъ сынъ Волюнсковой.

Къ Саве въ Зъвенигородъ и въ Воскресенской
монастири Иванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Тогожъ числа указалъ Велики Государь сидети
въ рзряде и въ Ройтарескомъ и выноземскомъ и
въ Пушкарескомъ Пъриказахъ думному дьяворенину
Веденхтию Андреевичу Зъмееву на столника Сте-
панава места Ловчикова.

Тогожъ году Оеврала въ 17 день пожаловалъ
Велики Государь въ столники къ Государю Цар-
евичу и Великому Князю Ивану Алексѣевичу
столники князь Ивана князь Степанова сына Ше-
ховскаго.

Тогожъ году Феврала въ 19 день пожаловалъ
Велики Государь въ столники 2-хъ Опраксинныхъ,
2 Хършушовыхъ, 2 Ловчиковыхъ.

Тогожъ году Феврала въ 19 день было дествътво
стърпаннаго суда.

А на дествътве былъ Светейшии Патрiархъ со
влаостыми.

Да по указу Великого Государя были на дествътве
Царь Търигорей Алексѣевичъ сибирской, да боя-
ринъ князь Иванъ Бордсовичъ Търоекурровъ, да
думной дьяворенинъ Кирпиль Осиповичъ Хълшовъ,
да думной дьякъ Данила Полянсковой.

Тогожъ году Феврала въ 21 день были у руки
Государыни Царицы и Великия Княгини Маровы
Матвеевны въ передней Государевой, а были а Ве-
лики Государь сидеть, съ пудавой руки.

Светейшии Иоакимъ Патрiархъ Московски и всеса
Руси со властями и благословили образами;
а власти были:

М и т р о п о л и т ы:

Корнили новогородцьки и Великолуски,
Никлооръ Астърхаиски и Терки,
Попа Ростовски и Ерославски,
Маркель Пъсковски и Зборски,
Симеонъ Смоленски и Доргобужски,
Варсупооей Сарски и Подонски.
Филаретъ Нижегородцьки и Олаторски,
Павель Рязански и Муромски;

*) Пробѣлъ въ недлинникѣ.

Архиепископы:

Илорпюнь Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологодцки и Вѣлосерскі,
Серги Тѣверски и Каплински;

Епископы:

Иона Вятцки и Великопермьски.

Да у руки были бояре и окольные и думные и ближние люди.

Да объявлялъ бояринъ и дворетпкой князь Василей Федоровичъ Одуевской гостей и розныхъ слоботъ посадскихъ людей съ подносомъ.

Тогожь году Февраля въ 23 день былъ Великому Государю выходъ въ Залатю палату, а были у Великова Государя на отпуске посли и посланники Къримскія, объявлялъ думной дьякъ Ларивонъ Ивановъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре кравчего князь Ивана Григорьевича Курякина.

А сказавалъ ему боярства думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ кравчяки столника и ближняго человека князь Бориса Алексѣевича Голицына;

А сказавалъ думной дьякъ Василей Семеновъ.

Тогожь числа былъ столъ у Великого Государя до столовой палате.

А у стола были Великого Государя Светейши Патрiархъ со влостьми, да бояре и окольные, и думныя и ближняя люди все.

Въ столы смотрели столники:

Въ болшей столъ столникъ князь Лука князь Оедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ же Дмитрей Петровъ сынъ Пъротасевъ;

Въ кривной столъ столникъ князь Борисъ князь Оедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ Александръ Петровъ сынъ Пъротасевъ.

У Государева стола стоялъ крайчей князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ да столникъ и ближней человекъ Авраамъ Ивановъ сынъ Хитрово.

Вина нарежалъ столникъ князь Иванъ князь Андреевъ сынъ Болшой Голицынъ.

Пить наливалъ чашникъ Семень Ивановичъ Языковъ.

За Государевымъ поставцомъ сиделъ бояринъ и дворетпкой князь Василей Оедоровичъ Одуевской.

За потриришимъ

За боярскимъ.

У патрiархова стола стоялъ.

Царевичей потчивоу касиновскихъ и сибирскихъ столникъ князь Матоей князь Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Властей кормили.

Бояръ кормили.

Тогожь числа былъ столъ у Великия Госуда-

рыни Царицы и Великия княгини Марос Матоевны по государевой передней.

А у стола были царевичева жена да бояринъ пърнежня.

А у стола стояла крайчая Анна Петровна Хитрова.

А за поставцомъ сиделъ думной дъворенинъ Никита Ивановичъ Окниновъ.

Тогожь году Октября въ 26 день пгразивали ангелъ Государыни Царевны и Великия Княжны Евдокеи Алексѣевны ангелу.

И былъ Великому Государю вихотъ въ столовою, а жаловалъ пироги.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближняго человека князь Михайла Яковлевича Черкасского.

А сказывалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и великому Государю объявлялъ бояринъ Петръ Михайловичъ Солтиковъ.

Тогожь числа пожаловалъ велики Государь въ бояре столника и ближняго человека князь Бориса Ивановича Пърозоровскаго.

А сказывалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ околничей Иванъ Ивановичъ Чаадовъ.

Тогожь году Марта въ 5 день пожаловалъ Велики Государь въ окольные столника князь Якова Васильевича Хилкова; а сказавалъ ему аколничества думной дьякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ думной дъваренинъ Кирила Осиповичъ Хълонвъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ еколничя думнаго дъваренина Кирилу Осиповича Хълонова; а сказывалъ ему аколничества думной дьякъ тотъ же, а у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементій Миничъ Вошмоковъ.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дъваряне столника Оедора Савича Нарбькова.

Тогожь году Марта въ 12 день по указу Великого Государя учиненъ Иона Епископъ Вятцки и Велико пермьски Архиепископомъ а степень ему учинена.

Тогожь числа поставили во власти первымъ Архиепископомъ Велики Устюгъ и на Тотму Архимандрита Таласія изъ Великова Новгорода Оутина монастыря, а степень ему учинена.

А ставель ево Светейши Патрiархъ со влостьми, а на поставоленн бытъ по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семеновичъ Урусовъ да съ нимъ думной дъваренинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ, да думной дьякъ Емельянъ Украинцевъ.

Тогожь году Марта въ 19 день поставили во власти первымъ Архиепископомъ на Колмыгоры и на Вагу крестоваго священника светейшаго Патрiарха Аоонасія, а ставель его Светейши Иоакимъ Патрiархъ Московски и всеа Россii са властью.

Да на поставленнѣхъ были по указу Великого Государя бояринѣ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворянинѣ Андрѣй Васильевичъ Толстой, да думной дьякъ Данило Полянскій.

А учиненъ степенно выше Архїепископа Устюжскаго і Тотемскаго.

Тогожь году Марта въ 24 день по указу Великого Государя ставили во власти въ Тамбовѣ въ Епископу Игумна изъ Галича Леонтия Аврамя Городецкова монастыря а ставилъ его Светейши Іоакимъ Патриархъ Московскіи і всеа Русїи.

Да на поставленнѣхъ были по указу Великого Государя бояринѣ князь Юрѣя Семѣновичъ Урусовъ, да съ нимъ думной дворянинѣ Ѳеодоръ Савичъ Нарбековъ, да думной дьякъ Данило Полянскій; но ступени учиненъ.

Тогожь году Апреля въ 1 день посылалъ Велики Государь о спосеннїи снѣраппвать Павла Мигрополита Сибирскаго и Тобольскаго столника и ближнего человека Михайла Васильевича Косаткина.

Тогожь году Апреля въ 2 день было постановленна въ Соборной церкви въпервыи Епископы въ Воронежѣ, а ставили Ігумна Митрофана изъ Галича съ Унжи Макарьевскаго монастыря; а ставилъ его Іахимъ Патриархъ Московскіи і всеа Русїио власти. Да на поставленнѣхъ были по указу Великого Государя бояринѣ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ да думной дворянинѣ Богданъ Ивановичъ Полибинъ да думной дьякъ Данила Полянскій.

Тогожь году Апреля въ 10 день пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека Алексѣя Семеновича Шейна.

А сказавалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ; у скаски стоялъ и Великому Государю объявлялъ окольничей Иванъ Ѳеодоровичъ Волинскій.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дворяне столника Ѳеодора Григорьевича Мещного Хрущева.

Тогожь году Апреля въ 13 день пожаловалъ Велики Государь въ столники боярина Петрова сына Васильевича Волшого Шереметева Валадимера.

Тогожь году Апреля въ 15 день перекладывали въ новой ковчегъ пѣть старова ризу Господню.

Тогожь году Апреля въ 16 день былъ Великому Государю выхотъ въ Соборъ къ заутрене на праздникъ Светлаго Воскресенія.

А са Великимъ Государемъ были царевичи и бояре и всѣакихъ чиновъ възолотныхъ ковтанехъ.

А сдужилъ заутрину светейши Іоакимъ Патриархъ Московскіи и всѣа Русїи, да съ нимъ въласти:

М и т р о п о л и т ы :

Коринилъ Новгородскіи и Великолукскіи;
Никифоръ Астрѣханскіи и Терскіи;
Иавель Сибирскіи и Тоболскіи;
Маркель Псковскіи и Зборскіи;
Ѳиларетъ Нижегородскіи и Алатарскіи;

Пларіонъ Суздолскіи и Юрьевскіи;
Іона Ростовскіи и Ерославскіи;
Варсуноей Сарскіи и Подонскіи;
Навель Резанскіи и Муромскіи;

А р х і е п и с к о п ы :

Симонъ Вототскіи и Вѣлозерскіи;
Аванасїи Коломорскіи и Вашики;
Серги Тѣверскіи и Кашинскіи;
Таласи Устюжскіи и Тотемскіи;

Е п и с к о п ы :

Леонти Тамбовскіи,
Митрофанъ Воронежскіи.

Тогожь числа указалъ Велики Государь быть въ принощкахъ по днѣванемъ спалникамъ хтоби головы у днѣваней.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ комноту боярина князь Ивана Андреевича Хованскаго.

Тогожь году Апреля въ 21 день съказана въ Киевѣ въ товариши на околничего князь Борисова места Васильевича Горчекова думному дворянину Ивану Аванасевичу Желябушкому.

Тогожь году Апреля въ 28 день былъ столъ у Светейшого Патриарха по Крестовой Податѣ; у стола были въласти, да у сталажъ были бояре князь Василей Васильевичъ Голицынъ, князь Володимѣрь Дѣмитриевичъ Долгоруково; околничей Петръ Тимофеевичъ Кондыревъ, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

Тогожь году Апреля въ 24 день били челомъ Великому Государю прикасъ стѣрелцовъ Семенова Пѣриказу Гѣрибаелова что и въ силничей всѣакой нагалетѣе и въ разаренѣе и хотели либоло зъбунтовать.

И Велики Государь указалъ ево Семена послать въ Тотму и вотчини отнять и пѣть полковникомъ отставить.

Тогожь году Апреля въ 25 день сказано на Семенова Грибоедова места.

Тогожь году Апреля въ 27 день грѣхъ ради всего Московскаго государства въ четвергъ Оомныи недѣли, дня въ третьнѣдцатъ часу вначале оставя земное царство и преселия въ небесную обитель преставися Великии Государь, Царь и Великии Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа великии и малыи и бѣлыя Росїи Самодержецъ, а отъ рожденїи бысть ему 22 году; а царствовалъ на престоле всего Росїискаго государства 6 лѣтъ і 2 мѣсяца.

А по немъ остаея супруга ево Государыня благовосряна Царица и Великая княгиня Марова Матвѣевна 15 лѣтъ;

Да братья ево Государь Царевичъ и Великии Князи Іоанъ Алексѣевичъ 16 лѣтъ, да царевичъ и Великии Князь Петръ Алексѣевичъ 10 лѣтъ.

Книга записная Царя и Великова Князя Петра Алексѣевича въ 190 г.

Лѣта 7190 Апрѣля въ 27 день нарекли на Російское государство, въ Цари, Государя Царевича і Великого Князя Петра Алексѣевича всеа Росіи, по представленіи брата ево Великого Государя Царя і Великого Князя Оедора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, дни въ 13 часу, въ Четверкъ Ооминны недѣли.

Тогожь числа целовали крестъ бояре і окольничие и думные и ближние люди Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣвичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу въ хоромѣхъ деревянныхъ, гдѣ Великого Государя не стало

Тогожь числа целовали крестъ Великому Государю стольники и стряпчия и дворяне Московские и жильцы у Спаса въ верху а къ верѣ приводилъ бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одоевской, да окольничей Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, да думной дьякъ Василій Семѣновъ.

А въ соборной Апостольской церкви ко кресту приводилъ разныхъ чиновъ бояринъ Петръ Михайловичъ Солтыковъ, да Окольничей Князь Григорей Аоонасевичъ Козловской, да Думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ Посольскомъ приказе приводилъ ко кресту подъячихъ, переводчиковъ и толмачей Думной дьякъ Ларионъ Ивановъ.

У Рождества на дворце приводилъ ко кресту дворовыхъ людей стольникъ Иванъ Аоонасевичъ сынъ Лихачевъ, да дворцовыя дьяки.

Въ опекѣ приводилъ къ верѣ бояринъ и дворецкой Князь Василей Оедоровичъ Одоевской да дьякъ Андрей Вишуйскъ.

Тогожь числа учинились слыны и креста не цѣловали стрелцы Александрова приказа Карандѣва, і Великий Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего Князь Костентина Осиповича Щербатого да думного дворянина Веденихта Андрѣевича Змѣна, да думного дьяка Емельяна Украинцова і ихъ уговорили і они крестъ Великому Государю целовали.

Тогожь числа сидѣли въ хоромехъ у гробу Великова Государя бояря и дьяки: Князь Оедоръ Оедоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитрово, да ево Великого Государя ближнія люди, первого дневанья;

Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкасской,

Иванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,
Иванъ Михайловъ сынъ Воынской,
Иванъ Васильевъ сынъ Заборовской,
Иванъ Ивановъ сынъ Головинъ,
Володимерь Петровъ сынъ Шереметевъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великий Государь въ спальники Ивана Кирилова сына Нарышкина, да Аоонасыя, да Льва, да Мартемьяна, да Оедора Ки-

риловыхъ же дѣтей Нарышкиныхъ, да Василья Оедорова сына Нарышкина, да своихъ Великого Государя Стольниковъ: Тимофля Борисова сына Юшкова, Тихона Никитича сына Стрѣшневъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великий Государь изъ опаты, велѣлъ быть къ Москвѣ: Артемона Сергѣева сына Матѣева, Ивана Кирилова сына. да Пестра, да Кандратля Ооминныхъ дѣтей Нарышкиныхъ, да думнова дворянина Оедоровой жене Полуехтовича Нарышкина съ сыномъ і велѣно имъ быть въ Москвѣ не мешкавъ.

А по Артемона послано тогожь числа Стольниковъ Семень Ерофеевъ сынъ Алмазовъ.

Тогожь числа указалъ Великий Государь большую казну і казенной дворъ и мастерскую Великаго Государя запечатать боярину Князь Якову Никитичю Одоевскому, да печатнику Дементью Мичицу Ванямакову, да думному дьяку Даниле Шолянскому.

И Артамону Сергѣевичю Матѣеву послана Великова Государя грамота, велѣно по прежнему писатца бояриномъ.

Тогожь году Апрѣля въ 28 день выходили со кресты въ хоромы по тѣло Великого Государя Свѣтѣйшии Иоакимъ Патриархъ Московскіи и всеа Росіи са властѣми, а съ нимъ были власти:

Митрополиты:

Корнилій Новгородскіи и Великолудскіи,
Никифоръ Астраханскіи и Терскіи,
Навель Сибирскіи и Тобольскіи,
Иона Ростовскіи и Ерославскіи,
Маркель Шьсковскіи і Зборскіи,
Ворсоноевъ Сарскіи и Подонскіи,
Флареть Нижегородскіи и Алагырскіи,
Навель Резанскіи и Муромскіи,
Иларионъ Суздальскіи і Юрьевскіи.

Архиепископы:

Спимонъ Вологодскіи и Вѣлоозерскіи,
Сергій Тверскіи і Кашиинскіи,
Никита Коломенскіи і Каширскіи,
Аоонасей Колмогорскіи и Важскіи,
Галасиі Устюжскіи і Тотемской.

Епископы:

Леонтиі Тамбовскіи,
Митрофанъ Воронежскіи; да Архимандриты і игумѣны.

А какъ ісь хоромъ понесли тело Великого Государя хоронити въ Соборъ Архангела Михайла и въ то время несли кровлю ево Великого Государя спальники: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкасской, Володимерь Петровъ сынъ Шерѣметевъ, Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ, Михайла Оедоровъ сынъ Ргщевъ, Иванъ Аоонасевичъ сынъ Матюшкинъ, Василей Оокнинъ сынъ Грунецкіи.

А гробъ несли Великого Государя спальникижъ, все по списку.

А на красномъ крыльце принесли кровлю стольники, а гробъ поставили въ сани инальцовскія і несли стольникижъ, а сани были убиты бархатомъ золотнымъ, а гробъ покрытъ полотномъ парекимъ, а поверхъ аксамитъ золотной, а кровля была покрыта обьяръ золотная.

А какъ ево Великого Государя несли, і въ то число звонили во все колокола унывно.

А за нимъ шолъ Великии Государь, да Государыня Царевна и Великая Княгиня Паталя Кирилловна, да Государыня Царица и Великая Княжна Софья Алексѣевна.

А Государыню Царицу и Великую Княгиню Марюу Матвѣевну несъ ея хоромъ до Краснова крыльца несли спальники: Степанъ Бог(д)ановъ сынъ Ловчиковъ, Петръ да Фѳодоръ, да Андрей Матвѣевы дѣти Апраксены, а на красномъ крыльце принесли сани дворяне.

А обѣдно служилъ надъ теломъ ево Великого Государя і отвѣсвалъ Светейшии Іоакимъ Патриархъ Московскіи і всаа Росіи со властью.

А великии Государь і Государыня Царица у убѣдни і на отцѣванье не были.

Тогожъ числа пожаловалъ Великии Государь въ спальники после брата своего Государева і спальниковъ Князь Ивана Княжъ Юрьева сына Трубецкова, Князь Алексѣя Княжъ Васильева сына да Князь Алексѣя Княжъ Борисова сына Голлицыныхъ, да Князь Ивана да Князь Петра Княжъ Михайловыхъ детей Долгоруково, Ивана Родионова сына Стрешнева.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя.

1 день.

Бояринъ Петръ Васильевичъ большой Шеремѣтевъ, да околицей Князь Григорей Аонасьевичъ Козловской, да думной дякъ Лукьянъ Голосовъ.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великого Государя въ хоромыхъ: Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 день Князь Иванъ Княжъ Ивановъ сынъ Хованской, Князь Фѳодоръ Княжъ Юрьевъ сынъ Ромодановской, Иванъ Ивановъ сынъ Колычевъ, Михайла Оседоровъ сынъ Ртисевъ, Василей Даниловъ сынъ Мясной, Иванъ Ивановъ сынъ Вутурлинъ.

Тогожъ числа посланыи указу Великого Государя по городамъ ко кресту приводить великихъ чиновъ стольники и стряпчи и дворяне Московские и жильцы. а хто куда былъ посыланъ і тому всему роспись.

Къ етману душой дѣворениъ Иванъ Аонасьевичъ Желябужской.

Въ Кіевъ стольникъ Петръ Артемьевъ сынъ Волынской.

Въ Володимерь

Въ Великии Повгородъ стольникъ Князь Петръ Ивановъ сынъ Хованской

Въ Казань стольникъ Князь Лука Княжъ Фѳодоровъ сынъ Долгоруково.

Въ Астрахань стольникъ Князь Матосей Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Въ Сибирь стольникъ Князь Петръ Княжъ Ивановъ сынъ Львовъ.

Въ Ростовъ и въ Ерославль и Переславль Залеской і на Кострому стольникъ Петръ Ивановъ сынъ Травниъ.

Въ Иъсковъ стольникъ Петръ Алексѣевъ сынъ Головинъ.

Въ Смоленскъ стольникъ Князь Юрья Княжъ Оседоровъ сынъ Щербатой.

Въ Нижней.

Въ Переславль Рязанской.

Въ Вѣль городъ.

Въ Суздаль.

На Вологду.

Во Тверь.

На Коломну.

На Вятку.

На Колмыгоры і къ Орхангельскому городу стольникъ Князь Иванъ Княжъ Никитинъ сынъ Урусовъ.

На Устюгъ.

На Донъ.

Въ Вѣлгородъ стольникъ Ілья Михайловъ сынъ Дмитріевъ.

Тогожъ числа посланъ Етмана ко кресту приводить і въ Черниговъ думной дѣворениъ Иванъ Аонасьевичъ Желябужской, да дякъ Максимъ Бурцовъ.

Тогожъ году Апреля въ 29 день пожаловалъ Великии Государь въ спальники і(зъ) спальниковъ брата своего стольника Князь Михаила Княжъ Иванова сына Куракина.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя.

2 день.

Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, да Околицей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, да думной дякъ Ларионъ Ивановъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великого Государя постельничей Алексѣй Тимоѳевичъ Лихачевъ да спальники:

3 день.

Князь Иванъ Княжъ Дмитрѣевъ сынъ Долгоруково.

Иванъ Аонасьевъ сынъ Матюшкинъ.

Князь Григорей Княжъ Оседоровъ сынъ Долгоруково.

Князь Василей Княжъ Лаврентьевъ сынъ Мещерской.

Василей Семеновъ сынъ Змѣвовъ.

Василей Ивановъ сынъ Чаадаевъ.

Тогожъ числа били челомъ Великому Государю въ насильствахъ і въ налогахъ і во всякихъ разореньяхъ стрелъцы на полковниковъ і на пятидесятекихъ:

П р и к а з ы .

На Матвѣя Къравкова,	Матвѣя Вешнякова.
Микѣора Колова.	Ивана Нелидова.
На Ивана Полтева,	Григорья Титова.
Александра Карандеева,	Андрѣя Дохтурова,
Володимера Воробина	Павла Глебова.
Семѣяна Грибоедова.	Родиона Остафьева.

І Великій Государь указалъ у нихъ челобитныя принять і за ними сидѣть свейшему патриарху зъ бояры и полковниковъ распрашивать противъ ихъ челобитья.

А къ нимъ въ приказы указалъ Великій Государь послать ихъ уговаривать думнаго діака по-сольскаго приказы Лариона Иванова и думный діакъ къ нимъ ѣздилъ і Великаго Государя указъ имъ сказывалъ і они были челомъ противъ прежнего своего челобитья, чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ отъ полковниковъ оборонить.

Тогожь году Апреля въ 30 день сидѣли у гроба Великаго Государя 3 день:

Бояринъ Князь Иванъ Андреевичъ Хованской, да Околыничей Иванъ Тимофеевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Григорей Богдановъ, а служилъ у Архангела по Великому Государе литоргею и понахиду Карнилей митрополать Новгородскій и Великолуцкій.

Тогожь числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: Казначей Михайла Тимофеевичъ Лихачевъ; да спальники:

4 день.

Князь Яковъ Князь Ивановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

Микита Савельевъ сынъ Хитрово.
Петръ Савельевъ сынъ Хитрово.
Сергѣй Александровъ сынъ Хитрово.
Иванъ Богдановъ сынъ Яковлеви.
Василей да Михайла Фокины дѣти Грушецкия.
Александръ Ивановъ сынъ Милославской.

Тогожь числа указалъ Великій Государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ были челомъ ему Великому Государю стрѣльцы і вотчины у нихъ отнять і противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить і ихъ отъ техъ приказовъ отставить.

А указъ Великаго Государя сказывалъ имъ думной діакъ Ларионъ Ивановъ, а въ тюрьму отводилъ полковниковъ, стрѣлцкова приказу діакъ Оедоръ Кузьмищевъ.

Тогожь числа указалъ Великій Государь сказать по приказомъ въ полковникахъ быть:

На Александрово мѣсто Карандеева — Оедоръ Головленковъ; на Семѣново мѣсто Грибоедова — Василей Пушешниковъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великій Государь въ спальники Князь Юрья Князь Юрьева сына Трубецкова, да Князь Михайла, да Князь Юрья, да Князь Василья Князь Юрьевыхъ дѣтей Одескской.

Тогожь году Мая въ 1 день указалъ Великій Государь послать въ тюрьму полковниковъ: Ивана Щенина, Кондратя Крома.

Тогожь числа пожаловалъ Великій Государь въ спальники: Пестра Омлина сына Нарышкина.

Тогожь числа были у Великаго Государя у руки Донскія казаки въ передней.

Тогожь числа служилъ по Великому Государе у Архангела обѣдно и понахиду Никифоръ Митрополитъ Астраханскій і Терекій.

Тогожь числа сидѣли у Архангела:

4 день.

Бояринъ Князь Яковъ Никитичъ Одоевской, да околыничей Князь Костентинъ Осиповичъ Щерботой, да думной діакъ Данило Полянскій.

Тогожь числа указалъ Великій Государь ѣздить въ объѣзде въ Кремльъ стольникъ Данила Андреевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ Китае стольникъ Левъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ, а съ ними діакъ.

Тогожь числа сидѣли у постели Великаго Государя въ хоромехъ:

Бояринъ Князь Оедоръ Оедоровичъ Куракинъ, да спальники 1-го дневаья: Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкасскій сътоварици.

Тогожь числа указалъ Великій Государь наказанья учинить полковникомъ, а кому какое наказанья, и тому роспись, на которыхъ были челомъ Великому Государю стрѣльцы:

Бить кнутаомъ:

Александра Карандеева, Семена Грибоедова.

Бить батоги:

Микѣфора Колобова	Ивана Нелидова.
Григорья Титова.	Василья Перхулова.
Микиту Ворисова	Андрѣя Дохтурова.
Володимера Воробина.	Кондратя Крома.
Матвѣя Вешнякова.	Александра Тапѣва
Павла Глебова.	Ивана Щенина

Тогожь числа указалъ Великій Государь переменить полковниковъ, а кому на чье мѣсто велѣно быть, і тому подъ семь роспись.

На Иваново мѣсто Полтева Стольнику Миките Данилову сыну Глебову.

На Степаново мѣсто Якова.

На Никифорово мѣсто Колобова — Петръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ.

На Александрово мѣсто Карандеево — Оедоръ Ивановъ сынъ Головленковъ.

На Семеново мѣсто Грибоедова — Василей Лаврентьевъ сынъ Пушешниковъ.

На Андреево мѣсто Дохтурова — Матвѣй Нарышкинъ.

На Матвѣево мѣсто Вешнякова — Василей Лопухинъ.

На Иваново мѣсто Нелидова — Андрей Нармадскій.

Тогожь числа сказано боярину Ивану Максимо-вичю, да сыну ево Семену Чанинку Ивановичю Языковымъ, постельничему Алексѣю Тимофеевичю, да казначею Михаилу Тимоосевичу Лихачевымъ, да стольникамъ ближнимъ Ивану Андрееву сыну Языкову, да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтобъ онѣ во время выходу Великого Государя не ходили и ево Государевыхъ очей не видали.

Тогожь году Маия въ 2 день служилъ у Архангела Михаила обѣдно и по великомъ Государе понахиду Павелъ митрополитъ Сибирскій и Чобольскій.

Тогожь числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, да Околыничей Петръ Тимофеевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Аонасіей Зыковъ.

Тогожь числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 диванья.

Князь Иванъ Князь Андреевъ сынъ Хованской сътовариши.

Тогожь году Маия въ 3 день служилъ у Архангела обѣдно и по великомъ Государе понахиду Іона Митро(политъ) Ростовскій и Ярославскій.

Тогожь числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя Маия въ 3 день 6 диванья:

Бояринъ Князь Михайло Юрьевичъ Долгоруково, да околыничей Князь Данила Аонасеевичъ Борятинской, да думной діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожь числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго государя: постельничей Алексѣй Тимофеевичъ Лихачевъ, да спальники 3 диванья.

Князь Иванъ Дмитреевичъ Долгоруково съ товарищи.

Тогожь гору Маия въ 4 день служилъ у Архангела Михаила обѣдно и по великомъ Государе понахиду Маркелъ митрополитъ Псковскій и Зборскій.

Тогожь числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 диванья:

Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да околыничей Иванъ Оедоровичъ Волинской, да думной діакъ Аверкей Кириловъ.

Тогоже числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя казначей Михайла Тимофеевичъ Лихачевъ, да спальники 4 диванья:

Князь Яковъ Князь Ивановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

А въ тѣ диванья во всю шесть недѣль пережилсялъ у постели Великаго государя тежь спальники.

Тогожь году Маия въ 5 день служилъ у Архангела Михаила обѣдно и по великомъ Государе понахиду нель Варсонофей митрополитъ Сарекскій и Подонскій.

Тогожь числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя 8 диванья:

Бояринъ Князь Петръ Семѣновичъ Урусовъ, да околыничей Иванъ Савостьяновичъ Большой Хитрово, да думной діакъ Парошей Пягово.

Тогожь числа ѣздили по государыне Царевне и

Великой Княже Ирине Михайловнѣ служить обѣдно и понахиду Карнилей митрополитъ Новгородскій и ВеликоЛудскій.

Тогожь числа послалъ Великіи Государь къ понахиде і братю кормить къ Спасу къ на Новой боярина Григорья Никифоровича Собакина да съ нимъ дворцовыя діакы.

Тогожь числа сказано въ Казань въ товарищи зъборниомъ съ Петромъ Васильевичемъ Меньшимъ Шерѣзетевымъ околыничему Ивану Савостьяновичю Большому Хитрово.

И указано боярину Петру Васильевичу ево Ивана Хитрово посылать, гдѣ послышать, воровскихъ людей приходъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Кирила Алексеева сына Нарышкина.

Тогожь числа сгодили на иравже Полковники противъ стрелецкихъ челобитень.

Тогожь году Маия въ 6 день служилъ у Архангела Михаила обѣдно и по великомъ государе понахиду Светейшии Іоакимъ Патриархъ Московскій и всеа Россіи со властью.

Тогожь числа сидѣли у Архангела у гроба Великого Государя, 9 диванья.

Бояринъ Князь Юрь Михайловичъ Одоевской, да околыничей Михайла Петровичъ Головинъ, да думной діакъ Иванъ Гороховъ.

Тогожь числа выючи былъ пожаръ межъ Знаменки і Арбату.

Тогожь году Маия въ 7 день былъ Великому Государю выхоль въ Соборную і Апостольскую церковь, да къ Архангелу, да благовѣщенью

А за Великимъ Государемъ были бояре и Околыничие и думные и ближняя люди.

А передъ стряпнею шоль стольникъ і ближней человекъ Василей Оедоровичъ сынъ Нарышкинъ

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь въ бояре и оружейничина стольника і ближнева человека Ивана Кириловича Нарышкина, а сказывалъ ему думной діакъ Василей Семѣновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементій Мишчъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь въ бояре околыничего Мишчу Костентиновича Стрѣничева, а сказывалъ ему боярство думной діакъ Василей же Семеновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ же Дементій Мишчъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь въ комнату боярина Князь Ивана Троесковича Троескурово, да околыничего Князя Михайла Ивановича Ыкова.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Государь въ спальники Князя Валодимера да Князь Василей Князь Михайловыхъ дѣтей Долгоруково, да Князь Оедора Князь Иванова сына Троескурова.

Тогожь числа былъ у Великаго Государя у руки въ передней посланецъ Гетмана Ивана Самойловича.

Тогожь числа были у Великаго Государя у руки

Смоленская шляхта, иноземцы, полковники і все начальныя люди.

Тогожь числа служилъ у Архангела Михайла объдно і по Великому Государе понахиду Филаретъ Митрополитъ Нижегородскій и Олагырскій.

Тогожь числа сидѣли у гроба Великаго Государя 10 дневанья:

Бояринъ Князь Семень Андреевичъ Хованскій, да окольничей Павелъ Петровичъ Языковъ, да думной діакъ Емельянъ Украинцовъ.

Тогожь году Мая въ 8 день пожаловаль Великій Государь въ Окольничия думнаго дворянина Федора Ивановича Леонтьева и указано къ нему съ темъ послать Великаго Государя жалованная грамота въ Астрахань съ (с) иномъ его.

Тогожь числа служилъ у Архангела Михайла объдно і по Великому Государе понахиду Иларіонъ Митрополитъ Суздальскій і Юрьевскій.

Тогожь числа сидѣли у гроба Великаго Государя: бояринъ Василей Семеновичъ Волинскій, да думной дворянинъ Семень Федоровичъ Толочановъ, да дякъ разрядной Федоръ Шекловитовъ.

Тогожь числа сказано въ стрелецкой приказъ въ товарищи съ бояриномъ съ Князь Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково окольничему Князю Григорью Аванасевичу Козловскому, да думному дворянину Веденихту Андрѣевичу Засеову, да думному діаку Даниле Полянскому.

Тогожь году Мая въ 9 день служилъ у Архангела Михайла объдно и по Великому Государе понахиду Иларіонъ Митрополитъ Суздальскій і Юрьевскій.

Тогожь числа сидели у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Иванъ Петровичъ Борятинской, да думной дворянинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой, да діакъ Тимофей Литвиновъ.

Того же числа указаль Великій Государь бытъ ісь Казани съ полкомъ съ Казанскимъ разрядомъ на Башкирцы боярину Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву, да съ нимъ въ товариществѣ въ съходныхъ воеводахъ: окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да окольничему Петру Тимоѣевичу Кондыреву; да съ нимъ же велѣно бытъ въ осадныхъ въ Казани окольничему Ивану Савостьяновичу Большому Хитрову.

Того жь году Мая въ 10 день былъ ходъ со кресты въ преполовненья день на воду, а въ ходу былъ Павелъ Митрополитъ Сибирскій и Тобольскій.

Та въ ходу жь были по указу Великаго Государя окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, да думной діакъ Иванъ Горозовъ; вкругъ кремля ходили они жь; вкругъ Китая Аванасій Архиепископъ Колмогорскій і Важскій, да думной дворянинъ Федоръ Григорьевичъ Меньшой Хрущовъ.

Того жь числа служилъ у Архангела объдно і по Великому Государе понахиду Симонъ Архиепископъ Вологодскій і Бѣлоозерскій.

Того жь числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Володимерь Дмитрѣевичъ Дол-

горуково, да окольничей Кирила Осиповичъ Хлоповъ, да діакъ Лармонъ Пашинъ.

Того жь году мая въ 4 день пожаловаль Великій Государь въ спальники Князь Ивана Князь Иванова сына Троекурова.

Того жь числа служилъ у Архангела объдно и по Великому Государе понахиду Сергіи Архиепископъ Тверскій и Кашипскій.

Того жь числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Михайла Алегукевичъ Черкасской, да окольничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, да діакъ Михайло Прокофьевъ.

Того жь числа указаль Великій Государь по челолюбью стрельцовъ Иванова приказу Поляева, ево Ивана переменить, а бытъ у ево первого приказу въ полковникахъ Никите Глебову.

Того жь году мая въ 12 день служилъ у Архангела объдно і по Великому Государе понахиду Никита Архиепископъ Коломенскій і Каширскій.

Того жь числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да окольничей Князь Степанъ Федоровичъ Львовъ, да діакъ Григорей Влизянковъ.

Того жь числа указаль Великій Государь Боярина Артемона Сергѣевича Матѣева вочининъ, которые были розданы і людей, которые были отпущены ево дому велѣно отдать ему по прежнему.

Того жь числа пожаловаль Великій Государь въ спальники Князь Бориса Князь Иванова сына Курякина, да Андрѣя Артемонова сына Матѣева, да Михайла Григорьева сына Нарышкина.

Того жь году Мая въ 13 день служилъ у Михайла Архангела по Великому Государе объдно и понахиду Аванасій Архиепископъ Колмогорскій и Важскій.

Того жь году сидѣли у Великаго Государя гроба Бояринъ Князь Федоръ Григорьевичъ Ромодановской, да окольничей Андрѣй Ивановичъ Чириковъ, да діакъ Микита Полушинъ.

Того жь числа сказано въ съходъ къ Козани, противъ Башкирцовъ окольничему Князю Даниле Офанасевичу Борятинскому.

Того жь году Мая въ 14 служилъ у Михайла Архангела по Великому Государь объдно и понахиду Галасні Архиепископъ Устюжскій і Тотемскій.

Того жь числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Михайла Григорьевичъ Ромодановской, да думной дворянинъ Левъ Демидовичъ Голохвастовъ, да діакъ Михайла Воиновъ.

Того жь числа сказано въ Коломенское для розыску, что мужики, саваявъ прикащика, послали въ торгъ, а сами взбунтовались, думному дворянину Федору Савичю Нарѣвкову, да съ нимъ діаку Тимоею Литвинову.

Того жь году Мая въ 15 день служилъ у Михайла Архангела по Великому Государе объдно и понахиду Варсонофій Митрополитъ Сарскаі і Подонскій.

Того жь числа сидѣли у гроба Великаго Госу-

даря бояринъ і дворецкой Князь Восилей Оедоровичъ Одоевской, да окольничей Матвей Степановичъ Пушкипъ, да діакъ Семень Кудрявцовъ.

А того жъ числа учинилась смутное время і то писано въ особой книги.

Того жъ году Мая въ 16 день служилъ у Михайла Архангела по Великому Государе обѣдню и понахиду Леонтіи Епископъ Тяньбовскіи, а у гроба нихто не сидеть і псалтыри не говорили.

Того жъ году Мая въ 17 день служилъ у Михайла Архангела по великомъ Государе обѣдню і понахиду Митрофанъ Епископъ Воронежскіи.

А всю шесть недѣль сидели власти обѣдни і понахиды по переменахъ сначала жъ.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Юрья Семѣновичъ Урусовъ, да думной дворянинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ.

А въ шестый на десять день было сидеть у гроба Великого Государя бояринъ Князь Оедоръ Семеновичъ Урусовъ, да окольничей Матвей Богдановичъ Милославской.

Того жъ числа сказано по приказамъ въ разрядъ думной дьякъ Василей Семеновъ; въ посольской приказъ бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ, въ стрелецкой бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да думной дворянинъ Веденхтъ Андрѣевичъ Змеовъ; въ пиоземской и въ раѣтарской і въ пушкарской бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской; въ помѣной приказъ—бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворянинъ Богданъ Оедоровичъ Полюбинъ; въ судной приказъ—стольникъ Князь Андрей Князь Ивановъ сынъ Хованской, да Князь Михайла, да Князь Василей Князь Федоровъ дѣти Жирового Засекина Котятя; въ земской—окольничей Михайла Петровичъ Головинъ; въ сыскалой — бояринъ Василей Семеновичъ Волинской; въ ямской — Иванъ Федоровъ сынъ Вутурлинъ Сухорукой.

Того жъ году Мая 18 день сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Григорей Никифоровичъ Собакинъ, да думной дворянинъ Василей Михайловичъ Тишкинъ.

Того жъ числа сказано въ сыскалой приказъ окольничему Ивану Оедоровичу Волянскому.

Того жъ году Мая въ 19 день сидѣлъ у гроба Великого Государя бояринъ Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, да окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, дьякъ Иванъ Торофимовъ.

Того жъ числа пожаловалъ Великий Государь въ ключники стениныя на кормовой дворецъ ключника пугнова Млкиту Оедорова сына Боркова на Иваново мѣсто Пѣкина, а ево Ивана пожаловалъ Великий Государь во дворяне.

Того жъ году Мая въ 20 день сидеть у гроба Великого Государя бояринъ Князь Михайла Яковлевичъ Черкасской, да окольничей Борисъ Васильевичъ Вутурлинъ, діакъ Филиппъ Артемьевъ.

Того жъ числа сказано въ большой приходъ і въ

большую казну боярину Князю Пиките Ивановичу Одоевскому, да съ нимъ боярину Василью Семѣновичу Волинскому, да думному дворянину Алексѣю Ивановичу Ржевскому, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ году Мая въ 21 день сидели у гроба Великого Государя: бояринъ Князь Борисъ Ивановичъ Прозоровской, да думной дворянинъ Алексѣй Ивановичъ Ржевской, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ числа сказано въ разбойной приказъ сидеть окольничему Матвию Степановичу Пушкину.

Того жъ числа сказано на Олатырь въ воеводы стольнику Микифору Лаврентьеву сыну Собакину.

Того жъ числа сказано въ Козловъ полковымъ і осаднымъ стольнику Василью Михайлову сыну Динтрѣву.

Того жъ числа сказано въ Саранскъ полковымъ і осаднымъ стольнику Ивану Юрьеву сыну Леонтьеву.

Того же числа сказано въ Чебоксары стольнику Ерѣмею Панкову.

Того же числа сказано въ Запороги стольнику Василью Жемайлову.

Того же числа былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу были власти: Карниліи Митрополитъ Новгородскіи і Великолукъскіи, да Епископы Леонтіи Тяньбовскіи, Митрофанъ Воронежскіи.

Да въ ходу жъ были по указу Великого Государя Окольничей Князь Григорей Афонасьевичъ Козловской, да думной дворянинъ Андрей Васильевичъ Толстой, думной дьякъ Парфеней Нятой.

Того жъ году мая въ 22 день сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Пикита Костентиновичъ Стрешневъ, да думной дворянинъ Тимофей Петровичъ Самѣловъ.

И съ сего числа сидѣли у гроба Великого Государя бояре те жъ сначала во всю четырехдешатипуду.

Того жъ году Мая въ 23 день сказано въ Каргополь стольнику Князю Володиміру Князь Иванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 24 день сказано въ съходъ въ Казань боярину Петру Васильевичу Меньшому Шеремѣтеву, стольнику Князю Якову Князь Оедорову сыну Долгорукову, да Князь Михаилу Князь Иванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 25 день сказано въ полковья воеводы противъ Башкирцовъ Боярину Петру Васильевичу Меньшому Шеремѣтеву.

Того жъ числа сказано въ Казань въ осадныя воеводы боярину Князю Юрію Семѣновичу Урусову.

Того жъ числа сказано въ пушкарскій приказъ боярину Князь Оедору Семѣновичу Урусову.

Того жъ числа сказано въ Сибирскіе окольничему Князь Григорію Афонасьевичу Козловскому.

Того жъ числа сказано въ Колугу думному дворянину Богдану Васильевичу Яковлеву.

Того жъ числа сказано на Петрова места Лопухина въ полковники Акифию Данилову.

Смутнае время.

Лѣта 7190 Мая въ 15 день была на Москвѣ смута: приходили въ кремль салдаты Матѣева полку Кравкова, да стрѣльцы всехъ приказовъ съ копья и зъ бердыши и съ ружьемъ, а пушкарѣ съ пушки и, шедъ въ кремль, стреляли изъ ружья і побили боярскихъ людей і лошадей многихъ, а иныхъ перѣбрали.

И пришедъ хъ красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченні.

И по указу Великого Государя выходилъ къ нимъ бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской і спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такъ приходъ и они боярину все говорили, будто измѣняютъ Великому Государю бояре і чтобъ Государя Царевича і Великого Князя Іоанна Алексѣевича оказали.

И бояринъ тѣ ихъ речи Великому Государю извѣщалъ.

І Великіи Государь і Государяни Царица і Государь Царевичъ і Светѣйше Патриархъ выходили къ нимъ на красное крыльцо.

А къ нимъ внизъ послали уговаривать бояръ: Князя Михаила Алегуковича Черкаского, на немъ і кофтакъ изодрали, Князь Ивана Андреевича Хованского, Петра Васильевича Шерѣмѣева Вольшаго, Князь Василья Васильевича Голицина и они били челомъ Великому Государю і бояромъ, извещали, чтобъ Великіи Государь имъ указалъ выдать бояръ: Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, Князь Григорья Григорьевича Ромодановаго, Князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина і оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачова, кашаея Михайла Тимофѣевича Лихачева, чашника Семѣна Ивановича Языкова.

Думныхъ дьяковъ:

Лариона Иванова. Григорья Богданова
Данила Полянского. Алексѣя Кирилова

Спальниковъ:

Авонасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ.

І Великіи Государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него, Великого Государя, никого нетъ въ верху, і они пошли все въ верхъ съ ружьемъ въ ево Великого Государя хоромы, и къ Государыне Царице, і къ Государю Царевичю, і къ Государынямъ Царевнамъ і пскали въ хоромехъ і везде, і взявъ бояръ, Артемона Сергѣевича Матѣева кинули его съ краснаго крыльца на копыи, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, взявъ у Патриарха, убилижъ противъ посольскогого приказу протазаломъ, а Князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху жъ кинули на копыя, а Ивана Максимовича Языкова, изловя на Микигской і привезши къ Орхангелу изрубилжъ на части . . .

Исторія Россіи, т. XIII, кн. III.

. . . , а князь Юрья Алексѣевича Долгоруково на его дворе кинувъ съ крыльца большаго, четверговали і положили на площади противъ его двора; а Лариона Ів-нова і сына его Василья і полковника Андрѣя Дохтурова і Григорья Горюшкина изрубилжъ . . . , а Авонасья Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ Церкве, что у Государыни Царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копыижъ і тела ихъ всехъ снесли въ Спаския воротила на Красную площадь къ Лобиному мѣсту і тамъ надъ ними наругались же и, шедъ съ верху, Судной і Холодей приказы разорили, вынесши, всякия письма изодрали.

Да не зная стольника Ѳеодора Петрова сына Салтыкова, въ Государевыхъ мастерскихъ сенехъ изрубилжъ, а чаели его бытъ Нарышкинымъ.

А Петра Ѳомина сына Нарышкина убили за Московую рекою.

И на завтрья того днѣ Мая въ 16 день приходили также на постельная крыльцо, съ ружьемъ, і выходили къ нимъ говорить Государыни Царевны, чтобъ они, помня крестное целованья, такъ къ нимъ въ домъ ихъ Государевъ не приходили съ невежествомъ.

И они били челомъ противъ прежняго челобитья, да они жъ били челомъ, чтобъ имъ выдали духгуровъ Степана жида да Яна.

І Великіи Государь указалъ имъ ихъ выдать; думнаго дьяка Веркея Кирилова, доктурѣ Яна, да Степанова сына, і они ихъ убилижъ, а техъ всехъ, о которыхъ они Великому Государю били челомъ простили, а Ивана Нарышкина і Степана доктурѣ Государыни Царевны упросили до утрья, а того дня ихъ нессыкали, і они пошли два приказа въ Нѣмецкую слободу і Степана доктурѣ сыскавъ въ нищенскомъ образѣ привели вверхъ і отдали за карауль.

И Мая въ 17 день приходили на постельное жъ крыльцо, также і къ нимъ выходили Государыни Царевныжъ і изволили имъ говорить, чтобъ они для ихъ Государьскаго многолѣтняго здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина і доктурѣ Степана простили і они боярина Кирилу Полуехтовича простили, а чтобъ ево постричъ, а гѣхъ бы выдали і хотѣли ітѣти въ верхъ і Великіи Государь ихъ указалъ выдать і они взявъ ихъ, Ивана Нарышкина і Степана доктурѣ, повели въ застенакъ въ Костепитновскую башню і пытали, і послѣ пытки изрубилъ ихъ въ части і черепъ Ивана Нарышкина на копые вьоткнул.

И Мая въ 18 день приходилжъ всехъ приказовъ выборные люди бѣзъ ружья і били челомъ Великому Государю і Государынямъ Царевнамъ, чтобъ бояри (на) Кирилу Полуехтовича Нарышкина указалъ Великіи Государь постричъ.

І Великіи Государь указалъ ево постричъ въ Чудове монастыре, а на постригани указалъ Великіи Государь бытъ боярину Князь Семѣну Андреевичю Хованскому, да окольничему Кирилу Ос-

повичу Хлопову и, постригши ево, сослать въ Кирилловъ монастырь, а во инацехъ імя ему Киприянъ.

А въ те три дня какъ они приходили со всемъ ружьемъ, какъ побили бояръ,—били въ набать и въ барабаны.

А которыхъ побитыхъ, домовъ ихъ, людей і всякихъ чиновъ, грабили ихъ дома і они ихъ хватая казнили жъ і межь себя положили, что(бъ) ничьехъ домовъ не грабить.

И мая въ 19 день били челомъ Великому Государю объ заслуженныхъ деньгахъ салдаты і стрельцы і пушкари со 154-го году і техъ денегъ надобна 240,000 рублей.

Да имъ же Великий Государь пожаловалъ на челоуѣка по 10 рублей і Великий Государь указалъ тѣ деньги збирать со всего Государства и суды серебряные брать, а ісзъ тѣхъ судовъ указано дѣлать деньги.

Да они жъ били челомъ Великому Государю, которые побиты бояре і душные люди і животы ихъ побрапы на Великому Государя и, чтобъ Великий Государь указалъ тѣ животы оцѣнить і, оцѣня, отдавать имъ же.

И мая въ 20 день близилъ челомъ Великому Государю, чтобъ Великий Государь указалъ сослать въ сылки постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачева, до казначея Михайла Тимофѣевича Лихачова, околицного Павла Петровича Языкова, чашишка Семѣна Івановича Языкова, думного дворенина Микиту Івановича Аксифьева да думныхъ дяковъ: Григорья Богданова, Данила Полянского, да спальниковъ: Степана Ловчикова, Льва да Мартыяна да Федора і иныхъ роду всѣхъ Нарышкиныхъ, Андрей Матвѣева, да стольниковъ: Петра Мельшова Лапухина, Василья Вухвостова, Юрья Дутохина и ево постригли і полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челомъ.

Мая въ 26 день нарекли Государя Царевича і Великаго Князя Іванна Алексѣевича всеа Росіи на царство.

Того жъ числа били челомъ Великимъ Государемъ люди боярские разныхъ домовъ о свободе, чтобы имъ быть бѣзъкабално і воровские составные челобитные подносили.

І Великие государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, привода, ихъ пытать і казнить, а иныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье.

І велѣно у всякихъ чиновъ, у людей ихъ всякихъ чиновъ имать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и хто про то вѣдаегъ, зарукали техъ людей.

Того жъ году Іюня въ 5 день была тревога во всехъ прикасахъ, а вызывали въ то число боярскихъ людей, а въ приводе они сказали, будто собрались боярския люди въ Марьинской роще і хотятъ рубить стрельцкия приказъ і въ тое тревогу была стрельба во всю пощъ везде исо всякаго ружья, и на утроя ихъ пытавъ, казнили за ихъ воровство.

Того жъ году Іюня въ 13 день привели Аднышев-

ской земли Царевича Матвея Дединова сына і онъ доводилъ на бояръ: на Князь Никиту Івановича і сына ево Князь Якова Никитича і на боярина і дворецкого Князь Василья Федоровича Одоевскихъ, будто они говорили, что стрельцовъ вешать і казнить и рубить; да съ нимъ посадкой челоуѣкъ Ерославецъ.

І Іюня въ 14 день указали Великие Государи ихъ пытать і они съ пытки винились что что бояръ темъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что будто хотелъ і Москву зажигать, и за тоу ихъ воровской составъ казнили.

Того жъ числа пытавъ по челобитью стрельцовъ, казнили стольника Степана, Якова да Матвѣя Вешнекова, пыталижъ.

Тогожъ числа били челомъ Великимъ Государемъ, чтобъ на Красной площади здѣлать имъ столбъ и, по ихъ челобитью, тотъ столбъ зделанъ.

Тогожъ числа по указу Великихъ Государей даны имъ жалованные грамоты, солдатоу і стрельцѣ(цамъ) і посадскимъ людемъ і черной слободамъ, а велѣно звать стрельцовъ надворною пехотоу, а стрельцамъ не называть; и на томъ столбѣ подписано противъ техъ Великихъ Государей грамотъ.

И съ того числа пемногие дни были бѣзъ стрельбы, а во всехъ слободахъ стреляли изъ ружья.

И Августа въ 20 день былъ въ походе приклеянъ на воротехъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листе ево написано, что изменники бояре: Князь Іванъ и Князь Андрей Хованские промышленяютъ надъ Великими Государи всякое дурна і хотели быть на Московскомъ Государствѣ, да они жъ хотели убить Светѣйшаго Патриарха Іоакима і восхитить на соборную і Апостольскую Церковь, да онижъ хотѣли побить бояръ: Князь Никиту Івановича, Князь Якова Никитича, боярина і дворецкого Князь Василья Оedorовича Одоевскихъ, Князь Михайла Алегуковича, Князь Михайла Яковлевича Черкасскихъ, Князь Василья Васильевича, Князь Андрея Івановича, кравчаго Князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ, боярина і оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича Шерѣметевыхъ, Івана Михайловича Милославскаго, и иныхъ многихъ бояръ.

И 191-го году Сентября въ 1 день Великие Государи къ Москве на действа не ходили, а велѣли быть ему Князь Івану Хованскому і онъ послушался и на дѣйства не ходилъ.

И Сентября въ 3 день пошли Великие Государи въ походъ въ Звенигородъ і оттуда къ Троице.

И Сентября въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ изыѣна ихъ черезъ переметныя многия письма объявилось і послыана по ихъ Великихъ Государей грамота.

И Сентября въ 17 день посылаю по указу Великихъ Государей въ село Пунгькино да Князь Івана Хованскаго боярину Князь Михайла Івановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники і стряпчие і

дворяне Московіе і жильці і люди боярскіе и ево, Князь Івана, изловя подъ Иушкиными, а сына ево въ деревне противъ Братовишны, Князь Андрѣя, привезли къ Великимъ Государемъ въ село Воздвиженское и какъ его привезли, і въ то время сидѣли бояре и окольничіе и думные люди все на площади противъ церкви и чѣлъ ему Князь Ивану і сыну ево Князь Андрѣю наказъ и измѣну ево, думный діакъ Оедоръ Шеклавитовъ и за ихъ измѣну указали Великіе Государи казнить смертью и, отвѣши ихъ, головы отсекали и погребать ихъ у церкви не указали.

И после обѣдни съѣдавъ, сынъ его Князь Иванъ, да племянникъ ево Князь Оедоръ, которые жили у нихъ Великихъ Государей въ комнате, измѣну свою, побѣжали изъ походу и князь Оедора изловили, а сынъ ево, Князь Иванъ, ушелъ къ Москвѣ и прибѣжалъ къ Москвѣ часъ ночи, а ихъ казнили до вечера за часъ и, прибѣжавъ оубо, Князь Иванъ къ Москвѣ въ полки, сказалъ будто боярину Петра Михайла Ивановичъ Лыковъ, собравъ зъ боярскими людьми, изрубилъ бѣзъ указу Великихъ Государей отца его и брата і, пришедъ къ Москвѣ, будто хочетъ рубить надворную пехоту всехъ, и пушки і пороховую казну всю разобрали во все полки по себѣ и съ Москвы никою не пропускали, и хотели итти къ Великимъ Государемъ въ походъ и стоять за нихъ изменниковъ: да къ нимъ же не пристали стреляной да выборной полки, а которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ Государева двора и люди боярскіе, и они ихъ хотели рубить, и къ нимъ въ полки посыланъ зъ грамоты Великихъ Государей стольникъ Петръ Петровъ сынъ Зиновьевъ: они грамотъ учинились непослушны и Великіе Государя того жъ числа пошли къ Троице і во все города указали послать для ратныхъ людей грамоты.

И Сентября въ 20 день по указу Великихъ государей посыланъ къ нимъ угваривать думной дворянинъ Лукьянъ Тимофѣевичъ Голосовъ.

И сентября въ.... день прїежалъ къ Троице въ Сергиевъ монастырь Іларіонъ Митрополитъ Суздальскіи и Юрьевскіи, а съ нимъ были выборные отъ всѣхъ полковъ и онъ Великомъ Государемъ прїихадили съ повинною.

И Великія Государи и Государыни Царевны изволили сидеть на Успенской паперти и впыла въ пожаловали, прѣстали и указали имъ прїивесте Князь Иванава сына Хаванскаго, Князь Иванажъ, къ Великимъ Государемъ въ походъ Князь Ивана Хованскаго, скована въ телеге.

И Октебря въ.... день прїивезли выборные въ сѣхъ полковъ. А полками били челомъ чтобъ имъ писатца стрельцами жъ.

И Октебря въ.... день указали великія Государи казнить смертью ево Князь Ивана и въ томъ пожаловали: смертью казнить ево не указали, а велели сослать въ ссылку въ Сибирь.

И Октебря въ.... день сказали всехъ полковъ,

будто Павла сынъ Языкова прїежалъ на кароулы и сказавалъ будто бояре идутъ съ полки къ Москвѣ и Хаванскіе.... Князь Михайла Лыковъ съ людьми..... і ево прїивезли въ месте окован.....къ Троице съ Хованскимъ оковавъ.

И Октебря въ.... день прїишли Великія Государи и къ Москвѣ, а полковъ чыхъ въ стречали выборные люди.....⁴⁾

И Октебря въ.... день смуглись за Москвою рѣкою Павловъ прїиказъ Божина і Великія Государи указали.... у нихъ ружье обобрать і они Великомъ Государемъ прїиходили съ плахоу въ городъ и съ топоромъ и вину свою приносили Великимъ Государемъ и Великіе Государи выслали къ нимъ боярина Петра Михайловича Салтыкова да окольничего Кирилу Осиповича Хълопова, да думнова дѣка Оедора Шеклавитого і Великія Государи пожаловали: велели имъ вина отдавать, а кон стрельцы бѣголи по слободе и говорили, что де пора опять заводитъ по старому итти въ городъ и ихъ Великія Государи указали казнить смертью, а въ иные мѣсецы до году была жъ осторожность во всехъ полкахъ и пушыхъ заютчиковъ казнили, а иныхъ, пытавъ, сылали въ ссылки.

Книга записная Царства царей государей и великихъ князей Ивана Алексѣевича Петра Алексѣевича въсей великіи и малыи и бѣлыя Роси сомодержцовъ 190 году и 191 году.

Лѣта 7190-го Майя въ 26 день нарекли всемъ государствомъ на Московское Государство въ царя Государя Царевича и Великого Князя Иоанна Алексѣевича, а въ титулахъ писать везде и во всякихъ дѣлахъ обѣихъ Великихъ Государей такъ:

Великія Государя Цари и Великія Князя Иоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всеа Великія і Малыи и Бѣлыя Роси самодержцы.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і апостольскую церковь і молебствовали о умирени всего мира.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государя въ спальники къ Государю Царю и Великому Князю Иоанну Алексѣевичу Ево Великого Государя Стольниковъ: Алексѣя Матвѣева сына Милославскаго, Юрью Оедорова сына Лальженскаго, Бориса Сафронова сына Хитрова, Петра Василева сына Собакина, Бориса Алїстархова сына Кологриваго, Сергея Иванова сына Милославскаго, Петра Иванова сына Яковлева, Дмитрѣя Микитина сына Головина, Князь Михайла Князь Лаурентьева сына Дулова, Князь Михайла да Князь Ивана Князь Оедоровыхъ дѣтей Шеховскихъ, Сергея Григорьева сына Водорадкаго, Григорья Микитина сына Окедѣова.

Тогожъ числа посланы по городомъ ко кресту приводить къ Гетману Думной Дворенишъ Василей

⁴⁾ Означенное точками не разобрало въ подлинникѣ, очень дурно написанное.

Михайловичъ Тяпкинь, да діакъ. Въ Володимерь и въ Суздаль и въ Нижней Новгородъ и въ быше Столникъ Алексѣй Афонасьевъ сынъ Собакинъ, въ Великій Новгородъ Столникъ Князь Ѳеодоръ Князь Семѣиовъ сынъ Хованской; въ Киевѣ Столникъ Князь Ѳеодоръ Князь Никитиць сынъ Принимковъ Ростовской; въ Казань Князь Андрѣй Князь Дмитрій сынъ Щербатой.

Въ Астрахань.

Во Псковъ.

Въ Смоленскъ Столникъ Князь Юрѣя Князь Яковлевъ сынъ Хилковъ.

Тогожь году Майя въ 27 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники и Спальниковъ брата своего блаженные памяти Столника и ближнего человѣка Александра Иванова сына Милославскаго.

Тогожь году Майя въ 28 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ и съ Спальниковъ же брата своего Государева Столника и ближнего человѣка Михайла Григорьева сына Собакина.

Тогожь числа пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники изъ недорослей Михайла Афонасьева сына Матюшкина.

Тогожь числа сказано въ Казань въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Юрѣемъ Семѣиовичемъ Урусовымъ Околыничему Петру Тихоѡевичу Кондыреву.

Тогожь числа сказано въ Сибирекъ Околыничему Князь Григорью Афонасьевичу Козловскому.

Тогожь году Юня въ 1 день пожаловалъ Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники изъ дворянъ Ларіона Семѣиова сына Милославскаго.

Тогожь году Юня въ 4 день сказано въ Пушкарскій Приказъ въ товарищи зъ Бояриномъ съ Князь Ѳеодоромъ Семѣиовичемъ Урусовымъ Думному Дворенину Ивану Петровичу Кондыреву.

Тогожь году Юня въ 5 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Золотую Полату, а были на приѣзде и у руки Крымскіе посланники.

А объявляя Ихъ Великимъ Государемъ и Грамоты принималъ Думной Діакъ Посольской Емельянъ Украинцовъ.

А въ отвѣте велѣно съ ними быть Боярину ближнему и Наместнику Велико-Пермскому Князь Василью Васильевичу Голицыну, да Думному жъ Діаку Емельяну Украинцову.

Тогожь числа сказано въ яноземской и въ рейтарской приказъ въ товарищи зъ Бояриномъ съ князь Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ Околыничему Ивану Ѳеодоровичу Васильенскому.

Тогожь числа былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Архангелу къ понахде, а правили по великомъ Государе четиредесятницу.

Тогожь году Юня въ 7 день былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Архангелу къ понахде по

Великомъ Государе Царе и Великомъ Князе Ѳеодоре Алексѣевиче.

Тогожь году Юня въ 11 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спальники изъ Спальниковъ брата своего Государева блаженные памяти Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича вселъ Росіи Столниковъ и ближнихъ людей:

Князь Данила Князь Григорьева сына Черкаскаго.

Князь Ивана Князь Иванова сына Хованскаго.

Володимера Петрова сына Шерѣметева.

Михайла Васильева сына Собакина.

Ивана Алексѣева сына Головина.

Михайла Ѳеодорова сына Ртищева.

Андрѣя Матѣева сына Апраксина.

Ивана Васильева сына Заборонскаго.

Василья Иванова сына Чаадаева.

Ивана Певлева сына Пояркова.

Въ неделю Свехъ Святыхъ.

Тогожь числа сказано въ Сибирекъ въ товарищи съ Околыничемъ съ Князь Григорьемъ Афонасьевичемъ Козловскимъ сыну ево князю Михайлу Князь Григорьеву сыну Козловскому.

Тогожь числа проважали образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы Великия Государя и Государыня Цесаревна и Великая Княжна Софья Алексѣевна что посланъ въ полки въ Казань къ Боярину къ Петру Васильевичу Меньшому Шерѣметеву съ товарищи ево съ Околыничемъ съ Князь Ивановъ Князь Петровичемъ сыномъ Козловскимъ, а проважали за Тайницкия ворота Чудовской Архимандритъ.

Тогожь году Юня въ 12 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ комнату къ крюку Стряпчего Антипу Ларионова сына Пятого.

Тогожь году Юня въ 13 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спальники и съ Спальниковъ брата своего Государева Столника и ближняго Человѣка Ивана Иванова сына Головина.

Тогожь году Юня въ 14 день указалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ росписать своихъ Государевыхъ спальниковъ по дневальемъ Дяткамъ Боярину Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, да Околыничему Борису Гавриловичу Юшкову.

1-й день.

Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкаскаго.

Иванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,

Дмитрей Микитиць сынъ Головинъ,

Иванъ Ивановъ сынъ Головинъ.

Юрѣя Ѳеодоровъ сынъ Ладыженской,

Борисъ Алистарховъ сынъ Калагривовъ,

2-й день.

Князь Иванъ Князь Ивановъ сынъ Хованской,

Князь Михайла Князь Лаврентьевъ сынъ Дуловъ,

Князь Михайла Князь Федоровъ сынъ Шеховской,

Борисъ Сафроновъ сынъ Хитрово,
Василей Ивановъ сынъ Чадаевъ.

3-й день.

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ,
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,
Михайла Григорьевъ сынъ Собакинъ,
Князь Иванъ Князь Степановъ сынъ Шеховской,

Михайла Федоровъ сынъ Ртищевъ,
Андрей Матвѣевъ сынъ Апраксинъ.

4-й день.

Александръ Ивановъ сынъ Милославской,
Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской,
Иванъ Васильевъ сынъ Заборовской,
Григорей Микитинъ сынъ Акинфовъ,
Сергѣй Ивановъ сынъ Милославской,
Сергей Григорьевъ сынъ Водорацкой,
Да не въ диеванье
Петръ Васильевъ сынъ Собакинъ,
Петръ Ивановъ сынъ Яковлевъ,
Иванъ Исавлевъ сынъ Поярковъ.

Тогожь году Юния въ 15 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Стольниковъ і ближнихъ людей:

Ивана Иванова сына Кольцова.

Князь Василья Князь Лаврентьева сына Мещерскова.

Ивана Аеоанасьева сына Матюшкина.

Петра Матвѣева сына Апраксина.

Да і Стольниковъ Василья Алексѣева сына Сакковнина.

Тогожь числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і Апостольскую Церковь къ Малейну, а обѣдни слушалъ одинъ Великіи Государь Царь і Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожь году Юния въ 16 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Стольниковъ і ближнихъ людей; Князь Якова Князь Иванова сына Лобанова-Ростовскаго, да Князь Оедора Князь Юрьена сына Ромадановскаго.

Тогожь числа сказано въ Смоленскъ Воеводамъ: Боярину Князь Ивану Григорьевичу Буракину, да Столнику Андрыю Микитину сыну Самарину.

Тогожь числа ходили Великіе Государи і Государыни Царевны въ Ново Девичъ Монастырь

пешкомъ и Государыня Царица, а на Москвѣ оставлены Бояре: Бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да Околицей Михайла Петровичъ Головинъ, да Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожь году Юния въ 18 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Соборную і Апостольскую Церковь, а празनावали Ионъ Митрополиту.

А ко всеношному ходилъ одинъ Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожь числа указали Великіи Государи сидеть въ мастерской Царипыныхъ Палатахъ Аколничему Петру Тимооевичу Кондыреву.

Тогожь числа пожаловалъ Великіи Князь Иванъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Столника і ближнего Человѣка Ивана Богданова сына Яковлена.

Тогожь году Юния въ 18 день былъ ходъ со кресты на воду и кругъ Вѣлова Города, а въ ходу были власти, съ правой стороны Сергіи Архиепископъ Тверскіи і Кашиинскіи, да по указу Великихъ Государей.

Околицей Петръ Тимооевичъ Кондыревъ.

Съ лѣвой стороны Никита Архиепископъ Коломенскіи і Каширскіи.

Да по указужъ Великихъ Государей Думой дворенинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ.

Тогожь году Юния въ 19 день пожаловалъ Великіи Государь Царь и Великіи Князь Петръ Алексѣевичъ въ Спалники къ себѣ Столника Князь Андрея Князь Михайлова сына Черкаскаго.

Тогожь году Юния въ 20 день пожаловали Великіи Государи въ Казначей Думнаго Дворенни Семѣна Федоровича Толчанова, а сказывалъ ему Казначейства Думной Діакъ Василей Григорьевичъ Семѣновъ.

Тогожь году Юния въ 21 день сказано сидеть въ оружейную Палату Боярину Петру Васильевичу Болшому Шереметеву.

Тогожь году Юния въ 23 день былъ ходъ со кресты въ Срѣтенской монастырь, а въ ходу былъ Святѣйшии Іоакимъ Патриархъ Московскіи и всеа Руси со властью.

Да въ ходужъ былъ по указу Великихъ Государей Царевичъ Григорей Алексѣевичъ Сибирскіи, да съ нимъ Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да Думной Дворенинъ Богданъ Федоровичъ Полибинъ, да Думной Діакъ Аеоанасей Зыковъ.

Тогожь числа указали Великіи Государи сидѣть въ Холощье Приказе Столнику Князь Оедулу Князь Федорову сыну Волхонскому.

Тогожь году Юния въ 24 день по указу Великихъ Государей строилъ чертежное мѣсто, на чомъ венчатца Великимъ Государемъ Царскимъ венцемъ въ Соборной і Апостольской Церквѣ къ Западнымъ двѣремъ межъ столбовъ о двенадцати Степенехъ Земскаго приказу Судья Околицей Михайло Петровичъ Головинъ съ товарищи.

А какъ то мѣсто по указу Великихъ Государей онъ построилъ і Великіи Государи указали то мѣсто обить сукны алыми богородскими і по нихъ послать отъ Царьскаго мѣста бархаты рудожд-

тыми, а Светейшему Патриарху бархатъ вешневъ, а отъ своего Царьскаго мѣста къ Царскимъ дверемъ сукны богорочыни, да бархаты Золотными Казначеемъ Семѣну Федоровичу Толочанову съ товарищи; а передъ Царьскими дверми указали Великия Государи здѣлать мѣста, гдѣ ихъ Великихъ Государей Животворящей крестъ постановить і шанки і санъ.

Тогожь году Юния въ 25 день изволили Великия Государи венчатпа своими царьскими венцы въ Соборной и Апосталеской Церквѣ, а сему Ихъ Великихъ Государей венчаню чинъ.

Тогожь числа въ 8-мъ часу дни изволили Великия Государи итти изъ своихъ Государскихъ хоромъ въ Грановитую Палату, а передъ ними Великими Государи или Околичичи і ближняя люди, а за ними Великими Государи шли Царевичи и Бояре і Думныя люди, а были въ Золотныхъ Каптанехъ.

А пришедъ въ Грановитую Палату і сели на свое мѣсто і пожаловали въ Бояре Столника Князь Андрѣя Ивановича Хованского.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣиовъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государямъ объявлялъ Околичичей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Михайла Львовича Плещеева.

А сказывалъ ему боярство Думной Діакъ Василей Семѣиовъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичичей Иванъ Ивановичъ Чадаевъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околичичего Матвѣя Богдановича Милославскаго.

А сказывалъ ему Боярство і у скаски стоялъ і Великимъ Государемъ объявлялъ тежь.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Околичиче Столника і ближнего человекъ Ларюна Семѣиовича Милославскаго, да Думаго Дворенина Веденихта Андрѣевича Зибева.

А сказывалъ имъ Околичество Думной Діакъ Василей Семѣиовъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Думныя Дворяне Стяликовъ Петра Савича сына Хитрово, да Полковника Василѣя Лаврентьевичъ Пущеникова.

И какъ пожаловали ихъ Честыми указали итти на Казенной дворъ къ Боярину Князь Василѣю Василевичу Голицыну съ товарищи

И съ Казеннаго двора по указу Великихъ Государей несли животворящій крестъ прогонишъ Спаской да Воскресенской.

Шанпки несли Бояре: Алексѣй Семеновичъ Шениъ, Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ. Скипетри несли Околичиче: Матвѣй Степановичъ Пущинъ, Иванъ Ивановичъ Чадаевъ.

Яблоки несли Казначей Семѣнъ Федоровичъ Толочановъ, да печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Стаянцы несли Думныя Діакъ Василей Семѣиовъ, да Аонасей Зыковъ, да Иванъ Гороховъ, да Емѣльянъ Украинцовъ.

А за нимъ шель Бояринъ Князь Василій Василевичъ Голицынъ.

И какъ пришли въ Грановитую Палату и Великия Государи поцеловавъ Животворящій крестъ указали итти въ Соборную Апостольскую Церковь и какъ будутъ у Грановитой противъ угла і Светѣйшии Патриархъ велѣлъ встрѣтитъ Животворящій крестъ Силону Архиепископу Вологодскому, да съ нимъ Архимандритамъ і Игуменамъ.

А какъ пришелъ Соборной Апостольской Церкви къ дверемъ і Светѣйшии Патриархъ встречалъ самъ со властью, а въ тепоны звонили во все колокола.

И принесши Животворящій крестъ начали петь молебень.

А Великия Государи въ то число были въ Грановитой Палате

И пришедъ Бояринъ князь Василей Василевичъ Голицынъ докладывалъ Великимъ Государей, что время итти въ Соборную Апостольскую Церковь. И Великия Государи позволили итти въ соборную Церковь, і пришедъ въ Соборную Апостольскую Церковь пошли на чергежное мѣсто приложилсь у икопъ.

И Светѣйшии Іоакимъ Патриархъ посылалъ по царския платя Большаго Собору, до Спаскаго свержу Протопоновъ, да дву ключарей.

По діадиму і по Животворящій крестъ Архимандритовъ Троицы Сергиева Монастыря, да Чудовскаго, да Спаса Новаго Монастыря, до Силонова Монастыря.

А какъ они принесли къ мѣсту и указалъ Светѣйшии Патриархъ у нихъ принять Митрополитомъ: Корнилю Новгородскому и Великолуцкому, Пиктеору Астраханскому и Черскому, Павлу Сибирскому и Тобольскому, Ионѣ Ростовскому и Ерсславскому.

А Монаховъ шанки указалъ принестъ на мѣсахъ къ мѣсту Архимандритомъ: Андроньевскому да Петровскому, да Савинскому, да Воскресенскому.

А какъ ко мѣсту приехали і у нихъ велѣлъ принять Митрополитомъ Маркелу Исковскому Изьборскому, Варсоною Сарскому і Подонскому, Олорету Нижегородскому і Олатарскому, Павлу Резанскому і Муронскому.

А скипетри велѣлъ принестъ Архимандриту Богоявленскому, да Игумну Угрескому, Новинскому, Даниловскому.

А у нихъ велѣлъ принять Архиепископамъ: Силону Вологодскому і Вьлззерскому, Сергію Тверскому і Кашинскому, Пикте Коломенскому, и Коширскому, Аонасию Кологорскому і Важскому.

А державу велѣлъ принестъ Игуменамъ: Златоустовскому, Даниловскому Стретенскому, Даискому.

А у нихъ велець принять Ахиенскому Галасию Устюжскому и Тотимскому, да Епископомъ: Леонтию Танбовскому, Митрофану Воронежскому, да Архимандриту Викентію Троицкому.

А какъ на Великихъ Государей одежду и диодиму и шапку и Животворящій крестъ возложили і скипетры і державы въ руки отдали, і стали петь многолѣтне всемъ Соборомъ и потомъ на крыло-сехъ і сталъ Светѣйшій Патриархъ і все власти и Бояре і Околицные і Думные и ближние люди всякихъ чиновъ здравствовать Имъ Великимъ Государемъ на Ихъ Превысочайшемъ Престоле.

А какъ венчали Великихъ Государей і на Чертежномъ мѣсте стояли Бояре: Князь Никита Ивановичъ, Князь Яковъ Никитичъ Одоевские, Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, Князь Иванъ, да Князь Семенъ Андрѣевичъ Хаванские, Петръ Васильевичъ Шерѣметевъ, Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, Родионъ Матѣевичъ Стрѣшневъ, Околицней Варисъ Гавриловичъ Юшковъ.

А шапки несли, въ которыхъ Великие Государи пришли въ Соборъ і жезлы Стольники і ближние люди; Алексѣй Матѣевъ сынъ Милославской, Иванъ Аеонасеевъ сынъ Матюшкинъ.

А Великихъ Государей вели подъ руки:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Дядки: Бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, да Околицней Борисъ Гавриловичъ Юшковъ.

Царя и великаго Князя Петра Алексѣевича Дядка Бояринъ Родионъ Матѣевичъ, да Стольникъ і ближней человекъ Тихонъ Микитинъ сынъ Стрѣшневъ.

А за Великими Государями были спалники все по списку.

А передъ стреннею шли:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Стольникъ і ближней человекъ Юрья Ѳеодоровъ сынъ Лодыженской.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Стольникъ Алексѣй Прокопьевъ сынъ Саковинъ.

А обѣдню изволили слушать на своемъ Царскомъ мѣсте, а послѣ Херувимской приходили Великія Государи къ царскимъ дверемъ і на нихъ надевали Светѣйшій Патриархъ чени по Ихъ Царскому Чину.

А въ Кенонихъ присылалъ Светѣйшій Патриархъ изъ Олтаря ризничего, да Дьякона, чтобы Великія Государи изволили итти въ Миропомазанію и къ Светому Причащенію і поклонясь пошли.

И Великие Государи изволили итти по Чертожному мѣсту къ Царскимъ дверемъ і прикладываясь у Святыхъ Иконъ кланелись на все стороны ниско.

И царскіе двери отворили и вышедъ Светѣйшій Патриархъ съ властими і снимали съ нихъ Великихъ Государей шапки и диодимы і помазывалъ Святымъ мромъ на Челѣ і на Затылке і на ланцатахъ і на сердце и опять на нихъ надѣвали, и облача ихъ, препоясали дентемъ.

И взявъ Великихъ Государей власти повели ко

Святому Причащенію въ Царскія двери, а какъ причащали въ то время Царскія двери были затворены, и причащась Божественныхъ Таинъ шли на своежъ мѣсто

А въ Соборе указали держать скипетры Боярину Князь Василью Васильевичу, да Кравчему Князь Борису Алексѣевичу Голицынымъ.

А шапки держать Боярамъ на золотыхъ мисахъ — Алексѣю Семеновичу Шенину да Князь Ивану Борисовичу Троекурову.

Яблоки держатъ Околицчемъ: Матвеемъ Степановичу Пушкину, да Ивану Ивановичу Чаадаеву.

А какъ шли Великія Государи къ Миропомазанію і ко Святому Причащенію і путь слялъ бархоты Золотыми Казначей Семѣнъ Ѳеодоровичъ Толочановъ.

А коверъ Золотной слялъ передъ царскими дверми Стольникъ и ближней человекъ Юрья Ѳеодоровъ сынъ Лодыженской.

А послѣ обѣдни Отдавалъ Светѣйшій Патриархъ Великимъ Государемъ Посохи і поучалъ отъ правилъ Святыхъ Апостоловъ і Святыхъ Отець.

А какъ Великія Государи изволили итти изъ Соборной і Апостолской Церкви къ Архангелу Михаилу, а отъ Орхангела къ Благовещенію і путь былъ посланъ сукнами альми, а въ двѣрехъ везде осыпали Великихъ Государи золотыми и деньгами Золочеными по трожды Царевичи Сибирские Григорій, да Василей Алексѣевичи.

А мисы держали зъ золотыми Столники Василей, да Андрѣй Петровы дѣти Измайловы.

А чинъ строилъ Думной Діакъ Емельянъ Украинцовъ, а надъ нимъ надсматривалъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А пришедъ Великія Государи въ хоромы жаловали Боярѣ і Околицныхъ и Думныхъ і ближнихъ людей водками и ренскимъ. А стола того числа не было.

Тогожъ числа пожаловалъ Великій Государь Царь и Великіи Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Стольника Князь Андрѣя Князь Кабулатова сына Черкаского.

Тогожъ числа ходили съ столомъ къ Свѣтѣйшему Патриарху Иоакиму отъ Великихъ Государей Стольники і ближние люди Князь Данила Князь Григорьевъ сынъ Черкаской, да Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ Ростовской.

Тогожъ году Июня въ 26 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Палату.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Оружейничія Боярина Петра Васильевича Большова Шерѣметева.

А сказывалъ ему Оружейничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Бояре Стольника Бориса Петровича Шерѣметева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околицней Михайла Петровичъ Головинъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околичного Князь Михайла Ивановича Лыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичній Венедиктъ Андрѣевичъ Змбѣвъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околичного Бориса Гавриловича Юнкова, а сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементій Миничъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Околичные Столника і ближняго Человѣка Тихона Никитича Стрешнева, да Думнаго Дворенина Василія Савича Нарбѣкова.

А сказывалъ имъ Околичество Думной Дьякъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Думные Дворянѣ Столниковъ: Василія Семѣновича Змбѣва и Абрама Ивановича Хитрова.

Тогожь числа пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Государь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники къ Себѣ Столника Петра Петрова сына Салтыкова.

Тогожь году Июня въ 27 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Палату.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Князь Андрея Ивановича Голицына.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ. А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитровъ.

Тогожь числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Алексѣя Петровича Салтыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичній Кирила Осиповичъ Хлоповъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околичного Ивана Тимоѣевича Кондырева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Околичные Думныхъ Дворянѣ Андрѣя Васильевича Толстова, да Богдана Оседоровича Полюбина. А сказывалъ имъ Околичество Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ думные Дворяне Ивана Ивановича Сузюгина, да Максима Псаева Сунбулова.

Тогожь году Июня 29 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Палату. И пришедъ пожаловали въ Бояре Столника Князь Василія Петровича Прозоровскаго

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околичней Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околичного Князь Костентина Осиповича Щербатого.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Думной Дворенинъ Іевъ Демидовичъ Голохвастовъ.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околичного Федора Прокофьевича Соковнина.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожь числа въ Кравчія Князь Алексѣя Петровича Пьрозоровскаго.

Тогожь числа пожаловали Великие Государи въ Околичные Столника Ивана Федоровича Лосенка Пушкина.

А сказывалъ ему Околичество і у скаски стоялъ тежь.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ четырнадцатый.

Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.

Глава I.

Правленіе царевны Софіи.

Польскія интриги для возмущенія Малороссіи. — Князь В. В. Голлицинъ и его политика. — Священный союзъ противъ Турокъ. — Россія приглашается вступить въ него. — Вѣчный миръ съ Польшею и вступленіе въ Священный союзъ. — Подчиненіе Кіевского митрополита Московскому патриарху. — Сношенія съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ по этому случаю. — Избраніе въ Кіевскіе митрополиты князя Гедеона Четвертинскаго. — Сношеніе съ восточными патриархами по поводу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патриарху. — Первый Крымскій походъ. — Посольство Шахнотига въ полки. — Сверженіе Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы. — Лазарь Барановичъ. — Побужденіе отъ турецкихъ христіанъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій. — Второй Крымскій походъ. — Сношенія съ европейскими и азіатскими государствами въ правленіе Софіи. — Нерчинскій договоръ съ Китаемъ. — Внутренняя дѣятельность правительства.

Московская смута отозвалась на югѣ, въ странахъ казацкихъ; вѣсти о ней произвели движеніе и за границею, порадовали враговъ Россіи; въ Польшѣ возбудилась надежда воспользоваться смутю и оторвать Малороссію отъ Москвы. Съ этою цѣлю, по приказу королевскому, гетманъ Польскій Яблоновскій отправилъ прелестные листы къ Григорію Дорошенку и къ бывшему Кіевскому полковнику Солоникѣ. Листы были подсланы съ двумя монахами, которыхъ отправилъ въ Малороссію Львовскій епископъ Юсифъ Шумлянскій, надѣявшійся быть Кіевскимъ митрополитомъ въ случаѣ отторженія Малороссіи отъ Москвы. У тѣхъ же монаховъ найдена была инструкция, что разглашать въ Малороссіи: 1) Начать съ Полтавы, потому что ея жители склоняе другихъ къ возстанію противъ Москвы. 2) Разглашать, что Самойловичъ хочетъ искоренить казаковъ, и для того лучшихъ полковниковъ обратилъ въ простые казаки. 3) Москва плаваетъ въ своей крови; это наказаніе Божіе за то, что не помогла ни императору, у котораго султанъ отбираетъ теперь остальную Венгрію, ни Польшѣ. Царь Оеодоръ Алексѣевичъ хотѣлъ подать помощь Польшѣ, но бояре не позволили, а потомъ и жену его, которая носила польскую фамилію Грушевскихъ, отравили, напосядкомъ и самого царя извели, и весь родъ царскій истребить хотѣли, — за это Богъ и отомститъ имъ жестоко. 4) Еслибъ дѣло дошло до союза Москвы съ Польшею, то не только души христіанскія изъ неволи освободились бы и Святые мѣста опять про-

цвѣли, но и весь народъ Греческій могъ бы освободиться. 5) Москва обманула Поляковъ; она причиною, что Каменецъ погибъ, Подолія и Украина пропали. 6) Польскіе короли, и покойный Михаилъ, и нынѣшній Янъ, объ одномъ хлопотали, чтобы Украина не досталась Туркамъ, а принадлежала бы казакамъ; и всѣмъ извѣстно, что послѣ Журавскаго мира Хмельниченко былъ посаженъ гетманомъ въ Немировѣ. Но бояре московскіе всю Украину по Днѣпръ уступили Туркамъ, испугавшись, что Чигириня не успѣли удержать и защитить, изъ-подъ котораго визирь хотѣлъ бѣжать, но Ромодановскій, несмотря на свою побѣду, наступить на него не хотѣлъ. Этою уступкою Украины Туркамъ Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потомъ и имя казацкое пропадетъ. 7) Опасаться надобно, чтобы войска русскія не ударили на Кіевъ, и Татары не разорили Заднѣпровья, какъ скоро узнаютъ о Московской смутѣ. 8) Дума Московская не только не хотѣла воевать противъ бусурманъ, но даже не позволила королю на деньги нанять казаковъ, опасаясь, чтобы войско казачье и народъ Малороссійскій не возвратились къ государю предковъ своихъ и не возлюбилъ той вольности, въ какой живетъ Польша. 9) Войску, во всемъ христіанствѣ славному, надобно вспомнить славу дѣдовъ и прадѣдовъ, быть въ одной мысли съ Запорожьемъ и выбиться изъ неволи челоуѣка негоднаго и неволнественнаго. А королевское величество имѣть столько разума, благословенія Божія и храбрости, что можетъ защитить и народъ, который онъ

отъ младенчества любить и почитать. 10) Духовенству внушать, что въ первяхъ, находящихся подъ державою королевскою, нѣтъ никакой церемонны, священникамъ воздается честь, даныя подводы отставлены, изъ подданствъ пановъ своихъ духовенство освобождено. 11) Внушать, не лучше ли въ Киевѣ имѣть своего главу, какъ имѣеть Москва; прежде Киевскіе митрополиты ставили Московскихъ, которые теперь патриархами называются; многими столѣтіями Св. Софія кievская старше соборной церкви московской. 12) Не лучше ли видѣть власти духовную и мірскую въ Киевѣ, чѣмъ искать ея разболѣннымъ образомъ въ Москвѣ. 13) Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днѣпра: ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, и которые остались молодые, тѣ Заднѣпровья и Сѣверской страны не знаютъ. 14) Впрямомъ же здѣсь все имѣнія государственныя, только ходили въ помѣстьяхъ, и республика прежнихъ помѣщиковъ не дастъ. 15) Пусть разсудитъ весь народъ казакскій, что имъ Богъ подалъ отца, что имъ Богъ просвѣщаетъ разумъ, отвергаетъ очи и покажетъ путь къ вольности. 16) Если надобна будетъ помощь, пусть знаютъ, что войско польское на коняхъ¹⁾.

Инструкціи эти были спрятаны у монаховъ—у одного въ дегтярной флягѣ, облиты воскомъ, у другого въ телѣгѣ въ задней подушкѣ. Кроме пунктовъ писанной инструкціи, монахамъ велѣно было разглагольствовать, что кто приведетъ народъ подъ королевское подданство, тотъ сдѣланъ будетъ великимъ человекомъ и будетъ обогащенъ; черни каждый годъ изъ казны королевской будутъ деньги и сукна; паны польскіе не будутъ вѣзжать въ Украйну на маестности, король хочетъ сдѣлать особое удѣльное русское Киевское княжество²⁾.

Но и въ Малороссіи, и въ Польшѣ скоро узнали, что московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей формѣ, довольно сильно, благодаря лицамъ, на которыхъ оперлась царница - правительница. Шаковитый крѣпко держалъ въ рукахъ московскихъ стрельцовъ; но видѣе Шаковитата, человекъ новаго, худороднаго, поднялся Вас. Вас. Голицынъ, первое лицо въ правительствѣ послѣ царевны. 19 октября 1683 года Голицынъ получилъ титулъ, который носили Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ — «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ носельскихъ дѣлъ обергегетеля»³⁾. Главною обязанностію Голицына стало теперь слѣдить интересы Россіи въ сношеніяхъ съ чужими державами — обязанность трудная при тогдашнихъ отношеніяхъ, но Голицынъ умѣлъ выполнить ее съ честію и пользою для государства. Въ то время, когда Россія, жившая такъ долго на Востокѣ, поворачивала на новый, противоположный путь къ Западу, готовилась войти въ общую жизнь европейскихъ на-

родовъ, въ Европѣ происходили явленія, которые должны были измѣнить ея политику, влѣдствие чего новому государству, Россіи, предстояла исполнѣдствіи великая роль.

Рязкое различіе древняго историческаго міра отъ новаго состоитъ въ томъ, что въ древности государства жили особо, одиноко, не связанныя общими интересами; отсюда происходило, что когда одно изъ нихъ усилилось влѣдствие извѣстныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, влѣдствие личныхъ качествъ своего государя-завоевателя, то послѣднему легко покоряя себѣ другія государства, слабѣя влѣдствие одинокости своей. Такъ возможны становились поглощенія многихъ государствъ однимъ, образованія громадныхъ, всемірныхъ имперій, Персидской, Македонской, Римской. Но въ новой, христіанской Европѣ много государствъ образовалось почти одновременно, съ равными свѣжими силами, и стали они изначала жить общею жизнью, имѣя общіе интересы. При такихъ условіяхъ усиленіе одного государства насчетъ другихъ, образованіе огромныхъ, всемірныхъ монархій, влѣдствие завоевательныхъ стремленій одного народа, одного государя, стало невозможнымъ: какъ только обнаружятся въ извѣстномъ народѣ или государствѣ добныя стремленія, — другія государства, влѣдствие привычки къ общей жизни, составляютъ союзы и посредствомъ нихъ останавливаютъ властолюбивыя замыслы. Отсюда зоркость европейскіхъ правительствъ, подозрительность ихъ при видѣ усиленія одного изъ государствъ; отсюда система политическаго равновѣсія.

Въ началѣ такъ-называемой Новой Исторіи Европѣ грозилъ сильная опасность отъ властолюбивыхъ стремленій Габсбургскаго дома, чрезмѣрно усилившагося посредствомъ выгодныхъ браковъ своихъ членовъ—способъ усиленія также новый, европейскій, неслыханный въ древнемъ мірѣ, знавшемъ только одну силу, какъ способъ усиленія. Но и новый способъ усиленія, употребленный Габсбургскимъ домомъ, могъ повести одинаково къ старымъ результатамъ.—къ образованію громадной имперіи, опасной для независимаго существованія другихъ европейскихъ государствъ. Особенно тяжело было положеніе Франціи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ владѣніями Габсбургскаго дома: съ юга Испанія, съ сѣвера—Нидерланды, принадлежавшіе Испаніи; съ востока—Германія, императоромъ которой былъ Габсбургъ; значительная часть Италіи принадлежить также Испаніи, страшной своимъ необходимыми войсками. Въ такомъ положеніи Франція, по истинкѣ самосохраненія, употребляетъ всѣ средства, чтобъ какъ-нибудь ослабить удашавшее ее могущество Габсбургскаго дома; во время господства религіознаго интереса, во время ожесточенной борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, Франція первая обходитъ религіозныя отношенія и выставляетъ на первый планъ политическое начало: искать союзозъ съ кѣмъ бы то ни было, не обращая вниманія на ре-

¹⁾ Дѣла Малорос. означен. года въ Москов. Архивѣ Ин. Д.

²⁾ Приказали дѣла 1683 г. въ Арх. Мин. Ин. Д.

лигиозное различіе, лишь бы сломить могущество Габсбургскаго дома: вотъ основаніе французской политики, которому остаются вѣрны и Францискъ I-й, и Генрихъ IV, и кардиналь Ришелье. Франція, католическая держава, въ постоянномъ союзѣ съ протестантскими державами противъ Габсбурговъ; мало этого: Французскій король, носящій титулъ х р и с т і а н ѣ й ш а г о, въ союзѣ съ султаною.

Франція достигла своей цѣли: могущество Габсбурговъ было сломлено въ Тридцатилѣтнюю войну. Европа перестала бояться Габсбурговъ; но опасность стала грозить ей съ другой стороны, отъ той самой Франціи, которая, повидному, такъ много послужила Европѣ при освобожденіи ея отъ всемірной монархіи Габсбурговъ. Отношенія перемѣнились: прежде Франція была почти отовсюду окружена владѣніями могущественной династіи; теперь отовсюду окружаютъ ее слабыя государства, приглашающія эту слабостію завоевателя, — а завоевателю легко явиться среди вѣчнолюбиваго народонаселенія Галліи. На югѣ попрежнему Испанія, но Испанія, разбитая параличемъ, лишенная способности къ движенію, потерявшая значеніе въ Европѣ; на сѣверѣ отъ Франціи прежнія испанскія владѣнія разбиты на двѣ части: сѣверная составляетъ маленькую независимую Голландскую республику, разбогатѣвшую отъ торговли, но не могущую вести сухопутной войны съ большимъ государствомъ; южная часть, Велгія, осталась за Испанію и по этому самому представляла лакомую и легкую добычу для Франціи, ибо Испанія не могла защищать ея. На востокѣ Германія, освобожденная изъ-подъ религіознаго и политическаго гнета, но опустошенная вконечъ Тридцатилѣтнею войною, раздробленная, со множествомъ мелкихъ владѣльцевъ, которые послѣ Тридцатилѣтней войны усилили свою власть, вслѣдствіе ослабленія другихъ элементовъ общественной жизни, но чрезъ это усиленіе не приобрѣли широты взгляда и достоинства: это были не государи, а помѣшники, хлопотавшіе только о томъ, какъ бы получить побольше дохода отъ своей земли, отъ своихъ людей, не заботясь объ интересахъ общаго отечества, объ укрѣпленіи сознаннаго начала, которое могло дать Германіи самостоятельное значеніе и вышій къ ней уваженіе въ сосѣдяхъ. Слѣдовательно и со стороны слабой, беззащитной Германіи завоевательныя стремленія Франціи могли встрѣтить такое же ничтожное сопротивленіе, какъ и со стороны Испаніи. Швеція, сыгравшая такую важную роль въ Тридцатилѣтней войнѣ и получившая по Вестфальскому миру владѣнія въ Германіи, получила вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную обязанность защищать интересы Германіи; но Шведское правительство позволило Франціи обольстить себя и вступило съ нею въ союзъ. Раздробленная Италія также не могла противопоставить Франціи никакой пречуды. Англія не могла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ континента, будучи занята

внутреннею борьбою, и король Англійскій позволилъ себѣ сдѣлаться пенсіонеромъ короля Французскаго. Такимъ образомъ, отношенія перемѣнились, и представитель Габсбургскаго дома, государь Австрійскихъ земель, носившій титулъ императора Римскаго и короля Германскаго, долженъ былъ защищать Германію и Испанію отъ Франціи при самыхъ неблагоприятныхъ для себя условіяхъ, даже, наконецъ, принужденъ былъ спокойно смотрѣть, какъ Французскій король, знаменитый Людовикъ XIV, подъ всякими предлогами захватывалъ Германскія земли. На это положеніе осуждала его борьба, подымавшая внутри его владѣній, именно въ Венгріи. Неудовольствія противъ Австрійскаго правительства не прекращались въ этой странѣ: слышались сильныя жалобы на повеленіе ибмедкихъ войскъ, расположенныхъ въ венгерскихъ крѣпостяхъ; особенно сильныя жалобы слышались на притѣненія, которыя терпѣли протестанты. Значительнѣе и богатѣйше магнаты составили заговоръ и вопли въ сношенія съ султаномъ, предлагая ему подданство. Заговоръ былъ открытъ, главы его казнены смертію; но волненія не прекращались, и наконецъ, въ 1678 году, возстаніе вышло подъ предводительствомъ молодого вельможи Эммериха Текели, который началъ свое дѣло очень удачно. Опасность для Австріи еще болѣе усилилась, когда въ 1682 Текели поддался султану. Турція, которая начинала уже разлагаться, судьба сильно полагавшаяся во второй половинѣ XVII вѣка: пограничныя волненія въ трехъ сосѣднихъ державахъ дали ей возможность въ послѣдній разъ предпринять наступательное и побѣдоносное движеніе на христіанскій міръ. Мы видѣли, какъ на Польской Украинѣ Дорошенко, недовольный Польскимъ правительствомъ, поддался султану, слѣдствиемъ чего было нашествіе Турокъ на Польшу, взятіе Каменна и тяжелый для Польши Журавинскій миръ. Покончивъ съ Польшею, Турки ударили на Русскую Украину и разорили Чигиринъ, послѣ чего Россія послѣдила заключить съ ними не очень благоприятный для себя миръ. Теперь слуха на Австрійской Украинѣ, въ Венгріи, подданство Текели приглашало побѣдоносное турецкое войско подъ стѣны Вѣны. Но если Туркамъ удастся нанести этотъ послѣдній, рѣшительный ударъ, овладѣть столицей главы священной Римской имперіи, то что станется съ Восточною Европою: устоятъ ли Польша и Россія, что будетъ съ Италіей? До сихъ поръ торжество Турокъ условливалось тѣмъ, что они нападали поодиночкѣ на сосѣднія державы; и теперь они вышнваются въ венгерскія дѣла, вооружаются противъ Австріи, заключивъ миръ съ Россією; слѣдовательно единственное средство отклонить странную бѣду отъ Восточной Европы состояло въ заключеніи союза между ея державами для дружнаго огнра Оттоманамъ. Польскій король Янъ Собескій понялъ, что торжество Турокъ надъ Австрією будетъ гибелью для Польши, и по-

тому рѣшился вступить въ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ. Людовикъ XIV, радовавшійся бѣдѣ Габсбурговъ, поддерживавшій Текели, старался отговорить и Яна Собѣскаго отъ поданія помощи Австрiи. Ничъ отвѣчалъ, что останется спокойнымъ зрителемъ торжества Турокъ надъ Австрiею только въ такомъ случаѣ, если Французскій король обяжется явиться на помощь къ Польнѣ со всѣми своими силами, когда Турки, по взятiи Вѣны, пойдутъ на Краковъ. Людовикъ не далъ этого обязательства, — и Собѣскій остался при своемъ намѣренiи помочь Австрiи. Но въ Польшѣ не всѣ думали одинаково съ нимъ. Во время сейма 1683 года явилось множество сочиненiй, въ которыхъ толковалось противъ войны съ Турками за Австрiю: „Никогда мы не хотѣли брать себѣ королей изъ Австрiйскаго дома, а теперь хотимъ воевать для того, чтобы удержать подъ ихъ игомъ братью нашу въ Венгрии, Моравiи, въ Чехахъ, въ Краковѣ! Правда, Турки распространятъ свои владѣнiя до Дуная, — но что намъ до этого за дѣло? Когда, два года тому назадъ, императоръ могъ бояться, что Висла отойдетъ подъ власть Турокъ, пришелъ онъ къ намъ на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южнiя страны представляють имъ болѣе лакомую добычу, чѣмъ наша Польша; наши вѣчные враги — Бранденбургъ и Австрiя. Вотъ почему отцы наши всегда старались о дружбѣ съ Францiею, которая помочь намъ всегда можетъ, а покорить — никогда.“

По Собѣскому удалось осилить французскую факцию. Сеймъ согласился на союзъ Австрiйскій, который и былъ заключенъ въ маѣ 1683 года; императоръ обязался выставить въ поле 60,000 войска, король — 40,000; оба государя обязались спѣшить со всѣми своими силами навстрѣчку, если Турки осадятъ Вѣну или Краковъ; наконецъ оба государя обязались уговаривать къ союзу и другихъ владѣльцевъ, особенно стараться всѣми силами привлечь къ нему свѣтлѣйшихъ царей Московскихъ (*Serenissimos Moschorum cesares*).

Въ июлѣ мѣсяцѣ 200,000 турецкаго войска, подъ начальствомъ великаго визиря Кара-Мустафы, перешло Раабъ и устремилось прямо къ Вѣнѣ. Императоръ Леопольдъ со всѣмъ дворомъ остался столицу, поручивъ ея защиту графу Штарембергу. Штарембергъ выжегъ предместья, отбилъ всѣ приступы, продержался шесть недѣль и дождался извѣстителей: къ Вѣнѣ подошло 84,000 христіанскаго войска — 27,000 Австрiйцевъ — подъ начальствомъ герцога Лотарингскаго, 11,400 Саксонцевъ — подъ начальствомъ курфюрета Югана-Георга, 11,300 Ваварцевъ — съ курфюретомъ своимъ Максомъ-Эммануиломъ, 800 Франконцевъ — подъ начальствомъ князя Валденскаго и 26,000 Поляковъ подъ начальствомъ самого короля Яна Собѣскаго. Собѣскій принялъ начальство надъ всѣмъ соединеннымъ войскомъ, 12 сентября ударилъ на Турокъ и одержалъ надъ ними блистательную побѣду: оставивши

весь свой богатый станъ въ добычу побѣдителямъ, Кара-Мустафа убѣжалъ къ Раабу. Собѣскій преслѣдовалъ непріятели и вторично поразилъ его подъ Парканами.

Несмотря на то, въ Константинополѣ не думали о мирѣ: Леопольду и Собѣскому нужно было на слѣдующій годъ готовиться къ новой тяжелой борьбѣ, и они стали искать союзниковъ. Весною 1684 года приступила Венеція къ священной оному союзу съ Австрiею и Польшею, котораго патрономъ былъ провозглашенъ папа Иннокентiй XI. И въ договорѣ съ Венеціею былъ внесенъ пунктъ, что три державы приглашаютъ къ союзу всѣхъ государей христіанскихъ и „преимущественно царей Московскихъ.“¹⁾

Янъ Собѣскій долженъ былъ исполнить двойное обязательство, и, разумеется, исполнять его очень охотно. Извѣщая царей о своихъ побѣдахъ подъ Вѣною и Парканами, Собѣскій писалъ, что пришло время изгнать изъ Европы враговъ христіанства; что всѣ христіанскіе государя общають выставить войска на весну, а царскимъ величествомъ можно было бы начать войну и зимою. Въ началѣ 1684 г. явились въ Москву и полномочные послы императорскіе для заключенiя союза противъ Турокъ. Тѣ же побужденiя, которыя заставили Собѣскаго помочь Австрiи, должны были дѣйствовать и въ Москвѣ: Турцiя въ послѣднее время явилась для Россiи самымъ опаснымъ врагомъ, съ которымъ нельзя было управиться въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, какъ доказала послѣдняя война; а теперь представлялся вѣрный случай вознаградить себя за эту войну въ союзѣ съ другими христіанскими державами, — союзѣ, котораго слѣдствiя на первыхъ же порахъ оказались столь блистательными. Не принять участiя въ священной войнѣ, и если слѣдствiемъ будетъ торжество Турокъ, — то надобно будетъ безпрестанно опасаться появленiя турецкихъ ратей подъ Кіевомъ; если же Польша безъ русской помощи получитъ отъ Турокъ выгодный и славный миръ, — то первымъ ея дѣломъ будетъ потребовать отъ Россiи вооруженною рукою исполненiю Андрусовскихъ условий, т.-е. возвращенiя Кіева. Слѣдовательно благоразуміе требовало приступить къ священному союзу противъ невѣрныхъ, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши въ этомъ союзѣ, заставить ее заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева въ русскую сторону. Переговоры объ этомъ мирѣ начались въ январѣ 1684 года на старомъ мѣстѣ, въ пограничномъ селѣ Андрусовѣ. Тридцать девять разъ съѣзжались уполномоченные и ничего не рѣшили: Поляки не уступали Кіева, Русскіе не соглашались подать помощи противъ Турокъ.

Въ маѣ 1684 года, въ Москвѣ шли переговоры между Голлицынымъ и послами императорскими — Жировскимъ и Влюмбергомъ. Послѣдніе объявили

¹⁾ Zinkeisen — Geschichte des Osmanischen Reiches, V, 87; Rogalskiego — Dzieje Jana III Sobieskiego, 126.

желаніе цесарскаго величества, чтобъ великіе государи помогли противъ Турскаго султана, отняли у него правую руку—Крымъ. Много войска на Крымъ посылать не-дѣла-чего: можно послать однихъ Черкасъ, которые подъ владѣніемъ гетмана Ивана Самойловича, придавъ къ нимъ нѣсколько пѣшихъ полковъ; цесарское величество другой помощи не требуетъ, желаетъ только, чтобъ правую руку у султана удержать. Голицынъ отвѣчалъ: „У великихъ государей съ королемъ Польскимъ осталось только девять перемирныхъ лѣтъ, и если великіе государи, вступивъ за цесаря и короля Польскаго въ войну съ Турскимъ султаномъ, рати свои утрудятъ, а Польскій король, по истеченіи перемирныхъ лѣтъ, наступитъ войною на ихъ государство, то великимъ государямъ какая будетъ прибыль? поэтому, не заключивъ вѣчнаго мира съ Польшею, великимъ государямъ отнюдь въ союзъ вступить нельзя, что послы сами могутъ понять“. Послы просили объявить, какое послѣднее намѣреніе со стороны царскаго величества насчетъ отдачи Кіева Полякамъ? Голицынъ отвѣчалъ, что Кіева въ польскую сторону никакъ отдать нельзя, и отдавъ не будетъ, потому что у Малороссійскаго народа съ Поляками за угнѣсеніе вѣры и за другія обиды великія ссоры, и никогда между ними эти ссоры успокоены быть не могутъ; Малороссійскій народъ и имени польскаго слышать не хочетъ. Да и потому Кіева отдать нельзя, что Польскій король Журавинскимъ договорами уступилъ всю Украйну Турскому султану, а султанъ Турскій уступилъ Кіевъ съ принадлежащими къ нему городами и мѣстами и Запорожье въ сторону царскаго величества. Голицынъ окончилъ разговоръ рѣшительнымъ объявленіемъ: „Если король Польскій уступитъ царскому величеству городъ Кіевъ, то царское величество, въ союзъ съ королемъ, будетъ вести войну противъ Крымскаго хана“¹⁾. Между тѣмъ военное счастье, вѣрное Австріи и Венеціи, оставило Собѣскаго: въ 1684 году онъ неулачно осаждалъ Каменецъ; въ 1685 году, не будучи самъ въ состояніи предводительствовать войскомъ по болѣзни, Собѣскій отправилъ гетмана Яблоновскаго въ Молдавію, чтобы, занявши эту страну, отрѣзать Подолю отъ турецкихъ владѣній и принудить Каменецъ къ сдачѣ. Яблоновскій перешелъ Днѣстръ и вторгся въ Молдавію, но скоро принужденъ былъ возвратиться съ значительнымъ урономъ. Это заставило короля возобновить переговоры съ царямъ о союзѣ. Въ началѣ 1686 года въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе, воюда Познанскій, Гримультовскій и канцлеръ Литовскій князь Огинскій. Семь недѣль князь Вас. Вас. Голицынъ съ товарищами спорилъ съ Гримультовскимъ и Огинскимъ: послы, не соглашавъ на предложенія бояръ, уже объявили переговоры прерванными, откланялись царямъ, пригото-

вились къ отъѣзду, и опять возобновили переговоры, „не жала“, какъ говорили, „столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять“. Наконецъ, 21 апрѣля, всѣ споры прекратились и заключенъ былъ вѣчный миръ: Польша уступила Кіевъ навсегда Россіи; великіе государи обязались—разорвать миръ съ султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ, послать немедленно войска свои на Крымскія переправы для защиты Польши отъ татарскихъ нападений; приказать Донскимъ казакамъ чинить воинскій промыселъ на Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ 1687 году послать всѣ свои войска на Крымъ. Обѣ державы обязались не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ. Кроме того, было постановлено, что Россія, въ вознагражденіе за Кіевъ, заплатитъ Польшѣ 146,000 рублей; къ мѣстамъ на западномъ берегу, оставшимся вмѣстѣ съ Кіевомъ за Россією, къ Триполью, Стайкамъ и Василькову прибавлено земли верстъ на пять; Чигиринъ и другіе разоренные города внизъ по Днѣпру, отошедшіе по послѣднему миру отъ Россіи къ Турціи, положено не возобновлять. Православные въ польскихъ областяхъ не подвергаются никакому притѣсенію со стороны католиковъ и униатовъ; католики въ Россіи могутъ отправлять свое богослуженіе только въ домахъ.

За подтвержденіемъ договора со стороны королевской отправился въ Львовъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольный Чаадаевъ. Они два мѣсяца ждали короля; Собѣскій въ 1686 году самъ отправился съ войскомъ въ Молдавію, овладѣлъ Яссами, но, окруженный со всѣхъ сторонъ толпами Татаръ, долженъ былъ совершить трудное отступленіе съ голоднымъ и больнымъ войскомъ. Печаленъ пріѣхалъ Собѣскій во Львовъ, а тутъ еще новое горе: надобно было скрѣпить присягою договоръ, которымъ Польша навсегда отказывалась отъ Кіева; со слезами на глазахъ присягнулъ король²⁾.

Между тѣмъ въ Москвѣ, еще прежде окончательнаго дипломатическаго закрѣпленія Кіева за Россією, постигли окончить великое дѣло церковнаго воссоединенія Восточной и Западной Россіи, условливаемаго и воссоединеніе политическое. Въ XV вѣкѣ политическое раздѣленіе обѣихъ частей Россіи подъ различныя династіи—Рюриковскую и Редичинскую—имѣло слѣдствіемъ раздѣленіе Русской Церкви: Литовскіе князья, владѣніе Кіевомъ, не хотѣли, чтобъ ихъ русскіе подданные въ церковномъ отношеніи завлѣкли отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, и настояли на посвященіи особаго митрополита въ Кіевъ. Въ XVII вѣкѣ Кіевъ присоединился къ Москвѣ, и наслѣдники Калиты, стремясь къ собранію Русской Земли, уничтожаютъ дѣло князей Литовскихъ, воссоединяютъ Русскую Церковь чрезъ подчиненіе Кіевскаго

¹⁾ Дѣла Польскія и Цесарскія означеннаго года въ Москов. Архивъ Им. Ип. Д.

²⁾ Дѣла Польскія и Цесарскія означеннаго года въ Московск. Архивъ Им. Д., дѣла 1686 года; Zuluski—Epistolae 1, 2, p. 989, 1135

митрополита Московскому патриарху; но вмѣстѣ съ этимъ Москвѣ въ церковномъ отношеніи подчинилось и все зависѣвшее отъ Кіевского митрополита православное русское народонаселеніе, еще оставшееся въ польскихъ владѣніяхъ.

Это важное дѣло было улажено при помощи гетмана Ивана Самойловича, съ которымъ во все это время велись долгіе переговоры насчетъ союза съ Польшею противъ Турокъ и Татаръ: Польскій союзъ попрежнему встрѣчалъ сильное сопротивленіе въ Малороссіи.

Сношенія съ гетманомъ начались въ маѣ 1683 года. Самойловичъ на первый разъ отвѣчалъ, что союзъ съ христіанскими государями — дѣло хорошее, но прежде надобно заключить съ Польшею вѣчный миръ, по которому Польша должна отказаться отъ Кіева и отъ всей Малороссіи, отъ войска Запорожскаго городоваго и низоваго; потомъ надобно постановить, чтобъ русскія войска не соединялись съ польскими, но управлялись отдѣльно съ крымскими Татарами. Впрочемъ, и противъ союза встрѣчаются сильныя препятствія. Если великіе государи, вельдѣтвіе союза съ королемъ и цесаремъ, разорвутъ перемиріе съ Турками и Татарами, то король и цесарь дадутъ объ этомъ знать буюрманамъ: тѣ испугаются и предложатъ миръ, король и императоръ помирятся, и тогда вся тяжесть войны обрушится на Россійское царствіе; да есльбы они и не помирлись съ Турками, но если султанъ обратится со всѣми своими силами на насъ, то не только цесарь за дальнимъ разстояніемъ не придетъ на помощь, — не поможетъ и король Польскій. Союзъ между Россією и Польшею не можетъ быть надеженъ уже и потому, что Польки принадлежатъ къ Римскому костелу, а Русскіе — Восточнаго благочестія. Война, бывшая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, породила великія затрудненія между Россією и Польшею; этихъ затрудненій до сихъ поръ никакіе договоры не устранили, отчего у Поляковъ болѣзнь вражды неопѣлмляла, особенно къ войску Запорожскому и народу Малороссійскому, и потому Поляки не только ищутъ всякаго зла державѣ царей, но рады бы обрушить небеса на христіанство русское; можно ли же вѣрять ихъ союзу? — подозрительно, что король Польскій не показалъ царскимъ посланъ подлиннаго союзнаго договора своего съ цесаремъ и списка съ него къ великимъ государямъ не прислалъ. Хотя бы король Польскій съ цесаремъ и дѣйствительно вступилъ въ союзъ, но если король Французскій не будетъ съ ними, то надѣяться на союзъ нечего, потому что Французскій король сильнѣе цесаря и короля Польскаго, а онъ съ Турками не ссорится, напротивъ: цесарь главный врагъ и потому можетъ вредить союзу.

2 февраля 1684 года, въ праздникъ Сръбтенія, послѣ обѣдни, въ Ватуричъ народъ собирался къ гетманскому дому посмотреть, какъ поведетъ царскій посланный, стольникъ Оликовъ. Впереди шли стрѣльцы въ цвѣтныхъ кафтанахъ, несли царское

жалованье: аксамитъ (парча) серебряный, бай-бекрекъ (бухарская ткань изъ крученаго шелку) коричный, два креста, шесть осетровъ, вязигу, бочку лимоновъ, бѣлугу, свѣжую большую, тему бѣлужью, три юрлочныя бѣлуги, снѣжки свѣжіе бѣлозерскіе, снѣжки нековскіе, бочку вина репскаго, бочку укосу. За жалованьемъ ѣхалъ самъ стольникъ; передъ нимъ сидѣлъ подъячій съ грамотою. У крыльца встрѣтила посланнаго генеральная старшина, а въ сѣняхъ у дверей самъ гетманъ, принявъ честно за руку и пошелъ въ свѣтлицу; стольника велѣ гетманъ по правую руку. Войдя въ свѣтлицу, стольникъ отъ имени великихъ государей спрашиваетъ гетмана о здоровьи, хвалитъ его службу и подаетъ грамоту. Самойловичъ, взявши грамоту, поцѣловалъ въ печать и на государской милости бить челомъ, спрашиваетъ о здравьи великихъ государей. Потомъ стольникъ спросилъ о здоровьи генеральную старшину, и тѣ били челомъ на государской милости. Поднесли царское жалованье, гетманъ опять бить челомъ и говорилъ: „Великая, преславная и неизреченная ко мнѣ великихъ государей царей милость, и за такую милость, жалованье и призрачные десятикратно и стократно бью челомъ и впредь служить, всякаго добра хотѣть, противъ всякаго неприятели работать неотступно не только до крови, но и до смерти не забуду, какъ служилъ отцу и брату ихъ государскому.“ Въ тотъ же день стольникъ и подъячій обѣдали у гетмана, и, когда шли часу за царское здоровье, въ то время трубили на трубахъ, играли въ суренки, били по литаврамъ, — веселился гетманъ безмѣрно.

Несмотря на это безмѣрное веселье, гетманъ былъ недоволенъ: онъ выдалъ дочь за боярина Федора Петровича Шереметева. Фамилія была знатная, но у гетманскаго зятя былъ еще живъ отецъ, бояринъ Петръ Васильевичъ, который мало давалъ сыну на содержаніе, а отъ царей богатаго кормленія не было, потому что бояринъ Петръ жилъ не въ ладахъ съ Голицыными. Гетманская дочь терпѣла нужду, что очень огорчало отца, особенно мать. Самойловичъ говорилъ Оликову: „На боярина князя Василья Васильевича досадовать мнѣ нечего; случилось это не отъ боярина, — мои несчастіемъ, неужели бы я у великихъ государей не упростили или бы имъ не заслужилъ? Я и теперь со всѣмъ своимъ домомъ не могу утѣшиться; жена моя бѣдная и дочь глаза новыплакали; лучше бы мнѣ было голову потерять, нежели такую бѣду видѣть, что дома плачетъ безпрестанный. Влаженной памяти великій государь, царь Федоръ Алексѣевичъ, обѣщала мнѣ, если сыну себѣ зятя хотя бы и низкой породы, то покажетъ его чествою и крестьянами удовлетворитъ. Теперь я бѣдную дочь свою выдалъ за человѣка высокой породы, за боярина Федора Петровича Шереметева, но утѣхи мнѣ отъ этого никакой: что было у дочери моеи и тѣтя, — все въ закладѣ и прощено; свать мой бояринъ Петръ Васильевичъ къ сыну своему неласковъ, ничего сыну своему не даетъ и не поучитъ, какъ жить

пристойно съ добрыми людьми, честныхъ почитать, — кто отъ Бога помилованъ и отъ великихъ государей пожалованъ, того надобно чтить. Мое бѣдное сердце оттого сильно сокрушается. А если бы великіе государи пожаловали меня за мою вѣрную службу, приказали зятю моему быть въ Кіевѣ, то я бы его велѣлъ ссужать и со всеми домашними его прокормилъ, въ имѣніи его посылать бы своихъ вѣрныхъ людей, велѣлъ посылать хлѣба всякаго довольно, въ огородахъ овопы. — все было бы пристроено и убережено. Милости прощу у великихъ государей и у благородной государыни царевны, чтобъ мое прошеніе бояринъ князь Василій Васильевичъ донесъ до нихъ, чтобъ приказали зятю моему быть въ Кіевѣ воеводою, а въ товарищахъ послали бы околичнаго Леонтія Романовича Неплюева, — онъ человекъ добрый, въ этихъ краяхъ жить умѣетъ, зять мой при немъ учился бы. Ко мнѣ была бы царская милость, а въ здѣшнемъ Малороссійскомъ народѣ страхъ, что я гетманъ, а зять мой въ Кіевѣ воевода; желаю я этого не для того, что зятю моему въ Кіевѣ будетъ прибыльно, но для осторожности и страху Малосійскаго народа. Да и то бы государская ко мнѣ прелевысокая милость, чтобы дочь моя со мною, съ матерью, съ братьями и сестрою увидѣлась и межъ собою поговорили. А если зять мой что станеть въ Кіевѣ дѣлать непристойно, то я самъ къ нему поѣду, или сына пошлю, или жену и дочь, и велю его уговоривать, чтобы жилъ между людьми пріятно и поважно. А на боярина князя Василія Васильевича никакой досады я не имѣю, и никто ко мнѣ не писалъ, и когя бы свать мой, бояринъ Петръ Васильевичъ, и писалъ, то я бы ему не повѣрилъ, потому что онъ и самъ къ сыну своему не ласковъ. Я боярину князю Василію Васильевичу истинно обѣщаюся, что я ему вѣрный пріятель и слуга; только ты донеси до его милости, чтобъ онъ умилосердился на мои слезы и на плачь всего моего дома, уприсилъ великихъ государей и государыню благородную царевну, чтобъ на весну зятя моего послали въ Кіевъ“.

Стольникъ говорилъ гетману: „Желаніе твое непременно исполнится; великіе государи отнесутъ къ тебѣ зятя и дочь повидаться.“ — „Но кака я мнѣ отъ этого будетъ прибыль?“ отвѣчалъ гетманъ: „и достать зятя мой не проторится и изубытчится; я и такъ посылалъ къ нему деньги, запасы, рыбу, мясо, однако не могу наполнить, а дорога дальняя, пуше людей изгонять и запасы потратить, а если бы былъ въ Кіевѣ, тутъ мѣсто близкое, — и я бы его прокормилъ“.

Голыцинъ велѣлъ Одинцову спросить у гетмана, зачѣмъ онъ не послалъ своихъ Малороссіянъ на кошицію русскихъ уполномоченныхъ съ польскими? Самойловичъ отвѣчалъ: „Положился я на волю государскую, также и на боярина князя Василія Васильевича. — что сдѣлается на комисіи, и великіе государи пожалуютъ, велѣтъ меня извѣстити. Послать мнѣ худыхъ людей — ничего по нихъ не бу-

детъ; а послать добрыхъ — и имъ непригоже за хребтомъ стоять“.

Въ Москву, по обычаю, шли жалобы и доносы на гетмана; доносили между прочимъ, что Самойловичъ корыстуется деньгами, получаемыми съ иппаго откупа (аренды), тяжкаго для народа. Съ предостереженіями насчетъ этихъ доносовъ въ іюлѣ пріѣхалъ къ гетману стольникъ Семенъ Алмазовъ. Самойловичъ, благодаря государей за предостереженіе, отвѣчалъ: „Удивляюсь и скорблю, что такая ложь залетѣла въ высокій слухъ пресвѣтлыхъ монарховъ. Знаю, что если бы Запорожцы соблюдали великимъ государямъ истинную вѣрность, то ничего не говорили бы о дѣлахъ, до нихъ не касающихся. По наущенію кошеваго своего Гришки, надутаго людскимъ духомъ, они безпрестанно управляютъ посольства въ Польшу. Кошевой атаманъ съ своими единомышленниками называется великихъ государей вотчинами, а короли Польскаго отцомъ. Если Запорожцы про regimentъ мой по неприятельскому польскому наговору зло говорятъ, то годны ли они вѣры? Да и кіевскіе жители, именно мѣщане, лгать на меня не имѣли причины, потому что они не несутъ никакихъ тяжестей, кромѣ обычныхъ въ Малороссіи. Развѣ то имъ стало нелюбо, что я обличалъ ихъ и выговаривалъ имъ насчетъ ратушныхъ немалыхъ прибылей, изъ которыхъ они, отдавая въ казну монаршескую только три тысячи золотыхъ, себѣ слишкомъ до десяти тысячъ въ годъ собираютъ; а въ правахъ ихъ старыхъ поставлено, что они, кромѣ отдаваемого кіевскимъ воеводамъ, должны содержать воинскихъ людей на оборону зѣмка и города, кромѣ того, имѣть пушки, пороховыя и свинцовыя запасы, чего теперь у нихъ совершенно нѣтъ; лукавые мужики между собою доходы дѣлятъ, а о томъ не радѣютъ, что необходимо на будущее время для ихъ безопасности. Мѣщане кіевскіе желали бы того, чтобъ въ Кіевѣ ни одного казака не было, а я, гетманъ, хочу, чтобъ ихъ было и много, потому что надобны. Кіевскіе мѣщане и на царскихъ воеводъ негодуютъ и на ратушныя людей жалуются, а дѣлаютъ это, какъ я выражумѣлъ, больше ложно, потому что хотятъ, чтобъ ихъ мужицкая прихоть исполнялась, и никому не были бы обязаны почестію и повинностію. Что касается аренды, то она обновилась такимъ образомъ: мы при царѣ Осодорѣ Алексѣевичѣ пресвѣтлому престолу монаршескому доносили, что войска охотничьи, конные и пѣшіе полки при городовыхъ полкахъ надобны, а платить имъ нечѣмъ, и великій государь хотя изволилъ удѣлить своей казны, однако вирель велѣлъ здѣсь промыслить денегъ. По тому монаршескому повелѣнію, старшина и полковники и всякаго чина люди во время съѣзда своего въ Ватуринѣ сѣдѣли и много думали, какъ бы промыслить денегъ и удовлетворять войско, и всѣ чины постановили: быть арендѣ, ибо отъ вина ни казаки, ни посольскіе люди никакой прибыли не имѣли, одинъ шляхари чрезмѣрно богатѣли. Установлена аренда не по-

вымъ вымысломъ, обновленъ старый обычай: и при Богданѣ Хмельницкомъ аренда не прекращалась по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и могло тогда съ одного или двухъ полковъ столько денежной казны приходиться, сколько теперь со всего края приходиться; а между тѣмъ на Хмельницкаго за то никто не жаловался и никому тогда не было обиды. Арендные сборы на срокъ не я, гетманъ, собираю: на то особые назначены люди, которымъ вѣрить можно, и я радъ былъ бы, если бы великіе государи изволили кого-нибудь прислать отъ себя для очистки моей въ тѣхъ арендовыхъ приходахъ; до сихъ поръ никто ко мнѣ не отзывался съ тѣмъ, что отягченъ арендой. А войско охотничье, для котораго аренды поставлены, держалъ я по волѣ монаршейской; да и кажется мнѣ, надобно оно было здѣсь, потому что во время мятежа на Москвѣ я этихъ войскомъ, удержалъ малодушіе головъ неспокойныхъ, которыя безъ того, побуждаемая польскою прелестью, возбудили бы раздоры. Покорно прошу милостиваго себя указа: отмѣнить ли аренды, или оставить ихъ попрежнему для войска; если отмѣнить аренды, то надобно и войско распустить, а распустить его, — то оно обратится въ польскую сторону. Поляки тому будутъ рады; если отмѣнить аренды, а войско не распустятъ, то на него надобно будетъ ежегодное призрѣніе царскаго величества. А про свойственничковъ моихъ такую даю очистку, что кромѣ сына моего Симеона Ивановича да племянника Михайлы Васильева на полковничествѣ нѣтъ, и держу ихъ на этихъ мѣстахъ въ надеждѣ, что отъ нихъ полчанамъ никакихъ притѣсненій нѣтъ; а если послышу жалобы, то отставлю, будучи въ состояніи и при себѣ ихъ прокормить. О зятѣ моемъ, бояринѣ Теодорѣ Петровичѣ Шереметевѣ, въ палатѣ монаршейской выросло размышленіе, что быть ему въ Кіевѣ на воеводствѣ, а теперь ему иное говорятъ мѣсто. И я долженъ сильно сокрушаться объ этой переѣздѣ, потому что жалость мнѣ велика и стыдъ предъ всѣми учинится, если послѣ такихъ слуховъ зять мой въ Кіевѣ не окажется“.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Батуринъ къ гетману одинъ изъ самыхъ бойкихъ дѣлцовъ московскихъ, думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Пріѣхалъ онъ говорить съ гетманомъ о двухъ великихъ дѣлахъ: о старомъ дѣлѣ, о союзѣ съ Польскимъ королемъ противъ Турокъ и Татаръ, и о новомъ — объ избраніи Кіевского митрополита. Самойловичъ сильнѣе прежняго былъ противъ союза съ Поляками. „Для чего теперь съ Турками и Татарами миръ разрывать и войну начинать? Если пришлютъ къ великимъ государямъ цесарь Римскій и король Польскій и станутъ ихъ призывать противъ тѣхъ непріятелей въ общую войну, то ихъ можно отказать: великіе государи заключили съ султаномъ и ханомъ миръ безо всякой посторонней помощи, и теперь опять войну начать безъ причины нельзя. За что они сами, цесарь и король, воюютъ съ Турками, о томъ они великимъ госу-

дарямъ не извѣстили и сначала къ союзу ихъ не призывали“.

— „Такъ цесарю Римскому и королю Польскому отказать непристойно, потому что многіе государи христіанскіе помогаютъ имъ въ этой войнѣ“, возразилъ дьякъ.

Гетманъ настаивалъ на своемъ, что отказать можно по многимъ статьямъ: съ Турками и Татарами у Россіи миръ; когда у нея была съ ними война, никто ей не помогъ, безъ стыда отказывали, что не могутъ разорвать мира; потомъ какъ помогать? къ цесарю ратныхъ людей послать — неспасно и никогда не бывало; къ Польскому королю послать подѣ Каменецъ, къ Дунаю и за Дунай — тоже недостаточное и неспасное дѣло; на Крымъ войско послать — на цесарѣ и королѣ какую присягу взять, что они великихъ государей въ этой войнѣ не выдадутъ и особаго мира не заключатъ? Повѣрить присягѣ ихъ? Но присяга ихъ не крѣпка: папа разрѣшаетъ въ присягѣ. Однимъ походомъ всего Крыма не завоевать: возьмемъ городки, — Турки придутъ и станутъ ихъ добывать, а намъ защищать ихъ трудно, потому что на зиму рати надобно оттуда выводить, а если тамъ оставить, то отъ голоду и отъ повѣтрія тамошняго многіе помрутъ и оцынкаютъ“. А главное, покончили гетманъ, „я Полякамъ не вѣрю: они люди лживые и непостоянные, и вѣчные народу Московскому и нашему казачьему непріятели“.

— „Объяви“, спрашивалъ дьякъ, „въ чемъ особенно Польскій король показалъ къ намъ недоброжелательство?“

— „Удивительно, что ты объ этомъ меня спрашиваешь“, отвѣчалъ гетманъ: „когда въ Москвѣ между ратными людьми была смута, онъ этому радовался и, желая большаго зла, разослалъ къ намъ лазутчиковъ съ прелестными письмами, возмущая народъ; — какъ безчестилъ бояръ и думныхъ людей? Султана и хана уговаривалъ къ войнѣ противъ государей; теперь недавно, безъ государева вѣдома, Донскихъ казаковъ и Балмаковъ къ себѣ на помощь призывалъ и многихъ подговорилъ, которые и теперь при немъ. А меня безпрестанно хлопочетъ какъ бы отравить, зарѣзать или застрѣлить. Я крѣпко остороженъ: никого изъ Польши и изъ Литвы не принимаю не только во дворѣ своей въ службу, но и въ города поддѣпровскіе не велю принимать, ни чернецовъ и никакихъ другихъ людей, потому что если бы сдѣлать въ этомъ послабленіе, то давно бы уже я былъ изведенъ, или бы въ Украинѣ отъ тѣхъ бродягъ великая произошла смута. А какія прелестныя письма въ смутное время на сю сторону Днѣпра и за пороги вкинулъ: — я и до сихъ поръ отъ нихъ сокрушаюсь; непостоянные люди за нихъ ухватились и теперь держатся, и какъ ни радѣю, однако этого духа искоренить не могу“.

— „Великіе государи“, говорилъ Украинцевъ, „хотятъ въ это дѣло вступить не для того только, чтобъ помочь цесарю Римскому или королю Поль-

скому; если вѣчные непріятели Церкви Божіей — Турки и Татары — теперь осмѣлят Цесаря и короля Польскаго и пришеволятъ ихъ къ миру, то потомъ встанутъ войною и на насъ, — на миръ надѣяться нечего: они привыкли миръ разрывать: тогда къ нимъ и Польскій король пританетъ, и ему помощь подадутъ настоящие его союзники — Цесарь, папа и республика Венеціанская“.

— „Какъ угодно великимъ государямъ“, отвѣчалъ гетманъ, „а мнѣ кажется нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этого миръ послѣ великой и страшной войны заключить блаженной памяти великій государь царь Феодоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радные въ томъ были. А теперь этого миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не-для-чего. Буди въ томъ ихъ государское и сестры ихъ, великой государыни царевны святое и премудрое разсужденіе и пресвѣтлой ихъ палаты здравые совѣты; но и начать войну — мира искать же, только не скоро его тогда сыщешь; тотъ же король Польскій начнетъ тогда спорить, чтобъ царская казна нестоичалась, а ратные люди гинули на бояхъ. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда-нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно. А войну изъ-за-чего начинать? Прибыли и государствомъ расширенія никакого не будетъ, до Дуная владѣть нечѣмъ — все пусто, а за Дунай — далеко. Валахи все пропали; да хотя бы и были, то они люди непостоянные, — всякому поддаются; король Польскій возьметъ ихъ себѣ; что-жь, изъ-за нихъ съ нимъ спориться? — довольно и старыхъ споръ! Крѣма никакими мѣрами не завоеуешь и не удержишь. Воевать за Церковь Божію? Святое и великое намѣреніе, только не безъ трудности. Церковь Греческая въ утѣшеніи тамъ пребываетъ, и до святой воли Божіей быть тому такъ; а тутъ вблизи великихъ государей Церковь Божію король Польскій гонитъ, все Православіе въ Польшѣ и Литвѣ разорилъ, несмотря на договоры съ великими государями“.

— „Турки и Татары вѣчные христіанскіе непріятели“, повторилъ Украинцевъ, „теперь они съ нами миръ сохраняютъ поневолѣ, потому что ведутъ войну съ Поляками и Ызымакъ; теперь и надъ ними и время промышлять. Теперь все государи противъ нихъ вооружаются; а если мы въ этомъ союзѣ не будемъ, то будетъ стыдъ и ненависть отъ всехъ христіанъ: все будутъ думать, что мы ближе къ бусурманамъ, чѣмъ къ христіанамъ“.

— „Зазору и стыда въ этомъ ни отъ кого не будетъ“, отвѣчалъ гетманъ, „всякому своей цѣлости и прибыли вольно остерегати; больше зазору и стыда — имѣть миръ да потерять его даромъ, безъ причины. Поляки лгутъ, будто имъ христіанскіе государи хотять помогать. Если они теперь поми-

рятся съ Турками и встанутъ на насъ, то можно противъ нихъ Татаръ приговорить; если великимъ государямъ угодно, то я непремѣнно сдѣлаю, что Татары всегда будутъ при насъ“.

— „Не пожелаютъ великіе государи бусурманъ нанимать и наговаривати ихъ на разлитіе крови христіанской“, сказалъ Украинцевъ.

— „Какой въ томъ грѣхъ, что призвать Татаръ на помощь?“ отвѣчалъ гетманъ. „Для чего короли Польскіе ихъ призывали на войну противъ Московскаго государства? Татары подобны мечу оstromу или городу крѣпкому: христіане носятъ же при себѣ мечъ для побѣды надъ непріятелемъ и обороны. Кто ни сеть, только-бы мнѣ былъ другъ и въ нуждѣ помощникъ“.

— „Государства у ихъ царскаго величества постороння и многолюдныя“, говорилъ Украинцевъ, „теперь многіе люди ищутъ и желаютъ службы, безъ войны жить не привыкли, а прокоршиться имъ нечѣмъ; Донецкіе казаки безпрестанно бьютъ челомъ великимъ государямъ, что у нихъ рѣка улюдила, безпрестанно казаки думаютъ о войнѣ, безъ которой прокоршиться имъ нечѣмъ: если не послать ихъ на войну, то надобно давать большое жалованье. Если теперь службы не будетъ, то опасно отъ такого многолюдства, чтобъ ратные люди и Донецкіе казаки не начали какого-нибудь новаго дѣла; да и въ малороссійскихъ городахъ большое многолюдство, охочіе и городовые полки желаютъ службы; чтобъ они не встали и надъ тобою какого зла не сдѣлали, — подумай объ этомъ!“

— „У меня вездѣ остережено“, отвѣчалъ гетманъ, „вездѣ полковники вѣрные и надежные люди; если бы чернь на меня и заневелилась, то у меня охочіе конныхъ и пѣхотныхъ полковъ тысячи съ четыре готовы, да стрѣлцы московскіе. Гораздо опаснѣе, когда московскія и малороссійскія войска будутъ въ соединеніи во время войны; тутъ пожалуй побьютъ бояръ и восведутъ, и меня, тутъ и польская какаля-нибудь хитрость будетъ. Посмотрѣлъ я, когда былъ вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ: бывало, велитъ боярину идти какому-нибудь полку на извѣстное мѣсто, куда необходимо, п отъ полковниковъ начнутъ такіе крики и непослушанья, что трудно и выговорить. У насъ въ полкахъ и не такіе люди, вольница, но если я прикажу идти — идутъ безъ отговорки. Въ Москвѣ не надобно много ратныхъ людей держать, — надобно разсылать ихъ по порубежнымъ городамъ и занимать ихъ тамъ городскими постройками; а въ Москвѣ держати полкъ-другой вѣрныхъ пожалованныхъ людей: Донецкихъ казаковъ, чтобъ поубавить, — послать противъ Черкесъ или Кумыковъ“.

Душному дяку не удалось переспорить гетмана, который стоялъ на одномъ, что не слѣдуетъ мѣнять золотой миръ на желѣзную войну. Украинцевъ кончилъ споръ о войнѣ и занялся другимъ важнымъ дѣломъ. Въ Батуриинѣ, въ Крупицкомъ монастырѣ, жилъ епископъ Луцкій, князь Гедсонъ Святополькъ-Четвертинскій, ушедшій изъ своей епархіи

отъ католическаго гоненія. Думный дякъ отпра-вился къ епископу съ вопросами: о замыслахъ и поведѣніи короля Польскаго; для чего онъ, епископъ, прїѣхалъ въ малороссійскіе города; давно-ль посвященъ въ епископы, гдѣ и кѣмъ.

— „У короля и сенаторовъ“, отвѣчалъ Гедеонъ, „слыхалъ я много разъ, что они, улучивъ время, хотѣть войну начать съ великими государями; а теперь какое у нихъ намѣреніе и поведеніе,—того я не знаю. Прїѣхалъ я сюда потому, что отъ гоненія королевскаго мнѣ житья не было, все—неволя и менипринять Римскую вѣру или сдѣлаться уніатомъ; и теперь, идучи въ походъ, самъ король и королева сказали мнѣ, что когда король придетъ съ войны, а я римляниномъ или уніатомъ не сдѣлаюсь, то меня непремѣнно сошлютъ въ вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Я испугался и прибѣжалъ сюда, желая здѣсь кончить жизнь въ благочестіи. При мнѣ еще держались благочестивые люди многіе, а теперь безъ меня конечно король всѣхъ приневолить въ Римскую вѣру, онъ при томъ сталъ упорно, чтобъ благочестивую вѣру въ Коронѣ и Литвѣ совершенно искоренить. Въ архіерея я посвященъ Діонисіемъ Балабаномъ, митрополитомъ Кіевскимъ“.

Повидавшись съ епископомъ, Украинцевъ имѣлъ разговоръ съ гетманомъ объ избраніи митрополита въ Кіевъ. „Я всегда этого желалъ и хлопоталъ“, сказалъ Самойловичъ, „чтобы въ Малой Россіи на Кіевскомъ престолѣ быть пасгырь; теперь Духъ Св. вліялъ въ сердца великихъ государей и сестры ихъ, что прислали они тебя съ указомъ объ этомъ дѣлѣ. Я стану около этого дѣла радѣть и промышлять, съ духовными и мірскими людьми совѣтовать, а думаю, что нѣмъ малороссійскимъ духовнымъ будетъ это нелюбо. Прошу у великихъ государей милости, чтобъ изволили послать къ святѣйшему Цареградскому патриарху, да подать благословеніе свое и уступить малороссійское духовенство подъ благословеніе Московскихъ патриарховъ. Да чтобъ пожаловали великіе государи меня и весь Малороссійскій народъ, велѣли намъ и впередъ выбирать у себя въ митрополиты вольными голосами по нашимъ правамъ. Знаю я подлинно, что это дѣло не любо будетъ архіепископу Черниговскому (Лазарю Барановичу). Ему и то не любо, что епископъ Луцкій прїѣхалъ сюда въ Малоросію, говоритъ: „Развѣ его митрополитомъ Кіевскимъ сдѣлать, а то другого ему мѣста нѣтъ“. А епископъ—человѣкъ добрый и смиренный, никакой власти не желаетъ“.

— „Если у архіепископа Черниговскаго неавиость къ епископу Луцкому“, сказалъ Украинцевъ, „то ты бы, гетманъ, скоро его, епископа Луцкаго, въ Москву не отпуская, пусть прежде духовные и мірскіе люди выберутъ митрополита въ Кіевъ“.

Отпуская Украинцева, гетманъ сдѣлалъ новое предложеніе: „Указали бы великіе государи въ Кіевъ, Переяславъ и Черниговъ перевести на вѣчное житье Русскихъ людей (Великороссіянъ) съ женами и дѣтьми, тысячъ пять или шесть, и этимъ

Малороссійскій народъ обнадежился бы, что государи никому Малоросіи не уступятъ. а Поляки бы пришли въ отчаяніе“¹⁾.

Самойловичъ не удовольствовался тѣмъ, что говорилъ Украинцеву противъ польскаго союза; онъ послалъ съ нимъ въ Москву на письмѣ длинную перечень причинъ, почему опасно было вступать въ союзъ съ Польскимъ королемъ: „Подъ гномъ турецкимъ“, писалъ гетманъ, „оборѣются народы Православной Греческой вѣры, Валахи, Молдаване, Болгары, Сербы, за ними многочисленные Греки, которые всѣ отъ папина начальства укрываются и утѣшаются однимъ именемъ Русскихъ царей, надѣясь когда-нибудь отъ нихъ получить отраду. Известно, что папешаны усердно хлопочутъ въ Иерусалимѣ овладѣть Гробомъ Господнимъ. Если бы чрезъ вступленіе царскихъ величествъ въ союзъ цесарю Римскому и королю Польскому посчастливилось овладѣть турецкими областями и принудить тамошніе народы къ униі, въ самомъ Иерусалимѣ возвысить римскій крестъ и понизить Православіе, то отъ этого всѣ православные народы получили бы неутолимую жалость. Слѣдовательно надобно, предъ вступленіемъ въ союзъ, выговорить безопасность Православія, ибо великимъ государямъ союзъ этотъ можетъ бѣть нуженъ только для сохранения и умноженія Православія, да для того, чтобъ здѣсь расширить границу нашу по Днѣстръ и по Случь; а безъ корысти для чего вступать въ союзъ? Да если бы Поляки и обязались уступить эти рубежи и не трогать Православія, то никогда не сдержатъ обѣщанія, ибо напъ разрѣшить отъ присяги. Царскихъ подданныхъ, Калмыковъ и казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, тайными подсылками и прелестями Поляки къ себѣ перезываютъ; изъ всего видѣть можно, что Поляки преславному Россійскому царству враги: за одну вѣру нашу Греко-Россійскую, которую они уничтожаютъ и искореняютъ, надобно бы съ ними вѣзмъ Православнымъ христіанамъ побороться. Вели великимъ государямъ угодно будетъ непремѣнно вступить въ союзъ, то не удобнѣ ли будетъ, по крайней мѣрѣ, отложить его, чтобъ дать войскамъ отдохнуть и укрѣпить границу?“

Въ январѣ 1685 года прїѣхалъ въ Москву старшій канцеляристъ Василій Кочубей съ предложеніями отъ гетмана—удержать рѣку Сожъ, ввести Запорожье въ исключительное владѣніе великихъ государей. „А такъ какъ вся тамошняя сторона Днѣпра, Подолія, Волины, Подгорье, Подляшь и вся Красная Русь всегда бы монархіи Русской съ начала бытія здѣшнихъ народовъ принадлежали, то безгрѣшно бы было свое искони вѣчное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время“. Кочубей подалъ перешаченную грамоту королевскую къ Бѣлоцерковскому протопопу съ увѣщаніемъ поднимать Мало-

¹⁾ Дѣла Малороссійскія и Турецкія означенныхъ лѣтъ въ Моск. Архивѣ Мин. Ип. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи. столбецъ Приказнаго стола, № 2055.

россиянъ къ соединенію съ Польшею. „Нѣтъ такой цѣны и такого изживенія, какаго бы я пожалѣлъ на воздвигнутіе вопища казачкаго и всего народа Россійскаго“, писалъ Собскій.

Касательно втораго дѣла митрополичьяго — избранія — гетманъ уже даль знать о немъ знатнѣйшему духовенству, и Кочубей привезъ въ Москву отвѣтныя грамоты къ Самоилвнчу отъ Черниговскаго архіепископа, также отъ Кіево-Печерскаго архимандрита Варлаама Яенискаго и другихъ игуменовъ кіевскихъ монастырей: всѣ благословляли мысль великихъ государей дать пастыря первѣйшей Русской митрополіи. Кочубей объявилъ о епископѣ Луцкомъ Гедеоѣ, что онъ вѣдь очень боленъ, едва не умеръ; болѣзнъ приключилась ему съ того времени, какъ прѣѣхалъ его священникъ изъ Москвы и привезъ ему царскую грамоту, въ которой епископъ не былъ названъ княземъ, тогда какъ король Польскій въ своихъ грамотахъ всегда называлъ его княземъ; епископъ человекъ мнительный: ему показалось, что на него за что-нибудь государскій гнѣвъ; если бы епископъ умеръ, то въ Польшѣ обрадовались бы, разгласили бы, что Богъ покаралъ его за покинутіе своей епархіи. Гетманъ велѣлъ Кочубею доложить князю Голицыну, можно ли епископу прѣѣхать въ Москву, поклониться великимъ государямъ.

Цари отвѣчали, что перемирія съ Польшею нарушить нельзя, и сколько остается лѣтъ этому перемирію, — гетману и всему войску извѣстно; слѣдовательно, когда придетъ время, Поляки примутъ месть отъ Бога за гоненіе на Православную вѣру, чего великіе государи усердно желаютъ и впродъ желать будутъ. За труды по избранію митрополита великіе государи гетмана милостиво и прешлоливо похваляютъ, пусть старается окончить это дѣло немедленно.

Гетманъ просилъ совершеннаго наставленія, какое чинить духовному чину предложеніе относительно избранія митрополичьяго. Съ отвѣтомъ поѣхалъ въ Батуринъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, окольничій Неплюевъ: „Совѣтовавъ съ духовными всѣхъ малороссійскихъ городовъ, съ старшиною генеральною и со всѣми полковниками, выбрать мужа въ Божественномъ Писаніи искуснаго, тихаго и разумнаго изъ тамошнихъ природныхъ обывателей, а не изъ прѣѣзжихъ. А какъ тому митрополиту поступать и какое послушаніе оказывать святѣйшему Кнрѣ Іоакиму, патріарху Московскому и всея Руси, и его преемникамъ; какъ судить; по какимъ причинамъ и тягостямъ власть Константинопольскаго патріарха отложить; въ какомъ почитаніи гетмана, старшину и все войско Запорожское имѣть, и о всякихъ церковныхъ дѣлахъ писать къ св. патріарху Московскому, а къ св. Константинопольскому патріарху ни о чемъ не писать и не посылать, причтанія никакого къ нему не имѣть, ходъ послушаніемъ у него не быть и изъ-подъ его паствы, за разстояніемъ дальняго пути, совершенно отстать, потому что прежнее отлученіе и благо-

словенство константинопольское занесено было извѣстію и рвеніемъ непріятельскимъ, особенно въ нынѣшній времена отъ богоотступника уніата епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и другихъ подобныхъ ему, на развращеніе Церкви Божіей, отчего выросли многіе расколы и паденіе Церкви въ Руси Красной и на Волыни, и въ другихъ мѣстахъ; Кіевскому митрополиту имѣть у себя въ области духовныхъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ; по степеніи Кіевской митрополіи быть первою между Россійскими митрополіями: — обо всемъ эгомъ написать статьи со всякою крѣпостію и осторожностію, подписать ихъ митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшигѣ, всѣмъ полковникамъ, есауламъ и сотникамъ, и печатами укрѣпить, и повозбраннаго митрополита для архинастырскаго рукоположенія отпустить въ Москву.“

Кромѣ наказа о митрополитѣ, гетманъ просилъ, чтобъ станицы Донскихъ казаковъ не всегда пропускать въ Москву, но отправлять ихъ въ Курскъ. На это Неплюевъ долженъ былъ ему сказать: Донскимъ казакамъ дѣла свои надобно доносить въ Москвѣ въ Государственному Посольскомъ Приказѣ; да и потому Донскимъ казакамъ на Курскѣ ѣздить непрістойно, чтобъ Украйны казаки совершенно не знали и ни съ кѣмъ бы согласія и совѣтовъ не имѣли; гетману самому извѣстно, что Донскіе казаки люди непостоянные, и многіе отъ нихъ противные поступки являютъ. Наконецъ Неплюевъ долженъ былъ объявить гетману, что великіе государи жалуютъ ему въ потомственное владѣніе 52 крестьянскихъ двора въ Пронскомъ уѣздѣ и въ даръ для потѣхи морскаго медвѣдя.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ отправилъ въ Кіевъ присутствовать на митрополичьемъ избраніи войскаго есаула Ивана Мазепу и четверыхъ полковниковъ; что духовенство не будетъ противиться подчиненію митрополита Кіевскаго Московскому патріарху; по онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, беретъ челомъ великимъ государямъ, чтобъ они послали поскорѣе грамоту къ патріарху Константинопольскому, — иначе тотъ можетъ предать гетмана и лицъ, бывшихъ на избраніи, и митрополита проклятію: „Извѣстно, что греческія духовныя власти по малой винѣ склонны бываютъ къ недачѣ благословенія. Да и потому нужно поскорѣе послать, что изъ польскихъ областей будутъ побуждать Константинопольскаго патріарха къ выдачѣ неблагословенія.“ Гетманъ при этомъ случаѣ прислалъ копіи съ грамоты Константинопольскаго патріарха Парвенія, союзволяшаго, чтобъ Московскій патріархъ посвятилъ въ Кіевъ митрополита. Гетманъ писалъ, что монаршеская благость утѣшила его въ плачѣ глубокомъ: въ мартѣ умерла дочь его, боярыня Шереметева, которой мужу онъ уснѣлъ наконецъ доставить Кіевское воеводство, а въ июнѣ умеръ старшій сынъ Семень, полковникъ Стародубскій: „Сынъ любимый, первородный, надежда старости.“ какъ писалъ ста-

рнкъ. Царскій посоль Неплюевъ, „будучи здраваго разума и разсужденія, утѣшательными словами въ то время горькой печали“ много помогъ гетману, и ѣздяль съ нимъ за 30 верстъ отъ Ватурина въ Макошинскій монастырь, гдѣ старикъ прощался съ сыномъ, котораго тѣло везли въ Кіевъ на погребеніе.

Самойловичъ писалъ Голлицыну, что, отправляя въ Кіевъ Мазену съ товарищами, онъ далъ имъ наказъ ни подъ какимъ видомъ не объявлять, кого желаетъ гетманъ въ митрополиты, а только прислушиваться, къ кому будетъ духовенство желательно, и кого изберутъ—этого избранія не разорять. Но и безъ внушенія Мазены было известно, что гетманъ желаетъ видѣть митрополитомъ Гедео-на Четвертинскаго, а не Лазаря Барановича, съ которымъ у него были нелады. Лазарь самъ не поѣхалъ въ Кіевъ на митрополичьи выборы и не послалъ никого изъ знатнаго духовенства своей епархіи. Это обстоятельство сначала сильно мѣшало выборамъ; мѣшало и новое условіе, при которомъ совершались выборы,—переходъ отъ Константинопольскаго патріарха къ Московскому, такъ что многіе „обрутались аки въ растерзаніи ума“, по словамъ Самойловича. Наконецъ избирателей смущалъ слухъ изъ Бѣлгородской епархіи: разсказывали, что тамъ митрополичьи чиновники сильно угнетаютъ бѣлое духовенство поборами, бьютъ священниковъ на правѣжѣ, наказываютъ тѣлесно, вводятъ новые московскіе обычаи, велѣтъ при крещеніи окузать, а не обливать, отчего неправыкіе поны много младенцевъ потопили. Несмотря на эти помѣшки, дѣло сдѣлалось, и 8 іюля 1685 года былъ избранъ единогласно Гедеоиъ, князь Святопольскъ-Четвертинскій. Увѣдомляя объ этомъ счастливомъ событіи царей, гетманъ просилъ, чтобы: во-1) всѣ древнія прана и вольности малороссійскаго духовенства оставались неприкосновенными; 2) чтобы Кіевская митрополія считалась первою между русскими митрополіями; 3) уговорить Константинопольскаго патріарха, чтобы уступилъ права свои на Кіевскую митрополію патріарху Московскому; 4) за Кіевскимъ митрополитомъ оставить званіе экзарха Константинопольскаго патріаршества, чтобы Православные епископы въ Польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, что можетъ заставить весь народъ преклониться къ этому новому митрополиту; 5) чтобы Московскій патріархъ поставлялъ и благословлялъ митрополита Кіевскаго, но въ суды его не вступался, какъ не вступался въ нихъ и патріархъ Константинопольскій; 6) чтобы Кіевскій митрополитъ носилъ митру съ стоячимъ крестомъ, и чтобы въ его епархіи передъ нимъ носили крестъ; 7) чтобы въ Кіево-Печерской лаврѣ печатались книги попрежнему, а въ монастырѣ Братскемъ преподавались свободныя науки на языкахъ Латинскомъ и Греческомъ; 8) всѣ обычаи и отношенія духовныхъ властей къ митрополиту оставить по старинѣ; по смерти митрополита, избраніе его преемника должно быть вольное. Въ

Москвѣ согласились на всѣ эти пункты, кромѣ одного, чтобы Кіевскій митрополитъ носилъ титулъ экзарха Константинопольскаго патріарха, ибо здѣсь заключалась явная несообразность: Кіевскій митрополитъ будетъ подчиненъ одному патріарху и въ то же время будетъ называться намѣстникомъ другого! Осенью того же года новозбранный митрополитъ пріѣхалъ въ Москву и былъ, 8 ноября, посвященъ патріархомъ Іоакимомъ.

Дѣло было кончено; но для многихъ оно могло казаться неконченнымъ; такимъ казалось оно и гетману Самойловичу, который боялся, что Константинопольскій патріархъ проклянетъ его и всѣхъ Малороссійянъ за отпаденіе отъ его вѣдомства, и не переставалъ упрощивать царей, чтобы они выхлопотали въ Константинополь изволеніе Кіевскому митрополиту перейти къ вѣдомству Московскаго патріарха. Еще въ концѣ 1684 года Грекъ Захарій Софиръ былъ посланъ за этимъ въ Константинополь къ патріарху Іакову; но патріархъ отвѣчалъ, что теперь у нихъ смутное время, ничего нельзя сдѣлать: визирь при смерти, и неизвѣстно, кто будетъ на его мѣстѣ. Бодѣзнь великаго визиря, разумѣется, не могла остановить дѣла возсоединенія Русской Церкви; и когда уже Гедеоиъ былъ посвященъ въ Москвѣ, въ концѣ 1685 года отправившись въ Турцію подьячій Никита Алексѣевъ и гетманскій посланецъ Лисица — къ султану съ жалобою на переизывъ людей съ восточной стороны Дибъира на западную, къ патріарху — по дѣлу о Кіевской митрополіи. Въ Андрианополь, гдѣ находился тогда султанъ, явился къ Алексѣеву Грекъ Юрій Мелевигъ и объявилъ: „Когда великъ у патріарха Грекъ Софиръ съ грамотою великихъ государей о Кіевской митрополіи, то я говорилъ святѣйшему, чтобы послалъ отпущительную грамоту о переходѣ Кіевской митрополіи къ Московскому патріарху. Патріархъ мнѣ отвѣчалъ: „Безъ совѣта съ другими патріархами и безъ созванія своей епархіи митрополитовъ не могу этого сдѣлать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитовъ, и узнаеть объ этомъ визирь и спроситъ въ чемъ дѣло,—то мнѣ какъ ему не объявить? А если мнѣ одному рѣшить это дѣло, то мое отпущеніе не будетъ имѣть никакой силы: да и визирь, если объ этомъ узнаеть, велитъ мнѣ голову отсѣчь, и я безъ визирскаго указа за это дѣло не примусь“. — „Я“, продолжалъ Юрій, „писалъ объ этомъ къ князю Вас. Вас. Голлицыну, и если у тебя есть указъ царскій, то домогайся у визиря, чтобы онъ приказалъ патріарху начинать дѣло“.

— „Это дѣло можно патріарху сдѣлать и безъ визирскаго указа“, отвѣчалъ Алексѣевъ: „визирю объ этомъ дѣлѣ вовсе не нужно знать, и запрещенія патріарху отъ визиря никакого за это не будетъ“.

— „Нѣтъ“. возражалъ Юрій, „никакъ нельзя; надо созвать митрополитовъ, а изъ этихъ митрополитовъ одинъ патріарху друзья, а другіе недруги, и если патріархъ сдѣлаеть дѣло безъ визирскаго

указа. и какой-нибудь митрополитъ донесетъ, что патриархъ списывался съ Москвою, то патриарха сейчасъ казнятъ“.

Алексѣевъ началъ хлопотать, какъ бы повидался въ Адрианополѣ съ Іерусалимскимъ патриархомъ Досиеемъ; но тотъ велѣлъ сказать ему, что прежде свиданія съ великимъ визиремъ этого сдѣлать нельзя. Алексѣевъ былъ у визиря и потомъ отправился къ патриарху. Досией началъ прямо съ того, что не будетъ совѣтовать Константинопольскому патриарху отказываться отъ Кіевской митрополіи въ пользу патриарха Московскаго, потому что подобныя поступки запрещены въ Правилахъ Св. Отець. „Мы не дадимъ своего благословенія: прежде митрополиты кіевскіе пріѣзжали для поставленія въ Царь-градъ, и теперь бы изволили великіе государи писать къ намъ о поставленіи въ Кіевъ митрополита, и мы бы дали благословеніе, что вольно поставить его Московскому патриарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А то пришли просить благословенія, когда ужъ поставили! Это Восточной Церкви раздѣленіе. И совѣтоваться объ этомъ съ Константинопольскимъ патриархомъ не буду, и отсутствительнаго благословенія конечно не дамъ“.

Досиею отвѣчали Лисица рѣзко: „Гетманъ, все войско Запорожское и народъ Малороссійскій въ подданствѣ у великихъ государей; гетманъ желаетъ, чтобъ и духовный чинъ былъ весь подъ благословеніемъ Московскаго патриарха, да какъ уже то сдѣлано, тому такъ и быть“. Алексѣевъ уговаривалъ Досиея тихо и ласково. представляя, что Малороссіянамъ нельзя сноситься съ Константинопольскимъ патриархомъ по дальности пути, за бусурманскимъ гоненіемъ, за военными случаями; общалъ государево жалованье. Досией отвѣчалъ: „И въ это дѣло вступаться не буду, какъ хочеть Константинопольскій патриархъ. а я и за большую казну такого дѣла не сдѣлалъ бы, да Константинопольскому патриарху нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа“.

— „Лучше было бы“, говорилъ Алексѣевъ, „еслибы св. патриархи это святое дѣло сдѣлали, не разглашая невѣрнымъ“. Но Досией остался при своемъ.

Алексѣеву дали знать, что ему нужно ѣздить въ Константинополь для свиданія съ патриархомъ; прежній патриархъ Діонисій былъ снова возведенъ на престолъ и пріѣхалъ по этому случаю въ Адрианополь. Алексѣевъ отправился къ визирю и объявилъ ему о желаніи царей насчетъ Кіевской митрополіи. Визирь обѣщавъ призвать къ себѣ патриарха и приказавъ ему исполнить царскую волю. Алексѣевъ отправился съ эгипи вѣстими къ Досиею и пашель въ немъ совершенную перемену: „И“, сказалъ патриархъ, „принскалъ въ Правилахъ, что вольно всякому архіерею отлучиться изъ своей епархіи къ другому архіерею, а буду уговаривать патриарха Діонисія, чтобъ онъ исполнилъ волю царскую, и самъ буду писать къ великимъ

государямъ и къ патриарху Іоакиму и благословеніе отъ себя подамъ особо, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ“. Діонисій, съ своей стороны, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, общалъ во всемъ исполнить царскую волю, какъ только возвратится въ Константинополь и соберетъ митрополитовъ. Время было выбрано самое удобное: Турки, угрожаемые войною съ трехъ сторонъ, хотѣли поддержать миръ съ Москвою и спѣшили исполнить всѣ царскія желанія; визирь общалъ Алексѣеву, что султанъ запретитъ перезывать людей съ восточной стороны на западную и строить здѣсь города; русскіе пѣльщики были вознаграены. Визирь говорилъ Алексѣеву: „Знаю подлинно, что польскіе послы просили у царскаго величества помощи на насъ и уступали большую землю, но великіе государи наши отвѣчали, что съ султановымъ величествомъ перемирныя лѣта не выйдн. Объяви. когда будешь въ Москвѣ, чтобъ великіе государи теперь султанову величеству какой-нибудь препоны не сдѣлали, а впродѣ у нихъ любовь и дружба еще болѣе будутъ множиться; знаемъ мы, что Московскіе великіе государи славные и сильные, нѣтъ подобнаго нтъ царя изъ христіанскихъ царей“. По просьбѣ Алексѣева, позволено было вновь построить въ Константинополѣ сгорѣвшую церковь Іоанна Предтечи. Изъ Адрианополя Алексѣевъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ подучилъ отъ патриарха Діонисія всѣ нужныя по кіевскому дѣлу бумаги, и подарилъ ему 200 золотыхъ и три сорока еуболей; Досиею Іерусалимскому дано было такъ же 200 золотыхъ. Діонисій просилъ государей прислать жалованье и вѣзмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ уступкѣ Кіевской митрополіи, по примѣру царя Теодора Іоанновича, который прислать жалованье вѣзмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ установленіи Московскаго патриаршества¹⁾.

Такимъ образомъ, скорымъ окончаніемъ своимъ въ Константинополѣ кіевское дѣло было обявано желанію Турецкаго правительства угодить царямъ, чтобъ отворотитъ ихъ отъ союза съ Польшею и Австріею. Но эти угожденія и комплименты великаго визиря не могли обольстить Московское правительство, которое знало, что толь перемѣнится по окончаніи опасной войны. Несмотря на заключеніе мира при царѣ Теодорѣ, Россія постоянно испытывала недружбу турецкую. Въ 1680 году Юрій Хмельницкій посылалъ въ Украину лазутчиковъ и зажигателей. Мирное условіе было нарушено, задѣйствованіе города заселены и Турки перезывали туда людей съ восточной стороны. Чигиринъ заселенъ Волохами; здѣсь явился полковникомъ Петръ Уманецъ, который въ 1683 году нанялъ 8 зажигателей, послалъ ихъ на восточную сторону, и пожары вышинули. Нойманнъ зажигатели разсказали, что пѣлю поджоговъ было принудить жителей восточной стороны Дѣвиря переселиться на западную. Зажигатели эти объявили, что „изъ Пѣ-

¹⁾ Сборникъ (Синод. бібліотеки. № IV.

жина Грекъ Митрофанъ ссылается съ Юріемъ Хмельницкимъ письмами, провѣдываетъ въ Москвѣ, въ украинныхъ и малороссійскихъ городахъ вѣстей, и обо всемъ пишетъ вѣдомость⁴. Московское правительствово впрочемъ спѣшило вооружиться не противъ Турокъ собственно, а противъ крымскихъ разбойниковъ, старая отношенія къ которымъ становились невыносимѣе, по мѣрѣ того какъ въ Москвѣ становились болѣе чувствительными къ народной чести, болѣе привычными къ обращенію съ цивилизованными народами. Въ 1682 году царскій посланникъ Таракановъ далъ знать изъ Крыма, что Нурадинъ, для полученія подарковъ, велѣлъ схватить его, привести къ себѣ въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками. Таракановъ объявилъ, что ничего лишняго противъ прежнихъ дачъ не дастъ. Его отпустили въ станъ на рѣку Алыму, но пограбили всѣ вещи безъ остатка. Велѣдствіе этого, правительница велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, и нужные переговоры и приемъ даровъ будутъ производиться на границѣ. При этомъ цари требовали, чтобъ ханъ прекратилъ войну съ Польшею; а ханъ, наоборотъ, приглашалъ Русскихъ къ нападенію заодно съ Татарами на Польшу. Но въ Москвѣ спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ освободиться отъ крымскихъ униженій, и не могли не раздражаться, когда гетманъ Самойловичъ продолжалъ толковать о необходимости сохранить миръ съ султаномъ и ханомъ. Околичному Неплюеву велѣно было наконецъ сдѣлать Самойловичу выговоръ за его противенство. Гетманъ испугался и послалъ просить у царя милостиваго прощенія, „чтобъ не быть ему въ нечистой печали и приготовленіе на войну съ бусурманами чинить не печальнымъ, но веселымъ сердцемъ“ Великіе государя, въ октябрѣ 1686 года, послали сказать ему, что прегрѣшеніе его милостиво отпускаютъ и предають вѣчному забвенію, и потому онъ долженъ государское повелѣніе исполнять съ радостнымъ сердцемъ. Голицынъ увѣрялъ Самойловича, „своего любезнѣйшаго брата и пріятеля“, что великіе государя содержатъ его въ своей милости всегда неотмѣнно и никогда ихъ милость уменьшена не будетъ. Кромѣ гетмана войска Запорожскаго, явилось противенство еще съ другой стороны: Константинопольскій патриархъ Діонисій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, потому что въ такомъ случаѣ Турки обратятъ свою ярость на единовѣрныхъ съ Русскими Греческихъ христіанъ. „Молимъ и просимъ ваше царское величество“, писалъ Діонисій въ январѣ 1687 года, „не становитесь виновниками пролитія крови такого множества христіанъ, не старайтесь помогать Французанамъ и петрелятъ единовѣрныхъ христіанъ православныхъ; это не будетъ ни Богу угодно, ни передъ людьми похвально“⁴).

Грамота опоздала. Еще осенью 1686 года былъ сказанъ ратнымъ людямъ походъ на Крымъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія Русской Земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія; ни откуда Татары не выводятъ столько плѣнныхъ, какъ изъ нея; продають христіанъ, какъ скотъ; ругаются надъ вѣрою Православною. Но этого мало: Русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпятъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и беззастѣно русскихъ гонимовъ, разоряетъ русскіе города; отъ Турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой²).

Въ челѣ стотысячнаго войска выступилъ въ походъ „большаго полка дворовый воевода, царственные большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ Новгородскій, князь Вас. Вас. Голицынъ. Понятно, какъ Голицыну тяжело было уступить кому-нибудь другому честь завоеванія Крыма; понятно такъ же, какъ должна была беспокоить его и правительницу мысль о возможности неудачи. Есть извѣстіе, что Голицынъ противъ воли принялъ начальство надъ войскомъ, потому что враждебные ему бояре требовали этого, зная, какія препятствія онъ встрѣтитъ. Сборъ ратныхъ людей, по извѣстнымъ намъ причинамъ, былъ очень медленъ; по старому обычаю употреблены были сильныя побудительныя средства, но и тутъ оказалось много помѣшковыхъ въ „нѣтяхъ“. Какъ только Оберегатель удалился изъ Москвы на югъ, такъ уже начались ему неприятности отъ враговъ, особенно отъ главнаго изъ нихъ, князя Мих. Алегуковича Черкаскаго. „Друзей и недруговъ у меня было много“, говорилъ впоследствии самъ Голицынъ. Въ Москвѣ у него оставался вѣрный человекъ, не могшій измѣнить по единству интересовъ,—Шакловитый. Къ нему Оберегатель обращался постоянно изъ похода съ просьбами слѣдить зорко за врагами, не давать имъ усиливаться, наоборотъ,—давать имъ чувствовать силу Голицына, т. е. Софіи. Что сила эта не основывалась на правдѣ,—хорошо чувствовалъ Голицынъ; отсюда его желаніе пріобрѣсти право, отсюда робость предъ общественнымъ мнѣніемъ,—робость, которая заставляла его постоянно оглядываться и прислушиваться. Однажды, во время похода, у Голицына былъ обѣдъ; обѣдало человекъ 50 елишкомъ военныхъ; послѣ обѣда хозяинъ, предложилъ чашу (тость) государеву и рѣшился къ имени царей присоединить имя сестры ихъ, царевны Софіи. Рѣшившись на этотъ поступокъ, Голицынъ немедленно написалъ Шакловитому, чтобъ тотъ прислушался и отписалъ ему, какія будутъ въ Москвѣ рѣчи объ этомъ. Вѣсти изъ Москвы приходили не радостныя: писали, что Черкасскій поднимается, займетъ мѣсто боярина Родіона Стрѣшнева. „Все-

(1) Полное Собр. законовъ II, № 1224.

²) De la Nevville—Relation curieuse et nouvelle de Moscovie p. 65.

гда намъ печаль“, писалъ Голицынъ Шакловитому, „а радости мало, не какъ пшмы, что всегда въ радости и въ своевольствѣ пребываютъ. Я во всѣхъ своихъ дѣлахъ надежду имѣю на тебя, у меня только и надежды, что ты. Пожалуй, отпиши: нѣтъ ли-какихъ дьявольскихъ препои отъ тѣхъ. Для Бога, смотри недреманнымъ окомъ Ч. (Черкаскаго), и чтобъ его въ то не допустить (т-е. на мѣсто Стрѣшинева), хотя-бъ патриархомъ или царевнами (тетками) отбивать.“ Голицынъ писалъ, чтобъ отбивать Черкаскаго патриархомъ: а ему изъ Москвы давали знать, что патриархъ вовсе не преданный ему человекъ, что и патриархъ противъ него, побралъ изъ церкви въ Варшавѣ сдѣланные Голицынымъ ризы и кафтаны и служить въ нихъ не велѣлъ: „О патриаршей дерзости подивляю“, писалъ Голицынъ Шакловитому, „отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ? То дѣлаетъ все воля; какъ бы меньше имѣлъ входъ (на верхъ), тогда-бъ лучше было“. Сильную неприятность получилъ воевода и у себя въ полкахъ. Столыцки, князь Борисъ Долгорукий и Юрій Щербатый, пріѣхали на смотръ въ черномъ платы, люди ихъ были также въ черномъ, лошади покрыты черными попонами. Легко понять, какое сильное впечатлѣніе на войско могли они произвести этою выходкою, при тогдашнемъ суевѣрїи. Голицынъ написалъ Шакловитому, требуя примѣрнаго наказанія виновнымъ. „Всѣмъ полкомъ дивились и говорили: если имъ не будетъ указа, будутъ всё такъ дѣлать. Умило-сердился, донеси добромъ: этимъ бунтовщикамъ учинить указъ добрый. Это пророчество и противность къ государеву лицу, а грамота объ указѣ прислать можно: что вѣдомо государю учинилось, что они такъ ѣхали; то было не тайно, всѣми видимо; а если не будетъ указа, то дѣлать намъ съ ними нечего; чтобъ не потакнуто было; такъ бы разорить, чтобъ вѣчно въ старцы, и деревни немущимъ того часу раздать; учинегъ бы былъ такой образецъ, чтобъ всё задрожали“. Требованіе Голицына было исполнено: Долгорукий, Щербатовъ и двое другихъ своевольниковъ, на которыхъ жаловался воевода. Мосальскій и Дмитріевъ, узнавши, что въ Москвѣ готовятъ на нихъ страшный указъ, испугались, пришли къ Голицыну со слезами и просили прощенія, клянясь, что впредь уже не провинятся. Голицынъ „уступилъ имъ на ихъ слезы“, не велѣлъ сказывать указа, и написалъ къ Шакловитому, чтобъ не просилъ для преступниковъ милость государскую; по его словамъ, наказывать раскаявшихся было не ко времени и не къ дѣлу¹⁾.

Устроивъ окончательное войско на берегахъ рѣки Мерло, Голицынъ въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ въ походъ, направляясь къ Конскимъ Водамъ. На Самарѣ присоединился къ нему гетманъ Самойловичъ, подъ начальствомъ котораго было до 50,000 казаковъ. Соединенныя войска продолжали походъ

къ Конскимъ Водамъ, перешли ихъ 13 июля, достигли урочища Большой Лугъ: о Татарахъ не было ни слуху, ни духу; но встрѣтился другой врагъ, болѣе страшный, котораго не было никакихъ средствъ побѣдить, — степной пожаръ. Голицынъ собралъ совѣтъ, рѣшились продолжать походъ; но въ двое сутокъ прошли не больше 12 верстъ: лошади не выгнались отъ усталости и безкормицы, нигдѣ не было ни травы, ни воды; люди ослабѣли отъ зною и страшной копоти, которая мѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣки, но травы не было; Голицынъ опять собралъ совѣтъ на берегахъ Карачакрака; рѣшили возвратиться назадъ, отправить къ низовьямъ Днѣпра 30,000 войска, пополамъ великороссійскаго и малороссійскаго, московскіе полки пошли подъ начальствомъ окольнича Неплюева, казаки — подъ начальствомъ сына гетманскаго, Григорія.

Главное войско двинулось назадъ и остановилось отдохнуть у Конскихъ Водъ, гдѣ было довольно лѣсу и травы. Донося правительству о своемъ походѣ, прикрывая по возможности его неудачу, Голицынъ писалъ, что Татары не смѣли выйти на встрѣчу къ царскому войску, а повредили ему, зажегши степи. Но въ станѣ у Конскихъ Водъ между русскими начальными людьми дѣло объяснялось иначе: „Распространился слухъ, пишетъ Гордонъ, что казаки, по приказанію или, по крайней мѣрѣ, съ допущенія гетманскаго, сами зажгли степи съ цѣлю помѣшать вторженію Русскихъ въ Крымъ, вслѣдствіе чего между Русскими и казаками открылось взаимное недовѣріе“. И действительно, вѣроятность была на сторонѣ этого предположенія, потому что казакамъ было бы невыгодно, если-бы Русскіе опустошили или покорили Крымъ: тогда и имъ пришлось бы плохо, Москва могла бы безпрепятственно нарушать ихъ права и вольности²⁾.

Между тѣмъ, правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали; она начала думать, какъ бы поправить неудачу, чтобъ Оберсгатель не возвратился съ позоромъ въ Москву; безокоейство увеличилось, когда пришла вѣсть, что степь жгли не Татары, а казаки. Софія рѣшилась отправить въ обозы Шакловитаго, который долженъ былъ предложить Голицыну: „Если возможно какъ ни есть, наготовя конскихъ кормовъ и озанасивъ своими запасами, идти на Крымъ въ промыселъ, а къ Донскимъ казакамъ, которые на морѣ, послать, чтобъ они съ моря Крымъ тревожили и по возможности промышленли. Если того нынѣ учинить вскорѣ невозможно, велѣть приготовить судовъ и сверху, откуда пристойно, препроводить и Казикерменскіе (городки) взять, и изъ нихъ велѣть окольничему Неплюеву и гетманскому сыну со всѣми ихъ полками идти плавною (ратью) на Крымъ, а въ то время отъ себя послать товарищей съ обозами, а съ ними конницы по размо-

¹⁾ Разсказное дѣло о Шакловитомъ въ Археогр. Комисіи.

²⁾ Gordon's Tagebuch, II, 179.

трѣбно стройныхъ людей, да пѣхоты и пушекъ и гранатъ побольше, и промышлять, а запасы и пушки и на конницу конскій кормъ везти на волахъ и назначить срокъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ придти на Крымъ выѣстѣ. Если того учинить нельзя, то постронть на Самарѣ и на Орели города, и всякіе тягости и запасы, и ратныхъ людей по рассмотрѣнію оставить, чтобъ впередъ было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ“. Шакловитый долженъ былъ ратнымъ людямъ сказать милость государскую пространно, а Самойловича похвалить за его радѣніе и сказать ему въ присутствіи Голицына: „Великимъ государямъ извѣстно, что въ степи, позади и по сторонамъ вашихъ обозовъ, жители малороссійскихъ городовъ, ѣхавшіе съ харчами за обозомъ, сожгли конскіе кормы; ты бы, гетманъ, про тотъ пожаръ велѣлъ разыскать со всякими радѣніемъ и виноватыхъ наказалъ немедленно, потому что то дѣло великое, чтобъ отъ такихъ поступковъ немногихъ воровъ, дерзостныхъ и безграшныхъ, малороссійскимъ жителямъ не нанеслось какого-нибудь неудобнаго слова“¹⁾.

Но еще до пріѣзда Шакловитаго люди, ненавидѣвшіе Самойловича—а такихъ было много въ Малороссіи—воспользовались случаемъ, и начали хлопотать, чтобъ неудобное слово нанеслось одному гетману. За объясненіемъ причинъ ненависти къ Самойловичу обратимся къ Малороссійскому лѣтописцу: „Этотъ поповичъ“, говоритъ лѣтописецъ, „сначала былъ очень покорнымъ и до людей ласковымъ; но когда разбогатѣлъ, сталъ очень гордъ не только предъ казаками, но и предъ духовенствомъ. Старшина казакская, пришедши къ нему, должна была стоять, никто не смѣлъ сѣсть, никто не смѣлъ войти на дворъ его съ палкою; также и священники, самые знатные, должны были стоять съ непокрытою головою; къ церкви никогда не ходилъ самъ дары брать, но священникъ къ нему носилъ. Такъ же и сыновья его дѣлали. Если выѣзжалъ куда-нибудь, на охоту что-ли, священникъ не подавался на встрѣчу: будетъ несчастіе,—а самъ былъ поповичъ! Вздилъ окруженный большою толпою, безъ кареты нигуда, ни самъ, ни сыновья его, и при войскѣ все въ каретѣ; такъ былъ гордъ, какъ ни одинъ сенаторъ; и самъ гетманъ и сыновья его, будучи полковниками, вымышляли всякими способами, какъ бы побольше собрать денегъ съ народа. Людей военныхъ мало жаловалъ, для того, чтобы власть его и сыновей расширялась; сыновья его назывались не полковниками, но панами; не думали о переимѣнѣ панства своего, надѣялись на людей наемныхъ и на казну великую; казаковъ ни за что считали и на дворы къ себѣ не пускали, имѣя при дворахъ своихъ стражу сердюцкую, которой платили годовое жалованье; священникъ въ нѣсколько дней не могъ добиться,

чтобъ его впустили на дворъ гетманскій, хотя бы была ему крайняя нужда. Вообще, всѣхъ людей ни за что считали, позавышни низость своего рода“²⁾.

Сначала ласковость Самойловича до людей, ласковость, могшая происходить оттого, что у гетмана была опасный соперникъ въ Дорошенкѣ, не подавала повода къ общему сильному неудовольствію; безукоризненная служба Самойловича царямъ не давала врагамъ его возможности обнести его въ Москвѣ. Но послѣ удаленія Дорошенка изъ Малороссіи, Самойловичъ и сыновья его, почувявъ просторъ, разнуздались; неудовольствіе стало расти между старшиною, духовенствомъ и казачествомъ, а тутъ размолвка гетмана съ правительствомъ по поводу польскаго союза; на гетмана въ Москвѣ смотрятъ уже не попрежнему: ему уже присланъ разъ выговоръ за *противенство*. Значитъ, можно воспользоваться стенимъ пожаромъ, обвинить гетмана въ измѣнѣ и потребовать отъ правительства его смѣны; правительство не откажетъ, ибо не имѣетъ больше сильныхъ побужденій заступиться за гетмана; притомъ знали, что встарину Самойловичъ не былъ въ ладахъ съ Голицынымъ. Когда, въ 1677 году, Голицынъ поссорился съ Ромодановскими, Самойловичъ стоялъ на сторонѣ послѣдняго. Но современникъ и очевидецъ событій, которому мы имѣемъ полное право вѣрить, Гордонъ, настаиваетъ, что главною причиною паденія Самойловича была всеобщая ненависть, которую онъ возбудилъ въ Малороссіи; лѣтописецъ Малороссійскій подтверждаетъ слова Гордона; слѣдовательно, для насъ вопросъ объ отношеніяхъ правительства и Голицына къ Самойловичу теряетъ свое значеніе; на первомъ планѣ является то обстоятельство, что Самойловичъ былъ дурной правитель, возбудившій всеобщую ненависть; что заступиться за него правительству было нельзя.

7 июля, въ обозѣ старшина войска Запорожскаго, обозный Василій Бурковский, судья Михайло Воехѣвичъ, писарь Савва Прокоповъ, Василій Кочубей, есаулъ Иванъ Мазена, полковники Константинъ Солонина, Яковъ Лизогубъ, Степанъ Забѣла, Григорій Гамалія подали Голицыну доносъ на Самойловича³⁾: гетманъ старался препятствовать миру съ Поляками. Узнавъ о его заключеніи, сильно огорчился и говорилъ околицничему Ненюеву: „Увидите, что не всѣ изъ вашихъ московскихъ чиновъ больше благодарны за то, что разорвали миръ съ государствомъ Турскимъ и Крымскимъ хитростію польскою;“ при старшинѣ говорилъ: „Купила темерь Москва себѣ Дяха за свои деньги, Дяхамъ данная; увидите, что въ этомъ миру съ Поляками съшутъ и что противъ хана сдѣлають! Пожалѣли малой дачи Тагарамъ давать, а будутъ большую казну давать, что только Татары захотятъ“. Гетманъ не велѣлъ служить по церквамъ благодарственныхъ молебновъ по случаю

¹⁾ Дѣла Крымскія 1687 г. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи, столбецъ Моск. стола, № 703.

²⁾ Лѣтописъ Самовидца въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общества.

³⁾ Собр. гос. гр. и дог. IV. № 186.

мира. Извѣстій о побѣдахъ союзниковъ не хотѣлъ слышать, пораженіямъ радовался. Жена гетмана однажды говорила женамъ особъ генеральныхъ: „Сердитъ теперь и великія похвалки чинить Иванъ мой на Москву; пожалуй то же сдѣлаешь, что и Брюховецкій. Когда король Польскій въ прошломъ году отступилъ изъ Волошской Земли, то бунчужный, послѣ разговора съ гетманомъ наединѣ, говорилъ: „Радъ былъ бы господинъ гетманъ, еслибъ Поляки, утѣсненные Татарами въ Волошской Землѣ, помирились съ ними;—тогда Москва узнала бы насъ и стала бы уважать за то, что мы надежную дружбу съ государствомъ Крымскимъ имѣемъ“. Указавъ царскимъ полкамъ дурное время для похода. Во время похода не старался добывать языковъ и не гасилъ горящихъ полей; изъ этого многіе заключаютъ и мы знаемъ, что онъ приказалъ жечь степи. Теряя отъ солнечнаго зноя во время похода, говорилъ: „Вотъ какъ намъ вредна эта безразсудная война московская,—отняла у меня здоровье; не лучше-ль было Москвѣ дома сидѣть и своихъ рубежей беречь, чѣмъ съ Крымомъ войну эту ненадобную заводить“. Желая безчестья московскимъ и казацкимъ войскамъ, совѣтовалъ возвратиться назадъ изъ похода; а возвратившись, говорилъ: „Не говорилъ ли я, что Москва ничего Крыму не сдѣлаешь?—такъ и случилось, и теперь намъ надобно отъ Крыма защищаться“. Сдѣлается намъ неудачею похода, веселъ; говорилъ передъ одною духовною особою: „Когда бы мнѣ далъ Богъ сына съ Низу въ добромъ здоровьи возвратитъ и въ Батурины придетъ, то знаю, что дѣлаю!“ „Да будетъ великимъ государямъ и то извѣстно“, продолжаетъ доносить, „что гетманъ самовластно владѣть и хотеть владѣть Малороссією, грамоты монаршескія у кого хочеть отбираеть и пожалованное грамотами отписываетъ на себя или на дѣтей своихъ; въ Москвѣ не только мірскимъ, но и духовнымъ людемъ ѣздитъ запрешаетъ, города малороссійскіе не государственнымъ, но своими называетъ, и людемъ войсковымъ приказываетъ, чтобъ ему, а не монархамъ, вѣрно служили. Говорилъ: „Когда возвратимся изъ Крымскаго похода, то пораждѣмъ Малую Россію лучше утвердить, а не такъ, какъ стоятъ въ прежнихъ статьяхъ“. Сынъ его, Григорій, въ Черниговѣ бранилъ войта и мѣщанъ, и грозилъ смертною казнью за то, что они хотѣли поставить на ратушѣ орла двуглаваго въ знакъ того, что городъ Черниговъ отчнина царскаго величества; Григорій говорилъ такъ войту и мѣщанамъ: „Не будете, мужики, жить на свѣтѣ, когда хотите выламываться изъ подданства господина отца моего и поддаться Москвѣ“; и заказалъ, чтобы не смѣли ставить орла. Гетманъ много разъ говорилъ старшинѣ: „Не послушала дурная Москва моего совѣта, помирилась съ Поляками; дождусь я того въ скоромъ времени, что будешь снова меня просить, чтобъ я посредникомъ былъ къ перемирью съ государствомъ Крымскимъ; только я ужъ буду знать, какъ государство Крымское съ Москвою мирить,—будутъ меня

помнить, будутъ знать, какъ и насъ почитать“. Онъ наслѣдовалъ надъ царскою монетою: пересылался съ Польскимъ королемъ, предлагая ему свою службу; оставилъ только два моста для переправы царскаго войска. Говорилъ, что знаетъ о движеніи хана, который дастъ конечно Полякамъ добрую встрѣчу: „Пусть же бояре, такіе непочтливой матери дѣти, скажутъ и Полякамъ дадутъ помощь, а нездорово дадутъ“. Въ тотъ же день пришелъ къ нему войтъ Переяславскій и говорилъ: „Жалуются Москва, что людей государевыхъ много померло и очень много больныхъ лежитъ“; а гетманъ сказалъ на это: „Хотя бы и всѣ пропали, то я бы не сталъ печалиться“. Однажды гетманъ былъ съ полковниками московскими и съ старшиною на обѣдѣ у обознаго; послѣ обѣда полковникъ Петръ Борисовъ размоливъ съ Гамалѣю, который, вѣрно въ надеждѣ на гетмана, сказалъ полковнику: „Что ты на меня, полковникъ, нарекаешь?—вѣдь вы не саблю насъ взяли!“ Гетманъ, слыша это, не сказалъ ни слова, только рассмѣялся, а думать надобно, и похвалилъ. О земляхъ по той сторонѣ Днѣпра говорилъ жестоко: „Не такъ будетъ, какъ Москва и Поляки въ мирныхъ своихъ договорахъ постановили,—сдѣлаемъ такъ, какъ намъ надобно“. Все одинъ дѣлаеть, никого къ думѣ не призываетъ, должности по своему гнѣву отнимаетъ, а не по пристойнымъ причинамъ, наказываетъ и безчеститъ, кого хочеть, безъ суда и доводу, напрасно. За полковничьи мѣста беретъ большія взятки и чрезъ то позволяеть утѣснять людей, чего при другихъ гетманахъ не бывало. Людей старинныхъ, войсковыхъ, заслуженныхъ всякими вымышленными способами тѣснить и слова добраго не говоритъ; а другихъ мелкихъ людей, незаслуженныхъ, поставляя, тѣмъ дасть знать, что можеть дѣлать все, что захочеть. Въ мельницахъ казацкихъ нѣтъ казакамъ воли, ни знатнымъ, ни заслуженнымъ,—все на себя забираеть. Чтѣ у кого полюбится, возьметь, а чтѣ онъ самъ пропуститъ, то дѣти его возьмутъ; тому только у него доступъ, кто взятку даеть; а кто не даеть, хотя бы и годець былъ,—отринуть. Старшинѣ генеральной нѣтъ у него чести надлежащей и безопасности; отъ гнѣва и угрозы его больше мертвы бывають, нежели покойно живутъ. Судейскою должности уже четыре года никому не даеть, потому что никого добрымъ чело-вѣкомъ не считаеть, хочеть, чтобъ эта должность за большія деньги была куплена; государево жалованье, соболонное и обяринное, на двоихъ присланное, себѣ забралъ. Въ отсутствіе судей погасло право, обиженнымъ нѣтъ управы и оттого плачуть многіе. По всѣмъ этимъ причинамъ и по неспособности его нѣтъ надежды, чтобъ и впредѣ войско Запорожское на службѣ монаршеской что-нибудь похвальное оказало; желаетъ все войско и со слезами Господа Бога молить, чтобъ великіе государи, для лучшаго управленія монаршескихъ своихъ дѣлъ и для утolenія многихъ слезъ, изволили указать съ него должность гетманскую снять,

а на ту должность, по правамъ войсковымъ, вольными голосами выбрать кого-нибудь бодрственнаго, вѣрнѣшаго и исправнѣшаго человѣка, который бы въ нынѣшней войнѣ не лѣниво, но радѣтельно и вѣрно съ войскомъ во всякихъ случаяхъ великими государямъ служилъ. Съ переменною гетмана Крыма можеть быть запереть и искорѣнъ силами монархическими и войска Запорожскаго повоеванъ. А если этого не будетъ, то при Самойловичѣ не можеть ничего къ славѣ монархической оказаться, кромѣ обѣдъ; будетъ то, что отъ его притѣсненій всѣ разбредутся, или, избави Богъ, чтобы въ добрыхъ не учинилось какой порухи. И о томъ все войско Запорожское бьетъ челомъ, чтобы, по снятіи его съ гетманства, не жилъ онъ въ Украинѣ, но со всѣмъ домогъ взять бы его въ Москву и казнить, какъ явнаго измѣнника нхъ царскимъ величествамъ и войску Запорожскому. Иныхъ многихъ безчисленныхъ его злыхъ поступковъ нельзя выписать; только у превисочайшаго престола надши, просимъ о смѣнѣ гетмана, потому что если бы на это не было соизволенія царскаго величества, то войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ отнюдь его, какъ явнаго недоброхота, соблюдая къ великимъ государямъ свою вѣрную службу, не можеть терпѣть и принуждено будетъ поступить съ нимъ въ скоромъ времени по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ, за что просимъ царское величество на насъ не досадовать". Послѣ подписей именъ приписали еще: „И то потребуетъ высокаго разсужденія, что онъ по высокому о себѣ разумѣнію скрытымъ умысломъ своимъ не только въ пародѣ Малороссійскомъ, среди котораго онъ между мелкими людьми родился, не полагаетъ ниного себѣ равнаго происхожденіемъ и разумомъ, но и великороссійскаго Православія всякими чинами гнушался, не захотѣлъ ни за кого отдать своей дочери, но изъ-за рубежа нарочно прманилъ для этого князя Четвертинскаго, въ чемъ полагаетъ средство когда-нибудь достигнуть въ Малороссію удѣльнаго владѣнія; съ этимъ явнымъ намѣреніемъ и печать Юраса Хмельницкаго при себѣ задержалъ, не отсылая къ великимъ государямъ“.

Голлицынъ отослалъ доносъ въ Москву и, до полученія царскаго указа, разуиѣтся, не могъ приступить ни къ чему, ни въ пользу гетмана, ни противъ него. Войско продолжало двгаться назадъ, теряя много офицеровъ и солдатъ. По переходѣ черезъ рѣку Орель, 12 іюля пріѣхалъ къ войску Шаковитый съ милостивымъ словомъ за службу, спрашивалъ о здоровьи всѣхъ отъ мала до велика. 14-го собрали военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что дѣлать этимъ лѣтомъ для воспрепятствованія Татарамъ вторгаться въ Польшу или Украину? Шаковитый предложилъ послѣднюю статью своего наказа—построить крѣпость на Самарѣ; вѣроятно Голлицынъ убѣдилъ его въ невозможности исполненія первыхъ, особенно когда открылось гетманское дѣло. По окончаніи военнаго совѣта, Шаковитый спросилъ гетмана, зачѣмъ

онъ, какъ узнано, позволилъ зажечь степи. Самойловичъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о пожогѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось; послѣ совѣта всѣ начальныя люди пошли обѣдать къ гетману и послѣ обѣда, по обычаю, гости дарили хозяина. 16 іюля уѣхалъ Шаковитый, 21 войска переправились черезъ рѣку Коломакъ, недалеко отъ Полтавы и раскинули стани; сюда пригналъ гонецъ изъ Москвы къ Голлицыну съ указомъ созвать старшину и сказать ей, что „великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, буде онъ имъ, старшинѣ, и всему войску Малороссійскому негоденъ, быть гетманомъ не указали, и указали у него великихъ государей знамя и бузаву и всякіе войсковыя клеймоты отобравъ, послать его въ великороссійскіе города за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они, старшина, со всѣмъ войскомъ Малороссійскомъ излюбятъ; а сказавъ имъ указъ о посылкѣ гетмана въ великороссійскій который городъ пристойно, также и о дѣтяхъ и о свойственникахъ гетманскихъ, но избраніи новаго гетмана, учинить ближнему боярину по своему разсмотрѣнію, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ“. Изъ этого указа ясно видно, что въ Москвѣ смотрѣли на дѣло Самойловича какъ на чисто малороссійское, не убѣждались доносомъ въ его измѣнѣ, но не хотѣли оставлять гетманомъ человѣка, возбудишаго всеобщее неудовольствіе, боялись, „чтобы отъ того, отъ чего Боже сохрани, по всей Малороссіи не учинилось какого замѣшанія, бунта и кровопролитія“, какъ сказано въ той же грамотѣ¹⁾.

Получивши указъ, Голлицынъ призвалъ къ себѣ русскіхъ полковниковъ, находившихся постоянно при гетманѣ, и приказалъ имъ какъ можно осторожно, безъ шума, сдвинуть и запереть обозъ около ставки Самойловича, изъ опасенія, чтобъ казакъ не вздумали напасть на нелюбимаго гетмана. Бояринъ велѣлъ полковникамъ дать знать старшинѣ, что пришелъ указъ о сверженіи гетмана и объ избраніи новаго, и чтобъ они дали знать, когда у нихъ будетъ все готово. Вечеромъ полковники тихонько начали сдвигать обозъ; однако это движеніе не могло утаиться отъ слугъ гетманскихъ, которые сейчасъ же дали знать объ немъ Самойловичу. Тотъ догадался, что затѣвается что-то недоброе; боялся онъ насилія со стороны казаковъ, и ночью написалъ полковникамъ письмо, въ которомъ выставлялъ свои заслуги правительству, объявлялъ свою невинность, требовалъ, чтобъ его выслушали. Отвѣта не было. Въ полночь явился къ Голлицыну генеральный писарь Кочубей съ извѣстіемъ, что все въ безопасности, и съ просьбою объ арестованіи гетмана. Бояринъ приказалъ, чтобъ на разсвѣтѣ гетманъ съ сыномъ были схвачены и приведены къ нему, также чтобъ отданы были подъ стражу люди подозрительные, находившіяся въ приближеніи у гетмана, наконецъ приказалъ

¹⁾ Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186.

разставить сторожей по всемъ дорогамъ изъ стана, чтобъ никто не смѣлъ уйти, дать знать сыну гетманскому Григорію о судьбѣ отцовской и возбудить мятежъ по городамъ и селамъ. Все было исполнено. На развѣтѣ пошли было схватить Самойловича, но не застали его въ шатрѣ: онъ былъ въ церкви усердно молился. Когда служба кончилась и гетманъ вышелъ изъ церкви, подошелъ къ нему отставной Переяславскій полковникъ, Дмитрашка Райча, схватилъ его за руку и сказалъ: „Пойдемъ со мной“. Гетманъ посмотрѣлъ вокругъ и потребовалъ, чтобъ ему дали переговорить съ русскими полковниками. Полковники не замедлили явиться, ведя захваченнаго ими сына гетманскаго Якова. Гетмана посадили на дрянную телегу, сына его верхомъ на клячу и повезли подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ въ большой станъ къ Голицыну. Здѣсь на открытомъ воздухѣ сидѣли всѣ воеводы, генералы и полковники, являсь старшина и въ короткой рѣчи объявила, что она давно уже видѣла великія тягости отъ гетмана, а напоследокъ объявилась и измѣнническая дѣла, о которыхъ они и донесли, служба ихъ царскимъ величествамъ. Такъ какъ теперь гетманъ схваченъ и привезенъ въ станъ, то они, старшина, требуютъ, чтобъ съ нимъ поступлено было по войсковому праву. Голицынъ спросилъ, не обвиняютъ ли они гетмана, мстя ему какія-нибудь свои недружбы, и нельзя ли эти неудовольствія успокоить какими-нибудь другими образомъ. Старшины отвѣчали: „Хотя оскорбленія, нанесенныя гетманомъ народу и большей части изъ насъ, и очень велики, однако мы не рѣшились бы поступить съ нимъ такимъ образомъ, если бы къ тому же не присоединилась и измѣна, о которой, по нашей присягѣ, мы не можемъ умолчать; кромѣ того, мы съ большимъ трудомъ могли удержать народъ, чтобъ онъ не растерзалъ гетмана: такъ онъ сталъ всемъ ненавистенъ“. Тутъ входитъ старый гетманъ, опираясь на трость съ серебрянымъ набалдашишникомъ, голова его обернута мокрымъ платкомъ, потому что онъ давно уже страдалъ глазами и головными болями. Голицынъ въ короткихъ словахъ пересчиталъ ему обвиненія; гетманъ отвергнулъ всѣ обвиненія и началъ оправдываться; поднялись споры между нимъ и тремя полковниками, Дмитрашкою Райчею, Солонною и Гамалѣею. Голицынъ велѣлъ вывести Самойловича; казаки хотѣли было положить на него руки, но Голицынъ сдержалъ ихъ и отдалъ гетмана съ сыномъ подъ охрану стрѣльцкимъ полковникамъ.

Послѣ этого казаки начали толковать о выборѣ новаго гетмана.

Сочли нужнымъ послать за духовенствомъ и знатнѣйшими казаками въ ближайшіе полки; но въ тотъ же вечеръ и на другой день оказалось, что ждать долѣе нельзя; казаки Гадяцкаго полка подняли бунтъ, увидя полковника и разныхъ другихъ людей, такъ что Голицынъ долженъ былъ послать русскихъ рейтаръ наблюдать за казацкимъ ста-

номъ; также начали казаки толпами покидать лагерь, — отълаживать выбора стало пельзя.

24 іюля собралась старшина у Голицына для выслушанія статей, на которыхъ присягали прежніе гетманы. Положили принять глуховскія статьи, съ прибавкою слѣдующихъ новыхъ: 1) „При гетманѣ въ Ватуринѣ, для охраненія и цѣлости его, быть полку московскому стрѣльцкому; 2) Чтобъ гетману и старшинѣ, служа великимъ государямъ, народъ Малороссійскій всякими мѣрами и способами съ Велико-россійскимъ народомъ соединять, въ неразрывное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и иными поведеніемъ, чтобъ были подъ одною царскаго величества державою обще, какъ единой христіанской вѣры, и никто бы голосовъ такихъ не испускалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента, а отзывался бы вездѣ единогласно — ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина и народъ Малороссійскій обще съ Велико-россійскимъ народомъ, и вольный переходъ жителямъ изъ малороссійскихъ городовъ въ великороссійскіе имѣть“. Послѣ статей начали разговоръ объ пльнѣи бывшего гетмана, причѣмъ Голицынъ объявлялъ: „Хотя по закону все принадлежавшее измѣннику должно принадлежать царямъ, однако я, съ опасностію навлечь на себя немощь царскую, беру на свою отвѣтственность и опредѣляю, что половина имѣнія пойдетъ войску Запорожскому, а другая въ казну царскую“. Всѣ были довольны, и знатнѣйшіе начали тихонько осведомляться у Голицына, кого бы ему всего больше хотѣлось видѣть гетманомъ. Голицынъ намекнулъ имъ, что ему больше всего хотѣлось бы Мазепу, и въ тотъ же вечеръ у старшины положено было дѣйствовать въ пользу Мазепы, причѣмъ положено было также отнять мѣста у всѣхъ креатуръ Самойловича и раздать ихъ членамъ новой Мазепинской партіи.

25 числа выборные полки и стрѣльцы окружили походную церковь, поставленную въ полѣ, подлѣ казацкаго стана. Въ 10 часовъ утра пріѣхалъ Голицынъ съ начальными людьми и велѣлъ позвать въ кругъ казаковъ, которыхъ было 800 конныхъ и 1,200 пѣхоты; знатнѣйшіе изъ ихъ отправились съ боярникомъ въ церковь, куда понесли предъ ними знаки гетманскаго достоинства. Послѣ молебствія всѣ вышли изъ церкви, подлѣ которой поставленъ былъ небольшой столъ, покрытый богатымъ ковромъ; на немъ разложили бузаву и другіе знаки гетманскаго достоинства. Голицынъ сталъ на скамью и сказалъ казакамъ, что ихъ царскія величества дозволяютъ имъ, по ихъ старому войсковому обычаю, избрать гетмана, и что каждый можетъ свободно подать свой голосъ: такъ пусть же объявятъ, кто имъ любъ. На нѣсколько времени водворилось молчаніе, потомъ нѣсколько голосовъ по близости пропнесли имя Мазепы, другіе подхватили — и скоро по всей толпѣ раздались восклицанія: „Мазепу въ гетманы!“ Слышалось имя Борковскаго, но было заглушено. Голицынъ

повторилъ вопросъ знатнѣйшимъ казакамъ: кого они хотятъ гетманомъ, — всѣ отвѣчали единогласно: — „Мазепу!“ Новый гетманъ присягнулъ и подписалъ условіе, послѣ чего получилъ изъ рукъ Голицына булаву, бунчукъ и знамя¹⁾. Голицынъ указалъ на Мазепу, какъ на человѣка ему, слѣдовательно правительству, угодно; это указаніе должно было имѣть важное вліяніе на выборъ, и Мазепа долженъ былъ не на однихъ словахъ благодарить боярина: онъ далъ ему десять тысячъ рублей²⁾.

На Украйнѣ дѣло уладилось; но мы видѣли, какъ чутко Голицынъ слѣдовалъ за московскими толками, за внушеніями своихъ недоброжелателей; и теперь онъ писалъ Шабловитому: „Что про гетмана будетъ словъ, пожалуй отниши подлинно“. Шабловитый увѣдомилъ, что внушаютъ: зачѣмъ Самойловичъ свергнуть безъ розыска. Голицынъ отвѣчалъ: „О гетманѣ, какъ учинилось, и о томъ писалъ я въ отпискахъ своихъ и въ грамотахъ, изъ которыхъ о семь можешъ выразумѣть. А пристойнѣе того и больше учинитъ не возможно. А что про него разыскивать, и такого образцу иколи не бывало; извольте посмотрѣть въ старыхъ дѣлахъ. А что отъ котораго лица какое злословіе — и то Богу вручаю; Онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу Господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безъ всякой помѣнки и кровопролитія и замѣшанія. Колп ужъ разсудить не могутъ, и они-бы взяли себѣ въ прилѣръ Турскаго султана, который то учинилъ назадъ тому два года: однимъ лѣтомъ переимѣнилъ двухъ хановъ по татарскому челобитью, не разыскивая; только тому радъ былъ, что они были у него въ послушаніи и бунта никакого не учинили. Не мудро-бы и намъ не переимѣнить, только посмотрѣли-бы, что изъ того родилось“.

Московскіе пересуды не помѣшали встрѣтить и наградить Голицына какъ побѣдителя; дѣло на Коломакѣ было выставлено какъ особенная заслуга Оберегателя. Голицынъ, по возвращеніи изъ похода, былъ такъ же могущественъ, какъ и прежде, къ нему и къ сыну его Алексѣю обращались люди, желавшіе получить что-нибудь отъ правительства. Такъ обратился къ нимъ полумертвый отъ старости Лазарь Варановичъ, которъи спѣшилъ воспользоваться наденіемъ Самойловича и прислалъ въ Москву жалобу на пріятеля наднаго гетмана, Кіевского митрополита Четвертинскаго. 30 марта 1688 года Черниговскій архидіаконъ Антоній привезъ царямъ грамоту: „Забвенъ былъ яко мертвъ“, писалъ старикъ, „былъ человекъ яко безъ помощи, еще живиу миѣ сущу погребохся. Я, смиренный богомолецъ вашъ, при старости моей и ослабѣвшихъ несовершенно силахъ, возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ, утѣшенъ былъ многими отъ него обидами, многими скорбями и неповѣдимыми печалями, и

утѣшенъ былъ не просто, но какъ мертвый забвенъ, и при жизни землею покровенъ явился; что могло быть тяжеле, когда гетманъ запрещалъ миѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы возмогъ пріять милость и обрѣсти благодать? Хотѣлъ онъ, да обрѣшуся, яко человекъ безъ помощи въ мертвыхъ свобода. Но Богъ, жпвотворяй мертвыя, даровалъ такое улучшить время, о которомъ могу сказать: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Исидеть отъ забвенія гроба, прихожу предъ пресвѣтлѣйшій престолъ съ смиреннымъ челобитьемъ: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобленіе мое! Когда пресвященный отецъ Гедеонъ Святополькъ прінялъ престолъ Кіевскій, то я, презрѣвъ мою старость, встрѣтилъ святыню его въ Ватуринѣ, преклонилъ предъ нимъ ослабѣвшія колѣна мои, надѣясь, что призритъ меня своею милостию за тридцатилѣтніе мои труды, въ архіерейскомъ санѣ подъятыя. Я просилъ его подкрѣпить данную миѣ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ грамоту на семь протопопій; желалъ я также видѣть данную ему вашимъ царскимъ величествомъ грамоту на митрополию Кіевскую. Но пресвященный митрополитъ обиду великую старости моей нанесъ; прежде всего отнялъ у меня архіепископское имя, велѣлъ называть меня только епископомъ, тогда какъ это названіе далъ миѣ отецъ вашъ, блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ по благословенію тронхъ вселенскихъ патриарховъ. Потомъ отнялъ три протопопіи; въ укорительномъ писемѣ къ воронежскому священнику Глуховской протопопіи назвалъ меня нагушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходовъ, ему будто бы принадлежащихъ. Падаю предъ вашего царскаго величества лицомъ, примите прошеніе мое: да буду со всюю епархією моею прямо подъ благословеніемъ патриарха Московскаго наравнѣ съ прочими великороссійскими архіереями, и пусть прѣмники мои поставляются въ Москвѣ, а не въ Кіевѣ“. Архидіаконъ подалъ грамоту и отъ гетмана: „Шокорственно прому“, писалъ Мазепа, „дабы ваше царское пресвѣтлое величество позволило прошенія и желанія архіепископа милостиво выслушать и прѣмилосердымъ удовольствовать призрѣниемъ“. Въ то же время Лазарь и Мазепа писали объ этомъ дѣлѣ князю Вас. Вас. Голицыну и сыну его князю Алексѣю. Всѣ прошенія и желанія ихъ были исполнены³⁾.

Оберегатель готовился ко второму походу на Крымъ, тѣмъ болѣе что ханъ мстилъ за первый походы вторженіями въ Украйну, а христіане турецкихъ областей звали русскія войска для спасенія Православія — и не отъ Турокъ. Въ то время, какъ Русскіе должны были безъ уснѣха возвратиться изъ сожженной степи, и Поляки тщетно осаждали Каменецъ, другіе союзники — Австрійцы и

¹⁾ Гордонъ II, 184 и слѣд. Самойловичъ сославъ въ Сибирь.

²⁾ Записка Мазепы Голицыну объ этомъ въ Государств. Архивѣ.

³⁾ Дѣла Малороссійскія означеннаго года въ Москов. Арх. Миш. Ин. Дѣлѣ.

Венеціане — торжествовали надъ Турками въ Венгріи, Далмаціи и Моревъ. Къ пораженіямъ отъ христіанъ присоединился бунтъ войска: султанъ Магометъ IV былъ свергнутъ и на его мѣсто возведенъ братъ его Сулейманъ II. Никогда еще Турція не была въ такомъ печальномъ положеніи, и между христіанскими подданными султана естественно раждалась мысль, что придти конецъ мусульманскому владычеству.

Въ сентябрѣ 1688 года прѣѣхалъ въ Москву архимандритъ Аѳонскаго Павловскаго монастыря Исаія съ грамотою отъ бывшаго Константинопольскаго патріарха Діонисія, сверженнаго, какъ онъ писалъ, за уступку царскому желанію въ дѣлѣ о Кіевской митрополіи. Діонисій извѣщалъ царей, что теперь самое удобное время для избавленія христіанства отъ Турокъ. „Всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святяго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаните, не дремите, придите спасти насъ“. Исаія привезъ грамоту отъ Валахскаго господари Щербана Кантакузена, который тоже писалъ, что отъ Русскихъ царей Православные ожидаютъ избавленія своего изъ рукъ видимаго фараона. Третья грамота такого же содержанія была отъ Сербскаго нареченнаго патріарха Арсенія. Исаія объявилъ, что онъ посланъ отъ всѣхъ Грековъ и Славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на Турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, чтобы не отдалъ Православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь Православно-Греческую ненавидятъ панепжники; которые города въ Венгріи и Моревъ царскія и венеціанскія войска побрали у Турокъ, — повсюду въ нихъ панепжники начали обращать православныя церкви къ униі, другія превращать въ костелы. Если Римлянамъ посчастливится впередъ, достануть подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царь-градъ, то Православные христіане въ большую погубель придутъ, и вѣра Православная искоренится. Всѣ Православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостію; да и Турки, которые между ними живутъ, лучше подадутся великимъ государямъ, чѣмъ Нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ православныхъ народовъ.

Отъ имени Щербана Исаія говорилъ, чтобъ великіе государи послали войска свои въ Вѣлгородскую орду на Вуджакъ, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему, Щербану, который съ семидесяти тысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ Русскимъ на Вуджакъ; для задержанія Крымцевъ можно оставить часть войска въ Запорожьи, а Вѣлгородская орда противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много, да и въ запасахъ скудости не будетъ. Какъ только государскія рати

станутъ приближаться къ Вѣлгородчицѣ, а онъ, воевода, пойдетъ къ нимъ на встрѣчу, — тогда всѣ Сербы, Болгары и Молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь и до Царя-города безъ помѣшки, потому что за Вѣлгородчиною все живутъ христіане, да и крѣпостей до самаго Царя-города нѣтъ. Христіане ждутъ прихода царскихъ ратей съ радостію, и соберется Сербовъ и Болгаръ съ 300,000, все тамошнее христіанство встанетъ, а Нѣмцамъ тѣ народы вовсе не ради, и помогать имъ не будутъ, развѣ по великой неволѣ. Теперь воевода въ городѣ своимъ Бухарскимъ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни Турку, ни Цесарю, остерегаетъ свое владѣніе отъ Турокъ, Татаръ и Нѣмцевъ, и хотя къ нему отъ Цесаря и многія присылки были съ прошеніемъ, чтобъ всталъ на Турка, и воевода Цесарю въ подданствѣ не отказалъ, однако еще не обѣщался поддаться, — сказалъ, что когда Цесарь совершенно Турка повоюетъ, тогда и онъ, воевода, его будетъ; воевода Цесарю манитъ по причинѣ вѣры, чтобъ не быть подъ повѣрцемъ, а быть подъ державою Православныхъ государей. Турки и Татары Землю его не разоряютъ, потому что онъ противъ нихъ не встаетъ и даетъ имъ, по силѣ, запасы, да и царскимъ войскамъ также запасы даетъ, чтобъ не наступали.

Государи отвѣчали Діонисію и Щербану, что имѣютъ о всѣхъ Православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, и указали для того послать воеводъ своихъ со многими ратями на крымскія юрты, и пойдутъ войска самымъ раннимъ вѣшнимъ временемъ; а когда Крымъ будетъ разоренъ, тогда удобно будетъ ити и на ту сторону Дибъира, на Вѣлгородскую орду и за Дунай. Пусть Валахскій господарь высылаетъ свои войска въ турецкімъ городкамъ на Дибъирѣ. Съ этимъ отвѣтомъ отправился къ Валахи Грекъ Фоминъ; онъ уже не засталъ стараго господари въ живыхъ, подалъ царскую грамоту племяннику его Константину. Тотъ сказалъ ему, что у великихъ государей въ подданствѣ быть всеусердно радъ, только теперь писать объ этомъ къ государямъ отъ великаго страха не станеть; притомъ же надобно будетъ объ этомъ объявить многимъ людямъ, дѣло разъяснится, услышать Нѣмцы, и всѣхъ ихъ до-конца разорятъ. Пусть великіе государи напишутъ, на какихъ статьяхъ быть ему у нихъ въ подданствѣ: тогда онъ на подданство листъ напишетъ и всѣ руки приложитъ: а когда онъ послышитъ, что царскія войска придутъ Крымъ доживать, тогда и онъ съ войсками своими пойдетъ въ сходя къ царскимъ воеводамъ ¹⁾.

Въ сентябрѣ 1688 года объявлено было ратнымъ людямъ о новомъ походѣ на Крымъ; въ объявленіи было сказано: „Нынѣ къ великимъ государямъ писалъ св. великіи патріархи, царское величество Римскій и королевское величество Поль-

¹⁾ Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Греческія означ. года.

скій, также рѣчь поснолитая Венеційская, всё согласно, что въ настоящее время Турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной погибели, и какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобныхъ брани пришло въ великое безсиліе и беззачѣстье, какого на нихъ разоренія и погибели никогда не бывало и такого смятенія не слышано, что и сами о себѣ говорятъ, что пришла имъ, бусурманамъ, всёма совершенная погибель, только инокую надежду имѣютъ на Крымскаго хана съ ордами. И, будучи они, бусурманы, въ отчаяніи своемъ, въ Греческой, Ромельской и Морейской, и Сербской, и Болгарской Земляхъ Православныхъ христіанъ, мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ различныхъ мукъ и поругався сѣвернымъ поруганіемъ, мечу и огню предали больше трехъ сотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола нечисленное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море⁴⁾.

Наученный опытомъ, Голицынъ хотѣлъ предпринять походъ раннею весною, чтобъ не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Ратнымъ людямъ велію собраться не позже февраля 1689 года. 8 ноября былъ объявленъ сборъ съ посадскихъ и всѣхъ торговыхъ людей десятой денги на войско²⁾. Голицыну было необходимо побѣдить Татаръ, чтобъ побѣдить внутреннихъ враговъ, которые не переставали ему напоминать о себѣ. Рассказываютъ, что убійца бросился къ нему въ сани, и два былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки, безъ огласки. Незадолго передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ Голицына найденъ былъ гробъ съ запискою, что если и этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Сохранилось еще любовныя извѣстіе; Иванъ Бунаковъ былъ подстергнутъ пыткъ за то, что выпиналъ у Голицына слѣдъ. Бунаковъ объяснялъ дѣло такъ: „Я взялъ землю въ платокъ и завернулъ для того, что ухватилъ меня утинъ; и прежде сего то бывало, гдѣ меня ухватитъ, тутъ землю и беру“³⁾.

Къ этимъ враждебнымъ выходкамъ противъ Обергателя присоединилось подкапываніе подъ его клиента, новаго гетмана Малороссійскаго. Какіе-то гультаи, но выраженію Мазепы, распустили въ Кіевѣ слухъ, что гетманъ сносится съ Поляками, покупаетъ въ Польшѣ имѣнія. Кіевскій воевода Бутурлинъ отправилъ разгласителей въ Москву, откуда ихъ отослалъ къ Мазепѣ въ Батуринъ. По этому случаю гетманъ писалъ къ Голицыну: „Прошу покорно благодѣтеля и заступника моего

милостиваго: какъ рукою своею возвелъ меня на урядъ гетманскій и милостиво, отечески обѣщаль быть моимъ заступникомъ и отъ напастей оборонителемъ, зная мою простую душу и простое сердце,—такъ позволю по тому своему благодѣтельному слову и впередъ заступать и оборонять меня отъ такихъ опасныхъ случаевъ. Никто не доведетъ, чтобъ я въ польской сторонѣ хотѣлъ покушать магнетности—этого мнѣ никогда и на умъ не приходило“. Мазепа проситъ Голицына, чтобъ позволено ему было пытать разгласителей этихъ слуховъ. Гетманъ догадывался, что Кіевскій митрополитъ Гедеонъ не очень къ нему расположенъ по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ Самойловичу; зналъ, что сынъ митрополитичей, молодой князь Четвертинскій, женихъ дочери Самойловича, живетъ въ Москвѣ, и потому старался удалить его изъ столицы, заподозривъ передъ правительствомъ. „Не безъ сожалѣнія слышу“, писалъ Мазепа, „что князь Четвертинскій, живя въ Москвѣ, говоритъ многа непристойныя слова, безчеститъ весь царскаго величества высокій сенатъ, никого себѣ не только высшаго, но и равнаго не ставитъ и пакостными всякими словами укоряетъ, говоритъ и то, что онъ бывшаго Самойловича снова на урядъ его возстановитъ и всёма его и своимъ непріятелямъ отмститъ, и сюда, въ Малороссію, къ бывшей своей невѣстѣ пишетъ. А митрополитъ человекъ мнительный, и, какъ вижу, на меня досадуетъ, думая, что сынъ его по моему старанію отосланъ въ Москву на всякое безчестіе; по митрополитичьей досадѣ и Кіевскій воевода Ив. Вас. Бутурлинъ ко мнѣ не пріязненъ, ни о чемъ ко мнѣ не пишетъ, на двѣ мои грамоты не отвѣчалъ ни слова. Четвертинскому въ Москвѣ, для избѣжанія всякихъ соръ, нельзя быть“. Мазепа просилъ, чтобъ, „для всякой осторожности и для страху своевольныхъ“, государи позволили ему окружить себя наемными сердюками и драгунами⁴⁾.

При такихъ-то, неблагоприятныхъ для главныхъ вождей, условіяхъ начался второй Крымскій походъ. Въ февралѣ 1689 года 112,000 войска двигалось въ степь подъ главными начальствомъ Обергателя. 20 марта Голицынъ писалъ царямъ изъ Ахтырки, что „походу чинится замедленіе за великою стужою и за снѣгами, да и денежная казна по сіе время въ полкъ не присылана, и ратнымъ людямъ, рейтарамъ и солдатамъ дать нечего“. Стужа и снѣга не остановили гетмана Мазепу, и первымъ дѣломъ его при свиданіи съ Голицынымъ было челобитіе, чтобъ великіе государи пожаловали его, гетмана, и все войско Малороссійское, повелѣли въ малороссійскихъ городахъ на башняхъ и ратушахъ поставить государскій гербъ. Голицынъ, разумѣется, послѣднимъ обнадѣжилъ Мазепу, что просьба его будетъ исполнена великими государямъ. Въ половинѣ апрѣля получены были вѣсти, что

¹⁾ Собр. гос. гр. и дог. IV, № 193.

²⁾ Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. П. Д., означеннаго года.

³⁾ Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine; p. 266.—Записки Желябужскаго подъ 1689 г.

⁴⁾ Архивъ Минист. Юстиц. Книги Малор. Приказа означеннаго года.

въ степяхъ иѣтъ пожаровъ, но что ханъ собирается жечь траву въ то время, какъ Голицынъ будетъ приближаться къ Перекопи. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то отправили Оберегателю грамоту, чтобъ оны, посоветовавшись съ гетманомъ, послали знающихъ людей за Самару жечь степи вплоть до Перекопи и до турецкихъ городовъ на Днѣпрѣ; къ приходу русскаго войска въ тѣ мѣста посиѣютъ новыя травы. Голицынъ шелъ къ Перекопи и въ половинѣ мая встрѣтилъ хана съ ордами. Варвары, по своему обыкновению, стремительно ударили на русское войско, но, обданные изъ пушекъ, ушли и не возобновляли болѣе нападений, только на краю горизонта, спереди и сзади, какъ тучи, видѣлись ихъ толпы; хищники кружились надъ добычею, Сныи заманивали врага въ свои безвыходныя степи.

Отбивъ хана, Голицынъ посиѣнилъ послать извѣстie въ Москву о своемъ торжествѣ, писалъ къ правительницѣ, чтобъ она помолилась о его благополучномъ возвращеніи. Софія отвѣчала: „Свѣтъ мой, братецъ Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и Пресвятыя Вородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастьемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А миѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ же вижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна передъ Богомъ и недостойна; однакожь, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прощу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. По семъ здравствуй, свѣтъ мой, на вѣки неисчетныя“

20 мая войска подошли къ знаменитой Перекопи, къ укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзываетъ перешеекъ; за Перекопью завѣтный Крымъ, — цѣль похода. Но чтѣ такое Крымъ? Люди лучше, опытѣйшіе, какъ напримѣръ Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крымъ легко, только степная дорога къ нему нѣсколько трудновата. Голицынъ испыталъ эту трудность въ первый походъ, избѣжалъ ея во второй, достигъ Крыма и тутъ только увидалъ, что не рѣшентъ быть заблаговременно главный вопросъ: чтѣ такое Крымъ, и какъ его завоевывать? Думали, что стѣнитъ только вторгнуться въ Крымъ съ большимъ войскомъ, — Татары испугаются и отдадутся на волю побѣдителя; не подумали объ одномъ, — что и за Перекопью та же безводная степь, какъ и на дорогѣ къ полуострову; что Татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и жаждою. Голицынъ стоялъ у Перекопи; надобно было брать крѣпость, а войско уже двое сутокъ было безъ воды; сиѣнилъ къ Перекопи, думая, что тутъ-то будетъ конецъ лишеніямъ. и чтѣ же увидѣли? — съ одной стороны Черное море, съ другой — Гнилое; вездѣ вода соленая, колодезь нѣтъ, лошади падаютъ; еще нѣсколько дней — и какъ будетъ отступать, на чемъ везти парядъ?

Чтобъ возвратиться съ чѣмъ нибудь назадъ, Голицынъ завелъ мирные переговоры съ ханомъ, въ надеждѣ, что тотъ, испугавшись нашествія, согласится на выгодныя для Россіи условія: но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя, и онъ повернулъ назадъ безъ мира; рады были одному, что въ степи, въ страшній зной, при мучительномъ томленіи жажды, Татары преслѣдовали легко, не всѣми своими силами ¹⁾. Спустя два года слишкомъ послѣ похода, вышелъ изъ татарскаго плѣна смоленскій шляхтичъ Поплонскій и рассказывалъ: „Когда государевы ратные люди пришли къ Перекопи, Нурадинъ салтанъ говорилъ отцу своему хану: для чего онъ противъ тѣхъ ратныхъ людей изъ Перекопи неидеть, а если онъ, ханъ, иди не захочетъ, то онъ бы велѣлъ ему, Нурадину, выйдти; и ханъ сказалъ: присылалъ къ нему князь Василій Голицынъ для договору о мирѣ, и онъ для того противъ тѣхъ ратныхъ людей неидеть, а если это ихъ желаніе не исполнится, то они, Татары, его, князя Василья, и со всѣмъ войскомъ, если станеть пристунать, въ Перекопъ пустятъ и безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ, а пные и сами отъ нужды перемерутъ, потому что въ Перекопи только три колодца воды прѣсной“ ²⁾.

Когда Голицынъ далъ знать Софіи о своемъ возвращеніи отъ Перекопи, то получилъ отъ нея слѣдующее письмо: „Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло миѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя Свое Святое, также и Матери Своея, Пресвятыя Богородицы, надъ нами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдали намъ такого милосердія Божія. Не хуже израильскихъ людей вѣсь Богъ извелъ изъ Земли Египетскія; тогда чрезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помилованіеу насъ чрезъ тебя! Батюшка твоя мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетныя? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! миѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы миѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко миѣ будешь. Если бы миѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Писма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости. Изъ-подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела плѣна изъ-подъ Воздвиженскаго; только подожду къ монастырю Сергія чудотворца, къ самимъ Святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла; чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить за такую милость Его, и Матерь Его, и Прендобнаго Сергія, чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполняла:

¹⁾ Подробности о второмъ Крымскомъ походѣ между статейными Крымскими списками въ Архивѣ Мин. Ин. Д., № 79; Gordon's Tagebuch, III, 235 *Писма Софіи* къ Голицыну, цифирью, въ Государств. Архивѣ разобравы Устряловымъ.

²⁾ Арх. Мин. Юстиціи, кнѣга Малорос. Приказа, № 64.

по вѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣна. А радѣе твое, душа моя, дѣломъ казается. Что пишеши, батюшка мой, что ты позволяешь; Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе; велить мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ самъ пишеши о ратныхъ людяхъ, такъ и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Когда дастъ Богъ, увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житьѣ скажу. А вы, свѣтъ мой, не стойте, пойдите по-малу; и такъ въ затрудились. Чѣмъ вамъ платить за такую пужую службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды? Еслибъ ты такъ не трудился, никто-бъ такъ не сдѣлалъ". Официально, отъ имени царей была послана Голицыну грамота: „Мы, великіе государи, тебя, ближняго нашего боярина и оберегателя, за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свѣрѣные и исконные Креста Святаго и всего христіанства непріятели твою службу не нечаянно и никогда неслыхано отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями: отложка свою обычную свѣрѣную дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся намъ не явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеописанными славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратились въ цѣлости,—милостиво и премилостиво похваляемъ“.

Ослѣпленная страстію, Софія была въ восторгѣ, что „свѣтъ ея“ избѣгъ страшной опасности, возвратился по-здорову изъ степнаго похода, гдѣ могъ погибнуть со всѣхъ войскомъ. Голицынъ казался ей вторымъ Моисеемъ, проведшимъ людей своихъ по дну морскому; ей представлялись только его труды, его опасности; въ отбитіи хана она видѣла дѣйствительно великій подвигъ, великую побѣду. Но другіе, и многіе, имѣли право смотрѣть иначе на дѣло, имѣли право оскорбляться прославленіемъ, наградамъ за походы, не достигшіи своей цѣли, и это уже былъ второй такой походъ. Современники не могли такъ снисходительно смотрѣть на эти походы Голицына, какъ можемъ смотрѣть теперь мы, отдаленные отъ событія болѣе чѣмъ на полтора вѣка.

Таково было участіе Россіи въ священномъ союзѣ противъ Турокъ. Результаты движеній русскаго войска были ничтожны въ сравненіи съ числомъ ратныхъ людей, приготовленіями, вздержкамъ; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно бесполезны, ибо они отвлекали Крымскаго хана отъ поданія помощи Туркамъ въ другихъ мѣстахъ.

Главное вниманіе правительства было обращено на югъ: здѣсь хотѣли закрѣпить Малороссію Кіевомъ и освободиться отъ позора данн татарской. Разумѣется, что имѣя въ виду эти двѣ цѣли, хо-

тѣли жить въ мирѣ съ Швеціею, и въ январѣ 1683 года, были подтверждены условія Кардискаго договора. Изъ сношеній съ другими государствами замѣчательны сношенія съ Пруссіею: въ 1688 году позволена была свободная торговля браденбургскимъ подданнымъ у Архангельска; въ слѣдующемъ году, чрезъ посланника Чаплича, заключенъ былъ договоръ съ Пруссскимъ Дворомъ о свободной торговлѣ между подданными обонхъ государствъ; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволеніи пріѣзжать въ Россію и селиться французскимъ эмигрантамъ евангелическаго исповѣданія, принужденнымъ оставить отечество въслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта. Чапличъ „объявлялъ и на письмѣ предложилъ, что королевское величество Французскій началъ въ государствѣ своемъ ближнихъ и иныхъ людей невольтъ въ вѣрѣ евангелической, и многихъ мученіемъ изъ государства своего разогналъ и, принуждая въ неволю различными мученіями къ Католической вѣрѣ, многихъ смерти предать и, разлуча мужей съ женами и дѣтми, держитъ въ крѣпняхъ, и которые, получа себѣ въ чемъ свободу, бѣгутъ въ разныя окрестныя государства, и къ его курфиртскому пресвѣтлѣйшеству въ державу прибѣжало тѣхъ изгнанныхъ много число, и впредь чаесть такихъ изъ Французскаго государства утеклоцовъ многихъ же людей, а что за умноженіемъ для прокормленія и избавы отъ такого гоненія желаютъ иные быть въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, и мы изволили выслушать и выразумѣть пріятно.“ Выслушивать это было тѣмъ пріятнѣе, что русскіе послы, князь Яковъ Долгорукой и князь Яковъ Мышенскій, отправленные во Францію въ 1687 году, встрѣтили тамъ не очень пріятнымъ для великаго короля дѣломъ, съ объявленіемъ о вступленіи царей въ священный союзъ противъ Турокъ и съ приглашеніемъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ Дюнкеркнѣ явился къ нимъ приставъ съ вопросомъ отъ имени королевскаго: „Не для упрямства ли какого пріѣхали, и не будучи ли въ чемъ волѣ королевскаго величества противны?“ Послы отвѣчали: „Такое странное вопрошеніе зѣло насъ удивляетъ; мы присланы для любительныхъ дѣлъ, а не для какого-нибудь сопротивленія; пренжимъ посланникамъ такихъ необыкновенныхъ вопросовъ не задавали“. Послѣ первыхъ переговоровъ съ министрами иностранныхъ дѣлъ, Людовикъ велѣлъ сказать посламъ, что дальнѣйшіе переговоры не нужны, король понялъ въ чемъ дѣло, и пришлетъ свою отвѣтную грамоту прямо къ нимъ, посламъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній. Долгорукой отвѣчалъ, что это неслыханное дѣло: всѣ государи отдають отвѣтную грамоту сами посламъ, и они, послы царскіе, не примутъ грамоты иначе, какъ изъ рукъ королевскихъ. На это былъ отвѣтъ, что король велѣмъ яростенъ, общаетъ посламъ учинить великое безчестіе и указалъ ихъ отпустить назадъ до французскаго

рубежа, до города Дюнкерка. Долгорукий сказалъ на это, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не можетъ ихъ принудить взять грамоту у себя на дворѣ. Людовикъ прислалъ подарки—послы ихъ не приняли. Мастеръ перемоній говорилъ посламъ, что если они не примутъ даровъ, то король велитъ покласть ихъ въ везы силою; послы отвѣчали, что они не только даровъ, но и везовъ тѣхъ при себѣ никогда имѣть не будутъ: „Королевскій гнѣвъ страшенъ намъ по винѣ“, говорилъ Долгорукий, „а безъ вины вовсе не страшенъ; должны мы прежде всего взирать на повелѣнія государей своихъ“. Французы уступили, объявили посламъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ опять будетъ имѣть съ ними разговоръ, только не въ Парижѣ, а въ С.-Дени, и потомъ король приметъ ихъ въ Версали. Послы перѣехали въ С.-Дени и здѣсь, 22 августа, имѣли разговоръ съ министромъ. Послы предложили, чтобъ и Французскій король вступилъ въ союзъ противъ Турокъ, по призыву Самого Спасителя: „Идѣже два или три во имя Мое собраны, ту и Азъ посредѣ“.

Министръ отвѣчалъ: „Государь мой съ ихъ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви быть желаетъ, за союзъ противъ врага Креста Святаго благодарствуетъ и желаетъ всѣмъ христіанскимъ союзникамъ побѣды; только приказалъ его королевское величество объявить вамъ свое намѣреніе, что ему теперь въ союзъ съ христіанскими государями вступить невозможно, ибо король знаетъ изъ газетъ, что христіанскія войска уже одержали побѣду надъ непріятелемъ, и если теперь королю вступить въ союзъ и войска противъ Турокъ послать, то ему послѣдняя будетъ слава. Государь нашъ, монархъ великій, ищетъ коронѣ своей собственннй славы, чтобъ его войска находились не подъ инымъ чьимъ regimentомъ, только подъ его. Да и для того король не можетъ вступить въ союзъ: въ прежніе годы онъ посылалъ свои войска на помощь Цесарю противъ Турокъ; только тѣмъ войскамъ отъ цесарскихъ войскъ было великое утѣсненіе, ставили его войска въ поляхъ въ худыхъ мѣстахъ, гдѣ, не только живности, и хлѣба достать было нельзя, а къ непріятельскимъ саблямъ посылали ихъ прежде себя; потери французскія войска потерпѣли страшныя, а славы не получили никакой,—вся слава досталась Цесарю, отъ котораго никакого воздаянія за то не было. Когда Турки приходили подъ Вѣну, король нашъ предлагалъ Цесарю войска на помощь, но Цесарь этой помощи принять не хотѣлъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Венеціанамъ на помощь король посылалъ 8,000 войска, когда была война въ Канди и Морѣѣ, но Венеціане эти войска въ битвахъ выдавали, и королю отъ того никакой славы не выросло. У Поляковъ войска мало, въ прошлую войну съ Турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много и можетъ онъ своєю особою побѣду надъ Турками одержать. Между вашими государями

и нашимъ разстояніе дальнее, войскомъ король никакъ имъ помочь не можетъ, да и безъ всякой помощи цари могутъ одержать побѣду“. Наконецъ министръ объявилъ прямо: „Королю нельзя приступить къ союзу потому, что между нимъ и Цесаремъ ископная, всегдашняя недружба, а съ султаномъ всегдашній миръ и крѣпкая дружба; подданные королевскіе, торговые люди, съ Турками имѣютъ великіе торговые промыслы, и если съ Турками разорвать, то Французскій Земль будетъ разореніе. Какой бы разумъ и славу король оказалъ на весь свѣтъ, еслибъ сталъ помогать недругу на друга: этого король никогда не сдѣлаетъ“.

— „Что лучше,“ возразили послы: „союзъ съ христіанцами или миръ съ бусурманами? Королевскіе люди отъ войны съ Турками не разорятся, потому что подъ турецкимъ игомъ не находится столько торговыхъ людей бусурманъ, сколько христіанъ Грековъ. Турки отъ союза всѣхъ христіанскихъ государей обратятся въ бѣгство, христіане получатъ свободу отъ ихъ ига и будутъ имѣть свои торговые промыслы, отчего Французы получатъ больше прибыли, чѣмъ теперь отъ бусурманъ“.

— „Государь мой“, отвѣчалъ министръ, „служилъ государству своему много лѣтъ со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступилъ бы не такъ разумно, еслибъ безъ всякой причины съ Турками миръ разорвалъ и помогъ тому, отъ кого впредь ожидается государству своему всякой противности“.

Послы говорили, что если король не хочетъ вступить въ союзъ, то, по крайній мѣрѣ, не мѣшалъ бы союзникамъ. Министръ это обѣщалъ.

Послѣ этихъ разговоровъ послы ѣздили въ Версаль къ королю на отгускъ, но здѣсь новое затрудненіе—въ грамотѣ королевскія царямъ было пропущено: „Великимъ государямъ“. Послы требовали, чтобъ грамота была переписана; имъ отказали подъ предлогомъ, что король никому такого титула не даетъ и самъ себя такъ не называетъ: послы не взяли ни грамоты, ни даровъ королевскихъ. Мастеры церемоній говорили, что королевскому величеству ни отъ кого въ томъ такихъ досадительствъ прежде не было. Приставъ и всѣ королевскіе люди съ посольскаго двора сѣхъзали. Послы жили въ С.-Дени на свои деньги, купили лошадей и сбирался ѣхать, какъ имъ было наказано, въ Испанію; послали къ министру, чтобъ выхлопотать у короля имъ пропускъ черезъ Францію. Пришелъ отвѣтъ: король отпускаетъ на свои деньги въ Гавръ, а оттуда велитъ отвезти на военномъ кораблѣ до испанскаго города Савостьянова (С.-Себастьянъ), а сухимъ путемъ ѣхать не позволяетъ. По прибытіи въ Гавръ, послы узнали, зачѣмъ назначена была имъ эта дорога: имъ предложили принять дары королевскіе; если же не примутъ, то въ Испанію ихъ не повезутъ, а пусть остаются одни въ Гаврѣ, какъ хотятъ. Послы приняли подарки.

Легко понять, какое впечатлѣніе произведено

было на Московскій Дворъ донесеніемъ Долгорукаго, и вотъ послѣ того являются въ Москву два французскихъ іезуита, Апрель и Боволье, съ грамотою отъ Людовика XIV-го, въ которой тотъ проситъ высочайшихъ, превосходительнѣйшихъ, державнѣйшихъ и великодушнѣйшихъ князей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, пропустить іезуитовъ чрезъ Россію въ Китай. Голицынъ принявъ іезуитовъ очень хорошо, далъ имъ понять, что еслибъ отъ него зависѣло, то желаніе великаго короля было бы исполнено, но... Вслѣдствіе этого „но“, 31 января 1688 года іезуитовъ призвали въ Посольскій Приказъ и объявили волю великихъ государей: „Королевское величество Французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и необыкновенно, и для того великіе государи этой грамоты принять у васъ и чрезъ города Великороссійскаго царства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы приѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многу противность съ безчестьемъ на сторону ихъ царскаго величества“.

Въ Испаніи Долгорукій встрѣтилъ почетный приемъ, увѣренія, что король находится въ постоянномъ союзѣ съ императоромъ, помогаетъ ему казною и войскомъ.—По незнанію состоянія Европейскихъ державъ и отношеній между ними, послаемъ было наказано пригласить Французскаго короля къ союзу съ императоромъ противъ Турокъ, а у Испанскаго короля попросить въ займы милліона два или три ефимковъ! Отвѣтъ былъ, что за великими расходами и оскуднѣніемъ казны, дать денегъ никакъ нельзя ¹⁾).

Сближаясь съ Западомъ, вступа въ священный союзъ христіанскихъ державъ противъ невѣрныхъ, чтобъ окончательно стригнуть позорные остатки Татарскаго ига, спѣшили, разумѣется, прекратить столкновенія на отдаленномъ Востокѣ,—столкновенія съ Китайцами, происшедшія вслѣдствіе занятія казакими странъ Приамурскихъ, которыя богдыханъ считалъ своими. Прекратить эти столкновенія было необходимо и потому, что государство не имѣло никакой возможности посылать значительныя рати за Камень, въ невѣдомыя страны, а казачіе отряды, способные принуждать къ ясаку малочисленные, разбросанно живущіе роды сибирскихъ туземцевъ, оказывались несостоятельными предъ многочисленными ополченіями Средняго государства.

Албазинскіе казаки поставили городки по Амуру, ходили на промыслы, били китайскихъ данниковъ, брали съ нихъ ясакъ. Китайцы писали къ Албазинскому воеводѣ Алексѣю Толбузину, чтобъ онъ вышелъ изъ Албазина въ свою Землю, въ Нерчинскъ:

пусть Русскіе промышляютъ соболемъ и другихъ звѣрей въ своихъ мѣстахъ, около Нерчинска, а по Амуру внизъ не ходятъ. Толбузинъ, разумѣется, не послушался. Въ 1685 году 12 іюля явилось подъ Албазинъ большое китайское войско и взяло городъ; Толбузинъ со всѣми людьми былъ отпущенъ по договору. Китайцы ушли, не снявши хлѣба; чтобъ снять его, Нерчинскій воевода Власовъ отправилъ опять Толбузину съ Албазинцами, велѣлъ имъ сдѣлать хотя малую крѣпость, гдѣ пристойно, изъ-за этой крѣпости снимать хлѣбъ съ полей, и, снявши хлѣбъ, поставить въ удобномъ мѣстѣ новый острогъ или городъ ниже стараго Албазина, чтобъ неприятелю было не въ уступку. Толбузинъ спялъ хлѣбъ и возобновилъ старый Албазинъ. Въ іюнѣ 1686 года городъ былъ достроенъ, а въ іюлѣ уже опять пришли къ нему Китайцы, въ числѣ 5,000 съ сорока пушками. Защитниковъ было не болѣе 1,000 человекъ. Воевода Толбузинъ былъ раненъ пушечнымъ ядромъ и отъ ранъ умеръ. Въ это время шель туда изъ Москвы—околицей Федоръ Головинъ съ войскомъ, но вмѣстѣ и въ значеніи великаго полномочнаго посла. Въ Пекинъ отправлены были гонцы извѣстить Китайское правительство о приближеніи Головина. Узнавши объ этомъ, богдыханъ послалъ своимъ воеводамъ приказъ не приступать болѣе къ Албазину, а весною 1687 года, боясь прихода Головина съ войскомъ, Китайцы отошли отъ Албазина внизъ по Амуру версты съ четыре, и албазинскимъ сидѣльцамъ, которыми по смерти Толбузина начальствовалъ казачій голова Аванасій Байтонъ, открылась возможность ходить вверхъ по Амуру: тридцатаго же августа Китайцы отступили совершенно отъ Албазина къ устью рѣки Зіи.

10 октября Головинъ получилъ изъ Москвы статьи, по которымъ онъ долженъ былъ вести мирные переговоры съ Китайцами: 1) Настаивать, чтобъ между Русскими и Китайскими владѣніями границею была написана рѣка Амуръ; если Китайцы не согласятся, то поставить границу рѣкою Амуромъ по рѣку Быструю или Зію. 2) Если и на это не согласятся, домогаться всячески, чтобъ быть границею Албазину. 3) Если и этого не захотятъ, согласится, чтобъ въ Албазинѣ острогу и поселенію съ обѣихъ сторонъ, Русской и Китайской, не быть, нынѣшнее строеніе снести и ратныхъ людей вывести, чтобъ впередъ у албазинскихъ жителей съ богдыханскими подданными ссоръ не было, но чтобъ русскіе промышленные и служилые люди могли свободно промышлять въ албазинскихъ мѣстахъ, также по рѣкамъ Быстрой и Зіи. Настаивать на эту статью, и если будетъ надобно, то дать китайскимъ уполномоченнымъ государева жалованья, только тайно, съ прилежнымъ разсмотрѣніемъ, чтобъ не было къ умаленію чести великихъ государей. 4) Если и на это не согласятся, то оложить заключеніе мира до другаго времени, и постановить, чтобъ до окончанія переговоровъ Русскіе люди свободно промышляли въ означенныхъ мѣ-

¹⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1326, 1330, 1331; Москов. Архивъ Минист. Ин. Д. Дѣла Французскія означенныхъ годовъ.

ствахъ. 5) Говорить съ китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами, приводя ихъ къ тому, чтобъ договоръ постановить по первой статьѣ, по нуждѣ—по второй, а по самой конечной мѣрѣ—по третей, а войны и кровопролитія, красть самой явной отъ нихъ недружбы и нагло наущиленія, отнюдь не начинать. 6) Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы Китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какими ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинить полевыми-ли боями или водяными руганями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны, и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи.

Только 9 августа 1689 года добрался Головинъ до Нерчинска, подъ которымъ уже стояли китайскіе великіе послы. Для посольскихъ съѣздовъ разбиты были наметы въ полѣ; разбивалъ ихъ сынъ боярскій Демьянъ Многогрѣшный, бывшій гетманъ войска Запорожскаго. Для уговоровъ, какъ производить съѣзды, явились къ Головину два посланца отъ китайскихъ пословъ. Посланцы были въ китайскомъ платьѣ, китайскихъ шапкахъ, съ бритыми головами, съ косами, поклонились по-китайски, но стали спрашивать, ибѣтъ ли при послѣ толмача, знающаго латинскій языкъ, они стали бы говорить по-латыни; переводчикъ нашелся. Оказалось, что посланцы были отцы-иезуиты, одинъ Испанецъ Перейра, другой Французъ Жербилюнь; они просили извиненія у Головина, что поклонились по-китайски, а не такъ, какъ водится у христіанскихъ народовъ; что-жъ дѣлать!—находятся они въ китайской службѣ,—и теперь съ ними пріѣхалъ Китаецъ:—чтобъ не возбудить подозрѣнія европейскимъ поклонозгъ!

Въ одно время съ китайскими послами подѣлалъ Головинъ къ наметамъ, въ одно время съ ними вошелъ въ наметы. Русскіе сѣли въ кресла, Китайцы, поджавъ ноги, помѣстились на широкой скамьѣ, покрытой войлоками; иезуитовъ посадили поодаль на малой скамьѣ; переговоры велись на латинскомъ языкѣ.

Головинъ началъ жалобу, что Китайское правительство, не обославшись, начало войну; требовалъ, чтобъ теперь все было успокоено, взятое возвращено. Китайцы отвѣчали, что русскіе казаки, Хабаровъ съ товарищами, пришли въ Китайскую Землю, построили Албазинъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлали китайскимъ ясачнымъ людямъ пестершаемое насиліе. Богдыханъ послалъ войско, которое взяло Албазинъ, но воеводу Толбузину отпустили, потому что онъ обѣщалъ назадъ не приходити, новаго города не строить, ссоръ и задоровъ не заводить. Обѣщаніе не было исполнено. Богдыханъ опять послалъ войско подъ Албазинъ, но, какъ скоро узналъ о приближеніи великаго посла для мирныхъ переговоровъ, велѣлъ войску отойти отъ Албазина; а земля, на которой построенъ Албазинъ и вся Даурская страна, принадлежатъ Китаю. Головинъ возражалъ, что если

были какия-нибудь обиды со стороны Русскихъ людей, то богдыхану слѣдовало дать знать о нихъ великимъ государямъ, какъ ведется у всѣхъ народовъ, а не начинать прямо войну. Земля, гдѣ построены Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки, никогда во владѣніи богдыхана не бывали; жившіе на той землѣ ясачные люди платили ясакъ въ сторону царскаго величества, и если когда-нибудь въ древнія времена и платили они ясакъ богдыхану, такъ дѣлали они это поневолѣ, потому что тѣ мѣста были тогда отъ русскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи; а когда царскаго величества подданные построили въ тѣхъ мѣстахъ Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки,—тогда даурскіе жители по-прежнему начали платить ясакъ въ сторону царскаго величества.

Китайцы утверждали, что по рѣкѣ Амуръ Русскіе никогда не владѣли; что вся страна по сю сторону Байкала-моря принадлежитъ богдыхану, ибо она принадлежитъ Мунгалскому хану, а Мунгалцы—всѣ издавна подданные китайскіе. Наконецъ дѣло дошло до точнѣйшаго опредѣленія границъ. Головинъ объявилъ, что границею должна быть рѣка Амуръ до самаго моря: лѣвой стороною быть подъ властью царскаго величества, а правой—богдыханова. Китайцы возражали, что рѣка Амуръ во владѣніи богдыхана отъ самыхъ временъ Александра Македонскаго. Головинъ отвѣчалъ, что объ этомъ хрониками разыскивать долго, а послѣ Александра Великаго многія земли раздѣлились подъ державы многихъ государствъ. Китайцы, оставя Александра Македонскаго, предлагали границу до Байкала и упорно стояли при ней, грозя приходомъ своихъ ратныхъ людей подъ Албазинъ. Головинъ замѣтилъ имъ, что при посольскихъ съѣздахъ не обычаи грозить войною, а если они хотятъ войны, то пусть объявятъ прямо. Это велѣлъ онъ перевести на мунгалскій языкъ, заподозривъ иезуитовъ, что они, переводя съ латинскаго на китайскій, многія слова прибавляютъ отъ себя. Подозрѣніе подтвердилось, когда Китайцы отвѣчали, что они велѣли иезуитамъ говорить только о границѣ, а не о войскахъ. Но и на мунгалскомъ языкѣ Китайцы стояли крѣпко за границу по Байкаль; Головинъ долженъ былъ предложить имъ границу по рѣкѣ Быструю; Китайцы предложили границу по Нерчинскъ: лѣвой стороною, идя внизъ по рѣкѣ Шилкѣ къ Нерчинску, быть за царями, а правой стороною до рѣки Онона и рѣкѣ Онону—быть за богдыханомъ по рѣкѣ Ингоду. Китайцы на это остановились и начали толковать о прекращеніи переговоровъ. Головинъ предложилъ границу по рѣкѣ Зію. Китайцы, посмѣявшись между собою, отвѣчали, что они на такую границу согласиться не могутъ. На переговоры было употреблено два съѣзда, послѣ чего Китайцы велѣли снять свои наметы съ съѣзжаго мѣста, объявляя, что больше съѣзжаться не станутъ, потому что больше уступить ничего не могутъ. Но это была только угроза: въ Нерчинскъ пріѣхали иезуиты съ вопросомъ, какая будетъ по-

вая уступка со стороны Головина; тотъ отвѣчалъ, что никакой. Иезуиты тайно говорили толмачу Андрею Вѣлободскому, чтобъ Головинъ немедленно объявилъ о своей послѣдней мѣрѣ; „Мы“, говорили иезуиты, „приводимъ Китайцевъ ко всякой склонности, а то они обычаевъ политическихъ государствъ не знаютъ и къ войнѣ склонность немалую имѣютъ, и поставить границу по рѣкѣ Зію никогда не согласятся“. Вѣлободскій отвѣчалъ, по приказу Головина, что за ихъ радѣніе милость великихъ государей имъ будетъ, а войны Русскіе не боятся.

Въ это время Головину дали знать, что китайскіе послы сносятся съ окрестными Бурятами, и тѣ хотятъ измѣнить великимъ государямъ, согласясь съ Китайцами, учинить надъ Нерчинскомъ воинскій промыселъ. Пріѣхали опять иезуиты и предложили уступку со стороны китайскихъ пословъ: быть рубежу внизъ по рѣкѣ Шилкѣ, по рѣкѣ Черную; правая сторона останется за Китайцами, лѣвая — за Русскими, а отъ Нерчинска до рѣки Черной ходу семь дней. Головинъ отвѣчалъ, что ниже Черной рѣки по обѣимъ берегамъ Шилки построены русскіе острожки, которыхъ уступить нельзя; Албазинъ стоитъ ниже Черной, отъ него до этой рѣки будетъ также семь или больше ходу. Иезуиты объявляя, что богдыханъ наказалъ своимъ посламъ никакъ не оставлять Албазина въ русской сторонѣ, объ этомъ и помину быть не можетъ; есть тамъ еще Аргунскій острогъ, но въ немъ большого поселенія нѣтъ, и потому Русскимъ нетрудно уступить его въ богдыханову сторону. Головинъ отправилъ къ китайскимъ посламъ Вѣлободскаго съ чертежемъ, чтобъ Китайцы показали на немъ границу, только не рѣкѣ Черную. Китайцы отвѣчали, что, кромѣ рѣки Черной, другой границы они постановить не могутъ. Вѣлободскій, по возвращеніи, донесъ Головину, что Китайцы изъ обоза перебраются на суда. Но пріѣхали иезуиты съ новымъ предложеніемъ: быть границѣ по рѣкѣ Горбицѣ на пути между Нерчинскомъ и Албазиннымъ. Иезуиты объявили тайно, что это уже послѣдняя мѣра.

Велѣдъ за тѣмъ Головину дали знать, что ясачные Буряты и Оикоты безпрестанно ссылаются съ китайскими послами, чтобъ быть имъ подъ властію богдыхана; китайскіе послы объявили имъ, что въ то время, какъ Китайцы пойдутъ за Шилку къ Нерчинску, Буряты и Оикоты должны отогнать изъ-подъ города конскіе табуны и рогатый скотъ. Головинъ, „видя соглашеніе китайскихъ пословъ съ измѣнниками и великое упорство въ опредѣленіи границъ; боясь, чтобъ Китайцы, по объявленіи войны, не побрали всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ въ свое владѣніе и не разорили Даурской Земли“, — отправилъ къ Китайцамъ опять Вѣлободскаго съ предложеніемъ границы по Албазинъ, и промыслы имѣть въ Зейскихъ мѣстахъ свободна. Китайцы не согласились, а предложили постановить границею рѣку Аргунь, Албазинъ долженъ отойти въ китайскую сторону, а люди пзъ него съ оружіемъ и запасами

выйдутъ свободно. Головину дали знать, что многія бусы перешли отъ китайскаго табора и начали ставиться на ключахъ ниже Нерчинска. Головинъ, видя, что Китайцы начали дѣлать приготовленія къ войнѣ, боясь, чтобъ не разорили съ измѣнниками Нерчинскаго уѣзда и не взяли въ свое владѣніе всѣхъ ясачныхъ Тунгусовъ, юргъ съ 400, жившихъ вверхъ по рѣкѣ Нерчѣ, опять послалъ Вѣлободскаго объявить Китайцамъ, что соглашается: постановить границу на томъ мѣстѣ, гдѣ построены Албазинъ; въ Албазинѣ городу и поселенію никакому не быть съ обихъ сторонъ, пылѣннее строеніе разорить и ратныхъ людей вывести. Китайцы не согласились, говоря, что своевольники Русскіе люди соберутся и построятъ хотя и не въ томъ самомъ мѣстѣ, но близъ Албазина другія крѣпости и станутъ воровать непрежнему; въ Албазинѣ они построили, споровавши, безъ царскаго указа. Когда Вѣлободскій потребовалъ, чтобы послы не переманивали къ себѣ ясачныхъ людей, то Китайцы со смѣхомъ отвѣчали, что они ихъ не переманиваютъ, и пусть Головинъ самъ съ ними управится, велитъ своимъ ратнымъ людямъ смирить ихъ; Китайцы смѣялись, зная, что у Головина мало ратныхъ людей, а измѣнниковъ гораздо больше.

Велѣдъ за этимъ китайскіе послы съѣли на бусы и поплыли внизъ по рѣкѣ Шилкѣ; вокругъ Нерчинска по горамъ появилось тысячи съ три вооруженныхъ Китайцевъ, которые стали съ знаменами противъ самаго города и на горахъ, въ полверстѣ отъ Нерчинска, поставили налатки и развели по полю караулы. Головинъ послалъ Вѣлободскаго спросить Китайцевъ — что это значитъ; а самъ съ стрѣлечкиими полками вышелъ изъ города въ ожиданіи боя; засѣсть въ Нерчинскѣ было нельзя; острогъ былъ очень малъ и худъ, а къ воинскому промыслу безнадеженъ, — много бревна погнило. Китайцы прислали съ Вѣлободскимъ послѣднюю мѣру: быть границею рѣкѣ Горбицѣ, которая впадаетъ въ рѣку Шилку близъ рѣки Черной, а съ другой стороны быть границѣ по рѣкѣ Аргунь и вверхъ Аргунь до рѣки Большаго Гѣдзимура, которая впадаетъ съ лѣвой стороны; Аргунскій острогъ снести, а на Аргунь никакихъ крѣпостей и поселеній не имѣть, Албазинъ разорить, а съ китайской стороны въ этомъ мѣстѣ никакого поселенія не будетъ. Вѣлободскій объявилъ Головину, что видѣлъ многихъ измѣнниковъ Бурятъ и Оикотъ: стоять вооруженные вмѣстѣ съ Китайцами на караулахъ.

Между тѣмъ Буряты и Оикоты все продолжали переправляться за рѣку, къ Китайцамъ. Болярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный съ отрядомъ отправленъ былъ уговаривать ихъ возвратиться подъ царскую державу; но они ни въ какіе переговоры не вступили и начали стрѣлять; Демьянъ вступилъ съ ними въ бой и взялъ въ плѣнъ трехъ человекъ; большого поиску надъ измѣнниками по малолюдству сдѣлать было нельзя, а между тѣмъ 2,000 вооруженныхъ измѣнниковъ стали вверхъ по Нерчѣ

рѣкъ вереты за полторы отъ города подлѣ китайскихъ карауловъ, въ которыхъ число людей стало больше все больше и больше, а китайскіе послы толковали, что они посольскимъ переговорамъ никакого пріятія не дѣлаютъ, караулы ставить для своей безопасности, до измѣнниковъ имъ дѣла нѣтъ, пусть съ ними Головинъ, какъ хочетъ, переводывается; послѣднее продолжали говорить, пересмѣиваясь.

„Видя китайскихъ пословъ много упорство, измѣну Бурятъ и Ойкоть; боясь, чтобы по ихъ примѣру не измѣнили и Тунгусы и не разорили бы, по согласію съ Китайцами, всей Даурской Земли, не побрали бы всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ, кочующихъ у Байкальскаго моря; усмотря совершенно склонность китайскихъ пословъ къ войнѣ; слыша отъ промышленныхъ и служилыхъ людей даурскихъ острожковъ, что между Албазинскимъ и рѣкою Горбицею мало годныхъ земель къ поселенію, а промысловъ соболиныхъ и другихъ никогда въ тѣхъ мѣстахъ не бывало; желая рудокопное мѣсто, гдѣ сыскана серебряная руда, удерживать въ царской сторонѣ, также соленое озеро и многія пашенныя мѣста на той сторонѣ рѣки Аргунн“, — Головинъ 23 августа отправилъ Вѣлюбовскаго объявить китайскимъ посламъ, что соглашается постановить границею рѣку Горбицу и городъ Албазинъ разорить до основанія съ тѣмъ, чтобы на этомъ мѣстѣ не было никогда ни русскаго, ни китайскаго поселенія. А по правую сторону рѣки Шилки, съ Аргунскаго устья идучи до вершины, рѣкою Аргунью вверхъ — на правой сторонѣ землѣ содержатся въ сторонѣ царскаго величества; а лѣвой сторонѣ — въ сторонѣ богдыхановой.

Китайцы согласились и прислали къ Головину іезуитовъ для окончательныхъ договоровъ; но тутъ открылись новыя затрудненія. Головинъ опредѣлялъ границу такимъ образомъ: отъ рѣки Горбицы съ вершины до самого моря прямо Камнемъ, который лежитъ подлѣ рѣки Амура; изъ того Камня покатъ къ рѣкѣ Амуру и рѣки, которыя впадаютъ въ Амуръ, отходятъ въ сторону богдыхана; а на другой сторонѣ того же Камня покатъ и рѣки, которыя лежатъ къ северной сторонѣ, отходятъ въ сторону царскаго величества. Іезуиты объявили, что китайскіе послы на это никакъ не согласятся. Убѣжая отъ Головина, іезуиты отдали тайно Вѣлюбовскому письмо на французскомъ языкѣ: они просили Головина прислать имъ соболей, горностаевъ, лисицъ черныхъ на шапки, вина добраго, куръ, масла коровья. Головинъ послалъ сорокъ соболей на 80 рублей, сто горностаевъ на 10 рублей, лисицу чернобурую въ 10 рублей — это изъ царской казны, да отъ себя Головинъ послалъ лисицу черную въ 15 рублей, сорокъ горностаевъ въ 4 рубля, полпуда масла коровья, 15 куръ, ведро вина горячаго. Іезуиты отдали двума готоваленками, въ которыхъ было по ношу, по ножницамъ и по раздѣрку, цѣною по 10 алтынъ; двумя портретами Французскаго короля на бумажныхъ

листахъ и книгу Французскаго короля Вирсалинъ напечатанную).

Головинъ настаивалъ, чтобы написать границу по договору, а спорныя мѣста близъ моря у Амурскаго устья оставить безъ опредѣленія по рѣку Удь до другаго болѣе удобнаго времени, ибо мѣстность у Амурскихъ устьевъ ему неизвѣстна. Китайцы настаивали, чтобы положить границу отъ вершины рѣки Горбицы прямо Камнемъ до моря, до мѣста, называемаго Святой Носъ. Такъ же не хотѣли писать въ договорѣ, чтобы въ Албазинѣ не было никакого строенія, на томъ основаніи, что это дѣло незначительное. Наконецъ Китайцы уступили въ первомъ пунктѣ, Русскіе во второмъ; написали договоръ, гдѣ опредѣлили границы такъ: „Рѣка, именованная Горбица, которая вытекаетъ излучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвой стороны близъ рѣки Черной рубежъ между обоими государствами постановить также отъ вершины тою рѣки каменными горами, которые начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ даже до моря протяженными обоими государствамъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которые съ полдневныя стороны съ сихъ горъ вытекаютъ въ рѣку Амуръ быти подъ владѣніемъ Хинскаго государства также всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою царскаго величества Россійскаго государства, прочіежъ рѣки которыя лежатъ вверднѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которые содержатся близъ Амура владѣніи Хинскаго государства и впадаютъ въ море и всякія земли посреди сущія межъ тою вышеупомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которые до границы подлежатъ, не ограниченныя нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченіе великіе и полномочныя послы не имѣюще указа царскаго величества отлагаютъ не ограничены до иного благополучнаго времени. Такжеже рѣка реченная Аргунн, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако яко всѣмъ землямъ, которые суть съ стороны лѣвыя идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ подъ владѣніемъ Хинскаго хана да содержитсяъ правая сторона, такжеже всѣ земли да содержатся въ сторонѣ царскаго величества Россійскаго государства и все строеніе съ полдневныя стороны той рѣки Аргуннъ снести на другую сторону тою жъ рѣки Городъ Албазинъ который построенъ былъ съ стороны царскаго величества разорить до основанія и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими, воинскими и иными принасы да изведены будутъ въ сторону царскаго величества“.

Внутри государства важная преобразованія, замышлявшіеся при царѣ Сеодорѣ, были остановлены сзуюто, начавшися тотчасъ послѣ его смерти. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Сеодора были вызваны въ Москву выборные со всего государства, два человѣка съ каждаго города, для раз-

боровъ и уравненія всякихъ службъ и податей. Тотчасъ по смерти Оеодора этихъ двоихъ ииковъ въ распустили по домамъ, и отъ имени Петра послали грамоты къ воеводамъ: „Указали мы всѣхъ двойниковъ отпустить по домамъ; а имъ, прѣбавъ, въ тѣхъ городахъ и пригородахъ, въ уѣздахъ, во всѣхъ слободахъ и въ волостяхъ и въ селахъ, съ земскими старостами и иными чиновъ съ тамошними жителями людьми, въ таможи и на кружечные дворы и къ инымъ сборамъ нашей казны выбрать между собою въ головы и въ ларешные пѣловальники, изъ какихъ чиновъ напередъ сего у тѣхъ сборовъ бывали и нынѣ собираютъ, самыхъ добрыхъ и правдивыхъ людей; а ты бы (воевода) въ тѣхъ выборахъ всякое имъ вспоможеніе чинилъ, а ни для чего въ тѣ выборы тебѣ не вступаться и помѣшка имъ не чинить“¹⁾. Къ чему повелъ вызовъ двойниковъ, съ какими наказами они возвратились,— не знаемъ. Видимъ въ грамотахъ прибавку, чтобъ воевода не вступался въ выборы и не дѣлалъ имъ препятствій; но мы знаемъ, что уже давно воеводамъ запрещено было вступаться въ выборы; повтореніе запрета показываетъ, что воеводы не обращали на него надлежащаго вниманія. Жители Вятской области выпросили у царя Алексѣя право во всѣхъ своихъ городахъ имѣть подъячій по мирскимъ выборамъ; но въ іюнѣ 1682 года прислали челобитную: „Вопреки царскому повелѣнію сдѣять у насъ подъячіе безъ мірскихъ выборовъ, по подписнымъ челобитнымъ и по накупамъ чинять намъ налоги и утѣсненіе, отъ письма берутъ лишніи взятки, и отъ тѣхъ ихъ налоговъ и лишнихъ взятокъ разорились мы въ-конецъ напрасно и Вятскіе уѣзды пустѣютъ“. Государь, разумѣется, велѣди быть подъячій по мірскимъ выборамъ. Дѣло о крестьянахъ, дворовыхъ людяхъ и закладникахъ, которые поселились въ городахъ для промысловъ, тянулось. Мы видѣли, что по Уложенью всѣ они были закрѣплены за городами тянуть вмѣстѣ съ посадскими людьми. Но послѣ Уложенья подобные люди, отбывая крѣпостной зависимости, уходять отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ города, занимаая здѣсь промыслами и тянутъ вмѣстѣ съ посадскими людьми. Происходитъ новое столкновение интересовъ: помѣщики и вотчинники требуютъ бѣглецовъ назадъ; посадскіе люди бьютъ челомъ великому государю, чтобъ ихъ не отдавать, потому что безъ нихъ тяжело будетъ тянуть, подати не будутъ уплачиваемы. Страшная угроза для правительства, и правительство оттягиваетъ бѣглецовъ. Царь Алексѣй Михайловичъ указомъ 1655 года не велѣлъ отдавать ихъ прежнимъ владельцамъ. Правительница Софія 17 декабря 1684 г. указала: тѣхъ людей, которые живутъ въ посадахъ и слободахъ по торговымъ и руководѣльнымъ промысламъ и по женитвамъ, женившисъ на посадскихъ тяглыхъ вдовахъ и дѣвкахъ, и по посад-

скимъ дворамъ и по градскому жигью, и которые написаны въ переписныхъ книгахъ 1678 года, и которые въ тѣхъ книгахъ не написаны для отъѣздовъ торговыхъ и ремесленныхъ промысловъ, а иные пришли послѣ переписныхъ книгъ,— и тѣмъ пришлымъ людямъ жить въ посадахъ безповоротно и тягло всякое платитъ, службы служить съ посадскими людьми, а помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ ихъ въ крестьянство и холопство не отдавать, а которые крестьяне придутъ послѣ указа 17 декабря 1684 года,— тѣхъ искать судомъ²⁾.

Уѣзды не переставали пустѣть; въ Москву доносили: „Мію Верхотурья и Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ, черезъ слободы изъ русскихъ и изъ поморскихъ городовъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми прошло много число“³⁾. Вѣзжитъ крестьянинъ подальше за Камень, чтобъ не сыскали, потому что бѣгство—единственное средство спасенія отъ насилій сынагола; вступая въ крестьянство, онъ далъ на себя запись, гдѣ выговорены всѣ его обязанности и не выговорено никакого обезпеченія противъ обидъ господина; вотъ эта запись: „Я Иванъ Кондратьевъ сынъ Вольшаковъ далъ на себя сію ссудную запись столыпнику Ив. Григор. Неронову, взявъ я, Иванъ, у него на ссуду денегъ 10 рублей, и на тѣ ссудныя деньги миѣ завезъ всякій крестьянскій заводъ, и съ тѣмъ заводомъ жить миѣ за нимъ, государемъ своимъ, въ крестьянствѣ, гдѣ онъ, государь, укажетъ, а буде жить не стану и всякаго завода не заведу и изъ-за него куда сбѣгу, и ему взять тѣ свои ссудныя деньги на миѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, и волюю мою продать и заложить и самому владѣть“. Сегодня пользовались довѣрчивостію крестьянъ, чтобъ поднимать ихъ противъ крѣпостной зависимости. Въ сентябрѣ 1682 года, въ Вѣлгородскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ митрополита Вѣлгородскаго, въ селѣ Уложеньи Слободѣ съ деревнями, крестьяне чинили между собою совѣты, и въ колокола на бунтъ били, и въ круги сходились и вѣлгородскаго пристава, который посыланъ былъ за ними, били и вязали, и наказную память отняли, къ митрополичью двору приходили, посельскаго старца и домовыхъ людей побить хотѣли; изъ Вѣлгорода посланы за ними начальныя люди съ стрѣльцами, и они имъ взять не дали. Пятеро крестьянъ прѣѣхали въ Москву съ челобитнымъ, чтобъ имъ за митрополитомъ въ крестьянствѣ не быть; ихъ здѣсь схватили и послали въ Курскъ для розыску. Оказалось, что Вѣлгородецъ Оедька Озеровъ, прѣѣхавъ изъ Москвы, началъ крестьянъ бить челомъ о свободѣ и просилъ съ нихъ 20 рублей, говорилъ: станеть имъ всего небольшое, но гривнѣ съ двора, и нынѣ на Москвѣ время, отъ крестьянства васъ отставятъ; а у него, Оедора, въ Москвѣ, въ патриаршемъ разрядѣ дядя дякъ Анисимъ Озеровъ, ту ихъ чело-

¹⁾ Акты истор. V, № 83. Гарелина—старинные акты города Шун, № 154.

²⁾ Акты историч. V, № 88; Приказная дѣла Москов. Арх. Мил. Ин. Д. 1692 г. май 20.

³⁾ Полн. Собр. Зак. II, № 1030.

битую донесеть до великихъ государей, и то дѣло сдѣлается. Озеровъ и митрополчій крестьянинъ Тронка Чепурный, болѣе другихъ принявшій участие въ бунтѣ, повѣшены; другіе бунтовщики, всего 27 человекъ, биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно, и отосланы къ митрополиту въ крестьянство попрежнему.

По старой печальной пословицѣ, когда волки дрались, съ овецъ шерсть летѣла. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметьевъ жилъ не въ ладахъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, и управители дворцовыхъ волостей позволяли себѣ все съ крестьянами Шереметева: дворцоваго села Дунилова воевода Шишкинъ съ головою таможеннаго и кружечнаго двора, со всѣми крестьянами и солдатами, съ бердынами, топорками, дубинами и копьями, ворвался въ Шереметевское село Горицы на богомольную ярмарку на праздникъ Рождества Богородицы; что на боярскомъ дворѣ боярской сборной казны было, — все грабежомъ побралъ безъ остатку, а крестьянъ били, увѣчили, что на комъ было денегъ и одежды, все взяли. Горпчкіе крестьяне, разумѣется, били челомъ на наслышниковъ, но по Россіи ходила также пословица, что „на Москвѣ дѣла даромъ не дѣлаютъ“.

Пріѣхалъ въ 1683 году въ Москву слуга Прилудскаго монастыря по дѣламъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ и внесъ въ роспись расходовъ: дяку несено деньгами 10 рублевъ, пироги, голова сахару, семга, гребень рѣзной, полпуда свѣчъ маковыхъ, два ведра рыжиковъ, людямъ его два алтына. Старому подьячему деньгами 28 рублевъ, пироги, ведро рыжиковъ, людямъ его четыре деньги. Молодому подьячему деньгами три рубля; да ему-жъ съ дѣянчимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено церковнаго вина на семь алтынъ. Въ Приказѣ Вольшій Казны старому подьячему отъ sprawy, отъ памяти, что отпустилъ въ Стрѣлецкій Приказъ, несено пироги да семга. Молодому отъ письма отъ памяти десять денегъ¹⁾.

Гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ между сильнымъ и слабымъ, встрѣтите то же, что и въ крестьянской записи. Дѣвочка-сиротка живетъ у замужней сестры; тяжело содержать лишняго человека, и вотъ старшая сестра и мужъ ея отдаютъ дѣвочку въ услуженіе чужому человѣку; пишется запись, въ которой предусмотрительные и нѣжные родственники выговариваютъ, чтобъ чужой человѣкъ не только содержалъ дѣвочку за ея работу, но и устроилъ ея судьбу съ ея согласіемъ: „Я такой-то и жена моя отдала, я—свою свояченицу, а она—свою сестру дѣвицу, такому-то жить во дворѣ его до возраста: а какъ она будетъ на возрастѣ, и ему дать ей приданаго по силѣ и выдать замужъ завольнаго человека или за кого она похочетъ. А живая, ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему с

кормить, одѣвать и обувать“²⁾. Ей—вести себя хорошо, а ему—только кормить, одѣвать и обувать; вести себя хорошо въ отношеніи къ ней—этого не считали нужнымъ выговаривать.

Предъ нами продолжаетъ развергиваться прежняя картина юнаго общества, но выработавшаго сдержекъ для сильныхъ людей. Сильные живутъ порознь, особѣ, и ведутъ войну другъ съ другомъ; правительство ведетъ кровавую борьбу съ ними, но гидра растетъ подъ ударами, мечъ притупляется, надобны другія средства.

Въ Калугѣ, къ сѣвѣеи избѣ пріѣзжаетъ помѣщикъ Марѳа Кишкина, привозитъ мертвое тѣло мужа своего, бьетъ челомъ: Въ деревню мою Чувашеву, на огородѣ, пріѣхалъ сосѣдъ Иванъ Кондыревъ съ людьми своими и крестьянами, наряднымъ дѣломъ, и началъ ломать изгороду пану и жечь; мужъ мой вышелъ и сталъ ему говорить, чтобъ не ломалъ и не жегъ, а онъ, Иванъ, убилъ его за это до смерти“³⁾. Тѣло осмотрѣли и записали; воевода послалъ за убійцею, чтобъ вѣхалъ въ Калугу; но Кондыревъ не поѣхалъ; не было у воеводы мочи сладить съ сильнымъ человекомъ. Вдова подождала, видить, что въ Калугѣ добиться ничего нельзя, взяла мертвое тѣло и повезла въ Москву въ Сыскной Приказъ. Здѣсь опять тѣло осмотрѣли, записали и дали управу. Свидѣтели показали, что самъ Кондыревъ Кишкина не билъ, били люди его. Кондырева били кнутомъ нещадно и сослали въ Сибирь съ женою, но не съ дѣтми, одно помѣстье его отдано вдовѣ Кишкиной, другія оставлены дѣтямъ преступника³⁾. За этимъ дѣломъ другое въ томъ же родѣ: поссорились также за землю два помѣщика—Левашевъ и Пушчинъ; Пушчинъ пожегъ у Левашева скирды ржи и сѣна; Левашевъ разсердился и послалъ сыновей своихъ и крестьянъ убить Пушчина, что и было исполнено. Преступникъ потерялъ за это голову⁴⁾. Поссорившись за землю, помѣщики бьютъ другъ друга; понятно, что они не спустятъ межевщикамъ, когда имъ покажется, что тѣ мѣшуютъ не къ ихъ выгодѣ. Въ 1686 году пришла жалоба отъ межевщиковъ, что дѣти боярскія и казаки, помѣщичьи и вотчинническіе люди и крестьяне, скопясь многолюдствомъ, бунтомъ, со всякимъ оружіемъ на нихъ приходили, съ земли ихъ сбили, мѣрятъ не дали, верви поотнимали и разорвали, а иныхъ межевщиковъ и подьячичъ и людей ихъ били⁵⁾. Правительство отправило дворянъ добрыхъ для розыску, виноватыхъ велѣно бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно; по розыску наказанье чинено, и, несмотря на то, жалобы межевщиковъ не прекращаются.

Священникамъ попрежнему не было пощады отъ сильныхъ людей. Въ 1684 году Новгородскій митрополитъ Корнилій получилъ такую челобитную

²⁾ Акты, относ. до юридич. быта, стр. 705.

³⁾ Архивъ Мин. Юстиціи; Столбцы приказнаго стола, № 2058.

⁴⁾ Полн. Соб. Зак. II, № 1154.

⁵⁾ Полн. Соб. Зак. II, № 1192.

¹⁾ Акты, относ. до юридич. быта, стр. 602; Столбцы приказнаго стола, 3476; Акты Гаврилова, стр. 290, 302. Акты Юридич. стр. 398.

отъ помѣщиковъ Новоторжскаго уѣзда, прихожанъ церкви Иліи Пророка на прихожанина той же церкви Сверчкова, на сына его и племянниковъ: „У насъ въ приходѣ нашего священника Васильева онъ, Сверчковъ, съ сыномъ и племянникомъ отъ церкви Воіеіи споняетъ; племянникъ его прибилъ того нашего священника до крови, и оттого въ церкви Иліи Пророка службы не было долгое время. Да сынъ его, Сверчковъ, приведенъ того священника на наперть, раздѣвалъ дважды, хотѣлъ бить плетью, да въ то же время дьячка и пономаря билъ плетью до полусмерти, невѣдомо за что“. Въ 1688 году священникъ Іаковъ изъ Арзамасскаго уѣзда объявилъ, что Иванъ Ржевскій звалъ его къ себѣ въ домъ ибѣ молебна и обѣдалъ съ попадьемою его. Прилучился тутъ Петръ Шадринъ; послѣ обѣда попадьа его пошла домой, и на улицѣ люди Шадрина, по приказу господина своего, попадью его били и увѣчили до полусмерти; онъ вышелъ попадьи своей отнимать, и его били же и увѣчили. И, пришедши домой, попадьа его отъ тѣхъ смертныхъ побой стала быть при смертномъ часѣ; онъ послалъ сына своего въ вотчину Михайла Армакова за попомъ Варооломеемъ, чтобъ онъ попадью его исповѣдалъ и причастилъ. Попъ Варооломей прѣхалъ, а его, пона Іакова, въ то время дома не было, былъ у Петра Шадрина, и отъ него, Петра, пошелъ къ себѣ домой; въ то время выбѣжалъ на улицу съ Петрова двора Шадрина сынъ Ивана Ржевскаго Аванасій съ людьми своими, и его, пона Іакова, били и увѣчили и пошли къ нему на дворъ, а за ними пошелъ къ нему и Петръ Шадринъ съ людьми. Попъ Варооломей исповѣдалъ въ кѣтти попадью, и Аванасій Ржевскій, ухватя пона Варооломея за епитрахиль, изъ кѣтти вытащилъ и началъ съ людьми своими и съ Петровыми бить и увѣчить, оставилъ чутъ жива, и Тайну Христову всю пролилъ подъ ноги и ногами потопталъ, а билъ Варооломея, приговаривалъ: „Ты попъ Михайла Армакова, почто къ намъ съ Дарами въ приходъ ѣздишь? Что было тебѣ, то будешь и Петру Армакову съ сыномъ“¹⁾.

Мы видѣли, какъ Русскіе люди страдали отъ разбойничества, для усилія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣтили извѣстіе, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ; въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 году князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царскою казною; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человекъ убили до смерти. Про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску князь Яковъ Лобановъ взять съ двора, привезенъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учено ему наказаніе: бить кнутомъ въ жилецкомъ подкѣтѣ, по упросу верховой боя-

рыни и мамы княгини Анны Никифировны Лобановой, да отнято у него безповоротно 400 дворцовъ крестьянскихъ, а человекъ его Калмыка да казначей за то воровство повѣсили; Микулинъ бить кнутомъ на площади пешадно, сосланъ въ Сибирь, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно²⁾.

Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 году учинено наказаніе Петру Васильевичу Киклину: бить кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ за то, что дѣвку раслилъ; да и прежде онъ, Петръ, пытанъ на Вяткѣ за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка. Въ 1685 году бить кнутомъ Хвошинскій за то, что на порожней столбѣ составилъ-было записъ. Князь Петръ Кропоткинъ бить кнутомъ за то, что выскребъ и приписалъ своею рукою. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ человекѣ³⁾.

Въ связи съ этимъ явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софіи было постановлено: за одинъ разбой и воровство безъ убійства и пожогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житіе съ женами и дѣтьми, которыя не въ раздѣлѣ; за два воровства чинить указъ по Уложению, за три—казнить смертью⁴⁾. Новъ слѣдующемъ же году постановлено рѣзать у преступниковъ уши вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертію, велѣно бить кнутомъ и сослать въ разные города⁵⁾. Въ началѣ 1689 года постановлено было не оканывать въ землю женъ за убійство мужей, не отсѣкать имъ головы⁶⁾. Въ частныхъ договорныхъ записяхъ не считали нужнымъ выговаривать, чтобъ хозяинъ обходился хорошо съ поступающими къ нему въ услуженіе; но правительствомъ старалось обезпечить несчастныхъ должниковъ отъ неистовства заимодавцевъ, къ которымъ они отдавались въ заживъ головою; въ 1688 году велѣно отдавать въ заживъ должниковъ мужеска пола съ женами, женска съ мужьями, работать имъ — мужчинамъ за годъ по пяти рублей, женщинамъ—по два съ полтиною; по тѣхъ людяхъ, кому они будутъ отданы, брать поручныя записи, чтобъ имъ должниковъ не убить и не изувѣчить⁷⁾. Въ томъ же году былъ изданъ указъ о невзысканіи со вдовъ и дѣтей долговъ, если послѣ умершихъ никакихъ пожитковъ не осталось⁸⁾.

Въ первыхъ годахъ правленія Софіи были изданы любопытные указы, которые рѣзко характеризуютъ общественныя нравы. Есть явленія, пови-

²⁾ Записки Желѣзбужскаго подъ означ. годомъ.

³⁾ Записки Желѣзбужскаго подъ означ. годомъ.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 970.

⁵⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1002 и 1004.

⁶⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1335.

⁷⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1285.

⁸⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1298.

¹⁾ Допол. къ Актаямъ Историч. XI; № 10. Столбцы приказнаго стола, № 2276.

димому мелкія, но которыя служатъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго развитія. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ допустить высокой степени этого развитія тамъ, гдѣ на многолюдной улицѣ большого города человѣкъ, встрѣтивъ знакомаго, преспокойно останавливается поговорить съ нимъ на срединѣ дороги; или тамъ, гдѣ не умѣютъ держаться правой стороны, или тамъ, гдѣ позволяютъ себѣ ѣздить во всю прыть, опять по многолюднымъ улицамъ большихъ городовъ. Все эти явленія пахнутъ стенью, показываютъ, что люди привыкли жить особѣ, какъ жили предки, Дреговичи или Вятичи; не понимаютъ, что въ обществѣ, прежде чѣмъ сдѣлать какое-нибудь движеніе, надобно подумать: а что будетъ отъ этого другимъ? Зная за собою и теперь много противобщественныхъ привычекъ, мы не удивимся, встрѣтивъ указы, чтобъ не ѣздили по улицамъ на вожжахъ съ большими бичами и не били народъ своимъ небреженьемъ, не стрѣляли въ домахъ изъ ружей, не оставляли на улицахъ навозъ, мертвечину и всякій скаредный пометъ. Или такой указъ: „Стольники, стряпчие и дворяне московскіе и жильцы! Нынѣ люди ваши ставятся въ Кремлѣ съ лошадыми не въ указанныхъ мѣстахъ, безъ разбора, и шумъ и крикъ чиняютъ, и кулачный бой заводятъ, и прохожимъ людямъ дорогою пройти не даютъ, толкаютъ и подъ ноги подшибаютъ и подсвистываютъ; а какъ начнутъ ихъ караульные капитаны и стрѣльцы съ неуказанныхъ мѣстъ сылать и отъ крика и отъ дурна унимать, и тѣ ваши люди капитановъ и стрѣльцовъ бранятъ и грозятъ бить“¹⁾. Это касалось слугъ; но еще прежде нужно было запретить господамъ безчинствовать въ самомъ дворцѣ²⁾.

Мѣстничаться явно не смѣли болѣе, т. е. не смѣли не пойти куда-нибудь по назначенію, выставляя, что быть съ такимъ-то невхѣтно; но бывали случаи, когда уклонялись отъ неприличныхъ по мѣстническимъ счетамъ назначеній подъ разными предлогами: такъ, въ 1686 году, бояринъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій не послалъ сыновей своихъ въ рынды вмѣстѣ съ Голицыными подъ предлогомъ, что они больны и уѣхали молиться къ Николѣ на Угрѣшу; двое другихъ Долгорукихъ, Лука и Борисъ, спрятались отъ того же назначенія. Правительница велѣла отнять за это у князя Владиміра боярство, сыновей его и князей Луку и Бориса наказать съ городами (городовыми дворянами), кромѣ того у Луки и Бориса отнять помѣстья и вотчины. Лука и Борисъ просили милости со слезами, что они не явились во дворецъ вовсе не потому, что не хотѣли быть вмѣстѣ съ Голицыными, но потому, что ждали какого-нибудь другого великихъ государей гнѣва и опалы. Всѣхъ Долгорукихъ простили³⁾.

Въ то время, когда государство боролось съ стешными хищниками, желая избавиться отъ позор-

ной дани; въ то время, когда внутри боролось оно съ противобщественными привычками, высказывавшимися во всѣхъ слояхъ общества, — въ то же время Церковь вела двойную борьбу. Побѣда надъ раскольниками въ Москвѣ послѣ 5 іюля 1682 года не сломила раскола, который безпрестанно давалъ знать о себѣ въ областяхъ, и это усиливало раздраженіе побѣдителей, заставляло ихъ принимать все болѣе и болѣе сильныя мѣры противъ упорнаго врага. Въ ноябрѣ 1682 года разосланы были грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Въ 1683 году въ Печерскомъ псковскомъ монастырѣ архимандриту и келарю съ братьями бия челомъ печерскій посадскій бобыль Ульянъ Ивановъ: раскольники, незнаемые люди, подговори и совратя съ истиннаго пуги отъ Св. Церкви, свели жену его Екатерину своимъ ученіемъ незнаю куда; пристають они въ Печерскомъ посадѣ у вдовы Агафьицы и людей учатъ своему расколу. — Заказчикъ священникъ Иванъ Андреевъ раскольниковъ пришлыхъ людей и съ ними вдову Агафьицу поймалъ и привелъ въ Печерскій монастырь. Одинъ изъ раскольниковъ въ допросѣ сказалъ: порождо оны Русскихъ людей, зовутъ его Мартынокъ, Кузьминъ сынъ, жилъ въ Псковѣ въ бобылкахъ своимъ дворомъ, а послѣ пожару у него двора своего нѣтъ, отняли дворовое мѣсто подъ церковь, и съ того числа онъ проживалъ гдѣ день, гдѣ ночь; въ Печерскій монастырь пришелъ къ празднику Успенія Богородицы и присталъ въ посадѣ у сестры своей, у вдовы Агафьицы; а на праздникъ въ церкви не былъ, для того-что нынѣ пѣние въ церкви и служба новая, и обѣдно служатъ не надъ просвирами, надъ *колобками*; на исповѣди онъ былъ тому назадъ лѣтъ съ десять, и какъ онъ сталъ причащаться Св. Талнъ нынѣшнихъ просвиръ, — и изъ него пошли зми и стало бить и трясти, и съ того числа онъ на исповѣди не бывалъ и не причащался. — При входѣ въ казенную келью, гдѣ его допрашивали, Мартынокъ не поклонился Св. иконамъ и, на вопросъ, зачѣмъ не кланяется, отвѣчалъ: эти иконы не святыя, нынѣ вѣра христіанская изсякла и святыни въ иконахъ нѣтъ; нынѣ и литургію служатъ по-римски надъ колобками, вмѣсто креста на просвирахъ поставлены латинскіе крыжи и животворящій Крестъ Христовъ казнили весь около „Священники все“, продолжалъ Мартынокъ, „антихристовы предтечи; антихристь въ мірѣ есть другою годъ, я его видѣлъ въ Печерскомъ монастырѣ, Маркеллъ митрополитка (Маркеллъ митрополитъ Псковскій). А какъ царь Алексѣй за вѣру Соловецкій монастырь велѣлъ казнить, то на третій день и умеръ. Нынѣ я посланъ отъ Бога учить и вѣру христіанскую проповѣдывать; верховные апостолы Петръ и Павелъ мнѣ средочи. Чтобъ крестились христіане двумя перстами, а не тремя: въ томъ крестѣ сидитъ Кппа бѣсъ съ преподнею. А какъ антихристь появился, и въ то время въ Псковѣ у Живоначальной Троицы и въ Печер-

¹⁾ Пол. Собр. Зак. II, № 1181.

²⁾ Пол. Собр. Зак. II, №№ 1064, 984, 997.

³⁾ Временникъ Моск. Истор. Общ. № 5.

скомъ монастырѣ престолъ рушился; и Св. Троица и Пресвятая Богородица нынѣ на воздухѣ, а не въ церкви“. На пыткѣ Мартышко объявилъ, что все имъ сказанное въ допросѣ онъ слышалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и прибавилъ: „Когда царствовалъ оный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, то царствовалъ не онъ, а Михаилъ Архангелъ“. Послѣ крѣпкой пытки, огня, клещей, многихъ встрясокъ, Мартышко во всемъ повинился, объявилъ, что Св. Церкви во всемъ повинуется. Учителемъ Мартышки оказался пойманный съ нимъ товарищъ его Ивашка Меркульевъ, который крестилъ и исповѣдывалъ постарому. Бояре приговорили: „Ивашку Меркульева сжечь и пепелъ его разметать и загоптать, а Мартышка и Агафьину отослать подъ началъ митрополиту“¹⁾.

Мы видѣли, что въ царствованіи Ѳеодора монахъ Даніилъ завелъ пустынь въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, и сожегся съ своими единомышленниками, почуявъ приближеніе царскаго войска; въ 1682 году дали знать правительству, что выѣзжаютъ изъ городовъ и слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покинувъ дворы, имѣніе, скотъ и хлѣбъ, на Тоболь въ Утяцкую слободу къ слободчику Ѳеодору Иноземцеву, и заводятся пустынь такая же, что и прежде была на рѣчкѣ Березовкѣ: велѣно было поставить заставы, чтобъ никого не пропускать въ Утяцкую слободу²⁾. Въ 1685 году изданъ указъ: „Которые прелестію своею простолоудниовъ и ихъ женъ и дѣтей приводили къ тому, чтобъ они сами себя жгли, — такихъ воровъ, по ролюску, жечь самихъ“³⁾. Отвѣтъ на эту мѣру не замедлилъ. Въ томъ же году человекъ съ тридцать раскольниковъ сгорѣли въ овишѣ въ принадлежавшей Хутынскому монастырю деревнѣ Островѣ. Другіе заперлись въ Палеостровскомъ монастырѣ и, посыла о приближеніи полковника Мишевскаго, сами сожглись въ церкви; главный заводчикъ Повичанинъ Емельянъ Ивановъ, подучившій къ самосожженію, не сгорѣлъ, но, пограбивъ монастырскую казну, бѣжалъ и сталъ опять прельщать и собирать толпу; въ 1689 году опять засѣлъ онъ съ своими товарищами въ Палеостровскомъ монастырѣ; высланный противъ раскольниковъ отрядъ войска въ непроходимыхъ лѣсахъ отыскалъ три пристанища и сжегъ ихъ, но на возвратномъ пути долженъ былъ выдержать отъ раскольниковъ нападеніе въ продолженіи двухъ почей; запершіеся въ Палеостровскомъ монастырѣ раскольники зажгли его и сами сгорѣли⁴⁾.

Спасаясь отъ преслѣдованій, раскольники бѣжали за рубежи шведскій и польскій, бѣжали въ казацкія степи. Мы видѣли, что уже и прежде раскольники утверждались на Дону; теперь число ихъ тамъ становилось все больше и больше. Мы ви-

дѣли, что еще въ 1683 году казаки указывали, какъ на главнаго вора, на Кузьму Косаго; однако онъ остался нетронутымъ. Въ 1686 году въ Черкасскъ вдругъ хлынуло 700 человекъ раскольниковъ и начали уговаривать казаковъ, чтобъ стояли за старую вѣру; Православные выжидали незваныхъ гостей, но дѣло не обошлось безъ ножей. Въ ноябрѣ того же года въ Острожскѣ явился съ Дону казакъ Лобанъ, родомъ Малороссійнинъ, и рассказывалъ, что жилъ онъ въ городѣ Кагальникѣ 30 лѣтъ, но теперь принужденъ былъ уйти, потому что въ донскихъ городкахъ по рѣчкѣ Медвѣдидцѣ, Чиру и по запольнымъ рѣчкамъ стало много раскольниковъ, умышляютъ они и совѣтуютъ, чтобъ имъ идти на Москву, на патриарха, бояръ и архіереевъ, которые всѣ вѣру потеряли. Лобанъ требовалъ, чтобъ его отправили въ Москву, потому что есть за нимъ еще *скрытыя* рѣчи. Въ Москвѣ Лобанъ объявилъ, что на рѣчкѣ Медвѣдидцѣ живетъ бѣлецъ, Куземкою зовутъ (Кузьма Косой), чинить всякіе расколы и называется панною.

Этотъ панъ съ своими приверженцами основалъ на Медвѣдидцѣ новый городокъ, названный по его имени Кузьминнымъ, откуда раскольники начали наступательное движеніе на другіе городки.

Въ концѣ сентября 1688 года Донскіе казаки отправили противъ нихъ отрядъ подъ начальствомъ атамана Кутейникова, который, пришедши подъ Кузьминъ, построилъ городокъ съ раскагомъ и „чинилъ надъ раскольниками всякіе боевые и приступные земляные и деревянные промыслы“, но все безуспѣшно; потомъ пошли казаки къ городку деревяннымъ валомъ, который валили цѣлый день; за этою валовою крѣпостію построили другой раскатъ, кололись съ него копьями съ раскольниками и кирпичемъ бились; но осажденные успѣли зажечь валъ и заставили казаковъ отступить. 1-го февраля 1689 года отправленъ былъ подъ Кузьминъ городокъ другой атаманъ, Аверкиевъ, на веремѣну Кутейникову; Аверкиевъ стоялъ подъ городкомъ до мая мѣсяца и наконецъ успѣлъ взять его и разорить, — раскольники были побиты.

Кромѣ Косаго, главами раскола на Дону были три попа — Досеѣй, Пафнугій и Ѳеодосій; когда въ 1688 году высланъ былъ противъ нихъ казацкій отрядъ, то они съ своей толпою ушли за границу, во владѣнія Шавкала Тарковского, и поселились на рѣчкѣ Аграханѣ⁵⁾.

Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ селѣ Репномъ явился какой-то гулящій человекъ Василій Желтовскій, который не подошелъ къ священнику подъ благословеніе, крестъ на себя возлагалъ не по новоисправленному, церкви и Православную вѣру, и священный чинъ хулилъ: „Какія-то церкви и попы? Богъ ланъ на небеса, а на землѣ Бога нѣтъ“; крестился и, смотря на солнце, говорилъ: „Боже мой, Боже! почто надо мною однимъ зыскалъ?“ При-

¹⁾ Акты истор. V, № 100; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. И. Д., годъ 1683.

²⁾ Акты историч. V, № 101.

³⁾ Акты Арх. эксп. IV, № 284.

⁴⁾ Акты истор. IV, № 127, 151.

⁵⁾ Соб. гос. грам. и дог. IV, № 192; дѣла Донскіа снач. годовъ въ Архивѣ Мин. И. Д.

вешенный въ Воронежъ, въ Духовный Приказъ, по дѣйствию дьявольскому безмолствовали. Домовый архіерейскій монахъ Сергій донесъ, что онъ видѣлъ Васку въ казачьемъ городкѣ Иловлѣ; здѣсь онъ церкви называлъ мечетями: тѣло и кровь Христовы ни во что вмѣнялъ; про великихъ государей говорилъ, будто ихъ на Москвѣ пѣтъ, и называлъ ихъ антихристами, патріарха—державникомъ, іереевъ—посланниками. На пытки Желтовскій не повинился, объявилъ только, что отецъ и братъ его на Дону. Желтовскаго сослали въ Свирскій монастырь, а Сергія—въ Сійскій. Казани ходили противъ раскольниковъ; но о томъ, что дѣлалось въ самомъ Черкасскѣ, шель споръ въ Москвѣ между двумя монахами, Савватіемъ и Гавріиломъ. Савватій доносилъ, что въ Черкасскѣ сначала служили по новоправнымъ служебникамъ, а когда Гавріиль началъ въ соборной церкви служить, то выходилъ въ кругъ къ казакамъ и наговаривалъ, четвероконечный крестъ называлъ латинскимъ; войско послушало, велѣли просвиры печатать по его волѣ осмиконечнымъ крестомъ, и велѣли служить по старому служебнику. Гавріиль съ пытки въ расколѣ и ни въ какомъ воровствѣ не виновенъ, только говорилъ, что виновать,—служилъ на Дону въ соборной церкви по старому служебнику.

Тяжелъ былъ Донъ расколомъ; тяжелъ и казачьими притязаніями, которыхъ никакъ не могли допустить въ Москвѣ. Въ 1685 году Донское войско прислало царямъ челобитную такого содержанія: Били челомъ великимъ государямъ, а имъ, казакамъ, въ кругу подали челобитную воронежскаго Покровскаго монастыря игумена Ульяна съ сестрами: вочину ихъ Фарасанъ коротояккіе жители обижаютъ и разоряютъ, вступиться за ихъ крестьянъ и постоять некому; и великіе государи пожаловали бы ихъ, казаковъ, ради войсковаго прошенія велѣли вочину Фарасанъ принять на себя и пожаловать старецъ рукою¹⁾. Старецъ велѣли прислать въ Москву и игумену сослани въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей: хотя она и говорила, что сама на Донъ не ѣздила, а послала двухъ монахинъ за милостынею, и челомъ бить казакамъ не приказывала. Къ казакамъ была послана грамота, чтобъ они впередъ въ такія дѣла не вступались, потому что такія дѣла имъ не належать. Но это не былъ единственный случай: Троицкаго Борцова монастыря казначей Дороевъ съ осымъ монахами составилъ челобитную на игумена Корнилія отъ себя и отъ монастырскихъ работниковъ, и послалъ на Донъ. Монахи, взятые въ Москву, оправдывались, что пріѣхали въ монастырь Донскіе казаки и съ угрозою велѣли старцамъ написать челобитную на игумена. Воронежскій епископъ Митрофанъ жаловался, что ему отъ Донскихъ казаковъ нельзя вѣдать братію и крестьянъ Борцова монастыря: на кого будетъ челобитная,—тѣхъ казаки не дадутъ на епископскій судъ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, Столбы Приказнаго стола, № 2046.

Въ Сибири и прелѣлахъ новгородскихъ, на Дону и въ Москвѣ раздавалася расколничья проповѣдь. что патріархъ не патріархъ,—потому что зарзился Латинскою ересью, такъ что патріархъ Іоакимъ долженъ былъ писать царямъ и царевнѣ Софіи, чтобъ защитили Церковь отъ ругателей. „Повелите, да не безчестится честь архіереевъ и всего духовнаго чина отъ невѣждъ и досадителей многихъ, отъ лихоимства же и отъ всякихъ обидъ избавите“²⁾. И въ то же время этотъ самый патріархъ велъ упорную и опасную борьбу противъ людей, которыхъ онъ обвинялъ въ латинскихъ пошествахъ, въ Латинской ереси. Мы видѣли, какъ при царяхъ Алексѣѣ и Феодорѣ проникло въ Москву латино-польское вліяніе вмѣстѣ съ языками латинскимъ и польскимъ, распространившимися во дворцѣ и между вельможами. Главнымъ проводникомъ этого вліянія считался наставникъ царевича Симеонъ Полоцкій, который не замедлилъ столкнуться съ старыми учителями, съ самими патріархами; Симеонъ не хотѣлъ преклониться предъ высшими духовными русскими, считая ихъ невѣждами сравнительно съ собою; русскіе духовные естественно были оскорблены, подмѣчали въ его мнѣніяхъ разницу съ мнѣніями, утвержденными стариною, съ удовольствіемъ указывали на это, какъ на признакъ неправомерія непріятнаго пришельца, причеъ опирались на авторитетъ извѣстнаго своею обширою ученостію монаха, вызваннаго въ Москву изъ Кіева, Епифанія Славинецкаго, келейнаго труженика, по характеру своему неспособнаго пробиваться впередъ и толкать другихъ. Какъ патріархъ Іоакимъ и его единомышленники смотрѣли на Полоцкаго и какъ старались противопоставлять ему Славинецкаго,—всего лучше видно изъ слѣдующаго современнаго извѣстія: „Призванъ былъ изъ Кіева въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для наученія дѣтей Славяно-Россійскаго народа еллинской науцѣ ибѣто іеромонахъ Епифаній Славинецкій, мужъ многоученый не только грамматикѣ и риторикѣ, но и философіи, и самыя еологіи извѣстный испытатель и искусѣннѣйшій разсудитель и опасный (осторожный) претолковникъ Греческаго, Латинскаго, Славянскаго и Польскаго языковъ. Былъ и другой іеромонахъ Симеонъ, по прозванію Полоцкій, и тотъ учился, но не столько, и зналъ только по-латыни, да по-польски, а греческаго писанія ничего не разумѣлъ. Однажды патріархъ Питиримъ пригласилъ обоихъ, Епифанія и Симеона, къ себѣ въ крестовую палату; они стали разговаривать, и Симеонъ спросилъ Епифанія: „Какъ, отецъ, святыя твоя вѣруеть о пресуществленіи?“ Епифаній отвѣчалъ, что молитвою іерейскою: „сотвори убо“ и проч. происходитъ пресуществленіе. Симеонъ сказалъ на это: „Въ Кіевѣ: наша Русь, ученые тоже, глаголютъ и мудрствуютъ, что только словами Христовыми: „Примите, ядите“ и проч. пресуществляются Дары“⁴⁾. Епифаній отвѣ-

²⁾ Сборн. Спод. библ. № 11.

чать: „Наши Кіевляне учились и учатся только по-латыни и читаютъ книги только латинскія, по-гречески не учились, и потому истины объ этомъ не знаютъ“. Патріархъ Іоакимъ отзывался о Полоцкомъ: „Хотя онъ былъ человекъ ученый и добронравный, однако приготовленный іезуитами и прельщенный ими, поэтому читалъ только ихъ латинскія книги“. Вънѣшъ вѣры Полоцкаго патріархъ называлъ „Внѣшомъ изъ терній, на западѣ прозябшаго, силетеннымъ“. Обѣтъ духовный—наполненнымъ тайно душевныхъ бѣдъ¹⁾.

Два ученые монаха, призванные въ Москву для наученія дѣтей Славяно-Россійскаго народа, уже поднимаютъ знаменитый споръ о времени пресуществленія. Въ словахъ Полоцкаго заключалась хлѣбопоклонная ересь: онъ училъ поклоняться хлѣбу, утверждая, что пресуществленіе совершается при произнесеніи священникомъ словъ Христовыхъ, т. е. ранѣе надлежащаго времени. Но не одинъ Полоцкій распространялъ эту ересь; по свидѣтельству патріарха Іоакима, ересь пришла въ Москву отъ русской молодежи, которая ѣздила въ Польшу учиться по-латыни; возвратившись, молодые люди передали латинскій обычай знакомымъ священноначальникамъ и благороднымъ мужамъ, имѣвшимъ великія достоинства въ царскихъ домахъ: и тѣмъ показалось, что дѣйствительно тайна совершается произнесеніемъ словъ Христовыхъ.

Знать, когда именно совершается великое таинственное дѣйствіе и съ згльмъ сообразовать свою молитву было очень важно для Русскихъ людей, и споръ не могъ легко потухнуть. Полоцкій умеръ; но онъ оставилъ изъ Великороссіяиъ ревностнаго ученика, готоваго и способнаго ратовать за мнѣнія учителя. Однимъ изъ подъячихъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ при царѣ Алексѣѣ былъ Семень Петровичъ Медвѣдевъ, подружившійся здѣсь съ товарищемъ своимъ Федоромъ Шахловитымъ. Медвѣдевъ обратилъ на себя вниманіе своею смысленностію, и его отдали учиться Латинскому языку къ Семѣну Полоцкому: учился онъ три года; но когда отправленъ былъ на посольство въ Курляндію Ординъ-Нащокинъ, то Медвѣдеву съ товарищами велѣно было ѣхать на посольство для наученія²⁾. Ученый подъячій не хотѣлъ оставаться въ Приказѣ, постригся въ монахи подъ именемъ Сильвестра, прослылъ чернецомъ великаго ума и остроты ученой, и сдѣланъ былъ строителемъ Запконоспаскаго монастыря въ Москвѣ. Медвѣдевъ сталъ ревностнымъ защитникомъ мнѣній Полоцкаго, и слѣдовательно хлѣбопоклонной ереси, а Медвѣдевъ былъ хороши при Дворѣ правительницы по дружбѣ своей съ Шахловитымъ. Притомъ ученый Медвѣдевъ очень неуважительно отзывался объ учености патріарха Іоакима,—и личная

вражда разгорѣлась вмѣстѣ съ споромъ о времени пресуществленія и о другихъ ученіяхъ Полоцкаго, о другихъ латинскихъ новшествахъ. Самое сильное участіе въ спорѣ съ Медвѣдевымъ приняли справщикъ (корректоръ) Евонимій и ризничій Акинсѣвъ, которые, по словамъ Медвѣдева, возмущали душою патріарха. Евонимій и Акинсѣвъ скоро нашли себѣ сильныхъ союзниковъ. Еще въ 1862 году архидіаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истомина подалъ царевнѣ Софіи вирши, въ которыхъ уговаривалъ ее привести въ исполненіе мысль брата Теодора:

„Умоли убо самодержцевъ сущихъ,
Да государи онѣ те изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велѣтъ быти совершеннымъ
И учителямъ людемъ повѣщеннымъ.“

Извѣщенные люди пріѣхали въ 1685 году: то были ученые Греки, двое братьевъ, Іоанникій и Софроній Лихуды, которые въ томъ же году открыли свои курсы—ученикамъ прежней типографской школы и разнаго званія и возраста людямъ, священникамъ, монахамъ, княжескимъ сыновьямъ, столыцкимъ и т. д.³⁾ Науки стали совершенноны: Лихуды преподавали грамматику, реторику, піитику, логику и физикъ; грамматику и піитику преподавали они на Греческомъ, реторику и физикъ—на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Въ ученыхъ Грекахъ патріархъ Іоакимъ нашель себѣ сильныхъ защитниковъ противъ мнѣній Полоцкаго. Между ними и Медвѣдевымъ завязалась полемика. Медвѣдевъ написалъ сочиненіе подъ именемъ „М а п а“, гдѣ доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христовыхъ. Лихуды доказывали противное въ книгѣ своей, „А к о с ѣ, или врачеваніе противоположаемое ядовитымъ угрызненіемъ змійевымъ.“ Противъ А к о с а дьяконъ Аонасій написалъ: „Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ“; Лихуды отвѣчали „Д і а л о г а м и Грека учителя къ нѣкоему Іезуиту“. Споръ не ограничился одними учеными, сталъ общимъ дѣломъ: не только священники, но и міряне, даже женщины, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, повсюду спорили о времени пресуществленія. Не всѣ архіереи держались мнѣнія патріарха; въ наставительной грамотѣ Рязанскаго митрополита Павла духовенству своей епархіи читаемъ: „Въ божественной литургіи ума намѣреніе твердо имѣти. Ума же намѣреніе сіе есть, егда глаголетъ словеса сія: П р і м и т е, я д и т е, и п і я т е отъ нея, да имать умъ свой весь собранъ въ оны словеса, еже бы преложитися хлѣбу въ тѣло Христово и вину въ кровь Христову, си есть: еже глаголетъ во время оно, сія и мыслить, а не пияя. Блюди, о іерсе! аще во время оно умъ твой будетъ неподвижимъ, истинно божественную службу совершиши, ащежъ въ то время уста твоя глаголютъ оне сло-

¹⁾ Рукоп. Синодал. библиот. № 452, 346.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ип. Д. Дѣла Приказныя 1676 г. Вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ учились у Полоцкаго Василій Репскій, ивнѣшъ, выѣхавшій изъ Кіева съ епископомъ Меодіемъ, да Семень и Пяля Казанцевъ.

³⁾ Истор. Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи С. Смирнова, стр. 24 и 2.

веса, умъ же твой инаямыслить, въждь, яко смертию, сирѣчь непрошено согрѣшаешн⁴.

Выбыли въ дѣло Поляки, иезуиты, паходившіеся въ Москвѣ; по рукамъ ходили польскія книги, наполненныя латинскими мудрованиями; слышались голоса, что на Флорентійскомъ соборѣ Латини осилили Грековъ¹).

Что такое Флорентійскій соборъ: кто знаетъ, и гдѣ взять прочесть, чтобъ было что отвѣчать врагамъ? Иоакимъ пишетъ въ Кіевъ, къ митрополиту Гелеону: „Нышѣ, грѣхъ ради нашихъ, видимъ, что дышетъ на паству змѣй адскій; одни принимаютъ и хвалятъ соборъ Флоренскій, другіе его не принимаютъ — и споръ идетъ въ томъ сильный, а вѣрныхъ писаній обѣ стороны показать не могутъ, потому что въ книгахъ нашихъ рѣдко гдѣ объ этомъ находимъ извѣстіе; и тебѣ бы, сынъ, постараться, извѣстить нашей вѣрности, для чего этотъ соборъ былъ, какъ начался и всѣми четырьмя патриархами принятъ ли. Хотимъ получить извѣстіе отъ вашихъ книгъ, потому что у васъ больше объ этомъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ“. Гелеонъ объяснилъ въ чемъ дѣло, указавъ на печатанныя книги, гдѣ заключаются извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, и между прочимъ указывалъ на книгу, отпечатанную въ Москвѣ въ 1648 году: „Книга о вѣрѣ единоистинной и Православной и о Св. Восточной Церкви“. Въ концѣ письма Гелеонъ говоритъ: „Азъ твоему святѣйшему, яко отцу архипастырю и госнодпнови моему, исповѣдую, яко Флоренское соборище неприимую, паче же яко ересь противицу отметаю“.

На этомъ можно было успокоиться; но приверженцы Медвѣдева для подтвержденія своего мнѣнія указывали на изданную въ Малороссіи книгу „Выкладъ о церкви святой и о службѣ“. Иоакимъ опять обращается въ Кіевъ къ митрополиту Гелеону и архимандриту Кіево-Печерскому Варлааму Ясинскому, въ Черниговъ къ Лазарю Варановичу, указываетъ имъ на авторитетъ отцовъ Восточной Церкви, возстаетъ противъ новыхъ Могилянскихъ книгъ (Великій требникъ и служебникъ, Екзегезисъ Сильвестра Коссова, Книжка о семи таинствахъ, Лиоость), какъ не согласующихся съ Православнымъ исповѣданіемъ. Въ Кіевѣ отмалчиваются; патриархъ настоятельно требуетъ, чтобъ прислали согласіе свое съ московскимъ опредѣленіемъ времени присутствія; грозитъ, что въ противномъ случаѣ пожалуется четыремъ патриархамъ; требуетъ, чтобъ прислали для объявленій „мужа смиренномудра, прискренно Восточныя Церкви сына, вѣдуща извѣстными писаніи Св. Отца, а не силгошмаши и аргументами токмо упражняющася“. Нѣтъ отвѣта, потому что между Москвою и Кіевомъ идетъ другая пересылка: къ гетману Мазепѣ и кіевскому знатному духовенству отослана Манна вмѣстѣ съ сочиненіями Лихудовъ; на послѣднюю написали

обличеніе и переслали въ Москву черезъ князя Вас. Вас. Голицына, когда онъ былъ во второмъ Крымскомъ походѣ²).

Такимъ образомъ, партія Медвѣдева находила себѣ сильную поддержку во дворцѣ; Манна была написана по приказанію Софін. Голицына пересылать написанное въ Кіевѣ обличеніе на Лихудовъ. Мало того! Голицына считали покровителемъ иезуитовъ, которые, благодаря ему, явились въ Москвѣ. Французскій иезуитъ, который былъ въ это время въ Москвѣ, съ цѣлію пробраться чрезъ Сибирь въ Китай, такъ отзывается о Голицынѣ. „Этотъ первый министр, происходившій изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ, безъ сомнѣнія, былъ самый достойный и просвѣщенный вельможа при Дворѣ Московскомъ; онъ любилъ иностранцевъ, и особенно Французовъ, потому что благодарныя поклонности, которыя онъ въ нихъ замѣтилъ, совпадали съ его собственными; вотъ почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, какъ и я. Еслибъ дѣло зависѣло отъ него одного, то разумѣется всѣ наши желанія были бы исполнены; еслибъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, еслибъ онъ не долженъ былъ вести себя осторожно относительно другихъ бояръ, то съ удовольствіемъ открылъ бы намъ путь въ Сибирь и облегчилъ бы намъ доступъ въ Китай, изъ уваженія къ Людовику Великому, котораго онъ былъ страстный поклонникъ. Меня увѣряли, что сынъ его носилъ портретъ его величества въ формѣ Мальтійскаго креста, что отецъ считалъ для себя великою честью“³). Другой посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ описываемое время, не иначе называетъ Голицына, какъ великимъ человекомъ. Описывая свой первый приемъ у перваго министра, онъ говоритъ: „Я думалъ, что нахожусь при Дворѣ какого-нибудь италіянскаго государя. Разговоръ шелъ на латинскомъ языкѣ обо всемъ, что происходило важнаго тогда въ Европѣ; Голицынъ хотѣлъ знать мое мнѣніе о войнѣ, которую императоръ и столько другихъ государей вели противъ Франціи, и особенно объ Англійской революціи; онъ велѣлъ мнѣ поднести всякаго сорта водокъ и вишъ, совѣтъ въ то же время не пить ихъ. — Голицынъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей, сдѣлать ихъ людьми, трусовъ сдѣлать храбрыми, пастушескіе шалаши превратить въ каменные палаты. Домъ Голицына былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ“⁴). До насъ дошло подробное описаніе этого великолѣпнѣйшаго дома, сдѣланное по приказанію правительства послѣ сверженія Голицына⁵). Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холатами, въ серединѣ подволоки солнце съ

²) Рукоп. Синодал. библ. № 346; розмыскъ Медвѣдева см. ниже.

³) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 246.

⁴) De la Neuville—Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 15, 177, 178.

⁵) Книга Малорос. Приказа, № 109, въ Арх. Мин. Юстиціи.

¹) Рукоп. Синодал. библ. № 452; Искарева—Древній грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 130.

лучами, вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесные съ зодіаки и съ планеты писаны живописью; отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое косяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подевѣчниковъ; цѣна паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца—мѣсяцъ въ лучахъ, посеребрень; кругъ подволоки въ 20 клеймахъ рѣзныхъ позолоченныхъ, писаны пророческія и пророчица лица. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ, за листъ по пяти рублей. Изъ портретовъ были у Голицына: В. К. Владиміра Кіевскаго, царей—Ивана IV, Оеодора Ивановича, Михаіла Оеодоровича, Алексѣя Михайловича, Оеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей; четыре персоны королевскихъ. На стѣнахъ палаты въ разныхъ мѣстахъ пять зеркалъ, одно въ черепаховой рамѣ. Въ той же палатѣ 46 оконъ съ оконницами стеклянными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ вызолоченныхъ землемѣрные чертежи печатные, нѣмецкіе, на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапекія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзъ сквозная, личины человѣческія и птицы и травы; на кровати верхъ орѣховый же рѣзной, въ серединѣ зеркало круглое; цѣна 150 рублей¹⁾. Девять стульевъ обиты кожей золотыми; кресла съ подножіемъ, обиты бархатомъ. Много было часовъ боевыхъ и столовыхъ во влагаліахъ черепаховыхъ, оклееныхъ усомъ китовымъ, кожей красною; Нѣмчинъ на конѣ, а въ лошади часы. Шкатулки удивительныя со множествомъ выдвигныхъ ящичковъ, чернильницы янтарныя. Три фигуры нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединѣхъ трубки стекляныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова нѣмецкія, а подъ трубками въ стеклянныхъ чашкахъ ртуть“.

У перваго министра было много книгъ: Цохвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Государемъ. Книга писанная—врученіе привиліе на академію. Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, или належать обще народу. Книга Тестаментъ, или завѣтъ Василія царя Греческаго

сыну его Льву Философу. Како царца Олуца близягъ породи и како ихъ свекровь и ея мать цесарева хогя погубиги. Граматикъ печатной. Книга писанная на польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная переводъ отъ Вселенскихъ патріарховъ Мелетія діакона. Книга переводъ съ польскаго шсыма съ печатные книги, глаголемой Алкоранъ Махметовъ. Книга съ польскаго шсыма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о посллахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права, или уставъ воинской Голландской Земли. Шѣвчя нѣмецкаго языка. Граматикъ польскаго и латинскаго языка. Исторія письменная польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на нѣмецкомъ языкѣ всякихъ рыбахъ и звѣряхъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербинна. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная нѣмецкая.

Въ 1689 году въ другой разъ эти великолѣпныя палаты увидали господина своего, печально возвращавшагося изъ неудачнаго похода. Люди, искавшие милостей любимица, попржекому толпились въ изукрашенной залѣ, восхващаясь солнцемъ и мѣсяцемъ въ потолокъ, превозносили удачу похода, поздравляли съ милостями царскими. Но Голицынъ зналъ, сколько людей негодуетъ на эти милости, какъ незаслуженно полученныя. Павительство изъ всѣхъ силъ поддерживало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось въ поддержкѣ, и Голицыну нечѣмъ было поддержать его: онъ не приобрѣлъ славы великаго полководца, разгромившаго поганые улусы татарскіе, не приобрѣлъ чрезъ это народной любви, которою могъ бы прикрыть Софію, держать враговъ ея въ почтительномъ разстояніи. Нравственныя средства спасенія были потеряны въ неудачныхъ крымскихъ походахъ. Поддержку Софію могъ одинъ Шакловитый своими средствами, на которыя не былъ способенъ Голицынъ. Оберегатель находился въ тяжкомъ положеніи: ему оставалось не одобрять средствъ Шакловитаго, и въ то же время робко, затаясь отъ самого себя, желать имъ успѣха, который одинъ могъ спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дѣло быстро приближалось къ развязкѣ.

¹⁾ Въ 1678 году Софія подарила Голицыну кровать съ позолотою и росписаніемъ. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. 1687 года.

Г л а в а П.

Паденіе Софіи. Дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода.

Значеніе Петра и совершеннаго имъ переворота. — Воспитаніе Петра. — Учителя-иностранцы. — Строеніе судовъ. — Женильба Петра. — Столкновеніе съ правительницею. — Намѣреніе Софіи вѣнчаться на царство. — Вражда Софіи къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. — В. В. Голицыны и Шакловитый. — Напрасное стараніе подыять стрѣльцовъ. — Неудовольствія со стороны Петра. — Сборъ стрѣльцовъ въ Кремль 7-го августа. — Бѣгство Петра въ Троицкій монастырь. — Напрасныя попытки Софіи приглядѣться съ братомъ. — Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго. — Розыскъ Шакловитаго; ссылка Голицыныхъ. — Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицыныхъ. — Казнь Шакловитаго съ товарищами. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи. — Розыскъ и казнь Медвѣдова. — Отстраненіе Софіи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь. — Продолженіе доносовъ. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына съ Долгоруками. — Лефорть. — Царскіе потѣхи. — Компанія. — Состояніе общества. — Дѣла Малороссійскія. — Положеніе Русскихъ людей въ польскихъ областяхъ. — Мазепа и Палѣя. — Дѣла обь откупѣ.

„Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гонимый отъ родственниковъ, подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружинку, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благославляли его, другіе проклинали“.

— О комъ это идетъ рѣчь; что это, хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ; кто ей теперь вѣрять?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, — приводятся неоспоримыя извѣстія о Русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ, о мѣтахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка Русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ, — поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспріятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно поднимаетъ народъ, ею обладающій, надъ народамъ, у котораго ея нѣтъ; какъ же теперь съ понятиемъ о слабости соединить понятіе силы? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой должны

быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполне; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; новое начало начинаетъ господствовать насчетъ стараго, обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрицаніе того, что было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы въ этомъ отношеніи не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другого непремѣнно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ, борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сближившись съ другими, превосходящими его народами, появивши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что казалось ему лучшимъ у другихъ? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность въ всемъ, несостоятельность матеріальная и нравственная, была такъ явна? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши выѣсть съ тѣмъ и многими другими, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западные европейскіе народы въ описываемое время, относительно цивилизаціи своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье; но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ недоумимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда вначалѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италіянамъ, прежде другихъ познававшимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому; значенія, величія своей исторіи въ сравненіи съ исторіею Грековъ и

Римлянъ не понимали. Очереду поработать чужому началу дошла и до Русскаго народа, дошла, по извѣстнымъ условіямъ, позднѣе, чѣмъ до другихъ,— и въ этомъ огромная невыгода; по причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи, въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ Западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливали крайности противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ-называемому преобразованію характеръ революціонный. Наша революція начала XVIII вѣка уясняется чрезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ. Необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе. Во Франціи слабое правительство не устояло—и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ. Въ Россіи одинъ человекъ, одаренный небывалою силою, взявъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, изъотъ человекъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистию поглядывать на сосѣдній островъ, гдѣ фундаментъ зданія складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ Французской исторіи, котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ; что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженіями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностію плакаться такъ-же на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого воплѣтъ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго; онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человекъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человека условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ.

Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій—оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человека есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человекъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что не потребно и не возможно для народа. При настоящихъ усилѣхъ исторической науки великій человекъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу; но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человекъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводитъ до степени стада, бессознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою; преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны Верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ, удовольствія повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку¹⁾. Вооружаются вообще противъ преобразованія, идущихъ сверху Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ; не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать впоследствии, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но, для устраненія бесплодныхъ толковъ, опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый Европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомятъ исторію принятія христіанства европейскими народами; пусть припомянутъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, причемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, остаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія, масса въ продолженіи вѣковъ оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ?—то, что европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: Въ Англіи король Генрихъ VIII задумалъ отложиться отъ Римской цер-

¹⁾ Ж. Ж. Руссо въ: *Du contrat social*: „Les Russes ne seront jamais vraiment policés, parcequ'ils l'ont été trop tôt... Pierre a vu que son peuple était barbare, il n'a point vu qu'il n'était pas mûr pour la police“, etc.

квп; но извѣстно, какое сильное сопротивление встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа должны были онъ побороть; значитъ, Англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ паны, и реформа, которую такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII. Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ; отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота: не отрывать главнаго дѣятеля—вождя—отъ народа, отъ общества; съ самаго начала слѣдить, какъ образовалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторією народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это-то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей великаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силы, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизацію, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ специализированіемъ занятій; отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ раздѣлахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ, ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи, болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ европейско-христіанскомъ государствѣ, общество, вслѣдствіе своей исторіи, предоставило простора для дѣятельности Верховной власти, и потому неудивительно, что въ Россіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ двоихъ государей съ неимовѣрною дѣятельностію — Петра I-го и Екатерину II-ю. Общество юное, неразвитое не допускаетъ раздѣленія занятій; отсюда сильному человеку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы въ многообразныхъ родахъ занятій; отсюда многообразная дѣятельность Петра; вслѣдствіе тѣхъ же общественныхъ условій, увидимъ впоследствии на другомъ поприщѣ многообразную дѣятельность Ломоносова.

Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ Русской Исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ

богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (я то не совѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ мифическихъ представлений о подвигахъ этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустрашимыми силами, произвело исполна, какъ юная земля въ допотопное время производила громадные существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умбрюющихъ, образовательныхъ началъ; какія нравственныя пенки приготовило общество для Петра: какъ оно воспитываетъ, образуетъ исполна?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственного состоянія древняго русскаго общества: но видѣли такъ-же, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ — существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество движется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рвутся, и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шаткости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорить, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримый авторитетъ отцовъ духовныхъ; теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой — новые учителя православные и неправославные подкапываютъ этотъ авторитетъ; архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя; молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды; учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтить своего старшаго, находится подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать послушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода; боялся своимъ поведеніемъ нанести безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло извѣстныя матеріальныя сдержки въ помощь нравственнымъ: такъ, люди знатные и достаточные держали своихъ женъ и дочерей взаперти, въ теремахъ. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но какъ никакая тюрьма не воспитываетъ, не приготавливаетъ для свободы, не развиваетъ и не укрѣпляетъ силу, такъ и теремъ не воспиталъ русской женщины для ея новаго положенія, не укрѣпилъ

ея нравственныхъ силъ; а съ другой стороны, обществу не приготовивъ ей еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины. Примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесенной изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ богатырь-царевна Софія Алексѣевна.

Какъ же воспитывался богатырь-царевичъ Петръ въ расшатавшемся обществѣ?

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ востовіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребешкѣ: напротивъ, — печальная доля въ младенствѣ, гонения, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Предъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылькѣ братишекъ, благодѣтеля Матвѣева: ребенокъ пламенный, воспринимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности, — онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо; онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ усиливаетъ, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои — онъ самъ и его мать, дядя. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впоследствии Пресбургскій патріархъ.

Петру окаячивался десятый годъ, когда умеръ царь Феодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшная, кровавая сцена передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходить въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ, приближенные къ Петру люди рассказывали иностранцамъ, что во время стрѣleckаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, несколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія ¹⁾. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавая сцена не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя имъ, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчныя толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и случ-

но! — страшно скучно для ребенка, которому уже „начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“. Ученые кончили съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе — „ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться“, какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какими сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно, грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человекомъ и, потому, способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство, и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, создавая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные Русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная неполитическая фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностію Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человекомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслию, служащимъ одному началу. Новая отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ; отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ оны ни находились, какого бы происхожденія ни были, являлись только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда Русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, — тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра

¹⁾ The present condition of the Moscovite empire till the year 1699.

Такое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнавъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой—предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жило въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ съѣсть пить съ дружиною—таковъ былъ день стараго Русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что „Руси есть веселіе пить“²⁾. Слѣдовательно нечему удивляться, если и новая дружина Петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснить дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ—дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступной, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины:—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ, царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попить, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, —и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся³⁾.

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій Латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнить свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софіею и послѣ съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитанику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщающее о побѣдѣ: „Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не помалу воз-

дамъ хвалу Богу. Паскаты и манить не буду, только прошу у Бога,—всегда такое одолженіе и славу чтобъ всегда одержать“⁴⁾. Но этого самаго князя Бориса иностранцы и Русскіе не иначе называютъ какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ рассказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артемоновичъ Матвѣвъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, датскаго комиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфеты⁵⁾. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразования; но какъ они еще не далеко ушли!—двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфеты съ чужого обѣда! Вотъ еще любопытный рассказъ о томъ же внязѣ Борисѣ. Знаюкъ Латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и научилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-Поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также Поляка⁶⁾. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру; онъ начинаеть ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчивается такъ: „Бориско, хотя быть пьянъ“⁷⁾.

Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ рассказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ, такъ же очень близкій къ Петру, Андрей Матвѣвъ, сынъ знаменитаго Артемона. О двадцатидвулѣтнемъ Матвѣвѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по-латыни, любилъ читать и съ жадностію слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ; жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась⁸⁾.

Люди, самые приближенные къ Петру, такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ: Петръ, старавшій неудовлетворяемо каждою знаніемъ и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елисавета Петровна, вшедши въ комнату племянника своего Петра Федоровича, который занимался черченіемъ, подѣловала его и сказала со слезами: „Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чув-

²⁾ Кабинетъ Петра В. въ Государ. Арх. Отд. II. книга № 2, письмо отъ 22 июля 1703.

³⁾ De la Neuville p. 27.

⁴⁾ Корбъ стр. 65.

⁵⁾ Письмо кн. Б. А. Голицына къ Петру Великому въ Государств. Архивѣ.

⁶⁾ De la Neuville.

¹⁾ Ист. Россіи, т. XIII, стр. 749, 784.

ствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!“¹⁾

Петра не учили, какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ приобрѣлъ эти знанія? Пусть расскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговаривалъ съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и, между прочимъ, сказалъ, что у него была важнѣйшій инструментъ, да — жаль — укралъ; можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порошокъ: „Купи мнѣ инструментъ во Франціи“. Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру Нѣмцу, — не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщеть знающаго, Голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи“²⁾.

„И тако“, говоритъ Петръ, „сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при Дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами“.

Нашелся знающій человекъ — и дѣло не ограничивается ученею въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Франца Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета разспросы: „Что это; зачѣмъ?“ Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробрается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, — все ему надобно, все отпори и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное! — Запросъ Тиммерману: что это за судно? — Вотъ англійскій. — „Гдѣ его употреблять?“ — При корабляхъ для ѣзды и возки. — „Чѣмъ лучше нашихъ?“ — Ходить на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру. — „Противъ вѣтру! — быть не можетъ! надобно посмотреть; есть ли такой человекъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показать?“ — Есть. Сейчасъ отыскали Голландца Каршгенъ-Вранга, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Врантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса, и началъ лавровать на Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и збѣло любо стало“, говоритъ Петръ. „Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо

ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ. Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Проспяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе“.

Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: „Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отомщеніе-жъ (врагамъ) и распространіе смыслу своему оставилъ, который какое тишаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, — о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на земляхъ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слышали о немъ), какъ то изъ осады года Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить дозволила, то оставляемъ неистижимымъ судьбамъ Его“.

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознаана необходимость моря и флота для Россіи: царь Алексѣѣ Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того, — предлагалъ герцогу Курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ. Но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностію, съ какими остановками: одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и нехотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобы въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобы онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобы ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, и а р а д и з о м ѣ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учреждений была сознаана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

„Охота стала отъ часу болѣе“. Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды. Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера какъ Переславское, въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить, — не отпустить: надобно ухъать обманомъ. Сказалъ, что даль обѣщаніе съѣздити къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробраться въ Переславль. Видъ обширнаго красиваго озера. Гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманялъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ, — царица согласилась, и Врантъ съ мастеромъ Кортгомъ отправились въ Переславль строить корабль.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери — поразмять своего плеча богатырскаго, испробовать силы — удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро: мать употребила сильное средство, чтобы привязать его къ дому: Петру не минуло еще 17 лѣтъ, какъ его женили 27 января

¹⁾ Записки Штелина о Петрѣ III, въ Гос. Архивѣ.

²⁾ Кабинетъ, I, кн. 38. Забѣть должно замѣтить, что если самъ Петръ говоритъ, что учился у Тиммермана геометріи и фортификаціи, то ариметикѣ учился прежде у кого-нибудь другого; и ариметическія упражненія его, дошедшія до насъ (Кабин. I, кн. 55), не относятся къ урокамъ Тиммермана.

1689 года на дочери околицыяго Лопухина, Евдокии; отец парской певсты, по обычаю, переменялъ старое имя Иларіона на новое—Федора

Русская поговорка: „женится — переменяется“ яе исполнилась на Петръ; онъ попрежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери ¹⁾: „Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моеи матушкѣ, государѣ царикѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу и о твоёмъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всё, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станеть: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ сажень, изъ Цушкарскаго Приказа, не мѣшкая, присланы были. А за ними дѣло станеть—и житье наше продолжится. По семь паки благословенія прошу“. Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобы получить поскорѣе канаты, онъ страдаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: „А за ними дѣло станеть—и житье наше продолжится“

Занятія съ тимерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, звившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняли все вниманіе Петра; ему было недосугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяслава въ Москву на папихяды но братѣ Федорѣ, — онъ отвѣчаетъ: „Быть готовъ, только, гей, гей, дѣло есть“; голова занята однимъ. объ одномъ твердилъ онъ матери: „О судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всё“. Но не кораблики были на умѣ у царицы Наталіи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нея правительство. Положеніе похитительницы было незавидное; по инстинкту самосохраненія взялась она за отчаянное средство, подняла стрѣльцовъ, вырвала правленіе изъ рукъ мачихи, поставила старшаго неспособнаго брата въ цари; но на долго ли все это? Сынъ Нарышкиной остался царемъ, возмужаетъ—и правительница будетъ болѣе не нужна, монастырь удаленъ на время, но постоянно въ виду. Положеніе Софіи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ — пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада. Понятно, что Софія должна была думать о средствахъ, какъ бы упредить свою власть; понятно, что объ этомъ хлопотали люди, взысканные ею и которые лпшались всего съ ея паденіемъ. Софія — прави-

тельница, благодаря неспособности одного брата и молодости другого: возмужаетъ послѣдній — и правительство Софіи должно окончиться; надобно сдѣлать, чтобы оно не кончилось. Первый шагъ уже сдѣланъ: учреждено двоевластіе, оба брата вѣнчаны на царство; отчего не быть троевластію; отчего Софіи не вѣнчаться на царство?—тогда помазаннику Божию никто не свергнетъ Софія въ государственныхъ бумагахъ присоединила свое имя къ именамъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ ними называлась сама держателею всея Руси. Дьякъ Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государя с о ц а р ст в у е т ь сестра ихъ, великая государыня Софія Алексѣевна Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дождь и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣніе исполняютъ ²⁾. Но всё эти провозглашенія не крѣпки, все это не помазаніе. А между тѣмъ страшный срокъ приближался: Петръ выросалъ, и вмѣстѣ съ нимъ росла надежда мачихи, и саблѣе, рѣзче становилась ея слова. Когда Софія присоединила свое имя къ именамъ братнимъ, царица прямо сказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ: „Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинута“ ³⁾. Двѣ постельницы царицы Наталіи передавали Софіи все, что говорилось про нее нехорошаго, враждебнаго у мачихи; передавали, что сильнѣе всѣхъ бранятъ ее—братъ царицы, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ ⁴⁾.

Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ были самые приближенные люди къ царицѣ Наталіѣ; князь Василій Голицынъ и Шаковитый были самые приближенные люди къ царевнѣ Софіи. Князь Василій былъ самъ неспособенъ на преступныя, кровавыя мѣры; но мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе поставилъ онъ себя отношеніями къ Софіи. Въ этомъ положеніи ему приходили въ голову страшныя мысли, что хорошо было бы, если-бы что-нибудь сдѣлалось, только отъ другихъ, а не отъ него, и проговорился онъ однажды: „Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не ушли царицу Наталію вмѣстѣ съ братьями; теперь бы ничего не было“. Другая была природа Шаковитаго: онъ не дрожалъ ни передъ какими средствами, не довольствовался безплодными сожалѣніями о прошедшемъ; всёмъ обязанный Софіи, онъ погибалъ съ ея паденіемъ; худороднаго подьячаго, произведеннаго милостію царевны въ околиціе, не снесетъ знатный родъ, знатные родственники; обязанность быть вѣрнымъ благодѣльницѣ кра-

²⁾ Полн. Соб. Зак. II, № 1187; Статейный списокъ Волкова въ Венецанскихъ дѣлахъ Моск. Арх. Мпн. Ии Д.

³⁾ Розыскное дѣло о Шаковитомъ.

⁴⁾ Розыскное дѣло о Шаковитомъ.

¹⁾ Письмо отъ 20 апрѣля, въ Государ. Архивѣ.

сила расчета себялюбія. Софія или Наталья? Шакловитый съ страшною наивностію высказывала свой выборъ: „Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царю извѣстѣ“¹⁾.

Понятно, что Шакловитый спѣшилъ наложить свою руку на кого могъ изъ людей, высказывавшихъ свою приверженность къ Петру: пыталъ и выслалъ изъ Москвы стольника Языкова, который говорилъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—царь только по имени, а бить челомъ ему никто не смѣетъ. Но поймать и сослать того или другого неосторожнаго на слова ничего не значило. „У насъ люди есть“, говорила царица Наталья, и дѣйствительно у царя Петра были люди, которые, при случайѣ, не ограничатся одними словами,—у царя Петра есть свое войско, эти ненавистные потѣшныя конюхи и озорники, какъ величала ихъ Софія съ своими приверженцами. Отъ нихъ одно спасеніе въ стрѣльцахъ—надобно опять къ нимъ обратиться, какъ въ 1682 году. Но не притупилось ли это оружіе съ 1682 года, и не сама ли Софія съ Шакловитымъ способствовали этому притупленію, вырвавши его изъ рукъ Хованскаго? Самые дерзкіе изъ стрѣльцовъ были удалены изъ Москвы по предложенію Шакловитаго, осталось большинство людей спокойныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, которыхъ трудно поднять. Да и чѣмъ поднять на такое дѣло? Въ августѣ 1687 года Шакловитый вдругъ предлагаетъ начальнымъ людямъ стрѣльцкимъ написать челобитную, чтобъ Софія вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ.—„Мы челобитной писать не умѣемъ“, отвѣчали стрѣльцы.—„Челобитная будетъ написана“, увѣряетъ Шакловитый.—„Челобитная будетъ написана“, но кому ее подать царямъ?—о старшемъ никто не думалъ, все дѣло было въ младшемъ.—„Послушайте ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?“ спрашиваютъ стрѣльцы.—„Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье.“—„А патриархъ и бояре?“—опять спрашиваютъ стрѣльцы.—„Патриарха можно перемѣнить, а бояре—опаднее, зябкое дерево; развѣ постоятъ до поры-до-времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голыцынъ.“

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: чтобы исполнить желаніе царевны и Шакловитаго, надобно пойти въ Верхъ бунтомъ, задержать двоихъ самыхъ близкихъ къ царю людей, смѣнить патриарха! Прежде стрѣльцы были постепенно приготавлиемы къ бунту раздраженіемъ и разнуздываніемъ, да и тутъ масса была поднята извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велеть бунтовать, чтобъ достигнуть небывалаго, страннаго дѣла, и это послѣ того, какъ употреблены были всѣ средства, чтобъ охладить стрѣльцовъ къ бунту, заставить ихъ бояться его.

Начальнымъ людямъ дали по пяти рублей съ наказомъ, чтобъ поговорили съ товарищами въ

полкахъ. Но въ полкахъ предложеніе было принято такъ же холодно, и Софія поспѣшила сама отказать отъ него.

Надобно было, по крайней мѣрѣ, разогрѣть преданность стрѣльцовъ, упредить себѣ ихъ зашту на всякій случай, выставить имъ опасность, которой подвергается Софія. Правительница призвала къ себѣ ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала имъ толковать, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голыцынымъ поднимаетъ бунтъ, и патриархъ противъ нея, Софія,—чѣмъ бы мирить, только мучить. Шакловитый, какъ будто обращаясь съ совѣтомъ въ царевнѣ, давалъ знать стрѣльцамъ, какія средства должно употребить, чтобъ успокоить Софію: отчего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Да и царю можно бы принять. „Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лантихъ ходила“. Софія отвѣчала на это: „Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ“. Стрѣльцы отвѣчали очень неопредѣленными словами: „Воля твоя, государыня, что изволишь, то и дѣлай“.

Неопредѣленными словами отвѣчали стрѣльцы на неопредѣленные требованія, неопредѣленные жалобы. Какой бунтъ поднимаетъ царица? Понятно, что Шакловитый могъ найти изъ стрѣльцовъ только пять человекъ, готовыхъ на все; эти пятеро были: Петровъ, Стрижевъ, Кондратьевъ, Черный и Гладкій, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интересами Софіи. Шакловитый говорилъ Черному: „Хотятъ насъ перевести, а мучить всѣмъ царица; меня хотятъ высадить изъ Приказа, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, расослать всѣхъ по городамъ.“ И вотъ Черный, чтобъ избыть бѣды, начинаетъ толковать товарищамъ: „Какъ быть? хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь; надобно уходить старую царицу медвѣдицу.“ Ему возражали, что за мать вступится царь Петръ; Черный не останавливался: „Чего и ему снискать; за чѣмъ стало?“ Гладкій толковалъ: „У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ и парскій вѣнецъ изломали, а кому ломать только съ ту сторону.“

Стрѣльцы оставались холодны къ этимъ рассказамъ: полѣньемъ закидали, вѣнецъ изломали!—прежде было сказано, что и совѣтъ задушили; а что вышло? Придумали средство поселянѣе: ночью въ двухъ мѣстахъ подвѣзжала къ стрѣльцкимъ карауламъ вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальникъ толпы приказывалъ его бить до смерти; песчастигаго начинали колотить, по слышался голосъ изъ толпы: „Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти?—душа христіанская!“ После было узнано, что мнимый Нарышкинъ былъ подъячій Приказа Большой Казны Шошинъ, доверенный человекъ правительницы.

И это средство не раздражало. Не подавались и на обѣщанія грабежа, когда Гладкій прельщалъ, что станутъ стрѣльцы грабить дома бояръ и торговыхъ людей и дѣлать богатую добычу. Гладкій,

¹⁾ Романское дѣло о Шакловитомъ.

свой человекъ у Шакловитаго, слѣдовательно и у Медвѣдева, затрогивали и интересъ религіозный, обвиняли патріарха въ новомъ ученіи, по которому не велятъ кланяться, когда поютъ аминь (послѣ „примите, ядите“). Стрѣльцы холодно слушали о винахъ патріарха: они помнили 5 іюля 1682 года. Не трогались и словами Гладкаго, когда опъ выставляя противоположность поведенія Софіи и Петра: „Наша государыня все Богу молится, а тамъ только на органахъ и на скрипкахъ играютъ“.

Стрѣльцы не трогались, а между тѣмъ въ 1689 г. стали обнаруживаться выходки Петра противъ Софіи; въ нихъ не было ничего очень важнаго, систематическаго: Петръ былъ еще молодъ и занятъ кораблями; несмотря на то, Софія не могла не раздражаться и не обезкопаться, увидавъ начало дѣла, въ концѣ котораго являлся монастырь. 8 іюля, въ Казанскую, Петръ въ соборѣ сказалъ сестрѣ, чтобъ она не ходила въ крестный ходъ; Софія не послушалась, взяла образъ и пошла; Петръ рассердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Съ его стороны все и окончилось этою вспышкой. Но положеніе Софіи было таково, что она сочла необходимымъ приготовить къ защитѣ отъ потѣшныхъ конюховъ, которые придутъ вырывать власть изъ рукъ ея. 25 іюля, когда Петра ждали въ Москву, по случаю именинъ старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрѣльцовъ было тайно поставлено у Краснаго крыльца съ наказомъ слушать набата, которымъ дается знать, что надъ государынею „хитрость чинится“¹⁾.

Хитрости не учинилось никакой, но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софію, ибо дѣло шло о славѣ ея правленія и о князѣ Васильѣ Васильевичѣ. Петръ не соглашался на назначеніе награды Голицыну и товарищамъ его за второй Крымскій походъ, потомъ позволилъ уговорить себя согласиться, но сорвалъ сердце, не допустивши къ себѣ Голицына и другихъ воеводъ и генераловъ съ благодарностью за награды²⁾. Это было 27 іюля. Въ тотъ же день, вечеромъ, Софія пошла ко всенощной къ празднику въ Новодѣвичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, и послѣ службы стала жаловаться имъ на царицу Наталю, что опять начинается бѣда: „Если вы намъ годны“, говорила Софія, „то стойте за насъ; а если не годны, то мы оставимъ государство“. Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнить ея волю; Софія велѣла имъ ждать по вѣстки. Но большинство стрѣльцовъ не хотѣло начинать дѣла по набату; если дѣйствительно грозить бѣда кому-нибудь изъ членовъ Царскаго Дома, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дякъ скажетъ царскій указъ, — того они и возьмутъ, а безъ указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы ни былъ въ набатъ; надобно бить челомъ о розыскѣ³⁾. Понапрасну прерверженцы Ша-

кловитаго старались противодействовать такому расположенію большинства, понапрасну толковали Стрижевъ, что изъ розыска ничего не выйдетъ, злодѣи царевны извѣстны: принять ихъ! а безъ царевны стрѣльцамъ будетъ плохо. Петръ присылаетъ за Стрижевымъ, Шакловитый не даетъ его; Петръ велитъ арестовать самого Шакловитаго въ Измайловѣ, но скоро выпускаетъ. Съ этой стороны дѣйствуютъ робко, нерѣшительно, но все же дѣйствуютъ, — и этого довольно для другой стороны, чтобъ сильно безпокоиться и волноваться.

7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: почью придутъ потѣшныя конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человекъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ деньщиковъ своихъ посылаетъ къ Преображенскому смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Черныи, но ихъ задоръ не сообщается другимъ; никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали: защищать или нападать; въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія прѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра, Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади. срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ Верхъ къ Шакловитому Гладкій дѣйствительно начинаетъ дѣло.

Если масса стрѣльцовъ была недоступна внушеніямъ Шакловитаго съ товарищами, не хотѣла начинать бунта въ пользу Софіи, то не двигалась такъ же и въ противоположномъ направленіи; изъ этой массы выдѣлились, какъ мы видѣли, не болѣе пяти человекъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года, принять на коня кого угодно въ пользу Софіи; но, въ противоположность имъ, образовался небольшой кружокъ изъ восьми человекъ, которые въ дѣйствіяхъ Шакловитаго, Чернаго и Гладкаго видѣли преступленіе и безуміе, и рѣшились прямо дѣйствовать наперекоръ имъ, въ пользу царя Петра, имѣющаго всѣ права на своей сторонѣ. Эти восемь человекъ были стремные: пятисотный Елизаревъ; пятидесятникъ Мельновъ. Ульфовъ; десятникъ Ладогинъ, Феоктистовъ, Турка, Троцкий и Капрановъ. Въ ночь съ 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, дѣйствіи, разумеется, должно ожидать въ этихъ обонхъ крайнихъ кружкахъ, ибо здѣсь самые рѣшительные люди, опредѣлившіе свои дѣла, люди неколеблющіеся, нешатающіеся. Елизаревъ съ товарищамъ стояли на Лубянкѣ; въ ночь на 8 число, одинъ изъ нихъ, Мельновъ, былъ посланъ имъ въ Кремль для наблюденія, и, возвратясь, объявить о поступкѣ

¹⁾ Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

²⁾ Gordon's Tagebuch, II, 267.

³⁾ Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

Гладкаго съ Плещеевымъ. Въ этомъ поступкѣ они увидяли начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мельновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется сасерное убійство¹⁾.

Но не одни Мельновъ и Ладогинъ сѣлиши въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ у правительницы. Это такъ встрѣтило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: прѣехали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремль, хотая приходять въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели, какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь—и въ ближній дѣвъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ съ постельничимъ Гаврилоу Головкинымъ, кардою и однимъ изъ извѣтчиковъ стрѣльцовъ къ Троицѣ, куда прѣехалъ около 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только-что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель и, заливаясь слезами, разсказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты²⁾. Осмаго же числа прѣехали къ Троицѣ парца Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшныя и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ.

Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъздѣ царя изъ Преображенскаго. Усобица начиналась:—чѣмъ-то кончится? На Верху старались показывать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Шакловитый, узнавши о немъ, сказалъ: „Вольно ему, взбѣся, бѣгать“. Софія объявила стрѣльцамъ, что еслибъ они не остерегались, то всѣхъ бы ихъ передавали потѣшнымъ конюшкѣ. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа онъ прислалъ къ царю Ивану и Софіи спросить, за чѣмъ были собраны стрѣльцы въ такое необычайное время. Ему отвѣчали, что стрѣльцы должны были провожать царену въ монастырь на богомолье. Велѣдъ за тѣмъ другая прислала отъ Петра: отпустить къ нему полковника Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ узнали, что это была хитрость Цыклера. Какъ мы видѣли, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Софіи и участникомъ въ стрѣльцкомъ бунтѣ. Теперь онъ увидѣлъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, возьметъ верхъ Петръ,—и далъ знать къ Троицѣ, чтобъ его вызвали туда, и онъ откроетъ много нужныхъ вещей. Цыклера отпустили послѣ долгихъ совѣщаній и отговорокъ³⁾. За Цыклеромъ отправились также съ извѣтками къ Троицѣ Ели-

зарьевъ, Θεоктистовъ, Ульфовъ, Турка, Капрановъ, Троицкій.

Софіи нельзя было долго оставаться въ спокойномъ ожиданіи, что начнутъ у Троицы. Она не могла не понимать, какъ выгодно было положеніе Петра въ борьбѣ; она сама прежде, въ распрѣ съ Хованскимъ, указала эту дорогу къ Троицѣ, какъ самую удобную. 13 числа отправленъ былъ къ Петру бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; 15 онъ возвратился и привезъ не очень любезный отвѣтъ; а на другой день явилась въ Москвѣ грамота отъ царя Петра въ солдатеки и стрѣлцкіе полки, чтобъ начальные люди и по 10 человекъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18 числу. Софія, посовѣтовавшись съ ближними людьми, вслѣла позвать къ себѣ начальныхъ людей изъ каждаго полка, держала къ нимъ сильную рѣчь и пастрого запретила, чтобъ не смѣли ходить къ Троицѣ и выѣшиваться въ распрю ея съ братомъ, и когда стрѣлцкіе полковники обнаружили свое недоумѣніе, то Софія сказала имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и потеряетъ голову.

Надобно было спѣшить окончаніемъ дѣла, и въ тотъ же день дядька царя Ивана, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, вмѣстѣ съ духовникомъ Петра были отправлены къ Троицѣ съ извиненіемъ, что никакъ нельзя было исполнить требованіе царя и прислать къ нему требуемое войско. Въ то же время Прозоровскій и духовникъ должны были употребить все средства къ примиренію Петра съ сестрой, и, для успокоенія стрѣльцовъ и солдатъ, въ Москвѣ былъ распущенъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра, умышленіемъ князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровскій и духовникъ ни-съ-чѣмъ. Схватились за соломинку, рѣшились послать патриарха, о которомъ Софія сама прежде говорила: „Посягаетъ онъ на меня; чѣмъ бы ему уговаривать, а онъ самъ посягаетъ“. Иоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, изъ рукъ враговъ своихъ, уѣхалъ къ Троицѣ—и тамъ остался; Петръ пріобрѣлъ важнаго союзника. Прошло нѣсколько дней въ ожиданіяхъ. 27 августа новая царская грамота отъ Троицы въ стрѣлцкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобъ все полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ: а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы. У Троицы самъ царь вышелъ къ нимъ передъ дворецъ съ матерью и патриархомъ, и объявилъ объ умыслѣ Шакловитаго. Дьякъ прочелъ выписку изъ разспросныхъ рѣчей и стрѣлцкихъ извѣтовъ; патриархъ сталъ увѣщавать, чтобъ пришедшіе стрѣльцы объявили всю правду, что знаютъ, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, архіерейскимъ неблагословеніемъ. Стрѣльцы завопили, что они бѣдныя злого умысла не знаютъ, великимъ госу-

¹⁾ Розское дѣло о Шакловитомъ.

²⁾ Gordon's Tagebuch, II, 267 и слѣд.

³⁾ Gordon's Tagebuch, II, 269.

дарями служатъ и работаютъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, рады ловить воровъ и извѣщивать ихъ во всемъ исполнять волю государскую. Но нѣкоторые поразказали кой-что.

Софія рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ. Въ томъ самомъ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ она велѣла казнить Хованскаго, встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинь и отъ имени великаго государя объявилъ, чтобъ она въ монастырь не ходила. „Непремѣнно пойду“, отвѣчала Софія; но за Бутурлинымъ явился бояринъ князь Троекуровъ съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею печетно поступлено будетъ¹⁾; отрядъ вооруженныхъ людей уже показался въ Воздвиженскомъ.

Софія поспѣшно возвратилась, велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ старыхъ, на которыхъ особенно полагалась, и стала имъ жаловаться, что чуть ее не застрѣлили въ Воздвиженскомъ, насилие ушла; что Нарышкины съ Лопухиными хотѣли извести царя Ивана, добраваются и до нея. „Можно ли на васъ надѣяться?“ говорить Софія: „надобны ли мы вамъ? А если не надобны, то пойдемъ съ братомъ гдѣ-нибудь себѣ кельи искать“. Горько жалуется, что нѣтъ жятя отъ Бориса Голыцина и Льва Нарышкина: меньшаго брата съ ума спонли, старшаго ни во что ставить, комнату его дровами завалили; ее, Софію, называютъ дѣвкою, какъ будто не дочь она царя Алексѣя Михайловича; хотѣли отрубить голову князю Василью Васильевичу, который сдѣлалъ такъ много добра: съ Польшею заключилъ миръ вѣчный; съ Дону прежде бѣлыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ; житея наше ставится коротко; радѣла она обо всѣхъ, и все изъ рукъ ташать. „Не уходите къ Троицѣ, пожалуй и вы побѣжите? цѣлуйте крестъ!“ И привела стрѣльцовъ къ присягѣ, что не побѣгутъ. Но это не помогло. Наступило 1-е сентября, праздникъ Нового Гола. Нерадостно встрѣтила его Софія и ея приверженцы: изъ Троицкаго монастыря пріѣхали полковникъ Нечаевъ съ стрѣльцами, привезъ къ царю Ивану и Софіи грамоту, въ которой Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ, и требовалъ прислать Оедьки Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками для розыска къ Троицѣ. Это произвело сильное движеніе при Дворѣ; народъ былъ пораженъ: большинство, по словамъ очевидца²⁾, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Нечаева позвали на Верхъ и спросили, какъ онъ смѣлъ привезти грамоту. Тотъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія. Софія велѣла отрубить ему голову, но онъ спасся тѣмъ, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача, а между тѣмъ гнѣвъ Софіи прошелъ. Но отъ Троицы вѣсть съ Нечаевымъ пріѣхали также и стрѣльцы; Софія велѣла позвать ихъ къ Красному крыльцу, и, сошедши внизъ, начала говорить: „Для

чего вы пріѣхали, и съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочтали,—тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указа съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И за которыми людьми вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ, для того: будетъ отдать вамъ девять человекъ, а они оговорятъ и 900 человекъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыска, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ—не дамъ, и для того въ Троицкій монастырь пошло боярина. Знатно то дѣло клонятъ, хотѣтъ меня извести³⁾. Злые люди училили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистію къ вѣрной службѣ и радѣнію Теодора Шакловитаго назвали его заводчикомъ злого умысла. Чтoby развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Весть вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги Креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуту заводятъ? Не головы Теодора Шакловитаго ищутъ,—ищутъ головы моей и брата моего, Ивана Алексѣевича“⁴⁾.

Въ сильномъ волненіи Софія не чувствовала усталости; подозвала къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей и говорила имъ въ томъ же родѣ; наконецъ велѣла собрать весь народъ, бывшій въ Кремлѣ, и держала передъ нимъ, по свидѣтельству очевидца⁵⁾, длинную прекрасную рѣчь.

А между тѣмъ въ Кремлѣ все было приготовлено къ празднованію Нового Лѣта. Но патриарха нѣтъ; царь Иванъ нездоровъ, царевичъ-правительникъ не до праздника,—и приготовленія были отменены. Стрѣльцовъ угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки изъ рукъ самого царя Ивана Алексѣевича. Въ это время Шакловитый служилъ послѣднюю службу царевичъ: писалъ сказку ко вѣмъ чинамъ Московскаго государства съ изложеніемъ всего дѣла для оправданія Софіи, для обвиненія стороны противной,—писалъ, какъ царица приняла правительство по челобитью всего народа, по благословенію патриарха, а теперь Нарышкины ее и брата ея, царя

1) Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

2) Гордощъ, 271.

3) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

4) Гордощъ, 272.

5) Гордощъ, 272

Ивана Алексѣевича, безчестяяъ, къ рукѣ не ходяяъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и пакостя; на челобитныя объ этомъ царю Петру нѣтъ отвѣта; комнату царя Ивана забросали полѣньями, изломали его вѣнецъ ¹⁾.

Шакловитый служилъ послѣднюю службу; но Голицынъ не принималъ никакого участія въ московскихъ движеніяхъ. Шла переписка между родственниками: князь Борисъ писалъ князю Василью, чтобъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, чтобъ заслужилъ этимъ расположеніе царя Петра; князь Василій отправилъ подьячаго къ Троицѣ уговаривать князя Бориса, чтобъ примирилъ обѣ стороны. Князь Борисъ велѣлъ отвѣчать, что лучше всего, если онъ, князь Василій, какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ Троицѣ, что царь приметъ его отлично ²⁾. Между тѣмъ изъ Троицкаго монастыря новыя требованія о выдачѣ Шакловитаго. Стрѣльцы начинали роптать, зачѣмъ такъ долго тянется дѣло; Софія велѣла повѣстать, что сама, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, отправится къ Троицѣ. Стрѣльцы роптали въ Москвѣ, что дѣло долго не оканчивается; ихъ братья у Троицы также теряли терпѣніе: въ Москвѣ у нихъ были жены, дѣти, промыслы,—они приступили съ просьбою, чтобъ имъ позволено было идти въ Москву и захватить Оедьку Шакловитаго съ товарищи; но молодой царь и совѣтники его не согласились на это, боясь усобицы. Насчетъ дальнѣйшаго поведенія мнѣнія дѣлились у Троицы: одни хотѣли, чтобъ царь ускорилъ рѣшеніе дѣла, приблизившись къ Москвѣ, остановившись въ Алексѣевскомъ или Преображенскомъ. Но благоразумнѣйшіе противились этому, представляя, что тутъ можетъ произойти кровопролитіе, тогда какъ дѣло сдѣлается само собою. Князь Василій Голицынъ приговаривалъ, чтобъ отъ Троицы стрѣльцовъ челоуѣкъ десятокъ-другой подговорить, чтобъ, на нихъ смотря, иные бѣжали; а какъ стрѣльцы побѣгутъ, то и государь будетъ въ Москвѣ, и здѣсь сойдутся и между собою переговаривать.

Еще 2 сентября отправлялись къ Троицѣ нѣкоторые изъ Нѣмецкой слободы, и Гордонъ поручилъ имъ извѣстить его, что онъ нейдетъ, не зная, будетъ ли пріятель его приходъ или нѣтъ. 4 числа явилась въ слободѣ царская грамота (отъ 31 августа), призывавшая всѣхъ служилыхъ иноземцевъ къ Троицѣ. Иноземцы рѣшили, что должно показать грамоту князю Василью Васильевичу Голицыну, какъ главному своему начальнику. Гордонъ съ нѣсколькими полковниками отправился къ Оберегателю. Тотъ былъ сильно смущенъ, когда они подали ему грамоту, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ, и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать

отвѣтъ не позже вечера; но иноземцы не хотѣли дожидаться отвѣта, вечеромъ двинулись въ путь и въ 11 часовъ утра на другой день были у Троицы, цѣловали руку у царя, который каждому поднесъ по чаркѣ водки. Въ такое время патялутаго ожиданія и нерѣшительности всякое движеніе въ ту или въ другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ: начали громко говорить въ пользу царя Петра, когда узнали, что и Нѣмцы ушли къ нему.

У Софіи все еще оставались стрѣльцы; но когда разнеслась вѣсть, что царевна не поѣдетъ къ Троицѣ, потому что ея туда не пустяяъ, то стрѣльцы потеряли всякое терпѣніе и вечеромъ 6 сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобъ выдала Оедьку Шакловитаго, котораго они поведутъ къ Троицѣ. Сначала Софія отвѣчала, что не выдастъ и чтобъ она жила спокойно, не вмѣшивались въ ссору ея съ братомъ. Въ толпѣ раздался шумъ, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно принуждаться за набатный колоколъ. Это сильно поразило Софію. Сцена 1682 года повторилась, только съ переменною лицъ: тогда стрѣльцы требовали у царицы Наталы выдачи брата ея, Ивана Нарышкина, и перетрусившіе бояре уговаривали царицу пожертвоваться братомъ, чтобъ имъ всѣмъ не погибнуть изъ-за одного; теперь стрѣльцы, грозя бунтомъ, требуютъ, у Софіи выдачи Шакловитаго, и окружающіе царевну уговариваютъ ее исполнить требованіе, иначе многимъ придется неплатиться жизнью. Софія выдала Шакловитаго, но Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же день бояре, оставшіеся въ Москвѣ, по вызову Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ въ Троицѣ Голицынъ: онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково; вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его ³⁾.

7 сентября привезли Шакловитаго въ монастырь. На разспросы о преступныхъ замыслахъ онъ отвѣчалъ: въ 1687 году, въ Великой постъ, въ Казанскомъ соборѣ, за иконою Богородицы, вынули письмо съ непристойными словами на царевну Софію Алексѣевну, и въ то же время у государя Петра Алексѣевича начали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и оттого возродилось опасеніе. Царевна Софія сказала ему, Шакловитому, чтобъ выбралъ стрѣльцовъ радѣтельныхъ и вѣрныхъ къ ней и къ царю Ивану, и онъ, призвавъ пятисотныхъ, говорилъ, что если будетъ замѣчаніе, то чтобъ государей оберегали. Стрѣльцы къ нему прихаживали и говаривали, что ихъ потѣшные конюхи вездѣ обижаютъ и побиваютъ, говорятъ: „Васъ-де стануть за ноги таскать, и если съ ними не управиться, то будетъ всѣмъ худо“, и онъ имъ отговаривалъ. На первой пыткѣ, послѣ 15 ударовъ, онъ повинился во всемъ, что на него имъ взоудили; передъ второю онъ обѣщалъ объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышляла, объ убійствѣ царицы были

¹⁾ Розьское дѣло о Шакловитомъ.

²⁾ Гордонъ, 273, 274.

³⁾ Гордонъ, 277.

разговоры съ Кузьмою Чернышъ, который первый началъ; князь В. В. Голицынъ жалѣлъ, что царицу не убили прежде въ 1682 году; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушилъ царевнѣ мысль вѣнчаться на царство, — онъ не знаетъ: ни онъ, ни Голицынъ ей этого не совѣтовали, и Голицынъ даже писалъ объ этомъ изъ похода съ ужасомъ; наконецъ онъ, Шакловитый, писалъ послѣднюю сказку для народа объ обихахъ царевнѣ. Въ умыслѣ на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филиппъ Сапоговъ объявлялъ, что Шакловитый подговаривалъ его: — какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на дорогѣ ручныя гранаты или тайкомъ положить ихъ въ сани, также убить государя во время пожара въ Преображенскомъ. Впослѣдствіи, въ 1699 году, стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: „Послѣ 1682 года я бывалъ въ домѣ у Седьки Шакловитаго и вибѣствъ съ Седькою у князя Ивана Засѣкина, и Федька съ княземъ Иваномъ при мнѣ между собою говорили: Ходить онъ (государь) на пожары не со многими людьми; убить бы его стрѣльцать“¹⁾.

Шакловитый былъ такъ тѣсно связанъ съ Голицынымъ: участь обоихъ должна была рѣшиться вмѣстѣ. Въ тотъ же день, какъ привезли Шакловитаго, 7 сентября, около 5 часовъ пополудни, явился къ Троицѣ и князь В. В. Голицынъ со своими приближенными, извѣстными своею военною и приказною дѣятельностію, околичнымъ Леонтиемъ Неплюевымъ, Всендикомъ Зибевымъ, думнымъ дворяниномъ Григорьемъ Косоговымъ и думнымъ дякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. Ихъ не пустили въ монастырскія ворота, велѣли стать на посадѣ и не сѣзжать безъ указа. Вечеромъ Гордонъ навѣстилъ Голицына и напелъ его въ раздумьи. Вечеромъ 9 числа позвали Голицына съ сыномъ Алексѣемъ во дворецъ. Когда они поднялись на лестницу, на встрѣчу вышелъ думный дякъ и прочелъ имъ указъ, что они лишаются чести, боярства, сылаются съ женами и дѣтми въ Каргополь, имѣніе отписывается на государя, за то: во 1) они сестрѣ великихъ государей о великихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ обще съ великими государями ее печатали велѣди, безъ указа ихъ, великихъ государей. Во 2) бывъ посланъ въ 1689 году на Крымскія юрты, князь Василій Голицынъ пришелъ къ Нерекону, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ предвѣнемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими къ Петру людьми. Уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому быту; но слѣд-

ствія этого удара еще не могли обозначиться въ такое короткое время; всѣ еще были пропитаны понятіемъ о родовомъ единствѣ, вслѣдствіе котораго честь одного члена рода поднимала цѣлый родъ, а безчестіе одного падало на всѣхъ родичей. Вотъ почему князь Борисъ Алексѣевичъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ родичъ его, князь Василій, не былъ обвиненъ въ измѣнѣ, чѣмъ занятыя бы весь родъ Голицыныхъ. Гордонъ рассказываетъ за достоверное слѣдующее²⁾: послѣ первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обѣщалъ представить царю на письма самое правдивое изложене дѣла. Самъ князь Борисъ пошелъ къ нему, понесъ перо и чернила. Шакловитый исписалъ отъ 8 до 9 листовъ бумаги; время было уже за полночь, когда онъ кончилъ, царь легъ спать, и князь Борисъ взялъ бумагу къ себѣ домой, чтобъ слѣдующимъ утромъ показать царю. Но люди, злобнившиеся на князя Бориса за его желаніе спасти князя Василія отъ обвиненія въ измѣнѣ (т.-е. Нарышкинъ съ товарищами), слѣдили зорко за всѣми движеніями князя Бориса, успѣли донести царю, что князь взялъ себѣ признаніе Шакловитаго вѣроятію для того, чтобъ прочесть и вырвать то, что клонилось ко вреду князя Василія. Царь послалъ къ Шакловитому — написалъ ли онъ признаніе? — тотъ отвѣчаетъ, что написалъ и отдалъ князю Борису. Но одинъ изъ пріятелей успѣлъ уже дать знать князю Борису о дѣлѣ, и тотъ сѣвшитъ съ бумагами къ царю, который встрѣчаетъ его грознымъ вопросомъ: зачѣмъ не подалъ бумагъ сейчасъ же. Голицынъ отвѣчаетъ, что было уже очень поздно. Петръ удовлетворяется отвѣтомъ и продолжаетъ попрежнему держать князя Бориса въ приближеніи; но царица Наталья и друзья ея не мирятся съ нимъ.

По прочтеніи приговора князю Василію Голицыну, прочли приговоръ товаришу его, Неплюеву: у него такъ же отяго было околиччество, имѣніе и назначена ссылка въ Пустозерскъ (послѣ въ Колу). Вина — жестокаія притѣненія находившимся въ его вѣдѣніи Комарицкимъ солдатамъ, которыхъ жалобамъ до сихъ поръ не давали ходу въ Москвѣ друзьямъ Неплюева³⁾. Зибеву велѣно жить въ его костромскомъ имѣніи, Косоговъ и Украинцевъ оставлены на прежнихъ мѣстахъ⁴⁾.

Шакловитаго съ главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное извѣстіе, что Петръ не соглашался на казнь ихъ, и только патриархъ уговорилъ его, и что когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнить безъ вторичной пытки, то многіе изъ служивыхъ людей собрались въ монастырь, „служба великому госу-

²⁾ Стр. 281.

³⁾ Жалоба эти сохранились въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ столбцахъ Приказнаго стола, № 2479.

⁴⁾ Гордонъ говоритъ о пыткѣ и ссылкѣ двухъ казнь-то старухъ, которыми ходили за Петромъ въ его дѣтствѣ. Не постылища ли это, переносенія вѣсти его царицы Натальи къ Софіи?

¹⁾ Ромашкинское дѣло о Шакловитомъ; дѣло о Петрушѣ Кривомъ въ Преображен. Тайномъ Архивѣ.

дарю“, какъ они говорили, и били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь выслалъ сказать имъ, что онъ доволенъ показаніями Шакловитаго, и что имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло ⁴⁾.

11 сентября Шакловитый, Петровъ и Чермыный были казнены смертію; пятисотнаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнѹтомъ и съ урѣзаніемъ языка сослали въ Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка въ Каргополь слишкомъ легкое наказаніе и что надобно сослать его въ Пустозерскъ; но потомъ, какъ видно, князь Борисъ пересилилъ, и назначенъ былъ Яренскъ мѣстомъ ссылки. Настояли, чтобъ Голицынымъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, допросъ на основаніи показаній Шакловитаго. Ихъ допросили на дорогѣ въ Ярославль: и отецъ, и сынъ клялись, что не признавали никакого участія въ умышлѣннѣ Шакловитаго. Послѣ допроса они послали государямъ челобитную: „Вамъ, великимъ государямъ, приносимъ, аки самому Богу въ елверскомъ (емпирійскомъ?) небѣ предъ самымъ престоломъ Его Спасителевымъ, что никогда Федька Шакловитый мѣ, Васекъ, крайній другъ николи не бывалъ, а знакомство отдавали, какъ обычай и съ иными, просто“. Голицыныхъ повезли датѣ. Когда они стояли въ Вологдѣ, неожиданно является передъ княземъ Васильемъ комнатный стольникъ князь Кропоткинъ, не съ новымъ допросомъ, а съ утѣшительнымъ письмомъ и съ деньгами отъ царевны Софіи Алексѣевны. Достигнувъ Яренска, Голицыны написали новое челобитіе царямъ: „Страждемъ мы бѣдныя близъ конца живота своего; а оклеветаны вамъ, в. государямъ, невинно. Какъ насъ, холопей вашихъ, взяли къ Тотмѣ, и, не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людшекъ въ воду обломались; и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безмятествѣ многое время.“ Вилъ челомъ боярину Стрѣльшесу и приставъ Голицыныхъ, который долженъ былъ вмѣстѣ и вѣдать городъ, жаловался, что кормиться нечѣмъ. „Городишко здѣсь самое убогое: всего и съ дѣловальниками и съ подьячими и съ приставамъ 30 дворниковъ. А уѣздные люди въ городѣ мало бываютъ: всѣ сами промѣжъ собою судятся, а государскія всякія подати выбираютъ промѣжъ себя; лишь наша сухота!“

И въ Яренскѣ Голицыны не остались. Дѣло о сообщникахъ Шакловитаго тянулось, являлись новыя показанія, обвиняли Голицына въ сношеніяхъ съ колдунами; нашли перенеску его съ Шакловитымъ во время перваго Крымскаго похода: изъ переписки оказывалось, что онъ былъ именно крайній другъ Шакловитому, а не простой знакомецъ; явился доносъ, что Голицыны взяли деньги съ хана

и потому отступилъ отъ Перекопи. Попался и Кропоткинъ; наконецъ явился самый опасный доносъ: монахъ Іоасафъ извѣщалъ, что когда онъ былъ въ Яренскѣ, то князь Василій велѣлъ сказать князю Борису, чтобъ его, князя Василья, бергли, пригодится, потому что царю Петру только годъ жить. Доносъ оказался совершенною клеветою, монахъ никогда и не бывалъ въ Яренскѣ, а вздувалъ оклеветать князя Василья, чтобъ заслужить милость князя Бориса Алексѣевича! Остальныя обвиненія Голицыны отвергнули. Несмотря на то, его перевели въ Пустозерскъ; съ дороги онъ писалъ царямъ: „Шинѣ въ пути мучимъ животь свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обвиняли и послѣдній рубашки съ себя проѣли. А въ Пустозерѣ хлѣбъ збло дорогъ и всякая жнищность, и помереть будетъ намъ томною и голодною смертію. Милосердые великіе государи! велите насъ бѣдныхъ и невинныхъ возвратитъ изъ такого злаго тартара“. Голицыныхъ перевелъ въ Пинежскій волокъ—и здѣсь забыли: князь Борисъ, какъ увидимъ скоро, потерялъ свое первенствующее положеніе, которое перешло къ Нарышкинымъ.

Рѣшилась участь и третьяго, близкаго къ Софіи человека, имя котораго неразучно съ именами Голицына и Шакловитаго. Мы видѣли, что Мѣши и Медвѣдъ, какъ называли Сильвестра Медвѣдова враги его, успѣлъ скрыться изъ Москвы и направлялъ путь къ западной, польской границѣ; но Дорогобужскій воевода схватилъ его въ Бизюковъ монастырѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ пятидесятикомъ Гладкимъ, и отправилъ обоихъ въ Троицкій монастырь. „Шакловитый“, говорилъ Сильвестръ при допросѣ, „о государскомъ здоровьи и о убійствѣ никакихъ словъ мѣ не говаривалъ, а сказывалъ мѣ пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ и, пришедъ ко мнѣ, плакалъ, говорилъ: „Пришла на насъ бѣда великая, не знаемъ какъ быть, призываетъ насъ Оедору Шакловитый, меня, да Андришку Кондратьева, Алешку Стряжова, Оброску Петрова и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина, да кравчаго князя Бориса Алексѣевича, и иныхъ, я имъ отвѣчалъ: если вы такъ сдѣлаете, то пропадете и съ Оедоромъ здѣсь и въ вѣчное душамъ; скажите ему, Федькѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ невозможно, а инымъ говорить вы о томъ не смѣете, говорилъ бы онъ самъ. И онъ, Ларіонъ, съ товарищи ему, Федькѣ, отказали и того дѣлать не стали. Говорилъ Федька дважды мнѣ, Селверстку, наединѣ: какъ бы не было царцы Натальи Кирилловны, такъ бы у царевны съ царемъ Петромъ было совѣтню. Церкви Святой я не смущалъ, а которая тетрадки писалъ дьяконъ Аонасій, что былъ у Спаса на дворцѣ, о пресуществленіи, и ту тетрадку принесъ ко мнѣ показать онъ, дьяконъ, и я съ той тетрадки списалъ себѣ двѣ тетрадки; на патриарха въ той тетрадкѣ ничего не написало, а писано на Грековъ; а книгу о Маннѣ я написалъ по приказу царевны, и та книга послана была къ гетману

⁴⁾ Гордонъ, 283.

Ивану Степановичу и къ кіевскимъ властямъ къ свидѣтельству и съ нею другая греческая книга, и въ Кіевѣ на обличіе греческой книги написана обличительная книга и прислана княземъ В. В. Голицынымъ, какъ въ 197 (1689) году былъ на службѣ. Извѣтъ Филиппа Сапогова, что умышлялъ я съ Шакловитымъ убить патріарха, — ложный; а караулъ у меня былъ отъ Велика Дня ля того, чтобъ патріархъ тайно меня не сослалъ. И была у меня написана книга дѣтописная, начата съ 190 г., о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а псана та книга съ писма Каріонова, а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Иващка⁴.

На очной стаскѣ съ Сапоговымъ Медвѣдевъ заперся. Его разстригли и пытали, дали 15 ударовъ: не признался. Винился въ одномъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезетъ; и много будетъ дней на десять, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны“. Это говорилъ ему Шакловитый, слыша отъ одного юродиваго. Повинился, что говорилъ про патріарха: учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ: повинился, что подъ портретомъ царевны подписывалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“, семь добродѣтелей и вирши⁴).

Разстриженнаго, называвшагося теперь уже Сенькою, Медвѣдева отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двоихъ увѣщателей, Новоснасскаго архимандрита Игнатія и Софронія Лихуда; Сенька принесъ покаяніе въ ереси, объявилъ свою Манию обманною. Соборъ опредѣлялъ сжечь Манию уснардно, Медвѣдева разрѣшить отъ церковной клятвы и сослать въ монастырь подъ пачалъ²). Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ долгаго укрывательства, схваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго, Стрижовъ, который показал на Медвѣдева, что тотъ имѣлъ связь съ какимъ-то Полякомъ Силнымъ, записавшимся чародѣйствомъ и вызваннымъ въ Москву лѣчить глаза царю Ивану Алексѣевичу. Силникъ долго жилъ у Медвѣдева, и тотъ говорилъ ему, что Софія хочетъ выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертію 11 февраля 1691 года³).

Что же дѣлала Софія въ то время, когда на пыткахъ и казняхъ лилась кровь ея приверженцевъ? Послѣ выдачи Шакловитаго, на которой стояли стрѣльцы — единственная надежда царевны, судьба ея была рѣшена. Петръ написалъ къ старшему брату отъ Троицы, что „милостию Волеію врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братьямъ нашимъ окрестнымъ госуда-

рямъ о государствованіи нашемъ пзвѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенствномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софія Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягостно, и намъ терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Оедька Шакловитый съ товарищи, не удовлетворяя милостию нашею, преступая общіе свое, умышляя съ иными ворами о убійствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настоще время нашимъ обонимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли семі въ мѣру возраста своего, а третьему заторному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ тислахъ и въ расправѣ дѣлать быти не изволимъ; на то-бъ и твою, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ тигла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому заторному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявлю и прошу: позволь, государь, мнѣ отече кимъ своимъ изволеніемъ, для лучшаго пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылая къ тебѣ, государю, учинить по Приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ“⁴).

Въ этой грамотѣ ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрезъ нѣсколько времени пріѣхавъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ приказомъ Софіи идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она принуждена была повиноваться и переселиться въ Новодевичій монастырь.

Софія была въ монастырѣ, Голицыны — въ сѣзлѣхъ, Шакловитый — въ мѣстѣхъ, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни по тому же дѣлу. Неизвѣстно по какимъ причинамъ старый столичный Везобразовъ долженъ былъ поневолѣ отравиться воеводою на Терекъ. Когда онъ находился въ дорогѣ, явился извѣтъ отъ хланей въ сношеніяхъ его съ Шакловитымъ и съ разными колдунями, которые брались своими средствами прिवоротить къ нему царя Петра и царину Наталію, чтобъ были къ нему добры и возвратили его въ Москву. На пыткѣ и Везобразовъ, и колдуны всѣ повинились: Везобразову отсѣкли голову, двоимъ колдуновъ сожгли въ срубѣ⁵).

Уже четыре года спустя на Вѣлѣозерѣ явились

¹) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

²) Акты историч. V, № 194.

³) Выписка изъ розыскаго дѣла Стрѣлецкаго Приказа 6 марта 1691 года въ Государ. Архивѣ; рукопись Синод. бібліотеки о Медвѣдевѣ, № 252.

⁴) Грамота несобственноручная, безъ означенія числа и безъ подписи, въ Государ. Архивѣ.

⁵) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

подметныя письма; въ нихъ монахи Кириллова-Вѣлозерскаго монастыря обвинялись въ страшно безчестивомъ поведеніи, въ сношеніяхъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ желаніи испортить царя Петра съ семействомъ. Въ началѣ 1694 года открылось, что составителемъ писемъ былъ монахъ Кириллова монастыря Іоанннкій, въ міръ Іларіонъ Семеновичъ Лопухинъ. Іоанннкій повинился, что писалъ письма, желая освободиться изъ монастыря и разстричься. Его били кнутомъ и сослали въ Соловки ¹⁾.

Софія была въ монастырѣ, царь Иванъ Алексѣевичъ оставался попрежнему царемъ только по имени, занималъ царское мѣсто въ церемоніяхъ: власть перешла къ одному царю Петру. Но семнадцатилѣтній Петръ былъ еще неспособенъ къ управленію государствомъ, онъ еще доучивался, довоспитывалъ себя тѣми средствами, какія самъ нашелъ и какія были по его характеру; у молодого царя на умѣ были потѣхи, великій человекъ объявился постѣ, и тогда только въ потѣхахъ юноши оказались сѣмена великихъ дѣлъ.

Кто же правилъ государствомъ; кто, по крайней мѣрѣ, имѣлъ самое сильное вліяніе въ правительствѣ? Мы видѣли, что у Троицы всѣмъ завѣдывалъ князь Борисъ Голицынъ, потому что былъ умнѣ, энергичнѣе, смѣлѣе всѣхъ. „Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распорядился всѣмъ у Троицы“, говоритъ Гордонъ ²⁾, „потому что никто другой не смѣлъ вмѣшиваться въ такое шекотливое дѣло, какимъ оно сначала казалось“ ²⁾. Но мы видѣли также, какое сильное негодованіе навлекъ на себя князь Борисъ со стороны царицы Наталіи и ея родственниковъ, выгораживая князя Василья изъ измѣннаго дѣла. Эта ссора съ Нарышкиными повела къ тому, что когда опасность миновала, когда, слѣдовательно, прошла нужда въ человекѣ, способномъ управлять во время опасности, то князь Борисъ, но возвращеніи Двора въ Москву, потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ у Троицы, и главнымъ лицомъ въ управленіи явился братъ царицы, бояринъ Левъ Кирилловичъ съ своими родственниками ³⁾. Левъ Нарышкинъ сталъ завѣдывать первымъ по своей важности, Приказомъ Посольскимъ, хотя и безъ титула обер-регента; князь Борисъ Голицынъ долженъ былъ удовольствоваться Приказомъ Казанскаго Дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю въ лицѣ самаго виднаго изъ нихъ, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался Приказъ Большаго Дворца и Дворцовый Судный; Стрѣльцкій Приказъ былъ порученъ князю Ив. Вор. Троекурову; Разрядъ—боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Князь Борисъ, потерявши прежде значеніе, сталъ подвергаться большимъ оскорбленіямъ въ самомъ

дворцѣ. Сильно нападали на него Долгорукіе: однажды, въ 1691 году, князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій, побранившись съ нимъ во дворцѣ, называлъ его измѣнничьимъ правнукомъ, потому что при Разстригѣ прадѣд его въ Яузскихъ воротахъ былъ проповѣдникомъ ⁴⁾. Вражда не утихала, и, въ слѣдующемъ году, въ хоромахъ царя Петра Долгорукіе—князь Яковъ и братья его, князь Григорій Федоровичи—напали на князя Бориса, обвиняя его, что онъ велѣлъ своему держальнику прибить брата ихъ, князя Бориса: „Ахъ ты пьяница!“ кричали Долгорукіе, „да такихъ же собравъ пьяныхъ, водишь съ собою и, напоивъ держальниковъ своихъ, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не въ причинныя мѣста, куда и возить не надобно, молно вернуться за сани, быть было въ тебѣ ножу; поди теперь, вопъ братъ князь Борисъ дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, такъ изъ тебя и оходы вырѣжетъ, а сеподъ сюда, мы скорѣе вырѣжемъ и вынутимъ кишки и годовалыя дрожжи выбьемъ изъ тебя, ты весь налить виномъ. Ты бы самъ, наливъ бѣлки, лучше объ уголь ударился, чѣмъ брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду драть! не дорожи дѣломъ, нынѣ не старая пора, съ мечами стоять не велите“. Съ Долгорукихъ велѣно было взискать въ пользу обоихъ Голицыныхъ,—отца и сына,—безчестье 3,000 рублей слишкомъ; но князь Борисъ былъ челомъ, что отецъ его при кончинѣ своей приказалъ не брать безчестья, также и онъ, князь Борисъ, о своемъ безчестьи на Долгорукихъ не челобитчикъ ⁵⁾.

Гордонъ называетъ Льва Нарышкина новымъ любимцемъ или новымъ первымъ министромъ, противопологая его старому, т.-е. князю Борису Голицыну. Второе названіе—первый министръ, разумѣется, единственно справедливое. Ни Голицынъ, ни Нарышкинъ не были любимцами Петра: любимцемъ его былъ служилый иноземецъ знаменитый Лефортъ.

О Лефортѣ, его значеніи существуютъ у насъ различныя мнѣнія. Одни говорятъ, что онъ сдѣлался извѣстенъ Петру очень рано, очень рано приобрѣлъ на него большое вліяніе ⁶⁾; другіе утверждаютъ, что Петръ сблизился съ Лефортомъ не ранѣе августа 1689 года, когда Лефортъ прежде другихъ иностранцевъ явился къ Троицѣ и тамъ заявилъ свою привязанность къ Петру ⁷⁾. Одни, сочувствующіе дѣлу преобразования, величаютъ Лефорта благодѣтельнымъ наставникомъ Петра, пробудившимъ его гений ⁸⁾; другіе во встрѣчѣ и сблизеніи Петра съ Лефортомъ видятъ несчастіе, потому что Лефортъ говорилъ Петру о русскихъ

⁴⁾ Записки Желѣбжскаго.

⁵⁾ Архивъ Министертства Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2571.

⁶⁾ John Perry—The state of Russia; за нимъ многіе другіе иностранцы и русскіе.

⁷⁾ Устрѣловъ въ Исторіи царств. Петра В. II, гл. I. Мой разборъ этого мнѣнія см. въ Атенѣхъ 1858 года.

⁸⁾ Голковъ, Бергманъ и другіе.

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2827.

²⁾ Стр. 273.

³⁾ De la Neuville, p. 174. Въ январѣ 1690 года Гордонъ называетъ Льва Нарышкина новымъ любимцемъ или первымъ министромъ, стр. 292.

обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ¹⁾: нѣкоторыя наконецъ отвергаютъ всякое вліяніе Лефортова на Петра²⁾.

Вопросъ о времени, когда Лефортъ облизился съ Петромъ, не имѣетъ важности: когда бы ни произошло облизаніе, важны только его слѣдствія. Все согласны въ одномъ, что привязанность Петра къ Лефорту была самая сильная, — и этого довольно. Важный вопросъ состоитъ въ томъ, что за человекъ былъ Лефортъ? Мы видѣли, что Россія поворачивала къ Западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ Западомъ у себя, въ Нѣмецкой слободѣ³⁾. Молодой царь, старая неудовлетворенною жаждою знанія, уже начинаетъ создавать новое и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить Русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то, что сами Русскіе не могли у себя устроить. Понятно, что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало, что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ ему кораблики: между иностранцами онъ нашелъ человека, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ, — этотъ человекъ и былъ Лефортъ.

Лефортъ былъ полнымъ и блестящимъ представителемъ людей, наславшихъ Нѣмецкую слободу. Онъ не имѣлъ никакого образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человекъ бывалый, необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастеръ устраивать пиры на-славу. Иностранецъ, могшій выучить Петра геометріи, могшій показать ему употребленіе астролябіи и ограничившійся этимъ, не могъ имѣть вліянія на знаменитаго ученика; но могущественное вліяніе долженъ былъ имѣть человекъ съ характеромъ Лефортова, человекъ, умѣвшій сдѣлаться неразлучнымъ товарищемъ, другомъ молодого государя. Это вліяніе не могло обнаружиться въ дѣлахъ внутренняго управленія: Лефортъ, по характеру своему, въ нихъ не вмѣшивался; вліяніе обнаружилось въ другомъ — Лефортъ возбуждалъ Петра предпринять походъ на Азовъ, угрожало захватъ за-границу; по его внушенію царь позволялъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ⁴⁾. Очевидно, что Петръ, какъ преобразователь въ извѣстномъ направленіи, окончательно опредѣлился въ тотъ періодъ времени, къ которому безспорно относится близкая связь его съ Лефортомъ, т. е. отъ 1690 года до возвращенія изъ-за границы; въ это время онъ ушелъ изъ Москвы въ Нѣмецкую слободу, изъ Нѣмецкой слободы въ Западную Европу. И кромѣ неоспоримыхъ свидѣтельствъ, нельзя натягивать, что Петръ относился къ Лефорту только какъ къ веселому товарищу прия-

тельскихъ бесѣдъ, незамѣнимому въ искусствѣ устроить пиръ на-славу. Что Петръ ставилъ Лефортова высоко, — свидѣтельствуеетъ назначеніе его однимъ изъ главныхъ вождей Азовскаго похода, адмираломъ, главою посольства въ Западную Европу; еслибы Петръ смотрѣлъ на Лефорта какъ на веселаго товарища въ пирахъ только, то назначилъ бы его не адмираломъ и не посломъ, а Кокуйскимъ патріархомъ, какъ Зотова. Пусть говорятъ, что Петръ ошибся въ способностяхъ Лефортова, который не былъ искуснымъ полководцемъ ни на сушѣ, ни на морѣ; но эта самая ошибка для насъ и важна, ибо показываетъ, какое преувеличенное мнѣніе имѣлъ Петръ о Лефортѣ, какъ слѣдовательно легко подчинился его вліянію, и неудивительно, если обратитъ вниманіе на возрастъ Петра. Петръ въ 1690 году не былъ тѣмъ Петромъ Великимъ, какимъ онъ былъ въ 1709 или 21 годахъ. Молодой Петръ привязался къ иностранцу Лефорту и далъ ему такое важное значеніе въ государствѣ; возмужалый Петръ, Петръ Великій, имѣлъ правиломъ не возводить иностранцевъ на первыя мѣста въ государствѣ.

Лефортъ не вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія, не вмѣшивался въ него и самъ царь, предоставивъ все Льву Нарышкину съ товарищи; молодого Петра занимали прежнія потѣхи, за которыя иногда приходилось дорого платиться: такъ 2 іюня 1690 года, при штурмѣ Семеновскаго двора, ему опалило лицо⁵⁾. 4 сентября подлѣ Преображенскаго происходила при мѣрная битва: лучший стрѣлецкій полкъ — стремляной, состоявшій изъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, долженъ былъ драться противъ потѣшныхъ, противъ Семеновской пѣхоты и конныхъ царедворцевъ; въ то же время два стрѣлецкихъ полка должны были драться другъ съ другомъ; дрались пока смерклось, много было раненыхъ и обожженныхъ порохомъ⁶⁾. Въ октябрѣ 1691 года „былъ великій и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановскаго, у котораго былъ стольный городъ Пресбургъ. Рейтары ротмистра Петра Алексѣева отличились; отличился и самъ ротмистръ, взявшій въ плѣнъ неприятельскаго генералиссимуса. „И тотъ бой равнялся судному дню“⁷⁾; ближній стольникъ, князь Ив. Дмитр. Долгорукій „отъ тяжкия своея раны, наче же изволеніемъ Божиимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, одѣже и вѣщамъ по времени быти“, писалъ Петръ. Осенью 1694 года происходили бои въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, знаменитый Кожуховскій походъ (подлѣ деревни Кожухова, недалеко отъ Симонова монастыря)⁸⁾. Русскою арміею командовалъ старый генералиссимусъ, князь Федоръ Юрьевичъ Ромо-

⁵⁾ Гордонъ, II, 305.

⁶⁾ Гордонъ, II, 318.

⁷⁾ Кабинетъ, II, кн. 95.

⁸⁾ Записки Желябужскаго; Гордонъ, II, стр. 485 и слѣд.; Извѣстія о военныхъ малеврахъ при Петрѣ I, Корниловича въ Сѣверномъ Архивѣ на 1834 г.

¹⁾ Караяншичъ — О древней и новой Россіи.

²⁾ Устряловъ.

³⁾ Исторія Россіи, XIII, 798.

⁴⁾ Korb.—Diarium itineris in Moscoviam, p. 215.

дановскій; у него были потѣшныя полки: Преображенскій и Семеновскій, выборные полки солдатскіе—Лефортовъ и Бутырскій, три роты гранатчиковъ, восемь выборныхъ ротъ рейтарскихъ, двѣ роты даточныхъ людей подъ именемъ Нахаловъ и Налетовъ и 20 ротъ стольничьихъ. Непріятельскою арміею командовалъ Польскій король, Ив. Ив. Бутурлинъ; у него были полки стрѣлцкіе, роты изъ дьяковъ и подъячихъ, всего 7,500 человекъ. Король защищалъ безыменную крѣпость, Ромодановскій бралъ ее и, разубѣтлся, взялъ; бомбардиръ Петръ Алексѣевъ отлучился и тутъ, взявъ въ плѣнъ стрѣлцаго полковника; потерявъ крѣпость, Польскій король засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и упорно отбивался, наконецъ долженъ былъ сдаться. Потѣха не обошлась безъ рапёныхъ и даже безъ убитыхъ.

Рядомъ съ потѣхами на сушѣ шли потѣхи на водѣ. Царь собственноручно построилъ яхту и спустил ее на Москву-рѣку весною 1691 года ¹⁾; на Переяславской верфи работы продолжались, и царь такъ былъ погруженъ въ нихъ, что въ февралѣ 1692 года Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алекс. Голицынъ сами ѣздили въ Переяславъ уговаривать царя пріѣхать въ Москву для пріема Персидскаго посла ²⁾. 1 мая былъ спущенъ на озеро первый корабль ³⁾; въ іюлѣ весь Дворъ отправился въ Переяславъ и пробылъ тамъ до сентября; царица Наталья, не имѣя возможности удержать сына въ Москвѣ, должна была сама отправляться на мѣсто его любимыхъ потѣхъ.

Но матери трудно было слѣдовать за богатыремъ, который рвался на болѣе широкую воду, „охотѣ его равную“. Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское—то было мелко. Неодолима сила тянула его къ морю. Къ матери за благословеніемъ—не пускаетъ; наконецъ, „вѣдя великое желаніе и неотъинную охоту“, пустила поневолѣ, взявши обѣщаніе не ходить самому по морю, а только посмотрѣть корабли. Въ іюлѣ 1693 года съ большою свитою царь отправился на сѣверъ, къ Архангельску. Какъ только завидѣлъ море, обѣщаніе, данное матери, было забыто: поплылъ провожать иностранные корабли. А мать шлетъ письмо за письмомъ, пишетъ о возвращеніи: „О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, въ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать; и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родную тѣ, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Будь надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ, Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда паша, да сохранитъ“ ⁴⁾.

„И нынѣ подлинно отписать не могу (о своемъ пріѣздѣ), для того-что ожидаюся кораблей“, отвѣчаетъ Петръ, „а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ; а какъ они будутъ, и я, искупаю, что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволия ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Ты бо молитвамъ и предстательствомъ не тобою я единъ, но и мѣръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу—недостойный Пеструшка“

Петръ пишетъ, что былъ на морѣ—обѣщаніе не сдержано. Новая причина матери беспокоилась, торопить сына, чтобы возвратился: „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего—радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всегъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли; чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться; не призри, батюшка, мой свѣтъ, сего прошенія; писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ; а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходитъ“ ⁵⁾.

А у сына было на умѣ, какъ бы пойти подальше на будущій годъ. Онъ устроилъ верфь въ Архангельскѣ, заложилъ корабль, другой заказалъ въ Голландіи. По праздникамъ ходилъ въ церковь, самъ читалъ Аностояль и пѣлъ съ пѣвчими на клиросѣ; обѣдывалъ у архіепископа Афанасія, съ которыми, между прочимъ, толковалъ о плаваніи по морямъ и рѣкамъ кораблями и другими судами; обѣдывалъ и ужиналъ у иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ, которые могли поразсказать ему такъ много любопытнаго.

Сжегши фейерверкъ, Петръ 19 сентября выѣхалъ изъ Архангельска въ Москву. Здѣсь всю осень работалъ надъ приготовленіями къ новому морскому походу и принялъ названіе шкипера вмѣсто бомбардира. На этотъ разъ помѣхи быть не могло къ морскому походу: 25 января 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна, на 42 году своей жизни, послѣ пятидневной болѣзни. Петръ оплакивалъ кончину матери чрезвычайно,—записалъ очевидецъ ⁶⁾. Послѣ похоронъ (26 числа) вечеромъ явились къ царю братья и родственники покойницы, и приходъ ихъ причинилъ новую чрезмѣрную скорбь; чрезъ день, 28 числа, записано, что Петръ былъ на празднику у Лефорта. на другой день тамъ же. Но не одни шны Лефорта развлекали Петра въ его горѣ: „Федоръ Матвѣевичъ! писалъ онъ къ Двинскому воеводѣ Апраксину ⁷⁾. Вѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Но сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о жи-

¹⁾ У Бергмана—Исторія Петра В., II, 186.

²⁾ Гордонъ, II, 367.

³⁾ Гордонъ, II, 373.

⁴⁾ Гордонъ, II, 435.

⁵⁾ Голицова—Дѣянія Петра В., т. X, № 6 писемъ.

вомъ пишу". Это живое состояло въ томъ, чтобы приготовлено было все нужное для строенія новаго корабля въ Архангельскѣ.

1 мая Петръ отправлялся во второй морской походъ, которому приданъ былъ такой же потѣшный характеръ, какъ и сухопутными походами: адмираломъ былъ назначенъ извѣстный генерал-ссимусъ князь Ѡ. Ю. Ромодановскій, „человѣкъ, зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути“; какъ въ шутку выражался о немъ Петръ ¹⁾; вице-адмираломъ—бывшій Польскій король И. И. Бутурдинъ, копръ-адмираломъ (шаутенахтомъ) Гордонъ. Первымъ дѣломъ Петра по прїѣздѣ въ Архангельскъ былъ спускъ на воду корабля, который заложилъ онъ прошлый годъ. Потомъ царь отправился на яхтѣ „Св. Петръ“ въ Соловки; на дорогѣ поднялась страшная буря, кораблекрушеніе казалось неминуемо. Петръ приобщился уже Св. Танинъ изъ рукъ сопровождавшаго его архіепископа Аванасія; къ счастью, нашлся искусный кормчій, Антонъ Тимошеевъ, который успѣлъ ввести яхту въ Унскую губу, и они стали на якорь близъ Пертоманскаго монастыря. Собственными руками Петръ сдѣлалъ крестъ въ полторы сажени вышиною и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ; на крестѣ видѣлась голландская надпись: „Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694“.

Побывавъ въ Соловецкомъ монастырѣ, Петръ возвратился въ Архангельскъ, гдѣ спущенный передъ тѣмъ на воду корабль былъ оснащенъ, вооруженъ и названъ „Св. Павелъ“; ждали съ нетерпѣніемъ корабля, заказаннаго въ Голландіи, наконецъ и онъ явился: то былъ сорокачетырехпушечный фрегатъ „Santa profetie“ (Св. Пророчество). Радость при полученіи этого сокровища ознаменовалась, по обычаю, большими пирами. „Что давно желали, нынѣ совершилось, писалъ Петръ къ Москву къ своимъ; пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писать“. Послѣ пировъ царь съ своимъ флотомъ, состоявшимъ изъ трехъ кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплылъ до Святаго Носа, крайняго пункта на Бѣломъ морѣ. Въ первыя числа сентября Петръ былъ уже въ Москвѣ ²⁾.

Кромѣ этихъ потѣхъ, было еще одно любимое удовольствіе молодого Петра — приготовленіе и

соженіе фейерверковъ. Во всѣхъ потѣхахъ участвовала компанія, эта знаменитая дружина, собранная изъ людей разныхъ сословій, разнаго происхожденія, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петръ, несмотря на свою молодость и потѣшный характеръ своихъ занятій, успѣлъ уже изъ окружающаго общества притянуть къ себѣ лучшія силы, взять лучшихъ людей, отличавшихся тою или другою способностію. Относительно этихъ способностей насъ не должны смущать какія-нибудь иностранныя извѣстія, что тогъ или другой изъ сотрудниковъ Петра имѣлъ мало свѣдѣній въ томъ дѣлѣ, которое было ему ввѣрено; странно было бы предположить, чтобы Петръ могъ найти сонмъ гениальныхъ людей, которые вдругъ какимъ-нибудь чудомъ могли бы пріобрѣсти полное приготовленіе. Если бы Петръ хотѣлъ окружить себя только людьми вполне приготовленными, то онъ долженъ былъ бы окружить себя одними иностранцами, отстранивъ всѣхъ Русскихъ; но этого-то онъ именно и не хотѣлъ, и всѣ важнѣйшія должности поручалъ Русскимъ, хотя бы и недостаточно приготовленнымъ, но способнымъ людямъ, ибо ему не нужно было дѣлать новое дѣло чужими руками, что было бы легко для него, но не прибыльно для Россіи: ему нужно было пріучать русскія руки къ новому необходимому дѣлу. Но ионяно, что съ самаго же начала иностранцы, долженствующіе служить своими свѣдѣніями новому дѣлу, были необходимы, и подлѣ Русскихъ мы встрѣаемъ въ компаніи иностранцевъ, обрусѣлыхъ и необрусѣлыхъ еще: подлѣ Ромодановскаго, Илешева, Стрѣшова, Апраксина, Головкина, Трубецкаго, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвѣева, Головина, видимъ Винюса, Вейде, Крета, Брюса. Люди, владѣвшіе могущественнымъ средствомъ пріобрѣтенія знаній, иностранными языками, выдвинулись, и тѣ изъ нихъ, которые были способны воспользоваться своимъ знаніемъ, были способны къ многообразной и сильной дѣятельности, были притянуты Петромъ. Такъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей сдѣлался думный дьякъ Андрей Андреевичъ Винюсъ. Сынъ извѣстнаго намъ голландскаго выходца Андрея Денисова Винюса, Андрей Андреевичъ родился въ Россіи, обрусѣлъ, былъ православный, отъ Русскихъ отличался только своимъ образованіемъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ книгъ, составитель краткой географіи ³⁾. Теперь уже старикъ. Винюсъ откликнулся на зовъ молодого преобразователя, и мы увидимъ многообразную, изумительную въ его годы дѣятельность. Подобною же дѣятельностію отличался и переводчикъ Англійскаго языка въ Посольскомъ Приказѣ Креть; въ Посольскомъ Приказѣ сдѣлалъ еще переводчикъ—Шафировъ; это будущій вице-канцлеръ. Дѣла было много, рукъ — мало, и члены дру-

¹⁾ Собраніе записокъ Тумаскаго, V, 80.—Итакъ Ромодановскій былъ шутовскій адмиралъ, какъ былъ шутовской король, шутовской генерал-ссимусъ. Несмотря на то, нѣкоторые торжественно утверждаютъ, что первымъ адмираломъ русскаго флота былъ не Лефорть, а Ромодановскій; что же они и Зотова не включаютъ въ число іерарховъ?

²⁾ Подробности морскихъ обоихъ походовъ см. въ Двинскихъ запискахъ; о второмъ походѣ — у Гордона подлѣ 1694 годъ.

³⁾ См. Пекарскаго—Науки и Литература въ Россіи при Петрѣ В., I, 200 и слѣд.

жины должны были записываться многими дѣламп, по примѣру своего вожда-бомбардира, шкипера и корабельнаго плотника.

Послѣ марсовыхъ и нептуновыхъ потѣхъ дружина отдыхала на веселыхъ шпрахъ, въ сильной борьбѣ съ иностранцемъ Вахусомъ и съ своимъ доморопленнымъ Иванкою Хмельничкиимъ. Какъ на сухопутныхъ и морскихъ потѣхахъ генералиссимусомъ и адмираломъ былъ Ромодановскій, а Петръ ротмистромъ, бомбардиромъ или шкиперомъ, такъ и на шпрахъ главою компаніи былъ Никита Зотовъ— „Всеутѣйшій отецъ Иоанникитъ, Пресбургскій, Кокуйскій и Веселузскій патріархъ“⁴⁾. Петръ былъ и здѣсь только діакономъ. На Святкахъ компанія ѣздила Христа славить; самъ царь ѣздилъ по всѣмъ боярамъ и малатымъ людямъ, Зотовъ ѣздилъ къ кунцамъ⁵⁾. Въ январѣ 1694 года было большое торжество: женился шутъ Яковъ Тургеневъ на дьячьеи женѣ; а за нимъ въ поѣзду были бояре, окольничіе, думные и всѣхъ чиновъ палатные люди: а ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ, а въ платяхъ были смѣшныхъ,—въ куляхъ мочальныхъ, въ шляхахъ лычныхъ, въ крашенныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ разпудрѣнныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣлыми хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьяхъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. А Тургеневъ самъ ѣхалъ съ женою въ государской лучшей бархатной каретѣ; а за нимъ шли Трубецкіе, Шереметевы, Голицыны, Гагины въ бархатныхъ кафтанахъ; женился онъ, Яковъ, въ шатрахъ на полѣ между Преображенскимъ и Семеновскимъ, и тутъ былъ банкетъ великій три дня⁶⁾.

Когда молодой царь съ своею компаніею потѣшался такимъ образомъ, въ остальномъ обществѣ происходили явленія, которыя, съ одной стороны, объясняли поведение компаніи, съ другой—показывали какъ необходимо было обществу обновленіе, котораго собственными внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вотъ печальная лѣтопись:

Въ 1693 году была челомъ казначей царевича Алексѣя Петровича, Татьяна, вдова стольника Всеволожскаго, что въ домѣ боярина Кондратія Оошца Нарышкина, при бояринѣ и другихъ свидѣтеляхъ, стольникъ Аванасій Короваевъ называлъ ее воровкою. Свидѣтели доказали: Короваевъ говорилъ, что Всеволожская воровка, и еслибъ такъ пріѣхала къ нему Аванасію, какъ пріѣзжала къ Степану Фефилачеву, то онъ бы ее срубилъ. „Уже и жонки ѣздить по разбоямъ!“ говорилъ Короваевъ, и когда Нарышкинъ спросилъ его: кто жонки?—отвѣчалъ: Македонская княгиня⁴⁾ за воровство на площадь

вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна пріѣзжала къ Фефилачеву двора зажигать. Короваевъ показавъ, что онъ былъ у Нарышкина бить челомъ о родственникѣ своемъ Степанѣ Фефилачевѣ по дѣду его съ Всеволожскою. Татьяну доправлено безцѣстие по Уложенію⁵⁾.

Князь Александръ Крупскій бить кнутомъ за то, что жену убилъ. Въ 1694 году явились въ воровствѣ по язычной молвкѣ стольники Владиміръ съ братомъ Васильемъ Шереметевъ; въ этомъ дѣлѣ пытаны князь Ив. Ухтомскій, Левъ и Григорій Ползиковы, Леонтій Шенининъ; языки на нихъ съ пытки говорили, что на Москвѣ они пріѣзжали среди бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ и дома ихъ грабили, смертные убійства чинили и назывались большимими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Вас. Шереметеву; и послѣ того языки ихъ казнены. Въ томъ же году измѣняли Федоръ Дашковъ, поѣхалъ было служить къ Польскому королю; пойманъ на рубежѣ, разспрашыванъ и повинился въ отъѣздѣ; изъ Смоленска присланъ скованный въ Москву, въ Посольскій Приказъ, а изъ Посольскаго Приказа освобожденъ, потому что далъ думному дьяку Емельяну Украинцеву двести золотыхъ. Въ 1693 году послана была царская грамота Алатырскому воеводѣ о посылкѣ стрѣльцовъ въ Печерскую пустынь для обереженья богомольцевъ отъ разбойниковъ: „Въ ту пустынь ежегодно, іюля къ 8 числу, къ чудотворному образу Казанской Богородицы бываетъ съѣздъ для богомолья, и въ то же время отъ воровскихъ людей и отъ разбойниковъ на пустынь, и на братію, и на богомольцевъ бываетъ всякое разореніе и разграбленіе, и въ прошлыхъ годахъ ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время“. Въ томъ же году, по указу великихъ государей, въ Сольвычегодскѣ, бывшему земскому всеуздному старостѣ Пачезерской волости, крестьянину Степану Пустынникову, велѣно учинить наказаніе: на площади передъ приказной избою бить батоги, снявъ рубаху, пешалю, для того что онъ, будучи въ малыхъ числахъ (короткое время) на всеуздныхъ старостахъ, по совѣту съ малыми людьми, безъ вѣдома Усолцевъ посадскихъ и уздныхъ людей, билъ челомъ великимъ государямъ, будто со всего мірскаго вѣдома, о Максимѣ и Федкѣ Пивоваровыхъ, чтобъ имъ быть попрежнему въ приказной избѣ въ подьячыхъ, и къ той челобитной онъ, Степъка, дважды руку приложилъ: вверху подписался старостою Степкою Пустынниковымъ, а въ другой разъ вмѣсто выборнаго Козырева и за себя подписался крестьянникомъ Пачезерской волости Степкою Федоровымъ. Кромѣ того, посылалъ челобитную, будто отъ всего міра, на пещтаго человѣка Григорія Дмитріевича Строгонова; писалъ челобиты, въ которыхъ челобитныи архимандрита Введенскаго монастыря называлъ

¹⁾ Письмо Стрѣшневъ царю подъ Азовъ; Кабинетъ, II, № 53.

²⁾ Записки Желябужскаго подъ 1694 годомъ.

³⁾ Записки Желябужскаго подъ 1694 годомъ.

⁴⁾ Фамилію князя Македонскаго носилъ одинъ изъ въѣзжихъ Грековъ, вступившій въ царскую службу.

⁵⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2807.

ложнымъ, затѣйнымъ и своевольнымъ; писалъ, что отъ этого въ мѣрѣ учинилась смута: къ своему выбору и къ челобитнымъ велѣлъ прикладывать руки выборнымъ и посадскимъ, и уѣзднымъ людямъ, а посадскіе люди и волостные крестьяне съ мірскаго совѣта его въ старосты не выбиралъ, и выборному посадскому и волостнымъ выборнымъ его выбирать не велѣлъ ¹⁾.

Понимали, что дѣла идутъ дурно, что такъ нельзя быть; но какъ помочь бѣдѣ?—миѣнія дѣлились: одни говорили, что за моремъ лучше и надобно смотрѣть туда; другіе повторяли, что надобно прежде всего выгнать Нѣмцевъ, отъ которыхъ все зло. Послѣдняго миѣнія держался, какъ мы видѣли, патріархъ Іоакимъ. Онъ торжествовалъ съ паденіемъ Софіи: врагъ его—Медвѣдевъ—былъ разстриженъ, повинился въ ереси, казненъ какъ измѣнникъ, малороссійскіе духовные слѣпили увѣреніями, что во всемъ согласіи съ святѣйшимъ. Къ Варановичу, который отговаривался малороссійскимъ обычаемъ, послала патріаршая грамота: „Писали мы къ тебѣ, желая вѣдать согласіе и единомысліе твое къ Св. Восточной Церкви и къ памѣ архипастырю твоему; и твое боголюбіе, презирая и въ ничто подавая насъ, отца и архипастыря твоего, по прошествіи многого времени едва отписалъ и то не по твоей мудрости: мы тебя спрашивали объ одномъ, а ты отвѣчалъ о другомъ. Мы тебѣ предложили отъ востока, а ты, отскочивши въ противную сторону, говоришь отъ запада, и простому человѣку стыдно такъ говорить; вмѣсто того, чтобъ прогнать поставивъ намъ обычай, преданный Св. Отцами, ты толкуешь о своемъ застарѣломъ обычаѣ и о новшествахъ, обрѣтающихся несомнѣнно въ новосочиняемыхъ вашихъ кнѣгахъ. Изъяви намъ все искренно и немедленно, да не обнаружится предъ нами твое непокорство и презрѣніе. Или ты одинъ виѣ власти намъ данной? Митрополитъ Гedeонъ и архимандритъ Варлаамъ прислали намъ свое согласіе и единомыіе во всемъ. Коли ты намъ о себѣ не извѣстишь, не смѣй священнодѣйствовать до совершеннаго о тебѣ суда: да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорливъ и непослушливъ къ архипастырю своему и Восточной Церкви Святой. Если же будешь согласенъ съ Св. Восточной Церковію и объявишь немедленно свое согласіе и единомыіе съ нами, то священнодѣйствуй невозбранно“.

В. В. Голпцынъ, покровитель іезуитовъ, посланъ, и патріархъ, со всеѣмъ освященнымъ соборомъ, бьетъ челомъ, что „езуиты живутъ на Москвѣ много время безъ дѣла, а прежде сего изстари при предкахъ государскихъ римскіе іезуиты въ Московскомъ государствѣ никогда не были и не жилали; а нынѣ, живучи они, езуиты, въ Москвѣ чинягъ многую Св. Соборной Апостольской Церкви и догматомъ ея противность печатными письмами

и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и шими прелестями, а у Св. Соборной Апостольской Восточной Церкви съ западнымъ римскимъ костеломъ многія несходства, и чтобъ великіе государи больше сего имъ, езуитамъ, за такими вышепомянутыми препятствіями въ Московскомъ государствѣ жить не позволяли“ Великіе государи указали: „Езуитовъ (Давида и Товію) съ Москвы отпустить милостиво и дать имъ жалованье и подводы до литовскаго рубежа“. Іезуиты били челомъ, чтобъ позволено имъ было описаться объ отпускѣ своемъ къ цесарскому величеству, и дать бы имъ сроку до тѣхъ поръ, пока они продадутъ дворъ свой въ Нѣмецкой слободѣ, который купленъ изъ цесарской казны, и сами въ дорогу уберутся. Пересылаясь имъ съ Цесаремъ не позволили и для сборовъ въ дорогу дали только два дня. Чтобъ впередъ іезуиты какъ-нибудь не прокрались въ Россію, изданъ былъ указъ: „Великіе государи указали для братской дружбы съ его цесарскимъ величествомъ быть на Москвѣ при одномъ и другому, только-бъ тѣ ксендзы, живучи на Москвѣ ни въ какія неподлежащія и не въ свои дѣла не вступались и вѣрѣ Греко-Россійской никакой противности не чинили, и Русскихъ людей не отвращали, и въ дома къ Русскимъ людямъ не ходили, а службу отправляли въ домахъ у начальныхъ людей Римской вѣры, такжебы и чрезъ почты какъ вѣстовыхъ, такъ и затѣйныхъ никакихъ писемъ въ шные государства отнюдь не писали и не посылали, и подъ именемъ тѣхъ ксендзовъ въ ихъ ксендзовомъ платы не жили-бъ на Москвѣ езуиты, а были-бъ тѣ ксендзы свѣтскіе плебаны, а не езуиты, а буде вмѣсто тѣхъ плебановъ объявятся на Москвѣ езуиты, и тѣ езуиты, также и плебаны высланы будутъ съ Москвы вовсе, и впредь имъ на Москвѣ жить будетъ не позволено“ ²⁾.

Въ торжествѣ своемъ надъ Медвѣдевымъ и іезуитами Іоакимъ, разумѣется, не могъ стать ласковѣе къ служилымъ иноземцамъ, противъ которыхъ сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рожденія царевича Алексея Петровича, знатѣйшіе изъ втихъ иноземцевъ должны были обѣдать за царскимъ столомъ; патріархъ настоялъ, чтобъ ихъ не было за столомъ ³⁾, и это въ то время, когда молодой царь и вельможіи его не могли обойтись безъ иностранцевъ, сами бѣдили къ нимъ и къ себѣ постоянно приглашали. Передъ смертію (въ мартѣ 1690 года) Іоакимъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей не допускать Православныхъ христіанъ дружитья съ еретиками иновѣрцами, Латинами, Лютеранами, Калвинами, и безбожными Татарами, не давать иновѣрцамъ строить свои молыбща, а которые уже построены,—разорить; чтобъ запретили въ полкахъ и во всемъ государствѣ проклятымъ еретикамъ быть началь-

¹⁾ Записки Ябелябужскаго; Акты Историч. V, № 219; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ип. Д. 1693 года.

²⁾ Собр. гос. грам. и догов. IV, № 203; Полн. Собр. Зак. № 1388.

³⁾ Гордошъ, II, 297.

никами: „Какая отъ нихъ Православному воистину можетъ быть помощь?—только гнѣвъ Божій наводять. Когда Православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ Святыхъ,—еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся,—еретики никогда. Начальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею въ Русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ работствѣхъ искусныхъ, очень много. Опять напоминаю, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ. Татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платья перемѣнъ по иноземски не вводить. Удивляюсь царскаго синклита совѣтникамъ полатнымъ и правителямъ, которые на посольствахъ въ иныхъ земляхъ бывали. Видѣли, что всякое государство свои нравы и обычаи имѣетъ въ одеждахъ и поступкахъ, свое держать, чужаго не принимаютъ, чужихъ вѣръ людямъ никакихъ достоинствъ не даютъ. Молитвенныхъ храмовъ имъ строить не позволяютъ: въ нѣмецкихъ государствахъ есть ли гдѣ перковь благочестивой вѣры?“¹⁾

Не ранѣе трехъ мѣсяцевъ по смерти Іоакима, въ юль 1690 года, Соборъ началъ разсуждать о выборѣ ему преемника: высшіе указывали на Маркелла, митрополита Исковскаго, челоуѣка ученаго и образованнаго; низшіе были противъ Маркелла и указывали на Адриана, митрополита Казанскаго. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла, но царица Наталья Кирилловна съ архимандритами, пугменами и нижнимъ духовенствомъ стояла за Адриана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать иновѣрцамъ; какой-то архимандритъ подалъ царницѣ сочиненіе, гдѣ обличалъ Маркелла въ ереси. Враги Маркелла переселили, и Адрианъ былъ возведенъ на патріаршество²⁾.

Новый патріархъ не могъ не обратить вниманія на страшное зло, семейную неурядицу, происшедшую отъ неправильныхъ отношеній двухъ половъ, отъ страннаго способа заключенія браковъ. Въ ноябрѣ 1693 года Адрианъ издалъ указъ. „Священники сопружествующіе согласія жениха и невесты не истязуютъ и небрежно о семъ имутъ, множицею и не хотяще едино лицо другому и не любящихся между собою сопружествуютъ и по снечевому началу и прочее житіе тѣхъ мужа и жены бываетъ бѣдно и другъ друга навѣтно и дѣтей безприжитно, и то творится весьма грѣшно и пренебрежительно;—и великій господиъ указалъ досматривать, чтобъ отнынѣ къ вѣнчанію приходящихъ жениха и невесту священникомъ поособно истязовати и накрѣпко допрашивати, по любви ли и согласію другъ другу сопружествуются, а не отъ насилія ли или неволи каковы: а будетъ женское лицо, а паче

дѣвцы стыдятся сіе рещи, допрашивати родители ея. паче же мать, или аще матери не имать, сестры ея допрашивати о томъ, и аще кое ихъ лице, паче же дѣвическое совершенно умолчить или иное какоео знаменіе появить, отвращеніе лица отъ сопружника, плеваніе или отрясеніе руками,—и такихъ не сопружествовати, дождеже совершѣнное согласіе ко другъ другу появятъ“³⁾. Разумѣется, средства, предложенныя въ указѣ, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать, когда браки заключались по ихъ единственной волѣ; но указъ этотъ очень важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что служилъ введеніемъ къ послѣдующимъ мѣрамъ Петра насчетъ заключенія браковъ.

Правительство свѣтское должно было обратить вниманіе на безчинства, которыя позволили себѣ безмѣстные монахи и монахини, попы и дьяконы. Въ мартѣ 1694 года состоялся именной указъ: „Буде безмѣстные чернецы и черницы въ Кремлѣ, Китаѣ, Земляномъ городѣ, и попы и дьяконы безмѣстные же, безчинно и неискусно, также которые гулящие люди, подвязавъ руки или ноги, а иные и глаза завѣя и зажурия, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостины, а по осмотру они всѣгда здоровы,—и тѣхъ чернецовъ и черницъ, и поповъ, и дьяконовъ паче и приводить ихъ въ Стрѣлецкій Приказъ, а изъ Стрѣлецкаго Приказа отсылать въ Патріаршій Приказъ, чтобъ отнюдь чернецы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились“⁴⁾. Еще прежде Новгородскій митрополитъ Корнилій велѣлъ своимъ подьячимъ и недѣльщикамъ хватать на кружечныхъ дворахъ лицъ духовнаго званія, также и по улицамъ въ нетрезвомъ видѣ, и приводить въ Митрополитій Приказъ „и отъ того себѣ скуповъ и поминковъ не имать и ихъ не отпускатъ“⁵⁾.

Борьба съ раскольниками продолжалась въ прежней силѣ.

Мы видѣли, что казаки-раскольники ушли съ Дону на рѣку Аграхань, во владѣнія шекала Тарковского. Въ началѣ 1691 года былъ отправленъ къ нимъ съ призывною грамотою дворянинъ Васильевъ. Когда, въ половинѣ марта, онъ прѣѣхалъ на Донъ и потребовалъ у тамошнихъ казаковъ, чтобъ они дали ему провожатыхъ и отпустили на Аграхань, то казаки отвѣчали: „Отпустить намъ тебя нельзя, потому что мы уже разъ посылали къ раскольникамъ съ царскою же грамотою, и они одного посланнаго убили и двоихъ другихъ отпустили на Донъ и съ нами къ намъ приказали, чтобы мы отнюдь впередъ съ государевыми грамотами и войсковыми письмами къ нимъ ничего не присылали, а приплемъ, то всѣхъ побьютъ“⁶⁾. Послали въ Москву къ великимъ государямъ за указомъ; указъ

¹⁾ Напечатано въ приложенияхъ къ II тому Исторіи царств. Петра В., Устрялова.

²⁾ Гордонъ, II, 309, 311.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 53.

⁴⁾ Пол. Собр. Зак. № 1489.

⁵⁾ Акты Истор. V, № 203

пришелъ: ѣхать Басову на Терекъ ко вдовѣ князя Алегукъ Сунгеневича Черкаскаго, княгинѣ Таукѣ Салганобковнѣ, и какъ она велитъ ему поступать, такъ и дѣлать. Басовъ взялъ троихъ казаковъ съ Дону и поѣхалъ къ княгинѣ Таукѣ на Царипцынъ, на Астрахань и на Терекъ, изъ Терека прѣхалъ въ улусы къ княгинѣ Таукѣ. Выслушавъ въ чемъ дѣло, княгиня послала въ улусы къ шевкалову брату Алибеку, чтобъ прѣхалъ съ нею повидаться. Алибекъ прѣхалъ, и Таука говорила ему, чтобъ взялъ Басова съ казаками и отвезъ ихъ къ брату своему шевкалу, и самъ уговаривалъ бы его, чтобъ отдалъ въ царскую сторону бѣглыхъ съ Дону казаковъ-раскольниковъ. Поѣхали къ шевкалу; тотъ, выслушавши Басова, отвѣчалъ: „Казаки пришли ко мнѣ съ Дону волею, и живутъ въ моемъ владѣніи по волѣ же; я за ними не посылаю и выслать мнѣ ихъ неволю нельзя, потому что у насъ такъ не водится, почитаю я ихъ у себя за гостей; а чтобъ они великія государямъ вины свои принесли и шли жить попрежнему на Донъ, о томъ я говорить имъ буду и милостию государскою обнадеживать, какъ возможно; но обратятся ли и пойдутъ ли на Донъ или нѣтъ,—того не вѣдаю; если пойдутъ, то я ихъ держать не стану, отпущу тотчасъ; а ты бы къ нимъ не ѣздилъ; если поѣдешь, то убьютъ они тебя до смерти;—обошлюсь съ ними я“.

Послалъ шевкалъ къ раскольникамъ въ первый разъ есаула; есаулъ возвратился съ отвѣтомъ, что казаки ѣздятъ къ себѣ Басову не волѣли; а прѣдетъ,—убьютъ. Послалъ шевкалъ въ другой разъ брата своего Алибека; тотъ привезъ отвѣтъ подробнѣе, раскольники говорили: „Чтобъ впередъ къ намъ изъ Москвы и съ Дону никого не присылали и людей понапрасно не теряли; намъ здѣсь жить хорошо и повольно, шевкалъ вѣру у насъ не отнимаетъ, живемъ какъ хотимъ, вѣру держимъ—какъ кто знаетъ, нужды намъ никакой нѣтъ, идти намъ назадъ въ дома за какимаъ добромаъ?—знаемъ что намъ будетъ!“

Черезъ нѣсколько времени прѣхали къ шевкалу отъ раскольниковъ четыре человѣка, долго сидѣли у шевкала, а потомъ видѣлись и съ Басовымъ; тотъ ихъ всячески увѣщевалъ, царскою милостию обнадеживалъ и давалъ имъ государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: „Ваши цари солгали головѣ нашему шевкалу въ жалованьи, обѣщаннаго не прислали, а намъ и подавно солгутъ; а хотя и ратныхъ людей на насъ пошлютъ, то намъ вѣсть будетъ изъ Астрахани отъ иноземцевъ тотчасъ, и по вѣдомости пойдѣмъ мы къ хану въ Большую Кубарду; а тамъ намъ никто ничего не сдѣлаетъ“. Басовъ узналъ навѣрное, что шевкалъ раскольниковъ не выдастъ, потому что съ ними вѣсть воруетъ, посылаетъ людей своихъ съ ними на море грабить и половину добычи беретъ себѣ¹⁾.

Въ началѣ 1693 года атаманъ казаконъ-раскольниковъ, Семень Саратовецъ, съ семью товарищами явился къ Крымскому хану съ жалобою на Кумыковъ, ханскихъ подданныхъ, которые осенью напали на казаковъ и взяли въ плѣнъ 250 человѣкъ женъ и дѣтей, кромѣ того отбили всю добычу, которую взяли раскольники. разбивши два персидскія судна. Казаки просили управы у хана, просили также указать мѣсто, гдѣ бы имъ поселиться на Кубѣ рѣкѣ особо, а между Кумыками и Черкесами жить больше не хотѣть. Въ думѣ у хана было приговорено исполнить всѣ просьбы казаковъ, причѣмъ ханъ обѣщавъ дать имъ двѣ пушки съ припасами. Въ это время въ Крыму жилъ русскій гонецъ Айтмирровъ; толмачъ его, при встрѣчѣ съ Саратовцемъ, спросилъ его: „Для чего вы милостию государскую къ себѣ забыли и, оставя христіанство, какого добра у бурсурманъ себѣ ищете?“ — Саратовецъ отвѣчалъ: „А какъ намъ на Дону жить? старую вѣру нинѣ выводить, а держать новую и крестное сложеніе не такъ, какъ прежде бывало, и для той новой вѣры съ Дону у насъ къ Москвѣ забрали людей добрыхъ и заслуженныхъ, Кирья Матвѣева съ товарищи, и показили невѣдомо за что, и намъ на Дону поэтому жить нельзя. Увидишь мы и здѣшнюю татарскую правду, какъ они намъ все отдадутъ; а если Татары ничего добраго намъ не сдѣлаютъ, то мы знаемъ дорогу и на Донъ попрежнему, и надѣемся, что великіе государи принять насъ туда укажутъ“²⁾.

Какъ видно, раскольники были удовлетворены, потому что въ іюнѣ 1693 года Черноярскій воевода доносилъ Астраханскому, что 6 іюня прибѣжали безвѣстно сверху изъ стана воровскіе воинскіе люди, человѣкъ сотъ съ пять и болѣе, и къ городу приступали, и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время; а знатно съ тѣми ворами были раскольщики казаки. Астраханскій воевода отвѣчалъ Черноярскому: писалъ съ Дону атаманъ Фролъ Минаевъ, что вышли къ нимъ въ войско изъ-за Кубани два полонянника и сказали: воровскіе казаки раскольщики, которые живутъ за Кубанью, собираются идти, соединясь съ Крымскими и Едисанскими музумами, большимаъ собраниемъ, для воровства, подѣ Царипыньскую заставу къ Волгѣ рѣкѣ, на рыбныя ватаги и къ Черному Яру³⁾.

Съ сѣвера такъ же неотвѣтительныя вѣсти: въ мартѣ 1690 года, въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Черевковской волости сожглося болѣе сотни раскольниковъ, мужчинъ, женщинъ и младенцевъ. 21 іюля 1693 года пришли силою въ Пудожскій погостъ раскольники, незнаемые люди и жители того же погоста, вошли въ церковь, били вполночь въ церковные колокола, церковь у поночь отянули и за сѣли, самихъ поповъ били, дома ихъ разграбили

¹⁾ Донскія дѣла въ Моск. Арх. Мин. Им. Д.; Крымскій статейный списокъ, № 81.

²⁾ Акты Истор. V, № 220 и 221.

³⁾ Донскія дѣла въ Моск. Арх. Мин. Им. Д.

и разорили, а по сѣмѣ раскольниковъ было ста два и больше, между ними монахъ и много дячковъ, одинъ назывался Василемъ Емельяновымъ, котораго другіе называли учителемъ. Раскольники вѣззли на церковныя главы, и кресты на нихъ и внутри церкви иконы водою обмывали; при этомъ три женщины были будто виѣ ума, а какъ образумились, говорили, что въ церквахъ надобно дѣйствовать Василью Емельянову съ совѣтниками, а понаѣмъ отказать. По царскому указу, Олонецкіе воеводы послали на раскольниковъ сотника стрѣльцаго и подъячаго. Посланные, узнавъ, что раскольники засѣли въ деревнѣ Строкиной въ четырехъ избахъ, отравились съ понятными людьми ихъ уговаривать, чтобъ принесли покаяніе; но раскольники въ отвѣтъ говорили всякія богомерзкія слова, на церковь и на четвероконечный крестъ великую хулу износили; стрѣльцы обступили около дворовъ и хотѣли перехватить раскольниковъ живыми, но тѣ начали отстрѣливаться; стрѣльцы стали просѣкать стѣны, тогда раскольники зажгли избы и сгорѣли все безъ остатка. Въ Олонецкихъ мѣстахъ образовался знаменитый Выговскій монастырь, о началѣ котораго разсказывалъ крестьянинъ Терентій Артемьевъ, изъ Шуйскаго погоста Муозерской волости: „Приходилъ въ нашу деревню Екъ-наволокъ къ сестрѣ своей въ гости той же волости крестьянинъ Митрошка Терентьевъ и, призвавши меня, началъ подговаривать въ расколъ на лѣса за Онежское озеро. Я его послушалъ и съ нимъ въ расколъ пошелъ; да съ нами же шли прежніе его, Митрошкины, товарищи, и пришли мы пять человѣкъ въ Шуйскій погостъ, въ вотчину Тихвина монастыря, къ празднику, къ Благоушеньеу дню, и жили въ деревнѣ на Хомозерѣ двѣ недѣли для распутнаго времени. Жили мы у Митрошкиныхъ совѣтниковъ, и приходили къ Митрошкѣ на совѣтъ для расколу крестьяне Шуйскаго погоста, совѣтовались, чтобъ въ расколъ на лѣса ходитъ. Проживши здѣсь двѣ недѣли, прошли мы по льду чрезъ Онежское озеро на лыжахъ на берегъ въ пристанище судовное и пошли на лѣса къ востоку; а дорога учинена пѣшеходная, верхомъ на лошади для болотъ, дрябей и лѣсовъ проѣхать съ нуждою можно. У Благоушеньеу озера, у Митрошки построена келья, гдѣ съ Митрошкою живутъ раскольники человѣкъ съ десять изъ разныхъ мѣстъ. Отъ Митрошкиной кельи до Верхняго Выга рѣки дикими лѣсами, болотами и дряблями иѣшею дорогою 15 верстъ, а на лошадахъ проѣхать нельзя. Подлѣ той рѣки построено келій съ десять; живутъ въ нихъ начальникъ раскольническій, бѣглый соловецкій чернецъ Корнышка (Корнилий) съ товарищами и совѣтниками своими; ростомъ онъ, чернецъ, не великъ, сѣдаты и старъ; въ сборѣ у него раскольниковъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, мужескаго пола, женокъ, дѣвокъ и старицъ, человѣкъ со сто. Келья стоитъ подлѣ Выга рѣки врознь; между ними кельями разстоянія полверсты и больше; да на рѣкѣ противъ тѣхъ келій построена мельница; ружья никакого мелкаго и

припасовъ въ тѣхъ кельяхъ нѣтъ, а только у нихъ построены малыя хоромники на столбахъ и въ нихъ держать хлѣбъ, а пашутъ они безъ лошадей и землю размячуютъ желѣзными кокатами. При миѣ приходили къ чернецу изъ иныхъ келій на исповѣдь, и онъ ихъ исповѣдывалъ и причащалъ, а какъ онъ причастье строилъ, я видѣлъ: взявъ ягоды брусники и муку бѣлую ржаную или пшеничную смѣшавъ въ сѣсѣ и тѣмъ ихъ причащалъ. Будучи въ тѣхъ пристанищахъ на лѣсахъ, слышалъ я, что есть раскольническое пристанище на той же рѣкѣ Выгу выше; начальникъ въ немъ бывшій церковный дячекъ Данило Никулинъ, и съ нимъ въ сборѣ многое число, и безпрестанно множатся; келья у Данилы великая, и въ ней устроены окна, откуда отъ присильныхъ людей боронитесь; три пушки мѣдныя привезены отъ моря; нищалай, барышей и пороху много; покупаютъ оружія, выѣзжая по ярмаркамъ; хлѣбъ пашутъ на лошадахъ, рыбу ловятъ на дикихъ озерахъ“.

Кромѣ раскольниковъ, у Церкви были другіе враги, которые не бѣжали ни въ лѣса, ни въ степи, но открыто въ столицѣ объявляли свои взгляды, не подвѣргаясь въпрочемъ за нихъ ни заточенію, ни сожженію. Отъ описываемаго времени дошла до насъ любопытная проповѣдь, говоренная патріархомъ въ день Св. Алексія митрополита, передъ однимъ изъ походовъ на Турокъ. Вооружаясь противъ стараго порока, пьянства, проповѣдникъ вооружается и противъ новыхъ грѣховъ: „Нестолько прочіе въ году узаконенные посты, но и великую четьредесятицу многіе презираютъ. Мужчины, женщины, юные отроки и священнаго чина люди всегда упиваются; и виномъ, п табакомъ, и всякимъ питіемъ безъ сытости пьяны, и сѣдуютъ не только запрещенныя яствы, но рвеніемъ и завистію другъ друга сѣдуютъ, убиваютъ и грабятъ, неправдосудствуютъ и обижаютъ. Общя послслова неспсся: все то людямъ пзпять, отъ чего кто пьянъ. Мѣра во всемъ человѣка въ доброе дѣло будить, безмѣрно же не токмо вредный и скаредный табакъ, но и ренское вино губить. Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, гсворя безстыдно другъ другу: тогда-то и тогда я былъ пьянъ и церковное торжество въ праздникъ Господни проспалъ. Не только по пьянымъ и поучнымъ своимъ празникамъ, но повсюду люди неученые, въ церкви святой панихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ не знающіе и другихъ о томъ не спрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пьянокъ табакныхъ и злоглагольствъ лоторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ обьяорудили. Свратятся отъ стезей отцовъ своихъ, говоря: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить. Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя, или складъ словесный, и уже учить архіереувъ и священниковъ, монастыри править, людямъ всемъ тшится повелѣвать, устроить чины церковныя и гражданскіе. Еретники и раздорники говорятъ: на

что эти посвященія, памяти на усопшихъ душахъ, молебны Богу, Богородицѣ, угодникамъ Божиимъ¹⁾?

Призванные на занятія были прерваны соблазнительнымъ происшествіемъ. У старца Іоанникія былъ сынъ Николай, который носилъ въ Москвѣ княжескій титулъ, хотя болѣе былъ извѣстенъ подъ именемъ учителя сына. Этотъ Николай завелъ связь съ дочерью задворнаго коноха Марьею Селлифонтовою; онъ ее увезъ, одѣлъ въ мужское платье, привезъ въ школы, заперъ въ чуланѣ. Потомъ нанялъ ей квартиру, гдѣ держалъ подл. надзоромъ своего холопа и жены его. Наконецъ сталъ ей говорить, что, одѣвши ее въ мужское платье и убравши въ накладные волосы, будетъ водить ее въ школы, учить по-гречески, подл. именемъ своего племянника. Это предложеніе пришлось не по праву Марьѣ Селлифонтовой; особенно не понравилось ей, когда Николай объявилъ, что увезетъ въ Венецію, или выдастъ замужъ за одного своего родственника, и, въ случаѣ сопротивленія, грозилъ смертію. Марьѣ удалось склонить на свою сторону караулнаго ее холопа, чрезъ котораго она дала знать обо всемъ отцу своему. Отецъ послѣдилъ къ ней на помощь и „вынулъ ее съ стрѣльцами“, хотя прежде смотрѣлъ благосклонно на поведеніе дочери. Когда Марья рассказала все въ Разрядѣ, то отсюда послали въ школы взять Николая Лихудя и привести его для допросу. На Никольскую отправились разрядные подьячье и стрѣльцы. Подьячье поставили стрѣльцовъ у воротъ, а сами пошли для поѣстки къ учителямъ; взвѣсивъ Николая, они вели его по верхнимъ переходамъ, какъ вдругъ изъ школы выбѣжали старцы и ученики, схватили подьячаго, начали его бить и за волосы таскать; подьячій кликнулъ стрѣльцовъ, чтобы не подали; но и стрѣльцы на этотъ разъ не могли ничего сдѣлать; монахъ съ учениками гонялся за ними, бросалъ камнемъ, кричалъ: „Что вы приходите воровски!“ Наконецъ подьячихъ и стрѣльцовъ согнали съ переходовъ и ворота заперли. Такое поведеніе стариковъ Лихудовъ, разумѣется, не могло заставить правительство благосклонно смотрѣть на князя Николая, хотя онъ и клялся, что не имѣлъ намѣренія убѣжать въ Венецію, будучи облагодѣтельствованъ царями; что дѣвка Маняка особа, извѣстная своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, и вѣрить ей нечего. Лихудамъ, какъ видно, не понравилось послѣ этого въ Москвѣ, и въ августѣ 1694 года пограничннхъ воеводамъ были разосланы указы—ловить греческихъ монаховъ, братьевъ Іоанникія и Софронія и дѣтей послѣдняго, Николая и Анастасія, ушедшихъ изъ Москвы. Вѣглецы были пойманы. и понятно, что не могли остаться

¹⁾ Акты Ист. Р., № 223. Приказанія дѣла Моск. Арх. Мин. Ив. Д. означенныхъ годовъ; рукоп. Синод. библіот. № 261.

въ прежнемъ значеніи; ихъ сослали изъ академіи въ типографію, гдѣ они стали учить Италіанскому языку²⁾.

Отъ 1694 года дошла до насъ роспись боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтямъ, которымъ по именному указу учиться Италіанскому языку у учителей Грековъ—Іоанкія и Софронія Лихудевыхъ. Боярскія дѣти: князя Петра Ів. Хованскаго два сына, Ѳедора Петр. Салтыкова—два, Алексѣя Петр. Салтыкова—два, Ів. Ѳед. Волынскаго—два. Дѣти стольниковъ: князя Ѳед. Андр. Хилкова два сына, князя Ів. Мих. Черкаскаго—шесть сыновей, Сем. Алексѣев. Языкова—одинъ. Дѣтячи дѣти: Волкова одинъ сынъ, Кондратова—одинъ, Степанова—одинъ, Иванова—два, Верещагина—два, Полянскаго—одинъ, генеральнаго писаря Ів. Пехова—одинъ. Изъ дворянъ: Палицына—одинъ; уставщика—одинъ. Гостей и гостиной сотни—23 человекъ³⁾.

Новости, начавшія вводиться въ описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движеніе въ однихъ, распяляли воображеніе въ другихъ, и повели къ слѣдующему явленію. Въ апрѣлѣ 1694 года закричалъ мужикъ „караулъ“ и сказалъ за собою государеву слово, приведенъ въ Стрѣльцкій Приказъ, и въ разпросѣ сказалъ: сдѣлать онъ крылья, станеть летать какъ журавль. По указу в. государей сдѣлалъ онъ себѣ крылья, слюдяныя. стали 18 рублей изъ государственой казны. Въ назначенный день бояринъ князь Ів. Бор. Троекуровъ вышелъ смотрѣть, какъ полетитъ журавль; мужикъ надѣлъ крылья, перекрестился и началъ подымать мѣхи, но никакъ не могъ подняться: „Тяжелы сдѣлалъ крылья“, говорилъ онъ, билъ челомъ, чтобы ему сдѣлать другія крылья, стануть всего въ пять рублей. Но бояринъ раскручился и, въѣсто крыльевъ, учинено мужику наказаніе: бить батоги, снявъ рубашку, и деньги 18 рублей велѣно доправить на немъ, продавъ все имѣніе⁴⁾.

Вѣншія дѣятельность правительства въ описанные четыре года по сверженіи Софіи представляеть не много замѣчательнаго. Завѣдываніе иностранными дѣлами послѣ В. В. Ропцына принялъ на себя Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Онъ отличался важнымъ въ его положеніи качествомъ,—спокойнымъ безпристрастіемъ, но вовсе не отличался предприимчивостію; притомъ же неудачные походы въ Крымъ и холодность, даже враждебное расположеніе союзниковъ Поляковъ не могли дать больше охоты къ дѣятельному продолженію войны. А между тѣмъ въ Малороссіи и въ русскихъ областяхъ, находившихся подл. польскимъ владычествомъ, происходили любопытныя явленія.

10 августа 1689 года, когда Москва, вслѣдствіе удаленія царя Петра, была въ недоумѣніи и страхѣ, подѣзжалъ къ столицѣ. къ Калужскимъ

²⁾ Столбцы Приказнаго стола. № 2763.

³⁾ Книги Малорос. Приказа, № 69; Столбцы Московскаго стола № 1009.

⁴⁾ Записки Желябужскаго.

воротамъ, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа. По указу великихъ государей и великой государыни, къ нему на встрѣчу отпавился дьякъ Вобининъ съ каретою изъ царской конюшни. Мазепа, сѣвши въ карету, сказалъ: „Слава Господу Богу, что, по милости великихъ государей, благоволилъ Господь Богъ быть въ ихъ царскаго величества каретѣ. Какая это карета? — видно, что стародавняго нѣмецкаго дѣла.“ — „Въ этой каретѣ всегда вѣзжаютъ великие и полномочные послы иностранныхъ государей“, отвѣчалъ дьякъ. Потомъ гетманъ завелъ рѣчь о Крымскомъ походѣ, о побѣдѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ надъ Татарами: „Никогда еще такой побѣды надъ Крымцами и такого страха имъ не бывало, какъ теперь промысломъ ближняго боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и безкормными мѣстами и за другими препятствіями Перекопскаго вала и башенъ не разорено, такъ сдѣлать это было трудно. Читалъ онъ, гетманъ, хроникю, въ которой написано изменно: въ древнихъ лѣтахъ приходилъ на Крымъ Дарій, царь Персидскій, со множествомъ войска и хотѣлъ Крымъ взять и разорить, а въ то время Крымъ еще и не такъ былъ укрѣпленъ, — и за такими же безводными и безкормными мѣстами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не могъ, только войска своего подъ Крымомъ потерялъ съ 80,000, и съ великимъ стыдомъ насылу отъ Перекопи отступилъ, и впредь обѣщаніе положилъ — на Крымъ войною отнюдь не приходилъ. А нынѣ царскаго величества ратные люди бились съ Татарами подъ Перекопомъ мужественно и поганскихъ труповъ положили множество, а сами отведены въ дѣлосты“.

На встрѣчѣ во дворцѣ, Ивану Степановичу говорили длинную рѣчь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас. Голицына и его, гетмана, бусурманы нечаянно и никогда неслыханно отъ государскихъ ратей и жилищахъ своихъ поражены, и отъ страха сами своимъ жилищамъ явились разорители.

Дѣла пошли плохо для Софій и Голицына, Шапкловый былъ выданъ: всѣ стремились къ побѣдителямъ къ Троицѣ, похвѣталъ туда и гетманъ въ большомъ страхѣ за свои прежнія отношенія къ нашему правительству. Дѣйствительно, у Троицы были люди, которые совѣтовали отдѣлаться отъ голицынскаго кліента; но другіе думали иначе: до сихъ поръ гетманы смѣнялись только влѣдствіе явной измѣны или желанія самихъ Малоросіянъ. А если не смѣнять гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вотъ Мазепа былъ встрѣченъ и у Троицы также похвальною рѣчью за вѣрную и радѣтельную службу и за усердное въ воинскомъ дѣлѣ поученіе. Гетманъ, жалуясь на болѣзнь, отвѣчалъ короткою рѣчью, что общается служить великому государю до послѣдней капли крови. Мазепа, видя милостивый пріемъ, спѣшила разсѣять всякое подозрѣніе въ новомъ правительствѣ полнымъ разрывомъ съ старымъ:

доносилъ, что угрозы Леонгія Неплюева заставили его давать Голицыну богатые подарки деньгами и вещами, и потому былъ челомъ, чтобъ его вознаградили за это изъ имѣнія Голицына. Челобитые было принято, какъ знакъ полной приверженности къ новому правительству, и всѣ просьбы Мазепы были исполнены. Онъ пріѣзжалъ въ Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею всѣ прежнія права и вольности малороссійскія; грамота была дана. Мазепа также былъ челомъ: о прибавкѣ великороссійскихъ ратныхъ людей въ малороссійскіе города; о точной переписи казаковъ, чтобъ послѣ, смотря по обстоятельствамъ, нельзя было никому сказываться то казакомъ, то мужикомъ; о пополненіи охочихъ полковъ; о томъ, чтобъ великороссійскіе посланцы не смѣли требовать подводу безъ предъявленія царскихъ грамотъ; — на все послѣдовало согласіе. Гетманъ поставилъ на видъ, что необходимо ограничить винокуреніе, которое странно истребляетъ лѣса, влѣдствіе чего большинство жителей терять и еще болѣе будетъ терять вреда, тогда какъ очень немногіе обогащаются: государи указали гетману сдѣлать по своему разсмотрѣнію, остерегая однако накрѣпко, чтобъ посполитымъ людямъ не было никакой тягости и разоренія, потому что Малоросіянне пожалованы прежними ихъ правами и вольностями. Мазепа обѣщала совѣтоваться объ этомъ со старшиною. Слѣдовали частныя дѣла: гетманъ жаловался на бывшаго Переяславскаго полковника, Дмитрія Райчу, который постоянно бранить его заочно и безчестить при старшинѣ и полковникахъ; Мазепа объявилъ, что онъ будетъ жаловаться на Райчу на Рождественскомъ съѣздѣ старшинъ и полковникамъ. Наконецъ Мазепа выхлопоталъ царскій указъ, которымъ велѣно было стольнику князю Юрію Четвертинскому выѣхать изъ Москвы въ Малоросію. Четвертинскій, пріѣхавъ въ Малоросію, женился на дочери Самойловича и жилъ, по приказанію Мазепы, въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ хуторѣ Дунаевскомъ вмѣстѣ съ тещею.

Такимъ образомъ паденіе Софій и Голицына не нарушило добрыхъ отношеній гетмана къ правительству Русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказываться отъ надежды повредить гетману въ Москвѣ. Полна была готовымъ къ тому орудіемъ. Къ русскому резиденту въ Польшѣ, стольнику Волкову, 16 декабря 1689 г. пришелъ по знакомству шляхтичъ благочестивой вѣры, Подольскій, который при королѣ исправлялъ должность по косяваго (комнатнаго) дворянина. На этотъ разъ Подольскій принесть важныя вѣсти. Не дѣли съ три тому назадъ пріѣхалъ къ королю изъ Россіи черезъ Смоленскъ монахъ Соломонъ, который былъ съ образомъ Спаса въ Крымскомъ походѣ. Соломонъ привезъ къ королю письмо отъ гетмана Мазепы, написанное еще въ то время, какъ гетманъ пошелъ отъ Перекопи въ Ватурино. О чемъ писано въ письмѣ, Подольскій сказалъ, что не знаетъ, только подпись не гетманской руки, а пе-

чать гетманская большая. Король велѣлъ монаху жить близъ Жолквы въ монастырѣ, и не знаетъ, какъ отвѣчать на это письмо, ибо ему извѣстно, что пари къ гетману и ко всей старшинѣ благоволятъ. Волковъ отвѣчалъ, что Мазепа служить царямъ вѣрно; письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское, — составлено для того, чтобъ навести на гетмана царскую немилость; подлогъ ясенъ изъ того, что подписи не гетманской руки, а печать могли поддѣлать; король такимъ письмамъ вѣрить бы не изволялъ и приказалъ бы чернеца отослать въ Россію. Шляхтичъ замѣтилъ, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тѣмъ людямъ, которые писали письмо, придется плохо.

Въ то же время Волковъ узналъ, что пріѣхали къ королю изъ Запорожья полковники Лазука и Забіяка съ письмами отъ кошевого Гусака. Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое угнетеніе; запасовъ въ Сѣчѣ не пропускаютъ; за добычею ѣздитъ вицъ Дибпромъ нельзя, — опасно отъ Татаръ. Для этого они съ ханомъ Крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону и прислалъ указъ, какъ имъ съ русской стороны быть безопасными и держать ли миръ съ Крымскимъ ханомъ или воевать съ нимъ. Тотъ же шляхтичъ Подольскій говорилъ Волкову, что король Запорожцевъ въ подданство не приметъ, развѣ прикажетъ имъ что тайно. Досто вѣрно, что король имѣетъ дружбу съ Крымомъ и будетъ радъ всякой смутѣ между казаками городвыми и Запорожскими, потому что нынѣшній вѣчный миръ королю не прибыденъ и не потребенъ; королю жаль городовъ и земель, уступленныхъ царямъ. Подольскій объявилъ также, что король послалъ на Украину шляхтича Искрицкаго, неизвѣстно зачѣмъ, а дочь Искрицкаго за Миргородскимъ полковникомъ Аюстоленкомъ.

Волковъ при первомъ свиданіи съ короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ спросилъ у него, что значить этотъ пріѣздъ Запорожцевъ къ королю, Яблоновскій отвѣчалъ, что король никогда не нарушитъ мирнаго договора, не приметъ Запорожцы въ свое подданство; Запорожцы пріѣхали для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьи большой голодъ, вѣдѣнствіе непропуска къ туда запасовъ изъ Россіи; по вступленіи нѣсколькихъ Запорожцевъ въ службу королевскую договора не нарушаетъ.

24 декабря опять пришелъ къ Волкову Подольскій съ вѣстями: 22 числа король отпустилъ монаха Соломона на Украину, письма никакого съ нимъ не послалъ, а велѣлъ на словахъ привлекать гетмана къ себѣ, обнадѣживать его своею милостію и жалованьемъ. Подольскій подтвердилъ и о Запорожцахъ, что они дѣйствительно просятся въ оборону королевскую; король призываетъ къ себѣ Лазуку и Забіяку, послѣ чего при Дворѣ разгласилось, что король хочетъ принять вѣхъ Запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами; король

старается всякими мѣрами, чтобъ и городовыхъ казаковъ помутить и къ себѣ привести.

Въ началѣ 1690 года новыя вѣсти о непріязни польской. Лубенскій казакъ Мозыра ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Польшу и, возвратясь въ Батуринъ, рассказывалъ о своемъ разговорѣ съ гетманомъ Яблоновскимъ. Гетманъ, разспросивъ его, что дѣлается на Украинѣ, примолвилъ: „Мы знаемъ навѣрное, что взять въ Москву и съ старшиною гетманъ Мазепа и также сослать въ Сибирь, гдѣ и старый Самойленко. Видишь хитрость и лживость московскую: не хотаятъ они распространить вольность войска Запорожскаго, хотаятъ его ни на что свести, чего не дай Воже. Москва и насъ обманула: однако мы промышленемъ отплатить ей такимъ же способомъ“.

Въ мартѣ мѣсяцѣ монахъ Соломонъ возвратился изъ Украины въ Польшу, и, не доѣзжая полмили до Варшавы, въ селѣ Солкѣ, нанялъ студента писать письма отъ имени гетмана Мазепы, — одно къ королю, другое — къ гетману Яблоновскому. Въ обоихъ письмахъ говорилось, что снѣ, Мазепа, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ желаетъ быть въ подданствѣ у королевскаго величества; за работу студенту монахъ далъ два ефимки; имя гетманское написалъ самъ и запечаталъ поддѣльною печатью. Монахъ остался въ Солкѣ, а студентъ отправился въ Варшаву, гдѣ, пьянствуя съ товарищами въ корчмѣ, онъ расхвастался, какими способомъ заработалъ ефимки и, въ доказательство прочелъ черновыя письма, оставшіяся при немъ. Донесли королю: тотъ призвалъ къ себѣ студента, и студентъ рассказывалъ ему дѣло, какъ было. Черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Варшаву и самъ Соломонъ. — прямо къ королю, и подаетъ письма отъ гетмана Мазепы; но тутъ сейчасъ же очная ставка со студентомъ, который подаетъ и черновыя письма для окончательной улики. Соломонъ долженъ былъ новиниться, — повинился. что и прежде пріѣзжалъ также съ воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда не бывалъ. Король велѣлъ его послать въ нижній палаты дворца Яна-Казимира и держать за крѣпкимъ карауломъ; а студенту велѣлъ выдать два сукна и нѣсколько ефимковъ. Все это Волковъ провѣдалъ отъ вѣрныхъ людей, отъ православныхъ священниковъ, которые знакомы съ близкими королевскими людьми.

Этимъ однако дѣло не могло кончиться, потому что король, когда въ первый разъ получилъ гетманское письмо отъ Соломона и отослалъ послѣдняго съ утѣнымъ отвѣтомъ къ Мазепѣ, въ то же время поручилъ Львовскому епископу Юсифу Шумлянскому войти въ сношенія съ гетманомъ. Шумлянскій охотно принялъ порученіе, потому что въ отпаденіи Мазепы отъ Москвы увидалъ средство достигнуть завѣтной цѣли — Кіевской митрополіи. Онъ немедленно же отправилъ къ Мазепѣ довѣреннаго человека, шляхтича Доморацкаго съ такимъ письмомъ: „Молю вашу милость поскорѣ объявить, въ какія отношенія желаетъ вступить къ королю и рес-

публикѣ; теперь во время сейма самое удобное для тебя время отозваться со своимъ желательствомъ къ королевскому величеству чрезъ меня, желательнаго тебѣ, республикѣ и королю, слугу. Желаемъ одного: отпусти какъ можно скорѣе вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь дѣлать для короля и республики. Въ Божіе время работайте, и промышленяйте, какъ бы снять то иго съ вольной шеи своего народа. Когда увѣрится въ признани милости, — сейчасъ же начнемъ работать насчетъ обезпеченія, какое должны будутъ дать вашей милости король и республика“. Извѣстно Доморацкій объявилъ, чтобъ гетманъ поскорѣе отзывался со своимъ желательствомъ на сеймъ, который будутъ нарочно тянуть до того времени, пока получать этотъ отзывъ, и ему, Доморацкому, велѣно какъ можно скорѣе снѣсти, чтобъ непремѣнно возвратиться къ Свѣтлому Воскресенью по новому календарю. Другимъ полковникамъ, стоящимъ недалеко отъ границъ малороссійскихъ, дано приказаніе быть наготовѣ и, по первой объявкѣ гетмана, спѣшить безо всякой отговорки въ Малороссію. Если бы теперь гетманъ скорѣе отозвался съ желательною склонностію къ Польской державѣ, то епископъ Шумлянскій, одѣвшійся въ мірское купеческое платье, самъ прѣехалъ бы тайно въ Ватурино, чтобъ именемъ королевскимъ переговорить обо всемъ изъ устъ въ уста: о вольностяхъ и правахъ войсковыхъ и чести гетманской, какъ все это должно быть на будущее время.

Мазена стоялъ съ войскомъ въ Дубнахъ, когда получилъ это страшное посольство; онъ велѣлъ отдать Доморацкаго подъ караулъ, подвергнуть его пыткамъ, а письмо Шумлянскаго отправилъ немедленно въ Москву, куда вслѣдъ за тѣмъ присланъ былъ и Доморацкій, который былъ поставленъ предъ польскимъ резидентомъ Доминикомъ Довмонтомъ и повторилъ предъ нимъ, отъ кого и зачѣмъ былъ присланъ къ Мазенѣ. Резиденту дано было выразумѣть, какая съ королевской стороны явная противность: какъ теперь послѣ этого поступать, чему вѣрить, гдѣ обладѣваніе и обязательство союзное и правда?

Между тѣмъ въ мартѣ 1690 года въ Кіевѣ подкинуто было письмо на имя царей, въ которомъ говорилось: „Мы всѣ въ благочестіи живущіе въ сторонахъ польскихъ благочестивымъ монархамъ доносимъ и остерегаемъ, дабы наше приближеніе и оборона не была разорена отъ злого и прелестнаго Мазены, который прежде людей нашихъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) и Волынскихъ бусурманамъ продавалъ, изъ церквей Туркамъ серебро продавалъ, вывѣстъ съ образами; послѣ, отдавши господина своего въ вѣчное беззавѣе, имѣніе его забралъ и сестрѣ своей въ нашихъ краяхъ имѣнія покупилъ и покупаетъ: наконецъ, договоривши Голицына, прѣехалъ въ Москву, чтобъ васъ, благочестиваго царя Петра Алексѣевича, не только съ престола, но и со свѣта изгнать, и брата твоего Іоанна Алексѣевича покинуть въ забвеніи. Другіе осуждены, а Мазену, источникъ и начатокъ вашей

царской пагубы, до сихъ поръ въ держите на такомъ мѣстѣ, на которомъ, если перваго своего намѣренія не исполнитъ, то отдастъ Малороссію въ польскую сторону. Одни погублены, другіе поразсыланы, а ему дали понововку, и онъ ждетъ, какъ бы свой злой умыселъ втайнѣ совершилъ. И Шумлянскій нашъ унаитъ, а на дѣлѣ Римлянинъ — поддаетъ Московскому патриарху нарочно, чтобъ тамъ имѣлъ съ Мазеною могъ удобнѣе ковать пагубу престолу вашему царскому“.

Кіевскій воевода князь Михаѣла Ромадановскій переслалъ письмо въ Москву, откуда немедленно отправился въ Ватурино подъячій Михайловъ, который долженъ былъ отдать письмо гетману, увѣрить его въ милости царской и спросить: „Какъ онъ, гетманъ Иванъ Степановичъ, рассуждаетъ, въ польской ли сторонѣ это письмо писано, и какое онъ въ Польнѣ имѣетъ подозрѣніе. Или подозрѣваетъ онъ кого-нибудь изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ жителей? — не изъ Запорожья ли? Написаны такіа дѣла, о которыхъ въ Польнѣ и Литвѣ кажется и знать нельзя. Подумалъ бы гетманъ, какъ объ этомъ письмѣ разыскать“.

Принявъ письмо у посланнаго, Мазена пять разъ поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потомъ прочелъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, взглянулъ на образъ Богородицы, прослезился и сказалъ, воздѣвъ руки къ образу: „Ты, Пресвятая Богородица, надежда мол, зриши на убогую и грѣшную мою душу, какъ денно, такъ и ночью непрестанно имѣю попеченіе, чтобъ помазанникамъ Божиимъ до кончины живота своего услужить, за ихъ государское здравіе кровь свою излить; а враги мои не спятъ, — шчутъ, чѣмъ бы могли меня погубить“.

Насчетъ составителя письма гетманъ писалъ государямъ: „Не могу я вполне малымъ моимъ умомъ понять, отъ кого бы именно произошло это лукавое, плелельное и злоумышленное письмо. Подозрѣваю я Михайлу Гадяцкаго, который недавно еще обнаружилъ ко мнѣ неприязнь, старался навести на меня гнѣвъ царскій и домогался самъ быть гетманомъ, и при бывшемъ гетманѣ насквилъ на меня подкинулъ, будто я отравилъ гетманскаго сына Семена и дочь его, боярыню Шереметеву, а на самого гетмана напустилъ болѣзнь глазную, да, и въ Москвѣ живучи, писалъ на меня насквилъ. Неисцѣлимую онъ имѣетъ болѣзнь разсылать всюду письма — и на Запорожье, и на Донъ, и въ Бѣлую Церковь, и въ Крымъ. Отъ полковничества Гадяцкаго онъ отставленъ, но ревность къ исканію славы и чести никогда въ немъ не угаснетъ. Нокорно прощу перевести его изъ села, въ которомъ онъ живетъ въ Лебединскомъ уѣздѣ въ близости къ Малой Россіи, на другое какое нибудь мѣсто. Да и то смѣю покорно довести: кто это письмо писалъ, тотъ долженъ знать и о чернецѣ Соломонѣ, котораго какой-то врагъ мой отправилъ въ Польшу съ воровскими письмами будто отъ моего имени, потому что въ нынѣшнемъ воровскомъ

письмѣ написано, будто Шумлянский во всемъ со мною соглашается; къ этому Шумлянскому и Соломонъ въ Польшѣ имѣлъ прибѣжище; еслибъ этотъ врагъ не надѣялся, что по наущенію Соломона Шумлянский будетъ ко мнѣ писать, то для чего ему въ своемъ пасквилѣ помянуть о Шумлянскомъ?"

Въ разговорѣ съ Михайловымъ Мазена сказалъ, что вмѣстѣ съ Галяцкимъ онъ подозрѣваетъ Райчу и Полуботка; въ письмѣ есть выраженіе: „Для милосердія Божія“,—это выраженіе употребляетъ всегда Райча въ письмахъ, а Полуботокъ Галяцкому свой и съ Райчею друзья. „Непріятности мнѣ большія еще оттого“, прибавилъ Мазена, „что живетъ въ Малороссіи сынъ митрополитчій, зять Самойловича, князь Юрій Четвертинскій, безпрестанно разсѣваетъ онъ въ народѣ злыя слова, что быть Самойловичу опять гетманомъ; недавно батуринскому попу Василью говорилъ, что гдѣ прежде была вода, тамъ и опять будетъ; къ тестю моему царская милость есть, будетъ здѣсь попржекну, увидишь, что его злодѣямъ будетъ!“ Мазена просилъ, чтобъ перевести Четвертинскаго съ женою въ Москву, а тестю его отослать къ мужу; князь Юрій стольникъ, и въ этомъ чинѣ ему далеко отъ Москвы быть не годятся. Когда на прощаніи Михайловъ потребовалъ у Мазены назадъ подметное письмо для храненія въ Посольскомъ Приказѣ, то гетманъ перемѣнился въ лицѣ и, выславъ всѣхъ вонъ изъ хоромины, сказалъ: „Сперва я милостію царскою былъ обрадованъ, а теперь во сто разъ больше опечаленъ: думаю, что этому письму великіе государи изволили повѣрять и о голови моей будутъ мыслить.“ Тщетно Михайловъ увѣрялъ гетмана въ противномъ, говорилъ, что письму нужно въ Москвѣ для розыска о злодѣѣ, кто его сложилъ,—Мазена никакъ не согласился отдать письмо, и при этомъ сказалъ писарю Кочубею: „Еще мнѣ за сердце шепалъ влѣзла—просятъ письмо назадъ“

Просьба Мазены была исполнена: Михайлу Галяцкаго велѣно взять изъ Лебединскаго уѣзда въ Москву; туда же велѣно выслать князя Юрія Четвертинскаго съ женою и тещею; Леонтія Полуботка отставить отъ Черяславскаго полковничества.

Но Мазена этимъ не удовольствовался относительно Галяцкаго и Полуботка; онъ писалъ царю, что послѣ слѣсны Полуботка новый Полтавскій полковникъ Лысенко и болѣе ста полтавскихъ жителей били челомъ на Полуботка во многихъ обидѣхъ, разореніяхъ и ругательствахъ, и что необходимо казнить его за это смертію, иначе народъ Малороссійскій вознегодуетъ на гетмана, старшину и полковниковъ, что такимъ мучителямъ потакаютъ.—Полуботокъ, посяхавъ бѣду, бросился въ Москву, но отсюда его снова переслали въ Малороссію для суда по войсковому праву. Мазена далъ знать въ Москву, что Полуботокъ, будучи въ Киевѣ, клеветалъ на него тамошнему коведѣ, князю Михайлѣ Ромодановскому, что онъ, Мазена, хочетъ

змѣнить, уѣхать въ Польшу; туда посылаетъ войсковую казну, покупаетъ себѣ имѣнія и переписывается съ короннымъ гетманомъ. Воеводѣ сейчасъ запросъ изъ Москвы: правда ли это? Ромодановскій отвѣчалъ, что ничего этого Полуботокъ ему не говорилъ, говорилъ только, что Мазена къ нему не добръ, шестъ ему въ каго разоренія, и нынѣшняя бѣда стала ему отъ гетмана, а самъ-то онъ хорошъ!—посылаетъ въ Польшу къ сестрѣ своей чрезъ монахиню Липлицкую, которая живетъ у матери его въ Киевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, много денегъ и покупалъ тамъ сестрѣ своей имѣнія, и вообще Полуботокъ бранилъ Мазену всячески. Когда сказка Ромодановскаго была отправлена къ Мазенѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ, „по своему простодушному незлобію“, уже отпустилъ Полуботка въ домъ его въ Черниговъ на житье, причемъ Полуботокъ прислалъ ему письмо съ страшными клятвами, что никогда ничего не говорилъ такого, о чемъ писалъ Ромодановскій.

Вырваживши изъ Малороссіи Галяцкаго, Четвертинскаго, Мазена въ то же самое время хлопоталъ о переводѣ въ русское подданство челоуѣка, который потомъ оказался злымъ врагомъ его, и котораго имя въ народныхъ преданіяхъ тѣсно соединилось съ его именемъ. Казакъ Семень Палѣй, родомъ изъ Борзны, вышелъ сначала на Запорожье, а оттуда съ нѣсколькими товарищами вступилъ въ службу королевскую, прибралъ себѣ выходцевъ изъ Молдавіи и Подіѣстровья, и засѣлъ съ ними въ городѣ Хвастовѣ. Еще въ 1688—1689 годахъ присылалъ онъ къ Мазенѣ съ просьбою, чтобъ великіе государи приняли его со всѣми войсковыми и жилыми хвастовскими людьми подъ свою державу, потому что Поляки ищутъ его смерти. На донесеніе объ этомъ гетмана изъ Москвы отвѣчали, что, влѣдствіе договора съ Польшею, явно нельзя принять Палѣя, но пусть онъ со всѣми людьми идетъ сначала въ Запорожскую Сѣчь и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть переходитъ въ малороссійскіе города. Провѣдали ли Поляки о желаніи Палѣя перейти на русскую сторону, или по какимъ другимъ причинамъ, только онъ схватили его и посадили въ тюрьму въ Немровѣ, а потомъ перевели въ Каменный городокъ и держали цѣлую зиму. Пользуясь этимъ, въ Хвастовѣ явились двое ксендзовъ униатовъ и объявили намѣреніе обратить православную церковь, построенную Палѣемъ, въ униатскую; но казаки, несмотря на отсутствіе полковника, отстояли свою церковь. Весною Палѣй успѣлъ уйти изъ заключенія, пришелъ въ Хвастовъ и прежде всего началъ высылать вонъ изъ города ксендзовъ; тѣ не послушались, твердили, что надобно обратитъ церковь въ униатскую, и стали браниться съ Палѣемъ: тотъ разсердился, и, поговоря съ казаками, велѣлъ отрубить головы ксендзамъ. Постъ этого Палѣй, раззубится, еще усердѣе началъ просить Мазену о переводѣ своемъ въ русское подданство, указывая на запустѣлый городъ Триполье въ парской сторонѣ, куда бы ему хотѣлось

переселиться со всѣми людьми, а на Запорожьѣ нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дѣти и скотъ, да и Полякамъ жаловаться не на что, потому что Валахи, которыхъ онъ прибралъ, люди вольные. Опираясь на это, Мазепа просилъ государей позволить Палѣю перейти въ Триполье, гдѣ онъ пригодится для обороны Кіева и Малороссіи. Изъ Москвы вторично отвѣчали (въ апрѣлѣ 1690 г.), что нельзя принять Палѣя безъ нарушенія мирнаго договора, пусть сначала идетъ на Запорожьѣ. Палѣй остался въ королевской сторонѣ, но не долго нажилъ въ покоѣ. Въ 1691 году онъ ходилъ промышлять надъ Турками подъ Бѣлгородъ (Акерманъ); возвращаясь съ набѣга, подъ Цоволочью онъ встрѣтилъ польскій отрядъ, высланный Хелмскимъ каштеляномъ Яномъ Друшкевичемъ схватить его; Палѣй пошелъ на неприятелей; но эти неприятели были Русскіе люди; они не захотѣли, въ угоду Поляку, сражаться со своими, убили начальствовавшего ими полковника Апостолюца и передались Палѣю. Послѣ этого Хвостовскій полковникъ, чѣлуду икону, объявилъ Мазепинцу посланду, что онъ уже никакъ не хочетъ оставаться больше въ Польской державѣ, потому что Поляки дали ему себя знать; Татары уже трижды присылали къ нему звать его на свою сторону; но онъ, кромѣ царскаго величества, нигуда не мыслить. Мазепа писалъ къ Льву Кирилловичу Нарышкину, что Палѣя надобно монархескою милостію обнадѣжить и жалованьемъ потѣшить, а онъ чловѣкъ явственно рыцарскій и воинскихъ людей у него три тысячи. Ему отвѣчали: Палѣя не принимать; но, чтобы не отпустить его къ Татарамъ, царскія величества тайнымъ обычаемъ посылаютъ ему бархагу добраго десяти аршинъ, два сорока соболей по 80 рублей сорокъ.

Въ Россіи остерегались нарушить договоръ съ Польшею; но въ Польшѣ не остерегались заводить смуту въ Малороссіи, не остерегались и явно сносятся съ Крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ. Въ Вѣнѣ такъ же мало думали о союзницѣ Россіи, только въ Варшавѣ австрійскій резидентъ не упускалъ случая внушать русскому резиденту, что царямъ нельзя ждать ничего добраго отъ Поляковъ. Это заставило и Русское правительство войти въ сношенія съ Крымомъ, сначала посредствомъ Мазепы, который отъ себя послалъ сказать хану Саададъ-Гирею, что если онъ хочетъ мира, то пусть отправляетъ пословъ въ Москву. Саадатъ прислалъ гонца съ объявленіемъ, что желаетъ мира на прежнихъ условіяхъ. Но въ Москвѣ и начали войну именно для того, чтобы избавиться отъ этихъ прежнихъ условій, избавиться отъ послышки разбѣнной казны, попросту—дали. Въ началѣ 1692 г. въ Крымъ поѣхалъ гонецъ, подъячій Айтемировъ, съ требованіемъ уничтоженія этого условія со стороны Крыма и возвращеніемъ Св. мѣстъ Грекамъ со стороны Турціи. Ближніе люди новаго хана Сафатъ-Гирея, который смѣнилъ Саадата, спросили Айтемирова: „Гробъ Божій когда и кому отдашь?— въ мирное ли время у Московскаго государства

съ Турскимъ, или послѣ разрыва?“ Айтемировъ отвѣчалъ, что Гробъ Господень года съ два какъ отдали французскимъ монахамъ. „Какъ же“, возразили Татары, „отнять у Французовъ за то, что Французскій король подалъ помощь султану противъ Цесаря? Взять у Французовъ и отдать Грекамъ, а Французы на Турку будутъ воевать: тогда Москва Турскому султану поможетъ ли? Прежде никогда съ московскою стороною въ договорѣ о Гробѣ Господнѣ не бывало; а теперь начато объ этомъ вновь, не вѣдомо для чего“. Айтемировъ отвѣчалъ, что прежде объ этомъ никогда не говорилось, потому что Св. мѣста были изстари за Греками.

Но Татарамъ гораздо ближе къ сердцу были другія статьи: статья о возвращеніи плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ безъ выкупа и статья объ уничтоженіи присылки разбѣнной казны. „У насъ въ Крыму“, говорили Татары, „московскаго и казацкаго народа сто тысячъ чловѣкъ и больше, а въ Москвѣ нашего полуноу тысячи двѣ или три: какъ же освободить безъ выкупа?“ Но больше всего вооружились они противъ статьи о разбѣнной казнѣ: „Для чего великіе государи изволили разбѣнную казну отставить? Кто имъ такъ придумалъ? потому что они государи великіе, и разумныхъ бояръ при себѣ имѣютъ многихъ, которые крымскія дѣла знаютъ изстари. Годовую разбѣнную казну отставляютъ они напрасно, потому что великіе государи отъ этого ужъ не разоряются, а прежніе ханы, также наши дѣды и отцы государскимъ жалованьемъ довольствовались; а нынѣшній ханъ чѣмъ хуже прежнихъ хановъ и мы чѣмъ хуже прежнихъ ближнихъ людей? Мы знаемъ, что и прежде вся недружба съ Москвою ставалась изъ-за казны: когда, бывало, я не приплотъ, Татары и пойдутъ на Русь воевать. А нынѣшній ханъ и весь Крымскій юртъ Москвы не боятся,—и къ миру и къ бою готовы, потому что если Москва и пойдетъ воевать на Крымъ, то взять нечего: у каждого Татарина только и пожитки— два коня да трепья душа. За казну станутъ юртомъ, и дружбы никогда не будетъ, потому что вы хотите казну оставить вовсе“. Айтемировъ подлил масла въ огонь, замѣтивъ: „Можно съ обѣихъ сторонъ пересылаться помпиками“.— „Прежніе ханы къ Московскимъ государямъ никогда ничего не посылали, и нынѣшній ханъ ничего не пошлетъ“, отвѣчали Татары.

Переговоры прекратились, потому что Татары были обрадованы сильною смутю въ Малороссіи, откуда пригласили ихъ выѣсть съ казаками воевать Москву.

Первымъ лицомъ послѣ гетмана въ Малороссіи былъ генеральный писарь Василій Кочубей. Кочубей былъ сначала канцеляристомъ у Дорошенка. Въ 1675 году онъ былъ отправленъ гетманомъ въ Турцію, но на возвратномъ пути, недалеко отъ Умани, челядникъ его, покрывши визрвы грамоты и другія бумаги, убѣжалъ неизвѣстно куда; Кочубей, боясь возвратиться въ Чигиринъ съ пустыми руками, прямо изъ Умани переѣхалъ къ Самоило-

вичу и здѣсь поднялся до званія генеральнаго писаря. Въ описываемое время канцеляристъ Петрикъ, женатый на племянницѣ Кочубея, ушелъ на Запорожье, покравши важныя бумаги изъ канцеляріи. Первымъ дѣломъ Петрика, по приѣздѣ въ Сѣчь, было разгласити о сношеніяхъ Мазепы съ Крымомъ по приказу изъ Москвы; потомъ сталъ разглашать, что Мазена согласился съ Москвою—хотятъ всю Сѣчь разорить и казаковъ порубить. Велѣдствіе этого, когда, весною 1691 года, приѣхалъ въ Запорожье стольникъ Чубаровъ, привезъ царское жалованье, 500 червонныхъ, соболи, сукна, то одинъ изъ куренныхъ атамановъ закричалъ: „Это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше; такіе соболи мы и прежде видали!“ Взняши соболи, онъ бросилъ ихъ на землю и сказалъ: „Пришли къ намъ Москаля, велѣятъ намъ съ Турками воевать, а сами мирятся“. Другіе казаки кричали: „Если такъ, то надобно старшихъ Москалей побить или въ Чертомлычъ посадить, остальныхъ же отдать въ городки. Соболи присланы только четвертымъ, а надобно прислать намъ вѣзмъ, какъ Донскимъ казакамъ присылаютъ. Велико жалованье: — прислали 500 золотыхъ червонныхъ! — намъ надобно присылать по 5,000“. Въ Переволочнѣ находился у Мазепы дозорцею преданный ему человекъ Рутковскій, который доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось вокругъ. 22 февраля 1692 года Рутковскій писалъ гетману: „Захаръ, сынъ полтавскаго протопопа Луки, вмѣстѣ съ полтавскимъ жителемъ, Иваномъ Герасименкомъ, возвратясь изъ Перекопи, гдѣ покупали лошадей, рассказывали слово-въ-слово разговоръ свой съ казыкерменскимъ писаремъ Шабаномъ. „Знаете ли вы, господа Полтавцы,“ спросилъ Шабанъ, „каковъ человекъ у васъ Кочубей?“ Тѣ отвѣчали: „Не знаемъ, только слышали, что писарь генеральный“. — „Знаю я, что писарь,“ продолжалъ Шабанъ, „писарь-то онъ писарь, да гетманомъ хочеть быть, и уже дважды писалъ въ Крымъ, призывая Орду, чтобъ пришла поставить его гетманомъ. Дѣло и сдѣлалось бы, да хана не было. Онъ, Кочубей, и канцеляриста Петрика прислалъ въ Сѣчу“. Тотъ же Захаръ клялся и божился Рутковскому, что Петрикъ говорилъ ему тайно: „Знаю, что гетманъ не будетъ живъ отъ моего нана писаря; писарь хотѣлъ, усмотря время, его заколотъ, и я жду каждый день о томъ вѣдомости“. Мазена передалъ эти извѣстія въ Москву и прибавилъ отъ себя, что смотритъ зорко за Кочубеемъ, и если тотъ дѣйствительно что-нибудь замышляетъ, то опитнеть немедленно къ государямъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1692 года замыселъ Петрика обнаружился. Онъ вдругъ скрылся изъ Запорожья и очутился у Турокъ въ Казыкермени. Отсюда онъ прислалъ въ Сѣчь грамоту, которую читали на радѣ: Петрикъ благодарилъ Запорожцевъ за-хѣбъ, за-солъ и за писарство, которымъ онъ у нихъ занимался; просилъ прошенія, что безъ войсковаго вѣдома ушелъ изъ Сѣчи. „Часто многимъ изъ васъ

говорилъ я, писалъ Петрикъ, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ Малороссійскій край и до какого приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; я говорилъ, чтобъ промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско Запорожское и за весь Малороссійскій народъ, для чего вышелъ въ государство Крымское. Когда предки наши жили съ этимъ государствомъ въ союзѣ, то никто намъ не смѣялся, и теперь всѣ вы, добрые молодцы, будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ“. Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединеніе съ Крымцами и на походъ подъ государены украинныя города; по большаю повинна войска закричала: „А мы съ Крымцами и Петрикомъ войною на украинныя города пойдемъ“. По Украинѣ пошли слухи, что Петрикъ поднимаетъ Орду и хочеть искоренить арендаторовъ, пановъ и всѣхъ богачей. Сво е о л ѣ н и к и начали къ нему собираться Рутковскій давалъ знать, что Петрикъ говоритъ въ Казыкермени: „Стану промышленити и сдѣлаю лучше, чѣмъ Хмельницкій; гетманъ Мазена прислалъ за мною, чтобъ меня выдалъ, а я теперь самъ къ нему поѣду“.

6-го мая Петрикъ послалъ на Запорожье грамоту, въ которой извѣщалъ, что заключилъ съ ханомъ договоръ: войску Запорожскому на Днѣпрѣ и по вѣзмъ рѣчкамъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра вольно безо всякихъ податей добывать рыбу, звѣря и соль; Чигиринская сторона, какъ была завоевана Хмельницкимъ у Ляховъ, будетъ подъ властію войска Запорожскаго. „Кто хочеть, писалъ Петрикъ, добывая себѣ рыбу, соль, звѣря; а кто хочеть добычи московской. — пусть идетъ съ нами. потому что мы скоро съ войскомъ Запорожскимъ и ордами пойдемъ отбирать у Москвы свою Украину“. Рутковскій давалъ знать Мазепѣ: „Непремѣнно надобно городове своевольство удержатъ, чтобъ туда не тѣснились, потому что не только полемъ, но и рѣкою начали бѣгать: по пяти, по шести человекъ въ лигѣ плывуть“.

Изъ Запорожья давали знать, что лучшіе казаки о Петрушкинѣ воровствѣ имѣютъ великую печаль, но пьяницы и голытьба говорятъ между собою: „Пойдемъ съ Петрушкою арендаторовъ бить!“ Къ счастью, взяли верхъ лучшіе казаки; они были недовольны конешнымъ Оелькою, и закричали на радѣ, чтобъ оставилъ чинъ, въ которомъ не умѣеть исправляться. Оелька сначала не хотѣлъ-было оставлять урядъ; но когда бросились за полѣпильми, то оставилъ, и на его мѣсто выкрикнули Гусака, который сказалъ: „Теперь свѣтъ зажженъ, а вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я его гасилъ: кто то дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ“; но дѣлать нечего, принялъ должность. Новый кошевой, получивъ увѣщательную грамоту отъ Мазепы, отвѣчалъ ему: „У войска Запорожскаго злого умысла нѣтъ, и знагъ о немъ не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тогъ.

кто Бога Единого въ Троицѣ не знаетъ. Правда, и Хмельницкій былъ въ союзѣ съ Татарами, но потому поддался пресѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украинѣ не было; а нынѣ видимъ, что бѣднымъ людямъ въ полкахъ великія утѣшенія чинятся. Ваша вельможность правду пишетъ, что при Ляхахъ великія утѣшенія войсковымъ вольностямъ были, за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ изъ подданствѣ могъ высвободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при Ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ,—и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно пли дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, такому можно и подданныхъ имѣть, никому не досадно; такъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало; а какъ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, и они держать и не знаютъ, что съ бѣдными подданными своими дѣлать. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ“.

Мазепа отправилъ въ Сѣчь казака Горбаченка съ подарками кошевому, судѣ, писарю, есаулу. Гусакъ взялъ Горбаченка къ себѣ въ чуланъ и говорилъ: „Пусть благодѣтель господинъ гетманъ ни въ чемъ не сомнѣвается, потому что я его милости во всемъ желателенъ; скажи отъ меня господину гетману: если не отсѣчетъ голову тронимъ тамошнимъ—первому Подуботку, другому Михайлѣ (Гадяцкому?), третьему, что всегда при немъ живетъ (Кочубей?),—самъ додумается кто,—то никогда ему не будетъ покоя въ гетманствѣ, да и добра не будетъ на Украинѣ. Чтoby гетманъ не думалъ, будто все отъ нашего войска Низоваго бунты начинались, или отъ тѣхъ, которые изъ городовъ призошли на добычу; въ Лубенскомъ полку не хотятъ аренды и бунтуютъ, съ Петрикомъ хотятъ идти; Гадячане и Полтавцы говорятъ: много гетманъ старость въ городахъ и по селамъ поставилъ, и также бунтуютъ, Петрика дожидаются“. Кошевой просилъ гетмана приготовить войско, тысячъ пятнадцать для промысла надъ Петрикомъ; обѣщалъ приманитъ его въ Сѣчь и схватить: въ заключеніе просилъ гетмана, чтобъ Москва милостивѣе обходилась съ Малороссіянами, потому что прїѣзжіе изъ городовъ жалуются на Москалей, которые въ городахъ живутъ: людей бьютъ, крадутъ, насильствомъ отнимаютъ, дѣтей малыхъ крадутъ и увозить въ Москву.

Горбаченко привезъ договоръ, заключенный Петромъ Ивановичемъ (Петрикомъ) съ ханомъ: княжество Кіевское и Черниговское со всемъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ остается удѣльнымъ при всякихъ своихъ вольностяхъ; Крымъ обязанъ его защищать отъ

Лиховъ, отъ Москвы и отъ всѣхъ непріятелей; Чигиринская сторона будетъ подъ властію княжества Малороссійскаго, полки Харьковскій и Рыбинскій будутъ переведены на Чигиринскую сторону; чтобъ Крымцамъ были отворены Муравскіе шляхи для походовъ на Москву; добыча московская будетъ воздаемъ Крымцамъ за настоящую ихъ помощь народу Малороссійскому; когда княжеству Малороссійскому дастъ Богъ полное господство, то оно вольно установить у себя порядокъ, какой захочетъ; въ Крыму будетъ резидентъ малороссійскій, въ Малороссіи—крымскій.

На Запорожье Петрикъ опять прислалъ длинное письмо, угваривая добрыхъ молодцовъ соединиться съ ханомъ: „Будучи у васъ въ Сѣчи, не разъ я говорилъ вамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ Малороссійскій край и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ живемъ: какъ львы лютые, пасти свои разинувъ, хотягъ насъ проглотить, т.-е. учинить своими невольниками. Недвиго, что поступаетъ такъ король Польскій, потому что издавна мы были его подданные, и, за Вожею помощію, выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ отпавиться. Ханъ Крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему на полѣ и на водѣ чинимъ бѣду. Но удивительно, что Московскіе цари, которые не чрезъ мечъ нами завладѣли, перевели нашъ край Чигиринскій на Задыпрскую сторону, обездрили нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и, откула бы ни пришелъ непріятель, наши города и села горятъ, нашихъ людей въ неволю ведутъ, а Москва за нами какъ за стѣной дѣла. и, всѣмъ этимъ не довольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопами и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ, Многогрѣшнаго и Поповича, которые за насъ стояли, забрали совсемъ въ неволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданство; но Богъ ихъ не помогъ: не могли разорить Крымъ и осадить своими людьми казакерменскіе города, а потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могли исполнить этого, позволили выпѣшнему гетману пораздавать старшинѣ маестности, а старшина, подѣлывшійся нашею братьею, позаписывалъ себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность, и только-что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и новорачиваютъ, точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшинамъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошались и въ замыслахъ ихъ имя не противились; когда наши люди отъ такихъ тяжестей замузничаютъ, то Москва Дибиръ и Самару осадитъ своими городами. Король Польскій, имѣя досаду на царей Московскихъ за то, что не воевали Крымъ, хотѣлъ съ ордами плыти на Москву, но прежде отобратъ въ свое подданство нашу Украину. Если бы это ему удалось, то хорошо ли бы намъ было? Самъ вы подлинно знаете, что дѣлалось при Чарнец-

комъ и при другихъ панахъ ляцкахъ, которые приходили съ войсками на нашу Украину, какъ она насъ мучили:—не бывали ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ; не принуждены ли были казацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить; не поливали ли Яхя людей напихъ водою на морозѣ; не сыпали ли огонь за голенища; не отнимали ли солдаты имѣнія? Яхя этого не забыли, и теперь еще готовы то же самое надъ нами дѣлать. А если бы Московскіе цари заключили миръ съ Крымскимъ ханомъ, то также взяли бы насъ въ вѣчную неволю, какъ подштанную птицу. Если бы король Польскій или цари Московскіе съ Крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому бы намъ было приклониться, кто бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Много я объ этомъ съ вами говорилъ; но такъ какъ никто изъ васъ за своихъ людей стоять не захотѣлъ, то я взялся за это дѣло. Сами, разумныя головы, разсудите, лучше ли быть въ неволѣ или на волѣ; лучше ли быть чужимъ слугою или себѣ господиномъ; лучше ли быть у Москаля или Поляка невольникомъ мужикомъ или вольнымъ казакомъ. Когда Богданъ Хмельницкій съ войскомъ Запорожскимъ и ордами изъ-подъ ляпкаго подданства выбился, то не добро ли нашей Украинѣ дѣлалось: развѣ не было тогда у казаковъ золота, серебра, суконъ добрыхъ и коней и разной скотины стадами; а когда стали мы холопями Русскихъ царей, то запустѣла наша Чигиринская сторона, и перегнали насъ на сю сторону Днѣпра; ни у кого не только имѣнія.—и лантей не стало: большая часть нашей браты очутилась въ московскихъ городахъ поневолѣ, и каждый годъ берутъ ихъ тамъ Татары въ полонъ. Объявляю вамъ милостиво и то, что господинъ гетманъ, по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ: какъ только мы къ Самарѣ приблизимся, то они всѣ отъ Москвы отстанутъ и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать въ Москву: этого человѣкъ гетманскій и теперь при мнѣ находится, и я вамъ его покажу. Поэтому будьте во всемъ надежны и безопасны, идите съ нами“.

Въ началѣ іюля Татары, подъ начальствомъ Калга-султана, явились у Каменнаго Затона; Петрикъ былъ съ ними. Какъ скоро узнали объ этомъ въ Сѣчи, нѣсколько куренныхъ атамановъ и бывший кошевой Григорій Сагайдачный отправились на свиданіе къ Калгѣ. Петрикъ говорилъ ему, что у него есть писма и отъ гетмана, только онъ имъ ихъ не покажетъ, развѣ пріѣдетъ самъ атаманъ кошевой. Кошевой съ куренными атаманами и товариществомъ въ числѣ 800 человѣкъ отравились на свиданіе. Кошевой сталъ требовать у Петрика гетманскихъ писемъ; Петрикъ отговаривался: „Не подобно требовать отъ меня писемъ, вѣрьте словамъ моимъ“. Но кошевой не отставалъ: „Покажи писма или присягни, что они у тебя есть“. Тогда Петрикъ объявлялъ прямо, что никакихъ писемъ у него нѣтъ и никто его на это дѣло не паговаривалъ, заклю-

чилъ онъ за все войско Запорожское договоры съ ханомъ своимъ разумомъ, сжалившись надъ притѣсненнымъ Малороссійскимъ простымъ народомъ. Калга сталъ требовать, чтобы атаманы присягнули въ пріязни къ Крыму: атаманы согласились; но когда они присягнули, то Калга началъ требовать, чтобъ Запорожцы шли съ Татарами на московскіе города; кошевой отвѣчалъ, что Запорожцы разошлись теперь въ разныя мѣста, и на кому войско ненадежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; „кто за вами захочетъ идти, того мы удерживать не будемъ, а кто не захочетъ, того силою не будемъ высылать“. Возвратившись къ своему отряду, кошевой началъ спрашивать, угодно ли сдѣлать по просьбѣ Калга?—одни отвѣчали, что не доводится съ бусурманами ходить войною на христіанъ; но другіе говорили: „Какъ въ Калгѣ уже присягнули, то можно съ ними и на войну идти“.

Возвратясь въ Сѣчь, рано утромъ 28-го іюля кошевой собралъ раду, сложилъ съ себя атаманство кошевое; судья, писарь, есаул также сложили свои уряды, говоря, что есть въ войскѣ крикуны, которые принуждаютъ ихъ своими криками идти съ бусурманами на Православныхъ христіанъ, и „мы не хотимъ, чтобъ при нашемъ старшинствѣ такое зло на кошу сдѣлалось“. Цѣлый день комышня (булава) атаманская въ радѣ лежала, а между войскомъ разные голоса происходили: одни говорили добре, а другіе зле. На другой день рано опять рада; кончилось тѣмъ, что знатные товарищи, по общему согласію, огиравились въ курень къ кошевому и упростили его, чтобъ оставаться въ урядѣ, упростили и всю старшину: кошевой пришелъ на раду и говорилъ: „Бто хочеть за плутомъ Петрикомъ идти, того я не удерживаю; а кто будетъ постоянно на кошу сидѣть, того высылать не буду“. Къ Петрику пристали тысячи съ три казаковъ.

Мацена, узнавши объ этихъ событіяхъ, послалъ въ Москву съ просьбою о немедленной высылкѣ великороссійскихъ войскъ на помощь; самъ онъ стоитъ подъ Гадячемъ и дальше одинъ не поидеть, потому что не такъ боится Орды, какъ внутренняго волненія въ Малороссіи. Велѣдствіе этого, бояринъ Борись Петровичъ Шереметевъ и околничій князь Федоръ Борятинскій получили приказъ выступить противъ непріятели—первый изъ Вѣлгорода, второй—изъ Сѣвска. 5 августа пріѣхалъ въ Москву пятисотенный стрѣлцаго полка, находившагося при гетманѣ, и рассказывалъ, что въ Малороссіи между чернюю многія непрістойныя рѣчи заносятся ко всякой малости, говорятъ явно: „Когда прідетъ Петрикъ съ войскомъ Запорожскимъ, то мы пристанемъ къ нему, побьемъ старшину, арендаторовъ и сдѣлаемъ попрежнему, чтобъ все было казачество, а пановъ бы не было“. За которыми казаками гетманъ посылаетъ свои листы, чтобъ шли къ нему въ обозъ,—изъ тѣхъ приходятъ немногіе, а за которыми не посылалъ,—тѣ приходятъ, свосвольники, голутьба, и вѣщають въ войско

своевольныя, худыя слова. Мазепа сильно жаловался, что Шереметевъ и Борятинскій не спѣшати походомъ и пожаръ можетъ разгорѣться, а ему, гетману, съ войскомъ малороссійскимъ противъ тѣхъ непріятелей идти ненадежно, потому что и на внутреннія поведенія принужденъ осматриваться. Жители городковъ орельскихъ, Цариченки и Китаецкого уже сдались непріятелямъ. Гетманъ, не дожидаясь воеводы, принужденъ былъ выступить изъ-подъ Гадяча къ Полтавѣ.

Но Татары съ Петрикомъ не стали дожидаться гетмана: Мазепа далъ знать въ Москву, что въ началѣ августа Татары осаждали городъ Моячку; но, услышавъ, что нѣсколько малороссійскихъ полковниковъ, по приказу гетмана, идутъ къ городу на выручку, бросили осаду и ушли. Въ Москвѣ очень обрадовались окончанію дѣла, грозившаго такою сильною смутою въ Малороссіи, и пари послали Мазепѣ шубу соболью въ 800 рублей. Но велѣлъ затѣмъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ прислать въ Москву письмо съ объясненіями, почему онъ не соединился съ гетманомъ: Мазепа писалъ ему, чтобъ онъ шелъ для соединенія съ нимъ къ Рублевкѣ, и былъ тамъ непременно 5 августа; Шереметевъ по этому письму пришелъ въ Рублевку 6 августа до полуночи, но Мазепа, вмѣсто того, чтобъ идти къ Рублевкѣ же, пошелъ къ полтавскимъ мѣстамъ по Заворскію крѣпкими мѣстами, прислалъ сказать боярину о своемъ походѣ въ Полтаву, и чтобъ шелъ для соединенія съ нимъ, но куда именно — не объявилъ. Шереметевъ пошелъ однако къ Полтавѣ, но 8 августа на дорогѣ получилъ вѣсть отъ посланныхъ имъ впередъ Сумскаго и Ахтырскаго полковниковъ, что Татары, узнавъ о походѣ боярина для соединенія съ гетманомъ и испугавшись приближенія передовыхъ полковъ Сумскаго и Ахтырскаго, ударилисьбѣжать.

Какъ бы то ни было, Мазепа получилъ богатую шубу; а скоро послѣ того кончилось дѣло о Соломонѣ. Начиная съ 1690 года, русскій резидентъ Волковъ не переставалъ твердить панамъ, что король долженъ выслать вора Соломона въ Москву для розыска и наказанія Шуляйскаго. Въ октябрѣ 1690 года Соломона привезли въ Жолкву къ королю и объявили о домогательствѣ Русскаго правительства; монахъ былъ челомъ, чтобъ его казнили въ Польшѣ, а въ царскую сторону не выдавали. Мазепа также съ своей стороны хлопотала объ отсылкѣ Соломона въ Москву; когда Волковъ былъ во Львовѣ, подъячій его Герасимовъ встрѣтилъ на рынкѣ казака, который сказалъ, что зовутъ его Александръ Ивановскій, служить при гетманѣ Мазепѣ и пріѣхалъ отъ него къ коронному гетману Яблоновскому съ просьбою выслать Соломона въ Смоленскъ. Ивановскій былъ и въ Жолквѣ, видѣлъ тамъ Соломона, — сидитъ не скванный; въ одно время съ нимъ приходили къ Соломону епископы Львовскій и Перемышльскій и говорили ему: „Пора тебѣ повиниться и сказать правду“. Монахъ говорилъ имъ прежнія рѣчи, а какія — о томъ ка-

закъ не сказалъ подъячему. Волковъ обратился къ гетману Яблоновскому съ требованіемъ выдачи Соломона; Яблоновскій отвѣчалъ: „Король велитъ выдать монаха; а мнѣ извѣстно подлинно, что Соломонъ приноситъ письма составныя, воровскія, а не подлинныя; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы и подлинсь руки, и разумъ письменнаго слога; а въ Соломоновыхъ письмахъ и рука не гетманская, и разумъ не его“.

Послѣ этого Волковъ узналъ, что изъ Польши на Украину ходитъ еще одинъ монахъ Ираклій Русиновичъ и перепоситъ вѣсти королю. Передаютъ ему эти вѣсти двое слугъ гетмана Мазепы, которые вышли изъ Польши и поженились на русскихъ дѣвицахъ, оставшись католиками; оба они знали о воровствѣ Соломона и помогали ему въ поддѣлкѣ печати. Мазепа же самъ ничего не знаетъ, — узнать ему не отъ кого.

Для объясненій по дѣлу Соломона, въ августѣ 1691 года пріѣхалъ въ Москву Польскій посланникъ Янъ Окраса, и объявилъ бывшему съ нимъ въ отъѣздѣ окольничему Чаадаеву: „Королевское величество съ ихъ царскимъ величествомъ всегда желаетъ быть въ непрѣмливой братской дружбѣ и любви, и никакимъ образомъ вѣрять не изволяетъ; а въ прошломъ году объявился у насъ въ Польшѣ чернецъ Соломонъ съ воровскими составными письмами и съ поддѣльными печатями, и подалъ королевскому величеству отъ имени Задіпровскаго гетмана листъ. Король, видя, что письма составныя и печати поддѣльныя, приказалъ чернеца держать за крѣпкимъ карауломъ, и теперь этотъ чернецъ присланъ въ Могилевъ и отданъ межовымъ судьямъ; а воровскія письма и двѣ поддѣльныя печати изволятъ королевское величество, для братской дружбы и любви, прислать къ ихъ царскому величеству со мною“. Окраса передалъ при этомъ три письма и двѣ печати. Приведемъ для примѣра одно письмо. Мазепа пишетъ къ королю: „Полнѣйшій король и государь нашъ милостивый, монарше непобѣдимый! Къ вашей государской милости въ третій разъ пишемъ, какъ отцу своему и монарху великому. Знать, что ваша государская милость не изволяетъ насъ, слугъ своихъ, подъ свои крылья принять, потому что ваша государская милость намъ никакой утѣхи не даетъ чрезъ нашего монаха, а своихъ присылаете, особенно Искрицаго, съ затемъ котораго я въ большой ссорѣ; а Доморацкому могъ бы я повѣрить, только по городамъ вездѣ Москва и чутко стерегутъ новопрѣзжаго человѣка, и по Днѣпру отъ самаго Кіева внизъ до Черныбыля. А Соломонъ знаетъ, гдѣ переидти Днѣпръ, и мало будетъ городами идти. Просимъ у вашей королевской милости надежной вѣдомости, потому что не могу ничего дѣлать. Пишетъ ко мнѣ полковникъ Полтавскій, чтобъ Москвы не пускать въ города, а по Орду непрѣмливо посылать; до пріѣзда Соломона отъ вашей королевской милости будемъ держать Шеленбея-мурзу, а другой Татаринъ пріѣхалъ изъ

Крыма недавно, на третьей недѣлѣ поста, и говорилъ, что къ вашей королевской милости пошелъ татарскій посолъ. И о томъ вашей королевской милости объявляю, что я слышалъ про гетмана короннаго, будто ваша королевская милость на него гнѣваетесь, и потому къ нему, гетману, не смѣлъ писать и къ пану подскарбію; только знаю хорошо, что и онъ не вѣдаетъ о тѣхъ секретяхъ, потому что ваша королевская милость на то не созволяетъ. Дайте же намъ подлинную вѣдомость черезъ нашего Соломона, и мы будемъ сами съ Ордою бить Москву; мы начнемъ, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска нѣсколько тысячъ на назначенное мѣсто, чрезъ Днѣпръ на Каневъ. А если ваша королевская милость своего вѣрнаго человѣка хотите прислать съ Соломономъ, то будемъ вѣрить ему, а такъ нельзя одному ему проѣхать чрезъ города и чрезъ Днѣпръ; не дай Богъ чего — сейчасъ же погибнемъ отъ Москвы. Сами разсудите, ваше королевская милость, что страшное дѣло мы начали и будемъ его сколько можно доканчивать, на Воюю милость надѣмся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсѣмъ тайно прибрались, только ожидаемъ отъ вашей королевской милости совѣту, а затѣмъ кланяемся вашей королевской милости“.

По разсмотрѣніи писемъ, Чаадаевъ имѣлъ другой разговоръ съ Окрасою: „Ты объявилъ“, говорилъ онъ посланнику, „что король прислалъ письма и печати по братской дружбѣ къ царскому величеству; но въ этой братской дружбѣ есть сомнѣніе немалое. Король изволилъ прислать Соломонковы письма самыя послѣднія, которыя онъ составилъ подъ Варшавою въ третій разъ; писаны они коротко, безо всякаго объявленія о дѣлѣ, только упомянуто о первыхъ и вторыхъ письмахъ, которыя онъ же, Соломонка, подаетъ королю и Шумлянскому, написавши въ нихъ пространно о приѣмѣ гетмана Ивана Степановича подъ оборону королевскую; этимъ первымъ письмамъ при Дворѣ королевскомъ поѣбрили, послали къ гетману Доморацкаго. Съ этихъ первыхъ писемъ гетманъ коронный Яблоновскій, по королевскому указу, прислалъ гетману Мазепѣ списки, которые съ поданными тобою подлинными письмами ни въ чемъ не сходятся“. Тутъ Чаадаевъ показалъ Окрасѣ письмо Яблоновскаго къ Мазепѣ и списки съ прежнихъ Соломоновыхъ писемъ; все это Мазена переслалъ въ Москву. „Доложи королевскому величеству“, продолжалъ Чаадаевъ, „что если онъ хочетъ правдивымъ сердцемъ съ царскимъ величествомъ по-братски поступить, то изволилъ бы прислать и первыя, и вторыя Соломонковы письма подлинныя“.

— „Первыя и вторыя письма Соломонко дѣйствительно королю подавалъ“, отвѣчалъ Окраса; „только имъ король ни въ чемъ тогда не повѣрилъ, поэтому ихъ бросилъ безъ вниманія, они затерялись и передъ нами отъѣздомъ отыскать ихъ ни-

какъ не могли: сыскали только послѣдніе листы, которые я и привезъ. Посылки къ гетману Мазепѣ съ призывомъ въ польское подданство никакой не бывало отъ короля; пусть великіе государи Соломонка на границѣ велѣтъ принять. А Доморацкаго съ письмомъ Шумлянскаго отдадутъ королю“.

— „Теперь Доморацкаго отдать великіе государи не приказали“, говорилъ Чаадаевъ, „потому что доведется ему съ Соломонкомъ дать очную ставку; а какъ дѣло кончится, то и Доморацкій будетъ отпущенъ. Ты говоришь, что король и первымъ письмамъ не повѣрилъ и не посылалъ къ Мазепѣ: но по чьему приказанію посылалъ Шумлянскій?“ Окрасѣ показали подлинное письмо Шумлянскаго къ Мазепѣ, прочли и разспросивъ рѣчи Доморацкаго, въ которыхъ тотъ показалъ, что послать былъ Шумлянскимъ къ Мазепѣ по приказанію королевскому. Окраса вздумалъ оправдывать Шумлянскаго, говорилъ, что въ его письмѣ нѣтъ ничего, кромѣ призыва на войну противъ бусурманъ. — „Но о какомъ это нѣтъ говорить Шумлянскій, которое надобно свергнуть?“ спросилъ Чаадаевъ; „на украинскихъ жителяхъ татарскаго или турецкаго ига нѣтъ!“ Окраса замолчалъ.

Соломонъ былъ выданъ. Его привезли въ Москву, разстрелили и, подъ прежнимъ его свѣтскимъ именемъ Семена Гродскаго, подвергли пыткамъ. Чтѣ онъ показалъ — не извѣстно. Извѣстно только то, что въ Батурино поѣхали царскіе посланцы съ извѣстіемъ, что Михайло Гадяцкій сосланъ въ Сибирь; повезли къ гетману и Семена Гродскаго. Мазепа требовалъ его неотступно, жаловался, что думный дякъ Украинцевъ, безъ царскаго указа и безъ приказа боярина Льва Кирилловича Нарышкина, велѣлъ Кочубею надзирать за гетманскимъ поведеніемъ, отчего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетманъ объ этомъ ничего не зналъ, потому его и ни во что ставить; а Кочубей въ дружбѣ съ Полуботкомъ. Полуботокъ бранилъ гетмана всячески въ Кіевѣ и доносилъ на него въ Москвѣ, но не могъ ничего доказать, и отосланъ былъ къ гетману головою; однако въ царской грамотѣ велѣно ему жить въ своемъ имѣніи до указа; отъ этого гетману учинилась великая стыднѣчь печаль. Петрикъ, племянникъ Кочубеевъ, по такому же воровскому вымыслу отпущенъ въ Крымъ, какъ Соломонка къ королю; гетманъ слезно молить Бога, чтобъ Богъ выдалъ врага Соломонка на облегченіе другихъ враговъ.

Но когда Гродскаго привезли въ Батурино, чтобъ тамъ казнить его смертію, то гетманъ, побивши челомъ за царскую милость, объявилъ, что онъ не можетъ казнить Гродскаго безъ полковниковъ, да и не желаетъ его смерти, а гораздо лучше возить его по всѣмъ малороссійскимъ городамъ и показывать народу для совершенной ему, гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому очистки. Но въ Москвѣ смотрѣли иначе; къ Мазепѣ былъ посланъ указъ: чернеца Соломонка, государственнаго измѣнника п замучителя, во время

съѣзду старшины въ Батуринъ казнить смертію, а по городамъ не возитъ, потому что о его воровствѣ извѣстно всѣмъ. Когда старшина собралась, Мазепа велѣлъ генеральному писарю Кочубею прочесть передъ нею московскія розыскы Гродскаго и показать его воровскія письма и поддѣльные печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дѣло не одного вора Соломонка: ясно, что онъ призванъ и наученъ другими злыми людьми. Гетманъ сказалъ имъ, чтобы они поставили передъ себя преступника и разспросили, не было ли другого предводителя съ нимъ въ этомъ зломъ дѣлѣ. Гродскій былъ приведенъ предъ старшину и говорилъ съ клятвою свои прежнія рѣчи, что, кромѣ Мишки Васильева, другихъ совѣтниковъ съ нимъ не было, а еслибы были, то онъ и въ Москвѣ бы про нихъ сказалъ и такихъ жестокихъ пытокъ и огня не терпѣлъ. 7-го октября Гродскаго казнили, и у казни онъ сказалъ прежнія же рѣчи. Мазепа былъ недоволенъ, что Соломонка казнили смертію, а Михайлу Гадяцкаго только сослали въ Сибирь. „Слѣдовало бы казнить смертію и Мишку, безъ пощадъ“, писалъ онъ царямъ, „потому что Соломонка передъ казнію показалъ на Мишку, какъ на человѣка, который его подучилъ на злобу; да будетъ монаршая воля: по мы просимъ покорнѣе сына Мишкина не отпущать сюда на Украину, потому что дерево злое плодъ злой творитъ“. Гетманское желаніе насчетъ Гадяцкаго исполнить было нельзя, ибо вотъ что говорить современное извѣстіе: „пытанъ Черкасскій полковникъ Михаилъ Гадяцкій въ государственномъ дѣлѣ; съ пытки онъ ни въ чемъ не вынился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку“.

Петрикъ въ своихъ возмущительныхъ грамотахъ указывалъ на двѣ тлѣности для Малороссійца, за которыя обвинялъ Московское правительство: на аренду, или винный откупъ, и на обычной жаловать населенныя земли чиновникамъ, которые притѣсняютъ своихъ подданныхъ. Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и послали сказать гетману, чтобы онъ подумалъ хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвиненія. Мазепа отвѣчалъ: „Аренда здѣсь въ малороссійскихъ городахъ не такъ наложена своими тяжела, какъ самымъ именемъ изъ давнихъ временъ ненавистна, надобно думать оттого, что при польской державѣ Яблы ею владѣли и много замышленныхъ отягощеній дѣлали. Мы, посовѣтовавшись съ старшиною и полковниками, разослали по всѣмъ полкамъ и городамъ универсалы, въ которыхъ прежде всего увѣщиваемъ, чтобы старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей; т.-е. чтобы каждому человѣку позволено было выкурить дома вина или купить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ арендованыхъ шинковъ, на свадьбу и на крестины; также разошлемъ универсалы съ обнадеживаніемъ народа, что гетманъ съ старшиною идетъ способовать отъменить аренду, а вмѣсто нея найти какія-нибудь другія средства достать денегъ на войсковые расходы; пусть и весь народъ,

старшіе и меньшіе, посовѣтуются между собою и дадутъ намъ знать, какъ имъ лучше: платить ли, вмѣсто аренды, новую подать народомъ, или наложить пошлину со всякихъ шинковъ. Касательно маестностей мы такъ разсудили съ старшиною: которыя особы въ войскѣ и народѣ считаются къ службѣ негодными, а въ силу нашихъ универсаловъ владѣютъ маестностями, у тѣхъ маестности отнять; у тѣхъ же, которые владѣютъ маестностями по дарскимъ грамотамъ, отнять маестности не смѣемъ, ибо это значило бы нарушеніе монаршей воли. Объ этомъ просимъ милостиваго указа и докладываемъ: Запорожцы не разъ давали намъ знать и теперь чрезъ посланца нашего объявили, чтобы маестности отъ меньшихъ особъ были отобраны; не такъ нелюба имъ аренда, какъ это владѣніе маестностями, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобы никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими работами и поборами и дѣлать имъ какія бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ-притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитыя, по которымъ будетъ непременно расправа“.

Новая мѣра отобранія маестностей прежде всего приложена была къ Леонтію Полуботку. Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ донесъ, что когда Мазепа былъ въ Москвѣ, то сынъ Полуботка говорилъ ему, Апостолу, о враждебныхъ намѣреніяхъ Михайлы Гадяцкаго: „Если, писалъ Мазепа, молодой Полуботокъ зналъ о замыслахъ Гадяцкаго, то долженъ былъ знать и о замыслахъ Соломона, долженъ былъ знать объ этомъ и отецъ его, тѣмъ болѣе что старикъ, находясь на полковничествѣ Переяславскомъ, промыслилъ о гетманствѣ“. Вслѣдствіе этого Полуботки, отецъ и сынъ, были посажены подъ караулъ и маестности отобраны.

Въ то время, когда Мазепа преслѣдовалъ своихъ внутреннихъ враговъ, на западномъ берегу Палѣй все болѣе и болѣе прибрѣталъ славы въ неутомимой борьбѣ съ Татарами. Тяжелъ пришелся онъ Крыму: тамъ сравнивали его съ Сѣркомъ и подсылали къ нему съ предложеніями, что ханъ сдѣлаетъ его лучше Хмельницкаго, если только онъ перейдетъ на татарскую сторону. Соложеніе Палѣй дѣйствительно стало похоже теперь на положеніе Хмельницкаго: въ польской сторонѣ онъ оставаться не хотѣлъ, потому что казакъ не могъ ужиться въ ладу съ папами; былъ челою великимъ государямъ, но тѣ не принимали, боясь нарушить мирный договоръ съ Польшею, какъ изъ той же бѣзны не принималъ Хмельницкаго отецъ ихъ; но Хмельницкій сталъ пугать Москву тѣмъ, что если не приметъ его Православный царь, то онъ поддается бусурманамъ; и Палѣй теперь, вслѣдствіе присылки изъ Крыма, получилъ возможность грозить тѣмъ же. При личномъ свиданіи съ Мазепою въ Барышевѣ онъ сказалъ ему, чтобы великіе государи приняли его безъ отлагательства, а если онъ на ихъ службу

не надобенъ, то пусть ему объ этомъ объявлять прямо, и онъ съестъ себя мѣсто: и Татары его къ себѣ примутъ; великіе государи напрасно такъ боятся нарушить мирный договоръ съ Польшею; Поляки хлопочутъ изо вѣхъ силъ, какъ бы только отыскать случай къ войнѣ. Мазепа, сообщая объ этомъ разговоръ въ Москву, прибавляетъ отъ себя, что если Палѣй перейдетъ къ Татарамъ, то и Запорожцы пойдутъ вѣстѣ съ нимъ туда же, что будетъ очень вредно для Россіи; хорошо было бы поэтому Палѣя принять, а передъ Поляками отговориться тѣмъ, что онъ родился въ Борзни; и если великіе государи Палѣя примутъ, то онъ, Мазепа, сдѣлаетъ его полковникомъ Переяславскимъ. Но изъ Москвы прежній отвѣтъ: Палѣя принять нельзя; гетманъ долженъ его уговаривать, не допускать, чтобъ онъ, въ отчаяніи, перешелъ на бусурманскую сторону; а если учинится Палѣю совершенное утѣшеніе, то онъ бы отъ полка своего отлучился тайно на Переяславскую сторону. Но Мазепа этимъ не успокоился, и въ декабрѣ 1692 года снова писалъ царямъ о Палѣѣ: просить внушить Польскому правительству, какой вредъ будетъ христіанству, если Палѣй будетъ приведенъ въ отчаяніе польскими притѣвленіями и отложится къ Татарамъ; но при этомъ гетманъ повторялъ прежде: „Лучше было бы принять Палѣя со вѣрными людьми и съ городкомъ Хвостовымъ подъ царскую руку. Если онъ, будучи Малороссійциномъ по происхожденію и приобрѣтши такую знаменитость, перейдетъ къ неприятелю, то въ Малороссіи поднимется волненіе: прельщенные своеволіемъ и добычею, многіе люди потянутся отсюда къ нему. Цари отвѣчали, что въ случаѣ крайности Палѣй съ тѣми изъ своихъ полчанъ, которые изъ Запорожья и съ восточной стороны Днѣпра, можетъ перейти опять въ Запорожье и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть раскоится въ малороссійскіе города, куда кому сручно, гдѣ у кого есть родственники; за этотъ переходъ выговоръ и причитающійся съ польской стороны не будетъ, а Палѣю перейти на Запорожье вовсе не безсестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, тѣмъ же самымъ возвратится изъ Польши въ Запорожье“.

И кромѣ Палѣя было много людей за Днѣпромъ, которые постоянно обращали свои взоры къ Москвѣ.

Шумлянский сѣвшиль оправдаться передъ царями. Весною 1692 года русскій резидентъ, стольникъ Михайловъ, шахидился во Львовѣ. 30 апрѣля епископъ прислалъ къ нему своего архидіакона съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему на другой день въ кафедральный соборъ къ обѣдинѣ, и смотрѣть комедію, которая будетъ дѣйствоваться въ честь Св. мученика Георгія, а послѣ комедіи обѣдать у него, епископа. Резидентъ не поѣхалъ, отговорившись нездоровьемъ. На другой день, 1-го мая, новый посольствъ отъ Шумлянскаго, соборный священникъ, монахъ Красинскій, у котораго резидентъ Великимъ

постомъ исповѣдывался. Монахъ началъ говорить о сильномъ огорченіи епископа, что нигдѣ не можетъ видѣться съ резидентомъ; все это изъ-за Соломона, но епископъ тутъ не виноватъ, ввязался онъ въ дѣло поневолѣ. Михайловъ отвѣчалъ, что онъ никакого дѣла не знаетъ, не выдался съ епископомъ по бѣзвѣнн и за недосугами, и если Шумлянский хочетъ непременно съ нимъ видѣться, то пусть 4 мая, съ немногими провожатыми, пріѣзжаетъ въ загородную пустынь Іоанна Богослова; тамъ онъ, резидентъ, будетъ у обѣдинѣ. Шумлянский пріѣхалъ въ назначенное мѣсто и, удаливъ всѣхъ свидѣтелей, началъ говорить резиденту: „Въ нечаянную бѣду и въ гнѣвъ царскаго милчества вшелъ я неволею, а не охотою“. Тутъ взялъ онъ крестъ, поцѣловалъ и, пролезаясь, продолжалъ: „Ей, самую истинною буду говорить; когда чернецъ Соломошко съ фальшивымъ письмомъ къ королю явился, то король сейчасъ-же прислалъ за мною и говорилъ: „Пане отче, пріспѣло твое время намъ помогать, а кромѣ тебя дѣлать этого дѣла некимъ“. И я по тому королевскому приказу писалъ къ гетману Мазепѣ письмо своею рукою, чтобъ онъ, по желанію своему, приступалъ къ насльдственному государю. А кромѣ того ничего дурного я не писалъ. Прежній резидентъ Волковъ безчеловѣчно на меня наносилъ, будто я законопреступникъ и воръ, писалъ въ Украину воровскія письма и съ архидіакономъ своимъ прислалъ будто какой-то листъ за королевскою рукою. Этимъ я оклеветанъ и дѣло доходило уже до того, чтобъ и мнѣ такъ же поступить, какъ Черемышльскій епископъ. Скажи пожалуйста, какой это королевскій листъ и откуда онъ въ Москвѣ взялся?“

— „Не слышалъ и не знаю ничего, что ты мнѣ говоришь,“ отвѣчалъ Михайловъ, „а по словамъ твоимъ рассуждаю, что и то письмо, которое ты писалъ къ гетману Мазепѣ, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сдѣлалъ самъ собою, безъ королевскаго указа, и короля клеветалъ, чтобъ себя оправдать“.

Шумлянский клянется и божится, что сдѣлалъ по королевскому указу: „У меня объ этомъ“, говоритъ онъ, „два королевскихъ письма за его подписью и печатью. Да и безъ этого каждому можно рассудить, могъ ли я это сдѣлать самъ собою: вѣдь Мазепа съ Украиною никогда мнѣ въ особое подданство не поддается, да и мнѣ отъ себя призывать его нельзя. Царское величество требовалъ отъ короля, чтобъ онъ выдалъ меня въ Москву на казнь, и король отмалчивался; а еслибы я писалъ Мазепѣ самъ собою, то король разсердился бы на меня и отставать меня не сталъ. Но слава Богу, что отъ этого ничего не сдѣлалось, все попрежнему, и впередъ будетъ въ науку; король не перестаетъ жалѣть объ этомъ и до сихъ поръ, хлопочетъ, какъ бы поскорѣе дѣло прекратилось, и Соломона отдалъ“.

— „Такъ какъ я ни у кого объ этомъ, кромѣ тебя, не слышалъ, то много рассуждать мнѣ и

толковать нечего“, говорилъ резидентъ, „только и пш. немногихъ словъ твоихъ могу понять, что дѣло это не малое, и надобно тебѣ о себѣ пораждать, какъ въ томъ исправиться, и душу свою отъ такого великаго грѣха избавить“.

Шумлянский, вздохнувши, сказалъ на это: „Сатана меня искушалъ; а король развѣ не умный человѣкъ, и другіе, которые въ то дѣло ввязались, развѣ не умные люди?—однако были обмануты чернецомъ, безъ разсмотрѣнія поступили. Говорю тебѣ навѣрное, что Полякамъ отыскать Украйны: въ срединѣ Великаго поста вдругъ присылаеть за мною король; я поѣхалъ; а онъ меня встрѣчаетъ словами: „Отецъ! прежде-то наше дѣло исполнилось, Мазена ужъ нашъ, пріѣхалъ въ Вѣлную Церковь“. Цѣлый тотъ день король былъ веселъ и наполнилъ меня добрымъ виномъ, какого уже давно никто у него не пивалъ. Но потомъ, четыре дня спустя, опять прислалъ за мною и говорилъ, что дѣло отлѣнилось, еще не исполнилось. Изъ этого можно видѣть, какую здѣсь имѣютъ надежду“.

— „Слышу отъ тебя дѣла дивныя“, говорилъ резидентъ; „не ожидалъ я отъ твоей особы и отъ твоего чина, чтобы ты пивалъ въ такіе тяжкіе грѣхи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться, вину свою покрыть?“

— Что было, то было“, отвѣчалъ Шумлянский; „прогнѣвалъ я великихъ государей писемомъ къ Мазенѣ,—очень желѣю, даворотить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великихъ государямъ вотъ чѣмъ: хотя у царскаго величества и заключенъ вѣчный миръ съ Поляками, только миръ этотъ очень не крѣпокъ; Поляки царскому величеству большіе недоброхоты, и ждутъ только случая, какъ бы малороссійскіе города оторвать, для того мирный договоръ и въ конституціяхъ ихъ не напечатать, подкрѣпить онъ одною королевскою присягою, а Рѣчью Посполитою не подтвержденъ. Но дѣло извѣстное, что королевскія рѣшенія можетъ послѣдній шляхтичъ оспорить. Какъ только Поляки соберутся съ силами и увидятъ удобный случай,—такъ вѣчный миръ и нарушатъ. Союза съ ними имѣть невозможно, потому что все обманываютъ и всякими способами ищутъ зла: за вѣчнымъ миромъ мало не все благочестіе привели неволею въ унию, остался съ своею епархіею я одинъ. Прекратить это зло и подкрѣпить вѣчный миръ можно такъ: потребовать на сеймѣ, чтобы мирный договоръ въ конституціяхъ своихъ напечатали, а если не напечатываютъ, то великіе государи не будутъ ставить этотъ миръ въ миръ. Не худо бы имъ и погрозить, да спросить зачѣмъ Премышльскую епископію обратили въ унию. Станутъ говорить, что епископъ приступилъ къ униіею своею охотою.—отвѣчать: пусть онъ одинъ и будетъ ваншъ, а Православнымъ его епархіи пусть будетъ воля выбрать другого епископа; а съ челобитиемъ объ этомъ выборѣ много Православныхъ на сеймъ пріѣдетъ, и я челобитіе изготовлю; Полякамъ отказать будетъ нельзя, епископія возстановится и благочестіе

утвердится на долгія времена; потомъ пусть царскіе послы поднимуть на сеймѣ дѣло обо мнѣ, потребуютъ мнѣ наказанія за письмо къ гетману Мазенѣ; я, будучи огражденъ конституціею, выступлю противъ короля смѣло, письма королевскія всѣмъ покажу. Думаю, что тутъ король станетъ утекать. А на сеймѣ надобно съ ними обходиться по французскому обычаю, нѣкоторыхъ сенаторовъ надобно подкупить: такъ войною Поляковъ не повоюешь, какъ подачкою; подарками царское величество можетъ сдѣлать на сеймѣ все, что угодно. Если же великіе государи прежде подтвержденія договора конституціею начнутъ дѣло обо мнѣ, то я приступлю къ униіи или за границу уѣду. Совѣсть мою Богъ видитъ, что я писалъ письмо по крайней неволи, укрывая благочестіе, принужденъ я поступать подозрительно, пошу сапоги то красные, то желтые, шапку надѣваю вмѣсто клобука, угождая польскимъ политикамъ, какъ бы только епархію свою отъ гоненія избавить“.

15-го мая, въ Троицннъ день, Шумлянский служилъ въ соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за Вселенскихъ и за Московскаго патріарховъ, за царскую палату, за умноженіе благочестивой вѣры Греческаго закона; резидентъ былъ въ церкви, и все Львовское братство „съ великимъ благочиніемъ и рацеями отдавало передъ нимъ великимъ государямъ свое доброжеланіе и рабскую уклонность“.

А между тѣмъ попрежнему шла церковная борьба у Русскихъ съ Поляками, попрежнему Поляки не переставали тѣснить Православныхъ. Вотъ что доносилъ русскій резидентъ Волковъ въ Москву. 14-го мая 1690 года въ Варшавѣ канцлеръ коронный Эрнстъ Денгофъ судилъ владимірскихъ мѣщанъ съ епископомъ Владимірскимъ, отступникомъ отъ Православія, униатомъ. Епископъ хотѣлъ обратиться въ унию двѣ благочестивыя церкви, построенныя Владимірскимъ братствомъ; онъ представлялъ на видъ, что всѣ русскія церкви теперь въ униіи;—и находятся подъ его паствою; остались только двѣ эти церкви, и священники ихъ ходятъ по своей волѣ, а его, епископа, не слушаютъ. Мѣщане доказывали, что церкви эти изстари благочестивыя, и потому не слѣдуетъ обращать ихъ въ унию;—король при избраніи своемъ присягалъ, чтобъ вѣрѣ никакого утѣшенія не дѣлать. Канцлеръ произнесъ такое рѣшеніе: „Хотя прежде эти церкви въ униіи и не были, такъ теперь будутъ“.— Но только-что онъ выговорилъ эти слова, какъ всѣмъ показалось, что своды въ палатѣ начали трепать и стѣны колебаться. Всѣ бросились бѣжать; канцлеръ въ дверяхъ зацѣпился за что-то своими широкими рукавами и упалъ; бѣжавшіе за нимъ попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живого. Опомившись въ снѣгахъ, канцлеръ послалъ вѣрныхъ людей осмотрѣть, нѣтъ ли кого на крышѣ и отчего своды грозили паденіемъ; на крышѣ никого не нашли и своды стояли безо всякаго поврежденія. Несмотря на то, канц-

леръ не рѣшился досуживать суда, и больше уже не входилъ въ ту палату, а дѣло предоставилъ на королевское рѣшеніе; король рѣшилъ въ пользу униатовъ. Сколько было тогда Православныхъ въ Варшавѣ, при Дворѣ, видно изъ слѣдующаго донесенія Волкова. На Дворѣ у резидента была Православная церковь, гдѣ служилъ священникъ изъ Перемышля. Въ церковь сходилось множество Православнаго народа, покоевые, дворяне королевскіе и шляхта; священникъ исправлялъ требы, исповѣдывалъ, приобщалъ, крестилъ младенцевъ, вѣнчалъ свадьбы. Это сильно не нравилось польскому духовенству, и 20-го мая Познанскій бискупъ Витвицкій велѣлъ схватить священника на улицѣ и привести къ себѣ. Наговоривши ему о вѣрѣ благовѣстивы противныхъ вещей, бискупъ велѣлъ посадить его подъ караулъ у себя на дворѣ. Но на другой же день умеръ скоропостижно королевскій сокольникъ, Русскій человѣкъ; товарищи его, сокольники, подали королю просьбу, чтобъ позволено было похоронить умершаго по Православному обряду; король согласился и, по его указу, освободили священника изъ-подъ епископскаго караула. Осенью того же года униатскій Перемышльскій епископъ Малдоховскій захватилъ пять Православныхъ церквей, причемъ униаты отняли у Православныхъ священниковъ дворы, разграбили имѣніе. По королевскому указу, велѣно было дворы и пашенную землю священникамъ отдать; но униаты не послушались, а вдова бывшаго короннаго подскарбія Андрея Модрѣвскаго, Урсула, въ имѣніи которой находились захваченныя церкви, велѣла поймать одного священника и бить передъ собою дубьемъ; несчастный получилъ триста ударовъ, послѣ чего другіе Православные священники привезли его въ Жолкву къ королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала въ Львовѣ въ школахъ іезуитскихъ ученье Русскимъ людямъ было свободное; но въ девятыхъ годахъ іезуиты начали Русскихъ принуждать къ униі и присягѣ; кто изъ русскихъ учениковъ выучился у нихъ въ школахъ грамматикѣ и риторикѣ, того допускали они слушать философію только годъ; кто же хотѣлъ оставаться долѣе въ школахъ, тотъ долженъ былъ принять унию.

Въ 1691 году на смѣну Волкову отправился въ Польшу другой резидентъ, стольникъ Борисъ Михайловъ; въ Минскѣ явились къ нему Православные мѣщане, Демьянъ Шишка съ товарищами, и жаловались, что на нихъ отъ пановъ литовскихъ, отъ гетмана Сапѣги и другихъ великое гоненіе, принуждаютъ ихъ къ униі всякими мѣрами. Въ маѣ мѣсяцѣ униатскій плебанъ Салганъ Юревичъ, собравшись съ католиками и униатами, пріѣзжалъ въ минскій Петропавловскій монастырь, многолюдствомъ и хотѣли насильно обратить монастырь въ унию. Архимандритъ монастыря, Петръ Пашковичъ съ братією, поостерегся, далъ всеѣмъ Православнымъ знать заранѣе, и Православные, собравшись, сдѣлали въ монастырѣ съ оружіемъ и камнями

трое сутокъ, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиковъ и униатовъ съ великою запальчивостію били и сказали имъ напослѣдокъ, что помрутъ въ монастырѣ все; а кто останется въ живыхъ, — побѣгутъ съ женами и дѣтми въ Москву, и будутъ имъ мстить, какъ смогутъ. Тогда осаждающіе отступили отъ монастыря. Гонять Православныхъ и всякіе налоги и наѣзды чинялъ во всей Литвѣ: униатскій митрополитъ Киприанъ Жуховскій, Виленскій епископъ Константинъ Врестовскій да плебанъ Юревичъ. Татарамъ и Жидамъ, говорили мѣщане, больше уваженія отъ пановъ, нежели благочестивымъ христіанамъ: Татары могутъ строить новыя мечети, и Жиды кагалы, а Православнымъ древнихъ церквей покрывать и починять не позволяютъ, ведутъ къ тому, чтобъ благочестіе до конца изгнать.

Лѣтомъ 1692 года, будучи въ Львовѣ, резидентъ шелъ однажды предмѣстемъ. и за іезуитскимъ костеломъ встрѣтилъ старика очень почтенной наружности, который подошелъ къ нему, объявилъ, что онъ шляхтичъ Русской вѣры, именемъ Попара, и попросилъ позволенія поговорить безъ свидѣтелей. Съ тяжелымъ вздохомъ началъ свою рѣчь Попара, что бывалъ онъ въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ, не разъ цѣловалъ у него руку, а при державѣ царя Алексѣя Михайловича въ продолженіи многихъ лѣтъ ссылался обо всякихъ тайнахъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, и будто его службою Кіевъ остался въ царской сторонѣ. Въ тѣ годы всеѣмъ Православнымъ былъ покой большой, принужденія къ униі ни отъ кого не было, во всеѣмъ Русскихъ людей Поляки почитали и нѣчьмъ обидѣть не смѣли, опасаясь царскаго гнѣва. Но когда заключенъ былъ вѣчный миръ и іезуитамъ въ Москвѣ вѣру свою распространять позволено, то сейчасъ же въ Польшѣ началось гоненіе великое на церкви Вожіи: больше семи сотъ церквей обратили въ унию. Я теперь и послѣднюю Львовскую епископію принуждаютъ къ униі. Поляки хвастаются, будто и въ Москвѣ ихъ вѣру больше любятъ, чѣмъ свою, Русскую. „Насъ Православныхъ здѣсь“, продолжалъ Попара, „Поляки ни въ чемъ не слушаютъ и за скотовъ почитаютъ; нынче призывалъ меня къ себѣ епископъ Іосифъ Шумлянскій и говорилъ, что присланъ королевскій указъ о присоединеніи къ униі. Я одинъ и безъ братства сказалъ епископу, чтобъ онъ объявилъ королю нашу русскую рату: никогда мы добровольно въ униі быть не захотимъ; по милости Вожіей, у насъ вѣра добрая, и никогда мы о вѣрѣ королевскому величеству не докучали; изволятъ бы король оборонять насъ отъ Татаръ, а не отъ вѣры. Я въ преклонной старости и кончипу свою вижу при дверяхъ, такъ объявляю для христіанской вѣры самую истину, что Львовская епископія въ благочестіи не устоитъ, если не въ этомъ году. такъ все же скоро будетъ въ униі, потому что Шумлянскій на епископство возведенъ силою, обороною и желаніемъ нынѣшняго короля, когда тотъ былъ еще гетманомъ, и при постано-

влепін обѣщался непремѣнно приступить къ униі; а Перемышльскаго епископа ставилъ оиъ, Шумлянскій, при такомъ же обѣщаніи, и прошлаго года Перемышльскій епископъ унию принялъ. И Шумлянскій втайнѣ униатъ, а явно не присягаетъ потому, что братство крѣпко стоитъ. А вся эта слабость сдѣлалась оттого, что позволено быть католикашъ въ Москвѣ: все государство іезуиты вызнали, описали всѣ города и обычаи; и трое Французовъ были недавно въ Москвѣ для того же. У папы, Цесаря, королей Французскаго и Польскаго положено: если война съ Турками и у Цесаря съ Французомъ прекратится, то всѣмъ сообща войною и всякими вымыслами ввести въ Московскіе государство католическую вѣру; многіе іезуиты, которые въ Москвѣ были, предложили къ тому способы, и многіе охотники собираются о томъ радѣть и присягаютъ, что это дѣло могутъ въ Московскіе государствѣ совершить въ короткое время. Намъ, Православнымъ, отъ этого великое опасеніе“. Резидентъ успокоивалъ старика, что все это недостаточное дѣло, говорить оиъ о небывалыхъ вещахъ, не доказавшихъ подлинно; но Попара настаивалъ на своемъ: „Вѣрно знаю, что Поляки чрезъ іезуитовъ, папу, Цесаря и Француза уговорили вводить въ Москву католическую вѣру“. Русскихъ людей Западной Россіи трудно было успокоить насчетъ іезуитовъ, которые являлись для нихъ постоянно главными двигателями гоненія, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что пріѣзжали въ Могилевъ изъ Вильны комиссары, панъ Вербецкій, панъ Шпилловскій, Жембошкій да Ильиничъ и, по іезуитскому настоянію, съ великимъ наругательствомъ разорили церковь Петра и Павла въ селѣ Езерѣ, въ трехъ миляхъ отъ Могилева, позволили разорять ее близживущимъ Татарамъ. Побивши прихожанъ, которые защищали церковь, Татары взлѣзли на крышу, столкнули ногами крестъ, а потомъ всю церковь до послѣдняго бревна разметали, иконы покололи ругательски. Мѣсто осталось пусто; Православные христіане безъ церкви начали быть въ размышленіи, и многіе стали клониться къ іезуитскому ученію. Когда львовскіе жители являлись къ королю и а в изпѣтъ съ поздравленіями и подарками, то впереди шли Поляки, потомъ Армяне, а уже за Армянами Русскіе Православные, тогда какъ прежде Русскіе стояли выше Армянъ. Перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій, принявъ унию, сталъ жестокимъ гонителемъ Православія: по его наущенію шляхта пала на Православную церковь Св. Троицы въ мѣстечкѣ Коморнѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Львова; въ церквѣ священникъ Ивалъ Ревенецъ служилъ обѣдню, шляхта хотѣла выгнать его вонъ и убить, но прихожане заперлись въ церкви и оборонялись часа съ три; но потомъ, видя, что отстояться никакъ нельзя, надѣли на священника женское платье, выпроводили его тайкомъ и потомъ отперли церковь. Шляхта, не найдя священника,

была прихожанъ на смерть, а церковь запечатала для отдачи униатамъ.

Въ Москвѣ не могли быть равнодушны при полученіи подобныхъ извѣстій: резиденту было велико потребовать отъ Польскаго правительства, чтобъ по всѣмъ русскимъ повѣтамъ посланы были универсалы съ строгимъ запрещеніемъ обращать Православныхъ въ унию; чтобъ на мѣсто отпавшихъ епископовъ позволено было Русскимъ людямъ избрать новыхъ, которымъ для поставленія ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту. На это былъ отвѣтъ: „Ни королю въ государство Московское, ни царю въ государство Польское заглядывать и въ тамошній распоряженіи вступать не слѣдуетъ; Смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью, и мы объ этомъ не говоримъ, потому что въ обоихъ государствахъ вѣра христіанская одна, и всякій государь въ своемъ государствѣ воленъ“. Резидентъ возражалъ: „Дѣло идетъ не о заглядываніи въ государство; Смоленская шляхта никакой въ вѣрѣ неволи не имѣла и не имѣтъ; дѣло идетъ о нарушеніи договоровъ, о нарушеніи присяги, данной королемъ и всею Рѣчью Посполитою. Въ вѣрѣ неволя, въ присягѣ неправда—дѣла начальныя!“ — „Въ добрѣ зла никакого нѣтъ, и иначе потому уже быть нельзя“—отвѣчали Поляки.

Насилія не прекратились: въ 1693 году воевода Полоцкій Красинскій, въ своемъ имѣніи Соколовѣ, отдалъ въ унию церковь Покрова Богородицы, застрашавъ прихожанъ войскою: „Русскіе люди стонутъ и плачутъ, а пособить себѣ не могутъ и стали въ вѣчномъ помяченіи“. Въ Каменцѣ литовскомъ подканцлеръ князь Раздвинилъ обратился въ унию церковь Рождества Богородицы. На представленіи резидента отвѣчали, что въ Каменцѣ было Руси только человекъ съ тридцать и сами просились въ унию; что же касается до Полоцкаго воеводы, то оиъ распорядился въ своей отчинѣ, запретить ему трудно, пусть резидентъ поговорить съ нимъ самъ. „Все вы толкуете о вѣчномъ мирѣ!“ говорили паны: „этимъ вѣчнымъ миромъ великіе государи хотятъ распорядиться въ нашихъ отчинахъ, какъ будто по вѣчному миру мы стали ихъ невольниками! По нашему праву, всякій шляхтичъ въ своемъ имѣніи воленъ и безъ королевскаго вѣдома можетъ хлопотъ своихъ казнить какъ захочетъ, и неужели нельзя какого-нибудь негоднаго пона переменить? Въ договорѣ съ царскимъ величествомъ идетъ дѣло объ однихъ королевскихъ имѣніяхъ, а не о панскихъ и шляхетскихъ маестностяхъ, потому что пану въ его имѣніи указывать нельзя. Изъ Москвы іезуитовъ выслали, Римскою вѣрѣ неволя,—но король молчитъ, потому что цари въ своемъ государствѣ вольны“.

Дѣлать было болѣе нечего, потому что на плечахъ была опасная война: нерусскія рати ходили на Крымъ, а Татары наѣзжали Украйну.

Въ началѣ 1693 года 40,000 Татаръ вмѣстѣ съ Петрикомъ явились на Украйнѣ, но не могли

привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города, и съ ничтожною добычею возвратились назадъ: „только едва копытами своими погаными богохранимой нашей монаршей державы коснулись“, какъ извѣщалъ царей Мазепа. Петрику, который, по современному выраженію, продолжалъ „пялить душу на крокъ адовой пропасти“, оставалось писать на Запорожье грамоты, страшать казаковъ Москвою: „Разумныя головы, разсудите, что не всегда Московскіе цари такое намъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылають червонные золотые; это Москва дѣлаеть потому, что слышитъ въ лѣсу волка; а когда бѣда минется, то не только жалованья вамъ не дастъ Москва, но, помирившись съ Крымомъ, васъ изъ Сѣчи выгонятъ, вольности ваши войсковыя отниметь, Украйны нашей часть Ордѣ отдасть въ неволю, а остатокъ возьметъ въ свою неволю вѣчную. И тогда къ кому прикнетесь, кто вамъ поможетъ и избавитъ васъ изъ неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоитъ Крымскій ханъ, тотъ будетъ и папъ. Дивное дѣло, что прежде всѣ вы жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своихъ господъ, жаловались, что нѣтъ такого человѣка, который бы началъ дѣло. А теперь, когда такіе люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобожденіе: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди, въ Сѣчѣ оставались. Я вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ совѣтую: воспользуйтесь удобнымъ временемъ! А если это время упустите, то уже никогда другого такого нѣтъ не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмете на свои души грѣхи всей Украйны, которая вамъ защищается и на васъ надѣется“, Запорожцы отвѣчали „врагу воплощенному“, что вся клятва падеть на него, потому что онъ съ бусурманами приходитъ опустошать крайнее гнѣздо Православной вѣры, Москву, и особенно Малюю Россію.

Петрику жестоко ошибся, положившись на рѣчи недовольнаго меньшинства въ Запорожьи и задумавъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго. Огромное большинство въ Малороссіи крѣпко стояло за единство Русской Земли, т. е. за союзъ съ Москвою во имя Православія. Вотъ что доносилъ царскій посланецъ, дьякъ Андрей Вишусъ, бывшій въ Малороссіи въ началѣ 1693 года и внимательно наблюдавшій расположеніе умовъ: „Но городамъ, селамъ и деревнямъ видѣлъ я въ народѣ совершенную твердость Православной Церкви, большую пабожность и къ великимъ государямъ всесовершенную и постоянную вѣрность. Говорятъ: гдѣ намъ такого покровна, защиты и благополучнаго житія сыскать, какое получили подъ царскимъ правленіемъ! Живемъ при Православной вѣрѣ, при правахъ и вольностяхъ своихъ по домашъ миру, чего никогда не видали отъ Ляховъ, у которыхъ были въ такомъ же порабощеніи, какъ Израиль въ Египтѣ. Кому изъ насъ въ голову можетъ придти мысль соединиться опять съ Ляхами, кото-

рые, еслибъ могли, всѣхъ бы насъ отдали бусурманамъ, или подъ мечъ положили, или въ душевредительную унію обратиться приневолили. А что дьявольскій сосудъ, Петрику, дѣлаеть, то ясно, что христіанину съ бусурманомъ никогда въ союзѣ быть нельзя: примѣръ Молдавіи и Валахія, запустошенныя бусурманами“.

Уходя врага дать возможность заняться внутренними дѣлами. Надобно было порѣшить вопросъ объ арендѣ, или, винномъ откупѣ. Гетманъ велѣлъ полковникамъ съѣхаться въ Батуринъ и привезти съ собою всю полковую старшину, городскихъ урядниковъ, знатное войсковое товарищество и мѣщанъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться и рѣшить дѣло объ арендѣ. Собралось много людей всякихъ чиновъ, долго между собою говорили и совѣтовали, оставить ли аренду попрежнему или уничтожить. Многіе стояли на томъ, что аренду надобно удержать непремѣнно, потому что она никому, кромѣ шинкарей, не вредитъ, и въ городахъ отъ нея большая оказалась прибыль: всѣ свои нужды они исправили, благодаря арендѣ, а въ иныхъ городахъ и денегъ по тысячѣ и по другой золотыхъ положили себѣ въ запасъ. Но большинство оказалось противъ аренды: аренда, говорили они, извѣстна дѣло ненавистное, вѣчный поводъ безпокойнымъ людямъ къ порицанію, вѣчный предлогъ вредить общему добру; и теперь Запорожцы по ея поводу кричали и вопили. Порѣшили на томъ, что аренду уничтожить, а деньги, необходимыя на жалованье охотничьему войску и на всякіе полковныя расходы, собирать съ тѣхъ людей, которые будутъ содержать шинки, и съ винокуровъ, которые развозятъ свое вино по ярмаркамъ. Но согласился ввести этотъ новый порядокъ только на одинъ годъ, чтобы посмотрѣть, что изъ него выйдетъ.

Петрику не приходило съ Татарами на Украйну, тѣмъ не менѣе гетману не было отъ него покоя. Казаки, сбжавшіе отъ Петрика, показали, что у него есть грамоты отъ Мазепы. Показаніе было такого рода, что въ Москвѣ не могли дать ему вѣры, но Мазепа сильно кручинился. Въ Глуховѣ, на обѣдѣ у Стародубскаго полковника Миклашевскаго. Мазепа бросился на Кочубея, билъ его по щекамъ, топталъ шинками, кричалъ: „Ты съ Петрикомъ писалъ листы моимъ именемъ, отчего я въ невинности моей сокрушаюсь и ношу такое нареканіе“. — „Я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, ничего не знаю“, отвѣчалъ Кочубей: „развѣ Петрику захватилъ какія-нибудь старыя письма изъ моей канцеляріи. — этого не знаю“. Послѣ этой сцены Мазепа сейчасъ же побѣхалъ изъ Глухова въ лагерь къ стольнику и полковнику Ватурину, и началъ ему говорить: „Что теперь дѣлать?“ Ватуринъ отвѣчалъ: „Одного опечалили, а другого оскорбили: ступай опять въ Глуховъ къ Миклашевскому“. Мазепа сейчасъ же побѣхалъ къ Миклашевскому, послалъ за Кочубеемъ и помирился съ нимъ.

Петрику не давалъ покоя Мазепѣ и тѣмъ, что не переставали приходять вѣсти о его новыхъ

замыслахъ. Петрикъ твердилъ хану: въ Малоросіи непремѣнно будетъ бѣжить отъ черни на пановъ и откупщиковъ, особенно если ханъ пойдетъ къ малороссійскимъ городамъ и гетманъ соберетъ всеѣ подки въ одинъ обозъ; тутъ прежде всего чернь станетъ старшину бить, а потомъ въ городахъ чернь перебѣетъ пановъ и откупщиковъ, и тогда весь Малороссійскій народъ соединится съ Крымами и пойдетъ войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотѣлось переманить на свою сторону Запорожье, въ которомъ постоянно были люди, готовые съ ними соединиться; постоянно по куренямъ слышались слова: „Если ханъ будетъ давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству Крыскому, къ кѣмъ ханъ—тотъ и панъ“. Гетманскій посланецъ Горбаченко, возвратившись изъ Сѣчи, рассказывалъ: „Множество тамъ легкихъ людей, голутубы, безодежныхъ, безоружныхъ. Кошевой атаманъ Гусакъ говорилъ мнѣ: видишь, сколько голутубы прихожей изъ городовъ, а въ радѣ противъ всякаго нельзя говорить намъ; если бы, по радѣню гетманскому, отворилась война на бусурманъ, то вся бы эта голутуба пошла на войну, и все бы пререкатели пропали на бояхъ“. Мазепа сталъ хлопотать въ Москвѣ, чтобъ позволено было начать наступательную войну противъ Турокъ. Сильно обезпокоило гетмана извѣстіе, что казачество обратило свое вниманіе на Палѣя. Петрикъ захотѣлъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго, много наобѣщаль—и ничего не сдѣлалъ; но передъ казаками былъ знаменитый полевой воинъ, который ничего не обѣщаль, но много дѣлалъ, воюя постоянно и успѣшно съ Татарами; Палѣй многумъ изъ казаковъ представлялся желаннымъ вождемъ для всякаго казачества, храбрымъ и счастливымъ. Когда Палѣй шелъ подъ турецкіе городки, въ Запорожьи говорили: „Дадимъ Палѣю гетманство, вручимъ ему всеѣ клейноты; Палѣй пойдетъ уже не Петриковою дорогою, знаетъ онъ, какъ украинскихъ пановъ прибрать къ рукамъ“.

Скоро представился случай втянуть Палѣя въ дальнее и опасное предпріятіе, и Мазепѣ очень хотѣлось имъ воспользоваться. Господарь Молдавскій, враждующъ съ господаремъ Волошскимъ, прислалъ къ Мазепѣ съ просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетманъ не согласится употребить для этого своихъ казаковъ, то нельзя ли поручить это дѣло Палѣю. Мазепа немедленно написалъ Льву Кирилловичу Нарышкину: „Палѣй гнушается Поляками, а великіе государи никакъ не принимаютъ его по причинѣ договоривъ съ Польшею; одинъ перейти къ намъ съ семействомъ онъ не хочетъ, сластолюбствуя совершенною въ Хвостовѣ надъ многими людьми властію. Тамъ было бы хорошо затянуть его въ такое дѣло, въ которомъ бы онъ не повредилъ своего христіанскаго правосудія, ибо, такъ какъ онъ пересылается съ начальниками Бѣлогородской орды, то надобно опасаться, чтобъ бусурманы не прельстили его; если же онъ предпри-

метъ военное дѣло, потребное христіанству, то уже никакая вражья прелесть не будетъ имѣть надъ нимъ силы“. Но великіе государи отвѣчали, что этотъ промыселъ должно оставить, потому что, по вѣстямъ, въ Валахію должны войти большія турецкія силы, и Палѣю можетъ быть бѣда.

Въ концѣ іюня голутуба на Запорожьи взяла верхъ и возобновлено было перемиріе съ ханомъ; кошевой Гусакъ, не хотѣвшій мира съ бусурманами, сдѣла атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ.

Въ Москвѣ для успокоенія Запорожцевъ написали грамоту, въ которой говорилось, что нынѣшняго лѣта воинскаго похода подъ турецкіе городки не будетъ, и чтобъ Запорожцы не обвѣняли въ этомъ гетмана. Съ этою грамотою Мазепа отправилъ на Запорожьи казака Кныша. Когда грамоту прочли въ Сѣчи на радѣ, то поднялся крикъ: „Ясно, что походъ отложится по гетманскому желанію, гетманъ же исхочатайствовалъ и у великихъ государей грамоту, чтобъ мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что похода подъ городки не будетъ, то заключили съ ними перемиріе, а гетманъ, узнавши объ этомъ, послалъ стараго нашего кошевого Федка подъ Очаковъ; Федка похватали Турокъ и Татаръ, ходившихъ за солью, и многихъ побили, а Татары побрали за это нашихъ Запорожцевъ, невинныхъ на соляной добычѣ, 50 человекъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всеѣ плѣнныхъ, взятыхъ Федкою, и его самого; а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости,—увидитъ, что ему, его панамъ арендарямъ и дзорцамъ будетъ. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичъ такого поджока надъ нами не дѣлалъ; однажды попробовалъ сдѣлать такой же поджогъ, но когда Сѣрко ему написалъ, что готовится на него сто тысячъ сабель, то испугался и прислалъ тотчасъ къ намъ вина, ветчины и всякаго запаса. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами; дзорца его Рутковскій ватагъ съ запасами на Запорожьи не пропускаетъ; только мы Рутковскаго скоро возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него нечего добра чаять, потому что онъ всякаго добра желаетъ Москвѣ и къ Москвѣ смотреть, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ Черной Радѣ“. Царь Запорожскій говорилъ тайно Кнышу: „Какъ ханъ возвратится изъ войны Венгерской, то Запорожцы хотятъ тотчасъ утвердить съ нимъ миръ и идти войною на великороссійскіе города, а въ Малой Россіи воевать имъ не для чего, потому что она сама въ себѣ кого надобно повоюетъ: вишкурники, пастухи, овчары и голутуба всеѣ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотя Запорожцы идти на великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ Донскимъ казакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми; что лѣтъ ихъ

стародавнимъ вырубленъ, въ Орлѣ сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано, что московскимъ ратнымъ людямъ быть на Украинѣ только въ трехъ городахъ. И то Запорождамъ въ тягость, что гетмановъ, старшину и полковниковъ безъ ихъ вѣдома берутъ въ Москву и въ Сибирь высылаютъ“.

Отъ Палѣя приходили также непріятныя вѣсти. Посылалъ онъ своего казака къ королю и къ коронному гетману съ татарскими языками. Коронный гетманъ призывалъ къ себѣ казака ночью и говорилъ ему: „Зачѣмъ Семень Палѣй мнѣ не довѣряетъ, я никого еще своимъ гетманскимъ словомъ не обманулъ. Лучше бы Палѣю было, когда бы онъ моихъ указовъ слушалъ и ходилъ туда, куда я велю, чѣмъ самовольно ходить по татарскимъ саклямъ, изъ чего ему нѣтъ никакой выгоды. Оттого, что онъ не слушаетъ моихъ указовъ, и вамъ деньги изъ королевской казны не даются. А если Палѣй въ другую сторону обращиваетъ свою службу, то тамъ пуще пропадетъ, вѣшаясь на двухъ голяхъ. Пусть онъ знаетъ, что если захочу, то сейчасъ же мнѣ его выдадутъ; пшутъ ко мнѣ полковники Заднѣпровскіе, что всѣ они его ненавидятъ и щадить не будутъ. Если бы вы, добрые молодцы, блюду свою вѣрность королевскому величеству, другого себѣ полковника выбрали, то очень бы хорошо сдѣлали, потому что у васъ, казаковъ, не новость старшихъ перемѣнять; а еслибъ такъ сдѣлалось, то сейчасъ бы вамъ дана была изъ казны королевской достаточная плата“.

Въ Москвѣ сочли нужнымъ отправить на Запорожье сто половинокъ сукна въ прибавку. Когда сукно привезли въ Батуринъ и стали осматривать, то наши, что три половинки испачканы дегтемъ. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но дѣлать было нечего, послалъ сукно съ своимъ казакомъ Сидорошъ Горбаченкомъ. Не доѣзжая четыре мили до Сѣчи, Горбаченко послалъ сказать о своемъ пріѣздѣ кошевому. Тотъ назначилъ раду и во всѣхъ куреняхъ велѣлъ запечатать вино, чтобъ пьяныхъ не было. Когда Горбаченко пріѣхалъ, атаманъ велѣлъ идти ему въ раду, собранную по обычаю подлѣ церкви. Горбаченко вошелъ въ раду, помоллся на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подаль кошевому листъ гетманскій. Писарь громко прочелъ листъ, и всѣ начали кланяться, благодарить великихъ государей за жалованье. Стали смотрѣть сукна, хвалили, говорили, что прежде къ нимъ такихъ суконъ не присылали; запачканныхъ суконъ не успѣли осмотрѣть, потому что писарь и судья, замѣтивши ихъ, спрятали и сказали, чтобъ всѣ расходились по куренямъ, а сукна они и безъ нихъ примуть.

27-го декабря, ночью, прискакали въ Малоросійскій Приказъ капитанъ Ярыжкпнъ съ важными дѣлами. Мазена приказалъ ему объявить Льву Кирилловичу Нарыжкпну и думному дяку Украинцеву слѣдующее: „Если укажутъ великіе государи принять Семена Палѣя, то изволили бы прислать

къ нему о томъ указъ вскорѣ. По принятіи Палѣя надобно прислать новыя войска на Украину для защиты Палѣя и Украины отъ Полкоковъ, которые Палѣевъ пріемъ даромъ не оставятъ. Палѣй писать и приказываетъ гетману словесно, что если ему обороны и помощи отъ гетмана не будетъ, то онъ обратится въ другую сторону, куда его давно зовутъ, потому что Поляки совершенно ему не доброхотствуютъ и ищутъ способа, какъ бы его схватить и казнить; если же такого удобнаго случая не найдутъ, то хотятъ убить его тайно чрезъ злохитрыхъ людей. Если Палѣй пристанетъ къ бусурманской сторонѣ, то вся Украина разорится, потому что казаки пойдутъ всѣ къ Палѣю, и помѣшать тому никакъ будетъ нельзя, потому что Палѣй человекъ военный, имѣетъ въ воинскихъ дѣлахъ счастье, за что казаки его очень любятъ, и такого другого человекъ на Украинѣ нѣтъ; и теперь, хотя подъ жестокимъ страхомъ было заказано, однако пошло къ нему изъ Кіевского полка много казаковъ“.

Въ письмѣ своемъ къ Мазепѣ Палѣй увѣдомлялъ, что коронный гетманъ разослалъ универсалы къ казакамъ и мѣшанамъ съ увѣщаніями отстать отъ Палѣя. Велѣлъ за тѣмъ польскія хоругви и казацкія голны нанали врасплохъ на сотни Палѣева полка, убили много народа; Палѣй писалъ, что долженъ будетъ драться, и просилъ у Мазепы наставленія, совѣта и войска. Не дожидаясь совѣта и наставленія, Палѣй 29-го декабря послалъ новое письмо къ Мазепѣ: „Прошу объ отвѣтѣ немедленно; если мнѣ нѣтъ надежды на милостивую помощь войскомъ, то позволъ мнѣ съ моими людьми выйти изъ Хвостова и поселиться въ Трепольи или Васильковѣ, потому что насилія мучительскаго отъ Поляковъ невозможно выдержатъ; кругомъ все ихъ крѣпости, подъ бокомъ Вѣлая Церковь, отъ которой не разъ была уже пагуба Хвостову. Тысячекратно упаяя къ ногамъ regimentарскимъ, прошу плачевно дай вѣдать: — будетъ ли помощь, или мнѣ отъ тѣхъ враговъ сбрести?“ Изъ Москвы прежній отвѣтъ: нельзя принять Палѣя прямо и поселить въ Трепольи: это будетъ явное нарушеніе договора; пусть идетъ и съ подчанами своими сначала въ Запорожье, и оттуда переходить въ города царскаго величества.

Но Мазена не переставалъ лѣтъ старую пѣсню, что надобно принять Палѣя, и прямо высказалъ, что въ противномъ случаѣ онъ боится встрѣтить въ Палѣѣ опаснаго соперника, другого гетмана Хмельницкаго. „Теперь, писалъ Мазена въ Москву, Палѣю уже нельзя прекратить ссоръ съ Поляками, потому что съ обѣихъ сторонъ побито человекъ съ дѣвяти. Палѣй хочетъ оставить Хвостовъ и поселиться въ Умань: чтобъ онъ, поселись тамъ, не призывалъ къ себѣ Татаръ на помощь противъ Поляковъ; призоветъ Татаръ, станетъ воевать и разорять Поляковъ, — опасно чтобъ и этой стороны не разорилъ, потому что захочетъ писаться гетманомъ и съ этой стороны казаковъ переманивать; чтобъ не былъ онъ другой Хмельницкій; надобно

докумѣ гетмана Самойлова, посланы были деньги 30,000 золотыми червонными изъ ивѣиа боярина Матвѣева; а теперь бить объ этомъ челомъ гетманъ не долженъ, потому что теперь такой нужды, какая была во время Чигиринскихъ походовъ, нѣтъ, особенно же потому, что всѣмъе доходы въ Малороссіи за гетманомъ, старшиною и полковникамъ, и бить еще челомъ о деньгахъ стыдно“. Когда старшина и полковники съѣхались въ Батуринъ послѣ Свѣтлаго Воскресенья 1694 года, Мазена объявилъ имъ отвѣтъ изъ Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда такъ, то надобно опять ввести аренду,—аренда выгоднѣе, а поборы черному народу тягостнѣе, потому что поборы берутъ и съ того человѣка, который однимъ хлѣбомъ безъ промысловъ довольствуется, отчего бѣдный человѣкъ до конца разоряется. Гетманъ

возразилъ, что пойдутъ опять крпки изъ Запорожья; ему отвѣчали на это, что Запорожцамъ отъ аренды никакой тягости нѣтъ, тягостнѣе народу ихъ запорожская аренда, которая въ Сѣчи заведена: изъ всякой куды вина берутъ на старшину и на куренныхъ атамановъ третью долю, остальное же вино велѣть продавать по той цѣнѣ, какую они же положатъ, а не волною цѣною. Тогда гетманъ сказалъ полковникамъ и знатнымъ товарищамъ, чтобы они, возвратясь домой, велѣли вездѣ, въ городахъ и селахъ собирать людей и совѣтоваться съ ними: поборамъ ли быть или арендѣ. Такъ и было сдѣлано во всѣхъ городахъ, городкахъ и селахъ, и повсюду единогласно приговорили—„быть арендѣ“. Гетманъ, получивши донесенія объ этомъ, отправилъ ихъ въ Москву съ просьбою о милостивомъ повелительномъ указѣ ¹⁾.

Г л а в а III.

Окончаніе двоевластія. Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Окончаніе потѣхъ. — Замысли Петра относительно морскихъ предпріяій. — Роль Лефорта. — Греческое духовенство проситъ о дѣятельномъ продолженіи войны съ Турками. — Первый Азовскій походъ. — Воронежскій флотъ. — Кончина царя Иоанна Алексѣевича. — Второй походъ и взятіе Азова. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Москвѣ и Польшѣ. — Торжественный входъ побѣдителей въ Москву. — Стрѣніе кораблей кумпанотами. — Посылка молодыхъ людей учиться за границу. — Намѣреніе Петра ѣхать самому за границу. — Неудовольствія. — Розыскъ монаха Аврамія. — Розыскъ Цыклера и Соковина. — Отъѣздъ Петра за границу. — Неудовольствіе въ Ригѣ. — Пребываніе въ Пруссіи. — Дѣла Польскія. — Свиданіе Петра съ двумя курфюретинами; ихъ отзывъ о немъ. — Петръ въ Голландіи, въ Англіи, въ Вѣнѣ. — Стрѣлецкій бунтъ. — Возвращеніе Петра въ Москву. — Брадобрѣтіе. — Стрѣлецкій розыскъ и казни. — Постриженіе царевны и царицы Евдокии. — Раздраженіе Петра. — Любимецъ Меншиковъ. — Повѣдка Петра въ Воронежѣ. — Новые розыски и казни по возвращеніи въ Москву. — Разбой. — Злоупотребленія воеводъ. — Учрежденіе бурмистровъ. — Алексѣй Курбатовъ. — Гербовая бумага. — Указъ о торговлѣ компаніями. — Мѣра для улучшенія положенія Сибири. — Дѣла на Украйнахъ. — Дѣло Петра Артемьева.

И Вѣлое море, какъ видно, показалось узко, печально и безцѣльно для Петра. Онъ мучалъ, и одна потѣха уже не удовлетворяла. Была мечта отыскать проходъ къ Китаю или Индіи чрезъ Сѣверный океанъ; но недостатокъ средствъ и времени долженъ былъ скоро разсѣять юпошескую мечту. Сильно прельщало Балтійское море, хотѣлось пробраться туда, но какъ?—ключъ къ морю былъ у Шведовъ. Оставалось Каспійское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободнаго проѣзда на него для торговли съ богатою Азією: развѣ не можетъ Россія сама овладѣть этимъ средствомъ обогащенія, заведши флотъ на Каспій, овладѣвши торговлею съ прибрежными странами? Еще при царѣ Алексѣѣ строили корабль для Каспійскаго моря. Корабль былъ сожженъ Разными; но когда будетъ сильный флотъ на Каспійскомъ морѣ, то Разныиъ будетъ невозможенъ. 4 іюля 1694 года Лефортъ писалъ изъ Архангельска въ Жезеву: „Черезъ два года поговариваютъ о путешествіи въ Казань и Астрахань; но, быть можетъ, въ два года времени это пройдетъ. Впрочемъ, я буду всегда готовъ исполнять приказанія. Есть намѣреніе выстроить нѣсколько галіотовъ и

идти къ Балтійскому морю... ²⁾. Меня возводятъ въ адмиралы всѣхъ судовъ его величества; этого непремѣнно желаетъ самъ нашъ великій царь Петръ Алексѣевичъ“. 13 сентябрія Лефортъ писалъ: „Будущимъ лѣтомъ выстроить пять большихъ кораблей и двѣ галеры, которыя, ежели дастъ Богъ, черезъ два года отправятся въ Астрахань для заключенія важныхъ договоровъ съ Персією“ ⁴⁾.

Въ два года многое можетъ измѣниться, думалъ Лефортъ. Дѣйствительно многое измѣнилось, и на Лефорта указываютъ, какъ на виновника этихъ измѣненій; на него указываютъ, какъ на человѣка, уговорившаго Петра предпринять походъ подъ Азовъ. Потѣхамъ пора была кончиться. Въ народѣ шель ропоть: царъ связался съ Пѣмцами, и какое же изъ этого добро?—однѣ потѣхи, отъ которыхъ понараспу гибнутъ и страдаютъ люди. Для собственной выгоды Лефортъ долженъ былъ настаивать на

¹⁾ Книги Малорос. Приказа въ Архивѣ Мни. Юстиціи; дѣла Малорос. и Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мни. Пп. Д. Записки Желѣзбужскаго.

²⁾ Въ подлинникѣ стерто.

³⁾ Статья Поселята: Адмиралъ русск. флота Ф. Я. Лефортъ, въ Морскомъ Сборникѣ 1863, № 3.

прекращеніе потѣхъ и на какое-нибудь важное предпріятіе, которое могло бы выставить въ видъ одного свѣтъ царя и команданю, — иначе рождалась очень непріятныя сравненія съ свергнутымъ правительствомъ: если при Софійи походы на Крымъ были неудачны, то все же русскія ратн искали враговъ въ ихъ жилищахъ, а теперь Татары приходятъ на Украину. Союзники упрекаютъ въ бездѣйствіи, гетманъ Мазена пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе: этого желаетъ народъ, это особенно нужно, чтобъ дать упражненіе безпokoйнымъ силамъ, собраннымъ на Залорожьи. Дефортъ хотѣлъ, чтобъ Петръ предпринялъ путешествіе за границу, въ Западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ Турокъ. Не забудемъ, что тотчасъ по взятіи Азова предпринимается путешествіе за границу; эти два событія состоятъ въ тѣсной связи.

Были увѣщанія къ дѣятельному продолженію войны и съ той стороны, съ которой, по прежнему опыту, трудно было ожидать ихъ. Въ сентябрѣ 1691 года была получена грамота отъ Іерусалимскаго патріарха Досифея отъ 18 марта: „Пришелъ въ Адрианополь посолъ французскій“, извѣщаль патріархъ, „принесъ отъ короля своего грамоту насчетъ Св. мѣсть; случился тогда тамъ и ханъ Крымскій; подарили Французы визирю 70,000 золотыхъ червонныхъ, а хану 10,000 и наставвали, что Турки должны отдать Св. мѣста Французамъ, потому что Москали приходили воевать Крымъ; ханъ толковалъ о томъ же. Взяли у насъ Св. гробъ и отдали служить въ немъ Французамъ, дали намъ только 2½ лампады; взяли у насъ Французы половину Голговы, всю церковь Вполеемскую, Св. пещеру, разорили всѣ денсусы, раскопали всю тропеку, гдѣ раздаемъ Св. свѣтъ, и хуже надѣлали въ Іерусалимѣ, чѣмъ Персы и Арабы, а какія бѣды старцамъ нашихъ тамошнимъ причинили — кто можетъ разсказать? Кстава были и Синайскіе старцы, и просили у визиря нѣкотораго повышенія чести, заступились за нихъ Французы, чтобъ насъ одолѣть, однако визирь не послушался; только упрямится, Св. мѣсть намъ не отдаетъ; народъ Турецкій кричитъ, что Москали были смиренны, а теперь изъ-за Іерусалима войну начнутъ; по визирю это ни во что ставитъ. Теперь просятъ Французы вновь указу, чтобъ обновить имъ въ Іерусалимѣ своды церковныя и такимъ образомъ явиться старымъ владѣтелями. Если вы, божественные самодержцы, оставите Святую Церковь, то какая вамъ похвала будетъ? Если вы отправите сюда посла, то прежде всего онъ долженъ стараться о нашемъ дѣлѣ, о возвращеніи намъ Св. мѣсть и безъ этого не долженъ заключать мира, ибо если вы заключите миръ безъ этого, то лучше уже ничего не предлагайте о Іерусалимѣ, ибо иначе Турки поймутъ, что у васъ нѣтъ о немъ попеченія, и тогда Французы завладѣютъ Св. мѣстами на-вѣки, и намъ

впередъ нельзя будетъ подавать на нихъ челобитья. Такъ если хотите предлагать о Іерусалимѣ, то въ случаѣ отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украину, потомъ требуйте Молдавію и Валахію, также Іерусалимъ возьмите — и тогда заключайте миръ. Намъ лучше жить съ Туркамъ, чѣмъ съ Французами; но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украинѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ; худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству Турки такъ не враждебны, какъ вамъ. Тому 18 лѣтъ, какъ я писалъ письмо отъ Адрианополя блаженной памяти отцу вашему, государю царю кнрь Алексѣю Михайловичу, и совѣтовалъ: покиньте Поляковъ и усмирите прежде Турокъ, потому что непремѣнно хотятъ придти къ Дибру; онъ не послушался, не повѣрилъ, а потомъ случилось все такъ, какъ мы писали. И теперь совѣтую, если хотите мириться, такъ миритесь, чтобъ Украина была освобождена, Іерусалимъ былъ отданъ и Турки отступили за Дунай; а не такъ, — лучше войите вмѣстѣ съ сосѣдями, гоните и смиряйте нечестивыхъ, а о Полякахъ нечего заботиться: когда захотите смирить ихъ, тогда и смирите. Нынѣшній визирь человекъ достойный, взялъ Иису и Вѣлградъ, а причиною вы, потому что Татары были съ нимъ вмѣстѣ, а если бы Татары были вами сдержаны, то Турки ничего бы не сдѣлали. Однако оня никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброты ваша отъ неразумія. Теперь визирь вмѣстѣ съ ханомъ хочетъ васъ обмануть; побѣдитъ Нѣмцевъ, а потомъ и за людей васъ не станетъ почитать, потому что онъ глубокъ и лукавъ. Побѣдивши Нѣмцевъ, стануть воевать съ великимъ гнѣвомъ по многимъ причинамъ. Поэтому ишу: если не будетъ освобождена Украина и Іерусалимъ, и если Турки не будутъ изгнаны изъ Подолія, — не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Будете заключать миръ и станете вначалѣ требовать Іерусалима, и если они его вамъ не отдадутъ, то не заключайте мира, Турки убьютъ визиря за напрасную войну. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украины не поступятся и изъ Подолія не выйдутъ — не заключайте мира, потому что если засядутъ они въ Подоліи, то сыщутъ удобное время и не будутъ молчать. Помогайте Полякамъ и инымъ, пока здѣшніе погибнутъ. Если Татары погибнутъ, то и Турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная; а если Татары останутся пѣлы, то оня васъ обманутъ. Впередъ такого времени несыщете, какъ теперь. Мы желали взять Іерусалимъ отъ Французовъ черезъ васъ, и не для Іерусалима только: мы хотимъ, чтобъ вы не позволяли Туркамъ жить по сю сторону Дуная и за Дунаемъ, чтобъ вы разорили Татаръ, — тогда и Іерусалимъ будетъ вашъ Александръ Великій не ради Бога, но ради единоплеменныхъ своихъ на Персовъ великою войною

ходить; а вы ради Святыхъ мѣсть и единого Православія для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами: теперь такое благополучное время, и вы не радуете! Въ досаду вамъ, Турки отдали Иерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ; смотрите, какъ смѣются надъ вами: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары — горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань; а такъ какъ Татары подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого“. Патріархъ съелъ за нужное приписать: „Чтобъ Греки, живущіе въ Москвѣ, ничего не знали о моемъ письмѣ, кромѣ Николая Спфарія“.

2-го сентября 1691 года Досифей писалъ другу грамоту къ царямъ, которая дошла въ Москву не ранѣе начала 1693 года. Патріархъ былъ сильно озабоченъ тѣмъ, что Французы добились себѣ позволеніе возобновить сводъ церковный въ Иерусалимѣ, и просилъ царей начать мирные переговоры съ Турками, причѣмъ требовать, чтобъ Св. мѣста отданы были Грекамъ попрежнему, ибо Англичане и Голландцы хлопочутъ о мирѣ между Австріею и Турціею, и Австріяды, по наущенію папы, могутъ внести въ договоръ, чтобъ Св. мѣста остались за католиками. „Мы надѣемся, писалъ Досифей, что Турки исполнять вашу просьбу, потому что вы ничего новаго не будете просить; не просите, чтобъ вамъ самимъ владѣть Св. мѣстами, но только чтобъ они были подъ властію Грековъ, какъ прежде; такъ какъ Греки турецкіе подданные, то султану отъ этого никакого безчестья не будетъ“¹⁾.

Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою. „Какъ осенью, писалъ Петръ²⁾, трудились мы подъ Кожуховымъ въ маршовый потѣхъ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожь эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла“. Опытъ Голицына показывалъ, что степные походы не могутъ обѣщать успѣха, и потому рѣшено было направить походъ на Азовъ, путь къ которому облегчался Дономъ и близкими къ городу поселеніями Донскихъ казаковъ. Взятіе важной турецкой крѣпости могло произвести сильнѣйшее впечатлѣніе въ Европѣ, чѣмъ война съ Татарами; Шкипера должна была прелестать мысль, что Азовъ былъ ключъ къ Азовскому морю. Хотѣли оплошить Турокъ, напасть нечаянно на Азовъ, и въ началѣ 1695 года объявленъ былъ походъ — только на Крымъ. И дѣйствительно: огромное войско, старая дворянская конница, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилась къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собою и Малороссій-

скихъ казаковъ; но войско новаго строя — полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, — всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ трехъ генераловъ — Автонома Головина, Лефорта и Гордона: бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передовой Гордонъ отрядъ собрался въ Тамбовѣ и отправился сухимъ путемъ черезъ Черкасскъ къ Азову. Войска Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою-рѣкою, Окою и Волгою: „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ“, писалъ бомбардиръ въ Архангельскъ къ Апраксину: дяконъ Петръ приписывалъ: „Про твоё здоровье пьемъ водку и реиское, а паче пиво“. Походъ былъ не безъ препятствій. Бомбардиръ изъ Нижняго писалъ къ своему потѣшному генералиссимусу и королю Роходановскому: „Min Her Képich! письмо вашего превосходительства, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Прешбургѣ писанное, мнѣ отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы, и чаемъ за ваши многія и теплыя къ Богу молитвы, ваши посланіемъ, а нашими трудами и кровью, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщая, что холони ваши, генералы Автономъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ со всѣми войсками, да въ Богѣ здорово, и намѣрены завтрашняго дня идти въ путь, а ищкали для того, что инья суды въ три дня насилу пришли, и изъ тѣхъ многія, небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, также и суды, которыя дѣлали гости, гораздо худы, инья насилу пришли“. Къ Вишюсу Вѣмардиръ Piter писалъ: „Min Her! Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдниковѣ два дни, да въ Муромѣ три дни; а больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ словутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба“³⁾.

Войско плыло Волгою до Царицына; отсюда до казачьяго городка Паншина на Дону шло сухимъ путемъ съ большою нуждою, потому что ратные люди, и безъ того уставшіе отъ гребли, должны были теперь тащить на себѣ орудія и душевные припасы, по недостатку лошадей⁴⁾. Въ Паншинѣ новая бѣда: подрядчики не поставили нужное количество сѣстныхъ припасовъ. Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, отдохнуло три дня въ Черкасскѣ и 29-го іюня приблизилось къ Азову, подъ которымъ уже стоялъ Гордонъ. „Min Her“, писалъ Петръ Вишюсу: „Въ день Св. апостолъ Петра и Павла пришли на рѣку Койсу, верстъ за 10 отъ Азова, и на молитвахъ Св. апостолъ, яко на камени утвердился, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ“. Между тѣмъ въ Москвѣ сильно беспокоились насчетъ судьбы царя и вой-

¹⁾ Греческія дѣла означенныхъ годовъ въ Московск. Архивѣ Мп. Ин. Д.

²⁾ Къ Апраксину 16 апрѣля 1695 г.

³⁾ Письма въ Государ. Архивѣ.

⁴⁾ Допосеніе несарскаго резидента Плейера напечатано въ приложеніяхъ ко II-му тому книги Устрялова.

ска, и начинали ходить разные зловѣщїе слухи; поэтому приведенное письмо къ Виніусу произвело большую радость; Виніусъ отвѣчалъ: „Та почта такую вѣзмъ радость принесла, что мнози и въ церквахъ Вожїихъ и домахъ своихъ того-жъ часа молебствовали, прїнявъ сію радостную почту, яже яко солнце тму многіе лжи разогнала и повсюду, да же и въ стрѣлецкихъ слободахъ, великую радость принесла“¹⁾. 8-го іюля начали дѣйствовать русскія батареи. На одной батарее бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начиналъ гранаты и бомбы и самъ стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль, и потомъ записалъ о своей службѣ: „Зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ“²⁾.

Турки еще 6-го числа получили подкрѣпленіе моремъ, а къ Русскимъ водою нельзя было доставлять съѣстныхъ припасовъ: препятствовали двѣ турецкія каланчи, построеныя по обѣимъ берегамъ Дона, между каланчами протянуты были желѣзные цѣпи и набиты свая. Кликнули кличъ по охотникамъ изъ Донскихъ казаковъ: кто пойдетъ на каланчу? — каждому обѣшано по 10 рублей. Казаки взяли одну каланчу. Осажденнымъ представлялся случай отступить: къ нимъ приближалъ вступившій въ русскую службу и перекрестившійся голландскій матросъ Яковъ Япсень, и указавъ слабое мѣсто въ русскомъ станѣ: рассказалъ, что Русскіе спятъ въ полдень, во время самаго сильнаго зноя. Турки вышли въ это время изъ Азова, пустивши передъ собою одного изъ кубанскихъ или аграханскихъ³⁾ раскольниковъ, который, окликнутый часовымъ, сказался по-русски казакомъ и, высмотрѣвши, что Русскіе безопасно отдыхаютъ, далъ знакъ Туркамъ. Тѣ стремительно ворвались въ лагерь, побили сонныхъ, и хотя были выгнаны съ большимъ урономъ, однако успѣли увезти 9 полевыхъ орудій и перепортить всѣ осадныя. За то ночью Турки, слѣдившіе въ другой каланчѣ, узнали изъ нея, покинувъ свои пушки, и утромъ казаки заняли каланчу. Это произвело большую радость въ русскомъ войскѣ; Петръ писалъ:⁴⁾ „Теперь зѣло свободны стали, и развѣздъ со всякими живностями въ обозы наши, и будары съ запасами воинскими съѣстными съ рѣки Койсы сюда пришли, которые прежь сего въ обозъ зѣло съ великою провожены были трудностію отъ Татаръ сухимъ путемъ. И слава Богу, по взятіи оныхъ, яко врата къ Азову счастья отворились“⁵⁾.

Надежды эти однако не исполнились; Петръ увидалъ, что подъ Азовомъ нельзя „играть“⁶⁾. „Шѣше наклоняясь ходимъ, писалъ онъ Кресту“⁷⁾, потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ поменьку сыплется“⁸⁾. Тру-

ды понадобились сильныя, чтобъ разсыпать гнѣздо, а ушнѣя и единства было мало. Въ Москвѣ стали беспокоиться, что письма изъ-подъ Азова начали запаздывать; Петръ долженъ былъ ободрить: „Писать изволиши, отвѣчалъ онъ Ромодановскому, что почты урочнымъ днемъ не бывали; и тому ученися препоною недосужество, потому что многіе знатные въ воинскихъ трудахъ люди за оными письмемъ своихъ писать не успѣли; также и отецъ вальг государевъ и богомолецъ (Зотовъ) былъ въ непрестанныхъ же трудахъ письменныхъ распрашваніемъ многихъ языковъ и иными дѣлами. А здѣсь, государь, милостию Вожїено и вашими государскими молитвами и счастьемъ все, далъ Богъ, здорово. — Для Бога не сомнѣвайтеся о почтахъ, что замѣшкываются; истинно за недосужествомъ, а не для того, храни Боже! чтобъ за какою бѣдою. И самъ можешь разсудить, что еслибъ что учинилось, какъ бы то утаить возможно? И сіе выразумѣвъ, донеси кому пристойно“⁹⁾. — Къ Виніусу Петръ писалъ: „Въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждаемся. — Здѣсь, слава Богу, все здорово и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ Господи помози намъ, въ славу имени Своего Святаго“¹⁰⁾.

На этотъ годъ ничего не взошло изъ насѣяннаго. Два штурма не удались. 27-го сентября рѣшено отступить отъ Азова, занявши только каланчи. Съ болышимъ успѣхомъ дѣйствовало войско, посланное на маленькіе турецкіе городки въ низовьяхъ Днѣпра: Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два пѣзъ нихъ — Казн-Керменъ и Таганъ, два другіе были оставлены Туркамъ.

22-го ноября царь вступилъ съ торжествомъ въ Москву⁶⁾; но неудачу было трудно скрыть: тяжкій и дальній походъ съ самимъ царемъ, большія потери не окупались взятіемъ двухъ каланчей, которыя не могли получить большіе важности оттого, что въ окрестности громкимъ именемъ Новосергїевскаго города, по примѣру царя Алексѣя Михайловича, который взятые въ Ливоніи города называлъ по именамъ Русскихъ Святыхъ. Неудача страшная: первое дѣло молодого царя не было благословено успѣхомъ! Это видно не кораблики строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ Нѣмцами прервать! Но тутъ-то, благодаря этой неудачѣ, и произошло явленіе великаго человека: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобъ загладить неудачу, упрочить успѣхъ втораго похода. Съ неудачи азовской начинается царствованіе Петра Великаго.

На молодого царя роптали за то, что онъ облизился съ иностранцами; многимъ, послѣ неудачи азовской, должны были приходиться на память слова покойнаго патриарха Іоакима, что неможеть быть успѣха, Вожьяго благословенія, если русскимъ

¹⁾ Кабинетъ II, книга № 53.

²⁾ Илейеръ; Кабинетъ, I, книга № 64.

³⁾ Не изъ *Аграхановъ* ли вышло *Охреяне*?

⁴⁾ Къ Кресту, 17 іюля.

⁵⁾ Голицынь — Днѣпръ Петра В. XI, № 452.

⁶⁾ Записки Желябужскаго

полками будутъ предводительствовать иностранцы-еретики. Что же царь? Тотчасъ по возвращеніи изъ похода хлопочетъ, чтобъ прислано было ему еще больше иностранцевъ, посылаетъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и подкопными мастерами. До сихъ поръ царь строилъ кораблики съ иностранными мастерами для своей потѣхи; теперь вызываетъ еще изъ-за границы новыхъ мастеровъ, вызываетъ изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ¹⁾, хочетъ строить суда, которые должны плыть къ Азову и запереть его отъ турецкихъ судовъ, чтобъ они не могли доставить осажденнымъ помощи. Корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года;—возможно ли это?—мы знаемъ, какъ медленно строился корабль при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но сынъ царя Алексѣй самъ корабельный плотникъ:—при немъ дѣло пойдетъ иначе.

Галера, которую строили въ Голландіи, предназначая ея для Волги и Каспійскаго моря, привезена была въ Москву, въ Преображенское, на лѣсопилиную мельницу; здѣсь, по ея образцу, начали строить суда, и къ концу февраля 1696 года срублены были изъ сыраго, мерзлаго лѣса части 22 галеры и 4 брандеровъ: работали преображенскіе и семеновскіе солдаты, работали плотники, взятые изъ разныхъ мѣстъ, какъ обыкновенно въ старину стогнали рабочихъ въ Москву къ государеву дѣлу; работали иностранцы. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, въ Воронежѣ, Козловѣ, Доброю и Сокольскѣ 26,000 работников должны были къ веснѣ срубить 1,300 струговъ, 30¹⁾ лодокъ, 100 плотовъ. Адмираломъ зачинавшагося флота былъ назначенъ Лефортъ. Шкиперъ и бомбардиръ Петръ Алексѣевъ носилъ теперь званіе капитана. 27-го ноября былъ сказанъ походъ и сухопутному войску, главнымъ начальникомъ котораго былъ назначенъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шенинъ.

Среди этой небывалой дѣятельности, поднятой вторымъ царемъ, умеръ первый. Иванъ Алексѣевичъ умеръ незамѣтно, какъ жилъ, 29-го января 1696 года. Первымъ дѣломъ единовластителя Петра было ѣхать въ Воронежъ, несмотря на большую ногу: надобно было къ вскрытію рѣкъ перевезти галеры въ Воронежъ, собрать ихъ и пустить на воду. Шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ должны были самъ быть на мѣстѣ, чтобъ дѣло шло быстро и порядочно. А препятствій много къ быстротѣ и порядку. У главнаго заводчика дѣла большая нога, препятствующая скорому переѣзду изъ Москвы въ Воронежъ. Адмиралъ Лефортъ болѣлъ, остался въ Москвѣ, не можетъ ѣхать въ Воронежъ. Тысячи работников не являюся къ работѣ, на указныхъ мѣстахъ: тысячи сбгуютъ съ работы; солдаты, отправленные въ Воронежъ для флота, такъ дурюютъ дорогою, что Лефортъ долженъ писать объ этомъ изъ Москвы въ Воронежъ къ государю: „Покла-

даюсъ на твою милость, чтобъ ты пожаловалъ, приказалъ капитанамъ, чтобъ они учили солдатъ и надматривали, чтобъ отъ нихъ дуровства не было, дорогою много они дуровали“²⁾. Лефортъ, несмотря на болѣзнь, спѣшилъ въ Воронежъ: „Путь такой“, писалъ онъ къ царю отъ 20-го марта, „что ни въ саняхъ, ни въ телѣжкѣ, морозы и вѣтры великіе, однакоже на той недѣлѣ поѣду. День мѣста, другой, приму лѣкарство и не буду мѣшкать, каковъ ни будетъ путь, жить далѣ не стану. Лѣкарства всякаго кругъ себя поставлю, и морозы меня не проймутъ, также и лѣкарствъ со мною будетъ. По письму отъ милости твоей слышу, что тебѣ далъ Богъ лучше, и чаю, что мнѣ въ дорогѣ лучше будетъ. Сега числа князь Борисъ Алексѣевичъ у меня будетъ кушать и про ваше здоровье станемъ пить, а съ Москвы мой первый ночлегъ будетъ въ Добровицахъ, а тамъ мы милость вашу не забудемъ. Чаю, что у милости вашей пива добраго нѣтъ на Воронежѣ: я къ милости твоей привезу съ собою и мушкателенвейнъ и пива добраго. Доски многія посланы къ милости вашей; самъ изволимъ разсудить какой нужнѣй путь, что по се число не бывали; а веревки готовыя есть, и посланы, а нынѣ дѣлать великая трудность въ такіе морозы. Изволимъ отъ меня поклониться всѣмъ капитанамъ, которые каторги свои дѣлаютъ и готовятъ, а съ тѣми, которые не бывали съ каторгами, я съ ними справлюсь“.

Эти люди, члены компаніи, всѣ тутъ въ своихъ письмахъ: болѣзнь и пирь, управа съ нерадивыми капитанами, отсылка досокъ и веревокъ и мушкателенвейнъ—все вмѣстѣ. Чтобъ сохранить этихъ людей живыми въ исторіи, а не муміями, не должно представлять ихъ ни только менторами, ни только субутыльниками.

Лефортъ выѣхалъ изъ Москвы, и съ дороги изъ Ельца писалъ Петру: „На Ефремовѣ повопрѣзжіе лѣкари, которые три человекъ со мною идутъ, а достальныя 9 человекъ особо сошлись вмѣстѣ, стали пить, всякій сталъ свое вино хвалить; послѣ того учинился у нихъ споръ о лѣкарствахъ и дошло у нихъ до шнагъ, и три человекъ изъ нихъ ранены, однакожъ не тяжелыя раны.“

Лѣкаря рѣжутъ другъ друга, подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи. Новая, страшная бѣда: лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги, и „струговому дѣлу чинится великое нарушение и морскому воинскому походу остановка“³⁾. Капитаны въ Воронежѣ жалуются и кричатъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ: „за тѣмъ дѣло наше стало!“ Погода также чинитъ нарушение и остановку. Капитанъ Питеръ пишетъ къ Стрѣшневу въ Москву отъ 23-го марта: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, а суды дѣлаются безъ мѣшкоты, только послѣ великаго дождя былъ великій морозъ

²⁾ Письма Лефорта къ Петру въ Государ. Архивѣ.

³⁾ Благина, Исторія Русскаго флота. стр. 29; въ этомъ *спеціальному* сочиненіи см. всѣ подробности о заведеніи флота, не идущія въ нашу *общую* Исторію Россіи.

¹⁾ Голлицевъ X, № 10.

такъ крѣпкій, что вновь рѣки стали, за которымъ морозомъ дней съ пять не работали“. Въ другомъ письмѣ, отъ 7-го апрѣля, къ Виніусу пишетъ: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, только сегодня поутру ость-винтъ великую стужу, снѣгъ и бурю принесъ“.

Несмотря на всѣ порушенія, все было, слава Богу, здорово, и дѣло шло съ успѣшеніемъ, потому что „мы“, писалъ Петръ Стрѣшневу, „по приказу Божию къ прадѣду напелу Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой“. Этого хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ горницъ съ сѣнами и крыльцомъ, бани и поварни.

Флотъ былъ построенъ: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать суда на воду; въ этомъ занятіи прошла Святая недѣля ¹⁾. Петръ поздравилъ съ праздникомъ всѣхъ своихъ, оставшихся въ Москвѣ, въ одномъ письмѣ къ Виніусу „не для тѣхъ, но великихъ ради недосужекъ и праздника.“ Король Ромодановскій прислалъ выговоръ капитану, что получилъ поздравленіе выѣтѣ съ другимъ; Питеръ отвѣчалъ: „Извольши писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прошенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ неискусны.“ Между тѣмъ еще въ мартѣ пришли одинъ за другимъ въ Воронежъ и полки, которые должны были садиться здѣсь на струга. 23-го апрѣля суда съ войскомъ двинулись; 3-го мая поплылъ и „морской караванъ“, какъ тогда называли флотъ; впереди, начальствуя осьмью галерами, плылъ капитанъ Петръ Алексѣевъ, на галерѣ „Princirich“, которую самъ строилъ.

Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны: русскій флотъ загордиль дорогу турецкому въ устьяхъ Дона, и Азовъ остался безъ помощи. Большое нападеніе Татаръ на русскій лагерь было отбито, послѣ чего происходили съ ними почти ежедневныя сшибки, удачныя для Русскихъ, кромѣ одного раза, когда, по словамъ Петра, Русскіе позабыли свою оборону — воинскій строй, и гнались, по прадѣдовскому обычаю, безъ порядка за неприятелемъ, вслѣдствіе чего и потеряли нѣсколько людей, но потомъ оправились. Начались осадныя работы. На увѣщанія сестры Натальи, чтобъ быть осторожнѣе, Петръ отвѣчалъ: „По письму твоему я къ ядрамъ и пулкамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помощь пришли, да къ намъ нейдутъ, и чаю, что желаютъ насъ къ себѣ.“ Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большаго успѣхомъ; осажденные не могли оставаться въ своихъ разбитыхъ домахъ, укрывались въ землянкахъ; но городскія укрѣпленія оставались нетронутыми, и осаждающіе не

знали, чтѣ дѣлать: выписанные австрійскіе инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали; по желанію войска, приступили къ работѣ по прадѣдовскому обычаю, — стали насыпать огромный валъ въ уровень съ валомъ неприятельскимъ и засыпать ровъ; пріѣхали наконецъ иностранные мастера, и городскія укрѣпленія тронулись отъ выстрѣловъ, направленныхъ искуснымъ артиллеристомъ Граге. 2,000 Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ — первые подъ начальствомъ наказнаго гетмана Якова Лпзогуба, вторые — атамана своего Фрола Минаева, пошли на штурмъ, были выбиты изъ внутреннихъ укрѣпленій, но засѣли на валу, откуда Турки никакъ не могли сбить ихъ. Послѣ этого всѣмъ войскамъ велѣно было готовиться къ приступу, но Турки не стали дожидаться его, и 18 іюля объявили готовность сдаться, выговаривая себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Условіе было принято.

„Min Her Kenich“, писалъ Петръ Ромодановскому, „извѣстно вамъ, государю, буди, что благословилъ Господь Богъ оружіе ваше государское: понеже вчерашняго дня, молитвою и счастьемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались“. Къ Виніусу писалъ: „Нынѣ со Святымъ Павломъ радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеси! Нынѣ же радость наша исполнися: понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались. Измѣнника Якушку (Янсена) отдали жива въ руки наши“.

И въ Москвѣ сильно обрадовались. 31-го іюля всѣ значительнѣйшіе люди въ управленіи сидѣли у „перваго министра“, Льва Кирилловича Нарышкина, когда получено было извѣстіе о сдачѣ Азова; Виніуса сейчасъ же послали къ патриарху: святѣйшій заплакалъ отъ радости и велѣлъ ударить въ большой колоколъ къ молебну, на который сошлось безчисленное множество народа. Думный дьякъ Емельявъ Украинцевъ читалъ царскую грамоту къ патриарху: „По прежде писанному нашему извѣщенію вашему святѣйшеству о цѣлости здравія нашего и о военныхъ нашихъ трудахъ довольно предложено, а нынѣ извѣствуемъ: егда по повелѣнію нашему промысломъ и усердію радѣтельными трудами боярина нашего Алексѣя Семеновича Шенина великороссійскія и малороссійскія наши войска земляной валъ къ неприятельскому рву отвсюду равномерно привалили, и, изъ-за того ваду ровъ заметавъ и заровнявъ, тѣмъ же валомъ черезъ тотъ ровъ до неприятельскаго вала дошли, и валы сообщили толь близко, еже возможно было съ неприятеля, кромѣ оружія, единими руками терзатися; уже и земля за ихъ валъ метаніемъ въ городъ сыпалась. И сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пяттокъ, малороссійскія наши войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которыхъ неотступно пребывая мужъ въ добро-

¹⁾ Пасха была 12-го апрѣля.

дѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще Донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Мниевымъ и съ Донскими казаками предварили неприятельской раскатъ подкопать, и на него мужски взойти, и съ неприятели бившись довольно, и тѣмъ раскатомъ овладѣли и, дождався ночи, съ того раската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, неприятели, азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промысль радѣтельный, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человекъ знатныхъ людей, и били челою, чтобъ даровать животою и отступить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ увѣренія въ твердости и въ правѣ оставили двухъ человекъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣнилъ, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился промлаго году. А въ 19 числѣ азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всею, что въ немъ было, отдали⁴.

Взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно порадовать народное воображеніе; это было первое торжество надъ страшными Турками, которые недавно еще разорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска; послѣ перваго Литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, похода, за которымъ слѣдовали такія неудачи и тягости, Русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ дѣломъ русскаго оружія; помнили, что когда-то Азовъ былъ взятъ Донскими казаками, и въ Москвѣ хотѣлось сильно удержать его, но не смѣли и отдали Туркамъ. Но, разумеется, больше всехъ радовались люди, близкіе къ Петру, кампанія, потому что успѣхъ увѣнчалъ дѣло, показывалось яено, что недаромъ употреблены были такія усилія для заведенія флота, недаромъ вызывали иностранцевъ; новое правительство съ его новизнами поднималось высоко надъ старымъ — съ его крымскими походами: „Всею извѣстно, писалъ Виниусъ Петру, что единымъ промысломъ вашимъ и одержаніемъ помощи съ моря столь знаменитый въ свѣтѣ градъ къ ногамъ вашимъ преклонился“⁴).

Теперь любопытно посмотрѣть, какое впечатлѣніе было произведено взятіемъ Азова въ Польшѣ, гдѣ уже не было болѣе Собѣскаго.

Еще прежде взятія Азова, Французъ Фурни, проживавшій въ Россію иностранныхъ офицеровъ и возвращавшійся чрезъ Варшаву, рассказывалъ намъ съ похвалою о дѣйствіяхъ Русскихъ подъ Азовомъ, о дѣйствіяхъ молодого царя. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: „Какой отважный и безпечный человекъ! и что отъ него выреть будетъ“? Воевода Русскій Матчин-

скій говорилъ: „Надобно Москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что поднималъ ихъ и сдѣлалъ людьми военными; а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь выполнируются“⁴. Воевода Плоцкій замѣтилъ на это: „Лучше-бъ было, чтобъ дома сидѣли, — это бы намъ не вредило; а когда выполнируются и крови напоятся, — увидишь, что изъ нихъ будетъ“ до чего, Господи Боже, не допусти“⁴.

Резидентъ Никитинъ получилъ извѣстіе о взятіи Азова 29-го августа, во время обѣдни, и приказалъ священнику до отпуста литургіи начать благодарственный молебенъ, и какъ начали пѣть великому государю многолѣтіе, то одинъ шляхтичъ Православной вѣры, Иванъ Матковскій, закричалъ, что есть силы: „Вивать царю его милости!“ и весь народъ трижды прокричалъ: „вивать!“ а посланникъ велѣлъ въ то же время трижды выстрѣлить изъ двухъ пушекъ и изъ ружей, сколько ихъ набралось. На стрѣльбу прибѣжало множество народа, которому Никитинъ велѣлъ выкатить пять бочекъ пива и три бочки меду; народъ голосилъ: „Вивать царю его милости! нехъ будетъ Ианъ Богъ благословенъ!“

1-го сентября Никитинъ въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ подалъ примасу царскую грамоту съ извѣстіемъ о взятіи Азова, причемъ говорилъ слѣдующую рѣчь: „Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Рѣчь Посполитая, да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ знаменемъ Креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Иерусалима, въ которомъ Христосъ Господь нашъ на престолѣ Крестомъ триумфовалъ. Идетъ прямо его царское величество къ татарскому Крыму, а союзникамъ шлетъ грамоты, чтобы укрѣплялись на продолженіе войны, чтобъ вдругъ безопасно ударили на звѣря, лакающаго кровь христіанскую и пожирающаго отчину вашу. По договорамъ царское величество зоветъ наяснѣйшую монархію Польскую съ такимъ желаніемъ, дабы та дорога, которую блаженной памяти король Янъ торилъ чрезъ Буджаки до Константинополя, была бы теперь доковчена. Здѣсь должны за Крестъ Господень соединиться ваши коронныхъ гетмановъ кресты; здѣсь должны соединиться вождей княжества Литовскаго стрѣлы и мечи, чтобъ отчину свою отыскать и братію изъ неволи поганской вы свободить; могли бы вы и самую богатую Арабію подбить свободному польскому орлу; теперь хорошо бы гербовною косою напавалъ скокить неприятеля: подается живо, когда Крестъ Господень дѣйствуетъ; теперь время съ Крестомъ идти вооруженною ногою толтать неприятеля: теперь время шляхетнымъ подковамъ попать наклоненнаго поганина и тылъ дающаго: теперь время владѣнія свои расширить тамъ, гдѣ только польская зайти можетъ подкова, и оттуда себѣ тигулаи напол-

⁴) Письма Петра въ Государ. Архивѣ; Дневникъ Гордона 1696 г. Сказаніе о взятіи Азова (Древ. Рос. Виваювъ. XVI). Описание похода боярина Шенна, изд. Рубаномъ; Дворцовые разряды, IV, 975; Голикова Дѣянія XI, 25; Кабинетъ II, книга № 53.

нить хартии, согласно договорамъ, вмѣсто того, чтобъ писать такими титулами, какихъ договоры не позволяютъ". На третій день послѣ этой церемоніи прїѣзжалъ къ Никитину цесарскій резидентъ и рассказывалъ, что сенаторы испугались и порѣшили, чтобъ впредъ короли ихъ не писались лишними титулами — Киевскимъ и Смоленскимъ; резидентъ говорилъ, что паны не очень рады взятію Азова, — никакъ они этого не ожидали; но что простому народу очень любо. Никитинъ писалъ въ Москву: „11-го сентября было въ Варшавѣ по всемъ костеламъ благодарное молебствіе за взятіе Азова, стрѣляли изъ пушекъ трижды по двѣнадцати выстрѣловъ, только для okazji, будто совершенно тому радуются, и были съ поздравленіемъ у меня отъ всѣхъ гетмановъ и воеводъ трубачи, сиповщики и литавщики, играли великому государю вивать, а на сердцахъ не то. Слышалъ я отъ многихъ людей, что они хотятъ непременно съ Крымомъ соединиться, и берегутъ себѣ Татаръ на оборону; изъ Крыму къ нимъ есть присылки, чтобы они Москвѣ не вѣрили: когда Москва повоюетъ Крымъ, то и Польшу не оставитъ; а къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ безпрестанная отъ Поляковъ подсылка.“

Въ сентябрѣ резидентъ былъ съ визитами у гетмановъ коронныхъ и литовскихъ и говорилъ имъ, что войска польскія и литовскія уже два года въ походы не выступаютъ и царскія войска выдаютъ. Гетманъ коронный Яблоновскій сказалъ на это: „Я хлопочу постоянно, публично и приватно, всѣмъ сенаторамъ говорилъ и теперь говорю, что войску надобно заплатить жалованье и выполнить союзный договоръ съ царскимъ величествомъ; конвокаціонный сеймъ разорвался, такъ надобно ждать избирательнаго, какъ дастъ намъ Богъ государя новаго и добраго“. Гетманъ польскій Потоцкій говорилъ: „Что прошло, того ужъ не вернуть; было время благоприятное для похода, да нашъ польскій безпорядокъ не позволяетъ пользоваться временемъ; король давно уже сталъ слабъ здоровьемъ, а тутъ и смерть закуспла; сеймы уже столько лѣтъ не оканчиваются порядкомъ, все рвется, и войску отъ того жалованья нѣтъ. Виповные отгадуютъ отвѣтъ Богу. И теперь войско заставило бунтовать, конвокаціонный сеймъ разорвали; за грѣхи наши такое несчастіе, бичъ Божій. Коронный гетманъ оправдывается, что онъ ни въ чемъ не виноватъ; но обнимъ имъ, Коронному и Литовскому, да королевѣ Богъ пошлетъ на душу и на тѣло изъзу. Не удовольствовавши войско, дѣлать намъ нечего; пока не выберетъ новаго короля, никакого дѣла не будетъ“. Въ иномъ духѣ отвѣчалъ Литовскій гетманъ Сапѣга на жалобы Никитина: „Царскія войска, хотя и рано вышли, однако никакого храбраго дѣла не показали, взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ и на морѣ побрали чайки небольшія“. Резидентъ возразилъ: „Всему свѣту и вамъ извѣстно, что царскія войска не спали подъ Азовомъ, но безпрестанно и храбро дрались съ

непріятелемъ. А хотя бы Азовъ и на договоръ былъ взятъ, то развѣ можно въ этомъ упрекать? дай Господи великому государю взятъ на договоръ не только всю Турецкую Землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести, и тогда вы, Поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего“. Поляки стали смѣяться и говорить: „Ой, помиритъ хоть кого московскій долгій бичъ!“ и одинъ шляхтичъ сказалъ: „Лучше гдѣ страхъ есть“¹⁾.

Враги имѣли право беспокоиться, ибо въ Россіи былъ царь, не отдыхавшій послѣ подвиговъ. Тотчасъ по взятіи Азова онъ уже осматрѣлъ ближнія приморскія мѣста, и на мысу Таганрогъ рѣшилъ построить крѣпость и гавань. Азовъ былъ сильно укрѣпленъ и сдѣланъ русскимъ городомъ, мечети превращены въ церкви. Царь оставилъ Азовъ 15-го августа и изъ Черкаска писалъ Виниусу: „Понеже известно есть: достоинъ есть дѣлатель мзды своей: того для мно, яко удобно къ воспріятію господина генералиссимуса и прочихъ господъ, чрезъ два времени въ толкиихъ потахъ трудившихся, триумфальными портами (воротами) почтити; мѣсто же мноу къ сему удобное на мосту, чрезъ Москву-рѣку устроеномъ, или гдѣ лучше. Сіе же пишу не яко уча, но яко помня вашей милости о семъ никогда тамъ бываемымъ“. Виниусъ отвѣчалъ, что, „собрать мастеровыхъ людей и всякія потребности, начала строить, и, по признаванію мастеровъ, Ивана Салтыкова съ товарищи, тому дѣлу ирежде сентября 18-го поспѣтъ не мочно, понеже то дѣло не мало“²⁾.

Времени дано было гораздо болѣе, потому что царь долго пробылъ на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ. Триумфальные порты были построены и украшены: надъ фронтономъ среди знаменъ и оружія сдѣланъ двухглавый орелъ подъ тремя коронами. На фронтонѣ виднѣлись надписи: „Богъ съ нами, никто же на ны. Никогда же бываемое“. Слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣтвочекъ, въ другой маслянную вѣтвь; подъ славою надпись: „Достойнъ дѣлатель мзды своей“. Фронтоны поддерживали статуи Геркулеса и Марса. Подъ Геркулесомъ на пьедесталѣ изображенъ былъ Азовскій паша и двое скованныхъ Турокъ; подъ Марсомъ Татарскій мурза съ двумя скованными Татарамъ. Надъ нашуо вирши: „Ахъ! Азовъ мы потеряли, и тѣмъ бѣдство себѣ достали“. Надъ мурзою: „Прежде на степяхъ мы ратовались, нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались“. Подлѣ Геркулеса и Марса пирамиды съ надписями—на одной: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ“; на другой: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ“... По обѣимъ сторонамъ воротъ картины на полотнѣ: на одной представлено морское сраженіе, и Нептунъ, гласящій: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ

¹⁾ Дѣла Польскія означеннаго года въ Моск. Архивѣ Мин. Ии. Д.

²⁾ Кабинетъ, II, книга № 53.

покоряюсь". На другой картинѣ изображена была битва съ Татарами и приступы къ Азову.

30-го сентября было торжественный входъ побѣдителей — адмирала Дефорта и генералиссимуса Шенна со всѣми полками; за раззолоченными саниями адмирала шелъ пѣшкомъ капитанъ Петръ Алексѣевъ. Везли и пѣшника Янсена въ чалмѣ подъ висѣлицею, на которой видѣлась надпись: „Перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаеть ненависть Турокъ, христіанамъ злодѣй“¹⁾. Главный устроитель торжества Випіусъ оставилъ и себѣ роль: сверху триумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирни побѣдителямъ²⁾. Награды были розданы по прадѣдовскому обычаю: золотыя медали, кубки, шубы, прибавка денежнаго жалованья и крестьянскихъ дворовъ.

Прошло около мѣсяца послѣ этого торжества, и 20 октября у великаго государя было въ Преображенскомъ сидѣнье съ боярами о дѣлахъ. Великій государь предложилъ на писемѣ: „Понеже фортеція Азова разорена внутри и выжжена до основанія, также и жителей фундаментальныхъ нѣтъ, безъ чего содержать не можеть, и того для требуетъ указу, кого населить и много ли числомъ?“ Приговорено: быть 3,000 семьямъ изъ низовыхъ городовъ; конницѣ быть 400 съ Калмыками. „Егда же сія крѣпость“, продолжалъ в. государь, „въ сипецкомъ благоустроится, тогда симъ ли только довольствоваться имѣемъ, и аще тако, то воинству двухъ время прошедшихъ труды, крови и убытки всеу положены, понеже ниже Татарамъ походы, ниже салтану тягости единымъ точию взятіемъ сей крѣпости учинить возможно, потому что изъ оной пѣшимъ людемъ Татаръ перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, еже-бы довольно было вышесказанному дѣлу, тамъ держать невозможно; что же по сему, егда ниже конницею, ниже пѣхотою непріятели воевать и держать возможно, а непріятели, видя пресѣченіе генеральныхъ промысловъ на себя, наки прежнюю гордость наче пражяго взявша, воевати будутъ? — тогда не точию о погибели его размышлять, но ниже желаемого мира получить можемъ. Нынѣ же, аще воля есть, радѣти отъ всего сердца въ защищеніе единовѣрныхъ своихъ и себя къ безмертной памяти просимъ, понеже время есть и фортуна сквозь насъ бѣжить, которая никогда къ намъ такъ близко на югъ не бывала: блаженъ, иже иметъ за власяея. И аще потребна есть сія, то ничто же лучше мню быть, еже воевать моремъ, такоже зѣло близко есть и удобно многократъ наче нежели сухимъ путемъ, къ сему же потребенъ есть флотъ или караванъ морской, въ 40 или вѣше судовъ состоящій, о чемъ надобно положить не испустя времени, сколько какихъ судовъ и со много ли дворовъ и торговъ, и гдѣ дѣлать“. Приговорено: „Морскимъ судамъ быть, а сколькоимъ — о томъ справится о числѣ крестьянскихъ дворовъ, что за духовными и за всякихъ

чиновъ людьми, о томъ выписать и доложить не замотчавъ (не замѣшавъ), и положить суды по дворамъ сколько пристойно, а о торговыхъ людяхъ выписать иже таможенныхъ книгъ, что съ нихъ взято въ 694 — 5 и 6 годахъ пятая и десятая деньги и съ какихъ промысловъ.

Для окончательнаго рѣшенія дѣла, по справкамъ 4-го ноября было другое сидѣнье не по прадѣдовскому обычаю: въ немъ присутствовали иностранцы³⁾. Было приговорено: корабли сдѣлать со всею готовностію, и съ пушками, и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть въ войнѣ, къ 1698 году или прежде, а дѣлать ихъ такъ: св. патриарху и властямъ и монастырямъ съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ корабль. Съ бояръ и со всѣхъ чиновъ служилыхъ людей съ 10,000 крестьянскихъ дворовъ — корабли; гостямъ и гостинной сотнѣ, черныхъ сотенъ и слободъ, бѣломѣсцамъ и городамъ вѣсто десятой деньги, которая съ нихъ сбралась въ прошлыхъ годахъ, сдѣлать 12 кораблей со всѣми припасами. Тогда же, 4-го ноября, было приговорено, что къ 3,000 семей жилыхъ быть всегда въ Азовѣ московскимъ стрѣльцамъ и городовымъ солдатамъ 3,000 человекъ. Вслѣдствіе постановленія о постройкѣ кораблей, землевладѣльцы духовные составили 17 отдѣльныхъ кумпанствъ (компаній), а свѣтскіе 18. Для составленія этихъ кумпанствъ помѣщики и вотчинники, имѣвшие сто дворовъ и больше, должны были прїѣхать въ Москву, въ Помѣстный Приказъ, къ 25-му декабря 1696 года, подъ страхомъ отнискі помѣстій и вотчинъ на государя; мелкопомѣстные должны были вѣсти по полтинѣ съ двора. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы въ вѣдѣніе Владимірскаго Суднаго Приказа, которымъ управлялъ околицничій Протасевъ; по новымъ занятіямъ своимъ, Протасевъ получалъ званіе Адмиралтейца. Приказъ разослалъ во всѣ кумпанства росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, съ показаніемъ ихъ размѣровъ и съ приложеніемъ чертежей корабельныхъ частей. Кромѣ русскихъ плотниковъ, каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузнецовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лекаря съ аптекою. Заготовлять матеріалы должны были въ мѣсахъ, находившихся къ сѣверу отъ Воронежа, въ уѣздахъ Воронежскомъ, Усманскомъ, Бѣлоколосскомъ, Романовскомъ, Сокольскомъ, Добренскомъ и Козловскомъ. Иностранцы мастера были вызваны правительствомъ изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи, и распределены по кумпанствамъ³⁾. Тогда же предположено соединить Волгу съ Дономъ каналомъ между рѣками Иловлею и Камышикою⁴⁾.

Чѣмъ болѣе новаго необходимаго дѣла, тѣмъ болше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ; не-

¹⁾ Гордонъ, III, 79.

²⁾ Подробностя см. въ Исторіи Рус. флота Елагина.

³⁾ Заниски Жюлибужскаго

⁴⁾ Описаніе похода боярина Шенна

ужели надобно оставаться во вседневной зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ Русскіе выучились; но какъ это сдѣлать?—иностраннымъ мастерамъ некогда учить, они для другого дѣла призваны, а главное—учителя остались въ своихъ земляхъ, не могли заморскія страны выслать въ Россію лучшихъ своихъ людей; надобно было слѣдовательно послать Русскихъ за-границу учиться; дѣло не новое, бывшее уже при Годуновѣ; тогда опытъ не удался,—посланные не захотѣли возвратиться на родину; но теперь другія условія,—возвратятся. „Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ издвигеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ посылалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго¹⁾. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою дѣлюю за границу: 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22—въ Англію и Голландію“²⁾.

Молодые придворные были посланы учиться за границу; но какъ они тамъ будутъ учиться и у кого, и какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь прежде нихъ тамъ выучился, все узналъ, и кто-жъ могъ быть этотъ человекъ, какъ не самъ шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ Петръ Алексѣевъ? При поворотѣ народа на новый путь, самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взялъ на себя руководительство. Выучиться у иностранцевъ тому, чѣмъ они превосходили Русскихъ,—сдѣлалось главною дѣлюю, ясно сознанию, и Петръ началъ дѣло уже въ Россіи: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показываютъ это прямо: выучиться въ Россіи нельзя, надобно ѣхать за границу,—и Петръ поѣдетъ туда, поѣдетъ не какъ царь, но какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ, ибо его посланничество другое: онъ великій человекъ, начальникъ поваго общества, начальникъ новой исторіи своего народа. Надпись на печати писемъ Петровыхъ, присылаемыхъ изъ-за границы, говорила: „Азъ бо емь въ чину учимыхъ и учащихся мя требую“. Чему же будетъ Петръ особенно учиться за границею?—корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тѣмъ, что достиженіе моря было завѣтною дѣлюю Россіи XVI и XVII вѣка, было царственнымъ преданіемъ для Петра; кромѣ того, въ настоящую минуту Петръ сознавалъ, что только моремъ можно съ успѣхомъ воевать Турокъ. Таинственный голосъ, который напечатывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: „Римъ, Римъ!“ не удержимо влечь ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь Русской Ольги, мудрѣйшей изъ женъ, и путешествіе на Западъ

Петра—суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра таинственный голосъ замѣтился явнымъ голосомъ Лефортова,—это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно такъ же, какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устройтелемъ флота безъ нахождения ботика болрина Никиты Романова; по и Лефортъ съ его увѣщаніями къ заграничной поѣздкѣ и къ Азовскому походу, выѣсто путешествія на Каспійское море, и ботикъ, послужившій первымъ побужденіемъ къ кораблестроенію, суть явленія засвидѣтельствованныя, и мы не станемъ отстранять ихъ, ибо повсюду отмѣчаемъ въ исторіи общія движенія, стремленія, и частныя побужденія, одинаковыя для великихъ и невеликихъ людей.

Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отиравался въ свѣтѣ великаго посольства, назначеннаго къ Цесарю, королямъ Англійскому и Датскому, къ папѣ Римскому, къ Голландскимъ Штатамъ, къ курфирсту Бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ дѣли: Петръ могъ сохранять многоплетю учиться, а гдѣ нужно направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями и министрами. Дѣлюю посольства было прямо объявлено „подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ Креста Господня, салтана Турскаго, хана Крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ“; слѣдовательно посольство должно было прежде всего направляться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ Турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нефимоновъ, донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ Цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Турокъ на три года: это позволяло перемѣнить направленіе пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла³⁾.

Великими полномочными посланцами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ Новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій комиссарій, намѣстникъ Сибирскій Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, и думный дьякъ, намѣстникъ Вѣлевскій, Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ, между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіи цари оставалось какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и те-

³⁾ Дѣла царскія въ Моск. Арх. Мин. Ип. Д. Самъ Петръ послѣ въ писемѣ къ Виліузу изъ-за границы отъ 11 июля, указываетъ именно на эту причину перемѣны пути: „А къ цесарю за тѣмъ не пошли, что ужъ на три года сдѣлаю, и теперь дѣлать нечего; а чаетъ оный путь, западъ ѣдучи, воспріять и вѣрѣть союзъ продолжитъ“.

¹⁾ Предисловіе къ морскому Регламенту.

²⁾ Кабинетъ, II, книга № 53.

перь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничнаго поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя, какъ будто Петръ и не выезжалъ изъ Москвы.

Въ февралѣ 1697 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

Чѣмъ яснѣе обозначались стремленія Петра, тѣмъ сильнѣе становился ропотъ въ поддѣ, и роптали не одни тѣ люди, которые уперлись противъ естественнаго необходимаго движенія Россіи на новый путь, — роптали люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразованій, но которые не могли понять, что преобразованія должны совершаться именно тѣмъ путемъ, по которому шель молодой царь. Имъ бы хотѣлось, чтобъ Петръ вдругъ явился на престолѣ Русскомъ новымъ Соломономъ во всей премудрости и славѣ; чтобъ вдругъ всѣ правители изъ кормленщиковъ сдѣлались строжайшими и безкорыстѣйшими блюстителями правосудія; чтобъ вдругъ бѣдная страна закупѣла млеко и медомъ. Эти люди хотѣли, считали возможнымъ внезапное облегченіе и улучшеніе, видѣли, наоборотъ, требованіе страшнаго напряженія силъ, требованіе пожертвованій — и роптали, причѣмъ нѣкоторыя стороны поведенія молодого царя давали оправданіе ропоту. Оскорблялись, что царь убѣждалъ изъ дворца, изъ Кремля, изъ Москвы, пренебрегаетъ обязанностями семейными, проводить время въ потѣхахъ, привязался къ иностранцамъ, не радить о дѣлахъ правительственныхыхъ, и бояре ближніе дѣлаютъ что хотятъ. Между родственниками царскими, съ материнскою и жениной стороны, Нарышкиными и Лопухиными, встала распря: Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ осудилъ Лопухинныхъ, но всѣмъ вѣроятностямъ, благодаря холодности Петра къ жемѣ; самый видный изъ Лопухинныхъ, бояринъ Петръ Абрамовичъ, управлявшій Приказомъ Большаго Двора, подвергся страшной опалѣ, и разнеслась вѣсть, что самъ царь пыталъ дядю жены своей, Милославскіе и другіе недовольные, разумѣется, пользовались этимъ и съ злорадствомъ распространили подобныя вѣсти, указывая, какъ мало выиграно отстраненіемъ правительницы.

Исзвѣстно, откуда взялся и распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщаль всему народу: „Вратъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ Нѣмцами“. На кружечномъ дворѣ погѣшный хвастаетъ, что государь перестало бызветъ у нихъ въ слободѣ; бывший тутъ иконникъ отвѣчаетъ: „Не честь онъ, государь, дѣлаетъ, безчестие себѣ“

Въ концѣ 1696 или началѣ 1697 года, монахъ Авраамій, бывший прежде келаремъ въ Троицкомъ Сергіевѣ, а потомъ стронтелемъ въ московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, подалъ царю тетради, въ которыхъ указывалось, что именно въ поведе-

ніи Петра соблазняетъ народъ: „Въ народѣ тужать многіе и болѣзнуютъ о томъ, на кого было надѣялись и ждали, какъ великій государь возмужаетъ и сочтается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправить на лучшее; по, возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное“. Авраамій пыталъ, чтобъ сказалъ подлинно про людей, когорые къ нему прихаживали. Монахъ показалъ, что друзья ему и хлѣбоддцы давные — Владимірскаго Суднаго Приказа подъячій Никифоръ Кренивъ, Преображенской приказной избы подъячій Игнатій Вубновъ, Троицкаго монастыря стряпчій Кузьма Рудневъ, да села Покровскаго крестьяне Ивашка да Ромашка Посоховы, и тѣ всѣ, бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такія слова, что въ тетрадяхъ написано, говаривали. Авраамій прибавилъ, что, когда онъ былъ въ келаряхъ у Троицы, прѣзжалъ туда молиться бояринъ Матвѣй Богдановичъ Милославскій и говорилъ: „Петръ Лопухинъ былъ человекъ добрый и много прибыли въ Приказѣ учинили, а запытанъ онъ напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина“

Взяи Никифора Кренива; онъ сказалъ, что слышалъ написанное въ тетрадяхъ, будучи на потѣхахъ, отъ разныхъ чиновъ людей, какъ были потѣхи подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ; про судей, что безъ мзды дѣла не дѣлаютъ, со старцемъ Аврааміемъ говаривали отъ себя и слыша отъ народа. Кренивъ признался, что говорилъ: если-бъ посажены были судьи и дано-бъ имъ было жалованье, чѣмъ имъ сытымъ быть, а мзды не брать, и то-бъ было добро; а такихъ словъ не говорили, что, покинувъ всякое правленіе, царь приказалъ государство правити похотинкамъ мздоимцамъ, не имущимъ страха Божіа, и будто государь про тѣхъ судей, что они почести берутъ и для того въ Приказы посажены, чтобъ имъ покориться, — самъ вѣдаетъ; а про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ много предъ прежнимъ, говаривали.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволилъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ, и мнитсѣ имъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престало бытъ, и о томъ въ народѣ вельми тужать.

Вубновъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ для того, что многіе были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же потѣхахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; а слова смѣхотворныя и шутки и дѣла Богу негодныя, о которыхъ говорится въ тетрадяхъ, это то, что чинилось пророчествомъ Василія Сокошина и въ комедіяхъ въ Измайловѣ. Говорили про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ умножилось, и дьячества добиваются и подъяческой сираны докупаются куплею, и что священники и чернослободцы дѣтей своихъ въ Приказы сажаютъ въ

подъячіе. Говорили и про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушать, и про новозысканныхъ и непородныхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ у розыскныхъ дѣлъ самъ пытается и казнитъ.

Не правились и морскія бѣды. Авраамій считалъ непригожимъ, что въ триумфальномъ входѣ въ Москву, послѣ вѣтія Азова, царь шелъ пѣшкомъ, а Шейнъ и Лефортъ ѣздили.

Села Покровскаго оброчный крестьянинъ Иванъ Посошковъ сказалъ, что Авраамій знакомцемъ ему учинился третій годъ; призвалъ онъ его, Ивашку, къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлать на образецъ въ поднось къ великому государю; а онъ, Ивашка, никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говорилъ. Авраамій объявилъ, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ.

Вубновъ, Креневъ и Рудневъ биты кнутомъ и посланы въ Азовъ, чтобъ быть имъ тамъ подъячними. Авраамій посланъ въ Голутвинъ монастырь⁴⁾.

Монахъ Авраамій рѣшился сдѣлать себя органомъ народнаго мнѣнія, народнаго неудовольствія и прямо сказать царю правду, обличить его поведеніе. Но были люди, которые, вслѣдствіе личныхъ побужденій, старались отдѣлаться отъ Петра, и отдѣлаться чужими руками. Мы видѣли, что въ 1682 году въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Софіи былъ обрусѣвшій иноземецъ, стрѣлецкій полковникъ Иванъ Цыклеръ, человекъ съ самымъ сильнымъ, безпокойнымъ честолюбіемъ. Онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: на первомъ планѣ послѣ торжества Софіи сталъ Голицынъ да Шахловитый, а о Цыклерѣ не слыжали. Вотъ почему, когда въ 1689 году разгорѣлась борьба между сестрою и братомъ и было ясно, на чей сторонѣ останется побѣда, Цыклеръ одинъ изъ пер-

выхъ перешелъ на сторону Петра. Но и тутъ ошибся въ расчетѣ: Петръ не сблизился съ людьми, которые принимали участіе въ событіяхъ 1682 года: молодой царь со всѣмъ обращался просто, ѣздилъ въ гости, но постоянно объѣзжалъ домъ Цыклера; мало того: въ описываемое время Цыклера назначили строителемъ новой крѣпости — Таганрога, а эти назначенія въ отдаленныя мѣста считались тогда почетною ссылкойю. Цыклеръ былъ въ ярости и отчаяніи, которыя нанесли ему 1682 годъ и кровавая стрѣлецкія копыя; нельзя ли сдѣлать того же и теперь; а если нельзя уговорить стрѣльцовъ, то можно будетъ поднять казаконъ изъ Таганрога. Стремленія кормоваго иноземца Цыклера раздѣляли двое родовитыхъ русскихъ вельможъ: Алексѣй Соковнинъ и Федоръ Пушкинъ. Соковнинъ былъ извѣстный старовѣръ, родной братъ знаменитыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича раскольниковъ, Федоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Понятно, какъ тяжело было ему видѣть петровскія новшества, посылку дѣтей своихъ въ еретическія страны, повѣзку туда самого государя; а тутъ еще и бѣда ближайшая: свать его, бояринъ Матвѣй Пушкинъ, назначенный воеводою въ Азовъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ государя все за то же сопротивление посылкѣ дѣтей своихъ за границу. И вотъ тестю съ зятемъ приходитъ на мысль, какъ бы хорошо было отдѣлаться отъ Петра чужими руками; они знаютъ, какъ недоволенъ Цыклеръ, и подбиваютъ его къ преступленію; Соковнинъ даже манитъ честолюбца, указываетъ ему на возможность стать самому царемъ по смерти Петра. Цыклеръ подбиваетъ стрѣльцовъ, но тѣ спѣшатъ съ допросомъ.

23 февраля 1687 года бояринъ Левъ Кнриловичъ Нарышкинъ прислалъ въ Преображенское стрелецкаго полка Конничева пятидесятника Ларіона Елизарьева, который извѣстия о разговорѣ своемъ съ Цыклеромъ: *Цыклеръ*: Смирно ли у васъ въ полкахъ? *Елизарьевъ*: Смирно. *Цыклеръ*: Нынѣ великій государь идетъ за море, и какъ надъ нимъ что сдѣлается, кто у насъ государь будетъ? *Елизарьевъ*: У насъ есть государь паревичъ. *Цыклеръ*: Въ то время кто Богъ избересть, а тѣщета и государыня, что въ Дѣвичьемъ монастырѣ. — Елизарьевъ сослался на другого пятидесятника своего полка, Григорія Силіна, который показалъ: „Цыклеръ сказалъ ему про государя, что можно его изрѣзать ножей въ пять; извѣстно государю, прибавилъ Цыклеръ, что у него, Ивана, жена и дочь хороши, и хотѣлъ государь къ нему быть и надъ женою его и надъ дочерью учинить блудное дѣло, и въ то число онъ, Иванъ, надъ нимъ государемъ знаетъ что сдѣлать“.

Цыклеръ въ разспросѣ и на очной ставкѣ заперся; на пыткѣ указалъ на Соковнина: „Выль я въ домѣ у Алешки Соковнина для лошадиной покупки и онъ, Алешка, меня спрашивалъ, — каково стрѣльцамъ. Я сказалъ, что у нихъ не слыжать ничего. Алешка къ своимъ словамъ молвилъ: „Гдѣ они б... дѣти

⁴⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла секретныя Преобр. Приказа 1697 г. Тамъ же № 385, 925. О Петрѣ Лопухинѣ встрѣчается подобное извѣстіе не одинъ разъ, напр. розыскъ и пытка за слова про Петра: „Онъ сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ у насъ боярина князя Вас. Вас. Голицына да Леонтія Ром. Неилуева, а теперь изводитъ дядю своего роднаго боярина Петра Абрам. Лопухина, котораго самъ пыталъ, попиравъ двойнымъ вѣжомъ и залеть“. (Столбы Приказнаго стола № 3374). За что Петръ рассердился на Лопухина, объ этомъ сохранилось извѣстіе у Голицова (Дополн. XVII, стр. 47): Крестьяне Лопухина напали на крестьянъ Архангельскаго собора, и Лопухинъ далъ письменное повелѣніе своему уряднику битъ соборныхъ крестьянъ до смерти. Повелѣніе было исполнено, и 10 человекъ было убито. Когда Петръ возвратился изъ-за границы, то архангельскіе священники, ожидая, что царь придетъ поклониться отцовскому гробу, положили на него просьбу, и когда Петръ спросилъ, что за бумага на гробѣ, — протопопъ отвѣчалъ: „Отецъ твой проситъ тебя защитить соборную церковь, — бояринъ Лопухинъ убиваетъ до смерти ея крестьянъ, а суда на него нѣтъ“. Когда Петръ вышелъ изъ собора, то къ наперти были подвезены и трупы 10 убитыхъ. Это зрѣлище странно раздражаетъ Петра, онъ идетъ въ Константиновскій застѣнокъ и велитъ призвать туда Лопухина.

передѣвались?—знать спятъ; гдѣ они пропали? Можно имъ государя убить, потому что ѣздитъ онъ одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолетствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ одиночествомъ. Что они спятъ, по се число ничего не учинятъ?“ Я сказалъ: въ нихъ малолетство, и чаю, что опасаются позѣвшихъ. Алешка отвѣчалъ: „Чаю въ стрѣльцахъ разсужденіе о царевичѣ—для того они того учинить и не хотятъ“. Я сказалъ: и я въ нихъ тожъ разсужденіе чаю; самъ ты объ себѣ разсуди, что и тебѣ самому каково, сказываешь, тошно, что съ дѣтми своими разлучаешься. И Алешка сказалъ: „Не одинъ я о томъ сокрушаюсь“. Послѣ того въ два мои прѣзда Алешка говорилъ мнѣ про государево убійство и про стрѣльцовъ: вѣдь они даромъ погибаютъ и вѣредъ имъ погнубитъ же. Я ему, Алешкѣ, говорилъ: если то учинится, кому быть на царствѣ? Алешка сказалъ: „Шенинъ у насъ безроденъ, одинъ у него сынъ и человекъ онъ добрый“. Я ему сказалъ: счастье Борису Петровичу Шереметеву, стрѣльцы его любятъ; и Алешка говорилъ: „Чаю, они, стрѣльцы, возьмутъ попрежнему царевну, а царевна возьметъ царевича, и какъ она войдетъ, и она возьметъ князя Василья Голицына, а князь Василій попрежнему станеть орачъ“. И я ему говорилъ: въ нихъ, стрѣльцахъ, я того не чаю, что возьмутъ царевну. Алешка мнѣ молвилъ: „Если то учинится надъ государемъ, мы и тебя на царство выберемъ“. Я ему говорилъ: пеняешь ты на стрѣльцовъ, а самъ того дѣлать не хочешь, чтобъ вѣредъ роду твоему въ порокъ не быть. И Алексѣй сказалъ: „Намъ въ порокъ никому быть не хочется, а стрѣльцамъ сдѣлать можно, даромъ они пропадаютъ же. Князь Петръ Голицынъ человекъ приткій и шибкій, мы чаели отъ него, что то все учинить надъ государемъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ самъ пьянъ и государя пить научилъ“.

Соковинну было 10 ударовъ,—повинился и оговорилъ зятя своего Федора Пушкина: „Послѣ Цыклерова прѣзда прѣзжалъ ко мнѣ зять мой Федька Пушкинъ и говорилъ про государя: Погубилъ онъ насъ всѣхъ, можно его за то убить, да для того, что на отца его государевъ гнѣвъ, что за море ихъ посылалъ“. Соковиничъ показалъ также, что сынъ его, Василій, говорилъ ему: „Посылаютъ насъ за море учиться невѣдому чему“. Послѣ пяти ударовъ Пушкинъ повинился и прибавилъ: „Наканунѣ Рождества Христова былъ я у Алексѣя Соковинна въ домѣ, и Алексѣймнѣ говорилъ: „Хочетъ государь на Святкахъ отца моего Федькина ругать и убить до смерти и домъ нашъ разорить; и я ему говорилъ: если такъ надъ отцомъ моимъ учинится, и я государя съхався убью“.

Цыклеръ оговорилъ пятидесятника Коннищева полка Василья Филиппова: „Былъ у меня Васька Филипповъ, и я его спрашивалъ: прѣхали нынѣ казаки, а тебѣ они знакомцы, что они благодарны ли милости государевой? и онъ, Васька, говорилъ, что ему въ казакахъ знакомцы есть, и говорилъ съ казаконъ, Демкою зовутъ, а говорилъ казакъ,

что они не благодарны,—за что имъ благодарнымъ быть? Я говорилъ Васькѣ: дано имъ нынѣ 1,000 золотыхъ; и Васька говорилъ: то они ни во что ставятъ для того, что имъ на войско дѣлать нечего. И я спросилъ: чего у нихъ чаешь? и онъ, Васька, сказалъ: „Казакъ Демка говорилъ ему: дай намъ сроку, поворотимся мы, какъ государь пойдетъ, и учинимъ посвоему, полно что и прежь сего вы намъ мѣшали, какъ Стенька былъ Разинъ, а нынѣ мѣшать некому“; и я говорилъ Васькѣ: будетъ оттого разоренье великое, и крестьяне наши и люди всѣ пристанутъ къ нимъ. Васька же Филипповъ говорилъ мнѣ, что казаконъ прельщаетъ Турецкій султанъ, чаю и письмо прислалъ“. Цыклеръ признался, что говорилъ Филиппову: какъ государь победетъ съ посольскаго двора, и въ то время можно вамъ его подстеречь и убить. И велѣлъ ему о томъ убійствѣ и стрѣльцамъ говорить. Цыклеръ объявилъ: „Научалъ я государя убить за то, что называлъ онъ меня бунтовщикомъ и себебѣдникомъ Ивана Милославскаго, и что меня онъ никогда въ домъ не посѣтилъ“; признался, что говорилъ: „Какъ буду на Дону у городского дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ Донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія, и буду дѣлать то же, что и Стенька Разинъ“.

Филипповъ объявилъ, что говорилъ съ казаконъ Петромъ Лукьяновымъ, а не съ Демкою, и Лукьяновъ ему говорилъ: „Дано 1,000 золотыхъ,—чего то на войско дѣлать? служи да не тужи, намъ и по копѣйкѣ не достанется; какъ вы, стрѣльцы, пойдете съ Москвы на службу, и въ то число наши казаки зашевелятся и учинятъ посвоему“. И Цыклеръ къ этому разсказу примолвилъ: какъ они, казаки, зашевелятся,—и онъ, Иванъ, съ ними пойдетъ вмѣстѣ, зоветъ же его государь бунтовщикомъ. Потомъ казакъ говорилъ: „Казаки отишутъ Турецкому султану о помощи для московскаго разоренія, и онъ къ нимъ пришлетъ въ помощь Кубанцевъ, такъ они великое разоренье учинятъ“. Цыклеръ, по показанію Филиппова, говорилъ: „Въ государствѣ нынѣ многое нестроеніе для того, что государь ѣдетъ за море и посылаетъ послемъ Лефорту, и въ ту посылку тощитъ казну многу, и иное многое нестроеніе есть, можно вамъ за то постоять“. Филипповъ оговаривалъ стрѣльца Тимошку Скорняка, которому при немъ Федоръ Пушкинъ говорилъ про государя, что живетъ небреженіемъ, не христіански и казпу тощитъ.

Казакъ Петрушка Лукьяновъ сначала заширался, не подѣйствовали 25 ударовъ; потомъ признался, что говорилъ спьяна, а мысли на московское разоренье у нихъ никакой не было; а если милости государевой къ нимъ не будетъ, развѣ имъ воровать, а про тотъ бунтъ слышалъ онъ верхнихъ городковъ отъ голыхъ казаковъ. Потомъ сказалъ, что верхнія станицы смѣшались отъ казаконъ Трушки да Илюшки Иванова бурлака: а говорили ему тѣ слова на кабакѣ, въ то время какъ онъ государя провожалъ, говорили ему Трушка и

Илюшка: „Чаю и наша голутьба заворуетъ для того, что жалование даютъ имъ малое“. И къ московскому разоренью онь, Петрушка, съ Ваською Филипповымъ говорилъ: „Какъ бы вы съ конца, а мы съ другого“; а бунта учинить не хотѣлъ и ни съ кѣмъ не умышлялъ, а говорили они тѣ слова въ пьянствѣ.

Оговоренъ былъ также пятидесятникъ Рожинъ, которому Цыклеръ говорилъ: „Службы вашей много, можно вамъ себя и побересть, а то корень вашъ не помянется“. Совѣтовалъ бить челомъ боярамъ и своей братьи на государя и убить его.

Передъ казнью Цыклеръ сказалъ: „Въ 1682 году, послѣ побѣны бояръ и ближнихъ людей стрѣльцами, призвала его царевна и говорила ему, чтобъ онь стрѣльцамъ говорилъ, чтобы они отъ смущенія унялись, и по тѣмъ ея словамъ онь стрѣльцамъ говаривалъ. А передъ Крымскимъ первымъ походомъ царевна его призвала и говаривала по часту, чтобъ онь съ Оедькою Шаковитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошовѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про то жь, чтобъ съ Шаковитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онь въ томъ ей отказалъ, что того дѣлать не будетъ, и говорилъ ей, царевнѣ: если государя не будетъ, и за тобою ходить никто не станетъ, можно тебѣ его, государя, любить; и царевна ему сказала: „Я бы его и любила, да мать не допуститъ“; и онь Иванъ, ей говорилъ: мать рада, хотя бы и Татаринъ его, государя, любилъ. И за то она на него гнѣвалась: „знатъ, ты передался на другую сторону“. И въ то время у ней въ хоромахъ была княгиня Анна Лобановна. И за то его, Ивана, царевна послала въ Крымскій походъ; а какъ онь изъ Крымскаго похода пршшелъ, и она ему о томъ же говаривала и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославскаго, Кузнецово, которая была за Мелегійскимъ (Имеретійскимъ) царевичемъ, и онь ей также отказалъ, и за то она его въ другой Крымскій походъ послала; а пршшелъ изъ Крымскаго похода, — о томъ она ему не говорила. А Иванъ Милославскій къ нему, Ивану, былъ добръ и женатъ онь былъ у него Ивана“¹⁾.

Цыклеръ напомнилъ о своемъ собесѣдничествѣ съ Иваномъ Милославскимъ, рассказала, какъ подучала его София на убійство; у Петра отуманилась голова; ему захотѣлось достать Ивана Милославскаго, хотя мертпаго; ему захотѣлось угостить сестру, дочь Милославскую....

Великій государь указалъ: Соковнина, Цыклера, Пушкина, стрѣльцовъ Филиппова и Рожина, казака Лукьянова казнить смертію. И на Красной площади начали строить столбъ каменный. И марта въ 4-й день тотъ столбъ каменный додѣланъ, и на томъ столбу нить рожновъ желѣзныхъ вдѣланы

въ камень. И того числа казнены въ Преображенскомъ вѣдомые воры и пзмѣнники, и въ то время, въ казни, изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Мих. Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли, и кровь точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго. Головы измѣнничьи были воткнуты на рожны столба, который былъ построенъ на Красной площади.

Черезъ пять дней, 10-го марта, великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первая впечатлѣнія по выѣздѣ за Шведскій Лифляндскій рубежъ были неблагоприятны. Ѣхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ посольству сдѣлана была почетная встрѣча, но губернаторъ Дальбергъ счелъ своею обязанностию не нарушать строгаго писаннаго царя, такъ какъ Русскіе увѣряли, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разслашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны желаніе Петра осмотрѣть рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригюю, а сынъ безъ устали строилъ корабли и, вмѣсто того, чтобъ сражаться съ Турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на Западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недоуменіе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра при его нетерпѣливости все сейчасъ осмотрѣть, при его непривычкѣ къ бездѣйствію, при его непривычкѣ встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Враздѣльное чувство глубоко залегло въ его сердце. Тремя днями прежде посольства онь переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онь былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ его письма къ Виниусу отъ 8-го апрѣля: „Сегодня поѣхали отсель въ Митаву. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣниемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ мантияхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за конѣйку м... лаются и кланутся, а продаютъ второе“. Несмотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣниемъ, Петръ кой-что успѣлъ смекнуть, и шлетъ къ Виниусу: „Мы ѣхали черезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1,000 человекъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь бояться, и въ городъ и въ иные мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“. Волѣдтвіе этой малой пріятности, Рига осталась въ памяти Петра какъ „проклятое“ мѣсто.

За Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами Курляндскими и Русскими царей были всегда дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидался съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ,

¹⁾ Дѣла секрет. Преобр. Приказа. Дѣло Цыклера до сихъ поръ воцлѣ было неизвѣстно.

безъ великихъ пословъ, отправила моремъ въ Пруссію, и быдъ отличю принятъ въ Кенигсбергъ курфюретомъ Бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѡзавишихъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени, и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ-Штернфельдъ, далъ благополучному господину Петру Михайлову свидѣтельство, что и онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія приобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ¹⁾. Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфюретъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россіею оборонительный союзъ; но Петръ отклонялъ предложеніе, боясь переимѣнить существующія отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ до окончанія Турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о неприниманіи бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфюрста, ѡздыть чрезъ его земли Русскимъ людямъ для наукъ въ Германію.

Петръ зажилъ въ Пруссіи долге, чѣмъ сколько было ему нужно, зажилъ по польскимъ дѣламъ. Мы упоминали о междоусобицѣ въ Польшѣ по смерти Яна Собскаго. Кандидатовъ на престолъ было много: сынъ покойнаго короля Яна, Іаковъ Собскій, инфальцграфъ Карлъ, герцогъ Лотарингскій Леопольдъ, маркграфъ Ваденскій Людовикъ, внукъ папы Оdescалки, Французскій принцъ Конти, курфюретъ Саксонскій Фридрихъ-Августъ и нѣсколько Шастовъ, т. е. польскихъ вельможъ; напослѣдокъ видѣвъ всѣхъ явились два кандидата — Конти и Августъ. Отношенія Россіи къ этому избранію были просты: кто бы ни былъ на Польскомъ престолѣ—все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ Турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату—принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи и враждебныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ Французомъ легко могла подчиниться французской политикѣ, и дѣйствительно французскій посланникъ заявилъ польскимъ вельможамъ обѣщанія султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратитъ ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ Французскій принцъ²⁾. Такъ какъ это заявленіе очень усилило французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамоту, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы, но теперь объявляетъ, что если французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ

на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: Французскій король, имѣя дружбу съ Турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союзнымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда Французъ сядетъ на престолъ Польскій? Конти предлагаютъ султанъ Турецкій и ханъ Крымскій: можетъ ли онъ воевать съ Турками и Татарами? „Мы“, заключалъ Петръ, „такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ; хотимъ, чтобы вы выбрали изъ какого ни есть народа, только бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ Римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святаго“

17-го іюня совершились выборы—двоинные: одна партія провозгласила Конти, другая—курфюрста Саксонскаго. Члены противныхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; саксонская партія начала брать явный перевѣсъ. Выигравъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: „Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость, господина моего, яко кавалера больше къ Нѣмецкому народу, неже къ пѣтуховому (Французскому) склоннаго, отъ всего сердца поздравляю“. Царь послалъ поздравительную грамоту Августу и велѣлъ объявить панамъ радѣ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ Литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ саксонскимъ войскомъ и призначилъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамоту, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ паремъ заодно противъ враговъ Креста Святаго, и что изъясненный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Посылая поклонъ царю, король поклонился гораздо нѣзко³⁾.

Между тѣмъ, вслѣдствіе благопріятныхъ звѣстій изъ Польши, Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на Западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфюретина Ганноверская Софія, и дочь ея, курфюретина Бранденбургская Софія-Шарлотта. Петръ выбрался за границу, чтобы посмотреть на диковины цивилизаціи, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двухъ своихъ представительницъ со своей стороны посмотреть на Петра, на эту диковину, выслаемую нецивилизованною Восточною Европою. Курфюретины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ,—свидѣтельство драгоценное для насъ потому, что обѣ женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно. Ихъ поразила двойственность его натуры: онѣ увидѣли необыкновеннаго человѣка, поражающаго своимъ блестящими способностями,

1) Кабинетъ, I, книга № 36.

2) Польскія дѣла 1697 года въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ист. Д.

3) Кабинетъ, II, книга № 53.

и въ то же время своими недостатками, показывавшими. изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ. Ихъ поразила эта двойственность, это противорѣчіе; но онъ не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались вѣрны своему впечатлѣнію и произнесли самый вѣрный приговоръ о Петрѣ: „Это человѣкъ очень хорошей и вмѣстѣ очень дурной“.

Будучи одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Петръ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостію ¹⁾. Современники находили, что онъ лицомъ былъ въ материнскую родню, и особенно былъ похожъ на дядю Феодора Кирилловича Нарышкина ²⁾. Красота и живость остались; но преждевременное развитіе, страшная потрясенія, неумѣренность въ грудахъ и потѣхахъ потрясли крѣпкую натуру Петра и оставили слѣды на прекрасномъ лицѣ его: голова тряслась ³⁾ и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія ⁴⁾. Быстрый и пронзительный взглядъ его производилъ неприятное впечатлѣніе на людей непривычныхъ ⁵⁾. Новгородскій архіепископъ Феодосій Яновскій разсказывалъ, что когда онъ представлялся обоимъ царямъ, Ивану и Петру, то къ рукѣ перваго подошелъ безо всякаго страха, „а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ на меня страхъ напалъ, что мало не упалъ и колѣни потряслися, и отъ того времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ той руки и смерти будетъ“ ⁶⁾.

Свиданіе Петра съ курфюрстиами происходило въ герцогствѣ Целлекомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нимъ и долго отговаривался, наконецъ пошелъ съ условіемъ, чтобъ не было никого постороннихъ. Онъ вошелъ какъ застѣнчивый ребенокъ, закрылъ лицо рукою и на всѣ любезности отвѣчалъ: „Не могу говорить“, потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, застѣнчивость пропала, и онъ позволилъ войти въ залу придворнымъ курфюрстиамъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, танцовалъ; веселье прошло далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ пталъянскихъ пѣвцовъ, но сказалъ при этомъ, что музыку не очень уважаетъ. На вопросъ старой курфюрстины, любить ли онъ охоту,—отвѣчалъ: „Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю корабли-

плаваніе и фейерверки“. При этомъ онъ показалъ свои руки, ставши жесткими отъ работы. Софія-Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не нучили ѣсть опратно, но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность“. Курфюрстиная пишетъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отъвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошей и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представителя своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“ ⁷⁾.

Изъ Коппенбрюгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ посольство, и съ десятию человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама. Такъ какъ посольство еще не пріѣзжало, то въ ожиданіе его Петръ занялся посвоему: въ мѣстечкѣ Сардамъ, или Заандамъ, извѣстномъ по обширному кораблестроенію, на верфи Рогге, появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ каморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за ихъ товарища, простого плотника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ,—все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ изъ чана массы—и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ Сардамъ.

Своимъ поведеніемъ и видомъ, не идущими къ простому плотнику (хотя своею красивою фризною курткой и бѣлыми холстинными штанами онъ несколько не отличался отъ обыкновенныхъ работниковъ) Петръ сейчасъ же выдалъ себя; заговорилъ, что это не простой плотникъ, и вдругъ разнескъ слухъ, что это самъ царь Московскій. Старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное отъ сына изъ Россіи; въ письмѣ разсказывались чудеса: въ Голландію идетъ большое русское посольство и при немъ самъ царь, который вѣрно будетъ въ Сардамъ; плотникъ написалъ и примѣты царя—и тутъ, какъ нарочно, отворяется дверь и входятъ въ цирюльню русскіе плотники, у одного точъ-въ-точъ тѣ примѣты: и головою трясеть, и рукою размахиваетъ и бородавка на щекѣ. Цирюльникъ, разумѣется, не заме-

¹⁾ Аделупа—Баронъ Мейербергъ, отрывки изъ дневника путешественника Кемпфера.

²⁾ Дѣло Преображенъ. Приказа о Левшутинѣ, см. ниже.

³⁾ На это трясеніе головы однихъ сардамскій плотникъ указывалъ какъ на примѣту, по которой его соотечественники могли узнать въ русскомъ плотникѣ царя. Scheltema—*Anecdotes historiques sur Pierre le Grand.*

⁴⁾ Объ этихъ конвульсивныхъ движеніяхъ, какъ о гримасахъ, наговорили курфюрстиамъ, какъ увидимъ.

⁵⁾ De la Neuville, p. 188: Le czar Pierre est fort grand, d'assez belle taille, a le visage beau, les yeux assez grands, mais egares, qui font de la peine à regarder, sa tête branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé que de vingt ans.

⁶⁾ Русскій Архивъ, 1864 г., выпускъ второй

⁷⁾ Erman, *Memoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte, reine de Prusse.*—Varnhagen von Ense—*Leben der Königin von Preussen, Sophie-Charlotte.*

лилъ разгласить объ удивительномъ явленіи. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздражилъ уличныхъ мальчишекъ, которые поотчивали его пескомъ и камнями, — и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобы никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣстными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: „Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки“. Жилъ въ коморкѣ, а купилъ бурсъ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, что приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвизную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого-то Марцена и далъ ему пощечину; „Марценъ пожалованъ въ рыцари!“ закричала толпа, и прозваніе „рыцарь“ осталось за Марценомъ навсегда ¹⁾).

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи русскаго посольства, и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Сардамѣ 8 дней. 16-го августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Приемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которые давали посольству Генеральные Штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣ всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзень былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ какъ авторъ знаменитаго сочиненія: „Татарія восточная и южная“, какъ издатель Избранническаго путешествія въ Китай. Витзень сохранилъ постоянную связь съ Россією; его изданія были посвящены царямъ, онъ исполнялъ порученія Русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, находился въ перепискѣ съ Лефортомъ. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность записаться кораблестроеніемъ въ амстердамскихъ верфяхъ, и Витзень помѣстилъ его на верфи Остъ-Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложень былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Сардагъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобы немедленно же приступить за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣнены по работамъ. Петръ откликнулся только, когда ему кричали: „Плотникъ Петръ сардамскій!“ или „Мастеръ Петръ!“ но когда обращались къ нему съ словами: „Ваше величество“ или „Милостивый государь!“ поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзенемъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ интатгалтеремъ Голландскимъ и королемъ Англійскимъ, Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзень долженъ былъ водить его всюду, все по-

казывать — китовый флогъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; особенно поправилось ему въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приголовенный трупъ ребенка, который улыбался какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Воергава, замѣтивъ отвращеніе своихъ русскіхъ спутниковъ къ трунамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы труна. Разумѣется, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ Лейденъ, на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопы. Непосытная жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: „Это я долженъ видѣть!“ и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя: вдругъ экипажъ получить сильный толчекъ: — „Стой? что это такое?“ надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи, и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ: въ Амстердамѣ оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соответствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ ангела, который съ Крестомъ и пальмою въ рукахъ пощраетъ полулуны и турецкіе бунчуки²⁾. Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патриарху Адриану въ Москву: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодарію Божію и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, поспѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, пещуясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Иисуса Христа побѣдителями, а христіанами, тамо будущихъ, свободителями, благодарію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану“³⁾).

Кромѣ патриарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которые извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Дибирѣ Турки и Татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей — Казыкармени и Тамани; въ Польшѣ окончательно утвердился король Августъ; куманства усердно строили ко-

¹⁾ Scheltema—Anecdotes et. c.

²⁾ Пекарскаго—Наука и Литература въ Россіи, I, стр. 9.

³⁾ Гольцова—Дѣянія, X, 22.

рабли, Шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виниусомъ, какъ съ человѣкомъ болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности. Виниусъ въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ, потому что желѣзо есть доброе, а мастеровъ нѣтъ: „Наипаче болитъ сердце, что иноземцы высокою цѣною продавъ свѣйское желѣзо и побравъ деньги, за рубежь поѣхали, а наше сибирское многимъ свѣйскаго лучше“¹⁾. Никто больше Петра не могъ сочувствовать этой сердечной боли Виниуса. Онъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ваша милость о мастерахъ; изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки зѣло доброе, сыскали и поплемъ, не мѣшкавъ; а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Вутманъ на олонекскіе заводы сыскалъ, добыть возможно. Однакоже мы здѣсь съещемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витзенъ, только мною не вскорѣ“²⁾. Извѣстія о мастерахъ перемѣшивались съ извѣстіями политическими: „Что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургомистръ Витзенъ можетъ раднѣе показать и сыскасть, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отвѣдъ по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля Польскаго чрезъ его посла добыть, не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ. Мнрѣ съ Французомъ учиненъ, и здѣсь дураки зѣло рады, а умные не рады, для того что Французъ обманулъ, и чаютъ вскорѣ опять войны“³⁾. Въ другомъ письмѣ Петръ опять пишетъ о Витзенѣ: „О желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витзену, только онъ отъ меня отходилъ московскимъ часомъ“. Между дѣломъ Виниусъ доносилъ и о ширахъ оставленныхъ въ Москвѣ членовъ компаніи: „Въ царскія именины князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій великую намъ трапезу и богатую даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ; сидѣли за разными столами больше ста человѣкъ, и съ такимъ усердіемъ и милостію насъ трактовали, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что въ три дня каждый насилу могъ оправиться“. Описывая другой ширъ, Виниусъ пишетъ: „Ивашко съ дядею своимъ (Вахусомъ) изъ своихъ великихъ мокрыхъ сребреныхъ и цѣляныхъ жомеровъ въ желудки бросали“. Ивашку не забывали и въ Голландіи: извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ писалъ Виниусу: „Иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за Хмельницкимъ не исправивъ“.

Четыре мѣсяца съ половиною жила Петръ въ Голландіи: фрегатъ, заложенный имъ, былъ спущенъ „На Остѣ-индской верфи, вдвѣ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершилъ

въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременною практикою, о чемъ и вышепереченный бась сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріять, а желаемого конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невесело ради вышеописанной причины; но когда между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ, — тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ Англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, чрезъ 4 мѣсяца, оную науку окончилъ“²⁾.

Въ январѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію, и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Деитфордъ, гдѣ на королевской верфи занимался окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человѣкъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человѣкъ, для флота; много нацѣль пріятный въ Голландіи въ русскую службу капитанъ Корнелій Крейсъ; онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ.

Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юго-востокъ — въ Вѣну. Переговоры посольства съ Генеральными Штатами на счетъ помощи царю въ войнѣ съ Турками не удалось: Штаты подъ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена Французскою войною, отказались есудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что Штаты вмѣстѣ съ Англійскимъ королемъ хлопчутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціею. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобы дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наследство Испанскаго престола, т.-е. для сокращенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно заключеніе мира между Австріею и Турціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобы послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за обще-европейскіе интересы. По эти интересы находились въ

¹⁾ Кабинетъ, II, книга № 53.

²⁾ Предисловіе Петра къ Морскому Регламенту.

противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобы окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, приобрѣсти выгодный миръ; но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно главною заботою Петра теперь было — или уговорить императора къ продолженію войны съ Турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобъ мирные переговоры были ведены сообща и всѣ союзники были одинаково удовлетворены.

16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну; царь, по обыкновенію, опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ спѣшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора заключить миръ на основаніи *uti possidentis* (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ); объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошою крѣпостью; Россія для императора разорвала миръ съ Турками; надобно, чтобъ всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; Англичанъ и Голландцевъ слушать нечего: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ Турками для войны съ Французами за Испанское наслѣдство и покидаетъ своихъ союзниковъ; но какъ скоро начнется Французская война, султанъ немедленно поднимется на императора; войска выйдутъ изъ Венгріи для Французской войны, и Венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: Татары попрежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Тагаромъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если Турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя справедливы, но чтобъ заставить Турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если Русскіе послѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщавъ поддерживать на конгрессѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ и не притуплять ни къ чему безъ согласія съ царемъ ¹⁾.

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, съѣздивъ въ мѣстечко Ваденъ и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Въѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

Мы видѣли, что въ 1689 году очень немногіе изъ стрѣльцовъ участвовали въ замыслахъ Софіи и Шакловитга, большинство сначала отстранялось отъ внимательства въ сору между братомъ и сестрою, а потомъ явно приняло сторону Петра,

принудивъ Софію исполнить его требованіе, — выдать Шакловитга. Новидому такое поведеніе должно было совершенно примирить новое правительство со стрѣльцами; но вышло напротивъ. Еще прежде 1689 года образовались потѣшныя полки, которые вмѣстѣ со старыми солдатами, стали въ противоположность стрѣльцамъ; привлекли смотрѣть такъ, что потѣшныя — войско Петра, стрѣльцы — войско Софіи. Помирить потѣшныхъ и вождей ихъ со стрѣльцами нельзя было не по однимъ этимъ отношеніямъ: потѣшныя были представителямъ новаго, имѣющаго жить, стрѣльцы — представители отжившей старины. Новое получило торжество въ торжествѣ Петра надъ Софіею. стрѣльцамъ предстояло — перестать быть стрѣльцами, превратиться въ солдатъ; эта перемена была для нихъ странно тяжела, они не согласятся на нее добровольно, прежде попытаются, нельзя ли удержаться въ прежнемъ положеніи, удержать старину. При такомъ положеніи дѣлъ въ причинѣ къ раздраженію не могло быть недостатка. Вспомнимъ потѣхи: дерутся два войска; Русское войско, на сторонѣ котораго самъ царь, — это потѣшныя солдаты; войско враждебное, которымъ предводителъствуетъ Польскій король, — это стрѣльцы; они побѣждаются, и этимъ выказывается ихъ несостоятельность предъ новымъ войскомъ. Униженіе и раздраженіе сильныя. Причины къ раздраженію были и на сторонѣ противной; мы не имѣемъ никакого права отвергнуть извѣстіе, что стрѣльцы подконались подъ Дѣвичій монастырь, проломали полъ въ покояхъ царевны Софіи и вывели было ее подземнымъ ходомъ, но, послѣ сильной схватки со сторожившими монастырь солдатами, были переловлены и казнены ²⁾. Какъ близкіе къ царю люди смотрѣли на стрѣльцовъ, на ихъ отношенія къ правительству, всего лучше видно изъ приведеннаго выше письма Випіуса къ Петру, что по полученіи благоприятныхъ извѣстій изъ-подъ Азова даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ радовались. Азовскіе походы были очень тяжелы для стрѣльцовъ: два года еяру они должны были ходить такъ далеко, покидая семейства и выгодные промыслы въ Москвѣ; царь былъ ими недоволенъ, дѣлалъ имъ выговоры ³⁾. Кто же виноватъ? — разухтется иностранцы, и больше всѣхъ самый близкій изъ нихъ къ царю, Лефортъ, и между стрѣльцами сильное раздраженіе противъ Лефорта. Обстоятельства становились все хуже и хуже для стрѣльцовъ. По взятіи Азова, ихъ задержали тамъ для охраны города, потомъ заставили работать надъ его укрѣпленіямъ. Люди, недовольные царемъ, желающіе забыть какимъ бы то ни было ердствомъ, обращаются къ стрѣльцамъ, какъ болѣе

¹⁾ Статейный списокъ посольства въ цесарскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ии. Д.

²⁾ Извѣстіе это находится у Штелина, который говоритъ, что слышалъ о немъ отъ генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, который самъ былъ капитаномъ солдатъ, сторожившихъ монастырь.

³⁾ См. объ этомъ въ дневникѣ Гордона при описаніи Азовскихъ походовъ.

другихъ недовольнымъ, обреченнымъ на гибель: „Что они спятъ?“ говоритъ Соковнинъ, „имъ бы можно убить государя, все равно имъ пропадать же“. Легко понять чувства людей, которымъ все равно пропадать же, и легко понять отношения Петра и его приверженцевъ къ людямъ недовольнымъ, раздраженнымъ, въ которыхъ враги видятъ гнѣрное, готовое орудіе; Цыклеръ обращается къ стрѣльцамъ, а Петру все живѣе и живѣе представляется 15-е мая 1682 года и стрѣлецкія коня, обогрѣнная кровью Матвѣева и Нарышкиныхъ. Все враждебное связано для него со стрѣльцами, и все враждебное и стрѣлцкое относится, какъ къ своему началу, къ замыслу Ивана Милославскаго; все враждебное и стрѣлцкое есть въ его глазахъ сѣмя Милославскаго; это же взгляды уже высказались въ страшномъ зрѣлищѣ казни Цыклера съ товарищами, когда кровь ихъ стекала въ гробъ Милославскаго; тутъ же высказалось и сильное ожесточеніе, высказалось—какъ впечатлѣніе отрочества оживлялось и укоренялось при каждомъ удобномъ случаѣ.

А стрѣльцовъ въ Азовѣ мучила тоска по Москвѣ, по привольной, спокойной, семейной жизни въ етолицѣ. Была еще надежда, что азовская служба скоро кончится и послѣдуетъ переводъ въ Москву; но вдругъ указъ—передвинуть четыре стрѣлецкія полка—Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка изъ Азова къ Литовской границѣ, въ войско князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, который съ полками дворянскими, рейтарскими и солдатскими стоялъ въ ожиданіи, какъ разыграется борьба Саксонской и Французской партій въ Польщѣ. Стрѣльцы пришли изъ Азова въ Великія-Луки. Имъ на смѣну въ Азовъ отправлены другіе шесть полковъ стрѣлецкихъ, остальные размѣщены по Юго-Западной границѣ; Москва отчуждена отъ стрѣльцовъ,—тамъ одни солдаты. Всего тягостнѣе чегаремъ полкамъ стрѣлецкимъ, которые, вмѣсто возвращенія въ Москву, должны были проучествовать изъ Азова въ Великія-Луки. Многие изъ стрѣльцовъ рѣшились во что бы то ни стало побывать въ Москвѣ! Въ мартѣ мѣсяцѣ большіе полтора года челоуѣкъ убожали изъ полковъ и явились въ Москвѣ въ челоуѣчникахъ; на спросъ правительства, зачѣмъ ушли изъ полковъ,—отвѣчали, что „ихъ братья стрѣльцы съ службы отъ безкормичи идутъ многие“ Имъ назначили срокъ—3-е апрѣля, къ которому они должны оставить Москву, причемъ велѣно имъ выдавать изъ Стрѣлецкаго Приказа кормовыя мѣсячныя деньги сполна. Но бѣглецы узнали въ Москвѣ любимыя вещи.

Русскіе люди нереживали небывалое время, и многимъ представлялся вопросъ: не послѣднее ли это время? Царь явно сложился съ Нѣмцами и ухажалъ къ нимъ за границу. Что тамъ съ нимъ дѣлается—не извѣстно; правятъ бояре; а тутъ повсюду идутъ толки о старой и новой вѣрѣ; сойдутся гдѣ-нибудь двое, станутъ разговаривать о

божествѣ, и первый вопросъ: какъ ты въ перстомъ сложеніи крестное знаменіе на себѣ воображаешь? Бѣглые стрѣльцы встрѣтили на Исаионской площади своихъ знакомыхъ, стрѣльцовъ же, которые сидѣли въ площадныхъ подъячыхъ; завязались разговоры; первое слово: „Государь нашъ залетѣлъ на чужую сторону? Государь-то на чужой сторонѣ, а что безъ него въ Москвѣ дѣлается? Подъячіе рассказали, что бояре хотятъ царевича удушить, хочеть удушить бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и самъ на Москвѣ властителемъ быть.“ „А вамъ уже на Москвѣ не бывать!“ говорили подъячіе стрѣльцамъ.

Легко понять, съ какимъ чувствомъ слушали стрѣльцы послѣднія слова. Надобно какъ-нибудь промыслить, чтобъ быть въ Москвѣ, а тутъ еще и приглашеніе. Бывшая правительница, царевна Софія живетъ въ заточеніи въ Дѣвичьемъ монастырѣ; сестры ея отъ Милославской на свободѣ во дворцѣ, но и всѣмъ имъ тяжело послѣ 1689 года: вмѣстѣ съ Софією и онѣ правительствовали; понадобятся деньги—пошлютъ въ любой Приказъ и возьмутъ сколько хочеть¹⁾; а теперь уже не то: теперь онѣ царевны оналныя, беззащитныя. У нихъ, разумѣется, сильное желаніе, чтобъ дѣла перемѣнились—хотя бы стрѣльцы опять помогли! У нихъ средоточіе всѣхъ сплетенъ, всѣхъ неблагопріятныхъ для правительства слуховъ; между ними и Дѣвичими монастыремъ тайныя пересылки; недовольныя стрѣльчичи тутъ, служатъ службы недовольнымъ царевнамъ. Стрѣльцы, прибѣжавшіе въ Москву, не могли не обратиться къ царевнамъ, которыя на Верху однѣ могли принять въ нихъ участіе, не могли не выразить желанія видѣть опять царевну Софію въ державствѣ; хотя царевны и заперли на Верху на это смутное время, однако стрѣльцы нашли средство войти съ ними въ сношенія; двое изъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, Прокуряковъ и Тума, составили челобитную о стрѣлецкихъ нуждахъ и отдали вхожей въ Верхъ стрѣльчичѣ, чтобъ передала которой-нибудь царевнѣ. Дѣятельнѣе другихъ была царевна Мароа, и къ ней пошла стрѣлецкая челобитная, ея же постельница отдала грамотку стрѣльчичѣ, чтобъ та передала ее Тумѣ. Мароа говорила постельницѣ о грамоткѣ: „Смотри, я тебѣ вѣрю; а если пронесется, то тебя распятаютъ, а мнѣ, кромѣ монастыря, ничего не будетъ“. Той же постельницѣ Мароа велѣла сказать стрѣльчичѣ: „У пась на Верху позамялось: хотѣли было бояре царевича удушить; хорошо, еслибы и стрѣльцы подошли“. Съ Верху же шли слухи: „Бояре хотѣли было царевича удушить, но его подмѣнили и платье его на другого надѣли; царца узнала, что не ца-

¹⁾ Въ 1685 году изъ Новгородскаго Приказа взяты деньги для царевны Софіи, вѣдѣвъ затѣмъ отсюда же для царевны Екатерины; для нея же отсюда же въ 1686 г.; въ томъ же году опять для нея и для царевны Феодосіи; въ томъ же году царевнѣ Софіи изъ разныхъ оброчничихъ доходовъ отпущено 2,000 р. и т. д. Приказныя дѣла означенныхъ годовъ въ Московск. Арх. Мш. Ип. Д.

ревичъ; а царевича сыскали въ другой комнатѣ, и бояре царю по щекамъ били; а государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ, и по стрѣльцовъ указъ посланъ“. На Арбатѣ, у ограды церкви Николая Явленнаго, стояла толпа стрѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, Василій Тума, читалъ грамоту — изъ Дѣвичья монастыря, отъ царевны Софїи Алексѣевны: зоветь всѣ четыре полка, чтобъ шли къ Москвѣ, становились таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и подавали ей, царевнѣ, челобитье, чтобъ шла попрежнему на державство.

Если всѣ должны приходять къ Москвѣ, то зачѣмъ же уходитъ изъ нея челобитникомъ? Въ срочный день, 3-го апрѣля, толпа стрѣльцовъ пришла къ дому начальника Стрѣлецкаго Приказа, князя Ив. Вор. Троекурова, и просила, чтобъ бояринъ выслушалъ ихъ. Троекуровъ велѣлъ имъ выбрать четверыхъ лучшихъ людей для разговора съ нимъ. Выборные явились и начали говорить, что они на службу до просухи не идутъ, били челомъ объ отсрочкѣ, представляя свою нужду, что доведены до крайняго упадка. Бояринъ прервалъ ихъ и велѣлъ сейчасъ же идти на службу. Выборные отвѣчали, что не пойдутъ; тогда Троекуровъ велѣлъ ихъ схватить и посадить въ тюрьму; но на дорогѣ товарищи отбили ихъ. Вѣсть объ этомъ навела страхъ на бояръ, помнившихъ хорошо стрѣлецкій бунтъ; притомъ же, въ апрѣлѣ 1697 года, и между солдатами Лефортова полка шла рѣчь, чтобъ подать челобитную царевнѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ о дачѣ имъ сухарей, потому что какой-то солдатъ рассказывалъ: стоялъ онъ на караулѣ въ Верху, выходила государыня и говорила: что-де вы голы? берете по 30 алтынъ на мѣсяць, только на васъ, что красные кафтаны. И солдатъ ей говорилъ, что беруть по алтыну на день, а сходится по 4 деньги на день, вывороты (вычеты) большіе. Безпокойство бояръ увеличивалось еще тѣмъ, что давно уже не было вѣстей изъ-за границы отъ царя. Противъ стрѣльцовъ надобно было приготовить другую вооруженную силу, солдатъ, и князь Ромодановскій послалъ за генераломъ Гордономъ, рассказавъ ему въ чемъ дѣло. Гордону показалось, что князь преувеличиваетъ опасность, и онъ замѣтилъ ему, что дѣло не важно: стрѣльцы слабы и предводителя у нихъ нѣтъ. Отъ Ромодановскаго Гордонъ отправился на Бутырки, гдѣ жили его солдаты, чтобъ приготовиться на всякій случай, и былъ успокоенъ тѣмъ, что всѣ солдаты были на лицо въ слободѣ, кромѣ занимавшихъ караулы въ разныхъ мѣстахъ. На другой день стрѣльцы попрежнему оставались въ Москвѣ, но спокойно, побужевали только двое пьяныхъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ. Между тѣмъ на Верху сидѣли бояре, совѣтовались какъ быть. Рѣшили — выслать отрядъ солдатъ и выбить стрѣльцовъ сплою изъ Москвы. Вечеромъ сотил Семеновцевъ, при помощи посадскихъ, выбили незваныхъ гостей за заставу; буйнили только двое: одного прибилъ такъ, что

скоро умеръ, другого, вмѣстѣ съ буйными прежде въ Приказѣ, сослали въ Сибирь¹⁾.

Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля Ромодановскій далъ знать Петру о приходѣ бѣглыхъ стрѣльцовъ, и о томъ, что они выпровожены солдатами. Петръ получилъ письмо въ Амстердамѣ, собираясь въ Вѣну, и отвѣчалъ: „Письмо ваше государское я припалъ и, выразумѣвъ, благодарствую, и впредъ прошу, дабы не былъ оставленъ. Въ томъ же письмѣ объявленъ бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмирень. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступишь, Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамопа (Головина, командира Преображенскаго полка) взялъ, что не для этого? А буде думаєте, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистину, скоряе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало-ль живеть, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодъ. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ бѣдъ сердца писаль“²⁾. Черезъ нѣсколько дней Петръ написалъ въ Виниусу съ упрекомъ за опасенія по поводу неприхода почты: „Зѣло дивлюсь и суду Божию предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почты, а самъ вконецъ извѣстенъ симъ странамъ. Не диво, кто не бывалъ. Я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить; а ты самъ предводитель имъ въ яму. Потому всѣ думаютъ, что коли-де кто бывалъ, такъ боится того, то уже конечно такъ. Воистину не отъ радости пишу“³⁾. Виниусъ спѣшилъ просить прощенія, и царь отвѣчалъ ему: „Господь Богъ да оставитъ всѣмъ намъ наши долги, милосердія своего ради. А что я такъ къ вамъ писаль, о томъ самъ разсудитъ, каково мнѣ то дѣло“.

Дѣло было дѣйствительно важное. Стрѣльцовъ выгнали изъ Москвы и они понесли въ Торонецъ, гдѣ стояли теперь ихъ полки съ Ромодановскимъ, разныя вѣсти и призывъ изъ Дѣвичьяго монастыря. На дорогѣ нагнала ихъ стрѣльчиха и отдала новую грамотку отъ царевны Софїи: „Теперь вамъ худо, а впредъ будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно“. Въ доказательство, что впредъ стрѣльцамъ будетъ еще хуже, пришелъ указъ изъ Москвы отъ 28-го мая: Ромодановскій должень былъ распустичь по домамъ своихъ полчанъ, пѣшихъ и конныхъ, самъ прїѣхать въ Москву, а стрѣльцы должны были оставаться до указа въ городахъ

¹⁾ Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ; Gordon's Tagebuch, III, 181; Столбцы Преобр. Приказа, № 516.

²⁾ Кабинетъ, I, книга № 28.

Вязьмѣ, Бѣлой, Ржевѣ Володимировой и Дорогобужѣ; бѣжавшихъ въ Москву стрѣльцовъ всего 155 человекѣвъ вѣлно было сослать въ малороссійскіе города—Черниговъ, Переяславль, Новобогородицкой, на вѣчное житіе съ женами и дѣтьми, а пятидесятиникамъ, десятиникамъ и стрѣльцамъ, которые со службы не сходили, за ихъ вѣрную службу, и за то что ворами не потокали и подали на ихъ заручныя челобитныя, сказать государеву милостивое слово. Значить, правду говорили подъячіе на Ивановской площади: стрѣльцамъ Москвы не видать! Когда этотъ указъ, прилапный отъ царскаго имени, былъ объявленъ, то полковники Чубаровъ, Черный и Тихонъ Гундертмаркъ представили Ромодановскому бѣглымъ стрѣльцамъ изъ своихъ полковъ, человекѣвъ съ 50, и Ромодановскій велѣлъ отвести ихъ въ городъ (крѣпость) и сдать торопецкимъ воеводамъ: но есаулы, провожавшіе бѣглыхъ, встрѣтили на дорогѣ толпы стрѣльцовъ, которые отбили товарищей, гонимыхъ за есаулами и бросали палками. Ромодановскій отправилъ было противъ ихъ новгородскихъ стрѣльцовъ, но тѣ, по малодядству, не могли справиться съ мятежниками. Тогда Ромодановскій, по просьбѣ полковниковъ, послалъ вычитать подлинный указъ на съѣзжихъ дворахъ по полкамъ порознь, а къ разрядному шатру для сказки указа московскихъ стрѣльцовъ призывать не велѣлъ за такую ихъ воровскою шатостію, опасаясь отъ нихъ всякаго дурна. Въ полкахъ Чубарова и Колзакова стрѣльцы грамоту слушали, и Колзакова полка стрѣльцы били челомъ на милости, и сказали, что за воровъ, если они явятся, стоять не стануть; а чубаровскіе стрѣльцы сказали, что у нихъ воровъ нѣтъ, а которые изъ нихъ ходили въ Москву, тѣ ходили отъ голода Колзаковъ изъ своего полка привелъ воровъ 15 человекѣвъ къ разрядному шатру, а оттуда повелъ въ Торопецъ и отдалъ воеводѣ; но стрѣльцы, собравшіеся, отняли ихъ у воеводы отбоємъ, а за полковникомъ Колзаковымъ гонялись и палками за нимъ велѣлъ бросали, и ушелъ онъ отъ нихъ, покинувъ лошадь, за рѣку Торопу, по мостовицамъ. А стрѣльцы полковъ Чернаго и Гундертмарка слушавъ царской грамоты къ съѣзжымъ избавъ не пошли, и по улицамъ, близъ разряднаго шатра и двора, гдѣ стоялъ Ромодановскій, начали ломать изгороди, и съ кольеми, собравшіеся многолюдствомъ, стояли съ великими толпами. Ромодановскій, испугавшись, съ конными дворянскими полками выступилъ изъ города въ поле и стѣлъ въ ополченіе по московской дорогѣ; Чубаровъ, Гундертмаркъ и Колзаковъ были съ нимъ; князь велѣлъ имъ ѣхать въ свои полки и выводить ихъ порознь изъ свободъ въ поле и идти въ указные города. Полкъ Чубарова выступилъ и пошелъ сквозь конныя роты и полки. Ромодановскій, подѣхавши къ нему, велѣлъ остановиться, и сталъ уговаривать, чтобъ выдала бѣжавшихъ въ Москву. Стрѣльцы отвѣчали, что за бѣглыхъ не стоять, только взять ихъ и выдать мощи нѣтъ. Ромодановскій сказалъ имъ на это:

„Бѣглецовъ малое число, а васъ 500 человекѣвъ сплпкомъ“. Стрѣльцы пошли въ полкъ; промель часъ времени—никакого движенія; Ромодановскій посылаетъ сказать имъ, чтобъ не медлили выдачею; прежній отвѣтъ: „Мочи нашей нѣтъ!“ Велѣдъ этимъ полкъ пошелъ, а бѣглецы отстали и повернули къ Торопцу; Ромодановскій послалъ копейщиковъ и рейтаръ ловить ихъ; тѣ стали ловить, но тутъ выступаетъ полкъ Гундертмарка, и воры скрылись въ него, иробравшіе болотными мѣстами и кустарниками. Полковникъ и начальные люди кричали, чтобъ воровъ въ полкъ не пускать; но рядовые стрѣльцы не послушались и хотѣли биться съ конницею, ловившею воровъ; они кричали: „У насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы!“ Всѣ стрѣльцы пошли въ указные города, и Ромодановскій отослалъ имъ жалованье на два мѣсяца, чтобъ не было никакого предлога къ продолженію смуты¹⁾.

Но стрѣльцамъ нужно было не одно жалованье, имъ нужна была Москва, въ которую ихъ не пускали, притомъ же дѣло было уже начато: царскому указу учинились ослушны, бѣгунцы не выдали; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Разумѣется, бѣгунцы, по истиннику самосохраненія, должны были изъ всѣхъ силъ бунтовать остальныхъ. Стрѣльцы шли медленно, нехотя, дѣлали верстъ по пяти въ день, и 6-го июня, на берегу Двины, бунтъ вспыхнулъ. На телѣгѣ, передъ четырьмя полками, стоялъ стрѣлецъ Масловъ и читалъ призывное письмо отъ царевны Софій: „Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число; и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четверемъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьемъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а кто-бы не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой“.

Толпы разнузѣли: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую свободу разоритъ и Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ Православіе закосягло; бояръ побить, а имъ, стрѣльцамъ, жить въ домахъ своихъ. Послать и въ иные полки, чтобъ и тѣ полки шли къ Москвѣ для того, что стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибають и Москвы не знаютъ; непременно идти къ Москвѣ, хотя-бы умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ казакамъ вѣдомость послать. Если царевна въ правительство не вступится, и по конхъ мѣсть возмужаетъ царевичъ, можно взять и князя Василія Голлицина; онъ къ стрѣльцамъ и въ крымскихъ походахъ, и на Москвѣ милосердъ былъ, а по конхъ мѣсть государь здравствуетъ, и намъ Москвы не видать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣ-

¹⁾ Донесеніе Ромодановскаго (М. Г.) въ столбахъ Приказнаго стола, № 3192.

ровать въ Нѣмцевъ, сложился съ Нѣмцами. Всѣ царевны стрѣльцовъ къ Москвѣ желаютъ; царевна Софія торопецкимъ казакамъ дала денегъ по полтинѣ, чтобъ шли къ Москвѣ¹⁾. Собрались круги, оставили прежнихъ полковниковъ и капитановъ, а на ихъ мѣсто выбрали новыхъ и пошли къ Москвѣ.

Но въ Москвѣ солдаты, и потому у стрѣльцовъ дорогою такая рѣчь была, чтобъ имъ побывать на Бутыркахъ, провѣдать у солдатъ, что у нихъ дѣлается. Стрѣлецъ Пузанъ отправился на Бутырки къ знакомымъ солдатамъ Салениковымъ, и съ однимъ изъ нихъ видѣлся; но тотъ ему отказалъ: „Намъ объ васъ заказъ крѣпкій, и съ вами нейдѣмъ; дѣла до васъ намъ нѣтъ, и вы какъ хотите“¹⁾. У стрѣльцовъ была и другая рѣчь—съ солдатами не биться, по малолюдству (всего 2,200 человекъ), а обойти Москву и засѣсть въ Серпуховѣ или Тулѣ и писать въ Вѣлгородъ, Азовъ, Сѣвскъ и другіе города къ тамошнимъ стрѣльцамъ, чтобъ шли къ нимъ несмеленно; всѣмъ вмѣстѣ идти къ Москвѣ и бить бояръ. Страхъ попалъ на жителей Москвы, когда узнали о приближеніи стрѣльцовъ. Зажиточные люди начали со всѣмъ имѣніемъ разбѣжаться въ дальніе деревни. Между боярами начались споры о мѣрахъ; наконецъ мѣрие князя Бориса Алексѣевича Голыцина восторжествовало, и положено было выслать противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генералами Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ; войска у нихъ было около 4,000 и 25 пушекъ. 17-го іюня царское войско встрѣило стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, при переправѣ черезъ рѣку Истру. Стрѣльцы прислали къ Шеину письмо, въ которомъ жаловались, что въ Азовѣ терпѣли всякую нужду, зимою и лѣтомъ трудилась надъ городовыми крѣпостями, потому изъ Азова перешли въ полкъ къ князю Ромодановскому, голодъ, холодъ и всякую нужду терпѣли: человекъ по полтора ста стояло на одномъ дворѣ, мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ не ставало и на двѣ недѣли; тѣхъ, которые ходили по міру, блинъ батогамъ. Изъ Торонца Ромодановскій велѣлъ вывести ихъ на разныя дороги по полку, отобрать ружье, знамена и всякую полковую казну, и велѣлъ конницѣ, обступя ихъ вокругъ, рубить. Испугавшись этого, они не пошли въ указныя мѣста, идутъ къ Москвѣ, чтобъ напрасно не умереть, а не для бунту; пусть дадутъ имъ хотя немножко повидаться съ женами и дѣтьми, а тамъ, какъ представится случай, и они опять рады идти на службу.

Шеинъ отправилъ Гордона въ станъ къ стрѣльцамъ объявить, что если они возвратятся въ указныя мѣста и выдадутъ бѣжавшихъ въ Москву, также заводчиковъ настоящаго бунта, то государь проститъ ихъ и жалованье будетъ имъ выдано въ указныхъ мѣстахъ по тамошнимъ цѣнамъ. Гордонъ понапрасну истощалъ всю свою реторику²⁾, какъ

самъ выражается, уговаривая стрѣльцовъ: они отвѣчали, что или помрутъ, или будутъ на Москвѣ, хотя бы на малое время, а тамъ пойдутъ всюду, куда великій государь укажетъ; на дальнѣйшую реторику Гордона отвѣчали, что замятутъ ему ротъ. Иноземцу не удалось; Шеинъ отправилъ Русскаго, — князя Кольцова-Масальскаго уговаривать стрѣльцовъ; къ нему вышелъ одинъ изъ заводчиковъ, десятникъ Зоринъ съ черновою, неоконченною челобитною, въ которой говорилось: „Вьютъ челомъ многоскорбне и великими слезами московскіе стрѣлечкіе полки; служили они, и прежде ихъ прародители и дѣды и отцы ихъ, великимъ государямъ во всякой обыкновенной христіанской вѣрѣ, и общались до кончины жизни ихъ благочестіе хранить, якоже содержать Св. Апостольская Церковь. И въ 190 году стремленіе безчинства, радѣя о благочестіи, удержали, и по ихъ, великихъ государей, указу въ примѣненіи того времени, ихъ измѣнниками и бунтовщиками звать не велѣно, и, по общанію, какъ цѣловали крестъ о благочестіи, непремѣнно служить. И въ 203 г. сказано имъ служить въ городахъ погодно; а въ томъ же году, будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика, иноземца Францка Лефорга, чтобы благочестію великое прегятеіе учинить, чинъ ихъ, московскихъ стрѣльцовъ, подвелъ онъ, Францко, подъ стѣну безвременно, и, ставя въ самыхъ нужныхъ въ крони мѣстахъ, побито ихъ множество; его-жь умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ подкопомъ онъ ихъ же побилъ человекъ съ 300 и больше; его же умысломъ на приступѣ подъ Азовомъ послужено по 10 рублевъ рядовому, а кто послужитъ — тому повышение чести; и на томъ приступѣ, съ которою сторону они были, побито множество лучшихъ; а что они, радѣя ему, великому государю, и всему христіанству, Азовъ говорили взять, приваломъ, и то онъ оставилъ; онъ же, не хотя наслѣдія христіанскаго видѣть, самыхъ послѣднихъ изъ нихъ удержалъ подъ Азовомъ октября до 3-го числа; а изъ Черкаскаго 14-го числа пошелъ стѣною, чтобъ ихъ и до конца всѣхъ погубить, и, идучи, ѣли мертвечину, и множество ихъ пропало. И въ 206 году Азовъ приваломъ взяли и оставлены городъ строить, и работали денно и ночью во весь годъ пресовѣршенною трудностію. И изъ Азова сказано имъ идти къ Москвѣ; и по вѣстямъ были они въ Змievѣ, въ Изюмѣ, въ Царевѣ-Борисовѣ, на Моекѣ, въ самой послѣдней скудости; и изъ тѣхъ мѣстъ велѣно имъ идти въ полкъ къ боярину и воеводѣ, къ князю М. Г. Ромодановскому въ Пустую Ржеву на зимовье, не займучъ Москвы: и они, радѣя ему, великому государю, въ тотъ полкъ шли денно и ночью, въ самую послѣднюю нужду осеннимъ путемъ, и пришли чуть-живы; и, будучи на польскомъ рубежѣ, въ зимнее время въ лѣсу, въ самыхъ нужныхъ мѣстахъ, мразомъ и великими нуждами утѣшенны, служили, надѣясь на его, великаго государя, милость. И по указу велѣно всѣ полки Новгородскаго разряду рас-

¹⁾ Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

²⁾ Дневникъ, Ш, 197.

чувствитъ; а бояринъ и воевода Ромодановскій выведчи ихъ изъ Торонца по полкамъ вельѣя рубить, а за что не—вѣдаютъ. Они же, слыша, что въ Москвѣ чинится великое страхованіе и отъ того городъ затворяютъ яно, а отворяютъ часу въ другомъ дня или въ третьемъ, и всему народу чинится наглость: пмъ слышно же, что ядутъ къ Москвѣ Нѣмцы, и то знатно,—послѣдѣя брадобратію и табаку во всеовершенное благочестія испроверженіе¹.

Зоринъ требовалъ, чтобъ челобитная была прочтена передъ всѣмъ царскимъ войскомъ. Разумѣется, это требованіе не было исполнено, и Шениъ могъ ясно видѣть изъ челобитной, куда заходить дѣло, когда съ одной стороны было выставлено Православие, а съ другой—еретикъ Францкъ Лефортъ; подъ скромнымъ именемъ челобитной это была злая выходка противъ царя, прикрытая выходкою противъ его любимца. Шениъ могъ ясно видѣть, что переговоры, увѣщанія усилили только дерзость стрѣльцовъ, тогда какъ усилѣхъ противъ нихъ не могъ быть сомнителенъ: это была нестройная толпа, не имѣвшая предводителя, при недостаточной артиллеріи. Начали приготовляться къ битвѣ; въ обѣихъ ратяхъ служили молебны; стрѣльцы исповѣдались и дали клятву помереть другъ за друга безо всякой измѣны. Въ послѣдній разъ послано имъ сказать, чтобъ положили оружіе и въ винахъ своихъ добили челомъ государю, въ противномъ случаѣ начнется стрѣльба изъ пушекъ; стрѣльцы отвѣчали: „Мы того не боимся, видали мы пушки и не такія!“ Но Шениъ и тутъ шель постепенно: увидавши неуспѣшность переговоровъ, увѣщаній и угрозъ въ словахъ, онъ попробовалъ пострапать послылѣе, вельѣя выстрѣлять, но такъ, что ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ. Это еще болѣе ихъ ободрило; они стали распускать знамена, бросать вверхъ шапки и готовиться къ бою. Но другой залпъ—п стрѣльцы замялись, несмотря на то, что нѣкоторые кричали: „Пойдемъ противъ большого полка грудью на проломъ, и хотя-бъ умереть, а быть на Москвѣ!“ Еще два залпа—п немного ихъ осталось въ обозѣ, который немедленно былъ занятъ царскимъ войскомъ. Витва продолжалась не болѣе часу. Въ царскомъ войскѣ было ранено только 4 человѣка, одинъ смертельно; у стрѣльцовъ убито 15 человѣкъ, и ранено, болшее частью смертельно, 37¹⁾. Разбѣжавшіеся изъ обоза были переловлены; Шениъ „разбиралъ и смотрѣлъ у нихъ, кто воры и кто добрые люди, и которые въ Москвѣ бунтъ заводили; и послѣ того были розыски великіе и пытки имъ, стрѣльцамъ, жестокия, и по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены по дорогѣ; остальныхъ разослали въ тюрьмы и монастыри подъ стражу“. Съ пытки винились въ томъ, что было сдѣлано въ Торонцѣ и по выходѣ изъ него на Двинѣ; но никто не сказалъ о письмѣ отъ царевны.

¹⁾ Дневникъ, III, стр. 198; Пол. Собр. Зак. № 1634; Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

Получивъ отъ Ромодановскаго—короля - извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ и движеніи ихъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ ему: „Пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростеть,—въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жалѣишнѣяго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей радп причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чааете“. Ромодановскій пишетъ о возмущеніи стрѣльцовъ, а Петру представляется, что ростеть сѣмя Милославскаго! Остальные слова, что „только крѣпостію можно угасить сей огонь“, уже показываютъ сильное раздраженіе, которое внушало убѣжденіе въ необходимости крайнихъ мѣръ для уничтоженія зла. Привести въ ужасъ противниковъ, кровью залить сопротивленіе—эта мысль обыкновенно приходитъ въ голову революціоннымъ дѣятелямъ въ разгарѣ борьбы, при сильномъ ожесточеніи отъ сопротивленія, при опасеніи за будущность свою и за будущность проводимаго начала. Зловѣщій отвѣтъ Ромодановскому общалъ Москвѣ—терроръ.

На дорогѣ изъ Вѣны въ Россію Петръ получилъ извѣстія о прекращеніи бунта побѣдою Шениа. Между прочимъ Виниусъ писалъ: „Ни еднѣ не ушелъ; по розыску пущіе изъ нихъ посланы къ нутчъ иной темной жизни съ возищеніемъ своей братьи такимъ же, которые, мню, и въ адѣ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сапана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы“²⁾.

26-го августа по Москвѣ разнеслась вѣсть, что наканунѣ пріѣхалъ царь; побывалъ кой-гдѣ, былъ у дѣвнцы Моисей; не былъ во дворцѣ, не выдался съ женою; вечеръ провелъ у Лефорта, ночевать уѣхалъ въ Преображенское. Въ этотъ вечеръ или въ эту ночь рѣшено было дѣло, которое на другой день должно было взмутить Москву и многіихъ поразить ужасомъ.

Петръ возвратился въ Москву въ сильномъ раздраженіи: сѣмя Ивана Милославскаго, стрѣльцы. пошли опять ему наперекоръ; передъ отъѣздомъ—Соковининъ, Цыклеръ, стрѣльцы; только что отдохнуть за границею, заивявшись любимыми дѣлами, какъ опять стрѣльцы не даютъ продолжать путешествія. Но стрѣльцы—это только застрѣльщики, это только вооруженная сила, за которою стоитъ масса людей, противныхъ преобразованію, противныхъ всему тому, чѣмъ уже заявилъ Петръ свою дѣятельность, съ чѣмъ связалъ себя невозвратно, безъ чего не можетъ существовать. Петръ хорошо зналъ, какъ смотрѣли эти люди на его дѣятельность; онъ не отказался, въ угоду имъ, отъ этой дѣятельности, напротивъ—онъ ее усилить и, слѣдовательно, возбудить противъ себя еще большую ненависть, большее ожесточеніе; сознаніе этого ожесточенія въ другихъ страшно ожесточаетъ его самого; онъ готовъ къ борьбѣ на жизни и на смерти,

²⁾ Отъ 24 іюня; Кабинетъ, II, книга № 53.

онъ возбужденъ, онъ кипитъ, — первый пойдетъ напроломъ, онъ бросится на знамя противниковъ, вырветъ и потопчетъ его: это знамя — борода, это знамя — старинное длинное платье.

Но мы не можемъ остановиться здѣсь на однихъ личныхъ побужденіяхъ Петра и выпустить изъ вниманія общій ходъ народнаго дѣла. До Петра народъ повернулъ къ Западу, до Петра народъ началъ работать новому началу, и это должно было неизрѣнно выказаться въ одеждѣ и волосахъ. Удивляться нечего этому явленію, которое повторяется непрерывно въ глазахъ нашихъ; челомѣкъ прежде всего въ своей наружности, въ одеждѣ и уборкѣ волосъ старается выразить состояніе своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремленія. Какъ только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него, — такъ сейчасъ же является подражаніе, которое естественно и необходимо начинается со вишняго, съ одежды, съ убранства волосъ, а тутъ еще твердили, что въ покроѣ платья выказывается разумъ народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками ¹⁾. Уже при Борисѣ Годуновѣ, при первомъ движеніи къ Западу, начинается между Русскими подражаніе иностранцамъ въ наружности, начинается бритіе бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильнѣйшія выходки хранителей старины. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ усиленіемъ движенія къ Западу, усиливается и брадобритіе: мы видѣли, какъ ревностный блюститель отеческихъ преданій, Аввакумъ, не хотѣлъ благословить сына боярина Шереметева, потому что тотъ явился къ нему въ блудносономъ образѣ, т. е. съ бритою бородою ²⁾. Ревнители отеческихъ преданій употребили все свои усилія, чтобы искоренить „еллинскіе, блудническіе, гнусные обычаи“, и достигли, повидимому, своей дѣли, когда правительство, въ угоду имъ, начало отнимать чины за подрѣзываніе волосъ ³⁾. Но эта ревность была вредна только ревнителямъ, которые были не въ состояніи остановить роковаго движенія и только раздражали противниковъ, заставляли ихъ относиться къ бородѣ и старому длинному платью также въ враждебно, какъ ревнители относились къ блудносоному образу; борода стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить враждебное знамя. Движеніе, должествовавшее привести къ этой побѣдѣ, шло безостановочно: въ 1681 году царь Θεодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всему снисклиту и всеъмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и одюрядокъ; въ охабнѣ или одюрядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ

Кремль ⁴⁾. Патріархъ Іоакимъ съ отчаяніемъ увидѣлъ, что еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія явился съ новою силою; опять загремѣлъ противъ него патріархъ: „Еллинскій, блудническій, гнусный обычай, древле многащю возбраняемый, во днѣхъ царя Алексѣя Михайловича совершенно искорененный, какъ нигдѣ юнонестовиіи начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный, губити“. Патріархъ отлучаетъ за брадобритіе отъ Церкви, отлучаетъ и тѣхъ, которые съ брадобритіемъ общеніе имѣють, ⁵⁾ — тѣтныя усилія, обращающіяся только во вредъ авторитету Церкви и духовенства. Пресмнникъ Іоакима, Адрианъ, издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія, еретическаго безобразія, уподобляющаго человека котамъ и цапамъ; патріархъ стращалъ Русскихъ людей вопросомъ: если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ; — „съ праведниками ли, украшенными бородою, или съ обритыми еретиками“ ⁶⁾.

Эти выходки служатъ для насъ лучшимъ мѣриломъ силы стремленія, противъ котораго онъ дѣлался, лучшимъ мѣриломъ силы раздраженія, какое должны были возбуждать въ людяхъ „юнонестовыхъ“. Замѣтимъ также, что способъ, употребленный Петромъ противъ бородъ и русскаго платья, былъ завѣщанъ ему предшественниками, и другой способъ былъ тогда немислимъ; указомъ царя Алексѣя Михайловичъ вооружился противъ брадобритія, наказывая ослушниковъ пониженіемъ въ чинахъ; указомъ царя Θεодора Алексѣевичъ велѣлъ носить короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней и одюрядокъ; патріархъ, съ своей стороны, отлученіемъ отъ Церкви наказывалъ за еллинскій обычай. Петръ точно такимъ же насильственнымъ образомъ выводитъ бороды и русское платье. Наконецъ замѣтимъ еще одно обстоятельство: безъ сомнѣнія первымъ дѣломъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было потребовать розыское дѣло о стрельцахъ, и легко понять, съ какою чувствомъ читалъ онъ челобитную ихъ, наполненную злыми выходками противъ Франца Лефорта (т. е. противъ самого Петра), противъ Нѣмцевъ, послѣдующихъ брадобритію. — Я Нѣмецъ, послѣдующій брадобритію: такъ вотъ же вамъ ваши бороды!

Утромъ, 26-го августа, толпа всякаго рода людей наполняла деревенный Преображенскій дворецъ, гдѣ Петръ жилъ запросто, принимая вмѣстѣ съ знатно людей самыхъ простыхъ. Тутъ, разговаривая съ вельможами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, начиная съ Шенна и Ромодановскаго; не дотронулся только до самыхъ почтенныхъ стариковъ, которымъ вовсе не къ лицу была новая мода: до Тихона Никитича Стрѣшчева и

⁴⁾ Медвѣдова (или Каріона Истомина) Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, по рукописи кн. Мих. Андр. Оболенскаго.

⁵⁾ Сборникъ Синод. библиот. № 11.

⁶⁾ Рукопись Академіи Наукъ; см. въ книгѣ Устрялова, III, 193.

¹⁾ Исторія Россіи т. XIII, стр. 780.

²⁾ Исторія Россіи т. XIII, стр. 740.

³⁾ Исторія Россіи т. XIII, стр. 89.

и князя Мигайла Алегуковича Черкаскаго ¹⁾, — они одни и остались съ бородами; другіе догадались въ чемъ дѣло, и начали бриться; недогадливымъ было сдѣлано еще внушеніе: 1-го сентября, въ тогдашній Новый Годъ, былъ большой обѣдъ у Шенна; нѣкоторые явились съ бородами, но теперь уже не самъ царь, а царскій путь упражнялся въ обрѣзываніи бородъ ²⁾. Кто послѣ того не хотѣлъ бриться, долженъ былъ платить известную пошлину.

Дѣло было начато, вызовъ брошенъ людямъ, провозглашавшимъ брадобритіе блудномъ, еретическою новостію; но Петръ не далъ имъ омониться отъ этого удара, сразилъ новымъ ужасомъ, начавши кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ, которые осмѣлились съ оружіемъ въ рукахъ пойти противъ Нѣмцевъ, посядующихъ брадобритію. Съ половины сентября начали привозить въ Москву стрѣльцовъ, оставшихся въ живыхъ послѣ перваго Шейновскаго розыска, и наполнили ими оустрестные монастыри и села; всего было болѣе 1,700 человекъ. Въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ начались пытки съ 17-го сентября — печальный день именинъ Софіи, когда, 16 лѣтъ тому назадъ, безъ суда, казнены были Хованские. Пытки отличались неслыханною жестокостію ³⁾. Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли стать подлѣ Дѣвичьимъ монастыремъ и звать Софію въ управительство; наконецъ одинъ стрѣлецъ, съ третьяго огня, признался, что было къ нимъ послано отъ царевны Софіи письмо, которое Тума принесть изъ Москвы въ Великія Луки; то же показано было и нѣкоторымъ другими стрѣльцами; дѣло дошло до стрѣльчихъ, оговоренныхъ въ передачѣ письма, до женщинъ, жившихъ при Софіи въ монастырѣ, при стрѣ ея Марѣ; женщины были пытаны, и показали уже известное намъ о сношеніяхъ двухъ сестеръ и о передачѣ письма стрѣльцу ⁴⁾.

Между тѣмъ дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ: ставили вѣсѣльцы по Вѣлану и Землянному городамъ, у воротъ подлѣ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у четырехъ съѣзжихъ избъ возмущившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ ставились между царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, утоляли кровь. Адрианъ поднявъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержитъ; завидѣвъ патріарха, онъ закричалъ ему: „Къ чему это икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполню свою обязанность и дѣлаю богоугодное

дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“ ⁵⁾.

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣщанныхъ въ дѣло, Марю и Софію. Марья призналась, что говорила Софіи о приходѣ стрѣльцовъ и о ихъ желаніи видѣть ее, Софію, на царствѣ; но отреклась, что никакого письма не передавала стрѣльчихѣ. Софія, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцами отъ ея имени, отвѣчала: „Тяжело письмо, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣлецкіе полки не посылаvano. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ къ Москвѣ, было имъ звать ее, царевну, попрежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она со 190 года была въ правительствѣ“.

30-го сентября была первая казнь: стрѣльцовъ, числомъ 201 человекъ, повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло подвое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: „Въ разпросѣи съ пытокъ всѣ сказали, что было придти къ Москвѣ и на Москвѣ, учиня бунтъ, бояръ побить и Нѣмецкую свободу разорить, и Нѣмцевъ побить, и чернь возмутить, всѣми четыре полка вѣдали и умышляли. И за то ваше воровство указалъ великій государь казнить смертію“ ⁶⁾. По прочтеніи сказки, осужденныхъ развели вершити на указанныя мѣста; по пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣченъ головы въ Преображенскомъ; свидѣтели достовѣрные ⁷⁾ объясняютъ намъ эту странность: самъ Петръ собственноручно отрубилъ головы этимъ пятерымъ стрѣльцамъ. 11-го октября новыя казни: вершено 144 человекъ; на другой день — 205, на третій — 141; семнадцатаго октября — 109; осьнадцатаго — 63; девятнадцатаго — 106, двадцать перваго — 2. — 195 стрѣльцовъ повѣшено подлѣ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софіи; трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитный, „а въ тѣхъ челобитныхъ написано противъ ихъ повиникъ“ ⁸⁾. Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упрямленія; здѣсь 17-го октября, приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неуваженію рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Алексашка (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человекъ; полковникъ Преображенскаго полка Влюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упрямленій, го-

¹⁾ Доксесіе Гваріента И—ру Леопольду, въ прилож. къ книгѣ Устрялова, III, 621.

²⁾ Korb—Diarium, p. 75.

³⁾ Korb—Diarium, p. 82; Rebelles ob silentii pertinaciam trahuntur ad torturam, quae inauditae immanitatis fuit.

⁴⁾ Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ.

⁵⁾ Korb—Diarium, p. 83; Quid tibi cum icone? aut quae muneris tui pars te vocat ista in loca? abscedo oculus, atque imaginem in locum repono cultui suo debitum. Scias me Deum colere et Matrem Ejus sanctissimam te forte impensius venerari. Supremi mei officii et debitae in Deum pietatis est tuori populum et crimina in communo ejusdem exitum vergentia publica ultione persocii.

⁶⁾ Корбъ, стр. 84. Гваріентъ въ доксесіи отъ 17 октября.

⁷⁾ Корбъ, стр. 173; Записки Желябужскаго.

воря, что въ ихъ земляхъ эгого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, силы на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трешетными руками ⁴⁾. „А у пушкихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади, на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стопали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузен, а застрѣдилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ. А поны, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тѣмъскую избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колья, и тѣло его положено на колесо“ ²⁾. Цѣлые пять мѣсяцевъ труны не убирались съ мѣсть казней, цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софій.

Кромѣ розыска стрѣльцами, взятыми подъ Воскресенскимъ монастыремъ, шелъ еще розыскъ по Азовскому дѣлу. Когда узнали въ Черкасскѣ на Дону о пораженіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то казаки говорили писарю, прѣзвашему изъ Воронежа: „Знать ты и отъ насъ и ты; дай только намъ сроку, перерубимъ мы и самихъ васъ, какъ вы стрѣльцовъ перерубили. Если великій государь къ заговѣнію къ Москвѣ не будетъ, и вѣстей никакихъ не будетъ, то нечего государя и ждать! а боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть, и атаманъ насъ Фроль (Минаевъ) не одержитъ, и Москву намъ очипать. Мы Азова не покинемъ: а какъ будетъ то время, что идти намъ къ Москвѣ, и у насъ молодцы съ рѣки не вѣй пойдутъ, и рѣка у насъ впусетъ не будетъ, пойдемъ хотя половиною рѣкою, а до Москвы города будемъ брать и городовыхъ людей съ собою брать, и всеводъ будемъ рубить или въ воду сажать“. Когда въ Азовѣ узнали о событіяхъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то стрѣльцы начали говорить: „Отцовъ нашихъ и братьевъ и сродичевъ порубили, а мы въ Азовѣ зачтемъ,—начальныхъ людей побьемъ“. Монахи распустили слухъ, что четыре полка стрѣльцовъ и солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, которые были посланы противъ стрѣльцовъ, но съ ними не бился, порублены вѣй, а царевичъ окопался на Бутыркахъ. Монахи говорили стрѣльцамъ: „Дураки вы, б..... дѣти, что за свои головы не умѣете стоять, васъ и остальныхъ всѣхъ Нѣзцы порубятъ, а Донскіе казаки давно готовы“. Стрѣлецъ Паросей Тимошевъ говорилъ: „Когда бунтовалъ Разинъ и я ходилъ съ нимъ же; еще я на старости трахну!“ а другой стрѣлецъ, Бугаевъ, толковалъ: „Стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нигдѣ нѣтъ; на Москвѣ отъ бояръ, что у нихъ жалованье отняли безъ указу; въ Азовѣ—отъ Нѣмецъ, что изъ на работъ бьютъ и заставляють

работать безвременно. На Москвѣ—бояре, въ Азовѣ—Нѣмцы, въ землѣ—черви, въ водѣ—черти“ ³⁾. Кромѣ Азовскаго, еще повый розыскъ: стрѣлецкій полковой поплъ донесъ, что въ Зміевѣ въ шинкѣ стрѣльцы толковали о своей бѣдѣ, собирались со всѣми своими полками, стоящими въ Малороссіи, идти къ Москвѣ; первые должны были попасть на ихъ коня—бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ за то, что у нихъ хлѣба убавилъ; Шеннъ—за то, что ходилъ подъ Воскресенскій монастырь. А какъ будутъ брать нарядъ въ Вѣлгородѣ, убить прежде всего боярина князя Якова Фед. Долгорукова, если наряда не дастъ. Въ походахъ говорили: „Бояринъ князь Яковъ Фед. Долгорукий выбилъ насъ въ дождь и въ сылокотъ; чѣмъ было намъ Татаръ рубить, пойдемъ къ Москвѣ бояръ рубить“ ³⁾.

11 октября, во второй день казней, Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей ⁴⁾, которому поручилъ изслѣдовать злоумышленіе царевны Софій и опредѣлить, какому наказанію она должна быть подвергнута. Рѣшеніе собора неизвѣстно; царевну можно было сильно подозрѣвать; но для прямого доказательства ея вины розыскъ не могъ ничего представить. Мы видимъ, что отвѣчала Софія брату: „Писмыя я никакого не посылаю; но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею“. Чтобъ уничтожить связь между этимъ прошедшимъ и будущимъ; чтобъ впредь никто не могъ желать ея на правительство, лучшимъ средствомъ было постриженіе. Софія была пострижена подъ именемъ Сусанны и оставлена на житье въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ сотни солдатъ. Сестры ея могли ѣздить въ монастырь только на Свѣтлой недѣлѣ и въ монастырскій праздникъ Смоленской иконы (28 июля), да еще въ случаѣ болѣзни монахини Сусанны; Петръ самъ назначалъ довѣренныхъ людей, которыхъ можно было посылать съ спросомъ о ея здоровьи, и приписалъ: „А пѣвчихъ въ монастырь не пускать; поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ что въ церкви поютъ спаси отъ бѣдъ, а въ наперти деньги на убійство даютъ“ ⁵⁾.

Софія была оставлена въ Подмосковскомъ монастырѣ; гораздо виновнѣе по слѣдствію являлась сестра ея Марья, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніи ихъ видѣть ее. Софію, правительницею; а постельница Марья утверждала, что царевна получила

³⁾ Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивъ; Столбы Преображ. Приказа, № 714.

⁴⁾ Корбъ, стр. 87. *Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis, Bojarinis, principibus, bellicis, stolnicis, scribis, civibus et plebeis, ex singulis tribus binos seligere (изъ каждой сотни по двос). Форма собора ясна: зазвѣній иностранцевъ не могъ этого выдумать.*

⁵⁾ Записка Петра безъ означенія числа. Основаніе вѣходки противъ пѣвчихъ намъ неизвѣстно; известно одно, что постельница Софій, вѣра Васютинская, найдена на пыткѣ беременною, и показала, что имѣла связь съ пѣвчимъ (Корбъ, стр. 85).

¹⁾ Корбъ, стр. 88; Желябужскій.

²⁾ Желябужскій.

челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ неяшло письмо къ Тумъ. Марю постригли подъ именемъ Маргариты въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы (теперь города Александрова, Владимирской губерши¹).

Еще прежде сестеръ Софін и Мары, Петръ постригъ жену свою, царичу Евдокію Оеодоровну. Изъ извѣстнаго намъ образа жизни Петра съ его компаніею, Петра — плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившаго дворець, столицу для непрерывнаго движенія, — изъ такого образа жизни легко догадаться, что Петръ не могъ быть хорошимъ семьяниномъ. Петръ женился, т.-е. Петра женили — 17 лѣтъ, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщицѣ, которая могла сначала нравиться. Но терпимая воспитанница не имѣла никакого праственнаго вліянія на молодого богатыря, который рвался въ совершенно иной міръ; Евдокія Оеодоровна не могла за нимъ слѣдовать — и была постоянно покладася для любимыхъ потѣхъ. Отлучка производила охлажденіе, жалобы на разлuku раздражали. Но этого мало; Петръ повадился въ Нѣмецкую слободу, гдѣ увидалъ первую красавицу слободы, очаровательную Анну Моисъ, дочь виноторговца. Легко понять, какъ должна была проигрывать въ глазахъ Петра бѣдная Евдокія Оеодоровна въ сравненіи съ развязною Нѣмкою, привыкшею къ обществу мужичицъ; какъ претили ему прилѣтствія въ родѣ: „Ланушка мой, Петръ Алексѣевичъ“²), въ сравненіи съ любезностями цивилизованной мѣшанки. Но легко понять такъ-же, какъ должна была смотрѣть Евдокія Оеодоровна на эти потѣхи мужа, какъ раздражали Петра справедливыя жалобы жены и какъ сильно стало стремленіе не видать жены, чтобъ не слышать ея жалобъ. Опостылѣла жена, должны были опостылѣть и ея родственники, Лопухины, и Льву Кирилловичу Нарышкину легко было избавиться отъ соперниковъ; мы видѣли, какіе страшные слухи ходили по Москвѣ объ участи самаго виднаго изъ Лопухинныхъ. А всему виною проклятые Нѣмцы, проклятый Лефортъ, которому, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, приписывали доставленіе Петру развлеченій, особенно непріятныхъ парижъ³). И вотъ у Лопухинныхъ къ Лефорту ненависть страшная. Рассказываютъ, что однажды, за обѣдомъ у Лефорта, одинъ изъ Лопухинныхъ побранился съ хозяиномъ, кинулся на него и помялъ прическу, а Петръ за это надавалъ пощечинъ Лопухину⁴). Передъ отъѣздомъ Петра за границу, когда удаляли изъ Москвы всѣхъ ненадежныхъ людей⁵), удалены были и отецъ парижы съ двумя братьями: „Марта въ 23 день великій государь указалъ вытъ

въ городахъ на воеводствахъ: на Тотмѣ — боярину Оеодору Авраамовичу, на Чародѣ — боярину Василию Авраамовичу да съ нимъ племяннику его стольнику Алексѣю Андрееву сыну, въ Вязьмѣ — стольнику Сергѣю Авраамову сыну, Лопухиннымъ, и съ Москвы въ тѣ города вѣхать пмъ вскорѣ“⁶). После всего этого Петру, разумеется, не хотѣлось возвратиться изъ-за границы въ Москву и застать здѣсь подлѣ сына — постылую Евдокію. Женившись по-старинѣ, Петръ задумалъ и избавиться отъ жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится — постричь и насильно. Изъ Лондона онъ писалъ Нарышкину, Стрѣшневу и духовнику Евдокинъ, чтобъ они уговорили ее добровольно постричься. Стрѣшневъ отъвѣчалъ, что она упрямится, а духовникъ — челоувѣкъ малословный, и что надобно ему письмомъ подновить⁷).

Ничто не подѣйствовало, и Петръ по возвращеніи въ Москву рѣшился принудить Евдокію постричься. 23 сентября⁸) Евдокію отравили въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ и была пострижена подъ именемъ Елены — въ іюнѣ слѣдующаго 1699 года⁹). Причина этой медленности неизвѣстна; сохранилось только любопытное извѣстіе отъ сентября 1698 года, что царь разсердился на патриарха, зачѣмъ не исполнено его повелѣніе и Евдокія еще не пострижена; патриархъ сложилъ всю вину на архимандрита и четырехъ священниковъ, которые не согласились на постриженіе, какъ на дѣло незаконное, и отвезены были за это ночью въ Преображенское¹⁰). Малолѣтняго царевича Алексѣя, по отъѣздѣ матери, перевезли къ теткѣ, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ древней лѣтописи Русской находится любопытный рассказъ, какъ великій князь Владиміръ разлюбилъ жену свою, Рогнѣду; какъ та хотѣла его за это убить, не успѣла — и приговорена была мужемъ къ смерти; но когда Владиміръ вошелъ въ комнату Рогнѣды, чтобъ убить ее, то къ нему навстрѣчу вышелъ маленький сынъ ихъ Изяславъ, и, подавая мечъ Владиміру, сказала: „Развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?“ Владиміръ понялъ смыслъ словъ сына и отказался отъ намѣренія убить жену. Но обыкновенно, мужья и жены, когда есорятся, забываютъ, что они не одни; и Петръ, постригая жену, забылъ что онъ не одинъ, что у него остался сынъ отъ нея.

Печальныя событія лѣта и осени 1698 года держали Петра въ сильномъ раздраженіи, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось порывами бѣшенства. 14 сентября, на пиру у Лефорта, Петръ началъ браниться съ Шеннымъ и выбѣжалъ вонъ,

¹) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Марю имѣла связь съ дьякономъ Иваномъ Гангилевичемъ, который былъ также захваченъ въ стрѣльцкое дѣло (Корбъ, 165).

²) Такъ начинается одно письмо Евдокинъ къ Петру.

³) Александръ Гордонъ — The history of Peter the Great.

⁴) Шведскій резидентъ Кохенъ.

⁵) Lettre sur l'etat present de la Moscovie, p. 226.

⁶) Дворцовые ра.ряды, IV, 1046. Думать, что ссылка Лопухинныхъ имѣетъ связь съ Цылеронскимъ дѣломъ, нѣтъ никакого основанія.

⁷) Кабинетъ, II, книга № 53.

⁸) Дневникъ Гордона подъ этимъ числомъ.

⁹) Суздальское розское дѣло въ Государ. Архивъ.

¹⁰) Корбъ, стр. 80.

чтобъ справиться, сколько Шенпъ за деньги надѣлалъ полковниковъ и другихъ офицеровъ. Возвратился въ страшной ярости, выхвативъ шпагу, ударилъ ею по столу и сказалъ Шенну: „Вотъ точно такъ я разобью и твой полкъ, и съ тебя сдеру кожу“. Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановскій и Зотовъ стали записывать Шенна; Петръ бросился на нихъ, ударилъ Зотова по головѣ, Ромодановскаго — по рукѣ, такъ что едва не отсѣкъ пальцевъ; Шенпъ былъ бы убитъ, еслибъ Лефортъ не удержалъ Петра, получивши и самъ порядочный ударъ. Всѣ были въ ужасѣ; но молодой фаворитъ умѣлъ успокоить Петра, который потомъ весело пропировалъ до утра ¹⁾.

Этотъ молодой фаворитъ былъ сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Менишковъ, извѣстный въ описываемое время больше подъ именемъ „Алексашика“. Относительно происхожденія знаменитаго впоследствии свѣтлѣйшаго князя нѣтъ никакихъ противорѣчій въ источникахъ; современники иностранцы единогласно говорятъ, что Менишковъ былъ очень незнатнаго происхожденія; по русскимъ извѣстиямъ, онъ родился близъ Владиміра и былъ сыномъ придворнаго конюха ²⁾. Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ потѣшныя конюхи, какъ изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшныя полки Преображенскій и Семеновскій; отсюда понятно, какимъ образомъ отецъ Менишкова попалъ въ калралы Преображенскаго полка ³⁾. Слѣдовательно официальный актъ, жалованная грамота на княжеское достоинство Менишкову говоритъ совершенно справедливо, что родителю Александра Даниловича служилъ въ гвардіи. Но при этомъ мы не имѣемъ никакого права не допускать извѣстія, что сынъ потѣшнаго конюха, который долго не назывался иначе, какъ „Алексашика“, торговалъ пирогами, ибо въ эти мелкіе служилые люди и сами, какъ только могли, и дѣти ихъ промышляли разными промыслами: не имѣемъ никакого права отвергать слѣдующій рассказъ очевидца ⁴⁾. Петръ, разсердившись однажды сильно на князя Менишкова, сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ? Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вои!“ — и вытолкнулъ его изъ комнаты. Менишковъ обратился къ императрицѣ Екатерицѣ, которая успѣла развеселить мужа, а между тѣмъ Менишковъ добилъ себѣ кузовъ съ пирогами и явился съ нимъ къ Петру. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Слушай, Алексашик! перестань бездѣлничать, или хуже будешь пирожника“. Гнѣвъ прошелъ совершенно.

Менишковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: пироги подовые! а государь велѣлъ ему сѣяться и говорилъ: „Помни, Александръ!“ — Помню, ваше величество, и не забуду. Пироги подовые! ⁵⁾.

Александръ, вслѣдствіе фавора, уже въ описываемое время выдвигался впередъ между приближенными къ царю и, по смерти Лефорта, займетъ его мѣсто, никого не будетъ ближе его къ Петру, но въ сѣбѣ съ тѣмъ отъ Лефорта перейдетъ къ нему печальное наслѣдство — ненависть людей, которые будутъ противъ Петра и дѣль его. Наружность фаворита была очень замѣчательна: онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ съ приятными чертами лица, съ очень живыми глазами: любилъ одѣваться великолѣпно и главное, что особенно поражало иностранцевъ, былъ очень опрятенъ, качество рѣдкое еще тогда между Русскими. Но не одною наружностью могъ онъ держаться въ приближеніи: люди внимательные и безпристрастные признали въ немъ большую проппатальность, удавлялись необыкновенной ясности рѣчи, отраженной ясности мысли, ловкости, съ какою умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, искусству выбирать людей. Такъ являлся Менишковъ своею свѣтлою стороной. Обратился къ темной — это была необыкновенно сильная природа; но мы уже говорили, какъ становится страшно передъ сильными природами въ обществѣ, подобномъ русскому въ описываемое время. Все, что было сказано о Петрѣ, прилагается къ его птенцамъ, его сподвижникамъ; все это силы, для которыхъ общество выработало такъ мало сдержекъ. Въ обществѣ подобнаго рода, какъ въ широкое степное пространство, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ, искусственно продолженныхъ дорогъ, каждый можетъ раскатываться во всѣхъ направленіяхъ. Вездѣ и всегда одинъ и тотъ же законъ: сила не остановленная будетъ идти вѣсь и вкривь. У Менишкова и товарищей его была большая сила, потому они и оставили имена свои въ исторіи; но гдѣ они могли найти сдержку своимъ силамъ — въ силѣ сильнѣйшаго? Этой силы было недостаточно; лучшимъ доказательствомъ служилъ то, что этотъ сильнѣйшій долженъ былъ употреблять пощечины и палку для сдерживанія своихъ сподвижниковъ, а

⁵⁾ Что касается до извѣстія о литовскомъ или западно-русскомъ происхожденіи Менишковыхъ, то оно очень вѣроятно, ибо переселенцевъ изъ Литвы и Западной Россіи, принявшихъ въ разныя службы, было много со времени царя Алексея. Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ прежде въ Московскомъ государствѣ знатные роды въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ родословныхъ любили вводить своихъ предковъ пѣть-за границы, тогда какъ старшія родословныя объ этомъ ничего не знаютъ, такъ и фамилии, поднявшіяся не изъ знати со временемъ Петра Великаго, начали вести свое происхожденіе отъ вѣдѣвшихъ иностранцевъ, придумывать по слуху звуковъ объясненія своимъ фамиліямъ пѣть иностранныхъ языковъ, тогда какъ эти фамиліи старинныя и чисто русскія, только не знатныя. Менишкови значить люди, пошедшіе отъ меньшаго сына Мени-ка, какъ Перваго — отъ старшаго сына, Вторымъ — отъ втораго и т. д. Третьяковы, Четвериковы, Пяттериковы, Шестериковы, Семюго, Десятковы.

¹⁾ Корбъ, стр. 76; донесеніе Гвардіанта отъ 19 сент.

²⁾ Рукопись Эрмитажа, № 90.

³⁾ Александръ Гордоиъ — The history of Peter the Great, II, 274.

⁴⁾ Нартовъ — Достопамятныя повѣствованія, Москвитинишъ 1842 г.

употребленіе такихъ средствъ—лучшее доказательство слабости того, кто ихъ употребляетъ, лучшее доказательство слабости общества, гдѣ они употребляются. Силень былъ, кажется, Петръ Великій лично, силень былъ и неограниченною властію своею, а между тѣмъ мы знаемъ, какъ онъ былъ слабъ, какъ не могъ достигнуть непосредственно, при жизни своей, самыхъ благодѣтельныхъ цѣлей, ибо не можетъ быть крѣпкой власти въ штатомъ, незрѣломъ обществѣ: власть вырастаетъ изъ общества и крѣпка, если держится на твердомъ основаніи; на рыхлой почвѣ, на болотѣ ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверхъ, Меншиковъ расправилъ свои силы на широкомъ просторѣ; силы эти, разумѣется, выказались въ захватѣ почестей, богатства; разнузданіе, при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, при этомъ, кружившемъ голову переворотѣ, при этомъ сильномъ движеніи, произошло быстро. Мы увидимъ, что Меншиковъ ни передъ чѣмъ не останавливается. И въ описываемое время сержантъ Алексашка уже показывалъ странное честолюбіе. Петръ не питалъ слѣпой привязанности къ своему любимцу: когда кто-то просилъ царя, чтобы пожаловалъ Алексашку въ стольники, то Петръ отвѣчалъ, что Алексашка и безъ того употребляетъ во зло свое значеніе, что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе, а не увеличивать⁴⁾. Послѣ Петръ не пожалѣетъ никакихъ почестей для Меншикова, когда заслуги послѣдняго станутъ явны передъ всѣми.

Въ своемъ раздраженіи, Петръ не шадилъ ни стараго, ни новаго любимца: заставши однажды Меншикова, илнущаго въ шнагѣ, онъ такъ ударилъ его, что у того полилась кровь изъ ноздрей; а потомъ, на пиру у полковника Чамберса, онъ схватилъ Лефорта, бросилъ на землю и топталъ ногами²⁾. Тяжелая мысль давила Петра и увеличивала раздраженіе; при сравненіи того, что онъ видѣлъ за границею, и того, что нашелъ въ Россіи, страшное сомнѣніе западало въ душу: можно ли что-нибудь сдѣлать; не будетъ ли все, сдѣланное съ громадными усиліями, жалкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ на Западѣ? Ограничиться бѣдными начатками, не видать важныхъ результатовъ своей дѣятельности—было тяжело для богатыря, кипѣвшаго такими силами. Особоно, какъ видно, приводило его въ отчаяніе любимое дѣло, кораблестроеніе, при воспоминаніи о томъ, что онъ видѣлъ въ Голландіи и Англіи, и о томъ, что оставилъ въ Воронежѣ. Черезъ два дня послѣ осеннихъ стрѣлечныхъ казней, вечеромъ 23 октября, Петръ поѣхалъ въ Воронежъ и оттуда писалъ Виніусу: „Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазей обрѣли. Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укосишь ты сей плодъ, яко

фениковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче падемся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателью отъ плода вкусити.“ — „Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу“: значитъ, сомнѣніе тяготило въ Москвѣ и пайденное изрядное состояніе флота и магазеевъ не могло прогнать его. Въ другомъ письмѣ пишетъ: „А здѣсь, при помощи Божіей, препораторіумъ великій, только ожидается благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ. Мы здѣсь начали корабль, который можетъ носить 60 пушекъ“. Тяжкое сомнѣніе, которое отняло бы руки у другого, не привело однако Петра къ бездѣйствию; онъ работалъ такъ же неутомимо, какъ и до поѣздки за границу. А между тѣмъ происходили любопытныя явленія, характеризующія время. Лучшимъ изъ учениковъ морскаго дѣла, посланныхъ Петромъ за границу, оказался Скляевъ, находившійся съ царемъ въ постоянной перепискѣ. Онъ въ описываемое время возвратился изъ-за границы и долженъ былъ ѣхать къ царю въ Воронежъ. Петръ ждетъ съ нетерпѣніемъ нужнаго человѣка—нѣтъ Скляева. Наконецъ приходитъ вѣсть, что онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Верещагинымъ, въ рукахъ страннаго Шребургскаго короля, Петръ пишетъ Ромодановскому: „Въ чемъ держать нашихъ товарищей Скляева и Лукьяна (Верещагина)? Зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучший въ семь мастерствѣ, а ты изволилъ задержать. Богъ тебѣ судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю дѣло не государственное. Для Бога, свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нимъ) и пришли суды“. Ромодановскій отвѣчалъ: „Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ,—я ихъ не задержалъ, только у меня сутки почевали. Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты Преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ и по розыску явилось на обѣ стороны неправы; п я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась, и того часу отослалъ къ Оедору Алексѣевичу (Головину). Въ томъ на меня не прогибъ: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя-бъ и не такова чина были“³⁾.

Ромодановскій въ отсутствіе царя долженъ былъ заниматься не однимъ разборомъ ссоры Скляева съ преображенскими солдатами. Тотчасъ по отъѣздѣ Петра въ Воронежъ, по Москвѣ пошли слухи, что начались тайныя собранія недобровольныхъ; гонецъ, отправленный почью къ царю съ письмами и дорогими инструментами, былъ схваченъ на Каменномъ мосту и ограбленъ; письма нашли на другой день разбросанными по мосту, но инструмента и самъ гонецъ пропали⁴⁾. Въ концѣ 1698 года царь воз-

¹⁾ Корбъ, стр. 116.

²⁾ Корбъ, стр. 84, 86.

³⁾ Кабин. П, кн. № 2.

⁴⁾ Корбъ, стр. 95.

вратился въ Москву и на Рождествѣ тѣшился одною изъ любимыхъ своихъ забавъ: перереженный съ большою свитою, на 80 саней ѣздилъ славить Христа; хозяева домовъ, куда прїѣзжали славильщики, должны были давать имъ деньги; богачъ князь Черкасскій былъ щедрѣе всѣхъ; но одинъ купецъ далъ на всю компанію только 12 рублей; Петръ разсердился, набралъ на улицѣ сотню мужиковъ и привелъ къ скуному купцу, который долженъ былъ теперь дать каждому мужику по рублю¹⁾. Въ январѣ опять 10 застѣнковъ въ Преображенскомъ для оставшихся стрѣльцовъ; въ февралѣ снова казни сотнями, опять у и р а ж е н і я самого царя съ помощію Плещеева²⁾. Въ концѣ февраля начали вывозить труны изъ Москвы: болѣе тысячи было вывезено за заставы и тамъ нѣсколько времени лежали кучами, пока наконецъ зарыты въ землю³⁾.

За нѣсколько дней предъ казнями былъ пиръ у Алама Вейде, но царь сидѣлъ погруженный въ мрачную думу⁴⁾. Лефорть истощалъ свою изобрѣтательность, чтобъ развлечь его. Великолѣпный домъ, построенный для адмирала на казенныя деньги, былъ отстроенъ; назначено было большое торжество для открытія или посвященія этого храма Вахусу; шутовская процессія тянулась въ Лефортовъ дворецъ изъ дома полковника Лимы: шествовалъ всечутѣйшій Зотовъ, украшенный изображеніями Вахуса, Куиндона и Венеры, за нимъ вся компанія: одни несли чаши, наполненныя хмельными напитками, другіе несли сосуды съ курящимися табачными листьями⁵⁾.

Стрѣльцы, бунтовавшіе въ Торопцѣ и Азовѣ, были переказнены; всѣ остальные московскіе и азовскіе стрѣльцы были распущены, ихъ было запрещено принимать въ солдаты; запрещено жить въ Москвѣ имъ и ихъ женамъ⁶⁾. Но дѣло не было исключительно стрѣлцкое; борьба разгоралась все болѣе и болѣе, и кровь вызывала на повую кровь, Пресбургскій король въ Преображенскомъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Когда стрѣльцовъ толпами начали свозить въ Москву для розысковъ, то въ народѣ пошелъ слухъ, что по нимъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ; возбудилось сочувствіе, и въ Преображенское былъ поданъ доносъ на жену стряпчего конюха Аксинью, которая говорила своему крупнотному челоуѣку Гаврилу: „Видишь, онъ стрѣльцовъ не любитъ, сталъ ихъ переводить, ужъ онъ всѣхъ ихъ переведетъ“, а Гаврила говорилъ: „Чего хотѣтъ отъ басурмана, онъ обасурманился, въ среду и пятницу мясо ѣсть; коли сталъ стрѣльцовъ переводить, переведетъ и всѣхъ, ужъ ожидовѣлъ и безъ того

жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить“. Аксинья прибавила съ ругательствомъ: „Кадошевцевъ отъ Покровскихъ воротъ до Зюзкихъ велѣлъ бить кнутомъ, и какъ ихъ били—и онъ за ними самъ шелъ“. Аксинью и Гаврилу казнили смертію⁷⁾. Стрѣлецъ Петрушка Кривой въ вологодской тюрьмѣ кричалъ: „Нынѣ нашу братію стрѣльцовъ прирубилъ, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь; только нашей братіи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много; а кто ихъ заставилъ рубить,—и у того голова его чуть на ниткѣ держится; собрався все, будемъ на Москвѣ, и самому ему торчать у насъ на колѣ; на Москвѣ зубы у насъ есть, будетъ у насъ и тотъ въ рукахъ, кто насъ пыталъ и вѣшалъ“. Въ Преображенскомъ Кривой не заперся и говорилъ: „Какъ я изъ Сибири ушелъ и мнѣ было съ своимъ братъею, ссылочными и бѣглыми, и съ тѣми, которые въ полкахъ, и которые стрѣльцы изъ полковъ написались въ города, въ посады, съ иными видѣться, а съ иными списываться, за ту свою обиду и за стрѣлцкую казнь идти къ Москвѣ и, учиня бунтъ, государя и бояръ побить“⁸⁾. Какъ обыкновенно бываетъ, недовольные настоящимъ искали утѣшенія въ будущемъ; недовольные Петромъ обращались съ надеждою къ наследнику, царевичу Алексѣю, который не будетъ похожъ на отца. Когда одна партія стрѣльцовъ сидѣла за карауломъ въ Симоновѣ монастырѣ, то монастырскій конюхъ Никита Кузьмичъ говорилъ имъ: „Стрѣльцы, которые были въ Новоспасскомъ монастырѣ и которые монастырскіе служки и крестьяне везли ихъ на пушечный дворъ, говорили: не одни стрѣльцы пронададутъ, плачутъ и царскія сѣмена“; и стрѣлцкія жены говорили: царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ихъ (царевичъ) поморилъ съ голоду, „еслибъ-де не монастыри насъ кормили, мы бы давно съ-голоду померли“, и царевичъ ей сказывалъ: „дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ переберу“. Стрѣлцки говорили: государь свою царицу послалъ въ Суздаль, и везли ее одну, только съ постельницею да съ дѣвницею мимо ихъ, стрѣлцкихъ, слободъ въ худой кареткѣ и на худыхъ лошадаяхъ. Какъ постельница изъ Суздаля прїѣхала, и царевичъ хватился матери и сталъ тосковать и плакать; и царевича государь уговаривалъ, чтобъ не плакалъ. И послѣ государя царевичъ изъ хоромъ своихъ вышелъ на перила, а за нимъ вышелъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и царевичъ ему говорилъ: „Для чего ты за мною гоняешься, никуда не уйду“. Намутила на царя царевна Наталья Алексѣевна; государь царицѣ говорилъ: „Моли ты Бога за того, кто меня отъ тебя остудилъ“. Государь Нѣмецъ любить, а царевичъ Нѣмецъ не любитъ; приходилъ къ нему Нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ Нѣмчинѣ платилъ сжегъ и его

¹⁾ Корбъ, стр. 101.

²⁾ Корбъ, стр. 112.

³⁾ Ровякское дѣло о стрѣльцахъ.

⁴⁾ Корбъ, стр. 110.

⁵⁾ Корбъ, стр. 115.

⁶⁾ Полное Собр. Закон. IV, № 1679, 1820; ровякское дѣло о стрѣльцахъ.

⁷⁾ Столбцы Преобр. Приказа № 696.

⁸⁾ Столбцы Преобр. Приказа № 696.

опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: „Для чего ты къ нему ходишь, покамѣсть я живъ — поймаешь и выѣ.“ — Кудыминъ объявилъ, что все это онъ слышалъ отъ Хлѣбненнаго дворпа стряпчача Василія Костюрина ¹⁾. Стрѣлецкія казны произвели особенно сильное впечатлѣніе на женщинъ, которыя говорили: „Государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ руку ту натвердилъ надъ стрѣльцами.— Котораго дня государь и князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изпопьютъ, — того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изпопьютъ, — и того дня пмъ хлѣбъ не ѣется“ ²⁾.

Какъ скоро начало ослабѣвать впечатлѣніе стрѣлецкаго розыска, начались выходки противъ бритья бородъ. Духовенство и въ челѣ его патриархъ находились теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи: они провозглашали, что брадобритіе есть богоненавистное дѣло, и вдругъ царь своимъ прикѣромъ и приказомъ вводитъ это богоненавистное дѣло: оставалось или продолжать высказывать прежнее мнѣніе, т.-е. идти противъ Верховной власти, или замолчать; предпочли, разумѣется, послѣднее — и навлекли на себя сильные укоры со стороны ревнителей отеческихъ преданій. Въ іюль 1699 года, Знаменскій архимандритъ Іоасафъ подалъ слѣдующее извѣщеніе: „Выль я на погребеніи у посадскаго человѣка, у церкви Зачатія въ Углу, и на томъ погребеніи, видя соблазнъ Нагого Иванки и съ нимъ другихъ въ волосяницахъ, съ которыми онъ по рядамъ и по церквамъ ходилъ и деньги обманомъ собиралъ, велѣлъ его, Иванка Нагого, и волосяничника Иванка Калипина и старца своего Герасима Восога взять за тотъ соблазнъ и посадить въ цѣли, а Иванка Нагого велѣлъ взять къ себѣ въ келью, потому что онъ безмолвствовалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ при многихъ людяхъ, и сталъ я ему говорить, что онъ по рядамъ и по погребеніямъ ходитъ и деньги собираетъ, и онъ сказалъ: „Въ томъ-де вины нѣтъ, а даютъ мнѣ ради моей святости, и въ томъ мнѣ будетъ мзда отъ Бога; я бралъ и раздаю нищимъ же, и иному бы и не дали, и я-де хочу и не то дѣлать, — идти въ Преображенское дари обличать, что бороды брѣтеть и съ Нѣмцами водится и вѣра стала нѣмецкая“.— Я ему сказалъ: Проклятый сатана, нагой бѣсъ! что ты видѣлъ или отъ ума отошелъ? У насъ св. патриархъ глава и образъ Божій пошитъ на себѣ, а никакого соблазну отъ него, государя, не слышалъ. Нагой отвѣчалъ: „А какой-де онъ патриархъ? — живетъ изъ куска, снать бы ему да ѣсть, да бережетъ-де мантія да клубука бѣлова, за тѣмъ-де онъ и не обличаетъ, а вы-де власти всѣ накупныя“.— Нагой въ Преображенскомъ Приказѣ признался, что его зовутъ не Иваномъ, а Парамономъ; на пыткѣ объявилъ, что про царя слышалъ, какъ читали въ прологѣ въ церквахъ, о патриархѣ сказавъ съ-проста ума, дьяволъ научилъ. Жженъ

огнемъ и съ огня говорилъ прежнія рѣчи; приговоренъ къ кнугу и сылкъ въ Азовъ на каторгю ³⁾.

Мы видѣли ⁴⁾, что при царѣ Михаилѣ табакъ былъ запрещенъ, а въ началѣ царствованія Алексѣя былъ въ употребленіи и продавался отъ казны; но табакъ, испытаннѣй повсюду такое сильное сопротивленіе при своемъ введеніи, испыталъ его и въ Россіи: ревнители отеческихъ преданій опять вооружились противъ проклятой неизвѣстно кѣмъ травы и вынудили у правительства самыя строгія противъ нея мѣры. Петръ, еще до поѣздки за границу, позволилъ продажу табаку, сборъ пополнилъ съ этой продажи былъ отданъ торговому человѣку гостининой сотни Мартыну Орленку; а потомъ, будучи въ Англіи, царь предоставилъ право исключительной торговли табакомъ въ Россіи маркизу Кармартену за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (48,000 рублей) съ уплатою всей суммы впередъ ⁵⁾. Это позволеніе употребляетъ табакъ, разумѣется, усилило негодованіе ревнителей отеческихъ преданій: „Какой то нынѣ государь, что пустилъ такую проклятую табакъ въ міръ“, говорили они; „нынѣшніе попы волки и церкви Божіей обругатели, а антидоръ противъ нынѣшней табаки, потому что помы и нимъ чинювъ люди табакъ пьютъ и припичають антидоръ“ ⁶⁾.

Усиливалась борьба, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, усиливались выраженія неудовольствія на царя и его дѣла, усиливались доносы и розыски въ Преображенскомъ. Но, кромѣ того, нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться обстоятельствами, и начали являться ложные доносы. Монахи, наполнившись, поѣхали ночью по Москвѣ, крича встрѣчнымъ: „Дай дорогу, убожѣ!“! Насстрѣчу поналя царь, который не обратилъ на нихъ никакого вниманія, сказавши: „Это пьяные“. Но черезъ нѣсколько времени явился доносъ, что монахи хотѣли убить государя; доносъ шелъ отъ монаховъ же. Нельзя стало строгому игумену смирить безправственно живущаго монаха: сейчасъ доносъ на игумена въ непристойныхъ словахъ или замыслахъ ⁷⁾. Ложныхъ донощиковъ наказывали жестоко, но это мало помогало.

Дѣло Авдотьи Нелидовой служить лучшимъ доказательствомъ, какъ изобрѣтательны были люди, рѣшавшіеся для собственнаго спасенія тянуть другихъ въ Преображенское.

Въ маѣ 1698 года, стольникъ Петръ Волюнскій билъ челомъ, чтобъ взять къ розыску и наказати дворовую жены его Авдотью Пелцдову, обвиненную въ порчѣ. Авдотья въ застѣбкѣ сказала за собою великаго государя слово: „До Азовскаго похода, о Святой Недѣлѣ и послѣ, къ женѣ Волюнскаго Авдотѣ Федоровнѣ, когда она еще была вдовою

¹⁾ Костюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа, № 719.

²⁾ История Россіи, т. X, стр. 1520.

³⁾ Полн. Собр. Зак. III, № 1570, 1581, 1628.

⁴⁾ Столбцы Преобр. Приказа, № 519.

⁵⁾ Столбцы Преобр. Приказа, № 7, 877.

¹⁾ Костюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа.
²⁾ Костюринское дѣло въ столбцахъ Преобр. Приказа, № 808, 905.

послѣ князя Ив. Никитича Засѣкина, прїѣзжала въ домъ съ Верху компанія дѣвка Жукова, да съ нею прїѣзжалъ пѣвчій Василій Ивановъ; присылала Анну изъ дѣвичьяго монастыря царевна Софья Алексѣевна говорить вдовѣ Авдотѣ: о чемъ тебѣ царевна прежде приказывала сходить въ Преображенское, — ходила-ли ты или нѣтъ? И Авдотья Аннѣ сказала: „Была я въ Преображенскомъ и выпула землю изъ-подъ сѣвда государева, пята землю отдала для составу крестьянской женѣ Федора Петровича Салтыкова, Оіонѣ Семеновой, чтобъ сдѣлала отраву у себя въ домѣ, чѣмъ известъ государя на смерть“. Спустя дня съ три прїѣхала опять Жукова и спрашивала Авдотью: „Куда ты дѣла отравное зелье? Та отвѣчала: „Ходила я въ Марыну рощу съ этимъ составомъ и не удачна времени, чтобъ вылить его изъ кувшина въ ступню государеву“. Составъ этотъ Авдотья Нелидовой показывала: красить точно кровь, причѣмъ говорила: „Если-бъ мнѣ удалось вылить его въ ступню, то государь не жилъ бы и трехъ часовъ“. Она же, вдова Авдотья, была въ гостяхъ у дьяка Лукина и, возвратясь, говорила Нелидовой: „Не знала я, что государь будетъ у дьяка; а если-бъ знала, то взяла бы зелье съ собою“. Нелидова стала ей говорить: „За что ты на великаго государя такое злое дѣло промышляешь? и когда прїѣхали ко вдовѣ братья Воейковой, также родной братъ ея Василій Головленковъ, то Нелидова всѣмъ имъ троицъ рассказала про замыслы боярыни, и Головленковъ послѣ того не ѣздилъ недѣль съ 30 къ сестрѣ. Боярыня разсердилась на Нелидову и сослала ее въ Ряжскую вотчину, приказавъ утопить въ рѣкѣ“.

Жена Оіона, взятая въ Преображенское, объявила, что лѣчить разныя болѣзни разными зельями, но лѣчитъ простотою своею, безъ наговоровъ; бывала и у княгини Авдотьи Засѣкиной, лѣчила ее отъ лихорадки, а отравнаго зелья для нея никакого не составляла. — „Я человекъ добрый“, говорила Оіона: „за худымъ дѣломъ не хожу; а дѣвушка Нелидова вѣдомая воровка; испортила клякотною болѣзнию двухъ женокъ, да двухъ дѣвокъ изъ дворян княгини Засѣкиной, да ученицу свою, которая выучилась шить лучше ея; хотѣла и боярыню свою испортить, въ чемъ и вишилась, и сослана въ дальнюю вотчину“.

Нелидова говорила прекрѣпн рѣчи, прибавила, что люди Засѣкиной, которымъ вѣжливо было посадить ее въ воду, пожалѣли и присоветовали бѣжать; она бѣжала, была поймана и отдана къ розыску въ порчѣ.

Всѣ оговоренные Нелидовую показали, что она ихъ покланяла; Авдотья Вольнская объявила только, что Жукова ѣзжала къ ней часто, потому что она ей своя. Но Нелидова и на пыткѣ говорила прекрѣпн рѣчи, и прибавила, что Оіона сдѣлала еще составъ для Головленкова, чтобъ ему любиться съ царевною Марсью Алексѣевною. Оіона съ пытки не признавалась; наконецъ Нелидова со втораго подъема объявила, что всѣхъ покланяла.

Не обошлось въ описываемое время и безъ самозванства: въ Псковскихъ мѣстахъ ѣздилъ человекъ, который называлъ себя Преображенскаго полка капитаномъ Петромъ Алексѣевымъ, и собралъ легковѣрныхъ ¹⁾.

Дѣла увеличились въ Преображенскомъ; но, кромѣ розыска этихъ политическихъ преступленій, Пребургскій король упражнялся постоянно въ розыскахъ по разбойнымъ дѣламъ. Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ юнымъ обществомъ, гдѣ правительство в едетъ въ войну съ разбойниками, отъ которыхъ нѣтъ житья мирнымъ гражданамъ; въ такихъ обществахъ герои-потребители разбойниковъ ставятся высоко, и насчетъ этой дѣятельности князя Федора Юрьевича Ромодановскаго нѣтъ упрековъ, и самъ онъ гордится своею кровавою дѣятельностію. Въ Голландію къ Петру прїѣхалъ изъ Москвы одинъ изъ компаніи, знаменитый Яковъ Брюсъ съ ранами отъ обжога, и сказалъ, что князь Ромодановскій обжегъ его на пиру подъ вліяніемъ Хмельницкаго. Царь по этому случаю написалъ Ромодановскому: „Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь? И сюда раненые отъ васъ прїѣхали. Перестань знаться съ Ивашкою. Выть отъ него рожъ драной“ Ромодановскій отвѣчалъ: „Въ моемъ письмѣ написано ко мнѣ, будто я знаюсь съ Ивашкою Хмельницкимъ, и то, господине, неправда: нѣкто къ намъ прїѣхалъ прямой московской пьяной, да сказалъ въ безмятежствѣ своемъ. Нѣколи мнѣ съ Ивашкою знаться — всегда въ кровяхъ омываемся. Ваше-то дѣло на-досугъ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ недосугъ! А что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжегъ, и то сдѣлалось ньянствомъ его, а не отъ меня“ ²⁾. Петръ отписалъ на это: „Писано, что Яковъ Брюсъ съ ньянства своего то сдѣлалъ: и то правда, только на чьемъ дворѣ и при комъ? А что въ кровяхъ, и отъ того, чаю, и больше пьете для страху. А намъ подлинно нельзя, потому что непрестанно въ учены“.

Разбой производились въ обширныхъ размѣрахъ въ самой Москвѣ. Для примѣра приведемъ два письма Ромодановскаго къ царю: „Которые вору разбивали Алмазниковыхъ, Врагина, въ Ново-Швецкой слободѣ, — и тѣхъ воровъ поймано семь человекъ, и въ тѣхъ разбояхъ они вишились, и многое платье, и серебряная посуда и иная рухлядь въ разныхъ мѣстахъ вынята, и которыхъ разбивали, и тѣ многіе свои животы нознавали; а пущихъ воровъ, на которыхъ они на товарищевъ своихъ горятъ, сыскать не можемъ, ухораниваются на Москвѣ: Васья Звѣрьвъ бывалъ дворовый человекъ, другой Якушка Катачниковъ, третій Васья Цвякунъ, четвертый Сидорка Алексѣевъ, пятый Левка Левугинъ; да изъ вышеписанныхъ воровъ князь Петровъ человекъ Голицына, Ивашкою зовуть, Ваганъ оговаривалъ въ тѣхъ же разбояхъ князь

¹⁾ Столбцы Преобр. Приказа, № 530.

²⁾ Письма Ромодановскаго къ Петру въ Государ. Архивъ

Григорьевыхъ людей Долгорукова дву человекъ, и тѣ лица нынѣ на службѣ съ нимъ князь Григорьемъ у васъ въ полку. А которые воры въ тѣхъ разбояхъ вниплись и на товарищѣ говорятъ, и тѣ воры изъ посадскихъ торговыхъ людей, изъ мясниковъ, изъ извозчиковъ и изъ боярскихъ людей¹⁾. Въ другомъ письмѣ: „Той же шайки воровъ поймано 8 человекъ:—Авонка, Понугай, Алешка Заходовъ, Куска Зайка, Митка Пичюга, Галичанинъ сынъ боярскій Петрушка Кадниковъ, Петрушка Селезень съ братьями самъ-третей. И изъ тѣхъ воровъ два человекъ — Алешка Заходовъ, Петрушка Кадниковъ—вниплись, что они съ прежними разбойниками Калашниковымъ и Левугинымъ, и Миткою Пичюгомъ вновь разбѣли за Тверскими воротами иноземца корового Опаса и избѣли его и изрѣзали“²⁾. Изъ этихъ писемъ видно, что, и теперь, какъ прежде, разбойничали преимущественно дворовые люди. 29 июня 1699 года, въ вечерню, люди князя Никиты Репнина и другіе напали на караульныхъ солдатъ у Воскресенскихъ воротъ, били ихъ и начальнаго человекъ, наругались надъ нимъ³⁾. Разбои усиливаются вслѣдствіе легкости находить притоны: въ началѣ 1699 года пойманные разбойники объявили, что они стоваривались ѣздить на разбой человекъ по 20, 30, 40 и больше, съ луками, пищалями, кобыями и бердышами, а присташица, станы и дуваны разбойной ружьяди были у нихъ за Тверскими воротами въ разныхъ слободахъ у посадскихъ людей³⁾.

Но были разбойники другого рода, которымъ не нужно было приставать въ слободахъ за Тверскими воротами. Вожецъ былъ въ застѣнокъ Аванасій Зубовъ съ людьми, съ очныхъ ставокъ пытанъ въ смертномъ убійствѣ посадскихъ людей Алаторцевъ, что убили люди его; и онъ съ пытки сказалъ, что людей на разбой посылалъ и самъ былъ, только до смерти бить не велѣлъ, также и въ иныхъ разбояхъ внился. Въ то же время казненъ на Волотѣ, за разбой и смертное убійство, князь Иванъ Шейдяковъ. Вилъ челомъ Тарбѣевъ на Василія Толстаго да на Семена Караидѣва въ томъ, что они стояли подъ дорогою и его рѣзали. Юрій Дотхуровъ, Василій Долгій, Семень Караидѣевъ да Тарбѣевъ были у Страстной Богородицы, побранились и ножами порѣзались. Были челомъ великому государю стельники Василій Желябужскій съ сыномъ Семеномъ на Андрея Апраксина въ бою своемъ и увѣчи, что Андрей озорничествомъ билъ ихъ въ Калмыцкомъ табулѣ подъ Филами. Андрей принесъ государю вну свою, что онъ Желябужскихъ билъ не помня, пьянымъ дѣломъ. Государь приказалъ: Желябужскому и сыну его доплатить на Андреѣ денегъ вдвое противъ ихъ окладовъ, а за лживую сказку и за озорничество его указалъ—было государь учинить ему наказаніе, бить кнутомъ нещадно. И по урочению царьцы Марыи Матвѣевны

(урожденной Апраксинной), наказывать его государь не указалъ, также и по заступленію генерала Лефорта, которому Апраксинъ далъ денегъ 3,000 рублей за его заступленіе; а люди Андреевы биты кнутомъ. Съ этого дѣла Желябужскаго учрежденъ былъ правый судъ, велѣно чинить во всякихъ дѣлахъ розыски, а суды и очныя ставки съ тѣхъ поръ оставлены⁴⁾.

Какъ трудно было рѣшать дѣла подобныхъ господъ, видно изъ письма Ромодановскаго къ царю: „Что ты, господине, писалъ ко мнѣ о дѣлѣ Хилкова съ бояриномъ Кондратьемъ Өмичемъ Нарышкинымъ, чтобъ его по прежней подписной челобитной отдать, и я за то дѣло не стою, только мнѣ впредь никакихъ дѣлъ по твоей волѣ имать нельзя, потому что мнѣ всегда въ ругательствѣ и лабъ бытъ; и въ нынѣшнемъ дѣлѣ, какъ ты мнѣ приказалъ взять сперва, и я и въ тѣ поры тебѣ многожды доносилъ, что того дѣла взять было мнѣ невозможно за однородствомъ моимъ (съ Хилковымъ), что стануть на меня бить челомъ, и ты мнѣ, господине, въ тѣ поры то дѣло велѣлъ взять и говорилъ мнѣ, хотя и однородство, однакоже и Левъ Кирилловичъ тебѣ свой же; и я по тому твоему изволенію то дѣло и взялъ; а впредь, какъ воля твоя, только дѣлъ мнѣ никакихъ имать невозможно; истинно къ тебѣ, господине, пишу не для свойства къ себѣ Хилкова, потому что мнѣ стало о себѣ“⁵⁾.

Наконецъ общество требовало отъ правительства преслѣдованія особаго рода вредныхъ людей—волшебниковъ. Въ 1696 году, по челобятію всѣхъ крестьянъ одной изъ волостей Яренскаго уѣзда, воръ Васяка Алексѣевъ въ волшебномъ дѣлѣ разспрашиванъ и пытанъ, и внился: испортилъ онъ дьявольскими словами 10 человекъ и сказалъ ихъ всѣхъ по именамъ; отъ Христа Бога и отъ животворящаго Его Креста отрекся, вѣруеть дьяволу, а учился онъ тому воровству у дяди своего родного Напалкова, а дядя его Нароеневъ тому волшебству умѣть же.—Другой, Мишка Алексѣевъ, внился: испортилъ онъ воровскимъ словомъ четверыхъ, напустилъ на нихъ икоты; а учился онъ, Мишка, тому воровству у Сергушки Шеленаова. И Сергушка сысканъ же и разспрашиванъ, и повинился, что они Православной христіанской вѣры чужіи, отъ Христа Бога и животворящаго Креста Господня отреклись, вѣрують сатанѣ и надъ Крестомъ Господнимъ ругаются; а посылтъ они крестъ на себѣ будто они христіане для людей, чтобъ не догадались; и испортить онъ, Сергушка, Акилику Игнашкину жену до смерти. Да Сергушка и Мишка сказали у ныгки: у порченныхъ людей икоты напрасно на неповинныхъ людей не говорятъ; кто кого испортить, на того и говорятъ, а межъ себя другъ на друга отводить не могутъ же.

Мы видѣли, что имущество мирныхъ гражданъ одинаково страдало какъ отъ разбойниковъ, такъ

1) Письма Ромодановскаго къ Петру въ Государ. Архивѣ.

2) Кабинетъ, II, кн. № 53. Письмо Гордона къ царю.

3) Поля. Собр. Зак. № 1678.

4) Записки Желябужскаго.

5) Письма Ромодановскаго въ Государ. Архивѣ.

и отъ воеводъ; дѣла по воеводскимъ злоупотребленіямъ не прекращались въ описываемое время, что должно было вызвать преобразователя къ рѣшительной мѣрѣ. Прежде признано было хорошимъ средствомъ противъ воеводъ не держать ихъ въ городахъ болѣе двухъ лѣтъ, послѣ же этого срока оставлять на прежнихъ мѣстахъ только по челобитной гражданъ. Нѣкоторые воеводы начали хлопотать, какъ бы выпудить у горожанъ челобитную: въ концѣ 1695 года пришла челобитная изъ Старо-Оскола, что нѣкоторые изъ тамошнихъ торговыхъ людей составили воровскую челобитную, будто отъ всѣхъ городскихъ людей, чтобъ Старооскольскому воеводѣ Матвѣю Афросимову быть воеводою третій годъ, тогда каковы остальные Старооскольцы и уѣздные люди про челобитную не вѣдаютъ. По сыску сынъ боярскій Сукнинъ сказалъ: „Зазвалъ меня къ себѣ въ хоромы воевода, и я къ составной челобитной руку приложилъ поневолѣ для того, что воевода хотѣлъ-было меня бить до смерти“. Приказной избы подъячій объявилъ, что приложилъ руку вмѣсто Старооскольца Сорокина заочно, потому что воевода угрожалъ разореніемъ и боемъ, и т. д. Во Мценскѣ воевода Тутолмишъ ямскаго приказчика Петра Смирнова своими руками тростью билъ и, раздѣвъ, батогами билъ же за то, что приказчикъ разрядному подъячому безъ подорожной подводъ не далъ и дать было ему не почему; и отъ того боя приказникъ умеръ.—Юрій Салтыковъ жаловался: „Билъ я челомъ на вяземскихъ драгунъ, рейтаръ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей въ денномъ ихъ приходѣ и пріѣздѣ и разоренія вяземской моей вотчины, деревни Бородиной. Вяземскому воеводѣ велѣно тѣхъ приходчиковъ и пріѣзжиковъ отослать въ Можайскъ къ розыску; въ Можайскъ взято четыре человѣка посадскихъ людей, и тѣ люди въ разпросѣ во всемъ вины не говорили на своихъ товарищѣхъ 12 человѣкъ, которыхъ Вяземскій воевода захватилъ; но, взявъ съ нихъ великія взятки, изъ приказной избы освободилъ. Велѣдствіе жалобъ Кунгурскихъ жителей на воеводу своего Степана Сухотина, наряжено было слѣдствіе въ 1697 году. Среди слѣдователемъ Гаврилю Дубасовымъ кунгурскій земскій староста прошлаго 1695 года, села Ильинскаго крестьянинъ Панкратій Никитинъ допрашивавъ, а въ допросѣ сказалъ по святой непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже, ей, ей, въ правду: въ прошломъ 1695 году о Степанѣ Сухотинѣ заручную челобитную, чтобъ ему у нихъ на Кунгурѣ воеводою быть третій годъ, онъ, Панкрашка, съ посадскими людьми и съ уѣздными крестьянами не писалъ и руки прикладывать никому не велѣвалъ, а подъячій Максимъ Богомолъвъ къ такой челобитной вмѣсто его, Панкрашки, руку приложилъ безъ его, Панкрашкина, велѣнія заочно. И, будучи на Кунгурѣ воеводою, Степанъ Сухотинъ и сына его Никита Кунгурскихъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ обиды и налоги, и разоренія чинилъ и приметками своими великія съ нихъ взятки напрасно брать. Ыздилъ

онъ, Степанъ, въ Кунгурскій уѣздъ для перениски уѣздныхъ крестьянъ, и въ то число взялъ у него. Панкрашки, изъ земской избы мірскихъ денегъ 220 рублевъ, кромѣ того, что бралъ со всякаго по два алтына; а послѣ того взялъ у него же, Панкрашки, мірскихъ денегъ 80 рублевъ, чтобъ на него, Степана, имъ, Кунгурцамъ, не варить пива; да съ него-жъ, Панкрашки, нападками своими взялъ рубль денегъ; и въ Кунгурскомъ уѣздѣ на заставахъ кунгурскихъ крестьянъ, которые ѣздили съ Кунгура къ Соликамской и въ Чусовскіе острожки съ хлѣбомъ для продажи, онъ задерживалъ и безъ печатей своихъ не пропускалъ, и отъ того пропуску и отъ печатей зимнимъ путемъ по осьми денегъ съ воза, а лѣтомъ со струговаго отпуску съ четверти по алтыну бралъ. — Того-жъ числа земскій староста нынѣшняго года Никита Посохинъ, допрашивавъ и сказалъ: „Будучи онъ, Степанъ Сухотинъ, на Кунгурѣ, посадскихъ людей держалъ въ приказной избѣ и въ тюрьмѣ безвинно, билъ батогами и кнутомъ и бралъ деньги (слѣдуетъ длинное перечисленіе), а иныхъ кунгурскихъ крестьянъ нападками своими разорялъ, и отъ того его воеводскаго разоренія кунгурскіе крестьяне въ сибирскіе города бѣжали (слѣдуетъ перечисленіе, кто бѣжалъ); и кунгурскаго посадскаго человѣка, Якушка Заганова, въ приказной избѣ тростью онъ, Степанъ, билъ безвинно, и умеръ онъ. Якушка, отъ тѣхъ его побой; и кунгурскаго земскаго старосту Оельку Гладкаго на воеводскомъ дворѣ билъ безвинно; а приказной избы подъячаго Красильникова пыталъ и велѣлъ ему на Кунгурцевъ говорить, будто они хотятъ его, Степана, убить“. — Посадскіе люди сказали: „Въ 1692 году кунгурскій стрѣлецъ Аюнка въ сибирскіе города для сыску бѣглыхъ людей посланъ, и воеводы Сухотина сынъ Никита съ женою Аюнкиною Устюшкою насильно жилъ и младенца мужска пола съ нею прижилъ; и Степанъ Сухотинъ ту Аюнкину жену да сына его Мишку девяти лѣтъ къ себѣ во дворъ сильно взялъ и за человѣка своего, за Оельку, отдалъ. А какъ Аюнка пріѣхалъ изъ Сибири, то, не допустя его до Кунгура, двухъ стрѣльцовъ по него Степанъ Сухотинъ посылалъ, и въ приказной избѣ его, Аюнку, держалъ и нападками своими въ то время у него трехъ лошадей да двѣ нищали винтовальныхъ, да саадакъ съ лубкомъ и стрѣлами, да двѣ порошницы, да два арчакъ башкирскихъ, да денегъ пять рублевъ взялъ, да въ то же время въ неволію писалъ, чтобъ о своей женѣ ему, Аюнкѣ, на него, воеводу, не бить челомъ, вымушилъ и закладную кабалу на сына его Мишку на имя подъячаго Калашникова, будто въ заемныхъ деньгахъ, взялъ“. — Крестьяне сказали: „Воевода Сухотинъ въ Кунгурскій уѣздъ посадскихъ людей, площадныхъ подъячичъ и стрѣльцовъ съ весны въ студеную пору посылалъ, въ городѣ, въ селахъ и во всѣхъ деревняхъ печатей избы и бани велѣлъ, и отъ того со всякаго двора по два алтына и по осьми копѣекъ и по гривнѣ себѣ бралъ, и въ ту

студеную пору отъ его разоренья роженицы и которме въ скорбяхъ младенцы отъ осы безвременно помирали“¹⁾.

Преслѣдованіе раскольниковъ давало воеводамъ возможность поживиться. Въ 1697 году Романовецъ — посадскій человекъ Пастуховъ — повинился: „Въ прошломъ году билъ на меня по крѣпостямъ челобитчикъ, и воевода Иванъ Гринковъ суда и правейей на меня не давалъ и меня укрывалъ, потому что я у него собакъ кормилъ и медвѣдей, и призывалъ меня къ себѣ и научалъ на Романовцевъ посадскихъ людей, что было съ кого, взять большія взятки. Въ нынѣшнемъ году взялъ онъ меня въ приказную избу и разспрашивалъ нарѣпко, и велѣлъ мнѣ говорить въ раскольствѣ на себя и на Романовцевъ (сѣдуютъ имена мужскія и женскія), будто они перекрещиваются и перевѣчиваются; воевода общалъ мнѣ треть того, что возьметъ съ раскольниковъ. Я на нихъ говорилъ, и по моему ложному оговору, посылалъ воевода, будто въ раскольствѣ, взятъ оговоренныхъ въ приказную избу, и просилъ съ нихъ 50 рублей денегъ, но посадскіе люди сказали ему: „Пшии про насъ къ Москвѣ“, и Гринковъ отпустилъ ихъ на росписку, а меня въ приказной избѣ держалъ много время, кормилъ и поилъ янвомъ и виномъ дошьяна. А какъ прѣхалъ на Романовъ съ принцессою подъячій Кареличъ, то Гринковъ пзъ приказной избы меня съ Романовцемъ Трусовымъ взять къ себѣ на дворъ и держалъ въ хорамахъ за замкомъ многое время, приставилъ къ намъ сторожей, запералъ въ сундукъ и закладывалъ платьемъ. И мы ему говорили, что въ сундукѣ лежать душно, и онъ прислалъ человекъ, и вергѣли они на сундукѣ дыры, чтобъ намъ лежать было не душно. И какъ противъ челобиття головы съ товарищами присланъ былъ сыщикъ про насъ разыскивать, и мы къ розыску просились, но Гринковъ насъ не отдалъ: „Что-де вамъ живымъ не быть“, и послалъ человекъ въ усадьбу своего родного брата Федора, чтобъ прѣхалъ съ людьми; и какъ братъ его прѣхалъ со многими людьми, и онъ послалъ насъ съ братомъ своимъ ночью перою къ Москвѣ, и къ Москвѣ прѣхали мы ночью перою къ брату его Никифору Гринкову. Никифоръ далъ намъ денегъ и велѣлъ намъ говорить противъ братнихъ отписокъ, чтобъ не рознились и брата его не губили. А какъ я привезши былъ опять на Романовъ, то Иванъ Гринковъ прислалъ ко мнѣ денегъ, велѣлъ говорить о раскольствѣ противъ разспроса, на кого я въ разспросѣ говорилъ по его наученью, и съ очныхъ ставокъ чтобъ слался на кожу свою и на ихъ“ (т. е. чтобъ требовалъ пытки для себя и для отвитчиковъ¹⁾).

Старосты московскихъ слободъ обыкновенно выбирались жителями этихъ слободъ. Отъ 1695 года дошелъ до насъ выборъ въ старосты Мѣщанской

слободы: „По указу великихъ государей Мѣщанской слободы староста Юрья Самойловъ да мѣщане (сѣдуютъ имена) выбрали мѣщане лучшіе и средніе и меньшіе статьи въ старосты въ нынѣшній въ 104 г. мѣщанина доброго человекъ и пожиточнаго Филиппа Олферьева; и, будучи ему, Филиппу, въ старостахъ великихъ государей и за всякими мірскими дѣлами ходить и радѣть, и съ мірскими людьми о государевыхъ и о мірскихъ дѣлахъ во всемъ спрашиваться на совѣтъ, а собирать ему, старостѣ Филиппу, въ мірскіе расходы противъ прошлаго году“. — Но въ описываемое же время встрѣчаемъ любопытный случай: староста билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали ему быть старостою еще на известное время за то, что онъ приносилъ казнѣ прибавь и челобитій на него отъ мірскихъ людей не было. Просьбу исполнили: „Быть въ старостяхъ, денежныя доходы и хлѣбныя запасы собирать по окладу сполна и межъ крестьянъ расправу чинить вправду безвлокипно, чтобъ отъ мірскихъ людей въ томъ никакого на него челобиття не было“²⁾.

Имѣя въ виду важныя и дорогія учрежденія, большіе военные расходы; желая какъ можно скорѣе увеличить государственные доходы и зная очень хорошо, что они могутъ быть увеличены только поднятіемъ благосостоянія податныхъ людей, Петръ не могъ долѣе оставлять торговыхъ и промышленныхъ людей во власти воеводъ-кормленщиковъ. Какъ же освободить ихъ? Форма была готова; кромѣ видѣннаго на Западѣ, въ Малороссіи, которая уже давно входила въ составъ государства, существовало несконъ городское самоуправленіе, или такъ называемое Магдебургское право; подобноуже форму Петръ рѣшился ввести и въ великорусскіе города. 30-го января 1699 года вышелъ указъ объ учрежденіи Бурминстрской Палаты: „Извѣстно великому государю учинилось, что гостямъ и гостиннямъ сотни, и въемъ посадскимъ, и купецкимъ, и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волостяхъ, отъ приказныхъ и отъ разныхъ чиновъ людей, въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ, чинятся большіе убытки и разоренье; а иные отъ того торгово шопякъ и промысловъ отбыли, и его, великаго государя, съ нимъ окладные многіе доходы учинились въ дошкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и шымъ наборамъ большіе поборы; и, милосердуя, онъ, великій государь, объ нихъ, указалъ, — во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ, и въ сборахъ государственныхъ доходовъ вѣдать бурминстрамъ ихъ, и въ бурминстры выбирать имъ межъ себя погодно добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и поскольку человекъ похотитъ; а изъ нихъ по одному человекъ быть въ первыхъ, снѣтъ по мѣсяцу президентомъ“³⁾. Для другихъ городовъ, кромѣ Москвы, постановлено: „Во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ и его,

¹⁾ Столбы Приказнаго стола, № 3011, 3015, 3027; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ист. Д., годъ 1697.

²⁾ Столбы Москов. стола, № 1026; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ист. Д. 1695 года.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1674.

великаго государя, волостей, сель и деревень промышленнымъ и уѣзднымъ людямъ сказать указъ: „Буде они похотятъ, для многихъ къ нимъ восводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ, поборовъ и взятокъ, въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ ихъ во всякихъ дѣлахъ не вѣдать, а вѣдать ихъ во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и въ сборахъ доходовъ ихъ мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ“¹⁾. Всѣ эти выборные люди должны были находиться въ вѣдѣніи Московской Бурмистрской Палаты (или ратуши), которая входила съ докладами прямо къ государю: сюда входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе, какъ по именному царскому указу. За освобожденіе отъ воеводъ и приказныхъ людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной, противъ прежняго, окладъ податей.

Учрежденіемъ Бурмистрской Палаты начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать общественныя силы, приучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными силами, отучать отъ жизни о со б ѣ, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Но дѣло только-что начиналось, и потому легко себѣ представить, какъ неловко бралось за него общество, какія странныя привычки принесли мірскіе люди въ свою новую дѣятельность. Мірскіе люди освобождены были отъ воеводъ и приказныхъ людей; но, по отсутствію привычки къ общей дѣятельности, привычки отражать силу сильнаго соединенными силами слабыми, они сейчасъ же между своимъ нажили себѣ насильниковъ въ родѣ воеводъ и приказныхъ людей. Въ Веневѣ, напримеръ, земскій староста съ товарищами отставили отъ сборовъ выборныхъ своихъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ не дали денегъ, и выбрали другихъ, которые дали имъ 120 рублей. Для предотвращенія впередъ подобныхъ явленій, Петръ велѣлъ какъ взявшихъ деньги, такъ и давшихъ положить на плаху, п, отъ плахи поднявъ, бить кнутомъ безъ пощады и сослать на каторги въ Азовъ съ женами и дѣтьми, и объявить во всѣ города, села и волости: кто сдѣлаетъ это впередъ, тѣмъ быть въ смертной казни безъ пощады²⁾. По однихъ жестокихъ наказаній и угрозы, какъ вездѣ, такъ и тутъ, не помогли; преобразователь счелъ необходимымъ, прежде чѣмъ новое учрежденіе окрѣпнетъ, приставить къ нему довѣреннаго и способнаго человѣка, который бы направлялъ неопытныхъ и охранялъ ихъ отъ сильныхъ людей. Такимъ воспитателемъ молодого учрежденія явился первый изъ и р б ы л ь щ и к о в ѣ, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ „оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія“.

Курбатовъ былъ дворецкій или маршалокъ извѣстнаго западника, боярина Бор. Петровича Шереметева, путешествовалъ вѣсть съ своимъ господиномъ за границу³⁾, и это путешествіе, разумѣется, не осталось безплодно для развитія богатаго способностями русскаго человѣка. Въ Ямскомъ Приказѣ подято было письмо съ надписью: „Поднести великому государю, не распечатавъ“. Великій государь, вѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ или непристойныхъ словахъ, пашелъ въ подкинутомъ письмѣ проектъ о гербовой или орленной бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена⁴⁾, а изобрѣтатель, которымъ оказался Курбатовъ, пожалованъ въ дьяки, награжденъ домою, деревнями, и сдѣлался при б ы л ь щ и к о м ѣ, сталъ искать во всемъ прибыли государству, получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всемъ. Въ послѣдствіи мы познакомимся близко съ его дѣятельностью, особенно въ званіи оберъ-инспектора ратушнаго правленія.

Давно уже Русскіе торговые люди признавались⁵⁾, что имъ съ иностранными купцами не стянуть, потому что тѣ торгуютъ сообща. Мы видѣли также⁶⁾, что Ординъ-Нащокинъ предлагалъ, для освобожденія отъ зависимости иностранныхъ купцовъ, русскимъ небогатымъ торговцамъ соединиться съ богатыми. Теперь Истръ предписываетъ: „Московского государства и городовымъ всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями, и чинить отпускъ товарамъ въ компаніяхъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань, также и черезъ Новгородъ, и имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть въ сборахъ великаго государя казны пополненію. Учинить провинціи, къ Великому Новгороду, Пскову, къ Астрахани и къ инымъ такимъ городамъ малые города и уѣзды присписать, которые къ которымъ надлежатъ, и велѣть въ тѣхъ провинціяхъ настоящихъ городовъ земскимъ бурмистрамъ приспичныхъ земскихъ бурмистровъ, также таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ во всякихъ дѣлахъ вѣдать и въ сборахъ надсматривать“.

Перемиѣ въ бытъ крестьянъ не было: попрежнему громадная страна была мало населена, попрежнему оттого рабочіе были прикрѣплены къ землѣ, попрежнему бѣглая отъ крѣпостной зависимости, и гоньба за человѣкомъ составляла одно изъ важныхъ занятій правительства и частныхъ людей. Нѣсколько крестьянскихъ семействъ убѣжало изъ Звенигородскаго уѣзда съ земель Саввино-

³⁾ Записки Желябужскаго; Записки путешествія гр. В. П. Шереметева, изд. 1773 года.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1673.

⁵⁾ Исторія Россіи, IX, стр. 1123.

⁶⁾ Исторія Россіи, т. XIII, стр. 717.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1675.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1722.

Сторожевского монастыря. Черезъ четыре года они были высканы (въ 1696 г.) и поразсказали любопытныя подробности о своей бѣгахъ. Они ушли въ Данковъ и стали жить въ крестьянствѣ за тамошнимъ подъячимъ Яковлевымъ. Черезъ годъ подъячій началъ ихъ изъ крестьянства отсылать для того, что у нихъ отпускной никакой не было. далъ имъ рубль денегъ и велѣлъ имъ отъ себя идти: „Гдѣ-нибудь напишите отпускную властелинскимъ именемъ, и мнѣ та отпускная будетъ въ оправданіе“. Крестьяне отправились куда глаза глядятъ, и въ Тульскомъ уѣздѣ нашли благодѣтеля, какого-то дьячка, который имъ написалъ отпускную, подписалъ имена архимандрита, келаря,—все какъ слѣдуетъ, и взялъ за трудъ двадцать алтынъ. Крестьяне сейчасъ же возвратились въ Данковъ и подали отпускную подъячему; тотъ былъ очень доволенъ: „Эта ваша отпускная“, сказалъ онъ, „мнѣ въ поправку, мнѣ теперь за васъ пожилыхъ денегъ не платить“. Подъячій сталъ спокойно распоряжаться крестьянами, и дочь одного изъ нихъ выдалъ замужъ за сына боярскаго, взявши съ жениха выводу двѣнадцать копейъ ржи¹⁾.

Сибирь, гдѣ было такое раздолье воеводамъ и всякимъ сильнымъ людямъ вдали отъ правительственнаго надзора, обратила на себя особенное вниманіе, потому что тамошніе беспорядки вредно дѣйствовали на казну, получавшую такой большой доходъ отъ сибирскихъ товаровъ. Въ апрѣлѣ 1695 года для Сибири, кромѣ ближайшаго Тобольска, сдѣлано было исключеніе: не велѣно перемѣнять воеводъ черезъ два года, „для того, что отъ такихъ частыхъ перемѣнъ казнѣ начали быть великіе недоборы и всякимъ доходамъ оскудѣніе, потому что воеводы, забывъ крестное пѣлованіе и презрѣя жестокіе указы, вино и всякіе товары въ Сибирь привозятъ и сверхъ того въ Сибири вино курятъ и такъ виномъ многую пользу себѣ чинятъ; а на кружечныхъ дворахъ государева вина въ продажу записываютъ малое число, въ годъ индѣ по 20 и по 10, а индѣ написано въ продажѣ всего одно ведро, а въ иной годъ ни одного ведра продать не дали“. Отправлявшіеся въ Сибирь воеводы имѣли право провозить безошлинно съ собою пзвѣстное количество вина и другихъ товаровъ; каждыя два года воеводы отправлялись въ сибирскіе города, каждыя два года вели съ собою всѣ эти запасы, брали казенные струга, прогонныя деньги, требовали по ямамъ и городамъ подводы, причесть, по обычаю, всякаго чина людямъ чинили многія обиды, палог и разоренія; тѣмъ слѣдовательно рѣже ѣздили воеводы, тѣмъ лучше. Далѣе говорится въ указѣ, что „воеводы для сбора ясачной казны отпускали служилыхъ людей и брали съ нихъ себѣ великія взятки и посулы; лучшіе соболи выбирали себѣ, а худые отдавали въ государеву казну, себѣ въ малые годы великія богатства наживали, а

служилымъ и ясачнымъ людямъ впредь не проча, великіе обиды, палог и грабежи чинили и для челобитья къ Москвѣ ихъ не пропускали; отъ того многіе служилые люди по зимовьямъ побиты, а другіе отъ воеводскихъ притѣсненій измѣнили и въ Китайское государство отъѣхали, и Мунгалы измѣнники, мстя за обиды свои, многихъ служилыхъ и ясачныхъ людей грабятъ и побиваютъ“²⁾. Въ концѣ того же года опять указъ Сибирскому Приказу: „Прежніе воеводы воровали, многихъ людей пытали и смертію казнили, и ясачные сборщики у ясачныхъ людей и у иноземцевъ женъ и дѣтей отнимали силою, и по ихъ иноземскому челобитью суда и управы у воеводъ не было: такъ впредь воеводамъ, кромѣ дѣлъ, подлежащихъ по Уложенію пыткамъ, никакихъ Русскихъ людей и ясачныхъ иноземцевъ ни въ какихъ дѣлахъ, не описався съ великимъ государемъ, не пытать и не казнить, для ясачнаго сбора посылать людей добрыхъ, за выборомъ гражданскихъ людей. Если же воеводы стануть красть или умялать государеву казну или стануть кого казнить смертію, то будутъ сами казнены смертію, и вотчины ихъ всѣ и дворы, и помѣстья, и имѣніе будутъ взяты на великаго государя безповоротн“³⁾.

Истошая всѣ средства противъ злоупотребленій, какія позволяли себѣ чиновники въ Сибири, царь, въ октябрѣ 1697 года, издалъ указъ⁴⁾, запрещающій въ Сибири служилымъ и великимъ чиновъ людямъ, жепамъ и дѣтямъ ихъ носить богатою платкѣ, „чего имъ по чину своему носить не довелось; и знатно, что тѣ служилые люди, у которыхъ такое излишнее дорогое платье есть, дѣлають его не отъ праваго своего пожитку, кражею нашедъ, великаго государя, казны или съ иноземцевъ грабежомъ тѣ богатства себѣ наживаютъ; а буде у кого, какимъ промысломъ правымъ, нажито съ лишней сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго себѣ ружья и панцирей и платья нужнаго, чтобъ къ нашей службѣ былъ всегда готовъ и къ боямъ съ непріятелями потребенъ, или держалъ въ домовое каменное себѣ прочное строеніе, въ которомъ бы пожитокъ его отъ случая пожарнаго былъ всегда въ пѣлости“.

Дѣти боярскія Сибирскаго митрополита, посылаемыя имъ въ десятильничкахъ по дѣламъ, подлежащимъ суду церковному, поступали не лучше. если не хуже служилыхъ людей, посылаемыхъ воеводами. Это видно изъ царской грамоты воеводѣ Глѣбову 1697 года: „Десятильнички градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинятъ разореніе и обиды и палог, побоями заставляють поневолѣ дѣвицы и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство, и по тѣмъ ложнымъ разговорамъ съ тѣхъ людей берутъ себѣ взятки вели-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1706; Приказы. дѣла Москов. Арх. Мян. Ит. Д., 1697 года.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1511.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1526.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1598.

кѣя, а иныхъ дѣвицъ раздѣвають донага и груди давятъ до крови, и всякое ругательство чинятъ, а которыя дѣвицы и вдовы и при такомъ мучительствѣ не впадаютъ, тѣхъ они продаютъ такимъ людемъ, за которыхъ никто бы дочери своей не далъ, а деньги берутъ себѣ¹⁾.

Установленіе бурмистровъ, какъ видно изъ указа 1699 года, не могло быть приложено къ Сибири: „Въ сибирскихъ городахъ бурмистрамъ не быть, а быть попрежнему у всякихъ сборовъ изъ русскихъ и изъ сибирскихъ городовъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ людемъ, и надъ ними надзирать воеводамъ со всякимъ крайнимъ радѣніемъ; а бурмистрамъ не быть для того, что въ сибирскихъ нѣкоторыхъ городахъ посадскихъ людей нѣтъ, а въ которыхъ есть, и тѣ людишки худые, скудные и ссыльные, и затѣмъ въ бурмистры выбрать некого; а въ которыхъ городахъ торговые люди есть, и тѣмъ въ сборѣ денежной казны ясачной и ни въ какихъ сборахъ вѣрить некому, для того что они люди скудные“²⁾.

Не щадя наказаній и угрозъ для воеводъ недобросовѣстныхъ, Петръ не отступалъ ни предъ какою мѣрою, когда нужно было наградить хорошаго воеводу. Вотъ любопытная царская грамота, посланная въ 1698 году къ Иркутскому воеводѣ Ивану Николаеву: „По нашему указу отпущенъ въ Сибирь въ Нерчинскъ воеводою братъ твой, стольникъ нашъ Самойла Николаевъ, и, будучи въ Нерчинскѣ, намъ служилъ со всякою вѣрностію, и радѣтельною своею правою службою передъ нижними нерчинскими воеводами собралъ въ нашу казну многую прибыль, и тамошнихъ жителей, русскихъ и сибирскихъ городовъ различныхъ торговыхъ людей свидѣтелями своего христіанскаго благочестія учинилъ, и никакой жалобы ни отъ кого на себя не оставилъ, и тамошней нашей дальней странѣ, для такихъ своихъ добрыхъ плодовъ, намъ, великому государю, зѣло былъ надобенъ и прибиточенъ. И въ нынѣшнемъ году явился въ Сибирскомъ Приказѣ брата твоего Самойла человекъ и сказалъ: въ прошломъ году братъ твой Самойла Николаевъ въ Нерчинскѣ умеръ, а послѣ него остались дѣти, стольники Иванъ да Михайла. И мы, великій государь, пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова сына Николаева, за службы отца его, не взирая на его несовершенно лѣта, велѣли ему быть на мѣстѣ отца своего въ Нерчинскѣ воеводою; а для его молодыхъ лѣтъ съ нимъ быть съ припискою подъячичемъ—нерчинскому сыну боярскому, Лукѣ Кочмарову, для того что братъ твой объ немъ, Лукѣ, что онъ человекъ добрый и радѣтельный, свидѣтельствовалъ“³⁾.

И въ Европейской Россіи въ описываемое время монастыри не представляли много назидательнаго: тѣмъ болѣе можно было опасаться соблазна отсюда въ безпорядной Сибири: въ 1698 году Петръ за-

претилъ Вишнейскаго уѣзда ссыльнымъ и принятымъ монахамъ строить вновь монастыри, запретилъ давать имъ земли безъ указа, „для того что въ Сибири мужскихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина Православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольно число есть“⁴⁾.

Мы видѣли, что и при прежнихъ великихъ государяхъ много писалось указовъ о прекращеніи воеводскихъ и другихъ злоупотребленій въ Сибири; но указы эти мало помогали; теперь, какъ видно, повѣялъ новый духъ отъ живыхъ людей и оживилась мертвая буква указа. Виниусъ, вѣдѣнію котораго порученъ былъ Сибирскій Приказъ, съелъ возможнымъ въ началѣ 1698 порадовать царя хорошими вѣстями изъ Сибири; Петръ отвѣчалъ: „Пишешь о сибирскомъ поведеніи, что отъ воеводъ чинится лучше, нежели прежде, и то слава Богу!“ Нельзя думать, что Виниусъ похвастался, потому что вѣдѣя за тѣмъ онъ увѣдомилъ государя о новой бѣдѣ для несчастной Сибири отъ табачнаго откушника Орленка. Петръ отписалъ Ромодановскому: „Писалъ ко мнѣ Виниусъ, жалуясь на Орленка и товарищій его во всякихъ насильствахъ и убійствахъ въ Сибири, и то изволь своимъ прелудрымъ разумомъ разыскать, чтобы тамошніе дикіе края къ какому смущенію не пришли“. Эта внимательность и быстрота распоряженій, походившихъ отъ людей сильныхъ, всего лучше объясняютъ намъ, почему отъ воеводъ въ Сибири стало чиниться лучше, чѣмъ прежде.

Неослабная внимательность правительства нужна была и относительно казацкихъ украинъ Европейской Россіи—на Дону и на Днѣпрѣ.

Мы видѣли, что казаки раскольникки ушли съ Дона къ шевкалу и враждебно дѣйствовали противъ своей родины. Осенью 1696 года, 27 изъ нихъ востоквались по ней, тайкомъ ночью ушли отъ шевкала на Терекъ, откуда воевода отправилъ ихъ въ Астрахань; въ числѣ ихъ было шесть человекъ съ женами и дѣтьми, два монаха и двѣ монахини. Государь велѣлъ сказать имъ указъ: „Вы, забывъ Бога, великому государю измѣнили, ушли съ Дона къ шевкалу, выходили на море для воровства и и подѣ Терекомъ всякихъ людей разбивали, грабили и убивали; за такое воровство и измѣну довелись вы смертной казни; но великій государь вицы ваши велѣлъ вамъ отдать и отпустить всѣхъ съ женами и дѣтьми на Донъ попрежнему“.

Но главная бѣда была не отъ тѣхъ, которые бѣжали съ Дона, а отъ тѣхъ, которые бѣжали на Донъ.

Еще въ 1690 году стольники, стряпчѣе, дворяне московскіе, жильцы рязанскіе, шацкіе, ряжскіе помѣщички, и дворяне городовые, Рязанцы, Мещеряне, Рязане, конейщики, рейтары и дѣти боярскія, мурзы, Татары и солдаты выборныхъ полковъ подали подписную челобитную: „Вѣгаютъ отъ насъ люди и крестьяне съ женами съ дѣтьми на Донъ

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1601.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1708.

³⁾ Акты Историч., V, № 283.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1629.

и на Хоперь и на Медвѣдицу безпрестанно, многія села и деревни запустошили; дома, животы, лошадей и всякую рухлядь безъ насъ, какъ мы бываемъ на службахъ и въ отъѣздахъ, грабятъ, остальныхъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, женъ и дѣтей нашихъ въ пѣздахъ и хоромахъ заваливаютъ колодами, дѣтей нашихъ рѣжутъ и побиваютъ до смерти и въ воду, ругаясь, сажаютъ. Тешерь мы отъ этого побѣгу разорены безъ остатка, а государевы службы отбыли, и за этихъ бѣглыхъ за дворянъ и крестьянъ платимъ ямскія и рублевныя деньги и стрѣльцкій хлѣбъ, и дѣлаемъ городовыя подѣлки". Въ томъ же году Алексѣй Мосоловъ былъ челомъ, что, когда былъ онъ въ Крымскомъ походѣ, бѣглее люди, пришедши съ Дона, разрѣзали на куски шестилѣтняго сына его и бросили въ воду, имѣнне разорили безъ остатка.

Вслѣдствіе этихъ челобитенъ, сдѣланъ былъ допросъ атаманамъ; тѣ отвѣчали: „Бѣглее люди изъ дворянскихъ волостей и помѣщичьи и посадские изъ украинскихъ городовъ приходятъ съ женами и дѣтьми на Донъ, на Хоперь и на Медвѣдицу, и живутъ по своей волѣ, а пропускаютъ ихъ изъ украинскихъ городовъ воеводы и прикасальные люди изъ взятокъ; а еслибъ они не пропускали, то не только съ женами и дѣтьми, и одному пройти было бы нельзя". Пошли къ украинскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ государевы грамоты съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ бѣглыхъ людей не пропускали за черту, подѣлали заставы; на Донъ пошла грамота, чтобъ казаки впередъ къ себѣ бѣглыхъ людей на рѣку не принимали, и старыхъ поселыщниковъ велѣно имъ сбить и высылать на прежнее жилище; воровъ и убійцъ крестьянъ Мосолова велѣно сыскать и выслать на Коротоякъ.

Но какъ готовы были казаки выдавать бѣглыхъ— видно изъ слѣдующаго: въ концѣ 1697 года Калмыцкій тайша Мункотемиръ далъ знать Царицынскому воеводѣ, что отъ него бѣжали на Донъ въ Панипшинъ городокъ улусники его 25 кибитокъ. Воевода послалъ сказать Панипшину атаману, чтобъ выдалъ бѣглыхъ по прежнему царскому указу, которымъ подъ смертною казнію запрещено было принимать Калмыковъ, чтобъ не было никакихъ задоровъ и ссоръ съ тайшами. Казаки отвѣчали воеводскому посланцу: „Калмыцкихъ выходцевъ не отдадимъ, и отдадъ намъ ихъ нельзя, и впередъ ихъ принимать станемъ; къ намъ писано изъ войсковаго Черкаскаго городка, чтобъ такихъ выходцевъ принимать, отъ погонщиковъ и отъ всякихъ людей оберегать и въ обиду никому не давать; царскій указъ присланъ на Царицынъ къ воеводѣ, а не къ намъ; у насъ такого указа нѣтъ, а Царицынскому воеводѣ мы не послушны; и если Калмыки придутъ къ намъ за своими выходцами войною, то мы ихъ не отдадимъ и драться за нихъ станемъ“.

Начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многіе не хотѣли усиленно работать и служить, и побѣги на Донъ усиляются. Въ продолженіи

95, 96, 97, 98 и 99 года воеводы и приказные люди Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ доносятъ, что полковые, городовые, всякихъ чиновъ служилые и жилищные люди, ихъ дѣти, свойственники и крѣпостные люди, и крестьяне, не хотя служить государственной службы и податей платить, не хотя быть у строения морскихъ судовъ, у стругового дѣла, у лѣсной работы, въ кормщикахъ, гребцахъ, на плотяхъ, бѣгутъ въ донецкіе казачьи городки; въ 1699 году изъ одного Воронежскаго уѣзда бѣжало около 330 дворовъ. Опять грамота на Донъ: бѣглыхъ не принимать, а старыхъ выходцевъ сыскать и доставить на прежнія мѣста жительства на своихъ казачьихъ подводахъ, потому что „вытѣхъ бѣглецовъ принимали безъ нашего указа“.

Но мало того, что царь требуетъ нарушенія основнаго казачьаго обычая, — требуетъ, чтобъ не принимали новыхъ бѣглецовъ и высылали назадъ старыхъ, — онъ заставляетъ самихъ казаковъ работать для общаго дѣла; Петръ взялъ Азовъ, закрѣпиль этимъ рѣку Донъ за Россією; но съ Азовомъ нужны частыя и безпрепятственныя сообщенія, нужно доставлять туда всякаго рода запасы для ратныхъ людей, и вотъ Петръ посылаетъ дворянина Шатнева осматрѣть рѣку Донъ отъ Коротояка внизъ до Азова и водяной ходъ очистить жителями казачьихъ донскихъ городковъ, чтобъ тою рѣкою корабельному ходу никакой остановки не было. Остановки бывали разнаго рода, такъ напримеръ: въ 1698 году кормщики и гребцы, шедшіе Воронежемъ и Дономъ на судахъ въ Азовъ съ хлѣбными запасами, бросили суда въ казачьихъ городкахъ и разбѣжались, а казаки и разныхъ чиновъ жители развели хлѣбъ по себѣ¹⁾.

Государь, и такой государь, какъ Петръ, разумѣется, не могъ равнодушно смотрѣть на подобныя явленія, и неудовольствія на великой рѣкѣ увеличивались; мы увидимъ слѣдствія, когда недовольные получатъ вождя.

Съ Днѣпра приходили также тревожныя извѣстія.

Въ августѣ 1696 года, Кіевскій воевода, князь Борятинскій, отправилъ къ русскому резиденту въ Польшѣ, дьяку Никитину, Стародубца Сулова съ двумя рейтарамъ для вѣсти. Этотъ Суловъ привезъ Никитину свои вѣсти: „У Поляковъ намѣрене совершенно, чтобъ Украйну къ себѣ превратить, и послыки у нихъ къ гетману Мазепѣ частыя; такъ, нынѣшнюю весною пробѣжалъ къ гетману отъ короля посланникъ вмѣстѣ съ Греками, будто купецъ. Начальные люди теперь въ войскѣ малороссійскомъ все Поляки; при Обидовскомъ, племянникъ Мазелы, пѣтъ ни одного слуги казака. У казаковъ жалоба великая на гетмана, полковниковъ и сотниковъ, что для искорененія старыхъ казачьихъ прежнія ихъ волности всѣ отняли, обратили ихъ къ себѣ въ подданство, земли всѣ по себѣ разобрали: изъ котораго села прежде выходило на

¹⁾ Дѣла Донецкія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мип. Ин. Д.

службу казаковъ по полтора ста, теперь выходитъ только человекъ по пяти или по шести. Гетманъ держитъ у себя въ милости и призрачнѣ только полки охотничіе, компанейскій и сердючкіе, надѣясь на ихъ вѣрность, и въ этихъ полкахъ нѣтъ ни одного человека природнаго казака, все Поляки. Прошлаго лѣта Кіевскаго полка казаки въ Запорожьи полковника своего Мокѣвскаго, за его къ нимъ налоги, чуть-не-убили. Гетманъ въ нынѣшнемъ походѣ стоялъ полками порознь, опасаясь отъ казковъ бунта; а еслибъ всѣ полки были въ одномъ мѣстѣ, то у казаковъ было совершенное намѣреніе старшину всю побить. Казаки говорятъ, что еслибъ у нихъ были старья вольности, то они бы одни Крымъ взяли; а если нынѣшняго гетмана и урядниковъ Поляковъ не отягивать, то не только-что Крымъ брать, придется быть въ порабощеніи отъ Крыма и отъ Польши. Кіевскаго Кирилловскаго монастыря игумень Иннокентій тайно пересылается съ Шумлянскимъ, а въ Батуринѣ ѣздитъ мало не каждую недѣлю; изъ Кіевской Приказной избы ходятъ къ игумену двое подъячихъ, Налетовъ и Фатѣевъ, безпрестанно, а игумень присылаетъ къ нимъ запасы, пиво и вино бочками". Сусловъ покончилъ свои вѣсти словами, что объ этомъ онъ и говорить не смѣетъ, развѣ самому великому государю изустно донесетъ.

Когда Никитинъ далъ знать объ этомъ великому государю, то Сулова съ двумя кіевскими подъячими привезли въ Москву для допроса. Суловъ объявилъ, что львовскій шляхтичъ Попара говорилъ ему: Поляки очень жалѣютъ объ Украинѣ, говорятъ, что если малая какая смута на Москвѣ съдѣлается, то они пойдутъ на Украину и попрежнему ее къ себѣ присоединятъ. Другой шляхтичъ Вуйновскій говорилъ то же: въ примѣръ ставятъ Поляки Пруссію: хотя много лѣтъ была за Шведами, однако опять перешла къ Польшѣ. Попара говорилъ: очень худо, что на Украинѣ начальные люди Поляки; еслибъ были Русскіе, то Украинъ была бы надежнѣе. Жалобы на гетмана и начальныхъ людей слышалъ онъ въ Кіевскомъ полку да отъ полевыхъ казаковъ. Извѣстія, которыя Суловъ обѣщалъ объявить только одному государю, касались того, что въ Кіевѣ можно собирать гораздо больше торговыхъ пошлинъ, чѣмъ обыкновенно дѣлается. О намѣреніи казаковъ побить старшину Суловъ слышалъ отъ Попары и Палѣевыхъ казаковъ, перешедшихъ съ Переяславской стороны. О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Кирилловскимъ игуменомъ слышалъ во Львовѣ.

Подъячіе объявили, что они бывали у Кирилловскаго игумена очень рѣдко, и то по воеводскимъ дѣламъ; въ то же время узнали, что игумень Иннокентій умеръ. Государь велѣлъ послать къ Мазепѣ списокъ съ рѣчей Сулова, а подъячихъ отпустить назадъ въ Кіевъ съ строгимъ наказомъ, чтобъ впередъ къ иноземцамъ не ходили и вѣстей не рассказывали. Мазепѣ написали при этомъ, что великій государь всѣмъ этимъ слухамъ повѣрять

не изволилъ и никакого сомнѣнія не имѣетъ, потому что онъ, гетманъ, старшина и все войско служить вѣрно, не падая здоровья и головы своихъ; потому, по просьбѣ гетмана, отправили въ Батуринъ и самого Сулова, давши Мазепѣ позволеніе пытать его. Въ октябрѣ 1697 года Мазепа писалъ государю о вѣстяхъ, что у Семена Палѣя бывають частыя присылки отъ гетмана Литовскаго Сапѣги, чего прежде не бывало; Сапѣга словесно наказывалъ Палѣю, чтобъ онъ остерегался Мазены и не ѣздилъ къ нему въ Батуринъ. „Послалъ я въ Хвастовъ тайкомъ человекъ моего, писалъ Мазепа царю: посланный долженъ провѣдать о тамошнемъ поведеніи, созываетъ ли Палѣя войсковыхъ людей на какую службу; особенно приказалъ я Кіевскому полковнику и сотнику, чтобъ постоянно держали въ Хвастовѣ тайно людей своихъ для надзора за Палѣемъ, ибо удивительно мнѣ стало, что онъ теперь не такъ сердечно со мною поступаетъ, какъ прежде, не присылаетъ ко мнѣ писемъ, которыя получаетъ отъ гетмановъ Короннаго и Литовскаго, въ чемъ усматриваю нѣкоторую перемену и хитрость. Сѣбѣ предложить вамъ, великому государю, чтобъ бояринъ, въ Кіевѣ воеводствующій, не велѣлъ пускать Палѣя въ Кіевъ со многими людьми, а онъ привыкъ часто туда пріѣзжать: у него тамъ въ нижнемъ городѣ и дворъ свой, который я, пріохочивая его къ вашей монаршеской службѣ, купилъ ему у чернецовъ Межигорскихъ за 400 золотыхъ на собственыя деньги“. Мазепа узнала также, что новый король Польскій прислалъ Палѣю 4,000 золотыхъ червонныхъ на наемъ казаковъ; по этой вѣсти гетманъ разослалъ грамоты по всѣмъ полкамъ, чтобъ никто не смѣлъ переходить въ Польскую сторону. Черезъ мѣсяцъ Мазепа писалъ, что приказалъ Кіевскому полковнику Мокѣвскому посылать въ Хвастовъ дѣльныхъ людей для наблюденія, что тамъ дѣлается. Одинъ изъ такихъ наблюдателей, возвратясь изъ Хвастова, доносилъ полковнику, что полчане Палѣя, пѣшие люди, пришедшіе изъ-подъ Каменца-Подольскаго, говорятъ: „Не хорошо Палѣй дѣлаетъ, что на двѣ стороны службою своею оказывается; теперь въ Польшѣ король новый, богатъ деньгами, надобно-бъ ему одному вѣрно служить,—отъ него и Палѣю, и всѣмъ намъ добрая можетъ быть награда. А если Палѣй на двѣ стороны колебаться будетъ, то и ему придется такая же кончина, какая и друнгя отъ него была“. Добрые люди говорятъ: „Лучше намъ, будучи Восточной Православной вѣры, держать съ Православнаго христіанскаго монарха“; но такихъ людей немного; самъ Палѣй каждый день пьянъ, икогда пьетъ, то иногда поминаетъ царское имя, а въ другой разъ пьетъ за здоровье Польскаго короля. Въ началѣ 1699 года, Мазепа извѣщалъ, что, вопреки статьямъ мирнаго договора — не заселять запустѣлыхъ за Днѣпромъ городовъ, — въ прошломъ году заведена слобода въ Мошнахъ, куда осадчики подготавливають и переманивають людей съ лѣвой стороны Днѣпра; тяжесть отъ кормленія

ратныхъ людей заставляетъ многихъ бѣжать за Дибирь, и такимъ образомъ, кромѣ Мошенской слободы, заселились еще слободы въ Дравовѣ. Корсуни и Богуславъ; устеречь бѣглецовъ трудно, потому что нельзя по всему Дибру разставить карауловъ. Кромѣ того, побережнымъ жителямъ восточной стороны нельзя пробить безъ дѣсовъ западной стороны; но когда они придуть туда по дрова, то тамошніе осадчики ихъ грабятъ, отбираютъ лошадей, везы, топоры, снимаютъ платье. Мазена просилъ у государя позволенія разорить Мошенскую слободу и перевести поселенцевъ назадъ, такъ какъ слобода заселена вопреки договору.

Въ Сибирской украинѣ, со стороны Китая было покойно Русскіе выгодно торговали въ Пекинѣ, и въ 1698 году, Виниусъ писалъ Петру за границу, что въ Пекинѣ построена русская церковь и многіе Китайцы крестились. Петръ отвѣчалъ ему: „То дѣло зѣло изрядно. Только для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привести въ злобу, также и езуитовъ, которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ; къ чему тамъ надобны поны не такъ ученые, какъ разумные и подкладные, дабы чрезъ нѣкоторое кленіе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось въ Еспаніи“. Велѣдствіе этого, Виниусъ велѣлъ въ Нерчинскѣ у торговыхъ людей, которые придуть изъ Китайскаго государства, спрашивать и всячески допытываться о новопостроенной часовнѣ въ Китайскомъ государствѣ, въ какомъ мѣстѣ и межъ какими домами или особно, отъ домовъ ихъ, китайскихъ, въ дальнемъ разстояніи, и Китайцы къ той церкви въ смотрѣніи или слушанія приходятъ ли, и что говорятъ, хвалятъ ли; и нѣтъ ли какого отъ нихъ посмѣянія и поруганія; и къ которымъ церквамъ, Греческаго-ль закона или къ езуитскому костелу они склоняеы, и каковы у той церкви поны и причетники, и въ какомъ искусствѣ живутъ, и сколько ихъ также и народу Русскаго, и какое у той церкви украшеніе и книгъ довольство, и умершихъ христіанъ гдѣ погребаютъ, — при той ли часовнѣ или гдѣ въ полѣ, и какимъ служеніемъ, явно ли или со опасеніемъ тайно, и есть ли кто изъ Китайцевъ крестились.

Въ время какъ Петръ и Виниусъ тамъ заботились о Православной Церкви въ Пекинѣ и объ отношеніяхъ ея къ іезуитскому костелу, въ Москвѣ вскрылись слѣдствія іезуитскаго вліянія. Въ 1697 г священникъ Петропавловской (Адріана и Наталіи) церкви, въ Мѣщанской слободѣ, донесъ патриарху Адріану на своего дьякона Петра Артемьева, который послѣ Евангелія читалъ поученіе, похваляя въ вѣрѣ Поляки, Ляхи, Литву, прочиталъ молитву „Отче нашъ“ на аввонѣ по-римски, прилякнувъ на колѣни, и инныя нѣкія молитвы прилагая римскія; носить онъ на себѣ вышето животворящаго креста мошонку, а въ ней образокъ Латынина Антонія Падвіянина (Падуанскаго), еретика суща: глаголетъ и схождение Духа Св. отъ Отца и Сына, исповѣды-

вался и приобщался у іезуитовъ, а съ иными іезуитами, изъ Москвы изгнанными, зѣло слезно разлучился; освященный соборъ называетъ заборомъ, который перескочить хвалится; патриарховъ называетъ потеряхами, потому что истинную Православную вѣру потеряли. Воляръ и судей безыменно лаетъ и бездѣствуетъ, по поводу вытокъ раскольниковъ: называетъ этихъ боляръ и судей, стоявшихъ у дыбы въ Константиновской башнѣ, нѣкими учителями, которые вмѣсто Евангелія просвѣщаютъ огнемъ, и вмѣсто Апостола учатъ кнутомъ.

Петръ Артемьевъ былъ сынъ одного суздальскаго священника. Смолоду въ немъ уже виденъ былъ человѣкъ нервный, съ болѣзненною впечатлительностію, разстроеннымъ воображеніемъ; эти качества должны были усиливаться еще отъ разврата, какъ видно изъ собственныхъ его признаній. Такой-то юноша поступилъ въ школы къ греческимъ учителямъ, Лихудамъ, и съ старшимъ изъ нихъ, Іоанникомъ, отправился въ 1688 году въ Венецію. За границей овладѣли имъ іезуиты и обратили въ католицизмъ. Какъ ловко велось дѣло при этомъ обращеніи, видно изъ рассказовъ Артемьева: когда онъ спрашивалъ у Латынянъ, чѣмъ ихъ Римская церковь лучше Греческой, — ему отвѣчали, что ничѣмъ, Римская и Греческая церкви равны, только развѣ въ Римской церкви люди ученѣйшіе. Молодой человѣкъ успокоивался, что все равно, и стремился къ ученѣйшимъ людямъ, къ книгамъ, написаннымъ ученѣйшими людьми: восторженности, страстности и мистицизмъ нѣкоторыхъ католическихъ писателей какъ нельзя больше пришлись по душѣ Артемьеву.

По возвращеніи въ Россію, Артемьевъ былъ посвященъ въ дьяконы къ Петропавловской церкви и тутъ-то обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями и выходками. Патриархъ Адріанъ, человѣкъ больной, нѣкоторое время оставилъ безъ слѣдствій доносъ священника, а дьяконъ между тѣмъ приобщалъ послѣдователей, что было трудно въ то-гдашнее смутное время: „И мнози въ слѣдъ его прелести уклонилися“. Между прочими, Артемьевъ былъ очень вхожъ въ дому строителя Успенской церкви на Покровкѣ, Гурьева и Сверчкова, у которыхъ бывали и латинскіе священники. Гурьевъ и Сверчковъ стали хлопотать у патриарха о переводѣ отца Артемьева изъ Суздаля въ Москву, именно къ ихъ Успенской церкви. Патриархъ сначала и слышать не хотѣлъ, судя объ отцѣ по сыну: „Какого этого дьякона Петра отецъ?“, говорилъ патриархъ, — „не того ли, что за кальвиновъ, лютеровъ и папешниковъ стоитъ? Полно мнѣ приномагется, а то бы онъ давно былъ отправленъ; да такъ-то ему не пройдеть у меня, потнуся для него нарочито соборъ собрать, если таковъ и отецъ-то, каковъ сынъ, то обоихъ доводится сечь“. Но потомъ Адріанъ смягчился, и говорилъ: „По отца его давно я думалъ и самъ послать для него же дьяконишки, — для того, что добрый человѣкъ, сказываютъ, отецъ у него“.

Добрый человѣкъ долженъ былъ придти въ отчая-

ніе, получивши въ это время писульку отъ сына: „Батюшка! батюшка! писалъ Петръ, лазилъ я, лазилъ въ мысленную Христа бездныя язвы на небо, а нынѣ лѣзу, лѣзу и въ Круцификъ Его, писанный тобою: лѣзу въ ребреную Его язвы сердцемъ, гвождю къ рукамъ Его мои руки, и, отнявъ у Него уста Его, дѣлаю въ нихъ своя уста и говорю съ нимъ такъ по Вернаду: не хочу, Господи мой, безъ язвъ жить, когда вижу Тебя всего въ язвахъ; остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ, да расписусь съ тобою! Слыхалъ у тебе, что того ради меня нареклъ еси Петромъ, да Петровы теплоты причастникъ буду, и се не погрѣшилъ еси вопиуну. Яко свѣдѣніе калъ теплехонекъ есмь, чего ради и явленно проповѣдаехъ Петровъ и каведры его исповѣдникъ“.

Пріѣхавъ въ Москву, отецъ едва не далъ заупину сыну „про ту писульку“. А между тѣмъ священникъ Петропавловской церкви подалъ вторичный доносъ. Патріархъ отослалъ Петра въ Новоспасскій монастырь; но Адриана начали торопить окончаніемъ дѣла, писали ему: „Аще нынѣ отъ малыхъ, наче же отъ единого сына погубели тако явлено внушаемо злочестіе латиномыслимое многія въ пронасть западную низрѣзаетъ; а егда малый недугъ сей Латинства расширится и отъ многихъ

размножится и расгнѣтъ все тѣло, Православія глаголю, тогда что будетъ, разумѣвай!“ Патріархъ, въ іюні 1698 года созвалъ соборъ, который приговорилъ разстричь Петра и сослать въ Важскій монастырь къ Холмогорскому архіепископу Аонасію. Увѣщанія послѣдняго нисколько не подѣйствовали на заточника, и Аонасій донесъ патриарху: „Цѣлехомъ Вавилона и не испѣлъ, но наче едва сами избавимся боохранимо отъ сѣтей его“.

Въ показаніяхъ Петра Артемьева находимъ любопытныя извѣстія о поведеніи знаменитыхъ учителей его, братьевъ Лихудовъ: „Учитель мой большой Іоанникій, пріѣхавъ изъ Италіи, пріѣзжалъ по многу кратъ къ священникамъ Римскимъ на царскій дворъ въ слободу, и хвалился имъ быти ихъ мудрованія, но прикровень здѣ за страхъ, чему они и вѣрили; я же взявъ книжицу учителю Мечецъ всю противну Римлянамъ, показалъ имъ цесарянамъ; они же, пришедшу учителю къ нимъ, показали и лицемерство его обличили; учитель отвѣчалъ имъ, что ту книгу братъ его Софроній писалъ безъ него, когда онъ, Іоанникій, былъ въ Италіи, что можетъ быти и правда, потому что онъ, Іоанникій, брата своего, Софронія, гораздо ко всякой правдѣ склонилъ и къ Богу вѣроу тепилъ“²⁾.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Новое лѣтосчисленіе. — Причины Сѣверной войны. — Свиданіе Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ и дружба съ нимъ. — Возникшій на Карловицкомъ конгрессѣ. — Украинцевъ въ Константинополь. — Перемиріе съ Турками. — Союзъ трехъ державъ противъ Швеціи. — Карлъ XII. — Траувендальскій мнръ. — Осада Нарвы Русскимъ. — Пораженіе русскаго войска Карломъ XII. — Побѣдитель и побѣжденный. — Дѣятельность Вишуа. — Движеніе Шереметева. — Свиданіе Петра съ королемъ Августомъ въ Бирзахъ. — Русское войско и саксонскій генералъ. — Пораженіе Саксонцевъ и Русскихъ на Днѣпѣ; его слѣдствія. — Эрстферская побѣда Шереметева. — Неудовольствія малороссійскаго войска. — Хлопоты съ Запорожьемъ. — Совѣтъ короля Августа опустошить Ливонію. — Исполненіе совѣта. — Дѣйствія Апраксина въ Ингринъ. — Петръ въ Армагелескѣ. — Появленіе его и дѣйствія въ Ингринъ. — Море. — Основаніе Петербурга.

20 декабря 1699 года въ Москвѣ узнали еще новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова, и Новый Годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января. Известно великому государю, что не только во многихъ европейскыхъ, христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ Восточною Православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Волгары, и самые великаго государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша Православная принята, — всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осмью дней спустя¹⁾. Въ знакъ добраго начпанія и новаго столѣтія, послѣ молебновъ въ церквахъ всѣ должны были поздравлять другъ друга съ Новымъ Годомъ; значи-

тельные домовладѣльцы должны были передъ воротами поставить украшенія отъ дровъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ и сохранять эти украшенія до 7-го января; предписано было, во время фейерверка и пущенной палы на Красной площади, въ домахъ палатныхъ, воинскихъ и купеческихъ людей стрѣлять изъ небольшихъ собственныхъ пушекъ или мелкаго ружья трижды и пускать ракеты, по ночамъ отъ 1-го до 7-го числа зажигать костры и смоляныя бочки.

Такъ начали въ Москвѣ 1700-й годъ, знаменитый въ исторіи Европы началомъ двухъ сильныхъ и богатыхъ послѣдствіями войнъ: за наслѣдство Испанскаго престола на западѣ, и великой Сѣверной войны — на востокѣ; вслѣдствіе первой почти на цѣлый вѣкъ поникло значеніе Франціи:

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1735, 1736.

²⁾ Кнѣзь Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Акты Истор. V, № 295; Собрн. Сиддал. библ. № 393.

вслѣдствіе второй—потѣрляла свое прежнее значеніе Швеція и среди европейскихъ державъ явилась новая могущественная держава—Россія.

Мы видѣли, съ какимъ неудовольствіемъ узналъ Петръ о намѣреніи союзниковъ своихъ прекратить войну съ Турками; онъ долженъ былъ или одинъ взять на свои плечи войну, или заключить миръ, который останавливалъ его на половинѣ дороги. Понятно, что тутъ же должна была въ головѣ Петра родиться мысль: не удалось на Черномъ морѣ,—надобно утвердиться на Балтійскомъ, что гораздо выгоднѣе, ближе и къ настоящей Россіи, и къ настоящей Европѣ. Но если нельзя было продолжать войны Турецкой безъ союзниковъ, то тѣмъ болѣе нельзя было начать безъ нихъ войну съ Швеціею; слѣдовательно и новая война была возможна только при образованіи новаго союза. Союзъ былъ возможенъ: Швеція, во время своей первенствующей роли на сѣверо-востокъ, вооружила противъ себя вѣхъ сосѣдей. Данія, Польша и Россія были обобраны Швеціею при ея воецѣнныхъ короляхъ.—Густавъ-Адольфъ и Карлъ X Густавъ. Ставши, вслѣдствіе дѣятельности Густава-Адольфа покровительницею сѣверной протестантской Германіи, Швеція измѣнила этой обязанности противестественнымъ союзомъ своимъ съ Франціею противъ Германіи, и тѣмъ самымъ проиграла здѣсь свое значеніе, которое переходить къ Бранденбургу; Бранденбургъ долженъ вступить въ борьбу съ Швеціею и за свой и за общегерманскіе интересы. Во все время пребыванія Петра въ Пруссіи, курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ его усиленно къ союзу противъ Швеціи; но царь, разумѣется, не могъ согласиться на это, имѣя на плечахъ Турецкую войну. Теперь же обстоятельства перемѣнились, и Петръ, отбитый отъ Чернаго моря миромъ союзниковъ съ Портою, самъ будетъ искать союзниковъ для войны Шведской, для утвержденія на Балтійскомъ морѣ.

Возвращаясь, по вѣстямъ о стрѣльбномъ бунтѣ, изъ-за границы, Петръ въ Галиціи, близъ мѣстечка Равы, встрѣтился съ новымъ королемъ Польскимъ Августомъ II-мъ, и, между прочими разговорами, была рѣчь у нихъ о взаимной помощи: „Король Августъ говорилъ, что много Шляковъ противныхъ имѣеть, и примолвилъ, что, еже надъ нимъ что учинятъ, то не оставь меня.“ Противъ чего Петръ отвѣтствовалъ, что онъ готовъ то чинить, по не чаеть отъ Поляковъ тому быть, ибо у нихъ такихъ примѣровъ не было, но просилъ его, дабы отъ своей стороны помогъ отомстить обиду, которую учинилъ ему Рижскій губернаторъ Дальбергъ въ Ригѣ, что едва живото спасся,—что король обѣщаль¹⁾. Но понятно, что отъ этого летучаго разговора до союза было еще очень далеко: „И такъ другъ другу обѣзались крѣпкими словами о дружбѣ, безъ письменнаго обязательства—и разъѣхались“.

Петръ во время трехдневнаго пребыванія въ Равѣ былъ вполнѣ очарованъ Августомъ, какъ часто молодой, невоспитанный для свѣта человекъ, бываетъ очарованъ свѣтскими пріемами франта, хотя бы этотъ франтъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи былъ безконечно ниже дикаго юноши. Петръ любилъ повеселиться, Августъ умѣлъ повеселить—и тѣсная дружба была заключена между двумя сосѣдями, дружба, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Петръ, сильно выросшій въ бѣдѣ, разошелся слишкомъ далеко съ Августомъ, сильно понизившимся въ бѣдѣ. По возвращеніи въ Москву, Петръ шеголялъ въ кафтанѣ и шпагѣ Августа, не находилъ словъ для восхваленія своего несравненнаго друга. Но сколько понравился ему король, столько же не понравилось безпарядное и бѣдное королевство Польское. Вскорѣ послѣ возвращенія, на иру у Лефорта, Петръ говорилъ: „Я было потолстѣлъ въ Вѣнѣ отъ жирной пищи, но нищая Польша сняла опять весь жиръ“. Польскій посланникъ заступился за отчину: „Удивляюсь“, сказалъ онъ, „отчего это такъ случилось съ вашимъ величествомъ; я родился и воспитанъ въ Польшѣ, однако отжирѣлъ“.—„Ты отжирѣлъ не въ Польшѣ, а здѣсь въ Москвѣ“, отвѣчалъ царь²⁾.

Какія бы мысли ни занимали Петра о новомъ союзѣ, о новой войнѣ, прежде всего нужно было кончить старую войну какъ можно выгоднѣе. Русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, имѣвшій окончить Турецкую войну, былъ назначенъ думный дьякъ, теперь уже называвшійся думнымъ с о в ѣ т н и к о м ѣ, Прокофій Возницынъ. Уполномоченный долженъ былъ объявить первую мѣру—уступку Керчи; потомъ, если Турки не согласятся, ограничиться общепринятымъ основаніемъ, уступкою того, что уже находилось въ рукахъ. Конгрессъ открылся въ Карловитѣ въ октябрь 1698 года. Турки всего больше были науганы Иѣнцами, побѣдами императорскихъ генераловъ, и потому желали какъ можно скорѣе заключить миръ съ императоромъ; посредники—нослы Англійскій и Голландскій—желали того же самаго, потому что императорское войско нужно было имъ противъ Франціи въ предстоящей войнѣ за Испанское наслѣдство; поэтому неудивительно, что турецкіе уполномоченные скорѣе всего пришли къ соглашенію съ австрійскими. Возницынъ думалъ помѣшать этому, внушая драгоману Порты, Александру Мапрокордато, что Турціи стоитъ только повременить миромъ до начала неминуемой войны за Испанское наслѣдство, и тогда можно будетъ съ успѣхомъ бороться съ отвлеченною на западъ Австріею. Хитрость была слишкомъ простовата: странно было, что русскій уполномоченный хлопочеть въ интересахъ Турціи; Западная война могла задержаться вслѣдствіе продленія войны Турецкой; Турціи было не въ мочь противиться, и она снѣшила воспользоваться предстоящею Запад-

¹⁾ Рассказъ Макарова, правленій самемъ царемъ. Кабин. I, кн. № 63.

²⁾ Корбт, 74, 76

ною войною для прекращенія тяжкой своей войны. Въ Константинополѣ боялись оружія императорскаго, но въ то же время очень боялись связи, которая существовала между Русскимъ царемъ и египетскими ему подданными Порты. На эту связь прямо указывала мирная партія въ Константинополѣ, какъ на побужденіе къ скорѣйшему заключенію мира. Дѣйствительно, шли сношенія между Валахіею и Москвою при посредствѣ германа Мазепы. Поставленный между двумя огнями, между требованіемъ Турокъ и не менѣе ненавистныхъ Нѣмцевъ-католиковъ, господарь великаго спасенія у Православнаго царя, просилъ о принятіи въ подданство и присылкѣ войска въ Бессарабію. „Со стезамъ молимъ спасти насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые обсираются на Православныхъ больше, чѣмъ на Турокъ и Жидовъ. Война мірская можетъ когда-нибудь кончиться; а война іезуитская — никогда“

Маврокордато, обыкновенно клявшийся русскимъ послаемъ, что по египетскому радѣетъ великому государю, брать подарки отъ Возницына и не препятствовалъ заключенію мира между Турціею и Австріею; посредники взяли у Возницына по шубѣ — и также не препятствовали заключенію этого мира. Удовлетворивши императора, турецкіе уполномоченные хотѣли вознаградить себя на-счетъ остальныхъ противниковъ, и не думали уступать ихъ требованіямъ: „Трудность съ турецкой стороны непахаемая къ намъ простерга, также не легко и съ нашей къ нимъ“, писалъ Возницынъ государю. „Богъ вѣдаетъ—за тѣмъ за всѣмъ состоится ли у насъ съ ними миръ, а на краткое перемирие отнюдь позволить не хотять, а союзные послы повседневно съ ними сѣзды имѣють; и цесарскіе и венецкіе говорятъ, что они дѣла свои на шрѣ оставили, также и Поляки удовольствованы будутъ, и еще ожидаютъ меня, и, будя въ таковомъ же намѣреніи пребыду, оставитъ хотять. Буде Туркамъ Азовъ и подибрскіе города отдать, а хану казна (т.-е. продолжать посылать ежегодную казну, или дань), то тотъ миръ всегда не ушелъ. Еслибъ дойти до Дуная, не только тысячи—тысяи нашего народа, нашего языка, нашей вѣры, и всѣ миру не желаютъ“.

Не имѣя возможности заключить миръ, Возницынъ предложилъ перемиріе. Турки не согласились и стали грозить. Тогда Возницынъ перемирилъ поведение: вмѣсто вышеній и подарковъ употребилъ твердость, высказавъ, что не боится войны, и достигъ дѣла: Турки заключили перемиріе на два года.

„Я, писалъ Возницынъ, учинилъ только артистичіумъ, или на время унатіе оружія, и то по самой нуждѣ, видя, что ты, государь, отъ Турковъ къ миру не удовлетворишь, а они всѣ (союзники) удовольствованы и тебя оставили. А прежде я ихъ въ тотъ артистичіумъ звалъ и совѣтывалъ, чтобъ учинили то нынѣ, а не миръ; которые Нѣмцы словами, а Полякъ пишесомъ въ томъ мѣстѣ отказали. Не дивно, государь, на Нѣмцевъ, потому что они

краткимъ союзомъ обязаны; дивно на Поляка, что онъ смѣлъ то учинить, а всего будучи на дву сѣздахъ, дѣло свое окопчилъ, а на чемъ, то еще паче дивнае: оставя съ тобою, государемъ, вѣчный союзъ, и натруся тѣмъ и вѣчный миръ, помирился ни на чемъ: Турки посудили отдать ему Каменецъ пустой. Вывоадили его и обманули Нѣмцы для того, что имъ нуженъ и надобенъ и пожиточенъ миръ; и помирились они безъ всякаго себѣ отягченія и безъ уступки всего, и заткнули Туркамъ горло другими своими союзники. А съ Венеты у Нѣмцевъ я чаля крайней дружбы, ажно у нихъ есть тайная антипатія: Нѣмцы не хотять того слышать, чтобъ Венеть бралъ силу. По правдѣ, государь, Нѣмцы знаютъ, какъ свои дѣла вести, и сей миръ сильно рукою и въ потребное себѣ время сдѣлали. Я, сіе покорно донесши, наки твоей государевой милосту молю: помилуй грѣшнаго и убогаго своего спругу, а лучше я сдѣлать сего дѣла не умѣлъ“¹⁾

Перемиріемъ надобно было воспользоваться или для заключенія прочнаго мира, или для приготовления къ успѣшной войнѣ, которую теперь нужно было вести одинъ-на-одинъ. Для перваго былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь думный дьякъ, теперь также совѣтникъ, Емельянъ Украинцевъ съ дьякомъ Чередеевымъ; но чтобъ помочь Украинцеву въ заключеніи выгоднаго мира, чтобъ показать Туркамъ всю опасность войны съ Россіею, Петръ отправилъ своего посланника моремъ на русскомъ военномъ кораблѣ; пукио было также показать Туркамъ и Крымцамъ весь русскій флотъ и при этомъ извѣдать, на всякій случай, путь къ завѣтной Керчи; съ этою дѣлю царь хотѣлъ со всѣмъ своимъ флотомъ отправиться изъ Воронежа провожать Украинцева до Керчи. — Перваго адмирала русскаго флота, Дефорта, уже не было болѣе: онъ умеръ въ мартѣ 1699 г. На его мѣсто генераль-адмираломъ былъ назначенъ, извѣстный намъ по Черчинскому договору, боярппъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, который вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получилъ въ завѣдываніе иностраннаго дѣла; Головинъ же былъ первымъ кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, учрежденнаго 10 марта 1699 года²⁾. Такимъ образомъ Головинъ получилъ первенствующее значеніе между правительственными лицами, значеніе перваго министра, какъ величаютъ его иностранцы, т.-е. значеніе, бывшее прежде у Льва Кирилловича Нарышкина.

Въ апрѣлѣ 1699 года чрезвычайные посланники Украинцевъ и Чередеевъ отправились въ Константинополь. Они ѣхали туда не съ пустыми руками: повезли мѣховъ на пять тысячъ рублей, полтора пуда чаю, десять пудовъ рыбы зуба — на раздачу отъ государевыхъ дѣлъ. Ѣхали на Воро-

¹⁾ Дѣла Цесарскія 1698 и 1699 года въ Моск. Арх. Мин. Ип. Д., дописаніе Возницына отъ 13 ноября 1698 года въ Кабин. II, кн. № 53; Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches V, 202.

²⁾ Корбъ, стр. 122.

нежь, гдѣ были у государевой руки, съ Воронежа — водою до Азова, ѣхали мимо городовъ Костенка, Урыву, Коротоюка и Дивныхъ Горъ, а за Коротоюкомъ, по обѣимъ сторонамъ Дона тридцать вotchинъ, гдѣ городковъ, сель и деревень жилыхъ нѣтъ, только юрты промышленныхъ людей, паѣзжающихъ временно для рыбной и звѣриной ловли, человекъ по сороку, а владѣютъ они по отдахъ изъ оброку, панимая у епископа Воронежскаго и въ монастыряхъ. Отъ этихъ вotchинъ внишь ѣхали мимо пятидесяти казачьихъ городковъ; когда равнялись съ городкомъ, выѣзжали на встрѣчу станичные атаманы и казаки и, для почтенія, въ городкахъ была пальба изъ пушекъ и мелкаго ружья. Когда поравнялись съ главнымъ городомъ Черкаскамъ, то посланники велѣли провожавшимъ ихъ солдатамъ выстрѣлить первымъ изъ ружей, и на этотъ выстрѣлъ отвѣчали пушки со всего города; посланники вышли изъ судовъ и пошли въ соборную церковь, оттуда къ атаману Фролу Минаеву; атаманъ отдалъ имъ визитъ на бударѣ. Изъ Черкасова поѣхали въ Азовъ, изъ Азова въ Таганрогъ, гдѣ въ двухъ верстахъ отъ города дожидался ихъ военный сорокашестипушечный корабль „Крѣпость“, капитанъ Голландецъ Петръ фонъ Памбургъ. Отъ Таганрога до Керчи посланники шли Азовскимъ моремъ въ государевомъ морскомъ корабельномъ и галерномъ караванѣ, надъ которымъ былъ предводителемъ и правителемъ ближній бояринъ и славнаго чина Св. Апостола Андрея кавалеръ и каравана воинскаго морскаго генералъ-адмиралъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ; командированъ на кораблѣ „Апостолъ Петръ“ былъ самъ государь; въ караванѣ, кромѣ крѣпости, было девять кораблей, двѣ галеры, яхта, два галіота, три бригантина. Въ томъ же караванѣ въ четырехъ морскихъ стругахъ шель Донской атаманъ Фролъ Минаевъ съ пятью стали выборныхъ казаковъ.

Когда караванъ явился у Керчи, то здѣшній паша видимо испугался, спрашивалъ, зачѣмъ прішель такой большой караванъ, и присланный изъ Царяграда приставъ наставлялъ, чтобъ посланники ѣхали въ Константинополь сухимъ путемъ, черезъ Крымъ и Буджакъ; но Украинцевъ отвѣчалъ: „По указу великаго государя велѣно намъ ѣхать моремъ на кораблѣ царскаго величества, а сухимъ путемъ ѣхать намъ не велѣно, да и не для чего, потому что тотъ путь въ дальнемъ разстояніи; видно ты, приставъ, хочешь везти насъ черезъ Крымъ для какого-нибудь вымысла; только намъ черезъ Крымъ ѣхать не для чего, и до хана Крымскаго никакого дѣла намъ нѣтъ, говорить съ нимъ не о чемъ“. Приставъ страдалъ посланниковъ: „Видно вы Чернаго моря не знаете, каково оно бываетъ съ 15-го августа, не напрасно дано ему имя Черное: бывають на немъ во время нужды черныя сердца человекскія“. — „Полагася на волю Божию, а сухимъ путемъ не поѣдемъ“, отвѣчалъ Украинцевъ и закончилъ споръ.

28 августа посланники вышли въ море и благо-

получно достигли Царяграда; невиданное диво — русский корабль торжественно, при пушечной пальбѣ, вошелъ въ константинопольскую гавань и сталъ на якоръ противъ сераяля. Первымъ дѣломъ посланниковъ было отправить капитана Памбурга съ поздравленіемъ къ французскому, английскому и голландскому посламъ; Французъ и Голландецъ приняли Памбурга любовно и за поздравленіе благодарили; Англичанинъ же къ себѣ не пустил, выслалъ на крыльцо человекъ и велѣлъ сказать, что видѣтся ему съ Памбургомъ не для чего, и сѣлъ онъ теперь за столъ обѣдать. Начали пріѣзжать смотрѣть диковину: пріѣзжали Французы изъ посольской свиты, пріѣзжалъ великій визирь и долго ѣздили около корабля, хвалятъ и дивятся, что корабль такъ скоро пріищелъ изъ Керчи въ Царяградъ; наконецъ пріѣзжалъ самъ султанъ.

Переговоры начались только въ ноябрѣ: посланники предложили статьи: 1) Вѣчный миръ или продолжительное перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждая сторона удержала то, чѣмъ владѣла въ минуту переговоровъ, — слѣдовательно Россія удерживала за собою все завоеванія. 2) Татары не должны тревожить Русскія области. 3) Когда Азовъ, Казыкермень и другія крѣпости будутъ въ русскомъ владѣніи, то своевольные люди обонхъ государствъ уймутся; эти крѣпости великій государь не для какой-нибудь себѣ славы въ своей сторонѣ держать изволяетъ, но только для унятія съ обѣихъ сторонъ своевольныхъ людей. 4) Если во время мира казаки подутьъ войною на турецкія и крымскія мѣста, то вольно ихъ побивать какъ злодѣевъ; а когда изъ походу возвратятся, то по царскому указу учинена имъ будетъ смертная казнь; такъ же будетъ поступлено взаимно съ турецкой и крымской стороны. 5) Дачу, которая прежде бывала Крымскому хану и начальнымъ людямъ, великій государь за многія ихъ неправды велѣлъ отставить и впредь имъ той дачи не будетъ. 6) Полонъ весь освобождается на условномъ мѣстѣ разнѣпно. 7) Свободная торговля съ обѣихъ сторонъ. 8) Запорожцамъ вольно промышленя върѣмъ и рыбою вилоть до Днѣпровскаго устья. 9) Порубежныя ссоры успокоиваются чрезъ пословъ. 10) Русскіе люди свободно ходятъ на поклоненіе Св. мѣстамъ, не платя никакихъ податей. 11) Св. мѣста возвращаются Грекамъ. 12) Православные въ турецкихъ областяхъ свободно отправляютъ свое богослуженіе.

Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что первая статья самая трудная и не ожидали они ея, потому что все другіе государь въ Карловыхъ возвратили султану что-нибудь изъ завоеваннаго, одинъ Русскій царь не хочетъ ничего возвратитъ. Рейсъ-эфенди потребовалъ возвращенія Казыкерменя и другихъ придиѣпровскихъ городковъ — для удержанія хана Крымскаго и всякихъ Татаръ отъ своевольничества и для принужденія ихъ къ паннѣ. Посланники отвѣчали, что эти городки не сдерживаютъ своевольныхъ Татаръ, а наоборотъ, — украваютъ разбой-

никовъ: до взятія казыкерменскаго жили въ томъ городѣ бей, у которыхъ былъ промыселъ, что загономъ за вагономъ отпущали, и за то великіе подарки у Татаръ брали.

Переговоры затянулись: въ три мѣсяца дѣло не подвижилось ни насколько. 24-го февраля 1700 года, на одиннадцатой конференціи посланники объявили Рейсъ-эфенди м е д і у м ъ, или с р е д о к ъ, что государь дозволяетъ Казыкермень и иные городки разорить до основанія, а землю пустую уступитъ султану, чтобъ впредь отъ тѣхъ городковъ недружбы и войны не было. 2-го марта, на 12-й конференціи, Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что такую малую уступку султанъ не вмѣняетъ въ дружбу и въ уступку: надобно городки уступить султану въ чѣстоты, построилъ ихъ отецъ нынѣшняго султана для удержанія Запорожскихъ казаковъ, которые выходили на Черное море и разоряли приморскіе города турецкіе. Посланники отвѣчали, что прежде казаки были у Поляковъ, жили въ своевольствѣ и непослушаніи, и на море хаживали своевольствомъ, а теперь гетманы казакскіе и казаки всѣ у государя въ вѣрномъ послушаніи. „Отъ пословъ, доносилъ Украинцевъ, отъ царскаго, венеціанскаго, англійскаго и голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемеры и навѣтники“. Иерусалимскій патриархъ присылалъ говорить посланникамъ, что изъ-за Казыкерменя не стоить начинать войны, и чтобъ они изъ-за такого малого дѣла не препятствовали миру. Ханъ присылалъ къ султану нѣсколько разъ, чтобъ Казыкерменя не уступалъ Россіи, — въ противномъ случаѣ будетъ онъ Татарамъ вреденъ: Москвичи и казаки могутъ изъ него приходить къ Черекюпа объ одну ночь. Сербъ Савва Рагузинскій давалъ знать Украинцеву, что „послы христіанскіе, которые въ Царьградѣ, всѣ противны миру нашему, и потому не доведется имъ ни въ чемъ вѣрнѣ; у всѣхъ у нихъ то намѣрене, чтобъ Москвичей въ дальнюю съ Турками войну влечь“. Иерусалимскій патриархъ утверждалъ такъ же, что „конечно Римляне, Люторы и Кальвины не желаютъ, чтобъ былъ миръ у великаго государя съ султаномъ, и Православныя христіанамъ они естественные враги“.

На слѣдующихъ конференціяхъ, послѣ долгихъ споровъ и выторговыванія съ турецкой стороны, Рейсъ-эфенди наконецъ объявилъ, что султанъ соглашается на срочнѣ днѣпровскихъ городковъ и заключеніе перемирія на 30 лѣтъ. Начались новыя трудности: Турки не хотѣли писать въ договорѣ новыхъ городковъ, построенныхъ Петромъ, — Таганрога, Павловскаго и Міюса. „Поступаютъ они въ договорѣхъ весьма лукаво, съ великимъ вымысломъ и продолженіемъ, а я отъ такого ихъ продолжительнаго и лукаваго поступка въ безпрестанной пребываю печали и слезахъ“, доносилъ Украинцевъ. „Съ послами царскимъ, англійскимъ, венеціанскимъ по сіе время я не видался, потому что Порты не допускаетъ, и пересылку черезъ дворянъ съ ними имѣю; только помощи мнѣ отъ нихъ никакой

нѣтъ, и не только помощи, и вѣдомостей никакихъ, и никакой осторожности мнѣ не чинятъ, а у нихъ въ Галатѣ многія есть вѣдомости, потому что они живутъ тамъ во всякой повольности, между себя и съ Турками безпрестанно имѣютъ конверсаціи, а ко мнѣ ни съ чѣмъ не отзываются; только когда я къ нимъ многія съ здоровьями, тогда и они ко мнѣ противъ того присылаютъ же, а сами отъ себя отнюдь ни въ чемъ меня не посѣщаютъ, и у Порты того, чтобъ имъ со мною видаться, съ своей стороны не домогаются, отговариваясь мнѣ тѣмъ, что если имъ того у Порты просить, а она имъ откажетъ, и въ томъ имъ учинится только стыдъ и безчестье. Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турецкую сторону, и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому государю. Торговля англійская и голландская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельскаго города, и тому они завидуютъ, и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣнки“.

Въ апрѣлѣ, послѣ четырехъ конференцій, согласился написать такъ: „Поднѣпровскіе городки всѣ разорить, и мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султановой сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Диѣвиру отъ Сѣчи Запорожской до Очакова быть пустымъ же, только на половинѣ между Очаковымъ и Казыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Диѣвиръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, и быть около того поселенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостію, селу приличному, а вида городовою крѣпості и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества, а отъ Черекони и отъ края моря Череконскаго до перваго новаго азовскаго городка (Міюскаго) землямъ быть праздымъ“. Отъ Кубанской стороны къ Азову Турки уступили земли на 10 часовъ ѣзды: „Больше того мы у нихъ вытянуть не могли“, писалъ Украинцевъ государю.

Слѣдовала статья о Татарахъ. Турки объявили, чтобъ поминки продолжалъ царь давать хану по милости своей государской, а не по приужденію; а безъ этой дачи миръ заключенъ быть не можетъ: султанъ въ такомъ безчестіи хана не поставитъ. Относительно статьи о возвращеніи Святыхъ Иерусалимскихъ мѣстъ Грекамъ, Турки объявили, что это къ государственнымъ дѣламъ не принадлежитъ: во всѣхъ дѣлахъ во всемъ государствѣ султанъ воленъ; никогда одинъ государь другому въ его дѣлахъ не указываетъ; а если потомъ царь будетъ просить объ этомъ султана, то вѣроятно султанъ исполнитъ царское желаніе. 28-го мая, по многихъ разговорахъ и спорахъ, ханскую дачу Турки оставили, а статью о Святыхъ мѣстахъ Русскіе посланники отложили до будущаго времени. Дѣло при-

ближались къ окопчанію, какъ вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Турки опять заговорили о необходимости срыть новыя азовскіе городки — Таганрогъ, Павловскъ, Міусскій; посланники имъ отказали наотрѣвъ и объявили, что даютъ только мѣсяць сроку для переговоровъ, послѣ чего Іерусалимскій патриархъ прислалъ имъ письмо: „Рѣхъ и глаголю, что сіи яко лукавыя искушаютъ либо что исправятъ себѣ угодное, однакожъ не вѣрю, чтобъ мпра не учинили, я такъ чаю и мною, что не ошибусь“. Дѣйствительно, 28-го іюня Турки дали знать, что отказываются отъ своего требованія относительно срытія новыхъ азовскихъ кастелей! 3-го іюля происходила развѣдъна статья, а чрезъ нѣсколько дней пришелъ къ Украинцеву Сербъ Савва Владиславичъ Рагузинскій и рассказывалъ, что Польскій посолъ Лещинскій просилъ прилежно у Турокъ именемъ всего сената и всей Рѣчи Посполитой, чтобъ они съ Русскимъ царемъ не мирились, а заключили союзъ съ Поляками и помогли имъ отыскивать Кіевъ и всю Малороссійскую Украину; а на короля своего Лещинскій жаловался, что онъ великій другъ Русскому царю, и Поляки его ни въ чемъ слушать не будутъ и съ королевства его скинуть. Но Турки ни въ чемъ не послушали Лещинскаго (1).

Въ то время, какъ Украинцевъ въ Константинополѣ хлопоталъ о прекращеніи войны на югѣ, въ Москвѣ велись дѣятельные переговоры о началіи новой войны, которая должна была охватить сѣверо-востокъ Европы. Мы видѣли, что Швеція успѣла нажить себѣ враговъ во всѣхъ своихъ сосѣдяхъ. Привести ихъ въ союзъ противъ общаго врага было трудно: стояло только явиться энергическому человѣку, который изъ самыхъ сильныхъ личныхъ побужденій рѣшился бы дѣйствовать въ пользу этого союза, соглашая интересы всѣхъ державъ. Такой человѣкъ явился среди шведскихъ подданныхъ вслѣдствіе стремленія Шведскаго правительства усилить свои внутреннія средства, чтобъ поддержать свое первенствующее значеніе на сѣверо-востокѣ Европы, чтобъ не бояться враждебныхъ сосѣдей. Средства Швеціи были вовсе не въ уровень съ тѣмъ значеніемъ, какое она приобрѣла случайно со времени Густава-Адольфа, и потому естественно рождалось стремленіе увеличить ихъ какимъ бы то ни было способомъ. Исторія Швеціи представляетъ одну выпуклую сторону — постоянную и упорную борьбу королей съ сильною аристократіею, причѣмъ короли опираются на другія сословія. Король Карлъ XI, умный и бережливый деспотъ, умѣлъ повести дѣло такъ, что сеймъ отдалъ ему неограниченную власть и право распоряжаться судьбою низложенной аристократіи. Карлъ XI воспользовался своимъ торжествомъ, и посредствомъ знаменитой редакціи, аристократія была обрана, лишилась всѣхъ земель, которыя когда-то

были коронными и потомъ разными способами перешли въ частное владѣніе. Редукціонная коммисія явилась и въ Лифляндіи: у здѣшняго рыцарства отобрали не только земли, пожалованныя Шведскими королями, но и всѣ тѣ земли, которыя когда-то, во время самобытнаго существованія Ливоніи, принадлежали орденскому капитулу, магистрамъ и высшему духовенству. Не довольствуясь тѣмъ, что у Лифляндскаго рыцарства изъ 5,000 участковъ осталась только тысяча, Карлъ XI потребовалъ, чтобъ оно представило несомнѣнные доказательства своихъ правъ на владѣніе и оставшіеся у него земли. Въ этой бѣдѣ изъ рядовъ рыцарства выдѣлся самый сильный по своей природѣ человѣкъ, капитанъ Іоганъ Рейнгольдъ фонъ-Паткуль. Даровитый, энергическій, неразборчивый въ средствахъ, шылкій до бѣшенства, мстительный, жестокой, — Паткуль въ Лифляндіи и Стокгольмѣ говорилъ громче всѣхъ и лучше всѣхъ противъ обидъ и притѣсненій, волновалъ рыцарство, заставляя его соединять силы для отпора бѣдѣ, писалъ отъ его имени просьбы къ королю. Легко понять, какое раздраженіе этотъ „безпокойный человѣкъ“ производилъ въ Стокгольмѣ при Дворѣ королевскомъ, и въ Ригѣ у генераль-губернатора, графа Астфера, который былъ ревностнымъ исполнителемъ королевской воли въ Лифляндіи. Паткуль былъ вызванъ въ Стокгольмъ, обвиненъ въ государственной измѣнѣ; видя, что дѣло должно кончиться для него дурно, онъ убѣжалъ въ Курляндію, а въ Стокгольмѣ заочно приговорили его къ смертной казни. Изъ Курляндіи Паткуль ушелъ въ Бранденбургъ, оттуда въ Швейцарію, былъ во Франціи, Италіи, на досугѣ занялся наукою; но кипучая натура Паткуля не долго позволяла ему эти мирныя занятія. Паткуль не хотѣлъ оставаться изгнанныкомъ: такъ или иначе онъ долженъ былъ возвратиться въ Лифляндію; но это было для него невозможно, пока Лифляндія оставалась шведскою провинціей. слѣдовательно надобно было вырвать ее у Швеціи. Говорить о патріотизмѣ Паткуля мы должны съ большою осторожностію: Паткуль дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ своего сословія, тѣсно соединенныхъ съ его личными интересами. О восстановленіи самостоятельности Лифляндіи онъ не могъ думать; ему нужно было, слѣдовательно, вырваннн ея у Шведовъ, передать которой-нибудь изъ другихъ сосѣднихъ державъ. Паткуль остановился на Польшѣ; члена Лифляндскаго рыцарства привлекала форма шляхетской республики, въ которой нельзя было ожидать шведской редукціи; Нѣмца привлекало то, что королемъ Польскимъ былъ теперь одинъ изъ нѣмецкихъ курфюрстовъ. Паткуль явился при Дворѣ Августа II и, въ концѣ 1698 и началѣ 1699 года, подалъ одинъ за другимъ нѣсколько меморіаловъ, въ которыхъ указывалъ, какъ и съ кѣмъ должно заключить союзъ для успѣшнаго нападенія на Швецію и завоеванія Ливоніи. Паткуль указывалъ на необходимость и возможность заключенія союза съ Даніею, Россіею, Бранденбургомъ. При раздѣлѣ до-

1) Статейный списокъ и донесенія Украинцева въ Москов. Архив. Мин. Ив. Д.

бычи, онъ больше всего боялся Россіи: „Надобно опасаться“, писалъ Паткуль, „чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторією и географією, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландією и Карелією. Надобно договориться съ царемъ, чтобъ онъ не шель дальше Наровы и Нейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндією и Лифляндією. Надобно также уговориться съ царемъ, чтобъ, при завоеваніи Ингерманландіи и Кареліи, Москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать на траншеяхъ подъ неприятельскими выстрѣлами“. Паткуль совѣтуетъ дѣйствовать въ глубочайшей тайнѣ: „Да не вѣдаетъ лѣвая рука, что дѣлаетъ правая“; совѣтуетъ остерегаться Поляковъ, которые будутъ противодѣйствовать завоеванію Лифляндіи, какъ средству къ усиленію королевской власти; сеймъ замумить, и если даже согласится на войну, то въ Швеціи узнаютъ и примутъ свои мѣры;—надобно напасть врасплохъ на Швецію и овладѣть Ригю ¹⁾).

Совѣты Паткуля были приняты. Усыпляя Швецію дружественными увѣреніями, Августъ велъ переговоры о союзѣ съ Датскимъ королемъ Христіаномъ V, который охотно согласился дѣйствовать противъ Швеціи по враждѣ своей съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Фридрихомъ VI, другомъ и зятемъ молодого Шведскаго короля Карла XII. Въ Польшѣ за 100,000 рейхсталеровъ былъ подкупленъ первый человѣкъ постѣ короля въ государствѣ, кардиналъ-примасъ Радзеевскій, общаеиный выхлопотать у сейма позволеніе, подъ предлогомъ устройства гавани въ Полаигенѣ, оставить въ Курляндіи саксонскія войска, которыя должны были идти подъ Ригу. Радзеевскому показали договоръ, заключенный королемъ съ Паткулемъ, какъ уполномоченнымъ отъ Лифляндскаго рыцарства; по этому договору Лифляндія присоединилась на-вѣки къ Польшѣ, съ правомъ присылать депутатовъ на сеймы, имѣть свое войско, свое внутреннее управление, свои законы и учрежденія. Но въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они не были королями Польскими, и все доходы отправлять прямо къ нимъ ²⁾.

Въ Москву уговаривать царя къ началу войны съ Швецією былъ посланъ генералъ Карловичъ, съ которымъ вмѣстѣ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхалъ и Паткуль ³⁾. Они пріѣхали въ Москву въ сентя-

брѣ 1699 года, и нашли здѣсь шведскихъ пословъ, которые пріѣхали отъ принявшаго правленіе молодого короля Карла XII за подтвержденіемъ Кардискаго договора. Петръ былъ готовъ для пріобрѣтенія моря воевать съ Шведами въ союзѣ съ Польшею и Данією, но не могъ начать новой войны прежде заключенія мира съ Турками. Карловичъ напомнилъ Петру о его предложеніи, сдѣланномъ Августу еще въ Равѣ, воевать вмѣстѣ съ нимъ Шведовъ; теперь время благоприятное для царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести торговлю со всеми странами міра и получить такія выгоды, какихъ не получалъ никогда ни одинъ potentatъ; захватить монополию торговли между востокомъ и западомъ, не говоря уже о томъ, что пріобрѣтется средство войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими государствами христіанскаго міра; пріобрѣсти вліяніе на европейскія дѣла, завести на Балтійскомъ морѣ страшный флотъ, образовать здѣсь третье могущество, выбить у Франціи мысль о всемірной монархіи и пріобрѣсть черезъ это большую славу, чѣмъ отъ покоренія Турокъ и Татаръ. Царское величество пріобрѣтетъ возможность сдѣлаться еще болѣе необходимымъ для Англіи и Голландіи, когда, въ случаѣ войны ихъ съ Францією за Испанію или за что-нибудь другое, пошлетъ имъ на помощь войско и флотъ; черезъ это Московская нація на чужой счетъ выучится военному искусству и съ успѣхомъ будетъ вести войну съ Турками и Татарами, не нуждаясь въ помощи иностранныхъ офицеровъ. Для достиженія всего этого его королевское величество Польскій отъ вѣрнаго и праваго сердца предлагаетъ къ услугамъ не только свою нѣмецкую армію, но и свою собственную высокую особу, обязуется учинить на шведскую сторону такую сильную диверсію, что царскому величеству нечего будетъ опасаться оттуда нападенія, ибо королевское величество займетъ большую часть шведскихъ силъ, нападши на такое мѣсто, куда Шведы сосредоточатъ свои войска. При этомъ король въ особенности рекомендуетъ двѣ вещи: 1) чтобъ царское величество для такого великаго дѣла какъ можно скорѣе развязалъ себѣ руки, чтобъ не было развлеченія ни съ какой другой стороны; 2) чтобъ все переговоры и сношенія сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Все это, изложенное въ общихъ чертахъ, можетъ быть объяснено гораздо обстоятельнѣе, и царское величество удостовѣрится, что король руководится здѣсь побужденіями чистой любви и вѣрной дружбы.

Тайна была соблюдена: никто не догадался, о чемъ Головинъ толковалъ съ Карловичемъ въ Преображенскомъ; къ совѣщаніямъ допущены были только Датскій посланникъ Гейнсъ, по единству интересовъ, да переводчикъ Шафировъ. Чтобъ не узнали ни о чемъ въ Стокгольмѣ, Шведскіе послы были приняты царемъ по обычаю и отпущены съ увѣреніемъ, что великій государь будетъ соблюдать мирные договоры; только при этомъ царь отказался подтверждать договоры крестнымъ цѣлованіемъ, по-

¹⁾ Паткулены, бумага въ Польскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ил. Д.; I. R. Patkul's Berichte, T. II; Wernich—der Livländer Joh. Reinh. v. Patkul.

²⁾ Echte, oder rechtmässige Verantwortung, 1701, стр. 41 Archiv für die Geschichte Liv-Esth und Curlands, т. VII.

³⁾ Плейеръ въ доносеніи цесарю отъ 10 декабря 1699.

тому что они были старыя и царь уже разъ при- сягалъ на нихъ покойному королю Карлу XI. Неприятнаго было одно: посылы повезли въ Стокгольмъ требованіе съ русской стороны удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ великому посольству, при которомъ находился самъ царь.

А между тѣмъ, 11 ноября 1699 года, въ Преображенскомъ заключенъ былъ тайный договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи; Августъ обязывался начать войну вступленіемъ своихъ войскъ въ Ливонію, обѣщаль склонить и Польскую Рѣчь Посполитую къ разрыву съ Швеціею. Царь обязывался двинуть войска въ Ингрію и Карелію тотчасъ по заключеніи мира съ Турціею, не позже апрѣля 1700 года, а до того времени, если понадобится, пошлетъ королю вспомогательное войско подъ вѣдомъ наемнаго. Если съ Турціею нельзя будетъ заключить мира и Августъ не захочетъ одинъ вести войну съ Швеціею, то царь обязывался всѣми способами помприть его съ Карломъ XII¹⁾.

Августъ исполнилъ свои обязательства. Въ началѣ 1700, саксонскія войска вступили неожиданно въ Ливонію, но, кромѣ взытія Динамонде, ничего не могли сдѣлать. Рига не сдавалась. Головникъ доносилъ Петру въ Воронежъ: „Во всѣхъ письмахъ пишутъ отъ свейскаго рубежа, что въ Ригѣ есть великая осторожность отъ польскихъ войскъ, а наипаче отъ саксонскихъ. Ахъ, неростропное къ лучшему и безъ разсужденія Венусово веселіе, иже легкомыслительствомъ неопѣненное ко многихъ пользѣ время потерялъ“²⁾. Успѣшнѣе на первый разъ повелѣлъ свои дѣла другой союзникъ—король Датскій, заставившій герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго уѣхать въ Швецію. Третій союзникъ—Русскій царь,— не двигался, ожидая вѣстей съ юга изъ Константинополя. Успокоительныхъ вѣстей не было, и Петръ, не видя возможности разорвать съ Швеціею, вмѣсто войска въ Ингрію, назначилъ великое посольство въ Стокгольмъ—ближняго боярина князя Якова Долгорукова и околыничаго князя Осдора Шаховскаго, и съ извѣстіемъ объ ихъ отправленіи послалъ на резиденцію ближняго стольника князя Андрея Хилкова. Для успокоенія шведскаго резидента въ Москвѣ, Книперкрона, употребилъсь всевозможныя средства. Резидентъ доносилъ въ Стокгольмъ, что когда его дочь расплакалась, испугавшись вѣстей о разрывѣ Россіи съ Швеціею, то самъ Петръ сталъ утѣшать ее, говоря, что не начнетъ несправедливой войны, не разорветъ мира, только-что подтвержденнаго; по словамъ Книперкрона, царь сказалъ ему, что если Польскій король и овладѣетъ Ригею, то онъ, царь, отниметъ ее у него³⁾.

Между тѣмъ самъ Августъ II явился въ Ливонію, овладѣлъ Кокенгаузеномъ; но Ригѣ не могъ ничего сдѣлать по малочисленности войска и по недостатку осадныхъ орудій. Онъ отправилъ въ

Москву барона Лангена требовать у Петра условленной помощи, условеннаго нападенія на Ингрію. Но Петръ хорошо помнилъ другое, главное условіе—не начинать Шведской войны до окончанія Турецкой; на всѣ убѣжденія Лангена онъ отвѣчалъ: „Если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра двину свои войска на Шведовъ“⁴⁾. Слово было сдержано: 8 августа получилъ Петръ донесеніе отъ Украинцева о заключеніи мира, 9-го велѣлъ двинуть войска къ шведскимъ границамъ, о чемъ въ тотъ же день увѣдомилъ Августа: „Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдъ! Никакоже сомнѣнію доселѣ медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ: ибо трудныя ради причины сіе удержало было. Нынѣ же, при помощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ), къ сему подвигу приступили есмь, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послалъ, дабы какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую Землю и удобныя мѣста занялъ; также и прочимъ войскамъ немедленно итти повелѣлъ, гдѣ при опыхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обретатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы, не увидитъ“⁶⁾.

Но его величество Польскій увидалъ и на ко; еще прежде него и на ко увидалъ его величество Датскій. Мы упоминали уже, что послѣдній съ успѣхомъ вступилъ въ Гольштинію и заставилъ герцога удалиться въ Швецію къ родственнику и другу, Карлу XII, съ которымъ мы должны поближе познакомиться.

Карлъ родился въ 1682 году, слѣдовательно былъ ровно десятью годами моложе нашего Петра. Сильная натура рано начала давать себя чувствовать въ ребенкѣ; и съ самаго же начала сила обнаруживалась односторонне; въ удаліи, безразсудномъ исканіи опасностей уже высказывался исключительно герой-завоеватель, тогда какъ въ Русскомъ Петрѣ съ малолѣтства была видна гениальная многосторонность, гениальная чуткость ко всему, виденъ былъ преобразователь, а не солдатъ, не завоеватель. И въ молодомъ Карлѣ, какъ въ Петрѣ, богатырскія силы высказывались часто очень непріятнымъ образомъ для окружающихъ; особенно непріятный характеръ приняла королевскія потѣхи, когда весною 1598 года въ Стокгольмъ пріѣхалъ Фридрихъ III, герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, чтобъ жениться на старшей сестрѣ Карла XII. Фридрихъ и Карлъ стали неразлучными друзьями, и продѣлкамъ этихъ друзей не было конца: то въ севойой залѣ устроить охоту за зайцемъ; то днемъ вѣдуть вѣстѣ торжественно въ Стокгольмъ, причемъ герцогъ и вся свита въ одиѣхъ рубашкахъ съ саблями наголо, съ крикомъ и гамомъ; то пойдутъ вечеромъ гулять по городу и бить стекла; потѣшались и тѣмъ, что срывали парчки, шляпы, выбивали миски изъ рукъ пажей,

¹⁾ Дѣла Шведскія и Польскія 1700 года въ Моск. Арх. Мин. Ип. Д. Голыкова Дѣянія П. В. XI, № 487.

²⁾ Донесенія въ Моск. Арх. Мин. Ип. Д.

³⁾ Livonica, fascicul. VI, 56.

⁴⁾ Польскія дѣла въ Моск. Арх. Мин. Ип. Д.

разноспящихъ кушанье, колотили мебель и выбрасывали за окна; однажды переломали всѣ лавки въ церкви и заставили всѣхъ молиться стоя; нѣсколько дней сряду друзья забавлялись тѣмъ, что отсѣкали саблями головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; поль и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью. Во время этихъ потѣхъ, шестнадцатилѣтняго Карла нельзя было занять ничѣмъ важнымъ; сановники, которые рѣшились попытаться на это, были вытѣлкаемы за двери. Народъ ропталъ; говорили, что герцогъ Голштинскій нарочно развращаетъ короля, чтобъ погубить его и самому занять Шведскій престолъ, за неизбѣимъ наследникомъ мужского пола. Но и общество показало свою силу: представленія за представленіями съ разныхъ сторонъ являлись къ королю насчетъ его поведения; въ одно воскресенье три проповѣдника въ трехъ разныхъ церквахъ говорили проповѣдь на одинъ текстъ: „Горе странѣ, въ которой царь юнъ!“ Все это сильно раздражало Карла и повидному не вело ни къ чему, но только по видимому молодой богатырь поутихъ, и, когда герцогъ уѣхалъ изъ Шведціи, Карлъ явился советамъ другимъ человѣкомъ, серьезнымъ и дѣятельнымъ; теперь уже не могли угонорить его хотя немного развѣять. Потомъ вдругъ опять съ жадностью предался удовольствіямъ, баламъ, маскарадамъ, театру. Силы кипѣли и не находили выхода.

Между тѣмъ герцогъ Фридрихъ, въ надеждѣ на помощь Швеціи, сталъ заирать Данію, строить крѣпости и вводить шведскіе отряды, тогда какъ Данія, по стариннымъ ленивымъ отношеніямъ, отрипала у него право на это. Датское войско вступило въ Шлезвигъ и срыло укрѣпленія Теннинга; но какъ скоро оно удалилось, герцогъ возобновилъ укрѣпленія. Вражда разгоралась, и Данія была рада случаю утвердить свою власть въ Голштиніи; Швеціи она не боялась, она вошла въ тайныя сношенія съ Августомъ II-мъ и Россією. Изгнанный датскими войсками, герцогъ Фридрихъ, пріѣхавши въ Швецію, объявилъ Карлу XII, что отдастъ себя и свою страну въ его покровительство. „Я буду вашимъ покровителемъ“, отвѣчалъ Карлъ, „хотя бы это мнѣ стоило короны“. Шведскія войска получили приказъ двинуться изъ Помераніи въ Голштинію. Тщетно большинство членовъ шведскаго государственнаго совѣта было противъ войны; тщетно хотѣли помѣшать ей Англія и Голландія; искра была брошена въ порохъ; господствующая страсть молодого короля вспыхнула и не потушить. „Король мечтаетъ только объ одной войнѣ“, писалъ Французскій посланникъ; ему слишкомъ много насаказали о подвигахъ и походахъ его предковъ. Сердце и голова наполнены влѣпмъ, и онъ считаетъ себя необходимымъ въ члѣ своихъ Шведовъ“. Скоро упала и другая искра: пришло извѣстіе, что Августъ II Польскій вторгнулся въ Ливонію. Король получилъ это извѣстіе на охотѣ; безъ всякаго волненія, съ улыбающимся

лицомъ обратился онъ къ Французскому посланнику и сказалъ: „Скоро мы заставимъ короля Августа убраться во-своио“. По возвращеніи въ Стокгольмъ, онъ объявилъ, что никогда не начнетъ несправедливой войны, но справедливую кончить только совершеннымъ изложеніемъ врага. „Сперва я покопчу съ однимъ“, сказалъ онъ, „а потомъ поговорю и съ другимъ“.

Вечеромъ 13 апрѣля 1700 года, Карлъ простился съ бабушкою и двумя сестрами, чтобъ ѣхать въ увеселительный дворецъ Кунгсеръ. Ночью король дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма, только не въ Кунгсеръ. Никогда не возвратится онъ болѣе въ Стокгольмъ, никогда не увидитъ бабушки и сестеръ ¹⁾.

Совершенно неожиданно 15,000 шведскаго войска, подъ предводительствомъ самого короля, переплыли Зундъ и явились предъ Копенгагеномъ, не имѣвшимъ средствъ защищаться. Боясь разрушенія своей столицы, король Фридрихъ IV послѣдшл заключить съ Карломъ миръ, утверждая совершенную самостоятельность Голштиніи и обязуясь заплатить герцогу Фридриху 260,000 талеровъ. Договоръ былъ подписанъ въ Травендалѣ 8 августа, въ тотъ самый день, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турками, чѣмъ условливалось движеніе русскіхъ войскъ къ шведскимъ границамъ.

Мы видѣли, какъ Паткуль боялся, чтобъ Петръ не овладѣлъ Нарвою; а Петръ именно хотѣлъ начать войну покореніемъ двухъ важныхъ крѣпостей — Нарвы и Нотебурга (Орѣшка), чтобъ, получивши эти двѣ опоры, съ успѣхомъ продолжать войну, защищать и всю страну, между ними лежащую, страну, не имѣвшую другихъ значительныхъ крѣпостей, страну пустынную, гдѣ еще нужно было укрѣпляться — на-досугъ. При этомъ Нарва была важнѣе Нотебурга, ибо ближе къ Ригѣ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать Августъ. 2 марта 1700 года, отвѣчая Головину изъ Воронежа на извѣстіе о неудачѣ Саксонцевъ въ Ливоніи, Петръ писалъ: „Жаль, жаль, да нечѣмъ пособить! Пришло мнѣ на мысль: сказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Рүгодевѣ (Нарвѣ) цушки продажныя корабельныя, и я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. И нынѣ для тѣхъ цушекъ пошли ты Корчмина (стольникъ, выученнаго за границею инженерному искусству), чтобъ онъ ихъ пробовалъ и купилъ нѣсколько; а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ: также, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшкѣ, а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно; протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія вырочки; а дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ съестъ. Зѣло нужно, чтобъ Кинперъ того не вѣдалъ,

¹⁾ Fryxell — Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, I, стр. 46—47.

потому что онъ знаетъ, что онъ (Корчминъ) учень¹⁾.

„Мы здѣсь въ 18 день объявили миръ съ Турками зѣло съ презрѣднымъ фейерверкомъ, въ 19 день объявили войну противъ Шведовъ²⁾, писалъ Петръ Федору Матвѣевичу Апраксину³⁾, завѣдывавшему флотомъ въ Воронежѣ. Война объявлялась за многія неправды Шведскаго короля и особенно за то, что во время государева шествія чрезъ Ригу отъ рижскихъ жителей чинились ему многія противности и непріятства³⁾. Войска двинулись къ Нарвѣ. Посланникъ Августа, Лангенъ, былъ въ отчаяніи, что вмѣстѣ съ Датскимъ посланникомъ никакъ не могъ удержать царя отъ похода въ Нарву; онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что современемъ этотъ городъ не уйдетъ изъ ихъ рукъ. Паткуль пришелъ въ восторгъ при извѣстїи, что Петръ наконецъ объявилъ войну Швеціи; но этотъ восторгъ былъ сейчасъ же охлажденъ тревожною мыслию, куда двинетъ царь свои войска; что, если къ Нарвѣ? Паткуль успокоился тѣмъ болѣе, что уже познакомился съ Петромъ, увидѣлъ, какого опаснаго союзника приобрѣлъ себѣ его Августъ. Въ этомъ безпокойствѣ Паткуль писалъ Лангену: „Вопросъ въ томъ, — куда обратитъ царь свое оружіе? Вы знаете хорошо, какъ хлопотали мы о томъ, чтобъ отвратить его отъ Нарвы; мы руководились при этомъ важными соображеніями, между которыми главное, что не въ нашихъ выгодахъ допустить царя въ сердце Ливоніи, позволивъ ему взять Нарву. Въ Нарвѣ онъ получитъ такое мѣсто, откуда можетъ захватить Ревель, Дерптъ и Пернау прежде чѣмъ узнаютъ объ этомъ въ Варшавѣ, а потомъ покорить Ригу и всю Ливонію. Поневолѣ станешь бояться, имѣя дѣло съ такимъ государемъ, вспомнивъ о его силахъ и о всѣхъ его движеніяхъ, которыя вы очень хорошо проникли, какъ видно изъ вашего донесенія королю. Наконецъ благоразуміе требуетъ взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, чтобъ Ливонія не зависѣла отъ пропозова этого могущественнаго друга и союзника королевскаго. Съ другой стороны, не должно забывать, что мы слабы, что намъ необходима помощь царя и его дружба, если мы хотимъ что-нибудь сдѣлать, и что мы нанесемъ немалый ударъ Швеціи, когда она такъ рано потеряетъ Нарву. Вотъ почему намъ нельзя очень торговаться съ царемъ изъ опасенія, чтобъ не раздражить его, и я думаю, что не надобно спорить съ нимъ о Нарвѣ; однако надобно очень искуснымъ образомъ подать царю записки, съ которыхъ взять копія изъ царской канцеляріи и, такимъ образомъ, охранить право короля, которое онъ имѣетъ въ силу послѣдняго договора, чтобъ можно было дѣйствовать впоследствии, когда не будетъ болѣе причинъ такъ осторожно обходиться съ царемъ, какъ принуждены мы теперь. Наблюдайте внимательно за поведеніемъ

Датскаго посланника: не онъ ли внушаетъ царю желаніе взять и удержать за собою Нарву? Побуждайте царя хлопотать, чтобъ республика Польская также объявила войну Швеціи. Вывѣдайте у царя, не можетъ ли онъ уступить чего-нибудь Полякамъ со стороны Кіева; внушайте ему, что приобрѣтеніе Ингрии и Карелии, угвержденіе на берегу Балтійскаго моря сторницею вознаграждаетъ его за уступку⁴⁾.

9 сентября писалъ это Паткуль Лангену, а еще 22 августа русскія войска начали выступать въ походъ подъ Нарву. Старый нашъ знакомый, капитанъ бомбардирской роты, Петръ Михайловъ шелъ съ Преображенскимъ полкомъ до Твери. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе отъ Польскаго короля, что Карлъ XII скоро будетъ въ Ливоніи съ 18,000 войска и высадится въ Пернау. Петръ былъ въ сильномъ недоумѣніи, какъ видно изъ письма его къ Головину: „И о томъ я многократно думалъ, истина-ль или подлогъ? И буде истина, то конечно Датскій осилитъ. Мы пойдемъ отсель завтра до Новгорода, не мѣшкавъ. Къ Якову Брюсу я послалъ, чтобъ остановился, если за рубежъ не вышелъ. Извольте управляться, также и прочимъ приказать; а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ“⁵⁾.

Въ Новгородѣ Петръ рѣшился продолжать походъ къ Нарвѣ: о прибытіи Карла XII слуховъ не было, а были вѣсти, что Нарва плохо укрѣплена и войска въ ней мало⁶⁾. 23 сентября Петръ сталъ подъ Нарвою и немедленно занялся приготовленіями къ осадѣ вмѣстѣ съ саксонскимъ инженернымъ генераломъ Галлартомъ, котораго прислалъ король Августъ. Затрудненія обнаружилась сейчасъ же: военныхъ запасовъ было заготовлено гораздо меньше, чѣмъ сколько нужно было, по мнѣнію Галларта⁷⁾. Другая бѣда: войска, по причинѣ дурной осенней дороги и недостатка подводъ, влягались очень медленно, — и дорогое время уходило. Всего войска собралось подъ Нарвою отъ 35 до 40,000⁸⁾, изнуреннаго тяжелымъ походомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; пушки оказывались негодными. Наконецъ, 20 октября, открылся огонь по городу со всѣхъ русскихъ батарей; надѣялись, что городъ, при его малыхъ средствахъ, недолго продержится; какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Карлъ XII высадился въ Пернау съ большимъ, какъ говорили, войскомъ. Послѣ военнаго совѣта, Русскіе укрѣпили свой лагерь. Стрѣльба по городу продолжалась, пока наконецъ недостатокъ въ ядрахъ, бомбахъ и въ порохѣ не заставилъ прекратить огонь. Надобно было дожидаться ихъ подвоза. Первая осада Нарвы, какъ и первая осада Азова, ознаме-

4) Польскія дѣла 1700 года.

5) Письма въ Моск. Архивѣ Мин. Ист. Д.

6) Кабинетъ, II, кн. I.

7) Донесеніе Галларта королю Августу въ Московск. Архивѣ Мин. Ист. Д.

8) Кабин. I, кн. № 19, 37. Алеко. Гордовъ: The history of Peter the Gr. I, 150.

1) Хранится въ Моск. Архивѣ Мин. Ист. Д.

2) Кабинетъ I, кн. № 24.

3) Полн. Собр. Зак. № 1811.

новалась пэмѣною: одинъ изъ служивыхъ иностранцевъ, Гуммертъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ царя, ушелъ въ Нарву, какъ снова дѣйствовать противъ Нарвы, объясняя причины неудачи первой осады: „Какъ прямое учрежденіе и ученіе между солдатами учино не будетъ, невозможно во-вѣкъ войну совершенную вести, понеже сіе болѣе къ своему собственному погубленію, нежели къ непріятельскому убытку учино будетъ. Вашего величества сила есть неописанна, егдабъ право и къ пользѣ только-бы употреблена была, токожь люди сами такъ добрые, какъ возможно въ свѣтѣ найти; но лучшаго нѣсть, а именно: прямого порядка и ученія“. Осада, по словамъ Гуммерта, не удалась оттого, что „мы имѣли лазутчиковъ и вѣдомцевъ и обо всемъ хорошо вѣдали, но руками никто не хотѣлъ приняться: ходили какъ кошки около горячей каши и никто не хотѣлъ палецъ ожечь. Надоно было прежде шанцы построить, для сохраненія своихъ винныхъ флагъ и хлѣбныхъ мѣшковъ, хотя нечего было опасаться, и отложили то до послѣдняго, что сперва дѣлать надлежало. Люди наши сначала были весьма бодры къ наступленію; но что пользы, когда псы зѣло добры, а ловцы неудобны, или наоборотъ: ловцы гораздо добры, а псы неудобны — плохая ловля будетъ!“ Письма Гуммерта сохранились ¹⁾; но отвѣтовъ никакихъ нѣтъ, есть только извѣстіе, что Шведы повѣсили Гуммерта ²⁾.

17 ноября бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, посланный къ Везенбергу наблюдать за шведскимъ войскомъ, отступилъ къ Нарвѣ съ вѣстію о приближеніи непріятеля; въ ту же ночь Петръ оставилъ лагерь. Понятно, что это подало поводъ къ обвиненіямъ и оправданіямъ. Но въ чемъ обвинять Петра, — въ трусости? И прежде и послѣ Петръ доказалъ, что онъ не трусилъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ; но безразсудная удаля, стремленіе подвергаться опасности безполезной, было совершенно не въ характерѣ Петра, чѣмъ онъ такъ отличался отъ Карла XII. Петръ могъ ухватить изъ лагеря при вѣсти о приближеніи Карла, убѣдившись, что оставаться опасно и безполезно; что присутствіе его можетъ быть полезно въ другомъ мѣстѣ. Это былъ человекъ, который менѣе всего былъ способенъ руководиться ложнымъ стыдомъ. Петръ привелъ свои войска подъ Нарву, какъ привелъ ихъ подъ Азовъ, рассчитавъ, что двое союзниковъ зашиаютъ непріятеля. Искусныхъ генераловъ у него не было, война еще не успѣла образовать ихъ; въ походѣ, который имѣлъ цѣлію занятіе крѣпости, можно было обойтись и безъ нихъ; у Петра были искусный инженеръ Галлартъ, съ которымъ онъ и

наѣтривался распорядить вѣзмъ самъ. Но обстоятельства перемѣнились: на выручку Нарвы приближался Шведскій король съ отличнымъ, и, по слухамъ, съ большимъ войскомъ, ободреннымъ блистательнымъ усѣхомъ въ Датскомъ походѣ. Въ военномъ искусствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ, Петръ смотрѣлъ на себя и на своихъ какъ на новичковъ, только-что начавшихъ учиться; и вотъ этимъ новичкамъ пришлось помѣряться съ мастерами. По вѣзмъ вѣроятностямъ, Петръ поспѣшно бы отступилъ предъ Карломъ отъ Нарвы, еслибъ оставался одинъ съ адмираломъ Головиннымъ, котораго, для сохраненія видимаго единства, называлъ фельдмаршаломъ; но еще въ Новгородѣ къ нему пріѣхалъ, отлично рекомендованный генералъ царской службы, герцогъ фонъ-Круи. При вѣсти о приближеніи Карла, Петръ предложилъ герцогу принять начальство надъ русскимъ войскомъ; тотъ долго отказывался, наконецъ принялъ предложеніе; войско въ надежныхъ рукахъ мастера; царю съ прежнимъ фельдмаршаломъ оставаться долѣе — значило только вредить единству распоряженій, развлекать вниманіе подчиненныхъ. Петръ уѣхалъ вмѣстѣ съ Головиннымъ въ Новгородѣ „для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, а особливо, чтобы имѣть свиданіе съ королемъ Польскимъ“ ³⁾.

Карлъ быстро шелъ къ Нарвѣ по пятамъ Шереметева, и утромъ, 19-го ноября, явился предъ русскимъ лагеремъ, имѣя около 8,500 человекъ войска ⁴⁾. Но, кромѣ искусства, опытности и бодрости, на шведской сторонѣ главнымъ условіемъ успѣха для Карла было то, что русскія войска были растянуты на огромномъ протяженіи своего лагеря и прорваться чрезъ ихъ несомкнутые ряды было легко; кромѣ того, сильная вьюга была прямо въ лицо голоднымъ и холоднымъ русскимъ солдатамъ, и въ 20 шагахъ нельзя было ничего различить. Наконецъ къ печальному состоянію физическому присоединился упадокъ нравственныхъ силъ, произведенный сознаніемъ своего неискущества, неопытности предъ страшнымъ этими качествами непріятелемъ; сюда же присоединилась подозрительность: предводитель Нѣмцы будутъ ли усердно сражаться противъ своихъ? Вотъ почему, когда Шведы ворвались въ лагерь, въ рядахъ испуганныхъ русскихъ солдатъ раздались крики: „Нѣмцы пзмѣнили!“ Эти страшные крики отняли послѣднія силы, и все бросилось бѣжать. Побѣжала конница Шереметева вплавъ черезъ Нарову, причемъ потонуло 1,000 человекъ. Вѣгство Шереметева освободило Карла отъ большого страха, потому что онъ больше всего боялся, чтобы конница не напала на него съ тыла. Нѣхота бросилась черезъ мостъ, — мостъ обрушился, и много народа потонуло въ Наровѣ. Дисциплина исчезла; въ страшномъ озлобленіи Русскіе начали

¹⁾ Въ Моск. Архивѣ Мпн. И. Д.

²⁾ Гюйсенъ: Ausführliche Verantwortung, см. ниже

³⁾ Гисторія Свейской войны, правленая самимъ Петромъ, изданная Мюллоромъ подъ заглавіемъ: «Журналь Петра В.»

⁴⁾ Hansen — Geschichte der Stadt Narva, 1856 г.

кидаться на иностранцевъ и бить ихъ. Видя это, фонъ-Круи закричалъ: „Пусть самъ чортъ дерется съ такими солдатами!“ — бросился бѣжать вмѣстѣ съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ Шведамъ. При этомъ всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ, не смялись и не побѣжали два полка — Преображенскій и Семеновскій; огорожая рогатками и артиллерійскими повозками, они до самой ночи отбивались отъ Шведовъ. Между тѣмъ король, увязивъ лошадей въ болотѣ, самъ насплу изъ него выбрался и пересѣлъ на другую лошадь; та была убита, король пересѣлъ на третью, говоря со смѣхомъ: „Видно, непріятель хочетъ упражнять меня въ верховой ѣздѣ“. Когда совершенно стемнѣло, король велѣлъ прекратить огонь, а самъ въ мокромъ платьи прилежъ на плащѣ у сторожеваго огня.

Побѣда Шведовъ еще далеко не была рѣшительною. Преображенцы и Семеновцы пугали своимъ отчаяніемъ; кромѣ нихъ, стоялъ твердо отрядъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Вейде. Между Шведами было мало порядка: два отряда ихъ, ознававшись, вступили другъ съ другомъ въ бой, причемъ погибло не мало людей. Ночью солдаты забрались въ покинутыя русскія палатки, напяти тамъ много вина и перепились такъ, что сдѣлались неспособными сторожить плѣнныхъ, и если бы Русскіе воспользовались этимъ, то исходъ Нарвской битвы могъ бы быть совершенно иной. Но русскіе генералы — князь Якъ Ѳед. Долгорукій, царевичъ Имеретійскій Александръ, Автономъ Головинъ, Бутурлинъ Ив. Ив., не имѣя сообщенія съ Вейде и ничего не зная, въ какомъ положеніи дѣла, опасаясь печальнаго для себя исхода битвы на другой день, вошли въ переговоры съ королемою и согласились отступить, отдавши Шведамъ артиллерию. Вейде, получивъ извѣстіе объ этой капитуляціи, послѣдовалъ призыву русскіхъ генераловъ: „Я позволяю русскимъ солдатамъ сохранить оружіе за храбрость, съ какою они записались“, сказалъ Карль. Шведы были рады спровадить Русскихъ какъ можно скорѣе за рѣку, принялись почью за работу и далеко до развѣта успѣли навести мостъ, по которому Русскіе и переправлялись; но генералы были захвачены въ плѣнъ, подъ предлогомъ, что Русскіе нарушили договоръ, вывезши денежную казну, тогда какъ о казнѣ не было ничего въ договорѣ¹⁾.

21-го ноября Карль съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Нарву, куда были отправлены и 79 человекъ знатныхъ русскіхъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ.

Влостательная побѣда была выиграна; какъ же воспользуется ею побѣдитель? Надобно было выбрать изъ двухъ дорогъ, изъ двухъ враговъ, и мнѣнія раздѣлились. Липертъ, Вреде, Велилингъ, Штенбокъ и другіе совѣтовали принять мирныя предложенія короля Августа и все силы обратить на пре-

слѣдованіе бѣгущихъ, испуганныхъ Русскихъ, стать у нихъ на зимнія квартиры, кормить армию на ихъ счетъ и поддерживать неудовольствія на царя между стрѣльцами, между приверженцами Софій, между чернью, неудовольною введеніемъ европейскихъ обычаевъ. Замугителъ Русское царство, — и Швеція можно будетъ, какъ нѣкогда при самозванцахъ, пріобрѣсти выгоды, еще болѣе обезопасить свои владѣнія съ этой стороны, заставить Русское правительство исключительно обратить свое вниманіе на Черное море. Сначала Карль былъ за этотъ планъ: въ спальнѣ у него висѣла карта, гдѣ обозначена была дорога въ Москву; онъ запретилъ своимъ солдатамъ забѣгать для фуражировки за русскую границу; иначе, говорилъ онъ, шведское войско не найдетъ здѣсь пропитанія. Но скоро планъ былъ оставленъ. Со стороны Карла главными побужденіями къ этому были — ненависть къ Августу и презрѣніе къ Русскимъ: этихъ враговъ, думалъ онъ, всегда легко низложить, а чтобъ сдержать ихъ на время — для этого немного нужно войска. Такимъ расположеніемъ Карла снѣжили пользоваться, потому что война въ Россіи мало прельщала шведскихъ солдатъ и офицеровъ: холодная и бѣдная страна не обшчала богатой добычи. Карль отонелъ отъ Нарвы къ крѣпкому замку Лансу (въ 50 верстахъ отъ Дерпта), чтобы дожидатися здѣсь подкрѣпленій изъ Швеціи, съ которыми хотѣлъ выступить весною противъ Августа²⁾.

²⁾ Fryxell, I, 105. — Въ Государств. Архивѣ находится слѣдующее показаніе одного изъ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ (Шлиппенбахъ) о Нарвской битвѣ: «Лѣта 1700 году въ 6 или 7 дня ноября выручилъ отъ осады король шведскій Нарву. Я тогочъ дни вечеру прібылъ, а къ баталіи не успѣлъ; однако же король мнѣ о всемъ дѣлѣ какъ было сначала и до окончанія сказывалъ, что ретрежементъ сдѣланъ былъ весьма пространствъ, въ немъ извѣчайнаго мѣста, гдѣ стояла армія, не избрано было, чрезъ что непріятельская армія не могла обороняться, того ради и я (т. е. король) черезъ трагическѣе весьма способно перешелъ; а когда я совѣсьмъ перешелъ и непріятельскую армію въ пространствѣ (растянутую на большомъ пространствѣ) избобрѣлъ, черезъ которое пространство я свою армію способъ изыскалъ, гдѣ между ими въ срединѣ поставилъ, и они не могли соединиться, и акція до самаго вечера съ ними была; однакожь они всегда къ рѣкѣ подавались, и когда почъ наступила, тогда приказалъ я, чтобъ никто не стрѣлялъ, дабы мои люди сами себя не могли застрѣлить. На то генераль Велицкѣ сказалъ, что непріятель селъ ночи уйдетъ чрезъ мостъ, который чрезъ рѣку сдѣланъ, на что генераль Решмельтъ отвѣтствовалъ: для бѣглаго непріятели надобно золотой мостъ сдѣлать, чтобъ онъ по немъ перешелъ. Итакъ сдѣлалось, что на другой день по утру чрезъ мостъ перешли, а нѣкоторая часть потогула въ рѣку, и тогда король говорилъ: ничего я такъ не боюсь, какъ русской кавалеріи, чтобъ она сзади не наступила, однакожь они мнѣ такую любовь сдѣлали, что назадъ чрезъ рѣку на лошадяхъ переплыли; а я тѣмъ и доволенъ, что городъ Нарву отъ осады выручилъ, непріятельскую армію разбилъ и весь генералитетъ въ полонъ взялъ. Такия выше-реченныя слова король всѣ мнѣ говорилъ; послѣ того взялъ онъ меня въ свою спальню, гдѣ большіи ланкартъ на стѣнѣ былъ прібитъ, въ которомъ онъ мнѣ маршъ въ Москву показывалъ, который бы и конечно уцѣпился, ежели бы шведскій нужный (бѣдный) генералитетъ надежды

¹⁾ Гисторія Свейской войны; Описаніе Нарвской битвы Галларта — рукопись въ Государств. Архивѣ, Fryxell I, 91.

Между тѣмъ слухъ о Нарвской битвѣ разнесся по всей Европѣ и возбудилъ сильное удивленіе къ осмынадацлѣтнему побѣдителю; поэты настроили свои лиры; выбивались медали въ честь Карла; — на одной Нарвскій побѣдитель былъ изображенъ съ надписью: „Истина превосходить вѣролатіе (superant superata fidem)“; на другой Карлъ низлагаетъ троихъ непріятелей, и надпись: „Наконецъ правое дѣло торжествуетъ!“ Кромѣ медалей въ честь Карла, была медаль, выбитая въ насмѣшку надъ Петромъ, съ кощунскими сближеніями изъ исторіи апостола Петра; на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣящійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; надпись: „Вѣ же Петръ стоя и грѣяся“. На другой сторонѣ изображены были Русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, въ ихъ челѣ Петръ; парекал шапка валится съ его головы, шага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ и надпись говоритъ: „Издешъ вонъ, плакася горько“¹⁾.

Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Люди, близкіе къ Карлу, сейчасъ же могли замѣтить вредное вліяніе, произведенное на него необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ страсть къ войнѣ разгорѣлась въ немъ во всей силѣ. Война для войны стала цѣлю его жизни; сюда присоединилось мнѣніе о своей непобѣдимости и непогрѣшительности, о своемъ посланничествѣ свыше. Вѣра въ собственную непобѣдимость соединилась естественно съ презрѣніемъ къ разъ побѣжденному непріятелю; „Нѣтъ никакого удовольствія,“ говорилъ онъ, „бится съ Русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарва была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка. Лучшее зрѣлище было, когда Русскіе взбѣжали на мостъ, и мостъ подъ ними подломился: точно Фараонъ поглощенъ былъ въ Черномъ морѣ; повсюду высывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги; наши солдаты стрѣляли ихъ какъ дикихъ утокъ“. Знаменитый внослѣдствіи, фельддѣймейстеръ Кронстедтъ писалъ въ Швецію послѣ Нарвской битвы: „Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божию, что не боится съ 4,000 человѣкъ броситься на 60,000“. Генералъ Стенбокъ писалъ: „Король ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о войнѣ; онъ ужъ больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто бы Богъ непосредственно внушаетъ ему, что онъ долженъ дѣлать“. Полковникъ королевской гвардіи Поссе отзывался: „Несмотря на холодъ и голодъ, король еще не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 чело-

вѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россію, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого-нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это его нисколько не трогаетъ“²⁾.

Отъ побѣдителя обратимся къ побѣжденному. Петръ не бросалъ оружія и не плакалъ, какъ враги представляли его на медаляхъ. И послѣ Нарвы онъ явился такъ же великъ, какъ великъ былъ послѣ перваго неудачнаго похода Азовскаго: обнаружилъ такую же изумительную дѣятельность, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Князь Аникшта Ренцинь получилъ приказаніе привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузій“³⁾. Работы надъ укрѣпленіями закинулъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Печерскомъ монастырѣ (близъ Пскова): „Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили съ бойницами, а около палисадъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ; также и раскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ; а на работѣ были драгуны и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякаго церковнаго чина, мужскаго и женскаго пола; а башни насыпали землею, а сверху дернъ клали, работа была насыпная; а верхи съ башенъ деревянные и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то же время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, служебъ не было“. И горе тѣмъ, кто въ это время не хотѣлъ работать или думать, какъ бы поживиться отъ общаго дѣла. Пришедши въ Печерскій монастырь, Петръ при себѣ велѣлъ заложить первый раскатъ у Святыхъ воротъ и назначилъ быть на работѣ полуполковнику Шенишину. Пришедши потомъ на работу и не заставши тамъ Шенишина, онъ велѣлъ бить его плетью нещадно у раската и послать въ Смоленскъ въ солдаты. Въ Москвѣ, передъ Помѣстнымъ Приказомъ повѣнчанъ Леонцій Кокошкинъ за то, что былъ онъ у пріема подводъ въ Твери и взялъ пять рублей денегъ: въ Новгородѣ повѣнчанъ Елисей Поскочинъ за то, что бралъ деньги за подводъ⁴⁾.

23,000 войска сохранилось отъ Нарвскаго пораженія. Князю Бор. Алекс. Голицыну поручено было набирать новые полки, и набрано десять драгунскихъ полковъ, въ полку 1,000 человѣкъ: весною они уже отпавились въ Псковъ⁵⁾. Солдаты набирали изъ волынцы⁶⁾. Люди явились; но надобно было создать новую артиллерію, потому что старую отдали подъ Нарвою Шведамъ. Петръ велѣлъ „со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей, собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры“⁷⁾. Приготовленіе орудій поручено было Виніусу, „надзирателю артиллеріи“. Водрый, неутомимый и знающій старикъ былъ способенъ исполнить важное и трудное порученіе; но онъ не со-

не имѣли такой, что съ Польши большія взятки взять нежелали съ Россію, в то же ради генералитетъ безпрестанно королю говорили, что тѣмъ первѣе идти въ Польшу, а потомъ въ Россію, и за тѣмъ назначенной маршъ прямо въ Москву отбѣжился, однакожъ короля чрезъ нужду до той резолюціи могли наговорить, что перво идти въ Польшу».

¹⁾ Fryxell, I, 102.

²⁾ Fryxell, 103 и 104.

³⁾ Исторія Свейской войны.

⁴⁾ Записки Желябужскаго.

⁵⁾ Исторія Свейской войны.

⁶⁾ Записки Желябужскаго.

⁷⁾ Исторія Свейской войны.

ставляя исключенія относительно безкорыстія, и дѣлая Виніуса надзирателемъ артиллеріи, Петръ счелъ за нужное взять у него завѣдываніе почтою. Виніусъ спрашивалъ: нѣтъ ли какого гнѣва? Петръ отвѣчалъ: „Письма ваши я принялъ, въ которыхъ пишете о готовности артиллеріи и что трудитесь въ томъ; и то зѣло доброе дѣло и надобно, ибо время яко смерть. Тутъ же пишешь, нѣтъ ли какого гнѣву за печальное будто отнятіе почты: и тутъ не сама ли васъ совѣсть обличить? Понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы къ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали. А взята оная отъ васъ не за иное что, только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо колы кратъ я говорилъ тебѣ о корреспонденціи въ иные мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того ради и отдана иному, гдѣ если такова-жъ будетъ тщетна, и тамъ можетъ отнаться“¹⁾).

Виніусъ отлично исполнилъ новое порученіе, но жаловался на мастеровъ и бурмистровъ: „Пущая остановка, государь, отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Прилежно молю объ указѣ бургомистрамъ, чтобъ радѣтельнѣе исполняли по памятямъ Пушкарскаго Приказа: отъ нихъ остановка многая“²⁾. Петръ отвѣчалъ: „Зѣло насъ увеселило вашей милости письмо, въ которомъ видимъ, при помощи Божіей и вашей прилежаніи, артиллерію въ немалой готовности. Бурмистрамъ скажи и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ“³⁾. Не знаемъ, во сколько Виніусъ преувеличивалъ трудности, чтобъ тѣмъ рѣзче выставить собственные заслуги; но крайней мѣрѣ онъ писалъ, что добрыхъ мастеровъ только двое: одинъ Нѣмецъ, другой Русскій; изъ остальныхъ—Русскій одинъ хорошъ да пьянъ, другіе два спились съ-кругу и не боятся никакого наказанія. Какъ бы то ни было, въ ноябрѣ 1701 года Виніусъ хвалился, что такой хорошей артиллеріи въ такое короткое время и такими мастерами нигдѣ не дѣлали; меньше чѣмъ въ годъ приготовлено больше 300 орудій, въ которыхъ нѣтъ никакого недостатка, да сбережено, противъ прежнихъ подрядныхъ цѣнъ, 10,000 рублей. Собрано въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера⁴⁾.

Петръ послѣ Нарвы не хотѣлъ ограничиваться одиными оборонительными мѣрами. Наступательное движеніе было необходимо: во-первыхъ, для ободренія своихъ, странно упавшихъ духомъ; потомъ для показанія друзьямъ и недругамъ, что Нарвское пораженіе не отняло всего, что остался духъ и силы. Какъ свои упали духомъ и какими средствами надобно было возбуждать ихъ къ дѣятельности,

видно изъ письма Петра къ Бор. Петр. Шереметеву, двѣ недѣли спустя послѣ Нарвской битвы, 5 декабря 1700 года: „Нег! Понеже нелѣтъ есть (нельзя) при несчастіи всего лишаться, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, т.-е. надъ копнищею новгородскою и черкасскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), и итти въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли, непріятелю невозможно захватить. О чемъ лаки пишу: не чини отговорки ни чѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ майоръ Л... на смерть осужденъ“⁵⁾).

Шереметевъ послалъ отрядъ къ замку Мариенбургу; но полковникъ Шлиппенбахъ отбилъ Русскихъ, укрѣпилъ замокъ⁶⁾ и, въ январѣ 1701 года, вошелъ въ русскіе предѣлы съ тремя ротами конницы и тремя ротами пѣхоты. Въ 15 верстахъ отъ Печерскаго монастыря былъ у Шведовъ бой съ Русскими, которые побили у Шведовъ 60 человекъ и взяли 15 плѣнниковъ⁷⁾; Шлиппенбахъ ушелъ назадъ. Этимъ надологъ ограничились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ: Русскіе не рѣшались искать Шведовъ далеко внутри пхъ владѣній, а у Шлиппенбаха было очень мало войска для сколько-нибудь значительнаго предпріятія. Сильно потерпѣли только пограничные жители: казаки вывели въ Малороссію около 4,000 плѣнныхъ изъ Ливоніи. Между тѣмъ Петру нужно было скрѣпить союзъ съ королемъ Августомъ, не допустить его до отдѣльнаго мира съ Карломъ и попытаться, нельзя ли склонить и Польшу къ войнѣ противъ Шведовъ. Лучшимъ средствомъ для этого Петръ считалъ личное свиданіе съ Августомъ, личные переговоры съ польскими вельможами. Это свиданіе государей произошло въ февралѣ 1701 года въ мѣстечкѣ Виржахъ (Динабургскаго уѣзда). Государи веселились за длинными обѣдами и зашамались важными дѣлами. Однажды Августъ, послѣ пирושки, просалъ обѣдио; но Петръ явился въ церковь и, по своему обычаю, внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, разспрашивалъ, чтѣ значитъ то и другое дѣйствіе. Одинъ изъ польскихъ сенаторовъ замѣтилъ ему, что въ его власти соединить Церковь Греческую съ Латинскою. Царь отвѣчалъ: „Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе Церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли“.

Петръ пріѣхалъ улаживать не соединеніе Церкви, а соединеніе Польши съ своимъ королемъ и съ Рос-

1) Письмо Петра В. къ Госуд. Архивѣ, въ особомъ собраніи.

2) Кабинетъ II, кп. № 1.

3) См. примѣч. 2.

4) См. примѣч. 3.

5) Письмо Петра В. къ фельдм. Шереметеву, изд. Миллеромъ. — Устреляно думаетъ, что здѣсь подъ Л... должно разумѣть князя Якова Лобанова-Ростовскаго.

6) Показанія Шлиппенбаха, Кабин. I, кп. № 19,

7) Записки Желябужскаго.

сею противъ Шведовъ. Онъ представляя Литовскому подканцлеру Щукѣ, что Польша должна теперь воспользоваться соединеніемъ русскихъ и саксонскихъ войскъ, чтобы присоедишить къ нимъ свои войска и отнять у Шведовъ Лифляндію. Щука отвѣчалъ: что Польша истощена только-что оконченными войнами, и гораздо выгоднѣе для нея пользоваться миромъ, чѣмъ искать новыхъ приобретеній; что, разумѣется, ее можно побудить къ войнѣ, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнѣе. — „Что такое, что такое?“ сталъ спрашивать царь. — „Все дѣло въ рукахъ вашего величества“, отвѣчалъ подканцлеръ. Петръ началъ настаивать, чтобы Щука объяснился, и тотъ сказалъ: „По послѣднему договору съ Россією, Польша лишилась своихъ прежнихъ границъ; такъ неудобно ли будетъ вашему величеству возвратитъ ей хотя половину уступленнаго, напримѣръ Кіевъ съ округомъ“. Царь объявилъ, что это невозможно; что для Польши довольно и Лифляндіи. Переговоры продолжалъ Головинъ, пріѣхавшій съ царемъ; онъ объявилъ, что установка Кіева невозможна безъ согласія Думы и казеннаго гетмана; что она можетъ произвести внутреннюю волненія въ Россіи. „Если это трудно для Россіи, то еще труднѣе побудитъ къ войнѣ Рѣчь Посполитую“, отвѣчалъ Щука. „Возвратите, по крайней мѣрѣ, намъ заднѣпровскіе городки Терехтепровъ, Стайки, Триполье, также нѣкоторые села отъ Стародубскаго полка, и не запрещайте населять Чигиринъ и другія окрестныя мѣста“. — „Ничего этого нельзя уступить безъ совѣта съ гетманомъ, потому что царское величество ничего слямо отъ Украйны не отниметъ“, сказалъ Головинъ.

Разговоры съ Щукою этимъ и кончились; но съ Августомъ заключенъ былъ новый договоръ. Союзники обязались продолжать войну всеми силами и не оканчивать ея безъ взаимнаго согласія; царь обѣщалъ королю прислать отъ 15 до 20,000 пѣхоты, хорошо вооруженной, въ полное его распоряженіе, съ обязательствомъ: выдать деньги на учрежденіе провіантскихъ магазиновъ; выставить въ Витебскъ 10,000 фунтовъ пороху и выплачивать въ продолженіи трехъ лѣтъ по 100,000 рублей; король будетъ употреблять свои войска противъ Шведовъ въ Лифляндіи и въ Эстляндіи, дабы, отвлекая общаго непріятели, обезопаситъ Россію и дать царю возможность съ успѣхомъ дѣйствовать въ Ижорской и Карельской Земляхъ, а Лифляндію и Эстляндію царь оставляетъ королю и Рѣчи Посполитой, безъ всякаго притязанія. Такъ какъ исходъ войны невѣренъ и такъ какъ, вслѣдствіе войны за Испанское наслѣдство, нѣмецкія владѣнія короля могутъ подвергнуться большой опасности, то союзники условились принять посредство цесарского, французскаго, англійскаго, бранденбургскаго и голландскаго и мирныя предложенія посредниковъ выслушивать, что однако нисколько не должно вредитъ нынѣшнему и прежнему договорамъ. О новомъ договорѣ дать знать королю Датскому. Въ

тайной статьѣ царь обязался прислать королю 20,000 рублей, „дабы нѣкоторое награжденіе и милость показать тѣмъ изъ польскихъ сенаторовъ, которые способы сыщутъ привести въ постановленные союзы и Рѣчь Посполитую“.

По отъезду видѣвшихъ Петра въ Виржахъ, онъ очень основательно разсуждалъ о своихъ и чужихъ морскихъ силахъ; говорилъ, что у него будетъ до осьмидесяти кораблей 80-ти и 60-ти пушечныхъ, и въ числѣ ихъ одинъ, построенный по собственному его чертежу, подъ названіемъ „Божіе Предвидѣніе“. На этомъ кораблѣ изображенъ Св. Петръ, а внизу представлена лодка, на которой дѣти пускаются плавать по морю. (Царь хотѣлъ этимъ выразить, что въ Россіи мореплаваніе находится еще въ младенчествѣ.) Весь девизъ сочиненъ царемъ. Царь очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи, и прилежно занимается этими предметами¹⁾.

Въ началѣ марта, Петръ возвратился въ Москву, и вслѣдъ за нимъ явился отъ Августа генераль-адъютантъ за деньгами. Взяли въ Приказахъ, въ Рагушѣ — недостало; взяли въ Троицкомъ монастырѣ 1,000 золотыхъ; Преображенскаго полка поручикъ Меншиковъ далъ 420 золотыхъ, богатый гость Филатьевъ далъ 10,000 рублей²⁾. Исполнено было и другое обязательство: князь Репнинъ повелъ 20,000 пѣхоты для соединенія съ саксонскими войсками Августа, находившимися подъ начальствомъ генераль-фельдмаршала Штейнау. 21 іюня Репнинъ достигъ Кокенгаузена, и войско его заслужило похвалы Штейнау: „Люди вообще хороши, писалъ фельдмаршалъ, не больше 50 человекъ придется забраковать; у нихъ хорошія мастирхтскія и люттихскія ружья; у нѣкоторыхъ полковъ шпаги вмѣсто штыковъ. Они идутъ такъ хорошо, что нѣтъ на нихъ ни одной жалобы; работаютъ прилежно и скоро, безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія. Особенно похвально то, что при цѣломъ войскѣ нѣтъ ни одной женщины и ни одной собаки; въ военномъ совѣтѣ московскій генераль сильно жаловался и просилъ, чтобы женамъ саксонскихъ мушкетеровъ запрещено было утромъ и вечеромъ ходить въ русскій лагерь и продавать водку, потому что чрезъ это его люди пріучаются къ пьянству и разнаго рода дебошнрству. Генераль Репнинъ человекъ лѣтъ сорока; въ войнѣ онъ немало смелитъ, но онъ очень любитъ учиться и очень почтителенъ; полковники всѣ Нѣмцы; старые — неспособные люди, и остальные офицеры — люди малоопытные“³⁾.

Но многоопытные учителя дурно себя показали предъ любознательными учениками. Карлъ XII такъ же неожиданно напалъ и на Саксонцовъ при Ригѣ.

¹⁾ Свиданіе въ Виржахъ во Временникѣ Моск. Историч. Общ., кн. 17; Theiner, — Monuments historiques de Russie, № СССІІ; дѣла Польскія 1701 г. въ Моск. Архивѣ Мин. Ист. Д.; дѣла Малорос. того же года тамъ же.

²⁾ Польскія дѣла 1701 года, въ Моск. Архивѣ Мин. Ист. Д.

³⁾ Herman, Geschichte des russischen Staates IV, 125.

жакъ на Русскихъ при Нарвѣ. 9 июля онъ благополучно переправился черезъ Двину въ виду непріятельскаго войска и, послѣ двухчасовой битвы, въ-пухъ разбилъ Штейнау. Саксонцы потеряли всю артиллерію, весь лагерь и 2,000 человекъ войска, тогда какъ изъ шведскихъ рядовъ вышло только 500 человекъ. Русскихъ у Штейнау было только 4,000; остальные съ Репшинымъ находились въ осьми миляхъ отъ Риги. Паткуль приписывалъ неудачу тому, что Са сонцы, вмѣсто наступательной, ограничились оборонительною войною: „Я настоялъ на личномъ свиданіи короля съ царемъ, чтобы они условились на-счетъ будущаго похода“, писалъ Паткуль къ саксонскому резиденту въ Копенгагенъ. „Я представлялъ каждому изъ нихъ, какъ необходимо приготовить къ походу заранѣе, соединить оба войска и нагрнуть на непріятеля, прежде чѣмъ онъ успѣетъ получить подкрѣпленія изъ Швеціи и Помераніи. На томъ и порѣшили въ Виржахъ. По момъ представленіямъ, царь далъ намъ все нужное, коротко сказать, онъ поступилъ какъ честный государь. Но только-что мы пріѣхали въ Варшаву, какъ начали уговаривать короля къ оборонительной войнѣ. Я всѣми силами противился этому плану, хуже котораго нельзя было придумать: самъ непріятель не могъ найти ничего лучше для себя, потому что мы дали ему время воспрепятствовать соединенію союзныхъ войскъ“¹⁾. Здѣсь надобно замѣтить, что Паткуль, желая прежде всего выставить непогрѣзительность своихъ совѣтовъ, перепутываетъ дѣло. Конечно, слѣдовало бы союзникамъ какъ можно скорѣе послѣ Нарвы соединить свои войска и вмѣстѣ ударить на ничтожное войско Карла, но этого не было сдѣлано; относительно военныхъ дѣйствій было постановлено въ Виржахъ, что не ранѣе августа мѣсяца королевскимъ войскамъ съ военнопольными русскими осадитъ Ригу; царь пошлетъ Калмыковъ въ Финляндію, а главная русская армія будетъ дѣйствовать со стороны Печерскаго монастыря или Нарвы, не покушаясь ни на какія осады и большія сраженія; если Рига будетъ взята, то король поможетъ царю овладѣть Нарвою²⁾. Нельзя складывать всю вину на совѣтниковъ Августа, которые въ Варшавѣ предлагали оборонительную войну; надо прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что корпусъ Репшина соединился съ Штейнау только 26 июня, именно потому, что въ Виржахъ срокъ начатія Рижской осады былъ положенъ въ августъ мѣсяцъ, и еще изъ Виржъ царь прислалъ въ Москву приказаніе остановить войска, выступившія въ походъ. Такимъ образомъ, распоряженіями въ Виржахъ, а не переѣзною плана въ Варшавѣ, трагилось время и давалась Карлу возможность получить подкрѣпленія изъ Швеціи и Помераніи. Карль могъ ударить на Саксонцевъ, не

подкрѣпленныхъ всѣмъ корпусомъ Репшина, потому что Штейнау послалъ къ Ригѣ только четыре русскіихъ полка, а остальныхъ Русскихъ заставилъ работать надъ траншеями на Двинѣ³⁾, обрадовавшись, что Русскіе прилежно и скоро работаютъ, а Репшино почиталенъ. Мы сочли нужнымъ войти въ эти объясненія, чтобы показать, какъ осторожно надобно обходиться съ показаніями Паткуля.

Какъ бы то ни было, Карль одержалъ вторую блестящую побѣду, и теперь не надъ Русскими, извѣстными своею неопытностію въ военномъ дѣлѣ, но надъ Саксонцами. Опять побѣдителю предстоялъ выборъ — преслѣдовать ли Августа, или обратиться на Русскихъ. И тутъ сначала онъ имѣлъ въ виду послѣднее, велѣлъ Шлиппенбаху отъ Дерпта приблизиться ко Цескову и ждать его пріѣзда⁴⁾. Но скоро Карль перемѣнилъ намѣреніе; и не слѣдуетъ уже слишкомъ упрекать девятнадцатилѣтняго короля за уиорство, съ какимъ онъ теперь началъ стараться о низложеніи Августа съ Польскаго престола. Постоянно бросаться изъ одной стороны въ другую; побѣдивъ Русскихъ, идти на Саксонцевъ; побѣдивъ Саксонцевъ, оборачиваться на Русскихъ,—было не очень удобно. Главный вопросъ состоялъ въ томъ: кто опаснѣе—Саксонцы или Русскіе. Противъ болѣе опасныхъ враговъ и нужно было Карлу съ главными силами дѣйствовать самому. Карль имѣлъ полное право считать Саксонцевъ болѣе опасными, чѣмъ Русскихъ. Правда, Карлу совѣтовали заключить миръ съ Августомъ и обратиться со всѣми силами противъ Петра; но Карль читалъ самое глубокое презрѣніе и недобрыя къ Августу, нисколько не полагаясь на его клятвы при заключеніи мирнаго договора, считалъ себя въ-правѣ опасаться, что, какъ скоро онъ углубится въ Россію, Августъ снова начнетъ дѣйствовать враждебно противъ Швеціи. Отсюда и стремленіе свергнуть прежде всего Августа, пріобрѣсти въ новомъ Польскомъ королѣ себѣ союзника и безопасно дѣйствовать противъ Россіи. Положимъ, что Карль былъ раздраженъ противъ Августа болѣе, чѣмъ противъ другихъ враговъ своихъ; король Датскій имѣлъ право враждовать противъ Швеціи вслѣдствіе вражды своей съ герцогомъ Голштинскимъ; Русскій царь добивался моря и отыскивалъ старыхъ русскихъ владѣній, захваченныхъ Шведами не очень честнымъ образомъ въ Смутное время; но курфюрстъ Саксонскій не имѣлъ подобныхъ побужденій, и онъ-то былъ главнымъ заводчикомъ союза противъ Швеціи; онъ первый началъ дѣйствовать въ внушеніямъ Паткуля;—положимъ, что Карль увлекался своимъ раздраженіемъ противъ Августа, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что и безъ этого раздраженія онъ имѣлъ основаніе прежде всего до-

¹⁾ Herman, — Geschichte des russischen Staates IV, стр. 128.

²⁾ Польскія дѣла 1701 года въ Моск. Архивѣ Мин. Ип. Д.

³⁾ Донесеніе Репшина въ книгѣ Устрялова IV, 200. Донесеніе фонъ-деръ Гульста Соединеннымъ Штагамъ, тамъ же, стр. 669.

⁴⁾ Записки Ябелябужскаго.

бываться сверженія Августа съ Польскаго престола. Въ одномъ письмѣ къ Французскому королю Карль выразился такимъ образомъ объ Августѣ: „Поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей“. Въ письмѣ Карла къ шведскому государственному совѣту находимъ выраженія того же убѣжденія, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Августъ, нельзя входить ни въ какія сношенія: „Если король Августъ, пишетъ Карль, позволилъ себѣ разъ такой обманъ, то нельзя нѣтъ никакого довѣрія къ его слову; войти въ сношенія съ человѣкомъ, который такъ себя обезчестилъ, значитъ — причинить ущербъ собственной чести“¹⁾.

Такимъ образомъ, Августъ былъ драгоценный союзникъ для Петра не силою оружія, но тѣмъ, что возбудилъ къ себѣ такую ненависть и такое недобѣріе Шведскаго короля; онъ отвлекъ этого страшнаго въ то время врага отъ русскихъ границъ и далъ царю время ободритъ свои войска и выучить ихъ побѣждать Шведовъ. Успѣхи Русскихъ начались на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ, въ іюнѣ 1701 года, семь шведскихъ судовъ, тайкомъ, подъ англійскими и голландскими флагами, хотѣли пробраться къ Архангельску, но были отражены и оставили въ добычу Русскимъ два судна, сѣвшія на мель. Петръ былъ очень доволенъ: „Зѣло чудесно“! писалъ онъ къ Апраксину и поздравляя съ „нечасымъ счастьемъ“, что отразили „злобыншихъ Шведовъ“.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ предпринялъ наступательное движеніе на Шлиппенбахъ въ Ливоніи и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, поразилъ Шведовъ при мызѣ Эрестферъ 29-го декабря: 3,000 Шведовъ полегло въ битвѣ, 350 было взято въ плѣнъ; Русскіе потеряли около 1,000 человѣкъ. Петръ былъ въ восторгѣ отъ первой побѣды надъ Шведами; Менишковъ поскакалъ къ побѣдителю съ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, съ парскимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, съ указкомъ о возведеніи въ генераль-фельдмаршалы. Въ Москвѣ великое торжество: благодарственные молебны, цѣлый день колокольный звонъ, цѣлый день гремятъ сто пушекъ, на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ развѣваются знамена, отнятыя у Шведовъ²⁾. Нарва огмшена.

Послѣ побѣды, Шереметевъ пошелъ разорять Шведскую Землю, разорилъ весь Юрьевскій (Дерптскій) уѣздъ, но усталость лошадей и глубокіе снѣга заставили фельдмаршала прекратить опустошительный походъ. Шереметевъ считалъ болшимъ счастьемъ для себя, что непріятель не воспользовался глубокими снѣгами и не напалъ на лыжахъ изъ лѣсовъ. Было взято 140 языковъ; Чухну разобрали по себѣ Черкасы (малороссійскіе казаки);

Шереметевъ доносилъ, что онъ не велѣлъ отнимать Чухну у Черкасъ, „чтобъ охочѣе были“³⁾.

Но Черкасы не были довольны. Еще въ началѣ года, несмотря на то, что, по словамъ самого гетмана, вывели изъ Ливоніи въ Малороссію до 4,000 плѣнныхъ, они сильно жаловались.

3-го марта Мазепа (Андреевскій кавалеръ съ 8-го февраля 1700 г.), писалъ государю: „Возвратившись со службы вашей монаршейской съ границъ Ливонскихъ, полковники съ старшиною и товариществомъ стали на меня чинить великое между собою нареканіе и роптаніе, хотя и за глаза, во первыхъ за то, что понесли такіе труды и въ хозяйствѣ своемъ ущербъ отъ дальняго похода; вотгорыхъ, что за сѣно немало ихъ товарищества побито и потоплено, оружіе и кони на сѣнахъ отниманы, и, несмотря на ихъ жалобы, управы имъ не дано въ тѣхъ селахъ, гдѣ ихъ грабили и убивали. Особенно же ропщутъ они за то, что во Псковѣ при отпускѣ взяли у нихъ пушки полковыя. Эти возвратившіеся войсковые люди поднимаютъ на ропотъ оставшихся въ Малороссіи, всѣ въ одинъ говоръ ропщутъ на меня, будто я за ихъ права и вольности не стою, и вамъ, великому государю, за нихъ не быю челомя, что такія новыя дѣла надъ ними дѣлаются. Не знаю, за что взяты пушки; я не умѣю имъ отвѣчать и утолить ихъ ропотъ. Покоретвенно быю челомя о извѣстительномъ и наставительномъ указѣ на счетъ пушекъ. Получивъ указъ, я тотчасъ бы обослалъ по всѣмъ полкамъ универсалами, дабы утолить ропотъ. Особенно буду писать къ Запорожцамъ, у которыхъ городовые казаки тѣ сплетни и плевелы посылъи, а тамъ издавна и безъ всякихъ случаевъ нетрудно быть переговорамъ и лишнимъ словамъ“.

Посланному къ нему стольнику Лугавинову Мазепа говорилъ подробнѣе: казаки, стоя во Псковѣ, ѣздили покушать конскій кормъ на чехи, но тамошніе жители на чехи имъ не продавали, а у казаковъ, кромѣ чеховъ, другихъ денегъ нѣтъ, и они ѣздили по уѣздамъ и брали конскій кормъ, но тутъ у нихъ коней и оружіе поотнимали и самихъ человѣкъ съ 40 въ воду побросали, а иныхъ до смерти побили. Били они челомя обѣ управѣ боярину Бор. Петр. Шереметеву, но онъ ничего не сдѣлалъ. Казаки говорятъ, что гетманъ ѣздилъ въ Москву и получилъ кавалерство, а о нихъ и о нуждахъ ихъ великому государю не доноситъ и не бьетъ челомя, а они въ этихъ службахъ въ-конецъ разорились. Говорятъ тайно между собою: если гетманъ о ихъ обидахъ не будетъ бить челомя великому государю, то они пойдутъ служить къ королю Польскому или Шведскому. „Я“, говорилъ Мазепа, „и самъ ихъ боюсь, потому что надежные сердюки всѣ разосланы во Псковъ, а при мнѣ надежныхъ людей моего regimentу теперь мало число, а московскихъ стрѣльцовъ только триста человѣкъ; прому стрѣльцовъ прибавить и сдѣлать

¹⁾ Fryxell, I, 133.

²⁾ Подробнѣе военныхъ дѣйствій см. у Голикова — Дѣянія П. В. II, 59; Устрялова IV, 110

³⁾ Кабинетъ II, кв. № 1.

тысячный полкъ, для моего обереганія. Великій государь указалъ бы мнѣ на свою службу идти; надобно мнѣ vybrать войска доброго съ 30,000 или по крайней мѣрѣ 20,000 и идти Литвою, потому что этотъ путь близкій и кормный“.

Велѣдъ затѣмъ гетманъ даль знать государю, что въ январѣ онъ отпустилъ на службу во Псковъ низовое войско Запорожское, и что Запорожцы, не имѣя въ очахъ своихъ ни страха, ни стыда, такъ буйно и дѣлливо шли, что едва на масляницѣ вышли на Смоленскій рубежъ, и сколько на походѣ своемъ причинили неправдъ, грабежей и обидъ людямъ малороссійскимъ и великороссійскимъ, того и пересказать нельзя, едва и непріятель можетъ хуже поступить; за это, прибавляя Мазепа, надобно ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, гдѣ бы лучше отслужили

Петръ велѣлъ сейчасъ же отдать пушки Черкасамъ и нарядить слѣдствіе о томъ, какъ съ ними поступали на сѣвахъ. Шереметевъ отвѣчалъ, что Черкасы сами пушекъ не взяли, потому что везти не-на-чемъ; что, будучи во Псковѣ и во многихъ городахъ въ походѣ, русскія села и деревни они разоряли, людей побивали, топили и грабили. Мазепѣ дано было знать, что такое поведеніе служилыхъ людей его рѣгмента только для него презрѣно и прикрито милостиво; но пусть впередъ скажутъ имъ накрѣпко, чтобъ вмѣсто непріятели надъ своими такого разоренія не чинили.

Мазепа самъ писалъ о буйствѣ Запорожцевъ во время похода; но и отъ тѣхъ, которые оставались на Сѣчи, не было покоя. Въ началѣ 1701 года Запорожцы прислали Мазепѣ жалобу, что селитрянки, которые выдѣлываютъ селитру около рѣки Самары, обѣщали имъ платитъ съ котла по 100 золотыхъ, и обѣщанія не исполнили. Донеся объ этой жалобѣ государю, гетманъ писалъ: „Запорожцы, кромѣ того что берутъ по сту золотыхъ съ котла, притѣсняютъ селитрянниковъ всячески; и деньги, и напитки, и харчи берутъ съ селитрянныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продается не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣчку Самару отъ устья до верху и лѣса, по ея берегамъ растущіе, и дальніе бугераки лѣсовые, и моголы, изъ которыхъ селитра дѣлается, — своимъ; грозилъ майданы селитряные разорить, селитряниковъ съ работниками отогнать, и не только на селитряное дѣло, ни на какую потребу лѣсовые самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то гдѣ бы болѣе способныхъ мѣсть нѣтъ“.

Въ апрѣлѣ новое донесеніе отъ гетмана: войско Запорожское низовое, собравшись въ числѣ трехъ тысячъ, приготова четыре пушки, поставивъ себѣ полковниковъ, хотѣло идти на Ногайскую орду на помощь Крымскому хану. Гетманъ послалъ имъ выговоръ, какъ они смѣли самовольно сноситься съ Крымскимъ ханомъ и идти на Ногайскую орду. Козневой отвѣчалъ: „Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршескаго указа или до-

кладывать вашей возможности, потому что ханъ позволялъ намъ вдругъ, уже вышедши на поле; онъ обѣщалъ намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотѣли идти на ханскій призывъ, а не вѣзькошемъ мы поднимались, и не на Православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь искомная волюсть: кто куда хочетъ — поидетъ и гдѣ хочетъ — добычу беретъ; удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часть-отъ-часу стѣняется людьми городовыми; звѣря и рыбы казакамъ добыть негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ дѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товарищество идти въ помощь хану на орду Ногайскую. Намъ кажется за это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ, — надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собою, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобъ они не только низовое, но и городовое войско призвали себѣ на пагубу.“

Гетманъ самъ вызывался идти въ Ливонскій походъ — и именно Литвою; желаніе его было исполнено, онъ получилъ указъ выступать. Но въ это же время Мазепа бьетъ челомъ, что отъ тяжкихъ походовъ казаки и поселеніе очень злобятся и переговариваютъ между собою, что имъ приходится пропадать до-конца, скоро изгубятъ ихъ Москади частыми и трудными походами, у каждаго мысль — уходить за Днѣпръ. И, для всякаго опасенія, чтобъ надъ нимъ, гетманомъ, не сдѣлали какого зла внезапно, указалъ бы государь быть при немъ тысячѣ человекъ стрѣльцовъ, а жить имъ попеременно: 500 при гетманѣ, а другіе 500 въ Путивлѣ; женъ ихъ и дѣтей привестъ къ нимъ въ Путивль, потому что теперь живутъ въ Батуриинѣ стрѣльцы седьмой годъ безъ женъ, и, впавши въ отчаяніе, дѣлаютъ такіа неистовства, что и выговоритъ стыдно; а въ Батуриинѣ жить имъ съ женами непрілично, потому что дѣлаются отъ нихъ батуриинскимъ жителямъ великія обиды, кражи безпрестанныя. Но этого мало; въ іюлѣ 1701 года Мазепа даль знать Головину о прелестяхъ татарскихъ. Ханскій визирь, зазванный къ себѣ гетманскаго посланца, говорилъ ему: „Гдѣ вашъ царь? — на Воронежѣ корабли строятъ; — донепрасну трудитесь! Для чего вашъ царь пренебрегаетъ ханомъ и вѣсьмъ государствомъ Крымскимъ? Для чего не хочеть намъ казны давать поирежнему? Если надѣется на силу, такъ и ханъ такъ же силенъ: какъ сядемъ на коня, то будетъ съ нимъ двѣсти тысячъ сабель. Вели надѣется на Калмыковъ, то и та надежда даровая; это Цыгане, толькокъ имъ казну отъ царя братъ; а съ нами никогда по правдѣ не будутъ биться. Скажи гетману, что если онъ словамъ моимъ не вѣрится, то пусть созоветъ раду и мои слова объявитъ старшинѣ и черни: увидятъ, что всѣ возмутятся за нашу любовь, только пусть обнадежитъ всякаго, что вольно все говорить. Знаемъ мы хорошо, что у васъ, на Украинѣ, дѣлается; знаемъ, что всѣ казаки обни-

щали; а когда будутъ съ нами попржнему въ братствѣ, то въ нѣсколько лѣтъ станутъ такъ же богаты, какъ при Хмельницкомъ были; я говорю именемъ хана и всего Крымскаго государства; жаль намъ васъ, какъ людей воинскихъ: скоро пропадете, держась того народу Московскаго.“

Послѣ такихъ донесеній отъ Мазепы понятно, почему онъ получилъ указъ возвратиться назадъ въ Батурино. Гетманъ обидѣлся или, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что обидѣлся, и 20 июля 1701 года писалъ Головину: „Монаршескій его царскаго пресвѣтлаго величества ямной указъ — дабы я возвратился въ Батурино, послалъ на свое мѣсто съ нѣсколькою надесять числомъ войска наказнаго гетмана, засталъ меня въ литовскихъ краяхъ, въ 12 мильхъ отъ Могилева; и съ какою моею жалостію и стыдомъ отъ тутошнихъ жителей возвращаюся вспять, — самъ Богъ, испытуя сердца и угробы человѣческія, лучше знаетъ. Не такъ для поднятыхъ трудовъ чрезъ толь долгую непотребную дорогу, какъ для того, что по должному моему намѣренію не сталося, когда-жъ такъ себя было выбралъ въ ту военную дорогу съ сердечною охотою и немалымъ моимъ коштомъ, чтобы я то показалъ бы по себѣ не на словахъ, не на бумагѣ, но самымъ дѣломъ, предъ всѣмъ свѣтомъ въ его монаршескихъ очахъ, что естъ вѣрный подданный“. Мазепа отправилъ ко Пскову четырехъ полковниковъ, Миргородскаго, Переяславскаго, Полтавскаго и Лубенскаго, да наказнаго Нѣжинскаго съ семнадцатію тысячами войска, и наказнымъ гетманомъ назначилъ полковника Миргородскаго (Данилу Апостола).

Послѣ Эрестферской битвы этотъ наказный гетманъ прислалъ Мазепѣ жалобу: „Генераль сталъ въ мызѣ Эрестферъ и войска великороссійскія около себя поставилъ неподалеку по всѣмъ дорогамъ и малымъ путямъ, и всему войску далъ позволеніе, чтобы охотіе шли на всѣ стороны въ загоны, разоряли и жгли; наши Малороссіяне, какъ большіе охотники до добычи, едва не до самаго Юрьева Ливонскаго ѣздили загонами и много добычи привозили въ свои таборы. Но войска великороссійскія, вѣрно наученныя нарочно, по всѣмъ дорогамъ у казаковъ отнимали силою добычу и самихъ нещадно побивали, отъ чего бѣдному нашему войску безестіе и ругательство; а теперь, какъ слышимъ, въ нашихъ перьяхъ шеголетъ, нашу добычу корыстуется самъ региментующій (Шереметевъ), а нашу усердную и вѣрную службу предъ монархомъ осуждаетъ и ругается. Еще во Псковщинѣ будучи, слышали мы въ народѣ слова, будто отъ насъ никакого не было дѣла и службы, но терпѣли, видя недоброхотство региментующаго ко всему краю нашему. Слыша отъ насъ, какія тамъ нестерпимыя недоброхотства, едва ли кто впередъ изъ Украины нашей туда на службу царскую пойти захочетъ, хотя бы съ великимъ насильствомъ и принужденіемъ“. Но оказалось, что великороссійскія войска немного отняли добычи у казаковъ, потому что

Апостола привезъ въ Малороссію 4 знамени, 5 пушекъ, до двадцати пѣльннхъ офицеровъ, а у простыхъ казаковъ оказалось пѣльннхъ чухонъ, лошадей и другихъ пожитковъ многое число. Знамена, пушки и офицеры были отобраны, вся другая добыча оставлена.

Между тѣмъ, Запорожцы не переставали дѣлать непріятности: въ октябрѣ 1701 года они разорили селитряные заводы по обоимъ берегамъ Самары; размежевывать земли по рѣкѣ не дали; наконецъ ограбили греческихъ купцовъ, шедшихъ изъ Турціи въ Россію. Султанъ прислалъ въ Батурино съ требованіемъ, чтобы немедленно были отданы его подданнымъ пограбленные у нихъ товары; а раздражать султана въ это опасное время было нельзя, чтобы къ войнѣ Шведской не прибавить еще Турецкую.

Головинъ просилъ у Мазепы совѣта, что дѣлать съ Запорожцами. Мазепа отвѣчалъ: „Имѣешь ваша вельможность высокой разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла, такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого Запорожцы наказанія годны. Я бы имъ давно притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумасброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, еслибы не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотря съ этой стороны какое-нибудь неудовольствіе, ставили когонибудь себѣ наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что и теперь сдѣлать имъ нетрудно“. Головинъ писалъ, чтобы гетманъ звалъ къ себѣ въ Батурино лучшихъ Запорожцевъ и прислалъ ихъ въ Москву. Мазепа отвѣчалъ: „Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чортъ; я уже говорилъ съ Запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ; пыталъ ихъ о разбоѣ надъ Греками; представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: „У насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско Запорожское ипзвое на то позволило“. Естъ у нихъ писарь Зеленецкій, воръ и давній измѣшникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украину Татаръ и Запорожцевъ; разбитый подъ Цариченкою, убѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живетъ, оставя въ Полтавѣ отда, мать и жену. Говорятъ о немъ, что великую имѣеть силу между Запорожцами; въ радѣ молчитъ, а по куренямъ тайно, что хочетъ, то дѣлаетъ. Еслибы далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись бы, ибо недостаточное дѣло, чтобы Запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи облажены либо отъ хана, либо отъ Поляковъ“.

Головинъ рассердился, что, вмѣсто совѣта, какъ наказать Запорожцевъ, Мазепа отдѣлался комплементами. Мазепа отвѣчалъ: „Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ такъ для того только, чтобы не подать

на себя большого подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ Запорожцамъ какой-нибудь злости, а не для общаго добра и вѣрной службы; потому что и первое мое донесеніе о грабительствѣ Запорожцевъ, шедшихъ въ Псковъ на службу, ни во что вмѣнено, а они, возвратясь, своими песнями губили люты: „Гетманъ-то насъ хотѣлъ запровадить въ Сибирь или къ Архангельску въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни сукоить, ни по пяти рублей за лани работы не дать.“—Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако отъ такихъ плутовъ терпѣть тяжело“. Мазепа высказалъ неудовольствіе, что по его донесенію Запорожцы не были наказаны; и въ томъ же письмѣ, на вопросъ Головина: наказаніемъ Запорожцевъ неповредитъ бы Украйны?—отвѣчалъ: „Не дай Боже, чтобъ явилось отъ Запорожцевъ какое-нибудь новое зло; итѣя сомнѣнія, что многіе изъ городовыхъ къ нимъ пристають“.

Когда Запорожцы, Герасимъ Крыса съ товарищами, пріѣхали въ Москву за жалованьемъ, то ихъ посадили за караулъ и разспрашивали: когда разбивали Грековъ и селитрянковъ;—они, Крыса съ товарищами, были ли у этого грабежа?

Крыса отвѣчалъ: „Надъ Греками учинили мы грабежъ всею войскою Запорожскимъ, съ общаго совѣта; и какъ ихъ пожитки въ Сѣчу были разграблены, въ то время мы тутъ были и пожитки дѣлили. А пограбили мы ихъ за то, что они Сѣчу нашу мнивали, ругаясь надъ нами, ставя войско Запорожское ни во что, а прежде Греки и другіе купцы мимо насъ никуда не проѣзжали и занимали насъ въ проводники; такъ эти Греки, по нашему обыкновенію, учинились въ арештъ и за арештъ, и мы ихъ пограбили. Какъ селитрянки разорены—не знаемъ: услышали мы объ этомъ на дорогѣ только, и тутъ войско Запорожское не виновато, потому что селитрянки—торговые мужики—завладѣли нашими угодьями“.

Это было въ концѣ 1701 года; въ началѣ 1702 посланъ былъ къ кошевому царскій указъ: отдать Грекамъ все пограбленное сполна, въ противномъ случаѣ Крыса съ товарищами будутъ казнены смертію, и присылка жалованія и запасовъ прекратится. Когда эта грамота пришла на Запорожье и была прочтена въ радѣ, то войско крикнуло на кошеваго атамана Петра Сорочинскаго: „Ты былъ этому дѣлу початокъ; ты говорилъ, чтобъ дѣлать взятые у Грековъ товары по курсямъ, а мы хотѣли, чтобъ они были сложены въ казню войсковой до-поры-до-времени; такъ теперь самъ и отпѣчай!“ Сорочинскій сложилъ съ себя урядъ кошеводства, и на его мѣсто выбрали кошевымъ Константиномъ Гордѣенка. Запорожцы, по выраженію Мазены, повѣсили носы и начали въ чувство приходиться отъ того, что изъ Крыма пришли недобрый вѣсти: ханъ отказался дать имъ помощь противъ Россіи, указывая на мирные договоры съ паремъ. Дѣлать нечего,—Запорожцы написали челобитную великому государю, что подѣлили кулачи красные съ иными не-

дорогими вещами, взять ихъ негдѣ, а дорогіе товары, жемчугъ и прочее уже возвратили Грекамъ: „Умилосердись, великій государь, надъ нами, рабами своими, пзволь гнѣвъ свой монаршескій утилить и посландовъ нашихъ отпустить“.

Съ гетманомъ войска Запорожскаго шли также сношенія по поводу польскихъ требованій, польскаго союза. Возвратившись изъ Биржъ, Головинъ далъ знать Мазепѣ о разговорѣ своемъ съ Щукою, и требовалъ его мнѣнія. Мазепа отвѣчалъ: „Три мѣстечка за Днѣпромъ—Терехтемировъ, Стайки и Триполь—уступить можно.—никакого вреда сторонѣ царскаго величества отъ этого не будетъ, только уступить съ условіемъ, чтобъ вѣчный миръ былъ подтвержденъ подлинно и напечатано было о немъ въ конституціи. А Чигиринъ, Каневъ, Черкассы, Крыловъ и другія мѣста уступать никакъ нельзя: если ихъ уступить, то въ державѣ царскаго величества на той сторонѣ Днѣпра останется одинъ Кіевъ, и будетъ безопасенъ, потому что въ чигиринскія мѣста перейдутъ на житье съ этой стороны Днѣпра, въ одно лѣто переселится множество народа; Запорожскіе казакъ будутъ тянуть къ той сторонѣ. Отъ Стародубскаго полка въ польскую сторону нельзя ничего уступить, потому что Стародубскій полкъ отъ Поляковъ раздѣлила рѣка Сожъ, и за тою рѣкою моего гетманскаго владѣнія никакого итѣя, а сюда за рѣку Полякамъ вселяться непристойно. Отъ Поляковъ добраго дѣла не чать: договора вѣчнаго мира они до сихъ поръ не подтвердили и въ конституцію не напечатали; говорятъ, что миръ заключенъ королею, а не Рѣчью Посполитою; многія церкви Божіи обратили на унію; въ прошломъ году начальную русскую соборную Львовскую церковь у благочестивыхъ отняли и отдали уніатамъ. Король, вызвавъ царскія рати подъ Нарву, выдалъ ихъ Шведамъ, а самъ отъ Риги отступилъ. Съ Поляками надо поступать осторожно; кроникары пишутъ: Какъ святъ святомъ, то Полякъ Русину не будетъ братомъ, и донинѣ то все исполняется отъ нихъ самымъ явнымъ дѣломъ“⁴).

Но скоро дѣла приняли такой оборотъ, что объ уступкахъ въ польскую сторону не нужно стало болѣе толковать.

Еще въ августѣ 1701 года князь Григорій Долгорукій, находившійся при королѣ Августѣ, доносилъ Петру: „Королевское величество изволилъ мнѣ сказывать: вѣдомость получилъ, что король Шведскій съ войсками идетъ въ Польшу; только онъ о томъ печали никакой не имѣетъ; а когда Шведы большими войсками въ Польшу вступятъ, то могутъ Поляковъ на себя озлобить; а въ нынѣшнемъ также дальнемъ разстояніи шведскихъ войскъ отъ московской границы въ Лифлянтъ войскомъ В. В—ства потребно нападеніе учинить, что и помогать скоро шведскимъ войскомъ будетъ невозможно; а болше бы учинить плѣнь и разореніе, дабы вой-

⁴) Книги Малорос. Приказа 1071 г. Дѣла Малорос. того же года въ Моск. Архивѣ Мин. Ип. Д.

ока шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства, отъ чего могутъ идти на зиму къ себѣ черезъ море¹⁾. Совѣтъ былъ прииятъ; плѣнъ и разореніе сопровождали движеніе Шереметева въ Лифлянтахъ. Послѣ Эрестферской побѣды фельдмаршалу хотѣлось отдохнуть; но Петръ не любилъ давать отдыха ни себѣ, ни другимъ, особенно въ такое время, когда ни на минуту нельзя было ослабить напряженіе силъ. Въ началѣ января 1702 года Шереметевъ сталъ проситься въ Москву: „Жена живетъ на чужомъ подворьи, — надобно ей домъ сыскать, гдѣ бы голову преклонить“. Предлогъ былъ слишкомъ страненъ. Шереметевъ поправился и написалъ, что ему необходимо быть въ Москвѣ для донесенія о нужныхъ дѣлахъ. „Полагаемъ то на ваше разсужденіе“, отвѣчалъ Петръ; „а хотя бы, чтобъ на страстной или на шестой прѣхвать, а на святой наки назадъ“²⁾.

Не давая отдыха Шереметеву, Петръ не давалъ его и человѣку, который былъ постарше Шереметева, — надзирателю артиллеріи Виниусу. Отъ 21 февраля Виниусъ писалъ царю³⁾: „Нынѣ, прѣхавъ къ Москвѣ, господинъ тайный совѣтникъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ) мнѣ, рабу вашему, вашимъ великаго государя указомъ сказалъ, что вы изволили потребовать отъ меня перевода уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, государь, въ прошломъ году былъ на вашей службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а прѣхавъ въ Глуховъ, съ начала мѣсяца іюля лежалъ цѣсколько недѣль въ разслабленьи, а которые дни было мнѣ отраднѣе, въ тѣ трудился надъ лексикономъ галанскимъ, а надъ воинскими правами не работалъ, понеже чаялъ иные люди то исправятъ; а нынѣ къ Москвѣ прѣхавъ, въ домикѣ моемъ обрѣлъ поставлены Шведы во всѣхъ житяхъ и до нынѣ не сводятъ; а было ихъ сначала болши 200 человекъ, и въ домъ меня не пустили, и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три. Оттого, государь, тому дѣлу учинилась остановка и мнѣ не малое отъ постою разореніе. А нынѣ, государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудиться я, поелику смогу, буду работать; однакожь рукою правую въ писмѣ мнѣ зѣло тяжко, едва имя свое подписываю, но уповаю снмъ великимъ постомъ галанскіе артикулы совершить; а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій государь, на мя, нижайшаго раба своего: воистинно сталъ быть дряхль, едва брожу, ужъ семидесятый годъ доходитъ; желаніе, вѣсть Богъ, есть, да сила по вся дни скудѣетъ“. Весною дряхлый, разслабленный старикъ поѣхалъ въ Новгородъ и Псковъ по артиллерійскимъ дѣламъ; возвратился въ Москву и сталъ собирать — въ Сибирь! Надобно было посмотреть тамошніе рудники и заводы. Изъ Голубовска Виниусъ писалъ: „Съ Москвы я въ путь сей дался іюля 28 и, прѣхавъ черезъ казанскіе

предѣлы зѣло дальними и трудными мѣстами, достигъ въ Сибирь на желѣзныхъ заводахъ, что построилъ князь Михайла Яковлевичъ (Черкасскій) на рѣкѣ Каменкѣ, идеже и въ иныхъ мѣстѣхъ толкое обрѣтъ множество рудъ желѣзныхъ, что мно до окончанія міра не выкопаются, а чаю, что прежде лѣса выдутъ, нежели руда“⁴⁾.

Въ концѣ мая Петръ началъ торопить Шереметева къ выступенію изъ Пскова въ Лифлянты: „Есть вѣдомость, писалъ онъ ему, что непріятель готовить въ Лифлянты транспортъ изъ Помераніи въ 10,000 человекъ, а самъ конечно пошелъ къ Варшавѣ; теперь истинный часъ (прося у Господа силъ помощи), пока транспортъ не учиненъ, поискомъ предварить“⁵⁾.

Шереметевъ двинулся съ тридцатитысячною армією противъ Шлиппенбаха, у котораго было 8,000. 18 іюля арміи встрѣтились при Гуммельсгофѣ, — и Шведы потерпѣли страшное пораженіе: потеряли около 5,500 убитыми, 300 плѣнными, всю артиллерію; Русскіе потеряли около 400 убитыми и столько же ранеными. Петръ, узнавши о побѣдѣ, писалъ Шереметеву, чтобъ разорилъ Ливонію, „чтобъ непріятелю пристанища (найти) и скучуе своимъ городамъ подать быто невозможно“⁶⁾. Приказаніе было исполнено. Шереметевъ взялъ два значительныхъ города (Вольмаръ и Мариенбургъ), шесть малыхъ, и страшно опустошилъ всю страну. „Чиню тебѣ извѣстно, писалъ онъ Петру, что Всевильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку; и отъ Риги возвратились загонные люди въ 25 верстахъ, и до самой границы польской; и только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колыванъ (Ревель), и межъ ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ, около моря же, да Рига, — а то все запустошено и разорено въ конецъ. Пошло въ разныя стороны отряды Калмыковъ и казаковъ для конфузій непріятеля. Прибыло мнѣ печала: гдѣ мнѣ дѣтъ взятый полонъ? — тюрьмы полны, и по начальнымъ людямъ вездѣ; опасно того, что люди какіе сердитые (т. е. плѣнники)! Тебѣ извѣстно, сколько ужъ они причинъ сдѣлали, себя не жалѣя; чтобы какія хитрости не учинили: пороку въ погребѣхъ бы не зажгли; также отъ тѣсноты не почали бы мереть; также и денегъ на кормъ много исходить. а провожатыхъ до Москвы одного полку мало. Вели мнѣ объ нихъ указъ учинить. А Чухны, выбравъ лучшихъ людей 100 семей, которыя умѣютъ овые топоромъ, овыне иные художники, а въ тѣхъ семьяхъ будетъ больше 400 душъ, для азовской посылки, и тѣхъ тотчасъ за тепло вѣлю гнать къ Москвѣ и отдать Тихону Никитичу Стрѣшневу, какъ онъ съ ними ни изволитъ. Августа 31 числа пойду къ Пскову;

¹⁾ Польскія дѣла 1701 года въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Донесенія отъ 27 августа.

²⁾ Начертаніи письма П. В. къ Шереметеву.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 2.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 2.

⁵⁾ Herman, — Geschichte des russischen Staates IV, 126.

⁶⁾ Гисторія Свейской войны и Записки Желябужскаго. См. предыдущее (5) примѣчаніе.

больше того быть стало не возможно, въ-конецъ изнужились крайне, обезлѣбили, и обезлошадѣли, и отяготились по премногу какъ ясиремъ (полономъ) и скотомъ, и пушки везть стало не на чемъ, и новыхъ подводъ взять стало неоткуди, а въ Псковѣ нѣтъ“¹⁾.

„Борисъ Петровичъ въ Лифляндахъ гостилъ изрядно довольно“, писалъ Петръ Фед. Матв. Апраксину²⁾. Въ то же самое время въ Ингрии гостилъ такимъ же образомъ околничій Петръ Апраксинъ, который рѣкою Невою до Тосны и самой Ижорской Земли прошелъ, все разорилъ и развоевалъ, прогнавши шведскій отрядъ отъ Тосны къ Канцамъ (Нюеншанцъ, Невская крѣпость). Посланный Апраксинымъ на судахъ въ Ладожское озеро, полковникъ Тыртовъ нѣсколько разъ дрался со Шведами и принудилъ ихъ удалиться подъ Орѣшекъ (Нотенбургъ). Но царю было „не зѣло пріятно“, что Апраксинъ не исполнилъ наказа и развоевалъ страну, которую Петръ считалъ Русскою и въ которой, какъ ближайшей къ завѣтному морю, хотѣлъ утвердиться. Апраксинъ оправдывался, что жегъ селенія по берегамъ Невы, съ цѣлю утѣснить непріятеля въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ³⁾. Самъ Петръ прогостилъ все лѣто 1702 года въ Архангельскѣ, ибо весною получено было извѣстіе, что Шведы въ другой разъ намѣрены пробраться къ тому городу. Въ ожиданіи непріятельскаго прихода, Петръ занимался строеніемъ кораблей. Лѣто проходило, Шведы не показывались, и въ сентябрѣ Петръ явился въ Ладогу, чтобъ лично распорядиться завосованіемъ Ингрии, завосованіемъ морскаго берега. „Если не намѣренъ чего, ваша милость, еще главнаго (сдѣлать въ Лифляндіи), изволь нѣшкавъ быть къ намъ“, писалъ Петръ къ Шереметеву: „зѣло время благополучно, не надобно упустить; а безъ васъ не такъ у насъ будетъ, какъ надобно“. Черезъ пять дней другое письмо къ нему же: „Изволь, ваша милость, немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу; зѣло нужно, и безъ того никакъ быть и не можетъ; о прочемъ же, какъ о прибавочныхъ войскахъ, такъ и о артиллерійскихъ служителяхъ изволь учинить по своему разсужденію, чтобъ сего Богомъ даннаго врѣмени не потерять“⁴⁾.

По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотенбургу, древнему новгородскому Орѣшку на Невскомъ протоцѣ. То была маленькая крѣпость, обнесенная высокими каменными стѣнами; шведскаго гарнизона въ ней было не болѣе 450 чело-вѣкъ, но около полутораста орудій; у осаждающихъ было тысячъ десять войска. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, 11 октября комендантъ принужденъ былъ сдать городъ. Нотенбургъ былъ переименованъ въ Шлюссельбургъ (Ключъ-городъ). Петръ былъ въ восторгѣ, добывши этотъ Ключъ

къ морю, тѣмъ болѣе-что предпріятіе было чрезвычайно трудное. Помнилъ отъ царя радостныя письма къ членамъ компаніи. Къ Апраксину писалъ: „Объявляю вашей милости, что, помощію побѣдъ-давца Бога, крѣпость сія, по жестокомъ и чрезвычайномъ, трудномъ и кровавомъ приступѣ (который начался въ 4 часа по полуночи, а кончился по четырехъ часовъ пополудни), сдалась на акордъ, по которому комендантъ Шлиппенбахъ со всѣмъ гарнизономъ выпущенъ. Истинно вашей милости объявляю, что чрезъ всякое мнѣніе человѣческое сіе учинено и только единому Богу въ честь и чуду приписать“. Петръ извѣстилъ и надзирателя артиллеріи, находившагося въ Сибири, приписавъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожь, слава Богу, счастливо разгрызень. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила“. Вишійсъ отвѣчаль своимъ обычнымъ высокопарнымъ слоюзомъ: „Въ дальнѣйшемъ, государь, во странахъ сихъ сибирскихъ, отъ вашей пресвѣтлѣйшей государственной особы разстояніи шестуя, на отлеглая страны по пустынямъ, во мрачныхъ облакахъ многихъ суетствъ и попеченій о порядномъ уставѣ новопостроенныхъ желѣзныхъ заводовъ и во искорененіи злобы присланныхъ съ Москвы пушечныхъ мастеровъ, нечаянно абіе, яко луче свѣтлаго солнца, мя веліе радостію просвѣтило ваше письмо изъ Нотенбурга, его же всекрѣпкій Господь, яко истинному того крѣпкаго орѣха наслѣднику, вамъ, великому государю, предати изволилъ, и даровалъ нашей новой слезами окропленной артиллеріи и порохомъ побѣдительную силу“⁵⁾.

На слѣдующій (1703-й) годъ, въ апрѣлѣ, отъ Шлюссельбурга внизъ по правому берегу Невы шли русскія войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева; шли они лѣсами большими и малыми, и завидѣли наконецъ, при устьи Охты въ Неву, маленький земляной городокъ, занимавшій не болѣе десятины земли: то были Канпы, или Нюеншанцъ, сторожпвный устье Невы. Противъ городка, за Охтою, посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и съѣздилъ на 60 лодкахъ осмо-трѣть Невское устье. Вечеромъ 30 апрѣля, началось бомбардированіе, утромъ 1-го мая Канпы сдались и переименованы въ Шлотбургъ. Но на другой же день вечеромъ караульные донесли, что на взморьи показались непріятельскіе корабли. 5 мая два шведскихъ судна, шнява и большой ботъ подошли къ устью Невы; бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Мешниковъ съ обоими гвардейскими полками на тридцати лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили и взяли ихъ, несмотря на то, что у Шведовъ были пушки, а у Русскихъ ихъ не было. Людей на обоихъ судахъ было около 80; „Но“, писалъ Петръ Апраксину, „понеже непріятели нардошъ зѣло

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 3.

²⁾ Кабинетъ I, кн. № 24.

³⁾ Кабинетъ II, кн. 2.

⁴⁾ См. примѣч. 5 на стр. 1266.

⁵⁾ Гисторія Свейской войны. Кабин. I, кн. № 24; II, кн. № 2.

поздно закричали, того для солдатъ унять трудно было, которые, ворвався, едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ 8 лодокъ только въ самомъ дѣлѣ было. И сею и къ когда бываемою вѣкторію вамъ милость проздравляю¹⁾.

Петръ и компанія были въ восторгѣ, какъ дѣти при первомъ успѣхѣ въ чемъ-нибудь или при первой наградѣ: „Два непріятельскихъ корабля взяли! небывалая вѣкторія!“ За эту вѣкторію бомбардирскаго капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами. Въ Воронежѣ на радостяхъ начались бои съ Ивашкою Хмельницкимъ, и Ивашка пошибъ.

Петръ стоялъ у моря. Поздравляя его со взя-

тіемъ Ніеншанца или Шлотбурга, Виниусъ писалъ, что этимъ городомъ „отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ“²⁾.

Въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Х. устьемъ Невы начался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія. Въ продолженіи восьми съ половиною вѣковъ шла она все на востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ востокчалась по Западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію.

16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ: рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ П и т е р б у р гъ, столица Россійской Имперіи.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

1) Письмо русскаго резидента въ Польшѣ, стольника Алексѣя Никитина, къ царю Петру поздравительное со взятіемъ Азова.

Я, послѣдней холопъ твой съ повинности своей рабской, вамъ, великому государю, вашему царскому пресвѣтлому величеству, къ вамъ принесу похвалу недовѣры, понеже витистовати не могу, только по воздаіиіи Господу Богу благодаренія неумѣннѣемъ своимъ поздравляю тако:

Что солнце на небѣ, то монархъ на землѣ дѣлаетъ, пресвѣтлѣйшій великій государь, мой милостивый государь, государь премилосердый, солнце темныя разгоняетъ облаки, свѣтъ увеселяетъ, солнце природностію своею злые приметы изъ земли вытягиваетъ, добрыя вводитъ, солнце страшны одному сотворенію чинитъ перуны, другому плодовицы громы; солнце дожди жаждущимъ травамъ и цвѣтамъ направляетъ; солнце излишние высушаетъ волости, гдѣ я при поздравленіи своимъ негодномъ о особѣ пресвѣтлой вашей царскаго величества размышляю; не могу еѣ ни къ какому иному сотворенію прировнять, только самому на небѣ свѣтящему солнцу, бо вѣкъ яко солнце хлары ясностію раздѣляетъ, такъ ваше царское пресвѣтлое величество татарскіе розгоняетъ темныя полки, ваше царское пресвѣтлое величество природною должностію злыхъ непріятелей яко злые приметы выкидаетъ, добрыхъ христіанъ вводитъ; ваше царское величество страшны пушками и бомбами и гранатами на поражение непріятели перуны чинитъ, оными радостныя христіанскому свѣту триумфы дѣлаетъ, ваше царское пресвѣтлое величество кровавыя дожди поганскаго свѣта или людей льетъ дабы землю христіанскую въ лаури и палмѣ триумфальне буйну учинилъ, а какъ вашему пресвѣтлому царскому величеству я холопъ твой аще и недостойнъ того, слышу что слава твоя восходитъ до небесъ

поздравствовать и принисать той что солнцу дальности не могу, когда одинъ обрѣтается монарха въ той смутной жалостнаго христіанства ноци правдивымъ солнцемъ, предъ которымъ всѣ монархи яко мѣсяць и звѣзды гаснутъ, гасне турецкій мѣсяць и самъ подъ погы вашего царскаго пресвѣтлаго величества пышно хоронгвей азовскихъ стеле одѣяніе, орель cesарскій дивуется ясности триумфовъ вашего ц. п. в., орель польской отъ окаменелаго сердца своего въ нечасности задумался храбрости вашей, а лиліи французскіе не сохнутъ ли отъ гуквъ и отъ молнія триумфовъ вашего ц. п. в., однимъ словомъ, гишпанское, португалское, англиское государства, и галаская и венецянская рѣчь посполитая на тѣ побѣдительства смотря радуются и славу возсылаютъ. Велія в. и. ц. в. слава, которая отъ заходу ажъ до восходу разошлася солнца, занимаетъ неумѣстныя къ выславленію уста мои; хвала возносящая имя в. ц. п. в. подъ небеса рѣчь, мою глушить, когда дрожитъ предъ в. ц. в. Азія, утекаетъ предъ громомъ Африка, кроется предъ блистаніемъ вашего великаго государя меча Америка. Ставилъ нѣкогда цесарской шахъ Дарій солнечнымъ имянемъ, но дарова его была слава, когда отъ Александра не яко солнце почтень, но какъ человекъ обесчещенъ и пораженъ учинился, вашему ц. п. в. только самого солнца имя служить, который ясностію дѣлъ на морѣ и на земли поганство яко паташыра не могущаго на свѣтлость глядѣть ажъ въ погребы адскіе прогоняетъ; одинъ Петръ князь апостольскій отъ востоку вѣрныя благочестивой врата намъ до новаго Іерусалима отворилъ, одинъ Петръ монархъ Россійской в. ц. п. в. отъ заходу солнца и солнца до святой земли до Іерусалима стараго двери от-

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 1. Гисторія Свейской войны. Кабинетъ I, кн. № 15, 19, 24.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 2.

валилъ. Петръ апостольскій на зачпнаніи церкви святой а вѣру православную на распространеніе чудеса прививалъ, вы великій государь Петръ вожь монарховъ оную въ поганской земли за Божією помощію крестомъ святымъ и мечемъ своимъ распространяеть. Разшириль счастливо православную христіанскую вѣру пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь, будеть имя Христово съ тобою, дабы тою вѣрою множество поганъ привель, которою святой Петръ болши рыбъ нежели сѣтью наловиль. Наврачай яко чудеса Петръ апостоль то в. ц. в. мечемъ и страхомъ имени своего не толко тысячами людей, но и мѣсть непріятельскихъ; буди бытіе в. ц. в. до тѣхъ мѣсть народу нашему свѣтити пока солнце свѣту, умножай непрестанно золотыхъ променами цнотъ своихъ намъ вѣковъ, яко солнце золотой руды не престаеть чпнить. Живи счастливо пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь в. ц. в. Богу на хвалу, тріумой па радость христіанскому свѣту, побѣждай на славу имени своему, вали непріятели на оборону Креста Христова, чтобъ заслуживъ себѣ на свѣтѣ неслертельной славы стараго Іерусалима земли святой кровію Христовою занасъ окропленную доступивши, добился и вѣчнаго вѣнца и новаго Іерусалима, до котораго вѣсь великаго государя все христіанство молитвами своими донесуть, гдѣ и я яко послѣдній холопъ в. ц. п. в. государя моего премилости-

ваго въ томъ желаніи есть. (Изъ Польскихъ дѣлъ 1697 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.)

2) Пѣсня (1699 года):

Какъ рябина, какъ рябина кудрявая!
 Какъ тебѣ не стошится,
 Во сиромъ бору стоющ.
 На болотину смотрячи!
 Молодица ты холодушка,
 Молодица ты пригожа!
 Какъ тебѣ не стошится
 За худымъ мужемъ живучи,
 На хорошаго смотрячи.
 На пригожаго глядучи?
 Наварю я пива пьянаго,
 Накурю я вина зеленого,
 Напою я мужа пьянаго,
 Положу его средь двора,
 Оболоку его соломою,
 Зажгу его лучиною.
 Выйду я на улицу,
 Закричу я своимъ громкимъ голосомъ:
 Осудари вы люди добрые,
 Вы сусѣди приближены!
 А пачесъ громотъ былъ,
 А пачесъ молонья сверкала,
 Моего мужа убило,
 Моего мужа оналило
 А ты б... страдинна!
 А не грохъ убилъ, а не молонья сожгла,
 А ты сама мужа извела.

(Столбцы Приказаго стола, № 3313.)

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Томъ пятнадцатый.

Глава I.

Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Строеніе судовъ для Балтійскаго моря.—Борьба съ Шведами за Петербургъ.—Отображеніе у Шведовъ старыхъ русскихъ городовъ.—Опустошеніе Эстоніи.—Взятіе Дерпта и Нарвы.—Шведы отражены отъ Петербурга.—Сношенія съ Польшею.—Паткуль въ русской службѣ; его дѣятельность.—Русскіе вспомогательныя войска подъ начальствомъ Паткуля.—Отношенія Паткуля къ малороссійскимъ казакамъ.—Окончаніе дѣятельности Палѣя.—Сношенія съ Вѣнскими Дворомъ.—Паткуль въ Вѣнѣ.—Дѣятельность Матвѣева въ Голландіи.—Постниковъ въ Парижѣ.—Французскій посланникъ Балюзъ въ Россіи.—Матвѣевъ въ Парижѣ.—Сношенія съ Турціею.—Дѣятельность Петра Толстого въ Константинополѣ.

Въ Невскихъ устьяхъ снѣжили строить городокъ—морское пристанище для иностранныхъ судовъ; но строитель не хотѣлъ, чтобъ этотъ новый городокъ, его тезка, похожъ былъ на старый Архангельскъ, гдѣ виднѣлись только иностранныя корабли: на берегахъ Свири кипѣла сильная работа, въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ *ронили* громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Но враги не отдадутъ безъ боя Балтійскаго моря. На Невскихъ устьяхъ строятъ русскій городокъ, а подлѣ нихъ все лѣто 1703 года стоятъ 9 шведскихъ кораблей, и нечѣмъ отразить ихъ: русскіе корабли еще только строятся на Свири. Другое дѣло на сухомъ пути: здѣсь можно помѣряться съ Шведами, который покинутъ своимъ королемъ и можетъ выставить для борьбы только небольшіе отряды. Къ рѣкѣ Сестрѣ подошелъ шведскій генералъ Кронгортъ; самъ Петръ въ началѣ іюля пошелъ на него съ четырьмя конными полками: „Вой начать и счастливо совершенъ, непріятель прогнанъ, и згло много его порубили, полсже солдаты брать живьемъ его не хотѣли“¹⁾. Съ береговъ Сестры Петръ отправлялся въ Лодейное Поле спускать суда. А между тѣмъ наступила осень. Меншиковъ съ Русскими людьми впервые познакомился тутъ съ петербургскимъ октябремъ: солнца давно уже нѣтъ, страшный вѣтеръ и дождь цѣлый день. Тяжко стало Меншикову; онъ зоветъ Петра, пишетъ ему съ обычными шутками: „Не вѣдаемъ, для чего такъ замѣшались; развѣ за тѣмъ медлене чинится, что ренскаго у вась, вѣдаемъ, естъ бочекъ съ десять и

больше, и потому мнѣмъ, что, бочки изпражня, хотѣли сюда прѣхать, или которыя изъ нихъ разохлись, замачиваете и размачиваете. О семъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не случилось“²⁾. Но послѣ шутокъ Меншиковъ сообщаетъ важное извѣстіе: шведскіе корабли, за осеннимъ временемъ, отошли отъ Невскаго устья³⁾.

Петръ въ Петербургѣ. На Невѣ уже плаваютъ ледъ; но парь въ морѣ, около Котлина острова мѣрятся морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербургу. Въ ноябрѣ явился въ устья Невы первый иностранный купеческій корабль съ солью и виномъ; губернаторъ Меншиковъ угостилъ шкипера и подарилъ ему 500 золотыхъ, каждому матросу дано по 30 талеровъ⁴⁾.

Въ то время, когда Петръ пробрался къ Невскому устью и началъ строить здѣсь новый городокъ, войска его забирали старыя русскіе города, которые Шведы завелъ за себя. Въ концѣ мая Шереметевъ началъ обстрѣлывать Копорье,—и крѣпость слалась: „Музыка твоя, писаль Шереметевъ царю, хорошо играть; Шведы горазды танцовать и фортеціи отдавать; а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать“⁵⁾! Сдалися и Ямы, или Ямбургъ, и царь велѣлъ укрѣпить его. „Итакъ, при помощи Вожеіи, Нигрія въ рукахъ. Дай Воже добро окончашіе!“ писаль Петръ⁶⁾. Шереметевъ, доканчивая въ іюлѣ укрѣпленія Ямбурга, писаль уже о зимованьи въ Нигріи; но Петръ отвѣчалъ ему: „Когда

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 2.

³⁾ Исторія Свейской войны; Вѣдомости Московскія, 15 декабря 1703 г.

⁴⁾ Печатныя письма Шереметева, отъ 27 мая.

⁵⁾ Къ Апраксину. Кабинетъ I, кн. № 24.

городъ совершится, лучше, чтобъ вамъ нѣкакой походъ отправить; и, о томъ развѣдавъ, извольте писать, сыскавъ напримѣръ способа два-три; а мы также на тѣ способы дадимъ совѣтъ, который будетъ удобнѣе¹⁾. Чтобъ помочь Шереметеву сыскать способы, Петръ отправилъ къ нему въ Ямбургъ Меншикова. Способъ былъ сысканъ, и въ концѣ августа Шереметевъ переправился за Нарову, пошелъ гостить въ Эстоніи такимъ же образомъ, какъ гостилъ прошлый годъ въ Лифлянтахъ. Гости были прежніе: казаки, Татары, Калмыки, Башкирцы, и гостилъ попрежнему. Шлиппенбахъ бѣжалъ безъ оглядки. 5 сентября Шереметевъ вошелъ безпрепятственно въ Везенбергъ, знаменитый въ древней Русской Исторіи Раковоръ, и кучи пепла остались на мѣстѣ красиваго города. Та же участь постигла Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ, Руинъ; совершенно было и опустошеніе Ливоніи. Въ концѣ сентября, Борисъ Петровичъ возвратился домой изъ гостей: скога и лошадей, по его объявленію, было взято влвое противъ прошлаго года, но Чухонъ меньше, потому что вести было трудно.

У Финскаго залива, въ новорожденной столицѣ строили укрѣпленія, поджидая Шведа; въ старой Москвѣ строили триумфальные ворота, въ которыя долженъ былъ въѣхать царь послѣ покоренія Ингріи. Петръ не зажилъ въ Москвѣ: взоры его были постоянно обращены и на западъ, и на востокъ. Пробывъ лѣто близъ береговъ Балтійскаго моря, зимою онъ поѣхалъ въ Воронежъ; но, занимаясь здѣсь азовскимъ флотомъ, который долженъ былъ сдерживать Турокъ, царь не забывалъ Невскаго устья, и Меншиковъ, остававшіяся зимовать въ Петербургѣ, какъ губернаторъ, получилъ отъ него собственноручную модель крѣпости, которую должно было соорудить на морѣ, для безопасности новаго городка.

Наступила весна 1704 года. Петръ былъ въ Петербургѣ; надобно было защищать этотъ дорогой городокъ; но Петръ не хотѣлъ ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? Въ Ливоніи и Эстоніи опустошатъ было нечего болѣе; но была тамъ двѣ сильныя крѣпости, утвержденія въ которыхъ было дѣломъ первой важности для Россіи на случай, когда Карль XII обратитъ противъ нея свои главные силы: то были Дерптъ и Нарва. Надобно было сплнить ихъ покореніемъ, пока „Шведъ увязъ въ Польнѣ“, по выраженію Петра²⁾. 30 апрѣля Шереметевъ получалъ приказаніе отъ царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметевъ далъ знать, что генералъ фонъ-Верденъ взялъ на рѣкѣ Эмбахѣ 13 шведскихъ судовъ, плывшихъ въ Чудское озеро. Петръ „съ превеликою радостію принявъ извѣстіе о пресчастливой побѣдѣ въ нечаянномъ случаѣ“, и подтвердилъ Шереметеву приказаніе „идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не

пропустить, который послѣ найти будетъ нельзя.“ У Шереметева сборы шли медленно; Петръ торопиль: „Немедленно извольте ождать Дерптъ, и зачѣмъ мѣшкаете,—не знаю. Еще повторяя, пишу, не извольте медлить.“ Шереметевъ оправдывался въ своей медленности тѣмъ, что сталъ здоровъ не по старому, что одинъ, ни отъ кого помощи не имѣеть: „Легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зпалъ“³⁾.

Въ началѣ іюня Шереметевъ подошелъ къ Дерпту и началъ осадныя работы. Осада затянулась. Для ускоренія дѣла, 2 іюля явился подъ Дерптъ самъ царь и на третій день писалъ Меншикову: „Здѣсь обрѣли мы людей въ добромъ порядкѣ; но кромѣ дѣла, ибо двѣ анипрши съ батареями принуждены бросить за ихъ неудобствомъ, третью передѣлать, и просто сказать, кромѣ зарѣчной батареи и Балковыхъ шанецъ (которые недавно предъ прѣѣздомъ нашимъ зачаты), все негодно и туне людей мучили. Когда я спрашивалъ ихъ: для чего такъ? то другъ на друга (т. е. вину складывали), а больше на пераго (т. е. Шереметева), который столько же знаетъ. Инженеръ челоѣкъ добрый, но зѣло смиренный, для того ему здѣсь мало мѣста. Здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, уже кажется и надъ мѣру; но я принужденъ сію ихъ Сатурнову дальность въ Меркуриусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что уже 2,000 бомбъ выметано безпутно. Врешь, чаю, зачѣмъ кончае по четырехъ дняхъ, зѣло въ изрядномъ мѣстѣ, гдѣ муръ только указу дожидается, куды упасть; а съ прочихъ мѣстъ зѣло укрѣпленъ. Боже! помози немедленно окончить. Однакожь, какъ самъ можешь знать, надлежитъ отъ 10 до 7 дней оному продолжену быть. Здѣсь ничто мнѣ (не) въ пользу, токмо что люди, которые, слава Господу Богу, зѣло бодры и учреждены, и число ихъ вѣще 20,000“⁴⁾.

Послѣ упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 іюля, когда Русскіе уже готовы были воротиться въ городъ, комендантъ затрубилъ къ сдачѣ: „И такъ, съ Божию помощію, спмъ нечаемъ случаемъ, сей славный отечественный градъ нами полученъ“, писалъ Петръ къ своимъ⁵⁾.

Въ то время какъ Шереметевъ осаждалъ Дерптъ, другое русское войско стояло у Нарвы, подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, приговореннаго въ русскую службу Паткулемъ въ Вѣнѣ на три года. По взятіи Дерпта, царь отправился подъ Нарву. 9 августа былъ назначенъ штурмъ. Несмотря на упорное сопротивленіе шведскаго гарнизона, Русскіе ворвались въ городъ и произвели въ немъ страшную рѣзню, безъ пощады женщинамъ и дѣтямъ. Черезъ два часа послѣ штурма, въѣхалъ въ Нарву самъ Петръ съ Огильви, и велѣлъ прекратить грабежъ,

³⁾ Голицковъ, X, стр. 150 и слѣд.; письма Шереметева къ царю напечатанныя.

⁴⁾ Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

⁵⁾ Кабинетъ I, кн. № 2.

¹⁾ Голицковъ, X, стр. 124.

²⁾ Голицковъ, X, стр. 61.

причемъ, говорятъ, закололъ шпагою одного солдата, не хотѣвшаго слушаться приказанія, и потомъ, показывая свою окровавленную шпагу парвскимъ жителямъ, говорилъ: „Не бойтесь! это не шведская, а русская кровь“¹⁾). По обычаю, пошлиписьма отъ царя къ своимъ о взятіи Нарвы: „Гдѣ передъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями učinилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣтницы шпагою въ три четверти часа получили“²⁾). 16 августа сдѣлся Иванъ-городъ.

Въ то самое время, какъ Петръ шпагою бралъ старые отечественные грады, новый его городокъ, Петербургъ, долженъ былъ отбиваться отъ Шведовъ. 12 іюня 1704 года, на Выборской сторонѣ явилось шведское войско, подъ начальствомъ генерала Майделя, и начало стрѣлять въ Петропавловскую крѣпость; комендантъ ея, Романъ Брюсъ, отстрѣливался удачно, и Майдель счелъ за лучшее отступить. Съ другой стороны, такъ же неудачно окончилось покушеніе шведскаго флота овладѣть Кроншлотомъ.

Счастливымъ 1704 голю былъ дожить царемъ въ Москвѣ. Въ старой столицѣ праздновали взятіе старыхъ отечественныхъ городовъ. Въ семь триумфальныхъ воротъ входили побѣдители съ знатнѣйшими плѣнниками и пушками, отбитыми у непріятеля. Въ февралѣ 1705 года Петръ уѣхалъ въ Воронежъ къ кораблямъ, а между тѣмъ уже дѣлалось приготовленіе къ новому походу на западъ. Куда же будетъ этотъ походъ? До сихъ поръ Петръ пользовался временемъ; пока „Шведъ увязъ въ Иольпѣ“, овладѣлъ Ингрию, основалъ корабельное пристанище въ устьяхъ Невы, взялъ Дерптъ и Нарву, опустошилъ въ-конецъ Ливонію и Эстонію. Цѣль войны была достигнута, больше ничего не хотѣлось получить отъ Шведа. Захочетъ Шведъ мириться, больше ничего отъ него не потребуется, въ крайности можно будетъ отдать ему и Дерптъ и Нарву, удержавъ только драгоцѣнный Петербургъ; не захочетъ Шведъ уступить ничего, захочетъ все отвоевать,—трудна будетъ ему война въ опустошенной странѣ, пусть стоитъ подъ крѣпостями; въ четыре года Петръ достигъ того, что люди его были бодры и учреждены; съ такими людьми была надежда отбиться отъ Шведа. Но всего важнѣе было, чтобъ Шведъ какъ можно долѣе увязъ въ Польшѣ; для этого нужно было помочь Полякамъ.

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и прежде, главное вниманіе Русскаго правительства въ сношеніяхъ его съ Польшою было обращено на положеніе русскаго Православнаго народонаселенія въ Польскихъ владѣніяхъ. 8 марта 1700 года, русскій резидентъ въ Польшѣ, стольникъ Судейкинъ, получилъ царскую грамоту: „Въ девятой статьѣ мирнаго договора сказано, что людямъ благочестивой Греко-

Русской вѣры въ коронѣ Польской и вел. княж. Литовскомъ никакого утѣсненія, къ вѣрѣ Римской и къ униіи принужденія быть не должно; а нынѣ къ намъ, великому государю, донесено, что Православныхъ людей въ Литвѣ бискупы и іезуиты и доминиканы и прежніе униаты, и шляхта разоряютъ, въ унию насильно приволятъ и бьютъ, монастыри и церкви отнимаютъ, а имено—недавно въ Пинскомъ повѣтѣ монастырь Цеперскій, принадлежащій Виленскому братству Св. Духа, отпалъ насильно и въ унию отдалъ князь Несвижскій Радзивиль, канцлеръ вел. княж. Литовскаго, и приобщалъ ко владѣніямъ митрополита униатскаго Зеленскаго; а въ воеводствѣ Минскомъ новоумышленно злобою тѣ же гонители умершихъ Православныхъ христіанъ по древнему обыкновенію хоронить не даютъ; и такого злобнаго мирному договору противнаго гоненія на Православныхъ, какъ нынѣ въ сторонѣ королевскаго величества чинится, никогда не бывало, что намъ, великому государю, удивительно и болѣзненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторамъ, канцлеру и иныхъ чиновъ ближнимъ людямъ говорилъ, чтобъ королевское величество, по должности договоровъ вѣчнаго мира, приказалъ монастырь Цеперскій возвратить попрежнему Православному Виленскому братству Сошествія Св. Духа, и Православныхъ христіанъ къ униіи не обращать и умершихъ хоронить по древнему обыкновенію, и впередъ на такое нештостояно дерзать приказалъ жестокии указами. А если сенаторы стануть тебя спрашивать, кто именно намъ жаловался,—то отвѣчай, что имени этихъ людей объявить невозможно, чтобъ имъ за то и пущаго раззоренія не учинилось“.

Сенаторы проишли резиденту старую пѣсню, что у нихъ насильно въ Католическую вѣру никогда никого не обращаютъ, а если кто добровольно обратится, принимаютъ.—„Какое же это добровольное обращеніе, когда обращенные жалуются царскому величеству на насиліе?“ возразилъ резидентъ. Сенаторы отвѣчали, что ничего не знаютъ о поступкѣ Радзивилла, однако указъ королевскій о томъ къ нему пошлютъ.

12 мая, въ воскресенье, у резидента на дворѣ были въ церкви у обѣдни люди благочестивой вѣры—Вѣльскаго монастыря игуменъ Сильвестръ Троицевичъ съ дьякономъ и церковнымъ причетникомъ да Львовскіе, три человекъ. Долѣе обѣдни пришли они въ свѣтлицу къ резиденту и говорили, что имъ и прочимъ благочестивымъ Греко-Россійской вѣры людямъ отъ бискуповъ, іезуитовъ, доминикановъ и униатовъ гоненія и всякое утѣсненіе великое, грозятъ непрерывно, и нынѣ послѣднюю Львовскую епископію нудятъ въ унию, и Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянекій пріѣхалъ теперь въ Варшаву для того, чтобъ къ униіи притупить и шляхту и мѣщанъ русскихъ въ то же содиненіе привести; однако они, сколько имъ мочи будетъ, никогда добровольно въ униіи быть не желаютъ. Несмотря на договоры вѣчнаго мира, гонятъ здѣсь благочестіе

¹⁾ История Свейской войны; Weber. Das veränderte Russland. I, 67; Hansen.—Geschichte der Stadt Narva, 218.

²⁾ Голицева—Дѣянія, X, 168.

безъ всякаго опасенія, мірскимъ благочестивой вѣры людямъ всякое ненавидѣніе творять, церкви не только вновь строятъ, и древнихъ починивать за-казано. Резидентъ говорилъ имъ, чтобъ они все это дали на писемъ, а онъ донесетъ великому государю чрезъ почту; но они отвѣчали, что на писемъ дать невозможно, потому что сильно боятся католиковъ. Тогда резидентъ приказалъ одному христіанину написать ту ихъ *летицію* тайно, и обнадѣжилъ ихъ, чтобъ имена ихъ и прозвища никогда не открыются.

23 мая пріѣхали къ резиденту архимандритъ Діонисій Жебокршійскій, номинатъ (назначенный) епископіи Лудской, игумены — Почаевского монастыря Іосифъ Исаевъ, Вѣльскаго — Сильвестръ Троицкии, и объявили, что Шумлянскій въ унию приступилъ, и теперь благочестивымъ людямъ горше прежняго чинится гоненіе и къ униі принужденіе, а за нихъ, кромѣ благочестивѣйшаго монарха царскаго величества, стоятъ иныиъ некому, и во всемъ имѣютъ они надежду на милостивое охраненіе, заступленіе и праведное призрѣніе царскаго величества. Резидентъ обнадѣживалъ ихъ, и въ удостовѣреніе, какъ царь заботится о Православіи, показывалъ грамоту къ королю по поводу Цеперскаго монастыря. Въслѣдствіе отъѣзда королевскаго изъ Варшавы, выѣхалъ оттуда за нимъ и резидентъ. Только что пріѣхалъ онъ въ Вильну 11 іюля, пришли къ нему игумень Духова монастыря Исаакій съ братією и мірскіе люди благочестивой вѣры, и говорили съ великимъ плачемъ, что имъ здѣсь чинится отъ іезуитовъ великое гоненіе, иныиъ и теперь сидятъ въ тюрьмѣ на цѣпяхъ для принужденія къ униі. Православные просили резидента, чтобъ онъ постарался какъ нибудь освободить заключенныхъ. Судейкинъ на другой же день, будучи съ визитомъ у гегмана Литовскаго Сапѣги, просилъ его освободить Православныхъ, которыхъ уняты держать на цѣпяхъ, и не поступать вопреки мирнымъ договорамъ. Сапѣга сейчасъ же, при резидентѣ, отправилъ двоихъ іезуитовъ къ униатамъ, чтобъ освободили заключенныхъ. Подъ Ригою Мальборскій хорунжіи говорилъ Судейкину: „Получилъ я письмо изъ Львова отъ вашихъ Греко-Россійской вѣры людей; пишутъ съ плачемъ, что Шумлянскій во Львовѣ и во всей своей епархіи многія церкви обратилъ, также и самихъ ихъ принуждаетъ къ униі, и для уграженія коронный гегманъ Яблоновскій далъ ему отрядъ вооруженныхъ людей. Но въ привилегіи королевской, даданой Шумлянскому, не написано, чтобъ неволить въ унию и церкви обращать, и гегману Яблоновскому полагать ему въ этомъ безъ воли Рѣчи Посполитой не годилось. Донесите объ этомъ королю, и я по королевскому указу къ гегману и къ Шумлянскому отпишу, чтобъ они такъ не дѣлали“. Судейкинъ, донося объ этомъ царю, прибавляетъ: „Повидимому все похлебствуютъ; а истинныиъ отъидуть нѣтъ, и желаютъ конечно, чтобъ у нихъ въ Польнѣ и Литвѣ наше благочестіе изсякло“. По требованію резидента, ко

роль послалъ къ гегману и Шумлянскому листы съ подкрѣпленіемъ, чтобъ не неволить никого въ унию.

Королевскіе листы не надолго доставили спокойствіе галицкимъ Православнымъ. Въ февралѣ 1701 года, къ резиденту въ Варшавѣ начали приходитъ львовскіе братчики съ великимъ плачемъ, что Шумлянскій соборную и другія церкви гвалтомъ отобралъ и принуждаетъ ихъ насильно въ унию. Резидентъ выхлопоталъ у Августа имъ новый листъ, за королевскою рукою, но канцлеръ великій коронный, бискупъ Премышльскій, номинатъ бискупства Краковскаго не захотѣлъ запечатать листа коронною печатью: „Не могу приложить печать“, говорилъ онъ резиденту, „потому что я номинатъ бискупства Краковскаго и со дня на день ожидаю благословенія отъ папы, и если запечатаю листъ, а Шумлянскій дастъ знать папѣ, то папа не пришлетъ мнѣ благословенія“¹⁾.

Палѣи писалъ Мазепѣ въ мартѣ 1701 года: Въ недѣлю Мытара и Фарисея, во Львовѣ служилъ обдѣию Шумлянскій въ соборномъ римскомъ костелѣ; а въ недѣлю Буднаго сына служилъ обдѣию въ церкви градской ксензъ арчбискупъ съ цѣвчими безъ органовъ; проповѣдь сказывалъ священникъ Благовѣщенскій послѣ евангелія на рускомъ языкѣ, а другую—іезуитъ Голимовскій послѣ обдѣи на польскомъ языкѣ. Принудили всѣхъ мастеровъ русскихъ крестъ цѣловать и подписываться на унию; русскимъ благочестивымъ попомъ насильства другого не дѣлаютъ, только Климентъ папу Римскаго, на эктенияхъ, поминать велеть²⁾.

Положеніе, въ которомъ находилось Русское правительство въ началѣ 1701 года, не позволяло ему дѣлать сильныхъ представленій Польскому правительству. Въ Биржахъ не было рѣчи о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ Православные. Въ это время Судейкинъ былъ отозванъ съ резиденства, и посланникомъ въ Польшу отправился, въ февралѣ 1701 года, стольникъ Василій Постниковъ; но въ апрѣлѣ поѣхалъ въ Варшаву для нужнѣйшихъ дѣлъ инкогнито ближній стольникъ и генералъ-адъютантъ, князь Григорій Долгорукій. Постникову приказано „быть послушнымъ Долгорукову и въ настоящемъ тамошнемъ поведеніи согласнымъ, и приводить государевы дѣла ко всякой прибыли, тайно и явно съ осторожностію и прилежнымъ радѣніемъ, писать о дѣлахъ къ великому государю вмѣстѣ и особо каждую недѣлю“. Но Долгорукій скоро написалъ Головицу: „Постниковъ мнѣ чинится ни мало не послушенъ, и говоритъ мнѣ ему не о чемъ невозможно, а я чаю, что станетъ меня скоро лаять; не извольте гнѣваться, я ему говорить ни о чемъ не буду“. Постниковъ былъ отозванъ. Долгорукій остался одинъ на своемъ трудномъ постѣ. Главная забота русскаго посла со-

¹⁾ Москов. Архивъ Мнн. Ин. Д., дѣла Польскія означ. лѣтъ.

²⁾ Архивъ Мнн. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа означ. года.

стояла въ томъ, чтобы Шведей какъ можно глубже завязъ въ Польшу и забылъ о Россіи; а между тѣмъ Долгорукій видѣлъ, что король Августъ тайкомъ старается заключить миръ съ Карломъ XII.

У Долгорукаго впрочемъ былъ сильный союзникъ: во-первыхъ, самъ Карлъ XII. не хотѣвшій мириться съ Августомъ, стремившійся во что бы то ни стало свергнуть его съ престола; во-вторыхъ, страшное беззариѣе, господствовавшее въ Литвѣ и Польшѣ. Въ Литвѣ шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами — Огинскимъ и Сапѣгою. Сапѣга, и прежде пераселенный къ королю Августу, а теперь побѣжденный Огинскимъ, обратился къ Шведскому королю съ просьбою о помощи. Въ Польшѣ также явилась партія недовольныхъ королемъ Августомъ; въ члѣ ея стоялъ архіепископъ Гитзенскій, кардиналъ-примасъ королевства Михаилъ Радзѣвскій, красивый, знатнаго происхожденія, богатый, ученый, краснорѣчивый прелатъ, но при этомъ не имѣвшій ни чести, ни совѣсти. Онъ одобрялъ нападеніе Августа на Ливонію, служилъ благодарственный молебниъ за взятіе Динамюде; но когда Августъ потерпѣлъ неудачи, Радзѣвскій вмѣстѣ съ другими панами, перемѣнилъ свой взглядъ и началъ толковать, что король своевольнъ, безъ согласія республики началъ войну, и потому Поляки не должны въ нее мѣшаться. Въ этомъ смыслѣ завелъ онъ переписку съ Карломъ XII. Шведскій король отвѣчалъ ему, что единственное средство для Поляковъ избѣжать войны — это свергнуть съ престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна выѣшиваться въ войну, начатую ея королемъ, а между тѣмъ Карлъ XII, не обращая никакого вниманія на это различіе между королемъ и королевствомъ, расположился съ своимъ войскомъ въ Курляндіи, бывшей польскимъ леномъ, и Шведы вторгались въ Литву, для подавія помощи Сапѣгѣ.

Карлъ зналъ, что можетъ распоряжаться въ польскихъ владѣніяхъ какъ ему угодно: — сопротивленія не будетъ. Въ октябрѣ 1701 года Долгорукій писалъ: „Какъ у его королевскаго величества, такъ же и въ скарбу Рѣчи Посполитой великую скудость въ деньгахъ имѣютъ; однакожь у его королевскаго величества польскимъ дамамъ, своимъ метрессамъ и на оперы (оперы) и комедіи довольные расходы деньгамъ, за что и нынѣ подстолиной Любомирской дано 20 тысячъ, на оперы оларистамъ 30,000 ефимковъ, а всѣхъ належитъ выдать однимъ оларистамъ на зиму 100,000 ефимковъ; многіе офицеры и солдаты за многіе годы заплаты не имѣютъ и за своими тяжкими долгами въ пинія государства выѣхать не могутъ. Восстану съ великимъ трудомъ нынѣ отправляются дѣла царскаго величества, потому что министръ, которому вручены (Вейхлингъ), держитъ факцію непріятельскую, и никакого добра къ сторонѣ царскаго величества не желаетъ, ни на кумисментъ себя пріятно показатъ не хочетъ, и нынѣ которыхъ я призвалъ инженеровъ и офицеровъ,

явно отъ службы его царскаго величества отбываетъ; а хотя изъ Варшавы высланъ Шведскій посоль, однако и нынѣ много есть резидентовъ шведскихъ, которые служатъ при Дворѣ королевскомъ, такъ-же есть и въ генералахъ“. Въ декабрѣ тѣ же жалобы: „Дай Боже, чтобы Шведы съ Поляками союзу не учинили, потому что кардиналъ (Радзѣвскій) и другія сильныя персоны за шведскія деньги факцію и нынѣ держатъ; также и въ самой высокой персонѣ крѣпости не много“.

Въ высокой персонѣ крѣпости было дѣйствительно не много; высокая персона болыне всего желала заключенія мира съ Шведами; но Карлъ XII не хотѣлъ мириться. Въ маѣ 1702 года польскіе послы при Карлѣ дали знать въ Варшаву, что Шведскій король обѣщаетъ дать имъ аудіенцію въ Гроднѣ, а резолюцію на ихъ посольство хочетъ дать подѣ Варшавою въ Прагѣ. Сенаторы испугались и начали пожатки свои отсылать за-границу; король также собрался выѣхать изъ Варшавы въ Краковъ, велѣлъ слѣдовать за собою и Долгорукому, который писалъ Головину: „Велики опасенія, что многіе сенаторы къ покою гораздо склонны; чтобъ непріятель какимъ-нибудь лукавствомъ не учинилъ намъ противнаго союза. А королевское величество великую скудость имѣетъ въ деньгахъ; на непотребные расходы имѣетъ довольно, а на самое дѣло мало что имѣетъ; зѣло его королевскому величеству деньги потребны для склоненія къ себѣ Рѣчи Посполитой и на заплату войску“.

Карлъ XII безпрятственно вступилъ въ Варшаву 11-го мая съ коннымъ отрядомъ въ 500 человекъ, а передъ нимъ пришли Сапѣжинцы, перемѣшанные со Шведами. „И нынѣ, доносилъ Долгорукій, берутъ въ Варшавѣ деньги и провіантъ, а польскіе послы до сихъ поръ не могли добыться конференціи у Шведскаго короля. Несмотря на то, пные Поляки отъ неразумленія своего желаютъ покою; Богъ знаетъ, какіе безразсудные люди! — не хотятъ смотрѣть на пользу своего государства, каждый смотритъ собственной прибыли, и если котораго непріятель не возьметъ за лобъ, то безъ великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотятъ. Истинно хотя съ ними аліансъ учиненъ будетъ, а продолженіе войны ихъ быть не чаю. Хотя отъ великаго непріятельскаго принужденія войну начнутъ, но ежели отъ наступленія непріятеля за помощью его царскаго величества могутъ свободиться, то, чаю, скоро войну свою пресѣкутъ. Также и высокая персоны безъ охоты, за великимъ непріятельскимъ принужденіемъ войну начнутъ, а чтобъ продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество пзъ той войны впредъ себѣ не чаеть прибыли. Зѣло належитъ намъ помогать какъ возможно нынѣ Полякамъ, не мѣшкая, дабы непріятель не принудилъ ихъ на пась съ собою, понеже посоль французскій имѣетъ при себѣ многія деньги, въ Варшавѣ королю Шведскому велики помогаетъ и пакланяетъ къ нему Поляковъ, отъ чего Боже упаси!“

Въ июль Карлъ поразилъ войска Августа подъ Клиншывомъ, гдѣ съ шведской стороны былъ убитъ зять короля, герцогъ Фридрихъ Голштейнъ-Готторпскій. Послѣ этой победы Шведы заняли Краковъ. Долгорукой доносилъ: „Богъ знаетъ, какъ можетъ стоять Польская республика; вся отъ непріятели и отъ междоусобной войны разорена вконецъ, и, кромѣ факцій себѣ на зло, инаго дѣлать ничего на пользу не хотятъ. Только-бъ какъ ни есть ихъ удерживать отъ стороны непріятельской; а намъ вспоможенія отъ ихъ я никакого не чаю для такого имъ отъ непріятели разоренія: не токмо все государство разорилъ, — изъ костеловъ въ Краковѣ мощи выметалъ, раки и ковчегъ серебряные все побралъ, гробы разорилъ, въ замкѣ домъ королевскій выжегъ, и не токмо купецкихъ и градскихъ людей, но и законниковъ изъ клишторовъ тяжкими поборами выгналъ, и больше того Полякамъ разоренія и руганія дѣлать невозможно. Однако ни на что не глядятъ: все сенаторы щуютъ собственной прибылью. Какое вспоможеніе себѣ пѣвють всегда отъ его царскаго величества — прежде всего въ турецкой войнѣ, и нынѣ, — однако все то ни за что не пѣвють, а не такъ озлоблены на непріятели, какъ давнюю злобу имѣють къ нашему народу, только дѣлать явно за скудость и несогласіемъ не сгѣвють. Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стремени нѣтъ, не по чему взятьъ. Какъ бестя безъ разуму ходятъ, не знаютъ, что надъ ними будетъ. Противъ непріятели контры чинить не смогутъ, и короля отступитъ не хотятъ, только съ обѣихъ сторонъ пѣвють отъ войскъ великое разореніе, отъ Шведовъ и отъ Саксонцевъ. Извольте войскамъ промыслъ чинить въ Лифлянтахъ, какъ васъ Богъ наставитъ, а себя больше имѣть въ надѣянн Божіи. Истинно, какъ на Поляковъ, такъ и на саксонскія войска гораздо надѣяться невозможно: въ обонхъ народахъ великій непорядокъ и скудость; не токмо въ Полякахъ, и въ саксонскихъ войскахъ многие офицеры исполнены шведскою факціею, и не такъ вѣрны королевскому величеству, какъ себѣ пѣвють Шведскаго короля за патрона, такъ же и солдаты противъ непріятели сердца потеряли, за что его королевское величество баталію дать съ непріятели не хочетъ, всегда будетъ убѣгать какъ возможно“.

Къ великому непорядку въ обонхъ народахъ присоединилось казацкое возстаніе на Украинѣ. Коронный гетманъ Яблоновскій поставилъ надъ казаками Польской Украйны наказнымъ гетманомъ Самуся, который жилъ въ Вишницѣ. Потомъ, когда заключенъ былъ съ Туркамъ миръ, то Польское правительство запретило Самусю называться не только гетманомъ, но и полковникомъ, велѣно было присутствіе всѣхъ казаковъ, которымъ указаны для жительства разныя мѣста, а самому Самусю велѣно жить въ Богуславлѣ, гдѣ онъ сдѣланъ осадничкомъ съ правомъ начальствовать надъ всѣми людьми, которыхъ онъ перозоветь на поселеніе, о с а д и т ѣ. Но когда Самусь осадилъ значительное

число людей въ Богуславлѣ, то обозный коронный Яблоновскій, сынъ покойнаго гетмана, прислалъ отъ себя туда на староство Поляка и Жидовъ для сбора таможенныхъ и другихъ пошлинъ, а у Самуся приказалъ отобрать войсковые клейноты — бѣлаву, бунчукъ, печать и пять пушекъ. Самусь перебилъ присланныхъ, старосту-Поляка и Жидовъ, послѣ чего пошелъ съ своими людьми въ Корсуни, убилъ тамошняго губернатора, всѣхъ польскихъ драгунъ и Жидовъ, сдѣлавъ то же самое въ Мысянкѣ, и, намѣреваясь идти подъ Вѣдую Церковь, написалъ 24 июля слѣдующее письмо наказному полковнику Переяславскому: „Благодаримъ всемилостиваго Бога, что наши враги не утѣшились; они не только на самого меня-старца наѣтовали, но и весь народъ христіанскій приговаривали подъ мечъ и на все Заднѣпрье хвалились. Знаю, что оскорбится на меня господинъ гетманъ, что безъ указу его я это сдѣлалъ; однако я по своей обидѣ принужденъ разбрататься съ Ляхами, и не только изъ Корсуни, но и изъ всѣхъ городовъ украинскихъ ихъ выгналъ, а сами мѣшане невѣрныхъ Жидовъ выбили, послыша отъ нихъ отягченія, склоняясь подъ высоковадѣтельную державу царскаго величества и будучи готовы за вѣру христіанскую умереть“.

Извѣщая Головина объ этихъ событіяхъ, Мазепа замѣтилъ: „Сластся мнѣ, что эта война намъ не очень противна, потому что господа Поляки, увидавши изъ поступка Самуся, что народъ нашъ Малороссійскій не можетъ подъ ихъ промъ жить, перестанутъ о Киевѣ и объ Украинѣ напоминать. Разсуждаю и то: не знаю, смѣлъ ли бы Самусь приняться за такое дѣло одинъ, потому что человекъ онъ простой, писать не умѣетъ: не подученъ ли онъ королевемъ встать противъ Яблоновскихъ, какъ непріятели королевскихъ? Если Самусь обратится ко мнѣ за помощію, — что мнѣ дѣлать?“

Мазепа, кромѣ короля, искалъ еще человека, который подучилъ Самуся. Мазепа, послалъ къ Палѣю съ запросомъ: „Скажи по совѣсти христіанской правду, — за твоимъ ли вѣдомомъ Самусь на той сторонѣ началъ бунты противъ Поляковъ?“ Палѣй отвѣчалъ подъ присягою, что Самусь началъ дѣло не по его совѣту, но за его вѣдомомъ, потому что не разъ писалъ къ нему съ жалобами на утѣсненія отъ Поляковъ и Жидовъ. Мазепа далъ знать въ Москву, что, по его мнѣнію, Палѣй тутъ совѣтникъ; и пасынокъ его находился въ Корсуни, когда тамъ начали бить Поляковъ и Жидовъ, и свать его Некра, полковникъ Богуславскій, былъ помощникомъ Самуся во всемъ.

Огонь, зажженный Самусемъ, разгорался все болѣе и болѣе, по выраженію Мазены: во всей странѣ отъ низовьевъ Буга и Днѣпра, по рѣкѣ Случь, по городкамъ и селамъ старосты и Жиды были побиты, другіе отъ страху бѣжали въ глубь Польши, крича, что наступила на нихъ другая Хмельницина. Палѣй отправилъ подъ Вѣдую Церковь на помощь Самусю полторы тысячи своего

войска. Мазепа не помогалъ явно, не бралъ Самуся подъ свое регименторство, но посылалъ ему порохъ и свинецъ, „чтобъ его вовсе отъ себя не отогнать.“ Отъ Вѣлой Церкви Самусь принужденъ былъ отступити, но за то взялъ Немировъ и не оставилъ въ нихъ ни одного Поляка и Жида. Соединясь съ Палѣемъ, Самусь 16 октября поразилъ Поляковъ подъ Бердичевымъ, взяли замокъ и всѣхъ Поляковъ вырубилъ, послѣ чего возвратились подъ Вѣлую Церковь и взяли ее въ началѣ ноября ¹⁾).

13 ноября Долгорукой писалъ къ Головину: „Быль я въ домѣ у канцлера коруннаго, который сказывалъ, что съ Украйны приходятъ къ нимъ непозлезныя вѣдомости: казаки великіе бунты завели, городъ Немировъ и другія мѣста взяли, шляхту бьютъ мучительски, и руки сбьютъ, и носы рѣжутъ, у духовныхъ бороды съ кожею обдираютъ, и изъ нихъ бунчуки себѣ дѣлаютъ, и будто больше 4,000 побили всякаго чина, почему они, Поляки, принуждены нанять крымскихъ Татаръ 25,000 себѣ въ помощь. На то ему, канцлеру, отъ меня отвѣдано, что такое имъ разореніе дѣлается факціями и злохитрымъ неприятелискимъ происканіемъ; а его царское величество для дружбы королевскаго величества, и кому жалѣя о томъ разореніи Рѣчи Посполитой, изволилъ довольный указъ дать своему гетману Мазепѣ, дабы казаки его царскаго величества къ тѣмъ бунтамъ не приставали, и всѣми мѣрами отъ того дурна были удержаны, и, по указу его монаршему, гетманъ Мазепа пограничнымъ мѣстамъ войска свои разставилъ и пропускать казаконъ не велѣлъ, и чтобъ Рѣчь Посполитая со стороны его царскаго величества ничего не опасалась“ ²⁾).

Дѣйствительно, 28 декабря 1702 года отъ царскаго имени посланы были къ Самусю и Палѣю грамоты: „О томъ вамъ вѣдомо подлинно что съ нами, великимъ государемъ, братъ нашъ, его королевское величество Польскій, дружбу и любовь имѣютъ. А тебѣ, коинному охотницкому полковнику Семю Палѣю и коинному охотницкому полковнику Самусю Иванову, если бы и досаждеице какое со стороны королевской отъ кого было, и о томъ довелось бить челомъ его королевскому величеству. И мы, великій государь, имѣя къ вамъ нашу милость, повелѣли послать сію грамоту, дабы могли вы имѣть общее согласіе и отъ начатаго своего противнаго намѣренія престали-бъ, а имѣть воинскіе промыслы всякими мѣрами надъ общими неприятелими нашими Шведами“.

Но борьбу Русскихъ съ Поляками трудно было прекратити. Палѣй писалъ Мазепѣ: „Присылаемы къ намъ монаршескіе указы и свои предложенія, чтобъ мы съ Поляками войну совершенно отставили и къ миру съ ними пришли; а они, Поляки, такіе намъ непріятели, что не только старыхъ людей и

женъ, ни малыхъ дѣтей не пощадилъ,—всѣхъ въ пень вырубилъ“ ³⁾).

1703 годъ Долгорукой началъ обычными жалобами на польское беззарядье и на казацкіе бунты: „Но сіе время, слава Богу, явно при неприятелихъ ни одного восводитъ короннаго и литовскаго еще не обрѣтается; однако совершенно надѣяться на Поляковъ невозможно,—многіе, которые отъ короля милость и великіе уряды приняли, противъ него факціи непрестанно дѣлаютъ; зѣло народъ дивный, никакого добра сыскать въ нихъ невозможно, только всякаго зла и бездушества исполнены, отъ чего пропадаютъ и, чаю, до конца скоро погинутъ; однако, какъ возможно, буду отъ стороны неприятелиской удерживать.—Ст. Руси пишутъ, что бунты казацкіе еще не перестали; для Бога, извольте приложить труды къ успокоенію тѣхъ непогребныхъ бунтовъ, которые Поляковъ противъ неприятелиа горадо удерживаютъ; паче всего можете тѣмъ усмирениемъ склонити къ союзу Рѣчь Посполитую“.

Въ февралѣ Долгорукому было объявлено отъ имени королевскаго, что перехвачены письма Паткуля, изъ которыхъ обнаруживаются сношенія его съ кардиналомъ Радзѣвскимъ: Паткуль просилъ кардинала исходатайствовать ему прошеніе у Карла XII, и кардиналъ отвѣчалъ, что Карлъ все прощаетъ. Долгорукой отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ своему государю, только пусть король, по дружбѣ къ царскому величеству и для явнаго обличенія, отошлетъ перехваченныя письма къ царю, который приметъ ихъ съ благодарностію и оплатитъ услугу за услугу. На это отвѣчали, что письма будутъ доставлены, но прежде надобно Паткуля спросити, писалъ ли онъ ихъ, и если запрется, то уничтожитъ письмами. Долгорукой замѣчаетъ при этомъ: „Всему вѣры дать невозможно, больше, чаю, многое говорено отъ великой злобы“.

Злоба эта происходила оттого, что Паткуль, видя положеніе дѣлъ короля Августа, видя какъ тотъ домогается мира съ Карломъ, не считалъ болѣе для себя полезнымъ и безопаснымъ оставаться на службѣ Августа, и прямо объявилъ объ этомъ Долгорукому въ Варшавѣ. Тотъ донесъ царю, и получилъ указъ пригласити Паткуля въ русскую службу. Весною 1702 года пріѣхалъ Паткуль въ Москву, и принятъ въ русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника. Понятно, что Петръ могъ сильно желать имѣть въ своей службѣ человека, знаменитаго своими способностями, знаніями, энергіею, опытностію въ дѣлахъ европейскихъ. Но Паткуль былъ ниже своей репутаціи и далеко не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него царемъ. Прежде всего Паткуль вступилъ въ русскую службу на время, какъ наемникъ, для достиженія своихъ частныхъ дѣлей, вовсе не думая усмысливаться Россіи, отдать всего себя служебной ей. Онъ оставался

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1702 года.

²⁾ Московскій архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія 1702 года.

³⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1702 года.

вполнѣ иностранцемъ для Россіи, для Русскихъ, и потому его внушенія и совѣты шли наперекоръ наміреніямъ Петра. Петръ смотрѣлъ на военную и дипломатическую дѣятельность, какъ на школу для Русскихъ людей; ошибки, необходимыя вначалѣ, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать дѣлу ученія, а не замѣнять Русскихъ, не отнимать у нихъ возможности упражненія, т. е. ученія, не вытѣснять изъ школы. Но Паткуль, оставаясь вполнѣ иностранцемъ въ отношеніи къ Россіи, разумѣется, смотрѣлъ иначе: онъ впушалъ, что Русскіе не приготовлены къ дипломатическому поприщу, дѣлаютъ ошибки и потому нужно замѣнить ихъ вездѣ искусными иностранцами. Петръ хотѣлъ выучить мало-помалу русскіе полки военному искусству, считая лучшимъ школою войну;—Паткуль совѣтовалъ пригласить не извѣстное количество иностранныхъ офицеровъ, но цѣлыя нѣмецкіе полки. Петръ хотѣлъ образоватъ пекусныхъ генераловъ изъ своихъ Русскихъ;—Паткуль совѣтовалъ набрать все иностранныхъ генераловъ, знаменитыхъ своимъ военскимъ искусствомъ, и предоставить имъ полную свободу наполнять свои полки офицерами, т. е. иностранными ¹⁾); Петръ съ перваго же раза долженъ былъ понять Паткуля. Хотѣли воспользоваться его способностями за границею, пока его интересы были тѣсно связаны съ русскими интересами, брали въ службу людей, имъ предлагаемыхъ; внимательно прислушивались къ его совѣтамъ, учтиво отвѣчали на нихъ,—но не исполняли. Паткуль, презиравшій русскихъ дипломатовъ, упрекавшій ихъ въ непростительныхъ ошибкахъ,—Паткуль самъ не могъ бытъ полезнымъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ: у него не доставало широкаго взгляда, которымъ бы онъ обнималъ всѣ интересы извѣстной страны, ясно понималъ ея положеніе и вѣрно выводилъ возможность для нея или тому или другому дѣйствию. Оторванный отъ родной страны, и то не имѣвшій самостоятельности, блуждающая звѣзда на политическомъ горизонтѣ, Паткуль не зналъ странъ и народовъ, ихъ исторіи и созданныхъ ею интересовъ; онъ зналъ только отдѣльные лица, хотѣлъ имѣть дѣло только съ отдѣльными личными побужденіями, ихъ заставлялъ играть; но эти мелкія средства одинъ не помогали. Паткуль считалъ, напримеръ, мастерскимъ дѣломъ устроить такъ, чтобъ иностранный министръ былъ пойманъ на словахъ; но изъ этого, кромѣ раздраженія, не выходило ничего. Если читать донесенія Паткуля, то выходитъ, что онъ работаетъ неутомимо и отлично, а результаты никакиихъ. Прибавимъ къ тому нестерпимый характеръ, неуимье себя сдерживать, жесткость, рѣзкость, чрезъ мѣру высокое мнѣніе о самомъ себѣ, низкое о другихъ,—и мы поймемъ, почему Паткуль не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.

¹⁾ Москов. архивъ Мнн. Ип. Д., дѣла Польскія (бухаги Паткуля).

Паткуль изъ Москвы отправленъ въ Вѣну скло-нять тамошній Дворъ къ союзу съ Россіею. За дѣлами въ Польшѣ попрежнему внимательно и разумно слѣдилъ Долгорукій.

Радзѣвскій и Сапѣга дѣйствовали подкупомъ, чтобъ увлечь своихъ соотечественниковъ въ союзъ шведскій противъ Россіи; Долгорукій долженъ былъ вести контръ-мѣны такъ же съ помощію подарковъ; всѣ знатные люди получали ихъ отъ русскаго посла; нѣкоторые обнаруживали неудовольствіе, что мало присылается: „Нашей службы къ царскому величеству много, больше другихъ, мы не такой малости заслужили!“ Для уснокоенія ихъ, Долгорукій долженъ былъ объявлять, что это прислао не отъ царя, а только отъ Головина.—царь пришлетъ больше. Въ апрѣлѣ Долгорукій имѣлъ конференцію съ сенатомъ и послами всѣхъ трехъ провинцій — Великопольской, Малопольской и Литвы, уговаривалъ вступитъ въ союзъ съ Россіею противъ Шведовъ, предлагалъ на войско 150,000 рублей, сто тысячъ взымаы, а пятьдесятъ безъ отдачи. Сенаторы и послы изъявили согласіе, но требовали себѣ русской пѣхоты на помощь, просили также, чтобъ царь помогъ имъ противъ казаковъ, заставилъ Палѣя отдать Вѣлую Церковь. Долгорукій обѣщаль; но тутъ распространяется слухъ, что султанъ хочетъ разорвать съ царемъ и собираетъ войска на границѣ. „Насилу я могъ у нихъ изъ головы выбить, что то неправда, токо непріятельскія факціи“, доносили Долгорукій. Уладилъ одно дѣло, явилась другая помѣха: министры коронные и литовскіе объявили послу, что Паткуль, будучи прѣздомъ въ Вѣлой Церкви, далъ знать коронному гетману, будто Палѣй безъ воли царской Вѣлую Церковь Рѣчи Посполитой не отдастъ; а теперь тотъ же Паткуль къ гетманамъ пишетъ, что Палѣй не отдастъ Вѣлой Церкви до тѣхъ поръ, пока Польша съ царскимъ величествомъ не заключитъ союза. „Звѣло дивно, писалъ Долгорукій Головину, если, не зная дѣшшняго состоянія, то дѣлалъ Паткуль, отчего здѣсь къ союзу великій трудъ учинилъ, а непріятелямъ, которые ищутъ зла,—къ великой пользѣ. Для Бога извольте со стороны Вѣлой Церкви нѣкое дѣйствіе доброе къ Полякамъ показать, и ясно къ Рѣчи Посполитой отписать, что сіе господинъ Паткуль дѣлалъ безъ воли его царскаго величества“. Самъ король говорилъ Долгорукому, что сомнѣніе немалое имѣеть въ господинѣ Паткуль, который дружбу и союзъ его, короля, съ царскимъ величествомъ разрушаетъ околичными прилогами; что неудовольствія, объявленныя царемъ на поведеніе его, короля, онъ считаетъ дѣломъ Паткуля, слѣдствіемъ его личной злобы. „Я хорошо знаю Паткуля“, продолжалъ король, „и царское величество такъ же узнаетъ, что Паткуль для собственнаго своего умысла и пользы службу своего государя оставляетъ“.

Палѣй не отдавалъ Вѣлой Церкви. Весною 1703 г. Мазена извѣстилъ Головина, что пьяный Палѣй проговорился въ Кіевѣ: „Господинъ гетманъ намъ

въ нужное время помощи войскомъ не давать; если и впередъ давать не будетъ, то поддадимся Полякамъ, и не знаю, каково тогда и на Задѣпріи будетъ". Головинъ требовалъ отъ Мазепы, чтобъ старался о возвращеніи Полякамъ Вѣлой Церкви, что было необходимо при тогдашнемъ союзѣ съ Польшою противъ Шведовъ. Мазепа отвѣчалъ вопросомъ: какъ это сдѣлать; какъ Палѣй и Самуся привести къ покоренію Полякамъ? „Захотятъ ли они, писалъ Мазепа, положиться на мои голыя слова, потому что отъ королевскаго величества и Рѣчи Посполитой никакого обнадеживанія нѣтъ; на чью-жъ бы душу тотъ грѣхъ палъ, когда бы я всякими способами приватнымъ моимъ обнадеживаніемъ привелъ ихъ къ миру съ Поляками и отдалъ ихъ съ неволею, а они, Поляки, захотѣли бы не только надъ ними, но и надъ народомъ, который теперь въ ихъ защитѣ, такъ мучительно поступить, какъ по Дитѣстру и по Вугу училили: — ихъхъ висѣлищею, ихъхъ бросаніемъ на крюкъ, а ихъхъ взвиваніемъ на колъ казнили, мстя свои убытки и провозрадлие. Для того изволь, вельможность ваша, прислать подлинную мнѣ информацію. Палѣй и Самуся сидятъ смирно; никакой съ Ляхами не чинятъ зацѣпки; проѣздъ всякимъ людямъ свободенъ; только по вся дни примпжаются съ нимъ гультайство, особенно изъ Запорожья; сотникъ Палѣевъ, секретарь, будучи недавно съ нимъ въ Кіевѣ, проговорился предъ духовнымъ особами, что „нашъ Палѣй заодно съ атаманомъ коневымъ смышляегъ и во всемъ его слушаетъ, обо всемъ между собою тайно сносятся“¹⁾.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ собрался сеймъ въ Люблинѣ, на которомъ происходили явленія, возможные только въ Польшѣ. На сеймъ явился кардиналъ-примасъ Радзѣвскій, и на другой же день сталъ просить приватной аудіенціи у короля Августа, противъ котораго явно дѣйствовала въѣстъ съ Шведскимъ королемъ. Послы повѣтовые, узнавши объ этомъ, отправили къ королю сеймоваго маршалка съ представленіемъ, чтобы не давалъ примасу приватной аудіенціи, а далъ бы въ Польской избѣ предъ всѣми публично. Король исполнилъ ихъ требованіе. На этой публичной аудіенціи многие послы коронные и литовскіе говорили примасу, что онъ привелъ и по сіе время держитъ въ ихъ государствѣ Шведскаго короля съ войскомъ, который все ихъ государство разорилъ, и много его, кардинала, неправды вычитали съ великимъ безчестіемъ". Радзѣвскій хотѣлъ оправдываться, но ему не дали открытъ рта до тѣхъ поръ, пока онъ, ставши на колѣни подлѣ короля, не присягнулъ предъ Св. Крестомъ, что Шведскаго короля не приводилъ и до сего времени не удерживалъ, и впередъ королю Августу и Рѣчи Посполитой никакого зла дѣлать не будетъ, всегда станеть искать чести и пользы своему государству. Произнесши эту присягу, явный изжѣн-

никъ засѣлъ въ сенатѣ, какъ первое послѣ короля лицо въ государствѣ. Долгорукій писалъ Головину: „Извольте, времени не опуская, потребное свое дѣло управлять; а на здѣшнюю сторону на оба народа худая надежда; хотя съ ними и въ союзъ вступать, истинно никакого состоянія добраго отъ нихъ не будетъ, и если непріятель Торня добудеть, то ихъ конечная худоба: саксонскаго войска пропадетъ лучшая часть, а которые и останутся, и тѣ въ сущемъ убожествѣ; у Поляковъ Шведы проходятъ ко Гданску удержатъ и хлѣба не пропустятъ, отчего ихъ все Польское государство состоитъ, и къ такой непріятель ихъ тѣсногѣ приведетъ, что они и Богу солгутъ, не токмо намъ. Известно вамъ, какое есть здѣсь постоянство. Лучшее того не могу признать, что по се время задержанъ здѣсь непріятель. Хотя намъ войско помощное будетъ, — опасно, чтобы до какой худобы не дошло; лучше-бъ сильнѣе помочь деньгами. токмо чтобы и тѣ были употреблены по нашему намѣренію. Однакожь намъ, сколько возможно, трудящемся подлѣ нихъ надобно; нынѣшній годъ безъ всякаго опасенія извольте быгъ: чаю конечно непріятель зимовать здѣсь станеть, хотя-бъ съ собою ихъ быть и принудилъ (чего я больше не чаю) — истинно какъ намъ, такъ и ему того же часу солгать готовы. Не извольте того и мыслить, чтобы здѣшніе оба народа для чести или прибыли государственной что стали съ трудомъ дѣлать, развѣ для какого ни есть покою. Если увижу, что нашъ союзъ станеть отдаляться, то намъ надобно ходить, чтобы король перепустилъ намъ своего войска. Истинно не знаю, какъ этому войску пробить нынѣшнюю зиму: Поляки зимовыхъ квартеры у себя дать не хотятъ, готовыхъ провіантовъ нигдѣ нѣтъ; жалко смотрѣть, въ какой нищетѣ и въ худомъ состояніи королевскія войска нынѣ пребываютъ; а чтобы была амуниція или какая артиллерія, — о томъ и помянуть ненадобно: что ни было, все побралъ непріятель; развѣ Богъ сошлетъ Св. Духа, чтобы ихъ наставилъ на доброе дѣло“.

Добраго дѣла не было: по старанію Радзѣвскаго и Познанскаго воеводы Станислава Лепинскаго, въ Великой Польшѣ образовалась конфедерація противъ Августа. Шведы, подъ начальствомъ генерала Реншельда, заняли Познань и поддерживали конфедерацію.

Но въ Литвѣ приверженцы Августа имѣли перевѣсъ: 28 іюня 1703 года послы великаго княжества Лиговскаго, Галецкій и Хржановскій, заключили съ Головиннымъ договоръ, въ которомъ обязались стоять за короля Августа, а Головинъ обѣщалъ выдать въ Смоленскѣ литовскому комиссару 30,000 рублей, какъ скоро Рѣчь Посполитая вступитъ въ союзъ съ Россією²⁾. Генераль-майоръ Корсакъ получилъ приказаніе двинуться изъ Смоленска къ литовскимъ границамъ, а Стародубскій полковникъ Миклашевскій съ 15,000 Малороссій-

¹⁾ Архивъ Мни. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1703 года.

²⁾ Полное Собр. Зак. IV. № 1934.

скихъ казаковъ идти поды Выховъ и отнять его у зашвышихъ въ немъ Салгжицпевъ ¹⁾.

Въ концѣ сентября, сдѣлся Шведамъ Торнъ послѣ пятимѣсячной осады. Это событіе усилило враждебную Августу партію, и въ декабрѣ Карлъ XII торжественно обратился съ письмомъ къ Польской республикѣ, предлагая возвести на престолъ принца Якова Собѣскаго и обѣщая поддерживать новаго короля до окончательнаго утвержденія его на престолѣ. Англія, Голландія и Австрія сильно встревожились, узнавши объ этомъ поступкѣ Шведскаго короля. Англійскій посланникъ Робинзонъ представлялъ Карлу, какъ многимъ покажется жестокимъ и несправедливымъ заставляя Поляковъ свергнуть короля, котораго они сами выбрали и хотѣть имѣть; кроме того, какъ опасно давать народу случай свергать своего короля. „Удивительно“, отвѣчалъ Карлъ, „слышать такія замѣчанія отъ посланника того государства, которое имѣло дерзость отрубить голову своему королю. Позволивши себѣ такое дѣло, Англія теперь упрекаетъ меня въ томъ, что я хочу лишитъ короны государя, вопліѣ достойнаго этого наказанія“ ²⁾.

Въ январѣ 1704 года принцъ Радзѣвскій совѣдалъ сеймъ въ Варшавѣ, поды предложомъ заключенія мира съ Шведскимъ королемъ, который объявилъ, что хотѣтъ трактовать только съ республикою, а не съ королемъ Августомъ. Предлогъ этотъ нуженъ былъ для того, чтобъ сеймъ проходилъ въ отсутствіе короля. Уполномоченнымъ отъ Карла на сеймѣ былъ генераль Горнъ, и отрядъ шведскаго войска помѣшался подлѣ зданія, гдѣ происходили засѣданія сейма. Многіе послы повѣтовые, не ожидая проку отъ такого сейма, начали было разѣзжаться, но Радзѣвскій и Горнъ, замѣтивъ это, разставили у всѣхъ выѣздовъ шведскихъ солдатъ, которые никого не пропускали. 2 февраля Горнъ передалъ сейму письменное объявленіе, что государь его не можетъ войти ни въ какія переговоры съ республикою, пока она не будетъ свободна, т. е. чтобъ переговоры и рѣшеніе настоящаго сейма не могли ни отъ кого зависѣть, а для этого необходимо, чтобъ король Августъ былъ свергнутъ съ престола. Поляки будутъ имѣть полное право это сдѣлать, когда увидятъ неоспоримыя доказательства, что король Августъ питалъ самыя вредныя замыслы противъ республики. Сеймъ потребовалъ этихъ доказательства, и, на слѣдующій день, Горнъ представилъ извлеченія изъ писемъ, перехваченныхъ у графа Финдтума, когда тотъ, въ 1702 году, ѣздилъ посломъ отъ Августа къ Карлу. Въ письмахъ не заключалось прямо:хъ уликъ противъ Августа, но они были способны произвести сильное раздраженіе, потому что въ нихъ Поляки назывались несостоятельными, вѣроломными, преданными пьянству и т. п.; также въ этихъ письмахъ заключались намеки на возможность раздробленія поль-

скихъ владѣній Раздраженные депутаты постановили: отказать Августу въ вѣрности и послушаніи. Раздраженіе еще болѣе усилилось, когда узнали, что Августъ, по совѣту Паткуля, находившагося теперь при его Дворѣ, схватилъ своего соперника, принца Якова Собѣскаго, вмѣстѣ съ братомъ его Константиномъ, считавшихъ себя безопасными въ Силезіи, во владѣніяхъ императорскихъ; Собѣскіе были заключены въ Кенигсштейнъ.

Но когда первый пылъ прошелъ, многіе начали раскаиваться въ сеймовомъ рѣшеніи, какъ совершенно незаконномъ и оскорбительномъ для націи, потому что оно послѣдовало поды чуждымъ вліяніемъ. Скоро послѣ этого король Августъ созвалъ другой сеймъ въ Сендомырѣ, гдѣ былъ постановлено: защищать права короля Августа, а Радзѣвскаго съ товарищами—объявить врагами отечества. Это постановленіе было подписано 134 депутатами, тогда какъ постановленіе Варшавскаго сейма подписали только 70 депутатовъ, и скоро оказалось, что большинство польскаго народонаселенія было на сторонѣ Августа. Вслѣдствіе этого, партія Радзѣвскаго начала колебаться, и обнародованіе рѣшенія Варшавскаго сейма замедлило. Это сильно раздражало Карла; онъ требовалъ, чтобъ Польскій престолъ торжественно былъ объявленъ вакантнымъ, грозя жестокими угрозами всѣмъ тѣмъ, кто будетъ этому противиться. Онъ далъ знать сейму, что Польша можетъ получить миръ съ Швеціею только поды условіемъ торжественнаго признанія своего трона вакантнымъ, за что обѣщавъ 500,000 талеровъ. Гарнизонъ въ Варшавѣ былъ усиленъ для поддержки уступчивыхъ, для грозы строптивымъ депутатамъ, и этимъ средствомъ Горну удалось наконецъ исполнить желаніе своего короля: сеймъ обнародовалъ, что Августъ лишень престола и должно быть приступлено къ избранію новаго короля.

Кто же будетъ этимъ новымъ Польскимъ королемъ милостію короля Шведскаго, потому что Карлъ не думалъ предоставлять Полякамъ свободнаго выбора? Двое Собѣскихъ были заключены въ Кенигсштейнъ; узнавши, что они схвачены Августомъ, Карлъ сказалъ: „Ничего, мы сострипаемъ другаго короля Полякамъ“, и предлагалъ корону третьему Собѣскому, Александру; но тотъ не принялъ опаснаго дара. Карлъ былъ въ большомъ затрудненіи. Говорятъ министръ его, Пинеръ, сталъ внушать, чтобъ Карлъ провозгласилъ самого себя Польскимъ королемъ, снискавъ расположеніе народа уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и ввелъ бы въ Польшу лютеранство, какъ то сдѣлалъ Густавъ-Ваза въ Швеціи. Карлъ отвѣчалъ: „Я лучше хочу раздавать государство другимъ, чѣмъ приобретать ихъ для себя, а ты былъ бы отличнымъ министромъ какого нибудь Италіанскаго князя“ ³⁾.

Изъ польскихъ вельможъ самымъ могущественнымъ былъ коронный великій гетманъ Любомирскій, которому и хотѣлось въ короли; первымъ бо-

¹⁾ Гисторія Свейской войны.

²⁾ Fryxell I, 198.

³⁾ Fryxell I, 203

гачемъ былъ Радзивилъ; но Карлъ остановилъ свое вниманіе на человѣкѣ, который ему больше другихъ нравился. — то былъ Станиславъ Лещинскій, воевода Познанскій. Лещинскій дѣйствительно могъ правиться: онъ былъ молодъ, приятной наружности, честенъ, живъ, отлично образованъ, — но у него не доставало главнаго, чтобъ быть королемъ въ такое бурное время, — не доставало силы характера и выдерживости. Выборъ человѣка, не выдававагося рѣзко впередъ ни блестящими способностями, ни знатностію происхождения, ни богатствомъ, разумѣется, былъ важною ошибкою со стороны Карла; поднялся страшный ропотъ, ибо многіе считали себя выше Лещинскаго въ томъ или другомъ отношеніи. Радзевскій не хотѣлъ слышать о Лещинскомъ, Любомырскій началъ склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карлъ не думалъ уступать; шведскіе генералы жгли безъ пощадъ имѣнія тѣхъ вельможъ, которые стояли за Августа. На избирательный сеймъ не явилось ни одного воеводы, кромѣ Лещинскаго; изъ епископовъ былъ только одинъ Познанскій, изъ важныхъ чиновниковъ — одинъ Сапѣга; за то на польскій сеймъ должно было происходить избраніе, видѣлось 300 шведскихъ драгунъ и 500 человѣкъ пѣхоты; самъ Карлъ находился съ войскомъ въ трехъ миляхъ отъ Варшавы. При страшномъ шумѣ и протестахъ, шведская партія выкрикнула Лещинскаго королемъ.

Что же дѣлалъ Долгорукій во время всей этой смуты 1704 года?

2 февраля онъ писалъ Головину: „При Дворѣ королевскомъ, какъ министры, такъ мало не воѣ Саксонцы союзу съ Россіею гораздо противны и всѣми способами ищутъ ирешителія, не уважаятъ чести и пользы его величества, кромѣ одного посторонняго, князя Фюрстенберга, который великую склонность къ сторонѣ его царскаго величества имѣетъ и пользы и дружбы между ихъ величествами желаетъ. Во время нынѣшняго моего пребыванія съ королемъ въ Саксоніи, изъ всего Двора любовь и честь, по моему характеру, только имѣла я отъ него, Фюрстенберга, а другіе Саксонцы и видѣть меня не хотѣли. Министръ Флюкъ ни разу не надѣлъ присланнаго ему Андреевскаго ордена. Посоль императорскій хлопоталъ всѣми силами, чтобъ Августъ удалился изъ Польши въ Саксонію; саксонскіе министры помогали ему въ этомъ тайно. Узнавши объ этомъ, я представилъ королю, чтобъ онъ, надѣясь на помощь царскую, безъ всякаго сомнѣнія сдѣлалъ походомъ въ Литву для соединенія съ литовскими и вспомоgetельными русскими войскомъ, пока непріятель не прееѣтъ пути; въ противномъ случаѣ, если непріятель поспѣшитъ вступитъ въ Литву, то и тамонное войско, оставленное безъ помощи, принуждено будетъ къ такому же непотребному дѣлу въ конфедерацію; а если литовскія войска отступятъ, то больше уже никакой надежды во всей Рѣчн Посполитой не останется; а которые люди его королевскому величеству предлагаютъ и разсуждаютъ непотребно, для

своихъ интересовъ, такимъ бы непотребнымъ совѣтамъ вѣры давать не позволилъ. Король отвѣчалъ, что соединитесь съ войсками союзными и литовскими сильно желаетъ, только за позднимъ выступленіемъ своихъ саксонскихъ войскъ скоро идти въ походъ ему нельзя: 5,000 войска, которое теперь при немъ находится, — въ великой скудости, да и съ такимъ малымъ числомъ идти въ такой дальній походъ очень опасно, ибо коронные гетманы невѣрны; уйти далеко отъ Саксоніи за скудостію денегъ трудно: не только войско, но и Дворъ своей содержать въ такомъ дальнемъ пути нельзя. Я настаивалъ на своемъ, что если король своихъ войскъ скоро изъ Саксоніи не получитъ, или съ тѣми, которые при немъ, въ походъ не вытунить и Литовцевъ оставитъ безъ помощи, то легко лишится короны, которую непріятель старается всѣми силами у него отнять. Я представлялъ, что даръ во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ по сіе время никогда его не покидалъ, и нынѣ не покинетъ, и если войско и Дворъ его королевскій по какому-нибудь случаю будутъ въ скудости, то царское величество до времени ихъ не оставитъ и будетъ содержать во всякомъ довольствѣ. Подтверждая къ вамъ, пишу, что гораздо надлежитъ нынѣ имѣть намъ частую корреспонденцію, дабы мы вѣдали все дѣйство и свое состояніе. Не такъ потребно царскому величеству показать въ нынѣшнемъ времени силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятеля, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ. Если мы не прееѣдемъ спльно намѣренія непріятельскаго, то впродъ трудно будетъ домогаться чрезъ многое время и не мочно будетъ достать за многочисленную цѣну“.

Но мы видѣли, что, кромѣ Долгорукаго, при Дворѣ Августа явился и другой посланникъ, Паткуль. Ихъ донесенія о польскихъ дѣлахъ не всегда были согласны. Такъ Паткуль писалъ, что въ Литвѣ Вишневецкій и Огинскій склоняются къ непріятелю. Долгорукій опровергалъ это пзвѣстіе: — писалъ, что нельзя сомнѣваться въ этихъ вельможахъ, потому что переходъ на непріятельскую сторону противенъ ихъ интересамъ и натурѣ. И въ Польшѣ провозглашеніе детронизаціи Августа имѣло хорошія послѣдствія, по донесеніямъ Долгорукаго: „Все теперь открыто и остался одинъ походъ — война, лукавыя факціи и предлоги неправые прееѣчены; скоро окажется, кто будетъ при королѣ, кто противъ него; у самого короля открылись глаза и много прибавилось къ добродѣлю охоты, и Поляки добрѣ въ своемъ дѣлѣ теперь поступаютъ“. При этомъ Долгорукій совѣтовалъ не давать денегъ болѣе братьямъ Любомырскимъ, гетману и подскарбію, за ихъ злодѣйство и къ царскому величеству противность, тѣмъ болѣе что и безъ великихъ подарковъ они скоро принуждены будутъ пристать къ Русской сторонѣ; нечего ихъ опасаться; и не въ нынѣшнее время, въ лучшую пору сабля гетманская не остра и подскарбіевъ мѣшокъ нусть, не могутъ они сдѣлать ни добра, ни зла.

Долгорукій поспѣшилъ успокоитъ Головина и

на счетъ новаго пли другого Польскаго короля: „О нововыбранномъ въ Варшавѣ кроликѣ не извольте много сомнѣваться; выбранъ такой, который намъ всѣхъ легче: человекъ молодой и въ Рѣчи Посполитой незнатный, кредита не имѣетъ, такъ что и самые ближне его свойственники ни во что его ставить и слышать о выборѣ его не хотятъ. Труднѣе бы для насъ было, если бы выбрали королевича Александра Собѣскаго, къ которому Поляки скорѣе бы прнстали: а если король Августъ будетъ здѣсь сильнѣе непріятели, то Станиславъ Лещинскій исчезнетъ и нигдѣ себѣ мѣста не найдетъ“.

Но если и Долгорукій писалъ, что не такъ потребно царскому величеству въ нынѣшнее время показатъ силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятели, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ,—то еще сильнѣе настаивалъ Паткуль на то, чтобъ царь оставилъ Прибалтійскія страны и всѣ свои войска перевелъ въ Польшу для непосредственной борьбы здѣсь съ Карломъ. Но въ 1704 году это было совершенно противно намѣреніямъ Петра, который, пользуясь узязнутіемъ Карла въ Польшѣ, хотѣлъ обезпечить себѣ Ингрію и сдѣлать для Шведовъ войну въ Прибалтійскихъ областяхъ какъ можно затруднительнѣе. Паткулю, сильно протестовавшему и прежде противъ опустошенія Ливоніи, не нравилось утвержденіе царя на Балтійскомъ морѣ. Онъ писалъ Петру о желаніи короля Августа знать, какія будутъ распоряженія относительно возвращенныхъ гаваней, чтобъ не возбудить опасенія въ прочихъ претендентахъ, которыхъ владѣнія находятся при Балтійскомъ морѣ. Петръ велѣлъ отвѣчать: „Война произошла отъ озлобленія, нанесеннаго въ Ригѣ не только посламя, но и самой царской особѣ, и Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, несправедливо похищеннаго. Упокоженіе флота имѣетъ единственную цѣлю обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россією, во-первыхъ, потому, что онѣ значала ей принадлежали; во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, „ибо чрезъ нихъ артерія можетъ здравѣе и приближнѣе сердце государственное быть“. Его царское величество объявляетъ, что ни единой деревни шведской не желаетъ себѣ, пожеже его величество всегда сіе въ памяти имѣетъ, чтобъ не быть причиною озлобленія всѣхъ претендентовъ, что и дѣломъ, Богу поспѣшествующу, окажется во увѣреніе всѣмъ“.

Еще въ началѣ 1704 года Петръ сообщилъ Паткулю свои мысли насчетъ веденія войны въ этомъ году. „Король, какъ видимъ, спѣшитъ окончить дѣло счастливымъ полевымъ боемъ; но на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ — объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній; намъ же, какъ людямъ, надлежитъ смотрѣть ближайше. Исканіе генеральнаго бою зѣло опасно, ибо въ одинъ часъ можетъ все дѣло быть испровергнуто (какъ случилось подъ Клишовымъ въ 1702 году). Поэтому надобно, чтобъ король въ наступающее дѣло, устроивъ войско свое

добрымъ порядкомъ, старался бить непріятели по частямъ и удерживалъ его въ Польшѣ, чтобъ мы могли весною въ Лифляндіи два или три города осадить. Города эти, не имѣя ни откуда помощи, принуждены будутъ намъ отдаться; мы ихъ отдадимъ королю, который такимъ образомъ утвердится къ Лифляндіи лучше, чѣмъ прежде, и ближе къ намъ, къ Ингріи, гдѣ теперь всѣ наши войска, а прежде не было ни человека. Саксонія, видя короля своего съ такимъ основательнымъ прибыткомъ, будетъ усерднѣе помогать; также, если съ кѣмъ нибудь изъ насъ случится несчастіе, то будетъ куда пристать и поправиться, а не такъ какъ на Двинѣ: по одну сторону Шведы, по другую—Поляки, и потому принуждены были съ безчестіемъ въ Саксонію бѣжать. Шведы, не благодаря ли крѣпостямъ, основательны и смѣлы въ этихъ земляхъ? Если же король будетъ искать генеральнаго бою, и если этотъ бой кончится для него несчастно, то что произойдетъ? Мы можемъ потерять всѣ свои завоеванія и будемъ отдѣлены другъ отъ друга; а король не только отъ непріятели, но и отъ бѣшеныхъ Поляковъ со срамомъ выгнать и престола лишентъ быть можетъ. Поэтому надобно хорошенко подумать и не вергать себя въ такое бѣдствіе“.

Паткуль настаивалъ на своемъ: писалъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ могъ побудить Прусскаго короля къ вступленію въ союзъ только обѣщаніемъ, что войска саксонскія, русскія, датскія и прусскія соединятся вмѣстѣ и своею многочисленностію подавятъ Шведовъ въ Польшѣ, послѣ чего союзники приступятъ къ раздѣлу Польши, Лифляндіи, Помераніи и Голштиніи. Прусскій король Фридрихъ I-й такъ обрадовался этому предложенію, что сейчасъ же велѣлъ вербовать 12,000 войска; но когда узналъ, что царь, вмѣсто того, чтобъ двинуться въ Польшу, обратился къ Нарвѣ, то сильно разсердился и остался въ бездѣйствіи. Чтобъ отвѣчь царя отъ осады Нарвы, наугать его ея слѣдствіями, Паткуль писалъ: „Хорошо, если Шведскій король будетъ уирямъ попрежнему,—это будетъ очень выгодно для вашего величества; но если взятая Нарва поумягчитъ его и склонитъ къ миру, то опасуюсь я очень, чтобъ Голландія, Англія и Цесарь не устроили миръ, который никогда не будетъ выгоденъ вашему величеству,—тутъ они всѣ явно покажутъ то, что теперь тайно въ сердцахъ носятъ, а именно—ненависть и зависть къ Россіи“. Паткуль доносилъ также, что на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ тайно хлопочуть о мирѣ между Польскимъ и Шведскимъ королями, и толкуютъ сильно объ опасныхъ слѣдствіяхъ, какія могутъ имѣть утвержденіе Русскаго царя на Балтійскомъ морѣ; что подобное же опасеніе возбуждено и при всѣхъ другихъ европейскихъ Дворахъ, не исключая и Датскаго. Изъ этого Паткуль выводилъ, что для царя должно быть главнымъ правиломъ—Шведа въ Польшѣ разорить, и тамъ устроить главную сцену военныхъ дѣйствій до самаго прекращенія войны.

Паткуль въ другой разъ побывалъ тайно въ Берлинь и нашель Пруссакаго короля при прежнемъ налѣженіи—присутствіи къ союзу противъ Карла XII, если силы союзниковъ въ Польшѣ будутъ такъ велики, что можно станетъ надѣяться на успѣхъ. Король объявилъ Паткулю, что союзники должны заставить Карла XII выйти изъ Польской Пруссіи и этимъ дать Пруссакому королю перевести духъ: иначе онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, пока Шведы находятся въ Польской Пруссіи и въ состояніи, по первому подозрѣнію, разорить Вранденбургскую Пруссію и его, короля, такъ отдѣлать, что онъ послѣ не въ состояніи будетъ повернуть ни рукою, ни ногою, потому что ему съ Вранденбургской Пруссіи сходить миліонъ финиковъ. „Въ то же время, доносилъ Паткуль, мы договариваемся и съ королемъ Польскимъ, только тайно. Главнѣйшее и труднѣйшее о Польской Пруссіи опредѣлили“.

Насчетъ союза съ Польшею Паткуль писалъ: „Поляки жаждутъ огромныхъ денежныхъ пособій; надобно имъ ротъ хорошенько мазать и не скупиться на общія, но при этомъ постановить такія условія, какихъ они исполнить не въ состояніи. Тогда явно можно ихъ будетъ понуждать къ исполненію союзнаго договора, а тайно мѣшать этому исполненію, и, такимъ образомъ, получить право не давать имъ денегъ; а между тѣмъ будемъ ихъ держать на веревкѣ“.

Союзъ между Россією и Польшею противъ Шведовъ былъ окончательно заключенъ 19 августа 1704 года ⁴⁾. Союзныя державы обязались воевать противъ общаго врага, короля Шведскаго, на сушѣ и на морѣ, отдѣльныхъ договоровъ съ нимъ не заключать и ни въ какія сношенія не входить. Польша принудить возратить республикѣ города и крѣпости, взятые въ смутное время. Все города и крѣпости, покоренныя Русскими въ Ливоніи, должны быть уступлены Польшѣ. Царь посылаетъ королю подъ его команду 12,000 войска; на 1705 годъ выдаетъ королю 200,000 рублей, или 2 милліона польскихъ злотыхъ, на содержаніе польскаго войска, которое должно состоять изъ 26,200 человекъ пѣхоты и 21,800 конницы. На будущее время каждый годъ, до окончанія войны, уплачиваетъ по 200,000 рублей.

Между тѣмъ явились къ королю въ мѣстечко Сокаль (Вѣльскаго воеводства) одиннадцать русскихъ вспомогательныхъ полковъ съ отрядами казаковъ Малороссійскихъ. Полки привелъ оберъ-комисаръ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; казаками начальствовалъ наказной гетманъ Данила Апостоль.

Король Августъ, по словамъ Паткуля, остался очень доволенъ солдатами, но офицеры оказались нигуда негодными, и, по возможности, замѣнены были пѣшецами. При томъ, по причинѣ тяжкаго похода, войско было истощено, оказалось въ немъ

много больныхъ и бѣглыхъ, въ строю явилось отъ 6 до 7,000; изъ Малороссійскихъ казаковъ, вѣсто 6,000, оказалось только 3,000. „Рядовые солдаты, писалъ Паткуль, такъ хороши, что лучше желать нельзя; обнаруживаютъ совершенное послушаніе и охотно исполняютъ все, что имъ приказываютъ; но съ офицерами невозможно ничего исполнить, и потому рядовые почти сами собою управляютъ; батальонъ стрѣльцовъ лучше всѣхъ; они очень понравились королю и генераламъ, особенно потому, что все крупные люди и отбы въ одинакое платье. Король проситъ ваше величество прислать ему 4,000 такихъ выборныхъ старыхъ стрѣльцовъ, которые прежде уже были солдатами. Ружья болѣею частью нехороши и неравнаго калибра; одежда и уборъ во всѣхъ полкахъ очень дурны“. Паткуль, принявшій начальство надъ присланными войсками, сейчасъ же столкнулся съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, потому что офицеры постоянно ссылались на князя и, кромѣ его, не хотѣли слушаться никакихъ другихъ приказаній. Можетъ быть, поэтому онъ и оказался такъ дурны въ глазахъ Паткуля, который жаловался на Голицына, что онъ своимъ комиссарскими распоряженіями сильно вредитъ войску, и если распоряженія эти будутъ продолжаться впередъ, то войско можетъ разсѣяться отъ голода. Паткуль жаловался на неослѣдовательность Голицына, который, то возьметъ доставку всѣхъ запасовъ на себя, то вдругъ слагаетъ эту обязанность на королевское комиссарство; то самъ хочетъ печь хлѣбъ, то вдругъ требуетъ печенаго хлѣба, и требуетъ, чтобы онъ доставленъ былъ во мгновеніе ока. Паткуль сильно жаловался также на казаковъ: „Я команду надъ этими дикими людьми сдалъ генералу Браунту, потому что между ними нѣтъ послушанія и никакого мужества, ни къ чему они не годятся, кромѣ грабежа, который производятъ въ войскѣ голодъ и по всей Землѣ великія жалобы. Оружіе у нихъ плохое; иныя, кромѣ дубинъ, ничего не имѣютъ“.

Между тѣмъ въ письмахъ къ Головину Паткуль не переставалъ настаивать, чтобы царь со всѣмъ войскомъ шелъ въ Польшу: „Король Августъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ рѣшился лучше корону оставить, нежели вести такую жалкую оборонительную войну, на позоръ всему свѣту, давать себя гонять изъ одного угла въ другой. Притомъ же такъ много людей, которые хлопочутъ, какъ бы разединить царское величество съ королемъ Польскимъ, именно жаждутъ этого Саксонцы и Цесарскій Дворъ: наговариваютъ королю, что онъ несетъ все бремя войны, а награды никакой себѣ ожидать не можетъ, только Саксонію изнурить; денежные пособія отъ царя идутъ только на войну, для страны отъ нихъ никакой пользы нѣтъ, а царь между тѣмъ беретъ себѣ города“. — „Увѣряю ваше превосходительство“, продолжаетъ Паткуль, „что ни взятіе Нарвы, ни побѣды въ Лифляндіи не заключаютъ въ себѣ ничего рѣшитель-

⁴⁾ Пол. Собр. Зак. IV, № 1991.

наго; пока Шведскій король будетъ господствоватьъ въ Польшѣ,—до тѣхъ поръ онъ будетъ господиною войны и мира; надобно замѣтить, что въ 1702 году онъ привелъ въ Польшу только 12,000 войска, въ 1703 у него уже было 24,000, въ нынѣшнемъ 1704 году у него 33,000, и, безъ всякаго сомнѣнія, полагать надобно, что въ будущемъ году у него будетъ больше 40,000“.

Въ концѣ лѣта королю Августу удалось взять у Шведовъ Варшаву съ помощію русскихъ войскъ; ему хотѣлось взять у нихъ и Познань, для чего отправилъ къ этому городу Паткуля съ польскими и русскими войсками. Мѣсяць простоялъ Паткуль безмядно подъ городомъ, складывая всю вину на то, что не приходили обѣщанные 1,500 человекъ саксонской пѣхоты; но его словамъ, онъ рѣшился было уже и безъ этой пѣхоты на приступъ, какъ получили отъ короля Августа приказаніе спясть немедленно осаду и отвести войско въ безопасное мѣсто. Паткуль отвелъ войско въ саксонскія владѣнія, въ Нижніе Лужици (Джауцъ) и расположился при мѣстечкѣ Губбенѣ, причѣмъ въ русскихъ полкахъ оказался недочетъ въ 1,900 человекъ¹⁾. Не все русскія войска были съ Паткулемъ при осадѣ Познани: четыре полка, подъ начальствомъ полковника Герца, были оставлены имъ на Вислѣ, при большой саксонской арміи. Отдѣлившись отъ этой арміи, они были настигнуты Шведами близъ Фраунштада, храбро защищались противъ превосходящаго числомъ непріятеля и, потерявши 900 человекъ въ битвѣ, засѣли въ деревнѣ Тиллеротѣ. На другой день Шведы нанали на нихъ, и здѣсь русскіе защищали каждый домъ, каждый шагъ. Шведы предложили имъ сдаться, грозя, что въ противномъ случаѣ зажгутъ деревню; Русскіе отвѣчали, что будутъ защищаться до послѣдняго человека—и сдержали слово: множество ихъ пало съ оружіемъ въ рукахъ или погибло въ зажженныхъ Шведами домахъ, другимъ удалось уйти²⁾.

Паткуль жаловался на казаковъ, казаки — на Паткуля. Данила Апостолъ писалъ Мазепѣ: „Отъ начала вѣрной службы нашей престолу пресвѣтлѣйшихъ монарховъ нѣкогда не были мы въ такомъ безчестіи и поруганіи, какъ здѣсь отъ господина Паткуля, который самовольно принуждаетъ насъ быть подъ его командою и безчеловѣчную обпаруживаетъ суровость, страждаетъ насъ висѣльницею и объявляетъ, будто великій государь отдалъ насъ сюда за тѣмъ, чтобъ и имя наше пропало. Подъ Варшавою, 24 августа, назначено было идти на штурмъ, и Паткуль велѣлъ казакамъ одѣваться въ латы нѣмецкія; одинъ казакъ не захотѣлъ,—и онъ ему поранилъ ухо; другой не захотѣлъ—того прибилъ мало не до смерти. Разговаривать съ нимъ, гордомысленнымъ, трудно. Слезно, именемъ всего войска, прошу избавить насъ изъ-подъ команды

этого злочестиваго человѣка. О чемъ ни попросимъ—не слушаетъ, а потѣхи не спрашивай; войска наго, босо, голодно. Только совѣтныя ограды имѣемъ у князя Григорья Федоровича Долгорукаго, съ которыми безъ толмача разговаривать можемъ; также и генералъ Брандтъ со мною въ товарищескомъ совѣтѣ и онъ только мнѣ подаетъ отраду и утѣху, какъ человѣкъ правдивой совѣсти и знающій хорошо здѣшнія поведенія; если-бъ не онъ, Богъ вѣсть, какъ бы я обходился съ этими Нѣмцами, не умѣя съ ними разговаривать. Если дальше должны будемъ идти, то войско, и подъ страхомъ смертной казни, не удержится, потому что нечѣмъ жить; хотя и служимъ, обливаясь кровію и теряя животь за здѣшній мастиатъ, однако чести ни отъ кого не имѣемъ“. Апостолъ не оправдываетъ и казаковъ своихъ: „Казаки, пишетъ онъ Мазепѣ, такъ остервенѣли на своевольствѣ, что никакъ ихъ унять нельзя, хотя безпрестанно и безъ пощады наказываются“.

Въ декабрѣ 1704 года явились въ Малороссію казаки, ходившіе въ Польшу, и объявили, что, отступивъ отъ Познани, Паткуль отобралъ отъ нихъ лошадей и отпустилъ пѣхоткомъ, но давни не провожатаго, ипоставленія, куда имъ лучше пройти; они пошли къ Кракову, но, не доходя до Велюна, были настигнуты Шведами и Поляками Лещинскаго и разбиты; спаслось въ Краковъ 80 человекъ, которые и возвратились въ Малороссію съ пропускнымъ листомъ отъ короля Августа. Казаки возвратились безъ вождей: Апостолъ, безъ царскаго указа, бросилъ свое войско и уѣхалъ домой; то же самое сдѣлалъ Переяславскій полковникъ Мироничъ, отговариваясь голодомъ и холодомъ³⁾.

Про казаковъ никто не говорилъ добраго слова; но никто не говорилъ добраго слова и про Паткуля. Долгорукой писалъ Головину: „Король мнѣ на Паткуля жаловался, будто онъ досады, что не успѣлъ взять Познани, къ его величеству писалъ такъ противно, что токмо изволилъ терпѣть для дружбы царскаго величества, и притомъ будто съ сердца писалъ, что и команду свою хочетъ покинуть. Изволите вы, чаю, Паткуля знать: не токмо слова, но и письма его надобно разсуждать; если во время злобы пишеть,—въ то время и самому Богу на похвалу не напишетъ“⁴⁾.

Въ то время, когда казаки ссорились съ Паткулемъ въ Польшѣ и Саксоніи, гетманъ ихъ Мазепа управлялся съ Палѣемъ.

Еще лѣтомъ 1703 года Мазепа далъ знать въ Москву, что Палѣй и Искра поссорилась съ Самусемъ, хотѣтъ у него самого отобрать гетманскіе клейноты, и Самусь хочетъ перейти подъ гетманскій репиментъ въ полкъ Переяславскій, гдѣ у него родной братъ и другіе родственники; но онъ, Мазепа, не позволилъ ему этого, велѣлъ до времени жить попржезему въ Богуславѣ. „Палѣй по-

¹⁾ Моск. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1704 г.

²⁾ Fuchsell, I, 218.

³⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа 1704 года.

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія.

чалъ велики высоко забирать, доносилъ Мазена; и не такъ съ желательствомъ своимъ ко мнѣ отзывается, какъ прежде, и отъ часу больше къ себѣ гультаевъ прибираетъ. Я жалованье монаршее, къ Палѣю присланное, у себя задержалъ до времени, приемотрываясь къ дальнѣйшимъ его поступкамъ. Пишетъ ко мнѣ Палѣй, хвалясь, что крѣпость Бѣлоцерковскую твердо укрѣпиль, загнавъ съ Польсы двѣ тысячи человекъ. Самусъ хвалится, что городъ Богуславъ починилъ и укрѣпиль; Искра объявляетъ, что Корсунъ свой обновилъ и укрѣпиль. Самовольства очень много со всѣхъ сторонъ къ нимъ прибирается“. Въ июль Мазена писалъ: „Палѣй и не мыслить объ отдачѣ Полякамъ Бѣлоцерковской фортеціи, потому что города стронть и большую силу гультаевъ къ себѣ прибираетъ. Если нужно отдать Полякамъ эту фортецію, то можно это сдѣлать только такимъ способомъ: ѣхать мнѣ самому въ Кіевъ съ небольшимъ отрядомъ войска, будто для поклопенія Св. мѣстамъ, призвать къ себѣ туда Палѣя, Самуся, Искру и не отпускать ихъ домой, но свои войска послать въ Бѣлоцерковскую и другія фортеціи. Дивная то рѣчь, что Поляки, имѣя передъ собою ужаснѣе дѣло воинское со Шведями, такъ часто великому государю прошеніями своими о Бѣлоцерковской фортеціи докучаютъ. Возможно послѣ царскаго величества, при Дворѣ Польскомъ residingушему, объявлять Полякамъ, что и послѣ можно будетъ имъ получить Бѣлую Церковь, потому что Палѣй, Самуся и Искра на небо не взлѣзутъ, подъ землю не схоронятся, должны будутъ волею-неволею исполнить монаршей указъ“. Въ сентябрѣ Мазена прислалъ за новымъ монаршимъ указомъ: „Палѣй, Самуся и Искра, поссорившись, пишутъ ко мнѣ, просятъ, чтобъ я ихъ подѣлалъ, и универсаломъ своимъ тотъ надѣлъ утвердить. Палѣй отъ себя присылалъ ко мнѣ людей, прося дещегъ на жалованье своему войску; также Самуся и Искра, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ колнаго гультайства, оставшагося отъ прежнихъ бунтовъ, просить денегъ, сказывая, что гультайство это къ нимъ собиралось, будучи ограблено добычею лядскою; а нынѣ, когда я указомъ монаршимъ пригрозилъ, чтобъ мирно жили и Ляховъ не задиралп, то они и докучаютъ о деньгахъ, чтобъ какъ-нибудь имъ гультайство у себя удержать“. Въ январѣ 1704 года Самуся и Искра пріѣхали къ Мазенѣ въ Вагуринь съ просьбою, чтобъ успокоилъ ихъ ссору за города и села около Богуславия и Корсуна. Мазена отвѣчалъ имъ: „Какъ вы тамъ безъ моего вѣдома сѣли и завладѣли, такъ сидите и дѣлайтесь какъ вамъ надобно, а мнѣ неважнѣе отъ Поляковъ и даровой доуки не нанесите“. Самуся и Искра сказали на это: „Куда же намъ дѣться, какъ не къ Православному монарху и не къ вашей милости? Пишемся обѣихъ сторонъ гетманомъ! Если вамъ не будемъ приняты, то доведется всѣмъ разсыпаться куда глаза глядятъ, потому что за Поляками по ихъ мучительству жить не можемъ

и не хотимъ“. 20 февраля 1704 года монаршей указъ состоялся: — чтобъ Палѣй непремѣнно отдать Бѣлую Церковь Полякамъ, иначе вступитъ въ нее царскія войска. Но 29 февраля Мазена писалъ слѣдующее Головину: „Пріѣхалъ ко мнѣ Цыганчукъ, обозный Палѣевъ, съ платкомъ свадебнымъ, потому что Палѣй женилъ насынка своего. Этотъ Цыганчукъ секретно сказывалъ мнѣ, что Палѣй замышляетъ въ подданство къ Ляхамъ, будучи прельщенъ частыми подсылками отъ Люблинскихъ, подкоморія короннаго и гетмана. Люблинскій же безпрестанно Самуся отсылаетъ то матеріями, то перстнями. Не лучше ли мнѣ самому налегкъ въ Кіевъ поѣхать, а Палѣя изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ будто на секретъ призывать; изъ Кіева лучше и способѣе, чѣмъ изъ Вагуриша, исполнить волю монаршескую о Бѣлой Церкви или о иныхъ какихъ монаршескихъ дѣлахъ. А если Палѣй съ подручниками своими подъ власть лядскую приклонится, то нельзя надѣяться отъ нихъ ничего добраго: на сю сторону Днѣпра огонь выкинутъ, не забудутъ и Запорожцевъ, яко малодушныхъ и непостоянныхъ людей, до своей компаніи призвать“.

Чтобъ заставить Палѣя высказаться, Мазена послалъ къ нему знатнаго казака съ увѣщаніемъ дѣйствовать противъ Поляковъ непремѣнно; Палѣй отвѣчалъ: „Какъ мнѣ съ Ляхами въ добрый пріязни не жить и къ нимъ не склоняться, когда отъ царскаго величества и отъ гетмана получаю частыя грамоты, чтобъ мнѣ съ Ляхами жить смирно и Бѣлую Церковь имъ уступить. Но я Ляхамъ и никому иному Бѣлой Церкви не отдамъ, развѣ меня изъ нея за ноги выволокутъ“.

Въ апрѣлѣ Мазена получилъ царскій указъ — уступить со всѣмъ своимъ войскомъ въ Польскія владѣнія противъ приверженцевъ Лещинскаго. Мазена выступилъ въ походъ, и 3 іюня писалъ Головину: „О Палѣй прилежное имѣю радѣніе, чтобъ устремить его противъ Люблинскихъ, хотя съ моею помощію, потому что при немъ мало войска. Будучи насыщенъ духомъ и подарками Люблинскихъ, онъ отговаривается то болѣзнію, то другими причинами и не хочетъ надъ ними промышлять; притомъ уже четыре недѣли какъ въ обозѣ при мнѣ находится, и постоянно пьянъ, день и ночь, ни разу не видалъ я его трезваго; да и товарищество его, какъ вижу, тѣмъ же духомъ Люблинскихъ наполнилось“. 15 іюня иномъ вѣсти о Палѣй отъ Мазены: „Самуся, пріѣхавши ко мнѣ въ обозъ, былъ у меня нѣсколько разъ на приватномъ разговорѣ и объявилъ, что Палѣй подлинно ничего добраго царскому величеству и королю Августу не мыслитъ: присягнувши съ домохъ Люблинскихъ и набравши отъ нихъ знатные подарки, общалъ вѣрно служить и постоянно пересылается съ ними тайно; такъ недавно далъ имъ знать: „Не бойтесь, гетманъ только для страху вамъ вышлетъ, а ничего съ вами не будетъ дѣлать, вы что начали, то и продолжайте“. Самуся рассказалъ и то: Палѣй собираетъ рагу за Бѣлою Церковию и объявлялъ, что Люблинскіе

взяли его въ защиту со всёмъ его войскомъ, говорили народу: „Во всей Польшѣ нѣтъ знатнѣе и сильнѣе ихъ: только они могутъ насъ уберечь, потому что ежедневно надобно ждать подъ Кіевъ Шведа; государь Московскій далеко, а король Польскій не защититъ, потому что и самого себя защитить не можетъ. Сами знаете, каковы войска казацкія: немного постоятъ въ полѣ, а какъ придетъ сънокось да жатва, то всё и разойдутся по домамъ, гетманъ останется одинъ; да и Москва все новая, невоинная, которая не можетъ вамъ ничего сдѣлать“. — „Еще потерплю ему до времени, писалъ Мазепа, пока дастъ Богъ, перехвачу письма отъ Любомирскихъ къ нему или отъ него къ Любомирскимъ; когда будетъ явная улика въ измѣнѣ, тогда велю за караулъ его взять“.

Но улики не было, Палѣй стоялъ вмѣстѣ съ Мазепою, и тотъ продолжалъ посылать на него жалобы Головину: „Палѣй говоритъ передъ своими казаками: гетманъ здѣсь даромъ стоить и никакого промысла военнаго не дѣлаетъ; еслибъ я съ своими людьми пошелъ, то давно-бъ и я и люди мои обогатились добычею. — Я ему представляю, что по указу царскому и по желанію короля Польскаго я долженъ стоять тутъ, а въ глубь Польши не вступать, чтобы не разорять Поляковъ и не давать имъ повода къ ненависти противъ короля Августа. Но онъ ничего не слушаетъ; рацыями говоритъ съ ними трудно, ничего не понимаетъ, потому что уаго помраченъ повседневымъ пьянствомъ. Гуляйство Палѣево въ разныхъ мѣстахъ великое бѣднѣмъ людямъ причиняетъ—грабительство, разбой, убійства и разореніе, а все молвъ именовъ. Число этихъ Палѣевыхъ самовольныхъ гуляйцевъ безпрестанно умножается изъ Запорожья и изъ другихъ мѣстъ, и грабятъ не только около Буга и Днѣстра, но уже и чрезъ Днѣстеръ перенравились, во владѣніяхъ господара Волошскаго многихъ людей пограбили и до смерти побили, о чемъ пишеть мнѣ господарь Волошскій, требуя управы. Доношу я то: хотя бы Вѣдную Церковь и не нужно было отдавать Полякамъ, и тогда Палѣй не надобно таать болье терпѣть, потому что отъ него ничего добраго нельея надѣяться; особенно опасаться надобно, чтобы онъ, по моемъ уходѣ, какого огня не запалилъ, потому что онъ не только самъ, повседневымъ пьянствомъ помрачаясь, безъ страха Божія и безъ разума живетъ, но и гуляйство такъ же еднноправное себѣ держитъ, которое ни о чемъ больше не мыслить.—только о грабительствѣ и о крови невинной, и никогда никакой власти и начальства надъ собою имѣть не хочетъ“. По письму Головина, Мазепа предложилъ Палѣю ѣхать въ Москву, но тотъ отказался: здоровьемъ слабъ, да и незачѣмъ туда ѣхать.

Наконецъ Мазепа добыла улику, по которой счелъ себя въ правѣ схватить Палѣя. Хвастовскій Жидъ-арендаторъ объявилъ, что Палѣй посылалъ его къ подкоморію Любомирскому съ требованіемъ обновленія договора, который былъ заключенъ Па-

лѣемъ съ ротмистромъ, присланнымъ отъ Любомирскаго; договоръ нужно обновить потому, что Палѣй веселился съ ротмистромъ и не всё пункты договора помнитъ. Любомирскій отиѣчалъ: „Очень мнѣ удивительно, что братъ мой, господинъ Палѣй, такъ скоро позабылъ подтвержденныя присягою обѣщанія, данныя намъ и всей Рѣчи Посполитой. Главный пунктъ договора состоитъ въ томъ, чтобы Палѣй былъ преданъ дому нашему и Рѣчи Посполитой, и шелъ бы туда, куда ему укажемъ; потому, — чтобы набиралъ какъ можно больше войска, конницы и пѣхоты, и переманилъ сердюковъ съ восточнаго берега; а какъ скоро получу деньги отъ короля Шведскаго, то сейчасъ же пришлю ему значительную часть; пусть почаете доставятъ вѣдомости о задыбировскомъ поведеніи и намъ объ нихъ объявляетъ, особенно пусть теперь же провѣдаеть о войскахъ московскихъ и казацкихъ; скоро ли будутъ подъ Кіевъ, куда намъ ѣрени идти, какъ ихъ много и кто надъ ними начальники; въ монастырѣ Печерскомъ сколько гарнизона и что за люди, сколько Москвы и сколько казаковъ; въ Вѣдную Церковь пусть ничего не пускаеть“.

Издъ объявилъ, что Палѣй и въ другой разъ посылалъ его къ Любомирскому съ письмомъ. Прочтя письмо, Любомирскій сказалъ: „Благодарю господина Палѣя за извѣстіе, и я ему взаимно объявляю вѣдомости, хотя недобрыя: песь Сасъ (Саксонецъ), пржепій король взялъ Собѣскихъ за караулъ; пусть господишъ Палѣй прибираеть себѣ какъ можно больше войска, потому что будемъ за Собѣскихъ псу Сасу мстить. Обѣщаю господину Палѣю, что Вѣлая Церковь будетъ ему отдана навѣки, только бы былъ дому нашему и Рѣчи Посполитой преданъ“.

Священникъ Грица Карасевичъ подтвердилъ показаніе Жидъа объ измѣнѣ Палѣя, и Палѣй былъ схвачель, Вѣлая Церковь занята русскими войсками; Мазепа доносилъ Головину: „Шляпиду того, дурака Палѣя, уже отослалъ я за карауломъ въ Батурино и велѣлъ въ тамошнемъ городѣ за крѣпкимъ карауломъ держать; также и сынъ его взятъ за караулъ, и отшлю его въ Батурино“. Изъ Ватурина Палѣя отправили въ Енисейскъ⁴⁾.

При борьбѣ съ страшнымъ Шведскимъ королевемъ, Русскому царю нельея было ограничить свое вниманіе одною Польшею; нужно было расширить дипломатическую сферу, искать союзниковъ вблизи и вдали или, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы врагъ не приобрѣлъ ихъ, и для этого нужно было постоянно слѣдить за отношеніями европейскихъ державъ, нужно было имѣть постоянныхъ министровъ при важнѣйшихъ Дворахъ западныхъ. Любопытно слѣдить за дѣятельностію русскихъ дипломатовъ, новичковъ въ дѣлѣ, проходившихъ тяжелую школу, ибо безъ приготовленія должны были дѣйствовать въ самое трудное и опасное, печальное

⁴⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа, годъ 1704.

для своего отечества время, должны были дѣйствовать часто и безъ матеріальныхъ средствъ, ибо бѣдная Россія не могла дать имъ возможности соперничать съ министрами богатыхъ государствъ.

Въ Вѣну хлопотать о посредничествѣ императора между Россіею и Швеціею было отправленъ въ 1701 году ближній стольникъ, князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ князя Бориса, человѣкъ уже бывалый на Западѣ, ибо ѣздилъ въ Италію учиться морскому дѣлу. Положеніе Голицына въ Вѣнѣ было печальное: Дворъ былъ занятъ испанскими дѣлами, боялся Шведскаго короля и презиралъ Россію послѣ Нарвскаго пораженія. „Главный министръ графъ Кауницъ, доносилъ Голицынъ, и говорить со мною не хочетъ; да и на другихъ нельзя полагаться: они только смѣются надъ нами. Люди здѣшніе вамъ извѣстны: не такъ мужья, какъ жены министровъ безстыдно берутъ. Всѣ здѣсь дарятъ разными вещами, одинъ только я ласковыми словами“. Голицынъ видѣлъ, что ни ласковыми словами, ни даже подарками нельзя ничего сдѣлать, — что одна вѣкторія можетъ заставить иностранныхъ министровъ говорить съ посланниками русскими, и потому писалъ: „Всякими способами надобно домогаться получить налъ непріятелемъ побѣду. Сохрани Боже, если ипѣшнее лѣто такъ пройдетъ. Хотя и вѣчный миръ учинимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить? Непремѣнно нужна нашему государю хотя малая вѣкторія, которою бы имя его попрежнему во всей Европѣ славилось. Тогда можно и миръ заключить; а теперь войскамъ нашимъ и управленію войсковому только смѣются“.

Но Вѣнскій Дворъ, знаменитый въ исторіи выгоднымъ брачнымъ союзами, не пѣхнилъ своему характеру и относительно презираемой Россіи. Въ февралѣ 1702 года Голицынъ доносилъ государю:

„Король Шведскій здѣсь шестъ и много, кому надлежитъ, обѣщалъ дать денегъ; а мыи: его посланникъ всехъ министровъ и другихъ имѣющихъ силу, а больше іезуитовъ, подкупаетъ, чтобы Цесарь выдалъ за него дочь свою, и обѣщаетъ принять законъ Римскій, а сестру свою хочетъ выдать за эрцгерцога; только здѣсь еще не позволяютъ. Безпрестанно меня просятъ, чтобы вы приказали прислать персоны (портреты) сестры вашей, царевны Натальи Алексѣевны, и брата вашего, царя Іоанна Алексѣевича дочерей. Здѣсь при Дворѣ этого усердно желаютъ и не разъ сама императрица говорила мнѣ, что хочетъ какъ можно скорѣе видѣть портреты; больше склоняются къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. По указу царскому говоритъ мнѣ графъ Кауницъ, чтобы вы сына своего прислали въ Вѣну для науки; до Цесаря дошелъ слухъ, что вы обѣщали послать царевича къ королю Прусскому и въ другія мѣста, что очень огорчило Цесаря. Кауницъ требовалъ у меня отвѣта; я отвѣчалъ, что безъ воли вашей отповѣди дать не умѣю; Кауницъ прибавилъ: еслибъ царевичу поправилась какая-нибудь эрцгерцогиня, то Цесарь съ радостію выдалъ бы ее за него, только-бъ была ваша воля“.

Въ то же время Голицынъ доносилъ: „Отдалъ мнѣ визитъ нунцій папскій и говорилъ, что готовъ служить вамъ въ дѣлѣ повышенія вашего маестата (титула). Говорилъ также, чтобы вы позволили при своемъ Дворѣ быть посланъ римскимъ не для какихъ-нибудь дѣлъ, а только для повышенія нашего маестата, и послы уже готовы въ Римѣ къ отправленію, только не смѣютъ ѣхать безъ вашей воли. Если вы имъ прикажете пріѣхать, то они не будутъ ничего требовать, станутъ жить на своемъ корму по здѣшнему европейскому обычаю; папа это дѣлаетъ только для чести вашей и для любви съ вами“. Головинку Голицынъ писалъ, что виновникомъ прежней холодности былъ Кауницъ, задаренный Шведскимъ королемъ; но теперь и Кауницъ сталъ гораздо мягче; теперь на сторонѣ царскаго величества папа, и нунцій папскій имѣетъ великую силу при Дворѣ, можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Нунцій, осыпая Голицына любезностями, объявилъ ему, что Шведскій король чрезвычайно опасается союза Австріи съ Россіею и изъ всѣхъ силъ ему препятствуетъ, хочетъ принять Римскій законъ и проситъ за себя дочь царскую, подкупаетъ министровъ, а императрицу обольщаетъ королевствомъ Польскимъ; предлагаетъ вышнѣшняго Польскаго короля низвергнуть, а на его мѣсто возвести императрицу на брата, курфюрста Пфальцскаго; впрочемъ нунцій сказалъ, что они до этого не допустятъ. Голицыну дано было знать, что папа готовъ признавать царя Восточнымъ императоромъ (за цесаря ариантайскаго).

Въ концѣ лѣта 1702 года явился въ Вѣнѣ — шпиконито — Паткуль и нашелъ царскій Дворъ въ большомъ страхѣ отъ успѣховъ Шведовъ въ Польшѣ; побѣдоносный король былъ на границахъ Австрійскихъ владѣній, которыя были совершенно обнажены, такъ что Шведы могли безпрепятственно дойти до самой Вѣны. Въ этомъ страхѣ императорское правительство готово было сдѣлать все по волѣ Карла XII, лишь бы помирить его съ Польшою и удалить изъ этой страны. Паткуль, не имѣя никакого оффиціального значенія, сталъ дѣйствовать чрезъ датскаго посланника, предложилъ чрезъ него императору, какъ подозрительна должна быть для Австріи шведская дружба и какъ опасно для нея приращеніе шведскаго могущества. Выслушавъ это предложеніе, императоръ пожелалъ, чтобы Паткуль имѣлъ тайный разговоръ съ Кауницемъ. Разговоръ происходилъ въ загородномъ саду Кауница, который представилъ прежде всего Паткулю, въ какомъ опасномъ положеніи находятся дѣла въ Польшѣ; жаловался особенно на то, что императоръ, по случаю войны за Испанское наслѣдство, не имѣетъ возможности помогать королю Польскому и принужденъ его оставить. Чтoby убѣдить Паткуля въ необходимости и для царя послѣдовать этому примѣру, Кауницъ объявилъ, что недовольные королемъ Августомъ Поляки и Шведы домогаются, чтoby султанъ объявилъ войну Россіи, и надѣются рано или поздно достигнуть своей

цѣли: поэтому царю необходимо соблюдать величайшую осторожность со стороны Турокъ; Шведы, съ своей стороны, хлопотутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ заключить съ однимъ изъ враговъ отдѣльный миръ, который дастъ имъ возможность воевать или противъ одного короля Польскаго, или противъ одного царя

Паткуль отвѣчалъ, что все это очень хорошо извѣстно царю; но такъ какъ интересы царя и императора совершенно одинаковы какъ въ отношеніи къ польской смутѣ, такъ и въ отношеніи къ Турецкому Двору, то необходимо принять предложенія о крѣпкомъ союзѣ между Россіею и Австріею, данныя княземъ Голицынымъ въ январѣ и мартѣ. Пока свѣтъ стоитъ, истинная дружба между Шведомъ и Австрійскимъ домомъ невозможна, и Турки никогда не забудутъ потерь, понесенныхъ ими по послѣднему миру, и потому Австрія должна помочь царю во время нужды, чтобъ имѣть право получить отъ него помощь, когда сама будетъ находиться въ опасности. Кауницъ объявилъ на это, что союзъ невозможенъ. Паткуль узналъ отъ министровъ датскаго и бранденбургскаго, что англійскій и голландскій министры, также Ганноверскій Дворъ стараются всѣми силами поощрять сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставлять ичь на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя, и какъ искренно расположено Карлъ XII къ Австріи.

Видя рѣшительное отвращеніе Австрійскаго Двора отъ союза, Паткуль употребилъ другое средство: зная, что предложеніе о брачномъ союзѣ между двумя Дворами уже не тайна, слыша объ этомъ толки при Польскомъ Дворѣ, читая въ курантахъ (газетахъ), Паткуль поручилъ датскому посланнику тайнымъ образомъ освѣдомиться, въ какомъ положеніи находится дѣло. Датскій посланникъ далъ знать Паткулю, что Австрійскій Дворъ удивляется, какими образомъ разглашаютъ, что императорскій Дворъ искалъ этого союза, тогда какъ, наоборотъ, предложеніе шло отъ царя, именно въ меморіалахъ Голицына отъ 20 января и 26 марта, и Дворъ императорскій находится въ затруднительномъ положеніи, не зная что отвѣчать на такія предложенія. Паткуль обратился прямо къ самому Кауницу, и тотъ отвѣчалъ, что предложеніе было сдѣлано со стороны Русскаго Двора. Тогда Паткуль черезъ ятскаго посланника отправилъ къ Кауницу слѣдующее предложеніе: 1) Царское величество, имѣя въ виду войну, которую императоръ ведетъ въ Италіи и на Рейнѣ, не хочетъ и не соизвѣщаетъ ему начинать прямо, наступательныя дѣйствія противъ Шведовъ. 2) Царское величество желаетъ одного, чтобъ императоръ тайнымъ образомъ склонилъ Бранденбургъ и Далію къ разрыву съ Швеціею, объединивъ ихъ своею помощію при мирѣ и въ помѣхъ, а самъ пусть остается въ дружескихъ отношеніяхъ къ Швеціи. 3) Помощь, которую императоръ, по договору, долженъ давать королю Польскому, царское величество

принимаетъ на себя. 4) Кромѣ того, царское величество согласенъ прислать императору 6,000 своего вспомогательнаго войска, которому императоръ не будетъ обязанъ давать ничего, кромѣ зимнихъ становищъ, хлѣба и воинскихъ припасовъ. 5) Когда царское величество достигнетъ своей цѣли относительно Швеціи, то вступить съ императоромъ въ наступательный союзъ и пошлетъ ему 20,000 войска. 6) Не преминетъ и своихъ союзниковъ заставить дѣйствовать въ пользу императора. 7) Царское величество можетъ сыскать для императора денегъ взаймы за меньшіе проценты, чѣмъ какіе онъ принужденъ до сихъ поръ давать. 8) Больше всего императоръ долженъ соблюдать выгоды короля Датскаго, потому что его прибыли и убытки царское величество причитаетъ наравнѣ съ своими. 9) Такъ какъ императоръ находится въ дружествѣ съ домомъ Ганноверскимъ, то можетъ склонить его къ отступленію отъ Швеціи, за что царское величество со всѣми своими союзниками обязуется соблюдать выгоды Ганноверскаго дома и надѣется оказать ему больше услугъ, чѣмъ Шведъ.

По поводу этого предложенія, Кауницъ имѣлъ опять тайный разговоръ съ Паткулемъ. Онъ соглашался на всѣ статьи, но относительно второй объявлялъ по секрету, что Бранденбургъ императору подозрителенъ и потому надобно осторожно поступать съ этимъ Дворомъ; нельзя дѣлать ему предложеній, чтобъ не быть выдану; въ послѣднемъ случаѣ Шведъ заключить миръ и нападетъ на Силезію, отъ которой такъ близко стоятъ его войска. Императорскому министру въ Верлиѣ пошлется указъ осторожно вывѣдывать о расположеніяхъ тамошняго Двора. Что же касается Датскаго короля, то императоръ воплиѣ ему доврѣяетъ. Паткуль сказалъ ему на это: будетъ ли угодно императору, когда Бранденбургъ склонится къ разрыву съ Швеціею, захочетъ ли императоръ выслушать предложеніе объ этомъ со стороны бранденбургскаго посла? Кауницъ отвѣчалъ утвердительно.

Такъ какъ Вѣнскій Дворъ объявлялъ, что подозрѣваетъ Бранденбургскій, а бранденбургскій посланникъ твердилъ, что его Дворъ готовъ приступить къ союзу противъ Швеціи, да не можетъ вѣрить императорскому Двору, то Паткуль употребилъ слѣдующее средство, чтобъ заставить бранденбургскаго посланника сдѣлать рѣшительный шагъ при свидѣтеляхъ: онъ позвалъ его къ себѣ въствѣ съ посланниками датскими и польскими, и началъ толковать, какъ трудно склонить Вѣнскій Дворъ къ охраненію равновѣсія на сѣверѣ; то ли дѣло Прусскій Дворъ! Прусскій посланникъ, тронутый похвалою, разсыпался въ увѣреніяхъ, что его король готовъ все сдѣлать, лишь бы Цесарь согласился. „Попробуйте объявить императору объ этой готовности своего государя“, сказалъ ему Паткуль. — „Ничего изъ этого не выйдетъ, потому что императоръ ни о чемъ подобномъ слышать не хочетъ“, отвѣчалъ посланникъ. Тутъ Паткуль отвелъ въ сторону посланниковъ датскаго и польскаго,

объявлялъ имъ о своемъ разговорѣ съ Кауницемъ, и что все дѣло теперь зависить отъ прускаго посланника. Опять подошли къ нему и завели прежнюю рѣчь; опять прусскій посланникъ началъ увѣрять, что непремѣнно сдѣлалъ бы предложеніе, еслибъ не былъ увѣренъ, что его при императорскомъ Дворѣ и слышать не захотятъ. „Дайте слово, что сдѣлаете предложеніе, если разувѣритесь въ этомъ“, сказалъ Паткуль. Посланникъ далъ слово; тутъ Паткуль торжественно объявляетъ, что дѣло уже рѣшено, императоръ обещалъ выслушать у него предложеніе. Несчастный посланникъ, понавишійся въ западню, смутился, и спросилъ: для чего все это сдѣлано безъ его согласія? Паткуль отвѣчалъ: „Все равно, только бы вамъ были двери открыты, которыя вы считали закрытыми навѣки; теперь всякій увидитъ, истинное ли расположеніе ванъ государь питаетъ къ своимъ союзникамъ, потому что теперь нѣтъ уже ему никакихъ препятствій обнаружить свои намеренія“.

Послѣ этой сцены Паткуль съѣздилъ въ Польшу п, по возвращеніи, имѣлъ опять тайный разговоръ съ Кауницемъ. Австрійскій министръ объявлялъ, что предложеніе сдѣлано со стороны прускаго посланника о разрывѣ съ Швеціей, но сдѣлано такъ холодно, что съ императорской стороны принуждены были встрѣтить его съ равною холодностію. „Впрочемъ я надѣюсь“, прибавилъ Кауницъ, „что дѣло обдѣлается; только надобно немощно подождать“. Обещалъ хлопотать объ этомъ всѣми силами, но съ условіемъ, чтобъ императору явно не придавали тутъ никакого другаго значенія, кромѣ значенія посредника и поруки; тайно же онъ будетъ знать, какъ дѣйствовать. Паткуль хотѣлось вывѣдать у Кауница, какъ смотритъ Вѣнскій Дворъ на Польскаго короля; для этого, послѣ долгаго разговора, онъ сказалъ: „Такъ какъ никто не хочетъ заступиться за короля Августа, то принужденъ будетъ наконецъ и царь его оставить“. Кауницъ отвѣчалъ ему: „Такъ бросайте же его во имя дьявольское, мы тогда будемъ знать, на кого намъ надѣяться“. — „Изъ этихъ словъ я увидалъ, пишетъ Паткуль, что императрица въ этомъ дѣлѣ замѣшана, и если императорскій Дворъ къ низверженію съ престола короля Августа помогать не будетъ, то и съ печали объ этомъ отнюдь не умретъ“.

Паткуль уѣхалъ изъ Вѣны; Голицынъ остался и, въ началѣ 1703 года, писалъ Головину: „Прошу, мой государь, сотвори надо мною Божескую милость, высвободи меня отъ Двора царскаго; ей, государь, истинно доношу: весь одолжалъ и въ болѣзняхъ моихъ больше жить не могу, опасаясь, чтобъ напрасно не умереть; ни мало мнѣ здѣшній воздухъ въ здоровье не служитъ; великое удержаніе есть въ дѣлахъ монаршихъ; посланники шведскій и ганноверскій своими деньгами не только министровъ, но и поповъ къ себѣ приласкали“. Въ маѣ Голицынъ далъ знать Головину, что Кауницъ безпрестанно напоминаетъ ему о 5,000 золотыхъ червонныхъ, которые Паткуль обещалъ ему и женѣ

его высылать ежегодно, а Кауницъ обещалъ за это, оставя другіе Дворы, вѣрно служить интересамъ царскимъ. Голицынъ писалъ, что надобно исполнить обещаніе: „Сами знаете, каковы здѣшній Дворъ и какъ министры здѣшние избалованы подарками другихъ potentатовъ“. Въ сентябрѣ новое письмо о томъ же: „Униженно, мой государь, прошу, не ради себя, но ради повышенія имени монаршескаго. Кауницъ безпрестанно говоритъ: Когда приплотъ деньги? Хотя бы на первый годъ исполнить обещаніе и прислать ему деньги! Отъ этого-то дѣла наши такъ и коснѣютъ. Самъ изволишь разсудить: слишкомъ годъ посудено, а ничего къ нему не прислаю; какъ можно имъ впередъ намъ вѣрять?“ Когда Паткуль далъ объ этомъ знать, то онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно обещалъ Кауницю ежегодное жалованье, но съ условіемъ, что императоръ будетъ помогать царю; услуги Кауница извѣстны: за что же ему платить жалованье?—Паткуль былъ правъ; но правъ былъ и Голицынъ, дописавшій, что Паткуль ничего не сдѣлалъ въ Вѣнѣ¹⁾.

„Голландскій Дворъ — биржа всей Европы, надобно тамъ имѣть людей способныхъ и свѣдущихъ“, писалъ Паткуль въ 1704 году. По Петръ узналъ это гораздо прежде, и еще до начала Шведской войны отправилъ въ Гагъ Андрея Артамоновича Матвѣева, сына знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича.

Матвѣевъ началъ жалобами на свое печальное житье въ Гагѣ. 9 февраля 1700 года онъ писалъ Головину: „Здравіе твое, моего милостивца и государя, купно и со всесестифинимъ домою вашимъ, всякаго блага промысленникъ и податель, Отецъ нашъ вышній, да удолголтвствитъ во всякое благополучіе неотъемлемымъ своимъ Вожественнымъ благословеніемъ, чего тебѣ, моему милостивому государю, якъ самому мнѣ, выну усердствую. Жизнь моя зѣло здѣсь многоскучная и многокоробная. Гравенгага самый скучный городъ и люди зѣло не челоуѣколюбны, а къ дарамъ ласковы и къ пріѣзжимъ малое любительство имѣютъ, только въ своихъ повсядневныхъ утѣхахъ забавляются. Наймы дворовые несказанно каковы дороги; съ великою ходьбою едва до мая мѣсяца дворъ мой нанять по 35 рублей на каждый мѣсяць, и то посредственный, а нарочитый по семи сотъ и по осемь сотъ на годъ рублей; а ѣдучи съ доминкомъ чрезъ дальній путь до конца потощился; а жалованье мнѣ (2,000 рублей) учинено противъ здѣ пребывающихъ иныхъ министровъ самое малое; чѣмъ годъ проживать — умъ мой не достигнетъ, а съ деревнишекъ врядъ отправлять належація великому государю подати, а не свои избытки. Умилосердился отчески, премилостивый государь, батико, надъ спротвоямъ моимъ, донеси премилосердному нашему государю слезное мое челобитіе, чтобъ онъ пририлъ на бѣдность мою и повелѣлъ хотя

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ии. Д., дѣла Австрійскія означенныхъ годовъ.

на покушку кареты и лошадей и на кормъ ко мнѣ прислать, чтобъ не на стыдъ при здѣшнемъ моемъ пребываніи было житье мое; а тебѣ извѣстно, что Гага комить, или соединеніе имѣть всѣхъ въ себѣ націй пословъ въ резиденціи, а мнѣ развѣ въ затворѣ сидѣть предъ всѣми?"

2 марта Штаты прислали сказать Матвѣеву, чтобъ передалъ своему государю ихъ покорную просьбу—не помогать Датчанамъ на Шведа, потому что и Швеція и Россія съ ними въ дружбѣ, и они не хотятъ видѣть воины между своими пріятелями. Петръ велѣлъ отвѣчать Штатамъ, что онъ, изъ дружбы къ нимъ, не хочетъ вступать въ войну съ Шведами, если только съ ихъ стороны не окажется какія-нибудь неправды. Штаты обратились съ новою просьбою, чтобъ царь подарилъ Европу миромъ, послалъ грамоту къ союзнику своему королю Польскому съ увѣщаніемъ прекратить войну, начатую несправедливымъ нападеніемъ на Шведскія владѣнія. Въ августѣ Матвѣевъ получилъ отъ своего Двора приказаніе объявить Штатамъ списокъ обидъ, нанесенныхъ Россіи Швеціею, и что за эти обиды никакого вознагражденія не послѣдовало. Извѣстіе объ осадѣ Нарвы русскими войсками произвело сильное неудовольствіе въ Голландіи; Матвѣевъ писалъ государю: „Въ статскомъ собраніи великое неудовольствіе учинилъ нынѣшнія вѣсти, будто вы начали съ Шведомъ войну, и, слыша о премногихъ обученныхъ войскахъ вашихъ и о собраніи денежныхъ приходовъ, чему прежде здѣсь никогда не вѣрили, очень тому неради. Также очень непріятно имъ нынѣшнее строеніе у Архангельска вашихъ кораблей, отъ чего опасаются ущерба своему купечеству“. Головинъ Матвѣевъ писалъ: „Всѣ министры о пачати войны безпрестанно меня спрашиваютъ; я отвѣчаю, что дѣло невѣроятное; никакой вѣдомости о томъ ко мнѣ нѣтъ, и тѣмъ невѣдѣніемъ здѣсь не безъ зазора“. Англійскій посланникъ, именемъ своего короля Вильгельма III, объявилъ Матвѣеву, чтобъ царь учинилъ нѣкоторый армістипціумъ въ войнѣ Шведской, а онъ, король, принимаетъ на себя роль посредника. Матвѣевъ повторялъ царю въ своихъ донесеніяхъ: „Нынѣшняя война ваша со Шведами Штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма непотребна, потому что намѣреніе ваше взять у Шведа на Валтійскомъ портѣ пристань, Нарву или Новые Шанцы; гдѣ ни сойдется постоянно толкуютъ: если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше Француза надобно намъ его бояться, отворенными воротами всюду входить свободно будетъ.—Штаты находятъ въ очень затруднительномъ положеніи, потому что по союзному договору обязаны подавать Шведу помощь; но если подадутъ эту помощь, то нарушатъ дружбу съ вами. Больше всего боится того, что у купцовъ ихъ много товару въ Ригѣ, Нарвѣ и Ревелѣ, и хлѣбъ, который далъ имъ Шведъ вывезти изъ своихъ городовъ, весь лежитъ теперь въ Ревелѣ, и если васъ прогнѣвать, а вы эти го-

рода возьмете, то ихъ товары безвозмездно погибнуть. Купечество здѣшнее и англійское не прочь, чтобъ этимъ городамъ быть за вами, и я, сколько могу, общаю имъ большую свободу въ торговлѣ, если города эти будутъ за вами; и успокоиваю ихъ всячески, чтобъ только они не помогали Шведу и не принуждали къ тому Штатамъ своимъ докучнымъ прошеніемъ. На дняхъ былъ у меня Витзенъ съ просьбою, чтобъ вы, по милосердію своему къ амстердамскимъ купцамъ, приказали отдать имъ хлѣбъ, который теперь въ Ревелѣ, ибо они увѣрены, что этотъ городъ будетъ въ вашихъ рукахъ“... Пріѣхалъ въ Гагу король Вильгельмъ III, долго разговаривалъ съ Матвѣевымъ при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, воспоминалъ съ великою похвалою о Петрѣ, о его высокомъ разумѣ, о мудрой правительственной дѣятельности въ такіе молодые годы, о многочисленныхъ войскахъ, какъ они собраны и обучены; жалѣлъ, что нынѣшній походъ предпринятъ въ жестокое осеннее время; не забылъ упомянуть, что ливонскіе города изстари принадлежали Россіи.

14 декабря пришла въ Гагу вѣсть о Нарвскомъ пораженіи и произвела несказанную радость Матвѣевъ писалъ Петру: „Шведскій посоль съ великими ругательствами, самъ ѣздя по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дни пошли въ Москву изъ полковъ, и, какія слышу отъ него руганія, рука моя того написать не можетъ. Шведы съ здѣшними, какъ могутъ, всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знаютъ даютъ, не только о войскахъ вашихъ, и о самой вашей особѣ. Здѣшніе господа ждуть мира, потому что лучшія ваши войска побиты и генералы, вудіе промышленники, взяты въ полонъ, какіхъ людей сыскать трудно, и солдаты такихъ скорѣе обучить невозможно“. Головинъ Матвѣевъ писалъ: „Жить мнѣ здѣсь теперь очень трудно: любовь ихъ только на комплиментахъ ко мнѣ, а на дѣлѣ очень холодны. Обращаюсь между ними какъ отчужденный; и отъ пареканія ихъ всегдашняго нестерпимо слѣдаюсь горестію“. Горесть увеличилась, когда Штаты прямо объявили Матвѣеву, что по старымъ союзнымъ договорамъ, теперь обновленнымъ, онъ обязанъ во всемъ помогать Швеціи. „А съ намѣреніемъ ихъ король Англійскій николи не разлучится“, доносилъ Матвѣевъ. Въ началѣ 1701 года онъ потребовалъ отъ Голландскаго правительства, чтобъ оно, соблюдая древнюю дружбу съ царскимъ величествомъ, не велѣло принимать отъ шведскаго посла меморіаловъ, противныхъ достоинству монарха Русскаго, и запретило подкупленныхъ отъ Шведа журналистамъ (сурантистамъ) печатать великія неистовыя хулы на особу царя. Получивъ отъ своего Двора подробныя свѣдѣнія о Нарвской битвѣ, Матвѣевъ подалъ Штатамъ меморіалъ, который, по его словамъ, произвелъ свое дѣйствіе: „Зѣло дивилъ непостоянству и лживой перемѣнѣ Шведомъ

въ поставленнѣхъ перемирьяхъ съ нашими генералами, и здѣсь во весь народъ то озвучалось къ великому безславию Шведа⁴⁾. Шведскій посольщикъ Дилленротъ приказалъ написать на французскомъ языкѣ замѣчанія на меморіалъ Матвѣева, и приказъ былъ выполненъ согласно съ желаніемъ заказчика. Замѣчанія написаны ловко и зло⁴⁾.

Въ Голландіи и Англіи сначала сильно хлопотали о мирѣ между Россіею, Польскою королемою и Швеціею, чтобъ можно было употребить шведскія и саксонскія войска противъ Франціи; но когда получены были вѣсти о сближеніи Шведскаго короля съ Франціею, то взгляды переизмѣнились. Въ мартѣ 1701 года Матвѣевъ доносилъ: „Желаютъ здѣсь продолженіе войны у васъ со Шведомъ, боясь, чтобъ Карль XII не заключилъ союза съ Франціею и не разорилъ Нѣмецкихъ земель, какъ отецъ его, въ союзѣ съ Французомъ, разорилъ Бранденбургію. Шведскій министръ неотступно домогается у Штатовъ помощи королю его; Штаты отвѣчали ему, что они обязаны по союзнымъ договорамъ помогать его королю на западѣ, а не на сѣверѣ, потому что географія раздѣляетъ Стокгольмъ отъ Ливоніи, и они не обязаны туда помощи посылать“. Голландцы находились въ большой тревогѣ: война съ Франціею за Испанское наслѣдство была неизбежна и требовала огромныхъ усилій; а тутъ Шведъ требуетъ по союзнымъ договорамъ помощи, требуетъ 300,000 талеровъ. Матвѣевъ представляеть, что нельзя Голландіи давать помощь одной изъ воюющихъ сторонъ, когда она взялась быть посредницею; Шведъ настаиваетъ, чтобъ или дана была немедленная помощь, или данъ былъ рѣшительный отказъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ грозитъ вступить въ союзъ съ Франціею, и въ то же время Шведы распускаютъ слухи, что царь Петръ сошелъ съ ума; съ другой стороны французскій посоль въ Гагѣ ласкается къ Матвѣеву, домогается свободной торговли для Французовъ у Архангельска, что сильно не правится Голландцамъ; шли толки, что царь вступитъ въ союзъ съ Франціею изъ боязни, чтобъ Людовикъ XIV не подиялъ султана на Россію. Въ началѣ июля прѣѣхалъ въ Гагу Вильгельмъ III; на аудиенціи, которую имѣлъ у него Матвѣевъ, король обѣщалъ „прилагать все способы къ благопостоянству дружбы съ царемъ“; приказалъ донести Петру, что переищется съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ насчетъ посредничества и постарается привести дѣло къ лучшему порядку. Эти дальнія обѣщанія и общія фразы не значили ничего. Петръ въ глазахъ Вильгельма

былъ побѣжденный государь варварскаго народа, наказанный за дерзкое предъявленіе правъ на могущество и цивилизацію; Вильгельмъ холодно обходился теперь съ Матвѣевымъ, ласково съ шведскимъ посломъ, и Матвѣевъ посигниль донести Петру: „Извѣстился я подлинно, что король внутренно къ вамъ не склоненъ и во всемъ пріятель добрый и надежный Шведа“. Но эта добрая и надежная пріязнь не простиралась также далѣе ласковыхъ словъ; когда шведскій посланникъ началъ и у него требовать помощи, то онъ обратился къ нему снисною и сказала своимъ: „Время о себѣ думать, а не чужимъ помогать“.

Изъ всего было видно, что если англійское и голландское посредничество не поведетъ ни къ чему, за то Россіи нечего бояться, что эти морскія державы дадутъ помощь Шведскому королю. Матвѣевъ особенно прославлялъ услуги Витзена. „Господинъ Витзенъ нашъ истинный и вѣрный служитель во всемъ; надежище его изъ голландскихъ персонъ къ сторонѣ вашей здѣсь нѣтъ. Будучи президентомъ Штатовъ въ три самые опасныя для насъ вѣснца, удержалъ отъ послышки помощи и денегъ Шведа, о чемъ я неотступно ему докучалъ письмами изъ Гаги. Отъ этого теперь онъ въ большомъ подозрѣніи у Штатовъ; шведскій посоль прямо жаловался на него пенсіонарію, что онъ вамъ прямой доброхотъ, ружье тайно къ Архангельску изъ Амстердама пропустилъ; посоль объявилъ пенсіонарію имена тѣхъ купцовъ, которые ставили вамъ ружье и другіе воинскіе припасы, и пенсіонарій писалъ Витзену за это укорительное письмо“. Поставщиками ружей для Россіи были Гаутманъ и Врантъ, которые, съ помощію Витзена, тайкомъ вывозили изъ Голландіи въ Любекъ, откуда моремъ въ Россію. Врантъ посѣщалъ Матвѣева тайкомъ, потому что Шведы всюду его искали убить. Матвѣевъ пріискивалъ также слезныхъ мастеровъ, каменщиковъ съ ихъ учениками, художниковъ ишажнаго желѣзнаго дѣла.

Въ началѣ 1702 года Матвѣевъ донесъ царю, что Штаты дали денегъ Шведскому королю. По этому случаю онъ имѣлъ разговоръ съ пенсіонаріемъ, который объяснилъ, что по союзнымъ договорамъ Штаты обязаны послать деньги Шведа, но, по дружбѣ къ царю, не посылали до сихъ поръ; теперь послали нѣсколько тысячъ талеровъ, но не на помощь противъ Русскихъ, а въ видѣ подарка, какъ и Англійскій король ему послалъ по той причинѣ, что король Французскій вѣчески привлекать его съ собою въ союзъ, и обѣщалъ многіе милліоны, лишь бы только Шведъ оставался нейтральнымъ и продолжалъ войну съ Россіею. Пенсіонарій окончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что Штаты не дадутъ больше Шведа денегъ ни гроша на продолженіе Сѣверной войны, и будутъ попрежнему употреблять все стараніе, чтобъ доставить царю выгодный и честный миръ, благодаря которому въ обоихъ государствахъ, и въ Россіи, и въ Швеціи, торговля уже успивалась бы.

⁴⁾ Lamberti — Mémoires pour servir à l'histoire de XVIII siècle, I, 273; L'ambassadeur de Suède, à qui la copie de ce mémoire (Матвѣева) était parvenue, en fit des risées avec les autres ministres étrangers. Même, pour en divertir le public, il fit faire par le turquissant auteur (Gueudoville) de l'Esprit ou Nouvelles des Cours, quelques remarques sur le memoire, qu'il fit imprimer fort clandestinement et en petit nombre. Замѣчанія напечатаны въ той же книгѣ.

Пришелъ чередъ и Матвѣеву объявлять иностраннымъ министрамъ и въ куранты вносить объ успѣхахъ русскаго войска въ Ливоніи. Пенсіонарій поздравляя его съ этими успѣхами и выражалъ надежду, что теперь Шведа склонится къ миру съ Россією и Польшею; съ сердцемъ разсказывалъ пенсіонарій, что труды Штатовъ къ примиренію на сѣверѣ до сихъ поръ оставались тщетными потому, что Шведскій король не только не допускалъ къ себѣ ихъ министра, но отослалъ его отъ себя въ Ригу, а оттуда принуждаетъ ѣхать въ Стокгольмъ.

Желая доставить войскамъ своимъ хорошую школу и заставить Англію, Голландію и императора хлопотать въ интересахъ Россіи; имѣя также большую нужду въ деньгахъ, Петръ писалъ Матвѣеву, чтобъ предложилъ Штатамъ за деньги отрядъ русскаго войска на помощь противъ Французовъ; Матвѣевъ отвѣчалъ: „О перепускѣ войскъ вашихъ за деньги господамъ Статамъ усердно радѣть буду, а вскорѣ того учинить нельзя, для того, чтобъ они больше пожелали сами того, нежели мнѣ ихъ о томъ просить; а если мнѣ явно набиваться, тогда за малую цѣну или за ничто похотятъ тотъ со мною трактатъ учинить“. Штаты отклонили предложеніе, объявивъ, что войска ихъ какъ сухопутныя, такъ и флотъ укомплектованы уже, и потому договоръ долженъ быть отложенъ. Но было явно, что Голландцамъ не нужны были русскія войска, потерявшія при Нарвѣ репутацію, потому что Штаты не переставали домогаться у Карла XII шведскаго вспомогательнаго отряда.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ Галу инкогнито Прусскій король, Фридрихъ I, которому хотѣлось быть штатгалтеромъ Голландскимъ на мѣсто умершаго Вилгельма III. Матвѣевъ писалъ о своихъ отношеніяхъ къ нему: „Я нахожусь при Дворѣ его безотлучно; по наружности онъ ко мнѣ чрезвычайно милостивъ и разговариваетъ со мною часто по-латыни. О васъ отозвался съ великимъ почтеніемъ, какъ вы изволили сами видѣть свѣтъ не по прежнему обычаю, и потому свое государство во всемъ мудро обновили и науку позволили, что прежде подъ смертною казною было заказано, и повелѣли своимъ подданнымъ ѣздить по свѣту свободно; а еслибъ вы не были сами вездѣ, то все такъ бы не управилось“.

Въ началѣ 1703 года Матвѣевъ опять объявилъ Витзену о желаніи царя, чтобъ Штаты взяли въ свою службу изъ Архангельска 4,000 русскіхъ матросовъ. Витзень отвѣчалъ, что дѣло неудобное: если посылать въ Архангельскъ за этими матросами голландскіе корабли, то они возвратятся очень поздно, когда уже флотъ уйдетъ въ море; потомъ адмиралы говорить, что имъ очень трудно будетъ управляться съ людьми, незнающими по-голландски и необученными ихъ голландскимъ морскимъ приѣмамъ. Витзень прибавилъ, что гораздо удобнѣе было бы принять въ голландскую службу пѣхотную русскія войска, которыя, будучи розданы по разнымъ полкамъ, скорѣе бы выучились. Витзень не совѣтовалъ Матвѣеву дѣлать прямо предложенія

Штатамъ: дѣло не состоится, а между тѣмъ пустая молва разойдется по иностраннымъ министрамъ. Матвѣевъ изъ словъ Витзена заключалъ, что „имъ то зѣло ненадобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ“.

Англійское и Голландское правительства не переставали увѣрять, что употребляютъ всѣ усилія для водворенія мира на сѣверѣ; но, по увѣренію Матвѣева, все это было только на словахъ: „Отъ Штатовъ и королевы Англійской благопотребнаго посредства къ окончанію войны нечего чаять; они сами вѣрятся, такъ могутъ ли стараться о нашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше, какъ и Французъ. — Подлинно увѣдомленъ я, что Англія и Штаты тайными приказами къ своимъ министрамъ въ Польшѣ домогаются помирить Шведа съ одною Польшею безъ васъ, для своего особаго прибытка. Если Шведъ помирится съ Поляками, то, думаютъ они, прогнѣвъ одного васъ ему не нужно будетъ столько войска и часть его онъ можетъ перепустить имъ; если даже Шведъ станетъ воевать противъ васъ со всѣми своими силами и имъ не дастъ ничего, то Польскій король, помирившись съ нимъ, свои саксонскія войска перепуститъ Цесарю. Недавно англійскій посланникъ имѣлъ съ своими друзьями тайный разговоръ о сѣверныхъ дѣлахъ, причеиъ случился одинъ мой знакомецъ. Посланникъ увѣренно сказалъ, что скоро у Шведа съ Польшею будетъ миръ. Знакомый мой замѣтилъ, что нельзя этому стать, потому что трудно будетъ уладиться съ царемъ; посланникъ отвѣчалъ, что до мира съ царемъ имъ нѣтъ нужды; и когда другой кто-то замѣтилъ, что король Польскій никогда безъ Россіи не помирится съ Шведомъ, то посланникъ прямо сказалъ: „Найдемъ мы способы короля Польскаго, разлучивъ съ царемъ, помирить съ Шведомъ“. — „То Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе, пишетъ Матвѣевъ, чтобъ не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ они и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи не право передъ вами“ Наконецъ и толки о посредничествѣ должны были прекратиться; Карлъ XII прямо отвергнулъ его, объявивши, что принятіемъ посредничества не хочетъ лишиться себя помощи Англіи и Голландіи, выговоренной въ союзномъ договорѣ между ними и Швецією. 11 августа Матвѣевъ донесъ, что Штаты подписали подтвержденіе старыхъ своихъ договоровъ съ Швецією, причеиъ съ обѣихъ сторонъ обязались не соединяться съ непріятелями другъ друга; Шведскій король, по окончаніи Сѣверной войны, обязанъ дать Голландіи 10,000 войска на ея содержаніи, и во время войны Штаты могутъ, за известную сумму денегъ, имѣть вспомогательный шведскій отрядъ, но обязаны возвратитъ его королю по первому востребованію. По секрет-

ному артикулу, Шведскій король обязуется вступить въ общій союзъ съ Англією и Голландією; но артикулъ этотъ будетъ подтвержденъ въ Стокгольмѣ. Послѣ этого Штаты объявили Матвѣву, что они не постановили съ Шведомъ никакого договора, вреднаго его царскому величеству, и впередъ ни съ нимъ и ни съ кѣмъ другимъ не постановяютъ.

22 марта Матвѣвъ сообщилъ своему Двору любопытныя новости: прусскій министр-резидентъ въ Гагѣ, Шметтау, объявлялъ голландскимъ депутатамъ на конференціи, что король его велѣлъ занять своимъ войскомъ городъ Эльбингъ за перасплату Рѣчи Посполитой Польской, и будетъ держать этотъ городъ у себя до тѣхъ поръ, пока Поляки не удовлетворятъ его совершенно по прежнимъ договорамъ. Секретныя письма изъ Берлина говорятъ о крѣпкой дружбѣ Прусскаго короля съ Шведскимъ: Прусскій домогается всѣми силами у Шведскаго, чтобъ Польская Пруссія отошла къ нему и чтобъ Августъ II былъ свергнутъ съ Польскаго престола; по другимъ письмамъ изъ Берлина и изъ Саксоніи, король Польскій вошелъ въ тайную переписку съ королемъ Шведскимъ и Прусскимъ; пѣль союза между тремя королями — раздѣлъ польскихъ владѣній: король Фридрихъ I получаетъ Польскую Пруссію, Карлъ XII — Ливонію и Литву, Августъ II становится неограниченнымъ государемъ Польши. Наконецъ полученные были извѣстія, что Прусскій король тайно предлагалъ Рѣчи Посполитой: если Поляки отдадутъ ему свою Пруссію, то онъ вступить съ ними въ союзъ противъ Шведовъ.

Въ концѣ 1703 года Матвѣвъ поѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ первымъ дѣломъ его было повидаться съ Витзеномъ, „общимъ нашимъ вѣрнымъ пріятелемъ“. Объявляя свои нижайшія услуги его царскому величеству, Витзенъ обнадеживалъ вѣрно, что хотя бы трактатъ, обновленный у Штатовъ съ Шведомъ, и былъ присланъ сюда подписанный Карломъ XII, все же Штаты теперь не въ состояніи дать Швецу денежную ссуду по его желанію, потому что имъ самимъ деньги очень нужны при этой войнѣ; пусть царское величество на его слово будетъ надеженъ. Въ Амстердамѣ въ это время, подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса, находившагося въ русской службѣ, жили „русскіе робята“, учившіеся по-голландски и по-французски; Матвѣвъ всѣхъ ихъ пересмотрѣлъ, и нашелъ ихъ изрядно выученными какъ письму, такъ и порядку здѣшнему. Число ихъ скоро увеличилось: къ Матвѣву явилось 16 человекъ Холмогорцевъ, отправленныхъ по царскому указу съ Двина за море для науки, на новомъ кораблѣ „Св. Апостолъ Андрей“, принадлежавшемъ Холмогорцу Осипу Важенину; флагъ и пась на кораблѣ были русскіе, а корабельщикъ Класъ Вестеръ. Французскіе каперы захватили корабль, отвели въ Дюнкерзень, и людей, ограбивъ донага, отпустили. Матвѣвъ отослалъ Холмогорцевъ къ Крюйсу, чтобъ роздалъ ихъ въ науку, кто куда годится.

Матвѣвъ подробно извѣщалъ свое правительство

о сношеніяхъ Англіи и Голландіи съ Швецією, о содержаніи договора, между ними заключеннаго; но вдругъ Паткуль, которому хотѣлось, чтобъ на всѣхъ дипломатическихъ постахъ были Пѣльпы, а онъ, живя въ Дрезденѣ или Гагѣ, былъ генерал-пленипотенціаріемъ¹⁾, завѣдывалъ всѣми посольствами въ Европѣ, — Паткуль пишетъ Головину, что Матвѣвъ ничего не знаетъ о трактатѣ Голландіи съ Швецією: „Еслибъ я зналъ заранѣе объ этомъ, то я поѣхалъ бы изъ Дрездена въ Голландію инкогнито и нашелъ бы средство воспрепятствовать договору“. — Такъ обыкновенно отзывался Паткуль: всѣ другіе, особенно Русскіе, ничего не умѣютъ сдѣлать, онъ одинъ все можетъ сдѣлать, позабывая, что ничего не могъ сдѣлать ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Дрезденѣ. Паткуль написалъ и Матвѣву о голландскомъ трактатѣ съ Швецією, написалъ своимъ обычнымъ тономъ, который такъ оскорбилъ Матвѣва, что тотъ прекратилъ съ нимъ сношенія, и написалъ своему Двору: „Писалъ ко мнѣ г. Паткуль, что будто тамъ слышалъ онъ о нѣкоторомъ еще новомъ союзѣ у Штатовъ съ Шведомъ, — то самая лжа и ничего того отнюдь не бывало“.

По возвращеніи въ Гагу, Матвѣва ждало неприятное письмо отъ Головина: „Изволь попроситься немедленно въ конференцію и предложить Штатамъ, чтобъ присланъ къ тебѣ нарочию указъ великаго государя, велѣно имъ объявить: какъ прежде царское величество чрезъ ихъ посредство не отрицался честнаго мира съ Швецією, такъ и теперь не отрицается безъ всякихъ болышихъ вымогательствъ и тяжкихъ запросовъ, хотя въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ и счастливо ведетъ войну“ Матвѣвъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сдѣлать, не посоветовавшись съ Витзеномъ; а послѣзшитъ предложеніемъ — значить показать себя трусомъ при такихъ великихъ побѣдахъ надъ Шведами: „Какъ бы я ловко ни прикрывалъ настоящей цѣли своего предложенія, но они по бѣглости своего ума и науки тотчасъ дознаются въ чемъ дѣло; притомъ же вамъ хорошо извѣстно, что они явно отказались уже отъ посредничества по той причинѣ, что Шведы этого посредничества не приняли; три года уже какъ они отправили къ Швецу своего посланника для посредничества, и до сихъ поръ даже прямого отвѣта не получили. Теперь они съ Англією хлопочутъ не о мирѣ Польши съ Швецією, но о томъ только, чтобъ Шведъ не овладѣлъ Данцигомъ ко вреду торговлѣ обѣихъ морскихъ державъ. Такъ если бы я и сталъ нѣкоторыми околничествами предлагать о посредничествѣ, то изъ этого ничего бы не вышло. Обновленный между нами и Шведомъ договоръ не подписанъ. Штаты въ деньгахъ шведскому министру, подъ предлогомъ войны, отказали, что королю Шведскому очень неприятно. Я въ послѣднемъ меморіалѣ моемъ говорилъ Штатамъ о силѣ моего монарха, о счастіи

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1704 г.

его оружія, а теперь вдругъ стану искать чрезъ ихъ посредство мира, какъ будто мы увидали совершенное свое безсиліе предъ неприятелемъ! Если бы я не только на явной конференціи, даже на тайныхъ разговорахъ объявилъ намѣреніе царскаго величества, то это сейчасъ же будетъ въ ушахъ у Шведа; — и если пользы нельзя ждать никакой, то нужно ли открываться? Другое дѣло, еслибъ царское величество позволило вступить въ союзъ съ Англіею и Штатами, какъ съ державами, чрезвычайно сильными торговлею. Это дѣло теперь нужнѣе намъ другихъ, потому что государь отъ прямыхъ своихъ союзниковъ совершенно оставленъ безъ помощи, а съ противной стороны — союзъ между двумя сильными державами, Швеціею и Пруссіею; и если бы съ пашей стороны было сдѣлано Англіи и Голландіи предложеніе о союзѣ, то эти державы, не желая допустить насъ къ французскому союзу и предусматривая непостоянство Шведскаго и Прусскаго королей, которыхъ подозреваютъ въ союзѣ съ Французомъ, безъ труда приняли бы наше предложеніе. Рать-пенсіонарій мнѣ говорилъ, для чего государевы войска, удовольствовавшись взятіемъ малыхъ городковъ, упустили благоприятное время и большихъ поисковъ въ Лифляндіи не сдѣлали? жалѣлъ, что не были взяты ни Ревель, ни Нарва; опасался, что Шведъ, въ союзѣ съ Пруссіимъ, легко одолѣетъ Польшу и обратитъ все свое оружіе противъ государства Московскаго“.

Матвѣевъ не могъ быть покоенъ, послушавшись царскаго указа; но, къ счастью, онъ скоро былъ выведенъ изъ бѣды; самъ рать-пенсіонарій заговорилъ съ нимъ о возобновленіи посредничества. Матвѣевъ поспѣшилъ отвѣчать: „Если Шведъ признаетъ Штаты за посредниковъ и Штаты сами будутъ ходатайствовать объ этомъ мирѣ у его царскаго величества и предлагать о томъ мнѣ дѣль, то безъ сомнѣнія великій государь не изволитъ имъ отказать“. Матвѣевъ усмотрѣлъ пенсіонарія зѣло удовольствована и догадался, что Штаты вызвались снова къ посредничеству изъ боязни, чтобъ этой роли не взялъ на себя король Французскій, потому что пенсіонарій выдалъ себя, спросивши тутъ же у Матвѣева: „А что, французскій министръ еще живетъ при дворѣ нашемъ, и что слышно о дѣлахъ нашихъ съ нимъ?“ Матвѣевъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При разговорѣ присутствовалъ и вице-адмиралъ Крюйсъ, который пріѣзжалъ благодарить пенсіонарія за данное наконецъ Штатами согласіе на принятіе въ голландскую службу 1,000 русскихъ матросовъ. Матвѣевъ давалъ знать, что это согласіе получено „чрезъ великіе труды“ его, Матвѣева, и Крюйса, который неотступно домогался его у Амстердамскаго адмиралтейства; и еслибъ не это адмиралтейство, то конечно бы Штаты другихъ провинцій не согласились.

Предложеніе посредничества было сдѣлано именно только съ цѣлію ослабить подозрѣваемое французское вліяніе въ Россіи. Витзенгъ прямо говоритъ

Матвѣеву, что напрасно царь держитъ французскаго резидента въ Москвѣ: это иніионъ, который доноситъ обо всемъ не только своему двору, но и Шведскому. Головинъ писалъ Матвѣеву, чтобъ тотъ старался распалить злобу Англичанъ и Голландцевъ противъ Шведа. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Неоплошно радѣю и, сколько могу, всѣми силами на то простираюся. Хотя Англія и Штаты, въдая внутреннее слученіе Шведа съ Французомъ, душевно къ нему злобы, однакоже при нынѣшней своей жестокой войнѣ опасаются его раздражить, чтобъ онъ, Шведъ, явственно отлучась отъ нихъ, не вступилъ въ новый союзъ. Только я нынѣ, на всякую недѣлю оставляю быть въ своемъ дѣлѣ собранію всѣмъ здѣшнимъ первымъ господамъ и господамъ, для собранія и забавы картами и иныхъ утѣхъ, чтобы тѣмъ могъ способѣе, угождая имъ, въ тѣхъ вышесказанныхъ дѣлахъ лучшей способъ къ пользѣ и волѣ монаршей учинить, хотя мнѣ и со многими убыткомъ на всякой день тотъ ихъ пріемъ къ себѣ станетъ“.

Но вечеринки посланника для первыхъ господъ и госножъ никакъ не могли искоренить въ Голландцахъ подозрѣнія насчетъ усилія Россіи на Прибалтійскихъ берегахъ. Матвѣевъ писалъ, что онъ узналъ секретъ: Англія и Штаты чрезъ своихъ министровъ домогаются тайно у Датскаго двора, чтобъ тотъ не вступалъ въ крѣпкій союзъ съ Русскимъ царемъ, ибо если царь укрѣпится въ Ливоніи и Балтійское море будетъ за нимъ, то не только Москва пресѣчетъ англійскую и голландскую торговлю, но и самой Даніи будетъ грозить постоянная опасность. Рать-пенсіонарій былъ постоянно на шведской сторонѣ противъ Россіи, и на домогательства Матвѣева, чтобъ Штаты объявили себя противъ сверженія Августа II съ Польскаго престола, сказалъ: „Вашъ государь сколько тысячъ денегъ своихъ передавалъ королю Польскому, а тотъ истратилъ ихъ на пустяки“. Пенсіонарія надудли, по выраженію Матвѣева, посланники Прусскій и Ганноверскій, великіе во всемъ Россіи непріатели. Вмѣстѣ съ пенсіонаріемъ, противъ Россіи за Швецію былъ и знаменитый герцогъ Мальборо, о которомъ Матвѣевъ писалъ: „Воюю, чтобъ онъ, случась съ министромъ шведскимъ, прусскимъ, ганноверскимъ и пенсіонаріемъ, пакости въ нашемъ дѣлѣ какой не учинилъ“. Для предупрежденія пакости, Матвѣевъ просилъ Головина прислать подарки „здѣшнимъ надобнымъ особамъ: истинно безъ того великія нахожу трудности здѣсь во всемъ. Голландцы всѣ трусятъ передъ Шведомъ, будто поданные его, а Мальбургъ довольною мною денегъ отъ стороны Шведовой конечно ослѣпленъ“. Въ апрѣлѣ Матвѣевъ имѣлъ свиданіе съ Мальборо и прямо сказалъ ему: „Англія и Голландія по какой пужѣ Шведа имѣютъ за всесвѣтлаго монарха, его опасаются во всемъ и всегда и ничѣмъ противнымъ ни нудятъ къ честному примиренію, всегда все дѣлаютъ, какъ его послушники, а онъ, видя то, ни во что ихъ ставитъ и пуше

въ гордыя вступаетъ несклонноица. — „Что же дѣлать?“ отвѣчалъ Мальборо: „мы очень хорошо знаемъ о пересылкахъ Шведа и польскаго примаса съ Франціей насчетъ сверженія короля Августа и нозведенія на его мѣсто припади Конти; знаемъ, что Шведъ Фабриціусъ отправленъ въ Константинополь, чтобъ тамъ, вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ, возбудить Порту къ войнѣ съ Россіею; все мы это знаемъ, но, будучи заняты Французскою войною, не можемъ начать войны съ Швеціею. Королевѣ осталось одно: послать строгіе указы къ своему министру-резиденту при Шведскомъ Дворѣ, чтобъ тотъ, вмѣстѣ съ голландскимъ министромъ, неотступно радѣлъ о примиреніи польскихъ междоусобій и о всеобщемъ мирѣ въ сѣверныхъ странахъ. Если Шведъ останется и теперь при прежнемъ своемъ упрямствѣ, то Англія будетъ съ нимъ поступать непріятельски; и при этомъ мы вмѣстѣ съ Штатами больше всего боимся за нашего союзника Цесаря; если Шведъ на насъ разсердится, то вступитъ въ явный союзъ съ Франціею и, соединясь съ курфирстомъ Баварскимъ, нападетъ на Силезію и Австрію“. Въ конференціи, которую имѣлъ шведскій посланникъ въ Гагѣ съ голландскими правителями, тѣ спросили его, зачѣмъ Карлъ XII хочетъ свергнуть съ престола Польскаго короля. — „А зачѣмъ вы сами“, отвѣчалъ посланникъ, „согнали съ престола Англійскаго короля Якова, и теперь хотите согнать съ Испанскаго престола герцога Анжу“? Въ той же конференціи посланникъ объявлялъ, что царь сдѣлалъ его королю мирныя предложенія чрезъ прусскаго министра-резидента въ Москвѣ, требуетъ себѣ отъ Швеціи только одной морской пристани и больше ничего; но Карлъ XII объ этомъ и слышать не хочетъ, потому что отъ русской пристани на Балтійскомъ морѣ не только Швеціи, но Англіи, Дани и Голландіи будетъ большое препятствіе въ торговлѣ. Это, разумѣется, заставило Матвѣева внушить Голландцамъ, что отъ русской гавани на Балтійскомъ морѣ имъ могутъ быть только одніи выгоды, и что маленькій русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на моряхъ. Матвѣевъ писалъ Головину: „Чтобъ заключить торговый договоръ съ Англіей и Голландіей и ца Балтійскомъ морѣ установить съ ними вѣчную прибыльную торговлю — неусыпные труды и радѣнія прилагать буду у Штатовъ и министровъ англійскихъ, и стану всячески искать случая, какимъ бы могъ способомъ въ тѣ дѣла порядочно и честно вступить къ полезному совершенству; только такое великое дѣло требуетъ своего благовременнаго часа и нѣкотораго обожданія, а вскорѣ перелезеть того у нихъ нельзя и нечестно будетъ“.

Матвѣевъ толковалъ о томъ, какъ бы порядочно и честно вступить въ дѣло. Паткуль считалъ Матвѣева неспособнымъ дипломатомъ и имѣлъ другіе взгляды. Паткуль далъ знать Матвѣеву, чтобъ онъ вошелъ въ сношеніе съ датскимъ по-

сланникомъ въ Гагѣ по весьма важному дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что Паткуль писалъ датскому посланнику, обѣщая переводить въ Гагу деньги для задариванія голландскихъ правителей и побужденія ихъ къ войнѣ съ Швеціею. „Вамъ, моему государю, извѣстно подлинно, писать Матвѣевъ Головину, что здѣсь разныя малыми камины потѣшканы, винами или другими вещами, чистыми и богатыми обѣдами довольствуются, а на денежные дачи, хотя бы горы золота имъ были предложены, никакъ не польстятся. Государи присылаютъ имъ подарки, но это считается за простую учтливость, а не за посулы, и если я стану султить имъ деньги, то явлюсь въ ихъ глазахъ бездѣльникомъ и запятнаю свой высокой характеръ. Другое дѣло предложить Штатамъ или королю Датскому большую сумму денегъ, чтобъ они за эти субсидіи объявили войну Швеціи; а если кого можно подкупить, то это фаворита королевы Англіиской, Мальбурга, чтобъ онъ былъ весь на нашей сторонѣ, и если Англія согласится на Шведскую войну, то здѣсь будутъ этому очень рады“¹⁾.

Постоянно сдѣля чрезъ Голицына и Матвѣева за Австрію, Голландію и Англію, хлопоча о томъ, нельзя ли отъ этихъ державъ получить какой-нибудь помощи или, по крайней мѣрѣ, удержатъ ихъ отъ поданія помощи Шведамъ, Петръ не хотѣлъ оставить безъ вниманія и враждебной имъ Франціи. Въ Парижѣ съ 1703 года жилъ дворянинъ Постниковъ безъ посланческаго однако характера. Къ нему пересылались изъ Россіи извѣстія о побѣдахъ царскихъ войскъ надъ Шведами; эти извѣстія Постниковъ переводилъ на французскій языкъ и передавалъ министру и иностраннымъ дѣламъ, который показывалъ ихъ королю. Но одними извѣстіями о военныхъ успѣхахъ Постниковъ не довольствовался; онъ писалъ Головину: „Извольте приказатъ присылать ко мнѣ сюда краткія выписочки указовъ, обновленія законовъ и иныхъ новозобрѣтенныхъ распоряженій къ лучшему управленію, которыя его величество, хотя и воинскими отягченъ дѣлами, извольте повелѣвать публично объявлять, яко истинный отечества и народа своего отецъ, понеже здѣсь все хотяя радостно знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отпавленій по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ сей прісно-хвалительный суверенъ начальствуетъ надъ тако многочисленными народами. Извольте кому приказатъ особливое имѣть попеченіе собирать изъ приказовъ указы и присылать ко мнѣ, которые будутъ вѣдомы во всей Европѣ для славы его царскаго величества и нашего отечества, а напаче извольте пожаловать прислать ко мнѣ подлинное описаніе флоты нашей, сколько кораблей сдѣланныхъ и которые дѣлаются и проч. Таковымъ бо славнымъ дѣломъ его величества весьма надобно вѣдомымъ

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣл., дѣла Голландскія означ. годовъ.

быти при семь славномъ Дворѣ и написательнымъ единымъ языкомъ, которымъ едва не вся говорятъ Европа“.

Увѣдомляя Головина, что Французскій Дворъ послалъ неизвѣстно зачѣмъ одного іезуита въ Константинополь, Постниковъ прибавляетъ: „Сей солдатъ компаніи Исусовы по арабски основательно знаетъ, и егда преобразится платьемъ и чалму надѣнетъ, немощно узнать его, Исусовъ ли ученикъ или дьявольскій, не токмо церкви, но и государственнымъ дѣламъ надобны іезуиты и всегда годны сіи верхоглавые отцы содружества Исусова“. Какъ всѣ русскіе резденты въ то время, такъ и Постниковъ имѣлъ порученія покупать въ Парижѣ разные инструменты, занимать въ царскую службу искусныхъ людей, заказывать шитыя золотомъ платья. Наемъ французскихъ мастеровъ не удавался. Получивъ изъ Россіи приказаніе нанять 12 хирурговъ, или цирюликовъ, Постниковъ обратился къ министру де-Торси съ просьбою исходатайствовать на этотъ счетъ королевское позволеніе; Торси потребовалъ, чтобъ охотники названы были по именамъ и прибавилъ: „Куда имъ ѣхать?—пойдутъ ли они!“ Сильная потребность въ подобныхъ людяхъ и для французской арміи набрала пѣту: хорошіе цирюлики требовали по 1,000 французскихъ ефимковъ въ годъ, и „кромѣ сего“, писалъ Постниковъ, „чають въ край свѣта ѣхать къ Москвѣ, и дьяволъ ихъ знаетъ, что говорить; егда слышатъ Москву нашу, чають, что она съ Индіями граничитъ“. Притомъ цирюлики требовали ручательства, что всѣ общанія будутъ исполнены и не вѣрили Постникову, какъ немѣющему посланническаго характера.

Сверженіе короля Августа съ престола Польскаго, провозглашенное частію Поляковъ, разумѣется, поднимало вопросъ, не призвется ли на Польскій престолъ прежній кандидатъ, принцъ Конти? Постниковъ давалъ знать, что наврядъ Конти объявитъ себя вторично кандидатомъ на Польскій престолъ: денегъ нѣтъ; Постниковъ сообщилъ также, что сильное впечатлѣніе при Дворѣ Людовика XIV произвелъ манифестъ Петра къ Полякамъ; поправились начала, провозглашенныя Петромъ, который принялъ въ свою защиту права вѣщепносныхъ главъ, ни отъ кого не зависящихъ „только отъ единого вышняго надъ всѣми суверенствующаго Бога противъ неустой быстроты злѣйшихъ бунтов“, и училъ многомятежныхъ Поляковъ болѣе уважать слова священнаго писанія: „Не касайтесь помазанымъ моимъ“.

Одновременно съ отправленіемъ Постникова во Францію, въ Россію прѣхалъ французскій чрезвычайный посланникъ Валюзъ. 15 марта 1703 года былъ у него съ Головинымъ тайный разговоръ: „Королевское величество“, говорилъ Валюзъ, „слышалъ, что царское величество по многимъ случаямъ недоволенъ союзомъ съ царскимъ величествомъ; и дѣйствительно народъ Нѣмецкій не постоянно въ дружбѣ совершеннаго окончанія ни

съ однимъ государемъ не сохраняетъ; а постоянство короля Французскаго въ союзахъ вамъ вѣрнѣе известно не изъ нынѣшнихъ только слуховъ, но и изъ книгъ многихъ. Я теперь прислалъ отъ короля для заключенія союза между обоими великими государями. Донесите царскому величеству, чтобъ изволилъ объявить статьи, на которыхъ желаетъ заключить союзъ съ королевскимъ величествомъ“ Головинъ отвѣчалъ, что посланникъ долженъ прежде объявить статьи, на которыхъ король его хочетъ заключить союзъ. „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странъ своей дѣлать, что какая изъ того будетъ польза, вступать въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ, съ которыми у Франціи ведется нынѣ война немалая. И если царскому величеству вступить въ бесполезный себѣ какой союзъ съ Франціею, то безславіе себѣ только учинитъ и старыхъ союзниковъ потерять, а утѣтѣ этого будетъ нельзя; и если королевскому величеству потребенъ союзъ съ царскимъ величествомъ, то объявите подлинно, чѣмъ королевское величество удовольствуется царское величество за вступленіе въ союзъ, а съ нашей стороны объ этомъ союзѣ никогда предложенія не было“. Валюзъ отвѣчалъ, что ему ничего не наказано насчетъ объявленія условій союза, но что онъ будетъ писать объ этомъ къ королю—какой будетъ отвѣтъ.

По отвѣта не было, и Валюзъ въ мартѣ 1704 года выѣхалъ изъ Россіи; а между тѣмъ, какъ мы видѣли, дюнкиркенскіе канеры схватили русскій корабль „Св. Андрей Первозванный“, принадлежавшій братьямъ Важеннымъ, и другой, принадлежавшій Елизару Избрангу. Постниковъ писалъ Головину: „Здѣшній Дворъ великою злобою и противностію дышетъ на интересы его священнаго царскаго величества, и нынѣ сей огонь, подъ пеломъ притворной политики таящійся, открылся: корабль нашъ въ совѣтѣ королевскомъ морскому предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми товарами отписанъ на короля; отъ какой причины король подвигся къ сему, лучше меня вы; чаю, изволите вѣдать, ибо я не знаю, чего у васъ требовалъ посланникъ французскій. Тотъ же совѣтъ не удержалъ вѣски правосудія въ равности, потому что шведскій корабль, взятый французскими же пиратами, отданъ назадъ по прошенію посланника шведскаго и со всѣми товарами. Изволите видѣть, какъ открытымъ лицомъ здѣшній Дворъ ласковую приклонность оказываетъ Шведамъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противъ народнаго права, яко юристы говорятъ“.

Для улаженія дѣлъ о корабляхъ, осенью 1705 прѣхалъ въ Парижъ также безъ характера, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. „Городъ Парижъ писалъ онъ Головину, напелъ я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное, и народа уборъ, забавы и веселіе его несказанныя. И хотя обносилося, что Французы утѣ-

снены отъ короля, однако то неправда: всё въ своихъ воляхъ безъ всякой тѣсноты и въ уравненіи прямомъ состоятъ, и никто изъ вельможъ нимало не озлобляется, и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну. Всё мнѣтъ, что я прѣѣхалъ просить здѣшняго короля въ посредники для мирнаго договора съ Шведомъ. Только отъ Шведовъ пренебреженіе злыхъ плевели о насъ посылно молвою и печатными злословіями въ семь народѣхъ, вѣдая, что здѣсь нашего министра при Дворѣ Французскомъ нѣтъ и мѣшать некому, что захотѣтъ то дѣлаютъ безъ препоны. Французы сердиты, что посланникъ ихъ, бывшій при нашемъ Дворѣ, парочно отъ короля отравленный, никакого плода полезнаго не получилъ, и я боюсь, чтобъ мнѣ здѣшній хитрый Дворъ такую же монетою не заплатилъ. Статскій секретарь Деторпый (де-Торси) явно нѣкоторой особѣ здѣсь говорилъ: если бы король отъ Постникова не былъ снабженъ въ будущей дружбѣ между Московскимъ и нашимъ Дворами, то и на мысль не пришло бы королю посылать въ Москву чрезвычайнаго посланника“.

23 октября Матвѣевъ имѣлъ приватную аудіенцію у короля; Людовикъ „изволилъ сказать, что ему тѣ присылки велики любви, и все онъ учинитъ къ угодности царя, какъ въ его возможности есть“. Донося объ этой аудіенціи Петру, Матвѣевъ прибавляетъ: „Здѣсь конечная въ деньгахъ, а больше въ людяхъ скудость; къ Рагоци и къ Шведу, и къ курфирсту Баварскому посылки денежныя и продолженіе войны вычерпали деньги конечно уже. Шведъ здѣсь въ почитаніи многомъ и дѣла его; къ тому же и коронація Лещинскаго за добро здѣсь принята“.

Послѣ аудіенціи Матвѣевъ сообщилъ де-Торси свои предложенія; тотъ обѣщавъ донести о нихъ королю; а между тѣмъ Матвѣевъ имѣлъ длинный разговоръ съ Дебервилемъ, завѣдывавшимъ корабельными дѣлами. Матвѣевъ объявлялъ, что если король не отдастъ русскаго корабля и къ прямой дружбѣ съ царскимъ Дворомъ не склонится, то впередъ Россіи будетъ малая надежда на ихъ Дворѣ. Дебервиль отвѣчалъ, что первую помѣшкую дружбѣ между Франціею и Россіею были русскіе послы и посланники, которые прѣѣзжали съ торгами только для своей прибыли, ничего не искали къ пользѣ государя своего у короля, только дѣлали непріятныя, гордые запросы, короля презирали, съ министрами ласковаго и честнаго обхожденія не имѣли, людей держали при себѣ озорниковъ, няицихъ, драчуновъ, которые у многу и политическому народу Французскому дуростямъ своимъ досаждали, и потому, прѣѣхавъ въ Москву, эти носы царя съ королемъ смущали, и царь Французскій Дворъ презиралъ и считалъ себѣ непріятелемъ. Царь не можетъ слышать о Французскомъ Дворѣ, и кто при немъ хорошо отзовется о королѣ, изъ своихъ, или чужихъ, тотъ подвергнется бѣдствію; во время своей поѣздки въ Ганноверъ, царь шлъ шампанское и хвалилъ его; но когда ему сказали, что

вино французское, то онъ его выплеснулъ и рюмку разбилъ, ругая Французовъ. Притомъ же царь ненавидитъ вѣру Римскую; въ нынѣшній походъ свой въ Польшу іезуитовъ и нѣсколько монаховъ Римскаго закона своею рукою убилъ.—Матвѣевъ отвѣчалъ, что о поведеніи пословъ не можетъ ничего сказать, потому что ничего не знаетъ; что же касается до враждебнаго расположенія государя Русскаго къ Франціи, то это ложь, придуманная Ганноверскимъ Дворомъ, чтобъ поссорить Россію съ Франціею, по избвѣтню единоудіе Ганновера съ Шведомъ. Царское величество всегда дорожилъ и дорожитъ дружбою королевскою, и многолѣтнее правленіе Людовика XIV честнымъ поминать словомъ; съ мудростію царскаго величества не сообразенъ поступокъ съ виномъ, распространяемый Дворомъ Ганноверскимъ и Шведскимъ; что же касается до казни іезуитовъ и монаховъ, то если, по сыску, они и дѣйствительно были казнены за какія-нибудь тайныя пересылки съ непріятелемъ или за умыслы надъ особою его величества, то и во Франціи они имѣли бы такую же участь, не смотря на ихъ духовное званіе.

Новооткрытая для Западной Европы Россія съ ея удивительнымъ царемъ служила постоянно предметомъ чудесныхъ слуховъ. Матвѣевъ доносилъ объ одномъ изъ нихъ, распространившемся при Французскомъ Дворѣ; то былъ переводъ народной русскою пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, приложенный теперь къ Петру: великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ его казнить Меншикову; но Меншиковъ, умилосердясь, велѣлъ выѣсть царевича повѣсить рядоваго солдата. На другой день государь хватился: „Гдѣ мой сынъ?“ Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ казенъ по указу; царь былъ въѣ себя отъ печали; тутъ Меншиковъ приводитъ къ нему живаго царевича, что учинило радость несповѣдимую. Когда Французы спрашивали у Матвѣева, правда ли это, онъ отвѣтилъ, что всё эти плевели разсѣваются Шведами, и прямой христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше природы не только такого монарха, но и самаго простолюдина.

Наконецъ Матвѣевъ дождался отвѣта по главному своему дѣлу; Дебервиль объявилъ ему, что караблей отдать нельзя, они отданы канералъ, а не на короля взяты, по прямымъ регламентамъ, постановленнымъ между всѣми Европейскими государями, потому что въ морскихъ запискахъ не показано было ни одного товара, принадлежащаго русскимъ подданнымъ, въ подписяхъ именъ ни одного русскаго имени, только голландскія, а на флаги нельзя обращать вниманія, потому что флаги могутъ быть фальшивые. Впрочемъ, король обѣщаетъ вознаграждать русскихъ подданныхъ за эти убытки, если заключенъ будетъ договоръ о необходимой торговлѣ между Франціею и Россіею. „Дружба здѣшняя, писалъ Матвѣевъ, чрезъ слабость комплиментовъ своихъ безполезна, въ прибыльномъ дѣлѣ малой случай намъ кажется; быть

кому здѣсь изъ особъ знатныхъ въ министрахъ—развѣ хотѣтъ всякаго презорства и уничиженія по обыкновенной гордости сего Двора, который наши дѣла и насъ не велико ставитъ. Такъ и житіе мое пынѣшнее здѣсь безо всякаго дѣла; считаютъ меня больше за провѣдывальщика, чѣмъ за министра; для того требую вашего къ себѣ отвѣта, чтобъ мнѣ не волочиться бѣдно и бездѣльно здѣсь при такомъ коварномъ и богатомъ Дворѣ; смѣнять дружбу Англичанъ и Голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку⁴.

Матвѣевъ прожилъ въ Парижѣ до октября 1706 года: все шли толки о заключеніи торговаго договора; наконецъ де-Тори объявилъ ему именемъ королевскимъ, что договоръ до общаго мира заключенъ быть не можетъ, ибо война мѣшаетъ французскимъ кораблямъ плавать въ края сѣверные; впрочемъ король обнадеживаетъ паря, что всѣ московскіе корабли, которые войдутъ во французскія гавани, нагруженные товарами, родящимися въ дѣлающимъ въ Москвѣ, будутъ приняты поирятельски, только хозяева и корабельщики должны собразоваться съ уставомъ, изданнымъ для безопасности подданныхъ государствъ нейтральныхъ и для помышки пронырывать со стороны непріятельской.—Съ этимъ Матвѣевъ и уѣхалъ назадъ въ Голландію. Слѣдить за дѣлами во Франціи и сообщать и о вѣщи остался Постниковъ, „мужъ умный и дѣла Европскаго и пользы государственой свѣдомый и въ языкахъ ученый“, по отзыву Матвѣева⁴).

Съ Франціею не ладилось у насъ съ самаго начала. Петръ былъ воспитанъ подъ впечатлѣніемъ этихъ неладовъ. Разялвалъ ли онъ шампанское изъ вражды ко всему французскому—мы не знаемъ; но что онъ не любилъ Франціи и Французовъ—это хорошо извѣстно; кромѣ впечатлѣній молодости, такая нелюбовь легко объясняется самимъ характеромъ человѣка: какое сочувствіе могъ питать великій плотникъ, гениальный чернорабочій къ блестящей и чопорной Франціи Людовика XIV? Россія Петра и Франція Людовика XIV—что могло быть притивооложеніе? Грубая простота деревенскаго юноши и утонченныя манеры стараго наудуреннаго маркиза! Могъ ли поправиться посланнику великаго короля протосердечный запросъ перваго русскаго министра Головина: „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакнхъ полезныхъ странъ своей дѣлѣ, вступитъ въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ? Объявите подлинно, чѣмъ король удовольствуется царское величество за вступленіе въ союзъ съ нимъ.“ Валозъ послышалъ убраться изъ Россіи, вслѣдствіе чего и Матвѣевъ долженъ былъ убраться изъ Франціи безъ кораблей, говоря въ свое утѣшенье, что смѣна дружбы Англичанъ и Голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку.

Дѣйствительно Петръ имѣлъ право на этомъ уснокоиться. Но если дружба Франціи не обѣщала никакихъ выгодъ, то вражда ея могла быть опасна въ Константинополь, гдѣ французскій посланникъ былъ вліятельнѣе другихъ. Ведя тяжелую войну съ Швеціею, царь долженъ былъ обращаться напряженное вниманіе на югъ, откуда приходили постоянные слухи о вооруженіяхъ султана, желающаго воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и отнять у нея недавній завоеваніи. Вотъ почему Петръ съ береговъ Балтійскаго моря снѣшилъ обыкновенно въ Воронежѣ наблюдать здѣсь за постройкою кораблей, необходимыхъ въ постоянно грозившей войнѣ Турецкой.

Для подтвержденія мирнаго договора, заключеннаго Украинцевымъ, отправился въ Турцію въ 1701 г. бл и ж и й ч е л о в ѣ к ѣ , князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Ему наказано было попытаться, нельзя ли заставить Порту согласиться на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю, чего никакъ не могъ добиться Украинцевъ. Голицынъ пытался напрасно; визирь велѣлъ отвѣчать ему: на свободную торговлю между обоими государствами Диванъ съ радостію позволяетъ, но хоза московскихъ торговыхъ кораблей по Черному морю никогда не позволитъ; лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показывать дорогу московскимъ кораблямъ по Черному морю; пусть московскіе купцы ѣздятъ съ своими товарами на турецкихъ корабляхъ куда имъ угодно. И посламъ московскимъ такъ же не ходить на корабляхъ въ Константинополь, должны пріѣзжать сухимъ путемъ. Голицынъ началъ уговаривать рейс-эфенди, и отъ того такой же отвѣтъ: „Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренней, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допустить ходитъ кораблямъ по Черному морю“. Голицынъ долженъ былъ прекратить свои наставанія, особенно когда Іерусалимскій патріархъ сказалъ ему: „Не говори больше о черноморской торговлѣ; а если станешь говорить, то миръ испортишь, Турокъ приведешь въ сумнѣніе, и стануть приготавливать войну противъ государя твоего. Турки хотять засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и на томъ мѣстѣ построятъ крѣпости многія, чтобъ судовъ московскихъ не пропустить въ Черное море. Мы слышимъ, что у великаго государя флотъ сдѣланъ большой и видѣть дѣлается, и просимъ Бога, чтобъ Онъ вразумилъ и научилъ благочестивѣйшаго всѣхъ насъ Православныхъ христіанъ государя, царя Петра Алексѣевича, тѣмъ флотомъ своимъ избавитъ насъ отъ плѣненія бусурманскаго. Вся надежда наша только на него, великаго государя. А Турки сильно того флота опасаются, и для той причины не изволь, Бога ради, говорить; а если станешь говорить, то непременно засыплотъ ходъ, и въ томъ надежда наша будетъ позрачена, а напешзавленіе можетъ придти только чрезъ Черное море; когда же засыпанъ будетъ ходъ, то хотя бы сто тысячъ судовъ надѣлано было у

⁴) Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣл, дѣла Французскія означ. годовъ.

великаго государя, нельзя имъ будетъ плавать по Черному морю. Турки знаютъ, что тотъ флотъ строится на нихъ, и ты хоть тысячу разъ говори, добровольно не отворять ходъ по Черному морю; великій государь можетъ своею волею отворить ходъ Чернаго моря, а не просьбою у Турокъ“.

Въ ноябрѣ 1701 года впервые назначенъ былъ посоль для постоянного жительства при Дворѣ султановомъ: то былъ знаменитый впоследствии Петръ Андреевичъ Толстой. Мы видѣли Толстого выѣсть съ братомъ въ числѣ жаркихъ приверженцевъ Софін при воцареніи Петра. Родственникъ ихъ, Апраксинъ, уговорилъ ихъ впоследствии отстать отъ опасной партіи. Петръ, цѣня дарованія Петра Андреевича, простилъ ему старыя грѣхи, хотя, какъ говорить, въ минуты откровенности, припоминалъ ему ихъ: такъ однажды, взявши его за голову, сказалъ: „Эхъ голова, голова! не быть бы тебѣ на плечахъ, если-бъ не была такъ умна“. Теперь стольникъ Толстой отправился на важный постъ, въ Адрианополь (гдѣ жилъ постоянно султанъ Мустафа II-й), съ тайнымъ наказомъ: будучи при султановомъ Дворѣ, вывѣдывать и описать тамошняго народа состояніе, какое тамъ правленіе, кто правительственные лица, какія у нихъ съ другими государствами будутъ поступки въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ, какое устройство для умноженія прибыли или къ войнѣ тайныя приготовления, противъ кого, моремъ ли сухимъ путемъ. Какія государства больше уважаютъ, который народъ больше любятъ. Сколько собирается государственныхъ доходовъ и какъ; въ казны передъ прежнимъ довольно или оскудѣніе. Особенно навѣдаться о торговлѣ персидской. Сколько войска и гдѣ держать въ готовности и сколько дается ему изъ казны, также каковъ морской флотъ. и нѣтъ ли особеннаго приготовления на Черное море. Въ Черноморской протоцѣ, что у Керчи, хотятъ ли какую крѣпость дѣлать, гдѣ, какими мастерами или хотятъ засыпать и когда. Коницу и пѣхоту послѣ Цесарской войны не обучаютъ ли европейскимъ обычаемъ, теперь или впередъ намѣрены такъ дѣлать, или по старому не радятъ. Города — Очаковъ, Вѣлгородъ на Днѣстрѣ, Килія и другіе укрѣплены-ль и какъ, по старому ли или фортеціями и какими мастерами. Бомбардиры, пушкарни въ прежнемъ ли состояніи или учатъ вновь, кто учитъ, и старыя инженеры и бомбардиры иноземцы ли или Турки, и школы есть ли. По патриархѣ Иерусалимскомъ есть ли другой такой же желательный человекъ; о такихъ чрезъ него провѣдывать. Съ чужестранными министрами обходиться политично, къ нимъ ѣздить и къ себѣ призывать, какъ обычай во всемъ свѣтѣ у министровъ при великихъ Дворахъ; только смотрѣть, чтобъ какими упрямствомъ или невоздержаніемъ не умалили чести Московскаго государства. Между прочими разговорами съ министрами турецкими, говорить и о томъ (если только это не возбудитъ подозрѣнія), чтобъ учредить до Кіева почту.

Толстой нашелъ вѣрнаго человѣка, который сообщалъ ему важныя для него извѣстія: то былъ племянникъ Иерусалимскаго патриарха, Сиплиотъ. Сиплиотъ далъ знать, что Крымскій ханъ пишетъ къ султану много противностей, чтобъ посорить султана съ царемъ; объявляеть, что съ русской стороны строятъ много городовъ и кораблей; до сихъ поръ Турки его не слушаютъ, однако послали строить городъ близь Очакова и Керчи, гдѣ мелкая вода. Толстой доносилъ Петру: „Мой пріѣздъ учинилъ Туркамъ великое сумѣніе; разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобъ московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наносить. О засыпаніи гирта морскаго вышло у нихъ изъ мысли, а нынѣ пріѣздомъ моимъ какъ та мысль въ нихъ возбуждается, и о житиѣ моею разсуждаютъ, яко бы мнѣ у нихъ быть для усматриванія подобнаго времени къ разорванію мира. Уже я всякими мѣрами разлагаю, что я прислалъ для твердѣйшаго содержанія мира, обаче не вѣрятъ, а иначе о томъ сумѣвается простой народъ“. Въ другомъ донесеніи Толстой писалъ: „Нынѣ въ странахъ сихъ покой, а войны и междоусобій нѣтъ; vizирь нынѣшній глупъ; денежной у нихъ казны нынѣ малое число въ сборѣ, а когда позоветъ нужда, могутъ собрать скоро, потому что безъ милосердія грабятъ подавшихся своихъ христіанъ. И нынѣ народъ сумѣваться не перестаетъ и говоритъ, что никогда московскій посоль здѣсь не жывалъ, а сей посоль живеть не просто; иныхъ государей послы живуть для торговыхъ своихъ дѣлъ, а у сего никакого дѣла нѣтъ; конечно, какой-нибудь есть вымыселъ. И въ почтеніи меня презираютъ, не только передъ цесарскими и передъ французскими, и передъ иными послами, и житье мое у нихъ зѣло имъ не-любю, потому что запазущіе ихъ враги Греки намъ единообразны. И есть въ Туркахъ такое мнѣніе, что я, живучи у нихъ, буду разсѣвать въ христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ, для того крѣпкіи заказъ Грекамъ учинили, чтобъ со мною не выдались, и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дому, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ, и платье Грекамъ одинаковое съ бусурманамъ носить запретили, чтобъ были отличны отъ Турокъ. Начто такого страха имъ не наносить, какъ морской твой флотъ; слухъ между ними пронесся, что у Архангельска сдѣлано 70 кораблей великихъ, и чають, что, когда понадобится, корабли эти изъ океана войдутъ въ Средиземное море и могутъ подплыть подъ Константинополь“. Въ концѣ года Толстой писалъ Головину, что пріѣхали въ Адрианополь знатные Крымскіе мурзы и молятъ султана, чтобъ позволилъ имъ начать войну съ Россією; выговариваютъ, что они, Крымцы, презрѣны отъ Порты Оттоманской, и въ близкихъ отъ Крымскаго полуострова мѣстахъ строятся русскіе города, отъ которыхъ терпятъ они угѣсненіе,

а впредь ожидаетъ и совершенная гибель; объявляютъ, будто у нихъ есть письма отъ короля Шведскаго, отъ Поляковъ и отъ казаковъ Запорожскихъ,—всѣ уговариваютъ ихъ вести войну съ Россіею, обѣщаясь помогать; будто казаки съ клятвою обѣщаются царскій флотъ пожечь. Порты еще на это не соглашаются и всякими мѣрами отъ нихъ отговариваются.

Въ началѣ 1703 года Толстой объяснилъ Головину дѣло. Старый глупый визирь былъ замѣненъ новымъ, Далтабаномъ, человѣкомъ ярымъ, но неразумительнымъ, которому хотѣлось непременно начать войну съ Россіею; но, видя, что султанъ никакъ не хочетъ на это согласиться, онъ подучилъ Татаръ пріѣхать въ Константинополь съ просьбой о началіи войны съ Русскими. Султанъ отвергнулъ просьбу, мало того,—смѣнилъ хана; тогда визирь написалъ тайно въ Крыль, чтобъ Татары взбунтовались противъ султана, что онъ, визирь, пойдетъ ихъ усмирять, но вмѣсто усмирения соединится съ ними и пойдетъ на Азовъ или на Кіевъ. Татары возмутились, визирь началъ дѣлать большія военныя приготовленія, какъ будто для ихъ усмирения. Тогда Толстой, подаривъ ближнихъ людей, довелъ до свѣдѣнія султановой матери объ интригахъ визиря, объявилъ и муфтію, что эта интрига можетъ грозить султану большою опасностію. Султанна пересказала все это сыну, и 13 января визирь былъ схваченъ, задавленъ и на мѣсто его назначенъ Магметъ-паша, бывшій рейсъ-эфенди. Новый визирь, „человѣкъ зѣло разумный“, принялъ Толстого съ великою любовію и увѣрилъ его, что со стороны Порты мирнаго нарушенія не будетъ. „Мнѣ ли“, говорилъ онъ, „нарушить миръ, который состоялся моими трудами?“—„Истинною или лукавствомъ то говорилъ—Вотъ вѣсть, писалъ Толстой; увѣренности никакой быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока татарское дѣло прекратится и рати по домамъ разойдется“. Въ апрѣлѣ Толстой писалъ: „Новый визирь начинаетъ чинить мнѣ привѣтствованіе паче прежняго; но привѣтствованіе его, является мнѣ, не столько для любви, сколько для опасенія. На дворъ ко мнѣ ни одному человѣку пройти нельзя, потому что отовсюду открытъ и стоятъ янычары, будто для чести, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ христіане ко мнѣ не ходили; а у французскаго, англійскаго и другихъ пословъ янычары не стоятъ. Христіане и мимо воротъ мохъ пройти не смѣютъ, Іерусалимскій патріархъ съ пріѣзду моего до сихъ поръ со мною не видался. Опасаясь царскаго флота, Турки умыслили покорить Грузію, разсуждаютъ такъ: если московскій флотъ выйдетъ въ Черное морѣ, то изъ Грузіи по рѣкамъ, выдающимся въ это море, будетъ ему всякая помощь людьми и запасами, потому что Грузины съ Русскими единоверны“.

Татары были усмирены, и вслѣдъ за этимъ Порты предъявляя русскому посланнику свои требованія: 1) чтобъ новая крѣпость, построенная у Запорожья, Каменный Затонъ,—была срыта; 2) чтобъ въ

Азовѣ и Таганрогѣ не было кораблей; 3) чтобъ назначены были комиссары для опредѣленія границъ. Толстой отвѣчалъ на первое, что Каменный Затонъ построенъ на мѣстѣ, отъ котораго Россія не отказывалась по послѣднему договору; притомъ же принудили къ построенію этого города крымскіе Татары, которые получили Запорожцевъ быть непокорными царскому величеству, и государь, для удержанія своевольниковъ, чтобъ они не производили ссоръ между ними и султаномъ, какъ недавно произвели грабежъмъ греческихъ купцовъ, велѣлъ построить крѣпость на берегу Днѣпра, вдали отъ границъ турецкихъ; такое царское премудрое дѣло заслуживаетъ съ турецкой стороны не подозрѣнія, но похвалы великихъ, ибо царское величество въ строеніи этой крѣпости не надѣтъ издержекъ—для сохраненія мирныхъ договоровъ, которому грозить Запорожское своеволие. Чобъ не быть кораблямъ въ Азовѣ и Таганрогѣ,—объ этомъ нѣтъ ни слова въ мирныхъ договорахъ. Сколько прежде было кораблей, столько же и теперь, 10 кораблей и 4 галеры, потому что увеличивать число ихъ нѣтъ надобности. Ответи эти корабли вверхъ по Дону нельзя; истребить вещь, которая стоила столькохъ денегъ,—стыдъ; остаться безъ кораблей въ Азовѣ и Таганрогѣ нельзя по разнымъ причинамъ, особенно же видя въ государствѣ нашемъ частыя перемѣны начальствующихъ лицъ: такъ неавно война готова была возгорѣться отъ прежняго визиря; мирные договоры соблюдаются волею великихъ государей, а не сохраненіемъ или истребленіемъ кораблей. Что же касается послышки комиссаровъ для опредѣленія границъ, то великій государь этого опредѣленія не отрящаетъ.

Въ августѣ Толстой далъ знать, что пришли въ Адрианополь бунтовщики, султана Мустафу посадили за караулъ, и на его мѣсто выбрали брата его, Ахмета, и визиря поставили новаго: „Къ сторонѣ царскаго величества противности нынѣ никакой не слышится, и впредь вскорѣ тому быть не чаю, потому что великое въ казніи ихъ оскудѣніе“.

Несмотря на это окупдѣніе, Головинъ писалъ Толстому, нельзя ли занять Турокъ, возбуждивъ ихъ къ войнѣ противъ цесаря. Толстой отвѣчалъ въ январѣ 1704 года: „По приказу твоему начинаю къ тому пристунать самымъ секретнымъ образомъ чрезъ приближенныхъ къ султану людей, но еще пользы не вижу никакой; главное препятствіе въ томъ, что нечего давать, и хотя бы и было что дать, боюсь потерять; Французъ потерялъ больше ста тысячъ реаловъ, а пользы себѣ никакой не получилъ. Сыскалъ я одного человѣка, самаго близкаго къ султану; человѣкъ этотъ очень проворенъ, онъ взялся за дѣло, однако не увѣряетъ, что приведетъ его къ концу, больше склоняется къ войнѣ съ Венеціею. Посулилъ я ему 3,000 золотыхъ червонныхъ, если сдѣлаетъ дѣло; но онъ говоритъ, что и другимъ дать надобно, всего тысячь сорокъ золотыхъ червонныхъ, кромѣ его

3,000. Онъ же мнѣ говорилъ, чтобъ промыслить прежде всего султану мѣхъ лисій черный, самый добрый, да три сорока соболей, по сту рублей пара, и отослать бы эти подарки султану тайно чрезъ него, а будетъ ли отъ того прокъ или нѣтъ, не увѣрять“.

Головинъ далъ знать Толстому, чтобъ оставилъ дѣло, въ которомъ нельзя было ожидать успѣха по явному нежеланію Турокъ воевать съ кѣмъ бы то ни было. „Здѣсь все смирно, доносила Толстой въ половинѣ 1704 года; Турки покою ради, и которыя мнѣ трудности были отъ татарскихъ ложныхъ клеветъ, нынѣ умоляютъ: визирь ко мнѣ очень ласковъ, и со мною охотятся пристойно, какъ съ другими послами; свобода мнѣ ѣздить куда хочу, и ко мнѣ всѣхъ пускаютъ; устроилось это нещнымъ чѣмъ, только казною великаго государя; хотя бы кто былъ и умный человекъ, а безъ подарковъ получить этого у Турокъ не могъ бы“. Но въ Константинополь все зависѣло отъ произвола правительственныхъ лицъ: вдругъ въ сентябрѣ султанъ переѣхалъ визиря Гассанъ-пашу и на его мѣсто возвелъ Ахметъ-пашу. И вотъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой переѣзкѣ, Толстой шлеетъ жалобу: „Новый визирь очень ко мнѣ неласковъ, и мое скорбное пребываніе, труды и страхъ возобновились нуще прежняго; опять никто ко мнѣ прійти не смѣетъ. и я никуда не могу ѣздить, съ великимъ трудомъ и письмо это могъ послать. Вотъ уже при мнѣ шестой визирь, и этотъ хуже всѣхъ“. И шестой визирь не долго пробылъ на своемъ мѣстѣ; седьмой былъ Магметъ-паша: „у меня на визирскія переѣзны уже и смысла недостаетъ“, писалъ Толстой, „и съ подарками имъ не знаю что дѣлать. Я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому что мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего“. Подарокъ былъ присланъ изъ Москвы, но мало помогъ, какъ видно изъ донесенія Толстого въ апрѣлѣ 1705 года: „Посоль турецкій, который былъ на Москвѣ, еще въ Константинополь не приѣхалъ, только прислалъ изъ Крыма человекъ къ Портѣ съ письмомъ, а что писалъ, того не знаю; но меня страшно стѣснили,—заперли со всѣми людьми на дворѣ моемъ и никого ни съ двора, ни на дверь не пускаютъ; сидѣли мы нѣсколько дней безъ пищи, потому что и хлѣба купить никого не пустили, а потомъ едва упростили большими подарками, что начали пускать по одному человекъ для покупки пищи. Въ это время приѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы переводчикъ и подъячій съ письмами и подарками отъ васъ къ визирю; письмо я визирю отвезъ и подарокъ отослать; визирь пріинялъ любезно и сдѣлалъ мнѣ маленькое послабленіе, но все же нахожусь въ тѣсномъ за-

ключеніи, какого по приѣздѣ моемъ сюда никогда еще не терпѣлъ. Притомъ нахожусь въ большомъ страхѣ отъ своихъ дворовыхъ людей: живъ здѣсь три года, они познакомились съ Турками, выучились и языку турецкому, и такъ какъ теперь находимся въ большомъ утѣсненіи, то боюсь, что, не теряя заключенія, поколеблется въ вѣрѣ, потому что мусульманская вѣра малосмысленныхъ очень прельщаетъ; если явится какой-нибудь Иуда.—великія надѣлаетъ пакости, потому что люди мои присмотрѣлись, съ кѣмъ я изъ христіанъ близокъ и кто великому государю служилъ, какъ наприм. Иерусалимскій патриархъ, господинъ Савва (Владиславичъ Рагузинскій) и другіе; и если хотя одинъ сдѣлается ренегатомъ и скажетъ Туркамъ, кто великому государю работаетъ, то не только наши пріятели страдаютъ, но и всѣмъ христіанамъ будетъ бѣда. Внимательно за этимъ слѣжу и не знаю какъ Богъ управить. У меня уже было такое дѣло: молодой подъячій Тимошей, познакомились съ Турками, вздумалъ обусурманиться; Богъ мнѣ помогъ объ этомъ свѣдать; я призвалъ его тайно и началъ ему говорить, а онъ мнѣ прямо объявилъ, что хочетъ обусурманиться; я его заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью онъ выпилъ рюмку вина и скоро умеръ,—такъ его Богъ сохранилъ отъ такой бѣды. Савва знаетъ объ этомъ. И теперь, опасаясь того же, и хотѣлъ было отпустить въ Москву сына своего, чтобы съ нимъ отправить тѣхъ людей, отъ которыхъ боюсь отступничества; но Турки сына моего въ Москву не отпускаютъ“.

Причина великаго утѣсненія, которому подвергался Толстой, обнаружилась наконецъ: бывшій въ Москвѣ посланникомъ Мустафа-ага пожаловался на дурное обращеніе съ нимъ въ Россіи; но Толстому удалось внушить султану подозрѣніе насчетъ этихъ жалобъ, и, вслѣдствіе этого, съ русскимъ посланникомъ стали обращаться лучше. „По любви господина Саввы Владиславича, писалъ Толстой, имѣю такихъ пріятелей, которые могутъ скоро узнать секреты у Порты и мнѣ объ нихъ сообщаютъ.“⁵⁾

Вообще же со стороны Турціи не было никакой опасности, и Петръ могъ сосредоточить свои силы на западѣ, перенести оружіе въ глубь Литвы и подать дѣятельную помощь королю Августу. Но, прежде нежели мы послѣдуемъ за царемъ въ Литву, посмотримъ, что происходило внутри Россіи въ эти первые пять лѣтъ великой войны.

⁵⁾ Москов. архивъ Мш. Ии. Дѣл., дѣла Турецкія озяч. годовъ.

Г л а в а II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка. — Характеръ правленія. — Правительственные лица. — Старые и новые чины. — Старые и новые Приказы. — Новая форма прошеній. — Занятіе составленіемъ новаго Уложенія. — Ратуша и воеводы. — Воеводы управляютъ вмѣстѣ съ городскими дворянами. — Финансовыя мѣры. — Мопета. — Дѣятельность приближика Курбатова. — Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. — Отвращеніе отъ Жидовъ. — Средства образованія для русскихъ людей. — Школы. — Книжки. — Первые вѣдомости. — Театръ. — Столкновение иностранныхъ учителей съ русскими; дѣло Нейгебауера. — Гюйсоль. — Мѣры для сохраненія жизни и здоровья. — Мѣры противъ пожаровъ. — Мѣры противъ семейныхъ безпорядковъ. — Запрещеніе подписываться уменьшительными именами. — Преобразование относительно духовенства. — Остерочка въ царствіи патріарха. — Стефанъ Яворскій. — Монашескій Приказъ. — Мѣры относительно церковныхъ изумствъ. — Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ. — Московская академія. — Дѣятельность митрополитовъ — Аппитрія Ростовскаго и Филоеи Сибирскаго. — Митрофанъ Воронежскій. — Неудовольствія. — Молва о перускомъ царѣ. — Григорій Талпацкій. — Перемѣна платья. — Неудовольствія на Верху. — Астраханскій бунтъ. — Дѣла на Дону и Запорожьѣ.

Мы видѣли уже, что съ самаго вступленія Петра въ правленіе послѣ паденія Софьи, правленіе это рѣзко отличалось отъ правленія его предшественниковъ. Пржеіііе цари рѣдко отлучались изъ Москвы на продолжительное время, и все дѣлалось съ доклада великому государю; Петръ и въ эпоху потѣхъ, и въ эпоху важныхъ подвиговъ былъ гостемъ на Москвѣ, и правленіе, по необходимости, продолжало находиться въ рукахъ извѣстныхъ сановниковъ цррвостепенныхъ, въ рукахъ бояръ. Это, разумеется, должно было имѣть свою вредную сторону; до царя стало далеко и въ самой Москвѣ, слѣдовательно произволу правительственныхъ лицъ, не вынесшихъ изъ древней Россіи привычки сдерживаться, открывалось широкое поприще; люди, преданные Петру, сочувствовавіеіе его дѣятельности, сильно тяготились боярскимъ управленіемъ и съ нетерпѣніемъ ждали конца войны, который бы далъ парю возможность управлять самому, какъ управляли его предки. Эти люди надѣялись повзрасну: мы уже имѣли случай замѣтить, что Петръ не былъ царемъ въ смыслѣ своихъ предковъ, это былъ герой-преобразователь, или, лучше сказать, основатель новаго царства, новой имперіи, и чѣмъ больше вдавался онъ въ свою преобразовательную дѣятельность, тѣмъ болѣе терялъ возможность быть похожимъ на своихъ предковъ; пригомъ же и великая война прекратилась не задолго до его смерти.

Но если была вредная сторона явленія, то не забудемъ, что здѣсь же давалось больше простора самостоятельности, начиная отсюда, сверху проводилось вездѣ одна мысль — ставить Русскихъ людей на свои ноги, пріучать ихъ дѣйствовать самостоятельно. Имѣть сомнѣній, что князь Яковъ Долгорукій могъ нигдѣ только не дѣйствие этихъ новыхъ отношеній и привычекъ, ибо при прежнихъ отношеніяхъ на Верху мы такихъ явленій не встрѣчаемъ. Учрежденіе Сената съ тѣмъ значеніемъ, какое далъ ему Петръ, было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ боярскаго управленія; явилось только новое слово, а дѣло было уже давно, къ дѣлу привыкли.

По списку 1705 года на Москвѣ были слѣдующіе бояре: князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Михайла Алегуквицъ Черкасскій, князь Петръ Ивановичъ Хованскій, князь Борисъ Ивановичъ Прозоровскій, Борисъ Гавриловичъ Юшковъ, Алексѣй Петровицъ Салтыковъ, князь Петръ Большой Ивановичъ Хованскій, Тихонъ Никитицъ Стрѣшневъ, Степанъ Ивановичъ Салтыковъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Иванъ Алексѣевичъ Мусницъ-Пушкинъ, Кравчій—Василій Ѳеодоровицъ Салтыковъ. Окольничіе: князь Ѳед. Волконскій, князь Ив. Степ. Хотетовскій, Сем. Ѳед. Толочановъ, Алексѣй Тимое. Лихачевъ, Мих. Тимое. Лихачевъ, князь Петръ Лук. Львовъ, Мих. Иван. Глѣбовъ, Тимое. Вас. Чоголокъ. На службахъ бояре: князь Михайла Григор. Ромодановскій, князь Юрій Сем. Урусовъ, Борисъ Петровицъ Шереметевъ, Ѳедоръ Петр. Шереметевъ, князь Андрей Петров. Прозоровскій, Ѳедоръ Алекс. Головинъ. Кравчій—Кириллъ Алекс. Нарышкинъ. Окольничіе: князь Ѳедоръ Иван. Шаховскій, князь Дмитрій Нефед. Щербатовъ, Петръ Матв. Апраксинъ, Андр. Артам. Матвѣевъ, князь Мих. Ѳед. Жировой-Засѣкинъ, князь Мих. Андр. Волконскій, князь Юрій Ѳед. Щербатый, князь Петръ Григор. Львовъ. Постельничіе—Гаврила Ив. Головкинъ, Алекс. Мих. Татищевъ. Думный дворянинъ и печатникъ, Никита Мопсевицъ Зотовъ. Думные дяки: Емел. Игнат. Укравцевъ, Гавр. Ѳед. Деревиннъ, Андр. Андр. Виниустъ ¹⁾.

Повзримоу все старина: бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дяки! Но подлѣ стараго знанія возведено уже новое, передъ которымъ старое не преминетъ нечеснуть. Самъ царь проходитъ извѣстные чины, и этихъ чиновъ не найдемъ мы въ старинныхъ спискахъ; человекъ ближайшій къ царю и потому сильнѣйшій изъ вельможъ, Александръ Даниловичъ Мепшиковъ не имѣетъ ни одного изъ старыхъ чиновъ; людей, съ которыми мы такъ часто встрѣчались и будемъ встрѣчаться

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 4.

въ исторіи Петрова царствованія, Апраксина Оедора Матвѣевича, знаменитаго короля Ромодановскаго и другихъ не найдемъ въ списокъ старыхъ чиновъ, это люди молодые, т.-е. малочинные, стольники, и не пойдутъ они подниматься по тяжелой лѣстницѣ старыхъ чиновъ, возьмутъ новые, которые имѣютъ значеніе въ цѣлой Европѣ. Такимъ образомъ старые бояре и окольные мало-по-малу вымрутъ безъ преемниковъ, и старые чины исчезнутъ сами собою безъ торжественнаго упраздненія.

Но пока бояръ, окольныхъ и думныхъ дворянъ еще много, они управляютъ Приказами, съѣзжаются вмѣстѣ то въ Ближнюю Канцелярію, то въ Столовую Палату, сидятъ попережнему о дѣлахъ, получаютъ царскіе указы, кладутъ приговоры. Приказы существуютъ попрежнему, иные съ старыми названіями, другіе преобразованы и получили новыя названія: такъ въ 1701 году Приказы — Иноземскій и Рейтарскій соединены въ одинъ Приказъ Военныхъ Дѣлъ; Стрѣлецкій переименованъ въ Приказъ Земскихъ Дѣлъ, потому что послѣ уничтоженія стрѣльцовъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ оставалось еще полицейское управленіе. Но явилось уже много новыхъ дѣлъ, и потому неудивительно, что являются новые Приказы: морской, артиллерій, рудокопныхъ дѣлъ, провіантскій, богадѣльный и т. д.; подлѣ Приказовъ являются учрежденія меньшаго объема подъ именемъ канцелярій, напр. мундириал, банная канцелярія. Вслѣдствіе новыхъ отпущеній, въ какія поставилъ себя царь къ государственнымъ учрежденіямъ, въ началѣ 1700 года изданъ указъ о сношеніяхъ просбъ мимо присутственныхъ мѣстъ государю, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ. Въ мартѣ 1702 года издана была форма прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя; въ началѣ должно было писать: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій“, и потомъ писать дѣло, а предъ прошеніемъ, вмѣсто милосердаго: „всемилостивѣйшій государь прошу вашего величества“, и потомъ прошеніе, а по прошеніи совершить: „Вашего Величества нижайшій рабъ“. Въ концѣ 1700 года изданъ былъ указъ: „Всякія крѣпости, для пополненія государственной казны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости, и для лучшаго усмотрѣнія, писать въ палатѣ Ивановской площади особливо прибраннымъ подъячимъ 24 человекамъ, для того: прежде всякія крѣпости писали въ Приказахъ подъячіе, и замногими великаго государя по приличію нужными и скорыми дѣлами, всякихъ чиновъ людямъ, которыхъ прилучалось какія крѣпости писать, были многія волокиты и убытки, а иные взъ приказныхъ людей многіе, для своего излишняго мздоиманія, отговаривались всякими приказными, будто нужными дѣлами, волочили за крѣпостями по дѣла по три и по четыре, а иные мѣсяца по два и по три, и отъ той продолжительной волокиты и за опасеніемъ, чтобъ въ продолжительное время тѣ крѣпости не утерились, и у кого по крѣпостямъ близъ срока, давали приказнымъ людямъ дачи великія. А и пи-

сали въ Приказахъ многія крѣпости подъячіе изъ молодыхъ малосмысленные, не токмо-что могущіе познавать во всякихъ крѣпостяхъ всѣясныя отъ ябедниковъ плевелы, и усмотрѣвъ, оспорить, но и писать малоумѣющіе, и свидѣтели въ подпискѣ у крѣпостей являлись такіе, которыхъ и сыскать невозможно. И нынѣ въ Приказахъ и въ ратушѣ никакихъ крѣпостей не писатъ, и вѣдаютъ тѣ крѣпостныя дѣла и подъячіи въ Оружейной Палатѣ боярину Оед. Ал. Головину съ товарищи“¹⁾.

Одною изъ первыхъ обязанностей, которую государь наложилъ на бояръ, была обязанность составить новое Уложеніе; въ февралѣ 1700 года великій государь указалъ: быть у своихъ государевыхъ дѣлъ и сидѣть въ своихъ государевыхъ палатахъ боярамъ у Уложенія, и съ Уложенной книги 1649 года, и съ именныхъ указовъ и съ новоуказныхъ статей, которыя о нихъ государскихъ и о всякихъ земскихъ дѣлахъ состоялись послѣ Уложенія, сдѣлать вновь, снесши Уложеніе и новыя статьи, которыя состоялись сверхъ Уложенія, и которыя дѣла вершены, а въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ о нихъ не положено²⁾.

Мы видѣли, что для противодѣйствія воеводскимъ злоупотребленіямъ, торговые и промышленные люди были изъяты изъ ихъ вѣдомства; учредилась Ратуша и въ отдаленныхъ городахъ, но здѣсь воеводамъ тяжело было отстать отъ старыхъ привычекъ, и бурмистры Путивльскаго и Орловскаго ратуши дали знать, что ихъ воеводы, Алхмозъ и Шеншинъ, вопреки царскому указу, торговыхъ тамошнихъ и прѣзжихъ людей вѣдаютъ, взятки съ нихъ берутъ и бьютъ ихъ, кромѣ того въ государевыхъ сборахъ и земскихъ дѣлахъ остановку чинить. Великій государь указалъ: „Взять обвиняемыхъ воеводъ въ Москву, допросить ихъ и разыскивать въ ратушѣ; поступать и впредь такимъ же образомъ въ подобныхъ случаяхъ“³⁾. На обвиненія бурмистровъ отвѣчать въ московской ратушѣ перелъ такими же мужиками бурмистрами должно было очень не понравиться воеводамъ. Не могло имъ понравиться и то, что власть ихъ была ограничена дворянами; въ 1702 году государь указалъ: „Въ городахъ губнымъ старостамъ и смичкамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводами дворянамъ. Тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчиникамъ, въ большихъ городахъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человека, и слушать тѣ дѣла и указъ по нимъ чинить съ ними, воеводами, тѣмъ дворянамъ обще, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ, дворянамъ, всякому своимъ руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого по нимъ не чинить“⁴⁾.

Издержки сильно увеличивались вслѣдствіе тяжелой и затянувшейся войны, вслѣдствіе новыхъ

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1748, 1899, 1838.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1765.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1760.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1900.

учрежденій, вельѣдствие платажу союзнику, Польскому королю, вельѣдствие расширения дипломатической дѣятельности: „при разныхъ Дворахъ нужно было содержать постоянныхъ министровъ, которые тратили деньги на подкуны. Напримѣръ въ 1704 году Матвѣеву въ Гагѣ жалованья было по 15,000 гульденовъ въ годъ; а расходы его простирались до 27,193 гульденовъ, и именно: на наемъ квартиры 2,200, на столъ 1,560, на случайные столы 1,500, на дрова 1,000, на мытье платья 200, на осыщаніе 500, на дворовую чистку 60, на десять лошадей 2,600, кузнецу и на починку экипажей 200. Прислуги у него было: гофмейстеръ, докторъ, лѣкарь, камердинеръ, жажи, поварь, портьеръ, 10 лакеевъ, 4 дѣвки работныхъ ¹⁾. При увеличеніи государственныхъ расходовъ, надобно было обращать особенное вниманіе на увеличеніе доходовъ: въ 1700 году отнято было право у владѣльцевъ мѣсть, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя,—пошлина стала идти въ казну ²⁾. Въ томъ же году изданъ указъ: „Тарханы, съ кого пошлины не имано, всѣ отставить, и брать пошлины всякаго чина со всѣхъ по торговому уставу и по невоуказнымъ статьямъ равная“. Въ 1704 году велѣно всѣ постоянные дворы отписать на государя, и, оцѣня, отдавать на откупъ, а владѣльцамъ дворовъ выдать деньги по оцѣнкѣ добрыхъ и знающихъ людей, усматривая въ томъ дѣль истины, чтобъ никто обидимъ не былъ, а деньги за дворы выданы будутъ безъ задержанія ³⁾. Доходы могли увеличиться съ усиленіемъ промышленности и торговли; но это усиленіе не могло произойти вдругъ, вельѣдствие только правительственныхъ распоряженій. Мы видали, что Петръ предписалъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иностранные купцы, компаніями. Голландцы встревожились, и резидентъ Штатовъ Фонъ-дёръ-Гульстъ просилъ у своего правительства инструкціи, какъ просить царя объ отмене закона о компаніяхъ; но тревога была напрасная: „Въ маѣ 1700 года Фонъ-дёръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „Что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русские не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобъ прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожилъ дѣло, котораго невозможность уже признана, и покажетъ видъ, что онъ это сдѣлалъ для васъ“ ⁴⁾.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связывался вопросъ о монетѣ. До сихъ поръ монетное дѣло въ Россіи было въ жалкомъ состояніи; счетъ производился рублями, алтынами и деньгами; но монеты,

соответствующей рублямъ и алтынамъ, не было, ходили только серебряныя копѣйки и полукопѣйки или денежки безобразнаго вида; да и денежекъ въ обращеніи было такъ мало, что во многихъ городахъ, для размѣна въ мелкихъ торгахъ, пересѣкали копѣйки на-двое, на-трое, а въ Калугѣ и другихъ городахъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ, торговали кожаными и другими жеребьями. „Для соблюденія серебряныхъ копѣекъ, чтобъ въ городахъ, за умаленіемъ серебряныхъ денежекъ, копѣекъ не сѣкли и кожаными и шными жеребьями не торговали, и въ пошлинномъ сборѣ за мелкою размѣною лишняго ничего не переходило“, въ мартѣ 1700 года государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, полунки и полуполунки. Потомъ велѣно было чеканить золотые червонцы, одинокие и двойные, съ портретомъ государя на одной сторонѣ и государственнымъ гербомъ на другой; серебряныя полтинники, полуполтинники и гривенники, наконецъ рубли. Такимъ образомъ, въ Россіи явилась своя крупная золотая и серебряная монета. До 1700 года на московскомъ монетномъ дворѣ выбивалось серебряной монеты въ годъ отъ 200 до 500,000 рублей; въ 1700 году выбито 1.992,877; въ 1701 г. 2.559,885, а въ 1702 году 4.534,194 рубля ⁵⁾. Объ отношеніи русскихъ денегъ къ иностраннымъ мы знаемъ, что въ 1704 году иностранные купцы покупали въ Голландіи дукаты по рублю десяти денегъ, въ Москвѣ продавали по рублю сорока; за переводъ для русскихъ, жившихъ за-границею, брали 13 алтыновъ по 4 деньги на томъ основаніи, что русская монета стала легче въ вѣсу.—Золоту и серебру Петръ велѣлъ въ 1700 году установить четыре пробы, и сдѣлать для всѣхъ пробъ разныя клейма съ означеніемъ пробы и года; при этомъ велѣно: избрать изъ знатныхъ и искусныхъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Москвѣ старость, а выбору ихъ быть за руками торговыхъ мастеровыхъ людей; дать этимъ старостамъ пробы и клейма, и велѣть смотрѣть, чтобъ всякія золотыя и серебряныя вещи были добротою противъ установленныхъ пробъ, клеймить ихъ и записывать въ книгу, означая именно, чей товаръ, въ какомъ дѣлѣ и сколько въ какой вещи вѣсу, и по этой запискѣ брать пошлину, смотря по искусству работы: съ лучшей по 10, средней по 7, съ нижней по 4 копѣйки съ фунта. Всѣхъ торгующихъ серебряными и золотыми вещами, также и мастеровъ переписать и собрать по нимъ поручныя записки, въ которыхъ писать, чтобъ мастера дѣлали, и торговые люди покупали золотыя и серебряныя вещи, противъ пробы. Староста не долженъ клеймить ея своимъ клеймомъ, съ означеніемъ года ⁶⁾.

Въ 1704 году знаменитый и рибильщикъ, изобрѣтшій гербовую бумагу, Алексѣй Алексан-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскіи 1704 года.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1750.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1799, 1777.

⁴⁾ Донесеніе голландскихъ резидентовъ, рукоп. бібліотеки Академіи Наукъ.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. № 1776; Голицына—Дополнен. къ Дѣяніямъ VI, стр. 127.

⁶⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Голландскіи 1704 года; Голицына—Дѣянія П. В. II, стр. 46.

дровичъ Курбатовъ, бывшій дьякомъ Оружейной Палаты, открылъ воровское (фальшивое) серебро въ серебряномъ яду. Продавецъ, видя бѣду, принесъ Курбатову 300 рублей денегъ, да подъячичъ 150, прося загладить его воровство. Курбатовъ принялъ деньги, какъ доказательство преступления, и началъ разсказывать. Оказалось много виновныхъ, и вѣрно было сдать дѣло въ Преображенскій Приказъ къ страшному королю Ромодановскому. Курбатовъ сильно обидѣлся и написалъ любопытное письмо государю: „Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ (Ромодановскій) прислалъ мнѣ письмо, шсанное ко мнѣ отъ Ѳеодора Алексѣевича (Головина), въ которомъ твоимъ государевымъ повелѣніемъ написано, чтобъ дѣло въ составѣ воровскаго серебра отдать мнѣ въ Преображенское, которое дѣло я отдаю. Точно, государь, зѣло скорблю сердцемъ моимъ, что трудъ мой всусердный и вѣрное того дѣла основаніе вижу изничтожается, и для чего отъ меня взято, о томъ мнѣ не явлено, слабость ли въ томъ дѣлѣ моя явилась или невѣрность. О началѣ того дѣла и о моихъ поддогомъ взяткахъ вѣрнѣйшему твоему государеву рабу Александру Даниловичу (Мешникову) явяхъ, и не однократно; и впродъ не тобою о семъ дѣлѣ, но и о всѣхъ моихъ усердіяхъ являти ему не престану, понеже вижу истинно избранъ ты отъ Бога сосудъ есть. Благоволи милостивно вняти, почему невозможно сему дѣлу быть въ Преображенскомъ. Яковъ Якимовъ явился въ томъ же серебра воровствѣ, о которомъ самъ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ присылалъ стряпчаго своего говорить, чтобъ ему въ томъ дѣлѣ послабить. Дочь его, призвавъ меня въ домъ свой, о томъ же говорила; Кирила Матюшкинъ, который у него живетъ, не имѣя никакого дѣла, многожды о тѣхъ же ворахъ стужалъ, чтобъ мнѣ являть слабость, и бѣдство знатно по той ненависти наведено бѣднымъ того дѣла подъячичемъ; Иванъ Суворовъ стужалъ многожды, егда не о первомъ ворѣ просилъ, и что въ томъ его непослушаніи — грозилъ на старое въ томъ дѣлѣ подъячаго: попадетесь-де скоро къ намъ въ Преображенское! Подъячей Петръ Исаковъ также просилъ о иномъ. Мать Ѳеодора Алексѣевича (Головина) прислала съ грозами, спрашивая, по какому у казу въ томъ разыскиваю, и отъ иныхъ многихъ непрестанное было стужаніе. Однакожь я пребывалъ въ той бѣдѣ нмало ихъ слушая; нынѣ колодники объ отсылкѣ въ Преображенское всѣ возрадовались, и въ нихъ нѣкоторые бранили меня и говорили подъячичу: что-де вы взяли и исповали-де въ дѣлѣ; а выторговали кл...! и хвалились, говоря: лихо-де намъ было здѣсь, а въ Преображенскомъ-де намъ будетъ скорая свобода; дьякн-де и подъячичъ тамъ намъ друзья. Хотя князь Ѳеодоръ Юрьевичъ неправды сдѣлать и не похочетъ, но чрезъ доношенія и заступы учинять желатели неправды по своей волѣ. Ей, всемогущій вѣдннй государь, одинъ безъ всякаго порока предъ тобою вѣрнѣйшій твой при тебѣ рабъ Александръ

Даниловичъ, прочіе же всѣ не безъ причины“¹⁾. Князь Ромодановскій, въ свою очередь, обвинилъ Курбатовъ и подъячичъ Оружейной Палаты во взяткахъ; Курбатовъ объяснилъ, что принялъ взятку нарочно, для доказательства вины принесшаго, и представилъ списокъ подаркамъ, которые получилъ за дѣла вершенія²⁾, ибо такіе подарки не считались тогда противозаконными.

Знаменитый прибыльщикъ зоркими глазами смотрѣлъ всюду, какъ бы учинить прибытокъ казнѣ великаго государя. Лѣтомъ 1704 года купецъ гостинной сотни Нѣмчиновъ донесъ ему слѣдующее: торговые люди подаютъ сказки оторгахъ и пожиткахъ своихъ въ Монастырскій Приказъ, и многіе пишутъ неправду, напримѣръ Шустовы — Матвѣй да Ѳеодоръ Семеновы, которые пишутъ въ сказкѣ своей, будто у нихъ всякихъ пожитковъ только тысячи на двѣ или на три и разорены всеконечно, — а у нихъ, знаетъ онъ, пожитковъ дѣловъ ихъ умершихъ въ селѣ Дѣдиновѣ близъ сорока тысячъ золотыхъ червонныхъ, да нѣсколько десятковъ тысячъ рублей денегъ; а они, Шустовы, люди непостоянные: имѣя такое богатство, о немъ небрегутъ и пьянствомъ своимъ истощаютъ, а не умножаютъ, и если ихъ не обуздать, то и до конца такое великое богатство истребятъ, и потому пусть великій государь укажетъ изъ Палаты Оружейной послать съ нимъ, Нѣмчиновымъ, подъячаго вѣрнаго да 20 или 30 человекъ солдатъ, и онъ тѣ золотые и деньги вынетъ. Курбатовъ далъ знать объ этомъ Мешникову и, по его письму, послалъ подъячаго Хрипунова съ солдатами и Нѣмчиновымъ въ Дѣдиново. Хрипуновъ выпулъ у Шустовыхъ въ нежилыхъ палатахъ коробку, заѣланную межъ половъ и сводовъ; въ ней оказалось червонныхъ вѣсомъ четыре пуда семь фунтовъ, да китайскаго золота въ коробкахъ и кускахъ семь фунтовъ 13 золотниковъ, да въ гнилыхъ кулъкахъ и мѣшкахъ старыхъ денегъ 14 пудъ 8 фунтовъ, да подъ тѣмъ же поломъ старыхъ денегъ 52 пуда 27 фунтовъ, да 39 пудъ 6 фунтовъ. Самихъ Шустовыхъ привезли въ Москву, и въ Монастырскомъ Приказѣ передъ бояриномъ Мусинымъ-Пушкинымъ они сказали: слышали они отъ дѣда своего Василія, что положилъ онъ въ казенную палату, что на ихъ дворѣ въ селѣ Дѣдиновѣ, денегъ съ 30,000 рублей да золотыхъ семнадцать ли тысячъ или 27, а сколько подлинно денегъ и золотыхъ въ той палатѣ было, того они точно сказать не умѣютъ, потому что они остались нослѣ дѣдовъ и отца своего въ малыхъ лѣтахъ, а денегъ тѣхъ и золотыхъ въ той палатѣ сами они не выдали, а запечатана она была печатью дѣда ихъ Василія. — Но Хрипуновъ не удовольствовался только тѣми деньгами, счета которыхъ сами Шустовы не знали или притворились, что не знали, — онъ побралъ и въ

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 2.

²⁾ Дѣла Мешникова въ Акад. Наукъ (напечат. Устрял. IV, II, стр. 316).

жилыхъ палатахъ, въ сундукахъ жены Шустова деньги, серебряную посуду. Все это отослано въ Оружейную Палату и явлено боярину Головину. Меншиковъ писалъ Курбатову: „Государь тебя и Нѣминова пожаловалъ, велѣлъ вамъ дать жалованья пзъ Шустовыхъ денегъ по 5,000 рублей; и ты надлежаще себѣ возьми, а Нѣминову выдай по разсмотрѣнiю, буде доведется и если ни въ чемъ онъ не приличенъ; а что у Шустовыхъ въ палатахъ (т.-е. жилыхъ) взято, и то все вѣли имъ выдать съ роспискою¹⁾. — Оказалось, что Нѣминовъ приличенъ къ дѣлу о воровскомъ серебрѣ, и деньги ему не отданы; на его долю старыхъ денегъ вымѣнено новыхъ 5,764 рубля 27 алтынь 5 денегъ, и пошли онѣ на разные расходы, напримѣръ выдано изъ нихъ 200 рублей Родionу Исаеву, Ивану Посошкову, Ивану Фирсову на новозаводство картнаго промысла (фабрикація игральныхъ картъ). — Кромѣ Курбатова, въ 1704 году явились новые прибыльщики, такого же происхожденiя, какъ и Курбатовъ: Степанъ Варакинъ, человекъ князя Вор. Алекс. Голыцина; Василій Ершовъ, человекъ князя Черкаскаго; Алексѣй Яковлевъ, человекъ думнаго дворянина Хрущова, и многіе другіе; по государеву указу велѣно имъ „сидѣть и чинить государю прибыли“²⁾. Изъ нихъ Ершовъ былъ впоследствии московскимъ вице-губернаторомъ.

Нужны были деньги на войну; нужны были люди, и людей брали отовсюду. Въ февралѣ 1700 года государь указалъ всякихъ чиновъ людямъ сказать: кто хочетъ людей и крестьянъ своихъ отпускать на волю, и тѣмъ людямъ и крестьянамъ давать отпускныя, и съ тѣми отпускными приводить ихъ въ Приказъ Холопья Суда, а изъ того Приказу такихъ отпущенныхъ и вольныхъ людей и крестьянъ, и которымъ людямъ отпускныя довелось дать, изъ Приказу Холопья Суда отсылать въ Преображенское, и которые изъ нихъ годятся въ службу, и тѣхъ писать въ солдаты, и которые въ солдаты не годятся, и на тѣхъ людей и крестьянъ указалъ великій государь по прежнимъ своимъ указамъ, давать изъ Приказу Холопья Суда на кабачныхъ людей кабалы, а на крестьянъ судныя записи, къ кому они ядти похотятъ. Нужны были люди и для населенiя новоприобрѣтенныхъ городовъ: для этого въ 1701 году не велѣно было отдавать неплатящихъ должниковъ въ заживъ заимодавцамъ, но велѣно было отсылать ихъ съ семействами на вѣчное житье въ Азовъ. Въ 1703 году велѣно было казнить смертію только тѣхъ разбойниковъ, которые совершили смертоубійство; тѣхъ же, которые уличены хотя и во многихъ разбойнѣ, но не совершили смертоубійства, велѣно ссылатъ въ Азовъ на работу. Тогда же, вмѣсто Сибири, велѣно ссылатъ всѣхъ преступниковъ въ Азовъ³⁾. Смертная казнь назначена за намяну, бунтъ, убійство и отравленіе;

за остальныя воровства—кнутъ и ссылка въ Азовъ на каторгу.

Внутреннее спокойствіе и вѣрнѣшая безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска, и обогащеніе страны посредствомъ торговли—вотъ двѣ цѣли дѣятельности Петра, какъ онъ это ясно высказалъ въ знаменитомъ манифестѣ своемъ о вывозѣ иностранцевъ въ апрѣлѣ 1702 года: „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ, что со вступленiя нашего на сей престолъ всѣ старанiя и намѣренiя наши клонились къ тому, какъ бы смѣло государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе; на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ вѣрнѣшаго нападенiя и всячески улучшить и рространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самыхъ правленiи учинить пѣкоторыя пужныя и къ благу земли нашей служащiя перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться поныгѣ намъ неизвѣстнымъ познанiямъ и тѣмъ искусѣнъ становиться во всѣхъ торювыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ, наипаче къ способствованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанiя, распоряженiя и учрежденiя всеисловнѣе учинили и впредь чинить намѣрены; поелику же мы опасаемся, что дѣла сіи не всѣмъ еще въ такомъ положенiи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради номыслили мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенiя непріятельскаго и сохранить права и преимуществва нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ; какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженiя сихъ благихъ цѣлей мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденiи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не только состояли пзъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ; но дабы сіе тѣмъ болѣе усовершенствовать и побудить иноземцевъ, которые къ сей цѣли содѣйствовать и къ такому улучшенію способствовать могутъ, кунно съ прочими государству полезными художниками къ намъ пріѣзжать, и какъ въ нашей службѣ, такъ и въ нашей землѣ оставаться, указали мы сей манифестъ съ нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатавъ, по всей Европѣ обнародовать“. Иностранцы приглашались въ Россію на слѣдующихъ условiяхъ: совершенно свободный въѣздъ, безопасность на пути и содѣйствіе всякаго рода; свободное отправленіе вѣры; иноземцы не подвергаются суду и наказанiямъ по обычаю русскому, для чего учреждается Тайная Военнаго Совѣта Коллегiя, которая будетъ чинить правосудіе, вопервыхъ, по законамъ божескимъ, а по

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи; дѣла слѣдственныхъ комисій № 218.

²⁾ Пол. Собр. Зак. № 1747; Голыцина — Дѣнія II, стр. 68, 120, 121, 123.

томъ по римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ милостиво. Но, призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, Петръ только для одного народа дѣлалъ постоянное исключеніе, для Жидовъ: „Я хочу“, говорилъ онъ, „видѣть у себя лучше народовъ магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не располжаю; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ“. Вѣсти изъ Малороссіи не могли внушить Великокороссіянамъ расположенія къ принятію Жидовъ. Въ 1702 году 10 марта, къ черниговскому коменданту прислалъ полковникъ Лизогубъ письмо, въ которомъ говорилось, что въ Черниговскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Городиѣ, Жиды замучили христіанина, и кровь разсылали по разнымъ Жидамъ, живущимъ въ малороссійскихъ городахъ. Передъ судомъ въ Черниговѣ Жидъ Давидъ безъ пытки признался, что онъ съ своякомъ своимъ Яковомъ замучилъ христіанина; объявилъ, что многіе Жиды собирались въ селѣ Жуковцѣ въ корчмѣ о своемъ жидовскомъ праздникѣ, именно на Трунки, было ихъ человекъ сорокъ сличкомъ, и просили его, Давида, чтобъ онъ добылъ на праздникъ Пейсахъ крови христіанской, что онъ и исполнилъ. Яковъ также признался безъ пытки ¹⁾.

Какъ видно изъ манифеста объ иностранцахъ, перемены, преобразования клонились къ тому, чтобъ Русскіе люди могли научиться до тѣхъ поръ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ, а познанія должны были сдѣлать ихъ искуснѣе во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Понятно, что при такомъ практическомъ взглядѣ Петру не нравился характеръ московской академіи, которая не была спеціальнымъ духовнымъ училищемъ, а свѣтскихъ людей выпускала безъ тѣхъ познаній, въ какихъ особенно нуждался царь; ему нужно было такую школу, изъ которой бы, „во всякія потребности люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачебное искусство“ ²⁾, какъ онъ говорилъ патриарху Адриану. Но такая школа могла основаться только черезъ пятьдесятъ лѣтъ сличкомъ; пока надобно было довольствоваться двумя способами выучиванія русской молодежи необходимыми познаніями: отсылкою за гранцу и заведеніемъ въ Москвѣ школъ, гдѣ бы иностранные учителя выучивали предметамъ первой тогда необходимости; явились школы математическая и навигацкая, гдѣ первыми преподавателями были Англичане — Фарварсонъ, Гвинъ и Грейсъ. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, т.-е. адмирала Головина и дяка Курбатова. Отъ 1703 года до насъ любопытное письмо Курбатова къ Головину о состояніи школы: „По 16 іюля“, пишетъ Курбатовъ, „прибрано и учатся 200 человекъ“, и признается, что „Англичане учатъ

ихъ той наукѣ чиповно, а когда временемъ и загуляются или, по своему обыкновенію, почасту и долго просятъ. Имѣемъ, по приказу милости твоей, опредѣленного имъ помоществователемъ Леонтія Магницкаго, который неспростаю при той школѣ бываетъ, и всегда имѣетъ тщаніе не только къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію. но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, въ чемъ тѣ Англичане, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себя къ нему, Леонтію, ненавидѣніемъ, такъ что уже просилъ онъ, Леонтій, отъ частаго ихъ на него гнѣвомянія отъ школы себе свободности; однакожъ я, вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвомянія отъ школы свободну быти не доведется, приказалъ ему о всякихъ поведеніяхъ сказывать до пріѣзда вашей милости мнѣ, и я, пріусматривая, что онъ приносить о порядкѣ совершенномъ, призвалъ ихъ въ палату и самъ къ нимъ ѣзда почасту, говорю; а дѣло изъ нихъ призналъ я въ одномъ Андрѣ Фарварсонѣ, и тѣ два хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія наукою не дошли“. Потомъ Курбатовъ писалъ: „Прибрано учениковъ со 180 человекъ охотниковъ всякихъ чиповъ людей и учатся всѣ арифметикѣ, изъ которыхъ человекъ съ десять учатъ радикасы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣемъ нужду въ лишени инструментовъ, и если изволишь, хорошо-бъ заповѣдать указомъ такихъ инструментовъ у города (Архангельска) не продавать всякихъ чиповъ людямъ, а брать на школы; а по письму твоей милости если вывезено будетъ 60 человекомъ инструментовъ, и нынѣшней годъ такимъ числомъ пробавимся безъ нужды, а впрѣдъ надобно еще отписать, чтобъ вывезено было той же науки хотя сту человекомъ инструментовъ, или какъ воля твоя, для того что въ арифметикѣ ученики не долго пробаются, а въ геометріи безъ инструментовъ быти невозможно. А нынѣ многіе изъ всякихъ чиповъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскія дѣти и молодые изъ Приказовъ подьячіе приходятъ съ охотою немалою, и когда наполнится число 200 человекъ, а приходятъ будутъ нарочитые, принимать ли сверхъ двухъ сотъ человекъ и коликому числу совершенно быть?—прошу о томъ опредѣленія указомъ. Навигатскихъ наукъ учениковъ посажено и учатся въ геометріи 12 человекъ, а еще посылвають человекъ съ 20; тоцію допону о семъ, что учителя учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропомятно, тѣхъ брать и велеть дожидаться меньшихъ; только я ему, Магницкому, молчать имъ не велѣлъ, а меньшой учитель рыцарь Грейсъ — ни къ чему негодный, въ непостоянствѣ всякомъ и въ плутовствѣ б...., и учениковъ потворствуетъ; и самъ большой учитель его не любитъ“.

Въ 1704 году Курбатовъ долженъ былъ отставать учениковъ отъ судьи Военнаго Приказа, Т. П.

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1910; Нартова анекдоты № 33; Архивъ Мпн. Юстціи, книга Малорос. Приказа, № 86.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 53.

Стрѣшневъ: „Нынѣ, писалъ Курбатовъ Головину, ученикомъ беретъ въ разрядъ Тихонъ Никитичъ и хочеть писать въ драгуны безъ всякаго разбора, и ежели побраны они будутъ въ драгуны или солдаты, то уже совершенно трехлѣтній ихъ трудъ погибнетъ напрасно, также и расходъ на нихъ кормовою дачею денегъ. О семъ благоволи мнѣ учинить указъ, и чтобъ ученики были какъ и прежде вѣдомы въ одной Оружейной Палатѣ, а отъ разряднаго тасканья были свободны“³⁾.

Въ 1703 году завелась-было въ Москвѣ школа и съ другимъ характеромъ: основателемъ ея былъ плѣнный маріенбургскій пасторъ Глюкъ, выучившійся еще на родинѣ порусски съ помощію одного монаха изъ пограничнаго псковскаго Печерскаго монастыря; Глюкъ нацѣренъ былъ обучать русскихъ юношей, „аки мягкую и всякому изображенію удобную глину“, географіи, нечкѣ, политикѣ, латинской риторикѣ съ ораторскими упражненіями; философіи Картезіанской, языкамъ греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, нѣмецкому и латинскому, танцевальному искусству и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учивствъ, рыцарской конной вѣздѣ и берейтовскому обученію лошадей. Глюкъ приготовилъ для своей школы на русскомъ языкѣ Лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, словарь языковъ русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго и Коменіево введеніе къ изученію языковъ. Глюкъ умеръ въ 1705 году, и школа его перешла въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза⁴⁾.

Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, книги недорогія, распространявшіяся посредствомъ печатанія. Во время пребыванія своего въ Голландіи, Петръ сблизился съ семействомъ Тессинговъ, и одинъ изъ троихъ братьевъ, Иванъ Тессингъ, выпросилъ у царя привилегію на заведеніе русской типографіи: „Мы, великій государь (говорится въ жалованной грамотѣ 10 февраля 1700 г.), Ивана Тессинга пожаловалъ, повелѣли ему въ городѣ Амстердамѣ печатать европейскія, азіатскія и американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и о морскихъ ратныхъ людяхъ, математическія, архитек-

турскія и городостроительныя и иныя художественныя книги на славянскомъ и голландскомъ языкѣ выѣстѣ. также славянскимъ и голландскимъ языкомъ порознь по особну, кромѣ церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ, потому что книги церковныя славянскія, греческія, со исправленіемъ всего Православнаго устава Восточныя Церкви, печатаются въ Москвѣ, и кромѣ таблицъ съ написаніемъ въ чертежахъ и въ книгахъ (Сибирскому царствію и Ногайскому владѣнію городамъ и землямъ, и рѣкамъ на славянскомъ и на голландскомъ языкахъ, потому, что на это дана грамота голстейнцу Елизарью Избранту⁵⁾. А напечагавъ ему, Ивану Тессингу, въ Амстердамѣ тѣ чертежи, и персоны и книги за подписью и за клеймомъ своимъ, привозить въ наши государства и земли, куда похочеть съ нынѣшняго 1700 году, считая впрелѣ 15 лѣтъ; а пошлины съ продажи тѣхъ печатныхъ листовъ и книгъ имать у города Архангельскаго по осямъ денегъ съ рубля, а на Москвѣ съ тѣми чертежами и листами являться въ государственномъ Посольскомъ Приказѣ, а продавать, гдѣ похотитъ, повольною торговлею. И видя ему Ивану Тессингу къ себѣ нашу царскаго величества премногую милость и жалованье, въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ показать намъ службу свою и прилежно радѣніе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славіи нашему превысокому имени и всему российскому нашему царствованію, межъ европейскими монархи въ цвѣтущей наивышшей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и къ обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья-бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ славы въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было“⁴⁾.

Дѣло не пошло успѣшно, какъ предугадывали опытные современники иностранные, которые не думали, чтобъ „Тессингъ что нибудь сдѣлалъ, развѣ захочетъ человекъ, болѣе ученый, вымѣнаться въ это дѣло и сдѣлаться товарищемъ во предпріятію, чего очень бы хотѣлось Тессингу: по трудно ему будетъ сыскать такого человека. Притомъ же Москвитяне нисколько этимъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ — прощай наука“⁵⁾!

Гораздо замѣтнѣе была дѣятельность Илья Копіевскаго, или Копіевича, который сначала занимался выѣстѣ съ Тессингомъ, но потомъ отдѣлился. Копіевскій издалъ много учебниковъ и переводовъ, которые, на первыхъ порахъ, могли быть полезны Русскимъ людямъ, не знавшимъ иностранныхъ языковъ⁶⁾. Мы приведемъ отзывъ Курбатова о русскомъ учителѣ математико-навигационныхъ школъ, Леонтіи Магницкомъ. Этотъ Магницкій въ 1703 г.

¹⁾ Моск. архивъ Мин. вѣ. Д.; приказныя дѣла повыхъ лѣтъ, 1702, 1703 и 1704 годовъ.—Магницкій получалъ жалованья 90 рублей; ученики математико-навигационныхъ школъ 200 челок. и одинъ писецъ получалъ 4,041 рубль 29 алтынъ. Фарварсонъ получалъ по 250 рублей, Гвинъ и Грейсъ по 150.—Школа прежде находилась въ вѣдѣніи Кривета; но Курбатовъ выпросилъ ихъ у царя себѣ, потому что навигатскія науки у Кривета не успѣвали. Курбатовъ настоялъ, чтобъ право на изданіе ариометрики отнято было у нѣкоего иностранца, потому что Леонтіи Магницкій не одобрилъ книги, и, по старанію Курбатова, въ домъ послѣдняго Магницкій началъ самъ сочинять ариометрку, которая, по словамъ Курбатова, вышла гораздо лучше иностранцевой (Кабинетъ II, кн. № 1).

²⁾ См. подробности у Некарскаго—Наука и Литература въ Россіи при П. В. I, VI.

³⁾ Ясно, что Избранту было дано только право на изданіе описанія Сибири и Китая, а не всѣхъ книгъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1751.

⁵⁾ Подробности у Некарскаго I, II.

⁶⁾ Подробности у Некарскаго I, II.

издалъ книгу: „Ариометика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ диалектовъ на славянской языкъ переведенная, и въ едино собраная, и на двѣ книги раздѣлена... Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тишеніемъ ради обученія мудролюбивыхъ российскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена“. Въ 1704 году вынешъ въ Москвѣ: „Лексиконъ тринаязычный, сирѣчь речей славянскихъ, еллинскихъ и греческихъ и латинскихъ сокровище“. Лексиконъ составленъ Поликарповымъ, разсмотрѣнъ и дополненъ Стефаномъ Яворскимъ, Рафаиломъ Краснопольскимъ (ректоромъ московской славяно-латинской академіи) и братьями Лихудами.

Послѣ школы и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственного развитія, для расширенія умственной сферы русскаго челоѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прежней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знатъ, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ, — было привилегією правительства: извлечение изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ, и бережно хранились, какъ тайна. Петръ хотѣлъ, чтобъ все Русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. 17 декабря 1702 года великій государь указалъ: „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ Приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впродъ будутъ, присылать въ Монастырскій Приказъ, откуда тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ“¹⁾. Указъ былъ исполненъ, и съ 1703 года начались издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“. На первомъ же листкѣ, велѣдъ за извѣстіемъ, сколько выигро пушекъ въ Москвѣ, вѣдомости объявили, что „повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и сорокъ пять челоѣкъ слушаютъ философію, и уже диалектику окончили. Въ математической штурманской школѣ больше 300 челоѣкъ учатся и добръ науку пріемлютъ. На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужскаго и женскаго полу 386 челоѣкъ. Въ Китайскомъ государствѣ іезуитовъ велики стали любить за ихъ лукавство, и иные изъ нихъ и смертію казнены. Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ Немпронѣ коменданта, съ своимъ ратными людьми городъ овладѣли, уже нагренъ есть Вѣдую Церковь добывать“. — Въ серединѣ года уже встрѣчаемъ извѣстія изъ „новыхъ крѣпости Петербурга“

Иностранныя извѣстія о русскихъ событіяхъ помѣщались пѣянкомъ безъ всякихъ примѣчаній.

Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя; Петръ и то и другое ввелъ въ народное употребленіе. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣнили великаго государя Нѣмцы, у которыхъ начальникомъ былъ Яганъ Годфридъ, такъ и при Петрѣ въ 1701 году комедіантъ Иванъ Сплавскій отпразднелъ былъ за границу и вывезъ въ Москву Ягана Куншта съ труппою его актеровъ; Кунштъ скоро умеръ, и на его мѣстѣ видимъ Артемія Фюрста. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ брали подъячичъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла, — такъ и теперь, въ 1702 году, набрали подъячичъ изъ разныхъ Приказовъ и отдали Куншту, который обязался „ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ открытіемъ“. Но разница между временемъ царя Алексѣя и временемъ царя Петра состояла въ томъ, что при Петрѣ построена была деревянная комедіальная хранина на Красной площади — для всѣхъ. Играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій; Спипій африканскій — погубленіе королевы Софонизбы; о графинѣ Триерской Реновѣ: два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлія Кесарь; порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитера; о Баязетѣ и Тамерланѣ; Докторъ принужденный (*Le Medicin traigé lui* — Мольера); играли пьесы, нарочно составленныя по случаю какого-нибудь важнаго событія, торжества; напр. въ 1703 году, по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра, театральныя представленія давались еще учениками Славяно-Латинской академіи (новосіюющихъ славяно-латинскихъ Аонинъ); здѣсь пьесы пмѣютъ религиозное содержаніе; но къ этому содержанію примѣшиваются политическіе намеки: напр. о второмъ пришествіи Господнеагъ, является королевство Польское, „укоряющее сенаторовъ людскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордыннаго несогласія и распри междуусобныя“.

Все это и школы, и книги, и вѣдомости, и театръ представляли начатки слабые, грубые. Старые нравы общества, которое начало преобразовываться, отражались повсюду, ученики школы вели себя какъ нельзя хуже, актеры изъ русскихъ подъячичъ безчинствовали. Иностранные медики сталкивались съ музыкантами. Докторъ Видлоо писалъ Головину: „Изволитъ ваша милость по милости своей ко мнѣ, иностранцу, не малое почтеніе явить, чего я недостойнъ; по этой милости приданъ мнѣ былъ толмачъ, безъ котораго я не могу никакого повѣстійнаго вашего выразумѣть и исполнить; теперь дякъ отпразднъ у меня этого толмача и велѣю ему быть у музыкантовъ. Вышли въ Приказѣ, я гово-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1921.

риль дьякамъ, что невозможно мнѣ безъ толмача быть. Они отвѣчали, чтобъ я другого толмача сыскалъ, какъ и другіе доктора своихъ держатъ; по ихъ выходитъ, что музыканты исправляютъ дѣло его величества, а я только свое. Прошу ваше превосходительство, чтобъ какъ прежде, такъ и теперь я сравненія съ музыкантами не имѣлъ⁴⁾. А учителя иностранцы? Между ними и Русскими не обошлось безъ частыхъ столкновеній, и самое замѣчательное изъ нихъ происходило на Верху, при воспитаніи государя царевича. Сначала Петръ хотѣлъ отправить сына за границу для воспитанія, но потомъ отгѣнялъ это намѣреніе. Въ 1701 году къ царевичу было опредѣлено для наставленія „въ наукахъ и правоученіи“ Нѣмецъ Нейгебауеръ, воспитаникъ Лейпцигскаго университета, рекомендованный саксонскимъ посланникомъ, генераломъ Карловичемъ. Между этимъ-то иностраннымъ наставникомъ и Русскими, находившимися при царевичѣ, и произошло столкновеніе. Нейгебауеру хотѣлось имѣть большее значеніе, чѣмъ какое давали ему при Дворѣ царевича; онъ былъ также недоволенъ людьми, окружавшими молодого Алексѣя, и писалъ Петру: „Понеже съ три года тому назадъ, какъ я пріѣхалъ сюда съ генераль-майоромъ Карловичемъ вашему царскому величеству у вашего пресвѣтлѣйшаго царевича служить за гофмейстера, и уже съ шесть мѣсяцевъ совершенно къ тому приставленъ есмь, и того ради прошу покорнѣйше, дабы мнѣ дана была по нашему обычаю полная мочь въ придворныхъ чиновныхъ людяхъ, яко гофмейстеру принадлежитъ со указомъ, дабы прочіе служители меня по достоинству чтили и мнѣ послушны были, понеже, если всякой изъ нихъ дѣлать будетъ что хочеть, то невозможно царевича изрядныхъ нравовъ ученія и порядочнаго житія научити, зане нѣкоторые отъ злости, а иные отъ глупости все мои труды портить будутъ; сего ради желалъ бы, дабы учитель Никифоръ Кондратьевичъ (Вяземскій) и прочіе кавалеры иными чинами пожалованы были, а вмѣсто опытныхъ дабы нѣкоторые иные къ услуженію государю царевичу даны были, которые въ нашихъ земляхъ были, и нашихъ обычаевъ и языковъ научены суть. Надобно бы по послѣдней мѣрѣ царевичу имѣти компаніаго слугу, да еще одного пажу, зане царевичъ велики мало имѣетъ служителей и почитай-что и никакихъ услугъ“. Царь не исполнилъ желаній Нейгебауера, и тотъ въ 1702 году жаловался Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину: „Обрѣтаю столько гоненія, что не возмогу претерпѣть, понеже 1) не хотятъ мнѣ чина гофмейстера оставить, для котораго мѣня Карловичъ сюда вывезъ, и въ разсужденіи того я изрядную бранденбургскую службу уничижилъ, а между тѣмъ я наставленія царевича въ наукахъ и правоученіяхъ имѣю, еже конечно дѣло гофмистрово есть, и сверхъ того сей чинъ не дядька, но только противъ поддядьки, по-

неже первый чинъ именуется у насъ верховный гофмейстеръ, который здѣсь его превосходительство А. Д. Мениковъ имѣетъ. 2) Сочиняютъ наши служители царевича мнѣ противна и живутъ по своему старому непристойному злочинию, и того ради невозможно, чтобъ царевичъ когда къ изряднымъ правамъ привыкнути возмогъ. 3) Никто не разумѣетъ при дворѣ царевичевѣ, како такого великаго государя возвращати надлежитъ, а однакожъ не имѣютъ они указу меня въ томъ слушати, и то мнѣ и въ глаза говорятъ, и сверхъ того безчестно меня пресмѣхаютъ: га, га! смотри, ты хочешь еще гофмистромъ быть. 4) Гонятъ они меня ради вѣры моей и не хотятъ по постыгимъ дѣламъ мяса давать, но я бы охотно и рыбу ѣлъ, елибѣ она добро приготовлена была. Они меня царскому величеству оклеветали, будто я по двѣ недѣли сидя пью и весьма къ царевичу не хожу“.

Долго накоплявшася вражда наконецъ разразилась 23 мая 1702 года. Государю донесли, что этого числа „государя царевича за столомъ Мартынь Мартыновичъ Небоуеръ всемъ говорилъ, чтобъ тайныхъ словъ никто никакихъ не говорилъ, а Никифоръ Вяземскій говорилъ: „Что тайно, то тайно, а что явно, то явно“. И онъ, Мартынь, говорилъ: „Вы-де все ничего не знаете, и быть вамъ здѣсь недостойтъ, я-де васъ вытолкаю толчкомъ; а какъ-де я буду съ царевичемъ за моремъ, я-де знаю что дѣлать“. И онъ, Никифоръ, говорилъ: „Хотя-бъ ты былъ и гофмейстеръ, и ты-бъ насъ безъ указу государя нашего и приказу Александра Даниловича отсюду вонъ не толкалъ, въ семь я тебя не слушаю, потому что мы приказаны Александру Даниловичу, а не тебѣ“. И онъ, Мартынь, говорилъ: „Вы-де все ничего не знаете и у васъ-де все варвары!“ и бранилъ: „Собаки! собаки! гундсфоты!“ и предъ царевича бросалъ ножикъ и вилку и держалъ за шпагу, и онъ, Никифоръ, говорилъ: „Что ты дѣлаешь? хотя-бъ ты былъ и гофмейстеръ, и ты-бъ такъ не бросалъ за столомъ и не бранился“. И онъ, Мартынь, отвѣчалъ: „А будетъ я не гофмейстеръ, и я не хочу живъ быть“, и, побѣжавъ, бранилъ: „Собаки! собаки! я вамъ сдѣлаю, какъ Богъ мой живъ, такъ я вамъ отомщу“. При государѣ царевичѣ за столомъ сидѣли въ то время онъ, Мартынь, подлѣ него докторъ Богданъ Клема, по другую сторону сидѣли Алексѣй Ив. Парышкинъ, Никифоръ Вяземскій; при столѣ стояли толмачъ да сторожъ“.

Спросили иностранца доктора Клема, и тотъ показалъ: „Во время того стола, какъ принесли на столъ жаркія куры, которыя тотъ иноземецъ, разрушивъ, положилъ на блюдѣ, я государь царевичъ изволилъ взять отъ той ѣствы, сперва одну курею ножку и, покусавъ нѣсколько, положилъ на тарелку, и хотѣлъ взять еще иную часть. И Алексѣй Ив. Парышкинъ говорилъ, чтобъ онъ, царевичъ, тѣ части, которыя кушалъ, для очистки тарелки, положилъ на то-жъ блюдо. О семъ услыша, Мартынь говорилъ, что царевичъ лучше, нежели

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Ип. Д., Приказная дѣла новыхъ дѣтъ, годъ 1704.

онъ въ томъ знаетъ, понеже необыкновенно объѣденныя кости на блюдо класть, а мечуть собакамъ. Потомъ царевичъ изволилъ иѣчто молвить Алексѣю Ивановичу тайно на ухо, а Алексѣйъ Ив., пзмѣнивавъ немного, также молвилъ тайно на ухо учителю Микифору, а Мартынъ говорилъ: „Непристойно за столомъ другу на ухо говорить при иныхъ людяхъ“. Брань съ Вяземскимъ Клемъ описалъ согласно съ первоначальнымъ донесеніемъ. „И называлъ онъ, Мартынъ, ихъ мужиками, свиньями и собаками, и, идучи, у дверей говорилъ съ крикомъ: „Добро, собаки, я вамъ заплачу“.

Царь указалъ — отказать Нейгебауеру отъ службы и ѣхать безъ отпуску, куда похочетъ за то, что писалъ самовольно гофмейстеромъ и ближнихъ людей называлъ варварами, и бранилъ всякою жестокою бранью¹⁾.

Нейгебауеръ сдержалъ слово, отомстилъ. Въ 1704 году онъ издалъ въ Германіи брошюру подъ заглавіемъ: „Письмо одного знатнаго нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ Москвитяне привлекаютъ къ себѣ на службу“²⁾. Нейгебауеръ объявлялъ, что царь и его приближенные обращаются съ честиѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками, употребляютъ пощечины, палки, кнутъ и т. п. Полковникъ Водевинъ потерялъ голову за то, что его слуга закололъ фельдшера, царскаго любимца; полковника Штраасберга городской воєвода билъ батогами за то только, что тотъ не хотѣлъ послушаться царскаго указа; майора Кирхена самъ царь публично обругалъ непристойною бранью и плюнулъ ему въ лицо за то, что тотъ, прослуживъ цѣлый годъ майоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному Русскому; по смерти Лефорта, любимца царскаго, конфисковано было все его имѣніе, и наследники не получили ничего, только должны были платить долги покойнаго. Нейгебауеръ не довольствовался этою брошюрою, но обѣщалъ издать подробное описаніе нравовъ Русскаго народа, его обмановъ, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти къ иностранцамъ, неспособности, лѣни, волшебства, невѣрности, похищенія нѣмецкихъ жемъ и дѣтей; особенно обѣщалъ распространиться о подвигахъ царскаго любимца Меншикова съ нѣмками, которыхъ потомъ навязываютъ нѣмецкимъ офицерамъ.

Осенью 1704 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Въ сихъ числахъ прибыли въ Гагу отъ Архангельскаго города съ голландскими кораблями два человѣка — Французъ Деверсаль съ нѣмчиномъ, и здѣсь такія злословія и безчестія скаредныхъ всенародно о государствѣ государя нашего и о правительствѣ вельможъ московскихъ въ бытность Русскаго принца и арчука (герцога) Малбурга при

всѣхъ вездѣ собраніяхъ п ходя по кофейнымъ домамъ, наполнили, какихъ бы ни самый дьяволъ воплощенный въ вымыслилъ, и явственно сказывали, что кто изъ иноземцевъ въ службу московскую ни прійдетъ, долженъ подписать себя отдать въ вѣчное московское рабство; и ихъ выпустили за великія дачи съ Москвы насилу. И всѣмъ офицерамъ здѣсь и кавалерамъ сказывали, что и у самыхъ Турокъ такого не порядка и озлобленія людямъ иѣтъ и чтобъ никто службы московской впредъ не принималъ. Эти люди одной компаніи нѣкотораго генерала Коромбеса и учителя бывшаго прежде у государя царевича“³⁾. — Этотъ генераль Коромбесъ былъ генераль фонъ-Корренбергъ, о которомъ Нейгебауеръ рассказываетъ въ своей брошюрѣ, что онъ прійхалъ въ Россію въ 1703 году, и привезъ съ собою восемь офицеровъ, потративъ много своихъ денегъ. Царь сдѣлалъ его генералъ-лейтенантомъ, но, спустя два мѣсяца, велѣлъ наказати его въ собственной палаткѣ, за что — этого Нейгебауеръ не говорить. Брошюра Нейгебауера не была первымъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Петровской Россіи. По донесенію Матвѣева отъ 5 іюня 1702 года, какой-то профессоръ во Франкфуртѣ-на-Одерѣ начекалъ похвальную рѣчь Прусскому королю, гдѣ прославляя триумфъ Шведовъ надъ московскими войсками и толковалъ, что христіанскіе государи не должны пропускать русскихъ кораблей на море, ибо если Русскіе овладѣютъ Ливонією, то овладѣютъ также Польшею и Литвою, и будутъ опаснѣ Пруссіи.

Въ Пруссіи и Саксоніи были запрещены сочиненія, оскорбительныя для царя и Россіи; но Петръ этимъ не довольствовался. До сихъ поръ почти всѣ сочиненія, выходившія въ Западной Европѣ о Россіи, больше или меньше были похожи на брошюру Нейгебауера; Россія была ославлена, какъ страна варварская. Желая вести Россію въ семью Европейскихъ державъ, дать ей здѣсь важное значеніе, Петръ, разумѣется, хотѣлъ очистить ее отъ прежняго пятна варварства, хотѣлъ, чтобъ въ Европѣ говорили только объ этомъ очищеніи, видѣли въ Россіи страну уже не варварскую болѣе, но очищенную, преобразованную; попятно желаніе Петра слать преобразователемъ, а не царемъ варварскаго народа и не варваромъ. Наконецъ Петръ нуждался въ искусныхъ иностранцахъ, а дурные слухи о Россіи будутъ отвращать ихъ отъ вступленія въ царскую службу. Мы видѣли, что, давая Тессингу привилегію на заведеніе русской типографіи, Петръ требовалъ, чтобы въ книгахъ, которыя будутъ выходить изъ этой типографіи, не говорилось ничего предосудительнаго о Россіи. Въ 1702 году Паткуль подговорилъ въ русскую службу доктора правъ Генриха-фонъ-Гюйсена, который обязался: 1) отыскивать, входить въ переговоры и приглашать въ русскую службу иностранныхъ офицеровъ,

¹⁾ Дѣло Нейгебауера въ Москов. архивѣ Мпн. Ип. Д.

²⁾ Schreiben eines vornehmen deutschen Officiers an einen geheimen Rath eines hohen Potentaten u. s. w.

³⁾ Москов. архивъ Мпн. Ип. Дѣлъ, дѣла Голландскіе 1704 года.

инженеровъ, мануфактурнстовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейгоровъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особливо же такихъ, которые бы понимали польски или чешски. 2) Переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемые для устройства военной части въ Россіи. 3) Склонять голландскихъ, германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобъ они посвящали царю, или членамъ его семейства, или, наконецъ, царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи. 4) Войти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ русскихъ писемъ. Въ 1703 году Гюйсенъ получилъ мѣсто Нейгебауера при царевичѣ, но пробылъ на немъ недолго. Въ 1705 царь велѣлъ ему ѣхать въ Германію „съ подлинными комиссіями“. Здѣсь-то онъ вступилъ въ полемику съ Нейгебауеромъ въ защиту Россіи ¹⁾.

Мы скажемъ, въ свое время, нѣсколько словъ объ этой полемикѣ; а теперь взглянемъ на тѣ распоряженія Петра, которыми дѣйствительно смывалось пятно варварства съ Русскаго народа. Въ древней Россіи сохранялся еще тогъ дохристіанскій взглядъ на человѣка, по которому можно было убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками. Въ январѣ 1704 года сказано великаго государя указъ подъ смертною казнію, чтобъ повивальныя бабы младенцевъ, которые родятся особымъ, или какимъ чудомъ, не убивали и не тапли, а объявляли про нихъ тѣмъ приходовъ священникамъ, а священники-жъ про то объявляли въ Монастырскомъ Приказѣ. Тутъ же запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней ²⁾. Въ началѣ 1700 года бояре слушали такое дѣло: взятъ былъ боярина Петра Петровича Салтыкова человѣкъ Алексѣй Каменскій за то, что онъ боярина лѣчилъ, припаивалъ лѣкарства и отъ лѣкарствъ бояринъ умеръ скорою смертію. Въ разспросѣ и съ пытки лѣбкаръ сказалъ, что онъ боярина лѣчилъ и лѣкарства всякія, покупая въ зеленийнъ ряду въ лавкахъ, давалъ, и бояринъ говорилъ ему, чтобъ онъ принесъ ему лѣкарства отъ сна, и онъ, Алешка, въ зеленийнъ ряду купилъ арьяну на три деньги осьмую долю золотника, розилъ на 12 долей и давалъ боярину отъ сна, а не для отравы. Зеленийнго ряду сидѣлецъ Ганка Варроломевъ въ продажѣ того арьяну не записался, и сказалъ, что онъ Алешкѣ продалъ арьяну на четыре деньги и велѣлъ давать мочному человѣку противъ трехъ зеренъ коноплянныхъ, а мочному противъ двухъ. и на другой день поутру пришелъ къ нему, Ганкѣ, Алешка и сказалъ, что лѣкарство отдалъ онъ боярскому малому, и тотъ малый отдалъ боярину все, и бояринъ съ того числа по се время не про-

спится, только въ ночи простоналъ. — Бояре велѣли справиться: какія прежде были подобныя дѣла, и какіе указы. Нашли, что въ 1686 года лѣбкаръ Туленщикова велѣно сослать въ Курскъ за то, что онъ лѣбкарю Харитонову вѣсто раковыхъ глазъ отвѣсилъ въ пьнствѣхъ золотникъ сулемы, Харитоновъ далъ ту сулему подьячему Прокофьеву, и подьячій при немъ умеръ; по этому случаю сказано было тогда указъ велѣтъ лѣбкарямъ: кто нарочно или ненарочно кого уморитъ, того казнить смертію. Но въ 1700 году не привели въ исполненіе указа 1686 года, не казнили Каменскаго смертію, — сослалъ въ Азовъ на каторгу ³⁾; а для предупрежденія подобныхъ случаевъ въ томъ же году велѣно завести въ Москвѣ восемь аптекъ съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ никакихъ винъ не продавалось; аптеки эти съ докторами и аптекарями и лѣбкарями и съ иными чинами во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Посольскомъ Приказѣ; а кромѣ того въ Москвѣ впредъ другимъ аптекамъ и зеленийному ряду, и лавкамъ по улицамъ и перекресткамъ, гдѣ продавали всякія непотребныя травы и зелья вѣсто лѣкарствъ, не быть ⁴⁾.

Запретили продавать травы, вредныя въ рукахъ старинныхъ знахарей; запретили продавать остроконечные ножи, вредные въ рукахъ людей, еще младенцевъ по общественной неразвитости. Въ томъ же 1700 году государь указалъ: на Москвѣ и въ городахъ, всякихъ чиповъ людемъ ножей остроконечныхъ никому съ собою, въ день и въ ночь и ни въ какое время не носить, для того что многіе люди въ дорогахъ на сѣздахъ и на сходахъ, и въ домахъ, въ ссорахъ и дракахъ и въ пьнствѣхъ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти, а воры и нарочно съ такими ножами ходятъ по почтамъ и людей рѣжутъ и грабятъ, и со времени этого указа въ ножевомъ ряду такихъ остроконечныхъ ножей не дѣлать и не держать и никому не продавать, а осудившихъ бить кнутомъ и ссылатъ въ ссылку ⁵⁾. Черезъ годъ понадобился указъ противъ дуэлей между иноземцами: въ январѣ 1702 года имъ запрещено выходить на поединки и даже вынимать оружіе; за первое назначена смертная казнь, за второе — отсѣченіе руки. Война правительства съ разбойниками велась попрежнему. Въ 1702 году капитанъ Рагульскій съ пѣлою ротою отправленъ былъ въ Костромской и Галицкій уѣзды для сыску разбойниковъ, и успѣвъ схватить знаменитыхъ разбойниковъ, помѣщивъ: Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Силыгина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василия Полозова-Кулю, Ивана и Данилу Захаровыхъ, Семена дѣ Петра Шишкиныхъ. Разбойничали они съ своими людьми, нападали на деревни, убивали мужичинъ, насилывали женщинъ, огонь жгли ⁶⁾.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1756.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак. № 1879.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. № 1758.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак. № 1890; дѣла Преображенскаго Приказа 1702 года.

¹⁾ См. у Пекарскаго I, стр. 90 и с. 4д.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1964.

Охраняя жизнь русскаго человѣка отъ вреднаго зелья, отъ острокопечнаго ножа, Петръ принялъ мѣры и противъ огня, такъ свѣршествовавшего въ деревянныхъ городахъ, не исключая и царствующаго града. Вишусь, въ апрѣлѣ 1700 года, писалъ Петру изъ Москвы: „Здѣсь Вулканусъ насъ такъ тревожитъ и многими разоряетъ, и не только съ самыя Пасхи по вся дни, но во единыя сутки пожара по три и по четыре, а третьяго-дня было шесть пожаровъ; повели уставами добрыми для предваренія такого всегубителя забѣгать, какъ бы отъ такого разоренія впредь людямъ спастися, а старый князь Иванъ Борисовичъ (Прозоровскій) и прочіе начальныя бѣгачи изъ силы выбились“. Вишусь предлагалъ исподоволь дѣлать черепичныя кровли вмѣсто тесовыхъ; начали выписывать заливныя трубы изъ-за границы чрезъ Витзена¹⁾; въ январѣ 1704 года издалъ указъ о строеніи въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ каменныхъ домовъ, о расположеніи ихъ подлѣ улицъ и переулковъ, а не внутри дворовъ, и о продолженіи дворовыхъ мѣстъ, которыхъ владѣльцы не въ состояніи выстроить каменнаго дома²⁾.

По однимъ средствами охраненія жизни и имущества преобразование не ограничивалось. На русскихъ нравахъ лежало пятно, которое бросалось въ глаза и чужимъ, и своимъ:—это неправильности при заключеніи брачныхъ союзовъ, имѣвшая такое вредное вліяніе на семейную нравственность. Мы видѣли, что въ 1693 году патриархъ Адрианъ свидѣтельствовалъ, что бракъ заключается безъ согласія вступающихъ въ бракъ, отчего „житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно“. Патриархъ не могъ представить дѣйствительныхъ средствъ противъ зла. Петръ нашелъ это средство, уничтоживъ затворничество женщинъ, приказывая приглашать ихъ вмѣстѣ съ мужчинами на обѣды и вечера. Въ апрѣлѣ 1702 года изданъ указъ: „Рядовыя сговорныя записи отегавить и впредь ихъ въ Приказѣ Крѣпостныхъ дѣлъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а заряду (платежа за неустойку) никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать. А буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или дѣвица, или сама вдова сговорить замужъ за кого, и прежде вѣчанія обрученію быть за шесть недѣль, и буде обучатся, а послѣ сговору и обрученія женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха за мужъ идти не похочетъ же, и въ томъ бытъ свободѣ, по правилному Св. Отецъ разсужденію. А которая невѣста выйдетъ замужъ и умереть бездѣтна, и послѣ смерти ея, приданого ея, кромѣ вочинны и помѣстій и дворовъ, назадъ ничего не возвращать“. 30 декабря 1701 года запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ говорилъ:

„Какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обончъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и върности ко мнѣ и государству—сія то почестъ свойственна царю“³⁾.

Важныя преобразования въ первое пятилѣтіе новаго вѣка коснулись духовенства. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находилось русское духовенство при поворотѣ Россіи на новый путь, поворотѣ, начавшемся до Петра, истекавшемъ изъ всего предшествоваваго хода исторіи. Недовольство этимъ положеніемъ было высказано громко и рѣзко и въ приговорахъ соборныхъ и указахъ, направленныхъ противъ разныхъ злоупотребленій и нравственныхъ безпорядковъ; но этимъ протестомъ все и окончилось; самостоятельнаго движенія къ исправленію сознаннаго зла не обнаружилось. Сознавъ зло и при этомъ не обнаруживъ силы, достаточной для его искорененія, духовенство необходимо отрекалось отъ права на это искорененіе въ пользу другой силы. Несостоятельность духовенства преимущественно происходила отъ недостатка просвѣщенія, жажду котораго такъ ясно выразило русское общество въ концѣ XVII вѣка. Общество имѣло право требовать, чтобъ духовенство, учительное сословіе, взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и руководило другихъ; но и это требованіе осталось неудовлетвореннымъ. Учреждена была въ Москвѣ Академія, ввѣренная надзору духовенства, прямо направленная къ поддержанію Церкви; но духовенство не воспользовалось ею. Петръ говорилъ патриарху Адриану: „Священники ставятся малограмотныя; надобно ихъ сперва научаъ грамотамъ и потомъ уже ставить въ тотъ чинъ; для этого надобно человѣка и не одного, кому это дѣлать и опредѣлять мѣсто, гдѣ быть тому. Надобно промыслить, чтобъ и Православныя христіане, и зловѣрцы—Татары, Мордва, Черемисы и другіе—познали Господа и законъ Его; для того послать бы хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ дѣлѣ порадовать; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно; нуженъ для этого человѣкъ знатный чиномъ, именезъ, богатый, и нѣтъ его. Евангельское ученіе—вогъ знаніе Божеское, большае всего въ жизни сей нужное людямъ. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдають ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе же въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранцевъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, кромѣ того инозѣрцы, и малыхъ дѣтей ересамъ своимъ учать, отчего дѣтямъ вредъ и Церкви нашей Святой можетъ быть ущербъ великій, а языку нашему отъ неискуства поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякому добру учились“⁴⁾.

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 1.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1963.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1907. — Александръ Нартова, № 13.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 53.

Въ октябрѣ 1700 года умеръ патриархъ Адрианъ. Видѣвъ за извѣстіемъ объ этомъ событіи, Петръ, находившійся въ то время подъ Нарвою, получилъ письмо отъ Курбатова: „Вольному патриарху трудно было смотрѣть за всѣмъ, отъ чего происходили беспорядки по духовному управленію. Избраніемъ архимандритовъ и другихъ освященнаго чина людей завѣдывалъ архидіаконъ, который, какъ извѣстно, самъ собою править не можетъ: гдѣ же ему избрать? Избраніемъ патриарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора домовоі казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе беспорядки; необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими имѣніямъ, учредить особый Расправный Приказъ для сбора и хранения казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ. Школа, бывшая подъ надзоромъ патриарха и подъ управленіемъ монаха Палладія, въ разстройствѣ; ученики, числомъ 150 человѣкъ, очень недовольны, терпятъ по всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться; потолки и печи обвалились. Могъ бы я и о другомъ о многомъ донести, да очень боюсь враговъ. Изъ архіереевъ для временнаго управленія, думаю, хорошъ будетъ Холмогорскій (Авасіій); изъ мірскихъ для смотрѣнія за казною и сбора ея очень хороши большіе Ив. Алексѣевичъ Мусіявъ-Пушкинъ, или столярникъ Дм. Петр. Протасъевъ“⁴⁾.

Мысль Курбатова отложить избраніе патриарха не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже прежде у Петра. Враги преобразованій постоянно вооружались противъ нихъ, во имя религіи, древняго благочестія, которому измѣнялъ царь, другъ еретиковъ, Нѣщевъ. Было извѣстно, что духовенство смотрѣло очень неблагопріятно на нововведенія и на новыхъ учителей: патриархъ Іоакимъ вооружался противъ пріеза иностранцевъ въ русскую службу; патриархъ Адрианъ писалъ сильныя выходки противъ брадобритія, и когда замолкъ, увидавъ, что самъ царь ввелъ брадобритіе, то навлекъ отъ ревнителей старины жестокіе на себя укоры: „Какой онъ патриархъ? живеть изъ куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантии да клобука облаго, за тѣмъ и не обличаетъ“. Адрианъ, по характеру своему, снесъ заслуженныя непочтительности укоризны; отъ него Петръ не могъ ожидать противодѣйствія своимъ планамъ; но могъ ли онъ быть увѣренъ въ его преемникѣ? Для поправленія разстроенныхъ при Адрианѣ дѣлъ патриаршаго управленія, нужно было избрать человѣка энергическаго; но энергическій человѣкъ будетъ ли употреблять свою энергію всегда согласно съ видами царя-преобразователя? Гдѣ найти такого архіерея, который бы вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ? — а если нѣтъ, то патриархъ, по своему значенію, будетъ необходимо

нравственною оцорою недовольныхъ: царь въ постоянномъ отсутствіи изъ Москвы; безъ царя патриархъ на первомъ планѣ, и если этотъ патриархъ не сочувствуетъ царю, которымъ многіе недовольны? Съ Никономъ легко было справиться и царю Алексѣю Михайловичу, потому что Никонъ губилъ самъ себя; но при Петрѣ патриархъ сколько нибудь энергическій въ члѣ многихъ недовольныхъ преобразованіями былъ гораздо опаснѣе Никона. Благоразумно ли было къ сильной борьбѣ вѣдшей и внутренней присоединять возможность борьбы съ патриархомъ, которая, и окончившись счастливо для царя, во всякомъ случаѣ дала бы ему печальное значеніе гонителя, а жертва получила бы для многихъ и многихъ значеніе св. мученика? Сохранилось извѣстіе, что англійскимъ купцамъ, изъявлявшимъ опасеніе, не будетъ ли патриархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь; я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобъ патриархъ въ табачный дѣла не мѣшался; онъ при мнѣ блещетель только въ ры, а не таможенный надзиратель“. Но примѣръ Іоакима и Адриана могъ ли дать Петру ручательство, что преемникъ ихъ сможетъ съ точностію опредѣлить свои обязанности, какъ блюстителя вѣры только. Петръ, приступая къ упраздненію ненужнаго для Русской Церкви сана патриаршескаго, стремился дать ей настоящее могущество, просвѣщеніе; но внести просвѣщеніе между великороссійскимъ духовенствомъ, заботаться о школахъ, направлять и развивать ихъ могли только ученые архіереи; а гдѣ было взять ихъ? Дать общее сильное движеніе образованію между духовенствомъ въ дѣлой Россіи, заботиться о главной школѣ въ Москвѣ могъ только патриархъ ученый; а гдѣ было взять такого? Петру оставалось одно средство — назначить на архіерейскія мѣста въ Великой Россіи ученыхъ монаховъ малороссійскихъ; но поставить патриарха изъ Малороссіи было неудобно при тогдашнихъ отношеніяхъ между Велюкой и Малой Россіею. Наконецъ считалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для исправленія нравственности духовенства, преимущественно чернаго; считалось необходимымъ сдѣлать болѣе правильное употребленіе матеріальныхъ средствъ чернаго духовенства; хотѣли сдѣлать все это безъ помѣшкы, и избраніе патриарха было отложено. Мы не считаемъ себя въ правѣ думать, что мысль о совершенномъ уничтоженіи патриаршества уже созрѣла въ Петрѣ въ 1700 году; всего вѣроятнѣе, что она достигла той зрѣлости съ теченіемъ времени, когда отъ отсутствія патриарха не чувствовалось никакого неудобства; когда коллегіальная форма признана была лучшею по всѣмъ частямъ управленія; когда, наконецъ, дѣло царевича Алексѣя возбудило въ душѣ Петра сильныя сомнѣнія насчетъ сочувствія большинства высшаго духовенства къ новому порядку.

16 декабря 1700 года состоялся именной указъ: Патриаршему Приказу Разряду не быть, а дѣла

⁴⁾ Кабинетъ II, кв. № 1.

по челобитіямъ мірскихъ людей на духовныхъ и духовныхъ на мірскихъ отослать по Приказамъ, гдѣ кто вѣдомъ; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому ¹⁾. Митрополитъ Стефанъ (Яворскій) назывался съ тѣхъ поръ „Екзархомъ свѣтѣйшаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ“ ²⁾. Причина назначенія Малороссійнина Яворскаго предпочтительно предъ Аванасьемъ Холмогорскимъ очевидно заключалась въ учености Яворскаго. Послѣдній пріѣхалъ въ Москву въ началѣ 1700 года, въ санѣ игумена Никольскаго Пустыннаго монастыря; Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Янскій прислалъ его вмѣстѣ съ игуменомъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря Захаріемъ Корниловичемъ къ патріарху Адриану, прося посвящать одного изъ нихъ на вновь учрежденную епархію Переяславскую (Переяславля южнаго). Но Петръ нашель въ Стефанѣ челоуѣка, какой ему былъ чужень въ Великой Россіи, и потому онъ велѣлъ патріарху поставить его въ архіереи на одну изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Въ мартѣ же оцѣпилось мѣсто митрополита Рязанскаго, и Адрианъ объявилъ Яворскому, чтобъ готовился къ посвященію. Тотъ сталъ просить, чтобъ прежде позволили побывать ему въ Кіевѣ; патріархъ не согласился и назначилъ 16 марта для посвященія. Утромъ въ назначенный день архіереи и другія духовныя лица собрались, по обычаю, въ Крестовую палату къ патріарху; послали на Малороссійское подворье за Стефаномъ; посланникъ возвратился съ отвѣтомъ, что игумена нѣтъ на подворьи, уѣхалъ въ Донской монастырь. Послали туда, — Яворскій не ѣдетъ, а между тѣмъ уже часа съ два въ Кремлѣ шелъ благовѣсть; въ другой разъ послали въ Донской монастырь взять упрямаго игумена: Стефанъ отрекся рѣшительно, что не поѣдетъ, не хочетъ быть архіереемъ! Патріархъ разсердился, не велѣлъ пускать Стефана изъ монастыря и далъ знать царю ³⁾. Тотъ велѣлъ спросить у Стефана, что за причина такого поступка. Стефанъ написалъ ⁴⁾:

„Вны, для которыхъ я ушелъ отъ посвященія: 1) Писалъ ко мнѣ просвященный митрополитъ Кіевскій, чтобъ я возвращался въ Кіевъ и его во время старости не оставлялъ при его помощахъ и недугахъ. 2) Епархія Рязанская, на которую меня хотѣли посвятить, имѣетъ еще въ живыхъ своего архіерея, а правила Св. Отецъ не повѣлываютъ, въ живу сущу архіерею, иному касатися епархій — духовное прелюбодѣяніе ⁵⁾! 3) Изощренный завистию языкъ многія досады и поклепы на меня говоритъ: иные рекли, будто я купилъ собѣ архіерейство за 3,000 червонныхъ золотыхъ; иные именовали меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливанкомъ. 4) Не дано мнѣ сроку, чтобъ я могъ приготовиться на такую вы-

сокую архіерейства степень очищеніемъ совѣсти своею, чтеніемъ книгъ богодухновенныхъ“ ⁶⁾. — Это любопытное объясненіе показывается, какъ смотрѣли въ Москвѣ на ученыхъ малороссійскихъ монаховъ, поставляемыхъ на великороссійскія епархія: нѣкоторые (вѣроятно тѣ, которые сами хотѣли быть архіереями) не падали для нихъ названія еретика, ляшенка (поляшника). Но Петръ, котораго самого называли еретикомъ и антихристомъ, не обращалъ вниманія на то, что говорили изощренные завистию языки: Стефанъ былъ поставленъ митрополитомъ на Рязань, и въ томъ же году, какъ мы видѣли, былъ переведенъ въ Москву.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола немедленно послѣдовали преобразования. Въ январѣ 1701 года указано вѣдать домъ св. патріарха, дома архіерейскіе и монастырскія дѣла боярину Ив. Алекс. Мусину-Пушкину; сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ Патріаршіи Разрядъ, и писать Монастырскимъ Приказомъ. Всѣ челобитныя на духовныхъ лицъ, монастырскихъ стряпчихъ, слугъ и крестьянъ должны подаваться въ Монастырскій Приказъ, а челобитныя духовныхъ лицъ, монастырскихъ приказчиковъ, слугъ и крестьянъ на разныхъ чиновъ людей подаются въ Приказъ, гдѣ кто судимъ ⁷⁾. Монастырскій Приказъ долженъ былъ переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинъ переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ нескходно, въ другіе монастыри ихъ не принимать, развѣ по какой-нибудь важной законной причинѣ монахъ можетъ перейти въ другой монастырь, и то съ отпускомъ письмомъ отъ начальника прежняго монастыря. Мірскіе люди въ монастыряхъ жить не должны; чтецы и пѣвцы должны быть монахи, дялчковы не-монаховъ переписчики должны выгнать вонъ. Монахи въ кельяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернили и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отцевъ ⁸⁾. Въ 1703 году для женскихъ монастырей было подтверждено: изъ монастыря монахинямъ быть нескходными; если будетъ великая нужда выйти, то отпустить на малое время, часа на два, и на три съ письмомъ и за печатью; писать именову, для какой нужды и на сколько времени отпущена, и за письмомъ и за печатью отиудъ взятковъ не брать; монахини могутъ писать только въ трапезѣ; постригать бѣлицъ должно не раньше 40 лѣтъ; ворота въ монастырѣ должны быть всегда заперты, подлѣ воротъ должны стоять караульные; мірныя входятъ только во время церковной службы, а въ другое время могутъ входить не иначе какъ съ позволенія игумена ⁹⁾. Ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ мона-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1818. — Анекдоты Нартова, анекдотъ 12, по рукописи моей бібліотеки.

²⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла духовныя.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 1.

⁴⁾ Старый митроп. Авраамій ушелъ по болѣзни на покой.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. № 1829.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак. № 1834.

⁷⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа 1703 года.

стыряхъ пельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе правтвенности въ монастыряхъ, на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ болезнь своимъ поведеніемъ; оправдывались и дѣлами новаго Монастырскаго Приказа. Въ 1701 году у монаха были взяты воровскія письма (приворотныя къ женскому полу); по Уложенью его сожгли въ срубѣ; въ 1702 году пьяный монахъ убилъ другого до смерти: „оказалось, что убійца былъ бѣглый крестьянинъ, постриженный безъ справки“¹⁾.

Въ томъ же 1701 году приступили и къ хозяйственнымъ переи́намъ. Въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики стануть давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ отставлены; вмѣсто ихъ опредѣлены прикащики изъ мірянъ. Грекамъ, Армянамъ, Индѣйцамъ запрещено было останавливаться въ монастыряхъ, какъ въ гостиницахъ²⁾. Наконецъ, въ декабрѣ 1701 года, былъ изданъ знаменитый указъ: въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодами не владѣть, не ради разоренія монастырей, по лучшаго ради исполненія монашескаго общанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми своими руками нищу промышляли и общежительно жили, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ; а начальныя монахи во многія роскоши впали, и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того, отъ вочинъ соры и убійства и обиды многія. По этимъ причинамъ великій государь указалъ давать поровну, какъ начальнымъ, такъ и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублей денегъ, по 10 четвертей хлѣба и дровъ сколько имъ надобно; а собирать съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ Монастырскій Приказъ. Слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставитъ самое малое число, безъ которыхъ обойтись нельзя. Что остается хлѣба и денегъ отъ раздачи монахамъ, изъ этого остатка давать на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ³⁾.

Въяое духовенство получило новую обязанность: доставлять въ Монастырскій Приказъ вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ; за 1703 годъ была подана первая вѣдомость въ Москвѣ священниками всѣхъ шести сороковъ приходскихъ церквей. Оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ двумя тысячами превышаетъ число рожденій.

Назначивши блюстителемъ патриаршаго престола ученаго Малороссіянина, Петръ поручилъ ему поднятъ Московскую Академію. Стефанъ Яворскій, назвавшись и р о т е к т о р о мъ Академіи, оправдалъ довѣренность Петра, возстановилъ Академію, но при немъ она явилась уже съ другимъ характеромъ относительно преподаванія. Въ первое время по ея основаніи, при Лихудахъ, въ ней господствовали греческій элементъ; Стефанъ Яворскій, воспитанникъ Кіевской Академіи и окончившій свое образованіе за границею, ввелъ въ нее элементъ латинскій, который сталъ надологъ господствующимъ. При Лихудахъ руководства, ими составленныя, были на греческомъ языкѣ; теперь преподаватели являются преимущественно изъ Кіева и, по обычаю тамошней академіи, преподають на латинскомъ языкѣ, сочиненія пишутъ на немъ же, и Московская Академія получаетъ названіе латинскихъ или славяно-латинскихъ школъ. Чувствовали потребность и въ греческомъ языкѣ, но чувствовали отвращеніе отъ Грековъ, отвращеніе, которое не могло уменьшиться послѣ знакомства съ Лихудами. Намъ уже извѣстно поведеніе сына Іоанникія Лихуда, Николая; этотъ Николай дурно кончилъ въ описываемое время; 20 апрѣля 1705 года великій государь указалъ: князь Николаю Лихудеву, учиня ему наказанье бить плетью, сослать въ ссылку въ сибирскіе въ дальніе города въ службу, въ какую годится, за то, что онъ въ Преображенскій Приказъ привелъ съ ложнымъ извѣстіемъ Грека игумена Венедикта, на Грека Ивана Вочю. Матвѣевъ рекомендовалъ Головину греческаго священника Серафима, и по письму боярина отправилъ его въ Москву. Любопытнѣе письмо Матвѣева Головину по этому случаю (февраль 1704 года): „Гречанина священника Серафима, по вашему письму, давъ ему на проѣздъ денегъ, на вѣщихъ корабляхъ отправлю къ Москвѣ, потому что онъ здѣсь и въ Англій многовременно живъ, въ изрядныхъ порядкахъ означился, и въ Англій многихъ своими трудами къ греческому свитому благочестію привелъ, и довольныя книги на греческомъ языкѣ выдалъ, также философіи и богословіи сильное искусство имѣеть. Греческаго, турецкаго, латинскаго, французскаго и англійскаго языковъ совершенно свѣдомъ. Можетъ такой человѣкъ надобный не только для дѣлъ турецкихъ впрдѣ, и для свободныхъ наукъ ученія въ государствѣ великаго государя всегда употребительнымъ быть; а нравъ и поведеніе его отъ природы бездѣльной греческой гораздо разнится, мно больше для того, что онъ уже долготѣно въ сихъ краяхъ европейскихъ жилъ“⁴⁾. Но и Серафимъ не получилъ мѣста ни въ Академіи, ни въ школѣ, основанной Глюкомъ. За преобразование Академіи сильно разсердился на Стефана Иерусалимскій патриархъ Доспоей. Напрасно Яворскій писалъ ему, увѣряя въ своемъ православіи; Доспоей отвѣчалъ:

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла означенныхъ годовъ.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 1839.

³⁾ Полн. Собр. Зак. № 1886.

⁴⁾ Дѣла Преображ. Приказа 1705 г., Москов. архива Мин. И. Д., дѣла Голландскія 1704 года.

„Несправедливо пишешь, что ты поборникъ Восточной Церкви, потому что, прохладялся на одной объѣдѣ, гдѣ были и нѣкоторые Греки, ты опорочилъ Восточную Церковь на счетъ совершенія таинства Еихаристіи. И нынѣ, находясь въ Москвѣ, ты етеръ въ-конецъ величкое училище и только о латинскихъ школахъ заботишься. По нашему мнѣнію, не можетъ быть Московскій патріархъ изъ Грековъ, потому что лучшие Греки хотятъ раздѣлять страданія своего народа, а тѣ, которые волочатся туда и сюда, особенно по Россіи, хотя бы можетъ и честные люди, но по образованію своему настоятіе мужики. Не можетъ быть патріархъ изъ Малороссіянъ или Бѣлоруссовъ, потому что они, имѣя сношенія съ Латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы. За примѣрами не нужно далеко ходить: довольно тебя, который, отпразившись въ Латинскія Земли для списанія мудрости, принесъ хульные списанія въ даръ воспитавшей и почтлившей тебе Восточной Церкви. Зачѣмъ ты опасаясь обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ (т. е. иностранцевъ)? Св. патріархъ Іоакимъ, видя смущенія въ Церкви, съ великимъ тѣпаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь!“

Въ Москвѣ не хотѣвъ выдавать Іворскаго патріарху, и отмалчивались; Доспоей сердился. Переводчикъ Спафари писалъ Головину въ 1704 году: „Святѣйшій шифъ зѣло гнѣвезъ на меня за то, будто мы умяляемъ его честь и бережемъ Рязанскаго, а его письма небрежемъ. Я природу его вѣдаю изъ молодыхъ лѣтъ: запальчивый таковъ, что и въ агарѣ никому не спуститъ. Отиниши къ нему, потому что онъ вашей милости въ немъѣхъ неняетъ, что ин малой отповѣди отъ величкости вашей не получили; онъ любить частую корреспонденцію, и еще мнѣтъ и то, что не все переводимъ, о чемъ онъ пишетъ: какъ Греки воры его информовали ложно, а онъ вѣрнѣтъ, въ томъ легкій, кто что скажетъ и вѣрнѣтъ. Пого ради на всякую статейку учини ему отповѣдь, и такъ утолился гнѣвъ его: онъ ярливый, но скоро уходящій по природѣ“⁶⁾.

Въ томъ же 1700 году, когда Стефанъ Іворскій былъ неволю поставленъ въ митрополиты Рязанскіе, Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Яенискому „поискать изъ архимандритовъ и игуменовъ, или другихъ иноковъ, добраго и ученаго и благаго непорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божією милостію неподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣхъ подолуженія и другихъ невѣжествіяхъ законнѣлыхъ человекѣхъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога“. Требуемыми достоинствами обладалъ игумень Новгородо-Сверскаго монастыря, Димитрій, знаменитый соавтателемъ Четинхъ-Миней. Димитрій былъ присланъ въ Москву, и весною 1701 года посвященъ въ митрополиты Сибирскіе; но и это назна-

ченіе было невольное; Димитрій заболѣлъ съ горя; Петръ умѣялъ войти въ положеніе человекѣхъ, котораго отрываютъ отъ любимаго ученаго занятія и посылаютъ въ Сибирь, — Сибирь начала XVIII вѣка! Царь позволилъ остаться Димитрію въ Москвѣ, и въ 1702 году онъ получилъ мѣсто Ростовскаго митрополита. Димитрій нашелъ свою епархію въ печальномъ положеніи, въ какомъ находились тогда всѣ епархіи великороссійскія, и изъ котораго хотѣлъ извлечь ихъ Петръ посредствомъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство было невѣжественное, учить своихъ духовныхъ дѣтей не могло, и духовныя дѣти тѣмъ легче увлекались проповѣдію какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричалъ противъ духовства, отступившаго отъ правой старой вѣры. „Окаянное наше время!“ говорилъ Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей, „окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сѣянне слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человекѣхъ, или тѣхъ и другихъ вѣбствъ? Святель не сѣеъ, а земля не принимаетъ, іерей не берегутъ, а люди заблуждаются; іерей не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іерей слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іерей глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются; іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отповскія мѣста; мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались, и они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іерей, нерадящие о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о Св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящі?“ Димитрій долженъ былъ увѣщивать іереевъ, чтобы они не рассказывали грѣхъ дѣтей своихъ духовныхъ, открытые на исповѣди должны были выгнать, что такой духовникъ есть Іуда предатель. Самое дѣйствительное средство противъ подобнаго состоянія духовенства было надлежащее приготовленіе къ священническому сану, и потому Димитрій завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, и самъ ревностно занимался имъ, исполняя и учительскія обязанности, объявляя ученикамъ священныя книги, а между тѣмъ сочиняя Четинхъ-Миней продолжалось безостановочно⁷⁾.

На мѣсто Димитрія, митрополитомъ Сибирскимъ назначенъ былъ также Малороссіянинъ Филоеѣ Лещинскій, экономъ Кіево-Печерскаго монастыря. Приѣхавши въ Тобольскъ, Филоеѣ рассмотрѣлъ въ церквахъ Божіихъ великое нестроеніе, и обратился къ Петру за средствами помочь бѣдѣ. Филоеѣ писалъ о необходимости занести въ Тобольскѣ школы и учить грамматикѣ славянской и латинской, въ ученики понудить отъ всякаго чина дѣтей, занести типографію великаго государя казною, печатать буквари, часословы малые и псалтыри. Ви-

⁶⁾ Москов. Архивъ Мин. Ич. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1704; тамъ же дѣла Греческія 1703 г.

⁷⁾ Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, стр. 38 и слѣд.

ниусъ доложилъ объ этомъ государю и, съ его словъ, отвѣчалъ Филоею: „Преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи славяно-россійской грамматики, и чтобъ вся, яже пону или діакону надобно знать, изучились и Православной вѣры катехизисъ достаточно знали, и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили; типографіи въ Тобольску не быть, а какія книги понадобятся, покупать въ Москвѣ“.—Филоей требовалъ, чтобъ въ Сибири каждый годъ все духовенство съѣзжалось на Соборъ,—одинъ годъ въ Тобольскъ, а другой въ Енисейскъ, и когда архіерей или его посланные побѣдутъ въ Енисейскъ, или для обозрѣнія епархіи, то должны получать казенныя подводы. Вниусъ отвѣчалъ: „Соборомъ, за дальностію и скудностію поповъ, быть не для чего и трудно, а паче-жъ изъ дальнихъ городовъ и слободъ. А чтобъ Православная вѣра безъ всякаго препятія и споны управлялась благочинно, то выбирать ему (митрополиту) по городамъ и слободамъ надзирателей и старость добрыхъ и искусныхъ людей, которые-бъ были житія безпорочнаго и Св. Писанія божественнаго свѣдущихъ, и имя на себѣ носили трезвое и безъ всякаго порока; и въ подводахъ имѣть разсужденіе къ иноземцамъ, затѣмъ, что имъ, кромѣ того, великія отъ подводъ тягости, разгоны-бъ не учинить и разоренія“.—Филоей просилъ: „Буде иноземцы похотятъ креститься въ Православную Христіанскую вѣру своей волею, и чтобъ тѣмъ иноземцамъ ко крещенію приходитъ свободно безъ ясныхъ убытковъ, а никому не возбраняти“.—Вниусъ отвѣчалъ: „Которые иноземцы хотятъ волею своею креститься въ Православную Христіанскую вѣру, и ихъ крестить, а неволею никакихъ иноземцевъ не крестить, и ясакъ съ нихъ не складывать, только ихъ спрашивать, какой ради причины приходять ко Св. крещенію, велѣть имъ учинить исповѣдь. Которые Татары или иные иноземцы пойманы въ смертныхъ винахъ, и похотятъ креститься на томъ, чтобъ быть имъ живымъ, и такихъ, буде съ вѣрою совершенно приступаютъ, окрестя и давъ имъ время довольно на покаяніе, потомъ учинить по Уложенію и по градскихъ законамъ, да всякія беззаконія истребятся; и которые языка, ниже вѣры свѣдомы, и тѣхъ скоро не крестить, да не будетъ вѣрѣ Православной отъ нихъ поруганія, дѣлать въ томъ со многими опасенствомъ и разсмотрѣніемъ, испытугу вины, чего ради который иноземецъ крещенія пожелаетъ, внимали-бъ словеса Спасителявы, реченныя: сице кто вѣруеть и крестится, спасенъ будетъ“.—Филоей просилъ: „Церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ отъ Св. Церкви и въ упрямствѣ необратно стоявшихъ, истребляти; а прочихъ, гдѣ явятся, всякими наставленьями приводить до соединенія Св. Церкви, а не покоряющихся—домы ихъ разграбляти на великаго государя, а ихъ смерти предавати“.—Отвѣтъ: „Учинить непокаяннымъ раскольщикамъ по прежнимъ указамъ, только того смотрѣть, чтобъ, ложными покаяньями избыть

смерти, не начали тайно простыхъ и неутвержденныхъ людей въ свои прелести привлекать, или, ушедъ въ пустынные мѣста, собиравъ попрежнему, людей лстыть и зажигать; а которые раскольщики, собравъ людей, сожигали, а сами уходили, и такимъ ворамя, по истинному свидѣтельству, хотя и некаются, самихъ, безъ всякой пощады, во страхъ инымъ, такимъ же ворамя, сжечь“¹⁾.

Говоря о достоинствѣ архіереевъ, которыхъ Петръ назначалъ изъ ученыхъ малороссійскихъ монаховъ для распространенія просвѣщенія между великороссійскимъ духовенствомъ, не забудемъ преданій о дѣятельности лучшаго изъ великорусскихъ архіереевъ, знаменитаго не школьнаго ученостію, но святостію жизни и сходявшася съ Петромъ въ усердномъ радѣніи о благѣ родной Земли. Въ то время, когда другія духовныя лица очень косо смотрѣли на нововведенія, разорявшія, по ихъ мнѣнію, монастыри и архіепископскіе дома, Воронежскій епископъ Митрофанъ прославлялъ немѣренія государя относительно заведенія флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать царю въ великомъ дѣлѣ; но одними словами епископъ не ограничивался: онъ привезъ царю послѣдніе оставшія у него 6,000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно погощъ отсылалъ накоплявшіяся у него деньги,—къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: „На ратныхъ“. Легко понять, какъ Петръ долженъ былъ смотрѣть на такого архіерея: не любя жертвовать ни для кого и ни для чего ничѣмъ изъ вновь вводимаго, Петръ, въ угоду Воронежскому епископу, велѣлъ снять статуи языческихъ божествъ, украшавшія домикъ его въ Воронежѣ, и горько оплакивалъ кончину святаго старца²⁾.

Но было много людей, которые не раздѣляли взгляда Воронежскаго епископа на тягости эпохи преобразования. Мы уже видѣли, какъ начались и какъ выражались неудовольствія на Петра за его нововведенія; нововведенія продолжались, началась война, потребовавшая большихъ пожертвованій людямъ и деньгамъ, рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою,—и ропотъ усиливался. Крестьяне роптали: „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нѣтъ“³⁾. Сынъ боярскій говорилъ: „Какой-де онъ государь?—нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распронали на платяхъ, и самъ онъ ходитъ на службу, нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба миновалась и черни бы легче было“. Крестьянки, солдатскія жены кричали: „Какой онъ

¹⁾ Чтенія Москов. истор. общ. 1863 года, кн. IV.

²⁾ Голыкова—Дѣлнія II, стр. 56; Дополнен. къ Дѣян. Петра В., т. XVII, стр. 65.

³⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 1104.

царь?—онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставлялъ плакать гдѣкъ¹⁾. Холопъ говорилъ: „Если онъ (Петръ) станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по сямѣсть не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолетствомъ и одишь; и Нѣвцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тестъ Лефортъ умеръ. Какой онъ царь?—врагъ оморокъ мѣрской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“²⁾. Монахъ говорилъ: „Навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станутъ ихъ солить“. Другой монахъ сказалъ на это: „Эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ“³⁾. Нищій говорилъ: „Нѣщцы его обошли; часть добрыхъ найдеть—все хорошо, а иной найдеть—такъ вретъ да мечеть; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церкви колокола снимаетъ“⁴⁾. Слышались слова: „Мироѣды! Весь мѣръ переѣлъ; на него, кутилку, переводу итъ, только переводить добрыя головы“!

И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были сильныя жалобы на отягощеніе народное, жалобы, оканчивавшіяся бунтами; и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Никонѣ, Иосифъ Коломенскій жаловались, что монастыри разорены. Но при этихъ жалобахъ, если не архіереи вродѣ Никона или Иосифа Коломенскаго, то народъ обыкновенно шадилъ особу царя, складывая всю вину на боярѣ. Сынъ царя Алексѣя не пользовался этимъ преимуществомъ, потому что сблизился съ Нѣвцами, ѣздилъ въ ихъ Землю, обрлся, одѣлся понѣмецки, другихъ заставлялъ дѣлать то же, царю послалъ въ монастырь, вѣсто нея взялъ Нѣмку Монсову. Сдѣлана была попытка поднять Православныхъ противъ бранобритія: въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года, въ семи верстахъ отъ Троицкаго монастыря, на большой Московской дорогѣ, у Креста, прибили листъ противъ бранобритія. Въ Суздаль подкинуть былъ точно такой же листъ у городскихъ воротъ во время проѣзда чрезъ нихъ келейника архіерейскаго казначая; въ Юрьевѣ-Польскомъ тотъ же листъ явился прибитымъ у воротъ Архангельскаго монастыря⁵⁾. Попытка не удалась; высказывались опасенія, что дѣло не ограничится одиъми бородами; монахъ говорилъ: „Государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру Нѣмецкую, будетъ то, что станутъ по середамъ и пятницамъ обильны и старцы ѣсть молоко“⁶⁾.

Недаромъ все это! Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразительнаго страннаго явленія, и первое объясненіе было высказано: „Нѣщцы его обошли, испортили.“ Но на этомъ же

остановились, фантазія разыгрывалась все больше и больше, являясь вопросомъ: прямо ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Наталья Кирилловны? Въ 1701 году, князь Василій Сонцевъ былъ казнень за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софія называла Петра стрѣльцкимъ сыномъ⁷⁾. Но вымыслъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что нужно было объяснить:—почему Петръ полюбилъ все нѣмецкое. Наконецъ народная фантазія создала объясненіе: Петръ родился отъ Нѣмки и былъ подлѣнпъ царипѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ дополненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: „Крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой-де онъ царь!—родился отъ Нѣмки незаконной, онъ замѣненный, и какъ царича Наталья Кирилловна стала отходить сего сыба, и въ то число ему говорила: „Гдѣ не сыгъ мой, замѣненный“. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ Нѣмки“⁸⁾.

Но и на этомъ фантазія не остановилась. Царь ввелъ бранобритіе и нѣмецкое платье, царипу отослалъ, Монсову взялъ, стрѣльцовъ переказнилъ—все по возвращеніи изъ-за границы; но онъ ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя и прислали на Русь другого, своего Нѣмца же, чтобъ обуеурманить Православныхъ. Сначала, вѣроятнo на основаніи слуховъ о неприяностяхъ въ Ригѣ, — создалась слѣдующая сказка: „Какъ въ монастырь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ Землямъ, и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ Нѣмецкой Землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князья ея и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпустя его, государя, и она имъ сказала: „Идите, посмотрите, — буде онъ ваяется, и для вашего прошенья выпусту“. И князи и бояре, посмотри его, государя, ей сказали: „Томень, государыня!“ и она имъ сказала: „Колѣ томень и вы его выньте“, и она его, вынявъ, отпустила. И онъ прішеть къ нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постели, говорилъ: „Царь государь, изволь встать, и выйти, ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ, государь, всталъ и вынеть, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схвати и положи въ тое бочку, бро-

¹⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа 1705 года

²⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 836.

³⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 755.

⁴⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 971.

⁵⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа № 2891.

⁶⁾ Столбцы Тайнаго Преображ. Приказа, № 742.

⁷⁾ Столбцы Тайн. Преображ. Приказа 1705 г., № 1034.

⁸⁾ Дѣла Преображ. Приказа 1705 года.

сили въ море“. Сказка не говорпла, что сдѣлалось лотомъ съ Петроуъ, и люди, враждебные преобразованію, стали распространять слухъ, что онъ погибъ за границею, а на его мѣсто явился Нѣмчинъ: „Это не нашъ государь, Нѣмецъ; а нашъ царь въ Нѣмдахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ“¹⁾.

Противники преобразования не остановились и на нѣмецкомъ происхожденіи Петра. Мы знаемъ, что въ Россіи были люди, которые давно уже толковали объ антихристѣ, видѣли его и въ Никонѣ, и даже въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; понятно, что о и заговорили еще громче о пришествіи антихриста, когда увидали такую полную перемену старины, совершенную сыномъ Алексѣя.

Въ іюнѣ 1700 года, въ Преображенскій Приказъ явился пѣвчій дьякъ Федоръ Казанцевъ съ допросомъ, — приходили къ нему зять его подъячій Алексѣевъ съ женою и сказали: „Живутъ они у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про государя всякія непростойныя слова; да онъ же, Гришка, рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради, и, напечатавъ, бросать въ народъ. Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ, и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, подвергнуть пыткѣ и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, т. е. государь; также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отслушнть приказывалъ, слушать и подати платитъ запрещать; а велѣлъ възыскать князя Михаила, отъ котораго будетъ народу добро. Списки съ своихъ сочиненій давалъ своимъ единомышленникамъ и друзьямъ, и за то бралъ съ нихъ деньги. О послѣднемъ времени и антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, хотѣлъ на нихъ печатать листы и хотѣлъ ихъ отдавать въ народъ безденежно къ возмущенію на государеву убійство. Имя князя Михаила онъ писалъ для того: какъ государь пойдетъ съ Москвы на войну и стрѣльцы, разосланные по городамъ, соберутся къ Москвѣ, то чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, для того, что онъ человекъ добрый. Талицкій показалъ, что о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ онъ разговаривалъ съ Тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ ему все это написать въ книгу, и прислалъ ему пять рублей денегъ, и онъ за эти деньги написалъ епископу тетради. Игнатій признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя, и говорилъ: „Видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немогущъ“; просилъ Талицкаго написать все въ тетрадяхъ получше, чтобъ можно было ему, Игнатію, въ томъ дѣлѣ истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія въ томъ, что когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ, и, взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Потомъ Талицкій показалъ на боярина

князя Ив. Ив. Хованскаго, который говорилъ ему: „Богъ далъ—было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ; брали меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Никита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали мнѣ для отреченія столбецъ, и по тому письму я отрицался, и въ отреченіи спрашивали вѣсто: „Вѣруешь-ли?—шьшь-ли?“ и тѣмъ своимъ отреченіемъ и себя и нѣче бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше было мнѣ мученія зѣнецъ принять, нежели такое отреченіе чинить.“ (Хованскій разсказывалъ о шуговскихъ обрядахъ въ компаніи.) Попъ Андрей показавъ, что Талицкій государя антихристомъ называлъ, и говорилъ: „Какой онъ царь, самъ людей мучить!“ говорили и про царевича: „Отъ недобраго корня и отрасль недобрая: какъ въ Москвѣ скроется, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе“. — Монахъ Матвѣй показавъ: „Талицкій пришелъ къ нему въ келью, принесъ съ собою тетрадку объ исчисленіи лѣтъ и говорилъ: „Иштается стало печѣмъ, а вы что спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ ищутъ, что будетъ осмой царь антихристъ, а нынѣ осмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ“. Бояре приговорили: „Гришку Талицкаго съ пятью товарищами казнить смертію, другихъ иить кнутомъ и сослать въ Сибирь, Тамбовскаго епископа Игнатія, разстриженнаго, сослать въ Соловки въ тюрьму“; князь Хованскій умеръ до окончанія дѣла подъ карауломъ²⁾.

Талицкаго казнили; Стефанъ Яворскій написалъ книгу противъ его ученія, подъ заглавіемъ: „Знаменія пришествія антихристова;“ но, какъ обыкновенно бываетъ, книгу читали тѣ, которые и безъ нея не вѣрили, что Петръ—антихристъ, а въ низшихъ слояхъ народа книгу Стефана не читали, и мысль объ антихристѣ не умрала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго. Въ 1704 году, въ Симонѣвѣ монастырѣ, хлѣбный старецъ Захарія говорилъ: „Талицкій нынѣ мученикъ святы; вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе?—вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ.“ Въ Олонецкомъ вѣздѣ, послѣ службы церковной, шелъ такой разговоръ между священникомъ и дьячкомъ. *Дьячекъ*: „На Москвѣ нынѣ изволятъ государь лѣтосписъ писать отъ Рождества Христова 1700 года, да платя носить венгерскія“. — *Священникъ*: Слышалъ я въ волости, что и Великаго Поста недѣля убавлена и послѣ Свѣтлага Воскресенья и Оомпой недѣли учнутъ по вся межъ говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ясти во весь годъ. — *Дьячекъ*: „Какъ эти указы будутъ преланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣтъ, пойдутъ и я съ ними жить и горѣтъ“. — *Священникъ*: Возьми и меня съ собою; знать, что нынѣ житие къ концу приходитъ“. — Ладожскій стрѣлецъ Александръ на

¹⁾ Дѣла Преображ. Приказа 1704 года; того же Приказа столбецъ № 63.

²⁾ Выписка изъ дѣлъ Талицкаго въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи въ государств. архивѣ (1750 года); напечатана у Есипова въ 1 томѣ раскольничьихъ дѣлъ, съ ошибками, впрочемъ незначительными.

дорогѣ изъ Новгорода въ 1704 году встрѣтилъ старца, который говорилъ ему: „Нынѣ службы частныя, какое нынѣ христіанство? Нынѣ вѣра все по повому; у меня есть книги старыя, а нынѣ эти книги жгутъ“. Про государя говорили: „Какой онъ намъ, христіанамъ, государь?—онъ не государь, Латынь: поста никогда не имѣеть; онъ лъстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы, писано объ немъ именно въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрямываетъ и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ; а стрѣльцовъ онъ переказнилъ за то, что они его еретичество знали, а они, стрѣльцы, прямые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы, поста не имѣютъ; прямого государя христіанскаго, царя Иоанна Алексѣевича, извелъ онъ же, лъстецъ. Нынѣ всѣ стали ипозезпы, всѣ въ нѣмецкомъ плати ходятъ, да въ кудряхъ, борода брѣютъ“.—Стрѣлецъ замѣтилъ: „Вотъ нынѣ и не ипоземецъ, и Русскій Александръ Дашилевичъ Меншиковъ, видншь, какъ пожалованъ отъ государя!“ Старецъ отвѣчалъ: „Просто-ль онъ пожалованъ? онъ не просто живетъ, отъ Христа отвергся, для того отъ государя имѣеть милость великую, а нынѣ за нимъ бѣси ходятъ и его берегутъ“. Стрѣлецъ замѣтилъ: „Государь отъ царскаго родился колѣна“. Старецъ отвѣчалъ: „У него мать была какая царица? она была еретича, все дѣвокъ родила“. О себѣ старецъ объявилъ стрѣльцу: „Я живу въ Заонежьи въ лѣсахъ; ко мнѣ лѣтней дороги нѣтъ, а есть дорога зимняя, и то ко мнѣ ходятъ на лыжахъ“ 2).

Послѣ бралобріи особенно сильное неудовольствие возбуждали повторительные указы о перемѣнѣ платья. 4 января 1700 года объявленъ былъ пменной указъ: „Воярамъ и окольниковымъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ, и дякомъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ служилымъ, и приказнымъ и торговымъ людямъ, и людямъ боярскимъ, на Москвѣ и въ городѣхъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе длиною по подвязку, а исподніе короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ“ 3). Въ мартѣ 1707 года Курбатовъ писалъ царю, что надобно возобновить указы, хотя съ пристрастіемъ, о венгерскихъ кафтанахъ и о перемѣнѣ ножей, потому что народы ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ попрежнему. 26 августа прибиты были по городскимъ воротамъ указы о платьи французскомъ и венгерскомъ, и для образца повѣшены чучела, т. е. образцы платья. Въ 1701 г. новый указъ: „Всякихъ чиновъ людямъ московскимъ и городовымъ жителямъ, и которые помѣщичковы и вотчинничковы крестьяне, пріѣзжая живутъ на Москвѣ для промысловъ, кромя дѣховскаго

чина и пашенныхъ крестьянъ, носить платье нѣмецкое, верхнее саксонское и французское, а исподнее камзолы и штаны, и сапоги; и башмаки, и шапки нѣмецкія, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ, также и понадьямъ и дяконицамъ, и церковныхъ причетниковъ, и драгунскимъ, и солдатскимъ, и стрѣльцкимъ женамъ и дѣтямъ ихъ носить платье, и шапки, и кунтуши, а исподнія ботроги, и юпки, и башмаки нѣмецкіе-жъ; а русскаго платья и черкесскихъ кафтановъ, и тулуповъ, и азамовъ, и штановъ, и сапоговъ, и башмаковъ, и шапокъ отнюдь никому не носить, и на русскихъ сѣдлахъ не ѣздить, и мастеровымъ людямъ не дѣлать и въ рядахъ не торговать“. Съ слушниковъ указа въ воротахъ цѣловальники берутъ пошлищу—съ пѣшихъ по 13 алтынъ по 2 деньги, съ конныхъ—по 2 рубля съ человека; мастеровымъ людямъ, которые стануть дѣлать запрещенное платье, указъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ 4).

Мы уже говорили о смыслѣ преобразования наружности русскаго человѣка, преобразования, рѣшительно закончившагося при Петрѣ. Теперь, говоря преимущественно о перемѣнѣ платья, мы опять должны замѣтить, что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьи выражается извѣстное историческое движеніе народовъ. Коснѣющей, полусонной Азіатецъ носитъ длинное, спяльное платье. Какъ скоро человѣчество, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. Что дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьи, когда ему нужно работать?—онъ подбираетъ полы своего платья. То же самое дѣлаетъ европейское человѣчество, стремясь къ своей новой усиленной дѣятельности: оно подбираетъ, обрѣзываетъ полы своего длиннаго, вынесеннаго изъ Азій платья, и нашъ фракъ (пустъ называть его безобразнымъ) есть необходимый результатъ и знаменіе этого стремленія: длинное платье остается у женщины, которой дѣятельность сосредоточена дома, въ семействѣ. Такимъ образомъ, и Русскій народъ, вступающій на попріе европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться и въ европейское платье, ибо вопросъ не шель о знаменіи народности (это вопросъ позднѣйшій),—вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать,—европейскихъ или азіатскихъ,—и соответственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи.

Но иначе смотрѣли на дѣло многіе изъ русскихъ, современниковъ Петра. Перемѣнять платье, одѣваться нѣмецки, было для нихъ и тяжело и убыточно, и, даже оставляя въ сторонѣ суевѣрную привязанность къ старинѣ, перемѣна эта могла возбуждать сильное раздраженіе. Дмитровскій посадскій Болыняковъ, надѣвая новую шубу, сказалъ съ сильною бранью: „Кто это платье завелъ,

1) Столбцы Преображ. Приказа № 817 (годъ 1700); дѣла Преображ. Приказа 1704 года.

2) Дѣла Преображ. Приказа 1705 года.

3) Полн. Собр. Зак. № 1741. Кабинетъ II, кн. № 1; записки Желябужскаго.

4) Полн. Собр. Зак. № 1887.

того бы повѣсилъ“; а жена его прибавля: „Прежние государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздить“. Нижегородскій посадскій Андрей Ивановъ пришелъ въ Москву извѣщать государю, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть, и потому для обличенія его, государя, онъ и пришелъ¹⁾.

Внизу были недовольны нововведеніями; на Верху царевны и челядь ихъ были такъ же недовольны, только не нововведеніями: онѣ еще прежде Петра пошли по новой дорогѣ и нашли ее очень пріятною; царевны были недовольны тѣмъ, что содержаніе ихъ было ограничено, что имъ нельзя было жить такъ, какъ жилось въ правленіи царевны Софій. Мы видѣли, что и прежде были жалобы на боярина Стрѣшнева, что онъ царевенъ съ голоду поморилъ. Жалобы продолжались. Дворцовый поваръ Чуркинъ говорилъ: „У царевны Татьяны Михайловны я струю вверхъ, живу недѣлю, и добычи нѣтъ ни по копейкѣ на недѣлю; кравчій князь Хотѣтовскій лихъ, урвать нечего. Прежде сего все было полно, а нынѣ съ дворца вывели все бояре возами. Кравчій ей, государынѣ, ставить яйца гнилыя и кормить ее съ кровью. Прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много, и мимо дворца проѣзжіе говаривали, что вопиеть, а нынѣ вотъ-де не вопиеть,—ничего нѣтъ“²⁾. Послѣ этого легко понять, что одна изъ царевенъ, Екатерина Алексѣевна, предалась страстно исканію кладовъ³⁾. Царевна поналась, потому что завела сношенія съ костромскимъ помомъ Григорьемъ Елисеевымъ, на котораго доносили, что у него бывала многая дворцовая посуда за орломъ⁴⁾. Царевна призналась Петру, что помъ Гришка былъ у нея для того, будто онъ по планетамъ клады узнаетъ. Гришка признался, что планетныя тетради у него были и что по планетамъ онъ клады узнаетъ, а царевнѣ говорилъ обманомъ для взятку. Старыхъ постельницъ царевны, черезъ которыхъ она сносилась съ помомъ, забралъ; испуганная Екатерина посылала говорить имъ: „Для Бога не торопись, молись Богу. А хотя и про иное про што спросить, такъ бы нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть. Путе всего писемъ чтобъ не помпала. Либо спросить про то, не вдала ли пона въ Верху? такъ бы сказала, что одно, что хочю умереть—ни знаю, ни вѣдаю. Пожалуй, для Бога, прикажи вѣзмъ имъ, которыя сидятъ, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили; молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю Чудотворцу, общались бы что съдѣлатъ. Авось ли Господь Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея! — Разпроси хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ томъ на пона, на царицу и на меня?—

Призови къ себѣ Агаою Измайловскую и ей молвь: что-де ты хорошишься? отъ чего? До тебя-де и дѣла нѣтъ. А коли бы-де дѣло было, гдѣ-де ухорошишься отъ воли Божіей? Помилуй-де Богъ отъ того! А какъ бы-де взяли, такъ бы-де вы, чаю, все выболтали, какъ хаживали, и какъ что, и какъ царевенъ выдали. Не умори-де, для Бога! Хотя бы-де взяли, и вамъ бы-де должно за насъ, государынъ, и умереть! О наемднн съ нею посылала денегъ два рубля на подворье зашито въ мѣшкѣ къ нему. И про это-бъ не сказывали: нѣту на это свидѣтелей.—И Дарья про то молвь, чтобъ не сказывала тѣхъ вракъ, что про старца Агаою ей сказывала, и куда-де она Васку посылала; о чемъ не спрашиваютъ, не вели того врать; о чемъ и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не помпали. И такъ намъ горько и безъ этого“.

Женщины лишнихъ вракъ не сказывали; но и въ томъ, что показали въ допросѣ, находимъ любопытныя подробности: „Отпущена она, Дарья, отъ царевны за болѣзнію къ Москвѣ, и на отпускѣ царевна ей приказывала, чтобъ она такого человѣка провѣдала, у кого на дворѣ или гдѣ ни есть кладъ лежить, чтобъ, пріѣхавъ, тотъ кладъ взять; и такого человѣка она сыскала, Васку Чернова, который сказалъ: отъ Москвы въ 220 верстахъ на дворѣ у мужика въ хлѣвѣ, подъ гнилыми досками стоитъ котелъ денегъ; „у меня-де тотъ кладъ и въ рукахъ былъ“. И она, Дарья, для взятія того кладу съ нимъ, Васкою, посылала для вѣры покровскаго дворцоваго сторожа Измайловскаго. И тотъ сторожъ, пріѣхавъ къ Москвѣ одинъ, ей, Дарьѣ, сказалъ: „Не токмо того кладу, и двора онъ, Васка, ему не указалъ“. Другая женщина, Марья Протопонова, показала: „Изволила царевна посылать меня въ дозоръ за Орѣховою, и Орѣхова ходила на могилу къ Ивану Предтечѣ, которая въ Коломенскомъ церковъ, и приказала мнѣ стоять одалъ отъ того мѣста, гдѣ копали онъ, Орѣхова да вдова Акулина; онѣ только кости человѣческія выкопали; а я какъ пришла, такъ ей, государынѣ, стала говорить, что нѣтъ ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину: „Ни со што вась нѣту“. И въ тѣ поры пришла государыня сестра ея, царевна Марья Алексѣевна, увидѣла, что я плачу, и стала спрашивать, скажи-де по правдѣ; и я имъ стала рассказывать, что кости человѣческія, и та стала сестрѣ своей говорить: „Полно, сестрица, не хорошо затѣяла, грѣхъ лишній, что мертвымъ покою нѣтъ и бабъ въ погибель приведешь“; и она стала и на сестру свою досадовать. Изволила посылать коляску сыскать въ Нѣмецкую слободу, и изволила сама поѣхать на дворъ къ посланнику, что былъ Галаиской, и какъ пріѣхала и стала спрашивать про сахарницу, гдѣ она живеть, и намъ рассказали; и какъ туда пріѣхала, стала заказывать намъ, чтобъ мы не сказывали никому, и у сахарницы изволила выбирать сахару и конфекту на девять рублей, и они безъ денегъ не отдали, и она приказала

1) Дѣла Преображ. Приказа 1703 и 1704 года.

2) Дѣла Преображ. Приказа 1703 и 1704 года.

3) Столбы Преображ. Приказа. № 751.

4) Столбы Преображ. Приказа № 1035.

запечатать тотъ сахаръ, а послѣ не изволила и брать. И послѣ того изволила меня посылать по иноземку Марью Виллимову Менезеюшу, и велѣла ее привезти въ Коломенское, и та иноземка поѣхала, и государыня изволила меня спрашивать: „Та ли даетъ въ ростъ деньги? Поговори ты ей, чтобъ и мнѣ дала“; и я по тѣмъ ея словамъ стала говорить, что не дастъ безъ закладу, и она сказала: „Ихоче закладу нѣтъ, какъ бы такъ выпросить!“ а послѣ сихъ словъ изволила тое иноземку къ рукѣ жаловать, и сама стала съ нею говорить, а про деньги ей застыдилася говорить. Въ Нѣмецкой слободѣ изволила поѣхать смотрѣть дворъ, и на томъ дворѣ хозяйка пьяна была, и государыня изволила напрашаться кушать, чтобы построила хорошее кушанье; и какъ поѣхала отъ тое хозяйки и встрѣтилася ей Петръ Пилъ, и узналъ ее по каретѣ, и сталъ къ себѣ звать, и она изволила поѣхать къ нему на дворъ, и ему сказала, чтобъ обѣдъ сдѣлалъ, и ее упимала царевна Марья Алексѣевна, и она не изволила послушаться, ѣздила во все мѣста, гдѣ изволила напрашаться; и послѣ того изволила у себя столъ сдѣлать про тѣхъ, у которыхъ кушала“.

Все неудовольствія, которые обнаружены въ разныхъ сферахъ, не были однако довольно сильны, чтобъ произвести возстаніе и помѣшать хотя на время дѣлу преобразованія. Причина заключалась въ томъ, что на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе люди, сосредоточившіеся около верховнаго преобразователя; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укорениться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И чѣмъ остановить? Стрѣльцы переказаны и разогнаны; инокиня Сузанна уже не выйдетъ изъ монастыря; духовенство безъ патріарха, и подлѣ недовольныхъ великороссійскихъ архіереевъ архіерея изъ Малороссійянъ, которые дѣйствуютъ въ видахъ преобразователя; люди, которымъ мерещутся признаки послѣдняго времени, могутъ только бѣжать въ лѣса и степи. Въ Москвѣ и около Москвы нельзя ничего сдѣлать; хотя царь и въ постоянной отлучкѣ, но есть люди, которые зорко смотрятъ во все стороны; царь въ отсутствіи, но въ Преображенскомъ сидятъ Пресбургскій король. „Вогъ любить праведника, царь любить ябедника“, говорятъ недовольные, и однако, дѣлать нечего, — надѣваются нѣмецкое платье.

Въ Москвѣ и около Москвы ничего сдѣлать нельзя; но можно начать дѣло гдѣ-нибудь подальше отъ Москвы, отъ Преображенскаго, поближе къ казакамъ. Казаки—одна надежда послѣ стрѣльцовъ. И въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за станину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застенномъ углу, окруженномъ казаками,—въ Астрахань. Мѣсто было выбрано самое удобное, и выбрано оно было недо-

вольными изъ разныхъ городовъ, вслѣдствіе чего Астраханскій бунтъ и не носитъ вполнѣ мѣстнаго характера. Астрахань была только сборнымъ мѣстомъ, удобнымъ и потому, что въ такомъ отдаленіи отъ Москвы воеводы и начальныя люди обыкновенно разлуздывались и своими притѣсненіями возбуждали сильнѣйшее неудовольствіе, чѣмъ и воспользовались заводчики мятежа. Этими заводчиками являются: Ярославецъ гостинной сотни первой статьи Яковъ Московъ; Москвитинъ Артемій Анцыфоровъ; Сибирянинъ гостинной сотни Осипъ Твердышевъ; Нижегородцы, посадскіе люди Борисъ Дюкукинъ, Петръ Смуринкинъ; Павловцы Илья и Василій Василковы; бурмистры дѣловаго двора: Угличанинъ Филиппъ Калистратовъ, Михайло Назаровъ; Сибирянинъ Петръ Духовъ, Нижегородецъ Козьма Ивановъ; астраханскіе жители—гостинной сотни Иванъ Артемьевъ; земскіе бурмистры—Антипъ Ермолаевъ, Алексѣй Ващищевъ, Василій Яковлевъ, Гаврила Ганчиковъ, Иванъ Севринъ. Въмѣстѣ съ этими представителями астраханскихъ и иногородныхъ жителей, заводчиками являются пятидесятники стрѣльцкихъ полковъ и сержанты солдатскаго полка. Однимъ изъ главныхъ разгласителей ложныхъ слуховъ былъ пришедшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ. Отецъ Степана, Кобыльскаго полка стрѣлецъ, умеръ на службѣ въ Кіевѣ; двое дѣтей казнены въ Москвѣ; Степанъ остался съ матерью, съ которою хаживалъ въ загородный дворъ Федора Лопухина къ человѣку его, столыру Тарентью Андронову; тутъ Степанъ слышалъ, какъ жена Андропова разговаривала съ его матерью: „Стрѣльцовъ всехъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мѣрѣ стали тягости, пришли службы, велеть носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; стрѣльцовъ разорили, платье перемѣнили и тягости въ мѣрѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь: какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ тожь время боярыня или боярышня родила сына, и того сына взяли къ царицѣ“. Стрѣльчиха поддакивала. Выросши, Степанъ отправился въ Астрахань; на дорогѣ, въ Коломнѣ, зашелъ къ дядѣ Ивану Сугоняю, который говорилъ ему: „Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутить, и Донъ, и Янкъ потянуть съ вами же,—кому противъ васъ быть противнымъ? Государь бѣгетъ съ Шведомъ, города все пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того же желаютъ и ради вамъ будутъ, можно старую вѣру утвердить“.—Дядя далъ Степану письмо, въ которомъ говорилось, что Москвою завладѣли четыре боярина столовые, и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти Сугоняю наказывалъ подкинуть это письмо, какъ въ Астрахани забунтуютъ. Приѣхавъ въ Астрахань, Степанъ началъ говорить старикамъ-расколникамъ и стрѣльцамъ тайно, что слышалъ въ домѣ Лопухина. Иные поддакивали: „Сбудется такъ“; другіе

унимали; но онъ сталъ громче говорить—и нашель единомышленниковъ¹⁾.

Въ іюнѣ прошла въ Астрахани площадная молва, что государя не стало, и для того воевода Астраханскій, Тимошей Ржевскій, и начальные люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ нѣмецкомъ платьѣ ходить. Въ іюлѣ стрѣльцы толковали: „Худо въ Астрахани дѣлается отъ воеводы и начальныхъ людей,—завели причальные и отвалыныя (пошлины); хотя хворосту на шесть денегъ въ лодкѣ привези, а привального дай гривну; быть худу, даромъ не пройдетъ!“ Къ Никольской церкви (что въ Шипиловой слободѣ) собирались стрѣльцы; однажды къ нимъ вышелъ пономарь этой церкви Василій Бесѣдинъ, вынесъ книгу и началъ читать о брадобритіи: „Хорошо“, говорилъ пономарь, „за это и постоять, хотя-бъ и умереть; вотъ о томъ и въ книгѣ написано“. Сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ цѣловальника, стрѣльца Григорья Ефтифеева, который долженъ былъ собирать пошлины съ русскаго платья; Ефтифеевъ пошлннхъ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ, и на вопросы воеводы, для чего онъ это дѣлаетъ?—отвѣчалъ: „Хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду“. Воевода велѣлъ посадить его подъ караулъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля на торгу пропшла молва, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, которыхъ пришлютъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ ужасъ и рѣшились выдать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ до указа, чтобъ потомъ не выдавать ихъ за нѣмцевъ. 29 іюля, въ воскресенье, было сыграно свадебъ со сто; на каждой не обошлось безъ пира; разгоряченныхъ виномъ легко было поднять на бунтъ. Ночью, часу въ четвертомъ, у Никольской церкви собралось человѣкъ съ 300, черезъ Пречистенскія ворота вломились они въ Кремль; Прохоръ Носовъ схватилъ караульнаго капитана Московскаго полка, прозвищемъ Малую Землю, и ударилъ о землю, иностранца матроса порубилъ саблею; всего убито было пять человѣкъ. Тутъ кто-то ударилъ въ набать; по набату сбѣжались въ Кремль стрѣльцы и солдаты всѣхъ полковъ, искали воеводу и не нашли; взяли умиротоплнта изъ кельи подъяческаго сына Кучукова и передъ соборною церковію закололи копьями. Въ ту же ночь солдаты убили своего полковника Девиня и капитана Меера; стрѣлецъ закололъ и жену Меера за то, что за нѣсколько времени до бунта она говорила ему: „Станете и вы въ постъ мясо ѣсть!“

Дѣло начало; что же дальше? Раздались крики: „Надобно идти въ Москву, провидѣать про государя, живъ ли онъ.“ — „А развѣ есть слухъ, что не живъ?“ — „Да говорятъ, что не стало!“ — „Нѣтъ онъ живъ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, закла-

день въ столпъ, а на Москвѣ не прямой государь“. На другой день солдатъ Давыдовъ и Прохоръ Носовъ сыскали Ржевскаго на восводскомъ дворѣ за поварнею, въ курятникѣ, и привели въ кругъ. Явился обличитель—Ермолай обручникъ; онъ кричалъ на воеводу: „Ты меня за три обруча кнутаомъ билъ“. Судъ былъ не дологъ: стрѣлецъ коннаго полка Уткинъ бросился на Ржевскаго и скололъ его копьемъ.

Покончили съ царскимъ воеводою, надобно было выбрать своего начальника. Стрѣльцы Тенютишъ и Яковлевъ кричали громче всѣхъ, что надобно выбрать въ старшины Ярославскаго гостя Якова Носова, раскольника, и Астраханца бурмистра Гаврилу Ганчикова: „Они-де люди умные, все войско управятъ!“ Умные люди были выбраны въ старшины.

Первымъ дѣломъ умныхъ людей было разослать грамоты къ окрестнымъ казакамъ, поднимать ихъ въ старшину. Въ грамотахъ говорилось: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пушала, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вопль, и всякою ругательствомъ намъ и женамъ нашимъ, и дѣтямъ чинили воеводы и начальные люди, и болванскимъ кумирскимъ богамъ они, воеводы, начальные люди, поклонялись и насъ кланяются заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли. И они, воеводы и начальные люди, по карауламъ хотѣли у караульныхъ служивыхъ людей ружья отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ побить до смерти; а мы у начальныхъ людей въ домахъ выпули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указа отняли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ, кумирскимъ богамъ не поклоняться, и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стала намъ быть тягость великая, п мы, того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимошею Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиповъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамопшимъ жителямъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ чинили утѣсенія и ругательства“.

Астраханскіе посланцы и грамота, ими привезенная, произвели сильное волненіе на Терекѣ. Возмущился всѣмъ городомъ и пришелъ къ воеводѣ на дворъ съ копьями; воевода изъ хоромъ угова-

¹⁾ Все это рассказала сама Степанъ въ Преображенскомъ; но потомъ объявилъ, что, кромя рѣчей столяровой жены (которая сама повиновалась), все сказала ложно, избывала пытокъ.

риваль ихъ Астраханцамъ не вѣрять и не мутиться. Воевода остался живъ; но казаки требовали у него на смерть подполковника Илью Некрасова; воевода не выдалъ Некрасова: тогда, на другой день, они взялись съ ружьемъ въ воеводскія хоромы, взяли Некрасова силою, отвели въ Приказъ за караулъ, потомъ пытали и убили всѣмъ полкомъ. И на Терекѣ, какъ въ Астрахани, приступили немедленно къ избранію начальныхъ людей, взяли невольню посадскаго Василія Авдѣева всѣмъ городомъ да казака Степана Тамоѣева въ атаманы и иѣловали крестъ быть заодно съ Астраханцами. Но на Терекѣ далеко не всѣ думали одинаково: казаки п московскіе стрѣльцы были за бунтъ, но терскіе стрѣльцы, конные и пѣшіе, съ ними не тянули. Въ Астрахани получена была очень неудовлетворительная грамота отъ терскихъ и гребенскихъ атамановъ и казаковъ: „Мы ради за вѣру Христову и за бробритіе и за табакъ и за вѣмецкое платье, мужское и женское, и за отлученіе церкви Вожіей стоять и умирать; но вы, все великое Астраханское войско и все Православное Христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число, и съ ордою со всею не въ миру; чтобы намъ попржежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять“. Такимъ образомъ, Астраханцы должны были отказаться отъ надежды получить помощь съ Терека; напротивъ, одинъ изъ тамошнихъ заводчиковъ бунта, писарь Страховъ, писалъ, чтобъ Астраханцы прислали войска на помощь людямъ, стоявшимъ за вѣру Христову и бробритіе и старое платье, — мужское и женское. Между тѣмъ воевода, вышедши съ вѣрными правительству людьми изъ города, возвратился туда съ Татарамъ и Черкесами и усмирилъ бунтовщиковъ, нѣкоторыхъ казнилъ, заводчиковъ отослалъ въ Москву.

Красный и Черный Яръ объявили себя за Астраханъ. Астраханскіе посланцы, пріѣхавши въ Красный Яръ, ударили въ набатъ, и, вынужвъ сабли наголо, говорили Красноярцамъ: „Если старшинъ не выберете, на насъ не пеняйте“. Особенно кричалъ Иванъ Кузнецикъ: „Либо мы пропадемъ, либо вы пропадете; если старшинъ не выберете, то вамъ сабли не миновать“. Красноярцы взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу за налоги и отправили его въ Астраханъ съ челобитчицами на него; въ Астрахани челобитья найдены справедливыми — и воевода убитъ.

Далѣе Краснаго и Чернаго Яра бунтъ не пошелъ. Умные люди, распорядившіеся въ Астрахани, послали атамана Ивана Дороеева съ войскомъ поднимать Поволжье; Дороеевъ подошелъ къ Царицыну, послалъ къ горожанамъ приглашеніе стать за бробритіе и старое платье, но получилъ отвѣтъ: „Пишешь къ намъ, чтобъ пристать къ вашему союзу; и мы къ вашему союзу

пристать не хотимъ; съ кѣмъ вы думали въ Астрахани, тамъ себя и дѣлаете. Да вы же къ намъ писали, будто къ намъ пріѣзжаютъ въ городъ Калмыкъ многое число, и будто въ городѣ отымаютъ хлѣбъ, и калачи, и харчъ безденежно, — и у насъ того не бывало. Да вы-жъ къ намъ писали, будто стали за Православную Христіанскую вѣру; и мы, Божіею милостію, въ городѣ Царицынѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся; и казаки Донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станцевъ и къ вашему пріобщенію пристаать не хотятъ, и вамъ отказали“.

Отправляя Дороеева къ Царицыну, умные люди ему наказали: если Донскіе казаки къ нимъ пристанутъ, то имъ, взявъ Царицынъ боемъ, идти до Москвы и по дорогѣ брать города, а противъ пиковъ побивать до смерти, „потому что государь въ Стекольномъ закладенъ въ столицѣ, и на Москвѣ управляютъ бояре, Вутурлинъ да Головинъ, и, пріиде къ Москвѣ, провѣдать о томъ подлинно“. Итакъ успѣхъ бунта зависѣлъ отъ Донскихъ казаковъ; Донскіе казаки не дали помощи, и Царицынъ не былъ взятъ боемъ. Дороеевъ не пошелъ дальше безъ казаковъ. Отчего же на великой рѣкѣ не нашлось охотниковъ постоять за Христову вѣру и за бробритіе? Охотники были, потому что, кромѣ желанія добыть зипуну, были сильныя неудовольствія на Москву, на царя; охотники были, но ихъ было еще не много, они не были въ собраніи, и главное — у нихъ не было вождя. Астраханскій бунтъ произошелъ внезапно, безъ предварительнаго сношенія съ недобрыми на Дону, застигнувъ послѣднихъ врасплохъ, вовсе непритовленными: притомъ умные люди, распорядившіеся въ Астрахани, сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма прямо въ Черкасскъ, къ правительству Донскому, тогда какъ атаманы и старые казаки никогда не начинали возстаній противъ Московскаго правительства, и бунты выпыхивали не въ Черкасскъ, а въ дальнихъ казачьихъ городкахъ, наполненныхъ повнпрібывшею голутьбою, искателями зипуновъ. Наконецъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, узнавъ въ Воронежѣ объ Астраханскомъ бунтѣ, писалъ въ Черкасскъ, чтобъ тамошнее правительство послало отъ себя во всѣ казачьи городки добрыхъ казаковъ челоуѣка по два или больше съ подтвержденіемъ, чтобъ пугдѣ къ Астраханцамъ не приставали, и если явятся воры, — билъ, ловилъ и присылалъ въ Воронежъ; войсковому атаману Апраксинъ велѣлъ идти къ Царицыну, чтобъ воровской замыслъ пресѣчь; о себѣ Апраксинъ писалъ, что идетъ къ нимъ водой съ солдатскими полками, а напередъ себя посылаетъ казачіе свободскіе полки; то же самое написалъ и во всѣ казачьи городки. „О походѣ своемъ писалъ къ нимъ и пустилъ эха, чтобъ ихъ привести тѣмъ въ размысленіе“, доносилъ Апраксинъ царю.

Донцы дѣйствительно пришли въ размысленіе

ніе, слѣдствіемъ котораго было то, что они дѣловали крестъ не измѣнять царю, выслали войско противъ бунтовщиковъ, и астраханскихъ посланцовъ, заковавши, отправили въ Москву вмѣстѣ съ престолною грамотою. Въ Москвѣ любостыствовала знать, что такое за кумирскіе боги, о которыхъ писали Астраханцы. Одинъ изъ ихъ послапныхъ объяснилъ дѣло: кумирами бунтовщики называли столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія, чтобъ не мялись. Присланные отъ Донскихъ казаковъ объявили въ Москвѣ, что у нихъ все тихо и бунта не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣшенія нѣтъ; и тѣмъ они передъ цѣныи народами отъ великаго государя пожалованы и зысканы, что къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьи указу не прислано, и платье они нынѣ носятъ по своему древнему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится: пные лубяты носить платье и обувь по-черкесски и по-калмычки, а пные обыкли ходить въ русскихъ старо-древнаго обычая платьяхъ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ, и въ томъ между пными, казакми, распри и никакого посябія другъ надъ другомъ нѣтъ, а нѣмецкаго платья никто изъ нихъ, казаконъ, у нихъ на Дону не носятъ; а мастера, т.-е. портные, которые-бъ нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казачьихъ не живутъ, и охоты у нихъ, казаконъ, кромѣ изволенія государскаго, къ тому нѣмецкому платью нѣтъ, а когда къ тому будетъ изволеніе его, государское, и они волѣ государской противныя не будутъ.

Такимъ образомъ, бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ Донскихъ казаконъ въ немъ участвовать; а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Онъ находился въ Митавѣ, когда получилъ изъ Москвы вѣсть объ Астраханскомъ бунтѣ; понимая всю опасность бунта по мѣстности, въ которой онъ загорѣлся: зная, какими горючими матеріалами окружена эта мѣстность; зная, что многіе, и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы, встрѣтятъ съ радостію людей, возстаншихъ за бралообритіе и старое платье, Петръ велѣлъ фельдмаршалу Шереметеву посиѣшню двинуться къ Москвѣ, за которую очень опасался, какъ видно изъ письма его къ Т. Н. Стрѣшневу отъ 12 сентября: «Вчера отъ князь Бориса (Голицына) письмо я принялъ, въ которомъ пишеть о бунтѣ Астраханскомъ, и что вы выбрали воеводу. Извольте изъ ближнихъ нѣсколько... (прибрать?) и дать ружье, также ссыкать къ нимъ офицеровъ, кои нынѣ учатъ ихъ по городамъ. Мы для лучшаго отпустили къ вамъ господина Шереметева съ конными и пѣшимп полки, и часмъ, что опъ съ копницею къ вамъ будетъ въ двѣ недѣли, такожъ и пѣхота не замѣйкается, и сіе изволь объявить. Такожъ совѣтую вамъ пока вышереченной господинъ къ вамъ будетъ, чтобъ деньги, изъ Приказовъ собравъ, вывели изъ Москвы, или-бъ

съ вѣрными (людьми) тайно гдѣ положили, или закопали, всякаго ради случая; такожъ и ружье лучше-бъ, чтобъ не на Москвѣ было. Почты, кои ходять за рубежъ и къ городу, извольте задержать до времени».

Шереметевъ съ дороги далъ знать государю, что Донскіе казаки не за бунтовщиковъ, а противъ нихъ; вѣрное извѣстіе о томъ же получено было и отъ Апраксина. Самое большое опасеніе не сбылось: за Москву не нужно стало бояться; но Петръ не любилъ складывать рукъ велѣдствіе утѣшительныхъ извѣстій и писалъ Шереметеву: «Для Бога не мѣшкай, какъ общался, и тотчасъ поиди въ Казань» Въ какое радостное изумленіе пришелъ Петръ, получивши извѣстіе, что казаки отвергли предложеніе астраханскихъ бунтовщиковъ, всего лучше видно изъ письма его къ Апраксину (отъ 25 сентября): «Письма ваши принявъ, изъ которыхъ выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ концѣ гнѣвъ Своей пролити, и онымъ уже чрезъ 25 лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подати изволил, и чудеснымъ образомъ огонь огнемъ затушити изволил, дабы могли мы видѣть, что вся не въ чело-вѣческой, но въ Его суть волѣ. Которое дѣло съ удовольствіемъ разсуждая, и воздавъ Оному хвалу, не мало въ настоящихъ трудахъ обрадовались».

Торопя Шереметева съ войскомъ къ Астрахани, Петръ хотѣлъ попытаться, нельзя ли покопчить сиею поскорѣе мирнымъ путемъ. Для этого 11 октября онъ послалъ въ Астрахань съ тамошнимъ жителемъ Кисельниковымъ грамоту съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей, и, перехвативши главныхъ заводчиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ заслужатъ прощеніе, въ противномъ же случаѣ будутъ казнены безъ пощады. 3 января 1706 года Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань; собрался кругъ, ибо Астрахань, какъ въ Разинское время, управлялась теперь по-казакки; царскую грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда онъ пришелъ, стали читать грамоту и, выслушавъ ее, за государево здоровье молебствовали при пушечной стрѣльбѣ. 13 января митрополитъ приводилъ всѣхъ къ присягѣ, и положили: буде отъ кого впредъ съ того числа какая будетъ невѣрность имъ — чинить указъ, чего они будутъ достойны; написали повинную къ государю и, для ея поднесенія, выбрали 8 человекъ, которыхъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ. Въ повинной говорилось: «Междуоусобіе учинилось за бралообритіе и нѣмецкое платье, и отъ многихъ воеводы Ржевскаго и полковниковъ, и начальныхъ людей для взятковъ налогъ и обидъ. Воевода не далъ срока въ дѣлѣ нѣмецкаго платья для своей корысти, посылалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да Астраханца Евреянова къ церквамъ и по большимъ улицамъ и у мужска и у женска полу русское платье обрѣзывали не по подобію и обнажали передъ народомъ, и усы и борода, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ. Ржевскій у

стрѣльцовъ ружья обобрадь, хлѣбнаго жалованья давать имъ не велѣлъ, съ брань бралъ по рублю и по 5 алтынъ, съ погребовъ по гривнѣ, подымныхъ по 2 деньги съ дыму, валешихъ по 2 деньги, отъ точенья топоровъ по 4, съ ножа по 2, отъ битья бумаги по 4 съ фунта, съ варенья нивъ и брагъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ, съ малолѣтнихъ, со вдовъ и которые въ Свейскомъ походѣ, и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правожѣ, и многіе дворники продавали и дѣтей закладывали; у служилыхъ людей и у всѣхъ градскихъ жителей дворамъ спрашивали купчихъ, и которые дворы построены на данныхъ мѣстахъ, а иные купленные, и въ морское повѣтріе крѣпости утерались и въ пожаръ сгорѣли, — и съ тѣхъ крѣпостей брали пошлины вдвое и втрое; а съ рыбныхъ и соляныхъ и съ иныхъ всякихъ промысловъ брали откупщики съ строгостью и съ посадовъ привального по рублю и по два, и по три, и по пяти, а съ мелкихъ стружковъ по полтиннѣ; а въ тѣхъ откупахъ онъ, Ржевскій, съ начальными людьми были товарищами. Хлѣбные запасы изъ струговъ велѣлъ безъ указа выгружать и возить на житный дворъ служилымъ людямъ, и они выгружали и возили на себѣ мимо подрядчиковъ; а онъ, Ржевскій, за провозъ тѣхъ запасовъ бралъ съ подрядчиковъ деньги, и мокрымъ и гнилой запасъ пѣловальникамъ велѣлъ принимать у подрядчиковъ въ неволю и за то билъ батожемъ на смерть. Онъ же посылалъ ихъ зимнимъ путемъ для рубки дровъ къ селитряному варенью, и многіе служилые люди отъ стужи помирали и на плаву съ плотами тонули и въ полонъ взяты; да и домашній свой обиходъ для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; ихъ же посылалъ на овощные и селитряные струги для караула и на работу до Царицына и до Саратова и до Сызрану безъ прогонныхъ денегъ. А полковники и начальные люди Нѣмцы, ругаючися христіанству, многія тягости имъ чинили и безвинно били, и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли, и всяко ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили, а воевода Ржевскій велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ сверхъ указу лишнихъ денегъ, и тѣ деньги бралъ себѣ, и о тѣхъ поборахъ къ Москвѣ и въ Казань посылали они челобитчиковъ, а указу о томъ не учинено, а о вышесказанныхъ всѣхъ обидахъ хотѣли они для челобитья изъ Астрахани послать, и ихъ не пустили. Да Ржевскій же въ Караганской бусѣ съ головою Голочаловымъ да съ Мешарякомъ былъ въ паю. А Шведовъ полоняниковъ, которые присланы къ селитряному варенью въ работу, мимо учиненныхъ начальныхъ людей, ставилъ собою въ начальные люди, и у яхтъ и у мшановъ были въ матрозахъ, и отъ нихъ были Русскимъ людямъ налоги горше иныхъ начальныхъ людей. Полковникъ Дивигиѣй (Девинъ) съ иноземцы начальными людьми брали къ себѣ насильствомъ изъ служилыхъ домашнихъ людей въ день-

щики и заставляли дѣлать самыя нечистыя работы, они и жены ихъ по шакамъ и палкамъ били, и кто придетъ бить челомъ, и челобитчиковъ билъ и увѣчилъ на смерть, и велѣлъ имъ и женамъ, и дѣтямъ ихъ дѣлать нѣмецкое плагье безвременно, и они дома свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брилъ и щипками рвалъ насильствомъ”.

12 февраля пріѣхалъ Кисельниковъ съ челобитчиками въ Москву. Чтеніе повинной и рассказы челобитчиковъ произвели такое сильное впечатлѣніе на боярина Головина, что онъ рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи: „Довольно говорилъ я съ ними, писалъ Головинъ Петру; всѣ кажутся вѣрны и мужики добры. Изволь, государь, хотя себя поудить и показать къ нимъ милость. А послать ихъ къ тебѣ надобно было непрѣменно, понеже гораздо вѣрно увѣрится и во всякомъ страхѣ и послушаніи будутъ, а намъ лучшіе воры немного вѣрять. Только и въ насъ не безъ воровъ бывало“. Произвела ли повинная и на Петра такое же впечатлѣніе, хотѣлъ ли онъ поскорѣе покончить на востокѣ, по затруднительности обстоятельствъ на западѣ, или, что всего вѣроятнѣе, оба побужденія дѣйствовали одинаково сильно, — только царь послушался совѣта Головина, и отпустилъ челобитчиковъ съ грамотою, въ которой заключалось всепрощеніе. Но умные люди въ Астрахи распорядились иначе. Мы видѣли, какъ они распорядились по полученіи первой царской грамоты, въ которой обѣщалось помилованіе народу съ условіемъ выдачи заводчиковъ; объ этомъ условіи Астраханцы промолчали, присягнули, положили наказывать тѣхъ, кто въредъ затѣветъ что нибудъ и, подъ видомъ повинной, послали царю изложене причинъ возстанія. Какъ принялъ царь эту повинную — они не знали, а между тѣмъ Шереметевъ приближался съ войскомъ, котораго не было и трехъ тысячъ, слѣдовательно можно было надѣяться на удачное сопротивленіе; удача доставить союзниковъ, и, какъ видно, у заводчиковъ почему-то исчезла надежда на возможность похода къ Москвѣ.

Шереметевъ достигъ Казани въ концѣ 1705 года; здѣсь почему-то ему очень не понравилось: „Я въ Казани живу, какъ въ Крымскомъ полону, писалъ онъ Головину; не пишу къ тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ, желалъ бы я самъ васъ видѣть; писалъ ѣкъ самому каштану (Петру), чтобъ указалъ мнѣ быть къ себѣ; нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ“. Зная хорошо своего фельдмаршала, тяжесть его на подъемъ и страсть бывать въ Москвѣ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, каштанъ послалъ къ нему сержанта Щепотева съ письмомъ (отъ 10 января): „Указъ посылаю нынѣ къ вамъ съ сержантомъ, господиномъ Щепотевымъ, которому велѣно быть при васъ на цѣлоторое время, и что онъ вамъ будетъ наказать, позволите чинить“ Щепотеву былъ данъ наказъ: объявить фельдмаршалу, чтобъ 1) оставить въ Казани Аванасія Дмитріева, да съ нимъ конныхъ 1,000 человекъ изъ

дворянъ, пѣзъ низовцевъ и пѣзъ новокрещенныхъ, да муръзъ 500 человекъ, помѣстныхъ добрыхъ, да пѣшихъ полкъ, который придетъ съ Москвы, да Казанскій полкъ 500 человекъ. 2) Самому съ достальными со всѣми идти, и конечно смъзъ путемъ дойти до Саратова, и стать въ Саратовѣ, разставить въ удобныхъ мѣстахъ войско до весны; также полкъ послать (кромя Низовцевъ) въ Дмитревской; другой—на Царицынъ. 3) Самому какъ возможно совѣзмъ по веснѣ рано идти до Царицына, чтобъ за довольное время предварить воровской замыслъ. 4) Смотрѣть, чтобъ все по указу исправлено было; и буде за какими своими прихоти не стануть дѣлать, и стануть да медленню,—говорить; и буде не послушаютъ, сказать, что о томъ писать будешь ко мнѣ“.

Головинъ писалъ Шереметеву: „Тебѣ, мой государь, конечно надлежитъ быть въ Саратовѣ, чтобы его величество не раздражить“. Шереметевъ двинулся. Но Петръ не ограничился однимъ этимъ движениемъ, и перваго февраля писалъ Головину, чтобъ послать въ Казань морскую команду, избрать тамъ 5 судовъ, поставить на нихъ по 12 или по 8 пушекъ, и точася по взломаннъ лду слыты къ Царицыну и стать тамъ на якоряхъ выше раздѣленія Ахтубскаго; суда эти, писалъ Петръ, лучше 10,000 войска могутъ воровъ вверхъ не пропустить; царь приказывалъ также, чтобъ половина морскихъ офицеровъ, посылаемыхъ къ Царицыну, умѣла по-русски; съ Саратова жилыхъ половину, пришлыхъ всѣхъ выслать въ Польшу; половину Сибирякъ, Сызранцевъ, Дмитревцевъ выслать и поставить на стащипъ по замосковнымъ городамъ.

Чтобъ уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить главную причину неудовольствія, Петръ далъ слѣдующій указъ довѣренному человѣку, казанскому вице-губернатору Никитѣ Кудряцеву: „Во всѣхъ низовыхъ городахъ вѣдать покатыи и собирать, тако-жъ и сылатъ оныя или пакы наложить ради нынѣшняго тамъ смятенія астраханскаго, и сіе чинить, смотря по времени, мѣсту и людямъ, и всячески тѣшиться, чтобъ утѣшать, и ни откуда для сборовъ податей указу ни чьего не слушать; а что невозможно будетъ дѣлать, объ указѣ писать ко мнѣ, и въ томъ тѣшиться съ такимъ прилежаніемъ, какъ Богу и здѣшнему суду добрый отвѣтъ дать“. Насчетъ Черноярцевъ писалъ Головину: „Буде Черноярцы съ донскими казаками уговораются въ томъ; чтобъ ихъ вину простить, велѣть уговаривать“. На вопросъ Шепотева: „Что доброе слѣдается на Чернояръ Юру, что съ ними дѣлать?“—отвѣчалъ: „Кромѣ прощенья и по старому быть много ничего; также и вездѣ не дерзайте, ни точию дѣломъ, ни словомъ жестокимъ къ нимъ поступать, подъ опасеніемъ живота“.

Черноярцы покорились, хотя не искренно. Шереметевъ обошелся съ ними сурово и велѣлъ отобрать оружіе. — „У Черноярцевъ, писалъ Петръ, вы ружье отбирали напрасно, и удивляюсь, что просите указу, что дѣлать съ (Черноярцами) зачинателями и

съ Астраханцами. ежели покорятся. Къ вамъ многократно отъ меня и отъ г. адмирала (Головина) писано: конечно всѣхъ милостію и прощеньемъ винъ обнадеживать, и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить; и Черноярцамъ нынѣ объявить, что ружье у нихъ отобрано только до тѣхъ мѣстъ, пока и Астраханцы покорятся и вину принесуть, и тогда по прежнему то ружье имъ отдано будетъ, и привести ихъ ко кресту въ вѣрности; а и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять е только ихъ перепоручить и дать имъ жить на свобождѣ, и всяко тѣшиться, чтобъ ласкою ихъ привлечь и чтобъ они о своемъ состояніи писали и къ Астраханцамъ; и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспримать, и то ежели развѣ они по прѣздѣ своихъ челобитчиковъ и по полученіи нашей грамоты, и по многимъ твоимъ добродѣтельнымъ присылкамъ, весьма упорно лягятся и не покорятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ тебѣ, быти не чаемъ“.

Случилось послѣднее, чего не чаялъ Петръ. Головинъ далъ ему знать, что у Астраханцевъ „не безъ шалости; только, государь, съ помощію Вышняго, въ семь не изволя сумѣяться; лучше развѣ то воры себѣ учинять, что разбѣгутся (хоть къ чорту истинно и въ Аграхани въ два лѣта всѣ исчезнутъ); а если имъ возмущать и бѣжать на Донъ, ей—никогда не пристають и милостію твоею казаки довольны и вѣрны“. Астраханцы не побѣжали на Донъ; но не побѣжали и на Аграхань. 9 марта выѣхали изъ Астрахани навстрѣчу Шереметеву, къ урочищу Къчибурскому Юру, Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній и съ нимъ четыре человекъ Астраханцевъ; онъ подалъ фельдмаршалу письма отъ митрополита Самсона и отъ Георгія Дашкова. Этотъ Георгій Дашковъ былъ строитель астраханскаго Троицкаго монастыря, присланный туда изъ большаго Троицкаго монастыря, отъ котораго астраханскій зависѣлъ. Дашковъ въ послѣднее время отличался своею ревностію въ увѣщаніи бунтовщиковъ и игралъ главную роль между духовными лицами, потому что митрополитъ отъ старости былъ очень слабъ. Дашковъ также постоянно переписывался съ Шереметевымъ, и теперь съ Антоніемъ писалъ, что въ Астрахани началась снова смятеніе и несогласіе, одни остаются вѣрны, другіе опять склонны къ возмущенію, и отъ того между ними распря; Дашковъ просилъ, чтобъ Шереметевъ скорѣе шель въ Астрахань.

Противъ урочища Корови Луки, на Волгѣ, въ 30 верстахъ отъ Астрахани, встрѣтили Шереметева Воскресенскаго монастыря архимандритъ Рувимъ, Георгій Дашковъ, стрѣлецкіе пятидесятники и десятники, Армяне, Индійцы, Бухарцы, юрговскіе Татары, человекъ съ сорокъ, и объявили, что весь народъ Астраханскій готовъ вѣрѣтись. Шереметевъ отвѣчалъ, что государь ихъ простилъ, и чтобъ они вины свои заслужили. Но, какъ видно, съ удаленіемъ людей, противныхъ бунту, Яковъ

Носовъ съ товарищами осилили. Когда прїѣхалъ въ Астрахань, посланный Шереметевымъ съ письмомъ къ старшинѣ, Сызранецъ посадскій человекъ Данила Бородулинъ, то въ кругу Яковъ Носовъ, по многихъ разговорахъ, сидя предъ кругомъ за столомъ, говорилъ посланному: „Здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру; коли нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ, да не вовсе бы и не всякой такъ, какъ нынѣ нареченный царь, который называется царемъ, а христіанскую вѣру порушилъ: онъ уже умеръ душою и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть“. Въ это время въ кругу читали присланное изъ Чернаго Яра письмо, чтобъ на Черный Яръ прислать силы на помощь, ибо плеть съ войскомъ князь Петръ Хованскій. Во время чтенія Носовъ, опершись локтемъ на коробку и наклонясь, говорилъ Бородулину тихонько: „Вѣдь мы не просто зачали! Это дѣло великое; есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, и не одно черноморское письмо, есть у насъ письмо изъ Московскаго государства отъ стола, отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру христіанскую“. Бородулинъ побоялся спросить его, кто писалъ, потому что тутъ обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и распранивали съ крикомъ. Потомъ принесли въ кругъ хлѣба, вина, пива; Носовъ поднесъ Бородулину ковшъ вина; тотъ принялъ и сказалъ: „Дай, Воже, благочестивому государю многолѣтню и благополучно здравствовать!“ На это отозвался старшина, московскій стрѣлецъ Иванъ Луковниковъ: „Какой онъ государь благочестивый! онъ нечеловѣкъ, полатынилъ всю нашу христіанскую вѣру!“ Бородулинъ замѣтилъ Носову, зачѣмъ старшина такіа нечестивыя слова говорить. Носовъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ: „Не все переять, что по Волгѣ плыветь; мужикъ онъ простой, что видитъ, то и бредитъ“. Въ то же время въ кругу раздавались крики; поносили государя всякими бранными словами; „Не сила Вожія ему помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ, обмѣнный онъ царь. Идти ли намъ, лѣтъ ли, до самой столицы, до родни его, до Нѣмецкой слободы и корень бы весь вывести;— всѣ тѣ ереси отъ еретика, отъ Александра Меншикова“. — На третій или на четвертый день Носовъ съ старшинами пришли къ Бородулину на постоялый дворъ и подчивали его виномъ; Бородулинъ, взявши ковшъ, говорилъ: „Дай, Господи, великому государю на много лѣтъ здравствовать“, и, выпивъ, сталъ подносить Носову; но тотъ отвѣчалъ: „Я про его здоровье пить не стану; какъ намъ пить про такого православныхъ Христіанъ ругателя? Что вы не образумитесь? Вѣдь вы и всѣ пропали, облытели насъ начальные люди милостію, пропали вы душою и тѣломъ“. На отпускъ Носовъ говорилъ Бородулину: „Вотъ тебѣ въ помощь, поѣзжай; вотъ тебѣ подводы, управляетъ съ князьями боярами, а въ городахъ съ воеводами; на весну и мы къ вамъ будемъ!“

11 марта Шереметевъ почевалъ на Долгомъ островѣ, въ 10 верстахъ отъ Астрахани; сюда

прїѣхали изъ города бурмистры и донесли, что они ушли, а въ Астрахани стрѣльцы волнуются и не хотятъ пускать фельдмаршала въ городъ. Шереметевъ придвинулся еще ближе къ Астрахани и съ Валдинскаго острова (въ 2 верстахъ отъ города) послалъ письмо, чтобъ перестали бунтовать. Отвѣта не было, а пришло нѣсколько дворянъ съ вѣстію, что Астраханцы изъ слободъ перебрались въ городъ, разставили и зарядили пушки, собрали гулящихъ людей, роздали имъ ружья и порохъ, и написали между собою письмо, чтобъ стоять всѣмъ вмѣстѣ. Оставленные жителями, слободы стали горѣть. Тогда Шереметевъ послалъ полкъ въ Ивановскій монастырь, чтобъ снасти его и хлѣбные магазины, находившіеся подлѣ монастыря. 12 марта Шереметевъ самъ прїѣхалъ въ монастырь; бунтовщики начали приступать къ монастырю и кинули три бомбы, но Шереметевъ отбилъ ихъ и послалъ за остальныхъ войскомъ. Когда оно пришло и начало строиться, то бунтовщики вышли на вылазку за рѣку Кутузову. Царскія войска дали залпъ; бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена, засѣли въ Земляномъ городѣ и начали стрѣлять съ вала. Солдаты взяли валъ приступомъ и гнались за бунтовщиками до Каменнаго города къ самымъ Вознесенскимъ воротамъ, побрали пушки и мортиры. Такъ какъ бунтовщики жестоко отстрѣливались изъ Кремля, то Шереметевъ велѣлъ полкамъ отступить отъ него и разставилъ ихъ въ Земляномъ городѣ по улицамъ, и отсюда велѣлъ метать бомбы въ Кремль; а между тѣмъ послалъ къ осажденнымъ увѣщаніе къ сдачѣ. Вечеромъ того же 12 числа вышли изъ Кремля ятисдесятники и десятники съ повинною, а на другой день, 13 марта, вышелъ старшина — Яковъ Носовъ и только-что передъ тѣмъ выбранный атаманъ изъ Донскихъ казаковъ, Елисей Зиповевъ, съ просьбою о прощеніи. Шереметевъ велѣлъ всѣмъ положить оружіе, апечать и ключи отдать митрополиту; все это было исполнено; бунтовщики вынесли даже къ воротамъ топоръ и плаху. Того же 13 марта Шереметевъ пошелъ строить въ Кремль; когда онъ шелъ, то по обѣимъ сторонамъ улицы Астраханцы лежали на землѣ. У воротъ Кремлевскихъ встрѣтилъ побѣдителя митрополитъ, и пошли всѣ въ соборъ для благодарственного молебствія.

Взятіе Астрахани стоило Шереметеву 20 человекъ убитыми и 53 ранеными. Бунтъ былъ сломенъ; но заводчики ходили по волгѣ; Шереметевъ боялся безъ указа перехватать ихъ, и шсалъ къ Головину: „Здѣшній народъ учинилъ то все отъ неволи, и конечно надобно, чтобъ здѣсь было людей (воинскихъ) больше стараго; а Носовъ великій воръ и раскольникъ, и нынѣ при немъ всѣ его бояются, и въ шанскѣ съ нимъ никто говорить не можетъ; и надобно его и другихъ заводчиковъ и Яхтинскій полкъ вывести къ Москвѣ; то здѣшніе люди упокоятся и объ нихъ тужить не будутъ. Московскаго полка бунтовали немногіе; только есть изъ нихъ заводчики, а я безъ указа выслать ихъ не

смію, и надобно вскорѣ указъ о томъ выслать: а какъ вода разольется, боюсь, чтобъ не разбѣжалась; а удержатъ ихъ нельзя. Я такого многочеловѣчества и сумасброднаго люду отъ роду не видалъ, и надуты страшно злобою, и всякая насъ нѣтъ отъ отпадныхъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ!

Участники бунта были перехвачены и отправлены въ Москву: здѣсь ихъ колесовано, казнено и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человекъ.

Требуя указа насчетъ зачинщиковъ бунта, Шереметевъ въ то же время жаловался на сержанта Щепотева, который имѣлъ неосторожность отправиться въ Астрахань прежде Шереметева, былъ захваченъ бунтовщиками и спѣлъ съ ними выѣсть въ Кремль 12 марта. Шереметевъ писалъ о немъ Головину: „Какъ Михайла Щепотевъ сидѣлъ у нихъ въ городѣ, и они чаяли, что онъ-то и пушій будетъ въ промыслу и бомбардиръ; для того больше и держались. А какъ я вошелъ въ городъ и пришелъ на свой дворъ, и онъ, Михайла, говорилъ во весь народъ, что присланъ онъ за мною смотрѣть, и что станеть доносить, чтобъ я во всемъ его слушалъ. И я не знаю, что дѣлать. А за грѣхи мои припала мнѣ болѣзнь ножная; не могу ходить ни въ сапогахъ, ни въ башмакахъ, а лѣчиться здѣсь не у кого. Пожалуй, не остави меня здѣсь“. Потомъ писалъ: „Если мнѣ здѣсь прожить, прошу, чтобъ Михайла Щепотева отъ меня взять. Венародно говорить, что хочеть меня государю огласить, не знаю чѣмъ, и съ Александромъ Даниловичемъ ссорить, и говорить: „Я-де тебя съ нимъ помиру“, и непрестанно пьянъ. Боюсь, чтобъ надо мною не учинилъ; ракеты дежно и ночью пуцаеть,—опасно, чтобъ города не выжегъ“. — А Щепотевъ писалъ царю: „Извѣстную фельдмшталю твоей,—по указу твоему я господину фельдмаршалу кое о какихъ нуждахъ, которыя надлежитъ исправлять, наипаче къ опасенію твоихъ государевыхъ сборовъ, чтобы утраты не было, доносилъ, и его милость сказалъ мнѣ: „Я твоихъ словъ слушать не хочу и впредь съ такими доносительными словами ко мнѣ не ходи“. И я ему то доносилъ, что я стану до вашей милости писать, и онъ мнѣ велѣлъ о томъ до вашей милости писать и отпускатъ меня изъ Астрахани къ милости твоей, и я не смѣю ѣхать. Да который дьякъ обрѣтается у фельдмаршала, приличился во взяткахъ, и я ему, фельдмаршалу, про тѣ взятки доносилъ, чтобъ разыскать, и онъ, фельдмаршалъ, про него не разыскиваетъ, и приказалъ въ Астрахани ему дѣлку, приходъ и расходъ таможенной и кабацкій и раздачу животныхъ, которые граблены были, и какъ животы раздають, фельдмаршалъ меня не призываетъ“.

Петръ не выдалъ Щепотева Шереметеву и не умалилъ значенія Шереметевскаго дѣла вслѣдствіе донесеній Щепотева. Въ отвѣтъ на извѣщеніе о взятіи Астрахани, онъ писалъ фельдмаршалу: „Письма ваши принялъ и за неизреченную Божию

милость Господа Бога благодарили съ изряднымъ триумфомъ, которую викторію надъ нами проклятыми воры, вамъ, яко виновнымъ оной викторіи, поздравляемъ; за который вашъ трудъ Господь Богъ вамъ заплатитъ, и мы не оставимъ“. Это оставленіе заключалось въ денежномъ окладѣ и пожалованіи болѣе 2,400 дворовъ; сынъ Шереметева былъ назначенъ изъ комнатныхъ стольниковъ въ полковники. Когда Меншиковъ объявилъ Шереметеву царскую милость, то фельдмаршалъ былъ очень веселъ и обѣщался больше не болѣть. Но и Щепотевъ получилъ отъ государя также письмо: „Благодарствуемъ вамъ за ваши труды и прочее. По полученіи сего письма, вы побѣжайте къ намъ напередъ тогда, какъ фельдмаршалъ съ полками изъ Астрахани къ Смоленску поидетъ“. По отвѣдѣ Шереметева, управлять успокоенною Астраханью назначенъ былъ князь Петръ Ив. Хованскій¹⁾.

Астраханскій бунтъ, ограниченный одною мѣстностью, трудно было затухнуть, когда Донскіе казаки не дали ему разгорѣться. Мы видѣли причину этому; видѣли, какъ Петръ былъ пріятно изумленъ невнимательствомъ казаковъ, тѣмъ болѣе что вѣсти о волненіяхъ на Дону не переставали приходить въ Москву. Лѣтомъ 1700 года дано было знать съ персидской границы, что казаки, которые, учия воровство, побѣжали съ Дону къ персидскимъ границамъ, человекъ съ 500, осажены отъ тамошнихъ разныхъ владѣльцевъ близъ Каспійскаго моря; а которые изъ нихъ вышли-было на море для воровства надъ торговыми судами, разобраны ратными людьми, высланными изъ Астрахани²⁾. Въ томъ же году стольникъ и воевода князь Петръ Дауковъ далъ знать съ Камышенки, что, собравшись, воровскіе казаки, пришли подъ табуны и отогнали у ратныхъ людей много лошадей. Воевода послалъ за ворами отрядъ войска, который отбилъ лошадей и захватилъ четырехъ воровъ. Въ распросѣ и съ пытокъ воры сказали: пошли они въ прошлыхъ годахъ изъ дворовыхъ селъ, а въ нынѣшнемъ 1700 году зимою съ Медвѣдичь городка Чернаяга казакъ Нестерко Зиновьевъ прибравъ къ себѣ воровъ изъ разныхъ казачьихъ городковъ и сталъ съ ними станомъ на рѣкѣ Медвѣдичѣ въ лукѣ, откуда посылалъ отгонять лошадей изъ полку князя Даукова; на этихъ лошадяхъ хотѣлъ атаманъ Нестерко ѣхать по городкамъ, къ Медвѣдичѣ и Дону, звать вольницу и

¹⁾ Астраханскій бунтъ разсказанъ по документамъ, находящимся въ кабинетѣ Петра В., отд. I, кн. № 14, 13, 58; отд. II, кн. № 4; въ архивѣ Мин. Юст., въ столбцахъ Преображ. Приказа № 1144, 1145, 1146, 1149, 1150, 1163, 1167. Въ Москв. архивѣ Мин. Ип. Д., въ приказныхъ дѣлахъ новыхъ лѣтъ, въ письмахъ Головина Петру В. Тамъ же въ дѣлахъ персидскихъ 1705 и 1706 годовъ.—Лечатные: Письма Петра В. у Голикова, т. X; переписка Шереметева, переписка фельдмаршаловъ Головина и Шереметева, Москва 1851; письмо Шереметева къ Головину въ Меншиковскихъ дѣлахъ въ Академіи Наукъ, начеч. у Устрял. IV, II, стр. 403.

²⁾ Москв. архивъ Мин. Ип. Д., Приказная дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1700; письмо Головина къ Мазепѣ.

ѣзавъ на Аграхань, черезъ степь, къ казаку Костѣ Иванову, который прежде былъ въ Пашинѣ атаманомъ; присылалъ Костка товарища своего Губана съ Аграхани на Донъ для подговору въ разные казачьи городки; въ совѣтѣ были и хотѣли идти на Аграхань: попъ Максимъ Григорьевъ, Филка Архиповъ, прозвище Кисельная Борода, и множество другихъ казаковъ изъ разныхъ мѣстъ; умыслили — пришедъ на Аграхань, выходить на море и на Волгу рѣку подъ Царицынъ для воровства и разоренья всякихъ людей и струговъ. Преступивъ воръ и раскольникъ Митька Татаркинъ, который жилъ на Медвѣдицѣ въ раскольниковъ городкѣ и ушелъ отсюда во время приходу государевыхъ людей, теперь живетъ на Медвѣдицѣ же, въ Черкасовѣ, въ юртовскихъ гудебныхъ станахъ съ товарищами, человекъ съ 20, съ женами и дѣтьми; и къ нему писали съ Дону изъ Черкаскаго о совѣтѣ два казака, чтобъ имъ, соединясь, идти на Аграхань для воровства. Митька всѣмъ имъ велѣлъ готовиться; и къ воровскому походу теперь готовы и хотятъ идти многочисловомъ; а какъ онъ, Митька, пойдетъ, и отъ него во всѣхъ верховыхъ казачьихъ городкахъ немногіе люди останутся, потому что къ его воровству всѣ пристанутъ и слушаютъ его во всемъ.

На это извѣстіе о воровскихъ замыслахъ государь отвѣчалъ указомъ: „Отъ великаго государя на Донъ войсковому атаману Ильѣ Григорьеву и всему войску Донскому; — указали мы вамъ сега настоящаго лѣта верховныхъ донскихъ городковъ казаковъ, которые живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ и по разнымъ рѣкамъ, перевести и поселить по двумъ дорогамъ къ Азову, однухъ до Валуйки, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову же, чтобъ тѣ оба пути впредь были населены и жилы; а буде вы, атаманъ и казаки, нынѣшняго лѣта казаковъ не сведете и не поселите, — и по нашему указу тѣ Хорескіе и Медвѣдицкіе казаки поселены будутъ въ иныхъ мѣстахъ“¹⁾.

Независть къ боярству, наклонность къ самозванцамъ не переставала проглядывать на Дону. Въ августѣ 1701 года велѣно было взять въ Преображенскій Приказъ съ Дону казаковъ: городка Тишанки Андрея Поминава съ матерью; Левку Сметанина, городка Нижняго Чиру Игнатку Пчелинца. Левка говорилъ: „Царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Сказывалъ Левкѣ про царя Ивана пришлый человекъ Авилка, который живетъ на рѣкѣ Калитвѣ Вѣдой, впадающей въ Донецъ; пришелъ Авилка изъ Іерусалима, и Донскіе казаки почитаютъ его за святаго, потому что онъ имъ пророчествуетъ: въ первый Азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ, Авилка держится раскола“ — Пчелинецъ говорилъ про Петра: „Онъ не царь, антихристъ;

царица Наталья родила деревню дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре, подиблили иноземца Францова сына Лефорта“ — Казакъ Назарка Смирной говорилъ: „Азову за государемъ недолго быть; Донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ Турскому султану попрежнему“.

Недовольные казаки говорили: „Теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится: какъ онъ будетъ къ намъ на Донъ, — мы его приберемъ въ руки и отдадимъ Турецкому салтану; а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлякѣ съ малыми людьми“²⁾. Такимъ образомъ, сами недовольные признавались, что у нихъ мало людей. Это малолюдство и дало Донской старшинѣ возможность прибрать ихъ въ руки при маѣйшемъ движеніи³⁾; это-то малолюдство дало старшинѣ возможность удержать Донъ отъ участія въ Астраханскомъ бунтѣ.

На западной Украинѣ казаки также не давали покою. Гетманъ Мазепа слалъ письмо за письмомъ о запорожскихъ поведеніяхъ: „О зломъ нааѣреніи проклятыхъ Запорожцевъ мало не чрезъ всякаго гонца моего и чуть не чрезъ всякую почту, какъ великому государю, такъ и вашей величости я писалъ, а никакаго отвѣта не имѣю“⁴⁾, писалъ Мазепа Головину. „Не такъ страшны они, Запорожцы, понеже малое ихъ собраніе, и не такъ страшны пересылки съ ними хана Крымскаго, какъ то зѣло разсуждати надобно, что чуть не вся Украина тѣмъ же запорожскимъ духомъ дышетъ, понеже обыкновенность та, что народъ посполитый своєю волю любить и всякій подъ властію пребывающій желаетъ оной надъ собою не имѣти“ Мазепа доносилъ, что Запорожцы заключили союзъ съ юртомъ Крымскимъ, будучи особенно недовольны тѣмъ, что поддѣ ихъ царь строитъ крѣпость Каменный Затонъ.

Для объясненій по этимъ дѣламъ поѣхалъ къ гетману знаменитый прибалтикъ Курбатовъ, и Мазепа объявилъ ему, что въ Каменный Затонъ необходимо сейчасъ же прислать два или три полка доброй пѣхоты, на случай соединенія Запорожцевъ съ ханомъ Крымскимъ; задержаннымъ въ Москвѣ Запорожцевъ и жалованье прислать къ нему, гетману, или въ Сѣвскѣ, чтобъ можно было отослать ихъ немедленно же въ Запорожье, если Запорожцы умиряются, а послѣ думать, какъ наказатъ ихъ за прежнія преступленія. Изгнать Запорожцевъ изъ жилищъ ихъ или привести въ совершенное покореніе трудно: во 1) потому, что если сядутъ въ Сѣчѣ въ числѣ 5,000, то идти на нихъ надобно будетъ генеральною войною, что нынѣ невозможно, а Вѣлгородскимъ разрядомъ ихъ не прогнать. Во 2) будетъ имъ помощь отъ хана; въ 3) если, испугавшись большого войска, выйдутъ изъ Сѣчи, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся на Кардашинѣ, внизъ Днѣпра къ морю, или въ прогояхъ, пуще разореніе будутъ чинить, и шны къ нимъ будутъ перебѣ-

¹⁾ Москов. арх. Мш. Пч. Д., дѣла Донскія 1700 г.

²⁾ Архивъ Мш. Юстиціи, дѣла Преображ. Приказа 1701 и 1703 года

гать: а что Турки хотятъ войны—это ясно, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ бы съ Запорожцами союза.—Предложеніе было принято, задержанные Запорожцы отпущены въ Сѣчь. На Запорожье побѣхалъ стольникъ Протасьевъ съ жалованьемъ и съ требованіемъ, чтобъ Запорожцы присягнули на вѣрность великому государю. Казаки объявили Протасьеву, что имъ креста дѣловать не для чего, потому что они великому государю крестъ дѣловали прежде и потомъ не измѣнили; хану Крымскому никогда не присягали и посылали къ нему не для измѣны, а для того, что прежде они знали, зачѣмъ ходили посланники изъ Москвы къ Туркамъ и въ Крымъ, а теперь ни о чемъ не знаютъ; ходятъ послы изъ Москвы и отъ гетмана въ Турцію и въ Крымъ мимо Сѣчи; для того они и посылали въ Крымъ, чтобъ подлинно обо всемъ освѣдомиться. Протасьевъ настаивалъ, чтобъ дѣловали крестъ. „Присягнемъ тогда“, отвѣчали Запорожцы, „когда прикажетъ великій государь снести Каменный Затонъ и подтвердить грамотою права наши на земли по Дибру и Самарѣ“. Всѣ старанія Протасьева привести ихъ къ присягѣ остались тщетными. По этому случаю Мазена писалъ Головину: „Вижу, дондеже того проклятаго пса, кошеваго Кости Гордѣнка, не станеть,—по тѣхъ мѣсть не надѣяться къ твердой и всецѣлой отъ Запорожцевъ вѣрности. Не знаю, какой другой изобрѣсти способъ, дабы не токмо того безбожнаго тотъ урядъ, но и дни его прекратити. Нынѣ пакы пишу къ желательнымъ моимъ въ Сѣчь, желая, чтобъ сыскался и поднялся такой человекъ, дабы его, проклятаго пса, не стало“. Царь велѣлъ Мазепѣ пріѣхать въ Москву, а до тѣхъ поръ не дѣлать Запорожцамъ никакихъ тяжкихъ насилій.

Желаніе гетмана исполнилось: въ іюлѣ 1703 г. онъ писалъ Головину: „Слава Господу Богу! радѣнемъ и неунышнымъ моимъ стараніемъ проклятый песь Костя кошевой если не испустилъ проклятой своей души, то, по крайней мѣрѣ, съ кошевства съ безчестіемъ скинуть; понеже все посольство на него возстало за то, что съ разбойниками знался и добычу у нихъ бралъ, и еслибъ изъ Сѣчи въ луга не ушелъ, то конечно не былъ бы живъ. Послѣ сего побѣга выбрали въ кошевые Герасима Крысу, и теперь можно надѣяться, что войско низовое будетъ въ надеждѣмъ великому государю послушанію“. Но радость гетмана была непродолжительна; въ сентябрѣ онъ уже писалъ Головину: „Запорожцы своимъ желательствомъ ко мнѣ вновь отозвались; не только бѣдныхъ людей селитраные майданы печально напавъ совсѣмъ раззорили, но и мой гетманскій до основанія снесли и учинили мнѣ убытку на 8,000 рублей. Не знаю, что съ такимъ бездунниками впредъ дѣлать, понеже ихъ никакимъ способомъ, ни милостію, ни дачами, ни волюнтію не можно усмирить. Новый кошевой сокрушается, что не можетъ исполнить своего обѣщанія, даннаго въ Москвѣ и въ Ватуричѣ: со всѣхъ сторонъ прибывающее гультяйство

надъ постояннымъ, добрымъ товариществомъ взяло силу, и похваляется Новобогородикій и другіе городки разорять“. Въ декабрѣ повья вѣсти: Крысу смѣнили, и на его мѣсто снова выбрали Костю Гордѣнка, который въ началѣ 1704 года объявилъ прямо царскому посланцу: „Каменнозатонскій воевода Шеншинъ чинитъ намъ всякія обиды, лошадей отнимаетъ, меня и все посольство бранитъ и называетъ подданными своими, всячески угрожаетъ, говоритъ, будто солдаты, бѣгая изъ Каменнаго Затона, живутъ у насъ въ Сѣчи. Но у насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сѣчи нѣтъ, а хотя-бъ и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живеть. Да онъ же, воевода, присылаетъ на кошы людей своихъ для провѣдыванія, что между нами чинится, а у насъ мало ли какіе есть пьяные казаки, говорятъ, кто что хочетъ, и того слушать у нихъ нечего; да онъ же, воевода, держитъ нашего Запорожскаго казака въ колодѣхъ безвинно. И если онъ, воевода, и впередъ будетъ такъ дѣлать, то намъ уже терпѣть больше будетъ нельзя: чтобъ отъ его злыхъ поступковъ не учинилось какого возмущенія, которое можетъ обхватить и весь сѣверъ, не возмутитъ бы этимъ и всю Малую Россію“.

Прошелъ годъ, и у Мазены старія пѣсни.

8 января 1705 года гетманъ писалъ Головину: „Запорожцы ни послушанія, ни чести мнѣ не отдають; что имѣю съ тѣми собаками чинити? А все то приходитъ отъ проклятаго пса кошеваго, который такую въ себѣ хитрость имѣеть, что всегда, собравъ къ себѣ сначала атамановъ, приватно переговорить, потомъ раду собираетъ, въ которой будучи наполнены его духомъ, то кричатъ и говорятъ, что имъ велитъ; для отмщенія ему разныхъ уже искалъ я способовъ, чтобъ не только въ Сѣчи, но и на свѣтѣ не былъ, но не могу найти, а все отъ дальняго разстоянія, и некому повѣрить“.

Не объ однихъ Запорожцахъ писалъ Мазена тревожныя донесенія. Въ 1703 году онъ говорилъ наединѣ присланному къ нему переводчику Польскаго Приказа Вѣлпокову: „Полтавскій полковникъ Иванъ Искра имѣлъ тайную корреспонденцію и согласіе съ ханомъ Крымскимъ и беимъ Перекопскимъ, и уже было полкъ свой, кромѣ старшины, къ тому наклонилъ, чтобъ быть въ согласіи съ Крымомъ, а великому государю противнымъ. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ его отъ полку отлучилъ тайнымъ способомъ, не оскорбляя его ничѣмъ, какъ будто на время, не давая знать никому, за какое преступленіе; явнымъ способомъ и въ скорости взять его и карать невозможно для казаковъ того полка, имѣющихъ съ нимъ одно намѣреніе, дабы не учинилось отъ того полка межъ народомъ Малороссійскимъ какого замѣшанія при нынѣшнемъ опасномъ времени, потому что теперь у всей малороссійской Украйны зѣло отпало сердце къ великому государю“⁴⁾.

⁴⁾ Архивъ Мш. Юстиціи, книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ.

Глава III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Два фельдмаршала. — Петръ въ Полоцкѣ. — Происшествіе въ Уніатскомъ монастырѣ. — Пораженіе Шереметева при Гочауртгоффъ. — Петръ въ Курляндіи. — Огильви и Меншиковъ. — Паткуль въ Саксоніи. — Дѣло о передачѣ русскихъ войскъ въ австрійскую службу. — Паткуль схваченъ саксонскими министрами и заключенъ въ Зоннштейнъ. — Посольство Шепбека къ царю съ объясненіемъ по этому дѣлу. — Походъ Карла XII въ Литву. — Зимовка русскаго войска въ Гроднѣ. — Выступленіе его оттуда. — Увольненіе Опляви. — Петръ и Меншиковъ въ Кіевѣ. — Неудачная осада Выборга. — Битва при Калишѣ. — Король Августъ заключаетъ отдѣльный миръ съ Карломъ XII. — Петръ въ Жолквѣ. — Сношенія съ польскими вельможами и кандидатами на Польскій престолъ. — Матвѣевъ въ Англіи. — Предложеніе герцогу Марльборо русскаго княжества. — Сношенія съ Франціею и Австріею. — Петръ предлагаетъ Польскій престолъ принцу Евгению Савойскому. — Дѣятельность Толстого въ Константинополѣ. — Посольство князя Куркина въ Римъ. — Приготовленіе Петра къ встрѣчѣ непріятели въ Россіи. — Башкирскій Бунтъ. — Вулавинскій бунтъ.

Встрѣтивши новый 1705 годъ въ Москвѣ, Петръ въ февралѣ отправился въ Воронежъ, гдѣ провелъ два мѣсяца, спустилъ 80-пушечный корабль „Старый Дубъ“, велѣлъ Апраксину къ будущей веснѣ приготовить десятка два слишкомъ судовъ, и въ концѣ апрѣля возвратился въ Москву; здѣсь былъ задержанъ сильно лихорадкою, и въ самомъ концѣ мая отправился въ Полоцкѣ, гдѣ уже было собрано большое русское войско — тысячь шестьдесятъ¹⁾. У Петра было два фельдмаршала — Шереметевъ и Огильви. Последнему хотѣлось быть одному главнокомандующимъ, но это было противно основной мысли Петра — не давать иностранцу главнаго начальства, упражнять своихъ, — и онъ раздѣлилъ войско между двумя фельдмаршалами. Огильви былъ очень недоволенъ; князь Реннинъ писалъ Меншикову: „Слышалъ я неподлинно, будто господинъ фельдмаршалъ писалъ о разореніи отъ нашихъ войскъ къ Полякамъ; истинно не могу я прызнать, какого праву сталъ человекъ передъ прощымъ родомъ; зѣло неприступенъ, живетъ въ клинторѣхъ Езувицкомъ, и по всякъ часъ у него. Дай Боже, милость твоя къ намъ изволить прѣхать и все самъ увидитъ. А разореніе Поляковъ, еслибъ какое было, милость твоя уже давно самъ здѣсь изволилъ бы слышать и видѣть“²⁾. Но кто бы ни были вожди, и какъ ни расхваливали иностранцы русское войско, Петръ требовалъ одного, чтобы отнюдь не давали генеральнаго боя Шведамъ³⁾.

Петръ началъ въ Полоцкѣ очень весело: приходили извѣстія, какъ Шведамъ не удалось напасть на Петербургъ съ моря и съ сухого пути. Но окончилось пребываніе въ Полоцкѣ печальнымъ происшествіемъ. Петръ былъ раздраженъ противъ уніатскаго духовенства, которое имѣло тайныя сношенія съ Шведами и Салѣжичами къ вреду русскаго войска; одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде

православнымъ, отличался сильными выходками противъ Русскихъ, возбуждалъ народъ къ тайному побиенію царскихъ солдатъ, бранилъ Петра и короля Августа. Петръ молчалъ, потому что считалъ неблагоприятнымъ, — вступя союзникомъ во владѣнія республики, начать преслѣдованіемъ уніатовъ, и тѣмъ возбудить подозрѣніе въ правительствѣ и католическомъ народонаселеніи Литвы и Польни. Но судьба хотѣла иначе. Вечеромъ 30 іюня, наканунѣ отъѣзда изъ Полоцка, онъ зашелъ съ своими приближенными посмотрѣть уніатскій монастырь. Масло было подлито въ огонь, уже существовавшее раздраженіе усилилось, когда монахи не пустили его въ алтарь, какъ противника ихъ вѣры. Петръ сдержался однако и тутъ. Увидавши образъ, отличавшійся особенными украшеніями, онъ спросилъ: „Чей это образъ?“ Монахи отвѣчали: „Священномученика нашего Иосафата (Купцевича), котораго ваши единоувѣрцы умертвила“. Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи: сбѣжались послужившіе вооруженные, началась свалка, и нѣкоторые изъ царскихъ приближенныхъ были ранены; наконецъ Русскіе одолѣли, четверо уніатовъ были смертельно ранены. Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени, и онъ велѣлъ повѣсигъ монаха, отличавшагося своими выходками противъ него въ проповѣдяхъ⁴⁾. Этимъ печальнымъ событіемъ воспользовались, съ одной стороны, католики, непримчив-

¹⁾ Иностранцы превозносили блестящее состояніе русской арміи при Полоцкѣ; хотѣтъ видѣть въ этомъ дѣло фельдмаршала Огильви; но мы не можемъ раздѣлить такого взгляда. Мы видѣли, что Петръ намѣлъ подъ Дерптомъ свои полки «зѣло бодры и учреждены».

²⁾ Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ, кн. 2 (напечат. у Устряла. IV, II, стр. 333).

³⁾ Напечатан. письма Петра В. къ Шереметеву № 58.

⁴⁾ Объявленіе, обнародованное царемъ въ Вильнѣ, въ Москвѣ. Арх. Мин. Ист. Д., напечатано въ исторіи Уніи Балтышъ-Каменскаго. Въ томъ же архивѣ сохранилось католическое извѣстіе о событіи, неслужившее вѣроятія но баснословнымъ подробностямъ, какъ напримѣръ, что русскіе архіерей не иначе соглашались благословить Петра въ походѣ, какъ съ условіемъ, чтобы онъ искоренялъ унію. По этому извѣстію царь убилъ девятиркъ монаховъ, тогда какъ римскіе миссіонеры доносятъ изъ Москвы только о пятиркахъ, согласно съ объявленіемъ Петра (Theiner—Monuments historiques de Russie, 412). Зная, какъ вѣрты католическыя извѣстіямъ, мы не считаемъ себя въ правѣ принимать подробности, что Петръ разметалъ по полу Св. Дары, велѣлъ отрѣзать груди у женщинъ, которыя плакали объ убитыхъ монахахъ и проч.

ше раскрасить его своими красками; съ другой стороны, внутреннїе враги Петра, которые также раскрасили событіе своими красками; въ 1708 году каторжный колодникъ, бывший солдатъ Иванъ Архиповъ говорилъ: „Когда Петръ былъ въ Полоцкѣ, и въ то время день Петра и Павла пришелъ въ пятницу; государь заставлялъ благочестивой вѣры чернецовъ ѣсть мясо; они не согласились; Петръ позвалъ ихъ въ церковь молебень служить, и какъ стали молебень служить, государь вынулъ палашъ и двухъ человѣкъ убилъ до смерти, третьяго ранилъ. Въ это время было видѣніе: Исусъ Христосъ въ облакахъ, держа въ одной рукѣ копье, въ другой огненные стрѣлы, говоритъ съ гѣбовомъ: „Время его за такое дѣло покарать!“ но Новгородца упростила ждать покаянїя ¹⁾).

1 июля царь вмѣстѣ съ полками отправился изъ Полоцка въ Вильну, отпустивши за нѣсколько дней Шереметева противъ Шведовъ, находившихся въ Курляндіи, подначальствомъ генерала Левенгаупта. 22 июля царь получилъ извѣстіе, что Шереметевъ разбитъ при Муръ-мызѣ, или Гемазертгофѣ 15 июля; Шереметевъ, русскій фельдмаршалъ, котораго имя было связано съ первыми успѣхами надъ страшными Шведами, русскій фельдмаршалъ, котораго Петръ рѣшился поставить рядомъ съ рекомендованнымъ за границею Огильви! „Сїя потеря, по словамъ Петра, учинилась такимъ образомъ: фельдмаршалъ Шереметевъ съ кавалерїею когда приблизился къ непрїятелю, а пѣхота и пушки еще не успѣли, тогда, не дождавша оныхъ, старымъ обычаемъ безстройно ударили на непрїятельскую кавалерїю, которую такъ сломили, что нѣкоторые изъ нихъ явились въ Пруссахъ; тогда генералъ Левенгауптъ съ пѣхотою отступилъ къ лѣсу, и наши, вмѣсто того, чтобъ дожидаться пѣхоты и атаковать непрїятельскую пѣхоту, ударились обозъ грабить непрїятельскій, а тѣмъ временемъ наша пѣхота присѣбла, которую Левенгауптъ атаковалъ и съ поля сбиль; а кавалерїя, увидя то, ушла; а пушки наши непрїятель назавтрее напелъ. И такъ сами своей потери виноваты“ ²⁾). Это извѣстіе составлено не очень удачно: выраженіе „старымъ обычаемъ безстройно“ скорѣе можетъ относиться къ послѣдующему, чѣмъ къ началу дѣйствїю русской конницы, ибо хотя она ударила и старымъ обычаемъ безстройно, однако сломила непрїятеля; преобразователь не удержался отъ желанїя укорить старый обычай. Но преобразователь не измѣнилъ своему величію въ отвѣтъ Шереметеву; здѣсь онъ сталъ въ уровень съ тѣмъ великимъ народомъ древности, который благодарилъ своихъ разбитыхъ предводцевъ за то, что они не отчаялись въ спасенїи республики. Петръ писалъ Шереметеву: „Не извольте о бывшемъ несчастїи печальны быть (понеже всегданняя удача много людей вела въ наугубу), но забывать и паче людей ободрять“ ³⁾).

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

²⁾ Гисторїя Свейской войны.

³⁾ Голицева—Дѣянїя П. В. X, стр. 215.

1-го августа Петръ выступилъ изъ Вильны въ Курляндію: ему хотѣлось перенять Левенгаупта, котораго Шереметевъ долженъ былъ отрѣзать отъ Риги. Съ этою цѣлію онъ послалъ Шереметеву наказъ: „Пойти какъ можно скорѣе и отрѣзать непрїятеля отъ Риги; отрѣзавъ, отнюдь бою не давать, но на переправахъ держать: а если сильно захотятъ перейти, то закопать предъ собою, чтобъ имъ конечно пресѣчь путь, и на кажный день посылать къ намъ письма, что чинится будетъ, чтобъ намъ о всемъ быть извѣстнымъ и потому немедленно поспѣшать. Сказать всѣмъ подь смертію, чтобъ по тѣмъ статьямъ дѣлали, каковы даны 703 году, когда шли на Кронюрга; такоужъ отнюдь бы не скакать за непрїятелемъ, хотя оный бѣжать будетъ, по шагомъ, или по нуждѣ малою грудью, подь смертію же“ ⁴⁾). Порученїе было трудное; Шереметевъ отвѣчалъ: „Тебѣ, государю, извѣстно, что непрїятель съ пѣхотою и пушками; если пойдетъ на насъ всею силою, какъ будемъ управлять съ фузеями противъ пушекъ? А у меня никакихъ оконныхъ припасовъ нѣтъ: всѣ отосланы съ пѣхотными полками въ Полоцкъ“ ⁵⁾). Но дѣло не дошло до управления съ фузеями противъ пушекъ: Левенгауптъ успѣлъ перебраться за Двину къ Ригѣ, къ большому неудовольствїю Петра, который писалъ Головину: „Мы здѣсь великое несчастїе имѣемъ, понеже господинъ Ленингопъ, яко Нарцызъ отъ Эхо, отъ насъ удаляется“ ⁶⁾).

Приказавши Шереметеву сторожить Шведовъ на лѣвомъ берегу Двины противъ Риги, Петръ пошелъ отобрать у нихъ Митау. Послѣ семнадцатидневной осады Шведы сдали столицу Курляндіи 2 сентября, велѣдъ за тѣмъ слали Ваускъ. Петръ писалъ о Митавѣ Ромодановскому: „Сїе мѣсто великой есть важности, понеже непрїятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзавъ и намъ далѣе въ Польщу походъ безопасенъ есть“ ⁷⁾).

Мы видѣли, что въ Митавѣ Петръ получилъ извѣстіе объ Астраханскомъ бунтѣ, велѣдствие чего одинъ изъ фельдмаршаловъ, Шереметевъ, былъ отправленъ на востокъ. Но отъ этого другому фельдмаршалу, Огильви, оставшемуся теперь единственнымъ въ западной арміи, не стало легче: при войскѣ находился любимецъ государя, принцъ Александръ, т. е. Меншиковъ, къ которому всѣ обращались, особенно русскіе генералы, и которому Петръ довѣрялъ больше, чѣмъ иностранному наемнику. Разногласїе между Огильви и Меншиковымъ началось по поводу выбора мѣста для зимнихъ квартиръ. Огильви самымъ удобнымъ мѣстомъ казался Меречь, Меншикову—Гродно, какъ болѣе укрѣпленный природою, гдѣ и съ небольшими силами можно долго держаться противъ непрїятеля. Меншиковъ писалъ Петру: „Я разсуждаю: зѣло не радъ онъ (Огильви) моему прїѣзду, и все дѣлается

⁴⁾ Голицева—Дѣянїя П. В. X, стр. 216.

⁵⁾ Напечатаннїя письма Шереметева, I, 90.

⁶⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., письма П. В.

⁷⁾ Кабинетъ, I, кн. № 28.

вопреки мнѣ⁴⁾). Петръ согласился съ Меншиковымъ, и войско введено въ Гродно, куда отправился изъ Митавы и самъ царь. Въ октябрѣ сюда же прѣѣхалъ и король Августъ, которому Петръ сдалъ главное начальство надъ войскомъ, а самъ въ декабрѣ отправился въ Москву.

Такимъ образомъ, сильное русское войско введено было въ Литву для соединеннаго дѣйствія съ войсками Августа противъ Шведовъ. Исполнилось то, чего такъ желалъ Паткуль; но онъ не радовался исполненію своего желанія. Мы оставили его въ Саксоніи въ очень затруднительномъ положеніи относительно русскаго войска, ему ввѣреннаго.

Въ Москвѣ жалобы князя Д. М. Голицына производили впечатлѣніе, и Паткуль въ началѣ 1705 года счелъ нужнымъ оправдаться: „У меня нѣтъ намѣренія, писалъ онъ Головину, отставить всѣхъ московскихъ начальныхъ людей, потому что я нахожу между ними такихъ, которыхъ, когда хорошо выучатся, не отдамъ и за многихъ Нѣмцевъ; съ московскимъ человѣкомъ лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ Нѣмцемъ, потому что первый лучше знаетъ, что такое послушаніе, а второй очень много разсуждаетъ; надъ Нѣмцами должно наряжать большіе военные суды, а Москвичи въ своихъ квартирахъ такъ покойно живутъ, что жалобъ на нихъ почти нѣтъ, и для всей Земли они гораздо сноснѣе, чѣмъ свои саксонскіе солдаты; удивительно, что я по сіе время ни одного московскаго солдата не предалъ смертной казни. Господинъ князь Голицынъ теперь лучше сталъ себя вести, и ваше превосходительство будьте благонадежны, что я съ радостію ему угрожаю ради его изрядной фамиліи“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ новыя жалобы на худое состояніе русскаго войска: „Мы сидимъ здѣсь въ тѣснотѣ, и царскаго величества вспомогательныя войска худую фигуру представляютъ, потому что почти нагіе ходятъ, и при дурномъ своемъ уборѣ и негодномъ ружьѣ никакой службы показать не могутъ; русскія деньги принуждены мы размѣнивать съ большимъ убыткомъ, и тѣ скоро издержатся, и не знаю, какими способомъ будемъ содержать этихъ бѣдныхъ людей. Король Польскій часто попрекаетъ мнѣ за такую плохую помощь, тогда какъ онъ исполнитъ всѣ условія союза и наслѣдственные свои земли разорилъ; я противъ явной истины не могу ему ничего говорить. Изъ Литвы приходятъ великія жалобы на царскія войска, тамъ стоящія; король объ этомъ сильно скорбитъ и выѣстъ съ благонамѣренными Поляками опасается, что эти вспомогательныя войска произведутъ ненависть, и, выѣсто ожидаемой пользы, навлекутъ на королевскую шею безпокойства и несчастія. Ваше превосходительство требуетъ, чтобъ русскимъ войскамъ скудости въ провіантѣ не было; но я уже доносилъ, что въ здѣшней малой Землѣ провіанту мало и очень дорого; вскорѣ опа-

саются совершеннаго голода; офицеры продали лошадей, обозъ, платье и все прочее, и часть ихъ уже ходитъ по дворянскихъ дворамъ и просятъ хлѣба. Артиллерию невозможно съ мѣста сдвинуть, потому что всѣ станки и телѣги очень дурно сдѣланы и желѣзомъ дурно окованы, очень стары и негодны; большая часть лошадей отъ скудости кормовъ и труднаго похода померли, такъ что до начала новаго похода ни одной не останется; то же самое и съ мушкетерскими лошадыми, у которыхъ телѣги всѣ переломаны, а здѣсь ихъ нельзя такъ дешево сдѣлать, какъ на Москвѣ, потому что ни куска дерева даромъ не получишь. Король еще здѣсь, въ Дрезденѣ, и неизвѣстно, скоро ли и пойдетъ ли когда въ Польшу. Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ большая смута, думаютъ только о забавѣ, а важныя дѣла оставлены. Если можете ваше превосходительство отъ Двора этого меня избавить, то буду вамъ вѣчно благодаренъ. Богъ вѣдаетъ, что изъ этого всего выйдетъ! Король Пруссій уже дважды собственноручно писалъ сюда къ своему министру, приказывая ему меня остеречь, чтобъ я не дался въ обманъ, потому что тайно устраивается миръ; я королю Польскому объ этомъ говорилъ, но въ отвѣтъ получилъ одинъ нѣтъ. Что тогда дѣлать, если король Шведскій будетъ насъ держать въ постоянной осадѣ, и войскамъ царскимъ ни за деньги, ни безъ денегъ пропитаться будетъ нельзя? Могу ли я тогда передать ихъ другому государю?“

Въ апрѣлѣ Паткуль, въ письмѣ къ Головину, выразилъ отчаяніе въ счастливомъ исходѣ войны и угрозу покинуть царскую службу, приправивъ все это упреками въ дурное веденіе дѣла со стороны Петра, который не послушался его и соединилъ рани е свои войска съ королевскими: „Вѣдомости отовсюду приходятъ, что Шведскій король въ нынѣшнемъ году будетъ имѣть больше 40,000 войска въ Польшѣ, и если въ прошломъ году не пренебрегли соединеніемъ войскъ, то въ нынѣшнемъ году мы бы могли имѣть опредѣленный воинскій походъ; а теперь мы посмотримъ, что изъ этого будетъ, и кто исправитъ тѣ ошибки, которыя дадутъ себя чувствовать при окончаніи войны. Я исполняю свое дѣло какъ добрый человѣкъ, и пишу все это для того, чтобы вина не пала и на меня, когда игра будетъ испорчена, чего я очень боюсь, ибо дѣло дѣлаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Паткуль имѣеть въ мысляхъ выйти вонъ изъ этихъ танцевъ и оставить честь другимъ, которые могутъ лучше его дѣлать, особенно когда при всѣхъ своихъ тяжкихъ трудахъ онъ получаетъ вмѣсто благодарности воню. Напоминаю, что Шведовъ надобно въ Курляндіи разорять безо всякаго замедленія. Стыдъ передъ пѣлымъ свѣтомъ, что царское войско въ нынѣшнюю зиму ничего не сдѣлало, и если впередъ будутъ поступать такъ же, заботиться только о многочисленныхъ, а не объ устроенныхъ войскахъ, упуская удобное время и во всемъ опаздывать, то увидятъ печальное окончаніе этой комедіи, и всякому надобно будетъ заботиться о себѣ. Паткуль просить

⁴⁾ Кабинетъ, II, кн. № 4.

о своемъ расчетѣ, и послѣ ни о чемъ уже болѣе просить не будетъ,—это послѣднее его желаніе“. Причина раздраженія вскрывается въ концѣ письма: „Ваше превосходительство пишеть, что царское величество приказалъ капитановъ и ротныхъ офицеровъ изъ Русскихъ только употреблять, потому что русскіе офицеры у васъ свое дѣло очень хорошо исполняютъ, и что фельдмаршалъ Огильви нашелъ Русскихъ вовсе не хуже Нѣмцевъ. Я сказалъ объ этомъ королю, который совершенно другого мнѣнія“. Передъ самою отсылкою письма Паткуль былъ опять страшно раздраженъ; король велѣлъ его спросить, для чего онъ доноситъ царю, что онъ, король, кромѣ забавъ, ничѣмъ не занимается. Паткуль отвѣчалъ, что, какъ добрый человѣкъ, не можетъ запереться. Въ письмѣ къ Головину Паткуль жалуется на князя Григорія Долгорукаго, который, по его мнѣнію, изъ соперничества разгласилъ то, что Паткуль писалъ ему посекрету. „Я не хочу имѣть съ Долгорукимы больше никакого дѣла, и не извольте поручать мнѣ съ нимъ вмѣстѣ ничего“, писалъ Паткуль.

Въ началѣ августа Паткуль опять сталъ писать о переводѣ русскаго вспомогательнаго отряда въ австрійскую службу въ случаѣ крайности, если никакъ нельзя будетъ вырваться изъ Саксоніи. Тутъ же Паткуль давалъ знать о какомъ-то чудѣ, вслѣдствіе котораго русское войско, находившееся въ такомъ жалкомъ состояніи, вдругъ преобразилось въ отличное. Долгорукой въ письмѣ къ Головину, объяснилъ это чудо: „Писалъ ко мнѣ князь Дмитрій Голицынъ, что солдаты московскіе великую нужду въ Саксоніи терпятъ, а паче офицеры жалованья не имѣютъ, а которое и дано было солдатамъ, Паткуль давать имъ не велѣлъ, а приказалъ на тѣ деньги покупать имъ рубахи, галстуки, рукавицы, башмаки, чулки, а покупаютъ иностранцы цѣною дорогою; и, живучи онъ, князь Дмитрій, никакого себѣ пріятеля по се время въ Дрезденѣ не имѣеть, и что будто Саксонцы къ нашей сторонѣ мало склонны и будто съ московскими офицеры гнушаются съ одного блюда ѣсть“. — „Король, писалъ Паткуль въ концѣ сентября, отнюдь не хочетъ позволить, чтобъ вспомогательныя русскія войска въ службу другому государю пошли; король ими чрезвычайно доволенъ, никто ихъ не узнаетъ и не повѣритъ, чтобъ это было то самое войско, которое въ прошломъ году сюда пришло. Но въ дняхъ большая скудость“. Въ октябрѣ Паткуль написалъ рѣшительно: „Дайте мнѣ окончательную резолюцію, что дѣлать съ вспомогательными войсками, потому что безъ денегъ имъ жить невозможно. Если мнѣ дастся знать, что денегъ къ нимъ прислано не будетъ, то я имъ это объявлю и тотчасъ ихъ распушу; могутъ они въ Божіе имя разбѣжаться; что изъ этого выйдетъ,—царское величество увидитъ; извѣстно, что тогда эти бѣдные люди принуждены будутъ доставать себѣ пропитаніе грабешемъ и разбоями и наполнять собою висѣлицы и колеса къ безчестію Русскаго народа. Вы

пишете, что весною перевели сюда по векселю 40,000 ефимковъ, но до насъ дошло только 33,000; между тѣмъ я до сихъ поръ промышлялъ платья, оружіе, припасы и ежедневное пропитаніе людей на мой кредитъ, но уже болѣе дѣлать этого не могу, не хочу потерять кредитъ и честь, обанкрутиться, будучи царскимъ министромъ и генераломъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Паткуль далъ знать, что Августъ II на дняхъ отправляется на свиданіе съ царемъ, и потому просилъ его съѣхаться съ нѣкоторыми изъ его вѣрныхъ совѣтниковъ и написать, чего королю домогаться у царя и какимъ образомъ надобно будетъ продолжать войну. Паткуль написалъ пункты по соглашенію съ королевскими министрами, но далъ знать Головину, что дѣлать это неискренно, принужденный съ волками выть по-волчьи. „Я уже открылъ вашему превосходительству, писалъ Паткуль, какія причины я имѣю остерегаться, потому что я здѣсь въ котляхъ злыхъ людей; меня отравятъ или изведутъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, если провѣдаютъ, что я неискренно потакаю ихъ планамъ. Поэтому я принужденъ выть съ этими волками; но напоминая вамъ, чтобъ вы особенно не полагались на артикулы: 1) о порабощеніи королевства Польскаго; 2) о политикѣ съ Пруссіею; 3) о намѣреніи относительно Данцига; 4) о продолженіи войны. Не вѣрьте, хотя бы вамъ показывали и собственноручное мое писаніе. Все это химеры людей, у которыхъ въ рукахъ дѣло Польскаго короля; самъ король втайнѣ не согласенъ съ ними; но я принужденъ ихъ ласкать и соглашаться на ихъ безумныя мнѣнія, потому что чрезъ нихъ все провѣдываю. Король Польскій прежде сильно добивался самодержавія въ Польшѣ, но теперь отъ этого отсталъ, потому что война его умягчила, и онъ былъ бы очень радъ съ честію отъ нея освободиться и быть въ покоѣ; теперь онъ видитъ также, какъ дурно ему совѣтовали ссориться съ Прусскимъ Дворомъ, и онъ теперь много далъ бы, чтобъ ему мало-по-малу можно было войти съ нимъ въ дружбу. Напоминаю, что царское величество болѣе всего долженъ заботиться объ истинной дружбѣ съ королемъ Прусскимъ, ибо если мы съ нимъ дружбу потеряемъ, то все пропадетъ, и вамъ не слѣдуетъ удивляться, что я этотъ Дворъ такъ ласкаю“¹⁾.

Петръ поручилъ Паткулю съѣздить въ Берлинъ и скрѣпить дружбу Россіи съ тамошнимъ Дворомъ. Въ инструкціи говорилось: „Объявить, что Паткулю имѣеть полную мочь постановить договоръ, по которому Прусскій король принялъ бы сторону Россіи и Польши и, сильнымъ посредничествомъ своимъ выхлопоталъ бы имъ благополучный и честный генеральный миръ; или если Швеція заупрямится, то принудилъ бы его къ тому силою и угрозою воинскою. За это царское величество общааетъ Прусскому королю Польскіе Пруссы (Западную

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Пн. Д., дѣла Польскія 1705 г.

Пруссію), сколько ему ихъ будетъ потребно, а короля Польскаго къ уступкѣ ихъ уговорить, въ чемъ тотъ уже склонность свою явить. Царское величество общается также съ королемъ Прусскимъ заключить взаимный гарантійный трактатъ—съ своей стороны объ Ингріи и Эстляндіи, а съ прусскою—о Польскихъ Пруссахъ—противъ всѣхъ наступателей и непріятелей. Если король Пруссій объявитъ, какъ писалъ къ намъ посланникъ его Кейзерлингъ, что Шведъ обѣщалъ ему больше прибыли, то обнадеживать его, что царское величество по мѣрѣ возможности его пользы искать будетъ, и вовсе ему въ томъ не отказывать. Если же король Пруссій не можетъ или не захочетъ вступить въ такой договоръ, то по нуждѣ изволъ помогать, чтобы хотя нейтральный трактатъ заключить¹⁾.

Паткуль поѣхалъ въ Берлинъ, и, возвратившись оттуда, писалъ Головину въ ноябрѣ, что король Пруссій хочетъ жить и умереть въ вѣрной дружбѣ съ царемъ и готовъ служить ему всюду, у Шведовъ и союзниковъ. Пруссіе министры горько жаловались, что въ прошломъ году не состоялось приглашеніе единственно по зависти и ненависти короля Польскаго, который думаетъ только объ одномъ, какъ бы покончить войну съ честію или безчестіемъ, и потомъ дѣйствовать противъ короля Прусскаго. „Злоба въ Пруссіи противъ короля Польскаго страшная, писалъ Паткуль, король и совѣтники его имѣютъ главнымъ правиломъ, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ вѣрить королю Польскому, который отъ своихъ людей и отъ всѣхъ претензоровъ считается фальшивымъ человѣкомъ. Я прилагалъ всѣ труды къ искорененію этого мнѣнія, но напрасно, и боюсь дурныхъ послѣдствій отъ такого расположенія Берлинскаго Двора. Пруссіе министры дали мнѣ ясно знать, что они склонны признать Польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго, и хотѣли отъ меня провѣдать, какъ царское величество на это посмотришь. Я объявилъ, что не имѣю указа говорить объ этомъ, но думаю, что это сильно потревожитъ царское величество. Когда я сказалъ, что все пошло бы прекрасно, еслибъ три державы—Россия, Польша и Пруссія—вступили въ тѣсный союзъ, то они отвѣчали: какъ можно съ королемъ Августомъ предпринять что-нибудь путное! Кромя того, что этотъ государь по природѣ непостояненъ, лживъ и скрытенъ,—всѣ его министры подлуки не стоятъ; кто изъ нихъ не плутъ, тотъ ничего не знаетъ; какъ бы честно союзникъ съ ними ни поступалъ, въ концѣ непремѣнно будетъ обманутъ. Курфиршество Саксонское такъ дурно управляется, что въ короткое время подвернется крайнему разоренію, и король Августъ неспособенъ оказать помощь своимъ союзникамъ; всѣ Дворы европейскіе имъ гнушаются, никто съ нимъ никакого дѣла вѣсть не хочетъ, а потому онъ всѣмъ оставленъ.—Видя такую ненависть къ Польскому королю, продолжаетъ Паткуль, я принужденъ

былъ общать, что король Августъ, по настоянію парскаго величества, всѣхъ злыхъ совѣтниковъ своихъ оставитъ и короля Прусскаго во всемъ удовлетворитъ. На этомъ основаніи все примирено. Но не знаю, какъ я сдержу свое слово, развѣ царское величество приведетъ къ тому короля Польскаго; если же этого не сбѣдается, то король Польскій съ Прусскимъ опять поссорится, и не знаю чтѣ тутъ дѣлать, и пусть тогда дѣло идетъ какъ хочетъ“.

Паткуль слылъ между современниками за очень умнаго человѣка. Если это на самомъ дѣлѣ было такъ; если смѣлость, хлopotливость, задоръ и самонадѣянность не принимали за дѣйствительныя способности, какъ часто бывало и бываетъ, то странно предположить, что Паткуль до такой степени не понималъ прусской политики, не понималъ, что Пруссія никогда не могла согласиться на усиленіе Саксоніи, никогда не могла согласиться на дѣятельный союзъ съ царемъ, когда царь не смыслъ еще съ себя пятно Нарвскаго пораженія и потому считался ненадежнымъ союзникомъ; Польскіе Пруссы—желанная добыча; но чтобы получить ее, нужно было побѣдить непобѣдимаго Шведскаго короля! Въмѣсто того, чтобы понять такія естественныя, простые отношенія, и уяснить ихъ Русскому правительству, Паткуль внушаетъ послѣднее, что все препятствіе къ Прусскому союзу заключается въ нерасположеніи Прусскаго короля къ Саксонскому, и для уничтоженія этого нерасположенія онъ, Паткуль, обѣщалъ, что царь заставитъ короля Августа прогнать всѣхъ злыхъ своихъ совѣтниковъ; смыслъ письма былъ таковъ: „Или принудить Августа оставить всѣхъ своихъ министровъ, или прусскаго союза вамъ не видать, и дѣлайте какъ сами знаете, я улываю руки“. Такимъ образомъ, сильное желаніе царя заключить союзъ съ Пруссіею Паткуль хотѣлъ употребить какъ средство для сверженія саксонскихъ министровъ, своихъ непримиримыхъ враговъ. Но, быть можетъ, онъ былъ увѣренъ, что этиаъ онъ проложитъ путь и къ Прусскому союзу? Если онъ былъ въ этомъ увѣренъ, то современники сильно ошибались насчетъ его способности.

Во всякомъ случаѣ, Паткуль поворачивалъ круто, и враги его поворотили такъ же круто, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія. Ненависть саксонскихъ министровъ къ Паткулю достигла высшей степени; недоставало только предлога отдѣлаться отъ него; предлогъ представился въ передачѣ Паткулемъ русскихъ войскъ въ австрійскую службу. Мы уже видѣли, что Паткуль представлялъ Русскому Двору необходимость этой передачи, и наконецъ Головинъ отписалъ ему 3 октября 1705 года: „Если послѣ всѣхъ вашихъ усилій вывести русскія войска изъ Саксоніи окажется невозможнымъ, отъ чего Боже сохранитъ, въ такой крайней нуждѣ предоставьте ихъ Цесарю на возможно выгодныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы безъ воли царскаго величества они не были удержаны Цесаремъ долѣ одной кампаніи; возвратятся же легко могутъ чрезъ Венгрію“.

¹⁾ Москов. арх. Мн. Пн. Д., дѣла Пруссіи 1705 г.

Не говоря ни слова о переводѣ въ австрійскую службу, Паткуль, чтобъ снять съ себя отвѣтственность, 8 ноября предложилъ князю Голицыну и всѣмъ начальнымъ людямъ въ русскомъ войскѣ слѣдующее: „Такъ какъ его царское величество неоднократно повелѣвалъ указамъ войско все изъ Саксоніи вынести въ Польшу, то предлагается на генеральный судъ: 1) Какимъ путемъ идти, чрезъ Бранденбургскую ли Землю и Великую Польшу, или чрезъ Цесарскую къ Кракову; 2) откуда взять продовольствіе во время похода; 3) который путь безопаснѣе, чтобъ не попасться въ полонъ; 4) можно ли идти безъ конницы и откуда ее взять; 5) не същется ли кто, чтобъ указать лучший и безопаснѣйшій путь въ Польшу.—Тому дано будетъ тотчасъ 1,000 червонныхъ и общается повышеніе въ чинъ“. Въ отвѣтъ князя Голицына высказалось оскорбленное чувство человѣка, которымъ до сихъ поръ пренебрегали, а теперь, въ крайности, чтобъ сложить съ себя отвѣтственность, спрашиваютъ совѣта. Голицынъ отвѣчалъ: „На 1-е совѣта дать не могу,—дадутъ ли позволеніе и можно ли пройти? что требуетъ двухъ степеней, генеральской и министерской, которыя обѣ вручены отъ царскаго величества вашей вѣрности; на 2-е: есть указъ царскаго величества, что, по договорнымъ статьямъ, войска должны кормить королевскіе комиссары; если путь будетъ свободенъ, солдаты могутъ взять провіанта у комиссаровъ и на себѣ нести; на 3-е—сылаюся на 1-й пунктъ; на 4-е—по договору должны провожать конные саксонскіе полки; на 5-е—не отвѣтствую для того, понеже не есть моя повинность въ такихъ дѣлахъ совѣтовать за деньги“. Всѣ начальныя войсковыя люди объявили, что полкамъ пройти въ Польшу невозможно.

Чрезъ нѣсколько дней Паткуль снова предложилъ на генеральный судъ: 1) удобны ли настоящія квартиры; 2) есть ли у князя Голицына казна на пищу и одежду для войска. Тутъ же объявлено было повелѣніе государя: если пройти въ Польшу нельзя, то отдать войска на службу другому государю. Отвѣта на оба вопроса были отрицательныя и изъявлена готовность идти всюду для исполненія указа государева. 15 декабря Паткуль заключилъ съ императорскимъ посломъ въ Дрезденѣ договоръ, по которому русское войско передавалось въ австрійскую службу на одинъ годъ для опыта; употреблять его на Рейнъ и въ Нидерландахъ, и только въ крайнемъ случаѣ въ Италію.

Тайный совѣтъ, управлявшій Саксоніею въ отсутствіе короля, не соглашался на эту передачу; Паткуль не соглашался отменить ее; министры наши, по ихъ мнѣнію, самое вѣрное средство прекратить вредную дѣятельность Паткуля: 19 декабря онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Зонненштейнъ. Князь Дн. Мих. Голицынъ подалъ немедленно сильный протестъ. Волюющимъ образомъ нарушено было народное право; но развѣ оно не было нарушено, когда, по совѣту Паткуля, схватили Собѣскихъ въ чужихъ владѣніяхъ? И

что-жъ за это было?—ничего. Разсчетъ на безнаказанность былъ вѣренъ и въ дѣлѣ Паткуля: царь, разумѣется, будетъ протестовать, будетъ требовать выдачи Паткуля, но изъ-за него не разорится съ королемъ, своимъ единственнымъ и необходимымъ союзникомъ; а если разорится—тѣмъ лучше: скорѣе будетъ заключенъ желанный для Саксоніи миръ съ Швеціею. Къ царю отправился королевскій камергеръ Шенбекъ, который долженъ былъ обстоятельно описать наглость всѣхъ дѣйствій Паткуля и королевское долготерпѣніе; описать, какъ Паткуль не только въ домашній дѣла королевскія вмешивался, но и со всѣми министрами спорился, а нѣкоторыхъ офицеровъ такъ безчестилъ словами, что еслибъ тѣ не щадили его несчастнаго характера, то дѣломъ могло дойти до самыхъ печальныхъ крайностей, какъ наприм. съ графомъ Денгофомъ и генераломъ Шуленбургомъ. При чужихъ дворахъ и ихъ министрахъ и въ партикулярныхъ мѣстахъ порицалъ королевскіе поступки и явно приказывалъ выдавать пасквили, что должно быть всему свѣту извѣстно. Явно хвалился, что король въ собственноручныхъ письмахъ къ нему общается исполнить всѣ его требованія. Безъ вѣдома и воли королевскаго и царскаго величества, по своевольію или изъ частныхъ выгодъ, перевелъ вспомогательныя московскія войска въ цесарскую службу, не смотря на то, что старались всячески его угодить и всякія обѣщанія давали; а прежде только и проповѣдывалъ, что о походѣ въ Польшу и соединенія съ главнымъ царскимъ войскомъ,—самъ поднималъ рѣшеніе объ этомъ военнаго совѣта. Для чего же онъ въ такое короткое время отступилъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ совѣтовъ и мнѣній и пришелъ къ нагубной мысли ослабить войска въ Саксоніи и вступленіе въ Польшу сдѣлать невозможнымъ? Для предупрежденія дальнѣйшаго зла, для охрапенія нашего общаго благосостоянія, для прекращенія опасныхъ замысловъ Паткуля принуждены были арестовать Паткуля впредъ до будущаго рѣшенія царскаго величества. Легко могло бы случиться, если бы Саксонцы стали Москвичей отъ похода удерживать, а Москвичи, по приказу генерала Паткуля, захотѣли пробиться силою, то дѣло дошло бы до битвы, позорной въ глазахъ непріятельскихъ и дружескихъ; чтобъ Паткуль не успѣлъ выдать приказа къ походу,—единственное средство было овладѣть его особою, причѣмъ Паткуль арестованъ не какъ царскій посолъ, но какъ генераль, находящійся подъ фельдмаршальскою козацкою.

Петръ не былъ удовлетворенъ объясненіями Шенбека; въ его убѣжденіи, поступокъ съ Паткулемъ былъ поступокъ „зѣло жестокой, противъ всѣхъ правъ учиненный“. Головинъ писалъ ему: „Какковы, государь, я письма получилъ отъ Паткуля, изъ-за аресту тайно писаныхъ къ тебѣ и ко мнѣ, въ которыхъ нишеть, оправдая себя, что будто то по указу учинилъ, и просить освобожденія изъ-за аресту себѣ, съ тѣхъ списки для донесенія ва-

шему величеству послалъ я къ Гаврилѣ Ивановичу (Головкину), понеже у него со всего дѣла о заарестованіи его, Паткулевѣ, списки обрѣтаются; и, выписавъ подлинно изъ посланныхъ къ нему указовъ о перенускѣ войскъ, отгѣтилъ на полѣ;—изъ того изволите яснѣе увидѣть, что онъ то učinилъ весьма противно вашего величества указу; однакожь изволишь, государь, приказать кому говорить о немъ, чтобы его изъ-за аресту свободить и привести къ тебѣ, и тогда онъ какое можетъ оправданіе о себѣ показать, въ чемъ буди воля твоя¹⁾. Воля Петра именно состояла въ томъ, чтобы постоянно требовать присылки Паткуля въ Россію для изслѣдованія дѣла; но Паткуля не прислали. Разсчетъ саксонскихъ министровъ былъ вѣрнѣе: царь долженъ былъ ограничиться одними протестами, особенно когда Карлъ XII обратился противъ русскаго войска.

Въ то время, когда Петръ занималъ Курляндію и сосредоточивалъ свое войско въ Гродно, Карлъ XII стоялъ около Варшавы, гдѣ короновался его Польскій король, Станиславъ. Пришла осень; Карлъ не двигался; король Августъ пріѣхалъ въ Гродно къ Петру; царь, поруча ему свое войско, при которомъ были фельдмаршалъ Огильви и Меншиковъ, какъ генералъ надъ кавалеріею, уѣхалъ въ Москву. Но вдругъ, въ концѣ декабря, сказанъ былъ Шведамъ зимній походъ; въ жестокіе морозы Карлъ спѣшилъ въ Гродно. Туда же, въ январѣ 1706 года, спѣшилъ изъ Москвы большой Петръ, встревоженный извѣстіемъ о походѣ врага, огорченный тѣмъ, что долженъ былъ оторваться отъ финансовыхъ и другихъ нужныхъ распоряженій въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, было „все добро, трудились во всѣхъ дѣлахъ какъ возможно“²⁾. Вѣрный своему основному плану—бить Шведовъ по частямъ, для школы Русскихъ, и не давая ни подъ какимъ видомъ генеральнаго сраженія, Петръ, выѣзжая изъ Москвы, писалъ Меншикову, что всего лучше войску выйти изъ Гродна къ своимъ грандамъ, чтобы не быть окруженъ шведскими войсками, если съ Карломъ соединятся съ одной стороны генералъ его Реншельдъ, изъ Польши, а съ другой Левенгауптъ—изъ Лифляндіи: „Тогда мы“, писалъ Петръ, „отъ единой нужды (въ продовольствіи) принуждены будемъ исчезнуть; того для лучше здоровое отступленіе, нежели отчаемое и безизвѣстное ожиданіе; того ради совѣтую, чтобы заранѣе, не допуская непріятели, уступить; такожъ и митавское войско, по подорваніи замковъ обонхъ, къ себѣ привлечь; надлежитъ же и то смотрѣть, чтобы магазейны всѣ, изъ которыхъ уступать будутъ, сжечь, дабы непріятели не достались. Того смотрѣть, чтобы непріятели огнюдемъ не допустить зайти къ сзади себя. Буде же изволите пожалѣть

пушекъ большихъ (которыхъ ни пятнадцати нѣтъ), и затѣмъ для Бога не раздумывайте, мочно ихъ въ Нѣманъ кинуть; а потомъ полковыя лошади есть, ибо лучше о цѣлости всего войска (заботиться), въ чемъ по Богѣ все состоитъ, нежели о семъ маломъ убыткѣ“. Меншиковъ, по письму Петра, долженъ былъ выѣхать къ нему навстрѣчу³⁾.

Между тѣмъ, 9 января въ Гроднѣ держали тайный военный совѣтъ, на которомъ предложены были три вопроса: 1) идти ли на встрѣчу непріятели и напасть на него прежде, чѣмъ онъ соединится съ Реншельдомъ; 2) или ожидать непріятели въ укрѣпленіяхъ въ Гроднѣ и крѣпко защищаться; 3) или отступить и куда. Два иностранные генерала русской службы объявили, что нельзя ни идти навстрѣчу къ непріятели, ни дожидаться его въ Гроднѣ, а надобно отступить къ Полоцку; Реннинъ и Меншиковъ отвѣчали, что если король не соединится съ Реншельдомъ, то дожидаться его въ Гроднѣ; если же соединится, то отступить къ Полоцку. Фельдмаршалъ Огильви былъ того мнѣнія, что во всякомъ случаѣ надобно оставаться въ Гроднѣ; ибо защищаться можно до тѣхъ поръ, пока саксонская армія зайдетъ въ тылъ непріятели; отступление же къ Полоцку опасно, вредно и постыдно, ибо надобно будетъ пожертвовать артиллеріею, а по суровости погоды—и людьми, и, кромѣ того, отступление произведетъ всюду очень неблагоприятное нравственное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, двое генераловъ были за безусловное отступленіе, двое—за условное; фельдмаршалъ хотѣлъ оставаться во всякомъ случаѣ; король рѣшилъ—отправить протоколъ совѣта къ царю для немедленнаго и прямого рѣшенія. При отсылкѣ протокола, Меншиковъ писалъ царю, что только мнѣніе двоихъ генераловъ изъ иностранцевъ, мнѣніе, которое поддерживали еще двое польскихъ вельможъ, находившихся при королѣ, сдержало Огильви, иначе онъ чуть-чуть не рѣшилъ выступить войско въ глубь Польши для соединенія съ саксонскими войсками. „Фельдмаршалъ стороны саксонской, писалъ Меншиковъ; не изволь, государь, его писемъ много разсуждать и онымъ подлинно вѣрять. Для Бога, не изволь ни о чемъ сомнѣваться: все у насъ уравно; только желаемъ васъ здѣсь видѣть“⁴⁾.

Но, вѣсто Петра, 13 января явился у Гродна Карлъ, совершившій переходъ отъ Вислы до Нѣмана съ необыкновенною быстротою; 14 онъ перешелъ Нѣманъ, прогнавши русскихъ драгунъ, хотѣвшихъ было мѣшать переправѣ; 15 числа Шведы подступили къ Гродну, вызывая Русскихъ на бой; но тѣ не приняли вызова, ожидая приступа. Карлъ, не имѣя никакой надежды на удачный приступъ, началъ отступать отъ Гродна все на дальнѣйшее разстояніе, побуждаемый къ тому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, и окончательно сталъ въ Желудкѣ, въ 70 верстахъ отъ Гродна, доволь-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Меншикова. Тамъ же приказанія дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1706; письмо Головина отъ 20 февраля.

²⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письмо къ Меншикову отъ 13 января.

³⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письмо отъ 12 января.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

стываясь съсылкою сильныхъ партій, чтобъ не пропускать разсыльныхъ припасовъ къ русскому войску. Такимъ образомъ, это войско было отрѣзано отъ своихъ границъ, а главное—нуждалось въ провіантъ. Король Августъ, взявши четыре русскихъ драгунскихъ полка, ушелъ къ Варшавѣ, обѣщая дать скорую помощь Огильви; Меншиковъ, исполняя приказаніе царя, еще прежде выѣхалъ изъ Гродна и встрѣтилъ Петра въ Дубровнѣ. Узнавши, что Шведы уже подъ Гродно и пробѣжать туда нельзя, царь возвратился въ Смоленскъ въ самомъ печальномъ состояніи духа, ибо не было никакихъ извѣстій, что дѣлается въ Гроднѣ. Приказывая Головину, оставленному въ Москвѣ, распоряжаться самому насчетъ Низовыхъ дѣлъ (Астраханскаго бунта), Петръ писалъ: „Письма Шереметева посылаю до васъ,—извольте учинить по разсмотрѣнію, также и впредь извольте вы его дѣла дѣлать (для которыхъ я васъ въ Москвѣ и оставилъ), ибо мнѣ, будучи въ семь адѣ, не точю довольно, но, ей, и чрезъ мочь мою сей горести. Мы за безчастіемъ своимъ не могли пробѣжать къ войску въ Гродно“¹⁾. Въ Гродно Петръ написалъ оставшемуся тамъ русскому генералу, князю Репнину: „Зѣло удивляемся, что по ся поры отъ васъ жадной (никакой) вѣдомости нѣтъ, что намъ зѣло печально; также объявляемъ, ежели конечно надѣяться можно и совершенную подлинную вѣдомость о приближеніи саксонскихъ войскъ имѣете, къ тому же провіанту мѣсяца на три имѣете и конскій кормъ (хотя съ небольшою и нуждою), то будьте у Гродив; буде же о приближеніи саксонскихъ войскъ вѣрнаго извѣстія нѣтъ, а обнадеживаютъ польскою правдою, то хотя и Реншильда не чаять, и довольства въ провіантахъ и кормахъ конскихъ есть, отступить къ русской границѣ, всеконечно не упуская времени, куды удобнѣе и безопаснѣе; и сіе учинить конечно и объявить о томъ всѣмъ генераламъ, наченинъ отъ фельдмаршала²⁾; ибо непріятель уже почитай что отрѣзъвъ войско наше отъ границъ, когда идетъ къ Вильнѣ, и потому въ Гроднѣ ждать нечего, ежели вѣрной вѣдомости о Саксонцахъ нѣтъ, какъ выше объявлено; однакоже все сіе полагаю на ваше тамошнее разсужденіе, ибо намъ, такъ далеко будущимъ, невозможно указъ давать, понеже пока опшемся, уже время у васъ пройдетъ; по что къ лучшему безопасенію и пользѣ, то и чinite со всякою осторожностію. Такожъ не забывайте словъ господина моего товарища (т. е. Меншикова), который приказывалъ³⁾ вамъ при отъѣздѣ своемъ, чтобъ вы больше цѣлость войска хранили, неже на пныхъ⁴⁾ смотрѣли. О пушкахъ тяжелыхъ не размышляйте; ежели за ними трудно отойти будетъ, то оныхъ, разорвавъ, въ Нѣмень бросить“⁵⁾.

¹⁾ Голковъ, дополненія, т. VII, стр. 119.

²⁾ Вотъ доказательство, что это письмо къ Репнину, а не къ Огильви.

³⁾ Меншиковъ не могъ приказывать Огильви.

⁴⁾ Т. е. на Огильви; а Огильви не на кого было смотрѣть.

⁵⁾ Голыкова—Дѣянія X, стр. 318.

Наконецъ въ февралѣ, когда Петръ переѣхалъ въ Оршу, получено письмо отъ Огильви, Фельдмаршалъ писалъ, что прочелъ царское письмо къ Репнину⁶⁾, но не можетъ вывести войско, потому что рѣки еще подъ льдомъ, и непріятель ослабитъ конницею; также надобно будетъ пожертвовать артиллеріею и саксонскими войсками, которые уже въ походѣ, и потому онъ, Огильви, рѣшился остаться въ Гроднѣ до лѣта и ожидать или большаго удаленія непріятельскаго, или прибытія саксонскихъ войскъ. Огильви въ своемъ письмѣ не помянулъ Меншикова: „Не знаю“, писалъ онъ, „какъ могутъ оправдаться предъ вашимъ величествомъ и предъ честными людьми тѣ, которые меня здѣсь покинули безъ денегъ, безъ магазиновъ, безъ артиллерійскихъ и полковыхъ лошадей, замутили всѣмъ войскомъ, и, какъ скоро непріятель пришелъ, убѣжали, не сказавъ мнѣ ни слова“. Огильви жаловался на дурное состояніе войска, на непослушаніе князей Репнина и Ромодановскаго, на распоряженія Меншикова помимо его, фельдмаршала⁷⁾.

Письмо не могло поправиться; а тутъ еще были получены письма Репнина къ Меншикову, гдѣ говорилось, что фельдмаршалъ доноситъ несправедливо о состояніи войска; что Огильви въ постоянной перепискѣ съ королемъ Августомъ, но о чемъ и идетъ у нихъ дѣло, — никто не знаетъ; что носится слухъ о походѣ изъ Гродна къ Варшавѣ⁸⁾. Петръ отвѣчалъ Репнину: „Какъ слышимъ, что итти къ Варшавѣ — весьма не надобно, и отнюдь того не дѣлать; такожъ ежели о Саксонцахъ такой подлинной вѣдомости не получите (при принятіи сего письма), что оные конечно Вислу перешли и идутъ къ вамъ, а непріятель отъ васъ тѣмъ часомъ ежели отдалятся такъ, что вамъ возможно будетъ безъ всякаго труда отойти, тогда для Бога, не мѣшкая, подите къ рубежамъ, куда удобнѣе; такожъ буде не далеко ушли тѣ четыре полка, которые съ королемъ пошли, возьмъ съ собою же, буде возможно; артиллерію, тяжелыя пушки, ежели везть невозможно, то, разорвавъ, бросить въ воду. Буде же о Саксонцахъ получите подлинную вѣдомость, а провіанта можете доставать, и надѣгесь, что до весны или приближенія саксонскаго станеть онаго, то будьте въ Гроднѣ. О! зѣло намъ печально, что мы не могли къ вамъ доѣхать, и въ какой мысли нынѣ мы есть, то Богу одному извѣстно“. То же самое написалъ Петръ и Огильви; начало письма замѣчательно: „Мы съ немалою прискорбною отъ васъ письма выразумѣли, въ которыхъ такія необъятыя тягости наваливаете, сами-жъ еднюю бумагою и перомъ щититесь, и во всемъ насъ вищихъ творите, что мы не по вашей волѣ чинили, и не точю настоящее, но прошедшее нами повторете и вѣсто веселости

⁶⁾ Рѣшительное доказательство, что приведенное письмо Петра было къ Репнину, а къ Огильви было написано то, которое помѣщено у Голыкова X, № 312.

⁷⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

⁸⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

тугу прилагаете; однакожь, все сіе презирая, прошу, чтобъ вы по сему учинили, за которое я вамъ буду надмѣру благодаренъ, и когда прибуду къ вамъ, такъ учиню, что вы никогда жаловаться не будете". Тогда же Петръ написалъ Августу: „Ни о чемъ пишу, точию о семъ просимъ, дабы ваше величество не изволило нашихъ въ семъ опасномъ случаѣ оставить, но какъ скорѣе съ войскомъ приблизиться, паче же провіантомъ какъ возможно скорѣе удолить, что вашему величеству не трудно учинить, будучи нынѣ свободной стороны, гдѣ непріятель прешкодить (нанести вреда) не можетъ. Ежели при семъ маломъ провіантѣ какое зло сему нашему главному войску случится, то уже нечего вашему величеству съ нашей стороны уповать". Августъ оправдывался, что выѣхалъ изъ Гродна для того, чтобъ придвинуть войско свое къ этому городу, и выѣхалъ уже тогда, когда непріятель отступилъ. Петръ отвѣчалъ: „За сіе благодарствуемъ; однакожь не безъ сомнѣнія, дондеже дѣломъ сіе исполнится". Августъ представлялъ, что нельзя эту зиму опасаться вторженія непріятели въ Московское государство, и просилъ посѣлшить присылкою субсидій, безъ которыхъ ему ничего нельзя будетъ сдѣлать. Петръ отвѣчалъ: „Про непріятели подлинно вѣдать невозможно; но то вѣдомо, что уже онъ нашихъ отрѣзалъ отъ нашихъ границъ. Ожидаемъ со стороны его величества о войскахъ подлиннаго слышать о сикурѣ нашемъ, въ чемъ его величество или вѣчно разоршгъ, или обяжетъ насъ" ¹⁾.

Чтобъ дать гродненскому войску сикуръ съ вѣрше саксонскаго, Петръ велѣлъ гетману Мазепѣ двинуться изъ Волини къ Минску, и писалъ къ Репнину 17 февраля: „Гетманъ въ скорыхъ числахъ будетъ къ Минску; станемъ мы также въ три или четыре дни въ Минскѣ; казакъ нѣсколько тысячъ уже въ Брестѣ, и для того зѣло потребно, чтобъ провіантъ изъ Бреста чрезъ казакъ привезть къ вамъ, для чего пошлите и отъ себя, и о семъ для Бога трудитесь, и если возможно до половины марта провіанта, то лучше вамъ быть у Гродни; ибо мы, съ помощію Божию, надѣемся вскорѣ, случась съ гетманомъ, вамъ добрый отвѣтъ дать. Съ восемь тысячъ имѣемъ старыхъ солдатъ, кромѣ рекрутъ, а съ рекрутами болѣе пятнадцати, кромѣ курляндскихъ" ²⁾. Къ Огильви написалъ: „Слышимъ о великой у васъ скудости провіанта; гетманскіе казаки уже давно въ Брестѣ, и для чего оттолъ не велите провіанта привезть,—не знаю. Для самого Бога сіе какъ напскорѣе учините, чтобъ людей въ довольствѣ содержать, которое паче многихъ добрыхъ дѣлъ вамъ почтено будетъ, и я зѣло буду за оное благодарить вамъ" ³⁾.

„Рубежи наши зѣло голы, а паче всего коншпцею"—писалъ Петръ Апраксину, и потому велѣлъ отъ Смоленска до Пскова вездѣ, гдѣ лѣса

есть, зарубить рядомъ на 300 шаговъ широтою; ежели въ которомъ мѣстѣ валомъ легче, нежели лѣсомъ, тутъ не рубить, а дѣлать валъ по первой ростали. Эту линію вѣсть, не смотря чья земля, наша или Литовская, только смотрѣть, гдѣ скорѣе, удобнѣе и легче можно сдѣлать. Гдѣ воды глубокия или болота непроходимыя, тутъ, для скоростей, не дѣлать засѣки. Дѣлагъ это поголовно, съ великою поспѣшностію, ближайшими уѣздами, русскими и польскими ⁴⁾.

Среди этихъ распоряженій насигла страшная вѣсть, что на саксонскій сикуръ не можетъ быть никакой надежды: въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ саксонское двадцатитысячное войско, подъ начальствомъ Шуленбурга, было разбито въ-прахъ шведскимъ генераломъ Реншельдомъ, у котораго было не болѣе 12,000 войска; большая часть русскаго вспомогательнаго отряда, находившагося у Шуленбурга, была варварски истреблена Шведами, не хотѣвшими щадить и сдававшихся ⁵⁾. Это изумительное при такой разницѣ въ числѣ людей поражение Петръ сначала приписалъ измѣнѣ, зная, какъ Саксонцы недовольны войною короля своего съ Шведами, и въ этомъ смыслѣ писалъ Головину 26 февраля: „Нынѣ уже явна измѣна и робость саксонская, такъ что коншпца, ни единого залпу не давъ, побѣжала, и хота болѣе половины, киня ружья, отдалась, и только нашихъ однихъ оставили, которыхъ не чаю половины въ живыхъ; Богъ вѣсть, какую намъ печаль сія вѣдомость принесла, и только дачею денегъ бѣду себѣ купили. Симъ же случаемъ и измѣна Паткулева будетъ явна, ибо совершенно чаю, того для онъ взять, чтобъ сей ихъ измѣнной факціи никто не свѣдалъ. При семъ прошу васъ, чтобъ вы въ добромъ числѣ рекрутовъ Москвичей (а паче конныхъ, хотя-бъ и еще изъ людей боярскихъ по небольшому положить), и въ прочемъ трудились. Мы межъ тѣмъ будемъ стараться о выручкѣ своихъ гродненскихъ (которыя, слава Богу, еще въ довольствѣ обрѣтаются), и уже полки отсель пошли къ Минску, куда и мы завтра поѣдемъ и тамъ случимся съ гетманомъ Мазепою" ⁶⁾.

Петръ побѣдалъ въ Минскѣ, отправивши въ Гродно слѣдующее приказаніе: „По несчастливой баталіи саксонской уже тамъ дѣлать нечего, но дабы немедленно выходили изъ Гродни, и шли по которой дорогѣ способнѣе и гдѣ ближе лѣса; а буде вскроется Пѣманъ, то лучше, перешедъ Пѣманъ, идти на лѣвую руку, потому что непріятель чрезъ рѣку не можетъ такъ вредить, тако-жъ по той дорогѣ гетманъ и пины нашъ войска съ нимъ; однако-жъ полагаются то на ихъ волю, куда удобнѣе; а по которой дорогѣ пойдутъ, о томъ намъ прежде походу для вѣдома наскоро писать, дабы можно было намъ съ коншпцею ихъ встрѣтить, и какъ возможно курьеровъ нанимать, на что не жалѣть денегъ. Брать съ собою что возможно полковыхъ

¹⁾ Голикова—Дѣянія X, стр. 317, 328, 333, 337.

²⁾ Голикова—Дѣянія X, стр. 344.

³⁾ Голикова—Дѣянія X, стр. 346.

⁴⁾ Голикова—Дѣянія X, стр. 356, 357.

⁵⁾ Fuxell I, 229.

⁶⁾ Голикова—Дѣянія X, стр. 368.

пушекъ и другое что нужно (въ чемъ зѣло смотрѣть, чтобъ не отяготиться, взявъ зѣло мало, а по нуждѣ хотя и все бросить), а достальное, а именно—артиллеріютяжелую и прочее, чего увезти будетъ невозможно, бросить въ воду, и ни на что не смотрѣть, только, какъ возможно, стараться, какъ бы людей спасти. Отоседа изъ Гродни мяля 10 или какъ случится, когда крѣпкія мѣста, а именно лѣса, начнутся, раздѣлнить всю армію баталіонами или полками, какъ лучше по разсмотрѣнію, и походить учредить разными дорогами, по которымъ разверстать все войско, чтобъ шло врознь, а не всеѣмъ корпусомъ, дабы непріятель всею силою на весь корпусъ не напасть, гдѣ можетъ свободно выиграть, нежели потерять. А когда войско наше въ розницѣ будетъ, тогда невозможно будетъ непріятелю всю армію атаковать, развѣ только на одинъ баталіонъ или полкъ нападетъ, который хотя и разорять, въ томъ буди воля Вожія, однако-жъ не всеѣ въ атакѣ будутъ; а Волоскихъ партій опасаться нечего, хотя и сильныя будутъ, только можно вѣрять, что на нашъ на одинъ баталіонъ смѣло не нападутъ. Прежде выхода изъ Гродни все (кромѣ пушекъ и пороху), яко суть ножи и прочая, зѣло тайно пометать въ воду. Сей выходъ изъ Гродни зѣло надлежитъ тайно сдѣлать такимъ образомъ: перво—поставить такой крѣпкіій караулъ, чтобъ изъ жителей никто не точію выйти, ниже выползть не могъ, и въ то время, какъ возможно скоро и тайно, собраться, пушки изготовить тѣ, копъ къ походу, а прочія держать на ихъ мѣстахъ (того для ежели непріятель свѣдаетъ, отъ чего Воже сохрани, и придетъ, а пушки прежде выходу брошены будутъ, то тотчасъ штурмовать будетъ и вамъ борониться будетъ нечѣмъ); потомъ, когда идти, взявъ вдругъ всеѣмъ пушки солдатамъ съ транспанента, и вдругъ, свесивъ съ горы, бросить въ воду (для чего проруби надлежитъ заранѣе изготовить) и потомъ тотчасъ идти. Сей походъ надлежитъ учинить свечера и не поздно, чтобъ ночью осталось больше времени, въ которомъ бы далѣе можно идти до крѣпкіихъ мѣстъ, и зѣло въ томъ тщиться, чтобъ полныя мѣста (поля) перейти ночью. Лошадей изъ Гродни тутошнихъ жителей, кто они ил есть; тако-жъ еже и скудость провіанта — изъ монастырей и домовъ, и тако-жъ, въ чемъ нужда есть, взять нужное безъ крайняго разоренія, а лошадей всеѣхъ. При выходѣ надлежитъ конницу позади оставить, чтобъ въ транспанентѣ и у мосту была до утрѣе (дабы непріятель не могъ помѣшати выходу), или и больше по дѣлу смотря; о полоненикахъ полагается на разсужденіи и совѣтѣ воинской. Все чинитъ по сему предложенію, и паче по своему разсмотрѣнію, и не смотрѣть ни на что, ни на лишеніе артиллеріи, ни остаточнаго не жалѣть, токмо людей по возможности спасти“¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ наказомъ Петръ еще нѣсколько разъ писалъ Огильви и Репнину, чтобъ не-

премѣнно выходили изъ Гродна: „Нынѣ уже ни единый видъ обрѣтается, писалъ онъ къ Репнину, чтобъ вамъ быть въ Гроднѣ, ибо предъ тѣмъ надежда была на Саксонцевъ, нынѣ же хотя-бъ и пришли, то паки побѣгутъ и васъ однихъ оставить; того для ни о чемъ, только о способномъ и скоромъ выходѣ думайте, не смотря на артиллерію и прочія тягости, какъ я вамъ предъ симъ пространше писалъ. О выходѣ совѣтъ мой сей (однако-жъ и вашей воли не снимаю, гдѣ лучше): изготовя мостъ чрезъ Немонъ, и кой часть Немонъ вскроется, перешедъ приплывемъ лду (для котораго льда не можетъ непріятель мосту навести и перейти въ Немонъ), и итти по той сторонѣ Немона на Слуцкъ (которая добрая фортеція, и въ немъ добрая артиллерія и нашъ гваризонъ и магазейнъ); однако-жъ надлежитъ при первомъ взломаніи льду походъ учинить, прежде нежели малыя рѣчки пройдутъ, когда уже невозможно будетъ итти. Мы у васъ въ лѣвой рукѣ отъ непріятеля будемъ, при насъ войскъ регулярныхъ съ 12,000 человекъ, которыхъ половина на лошадахъ, а у другихъ, у двухъ, сани, кромѣ гетманскихъ нестройныхъ обрѣтается; инаго пути не знаю, ибо вездѣ непріятель передовыми заняты и самъ отрѣзать можетъ, о чемъ прошу скорого отвѣта: куды пойдете, чтобъ намъ вѣдать и вамъ дать съ своей стороны отдухъ. Нынѣ получили мы вѣдомость, что по приходѣ Шведовъ въ Вильно уже добрую партію отрядили къ Полоцку; о чемъ паки подтверждаю: конечно (при взломаніи льда, а буде сыщете способъ, то лучше-бъ и прежде) по сему учините безъ всякой отговорки и опіски“²⁾.

Но Огильви былъ другого мнѣнія; на указы Петра онъ отвѣчалъ, что хочетъ еще подержаться въ Гроднѣ до болѣе благопріятнаго времени; если выйти теперь, то король Шведскій можетъ въ 24 часа стянуть все свое войско и погнать русскіе полки; если покинуть Гродно, то вся Польша и Литва склонятся на сторону Шведовъ, и вся тяжесть войны обрушится на Россію; лучше-бъ простоять цѣлое лѣто въ Гроднѣ³⁾.

„Что до лѣта хочетъ быть, и о семъ не только то чинить, но ниже думать“, отвѣчалъ Петръ (12 марта): „понеже непріятель тогда, отдохнувъ и получа кормъ подъ ноги, не отойдетъ отъ васъ легко, къ тому-жъ и Рейншпальдъ придетъ (понеже Саксонцы паки скоро не сбуртятся); къ тому же и Левенгауитъ будетъ, ибо мы уже указъ послали, чтобъ курляндскіе замки подорвать, и идти пѣхотѣ чрезъ Двинку къ Полоцку, потому что ежели до тѣхъ поръ стоять, какъ Двина разойдется, то имъ пронасть будетъ, а конницей станемъ чинить непріятелю диверсію. О отдаленіи непріятеля не надобно думать, ибо для того весь походъ его былъ, и нынѣ сталъ въ тѣхъ мѣстахъ, чтобъ намъ что ни есть сдѣлать, отъ чего Воже сохрани; а смо-

¹⁾ Голицова—Дѣянія X, стр. 374.

²⁾ Голицова—Дѣянія X, стр. 383.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

трѣть, чтобъ не отрѣзали, и то можно учинить, когда пойдете или на Брестъ, или межъ Бреста и Пшиска, и какъ можно скоро сперва пойти, чтобъ зайтить за рѣку Припеть, которая зѣло есть болотистая, и тамъ можно по волѣ къ Кіеву или къ Чернигову идтить: и такъ непріятелю никоимъ образомъ отрѣзать будетъ невозможно, а сзади хотя и станеть гнать, то не можетъ васъ догнать, ибо съ пѣхотою невозможно, а съ конницею не будетъ вамъ силенъ; къ тому же надлежитъ не одною дорогою идтить. то не будетъ вѣдать, куды сколько пошло, и не можетъ раздѣлится непріятель. Сіе же писаніе оканчиваю тѣмъ, что перваго разлитія водъ (или и нынѣ буде возможно) конечно не пропускайте, но съ Вожію помощію выходите, чѣмъ насъ зѣло обжете и удовольствуете; противное же, ежели посему не учините и до травы стоять станете, то уже сіе дѣло не за добраго слугу, но за непріятели почтено будетъ“¹⁾).

Пославши это рѣшительное приказаніе Огильви, на другой день, 13 марта, Петръ сдѣлалъ начальство надъ войскомъ Меншикову, на котораго совершенно полагадся, и отправился въ Петербургъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Семь дней тому назадъ онъ писалъ Апраксину: „О здѣшнемъ писатъ, послѣ баталіи саксонскихъ бездѣльниковъ, нечего; только мы съ приближающимся Лазаремъ (днемъ Лазарева воскресенія) кунно въ адекой сей горести живы, дай Боже воскреснуть съ нимъ“²⁾. Остановившись на нѣсколько дней въ Нарвѣ, царь писалъ Меншикову: „Пуги моего было, кромѣ простоя, пять дней и нѣсколько часовъ, гдѣ, слава Богу, все добро, и отъ сего дня въ 6 или 7 днѣ поѣду въ Ингербуурхъ. Но токмо еще думи наши на мытарствахъ задерживаются, о чемъ самъ можешь разсудить. Воже, даруй воскресеніемъ своимъ радости!“³⁾ Изъ Петербурга 7 апрѣля писалъ къ тому же Меншикову: „Я не могу оставить, отсель не писалъ къ вамъ изъ здѣшняго парадиза, гдѣ, при помѣствованіи Вышняго, все изрядно; истинно, что въ раю здѣсь живемъ; точію едино мнѣніе никогда насъ оставляетъ, о чемъ самъ можешь вѣдать, въ чемъ возлагаемъ не на человѣчью, но на Вожію волю и милость“⁴⁾.

Наконецъ Богъ далъ радость: 24 марта, въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, русское войско вышло изъ Гродна, восползовавшись, какъ писалъ Петръ, вскрытіемъ Нѣмана, по мосту, заранѣе приготовленному, а 27 числа встрѣтилъ его Меншиковъ. Разсчеты Петра оправдались: Карлъ болѣе недѣли не могъ преслѣдовать Русскихъ вслѣдствіе вскрытія Нѣмана, а когда Шведы навели мостъ и перешли черезъ рѣку, то Русскіе были уже у Бреста. Дальнѣйшее преслѣдованіе весною въ болотистой странѣ было невозможно, и Карлъ, давши отдохнуть своимъ войскамъ на Воляни, отправился въ Саксо-

нію, чтобъ покончить съ Августомъ. Петръ былъ въ восторгѣ, получивши извѣстіе о благополучномъ выходѣ своего войска изъ Гродна. „Min Bruder!“ писалъ онъ Меншикову 29 апрѣля: „съ неописанною радостію я господина Старика отъ васъ съ письмомъ получилъ, будучи во флотѣ у Крошилта на корабль (Олифантъ) вице-адмирата, и той же минуты, благодаря Бога, со всего флота и крѣпости трижды стрѣляю; а каковы были сему радостны и потому шумны, донесетъ Старикъ вамъ самъ. Истину сказать, что отъ сей вѣдомости вовсе стали здѣсь радостны; а до того, хотя и въ раю жили, однако всегда на сердцѣ скребло“⁵⁾. Мнѣніе задержало царя въ Петербургѣ цѣлый май мѣсяцъ: „О бытій моемъ (т. е. о пріѣздѣ къ войску) не извольте сомнѣваться, писалъ онъ Меншикову 10 мая, ибо конечно въ концѣ сего мѣсяца поѣду, а ранѣе того невозможно, ей, не для гулянья, но дохтуры такъ опредѣлили, чтобъ, по пусканіи крови жилцной (которая вчерась отворена), двѣ недѣли на мѣстѣ принимать лѣкарство; и потомъ точасъ поѣду. ибо сама ваша милость видѣла, каково мнѣ было, когда разлучены были отъ войска мы. О здѣшнихъ поведеніяхъ сомнѣваться не изволь: ибо въ раѣ Вожіи зла быти не можетъ“⁶⁾.

Между тѣмъ, не зная еще о походѣ Карла XII на Саксонію, боялись, чтобъ онъ не овладѣлъ Кіевомъ; Меншиковъ, именемъ царскимъ, велѣлъ всему войску двинуться къ этому дорогому для Россіи городу; Огильви протестовалъ, требуя, чтобъ пѣхота охраняла Кіевъ и Смоленскъ, а конница разбросалась по рѣкамъ Пшпегги, Горыни, Стыри, Случѣ⁷⁾. Огильви жаловался безпрестанно царю, что Меншиковъ похищаетъ себѣ его власть; Петръ молчалъ, Меншиковъ распоряжался: такъ, когда получена бѣла въ Кіевѣ вѣдомость о взятіи Астрахани Шереметевымъ, Огильви не велѣлъ стрѣлять изъ ружья въ знакъ торжества, а Меншиковъ распорядился самъ стрѣльбою 25 іюля Петръ объявилъ, что вышнимъ командиромъ надъ всѣмъ войскомъ оставлетъ фельдмаршала Шереметева, Огильви же дается 13 полковъ, ибо въ условіяхъ съ нимъ постановлено, что онъ будетъ имѣть всегда отдѣльный корпусъ, хотя и будетъ состоять подъ командою перваго фельдмаршала Россійскаго. Наконецъ Огильви былъ уволенъ въ сентябрѣ 1706 г.; по этому случаю Шафировъ писалъ Меншикову: „Не взирая на всѣ худые посылки, надобно оспустить его (Огильви) съ милостію, съ ласкою, даже съ какимъ нибудь подаркомъ, чтобы онъ не хулилъ государя и ваше сіятельство; а къ подаркамъ онъ зѣло лакомъ и душу свою готовъ за нихъ продать“⁸⁾.

Меншиковъ проводилъ время въ Кіевѣ не въ одиѣхъ ссорохъ съ наемнымъ фельдмаршаламъ: „Я

¹⁾ Голицева - Дѣянія X, стр. 402.

²⁾ Голицева—Дѣянія X, стр. 389

³⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., письма Петра В.

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., письма Петра В.

⁵⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., письма Петра В.

⁶⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., письма Петра В.

⁷⁾ Кабинетъ II, кп. № 5.

⁸⁾ Кабинетъ II, книга № 4; Голицева - Дѣянія XI, стр. 134.

«Здѣлалъ вокругъ Кіева», писалъ онъ Петру 12 мая, «также около Печерскаго монастыря, и все мѣста осмотрѣлъ. Не знаю, какъ важней милости поправится здѣшній городъ; а я въ немъ не обрѣтаю никакой крѣпости. Но Печерскій монастырь зѣло потребенъ и труда съ нимъ будетъ немного: городъ изрядный, каменный, только немного не додѣланъ, и хотя зачать старымъ мапиромъ, но можно изрядную фортецію учинить, да и есть чего держаться, потому что въ немъ много каменнаго строения и церкви; а въ Кіевѣ городъ каменнаго строения только одна соборная церковь да монастырь; городовое основаніе великое, и ежели его крѣпить, зѣло не легко станеть»¹⁾. 4 іюля пріѣхалъ въ Кіевъ Петръ, нашель, что Данилычъ правъ, и 15 августа заложилъ фортецію около Печерскаго монастыря; постройку ея должны были принять на себя Малороссійскіе казаки²⁾.

Распорядившись укрѣпленіемъ важнѣйшаго города юго-западной границы, Петръ послѣдшилъ къ границѣ сѣверо-западной, чтобъ воспользоваться уходомъ Карла въ Саксонію и обезпечить той парадизъ со стороны Финляндіи. 11 октября онъ осадилъ Выборгъ; но осада пошла неудачно, и царь долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Счастливѣе былъ Данилычъ, который повелъ войско въ Польшу противъ оставленнаго тамъ Карломъ генерала Мардефельда. Въ Люблинѣ соединился онъ съ королемъ Августомъ, и писалъ Петру: «Королевское величество зѣло скучаетъ о деньгахъ и со слезами наединѣ у меня просилъ, понеже такъ обнипалъ: пришло такъ, что есть нечего. Видя его скудость, я даль ему своихъ денегъ 10,000 ефимковъ. Правда, что послѣдняя его скудость, понеже на Саксонію надѣяться нечего»³⁾. Петръ отвѣчалъ: «Писалъ ваша милость, что король скучаетъ о деньгахъ. Самъ ты извѣстенъ, что отъ короля всегда то, что: „Да й, да й, де нь ги, де нь ги!“ въ чемъ самъ можешь знать, наковы деньги, и какъ ихъ у насъ мало; однакожь ежели при такомъ зломъ случаѣ постоянно король будетъ, то чаю надлежитъ его въ оныхъ крѣпко снабдежить при моемъ пріѣздѣ, который я потщусь самымъ скорымъ путемъ исправить»⁴⁾. 18 октября Меншиковъ, ведя съ собою и короля Августа, встрѣтилъ Шведовъ у Калиша. «Непріятеля», писалъ онъ царю, «при Калишѣ мы нагнали», который былъ въ 8,000 Шведовъ и въ 20,000 Поляковъ, и насъ ожидалъ съ такимъ желаніемъ, чтобъ съ нами баталію дать, къ чему зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ сталь, имѣя кругъ себя жестокия переправы, рѣки и болото; однакожь мы, несмотря на тѣ крѣпости, но больше уповая на крѣпкаго въ бранялхъ Господа, по отиравленіи по обыкновенію воинской думы, устроясь какъ надлежитъ, съ онымъ полную баталію дали, на которой въ непрестанномъ огнѣ ровно три часа были;

однакожь, помощію Божіею и счастиемъ вашимъ, такую мы счастливую викторію получили, что непріятелей на мѣстѣ положили—Шведовъ съ 5,000, да Поляковъ съ 1,000 человекъ. Не въ похвалу доношу: такая сія прежде небывшая баталія была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярныо блись, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле мертвыми тѣлами устлано»⁵⁾.

Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ и пропировалъ три дня, получивъ „неописанную радость о побѣдѣ непріятеля, какой еще никогда не бывало»⁶⁾. При Калишѣ, кромѣ побѣды надъ Мардефельдомъ, Меншиковъ выигралъ еще предъ исторіею процессъ свой съ Огильви, показавъ, что русское войско не нуждается въ наемномъ фельдмаршалѣ.

Торжество Петра было непродолжительно: вслѣдъ за неописанною радостью онъ узналъ, что оставленъ союзникомъ своимъ Августомъ; что Шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ; и все бремя войны надобно взять на одинъ свои плечи.

Карлъ XII не встрѣтилъ въ Саксоніи ни малѣйшаго сопротивленія: все бѣжало, что только могло бѣжать, оставшіяся обложены были тяжелыми податями въ пользу Шведовъ. Король Августъ тщетно надѣялся, что другія державы не позволятъ Карлу вступить въ Саксонію и тѣмъ нарушить нейтралитетъ Германіи: много было представленій на словахъ и на бумагѣ, но никто не посмѣлъ тронуться противъ необѣдимаго шведскаго героя. Король Августъ рѣшился пожертвовать Польшею, чтобъ не потерять или, по крайней мѣрѣ, не истощить вконецъ наслѣдственной Саксоніи, и вступилъ въ переговоры съ Карломъ. 13 октября, въ замкѣ Альтраштадтѣ, недалеко отъ Лейпцига, тайно подписанъ былъ договоръ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ: Августъ отказывался отъ Польской короны, признавалъ королемъ Польскимъ Станислава Лещинскаго, прерывалъ союзъ съ Русскимъ царемъ, освобождалъ Собѣскихъ, выдавалъ Паткуля и русскихъ солдатъ, находившихся въ Саксоніи, обязывался поддержать насчетъ Саксоніи шведское войско въ продолженіи зимы. Августъ согласился на все, и между тѣмъ не рѣшился объявить Меншикову, даль только знать Мардефельду о мирѣ и совѣтовалъ не вступать въ сраженіе; но Мардефельдъ не повѣрилъ ему, и Августъ долженъ былъ участвовать въ Калишской битвѣ, долженъ былъ участвовать и въ варшавскихъ торжествахъ, бывшихъ по случаю побѣды, и, когда пошли слухи о мирѣ, увѣрялъ, что все это неправда⁷⁾.

Такъ продолжалось, пока Меншиковъ не выступилъ съ русскими войсками изъ Варшавы въ Жолкву на зимнія квартиры. При Августѣ остался князь Василій Луккичъ Долгорукій, пріѣхавшій на время вѣсто родственника своего, князя Григорья. Только 17 ноября Долгорукій узналъ о перегово-

¹⁾ Кабинетъ, кн. № 5.

²⁾ Исторія Свейской войны.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 6.

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

⁵⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

⁶⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

⁷⁾ Fryxell I, 232.

рахъ Августа съ Карломъ, и немедленно имѣлъ объясненіе съ королемъ; тотъ объявилъ: „Трактуя для того, что не вижу другого способа спасти Саксонію отъ разоренія; надѣялся я на Цесаря и его союзниковъ, но теперь явно, что Саксонію оборонять не хотѣтъ. Отдать Саксонію на разореніе — нечѣмъ будетъ продолжать войну. Саксонія будетъ разорена, съ Польши доходовъ нѣтъ, царское величество деньгами не помогаетъ; если, по разореніи Саксоніи, непріятель вступитъ въ Польшу, то ваши войска отступятъ за свои рубежи, и я съ своимъ малымъ войскомъ воевать въ Польшѣ не могу; мира въ то время, хотя бы и хотѣлъ, не сыщу; а если бы и сыскалъ, то не лучше пылѣшаго, только Саксонія будетъ разорена. Если царское величество согласится мнѣ помогать деньгами ежегодно въ опредѣленное время, то пусть объявитъ, и если по трактатамъ съ царскимъ величествомъ получу удовлетвореніе, то больше ничего не потребую: несмотря на разореніе Саксоніи, буду продолжать войну; трактатовъ съ непріятелемъ не окончу, не дождавшись отвѣта отъ царскаго величества“. Но на другой день другія рѣчи: „Невозможно мнѣ Саксонію допустить до крайняго разоренія, а избавить ее отъ этого не вижу другого способа, какъ заключить миръ съ Шведами, только по виду, и отказаться отъ Польши, съ дѣлю выпроводитъ Карла изъ Саксоніи; а тамъ, какъ выйдетъ, собравшись съ силами, опять начну войну вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ. Союзу съ царскимъ величествомъ я не нарушу и противнаго общимъ интересамъ ничего не сдѣлаю“. 19 ноября, предъ разсвѣтомъ, Августъ уѣхалъ изъ Варшавы для личнаго свиданія съ Шведскимъ королемъ, вѣдѣши чрезъ польскихъ министровъ сказать Долгорукому, что союзъ съ царемъ непремѣнно будетъ содержать до конца войны, и какъ скоро непріятель выйдетъ изъ Саксоніи, то съ двадцатипятидесячнымъ войскомъ возвратится въ Польшу; пусть царь держитъ это въ тайнѣ, а явно пусть объявляетъ о нарушеніи союза ¹⁾.

Долгорукій поѣхалъ въ Краковъ, чтобы, несмотря на отреченіе Августа, удержатъ вѣльможь его партіи при русскомъ союзѣ. Меншиковъ писалъ царю изъ Жолквы 24 ноября: „Предъ симъ за недѣлю были превеликіе морозы и снѣгъ; нынѣ же воздухъ теплый и грязь великая; однакожь постоянного времени трудно ожидать, пожеже каковы люди здѣсь постоянны, таково и время. Самъ уже изво-

лишь разсудить, какъ зѣло потребно суть милости вашей здѣсь быть въ такомъ нынѣшнемъ противномъ случаѣ; однакожь не изволь о томъ много сомнѣваться, хотя король насъ и оставилъ. А ежели вскорѣ милость ваша да благоволите къ намъ быть, то можно скоро другого короля выбрать, къ чему Поляки, чаю, при васъ будутъ склонение имѣть, которыхъ мы нынѣ ничѣмъ такъ болѣе не обнадеживаемъ, точно скорымъ сюда вашимъ прішествіемъ, которое всегда разглашаемъ“ ²⁾.

Петръ „по тѣмъ вѣдомостямъ пошелъ въ Польшу, дабы оставшую безъ главы Рѣчь Посполитую удержатъ при себѣ“. 28 декабря онъ пріѣхалъ въ Жолкву, гдѣ собрались Меншиковъ, Шереметевъ, князь Григорій Долгорукій, необходимый при совѣщаніяхъ о польскихъ дѣлахъ, не было — перваго министра, боярина, адмирала Федора Алексѣевича Головина. Онъ умеръ лѣтомъ 1706 года въ Глуховѣ, на дорогѣ въ Кіевъ. Объ отношеніяхъ покойнаго къ царю можно видѣть изъ письма Петра къ Апраксину: „Ежели сіе письмо васъ застанетъ на Москвѣ, то не извольте ѣздить на Воронежъ; будьте же на Воронежѣ, извольте ѣхать въ Москву, ибо, хотя-бы никогда сего я вамъ не желалъ писать, однако воля Всемогущаго на то насъ понудила, ибо сей недѣли господинъ адмиралъ и другъ нашъ отъ сего свѣта отсѣченъ смертію въ Глуховѣ; того ради извольте которые Приказы (кромя Посольскаго) онъ вѣдалъ, присмотреть; и деньги и прочія вещи запечатать до указу. Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ“ ³⁾. Титулъ адмирала наследовалъ Апраксинъ; Посольскій Приказъ перешелъ къ верховному комнатному, Гаврилъ Ивановичу Головкину, получившему потомъ званіе канцлера. Головкинъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Петру съ его малолѣтства. Когда Петръ былъ за границу, Головкинъ писалъ къ нему шутивыя фамилярныя письма, подписываясь: Ганка; напримѣръ: „Милостивый мой, здравствуй! множество лѣтъ, а я живъ. Пожалуй, хотя по строчкѣ пиши о своемъ здоровьи; можешь то разсудить, что того желаю, а мы съ Павлюкомъ живемъ да рѣдку въ постъ жуемъ, а ученые его зѣло туно съ природы, учить вечерню. Павлюкъ приболѣлъ и не одна (не одинъ разъ), и Лаврентій докторъ смотрѣлъ и сказалъ, что на болѣзнь его въ аптекѣ лѣкарства нѣтъ, а называешь ту болѣзнь льною. А свать началъ учить ссалтырь. Медвѣдь и липца пишутъ“. Или: „Медвѣдь, волкъ и липца у меня и грамотѣ учатся, а хотя то тѣмъ животнымъ и не сродно, однако правда“ ⁴⁾. Во время войны Головкинъ находился при Петрѣ и употреблялся для исполненія важныхъ порученій, причѣмъ шутивыя письма продолжались; напримѣръ: „Въ письмѣ ваша милость нанюмануль о болѣзни моей надагрѣ, будто начало свое она я воспріяла отъ издѣшества венусовой утѣх, о чемъ я подлинно

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1706 г. Русскія войска не были отданы Шведамъ; о нихъ читаемъ въ Исторіи Свейской войны (Журналъ Петра В.): «А которые Русскіе послѣ фраунштагской баталіи въ Саксоніи остались, и тѣхъ правительствомъ саксонское отослало изъ Саксоніи, и полковникъ Ренсель, который тѣмъ малымъ оставшимъ корпусомъ командовалъ, отошелъ къ Ренѣ рѣкѣ (къ Рейну), и когда уѣздалъ о требованіи шведскомъ отъ Цесарскаго Двора, чтобы тѣхъ остальныхъ Русскихъ ему выдать, то упомянутый полковникъ Ренсель препроводилъ ихъ чрезъ Шлезію въ Польшу». — Паткуль былъ выданъ Карлу и колесованъ въ 1707 г., 10 октября.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 5.

³⁾ Головкинъ — дѣлнія XI, стр. 138.

⁴⁾ Письма Головкина въ Государств. Архивѣ.

доношу, что та болѣзнь случилась мнѣ отъ многопьянства; у меня въ ногахъ, у г. Мусина на лицѣ. Но тое болѣзнь, кромѣ отца нашего и настыря (Зотова), лѣчить некому⁴).

Еще покойный Головинъ на помощь себѣ, особенно на время отсутствія своего пзв. Москвы, выдвинулъ изъ переводчиковъ Посольскаго Приказа даровитаго Петра Павловича Шафирова и далъ ему титулъ тайнаго секретаря; при Головинѣ, когда тотъ получилъ титулъ канцлера, Шафировъ перешелъ въ вице-канцлеры, или подканцлеры.

Головинъ началъ свое новое поприще важнымъ дѣломъ. Въ половинѣ февраля 1707 года явилось въ Жолку изъ Львова великое посольство генеральной конфедераціи: Краковскій воевода князь Вишневецкій, Мазовецкій воевода Хоментовскій, Литовскій маршалокъ Воловчъ. На конференціяхъ съ верховнымъ комитетомъ Гаврилою Нв. Головиннымъ и другими министрами послы объявили, что на львовской радѣ сенаторамъ и Рѣчь Посполитую послановлено отправить ихъ къ царскому величеству съ полномочіемъ для наилучшаго впродъ отъ царскаго величества къ нимъ вспоможенія и обереженія. Прежде всего послы потребовали, чтобъ Украина, бунтовщикомъ Палѣмъ отобранная, немедленно была возвращена республикѣ. Министры отвѣчали, что Украина будетъ возвращена, какъ только для приѣма крѣпостей будетъ кто-нибудь присланъ отъ республики. Потому послы объявили, что нѣтъ отъ войскъ царскихъ великое разореніе, особенно отъ кавалеріи и офицеровъ: не только обыкновенный провіантъ берутъ хлѣбомъ и мясомъ и лошадей фуражъ, но офицеры берутъ по своимъ прихотямъ къ что захочетъ и чего въ вѣнцахъ мѣстахъ, именно въ деревняхъ, купить и промыслить нельзя, напримеръ корицу, сахаръ, гвоздику, лукъ, перецъ, огурцы, сельди, пиво, медъ, вино; если гдѣ этого не сыщется, правятъ большія деньги, берутъ подъ провіантъ подводы и лошадей, чего уже терпѣть больше нельзя, ибо и самимъ владѣльцамъ отъ подданныхъ своихъ насущнаго хлѣба уже мало что осталось. Имъ и отъ шведскаго войска легче было, потому что теперъ на каждый дымъ для провіанта по 50 золотыхъ польскихъ выходитъ, кромѣ подводъ. Рѣчь Посполитая разсуждаетъ, что по союзному договору слѣдовало бы только 12 тысячамъ царскаго войска быть на польскомъ провіантѣ, а теперь наведены такіа многочисленныя войска и всѣ содержатся на-счетъ республики; во многихъ воеводствахъ, гдѣ уже провіантъ забрали на нѣсколько мѣсяцевъ, олятъ берутъ. Рѣчь Посполитая знаетъ подлинно, что у царскаго величества на все войско, особенно офицерамъ, идетъ денежная плата, которою можно довольствоваться, и потому проситъ сдѣлать ей облегченіе въ зимовомъ провіантѣ, спрашивать его только для рядовыхъ, а не для офицеровъ; а если въ томъ льготы не будутъ, то Рѣчь Посполитая на шесть мѣсяцевъ

лѣтнихъ, считая съ мая мѣсяца, давать провіанту не обѣщаетъ и не хочетъ.

Министры отвѣчали, что, кромѣ положенной порціи, излшняго ничего у нихъ ни берется и брать крѣпко закажется. Царскія войска введены къ нимъ по ихъ желанію, по союзному договору, заключенному для охраненія жизни и вольностей ихъ отъ непріятели. Польза для нихъ отъ этихъ войскъ явна въ отобраніи у непріятели крѣпостей и въ другихъ случаяхъ, а безъ провіанта войскамъ никакъ пробывать нельзя. Посольское заявленіе о недачѣ провіанта на шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ царскому величеству будетъ очень негодно, потому что у его величества на это войско издержаны многіе милліоны; этихъ милліоновъ надобно было бы спрашивать на Рѣчи Посполитой, однако не спрашивается. Послы потребовали уплаты по договору двухъ милліоновъ золотыхъ, безъ чего нельзя будетъ набрать войска на слѣдующую кампанію. Министры отвѣчали, что уже выдано въ то число 40,000 рублей на войско коронное и 30,000 на литовское, хотя и не довелось давать преждевременно, ибо въ договорѣ положено давать при войскѣ въ мая мѣсяцѣ.—40,000 на коронное войско далъ король Августъ отъ своего имени, а не отъ царскаго, возражалъ послы. Министры отвѣчали, что договореннаго числа войска прошлый годъ Поляки не выставили. Изъ посольскихъ рѣчей было видно, что если царь согласился уловить Рѣчь Посольскую отъ дачи провіанта, то они не станутъ требовать обѣщанныхъ въ договорѣ милліоновъ. Петръ велѣлъ объявить имъ рѣшительно, что отъ дачи провіанта они уволены быть не могутъ; но, утѣшая Рѣчь Посполитую, онъ велѣлъ выдать ей польскимъ счегомъ полмилліона, а московскою монетою 50,000 рублей. Потомъ послы жаловались на разореніе отъ казаковъ и Калмыковъ и требовали, чтобъ польскимъ и литовскимъ жителямъ дано было изъ царской казны вознагражденіе за пограбленные пожитки. На это министры отвѣчали, что виновнымъ въ какомъ-нибудь воровствѣ по пады не будетъ, а чтобъ за воровъ платитъ изъ казны, — то дѣло нестачное, и нигдѣ того не повелось: заплатитъ одному, сейчасъ же найдется много другихъ, у которыхъ и ничего не взято. Для всякихъ расправъ въ обидѣхъ учреждены съ обѣихъ сторонъ комиссары: генералъ-поручикъ отъ артиллеріи Брюсъ выѣдетъ съ польскими комиссарами будетъ давать удовлетвореніе по жалобамъ Послы не переставали домогаться, чтобъ Донскихъ казаковъ и Калмыковъ вывести изъ Польши, а если понадобится легкія войска, то могутъ быть употреблены польскіе полки. Петръ велѣлъ отвѣчать, что регулярному войску безъ легкой конницы никакъ быть нельзя; обидѣ не будетъ, потому что за нихъ будутъ отвѣчать генералы.

„Съ сими шаленныи сдѣла могли дѣло совершить“, писалъ Петръ къ Меншикову, увѣдомляя его, что „всѣ подписали и подтвердили всѣ трактаты съ нами, такожъ и универсалъ готовить начали, по-

⁴) Кабинетъ II, кн. № 6.

неже на мѣрѣ уже поставленъ и сроки 16 по ихъ, а по нашему пятое мая“. Для прекращенія грабежа отъ войскъ, Петръ выдалъ слѣдующій указъ находящимся въ Польшѣ генераламъ: „Всякихъ денежныхъ и прочихъ сверхъ указанныхъ взятокъ и поборовъ, а наипаче разоренія и обидъ конечно-бы самими вамъ не чинить и подъ козацкою вашею обрѣтающимся людямъ запретить, подъ опасеніемъ живота и смерти“¹⁾.

Объщали утѣшить Рѣчь Посполитую 50,000 рублей; но столько денегъ не откуда было взять, можно было дать только 20,000. Поляки не согласились взять меньше половины, не отставали отъ своихъ требованій насчетъ Украйны. Отдать имъ эту Украйну теперь, когда ждали въ Польшу Карла XII, когда королемъ Польскимъ оставался шведскій посаженникъ, Станиславъ Лещинскій, было бы крайне неблагоприятно; раздражать отказомъ считали также вреднымъ. 29 сентября Головкинъ писалъ Петру изъ Варшавы: „Вчерашняго числа получили мы отъ гетмана Снявскаго и отъ бискупа Куявскаго письма, и него, бискупова, разсужденіе цифирью. По которому бискупову разсужденію и съ общаго совѣта съ г. генераломъ княземъ Меншиковымъ за потребно разсудили мы послать къ войску коронному Емельяну Украинцеву одного безъ денегъ, но токмо съ однимъ письмомъ къ гетману Мазепѣ для утѣхи имъ, будто объ отдачѣ Украйны, и хотя такое письмо и посылаемъ, однакожь писали къ нему, гетману, особливо, тайно, чтобы онъ потому не отдавалъ и удерживалъ всячески, промедливая время. А денегъ нынѣшняго опредѣленнаго числа (20,000) съ нимъ, Емельяномъ, послать поопаснѣе по совѣту бискупову, чтобы тѣмъ чѣслоемъ денегъ ихъ къ влѣщему неудовольствію не привести подъ нынѣшній непріятельскій выходъ, понеже они великаго числа денегъ желаютъ; а когда они 20,000 пожелаютъ, то немедленно мы оныя пошлемъ“²⁾.

На войско можно было не посылать денегъ; но нельзя было не давать секретныхъ пенсій разнымъ вліятельнымъ лицамъ, чтобы не перенли къ непріятелю. Такъ шестидесяти-шестилѣтній служака, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ, пріѣхавъ въ Люблинъ къ правительству Рѣчи Посполитой, доносилъ, что великаго государя жалованье присаду Шенбеку, бискупу Куявскому и подканцлеру коронному отдалъ секретно ночнымъ временемъ, какъ они сами того желали; маршалку конфедератскому еще не отдалъ, потому что въ суетѣ пребываетъ, многіе у него и онъ у многихъ бываетъ. „Подканцлеръ мнѣ говорилъ приватно“, писалъ Украинцевъ, „что теперь въ войскѣ коронномъ послѣ гетмановъ самый сильный человекъ въ словѣ и дѣлѣ Люблинскій воевода Тарло, который самъ просилъ у великаго государя милостиваго призрѣнія, а именно во-первыхъ, чтобы дали ему денегъ; во-вторыхъ,

чтобы назначено было ему мѣсто въ Россіи на всякій пужный случай, когда Шведы возьмутъ верхъ; в-третьихъ, чтобы ему въ этомъ мѣстѣ дали домъ, дворъ и пропитаніе; до сихъ поръ Тарло ничего не получилъ, даже и милостиваго обидежливанія. И онъ, подканцлеръ, свидѣтельствуяебъ Господомъ Богомъ въ своей истинѣ, служаж и радѣя его величеству въ общихъ интересахъ обоихъ государствъ, доноситъ и предлагаетъ, чтобы тому воеводѣ послано было жалованье, хотя бы 2,000 рублей, чтобы онъ въ нынѣшнее время не былъ въ чѣмъ противень сторонѣ царскаго величества“.

Въ октябрѣ велѣно было Украинцеву огдать Полякамъ 20,000 рублей на войско и грамоту къ гетману Мазепѣ объ отдачѣ Бѣлой Церкви; но гетманы: - великій — Адамъ Снявскій и польскій Станиславъ Ржевускій — и другія правительственныя лица отвѣчали ему единогласно, что двадцати тысячъ мало, не только принять, но и объявить въ войскѣ такую ничтожную сумму они не смѣютъ. Если услышишь объ этомъ войско, то отъ нихъ, гетмановъ, отступитъ, и царскому величеству будетъ поврежденіе; они думали, что будетъ къ нимъ прислано сто тысячъ и больше, ибо по союзному договору общаю давать ежегодно по 200,000 рублей, также и Украйну царское величество изволилъ отдать, и по сіе время исполненія никакого нѣтъ, только проводятъ ихъ одними общаніями, да, сверхъ того, упрекаютъ ихъ въ невѣрности: а они договоръ держатся постоянно и во всемъ вѣрны; и теперь, если непріятель явится къ баталіи и царскіе генералы потребуютъ ихъ къ себѣ, то они готовы. Украинцевъ говорилъ имъ, что при министрахъ царскихъ и при войскѣ денегъ теперь мало, а когда приишлются изъ Москвы, тогда будетъ указъ и о прибавкѣ на польское войско; объ отдачѣ Украйны, отобранной Патлемъ, у него грамота министерская къ Мазепѣ. Но Поляки твердили свое, что на присылку денегъ нѣтъ ихъ надежды, также и на отдачу Украйны, потому что и прежде Мазепа получалъ объ этомъ министерскія письма, но не исполнялъ по нимъ. „Хотя я вѣдоу и надѣюсь“, писалъ Украинцевъ Головкину, „что господинъ Мазепа по письму вашему не отдастъ Украйны, однако я этого письма не отдалъ Полякамъ, потому что бискупъ Куявскій писалъ мнѣ: если и это письмо окажется попрежнему неправдивымъ и Мазепа Украйны не отдастъ, то мы отъ себя совершенно гетмановъ, войско, всю Рѣчь Посполитую отгонимъ“. Гетманы прислали сказать Украинцеву, что если войско не получитъ на одну четверть царскаго жалованья, то отступитъ, пойдетъ къ непріятелю и имъ, гетманамъ, дѣлать будетъ тогда нечего. Украинцевъ писалъ Головкину: „Денегъ по сіе время еще я никому не давалъ, ибо вижу, что ни въ одномъ нѣтъ истины; поваднли мы ихъ такими дачамъ, и даемъ деньги, то все равно, что въ огонь бросаемъ или въ воду сыплемъ напрасно. Бискупъ совѣдуетъ мнѣ дать три тысячи маршалку конфедерации Денгофу, а тотъ и съ другими, съ кѣмъ знаетъ, подѣлится.

¹⁾ Московскій архивъ. Мн. Пн. Дѣлъ, Польскія дѣла 1707 года. — Кабинетъ 1, кн. № 20.

²⁾ Письма Головкина въ Государ. Архивъ.

И я разсуждаю, что доведется ему дать: онъ въ войскѣ конфедераціи силенъ и все его любить; и конфедерація составлена у нихъ для того, чтобъ стоять за вѣру и вольные выборы королевскіе, и на присягу нынѣ они подписываются не для насъ, но крѣплятъ и вѣнуютъ между собою для себя, но притомъ и насъ въ присягѣ написали явственно. Платимъ деньги войску ихъ и ихъ даримъ, а потомъ портиимъ все свои дѣла и дружбу малымъ грабежомъ. Меня оглушили жалобами. Бискупъ жаловался, что въ его бискупіи все пограблено и ксензъ знатный пытанъ и повѣшенъ. Богъ вѣсть, правда ли это;—я не вѣрю и говорилъ бискупу: можно было бы повѣшеннаго ксенза привести къ судьямъ; ваши управляющіе сами покрадутъ ваше имѣніе, да и скажутъ, что казаки и Калмыки пограбили,—во всемъ надобно свидѣтельство и розыскъ. Какъ я вижу, продолжаетъ Украинцевъ, въ государеву казну изъ тѣхъ грабежей нѣтъ въ приходѣ ничего, а Шведъ, что въ костелахъ побралъ серебра, съ городовъ и мѣстъ денегъ, то все въ его казну пришло. Если воеводы Мазовецкій и Любельскій станутъ помогать, чтобъ имъ въ нужное время быть за Дѣяпромъ, въ Черинговѣ или Нѣжинѣ, и имъ бы того не позволять, потому что опасно отъ такихъ головъ всякаго въ малороссійскихъ городахъ плевосятельства къ возмущенію и бунту; и нынѣ, если они Украйну отберутъ, то надобно того же отъ нихъ накрѣпко опасаться; а въ нужный случай могутъ они и безъ насъ спастись: подъ бокомъ у нихъ Молдавія, Валахія, Венгрія, въ Прусахъ Королевецъ и другія мѣста; а у насъ можно имъ побить развѣ на Лукахъ, въ Торопцѣ, подъ Нековомъ, въ Опочкѣ, кромѣ Смоленска“.

Паны надумались и взяли 20,000 рублей; кромѣ того, Украинцевъ далъ 5,000 бискупу Куяльскому и маршалку конфедераціи. Оглушая Украинцева жалобами на грабежи отъ русскаго войска, Поляки ничего не говорили о своемъ шляхтичѣ Выжицкомъ, который зазвалъ къ себѣ въ гости, ѣхавшихъ чрезъ мѣстечко Дубъ, семеновскихъ гвардейцевъ и перерѣзалъ ночью сонныхъ,—двонхъ офицеровъ, сержанта отъ пушкарей и девять человекъ солдатъ. Петръ былъ сильно раздраженъ и велѣлъ объявить Шольскому правительству: „Сіе мнѣ зѣло печально о такихъ добрыхъ офицерахъ и солдатахъ, которыхъ я съ молодыхъ лѣтъ съ собою растилъ; а ежели ихъ такъ зѣвѣ станутъ трахать, то мы напередъ контривизитъ сдѣлаемъ“. На требованія Украинцева, чтобъ посланы были немедленно въ Врестъ комиссары и судьи на общіе суды, гетманы и бискупъ отвѣчали: „Мы знаемъ, что вы добиваетесь комиссаровъ и судей не для другихъ какихъ дѣлъ, а только для вершенія дѣла шляхтича Выжицкаго съ товарищами; и мы, радѣя царскому величеству, объявляемъ, чтобъ въ нынѣшнее время Выжицкаго съ товарищами въ Врестѣ не казнить, потому что онъ въ Польшѣ знатный шляхтичъ и имѣеть свойство съ домами высокоблагородными; чтобъ оттого въ вольномъ на-

шемъ народѣ не поднялся ропотъ и не вкоренилась противность; и безъ того отъ разоренія и грабежей, которые причиняютъ главные офицеры-иноземцы, и казаки, и Калмыки, въ войскѣ, между всеми сенаторами и шляхтою и всякихъ чиновъ обывателями, духовными и морскими,—великій вопль, вздохи и слезы, а на насъ, гетмановъ, нареканіе и злоба, будто мы за нихъ не стоимъ, тогда какъ и у насъ въ имѣніяхъ то же дѣлается: такъ мы совѣтуемъ, чтобъ Выжицкій съ товарищами за вину свою не былъ тутъ казненъ въ Врестѣ, и свезти подальше въ Литву, на Бѣлую Русь, или въ иное мѣсто, какъ Свинцкаго, который и больше рагныхъ русскыхъ людей побилъ, и казну пограбилъ, однако не казненъ“.

Въ концѣ года Украинцевъ писалъ Головкину: „Не вѣрять Поляки намъ и опасаются, чтобъ мы, оставя ихъ, не заключили съ Шведомъ миръ съ уступкою всего завоеваннаго. Въ нынѣшнее время помощи отъ нихъ намъ не ожидаю; больше всего смотреть и берегутъ своихъ интересовъ; говорилъ мнѣ бискупъ, что и то намъ отъ нихъ помощь, что въ нынѣшнее время лежать они нейтралами, къ непріятелю не склоняются и на его предложеніе отвѣчаютъ, что они въ союзѣ съ царскимъ величествомъ и отъ него не отступятъ. Казаковъ нашихъ хорошо бы съ ними не соединять; самъ я слышалъ отъ гетмана: если они съ нимъ соединятся, то онъ знаетъ, какъ съ ними поступать—либо цѣлы будутъ, либо пропадутъ. Хочетъ онъ, гетманъ, просить у гетмана Мазеши, именно полковниковъ Михайлу Бѣлоцерковскаго и Татскаго; оба они здѣшней стороны и казаки у нихъ въ полкахъ почти все Палѣвцы;—опасно, чтобъ вовсе при нихъ не остались, и тамъ начало пристанищу польскому въ Украйнѣ не положили, потому что Поляки сдѣлаютъ ихъ полковниками здѣшнихъ же задѣяровскихъ городовъ. Проговариваются, что если мы Украйны имъ не уступимъ, то будутъ ее заѣзжать. Теперь здѣшніе все стали веселы и между собою банкетуютъ и пригарживаются, слыша, что непріятель со всею силою идетъ на насъ въ Литву; думаютъ, что и Станиславъ Лещинскій не останется отъ него. Гетманъ Сипявскій о взятіи жены своей непріятелемъ печалится съ недѣлю; а прѣхавъ во Львовъ, сталъ опять веселъ и едва не каждый день банкетуетъ“.

Нейтральнымъ желаніемъ этихъ банкетующихъ господъ Петръ не могъ быть доволенъ. Чубъ сосредоточить въ Польнѣ силы, противныя Карлу и Лещинскому, и дать имъ сколько-нибудь правильное движеніе, нуженъ былъ король, и, въ маѣ 1707 г., Петръ отправилъ ксенза Шамбека къ королевичу Якубу Собьскому съ предложеніемъ польской короны. Шембекъ получилъ инструкцію: поспѣшнѣе какъ можно скорѣе къ королевичу, изобразить ему правдивое и прилежное желаніе царскаго величества и становъ Рѣчи Посполитой къ persoи его милости, чтобъ онъ немедленно принялъ корону Польскую. Предложить все способы, которыми королевичъ свободно на престолѣ удержаться можетъ,

а именно, что царское величество ему какъ всѣмъ войсками, такъ и деньгами помогать будетъ и, не утвердя на престолѣ, не оставитъ. Прилежно стараться, чтобъ королевичъ самъ немедленно послѣдшилъ сюда на раду, или чтобъ немедленно секретнаго министра своего съ полною мочью и желаніемъ о коронѣ къ царскому величеству и къ Рѣчи Посполитой прислалъ, съ обнадеживаніемъ пріѣзда своего, какъ скоро будетъ избранъ королемъ. Еслибы королевичъ Якубъ самъ не захотѣлъ принять короны и согласился бы на ея счетъ съ братомъ своимъ Александромъ, то трактовать точно такъ же и съ послѣднимъ. Если оба королевича подлиннаго рѣшенія не дадутъ, и станутъ проволочивать время, то объявить имъ, что это уже послѣднее отъ царскаго величества предложеніе, и государь немедленно станетъ заботиться о избраніи новаго короля мимо нихъ. Если королевичъ согласится принять корону и потомъ будетъ лишень ея Шведами, то царь обявлялся дать ему и женѣ его въ пожизненное владѣніе одну изъ пограничныхъ западныхъ русскихъ провинцій.

Собскій не рѣшился вступить въ борьбу съ непобѣдимымъ королемъ и отказался отъ царскаго предложенія. Смѣлѣе былъ поднявшійся противъ императора Седмиградскій князь Рагоци, уполномоченные котораго заключили 4 сентября договоръ съ Головкинымъ, кн. Григоріемъ Долгорукимъ и Шафировымъ. Рагоци обѣщаль Петру принять Польскую корону, если будетъ избранъ вольными голосами; Петръ давалъ ему тѣ же обѣщанія, какія и Собскому. Между прочимъ, было условлено: если Шведъ въ нынѣшнюю кампанію въ Польшу не пойдетъ, то королевскіе выборы отложить, а между тѣмъ, при посредничествѣ Франціи и Ваваріи, попытаться заключить миръ съ Шведами; но переговоры по этому поводу не должны продолжаться болѣе четырехъ мѣсяцевъ, начиная съ перваго сентября стараго стѣля; если, по истеченіи этого времени, переговоры не поведутъ ни къ чему, то Рагоци безъ дальнѣйшаго отлагательства долженъ принять Польскую корону; если Шведъ со всѣми силами возвратится въ Польшу, то Рагоци не долженъ считать этого препятствіемъ къ принятію короны. Царь обѣщаетъ приводить добрыми способами императора къ возвращенію вольности венгерской и седмиградской¹⁾. Рагоци принималъ корону только при условіи выбора вольными голосами; но избиратели удерживались постоянными внушеніями изъ Саксоніи, что король Августъ не думаетъ отказываться отъ Польской короны и непремѣнно явится въ Польшу съ войскомъ. То же самое давали знать царскіе агенты при германскихъ дворахъ Урбихъ и Липъ, пересылая обѣщанія и требованія стараго союзника. Головкинъ писалъ по этому случаю Петру изъ Минска 21 ноября: „Извольте намъ на Августово дѣло и требованіе послѣднее свое изволеніе прислать, а мы подаемъ вашему

величеству по должности своей въ разсужденіе, что, како мы чаемъ, едва ли онъ безъ дачи денежной предъ выѣздомъ еще изъ Саксоніи тотъ договоръ съ вашимъ величествомъ совершить склонится-я. А давать ему деньги, не выдавъ подлинной надежды къ выходу его и къ начпанію противъ Шведа наки войны, не можетъ никто совѣтовать. И мы писали къ Липу, дабы онъ въ пріѣздѣ Флеминга (Августова министра) въ Берлинъ всякимъ образомъ старался ихъ отъ того запросу ясными доводами, что того чинитъ безъ самаго дѣйства и начпанія Августова невозможно, а то дѣйство ничѣмъ инымъ, кромѣ вступленія его въ Польшу, утвердиться не можетъ. И тако той дачи ему отъ вашего величества давать напередъ не мочно“.

Наконецъ къ Головкину явился посланный отъ Августа Шпигель съ просьбою, чтобъ его непременно отпустили къ царю для личныхъ объясненій: „Разсудили мы за благо“, писалъ Головкинъ царю 24 декабря: „Шпигеля отпустить къ вашему величеству, у котораго, государь, извольшь доношеніе Августово въ удобное время выслушать и отправить его съ милостію, дабы тѣмъ Августу о склонности вашего величества къ нему весьма увѣрить и къ скорому выходу въ Польшу охоты ему долать“²⁾.

Но безъ рѣшительнаго военнаго успѣха съ русской стороны нельзя было добавить Августу охоты къ скорому выходу въ Польшу. Такъ же напрасны были старанія заключить сколько-нибудь выгодный миръ съ Швеціею при посредствѣ западныхъ державъ. Въ январѣ 1706 года, передъ отъѣздомъ своимъ въ Вѣлоруссію, навстрѣчу Карлу XII, царь, будучи у голландскаго резидента фанъ деръ-Гульста, сказалъ ему: „Эта война мнѣ тяжка не потому, чтобъ я боялся Шведовъ, но по причинѣ такого сильнаго пролитія крови христіанской; если, благодаря посредничеству Штатовъ и высокихъ союзниковъ, король Шведскій склопнется къ миру, то я отдамъ въ распоряженіе союзниковъ противъ обршаго врага (Франціи) тридцать тысячъ моего лучшаго войска“³⁾. Голландія отмолчалась; попробовали затронуть Англію.

Еще въ 1705 году пріѣхалъ въ Москву чрезвычайный Англійскій посланникъ Витвортъ для схода тайствования торговыхъ выгодъ, и, въ разговорѣ съ Головкинымъ, распространялся о доброжелательствѣ своей королевы къ его царскому величеству; утверждать, что англійскому посланнику въ Швеціи наказано предлагать посредничество королевы къ примиренію между Швеціею, Россіею и Польшею, и если у царскаго величества и у короля Польскаго придетъ къ генеральному миру съ Шведомъ, то королева готова быть посредницею и будетъ искать пользы Россіи. Головкинъ спросилъ, не имѣетъ ли посланникъ отъ королевы какого указа о предложеніи посредничества къ примиренію

¹⁾ Моск. архивъ Мин. Ип. Д., Польскія дѣла 1707 г.

²⁾ Письма Головкина въ Государств. Архивъ, и въ Москов. архивъ Мин. Ип. Д.

Россіи и Польши съ Швеціею. Витвортъ отвѣчалъ, что ему наказано предложить королевино посредничество, смотря по поступкамъ Шведскаго короля, по его намѣренію и склонности къ миру; но теперь, ѣдучи дорогою, былъ онъ нарочно въ Силезіи и Данцигѣ, и провѣдалъ подлинно, что у Шведскаго короля нѣтъ никакой склонности къ миру, поэтому онъ не можетъ ничего предложить царскому величеству. Въ концѣ 1706 года, Петръ велѣлъ ѣхать въ Англію Андрею Артамоновичу Матвѣеву: „Понеже сіе мѣсто нынѣ принципиальное въ мочи увсего алирта“. Матвѣевъ долженъ былъ напомнить королевѣ Аннѣ обѣщаніе посредничества, данное черезъ Витворта, просить немедленно приступить къ дѣлу и представить, что въ благодарности за это царь всгунитъ въ нихъ великую алипцью. Если, сказано въ инструкціи Матвѣеву, англійскіе министры стануть отговариваться, что теперь имъ это посредничество нельзя предложить Шведу за французскою войною, Шведъ его не приметъ, то отвѣчать, что они должны приступить къ дѣлу для собственной пользы: нельзя имъ позволять Шведу такъ усиливаться, потому что онъ ясно держитъ сторону Франціи, вопреки своимъ обѣщаніямъ вступилъ въ области Германской имперіи и самовластно распоряжается въ Саксоніи, разоряетъ ее до основанія, чтобъ дать отдыхъ Французу и поддержать венгерскій бунтъ. Если англійскіе министры спросятъ, какая польза имъ будетъ отъ союза съ царскимъ величествомъ, то объявить, что царь пошлетъ войска свои, куда имъ будетъ нужно, доставитъ матеріалъ на ихъ флотъ, можетъ послать войска свои въ Венгрію для укрощенія тамошняго бунта, который такъ вреденъ союзникамъ, отгнывая силы Австрій и давая отдыхъ Франціи. Союзникамъ легко принудить Швецію къ миру: стоитъ только послать эскадру въ Балтійское море и возбудить короля Датскаго и другихъ князей имперіи. Что же касается условій мира между Россіею и Швеціею, то царь отдастъ это дѣло на волю королевы, выговаривая одно, чтобъ возвращенное въ нынѣшнюю войну его оружіемъ отеческое достояніе осталось за Россіею; царь отказывается отъ всякихъ великихъ запросовъ и даже обѣщаетъ нѣкоторую уступку и относительно основнаго требованія. Посоль долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для Англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ: русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ, какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары стануть дешевле, потому что балтійскія пристани близко отъ Москвы и отъ другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный. Матвѣевъ могъ предложить немедленно же написать торговый трактатъ. Въ черновой инструкціи было тутъ приписано: „Буде необходимо, можно но обадеженіе ихъ написать, что не позволите великихъ воинскихъ флотовъ на томъ морѣ имѣть“. На это Петръ собственноручно написалъ: „Зѣло необходимо, только о числѣ

(т. е. кораблей) еще прежде времени не давать знать“.

Если посоль, продолжая инструкція, увидитъ невозможность уговорить Англійскій Дворъ исполнить желаніе царскаго величества, то долженъ искать способа какъ бы склонить на свою сторону Малбурка и казначея Годольфина и секретаря сѣверныхъ посольскихъ дѣлъ, и обѣщать имъ немалые подарки; поспунать при этомъ осторожно, развѣдавъ, склонны-ль эти министры ко взяткамъ, также остерегаться, чтобъ даромъ чего не раздать. Зѣлъ Петръ собственноручно написать: „Не чаю, чтобъ Малбурка до чего склонить, понеже черезъ-мѣру богатъ, однакожъ обѣщать тысячь около двухъ сотъ или больше“.

По желанію Англійскаго Двора, Матвѣевъ могъ заключить договоръ и съ министрами другихъ союзниковъ. Последняя статья черновой инструкціи оканчивалась вопросомъ: если союзники возмунта устроить миръ только на томъ условіи, чтобъ за Россіею осталась одна гавань на Балтійскомъ морѣ, а всея другія завоеванія возвратитъ Шведу, то какъ тутъ поступатъ Матвѣеву? На это Петръ написалъ: „Въ сей статьѣ не отказывать; но испросить на доношеніе, такожъ и о границѣ; будеже по самой крайней мѣрѣ (о чемъ надлежитъ смотрѣть подъ потеряніемъ живота) придетъ дотого, что ни времени не дадутъ на ониску, а скажутъ такъ—или дѣлать, или больше примать не будутъ, то чинитъ свободный договоръ, однакожъ граниченіе безъ ониски огнюдь не дѣлать, и сіе чинитъ видя послѣднее“.

Въ началѣ мая 1707 года пріѣхалъ Матвѣевъ въ Лондонъ и далъ знать въ Россію, что „съ перваго случая нашель къ себѣ обхождение госнодь Англичанъ пріятное; только изъ внутренняго исполненія дѣйствъ больше буду ожидать впредь, нежели изъ вышнностей“. Трудности не замедлили представиться: правленіе не самодержавное, безъ парламента королева ничего сдѣлать не можетъ, а главное двѣ факціи — торы и виги: одни держатъ сторону королевы и ея союзниковъ, другіе — сторону наслѣдника изъ дому Ганноверскаго и его союзниковъ, т. е. Шведовъ, влѣдствіе чего Англійскій Дворъ представился Матвѣеву многоличнымъ. Представившисъ королевѣ, Матвѣевъ имѣлъ конференцію съ государственнымъ секретаремъ Гарлеемъ, по требованію котораго подалъ письменное предложеніе о союзѣ. Отвѣта на это предложеніе долго не было. Матвѣевъ объяснялъ эту медленность тѣмъ, что Англійское правительство находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны бунтъ загрозитъ могущественнаго короля Шведскаго, находящагося въ Германіи, съ другой — не хочетъ оскорбить и Русскаго царя, съ государствомъ котораго Англичане производятъ такую выгодную торговлю. Матвѣевъ вздѣлъ въ Виздзоръ съ докуками, чтобъ занялся поскорѣе его дѣломъ; одинъ отвѣтъ — недосугъ. Матвѣевъ сердился; особенно сердился онъ на англійскихъ куп-

цовъ, торгующихъ съ Россіею, что не помогали ему ни въ чемъ своимъ вліяніемъ, какъ по главному дѣлу о союзѣ, такъ и въ его требованіяхъ, чтобъ Англія не признавала Лейпцигскаго короля Польскими и не гарантировала Алтраннштадтскій миръ; онъ писалъ Головкину, что въ Россіи надобно поприжать англійскихъ купцовъ и такимъ образомъ заставить ихъ проснуться и хлопотать за русскіе интересы: „Много я потерялъ труда, ходя за тѣми мужиками, англійскими купцами; но они, кромѣ одного Стельса, не только не оказали мнѣ никакой помощи, лаже и отвѣта не дали, и никого изъ нихъ я у себя не видалъ, только разъ былъ у меня по моему пріѣздѣ съ своими разсказами суетными“.

Наконецъ Гарлей въ пріятельскомъ разговорѣ самъ объявлялъ Матвѣеву, что русское дѣло отложено по той причинѣ, что королева при настоящихъ обстоятельствахъ не хочетъ ссориться ни съ Россіею, ни съ Швеціею, тѣмъ болѣе что Карлъ XII объявилъ рѣшительно, что не затронетъ Австріи. Держать однако Матвѣева слншкомъ долго безъ отвѣта было нельзя, и, въ концѣ августа, сама королева объявила ему, что готова вступить съ царемъ въ великій союзъ. Въ началѣ сентября пріѣхалъ къ нему Гарлей толковать о содержаніи отвѣтной грамоты королевниной къ царю; въ грамотѣ королева объявляла явно о своемъ вступленіи съ царскимъ величествомъ въ великій союзъ, и, какъ скоро получится на это согласіе Голландіи, объявляла немедленно объявить, на какихъ условіяхъ этотъ союзъ долженъ быть заключенъ, причемъ королева изъявила желаніе заключить особый торговый трактатъ для общей пользы обоихъ государствъ. Гарлей сообщилъ Матвѣеву подъ великою тайпою, что англійскій посланникъ уже обѣщалъ шведскимъ министрамъ дать денегъ за избавленіе Паткуля отъ смерти. „Впрочемъ“, прибавилъ Гарлей, „это дѣло дозанинее: публично королева въ него не вѣршвается, только думаю, что Паткуль спасется отъ смерти“. Марльборо писалъ къ Матвѣеву, что употребитъ все свое стараніе у Штатовъ, чтобъ побудить ихъ согласиться на принятіе Россіи въ великій союзъ; но Матвѣевъ мало полагался на эти обѣщанія, и написалъ къ оставленному имъ въ Гагѣ русскому агенту Фандербургу, чтобъ разузнать, какъ будетъ дѣйствовать Марльборо по русскому дѣлу, сходно ли будетъ его поведеніе съ словами и обѣщаньями, или объявится медъ на языкѣ, а желчь въ сердцѣ.

Теперь пришелъ чередъ Штатамъ медлить; прошелъ сентябрь, октябрь — и нѣтъ отвѣта. На докучки Матвѣева англійскіе министры отвѣчали, что они ничего не могутъ сдѣлать до возвращенія Марльборо изъ Голландіи. „Здѣшнее министерство“, писалъ Матвѣевъ Головкину, „въ тонкости и проницательствѣ субельныѣ самихъ Французовъ, отъ словъ гладкихъ и бесплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ“. 9 ноября пріѣхалъ Марльборо въ Лондонъ и на другой же день посетилъ

Матвѣева: долго разговаривали они одинъ-на-одинъ; Марльборо разсказывалъ подробно о своихъ стараніяхъ въ Голландіи, чтобъ заставить Штаты согласиться на принятіе Россіи въ союзъ; Штаты склонны къ этому, но надобно хлопотать, чтобы другіе союзники согласились, а это дѣло трудное по настоящему военному времени; впрочемъ надобно имѣть полную надежду, что королева исполнитъ все по желанію царскаго величества. Матвѣевъ рѣшился просить герцога, чтобъ онъ, какъ честнѣйшій человѣкъ, сказалъ прямо, безъ сладкихъ обѣщаній, можетъ ли царь чего-нибудь надѣяться или нѣтъ. Марльборо въ отвѣтъ разсыпался въ обнадеживаніяхъ и обещаніяхъ всякаго рода. Но однимъ этими обнадеживаніями и обещаніями и надобно были ограничиться¹⁾.

На континентѣ воевалъ въ сношенія съ Марльборо царскій агентъ Гюйсенъ. Герцогъ объявилъ ему, что готовъ содѣйствовать видамъ царя, если ему дано будетъ княжество въ Россіи. Когда Головкинъ далъ знать Петру объ этомъ, то получилъ отвѣтъ: „Отвѣтствовать Геезену на его вопрошеніе, что дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ Русскихъ; на что отписать къ Геезену, и если то такъ и вышереченный дукъ къ тому склоненъ, то обѣщайтъ ему изъ трехъ, которыя похочетъ — Кіевское, Владимірское или Сибирское, и притомъ склонять его, чтобъ оный вспомогалъ у королевы о добромъ миру (съ) Шведомъ; обѣщайтъ ему, ежели онъ то учинитъ, то съ онаго княжества по вся годы жизни его непременно дано будетъ по 50,000 ефимковъ, такожъ камень-рубинъ, какого или нѣтъ, или зѣло мало такого величества въ Европѣ, такожъ и орденъ Св. Андрея присланъ будетъ“²⁾. Дѣло не пошло далѣе. Никакое посредство не могло имѣть дѣйствія при твердо выраженной волѣ Петра: „По самой нуждѣ и Нарву (Швелу) уступить, а о Питербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть“³⁾. Такъ весною 1707 года, посредствомъ французскаго посла при Рагоци, Дезальера сдѣлано было предложеніе Людовику XIV быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Швеціею на предложенномъ условіи, за что Петръ обѣщалъ Людовику свои войска, которыя король могъ употребить по своему желанію. Дѣло началось, но Карлъ XII отвѣчалъ, что согласится на миръ только тогда, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ за военныя издержки; что онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Питербургъ въ рукахъ царскихъ⁴⁾.

Такъ же мало было надежды и у Вѣнскаго Двора, при которомъ находился въ это время Гюйсенъ.

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ии. Дѣлъ, Англійскія дѣла 1707 года. — Дописанія голландскихъ резидентовъ.

²⁾ Письма Петра В. въ Государ. Архивѣ.

³⁾ Письма Петра В. въ Государ. Архивѣ.

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Ии. Дѣлъ, Французскія дѣла 1707 года.

Онъ писалъ 19 марта 1707 года: „Неприятель нашъ не спитъ и старается у другихъ народовъ привести нашъ народъ въ ненависть; шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ Дворахъ, что царское величество, благодаря своему многочисленному и хорошо обученному войску, можетъ современемъ предпринять наступательное движеніе на другихъ государей и преодолѣть ихъ скискими подобіемъ. Царевичу своему велѣла быть въ Польшу, чтобъ его или князя Александра Меншикова сдѣлать королемъ Польскимъ; главный интересъ сосѣднихъ государей требуетъ препятствовать всѣми средствами, чтобъ царское войско и флотъ не могли придти въ лучшей порядокъ. Эти внушенія имѣютъ силу здѣсь: Цесарь призвалъ Станислава королемъ; и думаю, что никогда не будетъ просить царское величество о посылкѣ въ Венгрію московскихъ войскъ. Когда была здѣсь рѣчь, что царское величество согласится, по Цесаревой просьбѣ, послать нѣсколько тысячъ московскихъ казаковъ въ Седмиградскую Землю для склоненія Венгровъ къ миру, то цесарскіе министры, склонные къ шведской сторонѣ, рассуждали, что никакъ нельзя на это согласиться: царь можетъ утвердиться въ Венгріи, опершись на живущихъ здѣсь Сербовъ Греческой вѣры“.

Гюйсенъ имѣлъ порученіе предложить отъ имени царя Польскую корону знаменитому императорскому полководцу, принцу Евгенію Савойскому. Гюйсенъ написалъ объ этомъ Евгенію въ Миланъ, и тотъ отвѣчалъ Петру 3 мая, что останется вѣчно благодаренъ за такое милостивое расположеніе къ его особѣ; но, находясь въ императорской службѣ, онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома императора, и всего менѣе думаетъ оставить службу послѣдняго; кромѣ того, онъ находится теперь вдали отъ Двора и наканунѣ открытія кампаніи. Гюйсенъ отправился въ Миланъ и къ Евгенію, чтобъ лично настаивать на принятіи царскаго предложенія. Евгеній далъ знать Петру отъ 12 мая, что отправилъ нарочнаго курьера къ императору съ извѣщеніемъ о царскомъ предложеніи. Какой былъ полученъ отвѣтъ отъ императора,—неизвѣстно; только въ іюнѣ Гюйсенъ доносилъ изъ Вѣны, что императоръ и принцъ Евгений охотно приняли бы царское предложеніе, только императору хотѣлось бы, чтобъ царь и Рѣчь Посполитая отложили избраніе до окончанія войны. Этимъ дѣло и кончилось.

Отношенія къ Пруссіи очерчены всего лучше въ письмѣ Петра къ Шафирову (отъ 24 сентября 1706 года): „Прусскому посланнику много нечего говорить, только что мы дружбу его всегда цѣнимъ, чего для и Измайлова послали; а частія переѣзды зѣло смущаютъ, и нельзя знать при чемъ ставятъ, пошеже повсягды разныя, также и предложенія несносныя, которыхъ никогда принять невозможно; а посланнику благодарю о его доброжеланіи“. Въ чемъ состоялъ наказъ отправленному въ Берлинъ Измайлову,—видно изъ слѣдующаго письма къ нему

Головкина въ январѣ 1707 года: „Изволишь всячески трудиться противъ даннаго вамъ наказа, дабы его королевское величество воспріялъ медиаторство къ пользѣ его царскаго величества между королемъ Шведскимъ; буде же на то не изволишь поступить, то-бъ изволишь подтвердить прежній союзъ и объявилъ бы себя нейтральнымъ, и въ томъ бы изволишь весьма обнадежить и дать письмо, чтобъ его царское величество весьма въ надеждѣ доброй пребывать могъ. И буде такое письмо его королевское величество соизволитъ дать, то и ваша милость изволь, взаимно присовокупя о томъ особливую статью къ прежнему союзу, дать, написавъ за своею рукою, и твердо обнадежить, что его царское величество въ непрѣмливой дружбѣ съ его королевскимъ величествомъ быти желаетъ; однакожь напаче всего изволь по всякой возможности трудиться, дабы его королевское величество воспріялъ медиацию. Что же изволишь упоминать о общаніи министрамъ денегъ и совѣтуешь, дабы г. графа Вартенберга чѣмъ удовольствовать, то изволь ему, если что онъ учинитъ у своего короля къ пользѣ его царскаго величества, общать значное число суммы, и такъ общай, что ежели въ добромъ медиаторствѣ обжуетъ, то ему при томъ же подписаніи и заплачено будетъ; а хотя-бъ со стороны царскаго величества нѣкоторая изъ завоеванныхъ мѣстъ значная часть и уступлена была, однакожь чтобъ миръ благополучной полученъ былъ, то и за то ему, графу, или кому иному, причиннымъ къ тому, общать хотя и до ста тысячъ ефимковъ“.—Ничто непомогало.

Данію также тѣтно старались вовлечь снова въ войну противъ Швеціи, предлагая Дерптъ и Нарву⁴⁾. Хлопоча повсюду на западѣ о прекращеніи опасной войны со Шведомъ, царь еще сильнѣе долженъ былъ хлопотать на востокъ, чтобъ эта война не стала еще опаснѣе чрезъ присоединеніе къ ней войны Турецкой. Мы оставили русскаго посла Петра Толстого въ Константинополь въ 1705 году, когда ему удалось освободиться отъ стѣсненій, причипленныхъ навѣтами турецкаго посла, бывшаго въ Москвѣ. Послѣ этого Толстой началъ присылать усоконительныя вѣсти: „О началіи Турками войны въ какую нибудь сторону вовсе не слышится, только султанъ очень прилежно собираетъ деньги, и то, какъ видно, чтобъ удовольствовать нынчарь, боясь отъ нихъ бунтовъ. Нынѣшній взиръ никакаго дѣла сдѣлать не умѣетъ, ни великаго, ниже малаго, и потому я теперь сижу безъ дѣла и ни о чемъ съ министрами ихъ говорить не могу; также и министры ихъ, видя визирское неразумство, ни въ какія дѣла не вступаютъ“. Въ концѣ года Головинъ писалъ Толстому наставленіе—слушаться совѣтовъ Іерусалимскаго патріарха, посылать письма только черезъ старыхъ друзей, не отцускать въ Москву Грековъ, масте-

⁴⁾ Москв. архивъ Мин. Ии. Д., дѣла Австрійскія: Головкина—Дѣянія XI, стр. 183, 260. Дополненія къ Дѣял. VII, стр. 310.

ровыхъ людей и матросовъ, потому что они живы. Толстой отвѣчалъ въ январѣ 1706 года: „Совѣтоваться съ святѣйшимъ патріархомъ, ей, усердно радъ, только-бъ изволили подавать совѣтъ безобязанно; письма посылать чрезъ старыхъ друзей всеусердно желаю, но въ то время, когда бываю въ утѣсеніи, опасаются они и не принимаютъ и въ нужныя времена бѣгаютъ, сыскать ихъ негдѣ, потому посылаю и черезъ другихъ, а когда мнѣ бываетъ свобода, тогда пріятели усердствуютъ изрядно. Грековъ отпускать къ Москвѣ не буду, потому что въ самомъ дѣлѣ отъ мала до велика всѣ лгуть и вѣрить имъ огню нельзя. Только прошу милости: если мнѣ великій государь уважить еще въ сѣхъ тягостяхъ быть, то мнѣ не занимать денегъ на мое пропитаніе невозможно, а занимать, кромѣ Грековъ, не у кого. Нынѣ извѣстно единому Богу, въ какой живу нуждѣ: изъ соболей, присланныхъ мнѣ въ годовое жалованье, до сего времени не продалъ ни одного и впродъ ихъ скоро продать не надѣюсь, потому что на мою бѣду привезли нынѣшній годъ Греки въ Константинополь соболей больше пяти сотъ сороковъ, да Турки разгласили, чтобъ соболей, кромѣ визиря и султана, никто не носилъ, и потому теперь соболей никто не покупаетъ. Прошу милости, чтобъ мнѣ выдать жалованье деньгами въ домъ мой; особенно же милости прошу, умилосердитесь надо мною, сирымъ, для любви Сына Божія и для Пресвятыя Богородицы, заступите милостию своею, чтобъ меня, бѣднаго, указалъ великій государь переимѣнить: уже нынѣ строеніемъ Божиимъ и вашею вѣрною къ великому государю службою видится, что мирное состояніе конечно утвердилось, и кто нынѣ здѣсь ни будетъ, кажется, что можетъ пребывать безопасенъ“.

Чтобъ приласкать полезнаго человѣка, заставить его служить безъ жалобъ на важномъ и тяжеломъ мѣстѣ, Петръ написалъ Толстому собственноручно письмо: „Господишь амбасадеръ! Письмо ваше мы благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ писалъ къ вамъ пространнѣе господинъ адмиралъ. Что же о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ переимѣнить, и то исполнено будетъ впродъ; нынѣ же для Бога не поскучь еще нѣкоторое время быть, больше пужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и мы никогда оставимъ“¹⁾. Толстой пришелъ въ восторгъ: „Иначе достоинства моего убожества“, писалъ онъ Головину, „благоизволилъ его величество явить ко мнѣ, послѣднѣйшему своему рабу, такую превеликую милость, за которую долженъ хотя бы и сто разъ умереть, исполняя его величества повелѣніе, и уже не только стужать чело-вѣкъ о переимѣнѣ моей, ниже мыслить сего воз-могу, хотя бы и до конца жизни моей быть мнѣ въ спѣхъ трудахъ; со всякою радостію, съ веселымъ сердцемъ готовъ работать усердно и быть въ страп-ствіи и бездомствіи, и въ томъ дерзновеніи уже

велики раскаиваюсь, что дерзнулъ принести о переимѣнѣ моей рабское мое челоубитѣ“.

Въ апрѣлѣ 1706 года опять произошла переимѣна визиря: новый визирь Али-паша, говорили, былъ челоуикъ добрый и разумный; принялъ онъ Толстого ласково. „Вонетину“, писалъ Толстой, „зѣло убыточны частыя ихъ переимѣны, понеже всякому визирю и кегаѣ его посылаю дары немалые, и пропадають оныя напрасно; а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и такъ чинятъ всѣ прочіе послы“.

Съ новымъ визиремъ Толстой не поладилъ по поводу ссоръ кубанскихъ Татаръ съ Донскими козаками. „Министры турецкіе“, писалъ Толстой 4 августа, „о ссорахъ кубанскихъ никакого опредѣленія до сего числа не сдѣлали; мною я съ ними о томъ говорилъ, но визирь очень загордился и не только не хочетъ рѣшить дѣла по правдѣ, но и словъ моихъ не слушаетъ, и шц на одно мое предложеніе не отвѣчаетъ. Кажется, они такъ дѣлають потому, что съ нашей стороны Татарамъ ни въ чемъ не противятся; а извѣстно, что народъ Турецкій неблагодаренъ,—кто имъ уступаетъ, того они больше презирають. Ктому же проклятые Волохи безпрестанно къ Портѣ шипутъ, веселя ее, будто рати великаго государя въ-конецъ побѣждены Шведами, и отъ этого Турки еще больше гордятся; о похищенныхъ людяхъ и о всякихъ вѣщахъ, что взялъ Кубанцы, написать бы къ Крымскому хану не съ прошеніемъ, но посуровѣе, чтобъ не мыслили Турки, что мы изнемогли и ихъ боимся“.

Скоро явилась новая причина къ столкновенію. Толстой даялъ знать, что пріѣхалъ отъ Крымскаго хана мурза Алей; съ нимъ ханъ писалъ къ Портѣ, что Татары, живущіе въ русскихъ областяхъ, прислали къ хану одного султанскаго сына и трехъ черныхъ Татаръ, и писалъ, что хотятъ изъ царскаго подданства выйти всѣ и переселиться въ Крымъ, потому что въ Россіи обижаютъ ихъ въ вѣрѣ, берутъ съ нихъ много денегъ, и свадьбы своихъ не могутъ они отправлять безъ русскихъ поповъ; чтобъ Крымскій ханъ прислалъ къ нимъ на помощь войско, и они съ женами и дѣтми выйдутъ изъ Россійскаго государство въ Крымъ могутъ. Ханъ просилъ у Порты позволенія дать требуемую помощь; визирь созвалъ совѣтъ, на которомъ муфти говорили, что по ихъ закону надобно принять Татаръ.

Все это было крайне опасно въ концѣ 1706 г., когда Россія должна была поднять одна всю тяжесть шведскаго нашествія. Опять стали думать, какъ бы занять Турокъ и отнять у нихъ возможность соединиться съ Шведами противъ Россіи; Толстой писалъ: „Премного я мыслялъ, какъ бы тайно побудить Порту на вступленіе въ войну съ цесаремъ; не могъ другого придумать, какъ согласиться тайно чрезъ переводчика съ посломъ французскимъ и чрезъ послѣдняго внушать объ этомъ Портѣ. Сначала стану говорить французскому послу: какъ жаль, что Порты подозрѣваетъ царское величество въ непріязненныхъ къ себѣ памѣ-

¹⁾ Головкина—Дѣянія X, стр. 392.

реніяхъ, не вѣрять, что царское величество непременно хочетъ съ нею сохранять миръ, и не могу я надобно, чтобы Порты со стороны царскаго величества ничего не опасалась и скорѣе бы къ венгерскому дѣлу пристала. Потомъ, когда онъ въ дѣло вступитъ, можно ему внушить, что царское величество не будетъ мѣшать Портѣ управлять съ прочими сосѣдами, потому что теперь имѣетъ дѣло съ Шведами; думаю, что онъ за это схватится крѣпко, и потомъ, посмотря, если будетъ надобно, можно сказать ему и появиѣе. Итакъ надѣюсь на Бога, что къ этому дѣлу приступлю. А если бы французскій посоль въ захотѣлъ кому-нибудь объ этомъ объявить, хотя бы самому Цесарю, — не повѣрять, зная, что онъ этого желаетъ и потому затѣваетъ изъ своей головы. А самому мнѣ говорить объ этомъ Портѣ нѣтъ никакой возможности: во-первыхъ, подумаютъ, что мы нарочно хотимъ ихъ занять, чтобы тѣмъ успѣшнѣе начать съ ними войну; во-вторыхъ, точно такъ объявятъ объ этомъ Цесарю, потому что постоянно желаютъ ссорить христіанъ. Могъ бы я это сдѣлать, подкупивъ ближнихъ султанскихъ и визирскихъ людей, не ясно имъ открывая дѣло, подсылать съ нѣкоторыми приличными словами; однако и этого дѣлать нечѣмъ: просить большіхъ дачъ, а мнѣ нечего давать, и опасаясь, чтобы дача напрасно не пропала. Идутъ слухи, что Венгры усиливаются противъ Цесаря. Я подсылалъ къ визирю одного его близкаго человѣка съ вопросомъ: примутъ ли они Венгровъ или не примутъ. Визирь отвѣчалъ, что есть пословица: когда непріятель войдетъ въ воду до пояса, надобно ему подать руку и спасти его отъ потопленія; когда войдетъ по грудь, дать ему волю дѣлать что хочетъ, а когда уже войдетъ по горло, тогда надобно его пригнѣсть и безопасно утопить. Намъ теперь надобно смотрѣть, что будетъ дѣлаться у Венгровъ съ Цесаремъ“.

Дѣйствовать заодно съ французскими посланникомъ оказалось неудобно, потому что этотъ посланникъ началъ дѣйствовать противъ Россіи. Весною 1707 года Толстой далъ знать, что французскій посланникъ получилъ отъ своего короля приказаніе поссорить Порту съ Россією, не пада никакихъ издѣвлей; посланникъ согласился тайно съ ханомъ Крымскимъ, который и прислалъ въ Константинополь своего визиря съ просьбою позволить Татарамъ идти на помощь Полякамъ, которые въ союзѣ съ Шведами. Ханъ писалъ, что онъ не смѣетъ и не хочетъ доносить Портѣ ничего о дѣлахъ московскихъ, потому что за такія донесенія отецъ его и братъ пострадали, но и молчать ему больше нельзя, потому что государь Московскій уже пришелъ къ нему въ близкое сосѣдство, овладѣлъ ключемъ Крымскаго острова—Каменцомъ-Подольскимъ, и тѣснитъ Крымъ съ двухъ другихъ сторонъ—Азов-

ской и Запорожской, такъ что Татары не знаютъ — чего имъ больше ждуть. Французскій посоль, съ своей стороны, неусыпно промышленъ какъ у визиря, такъ и въ султанскомъ домѣ; разослалъ письма къ ближнимъ султановымъ людямъ. „Узнавши объ этомъ“, писалъ Толстой, „я разослалъ отъ себя письма къ тѣмъ же султанскимъ ближнимъ людямъ, потому что дѣло это надобно дѣлать очень тайно; не надѣюсь впрочемъ, чтобы мои письма были приняты съ такою же любовію, какъ французскія, потому что французскіе посланники посылали свои письма вмѣстѣ съ богатыми подарками, а Турки имѣютъ такой обычай, что отна родного и вѣру за подарки продать готовы. Теперь Турки въ раздумьи, и на котору сторону склоняется—Богъ вѣдаетъ. Призвали полезнымъ послать къ русскимъ границамъ, въ городъ Вендеры, Юсуффъ-пашу, господаря Молдавскаго и Валахскаго, также румельскихъ тамаріотовъ и другихъ служилыхъ людей изъ Румелии, подъ предлогомъ перестройки Вендерской крѣпости, а въ самомъ дѣлѣ опасалось внезапнаго нападенія. Это мнѣ не нравится, ибо ясно, что начинаютъ вѣрять лжамъ французскаго посла и брѣднямъ татарскимъ; также послали указъ Крымскому хану, пашамъ въ Софію, Очаковъ, Керчь и другія мѣста, чтобы были осторожны. Прибавилъ мнѣ тягость Юсуффъ-паша Силистрийскій: писалъ къ Портѣ, что московской границы безъ войска оставить нельзя; это письмо привело Порту въ большое сомнѣніе, потому что прежде онъ такъ не писалъ“.

Толстому удалось провѣдать въ султанскомъ домѣ содержаніе писемъ французскаго посла, содержаніе ихъ было таково: оружіе Цесаря Римскаго и царя Московскаго очень распріятятся; чего же ждуть Порты?—теперь время низложить оружіе нѣмецкое и московское, и утвердить свою державу, потому что Венгры вопіютъ о помощи. Если Порты не хочетъ начинать явной войны, то пусть позволитъ Татарамъ дѣйствовать противъ Москвы, а на помощь Венграмъ пошлетъ тайно тысячъ 8 или 10 Турокъ. Неполитично позволять одному государю стѣснять другого, а теперь царь Московскій покорилъ себя Польшу, стѣснилъ Швецію, держитъ въ своихъ рукахъ Каменецъ-Подольскій, посылаетъ на помощь Цесарю на Венгровъ нѣсколько тысячъ казаковъ. Но Порты должна смотрѣть, что эти оба государя другъ другу помогаютъ по одной причинѣ — чтобы послѣ соединенными силами напастъ на Турцію. Если Порты въ настоящее время Московскаго царя не утѣснитъ, то уже послѣ долго будетъ дожидаться такого благоприятнаго случая. Кромѣ того, царь Московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ Греками, Валахами, Молдаванами и многими другими единовѣрными народами, держитъ здѣсь въ Константинополь послѣ безо всякой надобности, развѣ только для того, чтобы посоль этотъ внушалъ Грекамъ и другимъ единовѣрцамъ своимъ всякія противности. Посоль московскій не спитъ здѣсь, но всячески промышленъ о своей пользѣ,

а Порту утѣшаетъ сладостными словами; царь Московскій ждетъ только окончанія Шведской и Польской войны, чтобъ покрыть Черное море своими кораблями и послать сухопутное войско на Крымъ; цесарь Римскій нападетъ съ другой стороны, и чтобъ не принудили мусульманъ убраться во внутреннюю Азію.

Но, благодаря неспособности и вялости тогдашняго Турецкаго правительства, внушенія эти остались тщетными, что Толстой приписывалъ дѣйствию своихъ писемъ. Совѣтъ, созданный султаномъ, рѣшилъ остаться въ мирѣ съ Россіею и смѣнить враждебнаго ей хана Казы-Гирей, на мѣсто котораго былъ назначенъ Капланъ-Гирей. Новому хану было внушено, что пріхрѣвъ предшественника долженъ научить его жить мирно съ Москвою. Толстой съ восторгомъ писалъ, что подарки французскаго посла пропали даромъ, а ему, Толстому, все дѣло стоило только — мѣхъ горностаиный да четыре пары соболей. Толстой не долго радовался; въ серединѣ лѣта пошли у него большіе расходы: пріѣхалъ посланникъ изъ Польши отъ Лещинскаго на подмогу къ французскому послу; чтобъ заставить турецкихъ вельможъ не внимать враждебнымъ внушеніямъ, Толстой началъ на всѣ стороны разсылать соболи и шубы. Посредствомъ соболей оны узналъ содержаніе письма Лещинскаго къ султану: Лещинскій просилъ позволить Татарамъ идти вмѣстѣ съ Поляками на Москву, представляя, что царь, стѣсненный съ разныхъ сторонъ Поляками, Турками, Татарами и Шведами, принужденъ будетъ отдать Азовъ и все, что только захочетъ султанъ; а если въ настоящее время Порты Полякамъ не помогутъ, то они поневолѣ должны будутъ соединиться съ царемъ и идти съ нимъ вмѣстѣ на Турокъ. Всему свѣту извѣстно, что царь имѣетъ намереніе начать войну съ Портою; Полякамъ говорить явно, чтобъ, помирясь, идти вмѣстѣ на Турокъ; для этого построилъ множество морскихъ судовъ, готовя ихъ на Черное море, и Полякамъ много разъ объявлялъ, будто подданные султанскіе, Греки, и прочіе христіанскіе народы готовы къ возстанію на Турокъ; а нѣкоторымъ Полякамъ по секрету показывалъ письма своего посла изъ Константинополя, и въ этихъ письмахъ говорится, что уже всѣ христіанскіе народы, живущіе въ турецкихъ областяхъ, готовы къ возстанію, и подписаны эти письма руками Грековъ и прочихъ христіанъ. Если Порты этому не вѣрять, то можетъ произвестись обыскъ въ домѣ русскаго посла. Последнее внушеніе подѣйствовало: нѣкоторые вельможи начали совѣтовать султану, чтобъ велѣлъ произвести обыскъ у Толстого; но визирь представилъ, что такое оскорбленіе будетъ равнозначительно объявленію войны, — а готова ли къ ней Порты? Муфтіи, полученный отъ Толстого два сорока соболей, прислалъ сказать ему, чтобъ былъ благонадеженъ, что оны, муфтіи, ему доброхотствовали, сколько могъ, съ нѣкоторыми людьми и бранился, и опредѣлено Поляка, присланнаго Лещинскимъ,

вскорѣ выслать, и миръ съ Москвою содержать ненарушимо. То же самое прислалъ объявить Толстому и рейсъ-ефенди, получившій сорокъ соболей. Давая знать своему правительству о такомъ благоприятномъ оборотѣ дѣла, Толстой извѣщалъ между прочимъ, что по стараніямъ визиря, не любящаго способныхъ людей, задавлены двое самыхъ умныхъ пашей; это извѣстіе посолье оканчиваегъ главнымъ желаніемъ: „Дай Вышній, чтобъ и остальные всѣ передались“⁴⁾.

Петръ счелъ за нужное отправить посольство и въ Римъ; ему хотѣлось заставить папу дѣйствовать въ Польшѣ противъ Станислава Лещинскаго, какъ возведеннаго на престолъ Карломъ, врагомъ католицизма; но при этомъ, разумѣется, надобно было показать папѣ, что самъ царь — не врагъ католицизма. Въ 1707 году отправился въ Римъ подполковникъ гвардіи, князь Борисъ Ив. Куракинъ, безъ характера. Послѣ долгихъ споровъ насчетъ церемоній при представленіи папѣ, согласились, чтобъ Куракинъ, вмѣсто двухъ разъ, поцѣловалъ папу въ ногу только одинъ разъ. Въ рѣчи своей папѣ Куракинъ распространился о расположеніи царя къ Паскскому престолу: оны позволилъ свободное исповѣданіе Католической вѣры въ Москвѣ, позволилъ строить римскія церкви, далъ свободный проѣздъ черезъ Россію римскимъ миссіонерамъ, отправляющимся въ Китай и Персію; за все это царское величество желаетъ, чтобъ папа не признавалъ короля Станислава, а призналъ бы того, кто будетъ избранъ вольными голосами на сеймѣ. Кромѣ того, Куракинъ требовалъ, чтобъ папа послалъ сейму грамоту, въ которой бы объявилъ, что, согласно съ царемъ, оны не признаетъ Станислава королемъ Польскимъ; въ противномъ случаѣ, говорилъ Куракинъ, если Шведамъ удастся, мимо паны, утвердить Станислава на престолѣ, то слѣдствіемъ будетъ уничтоженіе папской власти и даже совершенное уничтоженіе Римской церкви въ Польшѣ. На это отвѣчали, что папа не признавалъ и не признаетъ Станислава королемъ до тѣхъ поръ, пока всѣ Рѣчи Посполитая не признаютъ его своимъ королемъ; что такой же отвѣтъ данъ и королю Французскому, просившему папу признать Станислава. Куракинъ спросилъ: этотъ отвѣтъ будетъ ли выраженъ письменно въ грамотѣ папской къ царю? Ему отвѣчалъ, что папа не напишетъ этого въ грамотѣ; оны и королю Французскому велѣлъ передать на словахъ свой отвѣтъ, потому что письменный отвѣтъ, когда будетъ узнавъ, произведетъ въ Польшѣ сильное неудовольствіе противъ паны; и теперь приверженцы Станислава грозятъ не признавать папскаго нунція за то, что папа медлитъ признаемъ ихъ короля. Папа съ своей стороны требовалъ, чтобъ царь далъ грамоту за своею рукою о свободномъ отправленіи римскаго богослуженія и построеніи римскихъ церквей въ Россіи. Куракинъ отвѣчалъ, что если захотятъ построить римскую

⁴⁾ Моск. архивъ Мпн. Ип. Д., Турецкія дѣла 1707 г.

церковь въ Москвѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, то безъ сомнѣнія получить позволеніе; царь не откажетъ дать и требуемую грамоту—только послѣ войны и смотря по тому, будетъ ли продолжаться къ нему доброе расположение папы ¹⁾.

Всѣ дипломатическія средства были употреблены для пріобрѣтенія посредниковъ при заключеніи мира съ условіемъ сохраненія Петербурга; дипломатическія средства не дѣйствовали. Въ Польшѣ всѣ дѣла шли „какъ молодая брага“, но выраженію Петра ²⁾. Нужно было взять войну на одни русскіе плечи, и съ первыхъ же дней 1707 года царь распоряжается приготовленіями къ оборонѣ. 4 января онъ писалъ къ Апраксину: „Уже вамъ то подлинно извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась; того для ничто такъ надлежитъ хранить яко границы, дабы непріятель или силою, а паче лукавымъ обманомъ не вналъ (и хотя еще не думаетъ изъ Саксоніи идти, однако все лучше управитъ заранѣе) и внутренняго разоренія не принесетъ; того для ничѣмъ такъ чаю сему забѣгать, что отъ границъ указъ дать, дабы въ началѣ весны хлѣбъ ни у кого явно не стоялъ ни въ житницахъ, ни въ гумнахъ, такожъ и сѣна, по въ лѣсахъ—или въ ямахъ, или никакъ какъ (а лучше, въ ямахъ) спританъ былъ, такожъ для скота и своего людемъ собранія въ лѣсахъ же и болотахъ заранѣе не въ ближнихъ мѣстахъ отъ большихъ дорогъ каждый мѣсто себѣ уготовитъ того для, ежели непріятель похочетъ, обшедъ войско, впасть внутрь, тогда вездѣ ничего не найдетъ, а потомъ войскомъ свади будетъ захваченъ, тогда самъ не радъ будетъ своему начинанію. Сіе надлежитъ заранѣе людемъ объявить, понеже сіе людемъ не безъ сомнѣнія или страха будетъ, однакожь когда заранѣе увѣдаютъ, то въ нѣсколько недѣль обмыслятся и ни во что страхъ тотъ будетъ; тогда хотя и впрямь (чего еще и не чаемъ за помощію Божіею) то впаденіе будетъ, тогда не такъ будетъ людемъ странно, понеже уже давно вѣдали, къ тому же и убытку такого не понесутъ отъ непріятеля. И сіе нѣсколькимъ персонамъ, кому надлежитъ вѣдать и который имѣютъ разузденіе, объяви (а не веѣмъ), и чтобъ о томъ указы послать въ первыхъ числахъ апрѣля“.

Насчетъ обороны малороссійской границы Петръ писалъ гетману Мазепѣ 24 января: „Понеже уже вамъ не безызвѣстно есть, что уже сія война на однихъ насъ осталась, того для надлежитъ намъ впадее приготовленіе и осторожность имѣть, чтобъ заранѣе къ походу изготovitъ и чтобъ по самой первой травѣ, въ маѣ подъ Кіевомъ стать, какъ для совершенія начатои фортеціи, а паче для обороны отъ непріятеля своихъ краевъ, о которомъ сказываютъ, что конечно намъ ренъ въ первыхъ числахъ мая идти къ нашимъ краямъ, чего для надлежитъ впадее приготовленіе въ войскахъ имѣть;

и понеже можете знать, что войско Малороссійское не регулярное и въ полѣ противъ непріятеля стать не можетъ, того для совѣтую вамъ довольное число лопатокъ и заступовъ велѣть взять съ собою, такожъ и добрую полковую артиллерію, дабы возможно у Дибѣра (ежели непріятель будетъ) въ удобныхъ мѣстахъ шансами или окопами укрѣпиться и тѣмъ возбранитъ непріятелю ходъ въ свою Землю, такожъ дабы и въ украинскихъ городахъ отъ польскаго рубежа добрую осторожность имѣть и палисадами и прочимъ укрѣпить.—Собратись съ войскомъ у Кіева и Печерскій монастырь укрѣпить. Управя сіе, выступитъ къ Павлочи или гдѣ удобнѣе, а передовыхъ выслать до Полоннаго или далѣе для вѣдомости и голоса. Во время непріятельскаго приходу, осады и управы Печерскій монастырь, уступитъ за Дибѣръ, а старый Кіевъ оставить. И того ради надлежитъ зѣло трудиться, дабы Печерскій монастырь какъ пансорія укрѣпить и артиллерію управитъ, дабы при приходѣ непріятельскомъ безъ страха возможно сію фортецію оставить. Повинно все войско казацкое стать у Кіева въ 10 іюня конечно, чтобъ сего времени не отсутствіи“.

Войско было пополнено новымъ наборомъ. Какъ были прибыльщики, которые доносили о возможности новыхъ источниковъ дохода, такъ были прибыльщики, которые давали знать о возможности взять гдѣ-нибудь рекрутъ. Брянскій житель, дворянинъ Безобразовъ, донесъ, что въ Брянскѣ и въ уѣздѣ к въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ умножилось подъячихъ и дяковъ, и прочихъ нижнихъ чиновъ, а наипаче церковниковъ великихъ, изъ которыхъ гораздо возможно довольное число набрать въ службу въ драгуны или въ солдаты. Петръ послалъ указъ: „Разобрать и годныхъ въ службу написать“ ³⁾.

Карлъ XII давалъ время Петру распорядиться. Была даже одно время надежда, что онъ завизнѣтъ въ Германіи такъ же, какъ прежде увязъ въ Польнѣ, потому что завелъ споры съ императоромъ, которые грозили окончиться войною; такъ, напри- мѣръ, онъ требовалъ религіозныхъ правъ протестантскимъ жителямъ Силезіи. Франція, разумѣется, хлопотала изъ всѣхъ силъ, чтобъ довести дѣло до войны и такимъ образомъ пріобрѣсти могущественнаго союзника; Англія и Голландія, наоборотъ, старались потушить споры; Марльборо явился къ Карлу въ Саксонію съ льстивыми словами: „Если бы полъ не пренятствовалъ моеи королевѣ, то она бы сама пріѣхала сюда, чтобъ видѣть государя, возбудившаго удивленіе всей Европы; я, ея подданный, въ этомъ случаѣ счастливѣе ея, и былъ бы еще счастливѣе, если бы могъ совершить нѣсколько походовъ подъ знаменами вашего величества, чтобъ дополнить мое военное воспитаніе“. Дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ долженъ былъ уступить требованіямъ Карла. Робость, уступчивость со стороны перваго государя Европы, лесть со стороны знаменитаго полководца, побѣдителя войскъ Лю-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Иш. Д., дѣла Царскаго Двора.

²⁾ Кабинетъ I, кн. № 24.

³⁾ Кабинетъ I, кн. № 20.

довика XIV, вся эта слава, которая окружала молодого Шведскаго короля въ Саксоніи, напоминаетъ историку славу, которая здѣсь же окружала въ ближайшее къ намъ время другого завоевателя. Обоихъ окружала эта слава передъ походомъ ихъ въ Россію, передъ тѣмъ, какъ звѣздѣ ихъ суждено было закатиться.

Только въ августѣ 1707 года шведское войско двинулось изъ Саксоніи. Оно имѣло отличный видъ: народъ былъ сытый, отлично обмундированный и вооруженный; при королѣ находилось 24,500 человекъ конницы, 20,000 пѣхоты; Левенгауптъ съ 16,000 въ Лифляндіи и Либекеръ съ 14,000 въ Финляндіи стояли наготовѣ, чтобъ по первому приказу вступить въ русскіе предѣлы. Немудрено, что при такихъ средствахъ въ головѣ Карла составлялись самыя смѣлыя планы; онъ говорилъ, что заключить съ Россіею миръ по-саксонски, онъ хотѣлъ свергнуть Петра съ престола и на его мѣсто возвести принца Якова Сольскаго! Карлъ надѣялся, что ему много поможетъ неудовольствіе на Петра въ Россіи; еще въ концѣ 1706 года онъ сказалъ императорскому посланнику, что скоро хочетъ навѣстить варваровъ въ Москвѣ, въ осадѣ Нарвы и другихъ городовъ времени терять не будетъ, надѣется обойтись и безъ этого, потому что въ Москвѣ многіе князья ему преданы. Но въ Европѣ не всѣ готовы были поручиться за торжество Карла въ Россіи. Гюйсенъ писалъ изъ Вѣны въ сентябрѣ 1707 г., что Шведы идутъ нехотя, сами говорятъ, что почти совсѣмъ отвыкли отъ войны послѣ продолжительнаго покоя и роскошнаго житья въ Саксоніи. Поэтому нѣкоторые предсказываютъ побѣду Петру, если вступить съ Карломъ въ битву. Другіе говорятъ, что менѣе славы, но болѣе безопасности, если царь выведетъ свои войска изъ Польши и будетъ уменьшать силы непріятельскія частыми стычками, внезапными набѣдами казаками и разными военными хитростями¹⁾.

Петръ уже давно рѣшилъ, что надобно избрать послѣднее. Прослышавъ о приближеніи Шведовъ, Менишковиъ выступилъ изъ Польши въ Литву и расположился съ кавалеріею въ Дзепцоллахъ; фельдмаршалъ Шереметевъ съ пѣхотою сталъ въ Минскѣ. Послѣ военнаго совѣта въ мѣстечкѣ Меречѣ, Петръ распорядился, чтобъ въ Польскихъ владѣніяхъ отнюдь не вступать съ непріятелемъ въ генеральную баталію, а стараться заманывать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ, отдохнувши немного послѣ Гродна, опять переживалъ трудныя минуты. Онъ самъ сталъ замѣчать въ себѣ сильную раздражительность, какой не было со времени печальныхъ событій 1698 и 1699 годовъ. Такъ онъ сильно разсердился на Апраксина за то, что адмиралъ оставилъ безъ наказанія воеводъ, приведшихъ къ нему людей не

въ надлежащемъ количествѣ, и написалъ ему жестокое письмо: „Что вы не сдѣлали ничего тѣмъ воеводамъ, которые къ вамъ не по указу довели людей, а отваливаете сіе на Московскіе Приказы, которое въ добро не можетъ причтено быть, но точною дурачъ дѣлать: или дѣлности, или не хотите остудиться (разсориться)“²⁾. Апраксинъ сильно оскорбился, и Петръ сибѣшилъ возвратити жестокое слово; онъ написалъ ему: „Скорбите о томъ, что я вамъ писалъ о воеводахъ, и въ томъ для Бога печали не имѣйте, ибо я истинно не съ злости къ вамъ, но въ здѣлнемъ житіи хотя что малая противность покажется, то приводитъ въ сердце“²⁾.

Съ запада шель сильный непріятель, противъ котораго нужно было направить всѣ силы, — а на востокъ и юго-востокъ кипѣлъ злой бунтъ.

Въ разсказѣ о вѣкахъ предшествовавшихъ было упомянуто, что завоеванія Россіи на востокъ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами были быстры и легки повидимому, но побѣжденные дикари равнодушно сносили русское подданство и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на Турецкаго султана, какъ на естественнаго главу своего и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Тяжесть, навѣшанная на Русскихъ людей въ описываемое время, должны были пасть и на иноподдѣвъ; но эти тяжести, какъ во всѣхъ отдаленныхъ областяхъ государства, увеличивались чиновническими злоупотребленіями, и породили сильное неудовольствіе, которымъ воспользовались люди, желавшіе свергнуть русское иго подъ знаменемъ магометанства.

Съ 1705 года между Башкирцами обнаружилось сильное волненіе; въ немъ обвиняли Уфимскаго комиссара Сергѣева, который притѣснялъ Башкирцевъ при сборѣ съ нихъ лошадей для войска и при отысканіи среди нихъ бѣглыхъ рекрутъ. Въ 1707 г. уфимскій Башкирецъ, назвавшійся султаномъ, ѣздилъ въ Константинополь и Крымъ просить помощи дѣлу единовѣрцевъ; потомъ пробрался на Кубань, оттуда къ горскимъ народамъ, Чеченцамъ, Мичкисамъ, Аксайцамъ, и прельстилъ ихъ, выдавая себя за святаго и за султана Башкирскаго. Горцы провозгласили его своимъ владыкою. Скоро пристали къ нему Кумыки, аграханскіе казаки-раскольники, терскіе кочевые Окочены и Татары. Собраннымъ со всѣми этими народами, святой султанъ подошелъ 12 февраля 1708 года къ Терской крѣпости, сжегъ слободы и острогъ. Терскій воевода Романъ Вельяминовъ, послѣ долгаго сопротивленія, долженъ былъ уйти въ верхній городъ, гдѣ и былъ осажденъ врагами. Астраханскій воевода, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, узнавши объ этомъ, послалъ къ Тереку моремъ 1,200 солдатъ, да степною нѣсколько сотъ вѣрныхъ Татаръ и 3,000 Калмыковъ. 26 февраля это войско начало на непріятеля подѣ Терекомъ и разбило его на-голову; самъ сул-

¹⁾ Fuxell I, 273; дѣла Австрійскія въ Моск. архивѣ Мин. Ии. Д.

²⁾ Кабинетъ I, кн. № 24.

танъ раненый былъ взятъ въ плѣнъ. Но этимъ дѣло не кончилось: поднимая горскіе народы, для общаго магометанскаго дѣла, онъ успѣлъ перелстаться съ своими Башкирцами, — и вся Башкирія взволновалась ¹⁾.

Волнение было тѣмъ опаснѣе, что у возставшихъ явился глава, назвавшійся ханомъ. Для поимки этого хана, 16 ноября 1707 года изъ Уфы посланъ былъ въ башкирскія волости Петръ Хохловъ съ отрядомъ въ 900 человекъ; съ нимъ отправились и Башкирцы, которые обѣщались вѣрно служить; съ другой стороны, отъ Казани, на помощь къ Уфѣ, шелъ Сидоръ Аристовъ съ коннымъ отрядомъ въ 770 человекъ, да полковникъ Иванъ Рыдаръ съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ мятежными Башкирцами въ урочищѣ Юрактау, въ 90 верстахъ отъ Уфы и въ 30 отъ Соловарнаго городка. Башкирцы, бывшіе съ нимъ, измѣнили и соединяясь съ своими, осадили отрядъ Хохлова на степи, гдѣ морили десять сутокъ, не давая ни пить, ни ѣсть, ни спать, и, когда Русскіе люди обезумѣли отъ голоду и бессонницы, воры разорвали обозъ, побили и взяли въ плѣнъ 400 человекъ, по съ 500 остальныхъ Хохловъ пробился и ушелъ въ Соловарный городокъ, откуда выручили его подошедшіе Аристовъ и Рыдаръ ²⁾.

Мятежъ разгорался все болѣе и болѣе, русскія села и деревни запылали. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ царю 7 января 1708 г.: „Башкирское воровство умножается, и Татары Казанскаго уѣзда многіе пристали и многіе пригородки Закамскіе, также и на казанской сторонѣ Камы рѣки дворцовое село Елабугу осадили, и изъ тѣхъ пригородковъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли, и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, Татаръ и Чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ воры Башкирцы наговариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ приблѣзники безъ твоего указа, собою, и чтобъ вездѣ Русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками единовѣрцы, и, собрався великимъ собраньемъ, хотятъ идти подъ Казань. Башкирцы, ходявшіе на Янкъ съ торгами, говорили, что казаки говорили имъ, чтобъ Русскихъ людей, которые будутъ на нихъ, Башкирцевъ, наступать, рубили“ ³⁾.

Обязанность потушить пожаръ была возложена на боярина и воеводу князя Петра Ивановича Хованскаго. Понятно, что, готовясь къ отчаянной борьбѣ съ Карломъ, Петръ хотѣлъ прекратить Башкирскій бунтъ какъ можно скорѣе, и потому велѣлъ Хованскому попытаться уладить дѣло мирными средствами. 2 февраля 1708 года Хованскій послалъ изъ Казани толмача и ясачныхъ Татаръ для разговора съ ворами Башкирцами и Татарами; посланные встрѣтились съ ворами на Арской до-

рогъ, въ 80 верстахъ отъ Казани, и говорили имъ: „Для чего они, воры, великому государю измѣнили и въ Казанскомъ уѣздѣ многія села и деревни, и церкви Божія выжгли, и людей порубили и покололи?“ Воры отвѣчали: все это они дѣлаютъ для того, чтобъ великому государю учинилось полднино пзвѣстно; потому что напередъ сего къ нему, государю, къ Москвѣ на прибыльщиковъ о всякихъ своихъ нуждахъ посылали они свою братью ясачныхъ людей челобитчики были пережманы и биты кнутъемъ, а иные перевѣшаны, и отповѣди имъ никакія ни учинено; и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ, Башкирцевъ, Татаръ, Вотяковъ и Черемисъ, для ихъ скудости, новонакладную прибыль снять, и они отступать и пойдутъ въ дома свои ⁴⁾.

Давши такой отвѣтъ, мятежники пошли дальше, и во второй половинѣ февраля стояли уже въ 30 верстахъ отъ Казани; въ Казанскомъ уѣздѣ между Камою и Волгою и за Камою русскія и вотяцкія села и деревни почти всѣ были разорены, люди побиты или взяты въ плѣнъ. Отрядъ, подъ начальствомъ Осипа Вартенева, выступилъ изъ Казани по Арской дорогѣ и прогналъ воровъ въ Уфимскій уѣздъ; съ другой стороны стапичный атаманъ Невѣжинъ сталъ успѣшно дѣйствовать изъ Сергіевска (гдѣ събра изъ воды бѣжить); лучшіе башкирскіе батыри не могли взять Вилярска и были поражены на голову Невѣжиннымъ, у котораго было 200 Русскихъ да сотня Чувашъ. 22 февраля Хованскій выступилъ съ полками изъ Казани. Воры тотчасъ оробѣли и начали пересылаться съ нимъ. Кудрявцевъ говорилъ Хованскому, чтобъ воровскихъ обмановъ не слушать и учинилъ имъ военный страхъ. „Не учи меня!“ ⁵⁾ отвѣчалъ бояринъ и вступилъ въ переговоры. Мятежникамъ было объявлено прощенье, только заводчикъ бунта, ханъ былъ казненъ. Но оставались уфимскіе Башкирцы. Не имѣя возможности при Шведской войнѣ послать значительные русскіе отряды на отдаленный востокъ, Петръ позволялъ собираться вольницѣ, которая бы изъ добычи истребляла воровскія жилища огнемъ и мечемъ. Кромѣ того, онъ хотѣлъ усмирить варваровъ съ помощью другихъ варваровъ. Въ январѣ 1708 года, стольникъ Иванъ Бахметевъ получилъ приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы въ тайнѣ Люкѣ и уговорить его выслать 20,000 Калмыковъ противъ Башкирцевъ. Люка далъ 20,000 Калмыковъ Бахметеву; но 22 мая послали къ нему изъ Казани начальныя люди грамоту, что воры Донскіе казаки, Игнашка Некрасовъ и Лушка Хохлачъ, вошли въ Камышенку и идутъ къ Саратову, — чтобъ они, Люка, послалъ своихъ Калмыковъ на этихъ воровъ къ Саратову. Люка, въ присутствіи Бахметева, сказалъ присланному изъ Казани: „По указу великаго государя я отдалъ всѣхъ своихъ людей вотъ ему, Бахметеву, на Ба-

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 7; донесеніе Петра Аираксина, 20 марта 1708 года.

²⁾ Кабинетъ II, выписка о Башкирской войнѣ.

³⁾ Письма Кудрявцева въ Государ. архивъ.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

⁵⁾ Письма Кудрявцева въ Госуд. архивъ.

шкурцевъ; у меня останется немного людей, которые мнѣ нужны на караулы и разбѣзды.“ Согласился раздѣлить Калмыковъ на два отряда. 10,000 отправить подъ Саратовъ противъ воровскихъ казаковъ, а другія десять тысячъ—съ Бахматовымъ на Башкирцевъ. 13 июня явился въ войско къ Бахметеву Калмыкъ, который былъ на Янкѣ, и разсказалъ, что при немъ на Янкѣ прѣхали три Башкирца и говорили, что ихъ Башкирцевъ, въ собраніи много, имѣютъ согласіе съ Каракалпакшами, Кыргызами, Донскими казаками и Кубанцами: положено у нихъ всѣхъ другъ друга не выдавать. Услышавши такія вѣсти, Бахметевъ поспѣшно пошелъ впередъ, чтобъ не допустить Башкирцевъ до воровскаго соединенія; перешелъ рѣку Икть, вступилъ въ жилища самихъ воровскихъ заводчиковъ,—крѣпкія и лѣсистыя мѣста, побилъ ихъ на многихъ болахъ и загонахъ, жилища выжегъ, много побралъ полому, лошадей, скота, захваченъ былъ сынъ главнаго заводчика—мулла Измаила. Сначала Башкирцы положили—было не мириться: „Мирому насъ Русскіе люди обмануть“; но теперь, увидавши свое безсиліе, усмирлись; мулла Измаиль и батыри прѣхали къ Бахметеву съ просьбою, чтобъ, по указу великаго государя, вины имъ отдать, и казали грамоту князя Хованскаго, въ которой говорилось о прощеніи: „А если мы теперь съ калмыцкимъ и русскимъ войскомъ бился, то виноваты и коранъ цѣловать станемъ“. Мулла цѣловалъ коранъ за всѣ четыре дороги, что Башкирцы изменять впредь не будутъ и половину весь отдадутъ.

Несмотря на то, волненія все еще продолжались. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, назначенный губернаторомъ въ Казань, писалъ въ февралѣ 1709 года: „О Башкирцахъ доношу: уже три года до меня и нынѣ стоятъ въ злодѣйственномъ своемъ упорствѣ и воровствѣ; и нынѣ по призыву отъ нихъ знатнаго вора прѣхали къ нимъ изъ Каракалпакъ иѣкакой воръ, будто хановъ сынъ, тому, что у насъ кажнень, дядя или братъ. Посланные мною къ Башкирцамъ пишутъ, что многіе обѣщаются стоять вѣрно, а иные злодѣйствуютъ“. Апраксинъ прислалъ при этомъ вѣдомость, чего восточной Украинѣ стоилъ Башкирскій бунтъ: всего въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ пожжено и разорено было селъ и деревень 303; людей погибло и въ плѣнъ отведено 12,705 человекъ. Въ мартѣ Апраксинъ писалъ: „О тѣхъ Башкирахъ доношу тебѣ, государю,—народъ ихъ проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никакихъ надъ собою началъ, хотя-бъ такъ, какъ на Дону подобно атаманы,—и такихъ не имѣють, приняться не за кого, и чтобъ особенно послать не къ кому“. Наконецъ въ апрѣлѣ Апраксинъ донесъ: „Башкирцы лучшіе люди, Кускомъ съ товарищи, прислали выборныхъ людей, вины свои принесли и общались служить и данн давать попрежнему“¹⁾.

Въ то время, когда Башкирцы начали уже успокоиваться, бунтъ заплыла тамъ, откуда уже давно ждали его недовольные,—на Дону: здѣсь наконецъ явился новый Разинъ. Мы видѣли, что Петръ уже давно сталъ требовать нарушенія основнаго казакаго права, права принимать къ себѣ всякаго безъ отдачи. Шобѣи изъ украинскихъ мѣстъ на Донъ все усиливались; помѣщики были мѣстомъ государю, что они отъ этихъ побѣговъ разоряются, платятъ за бѣглыхъ всякія подати спуста,—велѣно взять съ двадцати дворовъ человека въ солдаты, а съ десяти дворовъ работника въ Петербургъ, а бѣглые крестьяне, живучи въ казачьихъ городкахъ, государственной службы не служатъ и податей не платятъ. Легко понять, какъ раздражали Петра эти указанія, что столько людей отбываетъ отъ службы и отъ податей. На Донъ шли царскія грамоты съ требованіемъ, чтобъ такіе-то и такіе крестьяне, поименованные въ челобитныхъ, были сысканы и отданы челобитчикамъ. Атаманы сыскивали иѣоторыхъ и отдавали, но много оставалось на Дону: гдѣ ихъ всѣхъ сыскать, особенно когда искать не хочется! Атаманы и старые казаки уступали, волею-неволею, царскимъ требованіямъ; но эти требованія увеличивались все болѣе и болѣе; было видно, что время совершеннаго подчиненія вольной рѣки государству близко. Мы видѣли уже, что царь распорядился переводомъ казаковъ изъ однихъ мѣстъ на другія для населенія Азовской дороги. Въ маѣ 1705 года пошла на Донъ новая грамота: „Указали мы, великій государь, тѣ городки, которые поселены не по указу и не на шляхахъ, свестъ, и жителей изъ тѣхъ городковъ перевестъ и поселить въ Сѣверскимъ Донцомъ по шлягу, въ пристоинныхъ мѣстахъ, и въ тѣ, и въ другіе городки бѣглецовъ и никакихъ пришлыхъ и работныхъ людей ни откуда отиоу не принимать; за укывательство такихъ бѣглецовъ казаки сосланы будутъ вѣчно на каторги, а пущѣ заводчики безъ милости казнены будутъ; пришлыхъ людей, которые приняты послѣ 1695 года,—всѣхъ послать въ русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что работники, будучи у нашихъ, великаго государя, дѣлъ, забрали въ зачетъ работы многія деньги, и, не хотя заработать, бѣгали и бѣгаютъ всегда въ тѣ города, а которые городки поселены по Сѣверскому Дону до Азовскихъ походовъ, тѣмъ быть попрежнему“.

Вспыхнулъ Астраханскій бунтъ; Донъ повелъ себя хорошо, и царь за такое поведеніе, въ февралѣ 1706 года, пожаловалъ казаковъ войсковыми клейнотами, послалъ имъ перначъ серебряный съ камнемъ золоченъ, бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебряною золоченъ, знамя большое, писаное на камкѣ золотомъ, шесть знаменъ камчатыхъ станичныхъ. Но Петръ, награждая казаковъ за вѣрную службу, не забылъ, что указъ 1705 года о сведеніи городковъ не былъ исполненъ. Въ 1706 году онъ отправилъ на Донъ прежнее требованіе: свестъ городки, построенные послѣ Азовскихъ походовъ, не по указу и не на шляхахъ,

¹⁾ Копіеиъ П, кн. № 9; дѣла Калмыцкія 1708 года въ Москов. архивѣ Мп. И. Д.

свѣсть. не дожидаясь новаго указа; а въ городкахъ, что на шляхахъ, жильцовъ всёхъ переписать, старожильцевъ казаковъ оставить для почтовой гоньбы, потому что чрезъ тѣ городки установлена будетъ къ Черкаску и до Азова обыкновенная ради скорости почта; а новоприсланныхъ людей выслать въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ).

Новоприсланныхъ людей не высылали, и число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе. Въ какихъ размѣрахъ происходило въ описываемое время бѣгство крестьянъ, можно судить изъ слѣдующихъ дописаній: „Въ нынѣшнемъ 1706 году, въ январѣ и февралѣ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Покровскаго женскаго монастыря, села Ярыкова, въ разныхъ числахъ въ начахъ крестьяне съ женами и дѣтми 26 семей со всёми своими животы бѣжали незнамо куда“ ²⁾. Такъ было въ сѣверныхъ областяхъ, откуда не легко было пробраться на какую нибудь Украину; что же въ мѣстахъ, близкихъ къ Дону? Но на великую рѣку бѣжали не одни крестьяне; мы видѣли, что туда бѣжали работники съ публичныхъ работъ, забравши деньги впередъ; туда въ послѣднее время прибѣжало много солдатъ и драгунъ изъ арміи фельдмаршала Шереметева, когда онъ шель изъ Астрахани въ Кіевъ. Царь не хотѣлъ терпѣть болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ и платящихъ людяхъ увеличивалась все болѣе и болѣе, и, въ 1707 году, отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Владиміровича Долгорукова, съ отрядомъ войска для отысканія всёхъ бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Есть извѣстіе, что и сами старшины, атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами, сильно оскорбились этимъ окончательнымъ уничтоженіемъ законнаго казацкаго права, и рѣшились подъ-рукою помѣшать Долгорукому; тѣмъ болѣе должны были встревожиться новоприсланные люди, бѣглецы, которымъ предстояло теперь расстаться съ вольною жизнію на великой рѣкѣ. Дѣло шло теперь не о томъ только, помочь или нѣтъ Астраханцамъ отстоять старое платѣ; притомъ же на Дону было не безъ людей, которые жалѣли, что Донъ повелъ себя не такъ въ Астраханскій бунтъ. Въ Калачинскомъ городѣ дьячки говорили: „Въ Астрахань сосланы съ Москвы болваны, чтобъ имъ поклоняться, и Астраханцы кланяются имъ не стали, и за то что надъ ними сдѣлалось?—напрасно и тѣхъ отдали, которые и въ Черкасскомъ были!“ ³⁾. Теперь надобно было стать за собственную волю; людей, которые должны были отчаянно ратовать противъ исполненія царскаго указа, теперь было много на Дону; нашелся и предводитель.

Въ Черкасѣ старшины приняли Долгорукаго честно, и дали ему пять человекъ изъ своей среды для провожанія и помощи въ отыскиваніи бѣглыхъ;

но, въ то же время, начала ходить между казаками грамота отъ имени старшины, съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукаго до исполненія царскаго указа и бить сыщиковъ. Бахмутскій атаманъ изъ Трехълѣбенскихъ казаковъ, Коидратій Аванасевъ Булавинъ, объявилъ, что надобно исполнить по грамотѣ. Разумѣется, охотниковъ помочь ему въ этомъ нашлось много: на рѣкѣ Айдарѣ ночью на 9 октября печально напалъ Булавинъ на Долгорукаго, и истребилъ весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Совершивши этотъ подвигъ, Булавинъ пошелъ по донецкимъ городкамъ, разсылая призывныя грамоты. По этимъ грамотамъ атаманъ Закопенской станицы, Матвѣй Медвѣдевъ, собралъ шайку человекъ въ 500 и хотѣлъ-было идти къ Булавину, да остановился, потому что многие казаки одумались и начали отъ него отставать; но товарищи Булавина не одумывались,—имъ пужно было идти въ Украинныя города для коней и для добычи, потому что это были бурлаки безкопные, безоружные и безодержные. Атаманъ стараго Боровскаго городка со всею станицею встрѣтилъ Булавина съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, и принялъ его торжественно въ станичной избѣ. Около Булавина образовалась уже старшина: одинъ назывался полковникомъ, прозвище ему было Лоскутъ, с х о д е ц ѣ (приплецъ) съ Валуйки; про него говорилъ, что былъ при Стенькѣ Разинѣ лѣтъ семь; другой назывался полковникомъ же, сынъ Староайдарскаго атамана; третій Коротояцкій подъячій. Боровскій атаманъ говорилъ Булавину: „Заколыхали вы всёми государствомъ; что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Руси, тогда и сами пропадете, и намъ пропастъ будетъ“ — „Не бойтесь“, отвѣчалъ Булавинъ; „началь я это дѣло дѣлать не просто; былъ я въ Астрахани и въ Запорожьи и на Теркахъ; Астраханцы и Запорожцы и Терчане всё мнѣ присягу дали, что имъ быть ко мнѣ на вспоможеніе въ товарищи, и скоро они къ намъ будутъ. А теперь пойдемъ мы по казачьимъ городкамъ и будемъ казаковъ къ себѣ приворачивать, а которые съ нами не пойдутъ,—такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь, а животы грабятъ; и какъ городки свои къ себѣ склонимъ, пойдемъ Изюмскимъ полкомъ по городамъ до Рыбнаго, коняжи, ружьемъ и платьемъ наполнимъ, а потомъ пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, которые намъ будутъ вѣрные товарищи, и на весну, собравшись, пойдемъ на Воронежъ и до Москвы“. Тутъ Лоскутъ сказалъ Булавину: „Не бойся, я прямой Стенька, не какъ тотъ Стенька безъ ума своего голову потерялъ, и я вожь вамъ буду“. Боровскій атаманъ со всею станицею передался Булавину; но не всё и донецкіе городки сдавались, а изъ донскихъ городковъ при немъ не было ни одного человека ⁴⁾.

Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами,

¹⁾ Москов. архивъ мин. Ин. Д., дѣла Донскія означенныхъ лѣтъ.

²⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастыр. Приказа 1706 года.

³⁾ Столбцы Преображ. Приказа, № 1143.

⁴⁾ Кабинетъ П, кн. № 8; письмо Острогояскаго полковника Товяшева.

узнавъ, что Булавинъ убилъ Долгорукаго и поднимаетъ бунтъ, пошла противъ него и разгромили у рѣчки Айдары, послѣ чего послали царю описаніе всего происшествія. „Мы, выбравъ отъ себя изъ войска знатныхъ старшинъ, Обросима Савеллева, Ефрема Петрова, Никиту Алексѣева, Ивана Иванова, Григорья Матвѣева, предали князю Юрью Владиміровичу. И наши старшины рѣкою Сѣверскимъ Донцомъ по казачьимъ городкамъ розыскъ чинили. И какъ пріѣхали на рѣчку Айдару въ Шульгинской городокъ и въ томъ городкѣ заночевали октября противъ 9 дня, и къ той ночи Трехъизбенскаго городка Кондрашка Булавинъ, прибравъ къ себѣ Иванку Лоскута, Филатку Никифорова, Гринку Банникова и иныхъ гуляшнихъ людей, челоѣкъ съ 200, князя, офицеровъ и солдагъ побили ¹⁾, и нашихъ старшинъ также хотѣли побить, и не застали, потому что, въ одиѣхъ рубашкахъ выскоча, едва ушли, и они, воры, за ними гоняли, и за темнотою ночи не нашли, понеже розно разбѣжались. И мы, атаманъ, Лукьянъ Максимовъ съ войскомъ осадили Булавина у рѣчки Айдары, бой учинили и къ нимъ приступали, и присѣло время ночи, и мы мало отступили, однакожь съ того мѣста свободы имъ для проходу въ Закапный городокъ не дали и караулы въ удобныхъ мѣстахъ поставили. И они, видя надъ собою пужную осаду, вначалѣ Булавинъ тайно отъ нихъ въ лѣсъ ушелъ, также и иные совѣтники едины по одному въ лѣсъ разбѣжались, и между всѣми ими мятежъ учинился и разбѣжались. И мы, не дожидаясь свѣта, на нихъ били и, дереманъ многихъ рядовыхъ, наказаніе чинили, посы рѣзали больше ста челоѣкамъ, а иныхъ плетями били и въ русскія города выслали, а пущихъ заводчиковъ, блъзъ 10 челоѣкъ, повѣсили по деревьямъ за ноги, а иныхъ перестрѣляли въ смерть, а 12 челоѣкъ послали къ тебѣ, великому государю“. — Петръ, еще прежде присылки этого извѣстія, уснокоился и написалъ Меншикову: „Мы нынѣ получили подлинную вѣдомость, что то учинилось не бунтозъ, но тѣ, которыхъ князь Юрья высылалъ бѣглыхъ, собравъ ночью тайно, напали и убили его и съ нимъ десять челоѣкъ, на которыхъ сами казаки изъ Черкаскаго послали нѣсколько сотъ, и въ Азовъ о томъ дали знать“. Когда же получена была отписка атамана, то Петръ писалъ: „О донскомъ дѣлѣ объявляю, что конечно сдѣлалось партикулярно, на которыхъ воровъ сами казаки, атаманъ Лукьянъ Максимовъ ходилъ и учинилъ съ ними бой, и оныхъ воровъ побилъ, и побратъ, и разорилъ совѣтъ, — только заводчикъ Булавинъ съ малымъ людемъ ушелъ, и за тѣмъ пошли въ погоню; надѣются, что и онъ не уйдетъ; и такъ сіе дѣло милостію Божіею все окончалось“ ²⁾.

Но дѣло не окончилось. Булавинъ изъ Айдарскаго

лѣса ушелъ въ Запорожье и поселился въ городѣ Кодакъ. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали туда къ нему съ Дону 40 челоѣкъ съ извѣстіемъ, что можно снова начинать дѣло. Булавинъ отправился съ ними въ Сѣчь и началъ просить Запорожцевъ, чтобы „поступили съ нимъ къ бунту“. Кошевой не хотѣлъ на это согласиться, былъ скупенъ съ атаманства, и на его мѣсто выбралъ Костя Гордѣенко, „древній воръ и бунтовщикъ“. Но и новый атаманъ не былъ за явный бунтъ противъ Москвы. Рѣшили: позволить Булавину прибирать волюнду: а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города только тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ Бѣлгородскую и Ногайскую орды, горскихъ Черкесъ и Калмыковъ ³⁾. Около Булавина собралось тотчасъ нѣсколько сотъ гуляшнихъ; онъ перебрался черезъ Днѣпръ, сталъ на рѣчкѣ Вороновкѣ, и разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожны охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Лопанасѣвичемъ Булавинымъ, — кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко понить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины Самарскія!“ ⁴⁾.

Охотники до гулянья собрались; но гораздо больше дожидалось ихъ на востокѣ въ верхнихъ донскихъ казачьихъ городкахъ, и туда перебрался Булавинъ въ началѣ 1708 года, разославъ новыя грамоты по Украйнѣ: „Отъ Кондратя Булавина и отъ всего съѣзнаго войска походнаго Донскаго въ русскіе города начальнымъ добрымъ людемъ, также и въ села и въ деревни, посадскимъ и торговымъ, и всякимъ чернымъ людемъ челоѣбье, — вѣдомо имъ чинять, что они всѣмъ войскомъ единодушно вкупѣ въ томъ, что стоятъ имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресв. Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга, и умирать заодно; а имъ, всякимъ начальнымъ добрымъ людемъ и великимъ чернымъ людемъ всѣмъ также съ ними стоять вкупѣ заодно, и отъ нихъ они обиды никакой ни въ чемъ не опасались бы, а которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и Нѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не слушать ради того, что они вольты всѣхъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменымъ и чудесы прелестнымъ; а между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и великимъ чернымъ людемъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и будѣ кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, — и тѣхъ заключенныхъ изъ

¹⁾ Не отсюда ли простонародное выраженіе о внезапной смерти: Кондрашка хватилъ.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 8; Москов. архивъ Мин. Ин. Д. Письма Петра В. къ Меншикову.

³⁾ Кабинетъ, кн. № 7; письма Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Мих. Голицына.

⁴⁾ Кабинетъ, кн. № 7; письма Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Мих. Голицына.

тюрьмы выпустить тотчасъ безъ задержанія. Да еще имъ вѣдомо чинить, что съ ними казаками, Запорожскіе казаки и Бѣлгородская орда, и нынѣ многія орды плъ, казакамъ, за душами руки задавали въ томъ, что они ради съ ними встать заедино. А съ того ихъ письма списывать списки, а подлиннаго письма отнюдь бы не потерять и не затанавать; а будетъ кто то письмо истеряетъ или потанитъ,—и они того человѣка найдутъ и учинять смертну казнь. У того письма походнаго войсковаго атамана Булавина печать¹⁾.

Въ мартѣ Булавинъ явился въ городкахъ по Хопру; тутъ присталъ къ нему Пристанскій городокъ, въ которомъ было человѣкъ съ 500 казаконъ; здѣсь въ кругу Булавина, вынувъ саблю, говорилъ: „Если своего памѣренія не исполню, то этой саблею отсѣките мнѣ голову!“ По хоперскимъ городкамъ Булавинъ разослалъ письма, чтобъ никто земли не пахалъ и никуда не отлучался, всѣ были бы въ собраніи и на службу готовы, а пришлыхъ съ Русіи принимали безовзяточно. Рабочихъ, которые готовили на Хопрѣ дѣсь въ отпускъ къ Азову, онъ велѣлъ взять къ себѣ въ полки неволею, а начальныхъ людей побить.

Азовскій губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой, выслалъ изъ Азова полковника Николая Васильева, который, соединясь съ Донскимъ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, встрѣтилъ Булавина 8 апрѣля выше Паншина, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, у Красной Дубровы. У Максимова было 3,000 казаконъ, у Булавина 5,000. Полковникъ и атаманъ хотѣли немедленно вступить въ битву, но бывшіе въ войскѣ Максимова казаки верховыхъ городковъ требовали пересылки съ ворами, съ которыми хотѣли уговориться: если виноватъ Булавинъ, если онъ своевольно напалъ на Долгорукаго, то пусть единомышленники выдадутъ его; если же виноватъ Лукьянъ Максимовъ, если онъ разослалъ грамоты противиться царскому указу и бить сыщиковъ, то сковать обонъ и послать къ великому государю. На другой день, 9 апрѣля, пришелъ отъ Булавина казакъ и говорилъ, чтобъ не начинать кровопролитія, а между собою сыскать виноватыхъ, и чтобъ Максимовъ отправлять къ Булавину на разговоръ старшину Ефрема Петрова. Ефремъ Петровъ отправился, и, возвратясь, собралъ войско въ кругъ, чтобъ объявить ему о своихъ переговорахъ съ Булавинымъ. Въ это самое время Булавинъ напалъ неожиданно на царское войско, верховые казаки измѣняютъ, переходятъ къ ворами, захвативши четыре пушки, порохъ, свинець и 8,000 рублей денегъ, присланныхъ изъ Москвы на жалованье. Царское войско было разбито, Васильевъ едва успѣлъ уйти въ Азовъ, а Максимовъ—въ Черкасскъ.

Слѣдствіемъ побѣды при Лисковаткѣ было то, что за Булавина поднялись три рѣки — Хоперь,

Бузулукъ и Медвѣдица. Стѣверскій Донецъ также собрался за Булавина подъ начальствомъ Семена Дранаго. Здѣсь въ 12 городкахъ было 1,680 человекъ казаконъ, по Хопру въ 26 городкахъ 3,670 человекъ; по Бузулуку въ 16 городкахъ 1,490 человекъ; по Медвѣдицѣ въ 14 городкахъ 1,480 человекъ²⁾. Тревога распространилась къ Тамбовѣ: сюда еще 18 марта пришелъ церковный дячекъ села Княжова, Тамбовскаго уѣзда. Дячекъ былъ въ Пристанскомъ городкѣ и разсказывалъ: „Воры говорятъ, чтобъ имъ достать Козловскаго воеводу, князя Волконскаго, а Булавинъ идетъ къ намъ, Тамбовцамъ, съ силою,—при немъ съ 17,000 человекъ, а съ другой стороны воры ждуть Каракаликъ, и памѣреніе ихъ, воровски собрався, всѣмъ идти въ Черкаскаю; воры говорили: дѣло имъ до бояръ да до прибыльщиконъ, да до подъячихъ, чтобъ всѣхъ ихъ перевести“. Тогда же воровской отрядъ разорилъ деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ; воры грозились идти въ Тамбовъ и Тулу, а у Тамбовскаго воеводы Данилова не было и ста человекъ войска, ништо въ городъ (крѣпость) не шелъ, многіе Тамбовцы говорили: „Что намъ въ городѣ дѣлать,—не допастъ дѣло!“ Воевода велѣлъ бить въ набатъ и палить изъ пушекъ; но набату въ городъ пришло городскихъ людей человекъ 300; имъ роздали порохъ и свинець; но во время молебна, не дождавшись конца, всѣ ушли изъ крѣпости. 21 марта Тамбовскій воевода далъ знать въ Козловъ князю Волконскому, что воры отогнали лошадей съ новыхъ государевыхъ конскихъ заводовъ. Это извѣстіе впрочемъ оказалось не совсѣмъ вѣрно,—2 апрѣля писали царю изъ Москвы. что пріѣхали солдаты изъ Тамбова и объявилъ: прежнія вѣдомости солгались, лошадей угнали, которыя были въ дальности отъ Тамбова за валомъ, и нынѣ никакого страха въ Тамбовѣ нѣтъ³⁾. По вѣстямъ отъ Волконскаго изъ Козлова, Тамбовцы дѣйствительно оправались отъ страха; городскіе и уѣздные лучшіе люди говорили, что они къ бунту не склоняются; что надобно съ полками идти къ Пристанскому городку, чтобъ прилать духу тѣмъ казакамъ, которые у воровъ подъ неволею. Но въ Тамбовскомъ же уѣздѣ жители деревень Корочина и Грибановки склонились къ воровству, выбрали между собою атамановъ и есауловъ чинить расправу по казаконму обычаю. Воры разорили новонаселенныя деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Воронѣ; людей, которые противились имъ, побили; другіе къ нимъ склонились, брали многіхъ и по неволѣ. 30 марта пришли воры на Витюгъ, человекъ съ 200, засѣли острогъ, воеводу, попа, подъячихъ и многіхъ другихъ битюцкихъ жителей пограбили, воеводу сковали и намѣревались повѣснить. И въ Козловскомъ уѣздѣ воры мно-

²⁾ Кабинетъ I, кн. № 2. Далѣе здѣсь слѣдуетъ перечисленія: «Отъ Голубинскаго до Черкаскаго въ 33 городкахъ 3,570 человекъ; въ Черкасскомъ 5,000; отъ Донецкаго до Голубыхъ во 20 городкахъ 6,900; по Дону нять городковъ съ 1,780 челов. къ вору не пристали.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

¹⁾ Кабинетъ I, кн. 2.

гихъ въ свое согласіе склонили, привели къ при-
сягѣ, выбрали атамана и есауловъ¹⁾.

Стольникъ Степанъ Вахметевъ съ подполковни-
комъ Рихманомъ получили приказаніе двинуться
противъ казаковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Петръ
счелъ за нужное отправить изъ западной арміи на
Донъ одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, майора
гвардіи, князя Василія Владиміровича Долгорука-
го, брата князя Юрія, убитаго Булавинымъ.
12 апрѣля царь написалъ Долгорукому, находив-
шемуся въ Невлѣ: „Мін Нег! Понеже нужда есть
нынѣ на Украинѣ доброму командиру быть, и того
ради приказываемъ вамъ опос; для чего, по полу-
ченіи сего письма, тотчасъ побѣжай къ Москвѣ, и
оттолъ на Украину, гдѣ обрѣтается Вахметевъ; а
кому съ тобою быть—и тому посылаю роспись.
Также я писалъ къ сыну своему, чтобъ посланы
были во всё украинскіе города грамоты, чтобъ
были вамъ послушны тамошніе воеводы всё, и по
сему указу изволь отправлять свое дѣло съ помо-
щію Божіею, немѣшкаю, чтобъ сей огонь заразъ
утушить. Роспись кому быть: Вахметевъ совѣшъ.
Съ Воронежа 400 драгунъ. Съ Москвы полкъ дра-
гунскій фонъ-Дельдена, да пѣхотный новый. Шид-
ловскій со всею бригадою, также изъ Ахтырскаго
и Сумскаго полковъ; къ тому же дворянамъ и ца-
редворцамъ всё, и прочимъ, сколько возможно
ссыскать на Москвѣ конныхъ“.—Въ „разсужденіи
и указѣ, что чинить г. майору Долгорукому“, Петръ
написалъ: „Понеже сіи воры всё на лошадахъ и
зѣло легкая конница, того для невозможно будетъ
оныхъ съ регулярною конницею и пѣхотою достичъ;
и для того только за нами такъи же посылать
по разсужденію, самому же ходить по тѣмъ город-
камъ и деревнямъ (изъ которыхъ главный При-
станный городокъ на Хопрѣ), которые пристають
къ воровству, и оныя жець безъ остатку, а людей
рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы
тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ кристанванью [о
чемъ вели выписать изъ книгъ князь Юрья Алек-
ксѣевича²⁾] къ воровству людей; ибо сія сарынь,
кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“³⁾.

Долгорукій отвѣчалъ: „Я побѣжалъ къ Москвѣ
сего же апрѣля 21 дня на почтѣ, и какъ возможно
буду убираться, чтобъ мнѣ немедленно ѣхать, и
мѣшкать на Москвѣ не буду, и которое, государь,
указомъ мнѣ опредѣлено дѣло, надлежитъ мнѣ не-
медленно, прося у Бога милости, какъ возможно
скорѣя тушить, чтобъ тотъ проклятой огонь боль-
ше не разгорался. Въ письмѣ, государь, написано
ко мнѣ, чтобъ мнѣ выписать изъ книгъ Юрья Алек-
ксѣевича: и мнѣ, государь, и безъ книгъ памятно.
Ежели Богъ милость свою дастъ, то буду больше
дѣлать съ примѣру князь Юрья Алексѣевича, а

нежели Шеина⁴⁾. о чемъ отъ вашего величества
довольно наслышался. Въ цыдулкѣ, государь, ко
мнѣ написано, что ваше величество опасается,
чтобъ я Булавицу, за его ко мнѣ дружбу⁵⁾, по-
наровки какой не учинилъ; истинно, государь, до-
ношу: сколько возможно за его къ себѣ дружбу
платить ему буду“. Распорядившись отправленіемъ
Долгорукаго, Петръ написалъ Меншикову: „Коман-
дира надъ всеми тамошними войски учинилъ я
майора нашего г. Долгорукаго (понеже много до-
стойнаго на то дѣло не нашель). А чтобъ сему
войску збираться на Тултѣ или въ Серпуховѣ, то
я не за благо признаваю, ибо тѣмъ подано будетъ
ворамъ сердце, но надлежитъ къ Воронежу или къ
Козлову идти, понеже будетъ нашихъ около 7,000,
съ которыми безопасно, съ помощію Божіею, на-
ступать возможно“⁶⁾.

Петръ получалъ все дурныя вѣсти съ Дона, п
потому 27 апрѣля написалъ опять Долгорукому:
„Я безъ сомнѣнія чаю, что вы уже указъ о ѣздѣ
своей противъ воровъ получили; нынѣ же наки под-
тверждаю, чтобъ немедленно вы по тому указу по-
ходить своей восприяли и спѣшили какъ возможно;
понеже какъ мы слышимъ, что оныя воры собираются
на усть Хопра, и хотять иди въ Черкаской, чтобъ
возмутить Донскими казаками, чего ради наипаче
поспѣшить надобно, и сей ихъ вымыселъ пресѣчь
и иди туда, хотя и до Азова, дабы, ежели то
правда, не точію для укрѣпленія казаковъ, но паче
око имѣть о Азовѣ, дабы и тамъ чего не учинили;
и хотя съ Москвы не всё съ тобою могутъ поспѣть,
то хотя съ половиною или меньше вамъ надлежитъ
идти, а достальныя пѣшихъ водою съ Воронежа
приказать за собою отправить“⁷⁾.

Всего больше заботясь объ Азовѣ, Петръ писалъ
къ тамошнему губернатору Толстому 9 мая съ по-
ручникомъ Пискарьскимъ: „Понеже вы уже извѣстны
о умноженіи вора Булавина, и что оной идеть въ
низъ; того ради, для лучшаго опасенія слухъ нужныхъ
мѣсть, послали мы къ вамъ полкъ Смоленскій изъ
Кіева и велѣли ему на сіѣхъ итти, а сего пору-
чика нашего г. Пискарьскаго послали къ вамъ, дабы
увѣдать подлинно о нашемъ состояніи, и нѣтъ ли
какой блязни у васъ межъ солдатами. Также (отъ
чего Боже сохрани) ежели Черкасскъ не удержится,
имѣешь ли надежду на своихъ солдатъ?“ На дру-
гой день царь опять писалъ Долгорукому: „Смотри
неуспынно, чтобъ надъ Азовомъ и Таганрогомъ оной
воръ чего не учинилъ прежде вашего приходу: того
для заранѣе дай знать въ Азовъ къ г. Толстому,
для эха или голоса тамошнему народу, что ты
идешь туда съ немалыми людьми. Также дай
слухъ, что и я буду туда, дабы какова зла не
учинили тайно оныя воры въ Азовѣ и въ Троицкомъ.
Еще вамъ зѣло надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть

¹⁾ Кабинетъ I, кн. № 2.

²⁾ Долгорукаго, знаменитаго воеводы царя Алексѣя Михайловича. О дѣятельности его во время Разинскаго бунта. см. «Исторію Россіи» т. XI.

³⁾ Голикова—Дѣянія XI, стр. 353.

⁴⁾ Въ походѣ противъ стрѣльцовъ.

⁵⁾ Убіеніе брата.

⁶⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.—Письма Петра В. къ Меншикову въ Москв. архивѣ Мня. Ин. Д.

⁷⁾ Голикова—Дѣянія XI, стр. 360.

и съ тѣми, которые къ воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобы съ оными зѣло ласково поступать, дабы, какъ есть простой народъ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и нынѣ не безъ молвы межъ нихъ, чтобы тѣмъ пущаго чего не учинить. Также надлежитъ предъ приходомъ ваинимъ къ нимъ увѣщательныя письма послать, и которые послушаютъ, также ласково съ оными поступать, а кои въ своей жесточи пребудутъ, чинить по достоинству. Также и сіе напоминаю вагъ, что хотя вы съ вышепереченнымъ Толстымъ имѣете нѣкоторую противность, однако для сея причины надлежитъ оное отставить, дабы въ дѣлѣ помѣнки не было¹⁾. Къ Меншикову Петръ писалъ 16 мая: „Ежели сохранить Господь Богъ Азовъ и Таганрогъ, то имъ (бунтовщикамъ) шпожиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сіи города; на Волгу и Астрахань нѣтъ имъ надежды, и для того мусять (должны) пропастъ; только теперь какъ возможно утверждать вышепереченныя крѣпости какъ наискоря, въ чемъ да не оставитъ насъ Господь Богъ по своей милости“²⁾.

Петръ дѣйствительно самъ думалъ ѣхать на Донъ, что видно изъ письма его Меншикову отъ 27 мая: „Понеже воровство Булавина отчасу множится, и ежели Черкаской не удержится, то оныя воры пойдутъ къ Азову и Таганрогу (которые мѣста да спасетъ Господь Богъ слезъ ради бѣдныхъ христіанъ!), и хотя Богъ соблюдетъ ихъ отъ внутренняго замѣшанія, однакожъ воры всѣ дороги займутъ и водяной ходъ; тогда зѣло будутъ трудны и отчаянны оныя мѣста, чего ради объявляю, что когда король Августъ въ Польшу выступитъ, то уже не чаю жестокаго дѣла отъ непріятели, а тогда необходимая нужда мнѣ будетъ на Донъ ѣхать, а больше не желаю съ собою, какъ двухъ или трехъ батальоновъ своего полку, дабы сей огнь (ежели до сего не истребится) съ помощью Божию конечно истребить и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ сочинить“³⁾.

Долгорукий не успѣлъ доѣхать и до Воронежа, какъ уже опасенія Петра сбылись: Булавинъ овладѣлъ Черкасскомъ.

Послѣ сраженія при Лисковаткѣ воры раздували вятую казну, причѣмъ досталось по два рубля съ гривною на человѣка. Булавинъ, оставивши хоперскихъ, бузулукскихъ и медвѣдичкихъ казаковъ сторожить приходъ Бахметева, самъ съ остальными пошелъ внизъ по Дону, по казачьимъ городкамъ къ Черкаску. Нигдѣ не было сопротивления, охотники приставали къ Булавину, казаки изъ станицъ вывозили къ нему съ двора по хлѣбу да по чапѣ пшена и всякій другой запасъ п живность. 28 апрѣля Булавинъ съ 15,000 войска осадилъ Черкасскъ; городъ выдержался не болѣе двухъ су-

токъ; 1 мая казаки выдали Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшинъ Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыккина; ихъ отвели въ Рыковскую станицу и разсадили по избамъ за крѣпкими караулами; съ полсотни другихъ черкасскихъ казаковъ, не желая подчиниться Булавину, ушли въ Азовъ къ Толстому. Булавинъ стоялъ за Рыковскою станицею на Вуграхъ; товарищи его, Игнатій Некрасовъ и Семень Драный, безпрестанно развѣзжали съ разными дѣлами то въ Черкасск, то въ Рыковъ, то въ Скородумовскую станицу, блязъ которой были частые круги. Въ одномъ изъ этихъ круговъ приговорили Лукьяна Максимова и старшину побить; привели ихъ въ кругъ, и Булавинъ билъ ихъ плетымъ, донытиваясь денегъ и пожитковъ. 6 мая атаману и старшинамъ отсѣкли головы. Передъ плахою Ефремъ Петровъ говорилъ воровскимъ старшинамъ: „Хотя я отъ васъ и умру, но слово мое не умретъ,— въ этотъ островъ такому вору отдала, а великому государю тотъ островъ знатенъ, и рѣку великій государь всю очиститъ, и васъ воровъ выведетъ“⁴⁾. Атаманъ и старшины погибли отъ бунтовщиковъ, какъ жертвы вѣрности своей къ великому государю, а Долгорукий въ послѣдствіи далъ о нихъ такое показаніе: „Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищи, отправя брата моего и давъ ему четыре человѣка изъ старшинъ для будто изволенія его величества указу, послали помянутые воры указъ на Вахмутъ къ атаману тамошнему Булавину, чтобы онъ брата убилъ; а ихъ воровской умыслъ для того былъ, закрывая свое воровство, что многія тысячи людей бѣглыхъ приняли, и умыслъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ, и, видя въ то время его величество въ войнѣ великой со Шведомъ, разсудили, что за помянутою войною оставлено имъ ихъ воровство будетъ“⁵⁾.

На мѣсто Максимова атаманомъ былъ провозглашенъ Булавинъ, который разослалъ отписки въ ближайшіе города къ царскимъ начальнымъ людямъ, давая всему своему дѣлу видъ законности. Въ этихъ отпискахъ говорилось, что казаки, собравшись съ Дона, Донца, Хопра, Бузулука и Медвѣдичи для перемены старыхъ и выбора новыхъ старшинъ, пришли въ Черкасскъ и побили до смерти атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова съ товарищи за ихъ неправды, что они царскаго годоваго денежнаго жалованья, также за Астраханскую службу 20,000, и что въ нынѣшнемъ году прислано 10,000, въ дувангъ ничего имъ не дали, и за инья многія обиды и налоги. При этомъ Булавинъ требовалъ, чтобъ жена его и сыны были отпущены изъ Валуйекъ къ нему въ Черкасскъ⁶⁾.

Петръ былъ очень встревоженъ, получивши извѣстіе о взятіи Черкаса Булавиннымъ; это видно изъ письма его въ армию къ Меншикову, фельдмар-

¹⁾ Голикова — Дѣянія XI, стр. 363, 364. — Письма

Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мп. Ин. Д.

²⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мп. Ин. Д.

³⁾ Кабинетъ I, кн. № 1.

⁴⁾ Кабинетъ I, кн. № 18.

⁵⁾ Кабинетъ I, кн. № 18.

шалу Шереметеву и министрамъ (т.-е. Головину, Шафирову, князю Григорію Долгорукову): „Воръ Булавинъ Черкаской взявъ и старшинъ пяти человекъ побилъ до смерти, и писалъ въ Азовъ войсковую отписку, что они ничего противнаго чинить не будутъ; однакожь чаю сіе оной дозволять чинить, дабы ошлошеть въ Азовъ и тайно възмутить, такъ же и къ Москвѣ послала отъ нихъ станица съ оправданіемъ, съ отпискою; однакожь сему въ подкомѣ лежащему фитилю вѣрять не надобно: того ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Вожіею безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу“¹⁾.

Къ счастью, опасенія Петра не оправдались. Взятіе Черкаска было послѣднимъ торжествомъ Булавина. Въ тотъ самый день, когда Булавинъ подступалъ подъ Черкасскъ, товарищъ его Лукьянъ Михайловъ Хохлячъ съ отрядомъ, состоящимъ изъ 1,500 человекъ Хоперскихъ, Медвѣдичскихъ и Бузулукскихъ казаковъ, встрѣтился съ Вахметевымъ и Рихманомъ на рѣкѣ Курлакѣ за Битогомъ. У Вахметева было только 600 человекъ. Воры говорили: „Если побьемъ царскіе полки, пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, судей, дяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ“. Но, какъ видно, у нихъ была неполная надежда побить царскіе полки, потому что они отравили къ Вахметеву прелестное письмо: „Идете вы къ намъ въ Донскіе городки для разоренья; за что вамъ разорять? Намъ до васъ дѣла нѣтъ, ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ; мы стоимъ за вѣру христіанскую, что начали Еллинскую вѣру вѣрвать; намъ только дѣло до Нѣмцевъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей“. Передъ началомъ боя, Хохлячъ съ товарищами подъѣхалъ къ рѣкѣ, раздѣлявшей оба войска, и начали говорить то же, что было написано въ письмѣ къ Вахметеву. Имъ отвѣчали изъ царскаго войска: „А вы зачѣмъ убили князя Юрія Владиміровича?“ — „Мы его убили за то, что онъ сталъ дѣлать не противъ государева указа, и нынѣ мы стоимъ за правду; станете съ нами биться, и мы съ вами биться какъ меду пшть готовы“. Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался часа съ два, а между тѣмъ царское войско переправилось за рѣку. Воры были побиты наголову; плѣнныхъ у нихъ взято 143 человекъ и три знамени²⁾.

Долгорукій пріѣхалъ въ Воронежъ только 12 мая, и 19 числа писалъ государю: „Какъ я пріѣхалъ на Воронежъ, не томко-бы чтобы всѣ были въ готовности, хотя-бы меньше половины было,—я бы безо всякаго мѣшканія тогожь часу пошелъ; и коего часу я пріѣхалъ, того часу послалъ указы къ Волконскому, Гагарину и другимъ, чтобы они немедленно шли въ указныя мѣста, и они и по

се число въ указныя мѣста не бывали; Шидловскій пишетъ, что ему безъ московскихъ ратныхъ людей съ одними черкасскими (малороссійскими) полками идти ненадежно“³⁾.

Курлакскіе плѣнные были препровождены въ Воронежъ къ Долгорукому, который 15 мая написалъ парю о своихъ распоряженіяхъ относительно ихъ: „Которые воры взяты на бою 143 человекъ,—въ томъ числѣ старыхъ казаковъ 23, а достальные всѣ разныхъ городовъ сходцы; и я, государь, по дорогѣ къ Пристанскому велѣлъ поставить 20 вѣслицъ и буду ихъ вѣшать 17 числа, и нѣсколько четверговать и по кольямъ растыкать“⁴⁾. 17 мая было назначено днемъ страшныхъ казней, а 16 Долгорукій получилъ изъ Черкаска отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ. Казни были отложены, а тутъ еще письмо отъ Петра съ внушеніемъ поступать милостиво, жестокостями не усиливать слуховъ о мести за брата. Долгорукій отвѣчалъ 25 мая: „143 человекъ казаковъ хотѣлъ я вершить, и мая 16 числа получилъ отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ вишь ихъ, и тѣмъ виннымъ казакамъ смертной казни не учинилъ для такого случая до нашего государева указа. И мнѣ, государь, какая польза, что смерть брата своего мстить? Я желаю того: дай Богъ, чтобы они тебѣ вину свою принесли безъ великихъ кровей“ 26 мая Долгорукій доносилъ: „Зѣло казаки въ страхъ пришли и въ размышленіе, и опасаются приходу твоихъ государевыхъ ратныхъ людей“⁵⁾.

Дѣйствительно, въ Черкасскѣ казаки были въ страхѣ и размышленіи. Долгорукій писалъ впоследствии, что Булавинъ былъ человѣкъ глупый. Дѣйствительно, походъ Булавина на Донъ послѣ битвы при Лисковаткѣ, желаніе овладѣть Черкасскомъ было дѣломъ для него гибельнымъ: онъ раздѣлитъ свои силы, даъ этимъ раздѣленіемъ возможность Вахметеву разбить Хохляча, а самъ зашелъ въ Черкасскъ и тратилъ время въ бездѣйствіи. Еслибы, наоборотъ, Булавинъ, оставя пока въ покоѣ старыхъ казаковъ, не оправившихся послѣ сраженія при Лисковаткѣ и потому не опасныхъ, бросился со всѣми силами своей голутьбы на Волгу и пошелъ вверхъ этою рѣкою, то его движеніе при незатихшемъ еще Башкирскомъ бунтѣ, при вступленіи Карла XII въ русскіе предѣлы и при внутреннемъ неудовольствіи, возбужденномъ преобразованиями и тягостями, могло бы дать большую заботу правительству.

Уже въ первыхъ числахъ мая, тогчасъ по взятіи Черкаска и казни старшинъ, казаки начали совѣтоваться какъ бы схватить Булавина и передать въ Азовъ. Однажды въ кругу Булавинъ говорилъ многія непристойныя слова, и верховныхъ городковъ казаки ему кричали, что онъ много говоритъ, а съ повинною къ государю не посылаетъ: „Не всѣхъ

1) Кабинетъ I, кн. № 51.

2) Кабинетъ I, кн. № 2; Записки Желябужскаго.

3) Кабинетъ II, кн. № 7.

4) Кабинетъ II, кн. № 7.

5) Кабинетъ II, кн. № 7.

ты насъ перекуешь!—теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймаѣть!¹⁾ Булавинъ велѣлъ взять за караулъ крикуновъ, сталъ дознаваться, кто его хочетъ схватить, началъ держать при себѣ караулъ, человекъ по осьми, и этими предосторожностями успѣлъ разрушить заговоръ противъ себя. Между тѣмъ челобитная царю была написана и отправлена: „Мая 2, пришедъ мы въ Черкаской, увидали за атаманомъ и старшиннами многія неправды: царскаго жалованья въ дуванъ не давали, новопрішлыхъ съ Руси людей многое число принамали и о замкѣхъ юртовъ, безъ нашего войсковаго вѣдома, письма многія давали, и за тѣ письма многія взяли себѣ брали. По твоему указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, многое число и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ по 20 и больше, и тѣхъ всѣхъ неволею въ Русь выслали и въ воду, ради своихъ бездѣльныхъ взятокъ, сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колоды давили и всякое ругательство чинили, городки многіе огнемъ выжигали. Князя Юрія Дѣягурюкаго убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ, но съ вѣдома обшлаго, потому что князь чинилъ у розыску не противъ твоего указа. И отъ тебя, великій государь, мы нвкуда не откладыаемся, твоихъ украинскихъ городовъ не разорили и отнюдь не будемъ, желаемъ тебѣ служить попрежнему всѣмъ войскомъ Донскимъ и всѣмъ рѣками преусердно. И чтобъ твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили; а буде они насильно поступятъ и такое разоренье учинятъ,—въ томъ воля твоя; мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на новую рѣку пойдемъ.“ Дѣйствительно, пришли вѣсти, что Булавинъ хочетъ бѣжать на Кубань, куда послалъ письмо къ Гусейну-пашѣ: если государь ихъ не пожалуетъ противъ прежняго, то они отъ него отложатся и стануть служить султану; и пусть султанъ государю не вѣрять, что мръ,—государь и за мирнымъ состояніемъ многія земли разорилъ, также и на султана корабли и всякій воинскій снарядъ готовить¹⁾.

Получивши челобитную, Петръ написалъ Долгорукому 28 мая: „Ты больше надъ казаками и ихъ жилищами ничего не дѣлай, а войско собирай по первому указу, и стань съ нимъ въ удобномъ мѣстѣ“²⁾. Долгорукій, между тѣмъ, перешелъ изъ Воронежя въ Острожокъ и не переставалъ жаловаться на медленный сборъ ратныхъ людей: „Царедворцы (писалъ оцъ 2 іюня), которымъ велѣно со мною, не токмо что отправлены ко мнѣ, и имаятъ ихъ не прислано, а они, государь, люди молодые и богатые, тѣмъ было и служить, а они отбываютъ отъ службы, въ одномъ городѣ у одного дѣла человекъ пять-шесть живетъ; а они, государь, зѣло пужны на этихъ воровъ: извѣстно тебѣ самому, каковы Донскіе казаки, не легулярное войско, а ца-

редворцы на нихъ зѣло способны, на Шведовъ они плохи, а на этотъ народъ зѣло способны“³⁾.

Долгорукій, по царскому указу, остановился, поджидая новыхъ полковъ; но скоро получилъ отъ Толстого изъ Азова тревожное письмо (отъ 10 іюня): „Іюня 8 воръ Кондрашка прислалъ ко мнѣ отписку свою, въ которой пишеть съ грозами: собрався хочеть идти войною къ Азову и Троецкому, а меня и азовскихъ и троецкихъ офицеровъ хочеть побить до смерти, и инья многія похвальные слова пишеть съ великими грозами. Пишетъ, что отогнали у него, вора, конскій табунъ и бѣжать стало ему неначемъ. И черкаскіе природные казаки многіе, Василій Фроловъ съ товарищи, человекъ съ полнятыдесять, ушли отъ него и живутъ нынѣ въ Азовѣ, и воръ объявляетъ мнѣ, что будто царскимъ указомъ вины имъ отданы, и чтобъ Василья Фролова съ товарищи и конскій табунъ ему отдать, а если не отдамъ—и за то пишеть мнѣ съ великими грозами“⁴⁾. Кромѣ этого письма, Долгорукій отовсюду получалъ вѣдомости, что Булавинъ пишеть въ верхніе городки указы, чтобъ отъ всякаго десятка шли къ нему въ Черкасскъ по семи человекъ для похода подъ Азовъ: „Конечно, государь (писалъ Долгорукій Петру), мнѣ со всѣми полками и соединяя съ Шидловскимъ надлежитъ идти къ Азову, и за указомъ вашего величества остановился, а въ указѣ написано, чтобъ мнѣ больше надъ казаками и надъ ихъ жилищами ничего не дѣлать“⁴⁾.

Самъ Петръ получилъ извѣстія о движеніяхъ Булавина, и 12 іюня написалъ Долгорукому: „Хотя предъ симъ писано къ вамъ, чтобъ безъ указу на воровъ не ходить; а нынѣ паки разсудили мы, что лучше вамъ собрався идти къ Сѣверскому Донцу, понеже мы извѣстилися, что оной воръ послалъ надвое своихъ людей,—однихъ съ Некрасовымъ водою или въ верхние городки, или на Волгу, а другую посылку съ Дранымъ—противъ васъ, съ которымъ только съ двѣ тысячи, и ежели тотъ Драный не поворотился, то лучше надъ нимъ искать, съ помощію Вожію, такъ и надъ прочими такими-жъ. Также пріѣзжіи казакъ изъ Черкаскаго сказывалъ, что за посылками вышенисанними при Булавинѣ только съ 1,000 ихъ осталось. Буде же весьма кротко оныя сидятъ и нвкуда не посылаются, то лучше бы дождался отсель посланныхъ полковъ. Прочее вручаемъ на ваше разсужденіе, по тамошнему дѣлу обороту смотря, пбо издали такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи“⁵⁾.

По написаніи этого письма, Петръ получилъ отъ Долгорукаго извѣстія, что идутъ Запорожцы для соединенія съ Булавинымъ. 14 іюня новое письмо Долгорукому: „Получили мы отъ васъ вѣдомости, что Запорожцы идутъ въ слученіе къ Булавину, а не пишеть того, что ты противъ сего хочешь дѣлать; и того нагрѣнокъ смотри, чтобъ онымъ не да-

¹⁾ Кабинетъ I, кн. № 2, 18.

²⁾ Голицова—Дѣянія XI, стр. 379.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

⁵⁾ Голицова—Дѣянія XI, стр. 380.

вать случаться, но конечно, съ помощію Божіею, на одну изъ нихъ половину, т.-е. на Донскихъ, или на Запорожцевъ, поди, понеже когда случается, тогда хуже будетъ“¹⁾. Мы видѣли, что сначала въ Запорожьи было опредѣлено позволить собираться къ Булавину только охотникамъ; но потомъ многіе начали жалѣть о такомъ рѣшеніи. 13 мая была въ Сѣчи рада: казаки кричали на куренныхъ атамановъ, для чего имъ не позволяли въ Великій постъ идти съ Булавинымъ. Кричали, чтобъ идти теперь на великороссійскіе города, и была между казаками битва великая, и положили было на томъ, чтобъ идти на самарскіе города. Но въ тотъ же самый день прѣехали изъ Киева въ Сѣчь для служенія въ церкви монахи на перелѣгу старымъ монахамъ; эти новые монахи вынесли изъ церкви въ раду Евангеліе и Крестъ, и начали уговаривать казаковъ не начинать нечестивой войны противъ своихъ Православныхъ Русскихъ. Увѣщанія подѣйствовали; раду отложили до другого дня, а тутъ кошевой Костя Гордѣенко представилъ, что если пойдутъ они на самарскіе города, то плохо придется тѣмъ 76 Запорожцамъ, которые поѣхали въ Москву съ челобитьемъ о жалованьи. Походъ на самарскіе города былъ отложенъ, но 1,500 свободныхъ пошли на соединеніе съ Булавинымъ²⁾.

Ихъ ждала горькая участь. Въмѣсто того, чтобъ идти со всѣми силами или на Волгу, или противъ Долгорукаго, когда тотъ еще не собрался съ полками, Булавинъ остался въ Черкасскѣ и раздробилъ свои силы, отправивъ Дранаго и Голога на сѣверъ, а другой отрядъ—на югъ къ Азову. Голый, отдѣлившись отъ Дранаго, подкаляя врасплохъ и вырѣзалъ Сумской полкъ въ Валуѣскомъ уѣздѣ, на порубежной рѣчкѣ Уразовой. Но 1-го іюля бригадиръ Шидловскій, подкрѣпленный присланнымъ отъ Долгорукаго полковникомъ Кропотовымъ, въ урочищѣ Кривая Лука, недалеко отъ рѣки Тора, встрѣтили Дранаго, у котораго было 5,000 Донскихъ казаковъ и 1,500 Запорожцевъ; бой продолжался три часа дня и два часа ночи. Драный былъ разбитъ и убитъ. 1,500 Запорожцевъ ушли и засѣли въ Вахмутѣ, но Шидловскій досталъ ихъ и тамъ. „Цынѣ доношу“, писалъ онъ Долгорукому, „конклюзію учинилъ: Вахмутъ выжгли и разорили. Въ томъ воровскомъ собраніи было Запорожцевъ 1,500 человекъ; есть намъ что и не безъ грѣха: сдавались они намъ, однако въ томъ гаму намъ не донесено, воспріяли по начинанію своему“³⁾.

Съ другой стороны, 5 іюля 5,000 воровъ подступили къ Азову; противъ нихъ вышелъ полковникъ Николай Васильевъ съ конницею, но не могъ сдержать стремительнаго натиска воровъ, которые вошли уже въ Матросскую слободу; по къ Васильеву на помощь явились четыре роты солдатъ: воры были отбиты отъ Матросской слободы и отъ лѣсныхъ припасовъ, и прогнаны до рѣчки Каланчи при без-

престанной пушечной пальбѣ съ города и съ кораблей. Потерявши много своихъ, воры побѣжали къ Черкаску, и много ихъ потонуло въ Дону. Вѣглецы, явившись въ Черкасскъ, начали кричать, что по посылкѣ Булавина подъ Азовомъ побито ихъ многое число и многіе потонули въ водѣ, а Булавинъ ихъ не выручалъ и имъ измѣнилъ, за что надобно его убить; Булавинъ ушелъ отъ нихъ и заперся у себя въ комнатѣ; но атаманъ Илья Зершиковъ пришелъ съ толпою казаковъ и началъ обстрѣливать куренъ; Булавинъ сначала защищался, убилъ у Зершикова двухъ человекъ, но потомъ, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, застрѣлилъ себя изъ пистолета⁴⁾.

Между тѣмъ Петръ еще 19 іюня писалъ Долгорукому: „Является изъ вашихъ писемъ нѣкоторое медленіе, что намъ зѣло неприятно; и когда дождется нашего баталіона Ингермонландскаго и Вильсова полковъ, тогда тотчасъ подите къ Черкасскому, и, сослався съ губернаторомъ азовскимъ, чини немедленно, съ Божіею помощію, промышлять надъ тѣми ворами, и которые изъ нихъ есть пойманы, тѣхъ вели вѣшать по городамъ Украинскимъ. А когда будешь въ Черкасскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобъ выбрали атаманъ добраго человѣка, и, по совершеніи ономъ, когда пойдешь назадъ, то по Дону лежащіе городки по сей росписи разори и надъ людьми чини по указу: надлежитъ опустошить по Хопру сверху Пристанной по Вузудукъ; по Донцу съ верху по Луганъ; по Медвѣдицѣ по Устьмедвѣдицкой, что на Дону. По Вузудуку все. По Адару все. По Деркулѣ все. По Калитвамъ и по другимъ Задоннымъ рѣчкамъ все. А по Илавлѣ по Илавлинской, по Дону до Донецкаго надлежитъ быть такъ, какъ было“⁵⁾.

Долгорукій былъ того же мнѣнія. Узнавши, что Булавинъ застрѣлился и на его мѣсто избранъ атаманомъ Илья Зершиковъ, онъ выступилъ къ Черкаску, и съ дороги писалъ царю 15 іюля: „Я пошелъ къ Черкасскому для лучшаго укрѣпленія казаковъ. Вашему величеству извѣстно, какіе они шаткіе люди и нынѣшній атаманъ какого онъ состоянія; какъ въ Черкасскомъ, такъ по всѣмъ городкамъ, по большимъ и по малымъ, всѣ изгнѣнили сплощь, и ежели въ нынѣшній случай, что они въ великомъ страхѣ отъ нашихъ полковъ, цынѣ надъ ними чего указомъ вашего величества не будетъ учинено, то конечно и впрядь отъ нихъ тогожь ждать. Извѣстно вашему величеству: коли стрѣльцы бунтовали, то они всегда самые заводчики Яковы Алексѣевы съ товарищи. Въ лице выберутъ дураковъ, а самъ изъ-за нихъ воруютъ; такъ власно, какъ, въ Черкасскомъ, и во всѣхъ станцахъ первые люди всѣ сплощь воровству причастны. Коли я былъ малолетень, то всѣ вышеписанные воры всеконечно хотѣли меня совѣмъ снести; а коли я собрался и учинили поискъ надъ Дранымъ,

1) Голикова—Дѣянія XI, стр. 381.

2) Кабинетъ II, кн. № 7.

3) Кабинетъ I, кн. № 18; II, кн. № 7.

4) Кабинетъ I, кн. № 18; II, кн. № 7.

5) Голикова—Дѣянія XI, стр. 382.

то всё начали рубѣть и бѣжать, и въ Черкасской Драного сыпъ прибѣжалъ съ вѣстою, что отца его подъ Горомъ убили, и для того у нихъ лучшая надежда пронала. Василій Фроловъ кой часъ услышалъ, что Драного убили, то онъ и всё при немъ сказали: ежели въ Черкасскомъ то свидѣаютъ о Драномъ, конечно Булавина убьютъ, для того что Булавинъ былъ дуракъ, все веровство и вся надежда была на Драного. Конечно, подъ такой случай надобно опредѣленіе съ ними сдѣлать, чтобъ и впредъ имъ нельзя не токмо дѣлать и мыслить, и волюность у нихъ убавить. Такъ, государь, допону: которые городки вновь поселились верхніе близъ нашихъ городовъ, — чтобъ конечно у нихъ отнять“.

26 іюля пришелъ Долгорукій къ Черкаску на Аксай; къ нему навстрѣчу выѣхалъ атаманъ Ілья Зершиковъ со всею старшиною и съ знаменами; далеко не доѣзжая до царскаго войска, слѣзли всё съ лошадей, потомъ подошли къ Долгорукому, положили знамена и сами легли на землю. Долгорукій велѣлъ имъ встать. Атаманъ началъ говорить, просилъ милости у царскаго величества, отпущенія винъ, оправдывался: „Какъ воръ пришелъ на островъ, мы сидѣли въ осадѣ отъ него, а другіе наши же воры, которые съ нами сидѣли, изъ Рыковскихъ станицъ, склонились къ вору и насъ выдали“. Долгорукій отвѣчалъ: „Которые вѣрою служили царскому величеству, тѣ получить милость, а воровъ приводите ко мнѣ“. 29 числа Долгорукій подошелъ подъ самый Черкасскъ и сталъ обозомъ; сюда атаманъ и старшина привели къ нему сына и брата Булавина, да сына Драного и другіихъ пущихъ воровъ, всего 26 человекъ. На другой день пришли всё съ крестами въ обозъ, и цѣловали Крестъ и Евангеліе съ великою клятвою и слезами, что имъ царскому величеству въ вѣрности быть, а кто не явится у крестнаго цѣлованія, тѣхъ побить до смерти. Долгорукій говорилъ имъ, чтобъ выдали казаковъ Рыковскихъ станицъ, которые были больше другіихъ въ воровствѣ; но атаманъ и старшина отвѣчали: „Казакъ Рыковской станицы положили начало въ воровствѣ, но за то и въ убійствѣ вора еслибъ не они, то черкасскимъ жителямъ однимъ этого бы не сдѣлать“. — „Не только Рыковскіе“, писалъ Долгорукій царю, „всѣ сплошь черкасскіе въ томъ воровствѣ равны, и самъ атаманъ Ілья и есаулъ Соколовъ, будучи у меня, сказали, что они всё этому дѣлу виновны, и ежели это дѣло розыскивать, то всё кругомъ виновны, сами о себѣ сказали. А что ваше величество изволилъ ко мнѣ писать, чтобъ выбрать атамана человека добраго, — и ручаться по нимъ невозможно; самому вашему величеству извѣстно и безъ нынѣшней причины, какого они состоянія, а съ нынѣшней причины и всё равны, одного человека не сыщешь, на кого-бъ можно было надѣяться. Одно средство — оставить въ Черкасскѣ полкъ солдатскій. А жестоко, государь, поступитъ мнѣ съ ими было невозможно для того, что всё силою въ воровствѣ; развѣ было

за ихъ воровство всёхъ сплошь рубить, и того мнѣ дѣлать безъ указа вашего величества невозможно“¹⁾. „Господинъ майоръ!“ отвѣчалъ Петръ, „письма ваши я получилъ, на которыя отвѣтвую, что по городкамъ вамъ велѣно такъ жестоко поступить въ ту пору, пока еще были всё въ противности, и когда уже усмирелися (хотя за неволею), то надлежитъ инако, а именно: заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу, а прочіихъ высылать въ старья мѣста, а городки жечь по прежнему указу. Все чинить по тѣмъ городкамъ, которые велѣно выше искоренить, а которые по Дону старые городки, въ тѣхъ только въ иѣкоторыхъ, гдѣ пуще зло было, заводчиковъ только казнить, а прочіихъ обнадеживать; а буде гдѣ какую противность нынѣ вновь сдѣлаютъ, то и всёхъ подъ главу. Притомъ же и сіе вамъ возможно разумѣть, что во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагаю на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разуздѣненіе, что и нынѣ подтверждаю: ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются. Оставили вы полкъ въ Черкасскомъ, а то кажется не добро ради многихъ причинъ, а лучше оному быть въ Азовѣ, а когда понадобится, только тридцать верстъ оттуда. Впрочемъ благодарствую вамъ за труды ваши, въ Черкасскомъ показанные“²⁾.

Трудами, показанными въ Черкасскѣ, дѣло не оканчивалось. Петръ вѣрно обозначилъ большое мѣсто, приказывая падить городки по Дону и искоренять верховые городки по Донскимъ притокамъ, населенные сходами, голутьбою. На Дону бунтъ прекратился смертію Булавина; но въ верховыхъ городкахъ онъ прекратиться не могъ, потому что тамъ было много людей, боровшихся противъ государства по инстинкту самосохраненія. Несмотря на то, что Булавинъ оглянулъ силы мятежа къ Дону, къ Черкаску, казаки въ самомъ началѣ перекинулись на свое широкое раздолье, на Волгу. Казаки Сиротинской станицы и другіихъ городковъ, съ ними бѣглые стрѣльцы и солдаты, человекъ съ 1,000, 13 мая пришли на Волгу и взяли безъ бою городъ Дмитріевскій на Камышенкѣ. Жители города Камышина забунтовали, мучили и побросали въ воду офицера, полковаго писаря и бурмистровъ соляной продажи. Утвердившись на Волгѣ, казаки начали свое дѣло, поимали майора Друкурта, ѣхавшаго въ Астрахань, мучили его и убили, перехватывали и грабили суда, людей мучили. 7 іюня 3,000 казаковъ изъ Панина и другіихъ городковъ пришли подъ Царицынъ. Здѣшній комендантъ Аванасій Турченинъ съ 5,000 Царицынцевъ да съ одною ротою солдатъ, присланныхъ изъ Астрахани, сѣлъ въ малой крѣпости въ осаду, выдерживая жестокіе присугны отъ воровъ. Петръ Апраксинъ послалъ къ нему на помощь изъ Астрахани полкъ солдатъ съ полковникомъ Бер-

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

²⁾ Голякова—Дьявіа XI, стр. 402.

перомъ; воры, не допуста его за пять верстъ до города, встрѣтили въ лодкахъ на урочищѣ Сарпинскій островъ; послѣ спяшнаго бою, продолжавшагося отъ 3-го часа по полудни до ночи, раненый Берперъ, видя многочисленность воровъ, отступилъ къ Черному Яру. Послѣ этого воры, забравъ къ себѣ съ судовъ множество рабочихъ людей, днемъ и ночью валили землю къ Царицыну, засыпали ровъ и, зажегши деревянную крѣпость, взяли ее приступомъ. Воеводѣ Турченину, послѣ мученій, отсѣкли голову, убили подъячаго, пушкаря, двоихъ стрѣльцовъ, но офицеровъ и солдатъ оставили на свободѣ, шаргавшись только надъ ними въ кругахъ своихъ. Воры оставались въ Царицынѣ до 20 іюля, когда присланные изъ Астраханъ полки взяли у нихъ городъ, пущикъ заводчиковъ Апраксинъ велѣлъ прислать къ себѣ въ Астрахань, а другихъ всѣхъ казаковъ и камышинскихъ, пришедшихъ къ ворами на помощь подъ Царицынъ, велѣлъ въ Царицынѣ и по Донской дорогѣ вѣшать.

Для очищенія Воли отъ воровъ шелъ изъ Казани князь Петръ Ивановичъ Хованскій. Когда узнали о его походѣ въ Камышинъ, то казаки и многие изъ камышинскихъ жителей стали собираться бѣжать на Донъ; остальные, вмѣстѣ съ бурлаками, начали говорить имъ: „Для чего забунтовали, а теперь бѣжите на Донъ?“ взяли атамана Коцдратія Носова въ кругъ, спросили, куда дѣлать порохъ и свинецъ; пошли къ нему въ домъ, вынули бочку пороку и прислали въ кругъ. Тогда другой атаманъ изъ камышинскихъ жителей, Иванъ Земишъ, видя, что дѣло плохо, хотѣлъ ихъ засадить, сталъ уговаривать бурлаковъ идти съ ними вѣстѣ на Донъ, причѣмъ посулилъ бочку вина да по полтиннѣ денегъ; бурлаки не преодолѣли искушенія, передались на сторону казаковъ и побѣжали съ ними вѣстѣ на Донъ, побравши порохъ и пушки. Не хотѣвшіе бѣжать Камышинцы были прибиты и ограблены, а потомъ должны были понести бѣду отъ Апраксина, который велѣлъ всѣхъ ихъ забрать въ Астрахань, кролѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей: „Тѣ и сами исчезнутъ!“ писалъ онъ царю ¹⁾.

Между тѣмъ Хохлячъ бросился къ Саратову, былъ отбитъ и отступилъ, поджидая Некрасова; но когда прѣхалъ къ нему Некрасовъ, явились подъ Саратовомъ Калмыки, отдѣлвившіеся, какъ мы видѣли, отъ Ивана Вахметева; Калмыки ударили на воровъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Волга была очищена до Хованскаго, который потому перешелъ на Донскіе притоки, отыскивая воровъ въ самыхъ жилищахъ ихъ. Посланные имъ Саратовцы и Калмыки взяли Переконскій городокъ, казаковъ побили, дома ихъ выжгли и разорили безъ остатка. Узнавши, что изъ Панишна воровскіе казаки выбрались все съ женами и дѣтьми, Хованскій огрядилъ влѣдъ за ними товарища своего, Дмитріева-Мамонова, и Калмыковъ.

23 августа Дмитріевъ-Мамоновъ настигъ казаковъ ниже Панишна, верстахъ въ 5 у рѣки Дона; воровъ было съ 4,000, кролѣ женъ и дѣтей; обозъ состоялъ изъ 1,000 телѣгъ. „Была баталія съ ними великая“, писалъ Хованскій царю, „и никогда я не помню, чтобы такъ казаки крѣпко стояли, а болѣе того, разумно, что крѣпко стояли бывые драгуны и изъ полковъ солдаты, а наибольше полку гошодина фельдмаршала (Шереметева), какъ онъ шелъ снизу, также и другихъ полковъ“ ²⁾. Воры потерпѣли страшное пораженіе, ушло ихъ немного, только въ двухъ лодкахъ; женщины, дѣти и обозъ достались побѣдителямъ. Хованскій выжегъ 8 городковъ; 39 городковъ добили челомъ и приведены къ присягѣ.

Въ то же самое время Долгорукій губилъ воровъ съ другой стороны. Онъ выступилъ изъ Черкаска къ верховымъ городкамъ, и 13 августа писалъ царю: „Отъ вашего величества мнѣ сказано, чтобы мнѣ съ ними жестоко поступать, и я для того не такъ жестоко поступаю, что невозможно; и такъ къ которому городку приду,—бѣгутъ въ лѣса, а иные къ Некрасову; а ежели-бъ я поступилъ жестоко къ первымъ городкамъ, все-бъ къ вору ушли“ ³⁾. По письямъ Некрасова, изъ 16 станицъ собралось въ Есауловъ городокъ 3,000 человекъ съ женами и дѣтьми, и ждали Некрасова, который обѣщалъ придти къ нимъ съ своею шайкою. Долгорукій, чтобы не допустить до этого соединенія, оставивъ пѣхоту и обозъ, пошелъ къ Есаулову съ одною конницею и явился передъ городкомъ 22 августа; воры сѣли-было въ осаду; но 23 числа, не смотря на то, что приступъ не удался царскимъ войскамъ, послали съ повинной и пѣловали Крестъ. Долгорукій взялъ съ собою пущихъ воровъ 10 человекъ, атамана Васюку Тельнаго четвертовалъ, той же казни подверглись двое монаховъ раскольниковъ, изъ которыхъ одинъ, Кириллъ, не будучи попомъ, исповѣдывалъ, приобладалъ, крестилъ и пѣлъ молебень о побѣдѣ надъ государевыми людьми. Другихъ, съ десятка по человеку, перевѣшали кругомъ городка, а пныхъ, поставивъ висѣлицы на платкахъ, пустили по Дону, и казнено ихъ больше 200 человекъ. Некрасовъ, узнавъ объ участіи Есаулова городка, побѣждалъ на Кубань съ 2,000 воровъ.

Некрасовъ ушелъ; но остался еще Голый. Около него собралось тысячи съ четыре воровъ, съ женами, дѣтьми и скотиною. Въ сентябрѣ онъ пришелъ въ Донецкую станцію, по призывному писью тамашняго атамана Колычева. Недѣль съ полторы послѣ его прихода, у Донецкаго же показались царскія будари: это пылъ полковникъ Вильсъ съ солдатскимъ полкомъ и съ провіантомъ въ Азовъ. Казаки не выставили никакого сопротивленія, а Вильсъ не догадался, куда попалъ. Голый и Колычевъ явились къ полковнику на будары съ честью,

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 7; тамъ же, отд. I, кн. № 2.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 8.

³⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

съ хлѣбомъ и солью; Бильсъ отплатилъ учтивостію за учтивость, попочивалъ ихъ виномъ и позволилъ ходить по буларамъ, осматривать пушки, свинецъ, казну. Давши Бильсу провожатыхъ, Голый и Колычевъ отпустили его Дономъ внизъ, а сами поѣхали берегомъ за нимъ влѣдъ. Только что отплылъ Бильсъ версты двѣ отъ Донецкаго, какъ встала непогода, будары всѣ разбило и многія нанесло на мель; Голый былъ тутъ и сталъ кричать полковнику, чтобъ приставалъ къ берегу слушать царскій указъ. Бильсъ, опять ничего не подозревая, присталъ къ берегу: тутъ казаки бросились къ нему на будару, самого Бильса и офицеровъ перевязали и утопили, казну и офицерскіе пожитки между собою раздували, а солдатъ забрали къ себѣ въ таборы ¹⁾. Государь, узнавши объ этомъ, написалъ Долгорукому: „Зѣло печально, что дуракъ Бильсъ такъ изрядной полкъ дружество своею потерялъ“ ²⁾.

Распорядившись съ Бильсомъ, Голый съ товарищами началъ думать, чтобъ жепъ и дѣтей развести по городкамъ, а самимъ идти подъ украинные города; если Долгорукаго разобьютъ, то въ городкахъ чернь къ нимъ пристанетъ, и тогда можно будетъ идти до Москвы, побить бояръ, Нѣзичевъ и прибыльщиковъ; въ этой надеждѣ утверждало ихъ извѣстіе, что Долгорукій поляки распустилъ и стоитъ въ малолѣдствѣ. Голый уже разослалъ прелестныя письма по Украинѣ: „Намъ до черни дѣла нѣтъ; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ, а вы, голутьба, всѣ идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, лагіе и босые,—идите, не опасайтесь! Будутъ вамъ кони и ружья, и платье, и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру и за дождъ Пресв. Богородицы, и за васъ, и за всю чернь, и чтобъ намъ не впасть въ Еллинскую вѣру. А вы, стольники и воеводы, и всякіе приказные люди, не держите чернь и по городамъ не хватайте, и пропускайте всѣхъ къ намъ въ Донскіе городки; а кто будетъ держать чернь и не отпускать,— и тѣмъ людямъ смертная казнь“.

Долгорукій былъ въ Острогожскѣ, когда получалъ извѣстіе о судьбѣ Бильса и замыслахъ Голаго. Онъ немедленно выступилъ изъ Острогожска въ Коротоякъ, куда пришелъ 15 октября; изъ Коротояка поспѣшилъ къ Донецкому и явился предъ нимъ 26 числа. Голый и Колычевъ ушли на устье Хопра; но оставшіеся товарищи ихъ, съ 1,000 человекъ казаковъ и бурлаковъ, встрѣтили Долгорукаго выстрѣлами; отстрѣливались часа съ полтора и не отстрѣлялись: городъ былъ взятъ, разоренъ и выжженъ безъ остатку; 150 пушекъ воровъ повѣшено. Узнавши, что Голый въ Рѣшето-

вой станицѣ, Долгорукій пошелъ туда и достигъ станицы 4 ноября. У Голаго было съ 7,500 человекъ войска; воровъ выпли на бой; но ихъ сорвали, вогнавъ сперва въ городокъ, потомъ выбили изъ городка и до Дону рубили безъ милосердія,—труповъ положено съ 3,000 человекъ; многіе потонули, иныхъ на плаву пристрѣляли, а которые переплыли,—померли. Голый ушелъ самъ-третей; городокъ былъ выжженъ ³⁾.

Такъ окончилась вторая сильная, открытая борьба казачества съ государствомъ. Какъ первый [Разинскій] ⁴⁾, такъ и второй (Булавинскій) бунтъ произошли влѣдствіе умноженія сходцевъ, голутьбы на Донскихъ притокахъ, при закрытіи выхода Дономъ въ море. Казачество усиливалось насчетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Государство, усиленное при Петрѣ личностію государя и нуждаясь въ служебныхъ и производительныхъ силахъ для собственныхъ цѣлей, не могло позволить казачеству похищать у себя эти силы. Вопросъ былъ поставленъ ясно: государство требовало отъ казачества, чтобъ оно не расширяло своихъ владѣній на его счетъ, не строило новыхъ городковъ и не населяло ихъ бѣглецами изъ государства; казачество не слушалось, и государство рѣшилось разорить эти городки и вывести бѣлое ихъ народонаселеніе на старыя мѣста жительства,—тогда бѣглецы вооружились. Но если бы даже государство и не приняло наступательнаго движенія, то нельзя думать, чтобъ обошлось безъ казацкаго возстанія, ибо накопилось много голутьбы; при отцѣ Петра государство, по слабости своей, не предпринимало наступательнаго движенія, и, несмотря на то, взрывъ послѣдовалъ при томъ же необходимомъ условіи, при накопленіи горючихъ матеріаловъ. Казачество было побѣждено и при царѣ Алексѣѣ; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что оно было побѣждено при Петрѣ: царское войско при Петрѣ было инос. чѣмъ при отцѣ его; эта переиѣна давала возможность горсти царскаго—т. е. регулярнаго—войска разбивать двѣе сильнѣйшихъ казаковъ: притомъ, еслибъ дѣло затянулось, Петръ самъ хотѣлъ ѣхать на Донъ, чего бы не сдѣлалъ отецъ его. Но, кромѣ того, нельзя не замѣтить и другихъ причинъ скорого торжества государства: во-первыхъ, казачество опоздало своимъ движеніемъ; но оставшіеся удобное время Астраханскаго бунта; во-вторыхъ, заводчикъ бунта, Булавинъ, ослабилъ возстаніе въ самомъ началѣ, оттянувъ главныя силы съ сѣверо-востока на юго-западъ и потративъ много времени въ Черкасскѣ.

¹⁾ Кабинетъ I, кн. № 18.

²⁾ Голикова—Дѣянія XI, стр. 426.

³⁾ Кабинетъ I, кн. № 2 п. 18.

⁴⁾ См. «Исторію Россіи», томъ XI.

Глава IV.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Походъ Карла XII въ Лятову. — Распоряженія Петра въ Гроднѣ — Карль вступаетъ въ этотъ городъ. — Дальнѣйшія его движенія. — Волѣны Петра. — Укрѣпленіе Петербурга. — Укрѣпленіе Москвы. — Битва при Голоувчѣ. — Военный совѣтъ въ Шкловѣ. — Карль въ Могилевѣ. — Битва при Добромъ. — Движеніе Карла въ Малороссію. — Битва при Лѣсной. — Состояніе дѣлъ въ Малороссіи. — Приготовленія къ измѣнѣ Мазепы. — Отношенія Мазепы къ Кочубею. — Доносъ Кочубея. — Розсыкъ и казнь Кочубея. — Измѣна Мазепы. — Распоряженія Петра по этому случаю. — Универсалъ Мазепы къ полковникамъ. — Взятіе Вагурина Меншиковымъ. — Избраніе новаго гетмана. — Мазепа проклятъ. — Грамота Петра къ Запорожцамъ. — Грамоты Карла къ Малороссіянамъ. — Отвѣтныя грамоты Петра и новаго гетмана Скоропадскаго. — Военныя дѣйствія въ концѣ 1708 года. — Вѣсти изъ Польши. — Отъѣздъ Матѣева изъ Лондона. — Безчестіе, ему нанесенное. — Сношенія съ Данією. — Съ Турцією. — Военныя дѣйствія въ началѣ 1709 года. — Петръ въ Воронежѣ. — Его неудовольствіе на Шереметева — Сношенія Мазепы съ царемъ. — Царская грамота къ Малороссіянамъ по поводу порухащеннаго письма Мазепы къ Лещинскому. — Измѣна Запорожцевъ. — Взятіе и разореніе Сѣчи. — Полтавская битва. — Приготовленія къ продолженію войны. — Торжества.

Петръ собирался ѣхать на Донъ: такъ опасно было въ его глазахъ казакское возстаніе, — и это въ то самое время, когда Россія одна должна была выдерживать борьбу съ непобѣдимымъ Шведомъ.

Мы видѣли, что Карль двинулся изъ Саксоніи въ Польшу въ августѣ 1707 года. Ждали, что король быстро пройдетъ владѣнія своего посаженника Лещинскаго и немедленно вторгнется въ Россію; но, ко всеобщему удивленію, Карль четыре мѣсяца выстоялъ въ бездѣйствіи на лѣвомъ берегу Вислы. Было ли это слѣдствіемъ удала, заставлявшей предпочитать для походовъ зимнее время, какъ болѣе трудное, или, наоборотъ, Карль боялся осенняго пути въ Литвѣ и Западной Россіи, — все равно, каждый мѣсяць остановки со стороны Карла были выгрышемъ для Петра. Шведы, привыкшіе къ роскошному житію въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной Польшѣ, хватая все, что только могли захватить. Карль смотрѣлъ на грабительство солдатъ своихъ сквозь пальцы. Станиславъ Лещинскій горько жаловался, что Шведы обираютъ его подданныхъ такъ же немилосердно, какъ и Русскіе; но на его жалобы не обращалось никакого вниманія. Французскій посланникъ, находившійся при Карлѣ, доносилъ своему Двору, что Шведы питаютъ къ Полякамъ глубочайшее презрѣніе и не считаютъ ихъ достойными какого-либо вниманія. Самъ Карль былъ такъ возмущенъ поведеніемъ Поляковъ, что не считалъ ихъ достойными никакой пощады ни относительно цѣлаго государства, ни относительно отдѣльныхъ лицъ¹⁾.

Въ концѣ декабря Карль перешелъ Вислу и, несмотря на представленія необходимости зимнихъ квартиръ, двинулся немедленно въ Литву. Морозныя ночи солдаты проводили на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Люди гибли; еще больше гибло лошадей, за недостаткомъ которыхъ нужно было кинуть часть багажа. Но вредѣ всего была Шведамъ враждебность жителей, которые прятались за деревьями и кустами, и подстрѣливали солдатъ; однажды самъ Карль чуть не былъ подстрѣленъ та-

кимъ образомъ. Раздраженный король далъ приказъ вѣшать этихъ беззаконныхъ стрѣльцовъ и жечь ихъ жилища. Шведы охотно исполняли приказъ королевскій: однажды захваченная шайка враждебныхъ жителей въ 50 человекъ была истреблена тѣмъ, что Шведы заставили несчастныхъ убивать другъ друга. Ожесточенные солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей²⁾.

Встрѣтивши новый 1708 годъ въ Москвѣ, царь 6 января выѣхалъ въ Гродно; вслѣдъ за нимъ долженъ былъ выѣхать адмиралъ Апраксинъ. Въ Дзенцолахъ, гдѣ стоялъ Меншиковъ, узналъ Петръ о движеніи Шведовъ къ Нѣману и отправился въ Гродно, куда пріѣхалъ 21 января. Петръ былъ извѣщенъ, что Карль идетъ прямо на сѣверъ, и потому сейчасъ же въ Гроднѣ принялъ свои мѣры; на другой день послѣ пріѣзда, написалъ псковскому оберъ-коменданту Кириллу Алексѣевичу Нарышкину: „Понеже мы получали подлинную вѣдомость, что неприятель уже отсюда въ пяти миляхъ обрѣтается, и намѣреніе его конечно идти чрезъ Ригу ко Пскову, и для того изъ уѣздовъ хлѣбъ и фуражъ весь забори въ городъ сколько возможно, и сіе немедленно учини, понеже время сего требуетъ“. Черезъ два дня, 25 числа, новое писъмо къ тому же: „По полученіи сего указу, тотчасъ вышли дерптскихъ жителей на Вологду, а жители ихъ, кромѣ денегъ, чѣмъ могутъ кормиться, съ ропскою возьми и поставь подъ ратушу; также все какъ во Псковѣ, такъ и Дерптъ какъ наилучше къ оборонѣ устрой (понеже время нужное настощъ и неприятель уже у насъ явился), также и о минахъ не забудь, только пороху еще не клади“. Тутъ же написалъ Апраксину: „Какъ возможно поспѣшай въ Вильню, и буде въ Вильню уже пріѣхалъ, далѣе не ѣзди, понеже неприятель уже у насъ“³⁾.

Этотъ неприятель былъ самъ Карль съ 800 человекъ конницы, поспѣшавшій по вѣсти, что царь въ Гроднѣ. 2,000 Русскихъ, подъ начальствомъ брп-

¹⁾ Fryxell II, 71.

²⁾ Fryxell II, 72.

³⁾ Голякова — Дѣянія XI, стр. 340.

гадира Мюленфельда, должны были защищать у Гродна мостъ на Нѣманѣ; но Мюленфельдъ не выдержалъ натиска Шведовъ и далъ имъ дорогу, за что послѣ былъ преданъ суду и бѣжалъ къ неприятелю. Карлъ 26 числа безпрепятственно вошелъ въ Гродно, два часа спустя послѣ отъѣзда отсюда Петра. 27 числа царь былъ уже въ Меречи, откуда писалъ майору гвардіи, князю Василию Владиміровичу Долгорукому: „Сегодня получили мы подлинныя вѣдомости, что неприятель еще вчера съ вечера къ Гроднѣ пришелъ, его ради надобно вамъ немедленно маршировать вмѣстѣ съ генераломъ Репнинымъ, куда ему указъ повелѣвается, и пдучи дорогого, провиантъ и фуражъ, также и скотину, лошадей, воловъ и овецъ забирать съ собою сколько возможно, и чего не возможно, то провиантъ и фуражъ жечь, чтобъ неприятлю въ руки не достался“. Къ Меншикову писалъ: „Мы идемъ какъ можемъ, и что по дорогѣ довлѣетъ—чинимъ. Зѣло потребно, дабы ваша милость приказалъ заднимъ (доброму и вѣрному офицеру) дороги засѣчь гораздо не въ одномъ мѣстѣ; также и другимъ послать указъ, которые другими дороги идутъ, которое дѣло великую препону неприятелю учинитъ. Для Бога какъ наискорѣя дайте знать, куда пойдетъ неприятель, чтобъ пѣхотою мочно ускорить, а я не оставлю все возможное прилагать. Пріѣхалъ къ намъ Крюковъ, который привезъ отъ васъ письмо, чтобъ намъ спешнѣе денно и ночью; и мы дѣлаемъ какъ возможно, однакожъ, съ помощію Божіею, безопасно. Для Бога вѣрному вручи аригарду, а не симъ плутамъ (т.-е. иностранцамъ вродѣ Мюленфельдта), которые уже явно губятъ“¹⁾. 28 января Петръ былъ уже въ Вильнѣ. Царь долженъ былъ смотрѣть во все стороны, всюду разсылать приказанія о движеніи войскъ и оборонѣ, ибо никто не зналъ, куда пойдетъ Карлъ—въ Лифляндію или на Новгородъ, на Смоленскъ или въ Украйну. Сначала онъ двинулся изъ Гродна на сѣверо-востокъ въ Сморгонь; казалось, что онъ пойдетъ на Псковъ и Новгородъ; но, постоявъ въ Сморгоняхъ, Карлъ двинулся къ юго-востоку и надолго остался въ Радшковичахъ. Петръ, большой лихорадкой, воспользовался этою остановкою Карла, чтобъ пожить въ своемъ парадизѣ, Петербургѣ, куда пріѣхалъ 20 марта. Лихорадка изучала его, что видно изъ писемъ къ Головкину и Меншикову. Къ первому писалъ отъ 8 апрѣля: „Какъ говорятъ, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ и дьяволъ алтарь: хотя я всегда здѣсь яко въ райскомъ мѣстѣ здоровъ былъ, по нынѣ не знаю, какъ съ собою привезъ лихорадку изъ Польши, хотя и гораздо осматривалъ у себя въ саняхъ и платѣ, ибо всю страстную седмицу мучимъ отъ нея былъ, и самой праздникъ, кромѣ начала заутрени и Евангелія, но болѣзни не слышалъ; нынѣ, слава Богу, прихожу въ здоронье, и еще никуда изъ избы (а праздникъ зѣло не поря-

дочень былъ, ибо какъ намать моя есть, всегда бывали мы въ красномъ, а нынѣ принуденъ въ сѣромъ). Сія лихорадка куню съ горнатиною и грудною болѣзнию, кашлемъ (что здѣсь зѣло нынѣ много) сама кончилась, а не удержана, и матеріи зѣло много худой вышло, что дохторъ зѣло сему радъ для начатія будущаго лѣченія отъ скорбунтики“²⁾. Черезъ день, 8 апрѣля, писалъ къ тому же Головкину: „Прошу, которыя дѣла возможно безъ меня дѣлать, чтобъ дѣлали; какъ я былъ здоровъ, ничего не пропускать, а нынѣ Богъ видитъ, какъ послѣ сія болѣзнь, которая и здѣшнее мѣсто Польшею сочинила, и ежели въ сихъ недѣляхъ не будетъ къ лѣченію и отдохновенію времени, Богъ знаетъ, что будетъ“³⁾. Получивъ отъ Меншикова извѣстіе, что Шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ, Петръ отвѣчалъ ему 14 апрѣля: „Зѣло прошу о себѣ (понеже я вѣдаю, что сія игрушка меня не минетъ), дабы первѣе не позванъ былъ, пока самая совершенная вѣдомость (и съ разуужденіемъ, что оная статца можетъ) о его неприятельскомъ походѣ прямо на войска не будетъ, дабы мнѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни. Ибо сегодня отъ той еще только день, какъ стала на дворъ выходить. Также съ 20 дня сего мѣсяца буду починаеть лѣкарства примать отъ скорбунтики первыя, а въ концѣ сего мѣсяца, или въ первыхъ мая меркуріальныя, для которыхъ дохторъ сказалъ десять дней не ходитъ тогда изъ хоромъ. А сама ваша милость вѣдаешь, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ когда мочи пѣтъ, ибо безъ здоровья и силы служить невозможно: но ежели-бъ недѣль пять или шесть съ сего времени еще здѣсь побить и лѣкарства употребить, то-бъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы, понеже о времени томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь“⁴⁾.

Въ это самое время, когда изурительная болѣзнь отнимала силы, Петръ долженъ былъ слѣдить за Булавинскимъ бунтомъ, переносиваться съ Долгорукииъ и Толстымъ. Въ половинѣ: „лѣчебныхъ трудныхъ дней, обезсилѣвъ отъ лѣкарства какъ младенецъ“, Петръ началъ записываться укрѣпленіемъ Петербурга. „Вчерашняго дня (писалъ Петръ Меншикову 14 мая) болварокъ Трубецкова зачали бутить, и первый камень, послѣ предика зѣло изряднова, положилъ господинъ Яворской [Стефанъ митрополитъ“⁴⁾. Но, укрѣпляя свою новую столицу, Петръ озаботился и укрѣпленіемъ старой, куда скорѣе можно было ожидать Карла, чѣмъ къ Петербургу. Еще въ 1707 году Петръ послалъ статьи въ Москву къ правительствующимъ вельможамъ: „Воеводѣ быть князю Михайлѣ Але-

²⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказанія дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

³⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

⁴⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

¹⁾ Голикова Дѣянія XI, стр. 341; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

туковичу, а товарищей прибрать ему по волѣ своей, кого и сколько похочетъ, такожъ палатнымъ и прочимъ правительствующимъ людямъ быть всѣмъ для совѣту съ нимъ. Въ гарнизонъ выбрать въ коменданты добраго человѣка и умнаго, хотя бы и несаобычнаго для того, чтобы все приготовить, что надлежитъ, понеже подъ часъ нужды пришлемъ добраго коменданта и нѣсколько старыхъ солдатъ. (На полѣ отмѣтка рукою Петра: „Г а г а р и н у“.) Въ Кремль и Китай надлежитъ быть гарнизону въ 13,000, изъ котораго числа рекрутовъ 7,000 пинбаевъ, 1,000 людей боярскихъ безконныхъ, 4 или 3,000 изъ посаду молодыхъ, да пою всѣхъ канцелярій и приказовъ, изъ ратуши и прочихъ мѣсть солдатъ, гдѣ оныя ни слышуются. Такожъ надлежитъ Кремль и Китай укрѣпить, для чего послать будетъ Василій Корчминъ и прочіе съ нимъ, къ которому дѣлу надобно по меньшей мѣрѣ 30,000 челоувѣкъ. Весь, какъ торговля, такъ казенной монастырской (такожъ и у всякаго чину людей, у кого лишней не мало) хлѣбъ весь свезти въ Кремль и тамъ въ удобное мѣсто положить, а торговой на Житный дворъ и въ набережныя палаты и изъ нихъ продавати по прежнему, такожъ и прочей хлѣбъ всякому волю для своей потребы дать, лишешъ конечно было въ Кремль; понеже подъ нужнымъ случаемъ вскорѣ свозитъ будетъ невозможно, а съечь жаль напрасно, и для того заранѣе сіе училищъ надлежитъ. Въ начинаніи сему не безъ сумнѣнія и торопости будетъ въ людяхъ, того для сказать всѣмъ, что сіе дѣлается въ запасъ ради всякаго случая, понеже прежь сего и не отъ такихъ неприятелей, но отъ бездѣльныхъ Татаръ земляной городъ дѣлали и колодези въ Кремль копали и прочее къ осадѣ готовлено, и чтобы никто для сего безъ указа съ Москвы не убирался, не уѣзжалъ и не уходилъ подъ смертную казнь; а когда какой случай позонегъ, тогда указъ сказать будетъ, чтобы всякой, убрався съ пожитками, выѣхалъ, объявя, гдѣ оной вѣдомъ и куда поѣдетъ. Конницѣ надлежитъ быть отъ 15 до 20,000, а ружья—какое у кого есть, однакожъ стараться, чтобы больше огненнаго было, и сію армию, упрява, разставить около Москвы для конскихъ кормовъ въ такой дистанціи, чтобы въ недѣлю могли стать на Москвѣ. Князю Петру Ив. Прозоровскому (ежели сей случай будетъ) съ лучшею святынею, такожъ съ церковными и казенными богатствами и нужными посольскими письмами выѣхать по Ярославской дорогѣ до Вѣлаозера или далѣ, куды случай позонегъ. Шведскаго резидента выселать въ Стекгольмъ одного съ такимъ предложениемъ, чтобы онъ за себя выселялъ на размѣну нашего резидента, а ежели онъ того не учинитъ, то сказать, что жену и дѣтей его послать въ Сибирь. Такожъ сказать прочимъ Шведамъ, которые на Москвѣ, отъ майора и выше, что имъ на Москвѣ жить не велѣно, но чтобы они выбрали себѣ который хотятъ городъ (кромя порубежныхъ къ ихъ краю), гдѣ имъ жить, и чтобы именнымъ наречениемъ и

поручкою круглою обязались, что имъ безъ размѣны не уѣхать и что къ злу сему государству не чинить, то позволено имъ жить въ тѣхъ мѣстахъ безъ караулу. Слободскихъ (Нѣмецкой слободы) иноземцевъ каждаго народа межъ собою перепоручить, а по комъ поручъ не будетъ, тотчасъ выслать къ городу (Архангельску), и оттолъ на корабляхъ, а ежели изъ мастеровыхъ по комъ поручки не будетъ, послать въ Казань. По дорогамъ изъ городовъ (кромя тѣхъ, которые велѣно крѣпить), сель и деревень отъ Серпуховской до Повгородской, зачавъ отъ ста верстъ отъ Москвы до самой границы, чтобы училили по прежнему указу приготовление себѣ, скоту и хлѣбу заранѣе, однакожъ никого до указу домовъ своихъ, пашень и всякихъ промысловъ огнюдь не покидали подъ смертною казнью, а когда случай будетъ и другой указъ о выходѣ изъ домовъ придетъ, тогда бы всѣ въ уготованныя мѣста а со всѣмъ вышли. Города: — Серпуховъ, Можайскъ, Тверь по возможности укрѣпить и полисадировать. Серебряныя вещи казеннаго Приказа, патриарши и монастырскія и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ оныя ны есть, кромя самыхъ старыхъ и диковинокъ, все передѣлать въ монеты и огнюдь оныхъ денегъ не давать въ расходъ безъ особливаго указа“¹⁾).

Вслѣдствие этого указа, 7 января 1708 года бояре въ ближайшей канцеляріи учинили опредѣленіе, что „имъ съѣзжаться въ помещѣльнички, средю и пятокъ. На Москвѣ у городской крѣпости въ нынѣшней зимѣ быть работѣ на чегарехъ бояверкахъ: со всѣхъ чиновъ жителей къ дѣлу Московской крѣпости взять работниковъ у кого въ домѣ сколько дымовъ есть, съ трехъ дымовъ по одному работнику, а у кого дымовъ въ число работника не достанетъ, и тѣмъ людямъ, складываясь, давать работниковъ. Всякихъ чиновъ людямъ московскимъ жителямъ, гдѣ которые чины вѣдомо, сказать, чтобы они въ нужный случай готовы были всѣ и съ людьми“²⁾).

Все было приготовлено, чтобы незваные гости встрѣли нусынно во внутренности государства. Въ іюнь Карлъ выступилъ изъ Радошковичей на востокъ къ Борисову, для переправы черезъ Березину. У Борисова стоялъ русскій оградъ, чтобы затруднить Шведамъ переправу; Карлъ повернуть въ другую сторону, пошелъ черезъ непроходимые лѣса и болота, и переправился гораздо ниже подъ мѣстечкомъ Сапѣжниская Березина, въ пяти мплахъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметевъ и Меншиковъ рѣшилися задержать неприятеля при переправѣ чрезъ небольшую, по болотистую рѣчку Бибичъ. 2 іюля Меншиковъ писалъ царю пзъ-подъ Головчина: „Наша кавалерія, занявъ постъ подлѣ Головчина и далѣ на потребныхъ наслахъ стала, и потому, для лучшаго удержанія неприятеля, разсудили мы за благо и нѣхоту дивизиі фельдмаршала Шере-

¹⁾ Кабинетъ I, кн. 54.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 8.

метева и генерала князя Репнина сюдаже взять, которые уже пришли, и на томъ насѣ оного (непріятеля), гдѣ рѣчка, и болота, и лѣса, елико возможно держать будемъ, ибо оной пылъ съ нами объ одной той рѣчкѣ въ виду обрѣтается, и ежели оной станеть переправляться, то хотя и съ нѣкоторымъ урономъ своимъ держать его будемъ, понеже и онъ принужденъ будетъ такожь своихъ людей терять, а къ главной баталіи насѣ принудитъ ему за узкими дорогами и переправы трудно; токмо дай Вышній, дабы ваше величество къ намъ вскорѣ прибыль. А взятые языки сказываютъ, что все его войско къ намъ собралось, съ которымъ наша легкая конница, непрестанно перебѣжая за рѣчку, имѣютъ стравки. Полковники единогласно сказываютъ, что въ войскѣ его конницы и пѣхоты больше 30,000 не будетъ, и въ провіантѣ имѣютъ они скудость, а непріятель хочетъ идти за Дибирь и искать съ нами баталію, отъ которой мы, по указу вашего величества, до пришествія вашего, остерегаться по возможности будемъ, и безъ крайней нужды въ оную не вступимъ⁴.

3 іюля произошла битва при Головчинѣ. Главная русская армія, при которой находились Шереметевъ и Меншиковъ, занимала середину; на правомъ крылѣ, въ трехъ миляхъ, при Климоцахъ, стояли генералы Аллартъ и Флюкъ; на лѣвомъ, въ двухъ верстахъ, князь Репнинъ и въ четверти мили отъ него — фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ; князь Мих. Мих. Голицынъ, сторожившій движенія шведскаго корпуса Реншельда, стоялъ на верховьяхъ рѣки Вибича, между главною арміею и Аллартомъ. Узнавши отъ перебѣжчика, что Карлъ намѣренъ напасть на правое крыло, Шереметевъ и Меншиковъ особенно усилили послѣднее; но „непріятель о третьемъ часу по полуночи, наче чаянія, пошелъ всею пѣхотою своею на дивизию князя Репнина, который стоялъ влѣво отъ фельдмаршала Шереметева за жаростомъ и лѣсомъ (у котораго за командированными въ остаткѣ было около пяти тысячъ), и, пришедъ непріятель еще въ темноту, въ туманъ и дождь, съ большею частію артиллеріи своей, началъ по ономъ стрѣлять жестоко, и подѣ тою стрѣльбою, въ самомъ болотномъ мѣстѣ, сдѣлалъ мосты понтонами и, перешедъ, пошелъ во флангъ на траншементъ князя Репнина, хотя отрѣзаетъ отъ коммуникаціи съ нами. Репнинъ принужденъ былъ отступить къ лѣсу, гдѣ непріятель на оного жестоко наступилъ, по жестокомъ бою, котораго часа три или четыре было, отступя, пришелъ Репнинъ въ слученіе къ намъ безъ великаго урону; а противъ Шереметева и Меншикова дивизию поставилъ непріятель въ прикрытие за Головчинымъ знатную часть кавалеріи, которая такожде являлась къ переходу въ готовности; а въ наступленіи на генерала Репнина перешедъ, непріятельская кавалерія пошла на кавалерію нашу подѣ команду Гольца, съ которымъ у непріятеля былъ великій бой пять часовъ на обѣ стороны съ урономъ, и оной, по жестокомъ отпорѣ непріятелю, какъ и мы, не хотя съ непріятелемъ

въ главную баталію вступить и не имѣя къ тому удобнаго мѣста, отступили къ Дибирю, наша дивизія — къ Шклову, а Гольца — къ Могилеву, Алларту и Флюку велѣли идти къ Копоси, и, переправясь Дибирь, разрядъ всѣ войска, будемъ непріятеля еще держать по возможности. Кромя уступленія мѣста, непріятелю изъ сей баталіи утѣхи мало⁴).

Такъ донесъ Меншиковъ царю о Головчинской битвѣ и ея слѣдствіяхъ. Петръ былъ уже на дорогѣ изъ Петербурга къ арміи, когда получилъ вѣсть объ этой битвѣ; на первыхъ порахъ онъ написалъ Апраксину, оставленному защищать новоприобрѣтенный край: „Я зѣло благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенко, и что отъ всей его арміи одна наша треть такъ выдержала и отошла“²). Потомъ, узнавши подробности дѣла, Петръ написалъ Меншикову: „Понеже въ прошедшей оказіи подѣ Головчинымъ дивизию генерала князя Репнина многіе полки пришли въ конфузю, и, не исправя должности своей и покинувъ пушки, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и тѣ казачки, а не солдатскимъ боемъ, и про сіе злое поведеніе генералу князю Меншикову накрѣпко розыскавъ, начинаю съ первого до послѣдняго, со всякою правдою, не маня, ниже посягая, но истинно, какъ стать предѣ судомъ Божиимъ, ибо долженъ будетъ надѣ симъ розыскомъ присягу учинить“³). До насѣ дошло оправдательное письмо Репнина къ государю: „Ежели мнѣ позволите причесть въ вину, что у меня не было диспозиціи въ полкахъ и будто непріятеля не держалъ и отступилъ вскорѣ; и такого повѣренія о диспозиціи у насѣ никогда не было; а непріятеля мнѣ держать было больше невозможно безъ сикуреу, и въ такое многое время, сколько я непріятеля держалъ, возможно было съ обѣихъ сторонъ довольно вспоможеніе мнѣ учинитъ и непріятеля въ конфузю причесть; еще-жъ во всю потребу управлялъ вездѣ одинъ я, понеже генераль Чамберсъ, человекъ уже слабой, а и прочіе офицеры, которые тутъ были, не токмо бы съ ними совѣтовать, и во управленіи искусства не всѣ довольнаго, чего ради слезно прошу, дабы ваше величество Вожеское милостивое ко мнѣ милосердіе показали, понеже, кромя вашего высокаго милосердія, предстателя себѣ не имѣю“⁴). Но уже послѣ этого (5 августа) царь написалъ Шереметеву, чтобы учинилъ крихатъ и по приговору воинскаго суда исполнилъ штрафы немедленно⁴).

На четвертый день послѣ Головчинской битвы, 6 іюля въ Шкловѣ былъ держанъ военный совѣтъ (генеральшій консиліумъ), на которомъ приговорили: „Понеже непріятель, по вѣдомости, марши-

¹) Кабинетъ II, кн. № 8.

²) Голицова — Дѣянія XI, стр. 387.

³) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мпн. Ин. Д.

⁴) Кабинетъ II, кн. № 8; Голицова — Дѣянія XI, стр. 401.

руеть къ Могилеву, а оное мѣсто осадить (приготовить къ осадѣ отъ непріятеля) за пространностію и упрежденіемъ непріятельскимъ трудно, того ради приговорено: переславая на сю сторону Днѣпра, стать всей кавалеріи и конной пѣхотѣ по Днѣпру отъ Шклова до Могилева, и онаго (непріятеля) по возможности держать и переправленіе чрезъ Днѣпръ боронить, а пѣхотѣ всей итти къ Горкамъ съ артиллерією и съ обозами; а когда невозможность явится онаго переправленію чрезъ Днѣпръ возбранить, и тогда уступать и конницѣ каждой дивизіи куды способнѣе добрымъ порядкомъ до Горокъ, и тамо, соединяя съ пѣхотою, смотрѣть на непріятельскіе обороты и куды обратится — къ Смоленску или къ Украйнѣ — трудиться его упреждать¹⁾. Подписались: генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, генералъ князь Меншиковъ; министры — графъ Головкинъ, князь Григорій Долгорукій; генералы — Гольцъ, Репнинъ, Аллартъ, Брюсъ, Репъ, Дальбонъ²⁾.

Карлъ дѣйствительно вступилъ въ Могилевъ и засѣлъ здѣсь надолго: онъ дождался прихода Левенгаупта изъ Лифляндіи съ 16,000 войска, артиллерією и провіантомъ; дождался еще вѣстей — о возстаніи Малороссіи противъ царя. Петръ наблюдалъ за нимъ изъ Горокъ, и съ удовольствіемъ видѣлъ уменьшеніе силъ непріятеля и опасное положеніе, въ которомъ онъ находился влѣдствіе скудости продовольствія. 23 іюля царь писалъ Апраксину: „Иного писатъ не имѣемъ, только что непріятель стоитъ въ Могилевѣ по прежнему тихо, и конечно подъ Головчиномъ потерялъ половину драбантовъ своихъ (которые все офицеры майорскаго рангу), тако-жь генералъ Врангель убитъ и два полковника, прочихъ офицеровъ со сто на мѣстѣ побито (кромѣ драбантовъ) и больше тысячи рядовыхъ; ранены генералъ отъ пѣхоты, также офицеровъ и рядовыхъ зѣло много. По вся дни пишемъ перемѣтчиковъ отъ непріятеля не точю иноземцевъ, но и природныхъ Шведовъ, которые единогласно говорятъ такъ, какъ выше писано, и голодь имѣютъ великою“³⁾.

Не дождавшись Левенгаупта, Карлъ въ началѣ августа выступилъ изъ Могилева и направилъ путь къ юго-востоку, къ Чирикову, на рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ тяжель для голоднаго войска по опустощенной странѣ; солдаты сами должны были сплывать съ поля колося и молотъ ихъ между камнями, а тутъ еще льютъ безпрерывные дожди и негдѣ укрыться и высушиться. Являлось необходимое слѣдствіе сырости и дурной пищи — болѣзни; солдаты говорили, что у нихъ три доктора: докторъ Водка, докторъ Чеснокъ и докторъ Смерть⁴⁾. Узнавши о выходѣ Карла изъ Могилева, царь выступилъ также изъ Горокъ въ Мстиславль, безпокою Шведовъ легкими войсками, мѣшая имъ переправляться чрезъ Сожъ. Карлъ повернулъ на сѣверъ, къ Мсти-

славлю, на встрѣчу русской арміи. Встрѣча произошла у мѣстечка Добраго, на рѣкѣ Черной Напѣ, 29 августа. Видя, что правое непріятельское крыло отдалилось отъ корпуса на четверть мили, Петръ, по отправленіи генеральнаго консуля, двинулъ на него генераловъ князя Мих. Мих. Голицина и Флюка. Объ исходѣ дѣла царь такъ увѣдомляя своихъ: „По двучасномъ непрестанномъ огнѣ Голицынъ и Флюкъ непріятелей сбили и съ 3,000 трупомъ, кромѣ раненыхъ, положили, знамена и прочее побрали. Потомъ король Шведскій самъ на сикурѣ пришолъ, однако же наши отошли отъ нихъ, кромѣ разоренія строю (т. е. въ порядкѣ). Надежно вашей милости пишу, что я, какъ и почалъ служить, такого огня и порядочно дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слышалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!) и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впредь“⁴⁾.

Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, отступила опять къ сѣверу; Карлъ шель за нею нѣсколько времени и опять остановился. Ждалъ Левенгаупта; Левенгауптъ не приходилъ; а между тѣмъ ѣсть было нечего. Матвѣевъ доносилъ изъ Гаги: „Изъ секрета зѣвшаго шведскаго министра сообщено мнѣ отъ друзей, что Шведы, усмотря осторожность царскихъ войскъ и невозможность пройти къ Смоленску, также по причинѣ недостатка въ провіантѣ и кормахъ, принялъ намѣреніе идти въ Украйну, воверныхъ, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никакихъ регулярныхъ фортецій съ сильными гарнизонами не имѣетъ; воторныхъ, Шведы надѣются въ вольномъ казаккомъ народѣ собрать много людей, которые проведать его прямыми и безопасными дорогами къ Москвѣ; въ третъихъ, по близости можетъ имѣть удобную пересылку съ ханомъ Крымскимъ для призыву его въ союзъ, и съ Поляками, которые держатъ сторону Лещинскаго; въ четвертыхъ, наконецъ, будетъ имѣть возможность посылать казаковъ къ Москвѣ для возмущенія народнаго“. Карлъ 14 сентября повернулъ къ Украйнѣ; Левенгауптъ остался на жертву Русскимъ.

Левенгауптъ былъ у Шклова, когда получилъ отъ Карла извѣстіе, что онъ идетъ въ Украйну, и приказаніе спѣшить къ Стародубу. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для Левенгаупта и его подчиненныхъ; двѣ рѣки — Днѣпръ и Сожъ — отдѣляли ихъ отъ главной шведской арміи, и между этими двумя рѣками стоялъ царь. 21 и 22 сентября Левенгауптъ перешелъ Днѣпръ у Шклова и началъ пробираться тайкомъ на югъ; онъ подкупилъ Жыда, и тотъ увѣдомилъ царя, что Шведы еще на правомъ берегу Днѣпра. Русскіе начали было переправляться на этотъ берегъ, какъ встрѣтился шляхтичъ Петровичъ, который объявилъ, что Шведы давно уже на лѣвомъ берегу. Петръ погнался за Левенгауптомъ теперь уже по настоящей доро-

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 8.

²⁾ Голицина — Дѣянія XI, стр. 394.

³⁾ Fryxell II, 99.

⁴⁾ Голицина — Дѣянія XI, стр. 406.

гѣ. 27 сентября онъ достигъ Шведовъ недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсной. 28-го, въ часъ пополудни, начался кровавый бой и продолжался до вечера; на другой день поскакали курьеры съ письмами къ Розодановскому, Апраксину, Долгорукому и другимъ: „Объявляю вамъ, что мы вчерашняго числа непріятеля дошли, стоящаго зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ 16,000, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею пѣхотою во флангъ; но мы тотчасъ три свои регимента извлекли противъ ихъ училили, и прямо, давъ залѣ, на оныхъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ онаго сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ; и потомъ непріятель наки въ бой вступилъ, и начавъ часъ послѣ полудня даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывать, и непріятель не все отступать, но и наступать, а висторіи нельзя было во весь день видѣть. куды бѣдѣ; напослѣди, милостию побѣдодавца Бога, онаго непріятеля словить, побили наголову, такъ что трупомъ съ 8,000 на мѣстѣ осталось (кромя что по лѣсамъ отъ ранъ померло и Калмыки побили); обозъ весь, съ 2,000 телѣгъ, 16 пушекъ, 42 знамя и поле совсѣмъ осталось намъ. Р. С. Генераль Флюкъ непріятеля бѣгущаго достигъ въ Пропойску, изъ которыхъ больше 500 на мѣстѣ положилъ, да въ плѣнъ взяли 45 человѣкъ офицеровъ, 700 рядовыхъ, а потомъ еще многихъ непрестанно въ нашъ обозъ привозить и сами приходять изъ лѣсовъ; такожъ, и достальную обозъ съ 3,000 телѣгъ взяли. А достальныя Шведы побѣжали въ нѣзъ по рѣкѣ Сожѣ и въ шести миляхъ впасть за рѣку переплыли, за которыми сзади Калмыки гнали и зѣло много побили. Также бригадиръ Фатсманъ, которой за Сожею съ командированными драгуны былъ и при переправѣ оныхъ такожъ многихъ побилъ“¹⁾.

У Русскихъ подъ Лѣсною изъ 14,000 человѣкъ было побито 1,111, ранено 2,856; у Шведовъ изъ 16,000 по русскому счету взято въ плѣнъ 876 человѣкъ, на мѣстѣ побитыхъ тѣлъ перечтено 8,000; по странная потеря состояла въ томъ, что Левенгауптъ явился къ Карлу безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, на которые была такая надежда въ главной арміи шведской; наконецъ битва подъ Лѣсною произвела совершенно другое впечатлѣніе: „Сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало: къ тому-жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ. И по истинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской боталин, какъ ободреніемъ людей, такъ

и временемъ, ибо по девятимѣсячномъ времени оною младенца счастье пронесла“²⁾. На сѣверѣ такая же участь постигла Любекера, который вторгнулся въ Ингерманландію, и принужденъ былъ оставить ее, потерявши 3,000 человекъ, всѣхъ лошадей и военные припасы³⁾. При такомъ-то благоприятномъ оборотѣ дѣлъ Петръ вдругъ узналъ объ измѣнѣ Мазены.

Мы подробно слѣдили за событіями въ Малороссіи и видѣли, въ какомъ странномъ и печальномъ состояніи находилась эта страна. Мы видѣли, какъ въ ней произошелъ важный переворотъ, слѣпа землевладѣльцевъ. Выбѣго прежнихъ польскихъ или ополчившихся пановъ, на первомъ шагѣ явились войско, казаки съ своими начальными людьми, съ своимъ верховнымъ вождемъ, гетманомъ. Войско тяжело налегло на остальное народонаселеніе, городское и сельское. Началась борьба. Гетманы стали стремиться къ увеличенію своей власти на счетъ войска, къ наслѣдственности: чтобъ не зависѣть отъ шумной войсковой черной рады, хотѣли упрочить свое положеніе то посредствомъ Польши, то посредствомъ Москвы, и не достигали своей цѣли; кромѣ Богдана Хмельницкаго, ни одинъ изъ нихъ не кончилъ хорошо,—постоянно свергались они своимъ. Начальные люди, войсковые старшины, полковники стремились также упрочить свое положеніе, стать землевладѣльцами и пріобрѣсть какъ можно больше власти надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ этихъ земель; полковникамъ хотѣлось управлять своими полками, т. е. городами и уѣздами ихъ, какъ можно самостоятельнѣе, не отдавая отчета ни гетману, ни войску, а главное—не отдавая отчета въ доходахъ и расходахъ. Простымъ казакамъ, разумеется, не нравилось это стремленіе гетмана и старшины: имъ хотѣлось поддержать первоначальное, простое, демократическое казачье устройство, чтобы гетманъ и старшина, избранные войскомъ, находились въ полной зависимости отъ него, не смѣли возноситься надъ войсковою массой, властительски обходиться съ нею. Это демократическое, казачье стремленіе находило постоянную опору въ Запорожскъ, представлявшемъ казачье общество во всей первобытной чистотѣ: отсюда постоянно раздавались голоса противъ гетмана - боярина Московскаго, противъ старшинъ, которые, вышедши изъ рядовъ простыхъ казаковъ, стремились стать землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Неудовольствія и волненія были всегданныя; сюда присоединялось еще неудовольствіе горожанъ, которымъ тяжело было казачье иго, которые звали московскаго воеводу, какъ освободителя отъ притѣсненій казачкаго полковника. При такихъ условіяхъ положеніе гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войско Запорожскаго было очень тяжело. Выкрикнутый на шумной радѣ, онъ съ перваго же дня своего гетманства былъ окруженъ людьми, кото-

¹⁾ Голицына—Дѣянія XI, стр. 418, 422.

²⁾ Fryxell II, 121; Гисторія Свейской войны.

³⁾ Fryxell II, 119.

рые, при первомъ неудовольствіи, при первомъ сопротивленіи гетмана ихъ произволу, становились его врагами, искали случая свергнуть его, подмѣчали его малѣйшее движеніе, малѣйшее слово, чтобъ заподозрить его въ Москвѣ передъ царемъ. Вотъ что писалъ Мазена Головину 4 октября 1705 года, вступивъ съ войскомъ въ Польшу: „Не дай Боже исполниться тѣмъ поговоркамъ, которые пропеселись, какъ скоро я вошелъ въ Польшу, съ такими лядскими похвалками, чтобъ и одной казацкой ноги назадъ изъ Польши не выпустить. Надѣяться не на кого, кромѣ единого Бога, ибо силы великаго государя далеко, а у референдаря короннаго войска мало, съ полторы тысячи человѣкъ; да и на наши войска надѣяться нечего, потому что привыкли они или бѣгать, или гетмана съ старшиною въ руки непріятелю отдавать: сдѣлали они это подъ Вчорайшимъ, гдѣ выдали гетмана своего Наливайко и старшину въ руки Ляхамъ; сдѣлали тоже и подъ Кумейкали, выдали гетмана Павлюка; въ третій разъ сдѣлали тоже подъ Боровицею, не хотя терпѣть облеженія отъ Ляховъ“. Гетманъ хорошо знаетъ, какому произволу предаются начальные люди, и долженъ былъ смѣрять на это сквозь пальцы, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія между знатью, и въ то же время не долженъ былъ спускать глазъ съ Запорожья, куда переносили свои жалобы недовольные простые казаки. А Москва: — довольны ли тамъ; итъ ли туда допоса?

Старшина, полковники хотѣли жить по своей волѣ, распоряжаться въ странѣ, не стѣсняясь ни войскомъ, ни государствомъ; простые казаки хотѣли также жить по своей волѣ, держать въ рукахъ начальныхъ людей, и, безъ надзора со стороны государства, кормиться насчетъ народонаселенія, ничего не дѣлая, ничего не платя. Государство не могло сносить долго подобнаго положенія дѣлъ. Съ первыхъ годовъ подданства безпрестанная безурядица, смуты, измѣны со стороны войска и его начальниковъ, постоянныя жалобы мирнаго народонаселенія Малороссіи на то же войско и его начальныхъ людей; постоянное стремленіе этого мирнаго народонаселенія высвободиться посредствомъ государства изъ-подъ полковаго казацкаго управленія и войти въ непосредственное отношеніе къ государству. „Непостоянство Черкасъ“, ватаюпцис между царемъ, королею и султаномъ, входилъ въ пословицу въ Великой Россіи. Благодаря этому непостоянству, затянута разорительная война съ Польшею, начнута опасная война съ Турціею, а Черкасы все продолжаютъ мѣнять гетмановъ, все продолжаютъ посылать на нихъ доносы въ Москву. Не повѣрилъ царь Алексѣй Михайловичъ доносу на Выговскаго, — и Выговскій извѣстилъ; вѣрно, казалось, служилъ боярину и гетманъ Брюховекскій — и тотъ извѣстилъ; наученные опытомъ, доносу на Многогрѣшнаго уже повѣрили, доносу Самойловича повѣрили или, по крайней мѣрѣ, уступили жгачію озлобленной на гетмана старшины,

и вотъ стали говорить, что повѣрили доносамъ напрасно, оба гетмана свергнуты по клеветѣ. Русскому правительству не приходилось оставаться долго въ такомъ униженномъ положеніи, быть игрушкой въ рукахъ казацкой старшины. Тяжелыя обстоятельства времени царя Алексѣя, Феодора Алексѣевича и правленія Софій не позволяли Русскому правительству думать о преобразованіи безуряднаго быта Малороссіи; но съ обнаруженіемъ самостоятельной дѣятельности Петра, на казаконъ Малороссійскіихъ, преимущественно на ихъ начальныхъ людей, напалъ страхъ: царь, который съ такою энергіею, не знающею преніяствій, вводитъ преобразованія въ Великой Россіи, неужели оставитъ Малую — при ея прежнемъ бытѣ? И вотъ началось для старшины тревожное, мучительное состояніе, ежедневное ожиданіе переменъ, при которыхъ уже конечно нельзя будетъ распоряжаться такъ, какъ прежде распоряжались.

Въ такое-то критическое время гетманомъ обѣихъ сторонъ Дѣлбра войска Запорожскаго былъ Мазена. Ни одинъ гетманъ не пользовался такимъ уваженіемъ въ Москвѣ, какъ онъ. Петръ знаетъ хорошо затруднительное положеніе гетмана въ Малороссіи, и тѣмъ болѣе цѣнилъ способности и усердіе Мазены, умѣвшаго исполнить царскія повелѣнія. Мазена не получилъ и конечно не добивался, какъ Брюховекскій, сана боярскаго, нелюбимаго въ Малороссіи и потерявшаго свое прежнее значеніе въ Великой Россіи; но Петръ сдѣлалъ гетмана однимъ изъ первыхъ кавалеровъ новоучрежденнаго ордена Андрея Первозваннаго; король Августъ, въ угоду царю, прислалъ Мазенѣ свой орденъ Бѣлаго Орла. Сановники, управлявшіе Посольскимъ и вмѣстѣ Малороссійскимъ Приказомъ, относились къ гетману чрезвычайно почтительно. Столкновеніе съ царскимъ дядею, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, не имѣло для Мазены никакихъ вредныхъ послѣдствій. У Нарышкина была карлица родомъ Малороссіанка, которая уѣхала къ себѣ на родину и не хотѣла возвращаться назадъ въ Москву. Старикъ сильно разогорчился и съ угрозами требовалъ у Мазены, чтобъ тотъ выдалъ ему карлицу. Гетманъ по этому случаю писалъ Головину: „Елибѣ та карлица была сирота безродная, не имѣющая такъ много, а наипаче знатныхъ и задуженныхъ казаконъ родственниковъ своихъ, тогда бы я для любви боярина его милости, множество грѣховъ покрывающей, хотѣ бы и совѣсти моеи христіанской нарушилъ (поцѣже то есть не безгрѣшно кого неволею давать или даровать, когдажъ она не есть басурманка и невольница), приказалъ бы я ту карлицу, по неволѣ въ сани кинуть, на дворъ его милости къ Москвѣ допроводить. Но она хотя карлица, возрастомъ и образомъ самая бездѣлица, однако роду добраго казацкаго и заслуженнаго, понеже и отецъ ея на службѣ монаршейкой убитъ, — для того трудю мнѣ оной карлицѣ неволю и насиліе чинить, чѣмъ бы самымъ наволокъ на себя плачливую отъ родственниковъ ея жалостю и отъ стороннихъ людей въ

вольномъ народѣ порицаніе“¹⁾. Карлицу взяли поимно гетмана, который и успокоился.

Со стороны Москвы бояться было нечего Мазепѣ: царь любилъ его, уважалъ и никакимъ доносамъ на него не вѣрилъ. Несмотря на то, положеніе гетмана было тяжело, ибо это было положеніе между двухъ огней: между требованіями государства съ одной стороны, и между требованіями людей, вовсе непривыкшихъ подчиняться требованіямъ государства. Петръ требовалъ, чтобъ Малороссія приняла одинаковое участіе съ Великою Россією въ войнѣ Шведской: приказывалъ гетману двгаться въ Польскія владѣнія на помощь королю Августу; требовалъ казачьихъ полковъ въ Ингрію, въ Лифляндію, посылалъ ихъ къ Паткулю въ Польшу, заставлялъ казаковъ укрѣплять Кіевъ. Все это возбуждало сильное неудовольствіе, особенно при страхѣ преобразованій, не говоря уже о неудовольствіи Запорожцевъ по поводу построенія крѣпости Каменнаго Затона. Мазепа изворачивался какъ могъ; могъ роптать, жаловаться на свое положеніе, но подчинился силѣ обстоятельствъ, и конечно умеръ бы вѣрнымъ слугою царскимъ, еслибъ судьба не привела къ Русскимъ границамъ Карла XII.

Передъ глазами стараго гетмана, хваставшагося своею опытностію, искусствомъ житейскимъ, окончательно разыгрывалась страшная борьба. На одной сторонѣ былъ непобѣдимый король съ непобѣдимымъ войскомъ, на другой—царь, лучше другихъ сознававшій недостаточность своихъ средствъ въ борьбѣ, послѣ тяжкаго пораженія подъ Нарвою постоянно избѣгавшій встрѣчи съ страшнымъ врагомъ, и теперь отступавшій передъ нимъ, и пославшій укрѣплять старую свою Москву. Какой помощи послѣ того ждаты отъ царя для Малороссіи: можетъ ли эта страна противиться врагу собственными силами, и, главное, захочетъ ли при томъ сильною неудовольствіемъ на Москву и на царя? Если это неудовольствіе выскажется съ приходомъ врага, что станется съ гетманомъ, вѣрнымъ слугою царскимъ? Какая же охота погибать и изъ-за-чего? Въ послѣднемъ вопросѣ заключалась сущность дѣла. Умѣй гетманъ отвѣчать на него положительно, — онъ остался бы вѣрнѣ Россіи въ году испытанія. Но Мазепа, который въ Москвѣ считался драгоценнымъ исключеніемъ, человекомъ, преданнымъ царю и царству среди непостоянныхъ, шатающихся Черкасъ, — Мазепа вовсе не былъ исключеніемъ: Мазепа не былъ правителемъ той массы Малороссійскаго народа, для которой Православіе было началомъ, недопускавшимъ никакихъ сдѣлокъ, для которой всякій ино-вѣрецъ былъ врагъ, а Ляхъ - Католикъ — врагъ непримиримый, для которой мысль о возможности соединенія съ Польшею была нестерпима; Мазепа былъ именно представителемъ этого испорченнаго поколѣнія шатающихся Черкасъ: мы знаемъ его

воспитаніе²⁾: слуга Польскаго короля смолоду, бѣдою занесенный на Украйну къ казакамъ; слуга Дорошенка, слѣдовательно присяжникъ Турецкаго султана, потомъ случайно перекинутый на восточный берегъ Днѣпра, слуга гетмана Самойловича и потому присяжникъ царскій, Мазепа такъ часто переиѣнялъ присягу, что эта переиѣнка стала ему за обычай, и если онъ былъ вѣрнѣ, то только по расчету. Вотъ почему Мазепа отвѣтилъ отрицательно на представившійся ему вопросъ: изъ-за-чего погибать? Когда нѣтъ внутреннихъ могучихъ побужденій жертвовать всѣмъ чему нибудь, не колеблясь, не разчитывая, — тогда обыкновенно ищутъ и легко находятъ причины, почему не надобно жертвовать. При московскомъ подданствѣ одиѣ только неприятели: неизвѣстно, придется ли умереть гетманомъ; честолюбивый фаворитъ Меншиковъ подъ хмелькомъ проговаривается; съ помощію Шведскаго короля можно и облегчить положеніе Малороссіи и устроить собственные дѣла: а если что нибудь не такъ, — можно помириться съ царемъ.

Въ 1705 году, когда Мазепа стоялъ лагеремъ подъ Замостьемъ, явился къ нему какой-то Францишекъ Вольскій съ тайными предложеніями отъ короля Станислава Лещинскаго; Мазепа, выслушавъ его наединѣ, призвалъ стрѣльскаго полковника Анненкова, постоянно находившагося при гетманѣ, велѣлъ ему взять Вольскаго за карауль, допросить съ пыткою о неприятельскихъ настрѣленіяхъ, и потомъ отослать въ оковахъ въ Кіевъ къ тамошнему воеводѣ, а прелестныя письма Станиславы отослалъ къ царю при слѣдующемъ собственномъ письмѣ: „Уже то на гетманскомъ моемъ урядѣ четвертое на меня искушеніе, не такъ отъ діавола, какъ отъ враждебныхъ недобрѣхотовъ, ненавидящихъ вашему величеству добра, покушающихся своими зловитрыми прелестями искусить мою неизмѣнную къ в. в. — ству подданскую вѣрность и отторгнуть меня съ войскомъ Запорожскимъ отъ высокодержавной в. в. — ства руки. Первое отъ покойнаго короля Польскаго Яна Собѣскаго, который шляхтича Доморацкаго присылалъ ко мнѣ съ прелестными своими письмами; Доморацкаго и письма я тогда же отослалъ въ Приказъ Малая Россіи. Второе — отъ хана Крымскаго, который во время возвращенія отъ Перекони съ княземъ Василіемъ Голыцинымъ прислалъ ко мнѣ плѣннаго казака съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ, чтобъ я или соединился съ нимъ, или отступилъ отъ войскъ вашихъ и не давалъ имъ никакой помощи. Письмо это я тогда же вручилъ князю Голыцину. Третье — отъ Донцовъ раскольниковъ Капитоновъ, отъ которыхъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Батуринъ есауль Донской, склоняя къ своему враждебному замыслу, чтобъ я съ ними исполчилъ на вашу державу Великоороссійскую, обѣщанъ, что и ханъ Крымскій со всѣми ордами придетъ на по-

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, вѣсти Малороссійскаго Приказа 1704 г.

²⁾ См. «Исторію Россіи» т. XII.

мощь; есаула я отослалъ тогда же для допроса въ Москву. А теперь четвертое искушеніе отъ короля Шведскаго и отъ псевдокороля Польскаго, Лещинскаго, который прислалъ изъ Варшавы въ обозъ ко мнѣ шляхтича Вольскаго; я приказалъ разпросить его съ пыткою и разпросныя рѣчи посылаю ко Двору в —ства, а его самого Вольскаго для того не посылаю, что дорога не безопасна: боюсь, чтобъ его не отбили. И я, гетманъ, и вѣрный вашего царскаго величества подданный, по должности и общапію моему, на божественномъ Евангеліи утвержденному, какъ отцу и брату вашему служилъ, такъ нынѣ и вамъ истинно работаю, и какъ до сего времени во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и аки адамантъ несокрушимый пребывалъ, такъ и сію мою малую службушку повергаю подъ монаршескія стоны". Потомъ Мазепа перешелъ на зимнія квартиры въ Дубно; племянникъ его, Войнаровскій, съ полковникомъ Черныпемъ находились при государѣ въ Гроднѣ, а Прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко, въ званіи наказнаго гетмана, стоялъ тамъ же у Гродна при арміи съ двумя малороссійскими полками. — Своимъ и Кіевскимъ. Въ это время Мазепа вдругъ получаетъ длинное письмо отъ Горленки, наполненное жалобами на дурное обхожденіе съ казаками великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей; между прочимъ Горленко писалъ, что однажды стащили его и проважавшихъ его съ лошадей, которыхъ забрали подъ подводы; а Иванъ Черныпъ прислалъ къ Мазепѣ копію съ царскаго указа, по которому будто бы два казацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій, посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для устроенія изъ нихъ регулярныхъ драгунскихъ полковъ. Выслушавши эти письма и копію съ указа, которая прочель передъ нимъ довѣренный его, писарь Орликъ, Мазепа сказалъ: „Какого-жъ намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы? Другой бы на моемъ мѣстѣ не былъ такимъ дуракомъ, что по сіе время не приклонился къ противной сторонѣ на такія пропозиціи, какія присылалъ мнѣ Станиславъ Лещинскій!" Спустя нѣсколько времени, прѣзжаетъ въ Дубно самъ Горленко и рассказываетъ, что притворился больнымъ и подъ этимъ предлогомъ выпросился изъ царской арміи, подаривши генералу Ренне нѣсколько добрыхъ коней и 300 ефимковъ; убѣждалъ онъ такимъ образомъ, боясь, чтобъ не послали въ Пруссію и не устроили въ драгуны, за что цѣлое войско казацкое возненавидѣло бы его, Горленка, какъ челоуѣка, который положилъ начало этому противному регулярному строю.

Скоро послѣ прѣзда Горленка въ Дубно, Мазепа получаетъ приглашеніе отъ князя Вишневецкаго прѣхать къ нему въ Явлюю Крилицу, чтобъ быть восприемникомъ его дочери. Мазепа отправился и облизался тамъ съ кумою своею, матерью князя Вишневецкаго, по второму мужу княгини Дольскою, съ которою имѣлъ дневныя и ночныя конференціи. По возвращеніи въ Дубно, Мазепа велѣлъ

Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ, причѣмъ послалъ къ ней ключъ цифирной азбуки для дальнѣйшей секретной переписки, и чрезъ нѣсколько дней получили отвѣтъ цифрами: „Уже я послала куда слѣдуетъ съ донесеніемъ объ истинной вашей пріязни". Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ еще маленькое цифирное письмо отъ Дольской, извѣщавшей, что какой-то король посылаетъ къ нему свое письмо. Когда Орликъ прочель ему это письмецо Дольской, Мазепа сказала, засмѣявшись: „Дурная баба, хочеть черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принять въ свою протекцію Станислава, помогъ ему утвердиться на Польскомъ престолѣ, за что общаегъ подати такіе способы, которыми легко можетъ царское величество Шведа побить; я уже о томъ съ дурачествѣмъ государю говорилъ, и его величество смѣялся". Въ Кіевѣ получено новое письмо отъ Дольской, въ которомъ она просила, чтобъ Мазепа начиналъ предпринимать дѣло; чтобъ былъ увѣренъ въ скорой помощи отъ цѣлаго шведскаго войска изъ Волыни и въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній, на что придется къ нему ассекрація короля Станислава и гарантія короля Шведскаго. Выслушавъ это письмо, Мазепа разъяренный вскопчилъ съ постели и началъ бранить княгиню: „Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобъ царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь пишетъ совсѣмъ другое; обмануется баба, — хочеть меня, искусную, ношеную птицу, обмануть! Прогаль бы я, еслибъ далъ себя бабѣ обмануть; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго, и отплывъ отъ одного берега, другого не достигъ. Станиславъ и самъ не крѣпокъ на своемъ королевствѣ, Рѣчь Посполитая раздвоена: какой-же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній той бабы? Состарѣлся я, служба царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу, и брату его вѣрно; не прельстятъ меня ни король Польскій Янъ, ни ханъ Крымскій, ни Донскіе казаки, и теперь, при кончпнѣ вѣку моего, единая баба хочеть меня обмануть!" Сказавши это, Мазепа сжегъ письмо и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: „Прошу вашу княжю милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и на субстанціи; не надѣйся, ни помышляй о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ".

Долго послѣ этого не было цифирныхъ писемъ отъ Дольской; но вотъ опять пришло письмо: баба ловко закинула сѣтъ на искусную, ношеную птицу! Княгиня писала изъ Львова; рассказывала, какъ она крестила у кого-то ребенка съ царскимъ фельд-маршаломъ Борисомъ Петр. Шереметевымъ, вмѣстѣ потомъ обѣдали; она сидѣла за столомъ между Шереметевымъ и генераломъ Ренне; въ разговорѣ упомянула она случайно имя Мазепы, отозвавшись о немъ съ похвалою; Ренне сказалъ ей на это: „Умилосердись Госноди надъ этимъ добрымъ и раз-

умнымъ господиномъ; онъ, бѣдный, не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ яму подъ ипмъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ въ Украйнѣ быть гетманомъ“. Шереметевъ подтвердилъ слова Ренне. Дольская спросила: „Для чего-жь никто изъ добрыхъ пріятелей не предостережетъ гетмана?“ — „Нельзя“, отвѣчалъ Шереметевъ, „мы и сами много терпимъ, но молчать принуждены“.

Птица попалась. Выслушавъ письмо, Мазепа сказалъ Орлику: „Знаю я и самъ очень хорошо, что онъ и о васъ, и обо мнѣ думаютъ, хотятъ меня уkontентовать княженіемъ Римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область захватить и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а если бы воспротивились, за Волгу переждать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, чего вамъ надѣяться, когда князь Александръ Даниловичъ въ квартирѣ моей въ Кіевѣ во время бытности царскаго величества на ухо мнѣ говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приниматься! Въ другой разъ слышали вы, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично княженія себѣ Черниговскаго просилъ, чрезъ которое стелегъ путь къ гетманству“. Расходился старый гетманъ, припомнилъ все свои обиды; исполнилъ великое себѣ уничиженіе и поруганіе, когда царь, въ 1706 году, послалъ Меншикова съ кавалеріею на Волынъ, а ему, Мазепѣ, приказалъ идти за нимъ и исполнять его приказанія. „Не такъ бы мнѣ печально было“, говорилъ Мазепа, „когда бы меня дали подъ команду Шереметеву или иному какому великокомнитоу и отъ предковъ своихъ заслуженному человѣку“. Вспомнилъ гетманъ и второе поруганіе и обманъ все отъ того же Меншикова: положилъ съ нимъ Меншиковъ на словѣ — выдать за м у ж ъ сестру свою за племянника гетманскаго, Войнаровскаго; но когда потомъ Мазепа напомнилъ Меншикову объ этомъ, то онъ отвѣчалъ: „Нельзя, царское величество самъ хочетъ на сестрѣ моей жениться“. — „Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства!“ закончилъ свои жалобы Мазепа, и велѣлъ Орлику написать Дольской съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

Упомянутый Мазепою случай, когда Меншиковъ шепталъ ему на ухо объ искорененіи старшины, происходилъ такимъ образомъ: въ 1706 году, въ Кіевѣ просилъ гетманъ царя къ себѣ на обѣдъ; послѣ обѣда Меншиковъ, будучи немножко шуменъ, взявъ Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавку, и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что близстоящіе старшины могли слышать: „Гетманъ Иванъ Степановичъ. пора теперь приниматься за этихъ враговъ!“ Мазепа отвѣчалъ ему на ухо, но такъ громко, что все опять могли слышать: „Не пора!“ Меншиковъ продолжалъ: „Не можетъ быть лучшего времени, какъ теперь, когда здѣсь самъ царское величество съ главною арміею“. Мазепа отвѣчалъ: „Опасно будетъ, не конча одной войны съ неприятелемъ, другую начинать внутреннюю“. Меншиковъ сказалъ

на это: „Ихъ ли враговъ опасаться и падти?— какая отъ нихъ польза царскому величеству! Прямо ты вѣрнѣе государю; но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи вѣдали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрнѣй гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ“. Въ это время царь всталъ съ своего мѣста — и разговоръ Меншикова съ Мазепою прекратился. Гетманъ, проводивши царя и возвратившись съ старшиною и полковниками во внутреннюю свою комнату, говорилъ имъ: „Слышали все? Всегда мнѣ эту пѣсенку поютъ, и на Москвѣ, и всюду; не допусти мнѣ только Боже исполнить что думаютъ“.

Съ этихъ-то поръ начался ропотъ между полковниками, который все болѣе и болѣе усиливался влѣдствіе военныхъ тягостей. Началась постройка Кіевопечерской крѣпости; чрезъ малороссійскіе города то рекрутъ ведутъ въ главную армію, то начальные люди ѣдутъ, то многочисленныя обозы движутся; полковники безпрестанно являются къ гетману съ жалобами, что приставы у крѣпостнаго строенія казакъ по палкамъ бьютъ, уни шинами обѣкаютъ; что казаки, оставивши дома свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на царской службѣ зной солнечный; а тамъ великорусскіе люди дома ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными боями. Миргородскій полковникъ, Даниилъ Апостоль, говорилъ Мазепѣ: „Очи всѣхъ на тя обречены, и не дай Боже надъ тобой смерти; тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ“. Прилучскій полковникъ Горленко говорилъ: „Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига Ляцкаго свободилъ; такъ насборотъ, и мы, дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь“.

Въ 1707 году Мазепа поѣхалъ къ государю въ Жолку, былъ на военномъ совѣтѣ. Незвѣстно, чѣмъ его тамъ обидѣли, только послѣ совѣта не пошелъ онъ обѣдать къ царю, и у себя цѣлый день ничего не ѣлъ, и говорилъ: „Если бы я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе; а здѣсь хотя бы въ ангела превратился, не могъ бы за службу и вѣрность свою никакой получить благодарности“. На другой или третій день приносятъ письмо Меншикова къ команднейскому полковнику Топскому. Мазепа, прочтя письмо, вскопчилъ въ бѣшенствѣ съ своего мѣста, потому что въ письмѣ было приказаніе Топскому идти къ Меншикову: „Можетъ ли быть болѣе поруганіе, посяганіе и уничиженіе моеи особѣ?“ кричалъ гетманъ, „всякій день князь Александръ Даниловичъ со мною видится, всякій часъ со мною ко н в е р у е т ъ и, не сказавши мнѣ ни одного слова, безъ моего вѣдома и согласія, ордо-

нансы людямъ regimentу моего посылаешь! И кто же тамъ Танскому безъ моего указа мѣсячныя деньги и провіантъ выдасть; и какъ онъ можетъ безъ воли моей идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу? А еслибъ пошелъ, то я-бы его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и униженіе“. Тутъ, какъ онъ можетъ безъ приѣзжаетъ іезуитъ Валенскій съ предложеніями перейти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго, и Мазепа не подвергаетъ его пыткамъ, не отсылаетъ его къ царю. А между тѣмъ неудовольствія между старшиною и полковниками становятся все слышнѣе и слышнѣе. Приходитъ царскій указъ объ устройствѣ казаковъ наподобіе слободскихъ полковъ; старшина и полковники въ отчаяніи: только и разговоровъ, что это переходъ къ устройству въ драгуны и солдаты; страшный ропотъ, собраніе у обознаго Домиковскаго, особенно у Миргородскаго Полковника Апостола; совѣтуются о способахъ, какъ защитить вольность малороссійскую отъ насилія московскихъ; читаютъ Гадяцкій договоръ, заключенный при переходѣ Выговскаго на польскую сторону. Мазепа ни въ чемъ не принимаетъ участія, молчитъ и ждетъ: искусная, поная птица!

16 сентября 1707 года, въ Киевѣ Мазепа получилъ вмѣстѣ съ письмами отъ княгини Дольской и письмо отъ Станислава Лещинскаго. Взявши это письмо изъ рукъ Орлика, распечатавшаго конвертъ, гетманъ видимо испугался. — письмо выпало изъ рукъ его: „О, проклятая баба, погубить меня!“ промолвилъ онъ; долго послѣ того сидѣлъ молча, задумавшись; наконецъ сказалъ, обращаясь къ Орлику: „Съ умомъ борюсь: посылаю ли это письмо къ царскому величеству или нѣтъ. Завтра посоветуемся объ этомъ, а теперь ступай домой и молись Богу, да яко же хочешь устроишь вещь, можетъ твоя молитва пріятели моей, потому что ты по-христіанству живешь. Богъ самъ вѣсть, что я не для себя дѣлаю, но для васъ всѣхъ и женъ и дѣтей вашихъ“. Была ночь. Орликъ, возвратясь домой, взявъ два рубля денегъ и пошелъ раздавать ихъ монахамъ и монахинямъ, нищимъ, калѣкамъ, которые лежали въ шалахахъ и богадѣльняхъ нечерскихъ, чтобы Богъ избавилъ его отъ бѣды. Вранили его нише, когда онъ ночью стучался къ нимъ въ шалаши: думали сначала, что воръ. На другой день, 17 сентября, Орликъ рано уже былъ у Мазепы, и засталъ гетмана сидящимъ въ концѣ стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ. Увидавши Орлика, Мазепа началъ говорить: „Такъ какъ теперь передъ тобою не могло то угадаться, то предъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюсь и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для вышнихъ похоронъ, не для большаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска Запорожскаго и народа Малороссійскаго и для повишенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ хочу то при помощи Божіей чинить, чтобы

вы такъ отъ Московской, какъ и отъ Шведской стороны не погибли. А если бы я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей то дерзалъ чинить, побей меня Боже и невинная страсть Христова на душѣ и на тѣлѣ“. Проговоривши это, поцѣловалъ крестъ и, обратившись къ Орлику, сказалъ: „Надѣюсь я на тебя крѣпко, что ни совѣтъ твой, ни цюта (добродѣтель), ни почтливость, ни природная кровь шляхецкая не допуститъ тебя, чтобы мнѣ, папу и благодѣтелю своему, измѣнилъ; однако, для лучшей конфиденціи, присягни“. Орликъ присягнулъ, но замѣтилъ: „Ежели вѣкторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ счастливы; а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ“. Мазепа отвѣчалъ: „Ница курипу учать! Или я дуракъ прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить. Уже я въ Жолтьвѣ предлагалъ царю, что ежели король Шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украйну, то мы войскомъ нашимъ безсильнымъ, частыми походами и войною зручиванымъ, не можемъ оборониться, и просилъ царя, чтобы намъ хотя 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ сикурсь далъ; но царь мнѣ отвѣчалъ: „Не только десять тысячъ, и десяти человекъ не могу дать, обороняйтесь сами, какъ можете“. Это меня заставило послать ксендза Трипитара, капелана княгини Дольской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя мою къ себѣ инклинацію, но непріятелиски съ нами не поступали; однако вѣрность мою къ царскому величеству до тѣхъ поръ буду непремѣнно продолжать, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ, и какіе будутъ войскъ шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогрессы; и если не слава наша будетъ боронить Украйны и себя, то для чего же имѣемъ сами въ погибель лѣзть и отчизну погубляти?“ Станиславу Мазепа отвѣчалъ 18 сентября, что указа его не можетъ исполнить и что-либо начать по слѣдующимъ причинамъ: 1) Киевъ и другія фортеціи въ Украйнѣ великими гарнизонами осажены, подъ которыми казаки, какъ перепелца отъ ястребовъ, не могутъ головы поднять. 2) Потенція вся царская въ Польшѣ, недалеко отъ Украйны. 3) Въ Украйнѣ начальныя и подначальныя, духовныя и мірскія, какъ разные колеса, не въ единомысленномъ согласіи: одни благоволятъ къ протекціи московской, другіе склонны къ протекціи турецкой, третьи любятъ поворотничество татарское, чина то съ природной къ Полякамъ антипатіи. 4) Самъ съ прочими полковниками, по недавнихъ бунтахъ, опасаясь отъ войскъ польскихъ отмщенія, едва ли могутъ склониться къ Рѣчи Посполитой: для того надобно прежде стараться войско и цѣлый народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра привести къ единомыслію. 5) Гетманъ имѣетъ всегда при себѣ нѣсколько тысячъ войска

великороссійскаго, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всѣ его поступки. 6) Рѣчь Посполитая еще раздвоена. Одно обѣщаль Мазепа: не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и войскамъ шведскимъ¹⁾.

Слабый, замѣшанный въ борьбу между сильными, Мазепа искалъ спасенія себѣ и отчизнѣ, маткѣ Украинѣ, въ хитрости, двоедушїи, не хотѣлъ разрывать съ царемъ, а между тѣмъ, на всякій случай, споспѣся съ Станиславомъ. Но эти сношенія могли ли оставаться тайною въ Малороссїи, знаменитой тогда допосоми на гетмановъ? Искусная, пошная штипа, Мазепа, зная это очень хорошо, и не переставая трепетать съ тѣхъ поръ, какъ завелъ сношенія съ врагами царскими. Орликъ зналъ тайну, — и гетманъ боялся Орлика, говорилъ ему: „Смотри, Орликъ, удержи мнѣ вѣрность! вѣдаешь ты, въ какой я у царскаго величества милости, не промѣняютъ тамъ меня за тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любить; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь“. Но донесъ на Мазепу не Орликъ.

Мы уже встрѣчались въ нашемъ разсказѣ съ генеральнымъ судьею Кочубеемъ; видѣли, какъ падло на него подозрѣнїе по поводу замысловъ свойственника его Петрика. Подозрѣнїе оказалось неосновательнымъ, Кочубей прѣдложилъ оставаться съ прежнимъ значенїемъ и даже сблизился, породнился съ гетманомъ: одна изъ дочерей его вышла замужъ за племянника Мазепина, Обидовскаго; у Кочубея была еще другая дочь, Матрена, крестница гетманская. Мазепа, овдовѣвши, вздумалъ жениться во второй разъ, несмотря на преклонныя лѣта, и сдѣлалъ предложенїе крестницѣ своей Матренѣ Кочубеевой. Отецъ и мать отказали на основанїи церковнаго запрещенїя. Но дочь смотрѣла иначе на дѣло: овладѣла ли дѣвучьєю странная, хотя и не безпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ не по одному гетманскому достоинству, или дѣйствовало честолюбіе, желанїе быть гетманшею, — только она позволила себѣ убѣжать изъ отцовскаго дома въ гетманскїй. Возвратившись назадъ по настоянїю Мазепы, она продолжала съ нимъ переписку. Нѣкоторыя письма гетмана любопытны; напримѣръ: „Мое серденко! Зажурился почувши отъ дѣвки (присланной Матреною) такое слово, же ваша милость за зле на мене маешь, же вашу милость при себѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому; уважь сама, щобъ съ того виросло, — першая: щобъ твои родичи по всемъ свѣтѣ разгосили, же взявъ у насъ дочку у ночь вгвалтомъ и держитъ у себѣ мѣсто подложницѣ. Другая причина, же державши вашу милость у себѣ, я бымы не могли жадною (никакою) мѣрою витримати (удержаться) да и ваша милость также, мусѣли бисмо (должны были бы) изсобою жити такъ, якъ малжнство (бракъ) кажетъ, а потомъ пришло бы

неблагословенїе одъ церкви и клятва, жебы намъ съ тобою не жити. Гдѣжь бы я на тотъ часъ подѣлъ и мнѣбъ же чрезъ тое вашу милость жаль, щобъ есть на потомъ на мене не плакала“. Другое письмо: „Мое сердце коханое! Сама знаешь, якъ я сердечне шалене (безумно) люблю ваму милость; еще никого на свѣтѣ не любивъ такъ; моєбъ тое щастье и радость; щобъ нехай вѣчала да жила у мене, тилкожь я уважавъ якїй конецъ съ того можеть бути, а вѣлаца (особенно) при такой злости и заедлости твоихъ ролчовъ? Прошу, моя любенко, не одмѣняйся ни въ чемъ, яко юаъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне, пока живъ буду, тебе не забуду“.

Отославъ Кочубеюну домою, Мазепа этимъ не помѣшалъ ея родителямъ разгосить о познценїи и позорѣ. На упреки отца онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Панъ Кочубей! Пишешь намъ о какомъ-то своемъ сердечномъ горѣ; но слѣдовало бы тебѣ жаловаться на свою гордую, велерѣчивую жену, которую, какъ вижу, не умѣешь или не можешь сдерживать: она, а никто другой, причиною твоей печали, если какая теперь въ домѣ твоємъ обрѣтается. Убѣжала св. великомученица Варнава прѣдъ отцемъ своимъ Дїоскоромъ, не въ домѣ гетманскїй, но въ подлѣйшее мѣсто, къ овчарамъ, въ разсѣльныя камепныя, страха ради смугнаго. Не можешь никогда быть свободенъ отъ печали и обезпеченъ въ своемъ благосостоянїи, пока не выкинешь изъ сердца своего бунтовничьяго духа, который не столько въ тебѣ отъ природы, сколько съ подущенїя женскаго, и если тебѣ и всему дому твоему приключилась какая бѣда, то долженъ плакаться только на свою и на женину проклятую гордость и высокоумїе. Шестнадцать лѣтъ процлало великимъ и многимъ вашимъ, смерти достойнымъ проступкамъ, но, какъ вижу, терпѣнїе и доброта моя не повели ни къ чему доброму. Если упоминаешь въ своемъ пахвильномъ письмѣ о какомъ-то блудѣ, то я не знаю и не понимаю ничего, развѣ самъ блудяшь, когда жонки слушаешь, потому что въ народѣ говорятъ: Gdzie honest rzondzi — tam rewnie głowa blondzi (гдѣ хвостъ управляетъ, тамъ голова въ ошибки впадаетъ)“.

Послѣ такихъ объясненїй разгорѣлась непримиряемая вражда. Мазепа, получая извѣстїя, что мать мучитъ его возлюбленную, кричалъ о мщенїи: „Самъ не знаю“, писалъ онъ Матренѣ, „що зъ нею гадною чинити? дай того Богъ зъ душею разлучивъ, хто насъ разлучаетъ! знавъ бы я якъ надъ ворогами помстятися, толко тв мнѣ руки звязаль. — Прошу и велце, мое серденко, якимъ колвекъ способомъ обаяшь зо мною, що маю съ вашей милостью далей чинити; боюжь болить не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечно одомщенїе учиню, а якое сама обачинь“²⁾.

Кочубей слышавъ прѣдупредить гетмана.

¹⁾ Письмо Орлика къ Стефану Яворскому въ Госуд. Архивѣ.

²⁾ Москов. архивъ Мпв. Ип. Д., Малороссїйскїя дѣла 1708 года.

Въ сентябрѣ 1707 года, въ страшномъ Преображенскомъ Приказѣ сидѣлъ его начальникъ, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій съ товарищами; передъ нимъ стоялъ монахъ и рассказывалъ: „Я изъ сѣвскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ, зовутъ меня Никаноромъ; въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ ходилъ я на богомолье въ Кіевъ съ товарищемъ монахомъ Трифиліемъ и крестьяниномъ того же Спасскаго монастыря. На возвратномъ пути въ Батуринѣ сѣли мы на базарѣ на площади за городомъ возлѣ землянога вала; тутъ подошелъ къ намъ батуринскій казакъ, разспросилъ, кто мы такіе, и позвалъ насъ къ наказному гетману Василью Кочубею, говоря, что Кочубей къ страннымъ и прохаживъ людемъ милостивъ. Мы, по тѣмъ его словамъ, пошли къ Кочубееву дому и зашли напередъ къ вечернѣ въ церковь Введенія. Въ церкви была жена Кочубеева Любовь, и, какъ шла она послѣ службы къ себѣ въ садъ, мы ей поклонились; она спросила насъ—что за люди; позвала къ себѣ ужинать и почевать, и приказала челядинку своему отвести насъ къ мужу въ хоромы, гдѣ хлопцы пѣли вечерню безъ священника. Кочубей спросилъ насъ, кто мы такіе; далъ намъ по шести денегъ, велѣлъ накормить и отвести избу на поч. Переночевавши, ходили мы къ заутрени въ ту же церковь Введенія. Прилучился день воскресный; самого Кочубея въ церкви не было, но жена его была, и когда мы ей кланялись за то, что у нихъ въ домѣ почевали, и сказали ей, что идемъ домой, то она стала насъ унимать, чтобъ отелушали у нихъ въ церкви обѣдню и обѣдали бы у нихъ; но мы ей сказали, что обѣдню будемъ слушать въ гетманской каменной церкви, что въ замкѣ. Но когда передъ обѣдней мы были на базарѣ, покупали харчи на дорогу, подошелъ къ намъ Кочубеевъ челядинскъ и сталъ опять звать къ обѣднѣ и обѣдать съ своему пану. Мы послушались, отстояли обѣдню у Кочубея, и потомъ пошли къ нему на дворъ обѣдать, и обѣдали вмѣстѣ съ большимъ Кочубеевымъ сыномъ Васильемъ за однимъ столомъ, а товарищъ нашъ крестьянинъ обѣдалъ за особымъ столомъ съ челядинками. Послѣ обѣда, выпавши, Кочубей позвалъ насъ къ себѣ въ хоромы, меня и Трифилія безъ крестьянина; пришла жена его изъ другихъ хоромъ, припела по холегу польскаго полотна, да по два полотенца и насъ обоихъ подарила. а самъ Кочубей далъ мнѣ два рубля денегъ въ монастырь архимандриту съ братьею на милостыню, мнѣ одному далъ ефимокъ, а Трифилію чехами семь алтынь, да обоимъ намъ въ дорогу большой пирогъ. Принявши все это, мы стали съ нимъ прощаться, но Кочубей унялъ насъ у себя почевать, и, взявши у насъ свои дары, положилъ въ той же свѣтлицѣ на столъ и накрылъ ковромъ, а насъ послалъ съ челядинкомъ въ особую свѣтлицу почевать. На другой день, послѣ заутрени и обѣдни, челядинскъ позвалъ къ Кочубею въ садъ одного меня; въ саду былъ Кочубей съ женою вдвоемъ; увидавъ меня, позвалъ къ себѣ, а челядинку велѣлъ выйти воиъ; ввели ме-

нявъ шатеръ, въ шатрѣ образъ Богородицы, писанъ на полотнѣ живописнымъ ищемомъ, въ черной рамѣ, и передъ этимъ образомъ началъ Кочубей мнѣ говорить: „Можно ли тебѣ вѣрить, хотимъ мы съ тобою говорить тайное, не пронесешь ли кому?“ Я, смотря на образъ и перекрестясь, сказалъ: „О чемъ вы будете мнѣ говорить, не пронесу никому.“ Тутъ Кочубей съ женою начали гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездѣльникъ онъ, бл... сынъ и беззаконникъ! Я у нихъ спросилъ: за что они гетмана бранятъ и какой онъ беззаконникъ? И они говорили: „Хотѣлъ онъ нашу родную, а свою крестную дочь взять замужъ; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и онъ, заввашии ее къ себѣ въ гости, изнасиловалъ“. После этихъ словъ, жена Кочубеева послала мужа изъ саду на дворъ къ челобитчикамъ, а сама вышла со мною изъ шатра, взяла меня за руки, и, идя со мною по саду, говорила: „Такой онъ гетманъ воръ, хотѣлъ насъ разорить. Былъ онъ у насъ въ домѣ на именная мужа моего, 1-го января, и говорилъ намъ, для чего мы своей дочери за него не отдали; и я ему говорила: полно тебѣ коварничать! не только ты дочь нашу изнасиловалъ, ты и съ насъ головы рвешь, будтъ мы съ мужемъ переписывались въ Крымъ. Гетманъ меня спросилъ: „Почему вы знаете, что я это за вами вѣдаю?“ и я ему говорила: писарь твой, умпрая, далъ мужу моему письмо своей руки, что ты на насъ затѣвалъ, именовъ мужа моего писалъ въ Крымъ; и гетманъ мнѣ сказалъ: „Вольно вамъ на мертваго моего писаря лгать, письму его я не вѣрю“. Если бы, говорила Любовь Кочубеева, великій государь шель чрезъ Батуринъ, то я бы на гетмана сама побилъ челомиъ и обо всемъ донесла.

„Этимъ разговоръ нашъ съ нею кончился; опять обѣдали мы съ Кочубеевымъ старшимъ сыномъ, и послѣ обѣда, на прощанье, Кочубей сказалъ мнѣ, чтобъ я прѣѣзжалъ къ нему вмѣстѣ съ архимандритомъ, а онъ дастъ намъ въ монастырь вкладу, лошадей, коровъ, овецъ; а если архимандритъ не поѣдетъ, то я бы и одиъ прѣѣзжалъ поскорѣе. Архимандритъ не поѣхалъ, потому что онъ въ Сѣвскѣ вѣдаетъ духовная дѣла, а послалъ къ Кочубею меня да Трифилія, послалъ съ нами заздравныхъ просвиры да шесть хлѣбовъ. 26 августа прѣѣхали мы въ Батуринъ. поднесли Кочубею просвиры, хлѣбы, и почевали у него. На другой день, поутру рано, пришла къ нашимъ свѣтлицамъ какая-то женщина, велѣла мнѣ выслать Трифилія и крестьянъ, прѣѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, и сказала: „Велѣлъ тебѣ наказной гетманъ Кочубей ходить къ себѣ безъ обыяки, уемотря, какъ у свѣтлицъ его людей не будетъ, а какъ къ нему въ свѣтлицу пойдешь, у свѣтлицъ двери зашрай“. Я въ то же число въ полдни пошелъ къ нему, и, идучи у сѣней и у свѣтлицъ, прошедь три жалья, двери заперъ закладками и крочьями, и пршшелъ до его спальни, у которой двери зашраны были ковромъ. Когда я сотворилъ Иисусову молитву, Ко-

чубей вышелъ ко мнѣ изъ спальни одинъ, спросилъ, шѣтъ ли кого со мною другихъ людей и заперты ли всѣ двери; самъ пошелъ осмотрѣть, выправду ли всѣ двери заперты, и, возвратясь, заставилъ меня дѣловато крестъ, что я не пропущу ничего, что онъ мнѣ будетъ говорить. Тутъ пришла жена его Любовь, принесла крестъ благословляющій, писанный на деревянной доскѣ, и говорила съ великимъ плачемъ: „Какъ Богъ страдалъ на крестѣ за насъ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя!“ Всѣ мы трое поцѣловали крестъ, и Кочубей сталъ мнѣ говорить: „Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ великому государю измѣнить, отложиться къ Ляхамъ и Московскому государству учинить пакость великую, плѣнить Украину, государевы города“. Я спросилъ: которые города хочетъ плѣнить? Кочубей отвѣчалъ: „Объ этомъ я скажу, а ты ступай въ Москву и донеси боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину немедленно, чтобъ гетмана захватить въ Кіевѣ, а меня бы уберечь, чтобъ гетманъ меня не убилъ“. И далъ онъ мнѣ семь золотыхъ червонныхъ да 12 сѣмиковъ на наемъ подводы, и я для того извѣту и пріѣхалъ въ Москву“.

Просто четыре мѣсяца; дѣло потухло въ Москвѣ; но разгорѣлось въ Малороссіи въ началѣ 1708 г. Кіевскій воевода, князь Дм. Мих. Голицынъ, переслалъ Головкину письмо Ахтырскаго полковника Федора Осипова отъ 16 февраля. Полковникъ писалъ, что 8 февраля въ Ахтырку пріѣхалъ тайно подгавскій Спасскій попъ Иванъ Святыйло отъ бывшего Полтавскаго полковника Ивана Искры и потребовалъ, чтобъ полковника поведаль съ Искрою для нужнаго государева дѣла. Полковникъ съѣхался съ Искрою въ пасѣкъ своей надъ рѣчкою Келомаконь; Искра, подъ именемъ Вожины и подъ клятвою душевною, являя вѣрность къ великому государю генеральнаго судьи Василія Кочубея и свою, сказалъ: „Послалъ меня Кочубей изъяснить тайну, что гетманъ Иванъ Мазепа, согласившись съ королемъ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ, умышляетъ на здравіе великаго государя, какъ бы его въ свои руки ухватить или смерти предать. Хотѣлъ онъ это сдѣлать во время пріѣзда въ Ватурино Александра Кикина; гетманъ думалъ, что подъ именемъ Кикина пріѣдетъ самъ государь, и велѣлъ, какъ будто для встрѣчи, поставить своихъ вѣрныхъ жолнеровъ и слугъ, которые у него отъ короля Лещинскаго, съ заряженными ружьями, и приказалъ имъ, какъ государь войдетъ во дворъ, выстрѣлить въ него. Узнавши же, что царскаго величества тутъ нѣтъ, одинъ Кикинъ, велѣлъ жолнерамъ разойтись. И теперь всячески старается и на томъ положилъ, чтобъ государя предать смерти или, схвативъ, отдать неприятелю. Въ прошлый Филипповъ постъ, собравшись съ полками своими, хотѣлъ идти войною на великороссійскіе города, и это злое намѣреніе не сбылось за оттепелью, — рѣка Днѣпръ не стала. Теперь умышляетъ, какъ бы ему Днѣпръ съ полками перейти и въ Бѣлую Церковь убраться; сово-

купясь съ полками той стороны и соединясь съ королемъ Лещинскимъ или Вишневецкимъ, хочетъ государеву державу разорить. А полки той стороны давно ему присяжны, для того онъ ихъ тамъ и населилъ; всѣ свои скарбы и пожитки одинъ за Днѣпръ выпроводилъ, другіе съ собою возить. Во всѣхъ полкахъ regimentу своего, будто по именному государеву указу, велѣлъ брать поборы великіе съ казаковъ, чего никогда не бывало, — съ каждаго казака отъ коня по талеру, а отъ вола по конѣ, и то дѣлаетъ отъ злохитрія своего, какъ-бы народъ отягчить и возмутить; а особо съ мѣщанъ взять на жалованье сердюкамъ. Да и такое въ народѣ возмущеніе разгласилъ, будто царское величество велѣлъ казаковъ писать въ солдаты, и уже голода готова втайнѣ и на шатость ждать его повелѣнія. А войско Запорожское, тайно подсылая, прельщаетъ и страшаетъ, будто царское величество, не любя ихъ, велитъ разорить и мѣсто ихъ опустошить, а Запорожцы, испуганные, готовы къ войнѣ. Старшина генеральная и полковники хотя подозрѣваютъ и вѣдаютъ про его злое намѣреніе, однако извѣстити великому государю не смѣютъ: одинъ — по вѣрности къ гетману, другіе — изъ страха, третій — видя къ нему милость государя, что не повѣрять. А лучше всѣхъ про то знаетъ ближній его секретарь, генеральный писарь Орликъ, черезъ котораго всякія тайны и нерыскли отправляются. Кочубей и Искра царскому величеству доносятъ и милости просятъ, чтобъ сіе вѣрное доношеніе до времени у царскаго величества было укрыто для того, что нѣтъ изъ ближнихъ секретарей государевыхъ и князя Александра Даниловича ему о всемъ царственномъ поведеніи доносить, и о семъ если увѣдаютъ, тотчасъ ему дадутъ знать. Теперь Кочубей, отбиваясь отъ сужейства, чтобъ ему не быть при гетманской измѣнѣ, притворился больнымъ и живетъ въ плѣнѣ своемъ диканькѣ; а Искра живетъ въ Полтавѣ, — съ собою въ походъ гетманъ его не взялъ, потому будто въ войскѣ оны не потребенъ“¹⁾.

Ахтырскій полковникъ не удовольствовался тѣмъ, что далъ знать о дѣлѣ Кіевскому воеводѣ; отъ 23 февраля Петръ получилъ письмо отъ московскаго коменданта князя Матѣя Гагарина: „Февраля 22 пришли на Красное крыльцо два человека Черкасъ и сказали полковнику, что присланы-де мы изъ Ахтырки отъ полковника съ великими царственнымъ дѣломъ до царскаго величества, и явили мнѣ три письма: одно подписано на имя твоего величества, второе — къ сыну твоему, государю царевичу, третье — къ князю Александру Даниловичу. И въ письмѣ сына твоего государя царевича написано отъ Ахтырскаго полковника, что посланъ писарь отъ него и съ нимъ приказано на словахъ донести. И, примѣняясь къ твоимъ государевымъ указамъ о подметныхъ письмахъ, то

¹⁾ Москов. Архивъ Мин. Ист. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года.

письмо, которое подписано на твое государево имя, челъ я, и написано будто объ измѣнѣ господина гетмана, и, выразумѣвъ, что се приносятся на него непріятель его, отставной полковникъ, и того, государь, писари, не распрышавъ поведенію того письма, послали его за крѣпкимъ карауломъ въ Угрюмскій монастырь, чтобы онъ того не гласилъ никому. Сію вѣдомость явилъ малому числу господамъ мишестраамъ, и полагають, что изводятъ то на него по ненависти, и явили мнѣ, что и прежде о немъ такіе навѣты были¹⁾

Головкинъ 9 марта написалъ Ахтырскому полковнику: „Всемилюстивѣйшій государь, выслушавъ дѣло, изволилъ милостиво принять, и васъ за то увѣдомленіе, видя вашу въ томъ вѣрность, премилостиво похвалить, и пожелать мнѣ къ вашей милости указомъ своимъ съ симъ нарочно посланнымъ господиномъ офицеромъ писать, дабы ваша милость немедленно по полученіи сего видѣлись съ господиномъ полковникомъ Искрою и объявили ему, что его царское величество вѣрность его и объявленіе, которое онъ вашей милости учинилъ, принявъ милостиво. И понеже желаетъ его царское величество, яко о такомъ важномъ дѣлѣ самъ отъ него, Искры, и отъ васъ о томъ дѣлѣ изустно слышать, того ради указалъ вамъ вообще съ нимъ, господиномъ Искрою, ѣхать какъ наискорѣе чрезъ Смоленскъ въ войско къ его царскому величеству; а до времени извольте сіе содержать въ высшемъ секретѣ, ибо его царское величество желаетъ то зло чрезъ васъ упредить, дабы Малороссійскому краю не произошло какого зла, какъ и въ прошедшихъ лѣтахъ бывало отъ такового возмущенія и невниныхъ кровопролитій“. На другой день, 10 марта, отправлено было къ Мазепѣ собственноручное письмо царя: „Предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ явился чернецъ съ такимъ же зломъ, какъ и Соломонъ бывшей, и я о томъ хотѣлъ накрѣпко разыскывать, отъ кого то происходитъ; но скорый отъѣздъ въ Польшу помѣшалъ тому, и для того я сіе дѣло отложили—было до свободнаго времени. По понеже, какъ всегда обычай есть, что зло тихо лежать не можетъ, и нынѣ накіи уже не чрезъ сего чернца, но и чрезъ особливыхъ посланныхъ явно въ томъ себя явили Кочубей и Искра (бывшій полковникъ), гдѣ чаю конечно быть Апостоленку; что я видѣвъ, уже далѣе отлагать опасасюдь, и для того намъ сіе, яко вѣрному человеку, объявляю, чтобы какимъ образомъ оныхъ воровъ поймать (ибо я чаю въ селѣ дѣлѣ великому ихъ быть воровству и непріятельской факціи), къ пониманію же ихъ такое свое мнѣніе объявляю, что мы ихъ присланныхъ отпустить, яко вы вѣра имъ въ томъ, чтобы оны Кочубей и прочіе, будто бы ради лучшаго вѣдѣнія въ томъ дѣлѣ, сами къ намъ пріѣхали, ибо ежели бѣ явно послать по нимъ, то—бѣ чаю конечно ушли, но симъ подлогомъ чашемъ ихъ, приниматъ, двухъ трехъ, Апостоленка такимъ образомъ при-

брать же. Посылаю съ симъ же посланнымъ явное къ вамъ письмо, въ которомъ написано, дабы вы итѣсколько съ нимъ казакотъ къ Бухову послали отъ себя съ добрымъ командиромъ, котораго командира вы по сему письму учините Апостоленка, и такъ симъ тихимъ образомъ всѣхъ трехъ можемъ въ руки получить; къ сему же то объявляемъ, что ежели вы и кромѣ сего способу можете ихъ всѣхъ трехъ достать, то, не упуская времени, немедленно поймавъ и сковавъ оныхъ, къ намъ принлите, а ежели чаєте, что уйдутъ, то лучше чрезъ сей случай, а пока оные попадутся, извольте о семъ дѣлѣ тихо держать, якобы не вѣдаете о семъ. Два полка, которые для скорого похода шведскаго задержаны были въ Смоленскъ, нынѣ посылаемъ немедленно къ вамъ; при сему же просимъ васъ, дабы вы о семъ нижадной печали и сумнѣнія не имѣли“.

Между тѣмъ самъ Кочубей не разъ присылалъ съ доносомъ на Мазепу и требовалъ, чтобы царь прислалъ къ нему для свиданія кого-нибудь изъ вѣрныхъ особъ. Головкинъ отвѣчалъ ему изъ Вѣшенковичъ 11 марта: „Царское величество, рассудя о томъ, что такихъ важныхъ дѣлъ, кромѣ знатнѣйшихъ и вѣрныхъ особъ, повѣрять невозможно, а посылка такой знатной особы въ дальнее разстояние не могла бѣ быть тайно, и чтобы не учинить тѣмъ подозрѣнія; того ради указалъ мнѣ къ вашей милости писать, дабы ваша милость какъ наискорѣе пріѣхалъ секретно въ ближній мѣста къ Смоленску, гдѣ-бѣ я могъ съ вами видѣться и о томъ дѣлѣ разговаривать и совѣтовать, дабы то злое начинаніе возможно было упредить, и какую бы вѣрную особу избрать на мѣсто того подозрительнаго не умѣшкавъ; ибо ежелибѣ такая перемѣна учинилася, а готовой бы особы не было, то—бѣ могло изъ того возмущеніе и Малороссійскому краю разореніе и невниныхъ кровопролитіе произойти“.

Изъ Вѣшенковичъ Головкинъ ухѣталъ къ Витебскъ, и отсюда писалъ Петру 18 марта²⁾: „Сего числа возвратился сюда отъ гетмана поручикъ Ушаковъ и привезъ отъ него листъ къ в. в-ству; онъ же гетманъ въ листу усмекъ ко мнѣ пишетъ: „Ваше в-ство изволилъ ему указать тѣхъ воровъ въ руки поймавъ, послать къ Москвѣ, и надѣется на помощь Вожію, что скоро приберетъ ихъ въ руки; только ежели ихъ посылать къ Москвѣ, то боится онъ, гетманъ, чтобы не учинилось отъ полковниковъ (которые имъ мало не веѣ свойственные) въ войску возмущеніе, которыхъ подлинно тою посылкою можетъ онъ, гетманъ, подвигнуть къ себѣ на вражду и ненависть, и нарекуть они, не зная подлинно безъ розыску и общенія ихъ воровства, огласять въ народѣ, что безвинно, съ прихватной его гетманской вражды, то чинится, какъ и напередъ сего было на него многое нареканіе, когда и не такую знатнѣйшую особу, но пльниццу Палѣя, не объявя его вины, безъ всякаго войсковаго суда, отослалъ къ Москвѣ, понеже и безъ того

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 7.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 8.

московскимъ его духомъ называютъ. Того ради проситъ гетманъ, чтобъ ваше в-ство повелѣлъ тѣхъ доносчиковъ съ Москвы или въ Кіевъ, или въ Ватурино прислать и тамо о томъ воровствѣ очною ставкою разыскать, чтобъ оное всемъ было явлено и не имѣли-бъ на него нареканія. Того ради, государь, заблагоразсудили мы до гетмана писать, дабы онъ, когда ихъ въ руки получить, не посылалъ къ Москвѣ, а прислалъ бы въ Кіевъ. Имнися намъ, государь, что ежели онъ, гетманъ, ихъ всехъ изловитъ, то не худо ихъ взять и начало розыску учинить для удовольствія ему, гетману, и Малороссійскому народу въ Кіевѣ, а потомъ мочно взять ихъ, куда изволеніе ваше будетъ¹⁾. Петръ отвѣчалъ ему на это изъ Петербурга 6 апрѣля¹⁾: „Когда получить гетманъ въ руки тѣхъ, о которыхъ ему писано, и чтобъ ихъ оной прислалъ въ Кіевъ для нареканія на него отъ народа, и когда оныя будутъ въ Кіевѣ, то лучше тамъ разыскивать князя Дмитрея по прошенію гетманскому, и для того и всехъ ихъ и письма, и черпа съ Москвы послать въ Кіевъ же (только надлежитъ оныя за крѣпкимъ карауломъ держать и чтобъ солдаты стояли у нихъ изъ тѣхъ двухъ присланныхъ полковъ, а не изъ жилахъ). А когда тотъ розыскъ о гетманскомъ дѣлѣ кончится, тогда конечно надлежитъ ихъ взять ближе и о факціяхъ спрашивать, что князь Дмитрей не сдѣлать“.

6 апрѣля Головкинъ уже извѣщалъ Петра, что доносчики отдались въ руки правительства, и спрашивалъ, какъ съ ними поступить. „Получили мы отъ гетмана Мазены письмо, что Кочубей и Искра, увидявъ о приближеніи посланныхъ его для взятія ихъ къ маестности его, Кочубеевой, Диканькѣ, ушли сначала на Коломакъ, гдѣ нарочно въ пасѣхѣ своей Искра сдѣлалъ для ухода крѣпость, а потомъ, увидя, что въ оной не могутъ оборониться, побѣжали къ Самарѣ, но и тамо когда посланные гетманскіе раздѣляясь зашли имъ передъ, тогда они, оставя тотъ путь, ушли въ мѣстечко Ахтырскаго полку, именованное Красный Кутъ, и обрѣтаются подъ защитеніемъ Ахтырскаго полковника, Федора Осипова. Гетманъ зѣло опасается, чтобъ ему не пострадать отъ соумышленниковъ Кочубеевыхъ и Искринныхъ; а наипаче того, дабы они, обрѣтающись свободно и безопасно, въ близкомъ отъ Полтавы разстояніи, видя свою крайнюю погибель, не возмущили противъ него на убійство народа малодушнаго чрезъ сродниковъ своихъ, которыхъ много есть знатныхъ людей, и при немъ, гетманѣ, нынѣ въ Хвастовѣ и во всехъ полкахъ. И для того зѣло онъ проситъ о посылкѣ туды въ Ахтырку указу о выдачѣ ихъ и о присылкѣ оныхъ въ Кіевъ для розыску. И мы о семъ зѣло было опечалились, дабы тѣ воры не ушли за рубежъ въ Крымъ или-бъ не пристали къ Булавицу и Запорожцамъ; но потомъ обрадовали насъ присылкою поручикъ Озеровъ и

капитанъ Дубенскій, посланные къ нимъ съ письмами, что съѣхались они въ мѣстечкѣ Ахтырскаго полка Богодуховѣ, и тою-де присылкою зѣло благодарны и, на милость в. в-ству надѣясь, ѣдутъ они купно съ ними на Вѣлгородъ къ Смоленску. Просимъ немедленнаго указа, гдѣ поведишь ими разыскивать въ Смоленскѣ-ль или въ Кіевѣ, и кому разыскивать? и отъ гетмана Мазены требовать ли кого присланныя съ обличеніемъ на нихъ, и если явится ихъ воровство, укажешь ли ихъ пытать, а суды, государь, въ польскіе города, кажется, брать ихъ для розыску ради огласки отъ Поляковъ не надлежитъ. И мы къ гетману о всемъ томъ дали знать и обнадежили его вашею милостію, и что будутъ они по пріѣзжѣ въ Смоленскъ окованы, и чтобъ онъ ни мало не сомнѣвался о томъ, чтобъ ихъ навѣтамъ какая подана была вѣра“.

Петръ отвѣчалъ 14 апрѣля: „Розыскивать лучше въ Смоленску, а гетману прислать два указа: одинъ—тайной, чтобъ онъ вѣдалъ про явной и не сомнѣвался о ономъ, а въ явномъ написать, что извѣщали на него въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, и для-бъ того онъ прислалъ кого отъ себя на тотъ розыскъ; а сей явной указъ для Малороссійскаго краю, дабы видѣли, для чего оныя держатся, и что безъ суда никому никакого озлобленія не чинится; а въ Кіевъ нынѣ посылать опасно, понеже не знаемъ, куда непріятельскіе будутъ обороты, и ежели на Украйну, тогда оныхъ тамъ держать самъ знаешь каково“²⁾. 18 апрѣля Кочубей, Искра и Ахтырскій полковникъ приблизились къ Витебску, и остановлены въ милѣ отъ города на панскомъ пустомъ дворѣ; съ ними пріѣхали: священникъ Иванъ Святаило съ сыномъ, сотникъ Петръ Кованко, крещенный Жидъ Петръ Яковлевъ, ѣздившій прежде съ доносомъ отъ Кочубея въ Москву, двое писарей, племянникъ Искры, да 8 человекъ людей.

На другой день, 19 апрѣля, Головкинъ и Шафировъ ѣздили къ гостямъ и прежде всего занялись разспросомъ Ахтырскаго полковника, который показалъ уже извѣстное изъ письма его къ князю Голицыну. Потомъ былъ вызванъ изъ своей свѣтлицы Кочубей, обнадеженъ милостію великаго государя, и спрошенъ: съ чѣмъ пріѣхалъ — пусть объявитъ? Кочубей подалъ статью:

„1) Въ 1706 году говорилъ гетманъ мнѣ въ Минскѣ наединѣ, что обѣщала и увѣрила его княгиня Дольская, мать Впшневскихъ, сдѣлать его княземъ Черниговскимъ, и войску Запорожскому выпроситъ желаемыя вольности у короля Станислава, ея близкаго родственника; обѣщала она ему это въ селѣ Вѣлой Кришицѣ на Воляни, гдѣ гетманъ крестилъ вѣвѣсть съ нею дитя у князя Януша Вишневецкаго, и говорилъ съ нею много, какъ въ домѣ князя Януша, гдѣ пробыли вѣвѣсть два дня, такъ и ѣзучи на однихъ саняхъ отъ Вѣлой Кришицы до Бродъ. Мазепа хвалился передъ всеми,

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ип. Д., Приказныя дѣла по-
выхъ лѣтъ годъ 1708.

²⁾ Москов. архивъ Мин. Ип. Д., Приказныя дѣла по-
выхъ лѣтъ годъ 1708.

что княгиня Дольская прислала ему постель дорожную и хорошую, и музыкантовъ съ инструментами.

„2) Однажды брали Огинскаго, гетмана польнаго Литовскаго, говоря: уже всё паны отъ царя отстали. только онъ одинъ баламутъ держится.

„3) Когда въ Ватуринъ пришла вѣсть, что король Августъ, оставивши Польшу, уѣхалъ въ Саксонію къ королю Шведскому, то Мазепа сильно обрадовался и сказалъ въ шутку: „Охъ, чего боялись, того не убоялись!“

„4) Въ 1707 году, когда получено было извѣстіе, что въ Пропойскѣ и другихъ городахъ бѣлорусскихъ Литовскіе люди, бывшіе подъ начальствомъ Сницкаго, вышедши изъ Выхова, перерѣзали русскіе отряды, то гетманъ началъ этому смѣяться и немѣрною радостью веселиться, много пилъ и насъ поилъ, пилъ здоровье княгини Дольской, говоря: „Вышеемъ за здоровье княгини ея милости, потому что пани знатная и разумная моя голубка!“

„5) Говорилъ мнѣ гетманъ, что король Шведскій пойдетъ изъ Саксоніи въ Польшу, а изъ Польши прямо на Москву, чтобъ тамъ поставить другого царя, а подъ Кіевъ пойдетъ король Станиславъ со всѣми польскими войсками, при которыхъ будетъ и шведскій генералъ Реншельдъ съ своею дивизією. „И когда“, говорилъ гетманъ, „просилъ я у царя войска для обороны Кіева и всей Украйны, то онъ мнѣ сказалъ: довольно у васъ своихъ войскъ казачьихъ и московскихъ, которыя теперь у васъ. — Такъ, при наступленіи короля Станислава, придется соединиться съ его войсками“, кончилъ гетманъ.

„6) Когда я пришелъ просить позволенія сдѣлать торжественное обрученіе дочери моей съ Чуйкевичемъ, то онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я пышнаго обрученія не дѣлалъ и людей не много собиралъ и свадьбою не сибѣшилъ: „Какъ будемъ съ Ляхами въ единствѣ“, сказалъ онъ, „то найдется для твоей дочери между ними женихъ, знатный какой-нибудь шляхтичъ, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорю, ибо хотя бы мы Ляхамъ по доброй волѣ и не поддались, то они насъ завоюютъ и непремѣнно будемъ подъ ними“. — Я пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ; сказалъ о нихъ свату Чуйкевичу, и мы положили обвинять дѣтей нашихъ безъ откладыванія, что и сдѣлали.

„7) Сербскій епископъ Рувимъ, бывши у гетмана, заѣхалъ ко мнѣ и говорилъ: „Гетманъ сильно печалился и слезно плакалъ, что царь наложилъ тяжкую подать лошадымъ; гетманъ не знаетъ, что впередъ и дѣлать“.

„8) Дочь моя, выданная за Чуйкевича, крестила съ гетманомъ Жидовку; при этомъ случаѣ Мазепа сказалъ ей, что Москва крѣпко старается взять всю малороссійскую Украйну.

„9) Иезуитъ Заленскій, ректоръ Винницкій, будучи въ Кіевѣ, говорилъ: „Вы, паны казаки, ничего не бойтесь отъ Шведа, который не на васъ сбирается, а на Москву“. Тотъ же ксендзъ говорилъ:

„Никто не вѣдаетъ гдѣ огонь кроется и тлѣетъ, но какъ разомъ вспыхнетъ, то пожаръ этотъ не легко будетъ потушить“.

„10) Будучи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, Мазепа записался съ полковниками и читалъ условія Гадачко комисіи, бывшей съ Ляхами при Выговскомъ въ измѣну его. И еслибъ теперь не было намѣренія измѣнить, то зачѣмъ читать гадачкія условія, заключенныя съ Ляхами?

„11) Въ декабрѣ 1707 года пронеслась вѣсть, что господинъ Кикинъ ѣдетъ въ Ватуринъ, а вслѣдъ за нимъ самъ государь съ тѣмъ, чтобъ гетмана взять въ Москву; тогда Мазепа собралъ 390 человекъ сердюковъ и устроилъ ихъ при себѣ подъ начальствомъ полковника Чечела, намѣреваясь обороняться и отстрѣливаться отъ великаго государя, а сначала хотѣлъ уѣхать въ Гадачъ для защиты. Это вѣрно, потому что преданные слуги гетманскіе сказывали на другой день, что они прошлую ночь провели съ оружіемъ наготовѣ.

„12) Ксендзъ Заленскій пріѣзжалъ на праздникъ Рождества Христова въ Ватуринъ, и панъ Орликъ, тайно одинъ его встрѣтивши, тайно же проводилъ въ гетманскій хуторъ подъ селомъ Бахмачемъ, откуда ночью порою пріѣзжалъ ксендзъ къ гетману на Гончаровку.

„13) Есть въ Полтавѣ казакъ Кондаченко, котораго онъ посылалъ многократно къ разнымъ султанамъ и самому хану съ словесными наказами. Мнится, что дѣлалъ онъ это для того только, чтобъ познакомиться съ ними и получить довѣріе, дабы при удобномъ случаѣ могъ употребить ихъ на свою пользу.

„14) Пирюя у меня и подвеселившись, когда начали пить за его здоровье, сказалъ со вздохомъ: „Благодарствую за пріязнь; но что мнѣ за утѣха, когда я живу, не имѣя никогда совершенной надежды своей цѣлости, безъ всякаго обезпеченія, ожидая какъ волъ обуха“. Тутъ же говорилъ женѣ моей, хвалилъ гетмановъ измѣнившихъ, Выговскаго и Брюховецкаго: „Хорошо начали Выговскій и Брюховецкій, что хотѣли изъ неволи выбиться, но злые люди имъ въ томъ помѣшали. И мы хотѣли бы о своей будущей цѣлости и волности войсковой промыслить, да не имѣемъ еще теперь способу, особенно же потому, что не всё наши вѣedomысли находятя; вотъ и твоему мужу я нѣсколько разъ намекалъ о такихъ мысляхъ, какъ бы намъ обезпечить цѣлость нашу на будущее время какъ для себя, такъ и для потомства, но онъ ни однимъ словомъ мнѣ не поможетъ, — ни отъ кого не имѣю помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность та, что орды не за насъ: ханъ велѣлъ отвѣчать мнѣ, что Турецкій султанъ приказалъ ему держать орду крѣпко и ни къ кому на помощь не посылать; на орду нѣтъ надежды, а тутъ въ Украйнѣ стоятъ хорошія московскія войска, въ Бѣлой Руси хотя и дурныя, но много ихъ“.

„15) Говорилъ полковникамъ: „Можетъ быть, вы думаете, что я намѣренъ гетманство передать Война-

ровскому; этого я не желаю, —вольны вамъ будетъ выбрать на этотъ урядъ кого хотите изъ среды себя, а Войнаровский проживетъ и своихъ отцовскимъ кускомъ и тѣмъ, что я собралъ. Я и теперь готовъ вамъ уступить гетманство: если между вами есть человекъ, который бы могъ сейчасъ отизну свою спасти, —я ему уступлю гетманство; а если на меня эту тягость возлагаете, то извольте меня слушаться и на мой поводъ смотрѣть. На Турокъ и Татаръ нѣтъ намъ никакой надежды, такъ надобно взъ другой бочки дѣло свое начинать, а уговорившись и постановивши на мѣрѣ, надобно вдругъ и за сабли приниматься“.

„16) Держать при себѣ слугъ породы ляхской и употреблять ихъ для всякакъ своихъ посылокъ, какихъ ему не позволено безъ именнаго указа великаго государя.

„17) Не исполнять царскаго указа, которымъ запрещено пропускать людей на ту сторону Днѣпра; переселенцевъ не велѣтъ задерживать; а мать его, игуменья, людьми съ этой стороны населила великія слободы на той сторонѣ; города и села этой стороны потеряли сильный ущербъ въ населеніи, а остальные, уменьшенные въ своемъ числѣ, люди съ великимъ оглаченіемъ корятъ охотничье войско, и отъ такой тяжести и послѣдніе хотять уходить на западную сторону.

„18) На Коломацкой радѣ положено, чтобъ Малороссійскіе люди съ Великороссійскими женились между собою; но гетманъ не только жениться, —запрещаетъ Малороссіянамъ и звать къ себѣ въ гости Великороссіяны.

„19) Укрѣпленія малороссійскихъ городовъ обветшали, и гетманъ не заботился о поправкѣ; Батурипъ двадцать лѣтъ стоитъ безъ починки, отчего валы около него всѣ осунулись и обвалились, такъ что и одного дня въ немъ отъ непріятели отсидѣться нельзя. Благоразумныя особы разсудятъ, откуда происходитъ такое нерадѣніе, а Гончаровку свою укрѣпилъ и обнесъ валомъ для неизвѣстной цѣли.

„20) Запорожцамъ грозить и остерегаетъ ихъ, что великій государь велитъ ихъ истребить.

„21) Когда пронеслась вѣсть, что Запорожцы, соединясь съ Татарами, хотять идти подъ слободскіе города, то гетманъ сказалъ: „Эхъ, какіе сякіе!“ если бы что хотѣли дѣлать, такъ бы ужъ дѣлали, а то только разглашаютъ, будто дразнить“.

„22) Одна близкая къ гетману особа, при разговорѣ о войнахъ съ Татарами, сказала: „Теперь объ этомъ нечего говорить; Татары скоро намъ понадобятся“.

„23) Русновичъ, мѣщанинъ львовскій, рассказывалъ въ Батурипѣ, что онъ отъ Сенявскаго, Тарла, Хоментовскаго и Потоцкаго письма привозилъ къ гетману; рассказывалъ, что гетманъ коронный Сенявскій говорилъ ему: „Развѣдай, что на Украинѣ дѣлается, и особенно склонны ли къ намъ казаки или нѣтъ, и предложи самому Мазенѣ,

чтобъ былъ съ нами, и пусть казаки будутъ къ намъ доброжелательны, если хотять, чтобъ имъ было хорошо, ибо мы навѣрное знаемъ, что государь Шведовъ не выдержитъ; и казаки, если при немъ останутся, погнубутъ; а будучи за нами, остались бы въ цѣлости и при своихъ вольностяхъ“.

Когда я, говорилъ Русновичъ, доносилъ объ этомъ Мазенѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: „Вотъ свидѣтель, что я панамъ Полякамъ доброжелателенъ; не былъ бы я шляхтичемъ, не былъ бы сыномъ короннымъ, еслибъ всего добра коронѣ Польской не желалъ; вижу я и самъ, какъ государь оскорбилъ Польшу, онъ и Украину отяготилъ; самъ не знаю, что съ собою дѣлать; если до чего дойдетъ, я не смогу удержать казаковъ, на какую сторону устремятся“.

„24) Скарбовойсковый, арендованный, безъ надлежащаго надзора находится: это больше гетманскій скарбъ, чѣмъ войсковой, —какъ хочетъ гетманъ, такъ его и употребляетъ, отчего денегъ запасныхъ въ томъ скарбу нѣтъ, только-что платятъ полкамъ охотничьимъ, да содержатъ пріѣзжихъ посланниковъ. Индукта, т. е. сборъ мыта, изначала всегда индуктою войсковою называется, а потому отдана была въ казну монаршую; и хорошо знаю, что когда въ Киевѣ былъ на воеводствѣ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, то у него индукторы откушали индукту и откупныя деньги отдавали ему на ратныхъ государскихъ людей; а теперь одинъ гетманъ 50,000 золотыхъ въ годъ собираетъ на себя, и только что будетъ сверхъ 50 тысячъ. изъ того старшинѣ по нѣскольку сотъ золотыхъ удѣляетъ. Но для чего этимъ великимъ скарбомъ гетману обогащаться, а не отдать его въ казну монаршую на жалованье ратнымъ людямъ, находящимся въ Малороссіи? —хотя-бъ въ этомъ обнаружилась власть великаго государя надъ Малороссією! И не сыщется ни одинъ человекъ въ войскѣ и въ народѣ, который бы по этой индуктѣ сталъ скорбѣть и тужить, потому что никто бы отъ этого ничего не потерялъ, а гетману довольно было бы десяти городовъ полка Гадяцкаго, съ которыхъ собираетъ всякія подати; довольно было бы пяти волостей и значительныхъ селъ, приписанныхъ къ гетманскому уряду. Не малый доходъ гетману съ порукавичныхъ арендованныхъ, которыя теперь умножились, и чрезъ это умноженіе аренда стала тяжка простому народу, потому что арендаръ, давши большую сумму денегъ за аренду, дороже продаетъ горѣлку. Прежде полковниковъ выбрали вольными голосами и позорной симои было не слышать, а теперь за полковничьи уряды гетманъ беретъ взятки: будь хотя самый достойный человекъ, но если нѣтъ у него денегъ, никогда не получитъ полковничества, а получить тотъ, у кого есть деньги“.

Къ доносу Кочубей приложилъ думу, сочиненную будто бы Мазепою. Въ этой думѣ выражается сѣтованіе о розни, господствующей между Малороссіянами, и призывъ добывать права саблюю. Вотъ эта дума.

„Дума П. Гетмана Мазены, въ которой знатное

противъ державы великаго государя оказуется противленіе:

Всѣ покою шире прагнуть,
А не въ оденъ гужъ всѣ тягнуть,
Той направо, той налѣво,
А всѣ брата: того диво!
Не мажь любви, не мажь годы
Отъ Жвотой взявши Воды.
Презъ неугоду всѣ пропали,
Сами себѣ зновали.
Ей, братица, шора знати,
Що не всѣмъ намъ запонати,
Не всѣмъ даю усе знати
И рѣчами керовати.
На корабель поглядѣмо,
Много людей полѣчиво,
Однакъ стирникъ самъ керуетъ,
Всѣ корабель управуетъ;
Пчулка бѣдна матку маеть,
И оной послухаетъ.
Жаляся, Боже, Украини!
Що не вкушъ масть сыни;
Оденъ живетъ и съ погани,
Клмчетъ, сюда, а тамани!
Идемъ матки ратовати!
Неданно ей погибати!
Други Ляхомъ за грошь служ ть,
По Украинѣ и той тужитъ:
Мати моя старенка!
Чомъ ты велим слабенка!
Розно тебе роспарнали:
Бгди ажъ по Дибру Туркомъ дали;
Все фортель побъ слабла,
И ажъ въ конецъ сыль немѣла:
Третий Москвѣ южъ голдуеть
И ей вѣрне услужуетъ;
Той на матку нарекаетъ,
И подолоу проклинаетъ:
Лѣше было не родяти,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити.
Отъ всѣхъ сторонъ ворогуютъ,
Огнемъ, мечемъ рупнуютъ,
Отъ всѣхъ немать зычливости,
Анѣ слушной учтливости;
Мужиками называютъ,
А подданствомъ дорекають,
Чомъ ты сыпове не учяла,
Чомъ отъ себе ихъ пустила?
Лѣше было пробувати,
Вкушъ лихо отбунати.
И спмъ бѣдный нездолаю.
Хиба тилко заволоаю,
Ей, шапове еперали,
Чомуужъ есте такъ оспали?
И вы, панство полковники,
Всѣжъ жадной полѣтки,
Озмѣтесе всѣ за руки,
Не допустить горкой муки
Матцѣ своей болшь терпѣти,
Нуте враговъ, нуте быти.
Саповали набывайте,
Острыхъ шабелъ добувайте,
А за вѣру хочъ умрѣте,
И волностой борошѣте,
Н-хай вѣчна будетъ слава,
Же презъ шаблю жаемъ пр.в.¹⁴

Того же 19 числа широненъ былъ Искра, и объявилъ, что письмо Ахтырскаго полковника Федора Основа къ князю Голицыну написано съ его словъ; похвалъ онъ къ Федору Основу по совѣту Кочубея, и доносеніе ихъ общее, какъ Кочубеево, такъ и его. О созгасіи Мазены съ Лещинскимъ и

Вишневецкимъ, объ умыслѣ на здоровье царское, и что въ прїездъ Александра Кикина Мазена велѣлъ стрѣлять,—то онъ все слышалъ отъ судьи Кочубея, а самъ въ то время не былъ и ни отъ кого отъ другихъ о томъ секретѣ не слышалъ. А про то, будто великій государь повелитъ казаковъ писать въ солдаты, слышалъ онъ, Искра, самъ отъ самого гетмана въ Кіевѣ, и притомъ были полковники Миргородскій, Прилудскій, Черниговскій. О прельщеніи войска Запорожскаго и о возмущеніи ихъ сказывали ему Запорожцы, которые часто у него бывають, а иногда и зимують: сказывали они, что посылалъ гетманъ съ тѣми рѣчами трижды хорунжаго кіевскаго, и велѣлъ имъ будто для ошесенія отъ великаго государя крѣпиги свой городъ и никуда не разбѣзжаться, и быть въ сборѣ до указа его.

Самый важный пунктъ доноса былъ пунктъ о злоумышленіи на жизнь государя. Съ него и долженъ былъ начаться розыскъ. 21 апрѣля Кочубею и Искрѣ дана была очная ставка, такъ какъ Искра показалъ, что о злоумышленіи на жизнь государя онъ слышалъ отъ Кочубея; но въ донесеніи Кочубея дѣло было рассказано не такъ, какъ въ письмѣ Ахтырскаго полковника къ князю Голицыну, писанномъ со словъ Искры: именно въ донесеніи Кочубея не было объ умыслѣ Мазены умертвить царя или, схвативъ его, отдать непріятелямъ; также не было о намѣреніи Мазены идти на великороссійскіе города. На очной ставкѣ Кочубей сказалъ, что онъ Искрѣ объ убійствѣ великаго государя въ прїездъ Александра Кикина и объ умыслѣ, чтобъ великаго государя, поймавъ, отдать непріятелямъ, и о походѣ гетманскомъ на великороссійскіе города, не говорилъ, а говорилъ такъ, какъ написано въ его, Кочубеевомъ, доносеніи. Искра сказалъ, что тѣ слова слышалъ онъ отъ Кочубея, причемъ была и жена послѣдняго; тутъ же Кочубей говорилъ ему еще, что если бы зима крѣпка была, то Мазена и въ Филипповъ постъ разорилъ бы великороссійскіе города; а какъ его, Искру, Кочубей посылалъ съ объявленіемъ къ Федору Основу, то онъ, Искра, ему, Кочубею, говорилъ, чтобъ обождаютъ, пока явится воровство; и Кочубей сказалъ, что не надобно ждаты. — Кочубей говорилъ, что Искра ему ничего подобнаго не говорилъ. Тогда они и люди ихъ были разведены по разнымъ избамъ и отданы за караулъ, письма у нихъ и прочее все отобрано и переписано.

Въ тотъ же день Искра былъ приведенъ къ пыткамъ и разспрашиваемъ: на гетмана онъ доноситъ по чьему наущенію? и не по факцизмъ ли и не по подсылкѣ-ль о томъ какой отъ непріятеля на изверженіе гетманское такое зло взвели? — Искра отвѣчалъ, что никакой подсылки къ нему отъ непріятеля не было и ни за кѣмъ того не знаетъ, а подучилъ его Кочубей тому уже съ два года, наговаривая, что дѣлаетъ это по вѣрности своей къ царскому величеству, а онъ, Искра, за гетманомъ никакой измѣны не видалъ и ни отъ кого не слы-

халь, и говаривалъ Кочубею, чтобъ не затѣвалъ дѣла, но Кочубей ему сказалъ, что хотъ умереть, а гетмана обличить.

Началась пытка. Послѣ десяти ударовъ Искра сказала: слышалъ онъ отъ Кочубей, что совѣтовался онъ доносѣ съ Миргородскимъ полковникомъ Апостоленкомъ и съ Чуйкевичемъ, и что по низверженіи гетмана Мазепы Миргородскаго полковника желали они сдѣлать гетманомъ, и въ письмѣ, присланномъ къ Кочубею отъ Чуйкевича, написано: „У насъ за Дѣвиромъ огонь загорается; сохрани Воже, чтобъ и у васъ не загорѣлся“.

Приведенъ къ пыткѣ Кочубей и объяснялъ: „Правда, Искра прежде по моему наговору къ дѣлу не приставалъ; и уже потомъ поѣхалъ къ Ахтырскому полковнику, по моему велѣнію, охотою; а Миргородскій полковникъ и Чуйкевичъ писывали ко мнѣ только о вѣдомостяхъ; предостеречь меня отъ гетманской послышки Миргородскій полковникъ, а старикъ Чуйкевичъ писалъ къ зятю моему, своему сыну, что посланъ Скоропадскій къ великому государю съ нѣкоторыми предложеніями, — думаютъ съ такими же, какъ и о Соломонкѣ. Письма, что огонь загорается, Чуйкевичъ не писывалъ: должно быть Искра, не понимъ дѣла, говоритъ; „а что за два года я на гетмана говорилъ про измѣну, и то дѣлалъ по семейной своей злобѣ“.

Искрѣ, въ присутствіи Кочубей, дано еще 8 ударовъ и спрашивали: что говорилъ онъ Федору Осипову объ умыслѣ Мазепы на жизнь великаго государя, и то Кочубей ли ему говорилъ, потому что въ многомъ Кочубей запирался? Искра отвѣчалъ, что онъ говорилъ Федору Осипову и велѣлъ писать, то все слышалъ отъ Кочубей, и объявлялъ ему Кочубей, что онъ все на гетмана извелъ по собственной злобѣ, не видя измѣны; и онъ, Искра, ему говорилъ: „О той злобѣ надлежитъ тебѣ бить челомъ и просить милости у великаго государя“; однако онъ, Кочубей, по свойству и по дружбѣ, привелъ его на то, что поѣхалъ съ извѣтомъ.

Кочубей передъ пыткой объявилъ: что онъ на гетмана написалъ и подалъ статьи и словесно доносилъ въ измѣнѣ, то все затѣлялъ ложь по злобѣ на гетмана. Дали ему пять ударовъ и спрашивали: не по подсылкѣ ли отъ неприятели и по факціямъ его онъ затѣлялъ это на гетмана, дабы его низвергнуть и выбрать другого, къ тому ихъ злomu началію склоннаго; и кто въ томъ съ нимъ были единомышленники, и нѣтъ ли присланныхъ отъ неприятели къ нему или къ другимъ для такого возмущенія на Украйну? Кочубей отвѣчалъ, что онъ все затѣлялъ по злобѣ своей на гетмана, а не съ неприятельской факціи, и никакихъ къ нему подсылкъ отъ неприятели не было, и за гетманомъ не вѣдаетъ никакой невѣрности, — все затѣлялъ на гетмана ложно, чая, что ему въ томъ не повѣрятъ безъ дальняго розыску ¹⁾.

Признаніемъ Кочубей и Искры въ ложномъ доносѣ дѣло оканчивалось 24 апрѣля Головкинъ писалъ Петру: „Позже Кочубей зѣло старъ и дряхль безмѣрно, того ради мы его болѣе пытатъ опасались, чтобъ прежде времени не издохъ. А болѣе въ гетманскомъ дѣлѣ розыскивать нечего и для того и въ Кіевъ ихъ не посылаемъ, потому что во всемъ они вишились, кроми факціи или наущенія отъ неприятели; и ежели какую имъ казнь изволимъ учинить, то мнитъ намъ, что надлежитъ послать ихъ въ Кіевъ и съ совѣту гетманскаго повелѣть о томъ. Малороссійскому народу публично огласить, чтобы онъ видѣли, что за сущую ихъ вину то съ ними учинено будетъ; а надлежитъ, государю, то дѣло нынѣшняго сближенія неприятелискаго, такожъ и для лучней надежды гетману скорѣе свершить“ ²⁾.

Но Петру не хотѣлось оканчивать розыска; ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ въ такое время Кочубей и Искра затѣляли дѣло сами собою, безъ побужденій отъ неприятели. Онъ велѣлъ отослать доносчиковъ не въ Кіевъ, а въ Смоленскъ. 23 мая Головкинъ писалъ ему: „Кочубей и Искру отослали мы въ Смоленскъ; только доносимъ, чтобъ продолженіемъ того дѣла не было сумнѣнія гетману, ибо онъ пишетъ къ намъ многократно, прилежно проситъ о присланіи оныхъ къ нему въ воѣско, а не въ Кіевъ, для обличенія ихъ воровства, чгобъ то народъ Малороссійскій видѣлъ, потому-де что въ народѣ Малороссійскомъ, а особливо въ послонствѣ отъ ихъ единомышленниковъ разсѣваются многіе плевелы, будто его, Кочубей и Искру, до Петербурга проводили и будто на него, гетмана, вамъ великій гнѣвъ, и нынѣ обознаго генеральнаго челядника, въ Кіевѣ ѣдущаго, въ мѣстечкѣ Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняа была съ таковыми выговорами: „Полю уже вашего, гетманчики, панства, прѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей“. Въ простомъ народѣ безумныя повѣсти оглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какаго добывать, а когда добудетъ, отпущенъ будетъ на гетманство“.

Петръ велѣлъ привезти доносчиковъ опять въ Витебскъ и снова допросить, не было ли присылокъ отъ неприятели. Головкинъ донесъ ему отъ 30 мая, что Кочубей и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болѣзни: не было ли отъ нихъ народовъ къ нимъ послышки для возмущенія. Кочубей и Искра стояли крѣпко, что не было никакой, — все онъ, Кочубей, затѣлялъ по собственной злобѣ. На вопросъ Головкина и Шафирова, какою казнію казнить Кочубей съ товарищи, — Петръ отвѣчалъ: „Не иною, что какою ни есть только смертью, хотъ головы отсѣчь, или повѣсить — все равно; о поѣ, который въ томъ же приличенъ, соизвольте учинить по своему разсмотрѣнію, а Петра Яковлева вины кажется мало, только-что онъ посланъ былъ къ духовнику съ

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ист. д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 8.

письмами ихъ, того для отпущить его жить къ Москвѣ или иуды куды въ великороссійскіе города, а не въ малороссійскіе“¹⁾. Послѣ этого Кочубей и Искра отправлены были въ Кіевъ, а оттуда въ мѣстечко Боршаговку, въ 8 миляхъ отъ Вѣлой Церкви, гдѣ стоялъ гетманъ обозомъ; здѣсь 14 июля они были казнены „при всей полсолитой рѣчи генеральной и при многомъ собраніи всего Малороссійскаго народа“²⁾.

Это печальное дѣло, дошедшее до насъ во всѣхъ подробностяхъ, не требуетъ длинныхъ объясненій; нѣтъ нужды много распространяться о томъ странномъ мнѣніи, по которому во всемъ виноваты министры Головкинъ и Шафировъ, которые, будто бы подкупленные Мазепой, дѣйствовали пристрастно. Во-первыхъ, чтобъ говорить о подкупѣ, надобно имѣть основанія, а этихъ основаній нѣтъ. Во вторыхъ, были ли подкуплены министры, или нѣтъ, они не могли дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовали по тогдашнимъ правиламъ, соблюдавшимся въ подобныхъ дѣлахъ: какъ скоро доносчики порознились въ своихъ показаніяхъ относительно самаго важнаго пункта, — употреблялась пытка. Можно обвинить не Головкина и Шарифова, но самого Петра; можно обвинять его за это уперство въ довѣрїи къ Мазепѣ; прежде гетманъ выдерживалъ всѣ искупленія, всѣ прежніе доносы на него оказывались ложными; но какъ же Петръ не обратилъ вниманія на главное, — на перемѣну обстоятельствъ, на то, что новое искушеніе было гораздо сильнѣе прежнихъ? Эта безспорная ошибка со стороны Петра объясняется отвращеніемъ къ малороссійскому безнарядью, къ недостойному поведенію старшины и полковниковъ, къ дрязгамъ, доносамъ, которыми они постоянно тревожили правительство. По своему характеру и стремленіямъ, Петръ болѣе чѣмъ кто либо долженъ былъ не любить порядка вещей, господствовавшего въ Малороссіи; нашелъ онъ тамъ гетмана по себѣ, ушаго, благонамѣреннаго; зналъ, какъ враги подыскивались подъ этого гетмана; слышалъ его постоянныя жалобы на безнарядье: — и естественно началъ питать отвращеніе къ безнарядникамъ; естественно въ каждомъ движеніи, направленномъ противъ гетмана, видѣлъ движеніе, враждебное для государства, факцію непріятельскую. Ошибка объясняется — и только; ошибка остается ошибкой. Но еслибъ Петръ не сдѣлалъ этой ошибки, то и тогда дѣло не могло вестись иначе, какъ велось. Развѣ можно было, при извѣстныхъ обстоятельствахъ 1707 и 1708 года, по первому доносу схватить гетмана и нарядить надъ нимъ слѣдствіе? Многогрѣшнаго и Самойловича свергли не по доносу двухъ челоуѣкъ, а всей старшины, — и тутъ сколько упрековъ правительству за это! Нужно было, даже для того, чтобъ спасти доносчиковъ отъ Мазепы, перезвать ихъ въ без-

опасное мѣсто и узнать отъ нихъ хорошенько, въ чемъ дѣло; и тутъ если-бы Головкинъ и Шафировъ дѣйствовали подъ вліяніемъ самой сильной подозрительности противъ Мазепы, то не могли бы поступить иначе, какъ поступили. Слѣдовательно ошибка Петра не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу; какъ бы онъ ни смотрѣлъ на Мазепу, послѣ доноса Кочубея и Искры должно было оставить его внѣ всякаго подозрѣнія: доносъ оказался ложнымъ.

Послѣ казни Кочубея и Искры, обозный генеральный Ломиковскій и полковники Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій начали усиленно требовать отъ Мазепы, чтобъ промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи, обѣщая стоять до крови за него и за права и вольности войсковыя, въ чемъ и присягнули, а гетманъ далъ имъ присягу въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ предъ Орликомъ въ Кіевѣ³⁾. Мазепѣ больше всего хотѣлось возвратиться съ праваго берега Днѣпра въ Затуринъ, и въ бездѣйствіи выжидать, чѣмъ кончится въ Велико-росіи борьба между Петромъ и Карломъ. Но на его бѣду, Карлъ, вмѣсто того, чтобъ идти прямо въ Москву, повернулъ въ Малороссію: — „Дьяволъ его сънесеть!“ сказала Мазепа: „всѣ мои интересы превратить и войска великороссійскія за собою внутрь Украины впровадить на послѣднюю оной рину и на нашу погибель“. Отъ царя письмо: „Господинъ гетманъ! понеже непріятель идетъ по Днѣпру внизъ, и потому и по другимъ всѣмъ видамъ намѣреніе его есть на Украину, того ради предлагаемъ вамъ: 1) чтобъ вы по своей вѣрности смотрѣли въ Малороссійскомъ краю какой подсылки отъ непріятеля, также прелестныхъ листовъ, и всяко оныя пререгали и пресѣкали, и намъ въ томъ (ежели одни сами чего не можете учинить) совѣтъ и вѣдомость давали. 2) Что непріятель уже зѣло своимъ маршемъ спѣшитъ, того ради заблагодарасудили мы, чтобъ вы со всѣмъ своимъ войскомъ или какъ наискорѣе къ Кіеву, и, оставя тамъ нѣсколько казаковъ въ гварнизонѣ, по совѣту съ г. Голлициннымъ, сами шли за Днѣпръ въ удобное мѣсто со всѣмъ тягачемъ (обозомъ), кои при Кіевѣ были, а конницу всю (развѣ мало что при себѣ оставитъ) съ добрымъ командиромъ изготовить налегкѣ въ походъ; и когда непріятель станетъ близиться къ великороссійскимъ или малороссійскимъ городамъ, тогда мы всегда у онаго потчимся передъ братъ, а ваша-бъ конница всегда сзади на непріятеля била, и все послѣдующее оному и обозы разоряла, чѣмъ непріятелю великую диверсію можете учинити. Мы бы зѣло желали, дабы вы сами съ тою конницею были; но нудить не можемъ для вашей болѣзни, и для того сіе кладемъ на ваше разсужденіе, однакъ-же сіе надлежитъ немедленно дѣлать“. Мазепа отвѣчалъ изъ обозу отъ Аслана-городка 18 июля: „Радбымъ и я сердечно, на службу вашего величества присутственнѣй зостанать для лутчего по-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

²⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

³⁾ Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

рядку въ чпненю диверсиі непріятелю. еслибъ при надходящей глыбокой, весьма знемошной старости, недокричная и хирогрричная болѣзнь препятіемъ не была, для которой на коня трудъ понести не могу, и хотя мало верхомъ мило и другую пробду, то того много приболѣтъ мшу (долженъ); однакожъ и въ такой немощи и болѣзни не отрицалбылося служить и услужить, хотябъ мнѣ пришло на службѣ вашего царскаго величества при боку вашемъ монаршомъ, лучше нежели гдѣ на сторонѣ, и житія пострадать, токмо тое благо разумному вашему царскаго величества разсужденію предаю, что если я особю мою гетманскою, оставя Украйну, удалюся, то велики опасуюсь, дабы подъ сіе время внутреннее между здѣшнимъ постоляннымъ и малодушнымъ народомъ не произошло возмущеніе, инакче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестные свои листы въ города подсылать; а я у здѣшнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душою, вѣрнѣ и радѣтельнѣ вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недремательнѣ смотрѣль, остерегалъ и всячески пресѣкалъ, однакожъ ожидаю изъ томъ именнаго вашего царскаго указа, и по должности уряду моего и по обыклой непорочной вѣрности, велѣлъ у канцеляріи войсковой во всеъ вашего царскаго величества regimentу моего малороссійскіе города универсалы выдать, утверждая народъ здѣшній въ вѣрности къ вашему царскому величеству и повелѣвая городовою старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе. бодрое око имѣли, прелестныхъ писемъ и универсальовъ его, еслибъ якіе были о провіантахъ, не слышали, оныя презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестямъ ласкательнымъ не преклснлялись¹⁾.

Послѣ битвы подъ Лѣсною Петръ отправился въ Смоленскъ, тогда какъ Шереметевъ и Меншиковъ находились около Стародуба, наблюдая за движеніемъ шведской арміи. Меншиковъ получилъ приказаніе идти съ кавалеріей на югъ, на встрѣчу къ гетману, съ которымъ вмѣстѣ долженъ былъ пріѣхать для совѣщанія въ главную армію, куда въ концѣ октября хотѣлъ быть и самъ царь. Петръ 13 октября писалъ Меншикову: „Я чаю, уже что въ малороссійскихъ городахъ обрѣтаетесь, кулы намъ зѣло поспѣшить надобно и видѣться съ гетманомъ, понеже отъ бездѣльниковъ есть нѣкоторое воровство. Отсѣль поѣду съ 18 или съ 20 чиселъ сего мѣсяца въ армію, куды и вамъ съ гетманомъ особами своими быть необходимо“²⁾. Головкинъ шлетъ письмо за письмомъ къ Мазепѣ, чтобъ выступалъ съ своими полками къ Стародубу. Мазепа велитъ полковникамъ Миргородскому, Прилудскому и Лубенскому собраться къ обозному Ломи-

ковскому и рѣшить, должно ли исполнить царскій указъ. Всеъ единогласно отвѣчали: чтобъ не ходилъ къ Стародубу, а послалъ немедленно къ королю Шведскому съ просьбою о протекціи и старался соединиться съ шведскими войскомъ на границахъ; чтобъ не допускать войскъ великороссійскихъ въ Украйну. При этомъ Ломиковскій и товарищи просили гетмана объявить имъ, чего они должны надѣяться съ цѣлою Украйною и войскомъ Запорожскимъ; на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ ту махину соединенія съ Шведами и Поляками? Мазепа отвѣчалъ имъ съ сердцемъ; „Для чего вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститесь на мою совѣсть и на мое подлое разумишко, на которомъ вы не заведетесь; болши я, по милости божіей, имѣю разумъ единый, нежели вы всеъ“. Обратясь къ Ломиковскому, сказалъ: „Ты уже свой разумъ выстарилъ“, и, указывая на Орлика: „У того еще разумъ молодой, дѣтскій. Самъ я знаю, когда посылать къ Шведскому королю“. Тутъ съ сердцемъ вынулъ онъ изъ шкатулки универсалъ къ Малороссіянамъ, привезенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику прочесть его вслухъ: всеъ были довольны³⁾.

Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, Мазепа шлетъ письма къ царю и къ Меншикову, что ему нельзя двинуться изъ Малороссіи. „Вчерашняго дня (писалъ онъ Меншикову 8 октября) за настоящею моею хирогрричною и головою болѣзнию и за многодѣльствіемъ забылъ донести вашей княжой свѣтлости въ писаніи моемъ о многихъ подъ сіе время трудностяхъ и внутреннихъ смятеніяхъ. Сіятедьнѣйшій графъ, его милосте Гаврила Ив. Головкинъ пишетъ до меня многожды чрезъ моихъ и чрезъ своихъ нарочныхъ курьеровъ, чтобъ я спѣшнымъ маршомъ шелъ къ Стародубу для отпору наступленію непріятельскому, которому я ради малолюдства при мнѣ обрѣтающагося никакою мѣрою резистенція учинить не могу, понеже больше войска городоваго великороссійскаго сердюковъ одной компаніи совокуя въ одно число 5,000 при себѣ не имѣю, ибо полкъ сердюкцій одинъ въ Бѣлой Церкви и два полка великороссійскіе нѣхотные въ фортеціи Печерской, посланы на перемѣну полку Гадяцкаго, отправленнаго въ Польшу на сикурсть, и хотя тѣ два полка велѣлъ я перемѣнить господину Неплюеву разными команды его людьми и идти велѣлъ за собою, однако оныя въ пути медлятъ, и не знаю, когда ко мнѣ придутъ, да и въ тѣхъ четырехъ великороссійскихъ неполныхъ голыхъ и босыхъ полкахъ, при боку моемъ обрѣтающихся, болши двутысячъ не сбегется, яко сами господа полковники сказываютъ, изъ которыхъ четырехъ полковъ два въ фортеціи Печерской осталось. Если прибуду къ Стародубу, то развѣ пойду въ самый городъ въ осаду, а тутъ въ Украйнѣ внутренній огонь бунтовничій отъ гульгетяевъ пьяницъ и мужиковъ во всеъхъ полкахъ началъ разгораться, которые, услыша о вступле-

¹⁾ Письмо это въ Государ. архивѣ.

²⁾ Письмо Петра В. къ Меншикову въ Москв. архивѣ Мин. Ин. Д.

³⁾ Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

ни въ Малороссійскій край непріятельскомъ и моемъ къ Стародубу малолюдномъ отдалени, всюду въ городахъ великими купами съ кіями и съ ружьемъ ходять, арендаторовъ бьютъ до смерти, вино насильно забирають и выхиваютъ, — какъ въ полку Лубенскомъ арендара и ктитора убили до смерти; въ Мглинѣ сотника тамошняго казаки изрубили и спицами покололи; съ Сотницы сынъ обознаго моего войсковаго генеральнаго насяду съ женою своею уходомъ спаслись; въ Гадячѣ на замокъ тамошній наступали, хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бы смертная кончина, еслибъ съ мѣщанами отъ тѣхъ гулятьевъ не отстрѣлялся. А воздвигнули то внутреннее смяненіе казаки, во время парткулярной баталіи отъ непріятеля распрошенные, кажется подъ Кадимомъ, которые, разбѣгшися въ полки, огласили, будто войска всѣ великорусскіе и малороссійскіе непріятель разбилъ, и люди полку Стародубскаго великими таборами уходятъ въ дальныя мѣста, которые между непостояннымъ народомъ неистовыми словами разбѣяли тѣ плевелы, будто они паче отъ войскъ малороссійскихъ бѣгутъ, что села всюду будто въ полку Стародубскомъ жгутъ и грабять, и непріятель будто имъ никакого разоренія не чинитъ, которымъ вѣдомостями зачался въ простомъ и малодушномъ народѣ мятежъ и роптаніе, а между гулятьевъ своевольство, ибо опасность и въ томъ велика, что два предводителя гулятьяскіе, одинъ Перебѣжнй, другой Молодець, прибавши къ себѣ своевольцы, и болни великороссійскихъ людей Донцовъ 2,000, по берегамъ Днѣпра и въ поляхъ шатаются, и людей разбиваютъ, да и отъ Польши небезопасно, понеже какъ графъ Головкинъ пишетъ до меня, что Станиславъ къ Кіеву плеть, какъ и президентъ мой, при господинѣ Силявскомъ пребывающей, тожъ подтверждаетъ. Разсуди ваша княжжа свѣтлость своимъ высокимиъ благоразуміемъ, кака въ томъ польза будетъ интересамъ монаршимъ, если я пойду въ Стародубовщину одного только полку боронить, а тутъ всю Украину въ такихъ трудностяхъ, опасностяхъ и въ начинающемъ бунтовничьемъ пожарѣ на крайнее разореніе оставлю, а не дай Боже еще мнѣ какого тамъ отъ непріятеля несчастія, то какой оттуда возгорится огонь внутренней — выразишь можно! Изволь ваша княжжа свѣтлость, ясно ближайшій монаршаго боку и тайный его государственныхъ дѣлъ первѣйшій и поуфальщій министръ, отъ Бога дарованнымъ себѣ премудрымъ разумомъ и искусствомъ наставить меня, какъ имѣю въ таковыхъ трудностяхъ и въ указахъ поступить и исправиться²⁾?

Меншиковъ, пересылая это письмо Петру, написалъ свое мнѣніе: „Мнѣ кажется до Стародуба его ради тѣхъ противностей заволакивать не для чего, что отдаю въ ваше высокорозумное разсужденіе“¹⁾). Петръ отвѣчалъ, что хотя извѣстія гетмана

о внутреннихъ волненіяхъ въ Малороссіи и не всеѣмъ справедливы (было возстаніе на Жидовъ, а не противъ правительства), однако гетмана отволакивать не надобно, „понеже большая польза его въ удержаніи своихъ, нежели въ войнѣ“²⁾). Не отволакивая Мазепу къ Стародубу, Меншиковъ писалъ ему, чтобъ онъ свѣдѣлся съ нимъ для необходимыхъ совѣщаній; но когда Мазепа объявилъ объ этомъ Ломиковскому съ товарищи, тѣ закричали:

„Если поѣдешь, то и себя, и насъ, и Украину погубишь!“ Самъ Мазепа боялся, что его хотять приманить, и, прибравъ къ рукамъ, возобновилъ дѣло Кочубея, ибо приходили извѣстія изъ Польши, что тамъ всюду громко говорятъ о отношеніяхъ его, Мазепы, съ королемъ Станиславу; и потому Мазепа рѣшился послать къ Меншикову племянника своего Войнаровскаго съ объявленіемъ о тяжкой, предсмертной болѣзни своей и объ отъѣздѣ своемъ изъ Батурина въ Борзну для соборованія масломъ отъ Кіевского архіерея. Мазепѣ хотѣлось употребить всѣ средства, чтобъ не ѣхать къ царю или его полководцамъ, и въ то же время не хотѣлось посылать къ Карлу до послѣдней крайности; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ ждалъ, чтобъ другіе принудили его сдѣлать послѣдній страшный шагъ. Ломиковскій съ товарищи настаивалъ, чтобъ гетманъ послалъ къ Шведскому королю съ предложеніемъ союза. Однажды вечеромъ Мазепа послалъ къ нимъ Орлика потребовать, чтобъ сказали рѣшительно, посылать или не посылать къ Карлу. Ломиковскій отъ имени всѣхъ товарищей велѣлъ отвѣчать довольно дерзко, что они удивляются такой сонливости и медленности гетмана; сколько разъ просили они его посылать къ Карлу, когда тотъ еще былъ на границахъ, но гетманъ не послалъ, и этою своею медленностію врывалъ въ Украину всѣ силы великороссійскія на разореніе и кровопролитіе всенародное; и теперь, когда уже Шведы подѣ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ. Мазепа разсердился и сказалъ: „Знаю, что все то переговариваетъ тотъ лысый чортъ Ломиковскій!“ и, призвавши къ себѣ обознаго съ товарищи, далъ на нихъ окрикъ: „Вы не совѣтуете, только обо мнѣ переговариваете; чортъ васъ поберет! Я, взявши Орлика, поѣду ко Двору царскаго величества, а вы хотя пропадите!“ Потомъ, смягчившись, спросилъ ихъ: „Послать къ королю или нѣтъ?“ — „Какъ же не посылать, — давно цора, не надобно откладывать!“ былъ отвѣтъ. Тогда Мазепа велѣлъ позвать управителя своей Шептаковской волости Выстрицкаго, и заставилъ его присягнуть въ сохраненіи тайны. Орликъ написалъ ему по-латыни инструкцію посольства къ первому министру Карла XII, графу Шперу; аптекаръ гетманскій перевелъ инструкцію на нѣмецкій языкъ; безъ подписи и печати отдалъ ее Выстрицкому, который и отправился въ шведскую армію

²⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Щ. Д.

¹⁾ Письма эти въ Государств. архивѣ.

съ плѣнныиъ Шведомъ, выѣсто переводчика. Въ инструментѣ Мазепа высказывалъ великую радость о присутствіи королевскаго величества въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, войску Запорожскому и всему народу Малороссійскому, и освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго; увѣдомлялъ, что онъ, гетманъ, находится въ большой опасности, и потому просилъ о скорой присылкѣ войска на оборону, для котораго обѣщаль приготовить паромы на Деснѣ у пристани Макошинской¹⁾.

Между тѣмъ Меншиковъ 19 октября былъ уже въ Горскѣ, въ Черниговскомъ полку, откуда 20 числа писалъ царю: „Господиш полковникъ! доношу вашей милости, что мы съ находящеюся при мнѣ кавалеріею пришли сюда вчерашняго дня, слава Богу, въ добромъ состояніи; его милость, господина гетмана Мазепу, со дня на денья къ себѣ ожидалъ, но вчерашняго дня вмѣсто его получилъ видѣть господина Войнаровскаго, чрезъ котораго пишетъ онъ ко мнѣ, что едва не послѣдній чрезъ него отдастъ мнѣ поклонъ, ожидаючи себѣ послѣдняго цѣлованія; понеже конечно при кончинѣ своей жизни обрѣтается и для осященія масломъ поѣхалъ онъ въ Борзну, гдѣ ожидается его Кіевскій архіерей. И сія обѣ немъ вѣдомость зѣло меня опечалила, первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, которой зѣло мнѣ былъ здѣсь нуженъ; другое, что жалъ такова добраго человѣка, ежели отъ болѣзни его Богъ не облегчитъ, а о болѣзни своей писать, что отъ подагричной и хирогричной приключилась ему апелелсія⁴⁾.

Меншикову очень нужно было бы видѣть гетмана потому, что онъ нашелъ малороссійскіе полки въ самомъ печальноиъ состояніи. 21 октября онъ писалъ царю: „Понеже опасуюсь, дабы непріятель къ Новгородку не пошолъ и тамъ Десну не переправилъ, того ради весьма надлежитъ въ тѣхъ мѣстахъ Десну людьми укрѣпить, дабы оной великой переправы непріятель свободно безъ всякаго запрещенія переправиться не могъ; и хотя о томъ я господину фельдмаршалу Шереметеву нынѣ постоянно и предлагалъ, чтобы для того ири нихъ обрѣтающуюся кавалерію и нестройныхъ всѣхъ такожъ и Ифлчита на ту сторону Десны отправили, дабы оныя непріятелю тою переправу запрещать могли,—однакожь и вашей милости о томъ доношу, чтобы вы отъ себя нацъ о томъ подтвердитъ изволили. А что вѣлно туда идти войску гетманскому, и на то слабая надежда, понеже како здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страху отъ непріятеля, и изъ домовъ своихъ, совсѣмъ убравшись, кой куда врзисъ разбѣжжаются; здѣшняго Черниговскаго полку только есъ полтораста человѣкъ здѣсь мы избобрѣли, и тѣ изъ послѣднихъ, а изъ старшинъ, почтѣй, никого не видимъ, а который и появится, да того жъ часу спѣшитъ до двора, чтобы убраться и бѣжать. При семъ за благо вашей милости софѣту, что мнѣ кажется время и самимъ вамъ къ арміи

путешествовать ради лучшаго при сихъ обстояельствахъ распорядженія“²⁾.

Петръ еще до призыва Меншикова путешествовалъ къ арміи, и 21 числа былъ въ 80 верстахъ отъ Брянска³⁾; а между тѣмъ въ Борзну къ Мазепѣ возвратился Быстрицкій съ устнымъ донесеніемъ, что самъ Карлъ обѣщаль быть у Макошинской пристани 22 октября. Но въ этотъ день Шведы не явились у Десны, а на другой день, 23 числа, прискакалъ Войнаровскій съ вѣстію, что завтра къ обѣду пріѣдетъ въ Борзну Меншиковъ для свиданія съ умиравшимъ гетманомъ—Войнаровскій рассказывалъ, что убѣждалъ тайкомъ отъ Меншикова, потому что подслушаль, какъ шведскіе офицеры между собою говорили: „Помилуй Боже этихъ людей! завтра они будутъ въ кандалахъ“. Получивъ извѣстіе о намѣреніи Меншикова пріѣхать въ Борзну, Мазепа „порвался какъ вихрь“ и, въ тотъ же день, поздно вечеромъ, поскакалъ въ Ватуринъ; а на другой день рано, переправясь чрезъ Сеймъ, пріѣхалъ вечеромъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ; на другой день, 24 числа, рано переправился за Десну, и ночью достигъ пераго шведскаго драгунскаго полка; отсюда отправилъ Ломиновскаго и Орлика къ королю, а за ними поѣхалъ и самъ съ отрядомъ, состоявшимъ не болѣе какъ изъ 2,000 человѣкъ. Въ селѣ Вахмачѣ присягалъ онъ торжественно на Евангеліи передъ генеральною старшипою, полковниками, сотниками и знатнымъ товариществомъ, что онъ не для приватной своей пользы, но для общаго добра цѣлой отчизны и войска Запорожскаго принялъ протекцію короля Шведскаго; потомъ старшинѣ и всему знатному товариществу велѣлъ присягать, что будутъ вѣрны ему, Мазепѣ, и будутъ признавать протекцію короля Шведскаго⁴⁾.

²⁾ Письма Меншикова въ Государств. архивѣ.

³⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мнн. Иг. Д.

⁴⁾ Письмо Орлика къ Стефану Яворскому. Здѣсь читаемъ также слѣдующее: «Поскакалъ Мазепа изъ Борзны ко двору царскаго величества въ Глуховъ съ письмами канцеляриста войскаго Волбота, по котораго оттуда возвращеніи, объявилъ намъ всѣмъ, будто одинъ изъ министровъ царскаго величества, а другой изъ канцеляріи, истинные его пріятели, чрезъ Волбота перестерегали его, Мазепу, чтобы до двора царскаго величества не ѣхалъ, но паче своей и цѣлаго народа малороссійскаго цѣлости всякую усмотрѣлъ охорону, понеже въ такомъ состояніи, не надѣясь въ Украйнѣ никакого постоянства, царское величество намѣренъ и о гетманѣ, и о всемъ народѣ вещь вѣкакую противную устроить, что потомъ и универсалами своими велѣлъ передъ народомъ огласить. Но солгалъ: когда въ 1714 году Шведскій король изъ Турціи чрезъ Молдавію до Имераніи ѣхалъ, а я, послѣдую ему до Букарештъ, нашель тамъ канцеляриста Волбота, готовящагося въ монастырь, съ которымъ чрезъ два дни тамъ конверсуя, воспоминаютъ и о томъ престереженіи, Волботъ объявилъ мнѣ, что Мазепа, посылая его въ Глуховъ, приказывалъ ему доувѣдаться, какъ о немъ разумѣютъ? но онъ ничего ни отъ кого противнаго о немъ не слышалъ, напротивъ, князь Григорій Феодоровичъ Долгорукій совѣтовалъ ему, Мазепѣ, чтобы ничего не опасался, какъ пискорѣе ѣхалъ ко двору, представляя и душу, и совѣсть свою въ закладъ въ томъ, что царь на

¹⁾ Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

Между тѣмъ Меншиковъ ѣхалъ въ Борзну для свиданія съ гетманомъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его полковникъ Анненковъ и, по отравленіи отъ гетмана „извычайнаго комплимента“, сказалъ, что Мазепа изъ Борзны поѣхалъ въ Батуринь. Меншиковъ туда: нѣтъ гетмана; — поѣхалъ наскоро въ Коропъ; но тутъ Меншикова поразило то, что встрѣтилъ его одинъ великороссійскій полкъ Анненкова, а всѣ сердюки и батуринскіе жители перебрались въ замокъ и засѣли въ немъ, мосты были разведены, по стѣнамъ стояли вооруженные люди въ строю съ знаменами и пушками. Меншиковъ послалъ къ нимъ полковника Анненкова спросить: для чего поступаютъ по непріятельски? Анненкова въ замокъ не пустили и дали отвѣтъ со стѣны, что поступаютъ по указу. Меншиковъ сейчасъ же поѣхалъ въ Коропъ, думая застать тамъ наконецъ гетмана и получить отъ него объясненіе; но, отъѣхавъ полторы мили отъ Батурина, узналъ, что Мазепа уже за Десною. Меншиковъ отправился къ Деснѣ и изъ Макошина, 26 числа, увѣдомилъ царя о своихъ разъѣздахъ за гетманомъ: „И чрезъ сіе злострое его поведеніе, за истинно мы признаваемъ, что конечно онъ измѣнилъ и поѣхалъ до короля Шведскаго, чему явная есть причина и то, что племянникъ его, Войнаровский, будучи при мнѣ, въ 22 день сего октября, въ самую полночь, безъ вѣдома и съ нами не простясь, къ нему уѣхалъ, и съ того времени уже ко мнѣ ни о чемъ онъ, гетманъ, не отзывался. И тако объ немъ илако разсуждать не извольте, только что совершенно измѣнилъ, и для того за благо вашей милости совѣтую, что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здѣшній простой народъ утвердить всякимъ обнадеживаніями чрезъ публичныя универсалы, выписавъ всѣ его, гетманскія, къ сему народу озлобленія и тягости, и чтобъ на его никакія прелести не склонялись, понеже когда онъ сіе учинилъ, то не для того одной своей особы, но и всей ради Украйны, и безъ того не пройдетъ, чтобъ какихъ не было отъ него здѣсь прелестныхъ универсаловъ или тайныхъ какихъ факцій. При семъ еще доношу вашей милости, что въ здѣшней старшинѣ, кромѣ самыхъ вышнихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго гетманскаго злого учинику никакого худа ни въ комъ не видать; но токмо ко мнѣ изо всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчана и приносятъ на него въ томъ нареканія и многіе просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить бы ихъ до гибели, ежели какой отъ него, гетмана, будетъ надъ ними промыслъ, которыхъ я всякимъ обнадеживаніемъ увѣщываю, а особливо вамимъ въ Украйну пришествіемъ, изъ чего они повидимому въ великую проходятъ радость“¹⁾.

Петръ съ главною арміею сторожилъ на Деснѣ (въ мѣстечкѣ Погребкахъ) движенія непріятеля,

еднаго сумнѣнія о его вѣрности не имѣеть и не слушать никого, если кто о немъ плуствуетъ.

¹⁾ Письмо Меншикова въ Государ. архивъ.

когда, 27 числа, получилъ письмо Меншикова, и ночью написалъ ему отвѣтъ: „Письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ, и нынѣ надлежитъ трудиться, какъ бы тому злу забѣжать и дабы не допустить войску казанскому, при Деснѣ бывшему, переправляться за рѣку по прелести гетманской; того ради пошли немедленно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они, нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы то имъ поѣхали; а полковникамъ и старшинѣ вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали сюда для обранія новаго гетмана; а буде полковникъ Миргородскій гдѣ по близости обрѣтается, то прикажи его, сыскавъ, къ намъ прислать, обладая его милостию нашею, потому что онъ великій непріятель былъ Мазепѣ; такожъ и въ немедленно прѣбываете“²⁾. На другой день былъ написанъ манифестъ: „Объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа духовнымъ и мірскимъ, а особливо войска Запорожскаго генеральной старшинѣ, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ куреннымъ, и всему войску Малороссійскому, стоящему по Деснѣ и въ иныхъ мѣстахъ противъ непріятеля. Извѣстно намъ, великому государю, учинилось, что гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное къ намъ цѣлованье, измѣнилъ и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю Шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ Шведа выбраннымъ на королевство Польское, дабы съ общаго согласія съ нимъ Малороссійскую Землю поработить попрежнему подъ владѣніе польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать въ унию; и понеже намъ, яко государю и оборонителю Малороссійскаго краю, надлежитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то поработеніе и разореніе Малороссіи, такожъ и церковей Божіихъ во оскверненіе не отдать: того ради повелѣваемъ всей генеральной старшинѣ, полковникамъ и прочимъ, дабы на прелести и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана, не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго учрежденія всякаго зла и возмущенія въ Малороссійскомъ народѣ отъ него, бывшаго гетмана, вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войскѣ, съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для обранія по правамъ и волюстиямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. При семъ же объявляемъ, что извѣстно намъ учинилось, что бывшій гетманъ хитростію своею безъ нашего указа аренды и многіе другіе поборы наложилъ на Малороссійскій народъ, будто на плату войску, а въ самомъ дѣлѣ ради обогащенія своего, и сіи тягости повелѣваемъ мы нынѣ съ Малороссійскаго народа оставить“³⁾. Къ Апраксину. увѣ-

²⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мян. Ил. Д.

³⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мин. Ил. Д., дѣла Малороссійскія 1708 года.

домлявшему о торжествѣ своемъ надъ Любекеромъ, Петръ писалъ: „Хотя противно совѣсти моей, чтобы противъ добрыхъ отъ васъ вѣстей къ вамъ нѣчто худое писать, однакожь нужда повелѣваетъ являти, что учинилъ новый Гуда Мазена, ибо, 21 годъ былъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Правда, хотя сіе дѣло худо, однакожь не токмо онъ съ совѣту всѣхъ, но изъ пяти персонъ сіе зло учинилъ, что, услышавъ здѣшній народъ, съ слезами Богу жалуются на него и неописанно злобствуютъ, понеже, какъ слышимъ, кромѣ Бога житіе его было. И тако надежда въ Возѣ, что онъ себѣ зло вѣще исходатайствовалъ [чему пособить кровь Самуилова] ¹⁾, нежелъ тому, кому хотѣлъ“ ²⁾.

30 октября прѣхалъ въ Погребки Меншиковъ; созванъ былъ военный совѣтъ, гдѣ рѣшено—отправить немедленно Меншикова для овладѣнія Батуриномъ, прежде чѣмъ не вошли туда Шведы съ Мазеною.

Мазена ушелъ къ Карлу съ немногими людьми; но онъ надѣялся поднять оставшихся своими прелестными письмами; вотъ что писалъ онъ Ивану Скоропадскому, полковнику Стародубскому: „Враждебная намъ власть московская отъ многихъ лѣтъ во всезлбномъ своемъ намѣреніи положила истребить послѣднія наши права и вольности; теперь приводитъ она это въ исполненіе, какъ ясно изъ того, что безъ всякой важной причины начала прибирать въ свои руки города малороссійскіе; выгоняя изъ нихъ людей нашихъ, до конца обнищавшихъ и поработченныхъ, войсками своими наполняетъ. Пусть бы это дѣлалось въ полкахъ Стародубскомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ подъ ложнымъ предлогомъ, что это необходимо для обороны отъ Шведовъ; но для чего же дѣлать это съ городами отдаленными, въ которые Шведы и не думаютъ идти; затѣмъ, напримѣръ, посылать полки въ Полтаву? Мы о злодѣйскомъ намѣреніи царя не только отъ непріятелей имѣли тайныя предувѣдомленія, но и сами совершенно узнали изъ ясныхъ признаковъ; насъ, гетмана, старшину, полковниковъ и все войско хотѣлъ захватить въ свою тиранскую неволю, имя войска нашего язглядить, казакѣвъ обратитъ въ драгунъ и солдаты, и народъ поработитъ себѣ на вѣки. Не для этого ли Александръ Меншиковъ и князь Дмитрій Голицынъ спѣшили къ намъ съ войсками? Не для этого ли заманивали насъ въ свои обозы? А между тѣмъ безсильная и невоинственная московская рать, бѣгающая отъ ненобѣдимыхъ войскъ шведскихъ, спасается только петребленіемъ нашихъ селеній и захватываніемъ нашихъ городовъ. Поэтому-то мы, гетманъ, съ общаго согласія пановъ генеральной старшины, полковниковъ и всего войска, предались въ ненобѣдимую протекцію напяснѣйшаго короля Шведскаго, всегдашняго всемогущаго заступника обидимымъ, любящаго

правду и ненавидящаго лжи, въ несомпѣнной надеждѣ, что его шведское величество милую отчизну нашу п войско ненобѣдимымъ оружіемъ своимъ оборонитъ отъ московскаго тиранскаго ига, и не только вольность и права наши сохранитъ, но и расширитъ, въ чемъ насъ не только королевскимъ своимъ неотмѣннымъ словомъ, но и письменною асеккураціею увѣрилъ. Поэтому и вы, какъ истинный сынъ отечества, старайтесь нечаяннымъ нападеніемъ истребить московское войско, находящееся въ Стародубѣ, согласясь съ полковниками Переяславскимъ и Нѣжинскимъ. Вамъ это сдѣлать можно, потому что ненобѣдимое оружіе шведское васъ покрываетъ. Если же вамъ, паче чаянія, истребить московское войско не удастся, въ такомъ случаѣ спѣшите съ войскомъ своимъ въ Батурино, дабы не попался онъ въ московскія руки“ ³⁾.

Скоропадскій не спѣшилъ къ Батурину: къ Батурину спѣшилъ Меншиковъ; къ Батурину спѣшили и Мазена вмѣстѣ съ шведскою арміею. 31 октября Петръ писалъ Меншикову: „Сего моменту получилъ я отъ Флюка (вѣдомость), что непріятель пришелъ сталъ у рѣки (Десны) на батуринскомъ трактѣ, и для того извольте не мѣшкать“ На другой день 1-го ноября, новое письмо: „Когда сіе письмо получивъ, тогда тотчасъ, оставя караулы довольные, поиди къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ непріятель мостъ дѣлаетъ“. Въ тотъ же день писалъ изъ Субочева: „Объявляемъ вамъ, что нераздѣлимъ генерала-маюра Гордона Шведы перешли сюды, и того ради извольте быть опасны, понеже мы будемъ отступать къ Глухову; того ради ежели сей ночь къ утру или поутру совершитъ возможно (взятіе Батурина), съ помощію Божіей окончивайте; ежели же невозможно, то лучше покинуть, ибо непріятель перебирается въ четырехъ миляхъ отъ Батурина“. 2 ноября изъ деревни Чаплѣвки царь писалъ: „Наки подтверждаю, что Шведы перешли на сю сторону рѣки, и хотя наши крѣпко держали и трижды ихъ сбивали, однако за неудобностію мѣста одержать не могли, понеже на той сторонѣ рѣки у непріятели мѣсто было зѣло удобное, гдѣ поставлены были на горѣ пушки въ три боя, и болши держаться нашимъ было ни по которому образу нельзя; того ради извольте быть опасны и по тому смотря поступать, ибо непріятель перебрался отъ Батурина только во шти миляхъ, и наши войска почали отступать къ Глухову“. Вслѣдъ затѣмъ другое письмо въ тотъ же день: „Сей день и будущая ночь вамъ еще возможно трудиться тамъ, а далѣе завтрашняго утра (ежели чего не сдѣлано) бавиться (оставаться) вамъ тамъ опасно“ ⁴⁾.

Меншиковъ окончилъ дѣло въ срокъ. 31 октября онъ пришелъ къ Батурину, гдѣ уже дожидался его князь Дм. Мих. Голицынъ. Голицынъ еще до пріѣзда Меншикова имѣлъ переговоры съ осажденнымъ, которыми начальствовалъ полковникъ Чечель и ге-

¹⁾ Т.-е. гетмана Самойловича.

²⁾ Голицова Дѣлія XI, стр. 432.

³⁾ Голицова—Дополненія къ дѣліямъ XV, стр. 216

⁴⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москв. архивъ Мш. Ин. Д.

неральный есаулъ Кенигсекъ; и старшина и рядовые отвѣчали единогласно, что безъ новаго гетмана великороссійскихъ войскъ въ замокъ не пустятъ, а гетмана надобно выбирать вольными голосами, и пока Шведъ изъ малороссійскихъ предѣловъ не наступитъ, до тѣхъ поръ и гетмана имъ выбирать нельзя. Менишковъ привелъ полки къ рѣкѣ и хотѣлъ по мостамъ пройти въ городъ, какъ изъ замка Мазепицы вывели шесть пушекъ и навели ихъ на мосты; Менишковъ велѣлъ войскамъ отойти ниже по рѣкѣ, и когда они построились по берегу, то изъ замка выѣхали пять человекъ и кричали съ другого берега, чтобъ не ходили, а пойдутъ сиюю, то станутъ бить. Менишковъ велѣлъ говорить имъ, чтобъ прислала къ нему человекъ двухъ или трехъ для разговора; — отъказались бранью и уѣхали прочь. Тогда Менишковъ велѣлъ переправить черезъ рѣку на лодкахъ человекъ съ пятьдесятъ гренадеръ; увидя это, Мазепицы, стоявшіе у мостовъ съ пушками, побѣжали пемеленно въ замокъ съ большою тревогою; такимъ образомъ мосты были очищены и царскія войска стали перебираться черезъ рѣку. „Сея ночи“ писалъ Менишковъ, „совсѣмъ переберемъ, а завтра съ Божіею помощію будемъ чинить промысль, а никакой склонности къ добру въ нихъ не является, и такъ говорятъ, что хотятъ до послѣдняго человека держаться“¹⁾.

Ночью осажденные выслали къ Менишкову письмо, въ которомъ объявляли о своей вѣрности къ царскому величеству и готовности впустить его войска въ замокъ, впрочемъ требовали, чтобъ имъ дано было три дня срока для свободнаго выхода. Но утромъ, не дожидаясь отвѣта и не видя еще никакого движенія со стороны царскаго войска, начали стрѣлять въ него изъ пушекъ и зажгли посадь кругомъ города. Менишковъ послалъ имъ отвѣтъ на ихъ письмо, чтобъ свободно выходили изъ замка, не боясь ничего; письмо Менишкова было прочтено въ кругу: „Отвѣчать намъ некогда!“ закричали Мазепицы, и хотѣли-было убить посланнаго; но потомъ одумались и выпустили его съ крикомъ: „Мы всѣ здѣсь померемъ, а царскаго войска не пустимъ!“ День прошелъ въ приготовленіяхъ къ приступу. 2 ноября, Петръ, находившійся въ мѣстечкѣ Ворожеѣ (Черниговской губер.), получилъ письмо отъ Менишкова: „Доношу вашей милости, что мы сего члена о шти (шести) часахъ пополночи здѣшнюю фортецію съ двухъ сторонъ штурмовали и по двучасномъ огню оную взяли“²⁾. Петръ отвѣчалъ: „Сего моменту получилъ я ваше зѣло радостное писаніе, за которое вамъ зѣло благодарны, паче же Богъ мздовоздатель будетъ вамъ; что-жъ принадлежитъ о городѣ, я то полагаю на вашу волю: ежели возможно отъ Шведовъ въ немъ сидѣть, то извольте поправить и посадить въ гарнизонъ хотя драгунъ въ прибавку стрѣльцамъ, пока нѣхота будетъ (однакожъ нѣсколько

пушекъ лучшихъ вывезть въ Глуховъ). Буде же (какъ я отъ присланнаго слышалъ) оной не крѣпокъ, то зѣло лучше такую великую артиллерію вывезть въ Глуховъ (которое тамъ зѣло нынѣ нужно), а строеніе сечь, попече, когда въ такомъ слабомъ городѣ такую артиллерію оставить, то Шведы также легко могутъ взять, какъ мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня Шведы перешли рѣку и чаю завтра конечно пойдутъ къ Батурину или куды глубже; и того ради опасно, дабы не помѣшали вамъ въ вывозѣ артиллеріи; буде же не успѣете вывезти, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздавъ, вывезть. PS. Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для новаго гетмана; зѣло нужно, такожъ канцелярію возми съ собою всю ихъ“³⁾. Менишковъ разсудилъ, что зѣло лучше сечь Батурицъ.

Взятіе и истребленіе Батурина было страннымъ ударомъ для Мазепы; люди, доказавшіе на дѣлѣ свою вѣрность къ нему, побиты или въ рукахъ царскихъ; въ тѣхъ же рукахъ богатая казна гетманская, большой хлѣбный магазинъ сожженъ⁴⁾; но всего вреднѣе впечатлѣніе, которое произведетъ взятіе Батурина на Малороссіянъ: почти въ виду необходимыхъ Шведовъ царскія войска взяли и уничтожили столицу гетманскую; такое дѣло слабости и силы слержить всѣхъ! „Злыя и несчастныя наши початки!“ говорилъ Мазепа: „знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалъ христіанскаго кровопролитія, но постановилъ-было у себя въ намѣреніи, пришедъ въ Батурицъ съ королемъ Шведскимъ, писать до царскаго величества благодарственный за протекцію его жалъ, и въ немъ выписать всѣ наши обиды прежнія и теперешнія, правъ и вольностей отъятіе, крайнее разореніе, предуготованную всему народу нагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободно подъ царскаго величества руку для Православнаго восточнаго единовѣрія приклонились, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ, и за протекцію благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе христіанское простирати, но подъ протекцію короля Шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать. Это освобожденіе я надѣялся не войною, но покоемъ чрезъ трактаты получить; хотѣлъ короля Шведскаго всякими способами преклонить къ миру съ царемъ, а теперь, въ нынѣшнемъ нашемъ несчастномъ состояніи, всѣ дѣла иначе пойдутъ, и Украина, Батуриномъ устранившая, бояться будетъ за одно съ нами стоять“⁵⁾.

Украина дѣйствительно не хотѣла быть заодно съ Мазепою. Шведы 4 ноября перешли Десну, а Петръ спокойно отправился въ тотъ же день въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, и 7 ноября

²⁾ Письма Петра В. къ Менишкову въ Москв. архивѣ Мп. Ип. Д.

⁴⁾ Гисторія Свейской войны.

⁵⁾ Письмо Орлика къ Стефану Лворскому.

¹⁾ Письма Менишкова въ Государств. архивѣ.

²⁾ Письма Менишкова въ Государств. архивѣ.

писалъ съ своимъ: „Объявляемъ вамъ, что послѣ переметчика вора Мазепы вчерашняго дня уищили здѣшній народъ елекцію новаго гетмана, гдѣ всѣ, какъ одними устами, выбрали Скоропадскаго, полковника Стародубскаго; и тако проклятый Мазепа, кромѣ себѣ, худа никому не принесъ, ибо народоу п имени его слышать не хотять, и симъ изряднымъ дѣломъ вамъ поздравляю“¹⁾. Приѣхалъ въ Глуховъ митрополитъ Кіевскій съ двумя другими архіереями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, и торжественно предали Мазепу проклятію. „Того ждѣня и персону онаго измѣнника Мазепы вынесли, и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ багтомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ взялъ п, прицѣпя за веревку, ташилъ по улицѣ и по площади даже до висѣльцы, и потомъ повѣсилъ“²⁾. На другой день казнили Чечела п другихъ приверженцевъ Мазепы, взятыхъ въ Батуринѣ.

12 ноября проклятіе Мазепѣ было провозглашено въ Москвѣ. Въ Успенскій соборъ съѣхались архіереи, бояре, приѣхалъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и протодіаконъ на амвонѣ началъ читать письмо отъ великаго государя къ царевичу, что бывшій гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, ему, великому государю, измѣнилъ и отѣхалъ къ Шведскому королю. Потомъ отслужили молебень о побѣдѣ надъ неприятелемъ, и митрополитъ Стефанъ Яворскій сталъ читать къ народу поученіе про измѣнника Мазепу: сначала вспомянулъ Мазепины къ великому государю радѣтельныя службы и къ людямъ добродѣтели, а потомъ объявилъ измѣну и отѣздъ къ Шведскому королю. Окончивши поученіе, Стефанъ обратился къ другимъ архіереямъ и сказалъ: „Мы собраны во имя Господа Іисуса Христа и намъ дано отъ самого Бога вязать и рѣшати; аще кого свяжемъ на земли, связанъ будетъ и на небесѣ“, и возгласилъ трижды: „Измѣнникъ Мазепа за крестопреступленіе п за измѣну великому государю буди анаѳема!“ Прочіе архіереи прочли трижды: „Буди проклятъ“. Затѣмъ пѣвчіе на клиросѣхъ прочли многолѣтне великому государю и новозбранному гетману Ивану Скоропадскому.

Въ то же время въ Малороссіи читали по всѣмъ церквамъ п прибывали къ церковнымъ дверямъ объявленіе малороссійскихъ архіереевъ: „Благочестивѣйшему монарѣ нашему бывшій гетманъ Іоанъ Мазепа измѣнилъ и присталъ къ еретическому королю Шведскому, малороссійскій отчизни отчуждился, хотя оную подъ иго работы людской поддати и храмы Божія на проклятію обратити унью. Сего ради Духу Св. и намъ малороссійскимъ архіереямъ тако позволившимъ, чуждъ стался Церкви Святыя Православнокаолическія, и общенія православныхъ, и всѣ его единомысленники съ нимъ самоизволивѣ отъ его царскаго пресвѣтлаго

величества до противныя части шведскія удѣлвишиися, отъ матери нашея Церкви Св. Восточныя суть отвержени и прокляты. Къ сему же и съ позосталыхъ домовъ ихъ, аще кто-либо соизволяя измѣнитъ той и предайся до ихъ части будетъ, таковой всякъ не токмо отъ Церкви Св. Восточныя, отъ общенія Таинъ Св., но и отъ пребыванія православныхъ извержется и весьма чуждъ будетъ, — архіерейско повелѣваемъ“³⁾.

Изъ Глухова царь послалъ грамоту и къ Запорожцамъ. Приглашая ихъ быть послушными новозбранному гетману Скоропадскому, Петръ писалъ: „Уповаемъ мы на вашу къ намъ, великому государю, вѣрность, что вы за отчизну свою и за Православную вѣру и за насъ стоять и богоотступнаго измѣнника Мазепы прелестей слушать не будете; а за вѣрность вашу къ намъ милость наша монаршеская къ вамъ умножится, и послано будетъ къ вамъ нашего жалованія на каждый курень по 1,500 злотыхъ украинскихъ на каждый годъ, сверхъ прежняго годоваго вамъ жалованья, и прислать бы вамъ къ намъ въ военный походъ немедленно посланцевъ своихъ, съ которыми то жалованье къ вамъ тотчасъ прислано будетъ, и наша милость къ вамъ за ваши вѣрныя службы никогда отъемлема не будетъ; ибо когда прошлыя зимы ваши посланные челобитчики о нашемъ жалованьи были удержаны на Москвѣ, такожь когда и прежь сего нашъ, великаго государя, гнѣвъ на васъ являлся, и то все учинилось по письмамъ и ложнымъ доношеніямъ измѣнника Мазепы, который къ намъ писывалъ на васъ по часту, будто вы къ намъ невѣрность свою являете, хотя васъ тѣми своими живыми клеветы привесть въ нашу немилость: но нынѣ мы, видя, что онъ, воръ и измѣнникъ Мазепа, то чинилъ по измѣнничью своему умыслу напрасно, милость свою за вѣрныя и постоянныя ваши службы приумножать, и васъ въ оной милости содержать будемъ непремѣнно, потому нынѣшній новозбранный гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій о вѣрной вашей къ намъ службѣ доносилъ“.

Карлъ разсылалъ манифесты по Малороссіи, возбуждая ея жителей къ сверженію тяжкаго ига московскаго; Петръ отвѣчалъ своими манифестами, гдѣ говорилось: какъ Шведскій король плѣненныхъ въ Польшѣ Малороссіянъ велѣлъ побить палками до смерти; какъ приказалъ перебить въ нѣсколькихъ деревняхъ безоружныхъ жителей съ женами и дѣтьми; какъ Шведы ставятъ лошадей въ церквахъ Православныхъ; хотя король и объявляетъ Малороссіянъ, чтобъ они спокойно жили въ домахъ, продолжая обыкновенныя занятія, но это все лесть: усиль онъ ихъ ограбить, поработитъ Лещинскому и Мазепѣ; церкви обратитъ въ кирки люторскія и униатскія, какъ то онъ дѣлалъ въ Польшѣ и Литвѣ, Силезіи и Саксоніи; въ Силезіи больше 70 римскихъ костеловъ превратилъ насильно въ лютеранскіе.

¹⁾ Голякова — Дѣянія XI, стр. 442.

²⁾ Гисторія Свейской войны.

³⁾ Москов. архивъ Мш. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года.

Король разглашаетъ, что царь уменьшилъ прежнія права и вольности малороссійскія; но это клевета: „Можемъ непостыдно реши, что ни который народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалитися не можетъ, какъ по нашей, царскаго величества милости, малороссійскій, ибо ни единого пенеза въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краю съ нихъ брать мы не повелѣваемъ. А что король упоминаетъ о старыхъ вольностяхъ и привилегіяхъ, то старики помнятъ, какія были права при польскомъ владычествѣ: король исполнить свое обѣщаніе, т. е. возвратить старину, отдавъ опять Малороссію Полякамъ. Король пишетъ, будто по царскому указу у Малороссійца дома и житики сожжены и разорены; но войскамъ великороссійскимъ подъ смертною казнію запрещено дѣлать разоренія и обиды Малороссійцамъ, что уже и исполнено на нѣкоторыхъ преступникахъ при Цочепѣ, и если что пожжено вслѣдствіе военнаго распоряженія, то за это будетъ полное вознагражденіе“.—Взаключеніе своего манифеста царь приглашалъ Малороссійскій народъ дѣлать врагу всевозможныя препятствія, оставлять его безъ жилищъ и хлѣба и промышлять надъ нимъ всякими средствами; если кто приведетъ плѣннаго генерала непріятельскаго, то получить въ награду 2,000 рублей, за полковника 1,000, за офицера — по расчету противъ чина, а за рядовыхъ по пяти рублей, за убитаго непріятеля по 3 рубля.

Новый гетманъ Скоропадскій издалъ свой универсалъ, гдѣ объявлялъ, что „не тылко жадной (никакой) вражды отъ народа великороссійскаго противю насъ недѣется, але (но) всякую приязнь, яко отъ единоубѣрныхъ узнаеся. Чегожь мы, Православные христіане, отъ него (Карла XII), яко отъ иновѣрнаго и отъ иноязычнаго, зъ которымъ а не народъ нашъ, а не границы наши и малая близкости и сподности не мають, ожидать себѣ можемъ? и любю бы оны и хотивъ боронити насъ, яка оборона намъ не есть потребна, лечь якъ то можетъ изъ-за Балтицкаго моря, и въ такой далнои отдалгости жвучи, тое чинити, и церквей нашихъ, которыхъ оны противникомъ, обороною быти?“

Мазепа долженъ былъ указать Карлу, что особенная сила, притягивающая Малороссію къ Великой Россіи, заключается въ единовѣрціи, и потому придумали въ королевскомъ манифестѣ объявить, что Петръ давно уже ведетъ переговоры съ напою, какъ бы искоренить въ своемъ государствѣ Греческую вѣру и ввести Римскую; что іезуитамъ уже дано позволеніе заводить школы и костелы; что царь непременно перемѣнитъ вѣру, какъ скоро, освободится отъ войны. Карлъ въ своихъ манифестахъ почелъ за нужное вооружиться противъ Петра также и за нововведенія, и за то, что людей низкаго происхожденія возвысилъ надъ благородными¹⁾. Но манифесты Шведскаго короля и

универсалы проклятаго гетмана не произвели никакого дѣйствія на Малороссійца; крестьяне прятали свое имѣніе и хлѣбъ въ лѣсахъ, захватывали, гдѣ только можно было, Шведовъ, отгоняли у нихъ лошадей. Петръ писалъ Апраксину: „Малороссійскій народъ такъ твердо, съ помощію Божьей, стоитъ, какъ болше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности, и письма королевскія приносятъ“²⁾. Такимъ образомъ, переходъ стараго гетмана на шведскую сторону не принесъ Карлу никакой выгоды; а тутъ еще къ концу 1708 года явился новый страшный врагъ,—сильные морозы, свирѣпствовавшіе въ то время по всей Европѣ. 16 ноября Петръ выступилъ изъ Глухова прямо на югъ къ Путнivio, откуда направился немного къ юго-востоку, въ Лебединъ; Карлъ двигался рядомъ на Ромны, гдѣ и остановился. Гадячъ былъ занятъ шведскимъ отрядомъ, Веприкъ—русскимъ. Въ началѣ декабря царь держалъ въ Лебединѣ военный совѣтъ, на которомъ положено: большей части войска идти добывать Гадячъ, а генералу Алларгу—къ Ромнамъ съ тѣмъ, что если Шведскій король пойдетъ на помощь къ Гадячу, то главной арміи отступить отъ этого города, Алларгу же захватить Ромны. Планъ удался. Карлъ вышелъ изъ Ромень къ Гадячу въ надеждѣ поразить главную русскую армію; но та, узнавъ о движеніи короля, немедленно отступила къ Лебедину, а между тѣмъ Аллартъ занялъ Ромны. Эта передвижка армій происходила во время такихъ жестокихъ морозовъ, что птицы на воздухѣ мерзли, и хотя Русскіе большую часть дороги или возлѣ лѣсу и ночевали около деревьевъ, однако человекъ съ полтора ста ознобили себѣ руки и ноги, и нѣсколько десятковъ померло; Шведы же пострадали гораздо больше, потому что Карлъ продержалъ ихъ двое сутокъ на степи, все дожидаясь, что Русскіе подойдутъ къ Гадячу, стануть его штурмовать, и тутъ-то оны задасть имъ вторую Нарву³⁾.

Гадячъ не сдѣлался второю Нарвою; но Петръ писалъ къ Апраксину: „Не чаю, чтобъ безъ генеральной баталіи сія зима прошла, а сія игра въ Вожинхъ рукахъ, и кто вѣдаетъ, кому счастье будетъ“⁴⁾.

И сосѣди Россіи такъ же дожидались, кому счастье будетъ въ борьбѣ, рѣшавшей судьбы Восточной Европы.

Въ продолженіи 1708 года изъ Польши Украинцевъ доносилъ, что тамошніе предводители попрежнему требуютъ немедленной присылки денегъ, считая, что вмѣсто 333 тысячъ, слѣдовавшихъ на коронное войско по договору 1705 года, получено только 62,600 рублей: „Стали они всѣ веселы и ко мнѣ не очень пріятливы; вся шляхта и войско также къ намъ не ласковы; говорятъ, будто въ насмѣшку, что ести случится у нихъ съ нами война,

¹⁾ Москон. архивъ Мин. Ин. Д., Малороссійскія дѣла 1708 года

²⁾ Голицына—Дѣянія III, стр. 52.

³⁾ Гисторія Свейской войны.

⁴⁾ Голицына—Дѣянія XI, стр. 459.

то не только служилые, но и жены, и дѣти ихъ пойдутъ на насъ. Вискупъ выпросилъ у меня тысячу рублей съ великою докукою. На гетмана Снявскаго надѣяться нельзя: онъ держится нашей стороны до-поры-до-времени, самъ онъ намъ сказалъ явно, что обманомъ не отпуститъ и шельмой не будетъ; но если придутъ такія обстоятельства, что при сторонѣ царской держаться будетъ ему нельзя, тогда онъ намъ объ этомъ прямо объявитъ“¹⁾).

Старикъ Украинцевъ не могъ оставаться въ Польшѣ,—понадобился дѣльный человекъ для посланки въ Венгрію къ Рагоци, и Петръ писалъ къ Головкину: „Къ Рагоци кого послать? а напримѣръ Украинцева, ежели лучше того нѣтъ. Но Дашковъ, аки глухой, къ сему не годится“²⁾. Украинцевъ отправился въ Венгрію; а Дашковъ остался въ Польшѣ резидентомъ, и въ концѣ марта 1709 года писалъ Головкину изъ Сатапова: „Гетманъ Снявскій не имѣетъ силы у Станислава Лещинскаго, но жена его черезъ другихъ ищетъ милости у Станислава про запасъ, если бы не вышелъ король Августъ и царскія дѣла пошли дурно. Очень будетъ хорошо, если придетъ сюда фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольдъ съ нашими войсками; а если не придетъ, то боюсь, чтобъ Поляки не пришли въ отчаяніе, потому что непріятель разоряетъ всѣ ихъ извѣнія; притомъ явились два Волоха: Савва, который, взявъ Могилевъ на Днѣстрѣ, разоряетъ и мучитъ шляхту пестернино, разлазная, что дѣйствуетъ по указу царскаго величества; другой—Иваненко—захватилъ Брацлавъ и такъ жемучитъ и разоряетъ шляхту. Многіе здѣсь войсковые люди приходили съ великими волями къ гетману, зачѣмъ позволяеть въ очахъ ихъ мучить ихъ братьевъ шляхту, и гетманъ сильно опасается, чтобъ не было возмущенія въ войскѣ“³⁾. Царь прислалъ Снявскаго 10,000, рублей, которые тотъ роздалъ регементамъ, по 500 рублей, потому что Станиславъ присылалъ ихъ перекупать, но они не согласились. Снявскій просилъ Дашкова, чтобъ царь прислалъ какой-нибудь подарокъ женѣ его. Объ этой госпожѣ, владѣвшей мужемъ, еще Украинцевъ доносилъ: „Здѣсь ея почти никто не любитъ, и рады были бы, если бы умерла и больше гетманомъ и другими не мучила“. Гольдъ не приходилъ на соединеніе съ короннымъ войскомъ, и 21 апрѣля Дашковъ далъ знать изъ Чернаго Острова, что царскія дѣла находятся въ очень дурномъ положеніи влѣдствіе медленности Гольца: гетманъ Снявскій объявилъ ему, что если Гольдъ не придетъ еще недѣлю, то все войско перейдетъ къ непріятелю; они уже два раза бунтовали, не получая жалованья и страшно пуждаются въ краю совершенно пустою. Наконецъ 29 апрѣля пришла вѣсть, что Гольдъ за нѣсколько миль отъ

Чернаго Острова, и коронное войско пришло въ восторгъ. Соединенныя войска двинулись къ Львову; но тутъ новая бѣда: Гольдъ, какъ всѣ Нѣмцы, не считалъ нужнымъ скрывать своего нерасположенія и неуваженія къ Полякамъ, такъ что Дашковъ долженъ былъ писать Головкину: „Фельдмаршалъ зараженъ никогда не посылаетъ для провіантовъ, и когда куда придетъ, то хочеть въ одинъ часъ взять все; но такъ дѣлать нельзя. Надобно непременно напомнить фельдмаршалу, чтобъ обходился съ здѣшними ласково; ласково здѣсь можно больше сдѣлать; также и съ гетманами обходится зѣло несклонно“⁴⁾. Сюда присоединилась ссора между короннымъ гетманомъ и предводителемъ литовскаго войска, старостою Жмудскимъ: Литовцы грабили и били шляхту, выбрали провіантъ. Дашковъ насилу успѣвалъ въ томъ, чтобы дѣло не дошло до явнаго разрыва. Король Августъ только манилъ обѣщаніями, что скоро вступитъ въ Польшу съ войскомъ, но остерегался входить въ какія-либо обязательства. Петръ понималъ въ чемъ дѣло, и писалъ Головкину: „О выходѣ Августовъ я не безъ сумнѣнія; понеже всѣ глухо обнадеживаютъ, а въ чемъ сила, то есть заключеніе договоровъ, того но се время не совершенно, и конечно чаю, смотритъ на наше дѣло чтб съ Шведомъ учинимъ—для того медлитъ и въ совершеніи трактатовъ“⁵⁾.

Западная Европа, занятая своими дѣлами, была рада, что безпокойный Шведскій король ушелъ наконецъ въ пустыни сѣверо-востока, и оставалась безучастною, хотя и внимательною зрительницею борьбы между Карломъ и Петромъ. Матвѣевъ понапрасну жилъ въ Лондонѣ, добиваясь принятія Россіи въ великій союзъ. Въ февралѣ 1708 года Марльборо „мужъ неописанныхъ хитростей и политики неполненный“, прямо сказалъ Матвѣеву, что не только королева Англійская, но и Цесарь и Голландія рады союзу съ Россіею, но не могутъ вступить въ него немедленно, потому что больше всего боятся союза Шведскаго короля съ Франціею и Венгерцами. „Слышу“, писалъ Матвѣевъ Головкину, „что курфюрстъ Ганноверскій у герцога Марльборо и у великаго казначея Годольфина всячески промышляетъ наше дѣло уничтожить; Марльборо и Годольфинъ говорятъ: можно ли изъ-за одиѣхъ торговыхъ выгодъ съ Москвою раздражать Шведскаго короля при нынѣшней его слабѣ и во время войны у насъ съ Франціею“? На официальные запросы Матвѣева былъ прежній отвѣтъ, что дѣло стало не за королевою, а за союзниками, Цесаремъ и Голландіею, которые не даютъ отвѣта на предложеніе королевы о русскомъ союзѣ. Тайнымъ образомъ Матвѣевъ провѣдалъ о внушеніяхъ Прусскаго и Ганноверскаго Дворовъ, что всѣмъ государямъ Европы надобно опасаться усиленія державы Московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навывкинетъ воинскому искусству и сотретъ

¹⁾ Московскій архивъ Мш. Ин. Дѣлъ, Польскія дѣла 1708 года.

²⁾ Москов. архивъ Мш. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

³⁾ Москов. архивъ Мш. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

Шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помятать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать паря вѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціею и Москвою помогать первой. Англія, Цесарь и Голландія подчинились этому внушенію и опредѣлили не принимать царя въ союзъ, а провоздѣить его учтивыми словами. Въ іюнѣ Матвѣевъ писалъ, что отъ лстыиваго англійскаго министерства никакой склонности къ царскому величеству нѣтъ и сердечная любовь къ Шведу со дня на день увеличивается, хотя бы королева и мужъ ея, принцъ Датскій, и усердно желали всякаго добра царскому величеству; но они „отъ своихъ сильныхъ вельможъ какъ бы позорища видимыя или болыне за мертвыхъ вмѣняются“, потому что министры обращаются къ наслѣднику, курфюрсту Ганноверскому, и дѣлають все ему угодное. Матвѣевъ предлагалъ, что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивымъ образомъ дѣло и отозвать его изъ Англіи; ждаль нечего: здѣсь думаютъ, что неудовольствіе со стороны царя не грозитъ никакой опасности; пусть, разсердившись на союзниковъ, онъ обратится къ Франціи; та, связанная тѣсною дружбою съ Швеціею, не станетъ дѣйствовать въ московскихъ интересахъ.

Согласно этому взгляду, что можно не обращать вниманія на русскія требованія, Англія признала Лещинскаго королемъ Польскимъ. Матвѣевъ послѣ этого пересталъ ѣздить ко Двору. Петръ еще въ апрѣлѣ 1708 года писалъ Головкину: „О Андреѣ Матвѣевѣ, какъ уже давно говорено, что ему время отъѣхать, ибо все расказы и стыдъ“¹⁾. Матвѣевъ получилъ указъ объ отозваніи, совсѣмъ собрался уже выѣхать изъ Лондона, и 23 іюля назначилъ срокомъ расплаты со всѣми своими кредиторами. 21 іюля вечеромъ поѣхалъ онъ въ Сомерсетъ-гоузъ, гдѣ обыкновенно собиравлись иностранные министры для узнанія другъ отъ друга новостей. Но дорогою вдругъ подбѣгаютъ къ его каретѣ три человѣка, остановили лошадей, двое вломилась въ карету, третій сталъ на козлы и велѣлъ кучеру мчать какъ можно скорѣе — неизвѣстно куда. Вломившіеся въ карету начали бить Матвѣева, отняли шпату, трость, шляпу. Когда онъ сталъ громко кричать, то они снова избили его и изодрали платье, держа за воротъ. На крики Матвѣева однако сбѣжались люди, остановили лошадей и ввели было избитаго Матвѣева въ ближайшую таверну, но должны были отъ него отступить, потому что задержавшіе его объявили, что дмѣютъ предписаніе купеческаго шерифа арестовать его за долгъ въ 50 фунтовъ двоимъ купцалъ, угольнику и кружевнику. Матвѣева въ извозничьей каретѣ привезли въ долговую тюрьму; но еще изъ таверны онъ

успѣлъ дать знать въ Сомерсетъ-гоузъ иностраннымъ министрамъ о страшномъ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ имъ въ его лицѣ. Флорентійскій посланникъ, кавалеръ Жиральди, особенно дружный съ Матвѣевымъ, и лордъ Лиффордъ тотчасъ пріѣхали къ нему въ тюрьму, а португальскій посланникъ поскакалъ въ ту же минуту къ статсъ-секретарю. Секретарь послѣдняго, Вальполь, пріѣхалъ въ тюрьму, описалъ все дѣло и обѣщаль Матвѣеву, что завтра явится къ нему самъ статсъ-секретарь и дѣло разыщется; ходили слухи, что все это сдѣлано по наущенію шведскаго министра. Матвѣевъ не сталъ дожидаться завтрашняго дня и тотчасъ же послалъ къ Стелъсу, чтобъ тотъ своею порукою вывелъ изъ него изъ тюрьмы, что и было немедленно исполнено. На другой день пріѣхали къ Матвѣеву всѣ иностранные министры, всѣ съ ужасомъ отзывались о неслыханномъ нарушеніи народнаго права; пріѣхаль и статсъ-секретарь съ обѣщаніемъ, что въ тотъ же день поѣдетъ въ Виндзоръ и донесетъ королевѣ о случившемся; что немедленно будетъ созванъ великій совѣтъ, и онъ, статсъ-секретарь, надѣется, что королева дастъ послу такое удовлетвореніе, какаго никому изъ чужестранныхъ пословъ не бывало²⁾.

Понятно, съ какииъ чувствомъ выхаль Матвѣевъ изъ Англіи, отъ этого „христоненавистнаго народа и канальскаго злочестія исполненнаго“. Онъ возвратился на прежній свой постъ въ Гагу, откуда писалъ Головкину: „Отъ Двора Англійскаго не обѣщаю никакой царскому величеству пріязни, видя неизмѣримыя лукавства герцога Марльборо и склонность его къ Шведскому и Ганноверскому Дворамъ“³⁾.

Въ Даніи тѣ же выжиданія, чѣмъ кончится походъ Карла въ Малороссію. Къ Копенгагенскому Двору былъ отправленъ князь Василій Дукъчъ Долгорукій. Датскіе министры, подъ разными предлогами, долго не хотѣли вступить съ нимъ въ конференцію; „По видимому“, писалъ Долгорукій, „небезъ труда склонить здѣшній Дворъ къ желанному царскимъ величествомъ дѣлу; — первая причина та, что король челоуѣкъ не военный и настращенный войною; другая причина, — что половина тайныхъ совѣтниковъ противъ войны, потому что деревни ихъ находятся въ Голштиніи, и если война начнется, то они первые будутъ разорены; главная же причина — неизмѣнне денегъ“. Когда наконецъ Долгорукій добился конференціи, то на его предложеніе начать войну противъ Шведовъ, всѣ министры единогласно отвѣчали: „Три причины не позволяютъ намъ вступить въ эту войну: 1) боимся Англичанъ и Голландцевъ; если мы завоеуемъ что-нибудь у Шведовъ, то Англичане и Голландцы отнимутъ это у насъ и отдадутъ опять Шведамъ да еще съ нашими убытками. 2) У насъ нѣтъ денегъ. 3) Боимся, что король Шведскій, оставя войну въ Польшѣ, обра-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.

²⁾ Московскій архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Англійскіи 1708 года.

³⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Голландскія.

тится на насъ, и царское величество въ то время насъ покинетъ“. Но понятно, что въ Дании желали успѣха царю и радовались, слыша о затруднительномъ положеніи Карла XII. Въ сентябрѣ 1708 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Пріѣхалъ сюда изъ Дании тайный совѣтникъ королевскій, баронъ Дейлеръ, былъ у меня и имѣлъ пространный разговоръ; говорилъ, что царскому величеству необходимо не упускать никакого полезнаго и способнаго случая къ нанесенію вреда неприятелю, который находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что изъяснить нельзя. Неудобно вступать съ нимъ въ генеральный бой, но особыми партіями утѣшать и тѣмъ въ конечную рѣшнцу привесть, что сдѣлать легко съ такими многочисленными и свѣжими войсками, какія у его царскаго величества. При крайней скудости Шведъ лошадьми весьма опалъ; изъ войска его побѣгъ ратнымъ людямъ безпрестанный, и никакимъ образомъ онъ, въ краяхъ тѣхъ пустыхъ и безлюдныхъ, ни людей къ себѣ собрать не можетъ, ни денегъ, чѣмъ ихъ содержать, тамъ не найдеть, и этимъ онъ, Шведъ, самъ себя вводитъ въ конечное бѣдство“. Послѣ побѣды подъ Лѣсною начались опять конференціи; Долгорукій предлагалъ, кромѣ вспомогательныхъ войскъ, деньги: 300,000 ефимковъ на первый годъ и 100,000 ежегодно на все время войны. Датскіе министры отвѣчали, что этихъ денегъ мало, снаряженіе флота очень дорого стоитъ. Король былъ за-границею, и это обстоятельство затягивало дѣло. Долгорукій писалъ: „Зѣло бы нужно хотъ малую дачу здѣшнимъ министрамъ прислать; всего ихъ четыре человека, а дать надобно только тронныя, потому что они угovarиваютъ короля къ войнѣ, а четвертый, Ленгтъ, отговариваетъ“¹⁾.

Но до рѣшительнаго оборота военныхъ дѣлъ въ Малороссіи трудно было надѣяться достигнуть чего-нибудь въ Копенгагенѣ, даже и посредствомъ дачъ. Дачи, и не малыя, нужны были на югѣ, въ Константинополь въ страшный 1708 годъ, когда, кромѣ Шведа, быть кипѣлъ на югѣ Россіи. Головкинъ писалъ Толстому, чтобъ трудился и развѣдывалъ о тамошнемъ состояніи и писалъ; болѣе всего смотрѣлъ бы теперь, чтобъ Порты не позволила Татарамъ начать неприятельскія дѣйствія противъ Россіи; также домогался бы, чтобъ Порты послала запрещеніе Юсуфъ-пашѣ Силистрійскому подавать какіе нибудь поводы къ подозрѣнію сторонѣ царскаго величества. — „Юсуфъ-пашѣ“, отвѣчалъ Толстой, „давно и не одинъ указъ посланъ, чтобъ онъ не смѣлъ затѣвать ничего противаго Россіи, а какъ онъ тамъ поступаетъ, того мнѣ знать нельзя“. Въ Россіи хотѣли всякими способами ласкать Порту; искали всюду, и гдѣ ли бы Татаръ и Турокъ, чтобъ возвратитъ ихъ на родину. Толстой не одобрялъ этихъ вредныхъ, по его мнѣнію, пріемовъ съ Турками, которые могли увидать въ подобныхъ занскиваніяхъ признаки

страха. Визирь засадилъ въ тюрьму русскіхъ купцовъ, торговавшихъ конями, и не выпускалъ ихъ по требованію русскаго посла. „Когда визирь отдастъ мнѣ иконниковъ“, писалъ Толстой Головкину, „тогда, и то если нельзя будетъ отдѣлаться иначе, объявлю Портѣ, что царское величество изволяетъ послать въ даръ султану старыхъ полоняниковъ, не по обязанности, но по благоволенію своему, для большей любви“. Для визиря присланъ былъ мѣхъ лисій загривчатый черныи; Толстой и объ этомъ подаркѣ писалъ, что теперь отдавать его непристойно, а надобно помедлить: или визирь станетъ поступать ласковѣе, или злый злѣ погибнетъ, и мѣхъ пригодится на будущее время. „Король Шведскій“, доноситъ Толстой, „всячески промышляетъ, чтобъ какимъ-нибудь образомъ сочинить съ Турками любовь, но до сихъ поръ Турки объ этомъ не радятъ и Татарамъ враждовать съ Россіею не позволяютъ. О бунтовщикѣ, ворѣ Булавинѣ буду здѣсь смотрѣть прилежно, и если оная ребеллія вскорѣ не пресѣчется, боюсь, чтобъ не задалась какая трудность, потому что Турки объ этомъ знаютъ и радуются; впрочемъ явно ничего не предпринимаютъ въ пользу бунтовщиковъ, и отъ воровъ явныхъ присылкоу сюда ибѣтъ“. Въ концѣ 1708 года, Толстой писалъ, что Турки начинаютъ съ нимъ поступать суровѣе; съ другой стороны писалъ, что посоль французскій въ проискахъ своихъ, кажется, какъ будто немного ослабѣлъ: „а впрѣдъ что отъ него явится—Богъ вѣсть; впрочемъ, если и будутъ отъ него проски, то не будетъ имѣть себѣ помощниковъ, потому что кто были у него пріятели изъ ближнихъ султанскихъ людей, такъ всѣхъ я удовольствовалъ, и не будутъ ему помогать“.

Въ началѣ 1709 года, Толстой сообщилъ Головкину утѣшнующую вѣдомость: начавшіеся-было противные замыслы пресѣчены и послѣ конференціи, которую онъ, Толстой, имѣлъ съ великимъ визиремъ, утверждено было сохраненіе мирныхъ договоровъ безъ нарушенія: „Извольте быть безопасны отъ Турокъ и Татаръ на будущую весну; развѣ Татары только какіе-нибудь малые набѣги сдѣлаютъ воровски. Уповаю, что и воръ Мазепа не можетъ здѣсь ничего сдѣлать къ своей пользѣ. Ваше сіятельство мнѣ повелѣваете не жалѣть и превеликихъ издживеній и своей послѣдней кофѣйки, только не допускать Порту къ разрушенію мира; поставляю свидѣтелемъ Всемогущаго, если случится дѣло, требующее издживеній, то—хоть въ одной рубашкѣ останусь—ничего не пожалѣю; но теперь большихъ издживеній давать уже не-для-чего; одинъ подарокъ надобно было дать, и я далъ своихъ 2,000 золотыхъ червонныхъ“. Старыхъ полоняниковъ Толстой счелъ нужнымъ отдать Туркамъ: „Пока этого довольно“, писалъ онъ Головкину, „и черную шубу визирю положу отдавать, она пригодится въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ впередъ, потому что неизвѣстно, что будетъ. Отдача невольниковъ понудила визиря въ лучшую со мною вступитъ любовь, понеже велики ему сіе пріятно“.

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ии. Д., дѣла Датскія.

11 апрѣля Толстой донесъ: „4 числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ казаковъ Запорожскихъ: прислали къ Крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подь свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что имъ малаго о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно, и уповаю на Бога, что Porta къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится“ Въ награду за труды Толстой получилъ персону царскую, діамантами обложенную, и 20 апрѣля донесъ о просякахъ Мазены: пріѣхали Татары изъ Крыма съ объявленіемъ къ Портѣ, что Мазена проситъ хана вступить въ казацкую Землю со всею ордою и помочь казакамъ освободиться изъ-подъ ига московскаго, за что обѣщаетъ хану давать ежегодно изъ казацкой Земли прежнюю дачу, которая шла въ Крымъ изъ Москвы; крѣпость Каменный Затонъ да основанія разорить; король Польскій Станиславъ заплатитъ за всѣ прошлые годы, за которые ничего не присылали въ Крымъ; король Шведскій обѣщаетъ также богатые дары. Писалъ Мазена не отъ одного себя, но отъ всей казацкой Земли, и хотя теперь казаки повидимому находятся въ подданствѣ московскомъ, однако съ нимъ, Мазепою, всѣ единомышленны. И тутъ Толстой писалъ: „Уповаю на Бога, что оный клятвоступникъ, наче же богоотступникъ не можетъ при семь Дворѣ предуспѣть злыми своими возмущеніями“. Мазена писалъ и къ Юсуфъ-пашѣ Сидистрійскому съ просьбою прійти къ нимъ на помощь съ войскомъ; турецкаго пашу побуждалъ онъ не обманяніями, но страшалъ опасностями со стороны Москвы: „Узнаете, что Москва простираетъ свои замыслы не на одинъ Крымъ, но и на царство Оттоманское“. Но Юсуфъ-паша былъ задаренъ съ русской стороны болѣе мѣхомъ въ тысячу рублей, и давалъ знагъ Портѣ, что шведскія дѣла въ дурномъ положеніи, притомъ же у Юсуфа съ Крымскимъ ханомъ была сильная вражда, и потому не могли они дѣйствовать дружно. Крымскій ханъ писалъ, что Запорожскіе казаки просятся въ его протекцію; Юсуфъ-паша доносилъ, что они подались Шведскому королю; Толстой твердилъ, что они находятся въ подданствѣ царскомъ, кромѣ немногихъ прельщенныхъ Мазепою. — Porta не знала, кому и чему вѣрять.

Несмотря на рандоушіе Порты, Крымскій ханъ не переставалъ придумывать средства какъ нибудь столкнуть ее враждебно съ Россією и добыть хотя что-нибудь изъ затруднительнаго положенія царя. Онъ писалъ Портѣ, что Татары не могутъ быть безопасны при существованіи крѣпости Каменнаго Затона, и что теперь самое благоприятное время потребовать отъ Москвы ея разоренія, съ угрозою, что въ случаѣ отказа ханъ присоединится къ Шведомъ со всею ордою. Но и эта попытка не удалась: ханъ получилъ указъ отъ султана не затѣвать ничего, что противно мирнымъ договорамъ съ Москвою. Придуманно было еще средство, которое могло имѣть успѣхъ только въ Турціи. 10 іюля Толстой пи-

салъ: „Приключилъсь удивленія достойная здѣсь вещь,—писали къ Портѣ изъ пограничныхъ мѣстъ паша, что царское величество изволило прійти въ Азовъ будто для начатія войны съ Турками, и вооружилъ въ Азовѣ многіе бастименты съ великимъ поспышеніемъ и многіе воинскіе припасы приготавливаютъ. Вѣдомости эти скоро здѣсь разгласились по всему Константинополю и такъ возмущили здѣшній народъ, что еслибъ подробно все доносить, мало было бы и цѣлой дести бумаги; кратко доношу, что многіе Турки отъ страха начали-было изъ Константинополя бѣжать въ Азію; по улицамъ и рынкамъ кричали, что флотъ морской московскій пришель уже во Фракійское гирло, и едва не вспыхнулъ бунтъ противъ султана и визиря, также противъ меня, потому что многіе Турки изъ поморскихъ мѣстъ съ Чернаго моря пріѣзжали въ Константинополь съ женами и дѣтьми, покинувъ дома. Такъ какъ ихъ флота морская вся на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ, то съ необыкновенною скоростію начали вооружать торговые бастименты и малые галіоты, и послали на Бѣлое море за Капитанъ-пашою, чтобъ немедленно возвратился съ флотомъ въ Константинополь. Потомъ мало-по-малу все усмирилось, и я, повидавшись съ визиремъ, увѣрилъ его, что всѣ эти вѣдомости ложныя“ ¹⁾.

Въ Константинополѣ боялись, что Петръ пріѣхалъ въ Азовъ для начатія войны съ Турками; а Петръ спѣшилъ въ Воронежъ и Азовъ изъ опасенія, что Турки воспользуются впадніемъ Карла въ Малороссію и объявятъ войну. Еще изъ Глухова царь писалъ адмиралу Апраксину, чтобъ ѣхалъ поскорѣе въ Воронежъ, „понеже тамъ не малая нужда есть, а именно: въ отправленіи въ Азовъ провіанту, денегъ и прочее; а мы также скоро пойдемъ на время на Воронежъ“ ²⁾. Послѣ описаннаго движенія арміи къ Гадячу и занятія Роменъ Петръ отправился изъ Лебедина въ Сумы, гдѣ и встрѣтилъ новый 1709 годъ. Этотъ годъ, который долженъ былъ озарить его такою славою, начался несчастливо. Карлъ хотѣлъ отомстить за прогулку подъ Гадячъ, во время которой погибло столько солдатъ отъ мороза, за потерю Роменъ, и двинулся къ Вееріку, гдѣ было 1,500 человекъ русскаго гарнизона; крѣпость была слишкомъ обширна для такого гарнизона, валъ безъ бастионовъ, ровъ мелкій, занесенный снѣгомъ; несмотря на то, Русскіе отбили три приступа и сдались (6 января), когда уже не стало пороха; Шведы потеряли подъ городомъ 46 офицеровъ и болѣе 1,000 рядовыхъ ³⁾. 22 января царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову въ Лебединъ: „Зѣло нужно чрезъ добрыхъ шинговъ (къ чему лучше имѣть поцовъ) провѣдать, намѣряютъ ли непріятели маршировать“ ⁴⁾. Шпиги (шпіоны) донесли, что непріятели маршируютъ къ югу по до-

¹⁾ Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія.

²⁾ Голицына—Дѣлія XI, стр. 454.

³⁾ Гисторія Шведской войны.

⁴⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивъ Мин. Ин. Д.

рогѣ къ Красному Куту. По этой вѣсти Меншиковъ немедленно выступилъ съ драгунскими полками изъ Лебедина въ Ахтырку. Царь писалъ къ нему 30 января: „Я бы вчерась въ Ахтырку поѣхалъ, но остался для болѣзни сына моего, которому сегодня есть мало лучше“¹⁾. Черезъ нѣсколько дней Петръ былъ уже въ Ахтыркѣ. Нападеніе Карла на генерала Ренне было отражено съ урономъ для Шведовъ; Карлъ остановился въ Опоши; скотъ и провіантъ, который Шведы набрали по дорогѣ, былъ отбитъ Русскими. О дальнѣйшихъ движеніяхъ Карла приходили вѣсти, что идетъ къ Днѣпру; но были также слухи, что пойдетъ къ Воронежу. Петръ, оставя Меншикова въ Ахтыркѣ, выѣхалъ въ Вѣлгородъ, откуда писалъ адмиралу Апраксину: „Я предъ симъ уже писалъ о непріятельскомъ намѣреніи къ Воронежу; хотя и теперь то немовѣрно, но пакъ отъ взятыхъ (плѣнныхъ) подтверждается;— для того изволь о спускѣ кораблей тщаніе приложить, а наипаче чтобъ хлѣбъ, хотя не скоро, только-бъ перевезенъ былъ. Пакъ возвѣщаю, что хотя чаю, что сіе обманъ есть, однакожъ, что опаснѣе (осторожнѣе), то лучше. Хотя я чаю скоро къ вамъ быть, однакожъ дабы ни минуты дѣла остановки не имѣли“²⁾. Изъ Вѣлгорода Петръ уѣхалъ въ Воронежъ, откуда писалъ Меншикову 17 февраля: „Слава Богу, все здѣсь добро поводится и зѣло нуженъ мой пріѣздъ былъ сюда, ибо кумпанскіе корабли, которые уже трижды передѣлывали безъ меня, оныя ни десятой доли того не стоятъ. А нынѣ положили ихъ разбить, а надобные, слава Богу, въ добромъ порядкѣ обрѣтаются“³⁾.

Между тѣмъ Шереметевъ отправилъ генерала Бема на мѣстечко Рашевку (между Гадячемъ и Глинскимъ), занятое Шведами; мѣстечко было взято, шведскій отрядъ истребленъ, начальникъ его взятъ въ плѣнъ, взято также 2,000 лошадей; но этотъ успѣхъ дорого стоилъ Русскимъ, которые, между прочимъ, потеряли майора гвардіи Бартевева. Послѣ этого Шереметевъ доносилъ царю 20 февраля: „Какъ я перебрался рѣку Сулу въ 17 числѣ отъ Лохвицъ въ двухъ миляхъ съ немалою трудностію, также рѣки отъ теплоты зѣло стали слабы,—тогда шведскій генералъ-майоръ Крейцъ, увѣдомився о нашемъ войскѣ, изъ Лохвицъ въ полночь противъ 18 числа выступивъ, перебрался за Сулу. И нынѣ съ своимъ detachmentомъ остановился въ Лохвицѣ для успокоенія нѣкотораго времени людямъ и лошадажь, а хотябъ и шелъ, ничего непріятелю не учинилъ, токмобъ людей и лошадей привелъ въ худое состояніе, того ради, что непріятелю нынѣшнее время разлитіе водъ и дефиленъ къ дефенсѣи служить“⁴⁾. Петръ былъ очень недо-

воленъ и писалъ Меншикову: „Чтожъ о Лохвицкомъ дѣлѣ, и то кромѣ печали мнѣ не принесло, какъ для смерти господина Бартевева, такъ отъ бездѣльныхъ, наипаче торопкихъ поступокъ фельдмаршала“⁵⁾. Не дѣлая никакихъ выговоровъ фельдмаршалу, Петръ взялъ у него изъ-подъ команды Преображенскій полкъ отдалъ Меншикову. Шереметевъ, по этому поводу, писалъ царю: „Мимо меня указъ вашъ къ майору Глѣбову повелѣваетъ, чтобъ съ полкомъ Преображенскимъ лейбъ-гвардіи идти отсюда къ г. генералу князю Меншикову подъ команду, изъ чего признаваю вашъ царскаго величества гнѣвъ, токмо за какое мое преступленіе предъ вашимъ величествомъ—не свѣдомъ. И служу вашему величеству истиннымъ чистымъ намѣреніемъ, и сколько моей силы и знанія есть и какъ мнѣ явиться предъ лицомъ Божиимъ. А Преображенскіе два баталіона посланы на (Рашевку) для того, чтобъ скорѣе могли къ тому мѣсту, Рашевкѣ, прибыть, и изъ того-бъ мѣста непріятель не ушелъ, которое дѣло, при помощи Божіей, счастливо получено, а кавалерією одною такого поиска учинить было невозможно, понеже вашему величеству извѣстно, коликое число въ тѣхъ десяти полкахъ добрыхъ и художонныхъ съ рекруты обрѣтается. И ежели-бъ послать нѣхоту, тогда-бъ за такимъ неспособнымъ путемъ и за нескорымъ прибытіемъ надъ непріятелемъ въ Рашевкѣ поиску не могли учинить. И исполнялъ я вашу волю съ чистымъ намѣреніемъ и охотно, и прошу вашего царскаго величества, моего премилостивѣйшаго государя, всенпжайше, дабы мнѣ въ старости своей съ печали безвременно не умереть, и мнѣ объявить, какое мое предъ вашимъ величествомъ преступленіе? или повели къ себѣ быть. А что майоръ Бартевевъ умеръ, въ томъ воля Божія: рана была легкая“.

Петръ былъ недоволенъ дѣйствіями Шереметева; но очень доволенъ былъ онъ окончаніемъ дѣла съ Запорожцами. Мы видѣли, какъ Мазепа былъ опечаленъ взятіемъ Батурина, какія дурныя послѣдствія предвидѣлъ для своего дѣла отъ этого удара. Опасенія его день ото дня все болѣе и болѣе оправдывались; Малороссія не поднималась противъ царя; Турція также не трогалась, и положеніе Карла становилось все затруднительнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, еще въ концѣ 1708 года Мазепа рѣшился войти въ сношенія съ царемъ. Къ русскимъ войскамъ явился одинъ изъ главныхъ недоброжелателей царскихъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепою къ Шведамъ, Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ; представленный царю, онъ объявилъ словесно, что Мазепа обѣщаетъ предать въ царскія руки короля Карла и шведскихъ генераловъ, если Петръ возвратитъ ему гетманское достоинство и удостовѣритъ въ своей милости при ручательствѣ извѣстныхъ европейскихъ Дворовъ. Петръ сначала не повѣрилъ Апостолу, но потомъ

¹⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

²⁾ Голыкова — Дѣянія XI, стр. 497.

³⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

⁴⁾ Исторія Свейской войны; печатныя письма Шереметева.

⁵⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

велѣлъ своимъ министрамъ, Головкину съ товарищи, войти съ нимъ въ соглашеніе. Министры соглашались на предложенія Мазепы, но представляли трудность относительно гарантіи иностранныхъ Дворовъ; когда же Апостолъ объявилъ, что безъ этого условія Мазепа никакъ не приметъ за дѣло, то согласились и на гарантію. Мазепа, не получая никакого извѣстія отъ Апостола, прислалъ къ нему сначала цирюльника, служившаго у Войнаровскаго, а потомъ прѣихалъ компанейскій полковникъ Галаганъ съ тѣмъ же предложеніемъ. Это совершенно убѣдило царя и министровъ, что Апостолъ говорилъ правду, и не только было ему позволено отписать Мазепѣ, что предложеніе его принято, но и самъ Головкинъ написалъ бывшему гетману 22 декабря: „Доношеніе ваше чрезъ г. полковника Миргородскаго его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывать и начатое намѣреніе свое къ исполненію привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и въ свою милость принять, но оную къ вамъ и умножить изволить, и на тѣхъ кондціи, чрезъ помянутаго г. полковника предложенныя, соизволяя, и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той аминистціи пріемлетъ, хотя бы въ томъ и не безъ трудности было, только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ по предложенію своему безоопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и невозможно, то хотя-бъ о прочихъ знатнѣйшихъ то учинить по предложенію“.

Сношенія эти не имѣли послѣдствія; Апостолъ и Галаганъ остались при царскомъ войскѣ, и первый рассказывалъ, что Мазепа и Карлъ писали къ Лещинскому, приглашая его съ войскемъ въ Малороссію; что Мазепа показывалъ убѣждавшимъ съ нимъ полковникамъ и старшинѣ привилегію Лещинскаго, по которой Малороссія присоединялась къ Польшѣ на одинакихъ правахъ съ послѣдней и съ Литвою: что, по прибытіи въ Малороссію Лещинскаго и шведскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Красова, Карлъ оставилъ ихъ съ Мазепою въ Украинѣ, а самъ поидеть въ Москву: что у Мазепы уже заготовлена грамота къ Силистрійскому пашѣ. Одно письмо Мазепы къ Лещинскому, именно съ 5 декабря 1708 года, было перехвачено Русскими; письмо написано тогдашнимъ молдымъ, подпольскимъ и полулатинскимъ языкомъ. Мазепа адресуетъ лять королевской милости съ выраженіемъ подданской субъекціи; пишетъ, что въ первомъ письмѣ просилъ, по сердечному желанію всей Украины, чтобъ король двинулъ побѣдоносную руку для спасенія своего наслѣдственнаго достоинства; также повторяетъ и теперь, чтобы, по счастию и скоромъ прибытіи Лещинскаго, они могли соединеннымъ оружіемъ и соединенными душами усыпить въ травѣ дракона непріятельскаго москов-

скаго предпріятія, особенно теперь, когда Москва начала своими грамотами поджигать простой народъ и поднимать междоусобную войну; эти искорки надобно гасить, чтобъ отъ нихъ не было пожара, для чего они, Мазепа съ товарищи, какъ отцы въ адъ, ожидаютъ пришествія короля, своего спасителя, котораго храброю руку Мазепа цѣлуетъ тысячею поцѣлуевъ и остается вѣрнымъ подданнымъ и слугою наимишнимъ“).

Петръ воспользовался этимъ письмомъ, и 28 января 1709 года разослалъ грамоту по Малороссіи: „Мы вамъ доказывали“, писалъ царь, „что богоотступникъ призвалъ Шведа въ Украину для порабощенія ея подъ древнее ярмо польское и для приведенія церкви Божіихъ въ унию, хотя оный въ напикляхъ своихъ клалъ, будто сдѣлалъ это для общей пользы народа Малороссійскаго, который будетъ совершенно независимъ и отъ насъ, и отъ Польшы; но теперь его богомерзкая ложъ объявилась: онъ называетъ себя вѣрнымъ подданнымъ Лещинскаго, а Украину его наслѣдіемъ. Намъ отъ важныхъ особъ извѣстно, что онъ уже получилъ отъ Лещинскаго воеводство въ Польшѣ и титулъ княженія Сѣверскаго. А какою безбожною злобою дышетъ измѣнникъ къ Малороссійскому народу духовнаго и мірскаго чина, видно изъ слѣдующаго: пойманъ шпигъ, который въ розыскѣ объявилъ, будто посланъ отъ Мазепы съ письмомъ къ архіепископу Черниговскому, къ глуховскимъ сотнику и атаману и къ князю Четвертинскому, и будто письма имъ уже отдалъ; но съ пытки объявилъ, что посланъ нарочно Мазепою къ Глуховъ, обѣщаны ему деньги и велѣно, если будетъ пойманъ, сказать нарочно, будто отдалъ письма означеннымъ лицамъ, чтобъ привести ихъ въ нашу немилость“²⁾.

Украина не хотѣла быть наслѣдіемъ Лещинскаго; одни только Запорожцы поили велѣдъ Мазепы. Въ Запорожьи, благодаря Каменному Затону, нагорѣла вражда къ Москвѣ; вражда эта могла быть потушена не обѣщаніемъ лишняго жалованья, а срытіемъ Каменнаго Затона и самарскихъ крѣпостей. чего не могъ сдѣлать царь въ угоду казакамъ. Мы видѣли грамоту, которую Петръ послалъ въ Запорожье послѣ измѣны Мазепы. Грамоту повезли стольники Кисленскій и Теплицкій; вѣстѣ съ грамотою повезли деньги—12,000 рублей на войско, 500 червонныхъ кошевою, старшинѣ 2.000 рублей; съ стольниками поѣхалъ отъ новаго гетмана дубенскій сотникъ Савичъ; для увѣщанія отъ имени митрополита и всего духовенства отправился іеромонахъ Продіонъ Журавковскій. Такое торжественное посылство было принято вовсе не торжественно: взявши деньги, Запорожцы начали безчестить посланниковъ.—одного изъ нихъ хотѣли посадить въ воду, іеромонаха называли шпіономъ и хвалитесь смечь его въ смоляной бочкѣ; въ отвѣтныя грамоты не пощадили и царя, требовали,

1) Москов. архивъ Мпп. Ин. Д., дѣла Малороссійскія.

2) Голицына—Дѣлція XI, стр. 478.

чтобъ въ малороссійскихъ городахъ полковниковъ не было, была бы вольница, какъ въ Сѣчи; чтобъ по рѣкамъ Пселу и Ворсклѣ мельницы и Переволоченскій перевозъ были въ запорожскомъ владѣніи; чтобъ самарскимъ городкамъ и Каменному Затону не быть. Скоро послѣ того перехвачена была грамота Запорожцевъ къ Мазепѣ. Низовое войско просило, чтобъ присланы были къ нимъ на кошъ уполномоченные отъ короля Шведскаго и Польскаго и отъ него, Мазепы, для заключенія договоровъ, за кѣмъ имъ быть, а для разоренія Каменнаго Затона чтобъ присланы были войска, и, какъ только эта крѣпость будетъ разорена, Запорожцы поспѣшатъ къ Шведамъ на помощь противъ московскихъ войскъ. Бунчужный товарищъ Чернякъ, отправленный Скоропадскимъ къ Крымскому хану для извѣщенія объ избраніи новаго гетмана, былъ задержанъ въ Сѣчи: на радѣ кошевой Гордѣенко билъ его до полусмерти и отослалъ къ Мазепѣ¹⁾. Чигиринскій сотникъ Невѣчанный убилъ посланнаго къ нему отъ гетмана Скоропадскаго и ушелъ въ Запорожье.

Въ началѣ 1709 года Запорожцы куда-то начали собираться. 20 января царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову: „Вчерашняго дня получили мы подлинную вѣдомость, что Запорожцы конные пришли уже давно и кошеваго ждутъ съ пѣхотою вскорѣ; а сей сборъ ихъ только 5 верстъ отъ Богородицкаго, и опасно, чтобъ чего надъ онымъ не учинили, также дабы воровствомъ кошеваго и судьи не заведены были чрезъ Переволочну близъ Шведовъ (какъ и Мазепа сдѣлалъ); того ради зѣло потребно, дабы Ингермоландскій полкъ въ удобное мѣстѣ поставить, и на сей ихъ походъ око имѣть; также, буде возможно, въ Богородицкой людей прибавить“. Гетманъ Скоропадскій совѣтовалъ постараться, чтобъ какъ-нибудь смѣнить подозрительнаго кошеваго, и Петръ написалъ 18 февраля Меншикову изъ Воронежа: „Что о Запорожцахъ надлежитъ, и то гетманъ совѣтуетъ, чтобъ переимѣнить кошеваго; и то зѣло добро, и всегда мы то говорили, что надобно, и какъ оно сдѣлать, того способъ искать надлежитъ, которое мною чрезъ бы миргородскаго (Апостола) и деньги могло статься; къ тому же неотложно извольте полка два или больша, взявъ изъ гварнізоновъ, послать въ Каменній Затонъ съ добрымъ командиромъ“²⁾. Царь приказывалъ не жалѣть денегъ для сверженія кошеваго, „хотя бы и немалое что дать“³⁾. Написали къ Апостолу, чтобъ выбралъ изъ своего полка добрыхъ казаковъ и, удовольствовавъ ихъ, послалъ въ Запорожье въ разные курени: пусть тамъ постараются свергнуть кошеваго и судью и во всѣхъ противникахъ диверсію учинить. Отправлены были въ Сѣчь съ

деньгами казаки, бывшіе прежде кошевыми, чтобъ объявили публично въ радѣ и по всѣмъ куренямъ, что кошевой и судья присягнули Мазепѣ за деньги. Послѣ извѣстнаго Мазепы Палѣй былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ Москвѣ; теперь придумали, что не лучше ли его привезти въ Сѣвскъ или въ другія ближайшія къ Украинѣ мѣста, „покаже оный въ такихъ легкомысленныхъ имѣть любовь и немалый кредитъ“⁴⁾. Петръ все еще надѣялся, что можно подѣйствовать на Запорожцевъ увѣщаніями, и потому писалъ Маншикову изъ Воронежа 1-го марта, чтобъ надъ полками, посылаемыми въ Каменній Затонъ, „учинить командира изъ бригадировъ кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого—то полагаюся на васъ; пункты посылаю при семь, токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить Запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде же оныя явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко съ измѣнниками“⁵⁾.

Исполнилось второе. 11 марта кошевой съ 1,000 Запорожцевъ и девятью пушками явился у Переволочны и далъ знать о своемъ приходѣ тамошнему полковнику Нестулею. Нестудей пріѣхалъ съ 500 конныхъ казаковъ для рады. 1 числа пріѣхалъ отъ Мазепы съ письмами Чуткѣвичъ и Мокѣвичъ, и 13 числа созвана была рада: читали письма Мазепы, въ которыхъ старый гетманъ объявлялъ, что царь хочетъ весь народъ Малороссійскій загнать за Волгу: что московскія войска разоряютъ Украину пуще Шведа. Раздались крики: „Быть на Мазепинной сторонѣ!“—и полковникъ Нестудей и всѣ Запорожцы объявили себя на сторонѣ Мазепы. Положено было дѣйствовать противъ царскихъ войскъ. Кошевой напалъ нечаянно ночью на русскій отрядъ, стоявшій въ мѣстечкѣ Царичевкѣ, былъ отраженъ съ урономъ, но успѣлъ захватить въ плѣнъ нѣсколько русскихъ солдатъ и съ торжествомъ привелъ ихъ къ королю, стоявшему тогда въ мѣстечкѣ Будищяхъ⁶⁾. Извѣстіе объ этомъ сильно встревожило Петра въ Воронежѣ; онъ писалъ Меншикову 4 марта: „Запорожцы, а наче дьяволь кошевой уже явной воръ и зѣло опасно Богородицкаго, не для города, а для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло много, а людей мало. Того ради зѣло потребно, дабы одинъ конной полкъ послать въ Богородицкой, и велѣть бы оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменній Затонъ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою отправить въ Богородицкой на переимѣну сему конному“⁶⁾.

Но Запорожцы пользовались всегда сочувствіемъ въ низшемъ слою Украинскаго народа, особенно по южнѣ, куда именно двигались Шведы; примѣръ Запорожья и теперь могъ быть заразителенъ, и Петръ пишетъ Меншикову, чтобъ онъ оставался въ Украй-

¹⁾ Пол. Собр. Зак., № 2233; письма кн. Дм. Мих. Голицына къ Головкину въ Москов. архивѣ Мян. Ин. Д.

²⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мян. Ин. Д.

³⁾ Голицына—Дѣявія XI, стр. 500.

⁴⁾ Кабинетъ II, № 9.

⁵⁾ Письма Шереметева печатныя.

⁶⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мян. Ин. Д.

нѣ, не ѣздилъ къ нему въ Воронежъ. „Ежели вы не въ пути, то лучшебъ еще немного тамъ для Запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже три письма писалъ до г. фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла, притомъ же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣмъ, хотябъ частью позады Полтавы протянуться для сего-жъ дѣла“¹⁾. Опасенія Петра оправдались. Одинъ изъ его министровъ, князь Григорій Ѳед. Долгорукой, находившійся теперь вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, писалъ ему 3 апрѣля: „Воръ кошевой ядъ свой злой еще продолжаетъ: на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали свою старшину, а сами-бъ до него за Днѣпръ переходили, что уже такая каналатамъ за Днѣпромъ кучами собирается и разбиваетъ пасеки“. Запорожцы были побиты въ схваткѣ съ отрядомъ полковника Волгина; также запорожскій отрядъ потерпѣлъ сильное поражение вмѣстѣ съ Шведами у мѣстечка Сокольна отъ генерала Ренне; за отсутствіемъ Гордѣнки въ Сѣчи выбрали въ кошевые Сорочинскаго, и Петръ писалъ Меншикову: „Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей кампаніи такимъ счастьемъ благословилъ, наипаче тому я радъ, что проклятые воры (Запорожцы) сами видѣли, что Шведовъ разбили, отъ чего принуждены будутъ разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго, — онъ добрый человѣкъ, я его самъ знаю“²⁾. Но Петръ ошибаясь въ добротѣ Сорочинскаго; переѣхавъ кошеваго не повела ни къ какой переѣхавъ въ Запорожскіе относительно царя, и царь послалъ Меншикову указъ взять и разорить Сѣчь.

Назначенные къ Запорожью полки съѣли на суда въ Кіевѣ, подъ начальствомъ полковника Яковлева. У Переволочны Яковлевъ встрѣтилъ нѣсколько тысячъ Запорожцевъ и послалъ къ нимъ съ требованіемъ, чтобъ вни свои великому государю принесли; но казаки, соединясь съ переволочинскими жителями, вышли на бой, и Яковлевъ принужденъ былъ доставать ихъ штурмомъ, съ урономъ своихъ войскъ. У обоихъ Кодаковъ встрѣчено было такъ-же сопротивление³⁾. 11 мая Яковлевъ подошелъ къ Сѣчи; сначала искалъ онъ всякимъ добрымъ способомъ чрезъ письма и пересылки склонить воровъ къ сторонѣ государевой; Запорожцы какъ будто обнаруживали склонность, но это была только хитрость: они хотѣли продлить время. Потерявъ терпѣніе и зная, что Сорочинскій поѣхалъ за ордою, Яковлевъ рѣшился добыть Сѣчь оружіемъ. Съ сухаго пути приступа не было; вода со всѣхъ сторонъ обила крѣпость. 14 мая солдаты подплыли на лодкахъ, но, при нападеніи на крѣпость, встрѣтили отчаянное сопротивленіе и должны были отступитъ, потерявши до 300 человѣкъ убитыми,

въ тожъ числѣ полковника Урна; много офицеровъ было переранено; плѣнники, взятые Запорожцами, были „срамно и тирански“ умерщвлены. Но въ тотъ же день показалось вдали какое-то войско; Запорожцы подумали, что это къ нимъ идетъ Крымская орда на помощь и вышли-было на вылазку, но жестоко обманулись: пришли на помощь къ Яковлеву драгуны отъ генерала князя Волконскаго съ полковникомъ Галаганомъ. Запорожцы, увидавъ свою ошибку, замѣшались; тутъ осаждающіе устремились на нихъ, ворвались въ Сѣчь и овладѣли ею. Большая часть казаковъ погибли въ схваткѣ, немногимъ удалось уйти; плѣнныхъ взято съ 300 человѣкъ, пушекъ и аммуниціи взято много. „Знатнѣйшихъ воровъ“, доносилъ Меншиковъ, „велѣлъ я удержатъ, а прочихъ казнить, и падъ Сѣчью прежній указъ исполнить, также и всѣ ихъ мѣста разорить, дабы оно измѣнническое гнѣздо весьма выкоренитъ“⁴⁾.

„Сего дня“, отвѣчалъ Петръ 23 мая, „получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда неприятелю была что мы, съ превеликою радостію услышавъ, Господу отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оно пренного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что же пишете о detachmentѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только надлежитъ изъ онаго оставить отъ семи до пяти сотъ человѣкъ пѣхоты, и отъ пяти до шести сотъ конницы въ Каменномъ Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ же не населилось, такожъ которые въ степь ушли, каки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться; для чего ежели комендантъ на Каменномъ Затонѣ плохъ, то-бъ изъ офицеровъ доброто тамъ въ его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію“⁵⁾.

Было еще одно мѣсто въ Малороссіи, на которое правительство смотрѣло подозрительно. Въ началѣ 1709 года Головкинъ писалъ Кіевскому губернатору, князю Дм. Мих. Голицыну: чтобъ выслалъ за рубежъ студентовъ изъ Полякова (т.-е. Русскихъ родомъ изъ Польскихъ владѣній), находящихся въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ; чтобъ далъ знать, сколько останется студентовъ изъ Малороссіянъ, сколько монаховъ изъ Поляковъ, и итъ ли въ нихъ какого подозрѣнія. Голицынъ отвѣчалъ (15 февраля), что „выслалъ изъ Кіева всѣхъ студентовъ родомъ изъ Литвы и Польши; студентовъ изъ Малороссіянъ осталось 161 человѣкъ; монаховъ въ Братскомъ монастырѣ 30 человѣкъ, и изъ нихъ Малороссіянъ только человѣкъ пять, а то все изъ-за границы Польской; но иные съ младенчества живутъ въ Кіевѣ; узнать, итъ ли въ комъ изъ монаховъ подозрѣнія—трудно, потому что монахи всѣ насъ чуждаются; во всемъ Кіевѣ

¹⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д. отъ 13 марта.

²⁾ Кабинетъ II, кн. № 9; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

³⁾ Пол. Собр. Зак. № 2233.

⁴⁾ Кабинетъ II, кн. № 9.

⁵⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ин. Д.

нашелъ я только одного человѣка, именно изъ Братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ“¹⁾ Этотъ префектъ былъ знаменитый впоследствии Теофанъ Прокоповичъ; не предчувствовалъ князь Дмитрій, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться послѣ къ этому снисходительному префекту!

Въ Кіевѣ и всюду по Украинѣ было тихо. Сѣчь лежала въ развалинахъ, Турки и Татары не двигались, о Полякахъ не было слышно; все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ. Въ апрѣлѣ, съ дороги изъ Воронежа въ Азовъ, Петръ писалъ Меншикову въ Ахтырку: „Чтобъ вы дали знать, сколь скоро можете въ поле съ квартиръ выйтись, чтобъ я могъ потому жить свое въ Азовѣ расположить, а паче для дѣченья“. Въ началѣ мая писалъ изъ Троицаго: „Я съ перваго числа сего мѣсяца началъ принимать лѣкарство, которое зѣло сильно дѣйствуетъ, понеже здѣшній воздухъ жаркой оному помогаетъ, и непходенъ пребывать буду изъ дому до десятаго числа, и чаю, съ помощію Божіею, къ 15 числу сего мѣсяца изъ лѣкарства выгнать и готову быть къ вамъ ѣхать“. Въ другомъ письмѣ: „Лѣкарство мое зѣло дѣйствуетъ, только я отъ него какъ ребенокъ безъ силы сталъ“. Въ третьемъ: „Не чаю ранѣе двадесятаго быть къ вамъ, самъ слабъ, и доидти подъ батальонъ ранѣе 20 дней не будутъ“²⁾

Между тѣмъ, въ началѣ же мая непріятель формально атаковалъ Полтаву и нѣсколько разъ жестоко къ ней приступалъ, но постоянно былъ отражаемъ съ большимъ урономъ. Въ военномъ совѣтѣ у Меншикова рѣшили „учинить диверсію“. 7 мая, на разсвѣтѣ, пѣхога Меншикова перешла Ворсклу черезъ мосты, а конница черезъ болото и рѣку вylaвъ, съ одиѣми шагами приступили къ непріятельскому ретраншементу и выбили изъ него Шведовъ, взявши въ плѣнъ шестерыхъ офицеровъ и 300 рядовыхъ и потерявши своихъ 600 человекъ³⁾. Петръ писалъ Меншикову 15 мая: „Что о Полтавѣ, и то нынѣ подтверждаю, что лучше-бы вамъ къ оному городу приступить (черезъ рѣку отъ непріятеля) со всеми и помочь городу чинить (понеже сіе мѣсто зѣло нужно) куды надлежитъ, и фельдмаршалу быть, и сіе (сколько я могу разумѣть) кажется изъ лучшихъ не послѣднее дѣло; впрочемъ, яко заочно, полагаюсь на ваше разсужденіе“⁴⁾. Меншиковъ уже расположился подъ Полтавою со всеми своими полками, и 19 мая писалъ Петру: „О здѣшнемъ состояніи доношу, что третьяго-дня былъ у насъ въ шанцахъ при линіи нашей съ непріятелемъ не малый раноконтръ, и какъ непріятель ра-

ботѣ нашей помѣнку чинить хотѣлъ, выслана отъ насъ партія гранадеровъ, и въ самое же то время учинили вылазку изъ города наши подъ командою бригадира Головина въ 400 человекъ, и, палашни на непріятеля съ другой стороны, двѣ роты намѣстѣ порубили, а прочихъ въ конфузію великую привели. Онъ же, господинъ бригадиръ, поступись черезъ мѣру горячо, далѣ поступалъ. лошади подлинны убили и его въ неволю взяли, другіе регировались въ городъ; наши потеряли 100 человекъ, а непріятеля многое число пропало и шанцы непріятельскіе вырублены; мы же отъ посту нашего ни малой пяди не отступили, но непрестанно пушечною стрѣльбою черезъ многіе часы непріятеля угѣсняли, что нынѣ гораздо усмирился и уже другою день мало какой промыселъ надъ городомъ чинить. Вчерашняго дня легкая наша партія, перебрався на другую сторону (Ворсклы), лошадей непріятельскихъ около 1,000 загнали, и другая партія нынѣ около 100 лошадей и людей генерала Круза забрали. Мы повседневно чинили здѣсь непріятелю диверсію; но желаю къ тому скорого къ намъ прибытія вашей милости; то истинно и паче лучшаго счастья надѣемся, ибо ко всему знатная прибудеть резолюція; баталіи давать елико можно оберегаемъ, а понеже непріятель со всею силою противъ насъ собрался, и я по вашему указу послалъ къ Шереметеву, чтобъ, оставя Волконскаго съ тремя полками при гетманѣ, къ намъ поспѣшаль, такожь Долгорукову (Вас. Владим.) вмѣсто Каменнаго Затона велѣлъ сюда идти“. 28 мая Меншиковъ писалъ: „Прошлой ночи мы заложили послѣдній шанецъ къ самымъ непріятельскимъ по самую рѣку апрошамъ. Полтавская крѣпость въ зѣло доброй содержитъ себя дефензіи и никакого ущерба отъ дѣйства непріятельскаго еще не обрѣтается“⁵⁾.

27 мая Петръ выѣхалъ изъ Азова въ армію къ Полтавѣ, черезъ степь на Харьковъ, и отсюда писалъ Меншикову 31 мая: „Я сего часу сюды прибылъ, и какъ возможно поспѣшатель буду, однако понеже въ нужномъ дѣлѣ и часть потерять нужной бываетъ худо, для того, ежели что надлежитъ нужно, и не дожидаясь меня, съ помощію Божіею, дѣлайте“⁶⁾. Но Меншиковъ дожидался. 4 іюня пріѣхалъ Петръ къ арміи, и 7 числа писалъ Анраксину: „Получили мы отъ васъ еще письмо и пункты, но нынѣ вскорѣ отвѣтствовать не можемъ, понеже сошлись близко съ соседями и, съ помощію Божіею, будемъ конечно въ семь мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть“⁷⁾.

Наконецъ Петръ не отступалъ, наконецъ онъ сталъ говорить о необходимости „главнаго дѣла“ съ Шведами, съ Карломъ XII! Только небольшая рѣка отдѣляла его отъ нарвскихъ побѣдителей. Но это уже не были Шведы 1700 и 1707 года: это было

¹⁾ Письма Голицына къ Головкину въ Москов. архивѣ Мин. Ип. Д.

²⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ип. Д.

³⁾ Исторія Свейской войны.

⁴⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ип. Д.

⁵⁾ Кабинетъ П. кп. № 9.

⁶⁾ Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. архивѣ Мин. Ип. Д.

⁷⁾ Голицына—Дѣявія XII, стр. 16.

войско страшно истомленное, упалое духомъ; Карлъ не проигралъ ни одной битвы, попрежнему могъ считаться необходимымъ, и между тѣмъ у него не было уже половины того блестящаго войска, съ которымъ онъ перешелъ Вислу въ 1707 году, и въ 1709 году первый министръ короля, графъ Пиперъ, писалъ своей женѣ въ Швецію: „Походъ такъ тяжкъ и наше положеніе такъ печально, что нельзя описать такого великаго бѣдствія и никакъ нельзя повѣрить ему“. Жажда мира и возвращенія на родину усиливалась со дня на день. Дисциплина ослабѣла: солдаты начали оказывать явное непослушаніе офицерамъ, когда тѣ требовали отъ нихъ новыхъ трудовъ, приказывали идти на новыя опасности. Карлъ попрежнему искалъ опасностей, попрежнему хладнокровно подставляя свою голову подъ непріятельскія пули; но теперь солдаты, видѣвшаго того, чтобъ ободряться этимъ, говорили: „Онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ“. Генералы говорили, что надобно непременно перейти Дибиръ и войти снова въ Польшу. Пиперъ донесъ королю объ этомъ требованіи генераловъ, представилъ какъ необходимо удовлетворить ему, какъ необходимо подкрѣпить армию соединеніемъ съ Лещинскимъ и съ шведскимъ корпусомъ Крассова, оставленнымъ въ Польшѣ. Но Карлъ не хотѣлъ и слышать о переходѣ чрезъ Дибиръ: „Этотъ переходъ“, отвѣчалъ онъ, „будетъ похожъ на бѣгство и только придастъ духу непріятелю“. Видѣвшаго того, чтобъ двинуться на западъ, онъ двинулся на югъ, къ Полтавѣ, ближе къ стени, къ Запорожью, къ границамъ турецкимъ и татарскимъ; онъ хотѣлъ овладѣть Полтавою, утвердиться здѣсь и ждать Лещинскаго и Крассова, вопреки мнѣнію Пипера, Мазепы, Реншельда и генералъ-квартирмейстера Гилленкрока. Съ послѣднимъ у Карла былъ любопытный разговоръ о Полтавѣ. *Карлъ*: Вы должны все приготовить къ нападенію на Полтаву; вы должны вести осаду и сказать намъ, въ какой день мы возьмемъ крѣпость; такъ дѣлывалъ Вобанъ во Франціи, а вѣдь вы нашъ маленькій Вобанъ.—*Гилленкрокъ*: Я думаю, что и самъ Вобанъ призадумался бы, еслибъ увидалъ, какъ здѣсь у насъ недостатокъ во всемъ, что нужно для осады.—*Карлъ*: У насъ довольно матеріала, чтобъ взять такую ничтожную крѣпость, какъ Полтава.—*Гилленкрокъ*: Крѣпость не сильна, новъ ней 4,000 гарнизона, кромѣ казаковъ.—*Карлъ*: Русскіе сдаться при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ съ нашей стороны.—*Гилленкрокъ*: А я думаю, что Русскіе будутъ защищаться до послѣдней крайности, и прѣхотъ вашего величества сильно достанется отъ продолжительныхъ осадныхъ работъ.—*Карлъ*: Я вовсе не намѣренъ употреблять на это мою пѣхоту; а Запорожцы Мазепина на что?—*Гилленкрокъ*: Но развѣ можно употреблять на осадныя работы людей, которые не имѣютъ о нихъ никакого понятія, съ которыми надобно объясняться чрезъ толмачей и которые разбѣгутся, какъ скоро работа покажется имъ тяжелой и товарищи ихъ начнутъ падать отъ

русскихъ пуль?—*Карлъ*: Я васъ увѣряю, что Запорожцы сдѣлаютъ все, чего я хочу, и не разбѣгутся, потому что я буду хорошо имъ платить.—*Гилленкрокъ*: Но съ нашими пушками ничего нельзя сдѣлать, и придется добывать крѣпость пѣхотою, которая при этомъ окончательно погибнетъ.—*Карлъ*: Я васъ увѣряю, что пѣхоты не понадобится.—*Гилленкрокъ*: Въ такомъ случаѣ я не понимаю, какимъ образомъ городъ будетъ взятъ, если только необыкновенное счастье намъ не поблагоприствуетъ.—*Карлъ* (сѣбясь): Да, мы должны совершить необыкновенное; за это мы пожнемъ честь и славу.—*Гилленкрокъ*: Воюсь, чтобъ все это не окончилось необыкновеннымъ образомъ.— Послѣ этого разговора Гилленкрокъ пошелъ къ Пиперу, чтобъ тотъ постарался отклонить короля отъ его намѣренія. „Вы такъ же хорошо знаете короля, какъ и я“, отвѣчалъ Пиперъ, „вы знаете, что если онъ разъ принялъ какое-нибудь рѣшеніе, то уже нѣтъ никакой возможности заставить его принять другое“. Несмотря на то, Пиперъ обѣщалъ поговорить съ Карломъ. „Если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступитъ отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ“:—былъ ему отвѣтъ королевскій ¹⁾.

Такие разговоры шли у государя съ его министромъ и генераломъ на одномъ берегу Ворсклы. Посмотримъ, что дѣлалось на другомъ. Здѣсь было войско; о которомъ уже неся слухъ, что это лучшіе солдаты въ дѣломъ мірѣ; здѣсь были свои вожди, прошедшіе хорошую школу, ознаменовавшіе себя побѣдами; здѣсь были генералы иностранные съ извѣданнымъ искусствомъ и вѣрностію. Несмотря на то, здѣсь былъ „учищенъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко злѣо опаснаго дѣла), на которомъ совѣтѣ положено, дабы апрошами къ оной приближаться даже до самого города“ ²⁾.

16 іюня начаты были новыя апроши, чтобъ сдѣлать возможнымъ сообщеніе съ городомъ; но Шведы не допустили своєю поперечною линією; съ другой стороны представили препятствія рѣка и болотистыя мѣста. Сношенія съ городомъ происходили посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма чрезъ непріятельскія линіи; осажденные дали знать, что у нихъ уже почти нѣтъ пороху, и непріятель сапами сжегъ валы изъ палисадъ вкопался, и хотя ежедневные сдѣлали абшинты, однако долго держатся не могутъ. По полученіи этихъ извѣстій, собранъ новый совѣтъ, на которомъ положено, что другого способа къ выручкѣ города нѣтъ, какъ перейти рѣку къ непріятелю и дать главную баталію. 19 іюня русская армія тронулась и, пройдя двѣ мили отъ Полтавы по берегу Ворсклы вверхъ, 20 числа переправилась черезъ рѣку; 25 числа повернула назадъ къ Полтавѣ и остановилась въ четверти мили отъ непріятеля къ

¹⁾ Fryxell II, 158.

²⁾ Гисторія Свейскій войнъ.

вечеру, чтобъ Шведы не могли принудить къ главной баталіи прежде, чѣмъ будетъ готовъ ретраншементъ. Ретраншементъ послѣлъ въ одну ночь; кавалерію поставили на правой рукѣ между лѣсовъ, и передъ нею сдѣлали нѣскольکو редутовъ, осаженныхъ людьми и пушками. Тутъ узнали, что Карлъ XII раненъ; рассказывали, что ночью подлѣзаль онъ осмотрѣть русскій лагерь и наткнулся на казакскую партію, которая стояла неосторожно; нѣскольکو казаковъ, ничего не подозревая, спокойно сидѣли у огня; вдругъ раздаются выстрѣлы,—одинъ казакъ падаетъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ казака; казаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король, и Карлъ получилъ рану въ ногу ¹⁾.

26 число Петръ употребилъ на обзорніе ситуаціи. Въ центрѣ находился фельдмаршалъ Шереметевъ; правымъ крыломъ начальствовалъ генераль-лейтенантъ Ренне, лѣвымъ—Меншиковъ, артиллерію—Брюсъ. У Шведовъ, такъ какъ самъ король, по причинѣ раны, не могъ принять главнаго начальства надъ войскомъ, то его мѣсто заступалъ фельдмаршалъ Реншельдъ; вся пѣхота находилась подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Левенгаупта, кавалерія—генераль-майора Крейца. Артиллерія, могшая дѣйствовать, была ничтожна, по недостатку огнестрѣльныхъ снарядовъ.

27 іюня было назначено днемъ главной баталіи. Шведы предупредили Русскихъ: передъ разсвѣтомъ они бросились на русскую конницу съ страшною «фурією», и овладѣли двумя редутами, которые еще не были отдѣланы; генераль Ренне былъ раненъ и долженъ былъ сдать начальство генералу Боуру; но за то шесть батальоновъ непріятельской пѣхоты и нѣскольکو десятковъ эскадроновъ кавалеріи были отрѣзаны отъ главной арміи и принуждены уйти въ лѣсъ. Генераль Боуръ получилъ приказаніе отступить вправо отъ русскаго ретраншемента, чтобъ дать время выйти изъ него пѣхотѣ. Боуръ началъ отступление; непріятель, преслѣдуя его, получилъ себѣ русскій ретраншементъ во флангъ, и когда Левенгауптъ съ пѣхотою приблизился къ нему на разстояніи 30 сажень, то встрѣченъ былъ убійственнымъ огнемъ, принужденъ былъ прекратить преслѣдованіе русской конницы, и сталъ къ лѣсу выѣ выстрѣловъ. Между тѣмъ Меншиковъ и генераль Ренцель съ пятью полками конницы и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ стояли оторванные въ началѣ дѣла Шведы; здѣсь непріятель былъ побитъ на-голову, генераль Шлиппенбахъ взятъ въ плѣнъ, за нимъ принужденъ былъ сдаться и генераль Розенъ. Въ то же самое время пѣхота была выведена изъ ретраншемента и шесть полковъ кавалеріи взяты съ праваго крыла, обведены позади пѣхоты и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Такимъ образомъ, русская армія стала въ ордеръ-баталіи, и рѣшено было

атаковать непріятеля; Шведы, не дожидаясь на мѣстѣ, двинулись на встрѣчу къ Русскимъ,—и въ 9 часу утра началась «генеральная баталія».

Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ распоряжался въ огнѣ; шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла съ больною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами, какъ вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король очутился на землѣ. Солдаты, находившіеся вблизи, подумали, что Карлъ убитъ, и ужасъ овладѣлъ полками, уже и безъ того колебавшимися. Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики; тутъ увидаль онъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ въ отчаяніи: «Шведы! Шведы!» Но Шведы бѣжали и не слышали голоса своего короля. Прискакалъ Реншельдъ и усиѣлъ проговорить: «Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!» Съ этими словами онъ ринулся опять въ разстроеныя ряды своего войска, и былъ взятъ въ плѣнъ. Тутъ всякій порядокъ исчезъ:— все побѣжало ²⁾.

«Хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такую храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже навящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско не единожды потому не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталією строились, гнали; при томъ вначалѣ генераль-майоръ Штапельбергъ, потомъ же генераль-майоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртембергскій купно съ многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣскольکو тысячь рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми, отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труновъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9,234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты и отъ ранъ померли. И тако милостію Всевышняго совершенная victoria (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой привождъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линия съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла ³⁾».

Усталые, волнуемые неиспытанными никогда ощущеніями, царь, генералы и офицеры, послѣ молебна, сѣли въ палаткахъ обѣдать. Свѣтлое чув-

1) Гисторія Свейской войны.

2) Гисторія Свейской войны; Fryxell II, 170—176.

3) Гисторія Свейской войны.

ство неизмѣримой радости не допускало никакихъ темныхъ чувствъ: всёхъ сюда! — и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ усадили тутъ же за столъ; Петръ ласкалъ фельдмаршала Реншельда, хвалилъ его храбрость, подарилъ ему свою шапку. Во время обѣда, привели Пипера, который, видя страшное поражение, потерявъ изъ виду короля, не зная куда бѣжать, самъ пріѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя секретарями королевскими. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремѣли пушки; царь провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?“ спросилъ Реншельдъ. — „Вы, господа Шведы“, отвѣчалъ царь. — „Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!“ замѣтилъ фельдмаршалъ.

Но гдѣ король? Часть Шведовъ ушла не преслѣдуемая. Неожиданное счастье такъ поразило, что позабыли о необходимости преслѣдованія... Только уже вечеромъ послали въ погоню князя Мих. Мих. Голицына съ гвардією и генерала Боура съ драгунами.

Въ тотъ же вечеръ написаны были письма къ своимъ, къ Ромодановскому, Апраксину и другимъ. Къ Пресбургскому королю Петръ писалъ: „Донесимъ вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ съ малою войскою нашихъ кровію такимъ образомъ: сегодня на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу со всею армією конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя по достоинству держалась, однакожь принуждена была уступить, токмо съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фронтъ противъ нашего лагеру, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ траншеяmenta вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ, противъ котораго наши встрѣчу пошли тако оного встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генераль-фельдмаршалъ господинъ Рейншльдъ купно съ четырьмя генералами, такожъ первой министръ графъ Пиперъ съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія фаэтоновъ конецъ восприяла, а о королѣ еще не можемъ вѣдѣть, съ нами-ль или со отцы нашими обрѣтается, а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-поручики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новиною вашему величеству поздравляю“. Къ письму Апраксину приписано: „Нынѣ уже совершился камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божією“⁴⁾.

Утро было мудренѣе вечера: на другой день, 28

числа, отправился Меншиковъ въ погоню за непріятелемъ. Остатки шведской арміи, бѣжавшіе 27 числа изъ-подъ Полтавы, находились въ совершенномъ разстройствѣ, и великимъ счастьемъ для нихъ было то, что Русскіе оставили ихъ безъ преслѣдованія. Шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня достали они Новосенжарова; истомленнаго Карла внесли въ домъ, перевязали ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Но когда совершенно разсвѣло, его разбудили: „Русскіе приближаются; если ваше величество изволите приказать, мы пойдемъ дальше“. — „Да, да, дѣлайте, что хотите“, отвѣчалъ Карлъ. Запылали повозки, лошадей изъ-подъ нихъ роздали пѣхотинцамъ, и Шведы побѣжали дальше къ Днѣпру. 30 іюня, послѣ полудня, увидали они лагерь Днѣпръ, у маленькаго городка Переволочны, гдѣ впадаетъ Ворскла; но, вмѣсто городка, увидали одну кучу развалинъ и ни одной лодки на рѣкѣ, ни одного человѣка въ опустѣлыхъ окрестностяхъ. Какъ же переправиться за Днѣпръ? А Русскіе близко: какъ отъ нихъ оборониться? — нѣтъ ни артиллеріи, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духомъ. Генералы уговорили Карла оставить армію и переправиться за Днѣпръ. Отыскали двѣ лодки, связали вмѣстѣ и поставили на нихъ повозку короля, такъ что заднія колеса были въ одной лодкѣ, переднія въ другой; и такимъ образомъ, поздно ночью, переправили на другой берегъ; Карлъ взялъ съ собою серебряный столовый сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи. Нашлась лодка и для Мазены, который успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми. Другіе, назначенные сопровождать короля, переправились кто какъ могъ: Запорожцы много помогли своимъ искусствомъ въ переправахъ, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ Левенгаупта; но никто не думалъ повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, какъ бы переправиться за Днѣпръ велѣдъ за королемъ; другіе, истомленные, лежали въ глубокомъ снѣ. На разсвѣтъ другого дня Левенгауптъ и Крейцъ начали хлопотать, какъ бы привести въ устройство армію; но едва половина солдатъ собралась подъ знамена; многіе остались на берегу, другіе стояли неподвижно въ отдаленіи, на призывъ генерала не отвѣчали ни слова, смотрѣли безмысленно, да и на лицахъ тѣхъ, которые собирались подъ знамена, выражалось отчаяніе. Когда совсѣмъ разсвѣло, Крейцъ подъѣхалъ къ Левенгаупту и сказалъ: „Генераль, уже поздно! Русскіе стоятъ за возвышенностями и прислали къ намъ съ требованіемъ сдачи“. То былъ Меншиковъ съ 9,000 конницы. На всѣхъ возвышенностяхъ раздались звуки трубъ и барабановъ, какъ будто цѣлая Русская армія была тутъ, и между Шведами сейчасъ же распространился слухъ, что 30,000 Русскихъ готовы къ нападенію. Левенгауптъ, видя состояніе своего войска, не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ сопротивленія, и послалъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову

⁴⁾ Кабинетъ I, кв. № 28; Голицова — Дѣянія, XII, стр. 27.

договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ имъ: сдать въ военнопленнымъ съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества; Запорожцы и бунтовщики исключаются изъ этого условія. Предложеніе было принято ¹⁾.

„И тако, Божіею помощію, вся неприятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малой страхъ въ Европѣ причинила) къ государю Россійскому въ руки досталась“. Сосчитали, что во время баталіи у Полтавы и у Днѣпра при Переволочнѣ взято верховныхъ штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1,102, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и артиллерійскихъ служителей 16,947. Русскихъ при Полтавѣ было побито 1,345, ранено 3,290.

По возвращеніи Меншикова отъ Переволочки, послѣ молебна, объявлены были награды: фельдмаршалу Шереметеву пожалованы великія деревни; генералъ князь Меншиковъ объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ; генералъ князь Ренинъ пожалованъ кавалеріею и деревнями; генералу фельдцейхмейстеру Брюсу дана кавалерія; генералъ-лейтенанту Рену дана чинъ полнаго генерала; генералу Аларту дана кавалерія; генералъ-лейтенанту князю Голицину (Мих. Мих.) даны деревни; генералъ-лейтенанту Реиселю дана кавалерія. Ближній министръ и верховный президентъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ, графъ Головинъ пожалованъ въ канцлеры; тайный секретарь баронъ Шафировъ въ подканцлеры; князь Григорій Долгорукій пожалованъ деревнями и чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника; бояринъ Иванъ Мушинъ-Пушкинъ—въ тайные совѣтники. „Также и иные многіе повышены чинами и пожалованы вѣтчинами, и всѣхъ штабныхъ и оберъ-офицеровъ жаловалъ государь золотыми портретами съ алмазы и медалями золотыми же по достоинству ихъ чиновъ; и солдатамъ медали серебряныя и даваны были деньги.

„На послѣдокъ, какъ министры, такъ и генералитетъ, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы въ знакъ трудовъ своихъ, какъ въ сію преславную баталію, такъ и въ прочихъ воинскихъ дѣйствіяхъ понесенныхъ, изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ генерала, а на морѣ шаутбенахта ²⁾ (понеже до той Полтавской баталіи и во время дѣйствія во оной баталіи имѣлъ только чинъ при гвардіи своей полковникомъ), и по тому ихъ прошенію государь изволилъ принять чинъ сухопутной генералъ-лейтенанта, а на морѣ шаутбенахта, и то подтвердилось общимъ всѣхъ генералитета, министровъ, офицеровъ и солдатъ поздравленіемъ“ ³⁾.

Извѣщая о Переволоченскомъ дѣлѣ короля Родановскаго, Петръ писалъ: „И тако вся непри-

тельская армія намъ, чрезъ помощь Божію, въ руки досталась, которую въ свѣтѣ неслыханною вѣкторіею вашему величеству поздравляемъ и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества—еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербургѣ—совершилось чрезъ сей упадокъ конечной неприятеля“ ⁴⁾.

Когда получено было въ Москвѣ извѣстіе о неслыханной вѣкторіи, царевичъ Алексѣй Петровичъ созвалъ къ себѣ на банкетъ всѣхъ иностранныхъ и русскихъ министровъ и знатныхъ офицеровъ, трактовалъ ихъ веледѣльно въ Преображенскомъ въ апартаментахъ своихъ и въ шатрахъ; царица Наталья Алексѣевна и знатнѣйшіе вельможи также многихъ трактовали нѣсколько дней сряду; вечеромъ по улицамъ сверкали потѣшные огни; не только въ домахъ, но и передъ домами стояли накрытые столы. Комендантъ, князь Матвій Гагаринъ, велѣлъ выставить передъ домою своимъ для народа и шведскихъ плѣнниковъ кушанья и бочки съ виномъ, водкою, медомъ и пивомъ; пушечная стѣльба и колокольный звонъ продолжались восемь дней сряду, и во всѣ эти дни позволено было звонить женщинамъ и дѣвкамъ, что обыкновенно позволялось только на Свѣтлыхъ недѣль ⁵⁾. Курбатовъ писалъ царю: „Получихъ азъ вашего величества недостойный рабъ письмо за приписаніемъ вашей самодержавнѣйшія десницы, чрезъ которое разумѣюмъ, яко Вседержавный Богъ неприятеля въ конецъ сотре, и не точю въ Европѣ, но и во оризонтѣ всего міра една ли слыханно погуби. И сего ради прерадостно нынѣ веселится вся Россія, увѣнчивая васъ привѣтствы сипевыми: Радуйся, яко ваше цареве сердце содержитъ въ рупѣ Божіи неотвѣнно. Радуйся, яко, исполняя словеса Божія слова, полагаеши дхну свою за рабы твоя. Радуйся, яко снискательнымъ вашимъ мудрохърабствомъ переполеровася яко злато въ горниль ваше воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія Варяжскаго моря во одержаніи. При семъ же и сіе реку, да яко же вседержающая Божія десница прослави ваше самодержавіе въ воинствѣ, тако да прославитъ и гражданское правленіе, о немъ же видится съ препоинимъ тѣніемъ достонитъ труды къ трудамъ приложить, понеже оною многою пользою есть къ воинству, да обою кунно Всероссія получивши, пакы прославить тя, всемишловнѣйшаго нашего государя“ ⁶⁾.

Знаменитый прибыльщикъ надѣялся, что преславная вѣкторія поведетъ къ миру, дастъ возможность царю заняться гражданскими дѣлами, облегчить народъ отъ тяжкихъ поборовъ. Онъ писалъ царю (28 октября): „Вашего величества повелѣніемъ опредѣляются губерніи, и того ради изъ всѣхъ Приказовъ и канцелярій и изъ ратуши посланы и нынѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ посылаются дворяне и дьяки и подьячіе для правяжа многихъ

¹⁾ Fryxell II, 186.

²⁾ Вице-адмирала.

³⁾ Гисторія Свейской войны.

⁴⁾ Кабинетъ I, кн. № 28.

⁵⁾ Кабинетъ I, кн. № 10.

⁶⁾ Кабинетъ II, кн. № 9.

прешедшихъ лѣтъ и настоящихъ доимокъ, и слышно, яко отъ таковыхъ неотлагаемыхъ вдругъ правейшей превеликой обходитъ всенародный вопль, а паче въ поселянахъ, яко не точію послѣдняго скота, но и инѣ бѣдѣишіи и домишковъ своихъ лишаются. И ежели вамимъ призрѣнемъ нынѣ скорѣй отерочкою помилуемъ не будутъ, то въ сихъ послѣднихъ сего года мѣсяцѣхъ премногое преимутъ разореніе и, Богъ вѣсть, будутъ ли впредь инѣ даней вашихъ тяглицы. Понеже не отъ того единого, что вдругъ всего надлежащаго безъ послабленія на нихъ правы имъ разореніе, но и отъ сего, яко всѣхъ посланныхъ кормить, даютъ подводы, иныхъ же, не стерпѣвъ жестокихъ правейшей, чаю, что и дарятъ не по малу. Богъ же всеисильный, видя ваше благо царю къ нему сердце, и вѣдая быти впредь чрезъ труды ваша нѣкоторыхъ избавленію, помилуова и обрадова тя, и прослави во вселенную слышанною нигдѣ же отъ вѣка на враги побѣдою: и сего ради и ваше величество да помилуетъ людей достойнаго своего. Не о снятіи конечномъ тѣхъ прешедшихъ лѣтъ доимокъ, но о полученіи имъ во оныхъ нынѣ послабленія предлагаю тебѣ, государю. А впредь, по благомъ окончаніи войны сей, могутъ по малу и во всемъ исправиться. А и прежде, государь, никогда же безъ доимокъ было и впредь быти можетъ, а по малу исправлялся". Отвѣтомъ на это письмо былъ указъ: „Извѣстно великому государю учинилось, изъ многихъ Приказовъ судьи разослали по городамъ и уѣздамъ дворянъ и приказныхъ людей для правейшу доимочныхъ денегъ за прошлые годы, отъ чего чаемъ не малому быти разоренію. Того для, признавъ всѣхъ судей въ Ближнюю Канцелярію, объявить, дабы они того не чинили, а велѣли бы дошму выбрать за два года, 707 и 708“¹⁾.

Но объ окончаніи войны нечего было и думать. Карлъ успѣлъ уйти въ турекія владѣнія, и Петръ снѣвши воспользоваться его отсутствіемъ и своею побѣдою, чтобъ уничтожить дѣло Карла въ Польнѣ, выгнать Лещинскаго и утвердиться въ Ливоніи и Эстоніи. 13 іюля армія двинулась изъ-подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣ оставаться по причинѣ сарада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Остановились въ Рѣшетиловкѣ, гдѣ было положено, что фельдмаршалъ Шереметевъ со всею нѣтою и частію конницы пойдетъ осаждать Ригу, князь Меншиковъ съ большею частію кавалеріи — въ Польшу, гдѣ, по соединеніи съ генераломъ Гольцераго, долженъ былъ дѣйствовать противъ Лещинскаго и шведскаго генерала Крассова. 15 іюля войска двинулись каждое въ свой путь; а государь отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился съ сплеходительнымъ префектомъ, Теофаномъ Прокоповичемъ: въ Софійскомъ соборѣ, въ присутствіи государя, при многочисленномъ стеченіи народа, Теофанъ говорилъ панегирикъ, рѣшившій судьбу его.

„Подобаетъ мнѣ“, говорилъ Теофанъ, „перве глаголати о побѣжденнаго супостата силѣ, дерзости, мужествѣ, и о тяжести и лютости брани. Супостатъ воистину таковой, отъ каковаго непобѣжденному токмо быти — великая была бы слава; что же такового побѣдiti, и побѣдiti тако преславно и тако совершенно? Что же речемъ, егда коварнымъ наущеніемъ и тайнымъ руководствомъ отъ проклятаго измѣнника введенъ естъ внутрь самая Малыя Россіи (ибо самъ собою не могъ бы никогда же и не дерзнулъ бы впити)? Здѣ воистину супостату нашему сила, тебѣ же, отче отечества нашего, умножилися бяху труды и препятія. Брань убо сія сотворися брань ношная, аки бо въ темной ноши великое блже недоумѣіе, кого хранитися, на кого наступати, кого заступати: въ единомъ градѣ, въ единомъ дому можаху быти двоихъ противныхъ странъ оружія. Пси не угрызаютъ господей своихъ, звѣри свирѣнше питателей своихъ не вредятъ; лютѣишій же всѣхъ звѣрей — рабъ — пожела угрызти руку, сю же на толь высокое достоинство вознесенъ и на томъ крѣпцѣ держимъ блже. Не утрапился Хамова безсудія, не убоился Іудина беззаконія, не вострепета Аріева клятво-преступства, не помысли о священнѣишей и невредимой чести Христа Господня, студи и вредъ отечества нашего! ежели-бо, сыномъ себя російскимъ нарицая, врагъ сый и ляхолобець. Хранися таковыхъ, о Россіе! и отвергай отъ дна твоего: сшли ни, не послѣднюю бѣду претерпѣла еси, но имашь всегда носити змя въ нѣдрахъ твоихъ, и восприличествуетъ тебѣ гласъ Божій, Іезекілю иногда изреченный: посреди скорпій живеши ты. Представте себѣ предъ очи, благоразумныи слышателіе, вся вышереченная лютая, вся нужды и неудобствія, ими же брань сія тяжка зѣло сотворилася, и узрите дивную побѣду. Кто побѣжденъ? — супостатъ отъ древнихъ временъ сильный, гордостію дерзкій, сосѣдомъ своимъ тяжкій, народомъ страшный, всѣми военными доволствыи избоблюющій. Гдѣ и какъ побѣжденъ? — во время зѣло лютое, брани внутрь отечества нашего вшедшей, егда укрѣпился измѣнническимъ оружіемъ, егда ему удобіе, намъ же неудобствіи умножишася; егда онъ большее, неже имѣяше собора, нашъ же пресвѣтлѣишій монархъ на многія мѣста раздѣли вопиство свое, словомъ — побѣжденъ тогда, егда мняшеся въ рукахъ побѣду держати. Приходитъ мнѣ здѣ на память, что повѣствуютъ о лѣвъ естество иштитатели: егда, рече, лѣвъ не возможетъ силѣ крѣпкихъ ловцовъ противостати, на бѣгство устремляется; а дабы не познали, въ какую страну побѣже, хоботомъ загребаетъ слѣды своя за собою. Кто же нынѣ тожде не видить и на лѣвъ Свейскомъ? Видиши ты нашпаче, яко съ нимъ же убѣгшій, о измѣнниче! — не токмо тѣломъ, но и вѣроломствомъ хромый; виждь нынѣ, како подъ крѣпчайшую руку отдался еси; нынѣ ругайся російскому вошпству, яко не военному; нынѣ познай, кто бѣгствомъ спасается; сія бо бяху, между иными, укоризны твоя. Но и пророчество твое, имъ же Свейской силѣ на

¹⁾ Кабинетъ II, кн. 9. Пол. Собр. Зак. № 2239.

Москвѣ быти прорекль еси, отчасти истинно, а отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози подѣ Полтавою возлюбиха мѣсто. Таковую убо и толь преславную побѣду твою, о преславный побѣдителю! кое слово изрещи, кая похвала по достоянію увѣнчати возможесть? Не много таковыхъ побѣдъ въ памяти народныхъ, въ книгахъ историческихъ обрѣтается. Иидѣ отчасти пораженіи суще, отчасти же цѣлы въ дома свои возвращаются врази; наши же здѣ супостаты со вѣсьмъ воевъ и вождей множествомъ—ово плѣнныи, ово убѣенныи суть, а и немного избѣгшихъ занесе страхъ не въ дома ихъ, но въ безвѣстная имъ мѣста. Услышать ближній и сосѣды ихъ и рекутъ, яко не въ землю нашу, но въ нѣкое море видюша силы Свейскія: погрузишася бо яки олово въ водѣ, не возвратися вѣстникъ къ отечеству своему“.

Никогда Петръ и приближенные его не слышали еще такой предки! Что митрополитъ Рязанскій! Царь велѣлъ напечатать панегирикъ выѣстѣ съ переводомъ на языкъ латинскій, „яко всей Европѣ общій“. Даниилъчъ, о которомъ одномъ упомянулъ с н и с х о д и т е л ь н ы й префектъ по поводу Калашской побѣды, былъ въ восторгѣ.

Но Петръ въ Кіевѣ долженъ былъ расплатиться за полтавскія волненія: „Мнѣ за грѣхъ болѣзнь припала, которая по отъѣздѣ нашемъ вчеру прямою лихорадкою объявилась была“ (писаль онъ 6 августа Меншикову). „Но когда, въ понедѣльникъ принялъ ф о н м о т и в ъ, съ помощію Вожіею оную разорвалъ, однакожъ она яко проклятая болѣзнь, хотя не знобимъ и жаромъ, то тошнотю и тягостію еще давить и своимъ дни выбираетъ, и тако не чаю, чтобъ ранѣе 10 числа или праздника (Успенія) отселѣ за безсилствомъ ѣхать“.

15 августа Петръ выѣхалъ изъ Кіева въ Польшу; въ Люблинъ пріѣхалъ къ нему оберъ-штабмейстеръ короля Августа Фитгумъ поздравить съ своего государя съ Полтавскою викторіею и пригласить на свиданіе въ Торнъ, куда Августъ шель изъ Саксоніи съ 14,000 войска. Петръ принялъ приглашеніе. Между тѣмъ польскіе вельможи, державшіе сторону Августа, услыхавъ о Полтавской побѣдѣ, услыхавъ, что съ одной стороны идетъ въ Польшу русское, а съ другой—саксонское войско, спѣшили помириться съ Августомъ. Видя, что въ такихъ обстоятельствахъ нельзя долѣе держаться въ Польшѣ, генералъ Крассовъ ушелъ въ Померанію, куда за нимъ послѣдовалъ и Лепинскій съ семействомъ. Въ сентябрѣ, въ мѣстѣчкѣ Сольцахъ, Петръ смотрѣлъ польское войско, находившееся подѣ начальствомъ гегмана Синявскаго; сюда пріѣхалъ къ нему камергеръ Прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе съ своимъ государемъ. 20 сентября Петръ сѣлъ на суда и поплылъ Вислою въ Варшаву; здѣсь сенаторы польскіе поздравляли его съ викторіею и благодарили за то, что этою викторіею возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность. А между

тѣмъ Меншиковъ писалъ государю изъ Быковъ: „Получилъ я отъ господина гегмана Синявскаго письмо съ великою жалобою на людей нашихъ, якобы оныя никакого респекту ни на шляхту, ни на духовный чинъ не имѣютъ, съ дворовъ шляхетскихъ и изъ костеловъ берутъ безъ остатку всякое пропитаніе, на что я ему не легче того отвѣтствовалъ, какъ онъ ко мнѣ писалъ; такожъ и вашей милости доношу: не изволите ему повѣрить, понеже онъ охотникъ много писать о томъ, чего и не бываетъ. Я вамъ самую правду доношу, что съ нѣкоторыхъ дворовъ шляхетскихъ всякое пропитаніе принуждены мы брать для того: которымъ трактомъ сюда мы шли, и оной заступило ихъ коронное войско, и такъ они сей нашъ трактъ сдѣлали, что мы, за нимъ идучи, и солому едва гдѣ сыскать могли, а чтобъ изъ костеловъ что брать и тутошнимъ жителямъ какое разореніе чинить—и того отнюдь не бывало, да и разорятъ некого, понеже всѣхъ жителей здѣшнихъ разогнали они врознь; изволишь видѣть, какво ихъ войско; истинно, что и въ регулярныхъ полкахъ почитаю одни только знамены да литавры везуть, а люди всѣ по сторонамъ за добычею разѣялись“¹⁾.

26 сентября, за милото отъ Торна встрѣтилъ государя король Польскій въ двухъ небольшихъ судахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. „И какъ пріѣхалъ король Августъ къ судну государеву, тогда государь его, короля, встрѣтилъ, и между собою имѣли поздравленіе и любительные разговоры о состояніи своего здравія и случившихся дѣлъ, а наипаче о преславной Полтавской баталіи, и, немного тутъ помедля, оба сін государи пошли на королевское судно, или прамъ, на которомъ изготовленъ былъ столъ съ кушаньемъ, за которымъ сядѣли и обѣдали, и въ томъ суднѣ ѣхали до города Торуня (Торна); а какъ прибыли къ городу и пристали къ берегу, то, вышедъ изъ судна, сѣли оба верхами на лошадей и поѣхали въ городъ“²⁾.

9 октября Петръ и Августъ заключили въ Торнѣ союзный договоръ: все прежнее предано было совершенному забвенію; отреклись оба государя отъ всѣхъ прежнихъ претензій, и всѣ прежнія записки, письменныя обязательства и документы сочтены мертвыми. Царское величество обѣщалъ королевскому величеству помогать въ достиженіи Польскаго престола какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ у Рѣчи Посполитой; король обѣзался помогать царю противъ всѣхъ его непріятелей. Цѣль союза—не козачное разореніе Швеціи, но приведеніе ея въ должныя границы и доставленіе безопасности ея сосѣдямъ. По окончаніи войны, какъ потенциа гарантируютъ другъ другу: царскому величеству покойное владѣніе наслѣдственными, отъ Шведовъ возвращенными и завоеванными землями; королевскому величеству—спокойное владѣніе Польшею и своихъ нынѣшнихъ и впредъ имѣющихъ получить

¹⁾ Кабинетъ II, кн. 9. Пол. Собр. Зак. № 2239.

²⁾ Гисторія Свейской войны.

наслѣдственныхъ земель. Король общается постараться, чтобъ вѣчный миръ между Россіею и Польшею былъ внесенъ въ государственную конституцію. Такъ какъ выдачею Паткуля нанесена жестокая обида какъ царскому, такъ и королевскому величеству, а виновны въ томъ Имгофъ и Финкитенъ, заключивше такъ-называемый Альтранштадтскій миръ, то король общается царскому величеству удовлетвореніемъ отправленіемъ надъ ними совершенной юстиціи; а царское величество общается, что прежде помянутая амнистія и ради господина Паткуля на тѣхъ министровъ, которые въ его заарестованіи заинтересованы и виновны, распространена быть имѣетъ, и тѣмъ это дѣло окончено да будетъ. 20 октября былъ прибавленъ тайный артикулъ: „Княжество Лифляндское со всѣми своими городами и мѣстами его королевскому величеству Польскому, какъ к курфюрсту Саксонскому, и его наслѣдникамъ присвоено и уступлено быть имѣетъ“¹⁾.

Въ Торнѣ явился и чрезвычайный Датскій посланникъ фонъ-Ранцовъ поздравить съ вѣкторіею и домогаться заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ полтавскимъ побѣдителемъ противъ побѣжденной Швеціи. Ему объявлено, что для заключенія этого союза уполномоченъ въ Копенгагенѣ русскій посолъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій. Мы видѣли, какъ дѣло подвигалось медленно у Долгорукаго до конца іюня 1709 года. Получивъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій словесно донесъ о ней королю. Тотъ отвѣчалъ, что уже получилъ извѣстіе изъ Саксоніи, потомъ пространно началъ говорить о побѣдѣ, удивлялся ей и показывалъ видъ радостный; говорилъ, что этою побѣдою царь не только себѣ, но и всему Русскому народу приобрѣлъ безконечную славу, и показалъ всему свѣту, что Русскіе люди научились воевать. Когда Долгорукій объявилъ ему о вступленіи короля Августа въ Польшу, то Фридрихъ IV сказалъ, что и онъ желаетъ съ царскимъ величествомъ обновить старый союзъ и вступить въ войну противъ Шведовъ; но при этомъ замѣтилъ, что Англійская королева упорно держитъ шведскую сторону и говоритъ, что, по договорамъ, не можетъ допустить Шведскаго короля до упадка. Долгорукій отвѣчалъ, что королева не въ состояніи исполнить своего желанія по причинѣ войны Французской; да если бы война и кончилась, то Англичане въ парламентахъ не скоро согласятся наложить на себя новыя подати и нести разореніе для Шведскаго короля. Но въ Даніи спѣшили пользоваться Полтавскою побѣдою: первый министръ Грабе, которому общана была милость царская, открылъ Долгорукому по-секрету, что король въ тайномъ совѣтѣ приказалъ своимъ министрамъ неуспынно трудиться надъ военными приготовленіями, и намѣренъ начать войну въ сентябрѣ или, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ.

¹⁾ Дѣла Польскія 1709 года въ Московскомъ архивѣ Мин. Ии. П.

Еще до извѣстія о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій предложилъ субсидіи: 300,000 ефимковъ на первый годъ, по 100,000 на слѣдующіе, на 50,000 матеріаловъ для флота, отъ двухъ до трехъ тысячъ матросовъ и 10,000 пѣхоты. „Король“, писалъ Долгорукій, „намѣренъ вступить въ войну; но не заключаетъ союза съ царскимъ величествомъ, чтобъ побольше выпросить денежныхъ субсидій. Мое мнѣніе: хотя союзъ съ Датскимъ королемъ царскому величеству нуженъ какъ теперь, такъ еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести Датскаго короля въ этотъ союзъ какъ можно безубыточнѣе. Я хотя имѣю указъ общать имъ 500,000 на первый годъ, однако до сихъ поръ не объявилъ еще имъ больше 300,000 и выѣсто 20,000 пѣхоты объявилъ только 10,000, потому что вижу ихъ склонность къ вступленію въ войну и думаю, что и тѣмъ будутъ довольны, а еслибъ прежде моей послѣдней конференціи я зналъ о Полтавской побѣдѣ, то и этого бы не объявилъ“.

Долгорукій писалъ Головкину, не прикажетъ ли государь уменьшить субсидіи вслѣдствіе переменъ, произведенныхъ Полтавскою побѣдою, — и вдругъ получаетъ указъ заключить съ Даніею оборонительный и наступательный союзъ вовсе безъ субсидій! Долгорукій отправился къ королю и объявилъ, что хотя непріятелю послѣ такого пораженія поправиться нельзя, и царское величество можетъ заключить теперь благополучный миръ, однако не отрицается вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Даніею, только субсидій дать не можетъ по многимъ причинамъ. Король съ печальнымъ видомъ отвѣчалъ, что надѣялся на денежные субсидіи, безъ которыхъ флота вооружить не на что, а министры сказали Долгорукому, чтобъ царское величество не изволилъ надѣяться нынѣшнею побѣдою удержать портъ на Валтійскомъ морѣ, если не будетъ имѣть союзниковъ въ Датскихъ короляхъ, потому что многія другія государства будутъ мѣшать ему въ томъ. Министры тѣмъ сильнѣе спорили съ Долгорукимъ, что имѣли въ рукахъ письмо отъ Урбиха, писанное послѣ Полтавской побѣды: въ письмѣ говорилось, что царь даетъ королю 500,000 ефимковъ одновременно за союзъ. 7 сентября пріѣзжалъ къ Долгорукому одинъ изъ министровъ и объявилъ, что король непремѣнно намѣренъ вступить въ войну съ Шведами по соглашенію съ царскимъ величествомъ, и хотя эта война будетъ королю убыточнѣе всѣхъ прежнихъ вслѣдствіе приготовленія морскихъ силъ, однако король начнетъ ее въ надеждѣ, что царское величество, увидѣвъ тяжкіе убытки королевскіе, если не теперь, то въ послѣдствіи окажетъ помощь.

Несмотря на это объявленіе, дѣло опять затянулось, благодаря усиліямъ англійскаго и голландскаго пословъ, которые отвояривали отъ войны датскихъ министровъ, боясь, что какъ скоро Данія объявитъ войну Швеціи, то многіе государи и князья имперскіе отзовутъ свои войска изъ службы союзниковъ, — одинъ для сбереженія своихъ границъ, дру-

гіе по обязательствамъ съ королею Шведскимъ или Датскимъ, да и самъ Датскій король отзоветъ свои войска, когда увидитъ сильное наступленіе на себя со стороны шведской, и такимъ образомъ Голландцы и Англичане, сильные только чужими войсками, потеряютъ возможность продолжать успешно войну съ Франціей. Послы пхъ въ конференціяхъ съ датскими министрами прямо грозили, что Англія и Голландія примутъ сторону Швеции, и Датскій король, вмѣсто пріобрѣтенія чужаго, можетъ потерять и свое; если же онъ удержится отъ войны до общаго мира союзниковъ съ Франціей, то союзники обѣщаютъ и безъ войны доставить ему Шонию. Долгорукій узналъ, что когда Прусскій король далъ знать Голландскимъ Штатамъ о предстоящемъ свиданіи своемъ съ царемъ, то тѣ стали убѣждать его, чтобъ не входилъ ни въ какія обязательства съ Россією, ибо царь становится такъ силенъ, что можетъ быть опасенъ не только другимъ областямъ, но и самой Пруссіи:—всѣ государства обязаны не допускать царя до усиленія, которое можетъ быть вредно цѣлой Европѣ.

При такихъ внушеніяхъ датскіе министры опять заупрямились, и Долгорукій счелъ необходимымъ уступить, согласился хлопотать у царя о субсидіяхъ, согласился опредѣлить, какія изъ шведскихъ Земель должны принадлежать Россіи, какія Даніи.

Между тѣмъ секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ давалъ знать Долгорукому, что король его очень желаетъ вступить въ союзъ съ царемъ. Долгорукій, давая знать объ этомъ въ Россію, предлагалъ свое мнѣніе: „Я не думаю, чтобъ нужно было входить въ обязательства съ Франціей, потому что помощь ея теперь не очень нужна; однако надобно показать нѣкоторую склонность, отыскавши способъ, чтобъ осталось все втайнѣ. Польза отъ того можетъ быть та, что Франція, увидѣвъ къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну; потомъ, союзники такъ сильно идутъ наперекоръ интересамъ царскаго величества, и если они дѣйствительно стануть противъ насъ дѣйствовать, то Франція будетъ намъ нужна“. Долгорукій получилъ указъ отвѣчать секретарю, чтобъ Французское правительство прислало кого нибудь къ царскому Двору или бы дало комиссію. Секретарь говорилъ Долгорукому, что государь его готовъ прекратить все прежнія несогласія съ Россією, готовъ гарантировать царю все его завоснанія, будетъ стараться, чтобъ Русскіе стали твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, потому что здѣсь замѣшанъ интересъ Французскаго короля, которому желательно ослабить на этомъ морѣ торговлю англійскую, и особенно голландскую.

Посланники англійскій и голландскій въ Копенгагенѣ дѣйствительно сильно шли наперекоръ интересамъ царскаго величества, „двигали землю и небо“, чтобы удержать Датскаго короля отъ войны съ Швеціей. Наконецъ Долгорукому удалось

ввести короля въ войну — безъ субсидій со стороны Россіи, несмотря на то, что къ нему присланы были указы обѣщать сухопутное войско, матросовъ и по сту тысячъ ефимковъ ежегодно матеріалами. „Не даль я ничего: ни человекъ, ни шелега!“ писалъ съ восторгомъ Долгорукій въ Россію ¹⁾. 11 октября былъ заключенъ союзный трактатъ на томъ основаніи, что изъ величества, царь Всероссійскій и король Датскій и Норвежскій, „зѣло разсудили вредительныя послѣдства, которыя бы ярость и злобно-насилъственные поступки короля Шведскаго по времени произвели могли къ великому предосудженію единой и другой областямъ“. Его величество Датское обязалось разорвать съ королею Шведскимъ, и тою же осенью наступатъ на него морскими и сухими путями, вступить въ Шонию съ однимъ войскомъ, а въ Шведскую Землю отъ Норвегіи—съ другимъ. Царское величество обязалось, кромѣ начатыхъ уже воинскихъ промысловъ въ Ливоніи и Польшѣ, напасть также на Финляндію ²⁾.

По заключеніи договора, Долгорукій давалъ объѣдъ иностраннымъ министрамъ, шла, разумѣется, длинная рѣчь о войнѣ, начинаемой Данією; голландскій и англійскій посланники прямо высказали, какъ противна имъ эта война „Нынѣ уже дѣло при здѣшнемъ Дворѣ все по желанію его царскаго величества совершилось“, писалъ Долгорукій отъ 5 ноября: „король Датскій войну вчалъ противъ короля Шведскаго; войска датскія—кошныя и нѣніи—вступили въ Шону, а какъ транспортъ и десантъ чинены,—я всему тому очевиднымъ свидѣлемъ сподобился быть; дана мнѣ была, по моему прошенію, фрегата королевская“ ³⁾.

Когда Долгорукій оканчивалъ дѣло союза въ Копенгагенѣ, Петръ уже плылъ Вислою къ Маріенвердеру для свиданія съ королемъ Прусскимъ. Ихъ величества „поздравились любительно“, но союзъ былъ заключенъ только оборонительный. Изъ Маріенвердера царь отправился къ Ригѣ, подъ ко горою уже стоялъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ войскомъ. По полуночи на 14 ноября начали бомбардировать городъ; первая три бомбы бросилъ самъ государь,—и писалъ Меншикову и министрамъ своимъ при иностранныхъ Дворахъ: „Сегодня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отищенія начало учинить“ ⁴⁾. На этотъ разъ все и ограничилось такимъ началомъ отищенія; по позднему времени, по крѣпости города и многочисленности гарнизона и, наконецъ, потому, что городъ не могъ получить ни откуда помощи, Петръ распорядился,

¹⁾ Дѣла Датскія 1709 года въ Московскомъ архивѣ Ммп. Ин. Д.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № 2237.

³⁾ Дѣла Датскія въ Москов. архивѣ Ммп. Ин. Д.

⁴⁾ Голицына — Дополн. къ Дѣліямъ Петра В. VIII, стр. 323.

чтобы Шереметевъ отвелъ войска на зимніи квартиры въ Курляндію, оставивъ для блокады Риги семи-тысячный корпусъ князя Репнина. Бросивъ три бомбы въ Ригу, Петръ на другой день отправился въ Петербургъ или въ „святую землю“, какъ называлъ ее Менишковъ въ письмѣ своемъ¹⁾. Въ Петербургѣ даръ велѣлъ построить перковь во имя Св. Самсона, въ память Полтавской баталіи, распорядился другими постройками и украшеніемъ города, который эта баталія закрѣпляла за нимъ; велѣлъ министрамъ, генераламъ и знатному дворянству строить каменные дома на „святой землѣ“, которой многіе изъ нихъ согласны были дать совершенно другое названіе. 6 декабря заложилъ корабль „Полтава“ и на другой день отправился въ Москву.

Пріѣхавъ 12 декабря въ село Коломенское, Петръ дожидался тутъ гвардейскихъ полковъ. На другой день пришли полки и начали свозить изъ всѣхъ ближнихъ городовъ шведскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Полтавою; два дня въ слободахъ за Серпуховскими воротами устраивали полки, разбирали плѣнныхъ, раздавали взятые знамена, артиллерию по полкамъ. 21 декабря вошли въ Москву съ великимъ триумфомъ. Построено было семь триумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ, эмблематическими картинами, покрытыхъ надписями. Приведемъ описаніе воротъ, построенныхъ купцами, потому что здѣсь было дано мѣсто и сыну триумфатора. „Купцы великороссійскіе поставили торжественныя врата величайшему силы Свейскія въ

конецъ истребителю. Въ первой картинѣ вмѣсто Фебуса, его же баснословцы огненными колами возимаго именуется быти солнцемъ, поставися пресвѣтлѣйшаго монарха нашего персона подъ зодіакическими знаки рака и льва (яже мѣсяцы іюнь и іюль знаменуются), яко егда ракъ мѣсяца іюня въ зодіакное знаменіе прииде, тогда несмысленною дерзостію пришедь чъ чужое отечество левъ Шведскій, съ великимъ безчестіемъ всю потерявши силу свою, ракомъ бывъ вспять едва выползѣ. На престолѣ царственномъ поставиша во образѣ дѣвы правду съ вѣсами. Близъ престола правды, — въру христіанскую во образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ. Въ перспективѣ царствующій градъ Москву, а надъ нимъ персону государя царевича Алексія Петровича на орлѣ, царскомъ знаменіи возлетающаго съ желаніемъ въ большее мужество, и мущаго же молнія на убиваемаго льва, знаменующа, яко пресвѣтлѣйшій государь царевичъ, въ отечествѣ своемъ бывъ, уготовляя воинство въ чуждую ограду вшедшаго льва Шведскаго къ побѣжденію послалаше. Во второй картинѣ лабиринтъ, иже вертоградъ бысть, содержай велими хитростныя въ себѣ стези, знаменующаи совѣты и произволенія короля Свейскаго, хитростыми премногими исполненныя. Въ той же лабиринтѣ вводящая персону пресвѣтлаго монарха нашего дѣва со змѣемъ и зеркаломъ, еже есть благоразуміе знаменующа“ и т. д.²⁾

Послѣ триумфовъ Петръ началъ трудиться „во управленіи гражданскихъ дѣлъ“³⁾, къ которымъ и намъ пора обратиться.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

1) Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ въ Москвѣ.

1703 годъ.

Въ январѣ родилось муж. пола 693, женска 592, всего 1,285; умерло младенцевъ муж. пола 318, женска 291, итого умершихъ младенцевъ 609; умерло большихъ мужска 202, женска 152, итого 354; да въ монастырехъ монаховъ и монахинъ умерло 14, въ убогой домъ положено мертвыхъ тѣлъ 9, всего умершихъ 986; да въ убогомъ дому Покровскаго монастыря мужска 14, женска 1.

Въ февралѣ род. мужска 522, женска 544, всего 1,067; ум. младенцевъ мужска 365, женска 330, итого 695; умерло большихъ мужска 218, женска 255, итого 473, да въ монастыряхъ умерло 11; въ убогіе дома положено 58, всего умершихъ 1,237.

Въ мартѣ род. младенцевъ мужска 571, женска 460, всего 1,031; умерло младенцевъ мужска 437, женска 391, итого 828; большихъ мужска 282, женска 283, итого 565; въ монастыряхъ 4 монаха, 11 монахинъ, въ убогіе дома положено 47, всего 1,455.

Въ апрѣлѣ род. мужска 500, женска 453, итого 953; ум. младенцевъ мужска 383, женска 444, итого 827; большихъ мужска 266, женска 281, итого 547; монаховъ 9, монахинъ 12, въ убогіе дома положено 21, всего 1,416.

Въ маѣ род. мужска 489, женска 415, всего 904; умерло младенцевъ мужска 515, женска 439, итого 954; большихъ мужска 257, женска 230, итого 487, монаховъ и монахинъ 23, въ убогіе дома положено 13, всего 1,477.

Въ іюнѣ род. мужска 530, женска 470, итого 1,000; умершихъ младенцевъ мужска 525, женска 516, итого 1,041; большихъ мужска 242, женска 192, итого 434, монаховъ 12, монахинъ 9, въ убогіе дома положено 24, всего 1,520.

Въ іюлѣ род. мужска 541, женска 509, итого 1,050; умершихъ младенцевъ мужска 395, женска 387, итого 783; большихъ мужска 178, женска

¹⁾ Кабинетъ II, кн. № 9; письмо 10 декабря.

²⁾ Кабинетъ I, кн. № 62.

³⁾ Гисторія Свейской войны.

179, итого 358; въ монастыряхъ 6 челоѣкъ, въ убогіе дома положено 7, всего 1,153.

Въ августѣ род. мужеска 468, женска 447, всего 915; умерло младенцевъ мужеска 360, женска 388, итого 748; большихъ мужеска 126, женска 124, итого 250; въ монастыряхъ 12; въ убогіе дома положено 6, всего 1,016.

Въ сентябрѣ род. мужеска 442, женска 373, всего 815; умерло младенцевъ мужеска 363, женска 357, итого 720; большихъ мужеска 121, женска 110, итого 231; въ монастыряхъ 2; въ убогихъ домахъ 4, всего 957.

Въ октябрѣ род. мужеска 572, женска 510, всего 1,082; умерло младенцевъ мужеска 373, женска 350, итого 723; большихъ мужеска 113, женска 116, итого 224; въ монастыряхъ 6, въ убогихъ домахъ 16, всего 969.

Въ ноябрѣ род. мужеска 319, женска 279, итого 598; умерло младенцевъ мужеска и женска 599; большихъ 277, монашескаго чина 8; въ убогихъ домахъ 8; всего 892.

Въ декабрѣ род. мужеска 322, женска 315, всего 637; умерло младенцевъ мужеска 278, женска 279, всего 557; большихъ 267; въ монастыряхъ 8; въ убогихъ домахъ 4, всего 836

1704.

Въ генварѣ род. мужеска 461, женска 494, всего 955; умерло младенцевъ мужеска 265, женска 259, итого 520; большихъ мужеска 172, женска 122, итого 294; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 71, всего 903.

Въ февралѣ род. мужеска 454, женска 419, всего 873; умерло младенцевъ мужеска 309, женска 579, итого 888; большихъ мужеска 238, женска 212, итого 450; въ убогихъ домахъ 10, въ монастыряхъ 3, всего 1,351.

Въ мартѣ род. мужеска 453, женска 365, всего 818; умерло младенцевъ мужеска 410, женска 367, итого 777; большихъ мужеска 272, женска 261, итого 533; въ монастыряхъ 9, въ убогихъ домахъ 10, всего 1,329.

Въ апрѣлѣ род. мужеска 463, женска 431, всего 894; умерло младенцевъ мужеска 305, женска 352, итого 657; большихъ мужеска 319, женска 259, итого 578; въ монастыряхъ 16, въ убогихъ домахъ 87, всего 1,438.

Въ маѣ род. мужеска 465, женска 340; умерло младенцевъ мужеска 463, женска 411; большихъ мужеска 224, женска 232; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 7; итого рожденныхъ 855, умершихъ 1,351.

Въ июнѣ род. мужеска 483, женска 381, всего 864; умерло младенцевъ мужеска 451, женска 436, итого 887; большихъ мужеска 149, женска 179, итого 328; въ монастыряхъ 4, въ убогихъ домахъ 51, всего 1,270.

Въ июлѣ род. мужеска 491, женска 465, всего 956; умерло младенцевъ мужеска 479, женска

446, итого 925; большихъ мужеска 103, женска 128, итого 231; въ монастыряхъ 5, въ убогихъ домахъ 8, всего 1,169.

Въ августѣ род. мужеска 616, женска 574, итого 1,190; умерло младенцевъ мужеска 616, женска 564, итого 1,180; большихъ мужеска 142, женска 135, итого 277; въ монастыряхъ 4, въ убогихъ домахъ 3, всего 1,464.

Въ сентябрѣ род. мужеска 531, женска 473, итого 1004; умерло младенцевъ мужеска 437, женска 399, итого 837; большихъ мужеска и женска 206, въ монастыряхъ 1, въ убогихъ домахъ 18 всего 1,062.

Въ октябрѣ род. мужеска и женска 1,206, умерло младенцевъ 726; умерло большихъ мужеска 84, женска 90, итого 184; въ монастыряхъ 1, въ убогихъ домахъ 6, всего 907.

Въ ноябрѣ род. мужеска 524 и женска 405, всего 929; умерло младенцевъ мужеска 335, женска 315, итого 650; большихъ мужеска 103, женска 100, итого 203, въ монастыряхъ 5, въ убогихъ домахъ 17, всего 875.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.)

II) 1705 года февраля Спаса Андроникова монастыря, по указу архимандрита Теодосія съ братією, села Покровскаго крестьяне, выборный сотникъ, пятидесятникъ и рядовые крестьяне, выбрали мы на монастырскомъ дворѣ на мірскомъ совѣтѣ въ выборные къ 1705 году крестьянина деревни Давыдова Никона Васильева: быть ему за нашимъ выборомъ въ селѣ Покровскомъ у дѣла на монастырскомъ дворѣ—зирать великаго государя подати и монастырскаго, денежный сборъ и за монастырскою пашнею смотрѣть и крестьянъ ко всякому дѣлу наряжать и у сѣва и у житнцѣ быть и отъ молотбы не отходить и у житницѣ, и въ житницѣхъ хлѣба вѣдать и беречь накрѣно и печатать, и на полѣ копны и снопы считать, и у молоту быть и надъ нами, крестьяны, вѣдать и расправу между нами вправду чинить старостою и смирать насъ крестьянъ, кто чего доведется. А будетъ опъ, Никонъ, за симъ нашимъ выборомъ въ чемъ монастырской убытокъ узинитъ или учнетъ пить и бражничать, и на насъ монастырская пеня, а пени что архимандритъ съ братією укажетъ, и что будетъ за его, Никонѣвою, ошлошкою учинится какая хлѣбная и дворовая утрата, и за тое утрату взято на насъ крестьянѣхъ будетъ вдвое; въ томъ мы крестьяне выборъ дали.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго Приказа.)

III. 1) Въ нынѣшнемъ 1706 году марта въ 9 числѣ большаго полку генералу фельдмаршалку и военному Малтійскому свидѣтельствуванному славнаго чина святаго апостола Андрея кавалеру Борису Петровичу Шереметеву въ урочище Вычубурскомъ Яру явились изъ Астрахани Астраханскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній,

да приказные палаты подъячий Иванъ Щетининъ, да Астраханской житель купецкой человекъ Федоръ Клементьевъ и передъ нимъ фельдмаршалкомъ и кавалеромъ сказали: послѣ отъѣзду изъ Астрахани Семена Вехтѣева были у Астраханскихъ воровъ и у бунтовщиковъ по многіе дни круги и мятежь великой, и многіе ходятъ съ ружьемъ и съ кошки; и какъ присланы были отъ него фельдмаршалка указы, и противъ тѣхъ указовъ говорятъ, что де ему въ Астрахани дѣлать? и для чего съ полками безъ указа великаго государя идетъ? у насъ-де посланы къ великому государю челобитчики; а буде придетъ къ Астрахани съ полками—въ городъ пустить не хотятъ, развѣ съ малыи людми съ 50 человекъ или и менши; и пушки и снарядъ по городу готовятъ и говорятъ: есть-де у насъ яблокъ много, мы-де и поповъ поставимъ по городу, и какова пора будетъ, мочно-де отобратись человекъ съ тысячу и больше и выйтить на выласку; и хотѣли загородные дворы и слободы выжечь, также съ учуговъ и съ Краснаго Яру и съ Селитрянаго городка людей забрать и състь въ осаду; и если что явится, большой снарядъ, которой будетъ имъ не въ мочь, хотѣли затопить въ воду, а достальной забрать съ собою и итить на Агразань, и велѣли дѣлать струги; а митрополита Астраханскаго по многіе дни говорили чтобъ его убить.

2) Шереметевъ государю 4 марта: „Премилостивѣйшій Государь! На Черный Яръ пришелъ я марта 2 дня, и Черноярцы всѣ вашему величеству вины шатости своей принесли со всякимъ покореніемъ. Воевода на Черномъ Яру Вашутинъ добръ и показалъ вашему величеству въ ружью службу, многихъ ихъ уговорилъ, при томъ есть и иные изъ подъячихъ и изъ гражданъ, которые къ шатости не приставали; и я тому воеводѣ велѣлъ быть по прежнему да для карауловъ оставилъ полкъ солдаткой Обуховъ 500 человекъ, чтобъ заводчиковъ не распустить до указа твоего самодержавія; а кто изъ Черноярцевъ въ шатости были, послалъ при семь писемъ перечень. Посланныкъ мой, котораго послала я въ Астрахань, съ Саратова возвратился на Черной Яръ сего марта 4 дня, привезъ отъ Астраханцевъ ко мнѣ отписку, и написали, чтобы я погнѣшквалъ на Царицынѣ и пустить меня въ Астрахань не хотятъ, и многіе возвраты (развраты) между ими учинились. А я съ полками своими отъ Чернаго Яру сего марта 5 дня пойду наскоро, и чтобъ при помощи Божіей намѣреніе ихъ разорвать и не упустить изъ города и чаю поспѣшить. Повели указъ прислать съ статьями, о чемъ къ вашему самодержавству писалъ напередъ сего: естьли вину принесутъ—что чинить?“

3) Шереметевъ Головину 18 марта: „За присланное секретное письмо зѣло-зѣло, милостивой мой, благодарствую; а къ Астрахани въ походъ попуздень былъ для того: естьлибъ не поспѣвшиль, конечнобъ Астрахань разорена была, и имѣла намѣреніе соединиться съ Кубанцы и съ Каракалпаки и птить въ верховые города, о чемъ и Аюка ханъ

тайша говорилъ мнѣ, что и они въ великомъ сумнительствѣ были и чаяли, что во оборону не будутъ. А Хованскаго ни во что ставили и еще бы съ того выросло, естьли бы онъ пришелъ, и Астраханцы объ немъ инакое разсуждали, о чемъ ваша милость самъ изволишь выразумѣть; а что изволишь писать ко мнѣ, что я къ вамъ пишу не сходно въ вѣдомостяхъ, и я къ вамъ пишу самую истину, не выбирая ничего и не соглашая одного съ другимъ, увѣдомлясь о каждомъ подлинно что принесено, и можно увѣрить мое дѣло; Носовъ и прочіе живы и скажутъ, что ихъ было намѣреніе. Надобно совершенно прислать къ морскимъ судамъ мастера, а которые здѣсь были, всѣ перебиты, а пняхъ никою нѣтъ.“

4) Въ письмѣ къ Борису Петровичу Никиты Кудрявцова, Александра Сергѣева, Степана Вараксинана писано: „Уфимцы положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пушаютъ, и говорятъ, что воевода-де у нихъ Александръ Анничковъ и онъ-де имъ любъ, а говорить, что Анничкову приказалъ ты быть воеводою. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣрцевъ принимаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли, не отдають. А тотъ Анничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по многу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ милости твоей на Уфу приказомъ твоимъ Башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитиемъ велѣли; и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики: вѣдомый воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко со товарищи, которой прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей бивалъ и въ полону бралъ и стада отгонялъ. А ихъ Башкирцовъ по указу царскаго величества велѣно вѣдаты намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ никому ни въ чемъ вѣдаты не велѣно. А будетъ ваша милость изволишь челобіятие ихъ примать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждаты. И если что учинится, то не отъ насъ, мы правимъ дѣла по имениному царскаго величества указу, свое на насъ положенное, и въ разномъ несогласіи и никогда состояннаго добраго не бываетъ. О томъ отъ насъ писано въ полки, а не писать было намъ не возможно для того, что они иновѣрцы имѣють нравы всегда въ ослабѣ не постоянны, хотя малую себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ города и уѣзды того-же пожелають, въ тѣ числа укротить ихъ будетъ невозможно. А что изволишь, ваша милость, писать къ намъ о присылкѣ хлѣба, и мы радѣть вседушно по усердію своему ради, и которой приговоренъ, съ тѣмъ пошлемъ за первымъ льдомъ водою; а въ другомъ учинился недоборъ, иновѣрцы уже по пріѣздѣ нашемъ стали платить, а до пріѣзду нашего нѣчто мало платили, чинились непослушны, а другіе и нынѣ въ томъ упорствѣ стоятъ,

а сказывали, что ожидаютъ отъ тебя по челобитнымъ указовъ, по которымъ будто въ обѣщали имъ учинить опредѣленіе”.

5) „Сіятельныйшіи князь, милостивѣйшіи Александръ Данилычъ, доношу твоему сіятельству послѣдній рабъ твой Никита Кудрявцевъ: Къ уфимскимъ Башкирцамъ ѣздилъ я отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верствъ, и ихъ собравшись человекъ съ 400 ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ; въ нихъ отъ первыхъ три человека -- Уразай Ногаевъ, Кемей Шинмаметевъ да Мещерякъ Имай; сказалъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платити ясакъ противъ прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они, выслушавъ, поклонились, а повидному знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ, чтобъ бѣглыхъ къ себѣ Татаръ, Чувашу, Черемису и прочихъ ино-вѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ. Имъ же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ? -- Сказали, что и впредь давать не будемъ никому, и изъ нихъ одинъ Башкирецъ Уразай по-русски говорилъ мнѣ: полно-де намъ съ тобою говорить! ты-де ѣдшии безъ государева позволенія собою, чтобъ-де денегъ больше собралось, и по тѣмъ словамъ пошли отъ меня съ двора всѣ, и, отшедь отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ Мещеряка Сулмаметка, и онъ говорилъ, прислали-де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно-де имъ, что идти на Уфу воеводу Левъ Аристовъ, и онъ-де его Льва не пустятъ, у нихъ-де хорошъ воевода Александръ Аничковъ. И какъ я отъ нихъ поѣхалъ назадъ, и они ѣхали напередъ меня и позади съ ружьемъ человекъ съ 60 тридцать верствъ, а слышно мнѣ, буде бы я сталъ брать подводы, не хотѣли давать. Послѣ того послали мы на Уфу Льва Аристова на Александрово мѣсто Аничкова, для лучшаго усмотрѣнія, и онъ Левъ поѣхалъ, и писалъ къ намъ въ Казань, что Башкиры его на Уфу ѣхать не пускаютъ, остановили на дорогѣ до Уфы верствъ за двѣсти, а говорятъ: велѣлъ-де у нихъ быть воеводою Александру Аничкову Борису Петровичъ и намъ-де онъ любъ. А онъ Александръ житель Уфинской, и имѣли мы въ томъ опасенія, нѣтъ ли отъ него къ намъ въ упорствѣ какого ослабленія. А изъ верхнихъ городовъ пивѣрцы и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфимской уѣздъ, а Башкирцы принимаютъ и заказу нашего не слушаютъ, и мы поставили по дорогамъ заставы, и имая ихъ велѣли приводити въ Казань. Отъ господина фельтъмаршалка посыланъ былъ на Уфу Василій Арсеньевъ, и, пріѣхавъ съ Уфы, сказывалъ, что поѣхалъ къ нему фельтъмаршалку съ Уфы въ челобитникахъ пушій воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко съ товарищи, который въ прошломъ 705 году разорялъ села и деревни и людей побивалъ и въ полонъ бралъ и

стада отгонялъ. Да и oprичъ того слышно, что Уфинцы поѣхали къ нему фельтъмаршалку бить челомъ по словамъ присланныхъ отъ него. А до послышки на Уфу фельтъмаршалковой стали-было быть смирно и полонои отдавали и впредь отдавать хотѣли, а послѣ того не такъ. Если его милость въ такіа дѣла станеть вступати и такому народу учинити, не освѣдомясь съ нами, хотя малую ослабу, то всеконечно намъ въ доброе ихъ установить и зло отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно для того, что мы, по обѣщанію своему, дѣлаемъ душевнымъ намѣреніемъ и безмядно, а другіе особымъ намѣреніемъ, о которомъ ихъ намѣренія ваше превосходительство сами довольно извѣстны”.

6) Шереметевъ Головину: „Апрѣля 18 числа писали ко мнѣ изъ Казани Никита Кудрявцевъ, Александръ Сергѣевъ, Степанъ Вараксинъ, и я противъ того письма писалъ къ нимъ, что Никита Кудрявцевъ на то на все самъ свѣдомъ, а не такъ какъ они писали. И какъ я пріѣхалъ въ Казань, и каковъ мнѣ былъ указъ премилостивѣйшаго моего государя устной, которой я ему объявилъ, и съ нимъ о томъ говорилъ пространно, какъ бы тѣхъ Башкирцовъ привести въ прежнее состояніе и послушаніе, и какъ я отъ него выразумѣлъ о тамошнемъ ихъ поведеніи, и послали къ нимъ съ письмами, и которые сидѣли за караулами въ Казани свободили для того и послали съ ними нарочно офицера для лучшаго увѣренія, и велѣли, чтобъ они отъ своихъ шатостей отстали и были во всякомъ послушаніи и покорствѣ, и для лучшаго увѣренія, что по указу великаго государя пріѣхали въ Казань, прислали-бъ ко мнѣ Башкирцовъ изъ лучшихъ людей, буде какія есть нужды; чтобъ доносили и во всякое своеволюство не вступали. И по тѣмъ моимъ посылкамъ пріѣхалъ въ Казань Башкирецъ Усей Вигинѣевъ, который былъ у меня въ полку въ свѣскомъ походѣ, о чемъ онъ великому государю били челомъ, и я о тѣхъ дѣлахъ писалъ и съ нимъ Никитой при отпускѣ въ Москвѣ приказывалъ словесно, чтобъ онъ донесъ о томъ великому государю. И по той моей послылкѣ Уфимцы и Башкирцы почали-было быть во всякомъ послушаніи и покорности, и всякіа подати всѣ хотѣли платити попрежнему. И какъ Усей былъ у меня въ Казани, и онъ сказалъ, что со всѣхъ дорогъ присланы будутъ лучшіе люди съ повинностью своею и съ челобитьемъ, и мнѣ было имъ запретити, чтобъ ко мнѣ не ѣхать, невозможно для того, что указалъ премилостивѣйшіи государь усмотрѣть, буде бы что положено на нихъ въ тягости, и ихъ воюга государеву милостию обладѣтити. И при моей бытности пришли было всѣ въ старое состояніе, а еслибъ я не ускориалъ своимъ приходомъ въ Казань, онъ же Никита мнѣ сказывалъ, что и въ Казани было не безопасно, а въ Сибирску было и слѣдилось, еслибъ не показалъ своей службы сибирской воевода Федоръ Есиновъ. И моимъ прибытіемъ въ Казань и въ Низовое города никакому государеву

дѣлу порухи не учинилось, но обновилось, а на Уфу воевода Анчиковъ посланъ по указу великаго государя, каковъ привезъ ко мнѣ Михайло Щепотевъ, а не я собою послалъ, на что оиъ Никита свѣдомъ же: а челобитныхъ, о чемъ мнѣ подавали Уфимцы и Башкирцы и иныхъ Низовыхъ городковъ, какъ въ оброкахъ, такъ и въ ясакахъ и въ иныхъ ихъ накладныхъ сборахъ, и я ни во что не вступалъ и никакова указу не учинилъ, и тѣ челобитныя послалъ къ великому государю къ Москвѣ, а когда ко мнѣ пріѣхалъ въ Казань Михайло Щепотевъ и вручилъ мнѣ писмо милостивѣйшаго государя собственной его государевой руки, что указалъ мнѣ великій государь итти къ Саратову и къ Царицыну, и я казанскіе всѣ дѣла, которые были, оставилъ всѣ въ Казани, и по походѣ своемъ въ тамошнее дѣло кромѣ военныхъ дѣлъ, что надлежитъ къ походу моему, ни во что не вступалъ, а нынѣ какъ присланъ великаго государя указъ, что велѣно быть ему Никитѣ и прочимъ, и я ни въ какія ихъ дѣла не вступалъ и не вступаю и впредь безъ указу вступать не буду; а тѣмъ Башкирцамъ далъ Синбирека ѣхать было я не велѣлъ, и пріѣхали они ко мнѣ въ Астрахань по первымъ моимъ посылкамъ марта въ 26 числѣ, и нынѣ, государь мой, тѣхъ пріѣзжихъ Башкирцевъ послалъ къ милости твоей. Тебѣ-жь, государю моему, извѣстно чино: прислалъ ко мнѣ съ Саратова списки съ указу великаго государя, каковы разосланы во всѣ Низовые города отъ Александра Сергѣева и Стрѣлкова, что меня ни въ чемъ слушать не велитъ, и тѣ списки послалъ къ милости твоей при семь же письмъ: и естли, государь, стану о чемъ въ которые города я посылать, а воеводы меня слушать не стануть, чтобъ въ томъ какой порухи въ дѣлахъ государевыхъ не было, и мнѣ не причтено было въ нерадніе. Зѣло я, государь, опасаюся, чтобъ не учинилось и на Уфѣ отъ Башкирцевъ такъ же, какъ и въ Астраханѣ, а я вижу, что зрѣеть, а какъ сдѣлается, мудро будетъ унять". (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Переидскія 1705 и 1706 годовъ.)

IV. 1) Изъ письма Иерусалимскаго патріарха Досея къ царю 1702 года: „Аще придуть отсюда или Сервы, или Греки, или отъ инаго народа туды, аще бы и случайно были мудрѣиши и святѣиши особы, ваше державное и благоутвержденное царствіе да никогда сотворитъ митрополитомъ или патріархомъ Грека, Серва или Русянина, но Москвитяновъ, и не просто Москвитянь, но природныхъ Москвитянь, многихъ и великихъ ради винъ, аще и не мудріи суть: понеже патріархъ и митрополитъ, ежели суть добродѣтельны и мудріи—велие есть добро, аще же не суть мудріи, довлѣеть добродѣтельнымъ быти, и да имѣють мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче Москвитяне суть хранители и хвалители своихъ (догматъ), хранять отческую вѣру непремѣнную, сущи нелюбопытательни и безлукавии чело-

тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ Церкви, и что великое ваше царствіе и изъ Азова выслалъ онаго Грека, много разумѣиши и умѣиши сотвори, и да будетъ тамо митрополитъ Москвитянинъ природный, безлукавий и нелюбопытательный и да имѣеть Русяны, Греки и Сервы учителя. Подобаеть же добродѣтели патріарха, который будетъ, имѣти и смиреніе, да будетъ патріархъ, а не царь самодержецъ, да имѣють власть архіереи, іереи и презвитеры глаголати церковная предъ нимъ, да не будетъ звѣръ, и да страшатся (не страшатся) его архіереи, сущи братія, яко раби; да не можеть глаголати въ церкви чуждая церкви, да не можеть мѣшати во гражданскихъ и повелѣвати синклиту, яко сотвори Никонъ и смуги вселенную. Внемли, всеблагій владыко, не дати власть гордымъ, и тиранскій и насильный нравъ имущимъ. Еще доносимъ и сіе, что пришли сюды писма изъ Вѣны пишють, яко похваляются тамо, что пошлетъ ваше царствіе сына своего Алексія Петровича туды обыкновенія (προξενος) ради и ученія: внемли не выслать изъ Московіи сына вашего, да не поидеть въ чужія мѣста и научится не обыкновенію, но иностраннымъ нравамъ. Приснопамятніи отцы и прототцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе отъ которыхъ Франковъ научились вы обыкновенію и вѣдѣнію? и владѣли и владѣте едва не всюю вселенною, крѣпци сущи, величайши, страннии и непобѣдимы, а оиѣ Франки знающіи и обыкновеніи что исправили, токмо что ѣдятся и воуюють междособою? Никакого соединенія никогда не твори съ Франками, отъ нихъ же и самой Леопольдъ папавѣнчаннй ложный Кесарь колликожды солга великому вашему царствію? егда имѣеть нужду, протекаеть къ вамъ, и молить, и просить, и обѣщеваетъ множайшая, послѣди тебе остави единого не бойся Вога и не устыдился людей и явился явный врагъ и явный наветникъ въ Карловичѣ, егда посоль вашъ и Венеты прогивостояху въ миру и възскаваху нѣкая възсканія, что глаголаху послы Германовъ и наипаче посоль англійскій съ стороны Германскіе? довлѣеть сотворити Отومانомъ миръ съ Нѣмцами, но Венеты и Москвитяне есть не есть, едино есть? Великое ваше царствіе могло ему, а оиъ гонитъ православныя горши Дюклитіана и Максимиана“.

2) Изъ письма того же къ тому же 1704 года. „Много много подобаеть внимати вамъ и учинити изъ двухъ единое, или смирити Шведа и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ, или учинити миръ съ Шведомъ и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ. Я прежде сего писалъ къ благородію твоему, чтобъ не печалился о томъ, какъ умирають войны, когда есть полезно, а наипаче когда время позоветь, потому что многажды ни вочто ставя время, не мочно въ другой рядъ сыскать. Господишь Димитрій (кн. Голицынъ) нынѣ какъ пришелъ въ Польшу, довелся ему ударитися съ своими на Шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однако-жь умалаяся бы сила шведская, зане

хотя бы и побиты были Москвитяне и казаки, пришли бы иные на ихъ мѣсто, а буде убиты были бы Шведы, остались бы менше, и наипаче, какъ нынѣ слышимъ, не были многіе подъ Львовымъ. Дѣла Саксонскаго не покажутся храбрые, потому что хитростію ишетъ победы безъ трудовъ, однако-жь воинскія дѣла требуютъ не токмо хитрості, но и дѣла, понеже Аристотель пишетъ въ нравоучительной своей философіи, яко добродѣтель не состоится въ томъ, что вѣдати, но въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣемъ казаковъ буде умрутъ? зане буде умрутъ есть мученики. Во Львовѣ была одна горсть Шведовъ, и казаки могли бы поллотити ихъ живыхъ. Воинское дѣло ишетъ для какаго упрямства, но для правосавія, и безъ бѣдства какъ можетъ получитьъ конецъ, который ему доведется. Есть и стыдъ отъ людей, что вышли столько тысячъ казаковъ съ гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть и иное: когда воюють, сколько живы останутся, научаются воинскому дѣлу, а какъ сидятъ такъ и не воюють, во время нужды ни къ чему не годны. А буде есть такіе люди, которые чають, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ труда, безъ смерти: они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ, и пошли бы жити въ монастырь и четки свои перевертывали бы*.

3) „Переводъ съ греческаго письма, каково подалъ ближнему боярину Ѳед. Алекс. Головину іеромонахъ Серафимъ въ Нарвѣ 1704 года августа въ 20. Начало и причина увѣщанія бѣдныхъ Грековъ, а потомъ и вся исторія яко же слѣдуетъ. Первая причина была умершій патріархъ киръ Каллиникъ въ 1693 году, какъ жилъ въ домѣ посла французскаго семь мѣсяцевъ, какъ отставленъ былъ отъ патріаршества отъ киръ Діонисія. Предложено прежде отъ того посла Кастаніера Скоторнуею просить только на обѣдъ privato оному патріарху при насъ токмо діаконахъ такимъ способомъ. Какое было бы окончаніе (τέλος) и збытіе Еллинскаго роду и всея Восточныя Церкви? Отвѣщаль блаженныя памяти киръ Каллиникъ, что всю нашу надежду на Киръ имѣемъ на христіанскихъ Государей, а особливо на Людовика XIV, по дружбѣ и защищенію, которое явилъ и повсядневно являетъ къ бѣдному, пренебреженному и илѣнному роду Еллинскому и по храбрымъ и благочестивымъ дѣламъ и христіанскимъ поступкамъ, что повсядневно видимъ и слышимъ исправляема отъ него. Отвѣщаль Скоторнуеъ: добра ваша надежда; но зависть евронеискихъ государей есть зла, и та не допуститъ вамъ видѣть волюности своей. Киръ Каллиникъ его о томъ вопрошалъ: для чего? Отвѣщаль Скоторнуеъ: понеже никогда не согласится между собою европейскіе государи, чтобъ отдали Грецію одному, который бы имѣлъ и другое государство, но лаче предпочитаютъ бытѣ въ рукахъ Турскихъ, нежели отдать другому государю. Того ради потребно бы было, чтобъ вы сами промыслили какую Рѣчь Посолиту и согласитесь между собою, и

тогдабъ могли вызвать и просить тайно кого восхощете себѣ за государя. И отъ того времени началась пересылка съ Французами. А что учинилось между тѣмъ, не знаю, понеже былъ я здѣсь на Москвѣ, и въ Англію посланъ отъ помянутаго патріарха киръ Каллиника ради школы, которая учинена въ Аксфордѣ ради Еллиновъ; а какъ возвратился я изъ Англіи въ Царьградъ, пакъ посланъ я былъ, бывъ посвященъ, отъ помянутаго Каллиника на Бѣлое море въ 1699 году къ намѣстникамъ рода (народа), которыхъ есть семь, и изъ тѣхъ большая часть есть нынѣ консулы французскіе, и отъ нихъ я посланъ во Францію и съ другимъ нѣкоторымъ іеромонахомъ, который нынѣ посланъ въ Воіонію ради службы рода, а я въ Англію въ 1699 году. И тѣ семь намѣстники не были учинены съ общаго совѣту рода, но токмо отъ патріарха и отъ немощныхъ нѣкоторыхъ тайно: того ради, что ни дѣлали, все съ великимъ страхомъ и трепетомъ дѣлали, чтобъ не объявиться Туркамъ или Венеціанамъ, потому что какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ опасаемся. А между тѣмъ случился и мятежъ миссіонарѣвъ короля французскаго въ турецкой землѣ, и тѣ миссіонарѣи не были такъ за вѣру и духовныя дѣла, елико для дѣла и вымысловъ короля французскаго, какъ о томъ и изъ Голанской земли я вамъ писалъ; а понеже поимали нѣсколько изъ намѣстниковъ и посадили ихъ на каторгѣ вмѣстѣ съ миссіонарїями, однакожъ не ради гражданскихъ дѣлъ, но ради вѣры, для того что и Туркамъ не явились дѣла наши, понеже употреблены были подъ именемъ вѣры. И оные случаи, какъ мнѣ отписали изъ отчины моей въ Англію въ 1701 году, объявляя я нѣкоторымъ мудрымъ другомъ моимъ, чада суть и тѣ (черезъ мене благодатію Божию учинены) Восточныя Церкви, и тѣ суть содѣйствители и оборонители свободы Церкви Христовы, и съ тѣми сей способъ знаемъ привести въ едино состояніе родъ нашъ, и дабы убѣгнуть и прощреть король французскаго и бѣдъ другихъ языковъ, и оный способъ есть сей, и его послалъ изъ Англіи въ лѣто 1702 въ отчину мою: чтобъ великая церковь избрала единодушно и единогласно единого челоука изъ всякой енархїи или острова въ правленіе рода, которыхъ доднесъ выбрано съ 36, которые, избравъ отъ себя трехъ ученыхъ и искусныхъ, дали бы имъ всю власть въ управленіи рода, и тѣ имѣютъ всѣ острова Егейскаго моря, кромѣ нѣкоторыхъ, и часть Греціи во власти ихъ, и тѣ одни знаютъ всѣ дѣла тайныя рода нашего, такъ что не знаетъ никто ничего, что ни дѣлають, развѣ тотъ, которому явится пристоійно объявить что потребное, и имяна ихъ суть сія: Димитрій Симадинъ Митилеянинъ, Антоній Мивруди Арменїи Милеянинъ, Ѳеодоръ Георгіевъ Фамени Сионянинъ. И они мнѣ писали, приславъ двухъ челоуковъ, какъ я былъ въ Галлѣ Саксонской, чтобъ я ѣхалъ въ Голландію и въ Англію увѣдать намѣреніе ихъ: естли когда подастся причина и случай приличной исцать намъ волюности

нашей, будутъ ли намъ помогать? (и всѣ они намъ обѣщались, какъ и вашъ посолъ Андрей Артемоновичъ то знаетъ, что будутъ намъ помогать конечно); и дождавша ихъ намѣренія, чтобъ я ѣхалъ и къ московскимъ увѣдать и ихъ намѣренія, и увѣдавъ, чтобъ я имъ то объявилъ, потому что имъ доведется усмотрѣть по разсужденію намѣренія московскаго, которое есть ползгѣе, то бы и начинать, сирѣчь: или бы съ конфедератами протестантовъ (Англією и Голландією) стоять, или бы согласиться съ консулами французскими, и ихъ намѣреніе и мысль есть, чтобъ освободился родъ и пусть отъ кого-нибудь: и будутъ просить короля французскаго, и его намѣреніе есть такое: чтобъ раздѣлить на четыре части Грецію: часть Іерусалима королю Испанскому, часть Египетскую королю Египетскому, часть Константинопольскую и Анатолю себѣ, часть Македоніи съ островами Грекамъ. И такъ вся исторія вкратцѣ греческая. А прошеніе Еллиновъ отъ благоутробія его величества есть сіе: если ли изволеніе и благоволеніе величества его оборонять ихъ или помогать имъ кунно съ союзниками протестантовъ (протестантскими) или неутрално? Понеже если есть изволеніе величества его оборонять ихъ, доведется согласиться съ Рѣчи Полполитою Венецкою противъ Турка, когда-бъ онъ поднялся противъ цесаря римскаго, потому что мы будемъ у нихъ (Венеціанъ) просить, чтобъ намъ не мѣшали собирать людей близъ морей или Пелопонеза, а понеже они опасаются, чтобъ не было бунту противъ нихъ, и о томъ мы имъ обѣщаемся предъ Богомъ и всѣми, что не токмо елико имѣютъ, но сколько ни возьмутъ, чтобъ было ихъ вовсе; и въ томъ если не учинять добровольно по прошенію нашему, требуемъ ходатайства его величества, когда будутъ въ союзѣ, а буде не учинять по ходатайству его величества, просить будемъ чрезъ конфедератовъ протестантовъ перво дружески, а потомъ принудительно, понеже ради Рѣчи Посполитой Венецкой не доведется быть толикимъ народомъ въ плѣнѣ и тиранствѣ несчастныхъ. И сему всему доведется быть нынѣ заранѣе, чтобъ мы не промышляли о томъ въ то время, какъ доведется промышлять иное, потому что, какъ бы началъ Турчанинъ войну съ цесаремъ римскимъ, имѣетъ подняться противъ него Чернымъ моремъ во странѣ Египетской Воіонскій король, который есть готовъ, и тамо надобно Турчанину покинуть цѣвѣе воинства своего, именуемое Мисирь-кулу или египетское войско, которыхъ есть 40,000, такжеже и мы съ стороны Епира сухимъ путемъ и моремъ съ помощію, которую намъ дастъ конфедерация протестантовъ кунно съ Венецианъ, жегшиши перво караванъ Турской въ Царѣградъ, такжеже и величество его, если-бъ изволилъ съ Чернаго моря, и тако будетъ, Богу изволившу, конецъ печетивымъ, аминъ“.

4) 1704 года ноября въ 25 доносилъ боярину (Головину) словесно комендантъ Тителескій Паптелеймонъ Божичъ нижени-

саиное. „Понеже мы отъ давняго времени пребываемъ подъ игомъ бусурманскимъ, и многія нужды и скорби за вѣру христіанскую и за Церковь науу претерпѣваемъ, отъ чего убѣгая и чая себѣ лучшаго и свободнаго пребыванія и повольности въ вѣрѣ нашей и всякой себѣ справедливости отъ цесаря, яко же онъ намъ обѣщалъ и поддался ему, за что по обычаю нашему православному служили мы ему вѣрно противъ бусурманъ, и много тысячей людей своихъ потеряли безъ всякой платы, не требуя отъ него ни ружья. ни пушекъ, но на своемъ иживеніи служили. А видя къ себѣ многую кривду отъ цесарскихъ начальниковъ, совѣтовали мы съ прежде бывшимъ Мунтанскимъ господаремъ Шербаномъ Кантакузнымъ, дабы намъ какое себѣ спасеніе пріобрѣсти, на что оный господарь отѣщалъ всѣмъ нашимъ начальнымъ, чтобъ мы себѣ инаго не промышляли, а ожидали-бъ отъ восточнаго царя всякой себѣ помощи и тѣмъ насъ обнадѣжилъ, на что мы и присягли всѣ; а по смерти оного Шербана нынѣшній господарь Бранкованъ обнадѣживалъ также и всѣ Кантакузны въ томъ насъ утверждали, чего ради и послали посланника своего господина Корбе къ его царскому величеству, котораго и по се время ожидали мы, а понеже ужъ толикое время отповѣди о томъ дѣлѣ не получили, и всегда пребывали съ сумнительствѣ, прислали меня наши единомышленники начальныя къ господарю Мунтянскому для отповѣди и къ Кантакузнымъ, и они меня къ царскому величеству для отповѣди послали. Того ради доношу его величеству, что я присланъ отъ всѣхъ начальныхъ Сербовъ, которые живутъ подъ цесаремъ въ Венгерской землѣ при границахъ Турскихъ, прося его величество, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ, и во все время приличное вѣдать бы, что всегда готовы будемъ служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакаго ружья не требуя, но токмо за едино православіе. коликое число войска нашего будетъ, самъ его царское величество удивится, и желаемъ вѣдать, если его величество будетъ имѣть подъ своею рукою, понеже хотя принуждали насъ бунтовщики венгерскіе, чтобъ мы были съ ними противъ цесаря, однако, увѣдавъ, что та факція есть Французская и Шведская отъ посла Рѣчи посполитой Польской и отъ шведскаго короля къ Ракоцію посланнаго, котораго мы въ пути переняли, въ томъ отказали и ни во что не вступились, покажѣтъ здѣсь я побуду и увѣдомлюсь какъ намъ поступать и долго ли ожидать или бы гдѣ себѣ какого мѣста искать. Такжеже и прочіе Сербы, которые суть подъ бусурманомъ и венецианамъ, всѣ во единомысліи съ нами пребываютъ, въ чѣмъ нинѣ надежды по Божѣ кромѣ его величества не имѣемъ, и если его величество оставитъ насъ, тогда всѣ православныя погибнемъ“.

5) Грамота къ царю отъ іерусалимскаго патріарха Досіоея 28 января 1705 года: „Колѣна преклоняя предъ вашею

божественностію и касающася священнихъ твоихъ колѣнъ и лобызая честнѣйшее и свѣтлѣйшее лицо твое, молимъ и просимъ святое и великое твое царствіе яко молебницы и ходатаи всѣхъ Бога чрезъ Господа нашего Иисуса Христа въ Дусъ святъ, перво: сей списокъ посланія, каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршескаго престола, да соизволишь прочести великое твое царствіе, и выразишь укорителя и хульника восточныя, тожде реши, каволическія, Церкви, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворишь отыщеніе блаженнихъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и вспокоеся и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана на Мулянской землѣ и надписана на имя ваша великія и самодержавныя державы. Второе: Аще великое твое царствіе имѣетъ намѣреніе учинити избраніе патріарха, да повелитъ, чтобъ не учинилось избраніе особы изъ казаковъ и Россіянъ, и Сербянъ, и Грековъ, зане суть много смѣшени и сплетени съ схисматиками и еретиками, ниже имуть недестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелитъ быти избраніе особы изъ самого Москвича, и чтобъ былъ и старъ и добраго житія, зане москвитяне патріархи покамѣсть были, хранили цѣлу православія проповѣдь, и чтобъ былъ такой челоувѣкъ, которой смотрѣлъ бы одну только Церковь; а отъ политическихъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, но токмо-бъ архіепископъ и патріархъ, и хотя не будетъ философъ, довольно ему знати церковная, и можетъ имѣти архіереевъ и клириковъ мудрыхъ служащихъ ему. Есть и другое, что москвитяне патріархи какъ Церкви, такъ и царства не бывають навѣтники и предатели. Есть и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталось потребныхъ людей изъ москвитянъ, и

взводятся странныя на патріаршеской престоль. Третіе: да повелитъ святѣйшему патріарху, елика новоустановишася въ Церкви, яко же ваянная (шестіе патріарха на ослѣ въ Верное воскресенье), и оныя комедіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папешскія и изъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилось, хотя велико, хотя не велико дабы имѣлъ власть и указъ св. патріархъ истребить тая изъ Церкви и токмо бы оставилъ оная, яке бѣша древняя и отечественная. Четвертое: дабы имѣлъ великое и святое твое царствіе пощечіе токмо единого гражданства, а Церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелитъ доблественно и твердо, зане если случится какое взысканіе церковное, да не будетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ; чтобъ не причинилися пренія и сумнительства и главоболія царей, но дабы писана была грамота къ четыремъ св. патріархамъ и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, нѣсть новое и новоустановленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святаго твоего царствія, а наипаче сотвори приснопамятный и преблаженный отецъ великаго твоего царствія. Пятое: молимъ, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣсть у Шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополь, а другаго въ Нарвѣ, чтобъ было удобнѣйше церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйшее естъ, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, и въ иныхъ епископы подлежащіе митрополиту; и аще будетъ какое-нибудь преніе въ тамошнихъ странахъ, архіереевъ украшенія и расходы многи, то да сотворитъ власть вальдего царскаго величества менши какъ имѣли то въ Царѣградѣ архіерее во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименишаго монастыря, и на одежды нашѣ всѣ не изойдетъ пяти сотъ копѣекъ“.

(Греческія дѣла въ Москов. Архивѣ Мил. Ин. Д.)

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

Въ С.-Петербургѣ, по Бол. Подъяческой, собств. домъ, № 39.

Продаются слѣдующія книги:

- Военная исторія древнихъ временъ. Ч. I. Отъ древн. временъ до смерти Алекс. Великаго. (323 до Р. X.) Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Томе. Ч. II. Отъ смерти Александра Великаго до 2-й пунич. войны (323—218 до Р. X.) Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
Томе, часть III. Отъ начала 2 пунич. войны до начала войны Юлія Цезаря въ Галліи (218—58 г. до Р. X.) Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Томе ч. IV. Отъ начала войны Юлія Цезаря до Августа (58—30 г. до Р. X.) Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Томе ч. V. Отъ Августа до паденія Западн. Римск. Имперіи, (30 г. до Р. X.) Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
Среднихъ временъ ч. I и II. Отъ паденія Западн. Римск. Импер. до введенія огнестрѣльн. оружія. (476—1350). Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Ч. III. Отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны (1356—1618 г. по Р. X.) Ц. 7 р., съ пер. 7 р. 50 к.
Новыхъ временъ ч. I. Войны первой половины XVII вѣка въ Западн. Европѣ.—Тридцатилѣтняя война (1618—1648). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Томе ч. II. Войны 2-й половины XVII и 1-й половины XVIII вѣковъ въ Западн. Европѣ, (1650—1740). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
Томе ч. III. Войны второй половины XVIII вѣка въ Западной Европѣ (1740—1791). Войны Фридриха В-л. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Всеобщая военная исторія новыхъ временъ. Ч. I и II. Войны XVII и XVIII в в въ Европѣ и Азіи. (1613—1740). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.
Новѣйшихъ временъ ч. I. Войны 1-й франц. революціи и республики (1792—1801) первые 4 года (1792—1795). Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Томе, ч. II. (1792—1801). Послѣдніи 5 лѣтъ (1796—1801). Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.
Русская военная исторія. Т. I до Иоанна III. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.
Томе, т. II. Отъ Иоанна III до Петра I. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.
Великіе полководцы древнихъ временъ: Александръ Велик., Аннибалъ и Юлій Цезарь, съ прилож. ихъ портретовъ. Ч. I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.
Томе, ч. II. Великіе полководцы новыхъ временъ. Густавъ Адольфъ. Тюреннъ и принцъ Евгенийъ Савойскій. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
Война за Кавказомъ 1855 г. Н. И. Муравьева въ 2 томахъ и 4 частяхъ. Ц. за 2 тома съ атласомъ, планами и гравюрами военныхъ дѣйствій 8 р., съ пер. 9 р.
Разказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка по Архивнымъ документамъ Александра Барсукова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Южная приатлантическая Америка; политико-экономическіе очерки съ замѣтками о русской торговлѣ въ Бразиліи. Изъ воспоминаній Ф. Смирнова. Съ приложеніемъ видовъ Бразиліи: карты военныхъ дѣйствій и таблицъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.
Историч. очерки Русской литературы. Отъ Петра I до смерти Гоголя, сост. Бураговскій. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Хива и Аму-Дарья. Соч. М. И. Иванова, съ картою и рисунками. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
Описание Башкирцевъ. Сост. Илья Казанцевъ. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
Описание Киргизъ-наймановъ. Сост. Илья Казанцевъ. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
Туркестанскій край. Опытъ военно-статистическаго обозрѣнія Туркест. воен. округа (матеріалы для географіи и статистикіи Россіи). Три тома. Сост. Л. Ф. Костенко.
Годъ на Востоцѣ. Повѣдка на Амурь. Дорожныя замѣтки и воспоминанія С. Максимова. Изд. II. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (чѣмъ намъ быть?) Фадѣева. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
Исторія Маріи Стюартъ, сочин. М. Минье, переводъ Дмитріева, пад. въ двухъ частяхъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
Исторія греческой литературы (поззіи) Э. Мунна. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
Дѣтя малороссійск. природы. И. И. Кулебякина, романъ Виктора Хрюдзинскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Противъ теченія. Историч. ром. временъ Стеньки Разина. Н. Казанцева. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
Байда Кн. Вишневецкій. Драма 1553—1564. П. А. Кулиша. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Записки осл. Соч. гр. Сегюръ, съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50. Запечатленное чтеніе для дѣтей про ученаго осл.
Приключенія Сонечки. Соч. Гр. Сегюръ. Съ 20 рисунк. въ текстѣ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
Новая няня для маленькихъ дѣтей. Рядовскаго. Разказы въ стихахъ съ картинками. Ц. раскрашенному изд. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

- Приключеніе козла Мемени и его друзей. Ришловскаго. Разсказъ въ стихахъ съ картинками. Ц. съ раскраш. карт. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Повѣсти для дѣтей. К. Диккенса, переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Разговоры матери съ дѣтми о землѣ и водѣ. С. Бекхеръ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Чтеніе для дѣтей. Нѣскольکو замѣчательныхъ разсказовъ. Соч. Ольги Щербинской. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Разсказы для дѣтей. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Марно богатый. Русская сказка въ стихахъ, въ двухъ частяхъ соч. А. Пашкевича. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.
- Сказки въ стихахъ, собранныя А. Павловской. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
- Разсказы Альфонса Доде (для дѣтскаго чтенія), съ портретомъ автора и рисунками. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Разсказъ на память о Жоржъ-Зандъ (для дѣтскаго чтенія). Грибулю и говорищій дубъ. Съ биографіей автора. П. испр. изд. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Гдѣ я и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтми, сост. В. Новаковский. V изд. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.
- Небо и звѣзды. Сост. Узловскій. IV изд. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.
- Первая послѣ азбуки книга для чтенія въ школахъ для взрослыхъ. Одобр. Мин. Нар. Пр. Сост. и изд. П. П. Столянской. Изд. 2-е. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. Содержитъ въ себѣ: сказки, былинны, историч. и другіе разсказы. Стихотворенія и повѣсти. Загадки, пословицы и вообще служящія занимательнымъ и въ высш. степ. полезнымъ чтеніемъ для учащихся.
- Изборникъ (Хрестоматія для простолюдиновъ), заключающій въ себѣ народн. сказки, пѣсни, пословицы, басни и стихотворенія; разсказы: духовн. содержанія, изъ русской и естеств. исторіи, изъ житейскаго и сельскаго быта и проч. Сост. для народн. училищъ Влад. Новаковский. V изд. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- Хрестоматія для простолюдиновъ, или сборникъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ. Сост. П. Алабинъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
- Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, сост. В. Золотовымъ. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.
- Полезныя животныя. Съ рис. П. Столянскаго. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Корова и ея строеніе. Бесѣды о домашнихъ животныхъ. Н. П. Столянскаго. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Сѣмя и его ростокъ. О развитіи зародыша у растений. Предварительн. разсказъ, необходимый для пониманія развитія зародыша у животныхъ. Сост. П. П. Столянской. Изд. II съ рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Теленокъ, его развитіе и ростъ. Сост. Столянской, изд. II. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Лечебникъ дойнаго домашняго скота, съ наставленіемъ о постройкѣ скотнаго двора и уходѣ за скотомъ. Н. Столянскаго. II дополн. изд., съ 21 рисункомъ. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.
- Нанъ безъ обмана купитъ лошадь и выраститъ дома добраго коня. Съ рис. Сост. Н. П. Столянской. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Разсказы для сельскихъ дѣтей. Н. П. Столянскаго; съ рисунками въ текстѣ; изд. II. Одобрено Учен. Комит. Минист. Нар. Просвѣщ. и рекомендуется имъ для народныхъ школъ, а также одобрено Комитетомъ грамотности, состоящимъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Книжка для чтенія, съ рис. Н. Столянскаго. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Почему и потому. Популярное объясненіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ о воздухѣ, водѣ, свѣтѣ и огнѣ. Сост. Н. Х. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова, сост. Золотовымъ. XII-е изданіе, съ рисунками и описаніями характеристикъ звѣрей. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.
- Разсказы дѣдушки Василья, сост. Золотовымъ. Всѣ 6 разсказовъ стоятъ 60 к., съ пер. 85 к.
- Разсказъ 1-й. До чего доводитъ лишняя чарочка. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.
- Разсказъ 2-й. Велико родительское слово. V изд. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Разсказъ 3-й. Павель-лежень. Три правды. III изд. Стихотвореніе Майкова. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.
- Разсказъ 4-й. Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ. V изд. Ц. 5 к., съ пер. отъ 1—5 экз. 15 коп.
- Разсказъ 5-й. Дѣвна-семилѣтна. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Разсказъ 6-й. Отъ злой бабы и чортъ попытятся. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.
- Жизнь и смерть пьяницы. Быль. Разсказъ дяди Адама для народа. Н. Иваниной. Изд. II. Ц. 7 к., съ пер. 12 к.
- Кратная исторія Россіи. Ушакова. Ц. 4 к., съ пер. 7 к.
- Разсказъ изъ Русской исторіи: начало христіанства на Руси и крещеніе ея. Священника Пѣвцова. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Тоня. Разсказъ 2-й. Распространеніе и утвержденіе христіанства въ Россіи послѣ Владимира св. Священника Пѣвцова. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Разсказы о Петрѣ Великомъ, сост. В. Новаковский. 3-е изд. чтеніе для народа. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.
- Разсказы о Суворовѣ, сост. В. Новаковский. Чтеніе для народа, V изд. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.
- Русская исторія для народныхъ училищъ, сост. В. Новаковский. III изд. Ц. 8 к., съ пер. 15 к.
- 1812-тый годъ. В. Новаковскаго. Чтеніе для народа; кратко разсказанныя происшествія этого, столь знаменательнаго года для Россіи. II изд. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.
- Съ нами Богъ, или подвигъ русскихъ людей. В. Новаковскаго. Чтеніе для народа. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.